

ИСТОРИЯ РОССИИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Михайловича Соловьева.

Книга первая.

Томъ I—V.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная Польза»,
Вольная Подъячская, № 39.

Выпуская въ свѣтъ первую книгу «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», С. М. Соловьева, заключающую въ себѣ первые пять томовъ этого замѣчательнаго сочиненія, Товарищество «Общественная Польза» считаетъ умѣстнымъ, между прочимъ, заявить, что, для удобства читателей, имъ предприняты слѣдующія улучшенія: во-1-хъ, примѣчанія, печатавшіяся донинѣ отдѣльно, въ концѣ каждаго тома, въ настоящемъ изданіи размѣщены постранично; во-2-хъ, указаны *страницы* для всѣхъ отдѣльныхъ событій, упоминаемыхъ въ подробномъ оглавленіи; и, въ-3-хъ, къ послѣдней книгѣ будетъ приложенъ самостоятельный трудъ, — *наивозможно — полный* **Алфавитный Указатель** именамъ личнымъ, географическимъ и предметнымъ, для всѣхъ **29-ти томовъ**, со ссылками на книги и страницы. Такое приложеніе, дозволительно надѣяться, послужитъ немаловажнымъ пособіемъ какъ для лицъ, специально занимающихся отечественною исторіею, такъ и вообще для всѣхъ, кому можетъ понадобится справка въ обширномъ сочиненіи С. М. Соловьева.

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВОЙ КНИГИ.

ГОМЪ ПЕРВЫЙ.

- Глава I.** 9—10
Природа русской государственной области и ея вліаніе на исторію, 9.—Равнинность страны, 9.—Сосѣдство ея съ Среднею Азіею, 9.— Столкновение кочевниковъ съ осѣдлымъ населеніемъ, 10.—Періоды борьбы между ними, 10.—Козаки, 10.—Племена Славянскіе и Финскіе, 11.—Славянская колонизація, 11.—Значеніе рѣкъ на великой равнинѣ, 12.—Четыре главныя части древней Россіи, 12.—Озерная область Новгородская, 13.—Область Западной Двины, 16.—Литва, 19.—Область Днѣпра, 19.—Область Верхней Волги, 23.—Пути распространенія русскихъ владѣній, 24.—Область Дона, 28.—Вліаніе природы на характеръ народный, 29.
- Глава II.** 29—30
Постепенное распространеніе свѣдѣній о сѣверо-восточной Европѣ въ древности, 29.—Бытъ народовъ, здѣсь обитавшихъ, 33.—Скифы, 34.—Агатырсы, 38.—Невры, 38.—Андропалы, 38.—Меланхлены, 38.—Будины, 38.—Гелоны, 38.—Тавры, 38.—Сарматы, 38.—Бастарны, 39.—Аланы, 39.—Греческія колоніи на сѣверномъ берегу Понта, 39.—Торговля, 41.—Характеръ азіатскаго движенія, 41.
- Глава III.** 41—42
Славянское племя, 41.—Его движеніе, 41.—Венеды Талиты, 43.—Анты и Сербы, 44.—Движеніе славянскихъ племенъ по русскому началному лѣтописцу, 44.—Родовой бытъ Славянъ, 49.—Города, 57.—Нравы и обычаи, 59.—Гостеприимство, 60.—Обращеніе съ плѣнными, 61.—Бракъ, 62.—Погребеніе, 67.—Жилища, 68.—Образъ веденія войны, 69.—Религія, 70.—Финское племя, 84.—Литовское племя, 87.—Литвяги, 89.—Готское движеніе, 89.—Гунны, 90.—Авары, 91.—Козары, 92.—Варяги, 93.—Русь, 93.
- Глава IV.** 97—98
Призваніе Варяговъ—Руси сѣверными племенами славянскими и финскими, 97.—Слѣдствія этого явленія, 103.—Обзоръ состоянія европейскихъ народовъ, преимущественно славянскихъ въ половинѣ IX вѣка, 104.
- Глава V.** 109—110
Преданія о Рюрикѣ, объ Аскольдѣ и Дирѣ, 109.—Олегъ его движеніе на югъ, поселеніе въ Кіевѣ, 113.—Строеніе городовъ, даны, подчиненіе племенъ, 116.—Греческій походъ, 117.—Договоръ Олега съ Греками, 118.—Смерть Олега; значеніе его въ памяти народной, 121.—
- Преданіе объ Игорѣ, 122.—Походъ въ Константинополь, 123.—Договоръ съ Греками, 124.—Печенѣги, 127.—Смерть Игоря; его характеръ въ преданіяхъ, 128.—Святислава, 129.—Походы Руссовъ на Востокъ, 129.
- Глава VI.** 131
Правленіе Ольги, 131.—Местъ Древлянамъ, 131.—Значеніе преданія объ этой мести, 134.—Характеръ Ольги въ преданіи, 135.—Ея уставы, 135.—Принятіе христіанства Ольгою, 137.—Характеръ сына ея Святослава, 141.—Его походы на Вятичей и Козаровъ, 141.—Святославъ въ Дунайской Болгаріи, 142.—Печенѣги подъ Кіевомъ, 142.—Смерть Ольги, 144.—Распоряженіе Святослава относительно сыновей, 144.—Возвращеніе его въ Болгарію, 146.—Война съ Греками, 147.—Смерть Святослава, 150.—Характеръ его въ преданіи, 151.—Усобица между сыновьями Святослава, 152.—Владиміръ въ Кіевѣ, 156.—Усиленіе язычества, 159.—Буйство Варяговъ; уходъ ихъ въ Грецію, 160. (946—980)
- Глава VII.**—Владим. святой. —Ярославъ I. 161—162
Несостоятельность язычества, 161.—Извѣстіе о принятіи христіанства Владиміромъ, 163.—Распространеніе христіанства на Руси при Владимірѣ, 168.—Средство къ утвержденію христіанства, 173.—Вліаніе духовенства, 174.—Войны Владиміра, 174.—Первое столкновеніе съ западными Славянами, 176.—Борьба въ Печенѣгами, 184.—Смерть Владиміра; его характеръ, 187.—Усобица между сыновьями Владиміра, 193.—Утверженіе Ярослава въ Кіевѣ, 199.—Отношенія къ Скандинавіи и Польнѣ, 205.—Послѣдняя Греческая война, 208.—Борьба съ Печенѣгами, 209.—Внутренняя дѣятельность Ярослава, 210. (980—1054.)
- Глава VIII.**—Внутреннее состояніе русскаго общества въ первый періодъ его существованія. 213—214
Значеніе князя 213.—Дружина, ея отношенія къ князю и къ землѣ, 217.—Болре, мужи, гриди, оганчане, тугны, отроки, 220.—Городовые и сельскіе полки, 223.—Тысящій, 225.—Способъ веденія войны, 226.—Городское и сельское народонаселеніе, 228.—Рабы, 230.—Русская Правда, 231.—Нравы эпохи, 239.—Обычай, 242.—Занятія жителей, 244.—Состояніе религіи, 252.—Монашество, 254.—Управленіе и матеріальныя средства Церкви, 256.—Грамотность, 260.—Цѣси, 261.—Опредѣленіе степеней норманскаго вліанія, 270.

Томъ второй.

Глава I.—О княжеск. отношеніяхъ вообще. 277—278

Завѣщаніе Ярослава I-го, 277.—Нераздѣльность рода, 278.—Значеніе старшаго въ родѣ, или великаго князя, 279.—Права на старшинство, 282.—Потеря этихъ правъ, 282.—Отчина, 284.—Отношеніе волости младшаго князя къ старшему, 286.

Глава II.—Событія при жизни сыновей Ярослава I-го. (1054—1093)..... 285—286

Линія Рюрикова рода, Изяславичи и Ярославичи, 285.—Распоряженія послѣднихъ на счетъ своихъ волостей, 287.—Движенія Ростислава Владимировича и гибель его, 290.—Движенія Всеволода Полоцкаго и плѣнъ его, 291.—Нашествіе Половцевъ, 292.—Пораженіе Ярославичей, 293.—Возстаніе Кіевлянъ и бѣгство великаго князя Изяслава изъ Кіева, 293.—Возвращеніе его и вторичное изгнаніе, 294.—Вторичное возвращеніе Изяслава и смерть его въ битвѣ противъ обдѣленныхъ племянниковъ, 300.—Характеръ первыхъ усобицъ, 304.—Княженіе Всеволода Ярославича въ Кіевѣ, 305.—Новыя движенія обдѣленныхъ князей, 305.—Усобицы на Волыни, 306.—Борьба съ Всеволодомъ Полоцкимъ, 309.—Смерть великаго князя Всеволода Ярославича, 310.—Печальное состояніе Руси, 310.—Борьба съ Половцами, Тюрками, финскими и литовскими племенами, Болгарами, Поляками, 311.—Дружина Ярославичей, 312.

Глава III.—Событія при внукахъ Ярослава I-го. (1093—1125)..... 313—314

Пречія причины усобицъ, 313.—Характеръ Владиміра Мономаха, 315.—Онъ уступаетъ старшинство Святополку Изяславичу, 315.—Характеръ послѣдняго, 317.—Нашествіе Половцевъ, 317.—Олегъ Святославичъ въ Черниговѣ, 320.—Борьба съ нимъ Святополка и Владиміра, 322.—Неудача Олега на сѣверѣ, 323.—Посланіе Мономаха къ Олегу, 325.—Съездъ князей въ Любечѣ и прекращеніе борьбы на востокѣ, 327.—Новая усобица на западѣ, вслѣдствіе ослабленія Василька Ростиславича, 331.—Прекращеніе ея на Витическомъ съездѣ, 337.—Распоряженія на счетъ Новгорода Великаго, 339.—Судьба Ярослава Ярополковича, племянника великаго князя, 340.—Событія въ Полоцкомъ княжествѣ, 341.—Войны съ Половцами, 341.—Борьба съ другими сосѣдними варягами, 346.—Связь съ Венгерією, 347.—Смерть великаго князя Святополка, 347.—Кіевляне избираютъ Мономаха въ князья себѣ, 349.—Война съ Минскимъ княземъ Глѣбомъ и съ Волынскимъ Ярославомъ, 350.—Отношеніе къ Грекамъ и Половцамъ, 355.—Смерть Мономаха, 357.—Дружина при внукахъ Ярослава I-го, 358.

Глава IV.—Событія при правнукахъ Ярослава I-го; борьба дядей съ племянниками въ родѣ Мономаха и борьба Святославичей съ Мономаховичами—до смерти Юрія Владимировича Долгорукаго. (1125—1157)..... 359—360

Сыновья Мономаха, 359.—Мстиславъ великій князь, 359.—Усобица между Святославичами Черниговскими, 361.—Княжество Муромское, 362.—Присоединеніе Полоцка къ восточнымъ Мономаховичей, 363.—Война съ Половцами, Чудью и Литвою, 365.—Смерть великаго

князя Мстислава Владимировича, 366.—Братъ его Ярополкъ—великимъ княземъ, 366.—Начало борьбы дядей съ племянниками въ племени Мономаховомъ, 367.—Святославичи Черниговскіе вмѣшиваются въ эту борьбу, 369.—Событія въ Новгородѣ Великомъ, 373.—Смерть Ярополка Владимировича, 378.—Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій изгоняетъ Вячеслава Владимировича изъ Кіева и утверждается здѣсь, 378.—Отношенія его къ роднымъ и двоюроднымъ братьямъ, 380.—Ростиславичи Галицкіе, 385.—Война великаго князя Всеволода съ Владиміромъ Володаревичемъ Галицкимъ, 386.—Князья Городенскіе, Полоцкіе, Муромскіе, 388.—Событія въ Новгородѣ Великомъ, 389.—Вмѣшательство русскихъ князей въ дѣла польскія, 391.—Морской разбой Шведовъ, 392.—Борьба Русскихъ съ Финнами и Половцами, 392.—Предсмертныя распоряженія великаго князя Всеволода Ольговича, 393.—Смерть его, 393.—Изгнаніе изъ Кіева Игоря Ольговича, 394.—Изяславъ Мстиславичъ Мономашичъ княжить въ Кіевѣ, 396.—Плѣнъ Игоря Ольговича, 396.—Раздоръ между Святославичами Черниговскими, 397.—Союзъ Изяслава Мстиславича съ Давидовичами Черниговскими; союзъ Святослава Ольговича съ Юріемъ Владимировичемъ Мономашичемъ, княземъ Ростовскимъ противъ Изяслава Мстиславича, 398.—Первое упоминеніе о Москвѣ, 402.—Отступленіе Давидовичей Черниговскихъ отъ Изяслава Мстиславича, 402.—Кіевляне убиваютъ Игоря Ольговича, 405.—Миръ Изяслава Мстиславича съ Святославичами Черниговскими, 409.—Сынъ Юрія Ростовскаго, Ростиславъ, переходитъ къ Изяславу Мстиславичу, 410.—Изяславъ въ Новгородѣ Великомъ; походъ его на волости дяди Юрія, 412.—Изгнаніе Ростислава Юрьевича изъ Кіева, 413.—Движеніе отца его, Юрія, на югъ, 413.—Побѣда Юрія надъ племянникомъ Изяславомъ и занятіе Кіева, 416.—За Изяслава вступаются Венгры и Поляки; Галицкій князь Владиміръ за Юрія, 417.—Подвиги сына Юріева, Андрея, 419.—Онъ хлопочетъ о мирѣ между отцомъ своимъ и Изяславомъ Мстиславичемъ, 420.—Непродолжительность мира, 420.—Изяславъ изгоняетъ Юрія изъ Кіева, но долженъ уступить старшинство другому дядѣ, Вячеславу, 421.—Война Изяслава съ Владиміромъ Галицкимъ, 422.—Юрій изгоняетъ Вячеслава и Изяслава изъ Кіева, 423.—Изяславъ съ Венграми опять изгоняетъ Юрія изъ Кіева и опять отдаетъ старшинство Вячеславу, но въ именемъ котораго княжить въ Кіевѣ, 424.—Продолженіе борьбы Изяслава съ Юріемъ, 424.—Битва на рѣкѣ Рутѣ и пораженіе Юрія, который принужденъ оставить югъ, 433.—Два другихъ неудачныхъ похода его на югъ, 437.—Война Изяслава Мстиславича въ союзѣ съ Венгерскимъ королемъ противъ Владиміра Галицкаго, 439.—Клятвенное преступленіе и смерть Владиміра, 442.—Война Изяслава съ сыномъ Владиміровымъ, Ярославомъ, 444.—Смерть Изяслава, его характеръ, 444.—Вячеславъ вызываетъ къ себѣ въ Кіевъ брата Изяслава, Ростислава, изъ Смоленска, 446.—Смерть Вячеслава, 447.—Ростиславъ уступаетъ Кіевъ Изяславу Давидовичу Черниговскому, 447.—Юрій

Ростовскій заставляетъ Давидовича выѣхать изъ Кіева и самъ окончательно утверждаетъ здѣсь, 448. — Усобицы между Святославичами въ Черниговской волости и Мономаховичами на Волныи, 450. — Союзъ князей противъ Юрія, 451. — Смерть его, 452. — Событія полоцкія, муромскія, рязанскія, новгородскія, 452. — Борьба съ Половцами и финскими племенами, 455. — Дружина, 455.

Глава V. — Событія отъ смерти Юрія Владиміровича до взятія Кіева войсками Андрея Боголюбскаго. (1157—1169.) 457 -- 458

Изяславъ Давидовичъ вторично княжить въ Кіевѣ; причины этого явленія, 457. — Перемѣщенія въ Черниговской волости, 459. — Неудачный походъ князей на Туровъ, 460. — Изяславъ Давидовичъ заступается за галицкаго изгнанника Ивана Берладника. Это вооружаетъ противъ него многихъ князей, 460. — Неудачный походъ Изяслава на князей Ярославъ Галицкаго и Мстислава Изяславича Волынскаго, 462. — Онъ принужденъ оставить Кіевъ, куда Мстиславъ Изяславичъ Волыскій переезжаетъ дядо своего Ростислава Мстиславича изъ Смоленска, 463. — Уговоръ дяди и племянника насчетъ двоихъ митрополитовъ соперниковъ, 463. — Война съ Изяславомъ Давидовичемъ, 464. — Смерть послѣдняго, 468. — Ссора великаго князя Ростислава съ племянникомъ, Мстиславомъ Волынскимъ, 468. — Смерть Святослава Ольговича Черниговскаго и смута по этому случаю на восточной сторонѣ Днѣпра, 470. — Смерть великаго князя Ростислава; характеръ его, 471. — Мстиславъ Изяславичъ княжить въ Кіевѣ, 472. — Неудовольствіе князей на него, 473. — Войско Андрея Боголюбскаго изгоняетъ Мстислава изъ Кіева и опустошаетъ этотъ городъ, 476. — Смерть Ивана Берладника, 477. — Смуглополочкія, 477. — Событія въ Новгородѣ Великомъ, 480. — Борьба Новгородцевъ со Шведами, 483. — Война Андрея Боголюбскаго съ Камскими Болгарами, 484. — Борьба съ Половцами, 484. — Дружина, 487.

Глава VI. — Отъ взятія Кіева войсками Боголюбскаго до смерти Мстислава Мстиславича Торопецкаго. (1169—1228.) 489

Андрей Боголюбскій остается на сѣверѣ; значеніе этого явленія, 489. — Характеръ Андрея и его поведеніе на сѣверѣ, 496. — Владиміръ-на-Клязьмѣ, 498. — Братъ Андрей Глѣбъ княжить въ Кіевѣ, 500. — Война его съ Мстиславомъ Изяславичемъ, 500. — Смерть обоихъ соперниковъ, 502. — Андрей Боголюбскій отдаетъ Кіевъ Роману Ростиславичу Смоленскому, 503. — Ссора Ростиславичей съ Андреемъ, 504. — Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый, 506. — Неудачный походъ рати Андреевой противъ Ростиславичей, 506. — Ярославъ Изяславичъ княжить въ Кіевѣ, 509. — Борьба его съ Святославомъ Всеволодовичемъ Черниговскимъ, 509. — Убіеніе Андрея Боголюбскаго и слѣдствія этого событія, 512. — Соперничество Ростова и Владиміра; соперничество дядей Юрьевичей и племянниковъ Ростиславичей сѣверныхъ, 515. — Торжество Михаила Юрьевича надъ племянниками и Владиміра надъ Ростовомъ, 519. — Возобновеніе борьбы во смерти Михаила, 521. — Торжество Всеволода Юрьевича надъ племянниками и окончательное паденіе Ростова, 523. — На югѣ усобица между Мономаховичами и Ольговичами, 525. — Походъ Святослава Всеволодовича Черниговскаго на Всеволода Юрье-

вича Суздальскаго, 527. — Святославъ утверждаетъ въ Кіевѣ, 531. — Слабость Кіевскаго князя передъ Суздальскими, 532. — Борьба Ярослава Галицкаго съ боярами, 533. — Смерть его, 533. — Усобица между его сыновьями, Владиміромъ и Олегомъ, 534. — Бояре изгоняютъ Владиміра и принимаютъ къ себѣ Романа Мстиславича Волынскаго, 534. — Венгерскій король Бела III вмѣшивается въ эту усобицу и сажаетъ въ Галичѣ сына своего Андрея, 536. — Гибель Берладникова сына Ростислава, 538. — Насилія Венгровъ въ Галичѣ, 539. — Владиміръ Ярославичъ съ помощью Поляковъ утверждаетъ здѣсь, 539. — Смерть Святослава Всеволодовича Кіевскаго, 539. — Рюрикъ Ростиславичъ занимаетъ его мѣсто по волѣ Всеволода Суздальскаго, 540. — Послѣдній соритъ Рюрика съ зятемъ его, Романомъ Волынскимъ, 540. — Участіе Романа въ польскихъ усобицахъ, 542. — Война Мономаховичей съ Ольговичами, 544. — Романъ Волыскій утверждается въ Галичѣ по смерти Владиміра Ярославича, 549. — Онъ изгоняетъ Рюрика Ростиславича изъ Кіева, 550. — Рюрикъ опять въ Кіевѣ и отдаетъ его на разграбленіе Половцамъ, 551. — Романъ постригаетъ Рюрика въ монахи, 551. — Романъ гибнетъ въ битвѣ съ Поляками, его характеръ, 553. — Малолѣтніе сыновья его Даниилъ и Василько окружены врагами, 555. — Рюрикъ снова въ Кіевѣ и воюетъ противъ Романовичей, 555. — Послѣдніе должны бѣжать изъ Галича, 556. — Галицкіе бояре призываютъ къ себѣ на княженіе Игоревичей Сѣверскихъ, 556. — Вѣдственная судьба маленькихъ Романовичей, 556. — Венгры овладѣваютъ Галичемъ и свирѣпствуютъ здѣсь, 558. — Игоревичи сѣверскіе изгоняютъ Венгровъ, но вооружаютъ противъ себя бояръ, которые, съ помощью Венгровъ, возводятъ на престолъ Данила Романовича, 559. — Новая волненія бояръ и бѣство Данила, 560. — Воюетъ Владиславъ княжить въ Галичѣ, 561. — Венгры и Поляки дѣлятъ между собою Галичъ, 561. — Продолженіе усобицы между Мономаховичами и Ольговичами за Кіевъ; Мономаховичъ въ Черниговѣ, 562. — Усиленіе Всеволода III Юрьевича на сѣверѣ, 564. — Отношенія его къ Рязани, Смоленску и Новгороду Великому, 564. — Дѣятельность Мстислава Храбраго на сѣверѣ, 571. — Смерть его, 572. — Перемѣны въ Новгородѣ Великомъ, 573. — Мстиславъ Мстиславичъ Торонецкій, сынъ Храбраго, избавляетъ Новгородъ отъ Всеволода III, 578. — Предсмертныя распоряженія Всеволода III, 580. — Кончина его, 580. — Усобица между его сыновьями Константиномъ и Юриемъ, 581. — Мстиславъ Торонецкій вмѣшивается въ эту усобицу и Дипшикою побѣдою даетъ торжество Константину, 583. — Смерть послѣдняго, 594. — Юрій опять великимъ княземъ во Владиміръ, 594. — Событія Рязанскія и Новгородскія, 594. — Дѣятельность Мстислава Торопецкаго въ Галичѣ, 601. — Перемѣны въ Кіевѣ, Черниговѣ и Переяславлѣ, 605. — Дружина, 606. — Пѣтши въ Литви, 608. — Смуты въ Новгородѣ и Псковѣ, 621. — Войны Новгородцевъ съ Ямько, 622. — Ихъ заволоцкіе походы, 623. — Борьба Суздальскихъ князей съ Болгарами, 624. — Основаніе Нижняго Новгорода, 627. — Войны съ Литвою, Ятвягами и Половцами, 628. — Татарское нашествіе, 641. — Общій обзоръ событийъ отъ кончины Ярослава I-го до кончины Мстислава Торопецкаго, 644.

Т О М Ъ Т Р Е Т І Й .

Глава I.—Внутреннее состояніе русскаго общества отъ смерти Ярослава I-го до смерти Мстислава Гропецаго. (1054—1228)..... 668—669

Значеніе князя, 669.—Титуль, 671.—Посаженіе князя, 672.—Кругъ его дѣятельности, 673.—Доходы княжескіе, 674.—Бать князей, 676.—Отношенія къ дружинѣ, 681.—Дружина старшая и младшая, 684.—Войско земское, 685.—Вооруженіе, 686.—Образъ веденія войны, 688.—Число войскъ, 689.—Богатыри, 690.—Земля и волость, 691.—Города старшіе и младшіе, 692.—Новгородъ и Псковъ, 693.—Вѣче, 693.—Особенности новгородскаго быта, 695.—Вышній видъ города, 699.—Пожары, 701.—Народонаселеніе города, 702.—Погосты и станы, 703.—Слободы, 704.—Сельское народонаселеніе, 704.—Количество городовъ въ областяхъ, 705.—Предпріятія къ увеличенію народонаселенія, 705.—Торговля, 709.—Монетная система, 715.—Искусство, 716.—Домашній бытъ, 717.—Борьба язычества съ христіанствомъ, 720.—Распространеніе христіанства, 723.—Церковное управленіе, 723.—Матеріальное благосостояніе Церкви, 730.—Дѣятельность духовенства, 734.—Мошашество, 735.—Законодательство, 739.—Народное право, 740.—Религиозность, 742.—Двувѣріе, 742.—Семейная нравственность, 743.—Состояніе нравственности вообще, 745.—Грамотность, 746.—Сочиненія Св. Оеодосія Печерскаго, митрополита Никифора, епископа Симона, митрополита Иоанна, монаха Кирика, епископа Луки Жидята, Кирилла Туровскаго, 748.—Безыменныя поученія, 759.—Поученіе Владиміра Мономаха, 760.—Путешествіе пугмена Даниіла, 762.—Посланіе Даниіла Заточника, 763.—Поэтическія произведенія, 764.—Слово о полку Игореву, 765.—Пѣсни, 768.—Лѣтопись, 771.

Глава II.—Отъ смерти Мстислава Гропецаго до опустошенія Руси Татарамъ. (1228—1240). 801—802

Событія новгородскія, 801.—Война судальскихъ князей съ Черниговомъ, 803.—Вражда Новгорода со Пскономъ, 804.—Войны съ Мордовою, Болгарами, Пѣмцами и Литвою, 804.—Усобица въ Смоленскѣ, 807.—Дѣятельность Даниіла Романовича Галицкаго, 807.—Участіе его въ польскихъ дѣлахъ, 815.—Тевтонскій Орденъ, 816.—Батыево нашествіе, 820.—Свѣдѣнія о Татарахъ, 826.

Глава III.—Отъ Батыева нашествія до борьбы между сыновьями Александра Невскаго. (1240—1276)..... 831—832

Ярославъ Всеволодовичъ на сѣверѣ, 831.—Его поядки къ Татарамъ и смерть, 831.—Война съ Литвою, Шведами и Ливонскими рыцарями, 833.—Дѣятельность Александра Ярославича Невскаго, 833.—Михаилъ Ярославичъ князь Московскій, 837.—Отношенія между сыновьями Ярослава — Александромъ и Андреемъ, 837.—Андрей изгнанъ, 839.—Александръ великимъ княземъ, 839.—Ссора Александра съ Новгородомъ, 839.—Татарская перепись, 840.—Движеніе противъ Татаръ, 841.—Смерть Александра Невскаго, 842.—Вышнія войны, 843.—Ярославъ Тверской великимъ княземъ, 845.—Отношенія его къ Новгороду, 846.—Княженіе Василія Ярославича Костромскаго, 847.—Ослаба отъ наслія татарскаго, 848.—Продол-

женіе борьбы съ Литвою и Пѣмцами, 849.—Событія въ разныхъ княжествахъ Северо-Восточной Руси, 851.—Воле, 853.—Событія въ Юго-западной Руси, 853.

Глава IV.—Борьба между сыновьями Александра Невскаго. (1276—1304)..... 875—876

Исчезновеніе прежнихъ понятій о правѣ старшинства, 875.—Великій князь Дмитрій Александровичъ Переяславскій стремится къ усиленію, 877.—Возстаніе противъ него младшаго брата, Андрея Городецкаго, съ помощію Орды, 877.—Кляніе боярина Семена Топилевича, 877.—Союзъ князей противъ Дмитрія, 878.—Осторожность сѣверныхъ князей, 879.—Раздѣленіе Орды и Дмитрій пользуется этимъ раздѣленіемъ, 879.—Убіеніе Семена Топилевича, 879.—Новая усобица, 879.—Горьжество Андрея, 880.—Безуспѣшныя сѣзды князей, 881.—Князь Переяславскій Иванъ Дмитріевичъ отказываетъ свою волость князю Даниілу Александровичу Московскому, 882.—Смерть Андрея, 882.—Событія въ другихъ сѣверныхъ княжествахъ, 882.—Отношенія къ Татарамъ, Шведамъ, Пѣмцамъ и Литвѣ, 885.—Дѣла на юго-западѣ, 886.

Глава V.—Борьба между Москвою и Тверью до кончины великаго князя Іоанна Даниловича Калиты. (1304—1341)..... 901—902

Соперничество между Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ и Юриемъ Даниловичемъ Московскимъ, 901.—Борьба за Переяславъ, 901.—Юрій увеличиваетъ свою волость, 903.—Паступательное движеніе Твери на Москву, 903.—Борьба Новгорода съ Михаиломъ, 903.—Юрій женится на сестрѣ ханской и воюетъ съ Михаиломъ, который побѣждаетъ его, 907.—Жена Юрія умираетъ въ плѣну тверскомъ, 908.—Вызовъ Михаила въ Орду и убіеніе его, 908.—Юрій получаетъ ярлыкъ на великое княженіе, 910.—Дмитрій Михайловичъ Тверской усиливается противъ него въ Ордѣ, 911.—Дмитрій убиваетъ Юрія и самъ убитъ по ханскому приказу, 911.—Ханъ отдаетъ великое княженіе брату Дмитріеву, Александру Михайловичу, 911.—Событія въ другихъ княжествахъ, 911.—Продолженіе борьбы у Новгорода со Шведами, у Пскова съ ливонскими Пѣмцами, 914.—Набѣгъ Литвы, 916.—Война Новгородцевъ съ Устюжанами, 916.—Іоаннъ Даниловичъ Калита княжитъ въ Москвѣ, 916.—Митрополитъ Петръ утверждаетъ свой престолъ въ Москвѣ, 917.—Истребленіе Татаръ въ Твери, 917.—Калита съ Татарамъ опустошаетъ Тверское княжество, 918.—Александръ спасается сперва въ Псковъ, а потомъ въ Литву, 919.—Онъ мѣрится съ ханомъ и возвращается въ Тверь, 920.—Возобновленіе борьбы между Александромъ и Калитой, 920.—Александръ вынуждается въ Орду и умерщвляется тамъ, 920.—Московскій князь примышляетъ къ своей волости, 921.—Судьба Ростова и Твери, 921.—Событія въ другихъ сѣверныхъ княжествахъ, 922.—Событія въ Новгородѣ и Псковѣ, 923.—Смерть Калиты и его духовныя грамоты, 930.—Усиленіе Литвы на западѣ, 930.—Поляки овладѣваютъ Галичемъ, 934.—Событія на восточной сторонѣ Днѣпра, 935.

Глава VI. — Событія въ нѣяженіе сыновей Іоанна Налиты. (1341—1362.) 937—938

Симеонъ Гордый; подручніческія отношенія князей къ нему, 937. — Походы Симеона на Смоленскъ и Новгородъ, 937. — Волченія въ Новгородъ, Твери и Рязани, 939. — Событія въ Ярославлѣ и Муромѣ, 941. — Дѣла Татарскія и Литовскія, 941. — Олгердь и борьба его съ Тевтонскимъ Орденомъ, 941. — Войны Пскова съ литовскими Нѣмцами Новгорода со Шведами, 944. — Договоръ великаго князя Симеона съ братьями, 949. — Черная смерть, 950. — Кончина и завѣщаніе Симеона Гордаго, 950. — Соприничество преемника его Іоанна съ Суздальскимъ княземъ, 950. — Война съ Рязанью, 951. — Судьба московскаго тысяцкаго Алексѣя Петровича Хвоста, 951. — Усобицы въ Муромѣ, Твери и Новгородѣ, 952. — Отношенія къ Орду и Литвѣ, 954. — Смерть великаго князя Іоанна, 955. — Торжество сына его Дмитрія надъ Суздальскимъ княземъ, 956. — Московскіе бояре, 957.

Глава VII. — Нѣяженіе Дмитрія Іоанновича Донскаго. (1362—1389.) 957—958

Слѣдствія усиленія Москвы для другихъ княжествъ, 957. — Св. Алексѣй и Св. Сергій, 959. — Вторая борьба Москвы съ Тверью, 960. — Война Рязанская, 964. — Торжество Московскаго князя надъ Тверскимъ, 965. — Событія въ Литвѣ по смерти Олгерда, 970. — Борьба Москвы съ Орду, 973. — Пораженіе Русскихъ на р. Пяшѣ, 975. — Побѣда ихъ на Волжѣ, 976. — Куликовская битва, 978. — Нашествіе Тохтамыша, 981. — Сынъ великаго князя въ Орду, 984. — Война съ Рязанью, 984. — Событія въ Нижнемъ-Новгородѣ, 985. — Отношенія великаго князя Дмитрія къ двоюродному брату Владимиру Андреевичу, 985. — Уничтоженіе сана тысяцкаго и судьба боярина Вельяминова, 987. — Отношенія Москвы къ Новгороду, 987. — Войны Пскова съ литовскими Нѣмцами, 992. — Событія въ Литвѣ, 994. — Смерть великаго князя Дмитрія и его завѣщаніе, 1001. — Значеніе княженія Дмитріева, 1001. — Московскіе бояре, 1003.

Т О М Ъ Ч Е Т В Е Р Т Ы Й .

Глава I. Нѣяженіе Василія Дмитріевича. (1389—1425) 1009—1010

Присоединеніе къ Москвѣ княжества Нижегородскаго, 1009. — Столкновеніе великаго князя съ дядею Владиміромъ Андреевичемъ Донскимъ, 1013. — Договоры великаго князя съ родными братьями, 1014. — Отношеніе къ Новгороду Великому, 1014. — Внутреннія движенія въ Новгородѣ, 1017. — Ссора Новгорода со Псковомъ, 1022. — Отношенія Москвы къ Рязани и Твери, 1023. — Усобицы между тверскими князьями, 1025. — Нашествіе Эдигея на Москву, 1029. — Отношеніе великаго князя къ Татарамъ послѣ Эдигеева нашествія, 1030. — Отношенія литовскія: взятіе Смоленска Витовтомъ; намѣреніе Витовта овладѣть Новгородомъ; битва Витовта съ Татарами на Ворсклѣ; вторичное взятіе Смоленска Витовтомъ; борьба Московскаго князя съ Литовскимъ и миръ на Угрѣ; взгляды лѣтописца на литовскія и татарскія отношенія, 1030. — Отношенія Литвы къ Польшѣ и Тевтонскому Ордену, 1041. — Борьба Пскова и Новгорода съ Ливонскимъ Орденомъ, 1044. — Борьба Новгорода со Шведами, 1046. — Смерть Василія Дмитріевича, 1047. — Его духовныя грамоты, 1047. — Бояре Василія, 1048.

Глава II. Нѣяженіе Василія Василіевича Темнаго (1425—1462.) 1049—1050

Малолѣтство Василія Василіевича, 1049. — Новая усобица дяди съ племянникомъ, 1052. — Споръ въ Орду между ними, 1053. — Московскій бояринъ Всеволодскій, 1054. — Ханъ рѣшаетъ дѣло въ пользу племянника Василія противъ дяди Юрія Дмитріевича, 1054. — Отвѣдъ боярина Всеволодскаго отъ великаго князя къ дядѣ его Юрію, 1054. — Возобновленіе борьбы между дядею и племянникомъ, 1055. — Василій поддается въ плѣнъ къ Юрію, 1056. — Василій въ Коломиѣ, 1056. — Продолженіе борьбы, 1057. — Смерть Юрія, 1058. — Василій Косой

утверждается въ Москвѣ, 1058. — Отношенія Василія Василіевича къ двоюроднымъ братьямъ, сыновьямъ Юрія, Василію Косому и Дмитрію Шемякѣ, 1058. — Ослѣпленіе Косого, 1060. — Отношенія великаго князя къ другимъ удѣльнымъ князьямъ, 1061. — Отношенія татарскія, 1062. — Плѣнъ великаго князя у казанскихъ Татаръ и освобожденіе, 1064. — Шемяка овладѣваетъ Москвою, захватываетъ великаго князя въ Тропецкомъ монастырѣ и ослѣпляетъ, 1067. — Слѣпой Василій получаетъ Володу, 1070. — Движенія его приверженцевъ, которые овладѣваютъ Москвою, 1070. — Продолженіе борьбы Василія съ Шемякою, 1072. — Дѣятельность духовенства въ этой борьбѣ, 1075. — Смерть Шемяки, 1079. — Отношенія великаго князя къ другимъ удѣльнымъ князьямъ, 1080. — Отношенія къ Рязани и Твери, 1082. — Отношеніе къ Новгороду и Пскову, 1086. — Событія въ Литвѣ, борьба ея съ Польшею, 1092. — Отношенія Литвы къ Москвѣ, 1103. — Татарскія нашествія, 1106. — Борьба Новгорода и Пскова со Шведами и Нѣмцами, 1107. — Смерть великаго князя Василія; его духовная грамота; его приближенныя, 1111.

Глава III. Внутреннее состояніе Русскаго общества отъ кончины князя Мстислава Мстиславича Горопецкаго, до кончины великаго князя Василія Василіевича Темнаго. (1228—1462.) 1113—1114

Общій ходъ событій, 1113. — Причины усиленія Московскаго княжества, 1119. — Московскія волости, 1121. — Ихъ судьба по княжескимъ завѣщаніямъ, 1123. — Способы ихъ увеличенія, 1140. — Границы ихъ, 1141. — Церемонія въ отношеніяхъ между старшимъ и младшимъ князьями, 1145. — Положеніе женщины въ родѣ княжескомъ, 1151. — Служебные князья, 1153. — Титулы княжескія 1155. — Печати, 1156. — П саженіе на столъ, 1157. — Отношеніе къ Татарамъ, 1157. — Законодательная власть князя, 1159. — Финансы, 1160. — Богатство князей, 1164. —

Жизнь русских князей на сѣверѣ и югѣ, 1168. — Положеніе дружины, 1174. — Войско, 1187. — Характеръ войны, 1190. — Города, 1192. — Сельское народонаселеніе, 1210. — Казакъ, 1218. — Бѣдствія политическія, и физическія, 1219. — Торговля, 1225. — Деньги, 1230. — Искус-

ства, ремесла, 1235. — Церкви, 1240. — Законодательные памятники, 1289. — Международное право, 1297. — Права, 1300. — Обычаи, 1305. — Литература, 1305. — Лѣтописи, 1324. — Общій ходъ русской исторіи до образованія Московскаго государства, 1334.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

І. Княженіе Іоанна III Васильевича.

Глава І. Новгородъ Великій 1349—1350

Значеніе Іоанна III и характеръ его, 1349. — Состояніе Новгорода Великаго, 1351. — Литовская сторона, 1352. — Борецкіе, 1353. — Столкновеніе съ великимъ княземъ, 1354. — Осторожное поведеніе великаго князя и митрополита, 1354. — Избраніе владыки, 1356. — Бѣчеваля усобица, 1357. — Договоръ съ Казимиромъ Литовскимъ, 1358. — Война Новгорода съ Москвою, 1360. — Миръ по старинѣ, 1364. — Посвященіе владыки Теофила, 1366. — Новгородское беззарядье; обиженные обращаются къ суду великокняжескому, 1366. — Мирный прїѣздъ Іоанна въ Новгородъ для управы, 1367. — Судъ, 1368. — Жалобщики ѣдутъ въ Москву, 1369. — Государь и господавнъ, 1370. — Іоаннъ хочетъ быть государемъ въ Новгородѣ, 1371. — Новая война, 1371. — Приравненіе Новгорода къ Москвѣ, 1373. — Движенія въ Новгородѣ въ пользу старины, 1377. — Казни и переселенія, 1378. — Присоединеніе Вятки, 1379. — Соры Псковичей съ наместниками великокняжескими, 1381. — Московскій великій князь распоряжается въ Рязани, 1386. — Присоединеніе Твери къ Москвѣ; окончательное присоединеніе Ярославля и Ростова, 1388.

Глава II. Софія Палеологъ 1391—1392

Присоединеніе удѣла Верейскаго къ Москвѣ, 1391. — Отношеніе Іоанна III къ роднымъ братьямъ, 1393. — Второй бракъ Іоанна на Софіи Палеологъ, 1401. — Значеніе Софіи, 1404. — Борьба между сыномъ и внукомъ Іоанновыми, 1406. Судба главныхъ вельможъ, 1407.

Глава III. — Востокъ 1411—1412

Подчиненіе Казани, 1411. — Завоеваніе Пермь, 1421. — Югорскіе князья платятъ дань въ Москву, утвержденіе Русскихъ на Печорѣ; переходъ за Уральскія горы, 1422. — Нашествіе хана Золотой Орды Ахмата, 1423. — Поведеніе Іоанна во время втораго нашествія Ахмата, 1426. — Посланіе къ нему Васіана, архіепископа Ростовскаго, 1428. — Роступленіе Ахмата отъ Угры, 1430. — Гибель Ахмата въ степяхъ, 1432. — Крымская Орда, 1432. — Союзъ Іоанна съ Крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ; Крымцы дорущиваютъ Золотую Орду, 1432. — Первыя сношенія Россіи съ Турціею, 1437. — Сношенія съ Тюменцами, Ногаями, Хоросаномъ и Грузіею, 1441.

Глава IV. — Литва 1441—1442

Выгодное положеніе Московскаго великаго князя относительно великаго князя Литовскаго, 1441. — Враждебность Казимира Литовскаго къ Іоанну, 1443. — Іоаннъ въ союзѣ съ Крымскимъ ханомъ противъ Литвы, 1444. — Переходъ мелкихъ пограничныхъ князей изъ

литовскаго подданства въ московское, 1444. — Смерть короля Казимира, 1449. — Наступательное движеніе со стороны Москвы на Литву, 1449. — Снатовство сына Казимира, великаго князя Александра на Еленѣ, дочери Іоанновой, 1450. — Миръ и бракъ, 1454. — Неприятности по поводу Елены, 1459. — Переходъ князей Бѣльскаго, Черниговскаго и Сѣверскаго отъ Александра къ Іоанну, 1466. — Возобновленіе войны, 1467. — Побѣды Русскихъ на Ведрошѣ и подъ Мстиславлемъ, 1467. — Александръ ищетъ мира, 1470. — Посредничество короля Венгерскаго, 1471. — Перемиріе, 1476. — Сношенія Елены съ отцомъ 1477. — Войны съ ливонскими Іѣмцами, 1480. — Война со Шведами, въ союзѣ съ Даніею, 1489. — Сношенія съ Австрійскимъ дворомъ, съ Венеціею, 1489.

Глава V. — Внутреннее состояніе русскаго общества во времена Іоанна III-го 1497—1498

Смерть и завѣщаніе Іоанна III, 1497. — Договоръ сыновей Іоанновыхъ при жизни отца, 1501. — Титуль Іоанна III-го, 1502. — Форма обращеній вельможъ и служилыхъ людей къ великому князю, 1503. — Печати, 1503. — Казна великокняжеская. Богатство удѣльныхъ князей, 1503. — Доходы великокняжескіе, 1505. — Образъ жизни великаго князя, 1509. — Сравнительное положеніе великихъ князей Московскаго и Литовскаго, 1510. — Князья и бояре въ Москвѣ, 1512. — Крестоцѣловальныя записи, 1514. — Новые придворные чины, 1515. — Дворъ великой княгини, 1516. — Богатство князей — бояръ, 1516. — Кормленія, 1516. — Помѣстья, 1516. — Войско въ Сѣверо-Восточной и Юго-Западной Россіи, 1517. — Приказы, 1520. — Города Юго-Западной Россіи, 1525. — Магдебургское право, 1527. — Вишій видъ русскаго города, 1531. — Пожары, 1532. — Сельское народонаселеніе, 1533. — Юрьевъ день, 1533. — Сельское народонаселеніе, въ литовскихъ владѣніяхъ, 1534. — Бѣдствія, 1535. — Торговля, 1535. — Искусства, 1539. — Почты, 1543. — Церковь, 1544. — Ересъ жидовская, 1546. — Іосифъ Волоцкій, 1549. — Мѣры къ улучшенію нравственности духовенства, 1553. — Заботы о грамотности. Богородное житіе въ монастыряхъ, 1554. — Поученія, 1557. — Матеріальное состояніе духовенства, 1558. — Вопросъ: слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть населенными имѣніями, 1559. — Связь Русской Церкви съ Восточною, 1560. — Состояніе православнаго духовенства въ литовскихъ владѣніяхъ, 1561. — Судебникъ Іоанна III и судебникъ Казимира Литовскаго, 1561. — Народное право, 1567. — Общественная нравственность, 1573. — Литература, 1575.

II. Княженіе Василя Іоанновича.

- Глава I.— Псковъ** 1581—1582
 Война съ Казанью, 1581.—Война съ Литвою, 1582.—Глинскій, 1584.—Смерть короля Александра, 1585.—Глинскій вооружается противъ преемника его Сигизмунда и вступаетъ въ службу Московскому великому князю, 1587.—Вѣчный миръ между Василюмъ и Сигизмундомъ, 1592.—Вражда у Василя съ Крымомъ, 1594.—Дѣла Ливонскія, 1597.—Паденіе Пскова, 1598.
- Глава II.— Смоленскъ** 1603—1604
 Возобновленіе войны съ Литвою, 1603.—Взятіе Смоленска, 1608.—Измѣна Глинскаго, 1610.—Пораженіе русскихъ у Орши, 1611.—Сигизмундъ не пользуется побѣдою, 1612.—Сигизмундъ подущаетъ крымцевъ къ нападенію на русскія владѣнія, 1613.—Союзъ Василя съ Альбрехтомъ Бранденбургскимъ, 1616.—Посредничество императора Максимилиана, 1617.—Посольство Герберштейна, 1618.—Союзъ Казани и Крыма противъ Москвы, 1630.—Нашествіе Махметъ-Гирей, 1631.—Перемиріе съ Литвою, 1633.—Войны съ Казанью, 1635.—Сношенія съ Крымомъ, Швеціею, городами Ганзейскими, Даніею, Римомъ, Турціею, 1640.—
- Присоединеніе Рязани, княжества Сѣверскаго и удѣла Волоцкаго, 1647.
- Глава III.— Дѣла внутреннія** 1749 1650
 Отношенія в. князя къ братьямъ, 1649.—Разводъ Василя и новый бракъ, 1652.—Болѣзнь и кончина Василя, 1655.—Характеръ покойнаго, 1664.—Его образъ жизни, семейныя отношенія, 1665.—Отношенія къ вельможамъ, 1668.—Титуль, доходы великихъ князей Московскаго и Литовскаго, 1672.—Обычаи московскаго двора 1674.—Составъ двора, 1678.—Войско, 1679.—Приказы, 1681.—Жалованныя грамоты, 1682.—Вельможество и войско въ Западной Россіи, 1682.—Казакъ, 1684.—Города, 1687.—Сельское народонаселеніе, 1691.—Свойства страны по иностраннымъ описаніямъ, 1693.—Промыслы, 1694.—Торговля, 1695.—Искусства, 1697.—Церковныя событія, 1698.—Иосифъ Волоцкій и Максимъ Грекъ, 1698.—Вассіанъ Косой, 1700.—Бытъ монастырей, 1706.—Сношенія съ восточными церквами, 1707.—Состолніе западно-русской церкви, 1709.—Законодательство, 1710.—Народное право, 1718.—Нравы и обычаи, 1719.—Литература, 1723.

ИСТОРИЯ РОССИИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ первый.

Предисловіе.

Русскому историку, представляющему свой трудъ во второй половинѣ XIX вѣка, не нужно говорить читателямъ о значеніи, пользѣ исторіи отечественной; его обязанность предувѣдомить ихъ только объ основной мысли труда.

Не дѣлать, не дробить Русскую Исторію на отдѣльные части, періоды, но соединять ихъ, слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ; не раздѣлять начало, но разсматривать ихъ во взаимодействіи, стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлать его изъ общей связи событій и подчинить вышнему вліянію: — вотъ обязанность историка въ настоящее время, какъ понимаетъ ее авторъ предлагаемаго труда.

Русская Исторія открывается тѣмъ явленіемъ, что нѣсколько племенъ, не видя возможности выхода изъ родового, особаго быта, призываютъ князя изъ чужого рода, призываютъ единую общую власть, которая соединяетъ роды въ одно цѣлое, даетъ имъ нарядъ, сосредоточиваетъ силы сѣверныхъ племенъ, пользуется этими силами для сосредоточенія остальныхъ племенъ южной средней и южной Россіи. Здѣсь главный вопросъ для историка состоитъ въ томъ: какъ опредѣлились отношенія между призваннымъ правительственнымъ началомъ и призванными племенами, равно и тѣми, которые были подчинены внослѣдствіи; какъ измѣнился бытъ этихъ племенъ вслѣдствіе вліянія правительственного начала — непосредственно, и посредствомъ другого начала — дружины, и какъ, въ свою очередь, бытъ племенъ дѣйствовалъ на опредѣленіе отношеній между правительственнымъ началомъ и остальнымъ народонаселеніемъ, при установленіи внутренняго порядка, или наряда. Замѣчаемъ именно могущественное вліяніе этого быта; замѣчаемъ и другія вліянія, вліяніе греко-римское, которое проникаетъ вслѣдствіе пріятія христіанства отъ Византіи и обнаруживается преимущественно въ области права.

Но, кромѣ грековъ, новорожденная Русь находитъ въ тѣсной связи, въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ другимъ европейскимъ народомъ, съ Норманнами: отъ нихъ пришли первые князья, Норманны составляли главнымъ образомъ первоначальную дружину, безпрестанно являлись при дворѣ нашихъ князей, какъ наемники участвовали почти во всѣхъ походахъ, — каково же было ихъ вліяніе? Оказывается, что оно было незначительно. Норманны не были господствующимъ племенемъ, они только служили князьямъ туземныхъ племенъ; многіе служили только временно; тѣ же, которые оставались въ Русіи навсегда, по своей численной незначительности, быстро сливались съ туземцами, тѣмъ болѣе что въ своемъ народномъ бытѣ не находили препятствій къ этому сліянію. Такимъ образомъ, при началѣ русскаго общества не можетъ быть рѣчи о господствѣ Норманновъ, о норманскомъ періодѣ.

Выше замѣчено, что бытъ племенъ, бытъ родовой могущественно дѣйствовалъ при опредѣленіи отношеній между правительственнымъ началомъ и остальнымъ народонаселеніемъ. Этотъ бытъ долженъ былъ потерпѣть измѣненія влѣдствіе вліянія новыхъ началъ; но оставался еще столько могущественнымъ, что, въ свою очередь, дѣйствовалъ на измѣнившій его начала, и когда семья княжеская, семья Рюриковичей, стала многочисленна, то между членами ея начинають господствовать родовыя отношенія, тѣмъ болѣе что родъ Рюрика, какъ родъ владѣтельный, не подчинялся вліянію никакого другого начала. Князья считаютъ всю Русскую Землю въ общемъ, нераздѣльномъ владѣніи цѣлаго рода своего; причемъ старшій въ родѣ, владыкій князь, сидитъ на старшемъ столѣ, другіе родичи, смотря по степени своего старшинства, занимають другіе столы, другія волости, болѣе или менѣе значительныя; связь между старшими и младшими членами рода чисто родовая, а не государственная; единство рода сохраняется тѣмъ, что

когда умереть старшій или великій князь, то достоинство его вмѣстѣ съ главнымъ столомъ переходить не къ старшему сыну его, но къ старшему въ цѣломъ родѣ княжескомъ; этотъ старшій перемѣщается на главный столъ, причѣмъ перемѣщаются и остальные родичи на тѣ столы, которые теперь соотвѣтствуютъ ихъ степени старшинства. Такія отношенія въ родѣ правителей, такой порядокъ преемства, такіе переходы князей могутъ существенно дѣйствуютъ на весь общественный бытъ древней Руси, на опредѣленіе отношеній правительственного начала къ дружнѣ и къ остальному народонаселенію, однимъ словомъ—находятся на первомъ планѣ, характеризуютъ время.

Начало перемѣны въ означенномъ порядкѣ вещей мы замѣчаемъ во второй половинѣ XII вѣка, когда сѣверная Русь выступаетъ на сцену; замѣчаемъ здѣсь, на сѣверѣ, новыя начала, новыя отношенія, имѣющія произвести новый порядокъ вещей, замѣчаемъ перемѣну въ отношеніяхъ старшаго князя къ младшимъ, ослабленіе родовой связи между княжескими линіями, изъ которыхъ каждая стремится увеличить свои силы на счетъ другихъ линій и подчинить себѣ послѣднія уже въ государственномъ смыслѣ. Такимъ образомъ, чрезъ ослабленіе родовой связи между княжескими линіями, чрезъ ихъ отчужденіе другъ отъ друга и чрезъ видимое нарушеніе единства Русской Земли готовится путь къ ея собиранію, сосредоточенію, сплоченію частей около одного центра, подъ властію одного государя.

Первымъ слѣдствіемъ ослабленія родовой связи между княжескими линіями, отчужденія ихъ другъ отъ друга было временное отдѣленіе южной Руси отъ сѣверной, послѣдовавшее по смерти Всеволода III-го. На ихъ такихъ прочныхъ основъ государственнаго быта, какими обладала сѣверная Русь, южная Русь, послѣ татарскаго нашествія, подпала подъ власть князей литовскихъ. Это обстоятельство не было гибельно для народности юго-западныхъ русскихъ областей, потому что литовскіе завоеватели приняли русскую вѣру, русскій языкъ; все оставалось по-старому; но гибельно было для русской жизни на юго-западѣ соединеніе всѣхъ литовско-русскихъ владѣній съ Польшею вълѣдствіе восшествія на польскій престолъ литовскаго князя Ягайла: съ этихъ поръ юго-западная Русь должна была вступить въ бесплодную для своего народнаго развитія борьбу съ Польшею—для сохраненія своей народности, основою которой была вѣра; успѣхъ этой борьбы, возможность для юго-западной Руси сохранить свою народность условливались ходомъ дѣлъ въ сѣверной Руси, ея самостоятельностью и могуществомъ.

Здѣсь новый порядокъ вещей утверждался неослабно. Вскорѣ по смерти Всеволода III-го, по отдѣленіи южной Руси отъ сѣверной, явились и въ послѣдней Татары, опустошили значительную ея часть, наложили дань на жителей, заставили князей брать отъ хановъ ярлыки на княженія. Такъ какъ для насъ предметомъ первой важности была

смѣна стараго порядка вещей новымъ, переходъ родовыхъ княжескихъ отношеній въ государственныя, отъ чего зависѣло единство, могущество Руси и перемѣна внутренняго порядка, такъ какъ начала поваго порядка вещей на сѣверѣ мы замѣчаемъ прежде Татаръ, то монгольскія отношенія должны быть важны для насъ въ той мѣрѣ, въ какой содѣйствовали утвержденію этого новаго порядка вещей. Мы замѣчаемъ, что вліяніе Татаръ не было здѣсь главнымъ и рѣшительнымъ. Татары остались жить вдалекѣ, заботились только о сборѣ дани, нисколько не вмѣшиваясь во внутренніе отношенія, оставляя все какъ было, слѣдовательно оставляя на полной свободѣ дѣйствовать тѣ новыя отношенія, какія начались на сѣверѣ прежде нихъ. Ярлыкъ ханскій не утверждалъ князя неприкосновеннымъ на столѣ,—онъ только обезпечивалъ власть его отъ татарскаго нашествія; въ своихъ борьбахъ князья не обращали вниманія на ярлыки: они знали, что всякій изъ нихъ, кто свезетъ больше денегъ въ орду, получитъ ярлыкъ преимущественно передъ другимъ и войско на помощь. Независимо отъ Татаръ, обнаруживаются на сѣверѣ явленія, знаменующія новый порядокъ, именно—ослабленіе родовой связи, возстанія сильнѣйшихъ князей на слабѣйшихъ мимо родовыхъ нравъ, стараніе приобрѣсти средства къ усиленію своего княжества на счетъ другихъ. Татары въ этой борьбѣ являются для князей только орудіями, слѣдовательно историкъ не имѣетъ права съ половины XIII вѣка прерывать естественную нить событій, именно—постепенный переходъ родовыхъ княжескихъ отношеній въ государственныя, и вставлять татарскій періодъ, выдвигать на первый планъ Татаръ, татарскія отношенія, вълѣдствіе чего необходимо закрываются главныя явленія, главныя причины этихъ явленій.

Борьба отдѣльныхъ княжествъ оканчивается на сѣверѣ тѣмъ, что княжество Московское, вълѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, пересиливаетъ всѣ остальные; московскіе князья начинаютъ собирать Русскую Землю: постепенно подчиняютъ и потомъ присоединяютъ они къ своему владѣнію остальные княжества, постепенно въ собственномъ родѣ ихъ родовыя отношенія уступаютъ мѣсто государственнымъ, удѣльные князья теряютъ права свои одно за другимъ, пока наконецъ въ завѣщаніи Іоанна IV удѣльный князь становится совершенно подданнымъ великаго князя, старшаго брата, который носитъ уже титулъ царя. Это главное, основное явленіе—переходъ родовыхъ отношеній между князьями въ государственныя—условливаетъ рядъ другихъ явленій, сильно отзываясь въ отношеніяхъ правительственнаго начала къ дружнѣ и остальному народонаселенію; единство, соединеніе частей условливаетъ силу, которою новое государство пользуется для того, чтобы побѣдить Татаръ и начать наступательное движеніе на Азію; съ другой стороны, усиленіе сѣверной Руси вълѣдствіе поваго порядка вещей усиливаетъ успѣшную борьбу ея съ королевствомъ Польскимъ, постоянною цѣлію которой

становится соединеніе обѣихъ половинъ Руси подъ одною державой: наконецъ соединеніе частей, едино-властіе, окончаніе внутренней борьбы даетъ Московскому государству возможность войти въ сношенія съ европейскими государствами, приготовить себѣ мѣсто среди нихъ.

Въ такомъ положеніи находилась Русь въ концѣ XVI вѣка, когда пресѣклась Рюрикова династія. Начало XVII вѣка ознаменовано страшными смутами, грозившими юному государству разрушеніемъ. Крамолами людей, пѣтавшихъ старинныя притязанія, нарушена была духовная и матеріальная связь областей съ правительственнымъ средоточіемъ: части разрознились въ противоположныхъ стремленіяхъ, Земля замутилась; своекорыстнымъ стремленіямъ людей, хотѣвшихъ воспользоваться такимъ положеніемъ дѣля для своихъ выгодъ, хотѣвшихъ жить на счетъ государства, открылось свободное поприще. Несмотря однако на страшные удары, на множество враговъ внутреннихъ и вѣншихъ, государство спаслось; связь религіозная и связь гражданская были въ немъ такъ сильны, что, несмотря на отсутствіе видимаго сосредоточивающаго начала, части соединились, государство было очищено отъ враговъ внутреннихъ и вѣншихъ, избранъ государь всею Землею. Такъ юное государство со славою выдержало тяжкое испытаніе, при которомъ ясно выказалась его крѣпость.

Съ новою династіей начинается приготовленіе къ тому порядку вещей, который знаменуетъ государственную жизнь Россіи среди европейскихъ державъ. При первыхъ трехъ государяхъ новой династіи мы

видимъ уже начало важнѣйшихъ преобразованій: является постоянное войско, обученное иностранному строю, готовится слѣдовательно важнѣйшая переменъ въ судьбѣ древняго служиваго сословія, такъ сильно отозвавшаяся въ общественномъ строѣ; видимъ начатки кораблестроенія, видимъ стремленіе установить нашу торговлю на новыхъ началахъ; иностранцамъ даются привилегіи для учрежденія фабрикъ, заводовъ; вѣншія сношенія начинаютъ принимать другой характеръ; громко высказывается необходимость просвѣщенія, заводятся училища; при дворѣ и въ домахъ частныхъ людей являются новые обычаи; опредѣляются отношенія церкви къ государству. Преобразователь воспитывается уже въ понятіяхъ преобразованія, вмѣстѣ съ обществомъ готовится онъ идти только далѣе по начертанному пути, докончить начатое, рѣшить нерѣшенное. Такъ тѣсно связаны въ нашей исторіи XVII вѣкъ съ первой половиною XVIII: раздѣлять ихъ нельзя. Во второй половинѣ XVIII вѣка замѣчаемъ новое направленіе; заимствование плодовъ европейской цивилизаціи съ исключительною цѣлію матеріальнаго благосостоянія оказывается недостаточнымъ, является потребность въ духовномъ, нравственномъ просвѣщеніи, потребность вложить *душу* въ приготовленное прежде *тѣло*, какъ выражались лучшіе люди эпохи. Наконецъ въ наше время просвѣщеніе принесло свой необходимый плодъ: познаніе вообще привело къ *самопознанію*.

Таковъ ходъ Русской Исторіи, такова связь главныхъ явленій, въ ней замѣчаемыхъ.

Глава I.

Природа русской государственной области и ея вліяніе на исторію.—Равнинность страны.—Сосѣдство ея съ Среднею Азією.— Столкновеніе кочевниковъ съ осѣдлымъ народонаселеніемъ. — Періоды борьбы между ними.—Козаки.— Племена славянскія и финскія.—Славянская колонизація.—Значеніе рѣкъ на великой равнинѣ.—Четыре главныя части древней Россіи.—Озерная область Новгородская.—Область Западной Двины.—Литва.—Область Днѣпра.—Область Верхней Волги.—Путь распространенія русскихъ владѣній.—Область Дона.—Вліяніе природы на характеръ народный.

Задолго до начала нашего лѣтосчисленія знаменитый Грекъ, котораго зовутъ отцомъ Исторіи, посѣтилъ сѣверные берега Чернаго моря; вѣрнымъ взглядомъ взглянулъ онъ на страну, на племена въ ней жившія, и записалъ въ своей безсмертной книгѣ, что племена эти ведутъ образъ жизни, какой указала имъ природа страны. Прошло много вѣковъ, нѣсколько разъ племена смѣнялись одинъ другими, образовалось могущественное государство, — но явленіе, замѣченное Геродотомъ, остается по-прежнему въ силѣ: ходъ событій постоянно подчиняется природнымъ условіямъ.

Передъ нами обширная равнина: на огромномъ разстояніи отъ Вѣлаго моря до Чернаго и отъ Балтійскаго до Каспійскаго путешествіи не встрѣтитъ никакихъ сколько-нибудь значительныхъ возвышеній, не замѣтитъ ни въ чемъ рѣзкихъ переходовъ. Однообразіе природныхъ формъ исключаетъ областныя привязанности, ведетъ народонаселеніе къ однообразнымъ занятіямъ; однообразность занятій производитъ однообразіе въ обычаяхъ, нравахъ, вѣрованіяхъ; одинаковость нравовъ, обычаевъ и вѣрованій исключаетъ враждебныя столкновенія; одинакія потребности указываютъ одинакія средства къ ихъ удовлетворенію, — и равнина, какъ бы ни была обширна, какъ бы ни было вначалѣ разноплеменно ея населеніе, рано или поздно становится областью одного государства: отсюда понятна обширность русской государственной области, однообразіе частей и крѣпкая связь между ними.

Великая равнина открыта на юго-востокѣ, соприкасается непосредственно съ степями Средней Азіи; толпы кочевыхъ народовъ съ незапамятныхъ поръ проходятъ въ широкія ворота между Уральскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ, и занимаютъ привольныя для нихъ страны въ низовьяхъ Волги, Дона и Днѣпра; древняя Исторія видитъ ихъ здѣсь постоянно господствующими; Геродотъ свойствами страны объясняетъ причины этого господства, по

тотъ же Геродотъ замѣчаетъ, что берега Днѣпра, по своему необыкновенному плодородію, способны питать и земледѣльческое народонаселеніе; и вотъ преданія говорятъ о народныхъ движеніяхъ съ запада, на встрѣчу кочевымъ ордамъ; на берегахъ Днѣпра и его притоковъ, на востокѣ и западѣ, селятся племена земледѣльческія, съ характеромъ европейскимъ; они движутся все далѣе и далѣе на востокъ; но кочевники не скоро уступятъ имъ свои привольныя степи. Азія не перестаетъ высылать хищныя орды, которыя хотятъ жить на счетъ осѣдлага народонаселенія: ясно, что въ исторіи послѣдняя борьба съ степными варварами. Періоды этой борьбы такъ обозначаются въ Русской Исторіи: отъ половины IX вѣка до сороковыхъ годовъ XIII нѣтъ рѣзкаго перевѣса ни на сторонѣ кочевниковъ, ни на сторонѣ славянскихъ племенъ, объединенныхъ подъ именемъ Руси, Печенѣги, а за ними Половцы наносятъ иногда сильныя опустошенія Приднѣпровью, но за то иногда и русскіе князья входятъ въ глубь степей ихъ, за Донъ, и плѣняютъ ихъ вѣжи. Отъ сороковыхъ годовъ XIII вѣка до исхода XIV берутъ перевѣсъ азіатцы, въ лицѣ Монголовъ; съ конца же XIV вѣка пересиливаетъ Европа, въ лицѣ Россіи; сѣверо-западная европейская часть великой равнины начинается распространяться на счетъ юго-восточной, азіатской. — Но природа страны условила еще другую борьбу для государства, кромѣ борьбы съ кочевниками: когда государство граничитъ не съ другимъ государствомъ и не съ моремъ, но соприкасается съ степью, широкою и вмѣстѣ привольною для жилья, то для людей, которые по разнымъ причинамъ не хотятъ оставаться въ обществѣ, или принуждены оставить его, открывается путь къ выходу изъ государства и пріятная будущность — свободная, разгульная жизнь въ степи. Вслѣдствіе этого, южныя степныя страны Россіи, по теченію большихъ рѣкъ, издавна населялись

козацкими толпами, которыя, съ одной стороны, служили пограничною стражею для государства противъ кочевыхъ хищниковъ, а съ другой, признавая только на словахъ зависимость отъ государства, нередко враждовали съ нимъ, иногда были для него опаснѣе самихъ кочевыхъ ордъ. Такъ Россія, вслѣдствіе своего географическаго положенія, должна была вести борьбу съ жителями степеней, съ кочевыми азіатскими народами и съ козаками, пока не окрѣпла въ своемъ государственномъ организмѣ и не превратила степи въ убѣжище для гражданственности.

Составляя восточную часть Европы, отличаюсь климатомъ суровымъ, представляя — на юго-востокѣ степь, населенную кочевыми племенами, смѣланными другъ друга въ постоянномъ стремленіи изъ Азіи, на сѣверо-западѣ — страну, покрытую дѣственными лѣсами, наполненную рѣками, озерами, болотами, среди которыхъ кое-гдѣ блуждали орды звѣролововъ, — великая равнина не могла получить скоро многочисленнаго народонаселенія. Племена славянскія раскинулись на огромныхъ пространствахъ, по берегамъ большихъ рѣкъ; при движеніи съ юга на сѣверъ они должны были встрѣтиться съ племенами финскими; но о враждебныхъ столкновеніяхъ между ними не сохранилось преданій: легко можно предположить, что племена не очень ссорились за землю, которой было такъ много, по которой можно было такъ просторно расселиться безъ обиды другъ другу. Въ началѣ нашей исторіи мы видимъ, что Славяне и Финны дѣйствуютъ заодно; какимъ образомъ ославились финскія племена — Меря, Муромъ, какимъ образомъ Двинская область получила русское народонаселеніе и стала владѣніемъ Великаго Новгорода? — все это произошло тихо, незамѣтно для исторіи, потому что здѣсь собственно было не завоеваніе одного народа другимъ, но мирное занятіе земли никому не принадлежащей. Распространеніе русскихъ владѣній въ Сибири, о которомъ можно имѣть ясное понятіе по дошедшимъ до насъ памятникамъ, даетъ лучшее объясненіе тому, какъ распространялись русскія владѣнія и по сю сторону Уральскаго хребта: здѣсь также могли происходить стычки съ туземцами, которые приходили иногда разорять новыя поселенія, отказывались платить ясакъ; но здѣсь одинъ народъ, государство не было завоевано другимъ народомъ, государствомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно принимается въ исторіи завоеваніе; однимъ словомъ — и тамъ и здѣсь преимущественно происходило населеніе, колонизація страны. Что сказано о сѣверѣ Россіи, то можетъ быть сказано и о другихъ областяхъ: мы видимъ съ самаго начала, что князья наши преимущественно заботятся о построеніи городовъ, о населеніи пустынныхъ пространствъ; извѣстно, какъ и послѣ Московское государство расширяло свои предѣлы на востокъ и юго-востокъ, занимая и населяя пустынные пространства; извѣстно, наконецъ, населеніе южныхъ и юго-восточныхъ областей, происходившее недавно, уже во

времена Имперіи¹⁾. Малонаселенность страны, постоянное стремленіе владѣльцевъ увеличивать населеніе своихъ земель съ ущербомъ государственному интересу — вызывали мѣры, имѣвшія цѣлю удѣржать народонаселеніе на прежде занятыхъ имъ пространствахъ. Такимъ образомъ, въ Русской Исторіи мы замѣчаемъ то главное явленіе, что государство, при расширеніи своихъ владѣній, занимаетъ обширныя пустынные пространства и населяетъ ихъ; государственная область расширяется преимущественно посредствомъ колонизаціи; господствующее племя — славянское — выводитъ поселенія свои все далѣе и далѣе въ глубь востока. Всѣмъ племенамъ Европы завѣщено исторіею высылать поселенія въ другія части свѣта, распространять въ нихъ христіанство и гражданственность; западнымъ европейскимъ племенамъ суждено совершать это дѣло морскимъ, восточному племени — славянскому — сухимъ путемъ.

Однообразна природа великой восточной равнины, не поразить она путешественника чудесами; одно только поразило въ ней наблюдательнаго Геродота: „Въ Скиіи, говоритъ онъ, нѣтъ ничего удивительнаго, кромѣ рѣкъ ее орошающихъ: онѣ велики и многочисленны“²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, обширному пространству древней Скиіи соответствуютъ испанскія системы рѣкъ, которыя почти переплетаются между собою и составляютъ, такимъ образомъ, по всей странѣ водную сѣть, изъ которой народонаселенію трудно было высободиться для особой жизни; какъ вездѣ, такъ и у насъ рѣки служили проводниками первому народонаселенію: по нимъ сѣли племена, на нихъ явились первые города; такъ какъ самыя большія изъ нихъ текутъ на востокъ или юго-востокъ, то этимъ условилось и преимущественное распространеніе русской государственной области въ означенную сторону; рѣки много содѣйствовали единству народному и государственному, и при всемъ томъ особыя рѣчныя системы опредѣлили вначалѣ особыя системы областей, княжествъ. Такъ по четыремъ главнымъ рѣчнымъ системамъ Русская Земля раздѣлялась въ древности на четыре главныя части:

¹⁾ Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей Т I, стр. 9: «И раздалъ (Рюрикъ) мужемъ своимъ волости и города рубичи». Тамъ же стр. 10: «Се же Олегъ нача города ставити». Тамъ же: «И нача (Владимиръ) ставити города по Деснѣ, и по Вострѣ, и по Трубчевѣ, и по Сулѣ, и по Стугнѣ; и нача нарубати мужи лучшіи отъ Словенъ, и отъ Кривичъ, и отъ Чюди, и отъ Вячичъ, и отъ сихъ насели грады». Стр. 65: Ярославъ польскими лѣтниками населяетъ мѣста по рѣкѣ Реп; стр. 113: Василько хочетъ покорить Волгарь Дунайскихъ и посадитъ ихъ у себя. Исторія Россійская Татищова, кн. III, стр. 76: «Зачалъ (Юрій) строить въ области своей многіе города... созывая людей отовсюду, которымъ небольшую сеуду давалъ, и въ строеніяхъ и другимъ подаваніями помогалъ. въ которые прихода множество Болгаръ, Мордвы, Венгровъ, кромѣ Русскихъ, сельванъ, и предѣлы яко многими тысячи людей наполняли». Новымъ поселенцамъ вездѣ давались большія льготы, см. Акты Истор. I, №№ 13, 25, 28, 36, 49, 81, 88 и проч.

²⁾ Herodot. Halic. I. IV, стр 82.

первую составляла озерная область Новгородская, вторую — область Западной Двины, т. е. область Кривеская, или Полоцкая, третью — область Дигъпра, т. е. область древней собственной Руси, четвертую — область Верхней Волги, область Ростовская.

Область Новгородская, составляя продолжение Финляндской озерной области, въ отношении географическомъ и историческомъ, посредничаетъ между западною Европою и Россіею. Здѣсь славянское племѣя сталкивается съ скандинаво-германскимъ; здѣсь шель великій водный путь изъ сѣверо-западной Европы въ юго-восточную и въ Азію, изъ Варягъ въ Греки, — путь, по которому издавна спускались сѣверныя дружины на югъ, для опустошенія береговъ Имперіи; этимъ же путемъ производилась торговля между сѣверомъ и югомъ Европы. Озеро Ильмень, принимая въ себя съ юга многовѣтвистую Ловатъ, выпускаетъ на сѣверъ, въ Ладожское озеро, Волховъ; великій водный путь шель изъ Финскаго залива, по Невѣ, въ Ладожское озеро, отсюда Волховомъ въ Ильмень, изъ Ильменя Ловатью. Славянское племѣя, при движеніи своемъ съ юга на сѣверъ, не утвердилось, въ половинѣ IX вѣка, нигдѣ на берегахъ моря; на встрѣчу медленному движенію Славянъ видимъ быстрое движеніе Варяговъ. Славянамъ удалось утвердиться на важномъ пунктѣ, при истокахъ Волхова изъ Ильменя, гдѣ является Новгородъ; но на второмъ важномъ пунктѣ великаго пути, при впадѣніи Волхова въ Ладожское озеро, они утвердиться не могли. Если даже предположимъ, что Ладога существовала до прибытія Рюрика, то она находилась не при самомъ устьи Волхова, и это положеніе ея показывается, со стороны Славянъ, какую-то медленность, близость приближенія къ озеру Нево. Что касается рѣки Невы, то начальный лѣтописецъ считаетъ ее не рѣкою, а устьемъ озера въ море; Нева долго текла въ дикой независимости, и короткій бѣгъ ея долго былъ свидѣтелемъ упорной борьбы между двумя народами, Русскими и Шведами. Русскимъ удалось во время этой борьбы утвердиться на третьемъ важномъ пунктѣ великаго пути, при истокахъ Невы изъ Ладожскаго озера, гдѣ былъ построенъ Орѣшекъ; но потому эта крѣпость была уступлена Шведамъ; Петръ Великій взявъ ее снова и назвалъ Ключемъ-городомъ (Шлюсбургомъ); наконецъ Петръ успѣлъ овладѣть теченіемъ Невы, и укрѣпился на послѣднемъ, самомъ важномъ пунктѣ озерной системы, въ началѣ великаго воднаго пути — именно при устьи Невы въ море, гдѣ основалъ Петербургъ. Это положеніе при началѣ великаго воднаго пути, соединяющаго и теперь Европу съ Азіею, условило важное значеніе Петербурга, какъ столицы: здѣсь, въ IX вѣкѣ, началась первая половина Русской Исторіи; здѣсь, въ XVIII, началась вторая ея половина. Движеніе восточныхъ славянскихъ племенъ съ юга на сѣверъ, по великому водному пути, начавшееся въ донское время, только въ XVIII вѣкѣ окончательно достигло своей цѣли — морскаго берега.

Область Новгородскаго княжества есть озерная область, гдѣ главный узелъ составляетъ озеро Ильмень; слѣдовательно, естественныя границы княжества должны совпадать съ границами рѣчныхъ системъ Ильменя, Ладожскаго озера и другихъ близлежащихъ озеръ; и, дѣйствительно, мы видимъ, что границамъ Новгородской области служатъ волоки между системами рѣкъ озерныхъ и между системами Волги, Дигъпра и Западной Двины. Разумѣется, эти границы мы должны означать приблизительно; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, преимущественно къ востоку и юго-востоку, племѣя Славянъ Ильменскихъ или Новгородскихъ еще въ незапамятныя времена могло перейти волоки и выселиться на другія рѣчныя системы, влѣдствіе малонаселенности страны, лежащей къ востоку, на верховьяхъ Волги; несмѣтря на то однако, границы преимущественно идутъ по волокамъ, которые, надобно замѣтить, нигдѣ не имѣютъ такого важнаго значенія, какъ у насъ въ Россіи, ибо замѣняютъ отчасти горы. На югѣ границею Новгородской области съ Полоцкою и Смоленскою служилъ волокъ между системою Ильменя и Западной Двины; здѣсь граница могла обозначиться съ большою точностію волокомъ влѣдствіе ранняго населенія Полоцкой, или Двинской области. На востокѣ границею Новгородской области съ Ростовскою, или Суздальскою, служилъ приблизительно также волокъ между системою Ильменя и Верхней Волги: такъ видимъ границу при рѣкѣ Медвѣдницѣ, однимъ изъ самыхъ близкихъ волжскихъ притоковъ къ системѣ Ильменской ¹⁾; но здѣсь, на востокѣ, Новгородцы перешли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ естественную границу своей области, ибо народонаселеніе необходимо стремилось съ запада на востокъ, находя себѣ здѣсь болѣе простора; такъ въ числѣ новгородскихъ владѣній мы встрѣчаемъ Торжокъ, Волокъ-Ламскій, Вѣжецкъ и другія мѣста, находящіеся на Волжской системѣ; любознито однако видѣть, что эти мѣста были спорныя между Новгородцами и князьями Ростовской области; послѣдніе никакъ не хотѣли уступить ихъ въ полное владѣніе Новгородцамъ: такъ Волокъ и Торжокъ раздѣлены пополамъ между Новгородцами и суздальскими князьями ²⁾, названіе Торжка, Торга, указываетъ именно на пограничное мѣсто, куда сходились на мѣну, торгъ; жители двухъ областей; названіе Новый Торгъ указываетъ, что этотъ торгъ былъ прежде гдѣ-нибудь на другомъ мѣстѣ, быть-можетъ выше, на самомъ волокѣ. Любопытно также, что всѣ эти мѣста на Волжской системѣ перечисляются всегда въ грамотахъ, какъ новгородскія владѣнія, — знакъ, что

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. I, стр. 118: «Ярославъ же стояше на Медвѣдницѣ въ сторожихѣ». Ярославъ Святославичъ долженъ былъ сторожить границу Ростовской области отъ прихода Мстислава Новгородскаго.

²⁾ См. сводную новгородскую грамоту въ моемъ изслѣдованіи объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ: «А что ты, княже, пошло на Торжку и на володѣ тинуть своей държати, на своей части държати; а Новгородцы на своей части държати».

они были спорныя, что сѣздальскіе князья нѣмѣли на нихъ постоянныя притязанія, однимъ словомъ, что были колоніи новгородскія въ чужой области ¹⁾. Такія же колоніи новгородскія простирались въ области Онеги, Сѣверной Двины и даже до самаго Уральскаго хребта; на важное значеніе волоковъ указываетъ названіе заволоцкихъ владѣній Новгорода, Заволоцкой Чуди.

Въ тѣсной связи съ системою Ильмена находится система Чудскаго и Псковскаго озеръ: Кривичи Изборскіе находятся въ союзѣ съ Славянами Новгородскими, вѣдѣтъ съ ними призываютъ князей; несмотря однако на эту тѣсную связь, несмотря на то, что Псковъ, смѣнившій Изборскъ, находился въ пригородныхъ отношеніяхъ къ Новгороду, Псковъ съ самаго начала стремится къ самостоятельности, и наконецъ достигаетъ ея; здѣсь, между другими обстоятельствами, нельзя не предположить и вліянія природы, потому что Псковская область принадлежитъ къ отдѣльной рѣчной системѣ. Этимъ же обстоятельствомъ условливается и самое различіе и границы племенъ: народонаселеніе Изборской области принадлежало къ кривискому племени.

Новгородская область представляетъ самую возвышенную страну между внутренними русскими областями. По климату и почвѣ она раздѣляется на двѣ половины: сѣверо-восточную и юго-западную. Сѣверо-восточная, простирающаяся отъ окрестностей озеръ Лача и Вожа до рѣкъ Сяси и Мологи, наполнена стоячими водами и лѣсами, подвержена дуновенію сѣверныхъ вѣтровъ, и повсюду нецелодородна по причинѣ влажной и болотистой почвы; юго-западная половина гораздо возвышеннѣе, суше и плодороднѣе. Это раздѣленіе важно для насъ въ томъ отношеніи, что имъ опредѣляется первоначальная граница славянскаго и финскаго племені; известно, что вездѣ при своихъ столкновеніяхъ Славяне занимали возвышенныя, сухія и хлѣбородныя пространства, Финны же — низменныя, болотистыя ²⁾; такъ точно и здѣсь означенная граница по качеству почвы соответствуетъ границѣ между славянскимъ и финскимъ племенами въ Новгородской области. Самыя лучшія для хлѣбопашества мѣста находятся между рѣками Шелонью и Ловатью: здѣсь главныя селища славянскаго племені; далѣе къ сѣверо-западу, въ нынѣшней Петербургской губерніи, опять начинаются низменныя, болотистыя пространства — почва финскаго племені. Но такъ какъ пространство между рѣками Шелонью и Ловатью мы называли хлѣбороднымъ толь-

ко относительно, вообще же Ильменскіе Славяне не нашли въ своихъ жилищахъ большихъ удобствъ для земледѣльческой промышленности, то съ теченіемъ времени, благодаря удобству водныхъ путей среди нихъ развилась торговая промышленность, указавшая имъ необходимо путь къ сѣверо-востоку. малонаселенному финскимъ племенамъ, со стороны которыхъ Новгородцы не могли встрѣтить сальнаго сопротивленія. Изъ лѣтописныхъ свидѣльствъ мы знаемъ, что относительно продовольствія Новгородская область была въ зависимости отъ Шлизовой Земли: князь послѣдней, пресѣкнувъ поднозъ сѣстныхъ припасовъ, могъ заморить Новгородъ голодомъ; съ другой стороны, и относительно торговли Новгородъ зависѣлъ вполне отъ Востока, потому что торговое значеніе Новгорода состояло въ доставкѣ сѣверо-восточныхъ товаровъ въ Европу. Отсюда понятно, что когда на востокѣ явилось могущественное владѣніе — государство Московское, то Новгородъ, находясь въ полной зависимости отъ Востока, необходимо долженъ былъ примкнуть къ этому государству: такимъ образомъ, сама природа не позволяла Новгороду быть долго независимымъ отъ восточной Руси. То же самое должно сказать и о Псковѣ: его область имѣетъ также тощую почву, которая должна была заставить народонаселеніе обратиться къ другому роду промышленности, торговлѣ, ремесламъ; Псковичи славились мастерствами, особенно стропильнымъ; Новгородцевъ въ насмѣшку называли и л о т н и к а м и — указаніе на ихъ промышленный характеръ.

Несмотря на то, что на западѣ въ средніе вѣка существовало мнѣніе, будто изъ Балтійскаго моря по восточному пути можно проѣхать водою въ Грецію, водный путь этотъ прекращался рѣкою Ловатью тамъ, гдѣ прекращается и Новгородская озерная область. Отъ Ловати до Дибиря шель волокъ, отдѣлявшій Новгородскую озерную область отъ Западно-Двинской и Дибировской. Объ этомъ волокѣ между Ловатью и Дибиромъ упоминаетъ начальный лѣтописецъ, описывая водный путь изъ Варягъ въ Греки; но онъ не вдается въ подробности, какимъ образомъ дружныя первыя князья русскихъ шли отъ Ловати до Дибиря. Очень вѣроятно, что нуть ихъ лежалъ отъ Ловати по рѣкѣ Сурежѣ до тридцати-верстнаго волока въ Желну на рѣкѣ Торонѣ; потомъ внизъ Тороню до Двины. Двиною — къ устью Косопли (Каспли), и этою рѣкою вверхъ до озера Касплинскаго и волока при Гаврипахъ, въ Порѣцкомъ уѣздѣ, съ переѣздомъ по сушѣ тридцати верстъ ³⁾. Во всякомъ случаѣ, на пути отъ Ловати къ Дибирю должно было встрѣтить Западную Двину: вотъ причина, почему Движская область Полоцкихъ Кривичей вошла въ связь съ Новгородцами и князьями ихъ прежде области Кривичей Смоленскихъ, и Рюрикъ уже отдаетъ Полоцкъ одному изъ мужей своихъ. Область Запа-

¹⁾ Легко замѣтить, что первоначальная граница Новгородской и Ростовской области именно шла по водораздѣлу между Мстою, Тверцою, Медвѣдицею и Мологою, и что движеніе, переходъ новгородскаго народонаселенія и владѣній въ область Волги совершился съ сѣверо-запада, тамъ, гдѣ волоки такъ ничтожны, между Пашю, Соминю, Сасью. Движеніе шло Чагодощю, и потомъ Мологою вверхъ до водораздѣла и внизъ до Вельскаго. На эти границы областей всего лучше указываютъ границы новгородскаго парѣчя.

²⁾ См. ниже въ главѣ о Финнахъ.

³⁾ См. Хомаковскаго «Пути сообщенія въ древней Россіи» (Русскій Историческій Сборникъ. Т. 1, стр. 13 и слѣд.).

ной Двины, или область Полоцкая, имѣла такую же участь, какъ и озерная область Новгородская: славянское племя заняло начало и средину теченія Двины, но не успѣло при медленномъ движеніи своемъ достигнуть ея устья, береговъ моря, около котораго оставались еще туземцы, хотя подчиненные русскимъ князьямъ, но не подчинившіеся славяно-русской народности. Особность Полоцкая, или Двинская княжества, его слабость вельдѣтвѣ этой особенности и усобицъ были причиною того, что въ XII вѣкѣ отъ морскихъ береговъ, съ устья Двины, начинается наступательное движеніе Пѣльцевъ, предъ которыми Полочане должны были отступать все далѣе и далѣе внутрь страны. Потомъ Полоцкое княжество подчинилось династїи князей литовскихъ, и черезъ нихъ соединилось съ Польшею. Московское государство, сосредоточивъ сѣверо-восточныя русскія области, усилившись, начало стремиться, по естественному направленію, къ морю, ибо въ области Московскаго государства находились истоки Двины. Иоаннъ IV, стремясь черезъ покореніе Ливонїи къ морю, взялъ и Полоцкъ; но Ваторїей отнялъ у него и Ливонїю и Полоцкъ, вельдѣтвѣ чего точки все теченіе Двины стало находиться въ области одного государства. Но черезъ нѣсколько времени Шведы отняли у Поляковъ устье Двины, и область этой рѣки явилась въ затруднительномъ, неестественномъ положеніи, подѣленною между тремя государствами. Петръ Великій отнялъ низовье Двины у Шведовъ, вельдѣтвѣ чего положеніе Двинской области стало еще затруднительнѣе, потому что верховье и устье находились въ области одного государства, а средина — въ области другаго. При Екагеринѣ II Двинская область была выведена изъ этого неестественнаго положенія.

Граници Полоцкой области на сѣверѣ составляютъ водораздѣлъ между системою Двины и озерною — Ильменскою и Чудскою. Но верховье Двины не принадлежало Полоцкой области; за него шла ильная борьба между князьями полоцкими, потомками Изяслава Владиміровича, и потомками брата его Ярослава, владѣльцами остальныхъ русскихъ областей. Причина этой борьбы, причина стремленія Ярослава I и рода его удержать за собою верховье Двины — ясна съ перваго взгляда на карту: Верхняя Двина и впадающая въ нее рѣчка Торопа служили соединеніемъ Новгородской области съ собственною Русью, областю Днѣпровскою; по нимъ шелъ путь изъ Варягъ въ Греки; владѣя Новгородомъ и Днѣпровьемъ, Ярославъ и дѣти его не могли ставить верховье Двины и Торопу во владѣніи враждебнаго рода Изяславичей Полоцкихъ; послѣдніе, пользуясь тѣмъ, что ихъ владѣнія, ихъ рѣчная область отдѣляла Новгородскую область отъ Руси, неоднократно обпаруживали свои притязанія на Новгородъ. Ярославъ уступилъ Брячиславу Полоцкому Витебскъ и Усвягъ⁴⁾, но удержалъ вер-

ховье Двины и Торопу, гдѣ послѣ образовалось княжество Торопецкое, примыкающее къ Смоленскому. Изъ этого положенія Торопецкаго княжества, лежащаго въ срединѣ между озерною (Новгородскою), Двинскою (Полоцкою), Днѣпровскою (Южно-русскою) и Волжскою (Ростовскою и Суздальскою) областями, выясняется намъ положеніе князей торопецкихъ, знаменитыхъ Мстиславовъ, ихъ значеніе, какъ посредниковъ между Новгородомъ, южною Русью и князьями суздальскими; посредствомъ Торопца Новгородъ поддерживалъ связь свою съ южною Русью, изъ Торопца получалъ защиту отъ притѣсненій князей суздальскихъ.

На востокѣ, югѣ и западѣ границами Полоцкой области служили приблизительно также водораздѣлы между системами Двины, Днѣпра и Пѣмана. Но на югѣ къ Полоцкому княжеству примыкало также княжество Минское, находившееся преимущественно на системѣ Днѣпровской, по правому берегу Днѣпра и рѣчкамъ, впадающимъ въ него съ этой стороны. Княжество Минское образовалось, какъ видно, изъ области славянскаго племени Дреговичей, сѣвшихъ, по лѣтописи, между Припятью и Двиною. Мы видимъ, что, въ стремленіи своемъ на югъ изъ Новгородской области, Варяги прежде всего должны были перейти въ область Двины и утвердиться въ Полоцкѣ. Отсюда, двинувшись къ югу, они немедленно должны были перейти въ область Днѣпра, въ землю Дреговичей, въ томъ мѣстѣ, гдѣ притоки Днѣпра и Двины находятся такъ близко другъ отъ друга, гдѣ теперь искусственно соединяются Березинскимъ каналомъ. Это движеніе полоцкихъ державцевъ къ югу и покореніе Дреговичей безъ сомнѣнія произошло еще при Рюрикѣ, по крайней мѣрѣ прежде движенія Олега изъ Новгорода; что правый берегъ Днѣпра, земля Дреговичей занята была изъ Полоцка, — доказываетъ молчаніе лѣтописи о покореніи Дреговичей Олегомъ или его преемниками. Владиміръ, истребивъ семью Полоцкаго князя Рогволода, присоединилъ его владѣнія, какъ кривскія, такъ и дреговическія къ своимъ; по послѣ, по совѣту дружины, возстановилъ Рогволодову область въ цѣломъ ея видѣ для внука Рогволодова, а своего сына Изяслава; этимъ объясняется, какимъ образомъ Минское княжество, лежащее въ области Днѣпровской, принадлежало роду князей полоцкихъ; но Минское княжество, вслѣдствіе своего географическаго положенія, становится мѣстомъ борьбы между Изяславичами полоцкими и Ярославичами русскими, и долѣе, чѣмъ самый Полоцкъ, остается за послѣдними; а Дреговичи южныя, жившіе по притокамъ Припяти, принадлежатъ постоянно къ владѣніямъ русскихъ Ярославичей⁵⁾. Почва собственно Полоцкаго княжества неплодородна; вся область наполнена озерами, болотами, топями; теперь въ Витебской губерніи считается больше 1,000 озеръ большихъ и малыхъ. Вѣднство природы, при

⁴⁾ Воскресен. Лѣтоп., годъ 1021. Впрочемъ послѣ, при забавнїи полоцкихъ князей, Витебскъ подпадалъ опять власти Ростиславичей.

⁵⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. Т. II, стр. 7: «Приходъ Володимѣрь (Мономахъ) на Глѣба (князя Минскаго): Глѣбъ бо бѣше возвалъ Дреговичи и Случескъ пожегъ».

удобствѣ сообщенія съ моремъ посредствомъ Двины, обратила вниманіе Полочанъ и Видлянь на торговлю, и они выѣтъ съ Смольянами являються посредниками заморской русской торговли.

Какъ Полоцкое княжество есть область Западной Двины, такъ Литва есть область Нѣмана, Польша— область Вислы. Литовская область выѣтъ съ областью Ятвяговъ, лежащую по границѣ между рѣчными системами Вислы, Нѣмана и Днѣпра, имѣютъ важное значеніе въ исторіи восточной Европы: покрыты болотами и лѣсами, даже теперь непроходимыми, эти страны лучше высокихъ горныхъ хребтовъ охраняли западныя границы русскихъ Славянъ; среди этихъ-то болотъ и непроходимыхъ пущъ съ незапамятныхъ поръ засѣли странныя народы— Литва и Ятвяги, происхожденія которыхъ не могутъ еще опредѣлить ученые. Благодаря природѣ своей страны, Литовцы и Ятвяги долѣе всѣхъ своихъ сосѣдей сохраняли дикость первоначальнаго быта; они набѣгали на окрестныя страны, но сами были недосыгаемы въ своихъ неприступныхъ природныхъ укрѣпленіяхъ. Когда единоплеменники ихъ— Прусы—подверглись тяжкому игу Нѣмцевъ, Литовцы отбѣгли отъ послѣднихъ въ своихъ дебряхъ, заслонили отъ нихъ и восточныхъ сосѣдей своихъ; съ другой стороны, вѣроятно усиленные въ числѣ прусскими выходцами, Литовцы начинаютъ наступательное движеніе къ востоку и югу на русскія области, и основываютъ княжество, котораго географическое положеніе также очень важно: въ области Литовскаго великаго княжества соединились системы Днѣпровская, Вислинская, Нѣманская и Западно-Двинская; рѣки русскія соединялись съ рѣками польскими. Поэтому княжество Литовское служило звеномъ, связующимъ Русь съ Польшею. На небольшомъ пространствѣ между Кобриномъ, Пинскомъ и Слопимомъ, три рѣчныя системы—Вислинская, Нѣманская и Днѣпровская—и выѣтъ съ тѣмъ три области—Польская, Литовская и Русская—соединяются теперь каналами: вотъ доказательство, что на восточной европейской равнинѣ естественными границами между странами и народами служили междурѣчные волоки, и какъ эти естественныя грани были незначительны, какъ мало препятствовали соединенію народовъ!

Юго-западная, древняя собственная Русь (княжества Кіевское, Переяславское, Черниговское, Смоленское, Волынское, Туровское) есть область Днѣпра, главной рѣки воднаго пути изъ Варягъ въ Греки; этому пути, слѣдственно Днѣпру, преимущественно Русь была обязана своимъ соединеніемъ съ сѣверо-западною и юго-восточною Европою: изъ первой явились князья, отъ второй получено христіанство; Днѣпру преимущественно Русь была обязана и своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ: по этой рѣкѣ шли съ своими дружинами князья, которые сосредоточили прибрежныя славянскія племена, жившія разсѣянно; по Днѣпру же шелъ и торговый путь изъ нижнихъ странъ въ верхнія. И Днѣпръ, въ историческомъ отношеніи, раздѣлялъ

судьбу другихъ рѣкъ русскихъ: его устье хотя съ незапамятныхъ поръ покрывалось русскими лодками, однако собственно не находилось въ русскіхъ владѣніяхъ до временъ Екатерины II-й, потому что русская государственная область распространялась естественнымъ образомъ изнутри, изъ ядра своего, внизъ по рѣкамъ, до естественныхъ предѣловъ своихъ, т.-е. до устьевъ этихъ рѣкъ, берущихъ начало въ ея сердцѣ, а это сердце—Белая Россія, Московское государство, справедливо называемое страной источниковъ; отсюда берутъ свое начало всѣ тѣ большія рѣки, внизъ по которымъ распространялась государственная область. Несмотря на то, что юго-западная Русь, преимущественно Кіевская область, была главною сценою древней нашей исторіи, пограничность ея, близость къ полю, или степи, жилищу дикихъ народовъ, дѣлала ее неспособною стать государственнымъ зерномъ для Россіи, для чего именно природа приготовила Московскую область; отсюда Кіевская область (Русь въ самомъ тѣсномъ смыслѣ) вначалѣ и послѣ носитъ характеръ пограничнаго военного поселенія, остается странною козачью до полного государственнаго развитія, начавшагося въ сѣверной Руси, въ странѣ источниковъ.

Но если по причинамъ естественнымъ юго-западная Русь не могла стать государственнымъ ядромъ, то природа же страны объясняетъ намъ, почему она была главною сценою дѣйствія въ начальной нашей исторіи: области древнихъ княжествъ Кіевскаго, Волынскаго, Переяславскаго и собственно Черниговскаго составляютъ самую благословенную часть областей русскихъ относительно климата и качества почвы.—Древнюю Русь, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, составляла страна около Кіева, на западномъ берегу Днѣпра, з.м.я. Полянъ. Область Кіевскаго княжества въ первоначальномъ видѣ, какъ досталась она Изяславу I-му, заключала въ себѣ земли Полянъ, Древлянъ и отчасти Дреговичей; естественными и приблизительными историческими границами его были: къ востоку Днѣпръ; къ сѣверу водораздѣлъ между рѣчными областями, собственно Днѣпровскою и областью Припяти, потомъ водораздѣлъ между областью Припяти и Нѣмана; къ западу водораздѣлъ между Западнымъ Бугомъ и Вислою; къ югу сначала водораздѣлъ между областью Припяти, Днѣстра и Буга, потомъ рѣка Рось, по которой, начиная съ XI вѣка, видимъ уже военныя поселенія, зерно козачества. Почему рѣка Рось служила въ древности южною границей и Кіевскаго княжества и всѣхъ русскихъ областей, это объясняется также природою: къ югу отъ этой рѣки, въ южной части нынѣшней Кіевской губерніи, почва принимаетъ уже степное свойство; луга здѣсь степныя. Область княжества Владиміро-Волынскаго заключала въ себѣ землю Бужанъ (славянскаго племени, жившаго по Западному Бугу ¹⁾ и, принадлежа, съ одной сто-

¹⁾ Какъ видно, до впаденія въ Бугъ рѣки Нура на сѣверѣ.

роны, къ системѣ Вислинской, а съ другой, чрезъ притоки Припети, къ Днѣпровской, посредничала между Русью и Польшею. Это положеніе Владиміро-Волынской области на отдѣльной отъ Днѣпра рѣчной системѣ объясняетъ отчасти, почему Волынь отдѣляется отъ собственной Руси и вмѣстѣ съ Галичемъ образуетъ особую систему княжествъ; отдѣльность рѣчной системы объясняетъ также и раннюю особность Галицкаго княжества, лежащаго по Вислинской и Днѣпровской системамъ.

На восточной сторонѣ Днѣпра, притокомъ послѣдняго, Десною, привязывалась къ Киевской области и область Черниговская, лежащая по Деснѣ и ея притокамъ. Тщетно князья хотѣли дѣлать Русь Днѣпромъ на двѣ отдѣльныя половины: Десна привязывала Черниговъ къ Киеву такъ же крѣпко, какъ и родовыя отношенія Святославичей и Мономаховичей; тщетно потомъ польское правительство хотѣло раздѣлится Днѣпромъ съ Москвою; это дѣленіе было кратковременно. Рѣка Сеймъ, притокъ Десны, привязывала къ Чернигову область Курскую ¹⁾. На южной оконечности нынѣшней

Черниговской губерніи находится возвышенность, дающая начало рѣкамъ, изливающимся отсюда въ Полтавскую губернію: Трубежу, Супою, Удаю и Ромну; этотъ водоспускъ въ древности отдѣлялъ область Черниговскаго княжества отъ области Переяславскаго. На Верхнемъ Днѣпрѣ, и слѣд. въ тѣсной связи съ Киевомъ, находилась область Смоленскаго княжества. Смоленскъ находился въ области Кривичей, которые слѣли на верховьяхъ рѣкъ Волги, Днѣпра и Двины. Изъ этого положенія легко видѣть важное значеніе Смоленской области, находившейся между тремя главными частями Руси, — между областью Волги, Днѣпра и Двины, т. е. между Великою, Малою и Бѣлою Россією: держа ключи ко всѣмъ этимъ областямъ, смоленскіе князья держали Новгородъ въ зависимости отъ южной Руси, стерегутъ Днѣпровые отъ притязаній сѣверныхъ князей, принимаютъ самое дѣятельное участіе въ распряхъ послѣднихъ съ южными, являются главными дѣятелями въ исторіи юго-западной Руси (съ тѣхъ поръ, какъ волынскіе князья обращаютъ все свое вниманіе на западъ), борются съ Волынью и Галичемъ за Киевъ, и во время этой борьбы крѣпко держатся связи съ сѣверомъ, съ Новгородомъ и Волжскою областью. Изъ положенія Смоленской области понятно, почему Смоленскъ служилъ постоянно поводомъ къ спору между сѣверо-восточною, или Московскою, и юго-западною, или Литовскою Русью; почему ни московское, ни литовское (польское) правительства не могли успокоиться, не имѣя въ своихъ рукахъ Смоленска. Граница Смоленскаго княжества шла на сѣверѣ между притоками Ловати и Торопою, далѣе отъ Торопца къ Верхней Волгѣ у Ржева; восточная граница шла отъ Ржева мимо Зубова къ верховьямъ Москвы-рѣки и Протвы около Можайска, потомъ поворачивала къ западу водораздѣломъ между системою Днѣпровскою и Окскою, между Угрюю и Днѣпромъ, между Десною и Сожью; южную границу съ Черниговскою и Киевскою областями опредѣлить можно впаденіемъ рѣки Прони въ Сожь; на западъ границу составлялъ Днѣпръ до Орши, и далѣе на сѣверъ — линія черезъ Двину между Суражемъ и Велижемъ къ Торопцу. Изъ обозначенія этихъ границъ видно, что Смоленское княжество, кромѣ области Кривичей, заключало въ себѣ также и область Радимичей, жившихъ на

жесть былъ бросается па волости Святославичей, сперва на Курскъ, потомъ на Муромъ. Я не могу, какъ дѣлаетъ г. Погодинъ, допустить, чтобы на Любечскомъ сѣздѣ могли быть еще какія-нибудь другія распоряженія, кромѣ означенныхъ въ лѣтописи: ибо основаніемъ распорядка прямо поставлены — отчужденіе и распоряженія в. кн. Всеволода, и если Курскъ отданъ былъ тогда Святославичамъ, то ясно, что онъ — ихъ отчужденный городъ, иначе это прямо противорѣчило бы основному распорядку; за Смоленскъ Курска давать было также не для чего, ибо Смоленскъ переходилъ къ Мономаху, какъ отцовскій городъ, на основаніи распорядка; вознаграждать Олега было также не для чего, потому что побѣжденный, лишеныя въ себѣ своихъ волостей, князь доволенъ былъ и тѣмъ, что его вводили въ отцовское владѣніе.

¹⁾ Г. Погодинъ (Розыск. о гор. и пред. древн. Русск. Княж. Ж. М. В. Д.) несправедливо отчисляетъ Курскъ къ Переяславскому княжеству: этотъ городъ былъ при великихъ князьяхъ Мстиславѣ и Ярополкѣ Владиміровичахъ только во временномъ владѣніи у Мономаховичей, прежде же и послѣ принадлежалъ черниговскимъ Ольговичамъ. Время, въ которое овладѣли Мономаховичи Курскомъ и другими посемскими городками, означено въ Лаврентьевскомъ спискѣ, стр. 130: «Мстиславъ же съ Ярополкомъ совокупиша воѣ, хотяще ити на Всеволода (Ольговича, Черниговскаго) про Ярославъ; и Всеволодъ послаша по Полощѣ. И приде ихъ 7 тысячъ съ Селукомъ (и съ Ташемъ), и сташа у Ратъмиръ Дубравы за Вырремъ. Послали бо бахуть нослы ко Всеволоду, и не пропустити ихъ опять, Ярополчи бо бахуть посадици по всей Семѣ, и Мстиславичи Ныяслава посадишъ Курскѣ». Потомъ, когда начались усобицы между Мономаховичами, Ольговичи, пользуясь случаемъ, стали требовать у Ярополка Курска и посемскихъ городовъ (Ипатьев. 13): «Ольговичи начаша прости у Ярополка: что ны отенъ держалъ при ватемъ отци, того же и мы хочемъ». Ярополкъ, проигравъ Сунойскую битву, принужденъ былъ уступить Ольговичамъ Курское; что здѣсь дѣло шло именно о Курскѣ съ Посемьемъ, — доказываетъ то, что съ этихъ поръ Курскъ находится во власти черниговскихъ князей; такъ въ Новгород. I-й, стр. 7, читаемъ: «Святославъ Олговичъ съвкупилъ всю землю Новгородскую, и брата своего приведе Гѣбѣ, Куряни съ Половци»; въ Ипатьев. стр. 17: «На Святославѣ Курьену». Что Курскъ съ Посемьемъ принадлежалъ Ольговичамъ, свидѣтельствуетъ также слѣдующее мѣсто (Ипатьев. 45): «И посла (Юрій Долгорукій) по Володиміра по Давидовича Чернигову, и приѣха Володиміръ къ Юргови и поклониса ему, и Святославъ Ольговичъ нача ему молити: «держими отчичю мою, и тогда вѣя Курскъ и съ Посемьемъ». См. въ моемъ сочин. «Исторія отношеній между русскими князьями Юрковича дома», стр. 144, 145 прилѣж. Послѣ г. Погодина (И. З. и Л. Т. IV, стр. 441) старался доказать принадлежность Курска къ Переяславскому княжеству извѣстіемъ подъ 1096 годомъ, что Ныяславъ Владиміровичъ Мономавичъ пришесть въ Муромъ изъ Курска; но изъ ближайшаго разсмотрѣнія обстоятельствъ открывается, что Ныяславъ долженъ былъ взять и Курскъ, волость Святославичей, точно такъ же, какъ занялъ Муромъ, потому что, по извѣстію Татищева (II, 157), онъ былъ выгнанъ Давидомъ Святославичемъ изъ Смоленска; въ такомъ случаѣ, разумѣется, онъ дол-

Сожп. Почва Смоленскаго княжества вообще плодородна, особенно половина, лежащая къ сѣверу отъ Днѣпра; это обстоятельство и выгодное положеніе на трехъ рѣчныхъ системахъ средъ главныхъ русскихъ областей необходимо условливали развитіе торговой промышленности у смольянъ и въ древнія времена.

Теперь обратимъ къ Великой Россіи, государственному ядру. Здѣсь первое мѣсто принадлежитъ области Верхней Волги, или Ростовской области. Главный городъ ея Ростовъ Великій ¹⁾, при самомъ началѣ Русской Исторіи, находится въ тѣсной связи съ Новгородомъ и его князьями: тѣ же заморскіе Варяги, которые брали дань на Новгородскихъ Славянахъ и на Чуди, берутъ ее и на Мери, финскомъ племени, жившемъ около Ростова; посадникъ Рюрика сидитъ въ Ростовѣ, причѣмъ не упоминается о походѣ, о покореніи; слѣдовательно болѣе чѣмъ вѣроятно, что Мери, подвргавшаяся вмѣстѣ съ новгородцами и Чудью варяжскому игу, вмѣстѣ съ ними свергла его, вмѣстѣ съ ними призвала князей. Такая тѣсная связь Ростова съ Новгородомъ и Чудью объясняется тѣмъ, что Бѣлоозеро связано съ Ростовомъ водною штыю; эта нить есть рѣка Шексна, которая вытекаетъ изъ Бѣлоозера и впадаетъ въ Волгу у нынѣшняго Рыбинска; Ростовъ же находится при озерѣ Неро, изъ котораго течетъ Которость, впадающая въ Волгу при Ярославѣ. Варяги, овладѣвшіе Бѣлоозеромъ, необходимо должны были спуститься внизъ по Шекснѣ къ Волгѣ, отсюда внизъ по Волгѣ до Которости и ею вверхъ до Ростова. Если этотъ водный путь служилъ для враждебныхъ нападѣній, то онъ долженъ былъ также служить и для мирныхъ сношеній между Бѣлоозеромъ и Ростовомъ; отсюда объясняется постоянная, неразрывная связь между этими городами въ нашей исторіи, объясняется, почему Бѣлоозеро является волостью Мономаха, которому принадлежитъ Ростовъ съ Поволжьемъ; послѣдствіемъ Бѣлоозеро становится удѣломъ Ростовскаго княжества. Внизъ по Шекснѣ ходили въ Ростовскую Землю военные дружины и торговые лодки, вверхъ по ней шли изъ Ростовской Земли на Бѣлоозеро и мятежные волхвы, такъ сильно волновавшіе новообращенныхъ христіанъ сѣвера ²⁾.

Естественныя и вмѣстѣ историческія границы Ростовской области обозначаются съ сѣвера и сѣверо-запада границами новгородскихъ владѣній; при опредѣленіи послѣднихъ мы видѣли и сѣверо-западную границу Ростовской области; на сѣверѣ ея естественною границей ея служили Увалы ³⁾, от-

дѣляющіе систему Волги отъ системы Сѣверной Двины. Что же касается естественныхъ границъ Ростовской области съ востока, юга и юго-запада, то онѣ собственно должны совпадать съ границами Волжской системы; но это уже будутъ границы не Ростовской области, а Московскаго государства, котораго область есть преимущественно область Волги. Такимъ образомъ, мы видимъ, что историческое дѣленіе русской государственной области на части условливается отдѣльными рѣчными системами; ясно, что величина каждой части будетъ соответствовать величинѣ своей рѣчной области: чѣмъ область Волги больше области всѣхъ другихъ рѣкъ, тѣмъ область Московскаго государства должна быть больше всѣхъ остальныхъ частей Россіи, а естественно меньшимъ частямъ примыкать къ большей; отсюда понятно, почему и Новгородская озерная область, и Бѣлая и Малая Русь примкнули къ Московскому государству.

Итакъ, чѣмъ область Волги есть преимущественно область Московскаго государства, и Ростовская область будетъ только областью Верхней Волги. Прослѣдимъ же теперь распространеніе русской государственной области по Волжской системѣ и переходъ Ростовской области въ область великаго княжества Владимірскаго, и послѣдней—въ область Московскаго государства. Ростовъ былъ городомъ племени, и, если принимать извѣстіе лѣтописца, былъ одинокъ въ дѣлой обширной области, получившей отъ него свое названіе. Мы видимъ, что одною изъ главныхъ сторонъ дѣятельности нашихъ князей было построеніе городовъ. Это построеніе носитъ слѣды разсѣта, преднамѣреннаго стремленія, чѣмъ видно изъ положеній новыхъ городовъ и изъ разстояній ихъ одного отъ другого. Ярославль построенъ на важномъ пунктѣ, при устьи Которости въ Волгу, которая посредствомъ этого притока соединяется съ Ростовскимъ озеромъ. Потому мы видимъ стремленіе внизъ по Волгѣ; города строятся при главныхъ изгибахъ рѣки, при устьяхъ значительныхъ ея притоковъ: такъ построена Кострома при поворотѣ Волги на югъ, при впаденіи въ нее Костромы, Юрьевецъ-Поволжскій—при слѣдующемъ большомъ колѣнѣ, или поворотѣ Волги на югъ, при впаденіи въ нее Унжи; наконецъ Нижній Новгородъ—при впаденіи Оки въ Волгу. Здѣсь на время остановилось естественное стремленіе сѣверныхъ князей внизъ по Волгѣ, къ предѣламъ Азій. Нужно было вступить въ борьбу съ народонаселеніемъ, жившимъ по берегамъ Волги и ея притоковъ: отсюда необходимыя войны сѣверныхъ князей съ Болгарами и Мордвою; въ этой борьбѣ Русскіе остаются побѣдителями, видимо отбѣгаютъ варваровъ;

болотахъ у Ледовитаго океана. Западная часть Уваловъ идетъ между истоками Печоры и Камы, раздѣляетъ область Сѣверной Двины отъ области Верхней Волги и тянется на сто миль къ западу между городами—Вологдою на сѣверѣ и Костромью съ Ярославлемъ—на югѣ. Увалы простираются до Бѣлоозера, потомъ поворачиваютъ къ юго-западу и на юго-востокъ отъ Новгорода примыкаютъ къ Валдайскимъ возвышенностямъ.

¹⁾ Великій, въ отличіе отъ Малаго Ростова, или Ростовца. См. Полн. Соб. Русск. Лѣтоп. Т. I, стр. 75.

²⁾ Н. С. Р. Лѣтоп. Т. I, стр. 75.

³⁾ Отъ сѣверной части Средняго Урала, къ сѣверо-западу, между источниками Печоры и истоками Верхней Камы, идетъ холмистая страна, которая называется Увалами. Увалы раздѣляются на двѣ части, западную и сѣверную. Сѣверная тянется къ сѣверо-западу, раздѣляетъ двѣ рѣчныя системы—Печоры и Двины, и теряется въ

по тутъ Азія какъ будто собираетъ послѣднія силы для отпора опасному врагу, и высылаетъ толпы Татаръ. Основатель Нижняго-Новгорода, Юрій Всеволодовичъ, палъ въ битвѣ съ Татарами; движеніе Русскихъ внизъ по Волгѣ было надолго остановлено. При Дмитріи Донскомъ оно начинается снова; русскіе полки являютъ опять въ старинной Землѣ Болгарской; здѣсь загорается послѣдняя ожесточенная борьба между Европою и Азіею, — борьба, имѣющая важное значеніе не для одной Русской Исторіи. Азіатцы основываютъ въ Болгарской Землѣ крѣпкій оплотъ противъ стремленія Русскихъ, и въ лицѣ ихъ противъ Европы и христіанства; этотъ оплотъ — Казань. Послѣ долгой, упорной борьбы, Казань падаетъ предъ Иоанномъ IV. Какъ важна была Казань для Азіи, — видно изъ того, что, спустя неаного времени послѣ ея завоеванія, устье Волги, чрезъ покореніе Астрахани, уже находится въ рукахъ Русскихъ. Въ то же время русскія поселенія распространяются по Камской системѣ, которая такъ близка къ системѣ рѣкъ Сибирскихъ, причемъ переходъ чрезъ Уральскія горы, по ихъ незначительной высотѣ, былъ лепокъ, не замѣтенъ для русскихъ людей; уже при Иоаннѣ IV козаки развѣдываютъ путь въ Сибирь, причемъ главная ихъ дорога по рѣкамъ; при наслѣдникахъ Грознаго, Русскіе утверждаютъ здѣсь окончательно; малочисленные, разбросанные на огромныхъ пространствахъ дикіе народцы не могли выставить нмъ сильнаго сопротивленія; природа въ удобствѣ водныхъ сообщеній вездѣ дала предприимчивымъ русскимъ дружинамъ средство съ необыкновенной быстротой отыскивать и оныя земли для приведенія ихъ подъ высокую руку великаго государя, и скоро русскія грани касаются береговъ Восточнаго океана. Замѣтимъ также, что природа, отдѣливъ Сибирь отъ остальной Азіи пространными стенами Татаринъ, а съ востока и сѣвера опоясавъ уединенными океанами и направивъ теченіе большихъ рѣкъ ея къ сѣвернымъ тундрамъ, чрезъ это самое заставила ее смотрѣть исключительно на Западъ, образовала изъ нея нераздѣльную часть Европейской Россіи.

Кромѣ стремленія внизъ по Волгѣ, у сѣверныхъ князей было еще другое стремленіе, болѣе важное, именно — стремленіе на югъ, для соединенія съ юго-западною Русью, гдѣ находилась главная сцена дѣйствія. Мы назвали это стремленіе болѣе важнымъ потому, что хотя у князей это было только стремленіе къ югу, для соединенія съ Днѣпровскою Русью, однако на самомъ дѣлѣ это выходило исканіе центра, около котораго русскія области могли сосредоточиться. Стремленіе князей къ югу усматривается въ перенесеніи стола княжескаго изъ Ростова въ Суздаль; первый князь, который долженъ былъ остаться надолго въ Ростовской области, Юрій Владиміровичъ Долгорукій, живетъ уже не въ Ростовѣ, а въ Суздальѣ, городѣ южнѣйшемъ. Каково же положеніе этого города, и какъ вообще должно было совершаться это движеніе на югъ? И здѣсь,

какъ вездѣ въ нашей древней исторіи, водный путь имѣетъ важное значеніе. Самая ближайшая отъ Которости и отъ Ростовскаго озера рѣка къ югу есть Нерль, которая сама есть притокъ Клязьмы; такимъ образомъ, если слѣдовать рѣчнымъ путемъ, то послѣ Ростова южнѣе будетъ Суздаль на Нерли, потомъ южнѣе Суздаль является Владиміръ, уже на самой Клязьмѣ: такъ и сѣверные князья перенесли свои столы — изъ Ростова въ Суздаль, изъ Суздальа во Владиміръ. Здѣсь, въ послѣднемъ городѣ, столъ великокняжескій утвердился надолго, потому что сѣверные князья, достигнувъ этого пункта, презрѣвъ южною Русью, и все вниманіе обратили на востокъ, начали стремиться, по указанію природы, внизъ, по рѣкамъ — Клязьмою къ Окѣ и Окою къ Волгѣ. Положеніе Владиміра было очень выгодно для того времени, когда, послѣ нашествія Монголовъ, восточныя отношенія играли важную роль: Владиміръ лежитъ на Клязьмѣ, которая впадаетъ въ Оку тамъ, гдѣ эта рѣка принадлежитъ востоку. Здѣсь природа, со своей стороны, предлагаетъ также объясненіе, почему Владиміръ не могъ быть сосредоточивающимъ пунктомъ для русскихъ областей; положеніе его одно-сторонне: рѣка, на которой лежитъ онъ, стремится къ финскому сѣверо-востоку. Средоточіе было найдено вслѣдствіе опять того же стремленія къ югу, которымъ особенно отличался Юрій Долгорукій. Мы видѣли рѣчной путь отъ Ростова къ югу; но этотъ путь вель не прямо къ югу, а къ юго-востоку, тогда какъ для отысканія центра русскихъ областей нужно было уклониться къ юго-западу, что и сдѣлалъ Юрій Долгорукій, построившій на юго-западъ отъ Ростова, по пути въ Днѣпровскую Русь, города Переяславль-Залѣскій и Москву. Москва и была именно некимъ пунктомъ; это обозначилось тотчасъ же въ исторіи: въ первый разъ Москва упоминается въ 1147 году, по случаю свиданія Долгорукаго съ Святославомъ Сѣверскимъ. Москва лежитъ на рѣкѣ того же имени, которая течетъ между Волгою, Окою и Верхнимъ Днѣпромъ. Москва-рѣка впадаетъ въ Оку, такъ же какъ и Клязьма, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что Клязьма впадаетъ въ Оку тамъ, гдѣ она принадлежала финскому сѣверо-востоку, тогда какъ Москва впадаетъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ Ока, обращаясь къ востоку, передавала Москвѣ обязанность русскихъ соединеніемъ для сѣверныхъ и южныхъ русскія областей. Сосредоточивающій пунктъ долженъ былъ быть мѣстомъ соединенія сѣвера съ югомъ, но мѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ носить характеръ сѣверный, потому что на сѣвѣрѣ находились крѣпкія государственныя основы, которыхъ не было въ области собственной Оки, въ землѣ Вятичей, въ странѣ переходной, безъ опредѣленнаго характера, впрочемъ издавна примыкавшей къ южной

Руси, и потому болѣе на нее похожей. Замѣтимъ также, что Москва находилась прямо въ срединѣ между двумя племенами, изъ которыхъ главнымъ образомъ составилось народонаселеніе русское, между племенемъ славянскимъ и финскимъ.

Что касается природы московскаго центрального пространства, то оно представляетъ обширную открытую равнину, съ умѣренными климатомъ; эта равнина не вездѣ равно плодородна, и въ самыхъ плодородныхъ мѣстахъ уступаетъ южнымъ пространствамъ Имперіи; но за то она почти вездѣ способна къ обработанію, слѣд. вездѣ поддерживаетъ дѣятельность, энергію человѣка, побуждаетъ къ труду и вознаграждаетъ за него; а извѣстно, какъ подобныя природныя обстоятельства благоприятствуютъ основанію и развитію гражданскихъ обществъ. Было сказано, что эта область не вездѣ одинаково плодородна; сѣверная часть менѣе плодородна чѣмъ южная; это природное обстоятельство также очень важно, уловливая первоначальную промышленность, какъ главное занятіе для южнаго народонаселенія, и промышленность производящую для сѣвернаго, дополняя, слѣдовательно, одну часть другою, дѣлая ихъ необходимыми другъ для друга.

Область Москвы-рѣки была первоначальною областью Московскаго княжества, и въ первой дѣятельности московскихъ князей мы замѣчаемъ стремленіе получить въ свою власть все теченіе рѣки. Верховье и устье ея находились въ чужихъ рукахъ; слѣдовательно, область Московскаго княжества была заперта съ двухъ концовъ: верховье рѣки находилось во власти князей Можайскихъ-смоленскихъ, устье—во власти князей рязанскихъ; здѣсь ихъ былъ городъ Коломна. Отсюда понятно, почему первыми завоеваніями Москвы были Можайскъ и Коломна: князь Юрій Даниловичъ, только овладѣвъ этими двумя городами, могъ считать свою область вполне самостоятельною.

Мы видѣли, что распространеніе русскихъ владѣній слѣдовало теченію рѣкъ. Впервыхъ, оно шло озерною Новгородскою системою, потомъ системою Двины и Дѣбры къ югу или юго-западу, и, въ то же время, съ другой стороны, шло путемъ бѣлозерскимъ, по Шекснѣ, и далѣе къ югу, по системѣ Мологи къ Волгѣ, потомъ Волгою, и на югъ отъ этой рѣки къ Окѣ. Навстрѣчу этому движенію отъ сѣвера, которое, какъ видно, не шло далѣе Москвы, мы замѣчаемъ движеніе съ юга, по Деснѣ—притоку Дѣбры, и Окѣ—притоку Волги. Такимъ образомъ, первоначальное распространеніе преимущественно шло по огромной дугѣ, образуемой Волгою къ сѣверу, до впаденія въ нее Оки, и Дѣбромъ—къ югу; потомъ распространеніе происходило въ срединѣ дуги, съ сѣвера отъ Волги, и ему навстрѣчу съ юга отъ Дѣбры, причѣмъ оба противоположныя движенія сходились въ области Москвы-рѣки, гдѣ и образовался государственный центръ. Теченіе Оки отъ истоковъ ея до устья Москвы-рѣки, и потому вѣстѣ съ теченіемъ послѣдней, имѣло важное истори-

ческое значеніе, потому что служило посредствующею водною нитью между сѣвѣрною и южною Русью. Такъ какъ движеніе съ юга, отъ Дѣбры вверхъ по Деснѣ и ея притокамъ, шло отъ главной сцены дѣйствія, отъ Киевской области, то естественно было быстрое, чѣмъ противоположное ему движеніе съ сѣвера, изъ дикой, малонаселенной области Верхней Волги, и потому движеніе съ юга скоро переходить изъ области Десны въ область Оки, и владѣнія черниговскихъ Святославичей обнимаютъ равно обѣ эти области; этому скорому переходу изъ одной рѣчной области въ другую благоприятствовала близость источниковъ и притоковъ обѣихъ рѣкъ, хотя въ древности водораздѣлъ между системами Десны и Оки служилъ границею двухъ племенъ—Сѣверянъ и Витичей. Близость областей, Окской и Деснинской, или, принимая обширнѣе, Волжской и Дѣбровской, и, вѣдѣвие того, раннее ихъ политическое соединеніе были важнымъ препятствіемъ къ раздѣленію сѣверо-восточной или Московскаго Руси съ юго-западною, Литовскою: вотъ почему волокъ между Угрой и Дѣбромъ, собственно разграничивающій область Дѣбры отъ Окской, не могъ долгое время служить границею между обѣими половинами Руси, хотя Литва и стремилась здѣсь утвердить границу. Область Нижней Оки, отъ впаденія Москвы-рѣки до Мурома, и отчасти область Верхняго Дона досталась младшему изъ сыновей Святослава Черниговскаго, Ярославу, изгнанному изъ Чернигова племянникомъ Всеволодомъ Ольговичемъ; эта область раздѣлялась впоследствии на два княжества—Рязанское и Муромское, которые, будучи оторваны отъ Черниговской области по условіямъ историческимъ и находясь въ связи съ Ростовскою областью по условіямъ географическимъ, съ самаго начала находятся въ болѣе или менѣе сильной зависимости отъ послѣдней.

Область Дона долго находилась въ русской исторической сценѣ, хотя, по близости окскихъ притоковъ къ Верхнему Дону и его притокамъ, владѣнія рязанскія съ одной стороны и черниговскія—съ другой необходимо должны были захватывать и Донскую систему¹⁾; Донъ оставался степною рѣкою (какъ онъ и есть по природѣ береговъ своихъ) почти до самаго XV вѣка, т.-е. до усиленія Московскаго государства, которое на берегахъ его, въ XIV вѣкѣ, одержало первую знаменитую побѣду

¹⁾ Изъ рязанскихъ городовъ на Донской системѣ до половины XIII вѣка упоминается только Воронежъ подъ 1177 годомъ; но сомнительно, упоминается ли здѣсь городъ: въ Лаврентьевскомъ спискѣ стоитъ: «Бѣхавше (рязанцы) въ Вороножь»: но въ древнѣйшемъ Ипатьевскомъ: «Бѣхавше Вороножь»; невѣстно, слѣдовательно, какой предлогъ былъ въ подлинникѣ—*съ* или *на*, причѣмъ послѣдній означалъ бы только рѣку Воронежъ, на которой князь Ярополкъ могъ стоять съ рязанскимъ отрядомъ для наблюденія за Половцами, тѣмъ болѣе что для означенія движенія къ городу употребительнѣе былъ звѣстный предлогъ безъ предлога: «Бѣхавше Вороножь». Въ концѣ XIII вѣка упоминаются на Донской системѣ два княжества, принадлежащая Святославичамъ Черниговскимъ

надъ Азією, въ лицѣ Монголовъ¹⁾. Заселеніе донскаго и волжскаго степнаго пространства принадлежить Московскому государству²⁾.

Наконецъ, природа страны имѣетъ важное значеніе въ исторіи по тому вліянію, какое оказываетъ она на характеръ народный. Природа роскошная, съ лихвою вознаграждающая и слабый трудъ чело-вѣка, усыпляетъ дѣятельность послѣдняго, какъ тѣлесную, такъ и умственную. Пробужденный разъ вспышкою страсти, онъ можетъ оказать чудеса, особенно въ подвигахъ силы физической; но такое напряженіе силъ не бываетъ продолжительно. Природа, болѣе скупая на свои дары, требующая постояннаго и нелегкаго труда со стороны чело-вѣка, держитъ послѣдняго всегда въ возбужденномъ состояніи: его дѣятельность непорывиста, но постоянна; постоянно работаетъ онъ умомъ, неуклонно стремится къ своей цѣли; понятно, что народонаселеніе съ такимъ характеромъ въ высшей степени способно положить среди себя крѣпкія основы государственнаго быта, подчинить своему вліянію племена съ характеромъ противоположнымъ. Съ другой стороны, роскошная, щедрая природа, богатая растительность, пріятный климатъ — развиваютъ въ

народѣ чувство красоты, стремленіе къ искусствамъ, поэзіи, къ общественнымъ увеселеніямъ, что естественно дѣйствуетъ на отношенія двухъ половъ: въ народѣ, въ которомъ развито чувство красоты, господствуетъ стремленіе къ искусству, общественнымъ увеселеніямъ, въ такомъ народѣ женщина не можетъ быть исключена изъ общества мужчинъ. Но среди природы относительно небогатой, однообразной, и потому невеселой, въ климатѣ, относительно суровомъ, среди народа постоянно дѣятельнаго, занятаго, практическаго — чувство изнищанаго не можетъ развиваться съ успѣхомъ; при такихъ обстоятельствахъ характеръ народа является болѣе суровымъ, склоннымъ болѣе къ полезному, чѣмъ къ пріятному; стремленіе къ искусству, къ украшенію жизни слабѣе, общественныя удовольствія матеріальныя, а все это вмѣстѣ, безъ другихъ постороннихъ вліяній, дѣйствуетъ на исключеніе женщины изъ общества мужчинъ, что, разумѣется, въ свою очередь, приводитъ еще къ болѣе суровости нравовъ. Все сказанное прилагается, въ известной мѣрѣ, къ историческому различію въ характерѣ южнаго и сѣвернаго народонаселенія Руси.

Глава II.

Постепенное распространеніе свѣдѣній о сѣверо-восточной Европѣ въ древности. — Бытъ народовъ, здѣсь обитающихъ. — Скифы. — Агатиры. — Новры. — Андрофаги. — Меланхлены. — Будины. — Геловы. — Тавры. — Сарматы. — Вастары. — Алапы. — Греческія колоніи на сѣверномъ берегу Понта. — Торговля. — Характеръ азіатскаго движенія.

Нашъ лѣтописецъ начинаетъ повѣсть свою о Русской Землѣ съ тѣхъ поръ, какъ слово Русь стало известно Грекамъ; историкъ русскій, который захочетъ углубиться въ отдаленныя времена, узнать что-нибудь о первыхъ извѣстныхъ обитателяхъ нашего отечества, долженъ также обратиться къ Грекамъ, начать съ тѣхъ поръ, какъ впервые имена этихъ обитателей появились въ извѣстіяхъ греческихъ.

Во времена Гомера греческіе корабли не смѣли еще плавать по Черному морю. Тогда смотрѣли

¹⁾ Ливны, Лобедань, Елецъ, Воропежъ называются въ VII вѣкѣ степными, или польскими городами.

²⁾ Говоря о важномъ значеніи рѣкъ въ нашей исторіи, мы должны замѣтить еще одно обстоятельство, а именно, то рѣки, теперь мелководныя и несудоходныя, въ древности были многоводны и способны къ судоходству; такъ напр. Стугна, теперь небольшая рѣка въ 60 верстъ длиною, падающая въ Двѣпръ съ правой стороны у Триполья, въ настоящее время совершенно не судоходна, но прежде была чель важна: по ней св. Владиміръ строилъ города, и въ ней находятъ остатки большихъ судовъ. И въ другихъ малороссійскихъ рѣкахъ, которыя теперь несудоходны, аходятъ остатки большихъ судовъ изъ глубокой древности, напр. въ Сулѣ, Вореклѣ, Хоролѣ и другихъ. Утверждаютъ, что рѣка Трубежъ въ продолженіи тридцати пяти лѣтъ пересохла на девять верстъ; въ Трубежѣ также находятъ остатки большихъ судовъ, хотя теперь эта рѣка несудоходна.

на это море какъ на океанъ, границу обитаемой земли, считали его самымъ большимъ изъ всѣхъ морей, и потому дали ему названіе Понта, моря по преимуществу. Долго берега Понта считались негостепріимными по дикости ихъ народонаселенія, и море слыло аксиейю (негостепріимнымъ), пока Іоническія колоніи (750 л. до Р. Х.) не заставили перемѣнить это имя на пріятно-звучащее евксинию (гостепріимное). Во времена Гезіода свѣдѣнія Грековъ распространились: сѣверные берега Понта выдвинулись въ отдаленіи, покрытые туманами, представлявшими воображенію древнихъ странные образы: то была баснословная область, храниющая драгоценностей, обитель существъ необыкновенныхъ. Какъ естественно было ожидать, поэты овладѣли чудесною страной и перенесли туда мифы, сеною которыхъ считались прежде берега морей ближайшихъ³⁾. Одинъ изъ нихъ, Аристей, самъ захотѣлъ посѣтить таинственный берегъ, и его поэмы, или по крайней мѣрѣ выдаваемые подъ его именемъ, распространили географическія свѣдѣнія древнихъ. По Аристее⁴⁾, на берегахъ Понта

³⁾ *Geographie der Griechen und Römer* von F. A. Ukert, III, 18.

⁴⁾ Геродотъ, IV, 12, 13.

жили Киммеріане, къ сѣверу отъ нихъ Скины, за Скиаами—Исседоны, до которыхъ онъ доходилъ. Потомъ о дальнѣйшихъ странахъ начинались рассказы дѣтски-легковѣрныхъ путешественниковъ, кунцовъ, подобныхъ нашему Повгороду Гурятѣ Роговичу ¹⁾: за Исседонами къ сѣверу жили Армасны, одноглазые люди; далѣе за Армаснами грифы стерегли золото, и еще далѣе на сѣверъ жили блаженныя Гиперборей. Встрѣчаемъ древнія, темныя преданія о нашествіяхъ Киммеріанъ и Скивовъ на Азію; вѣрнѣе, хотя не во всѣхъ подробностяхъ, извѣстія о походѣ Персидскаго царя Дарія Гистасна противъ Скивовъ въ 513 году до Р. Х. Между тѣмъ сѣверные берега Понта остаются попрежнему любимой страной поэтовъ: извѣстія о нихъ встрѣчаемъ у Эсхила, Софокла и Еврипида. Возможность получать о нихъ свѣдѣнія увеличили — обширная торговля колоній и множество рабовъ, приводимыхъ въ Грецію съ сѣверныхъ береговъ Понта и потому носившихъ имя Скивовъ ²⁾; но понятно, какою вѣрностью и точностью должны были отличаться извѣстія, почерпаемая изъ такихъ источниковъ. Вотъ почему такъ драгоценны для насъ свѣдѣнія, сообщаемыя Геродотомъ, особенно тамъ, гдѣ онъ говоритъ какъ очевидецъ. Геродоты извѣстія точнѣе относительно страны, обитаемой Скиаами; но о странахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ послѣднихъ, онъ столько же знаетъ, сколько и его предшественники, т. е. и послѣ Геродота эта страна остается страной вымысловъ. Аристотель ³⁾ упрекаетъ Лонинянъ за то, что они цѣлые дни проводятъ на площади, слушая волшебныя повѣсти и рассказы людей, возвратившихся съ Фазиса (Ріона) и Борисеена (Днѣпра). Говоря о сѣвернѣе-сѣверо-востокѣ, обыкновенно прибавляли, что тамъ обитаютъ Скивы; послѣ Дарія Гистасна съ ними вошелъ во враждебныя столкновения Филиппъ Македонскій: онъ поразилъ Скиоскаго царя Атеаса и вывелъ въ Македонію большой полкъ — 20,000 человекъ мужчинъ и женщинъ; завоеванія Александра Македонскаго, оказавшія такія важныя услуги географіи открытіемъ новыхъ странъ и путей въ Южную Азію, не касались описываемыхъ нами странъ; съ европейской стороны маке-

донскія завоеванія не простирались далѣе Дуная. Больше сдѣлано при наслѣдникахъ Александра Тимѣй подробно говорилъ о Скивахъ и сѣверномъ Океанѣ; Клеархъ, ученикъ Аристотеля, написалъ сочиненіе о Скивахъ; все, что до сихъ поръ было извѣстно о сѣверѣ, собралъ Эратосеенъ.

Въ такомъ видѣ Греки передали Римлянамъ свои географическія познанія о сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Война съ Македоніею указала Римлянамъ берега Дуная; война съ Митридатомъ открыла путь къ сѣвернымъ берегамъ Понта. Ми тридцать, въ своихъ отчаянныхъ попыткахъ противъ римскаго могущества, старался вооружить и Италію всѣхъ дикихъ жителей степей отъ Дуна до Азовскаго моря. Во время Цезаря Верейст основалъ на берегахъ Дуная могущественное владѣніе Гетовъ, которое впрочемъ скоро раздѣлилось и ослабло. Овидій, посланный въ Томи, перечисляетъ окружныя народы — Гетовъ, Скивовъ, Сарматовъ, Языговъ, Вастарновъ; онъ не упоминаетъ о Дакахъ, которыхъ имя часто встрѣчается у Го рация; но на свидѣльствахъ поэтовъ трудно основываться: у нихъ одно народное имя идетъ за другое, древнее вмѣстѣ новаго. Причины, почему страны къ сѣверу отъ Понта не могли быть съ точностію изслѣдованы, приводитъ Страбонъ ⁴⁾ по Танаису (Дону), говоритъ онъ, мало что можно узнать выше устьевъ по причинѣ холода и бѣдности страны; туземцы, народы кочевые, питающіеся: молокомъ и мясомъ, могутъ сносить непріятный климатъ, но иностранцы — не въ состояніи; притомъ туземцы необщительны, свирѣпы и дикі, не пускаютъ къ себѣ иностранцевъ. — Вотъ почему и для Римлянъ эта страна оставалась украиною міра, которую покинули люди и боги ⁵⁾.

Но скоро сѣверные варвары начинаютъ нападать на римскія провинціи: въ 70 году по Р. Х. Роксоланы вступаютъ въ Мизію, но принуждены уйти оттуда съ большими потерями; потомъ Даки перешли Дунай, но были также отброшены назадъ. Даки были первый варварскій народъ, которому новеллгеди свѣта должны были платить дань при Домиціанѣ; Троянъ долженъ былъ вести кровопролитную войну съ предводителемъ ихъ Децебаломъ; императору удалось превратить Дакію въ римскую провинцію; многіе изъ Даковъ выселились, другіе мало-по-малу олатинились. Тацитъ восточными свѣдами Германцевъ полагаетъ Даковъ и Сарматовъ, сомнѣваясь, куда причислить Певциновъ, Венедовъ и Финновъ — къ Германцамъ или Сарматамъ. Вѣдствіе частыхъ столкновеній съ варварами, извѣстія объ отдаленныхъ странахъ и народахъ умножились; но эти извѣстія приносились воинами, кунцами; люди, которые хотѣли научнымъ образомъ составить изъ ихъ рассказовъ что-нибудь полное, сами не могли повѣрить чужихъ извѣстій, и поте-

¹⁾ Цели. Собр. Р. Лѣтоп. I, стр. 107: «Се же хощю сказати, яке слыхаша преже сихъ 4 лѣтъ, яке сказа ми Гурята Роговичъ Новгородецъ, глагола сице: яко послахъ отрокъ свой въ Печору, люди, яке сугъ данъ дающе Полугороду; и пришедшо отроку моему къ нимъ, и оттуда иде въ Югру. Югра-же людье есть языкъ чужъ, и сѣдять съ Самодѣлю на полуночныхъ странахъ. Югра же рѣкѣю отроку моему: днѣвлю мы находимъ чюдѣ, его же нѣсмь слышати преже сихъ лѣтъ: се же третье лѣто поча быти. Суть горы зайдуче луку моря, имъ же высота, яко до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличъ великъ и говорятъ, и сѣкутъ гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молятъ, и есть не разумѣти языку ихъ, но кажутъ на желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза; и аще кто дастъ имъ ножъ ли, или сѣкуру, даютъ скорою противу».

²⁾ Ukert, III, 28. — Въ Аоннахъ былъ полудейскій отрядъ пѣтъ Скивовъ.

³⁾ Ap. Athen. I, p. 6.

⁴⁾ XI, 493.

⁵⁾ ... regio pars ultima mundi, quam fugere homines Dique. Ovid. Trist. IV, 4, 34.

му писали наугадъ, произвольно, чему доказательствомъ служить сочиненіе Птоломея.

Изложивши въ немногихъ словахъ постепенное распространеніе свѣдѣній о странахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Понта, скажемъ нѣсколько подробнѣе о бытѣ народовъ, жившихъ въ этихъ странахъ, сколько о немъ знали древніе. Мы знаемъ, что имена господствовавшихъ здѣсь одинъ за другимъ народовъ—были Скионы и Сарматы, отъ чего и страна называлась Скиоіею, преимущественно у Грековъ, и Сарматіею—преимущественно у Римлянъ. Мы не можемъ позволить себѣ вдаваться въ вопросы о происхожденіи Скиоовъ, Сарматовъ и другихъ сошедшихъ имъ народовъ, не имѣя достаточнаго количества данныхъ въ извѣстіяхъ древнихъ писателей: чѣмъ ближе народы къ первоначальному быту, тѣмъ сходнѣе другъ съ другомъ въ обычаяхъ, правахъ, понятіяхъ; отсюда легкость, съ какою можно всякій младенчествующій народъ, по нѣкоторымъ чертамъ правовъ, обычаевъ и вѣрованій, причислить къ какому угодно племени; нѣсколько словъ, оставшихся намъ отъ языка этого народа, не могутъ вести также къ твердымъ выводамъ,—для выраженія нѣкоторыхъ предметовъ у всѣхъ племенъ найдутся общіе звуки. Мы войдемъ въ изслѣдованіе мифовъ и преданій о Скиоахъ и другихъ древнихъ народахъ только въ той мѣрѣ, въ какой они связываются съ послѣдующими историческими житіями, объясняя ихъ и взаимно объясняя другъ друга.

Оставя всѣ многочисленныя и противорѣчивыя толкованія о положеніи скиоескихъ рѣкъ и народовъ, упоминаемыхъ у Геродота ¹⁾, мы изъ его разсказа можемъ вывести слѣдующія несомнѣнныя заключенія: по Диѣпру—на западъ до самаго Диѣстра, на востокъ—очень на короткое разстояніе отъ берега, живетъ народонаселеніе земледѣльческое, или, по крайней мѣрѣ, переходное, которое хотя еще и не отстало отъ своихъ стенихъ обычаевъ и не привыкло къ хлѣбу, однако съѣтъ его какъ предметъ выгодной торговли; такимъ образомъ, щедрая природа странъ придиѣпровскихъ необходимо привела кочевника къ осѣдлости, или, по крайней мѣрѣ, заставляла его работать на осѣдлаго, европеискаго человѣка; но на довольно близкое разстояніе отъ восточнаго берега Диѣпра уже начинались жилища чистыхъ кочевниковъ, простирався до Дона и далѣе за эту рѣку; чистые кочевники господствуютъ надъ всею страной до самаго Диѣстра и Дуная на западъ, а за ними далѣе къ востоку, за Дономъ, живутъ въ горахъ степяхъ другіе кочевники, болѣе свирѣпыя, которые грозятъ новымъ нашествіемъ Придиѣпровью. Такимъ образомъ, восточное, степное народонаселеніе господствуетъ безпрятственно; Европа не высыластъ ему соперниковъ; ни съ сѣвера, ни съ юга, ни съ запада не обнаруживается никакого движенія, грозитъ движеніе съ одного востока и въ тѣхъ

же самыхъ формахъ—кочевники смѣняются кочевниками. У береговъ Понта, при устьяхъ большихъ рѣкъ, греческіе города построили свои колоніи для выгодной торговли съ варварами: быть-можетъ эти мирныя убѣжища гражданственности производили хотя медленное, но замѣтное въ исторіи вліяніе на послѣднихъ? Исторія показываетъ между Скиоами людей царскаго происхожденія, обильныхъ красотою греческихъ женщинъ и прелестями греческой цивилизаціи: они строятъ себѣ великолѣпные мраморные дворцы въ греческихъ колоніяхъ, даже ѣздятъ учиться въ Грецію, по гибнуть отъ рукъ единовѣрцевъ своихъ, какъ отступники отеческаго обычая; варварство въ полномъ разгулѣ на берегахъ Понта; не греческимъ купцамъ вступить съ нимъ въ борьбу и побѣдить его: для этого нужна большая матеріальная сила, для этого нужны другіе многочисленные, крѣпкіе народы и цѣлые вѣка медленнаго, но постояннаго движенія. Около греческихъ колоній живутъ смѣшанные народы, полу-Эллины и полу-Скионы; но что это? Скионы ли огречившіеся, или греческіе переселенцы, принявшіе скиоескіе обычаи, или наконецъ отрасли родственныя съ Греками оракійскихъ племенъ? На эти вопросы не даетъ отвѣта древность.

Но о Скиоахъ она знаетъ много подробностей. По свидѣтельству Геродота, Скионы считали себя младшимъ изъ народовъ и аборигенами въ землѣ своей: отъ брака верховнаго божества, которое Геродотъ называетъ по-своему Зевсомъ, на дочеря рѣки Ворисеена, родился въ пустынной странѣ челоѣкъ Таргитавсъ; у него было трое сыновей—Лейпоксаисъ, Арпоксаисъ и Коляксаисъ. При нихъ упали съ неба плугъ, воловье яго, стрѣлы и чаша—всѣ золотыя. Когда оба старшіе брата хотѣли дотронуться до этихъ вещей, то нашли ихъ оленными; только младшій братъ могъ взять ихъ въ руки и отнести въ свое жилище, вслѣдствіе чего старшіе передали ему царское достоинство. Отъ трехъ братьевъ пошли разныя скиоескія племена: отъ старшаго—Авхаты, отъ средняго—Катиары и Траопіи, отъ младшаго—царскіе, или Паралагы; всѣ они вообще носили имя Сколотовъ, а Греки называли ихъ Скиоами. Преданіе о томъ, что Скионы суть самый младшій изъ народовъ, указываетъ на смутное сознаніе о позднемъ появленіи ихъ на берегахъ Понта; но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло преданіе о странѣ, откуда они пришли, то явилось другое преданіе о происхожденіи Скиоовъ на берегахъ Диѣпра. Диѣпръ, виновникъ плодоносія береговъ своихъ, дающій нитаніе всему живущему на нихъ, необходимо явился участникомъ и въ произведеніи челоѣка: отъ дѣда по матери праотцу Скиоовъ; если небо участвовало непосредственно въ произведеніи праотца Скиоовъ, то оно же непосредственно научило его дѣтей средствамъ къ жизни: съ неба упали четыре орудія, четыре символа главныхъ занятій первобытнаго челоѣка—земледѣлія, скотоводства, винодѣлія и звѣрловства. Младшій братъ захватилъ ихъ себѣ, сталъ

¹⁾ См. книгу IV-ю 100-це.

распорядителемъ, раздавателемъ средствъ къ жизни, старшіе братья должны были смотрѣть у него изъ рукъ—вотъ символъ власти и подчиненія! Но почему же въ преданіи на долю младшаго брата выпала власть, на долю старшихъ — подчиненіе? Это указываетъ на историческій фактъ и объясняется мѣстомъ жительства царственныхъ, господствующихъ Скивовъ, Паралатовъ. Историческій фактъ—это покореніе Паралатами остальныхъ Скивовъ; происхожденіе Паралатовъ отъ младшаго брата указываетъ опять на то, что Паралаты пришли поздно съ востока, и потому остались кочевать на берегахъ Дона, подчинивъ себѣ племена, прежде пришедшія и поселившіяся далѣе на западѣ около Дибъра; скивское преданіе вполне объясняется послѣдующими явленіями, имѣвшими мѣсто въ этихъ странахъ: въ продолженіи многихъ вѣковъ мы видимъ здѣсь одинаковое явленіе, а именно, что поздно пришедшія съ востока орды подчиняютъ себѣ племена прежде пришедшія и утвердившіяся далѣе на западѣ.

У поитійскихъ Грековъ существовалъ другой мифъ о происхожденіи Скивовъ. Въ немъ говорится, что Гераклесъ пришелъ въ страну, заселенную послѣ Скивами и которая тогда была пуста. Тамъ застигла его буря и холодъ; онъ завернулся въ львиную кожу и заснулъ. Проснувшись, Гераклесъ увидалъ, что лошади, которыхъ онъ оставилъ пастись, исчезли; онъ началъ искать ихъ по всей странѣ, и когда пришелъ въ львиную припоитійскую область Гюлюю, то нашелъ въ пещерѣ чудовище, ехидну, полуженщину и полузмѣю. На спросъ Гераклеса ехидна отвѣчала, что лошади у нея, но что она не отдастъ ихъ до тѣхъ поръ, пока онъ не согласится имѣть съ нею связь; Гераклесъ принужденъ былъ исполнить ея желаніе; плодомъ этой связи было трое сыновей: Агатиресъ, Гелонъ и Скивъ, изъ которыхъ послѣдній, какъ самый достойный сынъ Гераклеса, остался обладателемъ страны и родоначальникомъ царей Скивскихъ. Этотъ мифъ есть видоизмѣненіе перваго: греческіе поселенцы привели своего странствующаго героя-полубога на сѣверные берега Понта; Скивія гордилась слѣдомъ стоны геркулесовой, какъ однимъ изъ чудесъ своихъ, и точно духъ Гречій оставилъ здѣсь много дивныхъ слѣдовъ, открываемыхъ теперь наукою. Въ пустынѣ Гераклесъ долженъ былъ сочтаться съ чудовищемъ ехидною, дочерью Бориссоена въ скивскомъ преданіи, и которой форма, равно какъ обитаніе въ пещерѣ Гюлейской, указываютъ на первобытное состояніе сѣверныхъ береговъ Понта, только что вышедшихъ изъ-подъ воды. Отъ этого страннаго брака греческаго героя съ чудовищемъ произошли варварскіе и полуварварскіе смѣшанные народы, ибо Гелоны, по утверженію Геродота, суть Эллины, поселившіеся среди Будиповъ. Въ этомъ мифѣ замѣчательно также для насъ сближеніе трехъ народовъ, Агатирсовъ, Гелоновъ и Скивовъ, какъ происшедшихъ отъ одного прародителя.

Кромѣ мифовъ, историкъ имѣетъ преданіе, которое онъ не усомнится принять за достоверное, если обратитъ вниманіе на положеніе страны и на событія, случившіяся уже на памяти историкъ: сѣверные берега Понта, открытая дорога между Европою и Азією, были по-этому самому изначала мѣстомъ столкновенія народовъ, изъ которыхъ одинъ вытѣснялъ другой изъ жилищъ его, или, по крайней мѣрѣ, подчинялъ его остаткіи своему господству. Такъ Аристей, по свидѣтельству Геродота, рассказывалъ, что на сѣверныхъ берегахъ Понта жили Киммеріане, къ сѣверу отъ нихъ Скивы, за ними Исседоны, за этими Аримасы (одноглазые), Гривы, и наконецъ у сѣвернаго океана Гипербореи. Послѣдніе оставались спокойны; но изъ остальныхъ тѣ, которые жили сѣвернѣе, вытѣсняли жившихъ на югѣ, такъ-что Киммеріане принуждены были совершенно оставить страну и уступить ее Скивамъ. У Геродота есть другое преданіе, что кочевые Скивы жили въ Азій, къ югу отъ Аракса; вытѣсненные Массегетами, они двинулись къ западу, въ страны Киммеріанъ. Это преданіе имѣетъ также много за себя для историка, потому что движеніе кочевыхъ народовъ шло постоянно отъ востока къ западу; притомъ же это преданіе нисколько не противорѣчитъ Аристеву: Скивы, изгнанные Массегетами, двинулись къ сѣверу-западу и заняли сперва страну, лежавшую къ сѣверу отъ Киммеріанъ; потомъ тѣснимые Исседонами, принуждены были двинуться къ югу ¹⁾ом

Относительно наружности Скивовъ представляюмъся у древнихъ бѣлокожими, краснолицыми, голубоглазыми, съ мягкими, длинными, жидкими, красна-желтыми волосами. Скивы были очень похожи другъ на друга, толсты, мясцсты; браки ихъ не отличались плодovitостью; нравы ихъ—нравы всѣхъ младенчествующихъ народовъ: они были страстны, вспыльчивы, лѣнивы; ихъ обычай—обычай всѣхъ кочевыхъ народовъ, какихъ еще и теперь много питаютъ степи Средней Азій; мужчины на лошадяхъ, женщины и дѣти въ кибиткахъ, запряженныхъ волами, перекочевывали съ одного пастбища на другое; пища ихъ—лошадье молоко и мясо. Какъ всѣ варварскіе народы, Скивы любили опьяняться дымомъ пахучихъ травъ, потомъ полюбили привозное изъ Гречій вино, и пили его чистое, мужчины и женщины, пили и медъ. На войнѣ Скивы отличались храбростью и жестокостью: сдирали кожу съ убитыхъ враговъ, пили изъ череповъ ихъ; рассказы о скивскихъ жестокостяхъ повели къ слуху, что они людоеды, питались даже мясомъ собственныхъ дѣтей своихъ. Сражались они конные и пѣшіе; особенно славились скивскіе стрѣльцы; стрѣлы намазывались ядомъ. Война считалась почетнѣйшимъ занятіемъ: кущи уважались меньше чѣмъ войны; итакъ между Скивами были кущи, были и земледѣльцы.

¹⁾ Что касается хронологіи Геродота, то на нее нельзя обращать большаго вниманія (См. Ukert, V, 268).

какъ мы видѣли; для насъ очень важно извѣстiе ⁽¹⁾, что Скиѣы позволяли каждому селиться на своихъ земляхъ и заниматься земледѣльемъ подлѣ условіемъ данн; такъ поступали всегда кочевники, которымъ не было дѣла до быта подвластныхъ имъ племенъ, лишь бы послѣднія исправно платили дань; это же извѣстiе объясняетъ намъ приведенное извѣстiе Геродота о Скиѣахъ, которые сѣяли хлѣбъ не для собственнаго употребленія, а на продажу: вѣроятно, они продавали хлѣбъ, чтобъ заплатить дань господствующему племени. Трудно рѣшить, одному ли владѣльцу повиновались Скиѣы, или многимъ; вождь на войнѣ былъ судеею въ мирное время. Скиѣя раздѣлялась на округи; въ каждомъ округѣ былъ особый начальникъ; для общаго собранія, вѣча, назначалось особое мѣсто. Различіе между знатными и черныя, между богатыми и бѣдными — существовало у Скиѣовъ; были у нихъ и рабы, которыхъ они ослѣпляли. Касательно религіи Геродотъ перечисляетъ названіе слѣдующихъ божествъ: Табити (Веста), Папайосъ (Зевсъ), Апія (Земля), Ойтосиръ (Аполлонъ), Арлімпаса (Афродита), Таммасадасъ (Посейдонъ); кромѣ того, упоминается о Геркулесѣ и Марсѣ. Табити (Веста), божество семьи, домашнего очага, пользовалось особеннымъ уваженіемъ, считалось народнымъ скиѣскимъ божествомъ. Покинувшись очагомъ, домашнимъ божествомъ начальника, считалось величайшею клятвой; ложная клятва этимъ божествомъ причиняла, по мнѣнію Скиѣовъ, болѣзнь начальнику. При кочевой жизни общественное богослуженіе не могло быть развито у Скиѣовъ: понятно, что у нихъ не могло быть храмовъ. Изображеніемъ Марса служила мечъ; этому божеству приносились годичныя жертвы, лошади и другія животныя, приносили въ жертву и плѣнныхъ, изъ ста — одного. Вѣдето жрецовъ и у Скиѣовъ, какъ у всѣхъ младенчествующихъ народовъ, видимъ толпу кудесниковъ, гадалелей; припонтійскія страны славились, какъ мѣстопробываніе чародѣевъ. — По смерти начальниковъ своихъ, Скиѣы погребали вмѣстѣ съ ними ихъ наложницъ, служителей, лошадей и разныя необходимыя для жизни вещи. — Изъ этихъ главныхъ чертъ скиѣскаго быта есть ли хотя одна, которой бы мы не нашли и у другихъ младенчествующихъ племенъ? У древнихъ, какъ и у новыхъ образованныхъ народовъ, между писателями иногда встрѣчаются различныя отзывы о варварскихъ племенахъ: одни, поборники своего образованнаго общества, выставляютъ бытъ варваровъ съ самой черной стороны; другіе, наоборотъ, будучи недовольны неспорченностью нравовъ, господствующею въ нѣкоторыя времена у образованныхъ народовъ, любятъ превозносить грубые нравы дикарей, возвышать ихъ до идеальной простоты и невинности. Такія противоположныя мнѣнія мы встрѣчаемъ у писателей и о Скиѣахъ: одни описываютъ грубость ихъ самыми черными красками, дѣлаютъ изъ нихъ

людоѣдовъ, пожирающихъ собственныхъ дѣтей; другіе превозносятъ чистоту, неспорченность ихъ нравовъ, доволство малымъ, и упрекаютъ Грековъ и Римлянъ въ развратѣ, который они внесли къ Скиѣамъ.

Касательно быта другихъ народовъ чуждаго происхожденія, но обитавшихъ подлѣ Скиѣовъ, остались извѣстія объ Агатирахъ, жившихъ къ западу отъ Скиѣовъ. Геродотъ называетъ ихъ самымъ изнѣженнымъ, женоподобнымъ народомъ, страстнымъ къ блестящимъ украшениямъ; жены были у нихъ въ общемъ пользованіи будто бы для того, чтобъ всѣмъ составлять одно семейство и тѣмъ избѣгать зависти и вражды; въ остальномъ бытъ ихъ былъ похожъ на бытъ Фракіянъ. Изъ народовъ, обитавшихъ къ сѣверу отъ Скиѣовъ, о Неврахъ ходили слухи, что они живутъ по скиѣски, и будто въ первѣстныя дни каждый Невръ обращался въ волка, — цовѣрье, сильно укорененное между восточнымъ народонаселеніемъ Европы. Андрофаги отличались необыкновенною дикостью, Меланхлены имѣли скиѣскіе нравы. О Вудинахъ до Геродота дошла, какъ видно, одна смутная слухи; можно почитать, что въ близкомъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ жили два различныя народа — Вудины и Гелоны: Вудины — кочевники, Гелоны — осѣдлые; у нихъ большой деревянный городъ; Геродотъ считаетъ Гелонъ греческимъ переселенцемъ. Къ югу отъ Скиѣовъ, въ пынѣшнемъ Крыму, обитали Тавры, народъ дикій и свирѣбный, живущій грабежемъ и войною; на крышкахъ домовъ ихъ, надъ печными трубами видѣлись шесты съ воткнутыми на нихъ головами плѣнниковъ: эти варварскіе трофеи охраняли домъ отъ всякаго зла, какъ жертва угодная божеству. Тавры приносили плѣнныхъ Грековъ въ жертву Дѣвѣ; имя божества дѣвы: у самыхъ Тавровъ — Орейлоха; Грекамъ казалась она то Ифигенією, то Артемидою. По природнымъ условіямъ полуострова, Тавры, подобно Скиѣамъ, раздѣлялись на кочевыхъ — сѣверныхъ и земледѣльческихъ — южныхъ.

Какъ на ясной памяти исторіи, въ пынѣшней южной Россіи господство одного кочевого народа смѣнялось господствомъ другого, жившаго далѣе на востокъ, такъ и въ древнія времена господство Скиѣовъ смѣнилось господствомъ Сарматовъ; но отъ этой перемены исторія столь же мало выиграла, какъ отъ смѣны Печенѣговъ Половцанъ; перемѣнились имена, отношенія остались прежнія, потому что бытъ народовъ, смѣнявшихъ другъ друга, былъ одинакій: и Сарматы, подобно Скиѣамъ, раздѣлялись на кочевыхъ и земледѣльческихъ, на господствующихъ и подчиненныхъ. Но древніе замѣтили и нѣкоторыя особенности у Сарматовъ; главная особенность состояла въ томъ, что у Сарматовъ женщины имѣли большую силу, отличались храбростію и мужескими упражненіями: это подало поводъ къ сказкѣ, что Сарматы произошли отъ совокупленія Скиѣовъ съ Амазонками; но у древнихъ писателей сохранилось также преданіе о происхож-

¹⁾ Strabo, VII, 306.

деній Сарматовъ изъ Мидіи, — преданіе, подтверждаемое теперь ¹⁾ наукою. Сарматы были бѣлокуры, свирѣпы на видѣ, носили длинные волосы и бороду, широкую одежду, расписывались по тѣлу разными узорами; вели кочевую жизнь; не умѣли сражаться пѣшикомъ, но на лошадахъ были неотразимы; отличились дикостью и жестокостью въ правахъ; поклонялись мечу, но другимъ извѣстіямъ — огню, и приносили въ жертву лошадей. Изъ сарматскихъ племенъ сильнѣйшими явились Языги на западѣ, въ нынѣшней Бессарабіи и Валахіи, отчасти въ Венгріи, и Роксоланы на востокѣ, между Дономъ и Днѣпромъ; подлѣ Сарматовъ, на западныхъ границахъ Скиіи и восточныхъ Германіи, упоминается особый сильный народъ, Вастарны, раздѣлявшійся на три поколѣнія — Атноновъ, Сидоновъ и Певциновъ. При первыхъ императорахъ Рима Роксоланы переходятъ Дунай и нападаютъ на области имперіи; при Адрианѣ Римляне принуждены были платить имъ ежегодно извѣстную сумму денегъ; послѣ могущество Роксоланъ и Языговъ ослабѣло вслѣдствіе усиленія Готовъ и потомъ Гунновъ. Незадолго до Рождества Христова, или въ первомъ вѣкѣ послѣ него, въ нынѣшней Европѣйской Россіи являются Аланы, пришедшіе, какъ говорятъ, изъ странъ прикавказскихъ; Римляне знали и этихъ страшныхъ враговъ на Дунаѣ вѣстѣ съ Готами; но часть ихъ въ соединеніи съ Вандалами бросилась на западъ, вѣстѣ съ Франками перешла Рейнъ, опустошила Галлію (гдѣ, какъ говорятъ, Алансонъ получила отъ нихъ свое имя), напала на Италію, Сицилію, Грецію, торгнулась въ Испанію и вѣроятно даже въ Африку. Большая часть племени оставалась впрочемъ въ странахъ прионитѣйскихъ до конца IV вѣка, когда Аланы на время смѣшались съ побѣдителями своими Гуннами; но въ VI вѣкѣ встрѣчаемъ ихъ опять между Дономъ и Волгою: здѣсь, равно какъ въ странахъ прикавказскихъ, византійскіе и арабскіе писатели упоминаютъ о нихъ въ продолженіи среднихъ вѣковъ. Къ какому племени приписать Алаговъ — объ этомъ еще спорятъ изслѣдователи; есть основанія считать ихъ Германцами; для насъ впрочемъ и Аланы, каково бы ни было ихъ происхожденіе, остаются народомъ не-историческимъ, потому что ихъ дѣятельность не отличается ничѣмъ отъ дѣятельности ихъ предшественниковъ: ихъ слѣды также пропали въ нашихъ степяхъ.

Мы упоминали уже о греческихъ колоніяхъ на сѣверномъ берегу Понта. Самую значительную изъ нихъ была здѣсь Ольвія (Ворисонъ, Милетополь), основанная Милезійцами за 655 лѣтъ до Р. Х., при устьи Гипаниса, или Буга. Старый городъ былъ разрушенъ Гетами въ половинѣ послѣдняго

вѣка до Р. Х., потомъ, при участіи Скивовъ, Ольвія была восстановлена, но не достигла прежняго богатства и великолѣпія; старый городъ, по Геродоту, имѣлъ предмѣстье, рынокъ, дворецъ Скиоскаго царя Сколеса; но по надписямъ видно, что въ немъ былъ гимназіумъ, хлѣбный складочный магазинъ, базаръ, рыбный рынокъ, карабельныя верфи. Скивы производили здѣсь торговлю посредствомъ семи толмачей; Ольвія имѣла обширныя торговныя связи съ греческими городами до самой Сициліи. Главнымъ храмомъ считался храмъ Юпитера Ольвійскаго, гдѣ граждане собирались для совѣщаній; но изъ божествъ особеннымъ уваженіемъ пользовался Ахиллесъ, пѣвцу котораго, Гомеру, также воздавались божескія почести. Въ странѣ варварской жители Ольвіи не могли сохранить въ чистотѣ греческаго языка; они переняли также и скиоскую одежду, въ которой преобладали черныя цвѣты. Вѣрную картину быта греческихъ колонистовъ можно видѣть въ рассказѣ Діона Хрисостома, который въ Ольвіи искалъ убѣжища отъ преслѣдованій Домціана. Когда жители Ольвіи увидели заморскаго оратора, то съ греческою жадностью бросились послушать его рѣчи: старики, начальники усѣлись на ступеняхъ юпитерова храма; толпа стояла съ напряженнымъ вниманіемъ. Діонъ восхитился античнымъ видомъ своихъ слушателей, которые въѣхъ, подобно Грекамъ Гомера, были съ длинными волосами и съ длинными бородами, но всѣ они были также вооружены: наканунѣ толпа варваровъ показала передъ городомъ, и въ то время, когда Діонъ произносилъ свою рѣчь, городскія ворота были залепты и на укрѣпленіяхъ развѣвалось военное знамя; когда же нужно было выступить противъ варваровъ, то въ рядахъ колонистовъ раздавались стихи Илиады, которую почти всѣ Ольвіополиты знали наизусть ²⁾. Время паденія новой Ольвіи трудно опредѣлить. Кромѣ Ольвіи, важными поселеніями греческими были — Пантикалея (около Керчи), служившая мѣстопробываніемъ босфорскимъ царямъ; потомъ Фанагорія, которую полагаютъ подлѣ Тамани; кромѣ того, по берегамъ и во внутренности страны было много другихъ торговыхъ мѣстъ. Постоянная опасность со стороны варваровъ заставила всѣ эти города вѣрить правленію одному начальнику, вслѣдствіе чего произошло Босфорское царство. Война оборонительная влекла босфорскихъ владѣльцевъ и къ наступательной; они покорили своей власти разные окрестныя варварскіе народы. Какъ начальники греческихъ городовъ, носили они названіе архонтовъ, или игомоновъ; какъ владѣльцы варварскихъ народовъ — назывались василевсами, или этнархами. Такимъ образомъ, на берегахъ Понта, гдѣ сталкивалось столько разноплеменныхъ и разнообычныхъ народовъ, издавна являются странная, смѣшанная владѣнія, какимъ въ древности было Босфорское царство, въ позднѣйшія времена Казарское. Самую тѣсную связь

¹⁾ Діодоръ Сицилійскій (говоритъ II, 43), что Сарматы были мидійская колонія, выведенная скиоскими царями на берега Дона. Плиній (Hist. nat. VI, с. 7, § 19) подтверждаетъ это извѣстіе — *Sarmatae Medorum, ut ferunt, soboles*. Бекъ подтверждаетъ это теперь лингвистически. Inscript. gr. 11, pars XI, p. 110.

²⁾ Dionis Crisostomi Orationes, LXXX.

съ нашею исторією имѣеть богатая греческая колоція на Таврическомъ полуостровѣ (гдѣ теперь Севастополь) Херсонесъ (Херсонъ, Корсунъ).

Существованіе многихъ торговыхъ цвѣтущихъ поселеній предполагаетъ обширную торговлю. Главнымъ предметомъ вывоза съ сѣверныхъ береговъ Понта и въ древности, какъ теперь, былъ хлѣбъ, за нимъ слѣдовала рыба, потомъ воскъ, медъ, кожи, мѣха, шерсть, лошади; рабы, какъ было сказано выше, составляли также одну изъ значительныхъ отраслей поитійской торговли. Привозъ состоялъ въ выдѣланныхъ кожахъ, которые въ громадномъ видѣ были вывезены отсюда же, въ одеждѣ, маслѣ, винѣ, произведеніяхъ искусствъ.

Мы видѣли, что, несмотря на столкновение разныхъ народовъ у береговъ поитійскихъ, несмотря на ихъ движенія и борьбы, въ страхахъ этихъ, во все продолженіе такъ-называемой древней исторіи, господствуетъ мертвенное однообразіе: смѣнялись имена народовъ, но бытъ ихъ оставался одинаковъ. Только однажды однообразіе этого пустыннаго міра было нарушено движеніемъ историческаго народа, походомъ Персидскаго царя Дарія Истаспа; преданія объ этомъ походѣ любопытны для историка, потому что даютъ понятіе о свойствахъ страны и народовъ въ ней обитавшихъ. За 513 лѣтъ до Р. Х., съ 700 или 800,000 войска и 600 кораблей переправился Персидскій царь черезъ еракійскій Босфоръ, по великолѣпному мосту, въ Европу и вступилъ въ Скиюю. Скионы не встрѣтили колѣчищъ персидскихъ, но стали удаляться въ глубь страны,

засыпая на пути колодцы, источники, истребляя всякое произрастеніе; Персы начали кружить за ними. Утомленный безплодною погонею, Дарій послалъ сказать Скиескому царю: „Странный человекъ! зачѣмъ ты бѣжишь все дальше и дальше? Если чувствуешь себя въ силахъ сопротивляться мнѣ, то стой и бейся; если же пѣтъ, то остановись, подпеси своему повелителю въ даръ землю и воду, и вступи съ нимъ въ разговоръ“. Скионъ отвѣчалъ: „Никогда еще ни передъ однимъ человекомъ не бѣгалъ я отъ страха, не побѣгу и передъ тобою; что дѣлаю я теперь, то привыкъ дѣлать и во время мира; а почему не бьюсь съ тобою, тому вотъ причины: у насъ нѣтъ ни городовъ, ни хлѣбныхъ полей, и потому намъ нечего биться съ вами изъ страха, что вы ихъ завоюете или истребите. Но у насъ есть отцовскія могилы: попробуйте ихъ разорить, такъ узнаете—будемъ ли мы съ вами биться, или нѣтъ“. Однѣ кости мертвецовъ привязывали Скионы къ землѣ, и ничего кромѣ могилъ не оставилъ онъ въ историческое наслѣдіе племенамъ грядущимъ. Персы увидали, что зашли въ страну могилъ,—и обратились назадъ ²⁾.

Вторженіе Персовъ въ Скиюю не произвело ничего, кромѣ ускореннаго движенія ея обитателей; попытки Мигридата возбудить востокъ, мѣръ варваровъ противъ Рима, остались тщетными. Движенія изъ Азии не могли возбудить исторической жизни въ странахъ поитійскихъ; но вотъ слышится преданіе о противоположномъ движеніи съ запада, изъ Европы, о движеніи племенъ, давшихъ стращъ исторію.

Глава III.

Славянское племя.—Его движеніе.—Веды Тацита.—Анты и Сербы.—Движеніе Славянскихъ племенъ по русскому началому лѣтописцу.—Родовой бытъ Славянъ.—Города.—Нравы и обычаи.—Готскіе преданія.—Обращеніе съ племенами.—Бракъ.—Пограбленіе.—Жилища.—Образъ веденія войны.—Религія.—Финское племя.—Литовское племя.—Ятвяги.—Готское движеніе.—Гуны.—Авары.—Козары.—Варяги.—Русь.

Славянское племя не помнитъ о своемъ приходѣ изъ Азии, о вождѣ, который вывелъ его оттуда, но оно сохранило преданіе о своемъ первоначальномъ пребываніи на берегахъ Дуная, о движеніи оттуда на сѣверъ, и потомъ о вторичномъ движеніи на сѣверъ и востокъ, влѣдствие натиска какого-то сильнаго врага. Это преданіе заключаетъ въ себѣ фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію: древнее пребываніе Славянъ въ придунайскихъ странахъ оставило ясныя слѣды въ мѣстныхъ названіяхъ ¹⁾; сильныхъ враговъ у Славянъ на Дунаѣ было много: съ запада Кельты, съ сѣвера Германцы, съ юга Римляне, съ востока азіатскія орды; только на сѣверо-востокъ открытъ былъ свободный путь, только на сѣверо-востокѣ славянское племя могло найти

себѣ убѣжище, гдѣ, хотя не безъ сплывыхъ препятствій, успѣло основать государство и укрѣпить его въ уединеніи, вдалекѣ отъ сильныхъ натисковъ

²⁾ Гротъ въ своей Греческой Исторіи (History of Greece, vol. IV, p. 362) произнесъ, думаемъ, вполне вѣрное сужденіе объ этомъ походѣ въ слѣдующихъ словахъ: «Here (на берегахъ Дуная) we reenter the world of reality, at the north bank of the Danube the place where, we before quitted it. All that is reported to have passed in the interval, if tried by the teste of historical matter of fact, can be received as nothing better than a perplexing dream. It only acquires value when we consider it as an illustrative fiction, including, doubtless, some unknown matter of fact, but framed chiefly to exhibit in action those unattackable Nomads who formed the northeastern barbarous world of a Greek, and with whose manners Herodotus was profoundly struck. The protracted and unavailing chase ascribed to Darius who can neither overtake his game nor use his arms, and who hardly even escapes in safety, embodies in detail this formidable atri-

¹⁾ См. Шафар. Слп. Дровн., переводъ О. Бодляскаго, Т. I, кн. I, стран. 104.

и вліяній Запада, до тѣхъ поръ пока оно, собравши силы, могло уже, безъ опасенія за свою независимость, выступить на попрѣще и обнаружитъ съ своей стороны вліяніе и на востокъ и на западъ.

Вотъ это преданіе о первоначальномъ мѣстѣ жительства Славянъ и движеніяхъ ихъ, какъ оно читается у нашего русскаго лѣтописца ¹⁾: „спустя много времени послѣ Вавилонскаго столпотворенія, сѣли Славяне по Дунаю, гдѣ теперь Земля Венгерская и Болгарская. Отъ тѣхъ Славянъ разошлись по землѣ племена и прозвались своими именами гдѣ которое племя сѣло на какомъ мѣстѣ: одни пришли и сѣли на рѣкѣ именемъ Морава, и прозвались Моравами, другія назвались Чехами; а вотъ тоже Славяне—Хорваты Бѣлые, Сербы и Хорутане. Когда Волхи нашли на Славянъ дунайскихъ, поселились среди нихъ и начали насильничать, то тѣ Славяне (т.-е. Моравы и Чехи) двинулись, сѣли на Вислѣ рѣкѣ и прозвались Ляхами, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвались Поляне (Поляки), къ племеню же Ляховъ принадлежатъ Лутичи, Мазовшане и Поморяне. Также и эти Славяне (т.-е. Хорваты Бѣлые, Сербы и Хорутане) двинулись и сѣли по Днѣпру“ и проч. Довольствуясь достовѣрностію явленія, мы не станемъ входить въ изслѣдованіе вопроса о томъ, кто былъ этотъ могущественный врагъ, потѣснившій Славянъ изъ подунайскихъ жилищъ ихъ. Писатели перваго вѣка нашего лѣтоисчисленія знаютъ Славянъ подъ именемъ Венедовъ около Вислы, между племенами сарматскими, финскими и германскими; встрѣчается у нихъ и имя Сербовъ далѣе къ востоку ²⁾. Краткія указанія о бытѣ Славянъ—Венедовъ впервые встрѣчаемъ у Тацита: Тацитъ сначала обнаруживаетъ сомнѣніе, къ какимъ племенамъ причислить Венедовъ—къ германскимъ или сарматскимъ. Они много приняли изъ сарматскихъ нравовъ, говоритъ онъ, потому что какъ разбойники скитаются по странѣ, лежащей между Невдианами и Финнами. Изъ этихъ словъ мы видимъ, что въ глазахъ Тацита

bute of the Scythian Nomads That Darius actually marched into the country, there can be no doubt. Nothing else is certain, except his ignominious retreat out of it to the Danube; for of the many different guesses, by which critics have attempted to cut down the gigantic sketch of Herodotus into a march with definite limits and direction, not one rests upon any positive grounds, or carries the least conviction. We can trace the pervading idea in the mind of the historian, cannot find out what were his substantive data.

¹⁾ Поли. Собр. Русск. Лѣт. 1. 3: «По мнѣзѣхъ же времѣнѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеву, гдѣ есть нынѣ Угорская земля и Болгарская. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидоша по землѣ и прозвашася именѣи своими, гдѣ сѣдоша на которомъ мѣстѣ: яко приидеши сѣдоша на рѣкѣ именемъ Морава, и прозвашася Моравы; а другіи Чехи нарѣкошася; а се тѣже Словѣни, Хрватѣ Вѣли, и Сербы, и Хорутане. Волхоу бо нашедшимъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдошомъ въ нихъ и насильщемъ имя, Словѣни же ови приидеши сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхоу, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхово друзіи Лутичи, ни Мазовшане, ни Поморяне. Также и ти Словѣни приидеши и сѣдоша по Днѣпру», и проч.

²⁾ Plinii. Hist. Nat. 1. IV, c. 13: VI, c. 7 Taciti Germ.

Венеды были похожи на Сарматовъ суровостью нравовъ; Венеды въ первомъ вѣкѣ по Р. X. отличались воинственнымъ движениемъ,—знакъ еще неустановившейся жизни, недавняго переселенія. Нравы Венеды показались Тациту похожи на Сарматовъ; но когда онъ вглядѣлся внимательнѣе въ ихъ бытъ, то нашелся принужденнымъ сказать, что сарбѣ ихъ слѣдуетъ отнести къ племенамъ европейскимъ: они, говоритъ Тацитъ, строятъ дома, носятъ щиты и сражаются пѣши,—все это совершенно отлично отъ Сарматовъ, живущихъ въ кибиткѣхъ и на лошади. Такимъ образомъ, первое достовѣрное извѣстіе о бытѣ Славянъ представляетъ ихъ намъ народомъ осѣдлымъ, рѣдко отличнымъ отъ кочевниковъ; въ первый разъ Славянннхъ выводится на историческую сцену въ видѣ европейскаго воина—пѣши и со щитомъ. Писатели слѣдующихъ вѣковъ постоянно упоминаютъ между главными народами Сарматіи—Венедовъ, далѣе на востокъ Сербовъ ³⁾. Въ половинѣ VI вѣка извѣстія о племенахъ и жилищахъ славянскихъ становятся нѣсколько точнѣе: по Юриану ⁴⁾, многочисленное племя Венедовъ раздѣлялось на два народа—Славянъ, жившихъ отъ верховья Вислы на востокъ до Днѣпра, и Антовъ, которые были сильнѣе первыхъ и жили въ странахъ приполярныхъ, отъ Днѣпра до Днѣстра. Прокопій ⁵⁾ знаетъ также Славянъ и Антовъ, прибавляя, что въ древности оба народа были извѣстны подъ однимъ общимъ именемъ Споровъ, въ которомъ новѣйшіе изслѣдователи не безъ вѣроятности видятъ Сербовъ. Прокопій говоритъ, что на берегахъ Азовскаго моря живутъ Угургуры, а пространство далѣе отъ нихъ къ сѣверу занимаютъ безчисленные народы Антовъ.

Отъ этихъ неопредѣленныхъ указаній иностранныхъ писателей перейдемъ теперь къ точнѣйшимъ указаніямъ нашего начальнаго лѣтописца о разселеніяхъ восточныхъ Славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ Русскаго государства. Объ этомъ разселеніи лѣтописъ говоритъ въ трехъ мѣстахъ; въ первомъ мѣстѣ Славянъ ⁶⁾, то восточная отрасль Славянъ, т.-е. Хорваты Бѣлые, Сербы и Хорутане, будучи потѣснены врагомъ, двинулись на сѣверо-востокъ, и одни сѣли по Днѣпру и назвались Полянами, а другіе—Древлянами, потому что сѣли въ лѣсахъ, далѣе сѣли между Приплетью и Двиною и назвались Дреговичами; нѣкоторые сѣли на Двинѣ и назвались Полочанами, отъ имени рѣки Полоты, впадающей въ Двину. Часть Славянъ сѣла также около озера Ильменя и прозвалась своимъ именемъ—Славянами: эти Славяне построили городъ и назвали его Новгородомъ;

³⁾ Ptolem. Geogr. I. III, c. 5; I. V. c. 9. Marciani peripl. in Geogr. veter. script. graec. minor. ed. Hudson, 1, 54—57.

⁴⁾ De Gethar. orig., et reb. ges c. 5.

⁵⁾ Procop. Caesariensis, de bello gothico, I. III, c. 14; I. IV, c. 4, 5.

⁶⁾ Поли. Собр. Русск. Лѣт. I, 3.

остальные Славяне съѣли по Деснѣ, по Семи, по Сулѣ и назвались Сѣверомъ, или Сѣверянами.—Въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ говорится, что у Полянъ было свое княжене, у Древлѣнъ свое, у Дреговичей свое, у Славянъ свое—въ Новгородѣ, у Полочанъ свое. Отъ нихъ же, т.-е. отъ Полочанъ—Кривичи, которые сядятъ на верховьяхъ Волги, Двины и Днѣпра, у нихъ городъ Смоленскъ; отъ нихъ Сѣверяне. Потомъ тутъ же перечисляются племена въ томъ порядкѣ: Поляне, Древлѣне, Новгородцы, Полочане, Дреговичи, Сѣверяне съ прибавкою Вужанъ, названныхъ такъ по рѣкѣ Вугу и прозванныхъ послѣ Волынянами.—Наконецъ въ третьемъ мѣстѣ ²⁾, говоря о Полянѣхъ и Древлѣнахъ, съ подтвержденіемъ, что они племени Славянскаго, лѣтописецъ прибавляетъ еще Радимичей и Вятичей, которые происходятъ отъ Ляховъ, т.-е. отъ западныхъ Славянъ: были два брата въ Ляхахъ—Радимъ и Вятко; Радимъ пришелъ и съѣлъ съ родомъ своимъ на рѣкѣ Сожи, а Вятко на Окѣ. Тутъ же прибавлены Хорваты, потомъ Дулѣбы, жившіе по Вугу, гдѣ во время лѣтописца были уже Волыняне; наконецъ Угличи и Тиверцы, сѣдѣвшіе по Днѣстру до самаго моря и Дуная,—многочисленные племена, у которыхъ были города, существовавшіе до времени лѣтописца.

Изъ перваго извѣстія видно, что восточные Славяне двинулись отъ Хорватовъ, изъ нынѣшней Галиціи, прямо на востокъ до Днѣпра: то были Древлѣне и Поляне. Потомъ славянское народонаселеніе стало распространяться на сѣверъ по правому берегу Днѣпра; между Принетью и Двиною явились Дреговичи, за ними по Двинѣ, опять прямо на сѣверъ, Полочане и наконецъ Славяне Новгородскіе. Кривичи пропущены въ первомъ извѣстіи; лѣтописецъ прямо переходитъ къ ближайшимъ къ Киеву Сѣверянамъ, на восточный берегъ Днѣпра, къ Деснѣ, Семи и Сулѣ. Другое извѣстіе дополняетъ и объясняетъ первое: здѣсь сначала лѣтописецъ пересчитываетъ только пять главныхъ племенъ на западной сторонѣ: Полянъ, Древлѣнъ, Дреговичей, Славянъ Новгородскихъ и Полочанъ; по потомъ указываетъ на дальнѣйшее выселеніе: отъ Полочанъ разселились Кривичи по верховьямъ Волги, Двины и Днѣпра — „отъ нихъ же Кривичи“; отъ Кривичей на югъ, по Днѣпру и его притокамъ, Сѣверяне. Слѣдовательно, если принимать буквально извѣстіе лѣтописца, то выйдетъ, что славянское народонаселеніе двигалось по западной сторонѣ Днѣпра на сѣверъ и потомъ спускалось на югъ по восточной сторонѣ этой рѣки. О другихъ племенахъ—Дулѣбахъ, Вужанѣхъ, Угличахъ и Тиверцахъ, Радимичахъ и Вятчичахъ лѣтописецъ сначала не упоминаетъ ни въ первомъ, ни во второмъ извѣстіи: изъ этого умолчанія имѣемъ право заключить, что означенныя племена явились на востокъ не влѣдѣтвѣ извѣстнаго толчка отъ Вол-

ховъ, и не имѣютъ связи съ перечисленными выше племенами, а явились особо.

Итакъ, первыми славянскими поселенцами, которыхъ приходъ и причину его помнитъ преданіе, являются Древлѣне и Поляне, жители лѣсовъ и жители полей; уже эти самыя мѣстные причины условливали разницу въ нравахъ обоихъ племенъ, большую дикость Древлѣнъ, большую склонность ихъ жить насчетъ сосѣдей, отъ чего терпѣли Поляне. Это послѣднее племя приобрѣло особенное значеніе потому, что городокъ, среди него основанный, Кіевъ, сталъ главнымъ городомъ Русской Земли. На счетъ основанія Кіева, какъ вообще всѣхъ древнихъ знаменитыхъ городовъ, ходили разныя преданія. Названіе его, сходное съ прилагательною притяжательною формою, заставило предположить имя основателя Кіа (Кій—Кіевъ городъ, какъ Андрей—Андреевъ, Петръ—Петровъ); названіе разныхъ городскихъ урочищъ, горъ—Щековицы и Хоревцы, повели къ предположенію первыхъ поселышковъ—Щека и Хорива; господствующія понятія заставили связать Кіа, Щека и Хорива кровнымъ союзомъ, предположить въ нихъ братьевъ: названіе рѣчки Лыбеди увеличило еще эту семью сестрою Лыбедью. Самъ лѣтописецъ предложилъ очень хорошее объясненіе этого производства: Кіевъ перевозъ заставлялъ предполагать Кіа перевозчика ³⁾. Названіе городища Кіевецъ на Дунаѣ заставило предположить, что основателемъ было одно и то-же лицо; отсюда необходимо другое представленіе, что Кій былъ знаменитый владыка рода, ходившій въ Царьградъ, принявшій большую честь отъ императора и построившій на возвратномъ пути Кіевецъ ⁴⁾: позднѣйшіе походы русскихъ Кіевскихъ князей въ Грецію, къ Дунаю, естественно влекли къ такому представленію, точно такъ какъ господство родовыхъ понятій заставляло лѣтописца предполагать въ Кіа князя, старшину рода—„и Кій княжаме въ родѣ своемъ“, хотя дальній походъ въ Грецію и желаніе поселиться на Дунаѣ, въ странѣ болѣе привольной, обличаютъ скорѣе безпокойнаго вождя дружины, чѣмъ мирнаго владыку рода. Изъ этихъ преданій историкъ можетъ вывести только то, что жители Дуная и Днѣпра были единоплеменны, судя по сходству названій Кіева и Кіевца, если только послѣднее не явилось на Дунаѣ во времена Святослава; точно такъ какъ можно видѣть признакъ общеславянскаго родства между племенами въ сходствѣ названій Кіева и Куявы польской, не предполагаемая впрочемъ здѣсь связи болѣе тѣсной.

³⁾ Тамъ же, стр. 4: „Или же не свѣдуще рекоша, ахъ Кій есть перевозникъ былъ: у Кіева бо бие перевозъ тогда съ оной стороны Днѣпра, гдѣмъ глаголаху: на перевозъ на Кіевъ». Мы не рѣшаемся ничего сказать о словѣ Кіевъ; замѣтимъ только насчетъ производнаго Щековицы и Хоревцы: Щека, отсюда Щекова (гора), и отсюда уже Щековица; по этому же образцу должно быть производно и слово Хоревца: Хоръ, Хорена, Хоревина, но Хоръ напоминаетъ божество Хорса.

⁴⁾ Тамъ же.

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, стр. 5.

²⁾ Тамъ же

За Древлянами слѣдуютъ Дреговичи, поселившіеся между Припечью и Двиною. Название Дреговичей встрѣчаются у болгарскихъ Славянъ и въ Германіи ¹⁾. — За Дреговичами слѣдуютъ Полочане, т. е. Кривичи. Старые города у нихъ были: Изборскъ, Полодскъ (отъ рѣки Полоты), Смоленскъ; позднѣе встрѣчающіеся въ лѣтописи Торонедъ (отъ рѣки Торпы) у простого народа слыветъ теперь Кривитепскъ, Кривичъ, или Криенгъ ²⁾. — За Кривичами идутъ Славяне Новгородскіе. Во всѣхъ названіяхъ племенъ мы замѣчаемъ, что они происходятъ или отъ мѣсть, или отъ имени родоначальниковъ, или племена называются собственнымъ существительнымъ, какъ напр. Дульбы; одни только жители Новгорода и окрестныхъ мѣсть „прозвашась своимъ именемъ“, какъ говоритъ лѣтописецъ, Славянами. Эта страсть можетъ объясняться тѣмъ, что Славяне Ильменскіе, будучи позднѣйшими выселенцами отъ Кривичей, не успѣли приобрести еще для себя видоваго названія въ отличіе отъ соплеменниковъ, и удерживали названіе родовое въ отличіе отъ чужеплеменниковъ—Финновъ, которыми были окружены. — Сѣверяне, по лѣтописцу, пошли отъ Кривичей, и поселились на рѣкахъ Деснѣ, Семи и Сулѣ ³⁾. — Названія Радимичей и Вятичей лѣтописецъ прямо производитъ отъ имени родоначальниковъ и сообщаетъ преданіе, что оба эти племена происходятъ отъ Ляховъ. Мы не имѣемъ никакого права заподозрить это преданіе, которое показываетъ, что эпоха прибытія этихъ племенъ не была слишкомъ отдаленна: о немъ помнили еще во времена лѣтописца. Это племена эти принесли позднѣе другихъ, доказываютъ избранными ими жилища: Радимичи поселились на Сожи, а Вятичи должны были перейти далѣе на востокъ, на Оку, потому что земли по Деснѣ, лежащая между Сожью и Окою, уже были заняты Сѣверянами.

¹⁾ Шафар. Слав. Древн. II, 1, стр. 184, 185.

²⁾ Зябловскаго - Землепис. Росс. Импер. III. 37. Сходство имени Кривичей съ именемъ литовскаго первосвященника Криве есть случайное и не можетъ вести ни къ какому сближеніямъ. Литовское: K i r v a толь, трясина. Отсюда вѣроятно произошло названіе Кривичей. Лѣтописецъ говоритъ: «разидошася по землѣ, и прозвашася имени своими, гдѣ сѣдне на которомъ мѣстѣ.» Стало быть, Дреговичи и Кривичи получили названіе свое отъ мѣстности ими занятой. Мѣстность эта и теперь обильна тоями, трясинами, а толь, трясина называется въ западной Россіи д р е г в а, д р я г в а, по-литовски K i r v a. Записка Минущаго въ Извѣстіяхъ II-го Отдѣл. Импер. Академіи Наукъ, листъ 7-й

³⁾ Нельзя согласиться съ Шафарикомъ, который непремѣнно хочетъ помѣстить между Русскими Славянами Сѣрбовъ, основываясь на свидѣльствѣ Константина Порфиророднаго; но очевидно, что Сѣрбы Константина суть Сѣверяне; ибо какъ предположить, чтобы имя лѣтописецъ этого не зналъ о Сѣрбахъ, а Константинъ о Сѣверянахъ? Ясно, что Константинъ, зная также о Сѣрбахъ, какъ о Славянокомъ племени, по легкости и созвучію слова, называлъ этимъ именемъ нашихъ Сѣверянъ. — Шафарикъ говоритъ: «Сѣрбы: не были и не могутъ быть инымъ народомъ, какъ только Сѣрбами.» Но если такъ, то и Константинъ М и л и н с к а не можетъ быть другимъ городомъ, какъ только Милннскою, тогда какъ мы знаемъ, что это — Смоленскъ.

Касательно Дульбовъ и Бужанъ мы припишемъ эти два названія принадлежащими одному и тому же племени, имѣвшему жилища свои на Западномъ Бугѣ: въ лѣтописи, въ двухъ разныхъ извѣстіяхъ эти племена помѣщены на одинакихъ мѣстахъ, съ одинакимъ прибавленіемъ, что какъ то, такъ и другое племя послѣ называлось Волянынами, и ни въ одномъ извѣстіи оба названія не поставлены вмѣстѣ рядомъ, но гдѣ есть одно, тамъ нѣтъ другого. О движеніи Дулебовъ-Бужанъ лѣтописецъ не знаетъ: думаемъ, что ихъ должно разсматривать, какъ отрасль хорватскаго племени, поселившуюся съ незапамятныхъ поръ на берегахъ Вуга, на Воляни. — Послѣдними племенами къ югу лѣтописецъ считаетъ Угличей и Тиверцевъ. Въ приведенныхъ извѣстіяхъ о разселеніи племенъ жилища Угличей и Тиверцевъ назначены по Днѣстру до моря и Дуная: „Улучи (Угличей), Тиверцы сѣдяху по Днѣстру оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне: да то ся зваху отъ Грекъ Великаа Скуфъ“. Но есть другое извѣстіе, изъ котораго видно, что Угличи жили прежде въ низовьяхъ Днѣпра: когда Игоревъ воевода Свѣнелдъ, послѣ уцорнаго трехлѣтняго сопротивленія, взять ихъ городъ Пересѣченъ, то они двинулись на западъ, перешли Днѣстръ, и поселились на западномъ его берегу, гдѣ еще теперь, въ Оргѣвскомъ уѣздѣ, Бессарабской области ⁴⁾, находится деревня Пересѣчени, или Пересѣчина, вѣроятно основанная бѣглецами въ память прежняго ихъ города ⁵⁾. Указанія лѣтописца на мно-

⁴⁾ Нинѣ губерніи.

⁵⁾ Никои. Лѣт. I, 41: «И бѣ у него (у Игоря) воевода именемъ Свенелдъ, и премучи Угличи, и возложи на ня даиъ Игорь, и даде Свенелду; и не дадеся ему одинъ градъ именемъ Пересѣченъ, и сѣде около его три лѣта, и едва взять его. И бѣша сѣдяхе Угличи по Днѣпру внизъ, и посомъ прѣдоша межю воинъ достръ, и сѣдоша тамо.» — Г. Надеждинъ (Записки Одес. Истор. Общ. I, стр. 235), намеждая въ Бессарабской области, въ Оргѣвскомъ уѣздѣ, деревню Пересѣчени, или Пересѣчину, думаетъ, что отыскалъ мѣсто жительства древнихъ Угличей или Уличей; онъ основывается на томъ, что берегъ Чернаго моря, между устьями Днѣпра и Дуная, представляетъ свою географическую фигурую настояцій уголь, и даже донынѣ называется Угломъ по преимуществу: турецко-татарское имя Буджакъ, которое означать теперь всю нижнюю или степную часть Бессарабской области, значитъ именно уголь; славянскіе туземцы называли это мѣсто угломъ еще въ VII вѣкѣ, по свидѣтельству Византийцевъ. Для объясненія приведеннаго извѣстія о прибытковскихъ жилищахъ Угличей, г. Надеждинъ прибѣгаетъ къ слѣдующему предположенію (стр. 253): «Угличи были жители пышнѣйшей Бессарабіи, именно пышной, степной еи части, называвшейся угломъ Но, подобно своимъ преемникамъ Поченѣгамъ, Половцамъ и Татарамъ, они не ограничивались этимъ угломъ; они простирались по Днѣстру и за Днѣстръ далеко въ глубъ степей, до Вуга по крайней мѣрѣ, какъ указываетъ ясно лѣтописецъ. Но Вугъ, какъ извѣстно, соединился съ Днѣпромъ, слѣдовательно сирарадлены слова разсматриваемого нами мѣсти, что они «бѣша сѣдяхе внизъ по Днѣпру», гдѣ ихъ должны были въ первый разъ замѣтить Кіевскіе Русскі, путешествовавшіе Днѣпромъ до Гречинъ.» — Но, не прибѣгая къ предположеніямъ, вспомнимъ, что въ старину изгибы морскихъ береговъ, заливы, лиманы обыкновенно назывались л у к а м и, или углами, л у к о м о р ь е мъ, какъ напр. Лу-

гочисленность Тиверцевъ и Угличей, на ихъ упорное сопротивление русскимъ князьямъ, на ихъ жилища отъ Дибѣтра или даже отъ Дуная до самаго Дибѣтра, и, можетъ-быть, дальше на востокъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что это тѣ самыя племена, которые Иронию и Юрнанду были извѣстны подъ именемъ Антовъ.

Что касается быта славянскихъ восточныхъ племенъ, то начальный лѣтописецъ оставилъ намъ о немъ слѣдующее извѣстіе: „каждый жилъ съ своимъ родомъ, отдѣльно, на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ родомъ своимъ“¹⁾. Мы теперь почти потеряли значеніе рода, у насъ остались производныя слова — родня, родство, родственникъ, мы имѣемъ ограниченное понятіе семьи; но предки наши не знали семьи²⁾, они знали только родъ, который означалъ всю совокупность степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ; родъ означалъ и совокупность родственниковъ и каждого изъ нихъ³⁾; первоначально предки наши не понимали никакой общественной связи внѣ родовой и потому употребляли слово родъ также въ смыслѣ соотечественника⁴⁾, въ смыслѣ народа⁵⁾; для означенія родовыхъ линій употреблялось слово племя⁶⁾. Единство рода, связь племенъ поддерживались единымъ родоначальникомъ; эти родоначальники послали разныя названія — старцевъ, жупановъ, владыкъ, князей и проч.; послѣднее названіе, какъ видно, было особенно въ

употребленіи у Славянъ русскихъ, и, по словопроизводству, имѣетъ значеніе родовое, означаетъ старшаго въ родѣ, родоначальника, отца семейства⁷⁾.

⁷⁾ Слово князь, или конязь происходитъ отъ корня копъ — предѣлъ, граница, вершина, начало; корень же копъ есть санскритскій — *джал* — рождать, и князь въ санскрит. имѣетъ себѣ соотвѣтственные: *джапакъ*, *джапатри*, откуда латинское *genitor* (См. изслѣдов. О. Булаева о вліяніи христ. на Слав. яз., стр. 164). — Отсюда древнее названіе повобраныхъ князь и княгиня, потому что, вступая въ бракъ, они становились домовладыками, начальниками особаго, имѣющаго произойти отъ нихъ рода. Что старшины родовъ назывались у насъ до прихода Варяговъ князьями, о томъ есть ясное свидѣтельство у лѣтописца, напр. «Се Кій княжаше въ родѣ своемъ... И по сихъ братьи держатъ чашаа родъ ихъ княжеше въ Поляхъ» Или: «Наши князи добри суть, иже раснасиа суть Деревьску землю.» Слово: князь — имѣетъ значеніе родовое, означаетъ старшаго въ родѣ, родоначальника, отца семейства. Этими лексиконными опредѣленіемъ слова нѣкоторые возражатели воспользовались для того, чтобъ объявить меня въ смѣшеніи рода и семьи! Но прежде, подъ предлогомъ смѣшенія, возражатели должны были объявить невольнительнымъ великое объясненіе слова сопоставляемъ нѣсколькимъ близкимъ другъ къ другу, по значенію, словъ. Еслибъ означенное лексиконное объясненіе слова князь было единственнѣмъ мѣ томъ, въ которомъ бы я высказалъ свои понятія о родѣ, то конечно, для отстраненія всѣхъ возможныхъ придирокъ, я измѣнилъ бы это мѣсто; но если сами возражатели признаютъ, что въ дальнѣйшемъ разсужденіи моемъ семья и родъ различныя яса, то я не считая себя обязаннымъ дѣлать подобныя измѣненія. Далѣе у меня сказано: «Правда, что въ бытѣ родовомъ отецъ семейства есть влѣстѣ и правитель, надъ которымъ нѣтъ высшей власти.» Возражатель говоритъ, что «здѣсь, для устраниенія противорѣчія, мы должны разумѣть подъ отцомъ семейства родоначальника; иначе еслибъ надъ каждымъ отцомъ семейства не было высшей власти, то родоначальникъ, въ родѣ котораго должно быть не одно семейство, не имѣлъ бы никакого смысла.» Но зачѣмъ же возражатель не потрудился выписать всей статьи, къ которой относится упомянутое мѣсто? — тогда бы каждый читатель увидѣлъ, что здѣсь нѣтъ ни смѣшенія, ни противорѣчія, что здѣсь именно говорится объ отцѣ семейства, а не о родоначальникѣ, объ отцѣ семейства, который былъ правителемъ внутри собственной семьи, имѣлъ право надъ жизнью и смертію своихъ дѣтей, право, при пользованіи которымъ надъ нимъ не было высшей власти, власти родоначальника. Возражатель имѣетъ свое понятіе о родовомъ бытѣ; онъ говоритъ, что «любовь дѣтей къ родителемъ не можетъ являться во всей чистотѣ и силѣ, когда, кромѣ отца, есть другой, верховный отецъ, патриархъ всего рода.» Этого мы уже никакъ понять не можемъ, не можемъ понять, почему дѣти Мономаха не могли сохранять любви къ отцу своему во всей чистотѣ, когда старшимъ въ родѣ считался двоюродный дядя ихъ, Святополкъ Изяславичъ. Но нѣшію возражателя выходитъ, что въ нашихъ семьяхъ дѣти не могутъ какъ должно любить отца при существованіи дѣда! Такъ отъиженно отъ всякой дѣйствительности составленныя положенія руются при первомъ появленіи живаго событія, живыхъ отношеній. Такъ же оставилось положеніе возражателя, что при родовомъ устройствѣ, гдѣ каждый родъ живетъ особо, никакое общее собѣщаніе не возможно; изъ этого положенія прямо слѣдуетъ, что между отдѣльными независимыми государствами не возможно никакое общее собѣщаніе, конгрессъ. Такъ же составилось положеніе возражателя, что если предположить сходку въ отдѣльномъ родѣ, то родовое устройство уничтожается; мы видимъ слѣды, собѣщанія князей-родичей, принадлежавшихъ къ одному роду, — и родовыя отношенія между ними отъ того не руются.

коморекъ Половцы суть приморскіе Половцы, слѣдовательно подъ именемъ Угличей разумѣлось племя, жившее въ Лукоморьи, у морскаго залива, будь то въ низовьяхъ Дибѣтра, или другой какой-нибудь рѣки; что Угличи были именно лукоморскіе жители, на это указываетъ другая форма ихъ имени — У л и ч и, какъ читается въ Ливрентьевскомъ спискѣ. — Г. Надеждинъ понимаетъ приведенное мѣсто о бѣствѣ Угличей съ Дибѣтра на Дибѣстръ такъ: «И бѣша сѣдѣще Угличи по Дибѣтуру внизъ (до нашествія Печенѣговъ, бывшаго при Олегѣ) и посемъ праидопа вежи свои (т. е. передвинули свои вежи, свои жилища) на Дибѣстръ сѣдома тамо.» — Но такое толкованіе намъ кажется слишкомъ вольно: изъ словъ лѣтописца нельзя предположить никакого печенѣжскаго движенія, бывшаго причиною переселенія Угличей съ Дибѣтра на Дибѣстръ: онъ прямо говоритъ, что Угличи были премучсны Свѣнелъдомъ в осажденны въ Пересѣченѣ, но вѣяти котораго они удалились за Дибѣстръ и поселились тамъ. — Для соображенія припомнимъ — У л и ч и и Т и в е р ц ы г. Микуцкій сообщилъ мнѣ литовскія слова: у л а — скала и т п р а й — степь.

¹⁾ Полн. Собр. Р. Лѣт. 1, 4.

²⁾ Семья (отъ со-имаю) означала первоначально ж е п у у, с у и р у г у (со-прягаю, со-имаю), потомъ уже стала означать и пропециднихъ отъ суружества, живущихъ внѣстѣ; жоны въ шесмахъ къ мужьямъ обыкновенно подписывались: *семьца твоя такая-то; с е м л и т ь с я* значило с е д и п я т ь с я: въ крестоприводныхъ грамотахъ налагается обязанность не семьянитися ни съ кѣмъ на государя.

³⁾ Изъбравшася три братья съ роды своими, т. е. родственниками своими.

⁴⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1. 10: «Пришлу подѣ Угорское (Олеги), похоронивъ вои своя, и присла ко Аскольду и Давроу, глагола: яко гостьъ емь: идемъ въ Греки отъ Ога и отъ Игоря княжича; да придѣта къ намъ, къ родамъ своимъ».

⁵⁾ Отъ рода Русскаго, отъ рода Варяжска.

⁶⁾ См. Изслѣдов. А. Тюрнина: Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси, стр. 28.

Существуютъ различные взгляды на родовой бытъ: одни представляютъ его въ идеальномъ видѣ, предполагаютъ въ немъ исключительное господ-

ство нѣжныхъ, родственныхъ отношеній; другіе, напротивъ, смотрятъ на него съ противоположной стороны, предполагаютъ суровость отношеній меж-

Для объясненія родового устройства я привелъ известную старую чешскую пѣсню о Любушиномъ судѣ. Возражатель говоритъ, что здѣсь «вопросъ семейный, а не родовой; на сценѣ семья, выдѣляющаяся изъ рода, а рода нѣтъ». — Умираетъ отецъ, оставляется двоихъ сыновей, законъ принуждаетъ обоихъ братьевъ владѣть нераздѣльно отцовскимъ имуществомъ, — и здѣсь возражатель видитъ вопросъ семейный, а не родовой! Что же, по его мнѣнію, будетъ семья, и что родъ? до какихъ поръ будетъ простираться семья, и гдѣ долженъ качаться родъ? Если братья, по смерти отца, составляютъ семью, а не родъ, то это все равно, что назвать велепоное желтымъ, и утверждать, что зеленого нѣтъ. Возражатель самъ чувствовалъ невыгоду своего положенія, и потому долженъ былъ прибѣгнуть къ патяжкѣ. «Рѣчь идетъ о томъ», говоритъ онъ, «что всѣ дѣти наследуютъ отцу и что въ первую у минуту наследования и они всѣ имѣютъ владѣть наследствомъ, что потомъ не мѣшало имъ послѣ выдѣляться». Но откуда взялась эта первая минута? гдѣ о ней говорится? За патяжку слѣдуетъ неправильное толкованіе текста пѣсни: возражатель говоритъ, что Любуша предлагаетъ имъ общее владѣніе или раздѣленіе поровну — оба по старому закону, закону вѣкомъ живенныхъ боговъ; но Любуша говоритъ: «рѣшите: по закону боговъ владѣть имъ сообща наследствомъ, или раздѣляться поровну?» Если старый законъ говоритъ и то и другое, то нечего было бы и рѣшать, а просто отдать на выборъ тяжущимся; Любуша должна была бы сказать тогда только: «вотъ что говоритъ законъ!» ясно, что Снегъ не имѣлъ права одному положенію закона давать преимущество передъ другимъ, когда онъ предлагалъ на выборъ. Кромѣ стараго закона, Любуша придумала еще новое средство рѣшить споръ ровнымъ раздѣленіемъ наследства, и предлагаетъ Снегу рѣшить, что лучше. Но намъ не нужно вдаваться ни въ какія разсужденія, ибо одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ пѣснѣ, Ратиборъ, цитуетъ намъ этотъ старый законъ: по нему дѣти должны сообща владѣть имѣніемъ, о раздѣлѣ ни слова. Что же касается явленій, приводимыхъ изъ позднѣйшаго времени, изъ времени послѣ Рюрика въ Россіи, послѣ основанія государствъ вообще у славянскихъ народовъ, то эти явленія не идутъ къ нашему вопросу, ибо я признаю полное господство родового быта только до половины IX вѣка, а послѣ являются условія, которыя нарушаютъ эту полноту, какъ постоянно и показывается въ моей книгѣ; и р у ш а ю т ъ п о л н о т у, говорю, и только: ибо и послѣ Рюрика явленія изъ родового быта такъ могущественны въ Русской Исторіи, что должны быть поставлены на первое мѣсто; таково напримеръ господствующее явленіе въ древней нашей исторіи — родовыя княжескія отношенія. Какъ же разсуждаетъ о нихъ возражатель? Вотъ какъ: «замѣчательно, что если гдѣ можно, хотя отчасти (!!) найти родовое устройство, такъ это въ родѣ Рюриковомъ, иривязанномъ, не тупономъ.» Итакъ, по мнѣнію возражателя, родовыя княжескія отношенія были у насъ явленіемъ не славянскимъ, а варяжскимъ, т. е. скандинаво-германскимъ; но въ такомъ случаѣ возражатель слѣдовало начать вопросъ именно съ этого, показать прежде всего господство родового быта у скандинаво-германскихъ племенъ и отвергнуть его у славянскихъ; но любопытѣе всего здѣсь то, что возражатель писалъ свои возраженія тогда, когда статья моя о родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ у западныхъ Славянъ была давно уже известна; возражатель однако заблаговременно умолчалъ о ней, заблаговременно умолчалъ о томъ, что такіа же родовыя княжескія отношенія существовали у другихъ славянскихъ народовъ, а у другихъ неполемныхъ народовъ не существовали! — «Неужели можно дѣлать такое предположеніе», говоритъ возражатель, «что родовое начало, привившись къ Рюрикову

роду, исчезло совершенно изъ Русской Земли» — Но кто же говоритъ, что оно исчезло? Въ мѣстностяхъ оно очевидно, ибо голословное, въ скобкахъ поставленное выраженіе «хотя едва ли справедливо» — ни для кого не можетъ имѣть силы. Кто знакомъ съ источниками нашей древней исторіи, съ лѣтописями, тотъ знаетъ, что это лѣтописи княжескія, говорящія преимущественно, исключительно по отношению къ княжескимъ отношеніямъ, отъ которыхъ зависѣла судьба страны; даже о вельможескихъ о помояхъ изъ лѣтописей мы почти ничего узнать не можемъ; подробности вельможескихъ отношеній, мѣстности, мы узнаемъ изъ особеннаго позднѣйшаго источника, изъ Книги Разрядныхъ; но если о родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ мы узнаемъ изъ лѣтописей, ибо отъ этихъ отношеній зависѣла судьба страны; если родовыя отношенія людей служилыхъ записаны въ Разрядныхъ Книгахъ, ибо эти отношенія имѣли близкую связь съ государственными интересами, съ государственною службою: то въ какихъ лѣтописяхъ и въ какихъ разрядахъ мы найдемъ подробности о бытѣ, о родовыхъ отношеніяхъ остальнаго народонаселенія? изъ отсутствія же источниковъ, въ которыхъ мы могли бы видѣть подробности быта остальнаго народонаселенія, имѣемъ ли право заключать, что здѣсь тѣхъ или другихъ отношеній не было?

О до-Рюриковскомъ родовомъ бытѣ восточныхъ Славянъ самое ясное указаніе находимъ въ известномъ словѣхъ лѣтописца: «Живнучу кождо съ своимъ родомъ и въ своихъ мѣстахъ, владѣюще кождо родомъ своимъ». Возражатель, отвергающій родовой бытъ, объясняетъ эти выраженія такъ, что о родомъ своемъ и мѣстѣ будетъ отвѣчать не на вопросъ: чѣмъ? а на вопросъ: какъ? и приводитъ два примѣра; они играли толпами, пришли въѣхъ народомъ. Но, вопервыхъ, въ приведенныхъ примѣрахъ глаголы и гра т и и пр и я д т и имѣютъ среднее значеніе; каково не можетъ имѣть глаголъ владѣть у лѣтописца: каждый Поляншъ владѣлъ (какъ?) родомъ, но чѣмъ же онъ владѣлъ? Въ вторыхъ, любопытѣе всего здѣсь то, что возражатель, желая опровергнуть родовый бытъ, доказываетъ его: онъ говоритъ, что не словами лѣтописца, Поляне владѣли цѣлыми своими отдѣльными родами, и родамъ, каждый родъ самъ по себѣ, каждый владѣлъ на одель, а цѣлымъ родомъ совоюкну. Но если Поляне владѣли по родамъ, каждый родъ самъ по себѣ, каждый владѣлъ цѣлымъ родомъ совоюкну, если каждый родъ составлялъ отдѣльное совоюкнуе владѣніе, то спрашивается, какой же можетъ быть здѣсь другой бытъ, кромѣ родового? Да воспользуются этимъ урокомъ тѣ, которые старются сдѣлать спорнымъ предметъ, не допускающій спора! — Доказательство противъ родового быта возражатель находитъ въ преданіи о трехъ братьяхъ, съ вѣтлахъ Кіева, ибо здѣсь говорится, что братья жили на разныхъ мѣстахъ; мы согласимся съ этимъ съ возражателемъ насчетъ раздѣленія братьевъ, еслибы одинъ жилъ на Деснѣ, а другой на Припечи, но никакъ не согласимся потому только, что одинъ жилъ на Щекочицѣ, а другой на Хоревцѣ, ибо никакъ не думаемъ, чтобы для поддержанія родового единства всѣ родичи должны были жить рядомъ въ одномъ домѣ, который, при многочисленности членовъ рода, долженствовалъ быть чѣмъ-нибудь въ родѣ хрустальнаго дворца. — По мнѣнію возражателя, употребляемое въ лѣтописи слово родъ означаетъ семью; онъ говоритъ: «въ значеніи современной совоюкности живыхъ родичей, въ духѣ родового быта, въ значеніи колѣна слово родъ не употребляется». — Въ отвѣтъ раскроетъ лѣтописи; подъ 1148 годомъ Изяславъ Мстиславовичъ говоритъ двоюродному брату своему, Ростиславу Юрьевичу: «мѣ дай Богъ васъ, братья у своею, всю имѣти и весь родъ свой въ правду, аки п думу свою». Здѣсь Изяславъ родомъ своимъ называетъ современную совоюкность всѣхъ живыхъ родичей своихъ,

ду отцомъ и дѣтьми, между родоначальникомъ и родителями, подавление родственныя отношенія прайвительственными, причѣмъ приводятъ въ примѣръ семью римскую и германскую, гдѣ отецъ имѣлъ право осуждать своихъ дѣтей на рабство и смерть. Мы замѣтимъ, что нельзя представлять себѣ родового быта идеаллически; нельзя забывать о первобытномъ младенческомъ состояніи народа, котораго движенія, страсти мало чѣмъ обуздываются; не

всѣхъ князей—Ярославичей, противоположая эту совокупность ближайшихъ, Мономаховичамъ, которыхъ называетъ братею своею.—Возражатель не хочетъ согласиться и съ опредѣленіемъ слова племя, какъ подраздѣленіемъ рода; но ичѣнно возражателя, племя ичѣтъ обширѣйшее значеніе, чѣмъ родъ, чему доказательствомъ служатъ позднѣйшее выраженіе: ни роду—ни племеню. Но когда дѣло идетъ о древнемъ бытѣ, о древнихъ понятіяхъ, то слова должны быть принимаемы въ томъ значеніи, какое они имѣли въ старину, а не въ томъ, какое имѣютъ теперь, ибо известно, какъ слова перемѣняютъ значеніе; мы видѣли, что Изяславъ Мстиславичъ родомъ своимъ называется совокупность всѣхъ родственниковъ, всѣхъ Ярославичей; но когда нужно было изъ этого рода назвать различныя линіи, противоположая ихъ одна другой, напримеръ Мономаховичей Ольговичамъ, то употреблялось слово племя, напр. подъ 1140 годомъ Новгородцы говорятъ Всеволоду Ольговичу: «Не хотимъ сына твоего, ни брата, ни племяи нашего, по хощемъ племеню Володимѣра». Возражатель на томъ основаніи, что въ известномъ выраженіи: «ни роду—ни племеню» племя стоитъ послѣ рода, заключаетъ, что оно должно ичѣтъ значеніе обширѣйшее; но мы представимъ ему изъ начала XV вѣка примѣръ, гдѣ племя стоитъ прежде рода: «А кто ли почнетъ вступатися въ таа дѣла въ монастырская, или мѣрскій человекъ почнетъ чего взыскивати умершаго чернца, или племя или родъ оцкиателя, а тѣмъ того не искати» (Акты Истор. I, № 24). Въ нѣкоторыхъ памятникахъ XV же вѣка племя употребляется исключительно въ значеніи рода, родств., отчего является выраженіе: ближнее племя, племя ипчѣкъ означать просто родственника (Псковск. Судная грам.). Когда два слова, не исчезая изъ языка, теряютъ свое прежнее различіе, начинаютъ употребляться одно вмѣсто другого, то бываетъ, что они складываются другъ съ другомъ, составляютъ двойственные слова съ однимъ значеніемъ, какъ: «родъ—племя», «трава—м у р а в к а». Примѣръ употребленія сложнаго слова родъ—племя: «У Циванки у Жоголова родъ племя» (Крымскія дѣла, № 1, стр. 116). Не должно забывать настоящаго значенія слова племя, съ которымъ употребляется теперь оно: это прилодь; известное выраженіе: оставить на племя; отсюда понятно, почему въ древнихъ памятникахъ племя означаютъ въ родѣ линіи, рядъ нисходящихъ отъ позвѣтнаго члена рода, его прилодь такъ сказать; ясно также, почему въ известномъ выраженіи «ни роду—ни племеню» племя поставлено позади рода: тѣмъ больше родъ, тѣмъ больше силы и чести, по старымъ понятіямъ; чѣмъ меньше родъ, тѣмъ человекъ бѣднѣе, безпомощнѣе; человекъ самый бѣдный и несчастный есть тотъ, у котораго ичѣтъ не только рода, обширнаго круга родственниковъ равныхъ степеней, но даже ичѣтъ близкихъ, ичѣтъ племеню.

Наконецъ возражатели хотятъ найти спасеніе въ выраженіи: два ю р о д н ы й б р а т ѣ в ѣ, т. е. брать двухъ родовъ, причѣмъ родъ долженъ означать семью. Но пусть возражатели найдутъ это выраженіе въ какомъ-нибудь древнемъ памятникѣ; это слово позднѣйшее, ибо, при господствѣ родового быта, въ древнее время, всѣ—ни двоюродные, ни троюродные и т. д.—братья называются просто: братья, по единству рода; общество, въ языкѣ котораго находимъ такое явленіе, есть общество родовое.

надобно забывать, что и у просвѣщенныхъ народовъ родственныя отношенія не исключаютъ вражды, что вражда между родичами считается самую сильную, что родовой бытъ, по самому существу своему, условливаетъ неопредѣленность, случайности. Но, съ другой стороны, мы не можемъ вплотнѣ раздѣлять и противоположнаго взгляда: правда, что въ бытѣ родовомъ отецъ семейства есть вмѣстѣ и правитель, надъ которымъ ичѣтъ высшей власти; по не знаемъ, въ правѣ ли мы будемъ допустить совершенное податеніе родственныхъ отношеній правительственнымъ, особенно при отсутствіи всякихъ опредѣленій; не имѣемъ ли мы права предположить, что родственныя отношенія, въ свою очередь, смягчали отношенія правительственныя? Какимъ образомъ осудить ихъ на совершенное бездѣйствіе даже въ быту самомъ грубомъ? Владимиръ имѣетъ право казнить жену, замышляющую преступленіе, и хочетъ воспользоваться своимъ правомъ, по входить малютка сынъ,—я мечъ выпадаетъ изъ рукъ отцовскихъ. Здѣсь главный вопросъ не въ томъ, подавлялись ли родственныя отношенія правительственными, но въ томъ, какъ выражались самыя родственныя отношенія? Мы не должны только по своимъ христіанскимъ понятіямъ судить о поступкахъ языческихъ грубыхъ народовъ; такъ, напримеръ, отецъ въ семьѣ германской и литовской осуждалъ на гибель новорожденныхъ дѣтей своихъ, если семья была уже многочисленна, или если новорожденные были слабы, увѣчны; но такое поведеніе отцовъ, приводящее насъ въ ужасъ, происекало у язычниковъ изъ грубыхъ понятій о родственномъ состраданіи, а не изъ понятій о деспотической власти отца надъ дѣтьми; язычники смотрѣли на жизнь человека съ чисто матеріальной стороны; при господствѣ физической силы, человекъ слабый былъ существомъ самымъ несчастнымъ, и отнять жизнь у такого существа считалось подвигомъ состраданія; доказательствомъ тому служитъ обязанность дѣтей у Германцевъ и Литовцевъ убивать своихъ престарѣлыхъ, лишенныхъ силъ родителей. Эти обычавелись преимущественно у племенъ воинственныхъ, которыя не терпѣли среди себя людей лишенныхъ, слабыхъ и увѣчныхъ, не могшихъ оказывать помощи на войнѣ, защищать родичей, мститъ за ихъ обиды; у племенъ, жившихъ въ странѣ скудной, стремленіе предохранить отъ голодной смерти взрослыхъ заставляло жертвовать младенцами. Но у народа относительно болѣе мирнаго, земледѣльческаго, живущаго въ странѣ обильной, мы не встрѣтимъ подобныхъ обычаевъ; такъ не встрѣчаемъ ихъ у нашихъ восточныхъ Славянъ: лѣтосицець, говоря о черной сторонѣ языческаго быта послѣднихъ, не упоминаетъ объ означенныхъ обычаяхъ: даже у Славянъ померанскихъ, которые, по воинственному характеру своему и по содѣйствію съ племенами германскими и литовскими, являются болѣе похожими на послѣднихъ, даже и у этихъ Славянъ съ престарѣлыми и слабыми родителями и родствен-

никами обходились совершенно иначе, чѣмъ у Германцевъ и Лиговцевъ ¹⁾. Вообще же должно остерегаться дѣлать точныя опредѣленія первоначальному, родовому обществу въ томъ или другомъ смыслѣ.

Отношенія родоначальника къ родичамъ понятны, когда родъ состоитъ изъ однихъ пнсколинскихъ; но когда отецъ, дѣдъ или прадѣдъ умираетъ, то какимъ образомъ поддержится единство рода? Оно поддерживалось восстановленіемъ отеческой власти: одинъ изъ старшихъ родичей занималъ отцовское мѣсто. Старинная чешская пѣсня говоритъ: „Когда умретъ глава рода, то всѣ дѣти сообща владыку имѣніемъ, выбрали себя изъ роду своего владыку“ ²⁾. Такъ теперь у южныхъ Славянъ, удержавшихъ черты древняго быта, часто деревня состоитъ изъ одного рода, который управляется самъ собою и сообщается съ высшими властями страны посредствомъ своего главы, старшины. Этотъ старшина не всегда бываетъ физически старшимъ въ родѣ: онъ избирается въ свою должность собраніемъ всѣхъ родичей, которые торжественно сажаютъ его на первое мѣсто подъ иконы, откуда и въ нашей древней исторіи сохранился обрядъ и выраженіе посадить князя. Избранный старшина управляетъ всѣми работами, хранитъ общественную казну, вноситъ подати, раздаетъ своимъ дѣтямъ и братьямъ пищу и одежду, наказываетъ ихъ за проступки; въ большіе праздники онъ напоминаетъ о древнемъ значеніи владыки рода, какъ жреца, потому что окруженный всѣми родичами кадитъ иконы ³⁾. Послѣдующая исторія Рюрикава княжескаго рода показываетъ, что и въ бытѣ нашихъ восточныхъ Славянъ имѣли мѣсто тѣ же самыя явленія: старшій братъ обыкновенно заступалъ мѣсто отца для младшихъ. Къ старшинству послѣдняго родичи привыкали еще при жизни отца: обыкновенно въ семьѣ старшій сынъ имѣетъ первое мѣсто по отцѣ, пользуется большою довѣренностью послѣдняго, является главнымъ исполнителемъ его воли; въ глубокой старости отца заступаетъ совершенно его мѣсто въ управленіи семейными дѣлами; отецъ при смерти обыкновенно благословляетъ его на старшинство послѣ себя, ему поручаетъ семью. Такимъ образомъ, по смерти отца старшій братъ естественно наследуетъ старшинство, становится въ отцѣ мѣсто для младшихъ. Младшіе братья ничего не теряли съ этою переменою: старшій имѣлъ обязанность блюсти выгоды рода, думать и гадать объ этомъ, имѣть всѣхъ родичей какъ душу; права его состояли въ уваженіи, которое оказывали ему какъ старшему, къ нему относились во всѣхъ дѣлахъ,

касающихся рода; безъ его вѣдома и согласія ничего не дѣлалось: онъ былъ распорядителемъ занятій, раздавателемъ пищи и одежды, онъ судилъ и наказывалъ. Но всѣ эти распоряженія получали силу только при общемъ согласіи, когда всѣ видѣли, что старшій поступаетъ съ ними какъ отецъ, наблюдаетъ строгую справедливость; власть, сила старшаго основывалась на согласіи младшихъ; это согласіе было для старшаго единственнымъ средствомъ къ дѣятельности, къ обнаруженію своей власти, вслѣдствіе чего младшіе были совершенно обезпечены отъ насилія старшаго, могущаго дѣйствовать только чрезъ нихъ. Но легко понять, какія слѣдствія могла имѣть такая неопредѣленность правъ и отношеній; невозможно, чтобы младшіе постоянно согласно смотрѣли на дѣйствія старшаго; каждый младшій, будучи недоволенъ рѣшеніемъ старшаго, имѣлъ возможность возстать противъ этого рѣшенія: онъ уважалъ старшаго брата какъ отца; но когда этотъ старшій братъ, по его мнѣнію, поступалъ съ нимъ не какъ братъ, не какъ отецъ, не по-родственному, но какъ чужой, даже какъ врагъ, то этимъ самымъ родственныи союзъ, родственныя отношенія между ними рушились, рушились всѣ права и обязанности, ничѣмъ другимъ не опредѣленныя. Если большинство братьевъ принимало сторону старшаго противъ младшаго, то, разумѣется, послѣдній долженъ былъ или покориться общей волѣ, или выйти изъ рода; но могло очень случиться, что сторону младшаго принимали другіе братья: отсюда усобицы и распаденіе рода; если же всѣ младшіе принимали сторону одного изъ своихъ противъ старшаго, то послѣдній долженъ былъ или исполнить общую волю, или выйти изъ рода, который избиралъ другого старшаго. Такіе случаи могли быть перѣдки, какъ увидимъ въ послѣдующей исторіи Рюрикава княжескаго рода; изъ этой исторіи мы знаемъ также, какимъ исключеніямъ подвергался обычай давать княженія всегда старшему въ родѣ; знаемъ, какъ терялись права на старшинство вслѣдствіе разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, когда напр. личному достоинству младшаго отдавалось преимущество предъ правомъ старшаго; могло случиться, что самъ отецъ при жизни своей, будучи недоволенъ поведеніемъ старшаго, отнималъ у него значеніе старшинства, которое передавалъ младшему; случаи исключенія изъ старшинства, борьба за него должны были происходить чаще, когда родъ дробился все болѣе и болѣе, племена (линіи) расходились и родственная связь ослабѣвала; отсюда необходимо происходила вражда, усобица между членами рода и линиями, отъ нихъ происшедшими. Такая внутренняя вражда должна была означиваться отторженіемъ нѣкоторыхъ линій отъ общей родовой связи и выселеніемъ ихъ на другія мѣста; но такъ какъ причиною выселенія была вражда, то ясно, что выселившіяся линіи, образовавшіяся въ особые роды, не могли жить въ дружественныхъ отношеніяхъ съ прежними родичами.

¹⁾ Гельмгольда Lib. II, cap. XII; Statim enim ut aliquem inter eos aut debilem fecerit infirmitas, aut decrepitem actas, haereditis curae delegatur, plena humanitate fovendus.

²⁾ Крадеворская рукопись. Snem.

³⁾ Les Slaves de Turquie, par M. Cyprien Robert, 1, p. 78, 79. См. также въ Словарѣ Юнгмана подъ словомъ Starosta, и въ словарѣ Вука Стефановича.

Обширность и дѣятельность населенной восточными Славянами страны давали родичамъ возможность выселяться при первомъ новомъ неудовольствіи, что, разумѣется, должно было ослаблять усобицы: мѣста было много, за него, по крайней мѣрѣ, не нужно было ссориться. Но могло случаться, что особенныя удобства мѣстности привязывали къ ней родичей и не позволяли имъ такъ легко выселяться; это особенно могло случаться въ городахъ, мѣстахъ, выбранныхъ родомъ по особенному удобству и огороженныхъ, укрѣпленныхъ общими усилями родичей и дѣльныхъ поколѣній; слѣд. въ городахъ усобицы должны были быть сильнѣе. О городской жизни восточныхъ Славянъ изъ словъ лѣтописца можно заключать только то, что эти огороженные мѣста были обиталищемъ одного или нѣсколькихъ отдѣльныхъ родовъ: Кіевъ, по лѣтописцу, былъ жилищемъ рода; при описаніи междоусобій, предшествовавшихъ призванію князей, лѣтописецъ говоритъ, что всталъ родъ на родъ; изъ этого ясно видно, какъ развито было общественное устройство, видно, что до призванія князей оно не переходило еще родовой грани; первымъ признакомъ общенія между отдѣльными родами, живущими вмѣстѣ, должны были быть общія сходки, совѣты, вѣча; но на этихъ сходкахъ мы видимъ и послѣдъ однихъ старцевъ, у которыхъ все значеніе; что эти вѣча, сходки старшинъ, родоначальниковъ не могли удовлетворить возникшей общественной потребности, потребности наряда, не могли создать связи между соприкоснувшимися родами, дать имъ единство, ослабить родовую особенность, родовой эгоизмъ, — доказательствомъ служатъ усобицы родовыя, кончившіяся призваніемъ князей. Несмотря на то, первоначальный славянской городъ имѣетъ важное историческое значеніе: городова я жизнь, какъ жизнь вмѣстѣ, была гораздо выше разрозненной жизни родовъ на особыхъ мѣстахъ; въ городахъ болѣе частыя столкновенія, болѣе частыя усобицы должны были скорѣе повести къ сознанию о необходимости наряда, правительственнаго начала. Остается вопросъ: какое отношеніе было между этими городами и народонаселеніемъ, въ ихъ живущимъ, было ли это народонаселеніе независимо отъ города или подчинено ему? Естественно предположить городъ первымъ пребываніемъ поселенцевъ, откуда народонаселеніе распространилось по всей странѣ: родъ являлся въ новой странѣ, селился въ удобномъ мѣстѣ, огораживался для большей безопасности, и потомъ уже, влѣдствіе размноженія своихъ членовъ, наполнял и всю окрестную страну; если предположить выселеніе изъ городовъ младшихъ членовъ рода или родовъ, тамъ живущихъ, то необходимо предположить связь и подчиненіе, — подчиненіе, разумѣется, родовое, младшихъ старшимъ; ясныя слѣды этого подчиненія мы увидимъ послѣ въ отношеніяхъ новыхъ городовъ или пригородовъ къ городамъ старымъ, откуда они получили народонаселеніе. Но, кромѣ этихъ родовыхъ отношеній, связь и подчиненность сельскаго народонаселенія

городскому могли скрѣпляться и по другимъ причинамъ: сельское народонаселеніе было разбросано, городское совокуплено, и потому послѣднее имѣло всегда возможность обнаруживать свое вліяніе надъ первымъ; въ случаѣ опасности, сельское народонаселеніе могло находить защиту въ городѣ, необходимо примыкало къ послѣднему, и по этому уже самому не могло сохранить равнаго съ нимъ положенія. На такое отношеніе городовъ къ окружному народонаселенію находимъ указаніе въ лѣтописи: такъ говорится, что родъ основателей Кіева держалъ княженіе среди Полянъ. Но, съ другой стороны, мы не можемъ предполагать большой точности, опредѣленности въ этихъ отношеніяхъ, ибо и послѣ, въ историческое время, какъ увидимъ, отношеніе пригородовъ къ старшему городу не отличалось опредѣленностью; и потому, говоря о подчиненіи сельъ городамъ, о связи родовъ между собою, зависимости ихъ отъ одного центра, мы должны строго различать эту подчиненность, связь, зависимость въ дорюриковское время отъ подчиненности, связи и зависимости, начавшихъ утверждаться мало-по-малу послѣ призванія князей Варяжскихъ; если сельчане считали себя младшии и относительно горожанъ, то легко понять, въ какой степени признавали они себя зависимыми отъ послѣднихъ, какое значеніе имѣли для нихъ старшина городской. Городовъ, какъ видно, было немного: знаемъ, что Славяне любили жить разбѣянно, по родамъ, которымъ лѣса и болота служили вмѣсто городовъ; на всемъ пути изъ Новгородѣ до Кіева, по теченію большой рѣки, Олегъ нашелъ только два города — Смоленскъ и Любечъ; у Древлянъ упоминаются города, кромѣ Коростеня; на югѣ должно было находиться больше городовъ: здѣсь болѣе было нужды въ защитѣ отъ нашествія дикихъ ордъ, да и потому, что мѣсто было открытѣе; у Тиверцевъ и Угличей были города, сохранившіеся и во времена лѣтописца; въ средней полосѣ — у Дреговичей, Радимичей и Вятичей не встрѣчается упоминенія о городахъ.

Кромѣ преимуществъ, которыми городъ (т. е. огороженное мѣсто, въ стѣнахъ котораго живетъ одинъ многочисленный, или нѣсколько отдѣльныхъ родовъ) могъ имѣть надъ окружнымъ разбѣяннымъ народонаселеніемъ, могло, разумѣется, случаться, что одинъ родъ, сильнѣйшій матеріальными средствами, получалъ преимущество передъ другими родами; что князь, начальникъ одного рода, по своимъ личнымъ качествамъ, получалъ верхъ надъ князьями другихъ родовъ. Такъ у южныхъ Славянъ, о которыхъ Византійцы говорятъ, что у нихъ много князьковъ и нѣтъ единого государя, иногда являлся князь, который, по своимъ личнымъ достоинствамъ, выдается впередъ, какъ напр. знаменитый Лавритасъ. Такъ и у насъ, въ извѣстномъ разсказѣ объ Ольгиной мести, у Древлянъ сначала на первомъ плацѣ является князь Мать; но замѣтимъ, что здѣсь нельзя принимать Мала непременно княземъ всей Древлянской Земли: можно при-

нимать, что онъ былъ князь Коростенскій только; что въ убіеніи Игоря участвовали один Коростенцы подъ преимущественнымъ вліяніемъ Мала, остальные же Древляне приняли ихъ сторону послѣ, по ясному единству выгодъ,—на это прямо указываетъ преданіе: „Ольга же устремилъ съ сыномъ своимъ на Искоростень городъ, яко тѣхъ убили мужа ея“. Малу, какъ главному зачинщику, присудили и жениться на Ольгѣ; на существованіе другихъ князей, другихъ державцевъ земли указываетъ преданіе въ словахъ послѣвъ древлянскихъ: „Пани князи добри суть, иже раснасла суть Деревьску землю“; объ этомъ свидѣтельствуесть и молчаніе, которое хранитъ лѣтопись относительно Мала во все продолженіе борьбы съ Ольгою.

Родовой бытъ условливалъ общую, нераздѣльную собственность, и наоборотъ: общіе, нераздѣльность собственности служила самою крѣпкою связью для членовъ рода, выдѣленіе условливалъ необходимо и расторженіе родовой связи. Извѣстная уже чешская пѣсня говоритъ: „когда умретъ родоначальникъ, то все дѣти сообщаютъ оставшія имѣніемъ, выбрали себя владыку изъ рода“. Общее владѣніе родовой собственностью необходимо заставляло родичей возстановлять значеніе отца, выбрать кого-нибудь изъ себя въ отца мѣсто, а выборъ кого-нибудь вмѣсто отца, слѣдов. возобновленіе прежнихъ отношеній, какъ они были при жизни отца, условливалъ необходимо и общее, нераздѣльное владѣніе. Должно замѣтить, что родовую связь и общую, нераздѣльную собственность поддерживала простота быта, малочисленность пуждъ, легко удовлетворяемыхъ общими первоначальными занятіями родичей¹⁾.

Что касается нравовъ и обычаевъ Славянъ языческихъ, то они условливаются преимущественно тогдашнимъ народнымъ бытомъ ихъ. Сличивъ извѣстія современниковъ-чужеземцевъ, мы находимъ, что вообще Славяне своею нравственностью производили на нихъ выгодное впечатлѣніе: простота нравовъ славянскихъ находилась въ противоположности съ испорченными правами тогдашнихъ образованныхъ или полуобразованныхъ народовъ. Такъ встрѣчаемъ отзывы, что злые и лукавые попа-

даются очень рѣдко между Славянами. Доброта не исключала, впрочемъ, свирѣпости и жестокости въ извѣстныхъ случаяхъ; тѣ же писатели, которые хвалятъ доброту Славянъ, рассказываютъ ужасы объ обхожденіи ихъ съ плѣнными, съ проповѣдниками христіанства; здѣсь не слѣдуетъ удивляться противорѣчію свидѣтельствъ: такъ часто бываетъ у людей и цѣлыхъ народовъ, добрыхъ по природѣ, но предоставленныхъ влеченіямъ одной только природы. Одни писатели называютъ Славянъ не лукавыми, другіе—вѣроломными; это противорѣчіе объясняется извѣстіемъ, что между Славянами господствовали постоянно различныя мнѣнія: ни въ чемъ они не были между собою согласны; если одни въ чемъ-нибудь согласятся, то другіе тотчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, потому что все питаютъ другъ къ другу вражду, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому. Такое поведеніе протекало естественно изъ разрозненности, особенности быта по родамъ, изъ отсутствія сознанія объ общемъ интересѣ внѣ родоваго.

Все писатели единогласно превозносятъ гостепримство Славянъ, ихъ ласковость къ иностранцамъ, которыхъ усердно провожали изъ одного мѣста въ другое, и если случится, что странникъ потерпитъ какую-нибудь бѣду по нерадѣнію своего хозяина, то сосѣдъ послѣдняго вооружается противъ него, почитая священнымъ долгомъ отгнать за странника; о сѣверо-западныхъ Славянахъ рассказываютъ, что у нихъ считалось дозволеннымъ украсть для угощенія. Гостепримство есть черта, принадлежащая не однимъ Славянамъ: у Грековъ нарушить долгъ гостепримства значило оскорбить высшее божество—Зевеса; и теперь путешественники удивляются гостепримству дикарей Сѣверной Америки. Чѣмъ затруднительнѣе странствованіе, чѣмъ съ большими опасностями сопряжено оно, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ въ себѣ народъ обязанность гостепримства; особенно должны были чувствовать эту обязанность Славяне,—народъ, болѣе другихъ подвергавшійся враждебнымъ столкновеніямъ и съ своими, и съ чужими, нападеніямъ и изгнанію. Но, кромѣ состраданія, гостепримство имѣло еще и другія причины: для народа, живущаго въ простотѣ нравовъ, чужестранецъ, странникъ былъ явленіемъ важнымъ, любопытнымъ: сколько наслажденій могъ онъ доставить рассказомъ о своихъ похожденияхъ! Съ другой стороны, человекъ много странствовавшій, слѣд. много видѣвшій, много знающій, всегда и вездѣ пользовался большимъ уваженіемъ, являлся существомъ необыкновеннымъ, героемъ, потому что дерзалъ преодолѣвать странную пренятствія, соединенныя тогда съ путешествіемъ,—удача въ этомъ предолѣніи была знакомъ особенной милости боговъ; бояться одинокаго странника было нечего, научиться отъ него можно было многому, оскорбить любимаго боговъ было страшно. Сюда должно присоединить и религіозныя понятія: каждое жилище, очагъ cadaго дома былъ мѣстопробываніемъ домашняго божества; странникъ, вхо-

¹⁾ О родовомъ бытѣ у Славянъ, коимъ своихъ писателей, свидѣлствуютъ также иностранцы: Прокопій говоритъ, что они по повинуются одному властителю, но изъ-начала живутъ при народномъ правленіи; это нисколько не противорѣчитъ свидѣтельству Маврикія, который говоритъ, что у Славянъ много царьковъ, ибо, съ одной стороны, князь, старшина родовъ могутъ являться съ характеромъ правителей, съ другой—равенство этихъ родоначальниковъ другъ передъ другомъ, общія ихъ сходки, или вѣча, представлялись для Грека демократією; такъ Маврикія, упоминая о царькахъ, въ томъ же мѣстѣ говоритъ, что Славяне не знаютъ правительства; Прокопій прибавляетъ, что у Славянъ былъ обычай совѣщаться вмѣстѣ о всякихъ дѣлахъ. Арабскіе писатели о Славянахъ подтверждаютъ показанія Греческихъ—Ср. мою статью: Очеркъ нравовъ, обычаевъ и религіи Славянъ преимущественно восточныхъ, во времена языческихъ, помѣщ. въ 1-й книгѣ Архива историко-юридич. свѣд., изд. Н. Калачевымъ; равно послѣдованіе А. Тюриня: Обществ. жизнь и проч.

дивный въ домъ, отдавался подъ покровительство этого божества; оскорбить странника значило оскорбить божество. Наконецъ странникъ, хорошо принятый и угощенный, повсюду разносилъ добрую славу о человѣкѣ и родѣ гостеприимномъ⁴⁾. Славянинъ считалъ позволеннымъ украсть для угощенія странника, потому что этимъ угощеніемъ онъ возвышалъ славу цѣлаго рода, цѣлаго селенія, которое потому и снисходительно смотрѣло на кражу: это было угощеніе на счетъ цѣлаго рода⁵⁾.

Писатели хвалятъ обхожденіе Славянъ съ плѣнными, которымъ оставлена жизнь; говорятъ, что у Славянъ плѣнные не рабствовали цѣлый вѣкъ, какъ у другихъ народовъ, но что назначенъ былъ известный срокъ, по прошествіи котораго они были вольны или возвратиться къ своимъ, давши окупъ, или остаться жить между Славянами, въ качествѣ людей вольныхъ и друзей. Здѣсь должно замѣтить, что желаніе имѣть рабовъ и удерживать ихъ какъ можно долѣе въ этомъ состояніи бываетъ сильно, во первыхъ, у народовъ, у которыхъ хозяйственные и общественныя управленія сложны, роскошь развита; во вторыхъ, рабы нужны народамъ хотя и дикимъ, но воинственнымъ, которые считаютъ занятія войною и ея подобіемъ, охотою за звѣрями, единственно приличными для свободнаго человѣка, а все хлопоты домашнія слагаютъ на женщинъ и рабовъ; наконецъ, какъ ко всякому явленію, такъ и къ явленію рабства посреди себя народъ долженъ привыкнуть: для этого народъ долженъ быть или образованъ и пріобрѣтать рабовъ посредствомъ купли, или воинствененъ и пріобрѣтать ихъ какъ добычу, или долженъ быть завоевателемъ въ странѣ, которой прежніе жители обратились въ рабовъ. По Славяне жили подъ самыми простыми формами быта, быта родового, ихъ хозяйственныя управленія были не трудны и не сложны, въ одеждѣ, въ жилищахъ господствовало отсутствіе всякой роскоши; при всемъ этомъ и при постоянной борьбѣ съ своими и съ чужими, при постоянной готовности покинуть свое мѣстопробываніе и спастись отъ врага, рабы могли только затруднять славянское семейство, а потому и не имѣли большой цѣнности. Потомъ известно, что воинственность не была господствующею чертою славянскаго народнаго характера, и что Славяне вовсе не гнушались земледѣльческими занятіями. У народа, въ простотѣ родового быта живущаго, рабъ не имѣетъ слишкомъ большого различія отъ членовъ семьи; онъ бываетъ также младшимъ членомъ

ея, малымъ, юнымъ; степень его повинновенія и обязанностей къ главѣ семьи одинакова со степенью повинновенія и обязанностей младшихъ членовъ къ родоначальнику³⁾.

Мы замѣтили, что на иностранныхъ писателей нравы Славянъ производили благопріятное впечатлѣніе, они отзываются о нихъ съ похвалою; вовсе не такъ снисходителенъ къ древнимъ славянскимъ правамъ и обычаямъ нашъ начальный лѣтописецъ, духовный христіанскій, который потому съ омерзѣніемъ смотрѣлъ на все, что напоминало о древнемъ язычествѣ. Исключая Полянъ, имѣвшихъ обычай кроткіе и тихіе, стыдливыхъ передъ снохами и сестрами, матерями и отцами, свекровьями и деверями, имѣвшихъ брачный обычай, нравы остальныхъ племенъ у него описаны черными красками: Древляне жили по-скотски, убивали другъ друга, ѣли все нечистое, и брака у нихъ не было, а похищеніе дѣвицъ. Радимичи, Вятичи и Сѣверяне имѣли одинакій обычай: жили въ лѣсу, какъ звѣри, ѣли все нечистое, срамословили передъ отцами и передъ снохами, браковъ у нихъ не было, но играли между селами, гдѣ молодые люди, сговорившись съ дѣвцами, похищали ихъ; держали по двѣ и по три жены. Если кто умретъ, творили надъ нимъ тризну, сожигали трущъ, и, собравши кости, складывали въ малый сосудъ, который ставили на столпъ, на распутіи⁴⁾.

При этомъ описаніи нельзя не замѣтить, что лѣтописецъ, вѣрный понятіямъ своего времени, преимущественно обращаетъ вниманіе на семейные нравы и обычай племенъ, въ нихъ полагаетъ различіе между послѣдними. Основа семьи, узлы ея—это бракъ; отсюда понятно, какъ важно было различіе во взглядѣ на это явленіе у разныхъ племенъ; это различіе въ обычаяхъ брака лѣтописецъ и приводитъ какъ основное нравственное различіе между племенами. У нѣкоторыхъ племенъ, по его свидѣтельству, брака не было, жепъ себѣ похищали, слѣд. подъ выраженіемъ „не имѣли брака“ мы должны разумѣть только то, что они не совершали брака, какъ должно, по мнѣнію лѣтописца, т. е. съ согласія родственниковъ невесты, какъ было у Полянъ. Здѣсь представляется вопросъ: при какихъ обстоятельствахъ могло происходить похищеніе дѣвицъ въ родовомъ быту? Если родъ, развѣтвляясь, сохраняя единство, все члены его жили вмѣстѣ, повинувшись одному старшинѣ, то позволялось ли имъ вступать въ бракъ въ своемъ родѣ въ извѣстныхъ степеняхъ? Впоследствии князь Рюрикъ и

⁴⁾ Мономахъ говоритъ въ поученіи (Поли. Собр. Р. Л. 1, стр. 102): «Болѣ же чтите гостя, откуда же къ вамъ придетъ, или простъ, или добръ, или соль, аще не можете даромъ, и брашномъ и нитьемъ; ти бо мномохъ чти прославлять человекъ по всемъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ».

⁵⁾ Гельмгольдъ, который оставилъ намъ это повѣстіе (lib I, cap. LXXII), смотритъ на это, какъ на кражу; но очень вѣроятно, что въ селеніи славянскомъ, часто состоявшемъ изъ одного рода, вовсе не видѣли здѣсь кражи, ибо каждый родичъ считалъ себя въ правѣ угостить странника на общій счетъ цѣлаго рода.

³⁾ Имя раба смѣшивалось съ именемъ младшаго члена семьи; что рабъ значило малы й, юны й, доказательствомъ служатъ производное р о б е н о к ъ, или ребенокъ, также производный глаголъ отъ р о б ѣ, или рабъ, р о б ѣ ю, умаляясь духомъ; отрокъ означаетъ мальчика и раба. Въ древнемъ родовомъ обществѣ сирота была самое несчастное существо, сирота была первый и последний, первый рабъ. Отсюда сирота значить рабъ въ нашихъ древнихъ памятникахъ, а въ нѣкоторыхъ областныхъ нарѣчіяхъ и теперь сирота означаетъ нищаго.

⁴⁾ Поли. Собр. Р. Л. 1, стр. 6.

вступали въ бракъ въ своемъ родѣ, въ седьмой и даже шестой степени родства¹⁾: у языческихъ Славянъ родъ могъ легко сохранять единство при этихъ степеняхъ; легко предположить также, что у язычниковъ браки позволялись и въ степеняхъ ближайшихъ, особенно при многоженствѣ. Если браки совершались внутри рода, то ясно, что въ такомъ случаѣ похищеніе не могло имѣть мѣста: постоянное сожителство четы должно было быть слѣдствіемъ согласія цѣлаго рода, воли отца — старшины; такимъ образомъ, похищеніе могло происходить только въ томъ случаѣ, когда дѣвушка была изъ чужого рода, изъ чужого села. Здѣсь похищеніе не было слѣдствіемъ одной враждебности родовъ, потому что если члены разныхъ родовъ сходились въ мѣстѣ на одинъ игрища (по всей вѣроятности религиозныя), то нельзя предполагать между ними вражды; здѣсь, кромѣ вражды, похищеніе должно было произойти отъ того, что каждый родъ берегъ дѣвушку для себя, для своихъ членовъ, и не хотѣлъ уступить ее чужеродцамъ, и если члену одного рода по нравилась на игрищѣ дѣвушка изъ чужого рода, то, чтобы имѣть ее женою, ему необходимо было ее похитить. Это похищеніе, естественно, производило вражду между родами: родъ, оскорбленный похищеніемъ, можетъ одолѣть родъ похитителя и требовать удовлетворенія, вознагражденія: это самое ведетъ уже къ продажѣ, похититель можетъ тотчасъ послѣ увода, не дожидаясь войны, предложить вознагражденіе; на такое явленіе указываетъ свадебный обрядъ, сохранившійся и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у простого народа: „Подлѣ невѣсты садится братъ или другой какой-нибудь родственникъ. Дружка спрашиваетъ его: зачѣмъ сидишь здѣсь?—Я берегу свою сестру.—Она уже не твоя, а наша, возражаетъ дружка.— А если она теперь вѣща, то заплатите мнѣ за ея прокормленіе. Я одѣвать ее, кормить, понлѣ“²⁾.—Это вознагражденіе не могло

быть малое, потому что число женщинъ не могло быть велико: вспомнить, что у Славянъ было въ обычай многоженство; вспомнить также и другой обычай, по которому жены слѣдовали въ могилу за мужьями, обычай же многоженства и недостатокъ въ женщинахъ необходимо умножали случаи похищенія.

Но если похищенія могли происходить при разрозненности родовъ, жившихъ особо, въ разныхъ селахъ, и сходящихся рѣдко, только на игрища (религиозные праздники), то могли ли они происходить въ городахъ, гдѣ нѣсколько родовъ жило на одномъ мѣстѣ, гдѣ слѣд. не могло быть такой разрозненности, особенности между ними, напротивъ,—отношенія непрерывныя? Здѣсь, при безпрестанномъ столкновеніи молодыхъ людей обоого пола изъ разныхъ родовъ, было невозможно для послѣднихъ удерживать своихъ дѣвушекъ для себя и давать поводы къ похищеніямъ, которыя должны были быть чрезвычайно часты, вести къ ежедневнымъ ссорамъ между сосѣдями; напротивъ, старшинамъ родовъ, даже во взаимныхъ борьбахъ, часто могло быть выгодно скрѣплять свои отношенія къ другимъ родамъ взаимными брачными связями между ихъ и своими членами. Здѣсь въ городахъ необходимо долженъ былъ произойти обычай сватовства, брачный обычай; по выраженію лѣтописца, браки должны были заключаться съ согласія родственниковъ невѣсты. Какъ же они заключались? Разуздается, условія должны были завѣстѣ отъ старшинъ, обязанныхъ блюсти выгоду рода; естественно, что обычай давать вѣно, или цѣну за выводъ изъ рода, могъ долго имѣть мѣсто: нужда была на сторонѣ жениха, на сторонѣ его рода, а не на сторонѣ рода невѣсты, для котораго дѣвушка не могла быть лишнею. Но, съ другой стороны, плата за содержаніе, при обычай взаимныхъ браковъ между членами разныхъ родовъ съ согласія послѣднихъ, теряла свое значеніе: если родъ отпущалъ дѣвушку въ чужой родъ, то въ то же время онъ имѣлъ возможность пріобрѣсть жену для своихъ членовъ изъ чужого рода; напротивъ, здѣсь, въ городахъ, гдѣ браки заключались съ согласія родственниковъ невѣсты, давала просторъ чувству родительской привязанности, которая, простираясь одинаково на сыновей и дочерей, требовала, чтобы и послѣднія не исключались изъ наслѣдства, и, выходя изъ рода, брали свою часть, которая давала имъ возможность лучшаго существованія въ чужомъ родѣ; отсюда происхожденіе приданого; въ городахъ близость поддерживала тѣсныя родственныя отношенія между родами, вошедшими въ связь посредствомъ брака своихъ членовъ; привязанность отца къ дочери поддерживалась частыми свиданіями, отецъ получалъ возможность наблюдать за поведеніемъ новыхъ родныхъ относительно дочери, за ея выгодами; дочь не выходила изъ рода, но распространяла родъ, привязывая къ своему старому роду еще новый родъ мужа; произошло явленіе, которое увидѣть послѣ въ отношеніяхъ между кнзьями Рюриковичами, и

¹⁾ Неволлича—Исторія Росс. Гражд. Зак. т. I, стр. 197.

²⁾ Вытъ русскаго народа, соч. А. Терещеки, ч. II, стр. 517, 518. Очень любопытно сравнить понятія племенъ, живущихъ и теперь при тѣхъ же формахъ быта, при какихъ исторія застаетъ Славянъ; такъ напр. читаемъ въ отчетѣ г. Кастрена (Bericht an die Kaiserliche Akademie, Bulletin, T. IV, 1847): «Fragen wir den Samojesischen Sânger, wie er das so tief verachtete Weib das Ziel einer edlen Unternehmung (похищеніе) werden lässt, so antwortet er ohne Bedenken mit folgenden Worten: Schon seit den Zeiten der Väter ist bei uns ist Sitte in Ehren gehalten worden, dass wir uns Frauen nie aus unserem eigenen, sondern aus einem anderen, fremden, nicht verwandten Stamme nehmen. Nun lebten die verschiedenen Stämme früher gewöhnlich in einem feindlichen Verhältnisse zu einander, und daher hielt es oft schwer, auf gutlichem Wege in den Besitz einer Frau zu gelangen. Dies konnte wenigstens nicht ohne ein Brautgeld geschehen, welches ausserordentlich hoch war, in Folge der ehemaligen gebräuchlichen Vielweiberei und des dadurch verursachten Mangels an unverheiratheten Weibern. Um sich besonders diesen Tribut zu entziehen, hat der Starke bei uns sich ein Weib mit dem Recht der Faust genommen».

которое, безъ сомнѣнія, имѣло мѣсто и въ другихъ родахъ, а именно: племя дочери, сестры стало сравниваться съ племенемъ сына, брата, свойственники вошли въ отношенія родственниковъ; такъ сестричь, сынъ сестры, хотя бы принадлежалъ къ враждебному роду, считался своимъ; такъ мужъ старшей сестры считался старшимъ братомъ относительно младшихъ шурьевъ, старшій шуринъ относительно младшихъ зятьевъ. Уже замѣчено было, что вѣно, или плата за невѣсту—была въ тѣсной связи съ похищеніемъ: если дѣвушка, сговорясь на игрищѣ съ чужаниномъ, убѣгла съ нимъ въ чужой родъ, то тѣмъ самымъ, разумеется, разрывала всякую связь съ покинутымъ ею родомъ, не имѣла права надѣяться чего-нибудь отъ него, и прежніе родичи заботились только о томъ, чтобы получить за нее плату, чтобы она не пропала для рода даромъ; но если дѣвушка оставляла родъ съ согласія его, съ согласія старшины, отца, то ясно, что послѣдній обязанъ былъ заботиться о ея благосостояніи, какъ о благосостояніи каждаго другого члена рода, обязанъ былъ надѣлать ее всѣмъ нужнымъ, вслѣдствіе чего вѣно, прежняя цѣна за вынудъ дѣвушки изъ рода—у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ потеряла свое значеніе: вѣно вмѣстѣ съ приданымъ начало обращаться въ собственность жены ¹⁾. Но у нашихъ Славянъ, какъ видно, вѣно,

не теряя вполне своего значенія, перешло въ подарокъ отъ жениха роднымъ невѣстамъ, а самое слово начало означать вообще брачныя условія, брачную запись ²⁾. Замѣтимъ опять, что вѣно, какъ цѣна за выведенную изъ рода дѣвушку, находится въ тѣсной связи съ похищеніемъ, а приданое—съ выдачею замужъ при согласіи родственниковъ невѣсты, и что первый обычай долженъ былъ господствовать у народонаселенія, которое жило отдѣльными родами, а второй долженъ былъ произойти въ городахъ, гдѣ на одномъ мѣстѣ жило нѣсколько родовъ ³⁾.

Множество у всѣхъ племенъ славянскихъ есть явленіе несомнѣнное; нашъ лѣтописецъ говоритъ о восточныхъ Славянахъ, что они брали по двѣ и по три жены; обычай многоженства сохранялся и долго послѣ введенія христіанства ⁴⁾. Что касается

Miklosich, Radices linguae slovenicae, p. 14. См. также въ Архивѣ Калачева дополненіе, сдѣланное Буславичемъ къ Сказаніямъ Русскаго народа, изд. Сахаровымъ, I, стр. 5 и слѣд.—Наконецъ, что вѣно означаетъ куплю, видно изъ слѣдующаго мѣста въ переводѣ правды Іоанна Склятика: «Одъхъдующихъ любобѣяннн и прелюбодѣяннн епитомію дружитися, и въсхищеніемъ, ли нужоу съ жанами живущихъ, и о дѣвствахъ и о рабннцахъ доающихъ самбѣхъ чрезъ вѣно о владущихъ ими». См. у Розенкампа о Кормчей книгѣ, стр. 111.

²⁾ Въ азбучовникахъ толкуется «Вѣно написаніе: егда кто обручить себѣ невѣсту и творитъ писаніе мѣжъ крѣпостъ промежъ себя, и то писаніе наречется вѣно».

³⁾ На обычай похищать дѣвицъ на игрищахъ указываетъ разсказъ Боллана о древнемъ украинскомъ обычѣ похищенія дѣвицъ на праздникахъ (Description d'Ukraine, p. 63). На это же указываетъ обычай раскольниковъ: между нѣкоторыми расколами бракъ не считается дѣйствительнымъ, доколѣ женихъ не похитилъ дѣвицу съ ея согласія. Такое обыкновеніе было въ употребленіи еще недавно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Витебской губерніи между раскольниками. Тамъ молодые парни и дѣвицы на масляницѣ собирались въ питейный домъ, на гулянье, называемое кирмашъ, плясать, пить и веселиться. Отцы и матери знали, къ чему клонилось веселье, потому что оно было обрядное. Молодой парень, условившись съ дѣвицею, уходилъ съ ней съ кирмаша и, посадивъ на сани, огириваясь въ лѣсъ къ заутреннему дубу: обвязалъ его три раза, и тѣмъ оканчивалось его вѣчанье. Въ Люденскомъ уѣздѣ находится огромное озеро, которое у раскольниковъ считается священнымъ: «мужчины, похищая дѣвушекъ, обвязали озеро три раза, и бракъ былъ дѣйствителенъ» (Терещенко—Бытъ русск. нар. II, 28). На этотъ же языческій обрядъ, сохраненный раскольниками, указываетъ извѣстіе о Рязицѣ, который будто бы на Дону велѣлъ вѣчать людей около деревьевъ (Игнатьевъ—Исторія Донскаго войска въ вѣтнихъ Моск. Ист. Общ.). Слова лѣтописца: «Врака у нихъ не бываша, по умкннваху у воды дѣвица, находится въ связи съ словами митрополита Киррилла: «Въ предѣлахъ Новгородскихъ невѣсты водятъ къ водѣ и нырявъ великъ тому тако быти или то проклинати повелѣваемъ» (Востокова—Описаніе Румин. Муз., стр. 321). На употребленіе воды въ языческихъ бракахъ указываютъ также правла Іоанна митрополита, гдѣ говорится о языческомъ обрядѣ плесканія, употребляемомъ при свадьбахъ простыхъ людей (Русск. Достоп. I, 101). Указаніе на обычай похищенія цѣлою толпою пріятелихъ похитителя, съ присягою стоять другъ за друга, братъ за брата, см. въ Этногр. Сбор. I, 255.

⁴⁾ Митрополитъ Іоаннъ въ правлахъ говоритъ: «То же створи, пже безъ труда и безъ страха и се-срама двѣ женѣ имѣють». Рус. Д-ст. I, 91.

¹⁾ См. о состояніи женщинъ въ Россіи до Петра В., соч. В. Шульгина, выпускъ 1-й, стр. 18, примѣч. 30.—Мы не можемъ согласиться съ авторомъ этого сочиненія, у насъ вѣно не могло означать цѣны за невѣсту, которая давалась женихомъ отцу послѣдней. Онъ ссылается на чтеніе Лаврентьевскаго списка лѣтописи, въ которомъ, какъ было замѣчено прежде и мною (см. Архивъ Калачева. Очеркъ правовъ и проч.), ясно указывается на приданое: вечеромъ приводилъ невѣсту къ жениху, а «завтра приношаху по ней, что вдадуче»; но есть другое чтеніе Никитинскаго, древнѣйшаго списка, которое скорѣе указываетъ на куплю, чѣмъ на приданое: «А завтра приношаху что и на ней в да дуче». Кромѣ этой разности въ чтеніи, мы находимъ въ лѣтописи прямое указаніе на вѣно, какъ на цѣну дѣвушки, платимую женихомъ роднымъ невѣсты; Владиміръ (женихъ на Анѣ) «вдасть за вѣно Грекомъ Корсунъ царицы дѣла»; Казиміръ (женихъ на сестрѣ Ярослава) «вдасть за вѣно люде 800». Г. Шульгинъ хочетъ видѣть въ этихъ дѣйствіяхъ только дружеское расположеніе государей, дареніе, которое Владиміръ и Казиміръ могли дѣлать и не дѣлать, ни чужъ не объясненіе къ тому брачнмъ обрядамъ: «Если и предположить, говорятъ г. Шульгинъ, что Владиміръ заплатилъ Корсуну за жену, то въ такомъ случаѣ Императоры Василій и Константинъ являлись продавцами своей сестры, и если покупку женъ мы признаемъ за обычай русской, то продажу ихъ должны будемъ признать обрядами христіанской Греціи. Набожный Ярославъ также не могъ продать свою сестру какъ язычнику; но Казиміръ, породивъ съ нимъ, въ знакъ дружбы и родства, возвратилъ ему цѣнныхъ такъ точно, какъ Ярославъ, съ своей стороны, помогалъ ему усмирять мятежи въ Мавовинъ». Но для насъ важно не то, какъ смотрѣли на означенныя дѣйствія сами дѣйствующія лица, но то—какъ смотрѣли на нихъ лѣтописецъ, который въ отчѣтѣ Владиміромъ Корсуня, а Казиміромъ плѣнныхъ—видитъ вѣно; слѣдовательно вѣно означало то, что женихъ давалъ за невѣсту роднымъ послѣдней. Значеніе вѣна какъ цѣны объясняется производнымъ глаголомъ вѣнати — vendere напр. «Не пять лп втиць вѣнати тѣся пѣяземя дѣма». Исторія Россіи, т. I, вл. I.

до положенія славянской женщины, то дѣвушка, какъ видно, пользовалась полною свободой: лѣтописецъ говоритъ, что онѣ сходились съ молодыми людьми чужихъ родовъ на играхъ, имѣли возможность совѣщаться съ ними для бѣгства. Что же касается до положенія жены, то, разумѣется, при условіяхъ того быта, который мы застаемъ у языческихъ Славянъ, мы не имѣемъ права ожидать большого уваженія слабѣйшему полу отъ сильнѣйшаго; разумѣется, мы не должны искать у языческихъ Славянъ того тонкого уваженія къ женщѣ, которое дается только христіанскимъ взглядомъ на отношенія двухъ половъ и которое лѣтописецъ называетъ стыдѣньемъ¹⁾; отсутствие этого стыдѣнья и ведетъ необходимо къ многоженству. Но при этомъ у народа первобытнаго, разумѣется, мы не встрѣтимъ никакихъ опредѣленій, которыя осуждали бы женщину на вѣчное униженіе и ничтожество, которыя не позволяли бы ей выказывать свою силу умственную, иногда и физическую, приобретать посредствомъ этой силы уваженіе и властѣ.

Иностранные писатели удивляются привязанности славянскихъ женщинъ къ мужьямъ, за которыми онѣ слѣдовали даже въ могилу. Если женщина выходила замужъ въ чужой родъ, то при строгомъ и ревнивомъ надзорѣ новыхъ родичей мужъ былъ единственнымъ существомъ, отъ котораго она ждала и любви и покровительства; умирая мужъ—положеніе жены, лишившейся единственной подпоры, единственнаго звена, соединявшаго ее съ чужою семьей, становилось горько. Но при этомъ очень вѣроятно также, что у Славянъ, такъ какъ и у Германцевъ, было вѣрованіе, что мужчина легче достигаетъ блаженства въ будущей жизни, если переходитъ туда въ сопровожденіи женщины²⁾. Впрочемъ справедливо замѣчаютъ, что этотъ обычай не былъ вкорененъ между Славянами³⁾.

Послѣ брачнаго обычая, въ которомъ рѣзче всего выражаются нравственныя понятія народа, для лѣтописца, христіанскаго монаха, былъ всего важнѣе обычай погребенія, въ которомъ выражаются обыкновенно понятія народа о загробной жизни, и потому въ лѣтописи читаемъ описаніе этого обычая. Радимичи, Вятичи, Сѣверяне и Кривичи совершали тризну надъ покойникомъ, потомъ сожигали трупъ,

кости собирали въ небольшой сосудъ, который ставили на столбѣ при дорогѣ. Въ чемъ состоялъ погребальный обычай у Полянъ во времена язычества объ этомъ лѣтописецъ молчитъ,—и тѣмъ даетъ знать, что обычай Полянъ былъ одинаковъ съ обычаемъ другихъ племенъ; употребленіе тризны у Полянъ видно изъ того, что св. Ольга, жившая въ Кіевѣ, среди этого племени, запретила совершать по себѣ тризну. Подъ именемъ тризны разумѣлись, какъ видно, вообще поминки, и потому преимущественно борьба въ честь умершаго⁴⁾; съ поминками соединялся веселый, пьяный пиръ⁵⁾, также рѣзаніе и парананіе лица, въ знакъ печали⁶⁾. Одновременно съ обычаемъ сожиганія и ставленія урнъ съ пепломъ на придорожныхъ столбахъ существовалъ и обычай погребенія въ могилахъ, которыя сыпали холмами⁷⁾.

Иностранные писатели говорятъ, что Славяне жили въ дрянныхъ избахъ, находящихся въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга, и часто перемѣняли мѣста жительства. Такая непрочность и частая перемѣна жилищъ была слѣдствіемъ непрерывной опасности, которая грозила Славянамъ и отъ своихъ родовыхъ усобицъ, и отъ несчастій чуждыхъ народовъ. Вотъ почему Славяне вели тотъ образъ жизни, о которомъ говоритъ Маврикій: „У нихъ недоступны жилища въ лѣсахъ, при рѣкахъ, болотахъ и озерахъ; въ домахъ своихъ они устраиваютъ много выходы на всякій опасный случай; необходимыя вещи скрываютъ подъ землею, не имѣя

⁴⁾ Въ рукописныхъ бсѣдахъ Іоанна Лѣтвичника слово тризна переведено подвигъ (Востокова Опис. Рум. Муз. № 88.). Въ Новгородскомъ словарѣ XV вѣка тризна переведено: страдалство, подвигъ (Сахар. Сказ. Р. II. т. II). У западныхъ Славянъ слово тризна, въ смыслѣ поминковенія по усопшемъ, употребляется только у Вацерада; собственно это слово означало также бой, поединокъ; тризнице—хѣсто боя, тризникъ—подвижникъ; тризници по-чешски значить бить, а тризновать—не только бить, но и насмѣхаться—тоже, слѣдовательно, что наше трунить; въ словацкомъ—тризнитися, тризнитися, значить веселиться. Отъ литовскаго слова trīstis—вѣстать—происходить древне-литовское trīsina, тризна, т.-е. скачка, вѣстаніе.—Статья Микуцкаго въ Извѣстіяхъ II-го Отдѣленія Академіи листъ 7-й.

⁵⁾ Оеофилактъ (Strit Men. рор. II, 61), описывая впаденіе Приска въ землю Славянъ, жившихъ на сѣверѣ отъ Дуная, говоритъ, что онъ попалъ на князя ихъ врасплохъ, когда тотъ, радуясь поминки по братѣ своемъ, былъ пьянъ и народъ его забавлялся шпонами; см. также у нашего лѣтописца описаніе тризны Ольги по Игорѣ.

⁶⁾ Въ житіи Св. Константина Муромскаго: «Невѣрніи людѣ видяще сія, дивляхуси, еже не по ихъ обычаю погребеніе творять, яко погребасому благоверному князю Михаилу въ знакъ на востокъ лицемъ, а могила холмомъ не сыпашу, но равно со землею; ни тризница, ни даян (?) не дѣяху, ни битвы, ни кожи кровеніи не творяху, ни лица дряня».

⁷⁾ Не должно думать, чтобы этотъ обычай былъ чуждъ племенамъ славянскимъ, былъ занесенъ Варягами изъ Скандинавіи: приведенное мѣсто изъ житія Константина Муромскаго ясно указываетъ на него у Финновъ; онъ существовалъ и у славянскихъ племенъ, не знавшихъ Варяговъ, напр. у Полянъ (Dlugosci Histor. Polon. T. I., p. 53, 57); въ Краеведческой рукописи упоминается также закапываніе въ могилы.

¹⁾ Срамное слово въ нихъ предъ отци и предъ спохами.

²⁾ На основаніи восточныхъ свидѣтельствъ думаютъ, будто Славяне вѣрили, что женщина вступала въ рай только посредствомъ мужчины: если управлялъ холостой Славянинъ, то его женили послѣ смерти, и жена его спѣшила обречь себя на сожженіе, чтобы души ихъ могли войти въ рай.—Мы должны, кажется, принимать это извѣстіе обратно, т.-е. что мужчина нуждался въ женской душѣ для входа въ рай; иначе, для чего было женить мертвеца? Дѣвушка могла выйти за другого и войти въ рай вмѣстѣ съ послѣднимъ.

³⁾ «Если бы сожженіе вдовъ строго соблюдалось, замѣчаетъ г. Шульгинъ (стр. 66), то почему наши лѣтописцы молчатъ о немъ? почему наше духовенство не нападаетъ на него?—Впрочемъ г. Шульгинъ напрасно думаетъ, что у Нормановъ самоожженіе вдовъ требовалось закономъ».

ничего лишняго наружи, но живи какъ разбойники“ Одинакая причина, дѣйствовавшая долгое время, производила одинакія слѣдствія; жизнь въ безпрестанномъ ожиданіи вражьихъ нападений продолжалась для восточныхъ Славянъ и тогда, когда они уже находились подъ державою князей Рюрикова дома: Печенѣги и Половцы смѣнили Аваръ, Козарь и другихъ варваровъ, усобицы княжескія смѣнили усобицы родовъ, возстававшихъ другъ на друга, слѣд. не могла исчезнуть и привычка перемѣнять мѣста, бѣгая отъ непріятели; вотъ почему Кіевляне говорятъ Ярославичамъ, что если князь не защититъ ихъ отъ гнѣва старшаго своего брата, то они покинутъ Кіевъ и уйдутъ въ Грецію. Половцевъ смѣнили Татары, княжескія междоусобія продолжались на сѣверѣ; какъ скоро начнутся княжескія усобицы, народъ покидаетъ жилища, а съ прекращеніемъ усобицъ возвращается назадъ; на югѣ безпрестанные набѣги усиливаютъ козачество, и послѣ на сѣверѣ разбредется розно отъ какого бы то ни было насилія и тяжести было ни почему для жителей; при этомъ должно прибавить, что природа страны сильно благопріятствовала такимъ переселеніямъ. Привычка довольствоваться малымъ и всегда быть готову покинуть жилище поддерживала въ Славянѣ отвращеніе къ чуждому игу, о чемъ замѣтилъ Маврикій. Родовый бытъ, условливавшій разьединеніе, вражду и, слѣдовательно, слабость между Славянами, условливалъ необходимо и образъ веденія войны; не имѣя одного общаго начальника и вражду другъ съ другомъ, Славяне уклонялись отъ сколько-нибудь правильныхъ сраженій, гдѣ бы должны были биться соединенными силами на мѣстахъ ровныхъ и открытыхъ. Они любили сражаться съ врагами въ мѣстахъ узкихъ, непроходимыхъ; если нападали, то нападали набѣгомъ, внезапно, хитростію; любили сражаться въ лѣсахъ, куда заманивали непріятели бѣгствомъ и потомъ, возвратившись, наносили ему пораженіе. Вотъ почему императоръ Маврикій совѣтуетъ нападать на Славянъ зимою, когда имъ неудобно скрываться за обнаженными деревьями, свѣтъ препятствуетъ движенію бѣгущихъ, да и свѣтныхъ припасовъ у нихъ тогда мало. Особенно отличались Славяне искусствомъ плавать и скрываться въ рѣкахъ, гдѣ могли оставаться гораздо долѣе, чѣмъ люди другого племени; они держались подъ водою, лежа на спинѣ и держа во рту выдолбленный тростникъ, котораго верхушка выходила на поверхность рѣки и такимъ образомъ проводила воздухъ скрытому пловцу. Вооруженіе Славянъ состояло въ двухъ малыхъ копьяхъ; нѣкоторые носили и щиты, твердые и очень тяжелые, употребляли также деревянныя луки и маленькія стрѣлы, намазанныя ядомъ, очень дѣйствительнымъ, если искусный врачъ не подастъ екорой помощи раненому. У Проконія читаемъ, что Славяне, вступающіе въ битву, не надѣвали латы, на нѣкоторыхъ не бывало даже ни плаща, ни рубашки, одни только порты; вообще Проконій не хвалитъ

Славянъ за опрятность, говоритъ, что, подобно Массагетамъ, они покрыты грязью и всякою нечистотой. Какъ всѣ народы въ простотѣ быта живущіе, Славяне были здоровы, крѣпки, легко сносили холодъ и жаръ, недостатокъ въ одеждѣ и пищѣ. О наружности древнихъ Славянъ современники говорятъ, что они всѣ похожи другъ на друга, высоки ростомъ, статны; кожа у нихъ не совершенна бѣлая, волосы длинныя, темнорусые, лицо красноватое.

Религія восточныхъ Славянъ поразительно сходна съ первоначальною религіей Арійскихъ племенъ: она состояла въ поклоненіи физическимъ божествамъ, явленіямъ природы и душамъ усопшихъ, родовымъ, домашнимъ гениямъ; слѣдовъ героическаго элемента, такъ сильно развивающаго антропоморфизмъ, мы не замѣчаемъ у нашихъ Славянъ, — знакъ, что между ними не образовывались завоевательныя дружины подъ начальствомъ вождей-героевъ и что переселенія ихъ совершались въ родовой, а не въ дружинной формѣ. Основываясь на опредѣленныхъ указаніяхъ современниковъ, мы находимъ у нашихъ Славянъ, при поклоненіи многимъ различнымъ явленіямъ природы подъ разными именами божествъ, поклоненіе одному верховному божеству, къ которому остальные находились въ подчиненномъ отношеніи: это верховное божество, по свидѣтельству одного изъ древнѣйшихъ писателей о Славянахъ, Проконія, было божествомъ молніи, которое нашъ лѣтописецъ называетъ Перуномъ. Явленіе грозы, молніи — есть самое поразительное изъ явленій природы: не мудрено, что первобытный человѣкъ далъ ему первое мѣсто между всѣми другими явленіями; онъ не могъ не замѣтить благотворнаго вліанія грозы на жизнь природы; не могъ не замѣтить, что свѣтъ молніи независимо во всякое время обнаруживаетъ свое могущество, тогда какъ напр. дѣйствія солнца ограничены, подвержены извѣстному закону, могутъ обнаруживаться только въ извѣстное время, уступая владычеству другому, противоположному и, слѣдовательно, враждебному началу — мраку; солнце затмевалось, могло бы въ глазахъ первобытнаго человѣка: молнія никогда въ глазахъ его не теряла своего могущества, не побѣждалась другимъ началомъ; свѣтъ молніи сопровождается обыкновенно живительнымъ для природы дождемъ; отсюда необходимое представленіе, что Перунъ ниспосылаетъ дождь жаждущей природѣ, которая безъ того погибла бы отъ жгучихъ лучей солнца. Такимъ образомъ молнія являлась для язычника силою производящей, съ характеромъ божества высшаго, дѣйствующаго, правящаго по преимуществу, управляющаго, направляющаго вредъ, наносимый другими божествами, тогда какъ солнце, наприм., и для поклоняющагося ему язычника являлось чѣмъ-то страдательнымъ, не имѣющимъ распоряжательной силы въ природѣ, подчиненнымъ. Наконецъ значеніе верховнаго божества — правителя — молніи получала въ глазахъ язычника, по причинѣ своей

страшной карательной силы, дѣйствующей быстро и непосредственно.

Имѣемъ право думать, что Перунъ у языческихъ Славянъ носилъ еще другое названіе Сварога ¹⁾. Верховное божество Сварога—Перунъ—пораждало двоихъ сыновей, двухъ Сварожичей: солнце и огонь ²⁾. Поклошеніе солнцу, какъ видно, было

¹⁾ Сварога, индѣйское с варга, сложено изъ двухъ частей с вар—небо, свѣтъ, и изъ окончанія га, означающаго хожденіе; слѣд. сварга имѣетъ смыслъ пребыванія на небѣ или хожденіе по небу (см. О. Вуслаева—О вліяніи христ. на слав. языкъ, стр. 50).—Въ Платневскомъ спискѣ лѣтописи читаемъ слѣдующее о Сварога: «И бысть по потопѣ и по раздѣленіи языка, пока царствовати первое Местроумъ отъ рода Ашова, по немъ Еремія, по немъ Феоса, иже и Саварога наречеко Егуптане; царствующу сему Феосѣ въ Егуптѣ, во время царства его, снадоша клещѣ съ небесѣ, нача ковати оружье». Славянской Сварога объясняется здѣсь отождествленіемъ его съ древнимъ Феостомъ или Ефеостомъ, Вулканомъ, египетскимъ Фтасъ; Ефесть есть богъ молніи, ковачъ небеснаго, божественнаго оружія, въ его царствованіе «снадоша клещѣ съ небесѣ, нача ковати оружье»; но богъ молніи, богъ оружія есть Перунъ.—Что Сварога—Перунъ, богъ молніи, былъ верховнымъ богомъ, распорядителемъ, раздѣлителемъ всего, на это ясно указываетъ одна серебряная пѣсня, въ которой такъ говорится о могуществѣ молніи:

«Стаде муна даре дигелити:
Даде Богу небесне виеине,
Свѣтомъ Петру Петровске вручине,
А Ювану леда и спижега,
а Николаи на води слободу,
а Илци муниѣ и стражемо».

На связь Сварога-Перуна съ оружіемъ указываетъ обычай клестыя передъ Перуномъ, полагаая оружіе (Полн. Собран. Русск. Лѣт 1, 23), вмѣстѣ съ оружіемъ клаяи и золото, приговаривая: «Аде ли отъ тихъ самѣхъ прержѣчпныхъ не хранимъ: да имѣемъ клятву отъ бога, въ его же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будемъ золоты, яко золото, и словомъ оружемъ да небѣны будемъ». Слова: «да будемъ золоты, яко золото» объясняютъ такъ: «вздохнемъ, сгоримъ отъ небеснаго огня». (См. Вуслаева О вл христ., стр. 13.) Сварога-Перунъ въ народномъ воображеніи представлялся божествомъ воеителемъ, котораго оружіе особенно было направлено противъ злыхъ духовъ; вѣроятно дѣйствию послѣднихъ приписывали сгущеніе атмосферы, прекращавшееся послѣ грозы. Такъ и теперь простолуды, во время грозы, затворяютъ окна, опрокидываютъ сосуды, даже чайная чашки и рюмки, увѣряя, что злые духи, гонимые молніею, стараются скрыться въ какое-нибудь отверстие. Такъ точно воеителемъ представляется индѣйскій Индра громовержецъ, ниспосылающій дождь на землю; волею оъ противъ злыхъ духовъ, которые небесную воду скрываютъ въ густыхъ облакахъ; Индра разсѣкаетъ эти черныя облака и такимъ образомъ спускаетъ дождь. О мѣологіи Арийцевъ см. Lepointant—Manuel d'histoire ancienne, III, 455 и слѣд. и также въ Dinker's Geschichte des Alterthums t. II, p. 17. Касательно происхожденія слова Перунъ, замѣчаютъ, что литовскій глаголъ perietі означетъ: производить по-средствомъ теплоты, рождать. Отъ саксннскаго корня раг произошли у Славянъ дѣлѣ формы: дѣйствительная Перунъ и страдательная паренъ, рожденный сынъ.—Записка Микуцаго въ Извѣстіяхъ II Отдѣл. Академіи, листъ 7-й.

²⁾ Въ приведенномъ выше мѣстѣ Платневскаго списка лѣтописи читаемъ далѣе: «И по семъ (т. е. по Сварога) царствова сынъ его, именемъ Солнце, его же наричаютъ Дажьбогъ... Солнце царь сынъ Сварогова, иже есть Дажьбогъ». Братомъ Солнца, сыномъ Свароговымъ, называется также и огонь: «Огненн молятся, зовутъ его Сварожичемъ». (Восточкова Опис. Рум. Муз. 2-3.)

сильно распространено между Славянами: въ Словѣ о Полку Игоревѣ русскіе называютъ внуками Дажьбога; если такъ, то къ нему имѣемъ право отнести извѣстныя воззванія въ нашихъ пѣсняхъ: Дидъ (дѣдъ) Ладо; послѣднее названіе, означающее свѣтъ, красоту, міръ, любовь, радость, всего приличіе можетъ относиться къ солнцу ³⁾; другой призывъ: Люль, Лель означаетъ также дѣда ⁴⁾. Кромѣ названія Ладо и Дажьбога, къ солнцу же не безъ основанія относятъ имена Хорса ⁵⁾, Сура или Тура, Волоса ⁶⁾.—Вмѣстѣ съ солнцемъ обо-

³⁾ Очень естественно, имя Лада и Лады давалось также любовникамъ и супругамъ, которыхъ небесная чета—Ладо и Лада (солнце и луна) были первообразомъ; употребляется же ласкательное: мой свѣтъ!

⁴⁾ По-древански дѣдъ Igołga, т. е. Iolja; отсюда Богъ называется nos Igołga, т. е. нашъ дѣдъ. См. Доброскаго Slovanka, I, 13. На значеніе солнца, какъ отца народа, указываетъ извѣстная пѣсня:

Солнышко, солнышко, Твои дѣтки плачутъ,
Выгляни въ окошечко, Пать, вѣтъ просятъ.

По-литовски didis или didelis, по-латыски lels—значитъ великій. Кромѣ божества эпитетомъ великій вѣроятно означалъ и родовначальникъ; съ литовскимъ didis и латышскимъ lels совпадаютъ славянскія слова: дѣдъ, дядя, леля у Полабцевъ отецъ, дѣла по-церковнославянскіи тетка. Записокъ Микуцаго въ Извѣстіяхъ II-го Отдѣл. Академіи, листъ 7-й. У Арийцевъ Солнце (Surji) представляется также какъ производитель и питатель людей. См. означ. соч. Дункера, стр. 20.

⁵⁾ О тождествѣ Хорса и Дажьбога, см. статью О. Болдаскиго въ Чтен. Моск. Ист. Общ. 1846, № 2.

⁶⁾ См. статью профессора Срезневскаго—объ обожаніи Солнца у древнихъ Славянъ (Жур. Мин. Нар. Просвѣтл. 1846, 51).—Волось первоначально могъ быть божествомъ солнца, но какъ объяснить, что оныя является подлѣ двухъ именъ божества солнца (Хорса и Дажьбога) съ совершенно особымъ характеромъ, какъ скотій богъ въ противоположность Перуну, богу людей? Намъ кажется, что Волось принялъ преимущественно характеръ скотьяго бога, потерявъ значеніе солнца, вследствие физическаго вліянія: у Финновъ есть божество, которе считается господиномъ надъ животнымъ царствомъ, кромѣ человека; это божество почитъ общце имя Сторъ-юшкаръ, что значитъ Великій господинъ (Mone, Geschichte des Heidenthums im nördlichen Europa, I, 36); Самоѣды и теперь боятся называть свое верховное божество его настоящимъ именемъ (Nim, Nom, Kap), и хотѣше употреблять званіе Jileuшbaortjje, т. е. хранитель скота (Кастрева—Отчетъ Академіи. Bullet. t. IV, 1847). У Финновъ животное пользовалось особеннымъ уваженіемъ, такого не замѣчаемъ у Славянъ и другихъ европейскихъ народовъ, слѣд. у Финновъ скорѣе могло образоваться понятіе объ особомъ божествѣ для скотовъ. Замѣтимъ также, что св. Аврамій разрушилъ кумирь Велесовъ на финскомъ свѣрѣ, въ Ростовѣ; св. Власій, смѣнившій въ народныхъ понятіяхъ Волоса, особенно почитается теперь на Финскомъ же свѣрѣ (Снегирева Р. прогоснар. пр. 111, 156); наконецъ въ Словѣ о полку Игоревѣ мы находимъ, что пѣвецъ Вяльцъ называется Волосовымъ внукомъ, изъ чего можно заключить, что пѣвцы находились подъ особеннымъ покровительствомъ этого божества: здѣсь замѣтимъ, что по-фински гупа значитъ и пѣснь, и пѣсню, и матерія, и символъ, что и въ ітія въ нашемъ древнемъ языкѣ значитъ пѣснотворецъ; въ ітство употреблялось въ смыслѣ колдовства (Вуслаева—О вліяніи христ. 172 и слѣд.), колдовствомъ же особенно отличались Финны. Вестужень-Рючинъ (Рус. Ист. I, 14) спрашиваетъ у меня: «По чьему вліянію Фебъ пашъ стадо у Адмета и былъ въ то же время и богомъ позынъ?»

готворялись мѣсяцъ и звѣзды, находившіеся къ солнцу, какъ видно, въ родственныхъ отношеніяхъ; обоготворялись также вѣтеръ, вода и воздухъ ¹⁾).

Если Славяне поклонялись явленіямъ природы, то легко догадаться, при какихъ случаяхъ, въ какое время года будутъ они торжествовать свои религиозные праздники. Такъ напр., они праздновали въ концѣ декабря, когда солнце начинаетъ брать силу, дни начинаютъ прибывать; этотъ праздникъ, совпадающій теперь съ праздникомъ Рождества Христова, носить преимущественно названіе Коляды; существенный обрядъ праздника состоитъ въ хоженіи славить (божество) и собирать подаюшіе; какъ видно, во времена языческія, приношенія собирались для общей жертвы ²⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Коляда извѣстна подъ названіемъ Авсена или Таусеня, что можно принимать измѣненнымъ Ясенъ, также, во всѣмъ вѣроятіемъ, имя солнца ³⁾. Второй праздникъ торжествовался въ началѣ весны; но такъ какъ это время приходится въ великій постъ, то, по принятіи христіанства, празднованіе перенесено на конецъ рождественскаго мясоѣда и отчасти на Свѣтлое Воскресеніе. Итакъ, масляница есть языческій весенній

отвѣтъ: былъ ли Фебъ скотскимъ богомъ? Пусть вопрошающій потруится выискать въ разлчнѣ представленій Феба и фавскаго скотьяго бога.

¹⁾ См. Кеннена — Библиогр. листы № 7, ст. 88. — Кромѣ Перуна и Хорса-Дажбога, въ Киевѣ, во времена Владиміра, стояли кумиры Стрибога, Симарглы (Сима и Регла) и Мокоша. О первомъ, какъ богъ вѣтровъ, можно заключать изъ Слова о полку Игореву, гдѣ вѣтры называються Стрибоговыми впуками; объ остальныхъ же двухъ мы, въ настоящее время, не можемъ предложить ничего вѣрнаго. По мнѣнію покойнаго Прейса (См. Донесеніе его г. Министру Нар. Просвѣщ. изъ Праги, отъ 26 декабря 1840, №. М. Н. Пр. 1841, часть XXXIX). Чтеніе Сема (Сима) и Регла должно быть предочтено чтенію Симарглы; Сима и Регла Прейсъ считаетъ за одно съ Асенійскими божествами Ереулъ и Ацацадъ, какъ они читаются въ Виблѣи (ки. Дарствъ IV, 17, 30). С и м ъ оказывается божествомъ огня. Мокошь считаетъ Прейсъ божествомъ женскаго рода, Астарою, причѣмъ указываетъ на древнее слово м о к а ч н ы й, употребленное нѣсколько разъ у Даніила Паломника.

²⁾ Это видно изъ того, что въ хорутанскомъ шарѣчин колдовати (колядовати) до сихъ поръ значить приносить жертву, колдовавицъ — жрецъ, колдовница — жертвенникъ (см. Срезнев. Свят. и обр. яз. богослуж. древ. Слав. стр. 66). Во время коляды на столъ кладутъ рукоятъ плуга, для того, чтобы мыши и кроты не портили нивы; этия обряды объясняются старинное преданіе о плугѣ: въ на вечерніи Богоявленіи являлся плугъ у г у. Сообщ. пр. Буслаяв.

³⁾ Dlugosci Hist. Pol. I, 36. — Изъ писень колядныхъ замѣчательна слѣдующая:

Уродилась коляда
Наканувъ Рождества
За рѣкою за бисерою.
Въ тѣхъ мѣстахъ огни горять,
Огни горять великіе,
Вокругъ огней скамьи стоять,
Скамьи стоятъ дубовыя,
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы,
Поютъ пѣсни колдунши;
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ,
Возлѣ котла ковелъ стоитъ:
Хотятъ козла зарѣзати.

праздникъ ⁴⁾. Встрѣча весны и проводы зимы празднуются у всѣхъ славянскихъ народовъ почти съ одинаковыми обрядами: употребляется заклинаніе весны съ разными привѣтами; въ Малоросіи и у западныхъ Славянъ зима, или смерть, олицетворяется въ образѣ женщины, подъ именемъ Мары, Мараны, Марены, чучело которой сожигаютъ. Весну встрѣчаютъ обыкновенно на Красной Горкѣ. Тутъ начинаются хороводы или короводы, религиозное значеніе которыхъ и отношеніе къ солнцу не подлежитъ сомнѣнію. Время воскресенія всей природы и усиленія желаній считалось самымъ приличнымъ временемъ для заключенія брачныхъ союзовъ и для поздравленія молодыхъ супруговъ: это поздравленіе извѣстно подъ именемъ вьюниства ⁵⁾.

Третій праздникъ имѣетъ мѣсто 23 июня и звѣстуетъ подъ именемъ Ивана Купалы, потому что происходитъ на Ивановъ день. Этотъ праздникъ, какъ и два упомянутые выше, есть общій не только всѣмъ славянскимъ, но и многимъ чуждоплеменнымъ народамъ ⁶⁾. Хотя по обрядамъ праздника можно догадываться, что онъ относился къ тремъ стихійнымъ божествамъ — обомъ Сварожичамъ, солнцу и огню и водѣ, однако можно относить его и къ одному солнцу. Естественно могло произойти вѣрованіе, что солнце, дающее силу растеніямъ, особенно дастъ ее, когда само достигнетъ высшей силы; это вѣрованіе должно было повести къ обычаю собирать травы въ лѣтній праздникъ солнца и приписывать имъ чудодѣйственную силу. Съ другой стороны, солнце, производя сильное вліаніе на все существующее, должно было производить его и на воду; отсюда вѣра въ дѣлительность кушанья во время лѣтняго солнцестоянія, независимо уже отъ естественнаго обычая обмыться ночью, чтобы встрѣтить въ чистотѣ восходящее свѣтло. Наконецъ зажиганіе костровъ было необходимо для всего ночного собранія, ночныхъ игръ, было необходимо также и для жертвоприношеній; прыганіе же чрезъ зажженные костры имѣло значеніе очищенія. Вотъ

⁴⁾ На отношеніе масляницы къ солнцу указываетъ слѣдующее обыкновеніе: на огромныхъ саяхъ возятъ парящего мужика, который сидитъ на колѣсахъ вверху столба, утвержденного посреди саяей (см. Снег. Русск. пр. пр. 11, 127, 128); колесо же было у языческихъ народовъ изображеніемъ солнца (Grimm. D. Mythol. 1, 578); притомъ на сѣверѣ во время масляницы поютъ также коляду, что указываетъ на отношеніе масляницы къ зимнему празднику солнца.

⁵⁾ См. подробности у Снегирева Р. П. II, 111, 28, и Терещенки В. Р. II V, 16.

⁶⁾ Ср. Гримма D. Mythol. I, 683 и слѣд. — Что касается названія Кушала, то проф. Буслаявъ сообщалъ намъ слѣдующее словопроизводство: Корень кушъ имѣетъ значеніе блага, яраго, откуда к у п а в ы й — бѣлымъ. Какъ я р ы соединяетъ въ себѣ понятіе блага и кущаго: такъ и к у п а л ѣ оказывается глаголь к и щ ѣ т и, к ы п а т и (звуки у и ы чередуются). Какъ съ смысломъ я р а г о соединяется понятіе ж е л а н і я, такъ и при насемъ к ы п ѣ т и находимъ латинское cupio; наконецъ какъ б у й, ярый-дикій переходитъ въ значеніе неукротимаго, грознаго, бѣшеннаго, г ѣ в н а г о, такъ с и р ѣ Санскритъ имѣетъ значеніе: я р и т ѣ с я, в л и т ѣ с я; кромѣ того, с и р ѣ въ Санскритѣ имѣетъ значеніе: б л и с т а т ь.

почему ночь на Ивановъ день сопровождается: 1) собираніемъ травъ, 2) купаніемъ, 3) зажиганіемъ костровъ и прыганіемъ чрезъ нихъ. Естественно также, и потому обще не однимъ только славянскимъ народамъ, принесеніе въ жертву, сожженіе скела пѣтуха, птицы привѣтствующей разсвѣтъ, удобной солнцу. Ночь Купалы исполнена, по мѣтѣ простолюдниковъ, чародѣйныхъ явленій: рыбаки увѣряютъ, что поверхность рѣки бываетъ тогда подернута серебрянымъ блескомъ; деревья переходятъ съ мѣста на мѣсто и шумомъ вѣтвей разговариваютъ между собою; утверждаютъ еще, что кто имѣетъ при себѣ папоротникъ, тотъ можетъ понимать языкъ каждаго творенія, можетъ видѣть, какъ сходятся дубы и составляютъ свою бесѣду, можетъ слышать, какъ разговариваютъ они про богатырскіе свои подвиги. Въ Ивановъ день солнце выѣзжаетъ изъ своего чертога на трехъ коняхъ—серебряномъ, золотомъ и брилліантовомъ—навстрѣчу своему супругу—мѣсяцу; въ проѣздъ свой оно пляшетъ и разсыпаетъ по небу огненные искры¹⁾. И въ лѣтній праздникъ повторяется обрядъ истребленія чучела Мары—холода, смерти: ее топятъ въ существующему, должно было являться силою, возбуждающему естественныя желанія; отсюда празднество Купалы было соединено съ празднествомъ Ярилы²⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ позднѣйшія времена праздникъ Ярилы совершался 24 іюня; но вѣроятно сопротивленіе церкви содѣйствовало тому, что празднованіе его во время поста отмѣнено было въ большей части мѣстъ и перенесено на заговѣнье, на день Всѣхъ Святыхъ, или на Троицкій день, или на разговѣнье, на другой день праздника Петра и Павла. Такъ какъ въ древности праздникъ Ярилы, во всѣхъ вѣроятностяхъ, совпадалъ съ праздникомъ Купалы, то во время его-то преимущественно и должны были происходить тѣ явленія, противъ которыхъ такъ вооружаются лѣтописецъ и позднѣйшее духовенство; здѣсь, вѣроятно, происходило и умыканіе дѣвицъ³⁾.

¹⁾ Тарещенко, В. Р. Н. У, 79.

²⁾ Естественно ожидать, что у народа, потерявшаго уже смыслъ совершаемыхъ имъ обрядовъ, должно происходить, съ теченіемъ времени, смѣшеніе послѣднихъ; такъ чучело Мары смѣшивается уже съ чучеломъ Купалы, хотя икона облачается различно.

Ходили дѣвочки около Морепочки,
Коло мое выдоло Купала;
Гратыи сонечко на Ивана и пр.

³⁾ Купало между черныя называется Ярилою въ Ярославской, Тверской и Рязанской губерніяхъ. См. Снегирева Р. II. С. 1, 179.

⁴⁾ Схожася на грицца, плясанье, и на вся бѣсовская играца, и ту умыкываху жены себѣ, съ нею же кто съвѣщася. Игра горѣлк и всего лучше напоминаетъ это умыкываніе «съ нею же съвѣщася». Въ Стоглавѣ (вопросъ 24) читаемъ: «Русалии о Іоаннѣ дѣѣ, въ навечеріи Рождества Христова и Крещенія сходятся мужи и жены и дѣвицы на пощное плещваніе, и на безчинный говоръ, и на плясаніе и на скаканіе, и на богомерзкія дѣла, и бывають отрокѣмъ окверненіе и дѣвкамъ растлѣ-

Разсмотрѣвъ поклоненіе стихійнымъ божествамъ, теперь обратимся къ другой половинѣ славянской мифологіи, именно къ поклоненію гениямъ и душамъ усопшихъ. При вѣрѣ въ загробную жизнь, естественно было придти къ тому мѣтѣ, что душа умершаго родоначальника и по смерти блюдетъ за благосостояніемъ рода; отсюда происхожденіе духовъ-покровителей для цѣлаго рода и каждаго родича—рода и рожаницъ⁵⁾. Что подъ именемъ рода разумѣлась душа умершаго родоначальника, доказываетъ во первыхъ связь рода съ уныремъ, а во вторыхъ извѣстіе, что подъ именемъ рода послѣ разумѣли духъ, привидѣніе, которымъ страдали дѣтѣ; характеръ же привидѣнія обыкновенно принималъ души умершихъ и божества, тѣсно съ ними связаннаго⁶⁾. У значенія рода божества—покровителя является шуръ, дѣдъ, прадѣдъ, что ясно изъ употребительнаго и р а щ у р ь; шуръ предполагаетъ форму ч у р ь, подъ которымъ именемъ собственно и извѣстно божество, охраняющее родъ, домъ. Это божество призывается и теперь бессознательно въ опасностяхъ, особенно когда простолудникъ думаетъ, что онъ подверженъ злобѣ духовъ: „Чуръ меня! Чуръ меня!“ говоритъ онъ тогда. Можно положитъ, что Чуръ и Родъ одно и то же; можно думать также, что, съ упадкомъ ро-

ніе, и егда ночь мимо ходитъ, тогда отходятъ къ рѣцѣ съ великимъ кричаніемъ, аки бѣснѣи, умываются водою, и егда начнутъ заутреню зновити, тогда отходятъ въ домы свои и надяють аки мертвѣи отъ великаго хлопотанія». О празднованіи купальской ночи см. Посланіе игумена Елизаровской обители Памфила въ 1505 г. въ Дополнен. къ Актамъ Историч. Т. I, № 22; также въ Чтеніяхъ Моск. Ист. Общ. № 4, 1864 года. Указаніе на с о в о р ь между молодыми людьми см. въ Этногр. Сбор. 1, 49.

⁵⁾ Молятся роду и рожаницамъ...—«беззаконная трапеза, мѣнякая роду и рожаницамъ», читаемъ въ древнихъ христіанскихъ поученіяхъ (Востокова Опис. Рум. Муз. № СLXXXI). Хорутане вѣрятъ, что всякій человекъ, какъ только родится, получаетъ въ себѣ свою явѣду, а на землѣ свою рожаницу. Важное мѣсто о родѣ и рожаницахъ найдено профессоромъ Шевыревымъ въ одномъ сборникѣ въ близлежащемъ Кириллова монастырѣ (См. Повѣдка въ Кирилло-Вѣлозерскій монастырь, II, 33): «Оттуда же изыкоша елени класти требы, артемиду і артемидѣ, рекше роду и рожаницѣ, тацѣ же егунтане. Тако і до Словѣкъ доиде се слово і ти начата требы класти, роду и рожаницахъ преже Перуна бога пхъ, а преже того клали требу уперехъ і берегинячъ...—Изъ этого извѣстія видно, что поклоненіе роду и рожаницамъ смѣняло поклоненіе Унырячъ и Берегинячъ; перемѣнилось названіе, значеніе осталось одно и то же; Унырь соответствуетъ роду, Берегинячъ—рожаницѣ; но извѣстно, что унырь есть мертвецъ. Изъ этого же извѣстія видно, что треба, покоряя, жертва, преимущественно назначалась для душъ умершихъ людей, и что отъ обычая покорма унырячъ и берегинячъ уже перешли къ жертвѣ Перуну;—«И бабы кашн варятъ на обрачаніе рожаницамъ». Сборникъ Рум. Муз. № ССCLXXXIV. Отъ рода, праотца извѣстнаго рода естественное восхожденіе къ роду родовъ, къ первому обоготворенному человеку; «То ти не родъ, сѣди на воздусѣ, мечеть на землю груди и въ томъ рождаетъ дѣтѣ». (Архивъ истор. и юридич. свѣдѣній II, предисловіе.) Ницра, жена Декаліонова, произведшая послѣ потопа новыхъ людей киданіемъ черезъ себя камней, не была божествомъ—создателемъ.

⁶⁾ Дѣти бѣгаютъ рода.

довога быта и съ усиленіемъ христіанства на счетъ язычества, Чуръ или Родъ перешелъ въ Домового ¹⁾. Младенцествующій народъ не могъ понимать духовнаго существованія за гробомъ и представлялъ души праотцевъ доступными для всѣхъ ощущеній этого блага свѣта; думали, что зима есть время попи, мрака для душъ усопшихъ; но какъ скоро весна начинается сбѣгать зиму, то прекращается и ночной путь для душъ, которыя поднимаются къ небесному свѣту, возстаютъ къ новой жизни. Это мѣстѣ естественно происекало изъ поклоненія природнымъ божествамъ: солнцу, лунѣ и проч., которыхъ вліяніе должно было простираться на весь міръ, видимый и невидимый ²⁾. Въ первый праздникъ новорожденнаго солнца, въ первую зимнюю коляду, мертвые уже вставали изъ гробовъ и устрашали живыхъ: отсюда и теперь время святокъ считается временемъ странствованія духовъ. Масляница, весенній праздникъ солнца, есть вѣсть и помпновенная педѣля, на что прямо указываетъ употребленіе блиновъ, помпновеннаго кушанья ³⁾. Съ

древней Масляницы, т. е. съ начала весны, живые здороваются съ усопшими, посѣщаютъ ихъ могилы, и праздникъ Кра сп ой Горки соединяется съ Ра д у н и ц ю, праздникомъ свѣта, солнца для умершихъ ⁴⁾; думаютъ, что души покойниковъ встаютъ тогда, во время поминовенія, изъ темницъ (гробовъ) и раздѣляютъ помпновенную пищу вмѣстѣ съ престыми ⁵⁾.

Въ непосредственной связи съ вѣрованіемъ, что весною души умершихъ встаютъ для наслажденія повою жизнью природы, находится праздникъ русалокъ, или русальная недѣля. Русалки вовсе не суть рѣчныя или какія бы то ни было нимфы; имя ихъ не происходитъ отъ русла, но отъ русы й (свѣтлый, ясный) ⁶⁾; русалки суть не иное что какъ души умершихъ, выходящія весною наслаждаться оживленной природой. Народъ теперь вѣрнть, что русалки суть души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія ⁷⁾; но когда всѣ Славяне умирали безъ крещенія, то души ихъ всѣхъ должны были становиться русалками. Русалки появляются съ Страшнаго четверга (когда встарину, по Стоглаву, по рану солному палили и к л и к а л и м е р т в ы х ъ), какъ только покроются луга весеннею водою, распустанся вербы. Если онѣ и представляются прекрасными, то всегда однако носятъ на себѣ отпечатокъ безжизненности, блѣдности. Огни, выходящія изъ могилъ, суть огни русалокъ; онѣ бѣгаютъ по полямъ, приговаривая: „Бухъ! бухъ! соломенный духъ. Мене мати породила, некрещену положила“. Русалки до Троицына дня живутъ въ водахъ: на берега выходятъ только поиграть. У всѣхъ языческихъ народовъ путь водный считался проводникомъ въ подземное царство и изъ него назадъ, поэтому и русалки являются изъ воды, живутъ сперва въ рѣкахъ и показываются при колодцахъ ⁸⁾. Съ Троицына дня до Петрова поста

¹⁾ См. мою статью въ 1-й кн. Архива, изд. Калачевымъ; тамъ же подробнѣе о Домовомъ, изслѣдованія гг. Вусалева и Аонашева. — Изъ доказательствъ связи между домовымъ и душою усопшаго предка прибавимъ, что домовой въ видѣ Бадника является у южныхъ Славянъ въ домъ вечеромъ 24 декабря, когда въ первый праздникъ новорожденнаго солнца мертвые уже вставали изъ гробовъ. Для сравненія и объясненія приведемъ Финскійскую генеалогію Салоннагона, какъ сохранилась она у Евсея: отъ Вятра и жены его Поши произошли Либъ жакъ Протогочос первые смертные люди, а отъ нихъ родъ и рожащія — үеюс жакъ үеуез, которые населили Финскію. Йено, слѣдъ, что родъ и рожащія у Финскіихъ были предки, первая чета, отъ которой пошло племя. У насъ при раздробленіи родовъ и при особенноти каждаго, каждый родъ имѣлъ и чтилъ своего особаго рода и рожащину или рожащія, потому что у каждаго родоначальника было по нѣскольку женъ; потомъ при дальнѣйшемъ дробленіи родовъ, при образованіи семей, домовъ, родъ перешелъ естественно въ домового. Колѣпо значить родъ, племя, и с т а р ш і й въ с е м ѣ ѣ, что имѣлъ объясняетъ такое же значеніе рода. Омытъ Обл. Ст. стр. 88.

²⁾ На это указываетъ слѣдъ. причитаніе: «Ужь ты солнце, солнце ясное! ты взойди, взойди со полудни, ты освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки; чтобы панимъ покойничкамъ не во тѣмъ сидѣти, не съ бѣдой горевать, не съ тоской вѣковать. Ужь ты мѣсяцъ, мѣсяцъ ясный! ты взойди, взойди съ вечера, ты освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы панимъ покойничкамъ не крупить во тѣмъ своего сердца ретиваго, не скорбѣть во тѣмъ по свѣту блуду, не прохлывать во тѣмъ горючихъ слезъ», и проч. См. Сахарова Сказ. Русск. Мар. 11, 23.

³⁾ Въ старпну первый блинъ отдавался впитчъ на помпнъ усопшимъ. Въ степныхъ селеніяхъ первый блинъ кладутъ на слуховое окно для душъ родительскихъ, причетъ приговариваютъ: «Честные наши родители! вотъ для вашей души блинокъ». (Снегирева 11, 120; Сахарова 11, 72.) — Обряды, какіе наблюдаютъ въ приготовленіи блиновъ, указываютъ на религиозное значеніе этого кушанья: выходятъ вечеромъ готовить опару на рѣкѣ, колодеи и озера, когда появятся звѣзды; приготовленіе первой опары содержится въ величайшей тайнѣ отъ всѣхъ домашнихъ и постороннихъ; призывается мѣсяцъ выгнать въ окно и подуть на опару. У Аринцевъ роды имѣли свлценную обязанность предлагать трансы своимъ жертвенцамъ на крайній мѣрѣ въ каждое повмѣсячіе. Дункеръ II, стр. 25 и 26.

⁴⁾ Ср. литовское Randa — погребальная пѣсня. — Праздникъ поминовенія усопшихъ по-литовски Clantury, слово х а л т у р а осталось у насъ до сихъ поръ съ тѣмъ же значеніемъ. Ст. Kraszewskiego — Litwa satroztyne dxięje.

⁵⁾ Зарываютъ красныя яйца въ выкопанная надъ могиллою ямки; въ Бѣлоруссіи на могилахъ, политою медомъ и водою, раскладываютъ кушанья и припѣтствуютъ покойникамъ: «С в я т ы е р а д ы ц е л ы! х а д ы ц е н ы в а м ѣ х л а б ы и с о л ы к у ш а т ы». Ср. Полн. Собр. Р. Л. II, 104: «Михалка князя (Юрьевича) ударилъ ратнн дѣвѣа копыя въ стѣно, а третью въ руку, но Богъ молитною отдал его избави отъ смерти». Князь Юрій Долгорукій нкогда по бѣлѣ причтетъ церковноу къ лику святыхъ. — У другихъ народовъ тоже: въ «Indiculus superstitionum et raganiarum ad consilium Iiptinense» читаемъ объ обычѣ считать всѣхъ умершихъ святымъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до сихъ поръ называютъ прадеда праведникомъ. Этпогр. Собр. I, 178, 290.

⁶⁾ Вусалева — 0 вл. христ. на слав. яз., стр. 15, 20.

⁷⁾ Мура у славянскаго родоиселенія Турецкой Имперіи есть душа младенца, умершаго безъ крещенія, или безъ обрѣзанія. (См. статью Клязскаго — Болгарскія поѣвья, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1846 годъ.)

⁸⁾ Въ Новгородѣ-Стверскомъ есть уважаемый народомъ родникъ З а р у ч а й с к а я К р и н и ц а, или Сухомлипская, иначе родникъ Ярославый, выходящій въ Десну;

русалки жпвутъ на землѣ, въ лѣсахъ, на деревьяхъ, любимомъ пребываній душъ по смерти ⁴⁾. Русальныя игры суть въ честь мертвыхъ, на что указываетъ переряживаніе, маски, обрядъ, который не у однихъ Славянъ былъ необходимъ при праздникѣ тѣнямъ умершихъ: человѣку свойственно представлять себѣ мертвеца чѣмъ-то страшнымъ, безобразнымъ, свойственно думать, что особенно души злыхъ людей превращаются въ страшныя, безобразныя существа для того, чтобы пугать и дѣлать зло живымъ. Отсюда естественный переходъ къ вѣрованію въ переселеніе душъ и въ оборотней; если душа по смерти можетъ принимать различныя образы, то, силою чародѣйства, она можетъ на время оставлять тѣло и принимать ту пли другую форму ⁵⁾. Есть извѣстіе ⁶⁾, что у Чеховъ на перекресткахъ совершались игрища въ честь мертвыхъ съ переряживаніемъ. Это извѣстіе объясняется обычаемъ нашихъ восточныхъ Славянъ, которые, по лѣтописи, ставили сосуды съ прахомъ мертвецовъ на распутьяхъ, перекресткахъ; отсюда до сихъ поръ въ народѣ суевѣрный страхъ передъ перекрестками, мнѣніе, что здѣсь собирается нечистая сила.

на срубѣ этой Криницы, на развѣтѣхъ, въ зеленую недѣлю, по народному повѣрью, сидятъ Криницы, прекрасныя дѣвушки съ русыми волосами, которыя оубъ расчесываютъ (Снегарева I, 172). Касательно связи душъ усопшихъ съ водою въ языческихъ вѣрованіяхъ Славянъ очень важны замѣчанія Ходаковского (См. Русск. Ист. Сборн. т. 191, стр. 370 и слѣд.). Авторъ, говоря о сощакѣ, или древнихъ могилахъ, замѣчаетъ: «Сколько я могъ видѣть оныхъ, всѣ насыпаны по берегамъ рѣкъ, рѣчекъ и озеръ, и даже параллельно по излучинамъ и изгибамъ оныхъ. Въ поляхъ, удаленныхъ отъ воды, нигдѣ не случилось мнѣ замѣтить оныхъ. Можетъ быть причиною тому, что первѣйшія осѣдлости были только на порѣчьяхъ и на озерьяхъ; во-вторыхъ, что совершенно похоронныхъ обрядовъ не могло обойтись тогда безъ воды, которая по такому же случаю была потребна въ Доростолѣ Святославу Игоревичу, и которая служила путемъ для усопшихъ въ вѣчное обиталище, по мнѣнію сохранившемуся въ различныхъ славянскихъ у простого народа». Тамъ же читаемъ: «Въ южной Руси праздникъ Навъскій дѣнъ заключается тѣмъ, что бросаютъ на воду шелуху отъ крашенныхъ яицъ для донесенія покойнымъ о торжествѣ св. Пасхи». Въ связи замѣтимъ, что въ народѣ есть мнѣніе, будто не надобно оставлять въ чблсти яичной скорлупы: иначе русалки сдѣлаютъ изъ нея себѣ лодки и будутъ плавать на зло людямъ.—Вспомнимъ о приготовленіи блинной ошары у воды. Въ сказкѣ о трехъ попутникахъ говорится о русалкѣ, которая живетъ на томъ особенномъ свѣтѣ, куда путь или черезъ пирокое море, или черезъ нору сквозъ землю.—Русская Вѣсть, III, Смѣсь, стр. 100. Диемъ, посвященнымъ памяти усопшихъ, какъ видно была панида. См. Унгогр. Сборн. I, 215. Отсюда новыя повѣрья относительно панищъ, стр. 326.

¹⁾ Maciejowski-Porwotno dzieje Polski i Litwy, стр. 465. О пребываніи душъ на деревьяхъ см. Крашевскую рукопись. — Въ житіи Муромскаго князя Константина читаемъ (Карац. I, прилжч. 236): «Кони закалающе, и по жертвамъ ремевныя плетения древолазная съ ними въ землю погребаше».

²⁾ «Се же есть первое, тѣло свое хранишь мертво, и летаетъ орломъ и ястребомъ, и ворономъ и дятломъ, рыщутъ лютиамъ звѣремъ и всеремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ змѣямъ, рыщутъ рысою и медвѣдемъ». Калайдовича, Иоан. Кс. Болгар. с. 211.

³⁾ Cozm. prag. p. 197.

У русскихъ Славянъ главнымъ праздникомъ русалокъ былъ Семикъ, великъ день русалокъ; въ это время, при концѣ весны, совершались проводы послѣднихъ ⁴⁾. Конецъ русальной недѣли, Троицынъ день, былъ окончательнымъ праздникомъ русалокъ: въ этотъ день русалки уже падаютъ съ деревьевъ, перестаютъ для нихъ пора весеннихъ наслажденій ⁵⁾. Въ первый понедѣльникъ Петрова поста бывало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ игрище—проводжанье русалокъ въ могилы ⁶⁾. — Въ тѣсной связи съ русалками находятся водяныя дѣдушки, лѣншіе, кикиморы и проч. Мертвецы были извѣстны еще подъ именемъ и на вѣя, и представлялись въ видѣ существъ малорослыхъ, карликовъ (людки) ⁷⁾.

Вотъ главныя, первоначальныя черты вѣрованій

⁴⁾ Мы упоминали уже о томъ, что масляница была также праздникомъ въ честь умершихъ; доказательствомъ этому, кромя употребленія блиновъ, служить еще связь семки съ масляницей, — связь, сохраняющаяся у народа: семикъ считается пріятелемъ масляницы; на лубочныхъ картинкахъ оубъ принимаетъ ее и величаетъ. Очень вѣроятно, что до христіанства радунца соединялась съ масляницей. Въ семикъ погребали и номинали убогихъ; изъ Стоглава (вопросъ 23) видно, что въ Троицкую субботу (на русальной недѣлѣ) по селамъ и погостамъ сходились мужи и жены на жалыникахъ и плакали съ гробамъ съ великимъ кричаньемъ, «и егда учнутъ скоморочи, и гудцы, и шрегудницы играти, они же отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати и въ ладоши бити». Витье въ ладоши есть обычай русалокъ.

⁵⁾ Пѣсня говорить:

«Русалочки земляночки
На дубѣ лѣзли, кору грызали,
Свалилися, забалися».

Здѣсь важно выраженіе земляночки, указывающее на русалокъ, какъ жительницъ земныхъ вѣдръ.

⁶⁾ Женщины спаряжали изъ соломы два чучела, въ видѣ женщинъ. Вечеромъ выходили женщины и дѣвочки на улицу, раздѣлялись на двѣ половинны, и тихими хоромъ приближались къ концу улицы. Здѣсь представлялись попеременно хоромъ пѣсни. Во время пѣнія хоромъ лица съ чучеломъ плясала. Послѣ пѣсней игроки сблжались. Здѣсь открывалась война. Соломенное чучело, русалку, дѣвочки принимали на свои руки для защиты, а женщины, стоя кругомъ ихъ, падали на другой хоромъ, или защищались сами отъ нападенія. Войны изъ улицы переселялись на поле, гдѣ окончилось побоемъ растерзаніемъ чучелъ и разбрасываніемъ соломы по полю. Въ это время дѣвочки причитывали похоронныя завыванія, а отчаянныя, распустивъ косы, припадали къ землѣ, какъ бы къ могиламъ. Сахар. II, 94.

⁷⁾ Подъ 1092 годомъ въ лѣтописи: «Предию бысть Полотскѣ: въ мечтѣ ны бываше въ ноши тутъгы, станине по улицю, яко чловѣчѣ ршцею бѣси; аще кто выльѣяше изъ хоромны, хоя видѣти, абе узавенъ будяше невидимо отъ бѣсовъ язюю, и съ того умираху, и не смяху пазавити изъ хоромъ. По семъ же началъ въ дне явитися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти конята; и тако узавляху люди Полотская и его область, тѣмъ и чловѣци глаголаху: яко на вѣе бытьъ Полочань». Изъ послѣднихъ словъ видно, что въ понятіяхъ народа злые духи, бѣси, преимущественно представлялись мертвыми.— О связи мертвца съ карликомъ, навъ съ лѣншии см. у Буслая: О вліяній христ., стр. 64. Изъ этого славянскія словъ мы видимъ, что духи въ видѣ карликовъ, славянскіе людки, были не что иное какъ души умершихъ; это представленіе, что души умершихъ имѣють форму чловѣка, только въ умьенномъ видѣ, осталось до сихъ поръ въ живописи.

восточныхъ Славянъ. Съ теченіемъ времени эти первоначальныя черты могли искажаться: одно и то же божество у различныхъ племенъ носило разныя названія; послѣ, при сближеніи племенъ различныя названія могли явиться уже различными божествами. Фантазія стремится олицетворять и обожать явленія природы, которыя первоначально являются произведеніемъ главной силы; естественно олицетворялись Весна и Зима, жизнь и смерть природы, — одна подъ образомъ прекрасной дѣвы, другая безобразной старухи, и т. п. Стихійныя божества первоначально не имѣютъ пола и потому послѣ легко мѣняютъ его; солнце могло быть легкою мужскаго и женскаго пола, мужемъ и женою мѣсяца: такъ было не у однихъ Славянъ¹⁾. Но главными индикаторами первоначальной религіи народа являются всегда и вездѣ жрецы и художники; вотъ почему у нашихъ восточныхъ Славянъ, у которыхъ не было класса жрецовъ и не былъ распространенъ обычай изображать божества въ кумирахъ, религія сохранилась въ гораздо большей простотѣ, чѣмъ у западныхъ Славянъ, у которыхъ городская жизнь и сильное чуждое вліяніе повели и къ образованію жреческаго класса, и къ распространенію храмовъ и кумировъ. Лѣтописи молчатъ о существованіи храмовъ и жрецовъ у нашихъ восточныхъ Славянъ²⁾; нельзя предположить, что если-бы храмы существовали, то лѣтописцы умолчали бы о ихъ разрушеніи или превращеніи въ церкви, при разсказѣ о введеніи христіанства и испроверженіи идоловъ³⁾. Лѣтописи молчатъ также и о жрецахъ: князь ставитъ идоловъ, князь приноситъ жертвы, толпа требуетъ человѣческой крови для боговъ — о жрецахъ ни слова; князь перемѣняетъ вѣру, всѣ люди дѣлаютъ то же, — и жрецы не только не противятся, но о нихъ нѣтъ даже и по-

мину. Эта неразвитость общественнаго богослуженія, отсутствіе храмовъ и жрецовъ не должны нисколько поразжать насъ: все это необходимо при томъ бытѣ, въ которомъ жили Славяне; въ каждомъ родѣ старшій былъ вмѣстѣ и жрецомъ, онъ приносилъ жертвы, онъ гадалъ о будущемъ⁴⁾.

Но если не было храмовъ, то гдѣ же и какъ приносились жертвы старшинами родовъ? Природными жертвенниками, алтарями для младенчаствующихъ народовъ служили горы, скалы, камни огромной величины. Наша природа скудна на возвышенности и камни, за то щедра на естественныя капища (шатры, навѣсы) — многолѣтністыя деревья; подъ ними-то преимущественно совершались религіозныя обряды, приносились жертвы; дерево (по преимуществу дубъ), выбранное для этого, освятилось и стало само предметомъ благоговѣйнаго уваженія, какъ мѣстопробываніе боговъ, куда они стекались для принятія жертвъ. Обычай приносить жертвы подъ деревьями могъ произойти и отъ того, что первоначально жертва назначалась для душъ умершихъ, а души умершихъ, по всеобщему вѣрованію, обитали въ лѣсахъ, на деревьяхъ, преимущественно на дубахъ⁵⁾. Кромѣ деревьевъ, жертвы приносились также и у воды⁶⁾. Славяне смотрѣли на жертву именно какъ на трапезу, поставляемую богамъ⁷⁾; и по введеніи христіанства жертвы продолжались по-старому, въ домашнемъ кругу предлагались душамъ усопшихъ родичей и родственникамъ⁸⁾, и опять въ смыслѣ трапезы, по-

⁴⁾ Какъ это происходило, показывается и теперь еще существующей обычай: въ Малоросіи, въ щедрый или богатый вечеръ, 31 декабря, каждая хозяйка готовитъ множество варениковъ, кнѣши, пироги, и, поставивши все это кучею на столѣ, затепливъ свѣчу передъ образами, накуривъ ладономъ, проситъ мужа посплести за концы; отецъ семейства долженъ съѣсть на покути, за грудой всякаго печенья. Когда дѣти, войдя и молясь, спрашиваютъ: «Дѣжъ вашъ батько?» то онъ спрашиваетъ ихъ въ свою очередь: «Хибажъ вы мене не бачите?» и на слова ихъ: «Не бачимо, тату», говоритъ: «Дай же Боже, щобъ и на той рокъ не бачили». Этими словами онъ выражаетъ желаніе, чтобъ и въ будущемъ году было такое же изобиліе всего, къ и въ настоящемъ (Сревневскій, Свят. и Обр. стр. 77, 78). У западныхъ славянъ, гдѣ, при большемъ развитіи общественнаго богослуженія, существовали храмы и жрецы, роль отца семейства въ описанномъ обрядѣ занимаетъ жрецъ. Саксонъ Грамматикъ (824, 825), описавъ правдикъ въ честь Святовида, когда жрецъ перемѣняетъ вино въ рогѣхъ ідола, прибавляетъ: «Къ этому же возношенію принадлежалъ и широкъ сладкій, круглый (коровай) и величійю почти въ ростъ челоуѣка. Жрецъ, поставя его между собою и народомъ, спрашивалъ у Руны: видятъ ли они его? Когда тѣ отвѣчали, что видятъ, то онъ изъявлялъ желаніе, чтобъ на слѣдующій годъ его воле не было видно за прирогомъ».

⁵⁾ См. Constant. Por de Adm. imp. стр. 9. Карамз. 1, прилжч. 216. Касторского Начерт. Слав. Мн. 134. Полн. Собр. Р. Лѣт. П. 234. Памяти. Слов. XII в., стр. 19. Кралевацкая рукоп.

⁶⁾ Келлена — Виллюг. листы № 7; Полное Собр. Русск. Лѣт. II, 257; Полное Собр. Законовъ № 3771; Левъ Діак. IX, 8; Памяти. Слов. XII в.

⁷⁾ Продолж. Древ. Росс. Вул. I: «Ты, рече, Перунъ до снѣги еси и лилъ и ялъ».

⁸⁾ «И тако подкладываютъ имъ трѣхъ и коровай имъ ложать, моленое то брашно даютъ и ѣдятъ, ставятъ ку-

¹⁾ Такъ было и у народовъ италійскихъ и азіатскихъ: Юпитеръ являлся иногда женскаго пола, Венера мужскаго. Creuser's Symbolik, II, 835.

²⁾ Ср. образцовое разсужденіе объ этомъ митрополита Платона въ его Церковной Исторіи

³⁾ Во время Игоря стоялъ въ Києвѣ Перунъ на холмѣ, но не въ храмѣ, ибо лѣтописецъ прямо говоритъ: «Заутра призва Игорь сны, и приде на холмъ, где стояше Перунъ, покладохъ оружье свое, и щиты и золото». Нельзя было не сказать лѣтописцу, что они вошли въ храмъ Перуна, тѣмъ болѣе что христіанская церковь св. Илиіи должна была напомнить ему о храмѣ. О Владимірѣ говорится, что онъ поставилъ кумиры на холму въ двора теремнаго, и нисколько не говорится о храмахъ. Въ разсказѣ о введеніи христіанства читаемъ: «Яко приде (Владимір), повелѣ кумиры испровержити, ови оуби, а другіе огнемъ предати; Перунъ же повелѣ привязати къ коневѣ къ хвосту, и влести съ горы», и проч. — Ни слова о разореніи храмовъ. — Въ Новгородѣ Добрыня поставилъ кумира надъ Волочкомъ, но не храмъ. Слова т р о б и щ е и к а н и щ е, употребленныя въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, древнихъ сочиненіяхъ и житіяхъ святыхъ, не могутъ означать храмовъ; третище — мѣсто, гдѣ приносили жертва, троб.: капище проходитъ отъ капищъ, образъ (по капищамъ) нашею и образъ, см. Miclosich Rad. I. sl. p. 117), слѣдовательно можетъ означать и самаго ідола, и также вмѣстѣлице ідола, навѣсъ, шатеръ; что капище не могло означать храмъ, видно изъ словъ лѣтописца о принесеніи Владиміромъ съ собою двухъ мѣдныхъ капищъ изъ Херсона.

корма. Есть извѣстiе, что у русскихъ Славянъ былъ также въ обычай человѣскiя жертвы, которые у народовъ были, большею частiю, умилостивительныя; при какихъ-нибудь общественныхъ бѣдствiяхъ думали, что божество гнѣвается за чьи-нибудь грѣхи, и потому искали преступника, котораго и приносили въ умилостивительную жертву; потомъ приносили обыкновенно въ жертву богамъ плѣнниковъ, по господствовавшему мнѣнiю, что побѣжденный есть грѣшникъ, разгнѣвавшiй божество ¹⁾.

Если у восточныхъ Славянъ не было жреческаго класса, за то были волхвы ²⁾, гадалели, кудесники, вѣдуны, вѣдьмы. О волхвахъ славянскихъ мы знаемъ очень мало; но нѣтъ сомнѣнiя, что они имѣютъ тѣсную связь съ волхвами финскими, по близкому сосѣдству и союзничеству этихъ двухъ народовъ, тѣмъ болѣе что послѣ, по принятiю христіанства, волхвы преимущественно являются на финскомъ сѣверѣ, и оттуда мутятъ славянское народонаселенiе. Финское племя искони отличалось наклонностiю къ волшебству, искони славилось имъ; у Финновъ преимущественно было развито ученiе о злыхъ божествахъ, о злыхъ духахъ и о сообщенiи съ ними ³⁾.

мирамъ трапезы котѣшныи и законънато обѣда иже варцається безаконъная трапеза, мѣшная роду и рожаница». — У западныхъ Славянъ также находимъ извѣстiя о подобныхъ законамъ обѣдахъ; думаемъ, что здѣсь должно искать начала братчинъ или братовщиянъ.

¹⁾ Можно думать, что средневѣковой обычай сожигать еретиковъ есть также остатокъ языческихъ понятiй. Мы не согласны приписывать обычай человѣческихъ жертвъ у Славянъ чуждому влiянiю, ибо думаемъ, что этотъ обычай общъ всемъ языческимъ народамъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ; разумѣется, человѣскiя жертвы должны быть въ большинствѣ употреблены у народовъ воинственныхъ чѣмъ у мирныхъ, потому что, какъ уже сказано, въ жертву приносились взятые въ плѣнъ неприятели; такъ мы видимъ человѣскiя жертвы у воинственныхъ сѣверо-западныхъ племенъ славянскихъ, особенно когда разгорѣлась религиозная борьба съ христіанами; такъ и въ Бiелъи мы видимъ человѣческую жертву при Владимирѣ, во время борьбы двухъ религiй. — Видятъ также указанiе на человѣскiя жертвы въ слѣдующихъ словахъ лѣтописца: «Привожаху сыны своя и дщери, и жраху бѣсохъ, окверняху землю теремами своими, и оквернися кровью земля Русская и холмъ отъ». (Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 34). — Но здѣсь лѣтописецъ повторяетъ тѣ же слова, которая положилъ въ уста философу, пришедшему для обращенiя Владимира: «Посемъ же дьяволъ, въ большее прельщенiе вверже чловѣки, и начана кумъры творити, ови дрвяни, ови мѣднани, а друзii мраморнани, а ныне алаты и сребрянни; кланяхуса и привожаху сыны своя и дщери, а закалаху предъ ними, и бѣ вса земля оквернена». (Тамъ же 39). — Ср. Гельмольда: «Conveniunt viri et mulieres cum parvulis maetanque diis suis hostias de bobus et ovibus plerique etiam de hominibus christianis».

²⁾ О словоприводствѣ волхвъ и жрецъ см. у Буслаяна, О вл. христ., стр. 22, 23. — Miklosich. Rad. I. sl. p. 10.

³⁾ Финны знаютъ двѣ магii—бѣлую и черную; черная—адское искусство, отклоняющее людей отъ свѣта солнечнаго, враждебное Байнѣ, богинѣ солнца; этимъ объясняется слѣдующее мѣсто лѣтописца: «Приключися вѣскому Новгородцю прити въ Чудь, и прежде къ кудеснику, хотя волхованiя отъ него; онъ же по обычая

Исторiя застааетъ финское племя на крайнемъ сѣверѣ: очень вѣроятно, что Геродотовы Андрофаги, Меланхлены и Фиссагеги принадлежали къ этому племени ⁴⁾. Нѣмецкое названiе чуждскаго племени—Финны впервые встрѣчаемъ у Тацита ⁵⁾; Птоломеемъ упоминается также о Финнахъ ⁶⁾; у Горпанда въ искаженныхъ именахъ народовъ, покоренныхъ Готскимъ королемъ Германарихомъ, можно узнать Чудь, Весь, Мерю, Мораву, Черемису, и, быть-можетъ, даже Пермь ⁷⁾. Начальный лѣтописецъ русскiй знаетъ слѣдующiе финскiе народы, жившiе въ его время въ полуночныхъ странахъ и платившiе дань Руси: Чудь, Меря, Весь, Муромъ, Черемисъ, Мордва, Пермь, Печора, Ямъ. Общеплеменное названiе Финны есть названiе нѣмецкое, Чудь—славянское, Суомалайнъ—своенородное. Финнъ на нѣмецкомъ языкѣ означаетъ жителя болотной, влажной низменности; то же означаютъ и финскiя названiя разныхъ племенъ, напр. Емь или Ямъ (Нямъ) значить мокрый, водной; Весь объясняется изъ финскаго *Vesi*—вода. И теперь финскiя имена мѣстностей встрѣчаются преимущественно на болотистыхъ пространствахъ ⁸⁾. Имя лѣтописецъ указываетъ намъ финскiя племена преимущественно около озеръ; въ половинѣ IX вѣка южныя границы финскаго племени съ славянскимъ можно положить въ области Москвы-рѣки, гдѣ Финны должны были сталкиваться съ славянскимъ племенемъ Вятичей: селенiя послѣднихъ мы имѣемъ право продолжить до рѣки Лопасни, потому что, какъ видно, всѣ Вятичи принадлежали къ Черниговскому княже-

своему, пача признати бѣси въ храмину свою. Новгородю же сѣдяхю на порозѣ тоя же храмини, кудесникъ же лежаше оцѣнѣвъ, и шибѣ ихъ бѣси; кудесникъ же вставъ рече Новгородцю: боши не сѣютьъ прити, лѣто вчашѣ на собѣ, его же боятся. Онъ же помянувъ на собѣ крестъ, и отшедъ постави кроуѣ храмини тое; онъ же начатъ опять призвати бѣси, бѣси же метавше имѣ, повѣдаша, что ради пришель естъ. Но семъ же почя прити его: что ради боится его, его же се носимъ на собѣ креста? Онъ же рече: то есть знаменѣ небеснаго Бога, его же наши боши боится. Онъ же рече: то ващи суть боши наши, гдѣ живутъ? Онъ же рече: въ безднахъ; суть же образомъ черни, крылаты, хвосты имущѣ, всходятъ же и подѣ небо слушающе вапихъ боговъ, ваши бо Ангели на небеси суть, аще кто умретъ отъ вапихъ людей, то вносимъ суть на небо, аще ли отъ нашихъ умраеть, то носимъ къ нашимъ богамъ въ бездну». На это же финское вѣрованiе указываетъ другое извѣстiе лѣтописца о волхвахъ, явившихся въ Ростовской области; они говорили, что чловѣкъ созданъ слѣдующимъ образомъ: «Вогъ живъше въ моници и всютиже, отерси ветхомъ и вврже съ небесе на землю, и расприса сотона съ Богомъ, кому въ пемъ створити чловѣка? и створи дьяволъ чловѣка, а Вогъ думу въ него вложи; тѣмъже аще умретъ чловѣкъ, въ землю плетъ тѣло, а душа къ Вогу». Доброе или бѣлое волшебство пронескаеть изъ существа женщины, тогда какъ чернокнижiе, по своему характеру, есть мужское. Ср. Lenormant, III, 404.

⁴⁾ Шафар. Древ. Т. I, кн II, стр. 45 и слѣд.

⁵⁾ Germ. cap. 46.

⁶⁾ III, с. 5.

⁷⁾ De reb. Get. c. 23: Thindos, Vasinia, Broncas (Beormas), Morens, Mordens, Sremniscans.

⁸⁾ Sjögren.—Ueber die älteren Wohnsitze der Jömen. S. 272, 339.

ству, а городъ Лопасья былъ пограничнымъ городомъ этого княжества съ Суздальскимъ. Селенія Вятчией должны были уже соприкасаться съ селеніями финскихъ племенъ, потому что въ Вронницкомъ уездѣ Московской губерніи находимъ рѣку Мерекую или Нерскую, которая именовъ своимъ яено показывается, что протекала чрезъ старинную землю Мери.

Если не самые древніе, то, по крайней мѣрѣ, одни изъ древнѣйшихъ обитателей русской государственной области, Финны имѣли незавидную участь: съ трехъ сторонъ тѣснили ихъ народы славянскаго, германскаго и турецкаго племени; мы видимъ какъ у насъ Финны постоянно уступаютъ предъ Славянами, подчиняются вліянію ихъ народности, приравниваются къ нимъ; причину такого явленія изъ вѣдннхъ обстоятельствъ объяснить не трудно. Сначала мы видимъ, что племена славянскія и финскія живутъ на равной ногѣ; Финны вѣстѣ съ Славянами призываютъ князей — нарядниковъ; по старшій и скоро единственный князь утверждаетъ свой столъ среди племени славянскаго; потомъ мы видимъ движеніе князей къ югу, по великому водному пути до самаго Чернаго моря; столъ княжескій утверждается въ Кіевѣ, основы новаго государства полагаются преимущественно къ югу отъ Новгорода по обимъ сторонамъ Днѣпра; но живущее здѣсь народонаселеніе принадлежитъ сплошь къ племени славянскому. Славянскія племена соединяются подъ одною властію, чрезъ это единство пріобрѣтаютъ силу матеріальную, а потомъ и начатки образованности христіанской, и такимъ образомъ получаютъ надъ финскими племенами матеріальное и духовное преимущество, предъ которымъ тѣ и должны были преклониться. Но нашему лѣтописцу видно, что Финны имѣли терпѣли отъ родовыхъ усобицъ по изгнаніи Варяговъ, влѣдствіе чего вѣстѣ съ ними призвали князей; въ скандинавскихъ преданіяхъ Финны являются искусными кузнецами, финскіе мечи славятся па сѣверѣ ⁴⁾. Отъ этихъ осѣдлыхъ, промышленныхъ Финновъ, соединившихъ съ Славянами и союзными съ ними, должно отличать сѣверныхъ ихъ соплеменниковъ, Лапонцевъ, которыхъ, какъ видно, суровая природа остановила на низшей степеніи человѣческаго развитія; и теперь въ характерѣ собственныхъ Финновъ и Лапонцевъ замѣчается такое же различіе, какъ между мужествомъ и дѣтствомъ. Безспорно, послѣднихъ разумѣетъ Тацитъ, когда описываетъ образъ жизни Финновъ ²⁾, когда говоритъ объ ихъ изумительной дикости, гнусной скудости: нѣтъ у нихъ ни оружія, ни лошадей, ни домовъ; пища у нихъ трава, одежда — кожи, ложе — земля; вся надежда ихъ въ стрѣлахъ, которыя, по недостатку желѣза, заостряются костями; охота питаетъ мужей и женъ. Дѣтямъ нѣтъ дру-

гого убѣжища отъ звѣрей и непогоды, кромѣ птаровъ, кое-какъ сплетенныхъ изъ древесныхъ вѣтвей; сюда возвращаются съ охоты молодые, здѣсь отдыхаютъ старики. Но вести такой образъ жизни, продолжаетъ Тацитъ, они считаютъ блаженіемъ, чѣмъ трудиться на полѣ, строить дома, съ надеждой и страхомъ смотрѣть на свои и чужія имущество. Безопасные отъ людей, безопасные отъ боговъ, они достигли самаго труднаго — отсутствія желаній. — Здѣсь нельзя не обратить вниманія на слова Тацита о томъ, что Финны считаютъ себя блаженными, и достигли самаго труднаго — отсутствія желаній: эти слова объявляютъ намъ происхожденіе сказки о блаженныхъ Гипербореяхъ: мыслители древнихъ образованныхъ народовъ, утомившись волненіями жизни, притекавшими отъ ничѣмъ неудовлетворимыхъ страстей чловѣка-язычника, любили съ завистью останавливаться на дикихъ народахъ, у которыхъ почти нѣтъ никакихъ желаній, которые не могутъ ни много пріобрѣтать, ни много терять, и потому не подвержены мучительнымъ колебаніямъ между страхомъ и надеждою, не боятся ни людей, ни боговъ: у Геродота боги завидуютъ чловѣческому благополучію и потому не допускаютъ ему продолжаться.

Въ жалкомъ видѣ представляется намъ быть финскихъ племенъ, живущихъ къ югу отъ Финскаго залива: слабости духовной у этихъ племенъ соотвѣтствуетъ слабость тѣла, соединенная однако съ высшей степенію нечувствительности ко вѣдннхъ впечатлѣніямъ; ни одинъ пзъ европейскихъ народовъ не обнаруживаетъ такъ мало духовнаго напряженія, не является такъ забытымъ; Эстонедъ напр. отличается рѣзко отъ своихъ сосѣдей — Русскихъ и Латышей тѣмъ, что вовсе не поетъ; пляска ему почти неизвѣстна. Неблагопріятная историческія обстоятельства, могшиа имѣть вредное вліяніе на развитіе этого племени, намъ извѣстны; но сколько сама природа племени содѣйствовала этимъ обстоятельствамъ, — рѣшить трудно ³⁾.

Въ тѣсной связи съ славянскими племенами на

³⁾ Kruse — Ur. Geschichte des esthnischen Volksstammes, S. 24 et seq. — Объ обычаяхъ финскаго народонаселенія, извѣщающахъ необыкновенное сходство съ русскими, см. Sjögren — Ueber die finnische Bevölkerung des St. Petersb. Gouvernements. И здѣсь, и тамъ, напримѣръ, выкупъ придаанаго, одинакія похвѣры и предосторожности противъ вліянія колдуновъ при свадьбѣ: такъ-же свекровь встрѣчаетъ молодую въ вывороченной шубѣ; въ такомъ же употребленіи бани; молодой называется княземъ или королемъ; умершавъ волшебникамъ такъ-же втыкають колы въ спину; вѣрять въ домовыхъ, русалокъ; недавно еще приносились жертвы подъ деревьями. — Такое сходство обычаевъ съ осторожностію должно приписывать заимствованію у одного племени другимъ, хотя взаимное вліяніе двухъ сосѣднихъ племенъ другъ на друга безспорно. Съ такою же осторожностію должно обходиться и съ языкомъ, утверждать о заимствованіяхъ, тогда какъ въ здѣсь всего легче можетъ имѣть мѣсто общее родство; сравнимъ, напримѣръ, славянскій кумиръ съ Чудскимъ Kuntaradami, Kumerlaas — идолаге: кумъ (forma, idolum), канше съ мадыарскимъ Kér, bályvár — Кер (imago idolum); гобпа съ мадыарскимъ gabona (fruges); одереви, дереуватый съ финскимъ doren (firmitas).

⁴⁾ Geijer — Geschichte Schwedens, 1, 95.

²⁾ Tac. Germ. XLVI.

западѣ находилось племя литовское, игравшее важную роль въ нашей исторіи, и потому вошедшее въ составъ Русскаго государства. Къ литовскому племени принадлежали древніе Прусы, Голяды, Судены, Корсь и нынѣшніе Литовцы и Латыши¹⁾. Изъ многихъ изслѣдованій о литовскихъ племенахъ и языкахъ, о сродствѣ ихъ съ сосѣдними племенами и языками, оказывается достовѣрнымъ только то, что Славяне и Литовцы изъ всѣхъ индоевропейскихъ племенъ суть самыя ближайшія другъ къ другу, и что литовское племя съ незапамятныхъ поръ обитало въ настоящихъ своихъ жилищахъ. Это давнее и постоянное пребываніе на однихъ мѣстахъ, усиденіе, которымъ литовское племя было обязано природѣ своей страны, непривлекательной и съ трудомъ доступной, дало ему возможность развить свою особую религіозную систему и строго подчинить ей свой бытъ. Этимъ литовское племя отличается отъ родственныхъ племенъ—славянскаго и германскаго, которыя исторія застаётъ въ движеніи, въ безпрестанномъ столкновеніи съ чуждыми народами и государствами, что препятствовало имъ утвердить свой религіозный бытъ на прочныхъ основахъ, а когда получили они къ тому возможность, то уже подверглись вліянію образованнѣйшихъ народовъ, и должны были принять другую, высшую религію. Германское племя только въ отдаленной Скандинавіи, славянское только на берегахъ Балтійскаго моря могли выработать для себя болѣе или менѣе прочныя формы религіознаго быта, чѣмъ и объясняется упорное сопротивленіе, встрѣченное здѣсь христіанствомъ.

У литовскаго племени подлѣ князей мы видимъ жрецовъ съ обширнымъ вліяніемъ и кругомъ дѣятельности; князь (Rikgs) вѣдалъ воспитаніе дѣла, все что относилось къ вышней защитѣ страны и къ сохраненію внутренней безопасности; верховный жрецъ (Криве) заведывалъ не только дѣлами богослужебными, но и судебными, былъ верховнымъ судьей и нарядникомъ. Уставы, обычаи литовскаго племени, сходные въ главномъ съ уставами и обычаями другихъ сосѣднихъ племенъ, славянскихъ и германскихъ, разнятся отъ послѣднихъ тѣмъ, что проникнуты религіознымъ началомъ, истекаютъ изъ него: такъ напр., мы видимъ, что у Литовцевъ, точно такъ какъ у Германцевъ, отецъ семейства имѣлъ право убивать своихъ больныхъ или увѣчныхъ дѣтей; но у Литовцевъ этотъ обычай освященъ былъ религіознымъ основаніемъ: «потому что слуги литовскихъ боговъ должны не степенать, но сгнѣтаться; потому что бѣдствіе человеческое причиняетъ скорбь богамъ и людямъ». На томъ же основаніи дѣти имѣли право умерщвлять престарѣлыхъ и больныхъ родителей; человеческія жертвы дозволялись и оправдывались: «кто въ здоровомъ тѣлѣ захочетъ принести въ жертву богамъ себя, или своего ребенка, или домочадца, тотъ можетъ сдѣлать это безпрепятственно, потому что,

освященные черезъ огонь и блаженныя, будутъ они веселиться вмѣстѣ съ богами». Большая часть верховныхъ жрецовъ оканчивали свою жизнь добровольнымъ сожженіемъ для умноженія гнѣва боговъ: эти литовскія воззрѣнія, или, лучше сказать, воззрѣнія, общія всѣмъ сосѣднимъ племенамъ, но сохранившіяся у Литовцевъ въ большей определенности и связи, имѣли вліяніе на германскіи обычаи приносить въ жертву князю во время общественныхъ бѣдствій; уже въ христіанскія времена былъ обычай у германскихъ и славянскихъ племенъ обвинять князей и церковныя власти въ общественныхъ бѣдствіяхъ. Женщины также отдали въ подобныхъ обстоятельствахъ: Литовцы прежде всего отдѣлялись отъ нихъ во время голода; а Финны, при своей склонности къ суевѣрію, приписывали чародѣйству женщинъ непосредственное участіе въ произведеніи послѣдняго²⁾. Если женатый человекъ будетъ уличенъ въ связи съ дѣвцею, то его должно отдать неамъ на съдѣніе, потому что онъ нарушалъ надъ богами, живущими въ состояніи сурржества и дѣвства. — Безбрачіе было необходимымъ условіемъ для Криве и для всѣхъ подчиненныхъ ему жрецовъ; женщина была видимо унижена, исключена изъ общества съ мужчинами³⁾.

Изъ литовскихъ племенъ очень рано вошли въ составъ русскихъ владѣній Голяди или Голяды, жившіе по рѣкамъ Протвѣ и Угрѣ, замѣшанные среди племенъ славянскихъ—Радимичей, Вятичей и Новгородцевъ. Какимъ же образомъ часть литовскаго племени Голядей попала такъ далеко на востокъ? Простурились ли такъ далеко древнѣйшія жилища литовскаго племени, перерѣзанныя послѣ движеніемъ Славянъ съ юга, или Голяды явились на Протвѣ и Угрѣ вслѣдствіе движенія съ запада, точно такъ, какъ тѣмъ же путемъ явились славянскія лехитскія племена Радимичей и Вятичей? Быть можетъ, даже переселеніе Голядей на востокъ находилось въ связи съ означеннымъ переселеніемъ Радимичей и Вятичей; съ другой стороны, природа страны Голядовъ и нѣкоторыя историческія данныя дѣлаютъ вѣроятнымъ переселеніе части этого племени на востокъ вслѣдствіе недостатка жизненныхъ средствъ: Галиндія находилась къ сѣверу

²⁾ Lappenberg — Urkund. 1, 105. Письмо папы Григорія VII къ Датскому королю Гаральду 1080 году. «Vos intemperiem temporum, corruptiones aeris, quascunque molestias corporum, ad sacerdotum culpas transferre. Praeterea in mulieres ob eandem causam simili immunitate barbari ritus damnatas, quidquam impietatis faciendi vobis fas esse nolite putare». Полное Собр. Р. Лѣт. III, 44: «И влѣднже (дѣволъ) на Арсени мужа кровца и смѣрена крамолу велику, простую чядъ; и створпе вѣче на Ярославли дворѣ, и пондоша на владѣцнхъ дворѣ, речуе: того дѣла стоить тепло долго, и проч.—Тамъ же, IV, 198: «А тогда бѣше моръ въ Псковѣ великъ, и тогда отрекошася Псковичи князю Данилу Александровичу: «теб ради моръ сей у насъ», и выѣха Князь Данило изъ Пскова». — О поступкахъ волхвовъ съ женщинами см. выше.

³⁾ См. о литовскомъ племени подробнѣе. Voigt—Geschichte Preussens, t. I.—Narbutt Dzieje starozytne-narodu litewskiego, t. 1.

¹⁾ Древн. Шафарика, Т. I, кн. II, стр. 276 и слѣд.

отъ Мазови¹⁾, была наполнена множествомъ водъ, густыхъ лѣсовъ и пущей; рассказываютъ, что въ одно время народонаселеніе Галиціи такъ умножилось вслѣдствіе долгаго мира, что средствъ къ жизни стало недостатать; въ такихъ обстоятельствахъ старшины опредѣлили, чтобы въ продолженіи извѣстнаго времени всѣ младенцы женскаго пола были умерщвляемы²⁾. — Понятно, что ни одно изъ приведенныхъ предположеній не можетъ быть принято преимущественно передъ другимъ; но всѣ они вмѣстѣ взяты достаточны для убѣжденія въ томъ, что наши Голяды были родственны жителямъ литовской Галиціи.

Кромѣ Литвы, въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчаемъ еще народъ, съ которымъ Русь также очень рано входитъ въ непріязненные столкновенія и котораго страна послѣ вошла въ составъ Имперіи:—это загадочный народъ Ятвяговъ. Ятвяги жили, впервыхъ, въ западной части Подлѣсья, потомъ во всемъ Подляшии, въ части Мазови, находившейся между рѣчкой Валушей, впадающей въ Нарву, и Вугомъ; наконецъ въ древней Судави³⁾. О происхожденіи Ятвяговъ древніе писатели разногласятъ: одни говорятъ, что Ятвяги языкомъ, религіею и правами были схожи съ Литвою, Пруссами и Самогитами; другіе же, что Ятвяги совершенно отличались языкомъ отъ Славянъ и Литвы. Новѣйшіе изслѣдователи признаютъ ихъ потомками Язиговъ сарматскихъ⁴⁾, но безъ положительнаго доказательства. Каково бы ни было происхожденіе Ятвяговъ, народъ этотъ является въ исторіи дикимъ, разбойническимъ, и очень долго сохраняетъ язычество. Вѣра въ переселеніе душъ, Ятвяги въ битвахъ не обращались въ бѣгство и не давались въ плѣнъ, но погибали вмѣстѣ съ женами; вели образъ жизни полусѣдлый, полукочевой. Указываютъ и теперь еще остатки Ятвяговъ въ Скидельскомъ округѣ, на лѣвой сторонѣ рѣки Шлясы и Котры: они рѣзко отдѣляются отъ Вѣлоруссовъ и Литовцевъ смуглымъ цветомъ, чернымъ платьемъ, нравами и обычаями, хотя всѣ уже говорятъ бѣлорусскимъ языкомъ съ литовскимъ произношеніемъ. У Вѣлоруссовъ въ Подляшии существуетъ поговорка: „Смотритъ Ятвягомъ (Выгляда якъ Ядвигга)“ въ значеніи: смотритъ разбойникомъ.

Таковы были ближайшіе сосѣди Славянъ въ восточныхъ жилищахъ ихъ. Первое сколько-нибудь вѣрное извѣстіе о судьбѣ этихъ народовъ мы встрѣчаемъ не ранѣе IV вѣка по Р. Х., когда они вошли во враждебныя столкновенія съ Готами. Во II или началѣ III вѣка по Р. Х. замѣчается движеніе скандинаво-германскихъ дружинъ, подъ именемъ Готовъ, отъ береговъ Балтійскаго моря къ

Черному; безъ сомнѣнія, движеніе это совершалось по тому же водному пути, по которому послѣ, въ половинѣ IX вѣка, спускались дружины варяжскія. Только на трехъ корабляхъ, по преданію⁵⁾, явилась готская дружина на Балтійскомъ морѣ, но потомъ, вобравши въ себя пришлецовъ изъ разныхъ племенъ, своихъ и чужихъ, образовалась на берегахъ Понта въ многочисленный народъ, который не давалъ покоя областямъ Имперіи: въ IV вѣкѣ готскій вождь Германарихъ положилъ—было основаніе государству въ такихъ же обширныхъ размѣрахъ, въ какихъ послѣ явились владѣнія Рюриковичей; владѣя тринадцатымъ племенами, между которыми легче другихъ прочитываются имена Чуди, Веси, Мери и Мордвы, Германарихъ обратился противъ Геруловъ; покоривъ послѣднихъ, двинулся противъ Венедовъ. Венеды, говоритъ готскій историкъ⁶⁾, неопытные въ военномъ дѣлѣ, но сильныя своею многочисленностію, вздумали—было сначала сопротивляться, но принуждены были покориться Германариху, потому что множество народа ничего не значить на войнѣ, прибавляетъ тотъ же историкъ. Эсты, жители береговъ прибалтійскихъ, подчинились также Германариху; но въ то время, какъ его оружіе было такъ счастливо на западѣ, въ юго-восточныхъ стѣняхъ собиралась гроза, долженствовавшая разрушить громадное государство Готовъ при самомъ его рожденіи на берегахъ Дона явились Гунны. Какъ послѣ, въ XIII вѣкѣ, Русскіе не знали, откуда пришла на нихъ гроза татарская, такъ теперь Готы не умѣли опредѣлить происхожденія Гунновъ: только сказка говорила, что одинъ изъ готскихъ князей выгналъ въ степь злыхъ волшебницъ, которыя совокупились тамъ съ нечестными духами, и отъ этого-то совокупленія произошли чудовищные Гунны. Сначала жили они на восточныхъ берегахъ Азовскаго моря, занимаясь охотою; потомъ, возросши въ числѣ, устремились грабить сосѣдніе народы; лапъ показала имъ дорогу на противоположный берегъ моря; страхъ напалъ на разноименные варварскіе народы, здѣсь обитавшіе; храбрые Алапы не могли въ битвахъ выносить ужаснаго вида Гунновъ, потому что, собственно говоря, у нихъ не было лица, но вмѣсто него безобразный кусокъ мяса, на которомъ вмѣсто глазъ видѣлись какія-то пятна; безобразныя въ самой молодости, они старѣли безъ бородъ, и жили какъ дикіе звѣри⁷⁾: питались кореньями и полусырымъ мясомъ звѣрей, согрѣвши его только немного подъ сѣдломъ; о домахъ не хотѣли знать, считали ихъ могилами; съ молодости привыкли переносить непогоду, голодъ и жажду; разъ надѣвши платье, они не снимали его до тѣхъ поръ, пока оно само не свалится съ нихъ доскутьями; безобразная обувь мѣшала имъ ходить; они вѣчно сидѣли на своихъ маленькихъ, но крѣпкихъ лошадяхъ,

¹⁾ Точнѣе опредѣленіе границъ Галиціи см. у Фойгта, т. I, стр. 495.

²⁾ Voigt. — I, 611.

³⁾ Шафар. Т. I, кн. П, стр. 125.

⁴⁾ Таково мнѣніе Шафарика; впрочемъ это мнѣніе высказывалъ уже и Татищевъ, II, прилѣч. 167.

⁵⁾ Jordanis, c. 17.

⁶⁾ Ibid c. 23.

⁷⁾ Ibid c. 24; Ammiani Marcell. XXXI, 2; Sidonii Apollin. Carm. II, v. 245—262.

на сѣдлахъ отправляли всѣ дѣла, ѣли, пили, спали, торговали, разсуждали. Никто изъ нихъ никогда не принимался за плугъ; воспоиоульннне должны были обрабатывать земли и пасти стада. Не было у нихъ ничего постоянного: ни жилища, ни закона, ни обычая; коварство ихъ, гнѣвъ, жадность не сдерживались никакою религіею, ни даже суевѣрїемъ. Жены ихъ жили на телѣгахъ, гдѣ ткали грубый холстъ, родили и воспитывали дѣтей; въ битвахъ принимали участіе вмѣстѣ съ мужьями; многоженство было у нихъ въ обычай.

Поразивши Алановъ, Гунны ударили на Готовъ: знаменитый Гермаиарихъ умеръ на 110 году своей жизни; поворожденное государство, не успѣвши нисколько сплотиться, окрѣпнуть, не могло вынести натиска Гунновъ и распалось; часть Готовъ была откинута на юго-западъ, другая принуждена была прикинуть къ полкамъ гуннскимъ; въ какомъ отношеніи находились Гунны къ племенамъ славянскимъ, опредѣлить нельзя; сохранилось только одно извѣстїе объ отношеніяхъ Славянъ къ Готамъ и Гуннамъ: Готскій князь Винитаръ, тяготясь господствомъ Гунновъ, стараясь мало-по-малу отъ нихъ освободиться, и желая показать свою храбрость, напалъ на Аитовъ; въ первой стычкѣ онъ былъ разбитъ, но потомъ поправилъ свои дѣла, взявъ верхъ надъ Антами и, чтобы задать имъ страху, велѣлъ распятъ на крестѣ предводителя ихъ Вокса (Vox, Booz, Voz) съ сыновьями и семидесятью другими старшинами ¹⁾. Но Гунскій князь Баламберъ не долго позволилъ Винитару пользоваться независимостію: онъ пошелъ на него войною и въ битвѣ самъ застрѣлилъ его изъ лука. Безспорно, что славянскія племена должны были платить дань Гуннамъ, какъ послѣ платили ее Козарамъ; какъ видно также, Гунны, раскинувъ во времена Аттилы сталъ свой въ Панноніи, среди Славянъ, переняли отъ послѣднихъ нѣкоторые обычай. Вѣрно только то, что, послѣ гуннскаго нашествія, южныя страны нынѣшней Россіи опять отуманились для исторіи, какъ во времена Скивоовъ и Сарматовъ: имена Скиои и Сарматин смѣшались именемъ Гуннии; Славяне у сосѣднихъ народовъ прослыли Гуннамъ. Могущество послѣднихъ рушилось по смерти Аттилы (453 г.); подчиненные прежде имъ народы выдѣлились опять изъ сплошной массы; но прошло не болѣе столѣтїя, какъ азіатскія степи выслали новыя толпы варваровъ одинакого происхожденія съ Гуннами: то были Авары. Авары, жившіе прежде на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ, въ 565 году перешли Донъ и стали угнетать Славянъ; извѣстїя объ аварскихъ угнетенїяхъ сохранились въ славянскихъ преданїяхъ и занесены въ лѣтописи: Авары (Обры), по свидѣтельству послѣдней, напали на Славянъ, примучили Дульбовъ и звѣрски поступали съ ихъ женами: когда нужно было ѣхать Обрину, то онъ не велѣлъ впрягать въ телѣгу ни копя, ни вола, но приказывалъ впрягать по трп, по четыре или

по пяти женщинъ. Были Обры, продолжаясь лѣтописецъ ²⁾, тѣмъто велики и умомъ горды, и Богъ истребилъ ихъ—всѣ померли, не осталось ни одного; есть поговорка въ Руси и теперь: „погибли какъ Обры“. У Византійцевъ слыли они самымъ разумнымъ изъ скинскихъ народовъ, но вмѣстѣ и самымъ лживымъ, коварнымъ ³⁾. Западнне Славяне, Чехи испытали также аварскія притѣвленія. Въ половинѣ VII вѣка могущество ихъ начинаеть упадать; въ 796 году Карлъ Великій нанесъ имъ страшное поражение въ Панноніи; въ 867 они почти всѣ были истреблены Болгарами, и остатки ихъ, принявъ мало-по-малу христіанство, исчезли въ Венгріи и Болгаріи. Когда освободились отъ Аваръ наши юго-восточныя славянскія племена—неизвѣстно; но въ половинѣ IX вѣка мы застаемъ ихъ платящими дань другому степному народу—Козарамъ. Исслѣдователи несогласны относительно происхожденія Козаръ; по вѣтвмъ вѣроятностямъ, это былъ народъ смѣшанный изъ разныхъ племенъ, что было очень естественно на границахъ между Европою и Азіею, на перепутьи народовъ: смѣшанности племенъ въ Козарскомъ царствѣ соотвѣтствовали смѣшанные религіи; здѣсь уживались другъ подлѣ друга четыре религіи: языческая, магометанская, христіанская, еврейская, и послѣднюю исповѣдывалъ каганъ, верховный повелитель Козаровъ,—примѣръ единственнаго въ исторіи ⁴⁾. Еще во II вѣкѣ по Р. Х. армянскіе историки упоминаютъ о Козарахъ; Византійцы хорошо знаютъ ихъ въ VII вѣкѣ подъ именемъ восточныхъ Турокъ; въ этомъ вѣкѣ они утверждаются на берегахъ Понта, въ VIII овладѣваютъ болшею частью Тавриды; въ какое время принуждены были имъ платить дань юго-восточныя славянскія племена—опредѣлить нельзя; лѣтописецъ говоритъ только, что Козары брали дань на Полянхъ, Сѣверянахъ, Радимичахъ и Вятичахъ. Мы называли Козаръ степнымъ народомъ потому, что хотя у нихъ и были города, какъ напримѣръ

²⁾ Поли. Собр. Р. Дѣт. I. 5.

³⁾ Stritter, Memor. Popul. I.

⁴⁾ Fraehn—De Chazaris, p. 15: Duplex eorum genus exstat. Alteri nomen est Kara Chazar (i. e. Chasari nigri); hi fusco colore sunt, sed propter fusci intensiorem ad nidredinem vergente, ita ut species ludorum esse videatur. Genus alterum albo colore est atque pulchritudine et forma insignie. Докладательства, взятая отъ языка, свидѣтельствууютъ преимущественно въ пользу смѣшенія турецкаго съ финскимъ племенемъ, см. Капрота (Mémoires relatifs à l'Asie, p. 155); Френа (Mémoire de l'Académie de S.-Petersb. 1832, p. 548); Гургорьева—Обзоръ политической исторіи Козаровъ. 1835; Языкова—Опытъ исторіи Козаровъ (въ Трудахъ Императорской Россійской Академіи, ч. I, 1840 года); Kunik—Die Beratung der Schwedischen Rolsen, II, S. 247 et sq.—Въ религіозномъ огиоменіи замѣчательны слѣдующіе поступокъ Караца (Fraehn — de Chas. p. 18): «Anno trecentesimo decimo (=922 p. C.) Rex, accepto nomine Muhammedanos ecclesiam (Christianam), quae in terra Babundsche, erat, diruisse, turrim (templi muhammedani) destrui praeconesque sacros morte affici jussit, addens: nisi timerem, ut in Muhammedanorum terris ulla superstes relinqueretur ecclesia, ipsum hoc templum etiam destruerem».

¹⁾ Jordanis, de reb. Get. c. 48.

Итиль при устьи Волги, по большинство народонаселения жило въ кибиткахъ, немногіе богатые имѣли глиняныя мазанки, и только у кагана были высокія кирпичныя хоромы. Лѣтомъ городъ пустѣлъ: жители забирали имѣніе и откочевывали въ степь.

Но въ то время, какъ Азіатцы, жившіе на Дону и Волгѣ, брали дань съ племей славянскихъ, жившихъ преимущественно на востокъ до Дибъра, племена, жившія отъ него къ сѣверу, платили дань Варягамъ. Кто же были эти Варяги?—Здѣсь, прежде нежели приступимъ къ разбору лѣтописныхъ свидѣтельствъ о Варягахъ, считаемъ за нужное сказать нѣсколько словъ о географическихъ понятіяхъ лѣтописца, вѣскольку они разнятся отъ нашихъ. Разница состоитъ въ томъ, что Балтійское или Варяжское море, по лѣтописцу, находится не на сѣверо-западѣ, но прямо на сѣверѣ; это видно изъ описанія рѣчныхъ теченій: „Дибъръ бо потече изъ Оковьяскаго лѣса, и потечеть на полдне; а Двина изъ того же лѣса потечеть, а и деть на полунощѣе, и впадеть въ море Варяжское; изъ того же лѣса потече Волга на Востокъ“. Вслѣдствіе такого взгляда становится понятнымъ, какъ Варяги, присѣдя къ морю Варяжскому, могутъ въ то же время соприкасаться съ востокомъ, предѣломъ Симовымъ. Скандинавскій полуостровъ мы должны положить поперекъ, Балтійское (Варяжское) море будетъ находиться прямо на сѣверъ отъ русскихъ владѣній, составляя одно съ Ибменскимъ, это будетъ огромный рукавъ Атлантическаго океана, совершенно въ видѣ Средиземнаго моря, причемъ сѣверный Скандинавскій берегъ Варяжскаго моря будетъ соответствовать европейскому берегу Средиземнаго, южный берегъ Варяжскаго—африканскому берегу Средиземнаго; слѣд. Скандинавскій перешеекъ, подобно Суецкому, долженъ находиться на востокѣ, около Уральскихъ горъ, соприкасаться съ частью Симовою ¹⁾. Кончивъ перечисленіе народовъ по Византійцу Амарголу — Симвитовъ, Хамитовъ и Яфетитовъ, русскій лѣтописецъ прибавляетъ отъ себя перечисленіе сѣверныхъ народовъ, которыхъ не нашель у Грека: также въ Яфетовой части, говоритъ онъ, сидятъ: Русь—здѣсь подъ этимъ именемъ лѣтописецъ разумѣетъ всѣ славянскія племена, находящіяся подъ властью русскихъ князей; потомъ перечисляетъ чужіе народы, племена финскаго и латынскаго, которые въ его время давали дань Руси: Чудь, Мера, Муромъ, Вель, Мордва, Заволоцкая Чудь, Пермь, Печора, Язь, Угра, Литва, Зямъгола, Корель, Сѣтгола, Ливъ. Доведши въ этомъ перечисленіи до береговъ Балтійскаго моря, лѣтописецъ переходитъ къ независимымъ отъ Руси племеннымъ народамъ, обитавшимъ на берегахъ его: Ляхи, Пруссы, Чудь живутъ на берегахъ мо-

ря Варяжскаго, говорятъ онъ. Здѣсь онъ идетъ вѣрно отъ запада къ востоку, или сѣверо-востоку, разумѣя подъ прибрежными Ляхами Шоморянъ, отъ нихъ къ востоку поимѣняя Пруссовъ, потомъ Чудь, т. е. финскія племена, живущія въ нынѣшнихъ остзейскихъ провинціяхъ, Ингерманландіи и Финляндіи. Идя далѣе къ сѣверо-востоку, лѣтописецъ, по своимъ понятіямъ, переходитъ на противоположный, сѣверный, скандинавскій берегъ Балтійскаго моря, и говоритъ, что по Варяжскому же морю сидятъ Варяги — вотъ сюда къ востоку, до предѣла Симова; по тому же морю сидятъ и къ западу, до Земли Англійской и Волошской. Не оставившаяся здѣсь, лѣтописецъ хочетъ перечислить всѣ европейскіе народы, принадлежащіе къ племени Яфетову, и пачинаетъ такъ свое перечисленіе: Варяги, Свеи (Шведы), Урмане (Норвежцы), Готы (Русь по нѣкотор. списк.), Агнине (Англичане), Галличане (быть-можетъ, жители Валлиса, pays des Gals), Волхъва (вѣроятно общее названіе романскихъ народовъ), Римляне, Нѣмцы, Корлязи (быть можетъ, Французы, западные Каролинги, какъ думаетъ Кругъ), Вельпиги (Венециане), Фрягове, (кажется, въ тѣсномъ смыслѣ, Генуезцы). Слѣдовательно, кого же лѣтописецъ разумѣетъ подъ именемъ Варяговъ? Ясно, что это имя у него есть общее: Варяги живутъ по Балтійскому морю къ востоку, до предѣла Симова, и къ западу, по тому же морю живутъ до Земли Англійской: вотъ границы Варяговъ! Мы знаемъ, и лѣтописецъ знаетъ, что въ этихъ предѣлахъ живутъ Шведы, Норвежцы, Готы: лѣтописецъ ихъ имено и называетъ до Англичанъ. Итакъ Варяги лѣтописца суть Скандинавы; если скажутъ, что лѣтописецъ разумѣетъ также южный берегъ Балтійскаго моря, гдѣ жили и Славяне, то онъ уже назвалъ ихъ прежде—Ляхове, Прусси и Чудь присѣдя морю Варяжскому ²⁾, и потомъ совершенно молчитъ о нихъ при именованіи народовъ варяжскихъ. Второе мѣсто лѣтописца: послы отъ соединенныхъ племенъ славянскихъ и финскихъ пошли за море къ Варягамъ—Руси: эти Варяги, прибавляетъ лѣтописецъ, зовутся Русь, точно такъ, какъ другіе Варяги зовутся Шведами, иныя Норвежцами, Англичанами, Готами ³⁾.

На приведенныхъ мѣстахъ лѣтописца ³⁾ основны-

²⁾ Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 8. — Что касается Земли Англійской, то ея названіе не можетъ вводить въ сомнѣніе, ибо съ одной стороны Варяги-Норманны живутъ собственно до Англійской Земли; но, съ другой стороны, они издавна поселились на берегахъ Англіи, завоевали ее, наконецъ завоевали окончательно изъ Нормандіи Французскую; наконецъ, что кажется намъ всего вѣроятнѣе, лѣтописецъ смѣшиваетъ древнія жилища Англовъ съ новыми въ Британіи, сближаетъ и Датчанъ съ Англичанами вслѣдствіе тѣсной, постоянной связи, которая издавна существовала между этими двумя народами.

³⁾ Говорю на приведенныхъ мѣстахъ только потому, что изъ другихъ мѣстъ лѣтописца, гдѣ упоминаются Варяги, нѣкоторые важны только для показанія, что Варяги жили на берегахъ Балтійскаго моря, но нисколько не могутъ противорѣчить тому мнѣнію, что подъ Варягами разумѣются всѣ Прибалтійскіе жители, слѣдовательно и Славяне.

¹⁾ Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 2, 3. — Fraehn-Ibn-Fozlan und anderer Araber Berichte, S. 182, 183, 198. Арабскій путешатель Вирруни (X—XI в.) продолжаетъ Варяжское море до области Булгаръ, а Диаршаминъ (1409 г.) до китайскихъ границъ.

вается мнѣніе о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ-Руси, и основывается крѣпко; вотъ почему это мнѣніе древнѣйшее, древнѣйшее въ наукѣ, древнѣйшее въ народѣ¹⁾. Свидѣтельство русскаго лѣтописца подтверждается свидѣтельствами иностранцами: извѣстіемъ, находящимся въ бертинскихъ лѣтописяхъ, что народъ Росѣ принадлежитъ къ племени Свеоновъ²⁾; извѣстіемъ Луттиранда, епископа Кремонскаго, о тождествѣ Руссовъ съ Норманами³⁾; извѣстіемъ арабскихъ писателей о тождествѣ Варяговъ, Руси и Славянъ⁴⁾. Подлѣ этого мнѣнія, основаннаго на очевидности, нѣкоторые хотѣли и хотѣть дать мѣсто предположенію, что князья варяго-русскіе и дружина ихъ были происхожденія славянскаго, и указываютъ преимущественно на Поморье (Померанію), какъ на мѣсто, откуда могъ быть вызванъ Юриекъ съ братьями: но для чего нужно подобное предположеніе въ наукѣ?⁵⁾ Существуютъ ли въ нашей древней исторіи такія явленія, которыхъ никакъ нельзя объяснить безъ него? Такихъ явленій мы не видимъ. Скажутъ: Славяне должны были обратиться къ своимъ же Славянамъ, не могли призывать чужихъ;—но имѣеть ли право историкъ настоящія понятія о національности приписывать предкамъ нашимъ IX-го вѣка? Мы видимъ, что племена германское и славянское, чѣмъ ближе къ языческой древности, тѣмъ сходятъ между собою въ понятіяхъ религиозныхъ, нравахъ, обычаяхъ; исторія не провела еще между ними рѣзкихъ разграничивающихъ линій, ихъ національности еще не выработались, а потому не могло быть и сильныхъ національныхъ отвращеній. Послѣдующая наша исторія объясняетъ какъ нельзя лучше

призваніе варяжскихъ князей: послѣ Новгородцы и Псковитяне охотно принимаютъ къ себѣ на столы князей литовскихъ; да и вообще въ нашихъ предкахъ мы не замѣчаемъ вовсе національной нетерпимости: Нѣмецъ, Ляхъ, Татаринъ, Бурягъ становились полноправными членами русскаго общества, если только принимали христіанство по ученію православной церкви, — это была единственная основа національнаго разлія, за которую наши предки держались крѣпко; но въ половинѣ IX-го вѣка ея не существовало; поклонникъ Тора такъ легко становился поклонникомъ Перуна, потому что различіе было только въ названіяхъ. Съ другой стороны, съ Варягами скандинавскими у нашихъ сѣверныхъ Славянъ была связь издавна, издавна были они знакомы другъ съ другомъ. Наконецъ, если-бы Новгородцы и Кривичи, по нашимъ настоящимъ понятіямъ, непремѣнно хотѣли имѣть своимъ княземъ Славянина, то не надобно забывать, что въ союзѣ съ ними были племена финскія, у которыхъ не могло быть этого желанія.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ еще о значеніи названій—Варяги и Русь. Сличивъ различныя толкованія ученыхъ, можно вывести вѣрное заключеніе, что подъ именемъ Варяговъ разумѣлись дружины, составленныя изъ людей, волею или неволею покинувшихъ свое отечество и принужденныхъ искать счастья на моряхъ или въ странахъ чуждыхъ⁶⁾; это названіе, какъ видно, образовалось на западѣ, у племенъ германскихъ; на

¹⁾ Новгородцы, споеся съ Шведскимъ королемъ объ избрвнн брата его на русскій престолъ, говорили: «А прежніе государи наши и корень ихъ царскій отъ нихъ же Варяжскаго княженія, отъ Юрика я до великаго государя Ослода Ивановича былъ». Дополн. къ акт. истор. т. I, № 162.

²⁾ Annal. Bertin an. 8—39; ap. Murator. scriptor rer. Ital., t. II, p. 525.

³⁾ Histor. c. 46.

⁴⁾ См. у Fraehn-Ibn-Fozlans etc.

⁵⁾ Извѣстія другихъ Византійцевъ только не противорѣчатъ мнѣнію о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ: Варягами въ Византїи назывались дружины изъ пришлецевъ съ далекаго сѣвера, съ острова Туас, это впрочемъ не противорѣчатъ мнѣнію, что у другихъ народовъ Варягами могли называться и другіе жители сѣвера, много происхожденія чѣмъ Скандинавы; если въ дружинахъ съ Туасъ были Славяне сѣверные, то Византійцевъ не имѣлъ обязанности упоминать объ этомъ обстоятельствѣ: мы знаемъ неточность Византійцевъ относительно этнографическихъ опредѣленій, и знаемъ различіе между южными, извѣстными Византійцамъ, Славянами и сѣверными.— Позиціями извѣстія нашихъ лѣтописей, гдѣ подъ Варягами разумѣются Скандинавы, Нѣмцы, также не противорѣчатъ мнѣнію о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ, не противорѣчатъ мнѣнію и о славянскомъ: сперва подъ Варягами могли разумѣться все жители Балтійскаго побережья; потомъ, съ принятіемъ христіанства, начало господствовать различіе религиозное, и Варягами на сѣверѣ начали называть тѣхъ, кого на югъ разумѣли подъ Латинами, то-есть всѣхъ не-греческаго закона, всѣхъ безъ различія происхожденія; наконецъ опѣмеченіе Славянъ прибалтійскихъ заставило считать Нѣмцами все народы сѣверо-западной Европы, носившіе прежде имя Варяговъ.

⁶⁾ Warg, иначе wrag, въ западной Европѣ среднихъ вѣковъ означалъ изгнанника, изверженнаго изъ извѣстнаго округа, exul, rago expulsus; подобный чело-вѣкъ у Англо-Саксовъ назывался w g a s s a, въ законѣ саксонскомъ wargus. Послѣ этого названіе начало означать изгнанника и преступника вмѣстѣ; отсюда у Готтовъ—wargjan condemnare, exterminare, tractare ut sceleratum; и Шведовъ worg значить волкъ, какъ разбойникъ между звѣрями; wrang brux ferok. Итакъ, wrag, wraee, wrang древнихъ Германцевъ, warg, fræc, frane новыхъ было однозначаще съ англосаксонскимъ utlagh; w a r g, w r a g значилъ волкъ, разбойникъ или изгнанникъ на всѣхъ языкахъ сѣвера (ср. славянское в р а гъ, финское waras). Будемъ ли смотрѣть на Варяговъ какъ на Вѣрхуусъ фонъ Берхта Waeringar; будемъ ли произносить слово отъ w a r воина, или отъ славянскаго в а р я и сравнивать съ Δρομίται; будемъ ли указывать на древнорусское wargan мечъ,—заключеніе будетъ одно, что В а р я гъ означалъ дружинника, воина по преимуществу, а извѣстно, что въ средніе вѣка дружины состоялись преимущественно изъ людей, носившихъ названіе w a r g u s; следовательно, еслибы даже между этими двумя словами не было связи филологической, то есть исторической.—Кругъ производитъ Варяговъ отъ в а р я ю и сравнивать съ Δρομίται. Тредьяковскій уже давно производилъ отъ в а р я ю только въ смыслѣ предвартель, старожина. Максимовичъ считаетъ wargan русскимъ в р а гъ, но объ этомъ приближеніи уже давно писалъ монахъ Кульчичскій въ своемъ сочиненіи: Specimen ecclesiae Ruthenicae. Отъ значенія изгнанника легкій переходъ къ значенію оккупанта, пришельца, чужака: «Omnes varengangi, qui de exteris finibus in regni nostri finibus advenierint, sequi sub scuto potestatis nostrae subdidierint, legibus nostris Langobardorum vivere debeant, nisi legem suam a pietate nostra meruerint». Edict. regis Rothari. стр. 300.

востоку, у племенъ славянскихъ, финскихъ, у Грековъ и Арабовъ такимъ же общимъ названіемъ для подобныхъ дружинъ было Русь (Русъ), означая, какъ видно, людей—мореплавателей, приходящихъ на корабляхъ, моремъ, входящихъ по рѣкамъ внутрь странъ, живущихъ по берегамъ морскимъ¹⁾. Прибавимъ сюда, что названіе Русъ было гораздо болѣе

распространено на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ, и что, по всемъ вѣроятностямъ, Русъ на берегахъ Чернаго моря была известна прежде половины IX-го вѣка, прежде прибытія Рюрика съ братьями²⁾.

Таковы, по нашему мнѣнію, вѣроятнѣйшіе выводы, какіе можно добыть изъ многочисленныхъ толковъ о Варягахъ и Русѣ.

Г л а в а IV.

Приваніе Варяговъ-Руси сѣверными племенами славянскими и финскими. — Слѣдствія этого явленія. — Обзоръ состоянія европейскихъ народовъ, преимущественно славянскихъ, въ половинѣ IX вѣка.

Мы видѣли, что въ половинѣ IX вѣка область нынѣшней Россіи, вслѣдствіе природнаго вліянія, раздѣлялась главнымъ образомъ на двѣ части: племена, жившія на юго-востоку, находились въ подчиненности отъ азіатскаго племени, стоявшаго лагеремъ на Дону и Волгѣ; племена, жившія на

сѣверо-западѣ, должны были подчиниться знаменитымъ морскимъ королямъ, предводителямъ европейскихъ дружинъ, вышедшихъ съ береговъ Скандинавіи: „Брали дань Варяги изъ-за моря на Чуди, Славянахъ Новгородскихъ, Мерѣ, Весѣ, на Кривичахъ³⁾, а Козари брали на Полянѣхъ, Сѣверя-

¹⁾ Византиецъ Симеонъ Логоветъ объясняетъ прямо слово: Ρως словомъ Δροῦτις, а Δροῦται происходитъ отъ Δροῦλον—корабль. Корень слова съ приведеннымъ значеніемъ найдемъ въ языкахъ славянскомъ, германскомъ, финскомъ и другихъ многихъ; мѣстныхъ названій, подобнымъ образомъ звучащихъ, найдемъ много, но не думаемъ, чтобы изслѣдователь имѣлъ право выводить дружину Рюрика непременно изъ какого-нибудь подобнаго мѣста.

²⁾ Арабскій писатель Табарѣ (Dorn, Beiträge zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker, Mémoires de l'Académie des sciences de S. Pétersbourg t. IV, 1841; t. VI, 1844) упоминаетъ о Руссахъ вмѣстѣ съ Козарами годъ 642 годовъ по Р. Хр.—Обыкновенно думаютъ, что Греки въ первый разъ познакомились съ Руссами только послѣ Аскольдова похода; но могъ ли патриархъ Фотій, въ окружномъ посланіи своемъ 867 года, отзываясь о Руссахъ такимъ образомъ: Τὸ πρῶτον πλοῖσις πλάγιος Θρούλοφρονον? Въ Паралипоменонѣ Зонары жителемъ Руссовъ полагается на берегахъ Чернаго моря (Чтения Москв. Ист. Общ. годъ третій, № 1); такъ же полагаютъ Русъ и арабскіе писатели Fraehn-ibn-Fozlan Berichte: по Мукаддези, Руссы живутъ на островѣ Вабія; число ихъ простирается до 100.000; у нихъ нѣтъ ни хлѣбопашества, ни скотоводства. По словамъ Димешки, Руссы получили свое имя отъ города Руси (Rusija), находящагося на сѣверномъ берегу названнаго отъ нихъ моря, то есть Чернаго. На этомъ морѣ семь острововъ, обитаемыхъ разбойниками Руссами. Криси упоминаетъ также о городѣ Русѣ: «Отъ города Матхри до города Русъ 27 мил; послѣдній дежитъ на большой рѣкѣ, вытекающей изъ горы Букайя». По Алъ бенъ-Сандъ-Махреби Русин, главный городъ Руссовъ, находится на берегахъ Азовскаго моря. Нибъ-ель-Варди, при перечисленіи городовъ на Черномъ морѣ, называетъ Руссія. Такая согласная свидѣтельства оспаривать трудно, а главное—нѣтъ нужды: древнее пребываніе Руссовъ на Черномъ морѣ только объяснитъ намъ и некоторая лѣтописная извѣстия, не противорѣча ни одному изъ нихъ.—Недавно г. Геденъ снова поднялъ вопросъ о славянскомъ происхожденіи Варяговъ-Руси (Отрывки изъ изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ, приложеніе къ 1-му тому Записокъ Импер. Академіи Наукъ, № 3). Изслѣдованіи его замѣчательны своею отрицательною стороною, гдѣ онъ отвергаетъ и некоторыя мнѣнія ученыхъ, державшихся скандинавскаго происхожденія Ва-

ряговъ-Руси; но положительная сторона изслѣдованія не представляетъ ничего, на чемъ бы можно было остановиться. Г. Геденъ принадлежить честь за то, что онъ заставляетъ начальнаго лѣтописца указывать на славянское происхожденіе Варяговъ-Руси, признаетъ, что лѣтописецъ подъ Варягами-Русью не разумѣлъ Славянъ, и отвергаетъ свидѣтельство лѣтописца, какъ невѣрное. Но вопросъ о невѣрности показаній лѣтописца не рѣшится въ изслѣдованіи, а безъ этого рѣшенія дѣло не подвинется ни на шагъ въ пользу противниковъ мнѣнія о неславянскомъ происхожденіи Руси. То же должно сказать и объ изслѣдованіяхъ г. Иловайскаго. Уже показали въ своемъ мѣстѣ (въ изслѣдованіи о лѣтописи, III-й томъ Исторіи Россіи), что извѣстіе о призваніи князей никакъ нельзя соединить съ хронологическими показаніями лѣтописи, что хронологія падана въослѣдствіи произвольно, но соображенію съ греческими источниками; въ извѣстіяхъ же о призваніи князей и первоначальной ихъ дѣятельности нѣтъ возможности найти оцетку или какое-нибудь мудрованіе. Затрудняется вопросомъ, откуда начальный лѣтописецъ почерпнулъ извѣстіе о призваніи, не слѣдуетъ: можно ли предположить, что сынъ Ирослава, правнукъ Рюрика внука, забылъ о своемъ происхожденіи, объ обстоятельствахъ появленія своего предка въ странѣ или владѣемой, забылъ, когда еще находились въ-живыхъ люди, номяніе крещеніе Русской Земли, поминаніе правнукъ Рюрика?

³⁾ Въ лѣтописи: «Имаху дань Варязи изъ заморы на Чуди и на Словѣнѣхъ, на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ». Вместо всѣхъ Кривичѣхъ я читаю Весѣ и Кривичѣхъ,—ибо если Мери платила дань, то не могла не платить Весѣ; что Весѣ платила дань и потомъ участвовала въ призваніи князей, доказательствомъ служить поселеніе у нея на Вѣльзоверѣ одного изъ братьевъ—Синеуса; потомъ, какъ видно, всѣ племена, платившія дань Варягамъ, вошли въ составъ Рюрика владѣній; но не всѣ Кривичи вошли сюда, ибо Смоленскъ былъ взятъ только при Олегѣ. Что касается до Чуди, то подъ этимъ именемъ должно разумѣть Вотъ, или Водь, жителей древней Волжской Пятины въ Новгородской области, которыхъ и теперь русскіе соедѣи ихъ не иначе называютъ какъ Чудью. См. Koerppen, Ethnographischer Ausflug in einige Kreise des St.-Petersburgischen Gouvernements in Mélanges russes, T. I, 2 livr. 1849.

нахъ, Радимичахъ и Вятичахъ, брали на горностаю ¹⁾ и бѣлкѣ отъ дыма ²⁾. Лѣтописецъ говоритъ о Варягахъ, что они просто брали дань, а о Козарахъ, что они брали по горностаю и бѣлкѣ, — знакъ, что о дѣлахъ на югѣ лѣтописецъ имѣлъ подробѣйшія свѣдѣнія, чѣмъ о событіяхъ на сѣверѣ. Далѣе, подѣ 862 годомъ, лѣтописецъ говоритъ, что племена, платившія дань Варягамъ, изгнали послѣднихъ за море, не дали имъ дани, и начали сами у себя владѣть. Изъ этихъ словъ должно заключить, что Варяги не брали только дань съ сѣверныхъ племенъ, но владѣли у нихъ; иначе лѣтописецъ не могъ сказать, что послѣ ихъ изгнанія племена начали сами у себя владѣть, и владѣли дурно, не могли установить внутренняго порядка: не было между ними правды, продолжаетъ лѣтописецъ, всталъ родъ на родъ, начались усобицы. Въ такихъ обстоятельствахъ племена собрались и сказали: „Поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ по праву“. Порѣшивши такъ, пошли они за море къ Варягамъ, къ Руси, и сказали имъ: „Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: приходите княжить и владѣть нами“. Собрались три брата съ родичами своими, взяли съ собой всю Русь и пришли.

При изображеніи правотъ и обычаевъ Славянъ вообще, замѣчено уже было, что родовой бытъ уславливалъ между ними вражду, на которую такъ прямо указываютъ писатели иностранные, знавшіе Славянъ; нашъ лѣтописецъ подтверждаетъ ихъ показанія; какъ скоро, говоритъ онъ: племена начали владѣть сами собою, то ип стало у нихъ правды, то-есть безпристрастнаго рѣшенія споровъ; не было у нихъ устава, который бы всѣ согласились исполнять; не было власти, которая бы принудила ослушниковъ къ исполненію принятаго устава. При столкновеніяхъ между родами, при общихъ дѣлахъ рѣшителями споровъ долженствовали быть старшины родовъ. Но могли ли они рѣшать споры безпристрастно? Каждый старшина былъ представителемъ своего рода, блюстителемъ его выгодъ: при враждебныхъ столкновеніяхъ между членами родовъ, каждый старшина обязанъ былъ не выдавать своего родича; кто будетъ посредникомъ въ расирѣ между старшинами? Разуздетсяя, для ея рѣшенія родъ долженъ встать на родъ, и сила должна утвердить право. Исторія племени и города, которые имѣли такое важное значеніе въ

описываемыхъ событіяхъ, исторія Славянъ Ильменскихъ, Новгорода Великаго, представляется лучшее доказательство сказанному. Съ теченіемъ времени, родовыя отношенія здѣсь исчезли; но концы съ своими старостами напоминали о родахъ, изъ которыхъ могло составиться первоначальное народонаселеніе ³⁾, и вражда между концами заступила мѣсто родовой вражды: какъ прежде возставалъ родъ на родъ, такъ послѣ возставалъ конецъ на конецъ, остальные брали сторону того или другого, а иногда оставались спокойными зрителями борьбы. Роды, столкнувшіеся на одномъ мѣстѣ и по тому самому стремившіеся къ жизни гражданской, къ опредѣленію отношеній между собою, должны были искать силы, которая внесла бы къ нимъ миръ, нарядъ, должны были искать правительства, которое было бы чуждо родовыхъ отношеній, посредника въ спорахъ безпристрастнаго, однимъ словомъ—третьяго судью, а такимъ могъ быть только князь изъ чужого рода ⁴⁾. Установленіе наряда, парубеннаго усобицами родовъ, было главною единственною цѣлію призванія князей; на нее лѣтописецъ прямо и ясно указываетъ, не упоминая ни о какихъ другихъ побужденіяхъ, и это указаніе лѣтописца совершенно согласно со всѣми обстоятельствами, такъ что мы не имѣемъ никакого права дѣлать свои предположенія. Но кромѣ прямого и яснаго свѣдѣтельства лѣтописца, призваніе князей, какъ нельзя лучше, объясняется рядомъ подобныхъ явленій въ послѣдующей исторіи Новгорода. Лѣтописецъ начальный говоритъ, что Варяги были изгнаны и потомъ снова призваны; лѣтописцы позднѣйшіе говорятъ, что какъ скоро одинъ князь былъ изгоняемъ или самъ удалялся изъ Новгорода, то граждане послѣдняго немедленно посылали за другимъ: они не терпѣли жить безъ князя, но выраженію лѣтописца ⁵⁾; есть извѣстіе, что одинъ изъ великихъ князей хотѣлъ наказать Новгородцевъ тѣмъ, что долго не посылалъ къ нимъ князя ⁶⁾. У внука Рюрика Новгородецъ просить князя, и, въ случаѣ отказа, грозить найти другого. Вотъ что сказали они однажды сыну великаго князя Ростислава Мстиславича: „Не хотимъ тебя; мы призвали твоего оца для установленія наряда, а онъ вмѣсто того усилилъ безпокойства“ ⁷⁾. Сравнимъ теперь это свѣдѣтель-

³⁾ См. мое изслѣдованіе: Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, стр. 7, 8. См. также Studien zur Gründliche Kenntniss der Vorzeit Russlands, S. 304.—Имя мое изслѣдованіе о Новгородѣ, я не могъ достать изслѣдованія Неймана о томъ же предметѣ, помѣщеннаго въ названной книгѣ, которая составляетъ библиографическую рѣдкость. Послѣ, доставши книгу, я нашелъ, что во многомъ сошелся съ мнѣніями Неймана, и потому теперь снѣху возвратитъ ему честь первоенга.

⁴⁾ Никон. I, 14. «Потомъ же Славяне, Чудь и Кривичи и проч., видяще великое нестроеніе въ землѣ своей, прійдоша въ чувство и совѣтъ сотвориша, еже избрати себѣ князя отъ иного рода».

⁵⁾ Поли. Собр. Р. Лѣт. II, стр. 17.

⁶⁾ Тамъ же.

⁷⁾ Тамъ же, Т. III, стр. 11. Возражаютъ: если Ново-

¹⁾ Г. Н. Савельевъ справедливо замѣтилъ: «Слово бѣлка показывается, что оно только въ позднѣйшее время перенесено на вѣтря, котораго мы теперь такъ называемъ и который никогда не бываетъ бѣлымъ, говоря, что «Хозары имену на Полянѣхъ и на Сѣверѣхъ и на Вятичѣхъ по бѣлкѣ и вѣверицѣ отъ дыма», Несторъ разубѣлъ конечно вѣкль, а не горностаевъ».—Мухаммедали. Нузмизат. стр. ССVII.

²⁾ Дымъ освѣчаетъ обитаемое жилище, гдѣ томятъ, слабодовательно живутъ; дымъ просто еще ничего не значилъ, нужно, чтобы онъ былъ обгаремъ; важенъ былъ признакъ обитаемости—дымъ. Былъ обычай для наказанія или вынужденія чего-нибудь разламывать печь, и такимъ образомъ дѣлать домъ неудобнымъ къ обитанію; отсюда важность нечи. очага въ дѣлѣ.

ство съ извѣстіемъ о призваніи первыхъ князей, и увидимъ, что цѣль призванія одна и та же въ обоихъ случаяхъ: князь призывается для установленія порядка внутренняго, какъ судья, миротворецъ.

Обратимъ теперь вниманіе на нѣкоторыя другія обстоятельства, встрѣчающіяся въ лѣтописи при разсказѣ о призваніи князей ¹⁾. Первое обстоятельство—это соединеніе племенъ славянскихъ и финскихъ; что произвело этотъ союзъ? Безъ всякаго сомнѣнія, означенныя племена были приведены въ связь завоеваніемъ варяжскимъ, какъ въ послѣдствіи остальныхъ разрозненныхъ славянскія племена были приведены въ связь князьями изъ дома Рюрика. Эта тѣсная связь между Чудью, Весью, Славянами Ильменскими и Кривичами выразилась въ дружномъ изгнаніи Варяговъ и потому въ призваніи князей. Этому же завоеванію, этому столкновенію съ чуждымъ началомъ сѣверныхъ племена были обязаны, но весьма вѣроятно, и относительно большаю степенью общественнаго развитія, или, по крайней мѣрѣ, стремленія къ нему: послѣ изгнанія Варяговъ, они не хотѣли возвратиться къ разрозненному родовому быту, и, не видя выхода изъ него при эгонизмѣ родовъ, соглашались призвать власть извнѣ, призываютъ князя изъ чужого рода. Эта большая степень общественнаго развитія у сѣверныхъ племенъ ясно окажется въ послѣдствіи: мы увидимъ, что сѣверныя племена будутъ постоянно торжествовать надъ южными. Второе обстоятельство въ разсказѣ о призваніи князей—это ихъ разселеніе: старшій братъ, Рюрикъ, поселился у Славянъ Ильменскихъ, второй—Сенеусъ—между Чудью и Весью на Бѣльозерѣ, третій—Труворъ—у Кривичей въ Изборскѣ. По касательному городу, въ которомъ сѣлъ сначала Рюрикъ, чтенія списковъ лѣтописи разногласятъ: одни говорятъ въ Новгородѣ, другія въ Ладогѣ. По извѣстному правилу, что труднѣйшее чтеніе предпочитается легчайшему, особенно если оно находится въ болѣебшмъ числѣ лучшихъ спис-

роды привалили первыхъ князей для наряда внутренняго, какъ судей, то Рюрикъ не сѣлъ бы въ Ладогѣ.—Но какое право имѣетъ историкъ непремѣнно предпологать, что Новгородъ въ это время имѣлъ то же значеніе, какое послѣ? Лѣтописецъ, говоря о призваніи князей, упоминаетъ постоянно названіе племенъ—Слове, не говоря ни слова о Новгородѣ, чего не могъ бы онъ сдѣлать, если бы Новгородъ и тогда уже имѣлъ первенствующее значеніе. (См. стр. 98.

¹⁾ Можно было бы объяснить явленіе такимъ образомъ: въ выраженіи—всталъ родъ на родъ,—подъ родомъ разумѣть отдѣльныя племена—Чудь, Славянъ Ильменскихъ, Кривичей; эти племена, покорныя Варягамъ, какъ скоро освободились, то завели усобицы, для прекращенія которыхъ не нашли другого средства, какъ подчиниться князю изъ чужаго рода, ибо въ противномъ случаѣ Варяги снова могли бы легко подчинить себѣ враждующія племена.—Но, вошедшихъ, странно было бы предположить, чтобъ отдѣльныя племена, имѣя крѣпкое, удовлетворительное внутреннее устройство, захотѣли подчиниться чуждой власти потому только, что не могли сладить съ сосѣдями. Это было бы дѣйствительно примѣръ неслыханный въ исторіи: если Новгородцы поссорились съ Чудью, наиримѣръ, и начали усобицу,—положимъ даже,

мы должны принять извѣстіе о Ладогѣ ²⁾. Почему Рюрикъ избралъ Ладогу, а не Новгородъ, объясненіе найти нетрудно: положеніе Ладоги относительно начала великаго воднаго путя, отно-

что въ одно время они начали усобицу съ Кривичами, то соединенные Кривичи и Чудь, конечно, могли встать Новгородцевъ уступитъ ихъ желанію и безъ помощи чуждой силы; далѣе, могли ли племена, говоря о взаимныхъ войнахъ своихъ другъ съ другомъ, сказать, что во всей ихъ землѣ нѣтъ наряда, если бы внутри каждого племени онъ былъ? Наконецъ, что всего важнѣе, мы видимъ изъ послѣдующей исторіи, что въ Новгородѣ наиримѣръ князь былъ необходимъ для установленія внутренняго наряда, а не для соглашенія съ сосѣдями; замѣтимъ, что относительно послѣднихъ и вообще чужихъ народовъ Новгородцы вели себя обыкновенно очень осторожно, и проливаю, старались сколько можно болѣе избѣгать враждебныхъ столкновеній.—Предпологать новое завоеваніе историкъ не имѣетъ никакого права, ибо это значило бы строить исторію, не обращая никакого вниманія на свѣдѣтельство лѣтописца.—Нѣкоторые изслѣдователи объясняютъ призваніе необходимою внѣшней защитой для призванныхъ племенъ; такъ г. Погодинъ, согласно съ Миллеромъ и Шлецеромъ, говоритъ (Исл. Зам. и Лекц. III. стр. 57): «Главная цѣль Новгородцевъ была—имѣть защитниковъ отъ Варяговъ, которые всегда могли грозить ихъ землѣ. Доказательство: къ нимъ пошло цѣлое колено—войско. Для чего бы Новгородцамъ въ противномъ случаѣ брать себѣ на содержаніе столько народа? Звать цѣлое войско княжить—нелѣзость. Еслибы имъ нуженъ былъ только князь, то взяли бы его одного безъ его племена. Но они звали князей вълѣдствіе междоусобій? Междоусобіе началось у нихъ по изгнаніи Варяговъ, вълѣдствіе перваго общаго дѣйствія, какъ догадывался и Шлецеръ, потому, можетъ быть, что всякое племя желало первенствовать; прекратитъ междоусобіе—это была временная нужда, а безопасность—всегдашняя». Отвѣчаемъ: къ нимъ пошло цѣлое колено—войско, говоритъ г. Погодинъ; но извѣстно ли намъ число людей, пришедшихъ съ Рюрикомъ? Развѣ можно приписать буквально извѣстіе: пошла ко себѣ всю Русь? Лѣтописецъ XI вѣка естественно долженъ былъ предположить, что Рюрикъ вывелъ съ собою всю Русь, зная, что Русь были Варяги, и въ то же время не будучи въ состояніи отыскать между варяжскими народами особеннаго народа Русь, подобнаго Шведамъ, Норвежцамъ, Готамъ.—«Еслибы имъ нуженъ былъ только князь, говоритъ г. Погодинъ, то взяли бы его одного безъ его племена».—Но если бы князя одинъ не пошелъ къ чужому народу, на кротость котораго, какъ видно изъ нѣкоторыхъ извѣстій, вовсе не надѣялись? «Онижъ бояхуся звѣринаго ихъ обычая и нравы, и едва набрашася три брата», читаемъ въ Никоновомъ спискѣ (1, 15).—«Прекратитъ междоусобіе—это была временная нужда», говоритъ г. Погодинъ.—Выше было сказано, что усобицы среди Славянъ не были случайнымъ явленіемъ, но были характеристическою чертою ихъ быта. Любопытно, что г. Погодинъ въ другомъ мѣстѣ (II, стр. 371, 373), слѣдуя Шафарику, представляетъ снравливость Славянъ, неумѣние ужиться другъ съ другомъ. Но если бы даже междоусобіе и было случайнымъ явленіемъ, да было такъ сильно, что прекратитъ его не предвидѣлось никакихъ средствъ, то и тогда призваніе князей для одной цѣли внутренняго наряда будетъ понятно. Правда, что разрозненный родовой бытъ и вражда между родами препятствовали племенамъ не только дружно нападать, но даже и съ успѣхомъ защищаться отъ чуждыхъ нападѣній; но это было слѣдствіемъ вражды между родами; нужно было прежде всего уничтожить эту вражду, эти усобицы, утвердить нарядъ;—тогда при общемъ согласіи и совокупности необходимо являлась возможность дружной и успѣшной защиты; нужно было уничтожить причину слѣдствіе уничтожилось само собою.

²⁾ См. объ этомъ статью въ Сѣверн. Арх. 1826 году

нительно близости моря, важнѣе положенія Новгорода: Ладога находится ближе къ устью Волхова: Рюрику нужно было удержаться при непосредственномъ сообщеніи съ заморьемъ въ случаѣ, если бы дѣло его пошло не такъ успѣшно въ новой странѣ; недавнее изгнаніе Варяговъ должно было научить его осторожности; въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ сказано, что князья боялись сначала суровости призывавшихъ племенъ; съ другой стороны, Рюрику нужно было также обезопасить себя и свою область отъ нападенія другихъ Варяговъ, и вотъ онъ прежде всего строить крѣпость въ Ладогѣ, недалеко отъ устья Волхова, и селится здѣсь ¹⁾. Наконецъ остается послѣдній вопросъ: какое значеніе имѣетъ призваніе Рюрика въ нашей исторіи? Призваніе первыхъ князей имѣетъ великое значеніе въ нашей исторіи, есть событіе всероссийское, и съ него справедливо начинаютъ русскую исторію. Главное, начальное явленіе въ основаніи государства, — это соединеніе разрозненныхъ племенъ чрезъ появленіе среди нихъ сосредоточивающаго начала, — власти. Сѣверныя племена, славянскія и финскія, соединились и призвали къ себѣ это сосредоточивающее начало, эту власть. Здѣсь, въ средоточеніи нѣсколькихъ сѣверныхъ племенъ, положено начало сосредоточенію и въсѣхъ остальныхъ племенъ, потому что призванное начало пользуется силою первыхъ сосредоточившихся племенъ, чтобы посредствомъ нихъ сосредоточивать и другія ²⁾: соединенныя впервые силы начинаютъ дѣйствовать.

¹⁾ I, 8: «И придома къ Словеномъ первѣе, и срубита городъ Ладогу, и сѣде старѣишии въ Ладогѣ Рюрикъ».

²⁾ Нѣкоторые изслѣдователи не хотѣтъ признавать всей важности этого событія, не хотѣтъ называть его всероссийскимъ. Такъ г. Погодинъ говоритъ (Изсл. З. Л. Ш, 69): «Событіе это, какъ бы оно ни было, какою бы оно ни имѣло связь съ другими, принадлежитъ одному Новгороду. Еще болѣе: преемники Рюрика оставили точнѣе Новгородъ, оставили совершенно, и всѣ дѣла пришли въ первобытное положеніе, то-есть Новгородцы остались пахать да въ Варягамъ, какъ они платили ее въ 859 году; Варяги-Русь ушли въ другую страну, и при благоприятныхъ обстоятельствахъ удержали право новгородской дани, Новгородъ напротивъ, — отдѣлился съ самаго начала и составилъ особое цѣлое, отъ котораго черезъ сто лѣтъ отпирался уже самъ Святославъ. Это почти отрываній лодка отъ острова въ русской исторіи. Въ Новгородѣ, какъ въ одной части будущаго Русскаго государства, мы видимъ теперь, при Рюрикѣ, новую гражданскую форму, и то на время, точно какъ подобная форма тогда же показывалась въ Кіевѣ, или послѣ въ Владимірѣ. Вотъ и все. Слѣдовательно началомъ государства этого событія съ Карамзиннымъ назвать нельзя. Какъ же вѣрнѣе назвать это происшествіе? По-моему, влѣдствіе предложенныхъ изысканій, это происшествіе должно быть названо, всего приличнѣе-вѣрнѣе, прибытіе Норманновъ въ нашу Славянскую Землю, — Норманновъ, которые послѣдствіемъ, въ теченіи шести вѣковъ, ославниваясь, будутъ давать, по мѣрѣ своего размноженія, гражданскую форму поселеніямъ племенъ славянскихъ. Чѣмъ же соединяется оно, хотя нѣсколько, съ послѣдующими происшествіями? Почему начинаютъ имъ российскую исторію? Какую долю имѣетъ это происшествіе въ основаніи Русскаго государства? Главная, существенная связь этого происшествія, связь съ будущей исторіей, есть не Новгородъ, а Рюрикъ, какъ родоначаль-

Таково было явленіе, имѣвшее мѣсто въ сѣверо-

ннѣ будущей династии, государь добровольно приглашенный, слѣдовательно пришедшій съ чувствами дружескими, а не враждебными. Здѣсь начало династии, — и вотъ почему преимущественно это особое событіе бессмертно въ Русской исторіи, есть часть ея. Это въ нѣкоторомъ отношеніи начало начала. Воздадимъ здѣсь честь и Новгороду, старшему сыну Россіи: онъ призвалъ того князя, котораго роду предназначено было великое дѣло — преобразовать въ гражданскомъ отношеніи весь этотъ славянскій патриархальный міръ, сообщить исподволь гражданскую форму всѣмъ частямъ Россіи, донести ее до нынѣшнихъ состояній, и составить величайшее государство въ мірѣ.

Мы привели это мнѣніе для того, чтобы его оцѣновою подкрѣпить наше собственное мнѣніе, высказанное въ текстѣ. Впрочемъ, событіе призванія принадлежитъ не одному Новгороду. Если странно давать здѣсь главную роль Финнамъ, то также странно приписывать все одному Новгороду, одному племени Изясненскихъ Славянъ, не обращая вниманія ни на Чудь, ни на Кривичей, которые имѣли въ призваніи одинакое участіе. Событіе принадлежитъ слѣдовательно не Новгороду, а съ одной стороны тремъ племенамъ, — сосредоточившимся около призванной власти, и посредствомъ своего сосредоточенія давшимъ этой власти средства въ средоточіи остальныхъ племенъ; съ другой стороны, это событіе всероссийское, потому что здѣсь положено начало сосредоточенію и надаванію гражданскихъ формъ, что съ этого времени и мѣста непрерывно продолжается въ теченіи вѣковъ. Г. Погодинъ вооружается противъ этой непрерывности, но вооружается вопреки всѣмъ свидѣтельствамъ. Онъ говоритъ, что Олегъ оставилъ Новгородъ совершенно, и всѣ дѣла пришли въ первобытное положеніе. Отвѣчаемъ: вы признаете фактъ призванія, какъ онъ раскрывается въ лѣтописи, признаете, что князь былъ необходимъ призывавшимъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, положимъ какъ защитникъ только. Но если князь былъ необходимъ для извѣстнаго народа, и князь покинулъ этотъ народъ, то что долженъ дѣлать послѣдній? Или подвергнуться всѣмъ невзгодамъ прежняго состоянія, или призвать другого князя; Новгородъ не призываетъ новаго князя; а такъ какъ князь для него необходимъ, то слѣдовательно въ Новгородѣ остается прежній князь или его наѣзникъ. Это со стороны признавшихъ племенъ. Теперь со стороны Олега: онъ не могъ, удалившись на югъ, оставить сѣверный конецъ своего пути не закрѣпленнымъ для себя, слѣдовательно онъ не могъ отказаться отъ Новгорода. Мы до сихъ поръ довольствовались однимъ соображеніемъ, теперь обратимся къ свидѣтельствамъ. Олегъ оставилъ с о в е р и е н н о Новгородъ, сѣверныя племена, которыми владѣлъ Рюрикъ, а между тѣмъ, идя на югъ, онъ собираетъ войско изъ этихъ племенъ, Чуди, Славянъ, Мери, Веси, Кривичей; утвердившись на югѣ, Олегъ налагаетъ дань на эти племена, на Славянъ, Кривичей, Мери; на Новгородѣ-чѣхъ налагаетъ особую дань въ пользу Варяговъ; идя въ походъ на Грековъ, собираетъ войско опять изъ этихъ же племенъ; заключая миръ съ Греками, требуетъ укладовъ на сѣверные города; Игорь собираетъ войско также изъ этихъ племенъ, Ольга ходила къ Новгороду, и установила погости въ его области. — Г. Погодинъ видитъ въ событіи только приходъ Норманновъ въ нашу Славянскую Землю: но здѣсь дѣло не въ Норманнахъ, не въ народности приплывающей, но въ характерѣ, съ какимъ они пришли. Г. Погодинъ говоритъ, что Норманны, пришедши въ Новгородъ, дали ему новую гражданскую форму, и потомъ, ославниваясь и размножаясь, будутъ давать гражданскую форму поселеніямъ племенъ славянскихъ; но въ такомъ случаѣ поселеніе Норманновъ у сѣверныхъ, первыхъ племенъ и сообщеніе имъ гражданской формы развѣ не будетъ начало исторіи и начало государства? — На стр. 74 г. Погодинъ говоритъ: «Олегъ оставилъ Новгородъ, кажется, навсегда, безъ мысли о возвращеніи. Въ противномъ случаѣ на что бы увезти ему съ собою младенца Игоря?» — Но какъ бы

восточной Европѣ въ половинѣ IX-го вѣка ¹⁾. Въ другихъ странахъ Европы въ это время происходила также явленія великой важности. Знаменитая роль франкскаго племени и вождей его кончалась въ началѣ IX-го вѣка, когда оружіемъ Карла Великаго политически идея Рима и Римская церковь покорили себѣ окончательно варварскій германскій міръ, и вожди Франковъ были провозглашены Императоромъ Римскимъ. Духовное единство западной Европы было скрѣплено окончательно, съ помощію Рима; теперь выступило на сцену другое, новое начало, принесенное варварами, Германцами, на почву Имперіи; теперь начинается матеріальное распаденіе Карловой монархіи, начинаютъ вырабатываться отдѣльныя національности, начинаютъ образовываться отдѣльныя государства, члены западно-европейской конфедераціи: IX-й вѣкъ есть вѣкъ образованія государствъ какъ для восточной, такъ и для западной Европы, вѣкъ великихъ историческихъ опредѣленій, которые дѣйствуютъ во все продолженіе новой европейской исторіи, дѣйствуютъ до сихъ поръ. Въ то время, когда на западѣ совершается трудный, болѣзненный процессъ разложенія Карловой монархіи и образованія новыхъ государствъ, новыхъ національностей, Скандинавія, старинная колыбель народовъ, высыластъ многочисленныя толпы своихъ ширатовъ, которымъ нѣтъ мѣста на родной землѣ; но континентъ уже занятъ, Скандинавамъ уже нѣтъ болѣе возможности двигаться къ югу сухимъ путемъ, какъ двигались ихъ предшественники; имъ открыто только море, они должны довольствоваться грабежемъ, опустошеніемъ морскихъ и рѣчныхъ береговъ. Въ Византіи происходитъ также важное явленіе: богословскіе споры, волновавшіе ее до сихъ поръ, прекращаются: въ 842 году, въ годъ восшествія на престолъ императора Михаила, съ котораго наша лѣтоиспись начинаеть свое лѣтоисчисленіе, прекращаются богословскіе споры, окончательно утверждается догматъ, который передается славянскимъ народамъ, начавшимъ въ то время принимать христіанство; тогда же является переводъ Священнаго Писанія на славянскій языкъ, благодаря святой ревности Кирилла и Меодія. По слѣдамъ знаменитыхъ братьевъ обратимся къ нашимъ

онъ, въ противоположъ случаѣ, выносивъ рожденную обязанность, возложеную на него Рюрикомъ, отдавшаго ему сына на руки?—Сказавши на стр. 74, что Святославъ воспринялся въ Новгородѣ, показавши слѣдовательно тѣсную связь Новгорода съ Киевомъ, тѣсную связь рода Русскихъ князей съ Новгородомъ, на стр. 75 и 76 г. Погодиль утверждаетъ, что Святославъ не хотѣлъ знать Новгорода, съ презрѣніемъ говорилъ: «Кто къ вамъ пойдетъ?» Г. Погодиль утверждаетъ тамъ же, что при Святославѣ Новгородъ, кромѣ дани, нисколько не принадлежалъ ему; но развѣ дань не есть самое лучшее доказательство принадлежности? Князь распоряжается въ городѣ, налагаетъ дань, говоритъ: столько-то платите мнѣ, столько-то Варягамъ,—и городъ однако не принадлежалъ ему? Да и что намъ вѣѣтно объ отношеніяхъ другихъ городовъ, кромѣ дани? Потому и Киевъ не принадлежалъ князю, ибо о Киевѣ мы ничего не знаемъ, даже относительно дани.

¹⁾ Полн. Собр. Р. Л. I, стр. 8.

западнымъ и южнымъ соплеменникамъ, судьбы которыхъ должны обратить за себя наше особое вниманіе. Исторія западныхъ Славянъ начинаеть чуть-чуть проясняться со второй половины V-го вѣка, по смерти Аттілы и уничтоженіи гунскаго могущества. Народныя преданія Чеховъ знаютъ также о переселеніи этого племени изъ краевъ южныхъ въ землю кельтическихъ Воевъ и германскихъ Маркомановъ. По своему положенію Чехи должны были съ самаго начала войти во враждебныя столкновенія съ Германцами, сперва съ Турингами, а потомъ съ Франками, подчинившими себѣ Туринговъ. Не безопасны съ запада, Чехи были мало безопасны и съ востока: долина Дуная не переставала еще наполняться азіатскими выходцами: Авары, которые оставили по себѣ такую черную память между нашими юго-восточными славянскими племенами, не менѣе тяжки были и для Чеховъ; освободителемъ послѣднихъ отъ аварскаго ига является Само, одинъ изъ загадочныхъ средневѣковыхъ героевъ, о которыхъ наука не можетъ произнести вѣрнаго приговора, которыхъ опариваютъ другъ у друга разныя народности, тогда какъ въ эту эпоху броженія народныхъ элементовъ въ Европѣ всего менѣе обращалось вниманія на народность. По нѣкоторымъ извѣстіямъ Само былъ франкскій купецъ, торговавшій съ восточными племенами; извѣстіе, очень согласное съ тогдашнимъ состояніемъ общества, когда купцами были всегда люди отважные, легко перемѣнявшіе характеръ купца на характеръ воина; этотъ первоначальный характеръ купца далъ Само средства сблизиться съ племенемъ, отвага указала въ немъ достойнаго предводителя противъ Аваровъ. Въ 627 году Славяне избрали освободителя Само въ король: такъ основалось на западѣ первое славянское владѣніе, сердцемъ котораго была Земля Чешская. Уже при Само начинаются враждебныя столкновенія Чеховъ съ королями франкскими; конецъ жизни и правленія Самова еще менѣе извѣстенъ, чѣмъ его происхожденіе и первые подвиги Народныя преданія чешскія знаютъ о Крокѣ, котораго золотой столъ стоялъ въ Вышеградѣ надъ Влтавою (Молдавою). Крокъ оставилъ по себѣ трехъ вѣщныхъ дочерей; младшую изъ нихъ, Любушу, народъ выбралъ на отцовское мѣсто; Любуша отдала руку свою и власть надъ Чехами Пршемыслу, который пахаль, когда приницъ къ нему послы отъ Любуши съ этимъ предложеніемъ. Пршемысль былъ родоначальникомъ всѣхъ послѣдующихъ владѣльцевъ чешскихъ; княженіе его относятъ къ первой четверти VIII вѣка. Изъ событий чешской исторіи послѣ Пршемысла до самой половины IX-го вѣка мы не знаемъ ничего вѣрнаго, кромѣ враждебныхъ столкновеній Славянъ съ Цѣмцами, то-есть съ Имперією Франковъ. Мерovingовъ смѣнили Карловинги. Германскія племена соединились въ одну массу; духъ единства, принятый германскими вождями на старинной почвѣ Римской Имперіи, не переставалъ одушевлять ихъ, руководить ихъ поступками; потомокъ Геристала принялъ титулъ Римскаго Импе-

ратора; располагая силами западной Европы, Карлъ Великій двинулся на восточную съ проповѣдью римскихъ началъ, единства политическаго и религіознаго. Что же могла противопоставить ему восточная Европа?—народы, жившіе въ простотѣ первоначальнаго быта, разрозненные и враждебные другъ другу. Замѣтимъ, что нѣтъ никакого основанія дѣлать изъ разбѣдненія и несогласія славянскихъ племенъ отличительную черту славянской народности; разрозненность и вражда племенъ славянскихъ были необходимыми слѣдствіями ихъ формы быта, быта родового; а эта форма быта не есть исключительная принадлежность славянскаго племени; черезъ нее проходятъ всѣ народы съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ оставляетъ ее прежде, а другой послѣ, вслѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ; такъ народы германскаго племени оставили формы родового быта прежде, вслѣдствіе переселенія на римскую почву, гдѣ они приняли идеи и формы государственныя, и Славяне, оставаясь на востокѣ, въ уединеніи отъ древняго историческаго міра, оставались и при прежнихъ, первоначальныхъ формахъ быта. Карлъ Великій, вождь германскаго ополченія, носилъ титулъ Римскаго Императора, былъ единымъ владыкою соединенныхъ германскихъ племенъ; но исторіи извѣстно, что стоило германскому племени это соединеніе! Покрытый кровію Саксонцевъ, Карлъ двинулся противъ Славянъ; легко было предвидѣть, что новый Цезарь получитъ такіе же успѣхи надъ младенческими народами восточной Европы, какіе старій Цезарь получилъ нѣкогда, при покореніи варварскаго народонаселенія Европы западной. Изъ славянскихъ племенъ, соприкасавшихся съ Германцами, кромѣ Чеховъ, были Водричи или Ободриты, жившіе въ нынѣшнемъ Мекленбургѣ; потомъ южнѣе, между Одеромъ и Эльбою, Лутичи, или Велеты, между Лутичами и Чехами жили Сербы въ нынѣшней Саксоніи и Лузани. Между Лутичами и Водричами шли сильные усобицы; съ другой стороны, Водричи были во враждѣ съ Саксонцами: это обстоятельство заставило ихъ войти въ союзъ съ Карломъ противъ послѣднихъ, какъ общихъ враговъ, и помогать Франкамъ въ борьбѣ съ ними. Карлъ, въ благодарность за помощь, обратилъ свое оружіе противъ Лутичей подъ предлогомъ, что они обижаютъ союзниковъ его, Водричей: такъ германскій вождь началъ искусно пользоваться славянскимъ бытомъ и его слѣдствіями. Водричи и Сербы охотно помогали Нѣмцамъ покорять единоплеменниковъ своихъ Лутичей, которые принуждены были признать себя данниками Карла. Это было въ концѣ VIII-го вѣка; въ началѣ IX-го уже видимъ войны Карла съ Чехами. Послѣдніе, подобно всѣмъ своимъ соплеменникамъ, не давали врагу битвы въ чистомъ полѣ, но отбивались порознь въ лѣсахъ и горахъ; войска Карла, опустошивши страну, должны были возвращаться безъ рѣшительныхъ, какъ видно, успѣховъ. Несмотря однако на это, торжество Нѣмцевъ было вѣрно надъ разроз-

ненными Славянами. Если извѣстія о дани Чеховъ Карлу Великому могутъ быть оспариваемы, то вѣрно, что Моравы уже были подчинены ему. Во второй четверти IX-го вѣка въ Моравіи мы видимъ князя Моймира, который принялъ христіанство и считается основателемъ Моравскаго государства; въ то же время встрѣчаемъ извѣстіе о начаткахъ христіанства у Чеховъ: четырнадцать леховъ, или знатныхъ пановъ чешскихъ, приняли христіанство въ Регенсбургѣ у короля Людовика Нѣмецкаго; но въ борьбѣ двухъ племенъ, основнымъ различіемъ которыхъ была вѣра, для Славянина отвергнуть вѣру своего народа значило отложиться отъ послѣдняго, перейти подъ знамена враговъ: вотъ почему чешскіе лехи, какъ скоро приняли христіанство, такъ уже оставили князя своего, поддались королю нѣмецкому, изъ-подъ власти котораго трудно было вывободиться. Такъ Людовикъ Нѣмецкій, подозрѣвая Моймира Моравскаго въ намѣреніи усилиться, свергнулъ его съ престола, который отдалъ племяннику его Ростиславу. Но Ростиславъ, несмотря на то, что обязанъ былъ властію Людовику, шелъ по слѣдамъ дяди Моймира, только шелъ съ большимъ успѣхомъ: ему удалось отбиться отъ Людовика; онъ могъ объявить себя прямо врагомъ послѣдняго и принимать подъ свое покровительство всѣхъ недовольныхъ королямъ, даже собственныхъ сыновей его. Но князь Моравскій долженъ былъ понимать; что для независимаго состоянія славянскаго государства прежде всего была необходима независимая славянская церковь; что съ нѣмецкимъ духовенствомъ нельзя было и думать о пародной государственной независимости Славянъ; что съ латинскимъ богослуженіемъ христіанство не могло принести пользы народу, который понималъ новую вѣру только со внѣшней, обрядовой стороны, и, разумѣется, не могъ не чуждаться ея. Вотъ почему князь Моравскій долженъ былъ обратиться къ Византійскому Двору, который могъ прислать въ Моравію славянскихъ проповѣдниковъ, учившихъ на славянскомъ языкѣ, могшихъ устроить славянское богослуженіе и основать независимую славянскую церковь; близкій и недавній примѣръ Болгаріи долженъ былъ указать Моравскому князю на этотъ путь; со стороны Византіи чего было опасаться притязаній, подобныхъ нѣмецкимъ; она была слишкомъ слаба для этого,—и вотъ Ростиславъ посылаетъ въ Константинополь къ императору Михаилу съ просьбою о славянскихъ учителяхъ, и въ Моравіи являються знаменитые братья — Кириллъ и Меодій, dokonчиваютъ здѣсь переводъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ и распространяютъ славянское богослуженіе въ Моравіи и Панноніи. Призывъ Кирилла и Меодія, полагаемый въ 862 году, совпадаетъ со временемъ основанія Русскаго государства, которому по преимуществу суждено было воспользоваться дѣломъ святыхъ братьевъ.

Ближайшими къ Россіи изъ западныхъ славянскихъ племенъ были тѣ, которыя послѣ вошли въ составъ государства Польскаго. Область этихъ яш-

скихъ племенъ простиралась съ сѣвера къ югу—отъ Балтійскаго моря до горъ Карпатскихъ, съ востока къ западу—отъ рѣкъ Вобра, Шарва, Буга, Вислоки до Одера, Вобра (въ Силезіи) и Чешско-Моравскаго хребта; но главное гнѣздо государства Польскаго было на рѣкѣ Вартѣ около Гпѣзна и Познаня. Върѣшная исторія Польши начинается въ одно время съ русскою, то-есть въ половинѣ IX-го вѣка: къ 860 году относятъ тотъ переворотъ, по которому Семовичъ, сынъ земледѣльца Пяста, свергнувъ съ престола родъ Пенела и самъ сталъ княжить; съ этихъ поръ начинается распространеніе польскихъ владѣній. Но въ началѣ нашей исторіи гораздо ближе польскихъ Славянъ были къ Руси Славяне болгарскіе. Исторія находитъ Славянъ въ древней Мизіи, въ нынѣшней Болгаріи, во второй половинѣ VII-го вѣка, тогда какъ до сихъ поръ Восточная имперія имѣла дѣло съ Славянами, нападавшими на нее съ сѣвернаго берега Дуная; въ

677 году Болгары, народъ единоплеменный съ Гуннами и Аварями, покорилъ семь славянскихъ племенъ, жившихъ въ Мизіи, и утвердился здѣсь; скоро побѣдители такъ смѣшались съ побѣжденными, что составили съ ними одинъ народъ славянскій: съ этихъ поръ начинается рядъ войнъ болгарскихъ владѣтелей съ императорами греческими до самой половины IX-го вѣка, когда Болгарскій князь Борисъ принялъ христіанство, крестившись подъ именемъ Михаила отъ руки славянскаго апостола Меодія, который послѣ этого отправился съ братомъ Киряломъ въ Моравію. Въ тѣсной связи съ исторіей болгарскихъ Славянъ находится исторія Славянъ сербскихъ. Къ VII-му вѣку относятъ переселеніе Славянъ изъ сѣверныхъ краевъ въ Иллирію: изъ послѣдующей исторіи этихъ племенъ до половины IX-го вѣка мы знаемъ только нѣсколько именъ сербскихъ жупановъ, или старѣйшинъ, и нѣсколько извѣстій о войнахъ ихъ съ князьями болгарскими.

Глава V.

Преданія о Рюрикѣ, объ Аскольдѣ и Дирѣ. — Олегъ, его движеніе на югъ, поселеніе въ Кіевѣ. Строеніе городовъ, дани, подчиненіе племенъ. — Греческій походъ. — Договоръ Олега съ Греками. — Смерть Олега, значеніе его въ памяти народной. — Преданіе объ Игорѣ. — Походы на Константинополь. — Договоръ съ Греками. — Печенѣги. — Смерть Игоря; его характеръ въ преданіяхъ. — Свѣдѣніе. — Походы Руссовъ на Востокъ.

До нашего начального лѣтописца дошло очень мало преданій о княженіи Рюрика. Онъ знаетъ только, что, по прошествіи двухъ лѣтъ отъ призванія, младшіе братья, Синеусъ и Труворъ, умерли и всю власть принялъ одинъ старшій Рюрикъ; эта власть простиралась уже на Кривичей западно-двинскихъ, то-есть Полочанъ на югѣ, на Мерю и Мурому на сѣверо-востокѣ. Если Меря, племяшая прежде дань Варягамъ и упомянутая въ разсказѣ о призваніи, точно въ немъ не участвовала, то должно быть, что ее снова покорилъ Синеусъ съ Вѣлаозера, по старому Варяжскому пути, а за Мерю впервые покорена и Муромъ; на югѣ перейденъ волокъ между Ловатью и Западною Двиною, присоединенъ Полоцкъ. Войнахъ есть извѣстіе, что призванные князья начали воевать всюду; о правительственныхъ мѣрахъ читаемъ, что Рюрикъ роздалъ города мѣстамъ своимъ, причемъ въ нѣкоторыхъ синекахъ прибавлено: „Раздая вѣлости мужемъ своимъ и города рубити“¹⁾. Такъ съ Рюрика началась уже эта важная дѣятельность нашихъ князей — построеніе городовъ, сосредоточеніе народонаселенія. Касательно опредѣленія отношеній между призванными князьями и призванными племенами сохранилось преданіе о смутѣ въ Новгородѣ, о недовольныхъ, которые жаловались на поведене Рюрика и его родичей или единоплеменъ и въ числѣ которыхъ былъ какой-то Вадимъ; этотъ

Вадимъ былъ убитъ Рюрикомъ вмѣстѣ со многими Новгородцами, его совѣтниками.²⁾ Сохранилось преданіе, что по смерти братьевъ Рюрикъ оставилъ Ладогу, пришелъ къ Ильмену, срубилъ городъ надъ Волховомъ, называлъ его Новгородомъ и сѣлъ тутъ княжить. Это мѣсто лѣтописецъ прямо показываетъ, что собственный Новгородъ былъ основанъ Рюрикомъ; и такъ какъ здѣсь онъ остался жить и послѣ него здѣсь же жили посадники княжескіе и князья, то изъ этого легко объясняется, почему Новгородъ затмилъ собою старыя города, какъ бы тотъ ни назывался³⁾. И послѣ переселенія Рюрика къ Иль-

¹⁾ Никои. I, 16: „Того же лѣта (863) оскорбился Новгородцы глаголюще, яко быти намъ рабомъ, и много зла вѣсещи пострѣдати отъ Рюрика и отъ раба его. Того же лѣта уби Рюрикъ Вадима храбраго, и иныхъ многихъ избѣ Новгородцевъ совѣтниковъ его.“ — Стен. кн. I, 79. Вадимъ, *водимъ* можетъ быть и нарицательное имя: въ нѣкоторыхъ областныхъ нарѣчіяхъ оно означаетъ коноводъ, впереди вой, и переводчикъ. См. Опытъ Областнаго Словаря, стр. 26.

²⁾ Никои. Собр. Р. Лѣт. I, 9, вар. „И пришелъ ко Ильмену, и срубилъ городокъ надъ Волховомъ, и прозва Новгородъ, и сѣде ту князя.“ — О Ярославѣ сказано: „заложи Ярославъ городъ великій Кіевъ.“ — (I, 65); о самомъ Рюрикѣ прежде сказано, что онъ срубилъ городъ Ладогу, причемъ должно разумѣть одинъ укрѣпленія въ городахъ, давно существовавшихъ; но въ обоихъ приведенныхъ мѣстахъ не сказано, что князья давали имена городамъ Кіеву и Ладогѣ, что прямо сказано о Новгородѣ: «И прозва и Ильгородъ». Скажутъ, что прежде лѣтописецъ говорить о построеніи Новгорода Славянами. Но въ томъ же лѣтописцѣ находимъ и извѣстіе о построеніи

¹⁾ Ид. Собр. Р. Лѣт. I, 9, вар.

меню смуты, какъ видно, продолжались; такъ сохранилось преданіе, что отъ Рюрика изъ Новгорода въ Кіевъ бѣжало много новгородскихъ мужей ¹⁾. Если и здѣсь обратимъ вниманіе на послѣдующія событія новгородской исторіи, то найдемъ сходныя явленія: и послѣ почти каждый князь долженъ былъ бороться съ извѣстными сторонами, и если побѣждалъ, то противники бѣжали изъ Новгорода къ другимъ князьямъ—или на югъ въ Русь, или въ Суздальскую Землю, смотря по обстоятельствамъ. Всего же лучше преданіе о неудовольствіи Новгородцевъ и поступкѣ Рюрика съ Вадимомъ и съ совѣтниками его объясняется рассказомъ лѣтописи о неудовольствіи Новгородцевъ на Варяговъ, нанятыхъ Ярославомъ, объ убійствѣ послѣднихъ и мести княжеской убійцамъ.

Преданіе говоритъ, что много людей перебѣжало изъ Новгорода въ Кіевъ: здѣсь на южнѣйшѣй концѣ великаго воднаго пути изъ Варягъ въ Греки образовалось въ то же время другое варяго-русское владѣніе. Было, говоритъ преданіе, у Рюрика двое мужей, не родныхъ ему; они выпросились у него идти къ Царюграду съ родомъ своимъ, и когда шли, внизъ по Дибирю, то увидѣли на горѣ городокъ и спросили у тамошнихъ житетей, чей онъ? Имъ отвѣчали, что были три брата, Кій, Щекъ и Хоривъ, построили этотъ городокъ и перемерли, а потомки ихъ платятъ теперь дань Козарамъ. Аскольдъ и Диръ остались въ городкѣ, собрали около себя много Варяговъ и начали владѣть Землею Полянъ. Это преданіе совершенно согласно съ обстоятельствами изъясняемаго времени: Варягамъ былъ давно извѣстенъ великій водный путь изъ Балтійскаго моря въ Черное; давно они усаживались между племенами, жившими у его начала; дѣло невозможное, чтобы, зная начало пути, Варяги не стали пробираться тотчасъ же по немъ внизъ къ Черному морю; лѣтописецъ указываетъ путь изъ Варягъ въ Греки, прежде нежели начинать рассказъ о событіяхъ, непосредственно за рассказомъ о разселеніи племенъ славянскихъ; тутъ же у него вставлено сказаніе о путешествіи апостола Андрея по этому пути; Аскольдъ и Диръ прямо выпрашиваютъ у Рюрика въ Грецію и идутъ извѣстною дорогою. Вотъ почему и прежде согласились мы допустить, что Варяги-Русь, зная начало великаго воднаго пути раньше прихода Рюрика, знали и конецъ его раньше этого времени; что шайки ихъ давно усаживались на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей и оттуда опустошали окрестныя страны, на что такъ ясно указываютъ свидѣтельства Арабовъ и нѣкоторые другіе. Но, какъ видно, до сихъ поръ Варяги являлись на великомъ водномъ пути изъ Балтійскаго моря въ Черное только въ видѣ малочисленныхъ дружинъ,

Новгорода Рюрикомъ. Единственное средство согласить противорѣчія—это предположить, что старый городъ былъ построенъ Славянами, а новый получилъ бытіе и названіе при Рюрикѣ.

¹⁾ Никон. I, 17.

искавшихъ службы при Дворѣ Императора или мелкой добычи на берегахъ Имперіи, безъ мысли и безъ средствъ основать прочное владѣніе въ земляхъ, лежащихъ по восточному пути. Такъ Аскольдъ и Диръ отпросились у Рюрика въ Грецію, съ родомъ своимъ только! Вотъ почему они не хотѣли, да и не могли утвердиться нигдѣ по восточному пути до самаго того мѣста, начиная съ котораго Дибиръ повращиваетъ на востокъ, въ степь. Здѣсь, среди славянскаго племени Полянъ, платившихъ дань Козарамъ, въ городкѣ Кіевѣ, Аскольдъ и Диръ остановились. Какъ видно, Кіевъ въ то время былъ притономъ Варяговъ, всякаго рода искателей приключеній, чѣмъ впоследствии были Тмуторакань и Берладъ; видно и тогда, какъ поелѣ, во времена Константина Варягороднаго, Кіевъ былъ сборнымъ мѣстомъ для Варяговъ, собиравшихся въ Черное море. Аскольдъ и Диръ здѣсь остановились: около нихъ собралось много Варяговъ; сюда же, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, перебѣжало изъ Новгорода много людей, недовольныхъ Рюрикомъ; Аскольдъ и Диръ стали вождями довольно многочисленной шайки; окрестныя Поляне должны были подчиниться имъ; есть извѣстія, что они дрались съ степными варварами ²⁾, съ соединенными славянскими племенами—Древлянами и Угличами ³⁾, съ Дунайскими Волгарами ⁴⁾. Если примемъ извѣстіе, что Варяги Аскольдъ и Диръ засѣли въ полянскомъ городкѣ Кіевѣ, то не имѣемъ права отвергать приведенныя извѣстія: владѣлецъ украинскаго городка необходимо долженъ былъ вести войны съ степными варварами и съ окольными славянскими племенами: и прежде болѣе воинственные Древляне и Угличи обижали болѣе покойныхъ Полянъ ⁵⁾; наконецъ столкновенія съ Дунайскими Волгарами были естественны по самому пути, которымъ обыкновенно Русь ходила въ Грецію. Ставши вождями довольно многочисленной дружины, Аскольдъ и Диръ вздумали сдѣлать набѣгъ на Византію, исполнить завѣтную мысль Варяга, съ какою они отравились изъ Новгорода: на 200 ладьяхъ приплыла Русь къ Царюграду; но попытка не удалась: буря, вставшая, по греческимъ свидѣтельствамъ, вслѣдствіе чудеснаго заступленія Богородицы, разбила русскія лодки, и немногіе изъ дружины Аскольдовой возвратились съ своими князьями назадъ въ Кіевъ. Вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ, Византійцы сообщаютъ друге о принятіи христіанства Русскими, о посылкѣ къ нимъ епископа изъ Царяграда: такъ уже рано обнаружилось значеніе Кіева въ нашей исторіи, вслѣдствіе столповеній кіевской Руси съ Византією ⁶⁾. Далѣе

²⁾ Тамъ же: «Нашия множество Печенѣвъ Осколъ, и Диръ».—Отрицать возможность появленія Печенѣговъ и Приднѣпровья во время Аскольда и Дири нѣтъ основаній.

³⁾ См. Воскресен. и др. списки.

⁴⁾ Никон. I, 16: «Убиенъ бысть отъ Волгаръ Ослодовъ сынъ».

⁵⁾ Поли. Собр. Р. Лѣт. I, 7: «По смерти братьевъ быша обидими (Поляне) Древляны, и нѣкии околными».

⁶⁾ См. подробности и указанія источниковъ у ...

прежде еще Аскольдова похода, обыкновенно относимаго къ 866 году, мы встрѣчаемъ извѣстія о нападеніяхъ Руси на греческія области и о принятіи христіанства нѣкоторыми изъ русскіхъ вождей: таково извѣстіе, находящееся въ житіи святаго Стефана Сурожскаго, о нападеніи на Сурожъ русскаго князя Бравалина и о крещеніи его тамъ: извѣстіе это относится къ началу IX-го вѣка; подобное же извѣстіе находимъ въ жизнеописаніи святаго Георгія, епископа Амастрійскаго ¹⁾).

Но владѣніе, основанное варяжскими выходами въ Кіевѣ, не могло имѣть надеждающей прочности, ибо основано было ебродною шайкой искателей приключеній, которые могли храбро драться съ соедами, могли сдѣлать набѣгъ на берега Имперіи, но не могли по своимъ средствамъ, да и не имѣли въ виду основать какой-нибудь прочный порядокъ вещей среди племенъ, жившихъ по великому водному пути. Это могли сдѣлать только сѣверные князья, имѣвшие для того достаточную матеріальную силу и привязанные къ странѣ правительственными отношеніями къ племенамъ, ихъ призвавшимъ. Въ 869 году, по счету лѣтописца, умеръ Юрикъ, оставивъ малолѣтняго сына Игоря, котораго отдалъ на руки родственнику своему Олегу Послѣдній, какъ старшій въ родѣ, а не какъ опекунъ малолѣтняго князя, получилъ всю власть Юрика и удерживалъ ее до конца жизни своей. Если Юрикъ уже сдѣлалъ шагъ впередъ на югъ по восточному пути, перейдя изъ Ладоги въ Новгородъ, то преемникъ его двинулся гораздо далѣе и дошелъ до конца пути. Движеніе это было однако довольно медленно: три года, по счету лѣтописца, пробылъ Олегъ въ Новгородѣ до выступления въ походъ на югъ; потомъ онъ двинулся по водному восточному пути, собравши войско изъ Варяговъ и изъ всѣхъ подвластныхъ ему племенъ—Чудь, Славянь (Ильменскихъ), Мери, Веси, Кривичей. Это обстоятельство есть самое важное въ нашей начальной исторіи. Мы видѣли, что Варягамъ давно была извѣстна великій водный путь изъ Балтійскаго моря въ Черное, давно ходили они по нему, но ходили малыми дружинами, не имѣли желанія, ни средствъ утвердиться на этомъ пути, смотрѣли на него какъ

Макарія въ его Исторіи христіанства въ Россіи, стр. 261 и слѣд.

¹⁾ Подробности и разборъ сказаній см. въ приведенной выше книгѣ арх. Макарія, стр. 166 и слѣд., стр. 169 и слѣд.—Принимая извѣстіе о чудѣ св. Стефана за позвѣщеніе и вычтенованное перепѣткою изъ сказанія о чудѣ св. Георгія мы не видимъ достаточнаго основанія: не всегда сходныя сказанія заимствуются другъ отъ друга; въ противномъ случаѣ надобно было бы допустить, что нашъ начальный лѣтописецъ читалъ Геродота и взялъ изъ него разсказъ объ извѣстной хитрости, которую приписалъ нашему Вѣлгорожанамъ; потомъ въ подробностяхъ сказаній о случившемся въ Сурожѣ и Амастрідѣ мы находимъ большое разлечіе; наконецъ, главное, что заставляетъ нѣкоторыхъ исследователей отвергать самостоятельность извѣстія о сурожскомъ происшествіи, это предположеніе, что русскіхъ набѣговъ на Припонтійскія страны не могло быть раньше 866 года; но мы не можемъ принять этого предположенія.

на путь только, имѣя въ виду другую цѣль. Но вотъ на сѣверномъ концѣ этого пути изъ нѣсколькихъ племенъ составляется владѣніе, скрѣпленное единствомъ власти; новинуясь общему историческому закоцу, поворожденное владѣніе, вѣдѣдствіе сосредоточенія своихъ силъ чрезъ единство власти, стремится употребить въ дѣло эти силы, подчинить своему вліянію другія общества, другія племена, менѣе сильныя. Князь сѣвернаго владѣнія выступаетъ въ походъ, но это не вождь одной варяжской шайки, дружины,—въ его рукахъ силы всѣхъ сѣверныхъ племенъ; онъ идетъ по обычному варяжскому пути, но идетъ не съ цѣлію одного грабежа, не для того, только чтобы пробраться въ Византію; пользуясь своею силою, онъ подчиняетъ себя всѣмъ встрѣчающимся ему на пути племенамъ, закрѣпляетъ себя навсегда всѣмъ находящимся на немъ мѣста, города; его походъ представляетъ распространеніе одного владѣнія на счетъ другихъ, владѣнія сильнаго на счетъ слабѣйшихъ. Сила сѣвернаго князя основывается на его правительственныхъ отношеніяхъ къ сѣвернымъ племенамъ, соединившимся и признавшимъ власть: отсюда видна вся важность призванія, вся важность тѣхъ отношеній, которыя утвердились на сѣверѣ между варяжскими князьями и призванными племенами.

Перешедши волокъ и достигши Днѣпра, Олегъ утверждаетъ въ Землѣ днѣпровскихъ Кривичей, закрѣпляетъ себя ихъ городъ Смоленскъ, сажаетъ здѣсь своего мужа, разумѣется, не одного, но съ дружиною, достаточною для удержанія за собою новаго владѣнія ²⁾. Изъ Смоленска Олегъ пошелъ внизъ по Днѣпру, пришелъ въ Землю Сѣверинъ, взялъ городъ ихъ Любечъ и прикрѣпилъ его къ своему владѣнію, посадивъ и здѣсь мужа своего. Какъ достались Олегу эти города, долженъ ли быть онъ употребляетъ силу, или покорились они ему добровольно,—объ этомъ нельзя ничего узнать изъ лѣтописи. Наконецъ Олегъ достигъ Кіева, гдѣ княжили Аскольдъ и Диръ; здѣсь, по преданію, онъ оставилъ большую часть своихъ лодокъ назадъ, скрывъ ратныхъ людей на тѣхъ лодкахъ, на которыхъ подплылъ къ Кіеву, и послалъ сказать Аскольду и Диру, что земляки ихъ—кунцы, идущіе въ Грецію отъ Олега и княжича Игоря, хотятъ повидаться съ ними. Аскольдъ и Диръ пришли, но точчасъ же были окружены ратными людьми, повывскакавшими изъ лодокъ; Олегъ будто бы сказалъ Кіевскимъ князьямъ: „Вы не князья, ни роду княжескаго, а я роду княжескаго“, и, указывая на выссеннаго въ это время Игоря, прибавилъ: „вотъ сынъ Рюриковъ“. Аскольдъ и Диръ были убиты и погребены на горѣ. — Разумѣется, историкъ не имѣетъ обязанности принимать преданіе съ тѣми

²⁾ Полн. Собр. Р. Лѣт. 1, 10: «И приде къ Смоленську, съ Кривичи, и прія градъ, и посади мужъ свой», выѣто съ Кривичи должно читать въ Кривичи: переписчикъ не поаялъ, что значить въ Кривичи, тогда какъ прежде сказано, что Олегъ уже уполь съ Кривичами, и потому написалъ: съ Кривичи.

подробностями, въ тѣхъ чертахъ, въ какихъ оно достигло до перваго лѣтописца и записано имъ. Въ этомъ преданіи видно какъ будто намѣреніе оправдать Олега, дать сѣвернымъ князьямъ Рюрикава рода право на владѣніе Кіевомъ, гдѣ сѣли мужи Рюрика, не князья, не имѣвшие права владѣть городомъ независимо. Олегъ представленъ не завоевателемъ, но только княземъ, возстановляющимъ свое право, право своего рода, нарушенное дерзкими дружинниками. Быть-можетъ, само преданіе о томъ, что Аскольдъ и Диръ были члены дружины Рюриковой, явилось вѣдѣтвемъ желанія дать Рюрикову роду право на Кіевъ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи встрѣчаемъ также подробности о непріязненныхъ отношеніяхъ Аскольда и Диры къ Рюрику: такъ есть извѣстіе, что они по неудовольствію оставили сѣвернаго князя, не давшаго имъ ни города, ни села²⁾; что потомъ, утвердясъ въ Кіевѣ, восвали Полоцанъ и надѣлали имъ много зла³⁾; очень вѣроятно, что они могли нападать на южные, ближайшіе къ нимъ предѣлы владѣній Рюриковыхъ. Также замѣчено было уже извѣстіе о бѣгствѣ Новгородцевъ, недовольныхъ Рюрикомъ, въ Кіевъ къ Асколду и Диру.

Какъ бы то ни было, убивъ Аскольда и Диру, Олегъ утвердился въ Кіевѣ, сдѣлавъ его своимъ столеннымъ городомъ; по свидѣтельству лѣтописца, Олегъ сказалъ, что Кіевъ долженъ быть „матерью городамъ русскимъ“⁴⁾. Понятно въ смыслѣ преданія, что Олегъ не встрѣтилъ сопротивленія отъ дружины прежнихъ владѣльцевъ Кіева: эта дружина и при благопріятныхъ обстоятельствахъ была бы не въ состояніи помѣяться съ войсками Олега, тѣмъ болѣе, когда такъ мало ея возвратилось изъ несчастнаго похода греческаго; часть ея могла пристать къ Олегу, недовольные могли уйти въ Грецію. Понятно также, почему Олегъ остался въ Кіевѣ: кромѣ пріятности климата, красоты мѣстоположенія и богатства страны, сравнительно съ сѣверомъ, тому могли способствовать другія обстоятельства: Кіевъ, какъ уже было замѣчено, находится тамъ, гдѣ Днѣпръ, принявъ самыя большіе притоки свои сивава и слѣва, Припеть и Десну, поворачиваетъ на востокъ, въ степи, жилища кочевыхъ народовъ. Здѣсь, слѣдовательно, должна была утвер-

диться главная защита, главный острогъ новаго владѣнія со стороны степей; здѣсь же, при началѣ степей, должно было быть, и вѣроятно было, прежде сборное мѣсто для русскихъ лодокъ, отправлявшихся въ Черное море. Такимъ образомъ, два конца великаго воднаго пути, на сѣверѣ со стороны Ладожскаго озера и на югѣ со стороны степей, соединились въ одномъ владѣніи. Отсюда видна вся важность этого пути въ нашей исторіи: по его берегамъ образовалась первоначальная русская государственная область; отсюда же понятна постоянная, тѣсная связь между Новгородомъ и Кіевомъ, какую мы видимъ впоследствии; понятно, почему Новгородъ всегда принадлежалъ только старшему князю, великому князю Кіевскому.

Первымъ дѣломъ Олега въ Украинѣ было построеніе городовъ, острожковъ, сколько для утвержденія своей власти въ новыхъ областяхъ, столько же и для защиты со стороны степей. Потомъ нужно было опредѣлить отношенія къ старымъ областямъ, къ племенамъ, жившимъ на сѣверномъ концѣ воднаго пути, что было необходимо вѣдѣтвемъ новаго поселенія на югѣ; главная форма, въ которой выражались отношенія этихъ племенъ къ князю, была дань, и вотъ Олегъ установилъ дани Славянамъ (Ильменскимъ), Кривичамъ и Мери; Новгородцы были особо обязаны платить ежегодно 300 гривенъ для содержанія наемной дружины изъ Варяговъ, которые должны были защищать сѣверныя владѣнія. Сперва, какъ видно, эта стража состояла исключительно изъ Варяговъ, потомъ когда эта исключительность исчезла, то вмѣсто Варяговъ встрѣчаемъ уже общее названіе *г р и д е й*; наемная плата увеличивалась по обстоятельствамъ: такъ послѣ раздавался гридямъ уже тысяча гривенъ вмѣсто трехъ сотъ; прекратилась эта выдача денегъ со смертію Ярослава I⁵⁾, вѣроятно потому, что съ этого времени Новгородцы не могли болѣе опасаться нападеній ни съ которой стороны; а можетъ быть также между ними и князьями сдѣланы были другого рода распоряженія относительно вѣншей защиты.

Построивъ города и установивъ дани у племенъ сѣверныхъ, Олегъ, по преданію, начинаетъ подчинять себѣ другія племена славянскія, жившія къ востоку и западу отъ Днѣпра. Прежде всего Олегъ идетъ на Древлянъ, у которыхъ давно шла вражда съ Полянами; Древляне не поддались добровольно Русскому князю; ихъ нужно было примучить, чтобы заставить платить дань, которая состояла въ черной кунцѣ съ жилья. Въ слѣдующемъ, по счету лѣтописца, году (884) Олегъ пошелъ на Сѣверянъ, побѣдилъ ихъ и наложилъ дань легкую; эта легкость должна объясняться малымъ сопротивленіемъ Сѣверянъ, которые платили дань Козарамъ и слѣдовательно могли легко согласиться платить ее

¹⁾ Стараніе связать Кіевъ съ сѣверомъ и Новгородомъ видно также въ другомъ преданіи, по которому основатели Кіева—Кій, Щекъ и Хоривъ—были разбойники въ Новгородской области; Новгородцы посадили ихъ съ сестрою Либедью и 27-ю товарищами въ темницу и хотѣли повѣсить, но князь изъ жалости далъ имъ свободу и проч. Синод. Виліот. Книга о древности Россійскаго государства, № 529.—Какъ видно, сказка эта произошла отъ смѣшенія двухъ преданій—объ основателяхъ Кіева и о первыхъ варяжскихъ князьяхъ его.

²⁾ Арханг., стр. 4.

³⁾ Никон. 1, 16.

⁴⁾ Полд. Собр. Р. Лѣт. 1, 10: «Се буди мати градоу русскимъ». «Вѣша у него Варяги и Словѣни и прочи прозвашася Русью».—Любопытно, что, по смыслу этого извѣстія, Варяги и Славяне прозываются Русью только по утвержденіи въ Кіевѣ.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 56: «Ярославу же суну Новгородѣ, и урокомъ дающе Кіеву двѣ тысячѣ гривенѣ отъ года до года, а тысячу Новгородѣ гридемъ раздаваху: а тако даху посадници Новгородстїи, а Ярославъ сего не даше отію своему».

Русскому князю; съ своей стороны Олегъ долженъ былъ положить на нихъ только легкую дань, чтобы показать имъ выгоду русской зависимости предъ козарскою; онъ, по преданію, говорилъ Сѣверянамъ: „Я вратъ Козарамъ, а вовсе не вамъ“. Радимичи, платившіе также дань Козарамъ, въ слѣдующемъ году не оказали никакого сопротивленія Олегу; онъ послалъ спросить у нихъ: „Кому даете дань?“ тѣ отвѣчали: „Козарамъ.“—„Не давайте Козарамъ, велѣлъ сказать имъ Олегъ, а давайте лучше мнѣ“, и Радимичи стали платить Русскому князю тѣ же два шлага отъ рала, которые давали Козарамъ. Но не такъ легко было справиться съ тѣми племенами, которые прежде были независимы, не платили никому дани, не хотѣли и теперь платить ея Руси: мы видѣли сопротивленіе Древлянъ; потомъ, слишкомъ въ двадцать лѣтъ, по счету лѣтописца, Олегу удалось покорить Дулѣбовъ, Хорватовъ и Тиверцевъ, по Угличей не удалось ¹⁾). Только въ 907 году Олегъ собрался въ походъ на Грековъ: оставивъ Игоря въ Кіевѣ, онъ пошелъ со множествомъ Варяговъ, Славянъ (Новгородцевъ), Чуди, Кривичей, Мери, Полянъ, Сѣверянъ, Древлянъ, Радимичей, Хорватовъ, Дулѣбовъ и Тиверцевъ, пошелъ на коняхъ и въ корабляхъ; кораблей было 2,000, на каждомъ кораблѣ по 40 человекъ. Разумѣется, историкъ не имѣетъ обязанности принимать буквально эту счетъ; для него важнѣе только то, что преданіе, съ какимъ оно хранилось въ народѣ и изъ котораго видно, что предпріятіе было совершено соединенными силами всѣхъ племенъ, подвластныхъ Руси, сѣверныхъ и южныхъ, а не было набѣгомъ варяжеской шайки: отсюда объясняется робость Грековъ, удача предпріятія. Когда русскіе корабли явились предъ Константинополемъ, говорить лѣтописецъ ²⁾), то Греки

¹⁾ Любопытно, что въ числѣ покоренныхъ Олегомъ племенъ не упоминаются Дреговичи; не упоминаются они съ Полоцкими и при численіи племенъ, ходившихъ съ Олегомъ въ Грецію; по всѣмъ вѣроятіямъ, Дреговичи были еще прежде покорены изъ Полоцка тамошнихъ державцемъ, но крайней мѣрѣ сѣверная ихъ половина: вотъ почему княжество Минское, образовавшееся изъ ихъ отравъ, принадлежало къ Полоцкому. Изъ Іоакимовъ лѣтоп. Дреговичи упомянуты въ числѣ племенъ, призванныхъ Рюрика съ братьями.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 12. Означимъ шивку въ лѣтописи: «И стави Олегъ вопъ—до: «дабы не воевалъ Грецию землю». Вставка эта ясна, потому что содержитъ то же самое извѣстіе, которое опять повторяется въ текстѣ съ противорѣчіемъ: сперва говорится, что Олегъ потребовалъ по 12 гривенъ на человека, а потомъ, что по 12 гривенъ на ключъ, что гораздо правдоподобнѣе (К л ю ч ѣ в м. лодка, корабль: ключавъ назывался багоръ, или крюкъ, которымъ привлекали лодки къ берегу; въ житіи Бориса и Глѣба Румян. Муз. сказано: «Имше корабль ключи привлекъ на къ собѣ»). Черезъ двадцать сорокъ лѣтъ г. Лимбичъ замѣтилъ другія шивки въ этомъ мѣстѣ лѣтописи. Журн. Мин. Нар. Пров. Іюль 1873 года. Думаемъ, что можно согласиться со мнѣніемъ проф. Срезневскаго, который по второму извѣстію объ условіяхъ видитъ цѣлую грамоту, занесенную въ лѣтописи (Извѣстія II-го Отдѣла Академіи, л. 20). Только не думаемъ, чтобы грамота была занесена въ лѣтописи самими начальными лѣтописцами: во 1) по противорѣчію двухъ извѣстій; во 2) вставка дого-

замкнули гавань, заперли городъ. Олегъ выпелъ безпрепятственно на берегъ, корабли были выволочены, ратные разсыпались по окрестностямъ Царьграда и начали опустошать ихъ: много побили Грековъ, много палатъ разбили и церквей пожгли; плѣнныхъ събили мечами, другихъ мучили, разстрѣливали, бросали въ море. Преданіе прибавляетъ, что Олегъ велѣлъ поставить лодки свои на колеса, и флотъ, при попутномъ вѣтрѣ, двинулся на парусахъ по сушѣ къ Константинополю. Говоря просто, Олегъ приготовился къ осадѣ города; Греки испугались и послали сказать ему: „Не губи городъ; мы беремся давать тебѣ дань, какую хочешь“. Олегъ остановился; то же преданіе рассказываетъ, что Греки выслали ему кушанье и напитки съ отравою, что Олегъ догадался о коварствѣ и не коснулся присланнаго, и что тогда Греки въ искуствѣ говорили: это не Олегъ, но святой Димитрій, посланный на насъ Богомъ. Приведенный рассказъ замѣчательнѣе по тому представленію, которое имѣло о характерѣ Грековъ и о характерѣ вѣщаго Олега: самый хитрый изъ народовъ не успѣлъ обмануть мудраго князя! Олегъ, продолжаетъ лѣтописецъ, отправилъ къ императору пословъ—Карла, Фарлофа, Велмуду, Рулава и Стемира, которые вытребовали по 12 гривенъ на корабль, да еще уклады на русскіе города: Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Полоцкъ, Ростовъ, Любечъ и другіе, потому что въ тѣхъ городахъ сидѣли Олеговы мужи; Олегъ требовалъ также, чтобы Русь, принадлежащая въ Царьградъ, могла брать съѣстныхъ припасовъ, сколько захочетъ; гости (купцы) имѣютъ право брать съѣстные припасы въ продолженіи шести мѣсяцевъ—хлѣбъ, вино, мясо, рыбу, овощи; могутъ мыться въ баняхъ сколько хотятъ; а когда пойдутъ Русскіе домой, то берутъ у царя Греческаго на дорогу съѣстное, якори, канаты, паруса и все нужное. Императоръ и вельможи его приняли условія, только съ слѣдующими измѣненіями: Русскіе, пришедшіе не для торговли, не берутъ мѣсячины; князь долженъ запретить своимъ Русскимъ грабить села въ странѣ Греческой; Русскіе, пришедши въ Константинополь, могутъ жить только у Св. Мамы, императоръ пошлетъ перенести ихъ имена, и тогда они будутъ брать свои мѣсячины—сперва Кіевляне, потомъ Черниговцы, воровъ и лѣтописецъ съ увеличеніемъ разсказъ начальнаго лѣтописца ясно изъ словъ, помѣщенныхъ подъ 6420 годомъ: «Посла Олегъ мужи свои построиши мѣра и положити ряды межъ Греки и Русью; и посла, глагола равно другаго свѣщанія» и проч. Для насъ очевидно, что здѣсь послѣ г л а г о л я слѣдовалъ рассказъ начальнаго лѣтописца о томъ, что говорилъ Олегъ своимъ посламъ, но этотъ рассказъ прерванъ насильственно вставкою договора.—Г. Срезневскій думалъ также, что слово «р а в ѣ н о» въ выраженіи: «равно другаго свѣщанія» есть переводъ греческаго *ταῖσιν, paricula charta, сорія, противень*. Это мнѣніе развито особенно г. Лавровскимъ въ сочиненіи: *О византийскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ Русскихъ съ Греками*. Это объясненіе равно можетъ быть принято вслѣдъ, но жалъ, что филологи не обратили вниманія на слова: «при тѣхъ же царехъ», которая оставляютъ въ полной силѣ прежнее мнѣніе, что наши договоры предполагаютъ другіе договоры, старыя.

Переяславцы и другіе; входятъ въ городъ будутъ они одними воротами, вмѣстѣ съ чиновникомъ императорскимъ, безъ оружія, не болѣе 50 человекъ, и пусть торгуютъ, какъ имъ надобно, не платя никакихъ пошлинъ. Изъ этихъ условій видна недобринность Грековъ къ Русскимъ, которые любили, при удобномъ случаѣ, перемѣнять характеръ купцовъ на характеръ воиновъ. Императоры Леонъ и Александръ дѣловали крестъ въ соблюденіи договора; привели также къ присягѣ Олега и мужей его; тѣ клялись, по русскому закону, оружіемъ, Перуномъ—богомъ воиновъ, Волосомъ—скотыямъ богомъ, и такимъ образомъ утверждали миръ. Преданіе прибавляетъ, будто Олегъ велѣлъ Руси шить паруса шелковые, а Славянамъ полотняные, будто воины повѣсили щиты свои на воротахъ царградскихъ, въ знакъ побѣды, и когда пошли они домой, то Русь подняла паруса шелковые, а Славяне полотняные; но вѣтеръ разорвалъ ихъ; тогда Славяне сказали: прѣмемся за свои холостинные паруса; не дано Славянамъ парусовъ полотняныхъ. Это преданіе любопытно потому, что въ немъ видно различіе между Русью и Славянами, различіе въ пользу первой. Подъ именемъ Руси здѣсь должно принимать не Варяговъ вообще, но дружину княжескую, подъ Славянами—остальныхъ ратныхъ людей изъ разныхъ племенъ: естественно, что корабль княжескій и другіе, везіе бояръ и слугъ княжескихъ, были красивѣе, чѣмъ корабли простыхъ воиновъ. Олегъ, заключаетъ преданіе, возвратился въ Кіевъ съ золотомъ, дорогими тканями, овощами, винами и всякимъ узорочьемъ; народъ удивился такому уснѣху и прозвалъ князя „вѣщимъ“, то-есть кудесникомъ, волхвомъ.

Допустивъ къ себѣ Русскихъ на продолжительное житіе въ Константинополь, Греческій Дворъ долженъ былъ урядить съ Кіевскимъ княземъ, какъ поступать при необходимыхъ столкновеніяхъ Русскихъ съ подданными Имперіи; вотъ почему въ 911 году, слѣдовательно, по счету лѣтописца, черезъ четыре года, Олегъ послалъ въ Царьградъ мужей своихъ утвердить миръ и положить рядъ между Греками и Русью, на основаніи прежняго ряда, заключеннаго тотчасъ послѣ похода ¹⁾. Послами были отправлены тѣ же пять мужей, которые заключали и первый договоръ,—Карль, Фарлофъ, Велмудъ (Веремудъ), Рулавъ, Стемиръ (Стеמידъ), но съ прибавкой еще девяти: Ипегельдъ, Гуды, Руальдъ, Карнъ, Фреллафъ, Рюаръ, Актеву, Труанъ, Видульфость. Несмотря на искаженіе имени, легко замѣтить, что почти всѣ они звучатъ не по-славянски: славянскіе звуки можно уловить только въ двухъ—Велмудъ (Велемудръ) и Стемиръ. Причина такому явленію можетъ заключаться въ томъ, что большинство дружины Олеговой состояло въ это время еще изъ Скандинавовъ, или, быть-можетъ, означенные Варяги потому были отправлены

въ Константинополь, что, подобно многимъ своимъ соотечественникамъ, уже бывали тамъ прежде, знали греческіе обычаи, языкъ. Эти мужи посланы были отъ Великаго Князя Олега, отъ всѣхъ подручныхъ ему князей (знакъ, что, кромѣ Олега и Игоря, существовали еще другіе родичи Юрниковы), бояръ и отъ всей подручной ему Руси. Послы заключили слѣдующій договоръ: 1) При каждомъ преступленіи должно основываться на ясныхъ показаніяхъ; но при подозрѣніи свидѣтельства пусть сторона подозрѣвающая клянется въ томъ, что свидѣтельство ложно; пусть всякій клянется по своей вѣрѣ и пусть приметъ казнь, если клянется ложно.— За этимъ слѣдуетъ исчисленіе преступленій и соответственныхъ имъ наказаній. 2) Если Русинъ убьетъ христіанина, то-есть Грека, или христіанинъ Русина, то преступникъ пусть умретъ на мѣстѣ; если же убьютъ и оставятъ имѣніе, то оно отдается родственникамъ убитаго, за исключеніемъ той части, которая, по закону, слѣдуетъ жене убійцы; если же преступникъ убьютъ, не оставивъ имѣнія, то считается подъ судомъ до тѣхъ поръ, пока будетъ пойманъ и казненъ смертію. 3) За ударъ мечемъ или чѣмъ бы то ни было виновный платитъ пять литръ серебра по русскому закону; если будетъ не въ состояніи заплатить означенной суммы, то пусть дастъ сколько можетъ, пусть скинетъ съ себя то самое платье, которое на немъ, и клянется по обрядамъ своей вѣры, что не имѣетъ никого, кто бы могъ заплатить за него, и тогда искъ прекращается. 4) Если Русинъ украдетъ что-либо у христіанина, или христіанинъ у Русина, и воръ будетъ пойманъ въ кражѣ, то въ случаѣ сопротивленія хозяинъ украденной вещи можетъ убить его безнаказанно и взять свое назадъ. Если же воръ отдается безъ сопротивленія, то его должно связать и взять съ него втрое за похищенное. 5) Если кто изъ христіанъ или Русскихъ начнетъ мучить, допытываясь гдѣ имущество, и насильемъ явно возьметъ что-нибудь, то долженъ заплатить втрое противъ взятаго. 6) Если корабль греческій падетъ выброшенъ вѣтромъ на чужую землю, и случится при этомъ кто-нибудь изъ Русскихъ, то они должны охранять корабль съ грузомъ, отослать его назадъ въ землю христіанскую, провозать его черезъ всякое страшное мѣсто, пока достигнетъ мѣста безопаснаго; если же противныя вѣтры или мели задержатъ корабль на одномъ мѣстѣ, то Русскіе должны помочь гребцамъ и проводить ихъ съ товарами по-здорову, если случится близко тутъ Земля Греческая; если же бѣда приключится близъ Земли Русской, то корабль провозятъ въ послѣднюю, грузъ продается, и вырученное Русь приносятъ въ Царьградъ, когда придутъ туда для торговли или посольствомъ; если же кто на кораблѣ томъ будетъ прибитъ или убитъ Русью, или пропадаетъ что-нибудь, то преступники подвергаются вышеозначенному наказанію. 7) Если въ какой-нибудь странѣ будутъ держатъ русскаго или греческаго невольника, и случится въ той

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1, 13: Равно другаго свѣщани, бывшаго при тѣхъ же царяхъ.

странѣ кто-нибудь изъ Русскихъ или изъ Грековъ, то послѣдній обязанъ выкупить невольника и возвратитъ его на родину, за что получить искупную цѣну невольника¹⁾; военнопленные также возвращаются на родину, пѣннившій получаетъ общую цѣну невольника. 8) Тѣ изъ Русскихъ, которые захотятъ служить императору Греческому, воллы это сдѣлать. 9) Если случится, что Русскіе невольники придутъ на продажу изъ какой-нибудь страны къ христіанамъ, а христіанскіе невольники въ Русь, то они продаются по 20 золотыхъ и отпускаются на родину. 10) Если рабъ будетъ украденъ изъ Руси, или уйдетъ самъ, или будетъ насильственно проданъ, и если господинъ раба начнетъ жаловаться и справедливость жалобы будетъ подтверждена самимъ рабомъ, то послѣдній возвращается въ Русь; также гости русскіе, потерявшие раба, могутъ искать его и взять обратно; если же кто не позволитъ у себя дѣлать обыска, то этимъ самымъ уже проигрываетъ свое дѣло. 11) Если кто изъ Русскихъ, служащихъ христіанскому царю, умретъ, не распорядившись имѣніемъ, и не будетъ около него никого изъ родныхъ, то имѣніе отсылается къ ближнимъ его въ Русь. Если же распорядится, то имѣніе идетъ къ назначенному въ завѣщаніи наслѣднику, который получить его отъ своихъ земляковъ, ходящихъ въ Грецію. 12) Если взявшій доставитъ это имѣніе утайтъ его и не возвратитъ съ нимъ въ Русь, то, по жалобѣ Русскихъ, возвращается насильно въ отечество. Такъ точно должны поступать и Русскіе относительно Грековъ.

Императоръ одарилъ русскихъ пословъ золотомъ, дорогими тканями, платьемъ и, по обычаю, представилъ къ нимъ людей, которые должны были водить ихъ по церквамъ царьградскимъ, показывать богатства ихъ, также страсти Христовы, мощи святыхъ, причемъ излагать ученіе вѣры. Послы возвратились къ Олегу въ 912 году; осенью этого года князь умеръ. Было преданіе, что передъ смертью Олегъ ходилъ на сѣверъ, въ Новгородъ и Ладогу: въ этомъ преданіи нѣтъ ничего невѣроятнаго; оно же прибавляетъ, что Олегъ и похороненъ въ Ладогѣ²⁾; все указываетъ намъ на тѣсную связь сѣвера съ югомъ, связь необходимую. Сѣверъ хотѣлъ имѣть у себя могилу вѣщаго преемника

Юрикова, логъ—у себя: по южному преданію, Олегъ похороненъ въ Киевѣ, на горѣ Щековицѣ³⁾; въ лѣтописи находимъ также преданіе о самой смерти Олега. Спрашивалъ онъ волховъ—кудесниковъ, о чемъ ему умереть. И сказали ему одинъ кудесникъ: „Умереть тебѣ, князь, отъ любимаго коня, на которомъ ты всегда ѣздишь“. Олегъ подумалъ: „такъ никогда же не сяду на этого коня и не увижу его“, — и велѣлъ кормить его, но не подводить къ себѣ, и такъ не трогалъ его нѣсколько лѣтъ, до самаго греческаго похода. Возвратившись въ Киевъ, жилъ Олегъ четыре года, а пятый вспомнилъ о конѣ, призвалъ конюшаго и спросилъ: „Гдѣ тотъ конь мой, что я поставилъ кормить и беречь?“ Конюшій отвѣчалъ: „Онъ ужъ умеръ“. Тогда Олегъ началъ смѣяться надъ кудесникомъ, бранить его. „Эти волхвы вѣчно лгутъ, говорилъ онъ:—вотъ конь-то умеръ, а я живъ; поѣду-ка я посмотрѣть его кости“. Когда князь пріѣхалъ на мѣсто, гдѣ лежали голыя кости конскія и черепъ голый, то сошелъ съ лошади и наступилъ ногою на черепъ, говоря со смѣхомъ: „Такъ отъ этого-то черепа придется мнѣ умереть!“ Но тутъ выползла изъ черепа змѣя и ужалила Олега въ ногу: князь разболѣлся и умеръ⁴⁾.

При разборѣ преданій объ Олегѣ мы видимъ, что въ народной памяти представлялся онъ не столько храбрымъ воителемъ, сколько вѣщимъ княземъ, мудрымъ, или хитрымъ, что, по тогдашнимъ понятіямъ, значило одно и то же: хитростью Олегъ овладѣваетъ Киевомъ, ловкими переговорами подчиняетъ себѣ безъ насилія племена, жившія на восточной сторонѣ Днѣпра; подъ Царьградомъ хитростию пугаетъ Грековъ, не дается въ обманъ самому хитрому народу, и прозывается отъ своего народа „вѣщимъ“. Въ преданіи онъ является также и княземъ-нарядникомъ Земли: онъ располагаетъ дани, строитъ города: при немъ впервые почти всѣ племена, жившія по восточному водному пути, собираются подъ одно знамя, получаютъ понятіе о своемъ единствѣ, впервые соединенными силами совершаютъ дальній походъ. Таково преданіе объ Олегѣ: историкъ не имѣетъ никакого права заподозрить это преданіе, отвергнуть значеніе Олега, какъ собирателя племенъ⁵⁾.

По счету лѣтописца, преемникъ Олеговъ Игорь, сынъ Юрина, княжилъ 33 года (912—945), и только пять преданій записано въ лѣтописи о дѣлахъ этого князя; для княженія Олега высчитано также 33 года (879—912). Въ лѣтописи сказано, что Игорь остался по смерти отца младенцемъ; въ преданіи о занятіи Кіева Олегомъ Игорь является также младенцемъ, котораго не могли даже вывез-

³⁾ Полное Собр. Р. Лѣт. 1, 16.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Въ Иоакимовской лѣтописи Олегъ названъ княземъ Урманскимъ или Норвежскимъ; въ скандинавскихъ сагахъ онъ является подъ именемъ Оддра Норвежскаго витязя, который прославился своими подвигами на востокѣ, княжилъ на Руси, умеръ, по предкаванію колдуныи, отъ любимаго коня... См Antiquités russes t. 1, p. 93 et seq.

¹⁾ «Отъ тѣхъ еще полоняникъ обою страну держимъ естъ или отъ Руси или отъ Грекъ, проданъ въ ину страну, оне обрнется или Русинъ или Гречинъ, да не купитъ (искупитъ) и возвратитъ и скупиленное (искупленное) лицо въ свою страну». — Передъ этимъ рѣчь шла о корабляхъ, застигнутыхъ бѣдою въ чужой землѣ; на Русскихъ и на Грековъ, которые могли случиться въ это время тутъ, налагалась обязанность охранять и провозжать корабль изъ чужой земли домой; теперь говорится о пѣнникахъ русскихъ и греческихъ, проданныхъ въ чужую землю: на Русскихъ и Грековъ, которые могли случиться въ этой землѣ, налагается также обязанность выкупать невольниковъ своего народа и возвращать ихъ въ отечество. Смыслъ ясенъ изъ самой связи пунктовъ.

²⁾ Архангел. 10: «Но сежъ иде Ольгъ къ Новгороду, отгудъ въ Ладогу». Стр. 11: «и естъ могила его въ Ладогѣ».

сти, а вывели на рукахъ; если Олегъ княжилъ 33 года, то Игорю, по смерти его, должно было быть около 35 лѣтъ ¹⁾. Подъ 903 годомъ упоминается о женитбѣ Игоря: Игорь выросъ, говорить лѣтописецъ, ходилъ по Олегѣ, слушался его, и привели ему жену изъ Пскова, именемъ Ольгу. Во время похода Олега на подѣ Царьградъ, Игорь оставался въ Киевѣ. Первое преданіе объ Игорѣ, занесенное въ лѣтопись, говоритъ, что Древляне, примученные Олегомъ, не хотѣли платить дань новому князю, затворились отъ него ²⁾, то-есть не стали пускать къ себѣ за данью ни князя, ни мужей его. Игорь пошелъ на Древлянъ, побѣдилъ и наложилъ на нихъ дань больше той, какую они платили прежде Олегу. Потомъ лѣтописецъ знаетъ русское преданіе и греческое извѣстіе о походѣ Игоря на Константинополь: въ 941 году Русскій князь пошелъ моремъ къ берегамъ Имперіи; Волгары дали вѣсть въ Царьградъ, что идетъ Русь; высланъ былъ противъ нея протопостіарій Теофанъ, который пожегъ Игоревы лодки греческими огнемъ. Потерѣвъ поражение на морѣ, Руссы пристали къ берегамъ Малой Азіи и, по обычаю, сильно опустошали ихъ; но здѣсь были застигнуты и разбиты патрикіемъ Вардою и domestikомъ Іоанномъ, бросились въ лодки и пустились къ берегамъ Оракии; на дорогѣ были паганы, опять разбиты Теофаномъ, и съ малыми остатками возвратились назадъ въ Русь ³⁾. Дома бѣглецы оправдывались тѣмъ, что у Грековъ какой-то чудесный огонь, точно молнія небесная, которую они пускали на русскія лодки и жгли ихъ. Но на сухомъ пути что было причиною ихъ пораженья? Эту причину можно открыть въ самомъ преданіи, изъ котораго видно, что походъ Игоря не былъ похожъ на предпріятіе Олега, совершенное соединенными силами многихъ племенъ: это былъ скорѣе набѣгъ шайки, малочисленной дружины ⁴⁾. Что войско было мало, и этому обстоятельству современники приписывали причину неудачи, показываютъ слова лѣтописца, который тотчасъ послѣ описанія похода, говоритъ, что Игорь, пришедши домою, началъ собирать большое войско, послалъ за море нанимать Варяговъ, чтобы идти опять на Имперію. Второй походъ Игоря

на Грековъ лѣтописецъ помѣщаетъ подъ 944 годомъ; на этотъ разъ онъ говоритъ, что Игорь, подобно Олегу, собралъ много войска, Варяговъ, Русь, Полянъ, Славянъ, Кривичей, Тиверцевъ, нанялъ Печенѣговъ, взявши у нихъ заложниковъ, и выступилъ въ походъ на лодьяхъ и коняхъ, чтобы отмстить за прежнее пораженье. Корсунцы послали сказать императору Роману: „Идетъ Русь съ безчисленнымъ множествомъ кораблей, покрыли все море кораблями“. Волгары послали также вѣсть: „Идетъ Русь, наняла и Печенѣговъ“. Тогда, по преданію, императоръ послалъ къ Игорю лучшихъ бояръ своихъ съ просьбою: „Не ходи, по возьми дань, которую бралъ Олегъ, придамъ и еще къ ней“. Императоръ послалъ и къ Печенѣгамъ дорогія ткани и много золота. Игорь, дошедши до Дуная, созвалъ дружину и началъ съ нею думать о предложеніяхъ императорскихъ; дружина сказала: „Если такъ говоритъ царь, то чего шамъ еще больше? не бившись, возьмемъ золото, серебро и наволоки! Какъ знать, кто одолѣетъ, мы или они? вѣдь съ моремъ нельзя заранѣе уговориться, не по землѣ ходимъ, а по глубинѣ морской, одна смерть весть“. Игорь послушалъ дружину, приказалъ Печенѣгамъ воевать Болгарскую Землю, взялъ у Грековъ золото и наволоки на себя и на все войско, и пошелъ назадъ въ Киевъ. Въ слѣдующемъ 945 году былъ заключенъ договоръ съ Греками также, какъ видно, для подтвержденія краткихъ и, быть-можетъ, изустныхъ условій, заключенныхъ тотчасъ по окончаніи похода ⁵⁾. Для этого, по обычаю, отпавились въ Константинополь послы и гости: послы отъ Великаго Князя и отъ всѣхъ его родственниковъ и родственницъ ⁶⁾. Они заключили миръ вѣчный, до тѣхъ поръ, пока солнце сіяетъ и весь міръ стоитъ. Кто помыслитъ изъ Русскихъ нарушить такую любовь, сказано въ договорѣ, то крещеный приметъ мечь отъ Бога Вседержителя, осужденіе на погибель въ сей вѣкъ и въ будущій; некрещенные же не получаютъ помощи ни отъ Бога,

⁵⁾ И въ договорѣ Игоря, какъ въ Олеговомъ, виднѣмъ выраженіе: «Равно другаго свѣшанья».

⁶⁾ Иவர், посоль Игоря Великаго Князя; Вуефасть — Святослава, сына Игоревъ; Исусевеи — Ольги киянини; Слуды — Игоря, племянника Великаго Князя отъ сестры (см. Карамз. I, примѣч. 347); Ульбъ — Владислава; Каницарь — Предславинъ; Шихберъ — Сфрадры, жены Ульбовой (вѣроятно вдовы, ибо имя Ульба не упомянуто); Прастѣль — Турдовъ; Либиаръ — Фостовъ; Грумъ — Сфврловъ; Прастѣль — Акува, племянника Игоревъ отъ сестры; Каръ — Турдовъ, Каршевъ, Турдовъ, Егріевльковъ, Воиновъ; Истръ — Амидовъ; Прастѣль — Берновъ; Ятвягъ — Гунаревъ; Шибридъ — Алдановъ, Колклековъ, Стеггетовъ, Сфрровъ; Алвадь — Гудовъ; Фуари — Турдовъ; Мугуръ — Утинъ. Потомъ слѣдуютъ гости или купцы: Адуи, Адульб, Нгивладъ, Олѣбъ, Фрутанъ, Ромоль, Куци, Емигъ, Турбидъ, Фурстенъ, Вруни, Роальдъ, Гунастръ, Фрастенъ, Игелды, Турбертъ, Мошъ, Руальдъ, Сѣвъ, Сигръ, Алдадь, Тилоца, Пубьсаръ, Вузѣвъ, Сишко, Боричъ. — Между именами людей, отъ которыхъ идутъ племя, мы не видимъ ни Сѣвъльда, ни Асмуда, тогда какъ Сѣвъльды играютъ первую роль; это ведетъ къ заключенію, что всѣ упомянутые въ договорѣ были изъ княжескаго, то-есть изъ рода Игоревъ въ разныхъ степеняхъ и линіяхъ, мужской и женской.

¹⁾ Въ Воскресен. спискѣ о рожденіи Игоря упомянуто подъ 806 годомъ, въ Никои. подъ 805; но о 13 или 14-лѣтнемъ мальчикѣ нельзя сказать: дѣтскъ велики! Степенная книга даетъ Игорю два года во время отцовской смерти.

²⁾ Я предпочитаю чтеніе затворилъ ся къ тѣмъ за рати паса, которое есть очевидно позднѣйшее, на что прямо указываетъ предлогъ отъ, идущій къ затворилъ ся и къ идущій къ заратилъ ся; притомъ же затворилъ ся гораздо вѣрнѣе изображаетъ тогдашнія отношенія племенъ къ князю.

³⁾ См. Византійцевъ Симеона Логовета, Льва Грамматика съ византійскимъ продолжателемъ Варягпороднаго, Григоріемъ монахомъ, Кедринемъ и Зоарюю; Метог. рору. — Russica.

⁴⁾ По лѣтописи, Болгары послали сказать императору, что Русь идетъ на 10,000 скедій; по Лутгирядъ показываетъ число лодокъ — 1000 (V, 6), а Левъ Грамматикъ число войска въ 10,000 (Метог. рору. I, 967); но можемъ мы принять и послѣднее показаніе безошибочнымъ?

ни отъ Перуна, не ушитсяя щитами своими, будутъ посѣчены мечами своими, стрѣлами и иными орудіями, будутъ рабами въ сей вѣкъ и въ будущій. Великій Князь Русскій и бояре ⁴⁾ его посылають къ великимъ царямъ Греческимъ корабли, сколько хотять, съ послами и гостями, какъ постановлено. Прже послы носили печати золотыя, а гости серебряныя; теперь же они должны показать грамоту отъ князя своего, въ которой онъ долженъ написать, что послалъ столько-то кораблей: поэтому Греки и будутъ знать, что Русь пришла съ миромъ. А если придутъ безъ грамоты, то Греки будутъ держать ихъ до тѣхъ поръ, пока не обошлются съ княземъ Русскимъ; если же Русскіе будутъ противиться задержкѣ вооруженною рукою, то могутъ быть перебиты, и князь не долженъ взыскивать за это съ Грековъ; если же убьютъ назадъ въ Русь, то Греки отишутъ объ этомъ Русскому князю, и онъ поступитъ съ обѣдцами, какъ ему вздумается. — Это ограниченіе новое, его нѣтъ въ Олеговомъ договорѣ. — Послѣ повторенія Олеговыхъ условій о мѣстѣ жительства и содержаніи русскихъ пословъ и гостей, прибавлена слѣдующая статья: къ Русскимъ будетъ приставленъ человѣкъ отъ правительства греческаго, который долженъ разбирать спорныя дѣла между Русскими и Греками. Русскіе купцы, вошедши въ городъ, не имѣютъ права покупать паволоки дороже 50 золотниковъ ²⁾; всѣ купленные паволоки должны показывать греческому чиновнику, который кладетъ на нихъ клеймо: этого ограниченія мы не находимъ въ договорѣ Олеговомъ. По новому договору, Русскіе не могли зимовать у Св. Мамы: въ Олеговомъ договорѣ этого условія также нѣтъ; впрочемъ и тамъ князь требовалъ содержанія гостямъ только на 6 мѣсяцевъ. — Если убьютъ рабъ изъ Руси, или отъ Русскихъ, живущихъ у Св. Мамы, и если найдется, то владѣльцы имѣютъ право взять его назадъ; если же не найдется, то Русскіе должны клясться, христіане и нехристіане — каждый по своему закону, что рабъ дѣйствительно убѣжалъ въ Грецію, и тогда, какъ постановлено прежде ³⁾, возмуть цѣну раба — двѣ паволоки. Если рабъ греческій уйдетъ къ Русскимъ съ покражею, то должно возвратитъ и раба, и принесенное имъ, въ цѣлости, за что возвратившіе получаютъ два золотника въ награду. Въ случаѣ покражи, воръ съ

обѣихъ сторонъ будетъ строго наказанъ, по греческому закону, и возвратитъ не только украденное, но и цѣну его; если же украденная вещь отыщется въ продажѣ, то и цѣну должно отдать двойную. — Въ Олеговомъ договорѣ ничего не сказано о наказаніи вора, а только о возвращеніи украденнаго; въ Игоревомъ — Греки даютъ силу своему закону, требующему наказанія преступнику ⁴⁾. Если Русскіе приведутъ плѣнниковъ христіанъ, то за юношу или дѣвицу добрую платятъ имъ 10 золотниковъ, за среднихъ лѣтъ человѣка 8, за старика или дитя 5; своихъ плѣнниковъ выкупають Русскіе за 10 золотниковъ; если же Грекъ купитъ русскаго плѣнника, то беретъ за него цѣну, которую заплатилъ, цѣлуя крестъ въ справедливости показанія. Князь Русскій не имѣетъ права воевать область Корсунскую и ся города: эта страна не покоряется Руси. — Въ случаѣ нужды, съ обѣихъ сторонъ обязываются помогать войскомъ. Въ случаѣ если Русскіе найдутъ греческій корабль, выброшенный на какой-нибудь берегъ, то не должны обижать находящихъ на немъ людей; въ противномъ случаѣ преступникъ повиненъ закону русскому и греческому: здѣсь опять греческій законъ подлѣ русскаго; положительная обязанность Олегова договора замѣнена здѣсь отрицательною — только не трогать Грековъ. — Русскіе не должны обижать Корсунцевъ, ловящихъ рыбу въ устья Диѳира, въ Вѣлбережьи и у Св. Евсерія; но когда придетъ осень, должны возвращаться домой въ Русь. Греки хотять, чтобы князь Русскій не пускалъ черныя (Дунайскіе) Волгары воевать страну Корсунскую. Если Грекъ обидитъ Русскаго, то Русскіе не должны самоуправствомъ казнить преступника; наказываетъ его греческое правительство ⁵⁾. Слѣдующія затѣмъ условія, какъ поступать въ уголовныхъ случаяхъ, сходны съ условіями Олегова договора.

Послы Игоревы пришли домой вмѣстѣ съ послами греческими; Игорь призвалъ послѣднихъ къ себѣ и спросилъ: „Что вамъ говорилъ царь?“ Тѣ отвѣчали: „Царь послать насъ къ тебѣ: онъ радъ миру, хочеть имѣть любовь съ княземъ Русскимъ; твои послы водили нашихъ царей къ присягѣ, а дари послали насъ привести къ присягѣ тебя и мужей твоихъ“ Игорь обѣщаль имъ это. На дру-

¹⁾ Въ договорахъ названія «князь» и «бояринъ» употребляются безъ различія одно вмѣсто другого; списки, въ свою очередь, также смѣшываютъ оба названія: гдѣ въ одномъ стоитъ князь, тамъ въ другомъ бояре.

²⁾ Да не имѣютъ волости, купити паволоки лше по 50 золотникъ. — По свидѣтельству Ліутпринда, самая дорогія ткани было запрещено вывозитъ изъ Константинополя иностранцамъ. — Карамзинъ, приводя самъ свидѣтельство Ліутпринда (I примѣч. 350), несмотря на то, переводитъ статью договора такъ: «Всякая ткань, купленная Русскими цѣною выше 50 золотниковъ (или червоицевъ), должна быть ему (чиновнику) показана, чтобы онъ приложилъ къ ней печать свою.»

³⁾ Еще указаніе на прежнія условія, на которыхъ мирился Игорь.

⁴⁾ Я здѣсь не принимаю чтенія Лавр. списка: «По уставу и по закону русскому», ибо и въ русскомъ законѣ нѣтъ какаго-либо вору. Другіе списки имѣютъ только: «По уставу Грецкому».

⁵⁾ «Ци аще ключитя проказа никака отъ Грекъ, сущихъ подѣ властью царства нашего, да не имать (да не имате) власти казнити я, не повелѣнемъ царства нашего, да приметь, якоже будетъ створилъ. — И вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ условіе, что, въ случаѣ убійства, родственники убитаго не имѣютъ права умертвить убійцу, но держатъ его только. чтобы потомъ правительство имѣло возможность казнитъ его смертію: «Аще убьетъ христіанинъ Русина, или Русинъ хрестянина, и да держитъ будетъ створливый убійство отъ ближнихъ убитнаго, да убьетъ». Тогда какъ въ Олеговомъ договорѣ прямо сказано, что убійца долженъ умереть на мѣстѣ.

гое утро онъ призвалъ пословъ и повелъ ихъ на холмъ, гдѣ стоялъ Перуны; здѣсь Русскіе поклали оружіе свое, щиты, золото, и такимъ образомъ присягалъ Игорь и всѣ люди его, сколько было некрещеной Руси; христіанъ же приводили къ присягѣ въ церкви Св. Іліи: это была соборная церковь, потому что многіе Варяги уже были христіане. Игорь отпустилъ пословъ, одаривъ ихъ мѣхами, рабами и воскомъ.

Такъ рассказываетъ лѣтописецъ о войнѣ и мирѣ съ Греками; для насъ договоръ Игоря и рассказъ лѣтописца замѣчательны во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего мы замѣчаемъ, что договоръ Игоря не такъ выгоденъ для Руси, какъ былъ прежде договоръ Олеговъ: ясно виденъ перевѣсъ на сторонѣ Грековъ: въ немъ больше стѣсненій, ограниченій для Русскихъ: подлѣ закона русскаго имѣетъ силу законъ греческій. Потомъ останавливаютъ насъ въ договорѣ чисто-славянскія имена между родичами князя и кунами русскими. Далѣе встрѣчаемъ замѣчательное выраженіе — Русская Земля, которое попадаетъ здѣсь въ первый разъ: знакъ бльшей твердости въ отношеніяхъ къ странѣ, тѣснѣйшей связи съ нею. Наконецъ и въ договорѣ, и въ рассказѣ лѣтописца ясно обнаруживаются слѣдствія походовъ на Византію, связи съ Греками: Русь раздѣляется на языческую и христіанскую; въ Кіевѣ видимъ соборную церковь Св. Іліи.

Кромѣ столкновенія съ Греками, въ лѣтописи занесено преданіе о столкновеніяхъ Игоря съ кочующими степными народами, — съ Печенѣгами. Мы видѣли, что Олегъ утвердилъ столъ князей Русскихъ на степной границѣ; слѣдовательно постоянною обязанности новаго владѣнія будетъ борьба со степными варварами. Въ это время господствующимъ народомъ въ степяхъ Донскихъ и Волжскихъ были Козары, бравшіе дань со многихъ племенъ славянскихъ; мы видѣли, что Олегъ заставилъ эти племена платить дань себѣ, а не Козарамъ, влѣдствіе чего надобно было бы ожидать враждебнаго столкновенія Руси съ послѣдними; но, какъ видно, до лѣтописца не дошло преданій о немъ. Если въ самомъ дѣлѣ столкновенія не было, или было весьма слабое, то это должно приписать тому, что Козары были заняты тогда сильною борьбою съ Печенѣгами. Съ давнихъ поръ народы турецкаго племени, подъ именемъ Хангаровъ, кочевали въ Средней Азійи и распространялись на западъ до Янка и Волги, гдѣ именно историческія извѣстія застаютъ ихъ подъ именемъ Печенѣговъ. Печенѣги граничили къ западу съ Козарами, а къ востоку съ другими турецкими ордами, кочевавшими въ нынѣшнихъ Киргизъ-Кайсацкихъ степяхъ и носившими названіе Узовъ, или Гузовъ, то-есть Свободныхъ. Какъ легко угадать, между Печенѣгами и западными сосѣдями ихъ, Козарами, возникла кровавая борьба въ VIII и IX столѣтіи. Козары съ трудомъ оборонялись отъ ихъ нападеній; наконецъ, заключивши союзъ съ Узами, напали съ двухъ сторонъ на Печенѣговъ. Тогда большая часть послѣднихъ оставила свое

прежнее отечество, двинулась на западъ, ударила и погнала предъ собою Угровъ, подданныхъ козарскихъ, которые и побѣжали далѣе на западъ. Немудрено, что при такихъ потрясеніяхъ, происходившихъ въ степяхъ, юная Русь могла оставаться нѣкоторое время спокойною на берегахъ Днѣпра. При Олегѣ налетки Венгровъ явились у Кіева, но о столкновеніяхъ этого народа съ Русью до лѣтописца не дошло преданій. Скоро, впрочемъ, по слѣдамъ Угровъ явились на границахъ Руси побѣдители ихъ, Печенѣги, грозившіе большою опасностью преемникамъ Олега. Подъ 915 годомъ лѣтописецъ помѣщаетъ первое извѣстіе о появленіи Печенѣговъ въ предѣлахъ Руси; на этотъ разъ Игорь заключилъ съ ними миръ, и они отправились къ Дунаю; но чрезъ пять лѣтъ Русскій князь долженъ былъ уже силою отражать варваровъ. Потомъ видимъ Печенѣговъ союзниками его въ греческомъ походѣ.

Подъ 946 годомъ лѣтописецъ помѣщаетъ послѣднее преданіе объ Игорѣ. „Какъ пришла осень“, рассказываетъ онъ, „то дружина стала говорить князю“: „Отроки Свѣнелда богаты оружіемъ и платьемъ, а мы наги: пойди, князь, съ нами въ дань,—и ты добудешь, и мы“¹⁾. Послушался ихъ Игорь, пошелъ за данью къ Древлянамъ, началъ брать у нихъ больше прежняго, дѣлалъ имъ насилія и дружина его также. Взявши дань, Игорь пошелъ въ свой городъ; на дорогѣ, подумавъ, сказалъ дружинѣ: „Идите съ данью домой, а я возвращусь, похожу еще“. Отпустивъ большую часть дружины домой, Игорь съ небольшимъ числомъ ратниковъ возвратился, чтобы набрать еще больше дани. Древляне, услышавъ, что Игорь опять идетъ, начали думать съ княземъ своимъ Маломъ: „Повадитесь волкъ къ овцамъ, перетаскаетъ все стадо, пока не убьютъ его, такъ и этотъ: если не убежеть его, то всѣхъ насъ разоритъ“. Порѣшивши такъ, они послали сказать Игорю: „Зачѣмъ идешь опять? Вѣдь ты взять вею дань“? Но Игорь не послушался ихъ. Тогда Древляне, вышедши изъ города Коростеня, убили Игоря и всѣхъ бывшихъ съ нимъ“. Такъ, по преданію, погибъ Игорь²⁾.

Разсмотрѣвъ занесенныя въ лѣтописи преданія объ Игорѣ, мы видимъ, что преемникъ Олега представленъ въ нихъ княземъ недѣятельнымъ, вождемъ неостважимымъ. Онъ не ходитъ за данью къ прежде подчиненнымъ уже племенамъ, не покоряетъ новыхъ дружина его бѣдна и робка, подобно ему: съ большими силами, безъ боя, возвращаются они назадъ изъ Греческаго похода, потому что не увѣрены въ своемъ мужествѣ и боятся бури. Но къ этимъ чертамъ Игорева характера въ преданіи прибавлена еще другая — корыстолюбіе, недостойное, по

¹⁾ За годъ только Игорь возвратился изъ греческаго похода, взявши съ Грековъ золото и лаволоки и на вся во я, а между тѣмъ дружинники его жалуются, что они наги. Или распредѣленіе событий по годамъ въ лѣтописца невѣрно, или описаніе похода и его слѣдствій невѣрно, а можетъ-быть и то, и другое.

²⁾ Византіецъ Левъ Діакопъ говоритъ, что Древляне, привязавъ Игоря къ двумъ деревьямъ, разорвали его.

тогдашнимъ понятіямъ, хорошаго вождя дружины, который дѣлалъ все съ нѣю, а Игорь, отпустивъ дружину домой, остался почти одинъ у Древлянъ, чтобы взятою еще данью не дѣлаться съ дружиною. Здѣсь также объясненіе, почему и первый походъ на Грековъ былъ предпринятъ съ малымъ войскомъ, да и во второмъ не все племена участвовали.

Мы читали въ преданіи, что дружина Игорева указывала на свою бѣдность и на богатство отроковъ Свѣнелдовыхъ; есть извѣстія, объясняющія намъ причину этого богатства: восвода Свѣнелдъ взялъ на себя обязанность князя ходить за данью къ племенамъ и воевать съ тѣми, которыя не хотѣли платить ея. Такъ Свѣнелдъ кончилъ дѣло, лачатое Олегомъ; ему удалось примучить Угличей; Игорь обложилъ ихъ данью въ пользу Свѣнелда. Война съ Угличами была не легка: подъ городомъ ихъ, Пересѣсномъ, Свѣнелдъ стоялъ три года, и едва взялъ его ¹⁾. Но въ то время, какъ Свѣнелдъ продолжалъ дѣло Олегово, примучивалъ племена на берегахъ Днѣпра, нѣкоторые отряды Руссовъ, по византійскимъ извѣстіямъ, бились подъ императорскими знаменами въ Италиі ²⁾, а другіе, по восточнымъ преданіямъ, пустошили берега Каспійскаго моря ³⁾. Въ 913 или 914 году 500 русскихъ судовъ, изъ которыхъ на каждомъ было по сту человѣкъ, вошли въ устье Дона, и, приплывъ къ козарской стражѣ, послали къ кагану съ просьбою о пропускѣ черезъ его владѣнія на Волгу и въ море, обѣщая ему за это половину добычи, какую они возьмутъ съ народовъ прикаспійскихъ. Получивъ позволеніе, они поплыли вверхъ по Дону, потомъ переволокли суда свои на Волгу, устьемъ ея вышли въ Каспійское море и начали опустошать западные его берега отъ самой области Азербайжанской, били мужчинъ, уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, грабили богатства. Частыя битвы съ жителями не причиняли имъ большого вреда: опустошивши берега, они обыкновенно искали убѣжища на островахъ. Наконецъ жители собрали силы и, сѣвъ на лодки и купеческія суда, отправились къ этимъ островамъ, но Руссы поразили ихъ. Проживъ много мѣсяцевъ на морѣ, награбивъ довольно добычи и плѣнницъ, Руссы отправились обратно къ устью Волги и отсюда послали къ царю Козарскому условленную часть добычи. По мусульмане, составлявшіе гвардію кагана, и другіе, жившіе въ

его стражѣ, обратились къ нему съ просьбою: „Позволь намъ, говорили они, раздѣлаться съ этимъ народомъ; онъ вторгся въ землю братьевъ нашихъ — мусульманъ, проливалъ кровь ихъ, поплѣнилъ ихъ женъ и дѣтей“. Каганъ не въ силахъ былъ удержать ихъ, онъ могъ только извѣстить Русскихъ о враждебныхъ замыслахъ мусульманъ. Послѣдніе отправились въ походъ вмѣстѣ со многими христианами, — жителями Итиля; у нихъ было 15,000 войска; Руссы вышли изъ лодокъ къ нимъ на встрѣчу. Вой продолжался три дня сряду; наконецъ мусульмане побѣдили; изъ Руссовъ одинъ былъ побитъ, другіе потонули, часть была пестрелена Бургасами (Мордвою) и Болгарами Волжскими. — Подъ 943 или 944 годовъ у восточныхъ писателей находимъ извѣстіе о другомъ походѣ Руссовъ: на этотъ разъ они поднялись вверхъ по рѣкѣ Куръ и внезапно явились передъ Бердаа, столицей Аррана, или нынѣшняго Карабага. Бердаа, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ прикавказскихъ, принадлежалъ Армянамъ еще въ V вѣкѣ, былъ возобновленъ Арабами въ 704 году, а въ X вѣкѣ считался однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ Халифата. Градоначальникъ Бердаа выступилъ противъ Руссовъ и былъ разбитъ ими. Вступивъ въ Бердаа, Руссы объявили, что жизнь гражданъ будетъ пощажена, и вели себя умѣренно. Войска мусульманскія собрались опять и вторично были разбиты. Во время сраженія чернь Бердаа, вышедши изъ города, стала бросать въ Руссовъ камнями и ругать ихъ сильно. Послѣ такого поступка, разсерженные Руссы объявили, чтобы въ теченіи недѣли все жители Бердаа вышли изъ города; но такъ какъ многіе остались послѣ срока, то Руссы часть ихъ перебили, часть взяли въ плѣнъ и, собравши самыхъ богатыхъ въ мечеть, объявили, что тѣ, которые не выкупятъ себя, будутъ преданы смерти. Когда тѣ не хотѣли заплатить по двадцати драхмъ, то обѣщаніе и было исполнено. Потомъ Руссы разграбили городъ, взяли въ рабство женъ и дѣтей, разбили еще разъ тридцатитысячный мусульманскій отрядъ и сдѣлали набѣгъ на окрестности Мераги (недалеко отъ Тебриза). Но излишнее употребленіе плодовъ въ Бердаа произвело заразительную болѣзнь между Руссами, отъ которой погибло большое ихъ число. Наконецъ, правителю Азербайджана, Мерзсбану, удалось побѣдить Руссовъ хитростью, заманивъ ихъ въ засаду, и остатокъ ихъ осадить въ крѣпости Бердаа, Шегристанѣ. Ослабленные болѣзнями, Руссы ночью вышли изъ крѣпости, достигли береговъ Куры, сѣли на суда и отправились назадъ. Враги не смѣли ихъ преслѣдовать. — Если примемъ извѣстія о давнемъ пребываніи части Руссовъ на берегахъ Чернаго и Азоскаго морей, то очень легко можемъ приписать имъ и означенные походы; сильныя пораженія, претерпѣнныя ими въ это время, объяснятъ намъ ихъ исчезновеніе или, лучше сказать, ихъ подчиненіе князьямъ Кіевскимъ.

¹⁾ Никон. 1, 41.

²⁾ Мешог. popul t II, p. 973.

³⁾ См. статьи Григорьевъ — о древнихъ походахъ Руссовъ на Востокъ (Журн. Мин. Народ. Просв. 1853, 5). — Также статьи Куника въ Bulletin de l'Acad. de Pétersb.: sur la première expédition Caspienne des Russes Normands en 914, d'après la chronique inédite de l'Arménien Mosé Saghancatovatsi. — Sur l'expédition des Russes Normands en 944 vers les pays situés aux bords de la mer Caspienne d'après Nizâmi, Ibn-ab-Atthir et Ainy.

Г л а в а VI.

Правленіе Ольги. — Местъ Древлѣнамъ. — Значеніе преданія объ этой мести. — Характеръ Ольги въ преданіи. — Ея уставы. — Принятіе христіанства Ольгою. — Характеръ сына ея Святослава. — Его походы на Вятичей и Козаровъ. — Святославъ въ Дунайской Болгаріи. — Печенѣги подъ Кіевомъ. — Смерть Ольги. — Распоряженіе Святослава относительно славянской. — Возвращеніе его въ Болгарію. — Война съ Греками. — Смерть Святослава. — Характеръ его въ преданіи — Усобица между славянами Святослава. — Владиміръ въ Кіевѣ. — Усиленіе язычества. — Буйство Варяговъ; уходъ ихъ въ Грецію.

(946 — 980.)

Древляне должны были ожидать мести отъ родныхъ Игоря, отъ Руси изъ Кіева. Игорь оставилъ сына-младенца, Святослава, да жену Ольгу¹⁾. Воспитателемъ (кормильцемъ) Святослава былъ Асмудъ, воеводою — знаменитый Свѣнелдъ. Ольга не дождалась совершеннотѣтія сына и отомстила сама Древлѣнамъ, какъ требовалъ законъ. Народное преданіе, запсненное въ лѣтописи, такъ говоритъ о мести Ольгиной. Убивъ Игоря, Древлѣне стали думать: „Вотъ мы убили Русскаго князя; возьмемъ теперь жену его Ольгу за нашего князя Мала, а съ сыномъ его, Святославомъ, сдѣлаемъ, что хотимъ“. Порѣшивши такимъ образомъ, Древлѣне послали двадцать лучшихъ мужей своихъ къ Ольгѣ въ лодкѣ²⁾. Узнавъ, что пришли Древлѣне, Ольга повзвала ихъ къ себѣ и спросила, зачѣмъ они пришли. Послы отвѣчали: „Послала насъ Древлѣнская Земля сказать тебѣ: мужа твоего мы убили, потому что онъ грабилъ насъ, какъ волкъ, а наши князья добры, распасли Древлѣнскую Землю; что бы тебѣ пойти замужъ за нашего князя Мала?“ Ольга сказала имъ на это: „Кѣба мнѣ ваша рѣчь; вѣдь въ самомъ дѣлѣ мнѣ мужа своего не воскресить! Но мнѣ хочется почтить васъ завтра предъ своими людьми; теперь вы ступайте назадъ въ свою лодку и разлягтесь тамъ съ важностью; а какъ завтра утромъ я пришлю за вами, то вы скажете посланнымъ: не ѣдемъ на коняхъ, ни на возахъ и пѣшкомъ не идемъ, несите насъ въ лодкѣ! Они васъ и понесутъ“. Когда Древлѣне ушли назадъ въ свою лодку, то Ольга велѣла на загородномъ теремномъ дворѣ выкопать большую, глубокую яму и на другое утро послала за гостями, велѣвъ сказать имъ: „Ольга зоветъ васъ на великую честь“. Древлѣне отвѣчали: „Не ѣдемъ ни на коняхъ, ни на возахъ и пѣшкомъ не идемъ, несите насъ въ лодкѣ!“ Кіевляне сказали на это: „Мы люди небольшие; князь нашъ убить, а княгиня наша хочетъ замужъ за вашего князя“, — и понесли ихъ въ лодкѣ, а Древлѣне, сядя, важ-

ничали³⁾. Когда принесли ихъ на теремный дворъ, то бросили въ яму, какъ есть въ лодкѣ. Ольга нагнулась къ нимъ и спросила: „Довольны ли вы честно?“ Древлѣне отвѣчали: „Охъ, хуже намъ Игоревой смерти!“ Княгиня велѣла засыпать ихъ живыхъ, и засыпала. Послѣ этого Ольга послала сказать Древлѣнамъ: „Если вы въ самомъ дѣлѣ меня просите къ себѣ, то пришлите мужей нарочитыхъ, чтобы мнѣ придти къ вамъ съ великою честью, а то пожалуй Кіевляне меня и не пустятъ“. Древлѣне выбрали лучшихъ мужей, державшихъ ихъ Землю, и послали въ Кіевъ. По пріѣздѣ новыхъ пословъ, Ольга велѣла вытопить баню, и когда Древлѣне вошли туда и начали мыться, то двери за ними заперли и зажгли избу: послы сгорѣли. Тогда Ольга послала сказать Древлѣнамъ: „Я уже на дорогѣ къ вамъ, наварите побольше медовъ въ городѣ, гдѣ убили мужа моего, я заплачу надъ его могилою и отпраздную тризну“. Древлѣне послушались, свезли много меду и заварили. Ольга съ небольшою дружиною, налегкѣ, пришла къ Игоревой могилѣ, заплакала надъ нею и велѣла своимъ людямъ насыпать высокой курганъ, а когда насыпали, то велѣла праздновать тризну“. Древлѣне сѣли пить, а Ольга велѣла отрокамъ своимъ служить имъ. Когда Древлѣне спросили Ольгу: „А гдѣ же наша дружина, что посылали за тобою?“ то она отвѣчала: „Идуть за мной вмѣстѣ съ дружиною мужа моего“. Когда Древлѣне опьянѣли, то Ольга велѣла отрокамъ своимъ пить за ихъ здоровье⁴⁾, а сама отошла прочь и приказала дружинѣ сѣчь Древлѣнъ. Перебили ихъ 5,000. Ольга возвратилась

³⁾ Они же сѣдяху въ перег-бѣхъ въ великихъ сугубахъ гордящеся. — Каримзичъ (I, примѣч. 370). «Перег-бани назывались, кажется, пѣкаторыя особенныя лодки. Сугуби могутъ значить кривлянье». — Но въ лѣтописи нѣсколько разъ повторено, что Древлѣне пріѣхали въ одной лодкѣ. Что сугубъ можетъ значить кривлянье, нельзя заключить ни изъ чего. Гораздо скорѣе оба слова могутъ означать одежду отъ перег и бан и стегиваю.

⁴⁾ На стр. 71 перваго тома Полн. Собр. Рус. Лѣт. читаемъ: «Единою же пльщю Ростиславу съ дружиною своею, рече Котонакъ: «Княже! хочу на тя пити». Слѣдовательно, пить на кого-нибудь значить пить за чье-нибудь здоровье, и слѣдовательно приказаніе Ольги отрокамъ пить за здоровье Древлѣнъ, которыхъ готовились умертвить, означало также насмѣлку.

¹⁾ Изъ преданій о происхожденіи Ольги можно принять за вѣрное только одно, что она была родомъ изъ сѣверныхъ областей. Это обстоятельство оныя указываетъ намъ на тѣсную связь сѣвера съ югомъ при первыхъ князьяхъ.

²⁾ Коростень, или Искорость, мѣстечко на рѣкѣ Уши; Ушь впадаетъ въ Днѣпръ у Черныбыля.

въ Кіевъ и начала пристраивать войско на остальныхъ Древлянъ.

На слѣдующій годъ Ольга собрала большое и храброе войско, взяла съ собою сына Святослава и пошла на Древлянскую Землю. Древляне вышли навстрѣчу. Когда оба войска сошлись, то Святославъ сунулъ копьемъ въ Древлянъ, копье пролетѣло между ушей коня и ударило ему въ ноги, потому что князь былъ еще ребенокъ. Свѣнелъдъ и Асмудъ сказали тогда: „Блязъ уже началъ; потянемъ, дружина, за княземъ!“ Древляне были побѣждены, побѣжали и затворились по городамъ. Ольга съ сыномъ пошла на городъ Искоростень, потому что здѣсь убили мужа ея, и обступила городъ. Коростенцы бились крѣпко, зная, что они убили князя, и потому не будутъ имъ милости, когда сдадутся. Цѣлое лѣто простояла Ольга подъ городомъ и не могла взять его; тогда она придумала вотъ что сдѣлать: послала сказать въ Коростень: „Изъ чего вы сидите? Всѣ ваши города сдались мнѣ, взялись платить дань и спокойно теперь обрабатываютъ свои поля; а вы одни хотите лучше помереть голодомъ, чѣмъ согласиться на дань.“ Древляне отвѣчали: „Мы рады были бы платить дань, но вѣдь ты хочешь мстить за мужа?“ Ольга велѣла имъ сказать на это: „Я уже отомстила за мужа не разъ, въ Кіевѣ, и здѣсь на тризніѣ, а теперь уже не хочу больше мстить, а хочу дань брать понемногу и, помирившись съ вами, пойду прочь“. Древляне спросили: „Чего же ты хочешь отъ насъ? ради давать медомъ и мѣхами“. Ольга отвѣчала: „Теперь у васъ нѣтъ ни меду, ни мѣховъ, и потому требую отъ васъ немного: дайте мнѣ отъ двора по три голубя да по три воробья; я не хочу накладывать на васъ тяжелой дани, какъ дѣлать мой мужъ, а прошу съ васъ мало, потому что вы изнемогли въ осадѣ“. Древляне обрадовались, собрали отъ двора по три голубя и послали ихъ къ Ольгѣ съ поклономъ. Ольга велѣла имъ сказать: „Вы уже покорились мнѣ и моему дитяти, такъ ступайте въ свой городъ; а я завтра отступлю отъ него и пойду назадъ къ себѣ домой“. Древляне охотно пошли въ городъ, и всѣ жители его очень обрадовались, когда узнали Ольгино намѣреніе. Между тѣмъ Ольга раздала каждому изъ своихъ ратныхъ людей по голубю, другимъ по воробью и велѣла, завернувъ въ маленькія трипочки сѣру съ огнемъ, привязать къ каждой птицѣ и, какъ смеркнется, пустить ихъ на волю. Птицы, получивъ свободу, полетѣли въ свои гнѣзда, — голуби по голубятнямъ, воробьи подъ стрѣхи, и вдругъ загорѣлись гдѣ голубятни, гдѣ клѣткы, гдѣ вѣжи, гдѣ о д р и н ы ¹⁾, и не было ни одного двора, гдѣ бы не горѣло, а гасить было нельзя, потому что всѣ двory загорѣлись вдругъ. Жители, испуганные пожаромъ, побѣжали изъ города и были перехвачены воннами Ольги. Такимъ образомъ, го-

родъ былъ взятъ и выжженъ; старѣйшіе городскихъ Ольга взяла себѣ; изъ остальныхъ нѣкоторыхъ отдала въ рабы дружинѣ, другихъ оставила на мѣстѣ платить дань. Дань наложена была тяжелая: двѣ части ея шли въ Кіевъ, а третья въ Вышгородъ къ Ольгѣ, потому что Вышгородъ принадлежалъ ей ²⁾.

Таково преданіе объ Ольгиной мести. Оно драгоцѣнно для историка, потому что отражаетъ въ себѣ господствующія понятія времени, поставившія мечь за убійство близкаго человѣка священною обязанностию; видно, что и во времена составленія лѣтописи эти понятія не потеряли своей силы. При тогдашней неразвитости общественныхъ отношеній, мечь за родича была подвигомъ по преимуществу: вотъ почему разсказъ о такомъ подвигѣ возбуждалъ всеобщее, живое вниманіе, и потому такъ свѣжо и украшено сохранился въ памяти народной. Общество всегда, на какой бы ступени развитія оно ни стояло, питаетъ глубокое уваженіе къ обычаямъ, его охраняющимъ, и прославляетъ, какъ героевъ, тѣхъ людей, которые даютъ силу этимъ охранительнымъ обычаямъ. Въ нашемъ древнемъ обществѣ въ описываемую эпоху его развитія обычай мести былъ именно этимъ охранительнымъ обычаемъ, закрывавшимъ правосудіе; и тотъ, кто свято исполнялъ обязанность мести, являлся необходимомъ героемъ правды, и чѣмъ жесточе была мечь, тѣмъ больше удовлетворенія находило себѣ тогдашнее общество, тѣмъ больше прославляло мстителя, какъ достойнаго родича; а быть достойнымъ родичемъ

²⁾ Здѣсь въ первый разъ встрѣчаемъ извѣстіе объ обычай давать княгинямъ въ посмертное владѣніе города, — обычай, употребительный послѣ. Какъ видно, былъ обычай также, что дань (или нѣкоторая ея часть) съ покореннаго племени шла тому князю или тому мужу княжекому, который вложилъ ее: такъ извѣстно, что Угличъ платилъ дань въ пользу Свѣнелъда, пхъ примучиваемаго. Ольга, принимавшая такое сильное участіе въ окончательномъ покореніи Древлянъ, имѣла полное право и на дань древлянскую, а если удовлетворялась третьею частью, такъ потому, что распорядилась именьемъ своего малолѣтняго сына. Далѣе насъ останавливаютъ выраженіи: «двѣ части дани идетъ Кіеву, а третья Вышгороду къ Ольгѣ». Для чего вмѣсто лишь мѣста? почему не князю Святославу, княгинѣ Ольгѣ? — Естественно употребить имя стольнаго города вмѣсто имени князя, ибо князья мѣняются, столицы же остаются, слѣдовательно именами ихъ гораздо удобнѣе выразить извѣстную, постоянную подчиненность, извѣстная постоянныя отношенія; такъ послѣ, напримѣръ, сказано, что вѣдъ посадники повгородскѣ платили ежегодно извѣстную сумму денегъ въ Кіевъ, то-есть великимъ князьямъ Киевскимъ. Но въ разбираемомъ мѣстѣ показывается отношеніе не постоянное, а временное, условное личностью Ольги, и, несмотря на то, дань шла въ Вышгородъ, хотя извѣстно, что Ольга жила въ Кіевѣ: такъ послѣ, во время намѣстствія Печенѣговъ, мы видимъ ее въ томъ городѣ съ внуками; слѣдовательно, должно предположить, что казна Ольги хранилась въ Вышгородѣ. Какъ послѣ видно, что князья имѣютъ свои дворы въ разныхъ мѣстахъ, куда собираютъ много всякаго добра; такъ, вѣроятно, и въ Вышгородѣ у Ольги былъ подобный дворъ, куда собирались запасъ изъ мѣстъ, ей принадлежавшихъ; тамъ же должна была складываться и древлянская дань, а въ чемъ состояла эта дань, намъ извѣстно: въ мѣхахъ и медѣ

¹⁾ См. выше: описаніе жилищъ, въ главѣ о народномъ бытѣ.

значило тогда, въ переводѣ на наши понятія, быть образцовымъ гражданиномъ. Вотъ почему въ преданіи показывается, что мести Ольги была достойною местию. Ольга—мудрѣйшая изъ людей, прославляется именно за то, что умѣла избрѣсти достойную мести: она, говорить преданіе, подошла къ ямѣ, гдѣ лежали древлянскіе послы, и спросила ихъ: „Нравится ли вамъ честь“? Тѣ отвѣчали: „Охъ, нуде намъ Игоревой смерти“! Преданіе, согласно съ понятіями вѣхенн, заставляетъ Древлянъ оцѣшивать поступокъ Ольги: „Ты хорошо умѣешь мстить; наша смерть лютѣе Игоревой смерти“. Ольга не первая женщина, которая въ средневѣковыхъ преданіяхъ прославляется неутомимою мстительностью: это явленіе объясняется изъ характера женщины, равно какъ изъ значенія мести въ тогдашнемъ обществѣ; женщина отличается благочестіемъ въ религіозномъ и семейномъ смыслѣ; обязанность же мести за родного человѣка была тогда обязанностью религіозною, обязанностью благочестія.

Характеръ Ольги, какъ онъ является въ преданіи, важенъ для насъ и въ другихъ отношеніяхъ: не въ однихъ только именахъ находимъ сходство Ольги съ знаменитымъ пресмникомъ Рюрика, собрателемъ племянъ. Какъ Олегъ, такъ и Ольга отличаются въ преданіи мудростью по тогдашнимъ понятіямъ, т.-е. хитростью, ловкостью: Олегъ хитростью убиваетъ Аскольда и Дира, хитростью пугаетъ Грековъ, наконецъ перехитряетъ этого лукавѣйшій изъ народовъ; Ольга хитростью мститъ Древлянамъ, хитростью беретъ Коростень, наконецъ, въ Царьградѣ перехитряетъ ишкороствяка. Но не за одну эту хитрость Олегъ прослылъ вѣщимъ, Ольга—мудрѣйшую изъ людей: въ преданіи являются они также какъ нарядники, заботящіеся о строѣ земскомъ; Олегъ установилъ дань, строилъ города; Ольга объѣхала всю Землю, повсюду оставила слѣды своей хозяйственной распорядительности. Преданіе говоритъ, что, немедленно послѣ мести надъ Древлянами, Ольга съ сыномъ и дружиною пошла по ихъ Землѣ, устанавливая уставы и уроки; и а ста п о в и щ а с я и л о в и щ а, т.-е. на мѣста, гдѣ она останавливалась и охотилась, указывали еще во времена лѣтописца. Подъ именемъ у с т а в а должно разумѣть всякое опредѣленіе, какъ что-нибудь дѣлать¹⁾; подъ именемъ у р о к а—всякую обязанность, которую должны выполнять къ опредѣлен-

ному сроку, будетъ ли то уплата известной суммы денегъ, известнаго количества какихъ-нибудь вещей, или какая-нибудь работа. Послѣ распорядженій въ Землѣ Древлянской, Ольга пошла на сѣверъ, къ Новгороду, по рѣкѣ Метѣ установила погосты и дани, по рѣкѣ Лугѣ—броки и дани; ловища ея, говорить лѣтописецъ, находится по всей Землѣ, всудѣ встрѣчаются слѣды ея пребыванія²⁾, мѣста, которыя отъ нея получили свое имя, погосты, ея учрежденные; такъ во времена лѣтописца показывали ея сани во Псковѣ, по Дибру и Деснѣ—п е р е в ѣ ш а, село ея О л ь ж и ч и существовало также во времена лѣтописца. Мы знаемъ, что Русскіе князья въ ноябрь мѣсяцѣ отправлялись съ дружиною къ подчиненнымъ племенамъ на п о л ю д е, и проводили у нихъ зиму: обязанность племенъ содержать князя и дружину во время полюдья называлась, кажется, о б р о к о м ѣ. Обычай полюдья сохранился и послѣ: при тогдашнемъ состояніи общества это было для князя единственныи способъ исполнять свои обязанности относительно народонаселенія, именно судъ и расправу; разумѣется, что для этого князь не могъ останавливаться при каждомъ жилищѣ; онъ останавливался въ какомъ-нибудь удобномъ для себя мѣстѣ, куда окружное народонаселеніе и позывалось къ нему для своихъ надобностей. Естественно, что для большого удобства эти мѣста княжеской стоянки, го щ е н і я, эти погосты могли быть опредѣлены навсегда, могли быть построены небольшие дворы, гдѣ могли быть оставлены княжескіе приказчики (тѣны), и такимъ образомъ эти погосты могли легко получить значеніе небольшихъ правительственныхъ центровъ и передать свое имя округамъ; впоследствии здѣсь могли быть построены церкви, около церкви собиравлись торги и т. д. Хотя лѣтописецъ упоминаетъ о распорядженіяхъ Ольги только въ Землѣ Древлянской и въ отдаленныхъ предѣлахъ Новгородской области, однако, какъ видно, путешествіе ея съ хозяйственною, распорядительною цѣлью обнимало всѣ тогдашнія русскія владѣнія: по всей Землѣ оставила она слѣды свои, повсюду видѣлись учрежденные ею погосты³⁾.

²⁾ Такъ, по смыслу извѣстія, перевожу я слово: *знаменія*.

³⁾ Полп. Собр. Р. Лѣт. I, 25: Иде Вольга Новгороду и уставы по Метѣ погосты (погосты) и дани, и по Лугѣ броки и дани; ловища ея суть по всей землѣ; знаменія и мѣста, и погосты, и сани ея стоятъ въ Псковѣ и до сего дие, и по Дибру перевѣшиа, и по Деснѣ, и сѣе село ея Ольжичи и досѣль. Слово: погосты читается только въ Лаврентьевскомъ спискѣ; въ остальныхъ—погосты. Есть еще другой вариантъ: въ Архангел. спискѣ вмѣсто по Метѣ читается по мосты и погосты. Эверсъ (Recht der Rus. 62) даетъ предпочтеніе послѣднему чтенію: «Въ высочайшей степеніи нецѣлостно, говорить онъ, чтобы великая княгиня предвдиряла означенія учрежденія по Лугѣ, такъ дилко на сѣверѣ, и потому принимаетъ по «Л у в ѣ» за позднѣйшее прибавленіе. Отдѣлившись такимъ образомъ отъ Л у г и, Эверсъ обращается къ Метѣ и спрашиваетъ, почему именно брета этой рѣки должествовали быть одии предметомъ законодательныхъ заботъ Ольги; почему той же чести во

¹⁾ Эверсъ (Recht der Rus., стр. 59) думаетъ, что подъ именемъ уставовъ разумѣются здѣсь вообще всѣ учрежденія, предпріятыя Ольгою въ Землѣ Древлянской, гдѣ, по отведеніи старинны въ лѣтнц, по уничтоженіи слѣдовательно всѣхъ прежнихъ отношеній, нужно было установить совершенно новый порядокъ вещей, дать новый уставъ—какъ жить, какъ дѣлать.—Но здѣсь должно замѣтить, что значеніе Ольги постигло собственно одинъ Ишкороствень, тогда какъ у Древлянъ были другіе города, предавшіеся добровольно и петропугые Ольгою: «Посла ко граду (Ольга) глаголюше: что хочете досѣдѣти? а всѣ гряди наши предашася хѣи, и явися по дань, и дѣлають ныи своя и всеми своя».—Итакъ, слова Эверса могутъ относиться только къ Ишкороственю, но не къ цѣлой Древлянской Землѣ.

Какъ женщина, Ольга была способна ко внутреннему порядку, хозяйственной дѣятельности; какъ женщина, она была способна къ принятію христіанства. Въ 955 году, по счету лѣтописца, вѣрнѣе въ 957 ¹⁾, отправилась Ольга въ Константинополь и крестилась тамъ, при императорахъ Константинѣ Багрянородномъ и Романѣ и патриархѣ Поліевктѣ. При описаніи этого событія лѣтописецъ основывается на томъ преданіи, въ которомъ ха-

рактеръ Ольги остается до конца одинакимъ: и въ Константинополь, во дворцѣ императорскомъ, какъ подъ стѣнами Коростена, Ольга отличалась ловкостью, находчивостью, хитростью; перехитряетъ императора, какъ прежде перехитрила Древлянъ. Императоръ, говоритъ преданіе, предложилъ Ольгѣ свою руку; та не отклонила, но прежде требовала, чтобы онъ былъ ея восприемникомъ: императоръ согласился; но когда, послѣ таинства, повторилъ свое предложеніе, то Ольга напомнила ему, что, по христіанскому закону, восприемникъ не можетъ жениться на своей крестницѣ: „Ольга! ты меня перехитрила!“ воскликнулъ изумленный императоръ и отпустилъ ее съ богатыми дарами. Императоръ Константинъ Багрянородный ²⁾ оставилъ намъ описаніе пріемовъ, сдѣланныхъ Русскою княгинѣ при Византійскомъ дворцѣ; церемоніи, соблюденныя при этихъ пріемахъ, не могли польстить честолюбію Ольги: въ нихъ слишкомъ рѣзко давали чувствовать то разстояніе, которое существовало между особами императорскаго дома и Русскою княгинею; такъ напр. Ольгѣ давали мѣсто наряду съ знатными гречанками; она сама должна была выгораживаться изъ ихъ среды, привѣтствуя императрицу только легкимъ поклономъ, тогда какъ гречанки падали ницъ. Изъ этихъ извѣстій о пріемѣ Ольги мы узнаемъ, что съ нею былъ племянникъ, знатныя женщины, служанки, послы, гости, переводчики и священникъ: вычислены и подарки, полученные Ольгою и ея спутниками: одинъ разъ подарилъ ей съ небольшою суммою, въ другой — около двадцати ³⁾ червонцевъ. Извѣстія о подаркахъ очень важны: они могутъ показать намъ, какъ мы должны понимать лѣтописныя извѣстія, гдѣ говорится о многихъ дарахъ, о множествѣ золота, серебра и проч.

удостоились берега другихъ рѣкъ, наиримѣръ Ловати и Великой? — Но, вопервыхъ, нельзя выбрасывать такъ легко цѣлыя извѣстія изъ лѣтописи, какъ выбросилъ Эверезъ о Лугѣ, потому только, что оно затрудняло; лучше списки изъять: по Мстѣ и Лугѣ, и нельзя найти причины, почему бы это извѣстіе оставлено было повсюду; следовательно историку остается только объяснить, почему распоряженіи Ольги коснулись береговъ этихъ двухъ рѣкъ? Взглянувши на карту, мы видимъ, что Луга съ своимъ берегомъ составляетъ крайнее владѣніе Новгородской области на сѣверо-западѣ, а Мста въ противоположную сторону, на сѣверо-востокъ; вспоминаемъ, что верховье Мсты и сдѣлающій за нѣмъ волокъ, отдѣлявшій Озерную область отъ области Верхней Волги, былъ по этому самому границею Новгородской и Ростовской областей, предѣломъ Новгородскихъ владѣній; вспоминаемъ, что дѣятельность первыхъ князей до Ольги должна была касаться преимущественно великаго восточнаго пути изъ Варягъ въ Греки; до странъ, лежащихъ къ западу и востоку, она мало могла касаться. Олгѣ установилъ дани на сѣверѣ у Славянъ, Кривичей и Мери; но, вѣроятно, эти дани удобно обратились только съ народонаселеніемъ, живущаго близъ великаго пути, которое, такъ-сказать, находилось подъ руками у Руси; народонаселеніе же дальнѣйшихъ странъ къ востоку и западу могло пользоваться большею независимостью и отбывать отъ дани, и здѣсь, следовательно, нужно было сдѣлать для нея точнѣйшія опредѣленія. Наконецъ, можетъ быть и то, что эти мѣста при низовьяхъ Луги и при верховьи Мсты были недавно заняты Русскими изъ Новгорода и потому требовали урженія. — Изъ извѣстій объ Ольгиныхъ учрежденіяхъ на сѣверѣ останавливается насъ также вариантъ — погосты и повозы, очень легко могущій произойти: полустертая буква *o* образуетъ легко, и пѣсковою замаранное *z* легко можетъ показаться за *o*. Монахъ Лаврентій самъ признается, что ему трудно было разбирать рукопись, съ которой онъ списывалъ, потому что книги были вѣтшаны; сокращеніе повозы прямо указываетъ на то, что это слово иссочерчено изъ погосты; другое дѣло, если бы было повозы: повозомъ называлась обыкновенно подчиненныхъ племенъ доставлять дань или оброкъ въ назначенное отъ князя мѣсто; такъ читается у лѣтописца о Радимичахъ: «и платитъ дань Руси, повозъ везуть и до сего дне». Но это слово, очень легко объясняется въ первой половинѣ извѣстія: у ста ви по Мстѣ повозы и дань, остается безъ смысла во второй половинѣ — «ловима ея сугъ по всей землѣ, знаменье и мѣста и повозы». Итакъ остается принять: погосты. Къ извѣстіямъ объ Ольгиныхъ установкахъ относится также слѣдующее, найденное только въ свѣдѣ лѣтописей Татищева (II, 45, 329): «Тогда же открыли книжее, и уложила брать отъ жениха по черпѣ кунѣ какъ князю такъ боярину, отъ его подданцаго». Обыкновенно объясняютъ княжее чрезъ *ius primae noctis*. Противъ этого объясненія возражаютъ, что подобный обычай не согласовался съ нѣзвѣтными понятіями славянскихъ племенъ. — Но здѣсь прежде всего нужно обратить вниманіе на то, надѣ какъ имѣется это право? надъ народонаселеніемъ княжескихъ и боярскихъ земель, — народонаселеніемъ, составленнымъ изъ восприемчивыхъ или купленныхъ рабовъ: могли ли славянскія возрѣвѣ дѣйствовать на отношенія этого народонаселенія?

¹⁾ Истор. Хрест., арх. Макара, стр. 312.

²⁾ Мемор. popul. II, 986—979.

³⁾ Карамз. I, примѣч. 380.

трѣть чуда образованнаго міра; сколько дивныхъ разказовъ приносили къ своимъ очагамъ бивальцы въ Византіи! Какъ вълѣдствіе этого возвышался тотъ, кто былъ въ Константинополѣ, и какъ у другихъ разгоралось желаніе побывать тамъ! Послѣ этого странно было бы, чтобы Ольга, которая считалась мудрѣйшею изъ людей, не захотѣла побывать въ Византіи. Она отправляется туда. Что же прежде всего должно было обратить ея вниманіе? Разуздается то, что всего рѣзче отличало Грековъ отъ Руси, — религія; извѣстно, что Греки обыкновенно сами обращали вниманіе варварскихъ князей и пословъ на свою религію, показывали имъ храмы, священные сокровища; разуздается, при этомъ основныя догматы вѣры были объясняемы искусными толковниками. Если много пять мужчинъ, воиновъ русскихъ, принимали христіанство въ Греціи, то нѣтъ ничего удивительнаго, что обратилась къ нему Ольга, воиновъ, какъ женщина, въ характерѣ которой было къ тому женѣ прелестнѣйшій, чѣмъ въ характерѣ князей-воиновъ; воиновъ, какъ мудрѣйшая изъ людей, могла, слѣдовательно, яснѣе другихъ понять превосходство греческой вѣры предъ русскою. Но, кромѣ этого, трудно отвергать, что Ольга была уже въ Кіевѣ знакома съ христіанствомъ и предубѣждена въ его пользу: это предубѣжденіе въ пользу христіанства могло сильно содѣйствовать къ принятію его въ Царѣ-градѣ; но отъ предубѣжденія въ пользу до рѣшительнаго шага еще далеко. Есть извѣстіе¹⁾, что Ольга еще въ Кіевѣ была расположена къ христіанству, видя добродѣтельную жизнь пеновѣдниковъ этой религіи, даже вошла съ ними въ тѣсную связь и хотѣла креститься въ Кіевѣ, но не исполнила своего намѣренія, боясь язычниковъ. Принимая первую половину извѣстія, мы не можемъ допустить второй: опасность отъ язычниковъ не уменьшалась для Ольги и въ томъ случаѣ, когда она принимала крещеніе въ Константинополѣ; утратить обращеніе, по пріѣздѣ въ Кіевъ, было очень трудно, и притомъ Ольга, какъ видно, вовсе не хотѣла таиться: это было несомнѣнно ни съ ревностію новообращенной, ни съ характеромъ Ольги; не хотѣла она таиться и равнодушно смотрѣть, какъ сыръ ея, вся семья и весь народъ остаются въ язычествѣ, слѣдовательно лишаются вѣчнаго спасенія. Такъ, по возвращеніи въ Кіевъ, Ольга начала уговаривать сына Святослава къ принятію христіанства; но онъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ; впрочемъ, кто хотѣлъ креститься, тому не запрещали, а только смѣялись надъ нимъ. Въ этомъ извѣстіи мы находимъ прямое указаніе, что христіанство распространялось въ Кіевѣ, тогда какъ прежніе христіане изъ Варагговъ могли принимать греческую вѣру въ Константинополѣ. Надъ принимавшими христіанство начали смѣяться въ Кіевѣ; но на прежнихъ христіанъ при Игорѣ, какъ видно, не обращали вни-

манія; слѣдовательно хотя не было явнаго преслѣдованія, однако насмѣлки были уже началомъ преслѣдованія и знакомъ усиленія христіанства, чего обращеніе Ольги могло быть и причиною, и слѣдствіемъ; можно замѣтить, что новая религія начала принимать видное положеніе, обратила на себя вниманіе древней религіи, и это враждебное вниманіе выразилось насмѣлками. Борьба начиналась: славянское язычество, принятое и Руссами, могло противопоставить христіанству мало положительнаго, и потому должно было скоро преклониться предъ нимъ; но христіанство, само по себѣ, безъ отношенія къ славянскому язычеству, встрѣтило сильное сопротивленіе въ характерѣ сына Ольгина, который не могъ принять христіанства по своимъ наклонностямъ, а не по привязанности къ древней религіи. Ольга, по свидѣтельству лѣтописи, часто говорила ему: „Я узнала Бога и радуюсь; если и ты узнаешь Его, то также станешь радоваться“. Святославъ не слушался и отвѣчалъ на то: „Какъ мнѣ одному принять другой законъ? Дружина стаетъ надъ эгимъ смѣяться“. Ольга возражала: „Если ты крестишься, то и всѣ станутъ то же дѣлать“. Святославу нечего было отвѣчать на это; не насмѣшекъ дружини боялся онъ, но собственный характеръ его противился принятію христіанства. Онъ не послушался матери, говорилъ лѣтописецъ, и жилъ по обычаю языческому (творилъ поровы поганскіе). Эта самая невозможность отвѣчать на возраженіе матери должна была раздражать Святослава, о чемъ свидѣтельствуемъ и лѣтописецъ, говоря, что онъ сердился на мать. Ольга даже ожидала болышихъ опасностей со стороны язычниковъ, что видно изъ ея словъ патриарху: „Народъ и сынъ мой въ язычествѣ: дай мнѣ Богъ уберечься отъ всякаго зла!“

Мы видѣли, что преданіе провозжасть Ольгу въ Константинополъ и заставляеть мудрѣйшую изъ всѣхъ людей русскихъ пережить Грека: тогда не знали лучшаго доказательства мудрости. Преданіе провозжасть мудрую княгиню и домой, въ Кіевъ, заставляеть ее и здѣсь послышать греческаго императора, охотника до даровъ и всеногательнаго войска, и отнять ему за то униженіе, которому подвергались Руссы въ Константинопольской гавани и которое, какъ видно, лежало у нихъ на душѣ. Мы знаемъ изъ Игоревъ договора, что Греки, опасаясь буйства Русскихъ и воинскихъ хитростей съ ихъ стороны, выговорили себѣ право не выпускать ихъ въ городъ до тѣхъ поръ, пока въ точности не узнаютъ характера повозившихъ, имена которыхъ должны были найдти на княжескомъ листѣ; эти мѣры предосторожности, какъ видно, очень раздражали Русскихъ, и вотъ въ преданіи Ольга мститъ за нихъ императору. Когда Ольга, говоритъ лѣтописецъ, возвратилась въ Кіевъ, то царь греческій прислалъ сказать ей: „Я тебя много дарилъ, потому что ты говорила мнѣ: возвращусь на Русь, прислалъ тебѣ богатые дары — рабовъ, воску, мѣховъ, цинию и

¹⁾ Татищ. II, стр. 41; прим. 130.

войско на помощь". Ольга велѣла отвѣчать ему: „Когда ты столько же постоишь у меня на Почаиѣ, сколько я стояла у тебя съ галии Цареградской, тогда дамъ тебѣ обѣщанное 1)“.

Ольга воспитывала сына своего до возраста и мужества его, говоритъ лѣтописецъ. Когда князь Святославъ выросъ и возмужалъ, то началъ набирать воиновъ многихъ и храбрыхъ, ходя легко, какъ барсъ, много воевалъ. Идя въ походъ, возовъ за собой не возить, ни котловъ, потому что мяса не варилъ, но, избѣжавъ тонкими ломтями конину, или звѣрину, или говядину, пекъ на угольяхъ; шатра у него не было, а спалъ онъ на конскомъ потникѣ, положивши сѣдло подъ голову; такъ вели себя и въ его войны. Онъ посылалъ въ разныя стороны, къ разнымъ народамъ съ объявленіемъ: „Хочу на васъ идти?“ Начатныя слова преданія о Святославѣ показываютъ наборъ дружины, удалцовъ, которые, какъ обыкновенно тогда водилось, прослышавъ о храбрости вождѣ, стекались къ нему отовсюду за славою и добычею. Поэтому Святославъ совершалъ свои подвиги съ помощію одной своей дружины, а не соединенными силами вѣсѣхъ подвластныхъ Руси племенъ: и точно, при описаніи походовъ его, лѣтописецъ не вычисляетъ племенъ, принимавшихъ въ нихъ участіе. Святославъ набиралъ воиновъ многихъ и храбрыхъ, которые были во всемъ на него похожи: такъ можно сказать объ отборной дуржицѣ, а не о войскѣ многочисленномъ, составленномъ изъ разныхъ племенъ. Самый способъ веденія войны показываетъ, что она велась съ небольшою отборною дружиною, которая позволяла Святославу обходиться безъ обозу и дѣлать быстрые переходы: онъ воевалъ, ходя легко, какъ барсъ, т.-е. дѣлалъ необыкновенно быстрые переходы, прыжками, такъ сказать, подобно названному звѣрю.

При князьяхъ, предшественникахъ Святослава, не было тронута одно только славянское племя на востокъ отъ Дѣбъра: то были Вятичи. Съ нихъ-то и началъ Святославъ свои походы. Узнавъ, что это племя платило дань Козарамъ, Святославъ бросился на послѣднихъ, одолѣлъ ихъ кагана, взялъ его главный городъ на Доцу, Вѣдую Вѣжу; потомъ

побѣдилъ Ясовъ и Касоговъ, жителей Прикавказья. Къ 968 году относятся восточные писатели походы Руссовъ на Волжскихъ Болгаръ, разграбленіе главнаго города ихъ (Болгарь), который былъ складкою товаровъ, привозимыхъ изъ окрестныхъ странъ; потомъ Русь, внизъ по Волгѣ, спустилась до Казерана 2), разграбила и этотъ городъ, равно какъ Итль и Семендеръ 3). Все это согласно съ русскимъ преданіемъ о походѣ Святослава на Волгу и битвахъ его съ Козарамъ, Ясами и Касогами 4). Такъ отомстилъ Святославъ приволжскому народу оселенію за недавнія пораженія Руссовъ. Но вѣсѣмъ вѣроятностямъ, ко времени этихъ походовъ Святослава относятся подчиненіе Тмутаракани 5) Русскому князю. На возвратномъ пути съ востока, Святославъ, говоритъ лѣтописецъ, побѣдилъ Вятичей и наложилъ на нихъ дань. Съ этого времени начинаются подвиги Святослава, мало имѣющіе отношенія къ нашей исторіи. Греческій императоръ Никифоръ, угрожаемый войною съ двухъ сторонъ, и со стороны Арабовъ, и со стороны Болгаръ, рѣшился, по обычаю, вооружить противъ варваровъ другихъ варваровъ: послать патриція Калокира къ Русскому князю нанять его за 15 кентинарій золота 6) и привести воевать Болгарію. Калокиръ, говоритъ греческій историкъ 7), подружился съ Святославомъ, прельстивъ его подарками и обѣщаніями: уговорилъ — Святославу завоевать Болгарію, оставить ее за собою и помогать Калокиру въ достиженіи императорскаго престола, за что Калокиръ обѣщалъ Святославу несметныя сокровища изъ императорской казны. Въ 967 году Святославъ съ своею дружиною отправился въ Болгарію, завоевалъ ее и остался жить тамъ въ Переяславцѣ на Дунаѣ; онъ княжилъ въ Переяславцѣ, говоритъ лѣтописецъ, а Русь оставалась безъ князя; въ Кіевѣ жила престарѣлая Ольга съ малолѣтними внуками, а подлѣ была степь, откуда безпрестанно можно было ожидать нападенія кочевыхъ варваровъ. И вотъ пришли Печенѣги; оборонить было некому; Ольга затворилась въ Кіевѣ со внуками. Безчисленное множество Печенѣговъ обступило городъ, нельзя было ни выйдти изъ него, ни вѣсти послать, и жители изнемогали отъ голода и жажды. На противоположной сторонѣ Дѣбъра, говоритъ преданіе, собрались ратные люди

1) Въ западныхъ лѣтописяхъ находимъ извѣстіе, что посла отъ Ольги, княгини Русской, крестившейся въ Константинополѣ, приходили къ императору Оттону I-му съ просьбою прислать епископа и пресвитеровъ для обращенія Руси; Оттонъ послалъ въ Русь епископа Адалберта, который однако былъ изгнанъ съ безчестіемъ (См. Шлецеръ. Истор. III, 469). Много было разныхъ толковъ и объясненій этому извѣстію; но дѣло ясно изъ самихъ словъ свидѣльства: «Legati Helenae, reginae Russorum, quae sub Romano, Imperatore Constantino Constantino poli baptizata est, fice, ut post eam venientes, episcopum et presbiteros eidem genti petebant.» — Послы бжанили, какъ посла оказалось; ясно, что они принадлежали къ числу такихъ Варяговъ, которые по нѣскольку разъ принимали крещеніе для того только, чтобы получить дары; на этотъ разъ, чтобы получить хорошій приемъ и дары отъ ревностнаго къ распространенію вѣры Оттона, они объявили себя послами Елены Русской и просили епископа и священниковъ для русскаго народа.

2) Motif de la ville d'Itil situee à l'Est du Volga. Char-mou. Relation de Masoudy etc. p. 323.

3) Семендеръ находился между Дербентомъ и Волгою, около нынешняго Тарху. Онъ не уступалъ обширности Итлю, окруженъ былъ плодовитыми садами и виноградниками. Въ самомъ городѣ находились мечети для мусульманъ, христіанскія церкви и синагоги Евреевъ. См. Мухам. Нумизмат. стр. LVII.

4) Въ преданіяхъ Атыкейцевъ есть слѣды извѣстія о походахъ Святослава на Ясовъ и Касоговъ. См. газету Кавказъ 1849 года.

5) Мѣсто этого княжества безспорно должно искать на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей, тамъ, гдѣ восточные писатели указываютъ древнее обиталище Руси.

6) Около 132,600 голландскихъ червонцевъ. См. Чертковъ — (описание войны великаго князя Святослава Игоревича, примѣч. 39.

7) Левъ Діаконъ, кн. V, стр. 77—81.

въ лодкахъ, но не смѣли напасть на Печенѣговъ, и не было сообщенія между ними и Кіевлянами. Тогда послѣдніе встужили и стали говорить: „Итъ ли кого, кто бы могъ пройти на ту сторону и сказать нашимъ, что если они завтра не упадутъ на Печенѣговъ, то мы сдадимся,“ и вотъ вызвался одинъ молодой человекъ: „Я“, сказалъ онъ, „пойду;“ „Иди!“ закричали ему всѣ. Молодой человекъ вышелъ изъ города съ уздою и, ходя между Печенѣгами, спрашивалъ: не видалъ ли кто его лошади. Онъ умѣлъ говорить по-печенѣжски и потому варвары приняли его за одного изъ своихъ. Когда онъ пошелъ къ рѣкѣ, то сбросилъ съ себя платье и поплылъ; Печенѣги догадались объ обманѣ, начали стрѣлять по нему, но не могли уже попасть,—онъ былъ далеко, и Русскіе съ той стороны выѣхали въ лодкѣ къ нему навстрѣчу и перевезли на другой берегъ. Онъ сказалъ имъ: „Если не подступите завтра къ городу, то люди хотятъ сдаться Печенѣгамъ“. Воевода, именемъ Претичъ, сказалъ на это: „Подступимъ завтра въ лодкахъ, какъ-нибудь захватимъ княгиню съ княжатами и умчимъ ихъ на эту сторону; а не то Святославъ погубитъ насъ, какъ воротится“. Всѣ согласились, и на другой день, на разсвѣтѣ, сѣдши въ лодки, громко затрубили; люди въ городѣ радостно откликнулись имъ. Печенѣги подумали, что князь пришелъ, отбѣжали отъ города, а тѣмъ временемъ Ольга со вюками успѣла сѣсть въ лодку и перѣѣхать на другой берегъ. Увидавъ это, Печенѣжскій князь возвратился одинъ къ воеводѣ Претичу и спросилъ у него: „Кто это пришелъ?“ Претичъ отвѣчалъ: „Люди съ той стороны“. Печенѣтъ опять спросилъ у Претича: „А ты князь ли?“ Воевода отвѣчалъ: „Я мужъ княжой, и пришелъ въ сторожахъ, а по мнѣ идетъ полкъ съ княземъ, безчисленное множество войска“. Онъ сказалъ это, чтобы пригрозить ему. Тогда князь Печенѣжскій сказалъ воеводѣ: „Будь мнѣ другомъ“. Тотъ согласился. Оба подали другъ другу руки и раздѣлялись подарками: князь Печенѣжскій подарилъ Претичу коня, саблю, стрѣлы; Претичъ отдалъ его бронею, щитомъ и мечемъ. Послѣ этого Печенѣги отступили отъ города, но стали не въ далекомъ разстояніи отъ него. Лѣтоисецъ говоритъ, что Русскимъ нельзя было коней панонъ: на Лыбеди стояли Печенѣги ¹⁾. Таково преданіе, внесенное въ лѣтоисецъ; такъ народная память передавала это событіе. Изъ характеристическихъ чертъ времени въ этомъ преданіи мы замѣтимъ описаніе подарковъ, которыми обмѣнялись Претичъ и князь Печенѣжскій; въ различіи оружія рѣзко выразилось различіе между Европою и Азіею, между европейскимъ и азіатскимъ вооруженіемъ: степной кочевникъ, всадникъ по преимуществу, даритъ коня и скинское оружіе — саблю, стрѣлы; воевода русской даритъ ему оружіе воина

европейскаго, большею частію — оборонительное: броню, щитъ и мечъ.

Кіевляне, продолжая преданіе, послали сказать Святославу: „Ты, князь, чужой Земли нищенъ и блюдеши ее, отъ своей же отрекся, чуть-чуть насъ не взяла Печенѣги, вмѣстѣ съ твоею матерью и дѣтми: если не придетъ, не оборонимъ насъ, то опять возьмутъ; неужели тебѣ не жалко отчины своей, ни матери-старухи, ни дѣтей малыхъ?“ Услыхавъ объ этомъ, Святославъ немедленно сѣлъ на коней съ дружиною, пришелъ въ Кіевъ, поздравился съ матерью и дѣтми, разсердился на Печенѣговъ, собралъ войско, — и прогналъ варваровъ въ степь. Но Святославъ не долго нажилъ въ Кіевѣ: по преданію, онъ сказалъ матери своей и боярамъ: „Не люблю мнѣ въ Кіевѣ, хочу жить въ Переславцѣ на Дунаѣ: тамъ среди на Землѣ моей; туда со всѣхъ сторонъ свозятъ все доброе: отъ Грековъ золото, ткани, вина, овощи разные; отъ Чеховъ и Венгровъ серебро и коней, изъ Руси мѣха, воскъ, медъ и рабовъ“. Ольга на это отвѣчала ему: „Ты видишь, что я уже больна, куда же это ты отъ меня уходишь? Когда похоронишь меня, то иди куда хочешь“. Черезъ три дня Ольга умерла, и плакалась по ней сынъ, вюки и люди всѣ плачемъ великимъ. Ольга запретила праздновать по себѣ тризну, потому что у ней былъ священникъ, который и похоронилъ ее.

Здѣсь очень важно для насъ выраженіе Святослава о Переславцѣ: „то есть середина въ Землѣ моей“. Какимъ образомъ Переславецъ могъ быть серединою Землѣ Святославовой? Это выраженіе можетъ быть объяснено двоякимъ образомъ: 1) Переславецъ въ Землѣ моей есть срединное мѣсто, потому что туда изъ всѣхъ странъ свозится все доброе; Переславецъ слѣд. названъ серединою не относительно положенія своего среди владѣній Святослава, но какъ средоточіе торговли. 2) Второе объясненіе намъ кажется легче: Святославъ своею Землею считалъ только одну Волгарію, приобретенную имъ самимъ, Русскую же Землю считалъ, по понятіямъ того времени, владѣніемъ общимъ, родовымъ. Святославъ смѣшилъ окончить свое княженіе на Руси: онъ носилъ старшаго сына Ярополка въ Кіевѣ, другого — Олега — въ Землѣ Дрєвлянскій. Это вовсе не значитъ, чтобъ этими волостями ограничивались владѣнія Русскихъ князей: уже при Олегѣ все теченіе Днѣпра до Кіева было въ рускомъ владѣніи; въ Смоленскѣ и Любечѣ сидѣли мужи Кіевского князя; Ольга ѣздила и рядила Землю до самыхъ сѣверныхъ предѣловъ Новгородской области; слѣд. дѣленіе Святослава означаетъ, что у него было только двое способныхъ къ правленію сыновей, а не только двѣ волости — Кіевская и Дрєвлянская, остальные же волости оба брата должны были подѣлить между собою, какъ послѣ Ярополка, усѣвшихъ около Днѣпра, подѣлили между собою волости отдаленнѣйшія. Какъ послѣ Ярополка, тѣснились всѣ въ привольной родинѣ своей, около Днѣпра и Кіева, около собственной Руси, не

¹⁾ Это объясняется послѣдующимъ извѣстіемъ, что Святославъ, возвратясь, прогналъ Печенѣговъ въ степь: значитъ, они находились не въ степи, а гдѣ-нибудь подлѣ Кіева.

любя волостей сѣверныхъ и восточныхъ, такъ и теперь оба сына Святослава садятся на югъ, недалеко другъ отъ друга, и не хотятъ идти на сѣверъ. Но если князья не любили сѣвера, то жители сѣверной области, Новгородцы, не любили жить безъ князя, или управляться посадникомъ изъ Кіева, особенно когда Дrevляне получили своего князя. Новгородцы и послѣ любили, чтобы у нихъ былъ свой князь, знавшій ихъ обычаи: до сихъ поръ они терпѣли посадника кievскаго, потому что по всей Руси былъ одинъ князь; но теперь, когда Дrevляне получили особаго князя, Новгородцы также хотятъ имѣть своего. Послы ихъ, по преданію, пришли къ Святославу и стали просить себѣ князя: «Если никто изъ вашего рода не пойдетъ къ намъ, говорили они, то мы найдемъ себѣ князя». Святославъ отвѣчалъ имъ: «Если бы кто изъ вамъ пошелъ, то я былъ бы радъ дать вамъ князя!»¹⁾ Ярополкъ и Олегъ были спрошены — хотятъ ли идти въ Новгородъ, — и отказались. Тогда Добрыня внушилъ Новгородцамъ: «Просите Владиміра». Владиміръ былъ третій сынъ Святослава, рожденный отъ Малуши, ключницы Ольгиной, сестры Добрыни. Новгородцы сказали Святославу: «Дай намъ Владиміра»; князь отвѣчалъ имъ: «Возьмите». Новгородцы взяли Владиміра къ себѣ, и пошелъ Владиміръ съ Добрынею, дядею своимъ, въ Новгородъ, а Святославъ въ Переяславецъ.

Здѣсь останавливаетъ насъ вопросъ: почему Святославъ не далъ никакой волости младшему сыну своему Владиміру самъ, сначала, и уже послѣ отъправилъ его къ Новгородцамъ, по требованію послѣднихъ? Лѣтописецъ какъ будто слышитъ объясненіе причины явленія; Владиміръ, говоритъ онъ, былъ сынъ Малуши, ключницы Ольгиной, слѣд. рабыни, ибо, по древнему уставу, человѣкъ и вольный, ставшій ключникомъ, по этому уже самому превращался въ раба. Итакъ Владиміръ былъ не совсѣмъ равноправный братъ Ярополка и Олега. Многоженство не исключало неравноправности: если

было различіе между жепами (водимыми) и наложицами, то необходимо должно существовать различіе и между дѣтми тѣхъ и другихъ. Но если многоженство не исключало неравноправности дѣтей, то, по крайней мѣрѣ, много ослабляло ее: было различіе между дѣтми женъ и наложицъ — правда, но все не такое различіе, какое, по нашимъ понятіямъ, существуетъ между дѣтми законными и незаконными. На это малое различіе указываетъ уже то явленіе, что Новгородцы приняли Владиміра, какъ князя, и послѣ не полагаются между нимъ и братьями никакого различія. Здѣсь, какъ естественно, имѣло силу не столько различіе между законностью и незаконностью матери, сколько знатность и низость ея происхождения: разумеется, ключница, рабыня, полюбившаяся Святославу, не могла стать на-ряду съ другою его женою, какою-нибудь княжною, или дочерью знатнаго боярина; отсюда низость матери падала и на сына, не отнимая впрочемъ у него отцовскихъ правъ; Владиміръ былъ князь, но при случаѣ, когда нужно было сравнить его съ остальными братьями, могли выставить на видъ низкое происхожденіе его матери; такъ послѣ, Полоцкая княжна Рогнѣда, выбравъ между двумя женихами, Ярополкомъ и Владиміромъ, говоритъ, что она не хочетъ идти замужъ за Владиміра, какъ сына рабыни. Обратитъ вниманіе на это обстоятельство было очень естественно княжигъ, ибо, при многоженствѣ, женщины знатнаго происхождения старались какъ можно рѣзче отдѣлать себя отъ наложицъ своихъ мужей, и презрѣніе, которое штили къ наложицамъ, старались переносить и на дѣтей ихъ. Святославъ сначала не далъ волости Владиміру, и потомъ отпустилъ его въ Новгородъ, могли въ самомъ дѣлѣ испугаться угрозы Новгородцевъ, что они откажутся отъ его рода и найдутъ себѣ другого князя. Добрыня хлопоталъ объ этомъ, надѣясь во время малолѣтства Владимірова занимать первое мѣсто въ Новгородѣ и не надѣясь, чтобы послѣ старшие братья дали младшему хорошую волость; Новгородцы же приняли малолѣтняго Владиміра потому, что онъ все-таки былъ независимый князь, а не посадникъ, притомъ же надѣялись воспитать у себя Владиміра въ своемъ обычаѣ: они и послѣ любили имѣть у себя такого князя, который бы выросъ у нихъ.

Княженіе Святослава кончилось на Руси; онъ отдалъ всѣ свои владѣнія здѣсь сыновьямъ, и отъправился въ Болгарію навсегда. Но на этотъ разъ онъ не былъ такъ счастливъ, какъ прежде: Болгары встрѣтили его враждебно: еще опаснѣйшаго врага нашелъ себѣ Святославъ въ Іоаннѣ Цимискии, Византійскомъ императорѣ. У нашего лѣтописца читаемъ преданіе о подвигахъ Святослава въ войнѣ съ Греками; это преданіе, несмотря на повѣрныя свѣдѣнія, который бросенъ имъ на событія, важно для насъ потому, что представляетъ яркую картину дружинной жизни, очерчиваетъ характеръ знаменитаго вождя дружины, около котораго со-

¹⁾ Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 29: Въ се же время придоша людеи Новгородьстии, просяще князя собѣ: «Аще не поидете къ намъ, то иахъъсецъ князя собѣ», и рече къ нимъ Святославъ: «а бы пошелъ кто къ вамъ». И отирѣся Ярополкъ и Олегъ. — Въ словахъ Святослава нѣтъ никакого презрительнаго смысла, какой хотѣтъ видѣть нѣкоторые изслѣдователи. За что Святославу было презирать Новгородцевъ? Онъ просто отвѣчалъ имъ: «да гдѣжь мнѣ ваять намъ князя: у меня только двое сыновей: еслибъ который изъ нихъ пошелъ къ вамъ?» На такой естественный смыслъ Святославовыхъ словъ прямо указываетъ слѣдующее извѣстіе, что Ярополкъ и Олегъ отказались: значить, Святославъ ихъ спросилъ не хочеть ли кто изъ нихъ идти въ Новгородъ? Мстиславъ Храбрый вовсе не презиралъ Новгородъ, однако братья насилу уговаривали его идти туда княжить и оставить любимыи югъ. Любопытно дополнительное извѣстіе Никон. списка: «Володимеръ бо бѣ отъ Малаки, ключницы Ольгины. И бѣ рожденъ Володимеру въ Будутинѣ веси; тамо бо въ гнѣвъ отослаа ея Ольга, село бо бше ея тамо, и умираючи даде его Св. Богородицѣ». Но чье было село Будутино, — Ольгино или Малушино? Если Малушино, то нѣтъ ничего удивительнаго, что, умирая, она отдала его Св. Богородицѣ, ибо она могла умереть послѣ крещенія Земли.

бралась толпа подобныхъ ему сподвижниковъ. По преданію, Святославъ пришелъ въ Переяславецъ; но Болгары затворились въ городѣ и не пустили его туда. Мало того: они вышли на сѣчу противъ Святослава; сѣча была сильная, и Болгары стали было уже одолевать; тогда Святославъ сказалъ своимъ: „Уже намъ видно здѣсь погнѣбнуть; погнемъ мужески, братья и дружина!“ Къ вечеру (Святославъ одолевъ, взялъ городъ копьемъ (приступомъ), и послалъ сказать Грекамъ: „Хочу на васъ идти, хочу взять и вашъ городъ, какъ взялъ этотъ“. Греки отвѣчали: „Намъ не совладѣть съ вами; возьми лучше съ насъ дань на себя и на дружину свою, да скажите, сколько васъ, такъ мы дадимъ на каждаго человѣка“. Греки говорили это, желая обмануть Русь, прибавляеть лѣтописецъ, потому что Греки лживы и до сихъ поръ. Святославъ отвѣчалъ: „Насъ 20,000“; десять-то тысячъ онъ прибавилъ, потому что Русскихъ было всего 10,000. Греки собрали 100,000 на Святослава, и не дали дани; Святославъ пошелъ на нихъ, но Русь испугалась, видя множество вражяго войска; тогда Святославъ сказалъ дружинѣ: „Намъ некуда дѣться; волю и неволю пришлось стать противъ Грековъ: такъ не посягнемъ Русской Земли, но ляжемъ косями, — мертвымъ не стыдно; если же побѣдимъ, то некуда будетъ убѣжать отъ стыда; станемъ же крѣпко, я пойду передъ вами, и если голова моя ляжетъ, тогда промышляйте о себѣ“. Дружина отвѣчала: „Гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ и свои головы сложимъ“. Русь ополчилась; была сѣча большая, и Святославъ обратилъ Грековъ, послѣ чего пошелъ къ Константинополю, воюя и разбивая города, которые и до сихъ поръ лежатъ пусты, прибавляеть лѣтописецъ. Царь созвалъ бояръ своихъ въ палату, и сказалъ имъ: „Что намъ дѣлать: не можемъ стать противъ него“¹⁾. Бояре отвѣчали: „Пойди къ нему дары, попытаемъ его, на что онъ больше подѣстится — на золото или на ткани дорогія!“ Царь послалъ и золото и ткани, а съ нимъ мужа мудраго, которому наказалъ: „Смотри хорошенько ему въ лицо“. Святославу объявили, что приняли Греки съ поклономъ; онъ велѣлъ ихъ ввести; Греки приняли, поклонились, разложили передъ нимъ золото и ткаи; Святославъ, смотри по сторонамъ, сказалъ отрокамъ своимъ: „Спрячьте это“. Послы возвратились къ царю, который созвалъ опять бояръ, и стали рассказывать: „Какъ приняли мы къ нему и отдали дары, то онъ и не посмотрѣлъ на нихъ, а велѣлъ спрятать“. Тогда одинъ бояринъ сказалъ царю: „Попробуй-ка его еще, пошли ему оружіе“. Послалъ Святославу мечъ и разное другое оружіе; онъ принялъ, началъ хвалить и любоваться, и послалъ поклонъ царю. Послы возвратились съ этимъ къ послѣднему; и тогда бояре сказали: „Люте долженъ быть этотъ человѣкъ, что на богатство не смотритъ, а оружіе беретъ; дѣлать нечего, станемъ платить ему дань“, — и царь послалъ сказать Святославу: „Не ходи къ Царю-городу, но возьми дань, сколько хочешь“;

потому что Русскіе были уже недалеко отъ Царяграда. Греки прислали дань; Святославъ взялъ и за убитыхъ, говоря: „Родъ ихъ возьметъ“. Кромѣ дани, Святославъ взялъ много даровъ, и возвратилъ въ Переяславецъ съ большою честію. Видя однако, что дружины осталось мало, Святославъ началъ думать: „Что какъ обманомъ перебьютъ дружину мою и меня: пойду лучше въ Русь, приведу больше дружинъ“. Принявши такое намѣреніе, онъ отправилъ къ царю въ Доростоль пословъ, которые должны были сказать ему отъ имени своего князя: „Хочу держать съ тобою миръ твердый и любви“. Царь обрадовался и послалъ къ нему дары больше первыхъ. Святославъ, принявъ дары, началъ говорить дружинѣ: „Если не заключимъ мира съ царемъ, и царь узнаеть, что насъ мало, и Греки оступятъ насъ въ городѣ, а Русская Земля далеко, Печенѣги съ нами въ войнѣ, то кто намъ поможетъ? Заключимъ лучше миръ съ царемъ. Греки уже взялись платить намъ дань, и того будетъ съ насъ; если же они перестанутъ платить дань, то собравши побольше войска, пойдемъ опять къ Царю-городу“. Рѣчь эта полюбила дружинѣ, и лучшіе мужи отправились отъ Святослава къ царю въ Доростоль. Заключенъ былъ миръ и написанъ договоръ; договоръ этотъ также внесенъ въ лѣтописи. Святославъ обязался не воевать греческихъ областей ни самъ, ни подучая на это другой какой-нибудь народъ, не воевать ни страны Корсунской, ни Болгарской; и если другой какой-нибудь народъ вздумаетъ идти на Грековъ, то Русскій князь обязался воевать съ нимъ¹⁾.

Преданіе, основанное, безъ сомнѣнія, на разказахъ Свѣнелда и немногихъ товарищей его, возвратившихся въ Кіевъ послѣ гибели Святославоу, согласно съ византійскими лѣтописцами относительно гордаго вызова Святославоу Грекамъ: „Хочу на васъ идти, и взять вашъ городъ, какъ взялъ этотъ;“ но эти слова у Византійцевъ Святославъ сказалъ въ отвѣтъ на мирныя предложенія императора; очень согласно съ своимъ положеніемъ Святославъ велитъ сказать Цимискію, что Русь не сподвижники, которые питаются трудами рукъ своихъ²⁾. Самое начало войны было уже, по Византійцамъ, несчастливо для Руси: полководецъ Цимискія, Вардъ Скляръ, разбилъ отрядъ Святославоу войска, составленный, кромѣ Руси, изъ Венгровъ и Болгаръ. Несмотря однако на это, и по Византійцамъ видно, что Святославъ не думалъ унывать; русскіе отряды сильно разоряли области Имперіи, что означено у лѣтописца разрушеніемъ городовъ. Цимскій видѣлъ, что необходимо всѣми силами государства напасть на Свято-

¹⁾ Договоръ начинается: «Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, величѣмъ князи Русѣмъ и при Свѣнелдѣ, писано при Феофілѣ сиккелѣ». Здѣсь можно думать, что слова: «Равно другаго свѣщанья» означаютъ договоръ, заключенный Святославоу съ Никифоромъ.

²⁾ Leo Diac., I, VI, p. 102—111. — Cedreni hist. compendium. t. II; Zonarae Annales, t. II, I. XVII.

слава и вытѣснить его пзъ Болгарин. Онъ вступилъ съ огромными войсками въ эту Землю, и началась война на жизнь и на смерть, какъ видно изъ словъ самихъ Византійцевъ, которые отдаютъ справедливость отчаянной храбрости Святославова дружины ¹⁾. Но эта храбрость не помогла противъ безмѣрно большаго числа враговъ, предводимыхъ полководцемъ искуснымъ и храбрымъ, среди враждебныхъ Болгарь, противъ которыхъ Святославъ, по словамъ Византійцевъ, употреблялъ крайне пагубные мѣры. Русскій князь принужденъ былъ просить мира у императора, съ условіемъ очистить Болгарію. Послѣ мира происходило свиданіе обонхъ вождей; для насъ важно описаніе Святославова наружности, оставленное Львомъ Діакономъ: Святославъ приплылъ на мѣсто свиданія въ лодкѣ по Дунаю, причемъ дѣйствовало весломъ наравнѣ съ другими гребцами. Онъ былъ средняго роста, имѣлъ плоскій носъ, глаза голубые, густыя брови, мало волосъ на бородѣ, и длинныя, косматыя усы. Всѣ волосы на головѣ были у него выстрижены, кромѣ одного клока, висѣвшаго по обѣимъ сторонамъ, что означало его знатное происхожденіе. Шея у него была плотная, грудь широкая и всѣ прочіе члены очень стройные. Вся наружность представляла что-то мрачное и свѣржное. Въ одномъ хуѣ висѣла серга, украшенная карбукуломъ и двумя жемчужинами. Вѣлая одежда его только чистотою отличалась отъ одежды прочихъ русскихъ. — Изъ слаченія нашихъ лѣтописныхъ извѣстій съ извѣстіями Византійцевъ оказывается одно, что Святославъ потерѣлъ неудачу, долженъ былъ заключить невыгодный для себя миръ съ императоромъ, причемъ обязался оставить Болгарію и возвратиться на Русь. Что же касается до противорѣчій между русскими и греческими извѣстіями, то ясно, что въ лѣтописное извѣстіе вошла разсказъ Свѣнелды и его уцѣлѣвшихъ товарищей, которые, передавая объ однихъ подвигахъ своихъ, умолчали о неудачѣ ²⁾.

¹⁾ Левъ Діак. кн. VIII: «Русемъ сражался храбро и отчаянно; они давно приобрѣли славу побѣдителей надъ всѣми сосѣдними народами, и почитали величайшимъ несчастіемъ быть побѣжденнымъ императоромъ и лишиться этой славы». Свѣдательство показало Византійца согласно съ лѣтописнымъ очеркомъ Святославова характера.

²⁾ Нѣкоторые думаютъ, что въ нашей лѣтописи былъ разсказъ о неудачѣ, написанъ со вступленія Цимискія въ Болгарію, но что этотъ разсказъ намѣренно выпущенъ позднѣйшими переписчиками, и полагаютъ пропускъ между словами: «Возвратися въ Переяславъ съ похвалою великою» и — «Видѣвъ же мало дружины», и проч. (Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 30). Но позднѣйшихъ переписчиковъ нашихъ никакъ нельзя упрекнуть въ обычай выпускать разсказы о неудачѣхъ своихъ соотечественниковъ; они такъ благоволили и къ труду переписыванія лѣтописей, что не могли позволить себѣ подобныхъ выпусковъ, да и странно предположить въ нихъ сильное сочувствіе къ подвигамъ какого отдаленнаго и языческаго князя, когда они не жертвовали истиною и для славы князей болѣе любимыхъ, напримѣръ Владиміра. Потому, на какомъ основаніи обвиняютъ позднѣйшихъ переписчиковъ въ выпускѣ и начальнаго составителя лѣтописи заставлятъ выписывать разсказъ о пораженіяхъ? Ръ разсказъ лѣтописца есть пропускъ.

Заключивъ миръ съ Греками, Святославъ пошелъ въ лодьяхъ къ Днѣпровскимъ порогамъ; отсюда воевода Свѣнелда говорилъ ему: «Ступай, князь, въ обходъ на коняхъ, потому что стоятъ Печенѣги въ порогахъ». Святославъ не послушалъ его и пошелъ въ лодьяхъ; между тѣмъ Переяславцы послали сказать Печенѣгамъ: «Идетъ Святославъ въ Русь съ большимъ богатствомъ и малою дружиною». Получивъ эту вѣсть, Печенѣги заступили пороги, и когда Святославъ приплылъ къ нимъ, то уже нельзя было пройти. Князь сталъ зимовать въ Бѣлобережьи ³⁾; съѣстные припасы вышли и сдѣлалась большой голодъ, такъ что платили по полугривнѣ за лошадиную голову. Въ началѣ весны, Святославъ пошелъ опять въ пороги; но здѣсь былъ встрѣченъ Курюю, княземъ Печенѣжскимъ, и убитъ; изъ черепа его сдѣлали чашу, оковали ее золотомъ, и пили изъ нея ⁴⁾. Свѣнелда пришелъ въ Кіевъ къ Ярополку.

Это преданіе, какъ оно занесено въ лѣтопись, требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. Здѣсь прежде всего представляется вопросъ: почему Святославъ, который такъ мало былъ способенъ къ страху, испугался Печенѣговъ и возвратился назадъ зимовать въ Бѣлобережьи; если испугался въ первый разъ, то какую надежду имѣлъ къ безпрепятственному возвращенію послѣ, весною; почему онъ могъ думать, что Печенѣги не будутъ сторожить его и въ это время; наконецъ, если испугался Печенѣговъ, то почему не принялъ совѣта Свѣнелдова, который указывалъ ему обходный путь стеною? Другой вопросъ: какимъ образомъ спасся Свѣнелда? Во первыхъ, мы знаемъ, какимъ безчестіемъ покрывался дружинникъ, оставившій своего вождя въ битвѣ, пережившій его и отдавшій тѣло его на поруганіе врагамъ; этому безчестію наиболѣе подвергалась самая храбрѣйшія, т.-е. самые прибли-

бесспорно; но кому же припадъ жить онъ? Позднѣйшимъ переписчикамъ, или начальному составителю, или, наконецъ, первоначальнымъ разсказчикамъ, изъ словъ которыхъ образовалось преданіе? Разумѣется, сравнить интересъ всѣхъ троихъ, мы должны будемъ заключить, что пропускъ долженствовалъ быть сдѣланъ первоначальными разсказчиками — Свѣнелдомъ съ товарищи, а не лѣтописцами, составителями, или переписчиками. Вѣншій составъ разсказа нисколько не обличаетъ выпуска; Святославъ, возвративъ въ Переяславъ съ побѣдою и богатыми дарами, начинаеть разсуждать: «что если изобють дружину мою нечаянно, хитростью? лучше мириться и идти домой». Какъ бы онъ могъ разсуждать такимъ образомъ послѣ страшныхъ поражений и при голодѣ, который онъ терпѣлъ? Какая тутъ хитрость, когда Греки нанесли ему явное сильное поражение? Ясно, что вторая половина лѣтописнаго разсказа тѣсно связана съ первой, и выпуска никакого быть не можетъ. Наконецъ приростаго разсказа во второй половинѣ мы должны ожидать уже не первой; если въ первой половинѣ выставляются одиѣ побѣды Русовъ и умалчивается о пораженіяхъ, то ясно, что будетъ умолчено о нихъ и во второй.

³⁾ Подлѣ Килійскаго устья Дуная. (См. статью Венеція — О солтаню оверѣ Нанитисъ, въ чтеніяхъ Моск. Истор. Общ. № 6, годъ 1847.

⁴⁾ И шина по и м. ч. — Если мы предпочтемъ это чтеніе, какъ труднѣйшее, то должны будемъ предположить какой-нибудь языческой обичай.

женные къ вождю, князю; а кто былъ ближе Свѣнелда къ Святославу? Дружина обѣщала Святославу, что гдѣ ляжетъ его голова, тамъ и они всѣ головы свои сложатъ; дружина, не знавшая страха среди многочисленныхъ полчищъ греческихъ, дрогнула предъ Печенѣгами? И неужели Свѣнелдъ не постыдился бѣжать съ поля, не захотѣлъ лечь со своимъ княземъ? Вотъ торыхъ, какимъ образомъ онъ могъ спастись? Мы знаемъ, какъ затруднительны бывали переходы Русскихъ черезъ пороги, когда они принуждены бывали тащить на себѣ лодки и обороняться отъ враговъ, и при такой малочисленности Святославовой дружины трудно, чтобы главный по князѣ вождь могъ спастись отъ тучи облежавшихъ варваровъ. Для рѣшенія этихъ вопросовъ мы должны обратить вниманіе на характеръ и положеніе Святослава, какъ онъ выставлены въ преданіи. Святославъ завоевалъ Болгарію и остался тамъ жить; вызванный оттуда вѣстію объ опасности своего семейства, нехотя поѣхалъ въ Русь; здѣсь, едва дождался смерти матери, отдалъ волости сыновьямъ и отправился навсегда въ Болгарію, свою страну. Но теперь онъ принужденъ снова се оставить и возвратиться въ Русь, отъ которой уже отрекся, гдѣ уже княжили его сыновья; въ какомъ отношеніи онъ находился къ нимъ, особенно къ старшему, Ярополку, сидѣвшему въ Кіевѣ? Во всякомъ случаѣ, ему необходимо было лишити послѣдняго данной ему власти, и занять его мѣсто; притомъ, какъ должны были смотрѣть на него Кіевляне, которые и прежде упрекали его за то, что онъ отрекся отъ Руси? Теперь онъ потерялъ ту страну, для которой пренебрегъ Русью, и пришелъ бѣглецомъ въ родную Землю. Естественно, что такое положеніе должно было быть для Святослава нестерпимо: неудивительно, что ему не хотѣлось возвратиться въ Кіевъ, и онъ остался зимовать въ Бѣлберезьѣ, пославъ Свѣнелда стенью въ Русь, чтобы тотъ привелъ ему оттуда побольше дружины, съ которою можно было бы снова выступити противъ Волгарь и Грековъ, что онъ именно и обѣщаль сдѣлать передъ отбѣздомъ изъ Болгаріи. Но Свѣнелдъ волею и неволю мѣшкаться на Руси, а голодъ не позволяя Святославу медлить болѣе въ Бѣлберезьѣ; идти въ обходъ стенью было нельзя: кони были всѣ сѣдены, по необходимости должно было плыти Днѣпромъ чрезъ пороги, гдѣ ждали Печенѣги. Что Святославъ самъ отправилъ Свѣнелда стенью въ Кіевъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ Іоакимовъ лѣтописецъ ¹⁾.

Таковы преданія о дѣятельности и смерти Святослава. Олегъ и Ольга соединены въ преданіи однимъ характеромъ: оба представляются нарядниками Земли, мудрыми, вѣщими; Игорь между ними является воиномъ неотважнымъ, княземъ недѣлательнымъ, вождемъ дружины корыстолюбивымъ. Святославъ представленъ образцомъ воина, и только воина, который съ своею отборною дружиною по-

кинулъ Русскую Землю для подвиговъ отдаленныхъ, славныхъ для него и безполезныхъ для родной Земли; эти отношенія Святослава къ Руси преданіе выставило въ рѣчахъ пословъ кіевскихъ, отправленныхъ къ Святославу въ Болгарію. Можно сказать, что Святославъ никогда не имѣлъ на Руси значенія князя: сначала это значеніе имѣла его мать, Ольга, потомъ сыновья его. Утвержденіе Святослава въ Болгаріи, уцѣли его въ войнѣ съ Греками могли имѣть важныя слѣдствія для новорожденной Руси; но историкъ не имѣетъ права разсуждать о томъ, что могло быть; онъ имѣетъ право только сказать, что неудача Святослава пропекла отъ недостаточности его средствъ, отъ того что онъ оторвался отъ Руси, дѣйствовать только съ одною отборною дружиною, а не устремилъ на Грецію соединенныя силы всѣхъ племенъ, подвластныхъ Руси; только въ послѣднемъ случаѣ предпріятіе Святослава могло имѣть важное, рѣшительное вліяніе на судьбы восточной Европы. Олегъ и Ольга преданія дѣйствуютъ преимущественно хитростію, и перехитряютъ самихъ Грековъ; Святославъ отличается повсѣднемъ противоположнымъ; онъ не нападаетъ на враговъ хитростію, но посылаетъ сказать имъ: „Иду на васъ!“ И когда однажды онъ вздумалъ-было схитрить съ Греками, то его неловкая хитрость обратилась во вредъ ему самому.

Какъ бы ни были причины и обстоятелства смерти Святославовой, Ярополкъ остался старшимъ въ родѣ княжескомъ и Свѣнелдъ при немъ въ большой силѣ. Для объясненія послѣдующихъ явленій, мы не должны упускать изъ виду возраста дѣтей Святославовыхъ: Ярополку было не болѣе 11 лѣтъ ²⁾, слѣд. при немъ долженъ былъ нахо-

²⁾ По преданію, Святославъ по смерти отца остался малюткою (дѣтскъ); въ лѣтописи годомъ рожденія Святослава означенъ 942-й (Поля. Собр. Р. Л. I, 19); слѣдовательно въ 946 году, въ годъ смерти Игоревой, Святославу было 4 года; не имѣетъ права отвергать преданія, съ которыми, какъ видно, сообразовался лѣтописецъ. Такъ совершеннолѣтіе Святослава и начало подвиговъ онъ полагаетъ въ 964 году, то-есть, на 22-мъ году возраста—самая пора! Положимъ, что Святославъ могъ имѣть сына, будучи 19 лѣтъ, слѣдовательно въ 970 году, въ годъ распределенія волостей, Ярополку могло быть 9 лѣтъ, Олегу 8. Что Владиміръ былъ малъ въ то время, объ этомъ имѣемъ определенное извѣстіе: онъ былъ, какъ малолѣтній, посланъ съ дядею Добрынею въ Новгородъ; такимъ образомъ, съ кормильцами могли быть посажены и другіе братья. Слѣдовательно въ годъ смерти Святославовой, въ 972 году, Ярополку было не болѣе 11 лѣтъ. Противъ этого вывода возражаютъ, приводя извѣстіе лѣтописи, что Святославъ привелъ Ярополку жену, плыную греческую монахиню: слѣд. въ 970 году Ярополку не могло быть только 9 лѣтъ.—Но если мы встрѣчаемъ въ источникахъ два противорѣчивыя свидѣтельства, то должно или выбрать одно изъ двухъ, или, если можно, согласить ихъ; если бы не было возможности согласить двухъ вышеприведенныхъ извѣстій лѣтописи, то все мы предположили бы преданіе о малолѣтствѣ Святослава по смерти отца и о томъ, что онъ родился въ 942 году, ибо на этомъ преданіи основывается извѣстіе о правленіи Ольги; возражатели не подумали, что, отвергая основаніе нашего вывода, они тѣмъ самымъ отвергаютъ цѣлый рядъ важнѣйшихъ извѣстій; но дѣло въ томъ, что выборъ неуженъ, ибо извѣстія легко согласить:

¹⁾ Татищ I, стр. 37.

диться воспитатель; кто былъ этотъ воспитатель, въ какомъ отношеніи былъ къ нему Свѣнелдъ и какъ подучилъ важное значеніе—объ этомъ лѣтописецъ ничего не знаетъ. Мы не должны только забывать, что Ярополкъ былъ малолѣтень, слѣд. дѣйствовалъ подъ чужимъ вліяніемъ. Единственнымъ событіемъ Ярополкова княженія, внесеннымъ въ лѣтопись, была усобица между сыновьями Святослава. Мы знаемъ, что охота, послѣ войны, была господствующею страстью средневѣковыхъ варваровъ; вслѣдъ князя предоставляли себѣ, касательно охоты, большія права, жестоко наказывая за ихъ нарушеніе. Это служить достаточнымъ объясненіемъ происшествія, разсказаннаго нашимъ лѣтописцемъ: сынъ Свѣнелда, именемъ Люта, выѣхалъ изъ Кіева на охоту, и, погнавшись за звѣремъ, выѣхалъ въ лѣса, принадлежавшія къ волости Олега, князя Древлянскаго; по случаю, въ это же время охотился здѣсь и самъ Олегъ; онъ встрѣтился съ Лютомъ, спросилъ, кто это такой, и, узнавъ, что имѣлъ дѣло съ сыномъ Свѣнелдовымъ, убилъ его. Здѣсь впрочемъ, несмотря на предложенное нами выше общее объясненіе поступка Олегова, насъ останавливаетъ одна частность: Олегъ, говоритъ преданіе, освѣдомился — кто такое позволяетъ себѣ охотиться вмѣстѣ съ нимъ, и, узнавъ, что это сынъ Свѣнелдова, убилъ его. Зачѣмъ преданіе связываетъ части дѣйствія такъ, что Олегъ убиваетъ Люта тогда, когда узнать въ немъ сына Свѣнелдова? Если бы Олегъ простилъ Люту его дерзость, узнавъ, что онъ сынъ Свѣнелда, знаменитаго боярина старшаго брата, боярина отцовскаго и дѣдовскаго, тогда дѣло было бы ясно; но лѣтописецъ говоритъ, что Олегъ убилъ Люта, именно узнавши, что онъ сынъ Свѣнелда; при этомъ вѣдомимъ, что Древлянскому князю было не болѣе 13 лѣтъ! слѣд. воля его была подчинена вліянію другихъ, вліянію какого-нибудь сильнаго боярина, вродѣ Свѣнелда. Какъ бы то ни было, за это возникла ненависть между Ярополкомъ и Олегомъ; Свѣнелдъ хотѣлъ отомстить Олегу за сына, и потому не переставалъ твердить Ярополку: „Поди на брата и возьми волость его“. Черезъ два года, т.-е. когда Ярополку было 16, а Олегу 15 лѣтъ, Кіевскій князь пошелъ ратью на Древлянскаго; послѣдній вышелъ къ нему навстрѣчу съ войскомъ, и Ярополкъ побѣдилъ Олега. Олегъ побѣждалъ въ городѣ, называемый Овручъ; на мосту, перекинутомъ черезъ ровъ къ городскимъ воротамъ, бѣглецы стѣсни-

лись и сталкивали другъ друга въ ровъ, причемъ столкнули и Олега; людей понадало много, за ними попадали лошади, которые и передавали людей. Ярополкъ вошелъ въ городъ Олега, взялъ на себя власть его и послалъ искать брата. Долго пскали князя, и не могли найти. Тогда одинъ Древлянинъ сказалъ: „Я видѣлъ, какъ вчера столкнули его съ моста“. Стали вытаскивать трупы изо рва съ утра до полудни, наконецъ нашли Олега подъ трупами, внесли въ княжескій домъ и положили на ковръ. Пришелъ Ярополкъ, началъ надъ нимъ плакаться и сказалъ Свѣнелду: „Порадуйся теперь, твое желаніе исполнилось“. Заклочали ли въ себѣ эти слова упрекъ, или Ярополкъ хотѣлъ ими просто объявить старику, что желаніе его удовлетворено, хотя первое правдоподобіе по связи съ плачемъ; во всякомъ случаѣ, преданіе признаетъ, что дѣло совершенно преимущественно подъ вліяніемъ Свѣнелда, и очень естественно, что князь не дѣйствовалъ самостоятельно: ему было только 16 лѣтъ!

Ярополкъ, какъ сказано выше, взялъ братнюю волость. Третій Святославичъ, Владиміръ, узналъ въ Новгородѣ, что Ярополкъ убилъ Олега, испугался братняго властолюбія и бѣжалъ за море, а Ярополкъ послалъ въ Новгородъ своихъ посадниковъ, и сталъ владѣть однимъ на Руси.

Черезъ три года Владиміръ возвратился съ Вярями въ Новгородъ и прогналъ оттуда ярополковъ посадниковъ, приказавъ имъ сказать брату: „Владиміръ идетъ на тебя, приготовляйся къ войнѣ“. Но прежде начатія борьбы обоимъ братьямъ было важно приобрести себѣ союзника во владѣтелѣ Полоцкомъ; въ это время въ Полоцкѣ сидѣлъ какой-то Рогволодъ, пришедшій изъ-за моря; каковы были отношенія этого Рогволода къ правнучкамъ Рюрика, изъ лѣтописи опредѣлить довольно трудно. Дочь этого Рогволода, Рогнѣда, была сговорена за Ярополка. Владиміръ, чтобы склонить Полоцкаго державца на свою сторону, чтобъ показать, что послѣдній ничего не потеряетъ, если Кіевскій князь будетъ изложенъ, послалъ и отъ себя свататься также за дочь Рогволодову. Лѣтописецъ говоритъ, что Рогволодъ въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ отдалъ дѣло на рѣшеніе дочери, и Рогнѣда отвѣчала, что она не хочетъ выйти замужъ за сына раба, т.-е. Владиміра, но хочетъ за Ярополка. Когда отроки Владиміра пересказали ему Рогнѣдинъ отвѣтъ, то онъ собралъ большое войско изъ Варяговъ, Новгородцевъ, Чудъ и Кривичей, и пошелъ на Полоцкъ. Здѣсь мы видимъ опять не набѣгъ дружины, не одинъ Варяговъ, но походъ, въ которомъ участвовали, какъ въ походѣ Олега, всѣ сѣверныя племена. Въ то время, когда Рогнѣду готовились везти за Ярополка, Владиміръ напалъ на Полоцкъ, убилъ Рогволода съ двумя сыновьями и женился на Рогнѣдѣ. При этомъ случаѣ, въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи находимъ извѣстіе, что виновникомъ всѣхъ предиріятій былъ Добрыня, дядя Владиміровъ; что онъ посылалъ сватать Рог-

изъ послѣдующихъ извѣстій мы знаемъ, что князья женили малолѣтнихъ дѣтей своихъ; и Святославъ очень могъ назначить для Ярополка греческую плѣнницу необыкновенной красоты, ибо если даже предположимъ ее совершеннолѣтнею въ 970 году, то разница лѣтъ при многоженствѣ ничего не значила. Мы взяли обыкновенный, общій возрастъ — 19 лѣтъ; но возьмемъ теперь исключеніе, самый меньшій возрастъ, въ который Святославъ могъ имѣть сына, — возьмемъ 15 лѣтъ, тогда въ годъ распределенія волостей Ярополку будетъ 13, въ годъ отцовской смерти — 15 лѣтъ, другимъ братьямъ еще меньше, — все еще необходимы кормильцы.

нѣду за Владиміра; онъ, послѣ гордаго отказа полоцкой княжизы, повелѣ племянника и войско противъ Роговолода, позоромъ отмстилъ Рогигѣдѣ за ея презрительный отзывъ о матери Владиміра, убилъ ея отца и братьевъ. Въ самомъ дѣлѣ, странно было бы предположить, что Владиміръ, будучи очень молодъ, но прямою указанію преданія¹⁾, могъ дѣйствовать во всемъ самостоятельно при жизни Добрыни, своего воспитателя и благодѣтеля, потому что, какъ мы видѣли, онъ ему преимущественно былъ обязанъ новгородскимъ княженіемъ. Итакъ, говоря о дѣйствіяхъ Владиміра, историкъ долженъ предполагать Добрыню. О характерѣ Добрыни мы имѣемъ право заключать по нѣкоторымъ указаніямъ лѣтописи: видно, что это былъ старикъ умный, ловкій, рѣшительный, но жесткій; на его жесткость указываютъ приведенное свидѣтельство о поступкѣ съ Рогигѣдою и отцомъ ей; сохранилось также извѣстіе о его жестокихъ насильственныхъ поступкахъ съ Новгородцами при обращеніи ихъ въ христіанство; слѣдовательно, если замѣчается жестокость и насильственность въ поступкахъ молодого Владиміра, то мы никакъ не можемъ приписывать это одному его характеру, не обращая вниманія на вліяніе Добрыни. Что же касается поступка Добрыни съ Роговолодомъ и его дочерью, то онъ очень понятенъ: Рогигѣда, отказывая Владиміру, какъ сыну рабы, оскорбила этимъ сколько его, столько же и Добрыню, котораго сестра была именно эта раба: черезъ нее онъ былъ дядя князю; словами Рогигѣды была преимущественно опозорена связь, родство Владиміра съ Добрынею, и вотъ послѣдній астигъ за этотъ позоръ жестокимъ позоромъ.

О дальнѣйшей судьбѣ Рогигѣды народная память сохранила слѣдующее преданіе. Когда Владиміръ утвердился въ Кіевѣ, то набралъ себѣ много другихъ женъ, а на Рогигѣду не обращалъ вниманія. Рогигѣда не могла перенести такого поведенія мужа, тѣмъ болѣе что по самому происхожденію своему имѣла право если не на исключительность, то по крайней мѣрѣ на первенство. Однажды, когда Владиміръ пришелъ къ ней и заснулъ, она хотѣла зарѣзать его ножомъ, но онъ вдругъ проснулся и схватилъ ее за руку; тутъ она начала ему говорить: „Ужъ мнѣ горько стало: отца моего ты убилъ и Землю его наполнилъ для меня; а теперь не любишь меня и младенца моего“. Въ отвѣтъ Владиміръ велѣлъ ей одѣться во все княжеское платье, какъ была она одѣта въ день свадьбы своей, сѣсть на богатой постели и дожидаться его: онъ хотѣлъ придти и убить жену. Рогигѣда исполнила его волю,

¹⁾ Полн. Собр. Р. Л. I, 131: яко Роговолоду держашю и владѣюще и князю Полотскую землю, а Володимеру сущу Новѣгородѣ, дѣтѣску сущю еще и погану, и бѣ у него Добрыня воевода, и храборъ и варидевъ мужъ, и съ посла къ Роговолоду и проси у него дщери за Володимера. . . Слытавъ же Володимеръ, разгнѣвася о той рѣчи, ожо лече: «не хочу и за робичича», пожалася Добрыня и исполниши ярости. . . и Добрыня ношши ему (Роговолоду) и дщери его, марекъ ей робичича и повелѣ Володимеру быти съ вею предѣ отцемъ ея и матерью.

но дала обнаженный мечъ въ руки сыну своему Изяславу, и наказала ему: „Смотри, когда войдетъ отецъ, то ты выступи и скажи ему: развѣ ты думаешь, что ты здѣсь одинъ?“ Владиміръ, увидавъ сына и услышавъ его слова, сказала: „А кто-жь тебя зналъ, что ты здѣсь?“ бросилъ мечъ, велѣлъ позвать бояръ и разсказалъ имъ все какъ было. Бояре отвѣчали ему: „Ужъ не убивай ея ради этого ребенка, но возстанови ея отчину и дай ей съ сыномъ“. Владиміръ построилъ городъ и далъ имя, назвавъ городъ Изяславцемъ. Съ тѣхъ поръ, заключаетъ преданіе, внуки Роговолоды враждуютъ со внуками Ярославовыми.

Изъ Полоцка Владиміръ двинулся съ большимъ войскомъ на Ярополка; тотъ не былъ въ состояніи сопротивляться ему и затворился въ Кіевѣ, а Владиміръ окопался на Дорогожичи, между Дорогожичемъ и Кашичемъ²⁾. Это бесиліе Ярополка легко объяснить: храбрая дружина ушла съ Святославомъ въ Волгарію, много ли возвратилось со Свѣнелдомъ? Ярополкъ могъ и съ малою дружиною одержать верхъ въ сшибкѣ съ еще меньшею дружиною брата своего Олега, по ему нельзя было выйти съ нею противъ воиска Владимірова, которое лѣтописецъ не одинъ разъ называетъ многочисленнымъ, состоявшимъ изъ насмныхъ Варяговъ и сѣверныхъ племенъ. Притомъ извѣстно, что народонаселеніе нашихъ древнихъ областей неохотно принимало участіе въ княжескихъ усобицахъ; далѣе надобно замѣтить, что сѣверное народонаселеніе—Новгородцы, Чудь и Кривичи,—котораго ратники были подъ знаменами Владиміра, сражало за этого князя но тѣмъ же побужденіямъ, по какимъ послѣ Новгородцы съ такимъ усердіемъ отстаивали Ярослава противъ Святополка. Владиміръ былъ ихъ князь, у нихъ выросшій; съ его низложеніемъ они должны будутъ опять подчиниться посадникамъ Ярополка; но возвращеніе послѣднихъ не могло быть выгодно для Новгородцевъ, ибо трудно предположить, чтобы Владиміръ выгналъ ихъ безъ вѣдома и согласія послѣднихъ, которые поэтому не могли быть въ пріязненныхъ отношеніяхъ къ Кіевскому князю; замѣтимъ еще и то, что сѣверное народонаселеніе—Новгородцы, Чудь и Кривичи—издавна было гораздо тѣснѣе соединено между собою, чѣмъ южное: мы видимъ эти племена дѣйствующими заодно при изгнаніи Варяговъ, въ призваніи князей, слѣдовательно имѣемъ право думать, что они относительно явнѣе понимали свои выгоды и дружбе могли отстаивать своего князя, чѣмъ племена южныя, недавно только оружіемъ князей приведенныя въ нѣкоторую связь и зависимость отъ одной общей власти. Итакъ Ярополкъ, будучи не въ состояніи битися съ Владиміромъ въ

²⁾ Дорогожичи между Вышгородомъ и Кіевомъ; см. Полн. Собр. Р. Л. II, 100; Святослава брата Вышгородѣ и пришедше сташа на Дорогожичи подъ святыхъ Кирилломъ. «Кирилловскій монастырь съ 1787 года составляетъ казенный докъ для содержанія увѣчныхъ и преставленныхъ инвалидовъ» (Веранскаго—Описание Кіева, 116)

чистомъ полѣ, затворился въ Киевѣ съ людьми своими и съ Блудомъ, воеводою. Этотъ Блудъ является главнымъ совѣтникомъ князя, главнымъ дѣйствующимъ во время событій; князь безпрекословно исполняетъ его внушенія, что и понятно, если вспомнимъ возрастъ Ярополка, если вспомнимъ, что и при Владимірѣ роль Блуда исполнялъ Добрыня. Слѣдовательно Владиміру или Добрыни нужно было имѣть дѣло съ Блудомъ, а не съ Ярополкомъ. И вотъ Блудъ отъ имени Новгородскаго князя получилъ предложеніе покинуть Ярополка, предать его младшему брату. Переманить Блуда можно было только обѣщаніемъ, что онъ ничего не потеряетъ, что и при Владимірѣ онъ будетъ имѣть такое же значеніе, какое имѣлъ при Ярополкѣ, т. е. значеніе наставника, отца при молодомъ князѣ; Владиміръ велѣлъ сказать ему: „Помоги мнѣ; если я убью брата, то ты будешь мнѣ вмѣсто отца и получишь отъ меня большую честь“. Въ лѣтописи помѣщены тутъ же слова Владиміра, въ которыхъ онъ оправдываетъ поведеніе свое относительно брата: „Не я, говоритъ онъ, началъ избивать братію, но онъ; я пришелъ на него, побоявшись такой же участи“¹⁾. Блудъ велѣлъ отвѣчать

Владиміру, что онъ будетъ всѣмъ сердцемъ помогать ему. Лѣтописецъ старается сложить всю вину на Блуда. По его разсказу, Блудъ сталъ обманывать Ярополка, безпрестанно ссылаясь съ Владиміромъ, совѣтуя ему приступить къ городу, а самъ придумывалъ, какъ бы убить Ярополка; но посредствомъ гражданъ нельзя было убить его. Тогда Блудъ замыслилъ погубить князя лестно: онъ не пукалъ его на вылазкѣ изъ города и говорилъ: „Киевляне ссылаются съ Владиміромъ, зовутъ его на приступъ, обѣщаютъ предать тебя ему; побѣги лучше за-городъ“. Ярополкъ послушался, выбѣжалъ изъ Киева и затворился въ городѣ Роднѣ, на устьи реки. Владиміръ вошелъ въ Киевъ и осадилъ Ярополка въ Роднѣ, гдѣ сдѣлался сильный голодъ, такъ что надолго осталась поговорка: „Вѣда какъ на Роднѣ“. Тогда Блудъ началъ говорить Ярополку: „Видишь, сколько войска у брата твоего? намъ ихъ не перебороть, мирись съ братомъ“; Ярополкъ согласился и на это; а Блудъ послалъ сказать Владиміру: „Твое желаніе сбылось: приведу къ тебѣ Ярополка, а ты распорядись, какъ бы убить его.“ Владиміръ, получивши вѣсть, вышелъ на отцовскій теремный дворъ и сѣлъ тутъ съ дружиною; а Блудъ началъ посылать Ярополка. „Ступай къ брату и скажи ему: Чтѣ мнѣ дашь, то и возьму.“ Ярополкъ пошелъ, хотя одинъ изъ дружины, именемъ Варяжко, говорилъ ему: „Не ходи, князь, убьютъ тебя, бѣги лучше къ Печенѣгамъ и приведи отъ нихъ войско.“ Но Ярополкъ не послушалъ его, пошелъ къ Владиміру, и какъ сталъ входить въ двери, то два Варяга прокололи его мечами, а Блудъ затворилъ двери и не далъ своимъ идти за нимъ. Варяжко, видя, что князь убитъ, бѣжалъ съ двора къ Печенѣгамъ, и много разъ приходилъ съ ними на Владиміра, такъ что тотъ едва успѣлъ перезвать его къ себѣ, поклявшись не дѣлать ему никакого зла. Слѣдовательно изъ начальной Киевской лѣтописи оказывается, что Владиміръ былъ одолженъ своею побѣдою во первыхъ тому, что Ярополкъ не имѣлъ достаточно войска, чтобы стать противъ него въ чистомъ полѣ; во вторыхъ, измѣнѣ Блуда, который, страдая князя вѣроломствомъ Киевлянъ, не пу-

¹⁾ Эверсъ предполагаетъ, что Владиміръ считалъ своею обязанностью отомстить Ярополку за смерть Олега. Но знаменитый изслѣдователь, обращая вниманіе только на отношенія Владиміра къ Олегу, упустилъ изъ виду отношенія Владиміра къ Ярополку. Точно, но понятіямъ того времени, Владиміръ долженъ былъ мстить за смерть брата; но кому? Принимая въ расчетъ родовыя отношенія, мы должны обращать вниманіе на совокупность этихъ отношеній и не брать каждое порознь. Здѣсь дѣло идетъ между родными братьями, членами одной семьи: на каждого родича была возложена обязанность мести, ибо месть была единственнымъ средствомъ защиты отъ насилій въ то время, когда каждый родъ смотрѣлъ на себя, какъ на отдѣльное цѣло, когда каждый зналъ только свой родъ и соблюдалъ только одни его интересы; но если обязанность мести была естественна и необходима между членами разныхъ родовъ, то ясно, что она не могла существовать между членами одного и того же рода, ибо каждый родъ составлялъ одно нераздѣльное цѣло съ своимъ главою, будь то отецъ, дядя, старшій братъ. Здѣсь сынъ не могъ мстить отцу, племянникъ — дядѣ, братъ — брату, ни за собственную обиду, ни за обиду, нанесенную другому родичу; здѣсь вѣдь дѣла рѣшались властью родоначальника или общимъ родовымъ судомъ. Такъ, напримеръ, когда Святославъ Изяславичъ, по наговорамъ Давида Игоревича, согласился на ослѣвленіе Василька, то цѣлый родъ вооружился противъ него; родичи говорили, что если Василько дѣйствительно виноватъ, то Святославъ долженъ былъ доказать предъ цѣлымъ родомъ его вину и потомъ казнить. — Но могъ ли Владиміръ, оставивъ вдвоемъ съ Ярополкомъ представителей рода, взять на себя право судить и наказывать старшаго брата? Уже самая исключительность положенія не допускала опредѣленности права: Владиміръ могъ дѣйствовать только по чувству самоохраненія, если бы могъ дѣйствовать самостоятельно; но дѣйствовалъ Добрыня, который, выстѣпавъ со стороны Владиміра чувствую самоохраненія, стремился убить Ярополка, чтобы сдѣлать своего племянника и питомца княземъ всей Русской Земли. — Вотъ почему преданіе, говоря о борьбѣ Владиміра съ Ярополкомъ, молчитъ о правѣ или обязанности перваго отомстить за смерть Олега, тогда какъ прямо говоритъ, что Свѣславъ уваривалъ Ярополка къ ловчѣ съ Олгомъ, желая отомстить за смерть своего сына. — Противъ нашего мнѣнія приводятъ слова Ярослава, скагавшаго имъ о Святославѣ: «Не лъзъ почаязъ избивати братью, но оны; да

будетъ отместникъ Богъ кровѣ братья моего.. но суди ми Гусениди по правдѣ». Но здѣсь Ярославъ руководится другими, новыми христіанскими понятіями: съ своей стороны онъ, подобно Владиміру, выставилъ только право защищаться, предупреждаетъ собственную погубель и свѣтуетъ свое дѣло правымъ, молвить Бога, какъ Мстителю за неповинную кровь, Карателя преступленій, помочь ему въ правомъ дѣлѣ. Приводятъ также событія изъ конца XII вѣка, гдѣ братъ убійствомъ мститъ за убійство родного брата другому родичу; но конецъ XIII вѣка былъ уже временемъ распада родоваго брата. Приводятъ, наконецъ, желаніе князя Святослава Черниговскаго отомстить Всеволоду Суздальскому за обиду; но здѣсь вѣтъ никакого соотношенія съ нашимъ событіемъ: линия Святослава и Всеволода (Ольговичи и Мономаховичи) давно уже находилась въ открытой борьбѣ, родовая связь давно была между ними разгорюгута; здѣсьшлошло между двумя независимыми властителями, и дѣлошло не объ убійствѣ (см. Изслѣдов. А. Тюринна — Обществе. жизнь и проч., стр. 46, 47).

скалъ его на вылазки и потомъ уговорилъ совершенно оставить Кіевъ.

При разсказѣ о этомъ событіи, нельзя умолчать объ извѣстномъ отрывкѣ изъ Іоакимовой новгородской лѣтописи, сохраненномъ у Татищева; не заключая въ себѣ никакого противорѣчія начальной Кіевской лѣтописи, лѣтопись Іоакимова главною причиною Владимірова торжества выставляетъ борьбу христіанства съ язычествомъ; если бы даже это объясненіе было выдуманно, то и тогда нужно было бы упомянуть о немъ, какъ о догадкѣ, очень остроумной и вѣроятной. Извѣстно, что отецъ Владиміра, Святославъ, по своему характеру, не могъ склониться на увѣщанія Св. Ольги, и что поклонники Христа при немъ подвергались ругательствамъ отъ поклонниковъ Перуна, хотя собственно гоненія не было. Но во время Греческой войны, по свѣдѣтельству Іоакима, Святославъ перемѣнилъ свое поведеніе относительно христіанъ: повѣривъ внушеніямъ окружающихъ его язычниковъ, будто виновниками неудачъ военныхъ были христіане, находившіеся въ дружинѣ, князь воздвигъ на нихъ гоненіе, причемъ не пощадилъ даже своего брата Глѣба ¹⁾, и послалъ въ Кіевъ приказъ разорить христіанскіе храмы. Но, отказавшись отъ принятія христіанства самъ, Святославъ между тѣмъ оставилъ сыновей своихъ при бабкѣ-христіанкѣ: ясно, какія внушенія должны были получить отъ нихъ молодые князья. Въ Іоакимовской лѣтописи читаемъ, что Ярополкъ былъ кротокъ и милостивъ, любилъ христіанъ, и если самъ не крестился, боясь народа, то, по крайней мѣрѣ, другимъ не препятствовалъ. Тѣ, которые при Святославѣ ругались надъ христіанствомъ, естественно не любили князя, приверженнаго къ враждебной религіи: этимъ нерасположеніемъ къ Ярополку, воспользовался Владиміръ (т. е. Добрыня) и успѣлъ огнать жизни и владѣніе у брата. Ярополкъ по словамъ Іоакимовой лѣтописи, послалъ увѣщевать брата къ миру и, выѣвъ, войско въ землю Кривскую. Владиміръ испугался и хотѣлъ-было уже бѣжать къ Новгороду; но дядя его Добрыня, зная, что Ярополкъ нелюбимъ язычниками, удержалъ племянника и послалъ въ Ярополковъ станъ съ дарами къ воеводамъ, перезывая ихъ на сторону Владиміра. Воеводы обѣщали передаться и исполнили свое обѣщаніе въ битвѣ при рѣкѣ Дручѣ, въ трехъ дняхъ пути отъ Смоленска ²⁾. Послѣдующія событія описаны согласно съ начальною Кіевскою лѣтописью.

Если мы примемъ во вниманіе разсказъ Іоакимовской лѣтописи, то намъ объяснятся поведеніе Владиміра въ первые годы его княженія: торже-

ство Владиміра было торжествомъ языческой стороны надъ христіанскою; вотъ почему новый князь ознаменовываетъ начало своего правленія сильною ревностю къ язычеству, ставитъ кумиры на высотахъ кіевскихъ: дядя его Добрыня поступаетъ точно такъ же въ Новгородѣ. Судя по выраженіямъ лѣтописца, никогда въ Русской Землѣ не было видно такого гнуснаго идолослуженія; хотя, какъ кажется, не слѣдуетъ принимать этихъ выраженій буквально: началъ княжить Владиміръ въ Кіевѣ одинъ, говорить лѣтописецъ, и поставилъ кумиры на холмѣ, вѣкъ двора теремнаго: Перуна деревяннаго, а голова у него серебряная, усъ золотой, Хорса (Дажбога, Стрибога, Смаргла (Сма и Регла) и Мокоша. Приносили имъ жертвы, называя богами, приводили сыновей и дочерей, и приносили жертвы бѣсамъ; осквернилась кровью Земля Русская и холмъ тотъ. — Намъ извѣстно, что Славяне-язычники сильно негодовали на христіанскую религію за то, что она не допускала многоженства ³⁾; въ ознаменованіе торжества языческой стороны, князь, виновникъ этого торжества, предается необузданному женолобію: кромѣ пяти законныхъ жонъ, было у него 300 наложницъ въ Вышгородѣ, 300 въ Бѣлгородѣ, 200 въ селѣ Берестовѣ. Онъ былъ пещьтъ блуда, по выраженію лѣтописца: приводилъ къ себѣ замужнихъ женщинъ и дѣвицъ на растлѣніе, однимъ словомъ, былъ женолобивъ какъ Соломонъ.

Но въ то время, какъ Владиміръ угождалъ язычникамъ, буйство наемныхъ Варяговъ ставило его въ затруднительное положеніе относительно Кіева. Мы видѣли, что торжество надъ Ярополкомъ, во всякомъ случаѣ, досталось ему дешево: если и была битва въ странѣ Смоленской, то въ собственной Руси все покорилось ему безъ сопротивленія. Несмотря на то, Варяги думали, что торжествомъ своимъ Владиміръ обязанъ имъ, поступали буйно съ гражданами, какъ съ завоеванными; они говорили Владиміру: „Городъ-то нашъ, мы его взяли, такъ мы хотимъ брать окупъ на народъ, по 2 гривны съ человѣка.“ Владиміръ отвѣчалъ: „Пождите мѣсяць, пока соберутъ деньги.“ Варяги ждали-ждали и не получили денегъ. Тогда они сказали князю: „Обмануль ты насъ: такъ оглусти въ Грецію.“ Владиміръ согласился; онъ выбралъ изъ нихъ мужей добрыхъ, смысленныхъ и храбрыхъ, и роздалъ имъ города, а прочіе пошли въ Константинополь. Но почему же Варяги не попробовали силою взять денегъ? Историки догадываются, что Владиміръ именно назначилъ мѣсячный срокъ, дабы взять свои мѣры, увеличить собственно русское войско; съ одной стороны это могло быть и такъ; съ другой, хорошимъ средствомъ для Владиміра сдѣлать Варяговъ безопасными было и то, о чемъ говоритъ лѣтописецъ, а именно: князь воспользовался срокомъ, чтобъ склонить на свою сторону лучшихъ Варяговъ, предводителей, призвавъ ихъ

¹⁾ Что у Святослава были если не родные, то двоюродные братья, доказываетъ упоминаеніе племянниковъ Игоря въ договорѣ съ Греками. племянника Ольги при описаніи угощеній ея Константиномъ Вагярородимъ; всего легче допустить, что этотъ племянникъ послѣдовалъ въ Царьградъ приѣзду тетки, принявъ христіанство.

²⁾ Татищ. I, стр. 38.

³⁾ См. Кралевд. рукоп. Zaboŷ, Slavoŷ, Ludiek.

къ себѣ и къ Руси выгодами; толпа, худшіе люди, оставшіе безъ предводителей, не смѣли предпринять ничего; такимъ образомъ Владиміръ ослабилъ Варяговъ, раздѣливши ихъ. Варяги спросили Владиміра: „Покажи намъ путь въ Грецію“. Это могло значить, что Варяги просили у князя пропускныхъ листовъ, безъ которыхъ греческое правительство не принимало Варяговъ, по договорамъ. Владиміръ точно отправилъ посольство къ императору на счетъ Варяговъ; послы должны были сказать ему: „Идуть къ тебѣ Варяги, не держи ихъ въ городѣ;

не то патворять они тебѣ бѣды, какъ и здѣсь; расточи ихъ въ разныя стороны, а сюда не пускай ни одного“. Выраженіе: надѣлаютъ они тебѣ бѣды, какъ и здѣсь — показываетъ, что Варяги буйствовали въ Кіевѣ.

Касательно вышнихъ отношеній при Ярополкѣ есть извѣстія: о побѣдѣ этого князя надъ Печенѣгами, о вступленіи печенѣжскаго князя Илдея въ службу къ Ярополку, который далъ ему города и волости; о заключеніи мира съ Греками на условіяхъ отцовскихъ и дѣдовскихъ; о приходѣ пословъ папскихъ.

Глава VII.

Владиміръ Святый. — Ярославъ I-й.

Несостоятельность язычества. — Извѣстіе о принятіи христіанства Владиміромъ. — Распространеніе христіанства на Руси при Владимірѣ. — Средство къ утвержденію христіанства. — Вліяніе духовенства. — Войны Владиміра — Первое столкновеніе съ западными Славянами. — Борьба съ Печенѣгами. — Смерть Владиміра; его характеръ. — Усобица между сыновьями Владиміра. — Утвержденіе Ярослава въ Кіевѣ. — Отношенія къ Скандинавіи и Польшѣ. — Последняя Греческая война. — Борьба съ Печенѣгами. — Внутренняя дѣятельность Ярослава.

(980—1054.)

Мы видѣли, что торжество Владиміра надъ Ярополкомъ сопровождалось торжествомъ язычества надъ христіанствомъ; но это торжество не могло быть продолжительно: русское язычество было такъ бѣдно, такъ безпѣтно, что не могло съ успѣхомъ вести спора ни съ одною изъ религій, пльвшихъ мѣсто въ юго-восточныхъ областяхъ тогдашней Европы, тѣмъ болѣе съ христіанствомъ; ревность Владиміра и Добрыни въ началѣ ихъ власти, устроеніе изукрашенныхъ кумировъ, частыя жертвы проротекали изъ желанія поднять сколько-нибудь язычество, дать ему средства хотя что-нибудь противопоставить другимъ религіямъ, подавляющимъ его своимъ величіемъ; но эти самыя попытки, эта самая ревность и вѣла прямо къ паденію язычества, потому что всего лучше показывала его несостоятельность. У насъ на Руси, въ Кіевѣ, произошло то же самое, что въ болѣе обширныхъ размѣрахъ произошло въ Имперіи, при Юліанѣ: ревность этого императора къ язычеству всего болѣе способствовала къ окончательному паденію послѣдняго, потому что Юліанъ истребилъ всѣ средства язычества, извлекъ изъ него все, что оно могло дать для умственной и нравственной жизни человѣка, и тѣмъ всего рѣзче выказалась его несостоятельность, его бѣдность предъ христіанствомъ. Такъ обыкновенно бываетъ и въ жизни отдѣльныхъ людей, и въ жизни цѣлыхъ обществъ: воть почему не неудивительно видѣть, какъ иногда самыя страстные ревнители вдругъ, неожиданно, покидаютъ предметъ своего поклоненія и переходятъ на враждебную сторону, которую защищаютъ съ удвоенною ревностью; это происходитъ именно отъ того, что въ ихъ сознаніи истребились всѣ средства прѣжняго предмета поклоненія.

Исторія Россіи, т. I, кн. I.

Подъ 983 годомъ, въ началѣ княженія Владиміра, лѣтописецъ помѣщаетъ разсказъ о слѣдующемъ событіи: Владиміръ, послѣ похода на Ятвяговъ, возвратился въ Кіевъ и приносилъ жертву кумирамъ вмѣстѣ съ своими людьми; старцы и бояре сказали: „Кинемъ жребій на отроковъ и дѣвцъ: на кого падеть, то принесемъ въ жертву богамъ“. Въ это время жилъ въ Кіевѣ одинъ Варягъ, который пришелъ изъ Греціи и держалъ христіанскую вѣру; былъ у него сынъ, прекрасный лицомъ и душою: на этого-то молодого Варяга и палъ жребій. Посланные отъ народа (объ участіи князя не говорится ни слова) пришли къ старому Варягу и сказали ему: „Палъ жребій на твоего сына, богамъ угодно взять его себѣ, и мы хотимъ принести его имъ въ жертву.“ Варягъ отвѣчалъ: „У васъ не боги, а дерево; нынче есть, а завтра сгниетъ, ни дѣять, ни пить, ни говорить, но сдѣланы руками человѣческими изъ дерева: а Богъ одинъ, которому служатъ Греки и кланяются, Который сотворилъ небо и землю, звѣзды и луну, и солнце, и человѣка, далъ ему жить на землѣ; а эти боги что сдѣлали? сами дѣланные; не дамъ сына своего бѣсамъ!“ Посланные разсказали эти рѣчи народу; толпа взяла оружіе, пошла къ варягову дому и разломала заборъ вокругъ него; Варягъ стоялъ въ сѣняхъ съ сыномъ. Народъ кричалъ ему: „Дай сына своего богамъ.“ Онъ отвѣчалъ: „Если они боги, то пусть пошлютъ какого-нибудь одного бога взять моего сына, а вы о чемъ хлопочете?“ Яростный кликъ былъ отвѣтомъ толпы, которая бросилась къ Варягамъ, подекла подъ ними сѣни и убила ихъ. Несмотря на то, что смѣлый Варягъ палъ жертвою торжествующаго, повидимому, языче-

ства, событие это не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія: язычеству, кумирамъ сдѣланъ былъ торжественный вызовъ, надъ ними торжественно наругались; проповѣдь была произнесена громко; народъ въ пылу ярости убилъ проповѣдника, но ярость прошла, а страшныя слова остались: ваши боги дерево; Богъ одинъ, Которому кланяются Греки, Который сотворилъ все,—и безотвѣтны стали кумиры Владиміра передъ этими словами, и что могла, въ самомъ дѣлѣ, славянская религія сказать въ свою пользу, что могла отвѣчать на высокіе запросы, заданные ей проповѣдниками другихъ религій? Самые важныя изъ нихъ были вопросы о началѣ міра и будущей жизни. Что вопросъ о будущей жизни дѣйствовать могущественно и на языческихъ Славянъ, какъ на другихъ народовъ,—видно изъ преданія о томъ, какъ царь Болгарскій обратился въ христіанство вслѣдствіе впечатлѣнія, произведеннаго на него картиною страшнаго суда. По русскому преданію, то же самое средство употребилъ и у насъ греческій проповѣдникъ и произвелъ также сильное впечатлѣніе на Владиміра; послѣ разговора съ нимъ, Владиміръ, по преданію, созываетъ бояръ и городскихъ старцевъ, и говоритъ имъ, что приходили проповѣдники отъ разныхъ народовъ, каждый хвалилъ свою вѣру; напоследокъ пришли и Греки,—хулятъ всѣ другіе законы, хвалятъ свой, много говорятъ о началѣ міра, о бытіи его, говорятъ хитро, любо ихъ слушать, и о другомъ свѣтѣ говорятъ: если кто въ ихъ вѣру вступитъ, то, умерши, воскреснетъ и не умретъ послѣ во-вѣки; если же въ другой законъ вступитъ, то на томъ свѣтѣ будетъ въ огнѣ горѣть. Магометанскіе проповѣдники также говорили о будущей жизни; но самое чувственное представленіе ея уже подрывало довѣренность; въ душѣ самаго простаго человека есть сознаніе, что тотъ свѣтъ не можетъ быть похожъ на этотъ, причемъ раздражала исключительность извѣстныхъ сторонъ чувственности, противорѣчіе, по которому одно наслажденіе допускается неограниченно, другія совершенно запрещались. Владиміръ, по преданію, явилъ чувственный рай магометовъ, но онъ никакъ не соглашался допустить обрѣзаніе, отказаться отъ свиного мяса и отъ вина: „Руси есть веселье пить, говорилъ онъ, не можетъ быть безъ того“. Что вопросъ о началѣ міра и будущей жизни сильно занималъ всѣ языческіе народы сѣвера и могущественно содѣйствовалъ распространенію между ними христіанства, могшаго дать имъ удовлетворительное рѣшеніе на него,—это видно изъ преданія о принятіи христіанства въ Британіи: къ одному изъ королей англо-саксонскихъ явился проповѣдникъ христіанства; король позвалъ дружину на совѣтъ, и одинъ изъ вождей сказалъ при этомъ слѣдующія замѣчательныя слова: „Быть-можетъ, ты приносиши, князь, что случается иногда въ зимнее время, когда ты сидиши за столомъ съ дружиною: огонь пылаетъ, въ комнатѣ тепло, а на дворѣ и дождь, и снѣгъ, и вѣтеръ. И вотъ иногда

въ это время быстро пронесется черезъ комнату маленькая птичка, влетитъ въ одну дверь, вылетитъ въ другую; мигновеніе этого перелета ей приятно, она не чувствуетъ болѣе ни дождя, ни бури; но это мигновеніе кратко, вотъ птица уже и вылетѣла изъ комнаты, и опять прежнее несчастіе бьетъ несчастную. Такова и жизнь людская на землѣ, и ея мигновенное теченіе, если сравнить его съ продолжительностью времени, которое предшествуетъ и послѣдуетъ. Это время и мрачно, и безпокойно для насъ; оно мучитъ насъ невозможностью познать его; такъ если новое ученіе можетъ дать намъ какое-нибудь вѣрное извѣстіе объ этомъ предметѣ, то стоитъ принять его“¹⁾. Отсюда понятно для насъ значеніе преданія о проповѣдникахъ разныхъ вѣръ, приходившихъ къ Владиміру, вѣрность этого преданія времени и обществу²⁾. Видно, что все было приготовлено для перелома въ нравственной жизни новорожденнаго русскаго общества на югѣ; что религія, удовлетворявшая разсѣянными, особо живущимъ племенамъ, не могла болѣе удовлетворити Кіевлянамъ, познаковавшимся съ другими религіями; они употребили всѣ средства для поднятія своей старой вѣры въ уровень съ другими,—и всѣ средства оказались тѣтными; чужія вѣры, и особенно одна, тяготили явно своимъ превосходствомъ; это обстоятельство и необходимость защищать старую вѣру естественно должны были вести къ раздраженію, которое, въ свою очередь, влекло къ насильственнымъ поступкамъ; но и это не помогло. При старой вѣрѣ нельзя было оставаться, нужно было рѣшиться на выборъ другой. Последнее обстоятельство, т. е. выборъ вѣры, есть особенность Русской Исторіи: ни одному другому европейскому народу не предстояло необходимости выбора между религіями; но не такъ было на востокѣ Европы, на границахъ ея съ Азіею, гдѣ сталкивались не только различныя религіи, а именно: магометанская, іудейская и христіанская; Козарское царство, основанное на границахъ Европы съ Азіею, представляетъ намъ это смѣшеніе разныхъ народовъ и религій; козарскимъ каганамъ, по преданію, также предстоялъ выборъ между тремя религіями³⁾: они выбрали іудейскую; для азіатцевъ былъ доступнѣе деизмъ послѣдней. Но Козарское царство пало, и вотъ на границахъ также Европы съ Азіею, но уже

¹⁾ Bedae Hist. I. II, стр. 13.

²⁾ Время извѣснаго составленія преданія можно опредѣлить. Жиды говорятъ Владиміру: «Развѣгнѣвася Богъ на отцы наши и расточи ны по странамъ грѣхъ ради нашихъ, и предаша бысть земля наша Хрестеяночѣ». Палестина была предана на христіанамъ, но язычникамъ, Римлянамъ, а въ ошешивское время находилась во владѣніи магометанъ; слѣдовательно преданіе составлено окончательно и занесено въ лѣтописи въ то время, когда востановили владѣти Іерусалимомъ. О томъ, откуда заимствованы вѣста, не находящіяся въ Иблинѣ, см. о Древней Русской Лѣтописи, соч. Сухомлинова, стр. 54 и слѣд.

³⁾ См. Іудейско-Козарское преданіе въ отвѣтъ Козарскаго царя Іосифа испанскому Еврею Рабби Хиддай. — Чтенія Истор. Общ. 1847, № 6.

на другой сторонѣ, ближе къ Европѣ, образовалось другое владѣніе, Русское, съ европейскимъ народонаселеніемъ; кагану Русскому и его народу предстоялъ также выборъ между тремя религіями, и опять повторилось преданіе о проповѣдникахъ различныхъ вѣръ и о выборѣ лучшей; на этотъ разъ лучшею оказалась не іудейская; европейскій смыслъ избралъ христіанство. Преданіе очень вѣрно выставило также причину отверженія Іудеевъ Владиміромъ; когда онъ спросилъ у нихъ: „Гдѣ ваша земля?“ и они сказали, что Богъ въ гнѣвъ расточилъ ихъ по странамъ чужимъ, то Владиміръ отвѣчалъ: „Какъ вы учите другихъ, будучи сами отвергнуты Богомъ и расточены?“ Вспомнимъ, какъ у средневѣковыхъ европейскихъ народовъ было вкоренено понятіе, что политическое бѣдствіе народа есть наказаніе Божіе за грѣхи, вслѣдствіе чего питалось отвращеніе къ бѣдствующему народу.

Магометанство, кромѣ видимой бѣдности своего содержанія, не могло соперничать съ христіанствомъ по самой отдаленности своей. Христіанство было уже давно знакомо въ Кіевѣ вслѣдствіе частыхъ сношеній съ Константинополемъ, который поражалъ Руссовъ величіемъ религіи и гражданственности. Бывальцы въ Константинополѣ, послѣ тамошнихъ чудесъ, съ презрѣніемъ должны были смотрѣть на бѣдное русское язычество и превозносить вѣру греческую. Рѣчи ихъ имѣли большую силу, потому что это были обыкновенно многоопытные странствователи, бывшіе во многихъ различныхъ странахъ, и на востокъ, и на западъ, видѣвшіе много разныхъ вѣръ и обычаевъ, и, разумѣется, нмъ нигдѣ не могло такъ правиться, какъ въ Константинополѣ. Владиміру не нужно было посылать бояръ извѣдывать вѣры разныхъ народовъ: не одинъ Варягъ могъ удостовѣрить его о преимуществахъ вѣры греческой передъ всѣми другими; митрополитъ Іларіонъ, котораго свидѣтельство, какъ почти современное, не подлежитъ никакому сомнѣнію, — Іларіонъ ни слова не говоритъ о преимуществахъ для извѣдыванія вѣръ, по говорить, согласивъ съ дѣломъ, что Владиміръ постоянно слышалъ о Греческой Землѣ, сильной вѣрою, о величій тамошняго богослуженія¹⁾; бывальцы въ Константинополѣ и другихъ разновѣрныхъ странахъ могли именно говорить то, что, по преданію, у лѣтописца говорятъ бояре, которыхъ Владиміръ посылалъ для извѣдыванія вѣры: „Мы не можемъ забыть той красоты, которую видѣли въ Константинополѣ; всякій человѣкъ, какъ отвѣдаетъ разъ сладкаго, уже не будетъ послѣ принимать горькаго: такъ и мы здѣсь

въ Кіевѣ больше не останемся“. Эти слова находили подтвержденіе и между городскими старцами, и между тѣми изъ бояръ Владиміра, которые не бывали въ Константинополѣ, — у нихъ было свое туземное доказательство въ пользу христіанства: „Если бы дурень былъ законъ греческій, говорили они, то бабка твоя, Ольга, не приняла бы его; а она была мудрая всѣхъ людей“. Замѣтимъ еще одно обстоятельство: Владиміръ былъ взятъ изъ Кіева малолѣтнимъ и воспитанъ въ Новгородѣ, на сѣверѣ, гдѣ было сильно язычество, а христіанство едва ли знакомо; онъ пришелъ въ Кіевъ съ сѣвера тамошнее народонаселеніе — Варяговъ, Славянъ Новгородскихъ, Чудь, Кривичей, все ревностѣйшихъ язычниковъ, которые своимъ прибытіемъ легко дали перевѣсъ кіевскимъ язычникамъ надъ христіанами, что и было причиною явленій, имѣвшихъ мѣсто въ началѣ княженія Владиміра; но потомъ время и мѣсто взяли свое: ближайшее знакомство съ христіанствомъ, съ Греціею, приплывъ бывальцевъ въ Константинополѣ должны были ослабить языческую ревность и склонить дѣло въ пользу христіанства. Такимъ образомъ, все было готово къ принятію новой вѣры, ждали только удобнаго случая: „подожду еще немного“, говорилъ Владиміръ, по свидѣтельству начальнаго лѣтописца кіевского. Удобный случай представился въ войнѣ съ Греками; преданіе тѣсно соединяетъ походъ на Грековъ съ принятіемъ христіанства, хочеть выставить, что первый былъ предпринятъ для второго; Владиміръ спросилъ у бояръ: „Гдѣ принять намъ крещеніе?“ — тѣ отвѣчали: „Гдѣ тебѣ любо“. И, по прошествіи года, Владиміръ выступилъ съ войскомъ на Корсуны. Корсуницы затворились въ городѣ и крѣпко отбивались, несмотря на изнеможеніе; Владиміръ объявилъ имъ, что если они не сдадутся, то онъ будетъ три года стоять подъ городомъ. Когда эта угроза не подѣйствовала, Владиміръ велѣлъ дѣлать валъ около города; но Корсуныяне подкопали городскую стѣну и унесли присыпаемую Русскими землю къ себѣ въ городъ; Русскіе сыпали еще больше, и Владиміръ все стоялъ. Тогда одинъ Корсуныянинъ, именемъ Анастасъ, пустилъ въ русскій станъ ко Владиміру стрѣлу, на которой было написано: „За тобою, съ восточной стороны, лежатъ колодцы; отъ нихъ вода идетъ по трубѣ въ городъ; перекопай и перейми ее“. Владиміръ, услыхавъ объ этомъ, взглянулъ на небо, и сказалъ: „Если это случится, я крещусь“. Извѣстіе вѣрно ходу событій: это не первый примѣръ, что князь языческаго народа принимаетъ христіанство при условіи побѣды, которую долженъ получить съ помощію новаго божества. Владиміръ тотчасъ велѣлъ копать противъ трубъ, — вода была переята; Херсонцы изнемогли отъ жажды и сдались. Владиміръ вошелъ въ городъ съ дружиною, и послалъ сказать Греческимъ императорамъ — Василию и Константину: „Я взялъ вашъ славный городъ; слышу, что у васъ сестра въ дѣвцахъ; если не отдадите ея за меня, то и съ вашимъ городомъ будетъ то же

¹⁾ Ілар. въ Прибавл. къ Твор. Св. Отц. 240. Паче же слышано бѣ ему всегда о благовѣрній земли Грѣчестей, христовлюбивій же и сильній вѣрою, какъ една Вога въ Трояцѣ чтутъ и кланяются, како въ нихъ дѣются силы и чудеса и знаженія; како церкви людей псалмьени, како вѣои и гради благовѣрни вси въ молитвахъ прилѣжать, вси Богови предостоятъ.

что съ Корсунемъ". Испуганные и огорченные такимъ требованіемъ, императоры велѣли отвѣчать Владиміру: „Не слѣдуетъ христіанамъ отдавать родственницъ своихъ за язычниковъ; но если крестнишься, то и сестру нашу получишь, и вмѣстѣ царство небесное, и съ нами будешь единовѣрникъ; если же не хочешь креститься, то не можешь выдать сестры своей за тебя". Владиміръ отвѣчалъ на это царскимъ посланнымъ: „Скажите царямъ, что я крещусь; я уже прежде испыталъ вашъ законъ, любя мнѣ ваша вѣра и служенье, о которыхъ мнѣ разсказывали посланные нами мужи". Цари обрадовались этимъ словамъ, умолили сестру свою Анну выйти за Владиміра, и послали сказать ему: „Крестись, и тогда пошлемъ къ тебѣ сестру". Но Владиміръ велѣлъ отвѣчать: „Пусть тѣ священники, которые придутъ съ сестрою вашею, крестятъ меня". Цари послушались и послали сестру свою вмѣстѣ съ нѣкоторыми сановниками и пресвитерами: *Аннѣ* очень не хотѣлось идти. „Иду точно въ полонъ", говорила она,—лучше бы мнѣ здѣсь умереть"; братья утѣшали ее: „А что если Богъ обратитъ тобою Русскую Землю въ покаяніе, а Греческую Землю избавитъ отъ лютыя рати; видишь, сколько зла надѣлала Русь Грекамъ? И теперь, если не пойдешь, будетъ то же". И едва уговорили ее идти. Анна сѣла на корабль, простилась съ роднею и поплыла съ горемъ въ Корсунъ, гдѣ была торжественно встрѣчена жителями. Въ это время, продолжаетъ преданіе, Владиміръ разболѣлся глазами, ничего не могъ видѣть и сильно тужилъ; тогда царица велѣла сказать ему: „Если хочешь исцѣлиться отъ болѣзни, то крестись поскорѣй, если же не крестнишься, то и не выльчишься". Владиміръ сказалъ на это: „Если въ самомъ дѣлѣ такъ случится, то постигши великъ будетъ Богъ христіанскій", и объявилъ, что готовъ къ крещенію. Епископъ корсунскій, съ царскими священниками, огласивъ, крестилъ Владиміра, и когда возложили на него руки, то онъ вдругъ прозрѣлъ; удивясь такому внезапному исцѣленію, Владиміръ сказалъ: „Теперь только я узналъ истиннаго Бога!". Видя это, и изъ дружины его многіе крестились. Послѣ крещенія совершенно былъ бракъ Владиміра съ Анною.

Все это преданіе очень вѣрно обстоятельствомъ въ своихъ подробностяхъ, и потому не можетъ быть отвергнуто. Пренія вѣра была во Владиміръ поколеблена, онъ видѣлъ превосходство христіанства, видѣлъ необходимость принять его, хотя по очень естественному чувству медлялъ, ждалъ случая, ждалъ знаменія; онъ могъ отправиться и въ корсунскій походъ съ намѣреніемъ креститься въ случаѣ удачи предпріятія; могъ повторить обѣщаніе, когда Анастасъ открылъ ему средство къ успѣху, и потому опять медлялъ, пока увѣщанія царевны Анны не убѣдили его окончательно¹⁾.

¹⁾ Внося въ лѣтопись это преданіе, которое, какъ видно, составляло одно цѣлое съ преданіемъ о проповѣдникахъ и объ извѣдываніи вѣры (Владиміръ говоритъ императорамъ,

Владиміръ вышелъ изъ Корсуни съ царцемъ, взявъ съ собою Анастаса, священниковъ корсунскихъ, мощи св. Климента и Фива, сосуды персковныя, иконы, взявъ два мѣдныхъ истукана²⁾ и четыре мѣдныхъ коня; Корсунъ отдалъ Грекамъ назадъ въ вѣно за жену свою, по выраженію лѣтописца. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ Корсунъ же явился ко Владиміру и митрополитъ Михаилъ, назначенный управлять новою Русскою Церковію,—извѣстіе очень вѣроятное, потому что Константинопольская Церковь не могла медлить присылкою этого лица, столь необходимаго для утвержденія новаго порядка вещей на сѣверѣ³⁾. По возвращеніи въ Кіевъ, Владиміръ прежде всего крестилъ сыновей своихъ⁴⁾ и людей близкихъ. Велѣлъ затѣмъ велѣлъ испровергнуть идоловъ. Этимъ должно было приступить къ обращенію народа, испроверженіемъ прежнихъ предметовъ почитанія нужно было показать ихъ ничтожество; это средство считалось самымъ дѣйствительнымъ почти у всѣхъ проповѣдниковъ, и дѣйствительно было таковымъ:

что онъ уже испыталъ ихъ вѣру чрезъ посланныхъ отъ него мужей), лѣтописецъ выбралъ его изъ нѣсколькихъ другихъ преданій, основываясь на свидѣтельствѣ достоувѣрныхъ людей, стариковъ, поминувшихъ событіе, какъ напримѣръ старецъ Изъ. Другія преданія говорили, что Владиміръ крестился въ Кіевѣ, иныя, что — въ Вышневѣ, а нѣкоторыя указывали на другія мѣста. Въ Торжественныхъ Румянц. Муз. подлѣ № ССССХХV находится слѣдующее извѣстіе, котораго вѣтъ въ лѣтописяхъ: «Шесть (Владиміръ) взя Корсунъ градъ, князя и княгиню уби, и дѣверъ ихъ за Жидьберномъ. Не расцвѣтивъ полковъ и посла Ольгу воеводу своего съ Жидьберномъ въ Царьградъ къ царямъ просить за себя сестры ихъ».

²⁾ Никон. I, 92. И два болвана мѣдныя. *Лѣтоп. Переса.* Суздаль. Яко жены образомъ медныя суща.

³⁾ Тамъ же, I, 91.

⁴⁾ Разумѣется, что Владиміръ, какъ отецъ, которому дорого было спасеніе дѣтей своихъ, прежде всего долженъ былъ озаботиться тѣмъ, чтобы семейство его было провѣщено христіанствомъ; да и во всякомъ случаѣ естественно было Владиміру начать обращеніе съ своего семейства и потомъ перейти къ остальнымъ; вотъ почему мы припомнимъ извѣстіе татищевскаго свода (II, 74): «Какъ скоро Владиміръ къ Кіеву пришелъ, немедленно учинилъ совѣтъ съ митрополитомъ, крестилъ 12 сыновей своихъ и вельможъ». Съ этимъ согласны и Никон. и Степ. кн.; но въ Никон. испроверженіе идоловъ поставлено прежде крещенія сыновей, а у Татищева послѣ. Въ такъ-называемой Тверской лѣтописи, находящейся въ Императ. Публич. Библиот., читаемъ слѣдующее преданіе о Рогѣдѣ: «Посла (Владиміръ послѣ крещенія) къ женѣ своей Рогѣдѣ, глаголю ея: азъ убо нынѣ крестенъ есмь, и прияхъ вѣру и законъ христіанскій, подобае ми едину жену имѣти, ея же поялъ въ христіанствѣ. Избери убо себѣ отъ вельможъ моихъ ея же хочши, да съчитаю ты ея. Она же отвѣщавши рече ему: или ты единъ хочешь царствѣ земное и небесное въсприяти, а мнѣ маловременныхъ сль и будущаго дати не хочши. Ты бо отступи отъ идольскія прелести въ снволеніе Божіе, азъ же, бивъ царцемъ, но хощю рѣби быти земному царю, ни князю, но увѣститися хощю Христови, и въсприему ангельскій образъ. Бывъ же ея Ярославъ сѣдице у нея, бѣ бо естественъ таковъ отъ рожденія. И слына глаголю и отвѣта матери своея ко Володиміру, и въздохнухъ съ плачемъ глаголю матери своея: О мати моя! помстину царица еси царицехъ и госпожа госпожамъ... И отъ сего словесе Ярославъ взя на погу своею, а прежде бо бѣ не ходилъ». Рогѣда пострѣлилась и названа Анастасіею.

кромѣ того, ревность новобращеннаго не могла позволить Владиміру удержатъ хотя на нѣкоторое время идоловъ, стоящихъ на самыхъ видныхъ мѣстахъ города и которымъ, вѣроятно, не переставали приносить жертвы; притомъ если не всѣ, то большая часть истукановъ напомнили Владиміру его собственныя грѣхъ, потому что онъ самъ ихъ поставилъ. Изъ испровергнутыхъ идоловъ однихъ разбѣкли на части, другихъ сожгли¹⁾, а главнаго, Перуна, привязали лошади къ хвосту и потащили съ горы, причемъ двѣнадцать челоѣкъ были истукана на камни: это было сдѣлано, прибавляетъ лѣтописецъ, не потому, чтобы дерево чувствовало, но на поруганіе бѣсу, который этимъ идоломъ прельщала людей, — такъ пусть же отъ людей приметъ и возмездіе. Когда волокли идола въ Днѣпръ, то народъ плакалъ; а когда Перунъ поплылъ по рѣкѣ, то приставлены были люди, которые должны были отталкивать его отъ берега, до тѣхъ поръ, пока пройдетъ пороги. Затѣмъ приступлено было къ обращенію кievскаго народа: митрополитъ и священники ходили по городу съ проповѣдію; по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ, и самъ князь участвовалъ въ этомъ дѣлѣ²⁾. Многіе съ радостію крестились; но больше оставалось такихъ, которые не соглашались на это; между ними были двоякаго рода люди: одни не хотѣли креститься не по сильной привязанности къ древней религіи, но по новости и важности дѣла, колебались точно такъ же, какъ, по преданію, колебался прежде и самъ Владиміръ³⁾; другіе же не хотѣли креститься по упорной привязанности къ старой вѣрѣ: они даже не хотѣли и слушать о проповѣди⁴⁾. Видя это, князь употребилъ средство послышѣе: онъ послалъ повѣстить по всему городу, чтобы на другой день всѣ некрещенные шли къ рѣкѣ, кто же не явится, будетъ противникомъ князю. Услыхавъ этотъ приказъ, многіе пошли охотою, именно тѣ, которые прежде медлили по нерышительности, колебались, ждали только чего-нибудь рѣшительнаго, чтобы креститься; не понимая еще сами превосходства новой вѣры предъ старою, они естественно должны были основывать превосходство первой на томъ, что она принята высшими: „Если бы новая вѣра не была хороша, то князь и бояре не приняли бы

ея“, говорили они. Нѣкоторые шли къ рѣкѣ по принужденію⁵⁾; нѣкоторые же, ожесточенные приверженцы старой вѣры, слыша строгій приказъ Владиміра, бѣжали въ стѣны и лѣса⁶⁾. На другой день послѣ объявленія княжескаго приказа, Владиміръ вышелъ съ священниками паричьными и корсунскими на Днѣпръ, куда сошлось множество народа; всѣ вошли въ воду, и стояли одинъ по шею, другіе по грудь; несовершеннолѣтніе стояли у берега, возрастныя держали на рукахъ младенцевъ, а крещеные уже бродили по рѣкѣ, вѣроятно уча некрещеныхъ, какъ вести себя во время совершенія таинства, а также и занимая мѣсто ихъ воспріемниковъ⁷⁾; священники на берегу читали молитвы⁸⁾.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ принятія христіанства Владиміромъ и распространенія его въ Русской Землѣ было, разумеется, постройка церковей. Владиміръ тотчасъ послѣ крещенія велитъ строить церкви и ставить ихъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ прежде стояли кумиры: такъ поставлена была церковь Св. Василія на холмѣ, гдѣ стоялъ кумиръ Перуна и прочихъ боговъ⁹⁾. Владиміръ велѣлъ ставить церкви и опредѣлять къ нимъ священниковъ также и по другимъ городамъ, и приводить людей къ крещенію по всѣмъ городамъ и селамъ. Здѣсь останавливаются насъ два вопроса: по какимъ городамъ и областямъ и въ какой мѣрѣ было распространено христіанство при Владимірѣ, и потому — откуда явились при церквахъ священнослужители? Есть извѣстія, что митрополитъ съ епископами, присланными съ Царяграда, съ Добрынею, дядею Владиміровымъ, и съ Анастасомъ, ходили на сѣверъ и крестили народъ; естественно, что они шли сначала по великому водному пути, вверхъ по Днѣпру, волокомъ и Ловатю, до сѣвернаго конца этого пути — Новгорода Великаго. Здѣсь были крещены многіе люди, построена церковь для новыхъ христіанъ; но съ перваго раза христіанство было распространено далеко не между всѣми жителями; изъ Новгорода, по всѣмъ вѣроятностямъ, путемъ воднымъ, Шежскимъ, проповѣдники отправи-

¹⁾ Имя кумиры испровержи, овы осѣчи, а другія огни предади (Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. I, 50). — О сѣч и относится, думаемъ, къ каменнымъ кумирамъ, а сг пени и преда ти — къ деревяннымъ.

²⁾ Татищ. II, 74, Никон. I 92. Я принимаю здѣсь извѣстія позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборниковъ по естественности разсказа: всякій согласится, что такъ должно было быть, что прежде надобно было предложить народу крещеніе, объяснить ему сколько-нибудь, въ чемъ состоитъ перемѣна, во что онъ долженъ отнѣсти огонь вѣровать, и потомъ уже, когда явились упорные, употребить приказъ съ угрозою, а не прямо заставлять идти всѣхъ къ рѣкѣ и дѣлать неизвѣстно что, какъ описывается въ сокращенныхъ лѣтописяхъ, хотя и донедшихъ до насъ въ древнѣйшихъ спискахъ.

³⁾ Тат. II, 74: Множабіше, размышляя, отлагали день за день.

⁴⁾ Тачъ же.

⁵⁾ Иларіонтъ, стр. 241: И не бысть ни единогожъ противящася благочестію его новѣлѣнію. Да аще кто и не любовію, но страхомъ новѣлѣнаго крещася: понеже бѣ благохрѣіе его со властію справлено. — Въ Никон. стр. 92 почти то же: И бѣ слово его со властію.

⁶⁾ Какъ аспиды глухіе замыкая уши свои, по выраженію лѣтописца. Тат. II, 75.

⁷⁾ Иначе, думаемъ, нельзя понимать этихъ словъ: свершеніи же бродяху. Совершеніи въ вѣрѣ есть обычное выраженіе для крестившихся уже. Свершеніи по можетъ относиться къ возрасту, ибо прежде было сказано, что одни стояли по шею, другіе по грудь; надъ которыми совершалось таинство, должны были стоять, а не бродить.

⁸⁾ На берегу — прибавлено въ Никон., и несомнѣнно такъ.

⁹⁾ Выраженіе, что князь велѣлъ строить церкви тамъ, гдѣ прежде стояли кумиры, и потому одинъ только грѣмъ построения на холму Перуновомъ показывается, что лѣтописецъ не знаетъ другихъ мѣстъ въ Кіевѣ, гдѣ еще стояли кумиры.

лись къ востоку, до Ростова. Этимъ кончилась дѣя-
тельность перваго митрополита Михаила въ 990 г.;
въ 991 онъ умеръ. Легко представить, какъ смерть
его должна была опечалить Владиміра въ его но-
вомъ положеніи; князя едва могли утѣшить другіе
епископы и бояре; скоро впрочемъ быть призванъ
изъ Наряграда новый митрополитъ Леонъ; съ по-
мощію поставленнаго имъ въ Новгородѣ епископа
Іоакима Корсуянина, язычество здѣсь сокрушено
околпачительно. Вотъ любопытное извѣстіе объ этомъ
изъ такъ-называемой Іоакимовой лѣтописи: „Когда
въ Новгородѣ узнали, что Добрыня идетъ крестить,
то собрали вѣче и поглялись все не цукать его
въ городъ, не давать идоловъ на испроверженіе;
и точно, когда Добрыня пришелъ, то Новгородцы
разметали большой мостъ и вышли противъ него
съ оружіемъ; Добрыня сталь-было уговаривать ихъ
ласковыми словами, но они не слышать не хотѣли;
вывезли двѣ каместрѣльницы машины (пороки) и
поставили ихъ на мосту; особенно уговаривать ихъ
не покоряться главный между жрецами, т. е. волхвами
ихъ, какой-то Богомилъ, прозванный за красно-
рѣчіе Соловьемъ. Епископъ Іоакимъ съ священ-
никами стояли на Торговой сторонѣ; они ходили по
торгамъ, ушамъ, учили людей сколько могли, и
въ два дня успѣли окрестить нѣсколько сотъ.
Между тѣмъ на другой сторонѣ, новгородскій ты-
сячкій Угоняи, вѣдя вѣсуду, кричалъ: „Лучше намъ
помереть, чѣмъ дать богамъ нашихъ на поруганіе“;
народъ на той сторонѣ Влхова разсвирѣпѣлъ, разо-
ршилъ дождь Добрыни, разграбилъ имѣніе, убилъ
жену и еще нѣкоторыхъ изъ родни. Тогда тысяч-
кій Владиміровъ, Путята, приготовилъ лодки и
выбравъ изъ Ростовцевъ пять сотъ человекъ, ночью
перевезся выше крѣпости на ту сторону рѣки и во-
шелъ въ городъ безпретятвенно, ибо все думали,
что это свои ратники. Путята дошелъ до
двора Угоняева, схватилъ его и другихъ лучшихъ
людей и отослалъ ихъ къ Добрынѣ за рѣку. Когда
вѣсть объ этомъ разнеслась, то народа собралось
до 5000, обступили Путяту и начали съ нимъ
злую сѣчу, а нѣкоторые пошли, разметали церковь
Преображенія Господня и начали грабить дома хри-
стіанъ. На развѣстѣ прислѣлъ Добрыня со всеми
своими людьми и велѣлъ зажечь нѣкоторые дома
на берегу; Новгородцы испугались, побѣжали ту-
шить пожаръ, и сѣча перестала. Тогда самые зна-
тные люди пришли къ Добрынѣ просить мира. До-
брыня собрать войско, запретилъ грабежъ; но тотъ-
часъ велѣлъ сокрушить идоловъ:—деревянныхъ
сжечь, а каменныхъ, изломавъ, бросать въ рѣку.
Мужчины и женщины, видя это, съ воплемъ и сле-
зами просили за нихъ, какъ за своихъ боговъ.
Добрыня съ насмѣшкою отвѣчалъ имъ: „Нечего
вамъ жалѣть о тѣхъ, которые себя оборонить не
могутъ; какой пользы вамъ отъ нихъ ждать?“ и
послалъ вѣсуду съ объявленіемъ, чтобы шли кре-
ститься. Посадникъ Ворбей, сынъ Стояповъ, воспи-
танный при Владимірѣ, человекъ краснорѣчи-
вый, пошелъ на торгъ и сильнѣе всехъ уговари-

валъ народъ; многіе пошли къ рѣкѣ сами собою,
а кто не хотѣлъ, тѣхъ воины тащили, и крестились:
мужчины выше моста, а женщины—ниже. Тогда
многіе язычники, чтобъ отбыть отъ крещенія, обя-
вляли, что крещены; для этого Іоакимъ велѣлъ
всѣмъ крещенымъ надѣтъ на шею кресты, а кто
не будетъ имѣть на себѣ креста, тому не вѣрять,
что крещенъ, и крестить. Разметанную церковь
Преображенія построилъ снова. Окончивъ это дѣло,
Путята пошелъ въ Кіевъ; вотъ почему есть бран-
ная для Новгородцевъ пословица: „Путята крестилъ
мечемъ, а Добрыня огнемъ“¹⁾.

Такимъ образомъ, христіанство при Владимірѣ,
какъ видно, было распространено преимущественно
по узкой полосѣ, прилегавшей къ великому вод-
ному пути изъ Новгорода въ Кіевъ; къ востоку же
отъ Днѣпра, по Окѣ и Верхней Волгѣ, даже въ са-
момъ Ростовѣ, несмотря на то, что проповѣдь до-
ходила до этихъ мѣстъ, христіанство распростра-
нялось очень слабо; мы увидимъ впоследствии,
что иноки Печерскаго монастыря будутъ проповѣд-
никами христіанства у Вятичей и Мери, и будутъ
мучениками тамъ; лѣтописецъ прямо говоритъ, что
въ его время Вятичи сохранили еще языческіе обы-
чай: наконецъ Иларіонъ, современникъ сына Вла-
димірова, называетъ русскихъ христіанъ малыми
стадомъ Христовымъ²⁾. Самому князю принадле-
жить распространеніе христіанства на западъ отъ
Днѣпра, въ странахъ, которыя онъ долженъ былъ
посѣщать по отношеніямъ своимъ въ Польшѣ; съ
извѣстіемъ, что въ 992 году онъ ходилъ съ еписко-
пами на юго-западъ, училъ, крестилъ людей, и въ
Землѣ Червенской построилъ въ свое имя городъ
Владиміръ и деревянную церковь Богородицы³⁾.

Мы видѣли, по какимъ областямъ и городамъ
было распространено христіанство при Владимірѣ;
теперь обратимся къ другому вопросу: откуда пер-
воначальная Русская Церковь получила себѣ свя-

¹⁾ Мы, согласно съ Никои. лѣт. (I, 103, 105), при-
няли двѣ проповѣди для Новгорода: первую митрополита
Михаила, вторую уже при митрополитѣ Леонѣ, Іоакима
Корсуянина. Подробное сказаніе Іоакима нисколько не
противорѣчитъ извѣстіямъ Никои. лѣтн., хотя Іоакимъ
рассказываетъ только объ одномъ обращеніи; но изъ его
рассказа ясно, что онъ предвозвѣщаетъ другую проповѣдь,
о которой молчитъ, ибо въ ней не участвовалъ. На пер-
вую проповѣдь указываетъ прямо извѣстіе о христіанствѣ
въ Новгородѣ и о церкви Преображенія. Ино также, что
Добрыня съ Путятою явились во второй разъ въ Нов-
городъ изъ Ростова, на что указываетъ ростовскій полякъ
тысячникаго Путяты.

²⁾ Стр. 241: Не вѣгвухайся, аще и мало стадо.

³⁾ Титлиц. II, 78. Въ Никои. (I, 104) Владиміръ По-
льскій сѣмънакъ съ Клязьменскимъ.—Титлицъ въ прилѣж.
196 говоритъ: «О построеніи Владиміра манускрипты № 1,
3 и 4 сказуютъ, что построены на Волынѣ, или въ Чер-
венской Руси, но въ другихъ, не зная онаго писали,
якобы на Клязьмѣ, который отъ Георгія сына Монаха
построить, и есть доказательство, что его Сичовъ в
1175 году пригородомъ Суздальскимъ именууетъ. На В-
лынѣ же во Владимірѣ епископъ при Владимірѣ была, а
на Клязьмѣ до Георгія иудѣя не упоминается, особенно
въ войнѣ Мстислава съ Ольгомъ, если бы была, то-бѣ го-
нечю надлежало мимо идти, и его упоминуть».

щеннослужителей? Митрополитъ и епископы были присланы изъ Царяграда; въ Киевѣ, если прежде были христіане, была церковь, то были, разумѣется, и священники; Владиміръ привелъ изъ Корсуни тамошнихъ священниковъ и священниковъ, прѣбывавшихъ съ царевною Анною. Но все этого числа было недостаточно для крещенія и наученія людей въ Киевѣ и другихъ мѣстахъ; и вотъ есть извѣстіе, совершенно согласное съ обстоятельствами, что присланы были священники изъ Болгаріи, которые были способны учить народъ на понятномъ для него языкѣ; есть даже извѣстіе, что и первые епископы и даже митрополитъ Михаилъ были изъ Болгаръ¹⁾. Но сколько бы ни пришло священниковъ греческихъ и болгарскихъ, все ихъ было мало для настоящей потребности; нужно было умножить число своихъ, русскихъ священниковъ, что не могло произойти иначе, какъ чрезъ распространеніе книжнаго ученія. Такое распространеніе было предпринято немедленно послѣ всенароднаго крещенія въ Киевѣ, ибо въ немъ митрополитъ и князь видѣли единственное средство утвердить вѣру. Отцы и матери были мало утверждены; оставитъ дѣтей при нихъ—значило мало подвинуть христіанство, ибо они воспитывались бы болѣе въ языческихъ понятіяхъ и обычаяхъ; чтобы сдѣлать ихъ твердыми христіанами, необходимо было ихъ на время оторвать отъ отцовъ плотскихъ и отдать духовнымъ; притомъ, какъ выше замѣчено, только однимъ этимъ средствомъ можно было приобрести и священниковъ изъ русскихъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Владиміръ велѣлъ²⁾ отбратить дѣтей

у лучшихъ гражданъ и отдавать ихъ въ книжное ученіе: матери плакали по нимъ, какъ по мертвыхъ, прибавляетъ лѣтописецъ, потому что еще не утвердились вѣрою. Дѣтей роздали учиться по церквамъ къ священникамъ и причту.

Въ непосредственномъ отношеніи къ принятію христіанства находится также слѣдующее извѣстіе, сообщаемое лѣтописью: въ княженіе Владиміра умножились разбои, и вотъ епископы сказали в. князю: „Разбойники умножились, зачѣмъ не казнить ихъ?“ Владиміръ отвѣчалъ: „Воюю грѣха.“ Епископы возражали на это: „Ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милowanіе; тебѣ должно казнить разбойника, только разобравъ дѣло.“ Владиміръ послушался, отвергъ вѣры и началъ казнить разбойниковъ; но потомъ тѣ же епископы, вмѣстѣ съ старцами, сказали ему: „Рать сильчая теперъ, если придется впра, то пусть поидеть на оружіе и на коней.“ Владиміръ отвѣчалъ: „Пусть будетъ такъ“, и сталъ онъ жить опять по устройенію отцовскому и дѣдовскому. Это извѣстіе показываетъ намъ вліяніе духовенства прямо уже на строй общественный: не въ церковныхъ дѣлахъ, не о средствахъ распространенія христіанства совѣтуется Владиміръ съ епископами, но о томъ, какъ наказывать преступниковъ; вмѣстѣ съ старцами епископы предлагаютъ князю о томъ, куда употреблять вѣры, заботятся о вишней безопасности, и князь соглашается съ нимъ.

Теперь обратимся ко вишней дѣятельности Владиміра. Къ его княженію относится окончательное подчиненіе Русскому князю племенъ, жившихъ на востокъ отъ великаго воднаго пути. Олегъ наложилъ дань на Радимичей, Святославъ на Вятичей; но или не всѣ отрасли этихъ племенъ пришли въ зависимость отъ Русскаго князя, или, что всего вероятнѣе, эти болѣе отдаленныя отъ дѣйства племена воспользовались уходомъ Святослава въ Болгарію, малолѣтствомъ, а потомъ междоусобіемъ сыновей его, и перестали платить дань въ Киевъ. Какъ бы то ни было, подѣ 981 годомъ встречаемъ у лѣтописца извѣстіе о походѣ на Вятичей, которые были побѣждены и обложены такою же данью, какую прежде платили Святославу,—ясное указаніе, что послѣ Святослава они перестали платить дань. На слѣдующій годъ Вятичи снова затряслись,—и снова были побѣждены. Такая же участь постигла и Радимичей въ 986 году; лѣтописецъ говоритъ, что въ этомъ году Владиміръ пошелъ на Радимичей, а передъ собой послалъ воеводу, прозваніемъ Волчій Хвостъ; этотъ воевода встрѣтилъ Радимичей на рѣкѣ Пищанѣ³⁾, и не

¹⁾ Татищ I, 38; II, 79 Иоакимов. лѣтописецъ называетъ Михаила Болгаринемъ, Никои.—Сырлюкъ (I, 92).

²⁾ См. Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands, стр. 89 и слѣд. Авторъ вооружается противъ Карамзина за то, что послѣдній представляетъ это дѣло, какъ заведеніе училищъ, съ болѣе обширною цѣлью, именно для распространенія просвѣщенія въ народѣ. Общепонятно, по нашему мнѣнію, несправедливо: во первыхъ, Карамзинъ имѣлъ полное право сказать, что Владиміръ, видя грабительскія, положилъ тѣмъ начало народному просвѣщенію въ Россіи; вторыхъ, авторъ приводитъ только и рассматриваетъ конецъ разсужденія Карамзина, опустивъ начало, гдѣ содержится мысль, воодѣвительная: «Въмѣсто господствовало въ нѣкоторыхъ странахъ Россіи до самаго XII вѣка, говоритъ Карамзинъ. Владиміръ не хотѣлъ, кажется, принуждать совѣсти (?), но взялъ лучшія, надежнѣшія мѣры для истребленія языческихъ заблужденій; онъ старался просвѣтити христіанъ. Чтобы утвердить вѣру на знаніи книгъ божественныхъ, великій князь завелъ для отроковъ училища, бывшія церквями основаніемъ народнаго просвѣщенія въ Россіи». Автору статьи, помѣщенной въ Studien, непременно хочется ограничить мѣру Владиміра одною цѣлію—приготовленіемъ священниковъ: но такое одностороннее толкованіе будетъ противно всѣмъ извѣстіямъ лѣтописей, ибо они говорятъ именно, что митрополитъ присоветовалъ эту мѣру для утвержденія вѣры, не упомяная о подготовленіи священнослужителей. Мысль просвѣщать книжнымъ ученіемъ для утвержденія въ вѣрѣ не могла быть нова для митрополита, присланнаго изъ Царяграда, который является главнымъ дѣйствующимъ въ этомъ случаѣ. Авторъ опущенной статьи вооружается противъ Карамзина за то, что послѣдній говоритъ объ училищѣ, тогда какъ, по его мнѣнію, училища заведено не было, а дѣтей роздали учиться

по церквамъ у священниковъ; это мнѣніе справедливо тѣмъ болѣе, что у Татищева (II, 76) читаемъ прямо то же самое: «Владиміръ повелѣлъ брать дѣтей знатныхъ, среднихъ и убогихъ, раздавая по церквамъ священникамъ со причетники въ ученіе книжное». Здѣсь же читаемъ, что нѣкоторые матери старались дарами откупать дѣтей своихъ отъ ученія.

³⁾ Пищанъ рѣка, въ 6 верстахъ отъ мѣстечка Пропойска, течетъ отъ запада къ востоку и выдѣляетъ въ Сѣжъ.—Щекалова Георг. Словарь.

бѣдѣлъ ихъ; отъ чего, прибавляетъ лѣтописецъ, Русь смѣется надъ Радимичами, говоря: „Ищандцы волчья хвоста бѣгають.“ Кромѣ означенныхъ походовъ на ближайшія славянскія племена, упоминаются еще войны съ чужими народами: съ Ятвягами въ 953 году; лѣтописецъ говоритъ, что Владиміръ ходилъ на Ятвяговъ, побѣдилъ и взялъ землю ихъ; по послѣдніи слова вовсе не означаютъ покоренія страны: Ятвяговъ трудно было покорить за одинъ разъ, и потомки Владиміра должны были вести постоянную, упорную, многолѣтнюю борьбу съ этими дикарями. Въ Скандинавскихъ сагахъ встрѣчаемъ извѣстіе, что одинъ изъ норманнскихъ выходцевъ, находившійся въ дружнѣ Владиміра, приходилъ, отъ имени этого князя, собирать дань съ жителей Эстоніи: несмотря на то, что сага смѣшиваетъ лица и тоды, извѣстіе объ эстонской дани, какъ нѣсколько не противорѣчащее обстоятельству, можетъ быть принято; но нельзя рѣшиться, когда Русскіе изъ Новгорода впервые наложили эту дань,—при Владимірѣ ли, т. е. при Добрыни, или прежде ¹⁾. Встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ извѣстія о войнахъ Владиміра съ Болгарами, съ какими — Дунайскими или Волжскими,—на это разные списки лѣтописей даютъ разнорѣчивые отвѣты: вѣроятно были походы и къ тѣмъ и къ другимъ, и послѣ перемѣшаны по одинаковости народнаго имени. Подъ 987 годомъ находимъ извѣстіе о первомъ походѣ Владиміра на Болгаръ; въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописи не упомянуто, на какихъ именно, въ другихъ прибавлено, что на Низовыхъ, или Волжскихъ; въ сводѣ же Татища говорится о Дунайскихъ и Сербяхъ ²⁾. Какъ бы то ни было, для насъ важны подробности преданія объ этомъ походѣ, занесенныя въ лѣтопись. Владиміръ пошелъ на Болгаръ съ дядею своимъ Добрынею, въ лодкахъ, а Торки шли на коняхъ берегомъ; изъ этого видно, что Русь предпочитала

лодки конямъ, и что конницу въ княжескомъ войскѣ составляли пограничные степные народцы, о которыхъ теперь въ первый разъ встрѣчаемъ извѣстіе и которые потомъ постепенно являются въ зависимости или полувзависимости отъ Русскихъ князей. Болгары были побѣждены; но Добрыня, осмотрѣвъ плѣнниковъ, сказалъ Владиміру: „Такіе не будутъ намъ давать дани: они всѣ въ сапогахъ, пойдемъ искать лапотниковъ.“ Въ этихъ словахъ преданія выразила столѣтній опытъ. Русскіе князья успѣли положить дань, привезти въ зависимость только тѣ племена славянскія и финскія, которыя жили въ простотѣ первоначальнаго быта, разрозненныя, бѣдныя, что выражается названіемъ лапотниковъ; изъ народовъ же болѣе образованныхъ, составлявшихъ болѣе крѣпкія общественныя тѣла, богатыхъ промышленностью, не удалось покорить ни одного: въ свѣжей памяти былъ неудачный походъ Святослава въ Болгарію. Въ преданіи видимъ опять важное значеніе Добрыни, который даетъ совѣтъ о прекращеніи войны, и Владиміръ слушается. Оба народа дали клятву: „Тогда только мы нарушимъ миръ, когда камень пачнетъ плавать, а хмель тонуть.“ Подъ 994 и 997 годами упоминаются удачные походы на Болгаръ ³⁾: въ первый разъ не сказано на какихъ, во второй означены именно Волжскіе. Мы не будемъ отвергать извѣстій о новомъ походѣ на Болгаръ Дунайскихъ, если примемъ въ соображеніе извѣстія Византійцевъ о помощи противъ Болгаръ, которую оказалъ Владиміръ родственному Двору Константинопольскому ⁴⁾. Важно также извѣстіе о торговомъ договорѣ съ Болгарами Волжскими въ 1006 году: Владиміръ, по ихъ просьбѣ, позволилъ имъ торговать по Окѣ и Волгѣ, давъ имъ для этого печати; русскіе купцы, съ печатями отъ посадниковъ своихъ, также могли свободно ѣздить въ болгарскіе города; но болгарскимъ купцамъ позволено было торговать только съ купцами по городамъ, а не ѣздить по селамъ и не торговать съ тѣнами, вирниками, огнищанами и смердами ⁵⁾.

Во временамъ Владиміровымъ относится первое столкновеніе Руси съ западными славянскими государствами. Мы оставимъ послѣдній въ половинѣ IX вѣка, когда Моравскіе князья обнаружили попытку основать у себя народную церковь, и когда исторія Польши начала проявляться съ появленіемъ новой княжеской династіи Пястовъ. Между тѣмъ борьба Моравовъ съ Нѣмцами продолжалась еще съ большимъ ожесточеніемъ: Чехи и Сербы принимали въ ней также участіе; Моравы вели войну по старому славянскому обычаю: они давали врагу

¹⁾ Antiquités Russes I, 276, 278.

²⁾ Карамз. I, прилѣч. 436; Архив. б. I, прилѣч. 206; Татищ. II, стр. 63. У Татища: «Владиміръ собралъ войско великое, и Добрыню вѣя своего признавъ съ Новгородны, пошелъ на Болгаръ и Сербы; а конница войска русскія, Торковъ, Волынянъ и Червенскихъ послалъ прямо въ землю Болгарскую, объявить имъ многія ихъ нарушенія прежнихъ отца и брата договоръ, — и прицепивши подданымъ его обиды, требуя отъ нихъ награжденія. Болгары же, не хотя платити оваго, во слово уинившисъ со Сербы, вооружились противу ему, и по жестокомъ сраженіи побѣдилъ Владиміръ Болгаровъ и Сербовъ, и поплѣни землю ихъ; но по просьбѣ ихъ уинилъ миръ съ ними, возвратилъ со славою въ Кіевъ, взятое же раздѣлялъ на войско, и спустилъ въ дома ихъ». — Самыя подробности разсказа не позволяютъ намъ отвергать его, особенно если мы поостережемся отвергнуть свидѣтельство Иоаннимоу лѣтописи о краденіи Владиміра, непосредственно послѣ похода въ Болгарію и о содѣйствіи Болгаръ этому дѣлу; замѣтимъ, что и въ извѣстныхъ намъ спискахъ лѣтописи разсказъ объ обращеніи Владиміра начинается непосредственно послѣ разсказа о походѣ на Болгаръ. Замѣтимъ также, что слова — и в о в ѣ с е, или Волжскіе, обличаютъ составителя или переписчика лѣтописи, живущаго на сѣверѣ, слѣдовательно позднѣйшаго, знавшаго только сосѣдей своихъ — Волжскихъ Болгаръ.

³⁾ Никон. I, 106, 107.

⁴⁾ Тамъ же 110; Татищ. II, 87. Метог. рорі. П, 1009, 1010.

⁵⁾ Татищ. II, 89: «А по селамъ не ѣздити тѣнуомъ, вирникомъ, огневшии и смердинъ продавать и отъ нихъ не купити». — Вѣрность этого извѣстія не можетъ подлежать сомнѣнію: печати прямо указываютъ на греческій обычай, къ которому Русскіе привыкли въ Византіи; подробности указываютъ на древность.

свободно опустошать его открытыя мѣста, и врагъ, опустошивъ землю и не покоровъ народа, долженъ былъ возвращаться безъ всякаго успѣха и гибнуть съ голоду на дорогѣ. Но Ростиславъ, не побѣжденный Нѣмцами, былъ схваченъ и выданъ Карломану, сыну и наследнику Людовика Нѣмецкаго, племянникомъ своимъ Святополкомъ, который, чтобы имѣть себѣ опору и обезпеченіе, поддался нѣмецкому королю; Ростиславу выкололи глаза и заперли въ одинъ нѣмецкій монастырь. Гибель Ростислава однако не надолго пережвѣнула ходъ дѣлъ; Святополкъ наследовалъ его стремленія, и борьба возобновилась съ новою силой, причѣмъ Святополкъ началъ уже наступательныя движенія на нѣмецкія области. При Святополкѣ являеться и исторія Чеховъ, потому что въ это время принялъ христіанство князь Чешскій Буривой отъ Св. Меоодія. Не Моравіи однако и не западнымъ Славянамъ вообще суждено было основать Славянскую имперію съ независимою Славянскою Церковью. Въ послѣднее десятилѣтіе IX вѣка на границахъ славянскаго міра явились Венгры. Политика Дворовъ Византійскаго и Нѣмецкаго съ самаго начала обратила этотъ народъ въ оружіе противъ Славянъ: Греки обратили ихъ противъ Волгарь, Нѣмцы противъ Моравской державы. Ариульфъ Каринтійскій, побочный сынъ Карломана, соединившись съ Венграми, пошелъ на Святополка; Моравы, по обычаю, застѣли въ укрѣпленіяхъ и дали плѣнить землю свою врагамъ, которые и должны были только этимъ удовлетворяться. По въ 894 г. умеръ Святополкъ, и съ нимъ рушилось могущество первой Славянской державы. Въ то время, когда западнымъ Славянамъ нужно было сосредоточить все свои силы для отпора двумъ могущественнымъ врагамъ, моравскія владѣнія раздѣлились на три части между тремя сыновьями Святополка. Братская вражда погубила дѣло Моймира, Ростислава и Святополка; сыновья Чешскаго Буривова отдѣлились отъ Моравіи и поддались Ариульфѣ Нѣмецкому, и съ 906 года прекращаются все извѣстія о Моравіи: страна стала добычею Венгровъ; подробностей о паденіи перваго Славянскаго государства нѣтъ нигдѣ. Разрушеніе Моравской державы и основаніе Венгерскаго государства въ Панноніи имѣли важныя слѣдствія для славянскаго міра: Славяне южныя были отдѣлены отъ сѣверныхъ, уничтожено было центральное владѣніе, которое начало соединять ихъ, гдѣ произошло столкновеніе, загорѣлась сильная борьба между востокомъ и западомъ, между германскимъ и славянскимъ племенемъ, гдѣ съ помощію Византіи основалась Славянская Церковь; теперь Моравія пала, и сязъ Славянъ съ югомъ, съ Греціею, рушилась: Венгры стали между ними, Славянская Церковь не могла утвердиться еще, какъ была постигнута бурей, отторгнута отъ Византіи, которая одна могла дать питаніе и укрѣпленіе младенчеству Церкви. Такимъ образомъ, съ уничтоженіемъ самой крѣпкой связи съ востокомъ, самой крѣпкой основы народной самостоя-

тельности, западные Славяне должны были по необходимости примкнуть къ западу и въ церковномъ, и въ политическомъ отношеніи. Но мало того: мадьярскимъ нашествіемъ прекращалась связь западныхъ Славянъ съ Византіею, прекращалась также и непосредственная связь ихъ съ Римомъ, и они должны были принимать христіанство и просвѣщеніе изъ рукъ Нѣмцевъ, которые оставались для нихъ теперь единственными посредниками; этимъ объясняется естественная связь западныхъ Славянъ съ Нѣмецкою имперіею, невозможность выпутаться изъ этой связи для государственной и народной независимости. Христіанское стало синонимомъ нѣмецкому, славянское — языческому, варварскому; отсюда то явленіе, что ревностные христіане между западными Славянами являются вмѣстѣ ревностными гонителями своего, славянскаго, и тянутъ народъ свой къ западному, т. е. нѣмецкому; отсюда же обратное явленіе, что защитники своего являются свирѣпыми врагами христіанства, которое приносило съ собою подчиненіе Нѣмцамъ, отсюда несчастная борьба Полабскихъ Славянъ противъ христіанства, т. е. противъ Нѣмцевъ, въ которой они не могли получить помощи отъ христіанскихъ единоплеменниковъ своихъ, — и должны были пасть.

Послѣ паденія Моравской державы, на первомъ планѣ въ исторіи западныхъ Славянъ являются Чехи. Чехи были обязаны мирнымъ распространеніемъ христіанства у себя тому, что князь ихъ Буривой принялъ Евангеліе чрезъ Моравовъ отъ Св. Меоодія, чрезъ своихъ славянскихъ проповѣдниковъ. Славянская Церковь слѣд. началась было и у Чеховъ, но, послѣ паденія Моравіи, не могла долѣе держаться. Чехи не могли высвободиться изъ-подъ государственной зависимости отъ Нѣмецкой имперіи: внукъ Буривова, Св. Вячеславъ, обязался платить Генриху-Итицелову ежегодно 500 гривенъ серебра и 120 воловъ: невозможность поддерживать христіанство безъ помощи нѣмецкаго духовенства и невозможности успѣшной борьбы съ Мадьярами безъ помощи Нѣмецкаго императора — дѣлали зависимость Чеховъ отъ имперіи необходимою. Вячеславъ погибъ отъ брата своего Болеслава I-го, который сначала думалъ было о возможности возвратитъ независимость Чехамъ отъ имперіи; но, послѣ многолѣтней борьбы съ императоромъ Оттономъ I-мъ, увидалъ необходимость подчиниться ему. Между тѣмъ, въ началѣ второй половины X вѣка, Венгры, потерѣвшіе сильное пораженіе отъ Оттона при Лехѣ и добитые Болеславомъ Чешскимъ, прекратили свои опустошительныя набѣги на европейскія государства, поселились въ предѣлахъ прежде занятыхъ ими земель и, принявъ христіанство, вошли въ общество европейскихъ народовъ. Княженіе Болеслава I-го замѣчательно внутренними пережвѣтми у Чеховъ, а именно: усиленіемъ власти верховнаго князя надъ остальными князьями, носившими названіе леховъ; до сихъ поръ эти лехи называются у писателей *reguli*, или *duces*, и верховный князь изъ рода Пршемыслава являлся не

болѣе какъ старшимъ между ними; но при Болеславѣ I-мъ, какъ видно, отношенія переизмѣнились въ пользу власти верховнаго князя; на средства, какими Болеславъ I-й достигъ этой переизмѣны, можетъ намекать прозваніе его Грозный, или Укрутный. Подчиняясь на западъ имперіи, чешскія владѣнія начинають однако при Болеславѣ расширяться къ юго-востоку, чему особенно способствуетъ обезсиленіе Мадьяровъ; такъ: присоединяется къ Чехамъ нынѣшняя Моравія и Земля Словаковъ, между Дунаемъ и Карпатами; на сѣверъ отъ Карпатъ также видимъ чешскія владѣнія. Еще болѣе распространилась область Чеховъ въ княженіе Болеслава II Благочестиваго, сына Грознаго; никогда потомъ границы Чешскаго государства не были такъ обширны, ибо все государство Святополька принадлежало теперь Чехамъ. Несмотря однако на распространеніе чешскихъ предѣловъ, въ церковномъ отношеніи Чехи принадлежали къ епархіи Регенсбургскаго архіепископа: послѣ этого нечего удивляться политической зависимости Чеховъ отъ Нѣмецкой имперіи, ибо церковныя отношенія тогда господствовали надъ политическими. Только при Болеславѣ II, въ 973 году, основано было особое Пражское епископство, гдѣ первымъ епископомъ былъ саксонскій монахъ Дитмаръ; преемникомъ его былъ знаменитый Войтехъ, родомъ изъ знатной чешской фамиліи; несмотря однако на это, никто такъ не старался о скрѣпленіи Чешской Церкви съ западомъ, никто такъ не старался объ искорененіи славянскаго богослуженія, какъ Войтехъ. Такой характеръ дѣятельности условливался самою борьбою ревнителя христіанства, каковымъ былъ Войтехъ съ языческими правами и обычаями, которые въ его глазахъ были славянскіе; въ подобной борьбѣ средина рѣдко соблюдается: отечествомъ для ревностнаго епископа была не Богемія, но западъ, страны христіанскія, тогда какъ Богемія была исполнена еще языческихъ воспоминаній, возбуждавшихъ только вражду Войтеха; церковная пѣснь на славянскомъ языкѣ звучала въ его ухахъ языческою богослужебною пѣсню, и потому была противна: слово „Богъ“ напоминало ему славянскаго идола, только слово „Deus“ заключало для него понятіе истиннаго Бога.—Смертію Болеслава II-го (999 г.) кончилось могущество Чеховъ и перешло къ Ляхамъ. При распространеніи своихъ владѣній на западъ, Пясты встрѣтились съ Нѣмцами, императоры которыхъ также распространяли свои владѣнія на счетъ Славянъ прибалтійскихъ; легко было предвидѣть послѣдствія этого столкновенія: четвертый Пястъ, Мечиславъ, или Мешко, уже является вассаломъ императора, платитъ ему дань; въ 965 году Мечиславъ женился на Дубровкѣ, дочери Чешскаго князя Болеслава I-го, и, по ея старанію, принявъ христіанство; по въ это время Славянская Церковь никла у Чеховъ, и потому не могла укорениться въ Польнѣ; отсюда новыя крѣпкія узы связали Польшу съ западомъ, съ Нѣмецкою имперією; въ Познани была учреждена епископская кафедра для

Польни и подчинена архіепископу Магдебургскому Второй бракъ Мечислава на Одѣ, дочери нѣмецкаго маркграфа Дитриха, еще болѣе укрѣпила нѣмецкое вліяніе въ Польнѣ. Тѣсная связь этой страны съ Западною Церковью и имперією отняла у сѣверныхъ Славянъ послѣдній оплотъ ихъ независимости отъ нѣмецкаго ига: теперь польскій князь въ союзѣ съ Нѣмцами начинаетъ наступательныя движенія противъ своихъ языческихъ единоплеменниковъ. При Мечиславѣ начинаются первыя враждебныя столкновенія Руси съ Польшею: подъ 981 годомъ лѣтописецъ нашъ говоритъ, что Владиміръ ходилъ къ Ляхамъ, и занялъ города ихъ — Перемышль, Червень и другіе. Чешскіе историки утверждаютъ, что эти города не могли быть отняты у Поляковъ, по у Чеховъ, потому что позднѣйшая Земля Галицкая до Буга и Стыри къ востоку принадлежала въ это время Чехамъ¹⁾; они основываются на грамотѣ, данной Пражскому епископству при его zaloженіи, гдѣ границами его къ востоку поставлены рѣки Бугъ и Стырь въ Землѣ Хорватской. Но, вопервыхъ, въ грамотѣ границы означены очень смутно; видно, что писавшій ее имѣлъ плохія географическія понятія о странѣ²⁾; вовторыхъ, былъ обычай расширять какъ можно далѣе предѣлы епископствъ, zaloженныхъ въ смежности съ языческими народами. Нѣкоторые ученые³⁾ справедливо замѣчаютъ также, что русскій лѣтописецъ умѣетъ отличать Ляховъ отъ Чеховъ, и потому не могъ смѣшавъ ихъ, и принимаютъ, что Владиміръ отнялъ червенскіе города не у Чеховъ и не у Поляковъ, но покорилъ малочисленныя, до тѣхъ поръ своѣдныя славянскія племена, и сталъ чрезъ это сосѣдомъ Чеховъ. Но разсуждать такимъ образомъ—значитъ опять не принимать свидѣтельствъ нашего лѣтописца, который такъ-же хорошо умѣетъ отличать Хорватовъ отъ Ляховъ, какъ послѣднихъ отъ Чеховъ, и прямо говоритъ, что Владиміръ ходилъ къ Ляхамъ и у нихъ взялъ червенскіе города; всего вѣроятнѣе, что чешскія владѣнія ограничивались областью, лежащею около Кракова, о чемъ твердитъ грамота, и не простирались за Вислоку; что страна по Сану и далѣе на востокъ была занята Хорватами, которые были подчинены уже при Олегѣ, по при Игорѣ, Святославѣ и преимущественно при сыновьяхъ его имѣли возможность свергнуть съ себя подчиненность, подобно Радимичамъ и Вятичамъ. Мы видимъ, что сначала главная дѣятельность Владиміра состоитъ въ подчиненіи тѣхъ племенъ, которыя прежде находились въ зависимости отъ Руси; Хорваты были въ томъ числѣ; по въ то время, какъ Русь, вслѣдствіе пѣдѣлитель-

¹⁾ Palacky. Dějiny národů českých, I, 260.

²⁾ Тамъ же, стр. 255: Deinde ad aquilonalem hi sunt termini: Psovane, Chrovati et altera Chrovati (Слѣловательно Хорваты составляютъ границу)... Inde ad orientem hos fluvios habet terminos: Bug scilicet et Ztir cum Krakova civitate, provinciaque cui Vag nomen est, cum omnibus regionibus ad praedictam urbem pertinentibus, quae Krakova est.

--³⁾ Roepell, Geschichte Polens I, 144.

пости Игоря, далекихъ походовъ Святослава на востокъ и югъ, малолѣтства и усобицы сыновей его, терла племена, жившія вдалекѣ отъ Днѣпра, Польпа при первыхъ Нястахъ распространяла свои владѣнія, сдѣла очень вѣроятно, что Нясты заняли земли Хорватовъ, свергнувшихъ съ себя зависимость отъ Руси, или сами Ляхи перемѣнили эту зависимость на зависимость отъ Польши, и такимъ образомъ Владиміръ, возвращая прежнее состояніе своихъ предшественниковъ, долженъ былъ имѣть дѣло уже съ Ляхами. Но завоеваніемъ червенскихъ городовъ дѣло не кончилось на западѣ; лѣтописецъ упоминаетъ въ 992 году еще о походѣ Владиміра на Хорватовъ, а по нѣкоторымъ спискамъ въ это время Владиміръ воевалъ съ Мечиславомъ „за многія противности его“, и одержалъ надъ нимъ блистательную побѣду за Вислою: поводомъ къ раздору могли быть постоянно Хорваты и червенскіе города. Война 990 — 992 года могла быть вѣдена въ союзѣ съ Болеславомъ II Чешскимъ, который также воевалъ съ Мечиславомъ. Какъ видно по нѣкоторымъ извѣстіямъ, война продолжалась въ первый годъ княженія Болеслава Храбраго, наследовавшаго отцу своему Мечиславу въ 992 г. ¹⁾ При Болеславѣ Польна начала было усиливаться уже на счетъ сосѣднихъ народовъ; ей выпадало было жребій стать въ члѣ славянскихъ государствъ для отпора Нѣмцамъ; по неумѣнье Поляковъ вести себя среди единоплеменныхъ народовъ и связи западныхъ Славянъ съ Германскою имперіею посредствомъ Церкви не допустили Польшу принять значеніе Моравіи для славянскаго міра. Послѣ Мечислава осталось нитеро сыновей: Болеславъ и Владивой — отъ Дубровки Чешской и трое отъ Оды — Мечиславъ, Святополкъ и Болеславъ. Первымъ дѣломъ Болеслава старшаго было изгнаніе младшихъ братьевъ, съ которыми, по славянскому обычаю, онъ долженъ былъ владѣть сообща, и ослѣпленіе двоихъ другихъ родственниковъ, съ цѣлію достигнуть единовластія. Потомъ Болеславъ распространилъ свои владѣнія на сѣверѣ до Балтійскаго моря черезъ подчиненіе себя Поморянъ и Прусовъ; между тѣмъ, въ 999 году умеръ Чешскій князь Болеславъ II Благочестивый; Болеславъ Польскій воспользовался этимъ, чтобы напасть на Краковъ и его область, и присоединить ихъ къ Польшѣ; вѣроятно также, что онъ захватилъ въ это время Моравію и Землю Словаковъ до Дуная: Войтехъ, или Адальбертъ, не могшій ужитья

съ Чехами, прибылъ къ Болеславу; тотъ отправилъ его на проповѣдь къ Пруссамъ, которые умертвили проповѣдника; но гробъ Войтехъ принесъ Болеславу свою выгоду, ибо императоръ Оттонъ III, другъ и учитель Адальберта, явился въ Гнѣзно, чтобы поклониться праху его, и основалъ здѣсь новое архіепископство, вслѣдствіе чего Польна освобождатася отъ нѣмецкой зависимости въ церковномъ отношеніи. Но это освобожденіе не могло уже теперь принести пользы; Латинская Церковь уже успѣла укорениться въ Польшѣ, а потому борьба съ имперіею, которую скоро послѣ началъ Болеславъ, также не могла принести плодовъ: Польскій князь, какъ видно, имѣлъ въ виду набрать сколько можно болѣе пограничныхъ волостей, а не утвердить независимость и равновѣсіе славянскаго міра съ германскимъ. Между тѣмъ волненія у Чеховъ доставили Болеславу случай утвердить свою власть и въ этой странѣ. По смерти Болеслава II вступилъ на престолъ сынъ его, Болеславъ III, Рыжій, князь, по отзыву современниковъ, чрезвычайно жестокой. Рыжій началъ свое княженіе тѣмъ же, чѣмъ и родственикъ его, Болеславъ Польскій; онъ велѣлъ одного изъ своихъ братьевъ ослѣпить, другого удушить въ банѣ; но обоимъ удалось бѣжать въ Баварію. Избавившись отъ братьевъ, Рыжій не могъ избавиться отъ могущественныхъ вельможъ, леховъ, изъ которыхъ главными въ это время были Вршовцы; Вршовцамъ удалось при Болеславѣ II мѣ выгнать Войтехъ, теперь они свергли Рыжаго, призвавъ на его мѣсто Владивоя, брата Болеслава Польскаго, который, какъ сынъ Дубровки, принадлежалъ также къ дому Пріемыслову и, какъ видно, изгнанникомъ жилъ при Дворѣ Чешскомъ. Чтобы удержаться на престолѣ, Владивой отправился въ Регенсбургъ къ императору Генриху и отдалъ ему Богемію, которую получилъ опять въ видѣ лена. Но Владивой княжилъ только нѣсколько мѣсяцевъ, и послѣ его смерти Чехи призвали изгнанныхъ Рыжичъ Болеславичей — Яроміра и Ольдриха. Однако Рыжій не думалъ уступать и обратился съ просьбою о помощи къ Храброму, который вторгся съ войскомъ въ Богемію, изгналъ Яроміра и утвердилъ Рыжаго на престолѣ. Послѣдній, получивъ снова власть, думалъ только о томъ, какъ бы отомстить своимъ врагамъ. Чехи обратились съ просьбою о защитѣ опять къ Болеславу Польскому. Тотъ только этого и ждалъ: по извѣстіямъ современниковъ, онъ все это предвидѣлъ и нарочно велъ дѣло къ тому, чтобы утвердить свою власть у Чеховъ. Подъ предлогомъ пужнаго сообщанія, онъ заманилъ къ себѣ Рыжаго на границу, схватилъ его, ослѣпилъ и заточилъ внутрь своихъ владѣній. Вступивъ въ Прагу въ видѣ освободителя, Болеславъ Храбрый обнаружилъ намѣреніе утвердиться здѣсь. Такое усиленіе могущества польскаго князя, разумеется, должно было возбудить сильныя опасенія въ императорѣ, который послалъ требовать отъ Болеслава ленной присяги за Богемію. Болеславъ отвергнулъ

¹⁾ Татиш. П., 77. Здѣсь, быть-можетъ, кому-нибудь покажется подозрительнымъ извѣстіе, что разбитый Мечиславъ едва ушелъ въ Краковъ, тогда какъ этотъ городъ еще не принадлежалъ ему; но онъ могъ захватить его временно, ибо во то же время шла у него война съ Болеславомъ Чешскимъ. Извѣстіе, находящееся у Татищева, подтверждается иностранцами свидѣтельствами: Annal. Hildesh. ap. Leibnitz, Scriptor rer. brunsvic. I, 720, anno 992. «Otto rex cum valida suorum manu iterum Brannanburg adiit.... Bolislaus vero Misachonis filius per se ipsum ad dominum regem venire nequaquam valens (in)minebat quippe illigrande contra Rusoianos bellum) suos satis fideliter milites in ministerium regis direxerat».

требованіе и началъ войну. Незавѣстно, какой изъ ходовъ имѣла бы борьба повага Святополка съ Нѣмцами, если бы на этотъ разъ сами Поляки не ослабили могущества своего князя и съ тѣмъ вмѣстѣ единства и могущества западныхъ Славянъ: они позволяли себѣ поступать съ Чехами какъ съ побѣжденными врагами; вотъ почему, когда императоръ Генрихъ II послалъ въ Богемію войско, въ члѣхъ котораго находились чешскіе князья—Яроміръ и Ольрихъ, то вся страна встала противъ Поляковъ и приняла съ радостію родныхъ князей изъ нѣмецкихъ рукъ; Болеславъ Храбрый принужденъ былъ бѣжать, и въ нѣсколько дней не осталось въ Богеміи ни одного Поляка. Такимъ образомъ, Нѣмцамъ удалось раздѣлить два главныя западно-славянскія владѣнія—Богемію и Польшу, и привязать первую еще тѣснѣе къ себѣ; въ послѣдующей борьбѣ съ Болеславомъ Польскимъ императоръ постоянно пользуется чешскою помощію; и, несмотря на всѣ старанія Болеслава, примиреніе между двумя народами было невозможно. Въ 1012 году Ольдрихъ выгналъ брата Яроміра, и сталъ единовластителемъ Чешской Земли. Въ такомъ состояніи находились западныя славянскія государства при смерти Владиміра Св. Мы видѣли, что въ первый годъ княженія Болеслава у него продолжалась война съ Владиміромъ, которая однако, какъ видно, скоро кончилась⁴⁾, потому что Болеславъ, занятый отношеніями къ Нѣмцамъ и Чехамъ, не могъ съ успѣхомъ вести еще войну на востокъ. Миръ съ Русью скрѣпленъ былъ даже родственнымъ союзомъ съ княземъ Кіевскимъ: дочь Болеслава вышла за Святополка, князя Туровскаго, сына Владимірова. Но этотъ первый родственныи союзъ князей польскихъ съ русскими повелъ къ большому раздору между ними. Болеславъ, какъ видно, лучшимъ средствомъ для собственнаго усиленія считалъ внутреннія смуты у сосѣдей; какъ воспользовался онъ ими у Чеховъ, такъ же хотѣлъ воспользоваться и на Руси. Вмѣстѣ съ дочерью Болеслава прибылъ ко Двору Туровскаго князя Рейнбертъ, епископъ колобрежскій (колоберскій), который сблизился съ Святополкомъ и началъ, съ вѣдома Болеслава, подучать его къ возстанію противъ отца, Владиміра; успѣхъ этого возстанія былъ важенъ для Болеслава въ политическомъ и для Западной Церкви—въ религіозномъ отношеніи, ибо съ помощію Святополка юная Русская Церковь могла быть оторгнута отъ Восточной. Но Владиміръ узналъ о враждебныхъ замыслахъ и заключилъ Святополка въ темницу вмѣстѣ съ женою и Рейнбертомъ²⁾. Необходимымъ слѣдствіемъ должна была быть война съ Болеславомъ, который въ 1013 году поспѣшилъ заключить миръ съ Нѣмцами, и, нанявши отрядъ войска у послѣднихъ, равно какъ и у Печенѣговъ, двинулся на Русь. Кромѣ опустошенія страны мы не имѣемъ никакихъ другихъ

извѣстій о слѣдствіяхъ Болеслава похода, во время котораго возникла распря между Поляками и Печенѣгами, и Болеславъ велѣлъ истребить своихъ степныхъ союзниковъ. Вѣроятно это обстоятельство и воспрепятствовало продолженію войны, тѣмъ болѣе что все вниманіе Болеслава было постоянно обращено на западъ, и онъ могъ удовольствоваться освобожденіемъ Святополка. Съ Чехами и Венграми были мирныя сношенія при Владимірѣ³⁾, были пересылки и съ папою, слѣдствія которыхъ однако не извѣстны⁴⁾.

Гораздо съ большими подробностями дошли до насъ преданія о борьбѣ съ степными варварами, Печенѣгами: борьба эта занимала народъ гораздо сильнѣе, чѣмъ отдаленныя воинскія предпріятія, потому что въ ней дѣло шло о самыхъ близкихъ его интересахъ, о собственности, свободѣ, жизни. Въ 992 году пришли Печенѣги изъ-за Сулы; Владиміръ вышелъ къ нимъ навстрѣчу на Трубежъ, подлѣ Переяслава; Русскіе стали на одной сторонѣ рѣки, Печенѣги—на другой, но ни тѣ, ни другіе не смѣли перейти на сторону противную. Тогда князь Печенѣжскій подѣхалъ къ рѣкѣ, кликнулъ Владиміра и сказалъ ему: „Выпусти своего мужа, а я своего, пусть борются. Если твой мужъ ударитъ моего, то будемъ воевать три года; если же нашъ ударитъ, то будемъ воевать три года“. Владиміръ согласился, и, возвратясь въ станъ, послалъ бюрчю клекать кличь по всѣмъ палаткамъ (товарамъ): „Гдѣтъ ли кого, ктобъ взялся битися съ Печенѣгомъ?“ И никто нигдѣ не отозвался. На другой день прѣхали Печенѣги и привели своего бойца, а съ русской стороны никого не было. Началъ тужить Владиміръ, послалъ опять по всѣмъ ратникамъ,—вотъ пришелъ къ нему одинъ старикъ и сказалъ: „Князь, есть у меня одинъ сынъ—меньшой дома; съ четырьмя вышелъ я сюда, а тотъ дома остался; изъ дѣтства никому еще не удавалось имъ ударить; однажды я его журилъ, а онъ мялъ кожу: такъ въ сердцахъ онъ разорвалъ ее руками“. Князь обрадовался, послалъ за силачемъ, и рассказалъ ему въ чемъ дѣло; тотъ отвѣчалъ: „Я не знаю, смогу ли сладить съ Печенѣгомъ; пусть меня попытають: нѣтъ ли гдѣ быка большаго и сильнаго?“ Нашли быка, разъярили его горячимъ желѣзомъ и пустили; когда быкъ бѣжалъ мимо силача, тотъ схватилъ его рукою за бокъ—и вырвалъ кожу съ мясомъ, сколько могъ захватить рукою. Владиміръ сказалъ: „Можешь бороться съ Печенѣгомъ“. На другой день пришли Печенѣги и стали клекать:

³⁾ Полв. Собр. Р. Лѣт. I, 54 Никои. I, 105.

⁴⁾ Никои. I, 92, 106, 111.—У Татищева (II, 78) сказано, что патриархъ Царградскій, узнавъ о сношеніяхъ съ папою, увѣщевалъ Владиміра прекратить ихъ, указывая на безправность папы и отступленіе ихъ отъ обычаяхъ Восточной Церкви.—Есть извѣстіе, что императоръ Оттонъ III прислалъ въ Русь миссіонера Вруно, который будто бы склонилъ къ своему ученію нѣкоторыхъ Русскихъ; но прибывшій греческій епископъ совершенно уничтожилъ его успѣхи. См. Макарія—Исторія Христіанства въ Россіи, стр. 342, 343.

¹⁾ Въ Никои. (I, 104 подъ 922 годомъ упоминается о посланъ къ Владиміру отъ Болеслава.

²⁾ Dithmarî op. Merseburh. Chronic. VII, 244.

„Гдѣ же вашъ боецъ, а нашъ готовъ!“ Владиміръ велѣлъ вооружиться своему, и оба выступили другъ противъ друга. Выпустили Печенѣги своего, великана страшнаго, и когда выступилъ боецъ Владиміровъ, то Печенѣгъ сталъ схватываться надъ нимъ, потому что тотъ былъ средняго роста; размѣрили мѣсто между обоими полками и пустили борцовъ: они схватились и стали крѣпко жать другъ друга; Русскій наконецъ сдвинулъ Печенѣга въ рукахъ до смерти и ударилъ имъ о землю, — раздался крикъ въ полкахъ, Печенѣги побѣжали, Русскіе погналы за ними. Владиміръ обрадовался, заложилъ городъ на бродѣ, гдѣ стоялъ, и назвалъ его Переяславлемъ, потому что борецъ русскій перенялъ славу у печенѣжскаго; князь сдѣлалъ богатыря вмѣстѣ съ отцомъ знатными мужами.

Въ 995 году пришли Печенѣги къ Василеву; Владиміръ вышелъ противъ нихъ съ малою дружиною, не выдержалъ натиска, побѣжалъ и сталъ подъ мостомъ, гдѣ едва спасся отъ враговъ. Въ 997 году Владиміръ пошелъ къ Новгороду за войскою, потому что война, говоритъ лѣтописецъ, была сильная и безирекая; а Печенѣги, узнавъ, что князя нѣтъ, пришли и стали около Бѣлгорода. Въ лѣтописи сохранилось слѣдующее любопытное преданіе о спасеніи этого города, не единственное между преданіями разныхъ народовъ. Когда Печенѣги обступили Бѣлгородъ, то сдѣлался въ немъ большой голодъ, Владиміръ не могъ подать помощи, потому что у него не было войска, а Печенѣговъ было множество. Когда осада все продолжалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливался и голодъ, то Бѣлгородцы собрались на вѣче и сказали: „Намъ приходится помирать съ голоду, а отъ князя помощи нѣтъ; что-жъ развѣ лучше намъ помирать? сдѣлаемъ Печенѣгамъ: кого убьютъ, а кого и въ живыхъ оставятъ, все равно, умираемъ же съ голода.“ Натомъ и поѣхали. Но одного старика не было на вѣчѣ; когда онъ спросилъ, зачѣмъ собираются, и ему сказали, что на другой день люди хотятъ сдаться Печенѣгачъ, то онъ послалъ за городскими старѣйшинами, и спросилъ у нихъ; „Что это я слышала, вы хотите передаться Печенѣгамъ?“ — тѣ отвѣчали: „Что жъ дѣлать, не стерпятъ люди голода.“ Тогда старикъ сказалъ имъ: „Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня, и сдѣлайте то, что я велю.“ Тѣ съ радостію обѣщались слушаться, и онъ сказалъ имъ: „Сберите хотя по горсти овса или пшеницы, или отрубей.“ все это ссыкали. Старикъ велѣлъ женщинамъ сдѣлать кисельный растворъ, потомъ велѣлъ выкопать колодезь, вставить туда кадку и налить въ нее растворъ; велѣлъ выкопать другой колодезь и вставить въ него также кадку; велѣлъ потомъ искать меду, — нашли лукошко меду въ княжьей медушѣ; изъ него старикъ велѣлъ сдѣлать сыту и вылить въ кадку, что стояла въ другомъ колодезѣ. На другой день онъ велѣлъ послать за Печенѣгами; горожане пошли и сказали имъ: „Возьмите къ себѣ нашихъ заложниковъ, и пошлите своихъ человекъкъ десять къ намъ въ городъ, пусть посмотрятъ, что

тамъ дѣлается.“ Печенѣги обрадовались, думая, что Бѣлгородцы хотятъ имъ сдаться, взяли у нихъ заложниковъ, а сами выбрали лучшихъ мужей и послали въ городъ посмотреть, что тамъ такое. Когда они пришли въ городъ, то люди сказали имъ: „Зачѣмъ вы себя губите, можно ли вамъ перестоять насъ? Хотя десять лѣтъ стойте, такъ ничего намъ не сдѣлаете, потому что у насъ кормъ отъ земли плетъ, не вѣрите — смотрите своими глазами.“ Затѣмъ привели ихъ къ одному колодезю, почерпнули растворъ, сварили кисель, пришли съ ними къ другому, почерпнули сыты, и начали ѣсть, прежде сами, а потомъ дали отвѣдать и Печенѣгамъ. Тѣ удивились и сказали; „Не повѣрятъ наши князья, если сами не отвѣдаютъ.“ Горожане налили корчагу раствора и сыты и дали Печенѣгамъ; тѣ пришли и рассказали все, что видѣли Печенѣжскіе князья сварили кисель, отвѣдали, подивились, размыслились заложниками, отступили отъ города и пошли домой ¹⁾.

Безпрерывныя нападенія степныхъ варваровъ заставили Владиміра подумать объ укрѣпленіи русскихъ владѣній съ востока и юга: „Худо, что мало городовъ около Кіева“, сказалъ онъ, и велѣлъ строить города по рѣкамъ — Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ; но для насъ при этомъ извѣстнѣе важно еще другое, какъ составилось народонаселеніе этихъ новопостроенныхъ городовъ: Владиміръ началъ набирать туда лучшихъ мужей отъ Славянъ, т.-е. Новгородцевъ, Кривичей, Чуди иятичей. Если мы обратимъ вниманіе на то, что эти новые города были вначалѣ не иное что, какъ военные острожки, подобныя нашимъ липейнымъ укрѣпленіямъ, необходимыя для защиты отъ варварскихъ нападений, то намъ должно быть значеніе слова: л у ч ш і е м у ж и ю, т.-е. Владиміръ набралъ х р а б р ѣ й ш и хъ мужей, способныхъ для военнаго поселенія. Такимъ образомъ, вопервыхъ, мы видимъ, что пограничные города южной Руси получили народонаселеніе съ сѣвера, которое, какъ видно, считалось храбрѣйшимъ; слѣд. сѣверное народонаселеніе дало имъ средство и къ защитѣ южныхъ русскихъ владѣній отъ степныхъ варваровъ; вовторыхъ, эти извѣстія уясняютъ намъ характеръ народонаселенія восточной и южной окраины, или украинны: изначала это сбродное, созданное отосюду народонаселеніе изъ самыхъ удалыхъ людей; отсюда объясняется

¹⁾ Кромѣ того, въ Никои. спискѣ упоминается о набѣгахъ Печенѣжскихъ въ 990 году: Печенѣги надѣлали много зла, но Владиміръ побѣдилъ ихъ; подъ 992 также побѣда; подъ 1001 побѣда богатырей. Видно, что въ сокращенныхъ спискахъ упомянуты только набѣги, почему-нибудь особенно замѣчательные: одинъ по битвѣ богатыря, другой по основанію церкви, третій по чудесному избавленію Бѣлгорода. Есть также извѣстія въ Никоновскомъ спискѣ, что нѣкоторые печенѣжскіе и болгарскіе князья приходили креститься ко Владиміру (I, 92, 95, 103; есть извѣстіе о смерти Печенѣжскаго князя Темира, убитаго родственниками (I, 112). Наконецъ во всѣхъ спискахъ упоминается о набѣгѣ Печенѣговъ въ самое время Владиміровой кончины. — О Брунѣ и его извѣстіи см. Русская Гесда, 1856, № 1.

отчасти и кочаство на югѣ, и безпокойный духъ сѣверскаго народонаселенія, ибо сюда непрерывно подбавлялись новыя толпы подобныхъ людей. Изъ самыхъ близкихъ къ Кіеву городовъ были построены Владиміровъ: Василевъ на Стугнѣ и Бѣлгородъ на Днѣпрѣ; Бѣлгородъ оиъ особенно любилъ и населилъ его: „отъ иныхъ городовъ много людей свелъ въ него“, говоритъ лѣтописецъ. Какъ происходило это населеніе и переселеніе? Вѣроятно все го жители привлекались на новыя мѣста особенными льготами; лучшіе, т. е. самыя удалыя, которымъ скучно было сидѣть дома безъ свойственнаго имъ занятія, разугаеться, привлекались на границу, кромѣ льготъ, еще надеждою безпрестанной борьбы; кромѣ того, жителямъ бѣднаго сѣвера легко было переселиться на житыя въ благословенной странѣ украинскія. Объ отношеніяхъ Владиміра къ Печенѣгамъ упоминаетъ также нѣмецкій миссіонеръ Врунъ, бывшій у Печенѣговъ въ 1007 году: „Мы направили путь къ жесточайшимъ изъ всѣхъ язычниковъ, Печенѣгамъ, пишетъ Врунъ. Князь Русовъ, имѣющій обширныя владѣнія и большія богатства, удерживалъ меня мѣсяць, стараясь убѣдить, чтобъ я не шелъ къ такому дикому народу, среди котораго я не могъ спсать души Господу, но только умереть самымъ постыднымъ образомъ. Не могши убѣдить меня, онъ пошелъ провожать меня самъ до границъ, которыя онъ оградило отъ кочевниковъ самымъ крѣпкимъ частоколомъ на очень большое пространство. Когда мы вышли за ворота, князь послалъ старшину своего къ намъ съ такими словами: „Я довелъ тебя до мѣста, гдѣ кончается моя Земля, начинается непріятельская. Ради Бога, прошу тебя не погубить, къ м о с ю безчестію, жизнь свою понапрасну. Знаю, завтра, прежде третьяго часа, безъ пользы, безъ причины, вкусишь ты горькую смерть.“ (Врунъ говоритъ, что Владиміръ имѣлъ какое-то видѣніе.)— Врунъ пять мѣсяцевъ пробылъ у Печенѣговъ, едва не погибъ, но успѣлъ крестить 30 челоуѣкъ и склонить старшинъ печенѣжскихъ къ миру съ Русью; когда онъ возвратился въ Кіевъ, то Владиміръ, по его просьбѣ, отправилъ къ Печенѣгамъ сына въ заложники, и, вмѣстѣ съ этимъ княземъ, отправился списокъ, посвященный Вруномъ. Участъ его не извѣстенъ¹⁾.

Вотъ всѣ преданія, дошедшія до насъ, о дѣятельности Владиміра.

Въ 1014 году сынъ его Ярославъ, посаженный отцомъ въ Новгородѣ, отказался присылать въ Кіевъ ежегодно по двѣ тысячи гривенъ, какъ дѣлали всѣ посадники новгородскіе, раздававшіе еще тысячу гривенъ гридямъ въ Новгородѣ. Владиміръ сказалъ: „Неправильно дороги и мостите мосты“;— онъ хотѣлъ самъ идти на Ярослава; но разболѣлся и умеръ 15 іюля слѣдующаго 1015 года. Дѣятельность Владиміра, какъ она высказывается въ преданіяхъ, отличается отъ дѣятельности его предшественниковъ. Онъ часто ведетъ войну, но онъ

ведетъ ее для того, чтобъ подчинить Руси снова тѣ племена, которыя воспользовались удаленіемъ отца его, усобицами братьевъ и перестали платить дань: такъ воюетъ онъ съ Радимичами, Вятичами, Хорватами. Онъ пользуется опытомъ отцовскимъ, свѣтомъ старика дяди, и отказывается отъ завоеванія народовъ далекихъ, сильныхъ своею гражданственностью. Онъ воюетъ съ Греками, но не пускается по-варяжски съ легкимъ флотомъ опустошать берега Имперіи: онъ хочетъ овладѣть ближайшимъ къ его волости городомъ греческимъ, Корсунемъ, который такъ легко и безопасно было присоединить къ русскимъ владѣніямъ; впрочемъ преданіе тѣсно связываетъ этотъ походъ съ намѣреніемъ принять христіанство. Но главная черта дѣятельности Владиміра состоитъ въ защитѣ Русской Земли, въ постоянной борьбѣ съ степными варварами. Святославъ заслужилъ упрекъ, что для чужой земли покинулъ свою, которую едва-было не овладѣли варвары; Владиміръ, наоборотъ, стоялъ всегда самъ на сторожѣ противъ этихъ варваровъ, и устроилъ сторожевую линію изъ ряда городовъ или укрѣпленій по близкимъ къ степи рѣкамъ. Поляно, какое впечатлѣніе на народъ должна была произвести такая разица между поведеніемъ отца и сына. Но, кромѣ того, лучший характеръ Владиміра былъ способенъ также возбудить сильную народную привязанность. Владиміръ вовсе не былъ княземъ воинственнымъ, не отличался удалью, подобно отцу своему, въ крайности рѣшался на бѣгство передъ врагомъ, снѣшилъ укрѣпиться въ безопасномъ мѣстѣ; преданіе, сохранившееся въ пѣсняхъ, также не приписываетъ ему личной отваги, выставляетъ его вовсе не охотникомъ до проваленій дикой силы. Но Владиміръ имѣлъ широкую душу, которая въ молодости могла повести его къ излишествамъ, освященнымъ впрочемъ языческими понятіями, и которая въ лѣтахъ зрѣлыхъ, особенно подъ вліяніемъ христіанскимъ, сдѣлала его красивымъ солнцемъ для народа. Владиміръ не любилъ жить одинъ; онъ любилъ дружину, говорить лѣтописецъ, думать съ нею о строѣ земскомъ, о ратяхъ, объ уставѣ земскомъ; любя думать съ дружиною, Владиміръ любилъ пировать съ нею; о пиряхъ его остались преданія и въ лѣтописяхъ, и въ пѣсняхъ. Такъ, праздуя освѣщеніе церкви Преображенія въ Василевѣ и вмѣстѣ избавленіе свое отъ Печенѣговъ, Владиміръ велѣлъ сварить триста варъ меду, созвалъ бояръ, посадниковъ, старшинъ изъ всѣхъ городовъ, всякихъ людей множество, и бѣднымъ роздалъ 300 гривенъ; праздновать съ Преображенія 8 дней, князь возвратился въ Кіевъ къ Успенуеу дню, и здѣсь опять задѣл большой праздникъ, созвалъ безчисленное множество народа. Такіе праздники по случаю торжествъ религіозныхъ имѣли тогда важное значеніе: они замѣняли для народа празднества языческія, очень много содѣйствовали къ тому, что новая религія входила въ жизнь народа; вмѣсто Коляды народъ сходилъ теперь праздновать Преображеніе

¹⁾ Никон. I, 112. Христіан. Чтен. 1849, II, 323.

и освященіе церкви; кто приходилъ на это торжество, тотъ былъ христіанномъ; вотъ почему лѣтописецъ прибавляетъ послѣ описанія праздника: „Видя людей христіанами, Владиміръ радовался душою и тѣломъ, и дѣлалъ такіе праздники во всѣ годы.“ Праздники имѣли еще другое значеніе: на нихъ сзывались старѣйшіи изъ всѣхъ городовъ, и такимъ образомъ скрѣплялась связь, единство, общеніе между русскими волостями. Для дружины и старшинъ кievскихъ были устроены на дворѣ княжескомъ пиръ каждую недѣлю, были ли самъ князь въ городѣ или нѣтъ; приходили на дворъ княжескій, въ гридицу, пировать бояре и гриди, сотскіе и десятскіе и нарочитые мужи. Бывало тутъ множество мяса, отъ скота и звѣрины, было много всего. И вотъ, бывало, какъ подоноють, рассказывасть лѣтописецъ, то начнутъ роптать на князя, говоря: „Какое житіе наше горькое: кормитъ насъ съ деревянныхъ ложекъ, а не съ серебряныхъ!“ Владиміръ, услышавъ ропотъ, велѣлъ исковать ложки серебряныя для дружины, и сказалъ: „Серебромъ и золотомъ не найду дружины, а съ дружиною найду серебро и золото, какъ доискались его дѣды мой и отецъ.“ Какое вліяніе христіанство имѣло на широкую душу Владиміра, видно изъ слѣдующихъ словъ лѣтописи: Владиміръ любилъ слова книжныхъ и, услышавъ однажды какъ читали въ Евангеліи: „блаженіи милостивіи, яко тии помиловани будутъ“, и потомъ: — „продайте имѣнія ваша и дадите нищимъ“, далѣе: — „не скрывайте себѣ сокровищъ на землѣ, даѣже тля тлѣтъ и татіе подкапываютъ, но скрывайте себѣ сокровище на небесѣхъ, даѣже ни тля тлѣтъ, ни татіе крадутъ“, и слыша псаломъ „блаженъ мужъ милуя и дая“, а у Соломона — „вдай нищему, Богу въ заимъ даетъ“, — услышавъ это, Владиміръ велѣлъ всякому нищему и убогому придти на княжескій дворъ, брать кушанье и питье, деньги изъ казны. Но этого мало: онъ сказалъ: „Дряхлые и большые не могутъ доходить до моего двора“, и велѣлъ сдѣлать телѣги, куда клали хлѣбъ, мясо, рыбу, овощи разныхъ, медъ въ бочкахъ, квасъ, и возили по городу, спрашивая: „гдѣ большые и нищіе, которые не могутъ ходить?“ — такимъ и раздавали. Есть извѣстіе, что въ господскіе праздники Владиміръ ставилъ три трапезы: одну духовенству, другую нищимъ, третью себѣ и боярамъ.

Обыкновенное содержаніе старинныхъ пѣсень составляютъ шры Владиміра, на которые собирались богатыри. Время Владиміра было благоприятно для богатырства: дружина не уходила съ княземъ въ далекія страны искать славы и добычи; при Святославѣ, напр., трудно было выказаться богатырямъ и внести свои подвиги въ народную память, потому что князь былъ въ челѣ дружины и былъ самъ богатырь изъ богатырей, дружинники были только похожи на него; притомъ подвиги ихъ совершались въ далекихъ странахъ; если и были пѣвцы въ дружинѣ при князьяхъ, то пѣсни ихъ мало могли найти сочувствія въ народѣ, для котораго ихъ содержаніе было чуждо. Но при Вла-

диміръ другое дѣло: дружина была храбрая, дѣла ей было много, шла безпрестанная борьба съ варварами, и эта борьба происходила на глазахъ русскаго народа и шла за самыя близкіе его интересы; отраженіе Печенѣговъ, поимка какого либо страшнаго разбойника была для него поважнѣе блистательныхъ подвиговъ Святослава въ Волгаріи; притомъ же самъ князь Владиміръ не былъ богатыремъ изъ богатырей: — отсюда богатырство дружинниковъ выказывалось рѣзче, отдѣльными предпріятія часто поручались мужамъ изъ дружины княжеской, которые такимъ образомъ могли выказаться. Предметъ пѣсенъ — по большей части борьба богатырей съ степными варварами, Печенѣгами, которые послѣ получили въ пѣсняхъ имя Татаръ. Упомянутся еще подвиги богатырей противъ разбойниковъ; лѣтописецъ говоритъ объ умноженіи разбойниковъ, и сохранилось имя одного изъ нихъ, Могуца, который былъ пойманъ въ 1008 году и покаялся въ домѣ у митрополита ¹⁾. Можно думать, что разбойники умножились вслѣдствіе бѣгства тѣхъ закоренѣлыхъ язычниковъ, которые не хотѣли приимать христіанства; разумѣется, они должны были бѣжать въ отдаленныя мѣста и жить на счетъ враждебнаго имъ общества; отсюда можетъ объясниться также религиозное уваженіе, соединенное съ памятью о нѣкоторыхъ богатыряхъ Владимірова времени, напр. объ Ильѣ Муромцѣ, которому приписываются подвиги противъ разбойниковъ на отдаленномъ финскомъ сѣверѣ, гдѣ язычество долго находило себѣ убѣжище. Въ лѣтописи сохранились имена слѣдующихъ богатырей Владимірова времени: Яна Усовича, или Усмошвеца (кожевника, отъ усміе — кожа и шью), который убилъ печенѣжскаго богатыря, и потомъ упоминается также подъ 1004 годомъ, какъ побѣдитель Печенѣговъ; Александра Поповича, разбившаго Печенѣговъ, приведенныхъ какимъ-то измѣнникомъ Володаремъ, котораго лѣтописецъ упрекаетъ въ забвеніи благодарній князя своего Владиміра ²⁾, потомъ Поповичъ разбилъ Печенѣговъ вслѣдѣ съ Усмошвецемъ въ 1001 и 1004 годахъ; Рагдая удалаго, ходившаго на триста воиновъ: его смерть показана подъ 1000 годомъ ³⁾; Андриха Добрякова, отравленнаго слугами въ 1004 году ⁴⁾.

Въ лѣтописи находимъ имена двѣнадцати сыновей Владиміра, но безъ опредѣленія, въ какомъ порядкѣ они одинъ за другимъ слѣдовали по старшинству: въ одномъ мѣстѣ, при исчисленіи женъ Владиміровыхъ, молодые князья поставлены по матерямъ; въ другомъ, гдѣ говорится о разсылкѣ сыновей по областямъ, они слѣдуютъ въ другомъ порядкѣ. Постараемся, по нѣкоторымъ даннымъ, опредѣлить порядокъ старшинства между ними.

Въ Новгородѣ былъ отправленъ Вышеславъ: мы знаемъ, что сюда посылалися обыкновенно старшій

¹⁾ Никон. I, 112. Христіан. Чтен. 1849, II, 323.

²⁾ Тамъ же, 110.

³⁾ Тамъ же, 111.

⁴⁾ Тамъ же, 112.

въ семьѣ великаго князя; изъ этого можемъ заключить, что Вышеславъ былъ старшій сынъ Владиміра, тѣмъ болѣе что въ извѣстіи о разсылкѣ по областямъ онъ поставленъ первымъ ¹⁾. Но въ предшествующемъ перечисленіи женъ Владиміровыхъ ²⁾ Вышеславъ поставленъ послѣ сыновей Рогнѣдичныхъ и гречанки, вдовы Ярополковой, и названъ сыномъ Чехии: если Вышеславъ былъ старшій, то долженъ былъ родиться отъ перваго брака Владимірова, заключеннаго или въ Новгородѣ, или во время пребыванія Владиміра въ Скандинавіи, когда ему было лѣтъ 18; но странно, что Чехия зашла такъ далеко на сѣверъ; Іоакимовская лѣтопись и здѣсь объясняетъ дѣло удовлетворительно, а именно: мать Вышестана называетъ Оловою, женою варяжскою ³⁾. Потомъ слѣдуетъ сынъ Рогнѣды, Изяславъ, получившій волость дѣда своего по матери, Полоцкѣ. Тотчасъ послѣ брака на Рогнѣдѣ Владиміръ женился на вдовѣ брата своего Ярополка, и потому рожденнаго отъ послѣдней Святополка имѣемъ право поставить въ третьихъ послѣ Вышеслава и Изяслава; этотъ Святополкъ получилъ Туровскую волость, и, по смерти Вышеслава и Изяслава, оставался старшимъ въ родѣ, на что ясно указываютъ слова Св. Бориса: „неподиму я ручъ на брата старшаго“ ⁴⁾. За Святополкомъ мы должны дать лѣто Ярославу, также, по лѣтописямъ, сыну Рогнѣды; Ярославъ получилъ сперва Ростовъ, а потомъ, по смерти старшаго Вышеслава, переведенъ въ Новгородъ.—Этотъ перводъ Ярослава въ Новгородъ мимо старшаго Святополка Туровскаго объясняется свидѣтельствомъ Дитмара, что Святополкъ въ это время былъ подъ гнѣвомъ отца и даже въ заключеніи. Всеволодъ, также сынъ Рогнѣды, получилъ Владиміръ Волынской; Святославъ и Мстиславъ, которыхъ мать въ начальной кievской лѣтописи названа Чехинею другою, въ отгличіе отъ мнимои матери Вышеслава ⁵⁾, получили—первый Землю Дрeвлянскую, второй Тугторакань. Мать Святослава Іоакимовская лѣтопись называетъ Малфридою; что это имя одной изъ женъ Владиміровыхъ не вымышлено, доказательствомъ служить извѣстіе начальной кievской лѣтописи подъ 1002 годомъ о смерти Малфриды, которая здѣсь соединена съ Рогнѣдою ⁶⁾; мать же Мстислава Іоакимъ называетъ Аделью, или Адилью. Второга сына Адели, Станислава, этотъ же лѣтописецъ, равно какъ и нѣкоторые другіе, отсыластъ въ Смоленскъ, а Судислава во Псковъ ⁷⁾ Теперь остается опредѣ-

лить мать и возрастъ Бориса и Глѣба. Въ начальной кievской лѣтописи матерью ихъ названа Болгарыня, волостью перваго Ростовъ, второга—Муромъ. Но ясно, что здѣсь упоминается уже второе распоряженіе, потому что при первомъ распредѣленіи волостей Ростовъ отдавъ Ярославу; потомъ въ нѣкоторыхъ спискахъ, бывшихъ въ рукахъ у Татищева, прибавлено ⁸⁾, что сначала Борисъ получилъ Муромъ, а Глѣбъ Суздаль. Несмотря на это, молчаніе древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ списковъ лѣтописи о первоначальныхъ волостяхъ Бориса и Глѣба, равно какъ ихъ молчаніе о волостяхъ Станислава, Судислава и Позвида ведетъ насъ къ заключенію, что во время первой разсылки сыновей Владиміровыхъ по волостямъ всѣ эти князья или были очень малы, или нѣкоторые изъ нихъ, быть можетъ, еще не родились ⁹⁾. Любопытно, что въ лѣтописи Іоакима матерью Бориса и Глѣба названа Анна Царевна, причеиъ Татищевъ соглашается свидѣтельство кievскаго лѣтописца о болгарскомъ происхожденіи матери Борисовой тѣмъ, что эта Анна могла быть двоюродною сестрою императоровъ Василія и Константина, которыхъ тетка, дочь Романа, была въ супружествѣ за царемъ Болгарскимъ ¹⁰⁾. Если бы такъ было, то для насъ уяснилось бы предпочтеніе, которое оказывалъ Владиміръ Борису, какъ сыну царевны и рожденному въ христіанскомъ супружествѣ, на которое онъ долженъ былъ смотрѣть какъ на единственное законное. Отсюда уяснилось бы и поведеніе Ярослава, который, считая себя при невзгодѣ Святополка старшимъ, и видя предпочтеніе, которое оказывалъ отцу Борису, не хотѣлъ быть посадникомъ послѣдняго въ Новгородѣ, и потому снѣшилъ объявить себя независимымъ. Какъ бы то ни было, Борисъ единогласно описывается челоуѣкомъ въ самой цвѣтущей юности: „аки цвѣтъ въ юности своей..... брада мала и усъ, младъ бо бѣ еще.“ — Если предположимъ, что онъ былъ первымъ плодомъ брака Владимірова съ Анною, то въ годъ отповой смерти ему было 25 лѣтъ; но по описанію можно судить, что онъ былъ гораздо моложе. Лѣтописецъ прибавляетъ, что Борисъ свѣтился царски, желая, быть-можетъ, указать на его царственное происхожденіе по матери. Отецъ любилъ его болѣе другихъ сыновей и держалъ при себѣ, въ чемъ видно было намѣреніе передать ему старшій столъ кievскій. Мы должны сказать также нѣсколько словъ о волостяхъ сыновей Владиміро-

¹⁾ Полн. Собр. Р. Л. I, 52.

²⁾ Тамъ же, стр. 34.

³⁾ Татищ. I, 40.

⁴⁾ Полн. Собр. Р. Л. I, 57.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 34: Отъ Чехинѣ Вышеслава, а отъ другою Святослава и Мстислава.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 55: Преставися Малфредъ. Въ се же лѣто преставися и Рогнѣдѣ, мать Ярослава.— Иено, что здѣсь говорится о двухъ женщинахъ, женахъ Владиміра. Татищ. II, 87: Преставися Малфреда, Чехиня, мать Святослава.

⁷⁾ Соф. Врем. I, 87; Никон. I, 93; Соф. 80.

⁸⁾ П, примѣч. 191.

⁹⁾ Лѣтоп., содерж. Росс. Ист. отъ 852—1598 г. стр. 40: А трехъ у себя остави: бѣ бо млади, Станиславъ, Судиславъ, Позвида.

¹⁰⁾ П, примѣч. 184. Извѣстіе о томъ, что Борисъ и Глѣбъ были сыновья царевны Анны, находится не въ одной Іоакимовской лѣтописи; оно находится въ такъ-называемой Тверской лѣтописи, хранящейся въ Император. Публич. Библиотека: «Ваша у него (Владиміра) водимыя рекше боштіа: Рогнѣдъ иже посади на Либедѣ въ селѣ ижеже есть нынѣ славеть селце Пределаино... а отъ другіе Чехии Святослава, и Станислава, Судислава, Болеслава. А отъ царевны Анны Бориса и Глѣба».

выхъ; сравнивъ эти волости съ волостями сыновей Ярославыхъ, мы замѣчаемъ, что такъ какъ у Владимира было вдвое болѣе сыновей чѣмъ у Ярослава, то и волости первыхъ должны быть гораздо болѣе размельчены: Новгородская волость была раздѣлена на двѣ—Новгородскую и Псковскую; здѣсь начало отдѣленія Пскова отъ Новгорода. Ростовъ является самостоятельнымъ столомъ, Муромъ также; въ Киевскомъ княжествѣ являются двѣ особыя волости—Древлянская Земли и Туровъ. Но странно, что, размельчая такъ волости на сѣверѣ и западѣ, Владиміръ не далъ волостей на востокъ отъ Дибра, ибо не упоминается ни о Черниговѣ, ни о Переяславлѣ, какъ особыхъ волостяхъ. Мстиславъ сидѣлъ въ Тмуторакани, но Черниговъ не могъ принадлежать ему, онъ его завоевалъ впоследствии уже при Ярославі.

Владиміръ умеръ въ Берестовѣ; окружающіе скрыли его смерть, потому что Святополкъ былъ въ Киевѣ; и въ ночь уже, проломавъ полъ между двумя кѣтми, на канатахъ спустили на землю тѣло, обвернутое въ коверъ, положили на сани, привезли въ Киевъ и поставили въ Десятинной церкви. Когда въ городѣ узнали объ этомъ, то безчисленное множество народа сошлось въ церковь, и начали плакаться по немъ: знатные ¹⁾ — какъ по заступникѣ Земли своей, убогіе — какъ о заступникѣ и кормителѣ своемъ; положили тѣло въ мраморный гробъ и съ плачемъ похоронили. По вѣсѣмъ вѣрностямъ, хотѣли утаить смерть Владимира для того, чтобы Святополкъ узналъ о ней не прежде гражданъ киевскихъ, ибо тогда ему труднѣе было дѣйствовать. Какъ скоро въ Киевѣ разнеслась вѣсть о кончинѣ Владимира, то Святополкъ сѣлъ на отцовскомъ мѣстѣ, созвалъ Киевлянъ и началъ раздавать имъ подарки: это уже служило знакомъ, что онъ боялся соперничества и желалъ приобрести расположение гражданъ; граждане принимали подарки, говорятъ лѣтописецъ, но сердце ихъ не было съ Святополкомъ, потому что братья ихъ находились на войнѣ съ Борисомъ. Слѣдов. граждане были равнодушны; они опасались одного, что какъ вдругъ братья ихъ провозгласятъ княземъ Бориса, а Святополкъ потребуетъ отъ нихъ помощи противъ послѣдняго?—ихъ пугало это междуособіе. Борисъ, не нашедши Печенѣговъ, былъ уже на возвратномъ пути и стоялъ на рѣкѣ Алтѣ, когда пришла къ нему вѣсть о смерти отцовской. Вышедшая съ Борисомъ дружина Владимірова, бояре, старые думцы, предпочитали Бориса вѣсѣмъ его братьямъ, потому что онъ постоянно находился при нихъ, привыкъ съ ними думать думу, тогда какъ другіе князья привели бы съ собой другихъ любимцевъ, что и сдѣлалъ Святополкъ, если обратитъ вниманіе на намекъ лѣтописца о поведеніи послѣдняго: „Листъ бо граду тому, въ немъ же князь уиъ, любяй вино пити съ гуслями и съ мла-

дыми совѣтниками“. Вотъ почему отцовская дружина уговаривала Бориса идти на столъ киевскій; но молодой князь отивчалъ, что не подниметъ руки на старшаго брата, который будетъ ему вѣсто отца; тогда войско разошлось, оставя Бориса съ малымъ числомъ приближенныхъ служителей. Святополкъ очень хорошо понималъ опасность, могущую грозить ему со стороны Бориса, и потому на первыхъ порахъ хотѣлъ и съ нимъ поступить такъ же, какъ съ гражданами, послалъ сказать ему, что хочетъ имѣть съ нимъ любовь и придастъ еще къ волости, которую тотъ получилъ отъ отца; узнавъ же, что войско разошлось отъ Бориса, онъ рѣшился на убійство послѣдняго. Мы не станемъ объяснять этого поступка Святополкова желаніемъ отомстить за смерть отца своего Ярополка, впервыхъ уже потому, что это объясненіе кажется намъ натянутымъ само по себѣ; вторыхъ, основывается на странномъ толкованіи словъ лѣтописца, который, желая объяснить себѣ звѣрскій поступокъ Святополка, предполагаетъ, что онъ былъ отъ двоихъ отцовъ, тогда какъ, кромѣ этого предположенія, нѣтъ въ разсказѣ ни малѣйшаго намека на то, чтобы Святополкъ не былъ сыномъ Владимира; вводити какое-то усыновленіе для предотвращенія мести странно, когда мы знаемъ, что дядя безъ всякаго усыновленія считался отцомъ племяннику; потомъ еще новое предположеніе, что это усыновленіе охраняло Владимира отъ мести, но не охраняло отъ нея сыновей его и проч. Давняя ненависть Святополка къ Борису, какъ сопернику, которому отецъ хотѣлъ оставить старшій столъ мимо его; явное расположеніе дружины и войска къ Борису, который могъ воспользоваться имъ при первомъ случаѣ, хотя теперь и отказался отъ старшинства; наконецъ, что, быть можетъ, важнѣе всего, примѣръ сосѣднихъ государей, съ однимъ изъ которыхъ Святополкъ находился въ тѣсной связи, объясняютъ какъ нельзя легче поведеніе Святополка: вспомнимъ, что не задолго предъ тѣмъ въ сосѣднихъ славянскихъ странахъ—Вогеміи и Польшѣ—обнаружилось стремленіе старшихъ князей отдѣляться отъ родичей насильственными средствами Первымъ дѣломъ Болеслава Храбраго Польскаго, по воествованіи на престолъ, было изгнаніе младшихъ братьевъ, ослѣпленіе другихъ родичей; первымъ дѣломъ Болеслава Рыжаго въ Вогеміи—было оскорбленіе одного брата, покушеніе на жизнь другого, а Святополкъ былъ зятъ Болеслава Польскаго; почему же то, что объясняется само собою въ польской и чешской исторіяхъ, въ русской требуетъ для своего объясненія какого-то кодекса родовыхъ правъ?

Лѣтописецъ такъ разсказываетъ объ убіеніи Бориса. Святополкъ ночью пришелъ въ Вышгородъ, тайно призвалъ какого-то Путшу и вышегородскихъ боярцевъ—Тольца, Еловита и Лешька, и спросилъ ихъ: „Привержены ли они къ нему вѣсѣмъ сердцемъ“? Путша съ вышегородцами отвѣчалъ: „Можемъ головы свои сложить за тебя“. Тогда онъ сказалъ имъ: „Не говоря никому ни

¹⁾ Такъ переводю я здѣсь слово *болгаре*, ибо здѣсь ясно, что они противопоставляются убогимъ, и потому означать вообще не убогихъ, богатыхъ и знатныхъ.

слова, ступайте и убейте брата моего Бориса⁴. Тѣ обѣщались исполнить его желаніе какъ можно скорѣе. Здѣсь останавливаетъ насъ одно обстоятельство: почему Святополкъ обратился къ вышгородскимъ боярдамъ съ предложеніемъ убить Бориса? Намъ кажется очень вѣроятнымъ, что, по освобожденіи изъ темницы, Владиміръ уже не отдалъ Святополку волости Туровской, какъ ближайшей къ границамъ польскимъ, а посадилъ его гдѣ-нибудь подлѣ Кіева, чтобъ удобнѣе наблюдать за его поведеніемъ, и что новая волость была именно Вышгородъ, куда теперь Святополкъ и обратился къ старымъ своимъ слугамъ, которые были готовы сложить за него свои головы.

Путша съ товарищами пришли ночью на Альту и, подошедши къ шатру Борисову, услышали, что князь поетъ заутреню; несмотря на осторожность, Святополкъ не могъ утаить своихъ замысловъ, и Борисъ зналъ, что собираются погубить его. Убийцы дождались, пока князь, помолившись, легъ въ постель, и тогда бросились на шатеръ, начали тыкать въ него копьями, пронзили Бориса и вмѣстѣ слугу его, который хотѣлъ защитить господина собственнымъ тѣломъ; этотъ отрокъ былъ родомъ Венгръ, именемъ Георгій; Борисъ его очень любилъ и далъ ему большую золотую гривну, въ которой тотъ и служилъ ему; убили тутъ же и другихъ многихъ отроковъ Борисовыхъ, и у этого Георгія отсѣкли голову, потому что не могли скоро снять гривны съ шеи; Бориса, еще дышавшаго, убійцы завернули въ шатерное полотно, положили на возъ и повезли. Но Святополкъ, узнавъ, что Борисъ еще дышетъ, послалъ двухъ Варяговъ прикончить его, что тѣ и сдѣлали, пронзивъ его мечемъ въ сердце; тѣло его принесли тайно въ Вышгородъ и положили въ церкви Св. Василія. За этимъ убійствомъ слѣдовало другое; у Бориса оставался единоутробный братъ Глѣбъ, сидѣвшій въ Муромѣ. „Бориса убишь, какъ бы убить Глѣба“? говоритъ Святополкъ въ разсказѣ лѣтописца; но Глѣбъ былъ далеко, и потому Святополкъ послалъ сказать ему: „Пріѣзжай скорѣй сюда: отецъ тебя зоветъ, онъ очень боленъ“ Глѣбъ немедленно сѣлъ на коня и пошелъ съ малою дружиной. Когда онъ пришелъ на Волгу, къ устью Тмы, то конь его споткнулся на полѣ во рвѣ и намялъ ему немного ногу; послѣ чего князь пришелъ къ Смоленску, а отсюда поплылъ на баркѣ и остановился въ виду города на Смядынѣ. Въ это время настигъ его посланный отъ брата Ярослава изъ Новгорода. „Не ходи, велѣлъ сказать ему Ярославъ: отецъ умеръ, а брата твоего Святополкъ убилъ“. Глѣбъ сильно тужилъ по отцѣ, но еще больше по братѣ. Между тѣмъ явились и убійцы, посланные отъ Святополка; они овладѣли Глѣбовою баркою и обнажили оружіе; Глѣбовы отроки потеряли духъ; тогда главный изъ убійцъ, Горясѣръ, велѣлъ немедленно зарѣзать Глѣба, что и было исполнено поваромъ послѣдняго; этого повара звали Торчинъ: имя указываетъ на происхожденіе. Сперва тѣло Глѣба бросили на берегъ между двумя колодами,

потомъ свезли въ Вышгородъ и положили вмѣстѣ съ братомъ, уже въ княженіе Ярослава¹). Страдальческая кончина и прославленіе двухъ братьевъ-друзей не остались безъ сплннаго вліянія въ послѣдующей исторіи. Русская Земля и преимущественно родъ княжескій приобрѣли святыхъ покровителей „молитвенниковъ за новыя люди хрстіанскія и сродникъ своя, земля благословилась ихъ кровію“! Но кто же эти новыя свѣтильники?—это два князя, погибшіе отъ родного брата, который хотѣлъ единовластія! Можно думать, что святость Бориса и Глѣба и проклятіе, тяготѣвшее надъ Святополкомъ, не разъ удерживали впоследствии братоубійственные руки; мы увидимъ, какъ послѣ стѣсненный князь останавливалъ притѣснителя напомнимъ, что онъ хочетъ быть вторымъ Святополкомъ. Святые Борисъ и Глѣбъ и проклятый убійца ихъ Святополкъ были безпрестанно въ памяти князей, и, разумѣется, духовенство не пропускало случая напоминать имъ о нихъ²). Съ другой стороны, Борисъ палъ жертвою уваженія къ родовымъ понятіямъ, погибъ оттого, что не хотѣлъ поднять руки на старшаго брата, и своею смертію освятилъ эти родовыя понятія; примѣръ его долженъ былъ сдерживать попытки младшихъ пользоваться обстоятельствами и вооружаться противъ старшихъ для отнятія у нихъ этого старшинства³).

Ближайшій къ Кіеву князь, Святославъ, сидѣвшій въ Землѣ Древлянской, узнавъ о гибели Бориса и Глѣба, не сталъ спокойно дожидаться такой же участи и бѣжалъ въ Венгрію; но Святополкъ послалъ за нимъ въ погоню, и Святославъ былъ убитъ въ Карпатскихъ горахъ. Тогда, по словамъ лѣтописца, Святополкъ началъ думать: „Персбыю всѣхъ братьевъ и пряму одинъ всю власть на Руси“. Но гроза пришла на него съ сѣвера. Ярославъ Новгородскій для защиты отъ отца призывалъ къ себѣ заморскихъ Варяговъ; тѣ стали обижать Новгородцевъ и женъ ихъ: тогда Новгородцы встали и перебили Варяговъ на дворѣ какого-то Парамона. Ярославъ разсердился и задумалъ отмстить хитростью главнымъ изъ убійцъ: онъ по-

¹) Никои. I, 128.

²) Въ одномъ сборникѣ XV вѣка находится слѣдующее слово на день Св. Бориса и Глѣба: «Слышите, князи, противящая старѣйшей брати, и рать взыдижуца и поганя на свою братью поводяще! Не обличилъ ти естъ Богъ на страннемъ судици, како святой Борисъ и Глѣбъ претерпѣте брату своему цетокмо отъятіе власти, но отъятіе живота. Вы же до слова брату стерѣти не можете, и за малу обиду вражду смертоосиую взыдижете: помощь примете отъ поганыхъ на свою братью». См. въ Москвит. № 12, годъ 1843. Или: «Видители, брати, коль высоко покореше еже стежаста святая къ старѣйшему брату, си аще бо быста супротивялася ему една быста такому дару чудесному сподоблена отъ Бога, мнози бо суть нилѣ дѣтески князи не покаряющися старѣйшимъ и супротивящися имъ и убиваема суть, ти не суть такой благодати сподобленн якоже святая сія (Опис. Рум. Муз., стр. 201).

³) Повѣсть о смерти Бориса и Глѣба явно вставлена въ лѣтопись послѣ; иначе лѣтописецъ не сталъ бы снова повторять (въ концѣ стр. 60): Святополкъ же окаяны нача княжити Кыевъ и проч.

слалъ сказать имъ, что на нихъ не сердится болѣе, позвалъ ихъ къ себѣ и велѣлъ умертвить; по которымъ извѣстиямъ, убито было 1000 человекъ, а другіе убѣжали. Но въ ту же ночь пришла къ нему вѣсть изъ Кіева отъ сестры Предславы: „Отецъ умеръ, а Святополкъ сидитъ въ Кіевѣ, убилъ Бориса, посылать и на Глѣба, берегись его“. Ярославъ сталъ тужить по отцѣ, по братѣ и по Новгородцамъ, которыхъ перебилъ вовсе не вовремя. На другой день онъ собралъ остальныхъ Новгородцевъ на вѣче въ полѣ и сказалъ: „Ахъ, любимая моя дружина, что вчера избилъ, а нынче была бы надобна, золотомъ бы купилъ“, и, утерши слезы, продолжалъ: „Отецъ мой умеръ, а Святополкъ сидитъ въ Кіевѣ и убиваетъ братьевъ,—помогите мнѣ на него“. Новгородцы отвѣчали: „Хотя, князь, братья наши и перебиты, однако можемъ по тебѣ бороться“. Причину такого рѣшенія Новгородцевъ объяснить легко. Предпріятіе Ярослава противъ Владиміра было въ выгудѣ Новгородцевъ, освобожденныхъ отъ платежа дани въ Кіевъ: отказавшись помочь Ярославу, принудить его къ бѣгству—значило возобновить прежнія отношенія къ Кіеву, принять опять посадника Кіевского князя, простого мужа, чего очень не любили города, а между тѣмъ Ярославъ если убѣжитъ, то можетъ возвратиться съ Варягами, какъ Владиміръ прежде, и уже, конечно, не будетъ благосклоненъ къ гражданамъ, выгнавшимъ его отъ себя, тогда какъ, въ случаѣ побѣды Ярослава надъ Святополкомъ, они были въ правѣ ожидать, что Ярославъ не заставитъ ихъ платить дани въ Кіевъ уже потому, что самъ прежде отказался платить ее. Что же касается поступка Ярослава съ убійцами Варяговъ, то мы должны смотрѣть на его слѣдствія по отношеніямъ и понятіямъ того времени; изъ лѣтописнаго разсказа мы видимъ уже всю неопредѣленность этихъ отношеній: Новгородцы ссорятся съ Варягами; дѣло доходитъ до драки, въ которой граждане бьютъ Варяговъ; князь хитростью зазываетъ къ себѣ виновниковъ убійства и бьетъ ихъ въ свою очередь. Въ понятіяхъ Новгородцевъ, слѣд., все это было очень естественно, и потому трудно было имъ за это много сердиться; у насъ нѣтъ никакого основанія приписать убійствъ Варяговъ за дѣло цѣлаго города, это была частная ссора и схватка, на что указываетъ опредѣленіе мѣста—дворъ Парамоновъ; число жертвъ мести Ярославовой явно преувеличено: трудно было облагомъ назвать такое количество людей, еще труднѣе перерѣзать ихъ безъ сопротивленія въ оградѣ княжескаго двора; мы видимъ, что не всѣ знатные Новгородцы были перерѣзаны, оставались бояре и старосты, которые послѣ собираютъ деньги для найма Варяговъ. Отвѣчали на вѣчѣ тѣ, которые остались въ живыхъ; остались въ живыхъ тѣ, которые не участвовали въ убійствѣ Варяговъ; а тѣ, которые не участвовали въ убійствѣ Варяговъ, были по этому самому равнодушны къ дѣлу. Поступокъ Ярослава былъ совершенно въ понятіяхъ того времени: князь долженъ былъ ка-

кимъ бы то ни было способомъ схватить убійцъ варяжскихъ и отдать ихъ на мечь Варягамъ, родственникамъ убитыхъ. Итакъ, если это было частное дѣло и обыкновенное, то дѣлому городу не для чего было много обращать на него вниманія; Ярославъ жалѣетъ не о томъ, что перебилъ Новгородцевъ, но о томъ только, что этимъ настоящимъ отнялъ у себя воиновъ, которые въ настоящихъ обстоятельствахъ были ему очень нужны, и Новгородцы отвѣчаютъ въ этомъ же смыслѣ: „Хотя наши братья и перебиты, но у насъ все еще достаточно народа, чтобъ биться за тебя“. Впрочемъ это мѣсто лѣтописи нуждается еще въ другомъ объясненіи: почему Ярославъ такъ испугался слѣдствій своего поступка съ Новгородцами? для чего такъ жалѣть объ избитіи дружины? вѣдь она была нужна ему и прежде, ибо онъ готовился къ войнѣ съ отцомъ; для чего же онъ не подумалъ объ этомъ прежде убійенія Новгородцевъ? Дѣло объясняется тѣмъ, что Ярославъ знаетъ о медленныхъ сборахъ Владиміра. о его болѣзни, которая мѣшала ему снѣшить походъ; могъ надѣяться на борьбу Святополка съ Борисомъ, которая надолго оставила бы его въ покоѣ. Но теперь дѣла перемѣнились: Владиміръ умеръ, Святополкъ началъ княжить, убилъ Бориса, посылать убить Глѣба, хочетъ бить всѣхъ братьевъ, подобно сосѣднимъ государямъ; опасеніе слѣд. наступила страшная для Ярослава: сестра писала: „Берегись!“ Оставаться въ бездѣйствіи—значило жить въ безпрестанномъ страхѣ отъ убійцъ; нужно было или бѣжать за море, или выступить немедленно противъ Святополка, предупредить его, однимъ словомъ—поступить по примѣру отца своего Владиміра.

Послѣ того какъ Новгородцы рѣшились выступить въ походъ, Ярославъ собралъ оставшихся у него Варяговъ, по однимъ извѣстіямъ тысячу, по другимъ шесть тысячъ, да Новгородцевъ 40,000, и пошелъ на Святополка, призвавши имя Воже; онъ говорилъ: „Не я началъ избивать братьевъ, но Святополкъ; да будетъ Богъ отмстникъ крови братьевъ моихъ, потому что безъ вины пролита кровь праведныхъ Бориса и Глѣба; пожалуй и со мной то же сдѣлаешь“. Мы слышимъ здѣсь тѣ же самыя слова, которые лѣтописецъ влагаетъ и въ уста Владиміру, шедшему противъ Ярополка, съ тѣмъ только различіемъ, что христіанинъ Ярославъ призываетъ Бога въ мстители неповинной крови и отдаетъ свое дѣло на судъ Вожи. Святополкъ, узнавъ, что Ярославъ идетъ на него, собралъ множество войска изъ Руси и Печенѣговъ и вышелъ къ Любечу; онъ сталъ по ту сторону Днѣпра, а Ярославъ по эту. Ярославъ, безъ сомнѣнія, прибылъ въ лодкахъ, а Святополкъ пришелъ изъ-за Десны съ Печенѣгами. Въ третій разъ Днѣпръ видѣлъ браждебное движеніе сѣверной Руси на южную; оба первые раза при Олегѣ и Владимірѣ сопротивленія было мало со стороны юга; по теперь онъ собралъ свои силы, и какъ съѣверъ явился съ естественными союзниками—Варягами, такъ югъ соединился—съ Печенѣгами. Три мѣсяца, а по другимъ

извѣстіямъ только три недѣли ¹⁾, стояли враги по обѣимъ сторонамъ Днѣпра; ни тѣ, ни другіе не смѣли перевестись и напасть. Былъ въ то время обычай поддразнивать враговъ, чтобы побудить ихъ начать дѣло къ своей невыгодѣ. Видя, что главная сила Ярослава состояла изъ Новгородцевъ, горожанъ и сельчанъ, воевода Святополка ²⁾, ѣздя подлѣ берега, бранилъ Новгородцевъ, называлъ ихъ ремесленниками, а не воинами. „Эй вы, плотники, кричали онъ имъ: зачѣмъ пришли сюда съ хромымъ своимъ княземъ? вотъ мы васъ заставимъ рубить намъ хоромы“. Новгородцевъ сильно разсердилась насмѣшка, — и она сказала Ярославу: „Завтра переведемся на нихъ, а если кто не пойдетъ съ нами, того сами убьемъ“.

Въ лагерѣ у Святополка Ярославъ имѣлъ пріятеля, къ которому послалъ ночью спросить: „Что дѣлать? меду мало варено, а дружины много“; тотъ отвѣчалъ, что пусть Ярославъ къ вечеру отдастъ медъ дружинѣ; Новгородскій князь догадался, что медю должно сдѣлать нападеніе. Была заморозь; Святополкъ стоялъ между двумя озерами, и всю ночь пилъ съ дружиною; а Ярославъ передъ разсвѣтомъ исполнилъ свое войско и перевезъ на другой берегъ, причѣмъ Новгородцы, высадившись изъ лодокъ, оттолкнули ихъ отъ берега, чтобы отнять у себя всякую возможность къ побѣгу; Ярославъ приказалъ дружинѣ повязать головы платками, чтобъ въ сѣчѣ узнавать своихъ. Враги сошлись; была сѣча злая; Печенѣги, стоявшіе за озеромъ, не могли помочь Святополку, который былъ притиснутъ съ своею дружиной къ озеру, принужденъ вступить на ледъ; ледъ обломился, — и Ярославъ одолѣлъ: Святополкъ бѣжалъ въ Польшу, а Ярославъ сѣлъ въ Кіевѣ на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ, проживя на сѣверѣ 28 лѣтъ ³⁾. Новгородцы были отпущены домой и отдѣлены шедро:

¹⁾ Татищ. II, 97.

²⁾ По нѣкоторымъ лѣтописямъ, это былъ старинный воевода Владиміровъ, Волчій Хвостъ, побѣдитель Радимичей. Поли. Собр. Русск. Лѣт. III, 209.

³⁾ И бы тогда Ярославъ Новгородѣ лѣтъ 28 (Лавр.), сѣже тогда Ярославъ лѣтъ 28 (въ прочіихъ спискахъ). — Ярославъ не могъ быть тогда (въ 1016 г.) 28 лѣтъ отъ роду, ибо это значило бы, что онъ родился въ 988 году, въ годъ пріятія Владиміромъ христіанства и женитбы на Аннѣ, тогда какъ мы знаемъ, что у Ярослава было много младшихъ братьевъ, рожденных не отъ Анны, следовательно рожденных до пріятія христіанства; онъ не могъ жить 28 лѣтъ въ Новгородѣ, ибо это значило бы, что онъ былъ отправленъ въ Новгородъ въ 988 году, по мы знаемъ, что въ этомъ году онъ былъ посланъ въ Ростовъ, а не въ Новгородъ, гдѣ княжилъ старшій братъ его Вышеславъ, умершій, по Татищеву, въ 1010 году (II, 89); следовательно лѣтоисецъ подъ пребываніемъ въ Новгородѣ считалъ все время его пребыванія на сѣверѣ, начиная отъ 988 года, подъ которымъ онъ помѣстилъ раскольку сыновей Владиміровыхъ по волостямъ, полагаемую преданіемъ тотчасъ послѣ крещенія. Счетъ лѣтъ всей жизни Ярославовой (76 лѣтъ) тоже не вѣрнъ, ибо еслибъ онъ умеръ въ 1054 году 76 лѣтъ, то онъ долженъ былъ бы родиться въ 978 году; но въ такомъ случаѣ онъ не могъ бы быть сыномъ Рогнѣды, а главное — былъ бы старше Святополка, вслѣдствіе чего прізнаніе Св. Борисомъ послѣдлаго старшимъ не имѣло бы смысла.

старосты получили по 10 гривенъ, смерды по гривѣ, а горожане всѣ — по 10.

Но Святополкъ былъ живъ, и потому Ярославъ не могъ успокоиться. Для Болеслава Польскаго открылись такіе же теперь виды на востокъ, какіе онъ имѣлъ прежде на западъ; на Руси, какъ прежде у Чеховъ, семейные раздоры приглашали его къ посредничеству и къ утверженію своего вліянія, тѣмъ болѣе что теперь Болеславъ долженъ былъ помочь своему зятю. Онъ воспользовался благоприятнымъ случаемъ: по его наущенію Печенѣги напали на Кіевъ; подъ самымъ городомъ была злая сѣча; едва къ вечеру Ярославъ могъ прогнать варваровъ ⁴⁾. Со своей стороны Ярославъ выступилъ къ польскимъ границамъ, заключивъ союзъ съ врагомъ Болеславовымъ, императоромъ Генрихомъ II-мъ; но походъ Русскаго князя окончился неудачною осадою Бреста ⁵⁾; походъ императора противъ Болеслава также не удался, онъ принужденъ былъ заключать съ нимъ миръ и, желая избавиться отъ опаснаго врага, обратилъ его дѣятельность на востокъ, самъ совѣтовалъ ему вооружиться противъ Русскаго князя. Въ 1017 году Болеславъ выступилъ въ походъ, усиливъ свое войско 300 Нѣмцевъ, 500 Венгровъ и 1000 Печенѣговъ; 22 іюля достигъ береговъ Вуга, раздѣливашаго польскія владѣнія отъ русскіихъ; Ярославъ ждалъ его на другомъ берегу съ Русью (жителями южной Руси), Варягами и Славянами (Новгородцами). Здѣсь повторилось то же явленіе, какое видѣли на берегахъ Днѣпра у Любеча; воевода Ярославовъ Будый, ѣздя по берегу, началъ смѣяться надъ Болеславомъ; онъ кричалъ ему: „Вотъ мы тебѣ проткнемъ палкою брюхо твое толстое!“ Былъ Болеславъ, говоритъ лѣтописецъ, великъ и тяжелъ, такъ что и на конѣ съ трудомъ могъ сидѣть; но зато былъ смысленъ. Не вытерѣвъ онъ насмѣшекъ и, обратившись къ дружинѣ своей, сказалъ: „Если вамъ это ничего, такъ я одинъ погибну“, — сѣлъ на коня и бросился въ рѣку, а за нимъ и все войско. Полки Ярослава, вовсе не ожидая такого внезапнаго нападенія, не успѣли приготовиться и обратились въ бѣгство; Ярославъ ушелъ въ Новгородъ только салъ-пити; а Болеславъ съ Святополкомъ почти безпрепятственно вошли въ Кіевъ, 14 августа. Въ городѣ нашли они мачиху ⁶⁾, жену и сестеръ Ярославовыхъ, изъ которыхъ за одну (Предславу) сватался прежде Болеславъ, получилъ отказъ и теперь въ отмщеніе взялъ ее къ себѣ въ наложницы ⁷⁾. Часть своего войска онъ отпустилъ

⁴⁾ *Dithmar Mers. VII, 264, 265: «Urbs autem Kitava nimis valida ab hostibus Pedencis hortatu Belizlaui crebra impugnatione concutitur et incendio rari minoratur».* — О кіевскомъ пожарѣ упоминаютъ наши лѣтописи подъ 1017 годомъ (Поли. Собр. Р. Л. I, 62; въ тѣхъ же годомахъ упоминается о приходѣ Печенѣговъ подъ Кіевъ и злой сѣчѣ съ ними. Тамъ же, III, 210).

⁵⁾ Карамз. II, прилѣч. 10.

⁶⁾ Одну изъ жещъ Владиміровыхъ, неизвѣстную какую: Анна умерла прежде Владиміра, въ 1011 году.

⁷⁾ О сватовствѣ за дочерью Владиміровыхъ см. Татищ. II, 90.

назадъ, другую велѣлъ развести по русскимъ городамъ на покормъ. Но и въ Кіевѣ повторились тѣ же явленія, какія мы видѣли въ Прагѣ у Чеховъ, и, какъ видно, по тѣмъ же причинамъ. Русскіе вооружились противъ Поляковъ и стали убивать ихъ; лѣтописецъ приписываетъ это приказу Святополка; но очень вѣроятно извѣстіе ¹⁾, что Поляки вели себя и на Руси такъ же, какъ въ Богеміи, и возбуждали противъ себя возстаніе; очень вѣроятно также, что и Святополкъ, наскучивъ неприятнымъ гостемъ, слишкомъ долго зажившимся въ Кіевѣ на его счетъ, не былъ противъ народной мести Полякамъ. Это заставило Болеслава уйти изъ Кіева: примѣръ чешскихъ событий научилъ его быть осторожнѣе въ подобныхъ обстоятельствахъ. Половину войска отослалъ домой: разосланные по русскимъ городамъ Поляки истреблены; трудно было противиться, если бы вспыхнуло возстаніе; притомъ же вѣроятно онъ слышалъ уже о новыхъ приготовленияхъ Ярослава. Но Болеславъ ушелъ не безъ выгоды: онъ захватилъ себѣ все имущество Ярослава, къ которому приставилъ Анастаса: хитрый Грекъ умѣлъ подольститься къ каждому сильному и мѣнялъ отечество, смотря по выгодамъ; Болеславъ ему ввѣрился лестно, говорить лѣтописецъ. Польскій князь повелъ также съ собою бояръ Ярославовыхъ, двухъ сестеръ его и множество плѣнниковъ, взятыхъ въ бою ²⁾; на дорогѣ Болеславъ захватилъ и Червенскіе города, пріобрѣтеніе Владимира Св.; впрочемъ вѣроятно, что эти города были уступлены ему Святополкомъ, въ награду за помощь.

Между тѣмъ Ярославъ, явившись въ Новгородъ безъ войска, хотѣлъ бѣжать за море; но граждане вмѣстѣ съ посадникомъ Константиномъ, сыномъ Добрыни, разсѣли княжескія лодки, приготовленныя для бѣгства, и объявили: „Хотимъ еще биться съ Болеславомъ и Святополкомъ“ ³⁾ Такая рѣшительность понятна: имъ нечего было теперь ожидать хорошаго отъ Святополка, а защищаться отъ него безъ князя было также невыгодно. Они начали собирать деньги — съ простого человѣка по 4 куны, со старостъ по 10 гривенъ, съ бояръ по 18 гривенъ, привели Варяговъ, дали имъ эти деньги, и такимъ образомъ у Ярослава набралось много войска ⁴⁾, и онъ двинулся противъ Свято-

полка: тотъ былъ разбитъ, бѣжалъ къ Печенѣгамъ, и привелъ огромныя толпы ихъ противъ Ярослава въ 1019 году. Ярославъ вышелъ навстрѣчу, и сошелся на рѣкѣ Альтѣ, гдѣ былъ убитъ Борисъ. Мѣсто благопріятствовало Ярославу по воспоминанію о преступленіи Святополка; лѣтописецъ говоритъ, что Ярославъ молилъ Бога объ отомщеніи новому Канину. Онъ же говорить, что сѣча была злая, какой еще не бывало на Руси; сѣклись схватываясь руками, трижды сходились биться, по удольямъ текла кровь ручьями; къ вечеру одолѣлъ Ярославъ, а Святополкъ бѣжалъ въ пограничный польскій городъ Врестъ, гдѣ, вѣроятно, умеръ отъ ранъ, полученныхъ въ битвѣ; по скандинавскимъ преданіямъ, онъ палъ отъ руки Варяга Эмунда, служиваго въ войскѣ Ярослава, а по русскимъ — погибъ злою смертію въ дуплѣхъ между Польшею и Богемією ⁵⁾. Ярославъ съѣлъ въ Кіевѣ, утеръ потъ съ дружиною, по выраженію лѣтописца, показавъ побѣду и великій трудъ.

Такимъ образомъ, сѣверное народонаселеніе въ четвертый разъ доставило побѣду своему князю надъ югомъ. Со Святополкомъ дѣло было кончено; но были еще другіе братья и родственники у Ярослава: изъ 12 сыновей Владимира въ живыхъ оставался теперь только Ярославъ, Мстиславъ, Судиславъ да племянникъ Брячиславъ, сынъ Изяслава Полоцкаго. Соперниковъ у Ярослава по старшинству не могло быть: Брячиславъ Полоцкій, хотя внукъ отъ старшаго сына Владимірова, никогда не могъ надѣяться на старшинство, потому что отецъ его умеръ, не будучи старшимъ; Мстиславъ и Судиславъ были младшіе братья Ярославу; но всѣ они, какъ члены одного рода, имѣли право на равное распредѣленіе волостей; мы увидимъ, что, до самаго прекращенія родовыхъ отношеній между князьями, младшіе изъ нихъ настаиваютъ на право общаго наслѣдства всѣхъ родичей послѣ каждаго умершаго князя, т. е. на новое распредѣленіе волостей; теперь 8 сыновей Владимира умерло, и старшій изъ живыхъ, Ярославъ, не далъ изъ ихъ волостей ничего младшимъ. Имъ надобно было самимъ поискать, какъ обыкновенно выражались князья, и вотъ явился опасный искатель волостей съ юговостока, изъ Тмуторакани, Мстиславъ. Изъ всѣхъ сыновей Владиміра Мстиславъ больше другихъ похожъ былъ на дѣда своего Святослава, былъ князь-вождь дружины по преимуществу; жизнь ли въ Тмуторакани и постоянная борьба съ окрестными варварскими народами развила такой характеръ въ Мстиславѣ, или уже волость приходилась по праву, — Мстиславъ явился богатыремъ, который любилъ только свою дружину, ничего не щадилъ для

росты, смерды и собственно граждане новгородскіе не могли такъ долго оставаться на югѣ, вдали отъ семействъ своихъ; слѣд., если извѣстіе справедливо, то это былъ небольшой отрядъ в е р х н и хъ в о е в ѣ, вытребованный Ярославомъ на помощь, или отрядъ охотниковъ, оставшихся на югѣ, чтобъ участвовать въ войнѣ Ярослава съ Польшею.

⁵⁾ Полн. Собр. Р. Лѣт. 1, 62, 63. Какъ видно, это преданіе распространено и украшено выослѣдствіи.

¹⁾ Татищ. II, 99.

²⁾ Привимаю древнѣйшее чтеніе Плат. сп.: съ бою вмѣсто повднѣйшаго съ с о б о ю. Здѣсь говорится о плѣнникахъ, взятыхъ при Бугѣ и въ томъ городѣ, который, по Дитмару, былъ взятъ приступомъ, и жители его отдали въ рабство.

³⁾ Мы слѣдовали въ своемъ разсказѣ русскимъ лѣтописанъ и Дитмару. О распространенныхъ и украиненныхъ разсказахъ польскихъ лѣтописцевъ см. у Карамзина II примѣч. 10 и слѣд.; также у Roepell, Geschichte Polens, I, 7 Weilage.

⁴⁾ Въ Новгородской лѣтописи сказано, что Ярославъ послѣ первой побѣды надъ Святополкомъ отпустилъ всѣхъ Новгородцевъ домой; въ Кіевской (Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 62) говорится, что въ походѣ противъ Болеслава были и Славяне, то-есть Новгородцы; но ясно, что это не могли быть тѣ самые, которые привели Ярослава въ Кіевъ: ста-

нея, до остальнаго же народонаселенія ему не было дѣла. Онъ былъ славенъ въ народныхъ преданіяхъ, какъ князь-богатырь, единоборецъ. Однажды, говорить лѣтопись, пошелъ онъ войною на Касоговъ; Касожскій князь Редедя вышелъ къ нему навстрѣчу съ войскомъ и сказалъ ему: „Зачѣмъ губить дружини, схватимся мы сами бороться; одолѣешь ты, возьмешь мое имѣніе, жену, дѣтей и Землю мою;—я одолѣю, возьму все твое“. Мстиславъ согласился—и сталъ бороться съ Редедю; боролись крѣпко и долго. Редедя былъ великъ и силенъ. Мстиславъ же началъ изнемогать и, видя бѣду, сказалъ: „Пречистая Богородица! помози мнѣ; если я одолѣю, то построю церковь въ Твое имя“. Сказавши это, онъ ударилъ Редедю объ землю, вынулъ ножъ и зарѣзалъ его, потомъ пошелъ въ его Землю, взялъ его имѣніе, жену, дѣтей и наложилъ дань на Касоговъ. Обѣтъ былъ также исполненъ: церковь Богородицы, построенная Мстиславомъ, стояла въ Тмутаракани еще во времена лѣтописца. Такой-то князь, въ 1023 г., явился въ русскихъ предѣлахъ искавъ волостей послѣ умершихъ братьевъ; говорятъ, что онъ уже и прежде требовалъ ихъ у Ярослава, и тотъ давалъ ему Муромъ, но Мстиславу было этого мало. Ярославъ былъ въ Новгородѣ, когда Мстиславъ пришелъ къ Кіеву; Кіевляне однако не приняли его, и онъ принужденъ былъ съѣсть въ Черниговѣ. Между тѣмъ Ярославъ, управившись на Сѣверѣ, волнуемомъ остатками язычества, послалъ по заморскихъ Варяговъ, и къ нему пришелъ слѣпой Якузъ съ дружиною. Ярославъ отправился съ Якузомъ на Мстислава и встрѣтился съ нимъ у Листвена¹⁾. Мстиславъ съ вечера исполнилъ свое войско: поставилъ Сѣверянъ въ срединѣ противъ Варяговъ Ярославовыхъ, а самъ сталъ съ дружиною своею по крыламъ. Ночь была темная и бурная, съ дождемъ и грозою; Мстиславъ сказалъ дружинѣ: „Пойдемъ на нихъ“; Сѣверяне сошлись съ Варягами, и когда Варяги уже утомились въ битвѣ съ Сѣверянами, то Мстиславъ вдругъ напалъ на нихъ съ своею свѣжею дружиною; битва усилилась: какъ блестящія молнія, такъ и освѣтитъ оружіе; и гроза была велика, и сѣча сильная и страшная, по словамъ лѣтописца. Наконецъ Ярославъ побѣждалъ съ Якузомъ, княземъ Варяжскимъ: онъ пришелъ въ Новгородъ, а Якузъ пошелъ за море, потерявши у Листвена и золотую свою луду, или верхнюю одежду²⁾. Утромъ, на другой день битвы, Мстиславъ объѣхалъ поле и сказалъ своимъ: „Какъ не порадоваться? вотъ лежитъ Сѣверянинъ, вотъ Варягъ³⁾“,

¹⁾ Теперь село на рѣкѣ Руднѣ, впадающей въ Спвѣ съ правой стороны, къ сѣверо-востоку отъ Чернигова, верстахъ въ 40; верстахъ въ 25 отъ него есть другое село Малый Лиственъ (Арцыб. I, 16, 86).

²⁾ Лудъ. Это слово принадлежитъ столько же славянскому, сколько германскому языку: въ хорват. значить покровъ, luditi—покрывать. См. Срезневск.—Мысли объ исторіи русскаго языка.

³⁾ Имя, слѣдовательно, что у Ярослава были только одинъ Варяги, а Славянъ (Новгородцевъ) не было.

а дружина моя дѣла!“ Эта дружина состояла изъ Козаръ и Касоговъ!

Несмотря на побѣду, Мстиславъ не хотѣлъ доживать Кіева мимо старшаго брата; онъ послалъ сказать Ярославу: „Сядишь въ своемъ Кіевѣ, ты старшій братъ, а мнѣ будетъ та сторона“, т. е. восточный берегъ Днѣпра. Но Ярославъ не согласенъ идти въ Кіевъ на этотъ зовъ и держалъ тамъ своихъ посадниковъ, а самъ жилъ въ Новгородѣ. Только въ слѣдующемъ 1025 году, собравши большое войско, пришелъ онъ къ Кіеву и заключилъ миръ съ Мстиславомъ у Городца⁴⁾; братья раздѣлили Русскую Землю по Днѣпру, какъ хотѣлъ Мстиславъ: онъ взялъ себѣ восточную сторону съ главными столомъ въ Черниговѣ, а Ярославъ—западную съ Кіевомъ. „И начали жить мирно, въ братолюбствѣ“, говоритъ лѣтопись, перестала усобица и мятежь, и была тишина великая въ Землѣ“.

Въ 1032 году умеръ сынъ Мстислава, Евстаѣй, котораго имя страшно выдается между славянскими именами князей, а въ 1035 году умеръ и самъ Мстиславъ на охотѣ. Лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ дебелъ тѣломъ, красноватъ лицомъ, съ большими глазами, храбръ на рати, милостивъ, очень любилъ дружину; имѣнья, питья и кушанья не шадилъ для нея. Видно, что этотъ князь своимъ богатствомъ поразилъ вниманіе народа, и долго жила въ его памяти: не обь одному изъ князей въ дошедшихъ до насъ спискахъ не встрѣчаемъ мы такихъ подробностей, наприимѣръ о наружномъ видѣ.

По смерти Мстислава, Ярославъ взялъ всю его волость, и былъ самовластцемъ въ Русской Землѣ, но выраженію лѣтописца. Но видно Судиславу Псковскому не нравилось, что Ярославъ не дѣлится съ нимъ выморочными волостями братьевъ, или, по крайней мѣрѣ, Ярославу казалось, что не нравится: въ самый годъ Мстиславовой смерти Ярославъ посадилъ Судислава въ тюрьму во Псковѣ; лѣтописи прибавляютъ, что его оклеветали предъ старшимъ братомъ.

Счастливыѣ былъ племянникъ Ярослава, Брячиславъ Полоцкій. Въ 1021 году онъ печально напалъ на Новгородъ, побралъ въ плѣнъ гражданъ, взялъ ихъ имѣніе, и пошелъ назадъ къ Полоцку. Но Ярославъ узналъ о замыслахъ его, выступилъ посѣбно изъ Кіева и, настигнувъ племеника, на рѣкѣ Судомиріи, обратилъ его въ бѣгство, отнявши всѣхъ плѣнниковъ новгородскихъ⁵⁾. Несмотря однако на эту побѣду, Ярославъ видѣлъ, что надобно что-нибудь прибавить Брячиславу къ его волости, иначе Новгородъ никогда не будетъ безонасенъ: онъ далъ ему два города—Витебскъ⁶⁾ и

⁴⁾ Былъ Городецъ подлѣ Кіева; былъ и недалеко отъ Чернигова (въ 26 верстахъ); вѣрнѣе, что миръ былъ заключенъ въ кievскомъ. См. Арцыб. I, 16, 89.

⁵⁾ Указываютъ на рѣку Судому, или Судуму въ Псковской губерніи, Порховскаго уѣзда. См. Арцыб. I, 15, 81.

⁶⁾ Никоп. I, 129: «А Брячиславъ ѣхаше къ Полотску. И оттолѣ изъ Кіева призва его къ себѣ, и въда ему два града: Свачъ и Витебскъ; и рече ему: буди же со мною одинъ.»—Выраженіе: «буди же со мною одинъ»,—

Усвятъ, если только онъ не далъ ихъ за жену свою, похищенную извѣстнымъ Эймундомъ, какъ говорятъ скандинавскія преданія.

Такъ кончились отношенія Ярослава къ братьямъ и племяннику. Обратимся теперь къ отношеніямъ вѣнскимъ. Съ Скандинавіею продолжалась попрежнему тѣсная связь; враждебныхъ отношеній не могло быть: съ 1024 года царствовалъ въ Швеціи король Олофъ (Schoskönig), котораго упрекали тѣмъ, что онъ потерялъ завоеванія Упсальскаго короля Эрика, сына Эймундова, на восточномъ берегу Балтійскаго моря, въ Финляндіи, Карелии, Эстляндіи, Курляндіи¹⁾. По скандинавскимъ преданіямъ, на дочери этого Олофа, Ингигердъ, былъ женатъ нашъ Ярославъ. По смерти Олофа, королемъ въ Швеціи былъ Анундъ-Яковъ²⁾, котораго все вниманіе обращено было на отношенія датскія и норвежскія. Онъ поддерживалъ въ Норвегійи родственника своего Олофа Святаго противъ могущественнаго Кнута, короля Датскаго и Англійскаго; ревность Олофа къ распространенію христіанства возбудила противъ него много враговъ, и онъ принужденъ былъ бѣжать изъ отечества; въ изгнаніи онъ жилъ одно время при Дворѣ Ярослава, и сынъ его Магнусъ Добрый былъ здѣсь воспитанъ. Родственникъ Ингигерды, пріѣхавшій съ нею въ Русь и сдѣланный посадникомъ въ Кіауаго ея города Альдейгборга (быть-можетъ Ладоги), Ярль Рагивальдъ, имѣлъ двухъ сыновей—Ульфа и Бянифа, которые наследовали отцовскую должность; третій сынъ его Степикъ былъ королемъ Шведскимъ, равно какъ и сынъ послѣдняго Инге, проведшій часть своей молодости въ Россіи у дяди Бялифа. Къ княженію Ярослава относятся первыя положительныя извѣстія о столкновеніяхъ Русскихъ съ финскими племенами: подъ 1032 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что какой-то Ульфъ (очень быть-можетъ, что Ульфъ, сынъ Рагивальда) ходилъ изъ Новгорода на Желѣзныя Ворота³⁾; но, какъ видно, походъ былъ неудаченъ, потому что изъ дружины Ульфовой мало возвратилось народу. 80 верстъ къ югу отъ Устьсысольска, у села Водча, находится городокъ по-зырянски Кариль, т.-е. городской холмъ; преданіе и теперь называетъ это мѣсто Желѣзными Воротами⁴⁾. Въ 1042 году Владиміръ, сынъ Ярослава, посаженный отцомъ въ Новгородѣ, ходилъ на Яль, побѣдилъ это племя, но потерялъ коней въ дорогѣ отъ мора.

можетъ показывать желаніе Ярослава заключить союзъ съ Брячиславомъ противъ Мстислава.

¹⁾ Geijer, Geschichte Schwedens. I, стр. 124, 126.

²⁾ Дунають, что это лицо могло быть тождественно съ Якуномъ Слѣвнымъ русскаго преданія. Вѣроятнѣе однако, что это былъ простой переводъ скандинавскаго Накун. Накун, Нааген — оди и глазы и, ибо странно было въ сагахъ дѣлать видѣть слѣваго въ вождѣ варяжской дружины. См. Kunik, die Beruf. der Schwed. Rodsen. II, 172 (По мнѣнію г. Ламбина, должно читать въ лѣтописи не: «бѣ Якувъ слѣвъ», а «бѣ Якувъ съ дѣвъ», т.-е. красивый). Журн. Мин. Нар. Пров. Май 1858 года.

³⁾ Воскрес. I, 184, Никои. I, 132; Соф. Врем. I, 152.

⁴⁾ Sjögren, Mém. de l'Acad. de S. Pétersb. VI Serie. t. I. livr. 6, 1832, p. 513.

Приведа въ связь это извѣстіе съ предыдущимъ, можно думать, что походъ Владиміра былъ предпринятъ по слѣдамъ Ульфовымъ въ ту же сторону, на сѣверо-востокъ, къ берегамъ Сѣверной Двины; такимъ образомъ мы получимъ вѣрное извѣстіе о началѣ утвержденія русскихъ владѣній въ этихъ странахъ⁵⁾. Еще ранѣе, въ 1030 году, самъ Ярославъ утвердилъ свою власть на западномъ берегу Чудскаго озера; это утвержденіе произошло обычнымъ образомъ, построеніемъ города: основанъ былъ Юрьевъ, нынѣшній Дерптъ⁶⁾. Изъ походовъ на западныя дикіе народы упоминается походъ на Ятвяговъ, и въ первый разъ походъ на Литву; эти походы были предприняты, какъ видно, съ цѣлю не покоренія, а только отраженія набѣговъ.

Важнѣе были отношенія къ Польшѣ: въ 1025 году, послѣ королевской коронаціи своей, умеръ Волеславъ Храбрый. Ему наследовалъ сынъ его, Мечиславъ II-й, неспособный удержать отцовскія пріобрѣтенія. Мечиславъ, по обычаю, началъ тѣмъ, что выгналъ брата своего Оттона, или Безпрема; тотъ обратился къ сосѣднимъ государямъ съ просьбою о помощи, вѣдѣствіе чего Венгры отняли у Польши Землю Словаковъ и часть Моравіи; скоро потеряна была и вся Моравія. Мы видѣли, что у Чеховъ младшій князь, Олдрихъ, выгналъ старшаго брата Яромира и сталъ единовластителемъ. Сынъ Олдриха, Брячиславъ, въ 1028 году выступилъ противъ Поляковъ и отнялъ у нихъ остальную часть Моравіи, прогналъ изъ другой и соединилъ снова Моравію съ Богеміею. Мечиславъ принужденъ былъ уступить Чехамъ Моравію, Нѣмцамъ Лужицей и подѣлиться съ братомъ Польшею; но этотъ братъ не былъ такъ уживчивъ, какъ русскій Мстиславъ: онъ выгналъ Мечислава въ свою очередь, но скоро былъ убитъ своими за тиранство. Мечиславъ возвратился на престолъ, однако не могъ поправить своихъ дѣлъ и призналъ себя вассаломъ императора Конрада II. Если западные сосѣди воспользовались смертію Храбраго, чтобъ отнять у Польши его завоеванія, то и Русскій князь долженъ былъ также воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ. Еще при жизни Волеслава, въ 1022 году, управившись съ Брячиславомъ Полоцкимъ, Ярославъ ходилъ осаждать Врестъ, удачно или нѣтъ — неизвѣстно; возгорѣвшаяся въ это время борьба съ Мстиславомъ Тмутараканскимъ не могла позволить Ярославу продолжать свои непріязненныя движенія на Польшу; но, помпрившись съ Мстиславомъ въ 1030 году, Ярославъ снова предпринимаетъ походъ на Польшу и беретъ Вѣльзъ⁷⁾. Въ слѣдующемъ 1031 году оба брата—Ярославъ и Мстиславъ собрали много войска и выступили въ Польшу, взяли опять города Червенскіе и повоевали Поль-

⁵⁾ Тамъ же 2 livr. die Ueber älteren, Wohnsitze der Jemen, стр. 272. На границѣ Устюжскаго уѣзда, въ сѣверо-восточномъ углу его, при устьи Вычегды въ Двину жилъ, по народнымъ преданіямъ, народъ Гамъ или Емъ.

⁶⁾ Въ настоящее время опять—Юрьевъ.

⁷⁾ Вельзъ—въ сѣверо-восточной Галиціи, при рѣкѣ Соколинъ, внадъ въ Бугъ.

скую Землю, много Ляховъ привели и раздѣлили между собою, говоритъ лѣтописецъ. Дурно было положеніе Польши при Мечиславѣ II, но еще хуже стало по его смерти, послѣдовавшей въ 1034 году. Дружина княжеская имѣла возможность усилиться при слабости Мечиславѣ и еще болѣе по смерти послѣдняго, когда вдова его, Рикса, урожденная принцесса Пфальцская, приняла опеку надъ малолѣтнимъ сыномъ своимъ, Казимиромъ. Рикса не имѣла силы дать значеніе ослабленной при Мечиславѣ княжеской власти, сдерживать стремленія вельможъ, а окружила себя своими единоплеменниками, которымъ дала большую силу въ государствѣ, въ ущербъ природнымъ Полякамъ. Это оскорбило народное чувство послѣднихъ; Рикса была изгнана, и опека надъ малолѣтнимъ княземъ перешла въ руки вельможъ, но невмѣнію другихъ родичей. Здѣсь мы видимъ начало того значенія польскаго вельможества, съ какимъ оно является во всей послѣдующей исторіи этой страны. Когда Казимиръ выросъ, и вельможи стали бояться, чтобъ онъ, взявши власть въ руки, не отомстилъ имъ за мать и вообще не уменьшилъ бы пріобрѣтеннаго ими значенія, то они выгнали и его. Польща увидала въ челѣ своемъ олигархію; знатнѣйшіе роды изгнали слабѣйшіе или подчинили ихъ себѣ, но не могли ужиться между собою въ мирѣ, и тѣмъ погубили свое дѣло, произвели анархію, которой слѣдствіемъ было то, что низшее народонаселеніе, смерды, или кметы, возстали противъ шляхты, начали истреблять господъ своихъ, брать ихъ женъ и имущество себѣ. Но возстаніе противъ шляхты было вмѣстѣ и возстаніемъ противъ христіанства, которое не успѣло пустить въ народѣ глубокихъ корней, а между тѣмъ десятины и другія церковныя подати, строгость, съ какою духовенство требовало немедленной перемѣны древнихъ языческихъ обычаевъ на новыя, раздражали кметовъ и заставляли ихъ стремиться къ сверженію и этого ига; епископы, священники были изгнаны или убиты, монастыри и церкви сожжены, церковныя сокровища разграблены. Такимъ страшнымъ положеніемъ Польши воспользовались опять сосѣди; у Чеховъ, по смерти Олдриха (1037 г.), вступилъ на престолъ сынъ его, уже извѣстный прежними войнами съ Польшею, Брячиславъ I-й, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и дѣятельныхъ князей чешскихъ. Брячиславъ напалъ на Польшу—и бралъ города ея и цѣлыя области безъ сопротивленія. Но это усиленіе Чеховъ на счетъ Польши спасло послѣднюю; политика Германскихъ императоровъ не могла допустить усиленія одного славянскаго владѣнія на счетъ другаго: ей нужно было раздѣленіе и вражда между ними, и потому императоръ Генрихъ III объявилъ войну Брячиславу и принялъ въ свое покровительство Казимира. Послѣ упорнаго сопротивленія, Брячиславъ принужденъ былъ признать свою подчиненность Имперіи, отказаться отъ дальнѣйшихъ видовъ на Польшу, но удержалъ свое завоеваніе—Землю Вратиславскую (Вреславскую) въ Силезіи.

Между тѣмъ Казимиръ, вошедши съ нѣмецкими отрядами въ Польшу, былъ съ радостію принятъ тою частію народонаселенія, которая утомилась смутами анархіи и жаждала возстановленія порядка: порядокъ былъ возстановленъ по ту сторону Вислы; но въ Мазовіи Моиславъ, одинъ изъ дружинниковъ прежняго князя Мечислава, пользуясь анархіею, объявилъ себя независимымъ, вооружился противъ Казимира, призвавъ на помощь языческихъ Прусовъ, Литву и Славянъ Поморскихъ; этотъ союзъ намекаетъ, что въ борьбѣ Моислава противъ Казимира боролось язычество съ христіанствомъ. Но Казимиръ въ этой борьбѣ нанесъ себѣ сильнаго союзника въ Русскомъ князѣ. Еще въ 1041 году, вѣдѣвъ за походомъ противъ Литвы, Ярославъ предпринималъ походъ въ Мазовію на лодкахъ. Быть можетъ уже тогда былъ заключенъ союзъ съ Казимиромъ; но можно полагать также, что походъ въ Мазовію былъ предпринятъ вѣдѣствіемъ союза Моислава съ Литовцами, врагами Ярослава, и уже союзъ съ Казимиромъ былъ слѣдствіемъ вражды противъ Моислава. Въ 1043 году Казимиръ вступилъ въ родство съ Ярославомъ, женился на сестрѣ его, Доброгичѣвѣ, или Маріи, получилъ за нею богатое приданое, но вмѣсто вѣна отдалъ Ярославу 800 плѣнниковъ, взятыхъ Болеславомъ изъ Руси. Слѣдствіемъ такого тѣснаго союза было то, что въ томъ же году упоминается о двукратномъ походѣ Ярослава въ Мазовію ¹⁾; въ 1047 году Русскій князь отправился опять съ войскомъ на помощь Казимиру противъ Моислава; послѣдній былъ разбитъ и убитъ, Мазовія подчинилась снова Пястамъ. Союзъ съ Польшею былъ скрѣпленъ еще бракомъ Изяслава, одного изъ сыновей Ярославовыхъ, на сестрѣ Казимировой. Есть извѣстія, болѣе или мѣнѣе вѣроятныя, о брачныхъ союзахъ Ярославова семейства съ другими владѣльческими домами въ Европѣ: о бракѣ Гаральда Норвежскаго на Ярославовой дочери Елисаветѣ, короля Венгерскаго Андрея—на Анастасіи, Генриха I-го Французскаго на Аннѣ; о бракѣ Всеволода Ярославича на царевнѣ Греческой, дочери Константина Мономаха, также о бракѣ двоихъ неизвѣстныхъ по имени сыновей Ярославовыхъ на двухъ нѣмецкихъ княжнахъ.

Во времени Ярослава относится послѣднее враждебное столкновеніе съ Византією ²⁾. Греческая торговля была очень важна для Руси, была однимъ изъ главныхъ источниковъ обогащенія народа и казны княжеской; ея поддержаніе и послѣ было одною изъ главныхъ заботъ Ярослава. Греки посорились съ русскими кушцами, и одинъ изъ по-

¹⁾ Никон. I, 138.

²⁾ Византійскія извѣстія говорятъ, что по смерти Владимира Св. какой-то родственникъ его прибылъ на лодкахъ въ Византію, сперва объявилъ намѣреніе вступить въ императорскую службу, потомъ тайно ушелъ изъ гавани, разбилъ греческое войско, но былъ истребленъ Греками съ 800 товарищей. Быть-можетъ, это былъ одинъ изъ сыновей Владимировыхъ, изъ которыхъ много пропало безъ вѣсти; одинъ, Всеволодъ, погибъ въ Скандинавіи, по тамошнимъ извѣстіямъ.

слѣднихъ былъ даже убитъ въ этой ссорѣ. Русскій князь не могъ позволить подобныхъ поступковъ, и въ 1043 году отправилъ на Грековъ старшаго сына своего Владиміра, давши ему много войска и воеводу, или тысяцкаго своего, Вышату. Владиміръ пошелъ въ лодкахъ; но на пути отъ Дуная въ Царьградъ ¹⁾ поднялась буря, разбила русскіе корабли и, между прочимъ, корабль князя Владиміра, такъ что послѣдній долженъ былъ пересѣсть уже на корабль одного изъ воеводъ Ярославовыхъ, Пвана Творимрича. Остальные воины, числомъ 6,000, кромѣ дружины, были выкинуты на берегъ; оля хотѣли возвратиться въ Русь, но никто изъ дружины не хотѣлъ идти съ ними въ пачальникахъ. Тогда Вышата сказала: „Я пойду съ ними; живъ ли останусь, погибну ли — все лучше вмѣстѣ съ своими“. Когда Греки узнали, что русскіе корабли разбиты бурей, то императоръ Константинъ Мономахъ послалъ за ними погоню; Владиміръ возвратился, разбилъ греческіе корабли и пришелъ назадъ въ Русь. Но не такъ былъ счастливъ Вышата: его отрядъ былъ окруженъ Греками при городѣ Варифъ, взявъ въ плѣнъ и приведенъ въ Константинополь, гдѣ многихъ русскихъ ослѣпили; только черезъ три года, когда заключили миръ, отпущенъ былъ Вышата въ Русь къ Ярославу. Чѣмъ обнаруживалась вражда въ продолженіи трехъ лѣтъ, — неизвѣстно. Вѣроятно Ярославъ поспѣшилъ прекратить вражду съ Греками, занятый болѣе важнымъ предпріятіемъ относительно Польши; вѣроятно также, что слѣдствіемъ и условіемъ прекращенія вражды былъ бракъ сына Ярослава, Всеслода, на царевнѣ Греческой: въ 1053 году лѣтописецъ упоминаетъ о рожденіи сына Всеслодова Владиміра отъ царицы Грекини.

О набѣгахъ печенѣжскихъ, кромѣ упомянутыхъ выше при борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ, древнѣйшіе списки лѣтописи сообщаютъ извѣстіе подъ 1036 годомъ. Находясь въ это время въ Новгородѣ, Ярославъ узналъ, что Печенѣги осаждаютъ Кіевъ: онъ собралъ много войска, Варяговъ и Новгородцевъ, и вступилъ въ Кіевъ. Печенѣговъ было безчисленное множество; Ярославъ вышелъ изъ города и расположилъ свое войско такъ: Варяговъ поставилъ по-серединѣ, Кіевлянъ на правѣмъ крылѣ, а Новгородцевъ — на лѣвомъ; и началась битва, передъ крѣпостью. Послѣ злой сѣчи едва къ вечеру успѣлъ Ярославъ одолѣть Печенѣговъ, которыхъ погибло множество отъ меча и перетонуло въ рѣкахъ во время бѣгства ²⁾. Послѣ этого пораже-

нія имя Печенѣговъ хотя и не исчезаетъ совершенно въ лѣтописи, однако нападенія ихъ на Русь прекращаются.

Относительно внутренней дѣятельности Ярослава упоминаются распоряженія въ Новгородѣ. Самъ Ярославъ, князя здѣсь, отказался платить дань въ Кіевъ: ясно, что онъ не могъ установить снова этотъ платежъ, ставши княземъ Кіевскимъ, тѣмъ болѣе что Новгородцы оказали ему такія услуги; вотъ почему отъ данъ имъ финансовую льготную грамоту, на которую они ссылаются впоследствии при столкновеніяхъ съ князьями. Вмѣсто себя Ярославъ оставилъ въ Новгородѣ сначала сына своего Илью, а потомъ, по смерти его, другого сына Владиміра и, по смерти послѣдняго, третьяго сына Изяслава. Въ связи съ этими распоряженіями Ярослава находится извѣстіе о заточеніи и смерти Константина, сына Добрыни: Ярославъ, сказано въ лѣтописи, разсердился на него, заточилъ въ Ростовъ, и потомъ на третій годъ велѣлъ убить въ Муромѣ. Быть-можетъ также, Константинъ, какъ дядя в. князя, какъ сынъ Добрыни, хотѣлъ большаго для себя ³⁾.

Изъ дѣлъ церковныхъ въ княженіе Ярослава замѣчательно поставленіе митрополита Иларіона Русина, независимо отъ Византійскаго патріарха, соборомъ русскихъ епископовъ, что было слѣдствіемъ недавней вражды съ Греками. Какъ видно,

у него же града суть золотая врата; заложи и церковь Св. Софью, митрополую, и проч. — Но въ другихъ спискахъ (Никонъ, Соф. Врем., Воскрес. и др.) заложеніе церкви Св. Софій отнесено къ 1017 году, послѣ перваго нашествія Печенѣговъ и битвы подъ Кіевомъ. Ясно, что это извѣстіе происходитъ отъ смѣшенія двухъ извѣстій о набѣгѣ Печенѣговъ, послѣ котораго была заложена крѣпость и церковь Св. Софій. Теперь вопросъ: было ли два набѣга печенѣжскихъ и двѣ битвы подъ Кіевомъ, или одинъ только, и если одинъ, то въ какое время — въ 1017 или въ 1036? По внимательному разсмотрѣніи двухъ извѣстій, мы пришли къ мысли, что составители лѣтописныхъ сборниковъ, наприхѣръ Никоновскаго, вѣдали передъ глазами двѣ лѣтописи совершенно разныхъ редакцій, изъ которыхъ въ одной было помѣщено извѣстіе о набѣгѣ Печенѣговъ въ 1017 году и построеніи послѣ того крѣпости и церкви, а въ другой, какъ въ дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ спискахъ, помѣщенъ былъ набѣгъ только подъ 1036 годомъ; составители позднѣйшихъ сборниковъ внесли въ нихъ и т. и другое извѣстіе, не замѣтивъ противорѣчія, что во второмъ извѣстіи говорится о несуществованіи церкви Св. Софій во время битвы. Теперь изъ двухъ древнихъ лѣтописей которая правнѣе помѣщаетъ свое извѣстіе — та ли, которая помѣщаетъ набѣгъ печенѣжскій въ 1017, или та, которая помѣщаетъ его въ 1036 году? Надобно думать, что первая, потому что съ нею согласенъ Дитмаръ относительно печенѣжскаго набѣга. Въ Никон. (I, 129) еще подъ 1020 годомъ упоминается о набѣгѣ печенѣжскомъ.

¹⁾ По греческимъ извѣстіямъ, императоръ два раза предлагалъ Владиміру миръ, обѣщая вознаграждать за оскорбленіе, но Владиміръ слишкомъ много запрашивалъ (по 3 фунта золота на человѣка). Тогда Греки вступили въ морскую битву съ Русскими и зажгли ихъ корабли; къ этому несчастію присоединилась еще буря.

²⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 65: «Истуннаша на мѣстѣ, идежъ стоять ныѣ Святая Софья, митрополія русская, бѣ бо тогда поле ныѣ града». — Слѣдъ въ 1036 году церкви Св. Софій еще не было, и подъ слѣдующимъ 1037 годомъ читаемъ: «Заложи Ярославъ городъ великій Кіевъ,

³⁾ Владиміръ, старшій сынъ Ярослава, родился въ 1020 году, по Ярославу было тогда около 40 лѣтъ; не можетъ быть, чтобъ онъ не былъ женатъ до Ингитерды; ясно, что Илья былъ отъ перваго брака и былъ уже въ 1019 году въ такомъ возрастѣ, въ какомъ могъ быть посаженъ на столѣ Новгородскомъ, тѣмъ болѣе что Владиміръ сажалъ малолѣтнихъ дѣтей своихъ; посаженіе Илья могло оскорбить Константина. Мы замѣтимъ также, что въ лѣтописи не упоминается объ участіи Новгородцевъ въ борьбѣ Ярослава съ Мстиславомъ.

поведеніе прежняго митрополита Теофемта во время этой вражды было таково, что Ярослав хотѣлъ на будущее время предохранить себя отъ подобнаго, въ случаѣ новаго разрыва ¹⁾.

Въ 1054 году умеръ Ярославъ. Онъ, какъ видно, не заслужилъ такой пріятной памяти въ народѣ, какъ отецъ его; несмотря на то, и его дѣятельность имѣетъ важное значеніе въ нашей начальной исторіи: въ скайдинавскихъ сагахъ Ярослава называютъ скупымъ; но этотъ отзывъ можетъ служить ему только въ похвалу: и отецъ его, который вовсе не былъ скупъ, не любилъ однако удовлетворять жадности норманскихъ наемниковъ, которые особенно любили пріобрѣтать; раздача большой суммы денегъ Новгородцамъ скорѣе будетъ свидѣтельствовать о щедрости Ярослава. По отзыву лѣтописи. Ярославъ былъ на своемъ мѣстѣ: „онъ былъ хромоногъ, но умъ у него былъ добрый, и на рати былъ храбръ“; прибавлена еще замѣчательная черта, что былъ онъ христіанинъ и самъ книги читалъ ²⁾. Последнее обстоятельство было чрезвычайно важно для пресмыка Владимира. Въ приведенномъ извѣстіи значеніе христіанна гѣсно связано въ Ярославѣ съ чтеніемъ книгъ; Владиміръ не читалъ самъ книгъ, онъ могъ только слушать Св. Писаніе; сынъ его Ярославъ самъ читалъ книги, былъ представителемъ новаго поколѣнія грамотныхъ христіанъ, выученныхъ при Владимірѣ, которые могли находить для себя утвержденіе въ вѣрѣ въ книгахъ священныхъ. Уже при Владимірѣ греческое духовенство единственнымъ средствомъ распространенія и утвержденія христіанства считало грамотность, ученіе книгамъ: сынъ Владиміра самъ читалъ книги, самъ былъ утвержденнымъ христіаниномъ, и потому, разумѣется, въ его княженіе христіанство и грамотность должны были распространяться. И точно, по свидѣтельству лѣтописи, христіанство начало преимущественно распространяться при Ярославѣ; при немъ начали также умножаться монахи. Ярославъ, говоритъ лѣтописецъ, любилъ церковные уставы, очень любилъ поновъ, по больше всего монаховъ; книги читалъ часто, ночью и днемъ, собралъ много писцовъ: они переводили книги съ греческаго на славянскій, и переписали много книгъ, много онъ и купилъ ихъ. Отецъ его

¹⁾ Никои. I, 139, 140. Здѣсь прямо говорится, что Ярославъ поставилъ русскаго митрополита «соблюдающаго отъ вражды и лукавства, якоже быша тогда». Карачинъ (II, примѣч. 49) неувѣренно толкуетъ слова Никонов. Сборника, какъ будто бы Русинъ былъ поставленъ потому, что въ то время была война съ Греками, и указываетъ, что во время поставленія войны не было. Въ лѣтописи нѣтъ ни слова о современности поставленія Иларионова и войны съ Греками; здѣсь просто сказано, что были съ Греками брани и нестроенія при Ярославѣ, и потому этотъ князь рѣшился поставить своего митрополита, чтобы на будущее время избѣжать тѣхъ несприятностей, которыя были во время войны.

²⁾ Это выраженіе лѣтописи отзывается глубокою древностью.

Владиміръ распашалъ Землю и умягчилъ, т.-е. просвѣтилъ крещеніемъ, Ярославъ насыпалъ книжными словами сердца вѣрныхъ людей, а мы, прибавляетъ лѣтописецъ, пожинаемъ, принимая книжное ученіе. Сравненіе очень важное: въ немъ ясно указано значеніе дѣятельности Владиміра и Ярослава и постепенность движенія: при одномъ имѣло мѣсто крещеніе, при другомъ—надлежащее наставленіе въ вѣрѣ ³⁾. При книгахъ нужны были особенно церкви и грамотные священники, которые могли бы учить народъ неграмотный. Ярославъ строилъ церкви по городамъ и мѣстамъ неогороженнымъ, ставилъ при нихъ священниковъ, которымъ давалъ содержаніе изъ собственнаго имущества, приказывая имъ учить людей и приходилъ часто къ церквямъ. При Ярославѣ въ Новгородѣ было сдѣлано то же, что при Владимірѣ въ Кіевѣ: князь велѣлъ собрать у старостъ и священниковъ дѣтей (300 человекъ) и учить ихъ книгамъ.

Кромѣ этой дѣятельности, княженіе Ярослава важно еще въ другихъ отношеніяхъ: подобно отцу Владиміру, Ярославъ не былъ княземъ только въ значеніи вождя дружины, который стремится въ дальнія стороны за завоеваніями, славою и добычею; Ярославъ, какъ видно, былъ болѣе княземъ-нарядникомъ страны. Онъ любилъ церковные уставы, былъ знакомъ съ ними: неудивительно, что къ его времени относится и первый писанный уставъ гражданскій, такъ-называемая Русская Правда. Подобно отцу, Владиміру, Ярославъ слѣдовалъ совѣту Добрыни, что народы, ходящіе въ сапогахъ, не будутъ охотно давать дани, и потому не любилъ войны съ ними, а преимущественно обращалъ свое оружіе на варваровъ—Чудь, Литву, Ятвяговъ ⁴⁾. Мы не знаемъ, какими собственно средствами руководился Ярославъ въ польскихъ отношеніяхъ; но знаемъ, что онъ, возвративъ свое, принялъ сторону порядка и христіанства, не захотѣлъ усиливать варварства, и побѣдою надъ Моиславомъ Мазовецкимъ нанесъ послѣдному сильный ударъ. Наконецъ Ярославъ, подобно отцу своему и вѣщему Олегу, населялъ пустынные пространства, строилъ города: отъ языческаго имени его получилъ названіе Ярославъ на Волгѣ, отъ христіанскаго Юрьевъ (Дерить) въ Землѣ Чудской; онъ огородилъ острожками южную границу Руси со стеною: въ 1031 поселилъ лѣвѣнныхъ Поляковъ по рѣкѣ Руси, въ слѣдующемъ началъ ставить здѣсь города.

³⁾ Нельзя заключать, чтобы Ярославъ самъ писалъ или умѣлъ писать; прямо сказано только, что онъ умѣлъ читать. Единственное число в р е к л а д а ш е (книги) замѣчается въ спискахъ множественнымъ и р е к л а д а ш а, но и единственное число нисколько еще не доказательство, что онъ самъ переводилъ и писалъ: оно могло быть очень легко употреблено вмѣсто—велѣлъ переводить и писать; мы говоримъ, что такой-то построилъ домъ, зная, что не самъ онъ строилъ, но архитекторъ и плотники.

⁴⁾ Кромѣ походовъ на Чудь, Литву и Ятвяговъ, Никоновъ упоминаетъ о походѣ на Ясовъ.

Г л а в а VIII.

Внутреннее состояніе русскаго общества въ первый періодъ его существованія.

Значеніе князя.—Дружина, ея отношенія къ князю и къ землѣ.—Бояре, мужи, гриди, огнищане, тиупы, отроки.—Городовые и сельскіе полки.—Тысящій.—Способъ веденія войны. Городецкое и сельское народонаселеніе.—Рабы.—Русская Правда.—Нравы эпохи. Обычаи.—Занятія жителей.—Состояніе религіи.—Монашество.—Управленіе и матеріальныя средства Церкви.—Грамотность.—Иѣсни.—Опредѣленіе степеней норманскаго вліянія.

Мы видѣли въ началѣ нашего разсказа, какъ среди сѣверныхъ племенъ явился князь, призванный для установленія порядка въ Землѣ, взволнованной родовыми усобицами; теперь предстоитъ намъ вопросъ: въ какихъ же отношеніяхъ нашелся призванный къ призванію, какъ опредѣлилось значеніе князя? Для рѣшенія этого вопроса мы должны обратиться къ понятіямъ племенъ, призванныхъ власть.—Лѣтописецъ прямо даетъ знать, что нѣсколько отдѣльныхъ родовъ, поселившись вѣдѣть, не имѣли возможности жить общою жизнью вѣдѣтвѣ усобицъ; нужно было постороннее начало, которое условило бы возможность связи между ними, возможность жить вѣдѣтѣ; племена знали по опыту, что миръ возможенъ только тогда, когда всѣ живущіе вѣдѣтѣ составляютъ одинъ родъ съ однимъ общимъ родоначальникомъ; и вотъ они хотятъ возстановить это прежнее единство, хотятъ, чтобы всѣ роды соединились подъ однимъ общимъ старшиномъ, княземъ, который ко всѣмъ родамъ былъ бы одинаковъ, чего можно было достигнуть только тогда, когда этотъ старшина, князь, не принадлежалъ ни къ одному роду, былъ изъ чужого рода. Они призвали князя, не имѣя возможности съ этимъ именемъ соединить какое либо другое, новое значеніе, кромѣ значенія родоначальника, старшаго въ родѣ. Изъ этого значенія князя уяснится намъ кругъ его власти, его отношенія къ призваннымъ племенамъ. Князь долженъ былъ княжить и владѣть по буквальному смыслу лѣтописи; онъ думалъ о стрѣѣ земскомъ, о ратяхъ, объ уставѣ земскомъ; вождь на войнѣ, онъ былъ судьей во время мира; онъ наказывалъ преступниковъ, его дворъ—мѣсто суда, его слуги—исполнители судебныхъ приговоровъ; всякая перемѣна, всякій новый уставъ проистекалъ отъ него; такъ Владиміръ, по предложенію епископовъ, а потомъ епископовъ и старцевъ, дѣлаетъ постановленіе относительно вѣръ; Ярославъ даетъ грамоты Новгородцамъ.—Правду и уставъ относительно податей; князь собираетъ дань, распоръ; жетъ ея. Но если кругъ власти призваннаго князя былъ такой же, какой былъ кругъ власти у прежняго родоначальника, то въ первое время на отношеніяхъ князя къ племенамъ отражалась еще вся неопредѣленность прежнихъ родовыхъ отношеній, которой слѣдствіе мы увидимъ послѣ въ отношеніяхъ городскихъ общинъ къ князю, о чемъ

и будетъ рѣчь въ свое время. Теперь же мы должны обратиться къ вопросу: что стало съ прежними родоначальниками, прежними старшинами, князьями племенъ? Соединеніе многихъ родовъ въ одно цѣлое, въ главѣ котораго стоялъ одинъ общій князь, необходимо должно было поколебать значеніе прежнихъ старшинъ, родоначальниковъ; прежняя тѣсная связь всѣхъ родичей подъ властію одного старшины не была уже теперь болѣе необходима въ присутствіи другой—высшей, общей власти. Само собою разумѣется, что это пониженіе власти прежнихъ родоначальниковъ происходило постепенно; что тѣ члены родовъ, которыхъ, по извѣстнымъ счетамъ, принадлежало старшинство, долгое время пользовались еще большимъ уваженіемъ и представительствомъ: такъ долго мы видимъ городскихъ старцевъ на первомъ планѣ во всѣхъ важныхъ случаяхъ; они рѣшаютъ дѣла на вѣчѣ, съ ними совѣтуется князь. Но въ концѣ разсмотрѣннаго періода жизнь общественная получила уже такое развитіе, что необходимо условливала распаденіе родовъ на отдѣльныя семьи, причемъ прежнее представительное значеніе старшинъ въ цѣломъ родѣ исчезаетъ, и когда князю нужно объявить, предложить что-нибудь городу, то собираются не одни старцы,—собирается цѣлый городъ, является общепородное вѣче. Первое общепородное вѣче мы видимъ въ Новгородѣ, когда князю Ярославу нужно было объявить гражданамъ о смерти Владиміра и поведеніи Святополка. Тѣ изслѣдователи, которые предполагаютъ долговременное существованіе прежнихъ славянскихъ князей или родоначальниковъ, и тѣ, которые предполагаютъ переходъ этихъ старшинъ въ боярь съ земскимъ значеніемъ, забываютъ, что родовою цѣлою бытъ славянскихъ племенъ сохранился при своихъ первоначальныхъ формахъ, не переходя въ бытъ клановъ, гдѣ старшинство было уже наследственно въ одной линіи, переходило отъ отца къ сыну, тогда какъ у нашихъ Славянъ князь долженствовалъ быть старшимъ въ цѣломъ родѣ, всѣ линіи рода были равны относительно старинства, каждый членъ каждой линіи могъ быть старшимъ въ цѣломъ родѣ, смотря по своему физическому старинству; слѣдовательно одна какая нибудь линія не могла выдвигаться впередъ передъ другими, какъ скоро родовая связь между

ними рушилась; ни одна линия не могла получить большаго значенія по своему богатству, потому что при родовой связи имѣние было общее: какъ же скоро эта связь рушилась, то имущество раздѣлялось по ровну между равными въ правахъ своихъ линиями; ясно, слѣдовательно, что боярскіе роды не могли произойти отъ прежнихъ славянскихъ старшинъ, родоначальниковъ, по наследственности этого званія; если старшина рода переходилъ въ дружину княжескую, то онъ сохранялъ свое родовое значеніе только при жизни, сынъ его не наследовалъ этого значенія, оно переходило къ какому-нибудь четвероородному дядѣ его, и если онъ выдѣлялся изъ рода, то доля имущества его была равна долѣ каждаго другого родича. Вотъ почему Славянскіе князья исчезаютъ съ приходомъ князей Варяжскихъ. Отсюда объясняется и то явленіе, что въ слѣдующемъ періодѣ мы увидимъ непосредственныя отношенія князей къ городскому народонаселенію, къ общинѣ. Мѣсто князя, во время его отсутствія, или въ тѣхъ городахъ, гдѣ князь не жилъ, засугупалъ посадникъ, мужъ изъ дружины княжеской. Этотъ намѣстникъ княжескій, въ мнѣніи народа, не замѣнялъ вполне князя, уваженія и послушанія къ нему было меньше и на войнѣ, и въ мирѣ, слѣдовательно дѣль установленія паряда достигался не вполне: отсюда стремленіе имѣть своего князя, замѣчаемое въ Новгородѣ.

Не должно думать, чтобы во все продолженіе періода отношенія племей къ князю были всегда и вездѣ одинакія. Сознаніе о необходимости новаго порядка вещей, власти одного общаго князя изъ чужаго рода явилось на сѣверѣ; сѣверныя племена призвали князя какъ нарядника; здѣсь слѣдовательно новый порядокъ вещей долженъ былъ принятъ и развиваться преимущественно; здѣсь должно было начаться опредѣленіе княжескихъ отношеній: вотъ почему въ Новгородѣ мы видимъ и нѣкоторое движеніе вълѣдствіе этого начавшагося опредѣленія. Потому мѣстопробываніе князя переносится на югъ, въ Кіевъ; на сѣверѣ остаются посадники до самаго Владиміра. Мы видимъ, что большому вліянію княжеской власти подчинена сначала только озерная Новгородская область и потомъ довольно узкая полоса земли по берегамъ Днѣпра, гдѣ въ городахъ Смоленскѣ и Любечѣ еще со временъ Олега сидѣли мужи княжіи. Отношенія къ князю племень, жившихъ далѣе къ востоку отъ Днѣпра, какъ видно, ограничивались вначалѣ платажемъ дани, для собранія которой самъ князь съ дружиною ѣздилъ къ нимъ. По свидѣтельству Константина Багрянороднаго, Русскіе князья съ своею дружиною выходили изъ Кіева при наступленіи ноября мѣсяца, и отиралялись на полюдь, или ѣздили въ земли подчиненныхъ имъ племей славянскихъ, и тамъ проводили зиму¹⁾. Обычай полюдь удержался

надолго послѣ: князь объѣзжалъ свою волость, вершалъ дѣла судныя, оставленныя до его пріѣзда, и бралъ дары, обогащавше казну его. Такой обычай княжескихъ объѣздовъ для вершенія судебныхъ дѣлъ необходимо условливается самымъ состояніемъ юнаго общества: такъ мы встрѣчаемъ его въ древней скандинавской и въ древней польской исторіи²⁾; ясно слѣдовательно, что это обычай общій, а не частный скандинавскій, принесенный Варягами въ Русь. Любопытно, что, въ приведенномъ свидѣтельствѣ Багрянороднаго, полюдь отдѣлено отъ зимняго пробыванія князя и дружины его у славянскихъ племей: изъ этого различія видно уже, что къ нѣкоторымъ ближайшимъ и болѣе подчиненнымъ племенамъ князь отправлялся для суда, къ другимъ же, отдаленнѣйшимъ, — только для собранія дани мѣхами и другими сырыми произведеніями, составлявшими предметъ заграничной торговли; что князь самъ ходилъ за данью къ племенамъ, это ясно показывается преданіе о судьбѣ Игоря у Дрєвлянъ. Болѣе отдаленныя племена принуждены были платить дань Русскому князю, и платили ее тогда, когда тотъ приходилъ за нею съ войскомъ; по этому, какъ видно, и ограничивались все отношенія; племена еще жили попрежнему, особными родами, каждый родъ имѣлъ своего старшину или князя, который владѣлъ у него, судилъ и рядилъ; у Дрєвлянъ были свои князья въ то время, когда они платили дань Кіевскому князю; изъ этихъ князей одинъ былъ Малъ, котораго они прочили въ мужья Ольгѣ.

Дань, за которую ходилъ самъ князь, была первоначальнымъ видомъ подчиненности племени одной общей власти, связи съ другими соподчиненными племенами. Но, при такомъ видѣ подчиненности, сознаніе объ этой связи, разумѣется, было еще очень слабо: племена платили дань и Козарамъ, и все оставались попрежнему въ раздѣненіи другъ съ другомъ. Гораздо важнѣе для общей связи племей и для скрѣпленія связи каждаго племени съ общимъ средоточіемъ была обязанность возитъ по волямъ, обязанность, вълѣдствіе которой сами племена должны были доставлять дань въ опредѣленное княземъ мѣсто, ибо съ этимъ подчиненность племей, участіе ихъ въ общей жизни принимали болѣе дѣятельный характеръ. Но еще болѣе способствовала сознанію о единствѣ та обязанность племей, по которой они должны были участвовать въ походахъ княжескихъ на другія племена, на чужіе народы: здѣсь члены различныхъ племей, находившихся до того времени въ весьма слабомъ соприкосновеніи другъ съ другомъ, участвовали въ

Дюканжа Гó α—Circulationes, Circuntiones; въ частности Гироу называли выѣздъ чиновника изъ главнаго мѣста его служенія въ другія мѣста его же вѣдомства, собственно по дѣламъ службъ, напр. объѣздъ провинціальныхъ начальниковъ городовъ своей провинціи. См. статью проф. Неволина — о значеніи слова Гира, въ Финск. Вѣстн. 1847, № 8. Любопытно выраженіе въ лѣтописи Переславля Суздальскаго при исчисленіи народовъ, платящихъ дань Русь: «неконни даниши и конокръмци».

2) Bandtkie Historia prawa Polskiego, стр. 47.

¹⁾ De administr. imper. c. IX Memor. popul. II, 985. Egrediuntur Ciabo, et in Oppida (?) proficiscuntur quae Gyra appellantur (ἀπερχονται εἰς τα ὄπδια ἃ λ γελει Γόρα) aut in sclabica loca Berbianorum Drungubitarum etc. У

одной общей дѣятельности подъ знаменами Русскаго князя, составляли одну дружину; здѣсь нагляднымъ образомъ приобретали они понятіе о свѣтлѣ единствѣ и, возвратясь домой, передавали это понятіе своему родичамъ, рассказывали имъ о томъ, что они сѣбѣли вмѣстѣ съ другими племенами подъ предводительствомъ Русскаго князя. Наконецъ выходу племенъ изъ особаго, родоваго быта, сосредоточенію каждаго изъ нихъ около извѣстныхъ центровъ и болѣе крѣпкой связи всѣхъ ихъ съ единымъ, общимъ для всей Земли средоточіемъ способствовало построеніе городовъ князьями, умноженіе народонаселенія, переводъ его съ сѣвера на югъ.

Мы коснулись непосредственнаго вліянія княжеской власти на образованіе юнаго общества; но это вліяніе сильно обнаружилось еще посредствомъ дружины, явившейся вмѣстѣ съ князьями. Съ сачаго начала мы видимъ около князя людей, которые сопровождаютъ его на войну, во время мира составляютъ его совѣтъ, исполняютъ его приказанія, въ видѣ посадниковъ заступаютъ его мѣсто въ областяхъ. Эти приближенные къ князю люди, эта дружина княжеская могущественно дѣйствуетъ на образованіе новаго общества тѣмъ, что вносятъ въ среду его новое начало, сословное, въ противоположность прежнему родовому. Является общество, члены котораго связаны между собою не родовою связью, но товариществомъ: дружина, пришедшая съ первыми князьями, состоитъ преимущественно изъ Варяговъ, но въ нее открытъ свободный доступъ храбрымъ людямъ изъ всѣхъ странъ и народовъ, преимущественно, разумѣется, по самой близости, гусемъ; появленіемъ дружины среди славянскихъ племенъ для ихъ членовъ открылся свободный и почетный выходъ изъ родоваго быта въ бытъ, основанный на другихъ, новыхъ началахъ; они получили возможность, просторъ развивая свои силы, обнаруживать свои личныя достоинства, получили возможность лично доблестью приобретать значеніе, тогда какъ въ родѣ значеніе давалось извѣстною степенью на родовой лѣтницѣ. Въ дружину, члены родовъ получали возможность цѣнить себя и другихъ по степени личной доблести, по степени той пользы, какую они доставляли князю и народу; съ появленіемъ дружины должно было явиться понятіе о лучшихъ, храбрѣйшихъ людяхъ, которые выдѣлились изъ толпы людей темныхъ, невѣстныхъ, черныхъ; явилось новое жизненное начало, средство къ возбужденію силъ въ народѣ и къ выходу ихъ; темный, безразличный міръ былъ встревоженъ, начали обозначаться формы, отдѣльные образы, различительныя линіи.

Обозначивъ вліяніе дружины вообще, мы должны обратиться къ вопросу: въ какомъ отношеніи находилась она къ князю и къ Землѣ? Для легчайшаго рѣшенія этого вопроса сравнимъ отношенія дружины къ князю и Землѣ на западѣ и тѣ же самыя отношенія у насъ на Руси. На западѣ около доблестнаго вожда собиралась толпа отважныхъ

людей съ цѣлю завоеванія какой-нибудь страны, приобретѣнія земель во владѣніе. Здѣсь вожда высѣлъ болѣе отъ дружины ¹⁾, чѣмъ дружина отъ него; дружина нисколько не находилась къ нему въ служебныхъ отношеніяхъ, вожда былъ только первый между равными: „Мы избираемъ тебя въ вожди, говорила ему дружина ¹⁾, и куда поведетъ тебя твоя судьба, туда пойдѣмъ и мы за тобою; но что будетъ приобретено общими нашими силами, то должно быть раздѣлено между всѣми нами, смотри по достоинству каждаго“, и проч. И дѣйствительно, когда дружина овладѣвала какою-нибудь странною, то каждый членъ варварскаго ополченія приобреталъ участокъ земли и нужное количество рабовъ для его обработанія ²⁾. Но подобныя отношенія могли ли имѣть мѣсто у насъ на Руси съ призваніемъ князей? Мы видѣли, что князь былъ призванъ сѣверными племенами, какъ нарядникъ Земли; въ значеніи князя извѣстной страны онъ расширяетъ свои владѣнія; съ нимъ приходитъ дружина, которая постоянно наполняется новыми членами, пришельцами и туземцами; но ясно, что эти дружинники не могутъ имѣть значенія дружинниковъ западныхъ: они не могли явиться только для того, чтобы дѣлить землю, имъ не завоеванную, они могли явиться только для того, чтобы служить князю извѣстныхъ племенъ, извѣстной страны; тѣ изъ нихъ, которые приходили за тѣмъ, чтобы получить города и села, какъ наприимѣръ Аскольдъ и Диръ, обманывались въ своей надеждѣ, и отправлялись искать лучшаго въ другомъ мѣстѣ. Рюрикъ раздаетъ города мужамъ своимъ; Олегъ сажаетъ мужей своихъ въ занятыхъ ими городахъ— Смоленскѣ и Любечѣ: они здѣсь начальники отрядовъ, они заступаютъ мѣсто князя; но при этомъ должно строго отличать характеръ правительственный отъ характера владѣльческаго; мы и послѣ будемъ постоянно видѣть вездѣ княжихъ посадниковъ, наместниковъ, но вездѣ только съ характеромъ правительственнымъ. Съ другой стороны, если князь съ дружиною покорялъ новыя племена, то это покореніе было особаго рода: покоренныя племена были разсѣяны на огромномъ пустынномъ пространствѣ, волею или неволею соглашались они платить дань— и только; ихъ нельзя было подѣлить между членами дружины; мы знаемъ, какъ покорялъ Олегъ племена: одни добровольно соглашались платить ему дань, какую прежде платили Козарамъ, на другихъ накладывалъ онъ дань легкую; нѣкоторыхъ примучивалъ, то-есть силою заставлялъ платить себѣ дань,—но опять только дань. Большое различіе, когда дружина занимаетъ страну цивилизованнаго народа, покрытую городами и селеніями, или когда занимаетъ страну пустынную, рѣдко населенную, построить острожекъ, и станеть ходить изъ

¹⁾ Такъ говорили Магьяры при избраніи своего вожда Амоса— Anonimus Belae R. notarius, c. V. VI. Ap. Shwandtner, Script. rer. Hung. 1, 9.

²⁾ Сх. Gaupp. die Germanischen Ansiedlungen und Landthoilungen.

него къ племенамъ за мѣхами. Земли было много у Русскаго князя; онъ могъ, если хотѣлъ, раздавать ее своимъ дружинникамъ; но дѣло въ томъ, выгодно ли было дружинникамъ брать ее безъ народонаселенія¹⁾; имъ гораздо выгоднѣе было остаться при князѣ, ходить съ нимъ за добычею на войну къ народамъ еще непокореннымъ, за данью къ племенамъ подчиненнымъ, продавать эту дань чужимъ народамъ, однимъ словомъ — получать отъ князя содержаніе непосредственно.

Замѣчено было, что князья принимали въ свою дружину всякаго витязя, изъ какого бы народа онъ былъ: такъ между послами Игоря мы встрѣаемъ Ятвига: Святославъ отовсюду собиралъ воиновъ многихъ и храбрыхъ; Владиміръ выбралъ изъ наемныхъ Варяговъ мужей добрыхъ, смеленныхъ и храбрыхъ, и раздалъ имъ города; сѣверныя саги говорятъ о знатныхъ витязяхъ скандинавскихъ, которые служили въ дружинахъ нашихъ князей; каждый пришлецъ получалъ мѣсто, смотря по своей извѣстности; въ древнихъ пѣсняхъ нашихъ читаемъ, что князь встрѣчалъ неизвѣстныхъ витязей слѣдующими словами:

Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитеся, какъ васъ по имени зовуть;
А по имени вамъ мочно мѣсто дать,
По изотчеству можно пожаловати²⁾.

Въ сагахъ читаемъ, что при Владимірѣ княгиня, жена его, имѣла такую же многочисленную дружину, какъ и самъ князь: мужъ и жена соперничали, у кого будетъ больше знаменитыхъ витязей; если являлся храбрый пришлецъ, то каждый изъ нихъ старался привлечь его въ свою дружину³⁾. Подтверженіе этому извѣстію находимъ также въ нашихъ пѣсняхъ: такъ Владиміръ, посылая богатыря на подвигъ, обращается къ нему съ слѣдующими словами:

Гой еси, Ивавъ Гоудинович!
Возьми ты у меня, Князя, сто человекъ
Русскихъ могучихъ богатырей,
У Княгини ты бери другое сто⁴⁾.

Чѣмъ знаменитѣе былъ князь, тѣмъ храбрѣе и многочисленнѣе были его сподвижники; каковъ былъ князь, такова была и дружина; дружина Игорева говорила: „Кто съ моремъ совѣтень?“ — и шла домой безъ боя; сподвижники Святослава были все похожи на него: „Гдѣ ляжетъ твоя голова, тамъ и все мы головы свои сложимъ“, говорили они ему, потому что оставить поле битвы, потерявши князя, считалось ужаснымъ позоромъ для добраго дружинника⁵⁾. И хорошій вождь считалъ постыднымъ по-

кинуть войско въ опасности; такъ во время похода Владиміра Ярославича на Грековъ, тысящійкъ Выпата сошелъ на берегъ къ выброшеннымъ бурей воинамъ и сказалъ: „Если буду живъ, то съ ними; если погибну, то съ дружиною“⁶⁾. Было уже замѣчено, что дружина получала содержаніе отъ князя — пищу, одежду, коней и оружіе; дружина говорить Игорю: „Отроки Свѣнелдовы богаты оружіемъ и платьемъ, а мы босы и наги; пойдемъ съ ними въ дань“⁷⁾. Хорошій князь не жалѣлъ ничего для дружины: онъ зналъ, что съ многочисленными и храбрыми сподвижниками могъ всегда пріобрѣсти богатую добычу; такъ говорилъ Владиміръ, и давалъ частые, обильные пиры дружинѣ; такъ о сынѣ его Мстиславѣ говорится, что онъ очень любилъ дружину, имѣнія не щадили, въ питьѣ и нищѣ ей не отказывалъ⁸⁾. Лѣтописецъ, съ сожалѣніемъ вспоминая о старомъ времени, говоритъ о прежнихъ князьяхъ⁹⁾: „Тѣ князья не собирали много имѣній, вѣрь и продаждъ неправедныхъ не налагали на людей; но если случится правая вѣра, ту брали и тотчасъ отдавали дружинѣ на оружіе“. Дружина этимъ кормилась, воевала чужія страны; въ битвахъ говорили другъ другу: „Братія! потянемъ по своимъ князѣмъ и по Русской Землѣ!“ Не говорили князю: „Мало мнѣ ста гривенъ;“ не паряжали жонъ своихъ въ золотые обручи, ходили жены ихъ въ серебрѣ; — и вотъ они расплодили Землю Русскую. — При такой жизни вмѣстѣ, въ братскомъ кругу, когда князь не жалѣлъ ничего для дружины, ясно, что оль не скрывалъ отъ нея своихъ думъ, что члены дружины были главными его совѣтниками во всехъ дѣлахъ: такъ о Владимірѣ говорится: Владиміръ любилъ дружину, и думалъ съ нею о строѣ земскомъ, о ратяхъ, объ уставѣ земскомъ¹⁰⁾. Святославъ не хочетъ принимать христіанства потому, что дружина стапеть смѣяться. Бояре вмѣстѣ съ городскими старцами рѣшаютъ, что должно принести челоуѣческую жертву; Владиміръ созываетъ бояръ и старцевъ совѣтоваться о перемѣнѣ вѣры.

Изъ приведенныхъ извѣстій видно, что одни бояре, одни старшіе члены дружины были совѣтниками князя: два послѣднія извѣстія органичиваютъ первое, показываютъ, съ какою дружиною думалъ Владиміръ. Какъ же раздѣлялась дружина¹¹⁾, какъ назывались младшіе ея члены, не-

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 66.

²⁾ Сравни Тацита: *Exigunt enim principis sui liberalitate illum bellatorem equum, illum eruentem victricemque frumentum.* — То же явленіе и въ дружинѣ польскихъ князей; сравни Gallus p. 71: не слугою, но сыномъ княжескимъ называлъ Болеславъ Храбрый дружинника, пришедшаго служить ему изъ чужой страны, и если дружинникъ терялъ лошадь или другую какую-нибудь вещь, то князь наказывалъ его съ лихвою.

³⁾ Gallus, p. 64, 39. У Болеслава Храбраго, кромѣ столовъ для мелкихъ вѣршикъ, ежедневно накрывалось 40 столовъ для знатнѣйшихъ дружинниковъ. Все они, даже самыя мелкіе дружинники, являлись съ тяжелыми золотыми кольцами.

⁴⁾ Соф. Врем. I, 10.

⁵⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. I, 90.

⁶⁾ Слово дружина происходитъ отъ *д р у г а*, а другъ

¹⁾ Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы члены княжеской дружины вовсе не могли имѣть сель, населенныхъ военнопленными, кулешами рабами, или наймитами.

²⁾ Древн. Русск. стихотвор. Кирии Данил, стр. 187.

³⁾ *Antiquités Russes* t. I, p. 279. — То же видимъ у польскихъ князей: каждый гость, хотѣвшій вступить въ службу къ князю, принимался съ радостію. См. Gallus, p. 75.

⁴⁾ Древн. Русск. стихотвор., стр. 138.

⁵⁾ Ср. у Тацита: (*Ger.*) *jam vero infame in omnes vitam et probrosam superstitem principis sui ex acie recessisse.*

бояре?—Для означенія отдѣльнаго члена дружины, дружинника, безъ различія степеней, употреблялось слово „мужъ“. Мужъ, мужи—значило человѣкъ, люда, но преимущественно съ почетнымъ значеніемъ; мужъ съ притяжательнымъ мѣстоименіемъ, относящимся къ князю, означалъ дружинника: мужъ свой, мужъ его ¹⁾. Но, какъ видно, слово „мужъ“ имѣло и болѣе тѣсное значеніе, означало дружинниковъ второго разряда, низшихъ, младшихъ членовъ дружины, въ противоположность боярамъ ²⁾; это видно изъ слѣдующаго мѣста лѣтописи, хотя относящагося къ позднѣйшему времени: князь Игорь Сѣверскій, попавшись въ плѣнъ къ Половцамъ, такъ горюетъ объ истребленіи своего войска: „Гдѣ бояре думаютъ, гдѣ мужи храбротвуютъ, гдѣ рядъ полчный“ ³⁾. Итакъ бояре были лучше, старіе въ дружинѣ, совѣтники, думцы князя по преимуществу; мужи были воины по преимуществу; другое, болѣе определенное названіе для этого разряда дружинниковъ было гриди ⁴⁾, гридь, гридьба, что означаетъ также сборище, толпу, дружину. Кюнага во дворѣ княжескомъ, гдѣ собиралась дружина, называлась гридницею; такъ говорится о Владимірѣ: „Онъ учредилъ на дворѣ въ гридницѣ пиры, куда приходили бояре и гриди, соцкіе и десяцкіе, и нарочитые мужи, при князѣ и безъ князя“ ⁵⁾. Мужи княжыи, жившіе по городамъ, занимавшіе тамъ разныя должности, въ отличіе отъ бояръ, жившихъ при князѣ, въ стольномъ его городѣ, назывались уменьшительнымъ—боярды ⁶⁾. Въ Русской Правдѣ и въ Новгородской лѣтописи мы встрѣчаемъ названіе огнищанина, подававшее поводъ къ различнымъ объясненіямъ. Единственное средство объяснить это названіе—посмотрѣть, какъ оно замѣняется въ другихъ спискахъ отъ санскритскаго дру—иду, слѣдуя (удрать, убѣжать), см. Висл.—О влияніи христ. на славянскій языкъ, стр. 194. Слѣд. дружина есть товарищество, сборъ людей, идущихъ вмѣстѣ, по одной дорогѣ, откуда дорога или драга значить не только via, но и толпа, собирающаяся куда-нибудь, множество, свита (см. тамъ же, стр. 51). Мы прибавимъ, что и французское route въ древнемъ языкѣ значить дружина, отрядъ. Если наша дружина происходитъ отъ дру—идти, то мѣтъ прятанія и польскіе шляхти приводятъ въ связь съ стариннымъ словомъ шляхъ—дорога, путь.

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 9: «и бѣста у него два мужа, не племена его, но боярина». Изъ этого ясно, что подъ мужами вообще разумѣлись и бояре. Или: «и посади мужъ свой», значить посадилъ одного изъ своихъ, одного изъ дружины (I, 13). «А Ольга водила и мужій его на рогу» (I, 19); «посла Игорь мужи своя къ Роману», и т. д.

²⁾ Слово боярды въ славянское; о боярахъ болгарскихъ упоминаетъ Феофанъ подъ 764 годомъ. У Сербовъ и другихъ племенъ находимъ также это слово. См. Срезнев.—Мысли объ исторіи Русск. языка, стр. 131 и слѣд.; съ греческаго словомъ бояринъ или боярникъ переводится *βουρ*, см. древній переводъ греческаго Василикона, изъ бѣл. гр. Толстаго, привод. у Розенкампфа.—О кормчей книгѣ, стр. 133.

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 131.

⁴⁾ Гридь слово славянское. Хорутанское грида значитъ громада, сборище, толпа, слѣд. дружина, см. у Срезнев. въ приведенномъ сочиненіи, стр. 139.

⁵⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 54.

⁶⁾ Тамъ же, I, 57: «Святюполкъ же приде почю Вышегороду, отъи призна Путюю и Вышегородскыя боярды».

Правды и въ другихъ лѣтописяхъ; въ другихъ спискахъ Правды оно замѣняется постоянно выраженіемъ: князь мужъ, и въ этомъ значеніи противоплагается смерду; въ лѣтописи Новгородской читаемъ: „Позвалъ (Ростиславъ) Новгородцевъ на порядъ: огнищанъ гридь“ ⁷⁾. Въ другой, не новгородской лѣтописи, читаемъ: „Князь Мстиславъ, собравъ ростовцевъ — бояръ, гридбѣ“ ⁸⁾. Слѣдовательно то, что въ Новгородѣ были огнищане, въ другихъ мѣстахъ были бояре, то-есть старіе члены дружины, которыхъ мѣсто прежде гридей; при этомъ должно замѣтить, что названіе огнищанъ было обширнѣе, чѣмъ бояринъ: огнищанинъ и некоторыхъ спесковъ Правды совмѣщаетъ мужа княжа и тиуна княжа другихъ списковъ, а потому и въ Новгородѣ существовало также названіе бояринъ. Объясненіе того, почему огнищанинъ соединялъ и боярина и тиуна княжа, равно какъ объясненіе корня слову: „огнищанинъ“ найдемъ также въ Русской Правдѣ; здѣсь читаемъ: „За убійство тиуна огнищана и конюшнаго платитъ 80 гривенъ“ ⁹⁾. Если тиунъ конюшій означаетъ смотрителя за конюшнею княжескою, то тиунъ огнищный долженъ означать смотрителя за огнищемъ или домомъ княжескимъ; огнищанинъ же долженъ означать человѣка, который живетъ при огнищѣ княжескомъ, домодача княжескаго, человѣка близкаго къ князю, его думца, боярина, въ переводѣ на наши понятія—придворнаго человѣка ⁹⁾. Объясненіемъ слова „огнищанинъ“ служитъ также позднѣйшее — „дворянинъ“ означющее человѣка, принадлежащаго ко двору, дому княжескому, а не имѣющаго своей дворецъ или домъ, слѣдовательно и подъ огнищаниномъ нѣтъ нужды разумѣть человѣка, имѣющаго свое огнище. Эти-то домодачи, или огнищане княжескіе имѣли то преимуществу предъ остальнымъ народонаселеніемъ, что за ихъ голову убійца платилъ двойную пеню, или виру, именно 80 гривенъ вмѣсто 40. Подъ огнищаниномъ разумѣлся только мужъ князь высшаго разряда, бояринъ, думецъ княжескій, но не гридь, не простой членъ дружины, который собственно не принадлежалъ къ огнищу или двору княжескому. Къ огнищанамъ, какъ видно изъ Правды, принадлежалъ тиунъ князь, но не вообще, а только огнищный и конюшій. Тиунъ въ готскомъ переводѣ Библии Улфилы является въ формѣ *dius* и въ значеніи *οὐκέρως* — домочадецъ, слуга, рабъ. Званіе тиуна, какъ оно является въ нашихъ древнихъ памятникахъ, можно означить словомъ „приставникъ“, съ неопредѣленнымъ значеніемъ: приставникъ, который смотрѣлъ за домомъ, за конюшнею, за судомъ ¹⁰⁾,

⁷⁾ Тамъ же III, 14.

⁸⁾ Тамъ же I, 161.

⁹⁾ У западныхъ Славянъ огнищанинъ означалъ отпущеника (*libertus*), слѣд. въ обширномъ смыслѣ это слово означало первоначально домочадца, но не раба, а свободнаго, какими именно были древніе отпущеники, находившіеся въ тѣсной связи съ домомъ прежняго господина, и однако переставшіе быть рабами.

¹⁰⁾ Что тиунъ не былъ исключительно казначеемъ, какъ того хотятъ некоторые, довольно привести слѣдующее:

за сборомъ доходовъ княжихъ, за селомъ княжимъ; тѣмъ могли быть у князя и боярина; они могли быть и свободные, если примутъ на себя эту должность съ рядомъ; но это было уже исключеніе. Сельскій тѣмъ княжій, или ратаинный, если былъ холопъ, то за него положена вира въ 12 гривенъ, если же былъ свободный человѣкъ, но рядовичъ, то-есть такой тѣмъ, который, вступая въ должность, не вошелъ въ холопство, но норядился, вошелъ съ рядомъ, то за такого вира была только въ 5 гривенъ, потому что для князя было гораздо важнѣе потерять своего холопа, чѣмъ вольнаго рядовича; тѣ же самыя виры брались за тѣмъ холопей и рядовичей боярскихъ. Вообще князь увеличивалъ виру за своего служителя, смотря по важности послѣдняго. Что касается до отроковъ князя, то они составляли его домашнюю прислугу; они, по лѣтписямъ, служатъ за столомъ князю и гостямъ его ¹⁾; убираютъ веши по княжому приказу ²⁾; князь посылаетъ ихъ съ порученіями ³⁾, и т. п.

Кромѣ дружины, войско составлялось также изъ жителей городовъ и сель, набравшихся по случаю похода: эти полки явственно отличаются отъ дружины подъ именемъ воиновъ (воевъ) въ тѣсномъ смыслѣ; такъ читаемъ въ разсказѣ объ убіеніи Святаго Бориса: сказала ему отцовская дружина: „Вотъ у тебя дружина отцовская и воины (вои)“ ⁴⁾. Другое мѣсто, изъ котораго также виденъ двойственный составъ княжескаго войска, встрѣчаемъ въ разсказѣ о походѣ Владиміра Ярославича на Грековъ: „Прочіе воины Владиміра были выкинуты на берегъ, числомъ 6000, и хотѣли возвратиться въ Русь, но не пошелъ съ ними никто изъ дружины княжеской“ ⁵⁾. Но мы не должны ожидать отъ лѣтписца постоянно рѣзкаго различія въ названіяхъ—дружина и вои: если онъ говоритъ, что князь взялъ съ собою много воевъ изъ разныхъ

племенъ, то онъ не прибавитъ, что онъ взялъ съ собою дружину и воевъ,—подразумѣвается, что дружина должна идти съ княземъ, и въ такихъ случаяхъ вездѣ дружина включается въ число воевъ; съ другой стороны, отъ дружины не было производнаго „дружинникъ, дружинники“, и потому вмѣсто этого производнаго употреблялось также „вои“; „вои“ значило вообще всѣ военные, вооруженные люди. Наоборотъ, дружина означала въ обширномъ смыслѣ совокупность всѣхъ военныхъ, вооруженныхъ людей, войско, и въ тѣсномъ смыслѣ—приближенныхъ къ князю людей, которыхъ военное дѣло было постояннымъ занятіемъ. Это двойное значеніе дружины всего виднѣе въ разсказѣ о войнѣ Мстислава Тмутораканскаго съ Ярославомъ: „Мстиславъ съ вечера исполнилъ дружину, и поставилъ Сѣверянъ въ чело противъ Варяговъ, а самъ сталъ съ дружиною своею по крыламъ“... Мстиславъ на другое утро, увидя лежашіе трупы Сѣверянъ и Варяговъ, сказалъ: „Какъ не радоваться? вотъ лежить Сѣверянннхъ, вотъ Варягъ, а дружина моя цѣла“ ⁶⁾. Кромѣ собирательнаго „дружина“ въ смыслѣ войска, арміи, употреблялось еще слово: „полкъ“ ⁷⁾. Слово дружина имѣла еще не военное значеніе, въ которомъ можетъ переводиться словомъ: свои, наши; наиримѣръ, Древляне спросили Ольгу: „Гдѣ же наша дружина?“ то есть послы, которыхъ они прежде отправляли въ Киевъ ⁸⁾.

Было сказано, что вои, то-есть недружина, набирались изъ народонаселенія городского и сельскаго: такъ набирали войско изъ племенъ Олегъ, Игорь, Владиміръ; такъ Ярославъ вывелъ противъ Святополка горожанъ Новгородскихъ и сельскихъ жителей съ ихъ старостами. Видно и въ этотъ періодъ, какъ въ послѣдующій, князь объявлялъ о походѣ въ городъ народу, собравшемуся на вѣчъ; здѣсь рѣшались выступить,—и сельское народонаселеніе выступало по рѣшенію городского вѣча. Какъ видно, отецъ выходилъ въ походъ со старшими сыновьями, сколько бы ихъ ни было, а младшій (также взрослый уже) оставался дома для охраненія семейства ⁹⁾. По окончаніи похода, войско, набранное изъ городского и сельскаго народонаселенія, распускалось; оно пользовалось добычею; князья выговаривали у побѣжденныхъ дань въ его пользу: Олегъ требуетъ съ Грековъ по 12 гривенъ на ключъ, то-есть на каждую лодку, безъ различія между дружиной и воями, набранными изъ разныхъ племенъ. Дружина, разумѣется, имѣла ту выгоду, что участвовала въ ежегодныхъ даняхъ съ Грековъ и съ своихъ племенъ, вообще во всѣхъ доходахъ княжескихъ. Ярославъ, побѣдивъ Святополка, награждалъ щедро помогшихъ ему Новгородцевъ, сельчанъ однако меньше, чѣмъ горожанъ: горожаннхъ

¹⁾ Константинъ князь Полотскій, нарицаемый безрукий... молвить попу: тиунъ и е правду судить, мзду имѣть, люди продаеть (продажа имѣть чисто судебное значеніе), мучить... И рече поць... избираеть (князь) тиуна или кого волостеля мужа добра, праведна, по закону Божію вся творяща и судъ вѣдуща. См. Розенкаміфа — 0 кормчей книгѣ, стр. 217.

²⁾ По селѣ сѣдоша Древляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити предъ ними. (Полп. Собр. Русск. Лѣт. I, 24). Тамъ же: «Яко упишася Древляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня, и повелѣ дружинѣ съчи Древляне». Здѣсь прямо отличаются отроки—слуги отъ дружины.

³⁾ Тамъ же I, 30: «Придоша (греческіе послы) и поклонилися ему (Святославу), положиша предъ нимъ злато и паволоки, и рече Святославъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ: схороните»

⁴⁾ Тамъ же I, 32: «И придоша отроки Володимирови, и повѣдаше ему всю рѣчь Рогълѣдицу».—Еще прямая указанія, что отроки составляли домашнюю прислугу князя (I, 57 и слѣд.): «И се слышавше вои, разидошася отъ него (Св. Бориса), Борисъ же стояше съ отроки своими... И прободоша Бориса и слугу его, падна на немъ, прободоша съ нязь; бѣ бо се любимъ Борисомъ. Ваше отрокъ съ родомъ сынъ угрскъ».

⁵⁾ Тамъ же I, 55.

⁶⁾ Тамъ же I, 66.

⁶⁾ Тамъ же I, 64.

⁷⁾ Тамъ же I, 98.

⁸⁾ Тамъ же I, 19.

⁹⁾ Тамъ же I, 53: «И придо единъ старъ мужъ ко князю и рече ему: княже! суть у мене одинъ сынъ младшій дома, а съ четырма есмь вышелъ, а онъ дома».

былъ сравненъ съ сельскимъ старостомъ. Но ясно, что когда народонаселеніе призывалось не къ далекой наступательной войнѣ, а къ защитѣ своей земли отъ нападена враговъ, напримѣръ Печенѣговъ, то не могло быть рѣчи о награжденіи; войны могли довольствоваться только добычею, если, прогнавъ врага, отбили обозъ, брали плѣнниковъ; дань съ побѣжденныхъ бралась и на долю убитыхъ ратниковъ, и шла къ ихъ родственнымъ. Сельчане приходили въ походъ со своими старостами; горожане, относительно военной службы, раздѣлялись, какъ видно, на десятки, сотни: таково было обыкновенное военное дѣленіе у народовъ. Въ лѣтописи упоминаются десяткіе; сотскій, безъ всякаго сомнѣнія, былъ высшій начальникъ надъ этими отдѣлами, долженствовавшій носить соотвѣтственное названіе тысяцкаго; этого названія мы не встрѣчаемъ въ дошедшихъ до насъ спискахъ лѣтописей въ описываемое время, встрѣчаемъ одно неопредѣленное названіе воеводы; но въ слѣдующемъ періодѣ мы встрѣтимъ, что тысяцкій называется также воеводою¹⁾, вѣдѣтвіе чего подъ воеводою первого періода можно разумѣть тысяцкаго. Тысяцкій, по соображеніи всѣхъ извѣстій объ этомъ санѣ, былъ воеводою земскихъ, гражданскихъ полковъ, выбравшійся княземъ изъ дружины. Если Янгъ, сынъ Вышаты, былъ тысяцкимъ въ Кіевѣ, въ 1089 году, то нѣтъ сомнѣнія, что отецъ его, Вышата, занималъ ту же должность прежде, при Ярославі; подтвержденіе этому находимъ въ лѣтописи²⁾: въ 1037 г. послалъ Ярославъ сына своего Владиміра на Грековъ и далъ ему много войска, а воеводство поручилъ Вышатѣ, отцу Янову; когда поднялась буря, и прочіе войны, то-есть земскіе полки, были выброшены на берегъ, то нѣкто изъ дружины княжеской не хотѣлъ идти съ ними; одинъ Вышата вызвался: „Я пойду съ ними, сказалъ онъ; останусь живъ—съ ними вмѣстѣ, погибну—вмѣстѣ съ своими (съ дружиною)“. Поступокъ Вышаты объясняется, если обратимъ вниманіе на то, что этотъ воевода былъ тысяцкій, что ему было поручено отъ князя воеводство надъ земскими полками, и онъ, по совѣсти, не могъ оставить ихъ безъ предводителя. Изъ этого же извѣстія видимъ, что земское ополченіе нуждалось въ предводителѣ изъ членовъ дружины.

При Святомъ Византійѣ мы видимъ, что, во время

Кромѣ дружины и земскихъ полковъ, составленныхъ изъ городекаго и сельскаго народонаселенія, были еще наемныя войска, составлявшіяся изъ Варяговъ, Печенѣговъ и Торковъ; Варяги обыкновенно составляли пѣхоту, Печенѣги и Торки—конницу; въ борьбахъ сѣверныхъ князей съ южными Варяги занимались первыми, Печенѣги—вторыми, слѣдовательно первымъ помогала Европа, вторымъ Азія. Дружина Мстислава Тмутараканскаго состояла изъ Козаръ и Касоговъ. Надобно замѣтить, что Печенѣги ни разу не дали побѣды князьямъ, напавшимъ на нихъ. Новгородцы и Варяги дали торжество Владиміру надъ Ярополкомъ, Ярославу надъ Святополкомъ; южно-русское, кіевское народонаселеніе не дало побѣды Святополку при Любечѣ; но сѣверское народонаселеніе дало торжество Мстиславу надъ Варягами Ярослава, выдержавши натискъ послѣднихъ; при этомъ не забудемъ, что въ пограничныхъ сѣверскихъ городахъ со времени Владиміра жили сѣверные переселенцы. Дружина не могла быть многочисленна; дружина Игоря, если была даже многочисленна, то пострадала много отъ греческаго похода, а потомъ, безъ сомнѣнія, большая часть ея ушла съ Святославомъ; этотъ князь долженъ былъ кончить войну съ Греками по недостатку дружины, которой очень немного должно было возвратиться съ Свѣльдоломъ въ Кіевъ; что у Ярополка было мало дружины, доказываетъ также торжество Владиміра. Ярославъ перебилъ свою новгородскую дружину за Варяговъ; кіевская дружина должна была слѣдовать за Святополкомъ; нельзя предполагать, чтобы много ея осталось послѣ поражена послѣдняго; при Ярославі, слѣдовательно, имѣлъ мѣсто новый наборъ дружины. Дружина жила при князѣ, другого постоянного войска не было, а между тѣмъ предстояла безпрестанная нужда въ защитѣ границъ, угрожаемыхъ врагами: для этого также занимались Варяги. Такъ Новгородцы со времени Олега держатъ „мира дѣля“ отрядъ Варяговъ, которыми даютъ определенную сумму денегъ; послѣ, какъ видно, этотъ отрядъ уже пересталъ набираться изъ Варяговъ, или, по крайней мѣрѣ, исключительно изъ нихъ, и слыветъ подъ именемъ гридей; по скандинавскимъ сагамъ извѣстно, что изгнанникъ Олафъ былъ у Кіевского князя начальникомъ войска, посылаемаго для защиты границъ³⁾: такое значеніе

рѣшительнаго нападенія. Когда рѣка раздѣляла враждебныя войска, и ни одно изъ нихъ не хотѣло первое переправиться, то употреблялись поддразниванія: такъ Святополковъ воевода поддразнивалъ Новгородцевъ, воевода Ярославль—польскаго Болеслава. Передъ выступленіемъ въ походъ трубили. Войска сходились (сестуались) и расходились по цѣскольку разъ въ битвахъ, въ ожесточенныхъ схваткахъ брали другъ друга за руки и свѣялись мечами. Было въ обычаѣ рѣшать войны единоборствомъ, боролись въ собственномъ смыслѣ слова, безъ оружія, схватывали другъ друга руками и старались задуть противника, или повалить, ударить имъ о землю. Естественно, что въ пустынной, малонаселенной странѣ, наполненной непроходимыми лѣсами, болотами, озерами, рѣками, самый удобный путь для войскъ былъ водный; водою ходили на ближайшія племена славянскія, на Грековъ, на Волгарь, на Мазовшанъ. Если говорится, что Святославъ ходилъ въ походъ безъ возовъ, то разумѣется, что въ сухопутныхъ походахъ обыкновенно возили возы съ припасами и шатрами, потому что одинъ Святославъ съ своими богатырями спалъ на открытомъ воздухѣ, подостлавши подъ себя конскій потникъ и положивши сѣдло подъ голову. Когда въ походъ шли на лодьяхъ по рѣкамъ, то лошадей не брали, а конница, обыкновенно наемная, шла берегомъ; въ сухопутныхъ походахъ употреблялись лошади: Святославъ спалъ на конскомъ потникѣ, класть сѣдло въ головы, слѣдовательно онъ ходилъ въ походъ на лошади, равно какъ и вся дружина его: иначе трудно объяснить ту быстроту, съ какою онъ, по лѣтописцу, ходилъ на враговъ. Во время сраженія Ярополка съ Олегомъ дрались на лошадахъ¹⁾. Въ 1042 году Владиміръ Ярославичъ ходилъ на Ямъ на лошадахъ же²⁾. Но при этомъ очень вѣроятно, что Русскіе, привыкши ходить въ лодьяхъ и биться пѣши, не были отличными всадниками, какъ свидѣлствуютъ Византійцы. О трудностяхъ сухопутныхъ походовъ можно судить по тому, что нужно было гораздо заранѣе исправлять дороги и мостить мосты. Города брали съ большимъ трудомъ, обыкновенно принуждали къ сдачѣ голодомъ или хитростью: Ольга цѣлый годъ стояла подъ Коростеномъ и взяла его только хитростью; Владиміръ осадилъ Ярополка въ Роднѣ, но не бралъ города, а полагался на голодъ и предательство Влуда; Владиміръ не могъ взять Корсуня, грозился стоять три года, и принудилъ жителей къ сдачѣ, отнявши у нихъ воду. Только разъ Святославу удалось взять копальскій (ириступомъ) Перяславецъ Дунайскій. Оружіе состояло изъ мечей, копій, стрѣлъ, ножей, сабель, броней, щитовъ. О камнестрѣльныхъ машинахъ упоминаетъ Иоакимовъ лѣтописецъ въ разсказѣ о сраженіи Новгородцевъ съ Добрынею при Владимірѣ; но Византійцы также упоминаютъ о нихъ. Употреблялись при войскахъ знамена, или стяги.

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 32: «падаху людье мнози, и удавиша копи чловѣци».

²⁾ Тамъ же I, 66: «И погрота кони у вой Володиморь».

Обратимся къ остальному народонаселенію, городскому и сельскому. Мы видѣли, что прежніе города славянскихъ племенъ были не иное что какъ огороженные села, жители которыхъ занимались земледѣіемъ³⁾. Это занятіе всего болѣе способствуетъ сохраненію родового быта: по смерти общаго родоначальника, сыновьямъ его и внукамъ выгодно поддерживать родовую связь, чтобы соединенными силами обрабатывать землю. Какъ же скоро среди народонаселенія являются другіе промыслы, мѣна, торговля, какъ скоро для членовъ рода является возможность избирать то или другое занятіе по своимъ склонностямъ, является возможность посредствомъ собственной, самостоятельной дѣятельности пріобрѣтать большіе другіхъ членовъ рода,—то съ тѣмъ выхѣстѣ необходимо должно являться стремленіе выдѣлиться изъ рода для самостоятельной дѣятельности; слѣдовательно, если въ концѣ описываемаго періода мы видимъ различныя занятія, торговлю въ городахъ, то необходимо должны предположить ослабленіе родового быта. Различіе занятій и мѣна условливались уже тѣмъ, что среди городовъ явился новый элементъ народонаселенія—воинскіе отряды, дружины князей; въ цѣкоторыхъ городахъ поселились князья, въ другихъ—мужи княжій съ воинскими отрядами: этотъ приливъ народонаселенія со средствами къ жизни, но не промышленнаго само по себѣ, необходимо долженъ былъ породить торговлю и промышленность. Но замѣтимъ, что мы говоримъ все это о городахъ и именно о такихъ, гдѣ наиболѣе развивались промышленность и торговля; въ селахъ же и городахъ, сохранявшихъ попрежнему характеръ огороженныхъ селъ, безъ всякаго сомнѣнія, формы прежняго быта удерживались еще очень и очень долго. Ослабленію родового быта въ новыхъ городахъ, построенныхъ князьями, содѣйствовало то, что эти города обыкновенно наполнялись народонаселеніемъ, обратнымъ изъ разныхъ мѣстъ, преимущественно съ сѣвера; переселенцы эти были вообще доступнѣе для принятія новыхъ формъ быта, новыхъ условій общественной жизни, чѣмъ живущее разбѣнно, отдѣльными родами—сельское народонаселеніе; въ городахъ сталкивались чужеродцы, для которыхъ необходимы были новыя правительственныя отношенія, новая гражданская связь. Наконецъ ослабленію и паденію родового быта въ городахъ вообще должно было много содѣйствовать новое военное дѣленіе на десятки и сотни, надъ которыми поставлялись независимые отъ родовыхъ старшинъ начальники—десятские, сотские; что эти начальники сохраняли свое вліяніе и во время мира, доказательствомъ служитъ важное вліяніе,—гражданское значеніе тысяцкаго; эти новыя формы соединенія, новыя чисто гражданскія отношенія необходимо должны были нанести ударъ старымъ формамъ быта. Появленіе города пробуждало жизнь и въ

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 25. Ольга говоритъ Древлѣнамъ: «А вси гради ваши предадася мнѣ, и ялися по дапу, и дѣлаютъ нивы свои и землѣ своя».

ближайшемъ къ нему сельскомъ народонаселеніи: въ городѣ образовывался правительственный центръ, къ которому должно было тинуть окрѣпное сельское народонаселеніе; сельчане, которые прежде разъ въ годъ входили въ сношеніе съ княжескою властью при платежѣ дани, теперь входили въ сношеніе съ нею гораздо чаще, потому что въ ближайшемъ городѣ сидѣлъ мужъ княжъ, посадникъ; потомъ, какъ скоро городское народонаселеніе получило другой характеръ, чѣмъ прежде, то между нимъ и окрѣпнымъ сельскимъ народонаселеніемъ необходимо должна была возникнуть торговля, вслѣдствіе различія занятій. Съ другой стороны, подлѣ городовъ пачали появляться села съ народонаселеніемъ много рода: князья, ихъ дружинники и вообще горожане стали выводить деревни, касаясь ихъ рабами, купленными, или взятыми въ плѣнъ, также наймитами. Прибавимъ, что сосредоточію народонаселенія около городовъ способствовало также церковное управленіе, учрежденіе въ городахъ епископскихъ каедръ, которымъ были подвѣдомственны всѣ церкви въ окрѣпности. Такъ посредствомъ городовъ, этихъ правительственныхъ колоній, наносился ударъ родовой особности, въ какой прежде жили племена, и, вмѣсто племенныхъ названій, въ концѣ періода, мы встрѣчаемъ уже областныя, заимствованныя отъ главныхъ городовъ. Города въ описываемый періодъ упоминаются слѣдующіе: Новгородъ, Ладога, Вѣлозерскъ, Изборскъ, Псковъ, Юрьевъ, Ростовъ, Ярославль, Муромъ, Суздаль, Смоленскъ, Полоцкъ, Любечъ, Черниговъ, Лыстевъ, Городецъ, Переяславль, Родня, Вышгородъ, Вѣлгородъ, Василевъ, Витичевъ, Искоростень, Овручъ, Туровъ, Владиміръ Волынской, Курскъ, Таутораканъ, Перемышль, Червень и другіе безыменные. Изъ этихъ городовъ Псковъ, Юрьевъ, Владиміръ Волынской, Ярославль достоверно построены князьями; многіе изъ остальныхъ, по всей вѣроятности, построены также ими; нѣтъ сомнѣнія, что и кромѣ означенныхъ городовъ нѣкоторыя, встрѣчающіеся въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ, получили начало въ описываемый періодъ.

Въ противоположность князю, все остальное народонаселеніе носило названіе смердовъ. Въ Русской Правдѣ все княжеское, княжій люди, княжая собственность постоянно противопоставляется смердѣму. Но какъ въ названіи мужа и дружины, такъ и въ названіи смердамы не можемъ съ самаго начала искать точности, опредѣленности; смердъ ознадъ простого человѣка, и слѣдовательно это названіе могло употребляться относительно ко всякому высшему разряду; такъ смердъ противопоставляется мужу княжому, такъ сельское народонаселеніе, подъ именемъ смердовъ, противопоставляется городскому. Въ противоположность мужу княжому, простой человѣкъ назывался также людинъ. Вообще сельское народонаселеніе въ описываемое время считалось ниже городского: это прямо видно изъ свидѣтельствъ о томъ, какъ Ярославль одѣлялъ своихъ воиновъ послѣ побѣды надъ Святополкомъ: старо-

стамъ (сельскимъ) дать по 10 гривенъ, смердамъ по гривнѣ, а Новгородцамъ всѣмъ по десяти, — сельскій староста приравненъ къ простому горожанину⁴⁾. Подлѣ свободныхъ людей, горожанъ и сельчанъ, находимъ рядъ людей зависимыхъ. Первая степень зависимости была закупничество, или наймитство. Закупнемъ, или наймитомъ назывался работникъ, нанявавшійся на извѣстный срокъ и за извѣстную плату, которую, какъ видно, онъ получалъ впередъ, въ видѣ займа. Если наймитъ бѣжалъ отъ господина до срока, то становился за это ему полнымъ (обельнымъ) холопомъ, обелью. Наймитъ былъ обязанъ платить господину за всякій вредъ въ хозяйствѣ, причиненный его нерадѣніемъ; господинъ могъ быть наймита за вину; но если прибѣтъ безъ вины, то платитъ за обиду какъ свободному; наймитъ въ этомъ случаѣ волею идти къ князю или судьямъ жаловаться. Если бы господинъ вздумалъ продать наймита, какъ обель, то наймитъ получалъ полную свободу безъ обязанности выплатить господину взятое впередъ, а послѣдній долженъ былъ еще платить за обиду опредѣленную сумму. За преступленія наймита предъ правительствомъ отвѣчалъ господинъ, причѣмъ закупень становился ему обельнымъ холопомъ. Полное, или обельное холопство происекало, кромѣ того, слѣдующими способами: рожденіе отъ холопа; если кто купитъ холопа за какую бы то ни было цѣну, хотя бы даже за полгривну, поставитъ свидѣтелей при куплѣ и отдастъ деньги предъ самымъ холопомъ; если кто женится на рабѣ безъ яду, безъ условій съ господиномъ ея, то поступаетъ къ послѣднему въ полные холопы; если же женится съ условіями, то они имѣютъ силу; если кто пойдетъ къ кому въ тиуны или ключники также безъ яду; наконецъ невозможность заплатить долгъ вѣла должника также въ рабство къ заимодавцу. Значеніе холопа увеличивалось, смотря по значенію господина и по той пользѣ, какую онъ приносилъ: такъ за убійство сельскаго старосты, или тиуна княжескаго и боярскаго платилось по 12 гривенъ, за простого холопа, равно какъ за холопа, принадлежащаго простому человѣку, смерду, платилось опять только пять гривенъ; за ремесленника и за ремесленницу, за пѣстуна и за кормилицу платилось 12 гривенъ; за женщину-рабу шесть. За вредъ, причиненный холопомъ, отвѣчалъ господинъ; если холопъ осмѣливался бить свободнаго человѣка, то, по уставу Ярославову, лишался жизни. Въ Русской Правдѣ находимъ положеніе, что за убійство чужого холопа безъ вины убійца платилъ господину цѣну убитаго, а князю 12 гривенъ продажи, пенн, какъ за всякую порчу, истребленіе чужой собственности; какъ видно, господинъ имѣлъ право безнаказанно убить своего холопа, какъ безнаказанно могъ истребить всякую другую свою собственность. Произведенія или приобрѣтенія раба составляли

⁴⁾ Иолъ. Собр. Русск. Лѣт. III. — Смердъ слово славянское; въ польскомъ кошубскомъ Smirdъ значить бѣднѣйшій селянинъ.

собственность его господина. Холопь не могъ быть свидѣтелемъ при слѣдствіи дѣла; при нуждѣ позволялось сослаться на закупу.—Кромѣ означенныхъ состояній, встрѣчаемъ еще особый разрядъ людей подъ именемъ изгоевъ. Изъ одного позднѣйшаго свидѣтельства¹⁾ узнаемъ, какіе люди принадлежатъ къ этому разряду: сынъ священника, не умѣющій грамотѣ, холопь, выкупившійся изъ холопства, наконецъ задолжавшій купецъ. Изъ этого видимъ, что изгоемъ вообще былъ человекъ, почему-либо немогущій оставаться въ прежнемъ состояніи и не прикинувшій еще ни къ какому новому.

Князья были призваны для правды, вслѣдствіе того, что особные роды не могли безпристрастно разбирать дѣла при враждебныхъ столкновенияхъ своихъ членовъ; не было у нихъ и правды, говорили лѣтописецъ. Какъ разобрались роды,—намъ не извѣстно, но безъ всякаго сомнѣнія между ними бывали случаи мирнаго разбирательства и соглашенія, и эти случаи служили примѣромъ; но эти случаи, какъ видно, были довольно рѣдки, большею же частію столкновенія оканчивались враждебно, возстаніемъ рода на родъ, что и повело къ мысли о необходимости третьяго судьи. Если поэтому главное значеніе князя было значеніе судьи, разбирателя дѣлъ, исправителя кривдъ, то одну изъ главныхъ заботъ его былъ уставъ земскій, о которомъ онъ думалъ съ дружиною, старцами городскими, а послѣ принятія христіанства съ епископами,—и вотъ Ярославъ первому приписывается подобный писанный уставъ, подъ именемъ Русской Правды. Названіе Русской Правды получилъ этотъ уставъ, какъ видно, для отличія отъ уставовъ греческихъ, которые, по принятіи христіанства, имѣли такое сильное вліяніе на юридическій бытъ Руси²⁾. Русская Правда первыми строками своими напоминаетъ намъ о древнемъ бытѣ племени, какъ представляетъ его лѣтописецъ; но, въ то же время, указываетъ и на измѣненія, происшедшія въ этомъ быту послѣ призванія князей. При родовомъ, особиномъ бытѣ главная обязанность родичей состояла въ защитѣ другъ друга, въ мести другъ за друга; и если цѣлый родъ, какъ бы онъ ни былъ обширенъ и развѣтвленъ, составлялъ одно, одинъ союзъ, подъ властью одного родовачальника, то всѣ члены его, въ какихъ бы ни было степеняхъ, имѣли одинаково, эту обязанность. Въ Русской Правдѣ установлено, что въ случаѣ убійства родственникъ убитаго долженъ мстить убійцѣ; но эта обязанность ограничена извѣстными ближайшими степенями родства—знакъ, что родовой бытъ началъ уже ослабѣвать, что распространенію родовыхъ отношеній уже положена преграда. По Ярославову уставу, въ случаѣ убійства, братъ долженъ былъ мстить за брата, отецъ—за сына и, наоборотъ: дядя

за племянника съ братней и сестриной стороны. Въ случаѣ, если не было мстителя въ означенныхъ степеняхъ родства, то убійца платилъ князю пеню, вѣру, смотря по значенію убитаго, былъ ли то мужъ княжій, или слуга княжій, котораго способности князь дорого цѣнилъ³⁾, или простой человекъ: въ первомъ случаѣ убійца платилъ двойную вѣру (80 гривенъ), во второмъ простую (40 гривенъ), за женщину платилось полвиры. Такъ, спустя полтора вѣка послѣ призванія князей, въ судномъ уставѣ еще сохранена мечь, родовое самоуправство, остатокъ родовой особности, самостоятельности; но при этомъ мы видимъ, во первыхъ, что родовая мечь ограничена ближайшими степенями родства; во вторыхъ, что въ случаѣ отсутствія родича-мстителя убійца долженъ вознаграждать общество за убійство одного изъ его членовъ. Но если правительство брало съ убійцы денежную пеню, денежное вознагражденіе, то было ли въ обычаѣ, что родичъ-мститель могъ отказаться отъ своего права мстить убійцѣ, взявъ съ него денежное вознагражденіе? На этотъ вопросъ Русская Правда не даетъ намъ отвѣта; изъ ея молчанія позволительно предположить, что подобныя соглашенія были мало употребительны, могли считаться постыдными для родичей; и Германцевъ они употреблялись, но не всегда: такъ въ одной сагѣ читаемъ, что отецъ, отвергая денежный откупъ за убійство сына своего, говоритъ: „Я не хочу моего убитаго сына носить въ денежномъ кошелькѣ“⁴⁾. Обративъ вниманіе на большую крѣпость родовой связи у нашихъ племенъ въ описываемое время, чѣмъ у Германцевъ, можно допустить, что подобныя чувства были у насъ господствующими.

Мы видѣли, что послѣ родовой мести существовала также общественная пеня въ томъ случаѣ, когда не будетъ мстителя; но если при послѣднемъ обстоятельствѣ убійство будетъ совершено и убійца скроется, то правительство чрезъ это лишается иры; для предотвращенія такого лишенія въ означенномъ случаѣ ира платилъ цѣлымъ округомъ, вѣрвь ю⁵⁾, гдѣ совершено убійство; такая ви-

³⁾ Такъ напр., великій князь Изяславъ ваялъ двойную вѣру за убійство своего старшаго конюха, что занесено въ Правдѣ уже какъ правило на будущее время: «А конюхъ старый у стада 80 гривенъ, яко установилъ Изяславъ въ своемъ кошель, его же убилъ Дорогобудыца.

⁴⁾ Müller—Sagabibliothek, I, 344.

⁵⁾ Вѣрвь, слово славянское, означаетъ и физически и нравственно: связь, вѣрвь, веревка, союзъ; въ сербскомъ врьвникъ значитъ родной, въ хорут.—святъ. См. Срезнев. Мысли объ исторіи русскаго языка. Врьвникъ происходитъ отъ физик. вѣрвь, веревка, какъ ужикъ отъ уже—веревка. Мы думаемъ, что наше вѣрвь получило названіе отъ верви, веревки, которую обыкновенно употребляли при земельномъ измѣреніи: «отняли, государь, у насъ деревенку въ кырацѣ курьи, дворъ и дворщиче; а наши, государь, въ ней пять веревочъ». (Акты Юридическіе № 23); или въ правой грамотѣ 1535 года: «Станъ предъ судьями, старецъ Іона и отвѣтчики Папкртъ и его товарищи тако рекли: дайте, господине, намъ дѣловальника Гаврипа Квоилова зюмаи вѣрви т.и. и старецъ Іона Папкрата и его товарищовъ двду третехъ въ

¹⁾ Мѣсто, найденное г. Бѣляевымъ въ уставѣ великаго князя Всеволода, хранящемъ въ библиотецѣ г. Ногодина. См. изслѣдованія М. Ногодина т. III, стр. 408.

²⁾ См. подробности въ сочиненіи Калачева—Изслѣдованіе о Русской Правдѣ, 1846.

ра называлась общею, или дикою вирою. Вервь не платила въ томъ случаѣ, когда находили въ ней только кости, свидѣтельствовавшія о давности преступленія, не платила также за мертвеца, о которомъ никто не зналъ. Это установленіе дикоѣ виры встрѣчаемъ мы и въ другихъ новородившихся обществахъ, въ которыхъ правительственный организмъ еще незрѣлъ; при такомъ состояніи общества, полицейскія обязанности обыкновенно поручаются отдѣльнымъ округамъ, которые и отвѣчаютъ за всякій безпорядокъ, въ нихъ случившійся. Подъ дикою вирою разумѣлось также общее поручительство, по которому все или нѣкоторые жители верви обязывались, въ случаѣ если одинъ изъ нихъ совершитъ убійство, помогать ему въ платежѣ виры. Существовалъ ли обычай дикоѣ виры въ описываемое время, или явился позднѣе? Обязанность верви схватить и представить убійцу, или платить за него виру, въ случаѣ если не отыщутъ его, бесспорно являлась вмѣстѣ съ опредѣленіемъ съ вирахъ; труднѣе рѣшить, когда явился обычай дикоѣ виры въ видѣ со товарищества для вспоможенія убійцѣ платить виру: если этотъ обычай существовалъ въ описываемое время, то долженъ былъ особенно усиливаться послѣ Ярослава, когда мѣсть была окончательно замѣнена вирами. Правда различаетъ разбойничество, когда чловѣкъ убилъ другого безъ всякой вражды, отъ убійства по враждѣ, въ пылу ссоры, драки. Дикая вира относительно разбойника не могла имѣть мѣста; за разбойника люди не платили, но отдавали его съ женою и дѣтьми князю на потокъ (изгнаніе), дожь его отдавался на разграбленіе. Различіе разбойничества отъ убійства въ ссорѣ, по враждѣ, должно было существовать въ описываемое время: трудно себѣ представить, чтобы безразличность между этими двумя дѣйствіями могла удержаться долго послѣ принятія христіанства, когда уже при Владимірѣ мы видимъ, что епископы наставляютъ на необходимости казнить разбойниковъ, съ испынаніемъ однако; уже этотъ совѣтъ духовенства испытывать, обращать вниманіе на обстоятельства и побужденія, вель необходимо къ означенному въ Правдѣ различію между разбоемъ и убійствомъ въ ссорѣ, на ширю, въ нетрезвомъ видѣ; кромѣ того уверилъ: а во се господине память вереваня передь нами.. Память веревничковъ выверели въ Архангельской деревни поддружинадаты веревки Горнихъ земель и Юромоскихъ земель всахъ».—Подобный обычай былъ въ употребленіи у многихъ народовъ. Израильяне, Греки, Германцы, Скандинавы мѣряли земли также вервями. Ис. Навин 17, 5, 14; Herod. I, 66, Strinholm—Wikingszuge, I, 125. Какъ у насъ имя орудія мѣры вервь перешло и къ отмѣренной землѣ, такъ точно видимъ и у Евреевъ; въ книгѣ Иисуса Навина читаемъ (17, 14): «Противу рѣки же сѣмове Иосифову Иисусу, глаголюще: почто на сѣдѣннвалъ еси пасъ жребіемъ единамъ и ужомъ единамъ». То же самое видимъ и у Римлянъ: у нихъ для измѣренія земель употреблялся шесть или жердь—perica (perische); perica же означаетъ и отмѣренную землю.—Вира также слово славянское: въ хорутанскомъ вира значитъ вольная овѣнка, вольный переходъ; за вирити—обязать задаткомъ; вировати—обвинити.

го, естественно было для общества требовать, чтобы чловѣкъ явно вредный, грозящій каждому гибелью, былъ исключасмъ изъ общества, не могъ въ немъ долѣе оставаться. Также должно было общество изначала смотрѣть и на зажигательство двора или гумна: зажигатель долженъ былъ заплатить за вредъ, причиненный пожаромъ, и потомъ осуждался также на потокъ, а дожь его оставался на разграбленіе.

Относительно увѣчій такое же постановленіе, какъ и относительно убійства: обиженный можетъ отомстить за себя обидчику тѣмъ же—ударъ за ударъ, увѣчье за увѣчье; если же не можетъ мстити, то беретъ себѣ денежное вознагражденіе и плату лѣкарю; въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавляется, что князь получаетъ при этомъ пеню, или продажу. Увѣчье и вознагражденіе за него различались смотря по тому, какии образомъ оно будетъ нанесено; также смотря по тому, могъ ли излѣчиться поврежденный членъ или нѣтъ, и по важности члена; обидою считалось дѣйствіе, въ которомъ обнаружилось намереніе нанести побой и увѣчье.—Относительно кражи похищенный обязанъ былъ возратить похищенное и платить известную сумму за обиду, смотря по цѣнности уграденнаго; исключеніе составляетъ въ нѣкоторыхъ спискахъ коневыятать, котораго мѣръ выдавалъ князю на потокъ. Въ числѣ похищеній чужой собственности полагался уводъ, укрывательство бѣлаго холопа, помощь, оказанная ему во время бѣгства, истребленіе при поимкѣ. Упоминаются случаи порчи, истребленія чужой собственности. Большую пеню платили за поврежденіе межевыхъ знаковъ. Убійство вора не считалось убійствомъ, если было совершено при самомъ воровствѣ, когда воръ еще не былъ схваченъ; но считалось убійствомъ, если воръ былъ убитъ связанный или во время бѣгства.

Правда (слѣдованіе дѣла, исправленіе зла) происходила слѣдующимъ образомъ: обиженный долженъ былъ представить свидѣтелей своей обиды; но ясные знаки побоевъ, увѣчья—признавались достаточнымъ свидѣтельствомъ; свидѣтель долженъ былъ говорить слово въ слово, какъ самъ жалующійся; прежде всего спрашивалось, кто первый началъ драться, и зачинщикъ платилъ пеню. Если придетъ жаловаться чловѣкъ съ женными признаками побоевъ, но явятся свидѣтели, которые покажутъ, что онъ самъ былъ зачинщикомъ драки, то онъ ничего не получаетъ съ противника и самъ не платитъ; побой взымаются ему въ платежъ. Свидѣтель долженъ быть чловѣкъ свободный; если не будетъ свободнаго, то по нуждѣ можно сослаться на боярскаго тѣна; въ маломъ искѣ по нуждѣ можно сослаться на закупня; впрочемъ истець могъ взять и холопа на свидѣтели; но въ такомъ случаѣ, если отвѣтчикъ, послѣ испытанія желѣзомъ, оправдается, то истець платитъ ему за то, что поклялся его по рѣчамъ холопа. Если не найдется свидѣтель, а обвиненіе будетъ въ убійствѣ, то обвиненный долженъ былъ подвергнуться испытанію

жельзомъ; это испытаніе употреблялось при обвиненіи въ воровствѣ, если полчищаго не было, и если дѣна украденной вещи была не менѣе подгривны золота; если же меньше, — то употреблялось испытаніе водою; если же дѣна похищеннаго была менѣе двухъ гривенъ серебра, то обвиненный присягалъ въ своей певинности. Обычай испытанія жельзомъ и водою у сосѣднихъ Руси народовъ существовалъ съ незапамятныхъ временъ, вельдствие чего мы и рѣшились отнести этотъ обычай къ описываемому времени. Какъ у насъ, такъ и у сосѣднихъ народовъ жельзо предписывалось только въ тяжкихъ обвиненіяхъ ¹⁾. Въ Богеміи подсудимый обязанъ былъ простоять пзвѣстное время на раскаленномъ жельзѣ, либо держать на немъ два пальца до тѣхъ поръ, пока совершитъ предписанную присягу. У Сербовъ обвиненный долженъ былъ опустить руку въ раскаленный котель, либо, выхвативъ жельзо изъ огня при дверяхъ храма, отнести его къ алтарю. Подвергнутой испытанію водою долженъ былъ сдѣлать нѣсколько шаговъ въ глубину рѣки; если онъ при этомъ робѣлъ и мѣшался, то проигрывалъ дѣло. Здѣсь начало пытки ²⁾. Когда обокраденный объявитъ немедленно о своей пронажѣ во всеуслышаніе на торгу, то по отысканіи своей вещи имѣлъ право взять ее, у кого нашелъ безъ всякихъ судебныхъ формъ, и тотъ, у кого найдена вещь, обязанъ заплатить хозяину за обиду, а князю продажу. Если же обокраденный не повѣститъ о своей пронажѣ на торгу и увидитъ ее у кого-нибудь другого, то не можетъ сказать ему: „это мое“, но обязанъ вести его на сводъ, чтобы тотъ указалъ, гдѣ взялъ вещь. Сводъ въ одномъ городѣ продолжался до конца, если же переходилъ черту города, то останавливался на третьемъ отвѣтчикѣ, который долженъ былъ платить истцу деньгами, а самъ бралъ вещь и отыскивалъ снова похитителя; при отысканіи раба сводъ шелъ во всякомъ случаѣ только до третьяго отвѣтчика, который отдавалъ истцу своего раба вмѣсто украденнаго, а самъ отыскивалъ настоящаго вора. Сводъ изъ своего города въ чужую землю не было; но отвѣтчикъ могъ только представить свидѣтелей или мытника (сборщика торговыхъ податей), при которыхъ купилъ пскъ, послѣ чего истецъ бралъ свою вещь, не получая никакого вознагражденія за то, что вмѣстѣ съ нею пропало, а отвѣтчикъ терялъ деньги. То же самое происходило, когда отвѣтчикъ хотя и могъ посредствомъ двухъ свободныхъ свидѣтелей или мытника доказать, что онъ дѣйствительно купилъ вещь или раба, но не знаетъ у кого именно; по отысканіи же своего продавца, онъ могъ взять съ него свои деньги, и послѣдній обязанъ былъ удо-

вѣтворить перваго истца за то, что у него пропало вмѣстѣ съ краденымъ. Если хозяинъ замѣтитъ покражу, а воръ уже убѣжалъ, то съ свидѣтелями и съ чужими людьми онъ гонится по слѣдамъ вора; если слѣдъ приведетъ къ селу или шатру (товару), и жители села или владѣтели шатра не отвѣдутъ отъ себя слѣду, не пойдутъ на слѣдъ или станутъ отбиваться, то должны платить и дѣну украденной вещи, и продажу князю; если же слѣдъ исчезнетъ на большой дорогѣ, гдѣ шѣтъ ни людей, ни жилищъ ихъ, то никто не платитъ. Въ разныхъ спискахъ Правды встрѣчаемъ уставы о процентахъ (рѣзѣ), существовавшіе до Владимира Мономаха и при немъ изданные, о поклажѣ (дачѣ имуществу на сохраненіе); о долговыхъ взысканіяхъ: если заимодавецъ станетъ требовать съ должника своихъ денегъ, а тотъ запрется, что не бралъ, то заимодавецъ выводитъ свидѣтелей, которые, если присягнутъ, что искъ его правый, то должникъ платитъ взятые деньги, и, кромѣ того, за обиду; въ нѣкоторыхъ же спискахъ говорится: „если кто чего взыщетъ на другомъ, и послѣдній начнетъ запыраться, то иди ему на изводъ предъ 12 мужей“. Если купецъ, взявши въ долгъ деньги, потерпитъ убытокъ отъ кораблекрушенія, рати или огня, то заимодавецъ не имѣетъ права требовать съ него денегъ вдручъ: онъ выплачиваетъ имъ понемногу; если же должникъ проплется или пробьется (вѣроятно, если потеряетъ имущество на вѣры или платежи за побой), или своимъ нерадѣніемъ погубитъ чужое имущество, то отъ заимодавцевъ зависитъ — ждать уплаты или продать должника. Если послѣдній будетъ долженъ многимъ, то заимодавцы могутъ вести его на торгъ и продать; вырученными деньгами прежде всего удовлетворяются иностранные купцы, гости, остальное дѣлятъ свои заимодавцы; если же на должника будутъ княжьи деньги, то князь удовлетворяется прежде всѣхъ.

О наследствѣ въ Русской Правдѣ встрѣчаемъ слѣдующія статьи: если умретъ простой человекъ, смердь, и сыновей у него не будетъ, то имущество его переходитъ къ князю; если останутся у него дочери, то давать часть на нихъ, какую — не сказано, — впрочемъ она зависѣла отъ князя; если же дочери будутъ замужемъ, то не давать имъ части. Если умретъ бояринъ или дружинникъ, то имѣніе нейдетъ къ князю; но если не будетъ сыновей, то дочери возьмутъ. Послѣ признанія князей, въ городахъ родоначальника замѣнилъ князь — Рюрикъ-вичъ, имѣніе бездѣтнаго смерда переходило въ распоряженіе князя, дочь наследовала по старому обычаю, ибо ея назначеніе было оставить своей родъ для чужого; незамужняя женщина не могла быть самостоятельной владѣлицею, самостоятельнымъ членомъ общества, какъ прежде не могла быть самостоятельнымъ членомъ рода. Что имѣніе могло идти только къ сыновьямъ, а не въ боковыя линии, это было необходимо въ описываемое время: родичъ, выдѣлившійся изъ рода, прерывалъ съ послѣднимъ всякую связь, — ни онъ не имѣлъ права вступаться

¹⁾ См. переводъ статьи Палацкаго — Сравненіе законовъ царя Стефана Душана, въ Чтеніяхъ Москов. Истор. Общ. 1846, № 2.

²⁾ Рядъ земскаго Чешскаго права говоритъ ясно: *Credo quod jus recipiendi candens ferrum plus fuit institutum propter terrorem et poenam quam propter aliquam temptationem Dei, ut a talibus (crimibus) eo perterriti facilius cessarent.*

въ общую родовую собственность, ни остальные родичи также не имѣли права вступиться въ его имущество. Такое рѣзкое выдѣленіе было необходимымъ слѣдствіемъ твердости родовой связи: кто нарушалъ эту связь, тотъ нарушалъ ее совершенно, становился совершенно чужимъ, ничего средняго быть не могло. Такимъ образомъ, означенное положеніе Русской Правды о наслѣдствѣ служитъ признакомъ только-что начавшагося перехода отъ родового быта, когда еще не выработались отношенія по одной кровной связи, безъ всякаго отношенія къ единству рода и къ общему владѣнію родовой собственностью: можно выразиться такъ, что это положеніе Русской Правды знаменуетъ переходъ отъ родовыхъ отношеній къ родственнымъ. Такъ какъ выдѣлы изъ родовъ по означеннымъ выше причинамъ должны были происходить въ описываемый періодъ преимущественно въ городахъ, то мы и почли приличнымъ упомянуть здѣсь о положеніи Русской Правды относительно наслѣдства, тѣмъ болѣе что положеніе ея о наслѣдствѣ послѣ дружинника безспорно носитъ признаки глубокой древности. Мы замѣтили, что имущество простого человека, смерда, шло къ князю, потому что князь, Юрийовичъ, замѣнялъ для смерда прежняго князя — родоначальника: по воле не таково было отношеніе дружинника къ князю. Дружинникъ былъ вольный слуга князя: первоначальную дружину составляли пришельцы Варяги, которые могли оставаться въ службѣ князя, сколько хотѣли; они получали содержаніе отъ князя за свою службу; они не входили вмѣстѣ со смердами въ составъ общества: они составляли особое отъ общества тѣло, которое общество содержало для собственной защиты; отсюда казна общественная или княжеская не могла брать имущества умершаго дружинника, которое представляло не иное что какъ жалованье, полученное дружинникомъ за службу князю и землѣ. Вольный дружинникъ, вступая въ службу князю, никакъ не могъ согласиться, чтобы добытое имъ имущество на службѣ по его смерти отнималось у его дочерей и переходило къ обществу, къ которому онъ могъ имѣть только временное отношеніе; при этомъ очень часто могло случаться, что имущество это было имъ накоплено въ другихъ странахъ, на службѣ другому князю, другой землѣ. Мы назвали этотъ обычай, относительно боярскаго наслѣдства, древнимъ, отнесли его къ описываемому періоду именно потому, что онъ предполагаетъ особенность дружинника, какъ пришлеца, могущаго быть только временнымъ слугою княжескимъ: это же отношеніе особенно было сильно въ началѣ нашей исторіи. Изъ остальныхъ положеній о наслѣдствѣ въ Русской Правдѣ читаемъ о правѣ отца при смерти дѣлать домъ свой дѣтямъ; если же умретъ безъ завѣщанія (безъ рѣды), то имѣніе идетъ всемъ дѣтямъ, которыя обязаны дать часть по душѣ умершаго: дворъ отцовскій всегда идетъ меньшому сыну. Сестра при братьяхъ не получала наслѣдства, но послѣдніе обязывались выдать ее замужъ. Же-

на, если остается жить съ дѣтьми, имѣетъ право на часть наслѣдства; но когда мужъ назначилъ или далъ ей особый участокъ изъ своего имущества, то она уже не наслѣдуетъ вмѣстѣ съ дѣтьми. Мать можетъ раздѣлять свое имущество между всеми сыновьями, или же отдать его кому-нибудь одному, даже одной дочери; но если она умретъ, не распорядившись, то наслѣдство послѣ нея получаетъ тотъ, у кого она жила въ домѣ, кто ее кормилъ и у кого она умерла. Изъ дѣтей отъ двухъ разныхъ отцовъ тѣ и другія получаютъ только наслѣдство послѣ своего отца; а если они отъ разныхъ матерей, — то наслѣдство послѣ своей матери. Если мать малолѣтнихъ сиротъ пойдетъ замужъ, то они съ наслѣдствомъ своимъ поступаютъ въ опеку къ ближайшему родственнику; отчимъ также могъ быть опекуномъ. Опекунъ бралъ имѣніе малолѣтнихъ передъ добрыми людьми и впоследствии обязанъ былъ возвратитъ его въ цѣлости, вмѣстѣ съ приплодомъ, отъ скота и челяди, имѣя право удержать у себя только проценты или торговую прибыль, въ награду за свои попеченія. Если жена, давши слово сидѣть по смерти мужа съ дѣтьми, растеряетъ имущество послѣднихъ и пойдетъ замужъ, то должна выплатитъ дѣтямъ все ею потерянное. Жена имѣетъ право оставаться по смерти мужа въ его домѣ съ дѣтьми, и послѣднія не смѣютъ этому противиться. О незаконныхъ дѣтяхъ встрѣчаемъ слѣдующее положеніе: „если будутъ у мужа дѣти отъ рабы, то они не имѣютъ доли въ наслѣдствѣ, но получаютъ свободу вмѣстѣ съ матерью“. Очень важно было бы знать время появленія этого устава. Вѣроятно духовенство съ самаго начала старалось полагать различіе между законными и незаконными дѣтьми; но сомнительно, соблюдалось ли строго это различіе во времена Ярослава. Любопытно, что уставъ обращаетъ вниманіе на дѣтей отъ рабы, признаетъ ихъ, хотя несовершенно; хотя лишаетъ ихъ наслѣдства, однако даетъ имъ свободу вмѣстѣ съ матерью. Полное признаніе незаконности ихъ не допустило бы уставъ обратитъ на нихъ вниманіе.

На комъ лежала обязанность приводить судебный приговоръ въ исполненіе, то-есть подвергать виновнаго наказанію, собирать пеню, получать судебныя пошлины, взыскивать частное вознагражденіе, и какія средства можно было употреблять въ случаѣ сопротивленія со стороны осужденнаго, — на все это имѣть достаточныхъ указаній въ Русской Правдѣ. Но изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ о важномъ значеніи при судѣ тиуна княжескаго, отъ котораго зависѣло рѣшить дѣло — право или неправо, наложить справедливую или несправедливую пеню, откуда заключаемъ, что тиунъ былъ приставникомъ княжескимъ при судѣ, обязаннымъ смотрѣть за исполненіемъ устава. Кромѣ того, при судопроизводствѣ упоминаются еще слуги княжескіе съ разными названіями — ябедника, вирника, метельника, мечника (кажется одно и то же), дѣтекаго, отрока (кажется одно и то же); встрѣ-

чаемъ и писца; въ пользу этихъ лицъ установлены были особыя судныя пошлины; кромѣ того, во время слѣдствія дѣла они получали содержаніе на счетъ жителей того мѣста, гдѣ производилось слѣдствіе. Наконецъ въ Правдѣ встрѣчаемъ статьи, которыми опредѣляется пеня за то, если подвергнуть мукѣ, тѣлесному истязанію огнищанина, тиуна, мечника или простаго человѣка смерда, безъ княжескаго приказанія: слѣдовательно, эти люди могли подвергаться тѣлесному истязанію по приказу княжескому. Какъ поступалъ князь съ людьми, входившими въ столкловеніе съ его властью,—видно изъ поведенія Ярослава съ дядею его, новгородскимъ посадникомъ Константиномъ Добрышнцемъ,

Разсмотрѣвъ содержаніе Русской Правды, во сколько, при настоящей, очень неудовлетворительной обработкѣ этого памятника, можно имъ воспользоваться, мы обратимся теперь къ правамъ эпохи, какъ они представляются намъ Правдою и лѣтописью. Кровавая месть, частая возможность убійства въ ссорѣ, на пирахъ, поступки Игоря съ Древлянами и Древлянъ съ нимъ, мщеніе Ольги, умноженіе разбоевъ при Владимірѣ, поступки Добрыни въ Полодкѣ съ семейю Роговолода, потомъ съ Ярополкомъ, поведеніе Святополка: вотъ нравы языческаго общества. Скорость къ обидѣ и скорость къ мести, преобладаніе физическихъ стремленій, мало сдерживаемыхъ религіозными и нравственными законами; сила физическая на первомъ планѣ,—ей весь почетъ, всѣ выгоды; богатырь, котораго сила доведена въ народномъ воображеніи до чудовищныхъ размѣровъ,—вотъ герой эпохи. Въ битвахъ личная, матеріальная сила преобладаетъ; отсюда видимъ частія единоборства, въ которыхъ оружія не употребляются: борются обыкновенно, схватывая другъ друга, желая раздавить или ударить о землю; оружіе—это уже человѣческое, искусственное, замѣняющее животную силу; при владѣніи оружіемъ требуется ловкость, искусство. Съ выдѣлкою оружія въ древности соединяли всегда понятіе о мудрости, хитрости; въ сѣверныхъ преданіяхъ оружіе куютъ обыкновенно карлы—волшебники: эти существа лишены матеріальной силы, и, несмотря на то, оружіе, произведеніе ихъ искусства, имъ духовной дѣятельности, дѣлаетъ героевъ непобѣдимыми. Но должно замѣтить, что одну животную силу и единоборство любятъ употреблять преимущественно восточные варвары: такъ Печенѣги вызываютъ на единоборство Русскаго; такъ Редедя, князь Касожскій, вызываетъ Мстислава; азіатскія понятія высказываются въ томъ, что вожди въ поединкахъ рискуютъ счастьемъ, свободою семейства и подданныхъ. Высшую богатырскую природу, выснія стремленія выставляетъ Европа, Русь—въ лицѣ Святослава. Преданіе не говоритъ о его страшной физической силѣ, оно говоритъ о крѣпости духа, которая заставляла тѣло переносить всякаго рода лишенія; это герой дѣятельности, движенія: онъ ходитъ легко, какъ барсъ; онъ противоположенъ тѣмъ сказочнымъ богаты-

рямъ, которые не двигаются отъ избытка матеріальной силы. Святославъ собственно не богатырь, онъ вождь дружины, которая похожа на него; онъ любитъ оружіе, онъ отказывается отъ поединка съ Цимискиемъ; онъ первый между дружинниками, бьется въ челѣ ихъ, но не отдѣляется отъ нихъ, не существуетъ безъ нихъ, живетъ и умираетъ съ ними. Святославу вторичъ Вышата: „Живъ ли буду—съ дружиною; погибну ли—вмѣстѣ съ нею“. Вообще, въ преданіяхъ, занесенныхъ въ лѣтопись, безъ труда можемъ замѣтить эту борьбу Востока съ Западомъ, Азіи съ Европою: борьба происходитъ за Дономъ, часто за Днѣпромъ, подлѣ самаго Кіева; но вездѣ видимъ характеристическія черты борющихся сторонъ: со стороны Азіи выходитъ громадный Печенѣгъ, со стороны Руси — Янь Усмошвецъ, человѣкъ по наружности очень обыкновенный, незначительностью своего вида возбуждаетъ насмѣлки великана, но побѣждаетъ его. Редедя, князь Касожскій, вызываетъ Мстислава на поединокъ: Мстиславъ чувствуетъ уже, что противникъ одолеваетъ его, и однако Русскій князь побѣждаетъ Азіятца, побѣждаетъ духовною силою, вѣрою. Но, какъ бы то ни было, мы видимъ повсюду проявленія матеріальной силы: ей первое мѣсто, ей почетъ отъ князя до простолюдина; чрезъ нее простолюдинъ можетъ сдѣлаться великимъ мужемъ, какъ сдѣлался Янь Усмошвецъ; она вѣрное средство для пріобрѣтенія славы и добычи. При господствѣ матеріальной силы, при необузданности страстей, при стремленіи юнаго общества къ расширенію, при жизни въ постоянной борьбѣ, въ постоянномъ употребленіи матеріальной силы—правы не могли быть мягки; когда силою можно взять все, когда право силы есть высшее право, то конечно сильный не будетъ сдерживаться предъ слабымъ: „Съ дружиною пріобрѣту серебро и золото“, говоритъ Владиміръ, и тѣмъ указываетъ на главное, вѣрнѣйшее средство къ пріобрѣтенію серебра и золота; они пріобрѣтались оружіемъ, пріобрѣтались сильнымъ на счетъ слабого. Князья идуть на Грековъ, чтобы взять золото, драгоцѣнности; если съ дружиною можно было пріобрѣсть богатство, то богатство необходимо было для содержанія дружины; хорошимъ княземъ считался тотъ, который ничего не щадилъ для дружины; дружина Игоря требуетъ, чтобы князь шель съ нею въ дань; Игорь и дружина его прямо объявляютъ, что цѣль ихъ похода—золото, что если Греки дадутъ имъ его, то имъ больше ничего не нужно; дружина Владиміра жалуется, что князь кормитъ ее съ деревянныхъ ложекъ. Славные подвиги нужны были для богатства, богатство нужно было для совершенія славныхъ подвиговъ: обѣ страсти питали одна другую. Но при этомъ мы видимъ однако, что въ образцѣ тогдашняго героя чистое корыстолюбіе, страсть къ богатству для богатства было осуждено: такъ Святославъ не обращаетъ вниманія на богатые подарки Императора и любитъ однимъ оружіемъ; простота, презрѣніе къ роскоши

выставлены въ Святославъ какъ достоинство; добрый князь не можетъ быть скупымъ, онъ не щадитъ ничего для дружины: таковъ Владиміръ и сынъ его Мстиславъ. Несмотря на уваженіе къ силѣ, она не считалась единственно позволеннымъ средствомъ къ торжеству; хитрость цѣнилась также высоко, считалась мудростью; перехитрить, и переклюкать, было тоже подвигъ. Легко понять, что всѣ природныя стремленія сильнаго не знали границъ при возможности удовлетворить имъ, таково женолюбіе язычника Владиміра. Богатыри послѣ подвиговъ силы не знали другихъ наслажденій, кромѣ матеріальныхъ: „Руси есть веселіе пити“, говоритъ Владиміръ; въ преданіи съ восторгомъ говорится о количествѣ блюдъ на пирахъ этого князя.

Мы видѣли, какъ законъ слабо содерживалъ проявленіе матеріальной силы, позволяя частную месть или выкупъ деньгами. Представляла ли славянская языческая религія какое-нибудь противоборство имъ? — кажется, никакого. Одно только нравственное противоборство могла представить власть родительская; любопытенъ разсказъ старика, отца Усмишцева: „однажды, говоритъ онъ, я бранилъ своего младшаго сына, и тотъ въ сердцахъ разорвалъ воловью кожу“. Вотъ вѣрная картина быта! Богатырь прииждень выслушать укоры старика отца; матеріальная сила кипитъ, просится вошь, но сдерживается, и оказывается только въ безмысленномъ гнѣвѣ на невинную вещь. Игорь покорствуетъ Олегу, ходитъ по нему, какъ сынъ; Святославъ сердится на мать за совѣты принять христианство, но отговаривается дружиною; Владиміръ повинуется дядѣ Добрынь, посылаетъ сказать Влуду, что будетъ имѣть его вмѣсто отца, — большаго выраженія для чести и власти не было. — Присобладаніе матеріальной силы, разумѣется, не могло условливать уваженія къ слабѣйшему полу вообще; но, при отсутствіи опредѣленной, женщина могла, пользуясь иногда своимъ преимуществомъ духовнымъ, а иногда даже и силою матеріальною, играть важную роль; мѣрѣйшею изъ людей въ описываемый періодъ является женщина — Ольга, которая правитъ Русью во время малолѣтства Святослава, да и послѣ совершеннолѣтія. Женщины провожаютъ мужей своихъ на битвы; гѣбши, содержаніе которыхъ относится ко временамъ Владиміра, упоминаютъ о женщинахъ чародѣйкахъ. По свидѣтельству тѣхъ же гѣбешъ, женщины участвовали вмѣстѣ съ мужчинами въ пирахъ княжескихъ, похваляясь своею хитростью, мудростью; с т ы д л и в о с т и мало въ ихъ бесѣдахъ, выходки матеріальной силы и тутъ на первомъ планѣ ¹⁾. — Владиміръ совѣтуется со

своею женою Анною о церковномъ уставѣ; княгини имѣютъ своя волости, содержатъ свою дружину, спорятъ съ мужьями, кто наберегъ храбрѣйшихъ дружинниковъ. Рогволодъ Полоцкій отдастъ дочери на рѣшеніе, за кого она хочетъ выдти замужъ; Предслава переписывается съ Ярославомъ о поступкахъ Святополковыхъ. — Въ такомъ состояніи застало нравы новорожденнаго русскаго общества христианство, о вліяніи котораго будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

Теперь обратимся къ обычаямъ. Мы не знаемъ, какіе обряды совершались при рожденіи ребенка; знаемъ изъ лѣтописи и изъ Правды, что къ дѣтямъ приставлялись кормильцы, или воспитатели, упоминаются также кормилицы, трудно рѣшить, въ какомъ значеніи принимались послѣднія, въ одномъ ли нашемъ тѣсномъ значеніи женщины, кормящихъ грудью ребенка, или въ обширномъ значеніи нянекъ, точно такъ, какъ воспитатели, пѣстуны мужчины назывались кормильцами. Князья женились рано: Владиміръ, будучи очень молодъ, сватался на Рогнедѣ, но уже прежде былъ женатъ на матери Вышеслава. Изъ подробностей брачныхъ обычаевъ мы знаемъ только четыре: сватовство — женихъ обращался къ отцу невѣсты съ предложеніемъ; невѣста въ день свадьбы одѣвалась въ лучшее платье, князя во всю утварь царскую; упоминается объ обычѣ разуванія мужа молодою женою, — обычѣ, который находимъ одинаково у племенъ славянскихъ и литовскихъ; наконецъ знаемъ, что за жену платилось вѣно. — Мертвыхъ погребали на горахъ, насыпали курганы надъ могилами, совершали тризны. Византійскій историкъ такъ описываетъ погребеніе воиновъ Святославовыхъ ²⁾. „Ночью, при появленіи полной луны, непріятель (Руссы) вышелъ изъ города на поле сраженія, собрали тѣла своихъ убитыхъ и сожгли ихъ на многихъ кострахъ, расположенныхъ у стѣны; въ то же время они умертвили, по своему обычаю, множество плѣнныхъ мужчинъ и женщинъ, утопили въ Дунаѣ грудныхъ младенцевъ и пѣтуховъ.“ Арабскіе писатели говорятъ, что Славяне и Руссы жгли своихъ мертвецовъ съ разными пожитками, живот-

Голова на плечахъ не держится,
Она больно Марина похвалается:
«Гой еси ты, княгини, боярину!
Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ
А и ять меча хитрѣя, мудрѣя,
А и я де обернула десять молодцовъ,
Сильныхъ могучихъ богатырей, гнѣдими турами»
и проч.

Пли, стр. 148:

Въ стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова, Осударь, князя Владиміра,
Было пиrowанье, почетной пиръ,
Было столованье, почетной столъ,
Много было у князя Владиміра
И князей и бояръ, и княженецкихъ жепъ.

²⁾ Leo Diac. I, IX. Тѣло Владиміра спустили на землю на каютахъ, проломивши полъ; такой обычай видѣли въ древней Скандинавіи. См. Weinhold's Altnordisches Leben, 476.

¹⁾ Древняя Росс. стихотворенія К. Даннлова, стр. 67:

У великаго князя вечерника была,
А сидѣли на пиру честныя вдовы...
Промежду собою разговоры говорятъ,
Все были рѣчи прохладныя. —
Не отколь вялася тутъ Марьяна Игнатьевна,
Водилась съ дѣтятиами княженецкими,
Она больно Марина ушивалася,

ными и женами.—Жилища носили разныя названія; упоминаются терема: такъ въ Киевѣ была каменный теремъ княжеской со дворохъ; онъ состоялъ изъ разныхъ покоевъ, между которыми была гридница, комната, куда собиралась дружина для пировъ и, вѣроятно, для совѣта. Подъ именемъ терема въ обширномъ смыслѣ разумѣли, какъ видно, то, что мы теперь называемъ дворцомъ, большое, видное по своей красотѣ зданіе. Общее названіе для дома было хоромы, состоявшія изъ теплаго жилья—пзбѣ и холодныхъ, лѣтнихъ покоевъ—кѣтѣй. Загородные, лѣтніе дворы, какъ напримѣръ Берестовскій Святого Владиміра¹⁾; въ хоромахъ напередѣ придѣлывались сѣни или крыльца на столбахъ, что видно изъ описанія мученической кончины двухъ Варяговъ²⁾. Около хоромахъ были дворы, огороженные заборомъ³⁾. Кроме кѣтѣй, упоминаются одрины—спальни (отъ одръ—ложе), вежи (чердаки, вышки), голубятни (голубинки⁴⁾); изъ службъ упоминаются бани и медунни (гдѣ берегли медъ). Изъ утварей встрѣчаемъ названія—одръ (кровать), столъ въ значеніи княжескаго сѣдалища, что теперь престолъ; обыкновенно лавки въ пѣсляхъ называются бесѣдами; въ лѣтнихъ упоминается Пасынча бесѣда. Упоминаются козры, которыми, вѣроятно, покрывали болѣе столы и лавки, чѣмъ полы. Изъ названія платья встрѣчаемъ порты въ обширномъ и тѣсномъ значеніи; изъ верхняго платья упоминаются корзны и луды (снани); къ одеждѣ отнесли мы перегибы и сусуны, въ которыхъ величались древлянскіе послы; упоминаются убрusy—платки. Обувь употреблялась та же, что и теперь—сапоги и лапти. Материаломъ для одежды служила ткань, паволоки греческія, льняныя и шерстяныя самодѣльныя, мѣха. По описанію Льва Діакона, Святославъ, при свиданіи съ Цимискиемъ, какъ видно, былъ въ одной рубашкѣ; въ одномъ ухѣ вѣта была золотая серга съ двумя жемчужинами и рубиномъ; о корзѣ, плащѣ или кафтанѣ, который надѣвался въ одинъ рукавъ, а на другое плечо только накидывался, говоритъ арабскій писатель Ибнъ-Фоцланъ; такъ поносятъ верхнюю одежду любить до сихъ нашъ народъ. По свидѣтельству Арабовъ, русскія женщины носили на груди маленькія корбочки изъ разныхъ дорогихъ

и недорогихъ металловъ, смотря по достатку мужа; на корбочкѣ было кольцо, къ кольцу привязывался большой ножъ; на шеѣ женщины носили золотыя и серебряныя цѣпи, также ожерелья изъ зеленого бисера. Носить усы и бороду было въ обычаѣ: Русская Правда упоминаетъ о ихъ поврежденіи; о Святомъ Борисѣ говорится, что у него, какъ у юноши, усы и борода были малыя.—Изъ конской сбруи упоминаются въ лѣтописи сѣдла и узды. Для ѣзды употреблялись в озы въ смыслѣ нынѣшнихъ повозокъ, и кола въ смыслѣ нынѣшнихъ дрогъ или дровенъ. Названіе „саин“ употреблялось одинаково для зимней и лѣтней повозки⁵⁾. Въ пищу употребляли хлѣбъ, мясо дикихъ животныхъ, домашняго скота, между прочимъ конское, рыбу, овощи, сыры, кисели изъ пшеницы, отрубей, овса, кисельный растворъ назывался цѣжью (отъ цѣдитъ⁶⁾); кисель ѣли съ сытою. У князей были повара; мясо варили въ котлахъ, пекли на угольяхъ; посуда была: калы, лука (лукошки), ведра, котлы⁷⁾, корчаги, бочки, ложки (деревяныя и серебряныя), ножи; упоминаются колодцы. Пили вино, медъ, квасъ. Изъ увеселеній упоминаются охота, рыбная ловля и пиры. Если принимать свидѣтельство Русской Правды для описываемаго времени, то охота была псовая, истребная и сокольная; животныя эти дорого цѣнились. Любили бани, преимущественно, какъ видно, на сѣверѣ; южные жители смѣялись надъ пристраченіемъ сѣверныхъ къ банямъ⁸⁾.

Занятіе жителей составляли: земледѣліе⁹⁾; жители городовъ воздѣлывали пшвы и земли свои. На скотоводство указываютъ слова Древляны: „Если повадится волкъ къ овцамъ, то выноситъ стадо“; Константинъ Вагрянородный говоритъ, что Руссы покупаютъ рогатыя скоты, лошадей и овецъ у Печенѣговъ, потому что эти животныя не разводятся въ Россіи. Слова эти можно понимать такъ, что количество рогатаго скота и овецъ, питаемыхъ племенами, было недостаточно для потребленія собственнo Руссовъ, которые должны были покупать скотъ у Печенѣговъ. Въ Русской Правдѣ

¹⁾ Въ разсказѣ о кончинѣ Св. Владиміра говорится, что тѣло его повезли на саняхъ въ Киевъ—15 іюля.

²⁾ А цѣжъ не составляла особаго кушанья, какъ думаютъ нѣкоторые.

³⁾ Илья. Собр. Русск. Лѣт. I, 55: «И приведоша я къ кладязю, идѣ же цѣжъ, и потерпѣша ведрохъ и лязя въ латки».—Въ другихъ спискахъ правильно: «и лязя въ котлы», ибо въ латкахъ нельзя варить киселя.

⁴⁾ И пряде въ Словени, идѣже нивѣ Новгородъ; и видѣ ту люди сущая, како есть обычай иль, и како ся мнютъ, хвощуютъ, и удивше имъ... и рече: «Дивно видѣхъ Словенскую землю, идучи ми сѣмо видѣхъ бани древны, и пережгутъ съ рязино, сохлокутъся и будутъ назы, и облякъся квасомъ усіяннымъ, и возмуть на ся грутые маадое, блются сами и того ся добють, егда влязуть ли живи, облякъся водою студеною, тако оживутъ; и то творить по вел днн е мучими никимъ же, по сами ся мучать, и то творять не мовне себѣ, а мучене».

⁵⁾ Илья. Собр. Р. Лѣт. I, 25: «Дѣлають нивы свои и земли своя».

¹⁾ Илья. Собр. Русск. Лѣт. I, 54: «Ночью же межю (дѣтми) кѣтми промаваше помость, и ужы свѣспна на землю».

²⁾ Тамъ же, стр. 35: «Онъ же стояше на сѣнехъ съ сыпомъ своимъ... и клекнуша и посѣкоша сѣни подъ нимъ».

³⁾ Тамъ же: «И розышна дворъ около его».

⁴⁾ Тамъ же, стр. 25: «Голубя же и воробьево полетѣна въ гнѣзда своя, они въ голубинки, воробьево же подъ стрѣхи; и тако влязгархуса голубинци, ово кѣтн, ово вежѣ, ово ли одрины».

упоминаются: кони, волы, бараны, козы, свиньи; мясо послѣднихъ животныхъ, какъ видно, особенно любили ⁴⁾. Птицеводство: въ Русской же Правдѣ упоминаются цѣнные птицы—голуби, куры, утки, гуси, журавли, лебеди. Упоминаются овощи, — слѣдовательно можно заключать объ огородничествѣ. Рыболовство, звѣрловство, пчеловодство подразумѣваются. Изъ ремеселъ встрѣчаемъ указаніе на плотничество, которымъ занимались особенно Новгородцы и вообще жители сѣверныхъ областей, рублившіе лодки въ лѣсахъ вонухъ и привозившіе ихъ на продажу въ Кіевъ; о рубленіи городовъ, мощеніи мостовъ упоминаетъ и лѣтопись, и Правда; о кожевничествѣ упоминаетъ лѣтопись въ рассказѣ о Янѣ Усмошевицѣ; безъ сомнѣнія, разныя грубыя ткани для обыкновенной одежды выдѣлывались также дома, равно какъ необходимая посуда, дѣрвяная и глиняная, наирямѣрь о дѣланіи горшковъ въ Новгородѣ есть прямое указаніе ⁵⁾. Касательно искусствъ въ дохристіанское время упоминается только объ одномъ каменномъ зданіи, теремѣ княжескомъ въ Кіевѣ, построенномъ безъ сомнѣнія греческими мастерами, потому что и постлѣ каменщики и зодчіе выписывались изъ Византии; неизвѣстно, дома или на чужбинѣ дѣлались и ступканы Владимироны. Собственно же говоря, искусство начинается на Руси вмѣстѣ съ христіанствомъ: Владиміръ послалъ въ Грецію за мастерами, которые построили въ 989 году Десятинную церковь въ Кіевѣ. По извѣстію лѣтописей, изъ Греціи пришли каменосѣйцы и зиждители шалатъ каменныхъ ⁴⁾. Ярославъ построилъ каменную крѣпость въ Кіевѣ и соборную церковь Святой Софіи (митрополию), которую украсилъ золотомъ, серебромъ и сосудами; сынъ его, Владиміръ, въ Новгородѣ построилъ также крѣпость и соборъ Святой Софіи; при Ярославі же въ Кіевѣ построены монастыри Святаго Георгія и Святой Ирины ⁵⁾. Дитмаръ говоритъ, что въ это время въ Кіевѣ было 400 церквей и 8 торговъ ⁶⁾; Адамъ Бременскій называетъ Кіевъ соперникомъ Кон-

стантнпополя ⁶⁾; число церквей крайне преувеличено или цифра искажена ⁷⁾; но общаго впечатлѣнія и отзывомъ нельзя отвергнуть.

Кіевъ былъ обязанъ своимъ благосостояніемъ тому, что служилъ складкою товаровъ между южною и сѣверною Европою; обратился же теперь къ торговлѣ, путемъ которой были русскія области въ описываемое время. Мы видѣлизанія племенъ: была-ли въ числѣ ихъ торговля; существовала ли мѣна произведеній между племенами до появленія среди нихъ Варяговъ-Руси? Повсегдѣнная почти одинаковость произведеній въ странѣ, сбитасмой славянскими племенами, сильно препятствовала мѣнѣ: что могли вымѣнивать другъ у друга Поляне и Сѣверяне, Древляне и Дреговичи, Кривичи и Радимичи? Образъ жизни ихъ былъ одинаковъ; одинакіязанія, одинакія потребности, одинакія средства къ ихъ удовлетворенію: у Древлянъ былъ хлѣбъ, медъ, воскъ, звѣриныя кожи; то же было у Полянъ и другихъ племенъ. Но съ призваніемъ варяжскихъ князей, съ появленіемъ ихъ дружины, дѣла начали перемѣняться; среди земледѣльческаго народонаселенія, добывавшаго все нужное безъ раздѣленія занятій, сосредоточенныхъ въ семьѣ, явилась воинская дружина, образовалась, слѣдовательно, два различныхъ слоя народонаселенія, съ различными занятіями,—и является мѣна. Константинъ Багрянородный говоритъ, что славянскія племена, подчиненныя Руссамъ, зимою рубятъ въ лѣсахъ свои лодки—однодеревки, отдѣлываютъ ихъ, и весною, какъ ледъ растаетъ, спускаютъ въ ближнія озера, и потомъ далѣе по Днѣпру въ Кіевъ; здѣсь вытаскиваютъ ихъ на берегъ и продаютъ Руссамъ, которые покупаютъ только одиѣ лодки и весла, уключины же и другія снасти дѣлаютъ сами изъ старыхъ судовъ. Вотъ начало внутренней торговли! Но любопытно, какъ и здѣсь еще раздѣленіе занятій было неполно. Руссы покупали только остовы лодокъ у Славянъ, снасти же дѣлали сами. Несмотря на то, это явленіе очень важно для историка: сѣверныя славянскія племена, эти знаменитые плотники, уже промышленно, рубятъ лодки, сплавляютъ ихъ, доходятъ до Кіева; Днѣпръ связываетъ сѣверъ и югъ русскихъ владѣній: сѣверныя племена двигаются, восмитаютъ въ себѣ духъ предприимчивости; они сперва только помогаютъ вишиней торговлѣ, приготавливаютъ лодки для торговцевъ; но это приготовленіе скоро повлечетъ ихъ самихъ къ торговлѣ болѣе дѣятельной и вишиней.

Если внутренняя торговля явилась съ прибытіемъ Варяговъ-Руси, то и вишинія должна была явиться вмѣстѣ съ ними же. Кривичи, Сѣверяне, Поляне -- находились на пути изъ Балтійскаго моря въ Черное,

⁴⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, стр. 36: «Но о сему (Владиміру) бѣ не любо обрѣзаніе удовъ, и не садне мя съ свинныхъ».

⁵⁾ Соф. Врем. I, 88: «Иде Пидьбляниинъ рано на рѣку, хотя горнеци вестн иа городъ».

⁶⁾ Никон. I, 130.

⁷⁾ Любопытно замѣтить о построеніи церкви Св. Георгія: «Важнейшій и приснопамятный всея Русскія земли князь Ярославъ, нареченный во снѣгѣмъ крещеньи Георгійи, сынъ Владимѣръ крестьяншаго землю Русскую, братъ же святаго мученика Бориса и Глѣба: со вехотѣ создати церковь въ свое имя Святаго Георгія, да еже вехотѣ и створи; и яко пачаша здати ю, и не бѣ много дѣлатель у нея; и се видѣвъ князь призна тпуну: почто не многу у церкви стражущихъ? Тпунъ же рече: понеже дѣло властелекое, боится людѣ трудъ подымши наима дшенинъ будутъ. И рече князь: да аще тако есть, то авъ сице створи. И повелѣ кунн возити на телѣгахъ въ коморы заатыхъ вратъ, и возвѣстивши на торгу людемъ да визнутъ каждо по погатѣ на дѣпъ. И бысть множество дѣлающихъ». См. Кіевлянинъ, кн. III, стр. 66. Печатный Прологъ, 26 ноября.

⁸⁾ Chron. p. 426: «in magna hac civitate... plus quam quadringenta habentur ecclesiae et mercatus VIII; у Annalista Saxo, ann. 1018 означено только 300 церквей».

⁶⁾ Hist. Eccles. lib. II, c. 13.

⁷⁾ Никон. I, 124. «И погорѣ градъ и церковей много, яко до седми сотъ». Здѣсь также явное преувеличеніе.— И въ Москвѣ говорятъ сорокъ сороковъ церквей, и точно считаютъ церкви сороками, по сороковъ воисе не сорокъ.

изъ Варягъ въ Греки: здѣсь и основалось главное русское владѣніе, концами котораго и вмѣстѣ главными пунктами, соединяющими сѣверъ и югъ, были Новгородъ и Кіевъ; русское владѣніе тогда только получало полноту, когда Новгородскіе князья овладѣли и Кіевомъ; Кіевъ и Новгородъ не могли долгое время существовать отдѣльно; природа неразрывно соединила эти два города, и во все продолженіе нашей древней исторіи они находились въ неразрывномъ союзѣ; разстояніе между ними было путемъ; огромность этого разстоянія уменьшалась при удобствѣ сообщенія, потому что этотъ путь былъ водный. Новгородъ и Кіевъ—двѣ главныя стоянки на оконечностяхъ этого пути; историческая жизнь народовъ всегда загарается тѣмъ, на тѣхъ концахъ ихъ областей, гдѣ они сталкиваются съ другими народами историческими; для славянскихъ племенъ мѣстомъ столкновенія съ историческими народами были концы великаго воднаго пути на сѣверѣ и югѣ—Новгородъ и Кіевъ; посредниками этого столкновенія были Варяги-Русь: они-то были первыми посредниками между сѣверомъ и югомъ Европы и въ торговомъ отношеніи: другимъ побочнымъ путемъ была Западная Двина, —и здѣсь другое, менѣе важное русское владѣніе—Полоцкое княжество. Но какой же характеръ носила первоначально эта торговля? Разумѣется, мы не можемъ перенести на нее понятія настоящаго времени о торговлѣ. Торговля въ тѣ времена была тѣсно связана съ пиратствомъ: Варягъ являлся на извѣстный берегъ подъ видомъ торговли, и дѣйствительно начиналъ торговать съ жителями: но при первомъ удобномъ случаѣ изъ кучки онъ становился пиратомъ и грабилъ тѣхъ, съ которыми прежде вель мѣну. На этотъ двойственный характеръ древнихъ русскихъ купцовъ лучше всего указываютъ договоры Грековъ съ нашими первыми князьями: въ нихъ византійское правительство постоянно выговариваетъ для себя мѣры противъ буйства Руссовъ. Но каковы бы ни были характеръ послѣднихъ, они торговали съ Греціею, привозили туда товары сѣвера и брали въ обмѣнъ товары юга.

Чѣмъ же торговали Руссы въ Константинополѣ? Главнымъ предметомъ торговли, съ ихъ стороны, были невольники; ихъ—скованныхъ—вели они во время труднаго перехода черезъ пороги; о невольникахъ находимъ особыя статьи въ договорахъ ¹⁾. Кромѣ рабовъ, русскими товарами въ Константинополѣ считались воскъ и мѣха ²⁾; тѣ же товары—рабы, воскъ, медъ и мѣха, шли изъ Руси въ Болгарію, привозились въ Переяславецъ Дунайскій; на нихъ Русь вымѣнивала, въ Константинополѣ и

Переяславецѣ, греческія паволоки, вино, плоды, золото (какъ товаръ), серебро и лошадей, приво-димыхъ изъ Венгріи. Теперь слѣдуетъ вопросъ: какъ добывали Руссы свои сѣверные товары? Конечно, они могли вымѣнивать ихъ у туземцевъ на какія-нибудь произведенія греческой промышленности, малоцѣнныя для Грека, драгоценныя для Радимича; но главнымъ источникомъ пріобрѣтенія были дани и потомъ охота, которою дружина княжеская могла заниматься зимою во время пребывания своего у племенъ. Мы знаемъ, что дань туземныхъ племенъ начинала состоять въ шкурахъ пушныхъ звѣрей; въ ноябрѣ князья съ дружиною выходили на полюдь, или отправлялись къ подчиненнымъ племенамъ, разузнатся, за данью: мы это знаемъ изъ исторіи Игоря; въ этихъ походахъ добывали и князь, и дружина. Возвратясь въ апрѣлѣ въ Кіевъ, князь и дружина привозили съ собою множество мѣховъ, которые надлежало сбыть съ рукъ,—и вотъ, немедленно послѣ пріѣзда въ Кіевъ, часть дружины отправлялась въ лодкахъ по Днѣпру и морю въ Константинополь и въ Болгарію. Воскъ и медъ могли получать тѣмъ же путемъ: мы знаемъ, что Древляне обязывались давать Ольгѣ медъ. Рабовъ могла получать Русь съ сѣвера: скандинавскіе пираты, онустошавшіе берега почти всей Европы, могли доставлять большое количество невольниковъ въ Новгородъ, мѣнять ихъ Руссамъ на товары греческіе и восточные, а безспорно и сами, въ видѣ гостей, спускались по восточному водному пути въ Константинополь. Рабовъ собственнымъ Руссамъ для торговли могли доставлять войны ихъ съ разными народами и племенами славянскими въ томъ случаѣ, когда они должны были примучивать послѣднія: такъ Ольга отдала Древлянцъ въ рабство мужамъ своимъ; но мы знаемъ, что такіе случаи бывали рѣдко. Разумѣется, что, за раздѣчею дружинѣ, у князя оставалось еще много мѣховъ, меду, воску, и что значительнѣйшую часть товаровъ, которыми торговали Руссы, составляло имущество княжеское.

Не въ одинъ Константинополь или Переяславецъ отправлялись Руссы съ означенными товарами: они ѣздили съ ними также на востокъ, въ города козарскіе. Руссы входили изъ Азовскаго моря въ устье Дона, поднимались вверхъ по этой рѣкѣ до пограничной козарской крѣпости Серкель, или Вѣлой Вѣжи ³⁾, перетаскивали здѣсь суда на сушу, и, пройдя съ ними небольшою волокомъ до Волги, спускались по этой рѣкѣ къ Итилю, столицѣ козарской, находившейся около нынѣшней Астрахани. Главнымъ товаромъ, который Руссы привозили въ Итиль, были также мѣха. Потребность въ мѣхахъ усиливалась на востокѣ съ распространеніемъ богатства и роскоши въ блестящее царствование Гаруна-аль-Решиди. Шубы стали почетною одеждою и покупались дорого; до насъ дошло извѣстіе, что Зобейда, жена Гаруна, первая ввела въ моду шу-

¹⁾ О торговлѣ Русскихъ рабами въ Константинополѣ читаемъ въ чудесахъ Св. Николая: «И возьмъ литру золота, 70 и два златникъ, и вѣздъ на конь доѣха до торгу, идѣже Русскѣи купци приходяще челядь продають». См. Москвитинъ 1845 г., № 12, статью—Нѣкоторые памятники славянской письменности.

²⁾ Ихъ требуетъ императоръ отъ Ольги.

³⁾ Мухом. Нумизматика Савельева, стр. XXIII.

бы, подбитыя русскими горностаями и соболями. Кромѣ мѣховъ, Руссы привозили на Волгу также и рабовъ. Въ обмѣнъ за означенные товары, Руссы могли брать у Арабовъ дорогіе камни, бисеръ, особенно зеленого цвѣта (нитки его составляли любимое ожерелье русскихъ женщинъ, которыхъ мужья разорялись, платя нѣрѣдко по диргему — отъ 15 до 20 копѣекъ серебромъ — за каждую бисеринку), золотыя и серебряныя издѣлія, цѣпочки, ожерелья, записки, кольца, булавки, рукоятки, пугови, бляхи для украшенія одежды и копытскіе сбруи, быть-можетъ также шелковыя, шерстяныя и бумажныя ткани, овощи, пряности и вино. Но, какъ видно, Руссы сильно желали вымѣнивать на свои товары арабскія монеты, диргеми, которые вездѣ и во всякомъ значеніи имѣли большую цѣнность. Посредствомъ этого пути, арабскія монеты распространялись по разнымъ мѣстамъ тогдашнихъ русскихъ областей: какъ рѣдкія, всегда цѣнныя вещи, какъ украшенія, переходили онѣ изъ рода въ родъ, изъ рукъ въ руки, закапывались въ землю вмѣстѣ съ мертвецами, зарывались въ видѣ кладовъ, и такимъ образомъ дошли до насъ ¹⁾. Но не однимъ путемъ мѣны могло дойти въ Россію большое количество монетъ ²⁾; значительное количество ихъ должно было достигаться Руссамъ во время счастли-

ваго похода Святослава на Козарь, Бургасовъ и Болгаръ Волжскіяхъ, и вообще на востокъ, когда разорены были тамошнія торговыя мѣста; арабскія монеты могли быть завозимы въ русскія области также Волгарами. Мы замѣтили уже, что значительнѣйшая часть товаровъ должна была принадлежать князю, слѣдовательно значительнѣйшая часть вымѣненного на эти товары должна была возвратиться въ казну княжескую; отсюда монеты могли переходить къ дружинѣ; дружинники были люди вольные, хотѣли — служили князю, не хотѣли — шли домой, если родомъ были изъ Скандинавіи, и уносили съ собою служебную плату; они же были и купцами. Мы знаемъ также, что князья наши часто нанимали Варяговъ для одного какого-нибудь похода; разумеется, наемники брали плату свою преимущественно серебромъ, и такимъ образомъ диргеми изъ казны княжеской переходили къ наемнымъ Варягамъ: отсюда, кромѣ торговли, объясняется, почему на скандинавскомъ берегу и на прилежащихъ къ нему островахъ находятъ такъ много кладовъ съ восточными монетами. Одною торговлею объяснить этого нельзя, ибо какъ предположить, чтобы количество и цѣнность товаровъ скандинавскихъ такъ превышала количество и цѣнность товаровъ русскихъ, греческихъ и восточныхъ, шедшихъ чрезъ Россію, что лишекъ долженъ былъ оплачиваться деньгами? Замѣтимъ также, что, кромѣ зарытія монетъ въ могилы, клады въ понятіи народа обыкновенно соединяются съ предвзвѣніемъ о разбойникахъ, зарывшихъ въ землю награбленное; что разбой въ описываемый періодъ были сильны, — на это имѣемъ ясное свидѣтельство въ лѣтонисяхъ и преданіяхъ; такимъ образомъ, можетъ объясниться происхожденіе большихъ кладовъ, какъ напримѣръ близъ Великихъ Лукъ найденъ кладъ въ семь слишкомъ тысячъ цѣлковыхъ. Предполагая разбойничество какъ одно изъ средствъ накопленія большихъ кладовъ, мы не отвергаемъ возможности накопленія значительныхъ каппталовъ и посредствомъ торговли; но здѣсь замѣтимъ, что никакъ нельзя утверждать, будто клады, въ которыхъ находятся кувчисскія монеты, напримѣръ X вѣка, непременно были зарыты въ этомъ вѣкѣ; монеты X-го вѣка могли зайти на Русь въ этомъ вѣкѣ, но могли оставаться здѣсь въ обращеніи и въ сохраненіи и въ послѣдующіе вѣка, переходить изъ рода въ родъ, наконецъ скопиться разными средствами въ однихъ рукахъ и зарываться въ землю чрезъ много вѣковъ спустя послѣ ихъ перваго появленія: такимъ образомъ, отъ большихъ кладовъ съ кувчисскими монетами X-го вѣка никакъ еще нельзя заключать о большихъ торговыхъ каппталахъ въ этомъ вѣкѣ на Руси.

Кромѣ Руссовъ, посредниками торговли между Европою и Азіею въ описываемое время были Волгары Волжскіе. Въ рукахъ этихъ Волгаръ была торговля съ сосѣдними народами сѣверо-востока и сѣверо-запада; чтобы не допускать арабскихъ купцовъ къ непосредственнымъ сношеніямъ съ по-

¹⁾ Fraehn. Topographische Uebersicht der Ausgrabungen von altem arabischem Gelde in Russland, въ русскомъ переводѣ у Савельева Мухам. Нумизматика.

²⁾ Авторъ Мухам. Нумизматика говоритъ: «За всѣ исчисленные товары (привозимые Руссами и Булгарами) Арабы, Персіане и Хазарцы платили имъ наличными монетами царствующей династіи, или произведеніями своего края. Монеты были исключительно серебряныя величинаю отъ нашего двухъ-золотога до пяти-алтыннаго. Привозимыхъ товаровъ Азіи не доставало на обмѣнъ за мѣстныя произведенія, и денежный балансъ оставался на сторонѣ Волг. Можно сомнѣваться еще въ томъ, чтобы товаровъ Азіи не доставало на обмѣнъ за произведенія, привозимыя Русскими и Булгарами: въ обмѣнъ за мѣха, невольничковъ, янтарь и цыновки, представлялся цѣлый рядъ азіатскихъ товаровъ, имѣвшихъ всегда и вездѣ высокую цѣну (см. перечисленіе ихъ въ текстѣ): самъ авторъ приводитъ при этомъ извѣстіе, что за каждую бисерину зеленого бисера Русскіе платили по диргему, и разорялись такимъ образомъ въ угоду жень своихъ. Далѣе, послѣ исчисленія азіатскихъ товаровъ, авторъ говоритъ: «Все это, какъ видимъ, преимущественно предметы роскоши, тогда мало извѣстной на сѣверо-востокѣ Европы, и поэтому нисколько не удивительно, что потребленіе ихъ въ Россіи и Прибалтійскомъ краѣ далеко уступало цѣнности мѣховъ, потребныхъ для Азіи.» — Но прежде самъ авторъ сказалъ, что и мѣха на востокѣ составляли также предметъ роскоши, что шубы были почетнымъ одѣяніемъ владѣтельныхъ и знатныхъ лицъ; не думать, чтобы азіатскія драгоценности были мало извѣстны на сѣверо-востокѣ Европы; самъ авторъ приводитъ извѣстіе, что Руссы разорялись на зеленый бисеръ; другое извѣстіе говоритъ, что на мертвецѣхъ русскомъ была парчевая одежда; если въ кладкахъ вмѣстѣ съ арабскими монетами находятъ и вычисленные вещи, то ясно, что онѣ были столько же извѣстны. Замѣтимъ также, что Руссы относительно мѣховою торговлею не пользовались монополиею, но имѣли сильныхъ соперниковъ въ Булгарахъ и Бургасахъ: самъ авторъ говоритъ, что дороже всего цѣнились мѣха черныхъ или чернобурныхъ лисицъ, которыя называли Бургасскими, по имени народа Бургасовъ; слѣд. чрезъ руки Руссовъ шли не самыя дорогіе мѣха.

слѣдними, они представляли ихъ Арабамъ людьми ¹⁾. Болгарскіе купцы ѣздили въ страну Веси на лодкахъ, вверхъ по Волгѣ и Шекснѣ, для закупки мѣховъ; любопытны подробности, находимыя у арабскихъ писателей о мѣховой торговлѣ Волгарь съ Весью: Болгары пріѣзжали въ определенное мѣсто, оставляли тамъ товары, пошлѣтивъ ихъ какими-нибудь знаками, и удалялись. Если болгарскіе купцы, по возвращеніи, находили мѣху выгодною, то брали съ собой туземные товары и оставляли свои, въ противномъ случаѣ они уходили опять на время, и это значило, что они требовали прибавки; туземцы подбавляли того или другого товара до тѣхъ поръ, пока не удовлетворяютъ Волгарь. У Арабовъ такая торговля слыла нѣмною. Рассказъ Арабовъ замѣчательнъ для насъ потому еще, что объясняетъ рассказъ новгородскаго купца, Гуряги Роговича, занесенный въ лѣтопись ²⁾. Такъ и позднѣе торговали Волгары съ Югрою ³⁾. Но кромѣ Веси, по извѣстію арабскихъ писателей, болгарскіе купцы доходили до Кіева черезъ Мордовскую Землю. Это извѣстіе подтверждается извѣстіями нашихъ лѣтописей о приходѣ болгарскихъ проповѣдниковъ магометанства въ Кіевъ, подтверждаемыхъ и важнымъ извѣстіемъ, сохранившимся у Татищева, о договорѣ, заключенномъ при Владимірѣ съ Болгарами: это извѣстіе драгоценно для насъ потому, что въ немъ находится первое положительное упоминовеніе о купцахъ, какъ отдѣльномъ разрядѣ людей, и городахъ — какъ торговыхъ средоточіяхъ. Примѣръ Византіи и стеченіе иностранныхъ купцовъ въ Кіевъ дали понять выгоду торговли для казны княжеской, въ которую собирались торговыя пошлины, и вотъ Кіевскій князь обязываетъ Волгарь не покушать товаровъ въ селахъ у тѣпновъ и другихъ лицъ, но покушать ихъ въ городахъ. Здѣсь ясно видимъ два рода торговли: первоначальную, по которой всякій сбывалъ всякому излишекъ своей собственности, и торговлю въ настоящемъ смыслѣ, которая, вслѣдствіе правительственныхъ распоряженій, начинается вытѣснять первоначальную ⁴⁾. Русская Правда знаетъ купцовъ такъ же, какъ отдѣльный разрядъ людей. — Кромѣ Грековъ, Арабовъ, Волгарь Волжскихъ и Дунайскихъ, Русскіе производили мѣху съ ближайшими сосѣдями своими, степными

народами, Печенѣгами, которые доставляли рога-тый скотъ, лошадей, овецъ. Изъ словъ Святослава видно, что въ Переяславцѣ Дунайскомъ русскіе купцы могли производить мѣху съ купцами чешскими и венгерскими. Нѣтъ сомнѣнія, что торговля изъ Новгорода съ сѣверо-восточными финскими племенами существовала уже въ описываемое время, и что изъ Новгорода же купцы съ мѣхами, восточными и греческими товарами начали являться и въ городахъ балтійскихъ Славянъ. — Съ вопросомъ о торговлѣ тѣсно связанъ вопросъ о деньгахъ, — одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ въ нашихъ древностяхъ: по недостатку точныхъ извѣстій, мы отлагаемъ его рѣшеніе до слѣдующаго періода.

Обозрѣвъ матеріальныя силы новорожденнаго рускаго общества, обратимся теперь къ новому, духовному началу, явившемуся въ концѣ описываемаго періода, началу, богатому нравственнымъ и гражданскимъ вліяніемъ. Какъ слабо было прежде въ языческомъ обществѣ вліяніе волхвовъ, такъ могущественно явилось теперь вліяніе христіанскаго духовенства. Немедленно послѣ принятія новой вѣры, мы видимъ уже епископовъ совѣтниками князя, истолкователями воли Божіей; но христіанство принято отъ Византіи; Русская Земля составляетъ одну изъ епархій, подвѣдомственныхъ Константинопольскому патріарху; для рускаго духовенства единственнымъ образцомъ всякаго строя служить устройство византійское: отсюда понятно и гражданское вліяніе Имперіи на юное русское общество. — Мы видѣли, какъ было принято христіанство и какъ распространялось; видѣли, что оно пришло скоро въ Кіевъ, на югъ, гдѣ было уже и прежде знакомо, но медленно, съ большими препятствіями распространялось оно на сѣверѣ и востокѣ: первые епископы Ростова — Одоръ и Иларіонъ — принуждены были бѣжать отъ ярости язычниковъ ⁵⁾; въ концѣ описываемаго періода язычество нисколько не уступало и ревности третьяго епископа ростовскаго, Святаго Леонтія, который, видя невозможность дѣйствовать на взрослое поколѣніе, окрѣпшее въ язычествѣ, обратился къ дѣтямъ, сталъ привлекать ихъ къ себѣ ласкою и учить вѣрѣ. Мы видимъ язычество господствующимъ и у племенъ средней Руси, на Окѣ до самыхъ ея низовьевъ. Оставаясь глухими къ увѣщаніямъ христіанскихъ проповѣдниковъ, жители сѣвера тѣмъ легче слушали старыхъ волхвовъ своихъ: такъ читаемъ въ лѣтописи, что въ 1024 году встали волхвы въ Суздальской Землѣ во время голода, и начали убивать старыхъ женщинъ, говоря, что онѣ скрываютъ у себя въ тѣлѣ съестныя принасы. Бяль мятежъ большой по всей той странѣ, такъ что самъ великій князь Ярославъ принужденъ былъ туда отправиться: онъ переловилъ волхвовъ, однихъ распалалъ по разнымъ мѣ-

¹⁾ Мухам. Нулизнат. XVII.

²⁾ См. Т. I, кн. I, примѣчан. 1-е, глава II, на стр. 31.

³⁾ Мухам. Нулизнат. СXXX и слѣд. Авторъ замѣчаетъ, что Вѣсь Бѣлозерская была такъ образована, что не имѣла нужды вести мѣху торговлю. Но мы не имѣемъ основаній предполагать, что она была образована нѣмѣншихъ Зырянъ, которые сохраняютъ тотъ же обычай (см. тамъ же); но лезанію языковъ другъ друга, необходимо должна была вестись нѣкая торговля.

⁴⁾ На торговую связь съ Болгарами указываетъ лѣтописное извѣстіе подъ 1024 годомъ (Поли. Собр. Русск. Лѣт. I, 64): «Бѣ мятежъ великъ и голодъ по всей той странѣ (Суздальской), идоша по Волгѣ вси люди въ Болгары, и привезоша житю, и тако ожиха». Здѣсь указаніе и на путь по Волгѣ; впрочемъ здѣсь о купцахъ говорить нельзя, ибо прямо сказано: вси люди.

⁵⁾ Исторія Русск. Церкви епископа Рязскаго Филарета, періодъ I-й, стр. 30.

стамъ, другихъ казнили, говоря: „Богъ за грѣхи наказываетъ землю голодомъ, моромъ, засухою или какою нибудь другою казнию, а человекъ не знаетъ ничего“¹⁾. И на югѣ языческіе обычаи, преданія, повѣрья еще очень сильны между христіанами; такъ читаемъ въ лѣтописи подъ 1044 годомъ: „Въ этотъ годъ умеръ Брячеславъ, князь Полоцкій, и Всеславъ, сынъ его, съѣлъ на столѣ; этого Всеслава мать родила отъ волхвованья, потому что когда она родила его, то была у него язва на головѣ, и волхвы сказали ей: навязки ты на эту язву волшебную повязку, которую пусть носитъ опъ до смерти своей; Всеславъ точно носить ее до сихъ поръ; поэтому опъ такъ и кровакадентъ“²⁾.

Самымъ лучшимъ средствомъ къ торжеству новой вѣры надъ старою признано было — дѣйствовать на новое, молодое поколѣніе: такъ при Владимірѣ и при Ярославѣ отбирали дѣтей у лучшихъ гражданъ, учили ихъ грамотѣ и догматамъ новой вѣры; мы видѣли; что такъ дѣйствовалъ и Святой Леонтій на сѣверѣ; возможность выучиться грамотѣ существовала и въ другихъ городахъ, что видно изъ житія Святаго Теодосія³⁾. Эта мѣра скоро принесла свои плоды: скоро обозначилась дѣятельность молодого, грамотнаго поколѣнія, получившаго изъ книгъ яснѣйшее понятіе о новой вѣрѣ. Представителями этого молодого, грамотнаго поколѣнія въ семьѣ княжеской были сыновья Святаго Владиміра — Борисъ, Глѣбъ, Ярославъ. Христіанство прежде всего должно было поддѣйствовать на самыя магнія нѣжныя отношенія, отношенія родственныя; это всего яснѣе можно видѣть на Борисѣ и Глѣбѣ. Изъ дѣтей Владиміровыхъ они больше всѣхъ были похожи на отца своего мягкостью природы: по этому одному уже не удивительно, что у Владиміра было къ нимъ болѣе сочувствія, что онъ особенно любилъ Бориса; и вотъ эта мягкая природа двухъ братьевъ легко воспринимаетъ вліяніе христіанства, они являются образами братской любви. „Не хочу поднять руки на старшаго брата“, говоритъ Борисъ, и падаетъ жертвою уваженія своего къ родственнымъ отношеніямъ, освященнымъ религіею. Отсюда понятнo значеніе Бориса и Глѣба въ нашей исторіи: они были первочениками въ этой правдивной борьбѣ новаго христіанскаго общества со старымъ языческимъ. Братьевъ — Ярославъ — является представителемъ новаго поколѣнія въ другихъ отношеніяхъ: онъ самъ любитъ читать книги, собираетъ ихъ, распространяетъ грамотность въ Землѣ, является просвѣщеннымъ христіаниномъ въ борьбѣ своей съ язычествомъ, что видно изъ приведеннаго отзыва его о волхвахъ. Послѣ сыновей Владиміровыхъ представителемъ новаго грамотнаго поколѣнія является

первый Русскій митрополитъ Иларіонъ, который умѣлъ понять превосходство новаго порядка вещей предъ старымъ и умѣлъ показать другимъ это превосходство. Какъ молодое поколѣніе отыщило новое сокровище, пріобрѣтенное имъ съ христіанствомъ, и какъ было благодарно людямъ, которые способствовали ему къ пріобрѣтенію этого сокровища, — видно изъ отзыва лѣтописца о дѣятельности Владиміра и Ярослава: „Подобно тому, какъ если бы кто-нибудь распахалъ землю, а другой посѣялъ, а иные стали бы пожирать и чѣсть пищу обильную: такъ и князь Владиміръ распахалъ и умягчилъ сердца людей, проповѣдывая ихъ крещеніемъ; сынъ его — Ярославъ — насыялъ ихъ книжными словами, а мы теперь пожинаемъ, принимая книжное ученіе. Велика бываетъ польза отъ ученія книжнаго; изъ книгъ учимся путямъ покаянія, въ словахъ книжныхъ обрѣтаемъ мудрость и воздержаніе: это рѣки, напоющія вселенную, это источникъ мудрости; въ книгахъ неслетная глубина, ими утѣшаемся въ печали, онѣ узда воздержанія“⁴⁾.

Дѣйствія книжнаго ученія, ближайшаго знакомства съ новою вѣрою, не замедлили обнаружиться въ цѣломъ рядѣ христіанскихъ подвижниковъ. Для упроченія христіанства мало было взять дѣтей изъ домовъ полужыческихъ родителей; нужно было, чтобы нѣкоторые изъ новаго поколѣнія отторглись совершенно отъ общества, сильно пропитаннаго язычествомъ; для упроченія христіанства нужно было, чтобъ оно распространилось не словомъ только, но самымъ дѣломъ; нужно было, чтобы въ нѣкоторыхъ избранныхъ обнаружилось дѣйствіе новаго ученія, и они пошли бы на проповѣдь не съ огнемъ и мечемъ, какъ Добрыня или Путята, но съ величіемъ подвига христіанскаго. При господствѣ матеріальной силы, предъ которою все преклонялось, пужень былъ рядъ подвижниковъ, которые показали бы подвиги, превышавшіе подвиги богатырей, которые показали бы господство духа надъ плотію, показали бы чудеса мужества другаго рода, борьбу болѣе изумительную, и пріобрѣли бы своими подвигами благоговѣніе къ себѣ и къ тому ученію, которое даетъ силы къ подобнымъ подвигамъ. Монашество, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, явилось на Руси очень рано: такъ есть преданіе, что еще первый Кіевскій митрополитъ Михаилъ построилъ въ Кіевѣ монастырь на горѣ противъ холма Черунова; есть также иностранное извѣстіе, что Кіевскій митрополитъ встрѣчалъ Святополка и Болеслава Храбраго въ монастырѣ Святой Софіи⁵⁾; при Ярославѣ ностросны монастыри Георгіевскій и Иринскій. Но эти монастыри не были такіе, какіе надобны были тогда для упроченія христіанства, — ихъ монахи не были настоящими подвижниками. „Много монастырей, говорятъ лѣтописецъ, поставлено отъ царей и бояръ на богатомъ иждивеніи, но не таковы эти монастыри, какъ тѣ, ко-

¹⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 64.

²⁾ Тамъ же, стр. 67. — О волшебныхъ повязкахъ или о узѣхъ см. статью проф. Вуслаева, въ Архивѣ историко-юридич. свѣд., изд. Н. Калачевымъ, стр. 2, отдѣлец. IV.

³⁾ Къ сямъ же и датся вѣля на ученіе божественныхъ книгъ единому отъ учителя.

⁴⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 66.

⁵⁾ См. о началѣ монашества въ Руси, въ прибавленіи къ Твореніямъ Св. Отцевъ, годъ VIII, кн. 4.

торые поставлены слезами, постомъ, молитвою, бдѣніемъ“¹⁾. Когда новое поколѣніе короче познакомилось съ новою вѣрою, тогда между нѣкоторыми изъ него обнаружилось то же самое стремленіе, какое было сильно и между язычниками русскими,—стремленіе посѣтить Грецію для выгодной службы въ полкахъ Имперіи, для торговли, для грабежа, а теперь русскіе христіане стали ходить не для матеріальныхъ выгодъ, но для того, чтобы получить утвержденіе въ вѣрѣ. Такъ явился на Аѳонѣ одинъ изъ русскихъ христіанъ, житель города Любеча, по имени Антіпа, и постригся въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей подъ именемъ Антонія: недалеко отъ монастыря Есфигмена, подлѣ морского берега, показываютъ пещеру перваго русскаго инока²⁾. Греческій игуменъ понялъ всю пользу, какую подвиги Антонія могли принести на Русь, и отпустилъ его назадъ на родину. Антоній пришелъ въ Кіевъ, обшелъ всѣ тамошніе монастыри, и ни въ одномъ изъ нихъ не нашелъ такой жизни, къ какой привыкъ на Аѳонѣ; онъ былъ одинокъ среди кіевскихъ монаховъ—и рѣшился жить одинъ. На берегу Днѣпра, на высокой горѣ, покрытой лѣсомъ, Антоній нашелъ пещеру, выкопанную Иларіономъ, первымъ митрополитомъ изъ русскихъ, когда еще онъ былъ священникомъ въ ближнемъ княжескомъ селѣ Верестовѣ; Иларіонъ уединялся въ пещеру временно, Антоній навсегда поселился въ ней; но онъ недолго пробылъ одинъ. Прославленіе подвиговъ Антонія и собраніе къ нему другихъ подвижниковъ не относятся къ описываемому времени; но къ нему относятся юность другого знаменитаго подвижника, пресмыка Антоніева; подробности жизни этого новаго русскаго человѣка драгоцѣнны для пополненія картины тогдашняго быта новорожденной Руси. Этотъ подвижникъ, прославившійся послѣ подъ именемъ Θεодосія, былъ также родомъ изъ Приднѣпровья, изъ города Василева; но родители его скоро перенли въ Курскъ, гдѣ и протекла его юность. Мальчикъ нашелъ себѣ здѣсь человѣка, у котораго могъ выучиться грамотѣ, сталъ читать книги, переселялся мыслями въ другой міръ, и нашелъ въ себѣ довольно силы, чтобы немедленно начать приложеніе читаннаго къ дѣлу: онъ не пропускалъ службы церковной, дома работалъ вмѣстѣ съ рабами. Но въ домѣ у богатой матери ему было скучно, тѣсно; его томила жажда подвижничества, желаніе видѣть тѣ мѣста, гдѣ онъ жилъ постоянно мыслию,—мѣста, гдѣ происходило то, о чемъ онъ читалъ въ книгахъ, о чемъ слышалъ въ церкви. Разъ, тайкомъ отъ матери, присталъ онъ къ паломникамъ и ушелъ съ ними изъ города. Мать Θεодосія была похожа на тѣхъ русскихъ матерей, которыя, по словамъ лѣтонисца, плакали по сыновьяхъ своихъ какъ по мертвыхъ, когда Владиміръ велѣлъ отдавать ихъ въ ученье; борьбу двухъ поколѣній—старога—полуязыческаго и по-

ваго—христіанскаго, просвѣщеннаго книжнымъ ученіемъ, всего лучше показываютъ намъ отношенія Святаго Θεодосія къ матери. Послѣдняя, узнавъ о побѣгѣ сына, догнала его, прибила и держала нѣкоторое время въ оковахъ, чтобы не вздумалъ уйти опять. Θεодосій остался, и по-прежнему ходилъ въ церкви; но въ церкви обдѣною служилъ не такъ часто, какъ бы ему хотѣлось, по недостатку просвирь: Θεодосій сталъ печь просвиры. Мать оскорбилась такимъ занятіемъ сына, бранила, била его и заставила уйти въ другой городъ: здѣсь онъ пріютился у священника, и по-прежнему лѣкъ просвиры. Мать нашла его и тутъ, и взяла назадъ домой; но другіе съ большимъ уваженіемъ смотрѣли на дивное поведеніе молодого человѣка: городской посадникъ далъ ему средство удовлетворять своей благотивной склонности, позволилъ ему жить у своей церкви. Θεодосію было мало безпрепятственной молитвы; мало рублища, къ которому онъ постоянно ходилъ, отдавалъ лучшее платье нищимъ: онъ надѣлъ вериги. Мать увидала по-случайю кровь на бѣлѣ сына, нашла, что это отъ вериговъ и сорвала ихъ съ яростію съ плечъ Θεодосія, который уже послѣ не могъ надѣвать ихъ. Наконецъ борьба между стремленіемъ къ христіанскому подвижничеству и уваженіемъ къ родительской власти кончилась; пораженный евангельскими словами: „Иже любятъ отца или мать паче Мене, нѣсть Мене достоинъ“, Θεодосій рѣшился, во что бы то ни стало, покинуть материнскій домъ, и ушелъ въ Кіевъ, чтобы вступить въ одинъ изъ тамошнихъ монастырей. Но какіе это были монастыри, видно изъ того, что ни въ одинъ изъ нихъ не приняли Θεодосія, явившагося въ видѣ бѣднаго скитальца; не такіе монастыри нужны были Θεодосію и новорожденной Руси; Θεодосій нашелъ наконецъ убѣжище по своему желанію: онъ нашелъ пещеру Антонія. „Сынъ! говорилъ ему Антоній: трудно будетъ тебѣ жить со мною въ этой тѣсной пещерѣ; ты еще молодъ“. Но подъ видомъ юноши передъ нимъ стоялъ мужъ, окрѣпленный въ борьбѣ, претерѣвшій столько тѣсноты въ просторѣ, столько лишениій въ довольствѣ, что никакая тѣснота и никакія лишениія не были для него болѣе страшными. Антоній принялъ Θεодосія; подвиги обоихъ мы еще увидимъ въ слѣдующемъ періодѣ.

Показавъ, какъ юная Русская Церковь приготовлялась дѣйствовать въ лицѣ представителя новаго поколѣнія, уже воспитаннаго въ христіанствѣ, мы обратимся теперь къ вѣншему образу Церкви, ея управленію и средствамъ. Еще во времена Олега Греки полагали въ Россіи особую епархію, шестидесятую, въ числѣ подвѣдомственныхъ Константинопольскому патріарху; съ принятія христіанства Святымъ Владиміромъ въ члѣ церковнаго управленія стоялъ митрополитъ; первые митрополиты были избраны и поставлены патріархомъ Константинопольскимъ, послѣдній, Иларіонъ,—соборомъ русскихъ епископовъ. Кромѣ митрополита, упоминаются епископы; какъ видно,

¹⁾ Голл. Собр. Рус. Лѣт. I, 69.

²⁾ См. о началѣ монашества въ Россіи въ приведенномъ выше мѣстѣ.

епископы были въ Новгородѣ, Ростовѣ, Черниговѣ, Вѣлгородѣ, Владимірѣ Волинскомъ, вѣроятно были и въ другихъ городахъ. Ближайшіе къ Киеву епископы собирались въ этотъ городъ: нужно было ихъ присутствие около повообращенной власти, дѣятельность которой они должны были теперь направлять согласно съ новыми потребностями общества. Мы видѣли сильное вліяніе епископовъ относительно земскаго устава при Владимірѣ; митрополитъ Иларіонъ прямо говоритъ о частыхъ совѣтахъ Владиміра съ епископами; говоритъ, что князь съ великимъ смиреніемъ совѣтовался съ ними, какъ установить законъ среди людей, недавно познавшихъ Господа. При такомъ значеніи духовенства, когда епископы являлись необходимыми совѣтниками князя во всемъ, касающемся народа въ странѣ, при такомъ ихъ вліяніи—трудно предположить, чтобы кругъ дѣятельности ихъ оставался неопредѣленнымъ, и чтобы это опредѣленіе не послѣдовало по образцу византійскому: вотъ почему такъ трудно отвергнуть уставы о церковныхъ судахъ, приписываемые Святому Владиміру и сыну его Ярославу ¹⁾. Эти уставы естественно должны быть составлены по образцу церковныхъ уставовъ греко-римскихъ; но такъ какъ состояніе обобществленія—греко-римскаго и русскаго—въ описываемое время было различно, то и въ церковныхъ уставахъ русскихъ мы должны необходимо встрѣтить различіе отъ церковныхъ уставовъ греко-римскихъ: въ обществѣ греко-римскомъ отношенія семейныя издавна подчинялись гражданскимъ законамъ, тогда какъ въ русскомъ новорожденномъ обществѣ семейство оставалось еще неприкосновеннымъ; но Церковь, по главной задачѣ своей дѣйствовать на нравственность, должна была прежде всего обратить вниманіе на отношенія семейныя, которыя по этому самому и подчинялись церковному суду. Такъ напримѣръ, нарушеніе святости власти родительской въ римскомъ правѣ предоставлено мірскому суду, а въ уставѣ Святаго Владиміра — церковному, равно тяжбы между сыновьями умершаго о наслѣдствѣ и тяжбы между мужемъ и женою объ имѣніи. Справедливо замѣчаютъ также, что статьи *объ опекахъ и наслѣдствѣ*, находящіяся въ Русской Правдѣ, болѣею частью заимствованы изъ греко-римскаго законодательства, перешедшаго въ наше мірское законодательство посредствомъ духовенства. Поврежденіе церкви и могилъ въ томъ видѣ, какъ оно опредѣлено уставомъ Святаго Владиміра, мы не найдемъ въ греческихъ законахъ, ни въ гражданскихъ, ни въ церковныхъ, потому что такого рода преступленія были только мѣстныя—русскія ²⁾. Велѣд-

ствіе также юности общества, Церковь на Руси взяла подъ свое покровительство и судъ надъ людьми, которыхъ значеніе было тѣсно связано съ религіею, напримѣръ: просвирию, наомника, прощенника (четовѣка, исцѣленнаго чудомъ); людей, которые содержались при церквахъ и монастыряхъ для подаванія помощи страждущимъ; пришецовъ, которые, вѣроятно, пользовались гостепріимствомъ при церквахъ и монастыряхъ; людей, отпущенныхъ на волю господами ради спасенія души; увѣчныхъ, слѣпыхъ, хромыхъ, которые также преимущественно жили при церквахъ.

Справедливо замѣчаютъ, что какъ вообще утвержденіе христіанства на Руси послѣдовало только постепенно, то и утвержденіе суда церковнаго по дѣламъ семейнымъ могло совершиться также въ теченіи извѣстнаго времени; но начало утвержденія того и другого мы должны необходимо отнести къ описываемому періоду. Легко понять, какое вліяніе должна была оказать Церковь, подчинивъ своему суду отношенія семейныя, оскорбленія чистоты нравственной и преступленія, совершавшіяся по языческимъ преданіямъ ³⁾. Духовенство со своимъ судомъ вооружилось противъ всѣхъ прежнихъ языческихъ обычаевъ, противъ похищенія дѣвицъ, противъ многоженства, противъ браковъ въ близкѣйшихъ степеняхъ родства. Церковь взяла женщину подъ свое покровительство, и блюла особенно за ея нравственностью, возвысила ея значеніе, поднявши мать въ уровень съ отцомъ, что ясно видно изъ отношеній женщины по имуществу ⁴⁾. Духовенство блюло, чтобы родители не женили сыновей, не отдавали дочерей замужъ насильно; преслѣдовало преступленія, которыя унижаютъ человѣка, приравниваютъ его къ звѣрю ⁵⁾. Лѣтописецъ жалуется, что у языческихъ Славянъ позволялось срамословіе въ семейномъ кругу: духовенство пачинаетъ преслѣдовать срамословіе. Семья, до сихъ поръ замкнутая и независимая, подчиняется надзору чужой власти, христіанство отнимаетъ у отцовъ семействъ жрецкій характеръ, который они имѣли во времена языческія; подлѣ отцовъ природныхъ являются отцы духовные; что прежде подлежало суду семейному, теперь подлежало суду церковному. Но понятно, что древнее языческое общество не вдругъ уступило новой власти свои права, что оно боролось съ нею — и боролось долго; долго, какъ увидимъ, христіане только по имени не хотѣли допускать новую власть вмѣшивающую въ свои семейныя дѣла; долго требованія христіанства имѣли силу только въ верхнихъ слояхъ общества и съ трудомъ про-

tandum de imaginibus sanctorum aut statua Crucis quicquam avulserint.

³⁾ Тайные роды убійствъ посредствомъ волшебства, волшебничества.

⁴⁾ Отношенія матери къ дѣтямъ всего лучше указаны въ отношеніяхъ матери Св. Феодосія къ сыну; по смерти мужа она наслѣдовала всю его власть надъ сыномъ.

⁵⁾ Такъ напр., если онъ кусается.

¹⁾ См. статью проф. Невольна О церковномъ судѣ въ Россіи. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1847 года.

²⁾ «Крестъ пощѣкутъ или на стѣнахъ рѣжутъ»; варяги: «или на стѣнахъ грески емлютъ, и со креста» Объясненіе въ переводѣ Герберштейна: Et qui ad insan-

никала внизъ, въ массу, гдѣ язычество жило еще на дѣлѣ, въ своихъ обычаяхъ. Мы видѣли, что вслѣдствіе родового быта у восточныхъ Славянъ не могло развиваться общественное богослуженіе, не могло образоваться жрецкое сословіе; не имѣя ничего противопоставить христіанству, язычество легко должно было уступить ему общественное мѣсто; но, будучи религіею рода, семьи, дома, оно надолго осталось здѣсь. Язычникъ русскій, не имѣя ни храма, ни жрецовъ, безъ сопротивленія допустилъ строить новыя для него храмы, оставаясь въ то же время съ прежнимъ храмомъ — домомъ, съ прежнимъ жрецомъ — отцомъ семейства, съ прежними законами общины, съ прежними жертвами у колодца, въ рощѣ. Вора, вражда древняго языческаго общества противъ вліянія новой религіи и ея служителей выразилась въ суевѣрныхъ примѣтахъ, теперь безсмысленныхъ, но имѣвшихъ смыслъ въ первые вѣка христіанства на Руси: такъ появленіе служителя новой религіи законѣный язычникъ считалъ для себя враждебнымъ, зловѣщимъ, потому что это появленіе служило знакомъ къ прекращенію нравственныхъ безпорядковъ, къ поличенію его грубаго произвола нравственно-религіозному закону. Бѣжалъ законѣный язычникъ, увидавъ издали служителя церкви, врага его прежняго языческаго быта, врага его прежнихъ боговъ, врага его домашнихъ духовъ-покровителей. Не имѣя силы дѣйствовать положительно противъ новой религіи, язычество дѣйствовало отрицательно, удаляясь, удаляясь отъ ея служителей; это удаленіе, разумѣется, поддерживалось стариками, ревнивыми къ своей власти, отъ которой они должны были отказаться въ пользу старцевъ Церкви, пресвитеровъ и епископовъ.

Касательно содержанія церкви въ лѣтописи находимъ извѣстіе, что Святій Владиміръ далъ въ пользу Богородичной церкви въ Кіевѣ отъ имѣнія своего и отъ доходовъ десятую часть, отъ чего и церковь получила названіе Десятинной ¹⁾; о Ярославлѣ говорится, что онъ строилъ церкви и опредѣлялъ къ нимъ священниковъ, которымъ давалъ содержаніе отъ казны своей: это уже можетъ показывать, что приношенія прихожанъ не могли быть достаточны для содержанія церквей, — въ то время с т а д о б ы л о м а л о е, по словамъ Иларіона. Изъ житія Святаго Оеодосія узнаемъ, что въ курской церкви служба не могла часто совершаться по недостатку просвиръ; изъ того же источника узнаемъ, что градоначальникъ, или посадникъ въ Курскѣ имѣлъ свою церковь. Пособіемъ для церковнаго содержанія могли служить пенн, взимаемая за преступленія по церковному суду, какъ это означено

¹⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 53. Въ церковномъ уставѣ: «Создахъ церковь Св. Богородица десятинную и дахъ ей десятину по всей землѣ Русьскій: изъ княженія въ Соборную церковь отъ всего княжа суда десятую вѣкню, а и съ торгу десятую педѣлю, а и съ домовъ на всяко лѣто отъ всякаго стада и отъ всякаго жита».

въ уставѣ Ярослава. Отъ средствъ, находившихся въ распоряженіи церквей и монастырей, зависѣло призрѣніе, которое находили около нихъ бѣдные, увѣчные и странники; о частной благотворительности, которая условливалась христіанствомъ, находимъ ясныя указанія въ преданіяхъ о дѣлахъ Владиміровыхъ.

Мы видѣли тѣсную связь грамотности съ христіанствомъ, слышали отзывъ инока-лѣтописца о пользѣ книжнаго ученія, слѣдили за дѣятельностью нового, грамотнаго поколѣнія христіанъ; теперь посмотримъ, не обнаружилась ли эта дѣятельность въ словѣ, и не дошло ли до насъ какихъ-нибудь литературныхъ памятниконъ изъ разсматриваемаго періода. Дошли до насъ отъ этого времени сочиненія перваго Кіевского митрополита изъ русскихъ — Иларіона; его сочиненія заключаются въ Слово о законѣ, данномъ чрезъ Моисея, и благодати и истинѣ, явившихся чрезъ Иисуса Христа съ присовокупленіемъ похвалы „кагану нашему Владиміру“ и изложенія Вѣры. Кромѣ того, въ сборникѣ XIV или XV вѣка открыто слово Святаго Иларіона митрополита Кіевского ²⁾. Для насъ особенно важны два первыхъ сочиненія, какъ непосредственно относящіеся къ нашему предмету. Естественнo ожидать, что первымъ словомъ церковнаго пастыря послѣ введенія христіанства будетъ прославленіе новаго порядка вещей, указаніе тѣхъ благъ, которыя народъ приобрѣлъ посредствомъ новой вѣры. И точно, въ словѣ Иларіона мы находимъ указаніе на это превосходство новой вѣры предъ старомъ „Уже не зовемся болѣе идолослужителями, но христіанами, говорить онъ; мы болѣе уже не беззаконники, но уповаемъ въ жизнь вѣчную; не строимъ болѣе капищъ, но зиждемъ церкви Христовы; не закалаемъ бѣсамъ другъ друга, но Христость закалаемъ за насъ и дробится въ жертву Богу и Отцу.“ Но эта противоположность христіанства съ прежнимъ русскимъ язычествомъ не составляетъ главнаго содержанія слова, въ которомъ преимущественно показывается противоположность и превосходство христіанства предъ иудействомъ, благодати Христовой предъ закономъ Моисеевымъ какъ истины предъ тѣнью, сыновства предъ рабствомъ, общаго, всечеловѣческаго предъ частнымъ народнымъ. Такое содержаніе Иларіонова сочиненія объясняется тѣмъ, что онъ, по собственнымъ словамъ его, писалъ не къ невѣдущимъ людямъ но къ насмѣившимся сладости книжныя; обращаясь же къ новому поколѣнію грамотныхъ христіанъ Иларіонъ не имѣлъ пужды выставить много превосходство христіанской религіи предъ старымъ русскимъ язычествомъ: это превосходство было для нихъ ясно; Иларіону надобно было присутствіе къ другому, болѣе важному вопросу — объ отношеніи Новаго Завѣта къ Ветхому, о инѣхъ примѣстивъ

²⁾ Цѣлѣныя къ Тору пѣямъ Св. Отцевъ, годъ 2-й, книга 2.

Христова на землю; первый вопрос, предложенный Владиміромъ греческому проповѣднику, былъ: „Для чего Богъ сошелъ на землю и принялъ страсть?“ Этотъ же вопросъ нужно было прежде всего уяснить и повому поколѣнію. Основываясь на приведенныхъ словахъ: „Не къ невѣдущимъ бо писать, но презирахъ насыщаеся сладости книжныя“, мы даже позволимъ себѣ догадку, что слово Иларіона о законѣ и благодати есть посланіе митрополита къ самому великому князю Ярославу, потому что о послѣднемъ всего приличнѣе можно было сказать, что онъ насытился сладости книжныя, если сравнимъ отзывы лѣтописей объ этомъ князѣ: „И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, и пресвитеры любаше повеліку, и книги прочитая“. Или: „Ярославъ же сей любаше книги зѣло“. Обязавши превосходство христіанской вѣры надъ іудейскою и языческою, Иларіонъ естественно переходитъ къ прославленію того князя, которому суждено было быть апостоломъ на Руси: такимъ образомъ оба сочиненія—Слово о законѣ и благодати и Похвала Владиміру—составляютъ одно цѣлое.

Но, кромѣ приведеннаго намятника, мы должны обратить вниманіе на извѣстно сохранившіяся произведенія народной фантазіи, которыхъ начало, первый древнѣйшій складъ относится къ описываемому времени; таковы наши древнія народныя пѣсни и сказки, въ которыхъ упоминается о Владимірѣ, о подвигахъ его богатырей. Главное содержаніе этихъ пѣсней и сказокъ составляютъ подвиги богатырей, защищавшихъ Русскую Землю отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ: первыми являются степные кочевники, приходящіе съ востока на Русскую Землю, на столичный городъ Владиміра, вторыми — разбойники. По характеру своему, эти пѣсни и сказки раздѣляются на такія, въ которыхъ преобладаетъ древній языческій элементъ, и на такія, въ которыхъ уже видны слѣды христіанскаго вліянія. Характеръ перваго изъ означенныхъ отдѣловъ соотвѣтствуетъ ипозити характеру эпохи, какъ онъ изображенъ нами въ своемъ мѣстѣ. Герой пѣсни или сказки—богатырь, обладающій странною матеріальною силою: вотъ онъ является ко Двору княжескому; всѣ глядятъ на молодца, дивуются, ему наливаютъ чару зелена-вина въ полтора ведра, онъ принимаетъ чару единой рукой, выпиваетъ ее единымъ духомъ; броситъ онъ горсть пещку по высокому терему—полтерема синибетъ; закричитъ богатырь зычнымъ голосомъ—съ теремовъ верхи повалится, съ горницъ охлопья падаютъ, въ погребахъ пшныя всколебуются. Вотъ подвигъ любимаго народнаго богатыря Ильи Муромца ¹⁾: Илья идетъ въ послахъ отъ князя Владиміра къ хану кочевой орды, и заводитъ съ нимъ сеору; ханъ велитъ связать ему руки бѣлыя, плюетъ ему въ ясныя очи:

И тутъ Илья за бѣду стало,
За великую досаду показалося,

Что плюетъ Калинь (ханъ) въ ясны очи;
Вскочилъ въ поддрева стоячаго,
Изорвалъ чембуры на мочувхъ плечахъ,
Не допусаять Илью до добра коня,
И до его-то до палицы тяжкія,
До мѣды латы въ три тысячи.
Схватилъ Илья Татарина за ноги,
Который ѣздилъ въ Кіевъ градъ,
И зачалъ Татаринкомъ помахивати:
Куда ни махнеть,—туть и улицы лежать,
Куда отвернеть—съ перулками,
А самъ Татарину приговариваетъ:
«А и крѣнокъ Татаринъ, не лопится,
А живовать, собака, не изорвется...»

Но не одна чудовищная, матеріальная сила дѣйствуетъ въ богатыряхъ: въ нихъ дѣйствуетъ также сила чародѣйская. Мы видѣли занесенное въ лѣтопись преданіе о томъ, что Полоцкій князь Всеславъ Брячиславичъ родился отъ волшебства (волхованія); пѣсня рассказываетъ въ подробности это преданіе ²⁾, какъ родился богатырь Волхъ Всеславьевичъ отъ лютаго змѣя. Когда минуло Волху десять годовъ, сталъ учиться онъ премудростямъ: первый мудрости учился—обертываться яснымъ соколомъ; другой мудрости учился—обертываться сѣрымъ волкомъ; третьей мудрости учился онъ—обертываться гнѣдымъ туромъ—золотые рога. На двѣнадцатомъ году начинаетъ онъ набирать дружину; живо и согласно съ лѣтописью представляетъ намъ пѣсня дружинный бытъ: сталъ себѣ Волхъ прибирать дружину, прибиралъ три года, и набралъ себѣ дружину семь тысячъ; самъ онъ, Волхъ, въ пятнадцать лѣтъ, и вся его дружина по пятнадцати лѣтъ... Волхъ поилъ, кормилъ дружину хرابрую, обувалъ, одѣвалъ добрыхъ молодець.—Особенно отличаются мудростью, хитростью, то-есть чародѣйствомъ, вѣдовствомъ, женщины, знаменитыя вѣдмы кіевскія: такова Марина Игнатьева ³⁾, которая водится съ змѣемъ Горыничемъ. Осердясь на богатыря Добрыню, Марина привораживаетъ его къ себѣ.

Брала она слѣды горячіе молодецкіе,
Набирала Марина берега дровъ,
А брела дровъ бѣлодубовыхъ,
Глаза дровца въ печку муравленную
Со тѣми слѣды горячимъ,
Разжигаетъ дрова палаятлымъ огнемъ,
И сама она дровамъ приговариваетъ:
«Сколь жарко дрова разгораются
Со тѣми слѣды молодецкими,
Разгоралось бы сердце молодецкое».

Чары дѣйствуютъ на Добрыню: онъ влюбляется въ вѣдму, прогоняетъ отъ нея соперника своего, Зятя Горыничца, за что Марина обертываетъ его гнѣдымъ туромъ.—Такова Авдотья Диховидьевна, которая пекала м у д р о с т и надъ мужемъ своимъ, Потокомъ Михайлою Ивановичемъ: она взяла съ него слово, что если она умретъ прежде него, то ему зарыться съ нею въ могилу живому; и вотъ че-

²⁾ Тамъ же, стр. 45.

³⁾ Тамъ же, стр. 62.

¹⁾ Древн. Рос. стихотв., стр. 249.

резь полтора года Лиховидевна умираеть, и Потокъ, вѣрный своему слову,

Съ конемъ и збруєю ратною
 Опустился въ тое жь могилу глубокую,
 И заворочали потолкаемъ дубовыямъ
 И засыпали песками желтымъ,
 А надъ могилою поставили деревянный крестъ,
 Только вѣсто оставили веревкъ одной,
 Которая была привязана къ колоколу соборно ю.
 И стоялъ онъ, Потокъ Михайло Ивановичъ,
 Въ могилѣ съ добрымъ конемъ
 Съ полудни до полуночи.
 И для страху, добывъ огня,
 Зажигалъ свѣчи воску ярато.
 И какъ пришла пора полночная,
 Собирались къ нему все гады змѣиные,
 А потомъ прашель большой змѣи:
 Онъ жжетъ и палитъ пламенемъ огненнымъ;
 А Потокъ Михайло Ивановичъ
 На то-то не робокъ былъ,
 Вынималъ саблю острую,
 Убиваетъ змѣя лютаго
 И сбываетъ ему голову,
 И тою головою змѣиною
 Учалъ тѣло Авдотьи мазати.
 Вѣтвюры она еретинца
 Изъ мертвыхъ пробуждалася.

Такъ отразился матеріальный, языческій бытъ юной Руси на произведеніяхъ народной фантазіи; теперь посмотримъ, какъ отразилось на нихъ вліяніе христіанства. Это вліяніе замѣтно отразилось въ пѣснѣ объ Алешѣ Поповичѣ; противникомъ Алеша является Тугаринъ Змѣевичъ, богатырь съ чудовищною матеріальною силою и чародѣй; отечество Змѣевичъ, способность палить огнемъ и склонность къ сладострастію указываютъ на его нечистое происхожденіе. Алеша Поповичъ не отличается чудовищною матеріальною силою, но ловко владѣеть оружіемъ. За столомъ княжескимъ Тугаринъ Змѣевичъ ѣсть и пьетъ по-богатырски: по цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ, глотаетъ цѣликомъ по лебедю, по цѣлой чашѣ охлестываетъ, которая чаша въ полтретья ведра, и безстыдно ведетъ себя съ женщинами; все это не нравится Алешѣ, онъ сравниваетъ Тугарина съ прожорливымъ животнымъ; здѣсь уже природа человѣческая вооружается противъ животной. Приготовляясь къ битвѣ съ Тугариномъ, Алеша не спитъ всю ночь, молится со слезами, чтобы Богъ послалъ ему въ помощь тучу грозную съ дождемъ и градомъ. Алешины молитвы доходны ко Христу: Богъ посылаетъ тучу съ дождемъ и градомъ, крылья у Тугарина обмокли, и онъ свалился на землю, принужденъ бороться обыкновеннымъ способомъ. Алеша побѣждаетъ его, но побѣждаетъ его не матеріальною силою, а хитростью; соединивъ съ Тугариномъ, Алеша говоритъ ему: „Ты хочешь драться со мною одинъ-на-одинъ, а между тѣмъ ведешь за собою силу несмѣтную“; Тугаринъ оглянулся назадъ; этимъ мгновениемъ воспользовался Алеша, подскокилъ и отрубилъ ему голову. Любопытно видѣть, какъ, подъ вліяніемъ христіанства, передѣлывались преданія о любимомъ народномъ богатырѣ Ильѣ Муромцѣ; мы встрѣтили

уже разъ Илью въ борьбѣ съ кочевой ордою, когда онъ, вмѣсто оружія, человѣкомъ билъ людей; но вотъ слышится о немъ же другое преданіе, составившееся подъ новымъ вліяніемъ: тридцать лѣтъ сидитъ Илья сиднемъ, не владѣеть ни руками, ни ногами и получаетъ богатырскую силу чудомъ, какъ даръ Божій, за христіанскій подвигъ, за желаніе утолить жажду двухъ странниковъ¹⁾; дальнѣйшіе подвиги его отмѣчены также смиреніемъ, благодушіемъ. Противъ языческаго поклоненія матеріальной силѣ христіанство выставило поклоненіе силѣ духовной небесной, предъ которою матеріальная, земная сила ничто, противъ которой не устоитъ никакой богатырь. Мы видѣли, какъ это понятіе отразилось въ преданіи объ Алешѣ Поповичѣ и Ильѣ Муромцѣ но всего рѣзче высказалось оно въ преданіи о томъ, какъ богатыри, побѣдивъ несмѣтную басурманскую силу, обезумѣли отъ гордости и вызвали на бой силу небесную, которая росла все болѣе и болѣе подъ ударами богатырей, и наконецъ заставила ихъ окаменѣть отъ ужаса²⁾. Такъ, подъ вліяніемъ христіанства, начало упраздниться поклоненіе матеріальной силѣ.

Мы уже имѣли случай упомянуть о томъ, какъ въ древнихъ богатырскихъ пѣсняхъ нашихъ, сквозь познѣйшіе слои проглядываетъ слой древній, отражающій въ себѣ бытъ первоначальнаго періода нашей исторіи; мы видимъ какъ въ нихъ отразилось особенно бытъ дружины; справедливо замѣчаютъ³⁾, что старинные богатыри русскіе принадлежатъ разнымъ сословіямъ, сходятся къ Двору княжескому съ разныхъ концовъ Руси: таковъ постоянно характеръ дружины, который долго держался у насъ и чистотѣ. Укажемъ еще на нѣкоторыя черты, напоминающія время: извѣстенъ древній обычай давать кораблямъ видъ разныхъ звѣрей, драконовъ, и т. п.; и вотъ въ пѣснѣ о Соловѣи Будимировичѣ такъ, между прочимъ, описанъ его корабль:

Носъ, корма по туриному,
 Бока введены по-зѣбриному.

Эта же пѣсня напоминаетъ о греческой торговлѣ; о судахъ, приходившихъ въ Кіевъ съ греческими товарами:

Говорилъ Соловей таково слово:
 «Гой еси вы, гости корабельщики,
 И все цѣловальники любимы!
 Какъ буду я въ городѣ въ Кіевѣ,
 У ласкова князя Владимира,
 Чѣмъ мнѣ-то будетъ князя дарить,
 Чѣмъ свѣта жаловати?»
 Отвѣчаютъ гости корабельщики
 И все цѣловальники любимы:
 «Ты славною, богатой гостью:
 Молодой Соловей, сынъ Будимировичъ!
 Бѣтъ, сударь, у насъ золота казна,
 Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,

¹⁾ См. это преданіе въ Исторіи Русской Словесности проф. Шевырева, вып. I, стр. 193.

²⁾ Тамъ же, стр. 199.

³⁾ Тамъ же, стр. 216.

Вторые сорокъ бурнастикъ ¹⁾ лисицъ;
Есть, сударь, дорога камка,
Что не дорога камочка — узоръ хитерь:
Хитрости были Царя-града,
А и мудрости Иерусалима,
Замыслы Соловья Вудимировича;
На златъ, серебръ не погнѣваться.
Прибѣжали корабли подь славный Кіевъ градъ,
Якори метали въ Дивъирь рѣку,
Сходни бросали на крутъ бережокъ ²⁾...

Мы знаемъ изъ лѣтописи, что Новгородцы славилась плотничествомъ; пѣсня говоритъ, что они славились умѣньемъ строгать стрѣлы:

... тѣмъ стрѣламъ кѣны не было:
Колоты они были изъ тростъ-дерева,
Строганы тѣ стрѣлы въ Новгородѣ ³⁾.

Лѣтописецъ знаетъ о дунайскомъ городкѣ Кіевцѣ, который основанъ будто бы нашими же Кіевъ Полянскимъ; пѣсня знаетъ также Кіевецъ:

Чурила живеть не въ Кіевѣ,
А живеть она пониже малаго Кіевца ⁴⁾.

Мы знаемъ, что дружинники переходили отъ одного владѣльца къ другому, служили то въ одной, то въ другой странѣ; таковы и богатыри пѣсни, таковъ знаменитый Дунай Ивановичъ, который говорить о себѣ:

Служилъ я, Дунай, въ семи ордахъ,
Въ семи ордахъ, семи королямъ ⁵⁾.

Въ Галицкой Руси теперь еще поется объ этихъ дружинникахъ, о нашихъ старинныхъ Руссахъ, которые собирались идти на тихій Дунай, служить царю Болгарскому, или въ Константинополь къ Императору:

„Въ чистомъ полѣ шатеръ стоитъ; въ шатрѣ сидятъ добры молодцы; сидятъ они, думу думаютъ: какъ пойдемъ мы къ кузнецу доброму, покуемъ себѣ мѣдные челна, мѣдные челна, золотыя весла; какъ пустимся мы на тихій Дунай, вдоль Дуная подь Царьгородъ. Ой, чуемъ тамъ добраго пана, что платитъ щедро за службу молодецкую: даетъ, что годъ, по стугу червонныхъ; по стугу червонныхъ да по вороному коню; по вороному коню да по сабелькѣ; по сабелькѣ да по кафтанчику; по кафтанчику да по шаночкѣ; по шаночкѣ да по красной дѣвицѣ ⁶⁾“.

¹⁾ Не Бургасскихъ ли?

²⁾ Древн. Рос. стихотвор., стр. 3, 4.

³⁾ Тамъ же, стр. 24.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 159.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 96.

⁶⁾ См. у Мадъевского въ Polska. — Я въ своемъ вольномъ переводѣ соединилъ дѣтъ пѣсни, сходныя другъ съ другомъ въ главныхъ чертахъ; вотъ онъ:

1.

Iszly młodeci rano sciercowei,
Oj iszly iszly radu radyły,
Radu radyły ne jednakoju,
Ne jednakoju, a trojuhoju:
Oj chodnoz ty do kowalczyka,

Мы видѣли вліяніе христіанства на древнія наши богатырскія преданія, — видѣли, какъ подь этимъ вліяньемъ передѣльвался характеръ богатырей, характеръ ихъ поступковъ. Но есть еще цѣлый рядъ произведений народной фантазіи, которые отзываются также глубокою древностью и которые своими существованіемъ обязаны уже почти исключительно новой религіи: мы говоримъ о духовныхъ нашихъ пѣсняхъ, или стихахъ, которые обыкновенно поются слѣплыми нищими. Мы видѣли въ преданіи о принятіи Владиміромъ христіанства, что князя всего болѣе поразилъ разсказъ греческаго проповѣдника о началѣ и концѣ міра: мы видѣли также, что эти вопросы занимали сильно языческіе народы сѣвера; — и вотъ народная фантазія овладѣваетъ этими вопросами и пѣшаетъ ихъ по своему, подь непосредственнымъ однако вліяньемъ христіанства. Такъ произошли важнѣйшіе стихи о Голубиной книгѣ и о Страшномъ судѣ. Въ первой пѣснѣ говорится: какъ изъ грозной тучи вышла исполненная книга; какъ изъ мнѣгогическаго собора всякаго рода людей никто не могъ разогнуть ея; какъ могъ это сдѣлать одинъ царь Давидъ, совопросникомъ котораго о тайнахъ творенія является нашъ Владиміръ. Здѣсь можно видѣть связь пѣсни съ преданіемъ о томъ, какъ Вла-

Do kowalczyka do zolotnika,
Pokujmoz sobi midiani czowna,
Midiani czowna, zoloti wesla,
Oj pustimez na tychyj Dunaj
Doliw Dunajem pid Carchorod,
Oj czemo tam dobroho pana
Szexo platyt dobre za zaslu'enku
Oj daje na rik po sto czerwonnych,
Po sto czerwonnych po konykowoy,
Po konykowoy, taj po szabelci,
Taj po szabelci, po pari sukon,
Po pari sukon, taj po szapoczi,
Taj po szapoczi, taj po panoczei.

2.

Oj w czystim poly plysk dorohy
Stajal namet, bili szowkowi:
A w tych nametach vse hromadowe
Radonku radiat koby wradyly:
Oj ne sprawlaimo na zony szuby,
Na zony szuby na doczky zloto
Ale sprawlaimo midiani czowna,
Midiani czowna, sribniji wesla,
Ta puskajmo na kraja Dunaja,
Czniemoz my tam dobroho pana,
Dobroho pana, a pana Petra
Szexo platyt dobre za zaslu'enku,
Oj daje na rik po stu czerwonnych,
Po konykowoy, po woronomu,
Po županowoy, po kitajewu,
Po jasni strilci, po prasny diwci.

Въ прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ Академіи Наукъ напечатана была на про Василису Данилову, въ которой можно найти намекъ на поведение Владиміра до крещенія, какъ о немъ свидѣтельствуетъ лѣтописъ; потому можно найти слѣды смутнаго преданія объ усобицахъ между Кіевомъ и Черниговомъ; любопытно, что Кіевская рать называется сѣлоу Русскою.

димиръ спрашивалъ у греческаго проповѣдника о содержаніи Ветхаго и Новаго Завѣта ¹⁾.

Разсмотрѣвъ событія начального періода и внутреннее состояніе общества въ это время, поста-раемся выкинуть въ главные, характеристическія черты эпохи. Прежде всего представляются намъ племена, разбросанныя на огромныхъ пространствахъ и живущія подъ формами родового быта. На сѣверѣ племена эти, по вѣсьмъ вѣроятностямъ вслѣдствіе столкновенія съ другими историческими народами, сознаютъ необходимость выйти изъ родового быта, для чего призываютъ власть извѣстѣ, призываютъ князя изъ чуждаго рода. Соединенныя посредствомъ новаго начала силы дѣйствуютъ: князь сѣверныхъ племенъ пользуется силами послѣднихъ и подчиняетъ себѣ остальные племена на всемъ огромномъ пространствѣ великой восточной равнины. Племена эти, вслѣдствіе означеннаго подчиненія, сосредоточенія, постепенно переходятъ изъ родового быта въ областной; въ городахъ, вслѣдствіе дѣятельности правительственнаго начала, вслѣдствіе переселеній и новаго раздѣленія жителей, родовой бытъ ослабѣваетъ. Между тѣмъ является новое могущественное начало—Церковь: князья сѣверныхъ племенъ движутся на югъ, по великому водному пути изъ Валтійскаго моря въ Черное, утверждаютъ свое пребываніе въ Кіевѣ; откуда начинаютъ частыя сношенія съ Византією; вслѣдствіе этихъ сношеній является на Русіи христіанство, торжествуетъ надъ язычествомъ въ Кіевѣ, и отсюда мало-по-малу распространяется во всѣ стороны. Вліяніе Церкви, духовенства на общественный строй оказывается немедленно, особенно при необходимомъ столкновеніи съ семейнымъ началомъ; ясно начинаютъ обнаруживаться дѣйствія новой религіи въ концѣ періода, когда выступаетъ новое поколѣніе грамотныхъ христіанъ.—Главные условія, которыя опредѣляли при этомъ дальнѣйшій ходъ Русской Исторіи, были: во первыхъ, природа страны, во вторыхъ—бытъ племенъ, вошедшихъ въ составъ новаго общества, въ третьихъ—состояніе со-сѣднихъ народовъ и государствъ. Равнинность страны, а главное—величина и обиліе рѣкъ условили быстрое очертаніе огромной государственной области, первоначальныя основы которой положены по великому водному пути изъ сѣверной Европы въ южную, изъ Валтійскаго моря въ Черное; путь шелъ, по выраженію Лѣтописца, отъ Варяговъ къ Грекамъ; этимъ условились два явленія, имѣвшія рѣшительное вліяніе на жизнь русскаго общества: отъ Варяговъ пришло правительственное начало, отъ Грековъ—христіанство.—Бытъ племенъ родовой условилъ явленія, побудившія къ призванію князей; онъ условилъ и отношенія между призван-

ными началомъ и призванными его; князь могъ явиться не иначе, какъ въ значеніи родоначальника: по отсутствію наследственности родового старшинства въ одной линіи, старшины родовъ не могли выдвинуться на первый планъ съ ограничивающимъ княжескую власть значеніемъ, и дружина необходимо получала характеръ только служебный ²⁾. Природа страны и бытъ племенъ условили и особенную форму распространенія Русской государственной области, именно—колонизацію, которую мы замѣчаемъ съ самаго начала; при этомъ замѣчаемъ также, что движеніе отирается преимущественно съ сѣвера на югъ; замѣчаемъ болышій приливъ жизненныхъ началъ на сѣверѣ: три раза вступать сѣверъ въ борьбу съ югомъ, и три раза остается побѣдителемъ; по сѣверъ не только даетъ побѣду князьямъ своимъ надъ князьями юга, онъ посылаетъ часть своего народонаселенія на постоянную защиту юга отъ степныхъ варваровъ.—Третьимъ главнымъ условіемъ, опредѣлившимъ изначала ходъ Русской Исторіи, называли мы отношенія къ сосѣднимъ государствамъ и народамъ. Русское Государство образовалось на дѣйственной почвѣ, на которой исторія, цивилизація другого народа не оставила никакихъ слѣдовъ; никакихъ преданій, никакихъ учрежденій не досталось въ наследство юному русскому обществу, которое должно было начать свою историческую жизнь съ

²⁾ Много говорятъ о завоеваніи и позавоеваніи; полагаютъ главное отличіе Исторіи Русской отъ исторіи западныхъ европейскихъ государствъ въ томъ, что тамъ было завоеваніе одного племени другимъ, а у насъ его не было. Этотъ взглядъ, по нашему мнѣнію, одностороненъ: про-води параллель между западными европейскими государствами и нашими Русскими, преимущественно обращая вниманіе на Францію, Англію, уступаая изъ виду Германію, Скандинавскія государства и ближайшія къ намъ государства Славянскія: здѣсь одно племя не было завоевано другимъ, и между тѣмъ исторія этихъ государствъ столько же различна отъ исторіи нашего, сколько различна отъ нея исторія Франціи и Англіи. Ясно, слѣдовательно, что въ одномъ отсутствіи завоеванія нельзя искать объясненія главному различію; прежде всего должно искать его въ первоначальныхъ отношеніяхъ призваннаго начала къ призванному, — отношеніяхъ, условленныхъ первоначальнымъ бытомъ племенъ: дойдя эти племена въ родовомъ бытѣ до кланскаго устройства, имѣй наследственное старшинство, станъ эти наследственные старшины родовъ съ земскимъ значеніемъ около князя,—исторія приняла бы совершенно другой видъ, хотя бы также не было завоеванія. Дружина имѣла у насъ другой характеръ, чѣмъ на Западѣ; но этотъ характеръ могъ бы измѣниться, если бы у насъ на Русіи произошли такія же явленія, какія имѣла дѣсто въ Польшѣ послѣ Болеслава Храбраго, если бы русскіе дружинники пріобрѣли скоро значеніе богатыхъ земельныхъ владѣльцевъ и областныхъ правителей: а это значеніе они могли пріобрѣсти и безъ завоеванія, вслѣдствіе одного служебнаго своего характера, вслѣдствіе пожалованій княжескихъ. Итакъ, рѣзкое различіе нашей исторіи отъ исторіи западныхъ государствъ,—различіе оцутительное въ самомъ началѣ,—не можетъ объясняться только отсутствіемъ завоеванія, но многими различными причинами, дѣйствующими и въ началѣ, и во все продолженіе исторіи: на всѣ эти причины историкъ долженъ обращать одинакое вниманіе, если не хочетъ заслужить упрека за односторонность.

¹⁾ Подробности о духовныхъ стихахъ см. въ Исторіи Русской Словесности проф. Шевырева, вып. I, стр. 235 и слѣд.

одними собственными средствами. Но при такихъ обстоятельствахъ важно было то, что поворожденное общество, находясь на краю восточной Европы, вслѣдствіе отдаленности, уединенія своего, избѣгло чуждыхъ сильныхъ вліяній со стороны народовъ, поставленныхъ въ болѣе благопріятныя обстоятельства относительно гражданственности. Западные славянскія государства основались также на дѣвственной почвѣ, но они немедленно должны были подчиниться вліянію чужого племени, германскаго, которое дѣйствовало съ помощью римскихъ началъ, усвоенныхъ имъ на почвѣ Имперіи. Это могущественное вліяніе чуждой народности, противъ котораго славянская народность не могла выставить сильнаго сопротивленія, нанесло при самомъ началѣ рѣшительный ударъ самостоятельности западныхъ Славянъ во всѣхъ отношеніяхъ, при самомъ началѣ условило ихъ будущую судьбу. Но вліяніе германскаго племени прекратилось Польшею, не могло достигнуть Россіи вслѣдствіе самой ея отдаленности, уединенія; свободная отъ вліяній чуждыхъ племенъ, Русь могла сохранить свою славянскую народность: она приняла христіанство отъ Византіи, которая вслѣдствіе этого обнаружила сильное вліяніе на жизнь южнаго русскаго общества; но это вліяніе не было нисколько вредно для славянскій народности послѣдняго, потому что Восточная Имперія, по самой слабости своей, не могла насильственно вѣнчать русскую жизнь въ формы своего быта, навязывать русскимъ свой языкъ, высылать къ нимъ свое духовенство, свои колоніи; византійская образованность дѣйствовала не чрезъ свой собственный органъ, но чрезъ органъ русской народности, чрезъ русскій языкъ, и такимъ образомъ, вмѣсто утупленія, содѣйствовала только къ утверженію славянскій народности на Руси; Греція обнаруживала свое вліяніе на Русь не во столько, во сколько сама хотѣла обнаруживать его, но во столько и въ такихъ формахъ, въ какихъ сами Русскіе хотѣли принимать ея вліяніе; ни свѣтская, ни духовная власть Восточной Имперіи не могли имѣть рѣшительнаго вліянія на явленія древней русской жизни, не могли выставить начала, равносильнаго господствовавшимъ въ ней началамъ, которая потому и развивались свободно и независимо; византійскія государственныя понятія, проводимыя на Руси чрезъ духовенство, могли только тогда способствовать окончательному сокрушенію нѣкоторыхъ формъ жизни, когда эти формы были уже рѣшительно поколеблены вслѣдствіе внутреннихъ причинъ. Безопасная отъ насильственнаго вліянія имперій Римско-Греческой и Римско-Германской, древняя Русь была безопасна отъ насильственнаго вліянія и другихъ сосѣднихъ народовъ: Польша и во времена могущества своего постоянно сдерживалась западомъ, принуждена была постоянно смотрѣть въ ту сторону, притомъ же силы двухъ новыхъ государствъ были одинаковы; Польнѣ не удалось утвердить своего вліянія на востокъ и при

Болеславѣ Храбромъ, тѣмъ жеиѣ она могла имѣть средствъ къ тому послѣ его смерти. Дикіе Литовцы и Ятвяги могли только безпокоить русскія границы своими набѣгами. Въ Швеціи, вслѣдствіе появленія тамъ христіанства, началось разложеніе древнихъ языческихъ формъ жизни, сопровождаемое внутренними волненіями, уничтожившими для народа и князей его возможность дѣйствовать наступательно на сосѣднія страны. Съ востока, отъ степей Азіи, иѣтъ также сильныхъ напоровъ, могущихъ вырвать съ корнемъ основы поворожденнаго общества, какъ нѣкогда наплывъ гуннскихъ уничтожилъ въ этихъ странахъ владѣніе Готтовъ. Такъ съ самаго начала уже оказывалось, что изъ всѣхъ славянскихъ государствъ одному Русскому суждено было самостоятельное существованіе въ Европѣ.

Взаключеніе мы должны обратиться къ вопросу, который такъ долго господствовалъ въ нашей исторической литературѣ, именно къ вопросу о норманскомъ вліяніи. Участіе скандинавскихъ племенъ, или Варяговъ, въ началѣ періодѣ нашей исторіи несомнѣнно, ясно съ перваго взгляда. Первоначальною областю Русскаго государства была путь отъ Варяговъ въ Грецію; и безспорно, что этотъ путь открытъ Варягами задолго до половины IX вѣка; безспорно также, что явленіе, знаменующее въ исторіи сѣверо-восточной Европы половину IX вѣка, соединеніе сѣверныхъ племенъ славянскихъ и финскихъ подъ одну власть, произошло вслѣдствіе столкновенія этихъ племенъ съ племенемъ скандинавскимъ, вслѣдствіе владычества Варяговъ въ этихъ странахъ. Первые призванные князья были изъ рода варяжскаго, первая дружина состояла преимущественно изъ ихъ соплеменниковъ; путемъ варяжскимъ движутся сѣверные князья на югъ; въ борьбѣ съ югомъ, съ Греками, восточными степными варварами, Польшею, Русскіе князья постоянно пользуются варяжскою помощію; Варяги — первые купцы, первые посредники между сѣвровою и южною Европою и Азіею, между славянскими племенами и Греками, они же главнымъ образомъ посредничаютъ и при введеніи христіанства въ Русь. Но при этомъ должно строго отличать вліяніе народа отъ вліянія народности: вліяніе скандинавскаго племени на древнюю нашу исторію было сильно, ощутительно; вліяніе скандинавскій народности на славянскую было очень незначительно. При столкновеніи двухъ народовъ, при опредѣленіи степени ихъ вліянія одного на другой, должно обратитъ прежде всего вниманіе на слѣдующія обстоятельства: одинъ народъ господствуетъ ли надъ другимъ, одинъ народъ стоитъ ли выше другого на ступеняхъ общественной жизни, наконецъ формы быта одного народа, его религія, нравы, обычаи рѣзко ли отличаются отъ формъ быта другого, религіи, нравовъ, обычаевъ?

Мы видимъ, что у насъ Варяги не составляютъ господствующаго народонаселенія относительно Славянъ, не являются какъ завоеватели послѣднихъ,

слѣдовательно не могутъ падать Славянамъ насильственно своихъ формъ быта, сдѣлать ихъ господствующими, распоряжаться какъ полновластные хозяева въ Землѣ. Мы видимъ, что при Владимірѣ въ совѣтахъ о строѣ земскомъ подлѣ бояръ являются старцы, слѣдовательно если мы даже предположимъ, что сначала, тотчасъ послѣ призванія, дружина преимущественно состояла изъ Варяговъ, то ея вліяніе не могло быть исключительно, потому что перевѣшивалось вліяніемъ старцевъ, представителей славянскаго народонаселенія; что было въ стольномъ городѣ княжескомъ, то самое должно было быть и въ другихъ городахъ, гдѣ мѣсто князя занимали мужи княжин. Варяги, составлявшіе первоначально дружину князя, жили около послѣдняго, такъ-сказать, стояли подвижнымъ лагеремъ въ странѣ, а не врѣзывались сплошными колоніями въ туземное народонаселеніе; многіе изъ нихъ находились только во временной службѣ у Русскихъ князей, уходили отъ нихъ на службу къ императору Греческому или возвращались назадъ домой; наконецъ, по самому характеру дружинниковъ, они не могли переходить въ Русь съ женами; тѣ изъ нихъ, которые оставались здѣсь навсегда, женились на Славянкахъ, дѣти ихъ были уже полу-Варягами только, выукъ—совершенно Славянами.

Варяги не стояли выше Славянъ на ступеняхъ общественной жизни, слѣдовательно не могли быть среди послѣднихъ господствующимъ народомъ въ духовномъ, правственномъ смыслѣ; наконецъ, что всего важнѣе, въ древнемъ языческомъ бытѣ скандинаво-германскихъ племенъ мы замѣчаемъ близкое сходство съ древнимъ языческимъ бытомъ Славянъ; оба племени не успѣли еще выработать тогда рѣзкихъ отбѣговъ въ своихъ народностяхъ,—и вотъ горсть Варяговъ, поселившись среди славянскихъ племенъ, не находятъ никакихъ препятствій слиться съ большинствомъ.

Такъ должно было быть, такъ и было. Въ чемъ можно замѣтить сильное вліяніе скандинавской народности на славянскую?—Въ языкѣ? По послѣднимъ выводамъ, добытымъ филологією, оказывается, что въ русскомъ языкѣ находится не болѣе десятка словъ происхожденія сомнительнаго или дѣйствительно германскаго ¹⁾. Послѣ того какъ древнѣйшій памятникъ нашего законодательства, такъ-называемая Русская Правда, —сличена была съ законодательными памятниками другихъ славянскихъ народовъ, не можетъ быть рѣчи не только о томъ, что Русская Правда есть скандинавскій законъ, но даже о сильномъ вліяніи въ ней скандинавскаго элемента. Даже тѣ изслѣдователи юристы, которые предполагаютъ нѣсколько значитель-

ное вліяніе скандинавскаго элемента въ Русской Правдѣ, видятъ однако въ послѣдней собраніе обычаевъ преимущественно славянскихъ и частію только германскихъ ²⁾. Но, для яснаго пониманія событийъ перваго періода нашей исторіи, мало еще опредѣлять, что степень вліянія народности пришлаго элемента на народность туземнаго была незначительна: нужно тотчасъ же обратить вопросъ и слѣдить, какому вліянію съ самаго начала стала подвергаться пришедшій элементъ отъ туземнаго, отъ новой среды, въ которой онъ напелся; надобно слѣдить за обоими элементами въ ихъ взаимодѣйствіи, а не брать каждый порознь, заставляя ихъ дѣйствовать отъ начала до конца въ полной обособности, съ ихъ первоначальнымъ частымъ характеромъ, какой они имѣли до своего соединенія. Если Рюрикъ былъ Скандинавъ, морской король, то слѣдуетъ ли отсюда, что внуки и правнуки его, князья многихъ племенъ, владѣльцы обширной страны, должны также носить характеръ морскихъ королей? Рѣзвъ новая среда, въ которой они стали вращаться, нисколько не могла содѣйствовать къ измѣненію ихъ характера? Говорятъ, что нами князья, отъ Рюрика до Ярослава включительно, были истые Норманны; по въ чемъ же состоитъ ихъ норманство?—Въ томъ, что они обнаруживаютъ завоевательный духъ? Но такимъ духомъ обыкновенно отличаются князья поворожденныхъ обществъ: одновременно съ Русскимъ образуется другое славянское государство—Польское; первые Цисты не Норманны; несмотря на то, они обнаруживаютъ свою дѣятельность тѣмъ же, чѣмъ и первые Рюриковичи,—распространеніемъ первоначальной области посредствомъ завоеванія. Первые Рюриковичи обнаруживаютъ свое норманское происхожденіе, быть можетъ, тѣмъ, что совершаютъ походы преимущественно водою, на лодьяхъ? Но причина этого явленія заключается не въ норманскомъ происхожденіи князей, а въ природѣ страны, малонаселенной, покрытой непроходимыми лѣсами, болотами, въ которой, слѣдовательно, самый удобный путь былъ водный; дружины, распространявшія русскія владѣнія за Уральскимъ хребтомъ въ XVII вѣкѣ, не были Норманны, но, по природѣ страны, дѣйствовали такъ-же, какъ послѣдніе, совершали свои походы воднымъ путемъ. Обычай нашихъ князей ходить на полюдь не есть норманскій, онъ необходимъ во всѣхъ поворожденныхъ обществахъ: такъ, мы видимъ его и въ Польнѣ. Военное дѣленіе на десятки, сотни и т. д. есть общее у народовъ различнаго происхожденія. Дружинная жизнь не есть исключительная принадлежность германскаго племени: Болеславъ Польскій живетъ съ своею дружиною точно такъ-же, какъ Владиміръ съ своею.

Слѣдствіи всѣхъ первыхъ князей нашихъ морскими королями, назвавши ихъ истыми Норманна-

¹⁾ См. Срезневскаго — Мысли объ исторіи русскаго языка. Слова, которая до сихъ поръ считались скандинавскими, оказываются чисто славянскими, таковы: безмелъ, вервь, вира, верста, Господь, гость, гридь, дума, князь, луда, лють, мечъ, мыто, навъ, пети, обель, огнищанинъ, смердь, торемъ, якорь.

²⁾ Михайлова—Исторія образованія и развитія системъ русскаго гражданскаго судопроизводства, стр. 22.

ми, опредѣливши такимъ образомъ ихъ общій характеръ, точку зрѣнія на нихъ, изслѣдователи необходимо должны были оставить въ сторонѣ ихъ главное значеніе относительно той страны, относительно тѣхъ племенъ, среди которыхъ они призваны были дѣйствовать, должны были оставить въ сторонѣ различіе характеровъ cadaго изъ нихъ, и какое вліяніе это различіе производило на судьбу страны. Обративъ преимущественно вниманіе на элементъ пришлый, на Варяговъ, изъ характера ихъ отношеній къ князю и Землѣ исключительно старались опредѣлить главный характеръ нашей исторіи, позабывъ, что характеръ дружины условился отношеніями призванныхъ князей къ призванному народонаселенію, и что эти отношенія условились бытово послѣдняго. Утверждая, что у насъ имѣло мѣсто призваніе, а не завоеваніе, не замѣтили противорѣчія, когда Варягамъ дали характеръ завоевательный, заставивъ всё явленія отражать на себѣ исключительно ихъ народность, заставивъ дѣйствовать одно пришлое начало, поразивъ совершеннымъ бездѣйствіемъ туземное. Таковы вредныя слѣдствія того односторонняго взгляда, по которому Варяги были исключительными дѣйствующими въ начальномъ періодѣ нашей исторіи ¹⁾.

¹⁾ Такъ какъ подобный взглядъ преимущественно выраженъ въ изслѣдованіяхъ г. Погодина, то мы не можемъ здѣсь не обратить на нихъ вниманія. Въ послѣсловіи къ третьему тому своихъ Изслѣдованій г. Погодинъ говоритъ слѣдующее: «Варяги, въ продолженіи періода рассмотрѣннаго нами (862—1054) были почти совершенно отдѣльнымъ племенемъ отъ Славянъ, они жили вѣстѣ, но не сплавлялись, не составляли одного народа; это были двѣ рѣки, которыя вали одна въ другую, но еще не слили людей своихъ. Варяги имѣютъ свою особую исторію, или, лучше сказать, одинъ составляютъ ее. Такъ я и рассматривалъ ихъ. Вліяніе Варяговъ на Славянъ было болѣе наружное: они образовали государство. Уважу для пояснительнаго сравненія на нынѣшнихъ Нѣмцевъ и Латышей съ Чудью въ Остзейскихъ губерніяхъ. Славяне платили дань, работали,—я только, а въ прочемъ жили по-прежнему. Вліяніе Славянъ на Варяговъ было болѣе внутреннее, которое обнаружилось вѣстѣ уже въ слѣдующемъ періодѣ. Тогда оба эти племена соединились въ одинъ народъ, т.-е. Варяги сдѣлались Славянами, принявъ ихъ языкъ, хотя и оставили ихъ правительствомъ. Тогда получаютъ они одну общую исторію».

Варяги имѣютъ свою особую исторію или, лучше сказать, одинъ составляютъ ее. Славяне платили дань, работали только, а въ прочемъ жили по-прежнему: вотъ основная мысль г. Погодина! Начальная Русская Исторія есть исторія Варяговъ, но его мнѣнію; посмотримъ, вѣрнѣ ли этотъ взглядъ. Начальная Русская Исторія открывается тѣмъ, что нѣсколько племенъ славянскихъ и финскихъ соединяются и призываютъ князя изъ Варяговъ; князь приходитъ съ дружиною, составленною изъ его соплеменниковъ. Кто соединился, кто положилъ основы государству, кто призвалъ правительственное начало? Славяне и Финны, или Варяги? Чья же исторія начинается здѣсь? Самъ г. Погодинъ утверждаетъ, что Варяги явились у насъ съ характеромъ не завоевательнымъ, а служебнымъ; кому же они пришли служить? Князю племенъ славянскихъ и финскихъ? Они пришли служить исторіи этихъ племенъ, участвовать только въ ней, а не составлять ея исключительно. Князь племенъ сѣверныхъ—славянскихъ и фин-

Но если вліяніе норманской народности было незначительно; если, по признанію самыхъ сильныхъ защитниковъ норманства, вліяніе Варяговъ

скихъ — движется на югъ, подчиняетъ себѣ, сосредоточиваетъ тамъ живущія племена; чьи же силами совершается охъ это? Силами однихъ Варяговъ? Нѣтъ, силами всѣхъ сѣверныхъ племенъ; князь идетъ на Византію—съ одними Варягами? Нѣтъ, со всѣми славянскими племенами. Въ борьбахъ сѣверныхъ князей съ южными, при Владимірѣ и Ярославѣ, сѣверная племена даютъ торжество своимъ князьямъ падъ южными; Варяги участвуютъ въ этой борьбѣ какъ наемники только, какъ съ другой стороны участвуютъ въ ней Печенѣги. Во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ,—нужно ли перемѣнить вѣру, нужно ли вѣнчать заковъ,—туземное народонаселеніе черезъ своихъ старцевъ дѣйствуетъ паравѣ съ дружиною; значитъ ли это, что Славяне только работали и платили дань? Однимъ словомъ, и въ событіяхъ вѣвшихъ—въ походахъ, завоеваніяхъ, и въ жизни внутренней Славяне составляютъ свою исторію, Варяги являются въ ней только участниками, служебниками. Славяне только работали и платили дань, а въ прочемъ жили по-прежнему, говоритъ г. Погодинъ. Какъ!—быть славянскихъ племенъ не измѣнившихся нисколько послѣ призванія князя въ продолженіи двухъ сотъ лѣтъ? Зачѣмъ же они призвали князя, къ не затѣмъ, чтобы выйти изъ прежняго быта въ новый? Вся переѣна ограничилась тѣмъ, по словамъ г. Погодина, что прежде одни Славяне платили дань Варягамъ, а другіе Козарами, теперь же всѣ начали платить дань однимъ Варягамъ. Далѣе г. Погодинъ говоритъ, что слитіе Варяговъ съ Славянами произошло уже въ слѣдующемъ періодѣ. Но вопросъ состоитъ въ томъ, кому было славянскія, много ли было этихъ Варяговъ, которые величаютъ племенемъ и противопоставляются племени славянскому? Варяги находились въ дружнѣ княжеской; но самъ г. Погодинъ (III, стр. 401) говоритъ, что первоначальная дружина, первые боаре, вѣуки Варяговъ, прішедшихъ съ Рюриками, положили головы свои въ войнахъ Святослава; Владиміръ привелъ съ сѣвера толпу наемныхъ Варяговъ, изъ которыхъ выбралъ только нѣсколько мужей, даими имъ держать пограничные острожки (такъ обыкновенно употребляли, и Варяговъ, да пограничной стражи), остальныхъ выпроводилъ въ Грецію; но при князѣ должна была находиться дружина, которая противопоставалась наемнымъ Варягамъ; изъ кого же выбрала была эта новая дружина, эти знаменитые богатыри Владиміровы? Что эта новая дружина состояла преимущественно изъ туземцевъ, указываютъ имена богатырей, какъ они записаны въ лѣтописи, какъ сохранялись въ пѣняхъ и сказкахъ; при Ярославѣ видимъ двухъ главнѣхъ воеводъ—Вышату, или славянское, Ивана Творимирча, у этого даже и отчество славянское.

Отправившись отъ невѣрной мысли объ исключительной дѣятельности Варяговъ во все продолженіе первыхъ двухъ вѣковъ нашей Исторіи, г. Погодинъ естественно старается объяснять всё явленія изъ норманскаго быта. Посылаетъ Рюрикъ мужей своихъ рубить города, чтобы удобо держатъ въ подчиненіи окружныя племена—это норманскій обычай, какъ будто всѣ народы не поступали одинаково при подобномъ обстоятельстве, Русскіе въ Сибирь, Испанцы—въ Америку и проч.! Сажаетъ князь вѣсто себя мужей по городамъ—это яры скандинавскіе, посаженные творить судъ и собирать дань: какъ будто славянскіе князья не могли точно такъ же распорядиться Рюрику послѣдуетъ сынъ или родственникъ—скандинавскій обычай; въ Скандинавіи благородство уважалось очень много: какъ будто въ другихъ странахъ оно не уважалось, и какъ будто призваннымъ племенамъ не необходима была послѣдственность въ одномъ родѣ Рюрика для избѣжанія прежнихъ усобицъ! При желаніи видѣть вездѣ только однихъ Варяговъ, г. Погодину естественно не вратится

было болѣе наружное; если такое наружное вліяніе могли одинаково оказать и дружины Славянъ Поморскихъ, столько же храбрыя и предприимчи-

выя, какъ и дружины скандинавскія: то ясно, что вопросъ о національности Варяговъ Руси терять свою важность въ нашей исторіи.

частое упоминованіе лѣтописца оъ участіи славянскихъ племенъ въ походахъ княжескихъ, и потому онъ, вельдъ за Полевымъ, не хочетъ принимать словъ лѣтописца въ строгомъ смыслѣ; но спрашивается: чтò тутъ въ извѣстіи лѣтописца певѣротнаго, неестественнаго для всякаго, кто будетъ смотрѣть прямо, безпристрастно, на ходъ событій, безъ упорства видѣть вездѣ только однихъ В а р я г о в ъ? На какомъ основаніи можно осмѣлиться не принимать этихъ извѣстій лѣтописца въ строгомъ смыслѣ? Г. Погодинъ говоритъ, что нигдѣ болѣе въ древней лѣтописи нѣтъ слѣдовъ заключать, чтобы туземцы, т.-е. з е м л е д ѣ л ь ц ы, употреблялись на войну; но мы въ текстѣ показали противное на основаніи лѣтописныхъ свидѣтельствъ. Пропустивъ безъ вниманія мѣсто русской лѣтописи, гдѣ говорится о томъ, что войско Ярослава состояло и изъ счердовъ, г. Погодинъ не захотѣлъ умолчать о тождественномъ извѣстіи скандинавскаго источника, Эймундовой Саги, гдѣ говорится, что къ Ярославу собралась близкая рать

изъ вольныхъ поселенъ. Какъ же быть? Г. Погодинъ не усумнился утвердить, что если у насъ были вольные поселенъ, то, разумѣется, Варяги-Русь, которые поселились у насъ и заняли пустошорожную землю. Но откуда взято, что Варяги селились у насъ въ качествѣ земледѣльцевъ, и какъ предположить, чтобы не было свободнаго селскаго народонаселенія у Славянъ? Послѣ этого нужно предположить, что все народонаселеніе страны Ильменскихъ Славянъ сосредоточивалось въ одномъ Новгородѣ? Важное затрудненіе для г. Погодина представляло также то обстоятельство, что Варяги-Скандинавы клянутся славянскимъ божествамъ, и вотъ, чтобы быть послѣдовательнымъ, онъ дѣлаетъ Перуна, Волоса и другія славянскія божества—скандинавскими. Благодаря той же послѣдовательности, Русская Правда является скандинавскимъ закономъ, всѣ нравы и обычаи русскіе объясняются правами и обычаями скандинавскими.

ИСТОРИЯ РОССИИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ второй.

Глава I.

О княжескихъ отношеніяхъ вообще.

Завѣщаніе Ярослава I-го.—Пераздѣльность рода.—Значеніе старшаго въ родѣ, или великаго князя.—Права на старшинство.—Потеря этихъ правъ.—Отчина.—Отношеніе волости младшаго князя къ старшему.

По смерти Ярослава I-го осталось пять сыновей, да внукъ отъ старшаго сына его Владимира; въ Полоцкѣ княжили потомки старшаго сына Владимира Святого, Изяслава; всѣ эти князья получаютъ извѣстныя волости, размножаются, отношенія ихъ другъ къ другу являются на первомъ мѣстѣ въ разказѣ лѣтописца. Какого же рода были эти отношенія?

Въ западной латино-германской Европѣ господствовали въ это время феодальныя отношенія; права и обязанности феодальныхъ владѣльцевъ относительно главнаго владѣльца въ странѣ намъ извѣстны; въ другихъ славянскихъ странахъ между старшимъ княземъ и меньшими господствуютъ тѣ же самыя отношенія, какія и у насъ на Руси; но ни у насъ, ни въ другихъ славянскихъ земляхъ не осталось памятника, въ которомъ бы изложены были всѣ права и обязанности князей между собою и къ главному князю; намъ остается одно средство узнать что-нибудь о междукняжескихъ отношеніяхъ: искать въ лѣтописяхъ—имѣтъ-ли тамъ какихъ-нибудь указаній на эти права и обязанности князей; послушать, не скажутъ ли намъ чего-нибудь сами князья о тѣхъ правахъ, которыми они руководились въ своихъ отношеніяхъ.

Общимъ родоначальникомъ почти всѣхъ княжескихъ племенъ (линій) былъ Ярославъ I, которому приписываютъ первый письменный уставъ гражданскій, такъ называемую Русскую Правду; посмотримъ, не далъ ли онъ какого-нибудь устава и дѣтямъ своимъ, какъ вести себя относительно другъ друга? Къ счастью, лѣтописецъ исполняетъ наше желаніе: у него находимъ предсмертныя слова, завѣщаніе Ярослава своимъ сыновьямъ. По словамъ лѣтописца, Ярославъ передъ смертію сказалъ имъ

слѣдующее: „Вотъ я отхожу отъ этого свѣта, дѣти мои! Любите другъ друга, потому что вы братья родные, отъ одного отца и отъ одной матери. Если будете жить въ любви между собою, то Богъ будетъ съ вами, Онъ покоритъ вамъ всѣхъ враговъ, и будете жить въ мирѣ; если же станете ненавидѣть друга друга, ссориться, то и сами погибнете, и погубите землю отцовъ и дѣдовъ вашихъ, которую они приобрѣли трудомъ своимъ великимъ. Такъ живите же мирно, слушаясь другъ друга; свой столъ—Кіевъ—поручаю вмѣсто себя старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, какъ меня слушались: пусть онъ будетъ вамъ вмѣсто меня“.—Раздавши остальные волости другимъ сыновьямъ, онъ наказалъ имъ не выступать изъ предѣловъ этихъ волостей, не выгонять изъ нихъ другъ друга, и обратясь къ старшему сыну, Изяславу, прибавилъ: „Если кто захочетъ обидѣть брата, то ты помогай обиженному“

Вотъ всѣ наставленія, всѣ права и обязанности! Князья должны любить другъ друга, слушаться другъ друга, слушаться старшаго брата, какъ отца; ни слова о правахъ младшихъ братьевъ, объ ихъ обязанностяхъ, какъ подчиненныхъ владѣльцевъ, относительно старшаго, какъ государя всей страны; выставляются на видъ одиѣ связи родственныя, одиѣ обязанности родственныя; о государственной связи, государственной подчиненности нѣтъ помину. Любите другъ друга и не ссорьтесь, говоритъ Ярославъ сыновьямъ, потому что вы дѣти одного отца и одной матери; но когда князья не будутъ больше дѣтьми одного отца и одной матери, когда они будутъ двоюродные, троюродные, четверюродные и т. д. братья, то по какимъ побужденіямъ будутъ они любить другъ друга и не ссориться? Когда связь

кровная, родственная ослабѣетъ, исчезнетъ, то чѣмъ замѣнится она? Замяты ибѣтъ, но за то родовая связь крѣпка: не забудемъ, что Ярославичи владѣютъ среди тѣхъ племенъ, которыя такъ долго жили подлѣ формами родового быта, такъ недавно стали освобождаются отъ этихъ формъ. Пройдетъ вѣкъ, полтора вѣка, князья разноможатся, племена (линів) ихъ разойдутся, и, несмотря на то, все они будутъ называть себя братьями, безъ различія степеней родства; въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ о княжескихъ отношеніяхъ мы не встрѣтимъ названій: двоюродный или троюродный братъ, — русскій языкъ до сихъ поръ не выработалъ особыхъ названій для этихъ степеней родства, какъ выработали языки другихъ народовъ. Князья не теряютъ понятія о единствѣ, нераздѣльности своего рода; это единство, нераздѣльность выражались тѣмъ, что все князья имѣли одного старшаго князя, которымъ былъ всегда старшій членъ въ цѣломъ родѣ; слѣдовательно, каждый членъ рода, въ свою очередь, могъ получить старшинство, не остававшееся исключительно ни въ одной линіи. Такимъ образомъ, родъ князей Русскихъ, несмотря на все свое развѣтвленіе, продолжалъ представлять одну семью — отца съ дѣтьми, внуками и т. д. Теперь изъ словъ лѣтописца, изъ словъ самихъ князей, какъ они у него записаны, нельзя ли получить свѣдѣнія объ отношеніяхъ князей къ ихъ общему старшему, этому названному отцу? Старшій князь, какъ отецъ, имѣлъ обязанность блюсти выгоды цѣлаго рода, думать и гадать о Русской Землѣ, о своей части и о части всѣхъ родичей¹⁾, имѣлъ право судить и наказывать младшихъ²⁾, раздавалъ волости, выдавалъ сиротъ дочерей княжескихъ замужъ³⁾. Младшіе князья обязаны были оказывать старшему глубокое уваженіе и покорность, имѣть его себѣ отцомъ въ правду⁴⁾ и ходить въ его послушаньи, являться къ нему по первому зову⁵⁾, выступать въ походъ, когда велитъ⁶⁾. Для обозначенія отношеній младшихъ кня-

зей къ старшему употреблялись слѣдующія выраженія: младшій ѣздилъ подлѣ стремени старшаго⁷⁾, имѣлъ его господиномъ, былъ въ его волѣ⁸⁾ смотрѣлъ на него⁹⁾.

Но все эти опредѣленія правъ и обязанностей точно такого же рода, какъ и тѣ, какія мы видѣли въ завѣщаніи Ярослава: младшій долженъ былъ имѣть старшаго отцомъ въ правду, слушаться его какъ отца; старшій обязанъ былъ любить младшаго какъ сына, имѣть весь родъ какъ душу свою¹⁰⁾; все права и обязанности условивались родственными чувствами, родственною любовію съ обѣихъ сторонъ, родственною любовію между четверюродными наприимѣръ. Но какъ скоро это условіе печезло, то вмѣстѣ рушилась всякая связь, всякая подчиненность, потому что никакого другого отношенія, кромѣ родового, не было; младшіе слушались старшаго до тѣхъ поръ, пока имъ казалось, что онъ поступаетъ съ ними какъ отецъ; если же замѣчали противное, то вооружались: „Ты намъ братъ старшій, говорили они тогда: — но если ты насъ обижаетъ, не даешь волостей, то мы сами будемъ искать ихъ“¹¹⁾; или говорили: „Онъ всѣхъ насъ старше, но съ нами не умѣетъ жить“¹²⁾. Однажды старшій князь, раздраженный непослушаніемъ младшихъ, приказалъ имъ выхъять изъ волостей, отъ него полученныхъ; тѣ послали сказать ему: „Ты насъ гонишь изъ Русской Земли безъ нашей вины... Мы до сихъ поръ чтили тебя какъ отца по любви; но если ты прислалъ къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ князьямъ, но какъ къ подручникамъ и простымъ людямъ, то дѣлай, что замыслилъ, а Богъ за всѣмъ“¹³⁾, — и приобѣгаютъ къ суду Божию, т. е. къ войнѣ, къ открытому сопротивленію. Въ этихъ словахъ выразилось ясно сознаніе тѣхъ отношеній, какіхъ наши древніе князья хотѣли между собою и своихъ старшихъ, потому что здѣсь они противоположаютъ эти отношенія другимъ, какіхъ они не хотятъ: обращайся съ нами, какъ отецъ съ дѣтьми, а не какъ верховный владѣтель съ владѣтелями подчиненными себѣ, съ подручниками; — здѣсь прямо и ясно родовыя отношенія противоположаются государственными.

¹⁾ Такъ Ростиславичи въ 1195 году говорили Всеволоду III: «А ты, брате, въ Володимери племени старшій еси насъ, а думай, гадай о Русской землѣ и о своей чести и о нашей». Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 145.

²⁾ «А ты мене старшій, а ты мы съ нами и суди». Тамъ же, стр. 41. — Мстиславъ Владиміровичъ поточи Полоцкннхъ Князи... зане не бяхуть его воли и не слушахуть его, коли ѣ зовашеть на Русскую землю въ поможѣ. Тамъ же, стр. 12 и 15. — Святополку, какъ старшему въ родѣ, поручено было отъ родичей наказать Давида Игоревича. Тамъ же I, 112.

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 20: «Всеволодъ (Ольговичъ) отъда дѣѣ Всеволодовичѣ, Володимери внуцѣ, едину за Володимира за Давидовичѣ, а другу за Ярославича, за Дурдя».

⁴⁾ Тамъ же, стр. 83: «Оже мя въ правду зовете съ любовію, то я всяко иду Києву на свою волю, яко вы имѣти мя отцемъ собѣ въ правду и въ моемъ вы послушаньи ходити».

⁵⁾ Тамъ же, стр. 8: «И наказавъ его (Ярослава Святуполчича) Володимиръ о семъ, веля ему къ собѣ придти, когда ты позову».

⁶⁾ Тамъ же, стр. 94: «Посла Ростиславъ къ братьи своей и къ сыномъ своимъ, веля имъ всѣмъ съвкупитися у себѣ со всеми полки своимъ».

⁷⁾ Тамъ же, стр. 73: «Нашѣ, отче, кланяются, приими мя яко сына своего Мстислава такоже и мене, ать ѣздитъ Мстиславъ подлѣ твоей стремени по одной сторонѣ тоби, а язь по другой сторонѣ подлѣ твоей стремени ѣзди, вси мои полки». См. тамъ же, стр. 32, 39. Съ этимъ выраженіемъ: *ездитъ подлѣ стремени* должно сравнить древнѣйшее: *ходить по холу*, которое также означало сыновне отношеніе младшаго къ старшему; такъ объ Игорѣ: «Игореві же возрастшу, и хожаше по Ольгѣ и слушаше его».

⁸⁾ Тамъ же, стр. 75: «Велимъ радъ, господине отце, имѣю тя отцемъ господиномъ, якоже и братъ мой имѣлъ ты и въ твоей воли былъ». Тамъ же, стр. 88, 202.

⁹⁾ Тамъ же, стр. 79: «Они же вси (ривачкнне князья) зряху на Ростислава, имѣхуть и отцемъ собѣ». Тамъ же, стр. 149.

¹⁰⁾ Тамъ же, стр. 39.

¹¹⁾ Тамъ же, стр. 13, 19.

¹²⁾ Тамъ же, стр. 39.

¹³⁾ Тамъ же, стр. 109.

Такъ высказывали сами князья сознание своихъ взаимныхъ отношеній; теперь посмотримъ: какъ выражалось понятие о княжескихъ отношеніяхъ въ остальномъ народонаселеніи; какъ выражалъ его лѣтописецъ, представитель своихъ грамотныхъ современниковъ. Однажды младшій князь не послухалъ старшаго, завелъ съ нимъ вражду: лѣтописецъ, осуждая младшаго, говоритъ, что онъ не исполнилъ своихъ обязанностей; но какъ же пошмасть онъ эти обязанности: „Дурно поступилъ этотъ князь, говорить онъ, поднявши вражду противъ дяди своего и потомъ противъ тестя своего“¹⁾. Въ глазахъ лѣтописца князь дурно поступилъ, потому что нарушилъ родственныя обязанности относительно дяди и тестя, — и только.

Въ случаяхъ, когда выгоды младшихъ не затрогивались, то они обходились очень почитательно съ старшими; если старшій спрашивалъ совѣта у младшаго, то послѣдній считалъ это для себя большою честью, и говорилъ: „Братъ! ты меня старше; какъ рѣшишь, такъ пусть и будетъ, я готовъ исполнять твою волю; если же ты дѣлаешь мнѣ честь, спрашиваешь моего мнѣнія, то я бы такъ думалъ“²⁾, и проч. Но другое дѣло, когда затрогивались выгоды младшихъ князей; еслибъ старшій вздумалъ сказать: вы назвали меня отцомъ, и я, какъ отецъ, имѣю право наказывать васъ, — то, разумѣется, младшій отвѣчалъ бы ему: развѣ хорошій отецъ наказываетъ безъ вины дѣтей своихъ? объяви вину, и тогда накажи. Такъ, узнавши объ ослѣвленіи Василька, Мономаха и Святославича послали сказать Святославу, своему старшему: „Зачѣмъ ты ослѣпилъ своего брата? еслибъ онъ даже былъ виноватъ, то и тогда ты долженъ былъ обличить его передъ нами и, доказавъ вину, показать его“³⁾. Старшій раздавалъ волости младшимъ; когда онъ былъ дѣйствительно отецъ, то распоряжался этою раздачею по произволу, распоряжался при жизни, завѣщавалъ, чтобъ и по смерти его было такъ, а не иначе; но когда старшій былъ только отецъ названный, то онъ не могъ распоряжаться по произволу, потому что при малѣйшей обидѣ младшій считалъ себя въ правѣ вооруженною рукою доставить себѣ должное. Вообще старшій не предпринималъ ничего безъ совѣта съ младшими, но крайней мѣрѣ съ ближайшими къ себѣ по старшинству; этия объясняются множественныя формы въ лѣтописи: *посадили, вытнали* и проч., которыми означаются распоряженія цѣлаго рода; обыкновенно старшій князь, по занятіи главнаго стола, *дѣлалъ рядъ* съ младшею братьею касательно распредѣленія волостей⁴⁾. Князья собирались также думать вмѣстѣ о земскихъ

уставахъ⁵⁾, опредѣляли извѣстные правила, съ которыми должны были сообразоваться въ своемъ поведеніи⁶⁾. Послѣ, когда права разныхъ князей на старшинство зацѣпались, то иногда князья условливались: если кто-нибудь изъ нихъ получитъ старшинство, то долженъ отдать другому какую-нибудь волость⁷⁾.

Единство княжескаго рода поддерживалось тѣмъ, что каждый членъ этого рода, въ свою очередь, надѣялся достигнуть старшинства и соединеннаго съ старшинствомъ владѣнія главнѣмъ столомъ Киевскимъ. Основаніемъ старшинства было старшинство физическое, причѣмъ дядя имѣлъ преимущество предъ племянниками, старшій братъ предъ младшимъ, тестъ передъ зятемъ, мужъ старшей сестры передъ младшими шурьями, старшій шуринъ предъ младшими зятьями⁸⁾; и хотя во время господства родовыхъ отношеній между князьями встрѣчаемъ борьбу племянниковъ отъ старшаго брата съ младшими дядями, однако племянники при этомъ никогда не смѣли выставить своихъ родовыхъ правъ, и притязанія ихъ, основывавшіяся на случайныхъ обстоятельствахъ, должны были, исключая только одного случая, уступать правамъ дядей самыхъ младшихъ. Но мы видимъ иногда, что нѣкоторые князья и цѣлыя племена (линіи) княжескія исключаются изъ родового старшинства, и это исключеніе признается правильнымъ. Какимъ же образомъ

¹⁾ Русская Правда: «По Ярославу же паки совкунившиеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ Косичако, Перенбѣгъ, Никифоръ и отложиха убіенію за голову, но кушами ся выкуцати; а ино все яжеже Ярославъ судилъ, такоже же и синова его уставиха. — Володимеръ Всеволодовичъ, по Святополцѣ, соза дружину свою на Берѣговѣмъ: Ратибора, Киевскаго тысяческаго, Прокосію, Вѣлгородскаго тысяческаго, Святослава, Черниславскаго тысяческаго, Нажира, Мисрслана, Иванка Чюдиновича, *Олирова мужа*, и уставилъ до третьаго рѣва», и проч.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 119. Молвяше же Ромасови Святославъ: «брате! я не ишу подъ тобою ничего же, по рядъ нашъ такъ есть: оже ся Киевъ извинитъ, то въ волость, а мужъ у голову».

³⁾ Тамъ же, стр. 110: Святославъ же нача слати къ Ярославу съ жалобомъ, река ему: «на чѣмъ еси цаловалъ крестъ, а команъ первый рядъ; рекъ бо еси, оже я сяду въ Киевъ, то я тебе надѣлю, паки ли ты сидиши въ Киевѣ, те мене надѣлю».

⁴⁾ Тамъ же, стр. 125: «Рюрикъ же размысливъ, съ мужи своими угадавъ, бѣ бо Святославъ старшій лѣты, и урядился съ нимъ състуниси ему старшинства и Киева». — Тамъ же, стр. 50: «А се ми есть яко отецъ стрій свой», тамъ же, стр. 61, 77. — Касательно преимуществва старшаго брата, слова Св. Бориса: «Тось ми буди въ отцѣ мѣсто», — и слова Ярослава I-го смывовичъ. — Касательно старшинства тестя предъ зятемъ см. выше слова лѣтописца о вѣнѣ Ярослава Святополковича передъ тестемъ своимъ Мстиславомъ; Мстиславъ Мстиславичъ Удалой доидяся племянникомъ Ярославу Всеволодовичу, и между тѣмъ называеъ его своимъ сыномъ, какъ зятя; Новгород. III, 33. — О правѣ старшаго зятя предъ меньшими шурьями Изяславъ Мстиславичъ говоритъ: «Всеволода емъ имѣлъ въ правду брата старшаго, заюже ми братъ и зять старшій мени яко отецъ»; тамъ же, стр. 23. — Король Венгерскій, женатый на младшей сестрѣ Изяслава Мстиславича, не иначе зоветъ послѣдняго, какъ отцомъ; тамъ же, стр. 66.

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, стр. 9.

²⁾ Тамъ же, стр. 38.

³⁾ Тамъ же, I, 111.

⁴⁾ Тамъ же, II, 74, 122. «Вячеславъ же посла по Святославу по Всеволодича, река ему: «Ты еси Ростиславу сынъ любичый, такоже и мнѣ, а поиди съмо ко мнѣ, перебуди же у мене Киевъ, доколя же придетъ Ростиславъ, а тогда рядъ вси учинихъ». Или: «Иде Святославъ къ Любчу и призва къ себѣ братью свою, рады ему дѣую».

могло произойти подобное явление? Для рѣшенія этого вопроса должно посматрѣть, какимъ образомъ князь достигалъ старшинства, приближался къ нему? Первоначально родъ состоялъ изъ отца, сыновей, внуковъ и т. д.; когда отецъ умиралъ, его мѣсто для рода заступалъ старшій братъ, онъ становился отцомъ для младшихъ братьевъ, слѣдовательно его собственные сыновья необходимо становились братьями дядьямъ своимъ, переходили во второй, высшій рядъ, изъ внуковъ въ сыновья, потому что надъ ними не было болѣе дѣда, старшина рода былъ для нихъ прямо отецъ: и точно, дядя называютъ ихъ братьями. Но другіе ихъ двоюродные братья оставались по-прежнему внуками, малолѣтними (внукъ-внукъ, юнукъ, малолѣтній по преимуществу), потому что надъ ними по-прежнему стояли двѣ степени: старшій дядя считался отцомъ ихъ отцамъ, слѣдовательно для нихъ самихъ имѣлъ значеніе дѣда. Умиралъ этотъ старшій, второй братъ заступалъ его мѣсто, становился отцомъ для остальныхъ младшихъ братьевъ, и его собственные дѣти переходили изъ внуковъ въ сыновья, изъ малолѣтнихъ въ совершеннолѣтніе, и, такимъ образомъ, мало-по-малу, всѣ молодые князья чрезъ старшинство своихъ отцовъ достигали совершеннолѣтія и приближались сами къ старшинству. Но случись при этомъ, что князь умиралъ, не будучи старшиною рода, отцомъ для своихъ братьевъ, то дѣти его оставались навсегда на ступени внуковъ, несовершеннолѣтнихъ: для нихъ прекращался путь къ дальнѣйшему движенію; отсюда теперь понятно, почему сынъ не могъ достигнуть старшинства, если отецъ его никогда не былъ старшиною рода; такъ понимали князья порядокъ восхожденія своего къ старшинству; они говорили: „Какъ прадѣды наши лѣтвицею восходили на великое княженіе Киевское, такъ и намъ должно достигать его лѣтвичнымъ восхожденіемъ“¹⁾. Но когда въ этой лѣтвицѣ вышлась одна ступень, то дальнѣйшее восхожденіе становилось невозможнымъ; такіе исключенные изъ старшинства князья считались въ числѣ *изгойвъ*²⁾.

Каждый членъ рода княжескаго, при извѣстныхъ условіяхъ, могъ достигать старшинства, получать старшій столъ Киевскій, который такимъ образомъ находился въ общемъ родовомъ владѣніи; но другія волости оставались ли постоянно въ наслѣдственномъ владѣніи извѣстныхъ племенъ княжескихъ, или, соотвѣтствуя различнымъ степенямъ старшинства, переходили къ князьямъ различныхъ племенъ, при ихъ движеніи къ старшинству лѣтвичнымъ восхожденіемъ? Для рѣшенія этого вопроса посмотримъ, какъ поступали князья вначалѣ, когда различными случайными обстоятельствами не нарушали еще чистоты ихъ отношеній. Когда

умеръ четвертый сынъ Ярослава, Вячеславъ, княжившій въ Смоленскѣ, то эта волость не перешла въ наслѣдство къ его сыновьямъ, но отдана была братьями пятому Ярославичу, Игорю, княжившему прежде на Волыни: ясный знакъ отсутствія наслѣдственности волостей и движенія князей изъ одной волости въ другую, по старшинству, лѣтвичнымъ восхожденіемъ; потомъ, когда Святославу Ярославичу, по изгнаніи брата, получилъ старшинство вмѣстѣ съ главнымъ столемъ Киевскимъ, то слѣдующій по немъ братъ, Всеволодъ, княжившій прежде въ Переяславѣ, переходитъ на мѣсто Святослава въ Черниговъ. Извѣстная волость могла сдѣлаться наслѣдственнымъ достояніемъ какой-нибудь одной княжеской линіи только въ томъ случаѣ, когда князь, по вышеизложеннымъ причинамъ, терялъ возможность двигаться къ старшинству лѣтвичнымъ восхожденіемъ: тогда, получивъ отъ родичей какую-нибудь волость, онъ и потомство его принуждены были навсегда ею ограничиться, потому что переходъ изъ одной волости въ другую условливался возможностью движенія къ старшинству, не существовавшей для изгойвъ. Такъ образовались особая волости: Полоцкая, Галицкая, Рязанская, юсть Туровская; линія второго Ярославича, Святослава, извѣстная больше подъ племеннымъ названіемъ Ольговичей, также, влѣдствіе извѣстныхъ обстоятельство, подверглась-было тяжелой для князей участи изгойства, и по этому самому Черниговская волость принимала-было характеръ особаго, выдѣленнаго княжества; по Ольговичамъ удалось наконецъ принудить Мономаховичей признать свои права на старшинство, и необходимымъ слѣдствіемъ этого признанія было возстановленіе родовой общности приднѣпровскихъ волостей для обихъ линій: Ольговичъ сѣлъ въ Киевѣ, а Мономаховичъ на его мѣсто, въ Черниговѣ.

Несмотря на то, однако мы встрѣчаемъ въ лѣтописи слово—*отчина*: князья, не исключенные изъ старшинства, употребляютъ это слово для означенія отдѣльныхъ волостей; въ какомъ же смыслѣ они употребляютъ его? Въ настоящемъ ли его смыслѣ, какъ наслѣдственнаго владѣнія, или въ другомъ какомъ-либо? Въ 1097 году князья, внуки Ярославовы, собрались вмѣстѣ и рѣшили, чтобъ каждый изъ нихъ держалъ свою отчину: Святополкъ, волость отца своего Вяслава—Киевъ, Владиміръ Мономахъ отцовскую волость Переяславль, Святославичи—Черниговъ; но мы никакъ не поймемъ этого распоряженія, если станемъ принимать слово *отчина* въ смыслѣ наслѣдственнаго владѣнія для одной линіи, потому что Киевъ былъ столько же отчиною Святополка, сколько и отчиною всѣхъ остальныхъ князей: и Всеволодъ и Святославъ княжили въ немъ; но если здѣсь Киевъ называется отчиною Святополка не въ смыслѣ наслѣдственнаго владѣнія исключительно для него и для потомства его, то не имѣемъ никакого права и Переяславль и Черниговъ считать отчинами Мономаха и Святославичей въ другомъ смыслѣ. Еще примѣръ на восточ-

¹⁾ Никон. II, 265.

²⁾ Изгой трои: поповъ сынъ грамоты не умѣетъ, хочъ изъ холопства выкупиться, купецъ одолаесть, а се четвертое изгойство и себе приложимъ, аще князь оиротѣетъ.

ной стороной Днѣпра: въ 1151 году Ольговичи — дядя Святославъ Ольговичъ и племянникъ Святославъ Всеволодовичъ — говорятъ Изяславу Давыдовичу: „У насъ двѣ отчины, одна моего отца Олега, а другая твоего отца Давыда; ты, братъ, Давыдовичъ, а я — Ольговичъ: такъ ты, братъ, возьми отца своего Давыдова, а что Ольгово, то намъ дай, мы тѣмъ и подѣлимся“, — вслѣдствіе чего Давыдовичъ остался въ Черниговѣ, а Ольговичамъ отдалъ Сѣверскую область. Но для Святослава Всеволодовича Черниговъ былъ точно также отчиною, какъ и для Давыдовича, потому что отецъ его Всеволодъ Ольговичъ княжилъ въ Черниговѣ, и когда Давыдовичъ получилъ Кіевъ, то Черниговъ, отчину свою, уступилъ Святославу Ольговичу. Итакъ, что же такое разумѣлось подъ отчиною? Отчиною для князя была та волость, которую владѣлъ отецъ его и владѣть которую онъ имѣлъ право, если на родовой лѣтвицѣ занимаетъ ту же степенъ, какую занималъ отецъ его, владѣя означенною волостью, потому что владѣніе волостями условливалось степенью на родовой лѣтвицѣ, родовыми счетами.

Теперь остается вопросъ: въ какомъ отношеніи находились волости младшихъ князей къ старшему? Мы видѣли, что отношенія между старшимъ и младшими были родовыя, младшіе князья хотѣли быть названными сыновьями и нисколько не подручными старшаго, а такое возрѣніе должно было опредѣлять и отношенія ихъ къ послѣднему по волостямъ: не допуская подручничества, они никакъ не могли допустить дани, какъ самаго явственнаго знака его, не могли допустить никакого государственнаго подчиненія своихъ областей старшему въ родѣ князю; послѣдній поэтому не могъ имѣть значенія главы государства, верховнаго владыки страны, князя Всея Руси, который выдѣлялъ участки земли подчиненнымъ владѣльцамъ во временное или послѣдственное управленіе. Волости находятся въ совершенной независимости одна отъ другой и отъ Кіева, являются отдѣльными землями и, въ то же время, составляютъ одно нераздѣльное цѣлое вслѣдствіе родовыхъ княжескихъ отношеній, вслѣдствіе того, что князья считаютъ всю землю своею отчиною, нераздѣльнымъ владѣніемъ цѣлаго рода своего ¹⁾.

Глава II.

Событія при жизни сыновей Ярослава I-го.

(1054—1093.)

Линія Рюрика рода, Изяславичи и Ярославичи. — Распоряженія послѣднихъ на счетъ своихъ волостей. — Движенія Ростислава Владиміровича и гибель его. — Движенія Всеслава Полоцкого и плѣтъ его. — Нашествіе Половцевъ. — Пораженіе Ярославичей. — Возстаніе Кіевлянъ и бѣгство в. князя Изяслава изъ Кіева. — Возвращеніе его и вторичное изгнаніе. — Вторичное возвращеніе Изяслава и смерть его въ битвѣ противъ обдѣленныхъ племянниковъ. — Характеръ первыхъ усобицъ. — Княженіе Всеволода Ярославича въ Кіевѣ. — Новая движенія обдѣленныхъ князей. — Усобицы на Волынн. — Борьба съ Всеславомъ Полоцкимъ. — Смерть в. князя Всеволода Ярославовича. — Печальное состояніе Руси. — Борьба съ Половцами, Тюрками, финскими и литовскими племенами, Волгарами, Поляками. — Дружина Ярославичей.

По смерти Ярослава I-го ²⁾ княженіе цѣлымъ родомъ надолго утвердилось въ Руси; въ это время области, занятые первыми Варяго-Русскими князьями, раздѣлялись между двумя линиями, или *племенами* Рюрика рода: первую линію составляло потомство Изяслава, старшаго сына Св. Владиміра. Мы видѣли, что этому Изяславу отецъ отдалъ По-

лоцкое княжество, волость дѣда его по матери Рогволода. Изяславъ умеръ при жизни отца, не будучи старшимъ въ родѣ, или в. княземъ, слѣдовательно потомство его не могло двигаться къ старшинству, мѣнять волость и потому должно было ограничиться одною Полоцкою волостью, которая утверждена за нимъ при Ярославі ³⁾. Вторую линію составляло потомство Ярослава Владиміровича, которое и начало владѣть всѣми остальными русскими областями. По смерти Ярослава осталось пять сыновей: старшій изъ нихъ, Изяславъ, сталъ къ прочимъ братьямъ въ *отца мѣсто*; младшіе братья были: Святославъ, Всеволодъ, Вячеславъ, Игорь; у нихъ было еще племянникъ Ростиславъ, сынъ старшаго Ярославича, Владиміра; этотъ Ростиславъ, также, вслѣдствіе преждевременной смерти отца, не могъ надѣяться получить старшинство; онъ самъ и потомство его должны были ограничиться одною какою-нибудь волостью, которую дастъ имъ судьба

¹⁾ Относительно дани въ единственное упомянутое въ лѣтописи (Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 132): «Ярополкъ шло Метиславица Изяслава къ братьямъ Новгороду, и даша дани Печерскыѣ и отъ Смоленска даръ». — Отъ Новгорода, находившагося въ особенныхъ отношеніяхъ къ вел. князю, послѣдній получаетъ дань, но отъ Смоленска только даръ. — На особенностъ волостей, какъ отдѣльныхъ земель, ясно указываетъ слѣдующее извѣстіе (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 140): «Онъ же (Святославъ Всеволодовичъ) имяся ему послати Глѣба сына, — и не посла, зане бѣшеть ему тяжа съ Рюрикомъ п съ Давидомъ и смоленскою землею». — Но всѣ эти волости, всѣ племена, въ нихъ обитавшія, сирва имѣли непосредственное отношеніе къ Кіеву, платили туда дань, составляли съ нимъ одно цѣлое: что же ослабило эту государственную связь, какъ не родовыя отношенія князей.

²⁾ О разпорѣченіяхъ въ показаніи дна копчины Ярославовой см. у Арцыбашева Пов. о Россіи, I, 32, примѣч. 120.

³⁾ Но всѣмъ вѣроятностямъ отъяга Брючислава всего болѣе содѣйствовалъ тому, что Ярославъ согласился оставить Подоцкое княжество въ его владѣніи.

или старшіе родичи. Ярославичи распорядились такъ своими родовыми волостями: четверо старшихъ помѣстились въ области Дѣлѣвской; трое на югѣ,—Изяславъ въ Кіевѣ, Святославъ въ Черниговѣ, Всеволодъ въ Черяславль; четвертый, Вячеславъ, поставилъ свой столъ въ Смоленскѣ; пятый, Игорь, — во Владиміръ-Волынскомъ⁴⁾. Что ка-

сается до отдаленнѣйшихъ отъ Дѣлѣва областей на югъ и востокъ, то видимъ, что окончательно Новгородъ сталъ въ зависимости отъ Кіева; вся

ровъ, что прямо видно изъ свидѣтельства нѣкоторыхъ списковъ; во потомъ по смерти старшаго Ярославича, Владиміра, Изяславъ, какъ наследникъ старшинства, получилъ Новгородъ.—О распоряжѣ между сыновьями Ярослава см. изслѣдованіе въ Studien zur gründl. Kenntniss der Vorzeit Russlands S. 113; также въ моей книгѣ: Истор. отн. между рус. кн. Рюрика доха, стр. 68 и слѣд. Г. Погодинъ (въ IV т. своихъ Изслѣдов.) старается изъ каждой волости княжеской сдѣлать наследственное владѣніе, отчину для одной какой-нибудь линіи Ярославова потомства; при такомъ распредѣленіи отчину ему необходимо долженъ былъ представиться вопросъ: гдѣ же была отчина самой старшей линіи, линіи Изяслава? Г. Погодинъ полагаетъ, что эта отчина была Туровъ; основаніемъ послужили ему слова гдѣхъ списка въ лѣтописи, въ которыхъ говорится, что во время смерти Ярослава старшій сынъ его Изяславъ княжилъ въ Туровѣ: «Изяславу въ Туровѣ князю»; но за то въ другихъ спискахъ находится извѣстіе, что Изяславъ княжилъ въ это время въ Новгородѣ. Г. Погодинъ отвергаетъ послѣднее чтеніе, обвиняя Г. Берединкова, зачѣмъ онъ внесъ въ текстъ извѣстіе лѣтописей новгородскихъ, а извѣстія о Туровѣ, находящіеся въ спискахъ Ипатьевскомъ и Хлѣбниковскомъ, помѣстивъ въ вариантахъ. Карамзинъ также читалъ: «въ Новгородѣ». Но если чтеніе «въ Новгородѣ» есть чтеніе позднѣйшихъ списковъ, а чтеніе «въ Туровѣ» древнѣйшихъ, то это *одно обстоятельство* еще насколько не можетъ рѣшить дѣла въ пользу послѣдняго: позднѣйшіе списки могли быть списаны съ древнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ. Надобно, слѣдовательно, по историческимъ даннымъ опредѣлить, какое чтеніе будетъ вѣрнѣе. Изяславъ былъ старшій сынъ Ярослава; но мы видимъ изначала, что старшіе сыновья великихъ князей обыкновенно сидятъ въ Новгородѣ. Такъ Владиміръ Св. посидѣлъ въ Новгородѣ старшаго сына своего Вячеслава, и когда тотъ умеръ, то перевелъ на его мѣсто Ярослава. Здѣсь сначала встрѣчается затрудненіе; почему же по смерти Вячеслава Владиміръ перевелъ въ Новгородъ не слѣдующаго за нимъ по старшинству Святослава, который княжилъ въ Туровѣ? Это затрудненіе отстраняется свидѣтельствомъ Дитмара, что Святославъ находился во вѣздѣ съ своимъ отцомъ, и даже въ заключеніи. Ярославъ посылаетъ въ Новгородъ старшаго сына своего, Владиміра, и когда тотъ умеръ, его мѣсто долженъ былъ занять старшій по немъ Изяславъ, и вотъ мы въ самомъ дѣлѣ читаемъ въ лѣтописяхъ, что Изяславъ находился въ Новгородѣ во время предсмертной болѣзни отца своего. Мы видѣли, какъ объясняется извѣстіе списковъ, что Изяславъ княжилъ въ Туровѣ: онъ дѣйствительно долженъ былъ княжить здѣсь, но прежде смерти брата своего Владиміра. Что Туровъ не могъ быть отчиною Изяслава и дѣтей его въ томъ смыслѣ, въ какомъ хочетъ этого Г. Погодинъ, доказываютъ тѣмъ, что, во время княженія Изяслава въ Кіевѣ, старшій сынъ его Святославъ сидѣлъ въ Новгородѣ, а не въ Туровѣ; второй сынъ Ярополкъ сидѣлъ въ Вышгородѣ, а не въ Туровѣ; Святославъ остается въ Новгородѣ и во время княженія Всеволода, а младшему брату его, Ярополку, послѣдній дѣлетъ Владиміръ-Волынской и въ *придачу* Туровъ—явно доказательство, что этотъ городъ не былъ наследственнымъ достояніемъ Изяславава потомства, а зависѣлъ отъ в. князя. Понятно, что Г. Погодинъ не правится это извѣстіе о распоряженіи Всеволода и онъ хочетъ переизмѣнить смыслъ лѣтописи; «Ярополкъ (говорить онъ) вѣрно владѣлъ Туровомъ, а Всеволодъ посидѣлъ его въ Володимѣрѣ, передавъ къ Турову». Но мы не можемъ предоставить автору права измѣнять смыслъ лѣтописей въ угоду любимой мысли. Передъ смертью Всеволода, Святославъ переходитъ изъ Новгорода на югъ, поближе къ Кіеву, въ Туровъ, и тамъ, какъ ближайшій наследникъ старшинства, доказывается дядиной смерти; точно такъ же сдѣлать послѣ Мономаховъ сынъ Мстиславъ, порѣдя передъ отцовскою смертыю

⁴⁾ Мѣсто лѣтописи о распоряжѣ между сыновьями Ярослава I-го нуждается въ объясненіи: «Преставился великій князь Русьскій Ярославъ. И еще бо живу сущю ему, шарили сыны своя, рекъ имъ: се азъ отхожу свѣта сего, сынове мои; имѣйте въ собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере, да аще будете въ любви межю собою, Богъ будетъ въ васъ, и покоритъ въ противныя поды вы, и будете мирно живущи; аще ли будете ненавидно живущи въ расприхъ которающеса, то погыбнете сами и погыбите землю отцевъ своихъ и дѣдъ своихъ, аже палѣзома трудомъ своимъ великимъ, но пребывайте мирно послушающе брата брата. Се же поручаю въ собѣ мѣсто столъ старшійшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кіевъ, сего послушайте якоже послушаете мене, да то вы бу(е)тъ въ мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Черяславль (а Игорю Володимѣр), а Вячеславу Смоленскъ.—И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла браться, ни соняти; рекъ Изяславу: аще кто захочетъ обидѣ брата своего, то ты помогай его же обидѣти, и тако уряди сына своя пребывати въ любви. Самому же болшу сущю и пришедшу Вышегороду, разбѣлѣ велики, Изяславу тогда сущю Новгородѣ, а Святославу Володимѣри, Всеволоду же тогда сущю у отца, бѣ бо любихъ отцевъ нѣче всеа братья, его же иманіе присно у себе. Ярославу же приидѣ конецъ житія, и предасть дуню свою».—Здѣсь прежде всего представляется вопросъ: Ярославъ дѣлаетъ завѣщаніе, чувствуя близость смерти, прямо говорить: я умираю; дѣлаетъ завѣщаніе передъ всѣми сыновьями, и между тѣмъ этихъ сыновей, кромѣ Всеволода, нѣтъ при его кончинѣ и погребеніи? Это сомнѣніе изъ самаго разсказа лѣтописца можетъ разрѣшиться такимъ образомъ, что хотя Ярославъ и чувствовалъ приближеніе кончины, однако находился еще не въ отчаянномъ положеніи, былъ довольно крѣпокъ для того, чтобъ отправить въ Вышгородъ, и здѣсь уже «разболѣлся великъ». Слѣдовательно сыновья его могли отравиться въ свои прежнія волости, даже хотя бы для того, чтобъ распорядиться тамъ относительно переѣзда въ новыя волости, доставившія имъ по послѣднему отцовскому распредѣленію. Другое затрудненіе: въ нѣкоторыхъ спискахъ пропущено, что Игорь получилъ отъ отца Владиміръ Волынской. Разумѣется, есть основаніе смотрѣть на это просто какъ на пропускъ, тѣмъ болѣе что Игорь въ годъ кончины отца своего не могъ быть малолѣтенъ: онъ родился, по Татищеву (II, 106), въ 1036 году, слѣд. въ 1054 имѣлъ 17 лѣтъ; всакоже даже кто не захотѣлъ вѣрить свидѣтельству Татищева, то извѣстно, что Игорь, умершій черезъ 6 лѣтъ, въ 1060 году, былъ уже женатъ и оставилъ двоихъ сыновей, слѣдов. шесть лѣтъ тому назадъ не могъ быть малолѣтенъ. Въ дошедшихъ до насъ спискахъ годъ рожденія Игоря не означенъ; въ 1036 году помѣщено рожденіе Вячеслава, которе у Татищ. помѣщено подъ 1034 годомъ. Рожденіе Всеволода подъ 1029, у Татищева подъ 1030. Третье затрудненіе: Игорь получилъ Владиміръ, но при описаніи кончины Ярославовой говорится, что во Владиміръ былъ Святославъ, а не Игорь. Дѣло объясняется тѣмъ, что Ярославъ вадого до смерти своей уже раздалъ сыновьямъ волости; мы знаемъ, что старшій сынъ его Владиміръ княжилъ въ Новгородѣ,—имѣлъ полное право думать, что и другіе сыновья получили также волости, но не тѣ, которые были назначены предъ кончиною, или которыя они сами взяли, но кончинѣ, если не придерживаться буквально лѣтописнаго извѣстія; ясно, что иржекою волостью Святослава былъ Владиміръ, а не Черниговъ, точно такъ какъ преждею волостью Изяслава былъ Ту-

область на востокъ отъ Днѣпра, включительно до Муромъ съ одной стороны и Тмуторакани — съ другой, стала въ зависимости отъ князей Черниговскихъ, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро и Поволжье отъ князей Переяславскихъ¹⁾. Мы сказали „окончательно“ потому, что Бѣлоозеро, напр., принадлежало одно время Святославу²⁾; Ростовъ также не вдругъ достался Всеволоду Переяславскому: Ярославичи отдали его сперва племяннику своему, Ростиславу Владиміровичу. — Такъ владѣло русскими областями Ярославомъ потомство. Но еще былъ живъ одинъ изъ сыновей Св. Владиміра, Судиславъ, 22 года томившійся въ темницѣ³⁾, куда былъ посаженъ братомъ Ярославомъ. Племянники въ 1058 году осво-

изъ Новгорода поближе къ Киеву, въ Бѣлгородъ. Г. Погоничъ приводитъ въ свою пользу слова Давида Игоревича Святополку: «Аще ти отидеть (Василько) въ свою волость, да узришь — аще ти не займешь градъ твоихъ Турова и Пиньска». Но города — Туровъ и Пинскъ были необходимо Святополку, потому что они составляли часть Кіевскаго княжества, которыхъ тогда владѣлъ Святополкъ; доказательствомъ тому служатъ слова Всеволода Ольговича Вячеславу Владиміровичу, который владѣлъ Туровомъ: «Сидиши въ Кіевскій области, а мнѣ достоятъ». Г. Погоничъ говоритъ: «Важное затрудненіе представляется при разсмотрѣніи этого дѣленія (между сыновьями Ярослава): что же должно было быть отчюю старшему Ярославу сыну Изяславу? на что имѣли право его дѣти по смерти отца, когда Кіевскій столъ долженъ былъ достаться ихъ дядѣ, Черниговскому князю Святославу? Не понимаемъ, для чего авторъ затрудняетъ себя вопросами, прямыя отвѣты на которые даетъ намъ лѣтописецъ; по смерти Изяслава въ Кіевѣ началъ княжить братъ его Всеволодъ; что же досталось сыновьямъ Изяславовымъ? На это лѣтописецъ прямо отвѣчаетъ, что одинъ Изяславовъ сынъ княжилъ въ Новгородѣ, а другой во Владимірѣ-Волынскомъ. Надобно замѣтить, что, по Никон. сп. и Татищеву, Изяславъ также былъ на погребеніи отца вмѣстѣ съ Всеволодомъ. — Въ Воскрес. спискѣ (I, 190) за извѣстіемъ о смерти Ярослава точнѣе же помѣщено слѣдующее: «И по семь раздѣлиа Смоленскъ на три части». Это трудное для объясненія извѣстіе можетъ показывать только одно, что извѣстный распорядокъ между Ярославичами послѣдовалъ не вдругъ.

¹⁾ Карамз. II, примѣч. 50.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт., I, 75. Здѣсь, при описаніи дѣйствій волхва въ сказаніи, что встали два волхва отъ Ярослава, пришли на Бѣлоозеро, сюда же явился отъ Святослава за данью Янъ, сынъ Выпятии, и разсуждалъ, что эти два волхва суть смерды князя его Святослава. Событіе поставлено въ лѣтописи подъ 1070 годомъ; но нельзя непрямоотносить его къ этому году, потому что событіе очень легко могло быть разсказано только по связи его съ другимъ, именно — съ явленіемъ волхва въ Кіевѣ, время котораго лѣтописецъ отнесъ къ 1070 году, хотя и то не очень опредѣленно: «*въ си времена*», говоритъ онъ, вѣсего болѣе опредѣленнаго: «*въ се же лѣто*». Если предположить, что Янъ оставался постоянно въ Кіевѣ, имѣя тамъ большое значеніе какъ сынъ тысяцкаго, и самъ тысящій (такимъ, по крайней мѣрѣ, мы видимъ его въ 1089 году), то онъ могъ ходитъ отъ имени Святослава только тогда, когда этотъ князь сидѣлъ въ Кіевѣ послѣ начатія Изяслава; легко подумать, что Святославъ, сѣвши въ Кіевѣ и отдавши Всеволоду Черниговскую волость со всеми принадлежностями, взялъ себѣ взаимѣнъ Бѣловерскую и Ростовскую область.

³⁾ Въ спискахъ то 24 года, то 28 — и все неправильно, потому что былъ заключенъ въ 1036 году. Судиславъ умеръ въ Кіевѣ, и погребенъ при церкви Св. Георгія, см. Арциб. I, примѣч. 132.

бодили забытаго, какъ видно, бездѣтнаго и потому не опасно старика, взявши однако съ него клятву не затѣвать ничего для нихъ предосудительнаго. Судиславъ воспользовался свободою для того только, чтобъ постричься въ монахи, послѣ чего скоро и умеръ, въ 1063 году.

Ярославъ, завѣщавая сыновьямъ братскую любовь, долженъ былъ хорошо помнить поступки брата своего Святополка, и какъ будто приписывалъ вражду между Владиміровичами тому, что они были отъ разныхъ матерей: послѣднее обстоятельство заставило Владиміра предпочитать младшихъ сыновей, а это предпочтеніе и повело къ ненависти и братоубійству. Ярославичи были всѣ отъ одной матери; Ярославъ не далъ предпочтенія любимцу своему, третьему сыну Всеволоду, увѣщавалъ его дожидаться своей очереди, когда Богъ дастъ ему получить старшій столъ послѣ братьевъ, правдою, а не насиліемъ⁴⁾, — и, точно, у братьевъ долго не было повода къ ссорѣ. Въ 1056 году умеръ Вячеславъ: братья перевели на его мѣсто въ Смоленскъ Игоря изъ Владиміра, а во Владимірѣ перевели изъ Ростова племянника Ростислава Владиміровича⁵⁾. Въ 1053 году умеръ въ Смоленскѣ Игорь Ярославичъ; какъ распорядились братья его столомъ — неизвѣстно; извѣстно только то, что не былъ доволенъ ихъ распоряженіями племянникъ ихъ *изгой*, Ростиславъ Владиміровичъ. Безъ надежды получить когда-либо старшинство, Ростиславъ, быть можетъ, тяготился всегдашней зависимою отъ дядей; онъ былъ добръ на рати, говоритъ лѣтописецъ; его манила Тмуторакань, то застѣпное приволье, гдѣ толпились остатки разноплеменныхъ народовъ, изъ которыхъ храброму вождю всегда можно было набрать себѣ храброю дружину; гдѣ княжилъ знаменитый Мстиславъ, откуда съ воинственными толпами прикавказскихъ народовъ приходилъ онъ на Русь и заставлялъ старшаго брата подѣлиться половиною отцовскаго наслѣдства. Заманчива была такая судьба для храбраго Ростислава, изгой, который только оружіемъ могъ достать себѣ хорошую волость, и нигдѣ, кромѣ Тмуторакани, не могъ онъ добыть нужныхъ для того средствъ. По смерти Вячеслава, Ярославичи перевели Игоря въ Смоленскъ, а на его мѣсто во Владимірѣ-Волынскій перевели племянника Ростислава; но теперь Игорь умеръ въ Смоленскѣ: Ростиславъ могъ надѣяться, что дядя переведетъ его туда; но это не послѣдовало; Ростиславъ могъ оскорбиться. Какъ бы то ни было, въ 1064 году онъ убѣжалъ въ Тмуторакань, и не

⁴⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт., I, 92.

⁵⁾ Объ этомъ сказано только въ Татищевскомъ оводѣ (II, 117); но мы имѣемъ право принять извѣстіе, основываясь: во 1) на томъ, что хотя въ иѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи и говорится, что Ростиславъ убѣжалъ въ Тмуторакань изъ Новгорода, за то въ другихъ не означено вовсе мѣста, откуда убѣжалъ. 2) По смерти Ростислава, дѣти его живутъ во Владимірѣ-Волынскомъ, — лѣтописецъ указываетъ намъ ихъ здѣсь, здѣсь они стараются утвердиться; враждуютъ съ тѣми князьями, которые также здѣсь ищутъ себѣ волостей.

однакъ съ нимъ бѣжали двое родовитыхъ, извѣстныхъ людей — Порѣй и Вышата, сынъ Остромира, посадника погородского: Изяславъ, оставляя Новгородъ, посадилъ здѣсь вмѣсто себя этого Остромира¹⁾. Порѣй и Вышата были самыя извѣстныя лица; но, какъ видно, около Ростислава собралось немалое число искателей счастья или недовольныхъ; онъ имѣлъ возможность, пришедши въ Тмуторакань, изгнать оттуда двоюроднаго брата своего, Глѣба Святославича, и сѣсть на его мѣсто. Отецъ Глѣба, Святославъ, пошелъ на Ростислава; тотъ не хотѣлъ поднять рукъ на дядю и вышелъ изъ города, куда Святославъ ввелъ опять сына своего; но, какъ скоро дядя ушелъ домой, Ростиславъ вторично выгналъ Глѣба и на этотъ разъ утвердился въ Тмуторакани. Онъ сталъ ходить на сосѣдніе народы, Касоговъ и другихъ, и брать съ нихъ дань. Греки испугались такого сосѣда и подослали къ нему курсукаго начальника (котопана). Ростиславъ принялъ котопана безъ всякаго подозрѣнія и честилъ его, какъ мужа знатнаго и посла. Однажды Ростиславъ пировалъ съ дружиною; котопанъ былъ тутъ, и, взявши чашу, сказалъ Ростиславу: „Князь! хочу пить за твое здоровье;“ тотъ отвѣчалъ: „Цей“. Котопанъ выпилъ половину, другую подалъ князю, но прежде дотронулся до края чаши и вышустилъ въ нее ядъ, скрытый подъ ногтемъ; но его расчету, князь долженъ былъ умереть отъ этого яда въ осьмой день. Послѣ пира котопанъ отправился назадъ въ Корсуцъ и объявилъ, что въ такой-то день Ростиславъ умереть, что и случилось; лѣтописецъ прибавляетъ, что этого котопана корсуццы побилы камнями²⁾. Ростиславъ, по свидѣтельству того же лѣтописца, былъ добръ на рати, высокъ ростомъ, красивъ лицомъ и милостивъ къ убогимъ³⁾. Мѣсто его въ Тмуторакани занялъ опять Глѣбъ Святославичъ.

Греки и Русскіе князя избавились отъ храбраго изгоя; но когда нечего было бояться съ юго-востока, встала рать съ сѣверо-запада: тамъ поднялся также потонокъ изгоя, Всееславъ, князь Полоцкій, не милостивый на кровопролитіе, о которомъ шла молва, что рожденъ былъ отъ волхвованья. Еще при жизни Ростислава, быть можетъ, пользуясь тѣмъ, что вниманіе дядей было обращено на югъ, Всееславъ началъ враждебныя дѣйствія: въ 1065 году осаждалъ безуспѣшно Псковъ; въ 1066 году, по примѣру отца, подступилъ подъ Новгородъ, полонилъ

жителей, снялъ и колокола у Св. Софіи: „Велика была бѣда въ тотъ часъ!“ прибавляетъ лѣтописецъ, „и паникадила снялъ!“⁴⁾ Ярославъ—Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ—собрали войско и пошли на Всееслава, въ страшные холода. Они пришли къ Минску, жители котораго затворились въ крѣпости: братья взяли Минскъ, мужики изрубили, женъ и дѣтей отдали на щить (въ пѣти) ратникамъ, и пошли къ рѣкѣ Нѣмизѣ⁵⁾, гдѣ встрѣтили Всееслава въ началѣ марта⁶⁾; несмотря на сильный сибѣтъ, произошла злая сѣча, въ которой много пало народу; наконецъ Ярославичи одолѣли—и Всееславъ бѣжалъ. Лѣтомъ, въ іюль мѣсяцѣ, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ послали звать Всееслава къ себѣ на переговоры, поцѣловавши крестъ, что не сдѣлаютъ ему зла; Всееславъ повѣрилъ, переѣхалъ Днѣпръ, вошелъ въ шатеръ Изяслава — и былъ схваченъ: Изяславъ привелъ его въ Кіевъ и посадилъ въ заключеніе вмѣстѣ съ двумя сыновьями⁷⁾.

Казалось, что Ярославичи, избавившись отъ Ростислава и Всееслава, надолго останутся теперь спокойны; но вышло иначе. На небѣ явилась кровавая звѣзда, предвѣщавшая кровопролитіе; солнце стояло какъ мѣсяцъ; изъ рѣки Сѣтомли выволокли рыбаки страшнаго уroda: не къ добру все это, говорилъ народъ, и вотъ пришли иноплеменики. Въ степяхъ къ востоку отъ Днѣпра произошло въ это время обычное явленіе,—господство одной кочевой орды смѣнилось господствомъ другой: Узы, Куманы, или Половцы⁸⁾, народъ татарскаго происхожденія и языка⁹⁾, заняли мѣсто Печенѣговъ, поразивши послѣднихъ. Въ первый годъ по смерти Ярослава Половцы съ ханомъ своимъ Волушемъ показались

⁴⁾ Полн. Собр. Русск. Л. III, 2. — Карамз. II, прим. 118.

⁵⁾ Эта мѣстность спорная. Обыкновенно полагаютъ (Карамз., Арчб.), что Нѣмизю называютъ здѣсь Нѣманъ; но въ Минскѣ есть рѣка Немиза, которая могла быть истокомъ свой гдѣ-нибудь дальнѣе; между Оршею и Друцкомъ, по древнему географическому описанью, поставленъ городъ Немиза. Очень вѣроятно, что Ярославичи, взявши Минскъ, направляли путь къ сѣверо-востоку, въ свои смоленскія волости, гдѣ хотѣли провести весну, время неудобное для войны вслѣдствіе разлитія рѣкъ и таенія сибѣтъ, особенно въ тѣхъ мѣстечкахъ, но были достигнуты Всееславохъ. Другой споръ касательно мѣста *Рчи*, гдѣ были схвачены Всееславъ; лѣтописецъ говоритъ, что это было у Смоленска, основываясь на чѣмъ нѣкоторые изслѣдователи никакъ не хотятъ признать здѣсь Оршу, но ея отдаленности отъ Смоленска; но кіевскій лѣтописецъ имѣлъ полное право сказать, что Орша находилась у Смоленска, ибо онъ не зналъ ближайшаго къ ней и болѣе извѣстнаго города; впрочемъ указывается еще подобная мѣстность—Оршанскій Ячъ, недалеко отъ Краснаго, сѣд. ближе къ Смоленску, чѣмъ Орша (Карамз. IX, примѣч. 225).—Дѣло въ томъ, что въ лѣтописи указывается рѣка: на *Рчи*.

⁶⁾ По Татищеву, Ярославичи 3 марта пришли къ Немизѣ, и битва была 10 марта; въ дошедшихъ до насъ спискахъ битва была 3 марта.

⁷⁾ По Татищеву, Ярославичи, послѣ битвы при Немизѣ, разорили Полоцкую волость; Всееславъ прислалъ просить мира; Ярославичи завалили его для переговоровъ и захватили, но сибѣтъ Святослава.

⁸⁾ Половцы—русскій переводъ Татарскаго Кипчакъ.

⁹⁾ Слова изъ Половецкаго языка объясняются татарскими. См. статью кн. Оболенскаго, въ Москвитинѣ. 1850, мартъ, кн. I.

¹⁾ Никон. I, 144; Воскр. I, 190. См. также приписку къ Остромирову Евангелію. Что заставило Порѣя и Вышату бѣжать вмѣстѣ съ Ростиславомъ: страсть ли къ подвигамъ, приключеніямъ, личная ли привязанность къ молодому князю, или наконецъ какія-нибудь также неудовольствія?—этого быть все это вмѣстѣ.

²⁾ У Татищева приведена причина: они боялись мщенія Русскихъ.

³⁾ Ростиславъ умеръ 3 февраля 1065, года и похороненъ въ Тмутораканской церкви Св. Богородицы. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 1065. Ростиславъ, по Татищеву, былъ женатъ на дочери Венгерскаго короля; по смерти мужа она хотѣла ѣхать къ отцу въ Венгрію; Изяславъ ее отпустилъ, но сыновей удержалъ на Русѣ.

въ предѣлахъ Переяславскаго княжества; по на первый разъ заключили миръ съ Всеволодомъ и ушли назадъ въ степи. Ярославичи, безопасные пока съ этой стороны и незапятнанные еще усобицами, хотѣли нанести окончательное поражение пограничнымъ варварамъ, поевшимъ названіе Торковъ; до смерти Ярослава 1-го лѣтописецъ не упоминаетъ о непріязненныхъ столкновенияхъ нашихъ князей съ ними; разъ только мы видѣли наемную копницу ихъ въ походѣ Владимира на Болгаръ. Но въ 1059 году Всеволодъ уже ходилъ на Торковъ и побѣдилъ ихъ¹⁾; потомъ въ 1060 году трою Ярославичей, вмѣстѣ съ Всеславомъ Полоцкимъ, собрали, по выраженію лѣтописца, войско безчисленное и пошли на коняхъ и въ лодьяхъ на Торковъ. Торки, услышавши объ этомъ, испугались и ушли въ степь; князя погнались за бѣглецами, многихъ побили, другихъ плѣнили, привели на Русь и посадили по городамъ; остальные погибли въ степяхъ отъ сильной стужи, голода и мора²⁾. Но степи скоро выслали мстителей за Торковъ. Въ слѣдующій же годъ пришли Половцы воевать на Русскую Землю; Всеволодъ вышелъ къ нимъ на-встрѣчу, Половцы побѣдили его, повоевали землю и ушли. То было первое зло отъ поганыхъ и безбожныхъ враговъ, говорить лѣтописецъ. Въ 1068 году опять множество Половцевъ пришло на Русскую Землю: въ этотъ разъ всѣ три Ярославича вышли къ нимъ на-встрѣчу, на рѣку Альгу, потрѣбили поражение и побѣжали: Изяславъ и Всеволодъ — въ Кіевъ, Святославъ — въ Черниговъ. Кіевляне, возвратившись въ свой городъ, собрали (15-го сентября) вѣче на торгу и послали сказать князю: „Половцы разсѣялись по землѣ: дай намъ, князь, оружіе и коней, хотимъ еще битися съ ними“. Изяславъ не послушался; тогда народъ всталъ противъ тысяцкаго Коснячка: воевода городскихъ и сельскихъ полковъ, онъ не умѣлъ дать имъ побѣды; теперь не принимаятъ ихъ стороны, не хочетъ идти съ ними на битву, отговариваетъ князя дать имъ оружіе и коней³⁾. Толпа отиравилась съ вѣча на гору, пришла на дворъ Коснячкова, но не нашла тысяцкаго дома; отсюда пошли ко двору Вячеславу⁴⁾, остановились здѣсь подумать, ска-

зали: „Пойдемъ, высадимъ своихъ⁵⁾ изъ тюрмы“, и пошли, раздѣлившись надвое, — половина отправилась къ тюрмѣ, а другая по мосту ко двору княжескому. Изяславъ сидѣлъ на сѣняхъ съ дружиною, когда толпа народа подошла и начала споръ съ княземъ; народъ стоялъ внизу, а Изяславъ разговаривалъ съ нимъ изъ окна. Какъ видно, слышался уже голоса, что надобно искать себѣ другого князя, который бы повелъ народъ битися съ Половцами, потому что одинъ изъ бояръ — Туки, братъ Чудиновъ, сказалъ Изяславу: „Видишь, князь, люди звывли; пошли-ка, чтобы покрѣпше стерегли Всеслава“. Въ это время другая половина народа, отворивши тюрму, пришла также ко двору княжескому; тогда дружина начала говорить: „Худо, князь! пошли къ Всеславу, чтобы подозвали его обманомъ къ окошку и закололи“. Изяславъ на это не согласился, — и чего боялась дружина, то исполнилось: народъ съ крикомъ двинулся къ Всеславской тюрмѣ. Изяславъ, увидѣвъ это, побѣжалъ съ братомъ Всеволодомъ съ своего двора; а народъ, выведши Всеслава изъ тюрмы, поставилъ его среди двора княжескаго, т. е. провозгласилъ княземъ, причѣмъ имѣніе Изяслава все пограбили, взяли безчисленное⁶⁾ множество золота и серебра; Изяславъ бѣжалъ въ Польшу.

Между тѣмъ Половцы опустошали Русь, дошли и до Чернигова; Святославъ собралъ нѣсколько войска и выступилъ на нихъ къ Сновску⁷⁾; Половцевъ было очень много; но Святославъ не зрѣбѣлъ, выстроилъ полки и сказалъ: „Пойдемте въ битву! намъ некуда больше дѣться“. Черниговцы ударили, — и Святославъ одолѣлъ, хотя у него было только три тысячи, а у Половцевъ 12,000; одинъ изъ нихъ былъ побитъ, другіе потонули въ рѣкѣ Сновѣ; а князя ихъ Русскіе взяли руками.

Уже семь мѣсяцевъ сидѣлъ Всеславъ въ Кіевѣ, когда, весною 1069 года, явился Изяславъ вмѣстѣ Всеславомъ, королемъ Польскимъ, въ русскихъ предѣлахъ. Всеславъ пошелъ къ нимъ на-встрѣчу; но изъ Вѣлгорода ночью, тайкомъ отъ Кіевлянъ, бѣжалъ въ Полоцкъ, вѣроятно боясь стать между двухъ огней, потому что остальные Ярославичи не могли ему благопріятствовать въ борьбѣ съ Изяславомъ. Такъ этому цардѣю удалось только дотропнуться конемъ до золотого стола Кіевского, и, обер-

случаѣ онъ не называется Рогнѣдичнымъ, Изяславовымъ, а именно: Вячеславовымъ?

⁵⁾ *Своихъ*, т. е. кіевлянъ, посаженныхъ въ тюрму Изяславомъ. Изъ лѣтописи видно ясно, что сначала хотѣли отворить и дѣйствительно отворили только одну общую тюрму, гдѣ содержались простые граждане; потомъ уже, послѣ спора съ Изяславомъ, рѣшили, что съ послѣднимъ дѣлать нечего, нужно себѣ добыть другого князя, вслѣдствіе чего и былъ освобожденъ Всеславъ. Слѣд. не нужно вмѣстѣ съ Арцыбашевымъ предполагать, что вышеченные прежде изъ тюрмы были сообщники Всеслава.

⁶⁾ Не забудемъ, что это выраженіе: *безчисленное* мы должны принимать относительно.

⁷⁾ Рѣка Сновъ впадаетъ въ Десну съ правой стороны, въ Черниговскомъ уездѣ; гдѣ находился на ней городъ Сновскъ — не извѣстно.

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 70. «Иде Всеволодъ на Торки»; въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавлено: «взявъ къ Вошю». Что касается Воша, то, по замѣчанію гг. Надеждана и Цеволна (см. изслѣд. Погед. IV, стр. 263), подобоземныхъ хмѣтъ много въ Полтавской губерніи. Если это не Войнищи, означенныя Арцыбашевымъ, то всего вѣроятнѣе имѣли въ виду *Воискаля Гребля*, большое селеніе Золотоношскаго уѣзда, близъ слиянія Сулы съ Дѣпиромъ.

²⁾ Извѣстіе о поселеніи плѣнныхъ Торковъ по городамъ находится только у Татищева; но мы внесли его въ текстъ, какъ достовѣрное, потому что иначе откуда же бы взялись Торки, о которыхъ такъ часто будетъ рѣчь впоследствии?

³⁾ И рѣшился внести въ текстъ это мѣсто, которое находится только у Татищева, потому что оно совершенно вѣрно обстоятельству: на тысяцкаго всего прежде народъ долженъ былъ обратитъ свой ропотъ, какъ на предводителя городскихъ полковъ.

⁴⁾ Арцыбашевъ (I, стр. 147) думаетъ, что этотъ дворъ принадлежалъ Полоцкимъ князьямъ, и былъ тотъ самый, гдѣ жила прежде Рогнѣда. Но почему же въ послѣднемъ

нувшихъ волкомъ, побѣжалъ онъ ночью изъ Бѣлгорода, закутанный въ синюю мглу¹⁾. Кіевляне, оставшись безъ князя, возвратились въ свой городъ, собрали вѣче и послали сказать Святославу и Всеволоду²⁾ Ярославичамъ: „Мы дурно сдѣлали, что прогнали своего князя, а вотъ онъ теперь ведетъ на насъ Польскую Землю; ступайте въ городъ отца вашего! если же не хотите, то намъ нечего больше дѣлать: зажжемъ городъ и уйдемъ въ Греческую Землю“. Святославъ отвѣчалъ имъ: „Мы поплемъ къ брату: если пойдетъ съ Ляхами губить васъ, то мы пойдемъ противъ него ратью, но дадимъ изгубить отцовскаго города; если же хочеть придти съ миромъ, то пусть приходитъ съ малою дружиною“. Кіевляне утѣшились; а Святославъ и Всеволодъ послали сказать Изяславу: „Всеславъ бѣжалъ: такъ не води Ляховъ къ Киеву, противника у тебя нѣтъ; если же не перестанешь сердиться и захочешь погубить городъ, то знай, что намъ жаль отцовскаго стола“. Выслушавши рѣчи братьевъ, Изяславъ повелъ съ собою только Болеслава да небольшою отрядъ Поляковъ, а впередъ послалъ въ Кіевъ сына своего Мстислава. Мстиславъ, вошедши въ городъ, велѣлъ избить тѣхъ, которые освободили Всеслава, всего семьдесятъ человѣкъ, другихъ ослѣпить; нѣкоторые при этомъ погибли невинно. Когда самъ Изяславъ приблизился къ городу, то Кіевляне встрѣтили его съ поклономъ, и опять сѣлъ онъ на своемъ столѣ (2 мая). Поляки Болеслава II-го подверглись такой же участи, какъ и предки ихъ, приходившие въ Русь съ Болеславомъ I-мъ: ихъ распустили на покормъ по волостямъ, гдѣ жители начали тайно убивать ихъ, вслѣдствіе чего Болеславъ возвратился

въ свою Землю³⁾. Съ извѣстіемъ о возвращеніи Изяслава, лѣтописецъ, повидимому, связываетъ извѣстіе о томъ, что этотъ князь перевелъ торгъ съ Подола на гору⁴⁾.

Казнивши тѣхъ Кіевлянъ, которые вывели изъ тюрьмы Всеслава, Изяславъ не медлил вооружиться противъ послѣдняго: выгналъ его изъ Полоцка, посадилъ тамъ сына своего Мстислава; а когда тотъ умеръ, то послалъ на его мѣсто другого сына, Святополка. Всеславъ, сказано въ лѣтописи, бѣжалъ, но не прибавлено, куда; впрочемъ, это объясняется изъ слѣдующаго извѣстія, что Всеславъ въ 1069 году явился передъ Новгородомъ, съ толпами финскаго племени Води, или Вожанъ⁵⁾, среди которыхъ, слѣдовательно, нашелъ онъ убѣжище и помощь⁶⁾. Въ это время въ Новгородѣ княжилъ Глѣбъ, сынъ Святослава Черниговскаго, котораго мы видѣли въ Тмуторакани. Новгородцы поставили противъ Вожанъ полкъ, и Богъ пособилъ Новгородцамъ; они задали Вожанамъ страшную сѣчу: послѣднихъ цало множество, а самого князя Всеслава Новгородцы отпустили ради Бога⁷⁾. И послѣ этого пораженія

³⁾ О разсказахъ польскихъ лѣтописцевъ о Болеславо-вомъ походѣ и пребываніи въ Кіевѣ, см. Koepell, Gsch. Polens, I, 193.

⁴⁾ «Изяславъ же въгна торгъ на гору». На основаніи союзя же соединяють эти извѣстія съ предыдущимъ, и видятъ въ этомъ мѣру князя противъ будущахъ волнений народныхъ; во Татищевъ (II, 124) прямо говоритъ, что Изяславъ не хотѣлъ, чтобы торгъ и народное сборище были на низу, въ отдаленіи отъ его дома.

⁵⁾ Жителей Вотской пятинъ.

⁶⁾ Замѣчательно, что Всеславъ нашелъ убѣжище и помощь среди финскаго племени, ближайшаго къ Новгороду и издавна находившагося съ нимъ въ соединеніи.

⁷⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 2. «Новгородцы же поставиша цѣлькъ противъ ихъ» (т.-е. Вожанъ); въ рунцахъ вырванъ уголъ и потому недостаетъ словъ: «приде Всеславъ съ Вожаны, у Звѣрицыя, на Къземли». Въ другихъ лѣтописяхъ на Гзени; Гзению назыв. мѣсто въ сѣвѣ Новгородѣ. Карязъ. II, пр. 125; Арцыб. I, пр. 156. Что такое звѣрицыя? вѣроятно мѣсто, гдѣ продавали живыхъ звѣрей.—Здѣсь представляется еще вопросъ: каковы образомъ Новгородцы перешли къ Глѣбу Святославичу? Карамзинъ (II, прим. 118), на основаніи лѣтописи XV в. (въ Синодал. библ., № 349), гдѣ сказано: «въ Новгородѣ Изяславъ посади сына своего Мстислава и побѣдиши я на Черехѣ, и бѣжа къ Киеву, и по взятіи града преста рать», догадывается, что Мстиславъ, будучи побѣжденъ Всеславомъ, ушелъ въ Кіевъ; и, точно, мы видимъ его на югѣ: онъ раздѣляетъ изгнаніе отца, его Изяславъ посылаетъ прежде себя для наказанія Кіевлянъ, выустившихъ Всеслава. По всѣмъ вѣроятностямъ, послѣ того какъ захватили Всеслава на Рми, Изяславъ взялъ себѣ его волость Полоцкъ, гдѣ и посадилъ своего сына, а Новгородъ уступилъ Святославу, который послалъ туда Глѣба.—Всеслава отпустили ради Бога; нѣкоторые изслѣдователи сомнѣваются въ такомъ великодушіи Новгородцевъ; по вѣз новгородской исторіи мы знаемъ, что граждане никогда не позволяли себѣ жестокостей съ враждебными князьями; Всеславъ былъ богатырь, внушалъ къ себѣ всеобщее уваженіе, о немъ ходили дивныя преданія, притомъ былъ несчастливъ, дядя поступилъ съ нимъ вѣроломно, и теперь не давалъ ему покоя; въ первый разъ случилось Новгородцамъ видѣть въ своихъ рукахъ лѣднаго князя-богатыря; нѣтъ ничего удивительнаго, что они увлеклись непосредственнымъ чувствомъ, и отпустили Всеслава ради Бога, взявши, разумѣется, съ него клятву, что не будетъ

¹⁾ См. Слово о Полю Игореву.

²⁾ Лѣтописецъ молчитъ о судьбѣ Всеволода послѣ бѣгства его изъ Кіева выѣстѣ съ Изяславомъ; видно, что онъ не пошелъ съ нимъ въ Польшу. Не могутъ ли дополнить намъ это извѣстіе слова Мономаха въ завѣщаніи: «Первое Ростову идохъ, сквозѣ Вятичъ, посла мя отецъ, а самъ иде Курьску, и пакы второе къ Смолинську со Ставкомъ Скордятичемъ, той пакы и отъиде къ Берестію со Изяславомъ, а мене посла Смолинську; то и Смолинська идохъ Володиміерю. Тое же зимы то и посласта Берестію брата на головнѣ, иде бяху пожгли, то и ту блюди городъ тяхъ. Та идохъ Перяслави отцю, а по великѣ дни изъ Перяслави же Володиміерю, на Сутейску мира творитъ съ Ляхы. Оттуда пакы на лѣто Володиміерю опять». Можно думать, что Всеволодъ, по изгнаніи Изяслава, искалъ убѣжища въ волостяхъ Святославовыхъ, именно въ Курскѣ, ошачая жить въ Перяславѣ, а сына послалъ на сѣверъ въ Ростовъ, потомъ Мономахъ отправился въ Смоленскъ со Ставкомъ Скордятичемъ, который изъ Смоленска отправился къ Вресту съ Изяславомъ; здѣсь намекъ на удаленіе Изяслава въ Польшу черезъ Врестъ, ибо мы не знаемъ никакого другаго похода Изяслава къ этому городу. Потомъ, когда Половцы, послѣ пораженія при Сновскѣ, очистили Русь, Всеволодъ возвратился въ Перяславъ; что же касается до мира съ Поляками на Сутейску, то можно думать, что Святославъ и Всеволодъ посылали Мономаха договариваться съ Болеславомъ и Изяславомъ на счетъ Кіева. Что касается до Сутейска, то, по Ходаковскому, есть и теперь село Сутиски, на лѣвомъ берегу Восточнаго Буга, Подольской губерніи, въ Винницкомъ повѣтѣ, и деревня Сутескъ, въ Красноставскомъ повѣтѣ.

Всеславъ не отказался отъ борьбы; къ храброму князю отовсюду стекались богатыри; онъ успѣлъ набрать дружину, выгналъ Святополка изъ Полоцка, и хотя былъ побѣжденъ другимъ Изяславичемъ у Голотичьска ¹⁾, однако, какъ видно, успѣлъ удержаться на отцовскомъ столѣ. Изяславъ завелъ съ нимъ переговоры — о чемъ, не извѣстно; извѣстно только, что эти переговоры послужили поводомъ къ вторичному изгнанію Изяслава теперь уже родными братьями. Это вторичное изгнаніе необходимо имѣть связь съ первымъ: Изяславъ возвратился въ Кіевъ подъ условіями, которыя предписали ему братья; въ городѣ не могли любить Изяслава, и въ то же время не могли не питать расположенія къ Святославу, который сдержалъ гнѣвъ брата и съ горькою дружины умѣлъ паразитъ толпы Половцевъ, очистить отъ нихъ Русь. Сынъ Изяслава Мстиславъ казнилъ Кіевлянъ, освободившихъ Всеслава, виновныхъ и вмѣстѣ съ невинными; но тѣмъ дѣло еще не кончилось; гоненія продолжались, и гонимые находили убѣжище въ Черниговѣ у Святослава. Такъ Св. Антоній, основатель Печерскаго монастыря, подвергнувшійся гнѣву великаго князя, какъ пріятель Всеслава, былъ ночью взятъ и укрытъ въ Черниговѣ Святославомъ. Если бы даже Святославъ дѣлалъ это единственно изъ любви и уваженія къ святому мужу, то Изяславъ, съ своей стороны, не могъ не оскорбиться пріязнью брата къ человѣку, въ которомъ онъ видѣлъ врага своего. Эти обстоятельства должны были возбуждать въ Святославѣ властолюбивые замыслы, питать надежду на ихъ успѣхъ, а въ Изяславѣ возбуждать вражду къ брату: и вотъ между Ярославичами началась вражда, они не ходятъ уже вмѣстѣ въ походы, какъ ходили прежде; Изяславъ одинъ воюетъ съ Всеславомъ, одинъ вступаетъ съ нимъ въ переговоры; по самой природѣ отношеній между князьями, послѣдній поступокъ Изяслава долженъ былъ возбудить негодование и подозрѣніе въ братьяхъ; Святославъ началъ говорить Всеволоду: „Изяславъ сноситъ съ Всеславомъ на наше лихо; если не предупредимъ его, то прогонитъ онъ насъ“, — и успѣлъ возбудить Всеволода противъ Изяслава. Лѣтописецъ обвиняетъ во всемъ Святослава, говоритъ, что онъ хотѣлъ больше власти, обманулъ Всеволода. Какъ бы то ни было, младшіе братья вооружились противъ старшаго; Изяславъ въ другой разъ принужденъ былъ выйти изъ Кіева, гдѣ сѣлъ Святославъ, отдавши Всеволоду Черниговскую волость; что въ Кіевѣ всѣ были за Святослава, — доказываетъ удаленіе Изяслава безъ борьбы; лѣтописецъ говоритъ, что Святославъ и Всеволодъ сѣли сперва на столѣ въ селѣ Берестовѣ, и потомъ уже, когда Изяславъ выѣхалъ изъ Кіева, Святославъ перешелъ въ этотъ городъ.

Изяславъ съ сыновьями отправился опять въ

Польшу; какъ видно, на этотъ разъ онъ вышелъ изъ Кіева не торопясь, успѣлъ взять съ собою много имѣнія; онъ говорилъ: „Съ золотомъ найду войско“, позабывши слова дѣда Владиміра, что съ дружиною добываютъ золото, а не съ золотомъ дружину. Изяславъ роздалъ польскимъ вельможамъ богатые подарки; они подарки взяли, по помощи не дали никакой ²⁾, и даже выслали его изъ своей страны. Чтобы объяснить себѣ это явленіе, мы должны бросить взглядъ на состояніе западныхъ славянскихъ государствъ въ это время. Мы видѣли, что вѣншагетельство Болеслава Храбраго въ дѣла Богеміи кончилось такъ же неудачно для него, какъ и вѣншагетельство въ споры между Русскими князьями. Поляки были изгнаны изъ Богеміи, родные братья князья — Яромиръ и Олдрихъ — стали княжить въ странѣ, но не долго княжили мирно. Олдрихъ, по словамъ старейшей чешской пѣсни, былъ „воинъ славный, въ котораго Богъ вложилъ мечъ и крѣпость, въ буйную голову далъ разумъ свѣтлый“. Въ 1012 году онъ выгналъ Яромира: за что — не знаетъ ни пѣсня, ни лѣтопись. Императору Конраду II-му не нравилось однако единовластіе у Чеховъ: не разъ вызывалъ онъ Олдриха къ себѣ, и когда тотъ наконецъ явился къ нему, то былъ заточенъ въ Регенсбургъ. Яромиръ началъ опять княжить въ Богеміи сообщая съ племянникомъ Вячиславомъ, сыномъ Олдриховымъ, а между тѣмъ императоръ предложилъ своему плѣннику возвратиться на родину и княжить тамъ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ; Олдрихъ присягнулъ, что уступитъ брату половину земли; но какъ скоро возвратился домой, то велѣлъ ослѣпить Яромира. — По смерти Олдриха, единовластителемъ земли сталъ сынъ его, Вячиславъ I-й. Мы видѣли какъ этотъ дѣятельный князь воспользовался невзгодою Польши по смерти Болеслава Храбраго и расширилъ свои владѣнія на счетъ Пястовъ, за что и слыветъ возстановителемъ чешской славы. По смерти Вячислава I-го, въ Богеміи мы встрѣчаемъ такіе же явленія, какія видимъ и у насъ на Руси съ того же самаго времени, именно съ 1054 года, со смерти Ярослава I-го: мы видимъ, что и въ Богеміи начинается владѣть цѣлый родъ княжескій съ переходомъ главнаго стола къ старшему въ цѣломъ родѣ. По смерти Вячислава I-го, великимъ княземъ, т. е. старшимъ въ родѣ (*Dux principalis*) становится старшій сынъ его, Спитигивъ II-й; остальные Вячиславичи были: Вратиславъ, Конрадъ, Яромиръ и Отгонъ. Какъ у насъ Ярославичи, такъ и въ Богеміи Вячиславичи, не долго жили въ согласіи; второй

²⁾ Полл. Собр. Русск. Лѣт. I, 78: Изяславъ же иде въ Ляхи со имѣньемъ многымъ, глагола: «Ако симъ палѣзу вои». Еже все взяша Ляховѣ у него, показавше ему путь отъ себе. — Что Ляхи взяли не все, доказываютъ дары, поднесенныя Изяславомъ императору; что взяли однако, доказываетъ письмо папы къ королю Польскому. — Мы видѣли, что, при первомъ изгнаніи Изяслава, народъ разграбилъ княжескую казну; какими же средствами Изяславъ могъ въ такое короткое время послѣ своего возвращенія приобрести опять значительное богатство? Должно быть, онъ успѣлъ возвратить все пограбленное.

болѣе навадать на Новгородъ. Историкъ не долженъ отрицать возможности такого непосредственнаго чувства, которое очень часто встрѣчается.

¹⁾ Голотичьскъ упоминается въ древнемъ географическомъ отрывкѣ въ числѣ городовъ литовскихъ.

Врячиславичъ — Вратиславъ, долженъ былъ спалача искать убѣжища въ Венгрію отъ преслѣдуваній старшаго брата; однако послѣ, помирившись съ послѣднимъ, возвратился на родину и въ 1061 году наслѣдовалъ въ старшинствѣ Спитигиѣву. По смерти Вратислава II-го, по извѣстному обычаю, мимо сыновей его, наслѣдовалъ старшинство братъ его Конрадъ I-й, но княжилъ только восемь мѣсяцевъ: это былъ послѣдній изъ Врячиславичей, и по смерти его, въ 1092 году, выступаетъ второе поколѣніе, внуки Врячислава I-го. Въ Польшѣ Казимиру Возстановителю (Restaurator) наслѣдовалъ въ 1058 году сынъ его, Болеславъ II-й Смѣлый. За два года передъ тѣмъ умеръ императоръ Генрихъ III-й; смуты, послѣдовавшія во время малолѣтства сына и преемника его, Генриха IV-го, потому борьба этого государя съ нѣмецкими князьями и съ папою надолго освободили Польшу отъ вліянія имперіи, и Болеславъ Смѣлый, пользуясь этою свободою, имѣлъ возможность съ честью и выгодною для Польши установить свои отношенія къ сосѣднимъ странамъ. Мы видимъ, что съ его помощью Изяславъ получилъ опять Кіевъ; съ помощію же Болеслава успѣлъ овладѣть престоломъ и Венгерскій король Бела, сыновья котораго удержались въ Венгріи, также благодаря польскому оружію. Съ Чехами Болеславъ велъ почти постоянную войну: въ то время какъ нашъ Изяславъ вторично явился къ польскому Двору (1075 г.), Болеславъ воевалъ съ Вратиславомъ Чешскимъ, который находился въ тѣсномъ союзѣ съ императоромъ Генрихомъ IV-мъ; очень вѣроятно, что эти обстоятельства не позволили Болеславу подать помощь Русскому князю, который, будучи принужденъ оставить Польшу, принялъ совѣтъ дѣда, маркграфа Саксонскаго, и поѣхалъ въ Майнцъ просить заступленія у врага Болеслава, императора Генриха IV-го ¹⁾. Такимъ образомъ, княжескія междоусобія на Руси доставляли случай Нѣмецкому императору распространить свое вліяніе и на эту страну; но, вопервыхъ, благодаря отдаленности Руси, это вліяніе никогда не могло быть очень сильно; вовторыхъ, обстоятельства, въ которыхъ находился теперь императоръ, были такого рода, что помогли даже и Польшѣ высвободиться изъ-подъ его вліянія. Принявъ отъ Изяслава богатые дары, Генрихъ IV-й послалъ къ Святославу съ требованіемъ возвратитъ Кіевъ старшему брату и съ угрозою войны, въ случаѣ сопротивленія. Разумѣется, что дѣло должно было и ограничиться одною угрозою. Лѣтописецъ говоритъ, что когда нѣмецкіе послы пришли къ Святославу, то онъ, желая похвастать передъ ними, показалъ имъ свою казну, и будто бы послы, увидавъ множество золота, серебра и дорогихъ тканей, повторили старыя слова Владиміра Святаго: „Это ничего не значить, потому что лежитъ мертво;

дружина лучше, — съ нею можно доискаться и больше этого“. Лѣтопись прибавляетъ, что богатство Святослава, подобно богатству Езекии, царя Іудейскаго, разсыпалось розно по смерти владѣльца. Изъ этихъ словъ лѣтописца можно видѣть, что современники и ближайшіе потомки съ неудовольствіемъ смотрѣли на поведеніе старшихъ Ярославичей, которые не слѣдовали примѣру дѣда и копили богатства, полагая на нихъ всю надежду, тогда какъ добрый князь, по господствовавшему тогда мнѣнію, не долженъ былъ ничего скрывать для себя, но все раздѣлять дружинѣ, при помощи которой онъ никогда не могъ имѣть недостатка въ богатствѣ.

Если Изяславъ обратился за помощію къ императору Генриху IV-му, врагу Болеслава Смѣлаго, то Святославъ, по единству выгодъ, долженъ былъ снѣшить заключеніемъ союза съ польскимъ княземъ: и, точно, мы видимъ, что молодые князья — Олегъ Стятославичъ и Владиміръ Всеволодовичъ, ходили на помощь къ Полякамъ и воевали Чеховъ, союзниковъ императорскихъ ²⁾. Изяславъ, не получивъ успѣха при Дворѣ Генриха, обратился къ другому владыкѣ Запада, папѣ Григорію VII-му, и отправилъ въ Римъ сына своего съ просьбою возвратитъ ему столь властію Св. Петра: какъ въ Майнцѣ Изяславъ обѣщалъ признатъ зависимость свою отъ императора, такъ въ Римѣ сынъ его обѣщаль подчиняться Апостольскому престолу. Слѣдствіемъ этихъ переговоровъ было то, что Григорій писалъ къ Болеславу съ увѣщаніемъ отдать сокровища, взятая у Изяслава ³⁾. Выгъ можетъ, нава уговаривалъ также польскаго князя подать помощь Изяславу противъ братьевъ, которую тотъ наконецъ и дѣйствительно подалъ. Для объясненія этого поступка мы не нуждаемся, впрочемъ, въ предположеніи о панскихъ увѣщаніяхъ: есть извѣстіе, которое одно объясняетъ его совершенно удовлетворительно. По этому извѣстію ⁴⁾, Чешскій князь Вратиславъ, узнавъ о союзѣ Болеслава съ младшими Ярославичами, о движеніи Олега и Владиміра къ чешскимъ границамъ, прислалъ къ Болеславу просить мира, и получилъ его за 1,000 гривенъ серебра. Болеславъ послалъ сказать объ этомъ Олегу и Владиміру; но тѣ велѣли отвѣчать ему, что не могутъ безъ стыда отцать своимъ и землѣ возвратиться назадъ, ничего не сдѣлавши, пошли впередъ *взять свою честь*, и ходили въ Землѣ Чешской четыре мѣсяца, т.-е. опустошали ее: Вратиславъ Чешскій послалъ и къ нимъ съ предложеніемъ о мирѣ; Русскіе князья, взявши свою честь и 1,000 гривенъ серебра, помирились. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ поступокъ разсердилъ Болеслава, который потому и рѣшился помочь въ другой разъ Изяславу. Между тѣмъ умеръ Святославъ въ 1076 году. Всеволодъ сѣлъ на его мѣсто въ Кіевѣ зимою, а на лѣто долженъ былъ выступитъ противъ Изяслава, который шелъ съ польскими полками; на Воляни встрѣти-

¹⁾ Lambertii Schafnaburgensis Chronicon p. 380, ann. 1075. — Мы не должны также упустить изъ виду татищевскаго извѣстія, что за Болеславомъ была дочь Святослава.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 103.

³⁾ Histor. Russiae Monum. I, № 1, 2.

⁴⁾ Татищ. II, 140.

лись братья и заключали миръ: Всеволодъ уступилъ Изяславу старшинство и Кіевъ, а самъ остался по-прежнему въ Черниговѣ. Помощь Поляковъ не могла быть безкорыстна, и потому очень вѣроятны извѣстія, по которымъ Изяславъ заплатился за нее Черненскими городами.

Миръ между Ярославичами не принесъ мира Русской Землѣ: было много племянниковъ, которые хотѣли добыть себѣ волостей; Всеславъ Полоцкій не хотѣлъ сидѣть спокойно на своемъ столѣ, началъ грозить Новгороду, какъ видно, пользуясь смертію Святослава и предполагаемою усобицею между Изяславомъ и Всеволодомъ. Сынъ послѣдняго, Владиміръ, ходилъ зимою 1076 года къ Новгороду на помощь его князю Глѣбу, безъ сомнѣнія противъ Всеслава ¹⁾. Лѣтомъ, послѣ примиренія и ряда съ Изяславомъ, Всеволодъ вмѣстѣ съ сыномъ Владиміромъ ходилъ подъ Полоцкъ, а на зиму новый походъ: ходилъ Мономахъ съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Святополкомъ Изяславичемъ, подъ Полоцкъ, и обожгли этотъ городъ; тогда же Мономахъ съ Половцами опустошилъ Всеславу волость до Одрьска ²⁾; здѣсь въ первый разъ встрѣчаемъ извѣстіе о нашемъ войскѣ изъ Половцевъ для междоусобной войны.

На сѣверо-западѣ должно было постоянно сторожить цародѣя Всеслава; а съ юго-востока начали грозить новыя войны, и не отъ однихъ степныхъ варваровъ, но отъ обдѣленныхъ князей, которые приводили послѣднихъ. Мы видѣли, что, кромѣ Владиміра Новгородскаго, умерли еще двоемладшихъ Ярославичей, Вячеславъ и Игорь, оставя сыновей, которымъ, по обычаю, отцигъ не дали и другими волостями не надѣлили; изгой подросли и стали сами искать себѣ волостей. Въ то время, какъ Святославъ умеръ, а Всеволодъ выступилъ противъ Изяслава, Борисъ, сынъ Вячеслава Смоленскаго, воспользовался удаленіемъ дяди и сѣлъ въ Черниговѣ; но могъ держаться тамъ только 8 дней и убѣжалъ въ Тмуторакань, гдѣ княжилъ одинъ изъ Святославичей, Романъ. Послѣ Святослава осталось пять сыновей: Глѣбъ, Олегъ, Давидъ, Романъ, Ярославъ. При жизни отца Глѣбъ сидѣлъ въ Новгородѣ, Олегъ — во Владиміръ-Волынскомъ, Романъ — въ Тмуторакани; о Давидѣ не извѣстно; Ярославъ былъ очень молодъ ³⁾. Романъ Тмутораканскій принялъ Бориса Вячеславича; но за нимъ долженъ былъ дать убѣжище и роднымъ братьямъ, потому что Изяславъ не хотѣлъ дать волостей дѣтямъ Святославовымъ. Глѣбъ былъ изгнанъ изъ Новгорода ⁴⁾,

Олегъ выведенъ изъ Владиміра, Глѣбъ погибъ далеко на сѣверѣ, въ странахъ Чуди Заволоцкой. Олегъ ушелъ сначала-было въ Черниговъ, къ дядѣ Всеволоду, отъ котораго могъ ждать большаго милости, чѣмъ отъ Изяслава; но и Всеволодъ или не хотѣлъ, или не могъ надѣлать Святославича волостями, и тотъ отправился къ братьямъ въ Тмуторакань, извѣстное убѣжище для всѣхъ изгнанниковъ, для всѣхъ недовольныхъ. Выгнавши племянниковъ, Ярославичи распорядились волостями въ пользу своихъ дѣтей: Святополка Изяславича посадили въ Новгородѣ, брата его Ярополка — въ Вышгородѣ, Владиміра Всеволодовича Мономаха — въ Смоленскѣ. Но изгнанные князья не могли жить праздно въ Тмуторакани: въ 1078 году Олегъ и Борисъ привели Половцевъ на Русскую Землю и пошли на Всеволода; Всеволодъ ⁵⁾ вышелъ противъ нихъ на рѣку Сожицу (Оржицу), и Половцы побѣдили Русь, которая потеряла много знатныхъ людей: убитъ былъ Иванъ Жирословичъ, Туки, Чудпновъ братъ, Порѣй и многіе другіе. Олегъ и Борисъ вошли въ Черниговъ, думая, что одолѣли; Русской Землѣ они тутъ много зла надѣлали, говорить лѣтописецъ. Всеволодъ пришелъ къ брату Изяславу въ Кіевъ и рассказалъ ему свою бѣду; Изяславъ отвѣчалъ ему: „Братъ! не тужи, вспомни, что со мною самимъ случилось! попервыхъ, развѣ не выгнали меня и имѣнья моего не разграбили? потомъ, въ чѣмъ я провинился, а быть же выгнать вами, братьями своими? Не скитался ли я по чужимъ землямъ ограбленный, а зла за собою не зная никакого. И теперь, братъ, не станемъ тужить: будетъ ли намъ часть въ Русской Землѣ, — то обомъ; лишимся ли ея, — то оба же вмѣстѣ: я сложу свою голову за тебя“. Такими словами онъ утѣшилъ Всеволода, и велѣлъ собирать войско отъ мала до велика; другого не осталось больше ничего дѣлать, потому что Святославичи конечно не оставили бы въ покоѣ Изяслава, главнаго врага своего. Изяславъ выступилъ въ походъ съ сыномъ своимъ Ярополкомъ, Всеволодъ — съ сыномъ, Владиміромъ. Послѣдній нахотился въ Смоленскѣ, когда узналъ о вторженіи изгнанныхъ князей; поспѣшилъ на помощь къ отцу и оружіемъ продолжалъ себѣ путь сквозь половецкіе полки къ Переяславу, гдѣ нашелъ Ведволода, приснеднаго съ битвы на Сожицѣ. Ярославичи съ сыновьями пошли къ Чернигову, жители котораго затворились отъ нихъ, хотя Олега и Бориса не было въ городѣ; есть извѣстія, что они ѣздили въ Тмуторакань собирать новое войско ⁶⁾. Черниговъ имѣлъ двойныя стѣны; князья приступили къ вишней оградѣ (городу); Моно-

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 106. Мономахъ говоритъ о себѣ: «И Святополкъ умре, и язъ наихъ Смоленску, а и Смоленска той же зимѣ та къ Новгороду, на весну Глѣбови въ помощю».

²⁾ Ходаковский приурочиваетъ это мѣсто къ рѣкѣ Одрову, впадающей въ Днѣпръ съ правой стороны, въ Коппаскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи.

³⁾ По всѣмъ вѣроятностямъ, Давидъ княжилъ въ Переяславѣ: такъ сдѣловало по счету.

⁴⁾ Изгнанный Глѣбъ убитъ былъ далеко на сѣверѣ въ странахъ Чуди Заволоцкой. Объ изгнаніи Глѣба см. лѣто-

⁵⁾ Карамз. II, 135.

⁶⁾ Татищ. II, 133.

писъ во II-мъ томѣ продолж. Древ. Вивлиоѳ. «И посади Святослав... своего Глѣба. И выгнаша... п бѣжа за Волокъ, и у... и Чудь». Пропуски эти дополняются тождественною съ напечатанною въ Вивл. лѣтописью, находящеюся въ Рузницк. музеѣ подъ № ССХLIX: «И посла Святославъ сына своего Глѣба, и выгнаша изъ города и бѣжа за Волокъ и убиша и Чудь». См. Арцуб. I, пр. 181.

махъ отбилъ восточныя ворота ¹⁾, и вышній городъ былъ сожженъ, послѣ чего жители убѣжали во внутренній. Но Ярославичи не имѣли времени приступить къ послѣднему, потому что пришла вѣсть о приближеніи Олега и Бориса; получивши ее, Изяславъ и Всеволодъ рано утромъ отошли отъ Чернигова и отправились на-встрѣчу къ племянникамъ, которые совѣтовались, что имъ дѣлать. Олегъ говорилъ Борису: „Нельзя намъ стать противъ четырехъ князей; пошлемъ лучше къ дядьямъ съ просьбою о мирѣ“; Борисъ отвѣчалъ: „Ты стой—смотри только, я одинъ пойду на нихъ на вѣхъ“²⁾. Пошли и встрѣтились съ Ярославичами у села Нѣжатины Нивы ³⁾; полки сошлись, и была сѣча злая: вопервыхъ убили Бориса, сына Вячеслава; Изяславъ стоялъ съ пѣшими полками, какъ вдругъ наѣхалъ одинъ изъ непріятельскихъ воиновъ и ударилъ его въ плечо копьемъ: рана была смертельная. Несмотря на убіеніе двухъ князей съ обѣихъ сторонъ, битва продолжалась; наконецъ Олегъ побѣждалъ и едва могъ уйти въ Тмуторакань (3-го октября 1078 года). Тѣло Изяслава взяли, привезли въ лодкѣ и поставили противъ Городца, куда на-встрѣчу вышелъ весь городъ Кіевъ; потомъ положили тѣло на сани и повезли; священники и монахи провожали его съ пѣніемъ; но нельзя было слышать пѣнія за плачемъ и воплемъ великимъ, потому что плакалъ по немъ весь городъ Кіевъ; Ярополкъ шелъ за тѣломъ и причиталъ съ дружиною: „Батюшка, батюшка! не безъ печали ты пожилъ на этомъ свѣтѣ; много насаги принялъ отъ людей и отъ своей браты; и вотъ теперь погибъ не отъ брата, а за брата сложили голову“. Принесли и положили тѣло въ церкви Богородицы, въ гробѣ мраморномъ ³⁾. По словамъ лѣтописца, Изяславъ былъ красивъ лицомъ, высокъ и силенъ, правомъ незлобивъ, кривду ненавидѣлъ, правду любилъ; лести въ немъ не было, прямой былъ человѣкъ и не мстительный. Сколько разъ сдѣлали ему Кіевляне!—самого выгнали, домъ разграбили, а онъ не заплатилъ имъ зломъ за зло; если же кто ска-

жетъ: онъ казнилъ Всеволодовыхъ освободителей,—то вѣдь не онъ это сдѣлалъ, а сынъ его. Потомъ братья прогнали его, и ходилъ, блуждалъ онъ по чужой Землѣ; а когда сѣлъ на своемъ столѣ, и Всеволодъ прибѣжалъ къ нему побѣжденный, то Изяславъ не сказалъ ему: „А вы что мнѣ сдѣлали?“ не заплатилъ зломъ за зло, а утѣшилъ, сказалъ: „Ты, братъ, показалъ ко мнѣ любовь, ввелъ меня на столъ мой и назвалъ старшимъ,—такъ и я теперь не помяну первой злобы; ты мнѣ братъ, а я тебѣ, и положу голову свою за тебя“⁴⁾, что и случилось; не сказалъ ему: „Сколько вы мнѣ зла сдѣлали, а вотъ теперь пришла и твоя очередь!“ не сказалъ: „Ступай, куда хочешь“, но взялъ на себя братную печаль и показалъ любовь великую.—Смерть за брата, прекрасный примѣръ для враждующихъ братьевъ, заставилъ лѣтописца и, можетъ быть, всѣхъ современниковъ, умилился надъ участью Изяслава при господствѣ непосредственныхъ чувствъ. Однако и лѣтописецъ спѣшилъ опровергнуть возраженіе на счетъ казни виновниковъ Всеволодова освобожденія, и складываетъ всю вину на сына Изяслава, Мстислава: значить, это возраженіе существовало въ его время; монахи Кіевопечерскаго монастыря должны были знать и о послѣдующихъ гоненіяхъ, напр. на Св. Антонія; Всеволоду Изяславъ простилъ, потому что и прежде, какъ видно, этотъ Ярославичъ былъ мало виноватъ, да и послѣ загладилъ свою вину; наконецъ собственная опасность принуждала Изяслава вооружиться противъ племянниковъ; но дѣтямъ Святославовымъ, конечно невиннымъ въ дѣлѣ отца, Изяславъ не могъ простить и отнялъ у нихъ волости, себѣ и Русской Землѣ на бѣду.

Какъ бы ни было, первый старшій, или великій князь послѣ Ярослава малъ въ усобицѣ. Всѣ усобицы, которыя мы видимъ при старшинствѣ Изяслава, происходили оттого, что осиротѣлые племянники не получали волостей. При отсутствіи отчиннаго права относительно отдѣльныхъ волостей, дядя смотрѣлъ на осиротѣлыхъ племянниковъ какъ на изгоевъ, обязанныхъ, по своему сиротскому положенію, жить изъ милости старшихъ, быть довольными всѣмъ, что дадутъ имъ послѣдніе, и потому или не давали имъ вовсе волостей, или давали такія, какими тѣ не могли быть довольны. Но если дядя считали для себя выгоднымъ отсутствіе отчиннаго права, то не могли находить для себя это выгоднымъ осиротѣлые племянники, которые, лишась преждевременной смерти отцовъ надежды на старшинство въ родѣ, хотѣли, по крайней мѣрѣ, достать то, чѣмъ владѣли отцы, или хотя другую, но болѣе или менѣе значительную волость, чтобъ не быть лишенными Русской Земли. Такимъ образомъ, мы видимъ, что первая усобица на Руси произошла отъ отсутствія отчиннаго права въ отдѣльныхъ волостяхъ, отъ стремленія осиротѣлыхъ князей-изгоевъ установить это право и отъ стремленія старшихъ не допустить до его установленія. Князьямъ-изгоямъ легко было доискиваться воло-

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 88. «Володимеръ же пріступи ко вратамъ восточнымъ, отъ стрѣженей отъ врата». Рѣчка Стрижень течетъ въ самомъ Черниговѣ. Архив. I, прим. 185.

²⁾ Ипатьев. (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 13); въ Лавр. (тамъ же, I, 132): «Тое же змы придоша Ольговичи съ Половци, и ввѣша Городокъ и Нѣжатины, и села пожога, и Баручъ пожога».—Подъ Нѣжатинымъ указываютъ дядь вышній Влжницъ; но на это справедливо возражаютъ, что по лѣтописи мѣсто дѣвства должно находиться подлѣ Кіева, и Городецъ тотъ самый, который находится противъ этого города. Не знаемъ, почему думаютъ, что этого Нѣжатины не должно смѣшивать съ Нѣжатиной Нивой: изъ разказа подлѣ 1073 годоу вовсе не слѣдуетъ, чтобъ Нѣжатины Нива непременно должна быть подлѣ Чернигова: Ярославичи пошли противъ племянниковъ отъ Чернигова, могли встрѣтиться съ ними въ Переяславской волости; что же касается до названія, то Нѣжатины очень могъ называться Нѣжатины Нива, какъ Углець назывался Углець Поле. Максимовичъ указываетъ Нѣжатины въ хуторѣ Нѣготинѣ, близъ села Гвѣдина (Москвит., 1854 г., № 1).

³⁾ Ярослава погребли точно такъ же, въ ракъ мраморной.

стей; Русь граничила съ степью, а въ степи скитались разноплеменные варварскія орды, среди которыхъ легко было набрать войско обѣщаніемъ добычи; вотъ почему застѣпный Тмуторакань служить постояннымъ убѣжищемъ для изгоевъ, которые возвращаются оттуда съ дружинами отыскивать волостей.

Мы видѣли дѣятельность изгоя Ростислава, сына Владимірова; у него остались сыновья въ томъ же положеніи, слѣдовательно съ тѣми же стремленіями; мы видѣли судьбу изгоя—Бориса Вячеславича; у него, какъ видно, не было ни братьевъ, ни сыновей; но были сыновья у Игоря Ярославича—тоже изгой; къ числу ихъ Изяславъ захотѣлъ присоединить еще и дѣтей Святославовыхъ, тогда какъ послѣдніи имѣли основаніе не считать себя изгоями: ихъ отецъ былъ старшиномъ, умеръ на главномъ столѣ. Если Изяславъ могъ считать это старшинство незаконнымъ и мстить дѣтямъ своего гонителя отплатіемъ у нихъ волостей, то Всеволодъ не имѣлъ на это никакого права: Изяславъ былъ изгнанъ не однимъ Святославомъ, но Святославомъ и Всеволодомъ вмѣстѣ; Всеволодъ признавалъ изгнаніе Изяслава справедливымъ, признавалъ старшинство Святослава до самой смерти послѣдняго,—на какомъ же основаніи онъ могъ считать сыновей Святославовыхъ изгоями, лишитъ ихъ волостей? Несмотря на то, Всеволодъ, враждуя съ Святославичами за недавнее изгнаніе и пользуясь правомъ побѣды, не думалъ приглашать ихъ въ Русь, и тѣмъ готовилъ для себя и для потомковъ своихъ новую усобицу¹⁾.

Всеволодъ, сѣвъ въ Кіевѣ, на столѣ отца своего и брата, взявъ себѣ всѣ волости русскія, посадилъ сына своего Владиміра въ Черниговѣ, а племянника Ярополка Изяславича во Владимірѣ-Волынскомъ, придавъ къ нему Туровъ. Но обдѣленные князья не могли долго оставить его въ покоѣ. Въ 1079 году явился Романъ Святославичъ съ Половцами у Воица²⁾; Всеволодъ вышелъ на-встрѣчу, сталъ у Чераславля и усилъ заключить миръ съ Половцами, разумѣется, давши имъ вѣрное вмѣсто невѣрнаго, обдѣланнаго Романомъ. Половцы не только не сдѣлали для Романа того, за чѣмъ пришли, но даже убили его на возвратномъ пути, вѣлѣдствие ссоры, которую завелъ Романъ съ ихъ князьями

за обманъ, какъ говорить одно очень вѣроятное извѣстіе³⁾. Впрочемъ, изъ послѣдующихъ извѣстій лѣтописи видно, что виновниками убійства Романа были собственно не Половцы, а Козары, знакъ, что Романово ополченіе было сбродное изъ разныхъ народовъ, и что Козары, послѣ разрушенія своего царства, существовали еще какъ особый народъ и играли нѣкоторую роль на стенихъ берегахъ Чернаго и Азовскаго морей⁴⁾. Убивъ Романа, Козары и Половцы, разумѣется, не могли жить въ мирѣ съ братомъ его Олегомъ, и потому, какъ сказано въ лѣтописи, они заточили его за море, въ Царьградъ, откуда его отгравили на островъ Родосъ; нѣтъ сомнѣнія, что Козары и Половцы могли сдѣлать это не иначе какъ съ согласія Императора, для котораго вѣроятно русскіе изгой были также опасными соседями⁵⁾; это ясно видно изъ судьбы Ростиславовой; очень вѣроятно, что заточеніе Олега произошло и не безъ вѣдома Всеволода, который воспользовался имъ и послалъ въ Тмуторакань своего посадника Ратибора.

Но Тмуторакань не долго оставалась безъ изгоевъ; черезъ годъ бѣжали туда изъ Владиміро-Волынскихъ волостей сынъ Игоря Ярославича, Давидъ, и сынъ извѣстнаго уже намъ Ростислава Владиміровича—Володаръ; они выгнали Ратибора и сѣли въ Тмуторакань; но сидѣли недолго: чрезъ годъ возвратился туда изъ изгнанія Олегъ, схватилъ Давида и Володаря, сѣлъ опять въ Тмуторакань, перебилъ Козаръ, которые были совѣтниками на убіеніе Романа и на его собственное изгнаніе, а Давида и Володаря отпустилъ. Лишенные убѣжища въ Тмуторакань, эти князья должны были думать о другихъ средствахъ, какъ бы добыть себѣ волостей. Въ 1084 году Ростиславичи⁶⁾, по словамъ лѣтописца, выбѣжали отъ Ярополка, слѣдовательно ясно, что они жили у него во Владимірѣ безъ волостей; выбѣжали—не сказано куда, потомъ возвратились съ войскомъ и выгнали Ярополка изъ Владиміра⁷⁾. Съ кѣмъ возвратились Ростиславичи, откуда взяли дружину, какъ могли безземельные князья выгнать Ярополка изъ его волости?—на всѣ

¹⁾ Татищ. II, 136.

²⁾ Хожденіе игумена Давиіла.

³⁾ Studien — Еверса, стр. 238.

⁴⁾ Сколько? Ростиславичей было трое: Рюрикъ, Володаръ и Василько; въ нѣкоторыхъ спискахъ сказано только двое—предполагается Рюрикъ и Василько, если Володаръ еще не возвратился изъ Тмутораканя; но въ нѣкоторыхъ сказано просто «Ростиславичи» (Кеишсб.) и прибавленъ Давидъ: «выбѣгоста Ростиславича два отъ Ярослава» и «выбѣгоста Ростиславичи Давидъ и Ярополкъ»; смѣна легка, но мы предпочитаемъ чтеніе *Ростиславича два* какъ труднѣйшее.

⁵⁾ «Приходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ день. Въ се же время выбѣгоста Ростиславича 2 отъ Ярополка, и пришеде прогноста Ярополка». — Ни откуда но слѣдуетъ, чтобъ Ростиславичи овладѣли Владиміромъ въ отсутствіи Ярополка, иначе какъ могло быть сказано, что пришеди они прогноста вотою князя; можно только допустить, что они убѣжали въ его отсутствіе; но у Татищева читаемъ, что Ярополкъ на Великъ день приходилъ уже въ Кіевъ жаловаться на изгнаніе.

¹⁾ Если Всеволодъ признавалъ изгнаніе Изяслава справедливымъ, признавъ старшинство Святослава законнымъ, то какимъ же образомъ потомки Всеволода могли считать это старшинство незаконнымъ? Въ такомъ случаѣ они обвиняли бы своего предка, какъ участника въ беззаконіи? Развѣ мы не видимъ воослѣдствіи, что Всеволодовичи, домогаясь отнять у Святославичей право на старшинство, ни слова не говорятъ о беззаконномъ старшинствѣ Святослава, а выставляютъ только какое-то заглаженіе Ярослава 1-го, по которому князья восточныхъ областей не должны были вступаться въ западныхъ. Ясно, что у Всеволодовичей не было никакого права исключать Святославичей изъ старшинства; что они, пользуясь правомъ свѣдѣно, выставляли только странное предлоги.

²⁾ Подобноименныхъ мѣстъ въ нынѣшней Подгавской губерніи много. См. Архив. I, прим. 190; Карамз. II, 145; Погор. Исвѣд. VI, стр. 263.

эти вопросы не даетъ отвѣта лѣтопись; но и ея краткія извѣстія могутъ показать намъ, какъ легко было тогда добыть дружину; ясно также, что Ростиславичи не могли выгнать Ярополка, не приобрѣта себѣ многочисленныхъ и сильныхъ приверженцевъ во Владимірѣ. Всеволодъ послалъ противъ Ростиславичей сына своего, Мономаха, который прогналъ ихъ изъ Владиміра и посадилъ здѣсь опять Ярополка. Въ лѣтописи объ этомъ сказано такъ, какъ будто бы все сдѣлалось вдругъ; но изъ собственныхъ словъ Мономаха видно, что борьба съ Ростиславичами кончалась не скоро, потому что онъ ходилъ къ Изяславичамъ за Мкулинъ, въ цѣльшнюю Галицію, и потомъ два раза ходилъ къ Ярополку на Броды, весной и зимою ¹⁾). Счастливіе Ростиславичей былъ Давидъ Игоревичъ: онъ ушелъ съ своею дружиною въ дѣвировскія устья, захватилъ здѣсь греческихъ купцовъ, отнялъ у нихъ всѣ товары; но отъ греческой торговли зависѣло богатство и значеніе Кіева, слѣдовательно богатство казны великокняжеской, и вотъ Всеволодъ принужденъ былъ прекратить грабежи Давида обѣщаніемъ дать волость, и точно назначилъ ему Дорогобужъ ²⁾ на Волыни. Но этимъ распоряженіемъ Всеволодъ не прекратилъ, а еще болѣе усилилъ княжескія распри: Ярополкъ Изяславичъ, князь Волынской, въ отдалѣ Дорогобужа Давиду видѣлъ обиду себѣ, намѣреніе Всеволода уменьшить его волость, и потому началъ злоститься на Всеволода ³⁾, собрать войско, по наущенію злыхъ совѣтниковъ, прибавляетъ лѣтописецъ ⁴⁾. Узнавъ объ этомъ, Всеволодъ послалъ противъ него сына своего Владиміра, и Ярополкъ, оставая мать въ Луцкѣ ⁵⁾, бѣжалъ въ Польшу. Луцкъ сдался Мономаху, который захватилъ здѣсь мать, жену Ярополкову, дружину его и все имѣніе, а въ Владимірѣ посадилъ Давида Игоревича. Вѣроятно въ это время Червенскіе города, область послѣдующаго Галицкаго княжества, были утверждены за Ростиславичами, потому что послѣ мы видимъ старшаго изъ нихъ, Рюрика, княземъ въ Перемышлѣ; очень вѣроятно также, что эта область была отнята Ростиславичами у Поляковъ, союзниковъ Ярополковыхъ ⁶⁾, не безъ согласія Всеволода. Но въ слѣдующемъ году Ярополкъ пришелъ изъ Польши, заключилъ миръ съ Мономахомъ и сѣлъ опять во Владимірѣ; вѣроятно такому обороту дѣлъ много содѣйствовала прежняя дружба Мономахова къ Ярополку,

благодарность стараго Всеволода къ отцу его Изяславу и исцеленіе соориться съ сыновьями послѣдняго, изъ которыхъ старшій долженъ былъ получить старшинство по смерти Всеволодовой Ярополкъ однако недолго пользовался возвращенною волостью: посидѣвъ нѣсколько дней во Владимірѣ, онъ поѣхалъ въ Звенигородъ ⁷⁾, одинъ изъ городовъ Галицкихъ. Когда князь дорогою лежалъ на возу, то какой-то Нерадецъ, какъ видно находившійся въ дружинѣ и ѣхавшій подлѣ на лошади ударилъ его саблею; Ярополкъ приподнялся, вынулъ изъ себя саблю и громко закричалъ: „Охъ, этотъ врагъ меня покончилъ!“ Нерадецъ бѣжалъ въ Перемышль къ Рюрику Ростиславичу, а Ярополкъ умеръ отъ раны; отроки взяли его тѣло и повезли сперва во Владиміръ, а потомъ въ Кіевъ, гдѣ и погребли его въ церкви Св. Петра, которую онъ началъ строить. Въ Кіевѣ сильно плакали на похоронахъ Ярополка; лѣтописецъ также жалѣетъ объ этомъ князѣ, говоритъ, что онъ много принял бѣдъ, безъ вины былъ изгнанъ братьями, обиженъ, разграбленъ и наконецъ принялъ горькую смерть; былъ онъ, по словамъ лѣтописца, тихъ, кротокъ, смиренъ, братолюбивъ, давалъ каждый годъ десятину въ Богородицкую кіевскую церковь отъ всего своего имѣнія, и прислалъ у Бога такой же смерти, какая постигла Бориса и Глѣба; Богъ услышалъ его молитву, заключаетъ лѣтописецъ. О причинѣ убійства лѣтописецъ говоритъ глухо: Нерадецъ, по его словамъ, убилъ Ярополка, будучи наученъ отъ дьявола и отъ злыхъ людей. Вспомнимъ сказанное нами прежде, что Ростиславичи могли овладѣть Владиміромъ только съ помощью приверженцевъ своихъ, слѣд. людей неприязненныхъ Ярополку: люди, желавшіе прежде его изгнанія, теперь не могли охотно видѣть его возстановленіе. Но убійца бѣжалъ къ Ростиславичу въ Перемышль: это одно обстоятельство могло заставить современниковъ сильно заподозрить Ростиславичей, если они и не были совершенно убѣждены въ дѣйствительномъ участіи послѣднихъ въ дѣлѣ Нерадца; послѣ Давидъ Игоревичъ прямо говоритъ, что Ярополкъ былъ убитъ Ростиславичами. Съ перваго раза кажется, что Ростиславичи или одинъ изъ нихъ, Рюрикъ, не имѣли достаточнаго основанія ринуться на подобное дѣло; скорее казалось бы можно было заподозрить Давида Игоревича и по характеру послѣдняго, да и потому, что онъ болѣе всѣхъ терялъ съ возстановленіемъ Ярополка на Владимірскомъ столѣ. Но объ участіи Давида нѣтъ ни малѣйшаго намека въ лѣтописи; самъ Давидъ послѣ, говоря Святополку объ убіеніи брата его, не могъ выдумать объ участіи Ростиславичей и объявить объ этомъ Святополку за новость; если бы современники подозрѣвали Давида, то лѣтописецъ самъ, и Святополкъ Изяславичъ, и Кіевляне на вѣчѣ, и князя на съѣздѣ не преминули бы

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 88 и 103.—«И намы по Изяславичи за Мкулинъ и не достигахомъ ихъ».—Но что же это за Изяславичи? Святополкъ былъ въ Новгородѣ? Мы думаемъ, что должно читать «Ростиславичи» вмѣсто Изяславичи. Есть мѣстечко Мкулинцы, Подольской губерніи Винницкаго повѣта, и еще городъ ниже Тарнополь и выше Струсова.

²⁾ На рѣкѣ Горынь, близъ Ровна. Архб. I, пр. 201.

³⁾ Татищ. II, 137.

⁴⁾ Прибавленіе, нужное для вѣрности характеру, который послѣ придаетъ Ярополку.

⁵⁾ Увѣдныи городъ Волынской губерніи, на рѣкѣ Стырѣ.

⁶⁾ По извѣстіяхъ польскихъ лѣтописцевъ, Червенскіе города, вѣтые Болеславомъ II, были возвращены Ростиславичами. Архб. I, пр. 218.

⁷⁾ Здѣсь можетъ быть рѣчь только объ одномъ какомъ-нибудь изъ четырехъ Звенигородовъ Галицкихъ. См. Исхвѣд. Погод. IV, пр. 152.

упомянуть объ этомъ по случаю злодѣяства Давида надъ Василькомъ. Если лѣтописецъ не указываетъ прямо на Ростиславичей, то это указываетъ, что у современниковъ не было достаточныхъ уликъ противъ нихъ; но не безъ намѣренія лѣтописецъ выставляетъ бѣгство Перадѣ къ Рюрику въ Перемышль. Что касается до побужденій, то мы не знаемъ подробностей: знаемъ только то, что Ростиславичи жили у Ярополка, приобрѣли средства выгнать его изъ Владиміра, но потомъ сами были выгнаны въ его пользу; здѣсь очень легко могло быть положено начало смертельной вражды; Ростиславичи могли думать, что никогда не будутъ безопасны въ своей волости, пока врагъ ихъ будетъ сидѣть въ Владимірѣ: Обратимъ вниманіе еще на одно обстоятельство: посидѣвши мало времени во Владимірѣ, Ярополкъ отправился къ Звенигороду; мы не знаемъ зачѣмъ предпринялъ онъ это путешествіе; мы не знаемъ еще, кому принадлежалъ въ это время Звенигородъ; очень вѣроятно, что Ростиславичамъ; очень вѣроятно, что выраженіе лѣтописца „иде Звенигороду“ означаетъ походъ воицкій. Наконецъ, что касается до характера Рюрика Ростиславича, то мы знаемъ о немъ только то, что онъ выгналъ Ярополка изъ Владиміра и потомъ принялъ къ себѣ его убійцу: эти два поступка несколько не ручаются намъ за его нравственность ¹⁾.

Въ томъ же 1046 году Всеволодъ самъ предпринималъ походъ къ Перемышлю на Ростиславичей, и походъ этотъ не могъ быть безъ связи съ предшествовавшими событіями. Но съ Ростиславичами, какъ видно изъ послѣдующихъ событій, трудно было воевать: походъ кончился ничѣмъ, потому что Ростиславичи остались по-прежнему въ своей волости ²⁾. Такъ кончились пока смуты на Волыни; но, кромѣ этихъ смутъ и борьбы на востокъ съ Святославичами, шла еще борьба со Всеславомъ Полоцкимъ. По принятіи Всеволодомъ старшинства, Всеславъ *обжегъ* Смоленскъ, т.-е. пожегъ посады около крѣпости или города; Мономахъ изъ Чернигова погнался за нимъ на спѣхъ о *двухъ коняхъ* (т.-е. дружина взяла съ собою по парѣ коней для перемѣны); по чародѣя Всеслава трудно было достигнуть: Мономахъ не засталъ его подъ Смоленскомъ и пошелъ по его слѣдамъ въ Полоцкую волость, повоевалъ и пожегъ Землю ³⁾. Потомъ, въ

другой разъ пошелъ Мономахъ съ Черниговцами и Половцами къ Минску, почаяши папалъ на городъ, и не оставилъ у него ни челдидна, ни скотины, по его собственному выраженію.

Въ 1093 году умеръ послѣдній изъ Ярославичей, Всеволодъ, 64 лѣтъ. Лѣтописецъ говоритъ, что этотъ князь былъ измлада боголюбивъ, любилъ правду, былъ милостивъ къ нищимъ, чтилъ епископовъ и священниковъ, но особенно любилъ монаховъ, давалъ имъ все потребное; былъ также воздерженъ и за то любилъ отцомъ своимъ. Лѣтописецъ прибавляетъ, что въ Кіевѣ Всеволоду было гораздо больше хлопотъ, чѣмъ въ Переяславль: хлопоталъ онъ все съ племянниками, которые просили волостей: одинъ просилъ той, другой—этой; онъ все ихъ мирилъ и раздавалъ волости. Къ этимъ заботамъ присоединились болѣзни, старость, и сталъ онъ любить молодыхъ, совѣтоваться съ ними, а молодые старались отдавать его отъ прежней, старой дружины; до людей перестала доходить княжая правда, тиуны начали грабить, брать несправедливо пени при судѣ; а Всеволодъ ничего этого не зналъ въ своихъ болѣзняхъ.—Намъ нѣтъ нужды разумѣть здѣсь подъ *молодыми* именно молодыхъ лѣтами: трудно предположить, что Всеволодъ, на старости лѣтъ, покинулъ своихъ ровесниковъ и окружилъ себя юношами; если обратимъ вниманіе на послѣдующія явленія, то можемъ легче объяснить смыслъ словъ лѣтописца; подъ молодыми людьми разумѣются у него люди новые; новая дружина, приведенная изъ Переяславля и Чернигова, противопоставляется дружинѣ *первой*; князя, перемѣщаяся изъ одной волости въ другую, съ младшаго стола на старшій, приводили съ собою свою дружину, которую, разумется, предпочитали дружинѣ, найденной въ новомъ княжествѣ, оставшейся послѣ прежняго князя; отсюда происходила невыгода, вопервыхъ, для народа, потому что пришельцы не соблюдали чуждой для нихъ области и старались наживаться на-счетъ гражданъ; во вторыхъ, для старыхъ бояръ, которыхъ пришельцы отстраняли отъ важныхъ должностей, отъ княжескаго расположенія, *завъзжали* ихъ, по мѣстическому поздѣйшему выраженію. Каково было грабительство тиуновъ княжескихъ при Всеволодѣ, свидѣтельствуютъ слова лучшихъ Кіевлянъ, что земля ихъ оскудѣла отъ рати и отъ *продажъ*.—Такъ сошло съ ноприща первое поколѣніе Ярославичей: при первомъ уже изъ нихъ начались усобицы вслѣдствіе изгнанія осиротѣлыхъ племянниковъ; при первомъ уже изъ нихъ былъ нарушенъ порядокъ преемства, и это нарушеніе увеличило число изгоевъ и, слѣдовательно, усилило усобицы, жертвою которыхъ мало три князя. Переходы князей изъ волости въ волость,—вслѣд-

¹⁾ Мы распространились объ этомъ событіи потому, что существуетъ цѣлая статья о смерти Ярополка Изяславича, авторъ которой старался оправдать совершенно Ростиславичей, сложивъ вину на Давида (Соврем. т. XVI, отд. II). Уваженіе, питаемое нами къ ученымъ трудамъ автора статьи, заставило насъ подробнѣе коснуться ея предмета.

²⁾ Что слова лѣтописца: «Ходи Всеволодъ къ Перемышлю» означаютъ воицкій походъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію: иначе для чего ходилъ Всеволодъ? Великій князь не могъ ходить просто для свиданія къ младшему. У Татищева в. князь предпринялъ походъ на Ростиславичей по жалобамъ Святополка Изяславича и Давида Игоревича, дошелъ до Звенигорода, посылалъ за Ростиславичами, и помирился съ ними. (II, 140).

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 130: «Пожегъ землю

и повоевалъ до Лукомля и до Логозьска, та на Дръютскъ воюя». Лукомль—мѣстечко Могилевской губерніи, Сонинскаго уѣзда; Дръукъ—мѣстечко Могилевскаго уѣзда; Логозькъ—Минской губерніи, въ Борисовскомъ уѣздѣ, на р. Гойнѣ, впадающей въ Березину.

ствие родовыхъ счетовъ, показали уже народу всю невыгоду такого порядка вещей, особенно въ княженіе Всеволода, когда новые дружинники разорили Кіевскую Землю; земля разорялась также ратью, набѣги степныхъ варваровъ не прекращались, и въ челѣ Половцевъ народъ видѣлъ Русскихъ князей, приходившихъ искать волостей въ Русской Землѣ, которую безнаказанно пустошили ихъ союзники. Начался тѣ времена, когда по землѣ сѣялись и росли усобицы, и въ княжихъ крамолахъ сокращалась вѣкъ людской, когда въ Русской Землѣ рѣдко слышались крики земледѣльцевъ, но часто каркали вороны, дѣла себѣ трупы, часто говорили свою рѣчь галки, собираясь летѣть на добычу¹⁾.

Изъ вѣдѣнныхъ отношеній на первомъ планѣ, какъ прежде, такъ и теперь, была борьба съ степными варварами, изъ которыхъ главное мѣсто занимали Половцы. Мы упоминали о войнахъ съ ними по поводу княжескихъ усобицъ; но, кромѣ того, они часто набѣгали и безо всякаго повода²⁾. Въ удачныхъ битвахъ съ этими варварами за Русскую Землю началъ славиться и приобрѣтать народную любовь сынъ Всеволода, знаменитый Мономахъ: 12 удачныхъ битвъ выдержалъ онъ съ Половцами въ одно княженіе отца своего; если Половцы помогали Русскимъ князьямъ въ ихъ усобицахъ, за то и Мономахъ иногда ходилъ на варваровъ, ведя съ собою варваровъ же изъ другихъ племенъ³⁾. Мы видѣли, что Ярославичи, свободные еще отъ усобицъ, нанесли сильное поражение Торкамъ, заставили часть ихъ поселяться въ предѣлахъ Руси и признать свою зависимость отъ нея; но въ 1080 году Торки, поселенные около Переяславля и потому названные въ лѣтописи переяславскими, вздумали возвратитъ себѣ независимость и заратились; Всеволодъ послалъ на нихъ сына своего Мономаха, и тотъ побѣдилъ Торковъ. На сѣверѣ шла борьба съ финскими и литовскими племенами. Къ первымъ годамъ княженія Изяслава относится побѣда его надъ Голядами; слѣдовательно народонаселеніе нынѣшняго Можайскаго и Гжатскаго уѣздовъ не было еще подчинено до этого времени, и неудивительно: оно оставалось въ сторонѣ отъ главныхъ путей, по которымъ распространялись русскія владѣнія⁴⁾. Въ 1055 году посадникъ Остро-

миръ ходилъ съ Новгородцами на Чудь и овладѣлъ тамъ городомъ Осекъ Декшичъ, т. е. Солнечная Рука; въ 1060 году самъ Изяславъ ходилъ на Соловѣвъ и заставлялъ ихъ платить дань; но скоро они выгнали русскихъ сборщиковъ дани, пожгли городъ Юрьевъ и околнныя селенія до самаго Пскова; Исковичи и Новгородцы выплыли къ нимъ на-встрѣчу, сразились и потеряли 1,000 человекъ, а Соловѣвъ пало безчисленное множество. На сѣверо-востокѣ было враждебное столкновеніе съ Волгарами, которые въ 1088 году взяли Муромъ⁵⁾.

На западѣ Ростиславичи боролись съ Поляками; особенно въ этой борьбѣ стали замечать третій братъ—Василько. Мы видѣли, что Болеславъ II-й Смѣлый, пользуясь саутами въ имперіи, умѣлъ возстановитъ прежнее значеніе Польши, которое потеряла она по смерти Болеслава I-го Храбраго; но, будучи счастливъ въ борьбѣ съ внѣшними врагами, Болеславъ Смѣлый не могъ осилить внутреннихъ: принятіе королевскаго титула, стремленіе усилить свою власть на счетъ пановъ, строгіе поступки съ ними, умерщвленіе Краковскаго епископа Станислава,—возбудили ненависть пановъ и духовенства, слѣдствіемъ чего было изгнаніе Болеслава Смѣлаго и возведеніе на престолъ брата его, слабаго Владислава-Германа. Владиславъ вѣтрился во всемъ Палатину Сепеху, который корыстолюбіемъ и насильственными поступками возбудилъ всеобщее негодованіе. Недовольные встали подъ предводительствомъ побочнаго сына Владислава, Збигнева; въ эту усобицу вѣшались Чехи, а съ другой стороны Владиславъ долженъ былъ вести упорную борьбу съ Поморскими славянами. Легко понять, что при такихъ обстоятельствахъ Польша не только не могла обнаружитъ своего вліянія на дѣла Руси, но даже не могла съ успѣхомъ бороться противъ Василька Ростиславича, который съ Половцами пустошилъ ея области.

Мы рассмотрѣли внутреннія и внѣшнія отношенія на Руси при первомъ поколѣніи Ярославичей, видѣли дѣятельность князей; вzakлюченіе обратимъ вниманіе на другихъ дѣятелей, на мужей изъ дружины княжеской, имена которыхъ кое-гдѣ попадаются въ лѣтописи. Прежде всего мы встрѣчаемъ имя Остромира, посадника новгородскаго; сынъ его, Вышата, убѣжалъ съ Ростиславомъ Вла-

¹⁾ Слово о Полку Игореву.—Въ извѣстіи о молодой дружинѣ Всеволода и тѣмъ нахъ въ разныхъ спискахъ находятся разныя чтенія, въ однихъ: «Начаша тѣиуи грабити»; въ другихъ: «начаша тѣи уиуи» молодые, о которыхъ говорилось передъ этимъ. П. С. Р. Л. I, 93.

²⁾ Такъ въ 1071 году они воевали у Ростовца у и Нятина (мѣстоположеніе этихъ городовъ спорное: одни полагаютъ на западной, другіе на восточной сторонѣ Дѣвѣра, т. е. одни въ Кіевской, другіе въ Черниговской волости, см. Изслѣд. Погод. IV, стр. 148). Поѣздъ 1092 годомъ читаемъ: «ратъ велика бѣше отъ Половцевъ и отъ всюду: взяша 3 грады, Пѣсоченъ, Переволоку, Прилуду и многа села воеваша, по обѣмъ странамъ»;—всѣ три мѣста въ Переяславской волости, въ нынѣшней Полтавской губерніи, на рѣкѣ Удаѣ.

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 103.

⁴⁾ Здѣсь можетъ быть только вопросъ: какими образомъ самъ Изяславъ предпринималъ походы противъ Го-

лядей? Изъ соображенія лѣтописныхъ извѣстій можно полагать, что великій князь все это время находился самъ на сѣверѣ, въ Смоленскѣ, Псковѣ и сосѣднихъ мѣстахъ.

⁵⁾ Въ дошедшихъ до насъ спискахъ говорится кратко о взятіи Мурома Волгарами, безъ объясненія причинъ и слѣдствій; но Татищевъ, основываясь на Нижегородскомъ и Макарьевскомъ спискахъ, говоритъ, что по Окѣ и Волгѣ въ это время были сильныя разбои, вредившіе болгарской торговлѣ; Волгары прислали къ князю Олегу и брату его Ярославу Святославичамъ, которымъ, по Татищеву, принадлежали въ это время Тмуторакань, Рязань и Муромъ, просить на разбойниковъ, но, не получивъ управы, пошли на Муромъ и взяли его.—Извѣстіе это очень любопытно и очень вѣроятно: лѣтъ основанія отвергать, чтобъ въ это время не было *ушкуйничества*, которое мы видимъ въ такой силѣ послѣ.

димировичемъ въ Тмуторакань; о немъ больше нѣтъ извѣстій. Но вмѣстѣ съ Вышатою спутникомъ Ростислава названъ также какой-то Порфй; Порфй былъ убитъ на Сожицѣ противъ Половцевъ, въ 1078 году; если это тотъ самый Порфй, то значитъ, что, по смерти Ростислава, онъ перешелъ въ дружину Всеволода. Мы видѣли, что въ 1067 году въ Кіевѣ при Изяславѣ былъ тысяцкимъ Коснячко, вѣроятно бѣжавшій вмѣстѣ съ Изяславомъ; этотъ же Коснячко былъ съ Изяславомъ при установленіи Правды; со стороны Святослава, изъ Чернигова былъ при этомъ дѣлѣ Перенѣгъ, со стороны Всеволода изъ Переяславля Никифоръ; если Коснячко былъ тысяцкимъ въ Кіевѣ, то можемъ заключить, что Перенѣгъ имѣлъ въ то время такую же должность въ Черниговѣ, Никифоръ въ Переяславѣ; если такъ, то любоньтно, что для установленія Правды собираются тысяцкіе, имѣвшие близкое отношеніе къ городскому населенію. Не знаемъ кто былъ тысяцкимъ въ Кіевѣ послѣ перваго возвращенія Изяслава, при Святославѣ, и послѣ втораго возвращенія Изяслава; но при Всеволодѣ (1089 г.) эту должность занималъ Янъ, сынъ Вышаты, знаменитаго тысяцкаго во времена Ярослава; какъ видно, этотъ же самый Янъ ходилъ при Святославѣ за данью на сѣверъ. Потомъ мы встрѣчаемъ въ

лѣтописи имена двухъ братьевъ *Чудина* и *Туки*; имена указываютъ на финское происхожденіе; Чудинъ послѣ перваго возвращенія Изяслава держалъ Вышгородъ (1072 г.); Туки является дѣйствующимъ во время перваго изгнанія Изяслава: онъ совѣтовалъ Изяславу стеречь крѣпче Всеслава; изъ этого видно, какъ будто онъ принадлежалъ въ дружинѣ Кіевского князя; но потомъ, послѣ втораго возвращенія Изяслава, мы видимъ его въ дружинѣ Всеволода; онъ выходитъ вмѣстѣ съ этимъ княземъ противъ Половцевъ и погибаетъ въ битвѣ при Сожицѣ, значитъ—онъ перешелъ изъ дружины Изяслава въ дружину Всеволода; впрочемъ, могло быть, что онъ явился дѣйствующимъ лицомъ въ означенномъ кіевскомъ событіи, принадлежа къ дружинѣ Всеволода, который прибѣжалъ въ Кіевъ съ поля битвы вмѣстѣ съ Изяславомъ; въ такомъ случаѣ любоньтно, что одинъ братъ служилъ Изяславу, а другой—Всеволоду. Въ битвѣ при Сожицѣ былъ убитъ еще Иванъ Жирославичъ, также мужъ изъ дружины Всеволода. При послѣднемъ, во время княженія его въ Кіевѣ, видимъ Рагибора, котораго онъ назначилъ посадникомъ въ Тмуторакань. Къ чьей дружинѣ принадлежалъ Бернъ, упоминаемый при перенесеніи мощей Св. Бориса и Глѣба,—трудно рѣшить: вѣроятно къ дружинѣ Святослава Черниговскаго.

Глава III.

Событія при внукахъ Ярослава I-го.

(1093—1125.)

Прежнія причины усобицъ.—Характеръ Владимира Мономаха.—Онъ уступаетъ старшинство Святополку Изяславичу.—Характеръ послѣдняго.—Нашествіе Половцевъ.—Олегъ Святославичъ въ Черниговѣ.—Борьба съ нимъ Святополка и Владимира.—Неудача Олега на сѣверѣ.—Послание Мономаха къ Олегу.—Связь князей въ Любечѣ и прекращеніе борьбы на востокѣ.—Новая усобица на западѣ вследствие ослабленія Василька Ростиславича.—Прекращенія ея на вятичевскомъ сѣвѣдѣ.—Распоряженія на счетъ Новгородца Великаго.—Судьба Ярослава Ярополковича, племянника в. князя.—Событія въ Полоцкомъ княжествѣ.—Войны съ Половцами.—Борьба съ другими сосѣдними варварами.—Связь съ Венгрією.—Смерть в. князя Святополка.—Кіевляне избираютъ Мономаха въ князья себя.—Война съ Минскимъ княземъ Глѣбомъ и съ Волынскимъ Ярославомъ.—Отношеніе къ Грекамъ и Половцамъ.—Смерть Мономаха.—Дружина при внукахъ Ярослава I-го.

Не прошло полвѣка по смерти Ярослава Старо-го, какъ уже первое поколѣніе въ потомствѣ его смѣнилось вторымъ, сыновья—внуками. Мы видѣли начало усобицъ при первомъ поколѣніи, видѣли ихъ причины въ стремленіи осиротѣлыхъ князей добыть себѣ честь въ Русской Землѣ, которой не давали имъ дядья; усобицы усиливались, когда Изяславъ былъ изгнанъ братьями, когда, возвратившись по смерти Святослава, онъ отнялъ прежнія волости у сыновей послѣдняго, которые должны были искать убѣжища въ отдаленномъ Тмуторакани, и, если вѣрить въ некоторымъ извѣстіямъ, въ Муромѣ. Со вступленіемъ на поприще внуковъ Ярославовыхъ, причины усобицъ оставались прежнія, и потому должно было ожидать тѣхъ же самыхъ явленій, какими ознаменовано и правленіе сыновей Ярославовыхъ.

Владиміръ Мономахъ ¹⁾ съ братомъ Ростиславомъ были въ Кіевѣ во время смерти и погребенія отца своего; лѣтописецъ говоритъ, что Мономахъ началъ размышлять: „Если сяду на столѣ отца своего, то будетъ у меня война съ Святополкомъ, потому что

¹⁾ Владимиръ самъ говоритъ въ началѣ поученія своего дѣтямъ: «Азъ худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословеннымъ, славнымъ, нарѣченъ въ крещеніи Василій, Русскимъ именемъ Володиміръ, отцемъ възлюбленнымъ и матерію своею Мьномахъ». Изъ этихъ словъ видно, что «Мономахъ» не былъ прованіемъ, но именемъ, даннымъ при рожденіи, точно такимъ же, какими были Владимиръ и Василій; Ярославъ хотѣлъ назвать первенца внука отъ любимаго сына Владиміромъ-Василіемъ въ честь отца своего; отецъ и мать Мономаховъ—въ честь дѣда по матери, императора Греческаго; естественно, что Всеволодъ гордился происхожденіемъ сына своего отъ царя.

этотъ столъ былъ прежде отца его⁴⁾, и размысливъ, послалъ за Святополкомъ въ Туровъ, самъ пошелъ въ Черниговъ, а братъ его Ростиславъ—въ Черяславль. Если Мономахъ единственнымъ препятствиемъ къ занятію Кіевскаго стола считалъ старшинство, права Святополка Изяславича, то ясно, что онъ не видалъ никакихъ другихъ препятствій, именно не предполагалъ препятствія со стороны гражданъ кіевскихъ, былъ увѣренъ въ ихъ желаніи имѣть его своимъ княземъ⁵⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что уже и тогда Мономахъ успѣлъ пріобрѣсти народную любовь, которую онъ такъ славенъ въ нашей древней исторіи. Мономахъ вовсе не принадлежалъ къ тѣмъ историческимъ дѣятелямъ, которые смотрятъ впередъ, разрушаютъ старое, удовлетворяютъ новымъ потребностямъ общества: это было лицо съ характеромъ чистого охранительнымъ. Мономахъ не возвышался надъ понятіями своего вѣка, не шелъ наперекоръ имъ, не хотѣлъ измѣнить существующій порядокъ вещей; по личнымъ доблестямъ, строгимъ исполненіемъ обязанностей прикрывалъ недостатки существующаго порядка, дѣлалъ его не только сносимымъ для народа, но даже способнымъ удовлетворять его общественнымъ потребностямъ. Общество, взволнованное княжескими усобицами, столько потерявшее отъ нихъ, требовало прежде всего отъ князя, чтобъ онъ свято исполнялъ свои родственныя обязанности, не *каторовался* (не спорилъ) съ братією, мирилъ враждебныхъ родичей, *вносилъ* умными совѣтами порядокъ въ семью; и вотъ Мономахъ во время злой вражды между братьями умѣлъ заслужить названіе братолюбца. Для людей благочестивыхъ Мономахъ былъ образцомъ благочестія: по свидѣтельству современниковъ, всѣ дивились, какъ онъ исполнялъ обязанности, требуемыя Церковью²⁾. Для сдержанія главнаго зла, усобицъ, нужно было, чтобъ князья соблюдали клятву, данную другъ другу: Мономахъ ни подъ какими предлогами не соглашался переступить крестнаго дѣланія. Народъ испыталъ уже при другихъ князьяхъ бѣдствие отъ того, что людямъ не доходила княжая правда, тѣны и отроки грабили безъ вѣдома князя: Мономахъ не давалъ сильнымъ обижать ни худого смерда, ни убогой вдовичи, самъ *отравливалъ* (давалъ правду, судъ) людямъ. При грубости тогдашнихъ нравовъ, люди сильные не любили сдерживать своего гнѣва, причемъ подвергнувшійся ему платилъ жизнью: Мономахъ наказывалъ дѣтямъ своимъ, чтобъ они не убивали ни праваго, ни виноватаго, не губили душъ христіанскихъ. Другіе князья позволяли себѣ невоздержаніе:—Мономахъ отличался цѣломудріемъ. Обществу сильно не нравилось въ князѣ корыстолюбіе; съ неудовольствіемъ видѣли, что внуки и правнуки Св. Владиміра отступаютъ отъ правилъ этого князя, конячь богатство, собирая его съ тягостію для народа; Мономахъ и въ этомъ отношеніи

былъ образцомъ добрыхъ князей: съ ранней молодости рука его простиралась ко всѣмъ, по свидѣтельству современниковъ³⁾, никогда не пряталъ онъ сокровищъ, никогда не считалъ денегъ, по раздавалъ ихъ обѣими руками, а между тѣмъ казна его была всегда полна, потому что при щедрости онъ былъ образцомъ добраго хозяина, не смотрѣлъ на служителей, самъ держалъ весь порядокъ въ домѣ. Больше всѣхъ современныхъ князей Мономахъ напоминалъ прадѣда своего, *масковаго* князя Владиміра: „Если поѣдете куда по своимъ землямъ (наказывалъ Мономахъ дѣтямъ), не давайте отрокамъ обижать народъ ни въ селахъ, ни на полѣ, чтобъ васъ потомъ не кляли. Куда пойдете, гдѣ станете, напоите, накормите бѣдняка; больше всего чтите гостя, откуда бы къ вамъ ни пришелъ, добрый или простой человекъ, или посоль; не можете одарить его, угостите хорошепъко, напоите, накормите: гость по всѣмъ землямъ прославляетъ человека либо добрымъ, либо злымъ“. Что дѣтямъ наказывалъ, то и самъ дѣлалъ: позвавши гостей, самъ служилъ имъ, и когда они ѣли и пили досыта, онъ только смотрѣлъ на нихъ. Кромя усобицъ княжескихъ, Земля терпѣла отъ безпрестанныхъ нападѣній Половцевъ: Мономахъ съ ранней молодости стоялъ на-сторожѣ Русской Земли, бился за нее съ погаными, пріобрѣлъ имя добраго страдальца (труженика) за Русскую Землю по преимуществу. Въ тотъ вѣкъ народной юности богатые крѣпкіе подвиги Мономаха, его изумительная дѣятельность не могли не возбудить сильнаго сочувствія, особенно когда эти подвиги совершались на пользу Земли. Большую часть жизни провелъ онъ внѣ дома, большую часть почой проспалъ на сырой землѣ; однихъ дальнихъ путешествій совершилъ онъ 83; дома и въ дорогѣ, на войнѣ и на охотѣ дѣлалъ все самъ, не давалъ себѣ покою ни ночью, ни днемъ, ни въ холодъ, ни въ жаръ; до свѣта поднимался онъ съ постели, ходилъ къ обѣднѣ, потомъ думалъ съ дружиною, *отравливалъ* (судилъ) людей, ѣздилъ на охоту, или такъ, куда-нибудь: въ полдень ложился спать, и потомъ снова начиналъ ту же дѣятельность. Дитя своего вѣка, Мономахъ сколько любилъ пробовать свою богатырскую силу на Половцахъ, столько же любилъ пробовать ее и на дикихъ звѣряхъ, былъ страстный охотникъ: дикихъ коней въ пущахъ визалъ живыхъ своими руками; туръ не разъ металъ его на рога, олень бодалъ, лось топгала ногами, вепрь на боку мечъ оторвалъ, медвѣдъ кусалъ, волкъ сваливалъ вмѣстѣ съ лошадыю: „Не бѣгалъ я для сохраненія живота своего, не щадилъ головы своей“, говорилъ онъ самъ: „Дѣти! не бойтесь ни рати, ни звѣря, дѣлайте мужское дѣло; ничто не можетъ вамъ вредить, если Богъ не повелитъ; а отъ Бога будетъ смерть, такъ ни отецъ, ни братъ не отнимутъ; Возжіе блюденеъ лучше человекѣскаго!“ Но съ этою отвагою, удалію, ненасытною жаждою дѣятельности, въ Мономахѣ соединялся здравый

¹⁾ У Татищева читаемъ, что Кіевляне просили Мономаха остаться у нихъ княжить.

²⁾ Русск. Достопамят. I, стр. 63: «И видятъ вси и чудятъся».

³⁾ Русск. Достопамят., стр. 69.

смысль, смѣтливость, умѣнье смотрѣть на слѣдствіе дѣла, извлекать пользу: изъ всего можно замѣтить, что онъ былъ сынъ добраго Всеволода и выѣсть сынъ царевны Греческой. Изъ родичей Мономаха были и другіе не менѣе храбрые князья, не менѣе дѣятельные, какъ напр. чародѣй Всеславъ Полоцкій, Романъ и Олегъ Святошланич; но храбрость, дѣятельность Мономаха всегда совпадала съ пользою для Русской Земли; народъ привыкъ къ этому явленію, привыкъ вѣрить въ доблести, благоразуміе, благонамѣренность Мономаха, привыкъ считать себя спокойнымъ за его ицтомъ, и потому питалъ къ нему сильную привязанность, которую перенесъ и на все его потомство. Наконецъ, послѣ личныхъ доблестей, не безъ вліянія на уваженіе къ Мономаху было и то, что онъ происходилъ по матери отъ царской крови; особенно, какъ видно, это было важно для митрополитовъ грековъ ¹⁾ и вообще для духовенства.

Кіевляне должны были желать, чтобъ Мономахъ занялъ отцовское мѣсто; они могли желать этого тѣмъ болѣе, что Мономахъ былъ имъ хорошо извѣстенъ, и извѣстенъ съ самой лучшей стороны, тогда какъ Святополкъ Изяславичъ жилъ постоянно на отдаленномъ сѣверѣ, и только недавно, по смерти брата Ярополка, перешелъ изъ Новгорода въ Туровъ, безъ сомнѣнія для того, чтобъ быть поближе къ Кіеву, на случай скорой смерти Всеволода. Но мы видѣли причины, которыя заставляли Мономаха отказаться отъ старшаго стола: онъ опасался, что Святополкъ не откажется отъ своихъ правъ и будетъ доискиваться ихъ оружіемъ; Мономахъ долженъ былъ хорошо знать, къ чему ведутъ подобныя нарушенія правъ; долженъ былъ также опасаться, что если Святополкъ будетъ грозить ему съ запада, то съ востока (Святославичи также не оставятъ его въ покоѣ). Кіевляне не могли не уважать основаніе, на которомъ Владиміръ отрекся отъ ихъ стола, не могли не сочувствовать уваженію къ старшинству и при томъ не имѣли права отвергать Святополка, потому что еще не знали его характера; и когда онъ явился изъ Турова въ Кіевъ, по приглашенію Мономаха, то граждане вышли къ нему съ поклономъ и приняли его съ радостію. Но радость ихъ не могла быть продолжительна: характеръ сына Изяславона представлялъ разительную противоположность съ характеромъ сына Всеволода: Святополкъ былъ жестокъ, корыстолюбивъ и властолюбивъ безъ ума и твердости, сыновья его были похожи на отца. Кіевляне немедленно испытали неспособность своего новаго князя ²⁾. Въ это время пошла Половцы на Русскую

Землю; услышавши, что Всеволодъ умеръ, они отравили пословъ къ Святополку съ предложеніемъ мира, т. е. съ предложеніемъ купить у нихъ миръ: Мономахъ говорить дѣтямъ, что онъ въ свою жизнь заключилъ съ Половцами девятнадцать мировъ, причемъ передавалъ имъ много своего скота и платья. Святополкъ, по словамъ лѣтописца, посовѣтовался при этомъ случаѣ не съ болѣею дружиною отца и дяди своего, т. е. не съ боярами кіевскими, но съ тѣми, которые пришли съ нимъ, т. е. съ дружиною, которую онъ привелъ изъ Турова или, вѣроятнѣе, изъ Новгорода;—мы видимъ здѣсь, слѣдовательно, опять ясную жалобу на *завѣдъ* старшихъ бояръ пришлою дружиною новаго князя,—явленіе необходимое при отсутствіи отчинности, наслѣдственности волостей. По совѣту своей дружины, Святополкъ велѣлъ посадить половецкихъ пословъ въ тюрьму: или жалѣли скота и платья на покупку мира, или стыдились начать новое княженіе этою покупкою. Половцы, услышавши о заключеніи пословъ своихъ, стали воевать, пришли ихъ много, и обступили торчской городъ ³⁾, т. е. городъ, заселенный Торками. Святополкъ испугался, захотѣлъ мира, отпустилъ половецкихъ пословъ; но уже теперь сами Половцы не хотѣли мира и продолжали воевать. Тогда Святополкъ началъ собирать войско; умные люди говорили ему: „Не выходи къ нимъ, мало у тебя войска“. Онъ отвѣчалъ: „У меня 800 своихъ отроковъ, могутъ противъ нихъ стать“; несмысленные подстрекали его: „Ступай, князь!“ а смысленные говорили: „Хотя бы ты пристроилъ и восемь тысячъ, такъ и то было бы только впору; наша земля оскудѣла отъ рати и отъ продажъ; пошли-ка лучше къ брату своему Владиміру, чтобы помогъ тебѣ“. Святополкъ послушался и послалъ къ Владиміру; тотъ собралъ войско свое, послалъ и къ брату Ростиславу въ Переяславль, веля ему помогать Святополку, а самъ пошелъ въ Кіевъ. Здѣсь, въ Михайловскомъ монастырѣ, свидѣлся онъ съ Святополкомъ, и начались у нихъ другъ съ другомъ распри да которы. Смысленные мужи говорили имъ: „Что вы тутъ спорите, а поганые губятъ Русскую Землю; послѣ уладитесь, а теперь ступайте противъ

Изяслава въ Кіевѣ, посадилъ сына своего Владиміра въ Черниговъ; потомъ въ другомъ мѣстѣ говорить, что Мономахъ, примирившись съ Ярополкомъ, возвратился въ Черниговъ. Но самъ Мономахъ въ поученіи дѣтямъ говорить: «И на весну посади мя отецъ въ Переяславль передъ братьею»; тогда какъ изъ прежнихъ словъ того же поученія видно, что онъ сидѣлъ въ Черниговѣ, ибо ходилъ въ походъ съ жителями этого города, что слѣдовательно подтверждаетъ слова лѣтописи. Но какимъ же образомъ могло случиться, что Всеволодъ далъ ему Переяславль послѣ Чернигова, когда Черниговъ былъ старше Переяславля, и что значить «передъ братьею», когда у Владиміра былъ только одинъ братъ Ростиславъ? Развѣ признать здѣсь временное посаженіе для войны съ Половцами, но тогда что будетъ значить: «передъ братьею!» впереди братьевъ въ передовой рати? или, можетъ быть, здѣсь ошибка: вмѣсто: «передъ братьею» должно читать: передъ ратию??

³⁾ Теперь селеніе Торчица, на берегу Торчи, впад. слѣва въ Рос.

¹⁾ Русск. Достопамят. стр. 63: Митрополитъ Никифоръ говоритъ о Мономахѣ: «Его же Богъ издалоца проразумѣ и предновѣлъ, его же изъ утробы святыи помазанъ отъ царской и княжеской крови смѣснвъ».

²⁾ Мы видѣли, что когда Святополкъ пришелъ въ Кіевъ, то Владиміръ отпривился въ Черниговъ, а братъ его Ростиславъ въ Переяславль; изъ этого уже одного извѣстія выхѣлъ право заключить, что эти столы были прежде за нимъ при Всеволодѣ, но громъ того лѣтописецъ прямо говорить, что Всеволодъ, заступивъ мѣсто

поганныхъ либо съ миромъ, либо съ войною“. Владиміръ хотѣлъ мира, а Святополкъ хотѣлъ рати; наконецъ уладились, поцѣловали крестъ и пошли втроемъ — Святополкъ, Владиміръ и Ростиславъ, къ Треполю¹⁾. Когда они пришли къ рѣкѣ Стугнѣ, то, прежде чѣмъ переходить ее, создали дружину на совѣтъ, и начали думать. Владиміръ говорилъ: „Врагъ грозенъ; остановимся здѣсь и будемъ съ нимъ мириться“. Къ совѣту этому пристали смышленные мужи, Янъ и другіе; но Кіевляне говорили: „Хотимъ биться, пойдёмъ на ту сторону рѣки“. Они осилили — и рать перешла рѣку, которая тогда сильно наводнилась. Святополкъ, Владиміръ и Ростиславъ, исполнивши дружину, пошли: на правой сторонѣ шель Святополкъ, на лѣвой Владиміръ, по срединѣ Ростиславъ; минули Треполь, прошли и валъ, и вотъ показалась Половцы съ стрѣльцами впереди. Наши стали между двумя валами, поставили стяги (знамена) и пустили стрѣльцовъ своихъ впередъ изъ валовъ; а Половцы подошли къ валу, поставили также стяги свои, налегли прежде всего на Святополка — и сломили отрядъ его. Святополкъ стоялъ крѣпко; но когда побѣжали люди, то побѣжалъ и онъ. Потомъ Половцы наступили на Владиміра; была у нихъ брань лютая; наконецъ побѣжалъ и Владиміръ съ Ростиславомъ; прибѣжавъ къ рѣкѣ Стугнѣ, стали переправляться въ бродъ, и, при этой переправѣ, Ростиславъ утонулъ передъ глазами брата, который хотѣлъ было подхватить его, но едва самъ не утонулъ; потерявши брата и почти всю дружину, печальный Владиміръ пришелъ въ Черниговъ, а Святополкъ сперва вбѣжалъ въ Треполь, затворился, пробылъ тутъ до вечера, и ночью пришелъ въ Кіевъ. Половцы, видя, что одолѣли, пустились воевать по всей землѣ, а другіе возвратились къ торческому городу. Торки противились, боролись крѣпко изъ города, убили много Половцевъ; но тѣ не переставали налегать, отнимали воду, и начали изнемогать люди въ городѣ отъ голода и жажды; тогда Торки послали сказать Святополку: „Если не пришлешь хлѣба, то сядимся“; Святополкъ послалъ; но обозу нельзя было прокрасться въ городъ отъ Половцевъ. Девять недѣль стояли они подъ Торческомъ, наконецъ раздѣлились: одни остались продолжать осаду, а другіе пошли къ Кіеву; Святополкъ вышелъ противъ нихъ на рѣку Желанъ²⁾; полки сошлись, и опять Русскіе побѣжали; здѣсь погибло ихъ еще больше, чѣмъ у Треполя; Святополкъ пришелъ въ Кіевъ самъ-третьей только; а Половцы возвратились къ Торческу. Лукавые сыны Измаиловы, говорить лѣтописецъ, жгли села и гумна, и много церквей запалили огнемъ; жителей били, оставшихся въ живыхъ мучили, уводили въ плѣнъ; города и села опустѣли; на поляхъ, гдѣ прежде наслѣсь стада коней, овецъ и воловъ, теперь все стало пусто, нивы поросли — на нихъ жи-

вуть звѣри. Когда Половцы съ побѣдою возвратились къ Торческу, то жители, изнемогши отъ голода, сдались имъ. Половцы, взявши городъ, запалили его, а жителей, раздѣливши, повели въ вежи къ *сердобоямъ* и сродникамъ своимъ, но выраженію лѣтописца. Печальные, изцуренные голодомъ и жаждою, съ осунувшимися лицами, почерѣвшимъ тѣломъ, нагіе, босые, исколотые терновникомъ, шли русскіе плѣнники въ степи, со слезами разсказывая другъ другу, откуда кто родомъ — изъ какого города или изъ какой веси.

Святополкъ, видя, что нельзя ничего взять силою, помирился съ Половцами, разумѣется, заплативши имъ, сколько хотѣли, и женился на дочери хана ихъ Тугоркана. Но въ томъ же 1094 году Половцы явились опять, и на этотъ разъ имъ предводительствовалъ Олегъ Святославовичъ изъ Тмуторакани: жестокое пораженіе, потерѣнное двоюродными братьями въ прошломъ году отъ Половцевъ, дало Олегу надежду получить не только часть въ Русской Землѣ, но и всё отцовскія волости, на которыя онъ съ братьями имѣлъ полное право: внуки Ярослава находились теперь другъ къ другу по роду и, слѣдовательно, по волостямъ точно въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находились прежде сыновья, а считать себя изгоемъ Олегъ не хотѣлъ. Онъ пришелъ къ Чернигову, гдѣ осадилъ Мономаха въ острогѣ; окрестности города, монастыри были вѣжены; восемь дней билась съ Половцами дружина Мономахова, — и не пустила ихъ въ острогъ; наконецъ Мономахъ пожалѣлъ христіанской крови, горящихъ селъ, монастырей, сказалъ: „Не хвалитесь поганымъ“, — и отдалъ Олегу Черниговъ, столь отца его, а самъ пошелъ на столь своего отца, въ Переяславъ. Такъ описываетъ самъ Мономахъ свои побужденія; намъ трудно рѣшить, на сколько присоединялся къ нимъ еще расчетъ на невозможность долгаго сопротивленія съ маленькою дружиною, въ которой, по выѣздѣ его изъ Чернигова, не было и ста человекъ, считая вмѣстѣ съ женами и дѣтьми; мы видѣли, что большую часть дружины потерялъ онъ въ битвѣ при Стугнѣ, гдѣ пали всё его боре; попавшихся въ плѣнъ онъ послѣ выкупилъ³⁾, но ихъ было, какъ видно, очень мало. Съ этою-то небольшою дружиною ѣхалъ Мономахъ изъ Чернигова въ Переяславъ черезъ поля *половецкіе*: варяги облизывались на нихъ какъ волки, говоритъ самъ Мономахъ, но напасть не смѣли. Олегъ сѣлъ въ Черниговѣ, а Половцы пустошили окрестную страну; князь не противился, онъ самъ велѣлъ имъ воевать, ибо другимъ нечѣмъ ему было заплатить союзникамъ, доставившимъ ему отцовскую волость. „Это уже въ третій разъ, говоритъ лѣтописецъ, навелъ онъ поганныхъ на Русскую Землю; прости Господи ему этотъ грѣхъ, потому что много христіанъ было погублено, а другіе взяты въ плѣнъ и расточены

¹⁾ Триполье, мѣстечко при устьи рѣки Стугны, Кіев. уѣзда.

²⁾ Между Вѣлгородкой и Кіевомъ, на рѣкѣ, называемой нынѣ Боршавкой, есть селеніе Жилане.

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 103: «Миръ створихомъ съ Тугорканомъ и со иными князи Половѣтскими, и у Глѣбови чади пояхомъ дружину свою всю». — Любопытно, что здѣсь Глѣбъ имя Половецкое.

по разнымъ землямъ⁴. На Руси Олегу этого не простили, и сколько любилъ Мономахъ, какъ добраго страдалца за Русскую Землю, защищавшаго ее отъ поганыхъ, столько же не любилъ Олега, опустошавшаго ее съ Половцами; видѣли гибельныя слѣдствія войнъ Олеговыхъ; забыли обиду, ему нанесенную; забыли, что онъ принужденъ былъ самъ добывать себѣ отцовское мѣсто, на которое не пускали его двоюродные братья¹).

Незавидно было житье Мономаха въ Переяславѣ: „Три лѣта и три зимы, говорить онъ, прожилъ я въ Переяславлѣ съ дружиною, и много бѣдъ натерѣлись мы отъ рати и отъ голода². Половцы не переставали нападать на Переяславскую волость, и безъ того уже разоренную; Мономахъ удалось разъ побить ихъ и взять плѣнниковъ³). Въ 1095 году пришли къ нему два половецкихъ хана—Итларь и Китанъ—на миръ, т. е. торговаться, много ли Переяславскій князь дастъ за этотъ миръ. Итларь съ лучшими людьми вошелъ въ городъ, а Китанъ сталъ съ войскомъ между валами, и Владиміръ отдалъ ему сына своего Святослана въ заложники за безопасность Итлара, который стоялъ въ домѣ боярина Ратибора. Въ это время пришелъ къ Владиміру изъ Кіева отъ Святополка бояринъ Славата за какимъ-то дѣломъ; Славата подучилъ³) Ратибора и его родню⁴) пойти къ Мономаху и убѣдить его согласиться на убійство Итлара. Владиміръ отвѣчалъ имъ: „Какъ могу я это сдѣлать, давши имъ клятву?“ Тѣ сказали ему на это: „Князь, не будетъ на тебѣ грѣха; Половцы всегда даютъ тебѣ клятву, и все губятъ Русскую Землю,—льютъ кровь христіанскую“. Владиміръ послушался, и ночью послалъ отрядъ дружины и Торковъ къ валамъ: они выкрали сперва Святослана, а потомъ перебили Китана и всю дружину его. Это было въ субботу вечеромъ; Итларь почевалъ на дворѣ Ратиборовомъ и не зналъ, что сдѣлалось съ Китаномъ. На другой день въ воскресенье, рано утромъ, Ратиборъ приготовилъ вооруженныхъ отроковъ и велѣлъ имъ вытопить избу, а Владиміръ прислалъ отрока своего сказать Итларю и дружинѣ его: „Обувишия и позавтракавши въ теплой избѣ у Ратибора, прѣбжайте къ мнѣ“. Итларь отвѣчалъ: „Хорошо!“ Половцы вошли въ избу—и были тамъ заперты; а между тѣмъ Ратиборовцы взлѣзли на крышу, проломали ее, и Ольбегъ Ратиборовичъ, на-

тянувъ лукъ, ударилъ Итлара стрѣлою прямо въ сердце; перестрѣляли и всю дружину его. Тогда Святополкъ и Владиміръ послали въ Черниговъ къ Олегу звать его съ собою вмѣстѣ на Половцевъ; Олегъ обѣщался идти съ ними и пошелъ, но не вмѣстѣ: ясно было, что онъ не довѣрялъ имъ⁵); быть можетъ, поступокъ съ Итларемъ былъ одною изъ причинъ этого недобвѣрія. Святополкъ и Владиміръ пошли къ Половцамъ на вежи, взяли ихъ, поплѣнили скотъ, лошадей, верблюдовъ, рабовъ, и привели ихъ въ свою Землю⁶). Недобвѣріе Олега сильно разсердило двоюродныхъ братьевъ; послѣ похода они послали сказать ему: „Ты не шель съ нами на поганыхъ, которые сгубили Русскую Землю; а вотъ теперь у тебя сынъ Итларевъ; убей его, либо отдай намъ,—онъ врагъ Русской Землѣ“⁶). Олегъ не послушался, и встала между ними ненависть. Вѣроятно въ связи съ этими событіями было движеніе на сѣверѣ брата Олега, Давида, о которомъ до сихъ поръ дошедшіе до насъ списки лѣтописи ничего не говорили; только въ сводѣ лѣтописей Татищева читаемъ, что остальные Святославичи при Всеволодѣ имѣли волость въ Муромѣ—извѣстіе очень вѣроятное; по смерти же Всеволода, какъ видно, Мономахъ принужденъ былъ отречься не отъ одного Чернигова въ пользу Олега, но долженъ былъ уступить также и Смоленскъ Давиду. Въ концѣ 1095 года, когда загорѣлась снова вражда между Олегомъ и братьями его, Святополкомъ и Владиміромъ, послѣдніе отправились къ Смоленску, вывели оттуда Давида, дали ему Новгородъ⁷), откуда сынъ Мономаха, Мстиславъ, посаженный дѣдомъ Всеволодомъ еще по удаленіи Святополка, былъ переведенъ въ Ростовъ: вѣроятно они не хотѣли, чтобъ волости Святославичей соприкасались другъ съ другомъ, причемъ братья могли легко дѣйствовать соединенными силами; въ Смоленской волости, которая должна была раздѣлять волости Святославичей, Святополкъ и Владиміръ должны были посадить кого-нибудь изъ своихъ, и вотъ есть извѣстіе, что Владиміръ посадилъ здѣсь сына своего Изяслава⁸). Но Давидъ, можетъ быть по соглашенію съ братомъ, не долго жилъ въ Новгородѣ и отправился опять въ Смоленскъ, впрочемъ, какъ видно, съ тѣмъ, чтобы оставить и Новгородъ за собою же, потому что когда Новгородцы, въ его отсутствіе, послали въ Ростовъ за Мстиславомъ Владиміровичемъ и посадили его у себя, то Давидъ немедленно выступилъ опять изъ Смоленска къ Новгороду; но на этотъ разъ Новгородцы послали сказать ему: „Не ходи къ намъ“,—и онъ принужденъ былъ возвратиться съ дороги опять въ Смоленскъ. Изгнанный имъ отсюда Изяславъ бросился

¹) Въ словѣ о Полку Игореву Олегъ названъ Гориславичемъ: по связи слѣдующихъ выраженій должно думать, что онъ въ народномъ мнѣніи былъ славенъ не своимъ, но чужимъ горемъ; такъ смотритъ на него и лѣтописецъ.

²) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 104: «И идохомъ на вои ихъ за Ризовъ, и Богъ ни поможетъ».—Есть селеніе Ризы, значащееся на границѣ уѣздовъ Роменскаго, Лохвицкаго и Прилуцкаго.

³) Я внесъ сюда навѣстие списковъ Татищевскихъ (II, 153), безъ котораго въ лѣтописи не будетъ связи между приходомъ Славаты и совѣтомъ Ратиборовичей.

⁴) Я принимаю здѣсь чтеніе «чадъ» въ смыслѣ родни, а не дружины, ибо увидимъ послѣ, что главнымъ дѣйствителемъ будетъ сынъ Ратибора; притомъ—что за дружина Ратиборова?

⁵) У Татищева прямо такъ сказано. II, 155.

⁶) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 104: «И вежи ихъ взяхомъ, шедше за Голтавомъ».—Теперешнее мѣстечко Голтва находится при впадѣніи въ Песль (Полтав. губ. Кобеляцкаго уѣзда) рѣчки Вольной Голтовки, которая принимается въ себя нѣсколькими другими Голтвами.

⁷) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 3.

⁸) Татищ. II, 156.

на волости Святославичей, сперва на Курскъ, а потомъ на Муромъ, гдѣ схватилъ посадника Олегова, и утвердился съ согласія гражданъ. Въ слѣдующемъ 1096 году Святополкъ и Владиміръ послали сказать Олегу: „Пріѣзжай въ Кіевъ, урядишься о Русской Землѣ, предъ епископами, игуменами, мужами отцовъ нашихъ и людьми городскими, чтобы послѣ намъ можно было сообца оборонять Русскую Землю отъ поганыхъ“. Олегъ велѣлъ отвѣчать: „Не пойду на судъ къ епископамъ, игуменамъ да смердамъ“. Если прежде онъ боялся идти въ походъ вмѣстѣ съ братьями, то могъ ли онъ рѣшиться ѣхать въ Кіевъ, гдѣ зналъ, что духовенство, дружина и граждане дурно расположены къ нему; могъ ли онъ отдать свое дѣло на ихъ рѣшеніе? Притомъ князь, который привыкъ полагаться во всемъ на одинъ свой мечъ, имъ доставать себѣ управу, считалъ унижительнымъ идти на судъ предъ духовенство и простыхъ людей. Какъ бы то ни было, гордый отвѣтъ Олега возбудилъ къ нему еще сильнѣйшее нерасположеніе въ Кіевѣ; лѣтописецъ сильно укоряетъ Черниговскаго князя за смыслъ буйный, за слова величавыя, укоряетъ и злыхъ совѣтниковъ Олега. Святополкъ и Владиміръ послали послѣ этого объявить ему войну. „Ты нейдешь съ нами на поганыхъ, велѣли они сказать ему; нейдешь къ намъ на совѣтъ, — значитъ, мыслишь на насъ недоброе и поганымъ помогать хочешь; пусть же Богъ рассудитъ насъ!“ Князья выступили противъ Олега къ Чернигову; Святославичъ выбѣжалъ предъ ними и заперся въ Стародубѣ, вѣроятно для того, чтобы быть ближе къ братнимъ волостямъ и получить оттуда скорѣе помощь. Святополкъ и Владиміръ осадили Стародубъ и стояли подъ нимъ 33 дня; приступы были сильные, но изъ города крѣпко отбивались; наконецъ осажденные изнемогли; Олегъ вышелъ изъ города, запросилъ мира и получилъ его отъ братьевъ, которые сказали ему: „Ступай къ брату своему Давиду, и пріѣзжайте оба вмѣстѣ въ Кіевъ, къ столу отцовъ и дѣдовъ нашихъ, — то старшій городъ во всей Землѣ, въ немъ слѣдуетъ собираться намъ и улаживаться“. Олегъ обѣщался пріѣхать, цѣловалъ крестъ и отправился изъ Стародуба въ Смоленскъ; но Смольяне не захотѣли принять его, и онъ принужденъ былъ ѣхать въ Рязань.

Видя, что Святославичи не допускаютъ пріѣхать въ Кіевъ на уряженіе, Святополкъ съ Владиміромъ пошли было къ Смоленску на Давида, но помирились съ нимъ; а между тѣмъ Олегъ съ Давидовыми полками пошелъ изъ Рязани къ Мурому на Изяслава, сына Мономахова. Изяславъ, узнавши, что Олегъ идетъ на него, послалъ за Суздальцами, Ростовцами, Вѣлозерцами и собралъ многовойска. Олегъ послалъ сказать ему: „Ступай въ волость отца своего, въ Ростовъ, а это волость моего отца, хочу здѣсь сѣсть и урядиться съ твоимъ отцомъ; онъ выгналъ меня изъ отцовскаго города, а ты неужели и здѣсь не хочешь дать мнѣ моего же хлѣба?“⁴⁾ Изяславъ

не послушался его, надѣясь на множество войска; Олегъ же, прибавляя къ лѣтописцу, надѣялся на свою правду, потому что были онъ теперь правъ. Это замѣчаніе лѣтописца очень любопытно. Олегъ лишился Чернигова и Муромъ вслѣдствіе войны, которую начали противъ него двоюродные братья, слѣд., по понятіямъ современниковъ, самая война была несправедлива: въ противномъ случаѣ лѣтописецъ не оправилъ бы Олега, потому что тогда отнятіе волости было бы только достойнымъ наказаніемъ за его неправду. Передъ стѣнами Муромъ произошла битва между Олегомъ и Изяславомъ; въ лютой сѣни Изяславъ былъ убитъ, войско его разбѣжалось — кто въ лѣсъ, кто въ городъ. Олегъ вошелъ въ Муромъ, былъ принятъ гражданами, перехваталъ Ростовцевъ, Вѣлозерцевъ, Суздальцевъ, поковалъ ихъ, и устремился на Суздаля; Суздальцы сдались; Олегъ усмирить городъ: однихъ жителей взялъ въ плѣнъ, другихъ разбѣялъ по разнымъ мѣстамъ, и тѣмъ же у нихъ отнял. Изъ Суздаля пошелъ къ Ростову; и Ростовцы сдались; такимъ образомъ, онъ захватилъ всю Землю Муромскую и Ростовскую, посажалъ посадниковъ по городамъ, и началъ брать дани. Въ это время пришелъ къ нему посолъ отъ Мстислава Владиміровича изъ Новгорода: „Ступай изъ Суздаля въ Муромъ, велѣлъ сказать ему Мстиславъ; въ чужой волости не сиди; а я съ дружиною пошлемъ къ отцу моему, и помирю тебя съ нимъ; хотя ты и брата моего убилъ — что же дѣлать! — въ битвахъ и цари и бояре погибаютъ“. Олегъ не захотѣлъ мириться; онъ думалъ взять и Новгородъ, и послалъ брата своего Ярослава въ сторожахъ, на рѣку Медвѣдицу, а самъ сталъ на полѣ у Ростова. Мстиславъ, посоветовавшись съ Новгородцами, послалъ отъ себя въ сторожахъ Добрыню Рагуловича, который прежде всего перехватилъ Олеговыхъ *даниковъ* (сборщиковъ дани). Когда Ярославъ узналъ, что даники перехвачены, то въ ту же ночь бросился бѣжать къ Олегу съ извѣстіемъ, что Мстиславъ идетъ. Олегъ отступилъ къ Ростову, — Мстиславъ за нимъ; Олегъ двинулся къ Суздалью, — Мстиславъ пошелъ за нимъ и туда; Олегъ зажегъ Суздаля и побѣжалъ къ Мурому; Мстиславъ пришелъ въ Суздаля, и, остановившись здѣсь, послалъ опять съ миромъ къ Олегу, велѣлъ сказать ему: „Я молже тебя; пересылайся съ отцомъ моимъ, да выпусти дружины, а я во всемъ тебя послушаю“. Причина такой скромности со стороны Мстислава заключалась въ томъ, что онъ былъ крестный сынъ Олегу. Послѣдшій видѣлъ, что ему трудно одолѣть Мстислава силою, и потому рѣшился дѣйствовать хитростію: послалъ къ Мстиславу съ мирнымъ отвѣтомъ, и когда тотъ, понадѣявшись на миръ, распустилъ дружины по селамъ, Олегъ неожиданно явился на Клязьмѣ; Мстиславъ обѣдалъ въ то время, когда

условной отчужденности, какъ хотѣтъ нѣкоторые наслѣдствители. Олегъ занималъ между двоюродными братьями то же самое мѣсто, какое отецъ его занималъ между Ярославичами; слѣд. онъ имѣлъ право владѣть и всеми волостями послѣдняго.

⁴⁾ Эти слова вовсе не доказываютъ существованія без-

ему дали знать о приближеніи Олега, который думалъ, что племянникъ, застигнутый врасплохъ, побѣжитъ; однако Мстиславъ не побѣжалъ: къ нему въ два дня собралась дружина—Новгородцы, Ростовцы и Бѣлозеры; онъ выстроилъ ее передъ городомъ, и когда явился Олегъ, то ни тотъ, ни другой не хотѣли начать нападеніе и стояли другъ передъ другомъ четыре дня; а между тѣмъ Мономахъ прислалъ на помощь къ Мстиславу другого сына своего Вячеслава съ Половцами. На пятый день Олегъ выстроилъ дружину и двинулся къ городу; Мстиславъ пошелъ къ нему на встрѣчу и, отдавъ стягъ (знамя) Мономаховъ Половчину Кучую, отдалъ ему также пѣший полкъ и поставилъ его на правомъ крылѣ. Сошлись биться: полкъ Олеговъ противъ полка Мстиславова, полкъ Ярославовъ противъ полка Вячеславова. Мстиславъ съ Новгородцами перешелъ пожаръ, схватился съ врагами на рѣкѣ Колакчѣ и началъ одолѣвать, а между тѣмъ Кучуя съ пѣшими зашелъ въ тылъ Олегу и поднялъ стягъ Владиміровъ: ужасъ напалъ тогда на Олега и на все войско его, которое бросилось бѣжать. Олегъ прибѣжалъ въ Муромъ, затворилъ здѣсь брата Ярослава, а самъ пошелъ въ Рязань. Мстиславъ по его слѣдамъ пришелъ къ Мурому, заключилъ миръ съ жителями, взялъ своихъ людей, Ростовцевъ и Суздальцевъ, захваченныхъ прежде Олегомъ, и пошелъ на послѣднего къ Рязани; Олегъ выбѣжалъ и отсюда, а Мстиславъ договорился и съ Рязанцами, которые выдали ему также плѣнниковъ. Изъ Рязани послалъ онъ въ третій разъ къ Олегу съ мирными предложеніями: „Не бѣгай, но шли къ братьямъ съ просьбою о мирѣ,—не лишай тебя Русской Земли; а я пошлю къ отцу моему просить за тебя“. Олегъ обѣщалъ послушаться его; Мстиславъ возвратился къ Суздалью, оттуда въ Новгородъ, и точно послалъ къ Мономаху просить за своего крестнаго отца.

Мономахъ, получивъ письмо отъ сына, написалъ къ Олегу: „Пишу къ тебѣ потому, что принудилъ меня къ тому сынъ твой крестный,—прислалъ ко мнѣ мужа своего и грамоту, нищеть: уладимся и помиримся, а братцу моему судъ пришелъ; не будемъ за него мстникамъ, но положимся во всемъ на Бога: они станутъ на судъ передъ Богомъ, а мы Русской Землѣ не погубимъ. Увидавъ такое смиреніе сына своего, я умилелся и утѣшился Богомъ, подумалъ: сынъ мой въ юности своей и въ безуміи такъ смиряется, на Бога все возлагаетъ; а я что дѣлаю?—грѣшный я человѣкъ, грѣшнѣе всѣхъ людей. Послунался я сына своего, написалъ къ тебѣ грамоту: примешь ли ее добромъ или съ поруганьемъ—увиджу по твоей грамотѣ. Я первый написалъ къ тебѣ, ожидая отъ тебя смиренія и покаянія. Господь нашъ не человѣкъ, а Богъ всей вселенной, что хочетъ—все творить въ мгновенье ока, а претерпѣлъ же хуленіе, и плеваніе, и удареніе, и на смерть отдался, владѣя животомъ и смертию; а мы что люди грѣшныя?—пынѣ живы, а завтра мертвы; нынѣ въ славѣ и въ чести, а завтра

въ гробѣ и безъ памяти; другіе раздѣлять по себѣ собранное нами. Посмотри, братъ, на отцовъ нашихъ: много ли взяли съ собою, кромѣ того, что сдѣлали для своей души? Тебѣ бы слѣдовало, братъ, прежде всего прислать ко мнѣ съ такими словами. Когда убили дитя мое и твое ¹⁾ предъ тобою, когда ты увидалъ кровь его и тѣло уянувшее, какъ двѣтокъ только—что распутившійся, какъ агнца заколениаго, подумать бы тебѣ, стоя надъ нимъ: „Увы, что я сдѣлалъ! для неправды свѣта сего суетнаго взялъ грѣхъ на душу, отцу и матери причинилъ слезы! сказать бы тебѣ было тогда по Давидовски: Азъ знаю грѣхъ мой, предо мною есть выну! Вогу бы тебѣ тогда покаяться, а ко мнѣ написать грамоту утѣшную, да сноху прислать, потому что она ни въ чемъ не виновата, ни въ добрѣ, ни въ злѣ: обнялъ бы я ее и оплакалъ мужа ея и свадьбу ихъ вмѣсто пѣсенъ брачныхъ; не видалъ я ихъ первой радости, ни вѣнчанья, за грѣхъ мой; ради Бога, пусти ее ко мнѣ скорѣе,—пусть сидитъ у меня, какъ горлица на сухомъ деревѣ, жалуючися, а меня Богъ утѣшитъ. Такимъ ужъ видно путемъ пошли дѣти отцовъ нашихъ: судъ ему отъ Бога пришелъ. Если бы ты тогда сдѣлалъ по своей волѣ, Муромъ взялъ бы, а Ростова не занималъ, и послалъ ко мнѣ, то мы уладились бы; но рассуди самъ: мнѣ ли было первому къ тебѣ посылать, или тебѣ ко мнѣ; а что ты говорилъ сыну моему: „Шли къ отцу“,—такъ я десять разъ посылать. Удивительно ли, что мужъ умеръ на рати, умирали такъ и прежде наши пращѣды: не искать было ему чужого, и меня въ стыдѣ и въ печаль не вводить ²⁾; это получили его отроки, для своей корысти, а ему на гибель. Захочешь покаяться предъ Богомъ и со мною помириться, то напиши грамоту съ правдою и пришли съ нею посла или пона: такъ и волость возьмешь добромъ и наше сердце обратишь къ себѣ, и лучше будемъ жить, чѣмъ прежде; я тебѣ ни врагъ, ни мстникъ. Не хотѣлъ я видѣть твоей крови у Стародуба; но не дай мнѣ Богъ видѣть крови и отъ твоей руки, и ни отъ котораго брата, по своему поущенію; если я лгу, то Богъ меня вѣдастъ и крестъ честной. Если тотъ мой грѣхъ, что ходилъ на тебя къ Чернигову за дружбу твою съ погаными, то каюсь. Теперь подлѣ тебя сидитъ сынъ твой крестный съ малымъ братомъ своимъ, ѣдятъ хлѣбъ дѣдовскій ³⁾, а ты сидишь въ своей волости: такъ рядись, если хочешь, а если хочешь ихъ убить, они въ твоей волѣ; а я не хочу лиха, добра хочу братью и Русской Землѣ. Что ты хочешь теперь взять насильемъ, то мы, смиловавшись, давали тебѣ и у Стародуба, отчину твою ⁴⁾; Богъ свидѣтель, что мы рядились

¹⁾ Дядя племяннику также считался отцомъ; см. выше: первую главу.

²⁾ Этими словами Мономахъ прямо говоритъ, что Изяславъ занялъ волости Святославичей безъ его вѣдома и согласія.

³⁾ Стало быть, в. кн. Всеволодъ посадилъ ихъ тамъ.

⁴⁾ «А его же то и хочешь насильемъ, такъ отдавай у Стародуба и Милкуслуча по тебѣ отчину твою». — Здѣсь вся запутанность произошла отъ слитнаго написа-

съ братомъ твоимъ, да онъ не можетъ рядиться безъ тебя; мы не сдѣлали ничего дурного, по сказали еми: посылай къ брату, пока не уладимся; если же кто изъ васъ не хочетъ добра и мира христіанамъ, но пусть душа его на томъ свѣтѣ не увидитъ мира отъ Бога. Я къ тебѣ пишу не по нуждѣ,—цѣтъ мнѣ никакой бѣды; пишу тебѣ для Бога, потому что мнѣ своя душа дороже цѣлага свѣта“.

Изъ этого письма видно, что Мономахъ первый писалъ къ Олегу. Крайность, до которой былъ доведенъ послѣдній оружіемъ Мстислава, и смыслъ письма Мономахова должны были наконецъ показать Олегу необходимость искренно сблизиться съ двоюродными братьями, и вотъ въ 1097 г. князья Святополкъ, Владиміръ, Давидъ Игоревичъ, Василько Ростиславичъ, Давидъ Святославичъ и братъ его Олегъ съѣхались на *устроенье мира* въ родѣ Любечѣ, слѣд. въ Черниговской волости, по ту сторону Днѣпра; быть можетъ, это была новая уступка подозрительности Олеговой. Князья говорили: „Зачѣмъ губимъ Русскую Землю, поднимая сами на себя вражду? а Половцы Землю нашу несутъ розно, и рады, что между нами идутъ усобицы; теперь же съ этихъ поръ станемъ жить въ одно сердце и блюсти Русскую Землю“ Кромѣ Василька Ростиславича, сѣдѣли все двоюродные братья, внуки Ярославовы; урядиться имъ было легко: стоило только раздѣлить между собою волости точно такъ-же, какъ онѣ были раздѣлены между ихъ отцами, которыхъ мѣста они теперь занимали; вся вражда пошла оттого, что Святославичамъ не дали тѣхъ волостей, какими они имѣли полное право владѣть по своему положенію въ родѣ, какъ сыновья втораго Ярославица. И вотъ князья объявили, что пусть каждое племя (линія) держитъ отчину свою: Святополкъ—Кіевъ вмѣстѣ съ тою волостью, которая означала и до сихъ поръ принадлежала его племенн, съ Туровыми; Владиміръ получилъ всѣ волости Всеволодовы, т.-е. Переяславль, Смоленскъ, Ростовскую область, Новгородъ также остался за сыномъ его Мстиславомъ; Святославичи—Олегъ, Давидъ и Ярославъ—Черниговскую волость; теперь остались изгонъ—Давидъ Игоревичъ и Ростиславичи; относительно ихъ положено было держаться распоряженій великаго князя Всеволода: за Давидомъ оставить Владиміръ-Волынской, за Володаремъ Ростиславичемъ—Перемышль, за Василькомъ—Теребовль. Уладившись, князья цѣловали крестъ: „Если теперь кто-нибудь изъ насъ поднимется на другого, говорили они, то мы всѣ встанемъ на зачнщика, и крестъ честной будетъ на него же“. Всѣ повторяли: „Крестъ честной на него и вся Земля Русская“ Послѣ этого князья поцѣловались и раздѣлялись по домамъ.

Мы видѣли, что отсутствіе отчинности, непосредственной наслѣдственности волостей было глав-

ная двухъ словъ въ (мн) *дала* (дали)—двойственное число, т.-е. мы съ Святополкомъ давали тебѣ и у Стародуба еще Рязань и Муромъ, что теперь ты хочешь взять насильемъ. *Милхустюча* есть явно искаженное *милуюшися*.

ною причиною усобицъ, возникшихъ при первомъ поколѣніи Ярославичей и продолжавшихся при второмъ; на любецкомъ съѣздѣ князья отграничили эту главную причину, стараясь ввести каждаго родича во владѣніе тѣми волостями, которыя при первомъ поколѣніи принадлежали отцу его. И точно, борьба на востокъ съ Святославичами за волость Черниговскую прекратилась любецкимъ съѣздомъ; не кончилась борьба на западѣ, на Волыни: тамъ сѣдѣли вмѣстѣ изгонъ—Ростиславичи и Давидъ Игоревичъ. Младшій изъ Ростиславичей, Василько, князь Теребовльскій, отличался необыкновенно предприимчивымъ духомъ; онъ уже былъ извѣстенъ своими войнами съ Польшею, на опустошеніе которой воцѣдилъ Половцевъ; теперь онъ затѣвалъ новые походы; на его зовъ шли къ нему толпы Берендѣевъ, Печенѣговъ, Торковъ; онъ хотѣлъ идти съ ними на Польшу, повоевать и отомстить ей за Русскую Землю, за походъ обонхъ Болеславовъ; потомъ хотѣлъ идти на Болгаръ Дунайскихъ и заставить ихъ переселиться на Русь; наконецъ хотѣлъ идти на Половцевъ, и либо найти себѣ славу, либо головувою сложить за Русскую Землю. Понятно, что соседство такого князя не могло нравиться Давиду, особенно если послѣдній не зналъ настоящихъ намѣреній Василька, слышалъ только о его военныхъ приготовленіяхъ, слышалъ о приближеніи варварскихъ полковъ, и могъ думать, что воинственный Василько прежде всего устремитъ ихъ на его волости: извѣстна была вражда Ростиславичей къ прежнему Волыпскому князю, Ярополку; извѣстно было подозрѣніе, которое лежало на нихъ въ смерти послѣдняго. Нашлись люди, которые возможность перемѣнили въ дѣйствительныхъ; страннымъ могло казаться, что двое доблестнѣйшихъ князей, Мономахъ и Василько, не воспользуются своею доблестью, своею славою для возвышенія, усиленія себя на счетъ князей менѣе достойныхъ, и вотъ трое мужей изъ дружины Давидовой—Турякъ, Лазарь и Василь—начали говорить своему князю, что Мономахъ сговорился съ Василькомъ на него и на Святополка; что Мономахъ хочетъ сѣсть въ Кіевѣ, а Василько на Волыни. Давидъ испугался: дѣло шло о потерѣ волости, объ изгнаніи, которое онъ уже испыталъ; вѣроятность была въ словахъ мужей его; притомъ же мы не знаемъ, какія еще доказательства приводили они, не знаемъ, въ какой степени поведеніе Мономаха и Василька въ самомъ Любечѣ могло подать поводъ къ толкамъ: въ то время, когда князья мирились и рядились, дружинники ихъ наблюдали и толковали, и Вотъ вѣсть до чего могли дотолковаться. Какъ бы то ни было, лѣтонисецъ и, какъ видно, вообще современники складывали главную вину на мужей Давидовыхъ, а его обвиняли только за то, что, подавшись страху, поспѣшилъ повѣрить лживымъ словамъ. Онъ прѣхалъ изъ Любеча въ Кіевъ вмѣстѣ съ Святополкомъ, и рассказалъ ему за вѣрное, что слышалъ отъ мужей своихъ: „Кто убилъ брата твоего Ярополка? говорилъ онъ ему, а теперь выслать и на

тебя и на меня, сговорился съ Владиміромъ, промышлай о своей головѣ!“ Святополкъ смутился, не зная—вѣрить или нѣтъ; онъ отвѣчалъ Давиду: „Если правду говоришь, то Богъ тебѣ будетъ свидѣтель; если же изъ зависти, — то Богъ тебѣ судья“. Потомъ жалость взяла Святополка по братѣ, да и о себѣ сталъ думать: „Ну какъ это правда? “ Давидъ постарался увѣрить его, что правда, и стали вмѣстѣ думать о Василькѣ, тогда какъ Василько съ Владиміромъ не имѣли ни о чемъ понятія. Давидъ началъ говорить Святополку: „Если не схватимъ Василька, то ни тебѣ не княжить въ Кіевѣ, ни мнѣ во Владимірѣ“. Святополкъ согласился. Въ это время пріѣхалъ Василько въ Кіевъ и пошелъ помолитися въ Михайловскій монастырь, гдѣ и поужиналъ, а вечеромъ возвратился въ свой обозъ. На другой день утромъ прислалъ къ нему Святополкъ съ просьбою, чтобъ не ходилъ отъ его имянишъ¹⁾; Василько велѣлъ отвѣчать, что не можетъ дожидаться, боится не было бы рати дома. Давидъ прислалъ къ нему съ тѣмъ же приглашеніемъ: „Не ходи, не ослушайся старшаго брата!“ Но Василько и тутъ не согласился. Тогда Давидъ сказалъ Святополку: „Видишь, не хочеть тебя знать, находясь въ твоей волости; что же будетъ, когда придетъ въ свою Землю?“—увидишь, что займетъ города твои Туровъ, Пинскъ и другіе; тогда помянешь меня; созови Кіевлянъ, схвати его и отдай мнѣ“. Святополкъ послушался и послалъ сказать Васильку: „Если не хочешь остаться до имянинъ, то зайди хотя нынче, повидаемся и посидимъ вмѣстѣ съ Давидомъ“. Василько обѣщался придти, и уже сѣлъ на лошадь и поѣхалъ, какъ встрѣтился ему одинъ изъ слугъ его и сказалъ: „Не ѣзди, князь; хотять тебя схватить“. Василько не повѣрилъ, думалъ— „Какъ, меня схватятъ? а крестьянъ-то мнѣ цѣловали, обѣщались, что если кто на кого первый поднимется, то все будутъ на зачинщика и крестьянинъ“; подумавъ такимъ образомъ, онъ перекрестился, сказалъ: „Воля Господня да будетъ!“ и продолжалъ путь. Съ малою дружиною пріѣхалъ онъ на княжій дворъ; Святополкъ вышелъ къ нему на встрѣчу, ввелъ въ пзбу; пришелъ Давидъ, и сѣли. Святополкъ сталъ опять упрашивать Василька: „Останься на праздникъ“. Василько отвѣчалъ: „Никакъ не могу, братъ; я уже и обозъ отправилъ впередъ“. А Давидъ во все время сидѣлъ какъ нѣмой. Потомъ Святополкъ началъ упрашивать Василька хотя позавтракать у него; позавтракать Василько согласился, и Святополкъ вышелъ, сказавши: „Посидите вы здѣсь, а я пойду распоряджусь“; Василько сталъ разговаривать съ Давидомъ; но у того не было ни языка, ни ушей: такъ испугался! и, посидѣвши немного, спросилъ слугъ: „Гдѣ братъ Святополкъ?“ ему отвѣчали: „Стоитъ на сѣняхъ“. Тогда онъ сказалъ Васильку: „Я пойду за нимъ; а ты, братъ, посиди“. Но толь-

ко-что Давидъ выпелъ, какъ Василька заперли, заковали въ двойные оковы и приставили сторожей на ночь. На другой день утромъ Святополкъ созвалъ бояръ и Кіевлянъ, и рассказалъ имъ все, что слышалъ отъ Давида, что вотъ Василько брата его убилъ, а теперь сговорился съ Владиміромъ, хотять его убить, а города его побрать себѣ. Бояре и простые люди отвѣчали: „Тебѣ, князь, надобно беречь свою голову; если Давидъ сказалъ правду, то Василька должно наказать; если же сказалъ неправду, то пусть отвѣчаетъ передъ Богомъ“. Узнали объ этомъ игумены, и начали просить Святополка за Василька; Святополкъ отвѣчалъ имъ: „Вѣдь это все Давидъ“; а Давидъ, видя, что за Василька просятъ и Святополкъ колеблется, началъ подучать на ослѣпленіе. „Если ты этого не сдѣлаешь“, говорилъ онъ Святополку,—отпустишь его, то ни тебѣ не княжить, ни мнѣ“. Святополкъ, по свидѣтельству лѣтописца, хотѣлъ отпустить Василька, но Давидъ никакъ не хотѣлъ, потому что сильно опасался Теревольскаго князя. Кончилось тѣмъ однако, что Святополкъ выдалъ Давиду Василька. Въ ночь перевезли его изъ Кіева въ Вѣлгородъ на телѣгѣ, въ оковахъ, сажли съ телѣги, ввели въ маленькую пзбу и посадили; оглядѣвшись, Василько увидалъ, что оучаръ Святополковъ, родомъ Торчинъ, именемъ Беренди, точить ножъ; князь догадался, что хотять ослѣпить его, и „возопилъ Богу съ плачемъ великимъ и стономъ“. И вотъ вошли посланные отъ Святополка и Давида, Сновидъ Изечевичъ, конюхъ Святополковъ, да Димитрій, конюхъ Давидовъ, и начали разстилать коверъ; потомъ схватили Василька и хотѣли повалить; но тотъ боролся съ ними крѣпко, такъ, что вдвоемъ не могли съ нимъ сладить, и позвали другихъ,—тѣмъ удалось повалить его и связать. Тогда сняли доску съ печи и положили ее на грудь, а по концамъ ея сѣли Сновидъ и Димитрій, и все не могли удержаться; подошло двое другихъ, взяли еще доску съ печи и сѣли: кости затрещали въ груди у Василька; тогда подошелъ Торчинъ съ ножомъ, хотѣлъ ударить въ глазъ, и не попалъ, перерѣзалъ лицо; наконецъ вырѣзалъ оба глаза одинъ за другимъ, и Василько обезнамятѣлъ. Его подняли вмѣстѣ съ ковромъ, положили на телѣгу, какъ мертваго, и повезли во Владиміръ; переѣхавши Вздвигенскій мостъ, Сновидъ съ товарищами остановились, сняли съ Василька кровавую сорочку и отдали понадѣть вымыть, а сами сѣли обѣдать; понадѣя, вымывши сорочку, надѣла ее опять на Василька, и стала плакаться надъ нимъ, какъ надъ мертвымъ. Василько очнулся и спросилъ: „Гдѣ я?“—понадѣя отвѣчала: „Въ городѣ Вздвигенскѣ“²⁾. Тогда онъ спросилъ воды, и, напившись, опамятывался совершенно; пощупалъ сорочку и сказалъ: „Зачѣмъ сняли ее съ меня; пусть бы я въ той кровавой сорочкѣ смерть

¹⁾ Это было 5 ноября, а имянины были 8-го; Святополка звали Михаиломъ.

²⁾ Быть можетъ, нынѣшняя деревня Здвижка, на рѣкѣ Здвижѣ, Радомисльскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

принялъ и сталъ передъ Богомъ⁴. Между тѣмъ Сновидъ съ товарищами пообѣдали, и повезли Василька скоро во Владиміръ, куда прѣѣхали на шестой день. Прѣѣхалъ съ нимъ туда и Давидъ, какъ будто поймавъ какую добычу, по выраженію лѣтописца; къ Васильку приставили стеречь 30 человекъ къ двумя отроками княжескими.

Мономахъ, узнавъ, что Василька схватили и ослѣпили, ужаснулся, заплакалъ и сказалъ: „Такого зла никогда не бывало въ Русской Землѣ ни при дѣдахъ, ни при отцахъ нашихъ“¹), и тотчасъ послалъ сказать Давиду и Олегу Святославичамъ: „Приходите къ Городцу, исправимъ зло, какое случилось теперь въ Русской Землѣ и въ нашей братии: бросили между насъ ножъ; если это оставимъ такъ, то больше зло вытаетъ, начнетъ убивать братья брата—и погибнетъ Земля Русская; враги наши Половцы придутъ и возьмутъ ее“. Давидъ и Олегъ также сильно огорчились, плакали, и, собравши немедленно войско, пришли къ Владиміру. Тогда отъ всѣхъ тронхъ послали они сказать Святополку: „Зачѣмъ это ты сдѣлалъ такое зло въ Русской Землѣ, бросилъ ножъ между нами; зачѣмъ ослѣпилъ брата своего? Если бы онъ былъ въ чемъ виноватъ, то ты ослѣпилъ бы его передъ нами, и тогда по винѣ наказалъ его; а теперь скажи, въ чемъ онъ виноватъ, что ты ему это сдѣлалъ?“ Святополкъ отвѣчалъ: „Мнѣ сказалъ Давидъ Игоревичъ, что Василько брата моего убилъ Ярополка, хотѣлъ и меня убить, волость мою занять, сговорился съ Владиміромъ, чтобъ съѣсть Владиміру въ Кіевѣ, а Васильку на Волини; мнѣ поневолѣ было свою голову беречь, да и не я ослѣпилъ его, а Давидъ: онъ повезъ его къ себѣ, да и ослѣпилъ на дорогѣ“. Послы Мономаха и Святославичей возражали: „Нечего тебѣ оправдываться тѣмъ, что Давидъ его ослѣпилъ: не въ Давидовѣ городѣ его взяли и ослѣпили, а въ твоёмъ“, и, поговоривъ такимъ образомъ, ушли. На другой день князья хотѣли уже переходить Днѣпръ и идти на Святополка, и тотъ уже думалъ бѣжать изъ Кіева; но Кіевляне не пустили его, а послали къ Владиміру мачиху его, жену покойнаго в. князя Всеволода, да митрополита Николая; тѣ отъ имени гражданъ стали умолять князей не воевать съ Святополкомъ: „Если станете воевать другъ съ другомъ, говорили они, то поганые обрадуются, возьмутъ Землю Русскую, которую приобрѣли дѣды и отцы ваши; они съ великимъ трудомъ и храбростью поборали по Русской Землѣ, да и другія земли приносили, а вы хотите погубить и свою Землю“. Владиміръ расплакался, и сказалъ: „Въ самомъ дѣлѣ, отцы и дѣды наши собою Землю Русскую, а мы хотимъ погубить ее“, и склонился на просьбу. Княгиня и митрополитъ возвратились

назадъ и объявили въ Кіевѣ, что миръ будетъ²); и точно, князья начали пересылаться и удадливнѣе; Владиміръ и Святославичи сказали Святополку: „Такъ какъ это все Давидъ надѣлалъ, то ступай ты, Святополкъ, на Давида, либо схвати его, либо выгони“ Святополкъ взялся исполнить ихъ волю.

Между тѣмъ Василька все держали подъ стражею во Владимірѣ; тамъ же находился въ это время и лѣтописецъ, именемъ Василій, оставившій намъ извѣстія объ этихъ событіяхъ. „Въ одну ночь, говоритъ онъ, прислалъ за мною князь Давидъ; я пришелъ и засталъ около него дружиню; князь велѣлъ мнѣ сѣсть, и началъ говорить: „Этой ночью, промолвилъ Васильку сторожамъ своимъ: „Слышу, что идетъ Владиміръ и Святополкъ на Давида; если бы меня Давидъ послушалъ, то я бы послалъ боярина своего къ Владиміру, и тотъ бы возвратился“, — такъ сходи-ка ты, Василій, къ тескѣ своему Васильку, и скажи ему, что если онъ поплетъ своего мужа и Владиміръ воротится, то я дамъ ему городъ какой ему любъ: либо Всеволожь, либо Шеполь, либо Перемишль“³). Я пошелъ къ Васильку и рассказалъ ему всѣ рѣчи Давидовы; онъ отвѣчалъ мнѣ: „Я этого не говорилъ, но надѣюсь на Бога, пошлю, чтобъ не проливали ради меня крови; одно мнѣ удивительно: даетъ мнѣ свой городъ, а мой городъ—Теребовль—вотъ моя волость“⁴. Потомъ сказалъ мнѣ: „Или къ Давиду и скажи ему, чтобъ прислалъ ко мнѣ Кульмѣя, я его хочу послать ко Владиміру“. Но, какъ видно, Давидъ побоялся поручить переговоры челоуѣку, котораго выбралъ Васильку, и послать того же Василія сказать ему, что Кульмѣя нѣтъ. Въ это свиданіе Васильку выслалъ слугу, и началъ говорить Василію: „Слышу, что Давидъ хочетъ отдать меня Ляхамъ; видно, мало еще насытился моей кровью, хочеть больше, потому что я Ляхамъ много зла надѣлалъ, и хотѣлъ еще больше надѣлать, отомстить имъ за Русскую Землю. Если онъ выдастъ меня Ляхамъ, то смерти не боюсь; но вотъ что скажу тебѣ: вправду Богъ навелъ на меня эту бѣду за мое высокоумье,—пришла ко мнѣ вѣсть, что идутъ ко мнѣ Берендѣи, Печенѣги и Торки; вотъ я и началъ думать, какъ придутъ они ко мнѣ, то скажу братьямъ, Володарю и Давиду: дайте мнѣ дружиню мою младшую, а сами пейте и веселитесь, думалъ

²) Можетъ возникнуть вопросъ: зачѣмъ Кіевляне удержали Святополка отъ бѣгства, имъ должно было быть пріятно избавиться отъ такого князя? Но они хорошо помнили слѣдствія изгнанія отца Святополкова; хорошо знали, что Святополкъ будетъ стараться всѣми силами добыть себѣ опять свой столъ, слѣдствіемъ чего будутъ усобицы, за которыя поплатятся города и села, и особенно ихъ городъ; усобица княжеская была страшнѣе всего, потому что ею пользовались Половцы.

³) *Всеволожь* — бытъ можетъ нынѣшнее селеніе Воложки, въ 11-ти верстахъ отъ Ковеля, города Волинской губерніи. *Шеполь* — есть селеніе *Шенель* въ Луцкомъ уѣздѣ, Волинской губерніи, въ 18 верстахъ отъ уѣднаго города, на рѣкѣ Ставѣ, впадающей въ Стырь. *Перемишль* — есть Перемишль въ Дубескомъ повѣтѣ, къ сѣверо-востоку отъ Берестечка, на Стырѣ.

⁴) Т.-е. Родичи не ослѣпляли еще другъ друга; погубили князья въ бою; было подозрѣніе, что Ярополкъ Изяславичъ погубилъ отъ Ростиславичей, — до подозрѣній только; притомъ дѣло было также явная вражда, смута; Всеславъ былъ схваченъ вѣроломно, но не ослѣвленъ; но никогда еще не было такого вопіющаго вѣроломства и насилія.

я пойти зимою на Польскую Землю, а лѣтомъ взять ее и отомстить за Русскую Землю; потомъ хотѣлъ перенять Болгаръ Дунайскихъ и посадить ихъ у себя, а потомъ хотѣлъ проситься у Святополка и у Владиміра на Половецъ, либо славу себѣ найти, либо голову свою сложить за Русскую Землю; а другого помышленія въ сердцѣ моемъ не было ни на Святополка, ни на Давида; клянусь Богомъ и Его пришествіемъ, что не мыслилъ зла братъ ни въ чемъ; но за мое высокоумье низложилъ меня Богъ и смирилъ“.

Весною, передъ Свѣтлымъ днемъ, Давидъ выступилъ въ походъ, чтобъ взять Василькову волость; но у Бужска ¹⁾, на границѣ, былъ встрѣченъ Володаремъ, братомъ Васильковымъ; Давидъ не поспѣлъ стать противъ него и заперся въ Бужскѣ; Володарь осадилъ его здѣсь и послалъ сказать ему: „Зачѣмъ сдѣлалъ зло и не каешься, опомнись, сколько зла ты надѣлалъ!“ Давидъ началъ складывать вину на Святополка: „Да развѣ я это сдѣлалъ, развѣ въ моемъ городѣ? я и самъ боялся, чтобъ и меня не схватили, и не сдѣлали со мною того же; я поневоля долженъ былъ присгаты, потому что былъ въ его рукахъ“. Володарь отвѣчалъ: „Про то вѣдаеть Богъ, кто изъ васъ виноватъ; а теперь отпусти мнѣ брата, и я помирюсь съ тобою“. Давидъ обрадовался, выдалъ Василька Володарю, помирились и разошлись. Но миръ не былъ продолжителенъ: Давидъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ ²⁾, не хотѣлъ возвратитъ Ростиславичамъ городовъ, захваченныхъ въ ихъ волости тотчасъ по ослабленіи Василька, вслѣдствіе чего тою же весною они пришли на Давида къ Всеволожу, а Давидъ заперся въ Владимірѣ; Всеволожъ былъ взять *хольемъ* (присупомъ) и зажженъ, и когда жители побѣжали отъ огня, то Василько велѣлъ ихъ всѣхъ перебить; такъ онъ отгналъ свою обиду на людяхъ неповинныхъ, замѣчаетъ лѣтописецъ. Потомъ Ростиславичи двинулись ко Владиміру, осадили здѣсь Давида, и послали сказать граждалямъ: „Мы пришли не на городъ вашъ и не на васъ, а на враговъ своихъ—Туряка, Лазаря и Василя, которые напустили Давида; послушавшись ихъ, онъ сдѣлалъ такое зло; выдайте ихъ, а если хотите за нихъ биться, то мы готовы“. Граждане собрали вѣче и сказали Давиду: „Выдай этихъ людей, не бьемся за нихъ, а за тебя станемъ биться; если же не хочешь, то отворимъ городскойя ворота, и тогда промышляй о себѣ“. Давидъ отвѣчалъ: „Нѣтъ ихъ здѣсь“; онъ послалъ ихъ въ Луцкъ; Владимірцы послали за ними туда; Турякъ бѣжалъ въ Кіевъ, а Лазарь и Василь возвратились въ Турійскъ ³⁾. Владимірцы, узнавши, что они въ Турійскѣ, закричали Давиду: „Выдай ихъ Ростиславичамъ, а не то сейчасъ же сдадимся“. Давидъ

послалъ за Василемъ и Лазаремъ, и выдалъ ихъ; Ростиславичи заключили миръ, и, па другое утро, велѣли повѣсить и разстрѣлять выданныхъ, послѣ чего отошли отъ города. Лѣтописецъ замѣчаетъ при этомъ: „Это уже во второй разъ отгналъ Василько, чего не слѣдовало дѣлать: пусть бы Богъ былъ мстителемъ“.

Осенью 1097 г. обѣщался Святополкъ братьямъ идти на Давида и прогнать его, и только чрезъ годъ (1099) отправился въ Брестъ на границу для совѣщанія съ Поляками: имѣемъ право принять извѣстіе ⁴⁾, что прежде онъ боялся напасть на Давида, и рѣшился на это тогда только, когда увидалъ, что Владимірскій князь побѣжденъ Ростиславичами; но и тутъ прежде хотѣлъ заключить союзъ съ Поляками; заключилъ договоръ и съ Ростиславичами, поцѣловалъ къ нимъ крестъ на миръ и любовь. Давидъ, узнавъ о прибытіи Святополка въ Брестъ, отправился и самъ къ Польскому князю Владиславу-Герману за помощью; такимъ образомъ Поляки сдѣлались посредниками въ борьбѣ. Они обѣщались помогать и Давиду, взявши съ него за это обѣщаніе 50 гривенъ золота, причемъ Владиславъ сказалъ ему: „Ступай съ нами въ Брестъ, зоветь меня Святополкъ на сеймъ; тамъ и помиримъ тебя съ нимъ“. Давидъ послушался и пошелъ съ нимъ; но союзъ съ Святополкомъ показался Владиславу выгоднѣе: Кіевскій князь далъ также ему богатые дары, договорился выдать дочь свою за его сына; поэтому Владиславъ объявилъ Давиду, что онъ никакъ не могъ склонить Святополка къ миру, и совѣтовалъ ему идти въ свою волость, обѣщая впрочемъ прислать къ нему на помощь войско, если онъ подвергнется нападенію отъ двоюродныхъ братьевъ. Давидъ сѣлъ во Владимірѣ, а Святополкъ, уладившись съ Поляками, пришелъ сперва въ Пинскъ, откуда послалъ собирать войско, потомъ въ Дорогобужъ, гдѣ дождался полковъ своихъ, съ ними вмѣстѣ двинулся на Давида ко Владиміру, и стоялъ подъ городомъ семь недѣль; Давидъ все не сдавался, ожидая помощи отъ Поляковъ; наконецъ, видя, что ждать нечего, сталъ проситься у Святополка, чтобъ тотъ выпустилъ его изъ города. Святополкъ согласился, и они поцѣловали другъ друга крестъ, послѣ чего Давидъ выѣхалъ въ Червень, а Святополкъ въѣхалъ во Владиміръ. Изъ этого разсказа видно, что Давидъ при договорѣ уступилъ Владиміръ Святополку, а самъ удовольствовался Червенемъ ⁵⁾. Выгнавши Давида изъ Владиміра, Святополкъ началъ думать на Володаря и на Василька; говорилъ: „Они сидятъ въ волости отца моего и брата“, и пошелъ на нихъ. Ходъ этой войны очень хорошо обнаруживаеть передъ нами характеръ Святополка: сначала онъ долго боялся напасть на Давида; пошелъ, когда тотъ потерпѣлъ неудачу въ войнѣ съ Ростиславичами, но прежде обезопасилъ себя со

¹⁾ Теперь *Бужскъ*, мѣстечко въ Золочовскомъ округѣ Галиціи, на правой сторонѣ Западнаго Буга.

²⁾ Татищ. II, 185.

³⁾ Мѣстечко Волинской губерніи, Ковельскаго уѣзда, на рѣкѣ Турьѣ.

⁴⁾ Татищ. II, 187.

⁵⁾ У Татищева прямо такъ читаемъ. II, 188.

стороны Поляковъ; доставши наконецъ Владиміръ, вспомнилъ, что все Волыпское княжество принадлежало къ Кіевскому, при отцѣ его Изяславѣ, и что послѣ здѣсь сидѣлъ братъ его Ярополкъ, а на любецкомъ сѣздѣ положено всѣмъ владѣть отчинами: и вотъ Святополкъ идеть на Ростиславичей, забывши недавній договоръ съ ними и клятву. Но Ростиславичей трудно было вытѣснить изъ ихъ волости: они выступили противъ Святополка, взявши съ собою крестъ, который онъ цѣловалъ къ нимъ, и встрѣтили его на границахъ своихъ владѣній на Рожни полѣ¹⁾; передъ началомъ битвы Василько поднялъ крестъ и закричалъ Святополку: „Вотъ что ты цѣловалъ; сперва ты отнял у меня глаза, а теперь хочешь взять и душу; такъ пусть будетъ между нами этотъ крестъ“, и послѣ ходила молва, что многіе благочестивые люди видѣли, какъ падъ Василькомъ возвышается крестъ. Битва была сильная, много пало съ обѣихъ сторонъ, и Святополкъ, увидавши наконецъ, что браня люта, побѣжалъ во Владиміръ; а Володаръ и Василько, побѣдивши, остановились и сказали: „Довольно съ насъ, если стоимъ на своей межѣ“, и не пошли дальше²⁾. Святополкъ, между тѣмъ приближалъ во Владиміръ съ двумя сыновьями—Мстиславомъ и Ярославомъ, съ двумя племянниками, сыновьями Ярополка, и Святославомъ, или Святошею, сыномъ Давида Святославича; онъ посадилъ во Владиміръ сына своего Мстислава, другого сына, Ярослава, послалъ въ Венгрію уговоривать короля идти на Ростиславичей, а самъ побѣжалъ въ Кіевъ. Ярославу удалось склонить Венгровъ къ нападенію на волость Володаря; король Коломанъ пришелъ съ двумя епископами, и сталъ около Перемишля, по рѣкѣ Вагру, а Володаръ заперся въ городѣ. Въ это время возвратился Давидъ изъ Польши, куда бѣжалъ изъ Червена передъ началомъ непріятельскихъ дѣйствій Святополка съ Ростиславичами; какъ видно, онъ не нашелъ помощи

въ Польшѣ; общая опасность соединила его теперь съ Ростиславичами, и потому, оставивши жену свою у Володаря, онъ отправился помогать Коломану; на дорогѣ встрѣтился съ знаменитымъ ханомъ ихъ Бонякомъ, и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ на Венгровъ. Въ полночь, когда все войско спало, Бонякъ всталъ, отбѣжалъ отъ стана, и началъ выть по-волчьи, и вотъ откликнулся ему одинъ волкъ, за нимъ много другихъ; Бонякъ пріѣхалъ и сказалъ Давиду: „Завтра будетъ намъ побѣда надъ Венграми“. Утромъ на другой день Бонякъ выстроилъ свое войско: у него было 300 человекъ, да у Давида 100; онъ раздѣлилъ всѣхъ на три полка, и пустилъ впередъ Алтунопу на Венгровъ съ отрядомъ изъ 50 человекъ, Давида поставилъ подъ стягомъ, а свой полкъ раздѣлилъ на двѣ половины, по 50 человекъ въ каждой. Венгры расположились *заступами*, или *заставами*, т. е. отрядами, стоявшими одинъ за другимъ; отрядъ Алтунопы пригналъ къ первому *заступу*, пустилъ стрѣлы и побѣжалъ; Венгры погнались за нимъ, и когда бѣжали мимо Боняка, тотъ ударилъ имъ въ тылъ; Алтунопа въ это время также вернулся; такимъ образомъ Венгры очутились между двумя непріятельскими отрядами и не могли возвратиться къ своимъ; Бонякъ сбивалъ ихъ въ мячъ, точно такъ, какъ соколъ сбиваетъ галокъ, но выраженію лѣтописца. Венгры побѣжали, много ихъ потонуло въ рѣкахъ Вагрѣ и Санѣ, потому что бѣжали горою подлѣ Сана и спихивали другъ друга въ рѣку; Половцы гнались за ними и сбѣгли ихъ два дня, убили епископа и многіхъ бояръ³⁾. Ярославъ, сынъ Святополка, убѣжалъ въ Польшу, а Давидъ, пользуясь побѣдою, занялъ города Сутѣйскъ, Червень⁴⁾, пришелъ внезапно на Владиміръ, и занялъ посады; но Мстиславъ Святополчичъ заперся въ крѣпости *засадою*, или *заставою* (гарнизономъ), состоявшею изъ Берестянянъ, Пенянь, Выгошевцевъ⁵⁾; Давидъ осадилъ крѣпость и часто приступалъ къ ней; однажды, когда осажденные перестрѣливались съ осаждающими, и летѣли стрѣлы какъ дождь, князь Мстиславъ хотѣлъ также выстрѣлить, но въ это время стрѣла, пройдя въ скважину стѣннаго досчатого забрала, ударила

¹⁾ Арцабашъ указываетъ на Рожняполь, мѣстечко Волыпской губерніи, Владимірскаго повѣта.

²⁾ У Татищева (II, 189) читаются любопытныя слова Ростиславичей, сказанныя Святополку передъ началомъ битвы: «Дѣдъ нашъ Владиміръ былъ старѣйшій братъ отцу твоему, а отецъ нашъ старѣйшій тебѣ, и по смерти дѣда нашего Владиміра отецъ твой съ братьями—Святославомъ и Всеволодомъ—дали отцу нашему Владиміру со всею Червенскою Землею, а себѣ взяли другіе удѣлы, болѣ нежали отцу нашему дами, и утвердили ротою, какъ мы имѣемъ отца твоего грамоты. Но смерти отца нашего мы хотя малы остались, но отецъ твой и Святославъ, помня свою къ отцу нашему роту, Владиміра у насъ не отнимали; но какъ отецъ твой умеръ, то братъ твой Ярополкъ, преступя отцово клятвенное обѣщаніе, и стрія своего Всеволода увѣщаніе, насъ Владиміра лишилъ, и мы уже довольны были тѣмъ, что намъ тогда дали, и братъ твой клятву утвердилъ. Мы болѣе того отъ тебя не требуемъ, и когда ты своихъ не доволеи, и хочешь насъ отцовокаго владѣнія лишить, то оставляемъ на судъ Божій, кому Онъ захочетъ, тому и дать, а мы тебѣ не дадимъ ни села, но просимъ пока, помня клятвенное обѣщаніе отца своего и свою на сѣздѣ данную роту, оставить насъ въ покоѣ, а мы какъ тебя ничѣмъ не оскорбили, а всегда тебя почитаемъ яко старѣйшаго, то всегда обѣщаемъ сохранить».

³⁾ Число венгерскаго войска въ нашихъ лѣтописяхъ до крайности преувеличено до 100,000, а число погибшихъ до 40,000. Вѣроятнѣе извѣстія Бѣльскаго и Стрыйковскаго, полагающихъ 8,000 всего войска. И то будетъ много, если возьмемъ въ соображеніе малочисленность Русскихъ и Половцевъ; впрочемъ успѣхъ послѣднихъ объясняется, если прочтемъ извѣстія Татищева (II, 192), что Володаръ, узнавши о приближеніи Давида и Боняка, сбѣжалъ, съ своей стороны, вылазку изъ Перемишля и ударилъ на станъ королевскій: это окончательно разстроило Венгровъ.

⁴⁾ *Сутейскъ*—подобныя названія мѣстъ встрѣчаются теперь, но вдалекѣ отъ описываемой сцены дѣйствій; *Червень*—полагаютъ нынешнее мѣстечко *Червоногородъ*, въ Чортвовскомъ округѣ, при рѣкѣ Дзуронѣ, впадающей въ Днѣпръ.

⁵⁾ Выгошевы, жители города Выгошева. Указываютъ теперь подобно звучація мѣстности; изъ нихъ можно принять къ соображенію только деревни *Выжовоку* и мѣстечко *Выжу* въ Ковалевскомъ уѣздѣ Волыпской губерніи.

ему подъ пазуху, отчего онъ въ ту же ночь и умеръ. Три дня таяли его смерти, въ четвертый объявили на вѣчѣ; народъ сказалъ: „Вотъ князя убили; если теперь сдадимся, то Святополкъ погубитъ всѣхъ насъ“; и послали сказать ему: „Сынъ твой убитъ, а мы изнемогаемъ отъ голода; если не придешь, то народъ хочетъ передаться“. Святополкъ послалъ къ нимъ воеводу своего Путятю; когда тотъ пришелъ съ войскомъ въ Луцкъ, гдѣ стоялъ Святоша Давидовичъ, то засталъ у него поставцовъ Давида Игоревича. Святоша поклялся послѣднему, что дастъ знать, когда пойдетъ на него Святополкъ; но теперь, испугавшись Путятю, схватилъ пословъ Давидовыхъ и самъ пошелъ на него съ кievскимъ воеводою. Въ полдень пришли Святоша и Путятя ко Владиміру, напали на соннаго Давида, начали рубить его дружину ⁴⁾, а Владимірцы сдѣлали вылазку изъ крѣпости съ другой стороны; Давидъ побѣждалъ съ племянникомъ своимъ Мстиславомъ, а Святоша и Путятя взяли городъ, посадили въ немъ посадника Святополкова Василя и разошлись—Святоша въ Луцкъ, а Путятя—въ Кіевъ. Между тѣмъ Давидъ побѣждалъ къ Половцамъ, опять встрѣтился на дорогѣ съ Бонякомъ, и вмѣстѣ съ нимъ пришелъ осаждать Святошу въ Луцкъ; Святоша заключилъ съ ними миръ, и ушелъ къ отцу въ Черниговъ, а Давидъ взялъ себѣ Луцкъ, оттуда пошелъ ко Владиміру, выгналъ изъ него Святополкова посадника Василя, и сѣлъ опять на прежнемъ столѣ своемъ, отпустивши племянника Мстислава на море перенимать купцовъ.

Подъ 1100 годомъ сообщаетъ лѣтописецъ это извѣстіе объ отправленіи Мстислава на море, и тотчасъ же говоритъ о новомъ сѣздѣ всѣхъ князей въ Увѣтичахъ, или Витичевѣ ²⁾: собрались—Святополкъ, Владиміръ, Олегъ и Давидъ Святославиичъ; пришелъ къ нимъ и Давидъ Игоревичъ, и сказали: „Зачѣмъ меня призвали? вотъ я! кому на меня жалоба“? Владиміръ отвѣчалъ ему: „Ты самъ присылалъ къ намъ: хочю, говорилъ, братья, придти къ вамъ и пожаловаться на свою обиду; теперь ты пришелъ и сидишь съ братиею на одномъ коврѣ, — что жъ не жалуешься? на кого тебѣ изъ насъ жалоба“? Давидъ не отвѣчалъ на это ничего. Тогда всѣ братья встали, сѣли на коней и разъѣхались: каждый сталъ особо съ своею дружиною, а Давидъ сидѣлъ одинъ: никто не допустилъ его къ себѣ, особо думали о немъ. Подумавши, послали къ нему мужей своихъ—Святополкъ Путятю, Владиміръ Орогаста и Ратибора, Давидъ и Олегъ—Торчина; посланцы сказали Давиду отъ имени всѣхъ князей: „Не хотимъ тебѣ дать стола Владимірскаго, потому что ты бросилъ

ножъ между нами, чего прежде не бывало въ Русской Землѣ; мы тебя не заключаемъ, ни сдѣлаемъ тебѣ никакого другаго зла, ступай садись въ Бужскѣ и въ Острогѣ, Святополкъ даетъ тебѣ еще Дубно и Черторыйскъ ³⁾, Владиміръ двѣсти гривенъ, Давидъ и Олегъ также двѣсти гривенъ“. Послѣ этого рѣшенія, князья послали сказать Володарю Ростиславичу: „Возьми брата своего Василька къ себѣ и пусть будетъ вамъ одна волость—Перемышль; если же не хочешь, то отпусти Василька къ намъ, мы его будемъ кормить; а холоповъ нашихъ и смердовъ выдайте“. Но Ростиславичи не послушались и каждый изъ нихъ остался при своемъ. Князья хотѣли—было идти на нихъ и силою принудить согласиться на общее рѣшеніе; но Мономахъ отрекся идти съ ними, не захотѣлъ нарушить клятвы, данной прежде Ростиславичамъ на любецкомъ сѣздѣ ⁴⁾.

Здѣсь должно дополнить опущенную лѣтописцемъ связь событій: мы видѣли, что Давидъ остался побѣдителемъ надъ Святополкомъ, удержалъ за собою Владиміръ; Святополкъ, не имѣя возможности одолѣть его, долженъ былъ обратиться къ остальнымъ двоюроднымъ братьямъ, поручившимъ ему наказаніе Давида, который съ своей стороны, вѣроятно прежде, при неблагоприятныхъ для себя обстоятельствахъ, присылалъ также къ нимъ съ просбою о защитѣ отъ Святополка. Въ Витичевѣ, 10-го августа, какъ сказано въ лѣтописи, братья заключили миръ между собою, т.-е. какъ видно, посредствомъ мужей своихъ рѣшили собраться всѣмъ въ томъ же мѣстѣ, и дѣйствительно собрались 30-го августа ⁵⁾. Къ Давиду было послано приглашеніе явиться: онъ не смѣлъ послушаться, потому что не могъ надѣяться восторжествовать надъ соединенными силами всѣхъ князей, какъ прежде восторжествовалъ надъ Святополкомъ; притомъ же, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, князья посылали къ нему съ любовію, обѣщаясь утвердить за нимъ Владиміръ ⁶⁾, и, точно, надъ нимъ произнесли мягкій приговоръ: схватить князя, добро-

³⁾ Нѣтъ никакого основанія читать: въ *Бужскомъ острогѣ* вмѣсто въ Бужскѣ, въ острогѣ; Бужскъ встрѣчались мы прежде безъ прибавленія—острогъ, притомъ же Острогъ находится подлѣ городонъ, данныхъ Давиду,—Бужска, Дубна и Черторыйска; Дубно городъ Волынской губерціи, Черторыйскъ—мѣстечко той же губерціи, Луцкаго уѣзда, на рѣкѣ Стырѣ.

⁴⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 100: Устрѣтоша бо ма слы отъ братья зоея на Волзѣ, говорить Мономахъ, рѣша: «потѣнися къ намъ, да выженочетъ Ростиславичи и волость ихъ отънемъ; аже ли не поидеши съ нами, то мы тебе будемъ, а ты себе». И рѣхъ: «аще вы си и гнѣваете, не могу вы ити, ни креста переступити».

⁵⁾ Тамъ же, стр. 116: «Въ лѣто 6608. Выиде Мстиславъ отъ Давида на море, мѣсяца іюня въ 10. Томъ-же мѣсяци (читай лѣтѣ) братья створиша миръ межю собою, Святополкъ, Володимиръ, Давидъ, Олегъ въ Увѣтичихъ, мѣсяца августа въ 10 (14) день. Того же мѣсяца въ 30, томъ же мѣстѣ, братья вся сдѣлаша... и приде къ нимъ Игоревичъ Давидъ». Нѣтъ сдѣд. никакого основанія думать, что князья собрались 10 августа и до 30 дожидались Давида.

⁶⁾ Никон. II, 32: «и начала посылати по Давида Иго-

¹⁾ Причиною такой оплошности Давидовой у Татищева полагается надежда его на слово Святоши. Удивительно, какъ всѣ эти князья безпрестанно нарушали свои клятвы и все еще надѣлялись на нихъ.

²⁾ Полагаютъ это мѣсто на рѣкѣ Вѣтѣ. Журн. Мин. Внут. Дѣлъ, 1849, № 6.

волю явившагося на братское совѣщаніе, было въ вѣроломствѣ, которое навсегда могло уничтожить возможность подобныхъ сѣздовъ; отпустить его безъ волости значило продолжать войну: Давидъ доказалъ, что онъ умѣлъ изворачиваться при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, и потому рѣшили дать ему достаточную волость, наказавши только отнятіемъ Владимірскаго стола, который былъ отданъ Святополку, какъ отпина, на основаніи любецкаго рѣшенія, причемъ Святополкъ далъ еще Давиду Дорогобужъ, гдѣ тотъ и умеръ. Такъ кончилась посредствомъ двухъ княжескихъ сѣздовъ борьба, начавшаяся при первомъ преемникѣ Ярослава и продолжавшаяся почти полвѣка; изгон и потомки изгоевъ нигдѣ не могли утвердиться на цѣлыхъ отчинахъ; изъ нихъ только одинъ Ростиславичи успѣли укрѣпить за собою отдѣльную волость и впоследствии дать ей важное историческое значеніе; но потомство Вячеслава Ярославича сошло со сцены при первомъ поколѣніи; потомство Игоря—при второмъ: послѣ оно является въ видѣ князьковъ незначительныхъ волостей безъ самостоятельной дѣятельности; полноправными родичами явились только потомки трехъ старшихъ Ярославичей, послѣ тщетной попытки включить въ число изгоевъ потомство второго изъ нихъ, Святослава; его дѣти, послѣ долгой борьбы, получили отцовское значеніе, отцовскую волость. Но легко было усмотрѣть неравенство въ распредѣленіи волостей между тремя линиями, преимущество которое получилъ сынъ Всеволода и влѣдствіе личнаго достоинства, и влѣдствіе благоприятныхъ обстоятельствъ: Мономахъ держалъ въ своей семьѣ Переяславскую, Смоленскую, Ростовскую и Новгородскую волости; Святополкъ только послѣ витичевского сѣзда получилъ Владиміръ-Волынской; но Великій Новгородъ, который былъ всегда такъ тѣсно связанъ съ Кіевомъ,—Новгородъ принадлежалъ не ему; всѣхъ меньше была волость Святославичей: они ничего не получили въ прибавокъ къ первоначальной отцовской волости, притомъ же ихъ было три брата. Святополку, какъ видно, очень не нравилось, что Новгородъ не находится въ его семьѣ, но отнять его у Мономаха безъ вознагражденія было нельзя; вотъ почему онъ рѣшился пожертвовать Волынью для приобрѣтенія Новгорода, и уговорился съ Мономахомъ, что сынъ послѣдняго Мстиславъ перейдетъ во Владиміръ-Волынской, а на его мѣстѣ въ Новгородѣ сядетъ Ярославъ, сынъ Святополковъ, книжиный до сихъ поръ во Владимірѣ. Но тутъ Новгородцы въ первый разъ воспротивились волѣ князей: зависимость Новгорода отъ Кіева была тѣмъ невыгодна для жителей перваго, что всѣ перемѣны и усобицы, происходившия на Руси, должны были отражаться и въ ихъ стѣнахъ; мы видѣли, что изгнаніе Изяслава изъ Кіева необходимо повлекло перемѣну и въ Новгородѣ: здѣсь является княземъ

сынъ Святослава—Глѣбъ, но послѣдній, въ свою очередь, долженъ былъ оставить Новгородъ влѣдствіе вторичнаго торжества Изяслава, который послалъ туда сына своего Святополка; Святополкъ въ концѣ княженія Всеволода, покинулъ Новгородъ для Турова, чтобъ быть ближе къ Кіеву, и Всеволодъ послалъ въ Новгородъ внука своего Мстислава. Потомъ Святополкъ съ Мономахомъ выводятъ Мстислава и посылаютъ на его мѣсто Давида Святославича; Давидъ также оставилъ Новгородъ, и на его мѣсто пріѣхалъ туда опять Мстиславъ. Такимъ образомъ, въ продолженіи 47 лѣтъ, отъ 1054 до 1101 г., въ Новгородѣ шесть разъ смѣнялись князья: двое изъ нихъ ушли сами, остальные выведены влѣдствіе смѣны великихъ князей или ряду ихъ съ другими. Теперь, въ 1102 году, князья опять требуютъ у Новгородцевъ, чтобъ они отпустили отъ себя Мстислава Владиміровича и приняли на его мѣсто сына Святополкова; Новгородцы рѣшительно отказываются; при этомъ вѣроятно они знали, что, не исполняя волю Святополкову, они тѣмъ самымъ исполняютъ волю Мономахову, въ противномъ случаѣ они не могли противъ воли послѣдняго удержать у себя его сына, не могли поссориться съ двумя сильнѣйшими князьями Руси и сидѣть въ это время безъ князя. Въ Кіевѣ, на княжьемъ дворѣ, въ присутствіи Святополка, произошло любопытное явленіе: Мстиславъ Владиміровичъ пришелъ туда въ сопровожденіи новгородскихъ посланцовъ; посланцы Мономаха объявили Святополку: „Вотъ Владиміръ прислалъ сына своего, а вотъ сидятъ Новгородцы, пусть они возьмутъ сына твоего и ѣдутъ въ Новгородъ, а Мстиславъ пусть идетъ во Владиміръ“. Тогда Новгородцы сказали Святополку: „Мы, князь, присланы сюда, и вотъ что намъ вѣльно сказать: не хотимъ Святополка, ни сына его, если у твоего сына двѣ головы, то пошли его; этого (т. е. Мстислава) далъ намъ Всеволодъ, мы его вскормили себѣ въ князья, а ты ушелъ отъ насъ“. Святополкъ много спорилъ съ ними; но они настаивали на своемъ, взяли Мстислава и повели его назадъ въ Новгородъ. Указаніе на распоряженіе Всеволода вѣроятно имѣло тотъ смыслъ въ устахъ Новгородцевъ, что сами князья на любецкомъ сѣздѣ рѣшили сообразоваться съ послѣдними распоряженіями его: слова, что они вскормили себѣ Мстислава, показываютъ желаніе имѣть постоянного князя, у нихъ выросшаго, до чего именно не допускали ихъ родовые счеты и усобицы князей; наконецъ выраженіе: „А ты ушелъ отъ насъ“—показываетъ неудовольствіе Новгородцевъ на Святополка за предпочтеніе Турова ихъ городу, и указаніе, что, оставивъ добровольно Новгородъ, онъ тѣмъ самымъ лишился на него всякаго права.

Послѣ витичевского сѣзда прекратились старыя усобицы влѣдствіе изгойства; но немедленно же начались новыя, потому что и второе поколѣніе Ярославичей имѣло уже своихъ изгоевъ: у Святополка былъ племянникъ—Ярославъ, сынъ брата его Ярополка. Въ 1101 году онъ затворился въ

ревича, любовію владыке его къ себѣ, и общающе ему стольный городъ Володимиръ».

Врестѣ отъ дяди Святополка — ясный знакъ, что дядя не хотѣлъ давать ему волостей, и Ярославъ насильно хотѣлъ удержатъ за собою хотя Врестѣ. Святополкъ пошелъ на него, заставилъ сдаться и въ оковахъ привелъ въ Кіевъ. Митрополитъ и игумены умолили Святополка оставить племянника ходитъ на свободѣ, взявши съ него клятву при гробѣ Бориса и Глѣба, вѣроятно въ томъ, что онъ не будетъ больше посягать на дядины волости и становитъ жить спокойно въ Кіевѣ. Но въ слѣдующемъ году Ярославъ ушелъ отъ дяди; за нимъ погнался двоюродный братъ его, Ярославъ Святополчищъ, обманомъ схватилъ его за Врестомъ, на польскихъ границахъ ¹⁾, и въ оковахъ привелъ къ отцу: на этотъ разъ Ярополковича уже не выпускали на свободу, и онъ умеръ въ заточеніи въ томъ же году ²⁾.

Знаменитый чародѣй, Всеславъ Полоцкій, на старости уже не беспокоилъ Ярославича и далъ имъ возможность управитъ съ своими дѣлами: онъ умеръ въ 1101 г. Съ его смертію кончилась сила Полоцкаго княжества: между сыновьями его (ихъ было человекъ семь), тотчасъ же, какъ видно, начались несогласія, въ которыя вмѣшались Ярославичи; такъ, въ 1104 году встрѣчаемъ извѣстіе, что Святополкъ посылалъ на Минскъ, на Глѣба, воеводу своего Путятю, Владиміръ — сына своего Ярополка, а Олегъ самъ ходилъ вмѣстѣ съ Давидомъ Всеславичемъ — знакъ, что походъ былъ предпринятъ въ пользу послѣдняго, котораго и прежде видимъ въ связи съ Ярославичами; походъ впрочемъ кончился ничѣмъ.

Таковы были между княжескія отношенія при первомъ старшемъ князѣ изъ второго поколѣнія Ярославичей. Теперь взглянемъ на отношенія вѣншія. Мы видѣли, какъ народъ на Руси боялся княжескихъ усобицъ болѣе всего потому, что ими могутъ воспользоваться поганые, Половцы; видѣли, что и для самихъ князей этотъ страхъ служилъ также главнымъ побужденіемъ къ миру. Южная Русь, какъ Европейская Украина, должна была подобно греческимъ припонтійскимъ колоніямъ древности, стоять всегда на-сторожѣ вооруженною. Мы видѣли, какъ несчастно началось княженіе Святополка, который первый подалъ примѣръ брачныхъ союзовъ съ ханами половецкими. Послѣ убіенія Игоря и удачнаго похода Русскихъ князей въ степи, Половцы, въ томъ же 1095 г., явились при рѣкѣ Роси, границѣ собственной Руси съ степью, и осадили Юрьевъ, одинъ изъ городовъ, основанныхъ здѣсь Ярославомъ Первымъ и названный по его имени; варвары цѣлое лѣто стояли подъ городомъ и едва его не взяли: Святополкъ *омирилъ* ихъ, сказано, въ лѣтописи, т. е. заплатилъ имъ за миръ; несмотря на то, они все оставались въ предѣлахъ Руси, не уходили за Рось въ степи. Юрьевцы, видя это и наскучивъ жить въ безпрестанномъ страхѣ,

выбѣжали изъ своего города и пришли въ Кіевъ, а Половцы сожгли пустой Юрьевъ — явленіе замѣчательное, показывающее тогдашнее состояніе Украины, или Южной Руси. Святополкъ велѣлъ строить новый городъ на Витичевскомъ холму, въ 56 верстахъ отъ Кіева, при Днѣпрѣ, назвалъ его Святополчемъ и велѣлъ сѣсть въ немъ Юрьевцамъ съ своимъ епископомъ; нашлись и другіе охотники селиться здѣсь изъ разныхъ близкихъ къ степи мѣстъ, которыхъ также гнали страхъ половецкій. Въ слѣдующемъ 1096 году, пользуясь отсутствіемъ Святополка и Мономаха, воевавшихъ на сѣверѣ съ Святославичами, Половцы уже не ограничились опустошеніемъ пограничныхъ городковъ, но ханъ ихъ Бонякъ, пріобрѣтшій черную знаменитость въ нашихъ лѣтописяхъ, явился подъ Кіевомъ, опустошилъ окрестности, сжегъ княжескій загородный домъ на Берестовѣ; а на восточной сторонѣ Днѣпра другой ханъ — Куря — опустошилъ окрестности Переяславля ³⁾. Успѣхъ Боняка и Кури прельстилъ и тестя Святополка Тугоркана: онъ также пришелъ къ Переяславу и осадилъ его; но въ это время князья уже возвратились изъ похода; они выступили противъ Половцевъ къ Переяславу и поразили ихъ, причемъ Тугорканъ съ сыномъ и другими князьями былъ убитъ; Святополкъ велѣлъ поднятъ тѣло Тугорканово и погребсти въ селѣ Берестовѣ. Но въ то время, какъ Русскіе князья были заняты на восточной сторонѣ Днѣпра, *шолудивый хищникъ* Бонякъ явился опять нечаянно передъ Кіевомъ; Половцы едва не вѣхали въ самый городъ, сожгли близкія деревни, монастыри, въ томъ числѣ и монастырь Печерскій: „Пришли, говоритъ лѣтописецъ — очевидецъ, къ намъ въ монастырь, а мы все спали по кельямъ послѣ заутрени; вдругъ подняли крикъ около монастыря, и поставили два стяга передъ воротами; мы бросились бѣжать задомъ ⁴⁾ монастыря, другіе взобрались на палаты; а безбожнѣя дѣти Измаиловы выеѣкли ворота и пошли по кельямъ, выламывая двери, вынося изъ келій все, что ни подалось; потомъ выгнали Богородичную церковь, вошли въ притворъ у Θεодосіева гроба, взяли иконы; зажгли двери, ругаясь Богу и закону нашему“. Тогда же зажгли дворъ красный, что поставилъ к. князь Всеволодъ на холму Выдубецкомъ.

Послѣ вятичевскаго сѣзда, *покончившаго усобицы*, князья получили возможность дѣйствовать наступательно противъ Половцевъ: въ 1101 году Святополкъ, Мономахъ и трое Святославичей собрались на рѣкѣ Золотчѣ, на правомъ берегу Днѣпра, чтобъ идти на Половцевъ; но тѣ прислали пословъ ото всѣхъ хановъ своихъ ко всей братіи, просить мира; Русскіе князья сказали имъ: „Если хотите мира, то сойдемся у Сакова“ ⁵⁾; Половцы явились въ назначенное мѣсто и заключили миръ,

³⁾ «И Устье пожже». — Вѣроятно устье Трубежа.

⁴⁾ Задомъ, а не за домъ, какъ напечатано въ Полн. Собр. I, 99.

¹⁾ «И ять и на Нурѣ»; — рѣка, впадающая въ Бугъ въ Гродненской губерніи.

²⁾ Вралъ его — Вячеславъ Ярополчищъ — умеръ въ 1108 г.

⁵⁾ На лѣвомъ берегу Днѣпра, недалеко отъ Перелавля, бытъ можетъ выѣшнее село Сальковъ.

причемъ взяты были съ обѣихъ сторонъ заложники. Но, заключивши миръ, Русскіе князья не переставали думать о походѣ на варваровъ; мысль о походѣ на поганыхъ лѣтописецъ называетъ обыкновенно мыслью *доброю*, внушеніемъ Божіимъ. Въ 1103 году Владиміръ сталъ уговаривать Святополка идти весною на поганыхъ¹⁾; Святополкъ сказалъ объ этомъ дружинѣ, дружина отвѣчала: „Не время теперь отнимать поселянъ отъ поля“, послѣ чего Святополкъ послалъ сказать Владиміру: „Надобно намъ гдѣ-нибудь собраться и подумать съ дружиною“; согласились съѣхаться въ Долобекѣ (при озерѣ того же имени), выше Кіева, на лѣвой сторонѣ Днѣпра; съѣхались и съѣли въ одномъ шатрѣ—Святополкъ съ своею дружиною, а Владиміръ съ своею; долго сидѣли молча, наконецъ Владиміръ началъ: „Братъ! ты старшій, начини же говорить, какъ бы намъ промыслить о Русской Землѣ?“ Святополкъ отвѣчалъ: „Лучше ты, братецъ, говори первый!“ Владиміръ сказалъ на это: „Какъ мнѣ говорить? противъ меня будетъ и твоя и моя дружина, скажутъ: хочеть погубить поселянъ и пашни; но дивлюсь я одному, какъ вы поселянъ жалѣете и лошадей ихъ, а того не подумаете, что станеть поселянинъ весною пахать на лошади, и приѣдетъ половчинъ, ударить его самого стрѣлою, возьметъ и лошадь, и жену, и дѣтей, да и гумно зажжетъ,—объ этомъ вы не подумаете!“ Дружина отвѣчала: „Въ самомъ дѣлѣ такъ“; Святополкъ прибавилъ: „Я готовъ“, и всталъ; а Владиміръ сказалъ ему: „Великое, братъ, добро сдѣлаешь ты Русской Землѣ!“ Они послали также и къ Святославичамъ звать ихъ въ походъ. „Пойдемъ на Половцевъ, либо живы будемъ, либо мертвы“; Давидъ послушался ихъ, но Олегъ велѣлъ сказать, что не здоровъ. Кромѣ этихъ старыхъ князей, пошли еще четверо молодыхъ: Давидъ Всеславичъ Полоцкій, Мстиславъ, племянникъ Давида Игоревича Волынскаго (изгой), Вячеславъ Ярополчичъ, племянникъ Святополка (также изгой) и Ярополкъ Владиміровичъ, сынъ Мономаха. Князья пошли съ пѣхотою и конницею: пѣшіе ѣхали въ лодкахъ по Днѣпру, конница шла берегомъ. Прощедши пороги, у Хортицкаго острова ибшіе высадились на берегъ, конные съѣли на лошадей и шли степью четыре дня. Половцы, услыжавъ, что идетъ Русь, собрались во множествѣ и начали думать; одинъ изъ хановъ, Урусоба, сказалъ: „Пондемъ просить мира у Руси; они стануть съ нами биться крѣпко, потому что мы много зла надѣлали ихъ Землѣ“. Молодые отвѣчали ему: „Если ты боишься Руси, то мы не боимся; избивши этихъ, пойдемъ въ ихъ Землю, возьмемъ ихъ города, и кто тогда защититъ ихъ отъ насъ?“ А Русскіе князья и всѣ ратники въ это время молились Богу, давали обѣты, кто кутью поставить, кто милостыню раздать нищимъ, кто въ монастырь послать нужное для бра-

ти. Половцы послали впереди въ сторожахъ Алтуну, который славился у нихъ мужествомъ; Русскіе выслали также передовой отрядъ проводить неприятеля: онъ встрѣтился съ отрядомъ Алтуны и истребилъ его до одного человѣка; потомъ сошлись главные полки, и Русскіе побѣдили, перебили 20 хановъ, одного — Велдюза—взяли живьемъ и привели къ Святополку; Велдюзъ началъ давать за себя окупъ — золото и серебро, коней и скотъ; Святополкъ послалъ его ко Владиміру, и тотъ спросилъ плѣнника: „Сколько разъ вы клялись не воевать, и потомъ все воевали Русскую Землю? Зачѣмъ же ты не училъ сыновей своихъ и родичей соблюдать клятву, а все проливалъ кровь христіанскую? такъ будь же кровь твоя на головѣ твоей“, —и велѣлъ убить его; Велдюза разсѣкли на части. Потомъ собрались всѣ братья, и Владиміръ сказалъ: „Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ оны: Господь избавилъ насъ отъ враговъ, покорилъ ихъ намъ; сокрушилъ главы змѣевы, и далъ ихъ брашно людямъ русскимъ“. Взяли тогда наши много скота, овецъ, лошадей, верблюдовъ, вежи со всякою рухлядью и рабами, захватили Печенѣговъ и Торковъ, находившихся подъ властію Половцевъ, и пришли въ Русь съ полномъ великимъ, славою и побѣдою. Святополкъ думалъ, что надолго избавились отъ Половцевъ и велѣлъ возобновить городъ Юрьевъ, сожженный ими передъ тѣмъ.

Но живъ былъ страшный Боянкъ: черезъ годъ онъ подалъ о себѣ вѣсть, пришелъ къ Зарубу, находившемуся на западной сторонѣ Днѣпра, противъ Трубежскаго устья, побѣдилъ Торковъ и Берендѣевъ. Въ слѣдующемъ 1106 году Святополкъ долженъ былъ выслать троихъ воеводъ своихъ противъ Половцевъ, опустошавшихъ окрестности Зарѣчска; воеводы отняли у нихъ полонъ. Въ 1107 году Боянкъ захватилъ конскіе табуны у Переяславля; потомъ пришелъ со многими другими ханами и сталъ около Лубенъ²⁾, на рѣкѣ Сулѣ. Святополкъ, Владиміръ, Олегъ, съ четырьмя другими князьями, ударили на нихъ внезапно съ крикомъ; Половцы испугались отъ страха, не могли и стяга поставить, и побѣжали: кто успѣлъ схватить лошадь—на лошади, а кто пѣшкомъ; наши гнали ихъ до рѣки Хоролы и взяли стагъ неприятельскій; Святополкъ пришелъ въ Печерскій монастырь къ заутрени на Успеніевъ день и съ радостію здоровался съ братією послѣ побѣды. Несмотря однако на эти успѣхи, Мономахъ и Святославичи—Олегъ и Давидъ—въ томъ же году ибѣли съѣздъ съ двумя ханами, и взяли у нихъ дочерей замужъ за сыновей своихъ. Походъ троихъ князей — Святополка, Владиміра и Давида—въ 1110 году кончился ничѣмъ: они возвратились отъ города Воина³⁾, по причинѣ стужи и конскаго падежа⁴⁾; но въ слѣдующемъ году, *думою* и *похотѣніемъ*

¹⁾ Подробности одного и того же событія разсказаны въ Лавр. спискѣхъ подъ 1103 годомъ, а въ Ипатск. отпискѣхъ къ 1111.

²⁾ Уѣздный городъ Полтавской губерніи.

³⁾ Тамъ же. II, 206.

⁴⁾ Воскрес. I, 254.

Мономахъ, князя вздумали навѣстить Половцевъ на Дону, куда еще прежде, въ 1109 году, Мономахъ посылалъ воеводу своего Дмитра Иворовича, который и захватилъ тамъ половецкія вежи. Пошли — Святополкъ, Владиміръ и Давидъ съ сыновьями, пошли они во второе воскресенье Великаго поста, въ пятницу дошли до Сулы, въ субботу были на Хоролѣ, гдѣ бросили сани; въ Крестопоклонное воскресенье пошли отъ Хороля и достигли Исела, откуда пошли и стали на рѣкѣ Голтѣ, гдѣ дождались остальныхъ воиновъ и пошли къ Ворсклѣ; здѣсь въ среду пѣловали крестъ со многими слезами, и двинулись далѣе, перешли много рѣкъ, и во вторникъ на шестой недѣлѣ достигли Дона. Отсюда, надѣвши брони и выстроивши полки, пошли къ половецкому городу Шаруканю, причеиъ Владиміръ велѣлъ священникамъ своимъ ѣхать передъ полками и пѣть молитвы; жители Шаруканя вышли на-встрѣчу князьямъ, поднесли имъ рыбу и вино; Русскіе перепочевали тутъ, и на другой день, въ среду, пошли къ другому городу, Сугрову, и зажгли его; въ четвергъ пошли съ Дона, а въ пятницу — 24 марта, собрались Половцы, изрядили полки свои и двинулись противъ Русскихъ. Князья наши возложили всю надежду на Бога, говоритъ лѣтописецъ, и сказали другъ другу: „Помереть намъ здѣсь; станемъ крѣпко!“ перецѣловались, и, возведши глаза на небо, призывали Бога Вышняго. И Богъ помогъ Русскимъ князьямъ: послѣ жестокой битвы Половцы были побѣждены, и пало ихъ много. Весело на другой день праздновали Русскіе Лазарево воскресенье и Благовѣщеніе, а въ воскресенье пошли далѣе. Въ страстной поне-дѣльникъ собралось опять множество Половцевъ, и обступили полки русскіе на рѣкѣ Салницѣ. Когда полки русскіе столкнулись съ полками половецкими, то раздался точно громъ, брань была лютая, и много падало съ обѣихъ сторонъ; наконецъ выступили Владиміръ и Давидъ съ своими полками; увидавши ихъ, Половцы бросились бѣжать, и надали предъ полкомъ Владиміровымъ, невидимо поражаемые ангеломъ: многіе люди видѣли, какъ головы ихъ летѣли, сеѣкаемыя невидимою рукою. Святополкъ, Владиміръ и Давидъ прославили Бога, давшаго имъ такую побѣду на поганыхъ. Русскіе взяли полона много — скота, лошадей, овецъ; и колодниковъ много побрали руками. Побѣдители спрашивали плѣнныхъ: „Какъ это вамъ была такая сила, и вы не могли бороться съ нами, а тотчасъ побѣжали?“ Тѣ отвѣчали: „Какъ намъ съ вами биться? другіе ѣздятъ надъ нами въ броняхъ свѣтлыхъ и-странныхъ, и помогаютъ намъ“. Это ангелы, прибавляетъ лѣтописецъ, отъ Бога посланные помогать христіанамъ; ангелъ вложилъ въ сердце Владиміру Мономаху возбудить братьевъ своихъ на иноплемениковъ. Такъ, съ Божіею помощію, пришли Русскіе князья домой, къ своимъ людямъ со славою великою, и разнеслась слава ихъ по всѣмъ странамъ

дальнимъ, дошла до Грековъ, Венгровъ, Ляховъ, Чеховъ, дошла даже до Рима.

Мы привели извѣстіе лѣтописца о донскомъ походѣ князей на Половцевъ со всѣми подробностями, чтобъ показать, какое великое значеніе имѣлъ этотъ походъ для современниковъ. Времена Святослава Стараго вышли изъ памяти, а послѣ никто изъ князей не ходилъ такъ далеко на востокъ, и на кого же? — на тѣхъ страшныхъ враговъ, которыхъ Киевъ и Переяславль не разъ видѣли подъ своими стѣнами, отъ которыхъ бѣгали пѣлые города. Половцы побѣждены не въ волостяхъ русскихъ, не на границахъ, но въ глубинѣ стѣней своихъ; отсюда понятно религиозное одушевленіе, съ какимъ разсказано событіе въ лѣтописи: только ангелъ могъ внушить Мономаху мысль о такомъ важномъ предпріятіи; ангелъ помогъ Русскимъ князьямъ побѣдить многочисленныя полчища враговъ. Слава похода разнеслась по дальнимъ странамъ: понятно, какъ она разнеслась на Русь, и какую славу заслужилъ главный герой предпріятія, тотъ князь, которому ангелъ вложилъ мысль возбудить братьевъ къ этому походу; Мономахъ явился подъ особеннымъ покровительствомъ неба: предъ его полкомъ, сказано, падали Половцы, невидимо поражаемые ангеломъ. И надолго остался Мономахъ въ памяти народной, какъ главный и единственный герой донского похода; долго ходило преданіе о томъ, какъ пилъ онъ Донъ золотымъ пеломомъ, какъ загналъ океаннхъ агарянь за Желѣзные Ворота¹⁾.

Такъ славно воспользовались князья, т. е. преимущественно Мономахъ, прекращеніемъ усобицъ. Мы видѣли, что для Руси борьба съ Половцами и отношенія княжескія составляли главный интересъ; но изъ отдаленныхъ концовъ, съ сѣвера, запада и востока доходилъ слухъ о борьбѣ Русскихъ людей съ другими варварами, окружавшими ихъ со всѣхъ сторонъ. Новгородцы съ княземъ своимъ Мстиславомъ ходили на Чудь, къ западу отъ Чудского озера²⁾; Полоцкіе и Волынскіе князья боролись съ Ятвягами и Латышами: иногда поражали ихъ, иногда терпѣли поражение³⁾; наконецъ на востокъ младшій Святославичъ — Ярославъ — бился несчастно съ Мордвою⁴⁾; какъ видно, онъ княжилъ въ Муромѣ.

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 155.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 3: Подъ 1105 годомъ: «Идоша въ Ладогу на воину». — «Ходя Мстиславъ на Очелу». Эта Очела есть Отела, чудское племя, упоминаемое въ 1229 году въ договорѣ между Дерптскимъ епископомъ Германомъ и Нѣмецкимъ Орденомъ; см. Шегрена — Ueber die ältesten Wohnsitze der Iemen, стр. 312. Подъ 1112: «Побѣди Мстиславъ, на Бору, Чудь».

³⁾ Татищ. II, 199: Борисъ Веселавичъ Полоцкій ходилъ на Ятвягъ, и, побѣди ихъ, возвратясь, поставилъ градъ Борисовъ въ свое имя, и людьми населялъ. Въ 1106 году (Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 120): «Побѣдима Зимѣгола Веселавичъ, всю братію, и дружины убиха 9 тысячъ». Подъ 1112 (II, 3): «Ярославъ ходи на Ятвязи, сынъ Святополчъ, и побѣди я».

⁴⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 119; годъ 1110: «Биса Ярославъ съ Мордвою, и побѣженъ бысть Ярославъ». Въ Новгород.: «Побѣдима Ярослава Мордва Муромъ».

При Святополкѣхъ напнается связь нашей исторіи съ исторіею Венгріи. Мы видѣли, какое значеніе для западныхъ славянскихъ народовъ имѣло вторженіе Венгровъ и утверженіе ихъ въ Панноніи на развалинахъ Моравскаго государства. Любопытно читать у императора Льва Мудраго описаніе, какимъ образомъ Венгры ввели войну, потому что здѣсь находимъ мы объясненіе нашихъ лѣтописныхъ извѣстій о Венграхъ, равно какъ и о Половцахъ: „Венгры, говоритъ Левъ, съ младенчества привыкаютъ къ верховой ѣздѣ и не любятъ ходить пѣшкомъ; на плечахъ носятъ они длинныя копья, въ рукахъ луки, и очень искусны въ употребленіи этого оружія. Привыкнуши стрѣляться съ непріятелемъ, они не любятъ рукопашнаго боя; больше нравятся имъ сражаться издалека. Въ битвѣхъ раздѣляютъ они свое войско на малые отряды, которые становятся въ небольшомъ разстояніи другъ отъ друга“. Мы видѣли, что именно такъ, *заступами*, расположили они свое войско въ битвѣхъ съ Давидомъ Игоревичемъ и Бонакомъ Половецкимъ. Въ концѣ Х вѣка прекращаетъ эта кочевая орда свои опустошительныя набѣги на сосѣдей и начинаетъ привыкать къ осѣдлости, гражданственности, которая привлекла къ Венграмъ вмѣстѣ съ христіанствомъ: въ 994 году князь Гейза вмѣстѣ съ сыномъ своимъ принявъ крещеніе; этотъ сынъ его, Св. Стефанъ, хотѣлъ дать новой религіи окончательное торжество, для чего повѣстия, чтобъ всякій Венгерецъ немедленно крестился; но слѣдствіемъ такого приказа было сильное возстаніе язычниковъ, которое кончилось только послѣ пораженія, претерпѣннаго ими въ кровопролитной битвѣ противъ войска княжескаго. По смерти бездѣтнаго Стефана, перваго короля Венгріи, начинаютъ усобицы между разными князьями изъ Арпадовой династіи: этими усобицами пользуются императоры Нѣмецкіе, чтобъ сдѣлать Венгерскихъ королей своими вассалами; пользуются вельможи, чтобъ усилить свою власть на счетъ королевской; наконецъ пользуется язычество, чтобъ возстать еще нѣсколько разъ противъ христіанства. Только въ концѣ XI вѣка, при короляхъ Владиславѣ Святомъ и Коломанѣхъ, Венгрія начинаетъ отдыхать отъ внутреннихъ смутъ и вмѣстѣ усиливается насчетъ сосѣдей, вмѣшиваться въ ихъ дѣла: вотъ почему мы видѣли Коломана въ союзѣ съ Святополкомъ противъ Давида и Ростиславичей. Союзъ Коломана съ Святополкомъ былъ даже скрѣпленъ бракомъ одного изъ королевичей венгерскихъ на Предславѣ, дочери князя Кіевскаго. Самъ Коломанъ, незадолго передъ смертію, женился на дочери Мономаховой, Евфиміи; но черезъ годъ молодая королева была обвинена въ невѣрности и отослана къ отцу въ Русь, гдѣ родила сына Бориса, такъ долго безпокоившаго Венгрію своими притязаніями. Коломанъ умеръ въ началѣ 1114 года, оставивъ престолъ сыну своему Стефану II-му.

Въ началѣ 1113 года видѣли въ Кіевѣ солнечное затмѣніе; небесное знаменіе предвѣщало смерть Святополкову, по словамъ лѣтописца: князь умеръ

16 апрѣля, не долго переживши Давида Игоревича, умершаго въ маѣ 1112 года. По Святополкѣхъ плакали бодре и дружина его вся, говорятъ лѣтописецъ, но о плачѣ народномъ не упоминаетъ ни слова; княгиня его раздала много богатства по монастырямъ, понамя, нищимъ, такъ что все дивились: никогда не бывало такой милостыни. Святополкъ былъ благочестивъ: когда шелъ на войну или куда-нибудь, то заходилъ прежде въ Печерскій монастырь поклониться гробу Св. Феодосія и взять молитву у игумена; несмотря на то, лѣтописецъ не прибавилъ ни слова въ похвалу его, хотѣя любить сказать что-нибудь доброе о каждомъ умершемъ князѣ. Въ Житіяхъ Святыхъ Печерскихъ находимъ дополнительныя извѣстія, которыя объясняютъ намъ причину молчанія лѣтописца: однажды вздорожала соль въ Кіевѣ; иноки Печерскаго монастыря помогли народу въ такой нуждѣ; Святополкъ, узнавъ объ этомъ, пограбилъ соль у монаховъ, чтобъ продавать ее самому дорогою цѣною. Игуменъ Іоаннъ обличалъ ревностно сего корыстолюбие и жестокость: князь заточилъ обличителя, но потомъ возвратилъ, изъ опасенія вооружить противъ себя Мономаха. Сынъ Святопока Мстиславъ былъ похожъ на отца: однажды разнеслась вѣсть, что двое монаховъ нашли кладъ въ пещерѣ; Мстиславъ мучилъ безъ пощады этихъ монаховъ, пытая у нихъ, гдѣ кладъ. Этотъ Мстиславъ былъ рожденъ отъ наложницы¹⁾, которая, по нѣкоторымъ извѣстіямъ²⁾, имѣла сильное вліяніе на безхарактернаго Святополка. При немъ, говоритъ авторъ Житій, много было насилія отъ князя людямъ; дома вельможъ безъ вины искоренилъ, имѣніе у

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 115. — По Никон. (II, 35) и Татищеву (II, 191), и второй сынъ, Ярославъ былъ также отъ этой наложницы; быть можетъ, уменьшительныя «Мстиславецъ», «Ярославецъ», какъ ихъ называли, указывали на ихъ происхожденіе.

²⁾ Татищ. II, 211: Сей великій князь былъ ростомъ высокъ, сухъ, волосы черноваты и прямы, борода долгая, зрѣніе острое, читатель былъ книгъ, и вельми памятенъ, за многіе бо лѣта бывшая могъ сказать, яко написанное; болѣзней же ради мало ѣлъ, и весьма рѣдко и то по нуждѣ для другихъ уивался; къ воинѣ не былъ охотникъ, и хотя на кого скоро осердился, но скоро и заматывалъ: притомъ вельми сребролюбивъ былъ и скупецъ, для котораго жидаетъ многіе предъ христіанами вольности даль, чрезъ что многіе христіане торгу и ремеслъ лишились. Наложицу свою полюбъ въ жену, и тако ее любилъ, что бѣвъ слезъ на малое время разлучиться не могъ, и, много ее слушая, отъ князей терпѣлъ попомненіе, а часто и вредъ съ сожалѣніемъ; и ежели бы Владиміръ его не охранялъ, тобъ давно Кіева Святославичами лишешъ былъ. — У Татищ. (II, 157) къ княженію Святополкову относится походъ на Корсуницевъ: «Корсуяне, напавъ на русскіе корабли, разбили и многое богатство пограбили, о чемъ Святополкъ и Владиміръ послали къ царю Алексѣю просить и къ Корсуянамъ, но не получили достойнаго награжденія, для котораго Владиміръ съ Давидомъ Игоревичемъ и Ярославомъ Ярополчицемъ, имѣющимъ войска Святополкова, къ тому же, звавъ Торковъ и Козаровъ, пошелъ въ Корсуль, и, сошедши съ войсками Корсуянами, у града ихъ Кафы, побѣдилъ, по которымъ Корсуяне, заплативъ все убытки Владиміру, миръ испросили». — Здѣсь Татищ. ссылается на Степенія, Стрѣльковскаго и рукопись Волынскаго.

многихъ отнялъ; великое было тогда нестроение и грабежъ беззаконный ¹⁾.

Таково было княженіе Святополка для Кіевлянъ. Легко понять, что племя Изяславово потеряло окончательно народную любовь на Руси; дѣти Святослава никогда не пользовались ею: мы видѣли, какую славу имѣлъ Олегъ Гориславичъ въ народѣ; въ послѣднее время онъ не могъ поправить ея, не участвуя въ самыхъ знаменитыхъ походахъ другихъ князей. Старшій братъ его, Давидъ ²⁾, былъ лицо незначительное; если онъ сдѣлалъ менѣе зла Русской Землѣ, чѣмъ братъ его, то, какъ видно, потому, что былъ менѣе его дѣятеленъ; но если-бы даже Давидъ и имѣлъ большое значеніе, то оно исчезло предъ значеніемъ Мономаха, который во все княженіе Святополка стоялъ на первомъ планѣ; отъ него одного только народъ привыкъ ждать всякаго добра. Мы видѣли, что въ лѣтописи онъ является любимцемъ неба, дѣйствующимъ по его внушенію, и главнымъ зачинателемъ добрыхъ предпріятій: онъ былъ старшимъ на дѣлѣ; любовитно, что лѣтописецъ, при исчисленіи князей, постоянно даетъ ему второе мѣсто послѣ Святополка, впереди Святославичей: могли ли они послѣ того надѣяться получить старшинство по смерти Святополковича? При тогдашнихъ неопредѣленныхъ отношеніяхъ, когда княжилъ дѣльный родъ, странно было бы ожидать, чтобъ Святополково мѣсто занято было кѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ Мономаха. Мы видѣли, какъ поступили Новгородцы, когда князя хотѣли вывести изъ ихъ города любимаго ими Мстислава; такъ же поступаютъ Кіевляне по смерти Святополка, желая видѣть его преемникомъ Мономаха. Они собрали вѣче, рѣшили, что быть княземъ Владиміру, и послали къ нему объявить объ этомъ ³⁾: „Ступай, князь, на столъ отцовскій и дѣдовскій“, говорили ему послы. Мономахъ, узнавъ о смерти Святополка, много плакалъ, и не пошелъ въ Кіевъ: если по смерти Всеволода онъ не пошелъ туда, уважая старшинство Святополка, то ясно, что и теперь онъ поступалъ по тѣмъ же побужденіямъ, уважая старшинство Святославичей. Но у Кіевлянъ были свои расчеты: они разграбили дворъ Путяти тысячскаго за то, какъ говоритъ одно извѣстіе ⁴⁾, что Путята держалъ сторону Святославичей; потомъ разграбили дворы сотскихъ и жидовъ. Эти слова лѣтописи под-

тверждаютъ то извѣстіе, что Святополкъ изъ корыстолюбія далъ большія льготы жидамъ, которыми они пользовались въ ущербъ народу, и тѣмъ возбудили противъ себя всеобщее негодованіе. Послѣ грабежа, Кіевляне послали опять къ Владиміру съ такими словами: „Приходи, князь, въ Кіевъ; если же не придеши, то знай, что много зла сдѣлается; ограбятъ уже не одинъ Путятинъ дворъ или сотскихъ и жидовъ, но пойдутъ на княгиню Святополкову, на бояръ, на монастыри, и тогда ты, князь, дашь Богу отвѣтъ, если монастыри разграбятъ“. Владиміръ, услышавши объ этомъ, пошелъ въ Кіевъ; на-встрѣчу къ нему вышелъ митрополитъ съ епископами и со всѣми Кіевлянами, принявъ его съ честью великою; всѣ люди были рады, — и мятежъ утихъ.

Такъ, послѣ перваго же старшаго князя во второмъ поколѣніи нарушенъ уже былъ порядокъ первенства вслѣдствіе личныхъ достоинствъ сына Всеволодова; племя Святославово потеряло старшинство, должно было ограничиться одною Черниговскою волостью, которая такимъ образомъ превращалась въ отдѣльную отъ остальныхъ русскихъ владѣній отчину, подобно Полоцкой отчинѣ Изяславичамъ. На первый разъ усобицы не было: Святославичамъ нельзя было спорить съ Мономахомъ; но они затаили обиду свою только на время.

Въ непосредственной связи съ приведенными обстоятельствами избранія Мономахова находится извѣстіе, что Владиміръ, тотчасъ по вступленіи на старшій столъ, собралъ мужей своихъ, Олегъ Святославичъ прислалъ также своего мужа, — и порѣшили ограничить росты ⁵⁾; очень вѣроятно, что жиды, съ позволенія Святополкова, пользовались неумѣренными ростами, за что и всталъ на нихъ народъ ⁶⁾.

Святославичи не предъявляли своихъ правъ. съ ними не было войны; несмотря на то, и княженіе Мономаха не обходилось безъ усобицъ. Мы видѣли еще при Святополкѣ походъ князей на Глѣба Всеславича Минскаго; этотъ князь, какъ видно, наследовалъ духъ отца своего и дѣда и вражду ихъ съ Ярославичами: онъ не побоялся подняться на сильнаго Мономаха, опустошилъ часть Земли Дреговичей, принадлежавшую Кіевскому княжеству, сжегъ Слуцкъ ⁷⁾, и когда Владиміръ посылалъ къ нему съ требованіемъ, чтобъ унялся отъ насилій, то онъ не думалъ раскаяться и покоряться, но отвѣчалъ укоризнами. Тогда Владиміръ, въ 1116 году, надѣясь на Бога и на правду, по выраженію лѣтописца, пошелъ къ Минску съ сыновьями своими, Давидомъ Святославичемъ и сыновьями Олеговыми.

¹⁾ Патер. Печер. лѣтъ 141, 144, 145.

²⁾ Ср. послѣ слово Ольговичей Давидовичу о волостяхъ.

³⁾ Поли. Собр. Русск. Лѣт. II, 4: съвѣтъ створиша Кіеве, послана къ Владиміру, глаголюще: «пойди, княже, на столъ отевъ и дѣдннхъ». — Татищ. II, 211: «По смерти его (Святополка), Кіевляне, соединивши въ церкви Св. Софін, учивши совѣтъ о избраніи на великое княженіе, на которе безъ всякаго спора всѣ согласно избрали Владиміра Всеволодича». — При этомъ прибавляетъ въ примѣчаніи (359): «Се избраніе государя погрѣшно внесено: ибо по многимъ обстоятельствамъ видимъ, что силы Кіевлянъ въ томъ не было, и брали сущіе наследники по закону или по совѣтамъ, или силою». — Вотъ лучшее доказательство добросовѣстности Татищева; ему не нравился фактъ избранія, и однако онъ оставилъ его въ текстѣ.

⁴⁾ Татищ. II, 212.

⁵⁾ Поли. Собр. Русск. Лѣт. I, 111.

⁶⁾ Татищ. 213. Здѣсь читаемъ, что Владиміръ созвалъ князей, и на общемъ совѣтѣ положили выгнать жидовъ изъ всей Русской Земли. Этому извѣстію противорѣчитъ извѣстіе лѣтописи подъ 1124 годомъ (Поли. Собр. Русск. Лѣт. II, 10) о пожарѣ, во время котораго погорѣли въ Кіевѣ и жиды. — Впрочемъ, прежде мѣсто жительства жидовъ могло долго удерживать ихъ вля.

⁷⁾ Теперь уѣздный городъ Минской губерніи.

Сынъ Мономаха, Вячеславъ, княжившій въ Смоленскѣ, взялъ Оршу и Колысь; Давидъ съ другимъ сыномъ Мономаховымъ, Ярополкомъ, княжившимъ въ Переяславлѣ, на отцовскомъ мѣстѣ, взяли Друцкъ приступомъ, а самъ Владиміръ пошелъ къ Минску и осадилъ въ немъ Глѣба. Мономахъ рѣшился взять Минскъ, сколько бы ни стоялъ подъ нимъ, и для того велѣлъ у стана строить прочное жилие (избу); Глѣбъ, увидавъ приготовленіе къ долгой осадѣ, испугался и началъ слать пословъ съ просьбами; Владиміръ, не желая, чтобъ христіанская кровь проливалась Великимъ постомъ, далъ ему миръ. Глѣбъ вышелъ изъ города съ дѣтми и дружиною, поклонился Владиміру и общался во всемъ его слушаться; тотъ, давши ему наставленіе, какъ впередъ вести себя, возвратилъ ему Минскъ и пошелъ назадъ въ Кіевъ; но сынъ его, Ярополкъ Пряславскій, не думалъ возвращать свой плѣнь, жителей Друцка; тяготясь болѣе другихъ князей малонаселенностью своей стеной волости, такъ часто опустошаемой Половцами, онъ вывелъ ихъ въ Переяславское княжество и срубилъ для нихъ тамъ городъ Желни¹⁾. Минскій князь, какъ видно, не долго исполнялъ наказъ Владиміровъ; въ 1120 году у Глѣба отняли Минскъ и самого привели въ Кіевъ, гдѣ онъ въ томъ же году и умеръ²⁾.

Другая усобица происходила на Волыни. Мы видѣли, что Владиміръ жилъ дружно съ Святополкомъ; послѣдній хотѣлъ еще болѣе скрѣпить эту дружбу, которая могла быть очень выгодна для сына его Ярослава, и женилъ послѣдняго на внукѣ Мономаховой, дочери Мстислава Новгородскаго. Но самый этотъ бракъ если не былъ единственною, то, по крайней мѣрѣ, одною изъ главныхъ причинъ вражды между Ярославомъ и Мономахомъ. Подъ 1118 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Мономахъ ходилъ войною на Ярослава къ Владиміру-Волынскому, вмѣстѣ съ Давидомъ Святославичемъ, Володаремъ и Василькомъ Ростиславичами. Послѣ двухмѣсячной осады Ярославъ покорился, ударилъ челомъ передъ дядею; тотъ далъ ему наставленіе, велѣлъ приходить къ себѣ по первому зову, и пошелъ назадъ съ миромъ въ Кіевъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи прибавлено, что причиною похода Мономахова на Ярослава было дурное обращеніе послѣдняго съ женою своею³⁾, — извѣстіе очень вѣроятное, если у Ярослава были наследственныя отъ отца склонности. Но есть еще другое извѣстіе, также очень вѣроятное, что Ярославъ былъ подучаемъ Поляками ко враждѣ съ Мономахомъ и особенно Ростиславичами. Мы видѣли прежде вражду послѣднихъ съ Поляками, которые не могли про-

стить Васильку его опустошительныхъ нападеній и завоеваній; Ярославъ, подобно отцу, не могъ забыть, что волость Ростиславичей составляла некогда часть Волынской волости: интересы слѣды были одинакіе и у Польскаго и у Волынскаго князя; но, кромѣ того, ихъ соединяла еще родственная связь. Мы видѣли, что еще на брестскомъ съѣздѣ между Владиславомъ-Германомъ и Святополкомъ было положено заключить брачный союзъ: дочь Святополкова, Сбыславу, выдать за сына Владиславова, Болеслава Кривоустаго; но бракъ былъ отложенъ по малолѣтству жениха и невесты. Въ 1102 году умеръ Владиславъ-Германъ, еще при жизни своей раздѣливши волости между двумя сыновьями — законнымъ Болеславомъ и незаконнымъ Збигнѣвомъ. Когда вельможи спрашивали у него, кому же изъ двоихъ сыновей онъ дастъ старшинство, то Владиславъ отвѣчалъ: „Мое дѣло раздѣлить волости, потому что я старъ и слабъ; но возвысить одного сына передъ другимъ или дать имъ правду и мудрость можетъ только одинъ Богъ. Мое желаніе — чтобъ вы повиновались тому изъ нихъ, который окажется справедливей дурного и доблестнѣе защитѣ родной Земли“. Эти слова, приводимыя польскими лѣтописцемъ, очень замѣчательны: они показываютъ всю неопредѣленность въ понятіяхъ о порядкѣ наследства, какая господствовала тогда въ славянскихъ государствахъ. Лучшимъ между братьями оказался Болеславъ, который вовсе не былъ похожъ на отца, отличался мужествомъ, дѣятельностью. Болеславъ остался вѣренъ отцовскому договору съ Святополкомъ, женился на дочери послѣдняго — Сбыславѣ⁴⁾, и, вслѣдствіе этого родственнаго союза, Ярославъ Волынской постоянно помогалъ Болеславу въ усобицѣ его съ братомъ Збигнѣвомъ⁵⁾; нѣтъ ничего страннаго, слѣдовательно, что князя Польскій и Волынской рѣшились дѣйствовать вмѣстѣ противъ Ростиславичей. Но могли Мономахъ спокойно смотрѣть на это, тѣмъ болѣе что онъ находился съ Ростиславичами въ родственной связи: сынъ его, Романъ, былъ женатъ на дочери Володаря; ясно, что онъ долженъ былъ вступиться за послѣдняго и за брата его; сначала, говорить то же извѣстіе, онъ посылалъ уговаривать Ярослава, потомъ звалъ его на судъ предъ князей⁶⁾, наконецъ, когда Ярославъ не послушался, пошелъ

⁴⁾ По свидѣтельству анонимнаго автора *Vitae S. Ottonis* (Ludwig, *Script. rer. Bamberg.* p. 649—50), передъ бракомъ вѣнчъ была война у Святополка съ Болеславомъ; еси это извѣстіе вѣрно, то поводомъ къ войнѣ должно положить дѣло племянника Святополкова, Ярослава Ярополчича, которое велось на польскихъ границахъ, и тутъ могли возникнуть неприязненныя столкновения.

⁵⁾ Збигнѣвъ, изгнанный Болеславомъ съ помощію Ярослава, нашелъ однако убѣжище при Дворѣ Святополка Кіевского и былъ примиренъ имъ съ братомъ. *Полн. Собр. Русск. Лѣт.* I, 120; подъ годомъ 1106: «въ то же лѣтъ прибѣже Изыгытъвъ къ Святополку».

⁶⁾ Татищ. II, 219. Что это извѣстіе Татищова сира ведливо, доказательствомъ служатъ слова Мономахова въ лѣтописи: «велъ ему къ себѣ приходить, когда ты позову», — ясно, что прежде Ярославъ не приходилъ на зовъ.

¹⁾ Полтавской губерніи, въ Золотошскомъ уѣздѣ на р. Сулѣ, недалеко отъ устья ея въ Днѣпръ, находится старинное мѣстечко Жвоиницъ, или Жолниацъ.

²⁾ По Татищеву (II, 222), Глѣбъ началъ опять воевать Новгородскую и Смоленскую волости; Владиміръ послалъ на него сына своего Мстислава, который и отнялъ у него Минскъ.

³⁾ Никон. II, 53: «баже бо негодую внуку его Ярославедъ Мстиславу дщере».

на него войною, исходъ которой мы изложили по дошедшимъ до насъ лѣтописямъ. Въ нихъ встрѣчаемъ еще одно важное извѣстiе, что передъ походомъ на Ярослава Мономахаъ перезвалъ изъ Новгорода старшаго сына своего, Мстислава, и посадилъ его подлѣ себя, въ Вѣлгородѣ: это могло заставить Ярослава думать, что Мономахъ хочетъ по смерти своей передать старшинство сыну своему, тогда какъ Мономахъ могъ это сдѣлать именно вслѣдствiе непрiязненнаго поведенiя Ярослава. Принужденная покорность послѣдняго не была продолжительна: скоро онъ прогналъ свою жену, за что Мономахъ выступилъ вторично противъ него; разумѣется, Ярославъ могъ рѣшиться на явный разрывъ только собравши значительныя силы и въ надеждѣ на помощь польскую и венгерскую, потому что и съ королемъ Венгерскимъ онъ былъ также въ родствѣ; но собственные бояре отступили отъ Вольшакаго князя, и онъ принужденъ былъ бѣжать сперва въ Венгriu, потомъ въ Польшу. Мономахъ посадилъ во Владимiръ сперва сына своего, Романа, а потомъ, по смерти его, — другаго сына, Андрея. Что эти событiя были въ связи съ польскою войною, доказательствомъ служатъ походы новаго Владимiрскаго князя, Андрея, съ Половцами въ Польшу, въ 1120 году. Въ слѣдующемъ году Ярославъ съ Поляками подступилъ было къ Червеню; Мономахъ принялъ мѣры для безопасности пограничныхъ городовъ: въ Червени сидѣлъ знаменитый мужъ его Оома Ратиборичъ, который и заставилъ Ярослава возвратиться ни съ чѣмъ. Для Поляковъ, какъ видно, самымъ опаснымъ врагомъ былъ Володаръ Ростиславичъ, который не только водилъ на Польшу Ярославцевъ, но былъ въ союзѣ съ другими опасными яврагами — Поморянами и Пруссаками. Не будучи въ состоянiи одолѣть его силою, Поляки рѣшились схватить его хитростью. Въ то время при Дворѣ Болеслава находился знаменитый своимъ походеждейемъ Петръ Власть, родомъ, какъ говорятъ, изъ Дании. Въ совѣтъ, который держалъ Болеславъ по случаю вторженiя Володаря, Власть объявилъ себя противъ открытой войны съ этимъ княземъ, указывая на связь его съ Половцами, Поморянами, Пруссаками, которые всѣ въ одно время могли напасть на Польшу, и совѣтовалъ схватить Ростиславича хитростью, причемъ предложилъ свои услуги. Болеславъ принялъ предложенiе, и Власть отправился къ Володарю въ сопровожденiи тридцати челоувѣкъ, выставивъ себя изгнанникомъ, заклатымъ врагомъ Польскаго князя, и успѣлъ прiобрѣсти полную довѣренность Ростиславича. Однажды оба они выѣхали на охоту; князь, погнавшись за звѣремъ, удалился отъ города, дружина его разбѣжалась по лѣсу, подлѣ него осталась только Власть съ своими; они воспользовались благоприятною минутою, бросились на Володаря, схватили и ушачали къ польскимъ границамъ¹⁾. Болеславъ достигъ своей

цѣли: Василько Ростиславичъ отдалъ всю свою и братную казну, чтобъ освободить изъ плѣна Володаря; но что было всего важнѣе, Ростиславичи обаязались дѣйствовать заодно съ Поляками противъ всѣхъ враговъ ихъ: иначе мы не можемъ объяснить присутствiя обоихъ братьевъ въ польскомъ войскѣ, во время похода его на Русь въ 1123 году. Въ этотъ годъ Ярославъ пришелъ подлѣ Владимiръ съ Венграми, Поляками, Чехами, обоими Ростиславичами — Володаремъ и Василькомъ; было у него множество войска, говоритъ лѣтописецъ. Во Владимiръ сидѣлъ тогда сынъ Мономаховъ, Андрей; самъ Мономахъ собиралъ войска въ Киевской волости, отправивъ напередъ себя ко Владимiру старшаго сына, Мстислава, съ небольшимъ отрядомъ; но и тотъ не успѣлъ придти, какъ осада была снята. Въ воскресенье, рано утромъ, подѣхалъ Ярославъ самъ-третей къ городскимъ стѣнамъ и началъ кричать Андрею и гражданамъ: „Это мой городъ; если не отворитесь, не выйдете съ поклономъ, то увидите, — завтра приступлю къ городу и возьму его“. Но въ то время, когда онъ еще ѣздилъ подлѣ городомъ, изъ послѣдняго вышли тихонько два Поляка, безъ сомнѣнiя находившиеся въ службѣ у Андрея²⁾, что тогда было дѣло обыкновенное, и спрятались при дорогѣ; когда Ярославъ возвращался отъ города мимо ихъ, то они вдругъ выскочили на дорогу и ударили его копьемъ; чуть-чуть живого успѣли примчать его въ станъ, и въ ночь онъ умеръ. Король Венгерскiй Стефанъ II-й рѣшился было продолжать осаду города, но вожди отдѣльныхъ отрядовъ его войска воспротивились этому, объявили, что не хотятъ безъ цѣли проливать кровь своихъ воиновъ, вслѣдствiе чего всѣ союзники Ярославова разошлись по домамъ, отправивъ пословъ ко Владимiру съ просьбою о мирѣ и съ дарами. Лѣтописецъ распространяется объ этомъ событiи: „Такъ умеръ Ярославъ“, говоритъ онъ, „одинокъ при такой силѣ; погибъ за великую гордость, потому что не имѣлъ надежды на Бога, а надѣялся на множество войска; смотри теперь, что взяла гордость? Разумѣйте, дружина и братья, по комъ Богъ: по гордомъ или по смиренномъ? Владимiръ, собирая войско въ Киевѣ, плакался передъ Богомъ о насельнiи и гордости Ярославовой; и была великая помощь Божiя благобъроному князю Владимiру за честное его житiе и за смиренiе; с тоть, молодой, гордился противъ дѣда своего, и потомъ опять противъ тестя своего, Мстислава“. Эти слова замѣчательны, вопервыхъ, потому, что въ нихъ высказывается современный взглядъ на междукняжескiя отношенiя: Ярославъ, въ глазахъ лѣтописца, виноватъ тѣмъ, что, будучи молодой, гордился передъ дядею и тестемъ, — чисто родовыя отношенiя,

²⁾ Мы видѣли, что и прежде такіа дѣла обыкновенно поручались иностранцамъ, Варягамъ, Торкамъ; вспомнимъ убiенiе Ярополка Святославича, Св. Глѣба, ослѣпленiе Василька. Въ Шатъев. спискѣ не сказано, откуда вышелъ два Ляха; въ Воскрес. (I, 163) сказано, что изъ города; въ Никон., I, 55, что граждане, вышедши изъ города, убили Ярослава.

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 9: «Володаря яша Ляхове лествъ, Василькова брата». Koerpell — Geschichte Polens, I, 266. — Жур. Мин. Нар. Пров. 1836, № 10.

за исключеніемъ всякихъ другихъ. Вовторыхъ, очень замѣчательны слова объ отношеніи Ярослава къ Мстиславу; Ярославъ выставляется молодымъ предъ Мстиславомъ, порицается за гордость предъ нимъ; не заключаютъ ли эти слова намекъ на столкновеніе правъ тестя и зятя на старшинство? не заключалась ли гордость Ярослава преимущественно въ томъ, что онъ, будучи молодъ и зять Мстиславу, вздумалъ выставлять права свои предъ нимъ, какъ сынъ старшаго изъ внуковъ Ярославовыхъ? Намъ кажется это очень вѣроятнымъ. Какъ бы то ни было, однако и самая старшая линия въ Ярославомъ потомствѣ потеряла право на старшинство смертію Ярослава; если и послѣдній, по мнѣнію лѣтописца, былъ молодъ предъ Мстиславомъ, то могли ли соперничать съ нимъ младшіе братья Ярослава, Изяславъ и Брячиславъ: оба они умерли въ 1127 году¹⁾; потомство Святополково вѣстѣ съ Вольшию лишилось и Турова, который также отошелъ къ роду Мономахову; за Святополковичами остался здѣсь, какъ увидимъ послѣ, одинъ Клецкъ. Наконецъ, замѣтимъ, что Мономаху и племенн его вездѣ благоприятствовало народное расположеніе; Ярославъ не могъ противиться Мономаху во Владимірѣ; бояре отступили отъ него, и когда онъ пришелъ съ огромнымъ войскомъ подъ Владиміръ, то граждане не думали отступать отъ сына Мономахова.

Такъ кончились при Владимірѣ междукняжескія отношенія и соединенныя съ ними отношенія польскія. Касательно другихъ европейскихъ государствъ при Мономахѣ останавливаютъ насъ лѣтописныя извѣстія объ отношеніяхъ греческихъ. Дочь Мономаха, Марія, была въ замужествѣ за Леономъ, сыномъ императора Греческаго Диогена; извѣстны обычны въ Византіи перевороты, которые возвели на престолъ дошъ Комненовъ въ ущербъ дома Диогенова. Леонъ, безъ сомнѣнія, не безъ совѣта и помощи тестя своего, Русскаго князя, вздумалъ въ 1116 году вооружиться на Алексѣя Комнена и добыть себѣ какую-нибудь область. Нѣскольکو дунайскихъ городовъ уже сдались ему; но Алексѣй подослалъ къ нему двухъ арабовъ, которые коварнымъ образомъ умертвили его въ Доростолѣ. Владиміръ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, удержать для внука своего, Василія, пріобрѣтенія Леонова, и послалъ воеводу Ивана Войтшича, который посажалъ посадниковъ по городамъ дунайскимъ; но Доростоль захваченъ былъ уже Греками: для его взятія ходилъ сынъ Мономаховъ, Вячеславъ, съ воеводою Омою Ратибровичемъ на Дунай, но принужденъ былъ возвратиться безъ всякаго успѣха²⁾. По другимъ извѣстіямъ, русское войско имѣло успѣхъ во Оракинѣ, опустошило ее, и Алексѣй Комненъ, чтобы избавиться отъ этой войны, прислалъ съ мирными предложеніями къ Мономаху Неофита, митрополита Ефесскаго, и другихъ знатныхъ людей, которые подошли Киев-

скому князю богатые дары—Крестъ изъ Животворящаго древа, вѣнецъ царскій, чашу сердоликовую, принадлежавшую императору Августу, золотыя цѣпи и проч., причемъ Неофитъ возложилъ этотъ вѣнецъ на Владиміра и назвалъ его царемъ³⁾. Мы видѣли, что царственное происхожденіе Мономаха по матери давало ему большое значеніе, особенно въ глазахъ духовенства; въ памятникахъ письменности XII-го вѣка его называютъ *царемъ*⁴⁾; какую связь имѣло это названіе съ вышеприведеннымъ извѣстіемъ—было ли его причиною или слѣдствіемъ—рѣшить трудно; замѣтимъ одно, что извѣстіе это не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго; очень вѣроятно также, что въ Киевѣ воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ дать любимому князю и дѣтиямъ его еще болѣе правъ на то значеніе, которое они пріобрѣли въ ущербъ старшимъ линиямъ. Какъ бы то ни было, мы не видимъ послѣ возобновленія военныхъ дѣйствій съ Греками, и подъ 1122 годомъ встречаемъ извѣстіе о новомъ брачномъ союзѣ внуки Мономаховой, дочери Мстислава, съ однимъ изъ князей династіи Комненовъ⁵⁾.

Мы въ правѣ ожидать, что Половцамъ и другимъ степнымъ ордамъ стало не легче, когда Момахъ съѣлъ на старшемъ столѣ Русскомъ. Узнавши о смерти Святополка, Половцы явились—было на восточныхъ границахъ⁶⁾, но Мономахъ, соединившись съ Олегомъ, сыновьями своими и племянниками, пошелъ на нихъ и принудилъ къ бѣгству. Въ 1116 году видимъ опять наступательное движеніе Русскихъ:

¹⁾ Воскрес. I, 258.

²⁾ Какъ напр. Данилъ Заточникъ называетъ Юрія Долгорукаго сыномъ великаго царя Владиміра.

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 9: «Ведень Мстислава въ Греки за царь». Царемъ былъ тогда Іоаннъ Комненъ, слѣд. напрасно обвиняетъ Карамзинъ Татищева за поставленіе здѣсь императора Іоанна: если кто ошибся, такъ лѣтописецъ, а не Татищевъ.—Что же касается здѣсь зятя Мономахова в сына Диогена, то его должно отдѣлять отъ самозванца, о которомъ говоритъ Анна Комнена: но ее слова обманчивы были посланы въ Херсонъ, освобожденъ оттуда Половцами, привелъ послѣднихъ во Оракію, былъ взятъ въ плѣнъ и ослѣвленъ въ 1096 году. Это событіе знаетъ и наша лѣтопись: подъ 1095 годомъ читаемъ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 97): «Идоши Половци на Гръки съ Девеновичемъ (Диогеновичемъ), военалъ по Греческѣй землѣ; и царь Девгенича, и повелъ и слѣвити».—Относительно присылки даровъ Момаху см. разсказъ Густинскій лѣтописи (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 290), гдѣ прямо сказано, что прислалъ ихъ Момаху царь Алексѣй Комненъ; въ другихъ же лѣтописяхъ, также повидѣнннго составленія, ошибкою вѣстѣо Алексѣя Комнена поставленъ Константинъ Момахъ, давно уже умершій; то что такъ какъ крестнымъ отцомъ Св. Ольги вѣстѣо Константина Багрянороднаго поставленъ Цамихій. Ошибку доказываетъ здѣсь то, что всѣ лѣтописи согласно помѣщаютъ присылку даровъ послѣ Оракіейской войны, во время старости Мономаховой, а не младенчества его, слѣд. нѣтъ возможности на этой ошибкѣ стрѣнть какія-либо новыя предположенія. О вопросѣ, считатьъ-ли жену Леона Диогенича дочерью или сестрою Мономаха см. статью Васильевскаго—с Русско-византійскіе отрывки въ Жур. Мин. Нар. Пров. 1875, декабрь.

⁶⁾ «Придоша къ Выру» (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 4). Старые Виры, на границѣ Курской и Харьковской губерній.

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 130, 131.

²⁾ Тамъ же, II, 8.

Мономахъ послалъ сына своего Ярополка, а Давидъ сына своего, Всеволода, на Донъ, и князя эги взяли у Половцевъ три города. Рядъ удачныхъ походовъ Русскихъ князей, какъ видно, ослабилъ силы Половцевъ и далъ подчиненнымъ Торкамъ и Печенѣгамъ надежду освободиться отъ ихъ зависимости; они встали противъ Половцевъ, и страшная рѣзня происходила на берегахъ Дона: варвары съѣлись два дня и двѣ ночи, послѣ чего Торки и Печенѣги были побѣждены, прибѣжали въ Русь и были поселены на границахъ. Но движенія въ степяхъ не прекращались: въ слѣдующемъ году пришли въ Русь Бѣловѣжцы, также жители донскихъ береговъ; такъ русскія границы населялись варварскими народами разныхъ названій, которые будутъ играть важную роль въ нашемъ дальнѣйшемъ разсказѣ; но сначала, какъ видно, эти гости были очень безпокойны, не умѣли отвыкнуть отъ своихъ степныхъ привычекъ и ужинаться въ ладу съ осѣдлымъ народонаселениемъ: въ 1120 г. Мономахъ принужденъ былъ выгнать Берсидѣевъ изъ Руси, а Торки и Печенѣги бѣжали сами. Ярополкъ послѣ того ходилъ на Половцевъ за Донъ, но не нашелъ ихъ тамъ: педаромъ преданіе говоритъ, что Мономахъ загналъ ихъ на Кавказъ. — Новгородцы и Псковичи продолжали воевать съ Чудью на западъ отъ Чудскаго озера: въ 1116 г. Мстиславъ взялъ городъ Оденпе, или Медвѣжью Голову, погостовъ побралъ безчисленное множество и возвратился домой съ большимъ полкомъ; сынъ его, Всеволодъ, въ 1122 году ходилъ на финское племя Ямъ и побѣдилъ его; но дорога была трудна по дороговизнѣ хлѣба ¹⁾. На сѣверо-востокѣ борьба съ иноплеменниками шла также удачно: прежде мы встрѣчали извѣстія о пораженіяхъ, которыя претерпѣвали муромскія волости отъ Волгаря и Мордвы; но теперь подлѣ 1120 годомъ читаемъ, что сынъ Мономаховъ, Юрій, посаженный отцомъ въ Ростовской области, ходилъ по Волгѣ на Волгаря, побѣдилъ ихъ полки, взялъ большой полонъ, и пришелъ назадъ съ честью и славою.

Такъ во всѣхъ концахъ русскихъ волостей оправдались надежды народа на благословенное княженіе Мономаха. Послѣ двѣнадцатилѣтняго правленія въ Кіевѣ, въ 1125 году умеръ Мономахъ, просвѣтливый Русскую Землю, какъ солнце, въ выраженію лѣтописца; слава его прошла по всѣмъ странамъ, особенно же былъ онъ страшенъ поганымъ; былъ онъ братолюбецъ и нищелюбецъ и добрый страдалецъ (труженникъ) за Русскую Землю. Духовенство плакало по немъ, какъ по святому и добромъ князѣ, потому что много почиталъ онъ монашескій и священнической чинъ; давалъ имъ все потребное, церкви строилъ и украшалъ; когда входилъ въ церковь и слышалъ иѣніе, то не могъ удерживаться отъ слезъ, потому-то Богъ и исполнилъ всѣ его прошенія, и жилъ онъ въ благополучіи; весь народъ плакалъ по немъ, какъ плачутъ дѣти по отцѣ или по матери ²⁾.

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 5.

²⁾ Портретъ Мономаха у Татищева (II, 229): «Лицею былъ красенъ, очи велики, волосы ржаветы и кудрявы,

Разсмотрѣвши дѣятельность второго поколѣнія Ярославичей, взглянемъ и на дѣятельность дружинниковъ княжескихъ. Мы видѣли, что съ приходомъ Святополка изъ Турова въ Кіевъ въ послѣднемъ городѣ явились двѣ дружины: старая, бывшая при Изяславѣ и Всеволодѣ, и новая, приведенная Святополкомъ. Мы замѣтили, что лѣтописецъ явно отдаетъ предпочтеніе старой предъ новою: члены первой являются у него людьми разумными, опытными, члены второй — называются бессмысленными. Любопытно замѣтить также при этомъ, что члены старой дружины, люди разумные, держатся постоянно Мономаха и его думы. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ у лѣтописца является Янъ Вышатичъ, котораго дѣятельность видѣли мы при первомъ поколѣніи; въ послѣдній разъ является Янъ подлѣ 1106 годомъ, когда онъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Путятю и Иваномъ Захарычемъ, прогналъ Половцевъ и отнялъ у нихъ полонъ. Вслѣдъ за этимъ встрѣчаемъ извѣстіе о смерти Яна, старца добраго, жившаго лѣтъ 90: „Жилъ онъ по закону Божію, говорить лѣтописецъ, не хуже первыхъ праведниковъ, отъ него и я слышалъ много разсказовъ, которые и внесъ въ лѣтопись“. Трудно рѣшить, разумѣли ли здѣсь лѣтописецъ нашего Вышатича, или другаго какого-нибудь Яна: кажется, въ первомъ случаѣ онъ прибавилъ бы что-нибудь и о его гражданскихъ подвигахъ. Гораздо чаще упоминается имя брата Янова, Путятя, который былъ тысяцкимъ при Святополкѣ въ Кіевѣ. Мы видѣли, что при Всеволодѣ былъ кіевскимъ тысяцкимъ Янъ; какимъ образомъ эта должность перешла къ младшему брату отъ старшаго при жизни послѣдняго — мы не знаемъ; любопытно одно, что это званіе сохраняется въ семьѣ Вышаты, тысяцкаго Ярослава. Дѣятельность Путятя мы видѣли въ войнѣ Святополка съ Давидомъ Волынскимъ, на витчевскомъ сѣздѣ, въ походѣ на Половцевъ въ 1106 году; наконецъ, по смерти Святополка, видимъ, что народъ грабитъ домъ Путятя за приверженность его къ Святославичамъ; можно думать, что не столько личная привязанность къ этому роду могла руководить поведеніемъ Путятя, сколько привязанность къ обычному порядку старшинства, нарушение котораго неминуемо влекло за собою смуту и усобицы. Кромѣ братьевъ Вышатичей — Яна и Путятя, изъ мужей Святополковыхъ, бояръ кіевскихъ, упоминаются: Василь, Славата, Иванко Захарычъ, Козаринъ. Послѣ Всеволода мужъ его Ратиборъ, котораго мы видѣли посадникомъ въ Тмутаракани, не остался въ Кіевѣ, но перешелъ къ Мономаху, у котораго въ Переяславлѣ пользовался большимъ значеніемъ, что видно изъ

чело высоко, борода широкая, ростомъ не великии воликъ, крѣпикій тѣломъ и силениъ велики, въ воинствѣ великии храбръ, и хитръ на устроение войскъ, многихъ враговъ своихъ побѣдилъ и покорилъ, самъ же единою токмо у Триполя побѣжденъ былъ, о чемъ никогда помянуть не могъ, частію отъ жалости по утопшемъ тогда братѣ Ростиславѣ, котораго великии любилъ, частію отъ стыда, что непорядкомъ Святополковымъ къ тому приведенъ».

разказа объ убійствѣ половецкихъ хановъ; потомъ мы видимъ его на витическомъ съѣздѣ; наконецъ, когда Мономахъ занялъ старшій столъ, Ратиборъ сдѣлался тысяцкимъ въ Кіевѣ, на мѣсто Путяти: въ этомъ званіи онъ участвуетъ въ перемѣнѣ устава о ростахъ вмѣстѣ съ Прокопіемъ бѣлгородскимъ тысяцкимъ, Станиславомъ (Тукіевичемъ) — перяславскимъ, и еще двумя мужиками — Нажиромъ и Мировославомъ; здѣсь въ другой разъ замѣчаемъ, что перемѣна въ земскомъ уставѣ дѣлается въ совѣтѣ тысяцкихъ разныхъ городовъ. Встрѣчаемъ имена двоихъ сыновей Ратиборовыхъ — Ольбега и Омы; кромѣ нихъ, еще имена двоихъ воеводъ Мономаховыхъ — Дмитра Иворовича и Ивана Войтишича, первого въ походѣ на Половцевъ за Донъ, второго — на Грековъ къ Дунаю; наконецъ Орогоста, дѣйствовавшего вмѣстѣ съ Ратиборомъ на витическомъ

съѣздѣ. Изъ черниговскихъ бояръ Святославичей встрѣчаемъ имена: Торчина — при разказѣ о витическомъ съѣздѣ, и Ивана Чудиновича, бывшаго при перемѣнѣ устава о ростахъ; если этотъ Иванко — сынъ Чудина, боярина Изяслава, то любопытно, что сынъ очутился въ дружинѣ Святославичей. Изъ волынскихъ бояръ встрѣчаемъ имена Турика, Лазаря и Василя, выставленныхъ главными виновниками ослѣвленія Василя. Что касается до происхождения членовъ княжеской дружины, то имена Торчина, боярина Святославичей Черниговскихъ, и Козарина, боярина Святополкова, ясно на него указываютъ; имена прислуги княжеской — Торчина, овчаря Святополкова, Вандука, отрока Мономахова, Кульмѣя, Улана и Колчака, отроковъ Давида Волынского, могутъ указывать также на варварское происхожденіе.

Глава IV.

Событія при правнукахъ Ярослава I-го; борьба дядей съ племянниками въ родѣ Мономаха и борьба Святославичей съ Мономаховичами — до смерти Юрія Владиміровича Долгорукаго.

(1125—1157.)

Сыновья Мономаха. — Мстиславъ в. князь. — Усобица между Святославичами Черниговскими. — Княжество Муромское. — Присоединеніе Полоцка къ волостямъ Мономаховичей. — Война съ Половцами, Чудью и Литвою. — Смерть в. князя Мстислава Владиміровича. — Братъ его Ярополкъ — великимъ княземъ. Начало борьбы дядей съ племянниками въ племени Мономаховичей. — Святославичи Черниговскіе вмѣшиваются въ эту борьбу. — Событія въ Новгородѣ Великомъ. — Смерть Ярополка Владиміровича. — Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій изгоняетъ Вячеслава Владиміровича изъ Кіева и утверждаетъ здѣсь. — Отношенія его къ роднымъ и двоюроднымъ братьямъ. — Ростиславичи Галицкіе. — Война в. князя Всеволода съ Владиміромъ Володаревичемъ Галицкимъ. — Князь Городецкіи, Полоцкіи, Муромскіи. — Событія въ Новгородѣ Великомъ. Выбѣдительство Русскихъ князей въ дѣла польскія. — Морской разбой Шведовъ. — Борьба Русскихъ съ Финнами и Половцами. — Предсмертныя распоряженія в. князя Всеволода Ольговича. — Смерть его. — Изгнаніе изъ Кіева Игоря Ольговича. — Изяславъ Мстиславичъ Мономахичъ княжитъ въ Кіевѣ. — Пльнь Игоря Ольговича. — Раздоръ между Святославичами Черниговскими. — Союзъ Изяслава Мстиславича съ Давидовичами Черниговскими; союзъ Святослава Ольговича съ Юріемъ Владиміровичемъ Мономахичемъ, княземъ Ростовскимъ, противъ Изяслава Мстиславича. — Первое упомяновеніе о Москвѣ. — Отступленіе Давидовичей Черниговскихъ отъ Изяслава Мстиславича. — Кіевляне убиваютъ Игоря Ольговича. Миръ Изяслава Мстиславича съ Святославичами Черниговскими. — Сынъ Юрія Ростовскаго, Ростиславъ, переходитъ къ Изяславу Мстиславичу. — Изяславъ въ Новгородѣ Великомъ; походъ его на волости дяди Юрія. Изгнаніе Ростислава Юрьевича изъ Кіева. Движеніе отца его, Юрія, на югъ. — Побѣда Юрія надъ племянникомъ Изяславомъ и занятіе Кіева. — За Изяслава вступаются Венгры и Поляки; Галицкіи князь Владиміръ за Юрія. — Подвиги сына Юріева, Андрея. — Онъ хлопочетъ о мирѣ между отцомъ своимъ и Изяславомъ Мстиславичемъ. Непродолжительность мира. — Изяславъ изгоняетъ Юрія изъ Кіева, но долженъ уступить старшинство другому дядѣ, Вячеславу. — Война Изяслава съ Владиміромъ Галицкимъ. — Юрій изгоняетъ Вячеслава и Изяслава изъ Кіева. — Изяславъ съ Венграми опять изгоняетъ Юрія изъ Кіева и опять отдаетъ старшинство Вячеславу, подъ именемъ котораго княжитъ въ Кіевѣ. — Продолженіе борьбы Изяслава съ Юріемъ. — Битва шриръ Рутъ и пораженіе Юрія, который принужденъ отступить на югъ. — Дни другихъ неудачныхъ походовъ его на югъ. — Война Изяслава Мстиславича въ союзѣ съ Венгерскимъ королемъ противъ Владиміра Галицкаго. — Клятвенное преступленіе и смерть Владиміра. — Война Изяслава съ сыномъ Владиміровымъ, Ярославомъ. — Смерть Изяслава; его характеръ. — Вячеславъ вызываетъ къ себѣ въ Кіевъ брата Изяслава, Ростислава, изъ Смоленска. — Смерть Вячеслава. — Ростиславъ уступаетъ Кіевъ Изяславу Давидовичу Черниговскому. — Юрій Ростовскій заставляетъ Давидовича выѣхать изъ Кіева и самъ окончательно утверждаетъ здѣсь. — Усобицы между Святославичами въ Черниговской волости и Мономаховичами на Волыни. — Союзъ князей противъ Юрія. — Смерть его. — Событія полоцкіи, муромскія, разскій, новгородскія. — Борьба съ Половцами и финскими племенами. — Дружина.

По смерти Мономаха на Кіевскомъ столѣ сѣлъ старшій сынъ его Мстиславъ; соперниковъ ему быть не могло: Олегъ и Давидъ Святославичи умерли еще при жизни Мономаха; въ Черниговѣ сидѣлъ младшій братъ ихъ Ярославъ; но этотъ незначительный князь не могъ удержать старшинства и въ собственномъ

родѣ; еще менѣе могъ спорить съ Мстиславомъ Вячеславъ Святополковичъ, княжлившій неизвестно въ какомъ городѣ въ Пинскихъ волостяхъ. Но и болѣе сильные соперники не могли быть страшны Мстиславу при народномъ расположеніи къ роду Мономахову, тѣмъ болѣе что Мстиславъ

походилъ во всемъ на знаменитаго отца своего. Не даромъ лѣтописецъ, начиная разсказъ о княженіи Мстислава, говорилъ, что этотъ князь еще въ молодости побѣждалъ дядю своего Олега¹⁾: такимъ образомъ, въ личныхъ достоинствахъ Мономахова сына старались находить оправданіе тому, что онъ отстранялъ старшее племя Святославова²⁾.

Кромѣ Мстислава, послѣ Мономаха оставалось еще четверо сыновей: Ярополкъ, Вячеславъ, Георгій, Андрей; Ярополкъ еще при отцѣ получилъ столь Переяславскій³⁾ и остался на немъ при братѣ; Ярополкъ былъ на своемъ мѣстѣ, потому что отличался храбростью, необходимою для Переяславскаго князя, обязаннаго постоянно биться съ степными варварами. Третій братъ, Вячеславъ, княжилъ сперва въ Смоленскѣ, а потомъ переведенъ былъ въ Туровъ; Георгій издавна княжилъ въ Ростовской области⁴⁾, Андрей — во Владимирѣ на Волыни. Въ Новгородѣ сидѣлъ старшій сынъ Мстислава, Всеволодъ; въ Смоленскѣ — третій сынъ его, Ростиславъ; гдѣ же былъ второй, Изяславъ? — должно думать, что гдѣ-нибудь подлѣ Кіева: онъ также отличался храбростью и потому цужень былъ отцу для рати: скоро нашлась ему и волость и дѣятельность.

Въ Черниговѣ произошло важное явленіе: сынъ Олега, Всеволодъ, началъ врасплохъ на дядю своего, Ярослава, согнать его съ старшаго стола, дружину его перебилъ и разграбилъ. Въ самомъ занятіи Кіевского стола Мстиславомъ мимо Ярослава Святославича, который приходился ему дядю, Всеволодъ могъ уже видѣть примѣръ и оправданіе своего поступка: если Ярославъ потерялъ старшинство въ цѣломъ родѣ, то могъ ли онъ сохранять его въ своей линіи? Какъ бы то ни было, Мстиславъ не хотѣлъ сначала терять такого нарушенія старшинства дядей, тѣмъ болѣе что, какъ видно, онъ обязался клятвеннымъ договоромъ поддерживать Ярослава въ Черниговѣ. Выбѣстѣ съ братомъ Ярополкомъ, Мстиславъ собралъ войско, чтобъ идти на Всеволода; тотъ не могъ одинъ противиться Мономаховичамъ и послалъ за Половцами, а дядю Ярослава отпустилъ изъ неволи въ Муромъ. Половцы явились на зовъ Всеволода въ

числѣ 7000 и стали за рѣкою Выремъ⁵⁾, у Рати-мировой Дубравы; по посылы ихъ, отправленные къ Всеволоду, были перехвачены на рѣкѣ Локнѣ⁶⁾ и приведены къ Ярополку, потому что послѣдній успѣлъ захватить все теченіе рѣки Сейма, посадилъ по всемъ городамъ своихъ посадниковъ, а въ Курскѣ — племянника Изяслава Мстиславича. Половцы, не получая вѣсти изъ Чернигова, испугались и побѣжали назадъ; это извѣстіе очень замѣчательно: оно показываетъ, какъ варвары стали робки послѣ законскихъ походовъ Мономаха, сыновей и воеводъ его. Послѣ бѣгства Половцевъ, Мстиславъ еще больше началъ стѣснять Всеволода: „Что, взялъ?“ говорилъ онъ ему, „навелъ Половцевъ, — что же помогли они тебѣ?“ Всеволодъ сталъ упрашивать Мстислава, подучивалъ его бояръ, подкупилъ ихъ дарами, чтобъ просили за него, и такимъ образомъ провелъ все лѣто. Зимой пришелъ Ярославъ изъ Муромъ въ Кіевъ, и сталъ также кланяться Мстиславу и упрашивать. „Ты мнѣ крестъ цѣловалъ, пойдѣ на Всеволода“; а Всеволодъ съ своей стороны еще больше упрашивалъ. Въ это время въ кіевскомъ Андреевскомъ монастырѣ былъ игуменомъ Григорій, котораго очень любилъ Владимиръ Мономахъ, да и Мстиславъ и весь народъ очень почиталъ его. Этотъ-то Григорій все не давалъ Мстиславу встать ратью на Всеволода за Ярослава; онъ говорилъ: „Лучше тебѣ нарушить клятву, чѣмъ пролить кровь христіанскую“. Мстиславъ не зналъ, что ему дѣлать. Митрополита тогда не было въ Кіевѣ, — такъ онъ созвалъ соборъ изъ священниковъ и передалъ дѣло на ихъ рѣшеніе; тѣ отвѣчали: „На насъ будетъ грѣхъ клятвоступленія“. Мстиславъ послушался ихъ, не исполнилъ своего обѣщанія Ярославу, и послѣ раскаивался въ томъ всю жизнь. На слова Григорія и на приговоръ собора можно смотрѣть какъ на выраженіе общаго народнаго мнѣнія: граждане не терпѣли княжескихъ усобицъ и вообще войнъ, не приносившихъ непосредственной пользы, не имѣвшихъ цѣлю зашиты края; но какая охота была Кіевлянамъ проливать свою кровь за нелюбимаго Святославича? Со стороны же Мстислава, кромѣ рѣшенія духовенства, побужденіемъ къ миру со Всеволодомъ могла служить также и родственная связь съ нимъ: за нимъ была дочь его. Какъ бы то ни было, племянникъ удержалъ за собою старшій столь вопреки правамъ дяди; по эта удача была, какъ увидимъ, первою и послѣднею въ нашей древней исторіи. Для Мономаховичей событіе это не осталось впрочемъ безъ матеріальной выгоды: они удержали Курскъ и все Посемье, и это пріобрѣтеніе было для нихъ очень важно, потому что затрудняло сообщеніе Святославичей съ Половцами. Ярославъ долженъ былъ идти назадъ въ Муромъ и остаться тамъ навсегда; потомки его явились уже изгоями относительно

¹⁾ Никон. II, 58.

²⁾ Латиц. II, 231: «Черниговскіе князя песьма тому Мстиславу възвестію на престолъ зарияли, поставая себя старѣйшими, но вѣдаи храбрость и великой умъ Мстиславъ, съ молчаніемъ отынали, понеже не былъ никто въ состояніи противорѣчить ему».

³⁾ Но, какъ видно, Мстиславъ, будучи переведенъ отцомъ изъ Новгорода въ Вѣлгородъ, считался княземъ Переяславскимъ по старшинству стола, а сидѣлъ въ Вѣлгородѣ для того только, чтобъ быть поближе къ отцу. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 122: «Въ то же лѣто Ярополкъ привде Всеволода Мстиславича изъ Новгорода, и да ему Переяславъ по хрестіаному цѣлованію, яко же си быше урядилъ съ братомъ своимъ Мстислапомъ, по отню повѣзавио, яко же быше ина далъ Переяславъ съ Мстислапомъ».

⁴⁾ Мономахъ въ письмѣ къ Олегу говоритъ: «Да ты ти сѣднѣи сынъ твой хрестіанскій (Мстиславъ) съ малымъ братомъ своимъ» (Юриемъ).

⁵⁾ Рѣка въ Харьковской губерніи, впадающая въ Сеймъ.

⁶⁾ Впадающій въ Вырь.

племени Святослава, потеряли право на старшинство, должны были ограничиться одною Муромскою волостью, которая, вслѣдствіе этого, отдѣлилась отъ Черниговской. Такимъ образомъ, и на востокъ отъ Дибра образовалась отдѣльная княжеская волость, подобная Полоцкой и Галицкой на западѣ.

Покончивши съ черниговскими, въ томъ же 1127 г. Мстиславъ послалъ войско на князей полоцкихъ: есть извѣстіе, что они не переставали опустошать пограничныя волости Мономаховичей¹⁾. Мстиславъ послалъ войска четырьмя путями: братьевъ—Вячеслава изъ Турова, Андрея—изъ Владиміра; сына Давида Игоревича Всеволодка²⁾, зятя Мономахова,—изъ Города и Вячеслава Ярославича³⁾—изъ Клецка; этимъ четверымъ князьямъ велѣлъ идти къ Изяславу; Всеволоду Ольговичу Черниговскому велѣлъ идти съ братьями на Стрѣжевъ къ Борисову, туда же послалъ извѣстнаго воводу своего Ивана Войтишича съ Торками; свой полкъ отправилъ подъ начальствомъ сына, Изяслава, къ Лагожску⁴⁾, а другого сына, Ростислава, съ Смоленцами на Друцкъ. Въ Полоцкѣ сидѣлъ въ это время тотъ самый Давидъ Всеволодичъ, котораго прежде мы видѣли въ союзѣ съ Ярославичами противъ Глѣба Минскаго; за сыномъ его Вячиславомъ, княжившимъ, какъ видно, въ Изяславѣ, была дочь Мстислава Кіевскаго. Минскъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, отошелъ къ Ярославичамъ еще при Мономахѣ, который отвелъ въ цеволу князя его Глѣба; иначе Мстиславъ не направилъ бы войско свое мимо Минска на города дальнѣйшіе: быть можетъ, Всеволодичи не могли забыть потери Минска, и это было главнымъ поводомъ къ войнѣ. Мстиславъ всѣмъ отправленнымъ князьямъ назначилъ срокомъ одинъ день, въ который они должны были напасть на указанные мѣста. Но Изяславъ Мстиславичъ опередилъ одинъ всю братью и приблизился къ Лагожску; зять его, Вячиславъ, князь Изяславскій, велъ въ это время лагожскую дружину на помощь отцу своему, Давиду; но, узнавъ на серединѣ пути, что Изяславъ у города, такъ перепугался, что не зналъ что дѣлать, куда идти, и пошелъ прямо въ руки къ шурина, которому привелъ и лагожскую дружину. Лагожане, видя своихъ въ рукахъ у Изяслава, сдались ему; пробывъ здѣсь два дня, Изяславъ отправился къ дядьямъ своимъ, Вячеславу и Андрею, которые осаждали Изяславъ. Жители этого города, видя, что князь ихъ и Лагожане взя-

ты Изяславомъ и не терпятъ никакой бѣды, объявили Вячеславу, что сдадутся, если онъ покланяется не давать ихъ на пищъ (на разграбленіе) войнамъ. Вячеславъ согласился, и вечеромъ Вратиславъ, тысяцкій князя Андрея, и Иванко, тысяцкій Вячеславовъ, послали въ городъ своихъ отроковъ; но когда на разсвѣтѣ остальные ратники узнали объ этомъ, то бросились всѣ въ городъ и начала грабить; едва князья съ своими дружинами успѣли уберечь имѣніе дочери великаго князя Мстислава, жены Вячиславовой, и то должны были биться съ своими. Между тѣмъ, съ другой стороны, шелькъ Полоцку старшій сынъ Мстислава, Всеволодъ, князь Новгородскій⁵⁾; тогда Полочане выгнали отъ себя Давида съ сыновьями, взяли брата его, Роголода⁶⁾, и послали просить Мстислава, чтобъ онъ утвердилъ его у нихъ княземъ. Мстиславъ согласился. Недаромъ однако современники не умѣли объяснить себѣ этой наслѣдственной и непримиримой вражды полоцкихъ князей къ потомству Ярослава, и прибѣгали къ помощи преданія о Роголодѣ и Рогилдѣ: какъ при Мономахѣ, такъ и теперь при сынѣ его дѣло могло кончиться только изгнаніемъ Изяславичей изъ волостей ихъ. Во время половецкаго нашествія въ 1129 году, Мстиславъ, собирая князей, послалъ звать и полоцкихъ на помощь противъ варваровъ; Роголода, пріятнаго Ярославичамъ, какъ видно, не было уже въ это время въ живыхъ, и старшинство, по-прежнему, держалъ Давидъ, который съ братьями и племянниками далъ дески, насмѣшливый отвѣтъ на зовъ Мстислава⁷⁾. Половецкая война помѣнила великому князю немедленно наказатъ Всеволодича; но когда Половцы были прогнаны, то онъ вспомнилъ обиду и послалъ за *кривскими* князьями, какъ продолжали еще называть полоцкихъ владѣльцевъ: Давида, Ростислава и Святослава Всеволодичей, вмѣстѣ съ племянниками ихъ Роговолодовичами, посадили въ три лодки и заточили въ Царьградъ,—безъ всякаго зомѣнія, Полочане выдали князей своихъ, не желая подвергать страны своей опустошеніямъ. По городамъ полоцкими, говоритъ летописецъ, Мстиславъ посажалъ своихъ посадниковъ; но послѣ мы видимъ тамъ сына его Изяслава, переведеннаго изъ Курска⁸⁾.

⁵⁾ «Потомъ же и Новгородци придоша съ Мстиславичемъ со Всеволодомъ въ Николоучю.—Селеніе Никлоучъ Витебскаго губерніи, Ленельскаго уѣзда, въ 19 верстахъ отъ Ленели.

⁶⁾ Конечно Роголода Всеволодича, а не Борисовича, потому что вельязя было взять сына мимо отца, а Борисъ умеръ послѣ.

⁷⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 16. «Зане не бяхуть его воли и не слушахуть его, коли ѣ зовяшесть въ Русскую Землю на помощь, но паче молваху Боинкови шелудивому во здорověе» — объясняется такъ у Татищева (II, 240): Полоцкіе съ ругательствомъ отказали, глаголя: «Ты съ Боякомъ полудякомъ здравствуйте оба, и уиравайте сами, а мы имѣемъ дома что дѣлать».

⁸⁾ Татищ. II, 241: «Императоръ же, принявъ ихъ, опредѣлялъ имъ довольное на содержаніе и посылалъ въ войско, бывшее противъ Срацланъ, гдѣ они съ похвалою служили, въ Полоцкъ же Мстиславъ опредѣлилъ сына своего Изяслава».

¹⁾ Татищ. II, 235.

²⁾ По Татищеву (II, 263), это былъ сынъ Давида Игоревича; Городецъ считаютъ мѣстечкомъ Минской губерніи Пинскаго уѣзда.

³⁾ Неизвѣстно сынъ какого Ярослава—Святополковича или Ярополковича; Карамзинъ думаетъ, что перваго. Этотъ женился въ 1112 году (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 3): положимъ, что Вячеславъ былъ первенецъ и родился черезъ годъ—и тогда въ 1127 году было ему только 14 лѣтъ.

⁴⁾ Въ Борисовскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Гойтѣ, впад. въ Березину.—Друцкъ—мѣстечко Могилевскаго уѣзда, на рѣкѣ Дручѣ.

Изъ вѣдѣнныхъ событій, по-прежнему, записана въ лѣтописи борьба съ Половцами и другими сосѣдними варварами. Половцы обрадовались смерти Мономаховой и немедленно явились въ предѣлахъ Переяславскаго княжества. Мы видѣли, что Русскіе князья, во время счастливыхъ походовъ своихъ въ степи, взяли у Половцевъ часть подвластныхъ имъ Торковъ и Печенѣговъ; видѣли, что эти варвары послѣ сами убѣжали отъ Половцевъ въ русскіе предѣлы и были поселены здѣсь. Разумѣется, Половцамъ хотѣлось возвратитъ ихъ назадъ, и вотъ лѣтописецъ говоритъ, что они именно являлись для того, чтобы переловить русскихъ Торковъ. Но въ Переяславѣ сидѣлъ Ярополкъ, достойный по храбрости сынъ Мономаха, привыкшій подъ отцовскимъ стягомъ громить варваровъ въ стѣнахъ ихъ: узнавши о нападеніи и намѣреніи Половцевъ, Ярополкъ велѣлъ вогнать Торковъ и все остальное народонаселеніе въ города; Половцы пріѣхали, но ничего не могли сдѣлать, и, узнавъ, что Ярополкъ, въ Переяславѣ, пошелъ воевать Посулье (мѣста по рѣкѣ Сулѣ). Ярополкъ, *благотѣрнаго князя корень и благотѣрная отрасль*, по выраженію лѣтописца, не дожидаясь помощи отъ братьевъ, съ одними Переяславцами пошелъ въ слѣдъ за Половцами, достигъ ихъ на правомъ берегу рѣки Удая ¹⁾, призвалъ имя Божіе и отца своего, ударилъ на поганыхъ и одержалъ побѣду: помогъ ему Богъ и молитвы отца его, продолжаетъ лѣтописецъ. Послѣ этого нападенія Половцевъ мы встрѣтили извѣстіе о нихъ при описаніи черниговскихъ и потомъ полоцкихъ происшествій. — Мстиславъ не забылъ той борьбы, которую велъ онъ, сидя на столѣ Новгородскомъ, именно борьбы съ Чудью, и въ 1130 году послалъ на нее сыновей своихъ — Всеволода, Изяслава и Ростислава; лѣтописецъ говоритъ подробно, въ чемъ состоялъ походъ: самихъ враговъ перебили, хоромы пожгли, женъ и дѣтей привели домой. Но не такъ былъ счастливъ чудскій походъ одного Всеволода Новгородскаго въ слѣдующемъ году — сотворилась пакость великая, говоритъ лѣтописецъ: перебили много добрыхъ мужей новгородскихъ въ *Клину*; — *Клинъ* — это русскій переводъ астонскаго слова *Waiaja*, или *Wagja*, какъ называлась часть нынѣшняго Дерптскаго ²⁾ уѣзда въ XIII вѣкѣ ³⁾. — Что Половцы были для юго-восточной Руси, то Литва была для западной, преимущественно для княжества Полоцкаго. Присоединивши къ волостямъ своего рода и это княжество, Мстиславъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ его врагами; вотъ почему въ послѣдній годъ его княженія лѣтописецъ упоминаетъ о походѣ на Литву: Мстиславъ ходилъ съ сыновьями своими, съ Ольговичами и зятемъ Всеволодомъ Городенскимъ. Походъ былъ уда-

ченъ: Литву ожгли, по обыкновению; но на возвратномъ пути кіевскіе полки пошла отдѣльно отъ княжеской дружины; Литовцы настигли ихъ и побили много народу.

Въ 1132 году умеръ Мстиславъ; его княженіе, бывшее совершеннымъ подобіемъ отцовскаго, утвердилось въ народѣ вѣру въ достоинство племени Мономахова. Этотъ Мстиславъ Великій, говоритъ лѣтописецъ, наследовалъ погъ отца своего, Владимира Мономаха Великаго. Владимиръ самъ собою постоялъ на Дону, и много пота утеръ за Землю Русскую, а Мстиславъ мужей своихъ послалъ, загналъ Половцевъ за Днѣпръ, за Волгу и за Инкъ, и такъ избавилъ Богъ Русскую Землю отъ поганыхъ. Здѣсь также видимъ выраженіе главнаго современнаго интереса — борьбы съ степными варварами. Народъ могъ надѣяться, что долго будетъ спокоенъ отъ ихъ нашествій, потому что Мстиславу наследовалъ по всѣмъ правамъ братъ его, Ярополкъ, *благотѣрная отрасль*, который былъ извѣстенъ своею храбростію, своими счастливыми походами въ степи. У Ярополка не было соперниковъ: онъ былъ единственный князь, который могъ сѣсть на старшій столъ по отчинѣ и дѣдинѣ; онъ крѣпко сидѣлъ въ Кіевѣ и потому еще, что люди кіевскіе послали за нимъ ⁴⁾. Но ихъ надежды на Ярополка не сбылись: спокойствіе Руси кончилось смертію Мстислава; съ начала княженія Ярополкова начались усобицы, усобицы въ самой семьѣ знаменитаго князя-братолюбца; Святославичи воспользовались ими, и Кіевляне должны были терпѣть на своемъ столѣ князя недобраго племени. Усобица, начавшаяся по смерти Мстислава Великаго, носитъ характеръ, отличный отъ прежнихъ усобицъ. Прежнія усобицы протекали главнымъ образомъ отъ *изгойства*, оттого, что, осиротѣлые при жизни дѣдовъ или старшихъ дядей, князья исключались не только изъ старшинства, не только не получали отцовскихъ волостей, но даже часто и никакихъ. Этимъ исключеніемъ изъ старшинства лучше всякихъ политическихъ преданій объясняется непримиримая вражда полоцкихъ Изяславичей къ потомкамъ Ярослава, объясняются движенія Ростислава Владиміровича, судьба и поведеніе сыновей его: борьба съ изгоями на востокѣ и на западѣ, съ Вячеславичемъ, Игоревичами, Святославичами — наполняютъ время княженія Изяславова, Всеволодова, Святополкова. Всѣ эти борьбы, благодаря послѣднимъ распоряженіямъ князей-родичей на сѣздахъ, прекратились; но теперь начинается новая борьба, — борьба племянниковъ, сыновей отъ старшаго брата, съ младшими дядями. Мы видѣли первый примѣръ этой борьбы въ Черниговѣ, гдѣ сынъ Олеговъ, Всеволодъ, согналъ дядю своего, Ярослава, съ старшаго стола. Мстиславъ допустилъ такое нарушеніе права дядей, хотя раскаявался въ этомъ во всю жизнь; но смерти его одно опасеніе

¹⁾ Подлавской губерніи, Пирятинскаго уѣзда, мѣстечко Подстигъ.

²⁾ Юрьевскаго — въ настоящее время.

³⁾ Sjögnar — Ueber die älteren Wohnsitz der Jemen, p. 312.

⁴⁾ Поли. Собр. Русск. Лѣт. I, 122: «И сѣдѣ по немъ братъ его Ярополкъ, князь Кіевъ: люди бо Кіеве послаша помя».

подобнога явленія произвело сильную уособицу въ собственномъ племени его.

Мстиславъ оставилъ княженіе брату своему, Ярополку, говорить лѣтописецъ; ему же передалъ и дѣтей своихъ съ Богомъ на руки; Ярополкъ былъ бездѣтенъ и тѣмъ удобнѣе могъ заботиться о порученныхъ ему сыновьяхъ старшаго брата. Мстиславъ при жизни своей уговорился съ братомъ, чтобъ тотъ немедленно, по принятіи старшаго стола, перевелъ на свое мѣсто въ Переяславль старшаго племянника, Всеволода Мстиславича, изъ Новгорода; старшіе Мономаховичи, какъ видно изъ словъ лѣтописца, выставляли основаніемъ такого распорядка волю отца своего, а объ этой волѣ заключали они изъ того, что Мономахъ далъ имъ Переяславль обоммъ мѣстѣмъ ¹⁾,—но при тогдашнихъ понятіяхъ это еще не значило, чтобъ они имѣли право оставить этотъ городъ въ наслѣдство сыновьямъ своимъ мимо другихъ братьевъ. Переяславль былъ стольнымъ городомъ Всеволода и Мономаха и, по выдѣленіи Чернигова въ особую, непрѣминушую волость Святославичей, считался старшимъ столомъ послѣ Кіева для Мономахова племени: съ Переяславскаго стола Мономахъ, Мстиславъ и Ярополкъ перешли на Кіевскій. Точно ли хотѣли старшіе Мономаховичи переводомъ Всеволода въ Переяславль дать ему преимущество передъ дядьми, возможность наследовать Ярополку въ Кіевѣ, для чего, кромѣ занятія старшаго Переяславскаго стола, нужно было познакомить, сблизить его съ южнымъ народонаселеніемъ, котораго голосъ былъ такъ важенъ, рѣшительнъ въ то время,—на это историкъ не имѣетъ права отвѣчать утвердительно. Какъ бы то ни было, младшіе Мономаховичи, по крайней мѣрѣ, видѣли въ переводѣ племянника на Переяславскій столъ шагъ къ старшинству мимо ихъ, особенно когда передъ глазами былъ примѣръ Ярослава Святославича Черниговскаго, согнаннаго съ старшаго стола племянникомъ, при видимомъ потворствѣ старшихъ Мономаховичей—Мстислава и Ярополка. Вступились въ дѣло младшіе Мономаховичи, Юрій Ростовскій и Андрей Волыискій, потому что старшій по Ярополкѣ братъ ихъ, Вячеславъ Туровскій, былъ неспособенъ дѣйствовать впереди другихъ по безхарактерности и недалекости умственной. Но словамъ лѣтописца, Юрій и Андрей прямо сказали: „Братъ Ярополкъ хочетъ по смерти своей дать Кіевъ Всеволоду, племяннику своему“, и сгнѣшили предупредить послѣдняго. Утромъ вѣхалъ Всеволодъ въ Переяславль, и до обѣда еще былъ въ выгнанъ дядею Юрьемъ, который однако сидѣлъ въ Переяславлѣ не болѣе восьми дней, потому что Ярополкъ, помня клятвенный уговоръ свой съ покойнымъ братомъ, вывелъ Юрія изъ Переяславля и посадилъ здѣсь другаго Мстиславича, Изяслава,

княжившаго въ Полоцкѣ, давши ему клятву подержать его на новомъ столѣ ²⁾: вѣроятно Всеволодъ уже не хотѣлъ въ другой разъ мѣнять вѣрную волость на невѣрную. Въ Полоцкѣ, вмѣсто Изяслава, остался третій Мстиславичъ—Святополкъ; но Полочане, не любившіе, подобно Новгородцамъ, когда князь покидалъ ихъ волость для другой ³⁾, сказали: „А! Изяславъ бросаетъ насъ!“—выгнали брата его, Святополка, и взяли себѣ одного изъ прежнихъ князей, Василька Святославича, внука Весславова, неизвѣстно какимъ образомъ оставшагося на Руси или возвратившагося изъ заточенія. Тогда Ярополкъ, видя, что Полоцкое княжество, оставленное храбрымъ Изяславомъ, утѣшимъ вездѣ пріобрѣсть народную любовь, отходитъ отъ Мономахова рода, уладился съ братьями: перевелъ Изяслава неволюю опять въ Минскъ, единственную волость, оставшуюся у Мономаховичей отъ Полоцкаго княжества; потомъ, чтобъ утѣшить его, придалъ ему еще Туровъ и Пинскъ, далъ ему много даровъ богатыхъ; а Вячеслава изъ Турова перевелъ въ Переяславль,

Такимъ образомъ младшіе Мономаховичи были удовлетворены: Переяславль перешелъ по порядку къ самому старшему брату по Ярополкѣ; законному его преемнику и въ Кіевѣ. Но спокойствіе въ семьѣ Мономаха и на Руси было скоро нарушено Вячеславомъ: нашелъ ли онъ, или, лучше сказать, бояре его, Переяславскую волость невыгодною для себя, стало ли страшно ему сидѣть на Украинѣ, подлѣ Торковъ и Коловцевъ,—только онъ покинулъ новую волость; на первый разъ однако, дошедши до Днѣпра ⁴⁾, возвратился назадъ; говорятъ, будто Ярополкъ послалъ сказать ему: „Что ты все скитаешься, не посидишь на одномъ мѣстѣ, точно Половничъ“ ⁵⁾? Но Вячеславъ не послушался старшаго брата: бросилъ Переяславль въ другой разъ, пошелъ въ Туровъ, выгнавъ отсюда Изяслава и сѣлъ на его мѣсто. Тогда Ярополкъ долженъ былъ рѣшиться на новый рядъ: онъ склонился на просьбу Юрія Ростовскаго и далъ ему Переяславль, съ тѣмъ однако, чтобы тотъ уступилъ ему свою прежнюю волость. Юрій согласился уступить Ростовскую область, но не всю: вѣроятно онъ оставлялъ себѣ на всякій случай убѣжище на сѣверѣ; вѣроятно также, что Ярополкъ для того бралъ Ростовскую Землю у Юрія, чтобъ отдать ее Изяславу. Этою сдѣлкою онъ могъ надѣяться успокоить братьевъ, помѣстивъ ихъ всѣхъ около себя на Русѣ и отдавъ племянникамъ, какъ младшимъ, отдаленную сѣверную область. Но онъ уже не былъ болѣе въ состояніи исполнить свое намѣреніе: вражда между дядьми и племянниками разгорѣлась; Изяславъ, дважды изгнанный, рѣ-

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 122: «Ярополкъ приведе Всеволода Мстислава изъ Новгорода, и да ему Переяславль по крестьяному дѣлованью, яко же ся бате урядилъ съ братомъ своимъ Мстиславомъ, по отню повеленью, яко же бате има далъ Переяславль съ Мстиславомъ».

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 122: «И посла по другаго Мстиславича въ Полтескъ, и приведе и съ клятвою».

³⁾ Никон. II, 67.

⁴⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 132: «И дошедъ Города воротися вснать».

⁵⁾ Никон. II, 67.

шлись не дожидаться болѣе никакихъ новыхъ сдѣлокъ между дядьми, а отдать дѣло, по тогдашнимъ понятіямъ, на судъ Вожій, т.-е. покончить его оружіемъ ¹⁾. Онъ ушелъ въ Новгородъ къ брату Всеволоду, и уговорилъ его идти съ Новгородцами на область Юрія. Тогда-то Святославичи увидѣли, что припла ихъ пора: они заключили союзъ съ недовольными Мстиславичами (сами предложили имъ его или приняли отъ нихъ предложеніе — изъ дошедшихъ до насъ лѣтописей не извѣстно ²⁾), поехали за Половцами и начали вооружаться противъ Мономаховичей: „Вы первые начали насъ губить“, говорили они имъ. Тогда народъ увидалъ, что прошло счастливое время Мономаха и Мстислава; встала опять усобица: черниговскіе, по отцовскому обычаю, привели Половцевъ на Русскую Землю, и, что всего хуже, съ ними пришли сыновья Мстислава Великаго — Изяславъ съ братомъ Святополкомъ. Ярополкъ съ братьями — Юріемъ и Андреемъ — выступилъ противъ Всеволода Ольговича, переправился черезъ Дибирь, взявъ села около Чернигова. Всеволодъ не вышелъ противъ нихъ биться, потому что Половцы еще не пришли къ нему; Ярополкъ, стоявъ нѣсколько дней у Чернигова, возвратился въ Кіевъ и распустилъ войско, не уладившись со Всеволодомъ: вѣроятно онъ думалъ, что довольно напугалъ его. Но вышло иначе: когда къ Всеволоду пришли съ юга Половцы, а съ сѣвера Мстиславичи, то онъ вошелъ съ ними въ Переяславскую волость, началъ воевать села и города, бить людей, дошелъ до Кіева, зажегъ Городецъ ³⁾. Половцы опустошили все на восточномъ берегу Дибира, перебивъ и перехватывая народъ, который не могъ перевестись на другой, кіевскій берегъ, потому что Дибирь покрытъ былъ пловучими льдинами; взяли и скота безчисленное множество; Ярополку, по причинѣ тѣхъ же льдовъ, нельзя было перевестись на ту сторону и прогнать ихъ. Три дня стоялъ Всеволодъ за Городцомъ въ бору; потомъ пошелъ въ Черниговъ, откуда началъ пересылаться съ Мономаховичами и заключилъ миръ; гораздо вѣроятнѣе, впрочемъ, то извѣстіе, по которому заключено было только перемиріе до общаго сѣзда ⁴⁾, потому что немедленно за этимъ лѣтописецъ начинаеть говорить о требованіяхъ Ольговичей, чтобы Ярополкъ

возвратилъ имъ то, что ихъ отецъ держалъ при его отцѣ: „Что нашъ отецъ держалъ при нашемъ отцѣ, того и мы хотимъ; если же не дадите, то не жалѣйте послѣ; если что случится, вы будете виноваты, на васъ будетъ кровь“. Безъ сомнѣнія, Ольговичи просили города Курска и всего Посемья, взятыхъ у нихъ Мономаховичами точчасъ послѣ изгнанія Ярополка Всеволодомъ. Въ отвѣтъ на это требованіе, Ярополкъ собралъ войско кіевское, а Юрій — переяславское и 50 дней стояли у Кіева; потомъ помирились со Всеволодомъ и отдали Переяславль младшему брату своему, Андрею Владиміровичу, а прежнюю его волость — Владиміръ-Волынский — племяннику Изяславу Мстиславичу. По всему видно впрочемъ, что это распоряженіе было не слѣдствіемъ, но причиною мира съ Ольговичами: дядя, чтобъ отвлечь племянниковъ отъ Святославичей, отнять у послѣднихъ предлогъ къ войнѣ и правду въ глазахъ народа, удовлетворилъ Изяслава, отдавши ему Волынь. Юрій Ростовскій, видя вѣроятно, какъ спорны русскіе столы и какъ незавидна Переяславская волость, безрестанно подвергавшаяся нападеніямъ Ольговичей и Половцевъ, не хотѣлъ болѣе мѣшать на нее своей сѣверной, вѣрной волости; занятіе же Переяслава младшимъ братомъ не могло быть для него опасно: никогда еще младшій братъ не вставалъ противъ правъ старшаго, тогда какъ былъ примѣръ, что племянникъ отъ старшаго брата вставалъ противъ младшаго дяди. (1134 годъ.)

Что Ольговичи принуждены были мириться с нимъ, будучи оставлены Мстиславичами, — доказательствомъ служить ихъ нападеніе на Переяславскую область въ слѣдующемъ 1135 году. Всеволодъ со всею братьею пришелъ къ Переяславу, стоялъ подъ городомъ три дня, бился у воротъ; но, узнавши, что Ярополкъ идетъ на помощь къ брату, отступилъ къ верховью рѣки Супоя, и тамъ дождался Кіевского князя. Мы замѣтили уже, что Ярополкъ былъ въ отцѣ отвагою; завидя врага, не могъ удержаться и жалать, пока подойдутъ другіе полки на помощь, но бросался на него съ одною своею дружиною; мы видѣли, что такая уаля сошла для него благополучно, присла даже большу славу въ битвѣ съ Половцами при началѣ Мстиславова княженія. Точно такъ же вздумалъ онъ поступить и теперь: не дождавшись кіевскихъ полковъ, съ одною своею дружиною и съ братьею, даже не выстроившись хорошенко, ударилъ на Ольговичей, думая: „Гдѣ имъ устоятъ противъ нашей силы!“ Сначала бились крѣпко съ обѣихъ сторонъ; но скоро побѣждали Всеволодовы Половцы, и лучшая дружина Мономаховичей съ тысяцкимъ кіевскимъ погналась за ними, оставя князей своихъ биться съ Ольговичами на мѣстѣ. Носѣлъ злой сѣчи Мономаховичи должны были уступить Черниговскимъ поле битвы, и когда тысяцкій съ боярами, поразивши Половцевъ, пріѣхали назадъ, то уже не застали князей своихъ и понались въ руки побѣдителямъ, Ольговичамъ, обманутые Ярополковымъ стягомъ,

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 13: «Тоже все ся створи, аже выгна Юргіи Всеволода изъ Переяслава, а потомъ Изяслава выгна Вячеслава, а потомъ Изяслава же выгна тотъ же Вячеславъ въ Турова, а они приступили къ Ольговичемъ».

²⁾ Татищ. II, 249: «Юрій Владиміровичъ, князь Ростовскій, выпросилъ у брата Ярополка Переяславль, и вмѣстѣ того Ярополку далъ Ростовъ и Суздаль, но не со всею областю, которымъ Мстиславичи племянники ихъ оскорбились, представляя, что Переяславль имъ по клятвенному обѣданію Ярополкову надлежить, и они ища покоя Вячеславу за просьбу ихъ уступили и просили, чтобъ имъ Переяславль возвратити, или Ростовъ и Суздаль, яко прежній отца ихъ удѣлъ, имъ отдать советемъ; во, видя, что дядя ихъ не слушаетъ, просили о помощи зятя своего, Всеволода Ольговича Черниговскаго».

³⁾ Такъ и Ипатьев. (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 13); въ Лавр. (тамъ же, I, 132). См. прим. 2, стр. 303.

⁴⁾ Татищ. II, 248.

который держали послѣдніе ⁴⁾. Кромѣ лучшихъ мужей своихъ, взятыхъ въ плѣнъ, Ярополкъ потерялъ въ челѣхъ убитыхъ племянника Василька Леоновича, Греческаго царевича, внука Мономахова по дочери. Возвратясь за Дибирь, Кіевскій князь началъ набирать новое войско, а Всеволодъ перешелъ Десну и сталъ противъ Вышгорода ⁵⁾, но, постоявши 7 дней у Дибира, не рѣшился переправиться, пошелъ въ Черниговъ, откуда сталъ пересылаться съ Кіевскимъ княземъ о мирѣ, безъ всякаго однако успѣха. Это было въ концѣ лѣта; зимою Ольговичи съ Половцами перешли Дибирь и начали опустошать всю Кіевскую область, доходили до самаго Кіева, стрѣлялись черезъ Лыбедь; изъ городовъ впрочемъ удалось имъ взять только два, да и тѣ пусты: мы видѣли уже обычай украинскихъ жителей покидать свои города при нашествіи неприятелей ⁶⁾. Ярополкъ, по словамъ лѣтописца, собралъ множество войска изъ всѣхъ земель, но не вышелъ противъ враговъ, не началъ кровопролитія; онъ побоялся суда Божія, смирился предъ Ольговичами, хулу и укоръ принялъ на себя отъ братьи своей и отъ всѣхъ, исполняя заповѣди: любите враги ваши; онъ заключилъ съ Ольговичами миръ, отдалъ имъ то, чего прежде просили, т. е. отчину ихъ, города по Сейму. Трудно рѣшить, чтѣ собственно заставило Ярополка склониться на уступку: былъ ли онъ изъ числа тѣхъ людей, на которыхъ неудача послѣ продолжительныхъ успѣховъ сильно дѣйствуетъ, или въ самомъ дѣлѣ духовенство, и преимущественно митрополитъ Михаилъ ⁷⁾, постарались прекратить войну, столь гибельную для края ⁸⁾, и Ярополкъ дѣйствительно заслужилъ похвалы лѣтописца за христіанскій подвигъ смиренія для блага народа; быть можетъ то и другое вмѣстѣ. Не забудемъ также, что успѣхъ битвы не могъ быть вѣрнъ: мы знаемъ, что Всеволодъ Ольговичъ во все не отличался безразсечною отвагою, уступалъ, когда видѣлъ превосходство силъ на сторонѣ противника, и если теперь не уступилъ, то это значило, что силы Ярополка вовсе не были такъ велики,

⁴⁾ «И тако изъямаша ѣ, держаще стягъ Ярополкъ». Слѣд. Ярополкъ въ бѣгствѣ своемъ оставилъ даже стягъ свой въ рукахъ враговъ, а между тѣмъ кіевскій лѣтописецъ очень искусно ослабилъ поражение своего князя: «Видевше же братья вся, Ярополкъ, Вячеславъ, Гюрги и Андрей, полки своя възметещи, отбѣжаша въ свояси».

⁵⁾ Этязъ опредѣляется спорное положеніе Вышгорода относительно Кіева: чтобъ стать противъ Вышгорода, Всеволоду, идущему на сѣверъ отъ Суноя, нужно было перейти Десну.

⁶⁾ По Ипатьев.: «Почаша воевати отъ Трьполя около Красна и Васильева и до Васильева и до Вѣлгорода, или же до Кіева и по Желавѣ и до Вышгорода и до Дерень, и чрезъ Лыбедь стрѣляхуся». Красное на рѣкѣ Краснѣ, впад. въ Дибирь у Триполя; Васильевъ—мѣстечко къ юго-западу отъ Краснаго и Триполя. — По Лавр. «Взяша Триполь и Халенъ пустъ». Халенъ—нижъ Халенъ и Холонъ въ 53 верстахъ отъ Кіева между Трипольемъ и Стайками.

⁷⁾ «Ходячю межю ими честьному Михаилу митрополиту съ крестохъ». — У Татищева митрополитъ выставленъ главнымъ виновникомъ мира.

⁸⁾ «И тако утятии благоумный князь Ярополкъ брань ту лютиую».

какъ выставляетъ ихъ лѣтописецъ, по крайней мѣрѣ сравнительно съ силами Ольговичей (1135 г.).

Миръ не могъ быть продолжителенъ: главная причина вражды Ольговичей къ Мономаховичамъ—исключеніе изъ старшинства—существовала во всей силѣ, и при этомъ еще Черниговскіе испытали возможность успѣшной войны съ Мономаховичами, особенно при раздѣленіи послѣднихъ. Изгнаніе брата Всеволодова, Святослава, изъ Новгорода было поводомъ къ новой войнѣ въ 1138 году. Ольговичи оиartz призывали Половцевъ и начали воевать Переяславскую волость по рѣкѣ Сулѣ; Андрей Владиміровичъ не могъ имъ сопротивляться и, не видя помощи отъ братьевъ, хотѣлъ уже бѣжать изъ Переяславля. Но Ольговичи, узнавъ, что Андрею нѣтъ помощи отъ братьевъ, успокоили его *лстивыми* словами, по выраженію лѣтописца: изъ этого извѣстія имѣемъ право заключить, что Ольговичи хотѣли поссорить Андрея съ братьями и привлечь на свою сторону, показывая ему, какъ мало заботятся о немъ братья. Вѣсть о задержкѣ Святослава Ольговича въ Смоленскѣ, на дорогѣ его изъ Новгорода, еще болѣе уселила войну; братъ его, Всеволодъ призвалъ множество Половцевъ, взялъ Прилукъ и собирался уже старымъ путемъ къ Кіеву, какъ узналъ объ огромныхъ приготовленіяхъ Мономаховичей,—и посѣпшалъ отступить въ свою волость, къ Чернигову. Ярополкъ созвалъ братьевъ и племянниковъ, собралъ, кромѣ Кіевлянъ, и Переяславцевъ, также рать изъ *верхнихъ* земель, Суздальцевъ, Ростовцевъ, Полочанъ и Смольнян; Ростиславичи галицкіе и король Венгерскій прислали ему также помощь, наконецъ присоединились къ нему многочисленныя толпы пограничныхъ варваровъ, Берендѣевъ; съ такими силами Ярополкъ уже не сталъ дожидаться Ольговича въ Кіевской волости, но отправился къ нему въ Черниговскую. Всеволодъ испугался и хотѣлъ было уже бѣжать къ Половцамъ, какъ Черниговцы остановили его: «Ты хочешь бѣжать къ Половцамъ», говорили они, «а волость свою погубить; но кчому жъ ты тогда послѣ воротиться? лучше отложи свое высокоуміе и проси мира; мы знаемъ Ярополково милосердіе,—онъ не радуется кровопролитію, Вога радъ онъ помирится, онъ соблюдаетъ Русскую Землю». Всеволодъ послушался и сталъ просить мира у Ярополка: тотъ, по выраженію лѣтописца, будучи добръ, милостивъ нравомъ, богобоязливъ, подобно отцу своему, поразмыслилъ о всемъ хорошенько и не захотѣлъ кровопролитія, а заключилъ миръ у Моравска ⁹⁾, на правомъ берегу Десны. Потомъ заключенъ былъ новый договоръ между нимъ и Ольговичами, неизвѣстно на какихъ условіяхъ ¹⁰⁾ (1136—1139).

Такъ кончилися усобицы на югѣ при старинн-

⁹⁾ Теперь мѣстечко Моравскъ, Остерскаго уѣзда, Черниговской губерніи.

¹⁰⁾ Полн. Собр. Русск. Л. I, 133: «И посемъ пакы створиша миръ Ярополкъ со Всеволодомъ Ольговичемъ, и дари многи межю собою даише».

ствѣ Ярополковомъ; но эти усобицы сильно отозвались также на сѣверѣ, въ Новгородѣ Великомъ. Мы видѣли, какъ при Свѣтополкѣ Новгородцы настояли на томъ, чтобы княземъ у нихъ оставался выросшій въ Новгородѣ Мстиславъ Владиміровичъ. Однако они не долго жили съ этимъ любимымъ княземъ: Мономахъ въ 1116 году вызвалъ его на югъ, и въ Новгородѣ остался сынъ его, Всеволодъ. Молодость князя и смерть двухъ посадниковъ, случившаяся почти въ одинъ годъ⁴⁾, какъ видно, подала поводъ къ смятеніямъ въ городѣ; нѣкоторые бояре и сотскій Ставръ ограбили каиэхъ-то двухъ гражданъ; неизвѣстно впрочемъ, какого рода былъ этотъ грабежъ, потому что иногда грабежъ происходилъ вѣдѣствіе суднаго приговора, и потому трудно рѣшить, виновны ли были Ставръ и бояре въ насилие, или только въ несправедливости. Какъ бы то ни было, Мономахъ и Мстиславъ вызвали всѣхъ бояръ новгородскихъ въ Кіевъ: товарищи Ставра были заточены, другіе отпущены назадъ въ Новгородъ, послѣ того какъ дали клятву вѣрности въ томъ, что впередъ не будетъ подобныхъ происшествій. Кѣмъ былъ избранъ въ то время посадникъ Константинъ Моисеевичъ, неизвѣстно: вѣроятно Кіевскимъ княземъ, если обратимъ вниманіе на обстоятельство. На слѣдующій годъ онъ умеръ, и на его мѣсто пришелъ посадничать изъ Кіева Борисъ, разумѣется присланный Мономахомъ⁵⁾. По смерти послѣдняго въ Кіевѣ поселилъ сына его, Мстислава, а въ Новгородѣ внука, Всеволода; относительно обоихъ въ лѣтописи употребляется одинаковое выраженіе „*посадника*“, въ смыслѣ: граждане хотѣли, просили, призвали. Новгородцы поселили у себя Всеволода вторично, потому что, по вступленіи своемъ на старшій столъ, Мстиславъ могъ перевести его куда-нибудь поближе къ себѣ въ Русь, по примѣру отцовскому; какъ видно, въ это время Новгородцы взяли со Всеволода клятву не разлучаться съ нимъ. На слѣдующій годъ Всеволодъ ходилъ къ отцу въ Кіевъ, но пришелъ опять въ Новгородъ на столъ; въ тотъ же годъ дали посадничество Мірославу Гюрятиничу, причемъ лѣтописецъ не упоминаетъ о смерти прежняго посадника Бориса; къ кому относится выраженіе „*тогдаша посадничество*“ — къ князьямъ ли — Мстиславу и Всеволоду, или къ гражданамъ, — рѣшить трудно. Черезъ годъ, не упоминая о смерти Мірослава, лѣтописецъ говоритъ о назначеніи ему преемника, Давида Дмитріевича, шурина великаго князя Мстислава⁶⁾ и сына прежде бывшаго посадника. Этотъ посадникъ умеръ въ томъ же 1120 году, и на его мѣсто, въ 1129 г., пришелъ изъ Кіева Данилъ; но въ 1130 опять лѣтописецъ

упоминаетъ о назначеніи поваго посадника Петрилы, съ выраженіемъ „*дана*“, и въ то же время говоритъ о походѣ Всеволода на Чудь и о побѣдѣ его въ Кіевъ къ отцу: имѣла ли связь сѣбѣ посадника съ этими событіями — рѣшить трудно. Такъ было при старшинствѣ Мстислава. Тотчасъ по смерти его начались смуты. Всеволодъ, несмотря на клятву не разлучаться съ Новгородцами, прельстился столомъ Переяславскимъ и уѣхалъ въ Русь, не оставивши, какъ видно, князя въ Новгородѣ. Мы уже видѣли разъ, какъ Новгородцы обижались, когда князья мѣняли ихъ городъ на другой; кромѣ того, что перемѣна князи нарушала нарядъ въ городѣ, Новгородцевъ должно было оскорблять и то, что князь, отдавая преимущество какому-нибудь Турову или Переяславу, тѣмъ самымъ унижалъ значеніе стола Рюрикава, ибо и между самими князьями, какъ увидимъ, не исчезала память, что Новгородъ былъ старѣйшимъ столомъ въ Русской Землѣ. Легко понять теперь, что, когда Всеволодъ, прогнанный Юріемъ изъ Переяслава, явился назадъ въ Новгородъ, то нашелъ здѣсь сильное волненіе — *станъ великую въ людехъ*, по выраженію лѣтописца; приплы Псковичи и Ладожане въ Новгородъ, — и Всеволодъ долженъ былъ выѣхать изъ него⁴⁾; потомъ однако граждане скоро одумались и возвратили его назадъ. Можно впрочемъ съ вѣроятностью полагать, что Всеволодъ былъ принятъ не такъ уже, какъ прежде; что здѣсь положено начало условіямъ, или рядомъ Новгородцевъ съ князьями; вѣроятно также съ этого времени и посадникъ перемѣняетъ свой характеръ чиновника княжескаго на характеръ чиновника народнаго, отъ вѣча избирасмаго, хотя не безъ участія князя; въ это время, по крайней мѣрѣ, избрали посадникомъ для пригородовъ — Мірослава для Пскова и Рагуила для Ладоги; это извѣстіе можетъ навести на мысль, что Псковичи и Ладожане за тѣмъ и приходили въ Новгородъ, чтобы требовать назначенія себѣ новыхъ посадниковъ. Есть также прямое извѣстіе, что съ этихъ поръ Всеволодъ не имѣлъ надлежащаго значенія въ Новгородѣ, не могъ заставить его жителей выслать въ Кіевъ обычную печерскую дань, за которую великій князь Ярополкъ долженъ былъ послать другаго племянника Изяслава; послѣднему удалось взять дань⁵⁾.

Между тѣмъ дѣла на югѣ запутывались все болѣе и болѣе. Въ 1134 году явился въ Новгородъ Изяславъ Мстиславичъ, съ тѣмъ чтобы уговорить брата и гражданъ идти войною на дядю Юрія, добыть для Мстиславичей хотя Ростовскую волость, если имъ нѣтъ части въ Русской Землѣ. Начали толковать о Суздальской войнѣ Новгородцы, и убили

⁴⁾ Подл. Собр. Русск. Лѣт. Ш, 4: «Въ се же лѣто (1117) преставися Добрыня, посадникъ Новгородскій. Въ лѣто 6626 (1118). Преставися Дѣмитръ Завидицъ посадникъ Новгородскій, посадничаявъ 7 мѣсяць однуу.

⁵⁾ Тамъ же. IV, 2.

⁶⁾ Тамъ же. Ш, 5: «Оженися Мстиславъ Киевѣ, под Дмитрову Новгородѣ Завидицѣ».

⁴⁾ Тамъ же, стр. 6: «И придоша Пльсковици и Ладожане Новгороду и выгониха князя Всеволода изъ города». — Здѣсь собственно должно понимать, что Псковичи и Ладожане были преимущественно виновниками изгнанія Всеволода; но отъ лѣтописца нельзя требовать такихъ точностей при необикновенно свободной конструкціи, какую онъ обыкновенно употребляетъ.

⁵⁾ Татищ. II, 241.

мужей своихъ, свергнули ихъ съ моста, говорить лѣтописецъ. Изъ этихъ словъ видно, что послѣ предложенія, сдѣланнаго Всеволодомъ о Суздальскомъ походѣ, вѣче было самое бурное: одни хотѣли защищать Мстиславичей, достать имъ волость, другіе—иѣтъ; большинство оказалось на сторонѣ первыхъ, положено идти въ походъ, а несогласное меньшинство отвѣдало Волхова. Мстиславичи съ посадникомъ Петрилою отправились на войну; но едва достигли они до рѣки Дубны ¹⁾, какъ несогласіе городского вѣча повторилось въ полкахъ: противники похода противъ идей въ пользу племянниковъ, противъ сына Мономахова въ пользу внуковъ его—опять подняли голосъ, и на этотъ разъ переселили, заставили князя возвратиться, и тутъ же, отнявъ посадищество у Петрилы, какъ видно желавшаго войны, отдали его Ивану Павловичу. Такъ посадники уже начали смѣняться вѣлѣдствіе перевѣса той или другой враждебной стороны; видно также, что къ противникамъ войны принадлежали люди, вообще не расположенные ко Всеволоду, не хотѣвшіе принять его по возвращеніи изъ Переяславля. Но въ Новгородѣ ждало ихъ поражение: здѣсь противники ихъ опять переселили, и опять Всеволодъ со всею Новгородскою областю пошелъ на Ростовскую Землю въ жестокіе морозы и мятели, несмотря на увѣщанія митрополита Михаила, который пришелъ тогда въ Новгородъ: „Не ходите, грозить имъ митрополитъ, меня Богъ послушаетъ“; Новгородцы задержали его и отирали: на Ждановой горѣ встрѣтились они съ ростовскими полками и потерпѣли поражение, потеряли храбраго посадника своего, Ивана, также Петрилу Николаича, быть можетъ его предшественника, и много другихъ добрыхъ мужей, а Суздальцевъ пало больше, прибавляеть новгородскій лѣтописецъ; по ростовскій говоритъ, что его земляки побѣдили Новгородцевъ, побили ихъ множество и возвратились съ побѣдою великою. Новгородцы, возвратясь домой, выпустили митрополита и выбрали посадникомъ стараго Мірослава Гюргитинича.

Испытавъ вредныя для себя слѣдствія княжескихъ усобицъ, Новгородцы въ 1135 году отправили посадника своего, Мірослава, въ Русь мирить Мономаховичей съ Ольговичами; но онъ возвратился, не сдѣлавъ ничего, потому что сильно „взялась“ вся Земля Русская, по выраженію лѣтописца. Князья не помирились при посредничествѣ Новгородцевъ, но каждый сталъ переманивать ихъ на свою сторону, давать имъ слѣдовательно право выбора. Новгородцы не замедляютъ воспользоваться этимъ правомъ; по кого же выберутъ они?—кому Богъ поможетъ, на чьей сторонѣ останется побѣда. Богъ помогъ Ольговичамъ при Суноѣ, — и противники Мономаховича Всеволода воспользовались этимъ, чтобъ возстать противъ него. Въ 1136 году Новгородцы призвали Псковичей и Ладожанъ, и

стали думать, какъ бы выгнать князя своего Всеволода; подумавши, посадили его въ епископскомъ дворѣ съ женою, дѣтьми и тещею, приставили сторожей стеречь его день и ночь съ оружіемъ, по 30 человекъ на день, и не выпускали до тѣхъ поръ, пока пріѣхалъ новый князь, Святославъ Ольговичъ изъ Чернигова. Выны Всеволода такъ означены въ лѣтописи: 1) не блюдетъ смердовъ; 2) зачѣмъ хотѣлъ сѣсть въ Переяславль; 3) въ битвѣ при Ждановой горѣ прежде всѣхъ побѣжалъ изъ полку; 4) вышнваетъ Новгородъ въ усобицы: сперва велѣлъ присгунить къ Ольговичамъ, а теперь велить отступитъ.—Но изгнаніе сына Мстислава и принятіе Ольговича не могли пройти спокойно въ Новгородѣ, потому что оставалась сильная сторона, приверженная къ Мстиславичамъ: Новгородъ разодрался, какъ разодрались Русская Земля, по выраженію лѣтописца. Въ годъ прибытія Святослава Ольговича (1136) уже встрѣчаемъ извѣстіе о смутѣ: какого-то Юрія Жирславича, вѣроятно приверженца Всеволодова, сбросили съ моста. Но у Мстислава оставалось много другихъ приверженцевъ: они рѣшились умертвить Святослава, стрѣляли въ него, но безъ успѣха. Тогда нѣсколько добрыхъ мужей, и въ томъ числѣ посадникъ Константинъ (избранный на мѣсто Мірослава Гюргитинича, умершаго въ 1135 году ²⁾), побѣжали ко Всеволоду въ Вышгородъ, гдѣ пріятель его дядя Ярополкъ; вмѣсто Константина избрали посадникомъ Якуна Мірославича, вѣроятно сына прежняго посадника, Мірослава Гюргитинича. Новгородскіе бѣглецы сказали Всеволоду, что у него много пріятелей въ Новгородѣ и Псковѣ, которые ждутъ только его появленія: „Ступай, князь, хотять тебя опять“. Всеволодъ отправился съ братомъ, Святополкомъ, и, топоча, былъ принятъ въ Псковѣ; когда онъ ѣхалъ мимо Молодча, то Василько, тамошній князь, самъ вышелъ къ нему на-встрѣчу и проводилъ съ честью, ради заловѣи Вожіей забывая все зло, которое сдѣлалъ отецъ Всеволодовъ, Мстиславъ, всему роду ихъ: Всеволодъ былъ въ его рукахъ теперь, но онъ и не подумалъ мстить ему за отцовское зло; оба цѣловали другъ другу крестъ не поминать прошлаго. Когда въ Новгородѣ узнали, что Всеволодъ во Псковѣ, хочеть сѣсть и у нихъ, то встали сильный мятежъ; большинство не хотѣло Мстиславича, пріятеля его принуждены были бѣжать къ нему во Псковъ; большинство разграбило ихъ дома, стали пскать между оставшимися боярами, иѣтъ ли между ними пріятелей Всеволодовыхъ, съ залодозрѣвшихъ взяли полторы тысячн гривенъ, и дали эти деньги купцамъ на сборы къ войнѣ; между виновными пострадали и невинные. Можно замѣтить, что къ сторонѣ Всеволодовой преимущественно принадлежали бояре, между которыми искали и паходили его пріятелей; а къ противникамъ его преимущественно принадлежали простые люди, что видно также изъ

¹⁾ Рѣка Дубна, впадающая въ Волгу ниже города Корчевы, въ Тверской губерніи.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 4.

главнаго обвиненія: не блюдетъ смердовъ. Свято-славъ Ольговичъ собралъ всю Землю Новгородскую, призвалъ на помощь брата Глѣба съ жителями города Курска и съ Половцами, и пошелъ выгонять Всеволода изъ Пскова; но Псковичи съ перваго раза уже показали стойкость, какою отличались послѣ, тѣмъ болѣе что выгодно было для нихъ подучить особаго князя и освободиться такимъ образомъ отъ влiянiя старшаго города; они не покорились Новгородцамъ, не выгнали отъ себя Всеволода, но приняли мѣры предосторожности на случай нападенiя, сдѣлали повсюду засѣки. Святославъ и Новгородцы увидали, что война будетъ трудная, усилѣхъ не вѣрный, и потому возвратились съ дороги, говоря: „Не хотимъ проливать крови братьевъ своихъ; пусть Богъ все управитъ своимъ промысломъ“¹⁾. Всеволодъ умеръ въ томъ же 1137 году; Псковичи взяли на его мѣсто брата его Святополка, а между тѣмъ Новгородцы испытывали большiя непрiятности; Мономаховичи и союзники ихъ сердились на нихъ за то, что они держали у себя Ольговича, и потому прекратили съ ними торговлю: не было мира ни съ Суздальемъ, ни съ Смоленскомъ, ни съ Кіевомъ, ни съ Полоцкомъ; отъ прекращения подвозовъ сдѣлалась дорогая ина въ сѣбѣстныхъ припасахъ. Но издѣль враждебное раздѣленiе, происшедшее въ княжескомъ родѣ, помогло Новгороду выйти изъ затруднительнаго положенiя. Мы видѣли, что причиною торжества Ольговичей было раздѣленiе въ самой семьѣ Мономаха, раздвоенiе между старшими племянниками и младшими дядьми; пользуясь этимъ раздвоенiемъ, Ольговичи будутъ имѣть случай давать силу своимъ утраченнымъ правамъ, получать старшинство и Кіевъ. Это тройное раздѣленiе потомства Ярослава очень важно относительно новгородской исторiи: съ одной стороны частая смѣна великихъ князей изъ трехъ враждебныхъ линiй заставляла Новгородцевъ, признававшихъ зависимость свою всегда отъ старшаго Ярославича, сообразоваться съ этою смѣною и также пережигать своихъ князей, что усиливало внутреннiя волненiя, производимыя прержвенцами изгоняемыхъ князей и врагами ихъ; съ другой стороны—давала Новгороду возможность выбора изъ трехъ линiй, что необходимо усиливало произволъ вѣча и, вѣдетъ съ тѣмъ, увеличивало его значенiе, его требованiя, давало Новгородцамъ видъ народа вольнаго. Такъ Новгородъ, сообразуясь съ черегъною, послѣдовавшею на югѣ въ пользу Ольговичей, смѣняетъ Мономаховича; будучи приведены этою смѣною въ затруднительное положенiе, онъ находитъ средство выйти изъ него безъ вреда себѣ и униженiя: онъ можетъ примириться съ Мономаховичами, не имѣя нужды принимать опять Мстиславича, онъ можетъ отдаться въ покровительство Юрiя Ростовскаго, взять себѣ въ князья его сына;—

Юрiй защититъ его отъ Ольговичей, какъ ближайшiй сосѣдь, и примиритъ съ Мономаховичами, избавивъ отъ униженiя принятъ Святополка, т. е. признать торжество Псковичей. Наконецъ, призванiе Юрьевича примиряло въ Новгородѣ всѣ стороны: для приверженцевъ племени Мономахова онъ былъ внукъ его, для враговъ Всеволода—онъ не былъ Мстиславичемъ; расчетъ былъ вѣренъ, и Ростиславъ Юрьевичъ призванъ на столъ Новгородскiй, а Святославу Ольговичу указанъ путь изъ Новгорода.

Усобицы заняли все вниманiе князей въ княженiе Ярополково, и не было похода на враговъ внѣшнихъ: Половцы опомнились отъ ударовъ, нанесенныхъ имъ при Момахѣ и Мстиславѣ, и опять получили возможность пустошить Русскую Землю; въ 1138 г. они опустошили Курскую волость; союзные отряды ихъ являлись даже въ области Новгородской. Чудь также воспользовалась смутами, возникшими въ Новгородѣ, и не только перестала платить дань, но, собравшись, овладѣла Юрьевымъ и перепила тамошнихъ жителей. Въ 1133 году Всеволодъ, по вторичномъ утвержденiи въ Новгородѣ, предпринималъ походъ на Чудь и отнялъ у ней опять Юрьевъ²⁾.

Въ 1139 году умеръ Ярополкъ. Въ лѣтописи замѣчаемъ сильную привязанность къ этому князю, который напоминалъ народу отца своего мужествомъ, славою удачныхъ походовъ на Половцевъ и, какъ видно, нравственными качествами. Мы видѣли, что излiшняя отвага, самонадѣянность были губельны при Супоѣ для Ярополка и всего его племени; мы видѣли также, что несчастный уговоръ его съ старшимъ братомъ былъ причиною усобицы, раздирившихъ Русскую Землю во все время его старшинства; но, прежде нежели станемъ обвинять Ярополка въ недостаткѣ умѣнья или твердости, вспомнимъ о неопредѣленности родовыхъ отношенiй, о слабой подчиненности младшихъ членовъ рода старшему, особенно когда старшiй былъ не отецъ и даже не дядя, но братъ, и то не самый уже старшiй; младшiе братья и племянники считали себя въ полномъ правѣ вооруженною рукою противиться распоряженiямъ старшаго, если имъ казалось, что эти распоряженiя клонятся къ ихъ невыгодѣ; мы видѣли всю затруднительность положенiя Ярополка: что ему было дѣлать съ страннымъ Вячеславомъ, который двигался изъ одной волости въ другую, и сталъ, по лѣтописи, главнымъ виновникомъ усобицы? Въ народѣ видѣли это несчастное положенiе великаго князя, его благонамѣренность и потому не утратили прежней любви къ благовѣрной отрасли знаменитаго Мономаха.

По смерти Ярополка, преемникомъ его на старшемъ столѣ былъ, по всѣмъ правамъ, братъ его Вячеславъ, который вступилъ въ Кіевъ безпреткновенно. Но какъ скоро Всеволодъ Ольговичъ узналъ о смерти Ярополка, и что въ Кіевѣ на его

¹⁾ Полн. Собран. Русск. Лѣт. Ш, 8: «И съдухавше князь и людѣ на пути, всытитишеся на *Дубровль*». — Въ Порховскомъ уѣздѣ на большой дорогѣ изъ Новгорода есть погостъ Дуброво, или Дубровка, на рѣкѣ Удохѣ, впад. въ Шелювъ.

²⁾ Тамъ же, стр. 6; Татищ. II, 246.

мѣстѣ сидитъ Вячеславъ, то немедленно собралъ небольшую дружину, и съ братьями, роднымъ Святославомъ и двоюроднымъ Владиміромъ Давидовичемъ, явился на западной сторонѣ Днѣпра и занялъ Вышгородъ; отсюда, выстроивъ полки, пошелъ къ Кіеву, сталъ въ Копыровѣ концѣ и началъ зажигать дворы въ этой части города, поспавши сказать Вячеславу: „Иди добромъ изъ Кіева“. Вячеславъ отправилъ къ нему митрополита съ такимъ отвѣтомъ: „И, братъ, пришелъ сюда на мѣсто братьевъ своихъ, Мстислава и Ярополка, по завѣщанію нашихъ отцовъ; если же ты, братъ, захотѣлъ этого стола, оставя свою отчину, то пожалуй я буду меньше тебя, пойду въ прежнюю свою волость, а Кіевъ тебѣ“¹⁾. И Всеволодъ вошелъ въ Кіевъ съ честью и славою великою, говоритъ лѣтописецъ. Такимъ образомъ, Ольговичу, мимо стараго, отцовскаго обычая, удалось овладѣть старшимъ столомъ. Какія же были причины такого страннаго явленія? Какимъ образомъ Мономаховичи позволили Святославу внуку занять Кіевъ не по отчинѣ? Въ это время племѣ Мономаховъ было въ самомъ затруднительномъ положеніи, именно было безъ главы, и вражда шла между его членами. Старшимъ въ этомъ племени оставался Вячеславъ; но мы видѣли его характеръ, дѣлавшій его неспособнымъ блюсти выгоды рода, поддерживать въ немъ единство, нарядъ. Дѣятельнѣе, способнѣе его былъ слѣдующій братъ, Юрій Ростовскій; но, какъ младшій, онъ не могъ дѣйствовать отъ своего имени, мимо Вячеслава; притомъ его мало знали на югѣ, а это было очень важно относительно народонаселенія; да и когда узнали его, то нашли, что онъ мало похожъ на отца своего и духъ старшихъ братьевъ. Добрымъ княземъ слылъ послѣдній Мономаховичъ—Андрей; но, какъ самый младшій, онъ также не могъ дѣйствовать въ члѣ племени. Князь, который по своимъ личнымъ доблестямъ одинъ могъ быть представителемъ Мономахова племени для народа,—это былъ Изяславъ Мстиславичъ Владимірово-Волынской, теперь старшій сынъ стараго изъ Мономаховичей: необыкновенно храбрый, щедрый къ дружинѣ, привѣтливый къ народу, Изяславъ былъ образцомъ князя, по тогдашнимъ понятіямъ, напоминалъ народу своего знаменитаго дѣда, и былъ потому въ его глазахъ единственною отраслью добраго племени. Но мы видѣли, какъ Изяславъ былъ поставленъ во враждебныя отношенія къ старшимъ членамъ рода, къ дядьямъ своимъ, отъ которыхъ

не могъ ждать ничего хорошаго ни для себя, ни для дѣтей своихъ. Находясь, съ одной стороны, во враждѣ съ родными дядьями, съ другой—Изяславъ былъ въ близкомъ свойствѣ со Всеволодомъ Ольговичемъ, который былъ женатъ на старшей его сестрѣ, и, по тогдашнимъ понятіямъ, какъ старшій зять, заступалъ мѣсто стараго брата и отца. Всеволодъ видѣлъ, что только вражда между членами Мономахова племени могла доставить ему старшинство, и потому снѣшилъ привлечь на свою сторону самаго доблестнаго изъ нихъ, Изяслава, что ему было легко сдѣлать по близкому свойству и по прежнимъ связямъ: онъ могъ хвалиться передъ Изяславомъ, что, только благодаря ему, тотъ могъ помириться съ дядьями и получить отъ нихъ хорошую волость. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Всеволодъ послалъ сказать Изяславу: „Послѣ отца твоего Кіевъ принадлежитъ тебѣ (это могъ сказать Всеволодъ, выгнавшій дядю); но дядья твои не дадутъ тебѣ въ н.мѣ сѣсть: самъ знаешь, что и прежде васъ отовсюду выгоняли, и еслибъ не я, то никакой волости вамъ бы не досталось; поэтому теперь я хочу Кіевъ взять, а васъ буду держать какъ родныхъ братьевъ, и не только теперь дамъ вамъ хорошія волости, но по смерти моеѣ Кіевъ отдамъ тебѣ; только вы не соединитесь съ дядьями своими на меня“. Изяславъ согласился, и утвердили договоръ крестнымъ цѣлованіемъ. Этимъ только извѣстіемъ можно объяснить равнодушіе Кіевлянъ при занятіи Ольговичемъ ихъ города, тогда какъ они могли съ успѣхомъ сопротивляться его *малой* дружинѣ²⁾. Безъ сомнѣнія, Всеволодъ явился къ Кіеву съ такими ничтожными силами, знал, что сопротивленія не будетъ. Но, удививши дѣло относительно шурыевъ своихъ, Мстиславичей, Всеволодъ долженъ былъ улаживаться съ собственнымъ племениемъ, родными и двоюродными братьями—Ольговичами и Давидовичами. Чтобы имѣть себѣ и въ тѣхъ и въ другихъ помощь при овладѣніи Кіевомъ, Всеволодъ, по извѣстіямъ лѣтописца³⁾, родному Игорю и двоюродному Владиміру обѣщаль послѣ себя Черниговъ; но, сѣвши въ Кіевѣ, отдалъ Черниговъ Владиміру Давидовичу, и такимъ образомъ перессорилъ родныхъ братьевъ съ двоюродными. Но по другимъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ⁴⁾, онъ обѣщаль, что какъ скоро овладѣтъ Кіевомъ, то выгонитъ Мономаховичей изъ ихъ волостей, которыя отдастъ роднымъ братьямъ, а двоюродные останутся въ Черниговѣ; боясь же теперь дѣйствовать противъ Мономаховичей, чтобы не заставить ихъ соединиться противъ себя, онъ не могъ сдержать обѣщанія роднымъ братьямъ, и радъ былъ, перессоривъ ихъ съ двоюродными: иначе трудно себѣ представить, чтобы онъ могъ съ успѣхомъ облачить братьевъ, обѣщая всеѣмъ оди и то же.

Несмотря однако на всѣ хитрости Всеволода и на то, что онъ хотѣлъ сначала падить Мономахо-

²⁾ Татищ. II, 259.

³⁾ Полн. Собр. Руск. Лѣт. II, 15.

⁴⁾ Татищ. II, 259.

¹⁾ Воскрес. I, 276. Нѣкоторые изслѣдователи изъ словъ: «по отцу нашимъ завѣщанію» выводятъ, что былъ договоръ между Мономахомъ и Олегомъ, по которому послѣдній отрекся отъ Кіева за себя и потомство. Правда, что *завѣщаніе* въ древнемъ нашемъ языкѣ употребляется въ смыслѣ договора, однако скорѣе можно здѣсь разумѣть обычай предковъ, по которому сынъ не могъ наследовать старшинства, если отецъ его не былъ старшимъ; тѣмъ болѣе что Изяславъ прямо указываетъ на Черниговъ, отчину Всеволода; послѣдній, по означенному обычаю, могъ быть старшимъ только въ племени Святославовомъ, владѣть Черниговомъ какъ отчиномъ, а никакъ не Кіевомъ.

впечей, только разведывая ихъ, послѣдніе не хотѣли спокойно уступать ему старшинства. Первый, какъ слѣдовало ожидать, началъ Юрій: онъ пріѣхалъ въ Смоленскъ къ племяннику Ростиславу Мстиславичу, который былъ всегда почитателенъ къ дядьямъ, и потому могъ быть посредникомъ между ними и братьями своими. Изъ лѣтописи можно заключить, что переговоры между Мономаховичами сначала шли усильно, потому что когда Всеволодъ сталъ дѣлать имъ мирныя предложенія, а Изяслава Мстиславича звалъ къ себѣ въ Кіевъ на личное свиданіе, то Мономаховичи не захотѣли вступить съ нимъ ни въ какія соглашенія, продолжали пересылаться между собою, собираясь идти на него ратью¹⁾. Тогда Всеволодъ рѣшился предупредить ихъ, напасть на каждого по одиночкѣ, отнять волости и раздать ихъ братьямъ по уговору: онъ надѣялся на свою силу, говоритъ лѣтописецъ, самъ хотѣлъ всю Землю держать.—Пославши двоюроднаго брата своего, Изяслава Давидовича, и галицкихъ князей, внуковъ Ростиславовыхъ, съ Половцами на Изяслава Волынского и дядю его, Вячеслава Туровскаго, Всеволодъ самъ съ роднымъ братомъ, Святославомъ, пошелъ къ Переяславлю на Андрея. Онъ хотѣлъ посадить здѣсь Святослава и, ставши на Днѣпрѣ, послалъ сказать Андрею: „Ступай въ Курскъ“. Согласится Андрею на это требованіе, взять позначительную, отдаленную Черниговскую волость и отдать во враждебное племя Переяславль, столь дѣдовскій и отцовскій, значило—не только унижить себя, но и нанести безцельно цѣлому племени, цѣлой линіи Мономаховой, отнять у ней то значеніе, тѣ преимущества и волости, которыя были утверждены за нею Владиміромъ и двумя старшими его сыновьями. Ольговичи были исключены изъ старшинства, должны были ограничиться одними черниговскими волостями, вслѣдствіе чего всѣ остальные русскія волости стали исключительною отчиною Мономаховичей, а теперь Ольговичи насильемъ, мимо отцовскаго обычая, хотѣли отнять у нихъ полученныя отъ отца волости, и дать вмѣсто нихъ свои—черниговскія, худшія! Всюмиръ, какъ послѣ члены родовъ боялись занять какое-нибудь мѣсто, котораго не занимали ихъ старшіе, чтобъ не нанести *поруки* роду, и для насъ не удивителенъ будетъ отвѣтъ Андрея; подумавши съ дружиною, онъ велѣлъ сказать Всеволоду: „Лучше мнѣ умереть съ дружиною на своей отчинѣ и дѣдишѣ, чѣмъ взять Курское княженіе; отецъ мой сидѣлъ не въ Курскѣ, а въ Переяславѣ, и я хочу на своей отчинѣ умереть; если же тебѣ, братъ, еще мало волостей, мало всей Русской Земли, а хочешь взять и эту волость, то убей меня и возьми ее, а живой не пойду изъ своей волости. Это не въ диковину будетъ нашему роду; такъ и прежде бывало: развѣ Святополкъ не убилъ Бориса и Глѣба за волость? Но самъ долго ли пожилъ? И здѣсь

жизни лишился, да и тамъ вѣчно мучится“. Всеволодъ не пошелъ самъ къ Переяславлю, но послалъ туда брата, Святослава, который встрѣтился на дорогѣ съ дружиною Андреевою и былъ разбитъ: побѣдители гнались за нимъ до мѣста Карани²⁾; далѣе Андрей не велѣлъ преслѣдовать. На другой день Всеволодъ помирился съ Переяславскимъ княземъ, на какихъ условіяхъ—не извѣстно: вѣроятно Андрей обѣщался отстать отъ союза съ своими, признать старшинство Всеволода, а тотъ—оставить его въ Переяславѣ. Андрей уже поцѣловалъ крестъ, но Всеволодъ еще не успѣлъ, какъ въ ночь загорѣлся Переяславль. Всеволодъ не воспользовался этимъ несчастіемъ, и послалъ на другой день сказать Андрею: „Видишь, я еще креста не цѣловалъ, такъ еслибъ хотѣлъ сдѣлать тебѣ зло, могъ бы: Богъ мнѣ давалъ васъ въ руки, самъ зажгли свой городъ; что мнѣ было годно, то-бъ я и могъ сдѣлать; а теперь ты цѣловалъ крестъ; исполнишь свою клятву—хорошо, не исполнишь—Богъ тебѣ будетъ судья“. Помирившись съ Андреемъ, Всеволодъ пошелъ назадъ въ Кіевъ.

Между тѣмъ война шла на западѣ: сначала войско, посланное противъ Изяслава къ Владиміру, дошедши до рѣки Горыни, испугалось чего-то и возвратилось назадъ; потомъ галицкіе князья призвали къ себѣ Изяслава Мстиславича для переговоровъ, но не могли уладиться: быть можетъ, они хотѣли воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Волынскаго князя и распространить свою волость на его счетъ. Поляки, помогая Всеволоду, повоевали Волынь; Изяславъ Давидовичъ—Туровскую волость; но дѣло этимъ и кончилось: и дядя, и племянникъ остались на своихъ столахъ. Съ сѣвера однако не было сдѣлано никакихъ движеній въ ихъ пользу, ни изъ Суздаля, ни изъ Смоленска: Юрій, будучи въ послѣднемъ городѣ, послалъ къ Новгородцамъ звать ихъ на Всеволода; по тѣмъ не послушался, и сынъ его Ростиславъ пріѣхалъ изъ Новгорода къ отцу въ Смоленскъ; тогда Юрій, разсердившись, возвратился назадъ въ Суздальскую область и оттуда захватилъ у Новгородцевъ Торжокъ: вотъ единственная причина, которую находимъ въ лѣтописи для объясненія недѣятельности Юрія. Ростиславъ одинъ не отважился идти на помощь къ своимъ, которые, будучи предоставлены собственнымъ силамъ, принуждены были отправить пословъ къ Всеволоду съ мирными предложеніями; Всеволодъ сперва-было не хотѣлъ заключать мира на предложенныхъ имъ условіяхъ, но потомъ рассудилъ, что ему нельзя быть безъ Мономаховичей, согласился на ихъ условія и цѣловалъ крестъ. Какія были эти условія,—лѣтописецъ не говоритъ; какъ видно, договорились, чтобъ каждому изъ Мономаховичей остаться при своихъ волостяхъ. Почему Всеволодъ думалъ, что ему нельзя обойтись безъ Мономаховичей,—довольно ясно: при черниговской,

¹⁾ Татищ. II, стр. 261. У Татищева сказано, будто Изяслава увѣдомили, что вѣтъ хотѣтъ схватить его, и потому онъ не поѣхалъ къ нему въ Кіевъ.

²⁾ Деревня Карань, въ 5 верстахъ отъ Переяславля, па Трубежѣ.

галицкой и польской помощи ему не удалося силою лишить волости ни одного изъ нихъ, несмотря на то, что южные были оставлены съверными, дѣйствовали порознь, только оборонительно: народное расположение было на ихъ сторонѣ.

Мономаховичи были разсѣдинены враждою, чѣмъ единственно и держался Всеволодъ въ Кіевѣ; но за то и между Ольговичами была постоянная размолвка. Святославъ Ольговичъ, призванный въ другой разъ въ Новгородъ, опять немогъ ужиться съ его жителями и обѣжалъ оттуда въ Стародубъ; Всеволодъ вызвалъ его къ себѣ въ Кіевъ, но братья не уладились о волостяхъ; Святославъ пошелъ въ Курскъ, которымъ владѣлъ вмѣстѣ съ Новгородомъ—Сѣверскимъ; чѣмъ владѣлъ Игорь—не извѣстно; потомъ скоро Всеволодъ далъ Святославу Вѣлгородъ ¹⁾. Игорь продолжалъ враждовать съ Давыдовичемъ за Черниговъ, ходилъ на него войско, но заключилъ миръ. Смерть Андрея Владиміровича Переяславскаго, случившаяся въ 1142 г., подала поводъ къ новымъ перемѣщеніямъ и смутамъ: Всеволоду, какъ видно, неловко было сидѣть въ Кіевѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ волостями Мономаховичей, и потому онъ послалъ сказать Вячеславу Туровскому: „Ты сидишь въ Кіевской волости, а она мнѣ слѣдуетъ; ступай въ Переяславль, отчину свою“. Вячеславъ не имѣлъ никакого предлога не идти въ Переяславль, и пошелъ; а въ Туровѣ посадилъ Всеволодъ сына своего, Святослава. Это распоряженіе должно было озлобить Ольговичей; тяжело стало у нихъ на сердцѣ, говорить лѣтописецъ: волости даетъ сыну, а братьевъ ничѣмъ не надѣлил. Тогда Всеволодъ позвалъ къ себѣ рядиться всѣхъ братьевъ, родныхъ и двоюродныхъ; они пришли и стали за Дибиромъ: Святославъ Ольговичъ, Владиміръ и Изяславъ Давыдовичи въ Ольжичахъ, а Игорь у Городца; прямо въ Кіевъ слѣдовательно не поѣхали, вели переговоры черезъ Дибиръ; Святославъ поѣхалъ къ Игорю и спросилъ: „Что тебѣ дать братъ старшій?“ Игорь отвѣчалъ: „Даетъ намъ по городу,—Брестъ и Дрогичинъ ²⁾, Чарторыйскъ и Клецкъ, а отчины своей, Земли Вятичей, не даетъ“. Тогда Святославъ поцѣловалъ крестъ съ Игоремъ, а на другой день цѣловали и Давыдовичи на томъ, чтобы стоять всему племени заодно противъ неправды старшаго брата; сказали при этомъ: „Кто изъ насъ отступится отъ крестнаго цѣлованія, тому крестъ отомститъ“. Когда послѣ этого Всеволодъ прислалъ звать ихъ на обѣдъ, то они не поѣхали и велѣли сказать ему: „Ты сидишь въ Кіевѣ, а мы просимъ у тебя Черниговской и Новгородской (Сѣверской) волости,

Кіевской не хотимъ“. Всеволодъ никакъ не хотѣлъ уступить имъ Вятичей, вѣрно приберегалъ ихъ на всякій случай своихъ дѣтямъ, а все давалъ имъ тѣ четыре города, о которыхъ было прежде сказано. Братья велѣли сказать ему на это: „Ты намъ братъ старшій; но если не дашь, такъ мы сами будемъ искать“; и, разсорившись съ Всеволодомъ, поѣхали ратью къ Переяславу на Вячеслава,—вѣрно надѣялись такъ-же легко выгнать его изъ этого города, какъ братъ ихъ, Всеволодъ, выгналъ его изъ Кіева; но обманулись въ надеждѣ, встрѣтили отпоръ у города, а между тѣмъ Всеволодъ послалъ на помощь Вячеславу воеводу Лазаря Саковскаго съ Печенѣгами и Кіевлянами; съ другой стороны, Изяславъ Мстиславичъ, услышавъ, что Черниговскіе пришли на его дядю, посиѣвши, отправился съ полкомъ своимъ къ Переяславу и разбилъ ихъ: четверо князей не могли устоять противъ одного и поѣхали въ свои города; а между тѣмъ явился Ростиславъ съ смоленскимъ полкомъ и повоевалъ Черниговскую волость по рѣкѣ Сожѣ ³⁾. Тогда Изяславъ, услыша, что братъ его выгналъ Черниговскихъ, бросился на волость ихъ отъ Переяслава, повоевалъ села по Деснѣ и около Чернигова, и возвратился домой съ честью великою. Игорь съ братьями хотѣлъ отомстить за это: поѣхали въ другой разъ къ Переяславу, стали у города, быль три дня, и опять, ничего не сдѣлавши, возвратились домой. Тогда Всеволодъ вызвалъ изъ монастыря брата своего двоюроднаго, Святону (Святослава-Николая Давыдовича, постригагося въ 1106 году) и послалъ къ братьямъ, велѣвъ сказать имъ: „Братья мои! возьмите у меня съ любовію, что вамъ даю — Городецъ ⁴⁾, Рогачевъ, Брестъ, Дрогичинъ, Клецкъ; не войте больше съ Мстиславичамъ“. На этотъ разъ, потерявши смѣлость отъ неудачъ подъ Переяславлемъ, они исполнили волю старшаго брата, и когда онъ позвалъ ихъ къ себѣ въ Кіевъ, то всѣ явились на зовъ. Но Всеволоду, который сохранилъ свое пріобрѣтеніе только вслѣдствіе разсѣдиненія, вражды между остальными князьями, не нравился союзъ между братьями; чтобъ разсорить ихъ, онъ сказалъ Давыдовичамъ: „Отступите отъ моихъ братьевъ, я васъ надѣлю“; тѣ прельстились обѣщаніемъ, нарушили клятву и перешли отъ Игоря и Святослава на сторону Всеволода. Всеволодъ обрадовался ихъ разлученію, и

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 18: «И взя около Гоміа влость, ихъ всю».—Гомій (Гомель),—мѣстечко Могилевской губерніи, Вѣлицкаго уѣзда.

⁴⁾ Городецъ Остерскій, или Юрьевъ, принадлежавшій Юрію Долгорукому Ростовскому и отнятый у него недавно Всеволодомъ; Рогачевъ—уѣздный городъ Могилевской губерніи; о Рогачевѣ Волынскомъ нельзя думать, потому что между Святославичами дѣло шло о дѣлѣхъ Турово-Пинскаго княжества, пріобрѣтеннаго теперь этою линіею вслѣдствіе переселенія Вячеслава въ Переяславль; Всеволодъ и даетъ туровскіе города или черниговскіе, за нимъ оставшіеся, а волынскихъ онъ не могъ отдавать: они принадлежали Изяславу Мстиславичу; Чарторыйскъ мѣстечко находится на границѣхъ Владимірскаго княжества съ Туровскимъ и принадлежитъ къ послѣднему.

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 17: «Въ то же время Всеволодъ, разлучивъ съ братомъ своимъ, и да ему Вѣлгородъ».—Это мѣсто подозрительно: *разлучивъ съ братомъ своимъ* не имѣетъ смысла; необходимо предположить здѣсь еще третье лицо, кромѣ Всеволода и Святослава; это предположеніе необходимо и вслѣдствіе союза «и», поставленнаго послѣ дѣяричастія; это третье лицо очень можетъ быть Игорь.

²⁾ Мѣстечко Гродневской губерніи, Кобринскаго уѣзда.

такъ распорядился волостями: Давидовичамъ далъ Брестъ, Дрогичинъ, Вишижъ и Оршину ¹⁾, а родныхъ братьямъ далъ—Игорю Городецъ Остерский и Рогачевъ, а Святославу—Клепкъ и Чарторыйскъ. Ольговичи помирились поневоля на двухъ городахъ, и подняли снова жалобы, когда Вячеславъ, по согласію съ Всеволодомъ, помѣнялся съ племянникомъ своимъ, Изяславомъ,—отдалъ ему Переяславль, а самъ взялъ опять прежнюю свою волость, Туровъ, откуда Всеволодъ вывелъ своего сына во Владиміръ; понятно, что Вячеславу не правилось въ Переяславль, гдѣ уже его не разъ осаждали Черниговскіе, тогда какъ храбрый Изяславъ могъ отбиться отъ какого угодно врага. Не поправилось это перемѣщеніе Ольговичамъ; стали роптать на старшаго брата, что побираетъ шурьямъ своимъ—Мстиславичамъ: „Этo наши враги“, говорили они, „а онъ осажался ими около, намъ на безголовье и безмъстье, да и себѣ“ Они наскучивали Всеволоду просьбами своими идти на Мстиславичей; но тотъ не слушался: это все показываетъ, что прежде точно Всеволодъ обѣщаль братьямъ помѣститъ ихъ въ волостяхъ Мономаховскихъ; но теперь Ольговичи должны были видѣть, что исполненіе этого обѣщанія вовсе не легко, и настаиваніе на это можетъ показывать только ихъ неразумность, хотя очень понятны ихъ раздражительность и досада на старшаго брата. Изяслава Мстиславича однако, какъ видно, безпокоила вражда Ольговичей; изъ поведенія Всеволода съ братьями онъ очень ясно видѣлъ, что это за человекъ; можно ли на него въ чемъ-нибудь положиться; могъ ясно видѣть, что Всеволодъ только по нуждѣ терпитъ Мономаховичей въ хорошихъ волостяхъ, и потому рѣшился попытаться, нельзя ли помириться съ дядею Юріемъ. Онъ самъ отправился къ нему въ Суздаль; но не могъ уладиться, и побѣжалъ изъ Суздаля сперва къ брату Ростиславу въ Смоленскъ, а потомъ къ брату Святополку въ Новгородъ, гдѣ и зимовалъ.

Таковы были отношенія между двумя главными линиями Ярославова потомства, при старшинствѣ внука Святослава. Обращаясь теперь къ другимъ. Здѣсь первое мѣсто занимаютъ Ростиславичи, которые начали тогда носить названія князей Галицкихъ. Извѣстные намъ Ростиславичи — Володаръ и Василько—умерли оба въ 1124 году; послѣ Володаря осталось два сына—Ростиславъ ²⁾ и Владиміръ, извѣстный больше подъ уменьшительнымъ именемъ Владимірка; послѣ Василька—Григорій и Иванъ. Изъ князей этихъ самымъ замѣчательнымъ явился второй Володаревичъ, Владимірко: несмотря на то, что отовсюду былъ окруженъ сильными врагами, Владимірко умѣлъ не только удержаться

въ своей волости, но и успѣлъ оставить ее своему сыну могущественнымъ княжествомъ, котораго союзъ или вражда получили большую важность для народовъ сосѣднихъ. Будучи слабымъ между многими сильными, Владимірко не разбиралъ средствъ для достиженія цѣли: большею частію дѣйствовалъ ловкостью, хитростью, не смотрѣлъ на клятвы. Призванъ на помощь Венгровъ, онъ всталъ на старшаго брата своего Ростислава въ 1127 году; но Ростиславу помогли двоюродные братья Васильковичи и великій князь Кіевскій—Мстиславъ Владиміровичъ. Съ Ростиславомъ ему не удалось сладить; но когда умеръ Ростиславъ, равно какъ оба двоюродные братья Васильковичи, то Владимірко взялъ себѣ обѣ волости—Перемышльскую и Теробовльскую, и не подѣлился съ племянникомъ своимъ, Иваномъ Ростиславичемъ, княжившимъ въ Звенигородѣ. Усобицы, возникшія на Руси по смерти Мстислава Великаго, давали Владимірку полную свободу дѣйствовать. Мы видѣли, что въ войнѣ Всеволода Ольговича съ Мономаховичами, Владимірко съ однимъ изъ двоюродныхъ братьевъ своихъ, Иваномъ Васильковичемъ ³⁾, помогалъ Всеволоду; но отношенія перемѣнились, когда на столѣ Волынскомъ, вмѣсто Изяслава Мстиславича, сѣлъ сынъ Всеволодовъ — Святославъ. Князь съ такимъ характеромъ и стремленіями, какъ Владимірко, не могъ быть хорошимъ сосѣдомъ; Святославъ и отецъ его также не были уступчивы, и потому не удивительно читать въ лѣтописи подъ 1144 годомъ, что Всеволодъ разсорился съ Владиміркомъ за сына, начали искать другъ на другѣ вины, и Владимірко отослалъ въ Кіевъ крестную грамоту. Всеволодъ пошелъ на него съ обоими родными братьями, съ двоюроднымъ Владиміромъ Давидовичемъ, Мономаховичами—Вячеславомъ Туровскимъ, двумя Мстиславичами—Изяславомъ и Ростиславомъ, съ сыномъ Святославомъ, двумя сыновьями Всеволода Городеискаго, съ Владиславомъ, Польскимъ княземъ; нудили *многочислаго* Владимірка *неволю* пріѣхать *ко Всеволоду* поклониться; но тотъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ, и привелъ къ себѣ на помощь Венгровъ. Всеволодъ пошелъ къ Теробовлю; Владимірко вышелъ къ нему на-встрѣчу, но битвы не могли, потому что между ними была рѣка Сереть, и оба пошли по берегамъ рѣки къ Звенигороду ⁴⁾. Всеволодъ,

³⁾ Поли. Собр. Русск. Лѣт. II, 17, подъ годомъ 1141: «Преставися у Галичи Васильковичъ Иванъ, и при волости его Володичерко Володаревичъ, сѣде въ обою волостью князя въ Галичѣ».

⁴⁾ Изъ многихъ Звенигородовъ вѣроятно здѣсь и въ другихъ мѣстахъ разумѣется тотъ, который находился подъ Львовымъ въ Вережакомъ округѣ. Въгъ опущенныя въ текстъ подробности лѣтописнаго по Лавр. списку, который здѣсь исправилъ Платыевскаго: «И не могона битися, зане башеть межн ими рѣка Сереть, пдоши обои подлѣ рѣку, за педѣлю, къ Звенигороду: и на Рожий полѣ не могона ся бити, зане Володичерь стоя на Голыхъ горахъ». Приде же къ нему (т. е. Всеволоду) Изяславъ Давидовичъ съ Половци, перевахъ два города, Ушницю и Микулицю. И иде Всеволодъ къ Звенигороду и ста по сей сторонѣ города, а Владичерьъ обѣ одну страцу, шедъ съ горы, а межн

¹⁾ Вишижъ, село Орловской губерніи, въ 40 верстахъ отъ Брянска; есть два села Воршиныхъ въ Могилевскомъ уѣздѣ.

²⁾ Я ставлю Ростислава старшимъ потому, что ему достался старшій столъ Перемышль, тогда какъ Владимірку достался Звенигородъ, по извѣстію Стрыйковскаго.

къ которому пришелъ двоюродный братъ Изяславъ Давидовичъ съ Половцами, стать объ одну сторону Звенигорода, а Владимірко—по другую; мелкая рѣка раздѣляла оба войска. Тогда Всеволодъ велѣлъ чинить гати; войска его перешли рѣку и зашли въ тылъ Владимірку, отрѣзавъ его отъ Перемышля и Галича. Видя это, Галичане востоконались: „Мы здѣсь стоимъ, говорили они, а тамъ жепъ нашихъ возьмутъ“. Тогда ловкій Владимірко нашелся, съ какой стороны начать дѣло; онъ послалъ сказать брату Всеволоду, Игорю: „Если помиришь меня съ братомъ, то по его смерти помогу тебѣ съѣсть въ Кіевѣ“. Игорь прельстился обѣщаніемъ и началъ хлопотать о мирѣ, приступая къ брату то съ мольбою, то съ сердцемъ: „Не хочешь ты миѣ добра; зачѣмъ ты миѣ назначилъ Кіевъ послѣ себя, когда не даешь друга сыскать?“ Всеволодъ послушался его и заключилъ миръ. Владимірко выѣхалъ къ нему изъ стана, поклонился и далъ за трудъ 1,400 гривенъ серебра: прежде онъ много говорилъ, а послѣ много заплатилъ, прибавляетъ лѣтописецъ. Всеволодъ, подѣловавшись съ Владиміркомъ, сказалъ ему: „Се цѣль еси, къ тому не согрѣшай“, и отдалъ ему назадъ два города—Ущицу и Микунинъ, захваченные Изяславомъ Давидовичемъ. Серебра себѣ Всеволодъ не взялъ одинъ всего, но раздѣлилъ со всею братью. Неудача Владимірка ободрила внутреннихъ враговъ его, приверженцевъ племянника, Ивана Ростиславича. Когда, зимою, Всеволодъ отправился на охоту¹⁾, то жители Галича послали въ Звенигородъ за Иваномъ и ввели его къ себѣ въ городъ²⁾.

ица рѣка мелка; и повелѣ Всеволодъ чинити гати, комуждо своему полку; и завтра перехода рѣку и взяша горы за Володимиромъ. Володимиръ же мня, яко къ нему идутъ, ста исполчивъше передъ городомъ на болонь. Снѣгъ же полкомъ не лѣтъ бѣше битися съ нами, тѣспоты ради, зане болота пришла поли подъ горы; тѣмъже взвдоша Русскыи полцы на горы; и заидоша и отъ Перемышля и отъ Галича».—Касательно мѣстностей—Микунинъ теперь находится въ Галиціи, въ Тарнопольскомъ округѣ, на рѣкѣ Соредѣ, слѣд. и Ущица должно быть нынѣшнее селеніе Ушица, въ Золочовскомъ округѣ Галиціи, близъ городка Вѣлей-Камень, въ верховьи Западнаго Буга, не вдалекѣ отъ верховья Серета.—Г. Погодинъ возражаетъ противъ этого (Наслѣд. Т. IV, стр. 168): «Какимъ образомъ Изяславъ Давидовичъ могъ выйти съ этой стороны?» Но если г. Погодинъ затрудняется тѣмъ, что Изяславъ, для вѣягя города, на верховьи Серета, зашелъ слишкомъ далеко съ сѣвера, то почему не затрудняется предположеніемъ, что Черниговскій князь зашелъ слишкомъ далеко съ юга, если двинулся, какъ онъ думаетъ, отъ Ушицы Подольской къ Теребовлю? Гораздо легче, по нашему мнѣнію, предположить, что онъ шелъ съ Половцами по степной Украинѣ Кіевского княжества, и прямо вошелъ въ Галицкія владѣнія при верховьи Серета, а не дѣлалъ крюка отъ Винницы къ Униці и отъ Ушицы къ Теребовлю.—Между верховьями Западнаго Буга, Серета и Стѣра есть и теперь селеніе *Рошня*; близь отсюда находится и мѣстечко *Гологары*.

1) «Въ мѣстнѣ Володиміру въ Тисмяничю, на ловы».—Городъ Тисмяничя, на правомъ берегу рѣки Воропы, недалеко отъ Стацислава.

2) Слѣд. Иванъ Ростиславичъ княжилъ въ Звенигородѣ, а не былъ изгнанъ, или лишился законнаго наслѣдства, какъ говоритъ Каравзинъ; изъ лѣточкѣ видно только,

Владимірко, услышавъ объ этомъ, пришелъ съ дружиною къ Галичу, бился съ осажденными три недѣли и все не могъ взять города, какъ однажды ночью Иванъ вздумалъ сдѣлать вылазку, но зашелъ слишкомъ далеко отъ города, и былъ отрѣзанъ отъ него полками Владимірковыми; потерявъ много дружины, онъ пробился съвозъ вражеской войско и бросился къ Дунаю, а оттуда степью въ Кіевъ къ Всеволоду; Владимірко вошелъ въ Галичъ, многихъ людей перебилъ, а иныхъ показавъ казную злобу, по выраженію лѣтописца. Быть можетъ, покровительство, оказанное Всеволодомъ Ростиславичу, послужило поводомъ къ новой войнѣ между Кіевскимъ и Галицкимъ князьями: въ 1146 году Владимірко взялъ Прилуку³⁾, пограничный кіевскій городъ. Всеволодъ опять собралъ братьевъ и шурьевъ, соединился съ Новгородцами, которые прислали отрядъ войска подъ воеводою Неревиномъ, съ Поляками и дикими Половцами, и осадилъ Звенигородъ со множествомъ войска; на первый день осады пожженъ былъ острогъ, на другой Звенигородцы собрали вѣче и рѣшили сдаться, но не хотѣлъ сдаваться восвода, Владимірковъ бояринъ, Иванъ Халдѣвичъ; чтобъ настрашать гражданъ, онъ схватилъ у нихъ три человекъ, убилъ ихъ, и, разсѣкши каждого пополамъ, выбросилъ вонъ изъ города. Онъ достигъ своей цѣли: Звенигородцы испугались, и съ тѣхъ поръ начали битися безъ легсти. Видя это, Всеволодъ рѣшился взять городъ приступомъ: на третій день все войско двинулось на городъ, бился съ зари до поздняго вечера, зажгли городъ въ трехъ мѣстахъ; по граждане утупили пожаръ. Всеволодъ принужденъ былъ снять осаду и возвратился въ Кіевъ; какъ видно, впрочемъ, продолженію войны много помѣшала болѣзнь его.

Относительно другихъ княжескихъ линій встрѣчаемъ извѣстіе о смерти Всеволода Давидовича Городенскаго, въ 1141 году; послѣ него осталось двое сыновей, Борисъ и Глѣбъ, да двѣ дочери, изъ которыхъ одну великій князь Всеволодъ отдалъ за двоюроднаго брата своего Владиміра Давидовича, а другую—за Юрія Ярославича. Здѣсь въ первый разъ упоминается этотъ Юрій, сынъ Ярослава Святополчича, слѣдовательно представитель Изяславовой линіи; гдѣ онъ княжилъ,—не извѣстно. Полоцкіе князья пользовались смутами, ослабшими племя Мономахово, и возвратились изъ изгнанія въ свою волость. Мы видѣли, что при Ярополкѣ княжилъ въ Полоцкѣ Василько Святославичъ; о возвращеніи двоихъ другихъ князей полоцкихъ изъ изгнанія лѣтописецъ упоминаетъ подъ 1139 годомъ. Ярославичи обихъ линій—Мономаховичи и Ольговичи—теперь вмѣсто вражды входили въ родственные союзы съ полоцкими: такъ Всеволодъ женилъ сына своего Святослава на до-

чкѣ Владимірко не подѣлился съ племянникомъ Теребовльскою волостью; см. выше, на стр. 386, примѣч. 3.

3) Теперь Прилуки, болѣе мѣстечко въ Бердичевскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи.

чери Василька, а Изяславъ Мстиславичъ отдалъ дочь свою за Роговолода Борисовича. Въ линіи Ярослава Святославича Муромскаго умеръ сынъ его Святославъ въ 1144 году; его мѣсто заступилъ братъ его Ростиславъ, пославши сына своего Глѣба княжить въ Рязань.

Что касается до Новгорода, то легко предвидѣть, что, при усобицахъ между Мономаховичами и Ольговичами, въ немъ не могло быть спокойно. По изгнаніи Вячеслава Всеволодомъ изъ Кіева, при торжествѣ Ольговичей, Новгородцы опять стали между двухъ огней, опять вовлекались въ междоусобіе; должны были поднять оружіе противъ великаго князя Кіевского, отъ котораго обязаны были зависть. Мы видѣли, что Юрій Ростовскій, собравшись на Всеволода, потребовалъ войска у Новгородцевъ; граждане отказались поднять руки на великаго князя, какъ прежде отказались идти противъ Юрія; отказъ на требованіе отца послужилъ знакомъ къ отъѣзду сына: Ростиславъ уѣхалъ въ Смоленскъ, Новгородъ остался безъ князя; а между тѣмъ разсерженный Юрій взялъ Торжокъ. Въ такой крайности Новгородцы обратились къ Всеволоду, должны были принять снова Святослава Ольговича, прежде изгнаннаго, т. е. поднять опять у себя всё потушія-было вражду. Новгородцы принуждены были дать клятву Святославу¹⁾; въ чемъ она состояла, — не извѣстно; но еще до пріѣзда Святослава въ Новгородъ лѣтописецъ упоминаетъ о мятежѣ, произведенномъ безъ сомнѣнія врагами Святослава, приверженцами Мономаховича. Святославъ не забылъ также враговъ своихъ, бывшихъ причиною его изгнанія, велѣдствіе чего Новгородцы начали вставать на него на вѣчахъ, за его злобу, но выраженію лѣтописца. Святославу самому скоро наскучило такое положеніе; онъ послалъ сказать Всеволоду: „Тяжко мнѣ, братъ, съ этими людьми, не могу съ ними жить; кого хочешь, того и пошли сюда“. Всеволодъ рѣшился отправить сына своего Святослава, и послалъ сказать объ этомъ Новгородцамъ извѣстнаго уже намъ Ивана Войтшича; но, вѣроятно, для того, чтобы ослабить сторону Мономаховскую и приготовить сыну спокойное княженіе, велѣлъ Войтшичу выпросить у Новгородцевъ лучшихъ мужей и прислать ихъ въ Кіевъ, что и было исполнено: такъ заточенъ былъ въ Кіевъ Константинъ Микулиничъ, который былъ посадникомъ прежде при Святославѣ и потомъ бѣжалъ къ Всеволоду Мстиславичу; велѣдъ за Константиномъ отосланы были въ оковахъ въ Кіевъ еще шестеро гражданъ. Но эти мѣры, какъ видно, только усилили волненіе. На вѣчахъ начали бить Святославовыхъ пріятелей за его насилія; кумъ его, тысяцкій, далъ ему знать, что собираются схватить и его: тогда Святославъ тихонько ночью убѣжалъ изъ Новгорода вмѣстѣ съ посадникомъ Якуномъ; но Якуна схватили, привели въ Новгородъ вмѣстѣ съ бра-

томъ Прокопѣемъ, чуть не убили до смерти, раздѣли донага и сбросили съ моста. Ему посчастливилось однако прибрести къ берегу; тогда уже больше его не стали бить, но взяли съ него 1000 гривенъ, да съ брата его сто гривенъ, и заточили обохъ въ Чудь, приковавши руки къ шеѣ; но послѣ перевелъ ихъ къ себѣ Юрій Ростовскій и держалъ въ милости. Между тѣмъ епископъ Новгородскій съ другими послами пріѣхалъ въ Кіевъ и сказалъ Всеволоду: „Дай намъ сына твоего, а Святослава, брата твоего, не хотимъ“ Всеволодъ согласился и отправилъ къ нимъ сына Святослава; но, когда молодой князь былъ уже на дорогѣ въ Черниговъ, Новгородцы перемѣняли мнѣніе и объявили Всеволоду: „Не хотимъ ни сына твоего, ни брата и никого изъ вашего племени, хотимъ племени Владимірова; дай намъ шурина твоего Мстиславича“. Всеволодъ, услыхавъ это требованіе, воротилъ епископа съ послами и задержалъ ихъ у себя. Не желая передать Новгорода Владимірову племени, Всеволодъ призвалъ къ себѣ шурьевъ своихъ — Святополка и Владиміра, далъ имъ Брестъ и сказалъ: „О Новгородѣ не хлопчите, пусть ихъ сидятъ одни, пусть берутъ себѣ князя, какого хотятъ“ 9 мѣсяцевъ сидѣлъ Новгородъ безъ князя, чего они не могли терпѣть, но выраженію лѣтописца; притомъ же сдѣлалась дороговизна, хлѣбъ не шелъ имъ ни откуда. При такихъ обстоятельствахъ, естественно упала сторона, такъ сильно дѣйствовавшая противъ Святослава, и восторжествовала сторона противная; но эта сторона перемѣнила теперь направленіе: мы видѣли, что Юрій Ростовскій принялъ къ себѣ Якуна и держалъ его въ милости; въ Суздаль же бѣжали и другіе пріятели Святослава и Якуна — Судила, Нѣжата, Страшко; ясно, что Юрій милостивымъ приемомъ привлекъ ихъ всѣхъ на свою сторону; теперь, когда сторона ихъ усилилась, и они были призваны въ Новгородъ, а Судила былъ избранъ даже посадникомъ, то легко понять, что они стали дѣйствовать въ пользу своего благодѣтеля Юрія, тѣмъ болѣе что теперь не оставалось другого средства, какъ обратиться къ послѣднему, и вотъ Новгородцы послали за Юріемъ; тотъ самъ къ нимъ не поѣхалъ, а отправилъ сына своего Ростислава. Тогда Всеволодъ увидалъ, что ошибся въ своемъ расчетѣ, сильно разсердился на Юрія, захватилъ его городъ, Городецъ на Острѣ, и другіе, захватилъ коней, рогатый скотъ, овецъ, всякое добро, какое только было у Юрія на югѣ; а между тѣмъ Изяславъ Мстиславичъ послалъ сказать сестрѣ своей, женѣ Всеволодовой: „Выпроси у зятя Новгородъ-Великій брату своему Святополку“. Она стала просить мужа, и тотъ наконецъ согласился: разумется, не одна просьба жены заставила его согласиться на это: ему выгодило было видѣть въ Новгородѣ шурина своего Мстиславича, чѣмъ сына Юрьева; притомъ изгнаніе послѣдняго въ пользу перваго усиливало еще больше вражду между Юріемъ и племянниками, что было очень выгодно для Всеволода. — Когда

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 8: «И послася Новгородци Киеву по Святослава по Ольговича, заходивше ротѣ».

въ Новгородѣ узнали, что изъ Кіева идетъ къ нимъ Святополкъ Мстиславичъ съ епископомъ и лучшими людьми, задержанными прежде Всеволодомъ, то сторона Мстиславичей поднялась опять, тѣмъ болѣе что теперь надобно было выбрать изъ двухъ одно: удержать сына Юрія—и войти во вражду съ великимъ княземъ и Мстиславичами, или принять Святополка—и враждовать съ однимъ Юріемъ. Рѣшились на послѣднее: Святополкъ былъ принятъ, Ростиславъ отправленъ къ отцу,—и Новгородъ успокоился.

Таковы были внутреннія отношенія во время старшинства Всеволода Ольговича; обратимся теперь къ вѣдшимъ. Мы оставили Польшу подъ правленіемъ Болеслава III Кривоуста; княженіе Болеслава было одно изъ самыхъ блистательныхъ въ польской исторіи по удачнымъ войнамъ его съ Поморянами, Чехами, Нѣмцами. Мы видѣли также постоянную борьбу его съ братомъ Збигнѣвомъ, противъ котораго онъ пользовался русскою помощію. Очень важно было для Руси, что дѣятельность такого энергичнаго князя отвлекалась преимущественно на западъ, сдерживалась домашнею борьбою съ братомъ, и что современники его на Руси были Мономахъ и сынъ его Мстиславъ, которые могли дать всегда сильный отпоръ Польшѣ, въ случаѣ вражды съ ея княземъ: такъ кончилось ничѣмъ вмѣшательство Болеслава въ дѣла волынскія, когда онъ принялъ сторону Изяславовой линіи, ему родственной. По смерти Мстислава Великаго, когда началась смута на Руси, герой польскій уже устарѣлъ, да и постоянно отвлекался западными отношеніями; а по смерти Болеслава усобицы между сыновьями его не только помѣшали имъ воспользоваться русскими усобицами, но даже заставили ихъ дать мѣсто вмѣшательству Русскихъ князей въ свои дѣла. Болеславъ умеръ въ 1139 году, оставивъ пятерыхъ сыновей, между которыми начались тѣ же самыя родовыя отношенія, какія мы видѣли до сихъ поръ между князьями Русскими и Чешскими. Старшій изъ Болеславичей сидѣлъ на главномъ столѣ въ Краковѣ; меньшіе братья имѣли свои волости и находились къ старшему только въ родовыхъ отношеніяхъ. Легко понять, какое слѣдствіе для Польши должны были имѣть подобныя отношенія между князьями, когда значеніе вельможъ усилъ уже такъ усилиться. Владиславъ II, старшій между Болеславичами, былъ самъ человекъ кроткій и миролюбивый; но не такова была жена его, Агнесса, дочь Леопольда, герцога Австрійскаго. Нѣмецкой принцессѣ казались дикими родовыя отношенія между князьями, ся гордость оскорблялась тѣмъ, что мужъ ее считался только старшимъ между братьями; она называла его полукняземъ и полумужичиною за то, что онъ терпѣлъ подлѣ себя столько равноправныхъ князей. Владиславъ поддался увѣщаніямъ и насмѣшкамъ жены: онъ началъ требовать дани съ волостей, принадлежавшихъ братьямъ, забирать города послѣднихъ и обноруживалъ намѣреніе совершенно изгнать ихъ изъ Польши. Но вельможи и

прелаты встали за младшихъ братьевъ, и Владиславъ принужденъ былъ бѣжать въ Германію; старшинство принялъ второй послѣ него братъ, Болеславъ IV, Кудрявый. Въ этихъ усобицахъ принималъ участіе Всеволодъ Ольговичъ, по родству съ Владиславомъ, за старшимъ сыномъ котораго, Болеславомъ, была дочь его Звенислава, или Велеслава¹⁾. Въ 1142 году Всеволодъ посылалъ сына своего Святослава, двоюроднаго брата Изяслава Давидовича и Владимірка Галицкаго на помощь Владиславу противъ меньшихъ братьевъ; русскіе полки не спасли Владислава отъ изгнанія; нашъ лѣтописецъ самъ признается, что они удовлетворились только опустошеніемъ страны, побравши въ лѣтѣ больше мирныхъ, чѣмъ ратныхъ людей. Въ походѣ на Владимірка Владиславъ былъ въ войскѣ Всеволодомъ. Въ 1145 году, на зовъ Владислава, не перестававшаго хлопотать о возвращеніи стола то на Руси, то у Нѣмцевъ, отправился на меньшихъ Болеславичей Игорь Ольговичъ съ братьями: въ срединѣ Земли Польской, говоритъ лѣтописецъ, встрѣтился онъ съ Болеславомъ Кудрявымъ и братомъ его Мечиславомъ (Межко); Польскіе князья не захотѣли биться, пріѣхали къ Игорю съ поклономъ, и помирились на томъ, что уступили старшему брату Владиславу четыре города во владѣніе, а Игорю съ братьями дали городъ Визну²⁾, послѣ чего Русскіе князья возвратились домой и привели съ собою большой полкъ; тѣмъ и кончились польскія отношенія.—Шведскому князю, который въ 1142 году приходилъ въ 60 нискахъ на заграничныхъ купцовъ, шедшихъ въ трехъ лодьяхъ, не удалось овладѣть послѣдними; купцы отбѣгли отъ Шведовъ, убивши у нихъ полтораста человекъ.—Съ финскими племенами продолжалась борьба по-прежнему: въ 1142 году приходила Емъ изъ Финляндіи и воевала область Новгородскую; но ни одного человека изъ нихъ не возвратилось домой: Ладожане истребили у нихъ 400 человекъ; въ слѣдующемъ году упоминается о походѣ королевы на Емъ. О половецкихъ нашествіяхъ не встрѣчаемъ извѣстій въ лѣтописяхъ: подъ 1139 годомъ читаемъ, что приходила вся Половецкая Земля, всѣ князья половецкіе на миръ; ходилъ къ нимъ Всеволодъ изъ

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 19: «Того же лѣта (1142) ота Всеволодъ дчерь свою Звениславу въ Ляхы за Болеслава». Наши историки сочли этого Болеслава за Кудряваго, брата Владислава; но у Татищева (II, 264) Болеславъ показанъ сыномъ Владиславовымъ, чѣмъ и объясняется постоянный союзъ Всеволода съ Владиславомъ противъ младшихъ братьевъ. Звеняется на двухъ родныхъ сестрахъ, она заставила Владислава имѣть двухъ женъ въ одно время. Дѣло въ томъ, что имя лѣтописецъ смѣшалъ отца съ сыномъ, что очень легко предположить, или слово *зять* употреблялось въ старину въ значеніи такъ же *свата*, какъ употреблялось въ значеніи *женитца*.

²⁾ Теперь есть мѣстечко Визна въ Августовской губерніи, царства Польскаго, при сѣвернѣмъ Вобра съ Нарвою.

Кіева и Андрей изъ Переяславля къ Малютину ¹⁾, и помирились: разумеется, миръ этотъ можно было только купить у варваровъ. Послѣ видимъ, что Половцы участвуютъ въ походѣ Всеволода на Галычъ.

Мы видѣли, что еще во время галицкаго похода Игорь Ольговичъ упоминалъ объ обѣщаніи брата Всеволода оставить ему послѣ себя Кіевъ: въ 1145 Всеволодъ, въ присутствіи братьевъ своихъ, родныхъ и двоюродныхъ, и шурина Изяслава Мстиславича, прямо объявилъ объ этомъ распоряженіи своемъ. „Владиміръ Мономахъ, говорилъ онъ, посадилъ послѣ себя на старшемъ столѣ сына своего Мстислава, а Мстиславъ — брата своего Ярополка: такъ и я, если Богъ меня возьметъ, отдаю Кіевъ но себѣ брату своему Игорю“. Преемство Мстислава послѣ Мономаха и преемство Ярополка послѣ Мстислава нарушили въ глазахъ Ольговича старшій порядокъ, по которому старшинство и Кіевъ принадлежали всегда самому старшему въ родѣ; такъ какъ Мономаховичи черные нарушили этотъ обычай въ пользу своего племени, то теперь онъ, Всеволодъ, считаетъ себя въ правѣ поступить точно такъ-же, — отдать Кіевъ послѣ себя брату, хотя Игорь и не былъ послѣ него самымъ старшимъ въ въ цѣломъ родѣ Ярославовомъ. Изяславъ Мстиславичъ сильно вооружился противъ этого распоряженія; но дѣлать было нечего, по нуждѣ цѣловаль онъ крестъ, что признаетъ старшинство Игоря. Когда всѣ братья, продолжаетъ лѣтописецъ, сѣли у Всеволода на сѣняхъ, то онъ началъ говорить: „Игорь! цѣлуй крестъ, что будешь любить братьевъ; а вы, Владиміръ, Святославъ и Изяславъ, цѣлуйте крестъ Игорю, и будьте довольны тѣмъ, что вамъ дастъ по своей волѣ, а не по нуждѣ“. И всѣ братья цѣловали крестъ. Когда, въ 1146 году, Всеволодъ больной возвратился изъ галицкаго похода, то остановился подъ Вышгородомъ на островѣ, велѣлъ позвать къ себѣ лучшихъ Кіевлянъ, и сказалъ имъ: „Я очень боленъ; вотъ вамъ братъ мой Игорь, возьмите его себѣ въ князья“; тѣ отвѣчали: „Возьмемъ съ радостью“. Игорь отправился съ ними въ Кіевъ, созвалъ всѣхъ гражданъ, и всѣ цѣловали ему крестъ, говоря: „Ты намъ князь“; но они обманывали его, прибавляеть лѣтописецъ. На другой день поѣхалъ Игорь въ Вышгородъ, и Вышгородцы также цѣловали ему крестъ; Всеволодъ былъ еще живъ: онъ послалъ зятя своего Болеслава Польскаго къ Изяславу Мстиславичу, а боярина Мірослава Андреевича къ Давидовичамъ спросить: стоятъ ли они въ крестномъ цѣлованіи Игорю? и тѣ отвѣчали, что стоятъ. 1-го августа умеръ Всеволодъ, князь умный, дѣятельный, гдѣ дѣло шло о его личныхъ выгодахъ, умѣвшій пользоваться обстоятельствами, но не разбиравшій средствъ при достиженіи цѣли ²⁾.

Послѣ братнихъ похоропъ, Игорь поѣхалъ въ Кіевъ, опять созвалъ всѣхъ Кіевлянъ на гору, на дворъ Ярославовъ, и опять всѣ присягнули ему. Но потомъ вдругъ собрались всѣ у Туровой божицы и послали сказать Игорю: „Князь! пріѣзжай къ намъ“. Игорь вмѣстѣ съ братомъ Святославомъ поѣхалъ, остановился съ дружиною, а брата Святослава послалъ на вѣче. Кіевляне стали жаловаться на тіуна Всеволодова, Ратшу, и на другого тіуна вышгородскаго, Тудора, говорили: „Ратша погубилъ у насъ Кіевъ, а Тудоръ — Вышгородъ; такъ теперь, князь Святославъ, цѣлуй крестъ намъ и съ братомъ своимъ, что если кого съ насъ обидятъ, то ты разбирай дѣло“. Святославъ отвѣчалъ: „Я цѣлую крестъ за брата, что не будетъ вамъ никакого насилія, будетъ вамъ тіуны по вашей волѣ“. Сказавши это, онъ сошелъ съ лошади и цѣловалъ крестъ на вѣчѣ; Кіевляне также всѣ сошли съ лошадей и цѣловали крестъ, говоря: „Братъ твой князь и ты клянешь и съ дѣтми не мыслить зли ни противъ Игоря, ни противъ Святослава“. Послѣ этого Святославъ, взявши лучшихъ мужей, поѣхалъ съ ними къ Игорю и сказалъ ему: „Братъ! я поклялся имъ, что ты будешь судить ихъ справедливо и любить“. Игорь сошелъ съ лошади и цѣловалъ крестъ на всей ихъ волѣ и на браней, послѣ чего князья поѣхали обѣдать. Но Кіевляне бросились съ вѣча на Ратшинъ дворъ грабить, и на мечниковъ: Игорь выслалъ къ нимъ брата Святослава съ дружиною, и тотъ едва утѣнилъ ихъ. Въ то же самое время Игорь послалъ сказать Изяславу Мстиславичу: „Брата нашего Богъ взялъ; стоишь ли въ крестномъ цѣлованіи?“ Изяславъ не далъ отвѣта и даже не отпустилъ посла назадъ, потому что Игорь не сдержалъ обѣщанія, даннаго Кіевлянамъ, и тѣ послали сказать Изяславу въ Переяславль: „Шоли, князь, къ намъ: хотимъ тебя“. Изяславъ принялъ приглашеніе, собралъ своихъ ратныхъ людей и пошелъ изъ Переяславля; когда онъ перешелъ Дибіръ у Заруба, то прислало къ нему все пограничное варварское народонаселеніе, Черные Клобуки, и всѣ жители пограничныхъ городовъ на рѣкѣ Роси (все Коросье); посланные говорили: „Ты нашъ князь; Ольговичей не хотимъ; ступай скорѣе, а мы съ тобою“ ³⁾. Изяславъ пошелъ къ Дерновому, и тутъ соединились съ нимъ всѣ Черные Клобуки и Поршане (жители городовъ по Роси); туда же прислали къ нему Бѣлгородцы и Василевцы съ тѣми же рѣчами: „Ступай, ты нашъ князь, Ольговичей не хотимъ“. Ско-

посъ долгій, мудръ былъ въ совѣтахъ и судѣхъ, для того кого хотѣлъ, того могъ оправдать или обвинить. Много валожиць пчѣлъ, и болѣе въ веселіяхъ, нежели расправахъ, упражнялся. Черезъ сіе Кіевлянахъ отъ него тягоста была великая, и какъ умеръ, то едва кто по немъ кромѣ бабъ любимыхъ заплакалъ, и болѣе были ради, по призыву болѣе еще тягости отъ Игоря, вѣдая его правъ свирѣпый и гордый, опасались». Въ самомъ дѣлѣ, въ дошедшихъ до насъ спискахъ лѣтописей нѣтъ похвалы Всеволоду, и нѣтъ упоминенія, чтобы о немъ плакали.

³⁾ Воскрес. 1, 288.

¹⁾ Селеніе Малютенцы, въ 20 верстахъ отъ Пярятна.

²⁾ У Татищева читаемъ о Всеволодѣ (II, 281): «Сей великій князь ростомъ былъ мужъ великъ и великъ толстъ, власовъ мало на главѣ пчѣлъ, брада широкая, очи не малыя,

ро явились новые послы изъ Кіева и сказали: „Ты нашъ князь, ступай, не хотимъ переходить къ Ольговичамъ точно по наслѣдству¹⁾; гдѣ увидишь твой стягъ, тутъ и мы будемъ готовы съ тобою“. Эти слова очень важны: они показываютъ, что современники не были знакомы съ понятіями о наслѣдственности въ одной линіи. Изяславъ собралъ все свое войско въ степи, христіанъ и поганыхъ, и сказалъ имъ: „Братья! Всеволода я считалъ по правдѣ братомъ старшимъ, потому что старшій братъ и зять мнѣ какъ отецъ; а съ этими какъ меня Богъ управитъ и сила крестная,—либо голову свою положу передъ вами, либо достану столяръ дѣдовскій и отповскій“. Сказавши это, онъ двинулся къ Кіеву, а между тѣмъ Игорь послалъ къ двоюроднымъ братьямъ своимъ, Давидовичамъ, спросить у нихъ, стоятъ ли они въ крестномъ дѣлованіи. Тѣ хотѣли дорого продать свою вѣрность клятвѣ, и запросили у него волостей много; Игорь, въ крайности, далъ имъ все, лишь бы только шли къ нему на помощь, и они отъправились. Но еще важнѣе было для Игоря уладиться съ дружиною, привязать ее къ себѣ; онъ призвалъ къ себѣ главныхъ бояръ,—Ульба, Ивана Войтинича, Лазаря Саковского, и сказалъ имъ: „Какъ были у брата моего, такъ будете и у меня“; а Ульбу оказалъ: „Держи ты тысячу (т. е. будь тысяцкимъ), какъ у брата моего держалъ“. Изъ этого видно, что при каждой перемѣнѣ князя бояре боялись лишиться прежняго значенія, и теперь Игорь спѣшилъ увѣрить ихъ, что они ничего не потеряютъ при немъ. Но Ольговичъ опоздалъ: эти бояре уже передались Изяславу; они могли видѣть всеобщее нерасположеніе къ Игорю, видѣть, что весь Русъ становится подъ стягъ Мономахова внука, и сбились отстать отъ проиграннаго дѣла. Они послали сказать Изяславу: „Ступай, князь, скорѣе,—идутъ Давидовичи Игорю на помощь“. Кромѣ означенныхъ бояръ, въ Святославовомъ полку передались на сторону Мстиславича Василь Полочанинъ и Мірославъ (Андреевичъ), внукъ Хилчъ; они впятеромъ собирали Кіевлянъ и совѣтовались, какъ бы обмануть Игоря; а къ Изяславу послали сказать: „Ступай, князь; мы уговорились съ Кіевлянами; бросимъ стягъ Ольговича и побѣжимъ съ полкомъ своимъ въ Кіевъ“. Изяславъ подошелъ къ Кіеву и сталъ съ сыномъ своимъ Мстиславомъ у вала, подлѣ Надова озера, а Кіевляне стояли особо, у Ольговой могилы, огромною толпою. Скоро Игорь и все войско его увидели, что Кіевляне послали къ Изяславу и взяли у него тысяцкаго со стягомъ; а велѣдъ за тѣмъ Берендѣи переѣхали черезъ Лыбедь и захватили Игоревъ обозъ передъ Золотыми воротами и подъ огородами. Видя это, Игорь

сказалъ брату Святославу и племяннику Святославу Всеволодовичу: „Ступайте въ свои полки, и какъ насъ съ ними Богъ разсудитъ“; велѣлъ ѣхать въ свои полки также и Ульбу тысяцкому съ Иваномъ Войтиничемъ. Но какъ скоро пріѣхали они въ свои полки, то бросили стяги и поскакали къ Жидовскимъ воротамъ. Ольговичъ съ племянникомъ не смутились отъ этого и пошли противъ Изяслава; но имъ нельзя было пробѣжать къ нему Надовымъ озеромъ; они пошли верхомъ и попали въ самое невыгодное мѣсто между двумя капавами изъ озера и изъ сухой Лыбеди. Берендѣи заѣхали имъ въ задъ и начали съѣчь ихъ саблями, а Изяславъ съ сыномъ Мстиславомъ и дружиною заѣхалъ сбоку. Ольговичи побѣжали. Игорь заѣхалъ въ болото, конь подъ нимъ увязъ, а идти онъ не могъ, потому что былъ боленъ ногами; братья его Святославъ бѣжалъ на устьѣ Десны, за Днѣпръ, а племянникъ Святославъ Всеволодичъ пріѣжалъ въ Кіевъ и спрятался въ Ирининскомъ монастырѣ, гдѣ его и взяли; дружину Ольговича гнали до самаго Днѣпра, до устья Десны и до Кіевского перевоза.

Изяславъ съ великою славою и честью въѣхалъ въ Кіевъ; множество народа вышло къ нему навстрѣчу; игумены съ монахами и священниками со всего Кіева въ ризахъ; онъ пріѣхалъ къ Св. Софій, поклонился Богородицѣ и сѣлъ на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ. Когда привели къ нему Святослава Всеволодовича, то онъ сказалъ ему: „Ты мнѣ родной племянникъ“, и началъ водить его подлѣ себя. Бояръ, вѣрныхъ Ольговичамъ, перехватили много: Данила Великаго, Юрья Ирокопича, Ивора Юрьевича, внука Мірослава и другихъ, и пустили ихъ, взявши окупъ. Черезъ четыре дня схватили въ болотѣ Игоря и привели къ Изяславу, который сначала послалъ его въ Выдубицкій монастырь, а потомъ, сказавши, велѣлъ посадить въ Черяславской-Ивановской; тогда же Кіевляне съ Изяславомъ разграбили дома дружины Игоревой и Всеволодовой, села, скотъ, взяли много имѣнья въ домахъ и монастыряхъ. Такимъ образомъ, старшій столѣ перешелъ опять въ родъ Мономаха, но перешелъ къ племяннику мимо двухъ дядей; причины этого явленія мы уже видѣли прежде: племянникъ Изяславъ личною доблестью превосходилъ дядей, былъ представителемъ Мономахова племени въ глазахъ народа. Самъ Изяславъ сначала не хотѣлъ нарушить право дяди Вячеслава; отъправившись въ походъ противъ Игоря Ольговича, онъ объявилъ, что идетъ возвратитъ старшій столѣ Вячеславу. Но дѣла перемѣнились, когда онъ дѣйствительно овладѣлъ Кіевомъ; если жители этого города заставили Мономаха нарушить старшинство Святославичей, то нѣтъ сомнѣнія, что они же заставили и внука его Изяслава нарушать старшинство дяди Вячеслава,—желая избавиться отъ Ольговичей, они прямо послали къ Изяславу, ему говорили: „Ты нашъ князь!“ Постъ увидимъ, что, призывая его вторично къ себѣ, они прямо скажутъ ему, что не хотятъ Вячеслава; когда Юрій хотѣлъ было также уступить Кіевъ Вячеславу,

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 23: «Ты нашъ князь, поѣди, Ольговичъ не хотимъ быти акы въ задничѣ». — Задича — наслѣдство (см. статью проф. Неволлина, въ Ж. М. Пр. 1851, № 1.—Городокъ Дерновій Максимовичъ полагаетъ на правомъ берегу Руси, гдѣ теперь село Дерновоецъ; позднѣе упоминаемый городъ Дерновъ онъ считаетъ за одно съ Дерновымъ (Москвит., 1854 г., № 1).

то бояре сказали, что онъ напрасно это дѣлаетъ, ибо Вячеславу все равно — не удержать же Кіева: таково было общее мнѣніе о старшемъ изъ Мономаховичей; Юрій подчинился этому общему мнѣнію, долженъ былъ подчиниться ему и племянникъ его Изяславъ. Но если Русь не хотѣла Вячеслава, признавая его неспособнымъ, то не такъ смотрѣли на дѣло собственные бояре Вячеславы, которые управляли слабымъ княземъ, и хотѣли управлять Кіевомъ при его старшинствѣ. Послушавши бояръ, Вячеславъ сталъ распоряжаться какъ старшій: захватилъ города, которые отняты были у него Всеволодомъ¹⁾; захватилъ и Владиміръ-Волынской, и посадилъ въ немъ племянника, Владиміра Андреевича, сына покойнаго Переяславскаго князя. Но Изяславъ почувшилъ уѣхать его, что не онъ старшій; онъ послалъ на дядю брата Ростислава и племянника Святослава Всеволодовича; тѣ взяли у Вячеслава Туровъ, схватили въ немъ епископа Іоакима и посадника Жирослава. Въ Туровѣ посадилъ Изяславъ сына своего Ярослава; старшій сынъ его Мстиславъ съѣзъ въ Переяславль. Такое распоряженіе могло оскорбить братьевъ Изяславовыхъ, особенно старшаго Ростислава Смоленскаго; но вѣроятно этотъ князь не хотѣлъ мѣшать вѣрное на невѣрное, и самъ отказался отъ Переяслава: здѣсь онъ безпрестанно долженъ былъ отбиваться отъ Черниговскихъ и отъ Половцевъ; притомъ Украинское Переяславское княжество вѣроятно было бѣднѣе Смоленскаго; наконецъ въ предшествовавшія смуты Переяславъ много потерялъ изъ прежняго своего значенія; — мы видѣли, что Юрій Ростовскій отказался отъ него въ пользу младшаго брата Андрея, дядя Вячеславъ — въ пользу племянника Изяслава. — У племянника отъ сестры, Святослава Всеволодовича, Изяславъ взялъ Владиміръ-Волынской, и вмѣсто того далъ ему пять городовъ на Волыни²⁾. Города въ землѣ южныхъ Дреговичей, которые Всеволодъ Ольговичъ роздалъ по братьямъ своимъ, остался за Давидовичами.

Такъ устроились дѣла въ собственной Руси; между тѣмъ Святославъ Ольговичъ съ малою дружиною прибѣжалъ въ Черниговъ, и послалъ спросить у двоюродныхъ братьевъ, Давидовичей, хотятъ ли они сдерживать клятву, которую дали пять дней тому назадъ. Давидовичи отвѣчали, что хотятъ. Тогда Святославъ, оставя у нихъ мужа своего Коснятка, поѣхалъ въ свои волости *установить* людей, то есть взять съ нихъ присягу въ вѣрности, сперва въ Курскѣ, а потомъ въ Новгородѣ-Сѣверскій. Но какъ скоро Святославъ уѣхалъ, Давидовичи начали думать втайнѣ отъ его боярина. Коснятку, узнавъ, что они замышляютъ схватить Святослава, послалъ сказать ему: „Князь! думаютъ о тебѣ, хотятъ схватить, — когда они за тобой пришлютъ, то не ѣзди къ

нимъ“. Давидовичи боялись, что теперь Ольговичи, лишенные надежды получить волости на западной сторонѣ Днѣпра, будутъ добиваться волостей Черниговскихъ, и положили соединиться съ Мстиславичемъ противъ двоюродныхъ братьевъ; они послали сказать Изяславу: „Игорь какъ до тебя былъ золь, такъ и до насъ; держи его крѣпко“, а къ Святославу послали сказать: „Ступай прочь изъ Новгорода-Сѣверскаго въ Путивль; а отъ брата Игоря отступись“. Святославъ отвѣчалъ: „Не хочу ни волости, ни чего другого, только отпустите мнѣ брата“; но Давидовичи все настаивали: „Идѣлуй крестъ, что не будешь ни просить, ни некать брата, а волость держи“. Святославъ заплакалъ и послалъ къ Юрію въ Суздаль: „Врата моего Всеволода Богъ взялъ, а Игоря Изяславъ взялъ; пойдѣ въ Русскую Землю въ Кіевъ, помилосердуй, сыщи мнѣ брата; а я здѣсь, съ помощію Божию, буду тебѣ помогать“. Въ самомъ дѣлѣ, Святославъ дѣйствовалъ: послалъ къ половецкимъ ханамъ, дядьямъ жены своей³⁾, за помощью, и тѣ прислали ему немедленно 300 человекъ. Въ то же время прибѣжалъ къ нему отъ дяди изъ Муромъ Владиміръ Святославичъ, внукъ Ярослава; мы видѣли, что, по смерти Святослава Ярославича, въ Муромѣ съѣзъ брата его Ростислава; а въ Рязань послалъ сына своего Глѣба; это уже самое распоряженіе обижало сына Святослава Владиміра, который, не получивъ, быть можетъ, и вовсе волостей, прибѣжалъ теперь къ Святославу Ольговичу; вслѣдъ за нимъ прибѣжалъ въ Новгородъ-Сѣверскій и другой изгнанникъ — Иванъ Ростиславичъ Галицкій, который носилъ названіе Берладника: молдавскій городъ Берладъ былъ, подобно Тмуторакани, притономъ всѣхъ бѣглецовъ, князей и простыхъ людей; Иванъ также находилъ въ немъ уѣжище и дружину⁴⁾. Между тѣмъ, Давидовичи спѣшили кончить дѣло съ опаснымъ Ольговичемъ; по словамъ лѣтописца, они говорили: „Мы начали злое дѣло; такъ уже окончимъ братоубійство; поидемъ, искоренимъ Святослава и переимемъ волость его“; они видѣли, что Святославъ употребитъ всѣ средства для освобожденія брата: помнили, что и при жизни Всеволода Игорь съ братомъ не давали имъ покоя, требуя Чернигова и волостей его, и сдерживались только обшаніемъ Кіева и волостей Заднѣпровскихъ; а теперь что будетъ ихъ сдерживать? — отсюда понятна раздражительность Давидовичей. Они стали проситься у Изяслава идти на Святослава къ Новгороду-Сѣверскому. Изяславъ ходилъ къ нимъ на съѣздъ, гдѣ порѣшили — Давидовичамъ вмѣстѣ съ сыномъ Изяславовымъ Мстиславомъ, Переяславцами и Берладцами идти къ Новгороду-Сѣверскому. Изяславъ сказалъ имъ: „Сту-

¹⁾ Должно быть тѣ, которые Всеволодъ отдалъ братьямъ.

²⁾ Бужекъ, Межибожье, Котельницю и еще два непомѣстныхъ. Котельница, на рѣкѣ Гуньвѣ въ Житомирскомъ уѣздѣ; недалеко отъ нея находится Межибожь; Бужека должно искать на берегахъ рѣки Бужекъ, или Бужекъ, соединяющейся съ Восточнымъ Бугомъ у Межибожа.

³⁾ Поли. Собр. Русск. Лѣт. I, 120: «Идѣ Володимерь (Мономахъ), и Давидъ, и Олегъ къ Аелѣ и другому Аелѣ, и створиша миръ; и поя Володимерь за Юрия Аешну дщерь, Осеневу внуку, а Олегъ поя за сына Аешну дщерь Гиргевну внуку (1107) г.».

⁴⁾ Поли. Собр. Русск. Лѣт. II, 25: «— И тогда съ полку прибѣже къ нему Иванъ Берладникъ». — Мы думаемъ, что должно читать: съ полкомъ или у полку.

пайте; если Святославъ не выбѣжитъ передъ вами изъ города, то осадите его тамъ; когда вы устанете, то я съ свѣжими силами приду къ вамъ и стану продолжать осаду, а вы пойдете домой". Давидовичи отправились къ Новгороду, стали у вала и два раза приступали къ двумъ воротамъ, бились у нихъ сильно, какъ вдругъ получили вѣсть отъ Мстислава Изяславича, чтобъ не приступали безъ него къ городу, потому что такъ отецъ его велѣлъ. Давидовичи послушались, дождались Мстислава и всѣ выдѣлѣли пустилы стрѣльцовъ своихъ къ городу, христіанъ и Берендѣевъ, и сами стали полками и начали биться; граждане были сильно стѣснены: ихъ вгаснули въ острожныя ворота, причемъ они много потеряли убитыми и ранеными. Вой продолжался до самого вечера, по городу не было взять; осаждающіе отступили, стали въ селѣ Мелтековѣ, и, пославши отсюда, заграбили стада Игоревы и Святославовы въ лѣсу по рѣкѣ Рахитѣ, кобылъ 3,000 да коней 1000; послали и по окрестнымъ селамъ жечь хлѣбъ и дворы.

Въ это время пришла вѣсть, что Юрій Ростовскій заключилъ союзъ съ Святославомъ и идетъ къ нему на помощь. Услыхавъ, что дядя поднялся на него, Изяславъ Мстиславичъ отправилъ стенью гонца въ Рязань къ Ростиславу Ярославичу съ просьбою, чтобъ наналъ на Ростовскую область, и такимъ образомъ отвлекъ бы Юрія; Ростиславъ согласился: мы видѣли, что враждебный ему племянникъ находился у Святослава Ольговича, союзника Юріева, и ему слѣдовало вступитъ въ союзъ съ врагами послѣдняго; да и безъ того Ярославичи муромскіе едва ли могли быть въ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ Ольговичамъ, изгнавшимъ отца ихъ изъ Чернигова. Юрій былъ уже въ Козельскѣ, когда узналъ, что Ростиславъ Рязанскій воюетъ его волость; это извѣстіе заставило его возвратиться и отсутствовать къ Святославу только сына Ивана; когда тотъ пришелъ въ Новгородъ къ Святославу, то послѣдній далъ ему Курскъ съ волостями по рѣкѣ Сейму: какъ видно, Ольговичъ рѣшился не падать ничего, отдавать послѣднее, лишь бы только удержать въ союзѣ Юрія и съ его помощію достигнуть своей цѣли,—освободитъ брата. Отдавши половичу волости Юрьевичу, Святославъ, по думѣ бояръ своихъ, попробовалъ еще разъ разжалобить Давидовичей и послалъ священника своего сказать имъ: „Вратья! землю мою вы повоевали, стада мои и братнія взяли, хлѣбъ пожгли и *всю жизнь мою* (все имѣніе, все животы) погубили, —теперь вамъ остается убить меня“. Давидовичи отвѣчали по-прежнему, чтобъ оставилъ брата: Святославъ на это отвѣчалъ также по-прежнему: „Лучше мнѣ помереть, чѣмъ оставить брата; буду искать его, пока душа въ тѣлѣ“. Давидовичи продолжали пустошить волости Ольговичей; взяли село Игоревое, гдѣ онъ устроилъ себѣ дворъ добрый; было тутъ въ погребахъ наготовлено много вина и меду, и всякаго тяжелаго товару, желѣза и мѣди, такъ что нельзя было всего и вывезти; Давидовичи велѣли все это покласть на во-

зы и потомъ велѣли зажечь дворъ и церковь Св. Георгія, и гумно, гдѣ было 900 стоговъ. Потомъ, услыхавъ, что Изяславъ Мстиславичъ идетъ къ нимъ на помощь изъ Кіева, они пошли къ Путивлю, и приступили къ городу, пославши сказать жителямъ: „Не бойтесь; клянемся Св. Богородицею, что не дадимъ васъ въ полонъ“. Но Путивльцы не послушались и крѣпко бились до тѣхъ поръ, пока пришелъ Изяславъ Мстиславичъ съ силою кievскою; тогда Путивльцы послали къ нему сказать съ поклономъ: „Мы тебя только дождались, князь, цѣлуй намъ крестъ“. Изяславъ поцѣловалъ крестъ и только вывелъ отъ нихъ прежняго посадника и посадилъ своего. Этотъ поступокъ Путивльцевъ очень замѣчательнъ: онъ показываетъ довѣренность ко внуку Мономахову и недоувѣріе ко внукамъ Святославовымъ у самихъ жителей Черниговскихъ волостей; не удивительно, что на той сторонѣ Днѣпра такъ не любили Святославичей. Въ Путивлѣ Изяславъ и Давидовичи взяли дворъ Святославовъ, и все добро, какое нашли тамъ, раздѣлили на четыре части, взяли 500 берковцевъ меду, 80 корчагъ вина; взяли всю утварь изъ церкви Вознесения и 700 человѣкъ рабовъ. Узнавши, что Путивль взяли, имѣніе его пограблено, и что Изяславъ идетъ на него, хотѣвъ осадить въ Новгородѣ, Святославъ призвалъ на совѣтъ князей Ивана Юрьича, Ивана Ростиславича Берладника, дружинну, Половцевъ дикихъ, дядей своихъ, и спрашивалъ, что дѣлать. Тѣ отвѣчали ему: „Князь! ступай отсюда, не мѣшкая, здѣсь тебѣ не причемъ оставаться; итъ ни хлѣба, ничего, ступай въ лѣсную землю, —тамъ тебѣ близко будетъ пересылаться съ *отцомъ своимъ* Юріемъ“. Святославъ послушался и побѣжалъ изъ Новгорода въ Корачевъ съ женою и дѣтьми и съ женою брата своего Игоря; изъ дружины—одни пошли за нимъ, другіе оставили его.

Новгородцы-Сѣверскіе дали знать Изяславу и его союзникамъ, что Святославъ убѣжалъ отъ нихъ; это извѣстіе сильно раздосадовало Давидовичей; они знали, что пока Святославъ будетъ на свободѣ, до тѣхъ поръ не перестанетъ отыскивать свободы брату; въ сердцахъ Изяславъ Давидовичъ сказалъ братьямъ: „Пустите меня за нимъ; если ему самому удастся уйти отъ меня, то жену и дѣтей у него отниму, имѣніе его возмю!“—и, взявши съ собою три тысячи конной дружины, безъ зова, налегкѣ отправился въ погоню за Ольговичемъ, которому не оставалось болѣе ничего дѣлать, или семью и дружинну свою отдать въ плѣнъ, или голову свою сложить. Подумавъ съ союзными князьями, Половцами и дружиною, онъ вышелъ навстрѣчу къ Давидовичу и разбилъ его. Изяславъ Мстиславичъ и Владиміръ Давидовичъ шли съ полками велѣдъ за Изяславомъ Давидовичемъ, и, остановившись въ лѣсу, сѣли-было обѣдать, какъ вдругъ пригналъ къ нимъ одинъ мужъ съ вѣстію, что Изяславъ разбитъ Ольговичемъ. Эта вѣсть сильно раздосадовала Изяслава Мстиславича, котрый, по выраженію лѣтописца, былъ храбръ и крѣпокъ на

рать; онъ выстроилъ свое войско и пошелъ на Святослава къ Корачеву; на дорогѣ встрѣчали его бѣглецы изъ дружины Изяслава Давидовича и присоединились къ войску; самого Давидовича долго не было, наконецъ и онъ явился въ полдень; князя шли весь этотъ день до ночи, и остановились ночевать недалеко отъ Корачева; а Святославъ, узнавъ о ихъ приходѣ, ушелъ за лѣсъ, въ Землю Вятичей. Тогда Изяславъ Мстиславичъ сказалъ Давидовичамъ: „Какихъ хотѣли вы волостей, тѣ я вамъ добычу: вотъ вамъ Новгородъ-Сѣверскій и все Святославовы волости; что же будетъ въ этихъ волостяхъ Игоревы — рабы, или товаръ какой, то мое; а что будетъ Святославовыхъ рабовъ и товара, то раздѣлимъ на части“. — Урядившись такимъ образомъ, Изяславъ возвратился въ Кіевъ; а между тѣмъ Игорь Ольговичъ сильно разболѣлся въ тюрьмѣ и прислалъ сказать ему: „Братъ, я очень боленъ, и прошу у тебя постриженія; хотѣлъ я этого, когда еще былъ княземъ, а теперь въ нуждѣ я сильно разболѣлся, и не думаю, что останусь въ живыхъ“. Изяславъ жалился и послалъ сказать ему: „Если была у тебя мысль о постриженіи, то ты воленъ; а я тебя и безъ того выпускаю для твоей болѣзни“. Надъ Игоремъ розняли верхъ тюрьмы и вынесли больного въ келью; восемь дней онъ ни пить, ни ѣлъ, но потомъ ему полегчало, и онъ постригся въ кіевскомъ Оедоровскомъ монастырѣ въ схимѣ.

Между тѣмъ въ Землѣ Сѣверской и у Вятичей по-прежнему шла война между Давидовичами и Ольговичами. Изяславъ Мстиславичъ, уходя въ Кіевъ, имѣлъ неосторожность оставить съ Давидовичами Изяслава Всеволодовича, родного племянника Святослава, котораго выгоды были тѣсно связаны съ выгодами дяди, съ выгодами племени Ольговичей: окончательное пораженіе дяди Святослава, окончательное торжество Давидовичей отнимало у него навсегда надежду княжить въ Черниговѣ, на что онъ имѣлъ со-временемъ полное право, какъ сынъ старшаго изъ Ольговичей. Вотъ почему онъ долженъ былъ поддерживать дядю, и, точно, вмѣсто преслѣдованія, уведомляя его о движеніяхъ непріятельскихъ¹⁾. Несмотря на отступленіе Ивана Берладника, который, взявши у Святослава 200 гривенъ серебра и 12 золота, перешелъ къ Ростиславу Мстиславичу Смоленскому, дѣла Ольговича поправились, потому что Юрій Ростовскій прислалъ ему на помощь бѣлозерскую дружину. Святославъ уже хотѣлъ идти съ цѣю на Давидовичей, какъ вдругъ опасно занемогъ сынъ Юрьевъ, Иванъ; Ольговичъ не поѣхалъ отъ больного, и дружины не отпустилъ. Давидовичи, съ своей стороны, услышавъ, что Святославъ получилъ помощь отъ Юрія,

не посмѣли идти на него, но, созвавши лучшихъ Вятичей, сказали имъ: „Святославъ такой же врагъ и вамъ, какъ намъ; старайтесь убить его какънибудь обманомъ и дружину его перебить, а имѣние его вамъ“, — послѣ чего сами пошли назадъ. Двое сыновей Юрьевыхъ — Ростиславъ и Андрей — дѣйствовали успѣшно съ другой стороны: заставили Рязанскаго князя Ростислава бѣжать къ Половцамъ; но въ это время умеръ братъ ихъ Иванъ у Святослава, который послѣ того перешелъ на устье рѣки Протвы. Сюда прислалъ утѣнять его Юрій: „Не тужи о моемъ сынѣ, велѣлъ онъ сказать ему; если этого Богъ возьметъ, то другого къ тебѣ примлю“; тогда же прислалъ онъ и богатые дары Святославу — ткани и мѣха, дарилъ и жену его, и дружину (1146 г.).

Весною Юрій съ союзникомъ своимъ началъ наступательное движеніе: самъ вошелъ въ область Новгородскую, взялъ Торжокъ и землю по Метѣ; а Святославъ пошелъ на Смоленскую волость, взявъ Голядей, на верховьяхъ Протвы, и обогатилъ дружину свою полономъ, послѣ чего получилъ зовъ отъ Юрія пріѣхать къ нему въ Москву, имя которой здѣсь впервые упоминаютъ. Святославъ поѣхалъ къ нему съ сыномъ Олегомъ, княземъ Владиміромъ Рязанскимъ и съ небольшою дружиною; Олегъ поѣхалъ напередъ и подарилъ Юрію барса (вѣроятно кожу этого звѣря). Дружески поздоровались Юрій съ Ольговичемъ и начали пировать; на другой день Юрій сдѣлалъ большой обѣдъ для гостей, богато одарилъ Святослава, сына его Владиміра Рязанскаго и всю дружину. Но одними дарами дѣло не ограничилось: Юрій обѣщавъ Святославу прислать сына на помощь, и обѣщаніе было исполнено. Получивши также наемное войско отъ Половцевъ, Святославъ началъ съ успѣхомъ наступательныя движенія: послалъ Половцевъ воевать Смоленскую волость, и они оцупостили земли у верховьевъ Угры; тогда посадники Давидовичей бросились бѣжать изъ городовъ вятичскихъ, и Святославъ занялъ послѣдніе; а между тѣмъ изъ степенъ пришли къ нему новыя толпы Половцевъ, да съ сѣвера Глѣбъ, сынъ Юрія Ростовскаго. Изяславъ Давидовичъ не смѣлъ долѣ оставаться въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, ушелъ къ брату Владиміру въ Черниговъ, и Давидовичи вмѣстѣ съ Святославомъ Всеволодовичемъ отправили къ Ольговичу пословъ, которые должны были сказать ему: „Не жалуйся на насъ, будемъ все заодно, позабудь нашу злобу; цѣлуй къ намъ крестъ, и возьми свою отчину, а что мы взяли твоего, то все отдадимъ назадъ“. Изъ этого видно, что Святославъ Всеволодовичъ уже успѣлъ снестись съ Давидовичами; безъ сомнѣнія, онъ былъ здѣсь главнымъ дѣйствителемъ, тѣмъ болѣе что прежде усердіе его къ дядѣ Ольговичу давало ему возможность быть посредникомъ. Какъ видно, уже тогда между Давидовичами и Всеволодовичемъ положено было заманить Изяслава Мстиславича на восточный берегъ Днѣпра, потому что, прося мира и союза у Ольговича, Давидовичи въ то же время

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 28: «Давидовичи идоста къ Дьбранску (Брянску), а Всеволодовичъ Святославъ въ Корачевъ и посла Козельску ко Святославу стрієви своему, рекъ ему: «Изяславъ ти Мстиславичъ пошелъ Кієву, а Давидовичи съ Смоленскимъ Ростиславомъ хочета ити но тобѣ».

послалъ сказать Изяславу: „Братъ! Святославъ Ольговичъ занялъ нашу волость Вятичъ; пойдѣмъ на него; когда его прогонимъ, то пойдѣмъ на Юрія въ Суздаль, и либо помиримся тамъ съ нимъ, либо будемъ биться“. Изяславъ согласился; но Всеволодовичу нужно было прежде него быть на восточномъ берегу Днѣпра, чтобы окончательно устроить свое дѣло; для этого онъ прѣѣхалъ къ Изяславу и сталъ проситься у него въ Черниговъ: „Батюшка, говорилъ онъ, отпусти меня въ Черниговъ, тамъ у меня вся жизнь; хочу просить волости у братьевъ, у Изяслава и Владиміра“. — „И прекрасно ты это придумалъ, отвѣчалъ ему Изяславъ: ступай скорѣе“. Всеволодовичъ поѣхалъ, и дѣло было окончательно улажено: уговорились перезвать Изяслава Кіевского на ту сторону Днѣпра и схватить его обманомъ, послѣ чего, видя медленность Кіевского князя, Давидовичи послали торопить его: „Земля наша погибаетъ, а ты нейдешь“, велѣли сказать ему. Изяславъ созвалъ бояръ своихъ, всю дружину и Кіевлянъ, и сказалъ имъ: „Я уговорился съ братьями своими Давидовичами и Святославомъ Всеволодовичемъ, — хотимъ пойти на дядю Юрія и на Святослава Ольговича къ Суздали за то, что дядя принялъ врага моего Святослава. Братъ Ростиславъ придетъ также къ намъ съ Смольнянами и Новгородцами“. Кіевляне отвѣчали на это: „Князь! не ходи съ Ростиславомъ на дядю своего, лучше уладься съ нимъ; Ольговичамъ ¹⁾ не вѣри и въ путь съ ними вмѣстѣ не ходи“. Изяславъ отвѣчалъ: „Нельзя; они мнѣ крестъ цѣловали, я съ ними вмѣстѣ думу думалъ, не могу никакъ отложить похода; собирайтесь“. Тогда Кіевляне сказали: „Ну, князь, ты на насъ не сердись, а мы не можемъ на Владимірово племя рукъ поднять; вотъ еслибъ на Ольговичей, то пошли бы и съ дѣтьми“. Изяславъ отвѣчалъ на это: „Тотъ будетъ добрый человекъ, кто за мною пойдетъ“. Набралось много такихъ добрыхъ людей, и онъ выступилъ съ ними въ походъ, оставивъ въ Кіевѣ брата Владиміра. Переирававшись за Днѣпръ и ставши между Черниговою и Переяславскою волостью, Изяславъ послалъ въ Черниговъ боярина своего Улѣба разузнать, чтѣ тамъ дѣлается. Улѣбъ скоро возвратился съ вѣстью, что Давидовичи и Всеволодовичъ отступили отъ него и соединились съ Ольговичемъ; тогда же черниговскіе пріатели Изяслава прислали сказать ему: „Князь! не двигайся никуда съ мѣста, — ведутъ тебя обманомъ, хотятъ убить, либо схватить вмѣстѣ Игоря; цѣловали крестъ Ольговичу, послали и къ Юрию съ крестомъ, — задумали и съ нимъ на тебя“.

Изяславъ возвратился и отправилъ пословъ въ Черниговъ сказать Давидовичамъ: „Мы замыслили путь великій, и утвердились крестными цѣлованіемъ, по обычаю дѣдовъ и отцовъ нашихъ; утвердился еще, чтобъ въ походѣ послѣ не было никакой

ссоры, никакого препятствія“. Тѣ отвѣчали: „Что это намъ безъ нужды еще крестъ цѣловать? вѣдь мы уже поклялись Изяславу; въ чемъ же провинились?“ Посоль сказалъ на это: „Какой же тутъ грѣхъ еще крестъ поцѣловать по любви? — то намъ на спасеніе“. Но Давидовичи никакъ не согласились; Изяславъ, отпуская посла, наказалъ ему, что если Черниговскіе не станутъ въ другой разъ крестъ цѣловать, то скажи имъ все, чтѣ мы слышали; и вотъ посоль объявилъ Давидовичамъ отъ имени своего князя: „Дошелъ до меня слухъ, что ведете меня обманомъ: поклялись Святославу Ольговичу схватить меня на дорогѣ, либо убить за Игоря; такъ, братья, было дѣло, или не такъ?“ Давидовичи не могли ничего отвѣчать на это; только молча переглядывались другъ другомъ; наконецъ Владиміръ сказалъ послу: „Выйди вонъ, посиди; мы тебя опять позовемъ“. Долго они думали вмѣстѣ, потомъ позвали посла и велѣли ему передать Изяславу: „Братъ! точно мы цѣловали крестъ Святославу Ольговичу; жаль намъ стало брата нашего Игоря; онъ уже чернецъ и схимникъ, выпустили его, тогда будемъ подлѣ тебя ѣздить; развѣ тебѣ было бы любо, еслибъ мы брата твоего держали?“ Въ отвѣтъ на это Изяславъ послалъ бросить имъ договорныя грамоты, причемъ велѣлъ сказать: „Вы клялись быть со мною до самой смерти, и я отдалъ вамъ волости обонихъ Ольговичей; прогналъ съ вами Святослава, волость его вамъ добылъ, далъ вамъ Новгородъ и Путьвлъ, имѣние его мы зыли и раздѣлили на части, Игореву я взялъ себѣ; а теперь, братья, вы кляту свою нарушили, привели меня сюда обманомъ, хотѣли убить; да будетъ со мною Богъ и сила животворящаго креста, — стану управлять какъ мнѣ Богъ дастъ“. Тогда же Изяславъ послалъ сказать брату своему Ростиславу въ Смоленскъ: „Братъ! Давидовичи крестъ намъ цѣловали и думу думали идти вмѣстѣ на дядю нашего; но все обманывали, хотѣли убить меня; Богъ и сила крестная объявили ихъ умыселъ; а теперь уже, братъ, гдѣ было мы думали идти на дядю, то уже не ходи, ступай сюда ко мнѣ; а тамъ наряди Новгородцевъ и Смольнянъ, пусть сдерживаютъ Юрія, и къ пріяжникамъ своимъ пошли, въ Рязань и всюду“. Распорядившись на счетъ брата Ростислава, Изяславъ послалъ въ Кіевъ къ другому брату Владиміру, къ митрополиту Климѣ и къ Лазарю тысяцкому, чтобъ они созвали Кіевлянъ на дворъ къ св. Софїи, и пусть тамъ посоль его скажетъ народу княжеское слово и объявитъ обманъ Черниговскихъ. Кіевляне сошлись все отъ мала до велика, и когда стали на вѣчѣ, то посоль Изяславовъ началъ говорить имъ: „Князь вашъ вамъ кланяется и велѣлъ вамъ сказать: я вамъ прежде объявлялъ, что задумалъ съ братомъ Ростиславомъ и Давидовичами идти на дядю Юрія, и звалъ васъ съ собою въ походъ; но вы мнѣ тогда сказали, что не можете на Владимірово племя рукъ поднять, на Юрія, а на Ольговичей однихъ пошли бы и съ дѣтьми; такъ теперь вамъ объявляю, — Давидовичи

¹⁾ Кіевляне называютъ Ольговичами вообще всѣхъ Святославичей, потому что фигура знаменитаго Гориславича выдавалась въ ихъ воображеніи на первый планъ; Давидъ вовсе не былъ столь извѣстенъ.

и Всеволодичъ Святославъ, которому я много добра сдѣлалъ, цѣловали тайкомъ отъ меня крестъ Святославу Ольговичу, послали и къ Юрію, а меня или хотѣли схватить, или убить за Игоря; но Богъ меня заступилъ и крестъ честной, что ко мнѣ цѣловали. Такъ теперь, братья Кіевляне, чего сами хотѣли, что мнѣ обѣщали, то и сдѣлайте: ступайте ко мнѣ къ Чернигову на Ольговичей, собирайтесь всё отъ мала до велика; у кого есть конь,—тотъ на конѣ, у кого пѣтъ,—тотъ въ лодѣ. Вѣдь они не меня одного хотѣли убить, но и-вась всёхъ искоренить“ Кіевляне отвѣчали на это: „Рады, что Богъ сохранилъ тебя намъ отъ большой бѣды ¹⁾; идемъ за тобой и съ дѣтymi“. Но въ это самое время кто-то взялъ толпы сказалъ: „По князѣ-то мы своємъ пойдемъ съ радостью; но прежде надобно вотъ о чемъ промыслить,—какъ прежде при Изяславѣ Ярославичѣ злые люди выпустили изъ заточенія Всеслава, и поставили княземъ себѣ, и за то много зла было нашему городу, а теперь Игорь, врагъ нашего князя и нашъ,—не въ заточеніи, а въ Оедоровскомъ монастырѣ; убьемъ его и пойдемъ къ Чернигову за своимъ княземъ; покончимъ съ ними“ Народъ, услышавши это, бросился къ Оедоровскому монастырю. Напрасно говорилъ имъ князь Владиміръ: „Братъ мой не велѣлъ вамъ этого дѣлать, Игоря стерегутъ крѣпко; пойдемъ лучше къ брату, какъ онъ намъ велѣлъ“. Кіевляне отвѣчали ему; „Мы знаемъ, что добромъ не кончить съ этимъ племенемъ ни вамъ, ни намъ“. Митрополитъ также ихъ удерживалъ, и Лазарь тысяцкій, и Рагуילו, Владиміровъ тысяцкій; но они никого не послушали, и съ воплемъ кинулись на убійство. Тогда князь Владиміръ сѣлъ на коня и погналъ къ Оедоровскому монастырю; на мосту не могъ онъ пробѣжать за толпами народа, и поворотилъ направо мимо Глѣбова двора; но этотъ крюкъ заставилъ его потерять время; Кіевляне пришли прежде него въ монастырь, бросились въ церковь, гдѣ Игорь, стоялъ у обѣдин, и потащили его съ криками: „Побейте! побейте!“ Въ монастырскихъ воротахъ встрѣтился имъ Владиміръ; Игорь, увидавъ его, спросилъ: „Охъ, братъ! куда это меня ведутъ?“ Владиміръ бросился съ лошади и одѣлъ Игоря своимъ корзнонь, уговаривая Кіевлянъ: „Братья мои! не дѣлайте этого зла, не убивайте Игоря“. Но толпа не слушала, и начали битъ Ольговича; нѣсколько ударовъ пришлось и на долю Владиміра, который

держался близко послѣдняго, защищая его. Владиміру однако, съ помощію боярина Михайла, удалось ввести Игоря во дворъ своєї матери и затворить за собою ворота. Но толпа, избивши Михайла, оторвавши на немъ крестъ съ цѣпями, выломала ворота и, увидавши Игоря на сѣняхъ, разбила сѣни, стащила съ нихъ Игоря и повергла его безъ чувствъ на землю; потомъ привязали ему веревку къ ногамъ и потащили съ Мстиславова двора, чрезъ Вабинъ торжокъ на Княжъ дворъ, и тамъ его прикончили; отсюда, положивши на дровни, повезли на Подоль и бросили на торгу. Владиміръ, услышавъ, что тѣло Игоря лежитъ на торгу, послалъ туда двоихъ тысяцкихъ, Лазаря и Рагуила; тѣ прѣхали и сказали Кіевлянамъ: „Вы уже убили Игоря, такъ похоронимъ тѣло его“. Кіевляне отвѣчали: „Не мы его убили; убили его Давидовичи и Всеволодичи, которые замыслили зло на нашего князя, хотѣли убить его обманомъ; но Богъ за нашего князя и Св. Софія“. Тогда Лазарь велѣлъ взять Игоря и положить въ Михайловской церкви, въ Новгородской божницѣ, а на другой день похоронили его въ Семеновскомъ монастырѣ.

Изяславъ стоялъ на верховьяхъ Супоя, на границахъ Черниговскаго княжества, когда пришла къ нему вѣсть объ убійствѣ Игоря; онъ заплакалъ и сказалъ дружинѣ: „Если бы я зналъ, что это случится, то отослалъ бы его подальше и сберегъ бы его; теперь мнѣ не уйти отъ людскихъ рѣчей,—станутъ говорить, что я велѣлъ убить его; но Богъ свидѣтель, что я не приказывалъ и не научалъ. Богъ разсудитъ дѣло“. Дружина отвѣчала: „Нечего тебѣ заботиться о людскихъ рѣчахъ; Богъ знаетъ, да и всё люди знаютъ, что не ты его убилъ, а братья его; крестъ къ тебѣ цѣловали и потомъ нарушили клятву, хотѣли убить тебя“. Изяславъ сказалъ на это: „Если уже такъ случилось, то дѣлать нечего,—вѣдемъ намъ тамъ быть и судиться предъ Богомъ“; но все не пересталъ жаловаться на Кіевлянъ.—Между тѣмъ война продолжалась. Изяславъ, какъ видно, прежде всего посылалъ овладѣть Курскомъ и городами по Сейму, чтобъ прервать связь Черниговскихъ съ Половцами; въ Курскѣ уже сидѣлъ сынъ его Мстиславъ, когда къ этому городу пришелъ Святославъ Ольговичъ съ Глѣбомъ Юрьичемъ. Мстиславъ объявилъ жителямъ Курска, что непріятель близко; тѣ отвѣчали точно такъ же, какъ прежде Кіевляне отвѣчали отцу его: „Ради битъся и съ дѣтymi за тебя противъ Ольговичей, но на племя Владимірово, на Юрьевича, не можемъ поднять рукъ“. Услышавъ такой отвѣтъ, Мстиславъ ухвѣлъ къ отцу, а жители Курска послали къ Глѣбу Юрьевичу и взяли у него себѣ посадника; какъ видно, Ольговичъ уступилъ и Глѣбу ту самую волость, т. е. Курскъ съ Посемьемъ, которую прежде отдалъ брату его Ивану; вотъ почему Глѣбъ посадилъ своихъ посадниковъ также по рѣкамъ Сейму и Вырю, гдѣ заключилъ союзъ со многими половецкими ордами. Впрочемъ, нѣкоторые города по Вырю остались вѣрны Изяславу,

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II: 33. Кііе же рекоша: «ради, еже ны Богъ тебѣ избивилъ отъ великагъ лѣти братю нашу». Любопытная подробность объ Игорѣ Ольговичѣ см. у Татищева, II, 312: здѣсь обнаружены признаки вражды къ Ольговичамъ.—О характерѣ и наружности Игоря, тамъ же, стр. 313: «Сей Игорь Ольговичъ былъ дужь храбрый и великій охотникъ къ лодѣмъ зѣрей и птиць, читатель книгъ, и въ цѣпн церковночь учень. Чиъ священнической мало почиталъ, и постовъ не хранилъ; того ради у народа мало любилъ былъ, ростою былъ средній и сухъ, смуглъ лицомъ, власы подъ обичай, какъ поизъ, носилъ долги, брада же узка и мала. Егда же въ монастырѣ былъ подъ стражею, тогда прилжно уставы иноческіе хранилъ».

иснемотря на угрозы Черниговскихъ, что они отдадутъ ихъ въ плѣны Половцамъ; одинъ изъ этихъ городовъ, Вяхань, съ усилѣхомъ выдержалъ осаду; другой—Попашъ—былъ взятъ. Услыхавъ о движеніи Черниговскихъ и Юрьевича, Изяславъ собралъ большое войско, полки дяди Вячеслава и вольнискѣ, и пошелъ къ Переяславу, гдѣ пришла къ нему вѣсть отъ брата Ростислава, что тотъ уже на походѣ: „Подожди меня, велѣлъ сказать ему Ростиславъ: я Любечъ пожегъ, много воевалъ и зла Ольговичамъ много надѣлалъ; сойдемся вмѣстѣ, и посмотримъ, что намъ дальше дѣлать“. Получивъ эту вѣсть, Изяславъ пошелъ потихоньку, поджидая брата, и стать на урочищѣ Черная Могила, куда пришелъ къ нему Ростиславъ съ полками смоленскими. Оба брата стали думать съ дружиною и Черными Клобуками, куда бы имъ пойти теперь. Ростиславъ говорилъ: „Теперь Богъ насъ соединитъ въ одномъ мѣстѣ, а тебя избавилъ отъ великой бѣды; такъ медлитъ намъ нечего, пойдемъ прямо къ нимъ, гдѣ будетъ ближе, и какъ насъ съ ними Богъ разсудитъ“. Мнѣніе было принято, и князья пошли на Сулу. Когда въ станѣ черниговскихъ князей узнали, что Изяславъ идетъ на нихъ, то бѣлая часть Половцевъ покинула почью станъ и ушла въ степь; оставленные Давидовичи и Ольговичи пошли къ Чернигову; Изяславъ хотѣлъ пересѣчь имъ дорогу у города Всеволожа ³⁾, но уже не засталъ здѣсь Черниговскихъ: они прошли Всеволожь. Мстиславичи не пошли за ними дальше, но *взяли на шить* (разграбили) Всеволожь, въ которомъ находились тогда жители изъ двухъ другихъ городовъ, какъ видно менѣе укрѣпленныхъ: мы уже видѣли этотъ обычай на Украинѣ, по которому другіе города пустѣли при вѣсти о приближеніи непріятеля. Когда въ другихъ городахъ узнали, что Всеволожь взятъ, то и они вдругъ опустѣли: жители ихъ бросились бѣжать къ Чернигову ²⁾; Мстиславичи послали за ними въ погоню и нѣкоторыхъ перехватили, а другіе ушли; пустыя города Изяславъ велѣлъ зажечь. Только жители города Глѣбля не успѣли убѣжать, и счастливо отбились отъ Мстиславичей, которые пошли отсюда въ Кіевъ, сказавши дружинѣ своей — Кіевлянамъ и Смольянамъ: „Собирайтесь всѣ; когда рѣки установятся, тогда пойдемъ къ Чернигову, и какъ насъ съ ними Богъ управитъ“. Поживши весело нѣкоторое время въ Кіевѣ, Мстиславичи рѣшили разлучиться; Изяславъ говорилъ Ростиславу: „Братъ! тебѣ Богъ далъ верхнюю землю: ты тамъ и ступай противъ Юрія; тамъ у тебя Смольяне, Новгородцы и другіе присяжники,—удерживай съ ними дядю; а

я здѣсь останусь, и буду управляться съ Ольговичами и Давидовичами“. Ростиславъ отправился въ Смоленскъ.

Когда рѣки стали, то Черниговскіе начали наступательное движеніе: они послали дружину свою съ Половцами и повоевали мѣста на правомъ берегу Днѣпра ³⁾; а союзникъ ихъ, Глѣбъ Юрьевичъ, занялъ Городецъ—Остерскій, принадлежавшій прежде отцу его ⁴⁾. Изяславъ послалъ звать его къ себѣ въ Кіевъ, и Глѣбъ сначала было—объявлялъ пріѣхать, по потомъ раздумалъ, потому что вошелъ въ сношенія съ Переяславцами, часть которыхъ была почему-то недовольна Изяславоиъ или сыномъ его Мстиславоиъ, княжившимъ у нихъ, и звала Глѣба, обѣщаясь передать ему городъ. Глѣбъ немедленно пошелъ на ихъ зовъ; на разсвѣтѣ, когда Мстиславъ съ дружиною еще спалъ, пригнали къ нему сторожа и закричали: „Вставай, князь! Глѣбъ пришелъ на тебя!“ Мстиславъ вскопчилъ, собралъ дружину и выступилъ изъ города противъ Юрьича; оба, увидавъ другъ друга, не рѣшились вступить въ битву; Глѣбъ стоялъ до утра другого дня и возвратился; Мстиславъ же, соединясь съ остальною дружиною и Переяславцами, погнался за нимъ, настигъ, захватилъ часть его войска; но самому Глѣбу удалось уйти въ Городецъ. Изяславъ, услышавъ объ этихъ попыткахъ противъ Переяслава, собралъ дружину, Берендѣевъ, и пошелъ къ Городцу; Юрьичъ послалъ объявить объ этомъ въ Черниговъ: „Идетъ на меня Изяславъ, помогите мнѣ!“—велѣлъ онъ сказать тамошнимъ князьямъ; а между тѣмъ Изяславъ пришелъ и осадилъ Городецъ. Не видя ни откуда помощи, Юрьичъ чрезъ три дня поклонился Изяславу и помирился съ нимъ: какъ видно, тотъ оставилъ за нимъ отцовскій городъ. Но Глѣбъ не былъ ему за это благодаренъ: какъ скоро Изяславъ возвратился въ Кіевъ, онъ опять послалъ сказать Черниговскимъ: „Я поневолѣ дѣловалъ крестъ Изяславу,—онъ обступилъ меня въ городѣ, а отъ васъ не было помощи; но теперь опять хочу быть вмѣстѣ съ вами“ ⁵⁾. Въ 1148 году Изяславъ нахо-

³⁾ Воеваша Брягнй. — Мѣстечко Брагнй, Минской губерніи, Рѣчичаго уѣзда.

⁴⁾ «Залъ городокъ Отенъ у Изяслава». — Здѣсь *Отенъ* есть прилагательное—отцовскій. Мы видѣли, что Всеволодъ Ольговичъ отыалъ этотъ городокъ у Юрія; къ Изяславу онъ перешелъ вѣроятно въ то время, когда этотъ князь находился въ союзѣ съ Давидовичами противъ Ольговича, или, быть можетъ, былъ взятъ имъ у Давидовичей уже при разрывѣ, когда были взяты Курскъ съ Иосемъчъ.

⁵⁾ Въ Лавр. спискѣ упоминается разъ о покушеніи Глѣба на Переяслава: «Послушашъ Жирислава, ракуша ему: поиди Переяславу, хотятъ тебе людье; онъ же послушашъ его, приде къ Переяславу вборзѣ». — Это извѣстіе помѣщено въ началѣ 1148 года; въ Ипатьев. св. почти въ тѣхъ же словахъ помѣщено оно въ концѣ 1147 г.; но потомъ подъ 1148 годомъ, послѣ извѣстія о походѣ Изяслава Мстиславича на Черниговъ, помѣщено опять извѣстіе о покушеніи Глѣба на Переяслава, въ существенныхъ чертахъ сходное съ первымъ: «Въ то время сѣдъшася Гюргевичъ Глѣбъ Переяслави, и ѣха къ нимъ изъ Городца; увидавъ же Мстиславъ Изяславичъ, пже плутъ наивъ, изъѣде противу полкомъ своимъ съ Переяслави, Глѣбъ же узрѣ, оже идетъ наивъ Мстиславъ, Глѣбъ же

¹⁾ Теперь село Сиволожь, Черниговской губерніи, въ Борзинскомъ уѣздѣ.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 36: «Слышавше ныи гради, Уленѣжь, Беловежа, Вохмачъ, оже Всеволожь взятъ, и побѣгоша Черниговъ и явии гради мнози бѣжаша». Бѣлая Вѣла въ Черниговской губерніи, въ Ворзпяскомъ уѣздѣ, при верховьяхъ Остра; Вохмачъ въ Конопотскомъ уѣздѣ, у верховьевъ рѣчки Ворзны. Положеніе Уленежа необъяснено удовлетворительно.

нець собралъ всю свою силу, взявъ полкъ у дяди Вячеслава и полкъ владимірскій, призвалъ отрядъ Венгровъ на помощь, соединился съ Берендѣями, перешелъ Днѣпръ и сталъ въ осьми верстахъ отъ Чернигова ¹⁾. Три дня стоялъ онъ подъ городомъ, дожидаясь не выйдутъ ли Ольговичи и Давидовичи на битву, но никто не выходилъ; а онъ между тѣмъ пожегъ всѣ ихъ села ²⁾. Наскучивъ дожидаться, Изяславъ сталъ говорить дружинѣ: „Вотъ ны села ихъ пожгли всѣ, имѣнья взяли, а они къ намъ не выходятъ; пойдемъ лучше къ Любечу, гдѣ у нихъ вся жизнь“. Когда Изяславъ подошелъ къ Любечу, то Давидовичи и Ольговичи съ рязанскими князьями и Половцами явились также сюда, и оба войска стали другъ противъ друга по берегахъ рѣки; Изяславъ выстроилъ войско и пошелъ было противъ Черниговскихъ, но рѣка помѣшала; только стрѣльцамъ съ обѣихъ сторонъ можно было стрѣляться черезъ нее. Ночью пошелъ сильный дождь, — и Днѣпръ началъ вздуться. Тогда Изяславъ началъ говорить дружинѣ и Венграмъ: „Здѣсь эта рѣка мѣшаетъ биться, а тамъ Днѣпръ разливается; пойдемъ лучше за Днѣпръ“. Только что успѣли перейти Днѣпръ, какъ на другой день ледъ тронулся; Изяславъ дошелъ благополучно до Кіева; но Венгры обломились на озерѣ и нѣсколько ихъ потонуло.

Несмотря однако на то, что походъ Изяслава, предпринятый съ такими большими силами, кончился, повидимому, ничѣмъ, Черниговскіе не могли долго вести борьбы: опустошая села ихъ, Изяславъ дѣйствительно отнималъ у нихъ *всю жизнь*, по тогдашнему выраженію; нечѣмъ было содержать дружину, нечѣмъ было платить Половцамъ; жители городовъ неохотно помогали князьямъ въ ихъ усобицахъ; Юрій ограничился только присылкою сына, самъ не думалъ идти на югъ, а безъ пего силы Черниговскихъ вовсе не были въ уровень съ силами Мстиславичей. Въ такихъ обстоятельствахъ они послали сказать Юрію: „Ты крестъ цѣловалъ, что пойдеши съ нами на Изяслава, и не пошелъ; а Изяславъ пришелъ, за Десною города наши пожегъ и землю новоевалъ; потомъ въ другой разъ пришелъ къ Чернигову, и села наши пожегъ до самаго Любеча, и всю жизнь нашу новоевалъ; а ты къ намъ не пошелъ, ни на Ростислава не наступилъ; теперь, если хочешь идти на Изяслава, такъ ступай, и мы съ тобою; если же не пойдеши, то мы будемъ правы въ крестномъ цѣлованіи, — нельзя

намъ однимъ гибнуть отъ рати“. Не получивъ отъ Юрія благопріятнаго отвѣта, они обратились къ Изяславу Мстиславичу съ мирными предложеніями, послали сказать ему: „То бывало и прежде при дѣдахъ и при отцахъ нашихъ: миръ стоитъ до рати, а рать до мира, — не жадуйся на насъ, что мы первые встали на рать, — жаль было намъ брата нашего Игоря, мы того только и хотѣли, чтобы ты выпустилъ его; а такъ какъ теперь онъ убитъ, пошелъ къ Богу, гдѣ и всѣмъ намъ быть, то Богъ всѣхъ насъ и разсудитъ; а здѣсь намъ до какихъ поръ губить Русскую Землю? чтобы намъ уладиться?“ Изяславъ отвѣчалъ имъ: „Вратья! доброе дѣло христіанъ блюсти; но вы всѣ вмѣстѣ совѣтовались, такъ и я пошлю къ брату Ростиславу, подумаемъ, и тогда пришлемъ отвѣтъ“. — Немедленно отправилъ Изяславъ пословъ къ брату съ такими словами: „Присылали ко мнѣ братья — Давидовичи, Святославъ Ольговичъ и Святославъ Всеволодовичъ, — мира просятъ; а я съ тобою хочу посоветоваться, какъ намъ обонимъ будетъ годно; хочешь мира? хотя они и зло намъ сдѣлали, но теперь мира просятъ у насъ; но если хочешь войны, — скажи, какъ хочешь, я на тебя во всемъ полагаюсь“. Уже изъ этихъ словъ Ростиславъ могъ понять, что самъ старшій братъ хочетъ мира, и потому велѣлъ отвѣчать ему: „Вратья! кланяюсь тебѣ; ты меня старше, ты какъ хочешь, такъ и дѣлай, а я всюду готовъ съ тобою; но если ты уже мнѣ дѣлаешь такую честь, спрашиваешь моего совѣта, то я бы такъ думалъ: ради русскихъ земель и ради христіанъ — миръ лучше; они встали на рать, но что взяли? а теперь, братья, ради христіанъ и всей Русской Земли, помирись, если только общаются, что за Игоря всякую вражду отложить и впередъ не задумаютъ сдѣлать съ тобою того, что хотѣли прежде сдѣлать; если же не перестанутъ злобиться за Игоря, то лучше съ ними воевать, какъ Богъ управитъ“. Получивъ этотъ отвѣтъ, Изяславъ послалъ къ Черниговскимъ епископа Рѣлогородскаго Феодора и Печерскаго игумена Феодосія съ боярами сказать имъ: „Вы мнѣ крестъ цѣловали, что вамъ брата Игоря не искать; но клятву свою нарушили, и много надѣлали мнѣ досады; но теперь я все это забываю для Русской Земли и христіанъ: если вы сами ко мнѣ прислали просить мира, и раскаиваетесь въ томъ, что хотѣли сдѣлать, то цѣлуйте крестъ, что отложите всякую вражду за Игоря, и не задумаете впередъ того, что прежде хотѣли сдѣлать со мною“. Черниговскіе поклялись отложить вражду за Игоря, блюсти Русскую Землю, быть всѣмъ за одного брата; Курскъ съ Посемьемъ остались за Владимиромъ Давидовичемъ.

Въ это время явился къ Изяславу старшій изъ сыновей Юрія, Ростиславъ, котораго мы видѣли въ Новгородѣ. Ростиславъ объявилъ, что онъ разсорился съ отцомъ, который не хотѣлъ дать ему волости въ Суздальской Землѣ, и потому онъ пришелъ къ Изяславу съ поклономъ: „Отецъ меня обидѣлъ, говорилъ Юрьевичъ Кіевскому князю, волости

было вралъ, и рече: прельстили мя Перелеславци, не терпя противу отати, покочи: они же постигаже дружинку его изюмаша, и другая избива, и Станиславича ту яша и казаша казньою ялоу, и ныи многи изюмаша, а самъ Глѣбъ убѣжа у Городокъ, и не стерпя въ нощъ быти, бѣжа къ Чернигову. — Мы думаемъ, что это два извѣстія объ одномъ и томъ же событіи.

¹⁾ «И врѣшедъ ста на Олговѣ поли». — Теперь въ 8 верстахъ отъ Чернигова находится два хутора: Льговъ и Льговскій.

²⁾ «Они и до Воловося». — Теперь село Старый Вѣлоуетъ въ 6 верстахъ отъ Чернигова.

миѣ не далъ,—и вотъ я пришелъ сюда, поручивши себя Богу да тебѣ, потому что ты старше всѣхъ насъ между внуками Владиміра; хочю трудиться за Русскую Землю и подлѣ тебя ѣздить“. Изяславъ отвѣчалъ ему: „Всѣхъ насъ старше отецъ твой ¹⁾, но онъ не умѣетъ съ нами жить; а миѣ дай Богъ насъ, братью свою всю и весь родъ свой, имѣть въ правду, какъ душу свою; если отецъ тебѣ власти не далъ, такъ я тебѣ даю“. И далъ ему тѣ пять городовъ, которые прежде держалъ Святославъ Всеволодичъ; кромѣ того, Ростиславъ получилъ Городецъ-Остерскій, гдѣ Изяславъ не хотѣлъ видѣть брата его Глѣба, которому послалъ сказать: „Ступай къ Ольговичамъ; ты къ нимъ пришелъ, такъ пусть тебѣ и дадутъ власть“ ²⁾. У этого Городца-Остерскаго сѣбѣхался осенью Изяславъ Мстиславичъ съ Давидовичами; Ростиславъ Юревичъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Кіевскимъ княземъ; Ольговичи — ни дядя, ни племянники — не пріѣхали. Изяславъ сказалъ Давидовичамъ: „Вотъ братъ Святославъ и племянники не пріѣхали, а вы всѣ клялись миѣ, что кто будетъ до меня золь, на того вамъ быть вмѣстѣ со мною; дядя мой Юрій изъ Ростова обижаетъ мой Новгородъ, даи у Новгородцевъ поотнималъ, по дорогамъ прѣзду имъ итъ; хочю пойти и управиться съ нимъ либо миромъ, либо бранью; а вы крестъ цѣловали, что будете вмѣстѣ со мною“. Владиміръ Давидовичъ отвѣчалъ: „Это ничего, что братъ Святославъ и племянники твой не пріѣхали; все равно, мы здѣсь ³⁾; а мы всѣ клялись, что гдѣ твои будутъ обиды, такъ намъ быть съ тобою“. Князья уладились, что какъ скоро ледъ станетъ на рѣкахъ, идти на Юрія къ Ростову: Изяславъ пойдетъ изъ Смоленска, а Давидовичи и Ольговичъ изъ Земли Вятичей, и всѣмъ сойтись на Волгѣ. Послѣ ряду князья весело пообѣдали вмѣстѣ и разошлись. Возвратясь въ Кіевъ, Изяславъ сказалъ Ростиславу Юрвичу: „Ступай въ Бужскъ и побудь

тамъ, постереги Русскую Землю, пока я схожу на на отца твоего, и помирюсь съ нимъ или какъ-нибудь иначе съ нимъ управлюсь“

Въ Кіевѣ оставилъ Изяславъ брата Владиміра, въ Переяславлѣ сына Мстислава, и пошелъ въ Смоленскъ къ брату Ростиславу, куда велѣлъ полкамъ идти за собою. Въ Смоленскѣ М. тиславичи провели вмѣстѣ время весело, пируя съ дружиною и Смольянами, дарили другъ друга богатыми дарами: Изяславъ дарилъ Ростислава товарами, которые идутъ изъ Русской Земли и изъ всѣхъ *царскихъ* (греческихъ) земель, а Ростиславъ Изяслава товарами, которые шли изъ *верхнихъ* (сѣверныхъ) земель и отъ Варяговъ. Готовясь къ войнѣ, братья пытались однако кончить дѣло мирными переговорами, и отправили посла къ дядѣ Юрію; но тотъ, вмѣсто отвѣта, задержалъ посла. Тогда, приказавши брату Ростиславу идти съ полками по Волгѣ и дожидаться при устьѣ Медвѣдницы, Изяславъ пошелъ съ небольшою дружиною въ Новгородъ. Новгородцы, услышавъ, что Изяславъ идетъ къ нимъ, сильно обрадовались и вышли къ нему на-встрѣчу, одни за десь, другіе за три дня пути отъ города. Въ это время княжилъ въ Новгородѣ уже не братъ Изяславовъ Святополкъ, но сынъ Ярославъ. Изяславъ велѣлъ имъ помѣняться волостями, вывелъ Святополка во Владиміръ-Вольнскій изъ Новгорода „злобы его ради“, какъ говоритъ новгородскій лѣтописецъ. Въ воскресенье вѣхалъ Изяславъ въ Новгородъ съ великою честію, встрѣченъ былъ сыномъ Ярославъ и боярами, и поѣхалъ съ ними къ Св. Софіи къ обѣднѣ; послѣ обѣдни, князья послали подвойскихъ и бирючей кликать кличь по улицамъ, звать къ князю на обѣдъ всѣхъ отъ мала до велика: обѣдали весело и съ честью разошлись по домамъ. На другой день, въ понедѣльникъ, послалъ Изяславъ на Ярославовъ дворъ, велѣлъ звонить къ вѣчу, и когда сошлись Новгородцы и Псковичи навѣчь, то онъ сказалъ имъ: „Братья! сынъ мой и вы пришли ко миѣ жаловаться, что дядя мой Юрій обижаетъ васъ; и вотъ я, оставя Русскую Землю, пришелъ сюда на него, для васъ, ради вашихъ обидъ; думайте, гадайте, братья, какъ на него пойти, и какъ — мириться ли съ нимъ, или ратью покончить дѣло“. Народъ отвѣчалъ: „Ты нашъ князь, ты нашъ Владиміръ, ты нашъ Мстиславъ; рады съ тобою идти всюду мстить за свои обиды; пойдемъ всѣ; только одни духовные останутся Бога молить“. И, въ самомъ дѣлѣ, Новгородцы собрали въ походъ всю свою волюсть, пошли Шкочичи и Керела. Пришедши на устье Медвѣдницы, Изяславъ ждалъ брата Ростислава четыре дни; потомъ, когда Ростиславъ пришелъ съ полками русскими и Смоленскими, то всѣ вмѣстѣ пошли внизъ по Волгѣ, пришли къ городу Константиновъ на устье Вольшой Нерли, и, не получая вѣстей отъ Юрія, стали жечь его города и села, и воевать по обѣимъ сторонамъ Волги, оттуда пошли къ Угличу и потомъ на устье Мологи. Здѣсь получили они вѣсть, что Владиміръ Давидовичъ и Святославъ Ольговичъ стоятъ въ

¹⁾ Любопытно, что о Вячеславѣ даже не упоминается: такъ ничтоженъ былъ этотъ князь въ глазахъ родичей.

²⁾ Приходъ Ростислава Юрвича въ разныхъ спискахъ лѣтописи описанъ различно. Ипатьевскій списокъ говоритъ, что Ростиславъ пришелъ, *роскотоу рася* съ отцомъ своимъ, который не далъ ему волости. Но иначе разсказываетъ Лаврентьевскій списокъ: «Пойде Ростиславъ Юревичъ изъ Суждала съ дружиною своею, въ помощь Ольговичемъ, на Изяслава Мстиславича, посланъ отъ отца своего. И сдумавъ Ростиславъ съ дружиною своею река: люблю си ся на мя отца гнѣвати, не иду къ ворогомъ своимъ, то суть были вороги и дѣду моему и строжь моему, по поидѣхъ, дружино моя, къ Изяславу». Въротно Юрій послалъ Ростислава на югъ съ тѣмъ, чтобы тотъ добылъ себѣ такъ волюсть, подобно тому, какъ добыли волюсть прежде сынъ его Ивашъ, потомъ Глѣбъ; но, пришедши на югъ и увидавши, что дѣла Черниговскихъ идутъ плохо, и что они хотять заключить миръ съ Изяславомъ, Ростиславъ заблаговрасудилъ обратиться также къ послѣднему, тѣмъ болѣе что прежде Изяславъ звалъ къ себѣ брата его Глѣба. Такъ могутъ быть соглашения извѣстія обоихъ списковъ.

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 39: «Аже братъ Святославъ не пріѣхалъ, ни сестричичъ твой, *ль състъ*». — Здѣсь ошибка въ текстѣ: *ль състъ*, должно поправить изъ списки: «*а отъ състъ*» — а мы есмь, т. е. мы тутъ.

Земль Вятичей, ожидая, что будетъ между Юрьемъ и Изяславомъ, и не идуть къ устью Медвѣдицы, какъ общали. Изяславъ сказалъ при этомъ брату: „Пусть ихъ къ намъ нейдуть; былъ бы съ нами Богъ“, и отпустилъ Новгородцевъ и Русь восвать къ Ярославлю; когда тѣ возвратились съ большою добычей, то уже стало тепло, была Вербная недѣля, вода на Волгѣ и Мологѣ поднялась по брюхо лошади; оставаться долѣе было нельзя, и Мстиславичи пошли назадъ, Ростиславъ—въ Смоленскъ и Изяславъ—въ Новгородъ, и оттуда въ Кіевъ; изъ дружины русской одни пошли съ Ростиславомъ, а другіе куда кому угодно ¹⁾. Этотъ походъ стоилъ Ростовской Землѣ 7000 жителей, уведенныхъ въ плѣнь войсками Мстиславичей (1149 г.).

Въ Кіевѣ ждали Изяслава неприятные вѣсти; бояре донесли ему на Ростислава Юрыча, будто тотъ много зла замыслилъ, подговорилъ противъ него Берендѣевъ и Кіевлянъ; если-бы Богъ помогъ его отцу, то онъ пріѣхалъ бы въ Кіевъ, взялъ Изяславовъ домъ и семью: „Отпусти его къ отцу, горлы бояре князю: это твой врагъ, держишь его на свою голову“. Изяславъ немедленно послалъ за Юрьевичемъ; и когда тотъ пріѣхалъ, то пришли къ нему Изяславовы бояре и сказали отъ имени своего князя: „Братъ! ты пришелъ ко мнѣ отъ отца, потому что отецъ тебя обидѣлъ, волости тебѣ не далъ; я тебя принялъ какъ брата, и волости тебѣ далъ, чего и родной отецъ тебѣ не далъ, да еще велѣлъ Русскую Землю стеречь; а ты, братъ, за это хотѣлъ, если бы отцу твоemu Богъ помогъ, въѣхалъ въ Кіевъ, взять мой домъ и семью!“ Ростиславъ велѣлъ отвѣчать ему: „Братъ и отецъ! Ни на умѣ, ни на сердцѣ у меня того не было; если же кто донесъ на меня тебѣ, князь ли который, то я готовъ съ нимъ перевѣдаться; мужъ ли который изъ христіанъ или поганыхъ, то ты старше меня, ты меня съ ними и суди“. Изяславъ велѣлъ сказать ему на это: „Суда у меня ты не проси; я знаю, ты хочешь меня поссорить съ христіанами или съ погаными; ступай-ка къ отцу своему“. Ростислава посадили въ барку только съ чегырьма отроками, и отирали вверхъ по Дибѣру; дружину его взяли, а нѣвые отняли. Ростиславъ, пришедши къ отцу въ Суздаль, ударилъ передъ нимъ челою и сказалъ: „Я слышалъ, что хочешь тебя вся Русская Земля и Черные Клобуки; жалуются, что Изяславъ и ихъ обезчестилъ; ступай на него“. Эти слова могутъ показывать, что доносъ на Ростислава былъ основательный, или, по крайней мѣрѣ, они сносились съ нимъ. Юрія сильно огорчилъ позоръ сыновній; онъ сказалъ: „Такъ ни мнѣ, ни дѣтямъ моимъ нѣтъ

части въ Русской Землѣ!“ собралъ силу свою, нанялъ Половцевъ и выступилъ въ походъ на племянника. Это рѣшеніе можно объяснить и не однимъ гнѣвомъ на позорное изгнаніе сына: мы видѣли, какъ медленно, перѣшительно дѣйствовала до сихъ поръ Юрій, несмотря на то, что могъ надѣяться на успѣхъ, будучи въ союзѣ съ Черниговскими; теперь же могъ онъ спѣшить на югъ, въ полной увѣренности, что найдетъ тамъ болѣе сильныхъ союзниковъ, послѣ того какъ Ростиславъ обстоятельно увѣдомилъ его о неудовольствіи гражданъ и варварскаго пограничнаго народонаселенія на Изяслава, если даже предположимъ, что самъ Ростиславъ и не былъ главнымъ виновникомъ этого неудовольствія.

Какъ бы то ни было, Юрій былъ уже въ Землѣ Вятичей, когда Владиміръ Давидовичъ Черниговскій прислалъ сказать Изяславу: „Дядя идетъ на тебя, приготовляйся къ войнѣ“. Изяславъ сталъ собирать войско, и вмѣстѣ съ Давидовичами отправилъ пословъ въ Новгородъ—Сѣверскъ къ Святославу Ольговичу, напомнить ему о договорѣ. Святославъ не далъ посламъ сначала никакого отвѣта, и задержалъ на цѣлую недѣлю, приставивъ сторожей къ ихъ шатрамъ, чтобъ никто не приходилъ къ нимъ; а самъ между тѣмъ послалъ спросить Юрія: „Вправду ли ты идешь? скажи навѣрное, чтобъ мнѣ не погубить тебя понапрасну своей волости“. Юрій велѣлъ отвѣчать ему: „Какъ мнѣ не идти вправду?—племянникъ приходилъ на меня, волость мою повоевалъ и пожегъ, да еще сына моего выгналъ изъ Русской Земли, волости ему не далъ, осрамилъ меня; либо стыдъ этотъ съ себя сложу, за Землю свою отомщу и честь свою добуду, либо голову сложу“. Получивъ отъ Юрія такой отвѣтъ, Святославъ не хотѣлъ прямо нарушить клятвы, данной прежде Изяславу, и, чтобъ найти предлогъ, велѣлъ сказать ему чрезъ его же пословъ: „Возврати мнѣ братнико нѣвшіе, тогда буду съ тобою“. Изяславъ немедленно отвѣчалъ ему: „Братъ! крестъ честный ты цѣловалъ ко мнѣ, что вражду всякую за Игоря и нѣвные его огложишь; а теперь, братъ, ты опять вспомнилъ объ этомъ, когда дядя идетъ на меня; либо соблюди клятву исполнѣ, будь со мною;—а не хочешь, такъ ты уже нарушилъ крестное цѣлованіе. Я безъ тебя и на Волгу ходилъ, да развѣ мнѣ худо было? Такъ и теперь,—былъ бы со мной Богъ да крестная сила“. Святославъ соединился съ Юрьемъ; они послали и къ Давидовичамъ звать ихъ на Изяслава; но тѣ отвѣчали Юрію: „Ты клялся быть съ нами, а между тѣмъ Изяславъ пришелъ, Землю нашу повоевалъ и города наши пожегъ; теперь мы цѣловали крестъ къ Изяславу, не можемъ душою играть“.

Юрій, видя, что Давидовичи не хотятъ быть съ нимъ, пошелъ на старую Вѣдучѣжу, и стоялъ тамъ мѣсяцъ, дожидаясь Половцевъ и покоренія отъ Изяслава; но, не получивъ отъ послѣдняго никакой вѣсти, пошелъ къ рѣкѣ Суною. Сюда пріѣхалъ къ нему Святославъ Всеволодовичъ, но-невольѣ, какъ

¹⁾ Въ Лавр. спискѣ этотъ походъ разсказанъ съ отбѣнкомъ, сбличающимъ сѣвернаго лѣтописца: „Иде Изяславъ Новгороду, въ помочъ Новгородцевъ на Юргя, а восемь повезъ по себѣ ити; и поидоша по немъ и похромаша кони у нихъ, и самъ съ Новгородци дошедъ Волги и повоевавъ ю, и не успѣвъ ничто же Юргевъ, и дошедъ Углича поля поворотися Новгороду“.

говорить летописецъ, не желая отступить отъ родного дяди, Святослава Ольговича; сюда же пришло къ Юрію и множество Половцевъ дикихъ. Тогда Изяславъ послалъ въ Смоленскъ сказать брату Ростиславу: „Мы съ тобой уговорились, что когда Юрій мпнуеть Черниговъ, то тебѣ идти ко мнѣ; теперь Юрій Черниговъ уже миновалъ,—приходи, посмотримъ оба вмѣстѣ, что намъ Богъ дастъ“. Ростиславъ двинулся съ полками къ брату; а Юрій спустился къ Переяславу, все дожидаясь, что тутъ по крайней мѣрѣ Изяславъ пришлетъ къ нему съ поклономъ. Но тотъ не хотѣлъ кланяться дядѣ: „Еслибъ онъ пришелъ только съ дѣтьми, говорилъ онъ, то взялъ бы любую волость; но когда привелъ на меня Половцевъ и враговъ моихъ Ольговичей, то хочу съ нимъ битися“. Изъ этихъ словъ ясно видно, что Изяславъ придумывалъ только предлоги; предлоги были нужны, потому что Кіевляне не хотѣли сражаться съ сыномъ Мономаховымъ и теперь, какъ прежде: еслибъ даже и не было на югѣ того неудовольствія на Изяслава, о которомъ объявлялъ отцу Ростиславъ Юрьевичъ, то и тогда трудно было Кіевлянамъ поднять руки на Юрія, во первыхъ, какъ на сына Мономахова, во вторыхъ, какъ на дядю, старшаго, который по общему современному сознанию имѣлъ болѣе права, чѣмъ Изяславъ; притомъ же Кіевляне до сихъ поръ не имѣли сильныхъ причинъ враждовать противъ Юрія, и потому говорили Изяславу: „Мирись, князь, мы пойдемъ“. Изяславъ все уговаривалъ ихъ: „Пойдемте со мною; ну, хорошо ли мнѣ съ ними мириться, когда я не побѣжденъ, когда у меня есть сила“¹⁾? Кіевляне пошли наконецъ, но, раздумываясь, неохотно, что не могло предвѣщать добра Изяславу, хотя силы его и были значительны: къ нему пришелъ Изяславъ Давидовичъ на помощь, пришелъ и братъ Ростиславъ съ большимъ войскомъ. Изяславъ рѣшился перейти Днѣпръ и приблизиться къ Переяславу, подѣе которымъ и встрѣтился съ дядиными полками. Передовые отряды — Черные Клобуки и молодая дружина Изяслава — имѣли дѣло съ Половцами Юрія, и отогнали ихъ отъ города; когда же сошлись главные полки, то цѣлый день стояли другъ противъ друга; только стрѣльцы съ обѣихъ сторонъ бились между ними; а въ ночь Юрій прислалъ сказать племяннику: „Братъ! 2) ты на меня приходилъ, Землю мою повоевалъ и старшинство снялъ съ меня; а теперь, братъ и сынъ, ради Русской Земли и христіанъ, не станешь проливать христіанской крови, но дай мнѣ посадить въ Переяславѣ сына своего, а ты сяди себѣ, царствуя въ Кіевѣ; если же не хочешь такъ сдѣлать, то Богъ насъ разсудитъ“. Изяславу не понравилось это предложеніе, онъ задержалъ посла, и вывелъ все войско свое изъ города на поле.

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 43: «Пойдите со мною; ать ми ся добро съ ними отъ силъ мирити».

²⁾ Читатели принимаютъ сказанное въ первой главѣ о томъ, почему племянники отъ старшаго брата считались братьями дядиныхъ своецъ.

На другой день, когда онъ отслушалъ обѣдинъ въ Михайловской церкви и уже хотѣлъ выйти изъ нея, епископъ Евоній со слезами сталъ утрашивать его: „Князь! помирись съ дядею; много спасенія примешь отъ Бога, и Землю свою избавишь отъ великой бѣды“. Но Изяславъ не послушался; онъ надѣялся на множество войска, и отвѣчалъ епископу: „Своею головою добылъ я и Кіевъ и Переяславъ“, и выѣхалъ изъ города. Опять до самыхъ вечеренъ стояли противные полки другъ противъ друга, раздѣленные рѣкою Трубежомъ; Изяславъ съ братьями, Ростиславомъ и Владимиромъ, и съ сыновьями, Мстиславомъ и Ярополкомъ, созвали бояръ и всю дружину, и начали думать, переправятся ли первымъ за Трубежъ и ударить на Юрія. Мгнѣнія раздѣлились,—одинъ говорили Изяславу: „Князь! не переправляйся за рѣку; Юрій пришелъ отнимать твои земли, трудился—трудился, и до сихъ поръ ни въ чемъ не успѣлъ, и теперь уже оборотился назадъ, въ ночь непременно уйдетъ; а ты, князь, не ѣди за нимъ“. Другіе говорили противное: „Ступай, князь! Богъ тебѣ отдастъ врага въ руки, нельзя же упускать его“. Къ несчастію, Изяславъ прельстился послѣднимъ мгнѣніемъ, построилъ войско и перешелъ рѣку. Въ полдень на другой день, переметчикъ поскакалъ изъ войска Юрьева, оттуда погнались за нимъ; сторожа Изяславовы переполошились, закричали: „Рать!“ и Мстиславичи повели полки свои впередъ; Юрій съ Ольговичами, увидавъ это движеніе, также пошелъ къ нимъ на-встрѣчу, и, пройдя валь, остановились; остановились и Мстиславичи, и опять дѣло кончилось одною перестрѣлкою, потому что когда наступилъ вечеръ, то Юрій оборотилъ полки и пошелъ назадъ въ свой станъ. Изяславъ опять началъ думать съ братьями и дружиною, и опять мгнѣнія раздѣлились,—одинъ говорили: „Не ходи, князь! пусти ихъ въ станъ; теперь вѣрно, что битвы не будетъ“; но другіе говорили: „Уже она бѣгутъ передъ тобою; ступай скорѣе за ними!“ И на этотъ разъ Изяславъ принялъ послѣднее мгнѣніе, и двинулся впередъ; тогда Юрій съ Ольговичами возвратились и устроили войска: сыновей своихъ Юрій поставилъ по правую, Ольговичей по лѣвую сторону. На разсвѣтъ 23-го августа полки сошлись, и началась злая сѣча: первые побѣжали Поршане (жители городовъ поросскихъ, къ которымъ должно относить и Черныхъ Клобуковъ), за ними Изяславъ Давидовичъ, а за Давидовичемъ и Кіевляне; Переяславцы измѣнили,—мы видѣли, что они и прежде сносились съ сыномъ Юрьевымъ, теперь снеслись съ отцомъ, и во время битвы не вступили въ дѣло, крича: „Юрій намъ князь свой, его было намъ некаеть издалека“³⁾. Видя измѣну и бѣгство, дружины Мстиславичей смялись: въ на-

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 41: И бысть леть въ Переяславчехъ, рекуче: «Юрги намъ князь свой, того было намъ искати и далече», то рекуче и поскакиша.— Тамъ же, III, II: «И Переяславци сѣдоша на цитѣи наудѣишемъ Юргя».

чалъ дѣла Изяславъ съ дружиною схватился съ Святославомъ Ольговичемъ и, съ половиною полка Юріева, пробѣжалъ сквозь нихъ, и, будучи уже за ними, увидѣли, что собственные полки его бѣгутъ; тутъ онъ побѣждалъ и самъ, перебѣжалъ Дибирь у Канева и самъ-гретей явился въ Кіевъ. Измѣна Переяславцовъ и бѣгство Поринавъ всего лучше показываютъ справедливость извѣстія, принесеннаго отцу Ростиславомъ Юрьичемъ: да и, кромѣ того, несчастный исходъ битвы для Изяслава можно было предвидѣть: этотъ князь вступилъ въ борьбу за свои личные права противъ всеобщаго нравственнаго убѣжденія; Кіевляне, уступая этимъ личнымъ правамъ, пошли за сыномъ Мстиславовымъ противъ Юрія, но пошли неохотно, съ видимымъ колебаніемъ, съ видимою внутреннею борьбою, — а такое расположеніе не могло дать твердости и побѣды.

На другое утро Юрій вошелъ въ Переяславль, и, пробывъ здѣсь три дня, отправился къ Кіеву, и сталъ противъ Михайловскаго монастыря, по лугу. Мстиславичи объявили Кіевлянамъ: „Дядя пришелъ; можете ли за насъ биться?“ Тѣ отвѣчали: „Господа наши князья! не погубите насъ до конца; отцы наши и братья, и сыновья, одни взяты въ плѣнъ, другіе избиты, и оружіе съ нихъ снято, возмуть и насъ въ полонъ; побѣжайте лучше въ свою волость; вы знаете, что намъ съ Юріемъ не ужиться; гдѣ потомъ увидимъ ваши стяги, будемъ готовы съ вами“. Услыхавъ такой отвѣтъ, Мстиславичи разѣхались — Изяславъ во Владиміръ, Ростиславъ въ Смоленскъ; а дядя ихъ Юрій вѣхалъ въ Кіевъ: множество народа вышло къ нему на-встрѣчу, съ радостію великою, и сѣлъ онъ на столъ отца своего, хвала и слава Бога, какъ говорить лѣтописецъ. Врѣде всего Юрій наградилъ своего союзника — Святослава Ольговича: онъ послалъ въ Черниговъ за Владиміромъ Давидовичемъ, и велѣлъ ему отдать Святославу Курскъ съ Посемьемъ, а у Изяслава Давидовича Ольговичъ взялъ землю южныхъ Дреговичей. Потомъ Юрій началъ раздавать волости сыновьямъ своимъ: старшаго сына Ростислава посадилъ въ Переяславль, Андрея въ Вышгородъ, Бориса въ Бѣлгородъ, Глѣба въ Каневъ, Василька въ Суздаль.

Между тѣмъ Изяславъ Мстиславичъ, пріѣхавъ во Владиміръ, послалъ за помощію къ родитѣлю¹⁾ своей — королю Венгерскому, князьямъ польскимъ и чешскимъ, прося ихъ, чтобъ сѣли на коней сами и пошли къ Кіеву, а если самимъ нельзя, то чтобъ отпустили полки свои съ меньшимъ братією или съ воеводами. Король Венгерскій Гейза II-й сначала

отказался, велѣлъ сказать Изяславу: „Теперь у меня рать съ императоромъ Греческимъ; когда буду свободенъ, то самъ пойду къ тебѣ на помощь или полки свои отпущу“. Польскіе князья велѣли отвѣчать: „Мы недалеко отъ тебя; одного брата оставимъ стеречь свою Землю, а вдвоемъ къ тебѣ поѣдемъ.“; Чешскій князь также отвѣчалъ, что готовъ самъ идти съ Поляками. Но Изяславу мало было однихъ обѣщаній; онъ опять отправилъ пословъ въ Венгрію, Польшу и Богемію съ большими дарами; послы должны были говорить князьямъ: „Помоги вамъ Богъ за то, что взяли насъ мнѣ помогать; садитесь, братья, на коней съ Рождества Христова“. Тѣ обѣщались, и король Венгерскій послалъ десятитысячный вспомогательный отрядъ, велѣлъ сказать Изяславу: „Отпускаю къ тебѣ полки свои, а самъ хочу идти на Галицкаго князя, чтобъ не дать ему на тебя двинуться; ты между тѣмъ управляйся съ тѣми, кто тебя обидѣлъ; когда у тебя войско истомится, то я пришлю новое, еще больше, или и самъ сяду на коня“. Болеславъ Польскій самъ поѣхалъ съ братомъ Генрихомъ, а Мечислава оставили стеречь землю отъ Пруссовъ. Между тѣмъ Изяславъ, притворяясь къ войскамъ и зная теперь, какъ трудно идти противъ общаго убѣжденія въ правахъ дядей предъ племянниками, обратился къ старшину Вячеславу, который сидѣлъ тогда въ Пересосницѣ²⁾, и послалъ сказать ему: „Будь мнѣ вмѣсто отца, ступай, садись въ Кіевъ, а съ Юріемъ не могу жить; если же не хочешь принять меня въ любовь и не пойдешь въ Кіевъ на столъ, то я ножку твою волость“. Вячеславъ испугался угрозъ и послалъ сказать брату Юрію: „Венгры уже идутъ; польскіе князья сѣли на коней; самъ Изяславъ готовъ выступить; либо мирись съ нимъ, дай ему, чего онъ хочетъ, либо приходи ко мнѣ съ полками, защити мою волость; пріѣзжай, братъ, посмотримъ на хвѣтъ, что намъ Богъ дастъ — добро или зло; а если, братъ, не поѣдешь, то на меня не жалуйся“. Юрій собралъ свое войско и выступилъ изъ Кіева съ дикими Половцами; а Изяславъ съ своими союзниками двинулся изъ Владиміра. Въ Пересосницу къ Вячеславу собрались сперва племянники его — Ростиславъ и Андрей Юрьичи, потомъ пришелъ самъ Юрій; Владимірку Галицкій прислалъ свои полки, самъ также подвинулся къ границѣ и сѣлъ наугаль Поляковъ и Венгровъ; страхъ польскихъ князей еще увеличился, когда они получили вѣсть отъ брата, что Пруссы идутъ на ихъ Землю. Изяславу эта вѣсть была очень не по сердцу, потому что Поляки не могли теперь оставаться долѣе; положено было отъ имени союзныхъ князей послать къ Вячеславу и Юрію съ такими словами: „Вы намъ всѣмъ вмѣсто отцовъ; теперь вы заратились съ своимъ братомъ и сыномъ Изяславомъ, а мы по Богѣ всѣ христіане, братья между собою, и намъ всѣмъ подобно быть вмѣстѣ заодно; такъ мы хотимъ, чтобы вы уладились съ своимъ братомъ и сыномъ Изясла-

¹⁾ Поли. Собр. Русск. Лѣт. II, 45: «Поча ся слати въ Угры къ зятю своему королеви, и въ ляху къ свату своему Болеславу и Мезку и Индрихови, и къ Ческому князю къ свату своему Володиславу». — За королеву Венгерокину была меньшая сестра его Евфросинія; польскіе князья были ему сваты по супружеству племянницы его, дочери Всеволода Ольговича съ Болеславомъ Владиславичемъ; Чешскій князь былъ сватомъ по супружеству брата его Святополка на одной изъ чешскихъ князевъ. См. Поли. Собр. Русск. Лѣт. III, 9.

²⁾ Мѣстечко Ровенскаго уѣзда Волынской губерніи.

вои, вы бы сидѣли въ Кіевѣ—сами знаете, кому изъ васъ приходится тамъ сидѣть, а Изяславу пусть останется Владиміръ да Луцкъ и что еще тамъ его городовъ, да пусть Юрій возвратитъ Новгородцамъ всѣ ихъ дани“. Вячеславъ и Юрій велѣли отвѣчать имъ: „Богъ помоги нашему зятю королю и нашему брату Болеславу, и нашему сыну Генриху за то, что между нами добра хотите; но если вы велите намъ мириться, то не стойте на нашей Землѣ, животовъ нашихъ и сель не губите; но пусть Изяславъ идетъ въ свой Владиміръ и вы всѣ ступайте также въ свои земли; тогда мы будемъ вѣдаться съ своимъ братомъ и сыномъ Изяславомъ“. Союзники поспѣшили исполнить это требованіе, разѣхались въ свои земли, а Мономаховичи начали улаживаться съ племянникомъ; дѣло остановилось за тѣмъ, что Изяславъ непременно хотѣлъ возвращенія всѣхъ даней Новгородцамъ, на что Юрій никакъ не соглашался; особенно уговаривалъ его не мириться Юрій Ярославичъ, правнукъ Изяслава I-го, котораго имя мы уже разъ прежде встрѣтили: не извѣстно, былъ ли этотъ Юрій обижень какъ-нибудь Изяславомъ, или просто думалъ найти свою выгоду въ изгнаніи Мстиславичей изъ Волыни. Какъ бы то ни было, дядя Юрій слушался его совѣтовъ, тѣмъ болѣе что теперь союзники Изяславы ушли, и ему казалось, что нетрудно будетъ управиться съ племянникомъ: „Прогоню Изяслава, возьму всю его волость“, говорилъ онъ, и двинулся съ братомъ Вячеславомъ и со всѣми своими дѣтьми къ Луцку. Двое старшихъ сыновей его, Ростиславъ и Андрей, шли впереди съ Половцами и остановились почевать у Муравицы ¹⁾; вдругъ ночью Половцы отъ чего-то переполошились и побѣжали назадъ; но Андрей Юричъ, который находился напередѣ, не испугался и устоялъ на своемъ мѣстѣ, не послушался дружины, которая говорила ему: „Что это ты дѣлаешь, князь! поѣзжай прочь, оسرائмися мы“. Дождавшись разсвѣта и вида, что всѣ Половцы разбѣжались, Андрей отступилъ къ Дубну къ братьямъ и Половцамъ, ожидавшимъ помощи отъ Юрія; потомъ, услышавъ, что Юрій идетъ, подступили всѣ къ Луцку, гдѣ затворился братъ Изяславовъ, Владиміръ. Когда они приближались къ городу, то изъ воротъ его вышелъ отрядъ пѣхоты и началъ съ ними пересгрѣливаться; остальные Юричи никакъ не думали, что Андрей захочетъ ударить на эту пѣхоту, потому что и стягъ его не былъ поднять. Не величавъ былъ Андрей на ратный чинъ, говоритъ лѣтописецъ,—искалъ они похвалы отъ одного Бога; и вотъ вдругъ онъ вѣхалъ прежде всѣхъ въ непріятельскую толпу, дружина его за нимъ,—и началась жаркая схватка. Андрей переломилъ коня свое и подвергся величайшей опасности: непріятельские ратники окружили его со всѣхъ сторонъ; лошадь подъ нимъ была ранена двумя конями, третье попало въ сѣдло, а со стѣнъ городскихъ сыпались на него камни,

какъ дождь; уже одинъ Нѣмецъ хотѣлъ просунуть его рогаминою, но Богъ спасъ его. Самъ Андрей видѣлъ бѣду—и думалъ: „Будетъ мнѣ такая же смерть, какъ Ярославу Святополчичу“; помолился Богу, призвалъ на помощь Св. Феодора, котораго память праздновалась въ тотъ день, вынулъ мечъ—и отбилъ. Отецъ, дядя и всѣ братья обрадовались, увидя его въ живыхъ; а бояре отцовскіе османили его похвалами, потому что онъ дрался храбрѣе всѣхъ въ томъ бою. Конь его, сильно раненый, только успѣлъ вынести своего господина, и палъ; Андрей велѣлъ погребсти его надъ рѣкою Стыремъ.—Шесть недѣль потомъ стоялъ Юрій у Луцка; осажденные изнемогли отъ недостатка воды; Изяславъ хотѣлъ идти къ нимъ на помощь изъ Владиміра, но Галицкій князь загородилъ ему дорогу. Однако послѣднему, какъ видно, хотѣлось продолженія борьбы между Мономаховичами, а не окончательнаго торжества одного соперника надъ другимъ: ему выгодно было, чтобъ сосѣднія Владимірская волость принадлежала особому князю; вотъ почему, когда Изяславъ прислалъ сказать ему: „Помири меня съ дядею Юріемъ, я во всемъ виноватъ передъ Богомъ и передъ нимъ“, то Владимірко сталъ просить Юрія за Изяслава. Юрій Ярославичъ и старшій сынъ Юрія Долгорукаго Ростиславъ, питавшій ненависть къ Изяславу за изгнаніе изъ Руси, не давали мириться; по второй Юричъ, Андрей, взялъ сторону мира, и началъ говорить отцу: „Не слушай Юрія Ярославича, помирись съ племянникомъ, не губи отчизны своей“. Вячеславъ также хлопоталъ о мирѣ; у этого были свои причины: „Братъ! говорилъ онъ Юрію, мирись; ты не помирившись прочь пойдешь, а Изяславъ мою волость пожжетъ!“ Юрій наконецъ согласился на миръ: племянникъ уступилъ ему Кіевъ, а онъ возвратилъ ему всѣ дани Новгородскія. Изяславъ пріѣхалъ къ дядямъ въ Пересопницу, и здѣсь уговорились возвратитъ другъ другу все захваченное послѣ Переславской битвы какъ у князей, такъ и у бояръ ихъ. Послѣ этого Юрій возвратился въ Кіевъ, и хотѣлъ-было уступить этотъ столъ по старшинству Вячеславу, но бояре отсовѣтовали ему: „Врату твоему не удержать Кіева, говорили они, не достанется онъ ни тебѣ, ни ему“. Тогда Юрій вывелъ изъ Вышгорода сына своего Андрея, и посадилъ тамъ Вячеслава.

Между тѣмъ (1150 г.) Изяславъ отправилъ бояръ своихъ и тиуновъ искать въ Кіевѣ у Юрія коня и стада, пограбленныхъ на войнѣ; бояре также поѣхали отыскивать свое—одни сами, другіе послали тиуновъ своихъ; но когда посланные узнали свое и начали требовать его назадъ, то Юрій не отдалъ, и возвратились они ни съ чѣмъ къ Изяславу. Тотъ послалъ къ дядямъ съ жалобою: „Исполните крестное пѣлованіе, а не хотите, такъ я не могу оставаться въ обидѣ“. Дядья не отвѣчали, и Мстиславичъ снова вооружился, призываетъ, какъ говорятъ, Кіевлянами. Въ Пересопницѣ сидѣлъ въ это время, вмѣсто Вячеслава, сынъ

¹⁾ Мѣстечко Волынской губерніи, Дубенскаго повѣта.

Юрія Глѣбъ, который стоялъ тогда выше города на рѣкѣ Стублѣ, въ шатрахъ; Изяславъ неожиданно пришелъ на него, взявъ стани, дружину, лошадей. Глѣбъ едва успѣлъ убѣжать въ городъ, и послалъ съ поклономъ къ Изяславу: „Какъ мнѣ Юрій отецъ, такъ мнѣ и ты отецъ, и я тебѣ кланяюсь; ты съ моимъ отцомъ самъ вѣдасяшь, а меня цусти къ отцу и клянись Богородицей, что не схватишь меня, а отпустишь къ отцу, — такъ я къ тебѣ самъ приѣду и поклонюсь“. Изяславъ поклялся, и велѣлъ сказать ему: „Вы мнѣ свои братья, о васъ и рѣчи нѣтъ; обижаетъ меня отецъ твой и съ нами не умѣетъ жить“. Угостивъ Глѣбъ обѣдомъ, Изяславъ отправилъ его съ сыномъ своимъ Мстиславомъ, который, проводивъ его за Корческъ¹⁾, сказалъ ему: „Ступай, братъ, къ отцу, а эта волость отца моего и моя, по Горынь“. Глѣбъ поѣхалъ къ отцу, а Изяславъ велѣдъ за нимъ отправился къ Чернымъ Клобукамъ, которые съѣхались къ нему все съ большою радостью. Юрій до сихъ поръ ничего не зналъ о движеніяхъ Изяслава, и, услыхавъ, что онъ уже у Черныхъ Клобуковъ, побѣжалъ изъ Кіева, переправился за Дибирь и сѣлъ въ своемъ городѣ Остерскомъ; только-что успѣлъ Юрій выѣхать изъ Кіева, какъ на его мѣсто явился старый Вячеславъ и расположился на дворѣ Ярославовомъ. Но Кіевляне, услыхавъ, что Изяславъ идетъ къ нимъ, вышли къ нему на-встрѣчу большою толпою и сказали: „Юрій вышелъ изъ Кіева, а Вячеславъ сѣлъ на его мѣсто; но мы его не хотимъ; ты нашъ князь, поѣзжай къ Св. Софіи, сядь на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ“. Изяславъ, слыша это, послалъ сказать Вячеславу: „Я тебя звалъ на Кіевскій столъ, но ты тогда не захотѣлъ; а теперь, когда братъ твой поѣхалъ, такъ ты саднисья. Ступай теперь въ свой Вышгородъ“. Вячеславъ отвѣчалъ: „Хоть убей меня на этомъ мѣстѣ не съѣду“. Изяславъ вѣхалъ въ Кіевъ, поклонился Св. Софіи, оттуда поѣхалъ на дворъ Ярославовъ со всеми своими полками и со множествомъ Кіевляпъ. Вячеславъ въ это время сидѣлъ на сѣняхъ, и многие начали говорить Изяславу: „Князь! возьми его и съ дружиной“; а другіе уже начали кричать: „Подсѣчемъ лодъ нимъ сѣни“; но Изяславъ остановилъ ихъ: „Сохрани меня Богъ, говорилъ онъ: я не убійна своей браты; дядя мнѣ вмѣсто отца, я самъ пойду къ нему“, — и, взявши съ собою немного дружины, пошелъ на сѣни къ Вячеславу и поклонился ему; Вячеславъ всталъ, поцѣловался съ племянникомъ, и когда оба сѣли, то Изяславъ сталъ говорить: „Ватюшка! кланяюсь тебѣ; нельзя мнѣ съ тобою рядиться, видишь, какая сила стоитъ народу, много лиха противъ тебя замышляютъ; поѣзжай въ свой Вышгородъ, оттуда и будешь рядиться“. Вячеславъ отвѣчалъ: „Ты меня самъ, сынъ, звалъ въ Кіевъ, а я цѣловалъ крестъ брату Юрію; теперь уже если такъ случилось, то Кіевъ тебѣ, а я поѣду въ свой

Вышгородъ“, и, сошедши съ сѣней, уѣхалъ изъ Кіева, а Изяславъ сѣлъ здѣсь, и послалъ сына Мстислава въ Каневъ, велѣлъ ему оттуда добыть Перяяслава. Мстиславъ послалъ на ту сторону Дибира къ дружинѣ и къ варварскому пограничному народонаселенію, которое называлось Турѣями, перезывая ихъ къ себѣ. Въ Перяяславѣ сидѣлъ въ это время Ростиславъ Юрличъ; онъ послалъ къ отцу въ Городокъ за помощью, и когда тотъ прислалъ къ нему брата Андрея, то, оставивъ послѣднiго въ Перяяславѣ, погнался за Турѣями, настигъ ихъ у Дибира, перехваталъ и привелъ назадъ въ Перяяславъ. Между тѣмъ Юрій соединился съ Давидовичами и Ольговичами, а съ запада являлся къ нему на помощь свать его²⁾ Владимірко Галицкій. Услыхавъ о приближеніи Владимірка, Изяславъ послалъ сказать сыну, чтобъ ѣхалъ къ нему скорѣе съ Берендѣями, а самъ съ боярами поѣхалъ въ Вышгородъ къ Вячеславу, и сказалъ ему: „Ты мнѣ отецъ; вотъ тебѣ Кіевъ, и какую еще хочешь волость возьми, а остальное мнѣ дай“. Вячеславъ сначала отвѣчалъ на это съ сердцемъ: „А зачѣмъ ты мнѣ не далъ Кіева тогда, заставилъ меня со стыдомъ изъ него выѣхать; теперь, когда одно войско идетъ изъ Галича и другое изъ Черингова, такъ ты мнѣ Кіевъ даешь“. Изяславъ говорилъ на это: „Я къ тебѣ посылаю, и Кіевъ отдавалъ тебѣ, объявлялъ, что со тобою могу быть, только съ братомъ твоимъ Юріемъ мнѣ нельзя управиться; но тебя люблю какъ отца, и теперь тебѣ говорю: — ты мнѣ отецъ, и Кіевъ твой, поѣзжай туда“. Размячили старика эти слова, любо стало, и онъ поцѣловалъ крестъ на гробѣ Бориса и Глѣба, что будетъ имѣть Изяслава сыномъ, а Изяславъ поклялся имѣть его отцомъ; цѣловали крестъ и бояре ихъ, что будутъ хотѣть добра между обоими князьями, честь ихъ беречь и не ссорить ихъ. Изяславъ поклонился Св. мученикамъ Борису и Глѣбу, потомъ отцу своему Вячеславу, и сказалъ ему: „Я ѣду къ Звенигороду противъ Владимірка; а ты, батюшка, самъ не трудись, отпусти только со мною дружину свою, самъ же поѣзжай въ Кіевъ, коли тебѣ угодно“. Вячеславъ отвѣчалъ: „Всю дружину свою отпускою съ тобою“.

Уладивши дѣло съ дядею, Изяславъ поѣхалъ опять въ Кіевъ, ударилъ въ трубы, созвалъ Кіевляпъ и пошелъ противъ Владимірка: „Кто ко мнѣ ближе, на того и пойду прежде“, — говорилъ онъ. Сначала Изяславъ сталъ у Звенигорода; потомъ, слыша о приближеніи Галичанъ, перешелъ къ Туманцу, куда пришли къ нему Черные Клобуки, затворивши женъ и дѣтей своихъ въ городахъ на Поросли. На другой день на-рассвѣтѣ Изяславъ выстроилъ войско и повелъ его противъ Владимірка, который стоялъ у верхоньевъ рѣки Ольшаницы; стрѣльцы начали уже перестрѣливаться черезъ рѣку, какъ вдругъ Черные Клобуки, увидавъ, что

¹⁾ Корещъ — мѣстечко Волынской губерніи, Новгородъ-Волынскаго уѣзда.

²⁾ За сыномъ Владиміровымъ Ярославомъ была дочь Юрія.

Галичанъ очень много, испугались, и стали говорить Изяславу: „Князь! сила у Владимірка велика, а у тебя дружины мало; какъ вздумаетъ онъ перейти черезъ рѣку, то намъ плохо придется; не погуби насъ, да и самъ не погибни; ты нашъ князь, когда силенъ будешь, и мы тогда съ тобою, а теперь не твоё время, побѣжай прочь“. Изяславъ отвѣчалъ имъ: „Лучше памѣ, братъ, помереть здѣсь, чѣмъ такой стыдъ взять на себя“; но Кіевляне начали тоже говорить, и побѣжали; Черныи Клобуки бросились за ними къ своимъ вежамъ; оставшись съ одною дружиною, Изяславъ также пошелъ назадъ въ Кіевъ. Къ счастью его, Владимірку никакъ не могъ подумать, что противное войско побѣжало безъ битвы, считъ это хитростью, и не велѣлъ своимъ гнаться за Изяславомъ, который поэтому благополучно доѣхалъ до Кіева; пострадалъ только задній отрядъ дружины, часть котораго была захвачена, а другая перебита Галичанами. Изяславъ засталъ въ Кіевѣ дядю Вячеслава; потолковавши другъ съ другомъ, они сѣли вмѣстѣ обѣдать, какъ вдругъ пришла вѣсть, что Юрій со всѣми Черниговскими у Кіева, и уже множество Кіевлянъ поѣхали въ лодкахъ къ Юрію, а другіе стали перевозить его дружинку на эту сторону. Видя это, Вячеславъ и Изяславъ сказали: „Теперь не наше время“, и поѣхали изъ Кіева—Вячеславъ въ Вышгородъ, а Изяславъ во Владиміръ, занявши мѣста по рѣкѣ Горынь и посадивши сына Мстислава въ Дорогобужѣ.

На другой день Владимірко Галицкій подошелъ къ Кіеву и сталъ у Ольговой могилы; сюда пріѣхалъ къ нему Юрій со всѣми Черниговскими, и здоровался, не сходя съ коней. Введя Юрія въ Кіевъ, Владимірко обѣхалъ всѣ святыни кіевскія, былъ и въ Вышгородѣ у Бориса и Глѣба, и потомъ, разставивши пріятельски съ Юріемъ въ Печерскомъ монастырѣ, отправился назадъ въ Галичъ. Услыхавъ о его приближеніи, Мстиславъ Изяславичъ бросился бѣжать изъ Дорогобужа въ Луцкъ къ дядѣ Святополку. Владимірко, побравши города по Горынь и отдавши ихъ Мстиславу Юрьичу, котораго взялъ съ собою изъ Кіева ¹⁾, подошелъ было къ Луцку, но не могъ взять его, и ушелъ въ Галичъ, а Мстиславъ Юрьичъ остался въ Пересопницѣ; но скоро потомъ Юрій отдалъ этотъ городъ вмѣстѣ съ Туровомъ и Пинскомъ сыну Андрею, который и сѣлъ въ Пересопницѣ; цѣль этого перемѣненія и предпочтенія Пересопницы Турову ясны: Андрей, самый храбрый изъ Юрьевичей, долженъ былъ оберегать границу со стороны Волыни, откуда Юрій ждалъ нападенія отъ племянника. Зимомъ Изяславъ прислалъ въ Пересопницу просить Андрея: „Братъ! помири меня съ отцомъ; мнѣ отчины нѣтъ ни въ Венгріи,

ни въ Польшѣ, а только въ Русской Землѣ; выступи мнѣ у отца волость по Горынь“. Онъ послалъ въ Пересопницу какъ будто за этимъ, а между тѣмъ наказалъ послу рассмотреть хорошенько весь нарядъ Андреевъ и какъ городъ стоитъ: ему уже удалось развѣдать здѣсь врасплохъ на брата Андреева Глѣба, то же хотѣлось теперь сдѣлать и съ Андреемъ; но у этого было все крѣпко и дружина большая. Не подозрѣвая хитрости, Андрей сталъ опять просить отца за Изяслава, но Юрій не хотѣлъ ничего дать племяннику; тогда Изяславъ сталъ думать: „Дядя мнѣ волости не даетъ, не хочетъ меня въ Русской Землѣ, а Владимірко Галицкій, по его приказу, волость мою взялъ, да еще собирается придти на меня къ Владиміру“, и, подумавъ такимъ образомъ, послалъ брата Владиміра сказать зятю своему, королю Венгерскому: „Ты мнѣ самъ говорилъ, что Владимірку не смѣетъ головы высунуть; но я выгналъ Юрія изъ Кіева, Юрій передо мною бѣгаетъ, а Владимірку, согласившись съ Ольговичами, пришелъ, да погналъ меня изъ Кіева; теперь, братъ, исполни свое обѣщаніе, сядь на коня“. Король немедленно собралъ всю свою силу и сѣлъ на коня, полавши сказать Изяславу: „Я ужъ выступилъ съ братомъ твоимъ Владиміромъ, выступи и ты; узнаетъ Владимірокъ, кого затрунулъ!“

Но у Владимірка были пріятели въ Венгріи; они дали ему знать, что король идетъ на него, и Галицкій князь, бросивъ обозъ свой у Вѣльза, гдѣ стоялъ тогда, поспекалъ съ дружиною къ Перемышлю, гдѣ уже король началъ воевать. Владимірко видѣлъ, что ему нельзя бороться съ Венграми, и началъ посылать къ архіепископу да еще къ двумъ епископамъ венгерскимъ и къ боярамъ съ просьбою, чтобы уговорили короля возвратиться, не жалѣлъ золота—и достигъ своей цѣли. Король послушался подкупленныхъ епископовъ и бояръ, и сталъ говорить: „Теперь уже не время воевать; рѣки замерзаютъ; вотъ когда рѣки установятся, тогда пойдемъ опять“. Отпуская Владиміра Мстиславича въ Кіевъ, король наказалъ ему: „Отгу моему и своему брату Изяславу поклонись и скажи ему: царь на меня Греческій встаетъ ратью и потому этою зимою и весною нельзя мнѣ сѣсть на коня для тебя; но твой цитъ и мой не будутъ равно,—если мнѣ самому нельзя, то помощь пошлю, 10,000, больше ли, сколько хочешь; а лѣтомъ, Богъ дастъ, въ твоей волѣ буду, отомстимъ за свои обиды“. Изяславъ, выслушавъ эти рѣчи отъ Владиміра, отправилъ его назадъ въ Венгрію. „Вратъ! говорилъ онъ ему: Богъ тебѣ помоги, что потрудился для моей и своей чести; ты былъ въ Венгріи у зятя своего короля, вѣдаешь тамъ всю мысль ихъ и думу, такъ потрудиться былъ тебѣ, братъ, и теперь, побѣхатъ туда опять для моей чести и своей“. Владиміръ отвѣчалъ: „Я, братъ, этимъ не тягочусь: для твоей чести и для чести брата Ростислава съ радостью поѣду“. Владимірку было наказано говорить королю: „Если царь

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 52: «Володимерь же отъя города всѣ, иды, и приде къ Лючску». — Здѣсь *иди* не имѣетъ смысла; въ Ипатьев. древнѣйшемъ списокѣ стоитъ *и да* съ пропускомъ кому далъ; мы возстановилимъ текстъ такъ, что Владиміръ отдалъ Погориискіе города Мстиславу Юрьевичу.

всталъ ратью и тебѣ самому нельзя прѣхать ко мнѣ, то отпусти помощь, какъ обѣщался, а мнѣ Богъ поможетъ на Юрія, на Ольговичей и на Галицкаго князя; твоя обида—моя, а моя—твоя". Король отпустилъ съ Владиміромъ десятитысячный отрядъ, съ которымъ Изяславъ и отправился опять къ Киеву, потому что звали его бояре Вячеславы, Верещѣи и Киевляне. На дорогѣ у Пересопницы, получивъ вѣсть, что Владимірко Галицкій идетъ за нимъ съ войскомъ, Изяславъ собралъ на совѣтъ дружину. „Князь! говорили бояре: самъ видишь, что намъ пришлось плохо; ты идишь на Юрія, а сзади за тобою идетъ Владимірко,—очень трудно будетъ намъ справиться!" Изяславъ отвѣчалъ имъ: „Вы за мною изъ Русской Земли вышли, селъ своихъ и животновъ лишились, да и я своей дѣдины и отчины не могу покинуть: либо голову свою сложу, либо отчину свою добуду и ваши всѣ животы; если нагонять меня Владимірко, то значить—Богъ дастъ мнѣ съ нимъ судъ; встрѣтитъ ли меня Юрій, и съ тѣмъ судъ Божій вижу; какъ Богъ разсудитъ, такъ и будетъ".

Отпустивъ брата Святополка оберегать Владиміръ, Изяславъ пошелъ впередъ къ Дорогобужу съ братомъ Владиміромъ, сыномъ Мстиславомъ, съ княземъ Борисомъ Городенскимъ, внукомъ извѣстнаго Давида Игоревича, и съ Венграми. Дорогобужцы гышли къ нему на-встрѣчу съ крестами и поклонились; Изяславъ сказалъ имъ: „Вы люди дѣда моего и отла, Богъ вамъ помощь"; Дорогобужцы сказали на это: „Съ тобою, князь, чужеземцы, Венгры; какъ бы они не надѣлали зла нашему городу?" Изяславъ отвѣчалъ: „Я вожу Венгровъ и всякихъ другихъ чужеземцевъ не на своихъ людей, а на враговъ; не бойтесь ничего". Миновавъ Дорогобужъ, Изяславъ перешелъ Горынь; жители Корсуни вышли къ нему также съ радостью и съ поклономъ; Изяславъ миновалъ и ихъ городъ, не желая, какъ видно, пугать жителей приводомъ иноземной рати, и подавать поводъ къ враждебнымъ столкновениямъ. Между тѣмъ Владимірко Галицкій соединился съ Андреемъ Юрьичемъ, котораго вызвалъ изъ Пересопницы, и скоро къ Изяславу пришла вѣсть, что князь Галицкій, Андрей Юрьичъ и Владиміръ Андреевичъ (изгой, сынъ младшаго изъ Мономаховичей) переправляются съ большими силами черезъ Горынь; когда Мстиславичи переправились перезъ рѣки Случъ и Ущю, то на противоположномъ берегу послѣдней уже показались неприятельскіе стрѣльцы, и стали биться объ рѣку; а иные поудалѣе переправились даже съ одного берега на другой; одинъ изъ галицкихъ стрѣлковъ былъ схваченъ, приведенъ къ Изяславу, и, на спросъ „Гдѣ твой князь?"—отвѣчалъ: „Вотъ за городомъ Ушескомъ первый лѣсъ, тутъ онъ остановился; узнавъ, что ты близко, не посмѣлъ пойти черезъ лѣсъ, говоритъ: какъ поидемъ сквозь лѣсъ, то нападутъ на насъ, а сила наша далеко назадъ, подождемъ ее здѣсь". — Услыхавъ это, Изяславъ сказалъ своимъ: „Поидемъ на него назадъ". Но

дружина отвѣчала: „Князь! нельзя тебѣ на него идти, передъ тобою рѣка, да еще злая, какъ же ты хочешь на него ѣхать? онъ же стоитъ лѣсомъ заложившись! Это уже оставь теперь, а поѣзжай къ своимъ въ Киевъ; гдѣ насъ Владимірко нагонитъ, тамъ и будемъ биться; самъ же ты такъ прежде говорилъ, что если и Юрій встрѣтится, то и съ нимъ будемъ биться. А теперь, князь, не мѣшай, ступай: когда будешь на Тетеревѣ, то вся тамошняя дружина къ тебѣ прѣдетъ; а если, Богъ дастъ, дойдешь до Бѣлгорода, то еще больше дружины къ тебѣ прѣдетъ; больше будетъ у тебя силы".

Изяславъ послушался, пошелъ впередъ, Владимірко—за нимъ. Когда Изяславъ сталъ у Святославовой криницы, то его сторожа видѣли галицкіе огни; Изяславъ велѣлъ раскласть большой огонь, чтобы обмануть неприятеля, а самъ въ ночь двинулся къ городу Мичьску, гдѣ встрѣтило его множество народа, съ береговъ Тетерева, съ криками: „Ты нашъ князь!" Перешедъ за Тетерева, Изяславъ далъ себѣ и конямъ отдыха, и потомъ пошелъ ко Вздвигенску, гдѣ держалъ совѣтъ съ дружиною: „Владимірко ѣдетъ за нами, говорилъ онъ, такъ скажите, здѣсь ли намъ остановиться и ждать его, или уже не жалѣтъ силъ, выступить въ ночь дальше? если здѣсь остановимся и будемъ дожидаться Владимірка, то не дождаются бы намъ съ другой стороны Юрія,—тогда будетъ намъ трудно; лучше уже, по-моему, не давать себѣ отдыха, ѣхать; какъ будемъ въ Бѣлгородѣ, то Юрій непременно побѣжитъ; то мы поѣдемъ въ свой Киевъ; а какъ въ сильный киевскій полкъ вѣдемъ, то, уже я знаю, будутъ за меня биться; если же нельзя будетъ ѣхать на Бѣлгородъ, то поѣдемъ къ Чернымъ Клобукамъ, а какъ прѣдемъ къ Чернымъ Клобукамъ и съ ними соединимся, то уже нечего намъ будетъ бояться ни Юрія, ни Владимірка". Венгры отвѣчали ему на это: „Мы у тебя гости; если надѣнешся на Киевлянъ, то тебѣ лучше знать своихъ людей; лошади подѣ намъ; доброе дѣло, когда другъ прибудетъ и новая сила, поѣдемъ въ ночь". Тогда Изяславъ сказалъ брату Владиміру: „Ступай ты напередъ къ Бѣлгороду; мы всѣ отпустимъ съ тобою свою младшую дружину, и поидемъ за вами вслѣдъ; если придешь къ Бѣлгороду и станушь съ тобою биться, то ты дай намъ знать, а самъ бейся съ утра до обѣда; я же между тѣмъ либо переѣду на Абрамовъ мостъ, либо въѣду къ Чернымъ Клобукамъ, и, соединясь съ ними, пойду на Юрія къ Киеву; а если ты займешь Бѣлгородъ, то дай намъ также знать, и мы къ тебѣ поѣдемъ". Владиміръ прѣехалъ къ Бѣлгороду, а тамошній князь Борисъ Юрьичъ спокойно пировалъ на сѣнницѣ съ дружиною, да съ попами бѣлгородскими: если бы *мгтнннкъ* (сборщикъ податей) не устерегъ и не развелъ моста, то князя захватили бы. Владимірова дружина, подѣхавъ къ мосту, затрубила въ трубы; Борисъ вскочилъ въ испугѣ и усакала съ дружиною изъ города, а горожане побѣжали къ мосту, кланялись Владими-

ру и, крича: „Ступай, князь, Борисъ бѣжалъ“, тотчасъ же опять навели мостъ. Вѣхавъ въ Бѣлгородъ, Владиміръ послалъ, какъ было улажено, гонца къ брату: „Я въ Бѣлгородъ вѣхалъ, а Борисъ выбѣжалъ; онъ ничего не зналъ о моемъ приходѣ, и Юрій ничего не знаетъ: ступай скорѣе“. Изяславъ тотчасъ же поѣхалъ къ нему, до свѣта переправилъ полки черезъ мостъ и, оставивъ въ Бѣлгородѣ Владиміра на случай пріѣзда Галицкаго князя, самъ съ Венграми отправился къ Києву. Между тѣмъ Борисъ прѣбывалъ къ отцу съ вѣстью, что рать идетъ; Юрій былъ въ это время на Красномъ дворѣ; въ испугѣ не нашелся за что приняться, сѣлъ въ лодку, переплылъ на другой берегъ и спрятался въ Городкѣ; а Кіевляне вышли съ радостью на встрѣчу къ Изяславу. Есть очень вѣроятное извѣстіе, что Юрій поведеніемъ своимъ возбудилъ у нихъ сильное негодованіе, разсердилъ и Черныхъ Клобуковъ, которые вмѣстѣ съ Кіевлянами и стали звать къ себѣ Мстиславича. Перехвативши дружину Юрьеву, Изяславъ поѣхалъ къ Св. Софіи, а оттуда на Ярославовъ дворъ, куда позвалъ на обѣдъ Венгровъ и Кіевлянъ; было тутъ большое веселье; послѣ обѣда Венгры, славныя всадники, удивляли Кіевскій народъ своимъ искусствомъ въ ристаніи!

Между тѣмъ Владимірко и Андрей Юрьичъ, ничего не зная, стояли у Мичьска, какъ вдругъ пришла имъ вѣсть, что Юрій въ Городкѣ, а Изяславъ въ Кіевѣ; сильно раздосадовало это Владимірка; онъ сказалъ князьямъ Андрею и Владиміру Андреевичу: „Не понимаю, какъ это княжить свать мой; рать идетъ на него съ Волыни, какъ объ этомъ не узнать? и вы, сыновья его, сидѣли одинъ въ Пересопницѣ, а другой въ Бѣлгородѣ,— какъ же это вы не устерegli? Если такъ княжите съ отцомъ своимъ, то управляйтесь сами, какъ хотите, а я не могу одинъ идти на Изяслава; онъ хотѣлъ вчера со мною биться, идучи на вашего отца, а на меня оборачиваясь; теперь же у него вся Русская Земля, я не могу одинъ на него бѣжать!“ Причина изумительнаго въ самомъ дѣлѣ успѣха Изяслава заключалась не столько въ оплошности Юрія и сыновей его, сколько во всеобщемъ нерасположеніи къ нимъ народа, и въ стараніи многихъ людей вводить ихъ въ эту оплошность¹⁾.

¹⁾ Татиш. III, 13; годъ 1149: «Половцы, увѣдавъ о войнѣ Русскихъ князей, пришедшихъ во множествѣ чрезъ Днѣпръ, градъ Торческъ взяли, и много селеній пожгли и поплѣвали; но Юрій, по вѣской клеветѣ, гнѣваясь на Черныхъ Клобуковъ, якобы они Изяславу добротствуютъ, въ ночь имъ войскъ не послалъ, за что они, весьма оскорбясь, послали тайно къ Изяславу говорить, чтобъ, собравъ войско, шель къ Києву.— Тамъ же, стр. 23, годъ 1150: «Изяславъ Мстиславичъ послалъ къ Андрею въ Пересопницу просить, чтобъ его съ отцемъ примирили... Юрій же не токмо волюсть по Горышю отдать Изяславу не хотѣлъ, но возгордясь сказалъ присланному: «Когда Изяславъ не улажется во Владиміръ, то я ему дамъ такую же область, какову онъ далъ Игорю». Сіе слышавъ Кіевляне, что Юрій намѣренъ Изяслава погубить, многіе о томъ плакали, и всѣ какъ зватыне, такъ и подлые Юрія *наипаче* не возлюбилы, и

Владимірко выполнилъ свою угрозу, оставилъ дѣло Юрія и пошелъ назадъ въ Галичъ; онъ хотѣлъ однако чѣмъ-нибудь вознаградить себя за походъ, и потому объявилъ жителямъ города Мичьска: „Дайте мнѣ серебра, сколько хочу, а не то возьму васъ на питъ“. У нихъ не было столько серебра, сколько онъ запрашивалъ, и потому они принуждены были вынимать серьги изъ ушей женъ и дочерей своихъ, снимать ожерелья съ шеи, сляли все это и отдали Владимірку, который пошелъ отъ нихъ дальше и по всѣмъ городамъ на дорогѣ бралъ также серебро до самой своей границы; а сынъ Юрьевъ Андрей и племянникъ Владиміръ Андреевичъ поѣхали на устье Припети, и оттуда къ отцу въ Городецъ-Остерскій. Между тѣмъ Изяславъ, на другой же день, какъ вѣхалъ въ Кіевъ, послалъ сказать дядѣ Вячеславу: „Батюшка! кланяюсь тебѣ; если Богъ отца моего Мстислава взялъ, то ты у меня отецъ; кланяюсь тебѣ, согрѣшилъ я предъ тобою сначала тогда, а теперь каюсь; и снова, когда мнѣ Богъ далъ побѣдѣть Игоря у Києва, то я на тебѣ чести не положилъ же, и потомъ опять у Тумаща; но теперь, батюшка, во всемъ томъ каюсь передъ Богомъ и передъ тобою; если ты меня, батюшка, простишь, то и Богъ проститъ; отдаю тебѣ, батюшка, Кіевъ, поѣзжай, сядь на столѣ дѣда и отца своего!“ Этими словами Изяславъ призналъ полное господство прана по родовому старшинству, право дядей предъ сыновьями старшаго брата, право, противъ котораго ничего не могли сдѣлать ни личныя достоинства, ни уваженіе и любовь народа. Вячеславъ велѣлъ отгнѣчать племяннику: „Сынь! Богъ тебѣ помощи, что на меня честь положишь, даво бы тебѣ такъ сдѣлать; если ты мнѣ честь воздашь, то и Богу честь воздашь; ты говоришь, что я твой отецъ, а я тебѣ скажу, что ты мой сынъ; у тебя отца нѣтъ, а у меня сына нѣтъ; ты мой сынъ, ты мой и братъ“. Здѣсь старый дядя ясно также выразилъ господствующее представленіе, что сыновья отъ старшаго брата считаются братьями дядьямъ своимъ, хотя и младшими. Дядя и племянникъ цѣловали крестъ — не разлучаться ни въ добрѣ, ни въ злѣ (1150 г.).

Послѣ ряду съ племянникомъ, Вячеславъ вѣхалъ въ Кіевъ (1151 г.) и, поклонившись Св. Софіи, позвалъ къ себѣ на обѣдъ сына своего Изяслава, всѣхъ Кіевлянъ и Венгровъ; и дядя и племянникъ оказали большую честь послѣднимъ, богато одарили ихъ сосудами, платьемъ, лошадьми, наволочками и всякими дарами. На другой день послѣ

тайно стали стараться, чтобъ Изяслава пакы на Кіевъ имѣть, но явно учинить не могли; токмо тайно нѣкоторые устроили для Юрія различныя увеселенія и ири со многими пѣтнемъ, чтобъ его отъ намѣренія къ войнѣ тѣмъ отратить, а его войска правдоюстію въ слабость привести. Другіе тайно Черниговскимъ опасностію отъ Юріева властолюбія и ненависти его вкореняли, но всѣмъ городамъ Юріеву власть и свирѣпость разсѣвали, пошея его безпорядочное житіе и правденіе, и со Изяславомъ имѣли пересылку; но все такъ тайно происходило, что Юрій въ своихъ вѣселияхъ ничего увѣдать не могъ.

пиря, Вячеславъ послалъ сказать Изяславу: „Сыгь! Богъ тебѣ помоги, что воздалъ мнѣ честь, какъ отцу; а я вотъ тебѣ скажу: я уже старъ, и всѣхъ рядовъ не могу рядить, останемся оба въ Кіевѣ; а какой намъ придется рядъ рядить, между христианами или погаными, то пойдемъ оба по мѣсту; дружина и полки будутъ у насъ обще, ты пни ряди; гдѣ намъ можно будетъ обонимъ—ѣхать, оба поѣдемъ, а гдѣ нельзя,—тамъ ты одинъ поѣдешь съ моимъ полкомъ и своимъ“.—Изяславъ съ великою радостью и съ великою честью поклонился отцу своему, и сказалъ: „Багюпка, кланяюсь тебѣ; какъ мы уговорились, такъ намъ дай Богъ и быть до конца жизни“. На третій день оба князя отпустили Венгровъ домой и, вслѣдъ за ними, отправили сына Изяслава Мстислава, который долженъ былъ сказать королю: „Ты намъ то сдѣлалъ, что можетъ сдѣлать только братъ родному брату, или сынъ отцу; дай намъ Богъ быть съ тобою неразлучно во всемъ; гдѣ будетъ твоя обида, тамъ дай намъ Богъ быть самими и мститъ за твою обиду, или, если не самими, такъ братьямъ нашимъ и сыновьямъ, а намъ тебѣ нечѣмъ больше заплатить за твое добро, какъ только своею головою; теперь же закончи добро дѣло; самого тебя не зовемъ, потому что у тебя война съ Греками, но отпусти къ намъ войско на помощь или такое же, какое теперь было, а хорошо если и побольше, потому что Юрій силенъ,—Давидовичи и Ольговичи съ нами, и Половцы дикіе, которыхъ приманивають золотомъ. Теперь, братъ, эту весною помоги намъ; если эту же весною мы управимся съ своимъ дѣломъ, то пойдемъ съ войскомъ къ тебѣ на помощь; а если ты управишься съ Грецкимъ царемъ, то будь намъ помощникъ; остальное все разскажутъ тебѣ твои мужи и братья твоя Мстиславъ, какъ намъ Богъ помогъ, какъ встала за насъ вся Русская Земля и Черные Клобуки“. Отрядивъ Мстислава въ Венгрію, Вячеславъ послалъ въ то же время бояръ своихъ въ Смоленскъ, сказать Ростиславу Мстиславицу: „Вратъ! Богъ соединилъ насъ съ твоимъ братомъ, а съ моимъ сыномъ Изяславомъ; добывъ Русскую Землю, онъ на мнѣ честь положилъ, посадилъ меня въ Кіевъ; а я, сынъ, тебѣ скажу: какъ мнѣ сынъ братъ твой Изяславъ, такъ и ты; потрудись пріѣхать сюда къ намъ, чтобъ всѣмъ вмѣстѣ подумать о томъ, что впередъ дѣлать“. Изяславъ съ своей стороны послалъ сказать Ростиславу: „Ты меня, братъ, много понуждалъ положить честь на дядѣ и на отцѣ; и вотъ когда Богъ привелъ меня опять въ Русскую Землю, то я посадилъ дядю нашего въ Кіевъ, для тебя и для всей Русской Земли; а теперь я скажу тебѣ: тамъ у тебя, въ Новгородѣ, сынъ мой и твой сынъ же крестный Ярославъ, тамъ же у тебя и Смоленскъ; такъ, урядивши все въ верхнихъ земляхъ у себя, пріѣзжай къ намъ сюда, посмотримъ вмѣстѣ, что намъ Богъ дастъ“.

Изяславъ съ дядею не ошибались, призывая къ

себѣ отовсюду союзниковъ: Юрій не думалъ оставлять ихъ въ покоѣ, и послалъ сказать Давидовичамъ и Ольговичамъ: „Изяславъ уже въ Кіевѣ, ступайте ко мнѣ на помощь“. Святославъ Ольговичъ выступилъ немедленно, соединился въ Черниговѣ съ Владиміромъ Давидовичемъ и на лодкахъ приплыли вмѣстѣ въ Городокъ къ Юрію. Но другой Давидовичъ, Изяславъ, перешелъ на сторону Вячеслава и Изяслава: какъ видно, этотъ Давидовичъ поневолѣ былъ до сихъ поръ съ Юріемъ, на котораго сердился за отнятіе Дреговичскихъ земель въ пользу Святослава Ольговича. Скоро пріѣхалъ въ Кіевъ и Ростиславъ Мстиславичъ съ полками смоленскими; а между тѣмъ Юрій выступилъ съ союзниками изъ Городка и сталъ у Днѣпра, при устьи рѣчки Радуня, куда пришло къ нему на помощь много дикихъ Половцевъ. На этотъ разъ Изяславъ былъ остороженъ, не далъ непріятельскому войску переправиться чрезъ Днѣпръ, и потому съ обѣихъ сторонъ начали биться въ лодкахъ, отъ Кіева до устья Десны. Въ этой рѣчной битвѣ Юрій не могъ получить успѣха, потому что Изяславъ, по выраженію лѣтописца, дивно исхитрилъ свои лодки: гребцовъ на нихъ не было видно, видны были только одни весла, потому что лодки были покрыты досками, и на этой крышкѣ стояли ратники въ броняхъ и стрѣляли, а кормчихъ было вдвое на каждой лодкѣ, одинъ на носу, а другой на кормѣ, — куда хотѣть, туда и пойдутъ, не оборачивая лодокъ. Видя, что пельзя переправиться чрезъ Днѣпръ противъ Кіева, Юрій съ союзниками рѣшился идти внизъ къ Витичевскому броду; но, не смѣя пустить лодокъ мимо Кіева, пустили ихъ въ Долобское озеро, откуда волокли берегомъ въ рѣку Золотчу, по Золотчѣ уже впустили ихъ въ Днѣпръ, а Половцы шли по луку. Но Мстиславичи съ дядею Вячеславомъ, съ Изяславомъ Давидовичемъ, съ Городенскимъ княземъ Борисомъ, Кіевлянами и Черными Клобуками шли рядомъ съ ними по западной сторонѣ Днѣпра, по нагорному берегу, а лодки плыли по рѣкѣ, такъ что когда войско Юрія достигло Витичевского брода, то уже тамъ стояла кіевская рать, и опять началась рѣчная битва за переправу. Тогда Юрій позвалъ къ себѣ союзниковъ и сказалъ: „Стоимъ мы здѣсь, и чего стоимъ? лучше постараемся перехватить у нихъ Зарубскій бродъ и перейти на ту сторону“. Всѣ согласились, и отпустили къ броду сыновей Юрьевыхъ съ Половцами, да Святослава Всеволодовича; а сами, выстроивши полки, пошли подлѣ лодокъ берегомъ. Между тѣмъ передовой отрядъ ихъ пріѣхалъ къ Зарубскому броду, который стерегъ бояринъ Изяславъ Шварнъ съ небольшою дружиной. Половцы, видя, что сторожей мало, бросились на лошадахъ и въ полномъ вооруженіи въ рѣку, подъ ихъ прикрытіемъ переѣхали и Русскіе въ лодкахъ; а Шварнъ испугался и побѣжалъ къ своему князю; по замѣчанію лѣтописца, вся бѣда произошла оттого, что при бродѣ былъ не князь, а бояринъ: тогда какъ боярина не всѣ слушались. Пе-

реправившись черезъ Дѣбѣрь, Юрѣвичи послали сказать отцу: „Ступай скорѣе, мы уже переплы Дѣбѣрь; чтобъ не ударилъ на насъ однихъ Изяславъ!“ Юрій пошелъ немедленно къ Зарубѣ и также переправился. Подучивъ вѣсть объ этой переправѣ, Мстиславичи возвратились въ Кіевъ, и начали думать, что теперь дѣлать. Оба Мстиславича хотѣли идти на-встрѣчу къ дядѣ и битья; но дружина вѣсѣхъ князей не соглашалась, особенно отговаривали отъ этого Черные Клобуки, — они говорили Изяславу: „Князь! нельзя намъ ѣхать къ нимъ, потому что наши ратники не вѣсѣ на коняхъ; ты къ нимъ поѣдешь, а они передъ тобою поѣдутъ къ Русси; тогда тебѣ надобно будетъ оставить свою пѣхоту и ѣхать за ними съ одною конницею. По-настоящему, надобно вотъ что сдѣлать: ступайте вы вѣсѣ въ Кіевъ, а къ намъ приставьте брата своего Владиміра, мы пойдѣмъ съ нимъ къ своимъ вежамъ, заберемъ жень, дѣтей, стада, и пойдѣмъ тогда къ Кіеву; побудьте тамъ только до вечера, мы къ вамъ придемъ непременно, — хотимъ за отда вашего Вячеслава, за тебя, за брата твоего Ростислава и за вашу братью головы свои сложить; либо честь выпу отыщемъ, либо изомремъ съ вами, а Юрья не хотимъ“. Мстиславичи съ дядею послушали дружины, Кіевлянъ и Черныхъ Клобуковъ, отрядили брата Владиміра за вежами съ Торками, Коуями, Берендѣями и Печенѣгами (имена варварскихъ народцевъ, слывшихъ подъ общимъ именемъ Черныхъ Клобуковъ), а сами пошли къ Трѣполю, и переночевавши здѣсь, на солнечномъ восходѣ отправились къ Кіеву; въ городъ не вошли, а стали около него, — Изяславъ Мстиславовичъ передъ Золотыми воротами, Изяславъ Давидовичъ — между Золотыми и Жидовскими воротами, Ростиславъ съ сыномъ Романомъ — передъ Жидовскими воротами, Борисъ Городенскій — у Лядскихъ воротъ, Кіевляне, конные и пѣшіе, стали между князьями. Скоро пришелъ и Владиміръ съ Черными Клобуками, съ вежами и стадами ихъ. Эти союзники надѣлали вреда не меньше враговъ, вламывались въ монастыри, жгли села, огороды вѣсѣ посыбли. Мстиславичи велѣли Владиміру пойти съ Берендѣями, вежами и стадами ихъ къ Ольговой могилѣ и стать отъ нея до Ивановаго огорода и потомъ до Щеквицы; а Коун, Торки и Печенѣги стали отъ Золотыхъ воротъ до Лядскихъ, и потомъ до Клова, Берестова, Угорскихъ воротъ и Дѣбѣра. Такимъ образомъ князья, дружина, Кіевляне и Черные Клобуки рѣшили не ходить къ непріятелю на-встрѣчу, но подпустить его къ себѣ и битья подъ Кіевомъ. Изяславъ говорилъ: „Если Богъ намъ поможетъ, отобьемъ ихъ, то вѣдъ они не итпы, — перелетѣвши Дѣбѣрь, должны сѣсть гдѣ-нибудь; а когда поворотятъ отъ насъ, тогда уже какъ Богъ насъ съ ними управитъ“.

По старикъ Вячеславъ прежде битвы хотѣлъ попытаться кончить дѣло миромъ; онъ сказалъ племянникамъ: „Теперь, братья, мы готовы биться; но вѣдъ Юрій мнѣ братъ, хотя и младшій; хотѣлось бы мнѣ послать къ нему и свое старшинство

оправить; когда намъ будетъ съ нимъ Вожій судъ, то Богъ на правду призритъ“. Племянники согласились, и Вячеславъ, подзававши къ себѣ своего боярина, сказалъ ему: „Ступай къ брату Юрію, кланяйся ему отъ меня; а вы, братья и сыновья, Изяславъ и Ростиславъ, слушайте, передъ вами отряжа. Такъ ты вотъ что скажи отъ меня Юрію: я вамъ обонимъ, Изяславу и тебѣ, много разъ говорилъ: — не проливайте крови христіанской, не губите Русской Земли; васъ удерживалъ отъ войны, о себѣ не заботился, что меня оба вы обидѣли, и не одинъ разъ: а вѣдъ у меня полки есть и сила есть, Богъ мнѣ далъ; но я для Русской Земли и христіанъ не поминалъ того, какъ Изяславъ, ѣдучи биться съ Игоремъ, говорилъ: я Кіева не себѣ ишу, но отцу моему Вячеславу, онъ старшій братъ; а какъ Богъ ему помогъ, то онъ Кіевъ себѣ, да еще Туровъ и Пинскъ у меня отнялъ, — это меня Изяславъ обидѣлъ; а ты, братъ, ѣдучи къ Переяславу биться съ племянникомъ, то же говорилъ: я Кіева не себѣ ишу, есть у меня старшій братъ Вячеславъ, все равно мнѣ что и отецъ, — ему щу Кіева; а какъ Богъ тебѣ помогъ, то ты и Кіевъ себѣ, да еще Пересопницю и Дорогобужъ у меня отнялъ, обидѣлъ меня, одинъ Вышгородъ мнѣ далъ; а я во всемъ томъ не искалъ управы для Русской Земли и для христіанъ, не передо мною въ васъ правды не было, а передъ Богомъ; я еще и васъ удерживалъ отъ войны, но вы меня не слушали; ты мнѣ тогда говорилъ: младшему не могу поклониться; но вотъ Изяславъ, хотя два раза слова своего не сдерживалъ, за то теперь, добывши Кіевъ, поклонился мнѣ, честь мнѣ воздалъ, въ Кіевъ меня посадилъ и отцомъ себѣ назвалъ, а я его сыномъ; ты говорилъ: младшему не поклонюсь; а я тебя старче не мало, а много; я уже былъ бородачъ, когда ты родился¹⁾; если же хочешь на мое старшинство поѣхать, то какъ насъ Богъ разсудитъ“. Юрій отвѣчалъ на это: „Я тебѣ, братъ, кланяюсь, рѣчи твои правы: ты мнѣ вмѣсто отца; но если хочешь со мною рядиться, то пусть Изяславъ поѣдетъ во Владиміръ,

¹⁾ Годъ рожденія пи Вячеслава, пи Юрія изъ дошедшихъ до насъ списковъ лѣтописи не можетъ быть съ точностію опредѣленъ; но извѣстенъ годъ рожденія старшаго Мономаховича Мстислава (1076) и самаго младшаго Андрея (1102); если даже предположимъ, что слѣдующіе за Мстиславомъ сыновья Мономаха были погодки: Изяславъ род. въ 1077, Ярополкъ въ 1078, Святославъ въ 1079, Вячеславъ въ 1080, Романъ въ 1081, то Юрій долженъ былъ родиться между 1081 и 1102 годомъ, чтобъ Вячеславу быть бородачомъ прежде рожденія Юрія, припавъ даже въ бородачость время, когда только начинаетъ пробиваться борода (лѣтъ 15). Юрій долженъ былъ родиться въ 1096 г., но въ 1107 году онъ женился, стало-бытъ онъ женился 10 лѣтъ? Врѣтъ его Андрей женился 15 лѣтъ (1117 г.); это нисколько не можетъ затруднять насъ, потому что Константинъ Всеволодовичъ женился 11 лѣтъ; Всеволодъ III отдалъ своимъ лѣтнюю дочь свою Верхуслану за Ростислава Рюриковича. Но у Татищева сказано, что Юрій умеръ (1157 г.) 66 лѣтъ отъ роду, вначитъ — родился въ 1091 г.; стрипно, что у Вячеслава пробивалась борода 10 лѣтъ, или даже 11-ти, если предположимъ, что онъ былъ старше Святослава; скорѣе предположимъ ошибку у Татищева.

а Ростиславъ въ Смоленскѣ, тогда мы съ тобою урядимся“. Вячеславъ послалъ опять сказать ему: „У тебя семеро сыновей, и я ихъ отъ тебя не отогоняю, а у меня только два— Изяславъ и Ростиславъ, да еще другіе младшіе; я, братъ, тебѣ вотъ что скажу: для Русской Земли и для христіанъ, ступай въ свой Переяславъ и въ Курскъ, съ сыновьями, а тамъ у тебя еще Ростовъ Великій; Ольговичей отпусти домой, тогда и станемъ рядиться, а крови христіанской не будемъ проливать; если же хочешь пойти по своему замыслу, то этой Пречистой Госпожѣ съ Сыномъ Своимъ и Богомъ нашимъ судить насъ въ этотъ вѣкъ и будущій“. Говоря эти слова, Вячеславъ показывалъ на образъ Богородицы, висѣвшій на Золотыхъ воротахъ. Юрій, не давши на это никакого отвѣта, на другой день явился съ войскомъ у Кіева и сталъ по ту сторону Лыбеди. Начали перестрѣливаться объ рѣку и перестрѣливались до вечера, а нѣкоторые изъ войска Юрѣва переѣхали Лыбедь. Андрей Юрѣвичъ издѣсь, какъ прежде у Лудка, залезъ впередъ и проскакалъ почти до самыхъ непріятельскихъ полковъ; одинъ Половецъ схватилъ подъ нимъ коня и воротилъ назадъ, браня своихъ, зачѣмъ всѣ отсталъ отъ князя. Изяславъ, видя, что непріятельскіе отряды переѣзжаютъ Лыбедь, велѣлъ ударить на нихъ выборной изъ всѣхъ полковъ дружинъ, которая и вмяла непріятеля въ рѣку, гдѣ онъ потерялъ много убитыми и взятыми въ плѣнъ; между прочими убили и Савенча Боняковича, дикаго Половчина, который хвастался: „Хочу ударить мечемъ въ Золотыя ворота, какъ отецъ мой въ нихъ ударилъ“; послѣ этого ни одинъ человекъ уже не переѣзжалъ больше черезъ Лыбедь, и Юрій, оборотя полки, пошелъ прочь: дали ему вѣсть, что свать его Владиміро идти къ нему на помощь изъ Галича;—такъ онъ и пошелъ къ нему на-встрѣчу. Мстиславичи подѣхали къ дядѣ Вячеславу и сказали: „Они прочь поѣхали, пойдѣмъ за ними“; но Вячеславъ удержалъ ихъ: „Это уже начало намъ Божіей помощи, говоримъ онъ; они сюда пріѣхали и ничего не успѣли сдѣлать, только съюда добыли; а вамъ нечего сибѣнить; Богъ дастъ,—выступимъ вечеромъ, а пожалуй даже и завтра, подумавши“. Тогда Изяславъ обратился къ къ Борису Гроденскому и сказалъ ему: „Они вѣрно пойдутъ къ Вѣлгороду, ступай-ка, братъ, туда же бормать“,—и Борисъ отправился.

Юрій въ самомъ дѣлѣ подошелъ къ Вѣлгороду, и послалъ сказать гражданамъ: „Вы мои люди:—отворите мнѣ городъ“. Вѣлгородцы отвѣчали: „А Кіевъ тебѣ развѣ отворялъ ворота?—наши князья Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ“. Услыхавъ такой отвѣтъ, Юрій пошелъ дальше; а между тѣмъ Мстиславичи съ дядею Вячеславомъ выступили за нимъ изъ Кіева, чтобы предупредить соединеніе его со Владимірокомъ. Равнодушіе Кіевлянъ или нежеланіе ихъ поднимать руки на Мономаховичей пролилъ, они сказали Мстиславичамъ: „Пусть идутъ тебѣ, кто можетъ хоть что-нибудь взять въ руки, а кто не пойдетъ, выдай намъ того, мы его сами по-

бьемъ“:—такая ревность служить знакомъ сильнаго перасположенія къ Юрію. Всѣ пошли съ радостью по своимъ князьямъ, говорить лѣтописецъ, на коняхъ и пѣши, многое множество. На дорогѣ Изяславъ получалъ вѣсть отъ сына Мстислава, который прислалъ сказать ему: „Король, твой зять, отпустилъ къ тебѣ помощь, какой прежде не бывало, многое множество; я уже съ ними прошелъ горы; если мы будемъ тебѣ скоро надобны, то дай знать, мы скорѣе пойдѣмъ“. Изяславъ вслѣдъ отвѣчать ему: „Мы уже идемъ на судъ Божій, а вы намъ всегда нужны; ступайте какъ можно скорѣе“.

У рѣки Рута настигли Мстиславичи Юрія; мирные переговоры, начатыя было снова, остались тщетными, потому что Ольговичи и Половцы не дали мряться: понятно, что тѣ и другіе много теряли съ примиреніемъ всѣхъ Мономаховичей. Юрію не хотѣлось вступить въ битву до прихода Владимірова; та же самая причина заставляла Изяслава какъ можно скорѣе начать сраженіе. Когда всѣ уже были готовы, вдругъ мгла покрыла все поле, такъ что можно было видѣть только до конца копья, потомъ пошелъ дождь, къ полудню туманъ разсѣялся, и враги увидали, что озеро раздѣляетъ ихъ; Юрій выступилъ, перешелъ рѣчку Малый Рутецъ, и остановился на ночь; Мстиславичи съ дядею не отставали отъ него, и остановились почевать на перелетъ стрѣлы отъ непріятельскихъ шатровъ. На другой день, на зарѣ, въ станѣ у Юрія ударили въ бубны, затрубили въ трубы, полки стали готовиться къ бою; скоро тѣ же звуки раздались и въ станѣ Мстиславичей. Выстроивши полки, Юрій съ сыновьями и союзниками пошелъ на верхъ Рутца, Мстиславичи также двинулись противъ него; но Юрій, дошедши до верховьевъ Рутца, поворотилъ полки и пошелъ къ Большому Руту: онъ не хотѣлъ биться, но хотѣлъ зайти за Руть, и тамъ дожидаться Владимірка-Мстиславичи, увидавъ его отступленіе, послали вслѣдъ за нимъ стрѣльцовъ своихъ, Черныхъ Клобуковъ и Русъ, которые начали наѣзжать на задніе отряды, стрѣляясь съ ними и отнимать возы. Тогда Юрій, видя, что непріятель не даетъ ему перейти за Руть, принужденъ былъ остановиться и вступить въ битву. Сынъ его Андрей, какъ старшій между братьями (Ростиславъ умеръ въ 1150 году въ Переяславлѣ), началъ рядить отповскіе полки; на другой сторонѣ Мстиславичи подѣхали къ дядѣ Вячеславу и сказали ему: „Ты много хотѣлъ добра, но братъ твой не согласился; теперь, батюшка, хотимъ головы сложить за тебя, или честь твою найти“. Вячеславъ отвѣчалъ имъ: „Братья и сыновья! отъ роду не охотникъ я былъ до кровопролитія; братъ мой довелъ до того, что вотъ стоимъ на этомъ мѣстѣ, Богъ насъ рассудитъ“. Племянники поклонились ему—и поѣхали въ свои полки; Изяславъ разослалъ повѣстить по всѣмъ войскамъ: „Смотрите на мой полкъ! какъ онъ пойдетъ, такъ и вы всѣ ступайте“. Лишь только съ обѣихъ сторонъ начали сходитьсь на битву, Андрей Юрѣвичъ схватилъ коня, по-

ѣхалъ напередѣ и прежде всѣхъ столкнулся съ непріятелями; коны его было изломано, щигъ оторванъ, шлемъ снятъ съ головы, конь, раненый въ ноздри, началъ соваться подъ нимъ въ разныя стороны. Съ противной стороны то же самое сдѣлалъ Изяславъ Мстиславичъ и подвергся той же опасности: онъ вѣхалъ прежде всѣхъ въ непріятельскіе полки, изломалъ коня, получилъ рану въ руку и въ стегно, и слетѣлъ съ наившаго коня. Послѣ общей схватки и злой сѣчи, войска Мстиславичей побѣдили; степные союзники Юрьевы, Половцы, любилы пускаться тучи стрѣлы издали и мало приносили пользы въ схваткахъ: не вынувши ни одной стрѣлы изъ кочановъ, они пустились бѣжать первые, за ними Ольговичи, а за Ольговичами побѣжали и Юрій съ дѣтьми; много дружины ихъ было побито, взято въ плѣнъ, погонуло въ топкомъ Рутѣ; въ числѣ убитыхъ былъ Владиміръ Давидовичъ, князь Черниговскій, въ числѣ плѣнныхъ много князей половецкихъ. Когда побѣдители возвратились съ погони на поле битвы, то изъ кучи раненыхъ одинъ началъ привставать; толпа пѣшихъ Кіевлянъ побѣжала къ нему и хотѣла убить, какъ вдругъ онъ сказалъ: „Я князь!“ — „Ну такъ тебя-то намъ и надобно“, отвѣчалъ одинъ изъ Кіевлянъ, думая, что это Юрьевичъ или Ольговичъ, и началъ сѣчь его мечемъ по шлему; тогда раненый сказалъ: „Я Изяславъ, князь вашъ“, и снялъ шлемъ; Кіевляне узнали его, схватили съ радостью на руки, какъ царя и князя своего, но выраженію лѣтписца, и воскликнули: „Киріеелейсонъ!“ И во всѣхъ полкахъ была большая радость, когда при побѣдѣ узнали еще, что и князь живъ. Мстиславичъ былъ очень слабъ, изнелъ кровію; но, услыша, что Изяславъ Давидовичъ платится надъ братомъ своимъ Владиміромъ, собралъ силы, сѣлъ па коня и побѣжалъ туда поплакать вмѣстѣ; долго плакавши, онъ сказалъ Давидовичу: „Уже намъ его не воскресить; такъ, взявши тѣло, побѣжай-ка лучше въ Черниговъ, я тебѣ помощь дамъ“. Мстиславичи отпустили съ нимъ Романа, сына Ростислава съ дружиною; до вечера Давидовичъ съ Романомъ были уже въ Вышгородѣ, въ ночь перенеслись черезъ Днѣпръ, а утромъ на другой день пріѣхали въ Черниговъ, гдѣ Изяславъ, похоронивши брата, сѣлъ на столѣ. Между тѣмъ Юрій съ сыновьями перѣхалъ Днѣпръ у Треполя и остановился въ Переяславлѣ; Половцы ушли въ степи, а Ольговичи переправились за Днѣпръ выше Заруба и бѣжали въ Городецъ. Святославъ Ольговичъ былъ очень толястъ, сильно усталъ; потому, пріѣхавши въ Городецъ, не могъ уже ѣхать дальше и отправилъ къ Чернигову одного племянника, Святослава Всеволодича; тотъ, пріѣхавши къ перевозу на Десну, узналъ, что Изяславъ Давидовичъ уже въ Черниговѣ, и поспекалъ тотчасъ же назадъ, посплавъ сказать дядѣ, чтобы ѣхалъ въ Новгородъ-Сѣверскій, а Черниговъ уже занятъ. Съ другой стороны, Владимірко Галицкій шелъ къ свату своему Юрію на помощь, но, узнавши на дорогѣ, что Юрій разбитъ, поспѣшно пошелъ назадъ.

Такъ Мстиславичамъ нечего было бояться съ залада, и они съ торжествомъ вступили съ дядею въ Кіевъ, гдѣ начали жить очень весело и очень дружно.

Но дядя Юрій все сидѣлъ въ Переяславлѣ; Изяславу нельзя было позволить ему остаться въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, и онъ съ дядею Вячеславомъ сталъ собираться на него, а брата Ростислава отпустилъ въ Смоленскъ. Въ это время пришла къ нему непріятная новость съ запада: Владимірко Галицкій, возвращаясь домой, узналъ, что Мстиславъ Изяславичъ ведетъ отрядъ Венгровъ на помощь отцу своему, и рѣшился папаста на него. Мстиславъ, ничего не зная, сталъ у Снопиня, близъ Дорогобужа, откуда Владиміръ Андреевичъ (посаженный здѣсь, какъ видно, Владиміромъ⁴⁾) прислалъ къ нему много вина, и велѣлъ сказать, что Владимірко идетъ на него. Мстиславъ сталъ идти съ Венграми, и, во время шра, объявилъ имъ о приближеніи Галицкаго князя; пьяные Венгры отвѣчали: „Пусть его приходитъ! мы съ нимъ побьемся“. Въ полночь, когда все улеглось въ станѣ, сторожа прибѣжали къ Мстиславу съ вѣстью, что идетъ Владимірко. Мстиславъ съ дружиною сѣли на коней и начали будить Венгровъ; но тѣ послѣ покойки лежали какъ мертвые, нельзя было никакъ ихъ добудить; на разсвѣтѣ, Владимірко папалъ на станъ и перебилъ почти всѣхъ Венгровъ, немного только взялъ въ плѣнъ, а Мстиславъ съ дружиною убѣжалъ въ Луцкъ. Когда Изяславъ въ Кіевѣ получилъ вѣсть, что сынъ его побѣжденъ и Венгры перебиты, то сказалъ поговорку, которую лѣтписецъ и прежде слышалъ отъ него: „Не идетъ мѣсто къ головѣ, а голова къ мѣсту; но даль бы Богъ здоровье мнѣ и королю; а Владимірку будетъ мѣсть“. Но прежде надобно было раздѣляться съ Юріемъ, и Вячеславъ съ племянниками—Изяславомъ и Святополкомъ—и съ Берендѣями пошли къ Переяславу, были здѣсь два дня, на третій пѣхота ворвалась въ городъ и зажгла предмѣстья. Тогда Вячеславъ съ Изяславомъ послали сказать Юрію: „Кланяемся тебѣ; иди въ Суздаль, а сына посади здѣсь въ Переяславлѣ; съ тобою не можемъ быть здѣсь.— приведемъ на насъ опять Половцевъ“. Юрій въ это время не могъ ждать скоро ни откуды помощи, хотя пересылался и съ Владиміромъ, и съ Половцами: изъ дружины его одни были убиты, другіе взяты въ плѣнъ; и потому онъ послалъ сказать брату и племяннику: „Пойду въ Городецъ, и, побывъ тамъ, пойду въ Суздаль“. Тѣ велѣли от-

⁴⁾ Владиміръ Андреевичъ, вмѣстѣ съ Андреемъ Юрьичемъ, отправился за Днѣпръ къ Юрію, и вмѣстѣ съ послѣднимъ явился опять на западной сторонѣ Днѣпра. Послѣ неудачнаго сраженія подъ Кіевомъ, на дорогѣ отъ Вязгорода къ Рутѣ, Юрій отправилъ Владиміра Андреевича къ Владимірку Галицкому звать его скорѣе на помощь. Посаженный Владиміромъ въ Дорогобужѣ, Владиміръ Андреевичъ хотѣлъ снискать расположеніе побѣдителей и пошелъ въ снопленіе съ Мстиславомъ; впрочемъ, быть можетъ, онъ послалъ ему много вина въ угоду Галицкому князю.

вѣчать ему, что можетъ оставаться въ Городкѣ мѣсяца, а потомъ чтобъ шель въ Суздаль; если же не пойдетъ, то они осадятъ его въ Городкѣ точно такъ же, какъ теперь въ Переяславлѣ. Юрію нечего было дѣлать, неволю дѣловаль крестъ съ сыновьями, что пойдетъ черезъ мѣсяцъ въ Суздаль и не будетъ искать Кіева подъ Вячеславомъ и Изяславомъ; долженъ былъ также отказаться отъ союза съ Святославомъ Ольговичемъ, и не могъ включить его въ договоръ. Оставивъ въ Переяславлѣ сына Глѣба, онъ пошелъ въ Городокъ, а старшій сынъ его Андрей отпросился идти напередъ въ Суздаль: „Намъ здѣсь, батюшка, говорилъ онъ, нечего больше дѣлать, уйдемъ за тепло“. Святославъ Ольговичъ, слыша, что Юрій уладился съ братомъ и племянникомъ, послалъ въ Черниговъ къ Изяславу Давидовичу сказать ему отъ своего имени и отъ имени племянника Святослава Всеволодича: „Братъ! миръ стоитъ до рати и рать до мира; вѣдь мы тебѣ братья, прими пасъ къ себѣ, отчины у насъ двѣ: одна моего отца Олега, а другая твоего отца Давида,—ты Давидовичъ, а я—Ольговичъ; такъ ты, братъ, возьми отцовское Давидовское, а что Ольгово, то отдай намъ, мы тѣмъ и подѣлимся“. Изяславъ поступилъ по-христіански, говорить лѣтописецъ, принялъ братьевъ и отчину имъ отдалъ, но, какъ видно, съ условіемъ отстать отъ Юрія и быть вмѣстѣ съ Мстиславичами. Юрій не могъ разстаться съ Русскою Землею, нарушилъ клятву, пробылъ въ Городкѣ болѣе мѣсяца; но Изяславъ хотѣлъ сдержать свое слово—и явился осаждать его въ городкѣ съ Берендѣями, Изяславомъ Давидовичемъ Черниговскимъ, Святославомъ Всеволодовичемъ и вспомогательнымъ отрядомъ Святослава Ольговича; послѣдній не пошелъ однако самъ противъ своего стараго союзника. Юрій затворился въ Городкѣ и долго отбивался; наконецъ стало ему тяжело, помощи не было ни откуда; онъ долженъ былъ дѣловать крестъ, что пойдетъ въ Суздаль, и на этотъ разъ дѣйствительно пошелъ, оставивъ въ Городкѣ сына Глѣба; Переяславль, какъ видно, былъ у него отнятъ за прежнее нарушение клятвы; Изяславъ посадилъ въ немъ послѣ сына своего Мстислава. Юрій пошелъ въ Суздаль на Новгородъ-Сѣверскій, захватилъ къ старому приятелю Святославу Ольговичу, принять былъ отъ него съ честью и получилъ все нужное для дороги.

Быть можетъ, это пріятельское свиданіе Юрія съ Ольговичемъ было одною изъ причинъ, заставившихъ Изяслава Мстиславича съхватить въ 1152 году съ Изяславомъ Давидовичемъ Черниговскимъ и Святославомъ Всеволодовичемъ. На этомъ сѣздѣ рѣшено было избавиться отъ опаснаго притона¹⁾, который былъ у Юрія на Руси между Черниговскою и Переяславскою волостью, вслѣдствіе чего князь разрушилъ Городокъ и сожгли его вмѣстѣ съ Михайловскою церковью. Услыхавъ объ этомъ, Юрій вздохнулъ отъ сердца, по выраженію лѣтописца, и на-

чалъ собирать войско; припелъ къ нему Рязанскій князь Ростиславъ Ярославичъ съ братьями, съ полками рязанскими и муромскими; соединился съ нимъ и Святославъ Ольговичъ Сѣверскій; наконецъ пришло множество Половцевъ, всѣ орды, что между Волгою и Дономъ. Юрій сказалъ: „Они мой Городецъ пожгли и церковь,—такъ я нямъ отожгу за это“, и пошелъ прямо къ Чернигову. Между тѣмъ, услыхавъ о дядипомѣ походѣ, Изяславъ Мстиславичъ послалъ сказать брату Ростиславу въ Смоленскъ: „Тамъ у тебя Новгородъ сильный и Смоленскъ; собравшись, постереги свою Землю; если Юрій пойдетъ на тебя, то я къ тебѣ пойду, а если минуетъ твою волость, то приходи ты сюда ко мнѣ“. Когда Ростиславъ узналъ, что дядя митовалъ Смоленскую область и пошелъ прямо на Черниговъ, то отправился немедленно и самъ туда же, опередилъ Юрія, и, вмѣстѣ съ Святославомъ Всеволодичемъ, затворился въ Черниговѣ, къ которому скоро явились Юрьевы Половцы и стали жечь окрестности. Осажденные князья, видя множество Половцевъ, велѣли жителямъ всѣмъ перебраться въ ночь изъ острога въ кремль (дѣтинець); а на другое утро подошли къ городу Юрій и Святославъ Ольговичъ со всѣми своими полками; Половцы бросились къ городу, разломали острогъ, зажгли всѣ предмѣстья и начали биться съ Черниговцами, которые держались крѣпко. Видя это, осаждающіе князья стали думать: „Не крѣпко станутъ биться дружны и Половцы, если не поѣдемъ съ ними сами“; Андрей Юрьичъ, по обычаю своему, вызвалъ первый идти впередъ: „Я начну день свой“, сказалъ онъ,—взять дружину, поѣхалъ подъ городъ, ударилъ на осажденныхъ, которые вздумали сдѣлать вылазку, и втопталъ ихъ въ городъ; другіе князья, ободренные пригрозомъ Андрея, также стали ѣздить подлѣ города, и напуганные Черниговцы уже не смѣли болѣе дѣлать вылазокъ. Уже 12 дней стоялъ Юрій подъ Черниговомъ, какъ пришла къ нему вѣсть о приближеніи Изяслава Мстиславича съ дядею Вячеславомъ. Половцы, храбрые, когда надобно было жечь черниговскія предмѣстья и стрѣляться издали съ осажденными, теперь первые струсили и начали отъѣзжать прочь; Юрій и Ольговичъ, видя бѣгство Половцевъ, припуждены были также отступить отъ Чернигова; Юрій пошелъ на Новгородъ-Сѣверскій, оттуда къ Рыльску; изъ Рыльска хотѣлъ идти уже въ Суздаль, какъ былъ остановленъ Святославомъ Ольговичемъ: „Ты хочешь идти прочь, говорилъ ему Святославъ, а меня оставитъ, погубивши мою волость, потравивши Половцами весь хлѣбъ; Половцы теперь ушли, а за ними велѣдъ явится Изяславъ и погубитъ остальную мою волость за союзъ съ тобою“. Юрій обѣщался оставить ему помощь,—и оставилъ сына Василька съ 50 человекъ дружины! Ольговичъ не обманулся въ своихъ опасеніяхъ: Изяславъ Мстиславичъ стоялъ уже на рѣкѣ Алтѣ со всѣми своими силами; отпустивши старика Вячеслава въ Кіевъ, а сына Мстислава съ Черными Клобуками на Половцевъ, вѣроятно для того, чтобъ

¹⁾ См. у Татищ. III, 58.

отвлечь ихъ отъ подавня помощи Сѣверскому князю, Изяславъ самъ отпирался къ Новгороду—Сѣверскому, гдѣ соединились съ нимъ Изяславъ Давидовичъ, Святославъ Всеволодовичъ и Романъ, сынъ Ростислава Смоленскаго. Когда острогъ былъ взятъ и осажденные вынты въ крѣпость, то, на третій день послѣ осады, (Святославъ Ольговичъ прислалъ къ Изяславу съ поклономъ и съ просьбою о мирѣ. Изяславъ сначала не хотѣлъ слушать его просьбы, но потомъ, раздумавъ, что время уже подходитъ къ веснѣ, помирился ¹⁾)—и пошелъ назадъ къ Чернигову, гдѣ получилъ вѣсть отъ сына Мстислава, что тотъ разбилъ Половцевъ на рѣкахъ Угль и Самарѣ, самихъ прогнавъ, вежи ихъ, лошадей, скотъ побралъ, и множество душъ христіанскихъ избавилъ изъ неволи и отпустилъ по домамъ. Послѣ этого, въ 1154 г., Юрій еще разъ собрался на Русскую Землю—и опять неудачно: на дорогѣ открылся въ его войскѣ сильный конскій падежь; пришедши на Землю Вятичей, онъ остановился, не доходя Козельска; здѣсь пришли къ нему Половцы; онъ подумалъ и отпустилъ сына Глѣба къ Половцамъ въ степь, а самъ возвратился въ Суздаль. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Юрій принужденъ былъ къ возвращенію тѣмъ, что Половцевъ пришло гораздо меньше, чѣмъ сколько онъ ожидалъ, и вотъ онъ отправилъ сына Глѣба въ степи для найма еще другихъ варваровъ ²⁾).

Такъ кончилась борьба Юрія съ Изяславомъ. Мы видѣли, что въ этой борьбѣ главнымъ союзникомъ Ростовскаго князя на востокъ былъ Святославъ Ольговичъ, который теперь долженъ былъ принять миръ на всей волѣ Изяславовой; но еще болѣе дѣятельнаго союзника имѣлъ Юрій на западѣ—въ сватѣ своемъ, князѣ Галицкомъ Владиміркѣ: на этого Изяславъ долженъ былъ еще болѣе сердиться, чѣмъ на Ольговича; мы видѣли, какъ онъ обѣщался отомстить ему за поражение Венгровъ. Еще въ 1151 году, собираясь выгнать Юрія изъ Городка, Изяславъ послалъ сказать королю Венгерскому: „Владимірко Галицкій дружину мою и твою избилъ; такъ теперь, братъ, тебѣ надобно подумать объ этомъ; не дай Богъ намъ этого такъ оставить, дай Богъ намъ отомстить за дружину; собирайся, братъ, у себя, а я—здѣсь, и какъ намъ съ нимъ Богъ дастъ“. Король отвѣчалъ, что онъ уже собирается; но Изяславъ побоялся, чтобъ сборы не были долги, и послалъ сына Мстислава въ Венгрію торопить зятя; Гейза назначилъ срокъ, когда собираться, и послалъ сказать Изяславу: „Я уже сажусь на коня, и сына твоего Мстислава беру съ собою; садись и ты на коня“. Изяславъ тотчасъ собралъ дружину, взялъ съ собою весь полкъ Вячеславовъ, всѣхъ Черныхъ Клобуковъ, лучшихъ Кіевлянъ, всю рус-

скую дружину, и пошелъ на Галичъ; на дорогѣ у Дорогобужа соединился съ нимъ родной братъ Владиміръ, у Пересошницы—двоюродный Владиміръ Андреевичъ и другой родной Святополкъ изъ Владиміра ³⁾; Изяславъ велѣлъ Святополку оставаться въ своемъ городѣ, и, взявъ его полкъ, пошелъ далѣе. Перешедши рѣку Санъ, онъ встрѣтилъ королевскаго посла, который пріѣхалъ съ сотнею ратныхъ и сказалъ Изяславу: „Зять твой король тебѣ кланяется и велѣлъ сказать, что онъ уже пятый день дожидается тебя,—ступай скорѣе“. Изяславъ пошелъ немедленно впередъ, и, на другой день, послѣ обѣда, подошелъ къ венгерскому стану, расположенному за Ярославлемъ. Король съ дружиною выѣхалъ къ нему на-встрѣчу; они обнялись, говорить лѣтчищесъ, съ великою любовью и съ великою честью, и, вошедши въ королевскій шатеръ, стали думать какъ бы на другой день рано вѣсть биться къ рѣкѣ Сану. На разсвѣтѣ король ударилъ въ бубны, выстроилъ полки и послалъ сказать Изяславу: „Ступай съ своими полками подлѣ моего полку; гдѣ я стану, тамъ и ты станешь, чтобъ намъ вмѣстѣ можно было обо всемъ думать“. Союзники пришли къ Сану ниже Перемышля; на противоположномъ берегу уже стоялъ Владимірко, но скоро долженъ былъ отодвинуться далѣе отъ натиска Венгровъ. Передъ началомъ битвы Изяславъ сказалъ своей дружинѣ: „Братья и дружина! Богъ никогда Русской Земли и Русскихъ сыновъ въ безчестіи не оставлялъ; вездѣ они честь свою брали; теперь, братъ, поревишемъ тому: дай намъ Богъ въ этихъ земляхъ и передъ чужими народами честь свою взять“. Сказавши это, Изяславъ бросился со всеми своими полками въ бродъ; Венгры, видя, что Русскіе уже переправляются, бросились также въ бродъ, съ разныхъ сторонъ вѣхали въ полки галицкіе и обратили ихъ въ бѣгство; самъ Владимірко, убѣгая отъ Венгровъ, попался—было къ Чернымъ Клобукамъ, и едва самъ другъ успѣлъ скрыться въ Перемышль; этотъ городъ былъ бы тогда непременно взятъ, потому что некому было отстоять его, но, къ счастью для Владимірка, за городомъ на дугу находился княжій дворъ, гдѣ было много всякаго добра,—туда ринулось все войско, а о городѣ позабыли. Владимірко между тѣмъ, видя бѣду, сталъ посылать къ королю, просить мира; почью послалъ, по старому обычаю, къ архіепископамъ и къ воеводамъ королевскимъ, притворился, что жестоко раненъ, лежитъ при смерти, и потому велѣлъ сказать имъ: „Просите за меня короля; жестоко раненъ, каюсь предъ нимъ, что тогда огорчилъ его, перебивши Венгровъ, и что теперь опять сталъ противъ него; Богъ грѣхи отпускаетъ, пусть и король проститъ меня и не выдастъ Изяславу, потому что я очень боленъ; если меня Богъ возьметъ, то отдаю королю сына моего на руки; я отцу

¹⁾ У Татищева (III, 72) условіе мира: Чтобы Святославъ учинивше убытки Черниговской волости заплатавъ, иа двѣ города Изяславу Давидовичу дать, въ чѣмъ иахъ между собою договориться, отъ Юрія отстать и никакими мѣрами съ нимъ не сообщаться.

²⁾ Татищ. III, 81.

³⁾ Выходитъ, что теперь въ Дорогобужѣ княжилъ уже Владиміръ Мстиславичъ, а Владиміръ Андреевичъ въ Пересошницѣ. Татищевъ говоритъ, что Владиміръ Андреевичъ пріѣхалъ изъ Луцка.

королеву много послужилъ своимъ кошемъ и своими полками, за его обиду и съ Ляхами бился; пусть король иривомнить это и простить меня“. Много даровъ, золота, серебра, сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ, платья высалъ Владимірко архіепископамъ и вельможамъ венгерскимъ, чтобъ просия короля не губить его, не исполнять желаніе королевы, сестры Изяславовой. На другой день Гейза съѣхался съ Изяславоиъ и сказалъ ему: „Батюшка, кланяюсь тебѣ; Владимірко иривсалалъ ко мнѣ,—молится и кланяется, говоритъ, что сильно раненъ и не останется живъ; что ты скажешь на это?“ Изяславъ отвѣчалъ: „Если Владимірко умреть, то это Богъ убилъ его за клятвипреступленіе намъ обонимъ; исполнилъ ли онъ тебѣ хотя что-нибудь изъ того, что обѣщалъ? мало того,—опозорилъ насъ обонихъ; такъ какъ ему теперь вѣрнть? два раза онъ нарушалъ клятву; а а теперь самъ Богъ отдалъ намъ его въ руки,—такъ возьмемъ его вѣстѣ съ волостью“. Особенно говорилъ противъ Владимірка и выставялъ все вины его Мстиславъ Изяславичъ, который былъ сердитъ на Галицкаго князя за дорогобужское дѣло. Но король не слушался ихъ, потому что былъ уже уговоренъ архіепископомъ и вельможами, подкупленными Владиміркоиъ; онъ отвѣчалъ Изяславу: „Не могу его убить: онъ молится и кланяется, и въ вину своей прощенья просить; но если теперь, поцѣловавъ крестъ, нарушитъ еще разъ клятву, тогда уже либо я буду въ Венгерской Землѣ, либо онъ въ Галицкой“. Владимірко прислалъ и къ Изяславу съ просьбою: „Брать! кланяюсь тебѣ и во всемъ каюсь, во всемъ я виноватъ; а теперь, братъ, прими меня къ себѣ и прости, да и короля понудь, чтобъ меня принялъ; а мнѣ дай Богъ съ тобою быть“. Изяславъ самъ-но-себѣ не хотѣлъ и слышать о ирѣ; но одному ему нельзя было противиться королю и его вельможамъ,—позеволять долженъ былъ начать переговоры; король требовалъ отъ Владимірка клятвы въ томъ, что онъ возвратитъ все захваченныя имъ русскіе города Изяславу, и будетъ всегда въ союзѣ съ послѣднимъ, при всякихъ обстоятельствахъ, счастливыхъ или несчастныхъ. Когда король хотѣлъ послать бояръ своихъ къ Владимірку съ крестомъ, который тотъ долженъ былъ поцѣловать, то Изяславъ говорилъ, что не для чего заставлятъ цѣловать крестъ человека, который ирветъ клятвами; на это король отвѣчалъ: „Это самый тотъ крестъ, на которомъ былъ распятъ Христосъ Богъ нашъ; Богу угодно было, чтобъ онъ достался предку моему Св. Стефану. Если Владимірко поцѣлуетъ этотъ крестъ, нарушитъ клятву и останется живъ, то я тебѣ, батюшка, говорю, что либо голову свою сложу, либо добуду Галицкую Землю; а тебѣ не могу его убить“. Изяславъ согласился, но сынъ его Мстиславъ сказалъ: „Вы поступаете, какъ должно, похристіански, честному кресту вѣрите и съ Владиміркоиъ миритесь; но я вахъ передъ этимъ честнымъ крестомъ скажу, что онъ неиреѣнно нарушитъ свою клятву; тогда ты, король, своего слова не забудь и приходи опять съ

полками къ Галичу“; король отвѣчалъ: „Ну, право же, тебѣ говорю, что если Владимірко нарушитъ клятву, то какъ до сихъ поръ отецъ твой Изяславъ звалъ меня на помощь, такъ тогда уже я позову его къ себѣ на помощь“. Владимірко цѣловалъ крестъ, что исполнить королевскія требованія; цѣловалъ онъ крестъ лежа, показывая видъ, что ирнемогъ отъ ранъ, тогда какъ ранъ на немъ никакихъ не было.

Простившись съ королемъ, Изяславъ пошелъ назадъ въ Русскую Землю, и когда былъ во Владимірѣ, то послалъ посадниковъ ¹⁾ своихъ въ города, которые Владимірко обѣщаль ему возвратитъ; но посадники иршли назадъ: Владимірко не пустил ихъ ни въ одинъ городъ. Изяславъ продолжалъ путь въ Кіевъ, только послалъ сказать королю: „Ни тебѣ, ни мнѣ теперь уже не ворочаться назадъ, я только объявляю тебѣ, что Владимірко нарушилъ клятву; такъ не забудь своего слова“. Владимірко спѣшилъ нарушить и другое условіе мира: узнавъ, что свать его Юрій идетъ на племянника, онъ такъ же выступилъ противъ Изяслава, но возвратился, когда дали ему вѣсть, что тотъ идетъ къ нему на-встрѣчу. Управившись съ дядею, Изяславъ послалъ въ Галичь боярина своего Петра Бориславича, который былъ свидѣтелемъ клятвы Владиміркоиъ предъ крестомъ Св. Стефана. Петръ долженъ былъ сказать Галицкому князю отъ имени Изяслава: „Ты намъ съ королемъ крестъ цѣловалъ, что возвратишь русскіе города,—и не возвратилъ; теперь я всего того не понимаю; но если хочешь исполнить свое крестное цѣлованіе и быть съ нами въ ирѣ, то отдай мнѣ города мои; а не хочешь отдать, то клятву свою ты нарушилъ, и мы съ королемъ будемъ иривѣдываться съ тобою, какъ намъ Богъ дастъ“. Владимірко отвѣчалъ на это послу: „Скажи отъ меня Изяславу вотъ что: ты нечаянно напалъ на меня самъ и короля навелъ; такъ если буду живъ, то либо голову свою сложу, либо отомщу тебѣ за себя“. Петръ сказалъ ему на это: „Князь, вѣдъ ты крестъ цѣловалъ Изяславу и королю, что все ирравишь и будешь съ ними въ союзѣ; такъ ты нарушилъ крестное цѣлованіе.“ Владимірко отвѣчалъ: „Вотъ еще: что мнѣ этотъ маленький крестикъ!“ — „Князь! возразилъ ему великій бояринъ: хотя крестикъ и малъ, да сила его велика на небеси и на землѣ; вѣдъ тебѣ король объявилъ, что это самый тотъ крестъ, на которомъ Христосъ былъ распятъ; да и то было тебѣ говорено, что если, поцѣловавъ тотъ крестъ, ты слова своего не сдержишь, то живъ не останешься; слышалъ ли ты обо всемъ этомъ отъ королевскаго посла?“ Владимірко отвѣчалъ: „Да, помню, досыта вы тогда наговорились; а теперь ступай вонъ, по-

¹⁾ Города эти были: Бужскъ, Шумскъ, Тихомль, Выгопешъ, Гнойница. О ирложеніи трехъ первыхъ изъ нихъ было упомянуто; есть теперь селеніе Тихомель въ Острозскомъ уѣздѣ Волынской губерніи, въ 60 верстахъ отъ Острога; въ томъ же уѣздѣ, на рѣкѣ Горыни, есть хѣста — Большая и Малая Гнойница.

ѣзжай назадъ къ своему князю“. Петръ, положивъ предъ нимъ крестныя грамоты, пошелъ вонъ, и когда собрался ѣхать, то не дали ему ни повозки, ни корма, такъ что онъ принужденъ былъ отправиться на своихъ лошадяхъ. Петръ съѣзжалъ съ княжяго двора, а Владимірко шелъ въ то время въ церковь къ вечернѣ, и, видя, что Петръ ѣзжаетъ, сталъ смѣяться надъ нимъ: „Смотрите-ка, русскій-то бояринъ поѣхалъ, побравши всѣ волости!“ Когда вечерня отошла, и Владимірко, возвращаясь изъ церкви, дошелъ до того самаго мѣста, гдѣ смѣялся надъ Петромъ, то вдругъ сказалъ: „Что это, какъ будто кто меня ударилъ по плечу!“—и не могъ двинуть больше ногами; еслибъ не подхватили его, то упалъ бы съ лѣстницы; поспешивъ его въ горенку, положили въ укропъ; къ вечеру ему стало хуже, а къ ночи умеръ. Между тѣмъ Петръ Бориславичъ, выѣхавши изъ Галича, остановился почевать въ селѣ Вольшовѣ¹⁾; вдругъ на разсвѣтѣ скачетъ къ нему гонецъ изъ Галича: „Князь не велѣлъ тебѣ ѣхать дальше, дождайся, пока приплетъ за тобою“. Петръ, ничего не зная о Владимірковой смерти, сталъ тужить, что ему надобно ѣхать назадъ въ городъ и вѣрно придется вытерпѣть тамъ разныя притѣсенія; и, точно, еще до обѣда прискакалъ къ нему новый гонецъ съ приказомъ отъ князя ѣхать въ городъ; Петръ отправился, и когда въѣхалъ на княжій дворъ, то къ нему на-встрѣчу вышелъ изъ сѣней слуга княжій въ черномъ; онъ удивился — что бы это такое значило? вошелъ въ сѣни, смотритъ — на княжомъ мѣстѣ сидитъ сынъ Владимірковъ Ярославъ въ черномъ платки и въ черной шапкѣ, такъ же и всѣ бояре въ черномъ. Петру поставили стулъ, и когда онъ сѣлъ, то Ярославъ, взглянувши на него, залился слезами. Петръ сидѣвъ въ недоумѣніи, смотря на всѣ стороны; наконецъ спросилъ: „Да что же это такое значить?“ Тутъ ему объявили, что ночью князь умеръ. „Какъ умеръ? возразилъ Петръ: когда я поѣхалъ, онъ былъ совсѣмъ здоровъ!“ Ему отвѣчали, что былъ здоровъ, да вдругъ схватился за плечо, началъ съ того изнемогать и умеръ. „Воля Божія“, сказалъ на это Петръ, „намъ вѣкъ тамъ быть“. Тогда Ярославъ началъ говорить Петру: „Мы позвали тебя для того, что вѣтъ Богъ сотворилъ волю свою; поѣзжай ты теперь къ отцу моему Изяславу, поклонись ему отъ меня и скажи: Богъ взял моего отца, такъ ты будь мнѣ вмѣсто него; ты съ покойникомъ самъ вѣдался, что тамъ между васъ было, уже Богъ расудитъ васъ; Богъ отца моего какъ себѣ взялъ, а меня оставилъ на его мѣсто, полкъ и дружина его у меня, только одно конь поставлено у его гроба, да и то въ моихъ рукахъ; теперь кланюсь тебѣ, батюшка: прими меня какъ сына своего Мстислава; пусть Мстиславъ ѣздитъ подлѣ твоего стремени съ одной стороны, я буду ѣздить по другой сторонѣ со всѣми своими полками“. Петръ съ этимъ и отправился.

¹⁾ Село Гольшевъ въ Святославокомъ округѣ.

Ярославъ, или, по нѣкоторымъ извѣстіямъ²⁾, бояре его—только манили Изяслава, чтобы выиграть время, а въ самомъ дѣлѣ и не думали возвращать ему городовъ, захваченныхъ Владиміркомъ. Это заставило Кіевского князя пойти въ другой разъ на Галичъ (1153 г.); съ нимъ пошли сынъ его Мстиславъ съ Переяславцами, полкъ Изяслава Давидовича Черниговскаго и всѣ Черныя Клобуки; а на дорогѣ присоединились къ нему братья—Владиміръ изъ Дорогобужа, Святополкъ изъ Владиміра, Владиміръ Андреечъ изъ Бреста³⁾. У Тербовля встрѣтился Изяславъ съ полками Ярославовыми, и, передъ битвою, галичкіе бояре сказали своему князю: „Ты, князь, молодецъ, отъѣзжай прочь и смотри на насъ; отецъ твой насъ кормилъ и любилъ,—такъ мы хотимъ за честь твоего отца и за твою сложить свои головы; ты у насъ одинъ: если съ тобой что случится, то что намъ тогда дѣлать? такъ ступай-ка, князь, къ городу, а мы станемъ биться съ Изяславомъ, и кто изъ насъ останется живъ, тотъ прибѣжить къ тебѣ, затворится съ тобою въ городѣ“. Злая сѣча продолжалась уже отъ полудня до вечера, когда сдѣлалось въ обѣихъ ратяхъ смятеніе: не видно было, которые побѣдили. Изяславъ гналъ Галичичъ, а братья его бѣжали отъ нихъ; Изяславъ побралъ въ плѣнъ галичскихъ бояръ, а Галичане Изяславовыхъ. Времени шло уже къ ночи, когда Кіевскій князь остановился съ небольшою дружиною на мѣстѣ боя и поднялъ галичкіе стяги; Галичане побѣждали къ нимъ, думая, что тутъ свои, и были перехвачены; но въ ночь Изяславу стало страшно: дружины у него остались мало, плѣнниковъ было больше, чѣмъ дружины, между тѣмъ изъ Тербовля Ярославъ могъ нанести на него; подумавши, Изяславъ велѣлъ перебить плѣнниковъ, оставя только лучшихъ мужей, и выступилъ назадъ къ Кіеву, потому что братья и дружина его разбѣжались; не съ кѣмъ было продолжать походъ. Былъ послѣ этого плачь великій по всей Землѣ Галичской, говоритъ лѣтописецъ.

Этимъ печальнымъ походомъ заключилась дѣятельность Изяслава. Въ 1154 году, женившись во второй разъ на царевнѣ Грузинской, Изяславъ схоронилъ брата Святополка, а потомъ скоро самъ занемогъ и умеръ. Лѣтописецъ называетъ его честнымъ, благороднымъ, христороднымъ, славнымъ; говоритъ, что плакала по немъ вся Русская Земля и всѣ Черныя Клобуки, какъ по царѣ и господнѣ своемъ, а больше какъ по отцѣ. Причина такой любви народной ясна: при необыкновенной храбрости (въ которой равнялся съ нимъ, быть можетъ, изъ князей одинъ Андрей Юрьевичъ), не уступая никому перваго мѣста въ битвѣ, гоня враговъ и въ то время, когда полки его бывали разбиты, Изяславъ отличался также искусствомъ, былъ хитеръ на

²⁾ Татищ. III, 77.

³⁾ Такимъ образомъ, Владиміръ Андреевичъ еще разъ перемѣнилъ волость: вмѣсто Пересопницъ вѣдмъ его въ Брестѣ.

войскія выдумки. Но, будучи, похожо на памянутаго дѣда своего храбростію, отвагою, онъ напоминалъ его также ласковостію къ народу: мы видѣли, какъ онъ обращался съ нимъ въ Кіевѣ, въ Новгородѣ; неприятное правленіе дяди Юрія только отбѣсило добрыя качества Изяслава, заставило смолкнуть всякое нерасположеніе, какое у кого было къ нему, и мы видѣли, какъ ревностно бился за него и граждане, и Черные Клобуки, прежде равнодушные. Поговорка его „не идетъ мѣсто къ головь, а голова къ мѣсту“ — показываетъ его стремленіе, его положеніе, и, по вѣсѣмъ вѣроятностямъ, служила для него оправданіемъ этихъ стреленій и происшедшей отъ нихъ позизны положенія его; поговорка эта оправдываетъ стремленіе дать личнымъ достоинствамъ силу предъ правомъ старшинства. Дѣйствительно, Изяславъ, въ сравненіи съ своими старшими дядьями, былъ въ родѣ Мономаховомъ единственною головою, которая шла къ мѣсту. Но мы видѣли, что Изяславъ долженъ былъ уступить; ему не удалось дать преимущества личнымъ достоинствамъ своимъ и даже другому праву своему, — праву завоевателя, перваго пріобрѣтателя старшей волости. Несмотря на то, что онъ *головою* добылъ Кіевъ, онъ припужденъ былъ наконецъ признать старшинство и права дяди Вячеслава, котораго голова уже никакъ не шла къ мѣсту. А преждевременная смерть Изяслава нанесла окончательный ударъ притязаніямъ племянниковъ и Мстиславовой линіи: изъ братьевъ Изяславовыхъ ни одинъ не былъ способенъ замѣнить его; дѣятельнѣе, предпримчивѣе дядей былъ сынъ его Мстиславъ, но онъ не могъ дѣйствовать одинъ мимо родныхъ дядей и противъ нихъ; его положеніе было одинаково съ положеніемъ отца, только гораздо затруднительнѣе; замѣтимъ еще, что преждевременная смерть отца Изяслава, отказавшагося отъ старшинства въ пользу дяди, въ глазахъ многихъ должна была отнимать у молодого Мстислава право считаться отчичемъ на столѣ Кіевскомъ.

Старый дядя Вячеславъ плакалъ больше всѣхъ по племянникѣ, за щитомъ котораго онъ только-что успокоился: „Сынъ! причиталъ старикъ надъ его гробомъ: это было мое мѣсто; но видно передъ Богомъ ничего не сдѣлаешь!“ Въ Кіевѣ всѣ плакали, а на той сторонѣ Дѣбрыра сильно радовались смерти Изяславовой и не тратили времени. Изяславъ Давидовичъ Черниговскій немедленно поѣхалъ въ Кіевъ; но на перевозѣ у Дѣбрыры встрѣтилъ его посоль отъ старика Вячеслава съ вопросомъ: „За чѣмъ пріѣхалъ, и кто тебя звалъ? ступай назадъ въ свой Черниговъ“. Изяславъ отвѣчалъ: „Я пріѣхалъ плакаться надъ братомъ покойникомъ; я не былъ при его смерти, такъ позволь теперь хотя на гробѣ его поплакать“. По Вячеславу, по совѣту съ Мстиславомъ Изяславичемъ и боярами своими, не пустилъ его въ Кіевъ. Трудно рѣшить, насколько было справедливо подозрѣніе Мстислава и кievскихъ бояръ; для оправданія ихъ мы должны припомнить, что въ 1153 году Изяславъ Давидовичъ

имѣлъ съѣздъ съ Святославомъ Ольговичемъ, гдѣ двоюродные братья обѣщали другъ другу стоять заодно. Въ Кіевѣ съ нетерпѣніемъ дожидались пріѣзда Ростислава Мстиславича изъ Смоленска, и между тѣмъ рѣшились разъединить Черниговскихъ, привлеки на свою сторону Святослава Всеволодича, которому легче всего было стать на сторонѣ Мстиславичей и по родству, да и потому, что изъ всѣхъ Черниговскихъ онъ одинъ былъ отчичъ относительно старшинства и Кіева. Къ нему-то старикъ Вячеславъ послалъ сказать: „Ты Ростиславу сынъ любимый, также и мнѣ; пріѣзжай сюда, побудь въ Кіевѣ, пока пріѣдетъ Ростиславъ, а тогда всѣ вмѣстѣ урядимся о волостяхъ“. Всеволодичъ, не сказавшись дядьямъ своимъ, поѣхалъ въ Кіевъ и дождался тамъ Ростислава, которому всѣ очень обрадовались, по словамъ лѣтописца: и старикъ Вячеславъ, и вся Русская Земля, и всѣ Черные Клобуки. Вячеславъ, увидавъ племянника, сказалъ ему: „Сынъ! я уже старъ, всѣхъ рядовъ не могу рядить; даю ихъ тебѣ, какъ братъ твой держалъ и рядилъ; а ты почитай меня, какъ отца, и уважай, обходись, какъ братъ твой со мною обходился; вотъ мой полкъ и дружина моя, ты ихъ ряди“. Ростиславъ поклонился и сказалъ: „Очень радъ, господишъ батюшка, почитаю тебя, какъ отца господина, и буду уважать тебя, какъ братъ мой Изяславъ уважалъ тебя и въ твоей волѣ былъ“. Кіевляне, посадивши у себя Ростислава, также сказали ему: „Какъ братъ твой Изяславъ обходился съ Вячеславомъ, такъ и ты обходись, а до твоей смерти Кіевъ твой“.

Первымъ дѣломъ Ростислава было урядиться съ *сестричичемъ* своимъ (племянникомъ отъ сестры), Святославомъ Всеволодичемъ; онъ сказалъ ему: „Даю тебѣ Туровъ и Шинскъ за то, что ты пріѣхалъ къ отцу моему Вячеславу и волости мнѣ оберегъ, за то и надѣляю тебя волостію“; Святославъ принялъ это надѣленіе съ радостію. Нужно было богатою волостію привязать къ себѣ сына Всеволодова, потому что на той сторонѣ Дѣбрыра дядя его уже дѣйствовали заодно съ Юріемъ Суздальскимъ; еще до пріѣзда Ростислава въ Кіевъ, они стали пересылаться съ Юріемъ, стѣдствіемъ чего было движеніе сына Юрѣва Глѣба со множествомъ Половцевъ на Переяславль: мы видѣли, что этотъ князь былъ посланъ отцомъ въ кочевья привести какъ можно болѣе варваровъ. Переяславля взять Глѣбу не удалось; но онъ взялъ Цирятинъ на рѣкѣ Удаѣ. Ростиславъ и Святославъ Всеволодовичъ выступили къ Дѣбрыру и стали собирать дружину, какъ пригналъ къ нимъ посоль отъ Мстислава Изяславича Переяславскаго съ вѣстью, что Половцы уже у города и сѣрбляются съ жителями; тогда Святославъ немедленно отрядилъ сына своего Святослава въ Переяславль, куда тотъ и успѣлъ пробраться. На другой день Половцы начали крѣпче приступать къ городу; но когда узнали, что къ Мстиславу пришла подмога, то испугались и ушли за Сулу. Узнавъ о бѣгствѣ Половцевъ, Ростиславъ,

по совѣту съ братьею, рѣшился, не заходя въ Кіевъ, идти прямо на Изяслава Давидовича Черниговскаго: „Нужно намъ, говорилъ Ростиславъ, предупредить Юрія, либо прогнать его, либо миръ заключить“. Кіевскіе полки и Торки подъ начальствомъ трехъ князей—Ростислава, Святослава Всеволодича и Мстислава Изяславича—перешли уже Днѣпръ у Вышгорода и хотѣли идти къ Чернигову, какъ вдругъ прискакалъ къ Ростиславу гонецъ изъ Кіева и объявилъ: „Отецъ твой Вячеславъ умеръ“. — „Какъ умеръ?“ сказалъ Ростиславъ: „Когда мы поѣхали, онъ былъ здоровъ?“ Гонецъ отвѣчалъ: „Въ эту ночь пировалъ онъ съ дружиною и пошелъ спать здоровъ; но какъ легъ, такъ больше уже не вставалъ“. Ростиславъ тотчасъ же поскакалъ въ Кіевъ, похоронилъ дядю, rozdalъ все имѣніе его духовенству и нищимъ и, поручивъ остальныя дѣла вѣдѣ матери своей, вдовѣ Мстиславовой, отправился опять на ту сторону Днѣпра. Пріѣхавши къ войску, онъ началъ думать съ племянниками и дружиною — идти или итѣ на Черниговъ, бояре совѣтовали не ходитъ: „Дядя твой Вячеславъ умеръ, говорили они, а ты еще съ людьми кіевскими не утвердился; лучше поѣзжай въ Кіевъ, утвердись тамъ съ людьми, и тогда если дядя Юрій придетъ на тебя, то захочешь помириться съ нимъ—помиришься, а не захочешь—будешь воевать“. Любопытно, что кіевскіе бояре хотѣли, чтобъ Ростиславъ ѣхалъ въ Кіевъ и урядился съ его жителями, тогда какъ послѣдніе уже прежде объявили ему, что Кіевъ принадлежитъ ему до самой смерти; притомъ Ростиславъ только-что пріѣхалъ изъ Кіева; если бы граждане хотѣли объявить ему что-нибудь новое, то объявили бы послѣ похоронъ Вячеславовыхъ. Должно думать, что боярамъ самимъ хотѣлось возвратиться въ Кіевъ и урядить тамъ свои дѣла по смерти стараго князя; быть можетъ, имъ хотѣлось заставить Кіевлянъ утвердиться съ Ростиславомъ на счетъ новой дружины его смоленской. Какъ бы то ни было, Ростиславу не послушался бояръ и пошелъ къ Чернигову, пославши впередъ сказать Изяславу Давидовичу: „Цѣлуй крестъ, что будешь сидѣть въ своей отчинѣ, въ Черниговѣ, а мы будемъ въ Кіевѣ“. Изяславъ отвѣчалъ: „Я теперь вамъ ничего не сдѣлаю; не знаю, зачѣмъ вы на меня пришли; а пришли, такъ уже какъ намъ Богъ дастъ“. Но вѣдь онъ подвелъ Глѣба Юрьевича съ Половцами, и былъ съ нимъ вѣстѣ у Переяслава, замѣчаетъ лѣтописецъ. На другой день Давидовичъ соединился съ Глѣбомъ и Половцами, и вышелъ противъ Мстиславичей; Ростиславъ, увидавъ множество враговъ, а у себя небольшую дружину, испугался и сталъ пересылаться съ Изяславомъ на счетъ мира, отдавалъ ему подъ собою Кіевъ, а подъ племянникомъ Мстиславомъ Переяславъ. Такое недостойное поведеніе, трусость, неумиѣе блюсти выгоды племени сильно раздосадовали Мстислава Изяславича: „Такъ не будетъ же ни мнѣ Переяслава, ни тебѣ Кіева“, сказалъ онъ дядѣ, и поворотилъ коня въ Переяславъ; Ростиславъ, оставленный племянни-

комъ, былъ обойденъ Половцами, и, послѣ двухдневной битвы, обратился въ бѣгство; преслѣдуемый врагами, онъ потерялъ коня, сынъ Святославъ отдалъ ему своего, а самъ сталъ отбиваться отъ Половцевъ, и такимъ образомъ далъ огду время уйти.

Ростиславъ переправился за Днѣпръ ниже Любеча и поѣхалъ въ Смоленскъ; Мстиславъ Изяславичъ съ двоюроднымъ братомъ Святославомъ Ростиславичемъ ускакалъ въ Переяславъ, здѣсь взялъ жену и уѣхалъ въ Луцкъ; а Святославъ Всеволодичъ былъ захваченъ Половцами; Изяславъ Давидовичъ съ женою выручили его изъ плѣна, и другихъ Русскихъ много выручили, много добра сдѣлали, говоритъ лѣтописецъ: если кто изъ плѣнниковъ убѣгалъ въ городъ, тѣхъ не выдавали назадъ. Быть можетъ, Давидовичъ съ намѣреніемъ поступалъ такъ, желая пріобрѣсть расположеніе жителей Русской Земли, которыхъ недобровъ ко всему его племени онъ долженъ былъ знать хорошо. Онъ послалъ сказать Кіевлянамъ: „Хочу къ вамъ поѣхать“. Кіевляне были въ самомъ затруднительномъ положеніи: покинутые Ростиславомъ, они видѣли приближеніе Половцевъ, отъ которыхъ могло снестись ихъ только немедленное принятіе Давидовича, и они послали сказать ему: „Ступай въ Кіевъ, чтобъ насъ не взяли Половцы, ты нашъ князь, пріѣзжай“. Изяславъ пріѣхалъ въ Кіевъ и сѣлъ на столъ, а Глѣба Юрьевича послалъ княжить въ Переяславъ, окрестности котораго были сильно опустошены союзниками ихъ—Половцами. Но Юрія Ростовскаго нельзя было удовлетворить однимъ Переяславлемъ: только-что услыхалъ онъ о смерти Изяславовой и о пріѣздѣ другаго Мстиславича въ Кіевъ, какъ уже выступилъ въ походъ и приблизился къ Смоленску, имѣя теперь дѣло преимущественно съ тамошнимъ княземъ; тутъ пришла къ нему вѣсть, что Вячеславъ умеръ, Ростиславъ побѣжденъ, Давидовичъ сидитъ въ Кіевѣ, а Глѣбъ въ Переяславѣ. Ростиславъ, между тѣмъ, пріѣхавши въ Смоленскъ, успѣлъ собрать войско и вышелъ противъ дяди; но мы видѣли, что Ростиславъ не былъ похожъ на брата отвагою; видѣли также, что онъ не былъ охотникомъ и до споровъ съ дядьми, и потому послалъ къ Юрію просить мира: „Ватюшка!—велѣлъ онъ сказать ему:—кланяюсь тебѣ; ты и прежде до меня былъ добръ и я до тебя; и теперь кланяюсь тебѣ,—дядя мнѣ вмѣсто отца“. Юрій отвѣчалъ: „Правду говоришь, сынъ; съ Изяславою я не могъ быть; но ты жиѣ свой братъ и сынъ“. Послѣ этой пересылки, дядя съ племянникомъ поцѣловали крестъ на всей любви, по выраженію лѣтописца, и Юрій отправился къ Кіеву, а Ростиславъ въ Смоленскъ; вѣроятно, что необходимость снѣшиться въ Кіевъ и большое войско Ростислава также имѣли вліяніе на миролюбіе дяди. Недалеко отъ Стародуба встрѣтилъ Юрія свать его и старый союзникъ, Святославъ Ольговичъ, пріѣхалъ къ нему и Святославъ Всеволодичъ съ повинною: „Совсѣмъ обезумѣлъ я, говорилъ онъ Юрію, прости“. По просьбѣ

дяди Ольговича Юрій помирился съ Всеволодовичемъ, заставивъ его поклясться не отступать отъ себя и отъ дяди, послѣ чего всѣ трое пошли къ Чернигову. Не доходя еще до города, Святославъ Ольговичъ послалъ въ Кіевъ сказать Давидовичу: „Ступай, братъ, изъ Кіева, идежь на тебя Юрій; вѣдь мы оба съ тобою позовали его“. Но Давидовичъ не слушался; тогда Святославъ въ другой разъ послалъ къ нему изъ Чернигова: „Ступай изъ Кіева, идежь туда Юрій; а я тебѣ Черниговъ уступаю ради христіанскихъ душъ“. Изяславъ все не хотѣлъ выйти изъ Кіева, потому что этотъ городъ сильно поправился ему, говорить лѣтописецъ. Наконецъ самъ Юрій послалъ сказать ему: „Мы отчина Кіевъ, а не тебѣ“. Безъ права и безъ особеннаго народнаго расположенія Давидовичъ не могъ болѣе оставаться въ Кіевѣ, и потому послалъ сказать Юрію: „Развѣ я самъ поѣхалъ въ Кіевъ? посадили меня Кіевляне; Кіевъ твой, только не дѣлай мнѣ зла“.

Юрій помирился съ нимъ (1156 г.) и вошелъ въ Кіевъ съ четырьмя старшими сыновьями, которыхъ посажалъ около себя; Андрея — въ Вынгородѣ, Бориса — въ Туровѣ, Глѣба — въ Переяславлѣ, Василька — на Поросыи. На Волыни сидѣли Мстиславичи: Владиміръ съ племянниками — Мстиславомъ и Ярославомъ; первый, какъ видно, усилялъ помириться съ Юріемъ, общаясь дѣйствовать заодно съ нимъ противъ племянниковъ, на которыхъ Юрій послалъ стараго союзника своего и врага Мстиславичей, Юрія Ярославича съ внуками брата его Вячеслава¹⁾; они прогнали Мстислава изъ Пересопницы въ Лудкъ; но и здѣсь онъ не могъ долго оставаться спокойнымъ: Юрій велѣлъ идти на Лудкъ зятю своему Ярославу Галицкому; тогда Мстиславъ, оставивъ брата Ярослава въ Лудкѣ, самъ ушелъ въ Польшу за помощью; Галицкій князь вмѣстѣ съ Владиміромъ Мстиславичемъ подошелъ къ Лудкѣ, но, постоявши нѣсколько времени подъ городомъ, ушелъ, ничего не сдѣлавъ ему. Юрій не могъ продолжать войны съ Изяславичами, потому что Черниговскій Давидовичъ, въ надеждѣ на вражду Юрія съ остальными Мономаховичами и на нерасположеніе къ нему народа въ Руси, не оставлялъ своихъ притязаній: немедленно по пріѣздѣ въ Черниговъ онъ уже началъ уговаривать Святослава Ольговича къ войнѣ съ Юріемъ; но тотъ удовольствовался тѣмъ, что отобралъ у племянника Святослава Всеволодовича три города (Сновскъ, Корачевъ, Воротыцкскъ), давши ему въ замѣнъ какіе-то три похуже, и не захотѣлъ вооружиться противъ стараго союзника; Юрій вѣроятно зналъ о замыслахъ Давидовича; съ другой стороны безъопасно ли его Шоловцы; и потому онъ послалъ въ Смоленскъ сказать Ростиславу Мстиславичу: „Сынъ! пріѣзжай сюда, а то мнѣ не съ кѣмъ удержать Русской Земли“. Ростиславъ пріѣхалъ къ нему и устроилъ миръ между дядею и племянниками своими,

причемъ Владиміръ Мстиславичъ и Ярославъ Изяславичъ имѣли личное свиданіе съ Юріемъ; но Мстиславъ Изяславичъ не побѣхалъ изъ страха, что Кіевскій князь схватитъ его. Уладившись теперь съ своими, Юрій послалъ сказать Давидовичу рѣшительно: „Приходи къ намъ на миръ, а не придешь, такъ мы къ тебѣ придемъ“. Давидовичъ, видя, что всѣ Мономаховичи въ соединеніи, испугался и пріѣхалъ вмѣстѣ съ Святославомъ Ольговичемъ на съѣздъ, гдѣ уладились; Юрій далъ имъ по городу на западной сторонѣ Днѣпра: Давидовичу — Корепкъ на Волыни, Ольговичу — Мозырь въ Туровской области; кромѣ того, Юрій женилъ сына своего Глѣба на дочери Изяслава Черниговскаго.

Казалось, что послѣ этого миръ долженъ былъ водвориться во всѣхъ волостяхъ русскихъ; но вышло иначе; въ разныхъ концахъ обнаружилась борьба съ тѣмъ же характеромъ, съ какими велась она незадолго прежде, обнаружилась усобица между племянниками и дядями: такъ, въ Черниговской волости племянникъ Изяславичъ Святославъ, сынъ старшаго брата его Владиміра, вѣроятно будучи недоволенъ властью, полученною отъ дяди, выбѣжалъ изъ Березаго (въ окрестностяхъ Чернигова) во Вщижь, захватилъ всѣ города по Деснѣ и, отступивъ отъ родного дяди, отдался въ покровительство Ростислава Мстиславича Смоленскаго; Святославъ Всеволодовичъ также всталъ противъ дядей. Послѣдніе пошли — было противъ племянниковъ, но заключили съ ними миръ, неизвѣстно на какихъ условіяхъ. Въ то же время подобное явленіе обнаружилось на Волыни: мы видѣли, что здѣсь сидѣлъ Владиміръ Мстиславичъ съ двумя племянниками — Мстиславомъ и Ярославомъ Изяславичами; Мстиславъ, по примѣру отца, думалъ, что голова Владиміра не идетъ къ старшему мѣсту, ибо Владиміръ хотя былъ ему и дядя, но вѣроятно даже моложе его лѣтами²⁾, и притомъ былъ сыномъ мачахи Изяславовой, второй жены Мстислава Великаго, почему и называется въ лѣтописи относительно Изяславичей не дядею (стрыемъ), но *мачешичемъ*. Какъ бы то ни было, впрочемъ, Мстиславъ напалъ нечаянно на дядю во Владиміръ, захватилъ его жену, мать, все имѣніе, а самого прогналъ въ Венгрію. Юрій, самъ будучи младшимъ дядею, долженъ былъ вступиться за Владиміра, и дѣйствительно пошелъ на Мстислава (1157 г.) съ зятемъ своимъ Ярославомъ Галицкимъ, сыновьями, племянникомъ Владиміромъ Андреевичемъ, княжившимъ, какъ мы видѣли, въ Врестѣ, и съ Берепцѣями; Чернигов-

²⁾ Владиміръ родился въ 1132 году, слѣд. въ описываемое время, въ 1152 году ему было только 24 года; въ 1146 году, когда Изяславъ впервые овладѣлъ Кіевомъ, ему было только 14 лѣтъ; по въ этотъ самый годъ мы уже видимъ Мстислава Изяславича начальникомъ вспомогательнаго отряда, который отецъ его послалъ къ Черниговскія; младшій братъ его Ярославъ сидитъ на столѣ въ Туровѣ — неужели имъ было тогда меньше 14 лѣтъ? Въ 1114 году сестра ихъ уже вышла замужъ за Полоцкаго князя. О Мачешичѣ см. въ IV т.

¹⁾ Объ этомъ Вячеславѣ см. Полн. Собр. Рус. Л. II, 11.

скіе также хотѣли съ нимъ идти, но, по совѣту Ярослава Галицкаго, Юрій не взялъ къ себѣ. Скоро оказалось, что Юрій началъ эту войну не за Владиміра Мстиславича, но за другого племянника своего—Владиміра Андреевича, потому что далъ клятву покойному брату своему Андрею и потомъ сыну его—добыть для послѣдняго Владиміръ-Волынской. Взять печально этотъ городъ Юрію не удалось; онъ началъ осаду, во время которой Владиміръ Андреевичъ отпросился у Юрія воевать другіе города, и когда подлѣзъ къ Червеню, то началъ говорить жителямъ: „Я пришелъ къ вамъ не ратью, потому что вы были люди милые отцу моему, и я вамъ свой княжичъ, отворитесь“. Въ отвѣтъ, одинъ изъ жителей пустилъ стрѣлу и угодилъ въ горло Владиміру; рана была впрочемъ не опасна, и Владиміръ успѣлъ отмстить Червенцамъ страшнымъ опустошеніемъ ихъ волости. Десять дней стоялъ Юрій у Владиміра, не видя ни малѣйшаго успѣха; есть даже извѣстіе, что Мстиславъ сдѣлалъ вылазку, и нанесъ сильное пораженіе галицкимъ полкамъ¹⁾; тогда Юрій, посоветовавшись съ сыновьями и дружиною, пошелъ назадъ въ Кіевъ, а Ярославъ въ Галичъ; Мстиславъ шелъ вслѣдъ за Юріемъ до самаго Дорогобужа, пожигая села, и много зла надѣлалъ, говоритъ лѣтописецъ. Пришедши въ Дорогобужъ, Юрій сказалъ въ утѣшеніе Владиміру Андреевичу: „Сынъ! мы цѣловали крестъ съ твоимъ отцомъ, что кто изъ насъ останется живъ, тотъ будетъ отцомъ для дѣтей умершаго и волости за ними удержатъ, а потому я и тебѣ поклялся имѣть тебя сыномъ и Владиміра искать тебѣ; теперь, если Владиміра не добылъ, то вотъ тебѣ волость—Дорогобужъ, Пересопница и всѣ Иогоринскіе города“.

Нападеніе Юрія на племянниковъ и не въ пользу брата, отнятіе у нихъ волости въ пользу Владиміра Андреевича должно было разсердить Ростислава Смоленскаго, обязаннаго заботиться о выгодахъ племени Мстиславова. Это помогло Изяславу Давидовичу Черниговскому уговорить его начать войну противъ Юрія; разумѣется, что Мстислава Волынскаго не нужно было уговаривать къ союзу противъ дѣда. Давидовичъ попытался—было уговорить къ тому же и Святослава Ольговича, но понапрасну,—тотъ отвѣчалъ: „Я крестъ цѣловалъ Юрію, не могу безъ причины встать на него“. Отказъ Ольговича не помѣшалъ однако союзникамъ порѣшить походомъ противъ Юрія: Изяславъ долженъ былъ выступить съ полками черниговскими и смоленскими, которыми начальствовалъ Романъ, сынъ Ростиславова; въ то же время Мстиславъ Изяславичъ долженъ былъ ударить на Юрія съ запада; но въ тотъ самый день, когда Давидовичъ хотѣлъ двинуться къ Кіеву, оттуда прискакалъ къ нему гонецъ съ вѣстью: „Ступай, князь, въ Кіевъ,—Юрій умеръ“. Это посольство отъ Кіевлянъ служить доказательствомъ,

что они знали о намѣреніи союзниковъ и были готовы къ принятію Давидовича: иначе не послали бы прямо къ нему съ вѣстью о смерти Юрія и съ приглашеніемъ пріѣхать княжить у нихъ. Изяславъ, получивъ эту вѣсть, заплакалъ и сказалъ: „Благословенъ еси Господи, что разсудилъ меня съ нимъ смертью, а не кровопролитіемъ“. 10-го мая (1157 г.) Юрій пировалъ у осемника Петрыля²⁾, въ ночь занемогъ и черезъ пять дней умеръ. Въ день похоронъ (16-го мая) надѣлалось много зла, говоритъ лѣтописецъ: разграбили дворъ Юрьевъ—Красный—и другой дворъ его за Днѣпромъ, который онъ самъ звалъ раемъ, также дворъ Василька, сына его, въ городѣ; перебили Суздальцевъ по городамъ и селамъ, имѣніе ихъ разграбили; эти дѣяствія Кіевлянъ служатъ яснымъ знакомъ нерасположенія ихъ къ Юрію и его суздальской дружинѣ, которую онъ привелъ съ сѣвера³⁾.

Смертію Юрія кончилось третье поколѣніе Ярославичей. Главнымъ характеромъ княжескихъ отношеній въ ихъ время была, какъ мы видѣли, борьба младшихъ дядей съ племянниками отъ старшаго брата, кончившаяся торжествомъ дядей, т. е. торжествомъ права всѣхъ родичей на старшинство; въ это же время успѣли возстановить свое право на старшинство обѣ линии Святославичей—Ольговичи и Давидовичи. Изъ событій въ отдѣльных княжествахъ мы упоминали о дѣятельности Владимірка Галицкаго и сына его Ярослава; видѣли дѣятельность потомковъ Изяслава Ярославича—Юрія Ярославича и внуковъ Вячеслава Ярославича, причемъ однако ничего не знаемъ о ихъ волостяхъ; изъ потомковъ Давида Игоревича встрѣчали извѣстія о внукѣ его Борисѣ Всеволодовичѣ, князѣ Городенскомъ. Мы видѣли, что Изяславичи полюккіе, по смерти Мстислава, возвратились изъ изгнанія въ свою волость, успѣли овладѣть и Минскомъ; послѣ Василька Святославича, княжилъ въ Полоцкѣ Рогволодъ Борисовичъ, женатый на дочери Изяслава Мстиславича; но во все продолженіе борьбы въ Днѣпровской области не слышно о полюккихъ князьяхъ, хотя по родственному союзу Рогволодъ и могъ бы помогать Изяславу Мстиславичу,—знакъ, что онъ не имѣлъ къ тому или средства, или времени. Въ 1151 году Полочане, не безъ участія князей, схватили Рогволода, отослали въ Минскъ, держали его здѣсь въ большой нуждѣ, а къ себѣ пріняли, вѣроятно изъ Минска, Ростислава, сына извѣстнаго намъ Глѣба Всеславича; но, какъ видно, Полочане

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 81. «Нивъ бо Гюргіи въ осемника у Петрыля, въ тѣ день на ночь разболѣся».

³⁾ У Татищева (III, 103) прибавлено: будто Кіевляне приговаривали, побывая Суздальцевъ: «Вы пастъ грабили, разоряли, женъ и дочерей паншѣхъ насильствовали; вѣсть намъ братія, но неирятаи».—Тамъ же о наружности и характерѣ Юрія: «Былъ роста нехалаго, толстѣй, лицемъ бѣлый, глаза не велики, великій носъ долгіи и широкіи, брада малая, великій любитель женъ, сладкихъ пиць и питія, болѣе о веселіяхъ, нежели о расправѣ и воинствѣ прилежалъ, но все оно состояло во власти и смотрѣніи вельможъ его и любимцевъ».

¹⁾ Татищ. III, 100.

боялись, чтобы торжествующій тогда Изяславъ Мстиславовичъ не вступился за зятя своего Рогволода, и потому отдались въ покровительство Изяслава врага, Святослава Ольговича Сѣверскаго; Глѣбовичъ поклялся Святославу почитать его отцомъ и ходить въ его послушаніи. Быть можетъ, этотъ союзъ Ольговича съ Полоцкимъ княземъ, врагомъ зятя Изяслава, Рогволода, былъ не безъ вліянія на враждебныя дѣйствія Изяслава противъ Юрія, пріятеля Святослава: мы видѣли, что тотчасъ послѣ этого союза Изяславъ разоряетъ Городецъ Юрія.—Въ областяхъ муромскихъ и рязанскихъ мы видѣли борьбу между дядею Ростиславомъ Ярославичемъ и племянникомъ Владиміромъ Святославичемъ: племянникъ дѣйствовалъ заодно съ Ольговичемъ и Юріемъ, дядя съ Мстиславичами противъ Юрія, за что и былъ изгнанъ въ степи къ Половцамъ сыновьями послѣдняго; когда онъ возвратился,—не знаемъ; знаемъ только то, что въ 1147 году князья рязанскіе являются *ротниками* Ростислава Мстиславича Смоленскаго, т.-е. признаютъ его за отца и ходятъ въ его послушаніи¹⁾; но въ 1152 году тотъ же самый Ростиславъ Ярославичъ Муромскій съ братьями шель вмѣстѣ съ Юріемъ на его племянниковъ; въ 1154 году видимъ опять вражду Юрія съ Ростиславомъ; возвратясь изъподъ Козельска, Юрій выгналъ Ростислава изъ его волости и отдалъ ее сыну своему Андрею; но Ростиславъ скоро явился опять съ Половцами, напалъ на Андрея ночью, перебилъ его дружину; самъ Андрей объ одномъ сапогѣ бѣжалъ изъ Рязани въ Муромъ, а оттуда въ Суздаль; наконецъ въ 1155 году опять встрѣчаемъ извѣстіе, что Ростиславъ Мстиславичъ Смоленскій пѣловалъ крестъ съ рязанскими князьями на всей любви; они всѣ смотрѣли на Ростислава, имѣли его себѣ отцомъ.—Въ Новгородѣ мы оставили княземъ Святополка Мстиславича; посадникомъ, какъ видно, оставался по-прежнему Судила. Святополкъ, принявши Новгородъ изъ рукъ Всеволода Ольговича, не могъ свергнуть стараго пріятеля Ольговичей; только черезъ годъ или больше, въ 1144 году, читаемъ извѣстіе, что посадничество было дано Нѣжатѣ Твердятичу, также товарищу Судилину. Смерть Всеволода Ольговича и утверженіе въ Кіевѣ Изяслава Мстиславича не могли перемѣнить хода дѣлъ въ Новгородѣ; Святополкъ оставался по-прежнему тамъ княземъ; только огняли посадничество у Нѣжаты, стараго пріятеля Ольговичей, и дали его Константину Микулиничу, старому приверженцу Мстиславичей, за что онъ и страдалъ въ заточеніи у Ольговича въ Кіевѣ. Въ 1147 году, по смерти Константина, посадникомъ избранъ опять Судила Нпановичъ, какъ видно успѣвшій примириться со стороною Мономаховичей. Между тѣмъ шла война у Новгорода съ соседомъ Юріемъ Ростовскимъ: въ 1147 году Святополкъ со всею областью Ново-

родскою выступилъ противъ дяди, но возвратился отъ Торжка за распутьемъ. Въ слѣдующемъ году архіепископъ Пифонтъ отправился въ Суздаль къ Юрію за миромъ; Юрій принялъ его съ любовію, освободилъ по его просьбѣ всѣхъ Новоторжцевъ и гостей, и отпустилъ ихъ съ честью въ Новгородъ, но мира не далъ. Въ томъ же году, какъ мы видѣли, Изяславъ вывелъ изъ Новгорода брата Святополка, *злобы его ради*, и прислалъ на его мѣсто сына Ярослава. По нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ²⁾, Изяславъ вывелъ Святополка за то, что тотъ позволилъ Новгородцамъ безъ его вѣдома сноситься съ Юріемъ о мирѣ; быть можетъ, это желаніе Новгородцевъ помириться съ Юріемъ было въ связи съ избраніемъ Судилы, пріятеля Ростовскаго князя. Мы видѣли подробности пріѣзда Изяслава въ Новгородъ и похода его съ Новгородцами на Ростовскую Землю. Должно быть пребываніе ласковаго Мстиславича надолго оставило въ Новгородѣ пріятную память, потому что во время борьбы его съ дядею Юріемъ на югѣ, несмотря на неоднократное торжество послѣдняго, Новгородцы продолжали держать Ярослава Изяславича и враждовать въ ущербъ себѣ съ Ростовскимъ княземъ: такъ, въ 1149 году, небольшой отрядъ Новгородцевъ пошелъ за данью въ Двинскую область; Юрій, узнавшій, что Новгородцевъ немного, послалъ перехватать ихъ извѣстнаго Ивана Берладника, находившагося тогда, какъ видно, въ его службѣ; но Ивану не удалось перехватить Новгородцевъ; они отбились, причемъ много легло съ обѣихъ сторонъ; впрочемъ Суздальцевъ гораздо больше, по замѣчанію новгородскаго лѣтописца. Но, держа Изяславича во время неудачъ отца его, Новгородцы вдругъ выгнали его въ 1154 году; о причинахъ лѣтописецъ молчитъ; видно только одно, что Ярославъ нарушилъ нарядъ, т.-е. былъ причиною борьбы сторонъ, для примиренія которыхъ Новгородцы призываютъ изъ Смоленска Ростислава Мстиславича—знакъ, что они не хотѣли разрывать съ Мстиславичами и Кіевскимъ княземъ: не могъ Ростиславъ безъ согласія старшаго брата занять Новгородъ. Но и Ростиславъ не установилъ наряда; позванный въ Кіевъ по смерти Изяславовой, онъ оставилъ въ Новгородѣ сына Давида при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, при сильномъ неудовольствіи на послѣднія его распоряженія; Новгородцы, говоритъ лѣтописецъ, разсердились на Ростислава за то, что онъ не установилъ у нихъ порядка, но еще больше надѣлалъ смуты, и показали по немъ путь сыну его, взявши къ себѣ въ князья Мстислава, сына Юріева; утверженіе самого Юрія на столѣ Кіевскомъ утвердило и сына его на столѣ Новгородскомъ. Но мы видѣли, что Юрій недолго былъ спокоенъ въ Кіевѣ, недолго спокойствіе могло сохраняться и въ Новгородѣ; союзъ всѣхъ Мстиславичей и Давидовича противъ Юрія, какъ видно, послужилъ знакомъ къ

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 32. Изяславъ говоритъ брату Ростиславу: «Цъ къ ротникомъ ся сли, въ Рязань, и всямо».

²⁾ Татищ. II, 322.

возстанію стороны Мстиславичей и въ Новгородѣ; еще въ 1156 году отнято было посадищество у Суздаль, и отдано старому Якузу Мірославичу. Въ 1157 году встала злая распря между жителями Новгорода: вооружились противъ князя Мстислава Юрьевича и начали выгонять его, но Юрьевичъ успѣлъ уже приобрести приверженцевъ; Торговая сторона вооружилась за него, и едва дѣло не дошло до кровопролитія. Приѣздъ двоихъ Ростиславичей, Святослава и Давида, и бѣгство Юрьевича дало торжество сторонѣ Мстиславичей. Черезъ три дня приѣхалъ въ Новгородъ самъ Ростиславъ изъ Смоленска, и на этотъ разъ успѣлъ примирить стороны. Зла не было никакого, говоритъ лѣтописецъ; уѣзжая изъ Новгорода, Ростиславъ оставилъ здѣсь сына Святослава, а Давида посадилъ въ Торжкѣ, какъ видно, для обереганія границы со стороны суздальской.

Касательно внѣшнихъ отношеній по-прежнему продолжалась борьба съ пограничными варварами, на югѣ—съ Половцами, на сѣверѣ—съ финскими племенами. Усобица Юрія съ племянникомъ Изяславомъ давала Половцамъ средства жить насчетъ Руси. Мы видѣли, что, по утверженіи Юрія въ Кіевѣ, въ 1155 году, Поросье получило особаго князя, сына его Василька; Половцы не замедлили навѣстить послѣдняго въ новой волости; но Василько съ Берендѣями разбилъ ихъ и приѣхалъ къ отцу со славою и честью, по выраженію лѣтописца. Скоро послѣ этого Юрій отправился къ Капеву на сѣздъ съ ханами половецкими: они начали просить освобожденія плѣнниковъ своихъ, взятыхъ Берендѣями въ послѣдней битвѣ; но Берендѣи не выдали и сказали Юрію: „Мы умираемъ за Русскую Землю съ твоимъ сыномъ, и головы свои складываемъ за твою честь“. Юрій не захотѣлъ насильно взять у нихъ плѣнниковъ, потому что опасно было раздражить эту пограничную стражу; онъ обдарилъ Половцевъ и отпустилъ ихъ; это лобопытное извѣстіе показываетъ намъ отношенія пограничныхъ варваровъ къ князьямъ, за честь которыхъ они складывали свои головы. Въ томъ же году Половцы опять пришли на границу за миромъ; Юрій пошелъ толковать съ ними о мирѣ такъ, какъ обыкновенно ходили на добрую войну, взялъ съ собою обоня Мстиславичей—Ростислава и Владиміра, Ярославъ Изяславича, отрядъ галицкаго войска, и послалъ сказать Половцамъ: „Ступайте ко мнѣ на миръ“. Половцы приѣхали сначала въ небольшомъ числѣ, поглядѣть только, много ли у Русскихъ войска, и сказали Юрію: „Завтра придемъ къ тебѣ всѣ“; но въ ночь всѣ уѣзжали.—На сѣверѣ въ 1149 году Финны (Имъ) пришли ратью на Новгородскую волость, на Водскую патицу; Новгородцы съ Водью вышли къ нимъ на встрѣчу въ числѣ 500 человекъ, и не упустили ни одного человека изъ неприятелей: всѣхъ перебили или забрали въ плѣнъ.

Что касается бояръ, дѣйствовавшихъ въ разсмотрѣнный періодъ времени, то изъ тѣхъ, которыхъ мы видѣли у Мономаха, Иванъ Войтишичъ

продолжалъ служить и сыну Мономахову Мстиславу, ходилъ съ Торками на полоцкихъ князяхъ; оставаясь въ Кіевѣ и при Всеволодѣ Ольговичѣ, который посылалъ его устанавливать народъ въ Новгородѣ, но, вмѣстѣ съ другими главными боярами, дѣйствовалъ противъ брата его Игоря въ пользу внука Мономахова. Мы видѣли при Мономахѣ переславскими тысяцкими Станислава; въ разсказѣ о Сунойской битвѣ, при Ярополкѣ, лѣтописецъ говоритъ, что въ числѣ убитыхъ бояръ находился Станиславъ Добрый Тукіевичъ; имѣемъ право принять этого Станислава за прежняго переславскаго тысяцкаго и считать его сыномъ Тукія, Чудниова брата, извѣстнаго намъ прежде. Вмѣстѣ съ Станиславомъ въ Сунойской битвѣ палъ и тысяцкій кіевскій Ярополковъ—Давидъ Яруновичъ; по его смерти неизвѣстно кто былъ тысяцкимъ; при Всеволодѣ Ольговичѣ эту должность исправлялъ Улѣбъ, дѣйствовавшій противъ Игоря Ольговича въ пользу Изяслава Мстиславича, и потомъ ѣздившій посломъ отъ Изяслава Мстиславича къ Давидовичамъ въ 1147 году; вмѣстѣ съ Улѣбомъ дѣйствовали заодно и Лазарь Саковскій, бывшій тысяцкимъ послѣ Улѣба. Василій Полочанинъ и Мірославъ (Андреевичъ) Хиличъ внуки; мы встрѣчали имя Василя при Ярополкѣ; извѣстное время Василя былъ посадникомъ этого князя во Владиміръ-Волынскомъ; если это тотъ самый, то ему могло быть въ 1146 году лѣтъ 75, 80; имя Мірослава видѣли мы въ числѣ бояръ, участвовавшихъ въ составленіи устава Мономахова. Послѣ торжества Изяслава падеъ Игоремъ, взятые были бояре, преданные Ольговичамъ; нѣтъ права утверждать, что эти бояре были именно черниговскіе бояре Ольговичей,—они могли быть и старинные кіевскіе, но преданные Ольговичамъ; ихъ имена: Данило Великій, Юрій Прокопичъ, Иворъ Юрьевичъ, внукъ Мірослава. Что касается до отечества втораго изъ нихъ—Юрія Прокопича, то мы видѣли Прокопія, бѣлгородскаго тысяцкаго, участникомъ при составленіи Мономахова устава о ротахъ. Въ 1146 году, при осадѣ Новгорода Сѣверскаго Давидовичами и Мстиславомъ Изяславичемъ, упоминаются въ числѣ убитыхъ Дмитрій Жирславичъ и Андрей Лазаревичъ; если послѣдній былъ съ Мстиславомъ, то могъ быть сыномъ Лазаря Саковскаго. Въ 1147 году, по случаю убіенія Игоря Ольговича, упоминаются въ Кіевѣ извѣстный уже Лазарь Саковскій, имѣвшій теперь должность тысяцкаго, и Рагуило Добрыничъ (быть можетъ, сынъ Добрыни, или Добрынка, боярина въ дружинѣ Изяслава Мстиславича), тысяцкій Владиміра Мстиславича, и другой бояринъ его, Михаилъ, помогавшій своему князю записать Игоря отъ убійцы; послали отъ Изяслава въ Кіевъ съ вѣстью объ измѣнѣ черниговскихъ князей были—Добрыню и Радилъ. Лобопытно, что Лазарь былъ тысяцкимъ еще при жизни прежняго тысяцкаго Улѣба, который находился въ это время въ войскѣ вмѣстѣ съ княземъ Изяславомъ; быть можетъ, отказъ Кіевлянъ идти съ Изяславомъ противъ Юрія былъ причиною

отреченія Улѣбова отъ должности тысяцкаго. Подъ 1151 годомъ упоминается воевода Изяслава Мстиславича — Шварнъ, который не умѣлъ уберечь Зарубскаго брода; подъ слѣдующимъ годомъ видимъ Изяслава боярина Петра Борисовича, который ѣздилъ посломъ къ Владиміру Галицкому. Наконецъ, по случаю смерти Юрія Долгорукаго, лѣтописецъ упоминаетъ о какомъ-то Петрицѣ-Осемянкѣ, у котораго Юрій пировалъ передъ кончиною. — Изъ бояръ Вячеслава Владиміровича Туровекаго упоминается подъ 1127 годомъ тысяцкій его Иванко, ходившій вмѣстѣ съ своимъ княземъ на Полоцкую волость при в. князѣ Мстиславѣ. Быть можетъ, это лицо тождественно съ извѣстнымъ намъ прежде Иванкомъ Захарыичемъ; потомъ не разъ упоминается имя сына этого Иванка, Жirosлава Ивановича; въ 1146 году Вячеславъ, по наученію бояръ своихъ, началъ распорядиться какъ старшій, не обращая вниманія на племянника Изяслава, — послѣдній отнялъ у него за это Туровъ, гдѣ вмѣстѣ съ епископомъ Иоакимомъ захваченъ былъ посадивъ Жirosлава; по связи разсказа можно заключать, что этотъ Жirosлавъ былъ однимъ изъ главныхъ сановниковъ Вячеслава; послѣ, неизвѣстно какими образомъ, Жirosлавъ освободился изъ плѣна, и мы видимъ уже его въ дружинѣ Юрія Ростовскаго; онъ пришелъ вмѣстѣ съ сыномъ послѣдняго, Глѣбомъ, на югъ, и подучалъ его захватить Переяславъ, представляя, что Переяславцы охотно передадутся ему; быть можетъ, онъ же былъ воеводою половецкаго отряда въ войнѣ Юрія съ Изяславомъ въ 1149 году; наконецъ, въ 1155 году

Юрій посылалъ Жirosлава выгнать Мстислава Изяславича изъ Пересопницы. — Изъ волынскихъ бояръ Андрея Владиміровича упоминается тысяцкій его Вратиславъ. Изъ галицкихъ бояръ упоминается Иванъ Халдеевичъ, такъ дѣятельно защищавшій Звенигородъ отъ Всеволода Ольговича въ 1146 году; потомъ Избыгитъ Ивановичъ, съ которымъ самъ другъ бѣжалъ Владиміроку съ поля битвы въ Перемышль въ 1152 году; наконецъ Ксїянтинъ, или Константинъ Сѣрославичъ, подъ 1157 годомъ, въ посольствѣ отъ Ярослава къ Юрію Долгорукому. Изъ бояръ Святослава Ольговича Сѣверскаго упомянуть Коснятко, хлопотавшій по дѣламъ своего князя у Давидовичей въ Черниговѣ въ 1146 году; потомъ Петръ Ильичъ, бывшій бояриномъ еще у Олега Святославича; онъ умеръ въ 1147 году, 90 лѣтъ, не будучи въ состояніи уже отъ старости садиться на коня; лѣтописецъ называетъ его добрымъ старцемъ¹⁾; тиунами Всеволода Ольговича были въ Кіевѣ Ратша, а въ Вышгородѣ Тудоръ, которые такъ раздражили народъ своими грабительствами. Изъ ростовскихъ бояръ упоминается подъ 1130 годомъ ростовскій тысяцкій Юрій. Въ битвѣ Глѣба Юрьевича съ Мстиславомъ Изяславичемъ у Переяслава, въ 1118 году, послѣдній взялъ въ плѣнъ какого-то Станислава, который былъ казенъ казнию злою, вѣроятно за крамолу съ Переяславцами; быть можетъ, это былъ сынъ переяславскаго тысяцкаго Станислава Тукіевича, о которомъ мы говорили выше; Станиславичъ въ это время передавался на сторону Юрія, за что и былъ казенъ казнию злою.

Г л а в а V.

Событія отъ смерти Юрія Владиміровича до взятія Кіева войсками Андрея Боголюбскаго.

(1157—1169.)

Изяславъ Давидовичъ вторично княжить въ Кіевѣ; причины этого явленія. — Перемѣщенія въ Черниговской волости. — Неудачный походъ князей на Туровъ. — Изяславъ Давидовичъ заступаетъ за галицкаго изгнанника Ивана Берладника. Это вооружаетъ противъ него многихъ князей. — Неудачный походъ Изяслава на князя Ярослава Галицкаго и Мстислава Изяславича Волынскаго. — Онъ принужденъ оставить Кіевъ, куда Мстиславъ Изяславичъ Волынскій переноситъ дядю своего Ростислава Мстиславича изъ Смоленска. — Уговоръ дяди и племянника насчетъ двоихъ митрополитовъ-соперниковъ. — Война съ Изяславомъ Давидовичемъ. — Смерть послѣдняго. — Ссора в. князя Ростислава съ племянникомъ, Мстиславомъ Волынскимъ. — Смерть Святослава Ольговича Черниговскаго и смута по этому случаю на восточной сторонѣ Днѣпра. — Смерть в. князя Ростислава; характеръ его. — Мстиславъ Изяславичъ княжить въ Кіевѣ. — Неудовольствіе князей на него. — Войско Андрея Боголюбскаго изгоняетъ Мстислава изъ Кіева и опустошаетъ этотъ городъ. — Смерть Ивана Берладника. — Смуты полоцкія. — Событія въ Новгородѣ Великомъ. — Борьба Новгородцевъ со Шведами. — Война Андрея Боголюбскаго съ Камскими Волгарами. — Борьба съ Половцами. — Дружина.

Въ другой разъ Святославичъ, теперь племени Давидова, получилъ родовое старшинство и Кіевъ; успѣхомъ своимъ Изяславъ Давидовичъ былъ обя-

занъ тѣмъ же самымъ обстоятельствомъ, какія дали возможность получить Кіевъ и двоюродному брату его Всеволоду Ольговичу; старшимъ въ пле-

¹⁾ Что касается до Василя Половчина, Суджира Кучебича и Горѣна, упоминаемыхъ подъ 1147 годомъ, то мы не рѣшимся включить ихъ въ дружину Святослава Ольговича; очень вѣроятно, что эти были чистые Половцы, изъ которыхъ Василь былъ крещенъ, Суджиръ могъ носить славянское имя точно такъ, какъ русскіе люди иногда носили половецкія, послѣ татарскія имена. Вообще

должно замѣтить, что если принятіе въ дружину княжескую людей изъ разныхъ народовъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что всѣ мужи, носившіе перусскія имена, были именно иностранцами; въ противномъ случаѣ мы должны будемъ отъ галицкаго боярина Ивана Халдеевича произвести прямо изъ древней Вавалоніи.

мени Мономаховъ былъ Ростиславъ Мстиславичъ, нисколько не похожий на брѣстнаго брата своего, могшій съ успѣхомъ дѣйствовать только при послѣднемъ и рѣзко обнаружившій свою незначительность, когда пришлось дѣйствовать одному, въ челѣ ролічей; бѣгство его предъ полками Изяслава Давидовича, по смерти Вячеславовой, могло ли речаться за успѣхъ вторичной его борьбы съ тѣмъ же княземъ? Нѣтъ сомнѣнія, что, заключая союзъ противъ Юрія съ Черниговскимъ княземъ, Ростиславъ отказался отъ старшинства въ пользу послѣдняго, который, по родовымъ счетамъ, точно приходился ему дядею; Мстиславъ Изяславичъ, самый даровитый и дѣятельный князь въ племени Мстиславичей, не могъ дѣйствовать одинъ ни въ пользу дяди противъ воли послѣдняго, тѣмъ менѣе въ свою собственную пользу: примѣръ отца показывалъ ему, что нельзя затрогивать господствующихъ понятій о правахъ дядей, особенно старшихъ. И вотъ, вслѣдствіе этихъ-то причинъ, Изяславъ Давидовичъ въ другой разъ вѣхалъ въ Кіевъ, теперь уже по согласію всѣхъ Мономаховичей; о сынѣ Юрія, Андрѣѣ Боголюбскомъ, не было, по крайней мѣрѣ, ничего слышно. Но перемѣщеніе Давидовича на столъ Кіевскій не могло не повлечь за собою перемѣненій въ Черниговской волости: по родовымъ счетамъ, Черниговъ долженъ былъ перейти къ Святославу Ольговичу, не только старшему по Изяславу въ племени Святославопомъ, но и въ цѣломъ родѣ Ярославичей, и вотъ Ольговичъ съ племянникомъ своимъ Святославомъ Всеволодовичемъ явился передъ Черниговомъ, но не была впущенъ туда роднымъ племянникомъ Изяслава, Святославомъ Владиміровичемъ, котораго дядя, отъѣзжая въ Кіевъ, оставилъ здѣсь со всѣмъ полкомъ своимъ; лѣтописецъ говорить *оставилъ*, а не посадилъ,—знакъ, что Изяславъ не передалъ ему Чернигова во владѣніе, но не хотѣлъ только, какъ видно, впускать туда Ольговича, съ которымъ былъ не въ ладахъ, потому что послѣдній не согласился идти съ нимъ вмѣстѣ на Юрія. Ольговичи, не впущенные въ Черниговъ, отступили отъ города и стали за Свиною рѣкою, на противоположномъ берегу которой скоро оказались полки Изяслава Давидовича, пришедшаго вмѣстѣ съ Мстиславомъ Изяславичемъ. Дѣло не дошло однако до битвы; Давидовичу трудно было удержать Черниговъ за собою, странно отдать племяннику вмѣсто дяди: оба дѣйствія одинаково сильно противорѣчили современнымъ понятіямъ; вотъ почему Давидовичъ сталъ пересылаться съ Ольговичемъ, и положили на томъ, что Черниговъ достанется послѣднему, а Сѣверская область Святославу Всеволодовичу; но Святославу Ольговичу досталась не вся Черниговская волость: большую часть ея удержалъ Изяславъ за собою и за роднымъ племянникомъ Святославомъ Владиміровичемъ; Мозырь, уступленный прежде Юріемъ Святославу, также отошелъ къ Кіевской волости.

На западѣ, въ области Туровской, произошло

также любопытное явленіе: мы видѣли, что Юрій, утвердившись въ Кіевѣ, отдалъ Туровъ сыну своему Борису; по смерти отца, при всеобщемъ перасположеніи къ нему на югѣ, Борисъ не могъ удержаться въ Туровѣ и былъ смѣненъ здѣсь извѣстнымъ Юріемъ Ярославичемъ, представителемъ Изяславовой линіи; очень вѣроятно даже, что Юрій выгналъ Бориса¹⁾. Но ни Давидовичъ, ни Мстиславичи не хотѣли позволить этому изгою владѣть такою важною властью, тѣмъ болѣе что, какъ видно, они прежде уговорились отдать ее младшему Мстиславичу—Владиміру, не имѣвшему стола. Вслѣдствіе этого, Изяславъ отправился на Ярослава къ Турову; съ нимъ пошелъ Владиміръ Мстиславичъ, Ярославъ Изяславичъ изъ Луцка, Ярополкъ Андреевичъ отъ брата изъ Дорогобужа, Юриекъ Ростиславичъ отъ отца изъ Смоленска, пошла полоцкѣя и галицкѣя отряды; не пошелъ Мстиславъ Изяславичъ Волынской: вѣрно не хотѣлъ онъ добывать сильной волости враждебному дядѣ, который въ случаѣ удачи похода долженъ былъ сдѣлаться опаснымъ ему сосѣдомъ. Туровская и Пинская волости были опустошены; но Юрій бился крѣпко на вылазкахъ изъ Турова. Несмотря на то, онъ видѣлъ, что ему одному не устоятъ противъ союзниковъ, и послалъ съ просьбою къ Изяславу: „Братъ! прими меня къ себѣ въ любовь!“ Изяславъ не согласился, хотѣлъ непремѣнно взять Туровъ и Пинскъ; но, простоявши 10 недѣль понапрасну, принужденъ былъ отступить, потому что въ войскѣ открылся конскій падежъ; изгой Ярославичъ остался спокойно княжить въ Туровѣ, а Владиміръ Мстиславичъ попрежнему—безъ волости.

Въ слѣдующемъ 1158 году встала смута въ Галичѣ, подавшая поводъ къ изгнанію Изяслава Давидовича изъ Кіева и переходу послѣдняго опять въ родъ Мономаховъ. Не разъ упоминали мы объ изгнанномъ Галицкомъ князѣ, Иванѣ Ростиславичѣ Берладникѣ, который принужденъ былъ служить разнымъ князьямъ русскимъ; въ послѣдній разъ мы видѣли его на сѣверѣ, въ службѣ Юрія Долгорукаго, который посылалъ его перехватывать Новгородцевъ. Когда Юрій окончательно утвердился въ Кіевѣ, то, нуждаясь въ помощи зяги своего, Ярослава Галицкаго, согласился выдать ему несчастнаго Берладника, котораго уже и привели въ оковахъ изъ Суздаля въ Кіевъ, гдѣ дожидались его послы отъ Ярослава съ большою дружиною. Но духовенство вооружилось противъ такого гнуснаго поступка; митрополитъ и всѣ игумены сказали Юрію: „Грѣшно тебѣ, цѣловашни крестъ, держать Ивана въ такой нуждѣ, да еще теперь хочешь выдать его на убійство“. Юрій послушался, не выдалъ Берладника Галичанамъ, только отправилъ его назадъ въ Суздаль въ оковахъ. Но Изяславъ Давидовичъ Черниговскій, узнавъ, что Берладника ведутъ опять въ Суздаль, послалъ перехватить его на дорогѣ и при-

¹⁾ Борисъ умеръ на сѣверѣ въ 1159 году. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 149

вестн къ себѣ. По смерти Юрія, когда Изяславъ занялъ его мѣсто въ Кіевѣ, Берладникъ оставался здѣсь на свободѣ, имѣлъ полную возможность сношиться съ недовольными Галичанами. Легко понять, что Ярославъ не могъ оставаться при этомъ покойнымъ: онъ началъ искать двукроднаго брата своего Ивана, говоритъ лѣтописецъ, и подмолвилъ всѣхъ князей русскихъ, короля Венгерскаго, польскихъ князей, чтобъ были ему помощниками на Ивана; трудно теперь объяснить, что заставило всѣхъ этихъ князей и короля согласиться на просьбу Ярослава; что возбуждало ихъ ненависть противъ несчастнаго Берладника, развѣ то, что, взявши деньги у одного князя, онъ переходилъ къ другому, потомъ къ третьему; быть можетъ также, Ярославъ, подобно огню, дѣйствовалъ шире, — каждому князю умѣлъ обѣщать что-нибудь выгодное. Какъ бы то ни было, одинъ Изяславъ Давидовичъ продолжалъ защищать Берладника, и когда явились къ нему послы отъ всѣхъ почти князей русскихъ (Ярослава Галицкаго, Святослава Ольговича, Ростислава Мстиславича, Мстислава Изяславича, Ярослава Изяславича, Владиміра Андреевича, Святослава Всеволодовича), отъ Венгерскаго короля и князей польскихъ съ требованіемъ выдачи Берладника, то Изяславъ переспросилъ ихъ всѣхъ, и отпустилъ съ рѣшительнымъ отказомъ. Берладникъ однако испугался почти всеобщаго союза князей противъ себя, убрѣжалъ въ стѣну къ Половцамъ, занялъ съ ними подунайскіе города, перехватилъ два судна галицкія, взялъ много товара, и началъ преслѣдовать галицкихъ рыболововъ. Собравши много Половцевъ, присоединивши къ нимъ еще 6000 берладниковъ, такихъ же изгнанниковъ, козаковъ, какъ онъ самъ, Иванъ пошелъ съ ними въ Галицкую область, захватилъ городъ Кучельмину и осадилъ Ушину; *засада* (гарнизонъ) Ярослава крѣпко билась изъ города, но смерды начали перескакивать черезъ стѣну къ Ивану, и перескочило ихъ 300 человекъ; Половцы хотѣли взять городъ, но Иванъ не позволилъ, за что варвары озлобились на него и ушли, а между тѣмъ Изяславъ прислалъ звать его съ остальнымъ войскомъ въ Кіевъ, готовясь къ войнѣ. Мономаховичамъ южнымъ, главнымъ изъ которыхъ на дѣлѣ былъ Мстиславъ Изяславичъ Волынской, открылся теперь удобный случай изгнать Давидовича изъ Кіева и опять перевести этого городъ въ свое племя: всѣ князья были сердиты на Изяслава за отказъ выдать Берладника, и вотъ Мстиславъ и Владиміръ Андреевичъ согласились съ Ярославомъ Галицкимъ идти на Кіевскаго князя. Изяславъ, видя бѣду, спѣшили, по крайней мѣрѣ, примириться съ собственнымъ племенемъ, и послалъ сказать Святославу Ольговичу, что уступаетъ ему два города, Мозырь и Чичерскъ въ Кіевской волости. Святославъ велѣлъ отвѣчать ему: „Правду сказать, братъ, я сердился на тебя за то, что не отдашь мнѣ всей Черниговской волости, но лиха тебѣ не хотѣлъ; а если теперь хочешь на тебя идти, то избави меня Богъ

волоститься (помогать тебѣ изъ волости); ты мнѣ братъ, дай мнѣ Богъ съ тобою пожить въ добрѣ“. Въ Лугавѣ (4 версты отъ Остра) съѣхались всѣ Святославичи—Ольговичъ, съ сыновьями и роднымъ племянникомъ Всеволодовичемъ, Давидовичъ съ своимъ племянникомъ, Владиміровичемъ; была любовь велика между ними три дня и дары большіе, по выраженію лѣтописца; они немедленно отправили пословъ въ Галичъ и на Волынь объявить тамошнимъ князьямъ о своемъ тѣсномъ союзѣ, и это объявленіе достигло пѣли: Ярославъ и Мстиславъ отложили походъ. Но Изяславъ гдѣлъ, что онъ можетъ быть покоенъ только на короткое время; вѣсти приходили къ нему изъ Владиміра, что Ярославъ Галицкій и Мстиславъ Волынской все думаютъ идти къ Кіеву, и потому онъ рѣшился предупредить ихъ; обстоятельства были благоприятны, потому что Берладникъ получилъ приглашеніе отъ Галичанъ: „Только покажуся твои знамена, то мы тотчасъ же отступимъ отъ Ярослава“, приказывали они говорить ему. Только свергнувши Ярослава и посадивши на его мѣсто Берладника, Давидовичъ могъ спокойно сидѣть въ Кіевѣ, и потому послалъ сказать Ольговичамъ, чтобъ шли къ нему съ войскомъ на помощь. Но Черниговскій князь не умѣлъ или не хотѣлъ понять необходимости войны для Изяслава, и посылалъ не разъ говорить послѣднему: „Братъ! кому ищемъ волости—брату или сыну? лучше-бъ тебѣ не начинать primero; а если пойдутъ на тебя съ похвальбою, то и Богъ будетъ съ тобою, и я, и племянники мои“. Мало того,—когда Изяславъ, не послушавшись этихъ увѣщаній, выступилъ въ походъ, то въ Васильевѣ явился къ нему посолье отъ Святослава съ такими словами: „Братъ не велить тебѣ начинать рати, велить тебѣ возвратиться“. Справедливо раздосадованный, Изяславъ не удержался и съ сердцемъ отвѣчалъ послу: „Скажи брату, что не возвращусь, когда уже пошелъ, да прибавь еще: если ты самъ нейдешь со мною и сына не отпускаешь, то смотри,—когда, Богъ дастъ, успѣю въ Галичѣ, то уже не жалуйся тогда на меня, какъ начнешь ползти изъ Чернигова къ Новгороду-Сѣверскому“. Святославъ сильно разобидѣлся этими словами: „Господи! говорилъ онъ, Ты видишь мое смиреніе; я на свои выгоды не смотрѣлъ, хотѣлъ только одного, чтобъ кровь христіанская не лилась и отчина моя не гибла, взять Черниговъ съ семью городами пустыни, въ которыхъ сидятъ только псари да Половцы, а всю волость Черниговскую онъ за собою держитъ, да за своимъ племянникомъ, и того ему мало:—велить мнѣ изъ Чернигова выйти; ну, братъ, Богъ разсудитъ насъ и крестъ честный, который ты цѣловалъ, что не ищетъ лица мною Чернигова никакимъ образомъ; а я тебѣ не лиха хотѣлъ, когда запрещалъ идти на войну, хотѣлъ я добра и тишины Русской Землѣ“.

Между тѣмъ Изяславъ, отойдя немного отъ Кіева, остановился, чтобъ дожидаться племянника, котораго послалъ за Половцами, и когда тотъ пришелъ, то двинулся къ Бѣлгороду, уже занятому

союзными князьями, Волынскимъ и Галицкимъ. Изяславъ осадилъ ихъ въ городѣ и не сомнѣвался въ успѣхѣхъ, имѣя 20,000 Половцевъ, какъ измѣна Берендѣевъ перемѣнила все дѣло: или надѣясь выиграть съ перемѣною, или дѣйствительно добротвѣ сына любимаго князя своего Изяслава, они вошли въ сношенія съ осажденными, послали сказать Мстиславу: „Отъ насъ теперь зависить, князь, и добро твое, и зло; если хочешь насъ любить, какъ любилъ насъ отецъ твой, и дашь намъ по городу лучшему, то мы отступимъ отъ Изяслава“¹⁾. Мстиславъ обрадовался такому предложению, и въ ту же ночь поцѣловалъ крестъ, что исполнить всѣ ихъ желанія, послѣ чего Берендѣи не стали медлить, и въ полночь поскакали съ крикомъ къ Вѣлгороду. Изяславъ понялъ, что варвары затѣяли недоброе, сѣлъ на коня и поскакалъ къ ихъ стану; но, увидавъ, что станъ горить, возвратился назадъ, взявъ племянника Святослава Владиміровича, съ безземельнымъ Владиміромъ Мстиславичемъ, и побѣжалъ къ Дибирю на Вышгородъ; въ Ромелѣ дождался жены, и бросился въ Землю Витичей, которую занялъ за то, что Святославъ Всеволодовичъ ни самъ не пришелъ къ нему на помощь, ни сына не отпустилъ. Святославъ отмстилъ дядѣ на боярахъ его: велѣлъ побрать всюду ихъ имѣніе, женъ и взялъ на нихъ окупъ.

Освобожденный Берендѣями отъ осады, Мстиславъ съ двумя союзниками вошелъ въ Кіевъ, захватили имѣніе дружины Изяславовой, отпразднвалъ его къ себѣ въ Владиміръ-Волынской и послалъ въ Смоленскъ звать дядю Ростислава на старшій столъ, потому что прежде похода еще союзники цѣловали крестъ — искать Кіева Ростиславу. Но послѣдній понималъ затруднительность своего положенія въ Кіевѣ, гдѣ его, послѣ бѣгства передъ Давидовичемъ, не могли много любить и много уважать; на первомъ мѣстѣ здѣсь стоялъ дѣятельный и храбрый племянникъ, который теперь, подобно отцу своему, добылъ голову Кіева, и только по необходимости уступаетъ его дядѣ; Ростиславъ могъ думать, что племянникъ захочетъ смотрѣть на него, какъ прежде Изяславъ смотрѣлъ на стараго дядю Вячеслава, оказывать паружное уваженіе, называть отцомъ и, между тѣмъ, на дѣлѣ быть настоящимъ княземъ-правителемъ; вотъ почему Ростиславъ послалъ сказать союзнымъ князьямъ: „Если зовете меня вправду съ любовію, то я пойду въ Кіевъ на свою волю, чтобы вы имѣли меня отцомъ себѣ вправду и въ моемъ послушаніи ходили, и прежде всего объявляю вамъ, — не хочу видѣть Клима митрополитомъ, потому что онъ не взялъ благословенія отъ Св. Софін и отъ патриарха“. Но Мстиславъ крѣпко держался за Клима и никакъ не хотѣлъ признать митрополитомъ грека Константина за то, что послѣдній проклиналъ отца его, Изяслава. Тогда Ростиславъ послалъ въ Вышгородъ старшаго сына своего Романа,

уговариваться съ Мстиславомъ насчетъ митрополита; послѣ долгихъ и крѣпкихъ рѣчей, князья положили свести обоихъ и Кліма, и Константина, и принять новаго митрополита изъ Константинополя.

Уладившись съ племянникомъ, Ростиславъ вѣхалъ въ Кіевъ, въ 1159 году, и сѣлъ на столѣ отповскомъ дѣдовскомъ; а Мстиславъ получилъ изъ кіевскихъ волостей Вѣлгородъ, Торческъ, Триполь. Имѣя одного врага въ Изяславѣ Давидовичѣ, князья кіевскіе и черниговскіе должны были необходимо соединиться, и дѣйствительно скоро сѣхались въ Моравскѣ на великую любовь, по выраженію лѣтописца; князья обѣдали другъ у друга безо всякаго извѣста и дарилсъ: Ростиславъ дарилъ Святослава соболями, горностаемъ, черными куницами, песцами, бѣлыми волками, рыбными зубьями; Святославъ отдалъ Ростислава барсомъ и двумя борзыми конями въ кованыхъ сѣдлахъ; лѣтописецъ счелъ нужнымъ прибавить, что князья — Мономаховичъ и Ольговичъ — угощали другъ друга безъ всякаго извѣста; страненъ и подозрителенъ казался этотъ союзъ въ Кіевѣ, не ждали здѣсь ничего добраго отъ Святослава Ольговича, постояннаго врага Мстиславичей, постояннаго союзника Юрьева; не думали, чтобы онъ могъ забыть убійство брата своего Игоря. Чтобы успокоить Кіевлянъ и Берендѣевъ, Ростиславъ долженъ былъ взять къ себѣ Всеволода, сына Святослава Всеволодовича²⁾, взявши своего сына Рюрика, котораго отправилъ къ Святославу въ Черниговъ, на помощь протавъ Давидовича. Послѣдній не остался сидѣть спокойно въ Землѣ Витичей: онъ набралъ множество Половцевъ и сталъ съ ними по Деснѣ, но принужденъ былъ ограничиться однимъ опустошеніемъ селъ, потому что войска Ольговича не пустили его черезъ рѣку. Несмотря на то однако, оба Святослава — и дядя, и племянникъ — видѣли недостаточность своихъ силъ, и послали въ Кіевъ за новою помощію; Ростиславъ отправилъ къ нимъ Ярослава Изяславича Луцкаго, Владиміра Андреевича Дорогобужскаго и галицкій отрядъ; Давидовичъ испугался и ушелъ съ Половцами въ степь; но на дорогѣ догналъ его гонецъ отъ черниговскихъ пріятелей, которые велѣли сказать ему: „Не уходи, князь, нигуда: братъ твой Святославъ боленъ, а племянникъ его пошелъ въ Новгородъ-Сѣверскій, отпустивши дружину“. Получивъ эту вѣсть, Изяславъ немедленно поскакалъ къ Чернигову, а Святославъ Ольговичъ ничего не зналъ и стоялъ спокойно передъ городомъ въ паткахъ, съ женою и дѣтьми, какъ вдругъ пришли сказать ему, что Изяславъ уже переправляется черезъ Десну, и Половцы жгутъ села; Святославъ тотчасъ же выстроилъ полки, послалъ возвратиться дороги Владиміра Андреевича и Рюрика, и тѣ явились въ тотъ же день, вмѣстѣ съ Галичанами. Такимъ образомъ, Изяславу не удалось напасть

¹⁾ А по Никонов. II, 163: «Вста на него крамола отъ домашнихъ его, и мнози отбѣжаша отъ него въ градъ; а ииѣ явѣ идоша ко князю Мстиславу Изяславичу.»

²⁾ Поли. Собр. Русск. Лѣт. II, 86: «Ростиславъ баше появъ у Святослава Всеволода, сына его, убѣряя Кіевъ и Берендѣвъ, бяху бо не вѣрующе за свое сѣгрѣшеніе.»

врасплохъ на Ольговича: тотъ ждалъ съ многочисленными и выстроенными полками, а Берендѣи между тѣмъ нанали на Половцевъ и побили ихъ. Видя, что Половцы бѣгутъ раненые, а другіе тонутъ въ Деснѣ, Изяславъ спросилъ: „Что это значитъ?“ и, получивъ въ отвѣтъ, что у города стоятъ сильные полки, бросился опять за Десну и потомъ въ степь, а союзники стали опустошать занятая имъ волости; но Изяславъ скоро опять явился съ толпами Половцевъ, изъ Черниговской прошелъ въ Смоленскую волость, и страшно опустошилъ ее: Половцы повели въ плѣнъ болѣе 10,000 человекъ, не считая убитыхъ.

Видя противъ себя и Мстиславича и Ольговича, Изяславъ обратился къ сѣверному князю, Андрею Юрьевичу, сидѣвшему во Владиміръ-Вязьменскомъ: Изяславъ послалъ просить у него дочери въ замужество за племянника своего Святослава Владиміровича, князя Вищжскаго, и вмѣстѣ помощи, потому что женихъ былъ осажденъ въ своемъ городѣ Ольговичами: дядею и племянникомъ, и Рюрикомъ Ростиславичемъ. Андрей отправилъ къ нему на помощь сына своего Изяслава со всѣми своими полками и муромскою помощію; вѣсть о приближеніи большой ростовской силы заставила сначала Ольговича отступитъ отъ Вищжа; но когда Андреевы полки ушли назадъ въ Ростовскую Землю, то Ольговичи съ союзниками опять обступили Вищжа, стояли около него пять недѣль и заставили Владиміровича отстать отъ союза съ роднымъ дядею, признать старшинство двоюроднаго, Ольговича, имѣть его вмѣсто отца и ходить въ его волѣ.

Несмотря однако на всѣ неудачи, Изяславъ не думалъ еще уступать; въ Кіевѣ и въ степной Украинѣ смотрѣли съ неудовольствіемъ и подозрительностью на тѣсный союзъ Ростислава съ Ольговичемъ; этимъ нерасположеніемъ могъ воспользоваться Давидовичъ, чтобъ разорвать союзъ Кіевского князя съ Черниговскимъ, союзъ, отнимавшій у него всякую надежду на успѣхъ. Есть извѣстіе, что онъ дѣйствительно воспользовался имъ, успѣлъ подкупить бояръ кіевскихъ и черниговскихъ, которые взялись перессорить князей своихъ; но сначала имъ это не удалось: князья не вѣрили навѣтамъ, переслались между собою, и еще крѣпче утвердили союзъ свой¹⁾. Чтобъ сблизить, помирить Ольговича съ Кіевлянами и пограничнымъ варварскимъ народонаселеніемъ, принимавшимъ такое важное участіе въ дѣлахъ Южной Руси, Ростиславъ послалъ сказать Черниговскому князю: „Отпусти ко мнѣ сына своего Олега, пусть ознакомится съ лучшими Кіевлянами, Берендѣями и Торками“. Святославъ, ничего не подозревая, отпустилъ сына, который былъ принятъ очень хорошо Ростиславомъ, два дня сряду обѣдалъ у него; но на третій день, выѣхавши изъ стана на охоту²⁾, Олегъ встрѣтилъ одного кіевского боярина,

который сказалъ ему: „Князь! есть у меня до тебя важное дѣло; поклянись, что никому ничего не скажешь“; Олегъ поклонился, и бояринъ объявилъ ему, чтобъ онъ остерегался, потому что хотятъ его схватить. Олегъ повѣрилъ и, подъ предлогомъ материнской болѣзни, сталъ проситься у Ростислава назадъ въ Черниговъ; тотъ сначала не хотѣлъ отпустить его, но потомъ отпустилъ; надобно замѣтить, что лѣтописецъ совершенно оправдываетъ Ростислава и складываетъ всю¹⁾ вину на бояръ: князь, говоритъ онъ, не имѣлъ на сердцѣ никакого злого умысла, — все это сдѣлали злые люди, не хотѣвшіе видѣть добра между братьею. Когда Олегъ пріѣхалъ назадъ въ Черниговъ, то не сказалъ ничего отцу, но втайнѣ сердился на него, и сталъ проситься въ Курскъ; Святославъ, нечего не зная, отпустилъ его туда; на дорогѣ Олега встрѣтили послы Давидовича съ дружелюбными рѣчами, съ приглашеніемъ вступить въ союзъ съ ихъ княземъ, съ извѣстіемъ, что двоюродные братья его, Святославъ и Ярославъ Всеволодовичи, уже приступили къ этому союзу. Олегъ объявилъ обо всемъ этомъ своимъ боярамъ, и тѣ отвѣчали: „Князь! развѣ это хорошо, что хотѣли схватить тебя въ Кіевѣ, а Черниговъ отдадутъ подъ отцомъ твоимъ; послѣ этого въ оба правы въ крестномъ плѣваніи къ намъ“. Олегъ послушался и вступилъ въ союзъ съ Изяславомъ, безъ отцовскаго совѣта. Когда старикъ Святославъ узналъ, что племянники Всеволодовичи и родной сынъ его Олегъ соединились съ Изяславомъ, то съ большимъ горемъ рассказалъ объ этомъ боярамъ своимъ; но тѣ отвѣчали ему: „Удивительно намъ, князь, что жалуешься на племянниковъ и на Олега, а жизни своей не бережешь; уже это не ложь, что Романъ Ростиславичъ изъ Смоленска послалъ пона своего сказать Изяславу: отдаетъ тебѣ батюшка Черниговъ, живи со мною въ мирѣ, а потомъ самъ Ростиславъ хотѣлъ схватить сына твоего въ Кіевѣ; ты, князь, власть свою погубилъ, держась за Ростислава, а онъ тебѣ очень лѣниво помогаетъ“. Такимъ образомъ, Святославъ поневолѣ отведенъ былъ отъ Ростиславовой любви къ Изяславу, говоритъ лѣтописецъ. Давидовичъ спѣшилъ пользоваться выгоднымъ оборотомъ дѣлъ, собралъ большія толпы Половцевъ, соединился съ Всеволодовичами сѣверскими, съ роднымъ племянникомъ Владиміровичемъ, съ Олегомъ Святославичемъ; но отецъ послѣдняго, не смотря ни на что, не пошелъ вмѣстѣ съ Изяславомъ, остался въ Черниговѣ. Давидовичу хотѣлось поднять на Ростислава и зятя своего, Глѣба Юрьевича, княжившаго въ Переяславлѣ; но тотъ не поѣхалъ съ нимъ, вслѣдствіе чего союзники подошли къ Переяславлю, простояли подъ нимъ двѣ недѣли, и ничего не сдѣлали. Этимъ временемъ воспользовался Ростиславъ; собралъ большое войско, вступилъ къ Дибіру и находился въ Тринолѣ, когда Изяславъ, узнавши о его приближеніи, обратился въ бѣгство, и всѣ Половцы его ушли въ степь. Вѣроятно бѣгство Половцевъ, которые не любили сражаться съ многочисленными войсками, и заста-

¹⁾ Татищ. III, 129.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 89: «Бдущу Олгови изъ товаръ на повѣдство».

вило Давидовича бѣжать предъ Ростиславомъ. Но какъ скоро послѣдній, возвратясь въ Кіевъ, выпустилъ войско, то Изяславъ опять собралъ союзныхъ себѣ князей и Половцевъ, перешелъ замерзшей Днѣпръ за Вышгородомъ и явился у Кіева. Здѣсь съ Ростиславомъ былъ только одинъ двоюродный братъ его, Владиміръ Андреевичъ; послѣ кровополитной схватки, которая показала лѣтописцу вторымъ пришествіемъ, Изяславъ началъ одолѣвать и Половцы пробивались уже съвозъ за стоколъ въ городахъ, когда дружина Ростислава сказала своему князю: „Князь! братъ твоихъ еще нѣтъ, нѣтъ ни Берендѣевъ, ни Торковъ, а у неприятелей сила большая; ступай лучше въ Бѣлгородъ, и тамъ поджидай помощи“. Ростиславъ послушался, побѣжалъ въ Бѣлгородъ съ полками и съ княгинею; въ тотъ же день пришелъ къ нему племянникъ Ярославъ Изяславичъ Лупкій съ братомъ Ярополкомъ, а Владиміръ Андреевичъ отправился въ Торческъ за Торками и Берендѣями¹⁾. Давидовичъ вошелъ въ третій разъ въ свой любимый Кіевъ, простилъ всѣхъ гражданъ, попавшихъ въ плѣнъ, и пошелъ немедленно осаждать Бѣлгородъ Ростиславомъ; но Святославъ Черниговскій опять прислалъ ему сказать, чтобы мирился: „Если даже и не помиришься съ тобою, во всякомъ случаѣ ступай за Днѣпръ; когда будешь за Днѣпромъ, то вся твоя правда будетъ“. Изяславъ велѣлъ отвѣчать ему: „Братья мои, возвратившись за Днѣпръ, пойдутъ въ свои волости; а мы къ куда возвратятся? Къ Половцамъ нельзя намъ идти, а у Выря не хочу помирать съ голоду; лучше намъ здѣсь умереть“. Четыре недѣли понапрасну простоялъ онъ около бѣлгородскаго кремля; а между тѣмъ Мстиславъ Изяславичъ изъ Владиміра шелъ на выручку къ дядѣ, съ галицкою помощью; съ другой стороны шелъ Рюрикъ Ростиславичъ съ Владиміромъ Андреевичемъ и Василькомъ Юрьичемъ изъ Торческа, ведя съ собою толпы пограничныхъ варваровъ—Берендѣевъ, Коувей, Торковъ, Печенѣговъ; у Котельниці соединились они съ Мстиславомъ, и пошли вмѣстѣ къ Бѣлгороду²⁾. На дорогѣ Черныя Клобыки стали

¹⁾ У Татищева прибавлено: «Ростиславъ для пользы Ольговой говорилъ, чтобы онъ съѣздили къ Берендѣямъ, и не худо, еслибъ съ ними на Половцевъ сходили, дабы тѣмъ онѣхъ поприласкать; а клеветникъ Олгу толковалъ, что тамъ его Ростиславъ хочетъ поимать... Ростиславъ не имѣлъ никакого заглаго намѣренія, но отъ любви къ Олгу не хотѣлъ его отпустить (въ Черниговъ), а клеветники злые тѣмъ наиболее Олга возмущали... Извѣстія очень вѣроятныя, тѣмъ болѣе что Ростиславъ и призывалъ Олега съ тѣмъ, чтобы познакомиться его съ Торками и Берендѣями.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 90: «И свяшася у Котельнича со Мстиславомъ; и оттуда подошла къ Бѣлгороду на Мутижиръ, и быша на Кучари». — Гр. Надеждинъ и Невольнинъ справедливо полагаютъ, что здѣсь и подъ 1193 годомъ рѣвужется одинъ Торческъ, близкій къ Половцамъ, за Россю. Отсюда Рюрикъ соединился съ Мстиславомъ, въ Котельнѣ на Гувѣ. Потомъ они пошли на Бѣлгородъ, на Мутижиръ, или нынѣшній Житомиръ, но вдалекѣ отъ Котельни въверхъ по Гувѣ, или село Матиницъ, близъ нынѣшней Вѣлгородки (послѣднее развѣшается

проситься у Мстислава ѣхать напередъ: „Мы посмотримъ, князь, говорили они, велика ли рать?“ Мстиславъ отпустилъ ихъ, а между тѣмъ дикіе Половцы Изяславы со своей стороны также подстерегали неприятельское войско, и, прискакавши къ Изяславу, сказали ему, что идти рать огромна. Давидовичъ испугался и, не выдавши самъ Мстиславовыхъ полковъ, побѣжалъ отъ Бѣлгорода; осажденные князья вышли тогда изъ города, и, дождавшись своихъ избавителей, погнались вмѣстѣ съ черниговскими; Торки нагнали ихъ, стали бить и брать въ плѣнъ; одинъ изъ Торковъ, Воиборъ Негечевичъ³⁾, нагналъ самого Изяслава и ударилъ его по головѣ саблею; другой Торчинъ прокололъ его въ стегно и повалилъ съ лошади; при послѣднемъ издыханіи уже намель его Мстиславъ и отправилъ въ кіевскій Семеновскій монастырь, гдѣ онъ и умеръ; тѣло его отослали въ Черниговъ⁴⁾ (1160—1161 г.).

Въ другой разъ Ростиславъ получилъ Кіевъ, благодаря племяннику своему Мстиславу; и это уже самое обстоятельство могло вести къ ссорѣ между князьями: Мстиславъ могъ считать себя въ правѣ предъявлять большія требованія за свои услуги, тѣмъ болѣе что онъ, подобно отцу, держася пословицы: не идти мѣсто въ головѣ, а голова къ мѣ-

вѣроятіе). Кучары должны быть: или Кошарице, деревня на рѣкѣ Теревѣ; или село Кочерево, на дорогѣ изъ Махновки въ Радомыслъ; оба въ Радомысльскомъ уѣздѣ, на пути изъ Котельни къ Бѣлгороду. Между Бѣлгородкой и Кіевомъ, на рѣкѣ, называемой нынѣ Борщевкой, есть селенія: Жилияны и Вѣличи, оба въ весьма близкомъ разстояніи другъ отъ друга и отъ Кіева. Въ эти мѣста вполнѣ соответствуютъ приведеннымъ лѣтописнымъ указаніямъ: «Торцы же постигоша воны ихъ на Желяни, полки же ихъ постигоша отъ Буличъ». — Гр. Подогинъ (И. З. Л. IV, 190) не хочетъ согласиться, чтобы Торчскій былъ Торческъ на рѣкѣ Рси, и, указывая на нынѣшній Торчинъ между Луцкомъ и Владиміромъ, приводитъ слѣдующее доказательство своему мнѣнію: зачѣмъ бы Рюрику отъ Руси отдаваться на Волны, чтобы послѣ отсюда придти къ Бѣлгороду, столь близкому отъ Торческа Кіевского? — Но въ лѣтописи ясно указана причина такого движенія Рюрика: онъ пошелъ къ Котельнѣ, чтобы соединиться съ Мстиславомъ, который шелъ изъ Владиміра.

³⁾ Что этотъ Воиборъ былъ Торчинъ,—яко это въ разсказахъ лѣтописей: одинъ Торки были въ дѣлѣ; далѣе подъ тѣмъ же годомъ сказано: «Придоша Половци князи къ Гюргеви, и взяша възяи мнози по Роту и Вѣлбора убилъ, же быше Изяслава убилъ». Здѣсь опять говорится о вѣжахъ, о Торкахъ, между которыми былъ убитъ Воиборъ. Слѣд. нѣтъ основанія исключать этого Воибора въ число дружинниковъ княжескихъ.

⁴⁾ Въ Никог. (II, 174) читаемъ слѣдующее описаніе кончины Изяславовой: «И еще ему живу сущу лежачу, придоша подъ него князь Ростиславъ Мстиславичъ и князь Мстиславъ Изяславичъ, и нача кричати и плакати, глаголюща: господице великой княже Изяславъ Давидовичъ! не досыти ли тебѣ было великое княженіе черниговское, что мы еси выгналъ изъ Кіева, и уже и Кіевъ еси взялъ, почто же иязъ Бѣлгорода гнати умислилъ еси? Онъ же лежаче и въздыхаше тяжело зѣло, и кровь много геташе отъ него, тоже вопроши воды пити. Князь же Ростиславъ и князь Мстиславъ повелѣша ему дати вина, онъ же рече: хощу воды. Они же даша ему вина, онъ же испивъ вина, усну сномъ вѣчнымъ»

стѹ, не отличался сыновнею покорностью передъ дядьми; мы видѣли, какъ прежде поступилъ онъ съ Ростиславомъ, когда тотъ вздумалъ-было, ему въ ущербъ, мириться съ Давидовичемъ. Ростиславъ, съ своей стороны, не хотѣлъ походить на дядю своего Вячеслава; мы видѣли, что онъ пошелъ въ Кіевъ только на условіи быть настоящимъ старшимъ въ родѣ. Вотъ почему неудивительно намъ читать въ лѣтописи, что, скоро послѣ вторичнаго вступленія Ростислава въ Кіевъ, Мстиславъ выѣхалъ изъ этого города въ-сердцахъ на дядю, и что между ними были крупная рѣчи. Въ то же время одинъ изъ сыновей Ростиславовыхъ, Давидъ, безъ отцовскаго впрочемъ приказа, поѣхалъ въ Торческъ и схватилъ тамъ посадника Мстиславова, котораго привелъ въ Кіевъ: было необходимо занять Торческъ, для того, чтобъ отрѣзать Мстиславу сообщеніе съ Черными Клобуками. Въ Вѣлгородъ Ростиславъ отправилъ другого сына своего Мстислава. Волынскому князю трудно было одному бороться съ дядею; онъ хотѣлъ пріобрѣсти союзниковъ, но придумалъ для этого странное средство: съ войскомъ двинулся къ Пересопницѣ, приказывая Владимиру Андреевичу отступить отъ Ростислава; Владимиръ не послушался, и Мстиславъ принужденъ былъ возвратиться назадъ ¹⁾; а между тѣмъ Ростиславъ помирился съ Ольговичами и дядею, и племянниками ²⁾, помирился и съ Юріемъ Ярославичемъ, которому, благодаря враждѣ и слабости Мономаховичей, удалось утвердиться въ Туровѣ. Остался еще одинъ безземельный князь, младшій братъ Ростислава, Владимиръ Мстиславичъ; мы видѣли, что онъ былъ прогнанъ изъ Волыни племянникомъ Мстиславомъ, потомъ находился въ войскѣ Изяслава Давидовича и имѣлъ съ послѣднимъ бѣжалъ отъ Вѣлгорода за Дѣбяръ; что случилось съ нимъ послѣ того, неизвестно, но подъ 1162 годомъ лѣтописецъ говоритъ о походѣ князей—Рюрика Ростиславича, Святополка, сына Юрія Туровскаго, обоихъ Всеволодовичей Сѣверскихъ—Святослава и Ярослава, Святослава Владиміровича Вщижскаго, Олега Святославича и полоцкихъ князей—къ Слуцку ³⁾ на Владимира Мстиславича; когда и какъ послѣдній овладѣлъ этимъ городомъ—не извѣстно. Видя, что пельзы противятся такому большому войску, Владимиръ отдалъ городъ союзнымъ князьямъ, а самъ отправился къ брату Ростиславу въ Кіевъ; тотъ далъ ему Триполь въ четырема городами. Наконецъ, въ

слѣдующемъ 1163 году, Ростиславъ заключилъ миръ и съ племянникомъ своимъ Мстиславомъ; вѣроятно послѣдній, видя, что всѣ остальные князья въ дружбѣ съ дядею, сталъ посговорчивѣе; Ростиславъ возвратилъ ему Торческъ и Вѣлгородъ, а за Триполь далъ Каневъ.

Но въ то время, какъ все успокоилось на западной сторонѣ Дѣбяра, встала смѹта на восточной, по случаю смерти Святослава Ольговича, послѣдовавшей въ 1164 году. Черниговъ, по всѣмъ правамъ, принадлежалъ послѣ него племяннику отъ старшаго брата, Святославу Всеволодовичу; но вдова Ольговича, по согласію съ епископомъ Антоніемъ и лучшими боярами мужа своего, три дня талла смерть послѣдняго, чтобъ имѣть время послать за сыномъ своимъ Олегомъ и передать ему Черниговъ; Олегу велѣли сказать: „Ступай, князь, поскорѣе, потому что Всеволодовичъ неладно жилъ съ отцомъ твоимъ и съ тобою, не замыслилъ бы какого лиха.“ Олегъ успѣлъ пріѣхать прежде Святослава, который узналъ о дядиной смерти отъ епископа Автопія; мы видѣли, что этотъ Антоній былъ въ разговорѣ съ княгиней и даже цѣловалъ Спасителевъ образъ съ клятвою, что никому не откроетъ о княжеской смерти, причемъ еще тысяцкій Юрій сказалъ; „Не годилось бы намъ давать епископу цѣловать Спасовъ образъ, потому что онъ святитель, а подозрѣвать его было намъ нельзя, потому что онъ любилъ своихъ князей“; и епископъ отвѣчалъ на это: „Вогъ и Вго Матерь мигъ свидѣтели, что самъ не пошлю къ Всеволодовичу никакимъ образомъ, да и вамъ, дѣти, запрещаю, чтобъ не погибнуть вамъ душою и не быть предателями, какъ Иуда“. Такъ говорилъ онъ на словахъ, а въ сердцѣ затаилъ обманъ, потому что былъ родомъ грекъ, прибавляетъ лѣтописецъ: первый поцѣловалъ онъ Спасовъ образъ, первый и нарушилъ клятву, послалъ къ Всеволодовичу грамоту, въ которой писалъ: „Дядя твой умеръ; послала за Олегомъ; дружина по городамъ далеко; княгиня сидитъ съ дѣтми безъ памяти, а имѣнія у нея множество; ступай поскорѣе. Олегъ еще не пріѣхалъ, такъ ты урядишься съ нимъ на всей своей волѣ“. Святославъ, прочтя грамоту, немедленно отправилъ сына въ Гомель, по другимъ городамъ послалъ посадниковъ, а самъ собрался ѣхать въ Черниговъ; но, услышавъ, что Олегъ предупредилъ его, сталъ пересылаться съ нимъ, улаживался насчетъ волостей; Олегъ уступилъ ему Черниговъ, а себѣ взялъ Новгородъ-Сѣверскій; Всеволодовичъ цѣловалъ также крестъ, что надѣлать изъ своихъ волостей братьевъ Олеговыхъ, Игоря и Всеволода, но не исполнилъ клятвы. Олегъ, какъ видно, на первый разъ смолчалъ, но скоро представился новый случай къ сеорѣ: въ 1167 году умеръ князь Вщижскій Святославъ Владиміровичъ, представитель старшей линіи въ Святославомъ родѣ, имѣвшій поэтому болѣе Ольговичей права на Черниговъ, но, какъ видно, не хотѣвшій вступитъ въ споръ по болѣзни или по какому-нибудь другимъ причинамъ. Выморочную волость должны бѣди подѣлать между

¹⁾ Въ Никонов. (II, 189) читаемъ, что Владимиръ Андр. послалъ скнзатъ Мстиславу: «Аще хочени и моя власть, и се азъ исхожу изъ града своего, и съ всея власти своея, съ женою и дѣтми своими, имѣше же и богатство все оставихъ, тоцію хало на потребу себѣ и дѣтемъ своимъ ввахъ и умыслихъ въ чужой землѣ нищенствовати, нже кровь проліати бѣдне и грѣшине... Близъ же Мстислава Изяславичъ увидялся разуму его, и посла къ нему дары многи, и моляше его да пакы возвратитя въ свою волость».

²⁾ Ник. II, 199: Миръ этотъ устроилъ митрополитъ Овдодоръ.

³⁾ По другичъ лѣтописямъ къ Луцку, что также очень вѣроятно, см. Воскрес. II, 64.

собой остальные родичи ¹⁾; по Святославъ не далъ ничего Олегу, отдавъ лучшую волость родному брату своему Ярославу, а во Видичѣхъ посадилъ сына. Тогда Ростиславъ Кіевскій, видя, что Святославъ обижаетъ Олега, вступился за послѣдняго, тѣмъ болѣе что за нимъ была его дочь ²⁾, и нѣсколько разъ посылалъ уговаривать Всеволодовича, чтобъ надѣлялъ Олега какъ слѣдуетъ; а между тѣмъ Стародубы, недовольные почему-то Всеволодовичемъ, послали также звать къ себѣ Олега; тѣмъ было-поѣхать, но былъ предупрежденъ Ярославомъ Всеволодовичемъ, и гражданамъ нельзя было исполнить своего намѣренія; тогда Олегъ, въ-сердцахъ на неудачу, побралъ въ плѣнъ множество сельскихъ жителей около Стародуба. Святославъ хотѣлъ отомстить ему тѣмъ, что послалъ брата Ярослава съ Половцами къ Новгороду-Сѣверскому; но это войско, не дошедши 15 верстъ отъ города, возвратилось назадъ. Олегъ не могъ самъ продолжать военныхъ дѣйствій, потому что сильно занемогъ, и потому легко согласился на предложеніе Ростислава помириться съ Черниговскимъ княземъ, взявши у послѣдняго четыре города.

Такимъ образомъ, Ростиславу удалось умирить всѣхъ князей и на восточной и на западной сторонѣ Днѣпра; оставалось урядить дѣла на сѣверѣ. Въ 1168 году онъ отправился туда, захвативъ напередъ къ зятю своему, Олегу Сѣверскому; Смоленяне, лучшие люди, начали встрѣчать его еще за 300 верстъ отъ своего города, потомъ встрѣтили его втуки, за ними сынъ Романъ, епископъ, тысяцкій и мало не весь городъ вышелъ къ нему на встрѣчу: такъ всѣ обрадовались его приходу, и множество даровъ надавали ему. Изъ Смоленска Ростиславъ отправился въ Торопецъ, откуда послалъ въ Новгородъ къ сыну Святославу, чтобъ пріѣзжалъ съ лучшими гражданами къ нему въ Великія Луки, потому что болѣзнь не позволяла ему ѣхать дальше. Урядившись съ Новгородцами, взявши много даровъ у нихъ и у сына, онъ возвратился въ Смоленскъ совсѣмъ больной; сестра Рогнеда начала просить его, чтобъ остался въ Смоленскѣ и легъ въ построенной имъ церкви; но Ростиславъ отвѣчалъ: „Не могу здѣсь лечь, везите меня въ Кіевъ; если Богъ поилетъ по душу на дорогѣ, то положите меня въ отцовскомъ благословеніи у Св. Теодора; а если, Богъ дастъ, выздоровлю, то постригусь въ Печерскомъ монастырѣ“. Передъ смертію онъ говорилъ духовнику своему, священнику Семену: „Отдашь ты отвѣтъ Богу, что не допустили меня до постриженія“. Ростиславъ постоянно имѣлъ эту мысль, часто и говорилъ печерскому игумену Поликарпу: „Тогда мнѣ пришла мысль о постриженіи, какъ получила я вѣсть изъ Чернигова о смерти Святослава Ольговича“. Съ тѣхъ поръ онъ все твердилъ игумену: „Поставь мнѣ

кетью добрую, боюсь напрасной смерти“. По Поликарпъ отговаривалъ ему: „Вамъ Богъ такъ велѣлъ быть, говорилъ игуменъ: правду блюсти на этомъ свѣтѣ, судъ судить праведный и стоять въ крестномъ дѣлованіи“. Ростиславъ отвѣчалъ на это: „Отецъ! княженіе и миръ не могутъ быть безъ грѣха, а я уже не мало пожилъ на этомъ свѣтѣ,—такъ хотѣлось бы поревновать святымъ“. Поликарпъ не хотѣлъ болѣе противиться, и отвѣчалъ: „Если уже ты сильно этого хочешь, князь, то да будетъ воля Божія“. Ростиславъ сказалъ на это: „Подожду еще немного; есть у меня кое-какія дѣла“.—Теперь всѣ дѣла были устроены, и большой Ростиславъ спѣшилъ въ Кіевъ съ тѣмъ, чтобы лечь тамъ или постричься, какъ на дорогѣ изъ Смоленска, будучи въ сестриномъ селѣ Зарубѣ, почувствовавъ приближеніе смерти и послалъ за духовникомъ; самъ прочелъ отходную, и умеръ въ полной памяти, отирая платкомъ слезы. — И этотъ Мстиславичъ представляетъ также замѣчательное явленіе между древними князьями нашими: далеко уступая старшему брату своему Изяславу въ дѣятельности, отвагѣ и распорядительности ратной, Ростиславъ отличался охранительнымъ характеромъ; постоянно почтительный предъ старшимъ братомъ, покорный его волѣ, онъ былъ почитателемъ и передъ дядьми, съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на борьбу съ ними старшаго брата, уговаривалъ его уступить имъ; и когда самому пришла очередь быть старшимъ въ родѣ, то потребовалъ отъ младшихъ такого же повиновенія, какое самъ оказывалъ своимъ старшимъ. Принявши старшинство, онъ не уступилъ пылкому племяннику своему Мстиславу въ требованіяхъ, какъ по всему видно, немѣранныхъ; но и его послѣ, и всѣхъ остальныхъ младшихъ родичей ни въ чемъ не обидѣлъ, всѣхъ старался примирить, всѣхъ надѣлялъ волостями, такъ что при концѣ его жизни повсюду водворилось спокойствіе (1168 г.).

По смерти Ростислава, старшинство въ родѣ принадлежало прежде всего Святославу Всеволодовичу Черниговскому по старшинству племени; но Мономаховичи не хотѣли признавать этого старшинства; въ племени Мономаховомъ старшимъ по линіи былъ послѣдній сынъ Мстислава Великаго, Владиміръ Мстиславичъ; но этотъ князь, какъ мы видѣли, былъ *мачишичъ* и, вѣроятно, моложе своего племянника лѣтами, былъ изгнанъ Мстиславомъ даже изъ Волыни; могъ ли онъ надѣяться, что послѣдній уступитъ ему Кіевъ? Наконецъ, послѣ Владиміра на старшинство въ родѣ имѣлъ права сынъ Юрія Долгорукаго, Андрей Боголюбскій; но сѣверныхъ князей вообще не любили на югѣ, а Андрей поведеніемъ своимъ относительно братьевъ своихъ не могъ нисколько уменьшить этого нерасположенія. Вотъ почему по смерти Ростислава, взрыи всѣхъ обратились на смѣлаго племянника его, князя Владимірскаго на Волыни, который два раза уже овладѣвалъ Кіевомъ, два раза уступалъ его родному и старшему дядѣ, но, кромѣ послѣдняго, не могъ

¹⁾ Поли. Собр. Русск. Лѣт. II, 93: «Олегъ бо просяше оъ правду надѣяныя».

²⁾ Тамъ же. «Ведена бысть Ростиславна Огавля за Олга за Святославича».

уступить никому другому. Несмотря однако на это, спорность правъ Мстислава, спорность самой отчужденности его (ибо отецъ его умеръ, не будучи собственно старшимъ въ родѣ) давала родичамъ его надежду, что Язяславичъ щедро наградитъ ихъ за уступку ему старшинства, дастъ имъ все, чего они сами захотятъ; но они ошиблись въ своемъ расчетѣ: Мстиславъ, подобно дядѣ Ростиславу, хотѣлъ быть старшимъ на дѣлѣ, а не по имени только. Получивъ приглашеніе ѣхать въ Кіевъ отъ брата — Владиміра Мстиславича, Рюрика и Давида Ростиславичей, — также особое приглашеніе отъ Кіевлянъ и особое отъ Черныхъ Клобуковъ, Мстиславъ отправилъ немедленно въ Кіевъ племянника Василья Ярополчича съ своимъ тиупомъ. Здѣсь въ Кіевѣ пріятили Мстислава разсказали Василью, что князь Владиміръ Мстиславичъ и Андреевичъ, также Ярославъ Язяславичъ Лупкій и Ростиславичи дѣловали крестъ, что будутъ стоять заодно и возьмутъ у Мстислава волости по своей волѣ: Владиміръ Мстиславичъ возьметъ въ придачу къ Триполю Торческъ со всѣмъ Поросьемъ, Владиміръ Андреевичъ — Брестъ, Ярославъ — Владиміръ. Василью немедленно далъ знать объ этомъ дядѣ Мстиславу, и тотъ, передавши вѣсть союзникамъ своимъ — Ярославу Галицкомъ, Всеволодовичамъ городенскимъ и князьямъ польскимъ, выступилъ съ своими полками и съ галицкою помощью къ Кіеву. Какъ видно, главою княжескаго заговора былъ Владиміръ Мстиславичъ, давній врагъ своего племянника; вотъ почему, услыхавъ о приближеніи послѣдняго къ Кіеву, онъ бросился бѣжать съ семейю изъ Триполя въ Вышгородъ, гдѣ и затворился вмѣстѣ съ Ростиславичами. Мстиславъ между тѣмъ вошелъ въ Кіевъ, урядился съ братьями, дружиною и Кіевлянами, и въ тотъ же день отъправился осаждать Вышгородъ; послѣ крѣпкихъ схватокъ между осаждающими и посаженными, князья начали пересылаться, и уладились наконецъ на-счетъ волостей, послѣ чего Мстиславъ вторично вошелъ въ Кіевъ и сѣлъ на столѣ Ярославовомъ, на столѣ отца своего и дѣдовъ своихъ.

Но легко понять, что князья, особенно старые, обманувшись въ своихъ надеждахъ, затаили горечь въ сердцахъ: особенно злобился на племянника Владиміръ Мстиславичъ, и тотчасъ послѣ ряду уже началъ затѣвать новые замыслы противъ Мстислава; бояринъ Давида Ростиславича, Василь Настасичъ, узнавши объ этихъ замыслахъ, объявилъ о нихъ своему князю, а тотъ разсказалъ все Мстиславу. Когда Владиміръ увидалъ, что умыселъ его открылся, то пріѣхалъ въ Кіевъ оправдываться передъ племянникомъ. Почти въ одно время съѣхались они въ Печерскомъ монастырѣ; Мстиславъ вошелъ въ игуменскую келью, а Владиміру велѣлъ сѣсть въ экономской, и послалъ спросить его: „Братъ! зачѣмъ ты пріѣхалъ? я за тобою не посылаю“. Владиміръ велѣлъ отвѣчать: „Братъ! слышалъ я, что злые люди наговорили тебѣ на меня“. — „Говорилъ мнѣ братъ Давидъ“, — велѣлъ отвѣчать на это Мстиславъ. Послали къ Давиду въ

Вышгородъ; Давидъ послалъ Василя для уликъ; приставили къ нему тысяцкаго и еще другого боярина, — и начался судъ. Черезъ три дня Мстиславъ опять пріѣхалъ въ Печерскій монастырь; Владиміръ прислалъ двоихъ бояръ своихъ, которые начали спорить съ Василемъ; но за послѣдняго явился новый свидѣтель. Дѣло это наконецъ наскучило Мстиславу; онъ сказалъ дядѣ: „Братъ! Ты крестъ дѣловалъ и еще губы у тебя не обошли; вѣдь это отдовское и дѣдовское утвержденіе: кто нарушаетъ клятву, тому Богъ будетъ судья; такъ теперь, если ты не думалъ никакого зла и не думаешь, то дѣлуй крестъ“. Владиміръ отвѣчалъ: „Съ радостію, братецъ, поцѣлюю; все это на меня выдумали ложь“, — поцѣловалъ крестъ, и поѣхалъ въ Котельницю. Но въ томъ же году сталъ онъ опять сноситься съ Черными Клобуками, подучать ихъ на племянника; и когда варвары дали ему слово дѣйствовать заодно, то онъ объявилъ объ этомъ своимъ боярамъ; но дружина отвѣчала ему: „Ты, князь, задумалъ это самъ собою, — такъ не вѣдемъ по тебѣ; мы ничего не знали“. Владиміръ разсердился и, взглянувъ на молодыхъ дружинниковъ, сказалъ: „Вотъ у меня будутъ бояре“, и поѣхалъ къ Берендѣямъ, съ которыми встрѣтился инже Ростовца. Но варвары, увидавши, что онъ пріѣхалъ одинъ, встрѣтили его словами: „Ты намъ сказалъ, что всѣ братья съ тобою заодно; гдѣ же Владиміръ Андреевичъ, гдѣ Ярославъ и Давидъ? да и дружины твои у тебя нѣтъ; ты насъ обманулъ: такъ и намъ лучше въ чужую голову, чѣмъ въ свою“, — и начали пускать по Владиміра стрѣлы, изъ которыхъ двѣ и попали въ него. Владиміръ сказалъ тогда: „Сохранн Богъ вѣрнѣ поганому, а я уже погибъ и душою и жизнью“, и поѣхалъ къ Дорогобузу, потерявъ своихъ отроковъ, которыхъ перебили Черные Клобуки. Но Владиміръ Андреевичъ разорилъ мость на рѣкѣ Горыни и не пустилъ къ себѣ Мстислава, который принужденъ былъ обратиться къ востоку и, чрезъ Землю Радимичей, пустился въ Суздальскую область къ Андрею Боголюбскому; и послѣдній не принялъ его къ себѣ, а послалъ сказать ему: „Ступай въ Рязань, къ тамошнему князю, а я тебя надѣлю“¹⁾. Владиміръ послушался и отправился въ Рязань. Мстиславъ Кіевскій не хотѣлъ послѣ того терпѣть, чтобы и мать Владимірова оставалась гдѣ-нибудь на Руси, и велѣлъ сказать ей: „Ступай за Днѣпръ въ Городокъ, а оттуда иди куда хочешь: не могу жить съ тобою въ одномъ мѣстѣ, потому что сынъ твой всегда ловитъ головы моей, вѣчно нарушаетъ клятвы“. Она отправилась въ Черниговъ къ Святославу Всеволодовичу.

Казалось, что, съ удаленіемъ дяди Владиміра на дальній сѣверо-востокъ, Мстиславъ долженъ былъ успокоиться; но вышло иначе. Мы видѣли, что князья не могли распорядиться волостями такъ, какъ имъ хотѣлось при вступленіи на старшій

¹⁾ Полн. Соб. Русск. Лѣт. II, 97: Андрей велѣлъ сказать ему: «Иди въ Рязань къ отчичю своему Глѣбови».

столю Мстислава; это оставило горечь во всѣхъ сердцахъ, которая должна была обнаруживаться при всякомъ удобномъ случаѣ. Послѣ удачнаго похода на Половцевъ, въ 1168 году; князья разсердились на Мстислава за то, что онъ тайкомъ отъ нихъ отпускалъ слугъ своихъ разорять половецкія вѣжи; скоро послѣ этого Мстиславъ снова собралъ всю братью въ Кіевѣ и предложилъ новый походъ въ степи. Рѣчь его полюбилась всѣмъ князьямъ, они выступили въ походъ и остановились у Канева. Въ это время двое изъ дружины, Бориславичи, родные братья, Петръ и Несторъ, начали говорить Давиду Ростиславичу злыя рѣчи на Мстислава; послѣдній прогналъ ихъ отъ себя за то, что холопы ихъ покрали его лошадей изъ стада и положили на нихъ свои пягна (клейма), такъ теперь Бориславичи хотѣли отомстить ему клеветою. Давидъ повѣрилъ имъ и началъ говорить брату Рюрику: „Братъ! пріятельи говорятъ мнѣ, что Мстиславъ хочетъ насъ схватить“. — „А за что? за какую вину? отвѣчалъ Рюрикъ, — давно ли онъ къ намъ крестъ цѣловалъ?“ Чтобы увѣрить больше Ростиславичей, клеветники сказали имъ: „Мстиславъ положилъ схватить васъ у себя за обѣдомъ; такъ если онъ начнетъ звать васъ на обѣдъ, то значить, что мы сазали правду“. И точно: Мстиславъ, ничего не зная, позвалъ на обѣдъ Рюрика и Давида. Тѣ послали сказать ему въ отвѣтъ на зовъ: „Пощѣлуй крестъ, что не замыслишь на насъ никакого лиха, такъ поѣдемъ къ тебѣ“. Мстиславъ ужаснулся и сказалъ дружинѣ: „Что это значить? братья велятъ мнѣ крестъ цѣловать, а я не знаю за собою никакой вины!“ Дружина отвѣчала: „Князь! нелѣпо велятъ тебѣ братья крестъ цѣловать; это вѣрно какія-нибудь злые люди, завидуя твоей любви къ братѣ, пронесли злое слово. Злой человекъ хуже бѣса; и бѣсу того не выдумать, что злой человекъ замыслитъ; а ты правъ предъ Богомъ и предъ людьми: вѣдъ тебѣ безъ насъ нельзя было ничего замыслить, ни сдѣлать, а мы всѣ знаемъ твою истинную любовь ко всей братьѣ; пошли сказать имъ, что ты крестъ цѣлуешь, но чтобы они выдали тѣхъ, кто васъ ссоритъ“. Давидъ не согласился выдать Бориславичей: „Кто-жь мнѣ тогда что-нибудь скажетъ послѣ, если я этихъ выдамъ“, говорилъ онъ. Несмотря на то, Мстиславъ цѣловалъ крестъ, и Ростиславичи оба пощѣловали; однако сердце ихъ не было право съ нимъ, прибавляетъ лѣтописецъ. Въ то же самое время Владиміръ Андреевичъ началъ припранивать волости у Мстислава; тотъ понялъ, что Владиміръ припраниваетъ нарочно, чтобы плѣтъ только случай къ ссорѣ, и послалъ сказать ему: „Братъ Владиміръ! давно ли ты крестъ цѣловалъ ко мнѣ и волость взялъ?“ Владиміръ въ-сердцахъ ухалъ въ свой Дорогобужъ. Этимъ всеобщимъ нерасположеніемъ южныхъ князей къ Мстиславу воспользовался Андрей Боголюбскій, чтобы предъявить права свои на старшинство и на Кіевъ: онъ такъ же не любилъ Мстислава, какъ отецъ его Юрій не любилъ отца Мстислава Иза-

слава, и точно такъ же, какъ прежде отецъ его, началъ открытую войну, удостоившись, что найдеть союзниковъ на югѣ. Ждали только повода; поводъ открылся, когда Мстиславъ исполнилъ просьбу Новгородцевъ и отправилъ къ нимъ на княженіе сына своего Романа; тогда всѣ братья стали сноситься другъ съ другомъ и утвердились крестомъ на Мстислава, объявивши старшимъ въ родѣ Андрея Юрьевича. Боголюбскій выслалъ сына своего Мстислава и воводу Бориса Жидиславича съ Ростовцами, Владимірами, Суздальцами; къ этому ополченію присоединилось 10 князей: Глѣбъ Юрьевичъ изъ Черыславля, Романъ изъ Смоленска, Владиміръ Андреевичъ изъ Дорогобужа, Рюрикъ Ростиславичъ изъ Овруча, братья его — Давидъ и Мстиславъ изъ Вышгорода; Сѣверскіе — Олегъ Святославичъ съ братомъ Игоремъ; наконецъ младшій братъ Боголюбскаго, знаменитый впоследствии Всеволодъ Юрьевичъ, и племянникъ отъ старшаго брата, Мстиславъ Ростиславичъ. Не пошелъ Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій, не желая, какъ видно, отнимать Кіевъ у Мстислава въ пользу князя, старшинства котораго не могъ онъ признать; не пошелъ и одинъ изъ родныхъ братьевъ Боголюбскаго, Михаилъ Юрьевичъ; его Мстиславъ отправилъ съ Черными Клобуками въ Новгородъ, на помощь сыну своему Роману; но Ростиславичи — Рюрикъ и Давидъ, узнавши, что рать Боголюбскаго и родного брата ихъ Романа уже приближается, послали въ погоню за Михаиломъ и схватили его, недалеко отъ Мозыря, благодаря измѣнѣ Черныхъ Клобуковъ.

Зналъ ли Мстиславъ о собравшейся на него грозѣ, или цѣтъ, трудно рѣшить; скорѣе можно предположить, что не зналъ, иначе не послалъ бы онъ Черныхъ Клобуковъ съ Юрьевичемъ въ Новгородъ. Въ Вышгородѣ соединились всѣ князья — непріятельи Мстислава — и отсюда пошли и обступили Кіевъ. Мстиславъ затворился въ городѣ и крѣпко бился изъ него; любовь къ сыну Изяславу, и еще больше, быть можетъ, нелюбовь къ Юріеву, заставила Кіевлянъ въ первый разъ согласиться выдержать осаду; лѣтописецъ не говоритъ, что кто-нибудь изъ нихъ, какъ прежде, вышелъ на-встрѣчу къ осажденнымъ князьямъ, или всѣ вѣчемъ говорили Мстиславу: „Ступай, князь, теперь не твое время“; одни только Черные Клобуки, по обычаю, начали предательствовать. Послѣ трехдневной осады, дружины осаждавшихъ князей успѣли ворваться въ городъ; тогда дружина Мстислава сказала своему князю: „Что стоишь? поѣзжай изъ города; намъ ихъ не перемочь“; Мстиславъ послушался и добжалъ на Василевъ; отрядъ Черныхъ Клобуковъ гнался за нимъ, стрѣлялъ въ задъ, побралъ въ плѣнъ много дружины; но самому Мстиславу удалось соединиться съ братомъ Ярославомъ и пробраться вмѣстѣ съ нимъ во Владиміръ-Вольинскій. Въ первый разъ ¹⁾ Кіевъ былъ взятъ вооруженною

¹⁾ Несправедливо возражаетъ Арцабашевъ (1188, при

рукою, при всеобщемъ сопротивленіи жителей, и въ первый разъ „мать городовъ русскихъ“ должна была подвергнуться участи города, взятаго *на штурмъ*. Два дня побѣдители грабили городъ; не было шкочу и ничему помилованія: церкви жгли, жителей—однихъ били, другихъ вязали, женъ разлучали съ мужьями и вели въ плѣнъ, младенцы рыдали, смотря на матерей своихъ; богатства неприятеля взяли множество, церкви всѣ были пограблены; Половцы зажгли-было и монастырь Печерскій, но монахамъ удалось потушить пожаръ; были въ Киевѣ тогда, говорить лѣтописецъ, на вѣхъ людяхъ стонъ и тоска, печаль неутѣнная и слезы непрестанныя.—Но не старшій сынъ Юрія, но имя котораго совершенъ былъ походъ, взять и разоренъ стольный городъ отцовъ, не Боголюбскій сѣлъ въ Киевѣ; сынъ его Мстиславъ посадилъ здѣсь дядо, Глѣба Переяславскаго, который отдалъ Переяславъ сыну своему Владимиру; старшій въ родѣ князь остался жить на сѣверѣ, въ далекомъ Владимірѣ-Клязменскомъ, и сынъ его Мстиславъ пошелъ назадъ къ отцу съ великою честью и славою, говорить лѣтописецъ; по нѣкоторыхъ спискахъ стоитъ: „съ проклятіемъ“.

Изъ событийъ въ особыхъ княжествахъ по смерти Юрія Долгорукаго мы упомянули, какъ потомству Изяслава Ярославича удалось утвердиться въ Туровѣ; потомство Игоря Ярославича продолжало княжить въ Городцѣ. Ярославъ Галицкій освободился наконецъ отъ опаснаго соперника своего, Ивана Берладника: подъ 1161 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что Берладникъ умеръ въ Солунѣ; есть слухъ, прибавляетъ онъ, что смерть приключилась ему отъ отравы. Въ Полоцкѣ происходили большія смуты. Мы видѣли, что въ 1151 году Полочане выгнали князя Рогволода Борисовича, и взяли на его мѣсто Ростислава Глѣбовича, который вошелъ въ сыновнія отношенія къ Святославу Ольговичу. Но, какъ видно, Ростиславъ вносило въ себя забывалъ о своихъ обязанностяхъ относительно Черниговскаго князя, потому что послѣдній принялъ къ себѣ изгнанника Рогволода, и даже въ 1158 году далъ ему свои полки для отысканія волостей. Приѣхавши въ Слуцкъ, Рогволодъ началъ переселяться съ жителями Друцка; тѣ обрадовались ему, стали звать къ себѣ: „Приѣзжай, князь, не ѣзжай, рады мы тебѣ; если придется, станемъ биться за тебя и съ дѣтьми“. И, въ самомъ дѣлѣ, больше трехъ сотъ лодокъ выѣхало къ нему на-

встрѣчу, съ честью ввели его Дручане въ свой городъ, а Глѣба Ростиславича выгнали, дворъ дружини его разграбили. Когда Глѣбъ пришелъ къ отцу, Ростиславу, въ Полоцкъ, и когда узнали здѣсь, что Рогволодъ сидитъ въ Друцкѣ, то сильный мятежъ всталъ между Полочанами, потому что многіе изъ нихъ захотѣли Рогволода, и съ большимъ трудомъ могъ Ростиславъ установить людей. Обдаривши ихъ богато и приведа ко кресту, онъ пошелъ со всею братьею на Рогволода къ Друцку, но встрѣтилъ сильный отпоръ: Дручане бились крѣпко, и много надало людей съ обѣихъ сторонъ; тогда Ростиславъ, видя, что не возьметъ ничего силою, помирился съ Рогволодомъ, придалъ ему волостей и возвратился домой. Но дѣло этимъ не кончилось: въ томъ же году Полочане сговорились выгнать Ростислава, позабывши, что говорили ему при крестномъ цѣлованіи: „Ты нашъ князь, и дай намъ Богъ съ тобою пожить“. Они послали тайкомъ въ Друцкъ сказать Рогволоду Борисовичу: „Князь нашъ! согрѣшили мы предъ Богомъ, и предъ тобою, что встали на тебя безъ вины, имѣние твое и дружины твоей—все разграбили, а самого, схвативши, выдали Глѣбовичамъ на великую муку; если ты позабудешь все то, что мы тебѣ сдѣлали своимъ безуміемъ, и поцѣлуешь къ намъ крестъ, то мы твои люди, а ты нашъ князь: Ростислава отдадимъ тебѣ въ руки, дѣлай съ нимъ, что хочешь“. Рогволодъ поклялся, что забудетъ все прошлое; но, какъ обыкновенно водилось въ городахъ, у Ростислава между Полочанами были также пріятели, которые дали ему знать, что остальные собираются схватить его. Положено было позвать его обманомъ на братовищину къ Святой Богородицѣ къ старой на Петровъ день, и тутъ его схватить; но Ростиславъ, предувѣдомленный, какъ сказано выше, пріятелями, поддѣлъ броню подъ платье, и заговорщики не смѣли напасть на него тутъ, но на другой день опять послали звать его къ себѣ на вѣче: „Приѣзжай къ намъ, князь! велѣли они сказать ему: намъ съ тобою нужно кой-о-чемъ переговорить“. Ростиславъ отвѣчалъ посламъ: „Вѣдь я вчера былъ у васъ: что-жь вы со мною ни о чемъ не говорили?“ Несмотря однако на прежне предувѣдомленіе, онъ поѣхалъ на этотъ разъ въ городъ (а жилъ онъ тогда на загородномъ дворѣ въ Вѣлчицѣ, въ трехъ верстахъ отъ Полоцка, на другомъ берегу Двины). Но не успѣлъ Ростиславъ еще доѣхать до города, какъ встрѣтилъ отрока своего, который сказалъ ему: „Не ѣзди, князь! въ городъ на тебя вѣче, уже дружини твою бьютъ, и тебя хотятъ схватить“. Ростиславъ возвратился, собралъ дружини на Вѣлчицѣ, и пошелъ полкомъ въ Минскъ, къ брату Володарю, опустошая Полоцкую волость, забирая скотъ и челядь. Рогволодъ, по зову Полочанъ, приѣхалъ княжить на его мѣсто, и не хотѣлъ оставить Глѣбовичей въ покоѣ: собралъ большое войско изъ Полочанъ, выпросилъ у Ростислава Смоленскаго на помощь двухъ сыновей его, Романа и Рюрика, съ бояриномъ Вигѣдомъ, полками смолен-

1, 165), что Киевъ брали прежде—Изяславъ въ 1146 г. и Юрій въ 1150. Изяславъ былъ призванъ Киевлянами, которые и помогли ему побѣдить Игоря; Юрій былъ перевезенъ Киевлянами чрезъ Днѣпръ, и принятъ остальными съ честью, безъ сопротивленія; слѣд. о вѣдѣніи въ обонхъ случаяхъ не можетъ быть рѣчи. Скорѣе можно было сказать, что Киевъ былъ взятъ Изяславомъ Давидовичемъ, но и тутъ битва была подлѣ Киева: сражались противъ Изяслава только нѣкоторые Киевляне, которые были взяты въ плѣнъ и прощены побѣдителямъ. По Никои. (II, 204) Киевъ былъ взятъ извѣстно бояръ Петра Борисовича, Петра Жириславича и Якова Дигивича.

скими, новгородскими и нековскими, и пошелъ сперва къ Изяславу, гдѣ затворился Всеволодъ Глѣбовичъ; этотъ Всеволодъ прежде былъ большимъ пріятелемъ Рогволоду, и потому, понадѣвшись на старую дружбу, поѣхалъ въ станъ къ Борисовичу и поклонился ему; Рогволодъ принялъ его хорошо, но не отдалъ назадъ Изяслава, который слѣдовалъ, какъ отчина, Вячеславу Васильковичу, а далъ вмѣсто того Стрѣжеву; потомъ Рогволодъ отправился къ Минску; но, простоявши подъ городомъ 10 дней безъ успѣха, заключилъ съ Ростиславомъ миръ и возвратился домой. Глѣбовичи, уступя на время силѣ, скоро начали опять дѣйствовать противъ остальныхъ двюродныхъ братьевъ: въ 1159 году овладѣли опять Изяславлемъ, схватили тамъ двоихъ Васильковичей, Вячислава и Володаря, и заключили ихъ въ Минскѣ. Это заставило Рогволода опять идти на Минскъ, и Ростиславъ Мстиславичъ изъ Кіева прислалъ ему на помощь 600 Торковъ; Рогволодъ шесть недѣль стоялъ около города и заключилъ миръ на всей своей волѣ, т.-е. заставилъ освободить Васильковичей; но Торки, потерявши лошадей и сами помирая съ голоду, возвратились пѣшкомъ на югъ, не дождавшись мира. Потомъ лѣтописецъ опять упоминаетъ о новомъ походѣ Рогволода на Ростислава къ Минску и о новомъ мирѣ. Въ 1161 году Рогволодъ предпринималъ новый походъ на одного изъ Глѣбовичей, Володаря, княжившаго теперь въ Городцѣ; Володаръ не сталъ биться съ нимъ днемъ, но сдѣлалъ вылазку ночью и съ Литвою нанесъ осаждавшимъ сильное поражение; Рогволодъ убѣжалъ въ Слуцкъ и, пробывъ здѣсь три дня, пошелъ въ старую свою волость—Друцкъ, а въ Полоцкъ не посмѣлъ явиться, погубивши столько тамошней рати подъ Городцемъ. Полочане посадили на его мѣсто сдого изъ Васильковичей, Всеслава. Изъ полоцкихъ волостей мы встрѣчаемъ упоминеніе о Минскѣ, Изяславѣ, Друцкѣ, Городцѣ, какъ объ отдѣльныхъ столѣхъ княжескихъ; мы видѣли выше, что Ярославъ I-й уступилъ Полоцкому князю Вячиславу Витебскъ¹⁾; теперь, подъ 1165 годомъ, встрѣчамъ извѣстіе, что въ Витебскѣ сѣлъ Давидъ Ростиславичъ Смоленскій, отдавши прежнему Витебскому князю Роману два смоленскихъ города—Васильевъ и Красный²⁾. Между тѣмъ Глѣбовичи не могли равнодушно видѣть, что Полоцкъ вышелъ изъ ихъ племени и отъ Борисовича перешелъ къ Васильковичу; въ 1167 году Володаръ Глѣбовичъ

Городецкій пошелъ на Полоцкъ. Всеславъ Васильковичъ вышелъ къ нему на-встрѣчу; но Володаръ, предавши ему собратію и выстроивъ хорошенько полки, ударилъ внезапно на Полочанъ, многихъ убилъ, другихъ побралъ руками и заставилъ Всеслава ѣхать въ Витебскъ, а самъ пошелъ въ Полоцкъ и уладился съ тамошними жителями, дѣловалъ съ ними крестъ, какъ говоритъ лѣтописецъ. Утвердившись здѣсь, Володаръ пошелъ къ Витебску на Давида и Всеслава, сталъ на берегу Двины и началъ биться объ рѣку съ непріятелями; Давидъ не хотѣлъ вступать съ нимъ въ рѣшительное сраженіе, поджидая брата своего Романа съ Смоленянами, какъ вдругъ въ одну ночь ударилъ страшный громъ, ужасъ напалъ на все войско Полоцкое, и дружина стала говорить Володарю: „Чего стоишь, князь, не ѣдешь прочь? Романъ перенравляется черезъ рѣку, а съ другой стороны ударитъ Давидъ“. Володаръ испугался и побѣжалъ отъ Витебска; на другое утро, узнавъ о бѣгствѣ врага, Давидъ послалъ за нимъ погоню, которая однако не могла настичъ самого князя, а переловила только многихъ ратниковъ его, заблудившихся въ лѣсу; Вячеславъ впрочемъ отправился по слѣдамъ Володаревымъ къ Полоцку и опять успѣлъ занять этотъ городъ.

Мы видѣли, что въ Новгородѣ нарядъ былъ установленъ Ростиславомъ, который въ 1158 году посадилъ здѣсь сына своего Святослава, а въ Торжкѣ другого сына—Давида. Скоро самъ Ростиславъ былъ позванъ племянникомъ на столъ Кіевскій, и слѣдовало ожидать, что это обстоятельство упрочитъ тишину въ Повгородѣ; но вышло противное: Андрей Боголюбскій, вступившись за Изяслава Давидовича, вошедши съ нимъ въ родственную связь, захотѣлъ нанести Ростиславу чувствительный ударъ на сѣверѣ, и послалъ сказать Новгородцамъ: „Будь вамъ вѣдомо: хочу искать Новгорода и добромъ и лихомъ“³⁾. Услыхавъ грозное слово, Новгородцы не знали что дѣлать; начались волненія и частыя вѣча. Не желая оскорбить Кіевского князя, они начали сперва дѣйствовать полумѣрами, надѣясь, что Святославъ догадается и самъ выйдетъ отъ нихъ. Такъ они стали просить его, чтобъ вывелъ брата Давида изъ Торжка, потому что содержаніе двухъ князей тяжело для ихъ области. Святославъ исполнилъ ихъ требованіе, но разсердился и не оставилъ города. Тогда надобно было приступить къ мѣрамъ рѣшительнымъ; не должно забывать также, что въ Новгородѣ существовала сторона, противная Мстиславичамъ и которая должна была теперь сильно дѣйствовать при этихъ благоприятныхъ для нея обстоятельствахъ. Святославъ сидѣлъ на Городицѣ, у Св. Благовѣщенія, какъ вдругъ пригналъ къ нему вѣстникъ и сказалъ: „Князь! большое зло дѣлается въ городѣ, хотять тебя люди схватить“.

¹⁾ См. т. I-й, стр. 204, прим. 6.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 93: «Давидъ Ростиславичъ сѣдо Витебски, а Романови, Вячеславу внику да Ростиславу Васильеву и Краснѣ».—Связь этихъ двухъ событий необходимо заставляетъ предпологать, что Романъ былъ прежній князь Витебскій, съ которымъ смоленские князья поимѣялись волостями; но теперь вопросъ: кто былъ этотъ Романъ, вникъ Вячеславовъ? У Татищева онъ названъ Романомъ Вячеславичемъ, вникомъ Ростиславовымъ; въ такомъ случаѣ онъ можетъ быть вникомъ Ростислава Всеславича. Васильевъ и Красный оба находятся въ Смоленскій области.

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 88: «Вѣдомо буди, хочю искати Новгорода и добромъ и лихомъ; а хрестъ есте были дѣловали ко мнѣ на томъ, яко имѣти мене княземъ себѣ, а мнѣ вамъ добра хотѣти».—Когда былъ такой рядъ у Новгородцевъ съ Андреемъ,—не извѣстно.

Святославъ отвѣчалъ; „А какое я имъ зло сдѣлалъ? развѣ они не цѣловали крестъ отцу моему, что будутъ держать меня княземъ, пока я живъ, да вчера и мнѣ самому всѣ цѣловали образъ Богородицы?“ Не успѣлъ онъ еще сказать этого, какъ толпа народа нахлынула, схватила его, заперли въ избѣ, князю послали въ монастырь, дружину поковали, имѣніе разграбили; потомъ отправили Святослава въ Ладогу, приставивши къ нему крѣпкую стражу. Когда Ростиславъ въ Кіевѣ узналъ, что сына его схватили въ Новгородѣ, то велѣлъ переходить всѣхъ Новгородцевъ и пометать ихъ въ пересѣченское подземелье, гдѣ въ одну ночь померло ихъ четырнадцать человекъ; узнавши объ этомъ несчастіи, Ростиславъ сталъ сильно тужить, и велѣлъ остальныхъ вынуть изъ подземелья и развести по разнымъ городамъ. Между тѣмъ Новгородцы послали къ Андрею просить у него сына къ себѣ на княженіе; онъ не далъ имъ сына, давалъ брата своего Мстислава, а Новгородцы не хотѣли Мстислава, потому что онъ уже прежде у нихъ княжилъ; наконецъ уладились такъ, что въ Новгородѣ поѣхалъ Мстиславъ Ростиславичъ, племянникъ Андреевъ отъ старшаго брата; а Святославу удалось бѣжать изъ Ладоги въ Полоцкъ, откуда Рогволодъ Борисовичъ проводилъ его къ роднымъ въ Смоленскъ. Смѣна князя, какъ обыкновенно бывало, повлекла смѣну посадника; вмѣсто Якуна Мірославича избранъ былъ Нѣжата. Но это не положило конца новгородскимъ смутамъ; скоро Андрей урядился съ Ростиславомъ; князья уговорились, чтобы Новгородъ опять перешелъ къ сыну Кіевского князя—Святославу. Мы видѣли, что Новгородцы не любили брать князей, которые прежде были у нихъ, но очно естественной причинѣ: такой князь не могъ установить наряда, добротыю своимъ прежнимъ пріятелямъ, преслѣдуя враговъ, успѣхами которыхъ были изгнаны. Но что они могли сдѣлать теперь противъ согласной воли двухъ сильнѣйшихъ князей на Руси?—Они принуждены были принять Святослава *на всей волѣ его*. Это выраженіе въ первый разъ упомянуто здѣсь лѣтописцами; если Святославъ былъ принятъ на всей волѣ его, то мы должны прямо заключать, что предшественники его были принимаемы на всей волѣ новгородской, т. е., что прежде Святослава начали заключаться между Новгородомъ и князьями условія, изложеніе которыхъ мы видимъ въ послѣдующихъ грамотахъ. Иначе и быть не могло въ смутное время, послѣдовавшее за смертью Мстислава Владимировича; вторичное принятіе Всеволода Мстиславича, послѣ бѣгства его изъ Черыяслава, можно считать временемъ, когда возникли первыя условія, первый рядъ Новгородцевъ съ княземъ; вторичное принятіе Святослава, когда онъ дакъ былъ Новгородцамъ противъ воли ихъ силою двухъ соединенныхъ князей, нарушало установившійся—было обычай; это лишнее прибрѣтенныхъ льготъ произвело сильную ненависть Новгородцевъ къ Святославу, которая видна будетъ изъ послѣдующихъ событій. Пер-

вымъ слѣдствіемъ перемѣны князя была смѣна посадника. Нѣжата былъ избранъ послѣ изгнанія Святослава, вслѣдствіе торжества неприязненной послѣднему стороны; теперь, послѣ вторичнаго принятія Святослава, Нѣжата былъ свергнутъ, и должность его отдана Захарію. Но, какъ надобно было ожидать, силою посаженный князь не могъ сидѣть спокойно въ Новгородѣ. Мы видѣли, что Ростиславъ Кіевскій еще при концѣ жизни своей долженъ былъ отправиться на сѣверъ для установленія спокойствія въ Новгородѣ: онъ зналъ, что Новгородцы дурно живутъ съ его сыномъ. Въ Великихъ Лукахъ имѣлъ Ростиславъ свиданіе съ лучшими Новгородцами, и взялъ съ нихъ клятву не искать другого князя, кромѣ сына его Святослава, только смертью разлучиться съ нимъ¹⁾. Но, въ самый годъ смерти Ростислава, недовольные уже начали собирать тайныя вѣча на сына его. Пріятели послѣдняго пріѣхали къ нему на городище и сказали: „Князь! народъ собирается на вѣча по ночамъ, хотя тебѣ схватить, промышляя о себѣ“. Святославъ объявилъ объ этомъ дружинѣ; та отвѣчала: „Только-что теперь цѣловали всѣ они тебѣ крестъ послѣ отцовской смерти; но что же съ ними дѣлать? кому изъ князей были они вѣрны? Станемъ промышлять о себѣ, не то начнутъ о насъ другіе промышлять“. Святославъ выѣхалъ изъ города, засѣлъ въ Великихъ Лукахъ и послалъ отсюда сказать Новгородцамъ, что не хочетъ у нихъ княжить. Тѣ въ отвѣтъ цѣловали образъ Богородицы съ клявою не хотѣть Святослава и пошли прогонять его изъ Лукъ; Святославъ выѣхалъ въ Торопецъ, оттуда отправился на Волгу, и, получивъ помощь отъ Андрея Суздальскаго, пожегъ Новый Торкъ; братья его, Романъ и Мстиславъ, пожели Луки; изъ Лучанъ одинъ заперлся въ крѣпости, другіе ушли во Псковъ; собрался на Новгородъ Андрей Суздальскій съ Смольянами и Полочанами, пути всѣ заняли, пословъ перехватили, не дали имъ послать вѣсти въ Кіевъ къ тамошнему князю Мстиславу Изяславичу, чтобы отпустилъ къ нимъ сына; Андрей съ Ростиславичами хотѣли силою пометить опять Святослава въ Новгородѣ: „Нѣтъ вамъ другого князя, кромѣ Святослава“, говорили они. Это извѣстіе лѣтописца показываетъ намъ, что Новгородцы входили въ переговоры съ Андреемъ и просили себѣ князя отъ его руки, только не Святослава. Но упорство Андрея чудно ожесточило Новгородцевъ; они убили пріятелей Святославовыхъ: Захарію посадника, Черевина, знатнаго боярина, котораго мы видѣли уже разъ воеводою, Нѣзду бирюча, обвинивши всѣхъ тропъ въ перевѣтѣ въ Святославу; наконецъ отыскали путь на югъ чрезъ владѣнія полоцкихъ князей, Глѣбовичей, враждебныхъ Ростиславичамъ смоленскимъ по вышеописаннымъ отношеніямъ, и Даниславъ Лазутиничъ съ дружиною отправился въ

¹⁾ Любопытно, что въ Новгородской лѣтописи нѣтъ ни слова объ этой клятвѣ.

Кіевъ къ Мстиславу, за сыномъ его, а другой воевода Якунъ (вѣроятно Мірославичъ, старый посадникъ) отправился на встрѣчу къ Святославу, шедшему къ Русѣ съ братьями, Смольнянами и Полочанами. Непрители не дошли до Руси, возвратились назадъ, ничего не сдѣлавши, а Новгородцы выбрали Якуна въ посадники, и стали съ нимъ дожидаться прихода Романа Мстиславича съ юга. Въ 1168 году Романъ пришелъ, и рады были Новгородцы своему хотѣнію, говорить ихъ лѣтописецъ. Получивъ желаннаго князя, Новгородцы пошли съ нимъ метать за свои обиды: пошли сперва съ Псковичами къ Полоцку, оустошили всю волость и возвратились, не дойдя тридцати верстъ до города; потомъ Романъ ходилъ на Смоленскую волость, къ Торопу, пожегъ дома, взялъ множество плѣнниковъ. Но мы видѣли, какъ послышка Романа въ Новгородъ ускорила грозу, сбравшуюся надъ отцомъ его Мстиславомъ, какъ заставила раздраженныхъ Ростиславичей тѣсно соединиться съ Андреемъ, чтобы отстѣпить Кіевскому князю, вытѣлавшему ихъ съ сыномъ изъ Новгорода; изгнаніе отца изъ Кіева не могло предвѣщать снгу долгаго княженія въ Новгородѣ.

При сильныхъ внутреннихъ волненіяхъ, происходившихъ во время вторичнаго княженія Святослава Ростиславича, Новгородцы должны были выдержать довольно значительную виѣшнюю борьбу съ Шведами. Со времени Рюрика Шведы не беспокоили русскихъ владѣній¹⁾, и было замѣчено²⁾, что такою безопасностью сѣверо-западныхъ русскихъ волостей была обязана внутреннимъ волненіямъ, происходившимъ въ Швеціи вслѣдствіе принятія христіанства, которое повело къ разложенію древнихъ языческихъ формъ жизни. Тестъ Ярослава 1-го, король Олофъ (Schlosskönig), припавши христіанство, не могъ болѣе называться Упсальскимъ королемъ, потому что это названіе означало верховнаго жреца; такимъ образомъ, онъ потерялъ свое значеніе въ верхней Швеціи, жители которой болышею частью были язычники. Но прекращеніи рода упсальскихъ королей, происходившихъ отъ знаменитаго Сигурда Ринга, избранъ былъ королемъ Стенкиль, сынъ извѣстнаго намъ яра Рагнарльда, ревностный христіанинъ; его избраніе показывало уже господство христіанской стороны; несмотря на то, когда христіанскіе проповѣдники убѣждали его разорить языческій храмъ въ Упсалѣ, то онъ отвѣчалъ имъ, что слѣдствіемъ такого поступка будетъ ихъ смерть, а его изгнаніе. По смерти Стенкиля, послѣдовавшей въ 1066 году, въ Швеціи встала сильная усобица: два короля, оба носившіе одно имя—Ериха, стали спорить о престолѣ, и оба пали въ этой войнѣ вытѣтъ со всѣми знатнѣйшими Шведами; язычество

опять такъ успѣло въ время усобицы, что ни одинъ епископъ не хотѣлъ ѣхать въ Швецію, боясь преслѣдованій. Борьба продолжалась до половины XII вѣка (1150 г.), т.-е. до вступленія на престолъ Ериха Святого, который далъ окончательное торжество христіанству. Но усобицы между разными претендентами на престолъ продолжались. Ерихъ Св. лишилъ жизни въ битвѣ съ Датскимъ принцемъ Магнусомъ, который имѣлъ притязанія на шведскій престолъ по родству съ домою Стенкиля; Магнусъ черезъ годъ былъ также убитъ, и ему наследовалъ Готскій король Карлъ Сверкерсонъ, первый который носитъ названіе короля Шведовъ и Готовъ; онъ оставилъ по себѣ память короля мудраго и благонамѣреннаго; при немъ не было усобицъ, вслѣдствіе чего Шведы получили возможность къ наступательному движенію на сѣвѣдѣ; подъ 1164 годомъ лѣтописецъ новгородскій говоритъ, что они пришли подъ Ладогу; Ладожане пожгли свои хоромы, затворились въ кремль съ посадникомъ Нѣжатою, и послали звать князя Святослава съ Новгородцами на помощь. Шведы приступили къ крѣпости, но были отражены съ большимъ урономъ, и отступили къ рѣкѣ Вороной³⁾, а на пятый день пришелъ князь Святославъ съ Новгородцами и посадникомъ Захаріемъ, ударилъ на Шведовъ и разбилъ ихъ: изъ 55 тысячъ Шведы потеряли 43; мало ихъ спаслось бѣгствомъ, да и то раненые.

Въ томъ самомъ году, какъ Новгородцы такъ счастливо отбились отъ Шведовъ, Андрей Боголюбскій съ сыномъ Изяславомъ, братомъ Ярославомъ и Муромскимъ княземъ Юріемъ удачно воевалъ съ Камскими Волгарами, церсбилъ у нихъ много народа, взялъ знамена; едва съ малою дружиною успѣлъ убѣжать князь Волгарскій въ Великій городъ; послѣ этой побѣды Андрей взялъ ставній городъ болгарскій Вряхимовъ и пожегъ три другіе города. На юго-востокъ по-прежнему продолжалась борьба съ Половцами. Въ началѣ княженія Ростислава они понесли пораженіе отъ волынскихъ князей и Галичанъ; неудачно кончилось въ 1162 году нападеніе ихъ подъ Юрьевымъ на Черныхъ Клобуковъ, у которыхъ сначала побрали они много вѣжъ, но потомъ Черные Клобуки собрались всѣ и побѣли ихъ на берегахъ Роси, отняли весь полонъ и самихъ взяли больше 500 человекъ съ нѣсколькими княжичами. Несмотря на то, въ слѣдующемъ году Ростиславъ почелъ за нужное заключить съ ними миръ и женить сына своего Рюрика на дочери хана Велука. Общаго продолжительнаго мира не могло быть съ этими варварами, раздѣлявшимися на многія орды подъ начальствомъ независимыхъ хановъ. Въ 1165 году племянникъ Ростислава Василько Ярополковичъ побѣлъ Половцевъ на рѣкѣ Роси; много взялъ плѣнниковъ, которыхъ далъ на выкупъ за дорогую цѣну; дружина его обогатилась

¹⁾ Упомянутое подъ 1142 годомъ нападеніе какого-то шведскаго князя съ 60 шенками на три кунеческія лодки не можетъ считаться въ числѣ непріязненныхъ покушеній на страну.

²⁾ Томъ I-й, гл. VII, стр. 205.

³⁾ Теперь Вороновка, или Воронста, впадающая въ Ладжское озеро, между Нашею и Сясью.

оружіемъ и конями. Въ слѣдующемъ году Половцы потерпѣли поражение въ черниговскихъ предѣлахъ отъ Олега Святославича; но другимъ Половцамъ въ то же время за Переяславлемъ удалось разбить Шварна, перебить его дружину; Шварнъ долженъ былъ заплатить за себя большую окупъ. Одни извѣстія говорятъ, что этотъ Шварнъ былъ воевода князя Глѣба Переяславскаго ¹⁾, другіе — что богатырь ²⁾. Послѣ этого, въ лютую зиму, Ольговичи — Олегъ Святославичъ и двоюродный братъ его Ярославъ Всеволодовичъ — ходили удачно на Половцевъ, взяли ихъ вежи. Но варвары были опасны не одними только прямыми опустошеніями своими: они вредили торговлѣ Руси съ Греками, которая была главною причиною благосостоянія Кіева, обогащенія князи великокняжеской. Мы знаемъ изъ свѣдѣтельства Константина Вагрянороднаго, какъ опасно было встарину плаваніе Русскихъ въ низовьяхъ Днѣпра, въ степи, гдѣ ждали ихъ обыкновенно толпы Печенѣговъ; эти затрудненія не прекратились и теперь, когда въ степяхъ приднѣпровскихъ господствовали кочевые варвары съ новымъ только именемъ; торговля лодки не могли безопасно плыть внизъ и вверхъ по Днѣпру. Въ 1166 году Половцы засѣли въ порогахъ и начали грабить *гречниковъ*, т. е. купцовъ греческихъ, или вообще купцовъ, производившихъ торговлю съ Греціею; Ростиславъ послалъ боярина своего, Владислава Ляха, съ войскомъ, подъ прикрытіемъ котораго гречки безопасно прошли пороги и поднялись до Кіева. Какъ важна была греческая торговля для русскихъ князей и какъ важна была опасность для этой торговли отъ Половцевъ, доказываетъ извѣстіе лѣтописца подъ 1166 годомъ; Ростиславъ послалъ къ братьямъ и сыновьямъ своимъ съ приказомъ собираться имъ у себя со всеми своими полками; пришли: Мстиславъ Изяславичъ изъ Владимира съ братьями — Ярославомъ изъ Луцка и Ярополкомъ изъ Бужска, Владиміръ Андреевичъ, Владиміръ Мстиславичъ, Глѣбъ Юрьевичъ, Глѣбъ Городенскій, Иванъ Юрьевичъ Туровскій, сыновья Ростислава — Рюрикъ, Давидъ и Мстиславъ, галицкая помощь, и всѣ стояли у Канева долгое время, дожидаясь до тѣхъ норъ, пока поднялись торговныя суда, — тогда всѣ князья разошлись по домамъ. При наслѣдникѣ Ростислава, Мстиславѣ, походы на Половцевъ съ тою же цѣлію продолжались; въ 1167 году вложилъ Богъ въ сердце Мстиславу мысль добрую о Русской Землѣ, говоритъ лѣтописецъ, — созвалъ онъ братью свою и началъ имъ говорить: „Братья! пожалуйте о Русской Землѣ, о своей отчизнѣ и дѣднѣ; ежегодно Половцы уводятъ христіанъ въ свои вежи, клянутся намъ не воевать и вѣчно нарушаютъ клятву; а теперь

уже у насъ всѣ торговые пути отнимаютъ ³⁾; хорошо было бы намъ, братья, возложивши надежду на помощь Божию и на молитву Святой Богородицы, поискать отцовъ и дѣдовъ своихъ пути и своей чести“. Рѣчь Мстислава была угодна Богу, всей братьѣ и мужамъ ихъ; князья отвѣчали: „Помоги тебѣ Богъ, братъ, за такую добрую мысль; а намъ дай Богъ за христіанъ и за всю Русскую Землю головы свои сложить и къ мученикамъ быть причтеннымъ“. Мстиславъ послалъ и за черниговскими князьями, и всѣмъ была угодна его дума; собрались въ Кіевъ съ полками — два Ростиславича Рюрикъ и Давидъ, четверо черниговскихъ — Всеволодовичи Святославъ и Ярославъ, Святославичи — Олегъ и Всеволодъ, Изяславичи вольнскіе — Ярославъ и Ярополкъ, Мстиславъ Всеволодовичъ Городенскій, Святополкъ Юрьевичъ Туровскій, Юрьевичи — Глѣбъ Переяславскій съ братомъ Михаиломъ. Уже девять дней шли князья изъ Кіева по каневской дорогѣ, какъ одинъ изъ ихъ войска далъ знать Половцамъ о приближеніи русскихъ полковъ, и варвары побѣжали, бросивши своихъ женъ и дѣтей; князья русскіе погнались за ними палаткѣ, оставивши за собою у обожа Ярослава Всеволодовича; по рѣкамъ Углу и Снопороду захвачены были вежи, у Чернаго лѣса настигли саванъ Половцевъ, притиснули къ лѣсу, много перебили, еще больше взяли въ плѣнъ; всѣ русскіе вонны обогатились добычею, колодниками, женами и дѣтьми, рабами, скотомъ, лошадьми; отполоненныхъ христіанъ отпустили всѣхъ на свободу, причемъ изъ русскихъ полковъ было только двое убитыхъ и одинъ взятъ въ плѣнъ. Мстиславъ впрочемъ не думалъ успокоиваться послѣ такой удачи; скоро онъ созвалъ опять князей и сталъ говорить имъ: „Мы, братья, Половцамъ много зла надѣлали, вежи ихъ побрали, дѣтей и стада захватили; такъ они будутъ мстити надъ нашими гречниками и залозниками, надобно намъ будетъ выйти на встрѣчу къ гречникамъ“. Братьѣ полюбилась эта рѣчь, они всѣ отвѣчали: „Пойдемъ; вѣдь это будетъ выгодно и намъ, и всей Русской Землѣ“. Но — прежнему, какъ при Ростиславѣ, князья дошли до Канева и *здѣсь дождались* гречниковъ. Не одинъ только Половцы мѣшали греческой торговлѣ: въ 1159 году Берлядинки овладѣли Олешемъ; великій князь Ростиславъ отправилъ на ихъ Днѣпромъ двухъ воеводъ, которые настигли разбойниковъ, перебили ихъ и отняли награбленное.

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 97: «И гречскій путь изыотичаютъ и Соляный и Залозный». Выраженіе: «греческій путь» повято съ первого раза; «Соляный» впрочемъ объясняютъ (Арциб. I, примѣч. 1196) путемъ, который проходила барка съ солью изъ Крыма; «Залозный» неудовлетворительно объясняютъ (см. тамъ же) Залознымъ, т. е. Залешепскимъ. Черезъ Олешье должны были проходить тѣ же самыя греческія суда; мы видѣли прежде, что Давидъ Игоревичъ захватывалъ гречниковъ въ Олешѣ, слѣд. Залешепскій путь былъ бы то же самое, что греческій, но говоря уже о трудномъ переходѣ словъ изъ Залешья въ Залозье. Залозный — желѣзный по товару.

¹⁾ Татащ. III, 148.

²⁾ Никон. II, 196: «Половцы воеваша Русь и убиша дву богатырей Андрея Ягрославича и брата его Шварна за Переяславлемъ, сестричича ихъ такожъ Шварна нарицаемаго плѣнника».

Изъ дружины княжеской въ описанное время упоминаются слѣдующія имена: въ Киевѣ при Изяславѣ Давидовичѣ былъ Глѣбъ Ракошичъ, котораго князь посылалъ къ двоюродному брату своему Святославу Черниговскому; послѣ, при Изяславѣ, во время борьбы его съ Ростиславомъ, видимъ Швариа, быть можетъ того самого, который былъ воеводою при Изяславѣ Мстиславичѣ; двоихъ братьевъ, Млятичей—Степана и Якуна, и Нажира Переяславича; всѣ они были захвачены въ плѣнъ въ той битвѣ, гдѣ погибъ Изяславъ; потомъ, при Ростиславѣ, упоминаются Юрій Нестеровичъ и Якушъ, ходившій на Берладниковъ, которые взяли Олеше, и Жирославъ Нажировичъ, ходившій съ Торками изъ Киева на помощь Роговолоду Полоцкому; Гюрата Семковичъ, посланный Ростиславомъ въ Константинополь къ императору по дѣламъ церковнымъ; Владиславъ Вратиславичъ Ляхъ, посланный Ростиславомъ для охраны грековъ отъ Половцевъ; по нѣкоторымъ извѣстиямъ, тысячникъ въ Киевѣ при Ростиславѣ былъ Жирославъ Андреевичъ¹⁾; близкими людьми къ этому князю были также *покладникъ*, или спальникъ его Иванко Фроловичъ и Борисъ Захарычъ. Изъ дружины Мстислава Изяславича, когда еще онъ сидѣлъ на Волынѣ, упоминается — Жирославъ Васильевичъ, котораго онъ отправлялъ посломъ къ Изяславу Давидовичу, по дѣлу Берладника; потомъ, во время войны его съ Изяславомъ, Кузьма Сновидичъ и Олбяръ Шерошевичъ (происхождение котораго явно не-русское); посадникомъ его въ Торческѣ былъ Вышко, котораго схватилъ Давидъ Ростиславичъ; Владиславъ Вратиславичъ Ляхъ, котораго Мстиславъ посылалъ предъ собою въ Киевъ, позванный туда братьями и гражданами; но мы видѣли этого Владислава бояриномъ и воеводою Ростислава въ Киевѣ; можно думать, что, немедленно по смерти Ростислава, Владиславъ явился къ Мстиславу въ послахъ отъ Киевлянъ съ приглашеніемъ на столъ. Наконецъ, при бѣгствѣ Мстислава изъ Киева, упоминаются дружинники, взятые въ плѣнъ врагами: Димитрій Храбрый, Алексѣй Дворскій, Сбыславъ Жирославичъ, быть можетъ сынъ упомянутаго Жирослава Васильевича, Иванко Творимиричъ, Родъ, или Родошъ. Изъ галицкихъ упоминаются извѣстный уже намъ прежде Избигнѣвъ Ивачевичъ, отправленный въ послахъ къ Изяславу Давидовичу; въ войнѣ съ послѣднимъ воеводою галицкаго отряда упоминается Тудоръ Елцичъ. Изъ бояръ другихъ юго-западныхъ князей упоминаются бояре Владиміра Мстиславича Тренопольскаго — Рагуйло Добрыничъ и Михайль, которые спорили съ Василемъ Настасьичемъ, обвинявшимъ ихъ князя во враждебныхъ замыслахъ противъ Мстислава Изяславича; потомъ эти Рагуйло и Михайль, вмѣстѣ съ третьимъ бояриномъ Завидомъ, отбѣхали отъ него, когда онъ безъ нихъ замыслилъ опять вражду на Киевскаго князя; обонхъ первыхъ—Рагуйла и Ми-

хаюла—мы видѣли прежде: они вмѣстѣ съ своимъ княземъ старались зашищать Игоря Ольговича отъ убійцы; Рагуйло былъ тогда въ сапѣ тысяцкаго при Владимірѣ; упоминаются лупкій бояринъ Онофрій и дорогоубужскій Гаврило Васильевичъ въ послахъ отъ князей своихъ къ Изяславу Давидовичу. Изъ черниговскихъ бояръ Святослава Ольговича упоминается извѣстный намъ Жирославъ Иванковичъ, старый бояринъ Вячеслава и Юрія; естественно, что по смерти послѣдняго Жирославъ отбѣхалъ къ Святославу Ольговичу, постоянному и единственному пріятелю Юріеву; потомъ упоминается Георгій Ивановичъ, братъ Шакушановъ, котораго Святославъ отправилъ въ послахъ къ Давидовичу въ Киевъ съ увѣщаніемъ не вступаться за Берладника; по всѣмъ вѣроятностямъ, онъ же и былъ тысячникъ въ Черниговѣ во время смерти Святослава; у сына Святослава, Олега, упоминается бояринъ Иванъ Родиславичъ. Изъ сѣверскихъ бояръ Святослава Всеволодовича упоминается *Киянинъ*; имя указываетъ въ немъ выходца изъ Киева. Изъ переяславскихъ бояръ въ битвѣ съ Половцами упоминается Шваринъ, по нѣкоторымъ извѣстиямъ воевода князя Глѣба, по другимъ—богатырь. Изъ смоленскихъ бояръ Ростислава Мстиславича упоминается Иванъ Рученикъ въ послахъ отъ своего князя къ южнымъ князьямъ, звавшимъ Ростислава на столъ Киевскій; потомъ Виждъ, какъ видно, тысяцкій смоленскій, занимающій мѣсто послѣ князя и епископа²⁾; его видимъ также вмѣстѣ съ смоленскими князьями въ походѣ на помощь Полоцкому князю Роговолоду противъ родичей. Изъ вышегородскихъ бояръ Давида Ростиславича упоминаются Василь Настасьичъ, тысяцкій вышегородскій Радило³⁾, быть можетъ, тотъ самый, котораго мы видѣли прежде въ дружинѣ Изяслава Мстиславича, и Василій Волковичъ; потомъ, какъ видно, двое братьевъ Бориславичей отбѣхали отъ Мстислава Киевскаго также къ Давиду; имя одного изъ нихъ, Петръ, можетъ указывать намъ въ немъ одно лицо съ упомянутымъ прежде бояриномъ Изяславовымъ, Петромъ Борисовичемъ, или Бориславичемъ. Изъ суздальскихъ бояръ Андрея Боголюбскаго упоминается воевода Борисъ Жидиславичъ, участвовавшій во взятіи Киева: взятіи въ соображеніе переѣзду его отчества Жидиславичъ на Жирославичъ, можно предположить,

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 94: «И ватѣмъ сретѣ (Ростислава) сынъ Ромаль и епископъ Мануилъ и Виждъ».

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 96: «И послана къ Давидови Вышегороду, и присла Давидъ Васили на тяжъ, и пристиави къ нему Родъла тысяцскаго и Васили Волковича». — Но прежде, при описаніи осады Вышегорода Мстиславомъ Изяславичемъ, сказано: «И на болонѣ отъ Давида зажгоша дворъ тысяцкаго Давида, Радилова, а нитъ дворовъ 7 сгорѣ». — Согласно первое извѣстіе, во вторыхъ, можно исправить первое такъ: «зажгоша дворъ тысяцкаго Давидова (т.-е. князя Давида Ростиславича), Радилова». Если же дѣлать особаго тысяцкаго Давида, который былъ сѣбень въслѣдствіи Радиломъ, то можно предположить, что этотъ старый тысяцкій Давидъ былъ именно тотъ Давидъ Бориничъ, который подтверждалъ посла показавіи Васили Настасьича.

что это былъ сынъ известнаго Жирослава Иванковича. Наконецъ упоминаются имена лицъ, неизвѣстно къ чьей дружинѣ принадлежавшихъ, напр.: Давидъ Ворыничъ, который подтверждалъ извѣстіе

Василя Настасьяча па счетъ замысловъ Владиміра Мстиславича; потомъ въ битвѣ съ Половцами убитъ былъ Константинъ Васильевичъ, Яруновъ братъ, и Константинъ Хотовичъ взятъ въ плѣнъ.

Г л а в а VI.

Отъ взятія Кіева войсками Боголюбскаго до смерти Мстислава Мстиславича Торопецкаго.

(1169—1228.)

Андрей Боголюбскій остается на сѣверѣ: значеніе этого явленія. — Характеръ Андрея и его поведеніе на сѣверѣ. — Владиміръ-на-Клязьмѣ. — Братъ Андрея Глебъ княжить въ Кіевѣ. — Война его съ Мстиславомъ Изяславичемъ. — Смерть обоихъ соперниковъ. — Андрей Боголюбскій отдаетъ Кіевъ Роману Ростиславичу Смоленскому. — Ссора Ростиславичей съ Андреемъ. — Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый. — Неудачный походъ рати Андреевой противъ Ростиславичей. — Ярославъ Изяславичъ княжить въ Кіевѣ. — Борьба его съ Святославомъ Всеволодовичемъ Черниговскимъ. — Убіеніе Андрея Боголюбскаго и слѣдствія этого событія. — Соперничество Ростога и Владиміра; соперничество дядей Юрьевичей и племянниковъ Ростиславичей сѣверныхъ. — Торжество Михаила Юрьевича надъ племянниками и Владиміра надъ Ростовомъ. — Возобновленіе борьбы по смерти Михаила. — Торжество Всеволода Юрьевича надъ племянниками и окончательное паденіе Ростова. — На югѣ усобица между Мономаховичами и Ольговичами. — Походъ Святослава Всеволодовича Черниговскаго на Всеволода Юрьевича Суздальскаго. — Святословъ утверждается въ Кіевѣ. — Слабость Кіевского князя предъ Суздальскимъ. — Борьба Ярослава Галицкаго съ боярами. — Смерть его. — Усобица между его сыновьями, Владиміромъ и Олегомъ. — Бояре изгоняютъ Владиміра и принимаютъ къ себѣ Романа Мстиславича Волынскаго. — Венгерскій король Бела III вмѣшивается въ эту усобицу и сажаетъ въ Кіевъ сына своего Андрея. — Гибель Берладниковъ сына Ростислава. — Василій Венгровъ въ Галичѣ. — Владиміръ Ярославичъ съ помощью Поляковъ утверждается здѣсь. — Смерть Святослава Всеволодовича Кіевского. — Юрикъ Ростиславичъ заимствуетъ его мѣсто по волѣ Всеволода Суздальскаго. — Послѣдній ссоритъ Юрика съ зятемъ его Романомъ Волынскимъ. — Участіе Романа въ польскихъ усобицахъ. — Война Мономаховичей съ Ольговичами. — Романъ Волынскій утверждается въ Галичѣ по смерти Владиміра Ярославича. — Онъ изгоняетъ Юрика Ростиславича изъ Кіева. — Юрикъ опять въ Кіевѣ и отдаетъ его на разграбленіе Половцамъ. — Романъ постригается Юрика въ монахи. — Романъ гибнетъ въ битвѣ съ Поляками; его характеръ. — Малолѣтніе сыновья его Данилъ и Василько окружены врагами. — Юрикъ снова въ Кіевѣ и воеуетъ противъ Романовичей. — Послѣдніе должны бѣжать изъ Галича. Галицкіе бояре призываютъ къ себѣ на княженіе Игоревичей сѣверскихъ. — Вѣдственная судьба малолѣтнихъ Романовичей. — Венгры овладѣваютъ Галичемъ и ширѣйствуютъ здѣсь. — Игоревичи сѣверскіе изгоняютъ Венгровъ, но вооружаютъ противъ себя бояръ, которые, съ помощью Венгровъ, возводятъ на престолъ Данила Романовича. — Новая волненія бояръ и бѣство Данила. — Венгры Владиміславъ княжить въ Галичѣ. — Венгры и Поляки дѣлаютъ между собою Галичъ. — Продолженіе усобицы между Мономаховичами и Ольговичами за Кіевъ; Мономаховичъ въ Черниговѣ. — Усиленіе Всеволода III Юрьевича на сѣверѣ. — Отношенія его къ Рязани, Смоленску и Новгороду Великому. — Дѣятельность Мстислава Храбраго на сѣверѣ. — Смерть его. — Переѣзды въ Новгородъ Великомъ. — Мстиславъ Мстиславичъ Торопецкій, сынъ Храбраго, избавляетъ Новгородъ отъ Всеволода III. — Предсмертныя распоряженія Всеволода III. — Кючяна его. — Усобица между его сыновьями Константиномъ и Юриемъ. — Мстиславъ Торопецкій вмѣшивается въ эту усобицу и Липецкою побѣдою даетъ торжество Константину. — Смерть послѣдняго. — Юрій опять великимъ княземъ во Владимірѣ. — Событія рязанскія и новгородскія. — Дѣятельность Мстислава Торопецкаго въ Галичѣ. — Переѣзды въ Кіевъ, Черниговъ и Переяславль. — Дружина. — Нѣщизы въ Ливоніи. — Смуты въ Новгородѣ и Псковѣ. — Войны Новгородцевъ съ Ямью. — Ихъ заволочіе походы. — Борьба суздальскихъ князей съ Волгарами. — Основаніе Нижняго Новгорода. — Войны съ Литвою, Ятвягами и Половцами. — Татарское нашествіе. — Общій обзоръ событій отъ кончины Ярослава I-го до кончины Мстислава Торопецкаго.

Казалось, что по смерти Ростислава Мстиславича событія на Русѣ примутъ точно такой же ходъ, какой приняли они прежде по смерти Всеволода Ольговича: старшій стодъ, Кіевъ, занялъ Мстиславъ Изяславичъ вопреки правамъ дяди своего, Андрея Суздальскаго, точно такъ-же, какъ отецъ Мстислава, Изяславъ, занялъ Кіевъ вопреки правамъ отца Андреева, Юрія; какъ послѣдній вооружился за это на племянника и нѣсколько разъ изгонялъ его изъ Кіева, какъ теперь и Андрей вооружается противъ Мстислава, изгоняетъ его, беретъ старшинство, — имѣетъ правъ ожидать продолженія борьбы, которая опять можетъ быть ведена съ переменнымъ счастьемъ, смотря по тому, поддержитъ ли союзъ Андрей съ одиннадцатію князьями, удовлетворитъ ли онъ ихъ желаніямъ, или нѣтъ. Но мы обманыва-

емся совершенно въ своихъ ожиданіяхъ: Андрей не самъ привелъ войска свои къ Кіеву, не пришелъ въ стольный городъ отцовъ и дѣдовъ и посылъ, отдалъ его, оустошенный, младшему брату, а самъ остался на сѣверѣ, въ прежнемъ мѣстѣ своего пребыванія, во Владимірѣ-на-Клязьмѣ. Этотъ постонокъ Андрея былъ событіемъ величайшей важности, событіемъ *поворотнымъ*, отъ котораго исторія принимала новый ходъ, съ котораго начинался на Русѣ новый порядокъ вещей. Это не было перенесеніе столицы изъ одного мѣста въ другое, потому что на Русѣ не было *единого* государя; въ ней владѣлъ большой княжескій родъ, единство котораго поддерживалось тѣмъ, что ни одна линія въ немъ не имѣла первенствующаго значенія и не подчиняла себѣ другія въ государственному смыслѣ;

но каждый членъ рода, въ свою очередь, вступитъ старшинства физическаго, имѣлъ право быть старшимъ, главнымъ, великимъ княземъ, сидѣть на главномъ столѣ, въ лучшемъ городѣ рускомъ — Кіевѣ; отсюда для полноправныхъ князей—родичей—отсутствіе отдѣльныхъ волостей, отчизнъ. Отчизною для каждаго была цѣлая Русская Земля; отсюда общность интересовъ для всѣхъ князей, понятіе объ общей, одинаковой для всѣхъ обязанности защищать Русскую Землю, эту общую отчизну, складывать за нее свои головы; отсюда то явленіе, что во все продолженіе описанныхъ выше княжескихъ усобицъ предѣлы на одной волости, ни одного княжества не увеличивались, по крайней мѣрѣ примѣтно, на счетъ другихъ, потому что князю не было выгоды увеличивать волость, которой онъ былъ только временнымъ владѣльцемъ: мы видѣли, на примѣръ, что Изяславъ Мстиславичъ переимѣнилъ въ свою жизнь шесть волостей. Какую надобность имѣлъ онъ заботиться объ увеличеніи предѣловъ, объ усиленіи какой-нибудь изъ нихъ, когда главная забота всей его жизни состояла въ борьбѣ съ дядьми за право старшинства, за возможность быть старшимъ и княжить въ Кіевѣ? Или: какая надобность была князю Новгородѣ-Сѣверскаго заботиться о своей волости, когда онъ зналъ, что по смерти дяди своего, князя Черниговскаго, онъ перейдетъ въ Черниговъ, и прежнюю свою волость, Сѣверскую, долженъ будетъ уступитъ двоюродному брату, сыну прежняго князя Черниговскаго? потому онъ зналъ, что и въ Черниговѣ долго не останется, умретъ княземъ Кіевскимъ, а сына своего оставитъ въ Туровѣ, или на Волыни, или въ Новгородѣ Великомъ; слѣд. главная цѣль усобицъ была—поддержать свое право на старшинство, свое мѣсто въ родовомъ лѣтвищѣ, отъ чего зависѣло владѣніе тою или другою волостью. Но если верховнымъ желаніемъ, главною, завѣтною цѣлю для каждаго полноправнаго князя-родича было достиженіе первой степени старшинства въ цѣломъ родѣ, и если съ этою степенью старшинства необходимо связывалось владѣніе лучшимъ городомъ на Русѣ, „матерью городовъ русскихъ“, Кіевомъ, то понятно великое значеніе этого города для князей. Самою крѣпкою основою для родового единства княжескаго было отсутствіе отдѣльности владѣній, отсутствіе отдѣльной собственности для членовъ рода, общее право на главный столъ; къ Кіеву стремились самыя пламенные желанія князей, около Кіева сосредоточивалась ихъ главная дѣятельность; Кіевъ былъ представителемъ единства княжескаго рода и единства земскаго, наконецъ единства церковнаго, какъ мѣстопробываніе верховнаго пастыря Русской Церкви; Кіевъ, по словамъ самихъ князей, былъ *старшимъ* городомъ по всей Землѣ¹⁾; Изяславъ Давидовичъ не хотѣлъ выйти изъ Кіева, „потому что, говоритъ лѣтописецъ²⁾, сильно по-

любилось ему великое княженіе Кіевское; да и кто не полюбитъ Кіевскаго княженія?—вѣдь здѣсь вся честь и слава, и величіе, глава всѣмъ Землямъ Русскимъ Кіевъ: сюда отъ многихъ дальнихъ царствъ стекаются всякіе люди и купцы, и всякое добро отъ всѣхъ странъ собирается въ немъ“.

И вотъ нашелся князь, которому не полюбили Кіевское княженіе, который предпочелъ славную и богатому Кіеву бѣдный, едва только пачавшій отстраиваться городъ на сѣверѣ, Владиміръ-Клязменскій. Легко понять слѣдствіе переворота, произведеннаго такимъ поступкомъ Боголюбскаго: еслибъ переимѣна въ мѣстопробываніи старшаго князя произошла съ согласія всѣхъ князей-родичей, если-бы Кіевъ для всѣхъ нихъ утратилъ совершенно свое прежнее значеніе, передать его Владиміру-Клязменскому; еслибъ всѣ князья, и сѣверные и южные, и Мономаховичи, и Ольговичи, стали теперь добиваться Владиміра, какъ прежде добивались Кіева:—то и тогда произошли бы большія переимѣны въ отношеніяхъ княжескихъ, и тогда велики были бы слѣдствія этого перенесенія главной сцены дѣйствія на новую почву, имѣвшую свои особенности. Но этого не было и быть не могло: для всѣхъ южныхъ князей, и для Мономаховичей, и для Ольговичей, Кіевъ не потерялъ своего прежняго значенія; ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ предпочитать далекой и бѣдной Суздальской Земли той благословенной сторонѣ, которая по преимуществу носила названіе Земли Русской. Кіевъ остался по-прежнему старшимъ городомъ Русской Земли, и между тѣмъ самый старшій и самый могущественный князь не живетъ въ немъ, но, оставаясь на отдаленномъ сѣверѣ, располагаетъ Кіевомъ, отдаетъ его старшему послѣ себя князю: такимъ образомъ, сѣверный Суздальскій князь, несмотря на то, что, подобно прежнимъ великимъ князьямъ, признается только старшимъ въ родѣ, является вѣншею силою, тяготеющею надъ Южною Русью, силою отдѣльною, независимою. И прежде было нѣсколько отдѣльныхъ волостей—Галицкая, Полоцкая, Рязанская, Городенская, Туронская; но эти волости обособились влѣдствіе изгойства князей ихъ, которые были относительно такъ слабы, что не могли обнаруживать рѣшительнаго вліянія на дѣла Русѣ; по сѣверной Ростовская и Суздальская область обособилась не влѣдствіе изгойства своихъ князей; князь ея признается первымъ, старшимъ въ цѣломъ родѣ и, кромѣ того, матеріально сильнѣйшимъ, обладающимъ, слѣдовательно, двойною силою; сознание этой особенности независимости и силы побуждаетъ его нерѣзкимъ обращеніемъ съ слабѣйшими, младшими князьями, требовать отъ нихъ безусловнаго повиновенія, къ чему не привыкли князья при господствѣ неопредѣленныхъ, исключительно родовыхъ отношеній между старшимъ и младшими. Такимъ образомъ, родовымъ отношеніямъ впервые наносится ударъ: впервые сталкиваются они съ отношеніями другого рода, впервые выказывается возможность перехода

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., I, 107: «То есть старшій градъ въ земли во всей Кіевѣ».

²⁾ Икон. II, 146.

родовыхъ отношеній въ государственныхъ. Еслибъ сѣверные князья могли постоянно удерживать свое господствующее положеніе относительно южныхъ, то судьба послѣднихъ, разумѣется, скоро стала бы зависѣть отъ произвола первыхъ, отъ чего произошло бы необходимо измѣненіе въ дѣломъ бытїи Южной Руси, въ отношеніяхъ ея къ Сѣверной. Если же сѣверные князья потеряютъ на время свою силу, свое вліяніе на судьбу Южной Руси, то отсюда необходимо произойдетъ окончательное раздѣленіе обѣихъ половинъ Руси, имѣющихъ теперь каждая свое особое средоточіе, свою особую сферу. Но легко понять, что это отдѣленіе Сѣверной Руси отъ Южной будетъ гораздо богаче послѣдствіями, чѣмъ, напримѣръ, отдѣленіе небольшихъ волостей — Галицкой, Полоцкой или Рязанской; теперь отдѣляется обширная область съ особымъ характеромъ природы, народонаселенія, съ особыми стремленіями, особыми гражданскими отношеніями. То важное явленіе, которое послужило поводомъ къ раздѣленію Южной и Сѣверной Руси, именно поступокъ Боголюбскаго, когда онъ не побѣхалъ въ Кіевъ, остался на сѣверѣ и создалъ себѣ тамъ независимое, могущественное положеніе, давшее ему возможность перемѣнить прежнее поведеніе старшаго князя относительно младшихъ, — это явленіе будетъ ли имѣть слѣдствія, повторится ли оно, станутъ ли старшіе князья подражать Боголюбскому, станутъ ли каждый оставаться въ своей прежней волости, се увеличивать, усиливать, создавать для себя въ ней независимое, могущественное положеніе, и, пользуясь этимъ могуществомъ, измѣнять родовыя отношенія къ младшимъ или слабѣйшимъ князьямъ въ государственныхъ? и въ какой именно части Руси, въ южной или сѣверной, примѣръ Боголюбскаго окажется плодотворнымъ, найдетъ подражателей?

Въ южной половинѣ Руси онъ не нашелъ подражателей; здѣсь не умѣли и не хотѣли понять важности этого явленія, не могли подражать ему. Здѣсь самые облестные князья обнаружили отчаянное сопротивленіе ему; здѣсь старыя преданія были слишкомъ сильно укоренены; здѣсь ни одинъ князь не обладаетъ достаточною матеріальною силою, для того, чтобы создать для себя независимое и могущественное положеніе въ своей волости; здѣсь, при борьбѣ разныхъ племенъ (линій) Ярославова потомства за старшинство, это старшинство и стогль Кіевскій обыкновенно доставался старшему въ томъ племени, которое одерживало верхъ; власть великаго князя была крѣпка не количествомъ волостей, но совокупною силою всей родовой линіи, которой онъ былъ старшимъ; онъ поддерживался этою совокупною силою, — и раздавалъ ближайшіе къ Кіеву города своимъ сыновьямъ, братьямъ, племянникамъ: что было для него все равно, или даже еще выгоднѣе, чѣмъ раздавать ихъ посадникамъ: посадникъ скорѣе могъ отлѣхать къ чужому князю, чѣмъ князь измѣнить своему племени и его старшему. Наконецъ, утвержденію новаго порядка вещей на

югѣ препятствовали разныя другія отношенія, основанныя, или по крайней мѣрѣ развившіяся, укрьпившіяся въ силу родовыхъ отношеній княжескихъ: мы говоримъ объ отношеніяхъ къ дружинѣ, городамъ, войску, составленному изъ пограничнаго варварскаго народонаселенія, извѣстнаго подъ именемъ Черныхъ Клобуковъ и т. п. Но другое дѣло на сѣверѣ: здѣсь была почва новая, дѣйствительная, на которой новый порядокъ вещей могъ приняться гораздо легче, и точно принялся, какъ увидимъ впоследствии. Здѣсь не было укорененныхъ старыхъ преданій о единствѣ рода княжескаго; сѣверъ начиналъ свою историческую жизнь этимъ шагомъ князя своего къ новому порядку вещей; Всеволодъ III-й наследуетъ стремленія брата своего; всѣ князья сѣверные происходятъ отъ этого Всеволода III-го, слѣдовательно между ними новое преданіе о княжескихъ отношеніяхъ есть преданіе родовое, преданіе отцовское и дѣдовское; но главное обстоятельство здѣсь было то, что новымъ стремленіямъ князей на сѣверѣ открылось свободное поприще, они не могли встрѣтить себѣ препятствій въ другихъ отношеніяхъ, въ отношеніяхъ къ народонаселенію страны. Мы видѣли, какое значеніе имѣли города при родовыхъ счетахъ и усобицахъ княжескихъ, какое вліяніе оказывали они на исходъ этихъ усобицъ, на измѣненія въ этихъ счетахъ. Мы видѣли значеніе Кіева при нарушеніи правъ Святославова племени въ пользу Мономаха и сыновей его; видѣли, какъ, по смерти Всеволода Ольговича, Кіевляне объявили, что не хотѣтъ переходить къ его брату, какъ будто по *наследству*, слѣдовательно, зовя Мономаха къ себѣ на стогль и передавая этотъ стогль сыновьямъ его мимо черниговскихъ, Кіевляне не хотѣли утвердить правъ наследства въ одномъ какомъ-нибудь племени, вообще были противъ наследства. Въ Полоцкѣ мы видѣли также явленія въ этомъ родѣ; увидимъ такія же явленія и въ Смоленскѣ; слѣдовательно, если-бы на югѣ какой-нибудь князь захотѣлъ ввести новый порядокъ вещей относительно счетовъ по волостямъ, то встрѣтилъ бы сильное сопротивленіе въ городахъ, которое, вмѣстѣ съ сопротивленіемъ многочисленной толпы князей-родичей, — помѣшало бы ему достигнуть своей цѣли. Но существовало ли это препятствіе на сѣверѣ? господствовали ли тамъ тѣ неопредѣленныя отношенія между князьями и гражданами, какія существовали въ старыхъ городахъ, старыхъ общинахъ, какія были остаткомъ прежнихъ родовыхъ отношеній народонаселенія къ старшинамъ и поддерживались родовыми отношеніями, безпрестанными переходами и усобицами князей Рюриковичей? Здѣсь, на сѣверѣ, въ обширной области, граничащей съ одной стороны съ областями, принадлежавшими изгнанной линіи Святославичей, а съ другою соприкасавшейся съ владѣніями Великаго Новгорода, — въ этой суровой и рѣдко населенной странѣ находился только одинъ древній городъ, упоминаемый лѣтописцемъ еще до прихода Варяговъ: то былъ Ростовъ Великій, отъ котораго вся окружающая

страна получила названіе Земли Ростовской. Скоро начали возникать около него города новые; сыиъ Мономаха, Юрій, особенно прославилъ себя какъ строитель неутомимый¹⁾; но мы знаемъ, что города новопостроенные входили къ древнимъ въ отношеніе младшихъ къ старшимъ, становились ихъ пригородами и должны были находиться въ ихъ волѣ; отсюда младшіе города, или пригороды не имѣли самостоятельнаго быта и во всемъ зависѣли отъ рѣшенія старшихъ, которые для ихъ управления посылали своего посадника или тиуна. Эта зависимость выражается въ лѣтописи такъ: „На чѣмъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ“. Ясно, что если въ этихъ младшихъ городахъ, не имѣвшихъ самостоятельности, привыкшихъ повиноваться вѣчевымъ приговорамъ старшихъ, князь утвердить свой столъ, то власть его будетъ развиваться гораздо свободнѣе; при этомъ не забудемъ, что въ Ростовской волости всѣ эти новые города были построены и населены князьями; получивъ отъ князя свое бытіе, они необходимо считали себя его собственностью. Такимъ образомъ, на сѣверѣ, въ области Ростовской, вокругъ старыхъ вѣчниковъ, вокругъ одинокаго Ростова, князь создалъ себѣ особый міръ городовъ, гдѣ былъ властелиномъ неограниченнымъ, хозяиномъ полновластнымъ, считалъ эти города свою собственностью, которую могъ распорядиться; неудивительно послѣ того, что здѣсь явился первый князь, которому лѣтописецъ приписываетъ стремленіе къ единовластію; неудивительно, что здѣсь впервые явился понятіе объ отдѣльной собственности княжеской, которую Боголюбскій успѣшилъ выдѣлять изъ общей родовой собственности Ярославичей, оставивъ прамѣръ своимъ потомкамъ, могшимъ безпрепятственно имъ воспользоваться. Если выикнемъ въ свидѣтельство лѣтописи о различіи старыхъ и новыхъ городовъ, о торжествѣ послѣднихъ надъ единственнымъ изъ первыхъ на сѣверѣ; если выикнемъ въ ту противоположность и враждебность, какая обнаружилась послѣдствіемъ между городами Сѣверо-восточной и городами Западной Россіи; если выикнемъ въ бытъ западно-русскихъ городовъ въ періодъ литовскаго владычества, быть, явно посящій слѣды древности и не сходный съ бытомъ городовъ сѣверо-восточныхъ:—то, конечно, не усомнимся уступать этому различію важное вліяніе на бытъ Сѣверо-восточной и потомъ на бытъ Россіи вообще. Если намъ укажутъ вначалѣ и на сѣверо-востокѣ такіа же явленія, какія видимъ на западѣ и югѣ, то мы спросимъ: почему эти явленія, происходившія на сѣверо-востокѣ вслѣдствіе извѣстныхъ благоприятныхъ обстоятельствъ, не повторились, остались безъ слѣдствій? Ясно, что почва здѣсь была не по нимъ. Наконецъ, не забудемъ обратить вниманіе на указанное выше²⁾ различіе между Сѣвременною и Южною Русью, различіе въ характерѣ ея народонасе-

ленія; это различіе необходимо содѣйствовало также установленію новаго порядка вещей на сѣверѣ, содѣйствовало тому значенію, какое имѣла сѣверная Суздальская волость для остальныхъ частей Россіи.

Мы видѣли втораго сына Юріява, Андрея, во время борьбы отца его съ племянникомъ своимъ Изяславомъ Мстиславичемъ за старшинство, за Кіевъ; онъ выдавался здѣсь своею необыкновенною храбростью, любилъ начинать битву впереди полковъ, запосылся на ретивомъ конѣ въ середину вражьяго войска, пренебрегалъ опасностями, но, въ то же время, видно было въ немъ какое-то нерасположеніе къ югу, къ собственной Руси, влеченіе къ сѣверу, что рѣзко отличало его отъ отца и другихъ братьевъ, раздѣлявшихъ со всѣми остальными Ярославичами любовь къ Кіеву. Когда Юрій, проигравши свое дѣло на югѣ, все еще не хотѣлъ разстаться съ нимъ, медлилъ исполнить требованія брата и племянника, объявившихъ, что не могутъ жить съ нимъ вмѣстѣ, Андрей сѣдѣлъ впереди отца на сѣверѣ, утверждая, что на югѣ уже больше дѣлать нечего. Потомъ, когда Юрій, по смерти старшаго брата и племянника, окончательно утвердился въ Кіевѣ и посадилъ Андрея подлѣ себя въ Вынгородѣ³⁾, то онъ не просидѣлъ и году въ своей южной волости, безъ отцовскаго позволенія ушелъ на сѣверѣ, который послѣ никогда уже не оставлялъ. Для объясненія этого явленія замѣтимъ, что Андрей, безспорно и родившійся на сѣверѣ⁴⁾,

³⁾ Поля. Собр. Русск. Лѣт. II, 77: «Тогда же, съдъ раздѣя волости дѣтемъ: Андрея посади Вышегородѣ, а Бориса Туровѣ, Глѣба Переславль, и Василькови да Поросье». Почему же Юрій посадилъ Андрея не въ Переславль? По той же причинѣ, по какой Мономахъ посадилъ Мстислава въ Вѣлгородѣ, а не въ Переславль, хотя онъ и считался княземъ Переславльскимъ (см. выше); Юрію нужно было имѣть подлѣ себя храбраго Андрея, который бы защищалъ его отъ нападений Мстиславичей. Почему теперь посадилъ онъ въ Переславль не Бориса, но младшаго Глѣба?—потому, что Глѣбъ былъ воинственнѣе Бориса, что мы видимъ изъ предыдущаго его поведенія, тогда какъ Борисъ вовсе не отличался ратнымъ духомъ, а Переславль былъ опасный столъ по содѣйствію съ князьями черниговскими и Половцами.

⁴⁾ Что Андрей прежде сѣдѣлъ во Владимірѣ, объ этомъ прямо свидѣтельствуеъ лѣтописецъ (Поля. Собр. Русск. Лѣт. 144): Андрей же рече (отцу): «на томъ семъ дѣловати крестъ яко поати ны Суздалию, и иде въ свою волость Володиміеру».—Есть извѣстіе, что въ удаленіи Андрея на сѣверѣ участвовали приближенные къ нему люди, именно родственники по женѣ, Кучковичи: «Приде въ Кіева въ градъ Володиміеръ Князь Великій Андрей Юрьевичъ безъ отца повѣвнн, его же лестію подъяша Кучковичи». (Карацъ II, примѣч. 383).—Что приближенными къ Андреемъ людямъ, особенно Кучковичамъ, влѣвшихъ, какъ видно, села на сѣверѣ, не правилось въ Вышегородѣ, безъ большой надежды скоро и даже когда-либо утвердиться въ Кіевѣ, очень вѣроятно; вѣроятно также, что Кучковичи могли оставаться на сѣверѣ и перебивали туда Ауден, ибо имъ выгодно было, чтобъ владѣлъ здѣсь ихъ родственникъ, а не младшіе Юрьевичи; но въ чемъ состоялъ обманъ, лестъ Кучковичей?—быть можетъ они давали звать Андрею, что вся Земля Ростовская хочетъ имѣти его своимъ княземъ, чего на дѣлѣ не было до самой смерти Юрія. Въ другихъ извѣстныхъ такъ описан-

¹⁾ См. томъ I-й, стр. 12, прим. 1.

²⁾ См. томъ I-й, стр. 20.

провелъ тамъ большую половину жизни, и ту именно половину, впечатлѣній которой ложатся крѣпко на душу человѣка и никогда его не покидаютъ; Юрій жилъ уже не въ Ростовѣ, а въ Суздальѣ, городѣ относительно повомѣ, подчиненномъ. Андрей, какъ видно, получилъ отъ отца въ волость Владиміръ-на-Клязьмѣ; слѣдовательно онъ воспитался и окрѣпъ въ новой средѣ, при тѣхъ отношеніяхъ, которыя господствовали въ новыхъ городахъ или пригородахъ ростовскихъ. Уже только въ 1149 году, лѣтъ 30-ти слишкомъ отъ рожденія, пришелъ Андрей на югъ, въ Русь, съ полками отца своего; онъ привыкъ къ сѣверу, къ тому порядку вещей, который тамъ господствовалъ: немудрено, что не понравился ему югъ, что чуждъ, непонятенъ и праждебенъ показался ему порядокъ вещей, здѣсь существовавшихъ. На югѣ всѣ князья съ ранней молодости привыкли жить въ общемъ родовомъ кругу, видѣться другъ съ другомъ въ члѣхъ полковъ и во время мирныхъ совѣщаній, живя вблизи другъ отъ друга, находясь въ безпрерывныхъ сношеніяхъ, съ ранней молодости привыкли дѣятельно участвовать во всѣхъ родовыхъ столкновеніяхъ и принимать къ сердцу всѣ родовые счеты и распри, находя въ этомъ самый главный, самый живой интересъ. Но Андрей 30 слишкомъ лѣтъ прожилъ на сѣверѣ, въ одной своей семьѣ, въ удаленіи отъ остальныхъ племенъ (линій) княжескихъ, рѣдко видясь, мало зная въ лицо остальныхъ князей — родственниковъ своихъ, близкихъ и дальнихъ; издалека только доносились до него слухи о событіяхъ изъ этого чуждаго для него міра; такимъ образомъ, вслѣдствіе долговременнаго удаленія, для Андрея необходимо должна была ослабѣть связь, со-

единявшая его съ остальными родичами, почему и приготовлялась для него возможность явиться впоследствии такимъ стариннымъ княземъ, который станетъ поступать съ младшими не по-родственному. Но мало одного удаленія: Андрея отдѣляла отъ южныхъ родичей, и самыхъ близкихъ, отъ двоюродныхъ братьевъ Мстиславичей, вражда; онъ привыкъ смотрѣть на нихъ, какъ на заклятыхъ враговъ, которые старались отнять у отца его и всей семьи Юрія должное ей значеніе. Это отчужденіе, холодность относительно всѣхъ родичей, вражда къ Мстиславичамъ и отчужденіе отъ юга вообще не могли измѣниться, откуда Андрей явился на Русь, гдѣ, какъ мы видѣли, отецъ и вся семья его не могли пріобрѣсти народнаго расположенія, когда, вслѣдствіе этого, было такъ мало надежды скоро или даже когда-нибудь занять старшій столъ и удержать его. Послѣ всего этого неудивительно покажется намъ удаленіе Андрея изъ Вышгорода на сѣверъ; здѣсь онъ утвердился въ своей прежней волости, Владиміръ-Клязменскомъ ¹⁾, и во все остальное время отповской жизни не былъ княземъ главныхъ сѣверныхъ волостей, ни Ростова, ни Суздаля, потому что всѣ сѣверныя волости вообще Юрій хотѣлъ оставить младшимъ сыновьямъ своимъ, а старшихъ испомѣстить на югѣ, въ собственной Руси, и, какъ видно, города при жизни Юрія не хотѣли прямо возстать противъ его распоряженія. Но какъ скоро Юрій умеръ, то Ростовцы и Суздальцы, посовѣтовавшись вмѣстѣ, взяли къ себѣ въ князья Андрея и посадили его въ Ростовѣ на отповскомъ столѣ и въ Суздальѣ ²⁾. Изъ это-

¹⁾ На первомъ планѣ здѣсь дѣйствуютъ Ростовцы; что касается Суздаля, то Юрій, утвердивши въ немъ свой столъ, выдвинулъ его изъ ряда другихъ пригородовъ, далъ ему важное значеніе, и вотъ сказано, что Ростовцы дѣйствуютъ вмѣстѣ съ Суздальцами, точно такъ, какъ въ Новгородской лѣтописи обыкновенно читаемъ, что въ важныхъ случаяхъ въ Новгородѣ на вѣче сходятся Псковичи и Ладжане — только с другими пригорожанамъ ни слова. Мы предпочитаемъ чтеніе лѣтописи, составленной на сѣверѣ по Лавр. списку; Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1, 149: «Ростовци и Суздальци судуживше вси, поата Андрея» и проч., чтенію лѣтописи, составл. на югѣ, и слѣд. не такъ знакомой съ дѣломъ; по Платъев. сп., тамъ же, II, 81: «Судумавши Ростовци, и Суздальци и Володимирци вси» и проч., тѣмъ болѣе, что послѣ Владимірскаго лѣтописца, какъ увидимъ, отречется отъ этого избранія, да и какъ было Владимірцамъ снова выбирать Андрея, когда онъ уже княжилъ у нихъ.

²⁾ Хотя есть извѣстіе, довольно вѣроятное, что его утверженіе произошло не вдругъ; что Андрей, не желая нарушить вдругъ обычай, сперва въ которое время жилъ въ Суздальѣ; Татищ. III, 135: «Андрей Юрьевичъ Великій Князь ни о чемъ болѣе какъ о строеніи Владиміра и другихъ градовъ, якоже и о земскомъ распорядкѣ прилѣже, распространялъ Владиміръ, его же великаго полюбилъ и полюбилъ нахвѣрше всегда тутъ пребывать, къ тому и Митрополію учинить: по Ростовчачъ и Суздальчачъ, яко старымъ городамъ и княжескимъ престоломъ, весьма то было противно, и сколько могли пренатествовали, представляя, что сіи города надравле престольные, и Владиміръ есть новый пригородъ Суздальскій. Онъ же, нехотя народъ озлоблять, жилъ въ Суздали, а во Владиміръ часто ѣздивъ на охоту, и пребывавъ по нѣскольку дней». — Нико. II, 175: «И хотяше (Андрей) града сего (Владиміра)

ваются побужденія, заставившія Андрея удалиться на сѣверъ: Нико. II, 150: «Иде Князь Андрей Боголюбивый съ Вышгородскаго своего княженія великаго къ отцу своему Юрью Долгорукому въ Кіевъ и пришелъ въ Кіевъ радостнѣ бысть приять отъ отца своего, и пребнѣсть у него въ Кіевѣ нѣколко время, и смущающа о нестроеніи братіи своей, и братаиновъ и срединковъ, и всего племени своего, яко всегда въ мятехи и въ волненіи вси баху, и мнози крови лихшея, вся желающе и хотяще великаго княженія Кіевского, и нѣсть никому ни съ кѣмъ чпра, и отъ сего вси княженія опустѣша, и по Дунаю, и по Мети, и по Астри чужія обладающа и населиша, а отъ поля Половцы вылихшиша, и пусто сотвориша и скорбише много о семъ, и болѣшавше душею и сердцемъ, и мыслаше себѣ въ тайнѣ сердца своего, никакже повѣдал сего отцу своему. И восхотѣ чти на великое княженіе въ Суздаль и Ростовъ, яко тамъ, рече, покойнѣе есть». — Татищ. III, 97: «Андрей Юрьевичъ видя, что веждо миръ по его желанію учиненъ, и ему дѣла никакого не было, а Вѣлая (Сѣверная) Русь безъ князя стояла въ великомъ неурядкѣ, просилъ не одна отца своего Юрія, чтобъ его туда отпустилъ; по Юрій вѣдая, что во время войны ему безъ Андрея ни на кого столько нахвѣрше не можно, ему отказалъ. Онъ же потеряи нѣколко, и оскорбляе дѣлачи и веселіяи отцовыми, за что всѣ на отца его легодовали, убрався тайнѣ, уѣхалъ въ Вѣлую Русь... Пришедши же въ Вѣлую Русь, забѣгавъ у отца на себя подаренія и большаго гнѣва, не сталъ жить въ Суздальѣ, яко престольномъ отца его градѣ, но построилъ себѣ домъ во Владиміръ-на-Клязмѣ, яко ближайшемъ къ Суздалью граду».

го извѣстія лѣтописца мы видимъ ясно, что жители Ростова, какъ жители другихъ старыхъ городовъ, не считали своею обязанностью исполнить волю покойнаго князя, отдавашаго ихъ волость младшимъ сыновьямъ своимъ; думали, что имѣютъ право выбирать кого хотятъ въ князья. Андрей принявъ стоить Ростовскій и Суздальскій, но утвердилъ свое пребываніе въ прежней волости, Владиміръ¹⁾, его украсилъ по-преимуществу, въ немъ хотѣлъ даже учредить особую митрополию для Сѣверной Руси, чтобъ дать ей независимость отъ Южной и въ церковномъ отношеніи, зная, какое преимущество будетъ сохранятьъ Кіевъ, если въ немъ будетъ по-прежнему жить верховный пастырь Русской Церкви. Такое поведеніе Андрея не могло нравиться Ростовцамъ; его поведеніе не правилось, какъ видно, почему-то и старымъ боярамъ отцовскимъ; какъ видно, Андрей не жилъ съ ними по товарищески, не объявлялъ имъ всѣхъ своихъ думъ, къ чему привыкли бояре въ старой Руси; предложить къ смѣтѣ недовольные могли найти легко: Андрей овладѣлъ волостью вопреки отцовскому распоряженію; младшіе Юрьевичи, которымъ отецъ завѣщалъ Суздальскую Землю, жили тамъ, ихъ имениемъ недовольные могли дѣйствовать; и вотъ Андрей гонитъ съ сѣвера своихъ младшихъ братьевъ, этихъ опасныхъ соперниковъ, Мстислава, Василька и Всеволода, которые отравились въ Грецію²⁾; мы видѣли, что двое другихъ Юрьевичей имѣли волости на югѣ: Глѣбъ княжилъ въ Переяславѣ, Михаилъ, какъ видно, въ Торчскѣ; скоро Всеволодъ Юрьевичъ съ племянниками Ростиславичами возвратился также изъ Греціи и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ³⁾, княжилъ въ Городѣ-Остерскомъ. Выбѣствъ съ братьями Андрей выгналъ племянниковъ своихъ отъ старшаго брата Ростислава; наконецъ выгналъ старыхъ отцовскихъ бояръ, мужей отца своего переднихъ, по выраженію лѣтописца; онъ это сдѣлалъ, продолжаетъ лѣтописецъ, желая быть самовластцемъ во всей Суздальской

Землѣ. Но при этомъ необходимо рождается вопросъ: если Ростовцы и Суздальцы были недовольны, если передніе мужи были недовольны, если братья княжескіе были недовольны,—то какая же сила поддерживала Андрея, дала ему возможность, несмотря на неудовольствіе Ростовцевъ и Суздальцевъ, выгнать братьевъ, выгнать бояръ и сдѣлаться самовластцемъ? Необходимо должно предположить, что сила его утверждалась на повиновеніи младшихъ, новыхъ городовъ или пригородовъ. Андрей, какъ видно, хорошо понималъ, на чемъ основывается его сила, и не оставилъ этихъ новыхъ городовъ, когда войска его взяли самый старшій и самый богатый изъ городовъ русскихъ—Кіевъ.

Глѣбъ Юрьевичъ, посаженный племянникомъ въ Кіевѣ, не могъ княжить здѣсь спокойно, пока живъ былъ изгнанный Мстиславъ Изяславичъ. Послѣдній началъ съ ближайшаго сосѣда своего, Владиміра Андреевича Дорогобужскаго, который, какъ мы видѣли, былъ союзникомъ Юрьевичей при его изгнаніи; съ братомъ Ярославомъ и съ Галичанами приступилъ Мстиславъ къ Дорогобужу, сталъ биться около города, но, несмотря на болѣзнь Владиміра Андреевича, который не могъ лично распоряжаться своимъ войскомъ; несмотря на то, что Глѣбъ Кіевскій, вопреки своему обещанію, не далъ ему никакой помощи, Мстиславу не удалось взять Дорогобужъ: онъ долженъ былъ удовольствоваться опустошеніемъ другихъ, менѣе крупныхъ городовъ Владиміровыхъ, и возвратился къ себѣ домой. Скоро Владиміръ Андреевичъ умеръ, какъ видно, не оставивъ дѣтей; по волости его уже дождался безземельный князь, Владиміръ Мстиславичъ, прѣхавшій съ сѣверо-востока и жившій теперь въ вольномъ городѣ Полонномъ, который принадлежалъ кіевской Десятинной церкви. Узнавъ о смерти Андреевича, онъ явился передъ Дорогобужемъ; но дружина покойнаго князя не пустила его въ городъ; тогда онъ послалъ сказать ей: „Цѣлую крестъ вамъ и княгинѣ вашей, что ии вамъ, ни ей не сдѣлаю нячего дурного“; поцѣловалъ крестъ, вошелъ въ городъ, и тотчасъ же позабылъ свою клятву, потому что, говоритъ лѣтописецъ, былъ онъ вертлявъ между всею братьею; онъ напнулся на имѣніе, на стада и на села покойнаго Андреевича, и погналъ княгиню его изъ города. Взавши тѣло мужа своего, она отправилась въ Вышгородъ, откуда хотѣла ѣхать въ Кіевъ, но князь Давидъ Ростиславичъ не пустилъ ее: „Какъ я могу отпустить тебя“, говорилъ онъ; „почему пришла мнѣ въствъ, что Мстиславъ въ Василевѣ, пусть кто нибудь пойдетъ съ тѣломъ изъ дружины“. Но дружина дорогобужская отвѣчала ему на это: „Князь, самъ ты знаешь, что мы надѣлали Кіевлянамъ, нельзя намъ идти, убить пастъ“. Тогда игумень Поликарпъ сказалъ Давиду: „Князь, дружина его не ѣдетъ съ нимъ: такъ отпусти кого-нибудь изъ своей, чтобъ было кому коня повести и стягъ (знамя) понести“. Но Да-

стоить быти В. княжескія. Ростовцемъ же и Суздальцемъ не хотишии сего, глаголюще: яко Ростовъ есть старей и бо ѣшой градъ, и Суждаль, градъ же Владиміръ пригородъ намъ есть».

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 91: «Выгна Андрей епископа Леона изъ Суждала, и братью свою погна Мстислава и Васианка и два Ростиславича сыновца свои, мужи отца своего передни... Идоста Гургевичи Царюгороду, Мстиславъ и Васианко съ матерью, и Всеволода молодого пояша съ собою третьяго брата: и дастъ царь Васианкови въ Дунай городъ, а Мстиславу дастъ волость Отъскалана». См. Арциб. I, прим. 1087.—Изъ остальныхъ Юрьевичей Борясъ умеръ на сѣверѣ въ 1159 году (Полн. Собр. Русск. Лѣт. 149); другой Ярославъ въ 1166 году (тамъ же, стр. 151). Святославъ, одержимый со дня рожденія злою болѣзнію, въ 1174 году. Никон. II, 177: «Ненавидялю князя Андрея своего суще дохашшии, и лживно и лукавно глаголаху къ нему. И тако соврождоваме и сосорниша его съ братьею, и съ предими мужи отца его; и тако изгна братью свою. Еще же и преднихъ мужей отца своего овехъ изгна, овехъ же смъ въ темницы затвори: и быствъ бравъ люта въ Ростовской и Суждальской землѣ».

²⁾ Татищ. III, 165.

³⁾ Тамъ же, 175.

виду не хотѣлось отпускать своей дружины въ такое опасное время; онъ отвѣчалъ Поликарпу: „Его стягъ и почесть отошли вмѣстѣ съ душою, возми поновъ борисоглѣбскихъ и ступайте одинъ“. Поликарпъ отправился и вмѣстѣ съ Кіевлянами похоронилъ Владиміра въ Андреевскомъ монастырѣ.

Между тѣмъ Мстиславъ съ большою силою, братомъ Ярославомъ, полками галицкими, тузовскими и городенскими, пошелъ къ Чернымъ Клобукамъ; соединившись съ ними, отправился къ Триполю, оттуда къ Кіеву, и безпрятственно вошелъ въ него, потому что Глѣбъ былъ въ это время въ Переяславѣ но дѣлать половецкимъ. Первымъ дѣломъ Мстислава по занятіи Кіева былъ рядъ съ союзниками своими, которые помогли ему овладѣть опять стариннымъ столомъ; тутъ же договорился онъ и съ Владиміромъ Мстиславичемъ: какъ видно изъ слѣдующихъ извѣстій, Владиміръ отказался искать Кіева не только подъ Мстиславомъ, но и подъ братомъ его Ярославомъ и подъ сыновьями, за что соизволили позволить ему остаться въ Дорогобужѣ. О содержаніи договоровъ съ другими союзниками ничего не извѣстно; заключенъ былъ рядъ съ Кіевлянами, также и съ Черными Клобуками; но послѣдніе, по обычаю, только обманывали князей. Урядившись со всѣми, Мстиславъ пошелъ къ Вышгороду и сталъ крѣпко биться съ осажденными; тѣ не уступали, потому что у князя ихъ Давида было много своей дружины, да братья прислали ему помощь, князь Глѣбъ прислалъ также тысяцкаго своего съ отрядомъ; кромѣ того, были у него Половцы дикіе и свои Берендѣи, тогда какъ союзники Мстислава начали расходиться. Первый ушелъ галицкій воевода Константиинъ съ своими полками; онъ послалъ сказать Мстиславу: „Князь Ярославъ велѣлъ мнѣ только пять дней стоять подъ Вышгородомъ, а потомъ идти домой“. Мстиславъ велѣлъ отвѣчать ему на это: „Братъ Ярославъ мнѣ такъ говорилъ: пока не уладишься съ братьею, до тѣхъ поръ не отцускай полковъ моихъ отъ себя“. Тогда Константиинъ написалъ ложную грамоту, въ которой будто бы князь Ярославъ приказывалъ ему возвратиться, и ушелъ съ галичанами; но нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ, извѣстіямъ, Константиинъ былъ подкупленъ Давидомъ Вышгородскимъ²⁾; иначе трудно объяснить причину его поступка. По удаленіи Галичанъ, Мстиславъ отступилъ къ Кіеву и сталъ передъ Золотыми воротами, въ огородахъ, а изъ Вышгорода выѣзжали Половцы съ Берендѣями и наносили большой вредъ его полкамъ. Видя, что союзники его всѣ расходятся, взнемогли отъ упорнаго боя, и слыша съ другой стороны, что Глѣбъ съ Половцами переправляется черезъ Днѣпръ, а къ Давиду пришли еще вспомогательные отряды, Мстиславъ созвалъ на совѣтъ братью; тѣ сказали: „Отъ насъ войско расходится, а къ тѣмъ приходитъ свѣжее; Черные Клобуки насъ обманываютъ,—нельзя намъ дольше стоять,

поѣдемъ лучше въ своя волости и, отдохнувши немного, возвратимся назадъ“. Мстиславъ видѣлъ, что князья говорятъ правду, и пошелъ на Волынь, выдержавши на дорогѣ перестрѣлку съ Половцами, которыхъ Давидъ послалъ за ними въ погоню. Половцы не могли нанести большого вреда Мстиславу, но за то сильно опустошили страну, чрезъ которую проходили; племянникъ Мстислава, Василько Ярополковичъ, сидѣвшій въ Михайловѣ, одномъ изъ городовъ поросекскихъ, хотѣлъ-было ударить на него нечаянно, но потерялъ только дружину и едва самъ успѣлъ убраться въ свой городъ, гдѣ скоро былъ осажденъ Глѣбомъ съ тремя Ростиславичами: Рюрикомъ, Давидомъ и Мстиславомъ; союзники сожгли Михайловъ, раскопали ровъ, а Василька отпустили въ Черниговъ.

Мстиславъ обѣщаль, отдохнувши немного, возвратиться опять къ Кіеву, но не могъ исполнить своего обѣщанія. Въ августѣ 1170 года онъ сильно разболѣлся и послалъ за братомъ Ярославомъ, чтобъ урядиться съ нимъ на-счетъ дѣтей своихъ; Ярославъ поклялся ему, что не отниметъ у нихъ волости, послѣ чего Мстиславъ скоро умеръ²⁾, не успѣвши, подобно отцу, удержать старшинства предъ дядями. Незвѣстно, что заставило Ярослава отказаться отъ Владиміра въ пользу племянниковъ и остаться въ прежней волости своей Луцкѣ, хотя старшинство въ племени осталось за нимъ; мы увидимъ послѣ, что онъ располагалъ силами всей Волынской Земли и явился представителемъ племени, удерживая свое право на Кіевѣ. Мы видѣли примѣры, какъ волости шеремѣняли иногда свое значеніе, смотря по обстоятельствамъ; какъ, напримѣръ, Кіевскій князь сажалъ старшаго сына въ Вышгородъ или Вългородъ, а младшаго въ Переяславѣ; съ другой стороны, Мстиславъ добылъ силою себѣ Владиміръ и отстоялъ его отъ Юрія и его союзниковъ, слѣдовательно имѣлъ полное право требовать отъ брата, чтобъ онъ уже не отнималъ у племянниковъ волости, которую отецъ ихъ добылъ головою.—Глѣбъ Юрьевичъ Кіевскій долго пережилъ своего соперника: онъ умеръ въ слѣдующемъ 1171 году, оставивъ по себѣ добрую память братолюба, свято сохраннымъ клятвы. Пресленикомъ его въ Кіевѣ былъ князь, отличнѣйшій противоположнымъ свойствомъ, именно Владиміръ Мстиславичъ. Трое Ростиславичей, сидѣвшихъ около Кіева, послали звать его, какъ дядю, на старшій столъ; всѣ Ростиславичи, слѣдуя отцовскому примѣру, уважали старшинство, притомъ

²⁾ Тамъ же, стр. 178: «Сей князь роста былъ не велики великаго, но широкъ плечамъ и крѣпокъ, яко лукъ едва кто натянуть могъ, лицомъ красенъ, власы кудривы и краткіе носилъ, мужествомъ былъ во бранн, любитель правды, храбрости его ради всѣ князи его боялись и почитали, хотя часто съ женами и дружиною веселился, но жены ни вино имъ не обладали. Онъ всегда къ расправѣ и распорядку былъ готовъ, для того мало сыналъ, но много книгъ читалъ, и въ совѣтахъ о расправѣ земскоі съ вельможи уряднялся, и дѣтей своихъ прилжно тому наставлялъ, сказуя имъ, что честь и польза князя состоятъ въ правосудіи, расправѣ и храбрости».

¹⁾ Татищ. III, 175.

не имѣли предъ Владимиромъ того преимущества, какое имѣлъ Мстиславъ, т.-е. старшинства физическаго; наконецъ имъ выгодноѣ было видѣть въ Киевѣ Владимира, чѣмъ Изяславича, съ которымъ были въ явной враждѣ. Такимъ образомъ, Владимиръ, такъ долго безземельный, изгнанный отовсюду, вѣдучъ, благодаря обстоятельствамъ, получилъ возможность сѣсть въ Киевѣ, тайкомъ отъ остальныхъ волынскихъ князей — Ярослава съ племянниками, которымъ прежде поклялся не искать старшинства. Владимиръ уѣхалъ въ Киевъ, оставивъ Дорогобужъ сыну Мстиславу; по счастию его было и тутъ непродолжительно: Киевъ былъ уже теперь въ зависимости отъ сѣвернаго князя Андрея Боголюбскаго, которому, говоритъ лѣтописецъ, было нелюбко, что Владимиръ сѣлъ въ Киевѣ; онъ послалъ сказать ему, чтобъ шельз отсюда, а на его мѣсто приказывалъ идти Роману Ростиславичу Смоленскому; онъ могъ сердиться на Владимира и за то, что тотъ вступилъ въ союзъ съ Изяславичами волынскими, и за то, что сѣлъ безъ его позволенія въ Киевѣ; родныхъ младшихъ братьевъ своихъ онъ не любилъ по извѣстнымъ причинамъ, и былъ расположенъ къ однимъ Ростиславичамъ, которые признали его старшинство и крѣпко до сихъ поръ держались его: „Вы назвали меня отцомъ, вслѣдъ отъ сказать имъ, — такъ я хочу вамъ добра, и даю брату вашему Роману Киевъ“. Такъ скоро обнаружился уже тѣ слѣдствія, какія должны были произойти для Южной Руси отъ усиленія Сѣверной, которой самовластцею вмѣсто родовыхъ правъ поставляя свой произволъ, и такимъ образомъ перепутывалъ всѣ прежніе родовые счеты: по родовымъ правамъ Киевъ прежде всего принадлежалъ Владимиру Мстиславичу, потомъ младшимъ братьямъ Андрея, если онъ самъ не хотѣлъ сидѣть на немъ, наконецъ Ярославу Изяславичу Лудкому; но Андрей мимо всѣхъ этихъ князей отдастъ его Ростиславичу. Смерть избавила Владимира отъ изгнанія: онъ умеръ въ Киевѣ, побывши только четыре мѣсяца старшимъ княземъ. „Много перенесъ онъ бѣдъ, говоритъ лѣтописецъ, бѣгая отъ Мстислава то въ Галичъ, то въ Венгрію, то въ Рязань, то къ Половцамъ, по все по своей винѣ, потому что не устойчивъ былъ въ крестиню пѣлованіи“.

Романъ, по приказу Андрея, пріѣхалъ въ Киевъ и былъ принятъ всеми людьми съ радостью; но радость эта не могла быть продолжительна: мы видѣли, какъ самовластно началъ обходиться Андрей съ младшими, южными князьями, изгоняя одного изъ Киева, посылая другого на его мѣсто, не разбирая правъ ихъ. Ростиславичи молчали, когда это самовластіе было въ ихъ пользу; но скоро и они должны были увидать необходимость или безпрекословно исполнять всѣ приказанія Андрея, или вступить съ нимъ въ отчаянную борьбу за старыя права родичей. Въ этой борьбѣ Ростиславичей съ Юрьевичами высказалась противоположность характера сѣверныхъ и южныхъ князей, противоположность ихъ стремленій. До сихъ поръ мы

были свидѣтелями борьбы или вслѣдствіе изгойности, когда князья-сироты, по отсутствію отчужденности, лишались волостей и принуждены бывали добывать ихъ силою; или борьба шла за старшинство между различными племенами (линіями), или въ одномъ племени между дядьми и племянниками. Борьба за старшинство въ племени Мономаховѣмъ, во время которой сельзя не замѣтитъ также борьбы между Сѣверною и Южною Русью, оканчивается собственно взятіемъ Киева войсками Боголюбскаго, торжествомъ Сѣверной Руси надъ Южною: съ этихъ поръ потомство старнаго сына Мстислава Великаго, Изяслава, сходитъ со сцены въ борьбѣ за старшинство, въ которой до этого времени играло главную роль, и удаляется на западъ, гдѣ начинаетъ играть другую роль, не менѣе блестящую. Ему на смѣну въ борьбѣ съ князьями сѣверными, или Юрьевичами, выступаютъ потомство второго сына Мстислава Великаго, Ростислава; по эта третья борьба нашихъ князей носить опять новый характеръ: здѣсь борются не безземельные князья, изгой, для того чтобъ получить волости; борьба идетъ и не за старшинство; — но князья южные, или Ростиславичи, борются за старый порядокъ вещей, за старую Русь, за родовыя отношенія, которые хотѣли унизить Юрьевичи. Въ этой многозначительной борьбѣ оба враждебныя племена или, лучше сказать, обѣ Руси выставляютъ каждая по двое князей для борьбы: Русь старая, Ростиславичи, выставляютъ двоихъ Мстиславовъ — отца и сына; новая, Сѣверная Русь — имѣетъ представителями двоихъ братьевъ Юрьевичей, Андрея Боголюбскаго и Всеволода III-го.

Андрею дали знать, что братъ его Глѣбъ умеръ въ Киевѣ насильственною смертію и указали убійцъ: Григорія Хотовича, бывшего, какъ мы видѣли, тысяцкимъ у Глѣба, потомъ какого-то Степанца и Олексу Святославича. Андрей могъ легко повѣрить извѣту, зная, какъ не терпѣли Юрьевичей на югѣ ⁴⁾, и потому прислалъ

⁴⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 100: «Нача Андрей виши покладывати на Ростиславичи, и присла къ нимъ Мухна, река тако: выдѣйте ми Григоря Хотовича» и проч. — Мы не можемъ согласиться съ южными пристрастными лѣтописцемъ, что первая прислала Андрея съ требованіемъ выдачи Хотовича съ товарищами была слѣдствіемъ неаданія придатка къ Ростиславичамъ, найти какую-нибудь вину; ни изъ чего не видно, чтобъ онъ могъ желать ихъ смѣны. Слова эти: «Нача Андрей виши покладывати на Ростиславичи» могутъ имѣть смыслъ только тогда, когда будемъ читать ихъ въ связи съ предшествующими событіями, какъ они читаются у Тагицева (II, 185): здѣсь говорится, что у Андрея съ Ростиславичами началась прежде распри за Новгородъ. — Тамъ же: «Вяне бо тако урядилъся, яко же Володихера Ярославича Галичскаго, сестричича Михалкова (который поссорившись съ отцемъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ матерью въ Русь, сперва былъ у Михалла, а потомъ отираваясь въ Черниговѣ), дати Ростиславичемъ и пустити и къ отцу, а Ростиславичемъ пустити Всеволода и Ярополка и всю дружину; Всеволода же пустити, а Ярополка не пустити; «не вмѣнилъ ни еси того». Выходитъ, что Михайль не выполнялъ всѣхъ условий, не выдалъ имъ

сказать Ростиславичамъ: „Выдайте мнѣ Григорія Хотовича, Стенанца и Олеску Святославича; это враги вѣтъ намъ,—они уморили брата моего Глѣба“. Ростиславичи, считая, какъ видно, доносъ на бояръ неоспователнымъ, не послушались Андрея, но только отпустили отъ себя Григорія Хотовича. Тогда Андрей послалъ сказать Роману: „Не ходишь въ моей волѣ съ братьями своими, такъ ступай вонъ изъ Кіева, Давидъ—изъ Вышгорода, Мстиславъ—изъ Вѣлгорода; ступайте всѣ въ Смоленскъ, и дѣлитесь тамъ, какъ хотите“. Сильно обидѣлись Ростиславичи, что Андрей гонитъ ихъ изъ Русской Земли и отдаетъ Кіевъ брату своему Михаилу; старшій изъ нихъ, Романъ, не хотѣлъ противиться и выѣхалъ въ Смоленскъ; но остальные братья не выѣзжали изъ своихъ волостей; боясь, какъ видно, ихъ, и Михаилъ не ѣхалъ изъ Торческа въ Кіевъ, а послалъ туда младшаго брата Всеволода съ племянникомъ Ярополкомъ Ростиславичемъ. Уже пять недѣль сидѣлъ Всеволодъ въ Кіевѣ, когда Ростиславичи—Рюрикъ, Давидъ и Мстиславъ—послали сказать Андрею: „Братъ! мы назвали тебя отцомъ себѣ, крестъ тебѣ цѣловали, и стоимъ въ крестномъ цѣлованіи, хотимъ тебѣ добра; но вотъ теперь брата нашего Романа ты вывелъ изъ Кіева, и намъ путь кажешь изъ Русской Земли безъ нашей вины: такъ пусть разсудитъ насъ Богъ и сила крестная“. Не получивши на это никакого отвѣта, Ростиславичи, сговорившись, выѣхали тайно ночью въ Кіевъ, схватили Всеволода Юрьевича, племянника его Ярополка, всѣхъ бояръ ихъ, и посадили въ Кіевѣ брата своего Рюрика. Потомъ отправились они къ Торческу на Михаила: тотъ держался шесть дней, а на седьмой помирился съ Ростиславичами, обѣщавъ быть съ ними заодно противъ Андрея и Святослава Черниговскаго, за что Ростиславичи обѣщали добыть ему къ Торческу Переяславль, гдѣ сидѣлъ молодой племянникъ его, Владиміръ, сынъ покойнаго Глѣба; братъ Михаилъ, Всеволодъ, былъ выпущенъ изъ плѣна, но племянникъ Ярополкъ удержанъ, и братъ его, Мстиславъ, выгнанъ изъ своей волости, Треноля¹⁾.

Услышавъ объ этихъ происшествіяхъ на югѣ, Андрей сильно разсердился, чему очень обрадовались Ольговичи черниговскіе; они послали къ Андрею подумать его на Ростиславичей, велѣли сказать ему: „Кто тебѣ врагъ,—тотъ и намъ; мы готовы идти съ тобою“. Андрей, говоритъ лѣтописецъ, принявъ совѣтъ ихъ, исполнился высокоумія, сильно разсердился, надѣясь на плеточку сплу, отгородившись множествомъ войска, разжегся гнѣвомъ, призвалъ мечника своего Михна и наказавъ ему:

Владиміра Ярославича Галицкаго, котораго отпустилъ въ Черниговъ; а Ростиславичи требовали послѣднего видно для того, чтобъ посредствомъ него пріобрѣсти союзъ съ Ярославомъ Галицкимъ.

¹⁾ Такъ говоритъ все южный лѣтописецъ (Поли. Собр. Русск. Лѣт. II, 109), по сѣверный иначе (I, 155): „Непорочимая Ростиславичемъ князю Андрею и въ воли его неходившимъ, наче же Давидъ Ростиславичъ Вышнегородскій князь, едучамъ съ братьевъ своею» и проч.

„Поѣзжай къ Ростиславичамъ и скажи имъ: не обдите въ моей волѣ, такъ ступай же ты, Рюрикъ, въ Смоленскъ къ брату, въ свою отчину; Давиду скажи: ты ступай въ Верладъ, въ Русской Землѣ не вѣлю тебѣ быть; а Мстиславу молви: ты всему зачипщикъ, не вѣлю тебѣ быть въ Русской Землѣ“. Мстиславъ, по словамъ лѣтописца, смолоду привыкъ не бояться никого, кромѣ одного Бога; онъ велѣлъ Андрееву послу остричь передъ собою голову и бороду, и отослать его назадъ къ Андрею съ такими словами: „Ступай къ своему князю и скажи отъ насъ ему: мы до сихъ поръ почитали тебя какъ отца по любви; но если ты прислать къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ князю, но какъ къ подручнику и простому человѣку, то дѣлай, что замыслилъ, а Богъ насъ разсудитъ“. Роковое слово: *подручникъ*, въ противоположность князю, было произнесено; южные князья поняли перемѣну въ обхожденіи съ ними сѣвернаго самовластца, поняли, что онъ хочетъ прежнія родственныя отношенія старшаго къ младшимъ замѣнить новыми, подручными, не хочетъ болѣе довольствоваться только тѣмъ, чтобъ младшіе имѣли его какъ отца по любви, но хочетъ, чтобъ они безусловно исполняли его приказанія, какъ подданные. — Андрей опять въ лицѣ, когда услышалъ отъ Михна отвѣтъ Мстиславовъ, и велѣлъ тотчасъ же собирать войско. Собрались Ростовцы, Суздальцы, Владимірцы, Переяславцы, Бѣлозерцы, Муромцы, Новгородцы и Рязанцы; Андрей съелъ ихъ и нашелъ 50,000; онъ послалъ съ ними сына своего Юрія да воеводу Бориса Жидиславича съ такимъ наказомъ: „Рюрика и Давида выгоните изъ моей отчины, а Мстислава схватите и, не дѣлая ему ничего, приведите ко мнѣ“. Умень былъ князь Андрей, говоритъ лѣтописецъ, во всѣхъ дѣлахъ и доблестяхъ; но погубилъ смыслъ своей воздержаніемъ, и, распалившись гнѣвомъ, сказала такіа дерзкія слова. Когда рать Андреева шла мимо Смоленска, то князь тамошій Романъ принужденъ былъ отпустить съ нею свои полки и сына на родныхъ братьевъ, потому что былъ въ рукахъ Андреевыхъ; князьямъ полоцкимъ, туровскимъ, пинскимъ и городенскимъ также велѣно было идти вѣтъ; въ Землѣ Черниговской присоединились къ Андреевой рати Ольговичи; потомъ подошли Юрьевичи Михаилъ и Всеволодъ, племянники ихъ Мстиславъ и Ярополкъ²⁾ Ростиславичи, Владиміръ Глѣбовичъ изъ Переяславля, Берендѣи, Поросье: всѣхъ князей было больше двадцати. Они перешли Днѣпръ и выѣхали въ Кіевъ безпрепятственно, потому что Ростиславичи не затворились въ этомъ городѣ, но разѣхались каждый въ свои прежнія волости: Рюрикъ затворился въ Вѣлгородѣ, Мстиславъ съ Давидовымъ полкомъ затворились въ Вышгородѣ, а самъ Давидъ поѣхалъ въ Галичъ просить помощи у князя Ярослава. Старшимъ лѣтами и племенемъ между всѣми союзными князьями былъ

²⁾ Но мы видѣли, что Ростиславичи не выпустили Ярополка изъ плѣна: стало быть послѣ отпустили.

Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій, почему и получилъ главное начальство надъ всею ратью; онъ отрядилъ сперва къ Вышгороду Всеволода Юрьевича съ Игоремъ Святославичемъ Сѣверскимъ и другими младшими князьями. Когда они подошли къ городу, то Мстиславъ Ростиславичъ выстропилъ свои полки и выѣхалъ противъ неприятеля; съ обѣихъ сторонъ сильно желали боя, и стрѣлы уже начали свое дѣло; Андреева рать была расположена тремя отдѣлами: съ одной стороны стояли Новгородцы, съ другой—Ростовцы, а въ серединѣ ихъ Всеволодъ Юрьевичъ съ своимъ полкомъ. Мстиславъ, видя, что его стрѣлки смѣшались уже съ неприятельскими ратниками, погналъ вѣдѣ за ними, закричалъ дружинѣ: «Братья! ударимъ съ Божією помощію и святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба». Они смiali средней полкъ Всеволодовъ и смѣшались съ неприятелемъ, который обхватывалъ со всѣхъ сторонъ малочисленную дружину; встало страшное смятеніе, говоритъ лѣтописецъ: слышались стоны, крики, какіе-то странные голоса, раздавался трескъ копій, звукъ мечей, въ густой пыли нельзя было различить ни коннаго, ни пѣшаго; наконецъ, послѣ сильной схватки, войска разошлись; много было рапныхъ, но мертвыхъ немного. Послѣ этой битвы младшихъ князей, подступили къ Вышгороду всѣ остальные, старіе, съ своими полками; каждый день дѣлался приступъ; Мстиславъ много терялъ своихъ добрыхъ воиновъ убитыми и ранеными, но не думалъ о сдѣлѣ. Такимъ образомъ девять недѣль стояли уже князья подъ Вышгородомъ, когда явился Ярославъ Изяславичъ Луцкій со всею Волыскою Землею; онъ пришелъ искать себѣ старшинства; но Ольговичи не хотѣли уступить ему Кіева. Тогда онъ завелъ переговоры съ Ростиславичами; тѣ уступили ему Кіевъ, и онъ отправился къ Юрьку въ Бѣлгородъ. Страхъ напалъ на Андреевыхъ союзниковъ; они говорили, что Ростиславичи непременно соединятся съ Галичанами и Черными Клобуками, и нападутъ на нихъ; въ войскѣ наступило страшное смятеніе и, не дожидаясь свѣта, все бросилось переправляться черезъ Днѣпръ, причемъ много людей перетонуло. Мстиславъ, увидавши всеобщее бѣгство, выѣхалъ съ дружиною изъ Вышгорода и ударилъ на неприятельскій станъ, гдѣ взялъ много плѣнниковъ. Такъ возвратился вся сила Андрея князя Суздальскаго, говоритъ лѣтописецъ; собралъ онъ всѣ земли и войску его не было числа; пришли они съ высокомыслиемъ, и со смиреніемъ отошли въ дома свои. Причина такого неожиданнаго успѣха Ростиславичей ясна изъ разсказа лѣтописца. Огромная рать пришла въ надеждѣ на вѣрный успѣхъ, и съ перваго же раза увидала, что успѣхъ этотъ долженъ быть купленъ большимъ трудомъ; это уже одно обстоятельство должно было произвести упадокъ духа въ войскѣ осаждающихъ. Известно изъ послѣдующихъ событій, что сѣверное народонаселеніе вовсе не отличалось воинскимъ духомъ; смоленскіе полки были по-неволя; нельзя думать, чтобъ и Новгородцы сражались съ большою охотою, равно какъ и князья

полоцкіе, туровскіе, пинскіе, городенскіе, которые рѣшительно было все равно, кто побѣдитъ—Андрей или Ростиславичи. Юрьевичи не могли усердно сражаться въ угоду брату, съ которымъ вовсе не были въ дружескихъ отношеніяхъ, особенно когда видѣли, что двое князей—Черниговскій и Волынскій—спорятъ, кому долженъ достаться Кіевъ; можно думать, что Андрей общалъ Кіевъ Святославу Черниговскому, а если не общалъ никому, если ни одинъ изъ князей не зналъ, кто воспользуется побѣдою Суздальскаго князя надъ Ростиславичами, на кого изъ нихъ сѣверный самовластецъ броситъ благосклонный взглядъ,—то ясно, какъ это незнаніе должно было ослаблять усердіе князей. И вотъ, когда увидали, что Волынскій князь перешелъ на сторону Ростиславичей, когда, слѣдовательно, онъ съ Юрькомъ могъ ударить на осаждающихъ съ одной стороны отъ Бѣлгорода. Мстиславъ изъ Вышгорода, Давидъ могъ явиться съ галицкою помощію, и Черные Клобуки перейти на сторону Ростиславичей,—то неудивительно, что ужасъ напалъ на сборную Андрееву рать—и она бросилась бѣжать за Днѣпръ¹⁾.

¹⁾ См. Татищ. III, 193. Въ Ипатьев. списокѣ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 109) находится неконченная вставка, о которой г. Погодинъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ (Журн. Мин. Нар. Пров. Часть LXIV, 1849): «Кіевская лѣтопись разсказываетъ о первомъ требованіи Андрея, объ отказѣ Ростиславичей, о второмъ приказѣ Андрея братьямъ—идти въ Смоленскъ, о послушаніи Романа, о занятіи Кіева братомъ Андреевымъ Всеволодомъ, которому уступилъ его Михалко, о попыткѣ прочіихъ Ростиславичей умилостивить Андрея, оставшейся безъ отвѣта, о занятіи ими Кіева възвѣдомъ, о илѣненіи тѣмъ Всеволоду, о договорѣ съ Михалкомъ, и послѣ всѣхъ сихъ происшествій вдругъ опять повторяетъ: «Тою же лѣтѣ Андрей князь Суздальскій, разгнѣваясь на Ростиславичи про Григорья про Хотовича, за не воли его не учиниша—и се слышавше Ольговичи, ради быша... поводоче и на Ростиславиче... Андрей же приимъ свѣтъ вх... посла Михна» и проч.— Ясно, что было два описанія этихъ происшествій, кон лѣтописатель, редакторъ, или переписчикъ, списавъ сразу, а не раздѣливъ по явѣтамъ.—Такъ заключаетъ г. Погодинъ, и на этомъ заключеніи должно было бы остановиться. Дѣйствительно, послѣдній лѣтописецъ составлялъ свой разсказъ по двумъ извѣстіямъ; окончивъ разсказъ событій до третьяго посольства Андреева словами «а Михалко не прия его», лѣтописецъ долженъ былъ помѣтить извѣстіе объ участіи Ольговичей въ дѣлѣ, извѣстіе, которое находилось въ другой лѣтописи, и помѣстивъ его безъ всякой связи съ прежнимъ разсказомъ; какъ видно, эта вторая лѣтопись была кратче первой, въ родѣ Суздальской; въ ней это извѣстіе объ Ольговичахъ помѣщено было прямо послѣ извѣстія о Хотовичѣ; а можетъ быть даже разсказъ о войнѣ прямо начинался съ этихъ словъ, только съ легкимъ намекомъ на дѣло Хотовича. Итакъ, въ разсказѣ Ипатьев. списка мы замѣчаемъ только вставку объ Ольговичахъ, послѣ которой опять слѣдуетъ разсказъ о сношеніяхъ Андрея съ Ростиславичами, и потому намъ кажутся совершенно лишними дальнѣйшія затрудненія, которыя выставляеть г. Погодинъ; нѣтъ ничего страннаго, что Андрей въ третьемъ приказѣ не упоминалъ ни слова о занятіи Кіева и илѣненіи брата, а повторяетъ все старое: «не ходите въ моей волѣ»; развѣ въ первомъ приказѣ онъ упоминалъ, въ чемъ состояло нехотѣніе Ростиславичей въ его волѣ? Объ освобожденіи Михна говоритъ нечего: лѣтописецъ прямо говоритъ, что между князьями положено было освободить дружину, а если послѣ гово-

Ростиславичи послѣ побѣды исполнили свое обѣщаніе, положили старшинство на Ярослава и дали ему Кіевъ; но онъ недолго сидѣлъ здѣсь спокойно; Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій прислалъ сказать ему: „Вспомни прежній панъ уговоръ, на чемъ ты мнѣ цѣловалъ крестъ; ты мнѣ горорилъ: если я сяду въ Кіевъ, то я тебя надѣлю; если же ты сядешь въ Кіевъ, то ты меня надѣли; теперь ты сѣлъ—право ли, криво ли—надѣли же меня“. Ярославъ велѣлъ отвѣчать ему: „Зачѣмъ

тебѣ наша отчина? тебѣ эта сторона не надобна“. Святославъ прислалъ опять сказать ему на это. „Я не Венгерецъ и не Ляхъ, мы всѣ одного дѣда внуки, и сколько тебѣ до него, столько же и мнѣ (т.-е. я имѣю одинакую съ тобою степень старшинства на родовой лѣтствицѣ); если не хочешь исполнять стараго договора, то твоя воля“. Въ то время, когда Мстиславичи боролись съ новыми стремленіями, явившимся на сѣверѣ, отставали родовыя отношенія между старшимъ княземъ и младшими,

речь, что одинъ князь Ярополкъ былъ задержанъ, то ясно, что изъ дружины никто не былъ задержанъ; притомъ же, съ другой стороны, не знаемъ, должно ли непременно настаивать на томъ, что взятый въ Кіевѣ бояринъ Михъ былъ непремѣнно меникъ Андреевъ; зачѣмъ было этому посланцу такъ долго оставаться въ Кіевѣ послѣ перваго приѣзда своего съ обвиненіемъ Хотовича? ибо лѣтописи ничего не говорятъ о томъ, чтобы второе посольство къ Роману съ приказомъ идти въ Смоленскъ было отправлено Михомъ. Не знаемъ, на какомъ основаніи г. Погодинъ позволяетъ себѣ заключать, что было пространное описаніе княженія Андреева, которое лѣтописатели различно сократили и неправильно разбѣстали, такъ что теперь недостаетъ многихъ среднихъ извѣстій, и оставшіяся представляются сбивчиво. Предъ нами рассказъ полый, носіцій ясныя слѣды составленія, пополненія, а не сокращенія; какихъ же среднихъ извѣстій недостаетъ? — Далѣе, въ рассказѣ о самой войнѣ г. Погодинъ находитъ также затрудненія и пропуски, которыхъ мы не видимъ: такъ онъ говоритъ: «Ольговичи не уступили Кіева Ярославу Изяславичу, значитъ, что Кіевъ Андреемъ былъ предоставленъ теперь имъ (обстоятельство, пропущенное всѣми лѣтописателями). Безъ воли Андреевой они не могли бы имѣть притязанія на Кіевъ». Но спрашиваемъ: какъ же могъ имѣть притязаніе на Кіевъ Ярославъ Изяславичъ мимо воли Андреевой?—Потомъ г. Погодинъ говоритъ: «Ярополкъ пошелъ на помощь къ Рюрику, сидѣвшему въ Вышгородѣ. А почему не остался онъ помогать осаждающему Мстиславу? Можетъ быть потому, что Рюрикъ собственно уступалъ ему Кіевъ, бывший въ его владѣніи. Если Рюрику нужна была помощь, то ясно, что часть Андреевой рати осаждала брата его въ Вышгородѣ (обстоятельство, пропущенное лѣтописателями)». — Но спрашиваемъ: на какомъ основаніи г. Погодинъ прибавилъ отъ себя, что Ярославъ пошелъ на помощь къ Рюрику? въ лѣтописи этого не сказано; по смыслу ея рассказъ выходитъ, что Ярославъ пошелъ для соединенія съ Рюрикомъ, осаждающіе побѣжали, боясь именно соединенія Ростиславичей съ союзниками. Также безъ всякаго права г. Погодинъ предполагаетъ, что выраженіе: «Я то видѣше и убояхися» относится къ Ольговичамъ; на этомъ предположеніи г. Погодинъ основываетъ еще новое, столько же несомнительное, онъ говоритъ: «Не было ли еще какой изъбыти со стороны Ольговичей, замѣченной Андреевыми волями, которая побудила ихъ еще болѣе оставить осаду? Можетъ быть была и изъбыти; по крайней мѣрѣ мы читаемъ въ лѣтописи, что, по занятіи Кіева Ярославомъ, Святославъ Черниговскій прислалъ сказать ему: «на чемъ ты цѣловалъ крестъ? вспомни первый рядъ; ты сказалъ мнѣ, что надѣляшь меня, когда сядешь въ Кіевъ, равно какъ и я надѣлялъ бы тебя, если бы сѣлъ въ Кіевъ; панъ ты сѣлъ, право ли криво; надѣли же меня». Сравнивается: когда былъ этотъ первый рядъ у Ярослава со Святославомъ? Цѣлью предполагать здѣсь какого-нибудь прежняго ряда, умолченного лѣтописателями, потому что если бы онъ и былъ, то уничтожился бы новыми отношеніями, раздоромъ подъ Вышгородомъ, и упоминаніе о немъ было бы невозможно. За что-бы просить Святославу надѣленъ? Онъ помогалъ Андрею, онъ не уступалъ Ярославу Кіева, который получилъ князь Луцкій, уже урядился не съ Ольговичами, а съ Ростиславичами. Ясно, что Святославъ не имѣлъ права

требовать никакого надѣленія, еслибъ дѣло было только такъ, какъ записано. Ясно, что рядъ этотъ, о которомъ упоминаетъ Святославъ, былъ тайный, подъ Вышгородомъ, т.-е. всѣ князья тамъ сговорились, уладившись: Ольговичи, Ростиславичи и Ярославъ. Ярославъ Луцкій получилъ Кіевъ; Ростиславичи освобождались отъ грозы Андреевой и оставались на своихъ прежнихъ удѣлахъ; Святославъ Кіевскій получалъ надѣленіе въ Кіевской области. Всѣ переговоры происходили тайно отъ Андреевскаго рати, а чтобы сохранить личную передъ ней, Ольговичи бросились, какъ будто искутавшіе грозившей галицкой помощи. Такимъ образомъ рать Андреева, предоставленная самой себѣ, не могла ничего дѣлать противъ Мстислава и удалялась. Вотъ объясненіе этого, иначе непонятнаго происшествія». —

Такъ разсуждаетъ г. Погодинъ. Забѣтимъ, во первыхъ, что никакъ нельзя предпологать, чтобы рядъ, о которомъ упоминаетъ послѣ Святославъ Ярославу, былъ заключенъ между ними тайно подъ Вышгородомъ съ вѣдомъ Ростиславичей; если-бы, какъ говоритъ г. Погодинъ, князья уладившись подъ Вышгородомъ такъ, что Ярославъ Луцкій получилъ Кіевъ, а Святославъ надѣленъ, послѣ чего Святославъ побѣждалъ, давая такимъ образомъ Ярославу престолю владѣть Кіевомъ, то какими образомъ Черниговскій князь будетъ говорить послѣ, что рядъ ихъ былъ при предположеніи, что Кіевъ могъ достаться тому или другому? При условіи ряда, предположеннаго г. Погодинымъ, Святославъ непремѣнно долженъ былъ бы говорить Ярославу: «Я тебѣ уступилъ Кіевъ подъ условіемъ надѣленія; ты теперь сидишь въ Кіевѣ, такъ надѣли меня». Вотъорыхъ, еслибъ рядъ былъ заключенъ подъ Вышгородомъ, то Святославъ не сказалъ бы: «А помяни *первый* рядъ», потому что рядъ подъ Вышгородомъ былъ бы послѣднимъ, ясно, что первый означаетъ здѣсь *прежній, древній*. Объ уничтоженіи этого прежняго ряда новыми отношеніями нечего было думать Святославу; ему дужень было только предложить получить волости или предложить взять ихъ силою; притомъ же этотъ рядъ былъ такъ неопредѣленъ, во всякомъ случаѣ, когда одному удалось сѣсть въ Кіевъ, онъ долженъ надѣлать другаго. Далѣе: если-бы Святославъ точно урядился съ Ярославомъ и Ростиславичами, то онъ могъ бы удалиться спокойно, не топя своихъ ратниковъ въ Днѣпрѣ, и зачѣмъ же въ такомъ случаѣ Мстиславъ ударилъ на станъ осаждающихъ и побралъ много колодниковъ? Какъ уже было замѣчено, г. Погодинъ не имѣетъ основанія отдѣлать войска Ольговичей отъ остальныхъ полковъ Андреевыхъ, потому что лѣтописецъ говоритъ безразлично. Если г. Погодинъ слова: «и то видѣше и убояхися» отнести къ Ольговичамъ, то долженъ отнести къ Ольговичамъ же и послѣднія слова: «И то видѣвъ Мстиславъ, и видѣвъ изъ горда съ дружиною своею, и гнавши дружина его и ударивши на тоуръ ихъ; и много колодникъ пчимаши». Все войско испугалось, все войско бросилось бѣжать, и потому г. Погодинъ не имѣетъ никакого права сказать: «Такимъ образомъ рать Андреева, предоставленная самой себѣ, не могла ничего дѣлать противъ Мстислава и удалялась». Она не удалялась послѣ Ольговичей, а бѣжала въ ужасѣ вмѣстѣ съ другими. Наконецъ, если-бы Ольговичи побѣждали первые, то уже конечно лѣтописецъ не преищулъ бы сказать это имъ въ укоръ.

въ то самое время, съ другой стороны, они должны были вести борьбу съ княземъ, для котораго они сами являлись нововводителями, нарушителями стараго порядка вещей, съ княземъ, который стоитъ не только за родовыя отношенія между стариннымъ и младшимъ князьями, но напоминаетъ о единствѣ всего потомства Ярославова, борется за общность владѣнія всею Русскою Землею, тогда какъ Мстиславичи хотятъ удержать Кіевъ навсегда за собою. Черниговскій князь, видя, что Ярославъ не хочетъ вѣнчать старинныхъ уговоромъ, рѣшился, по примѣру отца и деди, попытаться силою овладѣть Кіевомъ; время было благоприятное: Андрей утратилъ свое вліяніе на югъ; Ростиславичи, силою обстоятельствъ вынужденные признать старшинство Ярослава, равнодушны къ нему, Юрьевичи—также; и вотъ Святославъ, соединяясь съ братьею, явился нечаянно подъ Кіевомъ. Ярославъ, боясь затвориться въ городѣ одинъ, побѣжалъ въ Луцкъ, а Черниговскій князь въѣхалъ въ Кіевъ, захватилъ все имѣніе Ярославово, жену его, сына, всю дружину, и отослалъ въ Черниговъ. Но онъ самъ не могъ долго оставаться въ Кіевѣ, потому что двоюродный братъ его Олегъ Святославичъ напалъ на Черниговскую волость, желая, какъ видно, быть здѣсь преемникомъ Святослава. Но послѣдній, занявши Кіевъ нечаянно (изъвздожь), не надѣялся окончательно утвердиться здѣсь, боялся судьбы Изяслава Давидовича, и потому не хотѣлъ уступить прежней волости двоюродному брату; онъ пошелъ на Олега, пожегъ его волость, надѣлалъ, по обычаю, много зла; а между тѣмъ Ярославъ, узнавъ, что Кіевъ стоитъ безъ князя, пріѣхалъ опять, и въ сердцахъ задумалъ взять на Кіевлянахъ то, что отнято было у него Святославомъ: „Вы подвели на меня Святослава“, сказалъ онъ имъ, „такъ променяйтесь, чѣмъ выкупить княгиню и сына“. Когда Кіевляне не знали что ему на это отвѣчать, то онъ велѣлъ грабить весь Кіевъ, игуменовъ, поповъ, монаховъ, монахинь, иностранцевъ, гостей, даже кельи затворниковъ. Святослава было ему нечего бояться: тотъ, собираясь идти на Олега, помирился съ Ярославомъ, чтобъ свободнѣе защищать свою вѣрную волость. Въ это время Ростиславичи вошли опять въ сношенія съ Андреемъ; они вѣроятно знали, или, по крайней мѣрѣ, должны были догадываться, какъ непріятно смотрѣлъ онъ на то, что Кіевъ достался опять враждебному племени Изяславичей, которое не думало признавать его старинства, и потому рѣшился послать къ нему съ просьбою, чтобы помогъ овладѣть Кіевомъ опять брату ихъ Роману, противъ котораго онъ не могъ питать вражды. „Подождите немного, велѣлъ отвѣчать имъ Андрей: послалъ я къ братьѣ своей въ Русь; какъ придетъ мнѣ отъ нихъ вѣсть, тогда дамъ вамъ отвѣтъ“. Изъ этихъ словъ видно, что Андрей не хотѣлъ оставлять въ покоѣ юга, сносясь съ братьями, вѣроятно замышляя тамъ новыя перемены, и Ростиславичи снѣшлись хлопотать о томъ, чтобъ эти перемены были къ ихъ

выгодѣ. Но Андрей не дождался вѣстей отъ братьевъ.

Мы видѣли, что Андрей выгналъ изъ своей волости старыхъ бояръ отцовскихъ и окружилъ себя новыми; видѣли также, какимъ повелительнымъ тономъ говорилъ Андрей даже и съ князьями; можемъ заключить, что онъ былъ повелителенъ и строгъ съ окружающими его; такъ онъ казнилъ смертью одного изъ ближнихъ родственниковъ своихъ по желѣ, Кучковича; тогда братъ казненаго, Якимъ, вмѣстѣ съ зятемъ своимъ Петромъ и нѣкоторыми другими слугами княжескими, рѣшился злодѣйствомъ освободиться отъ строгаго господина. Мы знаемъ также, что русскіе князья принимали къ себѣ въ службу пришельцевъ изъ разныхъ странъ и народовъ; Андрей подражалъ въ этомъ отношеніи всемъ князьямъ, охотно принималъ пришельцевъ изъ земель христіанскихъ и нехристіанскихъ, латиновъ и православныхъ, любилъ показывать имъ свою великолѣпную церковь Богоматери во Владимірѣ, чтобъ иновѣрцы видѣли истинное христіанство и крестились, и многие изъ нихъ крестились дѣйствительно. Въ числѣ этихъ покровренныхъ иноземцевъ находился одинъ Ясъ, именемъ Апбалъ; онъ пришелъ къ Андрею въ самомъ жалкомъ видѣ, былъ принятъ въ княжескую службу, получилъ мѣсто ключника и большую силу во всемъ домѣ; въ числѣ приближенныхъ къ Андрею находился также какой-то Ефремъ Моизичъ, котораго отчество—Моизичъ или Моисеевичъ—указываетъ на жидовское происхожденіе. Двое этихъ-то восточныхъ рабовъ ставлены лѣтписцемъ, вмѣстѣ съ Кучковичемъ и зятемъ его, какъ зачинщики дѣла; всѣхъ же заговорщиковъ было двадцать человекъ; они говорили: „Нынче казнить онъ Кучковича, а завтра казнить и насъ; такъ промыслимъ объ этомъ князѣ!“ Кромѣ злобы и опасенія за свою участь, заговорниковъ могла побуждать и зависть къ любимцу Андрееву, какому-то Проконійю. 28 іюня 1174 года, въ пятницу, въ обѣдную пору, въ селѣ Боголюбовѣ, гдѣ обыкновенно жилъ Андрей, собрались они въ домѣ Кучкова зятя Петра, и рѣшились убить князя на другой день, 29 числа, ночью. Въ условленный часъ заговорщики вооружились и пошли къ Андреевой спальнѣ; по ужасу напалъ на нихъ, они бросились бѣжать изъ сѣней, зашли въ погребъ, наняли вина, и, ободрившись имъ, пошли опять на сѣни. Подошедши къ дверямъ спальни, одинъ изъ нихъ началъ звать князя: „Господинъ! Господинъ!“ чтобъ узнать, тутъ ли Андрей. Тотъ, услышавши голосъ, закричалъ: „Кто тамъ?“ Ему отвѣчали: „Проконій“. — „Мальчикъ!“ сказала тогда Андрей спавшему въ его комнатѣ слугѣ: „вѣдь это не Проконій?“ Между тѣмъ убійцы, услышавши Андреевъ голосъ, начали стучать въ двери и выломали ихъ. Андрей вскочилъ, хотѣлъ схватить мечъ, который былъ всегда при немъ (онъ принадлежалъ в. Борису); но меча не было: ключникъ Апбалъ укралъ его днемъ изъ спальни. Въ это время, когда Андрей искалъ меча, двое убійць вскочили въ спальню к бро-

сились на него; но Андрей былъ силенъ, и уже успѣлъ одного повалить, какъ въбѣжали остальные и, не различивъ сперва въ потьмахъ, ранили своего, который лежалъ на землѣ, потомъ бросились на Андрея; тотъ долго отбивался, несмотря на то, что со всѣхъ сторонъ сѣкли его мечами, саблями, колюли копьями. „Нечестивци! кричалъ онъ имъ: зачѣмъ хотите сдѣлать то же, что Горисѣвъ (убійца Св. Глѣба)? Какое я вамъ зло сдѣлалъ? Если прольете кровь мою на землѣ, то Богъ отомститъ вамъ за мой хлѣбъ“. Наконецъ Андрей упалъ подъ ударами; убійцы, думая, что дѣло кончено, взяли своего раненаго, вышли вонъ изъ спальни, дрожа всѣмъ тѣломъ. Но какъ скоро они вышли, Андрей поднялся на ноги и пошелъ подъ сѣни, громко стоная; убійцы услышали стоны и возвратились назадъ; одинъ изъ нихъ говорилъ: — „Я самъ видѣлъ, какъ князь сошелъ съ сѣной“. — „Ну такъ пойдемте искать его,“ отвѣчали другіе. Войдя въ спальню и видя, что его тутъ нѣтъ, начали говорить: „Погибли мы теперь! стаяемъ искать поскорѣе“. Зажали свѣчи и нашли князя по кровавому слѣду; Андрей сидѣлъ за лѣстничнымъ столикомъ; на этотъ разъ борьба не могла быть продолжительна съ ослабѣвшимъ отъ ранъ княземъ: Петръ отскочилъ ему руку; другіе покончили его.

Порѣшивши съ княземъ, заговорщики пошли — убили любимца его, Прокопія; потомъ пошли на сѣни, вынули золото, дорогіе камни, жемчугъ, ткани и всякое имѣніе, навьючили на лошадей и до свѣта отослали къ себѣ по домамъ, а сами разобрали княжеское оружіе и стали набирать дружину, боясь, чтобъ Владимірцы не ударили на нихъ; для отнятія у послѣднихъ возможности къ этому, они придумали также завести смуту въ городѣ, произвести рознь, вражду между гражданами, для чего послали сказать имъ: „Не собираетесь ли вы на насъ? такъ мы готовы принять васъ и покончить съ вами: вѣдь не одною нашею душою убить князь, есть и между вами наши сообщники“. Владимірцы отвѣчали: „Кто съ вами въ думѣ, тотъ пусть при васъ и остается, а намъ не надобенъ“. Убійцы впрочемъ боялись напрасно. Владимірцы не двинулись на нихъ: безъ князя, въ неизвѣстности о будущей судьбѣ, не привыкли дѣйствовать самостоятельно, они не могли ничего предпринять рѣшительнаго, ждали, что начнутъ старшіе города, а между тѣмъ безначаліе вездѣ произвело волненія, грабежи; мы видѣли, что убійцы начали расхищеніе казны княжеской; вслѣдъ за ними явились на княжій дворъ жители Боголюбова и остальные дворяне, пограбили, что осталось отъ заговорщиковъ, потомъ бросились на церковныхъ и на латныхъ строителей, призванныхъ Андреемъ въ Боголюбовъ, пограбили ихъ¹⁾; грабежи и убійства происходили по всей волости; пограбили и побили посадниковъ княже-

скихъ, тиуновъ, дѣтскихъ, мечниковъ. Надежда добычи подняла и сельскихъ жителей: они приходили въ города и помогали грабить; грабежи начались и во Владимірѣ, но прекратились, когда священники съ образомъ Богородицы стали ходить по городу. По словамъ лѣтописца, народъ грабилъ и билъ посадниковъ и тиуновъ, не зная, что гдѣ законъ, тамъ и обидъ много; эти слова показываютъ, что при Боголюбскомъ точно было много обидъ на сѣверѣ.

Во время этихъ смутъ тѣло убитаго князя оставалось непогребеннымъ; въ первый же день послѣ убійства, преданный покойному слуга, Кузьма Кіевлянинъ, пошелъ на княжій дворъ и, видя, что тѣла нѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Андрей, сталъ спрашивать: „Гдѣ же господинъ?“ Ему отвѣчали: „Вонъ лежитъ вывощенъ въ огородѣ; да ты не смѣй брать его: всѣ хотятъ выбросить его собакамъ; а если кто за него примется, тотъ намъ врагъ, убьемъ и его“. Кузьма пошелъ къ тѣлу и началъ плакаться надъ нимъ: „Господишъ мой, господишъ мой! какъ это ты не почувалъ скверныхъ и нечестивыхъ враговъ, когда они шли на тебя? какъ это ты не смѣлъ побѣдить ихъ: вѣдь ты прежде умѣлъ побѣждать полки поганыхъ Болгаръ?“ Когда Кузьма плакался надъ тѣломъ, подошелъ къ нему ключникъ Анбалъ. Кузьма, взглянувъ на него, сказалъ: „Анбалъ, вражій сынъ! дай хоть коверъ или что-нибудь подостлать и прикрыть господина нашего“. — „Ступай прочь, отвѣчалъ Анбалъ, мы хотимъ бросить его собакамъ“. — „Ахъ, ты еретикъ, сказала ему на это Кузьма: собакамъ выбросить? да помнишь ли ты, жидъ, въ какомъ платьѣ пришелъ ты сюда? теперь ты стоишь въ бархатѣ, а князь нагой лежитъ; но прошу тебя честью, сбрось мнѣ что-нибудь“. Анбалъ усовѣстился и сбросилъ коверъ и корзно; Кузьма обвертѣлъ тѣло и понесъ его въ церковь; но когда сталъ просить, чтобъ отворили ему ее, то ему отвѣчали: „Брось тутъ въ притворѣ; вотъ носится, нечего дѣлать“; — уже всѣ были пьяны. Кузьма сталъ опять плакаться: „Уже тебя, господинъ, и холопы твои знать не хотятъ; бывало, придетъ гость изъ Царягорода, или изъ иной какой страны, изъ Руси ли, латынецъ, христіанинъ или поганый, прикажешь: поведи его въ церковь, въ ризницу, пусть посмотритъ на истинное христіанство и крестится, что и бывало, — крестилось много; Болгары и жида и всякая погань, видѣвши славу Вожию и украшеніе церковное, сильно плачутъ по тебѣ; а эти не пускаютъ тебя и въ церковь положить“. Поплакавши, Кузьма положилъ тѣло въ притворѣ, покрывъ корзномъ, и здѣсь оно пролежало двое сутокъ. На третій день пришелъ Козмодемьянскій игумень Арсеній и сказалъ: „Долго ли намъ смотрѣть на старшихъ игуменовъ и долго ли этому князю лежать? Отпните церковь, отнюю надъ нимъ и положимъ его въ гробъ; когда злоба эта перестанетъ, придутъ изъ Владиміра и понесутъ его туда“. Пришли клирники боголюбскіе, внесли тѣло въ церковь, положили въ каменный гробъ и от-

¹⁾ Это за что? подѣ *длательнн* можно разумѣть архитекторовъ, иностранцевъ; послѣднее обстоятельство могло быть также причиною народнаго нерасположенія къ нимъ.

пѣли съ Арсеніемъ. На шестой уже день, когда волненіе утихло во Владиміръ, граждане сказали игумену Θεодулу и Лукѣ, демецвеннику Богородичной церкви: „Нарядите носильщиковъ, поѣдемъ, возьмемъ князя и господина нашего Андрея“; а протопопу Микулѣцѣ сказали: „Собери всеѣхъ поповъ, облачатся въ ризы и выходи передъ Серебряныя ворота съ Святою Богородицею, тутъ и дожидаетесь князя“. Θεодулъ исполнилъ ихъ волю: съ клирошанами Богородичной церкви и съ нѣкоторыми Владимірдцами поѣхалъ въ Боголюбовъ, и, взявши тѣло, привезъ во Владиміръ съ честью и съ плачемъ великимъ. Увидавши издали княжескій стягъ, который несли передъ гробомъ, Владимірцы, оставшіеся ждать у Серебряныхъ воротъ, не могли удержаться отъ рыданій и начали приговаривать: „Уже не въ Киевъ ли поѣхалъ ты, господинъ нашъ, въ ту церковь у Золотыхъ воротъ, которую послалъ ты строить на великомъ дворѣ Ярославомъ; говорилъ ты: хочю построить церковь такую же, какъ и ворота эти Золотыя, да будетъ память всему отечеству моему“. Андрея похоронили въ построенной имъ церкви Богородичной (1174 г.).

Какъ скоро вѣсть о смерти Андреевой разнеслась по волости, то Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы и вся дружина отъ мзла и до велика съѣхались во Владиміръ и сказали: „Дѣлать нечего, такъ уже случилось, князь нашъ убитъ, дѣтей у него здѣсь нѣтъ, сыночекъ его молодой въ Новгородѣ, братья въ Руси; за какимъ же княземъ намъ послать? Собди у насъ князья муромскіе и рязанскіе,—надобно бояться, чтобъ они не пришли на насъ внезапно ратью; пошлемъ-ка къ Рязанскому князю Глѣбу (Ростиславичу), скажемъ ему: князя нашего Богъ взялъ, такъ мы хотимъ Ростиславичей Мстислава и Ярополка, твоихъ шурьевъ“ (сыновой старшаго сына Юрія). — „Они забыли, говоритъ лѣтописецъ, что цѣловали крестъ князю Юрію посадить у себя меньшихъ сыновой его, Михаила и Всеволода, нарушили клятву, посадили Андрея, а меньшихъ его братьевъ выгнали; и теперь послѣ Андрея не вспомнили о своей прежней клятвѣ, но все слушали Дѣдильда да Бориса, рязанскихъ пословъ“. — Какъ было рѣшено, такъ и сдѣлали; цѣловали образъ Богородицы и послали сказать Глѣбу: „Твои шурья будутъ нашими князьями; приставай къ нашимъ посламъ своимъ и отправь всеѣхъ вмѣстѣ за ними въ Русь“. Глѣбъ обрадовался такой чести, что выбрали его шурьевъ въ князья, и отправилъ къ нимъ пословъ въ Черниговъ, гдѣ они тогда жили. Послы отъ сѣверной дружины сказали Ростиславичамъ: „Вашъ отецъ добръ былъ, когда жилъ у насъ; поѣжайте къ намъ княжить, а другихъ не хотимъ“. Эти другіе были младшіе Юрьевичи Михаилъ и Всеволодъ, которые тогда находились также въ Черниговѣ: какъ видно, все четверо, и дяди и племянники, прибѣжали вмѣстѣ съ Святославомъ изъподъ Вышгорода и не смѣли послѣ того возвратиться въ прежній свои волости на Поросьи. Ростиславичи отвѣчали посламъ: „Помоги Богъ дру-

жинѣ, что не забываетъ любви отца нашего“; но, несмотря на то, что звали ихъ однихъ, они не захотѣли ѣхать безъ дядей Юрьевичей, и сказали: „Либо добро, либо лихо всемъ намъ; поидемъ все четверо, Юрьевичей двое да Ростиславичей двое“. Напередъ поѣхали двое—Михаилъ Юрьевичъ и Ярополкъ Ростиславичъ; Михаилу дали старшинство, причемъ все цѣловали крестъ изъ рукъ Черниговскаго епископа¹⁾. Когда князья пріѣхали въ Москву, то Ростовцы разсердились, узнавши, что вмѣстѣ съ Ростиславичемъ пріѣхалъ и Юрьевичъ; они послали сказать Ярополку: „Ступай сюда“, а Михаилу: „Подожди немного на Москвѣ“. Ярополкъ тайкомъ отъ дяди поѣхалъ къ Переяславию, гдѣ стояла тогда вся дружина, выѣхавшая на-встрѣчу къ князьямъ; а Михаилъ, узнавъ, что Ростиславичъ отправился по Ростовской дорогѣ, поѣхалъ во Владиміръ и затворился здѣсь съ одними гражданами, потому что дружина владимірская, въ числѣ 1500 человекъ, отравила также въ Переяславль по приказанію Ростовцевъ. Здѣсь вся дружина цѣловала крестъ Ярополку и отправилась съ нимъ ко Владиміру выгонять оттуда Михаила; ко всемъ силамъ Земли Ростовской присоединились полки муромскіе и рязанскіе; окрестности были пожжены, городъ обложенъ. Что же заставило Владимірцевъ, не призывавшихъ къ самостоятельной дѣятельности, воспротивиться приговору старшихъ городовъ, взявъ себѣ особаго князя и отстаивать его противъ соединенныхъ силъ всей Земли Ростовской и Рязанской? Къ этому принудила ихъ явно высказавшаяся вражда старшаго города Ростова, который съ ненавистью смотрѣлъ на свой пригородокъ, населенный болѣею частью людьми простыми, ремесленными, жившими преимущественно отъ строительной дѣятельности князя Андрея, и, несмотря на то, похитившія у стараго города честь имѣть у себя столь княжескій. Ростовцы и Суздальцы говорили: „Пожжемъ Владиміръ, или пошлемъ туда посадника,—то наши холопы каменщики“. Нельзя не замѣтить также, что здѣсь въ этихъ словахъ слышится преимущественно голосъ высшаго разряда ростовскихъ жителей, бояръ, дружины вообще, которая, какъ видно, особенно не любила Андрея за нововведенія²⁾. Какъ бы то ни было, важно было начало борьбы между старыми и новыми городами, борьбы, которая должна была рѣшить вопросъ: гдѣ утвердится столь княжескій—въ старомъ ли Ростовѣ, или новомъ Владимірѣ, отъ чего зависѣлъ ходъ исторіи на сѣверѣ; заодно съ Владиміромъ, какъ слѣдуетъ ожидать, были и другіе новыя города; Переяславцы хотѣли также Юрьевичей, и поневолѣ признали Ростиславичей³⁾. Семь недѣль Владимірцы отби-

¹⁾ См. любопытныя подроб. у Татищ., III, 203 и слѣд.

²⁾ И дружина владимірская была съ осаждающими; но она могла это дѣлать поневолѣ; лѣтописецъ говоритъ, что она пошла къ Переяславию по приказанію Ростовцевъ, здѣсь присягнула Ярополку; отстать отъ общаго ополченія не было уже болѣе возможности.

³⁾ Лѣтоп. Переясл. Сузд., изд. кн. Оболен., стр. 85, 86: «А съ Переяславци иялхуть Володимирци едино сердце».

вались отъ осаждающихъ, наконецъ голодъ принудилъ ихъ сказать Михаилу: „Мирись, либо промышлай о себѣ“. Михаилъ отвѣчалъ: „Вы правы; не погибать же вамъ для меня“, — и поѣхалъ изъ города назадъ въ Русь; Владимірцы проводили его съ плачемъ великимъ, говорятъ лѣтописецъ. По отъѣздѣ Михаила, они заключили договоръ съ Ростиславичами; тѣ поклялись, что не сдѣлаютъ никакого зла городу, послѣ чего Владимірцы отворили ворота и встрѣтили князей со крестами; въ Богородичной церкви заключенъ былъ окончательный договоръ; во Владимірѣ оставался княжить младшій Ростиславичъ, Ярополкъ, а въ Ростовѣ — старшій Мстиславъ. Такимъ образомъ, благодаря мужеству Владимірцевъ, торжество Ростовцевъ было неполное; правда, столь старшаго брата поставленъ былъ у нихъ, но за то ненавистный пригородъ Владиміръ получилъ своего князя, а не посадника изъ Ростова. Но Ростовцы, и особенно бояре, принужденные уступить требованіямъ Владимірцевъ, продолжали враждовать къ послѣднимъ и вызвали ихъ къ возобновленію борьбы, столь важной для судебъ сѣвера. Южныя волости нерѣдко испытывали неудобство отъ перемѣненія князей, когда новые князья приводили съ собою свою дружину, своихъ слугъ, которымъ раздавали разныя должности, и тѣ слѣдшія обогащаются на счетъ гражданъ, зная, что недолго среди нихъ останутся; теперь сѣверъ, въ свою очередь, испыталъ то же неудобство. Ростиславичи прѣхали въ Ростовскую область съ дружинниками, набранными на югѣ, и роздали имъ посадническія должности; эти *русскіе* (т.-е. кожно-русскіе) дѣтеки, какъ называетъ ихъ лѣтописецъ, скоро стали очень тяжки для народа судебными взысками и вѣчками; но Владимірцы терпѣли не отъ однихъ русскихъ дѣтекихъ: князья, говорятъ лѣтописецъ, были молоды, слушались бояръ, а бояре подучали ихъ какъ можно больше брать, — и вотъ взяли они изъ церкви Владимірской Богородицы золото и серебро, въ первый же день отбрали ключи отъ ризницы, отняли городъ и всѣ дани, которыя назначилъ для этой церкви князь Андрей. Видно, что, кромя корыстолюбія, здѣсь дѣйствовала ненависть къ памяти Андрея, ко всему, имъ сдѣланному: хотѣли ограбить Владимірскій соборъ, великолѣпный памятникъ, который оставилъ по себѣ Андрей. Грабежъ церквей позволяли себѣ князья и дружины ихъ только въ завоеванныхъ городахъ; легко послѣ этого понять, какъ должны были смотрѣть Владимірцы на ограбленіе своего собора, лучшаго украшенія, которымъ такъ гордился ихъ городъ. Они стали собираться и толковать: „Мы приняли князей на всей нашей волѣ; они крестъ цѣловали, что не сдѣлаютъ никакого зла нашему городу, а теперь они точно не въ своей волости княжатъ, точно не хотятъ долгу сидѣть у насъ, грабятъ не только всю волость, но и церкви; такъ промышляйте, братья!“ Изъ этихъ словъ видно какъ будто, что Владимірцы не только оскорблялись тѣмъ, что князья поступаютъ съ ихъ во-

лостью, какъ съ завоеванною, но еще боялись, что Ярополкъ, ограбивши волость, уйдетъ отъ нихъ, и Ростовцы приищутъ къ нимъ своего посадника. „Князь поступаетъ такъ, какъ будто не хочетъ сидѣть у насъ“, говорили они. Но, по старой привычкѣ, Владимірцы прежде обратились къ старшимъ городамъ, Ростову и Суздалью, съ жалобою на свою обиду; Ростовцы и Суздальцы на словахъ были за нихъ, а на дѣлѣ нисколько не думали за нихъ вступаться; бояре же крѣпко держались за Ростиславичей, прибавляетъ лѣтописецъ, и тѣмъ опять даеть знать, что преимущественно боярамъ хотѣлось вести дѣла въ противность тому, какъ шли они при Андрѣ. Тогда Владимірцы, видя явнѣ недоброежелательство старшихъ городовъ и бояръ, рѣшились вѣстѣ съ Переяславцами дѣйствовать собственными силами, и послали въ Черниговъ сказать Михаилу: „Ты старшій между братьями; приходи къ намъ во Владиміръ; если Ростовцы и Суздальцы задумаютъ что-нибудь на насъ за тебя, то будемъ управлять съ ними, какъ Богъ дасть и Святая Богородица“. Михаилъ съ братомъ Всеволодомъ и съ Владиміромъ Святославичемъ, сыномъ Черниговскаго князя, отправился на сѣверъ; но едва успѣлъ онъ отъѣхать верстъ 11 отъ Чернигова, какъ сильно занемогъ, и больной прѣхалъ въ Москву, гдѣ дождался его отрядъ Владимірцевъ съ молодымъ княземъ Юріемъ Андреевичемъ, сыномъ Боголюбскаго, который жилъ у нихъ, будучи изгнанъ изъ Новгорода. Между тѣмъ Ростиславичи, узнавъ о приближеніи Михаила, совѣтовались въ Суздаль съ дружиною, что дѣлать. Рѣшено было, чтобъ Ярополкъ шелъ съ своимъ войскомъ противъ Юрьевичей къ Москвѣ, биться съ ними и не пускать ко Владиміру. Михаилъ сѣлъ обѣдать, когда пришла вѣсть, что племянникъ Ярополкъ идетъ на него; Юрьевичи собрались и пошли по Владимірской дорогѣ на-встрѣчу къ неприятелю, но разошлись съ Ярополкомъ въ лѣсахъ; тогда Москвичи, услышавши, что Ярополкъ, миновавъ ихъ войско, продолжаетъ идти къ Москвѣ, возвратился съ дороги отъ Михаила для обереганія своихъ домовъ; а Ярополкъ, видя, что разошелся съ Михаиломъ, пошелъ отъ Москвы велѣдъ за нимъ, пославъ между тѣмъ сказать брату Мстиславу въ Суздаль: „Михалко болей; несуть его на носилкахъ, и дружины у него мало; я иду за нимъ, захватывая задніе его отряды; а ты, братъ, ступай поскорѣе къ нему на-встрѣчу, чтобъ онъ не вошелъ во Владиміръ“. Мстиславъ объявилъ объ этой вѣсти дружинѣ и, на другой день рано, выѣхалъ изъ Суздаля; помычался быстро, точно на зайцевъ, такъ что дружина едва успѣвала за нимъ слѣдовать, и, въ пяти верстахъ отъ Владимира, встрѣтился съ Юрьевичами; полкъ Мстиславовъ, готовый къ битвѣ, въ броняхъ, съ поднятымъ стягомъ вдругъ выступилъ отъ села Загорья; Михаилъ началъ поскорѣе выстраивать свое войско, а враги шли на него съ страшнымъ крикомъ, точно хотѣли пожрать его дружину, но выраженію лѣтописца. Но

эта отвага была непероложительна; когда дошло до дѣла и стрѣльцы начали перестрѣливаться съ обѣихъ сторонъ, то Мстиславова дружина, не схватившись ни разу съ неприятелемъ, бросила стягъ и побѣжала; Юрьевичи взяли много плѣнныхъ; взяли бы и больше, но многихъ спасло то, что побѣдители не могли различать,—кто свои и кто чужіе. Мстиславъ убѣжалъ въ Новгородъ; Ярополкъ, узнавши о его пораженіи, побѣжалъ въ Рязань; но мать ихъ и жены попались въ руки Владиміръ-памъ. Съ честію и славою вступилъ Михаилъ во Владиміръ; дружина и граждане, бывшіе въ сраженіи, вели плѣнниковъ. Первымъ дѣломъ Юрьевича было возвращеніе городовъ, отнятыхъ у Богородичной церкви Ярополкомъ. „И была, говоритъ лѣтописецъ, радость большая во Владиміръ, когда онъ увидалъ опять у себя великаго князя всей Ростовской Земли. Подавленнымъ, продолжаетъ тотъ же лѣтописецъ, чужду новому, великому и преславному Божію Матери, когда заступила Она свой городъ отъ великихъ бѣдъ и гражданъ своихъ укрѣпляетъ: не вложили имъ Богъ страха, не побоялись двоихъ князей и бояръ ихъ, не посмотрѣли на ихъ угрозы, семь недѣль прожили безъ князя, положивши всю надежду на Святую Богородицу и на свою правду“¹⁾. Новгородцы, Смоленяне, Киевляне и По-

лочане и всѣ власти какъ на думу на вѣча сходятся, и на чемъ старіе положить, на томъ и пригороды стануть; а здѣсь городъ старый—Ростовъ и Суздаль, и всѣ бояре захотѣли свою правду поставить, а не хотѣли исполнять правды Божіей, говорили: „Какъ намъ люблю, такъ и сдѣлаемъ, Владиміръ пригородъ нашъ“. Воспротивились они Богу и Святой Богородицѣ и правдѣ Божіей, послушались злыхъ людей соорщиковъ, не хотѣвшихъ намъ добра по зависти. Не сумѣли Ростовцы и Суздальцы правды Божіей исправить, думали, что они старіе, такъ и могутъ дѣлать все по-своему; но люди новые, худые Владимірскіе,—уразумѣли, гдѣ правда, стали за нее крѣпко держаться, сказали: „Либо Михаилъ князя себѣ добудемъ, либо головы свои сложимъ за Святую Богородицу и за Михаила князя“; и вотъ утѣшился ихъ Богъ и Св. Богородица: прославлены стали Владиміры по всей землѣ за ихъ правду“²⁾.

Скоро явились во Владиміръ къ Михаилу послы отъ Суздальцевъ: „Мы, князь, говорили они, не воевали противъ тебя съ Мстиславомъ, а были съ нимъ одни наши бояре,—такъ не сердись на насъ

тогъ тель къ нимъ на-встрѣчу; по въ такомъ случаѣ, съ какой стати Москвичамъ было возвращаться назадъ для того, чтобъ обжегать свой городъ?—они услышали, что Ярополкъ слѣдуетъ за ними, а не идетъ на Москву, и сѣд. домы ихъ безопасны; гораздо опаснѣе было имъ идти назадъ и встрѣтиться съ Ярополкомъ; гораздо лучше сѣд. принять чтеніе на *нѣ* въ смыслѣ: собственно на Москвичей, на ихъ городъ, на ихъ волость, и предположить, согласно съ сѣверною лѣтописью, что Ярополкъ нечаянно миновалъ Юрьевичей и продолжалъ идти къ Москвѣ. Потомъ, какимъ образомъ Москвичи могли поставить свой городъ, если знали, что Ярополкъ идетъ къ нему? Южная лѣтопись прямо говоритъ, что Юрьевичи вышли изъ Москвы, узнавши, что Ярополкъ идетъ противъ нихъ. Здѣсь необходимо предположить, что Юрьевичи вышли изъ Москвы именно съ намѣреніемъ встрѣтиться съ Ярополкомъ и сразиться съ нимъ, иначе Москвичи не покинули бы своего города. Наконецъ въ томъ и другомъ разсказѣ нѣтъ ни слова о дѣйствіяхъ Ярополка во время битвы; онъ *тель* по слѣдамъ Юрьевичей: зачѣмъ же онъ не попалъ на нихъ въ то время, какъ войско брата его встрѣтилось съ ними? Не сказано также объ очень важномъ обстоятельстве: когда бы, а вынесена изъ Андреевой Владимірской церкви икона Богородицы и отдана Глѣбу Рязанскому въѣсть съ книгами и другимъ духовнымъ имуществомъ.

¹⁾ Съ перваго разу можетъ показаться, что лѣтописецъ говоритъ здѣсь о прежней борьбѣ Владиміръцевъ съ Ростиславичами, когда они выдержали семидневную осаду; но тогда у нихъ былъ князь Михаилъ, а здѣсь прямо сказано: «За семь недѣль бего князя будуще въ Володичери градъ». Слѣд. здѣсь говорится о послѣднемъ взрывѣ, и выходитъ, что Владиміръ былъ оставленъ княземъ; очень вѣроятно, что Ярополкъ бросилъ Владиміръ и убѣжалъ жить въ Суздаль, а Владимірыцѣ взяли пока сына Андрея Боголюбскаго, Юрія. Съ этимъ отношеніемъ очень любопытны извѣстія, находящіяся у Татищова (III, 213); «Владиміръ (говоритъ лѣтописецъ) до днесь чрезъ семь *мѣсяцевъ* (а не недѣль) былъ безъ князя, и тогда оной видя Ростовцы и Суздальцы отъ князей оставили, презирали, и на совѣтъ не призывали, говоря: Новгородцы, Киевляне, Смоленяне, Полочане и всѣ главныя грады издревле на общей совѣтъ пригородовъ не призывали; и что уложатъ оныя, по тому должны и пригороды исполнять, въ Вѣлю же Руси старѣйшіе грады Ростовъ и Суздаль, а Переяславъ, и Владиміръ и прочіе сѣтъ пригороды сихъ двухъ, того ради ихъ совѣта не потребно слушать».—Въ разсказѣ о побѣдѣ Юрьевичей надъ Ростиславичами находится противорѣчіе между сѣверною и южною лѣтописями, также есть кой-что недосказанное. Въ сѣверной лѣтописи (Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 159) говорится, что Михаилъ съ Ярополкомъ разошлись въ лѣсахъ, а въ южной (II, 118) читаемъ: «Услышавъ же Ярополкъ, и уступилъ имъ на сторону»,—дѣйствіе намѣренное, а не случайное; развѣ предположить, что Ярополкъ нарочно отступилъ на сторону, чтобъ оставить Юрьевичей между собою и братомъ Мстиславомъ, на что указываетъ присылка его къ послѣднему, помѣщенная въ сѣверной лѣтописи. Но дабы требовать объясненія извѣстію южной лѣтописи о поступкѣ Москвичей: «Москвяне же слышавши, оже идетъ на нѣ (въ нѣтокъ. списокъ *за нѣ*) Ярополкъ; и възвратились пятью, блюдуче домовъ своихъ»;—если мы примемъ чтеніе *за нѣ*, то слыавъ съ предыдущимъ восстановится: Ярополкъ отступилъ въ сторону, дабы прийти Юрьевичамъ, и потомъ пошелъ вслѣдъ за ними, пославши сказать брату, чтобъ

²⁾ Въ южной лѣтописи находимъ еще слѣдующія дополнительныя извѣстія послѣ разсказа о торжествѣ Юрьевичей: «Михалко же и Всеволодъ, одаривше Володимера Святославича, отпусти и во свои... И потомъ посла Святославъ жены ихъ Михалкову и Всеволокову, пристави къ нимъ сына своего Олега проидити до Москвъ; Олегъ же проводивъ и възвѣтися въ свою волость въ Лопасу (село въ 27 верстахъ отъ Серпухова по Московской дорогѣ). Оттуда посылаетъ Олега за Свѣрилою, сыномъ бѣ и та волость Черлиговская; Глѣбъ же, увѣдавъ то, послы сыновца своего Гурьевича на Олга; Олегъ, совокуя дружину свою, и выиде къ нему, и бяхутся на Свѣрильскѣ, и побѣди Олегъ Святославича, ширина своего, и много дружины нойла, а самъ едва утече».—Здѣсь любопытно то, что Олегъ провозжалъ княгиню только до Москвы; по всему видно, что Москва была первый, пограничный Суздальскій городъ на пути съ юга, изъ Чернигова чрезъ Землю Вятичей.

и прїѣзжалъ къ намъ⁴. Михаилъ поѣхалъ въ Суздаль, откуда въ Ростовъ, устроилъ весь нарядъ людямъ, утвердился съ ними крестнымъ дѣлованіемъ, взялъ много даровъ у Ростовцевъ и, посадивши брата своего Всеволода въ Переяславль, самъ возвратился во Владиміръ. Такимъ образомъ, послѣдній пригородъ, населенный холопами каменщиками, сдѣлался опять стольнымъ городомъ князя всей Ростовской Земли; князь опять освобождалъ себя пзъ-подъ вліянія городовъ, которые привлекли рѣшать дѣла на вѣчь, и приговоромъ этого вѣча должны были слушаться города младшіе; мало того: младшій братъ Михаила, Всеволодъ, сѣлъ также въ новомъ городѣ—Переяславль-Залѣскомъ, а не въ Ростовѣ; выказалось ли въ этомъ явное предпочтеніе князей къ новымъ городамъ предъ старыми, хотѣли ли наградить усердіе Переяславцевъ, дѣйствовавшихъ заодно съ Владимірцами, — во всякомъ случаѣ явленіе было очень важное, свидѣтельствовавшее полную побѣду пригородовъ, полное низложеніе того начала, которое мгло противодѣйствовать новому порядку вещей.

Если первымъ дѣломъ Михаила по вступленіи во Владиміръ было возвращеніе соборной церкви городовъ, отнятыхъ у нея Ростиславичами, — то, по утверженіи своемъ въ дѣлѣ Земли Ростовской, онъ долженъ былъ прежде всего идти на Рязанскаго князя Глѣба, въ рукахъ котораго также находилось много сокровищъ, пограбленныхъ изъ этой церкви, и, между прочимъ, самый образъ Богородицы, привезенный Андреемъ изъ Вышгорода, и книги. Михаилъ отправился съ полками на Рязань, но встрѣтилъ на дорогѣ пословъ Глѣбовыхъ, которымъ поручено было сказать ему: „Князь Глѣбъ тебѣ кланяется и говорить: я во всемъ виноватъ, и теперь возвращаю все, что взялъ у нурьевъ своихъ, Ростиславичей, все до послѣдняго золотника“; — и, точно, возвратилъ все. Михаилъ, уладившись съ нимъ⁵, поѣхалъ назадъ во Владиміръ; здѣсь, по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ, казнилъ убійцъ Андреевыхъ, и потомъ отправился зачѣмъ-то въ Городецъ-Волжскій, занемогъ въ немъ и умеръ (1176 г.). Ростовцы, не дождавшись даже вѣрнаго извѣстія о смерти Михаиловой, послали сказать въ Новгородъ прежнему своему князю Мстиславу Ростиславичу: „Ступай, князь, къ намъ; Михаилъ Богъ взялъ на Волгѣ въ Городѣ, а мы хотимъ тебя, другого не хотимъ“. Мстиславъ прїѣхалъ на зовъ, собралъ Ростовцевъ, всю дружину и отправился съ ними ко Владиміру. Но здѣсь были уже князь: тотчасъ по смерти Михаиловой, Владиміры вышли передъ Золотыя ворота, и, помня старую присягу свою Юрію Долгорукому, пѣловали крестъ Всеволоду Юрьевичу и дѣтямъ его, — явленіе

любопытное: Владимірцы присягаютъ не только Всеволоду, но и дѣтямъ его, значитъ — не боятся, подобно Кіевлянамъ, переходить по наслѣдству отъ отца къ сыновьямъ, не думаютъ о правѣ выбирать князя. Всеволодъ, узнавши о прїѣздѣ Ростиславича въ Ростовъ, собралъ Владимірцевъ, дружину свою, бояръ, оставшихся при немъ (большая часть бояръ, какъ видно, перешла къ Ростовскому князю²), и отправился съ ними на-встрѣчу къ сопернику, а за Переяславцами послалъ племянника Ярослава Мстиславича. Но, по своему характеру, Всеволодъ не хотѣлъ отдать всей своей будущности на произволъ военнаго счастья, не хотѣлъ судиться съ племянникомъ судомъ Воишмъ, битвою, какъ любили судиться южные князья, и послалъ сперва сказать Ростиславичу: „Братъ! если тебя привела старшая дружина, то ступай въ Ростовъ, тамъ и помиримся; тебя Ростовцы привели и бояре, а меня съ братомъ Богъ привелъ, да Владимірцы съ Переяславцами; а Суздальцы пусть выбираютъ изъ насъ двоихъ, кого хотятъ“. Но Ростовцы и бояре не дали мириться своему князю; ихъ злоба на Владимірцевъ и Юрьевичей еще болѣе усилилась отъ недавняго униженія; они сказали Ростиславичу: „Если ты хочешь съ нимъ мириться, то мы не хотимъ“; особенно подстрекали къ войнѣ бояре — Добрыня Долгій, Матѣяшъ Бутовичъ и другіе. Всеволодъ, получивъ отказъ, поѣхалъ къ Юрьеву, здѣсь дождался Переяславцевъ и объявилъ имъ, что Ростовцы не хотятъ мира; Переяславцы отвѣчали: „Ты Мстиславу добра хотѣлъ, а онъ головы твоей ловить, — такъ ступай, князь, па него; а мы не пожалѣемъ жизни за твою обиду, не дай намъ Богъ никому возвратиться назадъ; если отъ Бога не будетъ намъ помощи, то пусть, переступивъ черезъ наши трупы, возьмутъ женъ и дѣтей нашихъ³“, брату твоему еще десяти дней нѣтъ какъ умеръ, а они уже хотятъ кровь проливать“. На Юрьевскомъ полѣ, за рѣкою Кзою, произошла битва: Владимірцы съ своимъ княземъ опять побѣдили, съ ничтожною для себя потерей, тогда какъ со стороны непріятельской часть бояръ была побита, другіе взяты въ плѣнъ; самъ Мстиславъ бѣжалъ сперва въ Ростовъ, а оттуда въ Новгородъ; побѣдители взяли боярскія села, коней, скотъ; въ другой и послѣдній разъ старый городъ былъ побѣжденъ новымъ, послѣ чего уже не предъявлялъ больше своихъ притязаній.

Но Юрьевская побѣда не прекратила борьбы Всеволода съ племянниками. Когда Мстиславъ Ростиславичъ прїѣхалъ въ Новгородъ, то жители встрѣтили его словами: „Какъ тебя позвали Ростовцы, такъ ты ударилъ Новгородъ пятаю, пошелъ на дядю своего Михаила; Михаилъ умеръ, а съ братомъ его Всеволодомъ Богъ разсудилъ тебя; зачѣмъ же къ намъ идешь?“ Непринятый Новгородцами, Мстиславъ поѣхалъ къ зятю своему, Глѣбу Рязанскому, и сталъ подстрекать его къ войнѣ со Всеволодомъ.

¹ По Татищеву (III, 215), Глѣбъ обязался не помогать турьямъ; между возъ разнородными водами находился также и мечъ Св. Бориса, который Михаилъ повѣсилъ въ церкви Богоматери. — Вѣдѣе за рязанскимъ походомъ у Татищева послѣднее извѣстіе о казни убійцъ Андреевыхъ, съ ссылкой на Ерминискую рукопись; см. также Стенен. кн. I, 285.

² Поди. Собр. Русск. Лѣт. I, 161: «И что быша бояръ остаюся у него».

³ Лѣт. и. Переясл. Сузд., стр. 89.

Глѣбъ тою же осенью пришелъ на Москву и пожегъ весь городъ; Всеволодъ поѣхалъ къ нему на встрѣчу; но когда былъ за Черыславлемъ, явились Новгородцы и сказали ему: „Князь, не ходи безъ Новгородцевъ, подожди ихъ“. Всегда осторожный, любившій дѣйствовать навѣрно, Всеволодъ согласился ждать Новгородцевъ, чтобы съ удвоенными силами ударить на враговъ, и возвратился. Но онъ понапрасну дождался Новгородцевъ: тѣ не приходили; вмѣсто нихъ явились на помощь двое княжичей черниговскихъ, Олегъ и Владиміръ Святославичи, да князь Переяславля-Южнаго, или Русскаго, Владиміръ Глѣбовичъ. Всеволодъ выступилъ съ ними въ Коломнѣ; по здѣсь получилъ извѣстіе, что Глѣбъ съ Половцами другою дорогою пошелъ ко Владиміру, разграбилъ соборную церковь Андрееву, пожегъ другія церкви, села боярскія, а женъ, дѣтей и всякое имѣніе отдалъ на щитъ (въ добычу) поганымъ. Всеволодъ немедленно пошелъ назадъ, въ свою волость, и встрѣтилъ Глѣба на рѣкѣ Колакъ; цѣлый мѣсяцъ стояли непріатели безъ дѣйствій по обѣимъ сторонамъ рѣки, наконецъ завязался бой, и Всеволодъ побѣдилъ опять: опять Мстиславъ Ростиславичъ первый обратился въ бѣгство, а за нимъ поѣхалъ и Глѣбъ; но враги догнали ихъ обоихъ, взяли также въ плѣнъ сына Глѣбова Романа, перевязали всю дружину рязанскую; между прочими попался въ плѣнъ Борисъ Жидиславичъ, знаменитый воевода Боголюбскаго, который, какъ видно, отѣхалъ въ Рязань или прямо, или вмѣстѣ съ Ростиславичемъ, не желая служить Юрьевичамъ; попался въ плѣнъ и Дѣдилецъ, который такъ сильно способствовалъ призванію Ростиславичей въ Ростовъ по смерти Боголюбскаго. Была большая радость во Владимірѣ, говорить лѣтописецъ; но онъ тутъ же говоритъ: судъ безъ милости тому, кто самъ не знаетъ милости. Эти слова показываютъ расположеніе духа Владимірцевъ, которыхъ ненависть къ Глѣбу и Ростиславичамъ должна была дойти до высшей степени вѣдѣствіе еще новаго бѣдствія, претерпѣннаго ими отъ послѣднихъ. Два дня ждали они отъ Всеволода суда безъ милости надъ пленниками; на третій день поднялся сильный мятежъ, встали бояре и купцы, и сказали ему: „Князь, мы тебѣ добра хотимъ, и головы за тебя складываемъ; а ты держишь враговъ своихъ на свободѣ; враги твои и наши—Суздальцы и Ростовцы¹⁾—либо казни ихъ, либо ослѣпи, либо отдай намъ“. Всеволодъ не хотѣлъ исполнить этого требованія и, для утишенія мятежа, велѣлъ только посадить

плѣнниковъ въ тюрьму; послѣ чего послалъ сказать Рязанцамъ: „Вы дайте мнѣ нашего врага (Ярополка Ростиславича), или я приду къ вамъ“. Рязанцы рѣшились исполнить это требованіе: „Князь нашъ и братья наши погибли изъ—за чужого князя“, говорили они; поѣхали въ Воронежъ, схватили тамъ Ярополка и привезли во Владиміръ, гдѣ Всеволодъ велѣлъ посадить и его также въ тюрьму. Между тѣмъ зять Глѣба Рязанскаго, знаменитый Мстиславъ Ростиславичъ Смоленскій, послалъ сказать Святославу Черниговскому, чтобы онъ попросилъ Всеволода за Ростиславичей; и княгиня Рязанская, жена Глѣбова, прислала съ тѣмъ же, прося за мужа и сына; Святославъ отправилъ во Владиміръ Черниговскаго епископа Порфирія и Ефрема игумена вести переговоры по дѣлу плѣнниковъ; онъ предлагалъ, чтобы Глѣбъ, получивъ свободу, отказался отъ Рязани и вѣхалъ на житье въ Русь; но Глѣбъ никакъ не согласился на такіа условія: „Лучше умру въ тюрьмѣ, говорилъ онъ, а не пойду въ Русь на изгнаніе“. Дѣло затянулось на два года; Глѣбъ между тѣмъ умеръ, а сынъ его Романъ былъ отпущенъ въ Рязань, подъ условіемъ полной покорности Владимірскому князю²⁾. Иначе рѣшена была судьба Ростиславичей; Владимірцы, видя, что идутъ переговоры объ освобожденіи плѣнниковъ, никакъ не хотѣли отпустить Ростиславичей, не отступивши имъ за свои обиды; они собрались опять большою толпою, пришли на княжій дворъ и стали говорить Всеволоду: „До чего ихъ еще додержатъ? хотимъ ослѣпить ихъ“. Всеволоду очень не нравилось это требованіе, но дѣлать было печего. Ростиславичей ослѣпили, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлали видъ, что ослѣпили, и отослали въ Смоленскъ³⁾. Такимъ образомъ кончилась борьба на сѣверѣ въ пользу послѣдняго изъ Юрьевичей, который сталъ такъ же силенъ, какъ и братъ его

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 120: «Тогда же князь Глѣбъ мертвъ бысть (довольно странное выраженіе), има въ 30 (1177), а Романа сына его едва выстояша, цѣлавше крестъ».

³⁾ «Мстиславъ и Ярополкъ въ порубѣ бѣста, и потомъ пзведше я и слѣпнутае пустына».—Въ сѣверной лѣтописи сказано просто: «и пустына ея изъ земля». (Лѣтоп. Пер. Сузд., стр. 91). Въ Новгород... «Слѣднѣи бысть Мстиславъ князь, съ братомъ Ярополкомъ, отъ сына своего Всеволода, и пусти я въ Русь; недолго же има слѣпота и гнѣшнѣма очима, и яко доидоста Смоленска и придоста на Смедно въ церковь святую мученику Вериса и Глѣба, и ту абіе съшостиже и болѣи благодать, и ту проврѣста». У Татищева (III, 228): «Всеволодъ, ꙗ, видя, что никакъ ихъ отъ нагнѣренія отворотитъ неудобно, обшала имъ вскорѣ сыновцевъ ослѣпить и отпустить. И того же дня предъ вечеромъ велѣлъ сыновцамъ своимъ сверхъ очей кожу надрѣзать, и довольно окровавленіи сдѣлавъ, объявилъ народу, что имъ глаза выколоти, и, тотчасъ посади на телегу, за городъ велѣлъ проводить, доколѣ отъ народа безоначасы будутъ, и отпустили ихъ къ Смоленску». Примѣч. 522: о селѣ ослѣпленія въ рязаньничьѣ Хрущова написано: помазавъ очи кровію; въ Симоновѣ такъ, какъ здѣсь точно положено; въ Ростовскомъ и Новгородскомъ одномъ просто отпустилъ; а въ прочіихъ ослѣпи Всеволодъ Ростиславичевъ и пусти», и проч. съ пропешествіемъ на Смяднѣи.

¹⁾ Странно, что Владимірцы не говорятъ ничего о Глѣбѣ Рязанскомъ и Мстиславѣ Ростиславичѣ, и толкуютъ только о Ростовцахъ и Суздальцахъ, которые уже давно были взяты въ плѣнъ, и давно слѣд. нужно было бы разсуждать о ихъ наказаніи. У Татищева (III, 226) рѣчь Владимірцевъ представлена полнѣе и яснѣе: «Ты же нашихъ злодѣевъ рязанскихъ князей и пль велможъ и плѣненицъ нашими руками держишь на свободѣ... а съ другую сторону злодѣи наши Ростовцы и Суздальцы между нами кроются, смотря только удобнаго времени, како бы намъ какое зло учинить».

Андрей, и немедленно пошелъ по слѣдамъ братнимъ: приведши рязанскихъ князей въ свою волю, онъ захотѣлъ также быть самовластцемъ въ Суздальской Землѣ, единодержателемъ всего отцовскаго наслѣдства, и выгналъ изъ своей волости племянника Юрія Андреевича, который принужденъ былъ искать счастья въ Грузіи¹⁾; второй племянникъ, Ярославъ Мстиславичъ, также не получилъ волости въ Землѣ Ростовской. Но если Всеволодъ еще совершенно въ положеніе Андрея на сѣверѣ, то мы должны ожидать, что и относительно Южной, Старой Руси и относительно Новгорода Великаго онъ приметъ то же самое значеніе.

На югѣ смерть Андрея дала свободу разыгратъся

прежнимъ усобицамъ между Мономаховичами и Ольговичами; къ этимъ усобицамъ присоединились, съ одной стороны, враждебныя отношенія въ самомъ племени Олеговомъ, а съ другой — между Ростиславичами и Изяславичами въ племени Мономаховомъ. Мы видѣли, какъ Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій принужденъ былъ оставить намѣренія свои относительно Кіева, чтобы свободнѣе отбивать Черниговскую волость отъ нападенія двоюроднаго брата своего, Олега Сѣверскаго; мы видѣли, что онъ опустошеніемъ отплатилъ послѣднему за опустошеніе и возвратился въ Черниговъ; но Олегъ не думалъ такъ окончить это дѣло: онъ заключилъ союзъ съ шурьями своими, Ростиславичами, также съ Ярославомъ Кіевскимъ, — и союзники рѣшились съ двухъ сторонъ напасть на Святослава. Но Ростиславичи и Ярославъ, пожерги два черниговскихъ города²⁾, заключили миръ съ Святославомъ и предоставили Олегу однимъ собственнымъ средствами. Тотъ съ братьями пришелъ къ Стародубу, города не взялъ, но захватилъ скотъ изъ всѣхъ окрестностей Стародуба и погналъ его къ Новгороду-Сѣверскому, куда скоро явился за нимъ Святославъ съ черниговскимъ войскомъ, и приступилъ къ городу. Олегъ вышелъ было къ нему на встрѣчу, но не успѣла дружина его пустить по стрѣлѣ, какъ обратилась въ бѣгство; самъ князь успѣлъ вбѣжать въ городъ, но половина дружины его была перехвачена, другая перебитая: острогъ пожженъ; Олегъ на другой день запросилъ мира и получилъ его, неизвѣстно на какихъ условіяхъ. Между тѣмъ, на другой сторонѣ Днѣпра произошла перемѣна: къ Ростиславичамъ пришелъ на помощь старшій братъ ихъ Романъ изъ Смоленска, и Ярославъ Изяславичъ увидѣлъ въ этомъ намѣреніе Ростиславичей выгнать его изъ Кіева; онъ послалъ сказать имъ: „Вы привели брата своего Романа, даете ему Кіевъ“, и выѣхать добровольно изъ этого города въ прежнюю волость свою Луцкъ. Мы видѣли, что Ростиславичи просили еще прежде у Андрея Кіева для Романа, слѣд. Ярославъ имѣлъ право подозрѣвать ихъ во враждебныхъ для себя замыслахъ; скорая же уступка его двоюроднымъ братьямъ объясняется тѣмъ, что онъ никакъ не могъ полагаться на защиту Кіевлянъ послѣ недавняго поступка съ ними, когда онъ ограбилъ весь городъ. Ростиславичи послали за нимъ, чтобы ѣхать опять въ Кіевъ, но онъ не послушался, и Романъ сѣлъ на его мѣсто; дѣйствительно ли Ростиславичи не хотѣли его выгонять, или показывали только видъ, что не хотѣли, — рѣшить трудно. Романъ не долго княжилъ спокойно въ Кіевѣ: Половцы напали на Русь, взяли шесть городовъ берендѣевскихъ и сильно поразили Ростиславичей у Ростова, но внѣ Давида Ростиславича, который завелъ ссору съ братьями и помѣшалъ успѣху дѣла. Вѣдою Ростиславичей спѣшили воспользоваться Святославъ Черниговскій; нуженъ былъ однако предлогъ, и онъ послалъ сказать Роману: „Братъ! я не иду

¹⁾ Вотъ, что читаемъ о похищеніяхъ Юрія въ грузинскихъ лѣтописяхъ (Histoire de la Géorgie, traduite par M. Brosset. I, p. 412). Когда искалъ жениха для знаменитой царицы Тамари, то явился Абулазанъ, эмиръ тифлисскій, и сказалъ: «Я знаю сына государя Русскаго, великаго князя Андрея, которому повсунуется 300 царей въ тѣхъ странахъ; потерявши отца въ молодыхъ лѣтахъ, этотъ князь былъ взгнанъ дядею своимъ Савалтомъ (Sawalth, Всеволодъ), убѣжалъ, и находится теперь въ городѣ (Swindj) царя Капчакскаго (Половецкаго). — Юрій явился въ Грузію, духовенство и вельможи упростили Тамаръ какъ можно скорѣе обѣщавшись съ нимъ; Юрій храбро воювалъ съ врагами своего новаго отечества, но скоро возникли между нимъ и женою неурядици, о которыхъ такъ рассказываетъ грузинскій лѣтописецъ (въ переводѣ г. Броесе, стр. 316): «Satan entra dans le coeur du misérable Russe, véritable Scythie, aux pensées barbares, aux passions monstrueuses. Il se mit, au sein de l'ivresse a faire des actions inconvenantes, abominables qu'il est inutile de décrire; il osa offenser Tamara, le soleil des souverains, la splendeur matinale des rois. Judas envers lui-même, vaincu par sept esprits impurs, pires que le premier, et leur servant de temple il marcha sur les traces des habitants de Sodome le pervers, le damné qu'il était». — Тамъ долго терпѣла, долго увѣщала Юрія исправиться, и сама, и чрезъ монаховъ, наконецъ рѣшилась развестись съ нимъ, и Юрій былъ отправленъ въ Константинополь съ большими впрочемъ богатствами. Но скоро онъ явился опять въ Грузію, въ его пользу объявили себя многіе начальники городовъ, и сынъ Боголюбскаго возведенъ былъ на престолъ царей Грузинскихъ; Тамаръ однако не отчаялась: она собрала вѣрныхъ себѣ вельможъ и съ ихъ помощію побѣдила Юрія, который опять долженъ былъ оставить Грузію, возвратился еще разъ и снова потерпѣлъ пораженіе. — Въ этомъ разказѣ встрѣчаются затрудненія относительно собственныхъ именъ лицъ и городовъ. Въ первомъ извѣстіи по смыслу подлинника выходитъ, что Юрій скрывался въ городѣ Swindj, принадлежавшемъ царю Капчакскому, но потомъ это слово является, какъ собственное имя лица, напр. на стр. 437 говорится, что на помощь къ Тамарѣ приходилъ Sewindj-Sawalth, братъ царя Капчакскаго; г. Броесе въ Sawalth основательно видитъ испорченное Всеволодъ, что совершенно идетъ къ черному извѣстію относительно изгнанія Юрія; но кто же будетъ этотъ Sewindj-Sawalth, который приходилъ послѣ на помощь къ Тамарѣ? Онъ названъ братомъ царя Капчакскаго, слѣдовательно хана Половецкаго; если предположить здѣсь смѣшаніе, и подъ капчакскими царями разумѣть князей южно-русскихъ, сошедшихъ съ Половцами, то дѣло можетъ обясниться легче: Swindj первого извѣстія можетъ быть испорченное Святославъ (Святославъ), князь Черниговскій, у котораго Юрій могъ найти убѣжище, какъ прежде находили его дѣды и двоюродные братья; подъ вторымъ же Sewindj-Sawalth можетъ разумѣться Святославичъ-Всеволодъ Трубовскій, второй герой Слова о полку Игореву.»

²⁾ Лугавъ (село въ 4 верстахъ отъ Остра) и Моравскъ (мѣстечко Остерскаго уѣзда).

подъ тобою ничего, но у насъ такой рядъ: если князь провинится, то платитъ волостью, а бояринъ голову; Давидъ виноватъ,—отними у него волость“. Романъ не послушался; тогда братья Святослава—Ярославъ и Олегъ,—переняли Днѣпръ и послали сказать зятю своему Мстиславу Владиміровичу, сыну покойнаго Владиміра Мстиславича, чтобы перешелъ на ихъ сторону; Мстиславъ послушался и сдѣлалъ имъ Трещоль. Въ то время самъ Святославъ стоялъ съ полками своими у Витичева, куда прѣѣхали къ нему Черные Клобуки съ Кіевлянами и объявили, что Романъ ушелъ въ Вѣлгородъ. Святославъ поѣхалъ въ Кіевъ и сѣлъ тамъ, но опять не надолго; на помощь къ братьямъ явился знаменитый Мстиславъ изъ Смоленска, и Ростиславичи объявили, что на другой же день дадутъ битву Святославу; Святославъ испугался и побѣжалъ за Днѣпръ, потому что Половцы, за которыми онъ послалъ, еще не пришли, а съ одною дружиною выступить противъ Мстислава трудно было рѣшиться. Несмотря на то, однако Ростиславичи почили за лучшее уступить Кіевъ Святославу: Романъ, князь, какъ видно, вовсе не воинственный, зналъ, что онъ будетъ сидѣть въ Кіевѣ въ безпрерывномъ страхѣ отъ Святослава, который уже разъ выгналъ его и, конечно, не откажется отъ дальнѣйшихъ попытокъ на Кіевъ, вслѣдствіе чего будутъ безпрерывныя усобицы. Союзники Святослава, Половцы, уже явились у Торческа и захватили много людей: и вотъ Ростиславичи, не желая губить Русской Земли и проливать христіанской крови, по словамъ лѣтописца, подумали и отдали Кіевъ Святославу, а Романъ пошелъ назадъ въ Смоленскъ¹⁾: Черниговъ, какъ видно, достался Олегу Святославичу; но онъ скоро умеръ, и въ Черниговѣ сѣлъ братъ Кіевского князя, Ярославъ Всеволодовичъ, а братъ Олеговъ, Игорь, сѣлъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ,—такъ и слѣдовало по родовому счету²⁾.

До сихъ поръ Святославъ Всеволодовичъ жилъ въ дружбѣ со Всеволодомъ Суздальскимъ; мы видѣли, какую дѣятельную помощь оказалъ онъ послѣднему въ борьбѣ его съ племянниками; союзъ этотъ былъ

еще болѣе скрѣпленъ родствомъ: Всеволодъ вызвалъ къ себѣ сына Святослава, Владиміра, и женилъ его на родной племянницѣ своей, дочери Миханя Юрьевича. Но скоро эта дружба переѣбилась во вражду, виною которой были отношенія рязанскія. Мы видѣли, что Романъ Глѣбовичъ съ братьями поклялся ходитъ въ волѣ Всеволодовой; но Романъ былъ зятъ Святослава, который вслѣдствіе этого родства считалъ себя также въ правѣ вѣшиваться въ рязанскія дѣла, причѣмъ его вліяніе необходимо сталкивалось съ вліяніемъ Всеволода; Святославъ могъ думать, что Всеволодъ, въ благодарность за прежнее добро, уступитъ его вліянію въ Рязани; но жестоко обманулся въ своемъ ожиданіи. Въ 1180 году младшіе братья Романа Рязанскаго, Всеволодъ и Владиміръ Глѣбовичи, прислали сказать Всеволоду Юрьевичу Владимірскому: „Ты нашъ господинъ, ты нашъ отецъ; братъ нашъ старшій Романъ отнимаетъ у насъ волости, слушаея тестя своего Святослава, а тебѣ крестъ пѣловалъ и нарушилъ клятву“. Всеволодъ немедленно выступилъ въ походъ, и когда приближался къ Коломнѣ, то двое Глѣбовичей встрѣтили его съ поклономъ; но въ Коломнѣ сидѣлъ сынъ Святослава, Глѣбъ, посланный отцомъ на помощь Роману Рязанскому; Всеволодъ посла къ сказать Глѣбу, чтобы явился къ нему; тотъ сначала не хотѣлъ, но потомъ, видя, что сопротивляться нельзя, поѣхалъ; Всеволодъ велѣлъ его схватить, и въ оковахъ отослалъ во Владиміръ, гдѣ приставили къ нему стражу; дружина его подверглась той же участи. Между тѣмъ передовой отрядъ Романа, переправившійся черезъ Оку, потерпѣлъ пораженіе отъ передоваго отряда Всеволодова; часть его попала въ плѣнъ, часть потонула въ рѣкѣ; Романъ, услыхавши объ этомъ несчастіи, побѣжалъ мимо Рязани въ степь, затворивши въ городѣ двоихъ братьевъ, Игоря и Святослава, которые не думали сопротивляться Всеволоду, когда тотъ явился подъ Рязанью, и заключили съ нимъ миръ на всей его волѣ: Владимірекой князь урядилъ всю братью, роздалъ каждому волости по старшинству, и возвратился домой.

Легко понять, какъ роздосадованъ былъ Святославъ, когда узналъ о поступкѣ Всеволода съ его сыномъ; чѣмъ меньше ждалъ онъ этого, тѣмъ сильнѣе была его ярость. Онъ распалился гнѣвомъ, разжегся яростію, по словамъ лѣтописца, и сказалъ: „Отомстить бы я Всеволоду, да нельзя,—подлѣ меня Ростиславичи; эти мнѣ во всемъ дѣлаютъ досады въ Русской Землѣ; ну, да мнѣ все равно, кто ко мнѣ изъ Владимірова племени ближе,—тотъ и мой“. Изъ этихъ словъ видно также, что Святославу очень не нравилось близкое сосѣдство Ростиславичей, которыми былъ окруженъ. Въ это самое время Давидъ Ростиславичъ охотился въ лодкахъ по Днѣпру, а Святославъ охотился противъ него на черниговской сторонѣ; случай этотъ показался Кіевскому князю очень удобнымъ для исполненія своего замысла; посоветовавшись только съ княгинею, да любимцемъ своимъ Кочкаремъ, не сказавши ничего луч-

¹⁾ Гораздо прежде прихода Романа на югъ, подъ 1175 годомъ въ лѣтописи встрѣчаемъ слѣдующее извѣстіе: «Смоляныне выгнаша отъ себе Романовича Ярополка, а Ростиславича Мстислава въведоша Смоленску княжить».—Но въ это время въ Смоленскѣ сидѣлъ не Ярополкъ, а отецъ его Романъ; и такъ мы должны отнести это событіе къ позднѣйшему времени, когда Романъ ушелъ на югъ, оставляя сына своего Ярополка вмѣсто себя въ Смоленскѣ; но Смоляныне, согласно съ правомъ старшинства, выгнали племянника и призвали дядю.

²⁾ Что по отъѣздѣ Святослава въ Кіевъ мѣсто его въ Черниговѣ занялъ Олегъ Святославичъ, видно изъ послѣдовательности лѣтописнаго разказа: «Проставилъ Олегъ Святославичъ, потомъ же Игорь братъ его сѣде въ Новгородѣ Сѣверскомъ, а Ярославъ Всеволодичъ въ Черниговѣ сѣде».—Ярославъ садится въ Черниговѣ только по смерти Олега; *дочаеми*, что когда Олегъ переѣхалъ въ Черниговъ, Ярославъ Всеволодичъ переѣхалъ на его мѣсто въ Новгородѣ-Сѣверскій, а потомъ, по смерти Олега, Ярославъ переѣхалъ въ Черниговъ, а Игорь Святославичъ въ Новгородъ.

шмъ боярамъ своимъ, онъ переправился черезъ Дибирь и ударилъ на Давидовъ станъ, разсуждая: „Схвачу Давида, Рюрика выгоною, завладѣю однимъ съ братьями Русскою Землею, и тогда стану мстить Всеволоду за свою обиду“. Но замыселъ не удался: Давидъ съ женою своею успѣлъ сѣсть въ лодку и улизнуть, неприятельскія стрѣлы не сдѣлали ему никакого вреда; успѣвъ захватить только дружинну и станъ Давидовъ, Святославъ отбѣхалъ къ Вынгороду, и, проведши подъ нимъ ночь, сталъ искать поволоу Давида, но, послѣ долгихъ, безуспѣшныхъ поисковъ, отправился на восточный берегъ Дибира, сказавши своимъ: „Теперь уже я объявилъ свою вражду Ростиславичамъ, нельзя мнѣ больше оставаться въ Кіевѣ“. Приѣхавши въ Черниговъ, онъ созвалъ всѣхъ сыновей своихъ, младшую братию, собралъ всѣ силы Черниговской волости, всю дружинну, и сталъ говорить имъ: „Куда намъ ѣхать? Въ Смоленскъ или въ Кіевъ?“ На это отвѣчалъ ему двоюродный братъ, Игорь Сѣверскій: „Батюшка! лучше была бы тишина; но если уже такъ случилось, то далъ бы только Богъ тебѣ здоровья“. Святославъ тогда сказалъ: „Я старше Ярослава, а ты, Игорь, старше Всеволода; такъ я теперь вамъ остался вѣхъ отца, и приказываю тебѣ, Игорь, оставаться здѣсь съ Ярославомъ оберегать Черниговъ и всю волость, а я со Всеволодомъ пойду къ Суздалю выручать сына своего Глѣба, какъ насъ тамъ Богъ разсудитъ со Всеволодомъ Юрьевичемъ“. Святославъ раздѣлилъ и Половецъ надвое: половину взялъ съ собою, а другую половину оставилъ братѣ, послѣ чего отправился въ походъ, взявши съ собою Ярополка Ростиславича. Подлѣ устья Тесны соединился онъ съ сыномъ Владиміромъ и со всѣми полками новгородскими (потому что Владиміръ княжилъ тогда въ Новгородѣ), положилъ всю Волгу муту, по выраженію лѣтописца, по жъ всѣ города, и, въ сорока верстахъ отъ Переяславля-Забѣскаго, на рѣкѣ Вислѣ, встрѣтился со Всеволодомъ, который вышелъ съ полками суздальскими, рязанскими и муромскими. Прежде обыкновенно князья любили находиться въ челѣ полковъ своихъ, любили первые врѣзываться въ ряды неприятелей, спѣшили рѣшить дѣло битвою, въ которой видѣли судъ Вожій. Но Всеволодъ руководствовался другими понятіями: онъ выбралъ для своего войска выгодное положеніе, огородился горами, рѣкми и ярами, и, несмотря на просьбу дружины, не хотѣлъ вступать въ рѣшительную битву съ южными полками, отличавшимися своею стремительною въ нападеніяхъ, тогда какъ сѣверное народонаселеніе отличалось противоположнымъ характеромъ, — было слабо въ чистомъ полѣ и необходимо при защитѣ мѣста. Всеволодъ послалъ только рязанскихъ князей, которые ворвались въ обозъ Святослава и сначала имѣли-было успѣхъ, но потомъ были прогнаны съ большими урономъ. Уже въ недѣли стояли такимъ образомъ неприятели другъ противъ друга, перестрѣливаясь черезъ рѣку; Святославу наконецъ наскучило такое положеніе,

и онъ послалъ своихъ священниковъ сказать Всеволоду: „Брать и смилъ много я тебѣ добра сдѣлалъ и не чаю получить отъ тебя такой благодарности; если же ты уже задумалъ на меня зло, захватить сына моего, то недалеко тебѣ меня искать; отступи дальше отъ этой рѣчки, дай мнѣ дорогу, чтобъ мнѣ можно было къ тебѣ переѣхать, и тогда насъ Богъ разсудитъ; если же ты мнѣ не хочешь дать дороги, то я тебѣ дамъ, переѣзжай ты на эту сторону, и пусть насъ Богъ разсудитъ“. Выѣсто отвѣта, Всеволодъ задержалъ пословъ, отослалъ ихъ во Владиміръ, а самъ по-прежнему не двигался съ мѣста; Святославъ постоялъ еще нѣсколько времени, и, боясь оттепли, пошелъ назадъ палатки, бросивъ обозы, которыми овладѣли полки Всеволодовы, но, по приказанію князя своего, не смѣли гнаться за удалившимся Святославомъ. Последній, отпустивъ брата Всеволода, сына Олега и Ярополка Ростиславича въ Русь, самъ съ сыномъ Владиміромъ поѣхалъ въ Новгородъ-Великій.

Между тѣмъ Давидъ Ростиславичъ, спасшись отъ плѣна, которымъ угрожалъ ему Святославъ, прибѣжалъ въ Вынгородъ, къ брату Рюрику; тотъ, услышавши, что Кіевъ оставленъ Святославомъ, поѣхалъ туда, и сѣлъ на столѣ отповскомъ и дѣдовскомъ; но, предвидя сильную борьбу, сталъ набирать союзниковъ: послалъ за князьями луцкими, сыновьями Ярослава, Всеволодомъ и Ингаремъ, и привелъ ихъ себѣ, послалъ за помощью къ Галицкому князю Ярославу, которая явилась съ бояриномъ Чудоромъ, а брата Давида послалъ въ Смоленскъ, на помощь къ старшему брату Роману. Но Давидъ встрѣтилъ на дорогѣ гонца, который возмъ ему вѣсть о смерти Романа; Давидъ со слезами продолжалъ путь; при вѣздѣ въ Смоленскъ былъ встрѣченъ духовенствомъ со крестами всѣми гражданами, и занялъ братнее мѣсто. По Романѣ, говоритъ лѣтописецъ, плакала всѣ Смольняне, вспоминая его доброту (добросердіе), а княгиня его, стоя у гроба, причитала: „Царь мой добрый, кроткій, смиренный и правдивый! вправду дано было тебѣ имя Романъ, всю добродѣтельно похожъ ты былъ на Св. Романа (т. е. Св. Бориса); много досадъ принялъ ты отъ Смольнянъ, но никогда не видала я, чтобъ ты мстилъ имъ зломъ за зло“. И лѣтописецъ повторяетъ, что этотъ князь былъ необыкновенно добръ и правдивъ. — Давидъ, похоронивши брата, прежде всего долженъ былъ думать о защитѣ своей волости, потому что оставшіеся въ Черниговѣ князья, Ярославъ съ Игоремъ, не вида ни откуда нападенія на свою волость, рѣшились сами напасть на волость Смоленскую, и пошли съ Половцами сначала въ Друцку, гдѣ сидѣлъ союзникъ Ростиславичей, Глѣбъ Рогволодовичъ. Но если одинъ изъ половцевъ князей былъ за Ростиславичей, то большинство его родичей было противъ нихъ; мы видѣли здѣсь усобицу между тремя племенами, или линиями — Борисовичами, Глѣбовичами и Васильковичами, причемъ Ростиславичи смоленскіе дѣятельно помогали Ю-

рисовичамъ и Васильковичамъ; но теперь, вѣроятно въслѣдствіе родственной связи съ Ростиславичами сѣверными ¹⁾, видимъ Васильковичей въ союзѣ съ черниговскими князьями противъ Ростиславичей смоленскихъ. У Друцка соединились съ черниговскими полками Всеславъ Васильковичъ Полоцкій, братъ его Брячиславъ Витебскій и нѣкоторые другіе родичи ихъ съ толпами Ливовъ и Литвы: такъ, въслѣдствіе союза полоцкихъ князей съ черниговскими, въ одномъ станѣ оутились Половцы вмѣстѣ съ Ливами и Литвою, варвары черноморскіе съ варварами прибалтійскими. Давидъ Смоленскій со всѣми полками пріѣхалъ къ Глѣбу въ Друцкъ, и хотѣлъ дать сраженіе Черниговскимъ до прихода Святослава изъ Новгорода; но Ярославъ съ Игоремъ не смѣли начать битвы безъ Святослава, выбрали выгодное положеніе на берегу Дручи, и стояли пѣлую недѣлю, перестрѣливаясь съ непріятелемъ черезъ рѣку; но какъ скоро явился къ нимъ Святославъ, то построили гать на Дручѣ съ тѣмъ, чтобъ перейти рѣку и ударить на Давида; тогда послѣдній, въ свою очередь, не захотѣлъ битвы и побѣжалъ въ Смоленскъ. Святославъ приступилъ къ Друцку, пожегъ острогъ, но не сталъ медлить подъ городомъ и, отпустивъ Новгородцевъ, самъ пошелъ въ Рогачевъ, а изъ Рогачева Дибромъ поплылъ въ Кіевъ, тогда какъ Игорь съ Половцами дожидаяся его противъ Вышгорода.

Услыхавъ о приближеніи Святослава, Рюрикъ выѣхалъ изъ Кіева въ Бѣлгородъ, и отправилъ войско противъ Половцевъ, которые съ Игоремъ сѣверными расположились станомъ у Долобскаго озера; войскомъ начальствовалъ князь Мстиславъ Владиміровичъ, при немъ находился тысяцкій Рюриковъ Лазарь съ младшею дружиною; Борисъ Захарычъ, любимый воевода Мстислава Храбраго, съ людьми молодого княжича своего Владиміра, котораго отецъ, умирая, отдалъ ему на руки, и Сдѣславъ Жирославичъ, воевода Мстислава Владиміровича съ трипольскими полками. Половцевъ было много; они лежали безъ всякой осторожности, не разставивъ сторожей, надѣясь на силу свою и на Игоревъ полкъ. Черные Клобуки, не слушаясь приказа русскихъ воеводъ, бросились на Половцевъ, врѣзались въ ихъ станъ, но были отбро-

шены назадъ, и въ бѣгствѣ смяли дружицу Мстиславу, которая также обратилась въ бѣгство, а за нею и самъ князь. Но лучшие люди остались: Лазарь, Борисъ Захарычъ и Сдѣславъ Жирославичъ; не смутившись ни мало, они ударили на Половцевъ и потоптали ихъ; много варваровъ перетонуло въ рѣкѣ Чарторыѣ, другіе были перебиты или захвачены въ плѣнъ, а князь Игорь сѣлъ въ лодку и переправился на восточный берегъ. Но Рюрикъ воспользовался этою побѣдою только для того, чтобъ получить выгодный миръ у Святослава, у котораго никакъ не надѣялся отнять старшинство; Святославу также не хотѣлось еще разъ выѣзжать изъ Кіева, и онъ обрадовался предложенію Рюрика, который уступалъ ему старшинство и Кіевъ, а себѣ бралъ всю Русскую Землю, т. е. остальные города Кіевской волости. Въслѣдъ за этимъ былъ заключенъ миръ и со Всеволодомъ Суздальскимъ, который возвратилъ Святославу сына его Глѣба; миръ между Мономаховичами и Ольговичами былъ скрѣпленъ двойнымъ родственнымъ союзомъ: одинъ сынъ Святослава, Глѣбъ, женился на Рюриковнѣ, другой, Мстиславъ—на свояченицѣ Всеволода (1182 г.).

Такимъ образомъ, сыну Всеволода Ольговича удалось окончательно утвердить за собою старшинство и Кіевъ; но это старшинство имѣло значеніе только на югѣ; старшій въ племени Мономаховомъ не вступалъ съ Святославомъ въ борюбу за Кіевъ, потому что Кіевъ не имѣлъ уже для него прежняго значенія, какое имѣлъ для отца его Юрія. Всеволодъ надѣдалъ все могущество того князя, который давалъ Кіевъ изъ своихъ рукъ кому хотѣлъ; какъ много потерялъ Кіевъ изъ своего матеріальнаго значенія послѣ погрома отъ войскъ Боголюбскаго,—ясно видно изъ всѣхъ описанныхъ событій: при всѣхъ смѣнахъ и усобицахъ князей не слышно объ участіи Кіевлянъ, о сильномъ полку кіевскомъ, который рѣшилъ судьбу Руси, судьбу князей во время бор. бы Юрія Долгорукаго съ племянникомъ; теперь страдательно подчиняются Кіевляне всѣмъ перемѣнамъ, ничѣмъ не обнаруживаютъ признаковъ жизни. Какъ слепецъ былъ сѣверный князь Всеволодъ и какъ слабъ былъ предъ нимъ старшій князь Южной Руси, Святославъ, доказательствомъ служитъ слѣдующее происшествіе: въ 1194 году Святославъ созвалъ братьевъ своихъ — родного Ярослава и двоюродныхъ Игоря и Всеволода, и началъ съ ними совѣтоваться, какъ бы пойти на рязанскихъ князей, съ которыми давно уже у Черниговскихъ были ссоры за пограничныя волости; но Ольговичи не смѣли прямо выступить въ походъ, а послали сперва къ Всеволоду Суздальскому просить у него на то позволенія: Всеволодъ не согласился, — и Святославъ долженъ былъ отложить походъ. Съ Ростиславичами Святославъ жилъ мирно, также, какъ видно, изъ страха предъ Всеволодомъ. Въ 1190 году грозила-было вспыхнуть между ними ссора по причинамъ, о которыхъ лѣтопись говоритъ очень не-

¹⁾ Ярополкъ Ростиславичъ, ставши княземъ Владимірскимъ, женился на дочери Всеслава, князя Витебскаго: такъ говоритъ лѣтописецъ, но ошибочно, ибо Всеславъ былъ князь Полоцкій, а не Витебскій; Витебскимъ былъ братъ его Брячиславъ; теперь Ярополкъ Ростиславичъ находился въ полкахъ Святослава Черниговскаго, который боролся со всѣми Мономаховичами, и со Всеволодомъ Суздальскимъ и съ Ростиславичами южными, слѣд. Васильковичи, вступаясь за зятя, естественно должны были быть въ союзѣ съ Святославомъ. Какимъ образомъ Витебскъ перешелъ опять отъ Ростиславичей смоленскихъ къ полоцкимъ князьямъ,—неизвѣстно. Имена полоцкихъ князей, находившихся въ союзѣ съ черниговскими, суть слѣдующія: «Васильковича—Брячиславъ изъ Витебска, братъ его Всеславъ съ Полоцанымъ, съ нимъ же бяхуть и Лѣбъ и Литва, Всеславъ Миклуличъ изъ Логажеска, Андрей Володшчъ и сынъ овецъ его Изяславъ, и Василько Брячиславичъ».

опредѣленно: у Святослава, по ея словамъ, была тяжба съ Рюрикомъ, Давидомъ и Смоленскою Землею; поэтому онъ ѣздилъ и за Днѣпръ сговориться съ братьями, чтобъ какъ-нибудь не потерять своихъ выгодъ; но Рюрикъ принялъ также свои мѣры; онъ переселся со Всеволодомъ и съ братомъ Давидомъ Смоленскимъ, — и всѣ втроемъ послали сказать Святославу: „Ты, братъ, намъ крестъ цѣловалъ на Романовомъ ряду, который былъ заключенъ тобою, когда братъ нашъ Романъ сидѣлъ въ Кіевѣ; если стоишь на этомъ ряду, то ты намъ братъ; а если хочешь вспомнить давнишнюю тяжбу, которая была при Ростиславѣ, то ты договоръ нарушилъ, чего мы терять не будемъ; а вотъ тебѣ и крестныя грамоты назадъ“. Святославъ сначала много спорилъ съ послани и оупустилъ-было уже ихъ съ отказомъ, но потомъ надумался, возвратилъ ихъ съ дорогомъ и цѣловалъ крестъ на всей волѣ Мономаховичей.

Могущественное вліяніе Всеволода Суздальскаго обнаружилось даже и въ судьбахъ отдаленнаго Галича. Въ этомъ пограничномъ Русскомъ княжествѣ въ семидесятыхъ годахъ XII вѣка обнаружилось явленіе, подобныхъ которому не видимъ въ остальныхъ волостяхъ русеныхъ, — именно важное значеніе бояръ, предъ которыми кипитъ значеніе князя. Мы уже разъ имѣли случай замѣтить своевольный поступокъ галицкаго боярина, Константина Строславича, который, вопреки волѣ князя своего Ярослава, увелъ свои полки отъ Мстислава Изяславича. Этотъ Константинъ играетъ важную роль и въ смутахъ своего княжества. Велико казалось въ другихъ странахъ могущество Ярослава Владиміровича Галицкаго, единовластнаго князя богатой и прѣстольной волости; вотъ какъ описывается это могущество въ Словѣ о полку Игореву: „Ярославъ Осмосмыслъ Галицкій! высоко сидишь ты на своемъ златокоронномъ столѣ; ты подиерь горы Венгерскія своими желѣзными полками, заступилъ путь королю Венгерскому, затворилъ ворота къ Дунаю, отворяешь ворота къ Кіеву“. Но этотъ могущественный князь окруженъ былъ людьми, которые были сильнѣе его, могли подчинять его волю своей. Ярославъ дурно жилъ съ женою своею Ольгою, сестрою суздальскихъ Юрьевичей, и держалъ любовницу, какую-то Настасью; въ 1173 году Ольга ушла изъ Галича въ Польшу съ сыномъ Владиміромъ, извѣстнымъ уже намъ бояриномъ Константиномъ Строславичемъ и многими другими боярами. Проживши восемь мѣсяцевъ въ Польшѣ, Владиміръ съ матерью пошелъ на Волынь, гдѣ думалъ поселиться на время, какъ на дорогѣ встрѣтилъ его гонецъ отъ бояръ изъ Галича. „Ступай домой, велѣли они сказать ему: отца твоего мы схватили, пріятелей его перебили, и врагъ твой — Настасья — въ нашихъ рукахъ“. Галичане сожгли несчастную на костре, сына ея послали въ заточеніе, а съ Ярослава взяли клятву, что будетъ жить съ княгинею какъ слѣдуетъ. Въ 1187 году умеръ Ярославъ, князь, по словамъ лѣтописца, мудрый, краснорѣчи-

вый, богобоязливый, честный во всѣхъ земляхъ и славный полками; когда бывала ему отъ кого обида, то онъ самъ не ходилъ съ полками, а посылалъ воеводу. Чувствуя приближеніе смерти, онъ созвалъ бояръ, бѣлое духовенство, монаховъ, нищихъ, и говорилъ имъ со слезами: „Отцы, братья и сыновья! вотъ я отхожу отъ этого свѣта суетнаго и иду къ Творцу моему, согрѣшилъ я большіе всѣхъ; отцы и братья! простите и отдайте“. Три дня плакался онъ предъ всѣми людьми, и велѣлъ раздавать имѣніе свое по монастырямъ и нищимъ; три дня раздавалъ по всему Галичу — и не могли всего раздать. Обратясь къ боярамъ, умирающій князь сказалъ: „Я одною своею худою головою удержалъ Галицкую Землю; а вотъ теперь приказываю свое мѣсто Олегу, меньшому сыну моему, а старшему, Владиміру, даю Перемышль“. Этотъ Олегъ родился отъ Настасьи, и потому былъ милъ Ярославу, говорить лѣтописецъ, а Владиміръ не ходилъ въ его волѣ: мы видѣли, что онъ увѣжалъ отъ отца вмѣстѣ съ матерью и возвратился вслѣдствіе торжества враговъ Настасьи. Владиміръ, вмѣстѣ со всѣми боярами, долженъ былъ присягнуть отцу, что не будетъ некакъ подѣ братомъ Галича. Но можно ли было надѣяться на эту клятву, можно ли было думать, что убійцы Настасьи будутъ спокойно видѣть на старшемъ столѣ сына ея? И вотъ, едва только умеръ Ярославъ, какъ сильный мятежь всталъ въ Галицкой Землѣ; Владиміръ и бояре нарушили клятву и выгнали Олега изъ Галича; тотъ принужденъ былъ бѣжать въ Овручъ къ Рюрику, а Владиміръ сѣлъ на столѣ отповскомъ и дѣдовскомъ. Но бояре скоро увидали, что ошиблись въ своемъ выборѣ: Владиміръ, по словамъ лѣтописца, любилъ только пить, а не любилъ думать съ своими боярами; отгнавъ у пона жену и сталъ жить съ нею, пріжилъ двоихъ сыновей; мало того, — понравится ему чья-нибудь жена или дочь, бралъ себѣ насильно. Въ это время ближайшимъ сосѣдомъ Галицкаго князя, на столѣ Владиміро-Волыньскомъ, сидѣлъ Романъ Мстиславичъ, получившій въ наслѣдство отъ отца и дѣда необыкновенную дѣятельность, предприимчивость, неутомимость; не любилъ онъ отставать отъ разъ предпринятаго намѣренія и не разбиралъ средствъ при его выполненіи. Романъ находился въ близкомъ свойствѣ съ Владиміромъ Галицкимъ: дочь его была за старшимъ сыномъ послѣдняго⁴⁾; несмотря на то, узнавши, что бояре галичскіе не хорошо живутъ съ своимъ княземъ, Романъ сталъ пересылаться съ ними, побуждая ихъ выгнать Владиміра, на мѣсто котораго предлагалъ имъ себя въ князя. Многие бояре охотно согласились на его предложеніе, собрали полки, утвердились крестнымъ цѣлованіемъ между собою, но не смѣли явно возстать на Владиміра,

⁴⁾ За какимъ — не извѣстно; лѣтописецъ упоминаетъ только о двоихъ сыновьяхъ Владиміра, пріжитыхъ имъ отъ попади; если Романовна была за старшимъ изъ нихъ, то выходитъ, что Владиміръ сталъ жить съ ихъ матерью давно уже, еще при жизни отца своего Ярослава. По разсказу Татищева, выходитъ такъ (III, 285).

схватить или убить его, потому что не всё бояре были противъ князя: были между ними и его пріятели. Заговорщики придумали другое средство освободиться отъ Владиміра; они послали сказать ему: „Князь! мы не на тебя встали, но не хотимъ кланяться попадѣ, хотимъ ее убить; а ты гдѣ хочешь, тамъ и возьми жезу“. Они надѣялись, что онъ никакъ не отпуститъ попадю, и потому грозилась убить ее, чтобы тѣмъ скорѣе прогнать его самого, въ чемъ и не ошиблись: Владиміръ, опасаясь, чтобы и его любовницу не постигла та же участь, какая постигла Настасью, забралъ много золота и серебра, жену, двѣихъ сыновей, дружину, и поѣхалъ въ Венгрію. Мы оставили эту страну подъ властью короля Гейзы II-го, зятя и союзника Изяслава; самымъ опаснымъ врагомъ Гейзы былъ знаменитый Греческій императоръ, Мануиль Комнень, послѣдній изъ великихъ государей, сидѣвшихъ на престолѣ Византійскомъ; вѣншательство Гейзы въ дѣла Сербіи дало Мануилу поводъ враждебно выступить противъ Венгровъ съ дѣлію распространить предѣлы имперіи на ихъ счетъ; сначала онъ поддерживалъ противъ Гейзы извѣстнаго уже намъ Бориса, сына дочери Мономаховой, а потомъ, когда Борисъ палъ въ битвѣ, сталъ поддерживать родныхъ братьевъ Гейзы, Стефана и Владислава, нашедшихъ убѣжище при Дворѣ Византійскомъ. Гейза умеръ въ 1161 году, оставивъ престолъ двѣнадцатилѣтнему сыну своему, Стефану III-му. Малолѣтство короля дало Мануилу полную возможность къ осуществленію своихъ честолюбивыхъ плановъ относительно Венгріи, и немедленно выступилъ онъ съ большимъ войскомъ и обоими князьями, Стефаномъ и Владиславомъ, къ границамъ этой страны, пославъ сказать ей вельможамъ, что по старому обычаю престолъ долженъ переходить не къ сыну, а къ брату умершаго короля, и что потому они должны возвести на престолъ Стефана, брата покойнаго Гейзы. Венгры вѣрили ему отвѣчать на это, что они не знаютъ ни о какомъ подобномъ обычаѣ въ своихъ отечествахъ, гдѣ съ незапамятныхъ поръ наследуетъ корону старшій сынъ, а не братъ умершаго короля; они не могутъ, слѣдовательно, принять къ себѣ въ король герцога Стефана старшаго; не примутъ его уже и потому, что не хотятъ имѣть королею подручника императорскаго. Несмотря однако на этотъ смѣлый отвѣтъ, деньги и обѣщанія Мануила произвели свое дѣйствіе, и много изъ вельможъ отстали отъ молодого Стефана, который и принужденъ былъ уступить престолъ дядѣ своему, не Стефану впрочемъ, а младшему — Владиславу. Владиславъ черезъ полгода умеръ; тогда брату его, Стефану, удалось захватить престолъ, что онъ и надолго, ибо когда въ Венгрію узнали, что онъ обѣщалъ Мануилу, въ награду за помощь, отдать Сирмію, то почти всё перешли на сторону племянника его, который вслѣдствіе этого и утвердился окончательно на престолѣ. Тогда Мануиль, видя всеобщее нерасположеніе Венгровъ къ Стефану-дядѣ, объявилъ, что признаетъ королемъ племянника; мало

того, — не имѣя сыновей, выдаетъ дочь свою за Бела, младшаго брата Стефана III-го, и назначаетъ его наследникомъ своего престола, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы онъ былъ воспитанъ въ Константинополѣ и удержалъ со собою Сирмію, какъ полученный отъ отца удѣлъ. Король и вельможи согласились на предложеніе, и молодой Бела отправился въ Константинополь, гдѣ получилъ имя Алексѣя, былъ обрученъ съ дочерью императора, провозглашенъ наследникомъ престола, какъ вдругъ неожиданное обстоятельство переѣвило совершенно ходъ дѣла: у Мануила отъ второй жены его родился сынъ. Обрадованный императоръ велѣлъ немедленно короновать младенца и отнялъ у Бела не только надежду на престолъ, но даже невѣсту, свою дочь, и обручилъ его на свояченицѣ. Но въ это время умеръ братъ Бела, король Венгерскій, двадцатичетырехлѣтній Стефанъ III, какъ говорятъ, отравленный братомъ (1173 г.); Бела посѣщилъ въ Венгрію, но засталъ тамъ уже три партіи: одна хотѣла имѣть его королемъ; другая, состоящая преимущественно изъ высшего духовенства, боясь, чтобы, воспитанный въ Константинополѣ, Бела не сталъ дѣйствовать подъ вліяніемъ императора и враждовать къ католицизму, хотѣла ждать разрѣшенія отъ бремена жены Стефана III-го; третья, наконецъ, стояла за младшаго брата Бела; въ честь этой партіи находилась старая вдовствующая королева, жена Гейзы II-го, Евфросинья Мстиславовна, которой хотѣлось видѣть на престолѣ младшаго, любимаго сына. Долго боролись Бела III-й съ двумя враждебными партіями, наконецъ осилилъ ихъ.

Болѣе десяти лѣтъ Бела спокойно правилъ Венгрію, какъ явился къ нему галицкій изгнанникъ, Владиміръ, съ просбюю о помощи; спокойствіе внутри и внѣ давало Белѣ полную возможность вмѣшаться въ галицкія дѣла, и онъ пошелъ къ Галичу со всіми своими полками. Романъ, сѣвшии-было здѣсь на столѣ, не видя средствъ прогнаться войскамъ Бела, и, захвативъ остатокъ княжеской казны, убѣжалъ назадъ на Волынь; но и Владиміръ не получилъ отцовскаго стола, потому что Бела, устроивши Галичанамъ всё ихъ дѣла, счелъ полезнѣе для себя и для нихъ дать имъ въ князья сына своего, Андрея, а Владиміра повелъ опять въ Венгрію неволею, отнялъ у него все имѣніе и посадилъ въ башню¹⁾; онъ взялъ также съ собою въ Венгрію сыновей или братьевъ лучшихъ бояръ,

¹⁾ Такъ рассказываетъ русскій лѣтописецъ; но польскимъ же извѣстиямъ, Олегъ Ярославичъ, не найдя помощи у Рюрика Ростиславича въ Овручѣ, пошелъ къ Польскому королю Казиміру, и вмѣстѣ съ нимъ отплылъ на Владиміра Галицкаго; тотъ, соединившись съ Всеволодомъ Мстиславичемъ Вельскимъ, братомъ Романа Волынскаго, вышелъ имъ на-встрѣчу, но былъ разбитъ и бѣжалъ въ Венгрію; Олегъ съѣлъ въ Галичѣ, но скоро былъ отравленъ, и тогда бояре призвали на его мѣсто Романа Волынскаго. См. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 321. Извѣстіе о смѣргіи Олега, пропадающаго безъ вѣсти въ нашихъ лѣтописяхъ, заставляетъ обратить вниманіе на этотъ рассказъ.

чтобъ имѣть ручательство въ вѣрности послѣднихъ. Между тѣмъ Романъ съ тѣми изъ галицкихъ бояръ, которые презвали его къ себѣ, скитался по разнымъ странамъ, ища волости. Отъѣзжая княжить въ Галичь, онъ отдалъ Владиміръ брату своему, Всеволоду, сказавши ему: „Больше мнѣ не нужно этого города“. Теперь, убѣгая предъ Венграми изъ Галича, онъ пріѣхалъ было назадъ во Владиміръ, но уже не былъ впущенъ сюда братомъ; тогда онъ поѣхалъ въ Польшу искать тамъ помощи, а жену свою отправилъ въ Овручь къ отцу ея, Рюрику Ростиславичу. Не получивши отъ польскихъ князей никакой помощи, онъ и самъ отправился къ тестю, Рюрику, вмѣстѣ съ преданными ему галицкими боярами. Пріѣхавши къ тестю, онъ сталъ проситься у него опять на Галичь: „Галичане зовутъ меня къ себѣ на княженіе“, говорилъ онъ ему: „отпусти со мной сына своего, Ростислава“. Рюрикъ согласился, и Романъ отправилъ передовой отрядъ свой, чтобъ занять одинъ изъ пограничныхъ городовъ—Пльенскъ¹⁾; но отрядъ этотъ былъ разбитъ наголову Венграми и Галичанами. Романъ, услыжавъ объ этомъ несчастіи, отпустилъ шурина, Ростислава, домой, а самъ опять поѣхалъ въ Польшу. На этотъ разъ онъ былъ здѣсь счастливѣе: получилъ помощь и пошелъ съ нею на брата, Всеволода, ко Владиміру; но Всеволодъ въ другой разъ не пустилъ его, и Романъ опять отправился къ тестю; тотъ далъ ему пока волость—Торческъ, а между тѣмъ послалъ къ Всеволоду съ угрозами, которые подѣйствовали, и Романъ получилъ опять Владиміръ, а Всеволодъ отправился въ свою прежнюю волость—Бельзь.

Романа звали опять въ Галичь, слѣдовательно были тамъ люди, недовольные Венгерскимъ королевичемъ; съ другой стороны, Бела не могъ думать, чтобы русскіе князья спокойно стали смотрѣть на владычество иноземца въ старинной Русской волости; вотъ почему онъ снѣшилъ обѣщаніями склонить на свою сторону Святослава Кіевского. Въ 1189 году онъ прислалъ сказать ему: „Братъ! прислай сына своего ко мнѣ,—хочу исполнить свое обѣщаніе, въ чемъ тебѣ крестъ цѣловалъ“. Тогда Святославъ, тайкомъ отъ Рюрика, отправилъ къ королю сына своего—Глѣба, думая, что Бела дастъ ему Галичь²⁾. Рюрикъ, узнавши объ этомъ, послалъ сказать Святославу³⁾: „Ты отправилъ сына

своего къ королю, не спросившись со мною,—такъ ты уговоръ нашъ нарушилъ“⁴⁾. Начались сильныя споры между князьями; однако дѣло не дошло до ссоры; Святославъ послалъ сказать Рюрику: „Братъ и святъ! вѣдь я сына своего послалъ не на тебя поднимать короля, а за своими дѣлами; если хочешь идти на Галичь, такъ я также готовъ съ тобою идти“. Особенно помогалъ прекращенію спора митрополитъ, которому очень не нравилось, что католикъ владѣетъ Галичемъ; онъ говорилъ и Святославу и Рюрику: „Иноплеменники отняли вану отчину, надобно-бъ вамъ потрудиться возвратити ее опять себѣ“. Князья послушались и отправились вмѣстѣ добывать Галичь—Святославъ съ сыновьями, а Рюрикъ—съ братьями; но, прежде чѣмъ добыли волость, стали рядиться на - счетъ ея, и опять поссорились: Святославъ отдавалъ Галичь Рюрику, а себѣ хотѣлъ взять всю Русскую Землю около Кіева; но Рюрикъ не хотѣлъ лишиться своей отчины и промѣнять старое вѣрное на новое и невѣрное, а хотѣлъ подѣлиться Галичемъ съ Святославомъ⁵⁾; на это не соглашался послѣдній и, такимъ образомъ, сваты разошлись по домамъ, ничего не сдѣлавши.

Потерявши надежду получить помощь изъ кого-либо изъ сильныхъ русскихъ князей, недовольные королевичемъ Галичане обратились къ потомку своихъ родныхъ князей—Ростиславичей, Ростиславу Ивановичу, сыну знаменитаго Берладника. Ростиславъ, безземельный князь подобно отцу, жилъ въ это время у Смоленскаго князя, Давида Ростиславича; получивши приглашеніе, онъ отправился немедленно къ галицкимъ предѣламъ, захватилъ два пограничныхъ города и оттуда поѣхалъ къ самому Галичу. Тамошніе бояре не въ одинаково ему благопріятствовали: нѣкоторые изъ нихъ крѣпко держались за королевича, потому что сыновья ихъ и братья находились у Бела, который въ это время прислалъ на помощь сыну большое войско, боясь враждебныхъ покушеній со стороны русскихъ князей. Королевичъ и венгерскіе воеводы, услыжавши о приходѣ Ростислава, вызваннаго галицкими боярами, собрали послѣднихъ и начали приводить ихъ къ кресту: правые цѣловали охотно, ничего за собою не зная, а виноватые—по нуждѣ, боясь Венгровъ. Между тѣмъ Ростиславъ съ малою дружиною подошелъ къ галицкимъ полкамъ, въ надеждѣ, что тѣ, по обѣщанію своему, тотчасъ перейдутъ на его сторону, какъ только завидятъ его полкъ; и, точно, нѣсколько галицкихъ бояръ при-

¹⁾ Въ «Вѣнкѣ на обжвини Русинамъ» (ч. II, стр. 162) говорится, что на мѣстѣ города Пльенска существуютъ нѣкіе окопы и великіе курганы, заросшіе лѣсомъ, недалеко отъ Подгорца, первой почт. станціи изъ Бродъ къ Золочову.

²⁾ Изъ этого видно, что король обѣщаніемъ подѣлялся съ Святославомъ, и послѣдній могъ думать, что Бела уступитъ ему Галичь, а самъ возьметъ Перемышль или другія какія-нибудь волости.

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 137: «Рюрикъ же увѣдалъ то наряди до немъ (по Глѣбѣ) Святослава Володымерича, пристава къ нему мужъ свой».—Для чего и куда онъ отправилъ Святослава? Какъ видно, также къ королю, чтобъ противодействовать своекорыстнымъ видамъ Святослава Кіевского. Кто былъ этотъ Святославъ Владиміровичъ? Карамзинъ догадывается, что—сынъ Владиміра Мстиславича, что очень вѣроятно.

⁴⁾ Стало бытъ, у нихъ былъ договоръ дѣйствовать заодно относительно Галича.

⁵⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 138: «Рюрикъ же не улюбитъ лишиться отчины своей, не хотѣ подѣлитися Галиччѣмъ».—Это чтеніе, по моему мнѣнію, должно быть исправлено: какимъ образомъ Рюрикъ не хотѣлъ отдать Святославу и своимъ старымъ владѣніямъ, и не хотѣлъ дѣлиться Галичемъ, слѣдовательно цѣлю похода ставилъ только одну свою польсу? Но совершенно ясно будетъ, если вмѣсто не исправимъ но: «но хотѣ подѣлитися Галиччѣмъ».

ѣхали къ нему; но они бросили его, какъ только увидѣли, что остальные не трогаются. Тогда дружина сказала Ростиславу: „Видишь, что они тебя обманули; поѣзжай прочь!“ — „Нѣтъ, братья! отвѣчай Ростиславъ: вы знаете, на чемъ они мнѣ дѣловали крестъ; если же теперь ищутъ головы моей, то Богъ имъ судья и тотъ крестъ, что мнѣ дѣловали: а уже мнѣ наскучило скитаться на чужой землѣ; хочу голову положить на своей отчинѣ“. — Сказавши это, онъ бросился въ средину галицкихъ и венгерскихъ полковъ; тѣ обхватили его со всѣхъ сторонъ, сбили съ лошади и полумертваго отъ ранъ понесли въ Галичъ; въ городѣ встало смятеніе, жители начали толковать, какъ бы отнять Ростислава у Венгровъ и провозгласить его своимъ княземъ; тогда Венгры нашли средство покончить дѣло: они приложили яду къ ранамъ Ростиславовымъ, и желаніе Берладникова сына исполнилось, — онъ легъ на отчинѣ подлѣ предковъ своихъ.

Удоставившись при этомъ случаѣ, что Галичане хотятъ русскаго князя, Венгры начали мстить имъ насиліями: стали отнимать у нихъ женъ и дочерей и брать себѣ въ наложницы, начали ставить лошадей своихъ въ церквахъ и избахъ; вступжали тогда Галичане и сильно раскаялись, что прогнали своего князя Владиміра. И, вотъ, пронесся слухъ, что Владиміру удалось убраться изъ венгерской неволи (1190 г.): на башнѣ ему поставленъ былъ шатеръ; онъ изрѣзалъ полотно, свилъ изъ него веревку и спустился по ней на землю; двое сторожей было подкуплено; они довели его до Нѣмецкой земли, къ императору Фридриху-Варбароссѣ, который, узнавши, что Владиміръ родной племянникъ по матери князю Всеволоду Суздальскому, принявъ его съ любовью и большою честью, и когда Владиміръ обѣщалъ ему давать ежегодно по двѣ тысячи гривенъ серебра, то Фридрихъ отправилъ его при своемъ послѣ къ Польскому князю Казиміру, съ приказомъ, чтобъ тотъ помогъ ему получить обратно Галицкій столъ; Казиміръ послушался и отправилъ съ Владиміромъ въ Галичу воеводу Николая. Когда Галичане узнали о приближеніи своего *дядича* съ польскими войсками, то съ радостью вышли къ нему на-встрѣчу, провозгласили княземъ своимъ, а королевича прогнали изъ Земли. Но Владиміръ не считалъ себя безопаснымъ отъ сосѣднихъ князей иноземныхъ и русскихъ до тѣхъ поръ, пока не приобрѣтетъ покровительства дяди своего, сильнаго князя Суздальскаго, и потому послалъ къ нему съ слѣдующими словами: „Отецъ и господи! удержи Галичъ подолю, а я Божій и твой со всѣмъ Галичемъ и въ твоей волѣ всегда“. Всеволодъ отправилъ пословъ ко всѣмъ русскимъ князьямъ и въ Польшу, и взялъ со всѣхъ присягу не искать Галича подъ его племянникомъ. И съ тѣхъ поръ, говорить лѣтописецъ, Владиміръ утвердился въ Галичѣ, и никто не поднимался на него войною.

Вліяніе сѣвернаго князя на дѣла Южной Руси еще болѣе обозначилось по смерти Святослава Все-

володовича (1194 г.), оставившаго по себѣ въ лѣтописи память мудраго князя. Преемникомъ его въ Кіевѣ былъ Рюрикъ Ростиславичъ, котораго всѣ на Русѣ приняли съ большою радостью: и Кіевляне, и христіане, и поганые, потому что, говорить лѣтописецъ, онъ всѣхъ принималъ съ любовію, и христіанъ, и поганыхъ, и не отгонялъ отъ себя никого. Сѣвши въ Кіевѣ, Рюрикъ послалъ сказать брату своему Давиду въ Смоленскъ: „Братъ! мы теперь остались старіе всѣхъ въ Русской Землѣ, пріѣзжай ко мнѣ въ Кіевъ, повидаемся и подумаемъ, погладимъ вмѣстѣ о Русской Землѣ, о братьяхъ, о Владиміровомъ племени, и покончимъ всѣ дѣла“. Но этотъ князь, считавшій себя старшимъ въ Русской Землѣ, получилъ старшинство по волѣ другого князя старѣйшаго и сильнѣйшаго, князя Суздальской Земли: Всеволодъ, говоритъ сѣверный лѣтописецъ, послалъ мужей своихъ въ Кіевъ, и тѣ посадили тамъ Рюрика Ростиславича. Давидъ Смоленскій согласился на предложеніе брата и поплылъ къ нему внизъ по Днѣпру; въ Вышгородѣ свидѣлись братья и стали ирывать; сперва Рюрикъ позвалъ на обѣдъ Давида; князья повеселились, обдарили другъ друга и разстались въ большой любви; потомъ позвалъ Давидъ къ себѣ въ Бѣлгородъ племянникъ его Ростиславъ Рюриковичъ: здѣсь было также большое веселье. Давидъ отплатилъ также угощеніями и дарами: сперва позвалъ на обѣдъ брата Рюрика и племянниковъ; потомъ позвалъ на обѣдъ мошаховъ изъ всѣхъ монастырей, роздалъ имъ и нищимъ большую милостыню; наконецъ позвалъ Черныхъ Клобуковъ, наполнилъ ихъ всѣхъ и одарилъ богато. Кіевляне, съ своей стороны, позвали Давида на обѣдъ и обдарили, и Давидъ отблагодарилъ ихъ всецѣлымъ пируемъ. Пируя, братья занимались и дѣломъ: покончили всѣ ряды о Русской Землѣ, о братѣ своей, о Владиміровомъ племени, послѣ чего Давидъ отправился назадъ въ Смоленскъ. Но Ростиславичи скоро увидали, что имъ не приходилось оканчивать всѣхъ рядовъ своихъ о Русской Землѣ безъ вѣдома князя Суздальскаго; въ Кіевъ пріѣхали послы изъ Владиміра и сказали Рюрику отъ имени своего князя: „Вы пазвали меня старшимъ въ своемъ Владиміровомъ племени; теперь ты сѣлъ въ Кіевѣ, а мнѣ не дать никакой части въ Русской Землѣ, роздалъ другимъ, младшей братѣ; ну, если мнѣ въ ней нѣтъ части, то какъ ты тамъ себѣ хочешь: кому даль въ ней часть, — съ тѣмъ ее и стереги; посмотри, какъ ты ее съ нимъ удержишь, а мнѣ не надобно“. По словамъ Владимірекихъ пословъ выходило, что князь ихъ сердился на Рюрика за то, что онъ отдалъ лучшую волость зятю своему, Роману Волинскому, именно пять городовъ: Торческъ, Треполь, Корсунъ, Богуславъ, Капневъ, лежащихъ на рѣкѣ Росѣ, по границѣ съ стенью, въ странѣ, населенной Черными Клобуками, игравшими такую важную роль въ усобицахъ княжескихъ. Рюрикъ началъ думать съ боярами, какъ бы уладить дѣло; ему ни-

какъ не хотѣлось брать назадъ волость у Романа, потому что онъ поклялся ему не давать ея никому другому; онъ предлагалъ Всеволоду другіе города; но тотъ не хотѣлъ ничего, кромѣ Поросья, и грозился начать войну въ случаѣ отказа. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Рюрикъ обратился къ митрополиту Никифору и рассказалъ ему все дѣло, какъ онъ дѣловалъ крестъ Роману не отнимать у него Поросья, какъ не хочетъ нарушить клятвы, и изъ-за этого начинается у него война со Всеволодомъ. Митрополитъ отвѣчалъ: „Князь! мы приставлены отъ Бога къ Русской Землѣ удерживать васъ отъ кровопролитія; если станетъ проливаться христіанская кровь въ Русской Землѣ изъ-за того, что ты далъ волость младшему, обидя старшаго, и крестъ дѣловалъ, то я снимаю съ тебя крестное цѣлованіе и беру его на себя, а ты послушайся меня, — возьми волость у зятя и отдай ее старшему, а Роману дай вѣсто нея другую“. Рюрикъ послалъ сказать Роману: „Всеволодъ проситъ подѣлю тобою волости, и жалуется на меня изъ-за тебя“. Романъ отвѣчалъ: „Батюшка! нечего тебѣ изъ-за меня начинать ссору съ сватомъ; ты мнѣ можешь или другую волость дать вѣсто прежней, или заплатить за нее деньги“. Рюрикъ, подумавъ съ братьями и боярами, послалъ сказать Всеволоду: „Ты жаловался на меня, братъ, за волость; такъ вотъ тебѣ та самая, которую просилъ“. Нельзя думать, чтобъ одно только наслѣдственное нерасположеніе Всеволода къ Изяславовымъ потомкамъ заставляло его требовать именно той волости, которая была отдана Роману; Юрій могъ неавидѣть дѣда Романова Изяслава, потому что тотъ отнималъ у него старшинство; Андрей Боголюбскій могъ не любить отца Романова, Мстислава, потому что и этотъ не признавалъ его старшинства, хотѣлъ сидѣть въ Кіевѣ старшимъ и независимымъ княземъ; но Всеволоду не за что было сердиться на Романа, который не представлялъ никакихъ претензій: Всеволодъ былъ признанъ отъ всѣхъ и старшимъ, и сильнѣйшимъ княземъ. Онъ могъ желать волости для пріобрѣтенія большей матеріальной силы на Руси; но почему же онъ требовалъ именно Поросья? Онъ могъ придавать большое значеніе этой пограничной волости и поселеннымъ въ ней Чернымъ Клобукамъ, но послѣ онъ не обратилъ большого вниманія, когда Рюрикъ отобралъ ее у него назадъ. Всеволодъ могъ не желать усиленія Романа, обнаружившаго уже въ галицкихъ событіяхъ предприимчивость и честолюбіе; но, все равно, Рюрикъ далъ бы ему другую волость равнозначительную или деньги, на которыя можно нанять Половцевъ и переманить Черныхъ Клобуковъ. Наконецъ, Всеволодъ могъ оскорбляться, что Рюрикъ, распоряжаясь волостями, не сдѣлалъ ему чести, обошелъ волостью; но такое притязаніе было странно въ положеніи Всеволода: онъ былъ признанъ старшимъ, Кіевъ принадлежалъ ему, онъ могъ пріѣхать въ этотъ городъ и распоряжаться всѣми окружающими волостями; но онъ, по примѣру брата, пре-

небрегъ Кіевомъ, отдалъ его младшему, а теперь оскорбляется, что этотъ младшій не падѣлялъ его волостью¹⁾. Если всѣ эти расчеты и могли въ какой-нибудь мѣрѣ имѣть вліяніе на поведеніе Всеволода, то главнымъ однако побужденіемъ его мы должны принять желаніе посорить южныхъ Мономаховичей, тѣсный дружественный союзъ которыхъ необходимо уменьшалъ вліяніе севернаго князя на югъ. Получивъ отъ Рюрика требуемую волость, Всеволодъ немедленно отдалъ лучший городъ Торческъ сыну его, а своему зятю, Ростиславу, а въ остальные четыре города послалъ своихъ посадниковъ. Разсчетъ былъ вѣренъ, ибо когда Романъ узналъ, что Торческъ взятъ у него и черезъ руки Всеволода переданъ Рюрикову же сыну, то началъ посылать къ тестю съ жалобами, будучи увѣренъ, что тотъ сговорился нарочно со Всеволодомъ и отнялъ у него волость для того только, чтобъ передать ее своему сыну. Рюрикъ послалъ отвѣчать ему на его жалобы: „Я прежде всѣхъ далъ тебѣ эту волость, какъ вѣдучь Всеволодъ наславъ на меня съ жалобами, что чести на него не положили прежде всѣхъ; вѣдъ я тебѣ объявлялъ всѣ его рѣчи, и ты добровольно отступился отъ волости; самъ знаешь, что намъ нельзя было не сдѣлать по его, намъ безъ него нельзя быть: вся братья положила на немъ старшинство во Владиміровомъ племени; а ты мнѣ сынъ свой, вотъ тебѣ и волость, такая же какъ та“. Но Романа нельзя уже было успокоить и увѣрить, что тутъ не было никакого злого умысла противъ него; онъ началъ совѣтоваться съ своими боярами, какъ бы отомстить за обиду, и придумали послать въ Черниговъ къ Ярославу Всеволодовичу, уступить ему старшинство и звать въ Кіевъ на Рюрика; Ярославъ обрадовался случаю и принялъ предложеніе. Тогда Рюрикъ послалъ объявить Всеволоду о замыслахъ Романа и Ольговичей. „Ты, братъ, во Владиміровомъ племени старше всѣхъ насъ, велѣлъ онъ сказать ему: такъ думай, гадай о Русской Землѣ, о своей чести и о нашей;“ а къ зятю Роману послалъ бояръ своихъ обличить его и бросить предъ нимъ крестныя грамоты. Романъ испугался; увидавъ, что тестъ узналъ о его сношеніяхъ съ Ольговичами, и, не будучи приготовленъ такъ скоро начать войну, отправился въ Польшу за помощью.

Мы оставили польскія событія послѣ изгнанія Владислава II-го, когда старшинство принялъ братъ его, Болеславъ IV Кудрявый (1142 г.). Изгнанникъ Владиславъ, послѣ неудачныхъ попытокъ получить опять старшинство, умеръ въ Германіи; но три сына его — Болеславъ, Мечиславъ и Конрадъ, вѣроятно, по настоянію императора, возвратились въ отечество и получили Силезію. По смерти Болеслава IV Кудряваго, старшинство перешло къ брату его, третьему Болеславичу, Мечиславу III-му; но Мечиславъ скоро возбудилъ противъ себя негодованіе

¹⁾ Ник. II, 262: «Сія же глаголя, Всеволодъ извѣсть творя».

вельможь, которые, изгнавъ его, провозгласили великимъ княземъ послѣдняго изъ Болеславичей, Казимира Справедливаго (четвертый Болеславичъ, Генрихъ, умеръ прежде). Мы видѣли участіе, какое принималъ Казимиръ и знаменитый палатинъ его Николай при возстановленіи Владиміра Ярославича на столѣ Галицкомъ. По смерти Казимира (1194 г.) рождался вопросъ: кому должно достаться старшинство, потому что былъ живъ еще одинъ изъ Болеславичей, прежде лишенный старинства, Мечиславъ Старый. Мечиславу нельзя было надѣяться вторично занять Краковскій столъ: прежде нерасположеніе къ нему было еще живо въ вельможахъ, которымъ, сверхъ того, было гораздо выгоднѣе имѣть княземъ несовершеннолѣтняго племянника, чѣмъ стараго дядю, — и вотъ прелаты и вельможи, собранные въ Краковѣ, рѣшили передать старшій столъ Дешку, малолѣтнему сыну Казимира Справедливаго. Но Мечиславъ не думалъ отказываться отъ своихъ правъ, и сталъ готовиться къ войнѣ съ племянниками. Въ это самое время явился къ послѣднимъ въ Краковѣ Романъ Вольнскій съ просьбою о помощи противъ тестя Рюрика; онъ имѣлъ право надѣяться на помощь, потому что вдова Казимирова, Елена, была ему родная племянница отъ брата Всеволода Мстиславича Вельскаго. Казимировичи отвѣчали Роману: «Мы бы ради были тебѣ помочь, но обижаетъ насъ дядя Межко (Мечиславъ), ищетъ подъ нами волости; прежде помоги ты намъ, а когда будемъ все мы Поляки за однимъ щитомъ, то пойдемъ мстить за твои обиды». Романъ послушался и поѣхалъ на Межка съ Казимировичами; тотъ не хотѣлъ биться съ Романомъ, но прислалъ къ нему съ просьбою быть посредникомъ въ спорѣ между нимъ и племянниками. Романъ не послушался ни его, ни бояръ своихъ и вступилъ въ битву, въ которой потерпѣлъ сильное пораженіе, и, раненый, убѣжалъ въ Краковъ къ Казимировичамъ, откуда дружина принесла его во Владиміръ-Вольнскій. Видя надъ собой такую бѣду, онъ отправилъ посла къ тестю Рюрику съ поклонами и мольбою, чтобы простилъ его; послалъ просить и митрополита Никифора, чтобы тотъ ходатайствовалъ за него предъ Рюрикомъ. Митрополитъ исполнилъ просьбу, и Рюрикъ, послушавшись его, созвалъ бояръ и сказалъ имъ: «Если Романъ просить и раскаивается въ своей винѣ, то я его приму, приведу ко кресту и волость дамъ; если онъ устоитъ въ крестномъ пѣлованіи, будетъ вправду имѣть меня отцомъ и добра моего хотѣть, то я буду имѣть его сыномъ, какъ прежде имѣлъ и добра ему хотѣлъ». И, дѣйствительно, Рюрикъ послалъ сказать Роману, что пересталъ на него сердиться, привелъ его къ кресту на всей своей волѣ и далъ ему волость ¹⁾.

¹⁾ «И да ему Полонный и полъгъртака Корьсуьскаго». — Этотъ Полонный не можетъ быть около Луцка, на рѣкѣ Стырѣ, потому что за Горынью не могло быть кievскимъ владѣніемъ; не можетъ быть и тѣмъ Полоннымъ, который упоминается подъ 1172 (1169) годомъ, ибо послѣдній Полонный принадлежалъ Десятинной кievской церкви, и по-

Романъ былъ смиренъ; но нельзя было забыть, что онъ предлагалъ старшинство и Кіеву Ярославу Черниговскому и тотъ принялъ предложеніе; вотъ почему Рюрикъ, переславшись съ сватомъ Всеволодомъ и братомъ Давидомъ, послалъ сказать Ярославу и всемъ Ольговичамъ отъ имени всехъ Мономаховичей: «Цѣлуй намъ крестъ со всею своею братьсю, что не искаги вамъ нашей отчины, Кіева и Смоленска, подъ нами и подъ нашими дѣтьми, и подъ всемъ нашимъ Владиміровымъ племенемъ; дѣлъ нашъ Ярославъ раздѣлялъ насъ по Днѣпру, потому и Кіева вамъ не надобно» ²⁾. Ольговичи обдѣлялись такимъ предложеніемъ и послали сказать Всеволоду: «У насъ былъ уговоръ не искать Кіева подъ тобою» ³⁾ и подъ сватомъ твоимъ Рюрикомъ: мы и стоимъ на этомъ договорѣ; но если ты приказываешь намъ отказать отъ Кіева навсегда, то мы не Венгры и не Ляхи, а внуки одного дѣда, — при вашей жизни мы не ищемъ Кіева, но послѣ васъ кому Богъ его дастъ». И были между ними распри много и рѣчи крупныя, и не уладились, говорить дѣтоисецъ ⁴⁾. Всеволодъ хотѣлъ такую же зимою идти на Черниговъ; Ольговичи испугались, и послали къ нему игумена съ поклономъ и обещаніемъ исполнить его волю; тотъ повѣрилъ имъ и сошелъ съ коня. Въ то же время черниговскіе послы явились и къ Рюрику съ слѣдующими словами отъ своихъ князей: «Братъ! у насъ съ тобою не было никогда ссоры; мы этой зимою еще не успѣ-

тому Рюрикъ не могъ отдать его Роману. Что же касается до: «полъгъртака корьсуьскаго», то конечно удобнее принять чтеніе — «полторска (т. е. полторческа) русскаго», ибо нельзя, кажется, было Рюрику отдавать что-либо корьсуское, когда Корьсу отдавъ уже Всеволоду; но, съ другой стороны, и Торческъ былъ отданъ также Всеволоду, который отъ себя далъ его зятю Ростиславу; трудно думать, чтобы Рюрикъ, безъ вѣдома Всеволода, рѣшился отнять у Ростислава половину волости дядя Романа при тогдашнемъ положеніи послѣдняго; другого же Торческа, кромѣ Поросскаго, мы не можемъ разумѣть, ибо только послѣднему могло быть прилично названіе русскій, т. е. кievскій; дальше — никогда ни одинъ Торческъ не называется русскимъ; наконецъ чтеніе «Полторска Русскаго» будетъ гораздо легче «полъгъртака Корьсуьскаго», и потому послѣднее должно быть предпочтено, несмотря на его непонятность.

²⁾ Здѣсь явная несправда: Днѣпромъ Ярославъ никогда не дѣлилъ Всеволодовичей отъ Святославичей; и Святославу и Всеволоду онъ далъ волости по одной восточной сторонѣ Днѣпра. Здѣсь избыточно вырочемъ то, что Мономаховичи требуютъ отъ Ольговичей, чтобы тѣ не искали подъ ними Смоленска, — новое доказательство отсутствія отчины, ибо какое право могли имѣть Ольговичи на Смоленскъ? Но если Мономаховичи хотѣли дѣлиться Днѣпромъ, то необходимо должны были отдать Переславля Ольговичамъ, и, точно, объ этомъ городѣ они не упоминаютъ, тогда какъ этотъ городъ и былъ именно ихъ отчина по Ярославову дѣленію.

³⁾ Вотъ доказательство, что Кіевъ принадлежалъ Всеволоду, какъ старшему, и уже изъ его рукъ былъ отданъ Рюрику.

⁴⁾ Никон. II, 265: Ярославъ говоритъ: «Но якоже и отъ правды нашихъ лѣтвицею каждо восхожаше на великое княженіе кievское, еще же и намъ и вамъ лѣтвицнымъ восхожденіемъ, кому еще Господь Богъ дастъ, взыти на великое княженіе».

ля заключить окончательнаго договора ни со Всеволодомъ, ни съ тобою, ни съ братомъ твоимъ Давидомъ; а такъ какъ ты ближе всѣхъ къ намъ, то цѣлуй крестъ не начинать съ нами войны до тѣхъ поръ, пока мы не кончимъ переговоры со Всеволодомъ и Давидомъ". Рюрикъ, совѣтовавшись съ боярами, принялъ предложеніе Ярослава, отправилъ въ Черниговъ своего посла, и взялся хлопотать о томъ, чтобъ помирить съ Ольговичами Всеволода и Давида; при этомъ Рюрикъ обѣщалъ Ярославу уступить ему Витебскъ, и отправилъ въ Смоленскъ посла объявить объ этой уступкѣ брату своему Давиду, послѣ чего, надѣясь на миръ, распустилъ по домамъ дружицу, братьевъ, сыновей, Половцевъ, богато одаривши ихъ, а самъ отправился въ Овручъ по своимъ дѣламъ. Но Ярославъ, не дождавшись окончанія переговоровъ о Витебскѣ, послалъ племянника своего, Олега Святославича, захватить этотъ городъ, гдѣ сидѣлъ одинъ изъ полоцкихъ князей, зять Давида Смоленскаго. Послѣдній, ничего еще не зная о сдѣлкѣ Рюрика съ Ярославомъ и слыша, что отрядъ Ольговичей, не добѣжавши до Витебска, сталъ пустошить Смоленскую область, выслалъ противъ него войско подъ начальствомъ племянника своего, Мстислава Романовича. Мстиславъ ударилъ на Олега, потопталъ его стѣги, изрубилъ его сына. Но, въ то время какъ Мстиславъ получилъ успѣхъ на одной сторонѣ, смоленскій тысяцкій Михалко потерпѣлъ пораженіе отъ Полочанъ, союзниковъ Черниговскаго князя; Мстиславъ, возвращаясь съ преслѣдованія побѣжденнаго Олега, встрѣтилъ побѣдителей Полочанъ; думая, что это свои, спокойно въѣхалъ въ ряды ихъ, — и былъ взятъ въ плѣнъ; тогда обрадованный Олегъ Святославичъ послалъ вѣсть къ дядѣ въ Черниговъ, приписывая себѣ весь успѣхъ дѣла: „Мстислава я взялъ въ плѣнъ и полкъ его побѣдилъ, и Давидовъ полкъ смоленскій, а ильниные Смольняне сказываютъ мнѣ, что братья ихъ не въ ладу живутъ съ Давидомъ; такого, багощка, удобнаго времени уже больше не будетъ; собравши братью, поѣзжай поскорѣе, возьмемъ честь свою“. Ярославъ и всѣ Ольговичи обрадовались, помчались къ Смоленску, но перехвачены были на дорогѣ посломъ Рюриковимъ, который сказалъ Ярославу отъ своего князя: „Если ты, обрадовавшись случаю, поѣхалъ убить моего брата, то нарушилъ нашъ договоръ и крестное цѣлованіе, и вотъ тебѣ твои крестныя грамоты; ступай къ Смоленску, а я пойду къ Чернигову, и какъ насъ Богъ рассудитъ, да крестъ честный“. Ярославъ испугался, возвратился въ Черниговъ и отправилъ своего посла къ Рюрику, оправдывая себя, обвиняя Давида, зачѣмъ помогаетъ зятю своему. Рюрикъ отвѣчалъ ему на это: „Я тебѣ Витебскъ уступилъ и посла отправилъ къ брату Давиду, давая ему знать объ этой уступкѣ; ты, не дождавшись конца дѣлу, послалъ своихъ племянниковъ къ Витебску, а онъ, идучи, стали воевать Смоленскую волость; Давидъ и послалъ на нихъ

племянника своего Мстислава“. Долго спорили и не могли уладиться ¹⁾.

Въ 1196 году Рюрикъ послалъ сказать свату своему Всеволоду Суздальскому: „Мы уговорились садиться всѣмъ на коней съ Рождества Христова и съѣхаться въ Черниговъ; я и собрался съ братиею, дружиною, съ дикими Половцами, и сидѣлъ наготовѣ, дожидаясь отъ тебя вѣсти; но ты той зимой не съѣлъ на коня, повѣрилъ Ольговичамъ, что стануть на всей нашей волѣ; я, услышавъ, что ты на коня не садился, распустилъ братью, дикихъ Половцевъ, и поцѣловалъ съ Черниговскимъ Ярославомъ крестъ, что не воевать до тѣхъ поръ, пока или уладимся всѣ, или не

¹⁾ Все это дѣло для насъ очень темно по недостатку обстоятельныхъ извѣстій о полоцкихъ отношеніяхъ. Мы видѣли, что Витебскъ, сначала принадлежавшій къ Полоцкому князю, перешелъ впоследствии къ Смоленскому; но потомъ опять видѣли, что здѣсь сидитъ одинъ изъ полоцкихъ князей, именно Брячиславъ Васильковичъ, бывшій въ 1180 году въ союзѣ съ Ольговичами; теперь сидитъ въ Витебскѣ зять Давидовъ, — кто именно? тотъ же ли самый Брячиславъ или сынъ его, Василько Брячиславичъ, упоминаемый въ 1180 году, — не извѣстно. Неизвѣстно, по какимъ побужденіямъ Рюрикъ хотѣлъ отнять у братаго зятя Витебскъ и отдать его Ольговичамъ; любознательно здѣсь только, что наши князья не обращаютъ никакого вниманія на чрезполосность владѣній и что Мономаховичи, толкая о Дибрѣ, какъ границѣ владѣній Ольговичей, уступаютъ имъ отдаленный городъ на Двинѣ. Подъ 1180 годомъ видимъ въ Друцкѣ Глѣба Роговоловича, союзника Ростиславичей; подъ 1195 является здѣсь Борисъ, союзникъ Ольговичей. Вотъ извѣстіе по Ипатьев. списку: «Ярославъ же не дождавъ раду послалъ сыновца своя ко Витебску, на зятя на Давида (выходить, что должно читать на зятя Давидова)... Ольговичи же, не добѣжавше Витебска, воеваша смоленскую волость. Слышавъ же Давидъ Ольговича, посла Мстислава Романовича сыновца своего, и Ростислава Володимерича (по Карамзину, сына Владимира Мстиславича) съ полкомъ своимъ, и рязанскаго князича зятя своего Глѣба со Смольяныи противу имъ... и проч. см. въ нашемъ текстѣ. — Въ сѣверной лѣтописи по Лавр. списку читаемъ: «Тое же зимы посла Давидъ и Смольнянскыи сыновца Мстислава, свата в. князя Всеволода, въ помощь зятю своему на Витебскъ, и побѣди его Василько съ черниговци». — Кто этотъ Василько? уже конечно не Брячиславичъ, ибо послѣдній, какъ князь или княжичъ витебскій, не могъ сражаться противъ Давидова войска, посланнаго ему на помощь; южная лѣтопись изъ полоцкихъ князей, бывшихъ въ дѣлѣ съ Ольговичами, упоминаетъ только одного Бориса Друцкаго, и не знаетъ никакого Василька; быть можетъ этотъ Василько былъ Володаревичъ, князь Ложскій? Въ сѣверной лѣтописи находимъ слѣдующее среднее извѣстіе подъ 1186 годомъ: «Того жъ лѣта на зиму иде на Полтескъ Давидъ Ростиславичъ инъ Смольнянска, а сынъ его Мстиславъ изъ Новгорода, изъ Ложска (Ложска) Василько Володаревичъ, изъ Дреутьска Весславъ, и слыша Полочане, и сдумаша рекуце: «но можемъ мы стати противу Новгородцемъ и Смольняномъ; аще поустимъ ихъ на землю свою, аще и миръ створимъ съ ними, а много ны зла створять, поустать ны землю идучи до насъ; пойдемъ къ нимъ на сумежь. И собравшася вси, и идоша къ нимъ, и сръбшоша я на межахъ съ поклономъ и тестью и даша ему дары мнози, и уладилася». Здѣсь Друцкимъ княземъ названъ не Борисъ в. ле Глѣбъ, а Весславъ, Ложжскимъ княземъ является Василько Володаревичъ, а въ извѣстіи подъ 1180 годомъ Весславъ Микудичъ.

уладимся; а теперь, братъ, и твой, и мой сынъ Мстиславъ сидятъ въ плѣну у Ольговичей, такъ не мѣшкай съѣзъ бы ты на коня, и, съѣхавшись всѣ, помстятъ бы мы за свою обиду и срамъ, и племянника своего выстояли, и правду свою нашли". Долго не было вѣсти отъ Всеволода, наконецъ онъ прислалъ сказать Рюрику: „Ты начинай, а я буду готовъ“. Рюрикъ собралъ братью свою, дикихъ Половцевъ и сталъ воевать съ Ольговичами; тогда Ярославъ прислалъ сказать ему: „Зачѣмъ, братъ, сталъ ты воевать мою волость, и поганымъ руки наполнять? изъ-за чего намъ съ тобою ссориться; развѣ я ницъ подъ тобою Кіева? а что Давидъ послалъ на моихъ племянниковъ Мстислава, а Богъ насъ тамъ разсудитъ, то я выдаю тебѣ Мстислава безъ выкупа, по любви. Цѣлуй со мной крестъ, да и съ Давидомъ меня помирн; а Всеволодъ захочетъ съ нами уладиться—уладимся, а тебѣ съ братомъ Давидомъ итѣ до того дѣла“. Рюрикъ отвѣчалъ ему: „Если вправду хочешь мира, то дай мнѣ путь черезъ твою волость; я отправлю посла и ко Всеволоду, и къ Давиду, и, согласившись всѣ, уладимся съ тобою“. Рюрикъ, по словамъ лѣтописца, точно хотѣлъ отправить посла для того только, чтобъ устроить общій миръ; но Ярославъ не вѣрилъ Рюриковымъ рѣчамъ: онъ думалъ, что Мономаховичи хотятъ сговориться на него, и потому не пускалъ Рюриковыхъ пословъ черезъ свою волость; Ольговичи заняли всѣ пути, и цѣлое лѣто до самой осени продолжалась война набѣгами. Осенью Ольговичи приобрѣли себѣ союзника: Романъ Волынской, принужденный въ бѣдѣ прибѣгнуть къ милости тестя, теперь оправился и хотѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобъ отмстить за прежнее униженіе; онъ послалъ отрядъ своихъ людей въ пограничный городъ Полоцкий, и велѣлъ имъ оттуда оцустоять Кіевскую волость набѣгами. Услыхавъ объ этомъ новомъ врагѣ¹⁾, Рюрикъ обратился къ князю, котораго могъ считать естественнымъ союзникомъ своимъ по враждѣ къ Роману, именно къ Владиміру Ярославичу, князю Галицкому, и послалъ къ нему племянника своего, Мстислава Мстиславича, сына знаменитаго Мстислава Ростиславича, соперника Андрея. Мстиславъ долженъ былъ сказать Владиміру отъ имени Рюрика: „Зятъ мой нарушилъ договоръ и воевалъ мою волость; такъ ты, братъ, съ племянникомъ моимъ изъ Галича войте его волость; я и самъ хотѣлъ идти ко Владиміру (Волынскому), да пришла мнѣ вѣсть, что свать мой Всеволодъ съѣзъ на коня, соединился съ братомъ моимъ Давидомъ и вмѣстѣ жгутъ волость Ольговичей, города Витичей взяли и пожгли; такъ я сижу наготовѣ, дожидаясь вѣсти вѣрной“. Владиміръ поѣхалъ съ Мстиславомъ, по-воевалъ и пожегъ волость Романову, а съ другой

стороны повоевалъ и пожегъ ее Ростиславъ Рюриковичъ съ Владиміровичами (сынновьями Владиміра Мстиславича) и съ Черными Клобуками, набрали много рабовъ и скота.

Вѣсть, полученная Рюрикомъ о движеніи Всеволода и Давида, была справедлива; они дѣйствительно вступили въ землю Ольговичей и пожгли ее. Услыхавъ объ этомъ, Ярославъ собралъ братью, посадилъ двоихъ Святославичей—Олега и Глѣба—въ Черниговѣ, укрѣпилъ остальные города, боясь Рюрикова прихода, а самъ съ остальными родичами и Половцами отправился противъ Всеволода и Давида; онъ сталъ подъ своими лѣсами, огородилъ засѣлками, на рѣкахъ велѣлъ мосты разобрать, и, приготовившись такимъ образомъ, послалъ сказать Всеволоду: „Братъ и свать! отчину нану и хлѣбъ нашъ ты взялъ; если хочешь мириться съ нами и жить въ любви, то мы любви не бѣгаемъ и на всей волѣ твоей станемъ; а если ты замыслилъ что другое, и отъ того не бѣгаемъ, какъ насъ Богъ разсудитъ съ вами и Св. Снасъ“. Всеволодъ былъ не охотникъ до рѣшительныхъ битвъ, этихъ судовъ Божіихъ по понятіямъ южныхъ князей; притомъ же Ольговичи обѣщали безъ битвы стать на всей его волѣ; онъ началъ думать съ Давидомъ, рязанскими князьями, боярами, на какиихъ бы условіяхъ помириться съ Ольговичами. Давидъ никакъ не хотѣлъ мира, но требовалъ непременно, чтобъ Всеволодъ шелъ къ Чернигову; онъ говорилъ ему: „Ты уговорился съ братомъ Рюрикомъ и со мною сойтись всѣмъ въ Черниговѣ и тамъ мириться на всей нашей волѣ, а теперь ты не далъ знать Рюрику о своемъ приходѣ; онъ воюетъ съ нимъ, волость свою пожегъ для тебя, а мы безъ его совѣта и вѣдома хотимъ мириться; какъ хочешь, братъ, а я только тебѣ то скажу, что такой миръ не понравится брату моему“. Но Всеволоду не понравились рѣчи Давидовы и рязанскихъ князей; онъ началъ переговоры съ Ольговичами, требуя у нихъ, во-первыхъ, отреченія отъ Кіева и Смоленска; во-вторыхъ, освобожденія Мстислава Романовича, в-третьихъ, изгнанія давняго врага своего, Ярополка Ростиславича, который жилъ тогда въ Черниговѣ; въ-четвертыхъ, прекращенія связи съ Романомъ Волынскимъ. Ярославъ соглашался на три первыхъ требованія; но не хотѣлъ отступать отъ Романа, который оказалъ ему такую важную услугу, напавши на тестя и отвлекши его отъ похода на Черниговъ. Всеволодъ не настаивалъ и тѣмъ подтвердилъ подозрѣніе, что хотѣлъ продолженія безпокойства на югѣ, не хотѣлъ окончательнаго усиленія здѣсь Ростиславичей. Помирившись съ Ярославомъ, онъ послалъ сказать Рюрику: „Я помирился съ Ярославомъ; онъ цѣловалъ крестъ, что не будетъ искать Кіева подъ тобою, а Смоленска подъ братомъ твоимъ“. Рюрикъ сильно разсердился и послалъ ему такой отвѣтъ: „Свать! ты клялся, что кто мнѣ врагъ, тотъ и тебѣ врагъ; просилъ ты у меня чести въ Русской Землѣ, и я далъ тебѣ волость лучшую, не отъ избытка, но отпавши у братьевъ связей

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 149: «Слышавъ же Рюрикъ, аже изъ полоцкаго ѣхавше воевали волость брата его Давидову и сына его Ростиславлю».—Значитъ, и Смоленскій князь имѣлъ волость въ кіевскихъ владѣніяхъ.

и у зятя своего Романа; Романъ послѣ этого сталъ многа врагомъ не изъ-за кого другого, какъ только изъ-за тебя; ты обѣщаль сѣсть на коня и помочь мнѣ, но провелъ все лѣто и зиму, а теперь и сѣлъ на коня, — но какъ помочь? Самъ помирился, заключилъ договоръ, какой хотѣлъ, а мое дѣло съ Романомъ оставилъ на волю Ярославову: Ярославъ будетъ насъ съ нимъ рядить. А изъ-за кого же все дѣло-то стало? для чего я тебя и на коня-то посадилъ? Отъ Ольговичей мнѣ какая обида была? они подо мною Кіева не искали; для твоего добра я былъ съ ними недобрь и воевалъ, и волость свою пожегъ; ничего ты не исполнилъ, о чемъ уговаривался, на чемъ мнѣ крестъ дѣловалъ". Въ сердцахъ Рюрикъ отнялъ у Всеволода всѣ города, которые прежде далъ, и роздалъ опять своей братьѣ. Всеволодъ, повидимому, оставилъ это безъ вниманія, но уже, разумѣется, не могъ послѣ этого желать добра Рюрику. На западномъ берегу Днѣпра Всеволодъ потерялъ волость, но на восточномъ продолжалъ держать въ своемъ племени Переяславъ Южный, или Русскій; здѣсь, по смерти Владиміра Глѣбовича, сидѣлъ другой племянникъ Всеволодовъ, Ярославъ Мстиславичъ, ходившій совершенно въ волѣ дяди; доказательствомъ служитъ то, что Переяславъ даже и въ церковномъ отношеніи зависитъ отъ Всеволода: въ 1197 году онъ посадилъ туда епископа. Въ слѣдующемъ 1198 году умеръ Ярославъ Мстиславичъ, и на его мѣсто Всеволодъ отправилъ въ Переяславъ сына своего Ярослава (1201); Всеволодъ послалъ также (1194 г.) возобновить отповскій Городокъ на Острѣ, разрушенный еще Изяславомъ Мстиславичемъ.

Недаромъ Рюрикъ такъ безпокоился насчетъ отношеній своихъ къ Волыскому князю: скоро (1198) могущество послѣдняго удвоилось, потому что по смерти Владиміра Ярославича ему удалось опять, съ помощью Поляковъ, сѣсть на столѣ Галицкомъ, и на этотъ разъ уже утвердиться здѣсь окончательно. Лѣтопись ничего не говоритъ, почему черезъ три года послѣ этого (1201) Рюрикъ собрался идти на Романа. Очень естественно, что Кіевскому князю не нравилось утвержденіе Романа въ Галичѣ; по почему же онъ такъ долго медлил походомъ на зятя ¹⁾? Подъ 1197 годомъ лѣтописи говоритъ о смерти брата Рюрикова, Давида Смоленскаго, который, по обычаю, передалъ столъ свой племяннику отъ старшаго брата, Мстиславу Романовичу, а своего сына Константина отослалъ старшему брату Рюрику на руки. Въ 1198 г. умеръ Ярославъ Черниговскій, и его столъ, по тому же обычаю, занялъ двоюродный братъ его Игорь Святославичъ Сѣверскій, знаменитый герой „Слова о Полку“; но скоро и онъ умеръ (1202), оставя Черниговскій столъ старшему племяннику Всеволоду Святославичу Черашому, внуку Всеволода Ольговича. Всѣ эти перемѣны и особенно, какъ видно, неуверен-

ность въ Ольговичахъ, могли мѣшать Рюрику вороваться на Романа; но въ 1202 году онъ успѣлъ уговорить Всеволода Черашаго Черниговскаго дѣйствовать съ нимъ за-одно противъ Галицко-Волынскаго князя; Ольговичи явились въ Кіевъ, какъ союзники тамошняго князя, Мономаховича, чего давно уже не бывало; но Романъ предупредилъ враговъ, собралъ полки галицкіе и владимірскіе, и вѣзхалъ въ Русскую Землю. Пронзшло любопытное явленіе, напомнившее время борьбы дѣда Романа, Изяслава, съ дядею Юриемъ; или Рюрикъ не умѣлъ пріобрѣсти народнаго расположенія, или жива была память и привязанность къ дѣду и отцу Романову, или наконецъ Романъ успѣлъ переманить Черныхъ Клобуковъ на свою сторону обѣщаніями, или наконецъ всѣ эти причины дѣйствовали вмѣстѣ, — Русь (Кіевская область) поднялась противъ Рюрика, все бросилось къ Роману: первые отбѣжали къ нему отъ Рюрика сыновья Владиміра Мстиславича, какъ видно, безземельные, подобно отцу ²⁾; за ними пріѣхали всѣ Черные Клобуки, наконецъ явились отряды изъ жителей всѣхъ кіевскихъ городовъ; Романъ, видя это всеобщее движеніе въ свою пользу ³⁾, со всѣми полками спѣшилъ къ Кіеву; Кіевляне отворили ему Подольскія ворота, и онъ занялъ Подоль, тогда какъ Рюрикъ съ Ольговичами стояли въ верхней части города (на горѣ); видя все противъ себя, они, разумѣется, не могли болѣе держаться въ Кіевѣ, и вступили въ переговоры съ Романомъ. Рюрикъ отказался отъ Кіева и побѣжалъ въ Овручъ, Ольговичи отправились за Днѣпръ въ Черниговъ, а Кіевъ отданъ былъ великимъ княземъ Всеволодомъ и Романомъ двоюродному брату послѣдняго, Ингварю Ярославичу Луцкому. Явленіе замѣчательное, бывшее необходимымъ слѣдствіемъ преобладанія сильнѣйшаго сѣвернаго князя и вмѣстѣ старшаго въ родѣ, который пересталъ жить въ Кіевѣ. Всеволодъ, враждуя съ Рюрикомъ, не хочетъ поддерживать его противъ Романа и, по уговору съ послѣднимъ, отдаетъ Кіевъ младшему изъ Мстиславичей, не имѣвшему никакого права даже предъ Романомъ, не только предъ Рюрикомъ. Самъ Романъ не могъ сѣсть въ Кіевѣ; очень вѣроятно, что и Всеволодъ не хотѣлъ позволить этого, не хотѣлъ допустить

²⁾ Мстиславъ Владиміровичъ, котораго мы видѣли подъ 1180 годомъ, когда онъ побѣжалъ отъ Половцевъ; въ лѣтописи сказано, что Рюрикъ сильно разсердился на него за это: «Рюрикъ же пожалова на Володимирча на Мстиславъ, река ему: въ первое Трпюль переда Ольвичемъ; агъ вышѣ аче и хотя же еси побѣгълъ, Ольговичемъ и Половцемъ добро творя, по Богъ и крестъ помогъ бояромъ, а ты ѣ хотя кончати — и велми на неог жалова». Какъ видно, Трпюль былъ отпять у Мстислава, быть можетъ даже по этому случаю; другого Владиміровича, Ростислава, мы видѣли въ Смоленской области, въ битвѣ съ Ольговичами и Половчанами. Потомъ Мстиславъ Владиміровичъ былъ взятъ въ 1203 году Рюрикомъ и Ольговичами въ Кіевѣ, и одинъ изъ черниговскихъ князей, Ростиславъ Ярославичъ, отвелъ его съ собою въ Сновскъ.

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, стр. 176.

¹⁾ Есть даже извѣстіе, что Романъ, утвердившись въ Галичѣ, сдѣлалъ много зла Рюрику. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 326.

соединенія Киевской, Владиміро-Волынской и Галицкой волостей въ рукахъ такого князя, каковъ былъ Романъ; а съ другой стороны и самъ Романъ не искалъ чести сидѣть въ Киевѣ: его присутствіе было необходимо въ повопріобрѣтенномъ Галичѣ.

Но Рюрикъ не хотѣлъ спокойно перенести своего изгнанія и видѣть въ Киевѣ племянника; въ слѣдующемъ 1203 году онъ опять соединился съ Ольговичами, нанялъ множество Половцевъ и взялъ съ ними Киевъ. Какъ видно, союзники, не имѣя чѣмъ заллатить варварамъ, обѣщали отдать имъ Киевъ на разграбленіе; Рюрику нечего было жалѣть Киевлянъ, которые отворили ворота Роману; и вотъ Половцы разсыпались по городу, пожгли не только Подолъ, но и гору, ограбили Софійскій соборъ, Десятинную церковь и всѣ монастыри¹⁾; монаховъ и монахинь, священниковъ и женъ ихъ, старыхъ и и увѣчныхъ перебили, а молодыхъ и здоровыхъ повели въ плѣнъ, также и остальныхъ Киевлянъ; пощадилъ только иностранныхъ купцовъ, спрятанныхъ по церквамъ; у нихъ взяли половину имѣнія и выпустили на свободу. Послѣ этого страшнаго опустошенія Рюрикъ не хотѣлъ сѣсть въ Киевѣ: или не хотѣлъ онъ княжить въ поужженномъ, ограбленномъ и пустомъ городѣ, ждалъ времени, пока онъ оправится, или боялся опять прихода Романа; какъ бы то ни было, онъ уѣхалъ назадъ въ Овручъ, гдѣ скоро былъ осажденъ Романомъ, пришедшимъ, по выраженію лѣтописца, отвести его отъ Ольговичей и отъ Половцевъ; Рюрикъ принужденъ былъ цѣловать крестъ великому князю Всеволоду и *дѣтямъ его*, т. е. отказался отъ старшинства въ родѣ и, по смерти Всеволода, обѣщався снова быть въ волѣ великаго князя Суздальскаго и дѣтей его, послѣ чего Романъ сказалъ ему: „Ты уже крестъ цѣловалъ, такъ отправь посла къ свату своему, а я пошлю своего боярина къ отцу и господину великому князю Всеволоду; и ты проси, и я буду просить, чтобъ далъ тебѣ опять Киевъ“. Всеволодъ согласился, и Рюрикъ опять сталъ княжить въ Киевѣ; Всеволодъ помирился и съ Ольговичами также по просьбѣ Романа.

Изъ всѣхъ этихъ извѣстій видно, что Романъ дѣйствительно хотѣлъ мира на Руси, вѣроятно для того, чтобы свободнѣе управлять въ Галичѣ и дѣйствовать противъ враговъ вишнихъ; по его желанію не исполнилось. Возвратившись въ 1203 году изъ похода противъ Половцевъ, князь Романъ и Рюрикъ съ сыновьями остановились въ Треполѣ и начали толковать о распредѣленіи волостей, подняли споръ, и дѣло кончилось тѣмъ, что Романъ схватилъ Рюрика, отослалъ въ Киевъ и тамъ велѣлъ постричь въ

монахи вмѣстѣ съ женою и дочерью, своею женою, съ которою развелся, а сыновей Рюриковыхъ, Ростислава и Владиміра, взялъ съ собою въ Галичъ; кого оставилъ въ Киевѣ,—домедіе до насъ лѣтописи не говорятъ²⁾. Но Всеволодъ Суздальскій не могъ смотрѣть на это спокойно; онъ отправилъ пословъ своихъ къ Роману, и тотъ принужденъ былъ отпустить сыновей Рюриковыхъ и старшему изъ нихъ Ростиславу, зятю Всеволоду, отдать Киевъ. Рюрикъ—однако не долго оставался въ монастырѣ. Мы видѣли тѣсную связь Романа съ князьями польскими, Казимиромъ Справедливимъ и сыновьями его; видѣли, какъ онъ помогалъ послѣднимъ въ борьбѣ съ дядею ихъ Мечиславомъ, и какъ они, въ свою очередь, помогли ему овладѣть Галичемъ по смерти Владиміра Ярославича. Несмотря на неудачу Романа въ битвѣ съ Мечиславомъ, послѣднему не удалось овладѣть старшинствомъ и Краковомъ; но, не успѣвши достигнуть своей цѣли оружіемъ, онъ прибѣгнулъ къ переговорамъ, убѣжденіямъ, и успѣлъ наконецъ склонить вдову Казимира и сына ея Лешка къ уступкѣ ему старшинства; имъ показалось выгоднѣе отказаться на время отъ Кракова и потомъ получить его по праву родоваго княжескаго преемства, чѣмъ владѣть имъ по милости вельможъ и въ зависимости отъ послѣднихъ. Вторично получилъ Мечиславъ старшинство и Краковъ, и вторично былъ изгнанъ; вторично успѣлъ обольстить вдову Казимирову и ея сына обѣщаніями, въ третій разъ занялъ Краковъ и удержался въ немъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1202 году. Смертію Мечислава Стараго пресѣклось первое поколѣніе Волеславичей. Краковскіе вельможи, опять мимо старшихъ двоюродныхъ братьевъ, отправили пословъ къ Лешку Казимировичу звать его на старшій столъ, но съ условіемъ, чтобы онъ отдалъ отъ себя сендомирскаго палатина Говорекка, имѣвшаго на него сильное вліяніе; краковскіе вельможи, слѣдовательно, хотѣли отвратить отъ себя ту невыгоду, которую терпѣли русскіе бояре отъ княжескихъ перемѣнъ изъ одной волости въ другую, причемъ новые бояре *завѣжали* старыхъ; здѣсь же видимъ и начало условій, предлагаемыхъ польскими вельможами князьямъ ихъ; но легко понять, что при такомъ значеніи вельможъ родовые счеты княжескіе не могли продолжаться въ Польшѣ. Лешко, который прежде уступилъ старшинство дядѣ для того, чтобы избавиться зависимости отъ вельможъ (особенно самаго могущественнаго изъ нихъ, извѣстнаго уже намъ палатина краковскаго Николая), и теперь не хотѣлъ для Кракова согласиться на условіе, предложенное вельможами; онъ отвѣчалъ посламъ, что пусть вельможи выбираютъ себѣ другого князя, который способенъ будетъ согласиться на ихъ условіе. Тогда вельможи обратились къ князю, имѣвшему болѣе права на старшинство, чѣмъ Лешко, именно къ Владиславу Ласкононому, сыну

¹⁾ Лѣтописецъ (Поли. Собр. Русск. Лѣт. I, 176) говоритъ: «И створися велико зло въ русетѣи землѣ, якоже зло не было отъ крещеня надъ Кіевомъ, напасті были и взятіи, не яко же плѣтъ зло се сетася». Но грабежъ по взятіи Кіева войсками Боголюбскаго описывается съ одинаковыми подробностями, и тогда также пограблены были церкви.

²⁾ По Татищеву (III, 338) оставилъ опять Нигваря Луцкаго.

Мечиславу, и провозгласили его великимъ княземъ; но Владиславъ скоро вооружилъ противъ себя прелатовъ, которые, вмѣстѣ съ вельможами, изгнали его изъ Кракова и перезвали на его мѣсто опять Лешка Казимировича, на этотъ разъ, какъ видно, безъ условій, вѣроятно потому, что палатина Николая не было уже въ живыхъ. Обязанный старшинствомъ преимущественно старанію прелатовъ и, вѣроятно, желая найти въ духовенствѣ опору противъ вліянія вельможь, Лешко, немедленно послѣ заятія Краковского стола, предалъ себя и свои земли въ покровительство Св. Петра, обязавшись платить въ Римъ ежегодную подать. Духовенство поспѣшно отблагодарило своего доброжелателя; уже давно оно смотрѣло враждебно на родовыя отношенія и счеты между князьями; уже по смерти Казимира Справедливаго епископъ Краковскій Фулковъ защищалъ порядокъ преемства отъ отца къ сыну противъ родового старшинства, и успѣлъ утвердить Краковъ за сыномъ Казимировымъ; теперь же, когда Лешко отдалъ себя и потомство свое въ покровительство Св. Петра, церковь римская торжественно утвердила его наследственнымъ княземъ Кракова съ правомъ передать этотъ столъ послѣ себя старшему сыну своему. Такъ родовыя отношенія княжескія встрѣтили въ Польшѣ два могущественныя начала—власть вельможь и власть духовенства, предъ которыми и должны были поклонуться.

Романъ Волинскій, постоянный союзникъ Лешка, продолжалъ враждовать и съ Мечиславомъ, и съ сыномъ его Владиславомъ Ласконогимъ; но когда Лешко утвердился въ Краковѣ, то Романъ потребовалъ отъ него волости въ награду за прежнюю дружбу; Лешко не согласился; притомъ же, по словамъ лѣтописца, Владиславъ Ласконогій много содѣйствовалъ ссорѣ Лешка съ Романомъ¹⁾, влѣдствие чего Галицкій князь осадилъ Люблинъ; потому, услышавъ, что Лешко съ братомъ Кондратомъ идутъ противъ него, оставилъ осаду и двинулся къ нимъ на-встрѣчу; перейдя Вислу, онъ расположился станомъ подъ городомъ Завихвостомъ, куда прибыли къ нему послы отъ Лешка и завязали переговоры; положено было прекратить военныя дѣйствія до окончанія послѣднихъ, и Романъ, понадеявшись на это, съ малою дружиною отъѣхалъ отъ стана на оготу; но тутъ въ засадѣ ждалъ его польскій отрядъ, и Романъ, послѣ мужественнаго сопротивленія, легъ на мѣстѣ съ дружиною (1205 г.). Такъ погибъ знаменитый внукъ Изяслава Мстиславича; предприимчивостью, отвагою будучи похожъ на отца и дѣда, получивши чрезъ пріобрѣтеніе Галича и большія матеріальныя средства, находясь въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ пограничными иностранцами государствами, гдѣ въ это время родовыя отношенія княжескія смѣнились государственными, Романъ, необходимо подчиняясь вліянію

того порядка вещей, который господствовалъ въ ближайшихъ западныхъ странахъ, могъ, повидимому, явиться проводникомъ этихъ новыхъ понятій для Южной Руси²⁾, содѣйствовать въ ней смѣнѣ родовыхъ княжескихъ отношеній государственными; онъ могъ, подобно отцу и дѣду, вступить въ борьбу съ сѣверными князьями, въ борьбу, которая однако должна была носить уже новый характеръ, еслибъ и Романъ сталъ стремиться къ самовластію на югѣ, точно такъ же, какъ стремились къ нему Юрьевичи на сѣверѣ. По это сходство положенія Романа съ положеніемъ сѣверныхъ князей есть сходство обманчивое, потому что почва Юго-Западной Руси, преимущественно почва Галицкаго княжества, вовсе не заключала въ себѣ тѣхъ условій крѣпкаго государственнаго быта, которыя существовали на сѣверѣ и которыми воспользовались тамонніе князья для собранія Русской Земли, для утвержденія въ ней единства и наряда. Мы видѣли, какую силою пользовались бояре въ Галичѣ, силою, предъ которою нилко значеніе князя; легко понять, что князь съ такимъ характеромъ, какъ Романъ, скоро долженъ былъ враждебно столкнуться съ этою силою. „Не передавиши пчель, меду не бѣтъ“, говорилъ онъ, и вотъ лучшіе бояре погибли отъ него, какъ говорятъ, въ страшныхъ мукахъ; другіе разбѣжались; Романъ возвратилъ ихъ обѣщаніемъ великихъ милостей, но скоро, подъ разными предлогами, подвергъ ихъ той же участи³⁾.—Оставя по себѣ такую кровавую память въ Галичѣ, въ остальной Руси Романъ съльзъ грознымъ бичемъ окрестныхъ варваровъ, Половцевъ, Литвы, Ятвяговъ, добрымъ подвижникомъ за Русскую Землю, достойнымъ палачникомъ правды своего Мономаха. „Онъ стремился на поганыхъ, какъ левъ, говоритъ народное поэтическое преданіе; сердить былъ какъ рысь, губилъ ихъ какъ крокодилъ, перелеталъ земли ихъ какъ орелъ и храбръ онъ былъ какъ туръ, ревновалъ дѣду своему, Мономаху“. Мы видѣли, что одною изъ главныхъ сторонъ дѣятельности князей нашихъ было постройка городовъ, населеніе пустынныхъ пространствъ: Романъ заставлялъ побѣжденныхъ Литовцевъ расчищать лѣса подъ панію; но тѣсно казалось для современниковъ стараніе Романа отучить дикарей отъ грабежа, пріучить къ мирнымъ, земледѣльческимъ занятіямъ, и вотъ осталась поговорка: „Романъ! Романъ! худымъ живешь, Литвою орешъ“⁴⁾.

²⁾ У Татищева (III, 336) помѣщена любопытная рѣчь Романа къ другимъ князьямъ, въ которой онъ уговариваетъ ихъ установить въ волостяхъ порядокъ преемства отъ отца къ сыну, и болѣе определенный порядокъ въ преемствѣ старанаго стола; но никто не согласился на предложеніе Романа.

³⁾ Kadlubek II, p. 127.

⁴⁾ Это извѣстіе находится у Стрыйковского, который говоритъ, что Романъ вырѣзалъ плѣнныхъ Литовцевъ и Ятвяговъ въ плуги и заставлялъ выпахивать коренья по новымъ мѣстамъ. - Мы не думаемъ, вырочемъ, чтобъ должно было, какъ здѣсь, принимать эту поговорку буквально. Романъ заставлялъ Литовцевъ и Ятвяговъ заниматься земледѣліемъ, отъ-чего современники видѣли мало проку, и про-

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 156. «Ѣа бо Володиславъ леша нежи нимъ»

Какъ видно, Романъ не успѣлъ передать всѣхъ пчель, и дѣти его долго не могли спокойно ѣсть меда. У него отъ второго брака осталось двое сыновей: Даниль—четырехъ лѣтъ и Василько—двухъ. Но кромѣ бояръ галицкихъ, Романъ оставилъ другихъ враговъ своимъ дѣтямъ: Рюрикъ, какъ только узналъ о смерти Романа, такъ тотчасъ же скинулъ монашескую рясу и объявилъ себя княземъ Киевскимъ, вмѣсто сына; онъ хотѣлъ было разстричь и жену, но та не согласилась и постриглась въ схиму. Ольговичи также поднялись, явились съ полками у Дибра; Рюрикъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу, и уговорились всемъ вмѣстѣ идти на Галичъ, отнять псалѣдство у сыновей Романовыхъ. На рѣкѣ Серетѣ ¹⁾ встрѣтились союзники галицкое и владими́ро-волинское войско, бился съ нимъ цѣлый день и принудили отступитъ къ Галичу; но они не могли ничего сдѣлать этому городу и возвратились домой безо всякаго успѣха. Причиною неудачи было то, что въ Галичѣ находился сильный венгерскій гарнизонъ, изъ страха передъ которымъ Галичане не смѣли передаться неприятелямъ Романовичей. Въ Венгрии въ это время королемъ былъ сынъ Бельи III-го, Андрей II-й, который нѣкоторое время княжилъ въ Галичѣ; Андрей по смерти отца велъ постоянную борьбу съ старшимъ братомъ своимъ, королемъ Емерихомъ, и потомъ съ сыномъ послѣдняго, малолѣтнимъ Владиславомъ III-мъ, до тѣхъ поръ, пока послѣдній не умеръ и не очистилъ для него престола. Какъ видно изъ лѣтописи, Андрей во время этой борьбы не только не предъявлялъ своихъ притязаній на Галичъ, но даже находился въ тѣсномъ союзѣ съ Романомъ; они поклялись другъ другу, что кто изъ нихъ переживетъ другого, тотъ будетъ заботиться о семействѣ послѣдняго. Андрей вступилъ на королевскій столъ въ годъ смерти Романовой и долженъ былъ исполнить свою обязанность относительно семейства послѣдняго; въ Сапокъ онъ имѣлъ свиданіе со вдовствующей княгиней Галицкой, принялъ Данила, какъ милаго сына, по выраженію лѣтописца, и послалъ пятерыхъ вельможъ съ сильнымъ войскомъ, которое и спасло Галичанъ отъ Рюрика и его союзниковъ.

Но опасности и бѣды для сыновей Романовыхъ только еще начинались. Въ слѣдующемъ 1206 году всѣ Ольговичи собрались въ Черниговъ на сеймъ—Всеволодъ Святославичъ Черный съ своею братьею и Владиміръ Игоревичъ Сѣверскій съ своею братьею; къ нимъ яришель Смоленскій князь Мстиславъ Романовичъ съ племянниками, пришло множество Половцевъ, и всѣ двинулись за Дибрѣ; въ Киевѣ соединился съ ними Рюрикъ съ двумя сыновьями—Ростиславомъ и Владиміромъ—и племянниками, Берендѣи, и пошли къ Галичу, а съ другой стороны

явошла приведенная поговорка; впоследствии же эта поговорка объяснена буквально.

¹⁾ Поля. Собр. Русск. Лѣт. II, 156: «У Микулина на рѣкѣ Серетѣ». Теперь Микулицы въ Галиціи, въ Тарнопольскомъ округѣ.

шелъ туда же Лешко Польскій. Галицкая княгиня съ приверженными къ ней людьми, слыша новую сильную рать, идущую во всѣхъ стороны, испугалась и послала просить помощи у Венгерскаго короля; Андрей поднялся самъ со всѣми своими полками. Но вдова Романова съ дѣтьми не могла дожидаться прихода королевскаго: около нихъ всталъ сильный мятежъ, который принудилъ ихъ бѣжать въ старинную отцовскую волость Романову—Владимір-Волинскій. Галичане остались безъ князя, а между тѣмъ король перешелъ Карпаты, съ двухъ другихъ сторонъ приближались русскіе князья и Поляки; но тѣ и другіе остановились, услышавъ о приходѣ королевскомъ; Андрей также остановился, боясь столкнуться вдругъ съ двумя неприятельскими войсками. Внутреннія смуты, возбуждаемыя поведеніемъ королевы Гертруды и братьевъ ея, отзывали Андрея домой; онъ слышалъ вступить въ мирные переговоры съ Лешкомъ Польскимъ, уговорился съ Галичанами, чтобъ они приняли къ себѣ въ князья Ярослава, князя Переяславскаго, сына великаго князя Всеволода Суздальскаго, и отправился назадъ въ Венгрію. Русскіе князья еще прежде двинулись назадъ; но Галичане, ожидая двѣ недѣли приѣзда Ярослава и боясь, чтобъ Ольговичи, узнавъ объ отступленіи короля, не возвратились къ ихъ городу, рѣшились послать тайно къ Владиміру Игоревичу Сѣверскому звать его къ себѣ въ князья; этому рѣшенію ихъ много содѣйствовали два боярина, которые, будучи изгнаны Романомъ, проживали въ Сѣверской области, а теперь возвратились и расхваливали Игоревичей. Владиміръ Игоревичъ съ братомъ Романомъ, получивъ приглашеніе, въ ночь, украдкою отъ остальныхъ князей, поспешили въ Галичъ; Владиміръ съѣлъ здѣсь, а Романъ въ Звенигородѣ; Ярославъ Всеволодовичъ также былъ на дорогѣ въ Галичъ, но опоздалъ тремя днями, и, узнавъ, что Игоревичъ уже принятъ Галичанами, возвратился назадъ въ Переяславъ.

Но ни Игоревичи, ни галицкіе бояре, затѣявшие мятежъ противъ сыновей Романовыхъ, не хотѣли успокоиться до тѣхъ поръ, пока послѣдніе были живы и на свободѣ въ своей отчинѣ, Владимір-Волинскомъ; сюда явился священникъ, посоль отъ Галицкаго князя, и объявилъ гражданамъ отъ имени послѣдняго: „Не останетея въ нашемъ городѣ камня на камнѣ, если не выдадите мнѣ Романовичей и не принесете къ себѣ княжить брата моего Святослава.“ Разсерженные Владимірцы хотѣли—было убить священника; но трое какихъ-то людей уговорили ихъ, что не годится убивать посла. Эти трое людей ²⁾ дѣйствовали впрочемъ не изъ уваженія къ званію посла, а потому, что благопріятствовали Галицкому князю. Когда, на другой день, княгиня узнала, что приѣхалъ посоль изъ Галича, и что во Владимірѣ есть люди, которые стоятъ за Игоревичей, то начала совѣтоваться съ дядькою сына своего, Мірославомъ; тотъ говорилъ, что дѣлать нечего, надобно скорѣе бѣ-

²⁾ Мстиславъ, Мочукъ и Никифоръ.

жать изъ города. Ночью, въ проломъ городской вышла жена Романа Великаго вчетверомъ съ дядкою Мiрославоу, священникомъ и кормилицею, которые несли маленькихъ князей Данила и Васильку; бѣглецы не знали, куда имъ идти:—со всѣхъ сторонъ враги!—рѣшились бѣжать въ Польшу къ Лешку, хотя и отъ этого не могли ожидать хорошаго пріема. Романъ былъ убитъ на войнѣ съ нимъ, послѣ чего миръ еще не былъ заключенъ. Къ счастью, въ Лешкѣ жалость пересилила вражду; онъ съ честію принялъ бѣглецовъ, говоря: „Не знаю, какъ это случилось, самъ дьяволъ поссорилъ насъ съ Романомъ“. Онъ отправилъ малютку Данила въ Венгрію и съ нимъ посла своего сказать королю: „Я позабылъ свою ссору съ Романомъ, а тебѣ онъ былъ другъ; вы клялись другъ другу, что кто изъ васъ останется въ живыхъ, тотъ будетъ заботиться о семействѣ умершаго; теперь Романовичи изгнаны отовсюду; пойдемъ, возвратимъ имъ отчину ихъ“. Андрей сначала принялъ—было къ сердцу предложение Лешка; но потомъ, когда Галицкій князь Владиміръ прислалъ богатые дары имъ обоимъ, то усердіе ихъ къ Романовой семьѣ охладѣло, и когда Игоревичи перессорились другъ съ другомъ, то одинъ изъ нихъ, Романъ, пріѣхавши въ Венгрію, успѣлъ убѣдить Андрея дать ему войско на помощь, и съ этимъ войскомъ выгнать изъ Галича Владиміра, который принужденъ былъ бѣжать назадъ въ свою волость, въ Путивль ¹⁾). Въ слѣдующемъ (1207 году) польскіе князья Лешко и братъ его Кондрать двинулись наконецъ на Владиміръ, гдѣ послѣ бѣгства сыновей Романовыхъ княжилъ гретій Игоревичъ—Святославъ; но и тутъ Лешко шель на Владиміръ не для того, чтобъ возвратитъ тотъ городъ Романовичамъ: онъ хотѣлъ посадитъ тамъ своего дядю по матери, родного племянника Романа, Александра Всеволодовича Бельзскаго. Жители Владиміра отворили ворота передъ Александромъ. „Вѣдь это племянникъ Романа“, говорили они. Но союзники Александра, Поляки, несмотря на то, что вошли въ городъ безпрятственно, ограбили его, стали—было уже отбивать двери и у соборной Богородичной церкви, какъ по просьбѣ Александровой пріѣхали Лешко съ братьемъ и отогнали ихъ. Владиміры сильно жаловались на Поляковъ. „Мы повѣрили ихъ клятвѣ, говорили они: вѣдь еслибъ съ нами не было Александра, то мы не дали-бъ имъ перейти и Вугъ“. Святослава Игоревича взяли въ плѣнъ и отвели въ Польшу; на его мѣсто польскіе князья посадили сперва Александра, но потомъ передумали: старшимъ во всемъ племени Изяслава Мстиславича былъ Ингваръ Ярославичъ Луцкій, котораго мы видѣли въ Киевѣ,—его-то посадили теперь во Владиміръ; но и здѣсь онъ сидѣлъ недолго; бояре не полюбили его, и, съ согласія Лешка, Александръ опять пріѣхалъ княжить во Владиміръ, а Ингваръ

отправился назадъ въ свой Луцкъ; младшій братъ его Мстиславъ, прозвищемъ Нѣмой, княжилъ въ Пересопницѣ; малолѣтному Васильку Романовичу Лешко отдалъ Врестъ, но просьбѣ тамошнихъ гражданъ, которые съ радостію приняли малютку, видя въ немъ какъ бы живаго Романа: послѣ мать Василька прислала къ Лешку съ новою просьбою: „Александръ, говорила княгиня, держитъ всю нашу Землю и отчину, а сынъ мой сидитъ въ одномъ Врестѣ“. Лешко велѣлъ Александру отдать Бельзь Романовичу ²⁾, а братъ Александра, Всеволодъ, сѣлъ въ Червнѣ. Такимъ образомъ смерть сильнаго Романа дала Польскому князю возможность распоряжаться Волынскими волостями.

Между тѣмъ въ Галичѣ продолжали происходить безпокойства. Киевскій князь Рюрикъ, по соглашенію съ Венгерскимъ королемъ, отправилъ въ Галичъ сына своего Ростислава; Галичане приняли его съ честію, выгнали Романа, но потомъ скоро выгнали Ростислава и опять приняли Романа ³⁾; это побудило короля Андрея покончить съ Галичелью, присоединитъ его къ своимъ владѣніямъ. Онъ послалъ на Романа Игоревича палатина Бенедикта Вора, который схватилъ Романа въ банѣ, сталъ именемъ королевскимъ самъ управлять въ Галичѣ, и управлялъ такъ, что его прозвали антихристомъ: мучилъ и бояръ, и простыхъ гражданъ, сладострастію своему не зная предѣловъ, безчестилъ женъ, монахинь, попадей. Угнетенные Галичане послали звать къ себѣ на помощь Мстислава Ярославича, князя Пересопницкаго; тотъ пріѣхалъ, но не нашелъ еще Галичанъ готовыми къ возстанію, или, что всего вѣроятнѣе, дружина, приведенная Мстиславоу, была, по мнѣнію Галичанъ, слишкомъ слаба для того, чтобъ съ нею можно было возстать противъ Венгровъ, и одинъ изъ главныхъ бояръ, Илья Щенановичъ, взведши Мстислава на Галичину могилу, сказалъ ему въ насмѣшку: „Князь!

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 157: «Александръ пріа Угровскѣ, Верещинѣ, Столье, Комовѣ и дв Василкови Бѣльзѣ». — Значитъ, Александръ отдалъ Васильку Бельзъ, но означенные четыре города Бельзской волости удержалъ за собою. — Угровскѣ, теперь Угруйскѣ, село при Вугѣ, подлѣ Верещинъ, а Верещинъ—мѣстечко въ юго-восточной части царства Польскаго, по дорогѣ изъ Грубешова въ Бельзъ; Столье—село къ сѣверо-западу отъ Хельма по дорогѣ въ Люблинъ; Комовѣ—теперь Кумовѣ—на полпути изъ Хельма къ Ухачи. См. Погодина И. З. и Л. т. IV, стр. 197.

³⁾ Въ Волынской лѣтописи о княженіи Ростислава Рюровича нѣтъ; но есть въ Воскресенскомъ (II, 150), Никоновскомъ (III, 365) и другихъ сборникахъ; у Татищева (III, 365), дѣло разсказано обстоятельно и понятно. Такіе факты не выдумываются; притомъ въ Волынской лѣтописи здѣсь явный пропускъ... «Вѣда бо бѣ въ земляхъ володѣмьрестей отъ воеванія литовскаго и ятвяжскаго. Мы же на прѣжше возвратимся случившихся въ Галичѣ. Андрей же король ѡудивъ беззаконіе галичское и мятежъ, и посла Бенедикта и проч...». Но о какомъ беззаконіи и мятежѣ галичскомъ увѣдалъ Андрей?—ясно, что пропускъ разсказъ о Ростиславѣ и его изгнаніи; на пропускъ прямо указываетъ частіца же, которая должна соединять слова. «Андрей же король» съ какимъ нибудь предыдущимъ разсказомъ опущеннымъ

¹⁾ Потому что Новгородъ-Сѣверскій былъ, вѣроятно, занятъ уже кѣмъ-нибудь изъ другихъ Ольговичей.

ты на Галичицѣхъ могилѣхъ посидѣлъ, такъ все равно что княжилъ въ Галичѣ". Осмѣянный Мстиславъ отправился назадъ въ Пересопницу. Тогда Галичане обратились опять къ Игоревичамъ Сѣверскимъ, послали сказать Владимиру и Роману, которому удалось между тѣмъ уйти изъ венгерскаго плѣна: „Виноваты мы передъ вами; избавьте насъ отъ этого томителя Бенедикта“. Игоревичи явились на зовъ съ сильною ратью, заставили Бенедикта бѣжать въ Венгрію, и усѣлись опять въ Галицкомъ княжествѣ: Владимиръ въ самомъ Галичѣ, Романъ въ Звенигородѣ, Святославъ въ Черемышлѣ; сыну своему Изяславу Владимиръ далъ Теробовль, а другого, Всеволода, отправилъ въ Венгрію за даривать короля, чтобъ тотъ оставилъ ихъ спокойно княжить за Карпатами.

Отъ Венгерскаго короля можно было избавиться дарами; притомъ же у него было много дѣла внутри своего государства; но чѣмъ было Игоревичамъ избавиться отъ бояръ галицкихъ, которые не давали имъ покоя своими крамолами? Игоревичи рѣшились дѣйствовать по примѣру Романа, рѣшились передавить пчелъ, чтобы ѣсть спокойно медъ, и вотъ, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, они велѣли битъ галицкую дружину; 500 человекъ изъ нея погнубо, въ томъ числѣ двое знатнѣйшихъ бояръ: Юрій Витановичъ и Илья Щепановичъ; но другіе разбѣжались, между ними Владиславъ, которому преимущественно Игоревичи были обязаны Галицкою властью, и двое другихъ—Судиславъ и Филиппъ,—отправившись въ Венгрію. Они стали просить короля Андрея: „Дай намъ отчича нашего Данила, мы пойдемъ съ нимъ и отнимемъ Галичъ у Игоревичей“. Король согласился, послалъ изгнанныхъ бояръ и съ нимъ молодого Данила въ Галичъ, давши ему сильное войско подъ начальствомъ осьми воеводъ. Владиславъ пришелъ прежде всего къ Черемышлю, и послалъ сказать тамошнимъ жителямъ: „Братья! что вы колеблетесь? Не Игоревичи ли перебили отцовъ вашихъ и братьевъ, имѣніе ваше разграбили, дочерей вашихъ отдали за рабовъ вашихъ, наследствомъ вашимъ завладѣли присельцы! такъ неужели вы хотите положить за нихъ свои души?“ Слова подѣйствовали на Черемышльцевъ; они схватили князя своего Святослава Игоревича и сдали городъ на имя Данилово. Оттуда бояре съ Венграми пошли къ Звенигороду, но Звенигородцы были за Игоревичей и стали сильно отбиваться отъ осаждающихъ, несмотря на то, что на помощь къ послѣднимъ пришли полки изъ Бельзы отъ Василька Романовича; изъ Польши отъ Лешка, пришли волынскіе князья—Мстиславъ Нѣмой изъ Пересопницы, Александръ съ братомъ изъ Владимира, Луцкій князь Ингваръ также прислалъ свои полки. На помощь къ Роману Игоревичу Звенигородскому явились только Половцы, которыхъ привелъ племянникъ его Изяславъ Владимировичъ, и, несмотря на усѣхъ, который получили Половцы и Звенигородцы въ дѣлѣ съ Венграми, Романъ видѣлъ, что не могъ долго держаться въ городѣ, и

бѣжалъ; но на дорогѣ былъ схваченъ и приведенъ въ станъ къ Данилу и воеводамъ венгерскимъ, которые тотчасъ же послали сказать Звенигородцамъ: „Сдавайтесь, князь вашъ схваченъ“. Тѣ сначала было не повѣрили, но потомъ, узнавши, что Романъ дѣйствительно въ плѣну, сдали свой городъ. Отъ Звенигорода Даниль съ союзниками пошелъ къ Галичу; Владимиръ Игоревичъ съ сыномъ, не дожидаясь неприятельскаго прихода, бѣжали, и Даниль безпрепятственно въѣхалъ въ Галичъ, гдѣ всѣ бояре владимирскіе и галицкіе посадили его на отцовскій столъ съ соборной церкви Богородицы.

Но бояре недовольны были торжествомъ своимъ и хотѣли мести: въ рукахъ у Венгровъ были плѣнные Игоревичи; воеводы хотѣли вести ихъ къ королю; но бояре галицкіе, задаривши воеводъ, выпросили себѣ Игоревичей и повѣсили ихъ. Легко понять, что эти бояре посадили Данила не для того, чтобъ усердно повиноваться малюткѣ; за послѣдняя хотѣла-было управлять его мать, прѣхавшая въ Галичъ, какъ скоро узнала объ усѣхѣ сына; но бояре немедленно же ее выгнали. Маленькій Даниль не хотѣлъ разставаться съ матерью, плакалъ, и когда Александръ, шумавинскій тиунъ, хотѣлъ насильно отвести его коня, то Даниль выхватилъ мечъ, чтобъ ударить Александра, но не попалъ и ранилъ только его коня; мать поспѣшила вырвать у него изъ рукъ мечъ, упростила успокоиться и остаться въ Галичѣ, а сама отправилась въ Бельзъ опять къ Васильку и оттуда къ королю въ Венгрію. Андрей принялъ ея сторону, признавъ бояръ владимирскихъ, князя Ингвара Луцкаго и пошелъ въ Галичъ, гдѣ, по изгнаніи княгини, всѣмъ управлялъ бояринъ Владиславъ съ двумя другими своими товарищами—Судиславомъ и Филиппомъ. Король велѣлъ схватить всѣхъ троихъ и подвергнуть тяжкому заключенію; Судиславъ усѣлъ деньгами откупиться отъ неволи; но Владиславъ принужденъ былъ слѣдовать за королемъ въ Венгрію, гдѣ впрочемъ пробылъ недолго; двое братьевъ его, Яволдъ и Ирополкъ, усѣбли спастись бѣгствомъ въ Пересопницу и убѣдили тамошняго князя, Мстислава Нѣмага, пойти съ ними въ другой разъ на Галичъ. Бояре, узнавши о вступленіи Мстислава въ ихъ Землю, передали ему, и Даниль съ матерью опять принужденъ былъ бѣжать въ Венгрію а братъ его Василько потерялъ Бельзъ, который взялъ у него Лешко Польскій, чтобъ отдать опять Александру Всеволодовичу Владимірскому; Василько принужденъ былъ удалиться въ Каменецъ¹⁾. Но въ то время, когда братья Владиславы такъ усѣбно хлопотали въ Пересопницѣ и Галичѣ, самъ

¹⁾ Прежде было сказано въ лѣтописи, что, убѣгая предъ Мстиславомъ, Даниль удалился въ Венгрію, а Василько съ дядькою своимъ Мірославомъ въ Бельзъ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 159); должно думать, что когда Василько отправился въ Галичъ, то Лешко съ Александромъ, не желая увеличивать силы Романовича, взяли у Василька Бельзъ, ибо старшій братъ могъ дать ему власть въ Галиціи; иначе трудно объяснить эту жестокость Лешка къ изгнаннику.

Владиславъ дѣйствовали въ Венгріи у короля Андрея; какъ видно изъ послѣдующаго лѣтописнаго разсказа, онъ убѣдилъ Андрея не давать Галича никому изъ русскихъ князей, а взять его себѣ, причемъ обѣщали приготовить все въ Галичѣ къ новому порядку. Иначе трудно будетъ объяснить то извѣстіе, что король, собираясь идти на Галичъ, отправилъ туда въ передовыхъ Владислава. Король однако не могъ слѣдовать за Владиславомъ: его задержали странныя событія въ Венгріи, на которыя мы должны обратить вниманіе по однородности ихъ съ знаменитыми явленіями въ Галичѣ, не могшемъ загородиться Карпатами отъ венгерскаго вліянія; поведеніе галицкихъ бояръ обяняется поведеніемъ вельможъ венгерскихъ. Во время усобицы, предшествовавшихъ воцаренію Андрея, значеніе вельможъ такъ возросло, что Андрей, вступая на престолъ, первый изъ королей Венгерскихъ долженъ былъ клятвенно подтвердить права и преимущества высшаго сословія; но мы уже замѣтили, что при этомъ поведеніе королевы Гертруды и ея братьевъ постоянно возбуждало неудовольствіе вельможъ, и наконецъ повело къ явному возстанію, когда одинъ изъ братьевъ королевны, Екбертъ, съ вѣдомъ сестры и даже въ ея комнатахъ, обезчестилъ жену извѣстнаго намъ галицкаго антихриста, палатина Бенедикта Бора. Бенедиктъ, несмотря на то, что самъ позволялъ себѣ подобныя поступки въ Галичѣ, пылалъ мстью къ виновникамъ своего позора и составилъ заговоръ вмѣстѣ съ другими вельможами. Пользуясь выступленіемъ Андрея въ галицкій походъ, заговорщики ворвались во дворецъ и изрубили королеву въ куски, послѣ чего дворецъ былъ разграбленъ. Король долженъ былъ отложить походъ, чтобы имѣть возможность управиться съ своими мятежниками; этимъ обстоятельствомъ воспользовался Владиславъ, вѣхалъ съ торжествомъ въ Галичъ, послѣ бѣгства отсюда Мстислава Пересопницкаго, *окинулъ и съя на столъ*, по выраженію лѣтописца, признавая впрочемъ, какъ видно, верховную власть Венгерскаго короля.

Между тѣмъ Данилъ, видя странную смуту въ Венгріи, удалился отсюда сперва въ Польшу и, не получивъ отъ Лешка ничего, кромѣ почетнаго пріема, поѣхалъ въ Каменецъ къ брату Васильку. На этотъ разъ началъ дѣло Мстиславъ Нѣмой Пересопницкій: онъ поднялъ Лешку въ походъ на Галичъ, тотъ взялъ Данила изъ Каменца, Александра изъ Владиміра, брата его, Всеволода, изъ Бельза, и отправился противъ новаго Галицкаго князя изъ бояръ. Владиславъ оставилъ братьевъ защищать Галичъ, а самъ съ войскомъ, набраннымъ изъ Венгровъ и Чеховъ (какъ видно изъ названій), вышелъ на встрѣчу къ непріятелю на рѣку Воброкъ. Союзникамъ удалось поразить Владислава, но не удалось взять Галича; они должны были удовольствоваться опустошеніемъ волости, и возвратились назадъ, послѣ чего Лешко велѣлъ Александру, князю Владимірскому, отдать Романовичамъ два

города — Тихомль и Перемышль; здѣсь, говорить лѣтописецъ, стали княжить Данилъ и Василько съ матерью, а на Владиміръ смотрѣли, говоря: „Рано или поздно Владиміръ будетъ найтъ“. Между тѣмъ король Андрей, освободившись нѣсколько отъ внутреннихъ своихъ дѣлъ, выступилъ въ походъ на Лешка за опустошеніе Галицкой волости, которую онъ считалъ своею; Лешко не хотѣлъ войны съ королемъ, и послалъ къ нему воеводу своего Пакослава съ предложеніемъ слѣдующей сдѣлки: „Не годится боярину княжить въ Галичѣ; но возьми лучше мою дочь за своего сына Коломана и посади его тамъ“. Андрей согласился, имѣлъ личное свиданіе съ Лешкомъ, свадьба устроилась, и молодой Коломанъ сталъ княжить въ Галичѣ; а бояринъ Владиславъ былъ схваченъ и умеръ въ заточеніи, надѣлавъ много зла дѣтямъ своимъ и всему племени, потому что ни одинъ князь не хотѣлъ пріютить у себя сыновей боярина, который осмѣлился похитить княжеское достоинство. Кромѣ выгоднаго брака для своей дочери, Лешко получилъ отъ короля изъ Галицкой волости Перемышль и Любачевъ; послѣдній городъ былъ отданъ воеводѣ Пакославу, который умѣлъ устроить этотъ выгодный союзъ; Пакославъ былъ пріятель молодымъ Романовичамъ и ихъ матери, по его совѣту, Лешко послалъ сказать Александру Всеволодовичу: „Отдай Владиміръ Романовичамъ, а не дашь, такъ пойду на тебя вмѣстѣ съ ними“. Александръ не далъ волею, и потомъ принужденъ былъ отдать воеводу.

Такимъ образомъ, иноплеменики подѣлили между собою отчину Ростиславичей; русскіе князья одинъ за другимъ должны были оставить Галичъ, или гибли въ немъ позорною смертію; остальные князья на Руси сильно сердились на Галичанъ за безчестье, которое они нанесли роду ихъ, повѣсивши Игоревичей; но были безсилны отмстить имъ за это безчестье, потому что Мономаховичи съ Ольговичами продолжали свою обычную борьбу. Въ 1206 году, по возвращеніи изъ втораго похода подъ Галичъ, Ольговичи обрадовались тому, что успѣли занять его своими родичами. Игоревичами, рѣшились отнять у Мономаховичей старшинство и Кіевъ. Всеволодъ Святославичъ Чермный съѣлъ въ Кіевѣ, надѣясь на свою силу, какъ говоритъ лѣтописецъ, и послалъ посадниковъ по кіевскимъ городамъ; а Рюрикъ, видя свое безсиліе или, какъ выражается лѣтописецъ, *непогоды*, уѣхалъ въ свою прежнюю волость Овручъ, сыгъ его Ростиславъ — въ Вышгородъ, а племянникъ Мстиславъ Романовичъ — въ Бѣлгородъ ¹⁾. Отнявши Кіевъ у Мономаховичей, Ольговичи захотѣли отнять у нихъ и Переяславъ, тѣмъ болше, что, какъ мы видѣли, Переяславскій князь Ярославъ Всеволодовичъ былъ соперникомъ Игоревичей по Галицкому столу; и вотъ Всеволодъ Чермный посылаетъ сказать Яро-

¹⁾ А прежде, послѣ перваго похода на Галичъ въ предыдущемъ году, Рюрикъ отдалъ Бѣлгородъ Ольговичамъ, которые посадили здѣсь Глѣба Святославича.

славу: „Ступай изъ Переяслава къ отцу въ Суздаль, а Галича не ищи подъ мою братью; если же не пойдешь добромъ, такъ пойду на тебя ратью“. Ярославъ, не имѣя надежды получить отъ кого-либо помощь, послалъ къ Всеволоду просить свободного пропуска на сѣверъ, чрезъ черниговскія владѣнія, и получилъ его, пощѣловани крестъ Ольговичамъ на всей ихъ волѣ, а въ Переяславѣ сѣлъ на его мѣсто сынъ Чернига. Но послѣдній самъ недолго сидѣлъ въ Кіевѣ: въ томъ же году Рюрикъ, соединясь съ сыновьями и племянниками своими, выгналъ Ольговичей изъ Кіева и изъ Переяслава, самъ сѣлъ въ Кіевѣ, а сына своего Владимира посадилъ въ Переяславѣ. Черный явился зимою съ братьею и съ Половцами добывать Кіева, стоялъ подъ нимъ три недѣли, но не могъ взять и ушелъ назадъ ни-съ-чѣмъ. Счастливые были онъ въ слѣдующемъ 1207 году: съ трехъ сторонъ пришли враги Мономаховичей—изъ Чернигова Черный съ братьею, изъ Турова князь Святополкъ, изъ Галича Владимиръ Игоревичъ. Рюрикъ, слыша, что идетъ на него отовсюду безчисленная рать, а помощи нѣтъ ни отъ кого, бѣжалъ изъ Кіева въ Овручъ; Трнополь, Вѣлгородъ, Торческъ были отняты у Мономаховичей, которые, по причинѣ голода, не могли выдерживать продолжительныхъ осадъ; Всеволодъ сѣлъ опять въ Кіевѣ, надѣлавъ много зла Русской Землѣ чрезъ своихъ союзниковъ Половцевъ. Тогда поднялся было на него Всеволодъ Суздальскій: услышавъ, что Ольговичи съ погаными воюютъ Землю Русскую, онъ пожалѣлъ о ней и сказалъ: „Развѣ тѣмъ однимъ отчина Русская Земля, а намъ уже не отчина? какъ меня съ ними Богъ управитъ, хочу пойти къ Чернигову“. Всеволодъ собралъ сильное войско, по дѣла рязанскія помѣшали его походу на Черниговъ; когда рязанскіе князья были схвачены, то Рюрикъ, обрадовавшись успѣху Всеволода надъ союзниками Ольговичей, явился печально у Кіева и выгналъ изъ него Чернига; тотъ напрасно послѣ старался получить обратно этотъ городъ силою, ему удалось овладѣть имъ только посредствомъ переговоровъ со Всеволодомъ: въ 1210 году Черный и всѣ Ольговичи прислали въ Суздаль митрополита Матѣя, прося мира и во всемъ покоряясь Всеволоду. Послѣдній, получивши незадолго передъ тѣмъ неприятность отъ одного изъ Ростиславичей, Мстислава Мстиславича Удалого въ Новгородѣ, не могъ быть очень расположенъ въ пользу этого племени, и потому согласился, чтобъ Всеволодъ Черный, какъ старшій между пятигородными братьями въ Ярославль родѣ, сѣлъ въ Кіевѣ, а Рюрику отдалъ Черниговъ. Такимъ образомъ, когда на сѣверѣ обозначались ясно стремленія къ новому порядку вещей, въ Южной Руси послѣ долгой борьбы старинная представленія о единствѣ рода Ярослава и ненаслѣдственности волостей въ одномъ племени получаютъ полное торжество;—мало того, что Ольговичъ получаетъ Кіевъ,—старшій по немъ Мономаховичъ садится въ Черниговѣ; возобновляется, слѣдовательно, тотъ первоначальный поряд-

докъ княжескихъ переходовъ по волостямъ, который былъ нарушенъ еще при Мономахѣ заключеніемъ Ольговичей изъ старшинства. Миръ Суздальскаго князя съ Ольговичами былъ скрѣпленъ бракомъ сына Всеволодова Юрія на дочери Чернига.

Но въ то время, когда Южная Русь оставалась такъ вѣрна своей старинѣ, которая не могла дать ей силы, возвратитъ утраченное значеніе, первенство, сѣверный князь усиливалъ себя все болѣе и болѣе. Съ 1179 года рязанскіе князья Глѣбовичи находились въ волѣ Всеволодовой; въ 1186 году встала между ними опять усобица: старшіе братья—Романъ, Игорь и Владимиръ—вооружились противъ младшихъ—Всеволода и Святослава, сидѣвшихъ въ Пронскѣ. Чтбъ легче раздѣлаться съ послѣдними, старшіе братья послали звать ихъ на общій съѣздъ, нацѣриваясь тутъ схватить ихъ; младшіе узнали объ умыслѣ и, вмѣсто того, чтобъ ѣхать къ старшимъ, стали укрѣплять свой городъ, ожидая нападенія; ждали они недолго: старшіе явились съ большимъ войскомъ, и стали опустошать все около города. Тогда Всеволодъ Суздальскій послалъ сказать имъ: „Вратья! чтъ это вы дѣлаете? удивительно ли, что поганые воевали насъ; вы вотъ теперь хотите и родныхъ братьевъ убить“. Но тѣ, вмѣсто послушанія, стали сердиться на Всеволода за его вмѣшательство, и еще больше поднимали вражду на братьевъ. Тогда младшіе Глѣбовичи послали просить Всеволода о помощи, и тотъ отправилъ къ нимъ сперва триста человекъ изъ владимірской дружины, которые сѣли въ Пронскѣ и отбивались вмѣстѣ съ осажденными, а потомъ отправилъ еще другое войско, къ которому присоединились князья муромскіе. Слыша о приближеніи войска изъ Владимира, старшіе Глѣбовичи сняли осаду Пронска и побѣжали къ себѣ въ Рязань, а Всеволодъ Глѣбовичъ поѣхалъ на-встрѣчу къ полкамъ Великаго Всеволода: тѣ, узнавши отъ него, что осада Пронска снята и имъ идти дальше не зачѣмъ, пошли назадъ во Владимиръ, куда поѣхалъ также и Глѣбовичъ, чтобъ посоветоваться со Всеволодомъ, какъ быть имъ со старшими братьями. Но въ это время рязанскіе князья, узнавши, что владимірское войско возвратилось и что въ Пронскѣ одинъ Святославъ, пошли и осадили опять этотъ городъ, перехватили воду у жителей, а къ брату Святославу послали сказать: „Не мори себя голодомъ съ дружиною, и людей не мори, ступай лучше къ намъ, вѣдь ты намъ свой братъ, развѣ мы тебя съѣдимъ; только не приставай къ брату своему Всеволоду“. Святославъ объявилъ объ этомъ своимъ боярамъ; тѣ сказали: „Вратъ твой ушелъ во Владимиръ, а тебя выдалъ, такъ что-жь тебѣ его дожидаться?“ Святославъ послушался и отворилъ городъ, братья отдали ему Пронскъ назадъ, но взяли жену, дѣтей, дружину Всеволода Глѣбовича и повели въ Рязань; вмѣстѣ съ дружиною Всеволода Глѣбовича перевязали дружину Великаго Всеволода, сидѣвшую въ Пронскѣ въ осадѣ. Всеволодъ Глѣбовичъ, услышавъ, что семья и дружина его взяты,

а братъ Святославъ передался на сторону старшихъ, стать сначала сильно горевать, потомъ захватилъ Коломну и началъ изъ нея пустошить волости братьевъ; тѣ мстили ему тѣмъ же, и ненависть между ними разгоралась все болше и болше.

Всеволода Великаго также сильно раздосадовали поступкомъ Святослава, который позволялъ братьямъ перевязать владимірскую дружину; онъ послалъ сказать ему: „Отдай мнѣ мою дружину добромъ, какъ ты у меня ее взялъ; захотѣлъ помириться съ братьями—мирись, а людей моихъ зачѣмъ выдалъ? Я къ тебѣ ихъ послать по твоей же просьбѣ, ты у меня ихъ челомъ выбилъ; когда ты былъ ратень,—и они были ратны, когда ты помирился,—и они стали мирны“¹⁾. Глѣбовичи, услыхавъ, что Всеволодъ Великій хочетъ идти на нихъ, послали ему сказать: „Ты отецъ нашъ, ты господинъ, ты братъ; гдѣ твоя обида будетъ, то мы прежде тебя головы свои положимъ за тебя, а теперь не сердись на насъ; если мы воювали съ братомъ своимъ, то оттого, что онъ насъ не слушается, а тебѣ клаянся и дружину твою отпускаемъ“. Всеволодъ не захотѣлъ мира; а когда Всеволодъ не хотѣлъ мира, то это значило, что война была очень выгодна и успѣхъ вѣренъ. Но въ слѣдующемъ году (1187) явился во Владиміръ Черниговскій епископъ Порфирій съ ходатайствомъ за Глѣбовичей, потому что Рязань принадлежала къ черниговской епархіи; онъ уговорилъ Владимірскаго епископа Луку дѣйствовать съ нимъ заодно, и оба вмѣстѣ послали просить Всеволода за Глѣбовичей. Всеволодъ согласился ихъ и послалъ Порфирія въ Рязань съ миромъ; вмѣстѣ съ епископомъ отпустилъ послы Всеволодовы и послы князей черниговскихъ; они повели и плѣнниковъ рязанскихъ, отпущенныхъ Всеволодомъ въ знакъ своего расположенія къ миру. Но Порфирій, пришедши въ Рязань, повелѣ дѣло не такъ, какъ хотѣлъ Всеволодъ, и тайкомъ отъ его пословъ. Всеволодъ разсердился, хотѣлъ-было послать въ погоню за Порфиріемъ, но потомъ раздумалъ; впрочемъ, оставя въ покоѣ Порфирія, онъ не хотѣлъ оставить въ покоѣ Глѣбовичей, и тѣмъ же годомъ выступилъ противъ нихъ въ походъ, взявши съ собою князя Муромскаго и Всеволода Глѣбовича изъ Коломны; онъ переправился черезъ Оку и страну опустошилъ Рязанскую волость⁴⁾. Этимъ походомъ Всеволодъ, какъ видно, достигъ своей цѣли, потому что послѣ, во время войны съ Ольговичами, мы видимъ рязанскихъ князей въ его войскѣ; притомъ же Пронскъ былъ возвращенъ Всеволоду Глѣбовичу, который тамъ вскорѣ и умеръ. Но когда, въ 1207 году, Всеволодъ Великій собрался идти на Ольговичей къ Чернигову, и, соединившись въ Москвѣ съ сыномъ своимъ, Константиномъ Новгородскимъ, дожидался здѣсь также и прихода князей рязанскихъ, то вдругъ пришла къ нему вѣсть, что послѣдніе обманываютъ его, сговорились съ Ольго-

вичами, и идутъ къ нему для того, чтобы послѣ удобнѣе предать его. Всѣ Рязанскіе дѣйствительно явились съ дружинами; ихъ было восьмеро: Романъ и Святославъ Глѣбовичи, послѣдній съ двумя сыновьями, да племянники ихъ, сыновья умершихъ Игоря и Владиміра, двое Игоревичей—Ингварь и Юрій, и двое Владиміровичей—Глѣбъ и Олегъ. Всеволодъ принялъ ихъ всехъ радушно и позвалъ къ себѣ на обѣдъ; столъ былъ накрытъ въ двухъ патрахъ; въ одномъ сѣли шестеро рязанскихъ князей, а въ другомъ—великій князь Всеволодъ и съ нимъ двое остальныхъ Рязанскихъ именно:—Владиміровичи, Глѣбъ и Олегъ. Послѣдніе стали говорить Всеволоду: „Не вѣрь, князь, братьямъ нашимъ,—они сговорились на тебя съ Черниговскими“²⁾. Всеволодъ послалъ уличать рязанскихъ князей, князя Давида Муромскаго и боярина своего Михаила Борисовича; обвиненные стали клясться, что и не думали ничего подобнаго; князь Давидъ и бояринъ Михаилъ долго ходили изъ одного шатра въ другой, наконецъ въ шатеръ къ Рязанскимъ явились родичи ихъ—Глѣбъ и Олегъ, и стали уличать ихъ; Всеволодъ, слыша, что истина обнаружилась наконецъ³⁾, велѣлъ схватить уличенныхъ князей вмѣстѣ съ ихъ думцами, отвести во Владиміръ, а самъ на другой же день переправился черезъ Оку и пошелъ къ Пронску, гдѣ сидѣлъ сынъ умершаго Всеволода Глѣбовича, Михаилъ. Этотъ князь, слыша, что дядя его схваченъ и Всеволодъ приближается съ войскомъ къ его городу, испугался и убѣжалъ къ тестю своему въ Черниговъ,—знакъ, что онъ былъ также на сторонѣ схваченныхъ князей и на сторонѣ Черниговскаго князя, своего тестя: иначе для чего было бы ему бояться Всеволода, всегда благосклоннаго къ отцу его?

Жители Пронска взяли къ себѣ третьяго Владиміровича, Изяслава, не бывшаго, какъ видно, заодно съ родными братьями, и затворились въ городѣ. Всеволодъ послалъ къ нимъ боярина Михаила Борисовича съ мирными предложеніями; но они не хотѣли о нихъ слышать; лѣтописецъ называетъ отвѣтъ ихъ буйною рѣчью. Тогда Всеволодъ велѣлъ приступить къ городу со всехъ сторонъ и отнять воду у жителей; но тѣ не унывали, бились крѣпко изъ города и ночью крали воду; Всеволодъ велѣлъ стеречь день и ночь, и разставилъ полки свои у всехъ воротъ: старшаго сына своего Константина съ Новгородцами и Вѣлозерцами поставилъ на горѣ у однихъ воротъ, Ярославъ съ Переяславцами у другихъ, Давида съ Муромцами—у третьихъ, а самъ съ сыновьями Юріемъ и Владиміромъ и съ двумя Владиміровичами сталъ за рѣкою съ поля Половецкаго (стени). Проняне все не сдавались, и дѣ-

²⁾ Ясно, что и первое извѣстіе прислано было отъ Владиміровичей: иначе зачѣмъ бы Всеволодъ посадилъ только ихъ двоихъ у себя обѣдать, скорѣе онъ посадилъ бы старшихъ Романа и Святослава съ собою. Владимірскій лѣтописецъ вѣрнѣе сириводливости доноситъ, новгородскій называетъ Владиміровичей клеветниками.

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 182: «Князь же великій слышавъ, яко въображена бысть истина».

⁴⁾ «Идоша Копонову». — Копоново—село въ Касимовскомъ уѣздѣ, въ 42 верстахъ отъ города.

тали частыя вылазки не для того впрочемъ, чтобы биться съ осаждающими, но чтобы достать воды, потому что помирали отъ жажды. Между тѣмъ у осаждающихъ стали выходить съѣстные припасы; и Всеволодъ отправилъ отрядъ войска, подъ начальствомъ Олега Владиміровича, на Оку, гдѣ стояли лодки его съ хлѣбомъ; на дорогѣ Олегъ узналъ, что двоюродный братъ его, третій Игоревичъ Романичъ, оставленный дядьми въ Рязани, вышелъ изъ нея съ войскомъ и началъ на владимірскихъ лодочниковъ, стоявшихъ у Ольгова ¹⁾; получивши эту вѣсть, Владиміровичъ бросился на помощь къ лодочникамъ: Рязанцы оставили послѣднихъ и сразились съ новоприбывшимъ отрядомъ, но были побѣждены, ставши между двумя неприятелями, между полкомъ Олега и лодочниками. Олегъ возвратился къ войску съ побѣдою и хлѣбомъ; тогда Проняне, послѣ трехнедѣльной осады, принуждены были сдаться; Всеволодъ далъ имъ въ князя Олега Владиміровича, а самъ пошелъ къ Рязани, сажая по вѣмъ городамъ своихъ посадниковъ, тѣмъ обнаруживалъ намѣреніе укрѣпить ихъ за собою. Онъ уже былъ въ двадцати верстахъ отъ Старой Рязани, у села Добраго Сота, и хотѣлъ переправляться черезъ рѣку Прону, какъ явились къ нему рязанскіе послы съ поклономъ, чтобъ не приходилъ къ ихъ городу; епископъ Рязанскій Арсеній также не разъ присылалъ къ нему говорить: „Князь великій! не пренебреги мѣстами честными, не пожги церквей святыхъ, въ которыхъ жертва Богу и молитва приписана за тебя; а мы исполнимъ всю твою волю, чего только хочешь“. Всеволодъ склонился на ихъ просьбу и пошелъ назадъ черезъ Коломпу во Владиміръ; воля Всеволода состояла въ томъ, чтобъ Рязанцы выдали ему вѣхъ остальныхъ князей своихъ и съ княгинями; Рязанцы повиновались и, въ слѣдующемъ 1208 году, пріѣхалъ къ нимъ княжить сынъ Всеволода Ярославъ. Рязанцы присягнули ему, но, замышляя измѣну, стали хватать и ковать людей его и нѣкоторыхъ умирили, засыпавши въ погребахъ. Тогда Всеволодъ пошелъ въ Рязань, подъ которою былъ встрѣченъ сыномъ Ярославомъ; Рязанцы, по приказанію Всеволода, вышли на Оку *на ряды*, т. е. на судъ съ княземъ своимъ Ярославомъ, но, вѣсто оправданія, прислали буйную рѣчь, по своему обычаю и непокорству, говорить лѣтописецъ; тогда Всеволодъ приказалъ захватить ихъ, потомъ послалъ войско въ городъ захватить ихъ женъ и дѣтей; городъ былъ зажженъ, а жители его расточены по разнымъ городамъ; такимъ же образомъ поступилъ онъ и съ Бѣлгородомъ, и пошелъ назадъ во Владиміръ, ведя съ собою вѣхъ Рязанцевъ и епископа ихъ Арсенія. Престарѣлый князь Пронскій, Михаилъ Всеволодовичъ, съ двоюроднымъ братомъ Изяславомъ Владиміровичемъ (выпущеннымъ, какъ видно, по сдѣлѣ Пронска) приходили въ томъ же году воевать волости

Всеволодовы около Москвы, но были побѣждены сыномъ великаго князя, Юріемъ, и спаслись только бѣгствомъ, потерявши вѣхъ своихъ людей ²⁾. Такъ рассказываетъ въ большей части извѣстныхъ намъ лѣтописей; но въ лѣтописи Переяславля-Суздальскаго читасмъ, что Всеволодъ, взявши Пронскъ, посадилъ здѣсь Муромскаго князя Давида, и что въ слѣдующему году Олегъ, Глѣбъ, Изяславъ Владиміровичи и князь Михаилъ Всеволодовичъ рязанскіе приходили въ Пронску на Давида, говоря: „Развѣ ему отчина Пронскъ, а не намъ?“ Давидъ, послалъ имъ сказать: „Братья! а вы самъ не набили на Пронскъ, посадили меня въ немъ Всеволодъ; а теперь городъ вашъ, я иду въ свою волость“. Въ Пронскѣ сѣлъ Киръ Михаилъ. Олегъ же Владиміровичъ умеръ въ Бѣлгородѣ въ томъ же году. Думаемъ, что должно предпочесть это извѣстіе, ибо трудно предположить, чтобы приходъ рязанскихъ князей къ Пронску на Давида былъ выдуманъ со вѣми подробностями. Подъ тѣмъ же 1208 годомъ у переяславскаго лѣтописца находится новое любопытное извѣстіе, что Всеволодъ III посылалъ воеводу своего Степана Здлловича къ Серенску, и городъ былъ пожженъ. Посылка эта очень вѣроятна, какъ месть Всеволода черниговскимъ князьямъ за изгнаніе сына его Ярослава изъ Переяславля-Южнаго.

Также грозенъ былъ Всеволодъ и другимъ соедѣннымъ князьямъ, смоленскимъ: подъ 1206 годомъ находимъ въ лѣтописи извѣстіе, что Смоленскій епископъ Михаилъ вмѣстѣ съ игуменомъ Отроча монастыря пріѣзжали во Владиміръ упрямить Всеволода, чтобъ простилъ ихъ князя Мстислава Романовича за союзъ съ Ольговичами ³⁾. Новгороду Великому при Всеволодѣ также начинала-было грозить перемѣна въ его старомъ бытѣ. Мы оставили Новгородъ въ то время, когда, вопреки волѣ Боголюбскаго и Ростиславичей, жители его приняли къ себѣ въ князья сына Мстислава Изяславича, знаменитаго Романа, вслѣдствіе чего должны были готовиться къ опасной борьбѣ съ могущественнымъ княземъ Суздальскимъ. Въ 1169 году Даниславъ Лазутиничъ, тотъ самый, который успѣлъ провести Романа въ Новгородъ, отправился на Сѣверную Двину за данью, съ 400 человекъ дружины; Андрей

²⁾ Подъ 1210 годомъ встрѣчаемъ еще слѣдующее извѣстіе: «В. князь Всеволодъ посла съ полкомъ Кузю Ратычна, мечешю своего, и взя Тенру, и възвратиса со многимъ половомъ въ Володимерь».—Въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто *Тенра* стоитъ просто *Пра*; Пра—рѣка Рязанской губерніи Спасскаго уѣзда, и въ такомъ случаѣ походить этотъ будетъ окончаніемъ покоренія Рязанской волости; но по Татищеву походъ Ратни былъ на Волгарь; у Татищева же (III, 363) послѣднее поведеніе Рязанцевъ относительно Ярослава приписано проискамъ Глѣба Владиміровича, который, будучи недоволенъ тѣмъ, что получилъ отъ Всеволода въ награду за свою клевету, свелся съ Черниговцами и подучалъ Рязанцевъ на Ярослава; намъ неизвѣстно, что получилъ Глѣбъ отъ Всеволода.

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 178; Карамз. III, примѣч. 118.

¹⁾ Теперь Льговъ, въ 11 верстахъ отъ Рязани по Спасской дорогѣ.

послать семитысячный отряд войска перехватить его; но Даниславъ обратилъ въ бѣгство Суздальцевъ¹⁾, убивши у нихъ 1300 человекъ, а своихъ потерявши только 15. Послѣ этого Лазутиничъ отступилъ, какъ видно, боясь идти дальше; но потомъ, спустя нѣсколько времени, двинулся опять впередъ и благополучно взялъ всю дань, да еще на суздальскихъ подданныхъ другую. Андрей однако не долго спосилъ торжество Новгородцевъ; выгнавши отца изъ Кіева, онъ послалъ сильную рать выгнать сына изъ Новгорода; это было зимою 1169 года; войско повелъ сынъ Андреевъ Мстиславъ да воевода Борясъ Жирславичъ, была тутъ вся дружина и всѣ полки ростовскіе и суздальскіе; къ нимъ присоединились князья смоленскіе — Романъ и Мстиславъ Ростиславичи, потомъ князья рязанскіе и муромекіе; войску, по свидѣтельству лѣтописца, и числа не было. Послѣ страшнаго опустошенія Новгородской волости, оно подошло къ городу; но жители его затворились съ своимъ молодымъ княземъ Романомъ, съ посадникомъ Якуномъ, и бились крѣпко; четыре приступа не удались; въ послѣдній изъ нихъ, продолжавшійся цѣлый день, князь Мстиславъ²⁾ взѣхалъ—было уже въ ворота городской и убилъ нѣсколько человекъ, но былъ принужденъ возвратиться къ своимъ. Новгородцы и Романъ торжествовали побѣду, а между тѣмъ въ полкахъ у осаждающихъ обнаружился моръ на людяхъ и конскій падежъ. Рать Андреева должна была отступить, ничего не сдѣлавши, и отступление это было гибельно по опустошенной странѣ: одни померли на дорогѣ, другіе кое-какъ дошли нѣшкомъ до домовъ; много попалось въ плѣнъ къ Новгородцамъ, которые продавали по двѣ ногаты человекъ. Но опустошеніе, причиненное Андреевою ратью, имѣло тяжкія слѣдствія и для Новгорода; въ немъ сдѣлался сильный голодъ, а хлѣба можно было только достать съ востока, изъ областей Андреевыхъ; притомъ же Мстиславъ Нязславичъ умеръ, не было больше основанія держать его сына, и вотъ Новгородцы показали путь Роману, а сами послали къ Андрею за миромъ и за княземъ. Къ нимъ явился княжить Рюрикъ Ростиславичъ; неизвѣстно, какимъ образомъ Якунъ лишился посадничества: по всѣмъ вѣроятностямъ, миръ съ Андреемъ и Ростиславичами условливалъ смѣну посадника, такъ сильно поддерживавшаго въ Новгородцахъ сопротивление Суздальскому князю. Преемникомъ Якуна является Жирславъ; но Рюрикъ отнялъ посадничество у него, и далъ его Ивану Захаричу, сыну прежняго посадника Захаріа, который былъ убитъ народомъ за приверженность къ брату Рюрикову, Святославу; Рюрикъ не только отнялъ посадничество у Жирслава, но даже выгналъ его изъ города, и тотъ ушелъ къ Андрею въ Суздаль. Но въ тотъ же годъ самъ Рюрикъ ушелъ изъ Новгорода; братъ его, Романъ, сѣвши въ Кіевѣ,

далъ ему волость на Руси, и Новгородцы отправили къ Андрею пословъ просить другаго князя; Андрей пока отпустилъ къ нимъ Жирслава посадничать съ своими боярами, а потомъ, въ слѣдующемъ году, прислалъ сына Юрія; но Жирславомъ, какъ видно, были недовольны въ Новгородѣ, и архіепископъ Илья отправился во Владиміръ къ Андрею, чтобъ уладить окончательно все дѣло; слѣдствіемъ побѣды было то, что посадничество опять отдалъ Ивану Захаревичу.

Смерть Боголюбскаго повела снова къ переѣздамъ въ Повгородъ. Сынъ его, Юрій, долженъ былъ уступить мѣсто сыну Мстислава Ростиславича, призваннаго Ростовцами; но въ тотъ же годъ самъ Мстиславъ, разбитый дядею Михаиломъ и выгнанный изъ Ростова, смѣнилъ сына въ Новгородѣ. Въ томъ же 1175 году умеръ посадникъ Иванъ Захаревичъ; посадничество по тучилъ опять было Жирславъ, но въ концѣ года лишился его снова, и мѣсто заступилъ Завидъ Неревиничъ, сынъ того боярина Неревина, который былъ убитъ вмѣстѣ съ Захаріею. Только-что успѣлъ Мстиславъ Ростиславичъ жениться въ Новгородѣ на дочери стараго Якуна Мирославича, какъ былъ позванъ опять Ростовцами, опять былъ побѣжденъ, выгнанъ дядею Всеволодомъ, и пришелъ назадъ въ Новгородъ; по здѣсь показали ему путь вмѣстѣ съ сыномъ, котораго, какъ видно, онъ вторично оставилъ вмѣсто себя, и взяли князя изъ рукъ побѣдителя Всеволода, который прислалъ въ Новгородъ племянника своего, Ярослава Мстиславича; но Ростиславичъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, оставилъ по себѣ въ Новгородѣ сильную сторону, въ челѣ которой, разумѣется, долженъ былъ стоять тестъ его Якунъ; въ слѣдующемъ же 1177 году онъ явился въ Новгородѣ, былъ посаженъ на столъ; брату его Ярополку дали Торжокъ, а Ярославу, прежнему князю, Волокъ-Дамскій — знакъ, что онъ отступилъ отъ Всеволода къ врагамъ его, Ростиславичамъ. Легко понять, что Всеволодъ не могъ спокойно видѣть послѣднихъ князьями въ сосѣднихъ волостяхъ новгородскихъ; притомъ же не могъ онъ простить Новгородцамъ нарушеніе обѣщанія признавать его верховную власть и другаго обѣщанія—прийти къ нему на помощь въ войнѣ съ Глѣбомъ Рязанскимъ; въ 1178 году, когда Мстиславъ Ростиславичъ умеръ в Новгородѣ посадили себѣ княземъ брата его—Ярополка, Всеволодъ велѣлъ захватить по своей волости купцовъ новгородскихъ; Новгородцы испугались и выгнали Ярополка; но князю новыхъ городовъ мало было одной чести давать изъ своихъ рукъ князей старому городу: онъ хотѣлъ какой-нибудь болѣе существенной пользы, и выступилъ въ походъ къ Торжку, жители котораго обѣщали давать ему дань. Подойдя къ городу, Всеволодъ сначала не хотѣлъ-было брать его приступомъ, дожидаясь исполненія обѣщаній; но дружина стала жаловаться и понуждать его

¹⁾ По Ник. (II, 209) встрѣча была на Вѣльзоврѣ.

²⁾ Который—Андреевичъ или Ростиславичъ? По отгадкѣ можно думать, что второй.

къ приступу, говоря: „Мы не цѣловаться съ ними прѣѣхали; они, князь, Богу лгутъ и тебѣ“. Войско бросилось къ городу и взяло его; жителей перевязали, городъ сожгли — за новгородскую неправду, прибавляетъ лѣтописецъ, потому что Новгородцы на одномъ днѣ цѣлуютъ крестъ и нарушаютъ свою клятву. Отправивъ лѣвшихъ Новоторжанъ во Владиміръ, Всеволодъ пошелъ къ Волоку-Ламскому; жители его успѣли выбѣжать, но князь ихъ Ярославъ Мстиславичъ былъ схваченъ и городъ сожженъ. Новгородцы между тѣмъ послали за ближайшимъ къ себѣ княземъ, Романомъ Ростиславичемъ Смоленскимъ, который и прѣѣхалъ къ нимъ; а Всеволодъ, довольный большою добычею и не желая, какъ видно, имѣть дѣла съ Ростиславичами южными, возвратился во Владиміръ.

Романъ недолго пожилъ въ Новгородѣ: въ слѣдующемъ же 1179 году онъ уѣхалъ назадъ въ Смоленскъ, и Новгородцы послали звать на княженіе брата его Мстислава Ростиславича, знаменитаго своею борбю съ Боголюбскими. Здѣсь начинается союзъ Новгорода съ двумя Мстиславами — отцомъ и сыномъ, самыми блестящими представителями старой, Юго-Западной Руси, въ борьбѣ ея съ новою, Сѣверо-Восточною. Союзъ этотъ былъ необходимъ по одинаковости стремленій: какъ Новгородъ, такъ и Мстиславъ хотѣли поддержать старый порядокъ вещей противъ новаго, поддержать родовыя отношенія между князьями и, въѣсть, старый бытъ старыхъ городовъ. Сперва Мстиславъ не хотѣлъ-было идти въ Новгородъ по общей князьямъ этого племени привязанности къ югу, къ собственной Руси, и по опасности, которая грозила тамъ Мономаховичамъ отъ Ольговичей: „Не могу выйти изъ своей отчины и разойтись съ братьями“, говорилъ Мстиславъ. Онъ всѣми силами старался, говорить лѣтописецъ, трудиться для отчины своей; всегда стремился онъ къ великимъ дѣламъ, думая думу съ мужами своими, желая быть вѣрнѣе своему происхожденію, своему значенію княжескому (хотя исполнить отечество свое). Но братья и дружина уговаривали его идти въ Новгородъ; они говорили ему: „Если зовутъ тебя съ честію, то ступай; развѣ тамъ не наша же отчина?“ Мстиславъ пошелъ, но положилъ на умѣ: „Если Богъ дастъ мнѣ здоровья, то никакъ не могу забыть Русской Земли“. Каковъ былъ характеръ этого Мстислава, представителя нашихъ старыхъ князей, какъ понималъ онъ обязанности своего званія, *исполненіе отечества своего*, видно изъ того, что едва успѣлъ онъ прійти въ Новгородъ, какъ началъ думать, куда бы пойти повоевать. Не задолго передъ тѣмъ, въ 1176 году, Чудь приходила на Псковскую Землю, имѣла здѣю битву съ Псковичами, въ которой съ обѣихъ сторонъ легло много народу. И вотъ Мстиславъ вздумалъ пойти на Чудь; онъ созвалъ Новгородцевъ и сказалъ имъ: „Братья! поганые насъ обижаютъ; что бы намъ, призвавши на помощь Бога и Святую Богородицу,

отомстить за себя и освободить Землю Новгородскую отъ поганыхъ?“ Люба была его рѣчь въемъ Новгородцамъ, и они отвѣчали ему: „Князь! если это Богу любо и тебѣ, то мы готовы“. Мстиславъ собралъ повгородское войско, и, сочтя его, напелъ 20,000 человекъ; съ такими-то сильными полками вошелъ онъ въ Чудскую Землю, пожегъ ее всю, набралъ въ плѣнъ челяди и скота, и возвратился домой съ побѣдою, славою и честью великою, по словамъ лѣтописца. Возвращаясь изъ Чудской Земли, по дорогѣ заѣхалъ Мстиславъ во Псковъ, перехватилъ тамъ сотскихъ, которые не хотѣли имѣть княземъ племянника его Бориса Романовича, и, утвердившись съ людьми, пошелъ въ Новгородъ, гдѣ и провелъ зиму.

На весну онъ опять сталъ думать съ дружиною, куда бы еще пойти повоевать. И придумалъ пойти на зятя своего, Полоцкаго князя Всеслава; слишкомъ лѣтъ сто тому назадъ ходилъ дѣдъ Всеслава на Новгородъ, взявъ утвари церковныя и одинъ новгородскій погостъ завелъ за Полоцкъ; такъ теперь Мстиславъ хотѣлъ возвратити Новгородскую волость и отмстить за обиду; онъ уже стоялъ съ войскомъ на Лукахъ, когда явился къ нему посолъ отъ старшаго брата Романа изъ Смоленска; Романъ велѣлъ сказать ему: „Всеславъ тебя ничѣмъ не обижалъ, а если идешь на него такъ, безъ причины, то прежде ступай на меня“. Вѣрный во всемъ старинѣ, Мстиславъ не хотѣлъ оскорбить старшаго брата, тѣмъ болѣе что послѣдній уже отправилъ сына своего на помощь Всеславу, и Новгородцамъ пришлось бы сражаться съ Смольянами вмѣстѣ Полочанъ. По возвращеніи въ Новгородъ, Мстиславъ крѣпко занемогъ, потерялъ всѣ силы, едва могъ говорить; чувствуя, что долженъ скоро умереть, онъ взглянулъ на дружину свою, потомъ на княгиню, вздохнулъ глубоко, задалкалъ и началъ говорить: „Приказываю дитя свое, Владиміра, Борису Захарьевичу, и обоихъ ихъ отдаю братьямъ Рюрику и Давиду и съ волостью на руки; а обо мнѣ какъ Богъ промыслилъ“¹⁾. Послѣ этого распоряженія Мстиславъ поднялъ руки къ небу, вздохнулъ, прослезился опять — и умеръ. Новгородцы похоронили его въ той же гробницѣ, гдѣ лежалъ первый князь, умершій у нихъ, Владиміръ Ярославичъ, основатель Софійской церкви. Главкала по Мстиславѣ вся Земля Новгородская, говорили лѣтописецъ, особенно

¹⁾ Почему же Мстиславъ отдалъ сына на руки братьямъ Давиду и Рюрику, а не старшему Роману? Быть можетъ вслѣдствіе недавней размовки въ Полоцкѣ; впрочемъ, и прежде были у нихъ столкновенія: въ 1175 году Романъ, отправляясь въ Кіевъ, отдалъ Смоленскъ сыну своему Ярополку, но Смольяны выгнали послѣдняго и призвали на его мѣсто дядю Мстислава. Впрочемъ, у Мстислава остался старшій сынъ, знаменитый поемъ Мстиславъ Мстиславичъ Удалой; онъ, вѣроятно, остался княжить въ отцовской волости, въ Торощѣ; а младшаго, Владиміра, отецъ отдалъ Рюрику и Давиду, княжившимъ въ Кіевской области, чтобы они тамъ дали ему волость; и, дѣйствительно, въ 1180 году мы видимъ его въ Трехояхъ съ дядкою Борисомъ Захарьевичемъ, который предводительствуетъ полкъ малолѣтнаго князя.

плакали горько лучшие мужи; они такъ причитали на похоронахъ: „Уже нельзя теперь намъ будетъ похвѣть съ тобою на чужую Землю, привести поганихъ рабами въ область Новгородскую; ты замышлялъ много походовъ на всѣ стороны поганцы; лучше бы намъ теперь было умереть съ тобою! Ты далъ намъ большую свободу отъ поганихъ, точно такъ, какъ дѣдъ твой, Мстиславъ, освободилъ насъ отъ всѣхъ обидъ; ты поревновать ему и наследовалъ путь дѣда своего, а теперь уже не увидимъ тебя больше; солнце наше зашло и остались мы беззащитные, всякій можетъ теперь обижать насъ“. Мстиславъ, по свидѣтельству лѣтописца, былъ средняго роста, хорошаго лицомъ, украшенъ всякою добродѣтью и благонаравенъ, имѣлъ ко всѣмъ любовь, особенно былъ щедръ къ бѣднымъ, снабжалъ монастыри, кормилъ монаховъ и съ любовью принималъ ихъ, снабжалъ и мірокія церкви, попомъ и всему святительскому чину воздавалъ достойную честь; былъ крѣпокъ на рати, не жалѣлъ жизни за Русскую Землю и за христіанъ; когда видѣлъ христіанъ, уводимыхъ въ плѣнъ погаными, то говорилъ дружинѣ своей: „Братья! не сомнѣвайтесь; если теперь умремъ за христіанъ, то очистимся отъ грѣховъ и Богъ выпитъ кровь нашу въ мученическую; если Богъ подастъ милость свою, то слава Богу, а если придется умереть, то все равно, — надобно же когда-нибудь умирать.“ Такими словами онъ придавалъ смѣлость дружинѣ, и отъ всего сердца бился за отчину свою; а дружину свою любилъ, имѣнія не падали для нея, золота и серебра не собиралъ, а раздавалъ дружинѣ, или раздавалъ церквамъ и нищимъ для спасенія души своей. Не было уголка на Руси, гдѣ бы его не хотѣли и не любили; сильно горевали братья, услыжавши о его смерти, плакала по немъ вся Русская Земля, не могли забыть доблестей его, и Черные Клобуки всѣ не могли забыть его *прислужбленія* (1180 г.).

По смерти Мстислава, Новгородцамъ предстоялъ выборъ: у кого просить себѣ князя, — взять ли его изъ рукъ Всеволода III-го Суздальскаго, князя новой, Сѣверной Руси, или изъ рукъ Святослава Всеволодовича, который сидѣлъ въ Кіевѣ, и потому считался старшимъ въ старой, Южной Руси. Новгородцы поступили по старинѣ, и взяли у Святослава сына его Владиміра, тѣмъ болѣе что Всеволодъ недавно показалъ уже свою неприязнь къ Новгороду, показавъ, что былъ братомъ Боголюбскаго. Взавши къ себѣ въ князья Владиміра, Новгородцы участвовали въ войнѣ отца его Святослава со Всеволодомъ и, конечно, по желанію Святослава, посадили опять въ Торжкѣ племянника и стараго врага Всеволодова, Ярополка Ростиславича, что не могло не повести къ враждебнымъ столкновеніямъ съ Суздальскими князьями. Въ то время, когда Новгородцы отирали полки свои къ Друцку, на помощь Святославу, Всеволодъ явился въ другой разъ у Торжка и осадилъ въ немъ Ярополка; Новоторжане пять недѣль сидѣли въ осадѣ, терпя страшный голодъ, и когда князь ихъ Ярополкъ

былъ раненъ въ сѣнякъ, то сдались Всеволоду; тотъ повелъ съ собою въ оковахъ Ярополка, вывелъ и всѣхъ Новоторжанъ съ женами и дѣтьми, а городъ ихъ сжегъ. Новгородцы увидали, что опасность отъ Всеволода близка и велика, а на помощь изъ Чернигова плохая надежда, и потому, выгнавши Владиміра Святославича, послали за княземъ къ Всеволоду; тотъ далъ имъ свояка своего, Ярослава Владиміровича, безземельнаго сына безземельнаго отца, Владиміра Мстиславича. Но Ярослав немного нажилъ въ Новгородѣ: онъ возбудилъ противъ себя сильное негодованіе, и Всеволодъ вывелъ его изъ Новгорода, жители котораго, какъ видно, не безъ вѣдома и согласія его, призвали къ себѣ изъ Смоленска Мстислава Давидовича ¹⁾. Посадникъ Завидъ Неревиничъ былъ смѣненъ тотчасъ по прибытіи Владиміра Святославича въ Новгородъ — знакъ, что онъ не былъ за Ольговича; мѣсто его получилъ Михаилъ Степановичъ; изгнаніе Ольговича должно было повести и къ смѣнѣ посадника: Михаилъ Степановичъ былъ сверженъ, и на его мѣсто возведенъ опять Завидъ; но въ 1186 году Завидъ снова потерялъ свою должность и ушелъ къ Давиду въ Смоленскъ, а на его мѣсто былъ возведенъ опять Михаилъ Степановичъ. Родственники и пріятели Завида не переставали однако дѣйствовать, но были переселены противною стороною: родной братъ Завида, Гаврило Неревиничъ, былъ свергнутъ съ моста вмѣстѣ съ какимъ-то Ивачемъ Свешичевымъ. Любопытно, что въ то же время вспыхнуло возстаніе Смольнянъ противъ князя Давида, и пало, говоритъ лѣтописецъ, много головъ лучшихъ мужей. Быть можетъ, эти событія въ Новгородѣ и Смоленскѣ имѣютъ какую-нибудь связь между собою; нѣтъ сомнѣнія, что новгородскія волненія, борьба сторонъ Завидовой и Михайловой были связаны съ перемѣною князей. Завидъ, бывший посадникомъ при Мстиславѣ Храбромъ, стоялъ за Ростиславичей; на это указываетъ смѣна его при Ольговичѣ и уходъ къ Давиду въ Смоленскъ послѣ вторичной потери должности. Сторона Михаила Степановича была вмѣстѣ стороною князя Ярослава, и потому неудивительно, что когда она восторжествовала надъ противною стороною, то въ слѣдующемъ же 1187 году Мстиславъ Давидовичъ былъ изгнанъ, и Новгородцы послали къ Всеволоду во Владиміръ опять просить Ярослава Владиміровича — знакъ, что послѣдній былъ прежде выведенъ не вѣдѣтвие всеобщаго негодованія, но вѣдѣтвие негодованія одной только стороны. Посадникъ при этомъ не былъ смѣненъ; но черезъ годъ противная сторона начала брать верхъ: у Михаила Степановича отняли посадничество и дали его Миронкѣ Нездичицу, котораго

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 18: «Выведе Всеволодъ, ярославъ, свояка свой изъ Новгорода Ярослава Володимирича: негодоваху бо ему новгородцы, зане много творяху пакости волости новгородскій». — *Кто же творилъ?* дружина, пріятели Ярославовы? Но если Всеволодъ самъ вывелъ Ярослава, то можно заключить, что не безъ его согласія былъ призванъ Мстиславъ.

отецъ Незда былъ убитъ за приверженность къ Ростиславичамъ смоленскимъ; слѣдовательно имѣемъ право думать, что Мирошка наследовалъ отъ отца эту приверженность и стоялъ за Мстислава Давидовича противъ Ярослава. Въ справедливости послѣдняго утверждаетъ насъ извѣстіе, что въ 1195 году Мирошка, вмѣстѣ съ Борисомъ Жиро-славичемъ и сотекиимъ Никифоромъ, Иванкомъ, Омою, отправились къ Всеволоду съ просьбою схватить Ярослава и дать на его мѣсто сына своего. Что же сдѣлалъ Всеволодъ? Чтобы оставить Ярослава спокойнымъ въ Новгородѣ, онъ задержалъ Мирошку съ товарищами, какъ главу противной Ярославу стороны; потомъ отпустилъ Бориса и Никифора, но продолжалъ держать Мирошку, Иванка и Омою, несмотря на просьбы изъ Новгорода о ихъ возвращеніи; наконецъ отпустилъ Омою, но все держалъ Мирошку и Иванка. Это разсердило Новгородцевъ, т.-е. сторону, противную Ярославу; послѣдній былъ изгнанъ, и посоль отправился въ Черниговъ просить сына у тамошняго князя; что здѣсь дѣйствовала только одна сторона, — доказываютъ слова лѣтописца, который говоритъ, что добрые люди жалѣли о Ярославі, а злые радовались его изгнанію. Но прошло то время, когда изгнанные князья уѣзжали изъ Новгорода, не думая о мести; мы видѣли, что уже Святославъ Ростиславичъ, надѣясь на помощь Боголюбскаго, не хотѣлъ спокойно оставить области Новгородской; Ярославъ Владиміровичъ послѣдовалъ его примѣру: онъ засѣлъ въ Торжкѣ, гдѣ жители приняли его съ поклономъ, и сталъ брать дани по всему верху, по Мстѣ, и даже за Волокомъ, а Всеволодъ въ то же время перехватывалъ вездѣ Новгородцевъ и не пускалъ изъ Владиміра; впрочемъ, здѣсь держалъ ихъ не вѣрты.

Между тѣмъ изъ Чернигова пріѣхалъ князь Ярополкъ Ярославовичъ, но просидѣвъ въ Новгородѣ только шесть мѣсяцовъ; вражда съ Владимірскимъ княземъ и съ Ярославомъ, который сидѣлъ въ Торжкѣ и бралъ дани, не могла быть выгодна для Новгородцевъ; пользуясь этимъ, сторона Ярослава восторжествовала, изгнала въ 1197 году Ярополка, и послала въ Торжокъ за Ярославомъ; тотъ однако не поѣхалъ прямо въ Новгородъ, но сперва отправился во Владиміръ къ Всеволоду, который, какъ видно, не хотѣлъ позволить, чтобы Новгородцы присвоили себѣ право спорить съ князьями безъ его вѣдома. Во Владиміръ должны были ѣхать изъ Новгорода лучшіе люди (передніе мужи) и сотеки; тамъ изъ рукъ Всеволода приняли они Ярослава со всею правдою и честію, по выраженію лѣтописца; когда, говорить тотъ же лѣтописецъ, Ярославъ пріѣхалъ въ Новгородъ, то помирился съ людьми, и стало все по-доброму, возвратился по-здорову и посадникъ Мирошка, просидѣвши два года за Новгородъ, и рады были въ Новгородѣ всѣ отъ мала до велика; сынъ Ярославовъ, Изяславъ, былъ посаженъ въ Лукахъ, чтобы быть защитою (опле-

чьемъ) Новгороду отъ Литвы ¹⁾. Есть очень вѣроятное по обстоятельству извѣстіе ²⁾, что Новгородцы приняли Ярослава на всей волѣ Великаго Всеволода, который съ этихъ поръ сталъ располагать Новгородомъ, какъ располагалъ имъ Мономахъ или сынъ его Мстиславъ. По миръ Ярослава съ Мирошкою и его стороною былъ непродолжителенъ, и черезъ годъ (1199 г.) пріѣхали во Владиміръ изъ Новгорода лучшіе люди, родственники и пріятели Мирошки, которые отдали князю поклонъ и просьбу отъ всего Новгорода; „Ты господишъ, говорили они, ты Юрій, ты Владиміръ! просимъ у тебя сына княжить въ Новгородъ, потому что тебѣ отчина и дѣдина Новгородъ“. Всеволодъ согласился, вывелъ Ярослава изъ Новгорода, приказалъ ѣхать къ себѣ, а владыкѣ, посаднику Мирошкѣ и лучшимъ людямъ велѣлъ также явиться во Владиміръ, и взявъ отъ туда къ себѣ на княженіе сына своего, десятилѣтняго Святослава, на всей волѣ великокняжеской ³⁾; на дорогѣ представился архіепископъ Мартірій, и Всеволодъ, вопреки старому обычаю новгородцевъ — выбирать владыку на вѣчѣ, самъ, поговоря только съ посадникомъ, выбралъ и послалъ къ нему архіепископа Митрофана, котораго потомъ отправили къ митрополиту на поставленіе съ новгородскими мужами и Всеволодовыми. Въ 1203 году умеръ посадникъ Мирошка, и его мѣсто заступилъ соперникъ его, старый посадникъ Михаилъ Степановичъ; черезъ годъ Всеволодъ прислалъ сказать Новгородцамъ: „Въ Землѣ вашей рать ходитъ ⁴⁾, а князь вашъ, сынъ мой Святославъ, малъ, такъ даю вамъ старшаго сына своего, Константина“. О рати въ продолженіи трехъ предъидущихъ лѣтъ нѣтъ извѣстій, а что Всеволодъ при этой перемѣнѣ могъ руководиться какими-нибудь внутренними волненіями въ Новгородѣ, — доказательствомъ служить смѣна посадника тотчасъ по смѣнѣ князя, или, лучше сказать, по смѣнѣ бояръ владимірскихъ, управлявшихъ именемъ малолѣтняго Святослава; у Михаила Степановича посадничество отняли и дали сыну покойнаго Мирошки Димитрію ⁵⁾; что малолѣтній Святославъ и посадникъ Михаилъ были смѣнены по жалобамъ Новгородцевъ, доказываютъ слова лѣтописца, что по прибытіи Константина весь городъ обрадовался исполненію своего желанія. Владимірскій лѣтописецъ говоритъ, что когда Всеволодъ отпустилъ Константина въ Новгородъ, то сказалъ ему; „Сынъ мой Константинъ! на тебя Богъ положилъ старшинство во всей братѣ твоей,

¹⁾ Но Изяславъ и другой братъ его Ростиславъ умерли оба въ слѣдующемъ 1198 году. Въ томъ же году Ярославъ со всею областію Новгородскою ходилъ на Полоцкъ; но на озерѣ Касплѣ былъ встрѣченъ Полочанами и ввѣлъ съ ними миръ.

²⁾ Татищ. III, 327.

³⁾ Лѣт. Пер. Сузд., стр. 104; Воскр. II, 129.

⁴⁾ Три года назадъ лѣтописецъ упоминалъ о набѣдѣ Литвы, и — только; больше ни о какой рати нѣтъ извѣстій; съ Варягами въ 1201 году была ссора, но тогда же кончилась миромъ.

⁵⁾ Михаилъ умеръ въ слѣдующемъ 1206 году.

а Новгородъ Великій—старшее княженіе во всей Русской Землѣ; по имени твоёмъ и хвала твоя такая: не только Богъ положилъ на тебѣ старшинство въ братѣхъ твоихъ, но и во всей Русской Землѣ; и я тебѣ даю старшинство, поѣзжай въ свой городъ“

Новый посадникъ Мирошкиничъ, съ братьею и пріятелями, опираясь на силу Суздальскаго князя, захотѣли обогатиться насчетъ жителей и позволили себѣ такіе поступки, которые возстановили противъ нихъ весь городъ; въ челѣхъ недовольныхъ, какъ видно, стоялъ какой-то Алексѣй Сбыславичъ; братъ посадника, Борисъ Мирошкиничъ, отправился во Владиміръ къ Всеволоду и возвратился оттуда съ боярникомъ послѣдняго Лазаремъ, который привезъ повелѣніе убить Алексѣя Сбыславича, и повелѣніе было исполнено: Алексѣя убили на Ярославомъ дворѣ — безъ вины, прибавляетъ лѣтописецъ, потому что обычнаго условія съ княземъ — не казнить безъ объявленія вины — не существовало болѣе; Всеволодъ распоряжался самовластно въ Новгородѣ. Велѣдъ за этимъ событіемъ, Всеволодъ пошелъ на Черниговъ и велѣлъ Константину съ новгородскими полками слѣдовать за собою въ походъ; мы видѣли, что Константинъ соединился съ отцомъ въ Москвѣ; но вѣсто Чернигова пошли на Рязань. Какъ видно, во время этого похода Новгородцамъ удалось довести до свѣдѣнія великаго князя о поступкахъ посадника съ товарищами; по окончаніи похода, отпущая Новгородцевъ съ Коломны домой, Всеволодъ щедро одарилъ ихъ и, по выраженію лѣтописца, далъ имъ всю волю и уставы старыхъ князей, чего они именно хотѣли; онъ сказалъ имъ: „Кто до васъ добръ,—того любите, а злыхъ казните“. Сына Константина, посадника Дмитрія, тяжело раненаго подъ Пронскомъ, и семерыхъ изъ лучшихъ мужей онъ оставилъ при себѣ; первое и послѣднее обстоятельство могутъ показывать, что новыя распоряженія Всеволода происходили именно въ дѣйствіе жалобъ новгородскихъ, возбудившихъ неудовольствіе великаго князя на посадника съ пріятелями его и на самого сына, который позволялъ имъ насильственные поступки. Какъ бы то ни было, когда новгородскіе полки пришли домой, то немедленно созвали вѣче на посадника Дмитрія и на братью его, обвиняя ихъ въ томъ, что они приказывали на Новгородцахъ и по волости брать чинные поборы, купцамъ велѣли платить дикую виру и возить повозы, и въ разныхъ другихъ насильственныхъ поступкахъ,—во всякомъ злѣ, по выраженію лѣтописца. На вѣчѣ положили идти на дома обвиненныхъ грабителей, дворъ Мирошкиничъ и дворъ Дмитріевъ зажгли¹⁾, имѣніе ихъ взяли,

¹⁾ Здѣсь дворъ покойнаго Мирошки отдѣленъ отъ двора сына его Дмитрія; можно оставить и это чтеніе: «А Мирошкиничъ дворъ и Дмитровъ зажгоша», и тогда будетъ надобно предложить, что дворъ старшаго Мирошки, по обычаю, достался младшему сыну, Борису; но есть другое чтеніе: «А Мирошкиничъ дворъ Дмитровъ жгошь», т.-е. Мирошкиничъ дворъ Дмитровъ; послѣднему чтенію проти-

села и рабовъ распродали и раздѣлили по всему городу, а долговыя записки оставили князю; кто при этомъ тайкомъ нахваталъ разныхъ вещей, о томъ Богъ одинъ знаетъ, говорить лѣтописецъ; извѣстно только, что многіе разбогатѣли послѣ грабежа Мирошкиничей. Народное озлобленіе противъ бывшаго посадника дошло дотого, что когда привезли тѣло Дмитрія, умершаго во Владиміръ, то Новгородцы хотѣли сбросить его съ моста; едва архіепископъ Митрофанъ успѣлъ удержать ихъ. Княземъ явился въ Новгородъ прежде бывший выбранный Твердиславъ Михайловичъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, сына покойнаго Михаила Степановича, сооперника Мирошки; ненависть къ роду послѣдняго естественно должна была побудить къ этому выбору; Новгородцы поцѣловали крестъ, что не хотятъ держать у себя ни дѣтей Дмитріевыхъ, ни братьевъ, ни пріятелей, и новый князь Святославъ отослалъ ихъ въ заточеніе къ отцу, другіе откупилъ большими деньгами.

Черемѣна князя впрочемъ не перемѣнила дѣлъ въ Новгородѣ, не удовлетворила всѣмъ сторонамъ: сынъ Всеволода, какъ бы онъ ни назывался, Константинъ или Святославъ, не могъ обходиться съ Новгородцами, какъ захотѣлось съ ними прежніе князья изъ Юго-Западной Руси, и вотъ, по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ, недовольные послали въ Торопецъ къ тамошнему князю, Мстиславу, сыну знаменитаго Мстислава Храбраго, съ просьбою избавить Новгородъ отъ суздальскихъ притѣсеній. Мстиславъ согласился принять на себя наслѣдственную обязанность ратовать за старую Русь, за старый порядокъ вещей противъ новаго, который вводилъ Юрьевичи сѣверные; но, не будучи увѣренъ еще, какъ видно, хотятъ ли его Новгородцы всѣмъ городомъ, захватили сперва Торжокъ, заковали дворянъ Святославовыхъ и посадниковъ, имѣніе ихъ разграбили, чья только рука до него дошла, послѣ чего послалъ сказать Новгородцамъ: „Кланяюсь Св. Софіи, гробу отца моего и всѣмъ Новгородцамъ; пришелъ я къ вамъ, услыхавъ о насиліяхъ, которыя вы терните отъ князей, жалъ мнѣ стало своей отчины“. Новгородцы послали къ нему съ отвѣтомъ: „Ступай, князь, на столъ“; а Святослава Всеволодовича заперли въ архіепископскомъ домѣ и съ дружиною до тѣхъ поръ, пока управятся съ отцомъ. Мстиславъ пріѣхалъ въ Новгородъ, былъ принятъ съ большою радостію, и тотчасъ же двинулся къ Торжку, потому что Всеволодъ захватилъ купцовъ новгородскихъ по своимъ волостямъ, и отправилъ сыновей съ войскомъ къ новгородскимъ границамъ; по битвы не было; мы видѣли, какъ Всеволодъ остерегался вступать въ рѣшительныя сраженія съ князьями старой Руси, притомъ же теперь сынъ его сидѣлъ плѣнникомъ въ Новгородѣ. Всеволодъ,

ворѣчать впрочемъ слѣдующія выраженія: «а житіе ихъ поимаша».

по словамъ лѣтописца, прислалъ сказать Мстиславу слова, совершенно тому понятныя: „*Ты мнѣ сынъ, а я тебѣ отецъ*“; отпусти Святослава съ дружиною, и отдай все, что захватилъ, а я также отпущу гостей и товары ихъ“. Мстиславъ согласился, и миръ былъ заключенъ ¹⁾. Какъ видно изъ послѣдующаго поведенія посадника Твердислава, такъ сильно стоявшаго за старину, онъ не могъ быть на сторонѣ Юрьевичей; вѣроятно, онъ не менѣе другихъ радовался и содѣйствовалъ перемирью, и потому не могъ быть смѣненъ вслѣдствіе этой перемиры. Но, скоро по утвержденіи Мстислава въ Новгородѣ, явился съ юга изъ Руси Димитрій Якуновичъ, сынъ старшаго посадника Якуна Митрофана; мы видѣли, что Якунъ былъ въ тѣсной связи съ Ростиславичами сѣверными, врагами Всеволода,—дочь его была за Мстиславомъ Ростиславичемъ; когда Всеволодъ утвердилъ свою власть надъ Новгородомъ, то сынъ Якуна, Димитрій, принужденъ былъ искать убѣжища въ Руси, и возвратился теперь въ Новгородъ, когда уже нечего было болѣе бояться Суздальскаго князя; Твердиславъ уступилъ ему добровольно посадничество,

какъ старшему. Но если Твердиславъ не могъ быть заподозрѣнъ въ пріязни къ Всеволоду, то очень легко могъ быть заподозрѣнъ архіепископъ Митрофанъ, данный Новгороду Всеволодомъ, вопреки старому обычаю; и вотъ Мстиславъ вѣдѣтъ съ Новгородцами свергнуть Митрофана, который былъ ответенъ въ Торонецъ (1211 г.).

Такимъ образомъ, и Великій Всеволодъ при концѣ жизни своей, подобно брату Андрею, долженъ былъ потерѣть неудачу съ своихъ стремленій, благодаря князьямъ старой Руси: войска Андрея бѣжали со стыдомъ отъ Мстислава-отца, Всеволодъ долженъ былъ уступить Новгородъ Мстиславу-сыну, долженъ былъ заговорить съ нимъ его языкомъ. Въ 1212 году Всеволодъ сталъ изнемогать, и хотѣлъ при жизни урядить сыновей, которыхъ у него было шестеро: Константинъ, Юрій, Ярославъ, Святославъ, Владиміръ, Иванъ. Онъ послалъ за старшимъ Константиномъ, княжившимъ въ Ростовѣ, желая дать ему постѣ себя Владиміръ, а въ Ростовъ послать втораго сына Юрія. Но Константинъ не соглашался на такое распоряженіе, ему непременно хотѣлось получить и Ростовъ и Владиміръ; старшинство обоихъ городовъ, какъ видно, было еще спорное и тогда, и Константинъ боялся уступить тотъ или другой младшему брату; какъ видно, онъ опасался еще старинныхъ притязаній Ростовцевъ, которыми могъ воспользоваться Юрій. „Ватюшка! велѣлъ онъ отвѣчать Всеволоду: если ты хочешь мени сдѣлать старшимъ, то дай мнѣ старый начальныи городъ Ростовъ и къ нему Владиміръ; или, если тебѣ такъ угодно, дай мнѣ Владиміръ—и къ нему Ростовъ“ ²⁾. Всеволодъ рассердился, созвалъ бояръ и долго думалъ съ ними, какъ быть. Потомъ послалъ за епископомъ Іоанномъ и, по совѣту съ нимъ, порѣшилъ отдать старшинство младшему сыну Юрію, мило старшаго, послушника воли отцовской. Явленіе важное: мало того, что на сѣверѣ отнято было старшинство у стараго города и передано младшему, пригороду, отнято было отцомъ старшинство у старшаго сына въ пользу младшаго; нарушенъ былъ коренной обычай, и младшіе князья на сѣверѣ не преминутъ воспользоваться этимъ примѣромъ; любопытно, что бояре не рѣшились присоветовать князю эту мѣру, рѣшились присоветовать ее епископу.—14 апрѣля умеръ Всеволодъ, на 64 году своей жизни, княживъ въ Суздальской Землѣ 37 лѣтъ. Онъ былъ украиненъ всѣми добрыми нравами, но отзыву сѣвернаго лѣтописца, который не упускаетъ случая оправдывать введенный Юрьевичами порядокъ и хвалить ихъ за это. Всеволодъ, по его словамъ, злыхъ казнилъ, а добромъмысленныхъ миловалъ, потому что князь не даромъ мечъ носить, въ месть злодѣямъ и въ похвалу добро творящимъ; одного имени его трепетали всѣ страны, по всей землѣ пронеслась его слава, всѣхъ враговъ (зломысловъ) Богъ покорялъ подъ его руки. Имѣя всегда страхъ Божій въ

1) Такъ разсказываетъ лѣтописецъ новгородскій. Но у Татищева читаемъ, что Всеволодъ, узнавъ о занятіи Торжка Мстиславомъ, отправилъ противъ него троякъ сыновей своихъ: Константина, Юрія и Ярослава; Новгородцы испугались и послали къ Константину просить мира, отправивъ вѣдѣтъ и захваченнаго ими Святослава и надлежащую великому князю дань. Константинъ, сдѣлая всегдашней своей умѣренности, вопреки совѣту младшихъ братьевъ, согласился на миръ, вслѣдствіе котораго Мстиславъ удалился назадъ въ Торонецъ, и на его мѣсто Всеволодъ прислалъ сына своего Владиміра. Новгородцы, видя, что возстаніе не имѣло успѣха, выместили свою злобу на тѣхъ, которые уговаривали ихъ къ нему: они хотѣли умертвить друзей Мстиславовыхъ, и едва были укрошены владыкою. Но въ 1211 году Новгородцы снова послали за Мстиславомъ; тогда Владиміръ, опасаясь участи брата, ухажалъ тотчасъ къ отцу, а Мстиславъ вступилъ въ Новгородъ и удержался въ немъ.—Изъ извѣстій въ лѣтописяхъ, до насъ дошедшихъ, можно усмотрѣть, каковы образомъ составился татищевскій разсказъ. Въ Никонов. сбор. (II, 308) читаемъ извѣстіе: «К. В. Всев. Юр. послалъ сына своего, князя Константина, съ братією его на князя Мстислава Мстиславича на Торжскъ, князь же Мстиславъ Мстиславичъ слышавъ отъиде въ Новгородъ, и оттуда иде въ Торонецъ въ свою владѣть. Князь же Константинъ Вс. съ братією своею возвратился со Твери, и князь Святославъ Вс. брать ихъ приде къ нимъ изъ Новгорода».—То же читается въ Пункинскомъ спискѣ, который цитуетъ Карамзинъ (III, примѣч. 132). Это извѣстіе, распространенное въ спискѣ, которымъ пользовался Татищевъ, вошло явственно въ его разсказъ; князь Владиміръ Всеволодовичъ является на сцену вслѣдствіе смѣненія его съ княземъ Исковскимъ Владиміромъ, братомъ Мстиславовымъ, который въ Новгородѣ лѣтописи подъ 1210 годомъ ходилъ съ Новгородцами на Литву, подъ 1211 посаженъ братомъ въ Лукахъ; извѣстіе объ уходѣ Мстислава отъ Торжка въ Торонецъ объясняется извѣстіемъ, находящимся въ Новгород. лѣтоп. подъ 1211 годомъ: «И посла князь Мстиславъ Дмитрія Якунца на Луку съ новгородцами города ставить; а самъ иде на Тьръжскъ блѣстъ волости, изъ Тьръжку иде въ Торончъ, изъ Торончи иде на Луку». Какъ видно, онъ укрывался города отъ литовскихъ набѣговъ. Наконецъ извѣстіе о возстаніи Новгородцевъ на пріятелей Мстиславовыхъ можетъ быть въ связи съ извѣстіемъ о смутѣ по поводу архіепископа Митрофана.

2) Никонов. II, 310.

сердцѣ своемъ, оны подавали требующимъ милостыню, судилъ судъ истинный и нелицемѣрный, не взирая на сильныхъ бояръ своихъ, которые обижали меньшихъ людей.

Сѣверная Русь лишилась своего Всеволода; умирая, оны свергнула мечъ между сыновьями своими, и злая усобица между ними грозила разрушить дѣло Андрея и Всеволода, если только это дѣло было произведеніемъ одной ихъ личности; Юго-Западная, старая Русь высвобождалась отъ тяготѣвшаго надъ нею вліянія сѣверной, послѣдняя связь между ними — старшинство и сила Юрьевичей — рушилась, и надолго теперь они разрознятся, будутъ жить оособою жизнью до тѣхъ поръ, пока на сѣверѣ явятся опять государи единовластные, собиравши Русской Земли; тогда оныт послышится слово, что нельзя Южной Руси быть безъ Сѣверной, и послѣдуетъ окончательное соединеніе ихъ. Но по смерти Всеволода казалось, что Южная Русь не только освободится отъ вліянія Сѣверной, но, въ свою очередь, подчинитъ ее своему вліянію; ибо когда Сѣверная Русь лишилась Всеволода и сыновья его губили свои силы въ усобицахъ, у Руси Южной оставался Мстиславъ, котораго доблести начали съ этихъ поръ обнаруживать самыя блистательныя образцы. Ни въ русской, ни въ соединенныхъ странахъ не было князя храбрѣе его; куда ни явится, — всюду принесетъ съ собою побѣду; оны не будетъ дожидаться, пока сѣверный князь прилетѣтъ на югъ многочисленныя полки, чтобы отразить ихъ, какъ отецъ его отразилъ полки Андреевы: оны самъ пойдетъ въ глубь этого страннаго суроваго, сжимающаго сѣвера, и тамъ поразитъ его князей, надѣющихся на свое громадное ополченіе, и выѣтъ уничтожить завѣщаніе Всеволода. Въ Руси Дибровской оны не дастъ Мономахова племени въ обиду Ольговичамъ; наконецъ вырветъ Галичъ изъ рукъ иноплеменишниковъ. Казалось бы, какая блистательная судьба должна была ожидать Юго-Западную Русь при Мстиславѣ; какія важныя, продолжительныя слѣдствія должна была оставить въ ней его дѣятельность, — если только судьба Юго-Западной Руси могла зависѣть отъ одной личности Мстиславовой!

Въ 1212 г. умеръ Всеволодъ Великій, и въ 1213 г. уже встрѣчаемъ извѣстіе объ усобицѣ сыновей его. Константинъ не могъ спокойно сносить потерю старшинства; но словамъ лѣтописи, оны разгорѣлся яростью, воздвигнулъ брови свои гнѣвомъ на брата Юрія и на всѣхъ думцевъ, которые присовѣтовали старому Всеволоду отнять у него старшинство, и тотчасъ же наступило сильное волненіе въ Суздальской Землѣ, люди толпами стали перѣбѣгать съ одной стороны на другую ¹⁾. Между прочими, князь Святославъ Всеволодовичъ, разсердившись за что-то на брата Юрія, сбѣжалъ отъ него къ больному брату Константину въ Ростовъ; друдой Всеволодовичъ, Владиміръ, князь Юрьевскій,

также былъ противъ Владимірскаго князя. Видя это, послѣдній снѣвшилъ заключить крѣпкій союзъ по крайней мѣрѣ съ Ярославомъ Всеволодовичемъ, княземъ Переяславскимъ; оны сказалъ ему: „Братъ Ярославъ! если пойдѣтъ на меня Константинъ или Владиміръ, будь ты со мною заодно; а если противъ тебя пойдутъ, то я приду къ тебѣ на помощь“. Ярославъ согласился, поцѣловалъ съ Юріемъ крестъ и отправился въ свой Переяславль, гдѣ созвалъ жителей къ Св. Спасу и сказалъ имъ: „Братя Переяславцы! отецъ мой отошелъ къ Богу, васъ отдалъ мнѣ, а меня далъ вамъ на руки; скажите же, братцы, хотите ли имѣть меня своимъ княземъ и головы свои сложить за меня?“ Переяславцы отвѣчали въ одинъ голосъ: „И очень хотимъ; ты нашъ господинъ, ты Всеволодъ!“ Послѣ чего всѣ цѣловали ему крестъ ²⁾. Въ то время, какъ это происходило въ Переяславлѣ, въ Ростовѣ Константинъ все злобился на Юрія, толковать: „Ну развѣ можно сидѣть на отцовскомъ столѣ меньшому, а не мнѣ большому?“ и собирался идти на Владиміръ съ братомъ Святославомъ. Юрій боялся войны, и послалъ сказать ему: „Братъ Константинъ! Если хочешь Владиміра, то ступай садись въ немъ, а мнѣ дай Ростовъ“. Но Константинъ не хотѣлъ этого; оны хотѣлъ въ Ростовѣ посадить сына своего Василька, а самъ хотѣлъ сѣсть во Владиміръ, и отвѣчалъ Юрію: „Ты садись въ Суздаль“. Юрій не согласился, и послалъ сказать брату Ярополку: „Идѣть на меня братъ Константинъ; ступай къ Ростову, и какъ тамъ Богъ дастъ, — уладимся или станемъ биться“. Ярославъ пошелъ съ своими Переяславцами, а Юрій съ Владимірцами и Суздальцами, и стали у Ростова за рѣкою Иншею, а Константинъ разставилъ свои полки на бродяхъ подлѣ рѣки, и начали биться объ нее; рѣка была очень грязна, и потому Юрію съ Ярославомъ нельзя было подойти къ городу, они пожгли только села вокругъ, скотъ угнали, да жито потравили; потомъ, простоявши другъ противъ друга четыре недѣли, братья помирились и разошлись по своимъ городамъ. Но усобица была далека до конца; Юрій зналъ, что миръ ненадеженъ, и принималъ свои мѣры: ему, какъ видно, трудно было удерживать за собою отцовское пріобрѣтеніе, — Рязанскія волости, которыхъ князья и дружины ихъ томнили въ тюрьмахъ Владимірскихъ; оны освободилъ ихъ, одарилъ и князей, и дружину золотомъ, серебромъ, конями, утвердился крестнымъ цѣлованіемъ и отпустилъ въ Рязань.

Скоро началась опять усобица; началъ ее Владиміръ Всеволодовичъ; оны выбѣжалъ изъ своего Юрьева сперва на Волокъ, а оттуда на Москву и сѣлъ здѣсь, отгнавши этотъ городъ у Юрія. Потомъ началъ наступать и Константинъ: отнялъ у Юрія Солигаличъ, пожегъ Кострому, а у Ярослава отнялъ Перехту; обиженные братья собрали полки и

¹⁾ Никол. II, стр. 311.

²⁾ Лѣтоп. Пер. Сузд., стр. 110. «И тако сѣде Ярославъ въ Переяславлѣ на столѣ, идеже родися».

пошли опять къ Ростову вмѣстѣ съ княземъ Давидомъ Муромскимъ; остановились на старомъ мѣстѣ, за рѣкою Ишнейю, и велѣли людямъ своимъ жечь ссла. Между тѣмъ Владиміръ съ Москвичами и дружиною своею пошелъ къ Дмитрову, городу Ярославову; Дмитровцы сами пожгли всѣ посады, затворились и отбили всѣ приступы, и Владиміръ, испуганный вѣстью о приближеніи Ярослава, бѣжалъ отъ города назадъ въ Москву, потерявши задній отрядъ своей дружины, который перерѣзали Дмитровцы, гнавшіеся за бѣглецами. Юрій и Ярославъ стояли все у Ростова, не вступая въ битву, по сѣверному обычаю, и опять помирились, выговоривши у Константина, чтобъ онъ не только не помогаль Владиміру, но чтобъ еще далъ полки свои для отнятія у послѣдняго Москвы. Пришедши къ Москвѣ, Юрій поспѣлъ сказать Владиміру: „Пріѣзжай ко мнѣ; не бойся, я тебя не съѣмъ, ты мнѣ свой братъ“. Владиміръ поѣхаль, и братья уговорились, чтобъ Владиміръ отдалъ Москву назадъ Юрію, а самъ отправился княжить въ Переяславль южный.

Такимъ образомъ, два раза младшій Всеволодовичъ, Юрій, одержаль верхъ надъ старшимъ Константиномъ, и казалось, что послѣдній, потерявъ два раза неудачу, долженъ былъ отказаться отъ попытокъ добыть Владиміръ, какъ вдругъ Сѣверная Русь пришла въ столкновение съ Южною; послѣдняя одержала блистательную побѣду надъ первою, необходимымъ слѣдствіемъ чего было возстановленіе старины, хотя на время. Мѣстомъ столкновения былъ Новгородъ Великій. Три года княжилъ здѣсь Мстиславъ, ходилъ на Чудъ до самаго моря, бралъ съ нее дань, двѣ части отдавалъ Новгородцамъ, третью—дружинѣ своей; Новгородцамъ правилъ такой князь; все было тихо, какъ вдругъ, въ 1214 году, пришла къ Мстиславу вѣсть изъ Руси отъ братьевъ, что Ольговичи обижаютъ тамъ Мономаховичей. Юрику Ростиславичу, какъ видно, умеръ почти въ одно время съ сватомъ своимъ, Всеволодомъ Великимъ ¹⁾, и Всеволодъ Черный спѣшилъ воспользоваться ихъ смертью, чтобъ вытѣснить изъ Руси Мономаховичей; предложомъ къ войнѣ послужили событія галицкія, именно: повѣненіе Игоревичей боярами; такъ какъ мѣсто Ольговичей занялъ въ Галичѣ Мономаховичъ Даниилъ, то Черный объявилъ ближайшимъ къ себѣ Мономаховичамъ: „Вы повѣсили въ Галичѣ двоихъ братьевъ моихъ, князей, какъ злодѣевъ, и положили укоризну на всѣхъ; такъ иѣтъ вамъ части въ Русской Землѣ!“ Тогда внуки Ростиславовы послали въ Новгородъ сказать Мстиславу: „Всеволодъ Святославичъ не дасть намъ части въ Русской Землѣ; приходи, пощемъ своей отчины“. Мстиславъ созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, и сталъ звать Новгородцевъ въ Кіевъ на Всеволода Чернаго.

Новгородцы отвѣчали ему: „Куда, князь, ты помотришь, туда мы бросимся головами своими“. Мстиславъ пошелъ съ ними на югъ; но въ Смоленскѣ Новгородцы завели ссору съ жителями, убивъ одного Смоленянина, и не хотѣли идти дальше; по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ ²⁾, Новгородцы не хотѣли уступить перваго мѣста полкамъ смоленскимъ, которые велъ Мстиславъ Романовичъ, старшій между внуками Ростиславовыми. Мстиславъ Мстиславичъ сталъ звать Новгородцевъ на вѣче, но они не пошли; тогда онъ, перецѣловавши всѣхъ, поклонился и пошелъ одинъ съ дружиною при смоленскихъ полкахъ. Новгородцы начали одумываться, собрались на вѣче и стали разсуждать, что дѣлать. Посадникъ Твердиславъ ³⁾ сказалъ имъ: „Какъ трудились наши дѣды и отцы за Русскую Землю, такъ, братья, и мы пойдемъ за своимъ княземъ“. Новгородцы послушались посадника, нагнали Мстислава и начали всѣ вмѣстѣ воевать Черниговскія волости по Днѣпру, взяли Рѣчицу *на шитъ* и многіе другіе города; подъ Вышгородомъ встрѣтилъ ихъ Черный и далъ битву, въ которой Мстиславъ съ братьями остался побѣдителемъ; двое Ольговичей ⁴⁾ попались въ плѣнъ, Вышгородцы отворили ворота, а Всеволодъ бѣжалъ за Днѣпръ въ Черниговскую волость; посадивши въ Кіевѣ Мстислава Романовича, Мстиславъ Новгородскій осадилъ Черниговъ, простоялъ подъ нимъ 12 дней и заключилъ миръ съ Чернымъ, который скоро послѣ того умеръ.

Мстиславъ Мстиславичъ возвратился въ Новгородъ, но не долго здѣсь оставался; при постоянной борьбѣ сторонъ, при наслѣдственныхъ ненавистяхъ и стремленіяхъ, ни одинъ князь не могъ быть пріятель всѣмъ одинаково; каждый долженъ былъ держаться одной какой-нибудь стороны, которая, въ свою очередь, поддерживала его самого. Сторона, державшаяся князей Суздальскихъ, должна была уступить враждебному большинству, образовавшемуся вслѣдствіе поведенія Всеволодова; но теперь Всеволода не было болѣе, а между тѣмъ Мстиславъ и его сторона преслѣдовали сторону противную, что ясно показываетъ извѣстіе объ участіи владыки Митрофана; Якуничъ пришелъ изъ

²⁾ Татищ. III, 379.

³⁾ Не сказано, какимъ образомъ Твердиславъ явился опять посадникомъ; очень вѣроятно, что Дмитрій Якуничъ остался отправлять свою должность въ Новгородѣ, а Твердиславъ называется посадникомъ въ смыслѣ стараго.

⁴⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 32: «И яма два князя Ростислава Ярославича и Яроглька брата его, внука Олгова». — Такъ разсказываетъ лѣтописецъ новгородскій: почти также въ Никои.; въ Воскресен. прибавлено (II, 154), что въ союзѣ съ Ростиславичами былъ Ингваръ Ярославичъ Луцкій: «Всеволодъ же Святославичъ не утрьѣлъ, бѣже за Днѣпръ, а братью свою и многи люди истоюша въ Днѣпрѣ... идоша по немъ князи Чернигову, и остушиша во градѣ Глѣба брата его, а Всеволодъ преставися. И стояша около города 3 недѣли... и цѣловавши крестъ межъ собою разидошася и съѣде въ Кіевѣ Ингваръ Ярославичъ... потомъ уже управившися, даша Кіевъ Мстиславу Романовичу, а Ингваръ опять иде къ Луческу». Подробности вышгородской битвы см. у Татищ. III, 380.

¹⁾ Хотя лѣтописи и полагаютъ смерть его въ 1215 году, но неудовомовленіе имени его при описаніи борьбы Ольговичей съ Мономаховичами заставляетъ положить смерть его ранѣе 1214 года.

Руси и получили посадничество; а каждый знаменитый домъ имѣлъ своихъ приверженцевъ и своихъ враговъ; враги тѣхъ бояръ, которые держали Мстислава, необходимо, поэтому, были и врагами послѣдняго, искали случая, какъ бы избавиться отъ него. И вотъ Мстиславъ узналъ, что враждебная сторона собираетъ тайными вѣча, хочеть изгнать его ¹⁾, — быть можетъ, она воспользовалась его отсутствіемъ, чтобы усилиться; посадникомъ былъ уже не Дмитрій Якуничъ, ни Твердиславъ, но Юрій Ивановичъ ²⁾. Мстиславъ не сталъ дожидаться, чтобы ему показали путь, но созвалъ самъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и сказалъ Новгородцамъ: „У меня есть дѣла въ Руси, а вы вольны въ князьяхъ“. Проводивши Мстислава, Новгородцы долго думали; наконецъ отправили посадника Юрія Ивановича, тысяцкаго Якуна и старшихъ купцовъ 10 человекъ за Ярославомъ. Всеволодовичемъ, княземъ Переяславскимъ — ясный знакъ, что пересилила сторона, державшаяся Суздальскихъ князей; знакомъ же торжества служить и то, что Ярославъ, пріѣхавши въ Новгородъ, схватилъ двоихъ бояръ, и, сковавши, заточилъ въ свой ближній городъ ³⁾ Тверь; оклеветанъ былъ и тысяцкій Якунъ Намѣжичъ; князь Ярославъ созвалъ вѣче, народъ бросился съ него ко двору Якуна, домъ его разграбили, жену схватили; самъ Якунъ съ посадникомъ пришелъ къ князю, и тотъ велѣлъ схватить сына его Христофора ⁴⁾. Но волненіе, возбужденное враждою сторонъ, этимъ не кончилось: жители Прусской улицы убили боярина Овстрата съ сыномъ и бросили тѣла ихъ въ ровъ. Такое своеволие не понравилось Ярославу; онъ не захотѣлъ оставаться долѣе въ Новгородѣ, выѣхалъ въ Торжокъ, сѣлъ здѣсь княжить, а въ Новгородъ послалъ на-

мѣстника, послѣдовавши въ этомъ случаѣ прихвѣру дѣда, дядей и отца, которые покинули старый городъ Ростовъ и утвердили свое пребываніе въ новыхъ.

Скоро представился ему благоприятный случай стѣснить Новгородъ и привести его окончательно въ свою волю; морозъ побѣлъ осенью весь хлѣбъ въ Новгородской волости, только на Торжку все было дѣло; Ярославъ не велѣлъ пропускать въ Новгородъ ни одного воза съ хлѣбомъ изъ Низовой Земли; въ такой нуждѣ Новгородцы послали къ нему троихъ бояръ, съ просьбою переѣхать къ нимъ опять. Князь задержалъ посланныхъ. А между тѣмъ голодъ усиливается: кады ржи покупали по десяти гривенъ, овса — по три гривны, возъ рѣны — по двѣ гривны; бѣдные люди ѣли сосиновую кору, липовый листь, мохъ, отдавали дѣтей своихъ въ вѣчное холодство; поставили новую скудельницу; наклали полную труповъ — недоставало больше мѣста; по торгу валялись трупы, по улицамъ трупы, по полю трупы, собаки не успѣвали съѣдать ихъ; большая часть вожанъ померла съ голоду, остальные разбѣжались по чужимъ странамъ. „Такъ разошлась наша волость и нашъ городъ!“ говоритъ лѣтописецъ Новгородцы, оставшіеся въ живыхъ, послали къ Ярославу посадника Юрія Ивановича, Степана Твердиславича и другихъ знатныхъ людей звать его опять къ себѣ; онъ велѣлъ задержать и этихъ, а вмѣсто отвѣта послалъ въ Новгородъ двухъ своихъ бояръ, вывести отсюда жену свою, дочь Мстислава Мстиславича. Тогда Новгородцы послали къ нему Мануила Ягольевича съ послѣднею рѣчью: „Ступай въ свою отчину, къ Св. Софїи, а ийдеши, такъ скажи прямо“; Ярославъ задержалъ Ягольевича, задержалъ и всѣхъ гостей новгородскихъ, — и были въ Новгородѣ печаль и вопль, говоритъ лѣтописецъ. Разсчитать Ярослава былъ вѣренъ; старинѣ новгородской трудно было устоять при такихъ обстоятельствахъ. Но старая Русь была еще сильна своими Мстиславомъ: узнавши какое зло дѣлается въ Новгородѣ, Мстиславъ пріѣхалъ туда (11 февраля 1216 г.), схватилъ Ярослава намѣстника Хота Григорьевича, перековалъ всѣхъ его дворянъ, вѣхалъ на дворъ Ярославовъ и цѣловалъ крестъ къ Новгородцамъ, а Новгородцы къ нему — не разставаться ни въ животѣ, ни въ смерти; „Либо отыщу мужей новгородскихъ и волости, либо головою повалю за Новгородъ“, сказалъ Мстиславъ. — Между тѣмъ Ярославъ, узнавши о новгородскихъ новостяхъ, сталъ готовиться къ защитѣ, велѣлъ нѣдѣлать засѣки по Новгородской дорогѣ и рѣкѣ Тверци, а въ Новгородъ отправилъ сто человекъ изъ его жителей, казавшихся ему преданными, съ порученіемъ поднять противную Мстиславу сторону и выпроводить его изъ города; но эти сто человекъ, какъ скоро пришли въ Новгородъ, такъ единодушно стали вмѣстѣ со всѣми другими за Мстислава, который отправилъ въ Торжокъ священника сказать Ярославу: „Сынъ! кланяюсь тебѣ; мужей моихъ и гостей отпусти, изъ Торжка выйди, а со мною

¹⁾ Никон. II, 318; Татищ. III, 382; у Татищева прибавлено, что простой народъ былъ за Мстислава.

²⁾ Имя отца его Иванка упоминается подъ 1195 и 1196 годомъ вмѣстѣ съ именемъ Миропки.

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 33: «Князь Ярополкъ и Якуна Зуболовица, а по Овсу посла по Доброщичица по Новоторжскимъ посадникъ, и оковавъ потоци и на Тьхверь».

⁴⁾ Весь этотъ разсказъ новгородскаго лѣтописца не совсѣмъ ясенъ; вотъ онъ въ подлинникѣ: «И по грѣхомъ нашимъ обади Федоръ Лозутиниць и Иворъ Новоторжичи Якуна Тясиньскаго Намѣжича; князь же Ярославъ створи вѣче на Ярославѣ дворѣ; идоша на дворе Якунъ и разграбша, и жену его яша, а Якунъ завтра иде съ посадникомъ къ князю, и князь повелѣ яти сына его Христофора мая въ 21. Тьгдаже, на Сборѣ, убиша Прусъ Овстрата, и сына его Лугату, и въыргоша и въ греблю мъртъв; князь же о томъ пожалъ на Новгородѣ. Того же лѣта поиде князь Ярославъ на Тьржкъ, пойма съ собою Твердислава Михалковича, Микифора, Полюда, Обьслава, Семона, Олькеу и много бояръ, и одаривъ присла въ Новгородъ; а самъ сѣде на Тьржку». Въ Никонов. спискѣ событія разсказаны не совсѣмъ такъ, а именно: князь заватываетъ сына посадничья, а не тысяцкаго. — Что касается Овстрата, убитаго жителями Прусской улицы, то онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ прятелей Дмитрія Миропкинчича, которыхъ Новгородцы не хотѣли держать изъ себя въ 1209 году, и которые были потому отосланы въ Суздальскую Землю; когда онъ возвратился, неизвѣстно.

любое возьми". Ярослав не полюбилось такое предложение; онъ отпустилъ священника безъ мира, и всѣхъ Новгородцевъ, задержанныхъ въ Торжкѣ, числомъ больше 2000, созвалъ на поле за городъ, велѣлъ схватить ихъ, перековать и разослать по своимъ городамъ; имѣние ихъ и лошадей роздалъ дружинѣ. Въстъ объ этомъ сильно опечалила Новгородцевъ; ихъ оставалось мало: лучшие люди были схвачены Ярославомъ, а изъ меньшихъ одни разошлись, другіе померли съ голоду; но Мстиславъ не унывалъ; онъ созвалъ вѣче на Ярославскомъ дворѣ и сказалъ народу: „Пойдемте нескать свою братью и своихъ волостей, чтобъ не былъ Торжокъ Новгородомъ, а Новгородъ Торжкомъ, но гдѣ Св. Софія, — тамъ и Новгородъ; и въ-силѣ Богъ, и въ-малѣ Богъ да правда!“ — и Новгородцы рѣшились идти за нимъ.

1-го марта 1216 года, въ первый день новаго года по тогдашнему счету, выступилъ Мстиславъ съ Новгородцами на зятя своего Ярослава, и черезъ день же обнаружилось, какъ сильно было раздѣленіе и вражда сторонъ въ Новгородѣ: несмотря на то, что въ Новгородѣ всѣ цѣловали крестъ стоять единодушно за Мстислава, четыре человѣка, сработавшись съ женами и дѣтьми, побѣжали къ Ярославу¹⁾. Мстиславъ отправился озеромъ Селигеромъ, и, вошедши въ свою Торопецкую волость, сказалъ Новгородцамъ: „Ступайте собирать припасы, только людей не берите въ плѣнъ“; — тѣ пошли, набрали корму для себя и для лошадей, и когда достигли верховьевъ Волги, то получили въстѣ, что братъ Ярославъ, Святославъ Всеволодовичъ, съ десяти тысячнымъ войскомъ осадилъ Мстиславовъ городъ Ржевку, гдѣ посадникъ Юрнъ отбивался отъ него съ сотнею человѣкъ. У Мстислава съ братомъ Владиміромъ Псковскимъ было всего 500 человѣкъ войска; несмотря на то, они двинулись на выручку Ржевки, и Святославъ побѣжалъ отъ нея, не дожидавшись новгородскихъ полковъ; а Мстиславъ пошелъ дальше и занялъ Зубцовъ, городъ Ярославовъ. На рѣкѣ Вазузѣ настигъ его двоюродный братъ, Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій, съ своими полками; несмотря на эту помощь, Мстиславъ не хотѣлъ идти дальше и, ставши на рѣкѣ Холохольнѣ²⁾, послалъ въ Торжокъ къ Ярославу съ мирными предложениями; но тотъ велѣлъ отвѣчать: „Мира не хочу; пошли, — такъ ступайте; на одного вашего придется по сту нашихъ“. Ростиславичи, получивъ этотъ отвѣтъ, сказали другъ другу: „Ты, Ярославъ съ плотію, а мы съ крестомъ честнымъ“, — и стали думать, куда бы пойти дальше; Новгородцы, которымъ прежде всего хотѣлось очистить свою волость, уговаривали князей идти къ Торжку; но тѣ отвѣчали имъ: „Если пойдемъ къ Торжку, то попустошимъ Новгородскую волость; пойдемъ лучше къ Переяславу: тамъ у насъ есть

третій другъ“: Ростиславичи были увѣрены, что Константинъ Ростовскій вступитъ въ союзъ съ ними противъ младшихъ братьевъ. Они двинулись къ Твери, и стали брать села и жечь ихъ, а объ Ярославѣ не знали, гдѣ онъ — въ Торжкѣ или Твери! Услыхавъ, что Ростиславичи воюютъ тверскія села, онъ выѣхалъ изъ Торжка въ Тверь, взявши съ собою старшихъ бояръ и Новгородцевъ, молодыхъ по выбору, а Новоторжцевъ — всѣхъ, и послалъ изъ нихъ сто человѣкъ съ небольшими отборныхъ людей въ-сторожу; но въ 15 верстахъ отъ города, 25 марта, наѣхалъ на нихъ воевода Мстиславовъ Юрнъ съ молододою дружиною, тридцать три человѣка взявъ въ плѣнъ, семьдесятъ положилъ на мѣстѣ, остальнымъ удалось убѣжать въ Тверь.

Получивши этотъ первый успѣхъ, который далъ ратникамъ ихъ возможность безпрепятственно собирать съѣстные припасы, Ростиславичи послали смоленскаго боярина Яволода въ Ростовъ, къ князю Константину Всеволодовичу, приглашать его къ союзу противъ братьевъ; провозачъ посла до рубежа отправили Владиміра Псковскаго съ Исковичами и Смольнянами, а сами съ Новгородцами пошли дальше, пожгли села по рѣкамъ Шошѣ и Дубнѣ, тогда какъ Владиміръ Псковскій занялъ городъ Константиновъ (Кониатицъ), на устьи Вольной Мерли, и пожегъ все Полюжье. Константинъ Ростовскій не замедлил отвѣтомъ; онъ послалъ воеводу своего Еремѣя сказать Ростиславичамъ: „Князь Константинъ кланяется вамъ; обрадовался онъ, услыхавши о вашемъ приходѣ, и посылаетъ вамъ въ помощь 500 человѣкъ, а для остальныхъ рядовъ пошлите къ нему шурина его Всеволода (сына Мстислава Романовича Киевскаго)“. Ростиславичи отпустили къ нему Всеволода съ сильнымъ отрядомъ, а сами пошли внизъ по Волгѣ; потомъ, чтобъ скорѣе окончить походъ, бросили возы и, сѣвши на коней, поѣхали къ Переяславу. 9 апрѣля, въ Свѣтлое Воскресенье, къ Ростиславичамъ, стоявшимъ на рѣкѣ Сарѣ³⁾, пришелъ Константинъ Ростовскій съ своими полками; но онъ боялся, что оставилъ свой городъ безъ защиты, почему Ростиславичи отправили въ Ростовъ Владиміра Псковскаго съ дружиною, а сами съ Константиномъ пошли къ Переяславу и стали противъ него на Ооминой недѣлѣ. Здѣсь, подъ городскими стѣнами, они захватили въ плѣнъ одного человѣка, отъ котораго узнали, что Ярослава гнѣтъ въ городѣ, — пошелъ къ брату Юрію съ полками, съ Новгородцами и Новоторжанами, а князь Юрій съ братьями, Святославомъ и Владиміромъ, выступилъ также изъ своего города. Войско младшіе Всеволодовичи собрали большое, Муромцевъ, Вродниковъ, Городчанъ и всю силу Суздальской Земли, погнавши всѣхъ и изъ селъ; у кого не было лошади, тотъ шелъ гнѣнкомъ. „Страшное было чудо и дивное, братья! говорить лѣтописецъ: пошли сыновья на отца, отцы на дѣтей, братъ на брата, рабы на господина, а господинъ на рабовъ“⁴⁾. Яро-

¹⁾ Ихъ имена: Володиславъ, Завидицъ, Гавриля Игоревичъ, Гюри Олькевичъ, Гаврилицъ Милатицицъ.

²⁾ Видается въ Волгу, ниже обѣихъ рѣкъ Старницъ, при селѣнн Холохольнѣ.

³⁾ Ярославской губерніи, Ростовскаго уѣзда.

⁴⁾ Какимъ же образомъ это случилось? Не должно

славъ и Юрій съ братьями стали на рѣкѣ Кзѣ, Мсти-славъ и Владиміръ съ Новгородцами поставили полки свои блязъ Юрьева, а Константинъ Ростовскій сталъ дальше съ своими полками, на рѣкѣ Липицѣ. Когда Ростиславичи завидѣли полки Ярославо-вы и Юрьевы, то послали сотскаго Ларіона сказа-тъ Юрію: „Кланяемся; у насъ съ тобою нѣтъ ссо-ры, ссора у насъ съ Ярославомъ“; Юрій отвѣчалъ: „Мы съ братомъ Ярославомъ одинъ человѣкъ“. Тогда они послали сказать Ярославу: „Отпусти Новгородцевъ и Повоторжанъ, возврати волости погородскія, которые ты захватилъ, Волокъ; съ нами помирись и крестъ цѣлуй, а крови не проли-вай“. Ярославъ отвѣчалъ: „Мира не хочу, Новго-родцевъ и Повоторжанъ при себѣ держу; вы далеко шли и вышли какъ рыба на сухо“. Когда Ла-ріонъ пересказалъ всѣ эти слова Ростиславичамъ, тѣ отравили къ обоимъ братьямъ съ послѣднею рѣчью: „Мы пришли, братъ князь Юрій и Ярославъ, не на кровопролитіе; крови не дай намъ Богъ видѣть, лучше управиться прежде; мы всѣ одного пле-мени,—такъ дадимъ старшинство князю Константи-ну, и посадите его во Владиміръ, а вамъ Суздаль-ская Земля вся“. Юрій отвѣчалъ на это послу: „Скажи братъ мой, князьямъ Мстиславу и Вла-диміру: пришли, такъ ступайте куда хотите; а бра-ту князю Константину скажи: перемоги насъ,—и тогда тебѣ вся Земля“.

Младшіе Всеволодовичи, ободренныя мирными предложеніями враговъ, видя въ этомъ признакъ слабости, отчаяннаго положенія, начали цировать съ боярами; на циру одинъ старый бояринъ, Андрей Станиславичъ¹⁾, сталъ говорить молодымъ князьямъ: „Миритесь, князья Юрій и Яро-славъ! а меньшая братья въ вашей волѣ; по моему лучше бы помириться и дать старшинство князю Константину; нечего смотрѣть, что передъ нами мало Ростиславова племени, да князья-то все они мудрые, смысленые, храбрые; мужи ихъ — Новгородцы и Смольняне смѣлы на бою, а про Мстислава Мстиславича и сами знаете въ томъ племени, что дана ему отъ Бога храбрость болше всѣхъ; такъ подумайте-ка, господа, объ этомъ!“ Не любя была эта рѣчь князьямъ Юрію и Ярославу, и одинъ изъ Юрьевыхъ бояръ ска-залъ: „Князья Юрій и Ярославъ! не было того ни при прадѣдахъ, ни при дѣдѣ, ни при отцѣ ва-шемъ, чтобъ кто-нибудь вошелъ ратью въ силь-ную Землю Суздальскую и вышелъ изъ нея цѣлъ, хотябы тутъ собралась вся Русская Земля, и Га-

лицкая, и Киевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская,—никакъ имъ не устоять противъ нашей силы; а эти-то полки—да мы ихъ сѣдлами закидаемъ“. Эта рѣчь попра-вилась князьямъ; они созвали бояръ своихъ и на-чали имъ говорить: „Когда достанется намъ не-пріятельскій обозъ въ руки, то вамъ будутъ кони, брони, платье, а кто вздумаетъ взять живого че-ловѣка, тотъ будетъ самъ убитъ; у кого и золо-томъ будетъ шитое платье,—и того убивай, не оста-вимъ ни одного въ живыхъ; кто изъ полку побѣ-жить и будетъ схваченъ,—такихъ вѣшать или распинать; а о князьяхъ, если достанутся намъ въ руки, подумаемъ послѣ“. Отпустивши людей своихъ, князья вошли въ палатъ и начали дѣлить волости; князь Юрій сказалъ: „Миѣ, братъ Яро-славъ, Владимірская земля и Ростовская, тебѣ—Новгородъ, Смоленскъ—брату нашему Святославу, Киевъ отдай черниговскимъ князьямъ, а Галичъ намъ же“ Младшіе братья согласились, поцѣло-вали крестъ и написали грамоты. Съдѣвъ всего лю-бопытнѣе для насъ презрѣніе съдѣрныхъ князей къ Киеву, съ которымъ для ихъ предковъ и для всѣхъ южныхъ князей соединялась постоянно мысль о старшинствѣ, о высшей чести; но богатый Галичъ Всеволодовичи берутъ себѣ.

Подѣливши между собою всѣ русскіе города, Юрій съ Ярославомъ стали звать враговъ на бой; Ростиславичи, съ своей стороны, призвали князя Константина, долго думали съ нимъ, взяли съ него клятву, что не будетъ въ немъ перевѣту къ братьямъ, и двинулась въ ночь къ ростовскому стану на рѣку Липицу; во всѣхъ полкахъ ихъ раздавались крики, въ Константиновомъ войскѣ трубили въ трубы. Это навело страхъ на Юрія и Ярослава, они отступили за дѣбрь и расположили свои полки на Авдовой горѣ; Ростиславичи на разсвѣтѣ пришли къ Липицамъ, и видя, что враги отступили на Авдову гору, расположились на противоположной горѣ, Юревой, и послали къ Всеволодичамъ тронхъ мужей опять съ мир-ными предложеніями: „А не дадите мира, велѣли они сказать имъ, такъ отступите подалеже на равное мѣсто, а мы пойдемъ на вашу сторону; или мы отойдемъ къ Липицамъ, а вы перейдете на наши станы“. Князь Юрій отвѣчалъ: „Ни мира не беру, ни отступаю; вы прошли черезъ всю землю, такъ неужели этой добри не перей-дете?“ Всеволодовичи надѣялись на свои укрѣ-пленія: они обвели свой станъ плетнемъ и насо-лади кольявъ, боясь, чтобъ Ростиславичи не ударили на нихъ въ ночь. Получивши ихъ отвѣтъ, Ростиславичи послали своихъ молодыхъ людей биться противъ Ярославовыхъ полковъ; тѣ би-лись цѣлый день до ночи, но бились не усердно, потому что была буря и очень холодно. На друге утро, 21 апрѣля, въ четвергъ, на второй недѣлѣ по пасхѣ, Ростиславичи рѣшились—было идти прямо ко Владиміру, не схватываясь съ непри-ятелемъ, и полки ихъ стали уже готовиться къ вы-

забывать лѣтописнаго извѣстія, гдѣ говорится о смутѣ по смерти Всеволода, когда одинъ признали старшинство Юрія и остались у него, а другіе пошли къ Константину въ Ростовъ; могло случиться, что члены одного семейства могли разойтись такимъ образомъ въ разные стороны; бояре, убѣждавшіе въ Ростовѣ, оставили села во Влади-мірской области, и теперь рабы ихъ, погнанные изъ по-сей, шли противъ нихъ съ Юріемъ; не забудемъ также, что Новгородцы, преданные Ярославу, шли противъ своихъ братьевъ, находившихся съ Мстиславомъ.

¹⁾ Никои. II, 325.

ступленію; видя это, полки Юрьевы начали также сходить съ своей горы, думая, что враги бѣгутъ; но тѣ остановились и опрокинули ихъ назадъ. Въ это время явился князь Владиміръ Пековскій изъ Ростова; Ростиславичи стали думать куда ийти, причемъ Константинъ сказалъ имъ: „Братья, князь Мстиславъ и Владиміръ! если поидемъ мимо нихъ, то ударятъ на насъ въ тылъ, а потомъ мои люди на бой не охочи, того и гляди, что разойдутся по городамъ“. На это Мстиславъ отвѣчалъ: „Князь Владиміръ и Константинъ! гора намъ не поможеть, гора насъ и не побѣдитъ; призвавши на помощь крестъ честный и свою правду, поидемъ къ нимъ“. Всѣ согласились и начали ставить полки: Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій поставилъ полки свои съ краю, подлѣ него сталъ Мстиславъ и Всеволодъ съ Новгородцами, да Владиміръ Пековскій съ Пековичами, а подлѣ него сталъ князь Константинъ съ Ростовцами; съ противной стороны Ярославъ сталъ своими полками, т. е. переяславскими и тверскими, также съ муромскими, съ Городчанами и Бродниками противъ Владиміра и Смольнянъ; Юрій сталъ противъ Мстислава и Новгородцевъ со всею Землею Суздальскою, а меньшіе братья—противъ князя Константина.

Мстиславъ и Владиміръ начали ободрять своихъ Новгородцевъ и Смольнянъ: „Братья! говорили они имъ, вошли мы въ землю сильную,—такъ, положивши надежду на Бога, станемъ крѣпко; нечего намъ озираться назадъ: побѣжавши не уйти; забудемъ, братья, про дома, женъ и дѣтей; вѣдь надобно же будетъ когда иибудь умереть! ступайте, кто какъ хочетъ, кто пѣши, кто на конѣ“. Новгородцы отвѣчали: „Мы не хотимъ помирать на коняхъ; хотимъ биться пѣши, какъ отцы наши бились на Кулакишъ“. Мстиславъ обрадовался этому, и Новгородцы, сойдя съ лошадей, посметавши съ себя порты и сапоги, ударились бѣжать босые на враговъ, Смольняне побѣжали за ними также пѣшкомъ, за Смольнянами князь Владиміръ отрядилъ Ивора Михайловича съ полкомъ, а старшіе князья и всѣ воеводы поѣхали сзади на лошадяхъ. Когда полкъ Иворовъ вѣхалъ въ дѣбрь, то подъ Иворомъ споткнулся конь, что заставило его пріостановиться; но пѣшие, не дожидаясь Ивора, ударили на пѣшіе полки Ярославовы съ крикомъ, бросая палки и топоры; Суздальцы не выдержали и побѣжали; Новгородцы и Смольняне стали ихъ бить, подосѣкли стягъ Ярославовъ, а когда приспѣлъ Иворъ, то досѣклись и до другого стяга. Увидавши это, Мстиславъ сказалъ Владиміру Рюриковичу: „Не дай намъ Богъ выдать добрыхъ людей!“ — и всѣ князья разомъ ударили на враговъ сквозь свою пѣхоту. Мстиславъ трижды проѣхалъ по вражьиимъ полкамъ, посякая людей; былъ у него на рукѣ топоръ съ паворозою, которымъ онъ и рубилъ; князь Владиміръ не отставалъ отъ него; и, послѣ лютой битвы, досѣклись наконецъ до обоза Всеволодовичей; тогда послѣдніе, видя, что

Ростиславичи жнутъ ихъ полки какъ колосья, побѣжали вмѣстѣ съ муромскими князьями, а князь Мстиславъ закричалъ своимъ: „Братья Новгородцы! не останавливайтесь надъ товаромъ, доканчивайте бой, а то воротятся назадъ и взметутъ васъ“. „Новгородцы, говоритъ лѣтописецъ, отстали отъ обоза и бились, а Смольняне напали на добычу, одирали мертвыхъ, о битвѣ же не думали. Великъ, братья, промыселъ Вожій, говоритъ тотъ же лѣтописецъ: на этомъ страшномъ побѣищѣ пало только пять человекъ Новгородцевъ, да одинъ Смольнянинъ,—всѣ сохранили были силою честнаго креста и правдою; съ противной стороны было убито множество, а въ плѣнъ взято 60 человекъ во всѣхъ станахъ; если бы князь Юрій и Ярославъ знали это да вѣдали, то мирился бы, потому что слава ихъ и хвала погибла, и полки сильныя ни во что пошла; было у князя Юрія 13 стяговъ, трубъ и бубновъ 60; говорили и про Ярослава, что у него было стяговъ 16, а трубъ и бубновъ 40. Люди больше всего жаловались на Ярослава: отъ тебя, говорили они, потеряли мы такую бѣду; о твоёмъ клятвенномъ преступленіи сказано: придите, птицы небесныя, напитайтесь крови человѣческой: звѣри! наѣштесь мясъ человѣческихъ. Не десять человекъ убито, не сто, но всѣхъ избито 9233 человекъ: крикъ, вытье раненыхъ слышны были въ Юрьевѣ и около Юрьева; не было кому погребать, многіе перетонули во время бѣгства въ рѣкѣ; иные, раненые, зашедши въ пустое мѣсто, умерли безъ помощи; живые побѣжали—одни къ Владиміру другіе къ Переяславу, нѣкоторые въ Юрьевъ“.

Юрій прибѣжалъ во Владиміръ на четвертомъ конѣ, а трехъ заморилъ, прибѣжалъ въ одной первой сорочкѣ, подкладъ и тотъ бросилъ; онъ прибѣжалъ около полудня, а схватка была въ обѣденную пору. Во Владиміръ оставался одинъ безоружный народъ, попы, монахи, жены да дѣти; видя издали, что кто-то скачетъ къ нимъ на конѣ, они обрадовались, думая, что то вѣстникъ отъ князя съ побѣдою: „Наши одолѣваютъ“, говорили они. И вдругъ пріѣзжаетъ самъ князь Юрій одинъ, начинается ѣздить около города, кричить: „Укрѣпляйте стѣны!“ Всѣ смутились; вмѣсто веселья поднялся плачъ: къ вечеру и въ ночь стали прибѣгать и простые люди; одинъ прибѣгать раненый, другой ногой. На другое утро Юрій созвалъ народъ и сталъ говорить: „Братья Владиміры! затворимся въ городѣ, авось отобьемся отъ нихъ“. Ему отвѣчали: „Князь Юрій! съ кѣмъ намъ затвориться? братья наши избиты, другіе взяты въ плѣнъ, остальные пришли безъ оружія,—съ кѣмъ намъ стаять?“ Юрій сказалъ: „Все это я самъ знаю; только не выдайте меня брату Константину и Ростиславичамъ, чтобъ можно было выйдти по своей волѣ изъ города“. Это Владиміры ему обѣщали.—Ярославъ также прибѣжалъ въ Переяславъ на пятомъ конѣ, а четырехъ заморилъ, и затворился въ городѣ. Не довольно было ему перваго зла, говоритъ лѣтописецъ, не насытился крови человѣческой, избивши въ Нов-

городѣ много людей и въ Торжкѣ, и на Волокъ; этого было ему все мало; прибѣжавши въ Переяславль, онъ велѣлъ и тутъ теперь перехватить всѣхъ Новгородцевъ и Смольнянъ, зашедшихъ въ землю его для торговли, и велѣлъ ихъ покидать—одного въ погреба, другихъ запереть въ тѣсной избѣ, гдѣ они и перемерли всѣ, числомъ полтораста; на Смольнянъ онъ не такъ злобился, и велѣлъ запереть ихъ 15 человекъ особо, отчего они всѣ и остались живы. Не такъ поступали князья изъ милостиваго племени Ростиславова: они остальную часть дня оставались на мѣстѣ побойца; а если-бы погнались за неприятелемъ, то князьямъ Юрію и Ярославу не уйти бы, да и Владиміръ былъ бы взять врасплохъ; но Ростиславичи тихо пришли ко Владиміру, обѣхали и стали думать, откуда взять; а когда ночью загорѣлся княжій дворъ и Новгородцы хотѣли воспользоваться этимъ случаемъ для прістѣпа, то Мстиславъ не пустилъ ихъ; черезъ день вспыхнула опять пожаръ въ городѣ и горѣло до свѣта; Смольняне также стали проситься на прістѣпъ, но князь Владиміръ не пустилъ ихъ ¹⁾. Тогда князь Юрій выслалъ къ осаждающимъ князьямъ съ челобитьемъ: „Не ходите на меня пынче, а завтра самъ пойду изъ города.“ И, точно, на другой день, рано утромъ, выѣхалъ онъ изъ города, поклонился князьямъ Мстиславу и Владиміру Рюриковичу, и сказалъ: „Братья! вамъ челомъ бую; вамъ животъ дать и хлѣбомъ меня накормитъ, а братъ мой Константинъ въ вашей волѣ.“—Онъ далъ имъ богатые дары; тѣ помирились съ нимъ, помирили его и съ братомъ Константиномъ, который взялъ себѣ Владиміръ, а Юрій долженъ былъ удовольствоваться Радилычъ городомъ на Волгѣ; владыка, княгиня и весь дворъ съѣли немедленно въ лодки и поплыли внизъ по Клязьмѣ, а самъ князь Юрій, зашедши передъ отѣздомъ въ соборную церковь, сталъ на колѣни у отцовскаго гроба и со слезами сказалъ: „Суди Богъ брата моему Ярославу, что довелъ меня до этого“. Проводивши Юрія, Владимірцы—духовенство и народъ—пошли встрѣчать новаго князя Константина, который богато одарилъ въ тотъ день князей и бояръ, а народъ привелъ къ присягѣ себѣ. Между тѣмъ, Ярославъ все злобился и не хотѣлъ покориться, заперся въ Переяславлѣ и думалъ, что отсидится здѣсь; но когда Ростиславичи съ Константиномъ двинулись къ Переяславию, то онъ испугался и сталъ слать къ нимъ съ просьбою о мирѣ, а наконецъ и самъ пріѣхалъ къ брату Константину, ударилъ ему челомъ и сказалъ: „Господи! я въ твоей волѣ; не выдай меня тестю моему Мстиславу и Владиміру Рюриковичу, а самъ накорми меня хлѣбомъ“. Константинъ помирилъ его съ Мстиславомъ еще на дорогѣ, и когда князья пришли къ Переяславию, то Ярославъ одарилъ ихъ и воеводъ богатыми дарами; Мстиславъ, взявши дары, послалъ въ городъ за дочерью своею, женою Ярославовою,

и за Новгородцами, которые остались въ живыхъ и которые находились въ полкахъ съ Ярославомъ; тотъ не разъ послѣ этого посылалъ къ нему съ просьбою отдать ему жену, но Мстиславъ не согласился.

Такъ Мстиславъ уничтожилъ завѣщаніе Всеволода III, возстановилъ повидимому старшину на сѣверѣ, хотя собственно здѣсь торжествомъ Константина прокладывался путь къ торжеству новаго порядка вещей, потому что старшій братъ становился матеріально несравненно сильнѣе младшихъ, получивъ и Ростовъ, и Владиміръ, чего прежде желалъ. Племенн Константинову слѣдовало теперь усиливаться на счетъ остальныхъ сыновей Всеволодовыхъ; по судьба хотѣла иначе и предоставляла честь собранія Сѣверной Руси племени третьяго сына Всеволода, того самаго Ярослава, который былъ виновникомъ описанныхъ событій. Слабый здоровьемъ, Константинъ не долго на княжилъ во Владимірѣ; онъ чувствовалъ приближеніе смерти, видѣлъ сыновей своихъ несовершеннолѣтними, и потому спѣшилъ помириться съ братомъ Юріемъ, чтобъ не оставить въ немъ для послѣднихъ опаснаго врага; уже въ слѣдующемъ 1217 году онъ вызвалъ къ себѣ Юрія, далъ ему Суздаль, обѣщалъ и Владиміръ по своей смерти, много дарилъ и заставилъ поцѣловать крестъ—разумѣется, на томъ, чтобъ быть отцомъ для племянниковъ. Въ 1218 году Константинъ послалъ старшаго сына своего Василька на столъ Ростовскій, а Всеволода—на Ярославскій; по словамъ лѣтописца, онъ говорилъ имъ: „Любезные сыновья мои! будьте въ любви между собою, всю душою бойтесь Бога, соблюдая Его заповѣди, подражайте моимъ правамъ и обычаямъ: нищихъ и вдовъ не презирайте, церкви не отлучайте; иерейскій и монашескій чинъ любите, книжнаго поученья слушайте, слушайте и старшихъ, которые васъ добру учатъ, потому что вы оба еще молоды; я чувствую, дѣти, что конецъ мой приближается, и поручаю васъ Богу, Пречистой Его Матери, брату и господину Юрію, который будетъ вамъ вмѣсто меня“. Константинъ умеръ 2 февраля 1218 года; лѣтописецъ распространяется въ похвалахъ его кротости, милосердію, поначенію о церквахъ и духовенствѣ; говорить, что онъ часто читалъ книги съ прилежаньемъ и дѣлалъ все по писанному въ нихъ. Послѣ имя Константина поминается съ прозваніемъ *добрый*.—Братъ его Юрій сталъ по-прежнему княжить во Владимірѣ.

Съ княжествомъ Суздальскимъ по природнымъ условіямъ тѣсно были соединены княжества Рязанское и Муромское. Князь Муромскій Давидъ ²⁾ ходилъ постоянно въ волѣ Великаго Всеволода, помогалъ ему въ покореніи рязанскихъ князей; во время Липицкой битвы муромскіе князья съ своими полками находились въ войскѣ младшихъ Всеволодовичей. Рязанскіе князья были отлучены Юріемъ

¹⁾ Этотъ двукратный пожаръ, быть можетъ, былъ произведенъ пріятелями Константина.

²⁾ Наслѣдовавшій Владиміру Юрьевичу, умершему въ 1203 году.

изъ плѣна въ свои волости, но недолго жили здѣсь въ мирѣ: тотъ самый Глѣбъ Владиміровичъ, который прежде съ братомъ Олегомъ обиспелъ остальную братью предъ Всеволодомъ III, теперь съ другимъ братомъ Константиномъ вздумалъ истребить всѣхъ родичей и княжить вдвоемъ во всей Землѣ Рязанской. Мы видѣли причины сильной вражды между Ярославичами рязанскими въ крайнемъ размельченіи волостей; причину же братоубійственного нахѣренія Владиміровичей, почти единственного примѣра ⁴⁾ между русскими князьями послѣ Ярослава, можно объяснить изъ большой грубости, одичалости нравовъ въ Рязани, этой оторванной, отдаленной славяно-русской колоніи на финскомъ востокѣ. Какъ бы то ни было, въ 1217 году, во время съѣзда рязанскихъ князей для родственнаго совѣщанія, Владиміровичи позвали остальную братью — шестерыхъ князей ²⁾ — на пиръ къ себѣ въ шатеръ; тѣ, ничего не подозрѣвая, отправились къ нимъ съ своими боярами и слугами; но когда пачали пить и веселиться, то Глѣбъ съ братомъ, вынувши мечи, бросился на нихъ съ своими слугами и Половцами, скрывшимися подлѣ шатра; всѣ гости были перебиты. Остался въ живыхъ не бывшій на съѣздѣ Ингваръ Игоревичъ, который и удержалъ за собою Рязань; Глѣбъ въ 1219 году пришелъ на него съ Половцами, но былъ побѣжденъ и едва успѣлъ уйти.

Мстиславъ, возвратившись съ побѣдою въ Новгородъ, не долго оставался въ немъ: въ слѣдующемъ же 1217 году онъ ушелъ въ Кіевъ, оставивъ въ Повгородѣ жену и сына Василя, и взявши съ собою троихъ бояръ, въ томъ числѣ старика посадника Юрія Иванковича; какъ видно, отъ взялъ ихъ въ заложники за безопасность жены и сына: такъ сильно была вражда сторонъ и возможность торжества стороны суздальской! На существованіе этой вражды, на существованіе въ Повгородѣ людей, неприязненныхъ Мстиславу, указываетъ извѣстіе, что Мстиславъ, по возвращеніи въ Новгородъ въ томъ же году, долженъ былъ схватить Станимира Дерновича съ сыномъ Изидилою, заточить ихъ въ оковахъ, взявши себѣ богатое имѣніе ихъ, а въ 1218 году онъ пошелъ въ Торжокъ, и схватилъ тамъ Борислава Некуринича, причемъ также овладѣлъ большимъ имѣніемъ; послѣ однако всѣ эти люди были выпущены на свободу. Въ томъ же году Мстиславъ созвалъ вѣче на Ярославомъ дворѣ и сказалъ Новгородцамъ: „Кланяюсь Св. Софіи, гробу отца моего и вамъ; хочу поискать Галпча, а васъ не забуду; дай мнѣ Богъ лечь подлѣ отца у Св. Софіи“. Новгородцы сильно упрашивали его: „Не ходи, князь!“ — но не могли удержать его. Проводивши Мстислава, Новгородцы послали въ Смоленскъ за племянникомъ его, Святославомъ, сыномъ Мстислава Романовича; но въ томъ же 1218 году встала смута: какъ-то Матей Душильевичъ,

связавши одного чиновника Моисеяча, убѣжалъ бѣглеца схватили и привели на Городище, какъ вдругъ пронесли въ городѣ ложный слухъ, что по садникъ Твердиславъ выдалъ Матея князю ³⁾ встало волненіе: жители Зарѣчья (Ониоловцы) за звонили у Св. Николы и звонили цѣлую ночь, и жители Неревского конца стали звонить у 40 Святыхъ, собирая также людей на Твердислава. Князь, услышавъ о мятежѣ, выпустилъ Матея; по народъ уже не могъ успокоиться: Ониоловцы выступили въ броняхъ ⁴⁾, какъ на рать; Неревляне — также, а Загородцы не присоединились ни къ тѣмъ ни къ другимъ, но смотрѣли что будетъ. Тогда Твердиславъ, взглянувши на Св. Софію, сказалъ: „Если я виноватъ, то пусть умру; если же правъ, то Ты меня оправдй, Господи!“ — и пошелъ на бой съ Люднымыъ концомъ и съ жителями Прусской улицы. Витва произошла у городскихъ воротъ, и Ониоловцы съ Неревцами обратился въ бѣгство, потерявши изъ своихъ Ивана Душильевича, Матсева брата, а Неревляне — Константина Прокосьича, да, кромѣ этихъ, еще шесть человекъ. Побѣдители, жители Людина конца и Прусской улицы, потеряли по одному человѣку, а раненныхъ было много съ обѣихъ сторонъ. Цѣлую недѣлю послѣ этого побоища все были вѣча въ городѣ; наконецъ сошлись братья вмѣстѣ единодушно и цѣловали крестъ. Но тутъ князь Святославъ прислалъ своего тысяцкаго на вѣче: „Не могу, говорилъ князь, быть съ Твердиславомъ, и отнимаю у него посадничество“. Новгородцы спросили: „А какая вина его?“ — „Безъ вины“, велѣлъ отвѣчать князь. Тогда Твердиславъ сказалъ: „Тому я радъ, что вины на мнѣ нѣтъ никакой; а вы, братья, вольны и въ посадничествѣ, и въ князьяхъ“. Новгородцы велѣли отвѣчать Святославу: „Князь! если Твердиславъ ни въ чемъ не виноватъ, то ты намъ клялся безъ вины не отнимать ни у кого должности; тебѣ кланяемся, а вотъ нашъ посадникъ, и до того не допускаемъ, чтобъ отняли у него безъ вины посадничество“. Святославъ не настаивалъ больше, — и наступило спокойствіе.

Въ слѣдующемъ году Мстиславъ Романовичъ, князь Кіевскій, прислалъ въ Новгородъ сына своего Всеволода: „Примите къ себѣ, велѣлъ онъ сказать Новгородцамъ, этого Всеволода, а Святослава старшаго отсутстите ко мнѣ“. Новгородцы исполнили его волю. Тою же зимою Семьюнъ Еминъ съ отрядомъ изъ четырехъ сотъ человѣкъ пошелъ на финское племя Тоймокаровъ ⁵⁾; но суздальскіе князья, ни

¹⁾ Вспомнивъ, что Ростиславичей галицкихъ только подозревали въ смерти Ярополка Изяславича.

²⁾ Изяслава, Кюрь Михаила, Ростислава, Святослава, Глѣба и Романа.

³⁾ Какъ принять здѣсь слово *выдалъ*? въ смыслѣ ли физическомъ — отдалъ, сдалъ, или въ томъ смыслѣ, что онъ выдалъ его на судъ, т. е. не вступился за него предъ княземъ? По слѣдующему извѣстію, что князь выпустилъ Матея, можно принимать первое, но можно также принять и то, и другое.

⁴⁾ «И пойдша они половци и до дѣтинъ въ брѣняхъ». — Принимать ли здѣсь и *до дѣтинъ*, т. е. даже и до дѣтей, или видѣть въ: и *до дѣтинъ* испорченное *изодѣтинъ*?

⁵⁾ Арцыбашевъ думаетъ, что эти Тоймокары были жители рѣки Тоймы; онъ приводитъ слѣдующее мѣсто изъ

Юрій, на Ярославъ не прокутили ихъ чрезъ свою землю; принужденные возвратиться назадъ въ Новгородъ, Семыю съ товарищами стали шатрами по полю, а въ городѣ начали распускать слухъ, что посадникъ Твердиславъ и тысяцкій Якунь нарочно заслали къ Юрію, чтобы онъ не пугалъ ихъ, и этии слухами взволновали городъ; Твердиславъ и Якунь лишены были своихъ должностей, посадничество отдано Семену Борисовичу, кажется, внуку знаменитаго Мирошки, а тысяча Семыюу Емину. Но оба они и году не пробыли въ своихъ должностяхъ: въ томъ же 1219 году посадничество опять отдано было Твердиславу, а тысяча Якуну. Смуты, борьба сторонъ касались даже и владыкъ: мы видѣли, что Мстиславъ съ своими приверженцами свернулъ владыку Митрофана, какъ избранника Всеволодова; но, по уходѣ Мстислава, въ 1218 году Митрофанъ возвратился изъ Владимира въ Новгородъ и сталъ жить въ Благовѣщенскомъ монастырѣ; въ 1218 году, когда преемникъ его, Антоній, пошелъ въ Торжокъ, Новгородцы провозгласили опять Митрофана своимъ владыкою; а къ Антонію послали сказать: „Ступай, куда тебѣ любо“; онъ отправился на житье въ Спасопередичій монастырь; наконецъ князь Всеволодъ и Новгородцы сказали обимъ владыкамъ: „Ступайте къ митрополиту въ Киевъ, и кого онъ изъ васъ пришлетъ опять къ намъ, — тотъ и будетъ нашимъ владыкою“. Въ 1220 году пришелъ назадъ архіепископъ Митрофанъ, оправданный Богомъ и Св. Софіею, по выраженію лѣтописца. Антонія же митрополитъ удержалъ у себя въ чести, и далъ ему епископство Черемынльское.

Всеволодъ Мстиславичъ наслѣдовалъ вражду брата своего Святослава къ посаднику Твердиславу: въ 1220 году онъ отправился по своимъ дѣламъ въ Смоленскъ, оттуда проѣхалъ въ Торжокъ, и когда возвратился въ Новгородъ, то поднялъ половину его жителей на Твердислава, хотѣлъ убить его, а Твердиславъ былъ въ это время боленъ. Всеволодъ пошелъ съ городища, гдѣ жилъ, со всѣмъ своимъ дворомъ, одѣвшись въ брони, какъ на рать, и пріѣхалъ на дворъ Ярославовъ, куда сошлись къ нему Новгородцы, также вооруженные, и стали полкомъ на княжкомъ дворѣ; больного Твердислава вывели на саняхъ къ Борисоглѣбской церкви, куда къ нему на защиту собрались жители Прусской улицы, Людина конца, Загородцы, и стали около него изъять полками. Князь, увидавши, что они хотятъ крѣпко отдать свой животъ, по выраженію лѣтописца, не поѣхалъ на нихъ, но прислалъ владыку Митрофана съ добрыми рѣчами, и владыка успѣлъ помирить обѣ стороны. Но Твердиславъ самъ отказался отъ посадничества по причинѣ болѣзни, и, видя, что болѣзнь все усиливается, тайкомъ отъ жены и дѣтей, и всей братьи, ушелъ въ Аркажъ мо-

настырь и тамъ постригся. Въ преемники ему былъ избранъ Иванко Дмитриевичъ, какъ видно, сынъ Димитрія Юуича.

Между тѣмъ примиреніе князя Всеволода съ Твердиславою стороною не было прочно; въ слѣдующемъ же 1221 году Новгородцы показали путь Всеволоду: „Не хотимъ тебя, ступай, куда хочешь“, сказали они ему. Необходимымъ слѣдствіемъ изгнанія Ростиславича было обращеніе къ Юрьевичамъ Суздальскимъ, и вотъ владыка Митрофанъ, посадникъ Иванко, старѣйшіе мужи отправились во Владимиръ къ Юрію Всеволодовичу за сыномъ, и тотъ далъ имъ сына Всеволода на всей ихъ волю. Послѣ Липицкой битвы суздальскимъ князьямъ нельзя было вдругъ опять начать прежнее поведеніе съ Новгородцами; Юрій, какъ видно, былъ очень радъ обращенію Новгородцевъ къ своему племени; богато одарилъ владыку и другихъ пословъ, и прислалъ брата своего Святослава съ войскомъ на помощь Новгородцамъ противъ Чуди. По Юрьеву сыну не поправилось въ Новгородѣ: въ томъ же году онъ тайкомъ выѣхалъ оттуда со всѣмъ дворомъ своимъ; Новгородцы опечалились и отправили снова старшихъ мужей сказать Юрію: „Если тебѣ не угодно держать Новгорода сыномъ, такъ дай намъ брата“. И Юрій далъ имъ брата своего Ярослава, того самого, который прежде поморилъ ихъ голодомъ. Новгородцы были рады Ярославу, говорить лѣтописецъ, и когда, въ 1223 году, онъ ушелъ отъ нихъ въ свою волость — Переяславъ-Залѣскій, то они кланялись ему, уговаривали: „Не ходи, князь“, по онъ не послушалъ ихъ просьбы; опять Новгородцы послали за княземъ къ Юрію, и тотъ опять далъ имъ сына своего Всеволода. Въ 1224 году пришелъ Всеволодъ вторично въ Новгородъ, и въ томъ же году, опять тайкомъ, ночью, ушелъ оттуда; на этотъ разъ впрочемъ дѣло только этимъ не окончилось: Всеволодъ, по примѣру дяди, засѣлъ въ Торжкѣ, куда пришелъ къ нему отцы Юрій съ полками, дядя Ярославъ, двоюродный братъ Василько Константиновичъ съ Ростовцами, шуринъ Юрьевъ — Михайлъ съ Черниговцами. Новгородцы послали сказать Юрію: „Князь! отпусти къ намъ сына своего, а самъ поиди съ Торжка прочь“. Юрій велѣлъ отвѣчать: „Выдайте мнѣ Якимъ Ивановича, Никифора Тудоровича, Иванка Тимошкннча, Сдлау Савинича, Вячка, Иваца, Радка; а если не выдате, то я поидъ коней Тверцою, напою и Волховомъ“ Новгородцы собрали всю волость, около города поставили острогъ, и послали опять сказать Юрію: „Князь! кланяемся тебѣ, а братьи своей не выддимъ; и ты крови не проливай, впрочемъ какъ хочешь, — твой мечъ, а наши головы“. И въ то же время Новгородцы разставили сторожей по дорогамъ, подѣлали засѣки, твердо рѣшась умереть за Св. Софію; Юрій не рѣшился идти поидъ коней Волховомъ и послалъ сказать Новгородцамъ: „Возьмите у меня въ князья шурина моего Михаила Черниговскаго“. Новгородцы согласились и послали за Михайломъ; Юрій вышелъ изъ Торжка, но не да-

книги — Большой Чертежъ (стр. 195, по изд. Спасскаго): «Рѣки, которая въ Двину шали... ниже Ухтохи 50 верстъ, пала рѣка Тойма верхняя, а ниже Тоймы 20 верстъ, пала Тойма нижняя: протоку верхнія Тоймы 150 верстъ, а нижнія Тоймы 70 верстъ».

ромъ: Новгородцы заплатили ему семь тысячъ; здѣсь въ первый разъ они принуждены были откупиться деньгами отъ сѣвернаго князя; преемники Юрія не презинуть воспользоваться его примѣромъ.

Южный князь изъ старой Руси былъ по праву Новгородцамъ: при немъ было легко ихъ волости. Но, подобно вѣмъ князьямъ, Михаилъ не могъ долго у нихъ оставаться. Онъ пошелъ сперва во Владимиръ, выпрашивать у Юрія назадъ товаровъ новгородскихъ, которые тотъ захватилъ на Торжку и по своей волости; возвратясь съ товарами въ Новгородъ, онъ сталъ на Ярославомъ дворѣ и сказалъ Новгородцамъ: „Не хочу у васъ княжить, иду въ Черниговъ; пускайте ко мнѣ купцовъ; пусть ваша Земля будетъ какъ моя Земля“. Новгородцы много упрасивали его остаться, — и не могли упросить. Проводивши Михаила съ честью, Новгородцы принуждены были опять послать въ Переяславль къ Ярославу. Тотъ пришелъ къ нимъ, и на этотъ разъ пробылъ въ Новгородѣ почти три года, и когда уходилъ назадъ въ свой Переяславль, то оставилъ Новгородцамъ двоихъ сыновей, Оедора и Александра съ бояриномъ Оедоромъ Даниловичемъ и съ тиуномъ Якимомъ. Но при Ярославіи и сыновьяхъ его Новгородской волости не было такъ легко, какъ при Михаилѣ Черниговскомъ: явились новыя подати, новыя распоряженія, какихъ не было означено въ старыхъ грамотахъ Ярославовыхъ. Съ другой стороны, молодымъ князьямъ — или, лучше сказать, дядькѣ ихъ Оедору Даниловичу — не могло нравиться въ Новгородѣ, гдѣ происходила непрерывныя волненія и вѣчева самоуправства, невзвѣстныя въ низовой землѣ. Осенью 1228 года полили сильные дожди день и ночь, съ Успеньева дня до Николина не видать было солнца; ни сѣна нельзя было добыть, ни пашни пахать. Тогда дьяволъ, по выраженію лѣтописца, завидуя христіанскимъ подвигамъ владыки Арсенія, возбудилъ противъ него чернь: собрали вѣче на Ярославомъ дворѣ, и пошли на дворъ владычинъ, крича: „Это иль-за Арсенія такъ долго стоитъ у насъ тепло; онъ выпроводилъ прежняго владыку Антонія на Хутынь, а самъ съѣлъ, подаривши князя“; — вытолкали его за ворота какъ злодѣя; чуть-чуть не убили: едва успѣлъ онъ зареветь въ Софійской церкви, откуда пошелъ въ Хутынь монастырь. На его мѣсто вывели опять прежняго архіепископа Антонія: но этимъ дѣло не кончилось; взволновался весь городъ; вооружились и пошли съ вѣча на тысяцкаго Вячеслава, разграбили дворъ его, дворъ брата его Богуслава, дворъ Андренча, владыкина стольника, и другихъ; послали грабить дворъ и Душильца, липитскаго старосты, а самого хотѣли повѣсить, но онъ успѣлъ убѣжать къ Ярославу, такъ взяли его жену, говоря: „Эти люди наводятъ князя на зло“. Отнявши должность тысяцкаго у Вячеслава и давши ее Борису Нѣгочевичу, Новгородцы послали сказать князю Ярославу: „Пріѣзжай къ намъ, новыя пошлины оставь, судей по волости не шли, будь нашимъ княземъ на всей волѣ нашей и на всѣхъ грамотахъ Ярославо-

выхъ, или ты себѣ, а мы себѣ“¹⁾. Въмѣсто отвѣта, Оедоръ Даниловичъ и тиунъ Якимъ, взявши двукъ княжичей, побѣжали изъ Новгорода; Новгородцы сказали: „Что же это онъ побѣжалъ? развѣ какое зло задумалъ на Св. Софію; а мы ихъ не гнали, только братью свою казнили, а князю никакого зла не сдѣлали, пусть на нихъ будетъ Богъ и крестъ честный, а мы себѣ князя промыслимъ“, — побѣждали образъ Богородицы, что быть вѣмъ заодно, и послали за Михаиломъ въ Черниговъ; послы ихъ были задержаны въ Смоленскѣ тамошними князьями, по Ярославову наученію, да и потому вѣроятно, что Ростиславичи не могли желать добра Новгородцамъ послѣ изгнанія Всеволода. Несмотря на то, Михаилъ какъ-то узналъ о новгородскихъ прописствіяхъ, о томъ, что послы, отправленные за нимъ, задержаны въ Смоленскѣ, и поскакалъ въ Торжокъ, а оттуда, въ 1229 году, явился въ Новгородъ, къ величайшей радости Новгородцевъ, которымъ онъ пѣловалъ крестъ на всей ихъ волѣ и на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ, освободилъ смердовъ отъ платежа дани на пять лѣтъ, платежъ събѣжатицъ на чужую землю установилъ на основаніи распоряженій прежнихъ князей. Получивъ желаннаго князя, сторона Михаила обратилась противъ своихъ противниковъ, приверженцевъ Ярославовыхъ, преимущественно Городицанъ: дворовъ ихъ не грабили, но взяли съ нихъ много денегъ, и дали на строеніе большого моста. Тогда же отняли посадничество у Ивана Дмитріевича и отдали его Виѣзду Водовику, а Иванку дали Торжокъ; но жители этого города не приняли его, и онъ пошелъ къ Ярославу.

Михаилъ впрочемъ и на этотъ разъ не долго оставался въ Новгородѣ: въ томъ же 1229 году, оставивъ здѣсь сына Ростислава и взявши съ собою нѣсколько знатныхъ Новгородцевъ, онъ пошелъ въ Черниговъ къ братьямъ; къ Ярославу послали сказать: „Отступися отъ Волока и отъ всего новгородскаго, что взялъ силою, и цѣлуй крестъ“. Ярославъ отвѣчалъ: „Ни отъ чего не отступаюсь и креста не цѣлую; вы себѣ, а я себѣ“, — и прoderжалъ по словъ все дѣло. Въ слѣдующемъ году Михаилъ явился въ Новгородъ, справилъ постриги своему сыну Ростиславу, посадилъ его на столѣ, а самъ опять пошелъ въ Черниговъ. Имѣть малолѣтняго князя для Новгородцевъ было все равно, что не имѣть его вовсе; начались опять сильныя волненія: новый посадникъ Водовикъ поссорился съ сыномъ стараго посадника Степаномъ Твердиславичемъ, сторону котораго принялъ Иванко Тимошкиничъ; слуги посадничьи прибили Тимошкиничя, который на другой день собралъ вѣче на Ярославомъ дворѣ, вслѣдствіе чего дворъ посадничій былъ разграбленъ. Но Водовикъ вмѣстѣ съ Семеномъ Борисовичемъ, старымъ посадникомъ, соперникомъ Твердислава, а слѣ-

¹⁾ «Поѣди къ намъ, забожничье отложи, судье по волости не слати ти». — Что такое *забожничье*? объясняютъ данью за божицы, церкви — иновѣрскія? — не отвѣчаемъ за справедливость этого объясненія. Нельзя ли скорѣе принять *збожничье* отъ *збоже* (жито).

довательно и сына его, подняли снова весь городъ на Иванка и его пріятелей, пошли съ вѣча и много дворянъ разграбили, а Волоса Влудкинча убили на вѣчь, причѣмъ Водовикъ приговаривалъ: „Ты мой дворъ хотѣлъ зажечь“. Водовикъ послѣ убилъ также и Тимошкинча, сбросивши его въ Волховъ. По зимоу, когда посадникъ вѣстѣ съ княжичемъ Ростиславомъ поѣхалъ въ Торжокъ, то на другой же день враги его убили Семена Борисовича, домъ и села его разграбили, жену схватили; также разграбили дворъ и села Водовиковы, брата его и пріятелей, тысяцкаго Бориса. Услыхавъ объ этомъ, Водовикъ съ братьями, тысяцкій Борисъ и торжковскіе бояре побѣжали къ Михаилу въ Черниговъ, а въ Новгородѣ дали посадничество Степану Твердиславичу, должность тысяцкаго Никитѣ Петриловичу, имѣніе Семена и Водовика раздѣлили по сотнямъ, а князю Ростиславу показали путь изъ Торжка, послали сказать ему: „Твой отецъ обѣщался съѣсть на коня и въ походъ идти съ Воздвиженія, а теперь уже Николинъ день; съ насъ крестное пѣлованіе долой, а ты ступай прочь, мы себѣ князя премыслимъ“, — и послали за Ярославомъ на всей волѣ новгородской¹⁾. Тотъ пріѣхалъ немедленно, поклялся исполнить всё грамоты Ярославовы, но по-прежнему не постоянно жилъ въ Новгородѣ, гдѣ занимали его мѣсто сыновья — Ѳеодоръ и Александръ; новыя льготы, данныя Михаиломъ, были уничтожены, но нѣкоторымъ извѣстѣямъ.

Такимъ образомъ, слѣдствія дѣла Мстиславова, Липицкой побѣды, не были продолжительны на сѣверѣ: Юрій по-прежнему сидѣлъ во Владимірѣ, и Новгородцы, послѣ многихъ волненій и перемѣнъ, должны были опять принять Ярослава, который, несмотря на всё неудача, не перемѣняетъ своего поведенія, не отказывается отъ намѣренія стѣснять старинный бытъ новгородскій, вопреки южному Черниговскому князю, который даетъ старымъ вѣчникамъ новыя льготы. Обратимся теперь въ дѣятельности Мстиславовой на юго-западѣ. Сваты — Андрей Венгерскій и Лешко Польскій — скоро поссорились; король отнялъ у Лешка Черемышль и Любачевъ, и тотъ, не имѣя возможности самъ отстоять за свое безчестіе и овладѣть Галичемъ, послалъ сказать Мстиславу: „Ты мнѣ братъ; приходи и садись въ Галичъ“. Мстиславъ долженъ былъ обрадоваться этому приглашенію, потому что

въ Новгородѣ въ это время (1215 г.)²⁾ приходилось ему плохо; онъ явился въ Галичъ; Венгры побѣжали, и Мстиславъ утвердился на столѣ Романа, выдавши за сына его Данила дочь свою Анну. Даниль возмужалъ, и скоро всё увидали, что онъ пойдетъ въ знаменитаго отца своего. Пользуясь слабостью Волыни по смерти Романа и во время малолѣтства сыновей его, Поляки овладѣли пограничными мѣстами, украиною; теперь Даниль вздумалъ отнять у нихъ эту украину, и, пріѣхавъ къ тестю Мстиславу, сказалъ ему: „Ватюшка! Ляхи держатъ мою отчину!“ Тотъ отвѣчалъ ему: „Сынъ! за прежнюю любовь я не могу подняться на Лешка, ницъ себѣ другихъ союзниковъ“. У Данила былъ одинъ неизмѣнный союзникъ во всю жизнь — родной братъ Василько; вмѣстѣ съ нимъ онъ пошелъ на Поляковъ, и возвратилъ волынскую украину. Лешко сильно разсердился за это на Романовичей, послалъ противъ нихъ войско; но войско это возвратилось пораженное. Несмотря на то, что Мстиславъ отказался помогать зятю противъ Лешка, онъ не избѣжалъ подозрѣнія, что война начата по его совѣту, и Лешко, злобясь на него, соединился снова съ Венгерскимъ королемъ, приглашая его опять овладѣть Галичемъ для сына своего, зятя Лешкова. Королевичъ Коломанъ пришелъ съ сильными полками, противъ которыхъ Мстиславъ, по перасположенію бояръ, съ одною своею дружиною не могъ бороться; онъ вышелъ изъ страны, сказавши молодому Данилю, который отличался необыкновенною храбростію при отступленіи изъ Галича: „Князь! ступай во Владиміръ, а я пойду къ Половцамъ; отомстимъ за стыдъ свой“.

Но не къ Половцамъ отправился Мстиславъ: онъ пошелъ на сѣверъ, тамъ освободилъ Новгородъ отъ Ярослава Всеволодовича, одержалъ Липицкую побѣду, и только въ 1218 году явился опять на югъ. Нанявши Половцевъ, въ слѣдующемъ году онъ пошелъ на Галичъ; войсками Коломана начальствовалъ воевода Фила, которому лѣтописецъ придаетъ названіе „црегордаго“. Фила съ презрѣніемъ отзывался о русскіхъ полкахъ, онъ говаривалъ: „Одинъ камень много горшковъ побиваетъ“; говаривалъ также: „Острый мечъ, борзый конь — много Руса“. Но въ тяжкой битвѣ съ Мстиславомъ не спасли его ни острый мечъ, ни борзый конь, ни польская помощь: онъ проигралъ битву и былъ взятъ въ плѣнъ. Послѣ побѣды Мстиславъ осадилъ Галичъ; Венгры заперлись на крѣпкой башнѣ, которую Фила построилъ надъ Богородичною церковію, и тамъ защищались, стрѣляя и метая камни на гражданъ. Лѣтописецъ смотритъ на это обращеніе церкви въ крѣпость, какъ на оскверненіе святаго мѣста, укоряетъ Фило и говоритъ, что Богородица, не стерпѣвши поруганія надъ домою своимъ, предала башню и защитниковъ ея въ руки Мстиславу; Венгры, изнемогая отъ жажды, сдались.

¹⁾ Такъ говоритъ Новгородская лѣтопись, но иное Татищевъ, (III, 451): «Ярославъ, выслушавъ присланныхъ отъ Новгородцевъ, сказалъ имъ: есть ли данную Михайломъ неистовую грамоту отринуть, и учинять ему роту по прежнему обычаю, то онъ къ нимъ пойдетъ, и отъ неприятели ихъ Нѣмецъ своими войсками оборонять будетъ; есть ли же оной не отречется, то не пойдетъ. Послы послали наскоро въ Новгородъ, и Новгородцы многу распрю имѣли. Напоследокъ принуждены оную грамоту оставитъ отдать ему, а сами учинили роту Ярославъ по-прежнему». — Можно согласить эти извѣстія такъ, что Ярославъ пѣловалъ крестъ на старыхъ грамотахъ Ярославовыхъ, а Новгородцы должны были отказаться отъ новыхъ льготъ Михайловыхъ.

²⁾ Въ Волынской лѣтописи первое прибытіе Мстислава въ Галичъ полагается въ 1212 году; но мы предпочитаемъ хронологію Новгородской лѣтописи.

Была радость большая, говоритъ лѣтописецъ: спастъ Богъ отъ иноплемениковъ, потому что изъ Венгровъ и Ляховъ одни были перебиты, другіе взяты въ плѣнъ, иные перетонули въ рѣкахъ, нѣкоторыхъ перебили сельскіе жители, ни одинъ не ушелъ. Между плѣнными находился и знаменитый бояринъ Судиславъ; когда его привели къ Мстиславу, то онъ припалъ къ ногамъ побѣдителя, кланяясь бытъ ему вѣрнымъ слугою; Мстиславъ повѣрилъ, сталъ держать его въ большой чести и отдалъ Звенигородъ въ управленіе. — Когда Романовичи, во время отсутствія Мстислава, должны были бороться съ опасными врагами, Венграми и Поляками, и не было имъ ни откуда помощи, кромѣ одного Бога, по выраженію лѣтописца, противъ нихъ всталъ также близкій родственникъ, двоюродный братъ, Александръ Всволодовичъ Вѣльскій; но теперь, когда Мстиславъ восторжествовалъ надъ Венграми и Лешко поспѣшилъ примириться съ Романовичами, то послѣдніе пошли отмстить Александру, и поплѣнили всю его землю; только заступничествомъ Мстислава Вѣльскій князь былъ обязанъ сохраненіемъ своей волости.

Но понятно, что злоба Александра на двоюродныхъ братьевъ не уменьшилась отъ этого, и ему скоро представился случай отмстить имъ, потому что Даниилъ не долго жилъ въ дружбѣ съ тестемъ. Причинъ къ нерасположенію не могло не быть, потому что права ихъ на Галичъ сталкивались: Мстиславъ добылъ Галичъ оружіемъ отъ иноплемениковъ; но Даниилъ не забывалъ, что это была волость отца его; притомъ же смутниковъ было много: бояре крамолили, Александръ Вѣльскій поджигалъ еще больше. Узнавши, что Мстиславъ не въ ладахъ съ зятемъ, онъ сильно обрадовался и сталъ поуждаться Мстислава къ рати противъ Романовичей. Началась усобица между двумя изъ знаменитѣйшихъ князей русскихъ стараго и новаго поколѣнія: Даниилъ соединился съ Поляками, Мстиславъ привелъ Половцевъ, поднялъ и Владиміра Рюриковича, князя Кіевского; но въ этой усобицѣ больше всѣхъ потерялъ главный виновникъ ея, Александръ Вѣльскій; Мстиславъ дѣйствовалъ какъ-то вяло въ его пользу, и волость Вѣльская снова была страшно опустошена Романовичами. Озлобленный Александръ еще больше сталъ поджигать Мстислава на Даниила: „Зять твой хочетъ тебя убить“, — твердилъ онъ ему; но напослѣдокъ Удалому открыли глаза, — онъ увидалъ, что все это была клевета на Даниила, и помирился съ зятемъ. Но и послѣ этого спокойствіе не возстановилось; бояринъ Жирославъ завелъ смуту: онъ увѣрилъ остальныхъ бояръ, что Мстиславъ идетъ въ степь къ тестю своему, Половецкому хану Котяну, дабы тамъ перебить ихъ всѣхъ. Бояре исполнились и побѣжали въ Перемышльскій округъ, въ Карпатскія горы, откуда послали объявить Мстиславу о причинѣ своего бѣгства, прямо указывая на Жирослава. Мстиславъ, который, по увѣренію лѣтописца, и не думалъ ничего предпринимать противъ бояръ, послалъ къ

нимъ духовника своего Тимофея разувѣрить ихъ, Тимофеей исполнилъ порученіе и привелъ назадъ бояръ, послѣ чего Жирославъ былъ изгнанъ Мстиславомъ отъ себя. Жирославъ былъ изгнанъ, но товарищи его остались, и потому смута слѣдовала за смутой. Бояре уговорили Мстислава обручить меньшую свою дочь венгерскому королевичу Андрею, и дать нареченному зятю Перемышль; Андрей не долго пожилъ здѣсь въ покоѣ: послушавшись боярина Семена Чернаго, онъ ѣзжалъ къ отцу въ Венгрію и поднялъ его на войну противъ Мстислава; съ Венграми соединились Поляки, и король съ сильными войскомъ сталъ забирать галицкіе города; но подъ Звенигородомъ потерялъ сильное пораженіе отъ Мстислава и поспѣшилъ уйти назадъ, въ свою землю. Романовичи, пріѣхавшіе на помощь къ Мстиславу, побуждали его преслѣдовать короля; но послѣднему благопріятствовали бояре, и одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ, Судиславъ, да другой еще Глѣбъ Зерембевичъ; они не только удержали Мстислава отъ преслѣдованія, но уговорили его выдать дочь за обрученнаго жениха, королевича, и отдать послѣднему не Перемышль только, но все Галицкое княжество. Они говорили Мстиславу: „Князь! самъ ты не можешь держать Галича, бояре не хотятъ тебя; если отдашь его королевичу, то можешь взять его подъ нимъ назадъ, когда захочешь; если же отдашь Даниилу, то уже никогда не будетъ больше твой Галичъ, потому что народъ крѣпко любитъ Даниила“. Мстиславъ исполнилъ желаніе бояръ, отдалъ королевичу Андрею Галичъ, а самъ взялъ Понизье; потомъ раскаялся и послалъ сказать Даниилу: „Сынъ! согрѣшилъ я, что не далъ тебѣ Галича, но отдалъ его иноплеменику, по совѣту льстеца Судислава, — обольстилъ онъ меня; но если Богу угодно, то дѣло еще можно исправить: пойдемъ на нихъ — я съ Половцами, а ты съ своими; когда Богъ намъ поможетъ, то ты возьмешь Галичъ, а я Понизье“. Но Удалой не успѣлъ загладить своей неосторожности, и до самой смерти не могъ высвободиться изъ-подъ вліянія Глѣба Зерембевича, который не допустилъ его предъ кончиною повидаться съ Даниломъ, и отдалъ послѣднему домъ свой и дѣтей на руки. Мстиславъ умеръ въ 1228 году¹⁾, — князь знаменитый подвигами славными, но безплесными, показавшій ясно несостоятельность старой, Южной Руси, неспособность ея къ дальнѣйшему государственному развитію. На сѣверѣ Мстиславъ освободилъ Новгородъ сперва отъ Всеволода, потомъ отъ сына Всеволодова, наконецъ Липицкою побѣдою нарушилъ завѣщаніе Всеволода; но мы видѣли, продолжительны ли были слѣдствія Липицкой побѣды; на югѣ Мстиславъ овладѣлъ Галичемъ, отнялъ его у Венгровъ, но потомъ самъ добровольно отдалъ

¹⁾ Въ Волян. лѣтоп. нѣтъ подробностей о кончинѣ Мстислава; въ Воскресен. (II, 185) читаемъ: «Преставися Мстиславъ Мстиславичъ, князь Торонецкій, княживъ въ Галичи и поиде въ Кіевъ, разболѣвшея на пути и пострижеса въ схиму и такъ преставися».

или назадъ это русское княжество, изъяснилъ только передъ смертью бесполезное раскаяніе въ своей безхарактерности; — и все здѣсь на югѣ осталось по-прежнему, какъ будто бы Мстислава и не было; по-прежнему, Южная Русь стала доживать свой вѣкъ въ безконечныхъ ссорахъ Мономаховичей съ Ольговичами, Ростиславичей съ Изяславичами.

Мы видѣли, что Мстиславъ Удалой въ 1214 году, выгнавши изъ Кіева Всеволода Чермнаго, посадилъ на его мѣсто старшаго между Ростиславовыми внуками, Мстислава Романовича, который и сидѣлъ на старшемъ столѣ до 1224 г.; по смерти Романовича Кіевъ достался по-очереди старшему по немъ двоюродному брату Владимиру Рюриковичу. Въ Черниговѣ, по смерти Всеволода Чермнаго, княжилъ братъ его Мстиславъ, а по смерти послѣдняго, въ 1224 году, племянникъ его, сынъ Всеволода Чермнаго Михаилъ, котораго мы видѣли дѣйствующимъ въ Новгородѣ; но занялъ ли Михаилъ Черниговъ тотчасъ по смерти Мстислава, трудно рѣшить утвердительно, ибо какъ-то странно, что въ 1224 г. онъ рѣшилъ промѣнить Черниговъ на Новгородъ; вѣрно одно, что Михаилъ не могъ утвердиться въ Черниговѣ безъ борьбы съ дядею своимъ Олегомъ Курскимъ. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта борьба, если-бы на помощь къ Михаилу не явился сильный союзникъ, зять его, князь Суздальскій Юрій съ двумя племянниками Константиновичами (1226 г.). Разуздается, Курскій князь не могъ противиться соединеннымъ силамъ Суздальскаго и Черниговскаго князей и долженъ былъ уступить права свои племяннику. Въ лѣтописи сказано, что Юрій помирилъ ихъ съ помощью митрополита Кирилла: такъ, сѣверному князю удалось нарушить старину и на югѣ, еще при жизни Мстислава Удалого. — Племя Ольговичей было многочисленно: лѣтописи упоминаетъ о князьяхъ козельскихъ, трубчевскихъ, пугивльскихъ, рьльскихъ. — Старшіе Юрьевичи Суздальскіе, уступая Кіевъ слѣдующимъ послѣ нихъ по племенному старшинству Мстиславичамъ, удерживаютъ Переяславъ для своихъ младшихъ Юрьевичей, которые соответствуютъ по старшинству Мстиславичамъ, сидящимъ въ Кіевѣ. Мы видѣли, какъ сынъ Всеволода, Ярославъ, былъ изгнанъ изъ Переяслава Всеволодомъ Чернымъ въ 1207 году, послѣ чего Переяславъ одно время былъ за Ростиславичами; но въ 1213 году Всеволодовичи послали туда младшаго брата своего Владимира, который было-засѣлъ на время въ Москвѣ; взятый въ плѣнъ Половцами въ 1215 году, и освободившись изъ плѣна въ 1218 г., Владиміръ отправился съ братьями на сѣверъ, гдѣ получилъ отъ нихъ Стародубъ и нѣкоторыя другія волости, и умеръ въ 1227 г. Въ этомъ же самомъ году Юрій Всеволодовичъ отправилъ въ Переяславъ на столъ племянника своего Всеволода Константиновича; кто же сидѣлъ здѣсь во время плѣна Владимірова и пребыванія его на сѣверѣ — не извѣстно; но Всеволодъ Константиновичъ не пробылъ и года въ Переяславѣ, куда на его мѣсто Юрій отправилъ брата своего Свято-

слава. — На западъ отъ Днѣпра мы видѣли судьбу старшей линии Изяслава Мстиславича, княжившей во Владимірѣ-Волынскомъ; что касается до младшей линии, князей луцкихъ, то по смерти Изяслава Изяславича въ Луцкѣ княжилъ Ингваръ, сынъ его, котораго мы видѣли одно время и въ Кіевѣ; по смерти Ингваря въ Луцкѣ сѣлъ братъ его Мстиславъ Пѣмой, который, умирая, поручилъ отчину свою и сына Ивана Данилу Романовичу; Иванъ скоро умеръ, и Луцкѣ былъ занятъ двоюроднымъ братомъ его, Ярославомъ Ингваревичемъ, а Чарторыйскъ — княземъ Пинскимъ Ростиславомъ; но Данилъ взялъ и Луцкѣ и Чарторыйскъ, и отдалъ Луцкѣ и Пересопницю брату своему Василью, который владѣлъ также и Брестомъ, а Ярославу далъ Перемышль и Межибожь. Мы упомянули о князѣ Пинскомъ; послѣ того какъ внуку Святополку, Юрію Ярославичу, удалось утвердиться въ Туровской волости, волость эта стала дѣлиться въ его поколѣніи между двумя княжескими линиями, пошедшими отъ сыновей его — Святополка и Глѣба; главнымъ образомъ Туровская волость дѣлилась на два княжества — Туровское и Пинское, кромѣ того, были другія мельчайшія волости. Святополкъ Юрьевичъ, нуриль Рюрика Ростиславича, умеръ въ 1195 году¹⁾. — Между разными линиями князей пологскихъ по-прежнему происходили усобицы, ни чѣмъ особенно не замѣчательныя²⁾.

Разсматривая дѣятельность князей русскихъ въ періодъ времени отъ взятія Кіева войсками Боголюбскаго до смерти Мстислава Удалого, мы замѣтили при нихъ бояръ и слугъ: на сѣверѣ, въ Суздальской области видѣли знаменитаго воеводу Боголюбскаго, Бориса Жидиславича, который, по смерти Андрея, вмѣстѣ съ другими своими товарищами держалъ сторону Ростиславичей противъ Юрьевичей, вслѣдствіе торжества послѣднихъ перешелъ въ службу къ врагу ихъ, князю Глѣбу Рязанскому, вмѣстѣ съ которымъ попался въ плѣнъ къ Всеволоду III, въ сраженіи при Прусковой горѣ. На одной сторонѣ съ Борисомъ были Добрыня Долгий, Иванко Степановичъ, Матейшъ Бутовичъ; двое первыхъ погибли въ битвѣ Всеволода III съ Мстиславомъ Ростовскимъ; послѣдній, какъ видно, тутъ же былъ взятъ въ плѣнъ. Кромѣ именъ лицъ, находившихся при дворѣ Андреевомъ и участвовавшихъ въ заговорѣ на его жизнь, мы встрѣчаемъ имя Михана, посла его къ Ростиславичамъ южнымъ. Изъ мужей Всеволода III встрѣчаемъ исполнителями его поруче-

1) У Татищева (III, 448) именно сказано, что Олегъ Игоревичъ Курскій, возвратясь отъ Калки, взялъ себѣ Черниговъ, но Михаилъ призвалъ Юрія на помощь, и Олегъ, несмотря на то, что митрополитъ Кириллъ заступался за его старшинство, долженъ былъ уступить Черниговъ. — Преемство и родство князей туровскихъ и пинскихъ трудно опредѣлять: подъ 1190 годомъ читаемъ: «Рюрикъ Ростиславичъ бысть въ Пинскіи у тещи своея и у шюрки своея, тогда бо быше свадьба Ярополча». — Подъ 1204 г. видимъ въ Пинскѣ князя Владиміра, а въ 1228 Ростислава.

2) Татищ. III, 247.

ній: Михаила Борисовича (быть можетъ, сына Бориса Жидиславича), который водилъ Ольговичей ко кресту въ 1207 году, участвовалъ въ дѣлахъ рязанскихъ и новгородскихъ; Лазаря, который распоряжался именемъ своего князя въ Новгородѣ; тѣна Гюря, котораго Всеволодъ посылалъ на югъ для обновленія Города-Остерскаго въ 1295 году; меченосу Кузю Ратышича, который воевалъ Тенру въ 1210 году; Ѳому Лазковича и Дорожая, участвовавшихъ въ болгарскомъ походѣ 1182 года; боярина Якова, племянника великаго князя отъ сестры. Изъ бояръ при сыновьяхъ Всеволодовыхъ упоминаются: Иванъ Родиславичъ, убитый въ сраженіи подъ Ростовомъ¹⁾; Андрей Станиславичъ, который уговаривалъ младшихъ Всеволодовичей предъ Лишицкою битвою мириться съ Мстиславомъ Удалымъ²⁾; Еремѣй Глѣбовичъ, служившій сперва Константину, а потомъ Юрію; Воиславъ Добрыничъ, ростовскій воевода при сыновьяхъ Константиновыхъ. Изъ бояръ при князьяхъ Южной Руси подъ 1171 годомъ упоминается шумскій посадникъ Паукъ, кормилецъ Дорогобужскаго князя Владиміра Андреевича; при Глѣбѣ Юрьевичѣ въ Кіевѣ тысяцкимъ былъ Григорій — неизвѣстно кіевскій ли бояринъ, или пришлый съ Глѣбомъ изъ Переяславля. Извѣстный намъ прежде выѣзжей Полякъ Владиславъ Вратиславичъ, по изгнаніи Мстислава изъ Кіева, отступилъ отъ послѣдняго къ враждебнымъ ему князьямъ; Давыдъ Ростиславичъ Вышегородскій посылаетъ его преслѣдовать Мстислава въ 1127 году; во время войны Глѣба и Михаила Юрьевичей съ Половцами (1172 г.) воеводою у нихъ былъ Владиславъ, Яневъ братъ — быть можетъ тотъ же самый Ляхъ, быть можетъ и другой, и *Яневъ братъ* сказано именно для отличія его отъ извѣстнаго Ляха; по смерти Глѣба, послѣдній оставался въ Кіевѣ и держалъ сторону Боголюбскаго противъ Ростиславичей, которые захватили его тамъ вмѣстѣ съ Всеволодомъ Юрьевичемъ въ 1174 году. Поводомъ къ знаменитой борьбѣ Боголюбскаго съ Ростиславичами было обвиненіе троишь кіевскихъ бояръ: — Григорія Хотовича, Степанца и Олексы Святославича — въ отравленіи князя Глѣба: Григорій Хотовичъ былъ вѣроятно упомянутый выше тысяцкій Григорій, братъ Константина Хотовича, плѣнннпаго прежде Половцами. Изъ бояръ въ Кіевѣ при Святославѣ Всеволодовичѣ упоминается любимецъ его Кочкаръ, по всеѣмъ вѣроятностямъ, приведенный имъ изъ Чернигова; лѣтописецъ говоритъ, что князь открывалъ свои тайны лѣтописцу одному этому Кочкару мимо другихъ. По походамъ на Половцевъ извѣстны черниговскіе бояре Олестинъ Олекичъ и Романъ Нѣздиловичъ (1184, 1185, 1187 г.). У Рюрика Ростиславича: Владиміра Лазаря, Сдѣслава Жирославича, Бориса Захарьича, кормилецъ Владиміра, сына Мстислава

Храбраго; Сдѣславъ Жирославичъ упоминается послѣ въ числѣ бояръ Мстислава Удалаго; потомъ у Рюрика въ Вѣлгородѣ встрѣчаемъ воеводу Славна Борисовича, бывшаго потомъ тысяцкимъ въ Кіевѣ, гдѣ видимъ также при Рюрикѣ боярина Чурьно, посланнаго въ 1187 году вмѣстѣ съ Славномъ за дочьеру Всеволода III. У сына Рюрикова, Ростислава, былъ бояринъ Роговолдъ, котораго онъ въ 1192 году посылалъ къ отцу толковать о Половецкомъ походѣ. Смоленскимъ тысяцкимъ при князѣ Давыдѣ Ростиславичѣ былъ Михалко; у Владиміра Рюриковича во время Лишицкаго боя упоминается бояринъ Яволодъ, и потомъ Иворъ Михайловичъ, быть-можетъ, сынъ упомянутого выше Михалка. Изъ бояръ князя Глѣба Рязанскаго упоминаются Борисъ и Дѣдилецъ, которые такъ много содѣйствовали отстраненію Юрьевичей въ пользу Ростиславичей, по смерти Боголюбскаго; Дѣдилецъ вмѣстѣ съ другимъ рязанскимъ бояриномъ Олестинымъ попался въ плѣнъ Всеволоду III, въ 1177 году³⁾; потомъ изъ рязанскихъ бояръ во время войны Святослава Черниговскаго со Всеволодомъ III упоминается Иванъ Мирославичъ.

Разсмотрѣвши отношенія внутреннія, обратимся къ внѣшнимъ, которыя въ послѣднее время начинаютъ принимать особый, очень важный характеръ. Мы знаемъ, что древнія русскія владѣнія въ Прибалтійскихъ областяхъ дѣлились на двѣ части: сѣверную, зависѣвшую болѣе или менѣе отъ Новгорода, и южную, зависѣвшую отъ Полоцка. Къ берегамъ этой-то южной части русскихъ владѣній, къ устью Двины, въ 1158 году, прибылъ былъ бурей корабль бременскихъ купцовъ. Негостеприимно встрѣтили ихъ туземцы; но послѣ схватки, въ которой побѣда осталась на сторонѣ Нѣмцевъ, Ливы стали сговаривать и позволили пришельцамъ производить мѣну. Выгода этой мѣны заставила Бременцевъ нѣсколько разъ возвращаться съ товарами къ устью Двины; наконецъ выпросили они себѣ у туземцевъ позволеніе основать здѣсь постоянную контору; мѣсто было выбрано подлѣ Двины на горѣ, гдѣ построили большой докъ и острожекъ, который получилъ названіе Укскуль; скоро потомъ построена была другая факторія Даленъ⁴⁾.

Извѣстіе о поселеніяхъ, заведенныхъ Нѣмцами при устьи Двины среди языческаго народонаселенія, обратило на себя вниманіе Бременскаго архіепископа, который не могъ пропустить благоприятнаго случая для распространенія предѣловъ церкви. Онъ объявилъ объ этомъ папѣ Александру III, и тотъ велѣлъ ему отправить въ Ливонію искуснаго миссіонера; архіепископъ отправилъ туда Мейнгарда, монаха Августинскаго ордена⁵⁾. Мейнгардъ

¹⁾ Лѣтоп. Пер. Сузд., стр. 111.

²⁾ Никон. II, 325.

³⁾ Мы не упоминаемъ здѣсь о боярахъ новгородскихъ, галицкихъ и волынскихъ, которыхъ дѣятельность и отношенія ясно обозначены въ своемъ мѣстѣ.

⁴⁾ Scriptores rer. Livonicar. II, 1; Russow's livländische Chronik, S. II.

⁵⁾ Ibidem, I, 1; Chronicon livonicum vetus, S. 50.

выпросилъ позволеніе у князя Полоцкаго проповѣдывать Евангеліе между подвластными ему язычниками, построилъ церковь въ Уксукулѣ, и успѣлъ обратить нѣсколько туземцевъ. Скоро Литовцы напали на окрестности Уксукуля; Мейнгардъ съ жителями послѣдняго спрятался въ лѣсахъ, гдѣ имѣлъ бой съ врагами. По ихъ удаленіи онъ началъ укорять Ливовъ за то, что они живутъ оплошно, не имѣютъ крѣпостей, и обѣщаль имъ построить крѣпкіе замки, если они за это обяжутся принять христіанство. Ливы согласились, и на слѣдующее лѣто явились изъ Готланда строители и каменостѣпцы. Еще прежде чѣмъ начали строить замокъ Уксукулъ, часть народа окрестилась; остальные обѣщали креститься, какъ скоро весь замокъ будетъ готовъ. Замокъ выстроили, Мейнгардъ посвященъ былъ въ епископы, — но никто не думалъ креститься; подъ условіемъ такого же обѣщанія выстроили другой замокъ — Гольмъ; и также никто не думалъ принимать христіанство; мало того, — язычники начали явно обидывать перспіянные настрѣнія противъ епископа, грабили его имѣніе, били его домашнихъ; но всего больше огорчало Мейнгарда то, что уже крещеные туземцы стали погружаться въ Двицу, чтобъ, по его словамъ, смыть съ себя крещеніе и отослать его въ Германію ⁴⁾. У Мейнгарда былъ товарищъ въ дѣлѣ проповѣди, братъ Теодорихъ, монахъ Цистерціенскаго ордена; этого Теодориха Ливонцы вздумали однажды принести въ жертву богамъ, чтобъ жатва была обильнѣе, чтобъ дожди не повредили ей. Народъ собрался, положили копье на землю, вывели священнаго коня; смотря, какою ногою прежде ступитъ конь: правую — опредѣлить смерть, лѣвою — жизнь; конь ступаетъ ногою лѣвою; но волкъ противится, утверждаетъ, что тутъ чары со стороны враждебной религіи; опять ведутъ коня, опять ступаетъ онъ лѣвою ногою, — и Теодорихъ спасенъ. Въ другой разъ тотъ же Теодорихъ находился въ Эстоніи, когда въ день Св. Іоанна Крестителя случилось солнечное затмѣніе; несчастному монаху грозила опять страшная опасность отъ язычниковъ, которые приписали затмѣніе ему, говоря, что онъ съдѣлаетъ солнце.

Когда Мейнгардъ увидѣлъ, что мирными средствами трудно будетъ распространить христіанство между Ливами, то отправилъ посла къ папѣ — представить жалкое положеніе юной церкви своей; папа велѣлъ проповѣдывать крестовые походы противъ ливонскихъ язычниковъ; но Мейнгардъ не дождался прибытія крестоваго ополченія: онъ умеръ въ 1196 г.; въ этомъ же году Датскій король Канутъ VI присталъ къ эстонскому берегу и утвердился здѣсь, принудивъ туземцевъ силою принять христіанство. Между тѣмъ ливонскіе христіане отравили посольство къ Бременскому архіепископу съ просьбою о присылкѣ преемника Мейнгарду; новый епископъ, Бартольдъ, явился сперва безъ войска, собралъ ту-

земныхъ старшинъ и пытался привлечь ихъ къ себѣ угощеніями и подарками, однако напрасно: при первомъ удобномъ случаѣ они завели споръ о томъ, какимъ способомъ погубить новаго епископа — съжечь ли его въ церкви или убить, или утопить въ Двинѣ. Бартольдъ тихонько ушелъ на корабль и отплылъ сперва на Готландъ, а потомъ въ Германію, откуда послалъ къ папѣ съ извѣстіемъ о своемъ печальномъ положеніи; папа объявилъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ, кто отправится въ крестовый походъ противъ Ливонцевъ, велѣдствие чего около Бартольда собрался значительный отрядъ крестоносцевъ, съ которыми онъ и отправился назадъ въ Ливонію. Туземцы вооружились и послали спросить епископа, зачѣмъ онъ привелъ съ собою войско. Когда Бартольдъ отвѣчалъ, что войско пришло для наказанія отступниковъ, то Ливонцы велѣли сказать ему: „Отпусти войско домой и ступай съ миромъ на свое епископство, кто крестится, тѣхъ ты можешь принудить оставлять христіанами; другихъ убѣждай словами, а не палками“ ²⁾. Урокъ не подѣйствовалъ на Бартольда: онъ позволилъ себѣ принять участіе въ битвѣ между крестоносцами и туземцами, и когда послѣдніе были обращены въ бѣгство, то быстрый конь занесъ епископа въ ряды язычниковъ, которые изрубили его. Нѣмцы воспользовались своею побѣдою и страшно опустошили страну; туземцы принуждены были къ покорности, крестились, приняли къ себѣ священниковъ, опредѣлили на ихъ содержаніе извѣстное количество сѣстныхъ припасовъ съ плуга; но только что крестоносцы успѣли сѣсть на корабли, какъ уже Ливонцы начали окупаться въ Двицу, чтобъ смыть съ себя крещеніе, ограбили священниковъ, выгнали ихъ изъ страны; хотѣли сдѣлать то же и съ купцами, но тѣ задали старшинъ — и остались.

Скоро возвратились также и священники; съ ними пріѣхалъ новый епископъ Альбертъ въ сопровожденіи крестоваго отряда, помѣщавшагося на 23 корабляхъ. Альбертъ принадлежалъ къ числу тѣхъ историческихъ дѣятелей, которымъ предназначено измѣнять бытъ старыхъ обществъ, полагать твердыя основы новымъ; пріѣхавши въ Ливонію, онъ мгновенно уразумѣлъ положеніе дѣлъ, нашелъ вѣрныя средства упрочить торжество христіанства и своего племени надъ язычествомъ и туземцами, съ изумительнымъ постоянствомъ стремился къ своей цѣли и достигъ ея. Враждебно встрѣтили туземцы новаго епископа; онъ должеъ былъ выдержать отъ нихъ осаду въ Гольмѣ; новоприбывшіе крестоносцы освободили его; но Альбертъ хорошо видѣлъ, что съ помощью этихъ временныхъ гостей нельзя утвердиться въ Ливоніи; туземцы не умѣли выдерживать битвъ съ пекунными нѣмецкими ополченіями; потерѣвъ поражение, видя жилища и нивы свои опустошенными, они покорялись, обѣщавъ принять хри-

²⁾ Ibid, p. 64. Tu tantum, remisso exercitu, cum tuis ad Episcopatum tuum cum pace revertaris, eos, qui fidem susceperunt, ad eam servandum compellas, alios ad suscipiendam verbis, non verberibus, allicias.

⁴⁾ Chron. Liv. vet. p. 52: *Baptismum, quem in aqua susceperant in Duna se lavando removere putant, remittendo in Tautonium.*

стѣнаство; но стоило только крестоносцамъ съѣсть на корабли, какъ они возвращались къ прежней вѣрѣ и начинали враждебно дѣйствовать противъ пришельцевъ. Нужно было, слѣдовательно, вести борьбу не временнымъ, случайнымъ наѣздами; нужно было стать твердою ногою на новой почвѣ, вывести сильную нѣмецкую колонію, основать городъ, въ стѣнахъ котораго юная церковь могла бы находить постоянную защиту. Съ этою цѣлью, въ 1200 году Альбертъ основалъ при устьи Двины городъ Ригу; но мало было основать, нужно было дать народонаселенію новому городу, и Альбертъ самъ ѣздилъ въ Германію набирать колонистовъ, и привозилъ ихъ съ собою. Но одного города съ нѣмецкимъ народонаселеніемъ было еще недостаточно: народонаселеніе это не могло предаваться мирнымъ занятіямъ, потому что должно было вести постоянную борьбу съ туземцами; нужно было, слѣдовательно, военное сословіе, которое бы приняло на себя обязанность постоянно бороться съ туземцами, обязанность защищать новую колонію; для этого Альбертъ сперва началъ было вызывать рыцарей изъ Германіи и давать имъ зѣмки въ ленное владѣніе; но это средство могло вести къ гдѣли только очень медленно, и потому онъ скоро придумалъ другое, болѣе вѣрное, именно: основаніе ордена воинствующихъ братьевъ, по образцу военныхъ орденовъ въ Палестинѣ; папа Иннокентій III-й одобрилъ мысль Альберта, и въ 1202 году былъ основанъ орденъ Рыцарей Меча, получившій уставъ Храмоваго ордена; новые рыцари носили бѣлый плащъ съ краснымъ мечемъ и крестомъ, вмѣсто котораго послѣ стали нашивать звѣзду; первымъ магистромъ ихъ былъ Вино-фонъ-Рорбахъ.

Такимъ образомъ, Нѣмцы стали твердою ногою при устьяхъ Двины. Какъ же смотрѣли на это князья полоцкіе? Они привыкли ходить войною на Чудъ и брать съ нея дань силою, если она не хотѣла платить ея добровольно. Точно также хотѣли они теперь дѣйствовать противъ Нѣмцевъ: въ 1203 году Полоцкій князь внезапно явился предъ Ускулемъ и осадилъ его; не приготовленные къ осадѣ, жители предложили ему дань; онъ взялъ ее и пошелъ осаждать другой замокъ — Гольмъ; но сюда епископъ уже успѣлъ послать гарнизонъ, и Русскіе, потерявъ много лошадей отъ стрѣльбы осажденныхъ, отступили отъ замка. Въ Ливоніи, по берегамъ Двины, роду полоцкихъ князей принадлежали двѣ волости—Кукейность (Кокенгузенъ) и Герескъ; князь послѣдняго съ Литовцами (которые для полоцкихъ князей служили тѣмъ же, чѣмъ Половцы служили для остальныхъ русскихъ князей) опустошили окрестности Риги; но всѣ эти набѣги не могли нанести большого вреда пришельцамъ. Наконецъ, въ 1206 году, отношенія между послѣдними и полоцкими князьями начали, по видимому, принимать болѣе важный оборотъ. Альбертъ, желая безпрепятственно утвердиться въ низовьяхъ Двины, рѣшился на время усмирить вниманіе Полоцкаго князя, и потому отправилъ къ нему аббата Теодориха съ по-

дарками и дружелюбными предложеніями. Прибывши въ Полоцкъ, Теодорихъ узналъ, что тамъ находится посланцы отъ ливонскихъ старшинъ, прѣхавшіе жаловаться князю на насилія Нѣмцевъ и просить его объ изгнаніи ненавистныхъ пришельцевъ. Въ присутствіи Ливонцевъ, князь спросилъ Теодориха, зачѣмъ онъ пришелъ къ нему, и когда тотъ отвѣчалъ, что за миромъ и дружбою, то Ливонцы закричали, что Нѣмцы не хотятъ и не умѣютъ сохранять мира ¹⁾. Князь отпустилъ епископскихъ пословъ, приказавъ имъ дожидаться рѣшенія въ отведенномъ для нихъ домѣ: онъ не хотѣлъ отпустить ихъ тотчасъ въ Ригу, чтобъ тамъ не узнали о его непріятельскихъ намѣреніяхъ. Но аббату удалось подкупить одного боярина, который и открылъ ему, что Русскіе, въ согласіи съ туземцами, готовятся къ нападенію на пришельцевъ; аббатъ, узнавши объ этомъ, не теряя времени: онъ отыскалъ въ городкѣ какого-то нищаго изъ зѣмка Гольмъ и нанялъ его отнести къ епископу въ Ригу письмо, въ которомъ извѣщалъ его о всемъ видѣнномъ и слышанномъ. Епископъ приговорился къ оборонѣ, а князь, узнавши, что его намѣреніе открылось, вѣсто войска отправилъ пословъ въ Ригу съ наказомъ выслушать обѣ стороны—какъ епископа, такъ и Ливонцевъ, и рѣшить, на чьей сторонѣ справедливость. Послы, прѣхавши въ Кукейность, послали оттуда дьякона Стефана въ Ригу къ епископу звать его на съѣздъ съ ними и ливонскими старшинами для рѣшенія всѣхъ споровъ, а сами между тѣмъ разсѣялись по странѣ для сознанія туземцевъ. Альбертъ оскорбился предложеніемъ Стефана и отвѣчалъ, что по обычаю всѣхъ земель послы должны являться къ тому владѣльцу, къ которому посланы, а не онъ долженъ выходить къ нимъ навстрѣчу. Между тѣмъ Ливонцы, собравшись въ назначенное время и мѣсто и видя, что Нѣмцы не явились на съѣздъ, рѣшили захватить замокъ Гольмъ и оттуда добывать Ригу; но ихъ намѣреніе не имѣло желаннаго конца: потерѣвъ сильное пораженіе, потерявъ старшинъ, изъ которыхъ одни пали въ битвѣ, другіе были отведены въ оковахъ въ Ригу, они принуждены были снова покориться пришельцамъ; въ числѣ убитыхъ находился старшина Аго, котораго лѣтописецъ называетъ виновникомъ всего зла: онъ возбудилъ Полоцкаго князя противъ Рижанъ, онъ собралъ Леттовъ и всю Ливонію противъ христіанъ ²⁾. Епископъ послѣ обѣднн находился въ церкви, когда ему одинъ рыцарь поднесъ окровавленную голову Аго, какъ вѣсть побѣды.

Когда все опять успокоилось, хотя на время, неутомимый Альбертъ поспѣшилъ въ Германію, чтобъ

¹⁾ Chron. Liv. vetus. p. 85: Livones e contrario, nec eos pacem velle, nec servare, proclamant. Quorum os, male dictione et amaritudine plenum, magis ad bella struenda, quam ad pacem faciendam cor et animum regis incitat.

²⁾ Ibid. p. 101. Erat autem inter eos Aго, princeps ac senior ipsorum; qui totius traditionis et omnium malorum existerat auctor.

набрать новыхъ крестоносцевъ; онъ предвидѣлъ новую, продолжительную борьбу. Его отсутствиемъ воспользовались туземцы и отправили пословъ къ Полодкому князю, съ просьбою освободить ихъ отъ притѣснителей. Князь приплылъ съ войскомъ по Двиѣ и осадилъ Гольмъ; по его призыву встало огромное народонаселеніе, но мало принесло ему пользы при осадѣ: гарнизонъ гольмскій, при всей своей малочисленности, наносилъ сильный вредъ русскому войску камнестрѣльными машинами, употребленія которыхъ не знали Полочане; они сдѣлали себѣ также маленькую машину, по образцу нѣмецкихъ, но первый опытъ не удался: машина была своихъ. Несмотря однако на это, жители Гольма и Риги не долго могли держаться противъ Русскихъ, потому что должны были бороться также противъ враговъ, находившихся внутри стѣнъ, — туземцевъ, которые безпрестанно сносились съ Русскими; — какъ вдругъ на морѣ показались нѣмецкіе корабли; князь, потерявши много народу отъ камнестрѣльныхъ машинъ при осадѣ Гольма, не рѣшился вступить въ борьбу съ свѣжими силами непріятеля и отплылъ назадъ въ Полодкъ. Эта неудача нанесла страшный ударъ дѣлу туземцевъ; самые упорные изъ нихъ отправили пословъ въ Ригу требовать крещенія и священниковъ; Нѣмцы исполнили ихъ просьбу, взявши напередъ отъ старшихъ ихъ сыновей въ заложники. Торжество пришельцевъ было понятно: въ челѣ ихъ находился человекъ, одаренный необыкновеннымъ смысломъ и дѣятельностію, располагавшій сильными средствами — рыцарскимъ орденомъ и толпами временныхъ крестоносцевъ, приходившихъ на помощь рижской церкви; противъ него были толпы безоружныхъ туземцевъ; что же касается до Русскихъ, то епископъ и орденъ имѣли дѣло съ однимъ Полоцкимъ княжествомъ, которое, вслѣдствіе извѣстнаго отдѣленія Роговолодовыхъ внуковъ отъ Ярославичей, предоставлено было собственнымъ силамъ, а силы эти были очень незначительны: князья разныхъ полоцкихъ волостей вели усобицу другъ съ другомъ, боролись съ собственными гражданами, наконецъ имѣли опасныхъ враговъ въ Литовцахъ: могли ли они послѣ того усѣбно дѣйствовать противъ Нѣмцевъ? Доказательствомъ разединенія между ними и происшедшей отъ того слабости служить поступокъ князя Кукейноесскаго, Вячеслава¹⁾: не будучи въ состояніи собственными средствами и средствами родичей бороться съ Литвою, онъ въ 1207 году явился въ Ригу и предложилъ епископу половину своей земли и города, если тотъ возьмется защищать его отъ варваровъ. Епископъ съ радостію согласился на такое предложеніе; несмотря на то однако, изъ дальнѣйшаго разсказа лѣтописца не видно, чтобъ онъ немедленно имъ воспользовался; вѣроятно Вячеславъ общался

принять къ себѣ нѣмецкій гарнизонъ только въ случаѣ литовскаго нападенія. Какъ бы то ни было, Русскій князь скоро увидалъ на опытѣ, что вмѣсто защитниковъ онъ нашелъ въ рыцаряхъ враговъ, которые были для него опаснѣе Литовцевъ. Между ними и рыцаремъ Данииломъ фонъ-Лене-варденъ произошла частная ссора; послѣдній напалъ нечаянно ночью на Кукейнось, овладѣлъ имъ безъ сопротивленія, перевязалъ жителей, забралъ ихъ имѣніе, самого князя заключилъ въ оковы. Епископъ, узнавъ объ этомъ, послалъ приказъ Даниилу немедленно освободить князя, возвратитъ ему городъ и все имѣніе; потомъ позвалъ Вячеслава къ себѣ, принялъ съ честью, богато одарилъ лошадьми и платьемъ, помирилъ съ Данииломъ, — но при этомъ припомнилъ прежнее обѣщаніе его сдать Нѣмцамъ половину крѣпости и отправилъ въ Кукейнось отрядъ войска для занятія и укрѣпленія города на случай литовскаго нападенія. Князь выѣхалъ изъ Риги съ веселымъ лицомъ, но въ душѣ затаилъ месть: онъ видѣлъ, что въ Ригѣ все готово было къ отъѣзду епископа и многихъ крестоносцевъ въ Германію, и рѣшился воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ для освобожденія своего города отъ непріятныхъ гостей. Думая, что епископъ съ крестоносцами уже въ морѣ, онъ посовѣтовался съ дружиною, и вотъ въ одинъ день, когда почти всѣ Нѣмцы спустились въ ямы, гдѣ добывали камень для городскихъ построекъ, а мечи свои и прочее оружіе оставили наверху, отроки княжескіе и мужи прибѣгаютъ къ ямамъ, овладѣваютъ оружіемъ и умерщвляютъ беззащитныхъ его владѣльцевъ. Троицъ изъ послѣднихъ однако удалось спастись бѣгствомъ и достигнуть Риги; они разсказали, что случилось съ ними и ихъ товарищами въ Кукейнось. Вячеславъ, думая, что положено доброе начало дѣлу, послалъ къ Полодкому князю коней и оружіе непріятельское, съ приглашеніемъ идти какъ можно скорѣе на Ригу, которую легко взять: лучше люди перебиты имъ въ Кукейнось, другіе отбѣжали съ епископомъ въ Германію. Полоцкій князь повѣрилъ и началъ уже собирать войска. Но Вячеславъ жестоко ошибался въ своихъ надеждахъ: противные вѣтры задержали Альберта въ двинскомъ устьи, и когда пришла въ Ригу вѣсть о происшествіяхъ въ Кукейнось, то онъ немедленно возвратился, убѣдить и спутниковъ своихъ опять послужить святому дѣлу; Нѣмцы, разсѣянные по всѣмъ концамъ Литовинъ, собрались въ Ригу. Тогда Русскіе, видя, что не въ состояніи бороться противъ соединенныхъ силъ ордена, собрали свои позитки, зажгли Кукейнось и ушли далѣе на востокъ, а окружные туземцы въ глубинѣ дремучихъ лѣсовъ своихъ искали спасенія отъ мстительности пришельцевъ; но не всѣмъ удалось найти его: Нѣмцы преслѣдовали ихъ по лѣсамъ и болотамъ, и если кого отыскивали, то умерщвляли жестокою смертію.

Паденіе Кукейноса скоро повлекло за собою покореніе и другого княжества русскаго въ Ливоніи — Герсика. Въ 1209 году епископъ, говорить

¹⁾ Объ этомъ Вячеславѣ, или Вячкѣ, и братѣ его Васильѣ, сыновьяхъ Бориса Давидовича Полоцкаго, и мнѣхъ ихъ Святохнѣ, см. любопытный разсказъ у Татишова III, стр. 403 и слѣд.

лѣтописецъ, постоянно заботясь о защитѣ лифляндской перкви, держалъ совѣтъ съ разумѣйшими людьми, какъ бы освободить юную церковь отъ вреда, который наносятъ ей Литва и Русь. Рѣшено было выступить въ походъ противъ враговъ христіанскаго имени; лѣтописецъ впрочемъ снѣмать оговориться, и прибавляетъ, что князь Герсика, Всеволодъ, былъ страшнымъ врагомъ христіанскаго имени, *преимущественно латынянъ* ¹⁾; онъ женатъ былъ на дочери Литовскаго князя, былъ съ Литовцами въ постоянномъ союзѣ и часто являлся предводителемъ ихъ войска, доставляя ихъ безопасную переправу черезъ Двину и съѣстные припасы. Литовцы тогда, продолжаетъ лѣтописецъ, были ужасомъ всѣхъ сосѣднихъ народовъ: рѣдкіе изъ Летговъ отваживались жить въ деревняхъ; большая часть ихъ искала безопасности отъ Литвы въ дремучихъ лѣсахъ, но и тамъ не всегда находили ея; Литовцы преслѣдовали ихъ и въ лѣсахъ, били однихъ, уводили въ плѣнъ другихъ, отнимали у нихъ все имѣніе. И Русскіе бѣгали также предъ Литовцами, многіе предъ немногими, какъ зайцы предъ охотниками; Ливы и Летты были пищею Литовцевъ, какъ овцы безъ пастыря бываютъ добычею волковъ. И вотъ Богъ послалъ имъ доброга и вѣрнаго пастыря, именно епископа Альберта. Добрый и вѣрный пастырь нечаянно началъ съ большимъ войскомъ на Герсикъ и овладѣлъ имъ; князь Всеволодъ успѣлъ спастись на лодкахъ черезъ Двину, но жена его со всею своею прислугою попала въ плѣнъ. Нѣмецкое войско пробыло дѣльный день въ городѣ, собрало большую добычу, снесло изъ всѣхъ угловъ города платье, серебро, изъ церкви колокола, иконы и всякія украшенія. На слѣдующій день, приведши все въ порядокъ, Нѣмцы обратились въ обратный путь и зажгли городъ. Когда князь Всеволодъ увидалъ съ другого берега Двины пожаръ, то сталъ жалостно вопить: „Герсикъ! любимый городъ, дорога моя отчина! пришлось мнѣ увидать, бѣдному, сожженіе моего города и гибель моихъ людей!“ Епископъ и все войско, подѣлвши между собою добычу, съ княгинею и со всѣми плѣнниками возвратились въ Ригу, куда послали звать и князя Всеволода, если хочетъ получить миръ и освобожденіе своихъ. Князь пріѣхалъ въ Ригу, называлъ епископа отцомъ, всѣхъ латынцевъ братьями, просилъ только, чтобъ выпустили изъ плѣна жену и другихъ Русскихъ. Ему предложили условіе: „Хочетъ онъ отдать свое княжество на-вѣки въ даръ церкви Св. Богородицы, и потомъ взять его назадъ изъ рукъ епископа, такъ отдадутъ ему княгиню и другихъ плѣнниковъ“. Всеволодъ согласился ²⁾ и поклялся открывать епископу и ордену всѣ замыслы Русскихъ и Литовцевъ; но когда воз-

вратился домой съ женою и дружиною, то забылъ объщаніе, началъ опять сноситься съ Литовцами, и подводить язычниковъ прѣгнвъ Нѣмцевъ кукельносскихъ.

Въ то время, когда Нѣмцы утверждались въ Ливоніи, отнимая ливонскія страны у Полоцка, Новгородцы и Псковичи продолжали бороться съ Чудью, живущею на югѣ и на сѣверѣ отъ Финскаго залива; въ 1176 году вся Чудская Земля, по выраженію лѣтописца, приходила подъ Псковъ, но была отбита съ большимъ урономъ; но мы видѣли какъ Мстиславъ Храбрый отступилъ Чуди за эти обиды: обыкновенно наступательныя движенія Новгородцевъ на Чудь происходили въ минуты ладовъ ихъ съ своими князьями; но такія минуты были очень рѣдки, и потому движенія Новгородцевъ не могли отличаться постоянствомъ; вотъ причина, почему они не могли утвердиться въ Эстоніи и успѣшно спорить съ Нѣмцами о господствѣ надъ нею. Въ 1190 году Чудь снова пришла ко Пскову на судахъ по озеру, но и наэтотъ разъ Псковичи не упустили изъ нея ни одного живаго. Юрьевъ былъ снова захваченъ Чудью, и снова взятъ Новгородцами и Псковичами въ 1191 году, причемъ, по обычаю, Земля Чудская была пожжена, полону приведено безчисленное множество; а въ слѣдующемъ году Псковичи снова ходили на Чудь и взяли у нея Медвѣжью-Голову (Оденне). Потомъ не слышно о походахъ на Эстонію до 1212 года: въ этомъ году, по счету нашего лѣтописца, и двумя годами ранѣе, по счету нѣмецкаго, Мстиславъ Удалой съ братомъ Владиміромъ вторгнулись въ страну Чуди-Тормы, обитавшей въ нынѣшнемъ Дерптскомъ (Юрьевскомъ) уѣздѣ, и, по обычаю, много людей поплѣнили, скота безчиленное множество домой привели. Потомъ на зиму пошелъ Мстиславъ съ Новгородцами на чудскую городъ Медвѣжью-Голову; истребивши села вокругъ, пришли подъ городъ; Чудь поклонилась, да за дасть, и Новгородцы по-здорову возвратились домой. Но лѣтописецъ и нѣмецкій гораздо подробнѣе описываетъ этотъ походъ; князь Новгородскій съ княземъ Псковскимъ и со всѣми своими Русскими пришли съ большимъ войскомъ въ Унганию и осадили крѣпость Оденне Восемь дней отбивалась отъ нихъ Чудь; наконецъ, почувствовавши недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, запросили мира; Русскіе дали ей миръ, окрестили нѣкоторыхъ своимъ крещеніемъ, взяли 400 марокъ *ногаты* ³⁾, и отступили въ свою землю, объщавшись, что пришлютъ своихъ священниковъ, чего однако потомъ не сдѣлали, изъ страха предъ Нѣмцами, прибавляетъ лѣтописецъ; должно думать, что не столько изъ страха предъ Нѣмцами, сколько по недостатку подлежащаго вниманія къ дѣламъ эстонскимъ. Такъ Новгородцы, пока жилъ у нихъ Мстиславъ, ходили сквозъ Чудскую Землю къ самому морю, села жгли, укрѣпленія брали и заставляли

¹⁾ Cron. Liv. vetus, p. 134: Erat namque rex Wissewalde de Gericke Christiani nominis et maximo Latinorum, semper infensus inimicus.—Wissewalde сходише со Всеволодомъ; но въ точности ручаться нельзя; очень можетъ быть, что это и Васпилью.

²⁾ Scriptor. rer. Livonic. I, 1, p. 409.

³⁾ Chron. Liv. vetus, p. 138: Et acceperunt ab eis quadringentas marcas nagatarum. Эстонское слово nahk, gen. nahha, значитъ: кожа.

Чудь кланяться и давать дань¹⁾; но Мстиславъ скоро ушелъ на югъ, Новгородцы по-прежнему начали ссориться съ сѣверными суздальскими князьями, Чудь была опять забыта; а Нѣмцы между тѣмъ соединенными силами дѣйствовали постоянно въ одномъ направленіи, съ одною цѣлю. Чтобъ удобнѣе заняться покореніемъ Эстовъ, Летговъ и другихъ туземцевъ, и чтобъ обогатить Ригу торговлею съ странами, лежащими при верхнихъ частяхъ Двины и Днѣпра, они рѣшились заключить мирный договоръ съ Полоцкимъ княземъ, причемъ епископъ обязался вносить послѣднему ежегодную дань за Ливонь, поработенныхъ рижской церкви и ордену.

Въ то время, когда Полоцкій князь, довольный данью, заключилъ миръ съ опасными пришельцами, Псковъ впервые обнаруживаетъ къ нимъ ту сильную неприязнь, какою будетъ отличаться во всей послѣдующей исторіи своей: въ 1213 году Псковичи выгнали князя своего Владиміра за то, что онъ выдалъ дочь свою за брата епископа Альберта; изгнанникъ пошелъ-было сначала въ Полоцкъ, но, найдя тамъ не очень пріятный пріемъ, отправля къ зятю въ Ригу, гдѣ принять былъ съ честью, по свидѣтельству нѣмецкаго лѣтописца. Владиміръ скоро явля случай отблагодарить епископа за это гостепрѣимство. Полоцкій князь, видя, что орденъ воспользовался временемъ мира съ Русскими для того только, чтобъ тѣмъ удобнѣе покорить туземцевъ и принудить ихъ къ принятію христіанства, назначилъ въ Герсикѣ съѣзжаться Альберту для переговоровъ. Епископъ явился на съѣздъ съ княземъ Владиміромъ, рыцарями, старшинами Ливонъ и Летговъ и съ толпою купцовъ, которые были все хорошо вооружены. Князь сперва говорилъ съ Альбертомъ ласково, потомъ хотѣлъ угрозами принудить его къ тому, чтобъ онъ пересталъ насильно крестить туземцевъ, его подданныхъ. Епископъ отвѣчалъ, что онъ не отстанетъ отъ своего дѣла, но пренебрежетъ обязанностью, возложенною на него великимъ первосвященникомъ Рима. Но, кромѣ насильственного крещенія, изъ словъ лѣтописца можно замѣтить, что епископъ не соблюдалъ главнаго условія договора, — не платилъ дани князю, подъ тѣмъ предлогомъ, что туземцы, не желая работать двумъ господамъ, — и Нѣмцамъ, и Русскимъ, — умоляли его освободить ихъ отъ ига послѣднихъ²⁾. Князь, продолжаетъ лѣтописецъ, не хотѣлъ принимать справедливыхъ причинъ, грозился, что сожжетъ Ригу и все нѣмецкія замки, и велѣлъ войскамъ своимъ выйти изъ стана и выстроиться къ бою; провожатые епископа сдѣлали то же самое; въ это время Іоаннъ, пробствъ Рижской Богородичной

церкви, и псковскій изгнанникъ, князь Владиміръ, подошли къ Полоцкому князю и начали уговаривать его, чтобъ онъ не начиналъ войны съ христіанами, представили, какъ опасно сражаться съ Нѣмцами, людьми храбрыми, искусными въ бою и жаждущими помѣрить силы свои съ Русскими. Князь будто бы удивился ихъ отвагѣ, велѣлъ войску своему возвратиться въ станъ, а самъ подошелъ къ епископу, называя его духовнымъ отцомъ; тотъ, съ своей стороны, принялъ его какъ сына; начались мирные переговоры, и князь, какъ будто подъ внушеніемъ свыше, уступилъ епископу всю Ливонію безо всякой обязанности платить дань, съ условіемъ союза противъ Литвы и свободнаго плаванія по Двинѣ. Какъ ни мало удовлетворителенъ является этотъ разговоръ нѣмецкаго лѣтописца, историкъ долженъ принять одно за достовѣрное, что епископъ пересталъ платить дань Полоцкому князю, и что тотъ не имѣлъ средствъ принудить его къ тому. Владиміръ Псковскій былъ награжденъ за свои услуги мѣстомъ фохта въ одной изъ провинцій ливонскихъ; но, творя судъ и расправу надъ туземцами, онъ много пожиналъ такого, чего никогда не сѣялъ, по выраженію лѣтописца; не понравился его судъ Ратцебургскому епископу и всемъ другимъ, такъ что онъ увидѣлъ себя въ необходимости отправиться въ Россію, исполняя желаніе многихъ, прибавляетъ лѣтописецъ. Скоро однако онъ опять возвратился съ женою, сыновьями и всемъ семействомъ, и вступилъ снова въ исправленіе своей должности, не къ удовольствію подчиненныхъ, прибавляетъ тотъ же лѣтописецъ, потому что скоро опять поднялись противъ него жалобы, опять онъ долженъ былъ выслушивать упреки нѣмецкихъ духовныхъ. Это ему насучило наконецъ, и онъ въ другой разъ выѣхалъ въ Россію, гдѣ былъ принятъ снова Псковичами. Избавившись отъ Владиміра, Нѣмцы захотѣли пзбавиться и отъ другого русскаго князя, оставшагося въ Ливоніи, хотя въ качествѣ подручника епископскаго — князя Всеволода Герсикскаго. Кокенгаузенскіе (Кукейносскіе) рыцари начали обвинять его въ томъ, что онъ не является къ епископу, своему отцу и господину, держитъ совѣтъ съ Литвою, подаетъ ей помощь во всякое время. Нѣсколько разъ требовали они его къ отвѣту, — Всеволодъ не являлся; тогда рыцари, по соглашенію съ епископомъ, подступили печально къ городу, взяли его хитростью, ограбили жителей и ушли назадъ: это было въ 1214 году; въ слѣдующемъ — 1215 — Нѣмцы опять собрали войско и въ другой разъ овладѣли Герсикомъ, въ другой разъ опустошили его; но Всеволодъ уже успѣлъ послать къ Литовцамъ за помощью; тѣ явились, принудили Нѣмцевъ оставить городъ и нанесли имъ сильное пораженіе. Такъ рассказываетъ древнѣйшій лѣтописецъ ливонскій³⁾; но въ позднѣйшихъ хроникахъ читаемъ иное, а именно, что князь Всеволодъ былъ убитъ во время второго нападенія Нѣмцевъ на его

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 32.

²⁾ Sed neque Regi tributa sua dari prohibebat, secundum quod Dominus in Evangelio suo iterum ait. Reddite, quae sunt Caesaris, Caesari et. c. Quia et ipse episcopus versa vice quandoque eundem censum etiam regi pro Livonia persolverat. Livones, autem, nolentes duobus dominis servire, tam Ruthenis videlicet, quam Teutonicis, suggerabant Episcopo in omni tempore, quatenus eos a iugo Ruthenorum omnino liberaret.

³⁾ Chron. Liv. vetus., p. 186.

городъ, и послѣдній окончательно разрушенъ; о литовской помощи не говорится ни слова ¹⁾), тогда какъ въ древнѣйшей лѣтописи подь 1225 годомъ упоминается опять о Гереникомъ князѣ Всеволодѣ, который прѣѣзжалъ въ Ригу видѣться съ панскимъ легатомъ ²⁾). Какъ бы то ни было, вѣрно одно, что Гереникъ раньше или позднѣе подпалъ власти Нѣмцевъ. Между тѣмъ Владиміру Псковскому удалось отмстить за свои обиды: въ 1217 году онъ отправился съ Новгородцами и Псковичами къ постоянной дѣлѣ русскихъ походовъ—къ Оденпе, и сталъ подь городомъ. Чудь, по обычаю, начала слать съ поклономъ, но на этотъ разъ обманывала, потому что послала звать Нѣмцевъ на помощь; Новгородцы собрали вѣче поодаль отъ стана, и начали толковать съ Псковичами о предложеніяхъ Чуди; почные сторожа сошли съ своихъ мѣсть, а дневные еще не пришли къ нимъ на смѣну, какъ вдругъ нечаянно явились Нѣмцы и ворвались въ покинутыя палатки. Новгородцы побѣжали съ вѣча въ станъ, схватили оружіе и выбили Нѣмцевъ, которые побѣжали къ городу, потерявши трехъ воєводъ; Новгородцы взяли также 700 лошадей и возвратились поздорову домой ³⁾); нѣмецкій лѣтописецъ прибавляетъ, что Русскіе заключили договоръ съ Нѣмцами, чтобы послѣдніе оставили Оденпе, причѣмъ Владиміръ захватилъ зятя своего Теодориха, епископскаго брата, и отвелъ во Псковъ. Вѣроятно удачный походъ Владиміра ободрилъ Эстовъ, и они рѣшились свергнуть его припелдцевъ. Съ этою цѣлію они отправили пословъ въ Новгородъ просить помощи; Новгородцы обѣщали придти къ нимъ съ большимъ войскомъ, и не исполнили обѣщанія, потому что у нихъ съ 1218 по 1224 годъ пять разъ смѣнялись князья, происходили постоянныя смуты, ссоры князей съ знаменитымъ посадникомъ Твердиславомъ. Эсты, понадѣявшись на новгородскія обѣщанія, встали, но не могли одна противъ Нѣмцамъ и принуждены были опять цокориться.

Новгородцы явились уже поздно въ Ливонію съ княземъ своимъ Всеволодомъ, въ 1219 году; имѣли успѣхъ въ битвѣ съ Нѣмцами, но понапрасну простояли двѣ недѣли подь Венденомъ, и возвратились домой поздорову. Также безъ слѣдствій остались два другіе похода Новгородцевъ въ 1222 подь Венденъ и 1223 году—подь Ревель; въ обычныхъ выраженіяхъ рассказываетъ лѣтописецъ, что они воєвали всю Чудскую Землю, полона привели безъ числа, золота много взяли, но городов не взяли, и возвратились всѣ поздорову. Тутъ же въ лѣтописи видимъ и причины, почему всѣ эти походы, кромѣ опустошенія страны, не имѣли другихъ слѣдствій: послѣ перваго похода въ 1223 году князь Всеволодъ тайкомъ ушелъ изъ Новгорода со всѣмъ дворомъ своимъ и оставилъ гражданъ въ печали;

послѣ втораго князь Ярославъ также ушелъ въ свою постоянную волость—Переяславль-Залѣсскій, сколько Новгородцы ни упрашивали его остаться. А между тѣмъ Нѣмцы дѣйствовали: въ роковой 1224 годъ, когда Южная Русь впервые узнала Татаръ, на западъ пало предъ Нѣмцами первое и самое крѣпкое поселеніе русское въ Чудской Землѣ—Юрьевъ, или Дерптъ. Здѣсь начался вѣтъ въ это время тотъ самый князь Вячеславъ, или Вячко, который принужденъ былъ Нѣмцами покинуть свою отчину Куккеинось. Вячко хорошо помнилъ обиду и былъ непримиримымъ врагомъ своихъ гонителей: бралъ онъ дань со всѣхъ окружающихъ странъ, говорить нѣмецкій лѣтописецъ, а которыя не давали дани, на тѣ посылалъ войско и опустошалъ, причиняя Нѣмцамъ всякое зло, какое только было въ его власти ⁴⁾); въ немъ находили себѣ зашту въ туземцы, возставшіе противъ припелдцевъ. Это особенно возбуждало злобу послѣднихъ къ Вячку; наконецъ рѣшились они собрать всѣ свои силы, чтобы овладѣть ненавистнымъ принономъ, гдѣ, по словамъ ихъ лѣтописца, собраны были всѣ злодѣи, измѣнники и убійцы, всѣ враги церкви ливонской, подь начальствомъ того князя, который пастари былъ корнемъ всѣхъ золъ для Ливоніи. Отправились подь Юрьевъ всѣ рыцари ордена, слуги Римской церкви, пришлые крестоносцы, кушпы, граждане рижскіе, крещеные Ливы и Летты, и 15-го августа, въ день Успенія Богородицы, Юрьевъ былъ осажденъ. Нѣмцы приготовили множество осадныхъ машинъ, изъ огромныхъ деревьевъ выстроили башню въ уровень съ городскими стѣнами, и, подь ся защитою, начали вести подкошъ; ночь и день трудилась надъ этимъ половина войска, одни копали, другіе относили землю. На слѣдующее утро большая часть подкопаннаго рухнула, и машина была придвинута ближе къ крѣпости. Несмотря на то, осаждающіе пытались еще завести переговоры съ Вячко: они послали къ нему нѣсколько духовныхъ особъ и рыцарей предложить свободный выходъ изъ крѣпости со всею дружиною, лошадыми, имѣніемъ, если согласится покинуть отступничью туземцевъ; Вячко, ожидая прихода Новгородцевъ, не принявъ никакихъ предложеній. Тогда осада началась съ новою силою и продолжалась уже много дней безъ всякаго успѣха: искусство и мужество съ обѣихъ сторонъ было равное, осаждающіе и осажденные равно не знали покоя ни днемъ, ни ночью, днемъ сражались, ночью играли и пѣли. Наконецъ Нѣмцы собрали совѣтъ; двое вождей пришлыхъ крестоносцевъ, Фридрихъ и Фредегельмъ, подали мнѣніе: „Необходимо, сказали они, сдѣлать притупъ, и, взявши городъ, жестоко наказать жителей, въ примѣръ другимъ. До сихъ поръ при взятіи крѣпостей оставляли гражданамъ жизнь и свободу, и оттого остальнымъ не задано никакого страха. Такъ теперь положимъ: кто изъ нихъ первый взойдетъ на стѣну, того превознесемъ почестями; дадимъ ему

¹⁾ Monum. Liv. antiqua. III, p. 78.

²⁾ Chron. Liv. vetus. p. 296.

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 35; ср. Chron. Liv. vet. p. 206.

⁴⁾ Chron. Liv. vet. p. 208, 284.

лучшихъ лошадей и знатнѣйшаго плѣнника, исключая этого вѣроломнаго князя, котораго мы вознесемъ выше всѣхъ, повѣсивши на самомъ высокомъ деревѣ". Мнѣніе было принято. На слѣдующее утро осаждающіе устремились на приступъ, и были отбиты. Осажденные сдѣлали въ стѣнѣ большое отверстие и выкатили оттуда раскаленные колеса, чтобъ зажечь башню, которая наносила столько вреда крѣпости; осаждающіе должны были сосредоточить всѣ свои силы, чтобъ затухить пожаръ и спасти свою башню. Между тѣмъ братъ епископа, Юганъ фонъ-Аппельдернъ, неся огонь въ рукѣ, первый начинаетъ взбираться на валъ, за нимъ слѣдуетъ слуга его, Петръ Оге, и оба безпрепятственно достигаютъ стѣны; увидявъ это, остальные ратники бросаются за ними; каждый сѣвшій, чтобъ взойти первому въ крѣпость, но кто взошелъ первый—осталось неизвѣстнымъ; одинъ поднимали другъ друга на стѣны, другіе ворвались сквозь отверстие, сдѣланное недавно сапшии осажденными для пропуска раскаленныхъ колесъ. За Нѣмцами ворвались Летты и Ливы, и началась рѣзня; никому не было пощады; Русскіе долго еще бились внутри стѣны, наконецъ были истреблены; Нѣмцы окружили отовсюду крѣпость и не позволяли никому спастись бѣгствомъ. Изъ всѣхъ мужичиъ, находившихся въ городѣ, оставили въ живыхъ только одного слугу князя Суздальскаго; ему дали лошадь и отправили въ Новгородъ довести своимъ о судьбѣ Юрьева, и новгородскій лѣтописецъ записалъ: „Того же лѣта убиша князя Вячка Нѣмцы въ Гюргевѣ, а городъ взялиа“¹⁾.

Что же Новгородцы: перенесли спокойно уничтоженіе русскихъ владѣній въ Чудской Землѣ? Слѣдующій разсказъ лѣтописца всего лучше покажетъ намъ, имѣли ли возможность Новгородцы предпринять чтонибудь рѣшительное. Въ 1228 году князь Переяславъ Залѣскаго, Ярослава Всеволодовича, призванный княжить въ Новгородъ, отправился съ посадникомъ и тысяцкимъ во Псковъ. Псковичи, узнавши, что идетъ къ нимъ князь, затворились въ городѣ и не пустили его къ себѣ; проеслась вѣсть во Псковѣ, что Ярославъ везетъ съ собою оковы, хочетъ ковать лучшихъ мужей. Ярославъ возвратился въ Новгородъ, созвалъ вѣче на Владычьемъ дворѣ и объявилъ гражданамъ, что не мыслитъ никакого зла на Псковичей: „Я, говорилъ онъ, везъ къ нимъ не оковы, а дары въ коробьяхъ, ткани дорогія, овощи, а они меня обезчестили“; — и много жаловался на нихъ Новгородцамъ. Скоро послѣ этого онъ привелъ полки изъ Переяславля, съ тѣмъ, чтобъ идти на Ригу. Псковичи, узнавши объ этомъ, заключили отдѣльный миръ съ Нѣмцами, дали имъ 40 человекъ въ заложники, съ условіемъ, чтобъ они помогли имъ въ случаѣ войны съ Новгородцами. Но послѣдніе также занодозрили Ярослава,

стали говорить: „Князь то насъ зоветъ на Ригу, а самъ хочетъ идти на Псковъ“. Ярославъ опять послалъ сказать Псковичамъ: „Ступайте со мною въ походъ: я зла на васъ не думалъ никакого, а тѣхъ мнѣ выдайте, кто наговорилъ вамъ на меня“. Псковичи велѣли отвѣчать ему: „Тебѣ, князь, кланяемся и вамъ, братья Новгородцы, но въ походъ неидемъ, и братья своей не выдаютъ, а съ Рижанами мы помирились; вы къ Кольваню (Ревелю) ходили, взяли серебро, и возвратились, ничего не сдѣлавши, города не взяли, такъ же и у Кеси (Вендена) и у Медвѣжьей Головы (Оденне), и за то нашу братью Нѣмцы побили на озерѣ, а другихъ въ плѣнъ взяли; Пѣмцевъ только вы раздразнили, да сами ушли прочь, а мы поплывали. А теперь на насъ, что ли, идти вздумали?—такъ мы противъ васъ съ Святой Богородицею и съ поклономъ: лучше вы насъ перебейте, а жепъ и дѣтей нашихъ въ полонъ возьмите, чѣмъ поганые; на томъ вамъ и кланяемся“. Новгородцы сказали тогда князю: „Мы безъ своей братьи, безъ Псковичей, неидемъ на Ригу, а тебѣ, князь, кланяемся“; много уговаривалъ ихъ Ярославъ, но все понапрасну; тогда онъ отпустилъ свои полки назадъ въ Переяславль. — Можно ли было при такихъ отношеніяхъ успѣшно бороться съ Нѣмцами?

На сѣверъ отъ Финскаго залива Новгородцы ходили на чудское племя Ямъ; походы эти имѣли такой же характеръ, какъ и походы на Эстоны: такъ въ 1188 ходили на Ямъ новгородскіе *молодцы* съ какимъ-то Вышатою Васильевичемъ, и пришли домой поздорову, добывши полона. Въ 1191 году ходили Новгородцы выѣсть съ Корелюю на Ямъ. Землю ея повоевали и пожгли, и скотъ перебили. Въ 1227 году князь Ярославъ Всеволодовичъ пошелъ съ Новгородцами на Ямъ, землю всю повоевали, полона привели безъ числа; но въ слѣдующемъ году Ямъ захотѣла отомстить за опустошеніе своей земли, пришла Ладожскимъ озеромъ на суда и стала опустошать новгородскія владѣнія²⁾. Новгородцы, услышавши о набѣгѣ, сѣли на суда и поплыли Волховомъ къ Ладогѣ; но Ладожане съ своимъ посадникомъ Владиславомъ не стали дожидаться ихъ, погнались на лодкахъ за Ямью, настигли и вступили въ битву, которую прекратила ночь; ночью Ямъ прислала просить мира, но Ладожане не согласились; тогда Финны, перебивши плѣнниковъ и сбросавши лодки, побѣжали въ лѣсъ, гдѣ большая часть ихъ была истреблена Корелюю. Что же дѣлалъ въ это время Новгородцы?—они стояли на Невѣ, да вѣче творили, хотѣли убить одного изъ своихъ, какого-то Судимира, да князь скрылъ его въ своей лодкѣ; потомъ возвратились домой,

¹⁾ По Татищ. (III, 431), Нѣмцы взяли Юрьевъ обманомъ, заключили перемиріе, и, воспользовавшись неосторожностью осажденныхъ, надрывшихся на это перемиріе, взяли городъ.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 42: «Воевали бо сяку около озера на Исадѣхъ и Олоньскѣ». —Гр. Надеждинъ и Неволинъ замѣчаютъ: «Есть и нынѣ село Исадѣ, на Волховѣ, близъ впаденія его въ озеро Ладожское, между Старою и Новою Ладогою. Но городъ Олоньскъ очень далеко отсюда». Но мы не знаемъ подробностей, откуда и какъ прошла Ямъ; она опустошала новгородскія вѣста на берегахъ Ладожскаго озера: Олоньскъ недалеко отъ послѣднего.

ничего не сдѣлавши.—Были также столкновения у Новгородцевъ съ финскими племенами за Волокомъ, въ области Сѣверной Двины и далѣе на востокъ: подъ 1187 годомъ встрѣчаемъ извѣстiе, что новгородскiе сборщики даней (ясака) были перебиты въ Печерѣ и за Волокомъ, погнано ихъ человекъ сто; возсташе, какъ видно, было въ разныхъ мѣстахъ въ одно время. Въ 1193 году Новгородцы пошли ратью за Уралъ, въ Югру, съ воеводою Ядреемъ, пришли въ Югру, взяли одинъ городъ, потомъ осадили другой и стояли подъ нимъ пять недѣль; осажденные стали подсылать къ нимъ обманомъ, говорили: „Мы копимъ серебро, соболей и разное другое добро; зачѣмъ же вы хотите погубить своихъ смердовъ и свои дани?“ Но, вмѣсто серебра и соболей, они копили войско, да спосились съ измѣнникомъ новгородскимъ, какимъ-то Савкою, который держалъ перевѣтъ къ Югорскому князю. Когда войско было собрано, то осажденные послали сказать новгородскому воеводѣ, чтобъ приходилъ къ нимъ въ городъ съ 12 лучшими людьми за данью; тотъ, ничего не подозревая, пошелъ—и былъ убитъ вмѣстѣ съ товарищами; потомъ было приманено въ городъ еще тридцать человекъ, потомъ еще пятьдесятъ. Измѣнникъ Савка сказалъ при этомъ князю Югорскому: „Если, князь, не убьешь Якова Прокшинича и пустишь его въ Новгородъ живаго, то онъ опять приведетъ сюда войско и опустошитъ твою землю; вели убитъ его“;—и Яковъ былъ убитъ, сказавши передъ смертію Савкѣ: „Братъ! судить тебѣ Богъ и Св. Софья, что подумалъ на свою братью; станешь ты съ нами передъ Богомъ и отдашь отвѣтъ за кровь нашу“. Наконецъ осажденные, истребивши лучшихъ людей, ударили на остальныхъ, полумертвыхъ отъ голода, и большую часть ихъ истребили; спаслось только 80 человекъ, которые съ великою нуждою добрались до Новгорода. Приходъ ихъ, разумеется, долженъ былъ произвести сильное волненіе, когда узнали, что бѣда приключилась отъ измѣны; сами путники убили троихъ гражданъ, обвиняя ихъ въ зломъ умыслѣ на свою братью; другіе обвиненные откупились деньгами; лѣтописецъ говоритъ, что одному Богу извѣстно, кто тутъ былъ правъ, кто виноватъ¹⁾. Изъ этихъ, хотя очень рѣдкихъ извѣстій лѣтописцы мы можемъ составить себѣ понятіе объ отношеніяхъ Новгорода къ его заволоцкимъ владѣніямъ, къ тамошнему финскому народонаселенію: ходили отряды такъ называемыхъ *данниковъ* (сборщиковъ дани) собирать ясакъ съ туземцевъ серебромъ и мѣхами; иногда эти данники встрѣчали сопротивленіе, были истребляемы вдругъ въ разныхъ мѣстахъ; неизвѣстно, походъ Ядрея былъ ли попыткою взять ясакъ съ племенъ, еще до сихъ поръ его не платившихъ, или съ старыхъ плательщиковъ, отказавшихся на этотъ разъ платить; слова князька: „Мы копимъ серебро...зачѣмъ вы хотите губить своихъ смердовъ“—могутъ указывать на послѣднее²⁾. Но если новгородскіе данники не

всегда были счастливы въ своихъ заволоцкихъ походахъ, то новгородскимъ выходцамъ, принужденнымъ оставить по разнымъ причинамъ родную землю, удалось въ послѣдней четверти XII вѣка утвердиться въ сторонѣ Прикаской, на берегахъ рѣки Вятки, гдѣ они основали независимую общину, ставшую на сѣверо-востокъ притономъ всѣхъ бѣгловцевъ, подобно Южному Берладу и Тамторакану.

Если Новгородцы боролись съ финскими племенами за Волокомъ, въ нынѣшней Финляндіи и Эстоніи—тамъ для того, чтобъ собирать съ нихъ богатый ясакъ серебромъ и мѣхами, здѣсь—частію также для добычи, частію для защиты собственныхъ владѣній, опустошаемыхъ дикарями, то сѣверные, суздальскіе князья, повинуваясь природнымъ указаніямъ, распространяли свои владѣнія внизъ по Волгѣ, причемъ постоянно должны были бороться съ Болгарами, Мордвою и другими инородцамъ. Зимой 1178 года Андрей Боголюбскій отпривилъ на Болгаръ сына своего Мстислава, съ которымъ должны были соединиться сыновья Муромскаго и Рязанскаго князей; походъ этотъ, говоритъ лѣтописецъ, не нравился всѣмъ людямъ, потому что не время воевать зимою Болгаръ, и полки шли очень медленно и неохотно; при устьи Оки соотпеченные князья двѣ недѣли дожидались разныхъ людей, и рѣшились наконецъ ѣхать съ одною передовою дружиною, въ которой всѣмъ распорядился тогда воевода Борисъ Жидиславичъ. Русскіе неожиданно въѣхали въ поганую землю, взяли шесть селъ, да сельской городъ; мужчиги перебили, женщинъ и дѣтей побрали въ плѣнъ; Болгары, услыхавъ, что князья пришли съ небольшою дружиною, собрали шесть тысячъ человекъ рати и погнались за Русскими, но, не дошедши до нихъ 20 верстъ, возвратились. Наши, говоритъ лѣтописецъ, прославили Бога, потому что очевидно спасла ихъ отъ неминуемой бѣды Святая Богородица и христіанская молитва. Въ 1184 году Всеволодъ III-й вздумалъ пойти на Болгаръ, и послалъ просить помощи у Кіевскаго князя Святослава Всеволодовича; тотъ отпривилъ къ нему сына Владиміра, велѣвъ сказать сѣверному князю: „Дай Богъ, братъ и сынъ, повоюемъ намъ въ наше время съ погаными“. Съ осемью князьями³⁾ выступилъ Всеволодъ въ походъ водою, по Олѣ и Волгѣ; вышедши на берегъ, великій князь оставилъ у лодокъ бѣлозерскій полкъ съ двумя воеводами—Омомою Ласковичемъ и Дорожаемъ, и пошелъ съ остальнымъ войскомъ на коняхъ къ Великому Городу Серебряныхъ Болгаръ, отпраивъ впередъ сторожевой отрядъ. Сторожа увидали въ полѣ войско и подумали сначала, что это Болгары; но оказалось, что то были Половцы; пять человекъ

раженія, что Новгороду принадлежали обширныя страны отъ Сѣверной Двины до Урала и за Уралъ.

³⁾ Съ племянникомъ своимъ Іаиславомъ Глѣбовичемъ, съ Владиміромъ Святославичемъ Черниговскимъ, Мстиславомъ Давидовичемъ Смоленскимъ, съ четырьмя Глѣбовичами рязанскими: Романомъ, Игоремъ, Всеволодомъ и Владиміромъ, да съ Муромскимъ Владиміромъ.

¹⁾ О походѣ на Тоймокаровъ было упомянуто выше.

²⁾ Послѣ этого явно, какъ мы должны понимать вы-

изъ нихъ прѣихали къ Всеволоду, ударили передъ нимъ челомъ и сказали: „Кланяются тебѣ, князь, Половцы Ямяковскіе; пришли мы также воевать Болгарь“. Всеволодъ, подумавши съ князьями и дружиною, привелъ Половцевъ къ присягѣ по ихъ обычаю, и пошелъ съ ними вмѣстѣ къ Великому Городу, приближившись къ которому, сталъ думать съ дружиною; въ это время племянникъ его, Изяславъ Глѣбовичъ, схвативъ копье, помчался съ своею дружиною къ городу, подлѣ котораго нѣмнѣе Болгары устроили себѣ укрѣпленіе; Изяславъ выбилъ ихъ отсюда и проскакалъ къ самымъ городскимъ воротамъ, но здѣсь изломалъ свое копье, получилъ рану стрѣлою сквозь броню подъ самое сердце и полумертвый принесенъ былъ въ станъ. А между тѣмъ бѣлозерскій полкъ, оставленный при лодкахъ, выдержалъ нападеніе отъ Болгаръ, приплывшихъ Волгою изъ разныхъ городовъ въ числѣ 5,000 человекѣвъ, и обратилъ ихъ въ бѣгство, причѣмъ перетонуло ихъ больше тысячи человекѣвъ. Всеволодъ стоялъ еще 10 дней подъ Великимъ Городомъ, но, видя, что племянникъ изнемогаетъ, а Болгары просятъ мира, отправился назадъ къ своимъ лодкамъ, гдѣ Изяславъ и умеръ; великій князь послѣ этого возвратился во Владиміръ, оставивъ конницу на Мордву. Въ 1186 году Всеволодъ посылаетъ опять воеводъ своихъ съ Городчанами на Болгарь; Русскіе взяли много селъ и возвратились съ полопомъ. Послѣ того при Всеволодѣ не встрѣчаемъ больше извѣстій о походахъ на Болгарь; по смерти его уособица между его сыновьями долго не давала Русскимъ возможности обратитъ вниманіе на сосѣдніе народы; пользуясь тѣмъ, Болгары предприняли наступательное движеніе и взяли Устюгъ въ 1217 году. Только въ 1220 году великій князь Юрій Всеволодовичъ собрался послать сильную рать на Болгарь; онъ послалъ брата своего Святослава, князя Юрьевского, и съ нимъ полки свои подъ начальствомъ воеводы Еремѣя Глѣбовича; Ярославъ Всеволодовичъ Черыславскій послалъ также свои полки; племяннику Васильку Константиновичу великій князь велѣлъ послать полки изъ Ростова и изъ Устюга на верхъ Камы; Муромскій князь Давидъ послалъ сына своего Святослава, Юрій — Олега и всѣ спялись на устьи Оки, откуда поплыли на лодкахъ внизъ по Волгѣ и высадились на берегъ противъ города Ошела. Святославъ выстроилъ войско; ростовскій полкъ поставилъ по правую руку, черыславскій — по лѣвую, а самъ сталъ съ муромскими князьями по-серединѣ, и въ такомъ порядкѣ двинулся къ лѣсу, оставивъ одинъ полкъ у лодокъ. Прощедши лѣсъ, русскіе полки вышли на поле къ городу; здѣсь были они встрѣчены болгарскою конницею, которая, постоявши немного, пустила въ нашихъ по стрѣлѣ, и помчалась къ городу; Святославъ двинулся за нею и осаждалъ Ошелъ. Около города былъ сдѣланъ острогъ, огороженный крѣпкимъ дубовымъ тыномъ; за острогомъ были еще два укрѣпленія и между ними валъ; по этому валу бѣгали осажденные и бился съ Русскими. Князь Свя-

тославъ, подошедши къ городу, отрядилъ напередъ людей съ огнемъ и топорами, а за ними стрѣльцовъ и копейниковъ; Русскіе подошли тыгъ, разорили и два другихъ укрѣпленія, и зажгли ихъ, потомъ зажгли и самый городъ; но тутъ поднялся противный вѣтеръ и понесъ клубы дыма на русскіе полки; дымъ, въ которомъ нельзя было различить человекѣва, зной и щуже всего бездождіе заставляли осаждающихъ отступитъ отъ города. Когда они отдохнули отъ трудовъ, то Святославъ сказалъ: „Пойдемъ теперь за вѣтромъ на другую сторону города!“ — полки встали и пошли, и когда были у городскихъ воротъ, то князь сказалъ имъ: „Враты и дружина! сегодня предстоитъ намъ или добро, или зло, такъ пойдѣте скорѣе!“ — и самъ князь посккалъ впередъ всѣхъ къ городу, за нимъ остальное войско, посккали тыгъ и оллоты и зажгли ихъ, потомъ зажгли городъ со всѣхъ сторонъ, причѣмъ встала епльная буря, такъ что страшно было смотрѣть, а въ городѣ раздавался громкій вопль. Князь Болгарскій успѣлъ убѣжать на лошадакъ съ малою дружиною, а которые Болгары выбѣжали пѣшкомъ, тѣхъ всѣхъ Русскіе перебили, женъ и дѣтей въ плѣнъ побрали, другіе Болгары сгорѣли въ городѣ, а иные перебили сперва своихъ женъ и дѣтей, а потомъ и сами себя лишили жизни; нѣкоторые изъ русскихъ ратниковъ осмѣлились войти въ городъ за добычею, но едва убѣжали отъ пламени, а иные такъ и сгорѣли. Пожегши городъ, Святославъ пошелъ назадъ къ лодкамъ; когда онъ пришелъ къ нимъ, то поднялась сильная буря съ дождемъ, такъ что съ трудомъ можно было удержатъ лодки у берега; потомъ буря начала стихать, и Святославъ, переночевавши тутъ и пообѣдавши, на другой день поплылъ назадъ вверхъ по Волгѣ. Между тѣмъ Болгары изъ Великаго и другихъ городовъ, услышавши объ истребленіи Ошела, собрались съ князьями своимъ и пришли къ берегу; Святославъ зналъ о приближеніи враговъ и велѣлъ своимъ приготовиться къ битвѣ: поили — полкъ за полкомъ, били въ бубны, играли въ трубы и сопѣли, а князь шелъ зади всѣхъ. Болгары, подошедши къ берегу, увидали между Русскими своихъ плѣнниковъ, кто отпа, кто сына и дочь, кто братьевъ и сестеръ, и стали вопить, кивая головами и закрывая глаза; но напасть на Русскихъ не посмѣли, и Святославъ благополучно достигъ устья Камы, гдѣ соединился съ ростовскимъ и устюжскимъ полками, бывшими подъ начальствомъ воеводы Воислава Добрынича. Ростовцы и Устюжане пришли съ большою добычею, потому что воеваецъ внизъ по Камѣ, взяли много городовъ и селъ. Съ устья Камы пошли всѣ къ Городцу, здѣсь вышли на берегъ и отправились на коняхъ къ Владиміру. Князь Юрій встрѣтилъ брата у Боголюбова, и задавъ ему и всему войску большой пиръ, провали три дня, причѣмъ Святославъ и все войско получили богатые подарки. Слѣдствіемъ Святославова похода было то, что на ту же зиму болгарскіе послы явились къ великому князю съ прось-

бой о мирѣ; но Юрій сначала не согласился на миръ и послалъ собрать войско, хотѣлъ самъ теперь идти въ походъ, и дѣйствительно выступилъ къ Городцу; на дорогѣ встрѣтили его новые послы отъ Болгаръ съ челобитиемъ, но онъ и тѣхъ не послушалъ; наконецъ уже въ Городецъ пришли къ нему еще послы съ дарами и съ выгодными условіями, на которыя в. князь и согласился; заключенъ былъ миръ по-прежнему, какъ было при отцѣ и дядѣ Юріи.

Послѣ этого удачнаго похода на Болгаръ, Юрій рѣшился укрѣпить за Русью важное мѣсто при устьи Оки въ Волгу, гдѣ привыкли собираться сугдальскія и муромскія войска: здѣсь въ 1221 году заложень былъ Нижній-Новгородъ. Онъ былъ основанъ на землѣ Мордвы, съ которою слѣдовательно необходимо должна была возникнуть борьба; въ 1226 г. в. князь посылалъ братьевъ своихъ Святослава и Ивана на Мордву, которую они побѣдили и взяли нѣсколько селъ. Въ 1228 году, въ сентябрѣ, Юрій послалъ-было на Мордву племянника Василька Константиновича Ростовскаго съ воеводою своимъ, извѣстнымъ Еремѣемъ Глѣбовичемъ, но возвратилъ ихъ за непогодю, потому что лили дожди день и ночь; а зимою, въ январѣ мѣсяцѣ отправился въ походъ самъ съ братомъ Ярославомъ, племянниками Константиновичами и Муромскимъ княземъ Юріемъ; Русскіе вошли въ землю мордовскаго князя Пургаса, пожгли и потравили хлѣбъ, перебили скотъ, а плѣнниковъ отправили домой; Мордва скрылась въ лѣсахъ и твердяхъ, а которые не успѣли спрятаться, тѣхъ перебила младшая дружина Юрьева. Видя успѣхъ Юрьевой дружины, младшая дружина Ярослава и Константиновичей тайкомъ отправились на другой день въ дремучій лѣсъ на поиски за Мордвою. Мордва дала имъ зайти въ глубину лѣса, потомъ окружила ихъ и однихъ истребила на мѣстѣ, другихъ поволокла въ свои укрѣпленія, и тамъ перебила ⁴⁾. Между тѣмъ Волгарскій князь пришелъ-было на Шурша, присяжнаго князька Юрьева, но, услышавъ, что великій князь жжетъ села мордовскія, побѣжалъ ночью назадъ, а Юрій съ братею и со всѣми полками возвратился домой поздорову. Вообще, несмотря на всю медленность, недружность наступательнаго движенія Руси на финскія племена, послѣднимъ не было возможности съ успѣхомъ противиться ей, потому что Русь, мимо всѣхъ препятствій къ государственному развитію, все шла впередъ по пути этого развитія, тогда какъ финскія племена оставались и теперь на той же ступени, на какой славянскія племена, Дреговичи, Сѣверяне, Вятичи, находились въ половинѣ IX вѣка, жили особыми и,

потому, безчисленными племенами, которыя, раздробляясь, враждовали другъ съ другомъ. Мѣстное преданіе очень вѣрно указываетъ на причину подчиненія финскихъ племенъ Руси: на мѣстѣ Нижняго-Новгорода, говоритъ оно, жилъ нѣкогда Мордвинъ Скворецъ, другъ Соловья Разбойника; было у него 18 женъ и 70 сыновей. Чародѣй Дятель предсказалъ ему, что если дѣти его будутъ жить мирно, то останутся владѣтелями отповскаго псалѣдія, а если поссорятся, то будутъ покорены Русскими; потомки Скворца начали враждовать между собою, и Андрей Боголюбскій изгналъ ихъ съ устья Оки.

Не таковы были отношенія Руси къ западнымъ ея дикимъ соседямъ—Литовцамъ, которыхъ набгги становятся все сильнѣе и дружнѣе: въ 1190 году Юрипкъ Ростиславичъ, будучи еще княземъ Влгородскимъ, по родству своему съ князьями литовскими, которые должны были особенно терѣть отъ Литвы, предпринялъ-было походъ на нее, но не могъ дойти до Земли Литовской, потому что сдѣлалось тепло и снѣгъ растаялъ, а въ этой болотистой странѣ только и можно было воевать въ сильные холода. Счастливецъ былъ зять его, знаменитый Романъ Волынской, о поведеніи котораго относительно плѣншихъ Литвы и Ятвяговъ уже было упомянуто; въ 1196 году, по словамъ летописи, Романъ ходилъ на Ятвяговъ *отмщеваться*, потому что они воевали его волость; когда Романъ вошелъ въ ихъ землю, то они не могли стать противъ его силы, и бѣжали въ свои тверди, а Романъ пожегъ ихъ волость, и, *отомстившись*, возвратился домой ²⁾. Усобицы, возникшія на Волыни по смерти Романа Великаго, дали Ятвягамъ и Литвѣ возможность опустошать эту страну: подъ 1205 годомъ читаемъ извѣстіе, что Литва и Ятвяги повоевали землю отъ Турійскаго до Червена, бились у самыхъ воротъ червенскихъ; бѣда была въ Землѣ Владимірекой отъ воеванія литовскаго и ятвяжскаго, говоритъ летописецъ. Въ 1215 г. литовскіе князья, числомъ 21, дали миръ вдовѣ Романовой, которая немедленно употребила ихъ противъ Поляковъ. Въ 1227 году Ятвяги пришли-было воевать около Вреста, но потеряли поражение отъ Данила Романовича.—Сѣверо-западные русскія границы не были также безопасны отъ Литвы: въ 1183 году бились Псковичи съ Литвою, и много потеряли зла отъ нея. Въ 1200 году Литовцы опустошили берега Ловати ³⁾; Новгородцы погнались за ними и обратили ихъ въ бѣгство, убивши 80 человекъ и огняши добычу. Въ тотъ же годъ воевода великолукскій, Нѣздла Сехчиничъ, ходилъ съ небольшою дружи-

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 179: «Той же зимы (1208) бѣгаша Олговици съ Литвою».—Гдѣ, неизвестно.

⁴⁾ Такъ понимаютъ это мѣсто; но мы не рѣшаемся признавать это пониманіе совершенно правильнымъ; вотъ самый текстъ: «То видѣвше молодіи Ярослави и Василькови Всеволожи, утаившеса, назауриѣ ѣхаша въ лѣсъ глубокъ, а Мордва, давше имъ путь, а сами лѣсомъ обидоша ихъ около, избиша и, а иныхъ изымаша; бѣжаша въ тверди, тѣхъ тамо избиша, и княземъ нашимъ не бысть кого воевати».

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 25: «Ловоть възяла Литва и до Наюця, съ Бѣлѣ до Свинорта и до Ворча Середу; и гнашася Новгородци по нпхъ и до Цернянъ».—Изъ этихъ мѣстъ съ вѣрностію можно опредѣлить Свинортъ въ Новгородскомъ уѣздѣ при р. Шелочи, и Наюця въ Демянскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Полѣ, предъ слияніемъ ея съ Ловатью.

ною на Летголу, засталаъ неприятелей спящими, убилъ 40 человекъ, а женъ и дѣтей увелъ въ плѣнъ. Подъ 1210 годомъ упоминается снова о набѣгѣ литовскою на Новгородскую область; въ 1213 Литовцы пожгли Псковъ; въ 1217 Литва опять воевала по Шелони; въ 1225 около Торонца; въ 1224 пришла къ Русѣ: посадникъ Оедоръ выѣхалъ—было противъ нея, но былъ побѣжденъ; въ 1225 Литовцы, въ числѣ 7,000, страшно опустошили села около Торжка, не дошедши до города только трехъ верстъ, побили много купцовъ, поплѣнили и Торонецкую волость всю; князь Ярославъ Всеволодовичъ нагналъ ихъ близъ Усвята, разбилъ, истребилъ 2,000 человекъ, отнял добычу; изъ Русскихъ палъ здѣсь Торонецкій князь Давидъ, сынъ Метислава Храбраго.

На югѣ и юго-востокѣ продолжалась прежняя борьба съ степняками, или Половцами. Когда Андрей Боголюбскій посадилъ брата своего Глѣба въ Кіевѣ, то въ русскихъ предѣлахъ явилось множество Половцевъ; одна половина ихъ вошла въ предѣлы Переяславскаго княжества, а другая—Кіевскаго, и обѣ послали къ Глѣбу съ такими рѣчами: „Богъ и князь Андрей посадили тебя на твоей отчинѣ и дѣдишѣ въ Кіевѣ, а мы хотимъ урядиться съ тобою обо всемъ, послѣ чего мы присягнемъ тебѣ, а ты намъ, чтобъ вы насъ не боялись, а мы васъ“. Глѣбъ отвѣчалъ: „Я готовъ идти къ вамъ на сходку“, и сталъ думать съ дружиною, къ какимъ Половцамъ идти прежде;—рѣшили, что лучше идти сперва къ Переяславу, потому что князь томашній, Владимиръ Глѣбовичъ, былъ тогда малъ, всего 12 лѣтъ. Глѣбъ и пошелъ на сходку къ переяславскимъ Половцамъ, а другимъ, русскимъ (т. е. кіевскимъ) послалъ сказать: „Подождите меня здѣсь: теперь я ѣду къ Переяславу, и когда умираю съ тѣми Половцами, то приду и къ вамъ на миръ“. Но кіевскіе Половцы, услышавъ, что Глѣбъ пошелъ на ту сторону Днѣпра, начали разсуждать: „Глѣбъ-то поѣхалъ на ту сторону, къ тѣмъ Половцамъ, и тамъ долго пробудеть, а къ намъ не поѣхалъ, такъ мы пойдемъ за Кіевъ, возьмемъ села и пойдемъ домою съ добычею“. И дѣйствительно отправлялись воевать кіевскія волости, жители которыхъ, не ожидая нападенія, не успѣли убѣжать ¹⁾,—были все перехвачены и вмѣстѣ со стадами погнаны въ степи. Глѣбъ возвращался отъ Переяслава и хотѣлъ-было отправиться къ Корсуню, гдѣ стояли прежде Половцы, какъ дали ему знать, что варвары, не дождавшись съѣзда, поѣхали воевать—и воюютъ. Глѣбъ хотѣлъ немедленно самъ гнаться за ними, но Берендѣи схватили за поводъ его коня и сказали: „Князь, не ѣзди! тебѣ пристойно только ѣздить въ большою полку, когда соберется вся братья, а теперь пошли кого-нибудь изъ князей, да съ нимъ отрядъ изъ насъ, Берендѣевъ“. Глѣбъ послушался и отправилъ брата своего Михаила съ сотнею Переяс-

лавцевъ и съ 1,500 Берендѣевъ; Михаилъ перенялъ у Половцевъ дорогу, напалъ безъ вѣсти на сторожей ихъ, которыхъ было 300 человекъ, и однихъ перебилъ, а другихъ взялъ въ плѣнъ; когда у этихъ начали спрашивать, „много ли вашихъ назадъ?“ и они отвѣчали, что много, тысячъ семь, то Русскіе стали думать: „Половцевъ назадъ много, а насъ мало; если оставимъ плѣнниковъ въ-живыхъ, то во время битвы они будутъ намъ первые враги“, и перебили ихъ всехъ; потомъ пошли на другихъ Половцевъ, разбили ихъ, добычу отняли и опять спросили у плѣнниковъ: „Много ли еще вашихъ назадъ?“ тѣ отвѣчали: „Теперь великій полкъ идетъ“. Русскіе дождались и великаго полка, и поѣхали противъ него; у поганыхъ было 900 копій, а у Русскихъ только 90. Переяславцы хотѣли-было ѣхать напередъ съ княземъ Михаиломъ; но Берендѣи опять схватили у Михаила коня за поводъ, и сказали: „Вамъ не слѣдъ ѣхать напередъ, потому что вы нашъ городъ (защита), а мы—стрѣльцы—пойдемъ напередъ“. Битва была злая, князь Михаилъ получилъ три раны, наконецъ Половцы побѣжали, причемъ полторы тысячи ихъ попалося нашимъ въ плѣнъ. Зимой 1174 года Половцы снова явились на кіевской сторонѣ и взяли множество селъ; большою Глѣбъ выслалъ противъ нихъ Торковъ и Берендѣевъ, подъ начальствомъ двоихъ братьевъ своихъ Михаила и Всеволода, которые нагнали и разбили Половцевъ за рѣкою Вугомъ, притомъ отполонили 400 человекъ своихъ.

По смерти Глѣба, въ княженіе Романа Ростиславича въ Кіевѣ, лѣтописецъ упоминаетъ о половецкихъ набѣгахъ на пограничныя земли по рѣкѣ Роси; но гораздо замѣчательнѣе шла борьба съ варварами по ту сторону Днѣпра, гдѣ Сѣверскій князь Игорь Святославичъ пошелъ на Половцевъ въ степи за Ворсклю. Узнавши на дорогѣ, что два хана, Кобякъ и Кончакъ, отправились пустошить Переяславскую волость, Игорь поднялся за ними, принудилъ бѣжать и отнял всю добычу; такъ счастливо началъ борьбу свою съ Половцами Игорь Святославичъ, которому суждено было приобрести такую знаменитость отъ несчастнаго похода своего на нихъ. Въ 1179 году Кончакъ много зла надѣлалъ христіанамъ у Переяслава; въ 1184 году новое извѣстіе о нашествіи Кончака. До сихъ поръ усобицы между Мономаховичами и Ольговичами на югѣ не давали князьямъ возможности оплачивать Половцамъ походы въ степи; но теперь, съ окончательнымъ утвержденіемъ Святослава Всеволодовича въ Кіевѣ, усобицы прекратились, и начинается рядъ степныхъ походовъ. Уже въ 1184 году, послѣ нашествія Кончака, князь Святославъ, посоветовавшись съ сватомъ своимъ Рюрикомъ, пошелъ на Половцевъ, и сталъ у Ольгичъ, ожидая Ярослава Всеволодовича изъ Чернигова; Ярославъ пріѣхалъ и сказалъ имъ: „Теперь, братья, не ходите, но лучше назначимъ срокъ и пойдемъ, дасть Богъ, на лѣто“. Старшіе князья послушались его и возвратились, приказавши вмѣсто себя идти въ степь

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 153: «И взяша села бѣзъ утеча съ людьми».

младшимъ: Святославъ отправилъ Игоря Святославича Сѣверскаго, а Рюрикъ—Владимира Глѣбовича Переяславскаго. Но эти младшіе—Мономаховичъ Владиміръ и Ольговичъ Игорь—сейчасъ же начали споръ за старшинство и поссорились; Владиміръ сталъ проситься у Игоря ѣхать напередъ, а Игорь не пустилъ его; тогда Владиміръ разсѣдился и, выѣхавъ Половецкъ, пошелъ на сѣверскіе города, гдѣ взявъ большую добычу; Игорь одинъ съ своими Ольговичами отправился на Половецкъ и принудилъ ихъ ѣхать; но далеко не могъ идти за ними, потому что отъ дождя вода поднялась въ рѣкахъ. Старшіе князья—Святославъ и Рюрикъ—исполнили свое обѣщаніе, лѣтомъ повѣстили походъ на Половецкъ, собрали князей—Переяславскаго, Волынскихъ, Смоленскихъ, Туровскихъ, взяли вспомогательный галицкій отрядъ, и пошли внизъ по Днѣпру. Черниговскіе отказались идти выѣстъ; они послали сказать Святославу Всеволодовичу: „Далеко намъ идти внизъ Днѣпромъ, не можемъ своихъ земель оставить пустыми; но если пойдемъ на Переяславъ, то сойдемся съ тобою на Сулѣ“. Святославу не понравилось это неповиновеніе младшей братьи; онъ продолжалъ безъ нихъ путь по Днѣпру, вышелъ на восточный берегъ при Инжирѣ бродѣ, и отрядилъ младшихъ князей на поискъ за Половцами съ 2,100 Берендѣевъ; Владиміръ Глѣбовичъ Переяславскій отпросился у него ѣхать прежде всѣхъ: „Моя волость пуста отъ Половцевъ, говорилъ онъ, такъ пусти меня, батюшка Святославъ, напередъ съ сторожами!“ Половцы, увидавши идущій на себя полкъ Владиміровъ, ударились бѣжать, такъ что русскій сторожевой отрядъ не могъ нагнать ихъ и возвратился къ рѣкѣ Ерету; остановившись и Половцы, и ханъ Кобыкъ, думалъ, что Русскихъ всего только, что съ Владиміромъ, погнался за послѣднимъ и сталъ перестрѣливаться съ его отрядомъ черезъ рѣку; услыжавъ объ этомъ, Святославъ и Рюрикъ отправили на помощь къ сторожамъ большіе полки, велѣвъ за которыми пошли и сами; но Половцы, увидавши первые полки, отправленные на помощь къ сторожамъ, подумали, что это сами Святославъ и Рюрикъ идутъ, и побѣжали; Русскіе за ними, стали ихъ бить и хватать въ плѣнъ и набрали 7,000 человекъ; взяли тутъ самого Кобыка съ двумя сыновьями и много другихъ князей¹⁾, и возвратились Святославъ и Рюрикъ со славою и честью великою, по словамъ лѣтописца. Между тѣмъ Игорь Святославичъ Сѣверскій, услыжавъ, что Кіевскій Святославъ пошелъ на Половецкъ, призвалъ къ себѣ брата Всеволода, племянника Святослава Ольговича, сына Владиміра, дружину, и сказалъ имъ: „Половцы обратились теперь противъ русскихъ князей, такъ мы безъ нихъ ударимъ на ихъ вежи“. Князья побѣжали и за рѣкою Мерлою встрѣтились съ половецкимъ отрядомъ въ 400 человекъ, которые пробрались воевать Русь; Игорь ударилъ на нихъ и прогналъ назадъ.

¹⁾ Поли. Собр. Русск. Лѣт. II. стр. 167: «Кіаіаі оди-нѣхъ было Половцкихъ 400 и 17».

Въ слѣдующемъ 1185 году пошелъ окалянный, безбожный и треклятый Кончакъ со множествомъ Половцевъ на Русь съ тѣмъ, чтобы поплѣнить города русскіе и пожечь ихъ огнемъ; напелъ онъ одного бусурмана, который стрѣлялъ живымъ огнемъ; были у Половцевъ также луки тугіе самострѣльные, которые едва могли натянуть 50 человекъ. Половцы сначала пришли и стали на рѣкѣ Хоролѣ; Кончакъ хотѣлъ обмануть Ярослава Всеволодовича Черниговскаго, послалъ къ нему какъ будто мира просить, и Ярославъ, ничего не подозрѣвая, отправилъ къ нему своего боярина для переговоровъ. Но Святославъ Кіевскій послалъ сказать Ярославу: „Братъ! не вѣрь имъ и не посылай боярина; я на нихъ пойду“; и, дѣйствительно, выѣстъ съ Рюрикомъ Ростиславичемъ и всѣми своими полками пошелъ на Половецкъ, отправивши впередъ молодыхъ князей—Владимира Глѣбовича и Мстислава Романовича. На дорогѣ купцы, ѣхавшіе изъ Земли Половецкой, указали князьямъ мѣсто, гдѣ стоялъ Кончакъ; Владиміръ и Мстиславъ напали на него и обратили въ бѣгство, причемъ былъ взятъ въ плѣнъ и тотъ бусурманъ, что стрѣлялъ живымъ огнемъ; хитреца привели къ Святославу со всѣмъ снарядомъ его.—Ярославъ Черниговскій не ходилъ съ братомъ на Половецкъ; онъ велѣлъ сказать ему: „Я уже отправилъ къ нимъ боярина, и не могу ѣхать на своего мужа“. Но не такъ думалъ Игорь Святославичъ Сѣверскій; онъ говорилъ: „Не дай Богъ отрекаться отъ похода на поганыхъ,—поганые всѣмъ намъ общій врагъ“, и началъ думать съ дружиною, куда бы побѣжать, чтобы нагнать Святослава; дружина сказала ему: „Князь! по птичью нельзя перелетать; пріѣхалъ къ тебѣ бояринъ отъ Святослава въ четвергъ, а самъ онъ идетъ въ воскресенье изъ Кіева,—какъ же тебѣ его нагнать?“ Игорю не пришлось, что дружина такъ говоритъ; онъ хотѣлъ ѣхать степью возлѣ Сулы рѣки; но вдругъ сдѣлалась такая оттепель, что никакъ нельзя было куда идти. Святославъ, возвратясь въ Кіевъ, тою же весною послалъ боярина своего Романа Ілзядловича съ Берендѣями на Половецкъ, и Романъ въ самое Свѣтлое Воскресенье (21 апрѣля) взялъ половецкія вежи, забралъ въ нихъ много плѣнниковъ и лошадей.

Между тѣмъ Игорь Святославичъ не хотѣлъ оставить своего намѣренія идти на Половецкъ; сѣверскимъ князьямъ не дали покоя счастливые походы съ той стороны Днѣпра, въ которыхъ они не участвовали: „Развѣ уже мы не князья, говорили они: добудемъ и мы такой же себѣ чести“. И вотъ 23-го апрѣля Игорь выѣхалъ изъ Новгорода-Сѣверскаго, велѣвши идти съ собою брату Всеволоду изъ Трубчевска, племяннику Святославу Ольговичу изъ Рильска, сыну Владиміру изъ Путиня, а у Ярослава Черниговскаго выпросилъ боярина Олестина Алексича съ Коуями черниговскими. Сѣверскіе князья шли тихо, собирая дружину, потому что кони у нихъ были очень тучны. Какъ дошли они до рѣки Донца, время было уже къ ве-

черу, Игорь взглянулъ на небо, и увидалъ, что солнце стоитъ точно мѣсяцъ: „Посмотрите-ка, что это значитъ?“ спросилъ онъ у бояръ и у дружины. Тѣ посмотрѣли и опустили головы. „Князь! сказали они потомъ: не на добро это знаменіе“. Игорь отвѣчалъ имъ на это: „Братья и дружина! тайны Вожей никто не знаетъ, а знаменію всякому и всему міру своему Богъ творецъ; увидимъ, что сотворитъ намъ Богъ, на добро или на зло наше“. Сказавши это, Игорь перенравился за Донецъ и пришелъ къ Оскоду, гдѣ два дня дождался брата Всеволода, который шелъ инымъ путемъ изъ Курска, и изъ Оскода отправились все къ рѣкѣ Сальницѣ, куда прѣхали сторожа, посланные ловить языка, и объявляя князьямъ: „Видѣлись мы съ неприятелемъ, непріятеля ваши ѣдятъ на-готовъ: такъ или ступайте скорѣе, или ворочайтесь домой, потому что не наше теперь время“. Игорь и другіе князья сказали на это: „Если мы теперь не бывшимъ возвратились, то стыдъ намъ будетъ хуже смерти; поѣдемъ на милость Вожію“, и ѣхали всю ночь, а утромъ, въ обѣднее время, встрѣтили полки половецкіе: поганые собрались отъ мала до велика и стояли по той сторонѣ рѣки Сюрюля. Русскіе князья выстроили шесть полковъ: Игоревъ полкъ стоялъ по срединѣ, по правую сторону—полкъ брата его Всеволода, по лѣвую—племянника Святослава, напередъ—полкъ сына Владиміра съ отрядомъ Коуевъ черниговскихъ, а напереді этого полка стояли стрѣльцы, выведенные изъ всѣхъ полковъ. Игорь сказалъ братѣ: „Братья! мы этого сами искали, такъ поѣдемъ!“—и пошли. Изъ половецкихъ полковъ поѣхали стрѣльцы; пустили по стрѣлѣ на Русь, и бросились ѣхать; Русь не успѣла еще переѣхать рѣку, какъ побѣжали и остальные Половцы; передовой русскій полкъ погнался за ними, началъ бить ихъ и хватать въ плѣнъ, а старшіе князья—Игорь и Всеволодъ—шли потихоньку, не распуская своего полка; Половцы пробѣжали мимо своихъ вежъ, Русскіе заняли послѣднія и захватили много плѣнныхъ. Три дня стояли здѣсь сѣверскіе полки, и веселились, говоря: „Братья наши съ великимъ княземъ Святославомъ ходили на Половцевъ и билась съ ними, озираясь на Черяславль, въ Землю Половецкую не смѣли войти; а мы теперь въ самой Землѣ Половецкой поганыхъ перебили, жены и дѣти ихъ у насъ въ плѣну; теперь поѣдемъ на нихъ за Донъ и до конца истребимъ ихъ; если тамъ побѣдимъ ихъ, то поѣдемъ въ Дукоморье, куда и дѣды наши не хаживали, и возьмемъ до конца свою славу и честь“. Когда передовой полкъ возвратился съ погоню, то Игорь сталъ говорить братьямъ и боярамъ своимъ: „Богъ далъ намъ побѣду, честь и славу; мы видѣли полки половецкіе, много ихъ было, все ли они тутъ были собраны? поѣдемъ теперь въ ночь, а остальные пусть идутъ за нами завтра утромъ“. На это Святославъ Ольговичъ отвѣчалъ дяднѣмъ: „Я далеко гонялся за Половцами и утомялъ лошадей; если теперь опять поѣду, то останусь на дорогѣ“. Дядя

Всеволодъ принялъ его сторону, и положено было еще переночевать тутъ. Но на другой день, на разсвѣтѣ, начали вдружь выступать одинъ за другимъ полки половецкіе; Русскіе князья изумились; Игорь сказалъ: „Сами мы собрали на себя всю Землю“, князья стали совѣтоваться, какъ быть. „Если побѣжимъ, говорили они, то сами спасемся, но черныхъ людей оставимъ, и будетъ на насъ грѣхъ предъ Богомъ, что ихъ выдали; уже лучше—умремъ ли, живы ли будемъ, все на одномъ мѣстѣ“. Порѣшивши на этомъ, все сошли съ коней и пошли на битву, хотя уже изнемогли отъ безводья; билась крѣпко цѣлый день до вечера, и много было раненыхъ и мертвыхъ въ полкахъ русскихъ; билась вечеръ и ночь, на разсвѣтѣ замѣшались Коуи и побѣжали. Игорь еще въ началѣ битвы былъ раненъ въ руку и потому съѣлъ на лошадь; увидавъ, что Коуи бѣгутъ, онъ поскакалъ къ нимъ, чтобы удержать бѣглецовъ, но тутъ былъ захваченъ въ плѣнъ; окруженный Половцами, которые держали его, Игорь увидалъ брата Всеволода, отбивавшагося отъ враговъ, и сталъ просить себѣ смерти, чтобы только не видать гибели брата своего; но Всеволодъ не погнѣбъ, а былъ также взятъ въ плѣнъ; изъ многочисленныхъ полковъ сѣверскихъ спаслось очень мало: Русскихъ ушло человекъ 15, а Коуевъ еще меньше, потому что какъ стѣнами крѣпкими были они огорожены полками половецкими. Ведомый въ плѣнъ, Игорь веномнилъ грѣхъ свой, какъ однажды, взявши на шить городъ Глѣбовъ, у Черяславля, не пощадилъ крови христіанской: „Недостовишь былъ я жизни, говорилъ онъ; теперь вижу мсть отъ Господа Бога моего; гдѣ теперь возлюбленный мой братъ, гдѣ племянникъ, гдѣ сынъ, гдѣ бояре думающіе, гдѣ мужи *храборстєуюице*, гдѣ рядъ полчный? гдѣ кони и оружіе многоцѣнное? всего я лишился, и связаннаго предалъ меня Богъ въ руки незаконнымъ!“

Въ это время Святославъ Кіевскій былъ въ Корачевѣ ¹⁾, и собиралъ въ верхнихъ земляхъ войско, хотѣлъ идти на Половцевъ къ Дону на все лѣто. На возвратномъ пути изъ Корачева, будучи у Новгорода-Сѣверскаго, онъ узналъ, что Игорь съ братьями поплли на Половцевъ тайкомъ отъ него, и не понравилось ему это своеволие. Изъ Новгорода-Сѣверскаго Святославъ пришелъ по Деснѣ въ Черниговъ, и тутъ дали ему знать о бѣдѣ сѣверскихъ князей. Святославъ заплакалъ и сказалъ: „Ахъ, любезные мои братья и сыновья, и бояре Русской Земли! далъ бы мнѣ Богъ припомнить поганыхъ; но вы не сдержали молодости своей и отворили имъ ворота въ Русскую Землю; воля Господня да будетъ; какъ прежде сердитъ я былъ на Игоря, такъ теперь жаль мнѣ его стало“. Святославъ однако не терялъ времени въ пустыхъ жалобахъ и отправилъ сыновей своихъ—Олега и Владиміра—въ Посемье (страну по рѣкѣ Сейму); плачь поднялся по всемъ

¹⁾ Стало быть, Святославъ, не считая себя крѣпкимъ въ Кіевѣ, подобно отцу Всеволоду, оставилъ за собою страну Витичей.

городамъ посемскимъ, въ Новгородѣ-Сѣверскомъ и во всей волости Черниговской, о томъ, что князья въ плѣну, а изъ дружины одни схвачены, другіе перебиты; жители металсь въ отчаяніи; по словамъ лѣтописца, не стало никому мило свое ближнее: но многіе отрекались отъ душъ своихъ изъ жалости по князьямъ. Святославъ принималъ и другія мѣры, послалъ сказать Давиду Смоленскому: „Мы было-сговорились идти на Половцевъ и лѣтовать на Дуцу, а теперь вотъ Половцы побѣдили Игоря съ братьями; такъ прѣзжай, братъ, на береги Русскую Землю“. Давидъ приплылъ по Днѣпру; пришли и другіе полки на помощь и стали у Треполя; а Ярославъ, собравши войска свои, стоялъ на-готовѣ въ Черниговѣ.

Между тѣмъ Половцы, побѣдивши Игоря съ братьями, загордились, собрали весь свой народъ на Русскую Землю; но когда стали думать, въ какую сторону идти имъ, то начался споръ между ихъ ханами; Кончакъ говоритъ: „Пойдемъ на Кіевскую сторону, гдѣ перебита наша братья и великій князь нашъ Бонякъ“; а другой ханъ, Кза, говоритъ: „Пойдемъ на Сеймъ, гдѣ остались одни жены да дѣти, готовъ намъ тамъ полонъ собранъ, возьмемъ города безъ всякой трудности“, и раздѣлились надвое: Кончакъ пошелъ къ Переяславу, осадилъ городъ и бился цѣлый день; въ Переяславѣ былъ княземъ извѣстный Владиміръ Глѣбовичъ, смѣлый и крѣпкій на рати, по словамъ лѣтописца; онъ выѣхалъ изъ города и ударилъ на Половцевъ съ очень небольшою дружиною, потому что остальные не осмѣлились выйти на вылазку; Владиміръ былъ окруженъ множествомъ Половцевъ и раненъ тремя копьями; тогда оставшая дружина, видя князя въ опасности, ринулась изъ города и высвободила Владиміра, который, тяжело раненый, выѣхалъ въ свой городъ и утеръ мужественный потъ за отчину свою. Онъ слалъ и къ Святославу, и къ Рюрику, и къ Давиду: „Половцы у меня, помогите мнѣ!“ Святославъ слалъ къ Давиду, а Давидъ не трогался съ мѣста, потому что его Смольняне собрали вѣче и толковали: „Мы шли къ Кіеву только; еслибъ здѣсь была рать, то мы и стали-бъ биться, а теперь намъ нельзя искать другой рати, мы уже и такъ устали“. Давидъ принужденъ былъ идти назадъ съ ними въ Смоленскъ. Но Святославъ съ Рюрикомъ сѣли на суда и поплыли Днѣпромъ внизъ противъ Половцевъ, которые, услышавъ объ этомъ, отошли отъ Переяслава, но по дорогѣ осадилъ городъ Римовъ¹⁾; Римовичи затворились и взошли на стѣны биться, какъ вдругъ двѣ *городницы* (стѣнныя укрѣпленія) рухнули вмѣстѣ съ людьми прямо къ Половцамъ; ужась напалъ на остальныхъ жителей, и городъ былъ взятъ; снасились отъ плѣна только тѣ изъ Римовичей, которые вышли изъ города и бились съ неприятелемъ по римскому болоту. Такимъ

образомъ, Половцы, благодаря медленности князей, дожидавшихся понапрасну Давида Смоленскаго, успѣли взять Римовъ и съ добычею безопасно возвратиться въ свои стѣны; князья не преслѣдовали ихъ туда, но съ печалію разошлись по волостямъ своимъ. Другіе Половцы съ ханомъ Кзюю пошли къ Путивлю, пожгли села вокругъ, остроги у самого Путивля—и возвратились съ добычею.

Игорь Святославичъ все жилъ въ плѣну у Половцевъ, которые, какъ будто стыдясь воеводства его, по выраженію лѣтописца, не дѣлали ему никакихъ притѣсненій; приставили къ нему 20 сторожей, но давали ему волю ѣздить на охоту, куда захочетъ, и брать съ собою слугъ своихъ, челоуѣкъ по пяти и шести; да и сторожа слушались его и оказывали всякую честь: куда кого пошлетъ,—исполняли приказъ безпрекословно Игорь вызвался было уже къ себѣ и священника со всею службою, думая, что долго пробудетъ въ плѣну. Но Богъ, говоритъ лѣтописецъ, избавилъ его по христіанской молитвѣ, потому что многіе проливали слезы за него. Нашелся между Половцами одинъ челоуѣкъ, по имени Лаворъ; пришла ему добрая мысль, и сталъ онъ говорить Игорю: „Пойду съ тобою въ Русь“. Игорь сиреча не повѣрилъ ему: по молодости своей держать онъ мысль высокую, думалъ, схвативши Лавора, бѣжать съ нимъ въ Русь; онъ говорилъ: „Я для славы не бѣжалъ во время бою отъ дружины, и теперь безславнымъ путемъ не пойду“. Съ Игоремъ вмѣстѣ были въ плѣну сынъ тысяцкаго и конюшій его; оба они понуждали князя принять предложеніе Лавора, говорили: „Ступай, князь, въ Русскую Землю, если Богъ захочетъ избавить тебя“; Игорь все медлил. Но когда возвратились Половцы отъ Переяслава, то думцы его начали опять говорить: „У тебя, князь, мысль высокая и Богу негодная; ты все ждешь случая, какъ бы схватить Лавора и бѣжать съ нимъ, а о томъ не думаешь, какой слухъ идетъ,—говорятъ, будто Половцыхотятъ перебить васъ всѣхъ князей и всю Русь; такъ не будетъ тебѣ ни славы, ни жизни“. На этотъ разъ Игорь послушался ихъ, испугался половецкаго прихода и сталъ искать случая къ бѣгству,—нельзя было бѣжать ни днемъ, ни ночью, потому что сторожа стерегли его, только и было можно, что на самомъ солнечномъ закатѣ. И вотъ Игорь послалъ конюшаго своего сказать Лавору, чтобъ тотъ переѣхалъ на ту сторону рѣки съ поводнымъ концемъ. Наступило назначенное время, стало темнѣть, Половцы напились кумыса, пришелъ конюшій и объявилъ, что Лаворъ ждетъ. Игорь всталъ въ ужасѣ и трепетѣ, поклонился Спасову образу и кресту честному, говоря: „Господи сердцеуѣдче! спаси меня, недостойнаго“;—надѣлъ на себя крестъ, икону, поднявъ стѣну и выдѣлъ вонъ. Сторожа играли, веселились, думая что Игорь спитъ, а онъ уже былъ за рѣкою и мчался по стени; въ одиннадцатъ дней достигъ онъ города Донца, откуда поѣхалъ въ свой Новгородъ-Сѣверскій, а изъ Новгорода сперва по-

¹⁾ Селеніе Римъ на границѣ уѣздовъ Ромнскаго, Лохвицкаго и Прилуцкаго.

ѣхалъ къ брату Ярославу въ Черниговъ, а потомъ къ Святославу въ Кіевъ просить помощи на Половцевъ; всѣ князья обрадовались ему и общались помогать.

Но только черезъ годъ (1187 г.) Святославъ съ сватою своими, Рюрикомъ, собрался на Половцевъ, хотѣли напасть на нихъ внезапно, получивши вѣсть, что Половцы у Татинца на дѣпровскомъ бродѣ¹⁾. Владиміръ Глѣбовичъ пріѣхалъ къ нимъ изъ Переяслава съ дружиною и выпросился ѣхать напередъ съ Черными Клобуками; Святославу не хотѣлось—было отпустить Владиміра впереди своихъ сыновей; но Рюрику и всѣ другіе хотѣли этого, потому что Переяславскій князь былъ смѣль и крѣпокъ въ битвѣ, всегда стремился на добрыя дѣла. Въ это время Черные Клобуки дали знать сватамъ своимъ Половцамъ, что русскіе князья идутъ на нихъ,—и тѣ убѣждали; а князьямъ нельзя было ихъ преслѣдовать, потому что Днѣпръ уже трогался, весна наступала. По возвращеніи изъ этого похода разболѣлся и умеръ знаменитый защитникъ украинны отъ Половцевъ, Переяславскій князь Владиміръ Глѣбовичъ; плакали по немъ всѣ Переяславцы, говорить лѣтописецъ, потому что онъ любилъ дружину, золота не собиралъ, имѣнія не щадилъ, но раздавалъ дружинѣ, былъ князь добрый, мужествомъ крѣпкимъ и всякими добродѣтелями исполненный. Украина много стонала о немъ, и не даромъ, потому что немедленно Половцы начали воевать ее. Зимой Святославъ сталъ опять переселаться съ Рюрикомъ, звать его на Половцевъ. Рюрику отвѣчалъ ему: „Ты, братъ, поѣзжай въ Черниговъ, собирайся тамъ съ своею братіею, а я здѣсь буду собираться съ своею“ Всѣ князья собрались и пошли по Днѣпру; иначе нельзя было идти, потому что свѣтъ былъ очень великъ; у рѣки Снопорода перехватили сторожей половецкихъ, и тѣ объявили, что вежи и стада половецкія у Голубого лѣса. Ярославу Черниговскому не хотѣлось идти дальше, и сталъ онъ говорить брату Святославу: „Не могу идти дальше отъ Днѣпра: земля моя далеко, а дружина изнемогла“. Рюрику началъ слать къ Святославу, понуждая его продолжать походъ: „Братъ и свать!—говорилъ онъ ему—исполнилось то, чего намъ слѣдовало у Бога просить, пришла вѣсть, что Половцы только за полдень пути отъ насъ; если же кто раздумываетъ и не хочетъ идти, то вѣдь мы съ тобой вдвоемъ до сихъ поръ ни на кого не смотрѣли, а дѣлали что намъ Богъ давалъ“. Святославу самому хотѣлось продолжать походъ, и онъ отвѣчалъ Рюрику: „Я, братъ, готовъ; но пошли къ брату Ярославу, понудь его, чтобъ намъ всѣмъ вмѣстѣ поѣхать“. Рюрику послалъ сказать Ярославу: „Братъ! не слѣдовало бы тебѣ дѣло разстроивать; къ намъ дошла вѣрная вѣсть, что вежи половецкія всего отъ насъ на полдень пути,—велика ли эта ѣзда? прошу тебя,

братъ, поѣзжай еще только полдня для меня, а я для тебя десять дней ѣду“. Но Ярославъ никакъ не соглашался. „Не могу поѣхать одинъ, говорилъ онъ, полкъ мой пѣши; вы бы мнѣ дома сказали, что такъ далеко идти“. Князья завели распрю; Рюрику понуждалъ Всеволодовичей идти впередъ. Святославъ хотѣлъ идти дальше, но вмѣстѣ съ братомъ, и когда тотъ не согласился, то всѣ возвратились ни съ чѣмъ домой. Въ концѣ года, зимою Святославъ съ Рюрикомъ отправили Черныхъ Клобуковъ съ воеводою Романомъ Нѣздиловичемъ на Половцевъ за Днѣпръ; Романъ взялъ вежи и возвратился домой со славою и честью великою, потому что Половцевъ не было дома, подошли къ Дунаю. Подъ 1190 годомъ читася въ лѣтописи, что Святославъ съ Рюрикомъ утишили Русскую Землю и Половцевъ примирили въ свою волю, полкъ чего поѣхали на охоту выплыть по Днѣпру на лодкахъ къ устью Тясмины, наловили множество звѣрей и провели время очень весело. Но миръ съ Половцами не былъ продолжителенъ. Осенью того же года Святославъ, по доносу, схватилъ Кондудѣя, Торчскаго князя; Рюрику вступился за Торчинна, потому что былъ онъ отваженъ и надобенъ въ Руси, по словамъ лѣтописца; Святославъ послушался Рюрика, привелъ Кондудѣя къ присягѣ и отпустилъ на свободу. Но Торчинъ хотѣлъ отмстить за свой позоръ и ушелъ къ Половцамъ, которые обрадовались случаю и стали съ нимъ думать, куда бы поѣхать имъ на Русскую Землю; рѣшили ѣхать на Чурпаевъ (городъ князя Чурная); взяли острогъ, зажгли княжій дворъ, захватили имѣніе князя, двухъ женъ, множество рабовъ; потомъ, давши отдохнуть конямъ, пошли—было къ другому городу Борнвому, но, услыхавъ, что Ростиславъ Рюриковичъ въ Торческѣ, возвратились къ своимъ ватагамъ, и отсюда стали часто наѣзжать съ Кондудѣемъ на мѣста по рѣкѣ Роси. Святослава этою осенью не было въ Кіевѣ, онъ поѣхалъ за Днѣпръ къ братьямъ на думу; Рюрику также поѣхалъ въ Овручъ по своимъ дѣламъ, оставивъ на всякій случай сына Ростислава въ Торческѣ; онъ зналъ, что Кондудѣй станеть воевать Русь изъ мести Святославу. Съ этою же мыслію онъ послалъ сказать Святославу: „Мы вотъ свои дѣла дѣлаемъ, такъ и Русской Земли не оставимъ безъ обороны; я оставилъ сына своего съ полкомъ, оставь и ты своего“. Святославъ обѣщалъ ему послать сына Глѣба, и не послалъ, потому что ссорился съ Мономаховичами; но, къ счастью, князья скоро помирились. Между тѣмъ зимою лучшіе люди между Черными Клобуками пріѣхали въ Торческъ къ Рюриковичу и сказали ему: „Половцы этою зимою часто насъ воюють, и не знаемъ, Подунайцы что ли мы? отецъ твой далеко, а къ Святославу нечего и слать: онъ сердитъ на насъ за Кондудѣя“. Ростиславъ послѣ этого послалъ сказать Ростиславу Владиміровичу (сыну Владиміра Мстиславича): „Братъ! хотѣлось бы мнѣ поѣхать на вежи половецкія; отцы наши далеко, а другихъ старшихъ нѣтъ,—такъ бу-

¹⁾ Близъ устья Золотоноши въ Днѣпръ, напротивъ города Черкасы, есть село Мугатинцы.

дежь мы за старшихъ, прѣзжай къ мнѣ поскорѣе“. Соединившись съ Черными Клобуками, Ростиславъ Рюриковичъ внезапно напалъ на половецкія вежи, захватилъ женъ, дѣтей и стадъ множество. Половцы, услышавъ, что вежи взяты, поднялись за Ростиславомъ и настигли его; Рюриковичъ не испугался, что Половцевъ было много, и велѣлъ молодымъ стрѣльцамъ своимъ начать дѣло. Половцы начали было съ ними перестрѣливаться, — но когда увидали знамена самого Ростислава, то ударились бѣжать, причемъ русскіе стрѣльцы и Черные Клобуки взяли 600 человекъ плѣнныхъ; Черные Клобуки взяли между прочимъ половецкаго хана Кобана, но не повели его въ полкъ, опасаясь князя Ростислава, а тайкомъ договорились съ нимъ о выкупѣ и отпустили. Тою же зимою Половцы съ двумя ханами вѣхали въ Русь, Ростиславовою дорогою; но, слышавъ, что самъ Святославъ Киевскій стоитъ наготовѣ, бросились бѣжать, побросавши знамена и копья. Святославъ послѣ этого поѣхалъ въ Киевъ, оставивъ сына Глѣба въ Каневѣ, и вотъ Половцы, услышавъ, что Святославъ поѣхалъ домой, возвратились съ Кондудвѣемъ, но были встрѣчены Глѣбомъ, побѣжали и обломались на рѣкѣ Роси: тутъ ихъ много перехватили и перебили, другіе потонули, а Кондудвѣй ушелъ.

Въ слѣдующемъ 1191 году уходилъ Игорь Сѣверскій опять на Половцевъ, и на этотъ разъ удачно; на зиму пошли въ другой разъ Ольговичи въ степи, но Половцы приготовились встрѣтить ихъ, и Русскіе не рѣшились биться съ ними, ночью ушли назадъ. Въ 1192 году Святославъ съ Рюрикомъ и со всею братьею стояли цѣлое лѣто у Канева, убергли землю свою отъ поганыхъ, и разошлись по домамъ. Потомъ Святославъ и Ростиславъ Владимировичи съ Черными Клобуками пошли было на Половцевъ; но Черные Клобуки не захотѣли идти за Днѣпръ, потому что тамъ сидѣли ихъ сваты, и, поспоривши съ князьями, возвратились назадъ. Наконецъ Рюрику удалось перезавт къ себѣ отъ Половцевъ Кондудвѣя: онъ посадилъ его въ своей волости, далъ ему городъ на Роси, Дверень.

Помирившись съ Кондудвѣемъ, захотѣли договориться и съ прежними союзниками его, Половцами; въ 1193 году Святославъ послалъ сказать Рюрику: „Ты договорился съ Половцами лукоморскими; а теперь пошлемъ за остальными, за Бурчевичами“. Рюрикъ послалъ за лукоморскими, за двумя ханами, а Святославъ за Бурчевичами, также за двумя ханами. На осень Святославъ съ Рюрикомъ съѣхались въ Каневъ; лукоморскіе ханы пришли туда же; но Бурчевичи остановились на той сторонѣ Днѣпра, и послали сказать князьямъ: „Если хотите договориться съ нами, то прѣзжайте къ намъ на эту сторону“. Князья, подумавши, велѣли отвѣчать имъ: „Ни дѣды, ни отцы наши не ѣзжали къ вамъ; если хотите, то прѣзжайте сюда къ намъ, а не хотите, то ваша воля“. Бурчевичи не согласились и уѣхали прочь; тогда Святославъ не захотѣлъ мириться и съ лукоморцами: „Нечего намъ

мириться съ одною половиною“, говорилъ онъ Рюрику; и такимъ образомъ князья разѣхались по домамъ, ничего не сдѣлавши. Рюрикъ послѣ этого, подумавши съ боярами своими, послалъ сказать Святославу: „Вотъ, братъ, ты мира не захотѣлъ, такъ намъ уже теперь нельзя не быть наготовѣ, станемъ же думать о своей землѣ: идти ли намъ зимою? — такъ ты объяви заранѣе, я велю тогда братьямъ и дружинѣ готовиться; если же думаешь только стеречь свою землю, то объяви и объ этомъ“. Святославъ отвѣчалъ: „Теперь, братъ, нельзя намъ идти въ походъ, потому что жито не уродилось у насъ; теперь дай Богъ только свою землю устеречь“. Тогда Рюрикъ велѣлъ сказать ему: „Братъ и свать! если въ походъ мы не пойдемъ на Половцевъ, то я пойду на Литву по своимъ дѣламъ“. Святославъ съ сердцемъ отвѣчалъ ему: „Братъ и свать! если ты идешь изъ отчины по своимъ дѣламъ, такъ и я пойду за Днѣпръ по своимъ же дѣламъ, а въ Русской Землѣ кто останется?“ — и этими рѣшимами онъ помѣшалъ Рюрику идти на Литву. Но зимою лучшіе люди между Черными Клобуками прѣехали къ Ростиславу Рюриковичу и стали опять звать его на Половцевъ: „Князь, говорили они: поѣзжай съ нами на вежи половецкія, теперь самое время; прежде мы хотѣли было просить тебя у отца, да услышали, что отецъ твой собирается идти на Литву, такъ пожалуй тебя и не отпустить; а ужъ такого случая, какъ теперь, послѣ долго ждѣть“. Ростиславъ согласился и прямо съ охоты поѣхалъ въ Торческъ, не сказавшись отцу, а къ дружинѣ послалъ сказать: „Время намъ теперь вышло удобное, поѣдемъ на Половцевъ; а что отецъ мой идетъ на Литву, такъ еще успѣемъ съѣздить до его похода“. Въ три дня собралась дружина; Ростиславъ послалъ и въ Треполь за двоюроднымъ братомъ Мстиславомъ Мстиславичемъ (Удалымъ); тотъ немедленно поѣхалъ съ бояриномъ своимъ Сдѣлавымъ Жирславичемъ и нагналъ Ростислава за Русью. Соединившись съ Черными Клобуками, князья перехватили половецкихъ сторожей, отъ которыхъ узнали, что Половцы стоятъ съ вежами и стадами своими на западной, русской сторонѣ Днѣпра за день пути; по этимъ указаніямъ, русскіе князья отправились ночью, на разсвѣтѣ ударили на Половцевъ и взяли безчисленную добычу. Услышавъ объ этомъ, Святославъ послалъ сказать Рюрику: „Вотъ ужъ твой сынъ затронулъ Половцевъ, зачалъ рать, а ты хочешь идти въ другую сторону, покинувъ свою землю; ступай лучше въ Русь, стеречь свою землю“. Рюрикъ послушался, и отложилъ походъ въ Литву, поѣхалъ со всеми своими полками въ Русь. Долго стояли Святославъ съ Рюрикомъ у Василева, сторожа свою землю: Половцы не показались; но только-что Святославъ уѣхалъ за Днѣпръ въ Корачевъ, а Рюрикъ въ свою волость, то поганые стали опять воевать Украину.

Святославу и Рюрику даже во время мира не подъ-силу были наступательныя движенія на Половцевъ; если они и ходили въ степи, то озираясь на Переяславль; удалые сѣверскіе князья взду-

мали-было пойти подальше; по дороге заплатили за свою отъяду. Сила, которая давала Мономаху и сыну его Мстиславу возможность прогнать поганыхъ за Днѣпръ, къ морю, эта сила теперь шла на сѣверъ, и вотъ подлѣ 1198 годовъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Великій Всеволодъ съ сыномъ Константиномъ выступили въ походъ на Половцевъ, какимъ путемъ, — не извѣстно¹⁾. Половцы, услышавши объ этомъ походѣ, бѣжали съ вежами къ морю; великій князь походилъ по зимовищамъ ихъ возлѣ Дона, и возвратился назадъ. Скоро потомъ на югъ явился сильный князь, который могъ исполнить Половцамъ времена Мономаховы: то былъ Романъ Волинскій и Галицкій. Въ 1202 году зимою онъ ходилъ на Половцевъ, взялъ ихъ вежи, привелъ много плѣнныхъ, отплатилъ множествомъ христіанскихъ душъ, и была радость большая въ Землѣ Русской. Но радость эта переѣнилась въ печаль, когда въ слѣдующемъ году Юрикъ и Ольговичи со всею Половецкою Землею взяли и разграбили Кіевъ, когда жителей послѣдняго племеники повели къ себѣ въ вежи. Потомъ Всеволодъ и Романъ умирили-было на время всѣхъ князей; южные князья въ 1208 году, въ жестокую зиму, отравились на Половцевъ, и была поганымъ большая тягость, говорятъ лѣтописецъ, и большая радость всѣмъ христіанамъ Русской Земли; въ то же время рязанскіе князья ходили также на Половцевъ и взяли ихъ вежи. Но скоро опять встали смуты между князьями; знаменитый Романъ умеръ, Половцамъ некого стало бояться на югѣ, и въ 1210 году они сильно опустошили окрестности Переяславля. Въ 1215 году Половцы опять отправились къ Переяславу; тамошній князь Владиміръ Всеволодовичъ вышелъ къ нимъ на-встрѣчу съ полками, но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ.

Въ то время какъ Русь, Европейская Украина, вела эту безконечную и однообразную борьбу съ степными народами, Половцами, въ дальнихъ, восточныхъ степяхъ Азіи произошло явленіе, которое должно было дать иной ходъ этой борьбѣ. Изстари китайскіе лѣтописцы въ степяхъ на сѣверо-западъ отъ страны своей обозначали два кочевыхъ народа подлѣ именемъ Монгуловъ и Тата²⁾; образъ жизни этихъ народовъ былъ одинаковъ съ образомъ жизни другихъ собратій ихъ, являвшихся прежде въ исторіи, — Скивоовъ, Гунновъ, Половцевъ. Въ первой четверти XIII-го вѣка среди нихъ обнаружилось сильное движеніе: одинъ изъ монгольскихъ хановъ, Темучинъ, извѣстный болыне подлѣ именемъ Чингизъ-хана, началъ наступательныя движенія на другихъ хановъ, сталъ покорять ихъ; орда присоединялась къ ордѣ подлѣ одну власть, и вотъ образовалась огромная воинственная масса народа, которая, пробужденная отъ вѣковаго сна къ кровавой дѣятельности, безсознательно повинуваясь развѣданному толчку, стремится на осѣдлые народы къ

востоку, югу и западу, разрушая все на своемъ пути. Въ 1224 году двое полководцевъ Чингизъ-хановыхъ, Джебе и Субутъ, прошли обычныя ворота кочевниковъ между Каспійскимъ моремъ и Уральскими горами, поплѣнили Ясовъ, Обезовъ, и вошли въ Землю Половецкую. Половцы вышли къ нимъ на-встрѣчу съ сильнѣйшимъ ханомъ своимъ Юриемъ Кончаковичемъ, но были поражены и принуждены бѣжать къ русскимъ границамъ, къ Днѣпру. Ханъ ихъ Котянъ, тесть Мстислава Галицкаго, сталъ умолять зятя своего и другихъ князей русскихъ о помощи, не жалѣвъ даровъ имъ, роздалъ много коней, верблюдовъ, буйволовъ, невольницъ; онъ говорилъ князьямъ: „Нашу землю нынче отняли Татары, а вашу завтра возмуть, — защитите насъ; если же не поможете намъ, то мы будемъ перебиты нынче, а вы — завтра“. Князья съѣхались въ Кіевъ на совѣтъ; здѣсь было трое старшихъ: Мстиславъ Романовичъ Кіевскій, Мстиславъ Святославичъ Черниговскій, Мстиславъ Мстиславичъ Галицкій; изъ младшихъ были — Даниилъ Романовичъ Волинскій, Всеволодъ Мстиславичъ, сынъ князя Кіевского, Михаилъ Всеволодовичъ, племянникъ Черниговскаго. Мстиславъ Галицкій сталъ упрашивать братью помочь Половцамъ; онъ говорилъ: „Если мы, братья, не поможемъ имъ, то они предадутся Татарамъ, и тогда у нихъ будетъ еще больше силы“. Послѣ долгихъ совѣщаній, князья наконецъ согласились идти на Татаръ; они говорили: „Лучше намъ принять ихъ на чужой землѣ, чѣмъ на своей“. Татары, узнавши о походѣ русскихъ князей, прислали сказать имъ: „Слышали мы, что вы идете противъ насъ, послушавшись Половцевъ, а мы вашей земли не занимали, ни городовъ вашихъ, ни селъ, на васъ не приходили; пришли мы попущеніемъ Вожимъ на холопей своихъ и конюховъ, на поганыхъ Половцевъ, а съ вами намъ нѣтъ войны; если Половцы бѣгутъ къ вамъ, то вы бейте ихъ оттуда, и добро ихъ себѣ берите; слышали мы, что они и вамъ много зла дѣлаютъ, потому же и мы ихъ отсюда бьемъ“. Въ отвѣтъ русскіе князья велѣли перебить татарскихъ пословъ, и шли дальше; когда они стояли на Днѣпрѣ, не доходя Олѣшья, пришли къ нимъ новые послы отъ Татаръ и сказали: „Если вы послушались Половцевъ, пословъ нашихъ перебили и все идете противъ насъ, то ступайте, пусть насъ Богъ разсудитъ, а мы васъ ничѣмъ не трогаемъ“. На этотъ разъ князья отпустили пословъ живыми. Когда собралась всѣ полки русскіе и половецкіе, то Мстиславъ Удалой съ 1,000 человекъ перешелъ Днѣпръ, ударилъ на татарскихъ сторожей, и обратилъ ихъ въ бѣгство; Татары хотѣли скрыться въ половецкомъ курганѣ, но и тутъ имъ не было помощи, не удалось имъ спрятать и воеводу своего Гемябека; Русскіе нашли его и выдали Половцамъ на смерть. Услышавъ о разбитіи непріятельскихъ сторожей, всѣ русскіе князья переправились за Днѣпръ, и вотъ имъ дали знать, что пришли Татары осматривать русскія лодки; Даниилъ Романовичъ съ другими

¹⁾ По всѣмъ вѣроятностямъ, онъ шелъ отъ верховьевъ Дона внизъ по этой рѣкѣ.

²⁾ Schott. älteste Nachrichten von Mongolen und Taren, Berlin 1846.

князьями и воеводами съѣлъ тотчасъ на коня и покакалъ посмотрѣть новыхъ враговъ; каждый судилъ о нихъ по-своему: одни говорили, что они хорошіе стрѣльцы, другіе, что хуже и Половцевъ; но галицкій воевода Юрій Доламеричъ утверждалъ, что Татары добрые ратники. Когда Даниилъ съ товарищами возвратились съ этими вѣстями о Татарахъ, то молодые князья стали говорить старымъ: „Нечего здѣсь стоять, пойдемъ на нихъ“. Старшіе послушались, и все полки русскіе перешли Днѣпръ; стрѣльцы русскіе встрѣтили Татаръ на Половецкомъ полѣ, побѣдили ихъ, гнали далеко въ степи, отняли стада, съ которыми и возвратились назадъ къ полкамъ своимъ. Отсюда восемь дней шло войско до рѣки Калки, гдѣ было новое дѣло съ татарскими сторожами, послѣ котораго Татары отъѣхали прочь, а Мстиславъ Галицкій велѣлъ Даниилу Романовичу съ нѣкоторыми полками перейти рѣку; за ними перешло и остальное войско, и расположилось станомъ, пославши въ сторожахъ Яруна съ Половцами. Удалой выѣхалъ также изъ стана, посмотрѣлъ на Татаръ, возвратившись, велѣлъ поскорѣе вооружаться своимъ полкамъ, тогда какъ другіе два Мстислава сидѣли спокойно въ станѣ, ничего не зная. Удалой не сказалъ имъ ни слова изъ зависти, потому что, говорить лѣтописецъ, между ними была большая распря. Битва началась 16 июня; Даниилъ Романовичъ выѣхалъ напередъ, первый схватился съ Татарами, и получилъ рану въ грудь, но не чувствовалъ ея по молодости и пылу: ему было тогда 17 лѣтъ и былъ онъ очень силенъ, смѣлъ и храбръ, отъ головы до ногъ не было на немъ порока. Увидавши Даниила въ опасности, дядя его, Мстиславъ Нѣмой Луцкій, бросился къ нему на-выручку; уже Татары обратили тылъ передъ Данииломъ съ одной стороны и передъ Олегомъ Курскимъ — съ другой, когда Половцы и здѣсь, какъ почти вездѣ, побѣждали предъ врагами, и потоптали станы русскіхъ князей, которые, по милости Мстислава Удалого, не успѣли еще ополчиться. Это рѣшило дѣло въ пользу Татаръ; Даниилъ, видя, что послѣдніе одолеваютъ, оборотилъ коня, прискакалъ къ рѣкѣ, сталъ пить, и тутъ только почувствовалъ на себѣ рану. Между тѣмъ Русскіе потерпѣли повсюду совершенное пораженіе, какого, по словамъ лѣтописца, не было отъ начала Русской Земли. Мстиславъ Кіевскій съ зятемъ своимъ Андреемъ и Александромъ Дубровицкимъ⁴⁾, видя бѣду, не двинулся съ мѣста: стоялъ онъ на горѣ надъ рѣкою Калкой; мѣсто было каменистое; Русскіе огородили его кольемъ и три дня отбивались изъ этого укрѣпленія отъ Татаръ, которыхъ осталось тутъ два отряда съ воеводами Чегирканомъ и Ташуканомъ, потому что другіе Татары бросились въ погоню къ Днѣпру за остальными русскими князьями. Половцы дали побѣду Татарамъ; другая варварская сбродная толпа докончила ихъ дѣло, погубивъ Мстислава

Кіевского: съ Татарами были Бродники, съ воеводою своимъ Плоскинею; послѣдній поцѣловалъ крестъ Мстиславу и другимъ князьямъ, что если они сдадутся, то Татары не убьютъ ихъ, но отпустятъ на выкупъ; князья повѣрили, сдались и были задавлены. Татары положили ихъ подъ доски, на которыя съѣли обѣдъ. Шестеро²⁾ другихъ князей погибло въ бѣствѣ къ Днѣпру, и между ними князь Мстиславъ Черниговскій съ сыномъ; кромѣ князей, погибъ знаменитый богатырь Александръ Поповичъ съ семидесятью собратьями. Василько Ростовскій, посланный дядею Юріемъ на помощь къ южнымъ князьямъ, услыхалъ въ Черниговѣ о Калской битвѣ и возвратился назадъ. Мстиславу Галицкому съ остальными князьями удалось перебраться за Днѣпръ, послѣ чего онъ велѣлъ жечь, рубить лодки, отталкивать ихъ отъ берега, боясь татарской погони; но Татары, дошедши до Новгорода Святополчскаго, возвратились назадъ къ востоку; жители городовъ и селъ русскіхъ, лежавшихъ на пути, выходили къ нимъ на-встрѣчу со крестами, но были все убиваемы; погибло безчисленное множество людей, говорить лѣтописецъ; вопли и вздохи раздавались по всемъ городамъ и волостямъ. Не знаемъ, продолжаетъ лѣтописецъ, откуда приходили на насъ эти злые Татары Таурмени, и куда опять дѣлись. Нѣкоторые толковали, что это должно быть тѣ нечистые народы, которыхъ нѣкогда Гедеонъ загналъ въ пустыню, и которые предъ концомъ міра должны явиться и поиллѣнить все страны.

Обозрѣвъ главныя явленія, характеризующія семидесятичетырехлѣтній періодъ отъ смерти Ярослава I-го до смерти Мстислава Мстиславича Торопецкаго, скажемъ нѣсколько словъ вообще о ходѣ этихъ явленій. Сыновья Ярослава начали владѣть Русскою Землею нѣбольшымъ родомъ, не раздѣляясь, признавая за старшимъ въ цѣломъ родѣ право сидѣть на главномъ столѣ и быть названнымъ отцомъ для всехъ родичей. Но при первыхъ же князьяхъ начинаются уже смуты и усобицы: велѣдствіе общаго родового владѣнія, по отсутствію отдѣльныхъ волостей для каждаго князя, наследственныхъ для его потомства, являются изгонъ, князья-сироты, преждевременною смертію отцовъ лишеныя права на старшинство, на правильное движеніе къ нему по ступенямъ родовой лѣтвенцы, предоставленныя милости старшихъ родичей, осужденныя сносить тяжкую участь сиротства. Эти князья-сироты, изгонъ, естественно стремятся выйти изъ своего тяжкаго положенія, силою добыть себѣ волости въ Русской Землѣ; средства у нихъ къ тому подъ руками: въ степяхъ всегда можно набрать многочисленную толпу, готовую подъ чьими угодно знаменами броситься на

⁴⁾ Дубровица была волость Туровско-Нишская, слѣд. эти князья принадлежали къ племени Святополкову.

²⁾ Князь Святославъ Яневскій, быть можетъ сынъ Владимира Мстиславича, тѣмъ болѣе что въ нѣкоторыхъ спискахъ онъ названъ Мстиславомъ; Вячеславъ Ингаровичъ, внукъ Ярослава Луцкаго; Святославъ Шучскій — Шучскъ также Волынская волость; Юрій Невѣтскій — Невѣтъ, мѣстечко Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи, Туровская волость.

Русь въ надеждѣ грабежа. Но сюда присоединяются еще другія причины смуты: отношенія городского населенія къ князьямъ непрочно, неопредѣленны; старшій сынъ Ярослава, Изяславъ, долженъ оставить Кіевъ, гдѣ на его мѣсто садится князь Полоцкій, мимо родовыхъ правъ и счетовъ. Последній недолго оставался на старшемъ Русскомъ столѣ; Изяславъ возвратился на отцовское мѣсто, но скоро былъ изгнанъ опять родными братьями; возвратился въ другой разъ по смерти брата Святослава, но это возвращеніе повело къ новымъ усобицамъ, потому что Изяславъ включилъ въ число изгоевъ и сыновей Святославовыхъ; Изяславъ погибаетъ въ битвѣ съ племянниками-изгоями; княженіе брата его Всеволода проходитъ также въ смутахъ. При первомъ старшемъ князѣ изъ втораго поколѣнія Ярославичей прекращаются усобицы, отъ изгойства происшедшія, и на восточной и на западной сторонѣ Днѣпра, прекращаются на двухъ сѣздахъ княжескихъ; Святославичи входятъ во всё права отца своего и получаютъ отцовскую Черниговскую волость; на западѣ, вслѣдствіе испомѣщенія изгоевъ, кромѣ давно отдѣленной Полоцкой волости, является еще отдѣльная волость Галицкая съ князьями, не имѣющими права двигаться къ старшинству и переходить на другіе столы; образуется также отдѣльная маленькая волость Городенская для потомства Давида Игоревича. Казалось, что послѣ родовыхъ княжескихъ рядовъ при сынѣ Изяславомъ смуты должны были прекратиться; но вышло иначе, когда, по смерти Святополка, Кіевляне провозглашаютъ княземъ своимъ Мономаха, мимо старшихъ двоюродныхъ братьевъ его Святославичей. Благодаря матеріальному и нравственному могуществу Мономаха, и онъ, и старшій сынъ его Мстиславъ владѣли спокойно Кіевомъ; родовая общность владѣнія между тремя линиями Ярославова помства и слѣдовательно самая крѣпкая связь между ними должна была рушиться: Святославичи черниговскіе должны были навсегда ограничиться восточною стороною Днѣпра, ихъ волость должна была сдѣлаться такою же отдѣльною волостію, каковы были на западѣ волость Полоцкая или Галицкая; между самими Святославичами дядя потерялъ старшинство передъ племянникомъ, онъ самъ и потомки его должны были ограничиться одною Муромскою волостію, которая, вслѣдствіе этого, явилась также особенною отъ остальныхъ волостей черниговскихъ; старшая линия Изяславова теряетъ также старшинство и волости вслѣдствіе неуваженія Ярослава Святополковича къ дядѣ и тестю. Впослѣдствіи она приобретаетъ волость Туровскую въ особно владѣніи. Но вотъ по смерти Мстислава Великаго и въ самомъ племени Мономаховомъ начинается усобица между племянниками отъ старшаго брата и младшими дядями, что даетъ возможность Ольговичамъ черниговскимъ доблѣть старшинства и Кіева, и возстановить такимъ образомъ нарушенное—было общее владѣніе между двумя линиями Ярославова потомства. По смерти

Всеволода Ольговича, вслѣдствіе всеобщаго народнаго нерасположенія къ Ольговичамъ на западной сторонѣ Днѣпра, они лишаются старшинства, которое переходитъ къ сыну Мстислава Великаго мимо старшихъ дядей; это явленіе могло быть богато слѣдствіями, еслибъ Изяславу Мстиславичу удалось удержать за собою старшинство; благодаря исключенію изъ старшинства и изъ общаго владѣнія Ольговичей съ одной стороны, и Младшаго Мономаховича Юрія—съ другой, главныя, центральныя владѣнія Рюриковичей распались на три отдѣльныя части: Русь Кіевскую, Русь Черниговскую и Русь Ростовскую, или Суздальскую. Но крѣпкія еще родовыя понятія на югѣ, въ старой Руси, и другія важныя характеристическія черты ея древняго быта, неопредѣленность въ отношеніяхъ городского населенія и пограничныхъ варваровъ помѣшали раздѣленію, нарушенію общаго родового владѣнія между князьями; когда дядя Юрій явился на югѣ, то племянникъ его Изяславъ услышалъ съ разныхъ сторонъ: „Поклонись дядѣ, мирись съ нимъ, мы не пойдемъ противъ сына Мономаха“, и вотъ Изяславъ, несмотря на всё свои доблести, на расположеніе народное къ нему, долженъ былъ покаяться въ грѣхѣ своемъ и признать старшинство дяди Вячеслава, вступить къ нему въ сыновнія отношенія. Изяславъ умеръ прежде дядей, братъ его не былъ въ-уровень своему положенію, и представленіе о старшинствѣ всѣхъ дядей надъ племянниками торжествуетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ торжествуетъ представленіе объ общности родового владѣнія. Юрій умираетъ на старшемъ столѣ въ Кіевѣ; послѣ него садится здѣсь черниговскій Давидовичъ; послѣдній изгоняется Мстиславомъ, сыномъ знаменитаго Изяслава Мстиславича; Мстиславъ призываетъ въ Кіевъ изъ Смоленска дядю Ростислава, по смерти котораго занимаетъ старшій столъ, но сгоняется съ него дядею—Андреемъ Боголюбскимъ. Андрей даетъ событіямъ другой ходъ: онъ не ѣдетъ въ Кіевъ, отдаетъ его младшему брату, а самъ остается на сѣверѣ, гдѣ является новый міръ отношеній, гдѣ старые города уступаютъ новымъ, отишенія которыхъ къ князю опредѣленны, гдѣ подлѣ городовъ, жившихъ по старинѣ, нѣтъ и Черныхъ Клобуковъ, которые не привыкли ни къ чему государственному. Въ силу поступка Андреева, Южная старая Русь явственно подпала вліянію Сѣверной, гдѣ сосредоточилась и сила матеріальная и вмѣстѣ нравственная, ибо здѣсь сидѣлъ старшій въ племени Мономаховомъ; всё эти отношенія, существовавшія при Андрѣ, повторяются и при братѣ его Всеволодѣ III-мъ. Такимъ образомъ, поколѣніе младшаго сына Мономахова Юрія, благодаря поселенію его на сѣверѣ, усиливается передъ всеми другими поколѣніями Ярославичей, и въ этомъ усиленіи является возможность уничтоженія родовыхъ отношеній между князьями, общаго родового владѣнія, является возможность государственнаго объединенія Руси. Но какаѣ же судьба предназначена доблестному потомству старшаго Мономаховича, Мсти-

слава Великаго? Мы видѣли, что Изяславъ Мстиславичъ и сыно его Мстиславъ потерпѣли неудачу въ борьбѣ съ господствующимъ представленіемъ о старшинствѣ дядей надъ племянниками; Мстиславъ Изяславичъ, по изгнаніи своемъ изъ Кіева войсками Боголюбскаго, долженъ былъ удовлетвориться одною Волынью, и здѣсь онъ самъ и потомки его обнаруживаютъ наслѣдственные стремленія, обнаруживая притомъ наслѣдственные таланты; обстоятельства были благоприятны: Волынь была пограничною русскою областью, въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ западными государствами, гдѣ въ это время, благодаря различнымъ условіямъ и столкновеніямъ, родовыя княжескія отношенія рушатся; въ ближайшей Польшѣ духовные сановники разсуждаютъ о преимуществѣ наслѣдственности въ одной нисходящей линіи предъ общимъ родовымъ владѣніемъ; въ Венгріи давно уже говорили, что не хотѣть знать о правахъ дядей предъ племянниками отъ старшаго брата; все это какъ нельзя лучше согласовалось съ наслѣдственными стремленіями потомковъ Изяслава Мстиславича. Быть можетъ, сначала безсознательныя, вынужденныя обстоятельствами, эти стремленія получаютъ теперь оправданіе, освященіе, и вотъ, быть можетъ, педаромъ старшій столъ на Волыни, Владимиръ, перешелъ по смерти Мстислава къ сыну его Роману мимо брата; недаромъ, говорятъ ¹⁾, Романъ увѣщевалъ русскихъ князей перемѣнить существовавшій порядокъ вещей на новый, какъ водилось въ другихъ государствахъ; но князя старой Руси оставался глухъ къ увѣщанію Романову; ихъ можно было только силою заставить подчиниться новому порядку, и Романъ ищетъ пріобрѣсти эту силу, пріобрѣтаетъ княжество Галицкое, становится самымъ могущественнымъ княземъ на югѣ; для Южной Руси слѣдовательно открывалась возможность государственнаго сосредоточенія; все зависѣло оттого, встрѣтитъ ли потомство старшаго Мономахова сына на юго-западѣ такія же благоприятныя для своихъ стремленій условія и обстоятельства, какія потомство младшаго Мономахова сына встрѣтило на сѣверѣ? Почва Юго-Западной Руси такъ-же ли способна къ воспріятію новаго порядка вещей, какъ почва Руск Сѣверо-Восточной? Исторія немедленно же дала отвѣтъ отрицательный, показавши ясно по смерти Романа галицкія отношенія, условія быта Юго-Западной Руси. А между тѣмъ умеръ Всеволодъ III-й; Сѣверная Русь на время замутилась, потеряла свое вліяніе на Южную, наоборотъ, открылась возможность усилиться насчетъ Сѣверной, благодаря доблестямъ знаменитаго своего представителя Мстислава Удалого. Но въ дѣйствіяхъ этого полнаго представителя старой Руси и обнаружилась вся ея несостоятельность къ произведенію изъ самой себя поваго, прочнаго государственнаго порядка: Мстиславъ явился только странствующимъ героемъ, покровителемъ утѣшен-

ныхъ, безо всякаго государственнаго пониманія, безо всякихъ государственныхъ стремленій, и отнять Галичъ у иноплеменика для того только, чтобъ послѣ добровольно отдать его тому же иноплеменику! Но Сѣверная Русь идетъ своимъ путемъ: съ одной стороны ея князья распространяютъ свои владѣнія все дальше и дальше на востокъ, съ другой — не перестаютъ тѣслить Новгородъ—рано или поздно ихъ вѣрную добычу, наконецъ обнаруживаютъ сильное вліяніе на ближайшія къ себѣ области Южной Руси, утверждаютъ на Черниговскомъ столѣ племянника мимо дяди.

Такимъ образомъ, вначалѣ мы видимъ, что единство Русской Земли поддерживается единствомъ рода княжескаго, общимъ владѣніемъ. Несмотря на независимое, въ смыслѣ государственномъ, управленіе каждымъ княземъ своей волости, князья представляли рядъ временныхъ областныхъ правителей, смѣняющихся если не по волѣ главнаго князя, то, по крайней мѣрѣ, влѣдствіе рядовъ съ нимъ, общихъ родовыхъ счетовъ и рядовъ, такъ что судьба каждой волости не была независимо опредѣлена внутри ея самой, но постоянно завѣсла отъ событий, происходившихъ на главной сценѣ дѣйствія, въ собственной Руси, въ Кіевѣ, около старшаго стола княжескаго; Сѣверская, Смоленская, Новгородская, Волынская области перемѣняли своихъ князей смотря по тому, что происходило въ Кіевѣ: смѣнялъ ли тамъ Мономаховичъ Ольговича, Юрьевичъ Мстиславича или наоборотъ, а это необходимо поддерживало общій интересъ, сознание о земскомъ единствѣ.

Но мы скоро видимъ, что нѣкоторыя области выдѣляются въ особыя княжества, отпадаютъ отъ общаго единства, области крайнія на западѣ и востокѣ, которыхъ особость усложнилась и прежде причинами физическими и историческими: отпадаетъ область Западной Двины, область Полоцкая, которая при самомъ началѣ исторіи составляетъ уже владѣніе особаго княжескаго рода; отпадаетъ область Галицкая, издавна переходная и спорная между Польшею и Русью; на востокѣ отпадаетъ отдаленный Муромъ съ Рязанью; далекая Тмутаракань перестаетъ быть русскимъ владѣніемъ. Обособленіе этихъ крайнихъ волостей не могло имѣть вліянія на ходъ событий въ главныхъ среднихъ волостяхъ; здѣсь, въ южной, Днѣпровской половинѣ мы не замѣчаемъ измѣненія въ господствующемъ порядкѣ вещей, обособленія главныхъ волостей, ибо никакія условія, ни физическія, ни племенные, ни политическія не требуютъ этого обособленія; но какъ скоро одна вѣтвь, одно племя княжескаго рода утверждается въ сѣверной, Волжской половинѣ Руси; какъ скоро князь изъ этого племени получаетъ родовое старшинство: то немедленно же и происходитъ обособленіе Сѣверной Руси, столь богатое послѣдствіями; но обособленіе произошло не по требованію извѣстныхъ родовыхъ княжескихъ отношеній, а по требованію особыхъ условій историческихъ и физическихъ; нарушеніе об-

¹⁾ Татищ. III, 337.

шаго родового владѣнія и переходъ родовыхъ княжескихъ отношеній въ государственныя условливались различіемъ двухъ главныхъ частей древней Руси, и протекавшимъ отсюда стремленіемъ къ особности.

Благодаря состоянію окружающихъ государствъ и народовъ, всё эти внутреннія движенія и перемѣны на Руси могли происходить безпрепятственно. Въ Швеціи еще продолжалась внутренняя борьба, и столкновенія ея съ Русью, происходившія въ минуту отдыха, были ничтожны. Польша, кромѣ внутреннихъ смутъ, убоищъ, была занята внѣшнею борьбою съ опасными сосѣдями—Нѣмцами, Чехами, Прусами; Венгрія находилась въ томъ же самомъ положеніи, хотя оба эти сосѣднія государства принимали иногда дѣятельное участіе въ событіяхъ Юго-Западной Руси, каково напримѣръ было участіе Венгрии въ борьбѣ Изяслава Мстиславича съ дядею Юриемъ; но подобное участіе никогда не имѣло рѣшительнаго вліянія на ходъ событій, никогда не могло измѣнить этого хода, условленнаго внутренними причинами. Вліяніе быта Польши и Венгрии на бытъ Руси было ощутительно въ Галичѣ; можно замѣтить его и въ пограничной Волыни; но дальше это вліяніе не простиралось. Польша и Венгрія не могли быть для Руси проводниками западно-европейскаго вліянія, скорѣе можно сказать, — уединяли ее отъ него, потому что и сами, кромѣ религіозной связи, имѣли мало общихъ формъ быта съ западно-Европою; но если и Польша съ Венгріею, несмотря на религіозную связь, мало участвовали въ общихъ явленіяхъ европейской жизни того времени, тѣмъ менѣе могла участвовать въ нихъ Русь, которая не была связана съ западомъ церковнымъ единеніемъ, принадлежала къ Церкви Восточной, слѣдовательно должна была подвергаться духовному вліянію Византіи. Византійская образованность, какъ увидимъ, проникла въ Русь, греческая торговля богатела ее; но главная сцена дѣйствія уже перенеслась на сѣверо-востокъ, далеко отъ великаго воднаго пути, соединившаго сѣверо-западную Европу съ юго-восточною; Русь уходила все далѣе и далѣе въ глубь сѣверо-востока, чтобъ тамъ, въ уединеніи отъ всѣхъ постороннихъ вліяній, выработать для себя крѣпкія основы быта; Новгородъ не могъ быть для нея проводникомъ чуждаго вліянія уже по самой враждебности, которая пролеткала отъ различія его быта съ бытомъ остальныхъ сѣверныхъ областей. Но если Русь въ описываемое время отдѣлялась отъ западной Европы Польшею, Венгріею, Литвою, то ничѣмъ не отдѣлялась отъ востока, съ которымъ должна была вести непрерывную борьбу. Собственная Южная

Русь была украиною, такъ сказать, европейскимъ берегомъ степи, и берегомъ низкимъ, въ защитеніемъ нисколько природою, слѣдовательно подверженнымъ частому наплыву кочевыхъ ордъ; искусственныя плотины, города, которые начали строить еще первые князья наши, не достаточно защищали Русь отъ этого наплыва. Мало того, что степняки, или Половцы, сами нападали на Русь, — они отрѣзывали ее отъ черноморскихъ береговъ, препятствовали сообщенію съ Византіею. Русскіе князья съ многочисленными дружинами должны были выходить на-встрѣчу къ греческимъ купцамъ и провожать ихъ до Кіева, оберегать отъ степныхъ разбойниковъ; варварская Азія стремится отнять у Русей всё пути, всё отдушныны, которыми та сообщалась съ образованною Европою. Южная Русь, украина, европейскій берегъ степи, заносится уже съ разныхъ сторонъ степнымъ народонаселеніемъ; по границамъ Киевской, Переяславской, Черниговской области садятся варварскія толпы, свои поганые, какъ называли ихъ въ отличіе отъ дикихъ, т.-е. независимыхъ степняковъ, или Половцевъ. Находясь въ полузависимости отъ русскихъ князей, чуждое гражданскихъ связей съ новымъ европейскимъ отечествомъ своимъ, это варварское пограничное народонаселеніе, по численной значительности и воинственному характеру своему, имѣетъ важное вліяніе на ходъ событій въ Южной Руси, умножая вмѣстѣ съ дикими Половцами грабежи и безнарядье, служа самою сильною поддержкою для усобищъ, представляя всегда соорядившимся князьямъ готовую дружину для опустошенія родной страны. Точно такъ какъ позднѣйшіе Черкасы и пограничные варвары описываемаго времени повидимому служатъ государству, борются за него съ степняками, но между тѣмъ находятся съ послѣдними въ тѣсныхъ, родственныхъ связяхъ, берегутъ ихъ выгоды, выдаютъ имъ государство. Вудучи совершенно равнодушны къ судьбамъ Руси, къ торжеству того или другого князя, сражаясь только изъ-за добычи, и дикіе Половцы, и свои поганые, или Черные Клобуки, первые измѣняютъ, первые обыкновенно обращаются въ бѣгство. Съ такими-то народами должна имѣть постоянное дѣло Южная Русь, а между тѣмъ историческая жизнь отливать отъ нея къ сѣверу, она лишается матеріальной силы, которая переходитъ къ области Волжской, лишается политическаго значенія, матеріальнаго благосостоянія, честь и краса ея, старшій столичный городъ во всей Руси, Кіевъ, презрѣнъ, покинутъ старѣйшими и сильнѣйшими князьями, нѣсколько разъ разграбленъ

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ.

Изложенный нами во второмъ томѣ взглядъ на междукняжескія отношенія встрѣтилъ съ разныхъ сторонъ возраженія, когда впервые былъ высказанъ въ книгѣ нашей: „Исторія отношеній между Русскими князьями Рюрикава дома“. Теперь считаемъ небезполезнымъ разобрать эти возраженія.

Г. Капелинъ въ рецензіи своей, напечатанной въ „Современникѣ“ 1847 года, представилъ слѣдующія возраженія:

„Г. Соловьевъ говоритъ о родовыхъ отношеніяхъ, потомъ о государственныхъ, которыя сначала съ ними боролись и наконецъ ихъ смѣнили. Но въ какомъ отношеніи они находились между собою, откуда взялись государственныя отношенія въ нашемъ быту вслѣдъ за родовыми—этого онъ не объясняетъ или объясняетъ слишкомъ неудовлетворительно. Во первыхъ, онъ не показываетъ естественной преемственности быта юридическаго послѣ родоваго; во вторыхъ, взглядъ его не вполне отрѣшился отъ преувеличеній, которыя такъ изукрасили древнюю Русь, что ея нельзя и узнать. Правда, его взглядъ несравненно простѣе, естественнѣе; но надо было сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобъ довершить полное высвобожденіе древней русской исторіи отъ несвойственныхъ ей представлений; а его-то г. Соловьевъ и не сдѣлалъ. Этимъ и объясняется, почему авторъ по необходимости долженъ былъ прибѣгнуть къ остроумной но невѣрной гипотезѣ—о различіи новыхъ княжескихъ городовъ отъ древнихъ вѣчевыхъ, для объясненія новаго порядка вещей, на родившагося въ Сѣверо-Восточной Россіи. Представляя себѣ въ нѣсколько неестественныхъ размѣрахъ Владимірскую и Московскую Русь, г. Соловьевъ увидѣлъ въ нихъ то, чего онъ или вовсе не представляли, или представляли, но не въ томъ свѣтѣ, который имъ придаетъ авторъ. Отъ того у г. Соловьева между Русью—до и послѣ XIII вѣка дѣлая пропасть, которую наполнить можно было чѣмъ-нибудь внѣшнимъ, не лжившимъ въ органическомъ развитіи нашего древняго быта. Такимъ вводнымъ обстоятельствомъ является у автора система новыхъ городовъ; вывести эту систему изъ родовыхъ началъ, наполнявшихъ своимъ развитіемъ государственную исторію Россіи до Іоанна III, нѣтъ никакой возможности. Объяснимся. Мы уже сказали,

что государственный политическій элементъ одинъ сосредоточиваетъ въ себѣ весь интересъ и всю жизнь древней Руси. Если этотъ элементъ выражается въ родовыхъ патріархальныхъ формахъ,—ясно, что въ то время онъ былъ высшей и единственно возможной формой быта для древней Руси. Никакихъ сильныхъ переворотовъ во внутреннемъ составѣ нашего отечества не происходило; отсюда можно а priori безошибочно заключить, что все измѣненія, происшедшія постепенно въ политическомъ быту Россіи, развились органически изъ самаго патріархальнаго, родоваго быта. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что исторіи нашихъ князей представляетъ совершенно естественное перерожденіе кровнаго быта въ юридическій и гражданскій. Сначала князья составляютъ цѣлый родъ, владѣющей сообца всею Русскою Землею. Отношеній по собственности цѣлы бытъ не можетъ, потому что нѣтъ прочной осѣдлости. Князья безпрестанно переходятъ съ мѣста на мѣсто, изъ одного владѣнія въ другое, считаясь между собою только по родству, старшинствомъ. Въ послѣдствіи они начинаютъ осѣдаться на мѣстахъ. Какъ только это сдѣлалось, княжескій родъ раздробился на вѣтви, изъ которыхъ каждая стала владѣть особеннымъ участкомъ земли—областью, или княжествомъ. Вотъ первый шагъ къ собственности. Правда, въ каждой отдѣльной территоріи продолжали еще прежній порядокъ вещей: общее владѣніе, единство княжеской вѣтви, имъ обладавшей, и переходы князей. Но не забудемъ, что эти территоріи были несравненно меньше, княжескія вѣтви малочисленнѣе, стало быть, теперь гораздо легче могла возникнуть мысль, что княжество ни болѣе, ни менѣе какъ княжеская вотчина, наследственная собственность, которую владѣлецъ можетъ распорядиться безусловно. Когда эта мысль, конечно безсознательно, наконецъ укрѣпилась и созрѣла, территоріальныя, владѣльческіе интересы должны были одержать верхъ надъ личными, т. е. по тогдашнему кровными и родственными... Братья между собою считались старшинствомъ и, такимъ образомъ, даже по смерти отца, составляли цѣлое, опредѣляемое постоянными законами; но дѣти каждого изъ нихъ имѣли ближайшее отношеніе къ отцу, и только второстепенное, посредственное къ роду. Для нихъ

ихъ семейные интересы были главное и первое; родъ былъ уже гораздо дальше и не могъ такъ живо и всецѣло поглощать ихъ вниманіе и любовь. Прибавьте къ этому, что и для ихъ отца выгоды своей семьи были близки и во многихъ случаяхъ, приходя въ столкновение съ выгодами рода, могли ихъ перевѣшивать. Но пока родъ былъ немногочисленъ и линіи еще далеко не разошлись, родъ еще могъ держаться; а что-жъ должно было произойти, когда послѣ родоначальника смѣнились три-четыре поколѣнія; — когда каждая княжеская линія имѣла уже свои семейныя и родовыя преданія, а общеродовые интересы ступили на третье, четвертое мѣсто? Естественно, къ роду, обратившемуся теперь въ призракъ, всё должны были охладѣть. Вслѣдствіе чего же? — Вслѣдствіе того, что вотчинное, семейное начало нисходящія разорвали родъ на самостоятельныя, другъ отъ друга не зависящія части или отрасли. Этотъ процессъ повторялся нѣсколько разъ: изъ вѣтвей развивались роды. Эти роды разлагались семейнымъ началомъ и т. д. до тѣхъ поръ, пока родовое начало не износилось совершенно“...

Объяснимся и мы теперь съ своей стороны.

Г. Кавелинъ говоритъ: „Сначала князья составляють цѣлый родъ, владѣющій сообца всею Русскою Землею. Князья безпрестанно переходятъ съ мѣста на мѣсто; впоследствии они начинаютъ осѣдаться на мѣстахъ. — Вотъ первый шагъ къ собственности“ . — Но спрашиваемъ: почему же они вдругъ начинаютъ осѣдаться на мѣстахъ? Что ихъ къ этому принудило? Рѣшеніе этого-то вопроса, отысканіе причины, почему князья начинаютъ усаживаться на мѣстахъ, и есть главная задача для историка. Князья могли усѣсться тогда только на мѣстахъ, когда получили понятіе объ отдѣльной собственности; а по мнѣнію г. Кавелина выходитъ наоборотъ; у него слѣдствіе поставлено причиною, и какъ произошло основное явленіе — не объяснено. — „Правда, говоритъ онъ, въ каждой отдѣльной территоріи продолжался еще прежній порядокъ вещей: общее владѣніе, единство княжеской вѣтви, имъ обладавшей, и переходы князей. Но не забудемъ, что эти территоріи были несравненно меньше, княжескія вѣтви малочисленнѣе; стало быть, теперь гораздо легче могла возникнуть мысль, что княжество ни болѣе, ни менѣе, какъ княжеская община, наследственная собственность“ . — Но не забудемъ, что когда территорія меньше, когда княжеская вѣтвь малочисленнѣе, тогда-то и представляется полная возможность развиться родовымъ отношеніямъ, укорениться понятію объ общемъ владѣніи, потому что обширная территорія и многочисленность княжескихъ вѣтвей всего болѣе содѣйствуютъ раздробленію рода, порванію родовой связи; такимъ образомъ здѣсь г. Кавелинъ причиною явленія ставитъ то, что должно необходимо вести къ слѣдствіямъ противоположнымъ; но намъ не нужно возражать г. Кавелину, онъ самъ себя возражаетъ: „Пока родъ, говоритъ онъ, былъ не много-

численъ и линіи еще не далеко разошлись, родъ еще могъ держаться; а что-жъ должно было произойти, когда послѣ родоначальника смѣнились три-четыре поколѣнія, когда каждая княжеская линія имѣла уже свои семейныя и родовыя преданія, и общеродовые интересы ступили на третье, четвертое мѣсто? Естественно къ роду должны были всё охладѣть.“ — Развѣ здѣсь не противорѣчіе? Сперва говорится, что родовое начало рушится, когда княжеская вѣтвь становится малочисленнѣе; а потомъ утверждаютъ, что родовое начало ослабѣло вслѣдствіе развѣтвленія рода! — Родъ раздробляется вслѣдствіе развѣтвленія, къ роду всё должны были охладѣть. Вслѣдствіе чего же? — спрашиваетъ г. Кавелинъ, и отвѣчаетъ: вслѣдствіе того, что вотчинное, семейное начало нисходящія разорвали родъ на самостоятельныя, другъ отъ друга не зависящія части или отрасли“. Но теперь, когда большой родъ разорвался на малые роды, или семьи, то что мѣшаетъ имъ развиваться опять въ роды или большія семьи? Быть можетъ, малочисленность вѣтвей, какъ прежде говорилъ г. Кавелинъ? Нѣтъ, ничто не мѣшаетъ: „Этотъ процессъ, говоритъ г. Кавелинъ, повторялся нѣсколько разъ; изъ вѣтвей развивались роды. Эти роды разлагались семейнымъ началомъ и т. д. до тѣхъ поръ, пока родовое начало не износилось совершенно“ . — Итакъ, сначала говорилось, что родовое начало ослабѣвало вслѣдствіе малочисленности княжеской вѣтви; потомъ говорилось, что оно ослабѣвало вслѣдствіе развѣтвленія рода, многочисленности его членовъ; наконецъ показали намъ, что ни то, ни другое ни могло уничтожить родовыхъ отношеній: ибо когда родъ раздробится на нѣсколько отдѣльныхъ княжескихъ линій, то эти линіи стремятся опять развиваться въ роды; слѣд. малочисленность княжеской вѣтви нисколько этому не мѣшаетъ. Что же уничтожило родовыя отношенія? — да такъ, ничто, родовое начало износилось само собою! Какъ будто бы въ исторіи и въ природѣ вообще можетъ что-нибудь исчезнуть, износиться само собою, безъ вліянія виѣшнихъ условий?

Нужно ли говорить, какъ приведенное мнѣніе г. Кавелина соотвѣтствуетъ дѣйствительности, фактамъ? Но оно именно явилось вслѣдствіе отрѣшенности отъ фактовъ, отъ всякой живой, исторической связи событій, отъ живыхъ историческихъ взаимодействующихъ началъ, между которыми главное мѣсто занимаютъ личности историческихъ дѣятелей и почва, на которой они дѣйствуютъ, ея условія. Родовымъ княжескимъ отношеніямъ нанесенъ былъ первый сильный ударъ, когда Сѣверо-Восточная Русь отдѣлилась отъ Юго-Западной, получила возможность дѣйствовать на послѣднюю, благодаря дѣятельности Андрея Боголюбскаго; но какъ образовался характеръ, взглядъ, отношенія послѣдняго, почему онъ пренебрегъ югомъ, почему началъ новый порядокъ вещей, и почему этотъ порядокъ вещей принялся и укоренился на сѣверѣ и не могъ приняться на югѣ, — это объяснить

только изслѣдованіе почвы сѣвера и юга, а не сухое, отвлеченное предствленіе о томъ, какъ семейное начало разлагало родовое, но не могло разложить, пока то само не износилось совершенно. Сперва старшіе князья смотрѣли и могли только смотрѣть на младшихъ какъ на равноправныхъ родичей, ибо, кромѣ вкорененныхъ понятій, не имѣли матеріальной силы, зависѣли отъ младшихъ родичей; но потомъ явился князь, который получилъ независимость отъ родичей, матеріальную силу, требуетъ отъ младшихъ, чтобъ они повиновались ему безпрекословно,—тѣ ясно понимаютъ, что онъ хочетъ переимѣнить прежнія родовыя отношенія на новыя, государственныя, хочетъ обращаться съ ними не какъ съ равноправными родственниками, но какъ съ подручниками, простыми людьми; начинается продолжительная борьба, въ которой мало-по-малу младшіе должны признать новыя отношенія, должны подчиниться старшему, какъ подданные государю. Историкъ смотритъ на эту борьбу родовыхъ отношеній съ государственнымъ, начавшуюся въ XII и кончившуюся полнымъ торжествомъ государственныхъ отношеній въ XVI вѣкѣ; а ему возражаютъ, что онъ о государственныхъ отношеніяхъ не долженъ говорить до самаго Петра Великаго; что со временъ Андрея Боголюбскаго начинается господствованіе семейное начало, которое разлагаетъ, смѣняетъ родовое, а до государственнаго еще далеко. Но, стало быть, Андрей Боголюбскій переимѣнилъ родовыя отношенія къ Ростиславичамъ на семейныя? новыя подручническія отношенія, какихъ не хотѣли признать Ростиславичи, выходятъ семейныя въ противоположность родовымъ? Что можетъ быть проще, естественнѣе, непосредственнѣе перехода отъ значенія великаго князя, какъ старшаго въ родѣ только, зависимаго отъ родичей, къ значенію государя, какъ скоро онъ получаетъ независимость отъ родичей, матеріальную силу? А г. Кавелинъ говоритъ, что между этими двумя значеніями цѣлая пропасть, которую мы ничѣмъ не наполнили, и которая, по его мнѣнію, наполняется господствомъ семейнаго начала.

Но г. Кавелинъ, объясняя исчезновеніе родоваго начала разложеніемъ его посредствомъ начала семейнаго, изнашиваніемъ безъ причинъ, безъ всякаго посторонняго вліянія, отвергая объясненіе наше относительно старыхъ и новыхъ городовъ, самъ, на стр. 193, принимаетъ вліяніе городовъ за разлагающее родовый бытъ начало, и упрекаетъ насъ въ томъ, что мы не выставили его какъ движущее начало, тогда какъ мы именно выставили отношенія городовъ движущимъ началомъ, выставили отношенія новыхъ городовъ къ князьямъ главнымъ условіемъ въ произведеніи новаго порядка вещей, и отношенія старыхъ городовъ — условіемъ для поддержанія стараго: потому что старыя общины не понимали наслѣдственности и потому препятствовали князьямъ усаживаться въ одиѣхъ и тѣхъ же волостяхъ, смотрѣть на послѣднія, какъ на отдѣльную собственность; если старыя общины

переимѣняли иногда княжескія родовыя счеты, то этимъ онѣ подавали поводъ къ усобицамъ, но не могли вести къ разложенію родоваго начала, ибо предпочтенное племя развивалось опять въ родъ съ прежними счетами и отношеніями, а на отношеніяхъ къ старымъ общинамъ князя опереться не могли, по шаткости, неопредѣленности этихъ отношеній.—Прежде г. Кавелинъ утверждаетъ, что родовое начало исчезло само собою вълѣдствіе повторительнаго разложенія семейнымъ началомъ безъ всякаго участія постороннихъ условий, которыхъ, по мнѣнію г. Кавелина, вовсе не было на Руси, а потомъ подлѣ семейнаго или вотчиннаго начала онъ ставитъ вліяніе общинъ на разложеніе родоваго быта. Мы видимъ здѣсь несослѣдовательность, противорѣчіе, по все рады за автора. что онъ призналъ наконецъ возможность постороннихъ вліяній; но если онъ призналъ вліяніе городовъ, то зачѣмъ же онъ такъ сильно вооружается на насъ за то, что мы выставили это вліяніе, а не приняли его объясненіе, по которому родовое начало должно было, безо всякой причины, безо всякаго посторонняго вліянія, само собою износиться? Мы принимаемъ вліяніе городовыхъ отношеній, и онъ принимаетъ это вліяніе; слѣдовательно вопросъ долженъ идти о томъ только, какъ разсматривать это вліяніе, а не о томъ, нужно или не нужно вводить его? Зачѣмъ же г. Кавелинъ говоритъ, что наша гипотеза о вліяніи городовыхъ отношеній не нужна въ наукѣ?

Г. Кавелинъ утверждаетъ, что рядомъ съ родовыми, кровными интересами у древнихъ князей нашихъ развивались и другіе, владѣльческіе, которые въслѣдствіи мало-по-малу вытѣснили всѣ другіе. Онъ говоритъ: „Мы позволимъ себѣ даже пойти далѣе и утверждать, въ противнотство мнѣнію г. Соловьева, что эти интересы уже стояли теперь на первомъ планѣ, но только прикрывались формами родовыхъ отношеній, такъ сказать сдерживались ими, и потому-то борьба за старшинство, которую авторъ характеризуетъ между княжескія отношенія въ эту эпоху, не что иное какъ выраженіе тѣхъ же владѣльческихъ стремленій, которыя князья старались узаконить господствовавшимъ тогда родовымъ правомъ“. — Отвѣчаемъ: историку нѣтъ дѣла до владѣльческихъ интересовъ, отрѣшенно взятыхъ; ему дѣло только до того, какъ выражались эти владѣльческіе интересы, какъ владѣютъ князья, что даетъ имъ возможность владѣть тѣми или другими влостями, какъ эта возможность опредѣляется ими самими и цѣлымъ современнымъ обществомъ, потому что только эти опредѣленія характеризуютъ извѣстный вѣкъ, извѣстное общество, а эта-то характеристика прежде всего и нужна для историка. Впрочемъ, это мнѣніе о преобладаніи владѣльческихъ интересовъ болѣе развито г. Погодинымъ, который въ статьѣ: „О междоусобныхъ войнахъ“ — выражается такъ:

„Гдѣ право, тамъ и обила, говорятъ русская

пословица. У насъ же наследственное право состояло въ одномъ семейномъ обычаѣ, который лекони передавался отъ отцовъ къ дѣтямъ, изъ рода въ родъ, безъ всякой опредѣленной формы, всего менѣе юридической. Простираясь, по самому естеству вещей, только на ближайшее потомство и завлея во многихъ отношеніяхъ отъ произвола дѣйствующихъ лицъ, онъ подавалъ легко поводы къ недоразумѣніямъ, спорамъ, и слѣд. войнамъ при всякихъ *новыхъ* случаяхъ, вслѣдствіе неизбежнаго умноженія княжескихъ родовъ. Присоедините бранный духъ господствующаго племени, избытокъ физической силы, неукротимость первыхъ страстей, жажду дѣятельности, которая шидѣ болѣе, по перебѣднѣвшимся обстоятельствамъ, не находила себѣ поприща,—и вы поймете, почему междуособія занимаютъ самое видное мѣсто въ нашей исторіи отъ кончины Ярослава до владычества Монголовъ, 1055—1240. Впрочемъ, они были советѣмъ не таковы, какими у насъ, безъ ближайшаго разсмотрѣнія, представлялись и представляются. Итакъ подвергнемъ ихъ строгому, подробному химическому анализу, или разложенію, и изслѣдуемъ: за что, какъ, гдѣ, когда, кѣмъ они велись, и какое могли имѣть вліяніе на дѣйствующія лица, на всю землю и ея судьбы. Постараемся вести наши изслѣдованія путемъ строгимъ, *математическимъ*“.

Мы видимъ здѣсь, что г. Погодинъ начинаетъ свое изслѣдованіе какъ должно, съ главной причины разбираемаго вліянія, указываетъ на главный источникъ—семейный обычай. Но, найдя главную причину, главный источникъ междуособій въ семейномъ обычаѣ, мы должны, идя *путемъ строгимъ*, прежде всего изслѣдовать: какой же это былъ семейный обычай, какъ подавалъ онъ поводы къ спорамъ, какіе это были новые случаи, зарождающіе войны? Для этого мы должны разсмотрѣть всѣ междуособныя войны, изъ года въ годъ, по лѣтописямъ, и, зная, что источникъ каждой войны заключался въ семейномъ обычаѣ, должны объяснять, какая междуособная война произошла, вслѣдствіе какихъ семейныхъ счетовъ и расчетовъ, какое право, по господствовавшимъ тогда понятіямъ, имѣлъ извѣстный князь считать себя обиженнымъ и начинать войну; за то ли начата она, что младшему дали больше волостей, чѣмъ старшему, или старшій обидѣлъ младшаго, или, быть можетъ, младшій не уважилъ правъ старшаго? Такъ мы должны изслѣдовать междуособныя войны, если хотимъ идти путемъ строгимъ, *математическимъ*. Но такъ ли поступаетъ г. Погодинъ? Показавъ въ началѣ статьи главную причину междуособій въ семейномъ обычаѣ, онъ потомъ задаетъ вопросъ: за что князья воевали? и отвѣчаетъ: „Главною причиною, источникомъ, цѣлью всѣхъ междуособныхъ войнъ были *волости*, т.-е. владѣнія. Переберите всѣ войны, и въ сущности, при началѣ или концѣ, вы не найдете никакой другой причины, именно (начинаетъ перечислять): Ростиславъ отнялъ Тмутаракань у

Глѣба Святославича, Всеславъ Полоцкій взялъ Новгородъ, Изяславъ воротилъ себѣ Кіевъ и отнялъ Полоцкъ у Всеслава“, и проч.

Прежде всякаго возраженія, побробуемъ взглянуть точно такимъ же образомъ на событія всеобщей исторіи, и начнемъ разсуждать такъ: главною причиною, источникомъ, цѣлью всѣхъ войнъ между народами въ древней, средней и новой исторіи были волости, т.-е. владѣнія. Переберите всѣ войны, и въ сущности, при началѣ или концѣ, вы не найдете никакой другой причины, а именно: Персы воевали съ Греками, взяли Аонию и другіе города; Греки возвратили свои города отъ Персовъ; Спартацы воевали съ Аоніями, взяли Аонию; Аоніи возвратили свой городъ отъ Спартацевъ; Филиппъ Македонскій побѣдилъ Грековъ; Александръ Македонскій завоевалъ Персію; Римляне взяли Карфагенъ; Крестоносцы овладѣли Іерусалимомъ; Испанцы взяли Гренаду, и т. д. — До сихъ поръ мы думали, что историкъ обязанъ представить событія въ связи, объяснить причины явленій, а не разрывать всякую связь между событіями; если одинъ князь пошелъ и взялъ городъ, а другой пришелъ и отнялъ у него добычу, то неужели это только и значить, что князья воевали именно за этотъ городъ, и слѣдовательно война Юрія Долгорукаго съ племянникомъ его Изяславомъ Мстиславичемъ совершенно похожа на войну Карфагенянъ съ Римлянами, потому что и здѣсь и тамъ воюютъ за волости. Войны характеризуются причинами, а не формою, которая постоянно всѣхъ и всегда одинакова; г. Погодинъ назвалъ статью свою „Междуособныя войны“, но изъ этой статьи нельзя догадаться, чтобы войны, о которыхъ говорится, были междуособныя; въ выпискахъ изъ лѣтописи читатель рѣшительно не пойметъ, какія отношенія между воюющими князьями, что они—независимые владѣльцы совершенно отдѣльныхъ государствъ, или есть между ними какая-нибудь связь? Видно, что они родня другъ другу; но по какимъ отношеніямъ дѣйствуютъ они, и какое значеніе имѣютъ города, которые они отнимаютъ другъ у друга,—этого не видно. На нѣти печатныхъ листахъ помѣщены выписки изъ лѣтописей, и въ концѣ статьи узнаемъ, что жили въ старину князья, которые отнимали другъ у друга владѣнія,—и только. Но взглянемъ на эти выписки: „1064 года Ростиславъ отнялъ Тмутаракань у Глѣба Святославича“. Какая же причина этому явленію?—Не знаемъ. По крайней мѣрѣ г. Погодинъ не объясняетъ намъ ея; онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что Ростиславъ взялъ Тмутаракань безо всякаго предлога. Да кто же такой былъ Ростиславъ? Онъ былъ сынъ старшаго сына Ярослава, Владимира, князя Новгородскаго; стало быть и Ростиславъ былъ князь Новгородскій же?—нѣтъ. Но какимъ же это образомъ могло случиться? Сынъ старшаго сына Ярослава не получилъ не только старшаго стола—Кіева, но даже и отцовскаго стола—Новгорода, принужденъ добывать себѣ власть мечемъ? Это явленіе объясняется семей-

только изслѣдованіе почвы сѣвера и юга, а не сухое, отвлеченное представленіе о томъ, какъ семейное начало разлагало родовое, но не могло разложить, пока то само не изпосылось совершенно. Сперва старшіе князья смотрѣли и могли только смотрѣть на младшихъ какъ на равноправныхъ родичей, ибо, кромѣ вкорененныхъ понятій, не имѣли матеріальной силы, зависѣли отъ младшихъ родичей; но потомъ явился князь, который получилъ независимость отъ родичей, матеріальную силу, требуетъ отъ младшихъ, чтобы они повиновались ему беспрекословно, — тѣ ясно понимаютъ, что онъ хочетъ переимѣнить прежнія родовыя отношенія на новыя, государственныя, хочетъ обращаться съ ними не какъ съ равноправными родственниками, но какъ съ подручниками, простыми людьми; начинается продолжительная борьба, въ которой мало-по-малу младшіе должны признать новыя отношенія, должны подчиниться старшему, какъ подданные государю. Историкъ смотритъ на эту борьбу родовыхъ отношеній съ государственными, начавшуюся въ XII и кончившуюся полнымъ торжествомъ государственныхъ отношеній въ XVI вѣкѣ; а ему возражаютъ, что онъ о государственныхъ отношеніяхъ не долженъ говорить до самаго Петра Великаго; что со времянъ Андрея Боголюбскаго начинается господствовать семейное начало, которое разлагаетъ, смѣняетъ родовое, а до государственнаго еще далеко. Но, стало быть, Андрей Боголюбскій переимѣнилъ родовыя отношенія къ Ростиславичамъ на семейныя? новыя подручнческія отношенія, какихъ не хотѣли признать Ростиславичи, выходятъ семейныя въ противоположность родовымъ? Что можетъ быть проще, естественнѣе, непосредственнѣе перехода отъ значенія великаго князя, какъ старшаго въ родѣ только, зависимаго отъ родичей, къ значенію государя, какъ скоро онъ получаетъ независимость отъ родичей, матеріальную силу? А г. Кавелинъ говоритъ, что между этими двумя значеніями цѣлая пропасть, которую мы ничѣмъ не наполнили, и которая, по его мнѣнію, наполняется господствомъ семейнаго начала.

Но г. Кавелинъ, объясняя исчезновеніе родоваго начала разложеніемъ его посредствомъ начала семейнаго, изнашиваніемъ безъ причины, безъ всякаго посторонняго вліянія, отвергая объясненіе наше относительно старыхъ и новыхъ городовъ, самъ, на стр. 193, принимаетъ вліяніе городовъ за разлагающее родовый бытъ начало, и упрекаетъ насъ въ томъ, что мы не выставили его какъ движущее начало, тогда какъ мы именно выставили отношенія городовъ движущимъ началомъ, выставили отношенія новыхъ городовъ къ князьямъ главнымъ условіемъ въ произведеніи новаго порядка вещей, и отношенія старыхъ городовъ — условіемъ для поддержанія стараго: потому что старыя общины не носили наслѣдственности и потому препятствовали князьямъ усаживаться въ одиѣхъ и тѣхъ же волостяхъ, смотрѣть на послѣднія, какъ на отдѣльную собственность; если старыя общины

переимѣняли иногда княжескія родовыя счеты, то этимъ онѣ подавали поводъ къ усобицамъ, но не могли вести къ разложенію родоваго начала, ибо предпочтенное племя развивалось опять въ родъ съ прежними счетами и отношеніями, а на отношеніяхъ къ старымъ общинамъ князя опереться не могли, по шаткости, неопредѣленности этихъ отношеній. — Прежде г. Кавелинъ утверждаетъ, что родовое начало исчезло само собою вслѣдствіе вторичнаго разложенія семейнымъ началомъ безъ всякаго участія постороннихъ условій, которыхъ, по мнѣнію г. Кавелина, вовсе не было на Руси, а потомъ подлѣ семейнаго или вотчиннаго начала онъ ставитъ вліяніе общинъ на разложеніе родоваго быта. Мы видимъ здѣсь непослѣдовательность, противорѣчіе, но все рады за автора. что онъ призналъ наконецъ возможность постороннихъ вліяній; но если онъ призналъ вліяніе городовъ, то зачѣмъ же онъ такъ сильно вооружается на насъ за то, что мы выставили это вліяніе, а не приняли его объясненіе, по которому родовое начало должно было, безо всякой причины, безо всякаго посторонняго вліянія, само собою изпосыться? Мы принимаемъ вліяніе городовыхъ отношеній, и онъ принимаетъ это вліяніе; слѣдовательно вопросъ долженъ идти о томъ только, какъ разсматривать это вліяніе, а не о томъ, нужно ли не нужно вводить его? Зачѣмъ же г. Кавелинъ говоритъ, что наша гипотеза о вліяніи городовыхъ отношеній не нужна въ наукѣ?

Г. Кавелинъ утверждаетъ, что рядомъ съ родовыми, кровными интересами у древнихъ князей нашихъ развивались и другіе, владѣльческіе, которые впоследствии мало-по-малу вытѣснили всѣ другіе. Онъ говоритъ: „Мы позволимъ себѣ даже пойти далѣе и утверждать, въ противность мнѣнію г. Соловьева, что эти интересы уже стояли теперь на первомъ планѣ, но только прикрывались формами родовыхъ отношеній, такъ сказать сдерживались ими, и потому-то борьба за старшинство, которую авторъ характеризуетъ между княжескія отношенія въ эту эпоху, не что иное какъ выраженіе тѣхъ же владѣльческихъ стремленій, которыя князья старались узаконить господствовавшимъ тогда родовымъ правомъ“. — Отвѣчаемъ: историку нѣтъ дѣла до владѣльческихъ интересовъ, отрѣшенно взятыхъ; ему дѣло только до того, какъ выразались эти владѣльческіе интересы, какъ владѣютъ князья, что даетъ имъ возможность владѣть тѣми или другими властями, какъ эта возможность опредѣляется ими самими и цѣлымъ современнымъ обществомъ, потому что только эти опредѣленія характеризуютъ извѣстный вѣкъ, извѣстное общество, а эта-то характеристика прежде всего и нужна для историка. Впрочемъ, это мнѣніе о преобладаніи владѣльческихъ интересовъ болѣе развито г. Погодинымъ, который въ статьѣ: „О междоусобныхъ войнахъ“ — выражается такъ:

„Гдѣ право, тамъ и обида, говоритъ русская

пословица. У насъ же наследственное право состояло въ одномъ семейномъ обычаѣ, который лекомъ передавался отъ отцовъ къ дѣтямъ, изъ рода въ родъ, безъ всякой опредѣленной формы, всего мѣтѣ юридической. Простираясь, по самому естеству вещей, только на ближайшее потомство и зався во многихъ отношеніяхъ отъ призола дѣйствующихъ лицъ, онъ подавалъ легко поводы къ недоразумѣніямъ, спорамъ, и слѣд. войнамъ при всякихъ *новыхъ* случаяхъ, вслѣдствіе неизбѣжнаго умноженія книжескихъ родовъ. Присоедините бранный духъ господствующаго племени, избытокъ физической силы, неукротимость первыхъ страстей, жажду дѣятельности, которая цигдѣ болѣе, по перелѣпшимся обстоятельствомъ, не находила себѣ поприща,—и вы поймете, почему междоусобія занимаютъ самое видное мѣсто въ нашей исторіи отъ кончины Ярославъ до владычества Монголовъ, 1055—1240. Впрочемъ, они были совѣтъ не такими, какими у насъ, безъ ближайшаго разсмотрѣнія, представлялись и представляются. Итакъ подвергнемъ ихъ строгому, подробному химическому анализу, или разложенію, и изслѣдуемъ: за что, какъ, гдѣ, когда, кѣмъ они велись, и какое могли имѣть вліяніе на дѣйствующія лица, на всю землю и ея судьбы. Постараемся вести наши изслѣдованія путемъ строгимъ, *математическимъ*“.

Мы видимъ здѣсь, что г. Погодинъ начинаетъ свое изслѣдованіе какъ должно, съ главной причины разбираемаго вліянія, указываетъ на главный источникъ—семейный обычай. Но, найдя главную причину, главный источникъ междоусобій въ семейномъ обычаѣ, мы должны, идя *путемъ строгимъ*, прежде всего изслѣдовать: какой же это былъ семейный обычай, какъ подавалъ онъ поводы къ спорамъ, какіе это были новые случаи, зарождавшіе войны? Для этого мы должны разсмотрѣть всѣ междоусобныя войны, изъ года въ годъ, по лѣтописямъ, и, зная, кто источникъ каждой войны заключался въ семейномъ обычаѣ, должны объяснять, какая междоусобная война произошла, вслѣдствіе какихъ семейныхъ счетовъ и расчетовъ, какое право, по господствовавшему тогда понятіямъ, имѣлъ извѣстный князь считать себя обиженнымъ и начинать войну; за то ли пачата она, что младшему дали больше волостей, чѣмъ старшему, или старшій обидѣлъ младшаго, или, быть можетъ, младшій не уважилъ правъ старшаго? Такъ мы должны изслѣдовать междоусобныя войны, если хотимъ идти путемъ строгимъ, *математическимъ*. Но такъ ли поступилъ г. Погодинъ? Показавъ въ началѣ статьи главную причину междоусобій въ семейномъ обычаѣ, онъ потомъ задаетъ вопросъ: за что князья воевали? и отвѣчаетъ: „Главную причину, источникомъ, цѣлью всѣхъ междоусобныхъ войнъ были *волости*, т.-е. владѣнія. Переберите всѣ войны, и въ сущности, при началѣ или концѣ, вы не найдете никакой другой причины, именно (начинаетъ пересчитывать): Ростиславъ отнялъ Тмутораканъ у

Глѣба Святославича, Всеславъ Полоцкій взялъ Новгородъ, Изяславъ воротилъ себѣ Кіевъ и отнялъ Полоцкъ у Всеслава“, и проч.

Прежде всякаго возраженія, попробуемъ взглянуть точно такимъ же образомъ на событія всеобщей исторіи, и начнемъ разсуждать такъ: главною причиною, источникомъ, цѣлью всѣхъ войнъ между народами въ древней, средней и новой исторіи были волости, т.-е. владѣнія. Переберите всѣ войны, и въ сущности, при началѣ или концѣ, вы не найдете никакой другой причины, а именно: Персы воевали съ Греками, взяли Аѳины и другіе города; Греки возвратили свои города отъ Персовъ; Спартацы воевали съ Аѳинянами, взяли Аѳины; Аѳиняне возвратили свой городъ отъ Спартацевъ; Филиппъ Македонскій побѣдилъ Грековъ; Александръ Македонскій завоевалъ Персію; Римляне взяли Карфагенъ; Крестоносцы овладѣли Іерусалимомъ; Испанцы взяли Гренаду, и т. д. — До сихъ поръ мы думали, что историкъ обязанъ представить событія въ связи, объяснить причины явленія, а не разрывать всякую связь между событіями; если одинъ князь пошелъ и взялъ городъ, а другой пришелъ и отнялъ у него добычу, то неужели это только и значить, что князья воевали именно за этотъ городъ, и слѣдовательно война Юрія Долгорукаго съ племянникомъ его Изяславомъ Мстиславичемъ совершенно похожа на войну Карфагенянъ съ Римлянами, потому что и здѣсь и тамъ воюють за волости. Войны характеризуются причинами, а не формою, которая постоянно всездѣ и всегда одинакова; г. Погодинъ назвалъ статью свою „Междоусобныя войны“; но изъ этой статьи нельзя догадаться, чтобы войны, о которыхъ говорится, были междоусобныя; въ выпискахъ изъ лѣтописи читатель рѣшительно не пойметъ, какія отношенія между воюющими князьями, что они—независимые владѣльцы совершенно отдѣльныхъ государствъ, или есть между ними какаля-нибудь связь? Видно, что они родня другъ другу; но по какимъ отношеніямъ дѣйствуютъ они, и какое значеніе имѣютъ города, которые они отнимаютъ другъ у друга,—этого не видно. На пяти печатныхъ листахъ помѣщены выписки изъ лѣтописей, и въ концѣ статьи узнаемъ, что жили въ старину князья, которые отнимали другъ у друга владѣнія,—и только. Но взглянемъ на эти выписки: „1064 года Ростиславъ отнялъ Тмутораканъ у Глѣба Святославича“. Какая же причина этому явленію? — Не знаемъ. По крайней мѣрѣ г. Погодинъ не объясняетъ намъ ея; онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что Ростиславъ взялъ Тмутораканъ безо всякаго предлога. Да кто же такой былъ Ростиславъ? Онъ былъ сынъ старшаго сына Ярослава, Владиміра, князя Новгородскаго; стало быть и Ростиславъ былъ князь Новгородскій же? — нѣтъ. Но какимъ же это образомъ могло случиться? Сынъ старшаго сына Ярослава не получилъ не только старшаго стола—Кіева, но даже и отцовскаго стола—Новгорода, принужденъ добывать себѣ власть мечемъ? Это явленіе объясняется семей-

нымъ обычаемъ, по которому Ростиславъ считался изгосемъ. Итакъ, причиною взятія Тмутаракани Ростиславомъ у Гдѣба былъ семейный обычай, который и самъ г. Погодинъ въ началѣ статьи поставилъ главною причиною междоусобій; влѣдствіе того же семейнаго обычая, происходили и другія междоусобія въ волости Черниговской и Волынской. Волости раздавались влѣдствіе родовыхъ отношеній, влѣдствіе родового обычая (который г. Погодинъ называетъ семейнымъ, боясь употребить слово „родовой“, какъ будто здѣсь дѣло въ словахъ), на основаніи старшинства: старшій получалъ больше, младшій меньше; обида происходила, если тотъ, кто считалъ себя старшимъ, получилъ меньше, нежели тотъ, кого онъ считалъ младшимъ или равнымъ себѣ; обиженный начиналъ дѣйствовать вооруженною рукою, и происходило междоусобіе. Отчего же происходило оно? гдѣ главная его причина, источникъ? Родовой счетъ по старшинству, а не волость, которая сама условливается старшинствомъ; междоусобіе происходило отъ обиды, а обида отъ неправильнаго, но мнѣнію обиженнаго, счета, неправильнаго представленія о его старшинствѣ. Я обиженъ потому, что мнѣ дали мало: но почему я думаю, что мнѣ дали мало: вотъ главная причина, ибо ее только я могу выставить при отысканіи своего права. Но пусть говорятъ за насъ сами дѣйствующія лица: по смерти в. к. Всеволода, сынъ его Владиміръ сказалъ: „Если я сяду на столѣ отца своего, то будетъ у меня война съ Святополкомъ, потому что этотъ столъ принадлежалъ прежде отцу его“. „Будетъ междоусобіе, говоритъ Мономахъ, потому что (главная и единственная причина междоусобій!) Святополкъ старше меня,—онъ сынъ старшаго Ярославича, который прежде моего отца сидѣлъ на старшемъ столѣ.“ На этотъ разъ Мономахъ не нарушилъ права старшинства,—и междоусобія не было; съ уничтоженіемъ причины уничтожилось и слѣдствіе; но по смерти Святополка Мономахъ принужденъ былъ нарушить право старшинства Святославичей черниговскихъ,—и отсюда междоусобіе между Мономаховичами и Ольговичами. Послушаемъ опять, какъ разсуждаютъ сами дѣйствующія лица, сами князья; Всеволоду Ольговичу удалось возстановить свое право старшинства и овладѣть Кіевомъ; приближаясь къ смерти, онъ говоритъ: „Мономахъ нарушилъ наше право старшинства, сѣлъ въ Кіевѣ мимо отца нашего Олега, да и послѣ себя посадилъ Мстислава, сына своего, а тотъ послѣ себя посадилъ брата своего Ярополка, такъ и я сѣлаю то же,—послѣ себя отдаю Кіевъ брату своему Игорю“. Нарушеніе права старшинства Святославичей со стороны Мономаха и его потомковъ заставляеть и Ольговича дѣйствовать такимъ же образомъ. Противъ этого, разумѣется, должны были возстать Мономаховичи,—и вотъ междоусобіе. Но опять послушаемъ, какую причину этому междоусобію выставляетъ Мономаховичъ Изяславъ—опять тѣ же родовые счеты, родовый обычай: „Я терпѣлъ Всеволода на столѣ Кіевскомъ,

говорить Изяславъ, потому что онъ былъ старшій братъ; братъ и зять старшій для меня вѣдсто отца, а съ этими (братьями Всеволода) хочу управиться, какъ мнѣ Богъ дастъ“. — Выписывая извѣстія изъ лѣтописи, гдѣ упоминаются волости, хотѣтъ убѣдить насъ, что за нихъ идетъ все дѣло, и скрываютъ всѣ причины, всю связь событій; го, раздробивъ событія, отнявъ у нихъ связь, можно доказать все, что угодно. Такъ и война у Мономаховичей, между дядею Юриемъ и племянникомъ Изяславомъ, причиною которой были родовые счеты, споръ о старшинствѣ, у г. Погодина представлена только борьбою за волости; читаемъ: „Юрій говорилъ: я выгоню Изяслава и возьму его область. Изяславъ возвратилъ Кіевъ отъ Георгія и хотѣлъ взятъ Переяславль. Георгій отнял Кіевъ“. — Но при этомъ выпущены изъ княжескихъ рѣчей самыя важныя мѣста; Юрій говоритъ Изяславу: „Дай мнѣ Переяславль, и я посажу тамъ сына, а ты царствуй въ Кіевѣ“. Но эта рѣчь въ подлинникѣ начинается такъ: „Се, брате, на мя еси прихотѣлъ, и землю повоевалъ, старшинство съ мене снялъ“. Пропущена и рѣчь Вячеслава къ брату Юрію, въ которой объявлена прямая причина войны: „Ты мнѣ говорилъ (Юрій Вячеславу): не могу поклониться младшему (т.-е. племяннику Изяславу); но вотъ теперь Изяславъ добылъ Кіевъ, поклонился мнѣ, назвалъ меня отцомъ, и я сижу въ Кіевѣ; если ты прежде говорилъ: младшему не поклонюсь, то я старше тебя, и не малымъ“. — Скажите человѣку, вовсе незнакомому съ Русскою исторіей, что междоусобныя войны, происходившія въ древней Руси, были родовые споры между князьями, владѣвшими своими волостями по старшинству,—и всякій пойметъ васъ, для всякаго будетъ ясенъ характеръ древняго періода нашей исторіи, отличіе ея отъ исторіи другихъ народовъ; но сказать, что причиною, источникомъ нашихъ древнихъ междоусобныхъ войнъ были волости, владѣнія, значить все равно, что не сказать ничего; какое понятіе о древней Русской исторіи можно получить отъ такого опредѣленія? чѣмъ отличить тогда древній періодъ нашей исторіи отъ феодальнаго періода въ исторіи западныхъ народовъ? и здѣсь, и тамъ происходили междоусобныя войны—за владѣнія?

Вотъ почему въ предисловіи къ Исторіи отнош. между русск. кн. Рюр. дома мы почли необходимымъ вооружиться противъ обычныхъ выраженій: раздѣленіе Россіи на удѣлы, удѣльные князья, удѣльный періодъ, удѣльная система,—ибо эти выраженія должны приводить къ ложному представленію о нашей древней исторіи; они ставятъ на первый планъ раздѣленіе, владѣнія, области, тогда какъ на первомъ планѣ должны быть отношенія владѣльцевъ, то, какъ они владѣютъ. Г. Кавеллинъ говоритъ: „Мы не скажемъ съ авторомъ, что князья бьются за старшинство, тѣмъ менѣе, что Святославичи хотѣтъ Кіева не для Кіева, а для старшинства. Напротивъ, мы утверждаемъ, что князья стараются пріобрѣсти лучшія и возможно большія

владѣнія, оправдывая себя родовымъ старшинствомъ“. — Но прежде всего спросимъ у г. Кавелина: что давало князю возможность получить лучшую волость?—право старшинства? Самъ г. Кавелинъ говоритъ: „Изяславъ самъ собою не могъ удержаться въ Кіевѣ и долженъ былъ признать Кіевскимъ княземъ и отцомъ ничтожнаго дядю своего Вячеслава, потому что послѣдній былъ старшій. Это признание было пустою формою; Вячеславъ ни во что не вмѣшивался, не имѣлъ дѣтей, и вся власть на дѣлѣ принадлежала Изяславу“. — Здѣсь историкъ видитъ не ничтожную форму, но государственное, господствующее представленіе о правѣ, которое заставило доблестнаго Изяслава преклониться предъ слабымъ дядею; Вячеславъ былъ неспособенъ сдѣлать для себя что-либо, и одно право старшинства дало ему все, отнявши все у доблестнаго племянника его; если Вячеславъ далъ всѣ ряды Изяславу, то на то была его добрая воля. Г. Кавелинъ говоритъ: „По той же самой причинѣ, т.-е. потому, что нужны были предлоги, не искали кіевского престола безспорно младшіе въ княжескомъ родѣ“. — Но это-то и важно для историка, что нужны были извѣстнѣе предлоги, ибо эти-то предлоги и характеризуютъ время: сперва младшій не могъ безъ предлога донесиваться старшаго города, а потомъ могъ дѣлать это безо всякаго предлога; историкъ и раздѣляетъ эти два періода: въ одномъ показываетъ господство родовыхъ отношеній, въ другомъ—выставляеть господство владѣльческихъ интересовъ съ презрѣніемъ родовыхъ счетовъ.—Вовторыхъ, г. Кавелинъ говоритъ, что князья стараются приобрести лучшія и возможно большія владѣнія. Но дѣло въ томъ, что въ описываемое время сила князя основывалась не на количествѣ и качествахъ волостей, а на силѣ племени; но чтобъ пользоваться силою племени—нужно было быть въ немъ старшимъ; а первое право и выстѣ первая обязанность старшаго по занятіи старшаго стола была—раздача волостей племени, такъ, что ему самому иногда не оставалось, кромѣ Кіева, ничего и онъ не имѣлъ никакого матеріальнаго значенія, а одно значеніе нравственное, основанное на его старшинствѣ. Племя зоветъ Ростислава Мстиславича на старшій Кіевскій столъ; еслибъ онъ имѣлъ въ виду получить только лучшую волость, то, разумѣется, онъ пошелъ бы безо всякихъ условий, а еслибъ Кіевъ давалъ ему матеріальное значеніе, силу, то онъ не хлопоталъ бы ни о какомъ другомъ значеніи; но Ростиславъ хочетъ идти въ Кіевъ только съ условіемъ, чтобъ члены племени дѣйствительно признавали его старшимъ, отцомъ, и слушались бы его; слѣд., вотъ что нужно было Ростиславу, а не лучшая волость; Вячеславъ, какъ скоро услышалъ, что племянникъ зоветъ его отцомъ и честь на немъ покладываетъ, успокоился и отказался отъ участія въ правленіи. Святославъ Всеволодовичъ, осердившись на Всеволода III, говоритъ: „Давида схвачу, а Рюрика выгоню вонъ изъ земли, и приму одинъ власть Русскую и съ братнею, и тогда мѣшуся

Всеволоду обиды свои“. Въ-третьихъ, г. Кавелину хорошо извѣстно, къ какимъ поступкамъ побуждало бояръ нашихъ опасеніе нарушить родовую честь при мѣстническихъ спорахъ; какъ же онъ хочетъ, чтобъ древніе князья, находясь въ такихъ же отношеніяхъ, думали только о волостяхъ? Подъ 1195 годомъ одинъ изъ Ольговичей, видя возможность осилить Мономаховичей, пишетъ къ своему старшему въ Черниговѣ: „Теперь, батюшка удобный случай; ступай скорѣе собравшись съ братнею, возьмемъ *честь* свою!“ Не говоритъ же онъ: *возьмемъ волости, добудемъ Кіева!*

Въ 1867 году вышла книга г. Сергѣевича: *Внѣ и князь*. Авторъ говоритъ: „Несмотря на неполноту нашихъ лѣтописныхъ источниковъ, они представляютъ, однако, указанія на существованіе вѣча не только во всѣхъ главныхъ городахъ, но и въ очень многихъ изъ городовъ второстепеннаго и даже третьестепеннаго значенія“. Затѣмъ авторъ начинаетъ перечислять всѣ извѣстія о вѣчахъ. Но такой неосторожный приемъ не ведетъ къ цѣли. Мы знаемъ, что въ нашихъ источникахъ слово *вѣче* употребляется въ самомъ широкомъ, неопредѣленномъ смыслѣ, означаетъ всякое собраніе и нѣсколькихъ лицъ и всякое собраніе народа; слѣдовательно надобно обращать вниманіе на то, при какихъ обстоятельствахъ упоминается о народномъ собраніи и его рѣшеніяхъ; но, главное, надобно смотрѣть на дѣло историческое, слѣдить за развитіемъ вѣча, за условіями, способствовавшими его усилению или ослабленію, а не собирать всѣ различныя эпохи извѣстія о явленіи и заключать, что оно было повсемѣстно. Первое извѣстіе, приводимое г. Сергѣевичемъ о вѣчѣ, относится къ 997 году: „Бѣлгородцы должны были выдержать продолжительную осаду Печенѣговъ. Когда всѣ запасы истощились, а помощи отъ князя не предвидѣлось, они сотворили вѣче и рѣшили сдаться“. Городъ въ странной опасности покинуть на время безъ помощи, предоставленъ самому себѣ, и вотъ жители его собираются и рѣшаютъ сдаться. Но спрашивается: въ какомъ городѣ, въ какой странѣ и въ какое время при подобныхъ условіяхъ мы не будемъ имѣть права предположить то же явленіе? Если начальникъ школы бросить въ минуту опасности ввѣренныхъ ему дѣтей, то первымъ дѣломъ послѣднихъ будетъ собраться и толковать о томъ, какъ быть. Теперь пойдемъ путемъ историческимъ Первое извѣстіе, приводимое г. Сергѣевичемъ, относится къ 997 году, а второе къ 1097 году. Въ продолженіи 100 лѣтъ авторъ не могъ отыскать извѣстія о вѣчѣ! Для историка это имѣетъ важный смыслъ. Съ конца XI вѣка о вѣчахъ начинаемъ встрѣчать болѣе частыя упоминованія; что же это значитъ? Это значитъ, что явилось благоприятное условіе для усиленія вѣча; и, дѣйствительно, благоприятное условіе налицо: это родовые счета княжескіе съ своимъ слѣдствіемъ,—усобицами. Во время этихъ счетовъ и усобицъ князья, воюя другъ съ другомъ, стараются поднять народонаселеніе извѣст-

ныхъ городовъ противъ князя ихъ, склонить его на свою сторону; народонаселеніе или остается глухо къ этимъ внушеніямъ, или склоняется на нихъ,—явленіе обычное во все время, у всехъ народовъ, изъ котораго о повсемѣстномъ развитіи вѣчеваго быта ничего заключить нельзя. Империалъ I, во время нашествія на Россію, также дѣлалъ нашему народу различныя внушенія; но кому придетъ въ голову отъ этого поступка заключить къ формамъ быта нашего народа въ 1812 году? А наши изслѣдователи именно это дѣлаютъ, заключая изъ извѣстій о подговорѣ городскихъ жителей враждующими князьями къ развитію вѣчеваго быта этихъ городовъ. Историкъ замѣтитъ, что частое повтореніе подобныхъ подговоровъ въ извѣстныхъ городахъ, частное повтореніе случаевъ, гдѣ горожанамъ давалась возможность самимъ рѣшать свою участь, должны были развитъ вѣчевой бытъ, привычку къ вѣчамъ; но никакъ не позволить себѣ заключать, что это развитіе было повсемѣстное, ибо если какому-нибудь городу во время своего существованія случилось разъ принять самостоятельное участіе въ рѣшеніи своей судьбы, то этотъ одинъ случай не можетъ установить новой привычки и уничтожить старую; а въ чемъ состояла старая привычка,—объ этомъ свидѣтельствуется знаменитое мѣсто лѣтописи, что къ вѣчамъ привыкли главные, старшіе города, а младшіе, пригороды, привыкли исполнять рѣшенія старшихъ: „На чемъ старшіе положить, на томъ пригороды стануть“. Пока существуетъ это мѣсто въ лѣтописи, до тѣхъ поръ будетъ непоколебимо основанное на немъ объясненіе происхожденія новаго порядка вещей на сѣверѣ изъ этого отношенія старшихъ и новыхъ городовъ. Г. Сергѣевичъ въ своемъ стремленіи принесть вѣчевой бытъ младшимъ городамъ питуетъ извѣстіе о народныхъ волненіяхъ въ Москвѣ: одно—относящееся къ XIV, а другое—къ XV вѣку; въ обоихъ случаяхъ жители взволновались, покинутые правительствомъ; мы опять обращаемся къ нашему сравненію и утверждаемъ, что даже и дѣти въ школѣ сдѣлали бы то же самое, если бы были покинуты своимъ надзирателемъ. Но почему же г. Сергѣевичъ не пошелъ дальше, не указалъ на волненія Москвичей въ царствованіи Алексѣя Михайловича и потомъ въ XVIII вѣкѣ, во время чумы? Явленія совершенно однородны! Неужели потому, что слово *тыне* для обозначенія этихъ явленій уже вышло изъ употребленія? Но онъ указываетъ же вѣчевыя явленія и тамъ, гдѣ это слово не употреблено. Онъ относитъ къ вѣчевымъ явленіямъ и возстаніе сѣверныхъ городовъ противъ Татаръ; но въ такомъ случаѣ возстанія Башкирцевъ и другихъ инородцевъ будутъ свидѣтельствовать о сильномъ развитіи у нихъ вѣчеваго быта.

Знаменитое мѣсто лѣтописца объ отношеніяхъ между старшими городами и пригородами стало подвергаться въ нашей литературѣ такой же учебной пытке, какой прежде подвергались мѣста лѣто-

писца о призваніи первыхъ князей съ яснымъ доказательствомъ ихъ скандинавскаго происхожденія. Разуздается, очень утѣнительно, что вопросъ о происхожденіи Варяговъ—Руси смѣненъ вопросъ о внутреннихъ отношеніяхъ; но не утѣнительно то, что при стараніи какъ-нибудь отвязаться отъ неприятнаго свидѣтельства употребляются прежніе приемы, прежняя пытка. „На что же старѣйшіе сдумаютъ, на томъ же пригороды стануть“, говоритъ лѣтописецъ, и вотъ, согласно съ этимъ отношеніями, Владимірцы, которые находились въ пригородныхъ отношеніяхъ къ Ростову, притѣсняемые князьями, обращаются съ жалобою къ Ростовцамъ въ силу привычки къ природной подчиненности старшимъ городамъ, привычки, которая не могла очень ослабѣть въ короткое время, хотя этому ослабленію содѣйствовало очень важное обстоятельство—поднятіе значенія Владиміра влѣдствие утвержденія въ немъ княжескаго стола Андреемъ Боголюбскимъ. Ростовцы на словахъ были за Владимірцевъ, но на дѣлѣ не удовлетворяли ихъ жалобамъ,—и тогда Владимірцы призываютъ другихъ князей. Г. Сергѣевичъ разсуждаетъ: „Лѣтописецъ не говоритъ, что Владимірцы, недовольные своимъ княземъ, не должны были высказываться противъ него, и такимъ образомъ возбудить вопросъ о его перемѣнѣ. Высказанное или желаніе изгнать Ростиславичей онъ приводитъ какъ фактъ, и не порицаетъ ихъ за него. Ростовцы и Суздальцы, съ своей стороны, въ отвѣтъ на это желаніе, не говорятъ, что призваніе князя есть ихъ исключительное право, и что поэтому Владимірцы должны оставаться при Ростиславичахъ до тѣхъ поръ, пока это будетъ угодно имъ, Ростовцамъ и Суздальцамъ. Наоборотъ, на словахъ онъ были за Владимірцевъ и тѣмъ показали, что послѣднимъ принадлежить такое же участіе въ дѣлѣ призванія князей, какъ имъ самимъ“. Но съ какой же стати было лѣтописцу говорить то, чего не бывало? Будучи далеки отъ преувеличеній представленій о высокой степени развитія древней Руси, о высокой степени свободы, которую она пользовалась, мы однако никакъ не рѣшимся предположить, чтобы въ ней существовали такія отношенія, что обиженный не имѣлъ права высказываться противъ обидчика и жаловаться на него. Владимірцы жалуются своимъ старшимъ, Ростовцамъ, на обижающихъ ихъ князей, которыхъ Ростовцы же имъ дали или, лучше сказать, навязали; Ростовцамъ также не пужно было говорить, что призваніе князей есть ихъ исключительное право, по той простой причинѣ, что и вопроса объ этомъ не было: Владимірцы являются жалобщиками только; дѣло Ростовцевъ рѣшить, справедлива или не справедлива жалоба, а не толковать о своихъ правахъ, которыхъ никто не затрогивалъ; напротивъ, Владимірцы признали торжественно эти права, обратившись съ своею жалобою въ старшій городъ. Но всего лучше слѣдующій выводъ, сдѣланный г. Сергѣевичемъ: „На словахъ они (Ростовцы) были за Владимірцевъ и тѣмъ по-

казали, что послѣднимъ принадлежить такое же участие въ дѣлѣ призванія князей, какъ и имъ самимъ". Городъ жалуется на губернатора королю; король объявляетъ, что жалоба справедлива; *слѣдовательно* король этимъ самымъ объявляетъ, что горожанамъ принадлежитъ такое же право въ назначеніи губернатора, какъ и самому королю! Лѣтописецъ заступается за Владимірцевъ, за меньшихъ, слабыхъ, которымъ однако Богъ помогъ въ ихъ дѣлѣ; лѣтописецъ заступается за нихъ потому, что имѣть два основанія для этого: во-первыхъ, Владимірцы были обижены, не получили управы, и потому естественно возбуждали сочувствіе въ каждомъ челоуѣкѣ, въ которомъ не угасло чувство правды; во-вторыхъ, Владимірцы были правы еще потому, что обратились къ законнымъ князьямъ, законнымъ по старшинству и по распоряженію Юрія Долгорукаго, тогда какъ Ростовцы не обратили никакого вниманія на эту законность. Слѣдовательно здѣсь двоякаго рода отношенія—отношенія къ старшему городу и отношенія къ князю. Отношенія эти сталкиваются въ данномъ случаѣ, и обязанность историка обращать одинаковое вниманіе на обоемъ отношеніи и смотрѣть, какія изъ нихъ и при какихъ условіяхъ возьмутъ верхъ.

Что касается собственно княжескихъ отношеній, то г. Сергѣевичъ слѣдуетъ взгляду г. Погодина: князья воюютъ, захватываютъ волости другъ у друга, какъ владѣльцы, не имѣющие никакихъ отношеній между собою. Читая книгу г. Сергѣевича, мы видимъ себя среди какихъ-то звѣрей, а не людей, всегда чувствующихъ потребность оправдывать свои дѣйствія. Отвергая родовыя отношенія между князьями, г. Сергѣевичъ естественно старается отвергнуть господство этихъ отношеній и въ обществѣ. Онъ, разумѣется, обходитъ молчаніемъ извѣстія о крѣпости родового союза въ XVI и XVII вѣкахъ; онъ выставляетъ статью Русской Правды о наследованіи, гдѣ говорится, что имущество смерда, не оставившаго сыновей, переходитъ къ князю; но понятно, что въ Правдѣ разумѣется имущество смерда безроднаго, потому что при общемъ родовомъ владѣніи не можетъ быть и рѣчи о наследствѣ, ибо не можетъ быть рѣчи объ отдѣльной собственности. Но любопытно, что г. Сергѣевичъ, ища въ Русской Правдѣ доказательства противъ рода, позволилъ себѣ обойти первую статью—о родовой мести. Съ знаменитымъ мѣстомъ лѣтописи, гдѣ такъ ясно указывается господство родового быта у Славянъ (живу каждо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстахъ и пр.) также г. Сергѣевичу много хлопотъ. При изслѣдованіи о *отчѣ* ему нужно было скрыть то, что слово *отче* имѣетъ обширное значеніе; теперь относительно *рода* ему надобно показать, что слово *родъ* имѣетъ обширное значеніе, значить и происхождение, и народъ; но изъ этого ничего не выходитъ, ибо оно означаетъ такъ-же и то, что мы разумѣемъ подъ именемъ рода. Видя это, г. Сергѣевичъ рѣшается на отчаянное средство и говоритъ: „Каждый Полянинъ могъ имѣть свой родъ *единственно*

въ смыслѣ семьи". Но гдѣ доказательства?—ихъ нѣтъ. Развѣ принять за доказательство непосредственно слѣдующія слова автора: „Общее владѣніе братьевъ и другихъ родственниковъ могло встрѣчаться и въ древнѣйшія времена. Есть даже основаніе думать, что тогда оно должно было встрѣчаться чаще, чѣмъ теперь. При отсутствіи развитой правительственной власти, частному челоуѣку для самосохраненія необходимо было вступать въ какіе-либо частныя союзы; союзъ съ родственниками представляется самымъ естественнымъ".—Смыслъ кажется ясенъ: обстоятельства времени были таковы, что условливали необходимо стремленіе къ родовому союзу, къ его поддержанію; слѣдовательно каждый Полянинъ могъ имѣть свой родъ *единственно* въ смыслѣ семьи!

Неумолчный лѣтописецъ преслѣдуетъ насъ съ своимъ родомъ. Говоря объ усобицахъ, возникшихъ между Славянами по изгнаніи Варяговъ, онъ говоритъ, что родъ всталъ на родъ и „Воевати почана сами на ся". Какъ же разсуждаетъ г. Сергѣевичъ?—„Возстали, говоритъ онъ, не разные роды одинъ на другаго, а члены одного и того же рода (т. е. происхожденія), дѣти на родителей, братья на братьевъ. Это только приѣбненіе къ явленіямъ своего времени хорошо извѣстныхъ лѣтописцу словъ евангелиста Марка: предасть же братъ брата на смерть и отецъ чада, и возстанутъ чада на родители и убіютъ ихъ". Г. Сергѣевичъ забываетъ, что лѣтописецъ никакъ не могъ имѣть въ виду словъ евангелиста, ибо хорошо зналъ, что побуждало къ такой страшной усобицѣ, о которой говорится въ Евангеліи, и хорошо зналъ, что причиною усобицы между Славянами было отсутствіе правды, а это условіе не могло повести къ тому, чтобъ возставали чада на родителей и убивали ихъ; отсутствіе правды ведетъ именно къ тому, что отдѣльные роды въ своихъ столкновеніяхъ прибѣгаютъ къ самоуправству, рѣшаютъ дѣло оружіемъ.

Есть еще любопытные приѣбры обращенія г. Сергѣевича съ источниками. Лѣтописецъ говоритъ слѣдующее объ Андрѣѣ Боголюбскомъ: „Выгна Андрей епископа Леона изъ Суздаля, и братью свою погна Мстислава и Василька и два Ростиславича сыновца своя, мужи отца своего передни. Се же створи хотя самовластець быти". Г. Сергѣевичъ говоритъ: „Самовластець употреблено здѣсь по отношенію къ другимъ князьямъ, внукамъ и младшимъ сыновьямъ Юрія; оно означаетъ собственно *единовластителя*, въ противоположность раздѣленію волости между нѣсколькими князьями, не заключая въ себѣ никакого указанія на самый характеръ власти". Конечно такъ, если пропустить слова: „Мужи отца своего передни", какъ дѣлаетъ г. Сергѣевичъ; но если оставить эти слова, то выйдетъ, что князь, изгоняющій вліятельныхъ бояръ, стремится не къ единовластію, а къ самовластію. Притомъ, какъ хорошо извѣстно г. Сергѣевичу, мнѣніе о самовластіи Андрея Боголюбскаго основано не на одномъ приведенномъ мѣстѣ лѣтописца: о характерѣ

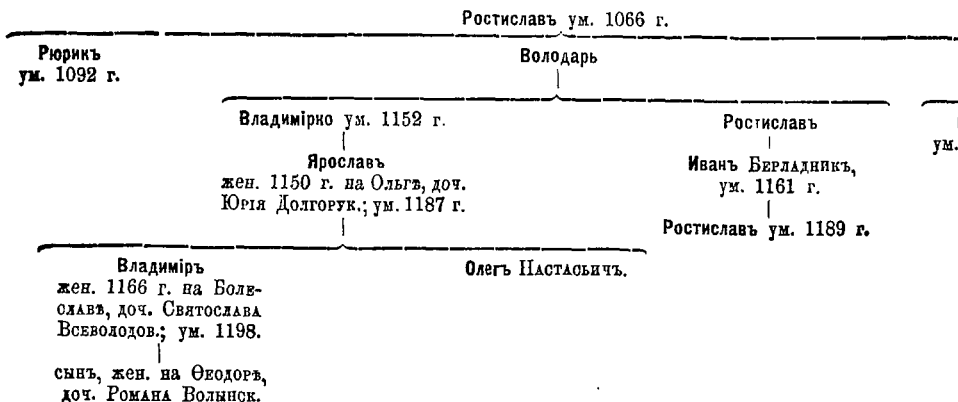
Андрея свидѣтельствуютъ князья-современники, которые жалуются, что Андрей обращается съ ними не какъ съ родственниками, а какъ съ подручными; наконецъ о характерѣ Андрея свидѣлствуетъ смерть его, побужденія, которыя заставили убійцъ рѣшиться на ихъ дѣло, неслыханное прежде на Руси.

Подъ 1174 годомъ лѣтописецъ говоритъ: „Приглашася Ростиславичи къ князю Андрееви, просяще Романовичи Ростиславичу княжить въ Кіевѣ“. Г. Сергѣевичъ говоритъ: „Можно подумать, что Андрею принадлежитъ *право* раздавать русскія княженія. Изъ предыдущаго мы видѣли, что Андрей, какъ князь сильной Владимірской волости, могъ въ союзѣ съ другими князьями овладѣть Кіевомъ и ограбить его; но и это только въ томъ случаѣ, когда на его сторонѣ было болѣе союзниковъ, чѣмъ на сторонѣ Кіевского князя. Лучшаго же права онъ не имѣлъ. Обращеніе къ нему Ростиславичей есть ни что иное, какъ предложеніе ему союза, одною изъ цѣлей котораго долженствовало быть доставленіе Кіевского стола Роману. Подобное же выраженіе находимъ еще подъ 1202 годомъ: „Слися къ свату своему, къ в. к. Всеволоду, говоритъ Романъ Мстиславичъ своему тестю Рюрику, и азъ сля къ нему, и молимся ему дабы ти Кіевъ опять далъ“, т. е. далъ въ силу того фактическаго преобладанія, которое принадлежало сильному Владимірскому князю, а не въ силу верховнаго права“. — Мы не слыхивали, чтобъ дѣлалось предложенія о союзѣ въ видѣ мольбы о пожалованіи чего-нибудь; но дѣло не въ этомъ. Г. Сергѣевичу хочется доказать, что въ древней Руси признавалось только право сильнаго, а не какое-нибудь другое *лучшее* право. Съ этою цѣлью онъ заботливо исключаетъ всѣ извѣстія о томъ, что князья признавали это

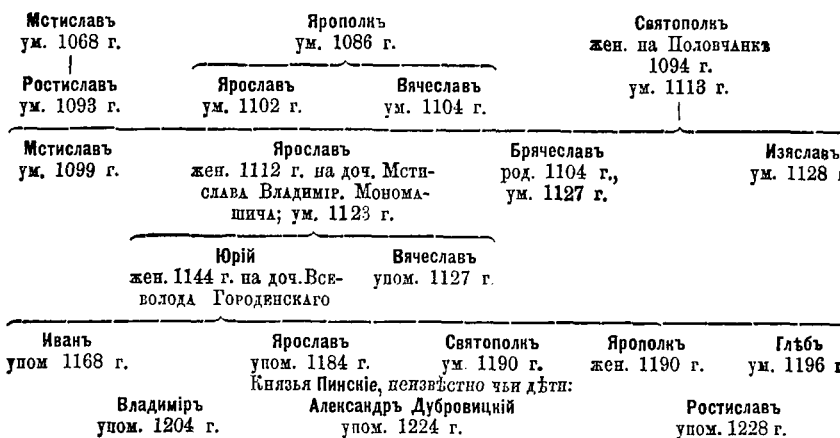
лучшее право. Такъ онъ не упоминаетъ о томъ, что Ростиславичи не признавали за Андреемъ одно право сильнаго, что они признавали это право и за собою, потому что вооружились противъ Андрея; но за послѣднимъ они признавали еще другое право—право родоваго старшинства, по которому они считали его себѣ отцомъ, и обращались къ нему такъ: „Мы называли тебя отцомъ себѣ; мы до сихъ поръ почитали тебя какъ отца по любви“. Такое же право было и за в. к. Всеволодомъ, который самъ свидѣлствуетъ о своемъ правѣ, говоря Ростиславичамъ: „Вы назвали меня старшимъ въ своемъ Владиміровомъ племени“.

Что признавалось это право, по которому князья должны были занимать столы не захватомъ, а вѣдѣствіе родоваго старшинства, неопровержимымъ свидѣтельствомъ служатъ приведенныя въ лѣтописи слова в. к. Ярослава 1-го сыну его Всеволоду: „Аще ти подасть Богъ приять власть стола моего, *но брати* своей съ *правдою*, и не съ насилиемъ, то да ляжешу у гроба моего“. Какъ же г. Сергѣевичъ раздѣливается съ этимъ мѣстомъ лѣтописи, которое онъ спряталъ въ длинномъ примѣчаніи, гдѣ говорится о завѣщаніяхъ московскихъ князей? „Такъ какъ это мѣсто, говоритъ г. Сергѣевичъ, находится въ посмертной похвалѣ Всеволоду, написанной очень дружественной ему рукою, то скорѣе надо думать, что оно сочинено самимъ лѣтописцемъ для оправданія совершившихся событій“. Но отчаянное средство помочь не можетъ: если-бы даже и позволено было предположить, что лѣтописецъ неизвѣстно для чего выдумалъ слова Ярославовы, то его свидѣтельство нисколько не теряетъ своего значенія, ибо онъ могъ высказать только представленіе о правдѣ, какое господствовало въ современномъ ему обществѣ.

№. 1. Племя Владиміра Ярославича:

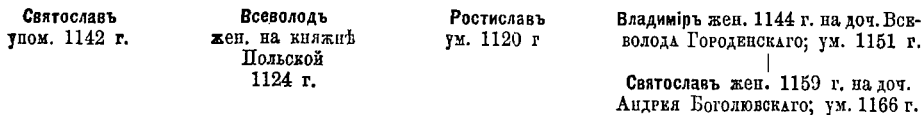
№. 2. Племя Изяслава Ярославича:

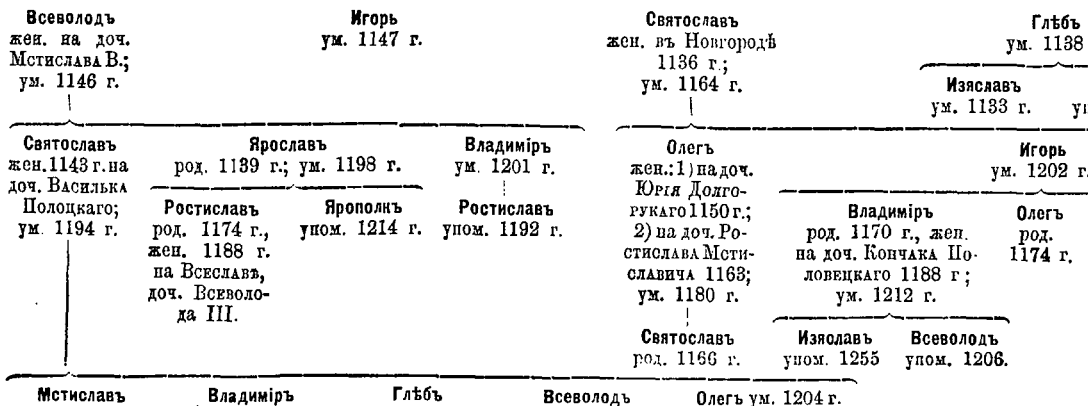
№. 3. Племя Святослава Ярославича:

Глѣбъ ум. 1078 г. Романъ ум. 1079 г. Давидъ ум. 1123 г. Ольгъ ум. 1115 г. Ярославъ

а) ПЛЕМЯ ДАВИДА СВЯТОСЛАВИЧА:

б) ПЛЕМЯ ОЛЕГА СВЯТОСЛАВИЧА:

Владимиръ Мономахъ
род. 1053 г.; ум. 1125 г.

Ростиславъ
род. 1069 г.; ум. 1093 г.

Мстиславъ род. 1076 г.; жен. 1) на Шведской коро- леви Христинѣ; 2) на доч. Новгородска- го боярина Дмитрия Завидча 1123 г.; ум. 1132 г.	Изяславъ ум. 1096 г.	Святославъ ум. 1114 г.	Романъ жен. на доч. Волод. Ростиславича 1113 г.; ум. 1119 г.	Ярополъ жен. на Ягской кня- жнѣ 1116 г.; ум. 1139 г.	Вячеславъ ум. 1154 г. Михаилъ ум. 1129 г.	Юрий жен. на 1108 г.;
---	-------------------------	---------------------------	---	---	---	-----------------------------

а) Племя Мстислава Владимировича:

Иванъ ум. 1128 г.	Мстиславъ ум. 1168 г.	Владимиръ умом. 1136 г.	Всеволодъ жен. 1123 г. на доч. Святосл. Давидов. Черниговскаго; ум. 1136 г.	Изяславъ ум. 1154 г.	Ярополъ умом. 1149 г.	Святополкъ жен. на княжнѣ Моравской 1141 г.; ум. 1154 г.	Ростиславъ умом. 1190 г.	Мстиславъ умом. 1173 г.; жен. на доч. Святосл. Все- вол. Черниговскаго.
----------------------	--------------------------	----------------------------	---	-------------------------	--------------------------	--	-----------------------------	--

Мстиславъ ум. 1170.

Ярославъ умом. 1175 г.

Романъ жен. 1) на доч. Рю- рика Ростисл.; 2) на неизвестной; ум. 1205 г.	Всеволодъ ум. 1195 г.	Святославъ ум. 1171 г.	Изяславъ ум. 1196 г.	Ингваръ умом. 1202 г.	Всеволодъ жен. на Малюридъ Юрьевнѣ Туровской 1166 г.	Мстиславъ умом. 1226 г.
	Александръ	Всеволодъ умом. 1211 г.;	Ярославъ умом. 1227 г.	Изяславъ ум. 1224 г.		Иванъ ум. 1226 г.

Даниилъ Василено.

б) Племя Ростислава Мстиславича:

Романъ жен. 1149 г. на доч. Святосл. Ольгов; ум. 1180 г.	Рюрикъ жен. 1) на Половчанкѣ 1162 г.; 2) на Аннѣ, доч. Юрия Туровскаго; у. 1215 г.	Давидъ род. 1140 г.; ум. 1197 г.	Святославъ ум. 1170 г.
---	---	-------------------------------------	---------------------------

Ярополъ умом. 1219 г.	Мстиславъ ум. 1224 г.	Борисъ умом. 1180 г.	Ростиславъ род. 1172 г.; жен. 1187 г. на Верху- славѣ, доч. Всево- лода III; ум. 1218 г.	Владимиръ род. 1178 г.; ум. 1239 г.	Изяславъ умом. 1183 г.	Мстиславъ ум. 1230 г.	Константины ум. 1218 г.	Мстиславъ род. 1193 г.
Святославъ умом. 1219 г.	Всеволодъ умом. 1219 г.	Всеволодъ умом. 1214 г.						

в) Племя Юрия Владимировича Долгорукаго:

Ростиславъ ум. 1151 г.	Иванъ ум. 1147 г.	Андрей ум. 1174 г.	Василью ум. 1149 г.	Михаилъ ум. 1176 г.	Ярославъ ум. 1166 г.	Всеволодъ жен. 1) на Ясмнѣ Марин; 2) на доч. Василья Витев- скаго 1209 г.; ум. 1212 г.	Глѣбъ жен. на доч. Изяс- лавъ; ум. 1184 г.
Мстиславъ жен. 1176 г. на доч. Новгородск. боярина Явгна Мiroславича; ум. 1178 г.	Ярополъ жен. 1173 г. на доч. Витевскаго князя Всеслава; умом. 1181 г.	Изяславъ ум. 1163 г.	Мстиславъ ум. 1172 г. Василий р. 1171 г.	Юрий жен. на Грузинской царицѣ Тамарѣ; умом. 1172 г.			
Святославъ род. 1176 г.							

Константины род. 1185 г., жен. 1196 г. на дочери Мстислава Романо- вича; ум. 1218 г.	Борисъ род. 1187 г. ум. 1238 г.	Георгій род. 1187 г.; жен. на доч. Всеволода Чернига 1211 г.; ум. 1237 г.	Ярославъ род. 1191 г.; жен. 1) 1206 г. на Поло- чанкѣ; 2) на дочери Мстислава Торопец- каго	Владимиръ род. 1193 г.; жен. 1215 г. на доч. Глѣба Чернигов; ум. 1229 г.
--	---------------------------------------	---	--	--

Василью род. 1209 г., жен. 1227 г. на доч. Михаила	Всеволодъ род. 1210 г.	Владимиръ род. 1214 г.	Всеволодъ р. 1213 г.;	Мстиславъ ум. 1237 г.	Владимиръ ум. 1237 г.	Теодоръ род. 1219 г.;	Александръ
---	---------------------------	---------------------------	--------------------------	--------------------------	--------------------------	--------------------------	------------

ИСТОРИЯ РОССИИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ третій.

Глава I.

Внутреннее состояніе русскаго общества отъ смерти Ярослава I-го до смерти Мстислава Торопецкаго.

(1054—1228.)

Значеніе князя.—Титуль.—Посаженіе князя.—Кругъ его дѣятельности.—Доходы княжескіе.—Бытъ князей.—Отношенія къ дружинѣ.—Дружина старшая и младшая.—Войско земское.—Вооруженіе.—Образъ веденія войны.—Число войскъ.—Богатыри.—Земля и волость.—Города старшіе и младшіе.—Новгородъ и Псковъ.—Вѣче.—Особенности новгородскаго быта.—Вѣщій видъ города.—Пожары.—Народонаселеніе города.—Погосты и станы.—Слободы.—Сельское народонаселеніе.—Количество городовъ въ областяхъ.—Препятствія къ увеличенію народонаселенія.—Торговля.—Монетная система.—Искусство.—Домашній бытъ.—Ворьба язычества съ христіанствомъ.—Распространеніе христіанства.—Церковное управленіе.—Матеріальное благосостояніе Церкви.—Дѣятельность духовенства.—Монашество.—Законодательство.—Народное право.—Религіозность.—Другіе.—Семейная нравственность.—Состояніе нравственности вообще.—Грамотность.—Сочиненія Св. Феоодосія Печерскаго, митрополита Никифора, епископа Снопца, митрополита Іоанна, монаха Кирика, епископа Луки Жидята, Кирила Туровскаго.—Возмездныя поученія.—Поученіе Владимира Мономаха.—Путешествіе игумена Давида.—Посланіе Давида Заточника.—Поэтическія произведенія.—Слово о полку Игореву.—Пѣсни.—Лѣтопись.

При обзорѣннн перваго періода нашей исторіи мы видѣли, какъ племена соединились подъ властію одного общаго главы, или князя, призваннаго сѣверными племенами изъ чужаго рода. Достоинство князей Русской Земли остается исключительно въ этомъ призванномъ родѣ; въ X-мъ вѣкѣ Новгородцы говорили Святославу, что если онъ не дастъ имъ князя изъ своихъ сыновей, то они выберутъ себѣ князя изъ другого рода; но послѣ мы не слышимъ нигдѣ подобныхъ словъ. Члены Рюрикава рода носятъ исключительно названіе князей; оно принадлежитъ всѣмъ имъ по праву происхожденія, не отнимается ни у кого ни въ какомъ случаѣ. Это званіе князя, приобретаемое только рожденіемъ отъ Рюриковой крови, неотъемлемое, независящее ни отъ какихъ другихъ условій, равняетъ между собою всѣхъ Рюриковичей: они прежде всего братья между собою. Особенное значеніе, связанное съ княжескимъ родомъ, ясно выражается въ лѣтописи: въ 1151 г. Кіевляне не могли помѣнать непріятелямъ переправиться черезъ Днѣпръ по Зарубскому броду; потому, говоритъ лѣтописецъ, что князя тутъ не

было, а боярина не всѣ слушаютъ. „Не крѣпко быются дружина и Половцы, если съ ними не ѣздимъ мы сами“, говорятъ князья въ 1125 году. Когда галицкій бояринъ Владиславъ похитилъ княжеское достоинство, то лѣтописецъ говоритъ, что онъ ради княженія нанесть зло племени своему и дѣтямъ своимъ, ибо ни одинъ князь не призрѣлъ дѣтей его за дерзость отцовскую. По княжескому договору, князь за преступленіе не могъ быть лишенъ жизни, какъ бояринъ, а наказывался только отнятіемъ волости ¹⁾. Олегъ Святославичъ не хотѣлъ позволить, чтобъ его судили епископъ, игумены и простые люди (смерды). Братья приглашаютъ его въ Кіевъ: „Пріѣзжай, говорятъ они, посоветуемся о Рюриковій Землѣ предъ епископами, игуменами, предъ мужами отцовъ нашихъ и предъ людьми городскими“.

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 119: «Рядъ нашъ такъ есть: оже ся князь явнншъ, то въ волость, а мужъ у голову».—Тамъ же, III, 32: «Ягопа Всеволодъ Чермннн вьнуки Ростиславѣ изъ Русн, такъ река: брата жоа естъ 2 князя повѣсила въ вѣ Галици, яко злодѣя, и положила есте укоръ на всѣхъ».

Олегъ отвѣчаетъ: „Неприлично судить меня епископу, либо игуменамъ, либо смердамъ“. Изъ этихъ словъ опять видно, что все остальное народонаселение (исключая духовенства), въ отношеніи къ князю носило названіе смердовъ, простыхъ людей, не исключая и дружины, бояръ, ибо Олегъ и мужей отповскихъ, и людей городскихъ означать общимъ именемъ смердовъ. — Въ этомъ же значеніи слово смерды смѣняется выраженіемъ: „черныя люди“; такъ сѣверскіе князья, во время знаменитаго похода на Подонцевъ, говорятъ: „Если побѣдимъ, и сами спасемся, а черныхъ людей оставимъ, то грѣхъ намъ будетъ ихъ выдать“.

Князь было общее, неотъемлемое названіе для всѣхъ членовъ Рюрикова рода. Старшій въ родѣ князь назывался Великимъ; но сначала въ лѣтописи мы встрѣчаемъ очень рѣдко этотъ титулъ при имени старшаго князя; обыкновенно онъ дается только важнѣйшимъ князьямъ, и то при описаніи ихъ кончины, гдѣ лѣтописецъ обыкновенно въ украшенной рѣчи говоритъ имъ похвалы. Ярославъ 1-й называется великимъ княземъ Русскимъ; здѣсь слово Русскій однозначительно съ „Всероссійскій“, князь всяя Руси, потому что Ярославъ, по смерти брата Мстислава, владѣлъ, за исключеніемъ Полоцка, всѣми русскими волостями. Послѣ Ярослава названіемъ великаго князя величаются: сынъ его Всеволодъ, внукъ Мономахъ, правнукъ Мстиславъ, сыновья и внуки послѣдняго, по все только при описаніи кончины. Рюрикъ Ростиславичъ называется великимъ княземъ при жизни, и тогда, когда онъ не былъ еще старше всѣхъ на Руси, не сидѣлъ еще въ Кіевѣ; изъ этого можно заключить, что названіе: „Великій Князь“ употреблялось иногда просто изъ учтивости; отъ усердія пишущаго къ извѣстному князю, не имѣло еще постоянного опредѣленнаго смысла ¹⁾. Но если въ южной лѣтописи мы такъ рѣдко встрѣчаемъ названіе: „Великій Князь“, то въ Сѣверной Руси оно начинаетъ прилагаться постоянно къ имени Всеволода III-го и сыновей его, державшихъ старшинство; здѣсь даже это названіе употребляется одно безъ собственнаго имени для означенія Всеволода III-го ²⁾. Великими князьями всяя Руси названы Мономахъ при описаніи его кончины, и Юрій Долгорукій — при описаніи кончины Всеволода III-го, первый съ достаточнымъ правомъ; второй, какъ видно, изъ особеннаго усердія сѣвернаго лѣтописца къ князьямъ своимъ. Въ одномъ мѣстѣ лѣтописи, въ похвалѣ Мономаху и сыну его Мстиславу, слово: „Великій“ поставлено позади собственныхъ именъ ихъ ³⁾; также не разъ поставлено оно позади имени Всеволода III-го, но одинъ разъ явно для отличія его отъ другаго Всеволода, князя Рязанскаго ⁴⁾.

Мы видѣли, какъковы были отношенія старшаго князя къ младшимъ; видѣли, что старшій, если онъ былъ только названнымъ, а не настоящимъ отцомъ для младшихъ, распоряжался обыкновенно съ вѣдома, совѣта и по договору съ послѣдними; отсюда понятно, что когда князь избавлялся отъ родичей, стѣснялся единовластиемъ, то вмѣстѣ онъ дѣлался чрезъ это и самовластителемъ въ странѣ; вотъ почему слово „самовластецъ“ въ лѣтописи употребляется въ значеніи „единовластецъ“: такъ сказано про Ярослава I-го, что по смерти брата своего Мстислава онъ сталъ самовластцемъ въ Русской Землѣ. Для означенія высшей власти, также изъ большій учтивости и усердія, относительно князей употреблялись слова: „Царь, царскій“; такъ Юрій Долгорукій говоритъ племяннику Изяславу: „Дай мнѣ посадить сына въ Переяславѣ, а ты сиди, царствуй въ Кіевѣ“; т.-е. „а ты владѣй Кіевомъ спокойно, независимо, безопасно, не боясь никого, и не подчиняясь никому.“ Говоря о епископѣ Оеодорѣ, лѣтописецъ прибавляетъ, что Богъ спасъ людей своихъ рукою крѣпкою, мышцею высокою, рукою благочестивою, царскою правиваго, благовѣрнаго князя Андрея. Когда, послѣ Рутскаго сраженія, воины Изяславовы, нашедши своего князя въ-живыхъ, изъявили необыкновенную радость, то лѣтописецъ говоритъ, что они величали Изяслава какъ царя. Даниилъ Заточникъ пишетъ къ Юрію Долгорукому: „Помиду мѣся, сынъ Великаго Царя Владимира!“ ⁵⁾ Жена Смоленскаго князя Романа причитаетъ надъ гробомъ его: „Царь мой благий, кроткій, смиренный!“ Употребляются выраженія: „самодержецъ“ и греческое: „кирь“ ⁶⁾. Въ изустныхъ обращеніяхъ къ князьямъ употреблялось слово: „господникъ“, или чаще просто „князь“, иногда то и другое вмѣстѣ.

При спорности правъ, при неопредѣленности отношеній, новый старшій князь иногда нуждался въ признаніи и родичей, и горожанъ, и пограничнаго варварскаго народонаселенія ⁷⁾; отъ нихъ это всѣхъ приходило къ нему послы съ зовомъ идти на столъ. Первымъ знакомъ признанія князя владѣющимъ въ извѣстной волости было посаженіе его на столѣ; этотъ обрядъ считался необходимымъ, безъ него князь не былъ вполнѣ княземъ и потому къ выраженію: „вокняжился“ прибавляется: „и сѣлъ на столѣ“ ⁸⁾. Это посаженіе происходило въ главной городской церкви, въ Кіевѣ и Новгородѣ у Св. Софії. Для указанія того, что князь садился на столъ по законному преемству, принадлежитъ къ роду князевскому и не изгой въ этомъ родѣ, употреблялось выраженіе: „сѣлъ на столѣ отца и дѣда.“ ⁹⁾ Признаніе князя сопровождалось прися-

¹⁾ Памяты. Слов. XII вѣка, стр. 231.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 153.

³⁾ Тамъ же, стр. 96.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 159. «Володиславъ же влѣха въ Галичь, и вокняжися и сѣлъ на столѣ».

⁵⁾ Послѣ увидимъ, что считалось незаконнымъ вступленіе князя на столъ не по отчичь и дѣдичь: это, по нашему мнѣнію, прекращаетъ споръ объ изгойствѣ князей.---

¹⁾ Особенное усердіе современнаго лѣтописца къ Рюрику Ростиславичу видно изъ похвалы этому князю при описаніи построенія стѣны у Выдубецкаго монастыря.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 174.

³⁾ Тамъ же, II, 15.

⁴⁾ Тамъ же, I, 169; II, 125, 136.

гою, цѣлованіемъ креста: „Ты нашъ князь!“ говорили присяганіе. Когда родовое право князя было елорное, когда его признаію предшествовало какое-нибудь особенное обстоятельство, измѣнить или поддержать которое считалось кривымъ, то являлся рядъ, уговоръ; такъ видимъ уговоръ о тѣнахъ съ Ольгичами, Игоремъ и Святославомъ, по смерти старшаго брата ихъ Всеволода. По смерти Изяслава Мстиславича, братъ его Ростиславъ былъ посаженъ въ Кіевѣ съ уговоромъ, чтобы почиталъ ядро своего Вячеслава какъ отца; рядъ и цѣлованіе креста назывались у т в е р ж д е н і е мъ. Ряды по тогдашнимъ отношеніямъ бывали тройкіе: съ братьемъ, дружиною, горожанамъ¹⁾.

Князь и въ описываемый періодъ времени, какъ прежде, заботился о стрѣбъ земскомъ, о ратяхъ и объ уставѣ земскомъ. Онъ сносился съ иностранными государями, отправлялъ и принималъ пословъ, велъ войну и заключалъ миръ. О походѣ иногда самъ князь объявлялъ народу на вѣѣхъ; мы видѣли, какъ во время усобицы Изяслава Мстиславича съ дядею Юріемъ Кіевляне сначала не могли рѣшиться поднять рукъ на сына Мономаха, старшаго въ племени, послѣ чего Изяславъ долженъ былъ ограничиться одними охотниками, людьми себѣ преданными; въ Новгородѣ замѣчаемъ такіа же явленія; вообще народонаселеніе очень неохотно брало участіе въ княжескихъ усобицахъ. Князья обыкновенно сами предводительствовали войскомъ, рѣдко посылали его съ воеводами; кромѣ личной отваги, собственной охоты къ бою, мы видѣли и другую причину тому: безъ князя полки билась вяло, боярина не всѣ слушались, тогда какъ значеніе воеводы тѣсно соединялось съ значеніемъ князя. Старшему, большому князю, считалось неприличнымъ предводительствовать малымъ отрядомъ; такъ, однажды Берендѣи схватили за поводъ коня у Кіевского князя Глѣба Юрьевича и сказали ему: „Князь, не ѣзди; тебѣ прилично ѣздить въ большую полку, когда соберешься съ братьемъ, а теперь пошли кого-нибудь другого изъ братья“²⁾. Для молодыхъ князей считалось почетомъ ѣздить съ передовымъ полкомъ, потому что для этого требовалась особенная

отвага³⁾. Право рядить полки передъ битвою принадлежало старшему въ войскѣ князю⁴⁾, и сохранялось еще преданіе, что добрый князь долженъ первый начинать битву; въ старину маленькаго Святослава перваго заставили бросить копье въ Дрєвлянъ; въ описываемое время Изяславъ Мстиславичъ и Андрей Боголюбскій первые въѣзжали въ непріятельскіе полки.

Князю принадлежало право изданія судебныхъ уставовъ; послѣ Ярослава сыновья его — Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ съ пятью боярами (тысяцкими) собирались для сдѣланія нѣкоторыхъ измѣненій въ судебномъ уставѣ отцовскомъ; Владиміръ Мономахъ съ боярами установилъ законъ о рѣзахъ или прощетахъ; здѣсь можно видѣть разницу въ княжескихъ отношеніяхъ, когда старшимъ былъ братъ и когда былъ отецъ остальнымъ князьямъ: Изяславъ для перемирия въ уставѣ собирается съ братьями, а Мономахъ не имѣетъ нужды созывать сыновей, которые во всякомъ случаѣ обязаны принять уставъ отцовскій; при немъ видимъ только Ивалка Чудновича, черниговскаго боярина (Олгова мужа), быть можетъ присланнаго принять участіе въ дѣлѣ отъ имени своего князя. Князю по-прежнему принадлежали судъ и расправа; во время болѣзненной старости Всеволодовой до людей перестала доходить княжя правда; Мономахъ между другими занятіями князя помѣщаетъ о п р а в л и в а н і е людѣй: лѣтописецъ, хваля князя Давида Смоленскаго, говоритъ, что онъ казнилъ злыхъ, какъ подобаетъ творить царямъ. Для этого оправливанія, суда и расправы князья объѣзжали свою волость, что называлось ѣздить, быть на полюдь и⁵⁾. Князь изъ числа приближенныхъ къ себѣ людей и слугъ назначалъ для отправленія разныхъ должностей въ посадники, тѣуны, и т. п.; онъ налагалъ подати.

Доходы казны княжеской состояли попрежнему въ даянхъ. Мы видѣли, что покоренныя племена были обложены данью; нѣкоторыя платили мѣхами съ дыма или обитаемаго жилища, нѣкоторыя — по шлягу отъ рала; встрѣчаемъ извѣстія, что и во времена лѣтописца подчиненное народонаселеніе платило дань, возило повозы князьямъ; что послѣдніе посылали мужей своихъ по областямъ для сбора дани: такъ Ялъ Вышатичъ приходилъ за этимъ отъ князя Святослава на Бѣлоозеро; такъ Олегъ Святославичъ, овладѣвъ Землею Муромскою и Ростовскою, посажалъ посадниковъ по городамъ и началъ брать дани. Въ уставной грамотѣ Смоленскаго князя Ростислава епископѣи Смоленской (1150 г.) гово-

Представило живіе, что въ выраженіи: «какъ князь оспрѣтеть» нельзя видѣть первоначальное значеніе сиротства, но производное — именно лишеніе волости, ибо въ нѣкоторыхъ областныхъ нарѣчіяхъ сирота значитъ нищій. Но во 1) въ древнихъ намятинкахъ сирота имѣетъ совсѣмъ другое производное; во 2) для насъ важно то, что при господствѣ родовыхъ отношеній въ обществѣ всякаго рода лишнія происходили вслѣдствіе сиротства, слѣд. если бы даже князь-сирота и означалъ князя, лишняго владѣнія, то главною причиною лишняго владѣнія остается сиротство, на что прямо указываетъ языкъ; въ 3) возраженіе, что если принимать здѣсь слово оспрѣтеть въ первоначальномъ смыслѣ, то выйдетъ, что всѣ князья будутъ нищи, ибо всѣ рано или поздно оспрѣтють, — это возраженіе не имѣетъ смысла, ибо сиротами называются малолѣтніе, неимѣющіе самостоятельнаго существованія; сорокалѣтняго человѣка никто не назоветъ сиротою, если онъ и лишился отца.

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, стр. 96.

²⁾ Тамъ же, I, 153.

³⁾ Тамъ же, II, 184: «Володимѣръ же Глѣбовичъ испросился у Святослава и во Гюрика ѣздити на переди съ Черпымъ Клобукомъ. Святославу же не любо башеть пустити Володимѣра напередъ передъ сыныи своими: но Гюрикъ и янии вси улюбивша, зане мужъ бодръ и дєраокъ и крѣпокъ на рати».

⁴⁾ Тамъ же, стр. 68: «Андрей поча рядити полкъ отца своего, зане бѣ старѣи тогда въ братьѣхъ». — При войскѣ былъ и отецъ его Юрій, но, подобно брату Вячеславу, онъ не принималъ личной участія въ битвѣ.

⁵⁾ Тамъ же, I, 172.

рится, что въ погостахъ каждый платитъ свою дань и передерзь, также платять и стужники, по силѣ, кто что можетъ, и съ князеша Смоленскаго сходило дани болѣе 3,000 гривенъ; кромѣ дани, въ грамотѣ Ростиславовой упоминается по людемъ и погородіе ¹⁾. Извѣстно также, что Кіевскій князь получалъ дань изъ Новгорода ²⁾. Другими источниками дохода для казны княжеской служили пошлины торговая, судныя, для старшаго князя дары отъ младшихъ, наконецъ доходы съ частной собственности, земель, князьямъ принадлежавшихъ. Эта частная собственность вѣроятно произошла вслѣдствіе перваго занятія, населенія земель пустыхъ, никому не принадлежавшихъ; потомъ средствомъ приобрѣтенія были купля: о купленныхъ князьями слободахъ прямо свидѣтельствуется лѣтописью подъ 1158 годомъ ³⁾; наконецъ источникомъ приобрѣтенія могло служить отнятіе земель у провинившихся бояръ и другихъ людей; когда, напримѣръ, одинъ князь изгонялъ изъ волости другого, то отбиралъ у бояръ послѣднихъ ихъ имущество. При общемъ родовомъ владѣніи, князья, разумѣется, имѣли частную собственность, разбросанную въ разныхъ волостяхъ; отецъ раздавалъ сыновьямъ села свои безъ всякаго соотвѣтствія столамъ, на которыхъ они должны были сидѣть, тѣмъ болѣе что столы эти не были постоянные; можно думать также, что въ описываемое время, при общемъ родовомъ владѣніи, князья не уговаривались, какъ послѣ, не приобрѣтать земель куплею въ чужихъ волостяхъ. На земляхъ, принадлежавшихъ князьямъ въ частную собственность, они могли строить города и отдавать ихъ дѣтямъ въ частную же собственность: такъ, думаемъ, Владиміръ Мономахъ, построивши Городецъ-Остерскій на своей землѣ, отдалъ его въ частную собственность младшему сыну Юрію, и тотъ владѣлъ имъ, будучи княземъ Суздальскимъ; такъ Ростиславъ Мстиславичъ, князь Смоленскій, получилъ отъ дѣда или отца въ частную собственность земли или доходы въ Суздальской области ⁴⁾; такъ Ярополкъ Изяславичъ, княжившій въ Туровѣ и на Волыни, имѣлъ разныя частныя волости, даже около Кіева, и отдалъ ихъ всѣ при жизни въ Печерскій монастырь.

Земля, составлявшія частную собственность князей, были населены челядью; здѣсь-то на этихъ земляхъ князья устраивали себѣ дворы, гдѣ складывалось всякаго рода добро. На путивльскомъ

дворѣ Святослава Ольговича было семь сотъ челядьки рабовъ, кладовыхъ (скотницы), погреба (брегяницы), въ которыхъ стояло пять сотъ берковцевъ меду, 80 корчагъ вина; въ сельцѣ у Игоря Ольговича былъ устроенъ дворъ добрый, гдѣ много было вина и меду, и всякаго тяжелаго товара, желѣза и мѣди, на гумнѣ было 900 стоговъ. Большая стада составляли одно изъ главныхъ богатствъ княжескихъ: подъ Новгородомъ—Сѣверскимъ непріятели взяли у Ольговичей 3,000 кобылъ и 1,000 коней. Значеніе этихъ земель, дворовъ, запасовъ для князей показываетъ ихъ названіе: жизнь. „Братья! говоритъ Святославъ Ольговичъ Давыдовичамъ: землю вы мою повоевали, стада мои и братіи взяли, жито пожгли и всю жизнь погубили!“ Изяславъ Мстиславичъ говорилъ дружинѣ о черниговскихъ князьяхъ: „Вотъ мы села ихъ пожгли всѣ и жизнь ихъ всю, а они къ намъ не выходятъ; такъ пойдемъ къ Любечу, тамъ у нихъ вся жизнь“.

Взглянемъ теперь на жизнь князя русскаго въ описываемое время, отъ дня рожденія до смерти. При рожденіи младенца въ семьѣ княжеской давалось ему одно имя славянское, или варяжское, которое называлось княжимъ именемъ, а при св. крещеніи другое—по греческимъ святымъ; первое употреблялось преимущественно; оба давались въ честь кого-нибудь изъ старшихъ родственниковъ, живыхъ или умершихъ ⁵⁾; этотъ обычай употреблялся относительно младенцевъ обоаго пола ⁶⁾. Есть извѣстіе, что при самомъ рожденіи князю назначалась волость, городъ ⁷⁾; давалась или эта волость изъ частной собственности князя-отца, или новорожденный считался княземъ этой волости, города и мѣнялъ его впоследствии по общему племенному и родовому порядку, — рѣшить нельзя. Восприемниками при купели бывали князь-родичи ⁸⁾. Лѣтъ двухъ-трехъ-четырехъ надъ младенцемъ мужескаго пола совершался обрядъ—постриги, то-есть первое стриженіе волосъ, сопровождаемое церковнымъ благословеніемъ, посвяченіемъ малютки на коня и пирами въ отцовскомъ домѣ; иногда постриги дѣлались въ именины постригаемаго, иногда постригали двухъ князей разомъ. Для воспитанія князей употреблялись преждемъ кормильцы; о воспитаніи княженъ встрѣчается въ лѣтописи слѣдующее извѣстіе подъ 1198 годомъ: „Родилась дочь у Ростислава Рюрико-

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, стр. 36: «Быша же Радимичи отъ рода Ляховъ: пришедь же ту ся воедиша, и платять дань Русн, повозъ везуть и до сего дне». Допол. къ Акт. Истор. I, № 4. Проф. Соколикъ (внутр. тамож. пошл. въ Россіи, стр. 5) думаетъ, что передъ мѣръ—это по мѣрѣ новъ повдѣйшаго вресни.

²⁾ Объ этой дани см. т. II, стр. 286, примѣч. 1. Въ Никои. «отъ Смоленска и отъ Дунайска». Въ Исковской губ. Холмскаго уѣзда, на р. Ловати есть деревня Дунаева.

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 149.

⁴⁾ «Суждали Залѣская дань, аже воротить Гюгря, а что будетъ въ ней изъ того св. Богородицѣ десятина». Дополн. къ Акт. Историч. т. I, № 4.

⁵⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 107: «Рюрикови же идущю изъ Новагорода, родися у него сынъ и нарекоша и въ святѣмъ крещеніи дѣдце имя Михайло, а княже Родиславъ дѣдне же имя».

⁶⁾ Тамъ же, стр. 122: «Родися у В. К. Всеволода четвертая дщи, и нарекоша имя во св. крещеніи Полагъ, а княже Сбыслава».

⁷⁾ Тамъ же, стр. 107: «И дасть ему (Ростиславу) отъца его Лучинъ городъ, въ немъ же родися, и поставиши на томъ мѣстѣ церковъ св. Михаила, иде ся родилъ».

⁸⁾ Крестнымъ отцомъ Мономахова сына Мстислава былъ Олегъ Святославичъ; князю Сбыславу Всеволодову крестила тетка ея Ольга, княгиня Галицкая; сказано: «и крести у тетка Олга»; о крестномъ отцѣ не упомянуто.

вича, и назвали ее Ефросиньей, прозваніемъ Изморгадъ, то-есть дорогой камень; прѣхалъ Мстиславъ Мстиславичъ (Удалой) и тетка ея Перяслава, взяли ее къ дѣду и бабкѣ, и такъ воспитана она была въ Кіевѣ на Горахъ¹⁾. Участвовали въ походахъ и разсылались по волостямъ князья очень рано: иногда пяти-семи лѣтъ. Женили князья сыновей своихъ также вообще довольно рано, иногда одиннадцати лѣтъ²⁾, дочерей иногда выдавали замужъ осьми лѣтъ. Вотъ описаніе свадьбы дочери Всеволода III, Верхуславы, выходившей за Ростислава Рюриковича, княжившаго въ Бѣлгородѣ: „Послалъ князь Рюрикъ Глѣба, князя Туровскаго, шурина своего съ женою, Славна тысяцкаго съ женою, Чурину съ женою и другихъ многихъ бояръ съ женами, къ Юрьевичу великому Всеволоду, въ Суздаль, вести дочь его Верхуславу за сына своего Ростислава. На Борисовъ день отдалъ великій князь Всеволодъ дочь свою Верхуславу, и далъ за нею безчисленное множество золота и серебра, и сватовъ одарилъ большими дарами и отпустилъ съ великою честію; ѣхалъ онъ за милою своею дочерью до трехъ становъ, и плакали по ней отецъ и мать, потому что была она имъ мила и молода: только осьми лѣтъ; великій князь послалъ съ нею сына сестры своей Якова съ женою и иныхъ бояръ съ женами. Князь Рюрикъ, съ своей стороны, сыгралъ сыну Ростиславу свадьбу богатую, какой не бывало на Руси; пировали на ней сличкомъ 20 князей; снохъ же своей далъ много даровъ и городъ Брягинъ; Якова свата и бояръ отпустилъ къ Всеволоду въ Суздаль съ великою честію, одаривши ихъ богато.“ Изъ этого извѣстія, какъ изъ многихъ другихъ³⁾, мы видимъ, что браки устраивались родителями брачующихся; видимъ, что лица, употреблявшіяся для переговоровъ, посылаемыя за невѣстою отъ женихова отца и провожавшія невѣсту со стороны ея отца, назывались **с в а т а м и**; отецъ невѣсты спажбалъ ее золотомъ и серебромъ, **д а в а л ъ** за нею или по ней, что ясно указываетъ на приданое, тогда какъ свекоръ давалъ снохѣ дары и городъ для ея содержанія; что княгини имѣли города, видное изъ другихъ мѣстъ лѣтописи⁴⁾; въ нѣкоторыхъ небогатыхъ волостяхъ упоминаются у княгинь только села⁵⁾; княжны, не выходившія замужъ, оставшіяся въ волостяхъ отцовскихъ или братнихъ, имѣли также села⁶⁾.

Князья вступали въ бракъ преимущественно въ своемъ родѣ, въ седьмой и даже шестой степени родства, въ шестой и пятой степени свойства⁶⁾; вступали въ родственные союзы съ сосѣдними вла-

дѣтельными домами: Скандинавскими, Англо-Саксонскими, Польскими, Чешскими, Венгерскими, Византийскими, очень часто съ ханами Половецкими⁷⁾; иногда наши князья брали женъ изъ прикавказскаго народа Ясовъ⁸⁾; наконецъ женились на дочеряхъ бояръ (новгородскихъ) и даже выдавали дочерей своихъ за бояръ⁹⁾. Мы видѣли, что у князей Святополка Изяславича и Ярослава Галицкаго были незаконные сыновья, которыхъ отцы ничѣмъ не хотѣли отличать отъ законныхъ¹⁰⁾. Если князья въ первый разъ женились рано, то во второй бракъ вступали иногда очень поздно: такъ Всеволодъ III-й женился вторично сличкомъ 60 лѣтъ. Встрѣчаемъ извѣстія о разводахъ князей по случаю болѣзни жены и желанія постричься въ монахи¹¹⁾.

О занятіяхъ взрослого князя, сидѣвшаго на столѣ, можно получить понятіе изъ словъ Мономаха къ сыновьямъ: „Не будьте лѣнны ни на что доброе; прежде всего не лѣнитесь ходить въ церковь: да не застанетъ васъ солнце на постели; такъ дѣлывалъ мой отецъ и всѣ добрые мужи. Возвратясь изъ церкви, надобно садиться думать съ дружиною, или людей **о п р а в л и в а т ь** (творить судъ и праву), или на охоту ѣхать, или такъ поѣхать куда, или спать лечь; для сна въ время отъ Бога присуждено—полдень.“—Охота составляла любимое препровожденіе времени князей; по словамъ Мономаха, онъ вязалъ руками въ пущахъ дикихъ лошадей, охотился на тура, на оленя, на лося, на вепря, на медвѣдя, на волка (лютаго звѣря); охотились и на зайцевъ¹²⁾, ловили ихъ тенетами; Мономахъ говорить, что онъ самъ держалъ весь нарядъ въ ловчихъ, самъ заботился о соколахъ и

⁷⁾ Не только князья женились на Половчанкахъ, но и княгини выходили за половецкихъ хановъ. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 84: «Приде же Изяславу болши помочь къ Вѣдугороду, приде бо къ нему Вышкордь въ 20 тысячь, отчичъ Святославъ Володимирича: бѣ бо мати его бѣжала въ Половци и шла за нѣ». — Эта княгиня, жена Владимира Давыдовича, была дочь Всеволода Городепскаго, внука Мономахова.

⁸⁾ Вуткова—О бракахъ князей Русскихъ съ Грузинками и Ясынями въ XII вѣкѣ; Сѣвер. Архивъ, 1825, № IV.

⁹⁾ Въ приведенномъ выше извѣстіи о свадьбѣ Ростислава Рюриковича на дочери Всеволода III говорится, что послѣдній отправилъ съ невѣстою сестричича своего Якова и иныхъ бояръ; ясно, что этотъ Яковъ былъ сынъ простаго боярина, за которымъ была сестра Всеволодова.

¹⁰⁾ См. выше т. II, стр. 352, 552. Упомянемъ также о слѣдующемъ любопытномъ извѣстіи (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 136): «Тогда же приде Володимерь изъ Половецъ съ Кончаквою и створи свадьбу Игоръ сынови своему, вѣна его и съ дѣтятемъ».

¹¹⁾ Такъ жена Всеволода III-го, будучи 8 лѣтъ болна, постриглась отъ живаго мужа въ монахини; подъ 1228 годомъ встрѣчаемъ другое извѣстіе: «Святославъ отпусти княгиню свою по свѣту, вхотѣвши ей въ монастырь, и дастъ ей надѣлокъ много; иде въ Муромъ къ брати и пострижесе». — Здѣсь по свѣту значить: по свѣту, по взаимному согласію.

¹²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 159: «Заутра поѣха изъ Суждала борзо, акове и на зайца, дружинѣ постигаючи его». Воскр. I, 218: «Всеволоду дѣующу ловы за Вышегородомъ, и меташа тенеть на зайца».

¹⁾ См. родословную таблицу.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. 170, 180, 184, 193; II, 9, 19, 39, 87, 92, 94, 121.

³⁾ Тамъ же, II, 85: «Изяславъ же съ княгинею поиде въ Гомля къ Вяичемъ, и взя городъ Княгининъ на шить Святославлей».

⁴⁾ Тамъ же, стр. 101.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 95.

⁶⁾ Неволина—Исторія Росс. Гражд. Зак. т. I, стр. 197.

ястребахъ. Князья отправлялись на охоту на долгое время ¹⁾, забирали съ собою жепъ и дружищу: охотились въ лодкахъ по Днѣпру, изъ Кіева ходили внизъ по этой рѣкѣ до устья Тясмина (до границъ Кіевской и Херсонской губерній) ²⁾; Игорь Свято-славичъ въ плѣну у Половцевъ утѣшался ястребиною охотою; въ Никоновскомъ спискѣ о Всеволодѣ Новгородскомъ говорится, что онъ любилъ играть и утѣшаться, а людей не управлялъ, собиралъ ястребовъ и собакъ, а людей не судилъ.

Изъ лѣтописныхъ извѣстій видно, что князья три раза въ день садились за столъ: завтракали, обѣдали, ужинали ³⁾; часть завтрака, обѣда и ужина опредѣлять нельзя, можно видѣть только, что обѣдали прежде полудня; это будетъ понятно, если вспомнимъ, что вставали до свѣта и скоро послѣ того завтракали; при описаніи Липицкой битвы говорится, что князь Юрій прибѣжалъ во Владиміръ о полудни, а битва началась въ обѣдную пору (въ обѣдь годъ) ⁴⁾; въ полдень уже ложились спать. Князья попрежнему любили шировать съ дружиною. Кромѣ дружины, они угощали иногда священниковъ: такъ лѣтописецъ говоритъ, что князь Борисъ Юрьевичъ угощалъ въ Вѣлгородѣ на сѣнидѣ дружищу и священниковъ; Ростиславъ Мстиславичъ въ Великій постъ каждую субботу и воскресенье сажалъ за обѣдомъ у себя 12 чернецовъ съ тринадцатымъ игуменомъ, а въ Назареву субботу сзывалъ на обѣдь всѣхъ монаховъ кіевскихъ изъ Печерскаго и другихъ монастырей: въ обыкновенное время угощалъ Печерскую братію по постнымъ днямъ, середамъ и пятницамъ; въ лѣтописи называется это утѣшеньемъ ⁵⁾. Большие пиры задавали князья при особенныхъ торжественныхъ случаяхъ: на крестинахъ, постригахъ, именинахъ, свадьбахъ, но случая пріѣзда другихъ князей, причемъ гость и хозяинъ взаимно угощали и дарили другъ друга, по случая восшествія на престолъ; такъ, въ Никоновскомъ спискѣ читаемъ, что Всеволодъ Ольговичъ, сѣдши въ Кіевѣ, учредилъ свѣтлый пиръ, поставилъ по улицамъ вино, медъ, черевару, всякое кушанье и овощи. Мы видѣли, что князья иногда сзывали къ себѣ на обѣдь всѣхъ гражданъ и граждане давали обѣды князьямъ; князья пиروвали также у частныхъ людей: такъ, Юрій Долгорукій передъ смертію шлъ у Осьменика Петрила. Большие пиры задавали князья по случая духовныхъ торжествъ, освященія церкви: такъ, Святославъ Всеволодовичъ, по освященіи Васильевской церкви въ Кіевѣ на Великомъ дворѣ, созвалъ на пиръ духовный митрополита, епископовъ, игуменовъ, весь святительскій чинъ, Кіевлянъ ⁶⁾. На пирахъ у князей обыкно-

венно играла музыка ⁷⁾. Хоронили князей немедленно послѣ смерти, если не было особенныхъ препятствій; такъ, напримѣръ Юрій Долгорукій умеръ 15-го мая въ среду на ночь, а похоронили его на другой день въ четвергъ. Родственники, бояре, слуги умершаго князя надѣвали черное платье и черныя шапки; когда вели тѣло князя, то передъ гробомъ вели коня и несли стягъ (знамя); у гроба становили конь ⁸⁾; послѣ похоронъ князя родственники его обыкновенно раздавали богатую милостиво духовенству и нищимъ: такъ, Ростиславъ Мстиславичъ, по смерти дяди Вячеслава, роздалъ все его движимое имѣніе, себѣ оставилъ только одинъ крестъ на благословеніе ⁹⁾. Ярославъ Галицкій самъ передъ смертію роздалъ имѣніе по монастырямъ и нищимъ. Родственники, бояре, слуги и народъ плакались надъ гробомъ князя, причитали похвалы умершему; похвала доброму князю въ устахъ лѣтописца состояла въ слѣдующемъ: онъ былъ храбръ на рати, почиталъ, снабжалъ, утѣшалъ духовенство, раздавалъ щедрю милостиво бѣднымъ, любилъ и уважалъ дружищу, имѣнія не шадилъ для нея; особенною заслугою выставляется также вѣрность клятвѣ, соблюденіе тѣлесной чистоты, правосудіе, строгость къ злымъ людямъ, безстрашіе передъ сильными, обижаящими слабыхъ. Объ одеждѣ князей можемъ имѣть понятіе изъ картины, приложенной къ извѣстному Святославу Сборнику: здѣсь Святославъ и сыновья его, Глѣбъ и Ярославъ, представлены въ кафтанахъ немного ниже колѣня; кафтанъ у Святослава зеленый и сверху него корзина синее съ краснымъ подбоемъ, застегнутое на правомъ плечѣ красною заною съ золотыми отводами; у сыновей кафтаны малиноваго цвѣта и золотые пояса съ четырьмя концями. Воротники, рукава у молодыхъ князей, подолъ у Ярослава кафтана и края Святослава корзина лаведены золотомъ; подолъ Святослава и Глѣбова кафтановъ красный; у маленькаго Ярослава отъ шеи до пояса золотая обшивка съ тремя поперечными золотыми полосами; сапоги у Святослава зеленые, у Ярослава красные, у обоихъ востроносые. На молодыхъ князьяхъ высокія синія шапки съ красными наушниками и зеленюватымъ подбоемъ (если только не принимать этого подбоя за особенную нижнюю ша-

вату, показываетъ, въ чемъ преимущественно состояли пиры).

¹⁾ Житіе Св. Осодосія въ Патер. Печер. Однажды Св. Осодосій, вошедши къ в. к. Святославу, засталъ у него: «овыхъ гуслица гласы весуцащихъ, шныхъ органии писки гласящихъ, шныхъ же иня мусвиіскія, и тако всѣхъ веселящихся, ажеме обычай есть предъ княземъ».

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 81, 101, 73.

³⁾ Тамъ же, стр. 75: «И тако Ростиславъ спрятавъ тѣло его, и ѣха въ Ярославль дворъ, и съзвн мужи отца своего Вячеслава и тивуны и ключники, каза нести имѣние отца своего передъ ся, и порты, и золото, и серебро; и съезъ все, и нача раздавати по монастыремъ, и по церквамъ и по затворомъ, и нищимъ, и тако раздалъ все, а собѣ ни прія ничто, только крестъ честный чинъ на благословеніе собѣ, а прокъ имѣши да чинъ же надъ нимъ дѣяти на послѣдніи дни, чинъ свѣчу и просфурѣ его побѣти».

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 20.

²⁾ Тамъ же, стр. 122, 139, 133.

³⁾ Тамъ же, I, 110.

⁴⁾ Что обѣдали гораздо прежде полудня; см. также Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 28.

⁵⁾ Тамъ же, II, 95: «А во ины дни въ среду и въ пятую утѣшиваше братію Печерскую».

⁶⁾ Тамъ же, стр. 128; см. также стр. 152. Обыкновенное у лѣтописца выраженіе: пить вѣсто пи ро-

ку); на Святославѣ шапка не такъ высокая, желтоватаго цвѣта, съ синими паушиками и темно-красною опушкою; на маленькомъ Ярославѣ синяя, не очень высокая. Святославъ и Романъ съ усами безъ бороды. На князѣхъ покрывало, завязанное подъ беродою; верхняя одежда краснаго цвѣта съ широкими рукавами, съ широкою желтою полосою на подолѣ и съ золотымъ поясомъ; видны рукава нижней одежды съ золотыми поручами; башмаки золотые ¹⁾.

Отношенія князя къ дружинѣ оставались, въ главныхъ чертахъ, прежнія. При Ярославѣ произошелъ новый наборъ дружины; но при сыновьяхъ его уже начались усобицы, перемѣны князей изъ одной волости въ другую; легко понять, какъ такой порядокъ вещей долженъ былъ дѣйствовать на положеніе дружины. Дружинники должны были или переѣзжать вмѣстѣ съ князьями изъ одной волости въ другую, или, оставаясь въ прежней, вступая въ службу новаго князя, ждать, что старая дружина послѣднего, которая прѣидетъ съ нимъ изъ прежней волости, займетъ первое мѣсто: въ княженіе Всеволода Ярославича и племянника его Святополка мы видимъ ясныя указанія лѣтописца на подобныя отношенія старой и новой дружины при перемѣнѣ князей. Таково было непрѣимное положеніе дружины и при бесспорныхъ смѣнахъ князей; но каково же было ея положеніе при борьбахъ, усобицахъ, когда одинъ князь силою выгонялъ другого изъ волости? Тогда дружина побѣжденнаго князя по необходимости должна была бѣжать съ нимъ изъ прежняго города въ другой какой-нибудь, уступая мѣсто дружинѣ побѣдителя. Такимъ образомъ, вслѣдствіе перемѣненій князескихъ и дружина не могла получить осѣдлости. Отъ 1051 до 1228 года мы встрѣчаемъ въ лѣтописи полтораста именъ дружинниковъ; изъ этого числа не наберемъ и пятнадцати такихъ, которыхъ отечества указывали бы намъ, что это сыновья прежде известныхъ лицъ, да и здѣсь изслѣдователи руководствуются, по большей части, одними предположеніями; вѣроятно, можетъ быть, что такой-то Лазаревичъ былъ сынъ известнаго прежде Лазаря. Потому изъ этого количества именъ мы наберемъ едва шесть примѣровъ, чтобъ дружинникъ служилъ послѣ отца сыну, и съ другой стороны не болѣе шести примѣровъ, чтобъ дружинники оставались въ однихъ и тѣхъ же волостяхъ; наконецъ встрѣчаемъ не болѣе двухъ примѣровъ наслѣдственности сына тысяцкаго въ однихъ родахъ ²⁾.

¹⁾ См. Іоаннъ Іекзархъ Болгарскій, стр. 216; Истор. Опис. одежды и вооруженія Росс. войскъ, т. 1, стр. 7; Древности Россійск. Государства, отд. IV, стр. 7.

²⁾ См. статью г. Погодина — о наслѣдственности древнихъ славянъ, въ Архивѣ Историко-Юридическихъ свѣдѣній, изд. Н. Калачева кн. 1-я. — Этою статьею должно пользоваться съ осторожностью, вопервыхъ потому, что въ ней есть лишнія имена, такъ: причисленъ къ русскимъ дружинникамъ Польскій князь Збигнѣвъ, прѣбывавшій въ Кіевѣ къ в. к. Святополку просить помощи противъ брата своего; потомъ въ число дружинниковъ включены

Понятно, что при такой неосѣдлости дружинѣ трудно было во все это время вступить въ прочныя, непосредственныя отношенія къ волостямъ, получить важное первенствующее земское значеніе въ качествѣ постоянныхъ, богатѣйшихъ землевладѣльцевъ, въ качествѣ лицъ, пользующихся наслѣдственно правительственными должностями: бояре попрежнему оставались боярами князей, а не боярами княжествъ, дѣйствовали изъ личныхъ выгодъ, тѣсно связанныхъ съ выгодами того или другого князя, но не изъ выгодъ сословныхъ. Дѣйствія дружины имѣли значеніе, силу, когда ея выгоды совпадали съ выгодами города, волости; такъ случилось въ Кіевѣ по смерти Всеволода Ольговича; въ Ростовской области, по смерти Боголюбскаго; здѣсь, во второмъ примѣрѣ, бояре дѣйствуютъ противъ младшихъ Юрьевичей въ пользу Ростиславичей, по согласію съ Ростовцами, но дѣло рѣшается не въ ихъ пользу вслѣдствіе особыхъ отношеній новыхъ городовъ. При этомъ надобно замѣтить также, что съ самаго начала у насъ, на Руси, вслѣдствіе размноженія членовъ княжескаго рода, управленіе сколько-нибудь значительными волостями и городами переходитъ къ князьямъ-родичамъ, а не къ боярамъ, которые по этому самому теряютъ возможность пріобрѣсти важное значеніе въ качествѣ областныхъ правителей; это важное значеніе остается за князьями же. — Исключеніе составляютъ галицкіе бояре. Галицкая волость, ставши особымъ владѣніемъ Ростиславичей, князей, исключенныхъ изъ старшинства въ родѣ Ярославовъ, по этому самому не перемѣняла князей своихъ; съ другой стороны, не дробилась на мельчайшія волости въ племени Ростиславичей, потому что Владиміру удалось избавиться отъ всѣхъ родичей и стать единовластителемъ въ Галичѣ; единовластіе продолжалось и при единственномъ сынѣ его Ярославѣ. Вслѣдствіе этого, боярамъ галицкимъ была возможность установиться въ странѣ, получить важное земское значеніе въ качествѣ богатыхъ землевладѣльцевъ и областныхъ правителей; вотъ почему вліяніе дружины въ Галичѣ на дѣла страны оказывается такимъ исключительнымъ; сколько-нибудь сильнаго участія городовъ въ событіяхъ, происходившихъ по смерти Романа Великаго, не замѣчаемъ, хотя народонаселеніе ихъ вообще питало привязанность къ молодому Даниилу. Прибавимъ сюда еще вліяніе быта сосѣднихъ Галичу государствъ, Польскаго и Венгерскаго.

Но если такъ частъ и такъ необходимъ былъ переходъ дружины изъ одной волости въ другую и отъ одного князя къ другому, то легко понять, что не было возможности для точнаго опредѣленія отношеній ея къ князю; дружинникъ имѣлъ полную свободу переходить изъ службы одного князя въ

также двое полоцкихъ князей, пош. Лихачъ, дьячекъ Нюхоржжъ и проч., а нѣкоторыя имена пропущены. Вторыхъ, выводы противорѣчатъ фактамъ; такъ, напр., выведено, что бояре служили болѣею частью у однихъ князей, т. е. послѣ отцовъ дѣтямъ.

службу другого: каждый князь принималъ его съ радостію, ибо каждый пуждался въ храбрыхъ дружинникахъ; переходъ былъ легокъ для дружинника и во всеѣхъ другихъ отношеніяхъ, потому что Русская Земля сохраняла свое единство, равно какъ и родъ княжескій, слѣдъ дружинникъ, переходя отъ одного князя къ другому, не измѣнялъ чрезъ это нисколько ни Русской Землѣ, ни роду княжескому, владѣвшему ею нераздѣльно. Князя не могли условиться не допускать этого перехода, потому что очень рѣдко случалось, что всеѣ они находились въ мѣрѣ и добромъ согласіи между собою, а при первой удобнѣ друженикамъ открывался свободный путь для перехода отъ одного враждебнаго князя къ другому; такъ, въ силу обстоятельствъ, обычай перехода скоро долженъ былъ превратиться въ право, и послѣ въ княжескихъ договорахъ мы увидимъ, что князья обязываются не препятствовать переходу дружинниковъ: „А боярамъ между нами и слугамъ вольнымъ — воля“. Существовало ли такое условіе въ княжескихъ договорахъ описываемаго времени, или подразумѣвалось, какъ естественное и необходимое, и явилось только послѣ, при ослабленіи родовой связи между князьями, обособленіи княжествъ, — рѣшить нельзя по неизвѣстнѣ княжескихъ договорныхъ грамотъ изъ описываемаго періода; мы знаемъ одно только, что такія грамоты существовали въ это время. Хорошій князь, по современнымъ понятіямъ, не отдѣлялъ своихъ выгодъ отъ выгодъ дружины, ничего не щадилъ для послѣдней, ничего не откладывалъ собственно для себя; жилъ онъ съ нею въ братскомъ, задушевномъ кружку, не скрывая отъ нея извѣстнаго, не тая думъ своихъ, намѣреній. „Князь! говоритъ дружина Мстиславу Изяславичу: тебѣ безъ насъ нельзя было ничего ни замыслить, ни сдѣлать, а мы всеѣ знаемъ твою истинную любовь ко всей брати“. А Владиміру Мстиславичу дружина говоритъ: „Ты самъ собою это, князь, замыслилъ, такъ мы не ѣдемъ за тобою, мы ничего не знали“. Изъ тона лѣтописи видно, что не нравилось, когда князь имѣлъ одного любимца, которому открывалъ свои думы, скрывая ихъ отъ остальной дружины; такъ, рассказывая о дурномъ поступкѣ Святослава Всеволодовича съ Ростиславичами, лѣтописецъ говоритъ: „Святославъ посовѣтовался съ княгинею, да съ Кочкаремъ, любимцемъ своимъ, а лучшимъ мужамъ думы своей не объявил“. Князь почти все время свое проводилъ съ дружиною: съ нею думу думалъ, на охоту ѣздилъ, пировалъ; въ житіи Св. Осодосія читаемъ, что когда князь Изяславъ хотѣлъ ѣхать къ преподобному, то распускалъ всеѣхъ бояръ по домамъ и являлся въ монастырь съ однимъ малымъ отрокомъ; это разсказывается, такъ исключеніе изъ обычая. При такихъ близкихъ отношеніяхъ бояръ къ князю естественно ожидать, что совѣты ихъ и внушенія не оставались безъ слѣдствій въ распряхъ и удобнѣхъ княжескихъ: въ дѣлѣ ослѣпленія Василька лѣтописецъ прямо обвиняетъ извѣстныхъ

бояръ Давыдовыхъ; не-разъ попадаетея извѣстіе, что князь поступилъ дурно, послушавшись злыхъ совѣтниковъ; если дружинникъ по неудовольствію оставлялъ одного князя и переходилъ къ другому, то конечно не могъ сдѣйствовать пріязни между ними. Мстиславъ Изяславичъ отпустилъ отъ себя двоихъ бояръ, братьевъ Бориславичей, озлобивъ, по выраженію лѣтописца, потому что холопы ихъ покрали княжескихъ коней изъ стада; Бориславичи перешли къ Давыду Ростиславичу и начали сеорить его съ Мстиславомъ. Велѣдствіе такихъ отношеній встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе, что при княжескихъ договорахъ и бояре цѣловали крестъ—добра хотѣть между князьями, честь ихъ беречь и не сеорить ихъ.

Попрежнему встрѣчаемъ различіе между старшею и младшею дружиною. Когда Святославу Ольговичу дали знать о смерти брата Игоря, то сказано, что онъ созвалъ дружину свою старѣйшую и объявилъ ей объ этомъ. Всеволодъ III послалъ сказать племяннику Мстиславу Ростиславичу: „Братъ! если тебя привела дружина старѣйшая, то ступай въ Ростовъ“. По старѣйшая дружина въ этомъ же самомъ разсказѣ переводится словомъ бояре. Въ противоположность старшей, встрѣчаемъ названіе „младшая“ дружина; такъ Изяславъ Мстиславичъ говоритъ брату Владиміру: „Ступай впередъ на Вѣлгородъ, а мы всеѣ отускаемъ съ тобою дружину свою младшую“; младшая дружина называется также просто: молодъе молодые, молодые люди, продолжаясь носить названіе гридей, гридьбы. Члены старшей дружины, бояре, были по-преимуществу, княжескими думцами, совѣтниками; но встрѣчаемъ извѣстіе, что иногда князья сзываютъ на совѣтъ бояръ и всю дружину свою¹⁾. Въ составъ дружины входила также собственная прислуга князя, жившая постоянно при немъ, въ его домѣ, дворцѣ: это такъ-называемые отроки, дѣтскіе, пасынки, которые естественно раздѣлялись опять на старшихъ и младшихъ, или меньшихъ. Такимъ образомъ дружина состояла изъ трехъ частей: бояръ, гридьбы и пасынковъ; лѣтописецъ говоритъ, что Мстиславъ Ростиславичъ, пріѣхавши въ Ростовъ, собралъ бояръ, гридьбу и пасынковъ, и всю дружину. Третій отдѣлъ дружины, служня, слуги княжескіе, живущіе при немъ въ домѣ, на сѣверѣ начпаютъ носить названіе двора, дворянъ²⁾; естественно впрочемъ ожидать, что, въ противоположность городowymъ полкамъ, подъ именемъ дворянъ разумѣлась и вся дружина, все княжеское войско. Бояре имѣли свои дома въ стольномъ городѣ княжескомъ, имѣли свои села³⁾; какаго рода были эти села, кромѣ отчинъ полу-

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 43, 87, 124; I, 213, 312; II, 43.

²⁾ Тамъ же, III, 20, 31; I, 157. О меньшихъ дѣтскихъ см. II, 47.

³⁾ Тамъ же, I, 162: «а села балярская вьяша, и кони, и скотъ».

чали ли дружинники помѣстья отъ князей,—ничего неизвѣстно. Кромѣ стольнаго города, дружина (преимущественно, думаемъ, младшая) жила также по другимъ городамъ, гдѣ отряды ея составляли засады, или гарнизоны ¹⁾, жила и по селамъ своимъ; послѣ каждаго похода дружина распускалась. Княжескіе слуги жили при дворѣ, но могли также чередоваться службою, имѣя на сторонѣ свои дома. Бояре имѣли около себя въ походѣ свою службю, своихъ отроковъ ²⁾.

Изъ бояръ князь назначалъ тысяцкихъ; что же касается до посадниковъ, то они могли быть назначаемы и изъ дѣтскихъ ³⁾. Тіуны княжескіе и боярскіе имѣютъ прежнее значеніе. Изъ должностей судебныхъ въ домѣ, дворѣ княжескомъ встрѣчаемъ названіе ключниковъ; на ихъ должность указываетъ слѣдующее извѣстіе: когда Ростиславъ Мстиславичъ похоронилъ дядю своего Вячеслава, то, созвавши бояръ послѣдняго, тіуновъ и ключниковъ, велѣлъ принести передъ себя все имѣніе покойнаго князя. По кладни къ, по всѣмъ вѣроятностямъ, соответствовали позднѣйшему спальнику. Званія конюшій ⁴⁾, стольникъ, меченосца ⁵⁾ объясняются изъ самыхъ словъ. Упоминаются мечники; кощени, которыхъ, производя отъ слова кошь, можно принять за обозную прислугу; упоминаются сѣдельники, названіе которыхъ указываетъ на ихъ занятіе; и кощени, и сѣдельники находились при войскѣ во время похода ⁶⁾; сѣдельники жили, какъ видно, цѣлыми селеніями въ извѣстныхъ мѣстахъ ⁷⁾. Въ Новгородской лѣтописи подъ 1181 годомъ встрѣчаемъ названіе: кметство для лучшихъ ратниковъ, ибо это названіе въ нѣкоторыхъ спискахъ переводится чрезъ: мужи добромъименитые. Мономахъ говоритъ, что онъ взялъ въ плѣнъ живыми пятерыхъ князей полоцкихъ, и иныхъ кметѣй молодыхъ пятнадцать.

По-прежнему находимъ въ лѣтописи ясныя указанія на различіе между дружиною и полками, собираемыми изъ остальнаго населенія, городского и сельскаго; дружина отличается отъ полка. Вячеславъ Владиміровичъ говоритъ племяннику Изяславу: „Дружина моя и полкъ мой будутъ у насъ съ тобою общіе“; Ярославъ Галицкій говоритъ кіевскому боярину объ отцѣ своемъ: „Полкъ его и дружина его у меня“ ⁸⁾; хотя,

разумеется, слово „полкъ“ сохраняетъ и свое общее значеніе войска, точно такъ же, какъ и дружина, а съ другой стороны полкъ имѣетъ значеніе извѣстнаго отдѣла въ войскѣ. Кіевскіе полки рѣзко отличаются отъ княжескихъ дружинъ въ разсказѣ о битвѣ Изяслава Мстиславича съ дядею Юріемъ подъ Кіевомъ: „Вячеславъ и Изяславъ, не входя въ городъ, раскинули станъ передъ Золотыми воротами; Изяславъ Давыдовичъ сталъ между Золотыми воротами и Жидовскими; Ростиславъ съ сыномъ Романомъ—передъ Жидовскими воротами, Борисъ Городенскій у Лядскихъ воротъ, а между князьями стали Кіевляне на коняхъ и пѣши“; тутъ же говорится, что Вячеславъ и племянники его послушались дружины, Кіевлянъ и Черныхъ Клобуковъ. На участіе сельскаго населенія въ походахъ указываютъ прямо извѣстія лѣтописи о смотрахъ Мономаха и Святополка на Половцевъ; дружина говорила, что весною не время идти въ походъ, ибо для этого нужно отнять поселянъ (смердовъ) и лошадей ихъ отъ полевыхъ работъ; Мономахъ отвѣчалъ на это: „Странно мнѣ, что вы поселянъ и лошадей ихъ жалѣете, а о томъ не подумаете, какъ весною начнутъ поселяннн пахать лошадыю, и пріѣдетъ Половчинъ, ударитъ поселяшина стрѣлою, а лошадей его возьметъ себѣ“. Если бы кто-нибудь задалъ вопросъ: какъ участвовали поселяне въ походахъ, для чего собственно употреблялись здѣсь они и лошади ихъ?—то на этотъ вопросъ не можетъ быть отвѣта по недостатку свидѣтельствъ; приведемъ только одно извѣстіе, что во время войны Мстислава Горопецкаго съ младшими сыновьями Всеволода III, послѣдніе погнали на войну и „изъ поселей“, какъ сказано въ лѣтописи. Въ лѣтописи же читаемъ, что Изяславъ Мстиславичъ и въ Кіевѣ, и въ Новгородѣ на вѣчѣ объявлялъ о походѣ; было ли это постояннымъ обычаемъ—утверждать нельзя. Какъ выходили граждане на войну, это видно также изъ словъ бояръ Изяславовыхъ, которые звали Кіевлянъ въ походъ отъ имени князя: „Теперь, братья Кіевляне, ступайте за мной къ Чернигову на Ольговичей, соберитесь всѣ отъ мала до велика, у кого есть конь, тотъ на конѣ, а у кого нѣтъ коня,—тотъ пусть ѣдетъ въ лодкѣ“. Изъ этого и изъ многихъ другихъ извѣстій видно, что ополченіе состояло изъ конницы (копейщиковъ) и пѣхоты (стрѣльцовъ); встрѣчаемъ названіе: кони поводиные, т. е. употребляемые подъ верхъ, и товарныя, обозныя, также кони сумные; стрѣльцы обыкновенно завязывали дѣло, когда главная масса войскъ, копейщики,—еще не вступали въ битву. Во время похода оружіе везли на возахъ ⁹⁾; ору-

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 92: а дружина ти по городомъ далече.

²⁾ Тамъ же, 147, I, 108: «и роспусти дружину по селамъ».—Объ отрокахъ боярскихъ I, 131. О содержаніи дружины см. томъ XIII, гл. I.

³⁾ Тамъ же, стр. 117.

⁴⁾ Тамъ же, I, 169; II, 133.

⁵⁾ Тамъ же, I, 184, 194.

⁶⁾ Тамъ же, II, 98: «Братья же вси пожаловаша па Мстислава аже утаивъся ихъ пусти на воронъ сѣдельники свои и кощѣи».

⁷⁾ Тамъ же, стр. 102: «Лѣбѣ шедше стапа за Васильевоу у сѣдельниковъ... Половци же съвкупншеса съ сѣдельники бгнаса съ ними».

⁸⁾ См. также Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 105: «Андрей

же посла сына Мстислава со всею дружиною и со всѣми полки Ростовскими и Суждальскими».—Замѣчательно тамъ же стр. 55 выраженіе Изяслава Мстиславича: «А мы пѣдемъ въ свой Кіевъ, а въ сильный полкъ въ Кіевскій аже въдемъ въ нѣ, то авъ вѣдѣ, ти си за я биготъ».

⁹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 103. Мономахъ говоритъ: «И ерѣтоша ны вневзупу Половечскыи кнзю 8 тысячъ,

жіе состояло изъ броней, племевъ, щитовъ, мечей, копей, сабель, стрѣлъ, киевъ, сулицъ, пожей - засапожниковъ, рогатинъ, оскъпювъ и топоровъ, топоры бывали съ паворозою; въ Словѣ о полку Игореву щиты называются красными (червлеными); шлемы были съ острымъ верхомъ и съ желѣзнымъ забраломъ, или личною въ видѣ полумаски. Для защиты щекъ и затылка, къ шлему приклѣплялась кольчужная желѣзная сѣтка, застегивавшаяся запонкою у шеи ¹⁾. Употреблялись знамена, или стяги, также трубы и бубны. Не только оружіе везли на возахъ, но и сами ратники ѣхали на нихъ же; кромѣ возовъ съ оружіемъ, должно думать, что войско сопровождали обозы съ съѣстными припасами: по-крайней мѣрѣ есть извѣстіе, что иногда припасы эти возили на лодкахъ по рѣкамъ ²⁾; но есть также и не одно извѣстіе, что князья, вступая въ непріятельскую землю, посылали для сбора съѣстныхъ припасовъ: это называлось ѣхать въ зажитіе, а люди, посылаемые для такого сбора, — зажитниками. Въ ожиданіи битвы, ратники надѣвали брони; но предъ Лицискою битвою Мстиславъ Удалой далъ Новгородцамъ на выборъ: сражаться на коняхъ или пѣшкомъ; тѣ отвѣчали, что не хотятъ помирять на лошадахъ, но хотятъ битися пѣши, какъ бились отцы ихъ на Колакчѣ и, сбросивъ съ себя порты и сапоги, побѣжали босые на непріятеля. Князья устраивали войско, говорили рѣчи; войска располагались по-прежнему тремя отдѣленіями: большой полкъ, или чело, и два крыла; но въ описываемое время упоминается и передовой полкъ, или передъ ³⁾, упоминается и сторожевой полкъ, или стороже, который давалъ знать главному полку о мѣстѣ пребыванія и движенія непріятеля. При бѣгствѣ непріятеля, побѣдители бросались на станъ его, одирали мертвыхъ; о дѣлехъ добычи встрѣчаемъ одно извѣстіе, что Мстиславъ Удалой, взявши дань на Чуди, двѣ части ея отдалъ Новгородцамъ, третью дворянамъ своимъ. Встрѣчаемъ извѣстіе объ укрѣпленныхъ станахъ: такъ предъ Лицискою битвою младшіе Всеволодовичи обвили свой станъ плетнемъ и насадили кольцевъ; былъ обычай также огораживаться засѣками: такъ сказано о Ярославѣ Всеволодовичѣ Черниговскомъ, что онъ сталъ подъ своими лѣсами, засѣкши отъ непріятеля; въ станахъ находились шатры и полетницы: въ разсказѣ о взятіи рязанскихъ князей Всеволодомъ III говорится, что великій князь, поздоровавшись съ ними, велѣлъ сѣсть имъ въ шатрѣ, а самъ сѣлъ въ полетницѣ; также въ разсказѣ объ убіеніи рязанскихъ князей родичами читаемъ, что убійца Глѣбъ скрылъ вооруженныхъ слугъ и Полощевъ

въ полетницѣ близъ шатра, гдѣ должны были пріорвать жертвы его.

И въ описываемое время войска переправлялись иногда по рѣкамъ; такъ подъ 1185 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Святославъ Всеволодовичъ плылъ въ лодкахъ Десною изъ Новгород-Сѣверскаго въ Черниговъ; встрѣчаемъ даже извѣстіе о рѣчной битвѣ на Дибирѣ между войсками Изяслава Мстиславича и дяди его Юрія, когда Изяславъ дивно испугалъ лодки, но выраженію лѣтописца: видны были одни только весла, а гребцовъ было не выдать, потому что лодки были покрыты, ратники стояли на этихъ крышкахъ въ броняхъ и стрѣляли, кормчихъ было два, — одинъ на носу, другой на кормѣ, и куда хотѣли, туда и шли, не оборачивая лодокъ. Походы преимущественно совершались зимою: это будетъ понятно, если вспомнимъ состояніе страны, покрытой множествомъ рѣкъ и болотъ, чрезъ которыя зима прокладывала ледяные мосты и такимъ образомъ облегчала путь; князья обыкновенно спѣшили окончить походы до того времени, какъ начнутъ таять снѣга и разливаться рѣки. Кромѣ затруднительности дорогъ противъ незимнихъ походовъ могли говорить также причины, приводимыя дружиною Мономаху противъ весенняго похода на Половцевъ: нужно было отрывать земледѣльцевъ отъ работъ въ полѣ. Пространство пути считали днями, наприм. подъ 1187 годомъ Рюрикъ Ростиславичъ говоритъ Ярославу Черниговскому: „Вѣсть ны правая есть, ажъ вѣжи половецкія вое за польдне, ты мене дѣля пойдѣ до полудня, а язъ тебе дѣля ѣду десять дней“. Или подъ 1159 годомъ: „Вродинася по немъ (Изяславъ Давыдовичъ) за Десну, Святослава оба и Рюрикъ, и отшедше за днище и не обрѣтше его“. Новгородцы въ 1147 г. выходили на встрѣчу къ Изяславу Мстиславичу, одни „три днище, другіе днище отъ Новгорода“. — Упоминаются взятія городовъ кольемъ (приступомъ) и взятія на щитъ (сожженіе, разграбленіе, плѣнъ, истребленіе жителей); нѣтъ права думать, чтобы тамъ, гдѣ упоминается взятіе на щитъ, непременно прежде было взятіе приступомъ. При осадахъ городовъ почти никогда не упоминается о машинахъ, стѣнобитныхъ орудіяхъ, подкопахъ; обыкновенно говорится, что городъ обступали и бились съ осажденными у воротъ. Разъ говорится въ Псковской лѣтописи подъ 1065 годомъ, что Всеславъ Половцкіи приходилъ подъ Псковъ, и много трудился п пороками шибавъ; но Псковская лѣтопись — позднѣйшаго составленія, и притомъ означенное выраженіе у псковскаго лѣтописца форменное. Осады продолжались отъ двухъ дней до десяти недѣль; болѣе продолжительныхъ осадъ не видимъ ⁴⁾. Изъ ста съ чѣмъ-нибудь случавъ, гдѣ говорится о нападеніяхъ на города, одинъ только разъ упоминается

и хотѣхомъ съ ними ради битися, но оружье бяхомъ усаили напередъ на повозѣхъ».

¹⁾ Истор. Опис. од. и воор. Русск. войск. I, стр. 40, прим. 96.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, стр. 182, 212.

³⁾ Тамъ же, II, 137.

⁴⁾ Самую продолжительную десятинедѣльную осаду держали Туровцы отъ Изяслава Давыдовича въ 1158 году. Ср. статью Погодина о междусубоныхъ войнахъ во Временникѣ Моск. Истор. Общества.

о взятіи коньемъ, разъ двадцать девять о взятіи на шить, опустошеніи городовъ, разъ сорокъ о сдачѣ и просто о занятіи городовъ, причемъ раза три употребляется выраженіе, что города были заняты внезапно, изъѣздомъ; разъ семь осажденные должны были принимать условія осаждающихъ, разъ пять говорится просто о мирѣ, послѣдовавшемъ за осадю, наконецъ разъ двадцать пять упоминаются осады неудачныя. — Здѣсь, разумѣется, намъ было бы очень важно знать число войскъ во время походовъ и осадъ: къ сожалѣнію, мы встрѣчаемъ объ этомъ предметѣ очень скудныя извѣстія въ лѣтописяхъ; подъ 1172 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о битвѣ Русскихъ съ Половцами: у поганныхъ, сказано, было 900 коней, а у Руси 90; но число коней не означаетъ числа всего войска, ибо послѣ сказано, что, побѣдивши Половцевъ (900 коней), Русскіе взяли у нихъ въ плѣнъ 1,500 человекъ, другихъ перебили, а нѣкоторые убѣжали. Изъ связи цѣлаго разсказа можно сдѣлать нѣкоторые соображенія; прежде говорится, что когда Русскіе, перехвативши Половецкихъ сторожей, спросили у нихъ: „Много ли вашихъ назадъ“, то тѣ отвѣчали, что 7,000; Русскіе пошли противъ этого семитысячнаго отряда, разбили его, и когда спросили у плѣнныхъ, много ли еще вашихъ назадъ, то тѣ отвѣчали: „Теперь большой полкъ идетъ“; — и въ этомъ-то большомъ полку насчитывалось 900 коней, следовательно полкъ, насчитывавшій въ себѣ 900 коней, имѣлъ всѣхъ ратниковъ въ себѣ гораздо больше 7,000, ибо относился къ семитысячному отряду, какъ большой полкъ. Русскій полкъ, состоявшій изъ 90 коней, считался маленькимъ отрядомъ, такъ что старшему князю неприлично было имъ предводительствовать. Когда великій князь Святополкъ Изяславичъ, въ 1093 году, объявилъ кievскіимъ боярамъ, что у него 800 своихъ отроковъ, которые могутъ стать противъ Половцевъ, то бояре отвѣчали: „Если бы ты набралъ 8,000, то не дурно было бы, потому что наша земля оскудѣла“. Это извѣстіе о 800 (по нѣкоторымъ сказкамъ 500) отрокахъ можетъ указывать намъ на число собственной служби княжеской, которая должна отдѣлять отъ другихъ составныхъ частей дружины — бояръ и гридей. Когда Мономахъ выѣхалъ изъ Чернигова въ Переяславль передъ зякомъ, то у него не было и ста человекъ дружины; — но это было послѣ бѣдственнаго сраженія съ Половцами, гдѣ Мономахъ такъ много потерялъ своего войска; Игоревичи перебили въ Галичѣ 500 бояръ. Великій Новгородъ во второй половинѣ XII вѣка могъ выставить 20,000 войска ¹⁾; Сѣверная Русь — области Новгородская, Ростовская съ Бѣлоозеромъ, Муромская и Рязанская могли выставить 50,000 на Липицкой битвѣ изъ войска младшихъ Всеволодовичей погибло 9,233 человека, взято въ плѣнъ только 60 человекъ, но были, кромѣ того, и е-

лисиа бѣгствомъ, нѣкоторые потонули въ рѣкахъ. Здѣсь, разумѣется, не должно упускать изъ вниманія того, происходили ли войны соединенными усилиями нѣсколькихъ княжествъ, или два князя боролись съ одиѣми собственными силами; если мы предположимъ, что Южная Русь могла выставить около 50,000 войска, то мы должны раздѣлять это количество на шесть частей по областямъ (Черниговская, Переяславская, Смоленская, Туровская, Волынская, Киевская); а если борьба шла между князьями одной изъ этихъ областей, напр. между Черниговскимъ и Сѣверскимъ, то мы не можемъ предположить, чтобы каждый изъ нихъ могъ вывести въ поле больше 5,000 войска. Но, съ другой стороны, должны замѣтить также, что во всѣхъ почти войнахъ принимали участіе толпы дикихъ Половцевъ и своихъ Черныхъ Клобуковъ; такъ напр., на помощь Всеволоду Ольговичу, въ 1127 году, пришло 7,000 Половцевъ; на помощь Изяславу Давидовичу пришло 20,000 Половцевъ. Наконецъ въ Никоновскомъ спискѣ встрѣчаемъ извѣстіе, что въ 1135 году Всеволодъ Мстиславичъ Новгородскій имѣлъ въ своемъ войскѣ Нѣмцевъ; на югѣ подъ 1149 годомъ упоминаются также Нѣмцы въ русскомъ войскѣ.

И въ описываемое время встрѣчаемъ извѣстіе о богатыряхъ; и въ этотъ періодъ человекъ, благодаря физической силѣ, могъ выдѣлиться, приобрести особенное значеніе и давать побѣду тому или другому князю; къ богатырямъ, какъ видно, питали особенное уваженіе, называли ихъ людьми Божіими. Замѣчательенъ разсказъ лѣтописи подъ 1148 годомъ о богатырѣ Демьянѣ Куденевичѣ. Этотъ богатырь жилъ въ Переяславѣ Южномъ у князя Мстислава Изяславича въ то время, когда смилъ Юрія Долгорукаго, Глѣбъ, хотѣлъ врасплохъ напасть на Переяславль. Узнавши о приближеніи Глѣба, князь Мстиславъ отправился немедленно къ Демьяну и сказалъ ему: „Человѣкъ Божій! теперь время Божіей помощи и Пречистой Богородицы и твоего мужества и крѣпости“. Демьянъ тотчасъ же съѣлъ на конѣ съ седлугою своего Тарасомъ и пятью мѣтодами (мѣстами) ²⁾ что остальные разошлись съ незвѣстно куда. Богатырь выѣхалъ изъ города, встрѣтилъ князя Глѣба Юрьевича на полѣ у посада, съ яростію напалъ на его войско и многихъ убилъ нещадно. Князь Глѣбъ испугался, побѣжалъ назадъ, а Демьяну Куденевичу послалъ сказать: „Я приходилъ на любовь и на миръ, а не на рать.“ — Но скоро Глѣбъ съ Половцами пришелъ опять къ Переяславлю. Демьянъ одинъ выѣхалъ изъ города, безъ досѣховъ, перебилъ много непріятелей, но самъ былъ прострѣленъ во многихъ мѣстахъ отъ Половцевъ и въ изнеможеніи возвратился въ городъ. Князь Мстиславъ пришелъ къ нему, принесъ много даровъ, обѣщалъ дать вѣлости; богатырь отвѣчалъ ему: „О суета человѣчская! кто, будучи мертвъ, желаетъ даровъ тѣлѣнныхъ и власти погибающей!“ Съ этими словами Демьянъ уснулъ вѣчнымъ сномъ, и былъ по немъ плачь ве-

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 120.

²⁾ Тамъ же, стр. 109.

кій во всемъ городѣ. — Въ разсказѣ о Липицкой битвѣ упоминаются также богатыри, бывшіе на сторонѣ Мстислава Торопецкаго. Въ разсказахъ о Калкской битвѣ говорится, что тутъ пало 80 храбровъ, или богатырей.

Обратимся теперь къ народонаселенію городскому и сельскому. Русская Земля въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, т. е. всѣ русскія владѣнія, раздѣлялась на нѣсколько отдѣльныхъ земель или волостей: Русская Земля (въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. Киевская), Волынская, Смоленская, Суздальская и т. д.; слово волость, власть означало и княженіе (власть), и княжество (владѣніе, область). Между словами волость и земля можно впрочемъ замѣтить различіе; земля имѣла чисто географическое значеніе, тогда какъ волость содержитъ въ себѣ всегда значеніе зависимости извѣстнаго участка земли отъ князя или главнаго города; въ этомъ смыслѣ названіе волости носить окружающая земля въ противоположность городу, и жители ея — въ противоположность горожанамъ; Новгородская Земля есть Новгородія, земля, обитасмая Новгородцами, какъ Польская Земля есть Поляна, Чешская Земля — Богемія; Новгородская же волость означаетъ земли, подвѣдомственные, подчиненныя Новгороду Великому. Переходъ слова „власть“ (волость) отъ означенія владѣющаго къ означенію владѣемаго былъ очень легокъ: князь, старшій городъ — были власти, владѣли окружающими населенными мѣстами, здѣсь была ихъ власть, эти мѣста были въ ихъ власти, они были ихъ власть. Червоначально, до призванія Рюрика лѣтописецъ указываетъ намъ племена независимыя другъ отъ друга; это видно изъ его словъ, что каждое племя имѣло свое княженіе; встрѣчаемъ сначала и названія земель отъ имени племенъ, напр. Деревская Земля; слѣдовательно можно думать, что первоначально границы земель соотвѣтствовали границамъ племенъ. Но съ тѣхъ поръ какъ началась дѣятельность князей Рюриковичей, это совпаденіе границъ было нарушено, и въ послѣдующемъ дѣленіи земель или волостей между князьями мы не можемъ отыскать прежняго основанія; такъ Земля Новгородская заключаетъ въ себѣ землю и Славянъ, и Кривичей, Земля Полоцкая — землю Кривичей и Дреговичей, Смоленская — Кривичей и Радимичей, Киевская — Полянъ, Древлянъ и Дреговичей, Черниговская — Сѣверянъ и Вятичей. Уже самая перемена названій, исчезновеніе именъ племенныхъ, замѣненіе ихъ именами, заимствованными отъ главныхъ городовъ, показываетъ намъ, что основаніе дѣленія здѣсь другое, а не прежнее племенное. Несмотря впрочемъ на то, что явилось новое могущественное начало, власть княжеская, подъ вліяніемъ которой несомнѣнно совершился переходъ народонаселенія изъ племеннаго быта въ областной, прежнее значеніе древнихъ главныхъ городовъ не утратилось для окружающей народонаселенія, чему, разумѣется, прежде всего способствовала первоначальная неопредѣленность отношений городского народонаселенія къ князьямъ, неопредѣ-

ленность, преимущественно зависѣвшая отъ родовыхъ княжескихъ отношеній, отъ частаго перехода князей изъ одной волости въ другую; при спорности правъ княжескихъ относительно наслѣдства, при усобицахъ, отсутствіи князей, волости необходимо должны были смотрѣть на главные, старшіе города, сообразоваться съ ихъ рѣшеніемъ. Отсюда главные, древніе, старшіе города въ волости удерживаютъ относительно послѣдней, относительно младшихъ городовъ или пригородовъ значеніе властей, называются властями: „Новгородцы изначала, и Смольяны, и Киевляне, и Полочане, и всѣ власти какъ на думу на вѣча сходятся, и на чехъ старшіе положить, на томъ и пригороды стануть“, говоритъ лѣтописецъ. Такихъ мѣстъ въ лѣтописи, изъ которыхъ можно было бы узнать объ отношеніяхъ младшихъ городовъ въ волости къ старшимъ, очень мало; тутъ же въ разсказѣ лѣтописца подъ 1175 г. видимъ, что Ростовцы считаютъ себя въ правѣ посадить посадника въ пригородѣ своемъ Владимірѣ, и Владимірцы потомъ, утѣсенные Ростиславичами, обращаются съ жалобою къ жителямъ старшихъ городовъ, Ростовцамъ и Суздальцамъ. Лѣтописецъ Новгородскій сообщаетъ намъ также нѣсколько скудныхъ извѣстій объ отношеніяхъ Новгорода къ своимъ пригородамъ, преимущественно Пскову и Ладогѣ. Мы не можемъ искать первоначальныхъ пригородныхъ отношеній Пскова къ Новгороду въ дорюриковское время: Псковъ былъ городомъ совсѣмъ другого племени, племени Кривичей; мы не знаемъ, какимъ образомъ Псковъ получилъ значеніе главнаго мѣста въ окружной странѣ вмѣсто Изборска или Словенска (какъ онъ называется въ Псковской лѣтописи), стольнаго города Трувора; по какъ бы то ни было, мы не имѣемъ права предполагать зависимости Изборскихъ Кривичей отъ Славянъ Новгородскихъ во время призванія князей; и думать, что позднѣйшая зависимость Пскова отъ Новгорода была слѣдствиемъ этой давней зависимости. Весь Вблозерская, подобно Кривичамъ Изборскимъ, участвовала въ призваніи князей, среди нея утвердилъ свой столъ второй братъ Рюриковъ, Синеусъ, и однако потомъ Вблозерскъ отошелъ отъ Новгорода къ области другого княжества. Поэтому съ достовѣрностью можно положить, что зависимость Пскова отъ Новгорода началась во время князей и вслѣдствіе княжескихъ отношеній. Братъ Рюрика, по свидѣтельству лѣтописца, скоро умерли, и Рюрикъ принялъ одинъ всю ихъ волость; слѣдовательно страна Изборскихъ Кривичей, вмѣстѣ со Псковомъ, подчинилась, по смерти Трувора, Рюрику, утвердившему столъ свой въ Новгородѣ, который поэтому сталъ главнымъ городомъ, праятельственнымъ средоточіемъ во всей странѣ, признававшей своимъ княземъ Рюрика. Вотъ гдѣ должно искать начала зависимости Пскова отъ Новгорода, или, лучше сказать, отъ власти, пребывающей въ Новгородѣ: князь Новгородскій-былъ вмѣстѣ и княземъ Псковскимъ, и назначалъ во Псковѣ своего посадника; отсюда бы-

чай братъ Псковю всегда посадника изъ Новгорода. Въ 1132 году, по случаю сильной смуты вслѣдствіе отъѣзда князя Всеволода Мстиславича въ Южный Переяславль, Псковичи и ладожане пришли въ Новгородъ и здѣсь получили для себя посадниковъ. Въ 1136 году Новгородцы, вздумавши передаться Ольговичамъ, призвали Псковичей и ладожанъ. Это извѣстіе показываетъ, что старшіе города не рѣшали иногда важныхъ дѣлъ безъ вѣдома пригородовъ; говоримъ и н о г д а, потому что при неопредѣленности тогдашнихъ отношеній не имѣемъ права изъ одного или двухъ извѣстій заключать, что такъ необходимо всегда было. Подъ 1148 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что великій князь Изяславъ Мстиславичъ, пріѣхавши въ Новгородъ, созвалъ вѣче, на которое сошлись Новгородцы и Псковичи: пришли ли Псковичи и на этотъ разъ нарочно, по случаю пріѣзда великаго князя, или сошлись на вѣче Псковичи, бывшіе тогда по своимъ дѣламъ въ Новгородѣ, — рѣшить нельзя. Неопредѣленность этихъ отношеній видна уже изъ того, что иногда являются Псковичи и ладожане, иногда одни Псковичи; о жителяхъ другихъ пригородовъ не встрѣчаемъ ни малѣйшаго упоминенія. Та же неопредѣленность въ отношеніяхъ старшихъ городовъ къ младшимъ и въ Землѣ Ростовской: по смерти Боголюбскаго, Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы и вся дружина, отъ мала до велика, съѣзжаются на совѣщаніе къ Владиміру и рѣшаютъ призвать князей; дружина Владимірская, по приказанію Ростовцевъ, присоединяется также къ дружинѣ означенныхъ городовъ, но остальное народонаселеніе Владимірское противится, не желая покориться Ростовцамъ, которые грозятъ распорядиться Владиміромъ, какъ своимъ пригородомъ; потомъ Владимірцы, притѣвленные Ростиславичами, обращаются съ жалобой къ Ростовцамъ и Суздальцамъ вѣстѣ, а не къ однимъ Ростовцамъ, точно такъ, какъ на совѣщаніе собираются Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы, Владимірцы, а о другихъ городахъ не упоминается.

Мы видѣли, что лѣтописецъ жителей старыхъ городовъ называетъ властями, которые какъ на думу на вѣче сходятся, и рѣшеніе ихъ принимаютъ жители младшихъ городовъ или пригородовъ; лѣтописецъ говоритъ здѣсь о Новгородцахъ наравнѣ съ Кіевлянами, Смольнянами, Полочанами; слѣдовательно мы не имѣемъ права въ описываемое время рѣзко выдѣлять новгородскій бытъ изъ быта другихъ значительнѣйшихъ русскихъ городовъ ¹⁾.

Какъ въ другихъ городахъ, такъ и въ Новгородѣ вѣче является съ неопредѣленнымъ характеромъ, неопредѣленными формами. Слово вѣче означало неопредѣленно всякое совѣщаніе, всякій разговоръ, всякіе переговоры, а не означало именно народное собраніе, народную думу. Мы видимъ, что князья сами созываютъ вѣче, имѣя что-нибудь объявить гражданамъ; обыкновенно вѣча созываются

князьями для объявленія войны, похода гражданамъ. Созывалось вѣче обыкновенно по звону колокола, откуда и выраженіе с з в о н и т ь в ѣ ч е; собиралось оно на извѣстныхъ мѣстахъ, удобныхъ для многочисленнаго стеченія народа, напр. въ Новгородѣ на дворѣ Ярославовомъ, въ Кіевѣ — на площади у Св. Софіи. Въ начальномъ періодѣ нашей исторіи мы видимъ, что князь собираетъ на совѣтъ бояръ и городскихъ старцевъ, представителей городского народонаселенія; по теперь, когда народонаселеніе въ городахъ увеличилось, роды раздробились, то мѣсто собранія старцевъ естественно заняло общенародное собраніе, или вѣче; мы видимъ иногда въ лѣтописи даже составныя части вѣча, указывающія, что оно именно замѣнило прежній совѣтъ дружины и старцевъ: такъ великій князь Изяславъ созвалъ на вѣче бояръ, всю дружину и Кіевлянъ; въ одномъ спискѣ лѣтописи читаемъ, что народъ сталъ на вѣче, а въ другомъ, что Кіевляне съѣли у Св. Софіи; въ обоихъ говорится, что сошлось много множество народа, сошлись все Кіевляне отъ мала до велика ²⁾. Видимъ, что вѣче собирается въ важныхъ случаяхъ для города, напр. послѣ потери князя, когда граждане оставлены самимъ себѣ, какъ то случилось съ Владимірцами на Волынѣ въ 1097 г.: въ крайней опасности, какъ наприм. когда, въ томъ же году, Ростиславичи послали сказать тѣмъ же Владимірцамъ, что они должны выдать злодѣевъ, наустившихъ князя Давыда ослѣпить Василька. Наконецъ вѣчемъ называется всякое собраніе недовольныхъ гражданъ противъ князя или другого какого-нибудь лица. На такія вѣча начали смотрѣть послѣ какъ на заговоры и возстанія, когда въ Сѣверо-Восточной Руси точіе опредѣлились отношенія; Новгородцы въ глазахъ сѣверо-восточнаго народонаселенія являются в ѣ ч и н и к а м и — к р а м о л ь н и к а м и, вѣче принимаетъ значеніе крамолы, волненія народнаго. Но иначе смотрѣли на это въ описываемое время: въ 1209 году самъ Всеволодъ III-й далъ Новгородцамъ позволеніе управиться съ людьми, заслужившими ихъ негодованіе, и лѣтописецъ говоритъ при этомъ, что в. князь отдастъ Новгородцамъ ихъ прежнюю волю любить добрыхъ и казнить злыхъ. Но если, съ одной стороны, нельзя рѣзко выдѣлять новгородскій бытъ изъ быта другихъ старшихъ городовъ, то, съ другой стороны, нельзя также не замѣтить, что въ Новгородѣ было болѣе благоприятныхъ условій для развитія вѣчеваго быта, чѣмъ гдѣ-либо: князья смѣнялись чаще по своимъ

²⁾ Безспорно, что на вѣчахъ отцы рѣшали за сыновей, и даже старшіе братья за младшихъ и дядя за племянниковъ; но этого нельзя выводить изъ словъ Кіевлянъ Изяславу Мстиславичу: «Не можемъ на Владимірово племя руки поднять, а на Ольговичей хотѣ и съ дѣтми!» (какъ это думаетъ г. Сергѣевичъ), ибо въ такомъ случаѣ надобно было бы предположить, что обыкновенно ходили въ походы одни старики, а на Ольговичей пошли бы и сыновья: тридцати и сорокалѣтніе! Ясно, что это выраженіе фигурное: «даже и малыхъ дѣтей поведемъ», хотя на дѣлѣ этого бытъ не могло.

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, стр. 168.

родовымъ отношеніямъ и тѣмъ чаще вызывали народъ къ принятію участія въ рѣшеніи самыхъ важныхъ вопросовъ; народъ этотъ былъ развитѣе въ дѣствіе обширной торговой дѣятельности, богатство способствовало образованію сильныхъ фамилій, которыя стремились къ болѣе самостоятельному участию въ правительственныхъ дѣлахъ, а между тѣмъ главная сцена княжеской дѣятельности была далеко на югѣ; сильнѣйшіе князья не имѣли ни охоты, ни времени, ни средствъ заниматься новгородскими дѣлами. Когда сильнѣйшіе князья явились на сѣверѣ, то сейчасъ же начали стѣснять Новгородъ; но сначала южные князья были еще сильны, и Новгородъ могъ найти у нихъ защиту отъ сѣверныхъ. Новгородъ имѣетъ дѣло съ младшими князьями, другіе города со старшими, сильнѣйшими; изъ этого уже прямо выводъ, что вѣчевому быту было легче развиваться въ Новгородѣ, чѣмъ въ другихъ городахъ.

Мы объяснили явленіе вѣча и усиленіе его значенія въ нѣкоторыхъ городахъ исторически изъ извѣстныхъ условій времени. Но есть свидѣтельство, что Новгородъ пользовался какими-то особенными правами, утвержденными для него грамотою Ярослава I-го; какого же рода была эта грамота? Изъ условій, въ соблюденіи которыхъ послѣдующіе великіе князья клялись Новгородцамъ, мы можемъ имѣть полное понятіе о правахъ послѣднихъ: главное, основное изъ этихъ правъ есть право сопоставлять съ княземъ посадника; посмотримъ, можно ли уступку этого права отнести ко временамъ Ярослава I-го.

Главною обязанностью князя въ Новгородѣ, какъ и вездѣ, была обязанность верховнаго судьи, при исполненіи которой онъ соображался съ законами, имѣвшими силу въ городѣ. Если бы князь родился, воспитывался и постоянно жилъ въ Новгородѣ, то онъ зналъ бы обычаи и вѣѣ отношенія своей родины и умѣлъ бы измѣнять ихъ, сообразуясь съ требованіями. Но князья смѣнялись безпрестанно; они приходили изъ странъ отдаленныхъ, изъ областей—Кіевской, Волынской, Смоленской, Черниговской, Суздальской; князья-пришельцы не имѣли понятія объ обычаяхъ новгородскихъ, точно такъ, какъ Новгородцы не знали обычаяхъ другихъ русскихъ областей; отсюда въ судѣ княжескомъ должны были протекать безпрестанныя недоразумѣнія. Для отвращенія такихъ неудобствъ, Новгородцы требовали отъ всякаго повага князя, чтобъ онъ судилъ всегда въ присутствіи чиновника, избраннаго изъ гражданъ, знакомаго со всѣми обычаями и отношеніями страны: „А безъ посадника ти, княже, не судити“.

Вторымъ правомъ князя въ Новгородѣ, какъ и вездѣ, было право назначать правителей по волостямъ. Но мы видѣли, какую невыгоду въ этомъ отношеніи имѣло для гражданъ частое перемѣщеніе князей съ одного стола на другой; каждый приводилъ изъ прежней волости дружину, которая отстраляла старыхъ бояръ и возбуждала неудоволь-

ствіе народа, поступая съ новыми согражданами, какъ съ чужими, слѣдна обогатиться на ихъ счетѣ. Въ Новгородѣ это неудобство было еще чувствительнѣе, ибо смѣна князей происходила чаще; отсюда второе главное условіе, чтобъ князья назначали въ судьи не своихъ мужей, но гражданъ новгородскихъ; но такъ какъ безпрестанно смѣнявшиеся князья не могли знать гражданъ, достойныхъ довѣренности, к притомъ могли раздавать должности исключительно своимъ приверженцамъ, то сюда присоединилось необходимое условіе, чтобъ князь не раздавалъ волостей безъ посадника: „А безъ посадника ти, княже, ни волостей раздавати“. Третьимъ правомъ князя было право давать грамоты, сообщать и скрѣплять своимъ именемъ извѣстные права; и здѣсь князья-пришельцы не могли обойтись безъ руководства туземнаго сапожника, ибо не знали обычныхъ границъ правъ и могли вредить выгодамъ общественнымъ въ пользу частныхъ лицъ, къ нимъ приверженныхъ; отсюда третье необходимое условіе: „А безъ посадника, княже, ни грамотъ ти даяти“.

Безпрерывная смѣна князей, почти всегда враждебныхъ другъ другу, влекла за собою еще другія неудобства, а именно: каждый новый князь, враждебный своему предшественнику, естественно недоброжелательными глазами смотрѣлъ на все, сдѣланное послѣднимъ; чиновники, назначенные Ольговичемъ, естественно не нравились Мономаховичу; грамота, данная Мстиславичемъ, должна была являться незаконною въ глазахъ Юрьевича; отсюда каждая перемѣна князя влекла за собою перемѣну чиновниковъ и лишеніе приобретенныхъ правъ. Для отвращенія этого неудобства, каждый новый князь обязывался: впервыхъ, не лишать никого безъ суда, безъ вины, должностей; во вторыхъ, не переусаживать грамотъ, данныхъ предшественникомъ: „А безъ вины ти, княже, мужа, безъ вины не лишити волости, а грамотъ ти не посужати“. Но посадникъ былъ лицо необходимое при каждомъ судѣ и пересудѣ.—Если теперь сопоставленіе съ княземъ посадника есть главная отмѣта новгородскаго быта, главное право Новгорода, и если это право уступлено ему Ярославомъ I-мъ, то посадникъ тотчасъ же послѣ уступки права долженъ явиться въ качествѣ чиновника народнаго, ограничивающаго власть князя; но изъ обзора событій мы видимъ, что посадникъ съ такимъ характеромъ является въ Новгородѣ гораздо позднѣе: Мономахъ и сынъ его Мстиславъ посылаютъ въ Новгородъ посадниковъ изъ Кіева. Изъ этого мы должны заключить, что первоначально посадникъ новгородскій былъ то же самое, что впоследствии намѣстникъ — болрипъ, присылаемый в. княземъ вмѣсто себя изъ Твери или изъ Москвы. Но какое же значеніе имѣли въ Новгородѣ посадники, присылаемые изъ Кіева Мономахомъ и сыномъ его, когда въ Новгородѣ и безъ нихъ былъ уже князь, именно сынъ Мстислава, Всеволодъ; какое значеніе имѣлъ посадникъ при князѣ, какъ чиновникъ послѣдняго, а не тузем-

ный? Естественно, что онъ былъ помощникомъ князя, помогая ему въ судѣ, исполняя его приказанія, преимущественно же заступая мѣсто князя во время отсутствія послѣдняго: возможность существованія посадника при князѣ доказываетъ намъ примѣръ Полоцка ¹⁾. Теперь остается рѣшить вопросъ: когда и какъ посадникъ изъ чиновника княжескаго сталъ городовымъ? Если главная обязанность посадника состояла въ томъ, чтобъ замѣнять князя на время его отсутствія изъ города, то посадникъ всего болѣе былъ необходимъ въ томъ городѣ, гдѣ отсутствіе князя случалось чаще; но мы знаемъ, что всего чаще смѣнялся князь въ Новгородѣ. Если князь смѣнялся влѣдствіи неудовольствія, то до прибытія новаго необходимаго былъ посадникъ, который бы заступалъ его мѣсто; но могъ ли оставаться посадникомъ чиновникъ изгнаннаго князя? Смѣна князя необходимо влекла за собою и смѣну его посадника; но кто же будетъ заступать княжеское мѣсто до прибытія новаго князя? Необходимо было избирать посадника городомъ. Впрочемъ и послѣ, когда въ городѣ находился князь, назначеніе посадника не изъято было совершенно изъ-подъ его вліянія, князь избиралъ посадника вмѣстѣ съ городомъ ²⁾. Если посадникъ сперва былъ назначенъ княземъ, то срокъ отправленія его должности естественно зависѣлъ отъ воли князя; вслѣдствіи, когда посадникъ сталъ чиновникомъ городовымъ, то онъ смѣнялся по волѣ города, смотря по обстоятельствамъ: мы видѣли, что посадники постоянно смѣняются влѣдствіе смѣны князей, вслѣдствіе торжества той или другой стороны, причѣмъ иногда старые посадники вступаютъ снова въ должность настоящихъ или степенныхъ. Одни только разъ встрѣтили мы указаніе, что при избраніи въ посадники, при всѣхъ равныхъ обстоятельствахъ, обращалось вниманіе на старшинство; такъ, въ 1211 году, Твердиславъ уступилъ посадничество Дмитрію Якуничу, потому что послѣдній былъ старше его. Иногда видимъ, что посадникъ, сверженный въ Новгородѣ, шелъ посадничать въ пригородъ ³⁾, причѣмъ случалось, что пригороджане не принимали его, опять, вѣроятно, по отношеніямъ своимъ къ городскимъ партиямъ ⁴⁾; но при этомъ легко замѣтить, что посадники избираются обыкновенно изъ одного извѣстнаго круга боярскихъ фамилій. Все вышесказанное о превращеніи посадника изъ чиновника княжескаго въ городского объясняется примѣромъ тысяцкаго. Тысяцкій существуетъ вездѣ подлѣ князя въ качествѣ его чиновника; въ лѣтописи встрѣчаемъ извѣстія, что такой-то князь далъ тысячу такому-то изъ своихъ приближенныхъ; въ Новгородѣ же и

этотъ чиновникъ, вмѣстѣ съ посадникомъ, сталъ подлежать народному избранію.

Если право сооставлять съ княземъ посадника не могло быть уступлено Новгороду Ярославомъ I-мъ, произошло во времена позднѣйшія, то нельзя отнести ко временамъ Ярослава I-го и другихъ условій, встрѣчаемыхъ въ договорныхъ новгородскихъ грамотахъ съ великими князьями, напр.: „Изъ Сузальской земли тебѣ Новгорода не рядити и волостей не раздавать“, или: „А на Низу, князь, Новгородца не судити“, ибо мы знаемъ, что Мономахъ ридилъ Новгородъ, судилъ Новгородцевъ и раздавалъ волости изъ Киева. Къ этому должно прибавить еще, что сами Новгородцы, требуя отъ великихъ князей клятвы въ соблюденіи вышеозначенныхъ условій и приводя въ примѣръ прежнихъ князей, дававшихъ подобную клятву, нигдѣ однако не упоминаютъ имени Ярослава I-го. Приведенное обстоятельство тѣмъ болѣе важно, что въ другихъ случаяхъ Новгородцы именно указываютъ на грамоты Ярославовы. О содержаніи этихъ грамотъ мы должны заключить по обстоятельствамъ, въ которыхъ онѣ упоминаются. Въ 1228 году Новгородцы поссорились съ княземъ своимъ Ярославомъ Всеволодовичемъ за то, что онъ поступилъ не по грамотамъ Ярославовымъ, а именно: наложилъ новую пошлину и посылалъ судей по волостямъ. На слѣдующій годъ прибылъ къ нимъ князь Михаилъ и цѣловалъ крестъ на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ, вслѣдствіе чего тотчасъ же сдѣлалъ финансовое распоряженіе, а именно: далъ свободу смердамъ на пять лѣтъ не платить дани. Въ 1230 году Ярославъ, снова призванный, уступилъ Новгородцамъ и цѣловалъ крестъ на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ. Въ 1339 году, когда великій князь Іоаннъ Даниловичъ прислалъ требовать у Новгородцевъ ханскаго запроса, то они отвѣчали: „Того у насъ не бывало отъ начала міра, и ты, князь, цѣловалъ крестъ къ Новгороду по старой пошлнкѣ и по Ярославовымъ грамотамъ“. Вотъ всѣ случаи, гдѣ Новгородцы упоминаютъ о грамотахъ Ярославовыхъ. Видя, что во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ о финансовыхъ льготахъ, можно заключать, что льготныя грамоты Ярославовы касались только финансовыхъ постановленій, и точно: въ лѣтописи встрѣчаемъ извѣстіе, что Новгородцы получили подобную грамоту отъ Ярослава I. Въ одной только „Степенной книгѣ“ сказано, что Ярославъ I далъ Новгородцамъ позволеніе брать изъ его имени себѣ князя, какого захотятъ ⁵⁾. Но, во первыхъ,

¹⁾ Татищ. III, стр. 407.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 63.

³⁾ Тамъ же, стр. 13: «Нежата былъ посадникомъ въ Новгородѣ, потому видимъ его въ Ладогѣ».

⁴⁾ Тамъ же, стр. 45: «Отгнаша посадничество у Иванку у Дымитровича и даша Вльвѣду Водовику, а Иванку даша Тържкѣ; идо на Тържкѣ, и не приима его Новоторжкѣ».

⁵⁾ Соф. Врех. I, 252: «И людемъ написа грамоту, рехъ: по сей грамотѣ дадите дань». Никои. I, 133.—Въ родословной книгѣ сказано о Ярославѣ: «Егожь грамота пошла и на въ Новгородѣ» (Времен. Моск. Истор. общ. № 10). Стенен. кн. I, 300: «Древле убо люде Великаго Новгорода Словени зовоми бяху, вмяху же у себя перваго Самодержца отъ Русскія земли князя Юрияки отъ рода Августа кесаря, его же сами къ себѣ привзяли по совѣту множества людей всея Русскія земли, и той владыцѣ надъ ними не яко они хотяху, но яко онъ хотяще, тако судя и управляя, враждебниковъ бже боязи смерги

Новгородцы никогда не упоминаютъ объ этомъ правѣ, полученномъ ими отъ Ярослава I-го; наприм., когда они не хотѣли принять къ себѣ Святополкова сына на мѣсто любимаго ими Мстислава, то имъ прежде всего слѣдовало бы указать на это право, но они молчатъ о немъ, а указываютъ другія причины, именно—уходъ Святополка отъ нихъ и распоряженіе великаго князя Всеволода. Во-вторыхъ, въ лѣтописяхъ читаемъ, что Новгородцы освобождены прежними князьями, прадѣдами князей, а не Ярославомъ¹⁾, что потомъ подтверждается и въ самой „Стенной книгѣ.“ Соображая всѣ обстоятельства, можно съ вѣроятностью положить, что особенности въ быту Новгорода произошли мало-помалу, вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ условий, а не вслѣдствіе пожалованія Ярослава, о которомъ, кромѣ „Стенной книги,“ не знаетъ ни одна лѣтопись²⁾.

Что касается внѣшняго вида русскаго города въ описываемое время, то онъ обыкновенно состоялъ изъ нѣсколькихъ частей: первую, главную, существенную часть составлялъ собственно городъ, огороженное стѣнами пространство; внослѣдствіи времени около города образуются новыя поселенія, которыя также обводятся стѣнами; отсюда городъ получаетъ двойныя укрѣпленія: городъ внутренній

предавая, а неповинныхъ снабдовая и мядуя, также посылки покори биху и сыну его Игорю и внуку его Свѣтославу, и правнуку его св. равноапостольному Владимиру. Егдаже Ярославъ по отцѣ своемъ блаженномъ Владимірѣ побѣдивъ братубойцу Святополка изыде отъ Новгорода въ Кіевъ державствовати, и тогда отъ святаго князя Ярослава Владимировича за великое ихъ къ нему исправленіе получиша отъ него милость, да по воцѣ ихъ, его же они возлюбятъ князя, и той господствуетъ ими отъ сыновъ Ярославлихъ и отъ внуцатъ его въ роды и роды во вѣки. И тако отголѣ убо держажу себѣ князя, его же хотажу отъ рода Ярославляна.

1) Неймачъ справедливо заключаетъ: «Es ist unwahrscheinlich, dass sie (Новгородцы) sich nicht irgend ein Mal ausdrücklich auf sie (грамоту Яр.) bezogen hätten, wenn ihnen eine solche verliehen wäre» (Studium zur gründl. Kent. s. 269). Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1. 154: «Не глаголемъ же: прави суть Новгородци, яко издавна суть свободени прадѣди князь нашихъ; но аще бы тако было, то велѣли ли имъ предци князи крестъ преступати, или внуки или правнуки соромятати?». — Здѣсь выраженіе: но аще бы тако было» показываетъ сомнѣніе.

2) Подъ 1196 годомъ лѣтописецъ новгородскій, говоря о мирѣ между Всеволодомъ III и черниговскими князьями, прибавляетъ: «а Новгородъ выложиша вси князи въ слободу, гдѣ имъ любю туже себѣ князя помянуть». Здѣсь трудно рѣшнть, относятся ли эти слова къ условіямъ мира между Всеволодомъ и черниговскими князьями, или относятся ко всемъ князьямъ вообще; но въ томъ и другомъ случаѣ ясно, что выложеніе Новгорода въ свободу было дѣломъ цѣлыхъ поколѣній и особенныхъ историческихъ обстоятельствъ, не дѣломъ одного Ярослава I-го, къ которому обыкновенно любяли относить начатки разныхъ правъ, хотя съ явнымъ несправедливостію; напр. Мономаховичи говорили же, что Ярославъ раздѣлилъ ихъ Дѣвиромъ съ Ольговичами. Какъ можно было выложить городъ въ свободу, это всего лучше видно изъ условія, предложеннаго Всеволодомъ III племяннику его Мстиславу Ростиславичу: «Тебе Росточинъ привеши и бояре, а мене былъ съ братомъ Юрьгъ привеши и Володимирци, а Суздаль буди вамъ обще, да кого всхотятъ, то имъ буде князь».

(внѣшній) и городъ наружный (окольный³⁾, крохный); внутренній городъ носилъ также названіе дѣтница, внѣшній—острога; поселенія, расположенныя около главнаго города или дѣтница, назывались и е р е д г о р о д і е м ъ⁴⁾. Стѣны бывали каменные и деревянныя (преимущественно) съ досчатыми заборами⁵⁾, башнями (вежами) и воротами, которыя носили названія или по положенію въ извѣстную сторону, напр. восточныя, или по украшеніямъ, напр. Золотыя, Серебряныя, или по тѣмъ частямъ города, къ которымъ прилегалъ, но ихъ народонаселенію; напр. въ Кіевѣ были ворота Жидовскія, Лядскія; или по церквамъ, которыя находились въ башняхъ надъ воротами, или, быть можетъ, даже по образамъ, или палочекъ по какому-нибудь другимъ обстоятельствамъ, напр. Водяныя въ Новгородскомъ Дѣтницѣ, выводящія къ рѣкѣ, и т. и. Упоминаются два вала, и мѣсто, находящееся между ними, носилъ названіе б о л о н ѣ⁶⁾. Передгородіе раздѣлялось на концы⁷⁾, концы—на улицы. Городское строеніе было тогда исключительно деревянное; церкви были каменные и деревянныя; что касается до количества церквей въ городахъ, то въ Новгородѣ съ 1054 года по 1229-й построено было 69 церквей, изъ которыхъ 15 были навѣрно деревянныя, ибо о нихъ или прямо сказано такъ, или сказано, что онѣ были срублены; изъ остальныхъ о нѣкоторыхъ прямо сказано, что онѣ были каменные, о другихъ же ничего не сказано; въ число 69 включены и церкви монастырскія; нельзя думать, чтобы до 1054 года находилось уже очень много церквей въ Новгородѣ. Это количество церквей во второмъ по богатству (послѣ Кіева) русскомъ городѣ можетъ дать намъ приблизительное понятіе о количествѣ церквей въ Кіевѣ⁸⁾. Изъ городскихъ

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 86: «Володимерь же приступи ко воротомъ восточнымъ, отъ стрѣнной ота врата, и отвориша градъ околий и вожджа и людемъ же вбгшишъ въ дѣтшій градъ».

⁴⁾ Тамъ же, II, 70, говорится о томъ же Черниговѣ: «повелѣша людемъ всиѣмъ бѣжати изъ острога въ дѣтинецъ... множество Половецъ идоша къ городу битися, и отѣмше острогъ зажгоа передгородье все и пришедше всею силою стаа около города».

⁵⁾ Тамъ же, I, 115: «Единою поступиша къ граду подъ вежами, овѣжъ же быоничъ съ града, и стрѣлничимъ между собою, идяху стрѣлы аки дождь; Мстиславу же хотяшю стрѣити, висяшу ударитъ бысть подъ навуку стрѣломъ, на заборолѣхъ, сквоѣъ деку скважицу». — Кромѣ выраженій: «срубить городъ», что означаетъ стѣны деревянныя и «заложить городъ камяемъ», встрѣчаемъ въ лѣтописи еще выраженіе: «обложитъ городъ» (III, 25).

⁶⁾ См. мѣстоположеніе древняго Новгорода, соч. И. Красова, 1851.—Вала, по-польски—оболочка.

⁷⁾ На концы раздѣлялся не одинъ Новгородъ, но также и Кіевъ, въ которомъ лѣтописи упоминаетъ Кондревъ конецъ.

⁸⁾ Относительно пространства древняго Новгорода г. Красовъ (стр. 187) дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «Древній Новгородъ занималъ за землянымъ валомъ очень незначительное пространство. На Софійскій сторонѣ, кромѣ небольшого пространства на концѣ Чудинцевъ улицы, входила въ составъ города пространство, занимаемое нинѣ слободами Новою Ямскою и Воскресенскою и заключающеюся между землянымъ валомъ и рѣкою Гзелью; на Торговой

построекъ лѣтописи упоминаютъ о мостахъ деревянныхъ, которые разбирались; Новгородская лѣтопись упоминаетъ о построеніи мостовъ черезъ Волховъ; въ Кіевѣ Владиміръ Мономахъ устроилъ мостъ черезъ Днѣпръ въ 1115 г. Изъ общественныхъ зданій въ городѣ намятники упоминаютъ о тюрьмахъ или погребкахъ; о постройкѣ ихъ узнаемъ, воперныхъ, то, что у нихъ были окна (небольшія, оконца). Дружина Изяслава совѣтовала этому князю подозвать заточеннаго Всеслава Полоцкаго къ оконцу его тюрьмы и убить; описывая освобожденіе Игоря Ольговича изъ тюрьмы, лѣтописецъ говорилъ, что в. князь Изяславъ приказалъ „надѣннмъ порубъ розомати, и тако выяна изъ поруба велики больнаго и несона у келью.“ Въ „Стенной книгѣ“, при описаніи чудесъ Свв. Бориса и Глѣба, читаемъ, что в. князь Святополкъ Изяславичъ посадилъ двухъ человекъ въ тюрьму безъ изслѣдованія вины ихъ, по клеветѣ, и, посадивши, позабылъ о нихъ. Они молились Свв. Борису и Глѣбу, и въ одну ночь — „дверемъ сущимъ погребнымъ заключеннымъ, лѣствици же внѣ лежащи извлечены“, — одинъ изъ узниковъ чудеснымъ образомъ освободился отъ оковъ, и, явившись въ церкви, рассказалъ все объ этомъ; отправившись къ тюрьмѣ — „и видѣша ключи неврежени и замокъ, лѣствици жъ, по ней же восходятъ и исходятъ, внѣ лежащу.“ Каждый городъ имѣлъ торговую площадь, торги, торговща; изъ лѣтописи извѣстно, что торги производились по пятницамъ ¹⁾.

Вслѣдствіе почти исключительно деревяннаго строенія, въ городахъ, пожары были опустошительны. Въ Новгородѣ отъ 1034 до 1228 года упоминается одиннадцать большихъ пожаровъ: въ 1097 году погорѣло Зарѣчье (онь-поль) и дѣтинецъ; въ 1102 году погорѣли хоромы отъ ручья мимо Славна до церкви Св. Илии; въ 1113 погорѣлъ (онь-поль) и городъ кровный; въ 1139 погорѣлъ торговый поль, причемъ сгорѣло 10 церквей; въ 1144 погорѣлъ холмъ; въ 1152 погорѣлъ весь торгъ съ семью церквами и девятою варяжскою, т.-е. латинскою; въ 1175 сгорѣли три церкви; въ 1177 погорѣлъ Неревскій конецъ съ пятью церквами; въ 1181 двѣ церкви и много дворовъ; въ 1194 году лѣтомъ, въ недѣлю на Всѣхъ Святыхъ, загорѣлся одинъ дворъ на Рышевѣ улицѣ, и всталъ пожаръ сильный: сгорѣло три церкви; потомъ перекинуло на Лукину улицу; на другой день сгорѣло еще 10

же сторонъ за валомъ было населенное пространство, принадлежавшее городу, не далѣе Антоніева монастыря и старейшей Никольской слободы. Были конечно вблизи города на той и другой сторонѣ монастыри; но они считались уже загородными, не входившими въ составъ города. Въ послѣдней половинѣ XIV столѣтія даже ближайшіе къ городу монастыри Духовъ и Антоніевъ считались загородными, какъ видно изъ перечисленія сожженныхъ за городомъ монастырей во время нашествія на Новгородъ в. к. Дмитрія Іоанновича.

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 22: «Въ пятницу, въ торгъ, загорѣся» и проч. Но вѣроятно были и другіе торговые дни, очень можетъ быть, что среда и воскресенье, какъ теперь.

дворовъ; въ концѣ недѣли еще новый пожаръ, — сгорѣло семь церквей и дома большіе, послѣ чего каждый день загоралось мѣстахъ въ шести и больше, такъ что люди не смѣли жить (жировать) въ домахъ, а жили по полю; потомъ погорѣло Городище и Людинъ конецъ; пожары продолжались отъ Всѣхъ Святыхъ до Успенева дня. Въ томъ же году погорѣла Ладога и Руса. Въ 1211 году сгорѣло въ Новгородѣ 15 церквей и 4,300 дворовъ; въ 1217 погорѣло все Зарѣчье, кто вбѣжалъ въ каменные церкви съ имѣніемъ — и тѣ всѣ сгорѣли со всемъ добромъ своимъ; въ варяжской божицѣ сгорѣлъ весь товаръ нѣмецкихъ купцовъ, церковь сгорѣла 15 деревянныхъ, а у каменныхъ сгорѣли верхи и притворы. — Изъ другихъ городовъ упоминается подъ 1183 г. сильный пожаръ во Владимірѣ-Клязьменскомъ: сгорѣлъ почти весь городъ съ 32-мя церквами; въ 1192 году сгорѣла половина города съ 14 церквами; въ 1198 году опять сильный пожаръ въ томъ же городѣ: сгорѣло 16 церквей и почти половина города; въ 1211 году погорѣлъ Ростовъ едва не весь съ 15 церквами; въ 1221 г. погорѣлъ весь Ярославль съ 17 церквами; 1227 погорѣлъ опять Владиміръ съ 27 церквами; въ слѣдующемъ году новый пожаръ: сгорѣли княжьи хоромы и двѣ церкви. Въ 1124 году сгорѣлъ почти весь Кіевъ, одніѣ церкви погорѣло около шести сотъ (?). Въ 1183 году погорѣлъ весь Городецъ отъ молніи.

Мы сказали о вѣншемъ видѣ русскаго города въ описываемое время; теперь должны обратить вниманіе на его народонаселеніе. Мы видѣли, что въ городахъ жила дружина съ своими различными подраздѣленіями; но отъ этой дружины явственно различаются собственные граждане, горожане, такъ напр. явственно различается дружина кіевскихъ князей и Кіевляне, Владимірская дружина и Владимірцы; на вѣчахъ Кіевляне отдѣляются отъ дружины. Изъ кого же состояла эта масса собственно городского народонаселенія и какъ дѣлилась она? Современные источники указываютъ намъ въ городахъ людей торговыхъ и ремесленниковъ, людей промышленныхъ разнаго рода; о купцахъ не нужно приводить извѣстій: они такъ часто встрѣчаются въ лѣтописи; Ростовцы называютъ жителей Владиміра каменичками, въ Новгородѣ упоминается огородники съ ихъ старѣйшиною ²⁾; очень вѣроятно, что и въ описываемое время, какъ впоследствии, люди, занимающіеся какою-нибудь одною отраслью промышленности, жили вѣстѣ на особыхъ мѣстахъ, имѣя своихъ старостъ или старѣйшинъ: названіе кондовъ новгородскихъ — Плотицкій, Гончаркій могутъ указывать на это ³⁾. Встрѣчаемъ извѣстія о смердахъ въ городахъ; думаемъ, что здѣсь должно разумѣть подѣ смердами простыхъ

²⁾ Тамъ же, стр. 25.

³⁾ Стенн. кн. I, 206.

⁴⁾ Впрочемъ, по мнѣнію г. Красова (стр. 26), названіе Гончарскаго конца явилось поддѣе, древнѣйшее его названіе — Людинъ конецъ.

людей, черныхъ, черня, или даже вообще всѣхъ горожанъ въ противоположность дружинѣ: такъ подѣ 1152 годомъ читаемъ, что Иванъ Берладникъ осадилъ галицкій городъ Ушицу, куда взошла засада князя Ярослава и билась крѣпко, но смерды стали перескакивать черезъ стѣнныя забрала къ Ивану, и перебѣжало ихъ 300 человекъ; здѣсь смерды, жители Ушицы противопологаются засадѣ, дружинѣ княжеской; послѣдняя билась крѣпко противъ Берладника, а смерды перебѣгали къ нему. Какъ послѣ, такъ и теперь, собственно городское народонаселеніе дѣлялось на сотни, ибо, кромѣ прямыхъ извѣстій ¹⁾, продолжаемъ встрѣчать названіе сотскихъ съ важнымъ значеніемъ; понятно, какое близкое отношеніе къ собственно городскому народонаселенію долженъ былъ имѣть тысяцкій и въ мирное, и въ военное время. Итакъ, начальствующими лицами въ городѣ были въ стольномъ: князь, державшій подлѣ себя туна, въ пестольномъ—посадникъ, державшій также вѣроятно подлѣ себя туна; тысяцкій, сотские, десятские, старосты концовъ, улицы, старосты для отдѣльныхъ промысловъ; изъ лицъ, употребившихся при управленіи и судѣ, встрѣчаемъ названія подвойскихъ, бирчей, ябедниковъ: бирчей и подвойскихъ князь Изяславъ Мстиславичъ посылалъ въ Новгородъ кликать народъ по улицамъ, звать къ князю на обѣдъ ²⁾. Особыхъ чиновниковъ для сохраненія порядка въ городѣ, какъ видно, не было; въ лѣтописи подѣ 1115 годомъ, при описаніи торжества перенесенія мощей Свв. Бориса и Глѣба, читаемъ, что Мономахъ, видя какъ толпы народа, налегая со всѣхъ сторонъ, мѣшаютъ шествію, приказалъ разметать народу деньги, чтобъ они отхлынули въ сторону. Кромѣ туземнаго народонаселенія, въ нѣкоторыхъ торговыхъ городахъ, преимущественно въ Кіевѣ и Новгородѣ, видимъ иноземное народонаселеніе, постоянное и временное (населенцы ³⁾). Въ Новгородѣ живутъ нѣмецкіе купцы, имѣющіе свою особую церковь (божницу варяжскую), въ Кіевѣ постоянно, или по крайней мѣрѣ, въ извѣстное время, видимъ жидовъ, живущихъ особымъ кварталомъ или улицею, отъ чего и ворота носятъ названіе Жидовскихъ; Лядскія ворота въ Кіевѣ указываютъ на польскій кварталъ или улицу; латина упоминается въ числѣ кіевского народонаселенія подѣ 1174 годомъ.

Изъ волостнаго раздѣленія намъ извѣстно попрежнему раздѣленіе на погосты; встрѣчаемъ извѣстіе и о станахъ: такъ говорится, что Всеволодъ III ѣхалъ за своею дочерью до трехъ становъ; не знаемъ, имѣлъ ли уже въ это время станъ зна-

ченіе извѣстнаго правительственнаго средоточія или еще означалъ только станцію; во всякомъ случаѣ замѣтимъ, что значеніе стана совершенно совпадаетъ со значеніемъ погоста, какъ оно объяснено выше: оба—погостъ, и станъ—измѣсть временной остановки правителя сдѣлалась постояннымъ правительственнымъ средоточіемъ. Кромѣ городовъ, населенныхъ мѣста въ волости носятъ названіе слободъ (свободъ) и селъ; названіе слободы носило вновь заведенное поселеніе, пользующееся поэтому нѣкоторою особенностью, нѣкоторыми льготами, свободою отъ извѣстныхъ повинностей; изъ современныхъ источниковъ извѣстно, что слободы, наравнѣ съ селами, могли быть въ частномъ владѣніи, могли приобретаться покупкою ⁴⁾. Сельское народонаселеніе, въ противоположность городскому, вообще называется смердами; но мы имѣемъ полное право раздѣлять сельское народонаселеніе на свободное и несвободное, находящееся въ частной собственности князя, бояря и другихъ людей, ибо встрѣчаемъ извѣстія о селлахъ съ челядью, рабами; сказанное о положеніи наймитовъ и холоповъ въ эпоху до смерти Ярослава I-го должно относиться и къ описываемому времени; замѣтимъ только въ Новгородской лѣтописи выраженіе о деревнѣ въ смыслѣ полнаго холана, что прежде выражалось словомъ обельный, обель ⁵⁾. — Кромѣ описанныхъ слоевъ народонаселенія, въ юго-восточныхъ предѣлахъ русскихъ владѣній, по границамъ княжествъ Кіевского, Переяславскаго, Черниговскаго, мы видимъ ипородное народонаселеніе, слывущее подѣ общимъ именемъ Черныхъ Клобуковъ и подѣ частными названіями Торковъ, Берендѣевъ, Коуевъ, Туривѣевъ; мы видѣли ихъ значеніе, дѣятельность въ событіяхъ описываемаго времени; изъ лѣтописи видно, что они находились подѣ властію своихъ князьковъ, какимъ былъ, напр., извѣстный Кондудѣй; видно также, что образъ жизни ихъ былъ полукочевой, полусѣдлый; лѣтомъ, по всей вѣроятности, они выходили въ пограничныя степи съ вѣжами и стадами своими: такъ, въ 1151 году они отсились у Изяслава идти за своими вѣжами, стадами и семьями; по зимѣ жили въ городахъ, которые, кромѣ того, были имъ нужны для укрытія семействъ на случай неприятельской нападены; такъ, они говорятъ Мстиславу Всеволодовичу: «Если дашь намъ по лучшему городу, то мы передадимъ на твою сторону». Святославъ Ольговичъ жаловался, что у него города пустыя, живутъ въ нихъ итари дѣ Половцы; можно думать, что подѣ Половцами онъ разумѣетъ не дикихъ, но своихъ поганыхъ, Черныхъ Клобуковъ, Торческій князь Чурнай жилъ въ

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 46: «А добытъкъ Смердовъ и Водовяковъ по стожъ раздѣлиша».

²⁾ Объ Осеникѣ см. ниже, т. V, гл. V. — Въ Новгородской лѣтописи встрѣчаемъ также слѣдующее извѣстіе подѣ 1197 годомъ: «Поставъ монастырь св. Еупимія, въ Пальтиныхъ, Полюжая городъ шияниця Жирошкина дѣца». — Здѣсь женское городышница предпологаютъ мужское городышникъ.

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 154: «Днесь и множество вѣрныхъ Клянъ и населвици ихъ».

⁴⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 149: «и да ей много вѣжия, и свободы купленныя и съ даныи и села лѣшная». — Думаютъ, что въ описываемое время употреблялось также названіе: деревня, на основаніи слѣдующаго мѣста лѣтописи подѣ 1096 годомъ: «И възгома Стефанечъ монастырь, и деревнѣ, и Германечъ». Но и по смыслу, и по вариантахъ видно, что здѣсь деревнѣ не значить деревни, а скорѣе значитъ къ монастырю.

⁵⁾ Тамъ же, III, 33: «дѣти своя дахутъ одѣренъ».

свечемъ городѣ. Постоянное названіе поганыхъ показывается ясно, что Черные Клобуки не были христианами; на это уже указываетъ многоженство, ибо сказано, что у Чурная было двѣ жены, хотя, разумеется, нѣкоторые изъ Черныхъ Клобуковъ и могли креститься. Кромѣ Черныхъ Клобуковъ, и на югѣ и на сѣверѣ упоминаются бродники, по вѣтвѣмъ вѣроятностямъ, сбродныя и бродячія шайки въ родѣ позднѣйшихъ козаковъ.

О количествѣ народонаселенія русскихъ городовъ и волостей въ описываемое время нѣтъ показаній въ источникахъ. О количествѣ городовъ въ разныхъ княжествахъ можно имѣть приблизительное понятіе, выбравши всѣ мѣстныя названія изъ лѣтописи и распредѣливши ихъ приблизительно по княжествамъ¹⁾. Но, во-первыхъ, нельзя предполагать, чтобъ всѣ имена мѣстностей попались въ лѣтописяхъ; особенно этого нельзя сказать о княжествахъ, далекихъ отъ главной сцены дѣйствія, — Полоцкомъ, Смоленскомъ, Рязанскомъ, Новгородскомъ, Суздальскомъ; во-вторыхъ, нельзя опредѣлять изъ лѣтописи — упоминаемая мѣстность городъ или село. Въ Киевскомъ княжествѣ можно считать по лѣтописи болѣе 40 городовъ, въ Волыньскомъ столько же, въ Галицкомъ около 40; въ Туровскомъ болѣе 10; въ Черниговскомъ съ Сѣверскимъ, Курскимъ и Землею Вятчюю около 70; въ Рязанскомъ около 15; въ Переяславскомъ около 40; въ Суздальскомъ около 20; въ Смоленскомъ около 8; въ Полоцкомъ около 16; въ Новгородскомъ около 15; слѣдовательно во всѣхъ русскихъ областяхъ упоминается слишкомъ 300 городовъ. Мы знаемъ, что князья тяготились малочисленностью жителей въ волостяхъ своихъ и старались населять ихъ, перезывая отовсюду народъ; но, разумеется, однимъ изъ главныхъ средствъ къ населенію было населепіе плѣнниками и рабами купленными: такъ князь Ярополкъ пер-велъ народонаселеніе пѣлаго города (Друцка) изъ непріятельской волости въ свою; въ селѣхъ княжескихъ видимъ народонаселеніе изъ челяди, рабовъ.

Но подлѣ старанія князей умножать народонаселеніе видимъ преніяствія для этого умноженія: преніяствія были политическія (войны междуусобныя и внѣшнія) и физическія (голодъ, моръ). Относительно междуусобныхъ войнъ, если мы въ періодѣ времени отъ 1055 до 1228 года вычислимъ года, въ которые велась усобица и въ которые ихъ не было, то первыхъ найдемъ 80, а вторыхъ 93, тринадцатью годами больше²⁾; слѣдовательно круглымъ числомъ усобицы происходили почти черезъ годъ, иногда продолжались по 12 и по 17 лѣтъ

сряду. Это грустное впечатлѣніе ослабляется представлепіемъ объ огромности русской государственной области и въ то время, и выводами, что усобицы не были повсемѣстныя; такъ оказывается, что Киевское княжество, въ продолженіи означеннаго времени, было мѣстомъ усобицы не болѣе 23 разъ, Черниговское не болѣе 20, Волыньское 15, Галицкое до смерти Романовой не болѣе 6, Туровское 4, Полоцкое 18, Смоленское 6, Рязанское 7, Суздальское 11, Новгородское 12³⁾. Но если вредъ, который терпѣли русскія волости отъ усобицы, значительно уменьшается въ нашихъ глазахъ послѣ означенныхъ выводовъ, то, съ другой стороны, мы не должны впадать въ крайность и уже слишкомъ уменьшать этотъ вредъ. Такъ нѣкоторые изслѣдователи⁴⁾ замѣчаютъ, что „войска обыкновенно было немного; жители путей должны были, разумеется, доставлять ему продовольствіе, котораго было вездѣ въ изобиліи, — а больше взять съ нихъ, говоря вообще, было нечего; жившіе по сторонамъ могли быть спокойными“. — Положимъ, что войска русскаго было немного; но не должно забывать, что съ русскимъ войскомъ почти постоянно находились толпы Половцевъ, славныхъ своими грабительствами; быть можетъ, кромѣ продовольствія съ сельскаго народонаселенія и нечего было болѣе взять, но враждебное войско брало въ плѣнъ самихъ жителей, — въ этомъ состояла главная добыча, били стариковъ, жгли жилища; по тогдашнимъ понятіямъ воевать значило — опустошать, жечь, грабить, брать въ плѣнъ; Мстиславъ Мстиславичъ, посылая въ 1216 году Новгородцевъ въ зажитіе въ свою Торопецкую волость, наказываетъ: „Ступайте въ зажитіе, только головъ (людскихъ) не берите“. Если войску нужно было наказывать, чтобъ оно не брало плѣнниковъ въ союзной странѣ, то понятно, какъ оно поступало въ волости непріятельской. Несправедливо также замѣчаніе, что князья воевали другъ съ другомъ, а не противъ народа: что они хотѣли владѣть тѣми городами, на которые нападали, слѣдовательно не могли, для своей собственной пользы, разорять ихъ. Князья воевали другъ съ другомъ, но войско ихъ, преимущественно Половцы, воевали противъ народа, потому что другого образа веденія войны не понимали; Олегъ Святославичъ добивался Черниговской волости, но, добывши ее, позволилъ союзникамъ своимъ, Половцамъ, опустошать эту волость; въ 1160 году Половцы, приведенные Изяславомъ Давидовичемъ на Смоленскую волость, вывели оттуда болше 10,000 плѣнныхъ, не считая убитыхъ; походъ Изяслава Мстиславича на Ростовскую Землю (1149 г.) стоилъ послѣдней 7,000 жителей.

Кромѣ постоянного участія въ усобицахъ княжескихъ, Половцы и сами по себѣ перѣдко опустошили русскія волости; лѣтопись указываетъ 37 зна-

¹⁾ См. у Погодина IV-й т. Изслѣд. Запѣч. и Лекцій, гл. III. Авторъ пользовался только списками лѣтописей, ивд. Археогр. Комисіей; въ Никонов. спискѣ упоминаются еще нѣкоторые города, существованія которыхъ въ описанное время нѣтъ основанія отвергать; такъ подлѣ 1146 г. упоминаются Тула, Дубокъ на Дону, Елецъ, Ростиславль (1153), Дмитровъ (1155).

²⁾ См. второй томъ.

³⁾ Г. Погодинъ напрасно пропускаетъ бѣдствіе, причиненное Новгородской волости Ярославомъ Всеволодовичемъ, и потому у него выходитъ только 11 разъ.

⁴⁾ Г. Погодинъ въ приведенной выше статьѣ.

чительнѣйшихъ половецкихъ нападений⁴⁾; но видно были другія, не записанныя подробно по порядку. Черниговское и Переяславское княжества страшно страдали: Святославъ Ольговичъ Черниговскій говоритъ, что у него города пустыя, живутъ въ нихъ только цари да Половцы; Владиміръ Глѣбовичъ Переяславскій говоритъ, что его волость пуста отъ Половцевъ; Кіевскому княжеству также много доставалось отъ нихъ, а Волынскому, Туровскому, Полоцкому и Новгородскому доставалось много отъ Литвы и Чуди, особенно въ послѣднее время; въ первые 28 лѣтъ XII вѣка упоминается 8 разъ о литовскихъ нашествіяхъ; но до насъ не дошло Полоцкой лѣтописи, и потому о сильныхъ опустошеніяхъ, какія Полоцкое княжество терпѣло отъ Литвы, можемъ судить только изъ извѣстій нѣмецкихъ лѣтописцевъ и Слова о полку Игореву; можно думать, что Рязанское и Муромское княжества терпѣли тоже отъ Половцевъ и другихъ окружающихъ варваровъ; спокойнѣе всѣхъ и относительно усобицъ, и относительно варварскихъ нападений было княжество Ростовское, или Суздальское,—явленіе, на которое нельзя не обратить вниманія: это обстоятельство не только содѣйствовало сохраненію народонаселенія въ Суздальской области, но могло также побуждать къ переселенію въ нее народа изъ другихъ, болѣе опасныхъ мѣстъ. Итакъ, если изъ 93 мирныхъ лѣтъ относительно усобицъ исключимъ 45 важнѣйшихъ, записанныхъ нашествій половецкихъ и литовскихъ, то не много останется времени, въ которое какая-нибудь волость не терпѣла бы отъ опустошеній.

При бѣдствіяхъ политическихъ упоминаются и бѣдствія физическія—голодъ, моръ. Относительно юга, обильной хлѣбомъ Малороссіи, мы не можемъ встрѣчать въ лѣтописи частыхъ жалобъ на неурожай; встрѣчаемъ извѣстіе о неурожаѣ мимоходомъ, напр. въ 1193 году Кіевскій князь Святославъ говоритъ, что нельзя идти въ походъ на Половцевъ, потому что жито не родилось; разумѣется, голодъ могъ происходить, когда нашествия иноплемениковъ или усобицы прекращали полевья работы; но это же самое обстоятельство уменьшало и число потребителей, ибо неспроста билъ жителей, уводилъ ихъ въ плѣнъ. Относительно Ростовской области лѣтописецъ упоминаетъ о неурожаѣ подъ 1070 годомъ. Чаще страдала отъ голода Новгородская область: подъ 1127 годомъ читаемъ, что снѣгъ лежалъ до Яковлева дня, а на осень морозъ побилъ хлѣбъ, и зимою былъ голодъ,—осьмина ржи стоила полгривны; въ слѣдующемъ году также голодъ; люто было, говоритъ лѣтописецъ: осьмина ржи стоила гривну, и ѣли люди листь липовый, кору березовую, наѣжкомыхъ, солому, мохъ, конину; падали мертвые отъ голода, труны валялись по улицамъ, по торгу, по путямъ и всюду; наняли наемщиковъ возить мертвецовъ изъ города; отъ смрада

нельзя было выйти изъ дому; печаль, бѣда на всѣхъ! Отцы и матери сажали дѣтей своихъ на лодки, отдавали даромъ купцамъ; одни перемерли, другіе разошлись по чужимъ землямъ. Подъ 1137 г. все лѣто большая осьминка продавалась по семи рѣзанъ; эта дороговизна произошла вслѣдствіе прекращенія подвозовъ изъ окрестныхъ земель—Суздальской, Смоленской, Полоцкой—ясный знакъ, что Новгородъ не могъ пробавляться своимъ хлѣбомъ. Въ 1161 году все лѣто стояла ясная погода, жито погорѣло, а осенью морозъ побилъ яровое, зима была теплая съ дождемъ, вслѣдствіе чего покупати малую кадку по семи кунъ; великая скорбь была въ людяхъ и нужда, говоритъ лѣтописецъ. Въ 1170 году кадь ржи продавалась въ Новгородѣ по 4 гривны, а хлѣбъ по 2 ногаты, медъ по 10 кунъ—пудъ; какъ видно, впрочемъ, эта дороговизна произошла вслѣдствіе опустошенія волости войсками Боголюбскаго и прекращенія торговыхъ связей съ Суздальскою Землею. Въ 1188 году покупали хлѣбъ по 2 ногаты, а кадь ржи по 6 гривенъ; наконецъ въ 1215 году—сильный голодъ и моръ, вслѣдствіе осеннихъ морозовъ и того, что князь Ярославъ остановилъ подвозъ хлѣба изъ Торжка. Такимъ образомъ, отъ 1054 до 1228 года лѣтописецъ упоминаетъ только семь разъ о голодѣ и дороговизнѣ. О сильной смертности лѣтопись упоминаетъ подъ 1092 годомъ на югѣ: въ Полоцкѣ люди поражались вдругъ какою-то язвою, которую современники приписали ударамъ мертвецовъ (навья), ѣздившихъ по воздуху; язва эта началась отъ Друцка; лѣтомъ стояла ясная погода, боры и болота загорались сами, и на всемъ югѣ много умирало народа отъ различныхъ болѣзней; продавцы гробовъ (должно быть въ Кіевѣ) сказывали, что продали отъ Филиппова дни до масляницы 7,000 гробовъ. Новгородскій лѣтописецъ упоминаетъ о сильномъ морѣ и скотскомъ падежѣ въ своемъ городѣ подъ 1158 годомъ; погубило много людей, лошадей и рогатаго скота, такъ что отъ смрада нельзя было пройти до торга сквозъ городъ ни по рву, ни на поле; подъ 1203 годомъ упоминается также о сильномъ конскомъ падежѣ въ Новгородѣ и по селамъ. Суздальскій лѣтописецъ упоминаетъ о сильной смертности подъ 1187 годомъ: не было ни одного двора безъ больного, а на иномъ дворѣ некому было и воды подать. О врачевныхъ пособіяхъ при этихъ случаяхъ мы не встрѣчаемъ извѣстій, хотя лѣкаря были въ Россіи: въ Русской Правдѣ упоминается о платѣ лѣкарю; въ житіи Св. Агапита Печерскаго читаемъ, что въ его время былъ въ Кіевѣ знаменитый врачъ Армянинъ, которому стоило только взглянуть на больного, чтобы узнать день и часъ смерти его; Св. Агапитъ лѣчилъ больныхъ травами, изъ которыхъ приготавливалъ себѣ кушанье Армянинъ, взглянувши на эти травы, называлъ ихъ александрійскими, причежь святыи посмѣлся невѣжеству его. У князя Святослава (Святоши) Давыдовича Черниговскаго былъ искушенный лѣкарь, именемъ Петръ, родомъ изъ Сиріи. Мы ви-

⁴⁾ См. въ текстѣ II-го тома обзоры борьбы съ Половцами при концѣ каждой главы.

дѣли, что разбитаго параличемъ Владимірка Галицкаго положили въ укропъ; но что такое укропъ: трава ли этого имени или теплая ванна?—ибо теплая вода называется также укропомъ¹⁾.

Таковы были пособія и препятствія къ умноженію народонаселенія на обширной сѣверо-восточной равнинѣ, относительно пространства своего, очень скудно населенной. По смерти Ярослава I-го, границы русскихъ владѣній не распространялись болѣе на западъ, югъ и юго-востокъ; убоицы препятствовали распространенію насчетъ Венгріи, Польши, Литвы; напротивъ, Русь должна была уступити свои владѣнія въ Прибалтійскихъ областяхъ Нѣмцамъ; на югѣ и юго-востокѣ убоицы и Половцы мѣшали распространенію; видимъ и здѣсь потери, ибо Тмутаракань не принадлежить болѣе Руси; оставалась только одна сторона, сѣверо-востокъ, куда можно было распространяться безпрепятственно: отъ разрозненной дикой Чуди не могло быть сильнаго сопротивленія; притомъ же сѣверо-восточная русская волость, Суздальская, по извѣстнымъ причинамъ, была способнѣе всѣхъ другихъ къ наступательнымъ движеніямъ; а съ другой стороны Новгородцевъ манла на сѣверо-востокъ выгодная мѣна съ туземцами и богатый ясакъ серебромъ и мѣхами. Такимъ образомъ, мы видимъ русскія владѣнія по Сѣверной Двинѣ, Камѣ; новгородскіе отряды доходятъ до Уральского хребта. Но мы должны замѣтить, что съ большою осторожностью должно говорить объ обширной Новгородской области отъ Финскаго залива до Уральскихъ горъ, ибо извѣстіе новгородскихъ сборщиковъ ясака за Волокомъ и Ядрѣвѣвъ походъ на Югру показываютъ всю непрочность тамошнихъ отношеній; притомъ же не одни Новгородцы имѣли владѣнія за Волокомъ: не забудемъ, что тамъ были и суздальскіе смерды (подданные), что Устюгъ принадлежалъ ростовскимъ князьямъ. Вѣрно одно, что новгородская колонія Вятка, хотя и значала независимая отъ митрополія, является въ Прикамской области, и что суздальскіе князья, построившіе Нижняго-Новгорода въ Землѣ Мордовской, закрѣпляютъ за собою устье Оки; слѣдовательно, относительно границъ государственной области описываемое время характеризуется потерями на западѣ и югѣ и приобретеніемъ—на сѣверѣ и востокѣ: все указываетъ на главный путь историческаго движенія.

Сосредоточенію народонаселенія въ извѣстныхъ мѣстахъ способствовала выгода этихъ мѣстъ, относительно торговли. Великимъ торговымъ путемъ сѣверо-восточной равнины былъ водный путь изъ Балтійскаго моря въ Черное,—отсюда самыми важными торговыми городами на Руси должны были явиться города, находившіеся на двухъ концахъ этого пути: Новгородъ—складка товаровъ сѣверныхъ, и Кіевъ—складка товаровъ южныхъ. Новгородскіе купцы сами производили заграничную торговлю со странами, лежащими по берегамъ Балтій-

скаго моря: такъ мы видѣли, что въ 1142 году Шведы напали на гостей, возвращавшихся изъ-за моря; то же самое доказывается и свидѣтельствами иностранными²⁾; иностранные купцы, съ другой стороны, жили постоянно въ Новгородѣ; до насъ дошелъ договоръ Новгородцевъ съ Нѣмцами и Голландцами, заключенный при князѣ Ярославѣ Владиміровичѣ около 1195 года³⁾. Изъ этого договора, равно какъ изъ нѣкоторыхъ другихъ иностранныхъ извѣстій⁴⁾, можно извѣтъ довольно подробное понятіе объ иностранной торговлѣ въ Новгородѣ. Нѣмецкіе купцы, пріѣзжавшіе торговать сюда, раздѣлялись на гильдію морскихъ и гильдію сухопутныхъ купцовъ; на это раздѣленіе указываетъ и наша лѣтопись, говоря, что Варяги приходили и горою (сухимъ путемъ, 1201 г.). Какъ тѣ, такъ и другіе дѣлились еще на зимнихъ и лѣтнихъ; зимніе пріѣзжали осенью, вѣроятно по послѣднему пути, и зимовали въ Новгородѣ; весною они отъѣзжали за море, и на смѣну имъ пріѣзжали лѣтніе. По упомянутому договору, если убьютъ новгородскаго посла, заложника или попа за моремъ и нѣмецкаго въ Новгородѣ, то 20 гривенъ серебра за голову; если же убьютъ купца, то 10 гривенъ. Если мужа свяжутъ безъ вины, то 12 гривенъ за безчестье старыми кунями. Если ударятъ мужа оружіемъ или коломъ, то 6 гривенъ за рану старыми кунями. Если ударятъ жену или дочь мужа, то князю 40 гривенъ старыми кунями и столько же обиженной. Если кто сорветъ съ чужой жены или дочери головной уборъ и явится простоволосая, то 6 гривенъ старыхъ за безчестье. Если будетъ тяжба безъ крови, сойдутся свидѣтели, Русь и Нѣмцы, то бросать жребій: кому вынется, тѣ идутъ къ присягѣ и свою правду възымаютъ. Если Варягъ на Русинѣ или Русинъ на Варягѣ станетъ искать денегъ и должникъ запрется, то при 12 свидѣтеляхъ идетъ къ присягѣ и возьметъ свое. Нѣмца въ Новгородѣ, а Новгородца въ Нѣмецкой Землѣ не сажать въ тюрьму, но брать свое у виноватаго. Кто рабу подвергнетъ насиліямъ, но не обезчеститъ, за обиду гривна; если же обезчеститъ, то свободна себѣ.

Принимая къ себѣ иностранныхъ гостей, сами отирались за море для торговли, и, любя пріобрѣтать чужое серебро, а не отдавать своего за иностранные товары, Новгородцы должны были стараться скупать въ другихъ странахъ товары, которые потомъ могли съ выгодою сбывать гостямъ забалтійскимъ. Понятно, почему они пробирались все дальше и дальше на сѣверо-востокъ, къ хребту Уральскому, получая тамъ ясакъ мѣхами, имѣвшими большую цѣнность въ ихъ заграничной торговлѣ; по области совершенно русскія, внутреннія, были также богаты мѣхами и другими сырыми произведеніями, а въ Кіевѣ была складка товаровъ греческихъ, которые Новгородцы могли скупать тамъ и

²⁾ См. Сапротіуса—Geschichte des Hanseat. Band. I, 191.

³⁾ Грам., касающ. до сношен. Россіи съ Ригою и проч.

⁴⁾ Сапротіуса—Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hanse.

¹⁾ Памятникъ. Рос. Слов. XII в., стр. 223.

потомъ съ выгодною отпускать въ сѣверо-западную Европу. Вотъ почему мы видѣли, что Новгородцы жилали въ большомъ числѣ въ Кіевѣ, гдѣ у нихъ была своя церковь, или божница Св. Михаила, которая, какъ видно, была около торговой площади ¹⁾. Много новгородскихъ купцовъ бывало всегда и въ Суздальской волости; Михаилъ Черниговскій, отправляясь изъ Новгорода, выговариваетъ, чтобъ Новгородцы пускали къ нему гостей въ Черниговъ.

О важности греческой торговли, средоточіемъ которой былъ Кіевъ, намъ не нужно много распространяться послѣ того, что было сказано о ней при обзорѣ начального періода; извѣстный путешественникъ, жидъ Веніаминъ Тудельскій, нашель Русскихъ купцовъ и въ Константинополѣ, и въ Александріи ²⁾. Но любопытно, что лѣтописецъ нигдѣ не упоминаетъ о пребываніи греческихъ купцовъ въ Кіевѣ, тогда какъ ясно говорить о пребываніи купцовъ западныхъ, латинскихъ; очень вѣроятно, что Греки сами рѣдко пускались на опасное плаваніе по Днѣпру чрезъ стени, довольствуясь продажей своихъ товаровъ русскимъ купцамъ въ Константинополѣ. Веніаминъ Тудельскій говорить о Византіяцахъ, что они любятъ наслаждаться удовольствіями, пить и ѣсть, сидя каждый подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею ³⁾. Изъ словъ Кузьмы Кіяпина, плакавшагося надъ труномъ Андрея Боголюбскаго, узнаемъ, что гости изъ Константинополя приходили иногда и во Владиміръ-Задѣскій ⁴⁾; но Плато-Карпинъ также говорить, что въ Кіевъ и послѣ монгольскаго нашествія пріѣзжали купцы изъ Константинополя, и однакоже эти купцы оказываются Италіянами ⁵⁾. Изъ иностранныхъ извѣстій видно, что въ Кіевѣ жилали купцы изъ Регенсбурга, Эмса, Вѣны ⁶⁾. Нельзя предполагать, чтобъ въ описываемое время пресѣклись торговыя сношенія съ востокомъ: подъ 1184 годомъ въ лѣтописи встрѣчаемъ извѣстіе, что князь наши, отправившись въ походъ на Половцевъ, встрѣтили на дорогѣ купцовъ, ѣхавшихъ изъ Земли Половецкой. Мы не думаемъ, чтобъ здѣсь непременно нужно было предполагать русскихъ купцовъ, торговавшихъ съ Половцами; купцы эти легко могли быть иностранные изъ восточныхъ земель, шедшіе въ Кіевъ чрезъ половецкія стени. Наконецъ путешественники XIII вѣка указываютъ на берегу Чернаго и Азовскаго морей города, служившіе средоточіемъ торговли между Россіею и Востокомъ: моллахъ Венедиктъ, смугникъ Плато-Карпинъ, гово-

рить, что въ городѣ Орнасъ въ старину, до разоренія его Татарами, стекались купцы русскіе, алякскіе и козарскіе; Рубрукъ говоритъ, что въ Солдайѣ, городу, лежащему на южномъ берегу Тавриды, противъ Синоне, пристають всѣ купцы, идущіе изъ Турціи въ сѣверныя страны, и наоборотъ—сюда же сходятся купцы, идущіе изъ Россіи и сѣверныхъ странъ въ Турцію. Кромѣ Новгородцевъ и Кіевлянъ, заграничную торговлю производили также жители Смоленска, Полоцка и Витебска; объ ихъ торговлѣ мы узнаемъ изъ договора Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Рогою и Готскимъ берегомъ въ 1229 году ⁷⁾. Изъ словъ договора видно, что доброе согласіе между Смольянами и Нѣмцами было нарушено по какому-то случаю, и, для избѣжанія подобнаго разлада, чтобъ русскимъ купцамъ въ Ригѣ и на Готскомъ берегѣ, а нѣмецкимъ въ Смоленской волости любо было и добросердье во вѣки стояло, написана была правда, договоръ. Условилъ: за убійство вольнаго человѣка платить 10 гривенъ серебра, а за холопа гривну; за побию холопу гривну кунъ; за поврежденіе частей тѣла 5 гривенъ серебра, за вышибенный зубъ 3 гривны; за ударъ деревомъ до крови 1½ гривны; кто ударитъ по лицу, схватитъ за волосы, ударитъ батогами—платить безъ четверти гривну серебра, за рану безъ поврежденія тѣла платить 1½ гривны серебра; священнику и послу платителю вдвое за всякую обиду. Виноватаго можно посадить въ колодку, тюрьму или желѣзы только въ томъ случаѣ, когда не будетъ въ немъ поруки ⁸⁾. Долги выплачиваются прежде иностранцамъ; иностранецъ не можетъ выставить свидѣлемъ одного или двоихъ изъ своихъ единоземцевъ; истецъ не имѣетъ права принудить отвѣтника къ испытанію желѣзомъ или вызвать на поединку; если кто застанетъ иностранца у своей жены, то беретъ за позоръ 10 гривенъ серебра; то же платится за насиліе свободной женщины, которая не была прежде замѣчена въ развратѣ. Какъ скоро волоцкій тиунъ услышитъ, что нѣмецкій гость пріѣхалъ на Волокъ (между Двиною и Днѣпромъ), то немедленно шлетъ приказъ Волочанамъ, чтобъ привезли гостей съ товарами и заботились о ихъ безопасности, потому что много вреда терять Смольяне отъ поганыхъ (Литовцевъ); Нѣмцамъ кидать жребій, кому идти напередъ; если-же между ними случится русскій гость, то ему идти назадъ: пріѣхавши въ городъ, нѣмецкій гость долженъ дать княгинѣ поставъ полотна, а тиуну волоцкому рукавицы перстовыя готскія (перчатки); въ случаѣ гибели товара при перевозѣ, отвѣчаютъ всѣ Волочане. Торгуютъ иностранные купцы безо всякаго пре-

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 138, II, 34.

²⁾ Voyages de Benjamin de Tadelle, et. c. Paris, 1830; 23, 103.

³⁾ Тамъ же, стр. 25. Въ житіи Св. Антонія Римлянина говорится, что святой нашель въ Новгородѣ гостей изъ Греческой Земли, но послѣ этого гость наз. Готфинъ и Гречинъ. Здѣсь же говорится, что купцы изъ Рима въ Новгородъ приходили въ полгода.

⁴⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 115.

⁵⁾ Recueil de Voyages et de Mémoires, publiés par la société de Géographie t. IV, p. 772.

⁶⁾ См. Исслѣдованіе Даниловича о Польскихъ городахъ въ Рус. Истор. Сборн. IV.

⁷⁾ Собр. Гос. Гр. и Лог. т. II, № 1; Карахъевъ III, прим. 248. Tobiena Die ältesten Tractate Ruslands.—Русск. Достоп. ч. II.—Bulletin de la classe hist. et. c. t. V, № 99. О городѣ Орнасъ см. статью проф. Леонтьева: Разысканія на мѣстѣ древняго Таванса; Проциян, кн. IV.

⁸⁾ Сажаніе въ дыбу или колуду употреблялось у Нѣмцевъ; въ тюрьму и желѣза—у Русскихъ.

пятствія; безпрепятственно же могутъ отвѣхать съ товаромъ своимъ и въ другой городъ. Товаръ, взятый и вынесенный изъ двора, не возвращается. Истецъ не можетъ принудить отвѣтника идти на чужой судъ, а только къ князю Смоленскому; къ иностранцу нельзя приставить сторожа, не извѣстивъ прежде старшину; если кто объявлять притязаніе на иностранный товаръ, то не можетъ схватить его силою, но долженъ вести дѣло судебнымъ порядкомъ, по законамъ страны. За взвѣшивание товара платится вѣсовщику съ 24 пудовъ куну смоленская. При покупкѣ драгоценныхъ металловъ Нѣмецъ платитъ вѣсовщику за гривну золота нату, за гривну серебра двѣ веши, за серебряный сосудъ отъ гривны куну при продажѣ не платитъ; когда же покушаетъ вещи на серебро, то съ гривны вноситъ куну смоленскую. Для повѣрки вѣсовъ хранится одна капль въ церкви Богородицы на горѣ, а другая—въ нѣмецкой церкви Богородицы; съ этимъ вѣсомъ и Волочане свѣряютъ пудъ, данный имъ Нѣмцами. Иностранцы торгуютъ безмытно; они не обязаны ѣздить на войну вмѣстѣ съ туземцами; но если захотятъ—могутъ; если иностранецъ поймаетъ вора у своего товара, то можетъ схватить съ нимъ все, что хочетъ. Иностранцы не платятъ судебныхъ пошлинъ ни у князя, ни у тиуна, ни на судѣ добрыхъ мужей. Епископъ Рижскій, магистръ ордена и всѣ волостеля Рижской Земли дали Двину вольную отъ устья до верха, по водѣ и по берегу, всякому гостю рижскому и нѣмецкому, ходящему внизъ и вверхъ. Если случится съ нимъ какая бѣда, то вольно ему привезти свой товаръ къ берегу, и если понадобится людей на помощь, то не брать съ него больше того, сколько судилъ при наймѣ.

О торговлѣ смоленской во внутреннихъ русскихъ областяхъ узнаемъ изъ лѣтописнаго извѣстія подъ 1216 годомъ, о заключеніи княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ пятнадцати смоленскихъ купцовъ, зашедшихъ для торговли въ его волость. О приходѣ купцовъ иностранныхъ и русскихъ во Владиміръ-Залѣскій при Андрѣе Боголюбскомъ узнаемъ изъ словъ Кузьмы Кіянина, плакавшаго надъ трупомъ своего князя. Причинами, могшими содѣйствовать усиленію русской торговли въ означенное время, было: положеніе русской государственной области между Европою и Азіею, что, при отсутствіи морскихъ обходныхъ путей, давало ей важное торговое значеніе; усиленіе торговой дѣятельности сѣверныхъ нѣмецкихъ городовъ, которые должны были обратить свое вниманіе на востокъ и войти съ нимъ въ тѣсныя торговыя сношенія; уменьшеніе пиратства на Балтійскомъ морѣ влѣдствіе того, что скандинавское народонаселеніе покидаетъ свой прежній варяжскій характеръ; удобство водныхъ путей сообщенія; стараніе князей о торговлѣ, обогащавшей народъ ихъ; уживчивыи вообще характеръ народонаселенія, терпимость относительно вѣры, уваженіе, расположеніе къ иностранцамъ, готовность уступать имъ разныя выгоды. Вслѣдъ за этими бла-

гоприятствующими для торговли обстоятельствами мы должны упомянуть и о препятствіяхъ, которыя встрѣчала она въ описываемое время: встрѣчаемъ извѣстіе о ссорахъ съ иностранцами, влѣдствіе чего прерывалось торговыя сношенія; такъ въ 1134 году купцовъ новгородскихъ посадили въ тюрьму въ Дании ¹⁾; въ 1188 году новгородскіе купцы подверглись той же участи отъ Нѣмцевъ, за моремъ, за что изъ Новгорода весною не пустили ни одного изъ своихъ купцовъ за море, Варягамъ посла не дали и отпустили ихъ безъ мира ²⁾; въ 1201 году Варяговъ отпустили безъ мира за море, а осенью приняли Варяги сухихъ путей на мръ, и тутъ Новгородцы дали имъ мръ на всей своей волѣ ³⁾. Только три извѣстія о ссорахъ съ иностранцами; если приложится сюда одно извѣстіе о нападении Шведовъ на торговыя суда, плавшія въ Новгородъ, то увидимъ, что съ этой стороны препятствій для торговли было не много. Гораздо больше препятствій для вишиней, греческой торговли Кіевляны представляли Половцы, грабившіе торговыя суда по Днѣпру; мы видѣли, какъ иногда князья съ многочисленными дружинами принуждены были вытупать для защиты Грековъ: Мстиславъ Изяславичъ жаловался, что Половцы отняли у Руся всѣ торговыя пути. Препятствіемъ для торговли внутренней и вишиней служили также внутреннія войны, усобицы княжескія; во время двудневнаго грабежа войсками Боголюбскаго, когда, по словамъ лѣтописца, не было никому помилованія въ Кіевѣ, безъ сомнѣнія пострадали также купцы иностранные; потомъ Ярославъ Изяславичъ въ 1174 году взялъ большія деньги (продалъ) со всѣхъ Кіевляны, не исключая Латину и гостей; въ 1203 году, Половцы съ Рюрикомъ, взявши Кіевъ, страшно пограбили его, а у ипоземныхъ гостей взяли половину товара; здѣсь хотя и видимъ нѣкоторое снисхожденіе къ иностраннымъ купцамъ, однако послѣдніе не могли легко забыть своей потерю. Новгородскіе купцы терпѣли влѣдствіе ссоръ ихъ согражданъ съ разными князьями, кіевскими и суздальскими: въ 1161 году, Ростиславъ Мстиславичъ, услышавъ, что сынъ его схваченъ въ Новгородѣ, велѣлъ перехватить новгородскихъ купцовъ, бывшихъ въ Кіевѣ, и посадить ихъ въ Пересѣченскій погребъ, гдѣ въ одну ночь умерло изъ нихъ 14 человекъ, послѣ чего Ростиславъ велѣлъ выпустить остальныхъ изъ тюрьмы и развести по городамъ; о захватываніи новгородскихъ купцовъ по суздальскимъ волостямъ встрѣчаемъ извѣстія разъ семь; въ 1215 году Ярославъ Всеволодовичъ захватилъ въ Торжкѣ Новгородцевъ и купцовъ больше 2,000. Сообразивши всѣ эти препятствія и сличивши число извѣстій о нихъ съ числомъ лѣтъ описаннаго періода времени, мы должны придти къ тому заключенію, что вообще препятствій для торговли было не много.

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 6.

²⁾ Тамъ же, стр. 20.

³⁾ Тамъ же, стр. 25.

Съ вопросомъ о торговлѣ тѣсно связанъ вопросъ о монетной системѣ. Общимъ названіемъ, соответствующимъ теперешнему нашему деньгѣ, было *куны*, которое замѣнилось встрѣчавшеся въ начальномъ періодѣ названіе *скотъ*. Высшею монетною единицею была гривна—кусочекъ металла въ известной формѣ, равный известному вѣсу, посвященному то же самое названіе — *гривны*. Что гривна была ходячею монетою, это очевидно изъ слѣдующаго, хотя позднѣйшаго (впрочемъ не очень) извѣстія: въ 1288 году Волынской князь Владмиръ Васильковичъ велѣлъ серебряныя блюда, золотыя и серебряныя кубки передъ своими глазами побить и перелить въ гривны. Кроме гривенъ, существовала еще серебряная монета — *серебренники*; о ея существованіи есть ясное свидѣтельство лѣтописецъ подъ 1115 годомъ: „Повелѣ Володимиръ рѣзючи поволоки, орипы, бѣлы, размѣтати народу, овоже серебренники метати“¹⁾. О существованіи кожаныхъ денегъ имѣемъ ясныя свидѣтельства иностранцевъ и своихъ; въ одномъ хронографѣ прямо говорится: „куны еже есть мордъ купей“²⁾. Въ доказательство противнаго, что подъ кунами и бѣлью разумѣлись монеты металлическія, золотыя и серебряныя, приводятъ слѣдующее мѣсто изъ лѣтописи подъ 1066 годомъ: „Дворъ же князь разграбша безчисленное множество золота и серебра, кунами и бѣлью.“ Приводя всѣ эти слова въ тѣсную связь и соответствіе, полагаютъ, что кунами и бѣлью есть необходимое дополненіе и объясненіе къ: золота и серебра. Но во 1) мы знаемъ, что лѣтописецъ употребляетъ конструкцію очень свободную, вълѣдствіе чего кунами и бѣлью можетъ стоять совершенно независимо отъ золота и серебра; въ 2) бѣль означаетъ мѣхъ, шкуру извѣстнаго животнаго или, какъ думаютъ нѣкоторые, ткань особаго рода: такъ подъ 1116 годомъ говорится, что Мономахъ велѣлъ рѣзать бѣль и бросать народу, и тутъ же бѣль ясно отличается отъ серебряной монеты, отъ *серебряниковъ*; въ 3) въ приведенномъ мѣстѣ Пнатьевскій списокъ имѣетъ: скорою (шкурами) вмѣсто бѣлью, вълѣдствіе чего мы имѣемъ полное право принимать здѣсь подъ именемъ кунъ деньги вообще, а подъ именемъ бѣлы—мѣха. Наконецъ еще извѣстіе, впрочемъ позднѣйшее: въ 1257 году Даниилъ Романовичъ Галицкій велѣлъ взять дань на Ятвѣгахъ „черныя куны и бѣльъ серебро.“ Ясно, что здѣсь слова: бѣль и серебро должны быть принимаемы совершенно отдѣльно, ибо лѣтописецъ не имѣлъ никакой нужды объяснять, что бѣль означаетъ серебро; но позднѣйшіе переписчики, не понимши дѣла, въ соответствіе чернымъ кунамъ поставили бѣло серебро, какъ читается въ нѣко-

торыхъ спискахъ.—Что касается до счета, то подъ 1160 годомъ въ лѣтописи встрѣчаемъ счетъ тымами: „Много зла сотвориша Половци, взявша дунь болѣ тымы.“

Торговля въ описываемое время была главнымъ средствомъ накопленія богатствъ на Русѣ, ибо не встрѣчаемъ болѣе извѣстій о выгодныхъ походахъ въ Грецію или на Востокъ, о разграбленіи богатыхъ городовъ и народовъ. Умноженіе богатствъ при столкновеніи съ болѣе образованными народами обнаружилось въ стремленіи къ украшенію жизни, къ искусству. Искусство прежде всего служило религіи: часто, съ подробностями разсказывать лѣтописецъ о построеніи церквей. Въ концѣ XI-го вѣка извѣстенъ былъ охотою къ постройкамъ митрополитъ Ефремъ, жившій въ Переяславлѣ, гдѣ сначала была митрополія; онъ построилъ въ Переяславѣ церковь Святаго Михаила, украсивши ее всякою красотою, по выраженію лѣтописца; докончивъ эту церковь, онъ заложилъ другую на городскихъ вратахъ, во имя Святаго Осодора, потому третью—Св. Андрея, и у церкви отъ воротъ строеніе банное³⁾, чего не было прежде на Русѣ; заложилъ вокругъ города стѣну каменную, однимъ словомъ, украсилъ городъ Переяславль зданіями церковными и разными другими. Въ 1115 году соединенные князья построили въ Вышгородѣ каменную церковь, куда перенесли изъ деревянной мощи Св. Бориса и Глѣба, надъ ракою которыхъ поставили теремъ серебряный. На сѣверѣ, какъ строитель и украститель церквей, славился Андрей Боголюбскій; главнымъ памятникомъ его ревности осталась здѣсь Богородичная церковь во Владимірѣ-Залѣскоемъ, построенная въ 1158 г., вся изъ бѣлаго камня, привезеннаго водою изъ Волгаря; новѣйшія изслѣдованія подтверждаютъ извѣстіе⁴⁾, что церковь эта построена западными художниками, присланными Андреемъ отъ императора Фридриха I-го. Въ этой церкви стояла знаменитая икона Богородицы, приписанная злыя Царяграда; въ нее, по словамъ лѣтописи, Андрей вковалъ больше тридцати гривенъ золота, кромѣ серебра, драгоценныхъ камней и жемчуга. Въ 1194 г., при Всеволодѣ III-мъ, эта церковь была обновлена послѣ большаго пожара; при Всеволодѣ же построены во Вла-

³⁾ О банномъ строеніи было много толковъ. Карачинъ (II, прим. 160), вмѣстѣ съ Болтинскимъ, принимаетъ, что это Баптистеріонъ (aedes juxta ecclesiam, in qua baptizantur fideles, по Люканжу), и прибавляетъ: «Нѣвѣди думали, что митрополитъ строилъ народныя или торговныя бани».—Но такъ могутъ думать не одни нѣвѣды: митрополитъ очень могъ построить зданіе первой необходимости, строясь же онъ городскую стѣну? Банное строеніе онъ могъ заложить съ цѣлю благотворительною, чтобы дать бѣднымъ и страпникамъ средство къ омовенію. Аришбашевъ (I, прим. 221) приводитъ слѣдующее мѣсто изъ Кедрина по русскому переводу: «Императрицѣ Осодорѣ, жившей обыкновенно ходить во св. Влачерской хрѣмъ Богородицы, оно ради моленія, овоже для омовенія съ своимъ дщерьми».

⁴⁾ Татищ. III, примѣч. 483. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 149; Гр. С. Г. Строгонова—Дмитріевскій соборъ.

¹⁾ О найденныхъ недавно въ Кіевѣ серебряныхъ монетахъ съ именами князей—Владимира, Свѣтополка, Ярослава, Георгія, см. Москвитинъ. 1852 года, № 16 и 17.

²⁾ Статья Булѣева—Очеркъ истории древней монетной системы на Русѣ, въ Чтеніяхъ М. И. О. № 3; 1846 г.—Карамз. I, прим. 524. Подробнѣе ниже, т. IV, гл. 3 Исторіи Россіи.

дмірѣ Дмитріевскій соборъ, „дивно украшенный иконами и писаніемъ.“ Въ 1194 году обновлена была Богородичная церковь въ Суздаль, которая, по словямъ лѣтописца, опалала отъ старости и без-нарядья; покрывали ее оловомъ отъ верху до комаръ (наружныхъ сводовъ) и притворовъ. Чудное дѣло! говорить при этомъ лѣтописецъ: епископъ не искалъ мастеровъ у Нѣмцевъ, а наметъ ихъ между служками при Богородичной Владимірской церкви и своими собственными; они сумѣли и олово лить, и покрыть, известно выбѣлить. Здѣсь лѣтописецъ прямо говоритъ, что епископъ не искалъ мастеровъ между Нѣмцами — знакъ что другихъ мастеровъ (греческихъ), кромѣ западныхъ нѣмецкихъ, на сѣверѣ не знали; что предшествующія зданія, церкви Боголюбскаго были построены послѣдними. Но поповленная такимъ образомъ церковь не долго простояла: въ 1222 году князь Юрій Всеволодовичъ принужденъ былъ сломать ее, потому что начала разрушаться отъ старости и верхъ обвалился; построена она была при Владимірѣ Мономахѣ. Упомянутая выше церковь Св. Михаила въ Переяславѣ упала въ 1122 году, не простоявши и 50 лѣтъ. Строили церкви и каменные очень скоро; такъ, наприм. въ Новгородѣ, въ 1179 году, заложили церковь Благовѣщенія 21-го мая, а кончили 25-го августа; въ 1196 году заложили церковь Св. Кирилла въ апрѣлѣ, а кончили 8-го іюля; въ 1198 году въ Русѣ заложили церковь Преображенія 21-го мая, а кончили 31-го іюля; въ томъ же году въ Новгородѣ начали строить церковь Преображенія 8-го іюля, а кончили въ сентябрѣ; въ 1219 г. заложили церковь каменную малую Свв. Трехъ Отроковъ, и кончили ее въ 4 дня. Снаружи церкви покрывались оловомъ, верхъ или главы золотились, внутри украшались иконами, стѣнною живописью, серебряными напикадилами; иконы украшались золотомъ и финифтью ¹⁾, дорогими камнями и жемчугомъ. Изъ русскихъ иконописцевъ упоминается Св. Алимпій Печерскій, выучившійся своему искусству у греческихъ мастеровъ, приходившихъ для написанія церкви въ Печерскомъ монастырѣ; какъ видно, онъ занимался также и мозаикою ²⁾. Подъ 1200 годомъ упоминается о строеніи каменной стѣпы подъ церковью Св. Михаила у Дибра, на Выдубечи; строителемъ былъ Милогегъ Петръ, котораго великій князь Рюрикъ выбралъ между своими пріятелями, какъ сказано въ лѣтописи.

Матеріальное благосостояніе, зависѣвшее въ главныхъ городахъ Руси по преимуществу отъ торговли и побуждавшее къ строенію болѣе или менѣе прочныхъ, украшенныхъ зданій общественныхъ, преимущественно церковей, должно было, разумѣется, дѣйствовать и на удобства частной, домашней жизни русскихъ людей описываемаго времени; къ социальной, объ этой частной жизни до насъ дошли

чрезвычайно скудныя извѣстія; знаемъ, что были очень богатые люди, въ домахъ которыхъ можно было много пограбить, таковы были, наприм., Мирошкинчи въ Новгородѣ, у которыхъ народъ въ 1209 году взялъ безчисленныя сокровища, остатокъ раздѣлили по зубу, по три гривны по всему городу, но другіе побрали еще тайкомъ, и отъ того многіе разбогатѣли; какъ ни толковать это мѣсто, все выходитъ, что каждый Новгородецъ получить по три гривны. Но мы не знаемъ, въ какихъ удобствахъ житейскихъ выказывали свое богатство богачи новгородскіе и другихъ городовъ; у нихъ были села, много челяди-рабовъ, большія стада; разумѣется, дома ихъ были обшгирѣе, но о расположеніи и украшеніи домовъ мы ничего не знаемъ. И общественныя зданія, церкви строились непрочно, нѣкоторыя сами падали, другія должно было разбирать и строить снова; неудивительно, что частныя зданія не могли долго сохраняться, будучи, преимущественно, если не исключительно, построены изъ дерева, и нѣтъ основанія думать, чтобы они разпились отъ построекъ предшествовавшаго времени. Простота постройки, дешевизна матеріала, лѣса, который былъ въ такомъ изобиліи, простота и малочисленность того, что мы называемъ мебелью, должны были много помогать народу въ перенесеніи бѣдствій отъ усобицъ и непріятельскихъ нашествій: деньги, немногія дорогія вещи, дорогое платье легко было спрятать, легко унести съ собою; укрывшись въ ближайшемъ лѣсу, или городѣ во время бѣды, возвращались назадъ по уходѣ непріятеля, и легко опять обстраивались. Такое отсутствіе прочности жилищъ вѣстѣ съ простотою быта содѣйствовали той легкости, съ какою жители дѣльныхъ городовъ переселялись въ другія мѣста; дѣльные города бѣжали отъ непріятеля и затворялись въ другихъ городахъ; иногда князья переводили дѣльные города изъ одной области въ другую; Кіевляне говорятъ Ярославичамъ, что они зажгутъ свой городъ и уйдутъ въ Грецію; такимъ образомъ наши деревянныя города представляли переходъ отъ вежи Половца и Торчина къ каменнымъ городамъ Западной Европы, и народонаселеніе древней Руси, несмотря на свою осѣдлость, не могло имѣть сильной привязанности къ своимъ деревяннымъ, непрочнымъ городамъ, которые не могли рѣзко отличаться другъ отъ друга; природа страны была также одинакова: вездѣ былъ просторъ, вездѣ были одинакія удобства для поселенія, князья тяготились малолюдностью, были рады переселенцамъ; отсюда понятно, почему не только въ описываемое время, но и гораздо позднѣе мы замѣчаемъ легкость, съ какою русскіе люди переселялись изъ одного мѣста въ другое, легко имъ было при всякомъ неблагопріятномъ обстоятельствѣ разбрестись розно.

Мы замѣтили, что относительно постройки, расположенія жилищъ и мебели почти ничего нельзя прибавить противъ того, что было сказано о древнѣйшемъ періодѣ; видимъ, что князья любили сидѣть и пировать съ дружиною на сѣнницахъ; встрѣ-

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 123.

²⁾ См. Патерикъ Печерскій.

часамъ названіе столецъ въ значеніи маленькой скамьи или стула, поставляемаго гостямъ ¹⁾. Касательно одежды встрѣчаемъ извѣстіе о сорочкахъ, метляхъ и корзнахъ, о шапкахъ (клобукахъ), которыя не снимались ни въ компаніи, ни даже въ перчаткахъ ²⁾. Изъ договора съ Нѣмцами узнаемъ объ употребленіи рукавицъ перчатыхъ, т.-е. перчатокъ, покупаемыхъ, какъ видно, у иностранцевъ; отъ употребленія рукавицъ перчатыхъ имѣемъ право заключать и объ употребленіи простыхъ, русскихъ рукавицъ. Изъ мужскихъ украшеній упоминаются золотыя цѣпи ³⁾; изъ женскихъ одѣждъ упоминаются повои, или повоинники, изъ украшеній—ожерелья и серьги серебряныя ⁴⁾. Изъ матерій, употреблявшихся на одѣжды, упоминается полотно или частина ⁵⁾, аksamитъ ⁶⁾; одѣжды боярскія съ шитыми золотомъ оплечьями ⁷⁾; подъ 1183 годомъ лѣтописецъ, говоря о пожарѣ во Владимірѣ-Залѣскомъ, прибавляетъ: погорѣла и соборная церковь Св. Богородицы Златогорская, со всѣми пятью верхами золотыми, и со всѣми узорочьями, которыя были въ ней внутри и внѣ, паникадилами серебряными, сосудами золотыми и серебряными безъ числа, съ одѣждами, шитыми золотомъ и жемчугомъ, которыя на праздникъ развѣшивали въ двѣ веревки отъ Золотыхъ воротъ до Богородицы, и отъ Богородицы до Владычиныхъ сѣней въ двѣ же веревки ⁸⁾. Здѣсь прежде всего можно разумѣть подъ этими одѣждами (портами) облаченія священно-служительскія; но по другимъ извѣстіямъ, князья имѣли обычай вѣшать свое дорогое платье въ церквахъ на память о себѣ ⁹⁾; впрочемъ, очень вѣроятно, что изъ этихъ одѣждъ перенимались и священно-служительскія облаченія. Касательно украшеній и вообще роскоши, замѣчательна приписка, находящаяся въ нѣкоторыхъ лѣтонисяхъ: „Васъ молю, стадо Христово, съ любовію, говоритъ лѣтописецъ, приклоните уши ваши разумно, послушайте о томъ, какъ жили древніе князья и мужи ихъ, какъ защищали Русскую Землю, и чужія страны брали подъ себя. Тѣ князья не собирали много имѣнія, лишннихъ впръ

и продажъ не налагали на людей, но гдѣ приходилось взять правую виру, то брали и отдавали дружинѣ на оружіе. А дружина этимъ кормилась, воевала чужія страны, и бывшій говорилъ: „Братья, потянемъ по своему князю и по Русской Землѣ!“ Не говорили: „Мало мнѣ, князь, 200 гривенъ“; не рядили женъ въ золотыя обручи, но ходили жены ихъ въ серебрѣ“ ¹⁰⁾.

Таково было матеріальное состояніе русскаго общества въ описываемое время; теперь обратимся къ нравственному его состоянію, причемъ, разумеется, прежде всего должны будемъ обратиться къ состоянію религіи и Церкви. Мы видѣли ¹¹⁾, что вначалѣ христіанство принялось скоро въ Кіевѣ, на югѣ, гдѣ было уже и прежде давно знакомо; но медленно, съ большими препятствіями распространялось оно на сѣверѣ и востокѣ. Первые епископы Ростовскіе, Теодоръ и Иларіонъ, принуждены были бѣжать изъ своей епархіи отъ ярости язычниковъ; преемникъ ихъ, Св. Леонтій, не покинулъ своей паствы, состоявшей преимущественно изъ дѣтей, въ которыхъ онъ надѣялся удобнѣе вселить новое ученіе,—и замученъ былъ взрослыми язычниками. Изычество на финскомъ сѣверѣ не довольствовалося оборонительною войною противъ христіанства, но иногда предпринимало и наступательную въ лицѣ волхвовъ своихъ. Однажды въ Ростовской области сдѣлался голодъ, и вотъ явились два волхва изъ Ярославля и начали говорить: „Мы знаемъ, кто хлѣбъ-то держитъ;“ они пошли по Волгѣ и въ каждомъ погостѣ, куда придутъ, указывали на лучшихъ женщинъ, говоря: „Вотъ эти жито держатъ, эти медъ, эти рыбу, эти мѣхъ“. Жители приводили къ нимъ сестеръ своихъ, матерей, женъ; волхвы разрывали у нихъ тѣло за плечомъ, показывая видъ, что вынимаютъ оттуда либо жито, либо рыбу, и такимъ образомъ убивали много женщинъ, забирая имѣнія ихъ себѣ. Когда они пришли на Вѣлоозеро, то съ ними было уже 300 человекъ народу. Въ это время случилось придти туда отъ князя Святослава за данью Яну, сыну Вышатину; Вѣлоозерцы рассказали ему, что вотъ два кудесника побили мною женщинъ по Волгѣ и по Шексѣ, пришли и къ намъ. Онъ сталъ доискиваться, чьи смерды эти волхвы, и, узнавши, что они Святославовы, послалъ сказать провожавшей ихъ толпѣ: „Выдайте мнѣ волхвовъ, потому что они смерды моего князя“;—но тѣ не послушались. Тогда Янъ самъ пошелъ къ нимъ сначала безъ оружія, и отроки сказали ему: „Не ходи безъ оружія, опозорятъ тебя,“ и Янъ велѣлъ отрокамъ взять оружіе. Съ 12-ю отроками пошелъ Янъ въ лѣсъ и съ топоромъ въ рукахъ

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 72.

²⁾ Тамъ же: «И видѣ Ярославъ сидяща на огни хѣвъ въ черны мятли и въ клобуцѣ, также и вси мужи его». Воск. 1205: «И начата цѣти св. литоргію. И рече Святославъ ко Бръновинѣ, что мя на главѣ бодеть, и син клобукъ».

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 138: И отторгоша на векъ крестъ и чени въ гривну золота». Высѣлъ ли крестъ на этой золотой цѣпи, или здѣсь говорится о крестѣ нательномъ?

⁴⁾ Тамъ же, II, 56: «Они же емлюче серебро и съ ушью и съ шпй».

⁵⁾ См. договоръ съ Рогою. Что касается «орипцы» (стр. 53), то въ Студійскомъ уставѣ (рукоп. XII вѣка) читается, что для вимы у иноковъ должны быть: «толстые изъ чернаго оринда учашены». Зап. Археол. Общества III, 120.

⁶⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 114: «Ты нышѣ въ скоамитѣ стонши, а князь нагъ лежитъ».

⁷⁾ Тамъ же, I, 113: «Аще и золотомъ шито оплечье будеть, убій».

⁸⁾ Тамъ же, II, 127.

⁹⁾ Тамъ же, I, 176.

¹⁰⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, 87. Нѣкоторые относятъ эту приписку ко временамъ монгольскимъ, основываясь на слѣдующемъ выраженіи: «за наше несатство навелъ Богъ на ны по-ганы, а и скоти наши, и села наши, и имѣнія за тѣми суть; и мы влхъхъ своихъ не оставемъ». Но по 1) то же самое лѣтописецъ могъ сказать и о половецкихъ нашествияхъ; но 2) трудно предположить, чтобы при Монголахъ роскошь была сильнѣе, чѣмъ до нихъ.

¹¹⁾ См. Исторіи Р. т. I, стр. 260.

отправился прямо къ волхвамъ; изъ среды окружавшей ихъ толпы вышли къ нему три человѣка и сказали: „Идешь ты на явную смерть, не ходи лучше!“ Въ отвѣтъ Янъ велѣлъ убить ихъ, и шелъ дальше къ остальнымъ; тѣ было ринулись на него, и одинъ занесъ уже топоръ, но промахнулся, а Янъ, обратя топоръ, ударилъ въ него тыльемъ, приказавши отрокамъ своимъ бить остальныхъ, которые и побѣжали; но въ схваткѣ былъ убить священникъ Яновъ. Возвратившись въ городъ къ Вѣлозерцамъ, Янъ сказалъ имъ: „Если вы не переложаете этихъ волхвовъ, то я цѣлое лѣто пробуду у васъ.“ Вѣлозерцы схватили волхвовъ и привели ихъ къ Яну, который спросилъ у нихъ: „За что вы загубили столько душъ?“ — „За то, отвѣчали волхвы, что они держатъ всякое добро; если истребимъ ихъ, то будетъ во всемъ обиліе; хочешь, передъ твоими глазами выйдемъ жито, рыбу или что иное.“ Янъ сказалъ имъ на это: „Все это ложь; сотвори въ Богъ человѣка отъ земли, составленъ онъ изъ костей, жилъ и крови; и ничего другого въ немъ нѣтъ, да и ничего другого о себѣ человѣкъ и знать не можетъ, одинъ Богъ знаетъ.“ Волхвы видѣли, что дѣло дурно для нихъ кончится, и потому начали говорить: „Намъ должно стать предъ Свято-славомъ, а ты не можешь намъ ничего сдѣлать.“ Янъ въ отвѣтъ велѣлъ ихъ бить и драть имъ бороды; и когда ихъ били, то Янъ спросилъ: „Что вамъ боги ваши говорятъ?“ Волхвы отвѣчали: „Стать намъ предъ Святославомъ.“ Тогда Янъ велѣлъ положить имъ деревянной отрубкомъ въ ротъ, привязать къ лодкѣ, и самъ отправился за ними внизъ по Шексѣ. Когда пришли къ устью этой рѣки, то Янъ велѣлъ остановиться, и опять спросилъ у волхвовъ: „Что вамъ боги говорятъ?“ Тѣ отвѣчали: „Боги говорятъ, что не быть намъ живымъ отъ тебя.“ — „Правду сказали вамъ ваши боги,“ отвѣчалъ имъ Янъ; тогда волхвы начали говорить: „Если отпустишь насъ, то много тебѣ добра будетъ; если же уберешь, то большую печаль приносишь и зло.“ Онъ сказалъ имъ на это: „Если я отпущу васъ, то зло мнѣ будетъ отъ Бога,“ и потомъ, обратившись къ лодочникамъ, сказалъ имъ: „У кого изъ васъ они убили родныхъ?“ Одинъ отвѣчалъ: „У меня убили мать,“ другой — „У меня сестру,“ третій — „У меня дочь.“ — „Ну такъ метите за своихъ,“ сказалъ имъ Янъ. Лодочники схватили волхвовъ, убили и повѣсили на дубѣ, а Янъ пошелъ домой; на другую ночь медвѣдь взялъ на дубъ и съѣлъ трупъ волхвовъ. Лѣтоишь прибавляетъ при этомъ любопытное извѣстіе, что въ его время волхвовали преимущественно женщины чародѣйствомъ и отравою и другими бѣсовскими кознями.

Какъ слабо еще было вкоренено христіанство на сѣверѣ, лучшимъ доказательствомъ служить слѣдующій разсказъ лѣтописца: всталъ волхвъ въ Новгородѣ, при князѣ Глѣбѣ Святославичѣ, сталъ говорить къ народу, выдавать себя за бога, и многихъ прельстилъ, почти что весь городъ. Онъ хулилъ вѣру христіанскую, говорилъ, что все знаетъ

и что передъ всѣми перейдетъ Волховъ какъ посуху. Въ городѣ всталъ мятежъ, все повѣрили волхву и хотѣли убить епископа; тогда епископъ облачился въ ризы, взявъ крестъ, и, ставши, сказалъ: „Кто хочетъ вѣрить волхву, тотъ пусть идетъ къ нему, а кто вѣруетъ во Христа, тотъ пусть идетъ ко кресту.“ Жители раздѣлились на-двое: князя Глѣбъ съ дружиною пошли и стали около епископа, а простые люди все шли къ волхву, и былъ мятежъ большой между ними. Тогда князь Глѣбъ, взявши потихоньку топоръ, подошелъ къ волхву и спросилъ у него: „Знаешь ли, что будетъ завтра утромъ или вечеромъ?“ — „Все знаю,“ отвѣчалъ волхвъ. — „А знаешь ли, спросилъ опять Глѣбъ, что будетъ нынче?“ „Нынче, отвѣчалъ волхвъ, я сдѣлаю большія чудеса.“ Тутъ Глѣбъ вынулъ топоръ и разрушилъ кудесника, а люди, видя его мертвымъ, разошлись. Въ 1091 году явился опять волхвъ въ Ростовѣ, но скоро погибъ. — Изъ этихъ разсказовъ видно, что волхвы вставали и имѣли успѣхъ преимущественно на сѣверѣ, въ странахъ финскихъ; такъ встали волхвы въ Ярославлѣ, въ странѣ финскаго племени Мери; въ Чудѣ, издавна славную своими волхвами, ходилъ гадать Новгородецъ; въ Ростовѣ Св. Авраамій низвергнулъ послѣдняго каменнаго идола Велеса ¹⁾; въ Муромѣ искорененіе язычества приписывается князю Константину ²⁾. Изъ славянскихъ племенъ позднѣе другихъ приняли христіанство Вятчи, удаленные вначалѣ отъ главныхъ дорогъ, влѣдствіе чего послѣ всѣхъ племенъ они подчинились русскимъ князьямъ, послѣ всѣхъ подчинились и христіанству; во второй половинѣ XI вѣка скончался у нихъ мученическою смертію проповѣдникъ христіанства, Св. Кушна, монахъ киевопечерскій; въ XII вѣкѣ, по словамъ лѣтописца, Вятчи еще сохранили языческіе обычаи, сожигали мертвецовъ и проч. ³⁾. Что на югѣ, въ Кіевѣ христіанство было крѣпче утверждено, чѣмъ на сѣверѣ, доказываетъ разсказъ лѣтописца о волхвѣ, который было-явился въ Кіевѣ, но не имѣлъ здѣсь такого успѣха, какъ ему подобны на сѣверѣ; этотъ волхвъ

¹⁾ Житіе Св. Авраамія, Прологъ 29 октября: «Видѣвъ же преподобный Авраамій прелесть идольскую есущу во градѣ Ростовѣ, не убо быша еще гражданае пріяли скрещеніе, по Чудѣ ски живуще и поклоняющесе идолю». Тутъ же сказано, что святой былъ оклеветанъ бѣсомъ предъ Владимірскимъ княземъ. По другимъ извѣстіямъ, Велесу поклонялись въ Чудскомъ концѣ города.

²⁾ Прологъ мая 21: «Константинъ Святославичъ пришелъ изъ Кіева съ сыновьями Михайломъ и Осодоромъ къ Мурому, гдѣ васьель язычникомъ. «Еще прежде его Св. Глѣбъ много покусиа не возможе одолѣти его (Мурома) и обратити во снъ крещеніе, но поживъ вдале его два поприща два лѣта и отъ Святополка пованъ лестію». Константинъ взявъ Муромъ съ болшими впрочемъ трудомъ, причемъ былъ убитъ сынъ его Михайлъ. — Сообразна указаніе на Св. Глѣба, какъ на непосредственнаго предшественника, должно принять, что подъ именемъ Константина разумѣется здѣсь одинъ изъ первыхъ Святославичей, заповѣвшихъ Муромъ.

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 6. Есть преданіе, что жители города Мценска окончателно приняли христіанство только въ XV вѣкѣ, въ княженіе Василія Дмитріевича. Русск. Вивлію. Полевого, стр. 361.

проповѣдывалъ, что черезъ пять лѣтъ Дибъръ потечетъ вверху, и страны помѣняются мѣстами своими: Греческая Земля станетъ на мѣстѣ Русской, а Русская на мѣстѣ Греческой. Люди несмысленные, говорятъ лѣтописецъ, слушали его, но вѣрные насмѣхались надъ нимъ, говоря: „Вѣсь играетъ тобою тебѣ же на пагубу,“ что и сбылось,—въ одну ночь пропалъ волхвъ безъ вѣсти. Въ какихъ слояхъ общества крѣпче была утверждена новая религія, въ какихъ слабѣе, можно видѣть изъ разсказа о новгородскомъ волхвѣ: князь и дружина пошли на сторону епископа, все остальное народонаселеніе, простые люди пошли къ волхву.

Несмотря однако на всѣ эти препятствія, христіанство распространялась постоянно по областямъ, подчиненнымъ Руси; если въ началѣ описываемаго времени все низшее народонаселеніе Новгорода стало на сторону волхва, то въ концѣ, именно въ 1227 году, въ Новгородѣ сожгли четырехъ волхвовъ. Несмотря на то, что и въ Ростовской области фниское язычество выставляло сильный отпоръ христіанству, проповѣдники послѣдняго шли далѣе на сѣверъ: въ 1147 г. преподобный Герасимъ, монахъ кievскаго Глушинскаго монастыря, проповѣдывалъ христіанство въ окрестностяхъ нынѣшней Вологды¹⁾; новгородскіе выселенцы приносили съ собою свою вѣру въ область Сѣверной Двины и Камы; мы видѣли, вѣлѣдствие какихъ обстоятельствъ Русская Церковь не могла успѣшно бороться съ Римскою въ Ливоніи; но за то подъ 1227 годомъ читаемъ, что князь Ярославъ Всеволодовичъ крестилъ множество Коряль²⁾.

Касательно управленія своего, Церкви Русская попрежнему зависѣла отъ Константинопольскаго патріарха, который поставлялъ для нея митрополитовъ, произносилъ окончательный приговоръ въ дѣлахъ церковныхъ, и на судъ его не было апелляціи. Извѣстія о митрополитахъ русскихъ описываемаго времени очень скудны, что объясняется ихъ чужими, греческимъ происхожденіемъ, много препятствовавшимъ обнаруженію ихъ дѣятельности; это чуждое происхожденіе, быть можетъ, было одною изъ причинъ, почему сначала митрополиты жили не въ Кіевѣ, но въ Переяславѣ³⁾: предлагали же послѣ патріарху Іереміи быть Московскимъ патріархомъ, но жить не въ Москвѣ, а во Владимірѣ, по причинѣ его чужеродности. Изъ шестнадцати митрополитовъ⁴⁾, бывшихъ въ это время, замѣчательны: 1) Іоаннъ II-й (1080—1089), о которомъ лѣтописецъ говоритъ, что былъ онъ хитръ кнйгамъ и ученью, милостивъ къ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ со всякимъ, богатымъ и убогимъ,

смирень и кротокъ, молчаливъ и вмѣстѣ рѣчиствъ, когда нужно было кнйгами святыми утѣшать печальныхъ; такого не было прежде на Руси, да и не будетъ, заключаетъ лѣтописецъ свою похвалу. 2) Никифоръ (1107—1121), замѣчательный своими посланіями къ Владиміру Мономаху. 3) Климентъ Смолятичъ, книжникъ и философъ, каковаго не было въ Русской Землѣ, по выраженію лѣтописца. Въ начальномъ періодѣ нашей исторіи мы видѣли примѣры поставленія митрополита изъ Русскихъ русскими епископами, независимо отъ Византійскаго патріарха; въ описываемый періодъ примѣръ этотъ повторился въ 1147 году, когда князь Изяславъ Мстиславичъ поставилъ митрополитомъ Клима, или Климента, родомъ изъ Смоленска, отлучавшагося, какъ мы видѣли, ученію. Думають, что поводомъ къ такому явленію могли быть замѣшательства, происходившія въ то время на патріаршемъ византійскомъ престолѣ, и неудовольствіе князя на бывшаго предъ тѣмъ митрополита Михаила, самовольно уѣхавшаго въ Грецію⁵⁾. Какъ бы то ни было, между собравшимися для посвященія Клима въ Кіевъ епископами обнаружилось сильное сопротивленіе желанію князя; они были не прочь отъ поставленія русскаго митрополита, но требовали, чтобъ Клима взялъ благословеніе у Константинопольскаго патріарха; они говорили ему: „Нѣтъ того въ законѣ, чтобъ ставить епископамъ митрополита безъ патріарха, а ставить патріархъ митрополита; не станемъ мы тебѣ кланяться, не станемъ служить съ тобою, потому что ты не взялъ благословенія у Св. Софїи и отъ патріарха; если же исправишься, благословишься у патріарха, тогда и мы тебѣ поклонимся: мы взяли отъ митрополита Михаила рукописаніе, что не слѣдуетъ намъ безъ митрополита у Св. Софїи служить“⁶⁾. Тогда Онуфрій, епископъ Черниговскій, предложилъ средство къ соглашенію епископовъ, а именно: предложилъ поставить новаго митрополита главою Св. Климента, по примѣру Грековъ, которые ставили рукою Св. Іоанна. Епископы согласились, и Клима былъ посвященъ. Одинъ только Нифонтъ Новгородскій уперствовалъ до конца, за что терпѣлъ гоненіе отъ Изяслава, а отъ патріарха получилъ грамоты, гдѣ тотъ прославлялъ его и причиталъ къ святымъ; и въ нашей лѣтописи Нифонтъ называется поборникомъ всей Русской Земли⁷⁾. Вообще лѣтописецъ въ этомъ дѣлѣ принимаетъ сторону Нифонты противъ Изяслава нововведенія; быть можетъ, здѣсь замѣшались и другія отношенія: лѣтописецъ говоритъ, что Нифонтъ былъ друженъ съ Святославомъ Ольговичемъ; понятно, что въ самомъ Новгородѣ сторона, пример-

¹⁾ Словарь Историч. о святыхъ, прославленныхъ въ Русе. Церкви.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 191.

³⁾ Тамъ же, стр. 89: «Въ бо прежде въ Переяславѣ митрополды».

⁴⁾ Георгій, Іоаннъ II, Іоаннъ III, Ефрехъ (?), Николай, Никифоръ, Никита, Михаилъ II, Климентъ Смолятичъ, Константинъ I-й, Феодоръ, Іоаннъ IV, Константинъ II, Никифоръ II, Матей, Кириллъ I-й.

⁵⁾ Очеркъ исторіи Русской Церкви въ періодъ до-татарскій, соч. Арх. Макарія, Спб., стр. 47.

⁶⁾ Эти послѣднія слова любонитны; они показываютъ, что Михаилъ уѣхалъ по неудовольствію, и, боясь отъ русскаго правительства попытокъ къ отложенію, взялъ слово съ епископовъ не служить въ Софїйскомъ соборѣ безъ митрополита, присланнаго изъ Византіи.

⁷⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 79.

женная къ Мстиславичамъ, непріязненно смотрѣла на Нифонта, и лѣтописецъ даетъ знать, что многіе здѣсь говорили про него дурно ¹⁾. — Когда, по смерти Изяслава, Юрій Долгорукій получилъ старшинство, то сторона, стоявшая за право патріарха, восторжествовала, Климыъ былъ свергнутъ и на его мѣсто былъ присланъ изъ Царяграда митрополитъ Константинъ I-й. Первымъ дѣломъ новаго митрополита было проклясть память покойнаго князя Изяслава; но этотъ поступокъ не остался безъ вредныхъ слѣдствій для Русской Церкви и для самого Константина. Когда, по смерти Долгорукаго, сынъ Изяслава, Мстиславъ доставилъ Кіевскій столъ дядѣ Ростиславу, то требовалъ непремѣнно сверженія Константина за то, что послѣдній клялъ отца его; съ своей стороны, дядя его Ростиславъ не хотѣлъ возстановить Клима, какъ неправильно избраннаго; наконецъ, для прекращенія смуты, князья положили свести обоимъ митрополитовъ и послать къ патріарху за третьимъ; патріархъ исполнилъ ихъ желаніе и прислалъ новаго митрополита, Грека Феодора.

Несмотря на возстановленіе права патріарха прислать въ Кіевъ отъ себя митрополита, великіе князья не отказывались отъ права принимать только такихъ митрополитовъ, которые были имъ удобны. Такъ, въ 1164 году, в. князь Ростиславъ Мстиславичъ возвратилъ назадъ митрополита Іоанна, присланнаго патріархомъ безъ его воли; много труда и даровъ стоило императору убѣдить Ростислава принять этого Іоанна; есть извѣстіе, что великій князь отвѣчалъ императорскому послу: „Если патріархъ безъ нашего вѣдома впередъ поставитъ въ Русь митрополита, то не только не приму его, но и возстановимъ однажды навсегда — избрать и ставить митрополитовъ епископамъ русскимъ съ повѣршенія великаго князя“ ²⁾. Послѣ неудачной попытки освободить русскаго митрополита изъ-подъ власти Константинопольскаго патріарха, видимъ неудачную попытку къ освобожденію: Сѣверной Руси отъ церковнаго вліянія Южной, къ освобожденію Владимірскаго епископа изъ-подъ власти Кіевскаго митрополита. Въ лѣтописи ³⁾ встрѣчаемъ извѣстіе, что Андрей Боголюбскій хотѣлъ имѣть для Владиміра-Залѣскаго особаго митрополита, и просилъ объ

этомъ Константинопольскаго патріарха, но тотъ не согласился. Князь покорился рѣшенію патріарха, но не хотѣлъ покориться ему епископу Феодору, не хотѣлъ подчиниться Кіевскому митрополиту на томъ основаніи, что поставился въ Константинополь, отъ самого патріарха ⁴⁾, и когда князь Андрей сталъ уговаривать его идти въ Кіевъ для полученія благословенія отъ митрополита, то Феодоръ затворилъ церкви во Владимірѣ. Андрей послалъ его насильно въ Кіевъ, гдѣ митрополитъ Константинъ II-й, Грекъ, рѣшился неслыханною строгостью задвинуть попытку сѣвернаго духовенства къ отложенію отъ Кіева: Феодора обвинили всѣми винами и наказали страннымъ образомъ. Вотъ самый рассказъ лѣтописца объ этомъ: „Въ 1172 году сотворилъ Богъ и Св. Богородица новое чудо во городѣ Владимірѣ; изгнавъ Богъ и Св. Богородица Владимірскаго злаго, пронырливаго и гордаго лстеца, лживаго владыку Феодора, изъ Владиміра отъ Св. Богородицы церкви Златоверхой, и отъ всей Земли Ростовской. Нечестивецъ этотъ не захотѣлъ послушаться хрестолюбиваго князя Андрея, приказывавшаго ему идти ставиться къ митрополиту въ Кіевъ, не захотѣлъ, но, лучше сказать, Богъ не захотѣлъ его и Св. Богородица, потому что, когда Богъ захочетъ наказатъ человѣка, то отниметъ отъ него умъ. Князь былъ къ нему расположень, хотѣлъ ему добра, а онъ не только не захотѣлъ поставленія отъ митрополита, но и церкви всѣ во Владимірѣ затворилъ и ключи церковныя взялъ, и не было ни звона, ни пѣнія во всему городу и въ соборной церкви, въ которой чудотворная Матерь Божія, — п ту церковь дерзнулъ затворить, и такъ разпѣвалъ Бога и Св. Богородицу, что въ тотъ же день былъ изгнанъ. Много пострадали люди отъ него: одни лишились селя, оружія, коней, другіе обращены были въ рабство, заточены, разграблены, и не только простые люди, но и монахи, игумены, іереи: немилостивый былъ мучитель, — однимъ головами рубилъ бороды рѣзалъ, другимъ глаза выкигалъ и языки вырѣзывалъ, иныхъ распиналъ на стѣнѣ и мучилъ немилостиво, желая исторгнуть отъ нихъ имѣнія: до имѣнія былъ жаденъ какъ адъ. Князь Андрей послалъ его къ митрополиту въ Кіевъ, а митрополитъ Константинъ обвинилъ его всѣми винами, велѣлъ отвести на Песій островъ, гдѣ ему отрѣзали языкъ, какъ злодѣю еретику, руку правую отсѣкли и глаза выкололи, потому что хулу произнесъ на Св. Богородицу... Везъ покаянія пробылъ онъ до послѣдняго издыханія. Такъ почитаютъ бѣсы почитающихъ ихъ: они довели его до этого, вознесли мысль его до облаковъ, устроили въ немъ втораго Сатанила, и свели его въ адъ... Види Богъ озлобленіе кроткихъ людей своихъ Ростовской Земли, погибающихъ отъ звѣрднаго Феодора, посылитъ, спасъ людей своихъ рукою крѣпкою, мышцею высокою, рукою благочестиваго царскаго правдинаго, благовѣрнаго князя Андрея. Это мы написали для

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 12. «Шельъ баше (Нифонтъ) Кіеву противу митрополита, нивъ же мнози глаголаху яко получивъ св. Софію, поиде къ Царюграду, и много глаголаху наъ». Никон. II, 154: «Имѣнія много истощи и разядаде ово патріарху Константиноградскому и прочимъ сущимъ тамо, ово митрополиту Кіевскому и инымъ многымъ».

²⁾ Эти слова находятся только въ сводѣ лѣтописей Татищева; но что отвѣтъ в. князя находился и въ другихъ спискахъ, доказательствомъ служить его изглаженіе или пропускъ въ нихъ: такъ Археогр. Комиссія свидѣтельствуеъ, что послѣ словъ императорскаго посла Ростиславу: «аще приемиши съ любовью благословеніе отъ св. Софіи», находится пропускъ во всѣхъ спискахъ, съ пробѣломъ въ одномъ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 92); Карамзинъ говоритъ также, что въ его экземплярахъ Кіевской лѣтописи въ этомъ именомъ мѣстѣ пропускъ (II, прим. 414).

³⁾ Никон. II, 179.

⁴⁾ Никон. II, стр. 296.

того, чтобъ впередъ другіе не наскакивали на святительскій санъ, но пусть удостоиваются его только тѣ, кого Богъ позоветъ¹⁾“.—Изъ приведеннаго мѣста лѣтописи видно, что лежитъ на основѣ обвиненія: бѣсы вознесли мысль Θεодора до облаковъ и устроили въ немъ втораго Сатанила: „Мы написали это, говорится въ заключение, дабы впередъ никто не смѣлъ наскакивать на святительскій санъ“. Во сколько преступленія Θεодора преувеличены тѣми, которые могли желать обвинить его всѣми винами,—теперь рѣшить трудно; для историка это явленіе особенно замѣчательно, какъ попытка епископа Сѣверной Руси отложиться отъ Кіевского митрополита.

Попытка эта не удалась; митрополитъ Кіевскій продолжалъ поставлѣть епископовъ во всѣ епархіи Русской Церкви, которыхъ были 15 въ описываемое время²⁾; но какъ в. князья кіевскіе позволяли Константинопольскому патріарху присылать къ нимъ митрополитовъ только съ ихъ согласія, такъ и князья другихъ восточнѣе не позволяли Кіевскому митрополиту назначать епископовъ въ ихъ города по собственному произволу: такъ, напр., когда въ 1183 году митрополитъ Никифоръ поставилъ епископомъ въ Ростовѣ Грека Николая, то Всеволодъ III-й не принялъ его и послалъ сказать митрополиту: „Не избрали его люди земли нашей; но если ты его поставилъ, то и держи его гдѣ хочешь, а мнѣ поставь Луку, смиреннаго духомъ и кроткаго игумена Св. Спаса на Берестовѣ³⁾“. Митрополитъ сперва отказался поставитъ Луку, но послѣ принужденъ былъ уступить волѣ Всеволода и Кіевского князя Святослава, и посвятилъ его въ епископы Суздальской Земли, а своего Николая Грека послалъ въ Полоцкъ; къ Грекамъ, какъ видно, не были вообще очень расположены, что замѣчаемъ изъ отзыва лѣтописца о Черниговскомъ епископѣ Антоніи: „Онъ говорилъ это на словахъ, а въ сердцѣ затаилъ обманъ, потому, что былъ родомъ Грекъ“.—Такимъ образомъ избраніе епископовъ не принадлежало исключительно митрополиту. Но какъ же происходило это избраніе? Въ Новгородѣ, при избраніи епископа, въ совѣщаніи участвовали: князь, игумены, Софьяны (люди, принадлежавшіе къ вѣдомству Софійскаго собора), бѣлос духовенство (попы); въ случаѣ несогласія бросали

жребій, и избраннаго такимъ образомъ посылали къ митрополиту на поставленіе; вотъ лѣтописный рассказъ объ избраніи владыки Мартирія⁴⁾: „Преставился Гавріиль, архіепископъ Новгородскій; Новгородцы, съ княземъ Ярославомъ, съ игуменами, Софьянами и съ полами стали разсуждать, кого бы поставитъ на его мѣсто: одни хотѣли поставитъ Митрофала, другіе Мартирія, третьи—Грека; начались споры, для прекращенія которыхъ положили въ Софійской церкви на престолѣ три жребія, и послали съ вѣча слѣнца вынуть ихъ; вынулосъ Мартирію, за которымъ немедленно послали въ Русу, привезли и посадили во дворѣ Св. Софіи, а къ митрополиту послали сказать: „Поставь намъ владыку“. Митрополитъ придалъ за нимъ съ великою честію, и пошелъ Мартирій въ Кіевъ съ лучшими мужами, былъ принятъ съ любовію княземъ Святославомъ и митрополитомъ, и посвященъ въ епископы“. Въ другихъ областяхъ выборъ зависѣлъ, большею частію, отъ воли князя: такъ читаемъ въ лѣтописи, что, по смерти Вѣлгородскаго епископа Максима, великій князь Рюрикъ поставилъ на его мѣсто отца своего духовнаго, Адріана, игумена Выдубицкаго⁵⁾. Какъ старались иногда князья объ избраніи епископовъ, указываетъ мѣсто изъ письма епископа Симона къ Печерскому монаху Поликарпу: „Нинетъ ко мнѣ княгиня Ростислава, Верхуслава, хочетъ поставитъ тебя епископомъ, или во Новгородъ на Антошево мѣсто, или въ Смоленскъ на Лазарево мѣсто, или въ Юрьевъ на Алексѣево мѣсто; нинетъ, что если понадобится для этого раздать и тысячу гривень серебра, то не пожалѣеть“⁶⁾. Какъ при избраніи епископовъ имѣли вліяніе то народъ, то князь, такъ точно возстаніе народа или неудовольствіе князя могли быть причинами изложенія и изгнанія епископовъ; мы видѣли примѣры, какъ однажды въ Новгородѣ простой народъ выгналъ владыку Арсенія потому, что на дворѣ долго стояла теплая погода; при этомъ слышались обвиненія, что Арсеній выпроводилъ предшественника своего, владыку Антонія, въ монастырь, а самъ сѣлъ на его мѣсто, задаривши князя. Это обвиненіе указываетъ на сильное вліяніе князя при избраніи епископа даже въ Новгородѣ; съ другой стороны, Всеволодъ III-й не хочетъ принять епископа Николая, потому что не избрали его люди Земли Суздальской; Ростиславъ Мстиславичъ въ своей грамотѣ говорить, что онъ привелъ епископа въ Смоленскъ, сдумавъ съ людьми своими. Въ 1159 году Ростовцы и Суздальцы выгнали своего епископа Леона⁷⁾; но, по другимъ извѣстіямъ, виновникомъ изгнанія былъ князь Андрей Боголюбскій⁸⁾, который возвратилъ потомъ изгнаннаго, и слова изгналъ.

¹⁾ При внимательномъ изслѣдованіи этого мѣста лѣтописи можно подумать, что это официальный современный актъ, именно посланіе митрополита, извѣщающее о преступленіи и наказаніи епископа Θεодора, и занесенное въ лѣтопись его составителемъ, съ перелѣтною нѣкоторыхъ цѣлмогихъ формъ; въ этомъ мѣтинѣ утверждаетъ некая случіе приведеннаго мѣста съ извѣстными посланіями митрополитовъ и другихъ духовныхъ лицъ.—Любопытно выраженіе нѣкоторыхъ лѣтописей о Θεодорѣ: «бѣла и клубучекъ» (Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 12).

²⁾ Новгородская, Ростовская, Владимірская, Волынская, Вѣлгородская, Черниговская, Юрьевская, Переяславская, Хелмская, Полоцкая, Туровская, Смоленская, Перемышльская, Галицкая, Рязанская, Владимірская на Клязьмѣ.

³⁾ Воскрес. (II, 108) прибавляетъ: «заче поставилъ бѣа мѣздѣ Николу Гречина».

⁴⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 21.

⁵⁾ Тамъ же, II, 138; Никон. II, 363.

⁶⁾ Намятн. Слов. XII вѣка, стр. 255.

⁷⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 149.

⁸⁾ Тамъ же, II, 91.

Кромѣ права рукополагать епископовъ, митрополитъ имѣлъ право суда и расправы надъ ними: въ 1055 г. Новгородскій епископъ Лука Жидята, по ложному доносу на него, осужденъ былъ митрополитомъ Ефремомъ, и три года содержался въ Кіевѣ до оправданія ¹⁾; Ростовскій епископъ Несторъ, оклеветанный своими же домашними, лишенъ былъ на время епархіи митрополитомъ Константиномъ ²⁾; наконецъ мы видѣли поведеніе митрополита относительно Владимірскаго епископа Теодора. Въ важныхъ случаяхъ, напр. при поставленіи Кліма Смолятича въ митрополиты, также особенно по поводу ересей и неправыхъ толковъ, созывались соборы въ Кіевѣ. Ереси въ описываемое время были: ересь Павликианъ, или Богомиловъ, которую пытались распространить на Руси монахъ Адріанъ еще въ 1004 году; Адріанъ, заключенный въ темницу, отказался отъ своего ученія; но въ 1123 году попытка была возобновлена какимъ-то Дмитромъ, который однако былъ скоро сосланъ въ заточеніе ³⁾; въ 1149 году явился въ Кіевъ изъ Константинополя еретикъ Мартинъ, изложившій свое ученіе въ особой книгѣ, носившей названіе „Правда“. Сельвътъ распространялъ Мартинъ свое ученіе въ Кіевѣ, успѣлъ привлечь на свою сторону не только множество простаго народа, но и многихъ изъ духовенства, пока наконецъ Кіевскій соборъ, въ 1157 году, не осудилъ его ученіе; Константинопольскій соборъ подтвердилъ рѣшеніе Кіевскаго, и еретикъ былъ сожженъ въ Царѣградѣ. Мы упоминали уже о епископѣ Леонѣ, изгнанномъ Ростовцами и Суздальцами; въ Сѣверной лѣтописи, подъ 1159 годомъ, причину изгнанія приводится то, что онъ разорялъ священниковъ умноженіемъ церквей ⁴⁾. Подъ 1162 г., тотъ же лѣтописецъ говоритъ о началѣ ереси Леонтианской; по его разсказу, епископъ Леонъ не по правдѣ поставленъ епископомъ въ Суздаль, потому что прежній Суздальскій епископъ Несторъ былъ еще живъ. Леонъ сталъ учить, что не должно ѣсть мяса въ господскіе праздники, если они случаются въ среду или пятницу, ни въ Рождество Господне, ни въ Крещенье; по этому случаю былъ сильный споръ ⁵⁾ предъ княземъ Андреемъ и всѣми людьми; Леона переспорили, но онъ отправился въ Константинополь для рѣшенія дѣла; здѣсь оспорилъ его Адріанъ, епископъ Волгарскій, предъ императоромъ Мануиломъ, причемъ Леонъ началъ-было говорить противъ самаго императора, слуги котораго ударили Леона въ шею и хотѣли-было утопить въ рѣкѣ; свидѣтелями всего этого были послы — кіевскій, суздальскій, переяславскій и черниговскій. Иначе разсказываетъ дѣло южная лѣтопись ⁶⁾ подъ 1162 годомъ:

по ся словамъ, князь Андрей Боголюбскій выгналъ епископа Леона вмѣстѣ съ братьями своими и боярами отцовскими, желая бытъ самовластцемъ, потому епископа возвратилъ, покаялся въ грѣхъ своемъ, возвратилъ впрочемъ въ Ростовъ, а не въ Суздаль, и держалъ его четыре мѣсяца на епископѣ; но послѣ сталъ у него просить позволенія ѣсть мясо по середамъ и по пятницамъ отъ Свѣтлаго Воскресенія до Всѣхъ Святыхъ; епископъ не позволилъ ему этого, и былъ изгнанъ вторично, пришелъ въ Черниговъ къ Святославу Ольговичу; тотъ утѣшилъ его и отпустилъ въ Кіевъ къ Ростиславу. Но этимъ дѣло не кончилось; незадолго до взятія Кіева войсками Андрея Боголюбскаго, Печерскій игуменъ Поликарпъ съ братіею положили ѣсть сыръ, масло, яйца и молоко во всѣ господскіе праздники, если случатся въ среду или пятницу. На это соглашался Святославъ, князь Черниговскій, и другіе князья и епископы, но митрополитъ запрещалъ, — и были по этому случаю большіе споры и распри. Тогда великій князь Мстиславъ Изяславичъ предложилъ созвать соборъ изъ всѣхъ епископовъ, игуменовъ, священниковъ и ученыхъ монаховъ, и сошло ихъ до полутораста. На соборѣ мѣшья раздѣлялись: одни держались митрополита, между прочими два епископа, Антоній Черниговскій и Антоній Переяславскій, другіе — Поликарпа; но большая часть, не желая досаждать ни митрополиту, ни князьямъ, отговаривались, что не въ состояніи рѣшить этого вопроса, и что положить такъ или иначе зависить отъ митрополита и отъ игуменовъ въ ихъ монастыряхъ; нѣкоторые наконецъ думали, что надобно отослать дѣло на рѣшеніе патріарха. Андрей Боголюбскій писалъ къ Мстиславу, что надобно свегнуть митрополита, выбрать русскимъ епископомъ новаго, и потомъ разсмотрѣть дѣло безпристрастно на соборѣ, представляя, что зависимость отъ патріарха Константинопольскаго тяжела и вредна для Руси. Но князь Мстиславъ, зная уже нерасположеніе къ себѣ многихъ князей и бояръ, съ другой стороны, раздражить и епископовъ, оставилъ дѣло безъ рѣшенія; но когда всѣ несогласные съ митрополитомъ епископы разошлись, тогда митрополитъ съ двумя Антоніями, Черниговскимъ и Переяславскимъ, осудилъ Поликарпа на заточеніе; а князь Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій выгналъ изъ своего города епископа Антонія ⁷⁾. Любопытно, что сѣверный лѣтописецъ во взятіи и оустоженіи Кіева войсками Боголюбскаго видитъ наказаніе за грѣхъ Кіевлянъ, особенно за неправду митрополита, который запретилъ Поликарпа ⁸⁾.

Относительно матеріальнаго благосостоянія Церкви, источниками для содержанія митрополита и епископовъ служили: 1) Десятина, которую опредѣляли князья изъ своихъ доходовъ на главныя церкви въ своихъ волостяхъ: такъ еще Св. Владиміръ опредѣлилъ въ пользу кіевской Богородичной

¹⁾ Никон. I, 150, 151.

²⁾ Тамъ же, II, 156.

³⁾ Никон. II, 56.

⁴⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 149: «заве умножилъ быше церкви грабый помы».

⁵⁾ Тамъ же, стр. 150.

⁶⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 91.

⁷⁾ Тамъ же, III, 160.

⁸⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 151.

церкви десятую часть имѣнія и доходовъ своихъ; о князѣ Ярополкѣ Изяславичѣ Волинскомъ лѣтописецъ говоритъ, что онъ давалъ десятину отъ всего своего имѣнія Св. Богородицѣ, но безъ точнаго опредѣленія, именно ли въ кievскую Богородичную церковь давалъ онъ десятину ¹⁾, потому что подъ Св. Богородицею могъ разумѣться и монастырь Печерскій, какъ разумѣется онъ послѣ, въ разсказѣ о щедрости того же Ярополка ²⁾. Андрей Боголюбскій далъ Богородичную Владимірскую церкви десятины въ стадахъ своихъ и торгъ десятый ³⁾. 2) Недвижимыя имѣнія: кievской Десятинной церкви принадлежали городъ Полоцкій ⁴⁾; Андрей Боголюбскій далъ Владимірской Богородичной церкви городъ Гороховецъ ⁵⁾, кромѣ того далъ слободы и села; и городъ былъ не одинъ: это видно какъ изъ лѣтописи ⁶⁾, такъ и изъ письма епископа Владимірскаго Симона къ кievонечерскому монаху Поликарпу: „Кто не знаетъ, что у меня, грѣшнаго епископа Симона, соборная церковь во Владимірѣ — красота всего города, да другая въ Суздаль, которую самъ построилъ? Сколько у нихъ городовъ и селъ? и десятину собираютъ по всей той землѣ, и всѣмъ этимъ владѣть наша худость“; но всѣмъ вѣроятностямъ, эти доходы шли не на одного митрополита и епископовъ, но также на поддержаніе и украшеніе самихъ церквей, на содержаніе клира, больницъ, богадѣленъ ⁷⁾, училищъ. 3) Судныя духовныя пошлины; 4) Ставленныя пошлины, взимаемыя за поставленіе священно и церковно-служителей. Относительно содержанія низшаго духовенства до насъ не дошло никакихъ извѣстій; мы видимъ, что Ярославъ I-й, строя церковь повсюду, назначилъ содержаніе духовенству; должно думать, что и впоследствии князья и частные люди, строя церковь, назначали извѣстные имущества или доходы на ея содержаніе и причта. Это всего лучше можно видѣть изъ уставной грамоты Новгородскаго князя Всеволода Мстиславича, данной церкви Св. Іоанна Предтечи на Опокахъ ⁸⁾. Въ этой грамотѣ князь Всеволодъ го-

ворить, что онъ поставилъ церковь Св. Іоанна на Петрятинѣ дворницѣ, снабдилъ ее иконами многоцѣнными и всякими книгами, приставилъ поповъ, дьякона и дьяка, на церковное строеніе далъ отъ имѣнія своего вѣсь воцаной, съ оставленіемъ только части для себя, да въ Торжкѣ пудъ воцаной, половина Св. Спасу, а половина Св. Іоанну. Изъ этого воцаного вѣсу поны, дьяконъ, дьякъ и сторожа получаютъ свои оброки (годовое жалованье). При этой церкви Св. Іоанна устроена была торговая община; князь Всеволодъ говоритъ въ грамотѣ: „Я поставилъ Св. Іоанну тронхъ старость отъ житыхъ людей, а отъ черныхъ тысяцкаго, отъ купцовъ двинхъ старость, пусть управляютъ всякими дѣлами Ивановскими, и торговыми, и гостинными, и судомъ торговыми, а посадники и бояре новгородскіе ни во что Ивановское не вступаютъ. А кто захочетъ вложиться въ Ивановское купечество, долженъ дать купцамъ пошлымъ (старымъ членамъ общины) владу пятьдесятъ гривенъ серебра, а тысяцкому сукно пшечое, и часть этой суммы куницы должны положить въ казну церковную. Вѣсь воцаной долженъ всегда находиться въ притворѣ Св. Іоанна; вѣшаютъ старосты ивановскіе, двое купцовъ пошлыхъ, добрыхъ людей, не пошлымъ купцамъ старосты не держать и вѣсу не вѣсить Ивановскаго“. Потомъ опредѣляется въ грамотѣ величина вѣсовыхъ пошлинъ съ гостей—низовыхъ, полоцкихъ и смоленскихъ, новоторжанскихъ и Новгородцевъ: низовой гость платилъ больше всѣхъ, полоцкій и смоленскій меньше, Новоторжанскій еще меньше, свой Новгородецъ—меньше всѣхъ.

Кромѣ грамоты, данной церкви Іоанна Предтечи, Всеволодъ далъ Новгороду еще другую, сходную съ уставомъ Св. Владиміра, съ нѣкоторыми впрочемъ дополненіями и перемѣнами. Въ ней читаемъ: „Возвахъ емь 10 сотскихъ и старосту Болеслава и бирича Миронку и старосту Иванскаго Васяту, и погадалъ емь со владыкою и съ своею книжницею и съ своими боярами и со десятью сотскими и съ старостами. Далъ семи судъ и мѣрила въ Новгородѣ Св. Софій и епископу, и старостѣ Ивановскому, и всему Новуграду мѣрила торговая, скалвы воцанія, пуды медовые и гривенку рублевую, и локоть Иванскій, и свой оброкъ купецъ чери(и)цалъ; а попу Иванскому русская пень съ Борисоглѣбскимъ на поляхъ; и сторожу Иванскому русской порочицы пятно, да десять конюховъ соли. Домъ Св. Софій владыкамъ строити съ сотскими; а старостамъ и торговцамъ докладывая владыки или кто будетъ нашего роду князей въ Новѣградѣ, строити домъ Св. Івана. Торговая вся вѣсы, мѣрила. . . епископу блости безъ пакости, ни умаливати, ни умноживати и на всякій годъ извѣщивати. А скриватся, а кому приказано, и того казнити близко смерти, а животь его на трое; треть живота Св. Софій, а другая треть Св. Івану, а третья треть сотскимъ и Новуграду. А се церковныи люди: игуменія, игуменія, попъ, дьяконъ и дѣти ихъ; а и кто въ крылоси: понадыя, чернецъ, черница, поломникъ (при-

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 88.

²⁾ Тамъ же, II, 82.

³⁾ По свидѣтельству Степенной книги (I, 157), Св. Владиміръ опредѣлялъ давать десятину каждому князю главной соборной церкви въ его волости.

⁴⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 153.

⁵⁾ Тамъ же, II, 117; I, 201.

⁶⁾ Тамъ же, I, 160: «да города».

⁷⁾ Опис. Рукоп. Рузянц. Муз. стр. 294.

⁸⁾ Въ подлинности этой грамоты не можетъ быть сомнѣнія: къ счастью, до насъ дошло два ея списка (Дополн. къ Акт. Истор. I, № 3), изъ сличенія которыхъ можно ясно видѣть, какими искаженіями подвергались грамоты отъ переписчиковъ: въ началѣ одного списка читаемъ: «Се язъ князь великій Всеволодъ, нареченный во св. крещеніи Гаврилъ, самодержецъ сынъ Мстиславъ, внукъ Володимировъ Мономаха властвующа всею Русскою Землею и властью Новгородскою». А въ другомъ списокѣ послѣднія слова отнесены не къ Мономаху, а къ самому Всеволоду, и читаемъ: «владычествующа ми всею Русскою Землею и всею областью Новгородскою», откуда выходятъ историческая неособириность, заставляющая заподозрить подлинность грамоты.

шлець), свѣщегась, сторожникъ, слѣпѣцъ, хромѣцъ, вдовща, цущеникъ, задушный человѣкъ, изгойской (изгой трой): поповъ сынь грамотѣ не умѣтъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ; а и четвертое изгойство и себе приложимъ: аще князь осиротѣтъ.... А се изыскахомъ: у третьей жѣнѣ и у четвертой дѣтямъ предлюбодѣнная часть въ животѣ. Аще будетъ полнѣ животомъ, ино дастъ дѣтямъ третей жены и четвертой по уроку; за нежъ тѣ и отъ закона отлучени. Изъ велика живота какъ рабочицишу часть, коня да доспѣхъ и покрутъ⁴.

Къ 1137 году относится Уставъ, данный княземъ Святославомъ Ольговичемъ новгородскому Софійскому собору; въ началѣ его князь Святославъ ссылается на прадѣдовъ и дѣдовъ своихъ, которые установили брать епископамъ десятину отъ даней, вирь и продажъ, отъ всего, что входитъ въ княжой дворъ¹). Къ 1150 году относится уставная грамота Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича и епископа Мануила, даныя епископіи Смоленской²). Вслѣдствіе давняго соединенія Смоленской волости съ Переяславскою подъ властію одного князя, церковь Смоленская находилась подъ вѣдомствомъ епископа Переяславскаго. Это соединеніе должно было имѣть въ послѣдствіи большія невыгоды уже по самому отдѣленію Смоленской волости отъ Переяславской, отрѣзываемыхъ другъ отъ друга почти всегда враждебною волостію Черниговскою; уже сынь Мономаха, Мстиславъ имѣлъ намѣреніе учредить въ Смоленскѣ особую епископію; понятно, что сынь его, Смоленскій князь Ростиславъ спѣшилъ привести въ исполненіе мысль отцовскую. Ростиславъ говоритъ въ началѣ грамоты, что онъ устанавливаетъ епископію, посовѣтовавшись съ людьми своими, но повелѣнію отца своего святаго, и для содержанія епископа съ клиросомъ дастъ церкви Св. Богородицы и епископу прощениковъ съ медомъ, кунами и продажами, съ запрещеніемъ судить ихъ кому-либо другому, кромѣ епископа; дастъ церкви и епископу десятину отъ всѣхъ даней смоленскихъ, что сходится въ нихъ истыхъ куни, кромѣ продажи, вири и кромѣ полюдя. Сверхъ того, князь далъ нѣсколько селъ, съ изгоями и съ землею; судъ церковный утвержденъ исключительно за епископомъ. Въ концѣ грамоты Ростиславъ говоритъ, что если кто захочетъ по зависти приложить опять Смоленскую епископію къ Переяславской, то князь имѣетъ право отнять все данное на содержаніе епископа.

Эта грамота Ростислава Мстиславича, не представляющая никакихъ несообразностей, не могущая слѣдовательно подать поводъ ни къ какимъ заподозриваніямъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ въ пользу церковныхъ уставовъ Владиміра Св. и Ярослава I-го, потому что, подобно имъ,

заключаетъ въ себѣ уставъ о судахъ церковныхъ, принадлежавшихъ епископу. Выше было замѣчено, что необходимо отнести начало церковнаго суда ко временамъ введенія христіанства въ Русь, необходимо отнести первые уставы о немъ ко временамъ Владиміра и Ярослава, хотя бы и не въ той формѣ, въ какой они дошли до насъ; что же касается до признанія и употребленія этихъ уставовъ въ описываемое время, т.-е. отъ 1054 до 1228 года, то въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Руководствомъ, кормчею книгою при церковномъ управленіи и судахъ былъ принятъ у насъ съ самаго начала Номоканонъ, которымъ руководствовалась Церковь Греческая. Должно думать, что онъ употреблялся въ описываемое время и въ греческомъ подлинникѣ, потому что митрополиты и нѣкоторые епископы были изъ Грековъ, и въ славянскомъ переводѣ, ибо есть свидѣтельства изъ XVI вѣка о существованіи тогда харатейныхъ славянскихъ кормчихъ, писанныхъ при Ярославѣ I-мъ и сынѣ его Изяславѣ³);—что же касается до правъ духовенства, какъ сословія, то оно было свободно отъ гражданскаго суда, службы и податей гражданскихъ⁴).

Мы видѣли важное значеніе духовенства въ первые времена введенія христіанской вѣры въ Русь, когда епископы являлись необходимыми совѣтниками князя во всемъ, касавшемся наряда въ странѣ; въ описываемое время это значеніе нисколько не уменьшилось: духовенство принимаетъ сильное участіе въ событіяхъ, въ примиреніяхъ князей, въ утишеніи народныхъ возстаній; мы видѣли, что послѣ ослѣпленія Василья Кіевляне отравили къ Мономаху митрополита Николая, который уговорилъ князя помирился съ Святополкомъ; Мономахъ послушался митрополита, ибо читалъ санъ святительскій, говоритъ лѣтописецъ. Игумень Григорій помѣшалъ войнѣ между Мстиславомъ Владиміровичемъ и Всеволодомъ Ольговичемъ Черниговскимъ. Вячеславъ употреблялъ митрополита для переговоровъ съ тѣмъ же Всеволодомъ Ольговичемъ. Бѣлгородскій епископъ Теодоръ и Печерскій игумень Теодосій были посредниками при заключеніи мира между великимъ княземъ Изяславомъ Мстиславичемъ и черниговскими князьями. Когда Юрій Долгорукій хотѣлъ выдать Ярославу Галицкому двоюроднаго брата его, то митрополитъ сталъ говорить Юрію: „Грѣхъ тебѣ, поцѣловавши Ивана крестъ, держать его въ такой нуждѣ, а теперь еще хочешь выдать на убійство“,—и Юрій послушался митрополита. Когда Венгры завладѣли Галичемъ,

³) Обоврѣніе Корччей книги, барона Розенкампфа. Очеркъ Истор. Рус. Цар. Мак., стр. 127. Вообще о значеніи Корччей—статья Калачева въ Чтеніяхъ М. И. О. годъ III, № 3.

⁴) Исторія Русск. церк. I, 191, 192. Посланіе патріарха Германа къ митрополиту Кириллу [1228 г.]: «Нѣкоторые въ странѣ русской покушаютъ людей, выучиваютъ ихъ и приводятъ къ епископамъ для поставленія въ духовный санъ, не освободивъ отъ рабства».—Патріархъ требуетъ прекращенія этого. См. Опис. Рум. Муз., стр. 304.

¹) Русскія достопамят. I, стр. 82.

²) Дополн. къ Акт. Истор. I, № 4.

то митрополитъ поднималъ князей отнять русскую волость у иноплемениковъ. Митрополитъ Никифоръ, для предупрежденія войны между Рюрикомъ Ростиславичемъ и Всеволодомъ III-мъ, взялъ на себя клятву, данную Рюрикомъ зятю своему Роману Волыскому, причемъ сказалъ: „Князь! мы приравлены въ Русской Землѣ отъ Бога удерживать васъ отъ кровопролитія“. Тотъ же митрополитъ помирилъ послѣ Рюрика съ Романомъ Тимошей, духовникъ Мстислава Торопецкаго, помирилъ этого князя съ боярами. Въ Новгородѣ архіепископъ не разъ является укротителемъ народныхъ возстаній, примирителемъ враждующихъ сторонъ, посредникомъ между гражданами и князьями. Въ тотъ вѣкъ, когда понятія о народномъ правѣ были слабы, и не стыдился убивать или задерживать пословъ, если рѣчи ихъ не нравились, послами обыкновенно отправлялись духовныя лица, потому что за нихъ менѣе можно было опасаться, при всеобщемъ уваженіи къ ихъ сану.

Въ людяхъ описываемаго времени не трудно замѣтить особенное расположеніе и уваженіе къ монашеству; уваженіе это пріобрѣли по праву древніе русскіе иноки, особенно иноки Кіевопечерскаго монастыря своими подвигами. Въ тогданнемъ обществѣ, грубомъ, полу-языческомъ еще, въ которомъ новыя, лучшія понятія, принесенныя христіанствомъ, встрѣчали могущественное сопротивление, первые монастыри представляли особое, высшее общество, гдѣ новый порядокъ вещей, новая религія проповѣдывалась не словомъ только, но дѣломъ. За стѣнами монастыря грубымъ страстямъ давался полный разгулъ при первомъ удобномъ случаѣ; въ стѣнахъ монастыря—однѣ ѣтъ черезъ день провиру, поситъ власяницу, никогда не ляжетъ спать, не вздремнетъ иногда сидя, не выходитъ на свѣтъ изъ пещеры; другой не ѣстъ по цѣлымъ недѣлямъ, надѣвъ вериги и закопался по плеча въ землю, чтобы убитъ въ себѣ похоть плотскую; третій поставилъ у себя въ пещерѣ жернова, бралъ изъ закромовъ зерновой хлѣбъ и ночью мололъ его, чтобы заглушить въ себѣ корыстолюбивыя помыслы, и достигъ наконецъ того, что сталъ считать золото и серебро за ничто. Входя въ монастырскія ворота, мірянинъ переселялся въ иной, высшій міръ, гдѣ все было чудесно, гдѣ воображеніе его поражалось дивными сказаніями о подвигахъ иноческихъ, чудесахъ, видѣніяхъ, о сверхъестественной помощи въ борьбѣ съ нечистою силою; неудивительно, что монастырь привлекалъ къ себѣ многихъ и лучшихъ людей. Какъ скоро разнесся по Кіеву слухъ о подвигахъ Антонія въ пещерѣ, то подвижники не могъ долго оставаться одинъ: около него собралась братія; бояре великокняжескіе являлись къ нему, сбрасывали боярскую одежду къ ногамъ игумена и давали обѣтъ нищеты и подвиговъ духовныхъ. Θεодосій поддерживалъ и усилилъ славу новаго монастыря. Еще Антоній вступилъ во враждебное столкновеніе съ в. княземъ Изяславомъ: послѣдній, видя, что вельможи покидаютъ его дворъ для тѣсной пещеры

Антонія, разсердился на печерскихъ иноковъ, грозилъ выгнать ихъ изъ Кіева и раскопать ихъ пещеры; злобился на Антонія и за расположеніе его къ Всеволоду Полоцкому, такъ что Антоній принужденъ былъ искать убѣжища у князя Святослава въ Черниговѣ. Несмотря однако на такія неприязненные отношенія Изяслава къ монастырю, Θεодосій взялъ сторону этого князя противъ брата его Святослава; когда Черниговскій князь отнялъ столъ у старшаго брата, и всѣ признали право сильнаго, одинъ игумень Печерскій не призвалъ этого права, въ одномъ Печерскомъ монастырѣ на екстеніяхъ продолжали поминать Изяслава, какъ стольнаго князя и старшаго въ родѣ; Святославъ терпѣлъ и съ уваженіемъ слушалъ убѣщанія Θεодосія. Не одишь изгнанникъ Изяславъ находилъ въ Печерскомъ игуменѣ своего ходатая: обиженный въ судѣ шель съ жалобою къ Θεодосію, и судья долженъ былъ перерѣшать дѣло. У себя, въ кельѣ Θεодосія ходилъ за больнымъ, разслабленнымъ инокомъ, а ночью, когда всѣ успокоились, отправлялся въ жидовскую часть города и тамъ вступалъ въ споры съ врагами своей вѣры. Но кромѣ Антонія и Θεодосія, Печерскій монастырь выставилъ рядъ проповѣдниковъ христіанства, епископовъ, лѣтописцевъ: Св. Кукина, Св. Леонтія, Св. Исаія были его постриженниками; постриженникъ же его Никонъ, убѣгая гнѣва Изяслава, ушелъ въ Тмуторакань, служившій убѣжищемъ для всякаго рода изгнанниковъ, и князей и монаховъ. Христіанство было очень слабо распространено въ Тмуторакани, о монахахъ не имѣли тамъ понятія; дикій народъ объять былъ изумленіемъ, когда увидалъ иноческіе подвиги Никона, толпами сходилъ смотрѣть на дивнаго чело-вѣка, и скоро подчинился его вліянію; скоро мы видимъ этого Никона въ челѣ народа, посредникомъ въ сношеніяхъ его съ княземъ.—Послѣ этого неудивительно читать намъ въ памятникахъ XII вѣка слѣдующія слова: „Подвиги св. монаховъ сіяютъ чудесами больше мірской власти, и ради ихъ мірскіе вельможи преклоняютъ главу свою предъ монахами“. Епископъ Симонъ пишетъ къ печерскому иноку Поликарпу: „Смотри, какъ уважаютъ тебя здѣсь и князья, и бояре, и всѣ друзья твои“¹⁾.

Монастыри распространялись и по другимъ городамъ: упоминаются монастыри въ Туровѣ, Переяславѣ, Черниговѣ, Владимірѣ-Волынскомъ, въ княжествѣ Галицкомъ, Полоцкѣ, Смоленскѣ, Ростовѣ, Новгородѣ Великомъ. Основаны были и женскіе монастыри: въ 1086 году в. князь Всеволодъ Ярославичъ перестроилъ въ Кіевѣ монастырь Андреевскій, гдѣ постригалась дочь его дѣвица—Инка; она собрала около себя много монахинь и жила съ ними по монастырскому чину²⁾. Предслава, дочь Полоцкаго князя Георгія Всеславича³⁾, въ

¹⁾ Памяти. Слов. XII вѣка, стр. 127, 249.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 88.

³⁾ Лѣтопись не знаетъ Георгія между сыновьями Все-слава, но вѣроятно это христіанское имя Ростислава Все-славича.

молодости ушла въ монастырь, гдѣ уже была монахинею тетка ея, жена Романа Всеволодовича, постриглась здѣсь подъ именемъ Евфросиніи, сначала выпросила у епископа позволеніе жить при соборной Софійской церкви въ голубцѣ, гдѣ проводила время въ списываніи книгъ, продавала ихъ и выручаемыя деньги раздавала нищимъ, потомъ основала свой монастырь при церкви Св. Спаса, гдѣ постригла родную и двоюродную сестру (дочь Бориса Всеволодовича) и двухъ племянницъ; наконецъ захотѣла видѣть Іерусалимъ, гдѣ и скончалась въ русскомъ Богородичномъ монастырѣ ¹⁾. Но не одиѣ княжны и вдовыя княгини постригались въ полномъ здоровьи; встрѣчаемъ и князя, произвольно оставившаго вольность и постригагося въ Киевопечерскомъ монастырѣ: то былъ извѣстный уже намъ по лѣтописи Святоша, или Святославъ-Николай Давыдовичъ Черниговскій. Три года пробылъ онъ въ поварѣ монастырской, работая на братію, рубя дрова и нося ихъ на своихъ плечахъ съ берега въ монастырь; потомъ три года служилъ привратникомъ, наконецъ перешелъ на службу при трапезѣ. По окончаніи искуса, перешелъ жить въ свою келію, при которой развелъ садъ, и никогда во всю жизнь не выдалъ его празднымъ, но всегда имѣлъ онъ въ рукахъ какое-нибудь дѣло; питался онъ постоянно одною монастырскою пищею ²⁾.

Для содержанія своего монастыря уже въ то время имѣли недвижимыя имущества, такъ напр., князь Ярополкъ Изяславичъ далъ Киевопечерскому монастырю три волости ³⁾; дочь его дала пять селъ и съ челядью; Евфремъ, епископъ Суздальскій, далъ тому же монастырю дворъ въ Суздаль съ церковью Св. Дмитрія и съ селами ⁴⁾. До насъ дошла въ подлинникѣ грамота в. князя Мстислава Владиміровича (1128—1132 г.) новгородскому Юрьеву монастырю на волость съ данями, вирами и продажами и на нѣкоторую часть княжескихъ доходовъ ⁵⁾. Отъ конца XII вѣка дошла до насъ подлинная вкладная грамота преподобнаго Варлаама Хутынского монастырю на земли, рыбныя и птичьи ловли ⁶⁾. Должно думать, что всякій постригавшійся, если имѣлъ состояніе, приносилъ какой нибудь вкладъ въ монастырь движимымъ или недвижимымъ имуществомъ; кромѣ того, и другіе набожные люди давали въ монастыри деньги и разныя другія цѣнныя вещи; раздавать милостыню по монастырямъ было въ обычаѣ у князей: Глѣбъ Всеволодовичъ Полоцкій далъ Киевопечерскому монастырю 600 гривенъ серебра и 50 золотъ; по его смерти жена его дала 100 гривенъ серебра и 50 золотъ. Монахи въ монастыряхъ удерживали при себѣ имущество, отчего были монахи богатые и бѣдные; такъ напримѣ-

мѣръ, въ Патерикѣ разсказывается, что когда умеръ одинъ инокъ, по имени Аванасій, то никто изъ братіи не хотѣлъ похоронить его, потому что онъ былъ бѣденъ; также читаемъ, что инокъ Теодоръ вступилъ въ монастырь, раздавши все свое имѣніе нищимъ, но потомъ сталъ жалѣть о розданномъ; тогда другой инокъ, Василій, сказалъ ему: „Если ты хочешь имѣть, то возьми все, что у меня есть.“ Третій инокъ—Арефа—имѣлъ много богатства въ своей келіи, и никогда ничего не подавалъ нищимъ.

Относительно управленія встрѣчаемъ извѣстія объ игуменахъ (архимандритахъ), экономахъ и келаряхъ ⁷⁾. Избраніе игуменовъ зависѣло отъ братіи, причемъ иногда происходили возстанія и насильственные смѣны игуменовъ. Иногда монахи выбирали себѣ въ игумены изъ блага духовенства; подъ 1112 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „Братія Киевопечерскаго монастыря, оставшись безъ игумена, собрались и нарекли себѣ игуменомъ Прохора священника (попина), объявили объ этомъ митрополиту и князю Святополку, и князь съ радостію велѣлъ митрополиту поставити Прохора.“ Подъ 1182 годомъ встрѣчаемъ слѣдующій разсказъ: „Умеръ блаженный архимандритъ, игумень Печерскій Поликарпъ, и былъ по смерти его мятужъ въ монастырѣ: никакъ не могли избрать себѣ игумена, и братія очень тужила, потому что такому сильному дому не подобало и одного часу быть безъ пастуха. Во вторникъ ударили братья въ било, сошлись въ церковь, начали молиться Св. Богородицѣ и—чудо!—въ одинъ голосъ сказали всѣ: „Пошлемъ къ попу Василію на Щековину, чтобъ былъ игуменомъ и управителемъ стаду черноризцевъ Печерскаго монастыря.“ Пришли къ Василію, поклонились и сказали ему: „Мы вся братія и черноризцы кланяемся тебѣ и хотимъ имѣть тебя отцомъ игуменомъ.“ Попъ Василій изумился, поклонился имъ и сказалъ: „Отцы и братія! мысль о постриженіи была у меня; но съ какой же стати вы придумали выбрать меня себѣ въ игумены?“ Много спорили онъ съ ними, наконецъ согласился, и монахи повели его въ монастырь“. Касательно отношенія Киевопечерскаго монастыря къ в. князю Киевскому, замѣчательныя слова Св. Феодосія, сказанныя имъ предъ кончиною князю Святославу: „Се отхожу свѣта сего, и се предаю ти монастырь на соблюденіе, еда будетъ что смятеніе въ немъ; и се поручаю игуменство Стефану, не дай его въ обиду.“ Но въ нѣкоторыхъ рукописныхъ патерикахъ прибавлено: „И да не обладаетъ имъ ни архіерейскою, ни инъ никто же отъ клерикъ Софійскихъ, но точію завѣдастъ имъ твоя держава и по тебѣ дѣти твои и до послѣднихъ роду твоему.“ Согласно съ этимъ, есть преданіе, что Андрей Боголюбскій утвердилъ независимость Печерскаго монастыря отъ Киевскаго митрополита, назвавши монастырь лаврою и ставропигіею княжескою и патриаршею ⁸⁾.

⁷⁾ Памяти. Слов. XII в., стр. 108, 251.

⁸⁾ Патерикъ Печер. Житіе Св. Феодосія, объ игуменѣ Стефанѣ.—Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. II.—Зернина—объ

¹⁾ Степен. кн. I, 280.

²⁾ Тамъ же, стр. 235.

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 82.

⁴⁾ Тамъ же, I, 108.

⁵⁾ Доходл. къ Акт. Истор. I, № 2.—Примѣчаніе на эту грамоту митропол. Евгения въ Трудахъ Москов. Истор. Общ. ч. III.

⁶⁾ Тамъ же, № 5.

Говоря о нравственномъ состояніи общества, необходимо обратить вниманіе на юридическія понятія, господствовавшія въ немъ въ извѣстное время. Къ уставамъ, явившимся безспорно въ описываемое время на Руси, принадлежатъ, во-первыхъ, измѣненіе, сдѣланное сыновьями Ярослава I-го въ „Правдѣ“ отъ отношеній къ мести за убійство: въ „Правдѣ“ говорится, что трое Ярославичей, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, собрались вмѣстѣ съ мужьями своими (тысяцкими) и отложили убіеніе за голову, но опредѣлили убійцѣ откупаться кунами, во всемъ же остальномъ положили держаться суда Ярославова; такимъ образомъ родовая мечь, самоуправство, остатки прежней родовой особенности, перестаетъ существовать на Руси юридически въ началѣ второй половины XI вѣка; но убійство, совершенное по личнымъ отношеніямъ одного члена общества къ другому, случайно, въ ссорѣ, дракѣ, на пиру, въ нетрезвомъ видѣ, продолжаетъ считаться дѣломъ частнымъ, не считается уголовнымъ преступленіемъ; убійца такого рода продолжаетъ попрежнему считаться полноправнымъ членомъ общества; только разбойникъ, одинаково всѣмъ опаснаго, общество не хочетъ держать у себя, но отдаетъ князю на потокъ со всѣмъ семействомъ. Такимъ образомъ, убійство перваго рода не влекло болѣе за собою ни частной, ни общественной мести, наказанія; что убійства такого рода были нерѣдки, доказательствомъ служатъ обычай соединяться для платежа выры, вкладываться въ дикую виру¹⁾. Какъ новость, сравнительно съ предыдущимъ вре-

отношеніи Константинопольскаго патріарха къ Русской іерархіи.—Преданіе о ставропигии очень вѣроятно; но акты, составленные для доказательства этого, подозрительны; противъ приниски возражаютъ, что писецъ, ее составившій, не зналъ даже тогдашняго порядка престолонаслѣдія въ Ярославомъ потомствѣ (П. В., Отвѣтъ на новый вопросъ о Несторѣ, стр. 7); на это впрочемъ могутъ сказать, что послѣ изгнанія Изяслава трудно было говорить объ обычномъ престолонаслѣдіи; мы не можемъ знать всѣхъ тогдашнихъ обстоятельствъ, всѣхъ отношеній Святослава къ Всеволоду.

¹⁾ См. Ист. Р. т. I.—Здѣсь рождается вопросъ: Когда Ярославичи сдѣлали такое опредѣленіе? Въ Правдѣ говорится только о троихъ старшихъ, слѣд. можно думать, что дѣло было по смерти двоихъ младшихъ; но съ другой стороны можно думать и то, что рѣшеніе старшихъ было обязательно для младшихъ. Нѣкоторое затрудненіе можно найти въ извѣстіи лѣтописца, помѣщенномъ подъ 1071 годомъ о распоряженіи Яна въ Вѣлозерѣ съ волхвами: «И рече Янъ повозникомъ: цы кому васть кто родивъ отъбъвъ отъ сею! Онъ же реча: муѣ мати, другому сестра, тому роженею. Онъ же рече ичъ: мстите своихъ. Онъ же поимше убинна я».—Мы видѣли (II, стр. 289 пр. 2), что это событіе, во всѣхъ вѣроятностяхъ, должно отнести ко времени княженія Святослава въ Кіевѣ послѣ изгнанія Изяслава, слѣд. послѣ опредѣленія объ отложеніи мести; но теперь Янъ позволяетъ повозникамъ мстить за родичей.—Но ясно, что это явленіе вышло изъ ряду обыкновенныхъ; убійства, совершенныя волхвами, не принадлежали къ разряду частныхъ убійствъ, за которыя можно было откупаться деньгами: это были преступленія противъ цѣлаго общества, противъ вѣры; Янъ могъ казнить ихъ, какъ разбойниковъ, но почелъ за лучшее заставить самихъ обольщенныхъ убить обольстителей, придать ихъ казни характеръ общей мести.

менемъ, встрѣчаемъ извѣстіе о соединѣніи, въ значеніи судебного доказательства. Къ описываемому же времени относится ограниченіе ростовъ, сдѣланное Мономахомъ по поводу, какъ видно, злоупотребленій, какія позволили себѣ по этому предмету Жиды въ княженіи Святополка. Большіе росты бывають обыкновенно слѣдствіемъ неуверенности въ возвращеніи капитала, неудовлетворительнаго состоянія правосудія въ странѣ. Относительно послѣдняго мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ громкія жалобы; мы видѣли главную причину этого явленія въ частыхъ перемѣщеніяхъ княжескихъ изъ одной волости въ другую; съ описываемого времени, со времени господства родовыхъ княжескихъ отношеній, дружинники, или челядницы княжескіе привыкли смотрѣть на отправленіе правительственной или судейской должности, какъ на кормленіе, слѣд. привыкли извлекать изъ этихъ должностей всевозможную для себя пользу, не будучи ничѣмъ связаны съ волостію, гдѣ были пришельцами. Для уясненія себѣ этихъ отношеній, мы должны представить себѣ стариннаго дружинника, отправляющаго правосудіе за князя, въ видѣ стариннаго ратника, стоящаго на постаѣ. При Всеволодѣ Ярославичѣ лѣтописецъ жалуетъ на разореніе земли вельдѣтвіе дурнаго состоянія правосудія; при Святополкѣ не имѣемъ права ожидать лучшаго; подъ 1148 годомъ читаемъ, что была нагуба Посульцамъ (жителямъ береговъ Сулы рѣки) частію отъ Половцевъ, частію отъ своихъ посадниковъ; при Всеволодѣ Ольговичѣ тиунъ разорилъ Кіевъ и Вышгородъ; при Ростиславичахъ на сѣверѣ посадники, поставленные изъ южно-русскихъ дѣтскихъ и хъ, разорили Владимірскую волость; лучшимъ доказательствомъ дурнаго состоянія правосудія на Руси въ описываемое время служитъ понятіе, какое имѣли современники о тиунѣ. Въ Словѣ Даниіла Заточника читаемъ: „Не имѣи себѣ двора близъ княжа двора, не держи села близъ княжа села, потому что тѣиунъ его какъ огонь, и рядовичи его какъ искры“²⁾. Дошло до насъ любопытное извѣстіе, какъ однажды Полоцкій князь спрашивалъ священника: какая судьба ожидаетъ тиуна на томъ свѣтѣ? тиунъ несправедливо судитъ, взятки беретъ, людей отягощаетъ, мучитъ³⁾. Названіе должностнаго лица ябедникъ приняло также дурное значеніе. Не умѣя или не желая объяснить такое дурное состояніе правосудія, лѣтописецъ принужденъ сказать, что гдѣ законъ, тамъ и обидъ много!

Мѣрлою нравственнаго состоянія общества могутъ служить также понятія о народномъ правѣ. Мы видѣли, что вести войну значило причинити непріятельской волости какъ можно больше вреда—жечь, грабить, бить, отводить въ плѣнъ; если плѣнные непріятельскіе ратники отгаждали движеніе войска, были опасны при новыхъ встрѣчахъ

²⁾ О словѣ рядовичъ см. въ I-мъ томѣ Исторіи Рос.
³⁾ Розенкампфа, о Коричей книгѣ, стр. 217.

съ врагомъ, то ихъ убивали¹⁾; иногда князья послѣ войны угovarивались возратить все взятое съ обѣихъ сторонъ²⁾; но есть примѣръ, что князь послѣ войны уводитъ жителей цѣлаго города, имъ взятаго, и селить ихъ въ своей волости³⁾. Въ способѣ веденія войны у себя, въ русскихъ областяхъ и въ чужихъ странахъ, христіанскихъ и нехристіанскихъ, не видимъ никакой разницы. При заключеніи мира употреблялась клятва—крестное дѣлованіе, утвержденіе дѣдовское и отцовское, по словамъ князей⁴⁾, и грамоты съ условіями мира назывались потому крестными. Нарушенія клятвы встрѣчаемъ часто, особенно были знамениты ими два князя: Владиміръ Галицкій и младшій сынъ Мстислава Великаго, Владиміръ; твердо стію въ клятвѣ славился Мономахъ; но и онъ разъ позволялъ угovarить себя нарушить клятву относительно половецкихъ хановъ на томъ основаніи, что поганые также безпрестанно нарушаютъ клятву. Сынъ Мономаха—Мстиславъ, несмотря на разрѣшеніе духовенства, всю жизнь раскаявался въ томъ, что нарушилъ клятву, данную Ярославу Черниговскому; изъ послѣднихъ князей за твердое сохраненіе клятвы лѣтописецъ хвалитъ Глѣба Юрьевича. Война объявлялась отсылкою крестныхъ грамотъ⁵⁾. Мы упоминали, что послами отправлялись часто духовныя лица, какъ подвергавшіяся меньшей опасности; но Всеволодъ III не усумнился задержать священниковъ, присланныхъ къ нему для переговоровъ Святославомъ Черниговскимъ; Мстиславъ Храбрый велѣлъ остричь голову и бороду послу Боголюбскаго; Изяславу послу, Петру Бориславичу, не дали въ Галичѣ ни повозки, ни корма, и онъ боялся дальнѣйшихъ притѣсненій отъ Владимірка; впрочемъ, было признано, что убивать посла не слѣдуетъ; когда Владиміръ (на Волыни) хотѣли убить священника, присланнаго отъ Игоревичей галицкихъ, то пріятеля послѣднихъ стали говорить, что не подобаетъ убить посла⁶⁾. Христіанство, разумѣется, дѣйствовало и здѣсь благотворительно. Игорь Сѣверскій признается, что, отдавъ на шить городъ Глѣбовъ, не пощадиши христіанъ, онъ сдѣлалъ великій грѣхъ, за который Богъ отомститъ ему плѣномъ у Половцевъ; Мономахъ заключилъ миръ съ Глѣбомъ Минскимъ, не желая, чтобы кровь христіанская проливалась въ великій ностъ; по воскресеньямъ не дѣлалъ приступовъ къ городамъ⁷⁾; Всеволодъ Ольговичъ, исполнившись страха Божія, по словамъ лѣтописца, не хотѣлъ пользоваться пожаромъ въ Черяславлѣ, чтобъ взять этотъ городъ; такую же совѣстливость обнаруживаютъ Ростиславичи въ борьбѣ съ Юрьевичами послѣ Лилицкой битвы.

¹⁾ Исторія Россіи т. III, стр. 463.

²⁾ Тамъ же, стр. 430.

³⁾ Тамъ же, стр. 354.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 412.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 453.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 576.

⁷⁾ Повл. Собр. Русск. Лѣт. I, 145: «Въ же тогда день великій, тѣмже не идоша къ городу».

Повсюду, и между князьями, и между простыми людьми, видимъ борьбу новыхъ лучшихъ, христіанскихъ понятій и стремленій со страстями, слабо обуздываемыми въ новорожденномъ обществѣ, и съ прежними языческими обычаями. Въ жизни многихъ князей замѣчаемъ сильное религиозное направленіе: Мономахъ былъ религиозенъ не на словахъ только, не въ наставленіяхъ только дѣтямъ; по словамъ лѣтописца, онъ всю душою любилъ Бога и доказывалъ это на дѣлѣ, храня заповѣди Божіи, имѣя всегда страхъ Божій въ сердцѣ, будучи милостивъ немовѣрно; дань былъ ему отъ Бога такой даръ, прибавляетъ лѣтописецъ, что когда онъ входилъ въ церковь и слышалъ пѣніе, то не могъ удерживаться отъ слезъ. Мы видѣли иноческіе подвиги Святослава Давыдовича Черниговскаго, религиозное направленіе Ростислава Мстиславича, христіанскую кончину Ярослава Галицкаго. Но у нѣкоторыхъ благочестіе ограничивалось только внѣшнимъ исполненіемъ обрядовъ, и когда дѣло шло объ удовлетвореніи страстямъ, то на заповѣди религіи и на служителей ея обращали мало вниманія: братъ Мономаха, Ростиславъ не усумнился умертвить Св. инока Григорія за обличеніе; Святополкъ Изяславичъ былъ благочестивъ, уважалъ монастырь Кіевопечерскій и его иноковъ; но когда дѣло шло объ удовлетвореніи корыстолюбія, то мучилъ этихъ самыхъ монаховъ, гналъ игумена за обличенія; сынъ его, Мстиславъ, умертвилъ Св. Осодора и Василія. Владиміръ Галицкій, наругавшись надъ клятвою, сказавши: „Что мнѣ сдѣлаетъ этотъ маленький крестикъ?“—пошелъ въ церковь къ вечернѣ. Не щадя сокровищъ для сооруженія и украшенія церкви, не считали за грѣхъ жечь и грабить церкви въ волостяхъ непріятельскихъ. Велѣдъ за людьми, которые шли въ монастырь для борьбы со страстями, или туда же люди для удовлетворенія страстямъ своимъ: въ духовныхъ посланіяхъ XII вѣка встрѣчаемъ сильныя укормы монахамъ, которые млдуть свое тѣло, перемѣняютъ платье, подъ предлогомъ праздниковъ учреждаютъ особую трапезу съ пивомъ, и долго сидятъ за шью, ищутъ надъ старѣйшими взять свою волю, собираются вмѣстѣ не Бога ради, не для того, чтобы разсуждать о пользѣ, но для яростныхъ споровъ, для безстыдныхъ нападеній на эконома и келаря⁸⁾. Пастыри церкви вооружаются противъ обычаевъ давать въ монастыряхъ пиры, на которые созываются мужчины и женщины⁹⁾. Споръ, такъ сильно и долго занимавшій русское общество, споръ о томъ, что ѣсть въ извѣстные дни, принадлежитъ также къ характеристическимъ явленіямъ эпохи.

Вооружаясь противъ уклоненій отъ правилъ христіанской нравственности, Церковь должна была вооружаться противъ старыхъ языческихъ понятій и обычаевъ, которые были еще такъ сильны въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, особенно въ низ-

⁸⁾ Памятн. Слов. XII в., стр. 108, 251.

⁹⁾ Русскія достопамят. I, стр. 91.

шемъ его словѣ. Мы видели, какъ въ Новгородѣ весь простой народъ отошелъ къ волхву, и только князь съ дружиною сталъ подлѣ епископа; встрѣчаемъ извѣстiе, что въ описываемое время продолжали приносить жертвы бѣсамъ (т.-е. прежнимъ божествамъ), болотамъ и колодецямъ; что были люди, которые имѣли по двѣ жены; что простой народъ не бралъ для брака благословенiя церковнаго, считая это обрядомъ, установленнымъ только для князей и бояръ, и довольствуясь однимъ языческимъ обрядомъ плесканiя; что женщины носили больныхъ дѣтей къ волхвамъ, и если замѣчали охлажденiе любви въ мужѣ, то омывали тѣло свое водою, и эту воду давали пить мужу ¹⁾. Особенно трудно было изгнать память о древней религiи изъ народныхъ увеселенiй, пѣсенъ, плясокъ, игръ, которые были языческаго происхожденiя; вотъ почему Церковь пзначала такъ сильно стала вооружаться противъ этихъ увеселенiй: „Развѣ мы не погански живемъ, говорить лѣтописецъ ²⁾, когда во встрѣчу вѣруемъ? Если кто встрѣтитъ черпорица на дорогѣ, то возвращается назадъ: развѣ это не значить поступать язычески? Вѣдь это все ведется по дьяволу наученiю; другiе и чиханья вѣрують, будто бы оно чубаетъ на здоровье головѣ. Всѣми этими обычаями дьяволъ отвлекаетъ насъ отъ Бога, трубами, скоморохами, гусями, русальями. На игрищахъ видимъ множество людей; какъ начнутъ бороться другъ съ другомъ, то сбѣгаются смотрѣть на дѣло, отъ дьявола замышленное, а церкви стоять пусты: въ часъ молитвы мало найдемъ народу въ церкви“.—Изъ этихъ словъ лѣтописца видно, что любимымъ народнымъ зрѣлищемъ въ его время были борьбы, или кулачные бои.

Касательно семейной нравственности мы встрѣчаемъ въ лѣтописи похвалу двумъ князьямъ за соблюденiе тѣлесной чистоты: о Всеволодѣ Ярославичѣ говорится, что онъ воздерживался отъ пьянства и отъ похоти, да о Святославѣ Всеволодовичѣ говорится, что онъ сохранялъ чистоту тѣлесную. Въ дошедшихъ до насъ спискахъ лѣтописи говорится о Святополкѣ Изяславичѣ, что онъ имѣлъ дѣтей отъ наложницы; въ Татищевскомъ сводѣ лѣтописей находимъ другiе подобныя примѣры ³⁾. Уваженiе къ старшимъ въ родѣ было провозглашаемо постоянно какъ добродѣтель, уклоненiя отъ которой подвергаются сильнымъ укоризнамъ; но мы видѣли, что эти уклоненiя были часты. Видимъ нѣсколько примѣровъ непослушанiя волѣ отцовской: примѣръ Андрея Боголюбскаго, ушедшаго, безъ отцовскаго согласiя, съ юга на сѣверъ; примѣръ Олега Святославича Черниговскаго, который, безъ отцовскаго вѣдома, присталъ къ Изяславу Давыдовичу ⁴⁾; примѣръ Константина Все-

володовича, отказавшагося выполнить отцовскую волю относительно волостей. Относительно важнаго вопроса—о положенiи женщины въ древнемъ русскомъ обществѣ—мы встрѣчаемъ очень скудныя извѣстiя въ памятникахъ, дошедшихъ отъ описываемаго времени. Видимъ, что княгини имѣли свое имущество движимое и недвижимое, распоряжались имъ по произволу, какъ напримѣръ распорядилась жена князя Глѣба Всеволодовича Полоцкаго, отдавши свои деньги и волости Кіевонечерскому монастырю; жена Святополка Изяславича раздаетъ по смерти его большое богатство по монастырямъ, церквамъ и нищимъ. Объ уваженiи, какое оказывалось женщинамъ родственникамъ, свидѣтельствуемъ примѣръ Мономаха, который послушался увѣщанiй махип своей, причѣмъ лѣтописецъ говорить: „Преклонился онъ на мольбу княгиницу, потому что почиталъ ее какъ мать“. Объ уваженiи и любви, которыми пользовались княгини въ семьѣ своей и среди гражданъ, можемъ видѣть изъ описанiя кончины княгини Марiи, жены Всеволода III-го: „Постриглась великая княгиня въ монашескiй чинъ, въ монастырѣ Св. Богородицы, который сама построила, и проводила ее до монастыря самъ великiй князь Всеволодъ со многими слезами, сынъ его Григорiй, дочь Верхослава, жена Ростислава Рюриковича, которая прiѣзжала тогда къ отцу и матери; былъ тутъ епископъ Иоаннъ, духовникъ ея игуменъ Симонъ, и другiе игумены и чернецы всѣ, и бояре всѣ и боярыни, и чернецы изъ всѣхъ монастырей, и горожане всѣ проводили ее со слезами многими до монастыря, потому что была до всѣхъ очень добра. Въ этомъ же мѣсяцѣ она умерла, и плакалъ надъ нею великiй князь и сынъ его Юрiй плакалъ, и не хотѣлъ утѣшиться, потому что былъ любимъ ею“ ⁵⁾. О влiянiи княгини на событiя, какъ совѣтницъ мужей своихъ, указываетъ извѣстiе о поступкѣ князя Святослава Всеволодовича съ Ростиславичами подъ 1180 г.: Святославъ, сказано въ лѣтописи, пошелъ на Давыда Ростиславича, посоветовавшись только съ княгинею да съ любимцемъ своимъ Кочкаремъ, и не сказавши своей думы лучшимъ мужамъ своимъ. Изъ отзыва лѣтописца впрочемъ можно усмотрѣть, что такой поступокъ Святослава возбуждалъ всеобщее негодованiе въ обществѣ, являлся исключенiемъ изъ принятаго обычая совѣтоваться обо всемъ съ дружиною. О влiянiи княгини на дѣла можемъ указывать также приведенное выше мѣсто изъ письма епископа Симона къ чернецу Поликарпу о томъ, что княгиня Верхослава старается доставить Поликарпу епископство, не жалѣя издержекъ. Но всѣ эти извѣстiя не могутъ дать намъ понятiя объ отношенiи обоихъ половъ, о жизни женщины въ обществѣ; ибо кня-

¹⁾ Русскiя достопамятiя.—Памятн. Слов. XIIв., стр. 176.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 73.

³⁾ Особенно о Юрiи Долгорукомъ.

⁴⁾ Ист. Рос. т. II. Примѣръ Ростислава Юрьевича, отступившаго отъ отца къ врагу послѣдняго, Изяславу Мстиславичу, мы не приводимъ, потому что, можетъ быть,

онъ перешелъ на сторону Изяслава съ отцовскаго согласiя; не приводимъ также примѣра Владимiра Ярославича Галицкаго, потому что тутъ были особенныя обстоятельства.

⁵⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 178.

гии и вообще матери семействъ имѣли точно такое же важное значеніе и послѣ въ Московскомъ государствѣ, гдѣ однако, въ высшихъ слояхъ общества, женщина жила въ удаленіи отъ мужчины. Въ этомъ отношеніи важно для насъ свидѣтельство, приведенное выше, объ обычаѣ устраивать въ монастыряхъ пиры, куда собирались мужчины и женщины, также вопросъ черноризца Іакова митрополиту Іоанну:—«позволятъ ли на пирахъ цѣловаться съ женщинами? Мономахъ, въ наставленіи дѣтямъ, касается и отношеній мужа къ женѣ; онъ говоритъ: „Женъ своихъ любите, но не давайте имъ власти надъ собою“. Но въ какомъ отношеніи находилось это правило, извлеченное изъ извѣстнаго посланія апостольскаго, къ обычаю, — рѣшить нельзя. Какъ христіанскія понятія содѣйствовали возвышенію женщины, показываетъ вопросъ извѣстнаго Кирика и отвѣтъ на него епископа Нифонта¹⁾. Кирикъ спрашиваетъ: „Если случится, что женскій платокъ будетъ висить въ платьѣ священническомъ, то можно ли священнику служить въ этомъ платьѣ“? Нифонтъ отвѣчаетъ: „Можно! — развѣ женщина погана“?

Что же касается вообще до состоянія нравственности въ описываемое время на Руси, то, принявши въ соображеніе время, обстоятельства и состояніе нравственности другихъ европейско-христіанскихъ народовъ въ описываемое же время, историкъ не можетъ произнести очень строгого приговора древнему русскому обществу до тридцатыхъ годовъ XIII-го вѣка. Въ это время на первомъ планѣ видимъ княжескія усобицы, но много ли насильственныхъ, кровавыхъ поступковъ замѣчаемъ въ этихъ усобицахъ? Убіеніе Ярополка Изяславича, ослѣпленіе Василька, братоубійство между рязанскими князьями, убіеніе Игоря Ольговича Кіевлянами, убіеніе Андрея Боголюбскаго приближенными къ нему людьми, повѣшаніе Игоревичей галицкими боярами, ослѣпленіе (по всемъ вѣроятностямъ, мнимое) Ростиславичей во Владимірѣ-Залѣскомъ. Важное дѣло, когда князья постоянно толкуютъ, что они братья, и потому обязаны жить дружно, а не враждовать, защищать Русскую Землю отъ враговъ, а не проливать кровь христіанскую въ усобицахъ. Пусть намъ скажутъ, что слова были въ разладѣ съ дѣломъ; мы отвѣтимъ, что и слова имѣютъ силу, когда безпрестанно повторяются съ убѣжденіемъ въ ихъ правдѣ, когда ихъ повторяютъ и сами князья, и духовенство, и народъ, отказывающійся принимать участіе въ усобицахъ. Если эти слова не могли прекратить усобицъ, то, по крайней мѣрѣ, могли смягчать ихъ; важное дѣло, когда притѣсненный князь могъ грозить притѣснителю напимпаніемъ, что поведеніе его похоже на поведеніе Святополка Окаянаго; важное дѣло, когда князья ужасались и плакали объ ослѣпленіи Василька, говоря, что такого зла не бывало въ Русской Землѣ ни при цѣдахъ, ни при отцахъ ихъ; очень важно, когда

Изяславъ Мстиславичъ жалуется на Кіевлянъ за убійство Игоря Ольговича, говоря, что ему теперь не уйдти отъ нареканій. Отношенія между княземъ, дружиною и городovýmъ населеніемъ были вообще довольно мягки, сколько могли быть, разумѣется, при тогдашней неопредѣленности: „Если уйдемъ сами, говоритъ Игорь Сѣверскій съ братьями, а черныхъ людей оставимъ, то грѣхъ будетъ намъ предъ Богомъ“²⁾. Впрочемъ, при внимательномъ изученіи лѣтописи можно усмотрѣть большую жесткость въ нравахъ на востокъ и сѣверо-востокъ отъ Днѣпра; вообще замѣчаемъ большую жесткость въ княжескомъ племени Святославичей черниговскихъ, еще большую въ линіи этихъ Святославичей, которая утвердилась на дальнѣйшемъ востокѣ, въ области Муромской и Рязанской, замѣчаемъ на сѣверо-востокѣ большую жесткость въ самыхъ формахъ, въ самыхъ выраженіяхъ.

Мы видѣли, какъ вмѣстѣ съ христіанствомъ принялась на Руси грамотность, и принялась крѣпко: почва нашлась удобная; въ описываемое время мы не видимъ препятствій къ распространенію грамотности, напротивъ, — видимъ обстоятельства благоприятствующія; связь съ Византіею постоянная, отсюда приходятъ митрополиты и епископы; греческія даревны выходятъ замужъ за нашихъ князей; наши княжны выходятъ за греческихъ царевичей, путешествуютъ въ Константинополь, въ Іерусалимъ, какъ напр.: Янка Всеволодовна, Св. Евфросинія Полоцкая; путешествуютъ въ Іерусалимъ духовныя лица, простые люди; страсть къ наломничеству такъ усилилась, что духовенство начало вооружаться противъ нея, прямо запрещая отправляться въ Іерусалимъ, увѣщевая вести христіанскую жизнь на мѣстѣ жительства, накладывая даже эпитеты на дающихъ обѣты идти въ Іерусалимъ; эти обѣты, говорило духовенство, губятъ землю нашу. Частыя и тѣсныя сношенія даже съ Польшею и Венгріею открыли въ Русь доступъ и латинскому языку. Не забудемъ, что просвѣщеніе было тѣсно соединено съ религіею: кто больше читалъ, тотъ, значило, былъ больше утверждёнъ въ вѣрѣ; отсюда религиозное направленіе, столь могущественное, необходимо влекло за собою стремленіе къ распространенію грамотности, пріобрѣтенію книгъ. Сыновья и внуки Ярослава I послѣдовали его ренію къ распространенію книжнаго ученія. Сынъ его, Святославъ, собиралъ книги, которыми наполнялъ свои кѣлти; изъ этихъ книгъ дошло до насъ два сборника³⁾. Другой сынъ Ярослава I, Всеволодъ, говорилъ на пяти иностранныхъ языкахъ, которые онъ изучалъ сидя дома, какъ выражается сынъ его Мономахъ, и этимъ даетъ знать, что Всеволодъ изучилъ языки не по необходимости во время стран-

²⁾ См. также Николов. II, 121, рѣчь Изяслава Мстиславича.

³⁾ См. проф. Швырена: Исторія Русской Словеси. т. I, ч. 2, стр. 52. Его же поѣздка въ Кирилло-Вѣлосерскій монастырь, II, стр. 30. Оказывается, что первый сборникъ собранъ для Болгарскаго царя Симеона.

¹⁾ Памятн. Слов. XII в., стр. 196.

ствования по чужимъ землямъ, но единственно изъ любознательности. Мономахъ говорить при этомъ, что знаніе языковъ доставляетъ почетъ отъ иностранцевъ. Религіозная начитанность Мономаха видна изъ его сочиненій. Святославъ (Святоша) Давыдовичъ собиралъ книги, которыя подарилъ Киевопечерскому монастырю; по его побужденію инокъ Θεодосій перевелъ съ греческаго посланіе Льва, папы Римскаго, къ Флавиану, архіепископу Константинопольскому ¹⁾. Въ сводѣ лѣтописей Татищева, въ подлинности которыхъ нѣтъ основанія сомнѣваться, часто встрѣчаемъ извѣстіе объ образованности князей; напр. о Святославѣ Ростиславичѣ говорится, что онъ зналъ греческій языкъ и книги охотно читалъ; о Святославѣ Юрьевичѣ, что онъ охотникъ былъ чггггть и милостиво принималъ ученыхъ людей, приходившихъ изъ Греціи и странъ западныхъ, часто съ ними разговаривалъ и спорилъ ²⁾; о Романѣ Ростиславичѣ Смоленскомъ, — что онъ много людей побуждалъ къ ученію, устроилъ училища, при которыхъ содержалъ учителей, греческихъ и латинскихъ, на свой счетъ, и не хотѣлъ имѣть священниковъ неученыхъ; на это онъ издержалъ все свое имѣніе, такъ что смерти его ничего не осталось въ казнѣ, и Смоленяне похоронили его на свой счетъ ³⁾. Михаилъ Юрьевичъ, по словамъ того же свода лѣтописей, очень хорошо зналъ Св. Писаніе, съ Греками и Латинами говорилъ на ихъ языкахъ такъ-же свободно, какъ по-русски, но не любилъ спорить о вѣрѣ. О Ярославѣ Владиміровичѣ Галицкомъ говорится, что онъ зналъ иностранные языки, читалъ много книгъ, такъ что могъ самъ наставлять правой вѣрѣ, поуждалъ духовенство учить мірянъ, опредѣлялъ монаховъ учителями, и монастырскіе доходы назначалъ для содержанія училищъ ⁴⁾. О Константиנѣ Всеволодовичѣ въ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ говорится, что онъ всѣхъ умудрялъ духовными бесѣдами, потому что часто и прислужно читалъ книги ⁵⁾, а въ Татищевскомъ сводѣ лѣтописей говорится, что онъ былъ очень ученъ, держалъ при себѣ людей ученыхъ, накуналъ много старинныхъ книгъ греческихъ дорогою цѣною и велѣлъ переводить ихъ на русскій языкъ, собиралъ извѣстія о дѣлахъ древнихъ славныхъ князей, самъ писалъ и другіе съ нимъ трудились; однѣхъ греческихъ книгъ было у него болѣе тысячи, которыя частью самъ купилъ, частью получалъ въ даръ отъ патріарховъ ⁶⁾.

Если при Владимірѣ и Ярославѣ посылали дѣтей учиться къ священникамъ при церквахъ, то обычай этотъ долженъ былъ продолжаться и распространяться въ описываемое время; имѣемъ полное право принять извѣстіе о существованіи училищъ при церквахъ, дворахъ епископскихъ и за-

водимыхъ князьями на свой счетъ; также извѣстіе, что въ этихъ училищахъ учили греческому языку, ибо для утвержденія въ вѣрѣ необходимо было распространять переводы духовныхъ книгъ съ греческаго языка; училища эти служили и для образованія священниковъ, на что прямо указываетъ приведенное извѣстіе о цѣли училища, устроеннаго въ Смоленскѣ княземъ Романомъ Ростиславичемъ; встрѣчаемъ также извѣстіе объ училищахъ на Волыни ⁷⁾. Что духовенство описываемаго времени ясно понимало необходимость образованія для своего сословія, видно изъ слѣдующихъ словъ одного духовнаго лица XII вѣка: „Если власти міра сего и люди, занятые заботами житейскими, обнаруживаютъ сильную охоту къ чтенію, то тѣмъ болѣе нужно учиться намъ, и всѣмъ сердцемъ искать свѣдѣнія въ словѣ Божіемъ, писанномъ о спасеніи душъ нашихъ“ ⁸⁾. Этими словами всего лучше подтверждаются приведенныя извѣстія о любви къ чтенію и вообще образованности князей.

Какіе же дошли до насъ памятники этой образованности? Мы видѣли, что уже при Ярославѣ I-мъ русскіе люди начали испытывать свои силы въ собственныхъ сочиненіяхъ религіознаго содержанія; видѣли этотъ первый опытъ, сдѣланный первымъ нашимъ митрополитомъ изъ Русскихъ, Иларіономъ; при означенныхъ выше благоприятныхъ условіяхъ для грамотности въ описываемое время, имѣемъ право ожидать большаго числа подобныхъ памятниковъ; и, дѣйствительно, до насъ дошелъ рядъ сочиненій религіознаго содержанія, принадлежащихъ извѣстнѣйшимъ духовнымъ лицамъ эпохи. Большая часть ихъ составляютъ поученія, обращенныя къ одному какому-нибудь лицу по извѣстному случаю, или къ цѣлому народу, къ цѣлому паствѣ. Изъ первыхъ упомянемъ объ отвѣтѣ Св. Θεодосія Печерскаго на вопросъ великаго князя Изяслава: сѣдуетъ ли въ день воскресный закалать животныхъ и употреблять ихъ мясо. Θεодосій отвѣчаетъ, что послѣ того, какъ Господь сошелъ на землю, жидовское все умолкло. Нѣтъ грѣха закалать животныхъ въ воскресенье; если же будемъ закалать въ субботу, а ѣсть въ воскресенье, то это явное живодство. Потому Θεодосій говоритъ, въ какіе дни слѣдуетъ поститься. На вопросъ великаго князя Изяслава о вѣрѣ латинской, или варяжской, Θεодосій отвѣчалъ: вѣра ихъ зла и законъ ихъ не чистъ; они иконы не цѣлуютъ, въ постъ мясо ѣдятъ, на опрѣснокахъ служатъ; христіанамъ не слѣдуетъ отдавать за нихъ дочерей, и брать ихъ дочерей за себя замужъ, не должно имъ брататься съ ними, ни кумиться, ни ѣсть, ни пить изъ одного сосуда. Но если они попросятъ у васъ ѣсть, то дайте имъ пищу въ ихъ сосудахъ; если же у нихъ сосудовъ не будетъ, то дайте въ своихъ, только потомъ вымойте эти сосуды и молитву надъ ними прочтите Латинны Евангеліе и Апостолъ имѣюгъ, иконы свя-

¹⁾ Чтенія въ Москов. Истор. Общ. годъ III, № 7.

²⁾ Татищ. III, стр. 177, 196.

³⁾ Тамъ же, стр. 238.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 220, 280.

⁵⁾ Полян. Собр. Русск. Лѣт. I, 188.

⁶⁾ Татищ. кн. III, стр. 416.

⁷⁾ Тамъ же, II, 181. О преподаваніи греческаго языка см. также Никон. I, 132.

⁸⁾ Памятн. Слов. XII-го вѣка, стр. 133.

тыя и въ церкви ходятъ, но вѣра ихъ и законъ не чисты, множествомъ ересей своихъ они всю землю обезчестили, потому что во всей землѣ живутъ Варяги. Нѣтъ жизни вѣчной живущимъ въ вѣрѣ латинской, армянской, сарацинской. Не слѣдуетъ ихъ вѣры хвалить, свою вѣру безпрестанно хвали и подвизайся въ ней добрыми дѣлами. Будь милостивъ не только къ своимъ домочадцамъ, но и къ чужимъ: еретика и латынина помилуй и отъ бѣды избавь — и мзды отъ Бога не лишиться. Если встрѣтишь ино-вѣрниковъ, спорящихъ съ вѣрными, то помогай правовѣрнымъ на зловѣрныхъ. А если кто скажетъ: и ту, и эту вѣру Богъ далъ, то отвѣчай: по твоему Богъ двоевѣрный? Развѣ ты не слыхалъ, что написано: одинъ Богъ, одна вѣра и одно крещеніе? — Посланіе митрополита Никифора къ великому князю Владиміру Мономаху ¹⁾ важно для насъ: во 1) по отзывамъ о поведеніи Мономаха; во 2) по высказывающимся въ немъ отношеніямъ власти духовной къ свѣтской, — митрополита къ князю. Посланіе написано во время великаго поста, когда, по словамъ митрополита, уставъ церковный и правило есть — говорить князьямъ что-нибудь полезное. Митрополитъ разсматриваетъ различные виды грѣховъ, и не находить, въ которомъ бы изъ нихъ можно было упрекнуть Мономаха: этому князю не нужно говорить въ похвалу поста, потому что онъ благочестіемъ воспитанъ и постомъ воздвигнутъ, потому что воздержаніе его во время поста все видѣть и чудится. „Что говоритъ такому князю, продолжаетъ Никифоръ, который больше на сырой землѣ спитъ, дому обгаетъ, плачь свѣтлое отвергаетъ, по лѣсамъ ходя спротинескую ²⁾ носить одежду, и только по нуждѣ, входя въ городъ, облекается въ одежду властелинскую. Что говорить такому князю, который другимъ любить готовить обѣды обильныя, а самъ служить гостямъ, работаетъ своими руками, подавая его доходитъ даже и до палатей; другіе насыщаются и унываются, а самъ князь сидитъ и смотритъ только, какъ другіе ѣдятъ и пьютъ, довольствуясь малою пищею и водою: такъ угождаетъ онъ своимъ подданнымъ, сидитъ и смотритъ, какъ рабы его унываются; руки его ко всемъ протерты; никогда не прячетъ онъ сокровищъ, никогда не считаетъ золота или серебра, но все раздаетъ, а между тѣмъ казна его никогда не бываетъ пуста.“ — Наконецъ митрополитъ находитъ возможность преподавать наставленіе князю, находитъ въ немъ слабую сторону: „Кажется мнѣ, князь мой, говоритъ онъ, что, не будучи въ состояніи видѣть всего самъ своими глазами, ты слушаешь другихъ, и въ отверстыи слухъ твой

входитъ сгубла. Такъ подумай объ этомъ, князь мой, изслѣдуй внимательнѣе, подумай объ изгнанныхъ тобою, осужденныхъ, презрѣнныхъ, вспомни обо всѣхъ, кто на кого сказалъ что-нибудь, кто кого оклеветалъ, самъ рассуди таковыхъ, всѣхъ помяни и отпусти, да и тебѣ отпустился, отдай, да и тебѣ отдайся... Только не печалься, князь, словомъ моимъ: не подумай, что кто-нибудь пришелъ ко мнѣ съ жалобою, и потому я написалъ это тебѣ; нѣтъ! — такъ просто я пишу къ тебѣ для напоминанія, въ которомъ нуждаются владыки земные: многимъ пользуются они, но за то и многимъ искушеніямъ подвержены.“ Здѣсь мы видимъ уже обычай печалованія, который былъ въ употребленіи у нашего духовенства въ продолженіи древней исторіи нашей: замѣтимъ также обращеніе митрополита къ князю: „Къ тебѣ, добляя глава наша и всей христоролюбивѣй земли, слово се есть: его же изъ утробы освяти и помазавъ, отъ царское и княжеское крови смѣшивъ.“ Другое посланіе митрополита Никифора къ Мономаху было написано въ отвѣтъ на вопросъ в. князя: какъ отвергнуты были латины отъ Св. Соборной и Правовѣрной Церкви? Митрополитъ приводитъ 20 причинъ уклоненія Западной церкви отъ Восточной ³⁾. Взаключеніе митрополитъ говорилъ Мономаху: „Прочитай это, князь, и не разъ, но два раза и больше, самъ и сыновья твои. Князьямъ, какъ отъ Бога избраннымъ и призваннымъ на правовѣрную вѣру, надобно разумѣть слова Христовы и основаніе церковное твердое на свѣтъ и наставленіе порученнымъ имъ отъ Бога людямъ.“ Одинаковаго съ этимъ посланіемъ содержанія посланіе митрополита Иоанна къ архіепископу Римскому объ опрѣскахъ ⁴⁾.

Посланіе Симона, епископа Владимірскаго и Суздальскаго къ Поликарпу, черноризцу печерскому, важно по нѣкоторымъ историческимъ указаніямъ, которыми и воспользовались мы въ своемъ мѣстѣ ⁵⁾. Сочинитель посланія, Симонъ, былъ сначала монахомъ Кіевопечерскаго монастыря, потомъ игуменомъ владимірскаго (на Клязьмѣ) Рождественскаго монастыря, наконецъ въ 1214 году поставленъ епископомъ на Владимірскую и Суздальскую епархію. Поликарпъ былъ также монахомъ Кіевопечерскаго монастыря, и страдалъ честолюбіемъ, для укрощенія котораго Симонъ и написалъ ему упомянутое посланіе ⁶⁾. „Вратъ! начинается Симонъ

¹⁾ Учен. Зап. II-го Отд. Акад. Наукъ, кн. II, вып. 2, стр. 213 и сл. Русск. Достоин. I, стр. 61.

²⁾ Сиротинскій — рабскій и нищенскій, ибо сирота значить и раба, нищій. До сихъ поръ въ Архангел. губерніи сиротами называютъ нищихъ (Опыт. обл. Слов., стр. 203); это показываетъ, кто былъ нищимъ и рабомъ въ первоначальномъ родовомъ обществѣ. Въ послѣдующихъ памятникахъ постоянно встрѣчаемъ выраженіе при чело-вѣбляхъ: «сироты твои государевы».

³⁾ Памят. Слов. XII в., стр. 157. Относительно современныхъ понятій любопытны третій и двадцатый. Митрополиту Никифору приписывается еще другое посланіе противъ латинянъ къ неизвѣстному князю, которое начинается такъ: «Такъ какъ въ судахъ у тебя есть земля Лядская, и живущіе въ ней служатъ на олаткахъ и приняли латинское ученіе; то я извѣщаю тебѣ, по какой причинѣ отступили они отъ св. собор. апостольской церкви». Здѣсь вмѣсто: «въ судахъ» не должно ли читать: въ «судѣхъ». Между прочимъ, сочинитель упрекаетъ латинянъ за то, что они запрещаютъ хвалить Бога на другомъ языкѣ, кромѣ еврейскаго, еллинскаго и римскаго.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 209.

⁵⁾ См. выше о значеніи монашества.

⁶⁾ Памятн. Слов. XII в., стр. 249.

свое посланіе: сѣдши въ безмолвіи, собери умъ свой и скажи самъ въ себѣ: человекъ! не оставилъ ли ты міръ и родителей по плоти? пришелъ ты сюда на спасеніе, а поступаешь не по духовному. Зачѣмъ ты назвался чернецомъ? Вѣдь черное платье не избавитъ тебя отъ мукъ. Смотри, какъ уважаютъ тебя здѣсь князья, и бояре, и всѣ друзья твои; говорятъ: счастливецъ! возненавидѣлъ міръ и славу его, уже не печется ни о чемъ земномъ, желая одного небеснаго. Но ты живешь не по-монашески; стыдно мнѣ за тебя: тѣ, которые насъ здѣсь ублажаютъ, получать царство небесное, а мы будемъ мучиться. Возстань, братъ, возстань и пошекись мысленно о своей душѣ! Не будь одинъ день крошечки, а другой яръ и золь, а то немного помолчишь, и опять начнешь роптать на игумена и на служителей его. Не будь лживъ;—подъ предлогомъ немощи тѣлесной не отлучайся собранія церковнаго: какъ дождь раститъ сѣмя, такъ и церковь влечетъ душу на добрыя дѣла; все дѣлаемое наединѣ, въ кельѣ ничтожно; двѣнадцать псалмовъ, прочтенные наединѣ, не стоятъ одного „Господи помилуй“, прочтѣнаго въ церкви. — Надобно было тебѣ подумать, зачѣмъ захотѣлъ ты выйти изъ святаго, блаженнаго, чистаго и спасеннаго того мѣста Печерскаго? Думаю, братъ, что Богъ побудилъ тебя къ тому, не терпя твоей гордости, и извергнувъ тебя, какъ нѣкогда сатану съ отступническими силами, потому что не захотѣлъ ты служить святому мужу, своему господину, а нашему брату, архимандриту Анкиндину, игумену Печерскому. Печерскій монастырь—море, не держитъ въ себѣ гнилаго, но выбрасываетъ вонъ. Горе тебѣ, что написалъ ко мнѣ о своей досадѣ; погубилъ ты свою душу. Спрашиваю тебя: чѣмъ хочешь спастись? Будь ты постникъ и нищъ, не спи по почамъ, но если досады не можешь снести—не получишь спасенія. — Пишетъ ко мнѣ княгиня Ростиславова, Верхуслава, что хочеть оставить тебя епископомъ или въ Новгородъ, или въ Смоленскъ, или въ Юрьево; пишеть: не пожалѣю и тысячи серебра для тебя и для Поликарпа. Я ей отвѣчалъ: дочь моя Анастасія! дѣло небогоугодное хочешь сдѣлать: если-бы онъ пробылъ въ монастырѣ necessarily съ чистою совѣстію, въ послушаніи игумену и всей братіи, трезвясь во всемъ, то не только облекся бы въ святительскую одежду, но и вышняго царства достоинъ былъ бы. Ты хочешь быть епископомъ?—хорошо; но прочти посланіе апостола Павла къ Тимоѳею и подумай, таковъ ли ты, какимъ слѣдуетъ быть епископу? Если бы ты былъ достоинъ этого сана, то я не отпустилъ бы тебя отъ себя, но своими руками поставилъ бы тебя намѣстникомъ въ обѣ епископіи, во Владиміръ и Суздаль, какъ и хотѣлъ князь Георгій; но я не согласился, видя твое малодушіе. Совершенство состоитъ не въ томъ, что быть славиму ото всѣхъ, но въ томъ, чтобъ исправить житіе свое и сохранить себя въ чистотѣ. Оттого изъ Печерскаго монастыря такъ много епископовъ поставлено было во всю

Русскую Землю; прочти старую лѣтопись Ростовскую: въ ней найдешь, что ихъ было больше тридцати, а если считать всѣхъ до меня, грѣшнаго, то будетъ около пятидесяти. Разсуди же теперь, какова слава этого монастыря? Постыдившись, покайся, и будь доволенъ тихимъ и безмятежнымъ житіемъ, къ которому Господь привелъ тебя. Я бы съ радостію оставилъ епископство и сталъ работать игумену, но самъ знаешь, что меня удерживаетъ. Всѣ знаютъ, что у меня, грѣшнаго епископа Симона, соборная церковь, красота всему городу Владиміру, а другая суздальская церковь, которую самъ построилъ; сколько у нихъ городовъ и селъ; и десятину собираютъ по всей той землѣ, и всѣмъ этимъ владѣтъ наша худость; но предъ Богомъ скажу тебѣ: всю эту славу и власть счелъ бы я за ничто, если бы мнѣ только хворостиною пришлось торчать за воротами, или соромъ валяться въ Печерскомъ монастырѣ и быть пошраемому людьми“.

По указаніямъ на обычаи и нравы замѣчательно посланіе митрополита Іоанна (по всѣмъ вѣроятностямъ втораго) черноризцу Іакову, въ отвѣтъ на нѣкоторые вопросы, касавшіеся дисциплины церковной¹⁾. „Ше надобно, говоритъ митрополитъ, собратъся и служить со звѣроядцами и съ тѣми, которые служатъ на опрѣснокахъ; но бѣтъ съ ними ради Христовой любви не запрещается; если кто хочеть убѣгать этого для чистоты или немощи, пусть убѣгаетъ; но блюдите, чтобъ не произошло отъ этого соблазна, не родилась бы вражда: надобно изъ двухъ золь выбирать меньшее. — Если, какъ ты говоришь, нѣкоторые въ Русской Землѣ не пріобшачаются въ великій постъ, бѣдятъ мясо и все нечистое, то надобно ихъ всячески отвращать отъ этого; если же будутъ упорствовать, то не давать имъ Св. Причащенія и смотрѣть на нихъ, какъ на иноплеменниковъ и противниковъ вѣры. Также должно поступать и съ тѣми, которые держатъ по двѣ жены и которые занимаются волхвованіемъ; ослушниковъ должно строго наказывать, но не убивать до смерти и не увѣчать.“ — Такъ какъ въ то время не было утверждено, чтобъ русскія княжны, выходя замужъ за иностранныхъ владѣльцевъ, сохраняли православную вѣру, то митрополитъ и вооружился противъ обычая выдавать дочерей княжескихъ замужъ въ чужія страны, гдѣ служатъ на опрѣснокахъ, т.-е. въ страны католическія. — Митрополитъ приказываетъ всѣми силами напирать на вѣру правую тѣхъ, которые приносятъ жертвы бѣсамъ, болотамъ и колодезямъ, которые женятся безъ благословенія церковнаго, разводятся и берутъ другихъ женъ. Называетъ беззаконниками тѣхъ, которые продаютъ рабовъ-христіанъ Жидамъ или еретикамъ; вооружается противъ тѣхъ,

¹⁾ Русск. Догонимъ. I, стр. 89.—Этому Іакову приписываютъ сочиненіе житія Св. Владимира, Св. Бориса и Гльба, посланіе къ в. князю Іаиславу о воздержаніи отъ винолства и блуда; см. статью Погодина въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ т. I, листъ 21.

которые волюю, для торговли, ходять къ поганымъ и вѣдять съ ними вмѣстѣ нечистое; противъ тѣхъ, которые часто въ монастыряхъ пиры устрояють, созываютъ мужичи и женщинъ вмѣстѣ и стараются превзойти другъ друга въ томъ, кто лучше устроитъ пирь. „Эта ревность не по Богу, говоритъ митрополитъ, но отъ лукаваго происходитъ.“

Въ томъ же родѣ вопросы черноризца Кирика, предложенные Новгородскому епископу Нифонту и другимъ духовнымъ лицамъ съ ихъ отвѣтами ⁽¹⁾. Изъ этого памятника узнаемъ обь обычаяхъ ходить на поклоненіе Св. мѣстамъ: Кирикъ удерживалъ въ некоторыхъ отъ этого и спрашивалъ, хорошо ли онъ дѣлаетъ? — „Очень хорошо, былъ отвѣтъ: идетъ онъ для того, чтобъ вѣсть и пить, ничего не дѣлая“. — Вопросъ: если роду и рожаницѣ рѣжутъ хлѣбы и сыры и медъ? — въ отвѣтъ читаемъ: „Горе пьющимъ рожаницѣ.“ Встрѣчаемъ извѣстіе обь обычаяхъ оглашать предъ крещеніемъ Вулгарина, Половчина, Чудна въ продолженіи 40 дней, а Славянина въ продолженіи 8 дней: такимъ образомъ узнаемъ, что во время Кириково продолжалось крещеніе Славянъ. Понятія времени выражаются въ слѣдующемъ правилѣ: по захожденіи солнца не надобно хоронить мертвеца; хоронитъ его, — когда еще солнце высоко, потому что послѣднее видитъ солнце до общаго воскресенія. Относительно правовъ узнаемъ, что нѣкоторые явно жили съ наложницами. Узнаемъ обь обычаяхъ женщинъ обмывать тѣло свое водою и эту воду давать пить мужьямъ, если видятъ, что послѣдніе перестаютъ любить ихъ; на такихъ налагается эпитемя, равно какъ и на тѣхъ, которыя дѣтей своихъ носятъ къ латинскому священнику на молитву или носятъ больныхъ дѣтей къ волхвамъ.

Теперь обратимся къ поученіямъ, обращеннымъ къ цѣлому народу. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ поученіе Св. Θεодосія Печерскаго о казняхъ Божіихъ: „Наводитъ Богъ во гнѣву Своему казнь какую-либо или поганыхъ, потому что не обращаемся къ Богу; междуособная рать бываетъ отъ соблазна дьявольскаго и отъ злыхъ людей. Страну согрѣшившую казнить Богъ смертию, голодомъ, наведеніемъ поганыхъ, бездождіемъ и другими разными казнями“.... Слѣдующія слова важны относительно нравовъ и обычаевъ времени: „Не погански ли мы поступаемъ? Если кто встрѣтитъ монаха или монахиню, свиною или коня лысаго, то возирается. Суетвѣрю по дьявольскому наущенію предаются! Другіе чиханью вѣрують, будто бываетъ на здравіе главѣ. Дьяволъ прельщаетъ и отвлекаетъ отъ Бога волхваніемъ, чародѣйствомъ, блудомъ, задовольствомъ, рѣзноманіемъ, прикладами, воровствомъ,

лежю, завистью, клеветою, трубами, скоморохами, гусями, софляями, всякими играми и дѣлами неподобными. Видимъ и другія злыя дѣла: всѣ падки къ пьянству, бѣуду и злымъ играмъ. А когда стоимъ въ церкви, то какъ смѣемъ смѣяться или шептаться?... На праздники большихъ пировъ не должно затѣвать, пьянства надобно бѣгать. Горе пребывающимъ въ пьянствѣ! Пьянствомъ ангела-хранителя отклоняемъ отъ себя, злаго бѣса привлекаемъ къ себѣ; Духъ Святый отъ пьянства далекъ, адъ близокъ“... Какъ языческіе обычаи примѣшивались къ христіанскимъ, видно изъ поученія, приписываемого также Св. Θεодосію: „Для обѣда двѣ молитвы: — одна въ началѣ, другая въ концѣ. Установлена за упокой кутья, обѣдовъ же и ужиновъ за упокой не установлено, воды не вѣльно представлять къ кутьѣ; также яицъ класть на кутью. Тропарей не должно говорить чашамъ въ пиру, кромѣ трехъ: при поставленіи обѣда славится Христосъ, по окончаніи прославляется Дѣва Марія, томъ чествуется хозяинъ“. Дшло до насъ также нѣсколько поученій Св. Θεодосія, обращенныхъ къ братіи его монастыря; въ одномъ изъ нихъ Святый говоритъ: „Если-бы только можно было, то каждый день говорилъ бы я, со слезами молилъ и къ ногамъ вашимъ припадалъ, чтобъ никто изъ насъ не пропустилъ молитвеннаго времени. Кто воздѣлывалъ ниву или виноградникъ и видитъ плоды, то не помнитъ труда отъ радости, и молитъ Бога, чтобъ сподобилъ собрать плоды; если же видитъ, что нива тернѣемъ поросла, то что съѣдаетъ! Сколько лѣтъ минуло, и никого не вижу, кто-бъ пришелъ комѣ и сказалъ: какъ мнѣ спастись?“ Поученіе митрополита Русскаго Никфора замѣчательно по своему началу, изъ котораго видно, что митрополитъ Грекъ, но незнающій русскаго языка, не произносилъ самъ поученій своихъ къ народу, а только писалъ ихъ. „Не данъ мнѣ даръ языковъ: оттого я стою посреди васъ безгласенъ и совершенно безмолвенъ. А такъ какъ нынѣ потребно поученіе по случаю наступающихъ дней св. великаго поста, то я разсудилъ предложить вамъ поученіе чрезъ писаніе“. Проповѣдникъ вооружается противъ большихъ ростовъ и противъ пьянства. Замѣчательно по своей простотѣ, вполне соответствующей состоянію паствы, къ которой было обращено, поученіе Луки Жидята, епископа Новгородскаго, умершаго въ 1060 году: „Вотъ, братія, прежде всего эту заповѣдь должны мы всѣ христіане держать: вѣровать во единого Бога, въ Троицѣ славимаго, въ Отца и Сына и Св. Духа, какъ научили Апостолы, утвердили Св. Отцы. Вѣруйте воскресенію, жизни вѣчной, мукѣ грѣшникамъ вѣчной. Не лѣнитесь въ церковь ходить, къ заутренѣ и къ обѣднѣ, и къ вечернѣ; и въ своей кѣлтѣ прежде Богу поклонитесь, а потомъ уже спать ложитесь. Въ церкви стойте со страхомъ Божіимъ; не разговаривайте, не думайте ни о чемъ другомъ, но молитѣ Бога всею мыслію, да отдастъ Онъ вамъ грѣхъ. Любовь имѣйте со всякимъ человекомъ, и

⁽¹⁾ Памятн. Словес. XII, в., стр. 173. См. въ IV-й ч. Трудовъ Московск. Историч. Общества статью митрополита Евгенія: Свѣдѣніе о Кирикѣ. Кирикъ въ 1184 году былъ дьякономъ и domestikомъ въ новгородскомъ Автошевѣ монастырѣ; онъ оставилъ еще сочиненіе: «Ученіе имже вѣдати чловѣку числа всѣхъ лѣтъ».

больше съ братьею, и не будь у васъ одно на сердца, а другое на устахъ; не рой брату яму, чтобъ тебя Богъ не свергнулъ въ худшую. Терните обиды, не платите зломъ за зло; другъ друга хвалите, и Богъ васъ похвалитъ. Не ссорь другихъ, чтобъ не назвали тебя сыномъ дьявола, помирн, да будешь сынъ Богу. Не осуждай брата и мысленно, поминая свои грѣхи; да и тебя Богъ не осудитъ. Помните и милуйте странныхъ, убогихъ, заключенныхъ въ темницы, и къ своимъ сиротамъ (рабамъ) будьте милостивы. Играй бѣсовскихъ (масколудства) вамъ, братія, нѣлпо творить, также говорить срамныя слова, сердиться ежедневно; не презирай другихъ, не смѣйся никому, въ напасти терпи, имѣя упованіе на Бога. Не будьте буйны, горды, помните, что можетъ быть завтра будете смрадъ, гной, черви. Будьте смиренны и кротки: у гордаго въ сердца дьяволъ сидитъ, и Божіе слово не прильнетъ къ нему. Почитайте стараго человека и родителей своихъ, не клянитесь Божіимъ именемъ, и другаго не заклинайте и не проклинайте. Судите по правдѣ, взятокъ не берите, денегъ въ ростъ не давайте; Бога бойтесь, князя чтите: рабы, повинуйтесь сначала Богу, потомъ господамъ своимъ; чтите отъ всего сердца іерея Божія, чтите и слугъ церковныхъ. Не убей, не украдь, не лги, лживымъ свидѣтелемъ не будь, не враждуй, не завидуй, не клевети: блуда не твори, ни съ рабомъ, ни съ кѣмъ другимъ; не пей не во-время и всегда пейте съ умѣренностію, а не до пьянства; не будь глѣзливъ, дерзокъ, съ радующимися радуйся, съ печальными будь печаленъ, не ѣшьте нечистаго, святые дни чтите; Богъ же мира со всѣми вами, аминь¹⁾. — Повторяемъ: слово это драгоценно для историка, потому что вполне обрисовываетъ общество, къ которому обращено для поученія; при этомъ замѣтимъ также, что въ поученіи Луки Жидята выражается и общій духъ новгородскаго народонаселенія, какой замѣчаемъ постоянно въ новгородскихъ памятникахъ; какъ въ лѣтописи Новгородской, такъ и здѣсь замѣчаемъ одинакую простоту, краткость, сжатость, отсутствіе всякихъ украшеній; для насъ одинъ слогъ поученія Жидаты можетъ служить доказательствомъ, что оно написано въ Новгородѣ.

Другимъ характеромъ отличаются поученія южнаго владыки, Кирилла Туровскаго²⁾, какъ вообще памятники южно-русской письменности отличаются отъ сѣверныхъ памятниковъ большею украшенностію, что, разумѣется, происходитъ отъ различія въ характерѣ народонаселенія: иной рѣчи требовалъ Новгородецъ отъ своего владыки, иной—южный Русинъ отъ своего. Содержаніе слова Жидаты составляетъ краткое изложеніе правилъ христіанской нравственности; слова Кирилла Туровскаго большею частію представляютъ краснорѣ-

чивыя представленія священныхъ событій, празднуемыхъ Церковію въ тотъ день, въ который говорится слово; цѣль словъ его—показать народу важность, величіе празднуемаго событія, пригласить народъ къ его празднованію, къ прославленію Христа или святыхъ его; отсюда сходство словъ Кирилловыхъ съ церковными пѣснями, отъ которыхъ онъ заимствуетъ иногда не только форму, но и цѣлыя выраженія; какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ видимъ одинаковое распространеніе, оживленія событія разговоромъ дѣйствующихъ лицъ. Въ сочиненіяхъ Кирилла замѣчаемъ также особенную любовь къ иносказаніямъ, притчамъ, стремленіе давать событіямъ прообразовательный характеръ, особенное искусство въ сравненіяхъ, сближеніяхъ событій, явленій, такъ что, изучая внимательно сочиненія древняго владыки Туровскаго, нетрудно открыть въ немъ предшественника и земляка позднѣйшимъ церковнымъ витіямъ изъ Юго-Западной Руси, которые такъ долго были у насъ почти единственными духовными ораторами образцами. Какъ слогъ поученія Луки Жидаты обличаетъ Новгородца, такъ слогъ словъ Кирилла Туровскаго обличаетъ въ сочинителѣ южнаго Русина.

Изъ дошедшихъ до насъ сочиненій Кирилла первое мѣсто занимаютъ десять словъ, сказанныхъ въ десять воскресныхъ дней, начиная отъ Недѣли Вай до Троицына дня включительно. Въ первомъ уже словѣ (въ Недѣлю Вай) мы знакомимся вполне съ образомъ изложенія сочинителя: „Днесь Христосъ отъ Виваніи въ Іерусалимъ входитъ, всѣдши на жребя осла, да совершится пророчество Захаріио. Уразумѣвая это пророчество, станемъ веселиться; души святыхъ дщери вышняго Іерусалима нарицаются, жребя же—это вѣровавшіе язычници, которыхъ посланные Христомъ Апостолы отрѣшили отъ лести дьявольской... Пниѣ Апостолы на жребя ризы свои возложили, на которыхы сѣлъ Христосъ. Здѣсь видимъ обнаруженіе преславной тайны: ризы—это христіанскія добродѣтели Апостоловъ, которые своимъ ученіемъ устроили благовѣрныхъ людей въ престолъ Божій и вмѣстилище Св. Духу. Пниѣ народы постилаютъ Господу по пути—одна: ризы своя, а другіе—вѣтви древесныя. Добрый правый путь міродержителямъ и всѣмъ вельможамъ Христосъ показалъ: пославши этотъ путь милостынею и незлобіемъ, безъ труда они входятъ въ царство небесное; ломающіе же древесныя вѣтви суть простые люди и грѣшники, которые сокрушеннымъ сердцемъ и умиленіемъ душевнымъ, постомъ и молитвами свой путь равняютъ и къ Богу приходятъ“.... и проч. Окончаніе слова замѣчательно, потому что показываетъ главную цѣль всѣхъ словъ Кирилловыхъ: „Сокративши слово, пѣснями какъ цвѣтами Святую Церковь укрѣпимъ и праздники украсимъ, и Богу словесомъ вознесемъ, и Христа Спасителя нашего возвлечемъ“. Роскошная весенняя природа юга дала много цвѣтовъ Кириллу въ словѣ на Фомино Воскресенье: „Теперь весна красуется, оживляя земное естество;

¹⁾ Русская Достопаи. I, стр. 7. Уч. Зап. II отд. Акад. кн. II, вып. II.

²⁾ Памятн. Слов. XII в.

вѣтры, тихо вѣя, подають плодамъ обиліе, и земля, сѣмена питая, зеленую траву раждаетъ. Весна есть красная вѣра Христова, которая крещеніемъ возраждаетъ человѣческое естество: вѣтры—грѣхотвореній помыслы, которые, претворившись покаяніемъ въ добродѣтели, душеполезные плоды приносятъ; земля же естества нашего, принявъ, какъ сѣмя, слово Божіе, и боля постоянно страхомъ Божиимъ, духъ спасенія раждаетъ. Пыль новорожденные агнцы и юнцы екачуть быстро и весело возвращаются къ матерямъ своимъ, а пастухи на свирѣляхъ съ веселіемъ хвалятъ Христа; агнцы—это кроткіе люди отъ язычниковъ, а юнцы—кумиророслужители невѣрныхъ странъ, которые, Христовымъ воцеловѣченіемъ и апостольскимъ ученіемъ и чудесами къ Святой Церкви возвратившись, соуть млеко ученія; а учителя Христова стада, о всѣхъ моляся, Христа Бога славятъ, всѣхъ волковъ и агнцовъ въ одно стадо собравшаго. Нынѣ древа лѣторосли испускають, а цвѣты—благоуханіе, и вотъ уже въ садахъ слышится сладкій запахъ, и дѣлатели, съ надеждою трудяся, плододавца Христа призываютъ; были мы прежде какъ древа дубравныя, плодовъ неумишя, а нынѣ привилась Христова вѣра къ нашему невѣрью, и держась корня Іесеева, испуская добродѣтели какъ цвѣты, райскаго пакибытія о Христѣ ожидаемъ, и святители, трудяся о Церкви, отъ Христа мзды ожидають. Нынѣ оратаи слова, словесныхъ валовъ къ духовному ядру привода, и крестное рало въ мысленныхъ браздахъ погружая, и проводя бразду покаянія, всыпая сѣмя духовное, надеждами будущиыхъ благъ веселятся“, и проч.

Слово въ Недѣлю Мироносицкую напоминаетъ совершенно церковныя гѣсни и стихиры, поемыя и читаемыя въ послѣдніе дни Страстной седмицы; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаемъ одни и тѣ же лютыя выраженія; такъ въ началѣ плачь Богородицы: „Тварь собозвнучеть ми, Сыну! твоего зрящи безъ правды умерщвленія. Увы мнѣ, чадо мой, свѣтъ и творче тварямъ“, и проч. Или, далѣе слова Іосифа Нилату представляютъ не иное что, какъ распространеніе церковной гѣсни: „Приндите, ублажимъ Іосифа пренопамятнаго“. Слово оканчивается похвалою Іосифу, замѣчательною по обычной въ древнемъ краснорѣчій формѣ: „Кому уподоблю этого праведника? немоль ли тебя назову: но ты былъ свѣтлѣе неба благочестіемъ, потому что во время страсти Христовой небо помрачалось и свѣтъ свой скрыло, а ты, радуясь, на своихъ рукахъ Бога посылать. Землею ли тебя благоцвѣтущю назову? Но ты явился честиѣ земли, потому что она въ то время отъ страху потрясалась, а ты възвѣсть съ Никодимомъ весело Божіе тѣло плащаницю обвивъ положилъ“, и пр.—Слово въ Недѣлю Разслабленнаго представляетъ самый лучшій образецъ слога Кириллова; въ жалобѣ расслабленнаго на свои страданія виднѣтъ эту образность, какою обыкновенно отличаются писатели — земляки нашего оратора: „Мертвымъ ли себя назову, говорить расслаблен-

ный; по чрево мое пищи желаетъ, и языкъ отъ жажды иссыхаетъ. Живымъ ли себя почту?—но не только встать съ одра, даже и подвинуть себя не могу: ноги мой не ходятъ, руки не только—что ничего не дѣлають, но и осязать ими я себя не могу; я—непогребенный мертвецъ, одръ мой—гробъ мой; мертвый между живыми и живой между мертвыми ничего не дѣлаю; мучусь я какъ въ адѣ отъ безстыдно поносящихъ меня; смѣхъ я юношамъ, укоряющимъ мною другъ друга, а старцамъ лежу притчею къ наказанію; всѣ мною глумятся, и я отъ того вдвойнѣ страдаю. Внутри терзаетъ меня болѣзнь, виѣ—оскорбляюсь досадами укоряющихъ меня; слюна плюющихъ на меня покрываетъ тѣло мое, голодь луше болѣзнь одолѣваетъ меня, потому что если и найду пищу, то не могу рукою положить ее въ ротъ; всѣхъ умоляю, чтобы накормили меня, и дѣлаюсь бѣднымъ кускомъ моимъ съ питающими меня, стояя со слезами, томимый мучительною болѣзнію, и никто не придетъ посѣтить мня“, и проч.—Таковъ же и отвѣтъ Христа: „Какъ ты говоришь: человѣка не имамъ? Я ради тебя сдѣлался человѣкомъ, тебя ради оставилъ скипетры горнаго царства, и нижнимъ служу, обожу: не пришелъ я, да мнѣ послужать, но да послужу другимъ. Тебя ради, будучи безплотнымъ, плотію облечся, да исцѣлю душевные и тѣлесные недуги всѣхъ. Тебя ради, невидимый ангельскимъ силамъ, явился всѣмъ человѣкомъ, ибо не хочу презрѣть моего образа лежащаго въ тлѣніи, но хочу спасти его и въ разумъ истинный привести, а ты говоришь: человѣка не имамъ! Я сдѣлался человѣкомъ, да сотворю человѣка богомъ, ибо сказала: боги будутъ и Сына Вышняго всѣ, и кто другой вѣриѣ меня служить тебѣ? Тебѣ я всю тварь на работу сотворилъ; небо и земля тебѣ служить—небо влагою, земля—плодомъ; солнце служить свѣтомъ и теплотою, луна съ звѣздами ночь объявляетъ; для тебѣ облака дождемъ землею наполнятъ, и земля всякую траву сѣмянистую и деревья плодовиыя на твою службу возращаетъ; тебе ради рѣки рыбъ носятъ, и пустыни звѣрей питають, а ты говоришь: человѣка не имамъ“, и проч. Слово въ недѣлю нягую по Пасхѣ содержитъ въ себѣ упрекъ народу за нехожденіе въ церковь для слушанія словъ епископа: „Я, друзья и братья, надѣялся, что съ каждою недѣлею все больше и больше будетъ собираться народу въ церковь, а теперь вижу, что собирается его все меньше и меньше: если бы я свое что-нибудь говорить вамъ, то хорошо бы дѣлалъ, если бы не приходили, но я воззваю вамъ владычнее и прочитываю вамъ грамоту Христову“.—Кириллу же Туровскому приписывается слово о состояніи души по разлученіи съ тѣломъ; здѣсь сочинитель, исчезая мытарства, седьмымъ изъ нихъ полагаетъ: „Буде слово, срамословіе, безстыдная словеса и плясаніе, еже въ пиру и на свадьбахъ и въ навечерницахъ, и на игрищахъ, и на уицахъ“, пятнадцатымъ: „Всякая ересь, и вѣрують въ стрѣчу,

въ чехъ, въ полазъ и въ птичьи граи, ворожаю, и еже басни бають и въ гусли гудуть“.

Отъ описываемаго времени до насъ еще нѣкоторыя любопытныя поученія, неизвѣстно какой области и какому лицу принадлежащія. Здѣсь, между прочимъ, видимъ, какъ Церковь вооружалась противъ явленной, бывшихъ слѣдствіемъ родовыхъ отношеній княжескихъ, и какъ изначала содѣйствовала утвержденію отношеній государственныхъ. Сочинитель слова обращается къ дружинѣ княжеской съ слѣдующими словами: „Если начнете доброжелательствовать другимъ князьямъ отъ своего, то подобны будете замужней женщины, невѣрной своему мужу“. Но тутъ встрѣчаемъ увѣщаніе къ храбрости, вполне согласное съ понятіями времени: „Сынъ! когда на рать съ княземъ идешь, то съ храбрыми напередъ ѣзди: этимъ и роду своему чести добудешь, и себѣ доброе имя. Что можетъ быть лучше того, какъ умереть передъ княземъ!“ — О волхвахъ: „Волхвовъ же, чада моя, блудитесь“. О священникахъ: „Если возьмете чернеца въ свой домъ или инога причетника и захотите его угостить, то больше трехъ чашъ не пудте его, но дайте ему волю,—если самъ напнется, то самъ за то и отвѣчаетъ; нельзя слугѣ Божіихъ до срама упомтъ, но съ поклономъ должно отпускать, взявши благословеніе у нихъ“. — О рабахъ: „Сиротъ домашнихъ не обидѣте, но больше милуйте, голодомъ не морите, ни нагою, потому что это домашніе твои нищіе: нищій въ другомъ мѣстѣ себѣ выпроситъ, а рабы только въ твоей рукѣ; милуйте своихъ рабовъ и учите ихъ на спасеніе и покаяніе, а старыхъ на свободу отпускайте... Если холопа своего или рабу не кормишь и не обуваешь, и убьютъ ихъ у воровства, то за кровь ихъ ты отвѣтишь. Ты какъ Апостолъ въ дому своемъ: научай грозою и ласкою. Если рабы и рабыни не слушаются, по твоей волѣ не ходятъ, то лозы не жалди до шести ранъ и до двѣнадцати; а если велика вина, то и до 20 ранъ; если же очень велика вина, то до 30 ранъ лозою, а больше 30 ранъ не великъ... Рабовъ, которыхъ возьмешь съ собою въ походѣ, чести и любви, чтобы они были тебѣ въ обидѣ и въ рати добрыми помощниками“¹⁾. О средствахъ, какія употребляли проповѣдники, средствахъ, напоминающихъ намъ извѣстіе объ обращеніи Владиміра, и о судьбѣ, какой подвергались иногда ревностные проповѣдники, находимъ любопытныя извѣстія въ житіи Св. Авраамія Смоленскаго: „Такъ бо бѣ (Авраамій) благодатію Христовою утѣшая приходящія и пѣвныя ихъ души смысль, якоже и самому игумену не стерпѣти, многіа къ нему видя притекающая. И хотя того сего

отлучити и глаголаше: азъ за тя отвѣщаю у Бога, ты же престани уча, и много озлобленіе нашь возложи. И оттогда вииде въ градъ и пребысть въ единомъ монастырѣ у честнаго Креста; и ту начаша болѣ приходить и ученіе его множайше быти. Нанше же двѣ иконы, едипу страшии суду втораго пришествія, а другую—испытанія воздушныхъ мытарствъ, ихже всемъ ибѣсть избѣжати. И ко всемъ приходящимъ одного страшнаго дня не престая о томъ глаголя, и почитая великаго оного и свѣтлаго учителя вселенныя Іоанна Златоустаго, и преподобнаго Ефрема и всехъ богоглаголющихъ святыхъ. И вшеде сатана въ сердце безчинныхъ, воздвиже нашь; и начаша ови клеветати къ епископу, ниш же хулити и досажати, ови еретика нарицати и, а ниш глаголаху нашь глубинныя книги почитаетъ, ниш же къ женамъ прекладающе, понове же зиающе и глаголюще: уже наша дѣти въ обратилъ естъ; реку тако: никто же аще бы не глаголя на блаженнаго Авраамія въ градѣ. Собрашася же все отъ мала и до велика весь градъ нашь: ниш глаголютъ заточити, а ниш на стѣнѣ ту привоздити и зажещи, а друзи потопити и проводше сквозѣ градъ, всемъ же собравшимся на дворъ епискошъ, игуменомъ же и попомъ и черноризцемъ, княземъ и боярромъ“...

Кромѣ поученій, принадлежащихъ духовнымъ лицамъ, до насъ дошло поученіе, написанное знаменитѣйшимъ изъ князей описываемаго времени, Владиміромъ Мономахомъ, для дѣтей своихъ; оно обнимаетъ обязанности человѣка вообще и князя, религіозныя, семейныя и общественныя, и представляетъ первообразъ тѣхъ домоостроевъ, которые мы увидимъ въ послѣдующихъ вѣкахъ. „Страхъ имѣйте Божій въ сердцѣ и милостыню творите неоскудную, потому что здѣсь начало всякому добру“, —такъ начинаеть Мономахъ свое поученіе. Потомъ онъ объявляетъ поводъ, по которому написалъ поученіе: по окончаніи усобицы съ Давыдомъ Игоревичемъ на Витическомъ сѣздѣ, поѣхалъ онъ на сѣверъ въ Ростовскую область, и, будучи на Волгѣ, получилъ посольство отъ двоюродныхъ братьевъ съ приглашеніемъ идти на Ростиславичей галицкихъ, которые не хотѣли исполнять общаго княжескаго приговора; двоюродные братья велѣли сказать Мономаху: „Ступай скорѣе къ намъ, прогонишь Ростиславичей и волость у нихъ отнимешь; если же не пойдешь съ нами, то мы себѣ, а ты себѣ“. Мономахъ велѣлъ отвѣчать: „Сердитесь, сколько хотите, не могу съ нами идти и преступить крестное пѣлованіе“. — Угроза братьевъ разединиться съ нимъ сильно ошечалила Мономаха; въ этой печали онъ разогнулъ псалтырь и попалъ на мѣсто: „Всему печалуши, душе? вскую смущася мя?“ и проч. Утѣшенный псалмомъ, Мономахъ рѣшился тутъ же написать своимъ сыновьямъ поученіе, въ которомъ господствуетъ та мысль, что человѣкъ никогда не долженъ соврапаться съ праваго пути, во всехъ случаяхъ жизни долженъ полагаться на одного Бога, Который не дастъ по-

¹⁾ Москвит. 1851 г., № 6.—Думаемъ, что къ описываемому же времени надобно будетъ отнести и извѣстное «Улово вѣкоего хриестолюба», которымъ мы уже пользовались прежде, говоря о языческихъ повѣрьяхъ; вооружался противъ послѣднихъ, авторъ говоритъ, что ихъ держатся «не токмо невѣжи, но и вѣжи, и пошы, и книжницы».

гнѣвную челоѣву, творящему волю Его. Выни-
савши изъ псалма тѣ мѣста, въ которыхъ выра-
жается эта мысль, также наставленіе изъ Василія
Великаго, Мономахъ продолжаетъ: „Трѣя добрыми
дѣлами побѣждается врагъ нашъ дьяволъ: покая-
ніемъ, слезами и милостынею. Бога ради не лѣни-
тесь, дѣти мои, не забывайте этихъ трехъ дѣлъ; они не тяжки: не одиочество, не чернечество, не
голодь, которые терпятъ и некоторые добродѣтель-
ные люди; такимъ малымъ дѣломъ можете вы по-
лучить милость Божию... Послушайте меня, если
не можете всего исполнить, то хотя половину.
Просите Бога о прощеніи грѣховъ со слезами, и
не только въ церкви дѣлайте это, но и ложась
спать; не забывайте ни одну ночь класть покло-
новъ, потому что ночнымъ поклономъ и пѣніемъ
челоѣву побѣждаетъ дьявола и получаетъ про-
щеніе грѣховъ. Когда и на лошади сидитъ, да ни
съ кѣмъ не разговариваете, то чѣмъ думать безъ-
дѣлнцу, повторяйте безпрестанно въ умѣ: „Господи
помидуй!“ Если другихъ молитвъ не умѣете, эта
молитва лучше всѣхъ. Больше же всего не забы-
вайте убогихъ, но сколько можете по силѣ кор-
мите, больше другихъ подавайте спротѣ, сами оправ-
дывайте вдовъ, а не позволяйте сильнымъ погубить
челоѣву. Ни правого, ни виноватаго не убивайте,
ни приказывайте убивать. Въ разговорѣ, что бы
вы ни говорили, никогда не клянитесь Богомъ:
нѣтъ въ этомъ никакой нужды; когда придется
вамъ крестъ поцѣловать къ братьѣ, то дѣлуйте
подумавши, можете ли сдержатъ клятву, и разъ
поцѣловавши,—берегитесь, чтобъ не погубить души
своей. Съ любовію принимайте благословеніе отъ
ещскоповъ, поповъ и игуменовъ, не усталайтесь
отъ нихъ, по силѣ любите и снабжайте ихъ, пусть
молятся за васъ Богу. Нище всего не имѣйте гор-
дости въ сердцѣ и умѣ,—говорите: всѣ мы смертны,
нынѣ живы, а завтра въ гробѣ; все, что Ты, Го-
споди, далъ намъ, не наше, а Твое, поручилъ намъ
на малое число дней; въ землю ничего не зары-
вайте: это большой грѣхъ. Старыхъ чти какъ
отцовъ, молодыхъ какъ братью. Въ домѣ своемъ
не лѣнитесь, но за всѣмъ присматривайте сами;
не надѣйтесь ни на тѣна, ни на отрока, чтобъ
гости не посмѣялись ни дому, ни обѣду вашему.
Вышедши на войну, также не лѣнитесь, не надѣй-
тесь на воеводъ; питью, ѣдѣ, спанью не предавай-
тесь; сторожей сами наряжайте; распорядившись
всѣмъ, ложитесь, но вставайте рано, и оружія не
снимайте съ себя; отъ лѣни челоѣву внезапно по-
гибаетъ. Остерегайтесь лжи, пьянства и блуда: въ
этихъ порокахъ и душа, и тѣло погибаютъ. Если
случится вамъ ѣхать куда по своимъ землямъ, то
не давайте отрокамъ обижать жителей, ни чужихъ,
ни въ селахъ, ни на поляхъ, чтобъ послѣ васъ не
проклинали. На дорогѣ или гдѣ остановитесь, на-
пойте, накормите нишаго: особенно же чтите гостя,
откуда бы онъ къ вамъ ни пришелъ, простой или
знатный челоѣву, или посоль; если не можете
чѣмъ инымъ обдарить его, то угостите хорошенко:

страпствуя, они разносятъ по всѣмъ землямъ хо-
рошую или дурную славу о челоѣву. Вольнаго
навѣстите и къ мертвому ступайте, потому что
мы всѣ смертны, челоѣву не пропустите не по-
здоровавшись, всякому доброе слово скажите. Жень
своихъ любите, но не давайте изъ надѣ собою
власти. Что знаете добраго, того не забывайте, а
чего еще не знаете, тому учитесь; не лѣнитесь ни
на что доброе; прежде всего не лѣнитесь ходить
въ церковь; да не застанетъ васъ солнце на по-
стели^а... Взаключеніе Мономахъ рассказываетъ
дѣтямъ о своихъ трудахъ: этимъ важнымъ для
историка расскажем мы уже воспользовались въ
своёмъ мѣстѣ.

Мы встрѣчали извѣстія о страсти къ паломни-
честву, къ путешествіямъ во Св. Землю, распро-
странившейся въ описываемое время между рус-
скими людьми: до насъ дошло описаніе одного изъ
такихъ путешествій, совершеннаго игуменомъ Да-
ниломъ⁴⁾. Это описаніе особенно замѣчательно
отсутствіемъ духа нетерпимости относительно ла-
тинскихъ христіанъ, обладавшихъ тогда Іерусали-
момъ. Король Валдуинъ облакалъ русскаго игу-
мена, который за это распустилъ о немъ добрую
славу по своей землѣ: „Позвалъ мя баше добръ и
любя мя вельми, якоже есть мужъ благодѣленъ и
смирень вельми, и не гордичъ. Язъ рекохъ ему:
княже мой господинъ! молю ти ся Бога дѣла и
князей дѣла русьскыхъ, повелѣ ми, да быхъ и язъ
поставилъ свое кандило на гробѣ святомъ отъ всея
русьскыя земли. Онъ же съ тпашемъ и съ лю-
бовью повелѣ ми поставити кандило; посла со
мною мужа своего... Богъ тому послухъ и св.
гробъ Господень, яко во всѣхъ мѣстахъ святыхъ
не забыхъ имени князей русьскихъ и княгинь, и
епископъ, и игуменъ, и бояръ, и дѣтей моихъ ду-
ховныхъ. И о семъ похвалю Бога моего благо, яко
сподобилъ мя, худаго, имени князей русьскыхъ на-
писати въ лаврѣ св. Саввы, и нынѣ поминуются
имена ихъ въ екстеняхъ и съ женами, и съ
дѣтьми. Се же имена ихъ: Михайлъ Святополкъ,
Василій Владиміръ, Давыдъ Святославичъ, Михайлъ
Олеги, Нанкратій-Святославъ, Глѣбъ-Мѣнскои, и
сколько есть помнилъ, oprичъ всѣхъ князей русь-
скихъ, и бояръ и отпѣхомъ литургію за князей
русьскыхъ и за вся хрестьяне 50 литургій, и за
усопшія литургію отпѣхомъ. И буди же всѣмъ по-
читающимъ се съ вѣрою и любовію благословеніе
отъ Бога и отъ св. гроба и отъ всѣхъ мѣстъ сятыхъ.
Бога дѣла, братіе и господіе мои, не зазрите
худоумью моему и грубости моеи. Да не будетъ въ
похваленьи написанье се мене ради, до гроба Го-
сподня ради кто съ любовію почтеть, да мзду при-
метъ отъ Бога Спаса нашего, и Богъ мира съ всѣми
вами въ вѣки вѣковъ, Аминь.“—Даниилъ встрѣ-
тилъ въ Іерусалимѣ многихъ русьскихъ паломни-
ковъ—Новгородцевъ и Кіевлянъ.

⁴⁾ Сахарова, Сказ. Русск. Нар. т. II. Сохранилось также
путешествіе Добрыни Ідрейковича въ Царьградъ, 1210 г.

Къ описываемому времени относится сочиненіе другаго Даниїла, такъ называемое Посланіе Даниїла Заточника къ князю Юрію Владиміровичу Долгорукому ¹⁾. Изъ самаго умилостивительнаго посланія этого можно узнать только то, что молодой еще человекъ, неизвѣстно какого происхожденія и званія, разицѣвалъ князя и былъ заточенъ на озеро Лаче; въ посланіи Даниїль ничего не говоритъ о винѣ своей; но по сильнымъ выходкамъ противъ приближенныхъ къ князю людей и женщинъ можно догадываться, что онъ ихъ наговорамъ приписывалъ свое несчастіе. Какъ видно, въ послѣдствіи сочиненіе это было извѣстно грамотнымъ людямъ ²⁾ и цѣнилось, благодаря украшеніямъ слога, которые правились встарину; самъ Даниїль, какъ видно изъ его словъ, считалъ себя мудрецомъ; выпишемъ нѣсколько строкъ, чтобъ имѣть понятіе объ этой мудрости. „Вострубимъ, братія, яко во златокованныя трубы, въ разумъ ума своего и начнемъ бити сребренныя органы, и возвѣдемъ мудрости своя... Не возри на мя, княже господине, яко волкъ на ягня; но возри на мя, господине мой, аки мати на младенца. Возри, господине, на птицы небесныя, яко ти ни орютъ, ни сѣютъ, ни въ житницу собираютъ, но уповаютъ на милость Божію; такъ и мы, княже господине, желаемъ твоя милости; зане, господине, кому Боголюбово, а мнѣ горе лютое; кому Бѣлозеро, а мнѣ чериѣ смолы; кому Лачь озеро, а мнѣ, на немъ сѣдя, плачь горки... Княже мой, господине мой! избави мя отъ ищиты сія, яко серну отъ тенета, яко птицу отъ кляпцы, яко утя отъ ногтей носимаго ястреба, яко овцу отъ усть лвовыхъ. Азъ бо есмь, княже господине, яко древо при пути: мнози посякають его и на огонь выспутъ; также и азъ всѣми обидимъ есмь, зане ограженъ есмь страхомъ грозы твоея.... Весна бо украшаетъ цвѣты землю; а ты, княже господине, оживляеши вся человекѣи своею милостію, сироты и вдовы, отъ великожъ погружаемы.... Видѣхъ великѣ звѣрь, а главы не имѣеть: тако и добрыя поля безъ добраго князя погибають. Гусли бо строятся персты, тѣло основается жилами, а дубъ крѣпится множествомъ коренія: такъ и градъ нашъ крѣпится твоею державою; зане князь щедръ отецъ есть всѣмъ: служи бо мнози отца и матери лишаются и къ нему прибѣгають. Добру бо господину служа, дослужитесь свободы; а злу господину служа, дослужитесь большія работы. Зане князь щедръ, аки рѣка безъ береговъ текуще вквозѣ дубравы, напоющая не токмо человекѣи, но и скоти и вся звѣри; а князь скупъ, аки рѣка великѣ брегъ имуще каменны:

¹⁾ Памятн. Слов. XII в., стр. 229.

²⁾ Въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ, при упоминовеніи о Лачѣ оверѣ встрѣчаемъ прибавку: «видеже бѣ Данило заточеникъ». Въ какой славѣ было слово Даниїла, видно изъ того, что послѣ нѣкоторые приравнивали его къ своимъ обстоятельствомъ и послали къ князьямъ. См. новую редакцію слова въ Русск. Бесѣдѣ 1856, № 2. Здѣсь авторъ обращается не къ Юрію, но къ Ярославу Всеволодовичу Переяславскому.

нельзя пити, ни коня напоити. А бояринъ щедръ, аки кладезъ сладокъ; а скупъ бояринъ, аки кладезъ солопъ. Не имѣй себѣ двора близъ княжа двора; не держи села близъ княжа села: тунъ бо его яко огонь трепетицею наклады, а рядовичи его яко искры; аще отъ огня устереженъ, но отъ искры не можешь устрѣиши жженія порты. Княже, господине мой! не лиши хлѣба нища мудра, ни вознеси до облакъ богатаго безумна, несмысленъ; нищъ бо мудръ, яко злато въ камиѣ сосудѣ, а богатъ красенъ несмысленъ, то аки паволочитое згололье, соломы наткано. Господине мой! не зри виѣшняя моя, но зри внутреная: азъ бо одѣянъ есмь скуденъ, но разумомъ обиленъ; юнъ возрастъ имѣю, а старъ смысломъ; быхъ мыслію яко орелъ парая по воздуху. Но постави сосуды скудельничьи подъ потокъ капля языка моего, да накаплютъ ти сладчайши меду словеса усть моихъ... Не море топить корабли, но вѣтри, и не огонь творитъ разженіе желѣзу, но подыманіе мѣшное: также и князь не самъ впадаетъ въ многія въ вещи злыя, но думцы вводятъ. Съ добрымъ бо думцею князь висока стола додумаетца, а съ лихимъ думцею думаетъ и малаго стола лишенъ будетъ... Не мужъ въ мужехъ, кѣмъ своя жена владеть; не работа въ работахъ, подъ жонками возъ возити... Что есть жена зла? гостница неусыпаемая, кушница бѣсовская, мірскы мятежъ, ослѣпленіе уму, начальница всякой злобѣ. Азъ ни заморе ходитъ, ни отъ философа научилъ; но быхъ яко падая чела по различнымъ цвѣтомъ и совокуняя яко медвеный сотъ; тако и азъ по многимъ книгама собирая сладость словесную и разумъ, и совокунихъ яко мѣхъ воды морскія, а не отъ своего разума, но отъ Божія промысла.—Къ Посланію прибавлено слѣдующее извѣстіе: „Сии словеса азъ Даниїль писахъ въ заточеніи на Бѣлозерѣ, и запечатавъ въ воскъ, и пустихъ въ озеро, и возьмъ рыба поже, и ята бысть рыба рыбаремъ, и принесена бысть ко князю, и нача ея пороти, и узрѣ князь сіе написаніе, и повелѣ Даниїла свободити отъ горкаго заточенія“.

Древнѣйшія произведенія народной фантазіи относятся ко временамъ Владиміра Святаго; содержаніе ихъ составляютъ подвиги богатырей, борьба ихъ съ степными варварами, съ которою былъ соединенъ важнѣйшій интересъ для народа. Въ описанное время продолжалась та же борьба, и попрежнему служила главнымъ содержаніемъ пѣсенъ и сказаній; богатырей смѣнили князья; самымъ славнымъ, самымъ народнымъ именемъ въ борьбѣ съ погаными было имя Мономахъ; не могло быть, чтобъ походы добраго страдальца за Русскую Землю на поганыхъ не служили содержаніемъ народныхъ поэтическихъ сказаній; слѣды этихъ сказаній находимъ въ началѣ Волынской лѣтописи: „По смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержца всяя Руси, одолѣвши всѣмъ поганьскимъ языкомъ, ума мудростію ходяща по заповѣдемъ Божиимъ: устремилъ бо-ся быше на поганя яко и

левъ, сердитъ же бысть яко и рысь, и губяще яко и коркодилъ и прохожаще землю ихъ яко и орель, храборъ бо бѣ яко и туръ. Ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганья Измальтяны, рекомыя Половци, изгнавнию Отрока въ Обезы за желѣзныя врата. Сърчапови же оставишу у Дону, рыбю оживишу; тогда Володимерь Мономахъ иль золотымъ шоломомъ Донъ, приемиши землю ихъ всю и загнавши окаянныя Агаряны. По смерти же Володимерь, оставишу у Сыръчана единому гудьцѣ же, Ореви, посла и въ Обезы, рекъ: Володимерь умеръ естъ, а воротися, брате, поиди въ землю свою; молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни половецкія; оже ти не восхочеть, дай ему поухати зелья именовъ свшпанъ. Оному же не восхотѣвшию обратитися ни послушати, и дасть ему зелье, оному же обухавшу и восплакавшию, рче: да лучше естъ на своей землѣ костью лежи, нели на чюжѣ славу быти. И приде во свою землю, отъ него родившюся Концаку, иже снесе Сулу, пѣши ходя, котель нося на плечеву⁴.

Но въ цѣлости дошло до насъ поэтическое сказаніе о несчастномъ походѣ сѣверскихъ князей, Игоря Святославича съ братею на Половцевъ, Слово о полку Игоревѣ. Особенныя доблести этихъ князей, ихъ ревность добыть себѣ славы въ борьбѣ съ поганями, ихъ великодушіе, по которому они не захотѣли покинуть въ бѣдѣ черныхъ людей, заслуженная слѣдовательно народная любовь къ этимъ князьямъ, любопытныя подробности похода, необыкновенная удача вначалѣ, необыкновенное бѣдствіе въ концѣ, которое однако не уменьшило, но еще увеличило славу князей, наконецъ удивительное спасеніе Игоря изъ плѣна¹⁾, — все это должно было возбуждать сильный интересъ въ народѣ къ этому событію, которое потому и стало предметомъ украшеннаго поэтическаго сказанія; самыя подробности похода, какъ онѣ сохранились въ лѣтописи, всего лучше показываютъ намъ интересъ, связанный для древней Руси съ этимъ событіемъ, всего лучше объясняютъ намъ возможность и необходимость существованія Слова. Намъ нѣтъ нужды даже предполагать, что сочинитель Слова былъ житель страны Сѣверской, ибо вспомнимъ, что въ это время племя Ольговичей стояло на первомъ мѣстѣ во всей Южной Руси: старшій въ этомъ племени, Святославъ Всеволодовичъ, сидѣлъ тогда на столѣ Киевскомъ, слѣд. бѣдствіе сѣверскихъ князей должно было найти сильное сочувствіе и на западномъ берегу Днѣпра.

Сочинитель Слова о полку Игореву не хочетъ начинать своего разсказа прямо съ похода сѣвер-

скихъ князей на Половцевъ, но хочетъ предпослать ему старыя слова, ограничиваясь однако бы ли н а м и позднѣйшаго времени, именно начиная со времени Владимира Мономаха или, какъ онъ называется его, Владимира Старого, въ противоположность другимъ, младшимъ Владимірамъ. Эти былины позднѣйшаго времени, начиная со времени Владимира Мономаха, онъ противопоставляетъ пѣснямъ, сочиненнымъ по замысленію вѣщаго Бояна. Кто бы ни былъ этотъ Боянь, сочинитель ли старыхъ русскихъ пѣсенъ, истинный или мнимый, или даже Гомеръ, какъ думаютъ пѣкаторы²⁾, очевидно только то, что сочинитель Слова о полку Игореву противопоставляетъ свое сочиненіе сочиненіямъ Бояна, противопоставляетъ по времени, не хочетъ заноситься въ отдаленныя вѣка, къ отдаленнымъ событіямъ, воспѣтымъ Бояномъ, или, что очень кажется намъ вѣроятнымъ, противопоставляетъ бы ли н у з а м ы ш л е н і ю, противопоставляетъ слово, разсказъ объ истинномъ происшествіи безъ малѣйшаго отступленія отъ него, — пѣсни, сочинитель которой позволялъ себѣ большую свободу, хотя бы воспѣвалъ дѣйствительное событіе, дѣйствительно существовавшее лицо: „Не лѣно ли ны башеть, братіе, пачати старыми словесы трудныхъ повѣстей о пълку Игоревѣ, Игоря Святославича! пачати же ся тый пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замысленію Бояна. Боянь бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашеться мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, низымъ орломъ подъ облакъ“.

Итакъ, продолжаетъ сочинитель Слова, начнемъ, братія, повѣсть эту „отъ стараго Владимира и дойдемъ до нынѣшняго Игоря, который препоясалъ ужо крѣпостію, изосриглъ сердце мужествомъ, наполнился ратнаго духа, и навелъ свои храбрыя полки на землю половецкую за землю русскую“ — послѣ этого непосредственно слѣдуютъ слова: „Тогда Игорь взглянулъ на свѣтлое солнце, и увидалъ, что всѣ воины его прижыкъ тьмою“. Здѣсь съ перваго взгляда очевиденъ пропускъ, ибо сочинитель обѣщалъ начать повѣсть отъ стараго Владимира; мы необходимо должны предположить здѣсь разсказы о борьбѣ Мономаха и послѣдующихъ князей съ Половцами, и потомъ естественный переходъ къ походу Игоря на поганыхъ; очень вѣроятно, что приведенное нами выше поэтическое сказаніе о походахъ Мономаха и о томъ, что происходило въ степи по его смерти, находилось между этими сказаніями, которыми началъ свою повѣсть сочинитель Слова о полку Игореву.

Послѣдній вѣренъ своему обѣщанію разсказывать по бы ли н а м ѣ: разсказъ его совершенно одинаковъ съ разсказомъ лѣтописца, лишняго въ немъ одни только поэтическія украшенія; что же касается подробностей, то ихъ гораздо больше въ лѣтописи. Любопытно, что въ Словѣ гораздо больше

¹⁾ См. Истор. Рос. т. II. Прибавимъ отзывъ лѣтописца о Всеволодѣ Святославичѣ, братѣ Игоревѣ: «Того же лѣта (1196) въ Олговичѣхъ преставися князь Всеволодъ Святославичъ, братъ Игоревъ, и тако сиротавше тѣло его вся братія съ великою честью и съ плачемъ великимъ и рыданіемъ: пожехъ бѣ во Ольговичѣхъ всѣхъ удало роженъ и воспитаніемъ, и возрастомъ и всею добротю и кужественною доблестю, и любовь имѣяше ко всемъ».

²⁾ См. статью кн. Вяземскаго во Времѣнникѣ Моск. Истор. Общ.

превозпосится похвалами Всеволодъ Святославичъ, чѣмъ Игорь, старшій братъ; въ битвѣ на первомъ планѣ поставленъ Всеволодъ; этимъ разсказъ сочинителя Слова отличается отъ разсказа лѣтописнаго; но такое предпочтеніе Всеволода объясняется словами лѣтописца, который, сказавши о смерти Всеволода, прибавляетъ, что этотъ князь превосходилъ всѣхъ Ольговичей доблестію. Особенно же замѣчательны для насъ слова автора объ усобицахъ княжескихъ: въ сильныхъ выраженіяхъ описываетъ онъ усобицы, происходившія вълѣдствіе лишения волостей Олега Святославича: „Тогда земля сѣялась и росла усобицами, погибала жизнь Дажбогова внука, въ княжихъ крамолахъ вѣкъ человѣческой сократился. Тогда по Русской Землѣ рѣдко раздавались крики земледѣльцевъ, но часто каркали вороны, дѣля между собою трупы, часто говорили свою рѣчь галки, собираясь летѣть на добычу“. Въ другомъ мѣстѣ: „Сказалъ братъ брату: это мое, и это мое же, и за малое стали князья говорить большое, начали сами на себя ковать крамолу; а поганые со всѣхъ сторонъ приходили съ побѣдами на Землю Русскую“. Описывая общее горе на Руси, когда услышали здѣсь объ истребленіи полковъ Игоревыхъ, сочинитель Слова опять начинаетъ говорить объ усобицахъ: „Встоналъ Киевъ туюю, а Черниговъ напастями; тоска разлилась по Русской Землѣ; а князья сами на себя крамолу ковали, а поганые набѣжали на Русскую Землю, брали дань по бѣлкѣ отъ двора“. Въ этомъ отношеніи замѣчательна также жалоба стараго Святослава Киевскаго, когда онъ узналъ о бѣдѣ сѣверскихъ князей: „Все зло мнѣ происходитъ отъ княжскаго непособія; благоприятное время отъ него упущено... великій князь Всеволодъ (III)! чтобъ тебѣ перелетѣть сюда издалека, отцовскаго золотого стола поблюсти! Вѣдь ты можешь Волгу раскропить, а Доль шлемами вычерпать; если-бы ты былъ здѣсь, то была бы у насъ половицка раба по нагати, а рабъ по резани“. Сочинитель, отъ имени Святослава, обращается также и къ другимъ князьямъ съ требованіемъ помощи Русской Землѣ и мести поганымъ за обиду Игорю: „Обращаясь къ племени Всеславу, князьми половикимъ, онъ упрекаетъ ихъ какъ зачинщиковъ усобицы, которые дали возможность поганымъ нападать на Русую Землю: здѣсь разумѣется первая усобица по смерти Ярославла, начата Всеславомъ Половкимъ. „Охъ“! прибавляетъ сочинитель: „стонать Русской Землѣ, припомнивши первую годину и первыхъ князей: того стараго Владиміра (Мономаха) нельзя было пригвоздить къ горамъ киевскимъ“¹⁾.

¹⁾ Что и здѣсь и прежде подъ именемъ стараго Владиміра разумѣется Мономахъ, доказательствомъ служитъ связь выраженій: „Того стараго Владиміра нельзя бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ: сего бо нынѣ стаща стязя Рюриковы, а друзи Давидовы“. Здѣсь разумѣются Рюрикъ и Давидъ Ростиславичи, представители Мономахова племени въ Юго-Западной Руси.—Укажемъ здѣсь также кстатки нѣкоторыя мѣста Слова, которые, по нашему мнѣнію, не-

Въ древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ изъ лицъ историческихъ описываемаго времени является дѣйствующимъ Новгородецъ Василій Буслаявъ²⁾. Пѣсня³⁾ въ нѣкоторыхъ чертахъ вѣрно изображаетъ старину новгородскую, въ нѣкоторыхъ старину общую русскую. „Въ славномъ Великомъ Новгородѣ жилъ Буслая до девинста лѣтъ; съ Новгородомъ жилъ, неперечился, съ мужиками новгородскими поперекъ словечка не говаривалъ. По смерти Буслая осталась вдовою жена его Амелфа Тимофеевна, да сынъ молодой, Василій Буслаявичъ“. Этотъ-то Василій представляется въ пѣсни образцомъ и предводителемъ новгородской буйной молодежи, славной походами своими на сѣверѣ, ходившей всюду безъ новгородскаго слова, не дававшей покоя ни своимъ, ни чужимъ. Василій сталъ водиться съ пьяницами, безумницами, удалыми добрыми молодцами, пьяный сталъ буйствовать по улицамъ, бить, уродовать прохожихъ. Пошли жалобы на молодаго буяна; Новгородцы однако не попытались его взять и наказать; надъ нимъ была другая власть, къ которой и обратился городъ съ жалобой,—власть старухи матери: къ ней посадскіе, богатые мужики новгородскіе принесли великую жалобу на буйство сына; она стала журить, бранить Василія; журба не полюбилакъ ему, и онъ вздумалъ набрать себѣ дружину такихъ же молодцовъ, чтобъ съ ними буйствовать безнаказанно; онъ кликнулъ кличъ: „Кто хочетъ пить и ѣсть готовое, валикъ къ Васыкѣ на пирокій дворъ, пей и ѣшь готовое, носи платье разноцвѣтное“. Охот-

правильно переводятся. Вначалѣ: «Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начати старыми словесми трудныхъ повѣстий о пълку Игоревѣ». Начати старыми словесми—нельзя переводить: Начати прежнимъ складомъ важныхъ повѣстей, ибо ясно изъ послѣдующаго, что сочинитель хотѣлъ начати свое слово старыми словами, сказаніями о старлхъ событіяхъ—отъ стараго Владиміра.—«Сила князю учъ похоти»—нельзя переводить чрезъ: «залегла въ душѣ князя дума», но чрезъ «затмѣло князю учъ сильное желаніе» уже по самому соотвѣтствію слѣдующаго предложія: «и жалость ему знаменіе вступи»; здѣсь не нужно предполагать описки и читать с и л а; стоить только сравнить это выраженіе съ послѣдующимъ: «заря свѣтъ запала». «Хощу коніе приломити конецъ поля Половецкаго»—должно переводить: хочу конь переломитъ въ концѣ поля, а не объ полѣ.—Прекрасное выраженіе: «уже бѣда его насетъ птицѣ» совершенно теряется въ отдаленномъ переводѣ: «уже птицы алчутъ его погнѣбели».—«Ту кроваваго вина не доста, ту пирѣ докончаша храбрїи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за земля Русскую»; здѣсь сваты пужло оставить безъ наѣвненія, а не переводить чрезъ «гостей». Въ выраженіи: «пустыни силу прикрыла»—пустыни есть именительный падежъ, а не мѣстный.—«А мы дружина жадни веселія» должно переводить: «мы лишени, чужды веселія», а не «жаждемъ уже повеселити на пиру свадебномъ».—Въ выраженіи «сильнаго, и богатаго и многовои братъ моего Ярославла» слово многовои не есть описка, но прекрасный эпитетъ Ярославу—многовои, князь, у котораго много воевъ.—«Нѣ се зло князю ни непособіе» должно переводить: «ало мнѣ княжское непособіе», а не: «теперь же гибель князей мнѣ по помощь».

²⁾ Никон. II, 125: بود 1171 г. «Преставился въ Новгородѣ посадникъ Васка Буслаявичъ».

³⁾ Древняя Росс. стихотвор., стр. 72.

ники нашлись, собралось ихъ двадцать девять человекъ. Пришли они въ братчину Никольщину. Василій заплатилъ за каждаго брата по пяти рублей, а за себя пятьдесятъ рублей, и церковный староста принялъ ихъ въ братчину; вечеромъ начались потѣхи, которыя лѣтописецъ называетъ отъ бѣса замышленными дѣломъ; стали бороться, а въ иномъ кругу на кулачки биться, и отъ кулачнаго бою дошло до большой драки; пѣмецкіе кунпы, въ договорѣ съ Новгородцами, обезопасивали свой дворъ относительно обычной новгородской забавы—драки: подаркомъ въ Новгородѣ ходило преданіе, что Перуны, когда его тащили въ Волховъ черезъ большой мостъ, бросилъ свою палку и сказалъ: „Пусть Новгородцы этимъ меня поминаютъ!“ Эту палку и теперь безумные убиваются, утѣху творятъ бѣсамъ, прибавляетъ лѣтописецъ. Василій вѣшался въ драку, и кто-то его очень неловко задѣлъ; онъ закричалъ своимъ, что его бьютъ; дружина выскочила—и началась схватка: „Скоро они улицу очистили, прибили уже много до смерти, вдвое-втрое перековеркали, руки, ноги переломали. Буслаевичъ, видя, что его взяла, вызываетъ на бой весь Новгородъ, заключаетъ съ жителями его условіе, что если онъ съ дружиною побьетъ Новгородцевъ, то послѣдніе платятъ ему дань по смерти; а если Новгородцы побьютъ его, то онъ обязанъ давать имъ дань. „Началась у нихъ драка-бой великая. Дерутся день до вечера,—Буслаевичъ съ дружиною начинаютъ одолѣвать. Повгородцы, видя, что дѣло плохо, обращаются опять съ просьбою и подарками къ матери Буслаевича, и материнская власть является во всей силѣ: того, кто вызвалъ на бой цѣлый Новгородъ и побѣдилъ, того одна материнская служанка беретъ за бѣлые руки и тащитъ на дворъ родительской, гдѣ мать велитъ запереть его въ глубокихъ погребяхъ, за желѣзными дверями, за булатными замками. Между тѣмъ, пользуясь отсутствіемъ вождя, Новгородцы одолѣваютъ дружину Буслаевича; побѣжденные, увидя служанку матери Васильевой, шедшую на Волховъ за водою, просятъ ее, чтобъ она не подала ихъ, освободила ихъ предводителя. Служанка исполняетъ просьбу, отпираетъ погребъ, гдѣ сидѣлъ Василій, и тотъ, возвратившись къ своимъ, далъ снова имъ побѣду: „У ленихъ соколовъ крылья отросли, у нихъ-то молодцовъ думъ и прибыло“ и „ужъ мужики (Новгородцы) покорилися, покорилися и помирился“.

Сложилась и другая пѣсня о томъ же Буслаевѣ, какъ онъ бѣдиль молился ⁴⁾. Буслаевичъ приходитъ къ матери, какъ вьюнъ около нея увивается, проситъ благословеніе великое идти въ Іерусалимъ градь со всею дружиною храброю. Мать въ отвѣтъ говоритъ ему любовныя слова, рѣзко очерчивающія эпоху: „Если ты пойдешь на добрыя дѣла, дамъ тебѣ благословеніе великое; если же ты, дитя, на

разбой пойдешь, не дамъ благословенія великаго“ не носи Василья сыра земля“. Буслаевичъ поплылъ съ дружиною въ Іерусалимъ; на дорогѣ встрѣчаетъ гостей корабельщиковъ, и на вопросъ ихъ, куда погуливаетъ, отвѣчалъ также очень замѣчательными словами: „Гой, еси вы, гости корабельщики! А мое-то въдъ гулянье неохотное: смолоду бито много, граблено, подь старость надо душу спасти“. Василій прѣѣзжаетъ въ Іерусалимъ; „Пришелъ въ церковь соборную, служилъ обѣдни за здравіе матушки и за себя, Василья Буслаевича; и обѣдно съ панихидою служилъ по родимомъ своемъ батюшкѣ и по всему роду своему; на другой день служилъ обѣдни съ молебными про удалыхъ добрыхъ молодцевъ, что смолоду бито много, граблено“. Буслаевичу не суждено было возвратиться домой изъ этого путешествія; не вѣруя ни въ сонъ, ни въ чохъ, вѣруя только въ свой червленый вязъ, онъ пренебрегъ предостереженіемъ не скакать вдоль заколдованнаго камня, и убили подь нимъ. Такимъ образомъ, разгульная жизнь новгородской вольницы оставила по себѣ память въ народѣ, и предводитель новгородскихъ ушкуйниковъ является въ произведеніяхъ народной фантазіи среди богатейрей Владимірова времени.

Изъ историческихъ лицъ описываемаго времени является дѣйствующимъ въ старинныхъ пѣсняхъ новгородскій сотекій, Ставръ съ женою. Лѣтописъ подь 1118 годомъ говоритъ, что Владиміръ Мономахъ разсердился на новгородскаго сотскаго Ставра, вызвалъ его къ себѣ въ Кіевъ и заточилъ; изъ лѣтописнаго извѣстія можно понять, что Ставръ былъ виноватъ въ томъ же, въ чемъ и другіе заточенные съ нимъ вмѣстѣ бояре новгородскіе, а именно: въ грабѣжѣ какихъ-то двухъ гражданъ; но пѣсня приводитъ другую вину, именно—хвастовство Ставра своимъ богатствомъ, предъ которымъ онъ ни во что ставилъ богатство и великолѣпіе великокняжеское: „Что это за крѣпость въ Кіевѣ, у в. князя Владиміра? у меня-де, Ставра боярина, широкой дворъ не хуже города Кіева: — а дворъ у меня на семи верстахъ, а гридни, свѣтлицы бѣлодубовы, покрыты гридни съдымъ бромомъ, потолокъ въ гридняхъ черныхъ соборей, полъ, середя одного серебра, крюки на пробои по булату злаченъ.“ Здѣсь въ этомъ описаніи убранства Ставрова дома для насъ любопытно то, что всѣ украшенія состоятъ въ дорогихъ металлахъ и дорогихъ мѣзахъ: другого ничего фантазія рассказчика не могла предтавить.—Лѣтописъ Новгородская подь 1167 годомъ упоминаетъ о Садкѣ Сытиничѣ, который построилъ каменную церковь Св. Бориса и Глѣба. Пѣсня знаетъ о богатомъ гостѣ новгородскомъ Садкѣ, который, принеши отъ Воли поклонъ брату ея Ильменю, получилъ отъ послѣдняго чудеснымъ образомъ въ подарокъ несмѣтное сокровище, такъ что Садко могъ выкупить всѣ товары въ Новгородѣ; здѣсь вмѣсто удалаго предводителя вольницы видимъ богатаго кушца, который, подививши на бра-

⁴⁾ Древняя Росс. стихотвор., стр. 166.

товщинѣ, хвастаетъ не силою своею, но богатствомъ: такимъ образомъ, и другая сторона повгородской жизни оставила по себѣ память въ произведеніяхъ народной фантазіи. Сходство пѣсеннаго Садка съ лѣтописнымъ заключается въ томъ, что и въ пѣсни богатый гость—охотникъ строитъ церкви. Благодареніе Садки не осталось безъ награды: другая пѣсня говоритъ, какъ Садко, находясь во власти морскаго царя, спасся отъ бѣды совѣтами Св. Николая. Изъ к н и ж н и к о в ѣ, сочиненія которыхъ не извѣстны, упоминается въ лѣтописи подъ 1295 годомъ, въ Галичѣ, Тимошей прелудный книжникъ, родомъ изъ Кіева; этотъ Тимошей притчами говорилъ противъ мучителя Галичанъ, венгерскаго воєводы Бенедикта: „Яко въ послѣдняя времена тремя именами наречется антихристъ.“

Но если память о важныхъ событіяхъ и лицахъ знаменитыхъ, выдавшихся почему бы то ни было изъ среды современниковъ, сохраняется въ народѣ и передается изъ вѣка въ вѣкъ въ украшенныхъ повѣствованіяхъ; если при условіи грамотности являются люди, которые въ украшенной рѣчи передаютъ письму извѣстія о какомъ-нибудь важномъ событіи, не позволяя себѣ никакихъ уклоненій, замышленій поэтическихъ, невозможныхъ уже по самой близости событія всѣмъ извѣстнаго, причѣмъ очевидно желаніе высказать господствующую мысль, господствующую потребность времени, какова была въ описываемую эпоху, потребность прекращенія княжескихъ усобицъ, княжескаго непособія другъ другу, потребность, столь ясно высказавшаяся въ Словѣ о Полку Игореву; если народу, въ самомъ младенческомъ состояніи врождено стремленіе знать свое прошлое, объяснить себѣ, какъ произошло то общество, въ которомъ онъ живетъ; если религиозное уваженіе къ отцамъ требуетъ сохраненія памяти о нихъ; если это врожденное человѣку уваженіе заставляетъ находить въ преданіяхъ старины живое поученіе; если всѣ народы съ величайшимъ наслажденіемъ прислушиваются къ сказаніямъ о дѣлахъ предковъ; если эти сказанія, при отсутствіи грамотности, передаются устно, а при зачаткахъ грамотности первые записываются; если таковъ общій законъ жизни народовъ: — то нѣтъ никакого основанія предполагать, что въ жизни Русскаго народа было иначе, и отодвигать появленіе лѣтописей какъ можно далѣе отъ времени появленія христіанства съ грамотностью, тѣмъ болѣе что съ Византією были частыя, непосредственныя связи. Византія служила образцомъ во всемъ, относящемся къ гражданственности, и Византія представила образецъ лѣтописей, съ которыми можно было познакомиться даже и въ славянскихъ переводахъ.

Сказавши, что Византія служила образцомъ во всемъ, относящемся къ письменности, мы уже рѣшили вопросъ относительно формы, въ какой должны были явиться у насъ первые памятники собственно историческаго содержанія: они должны были явиться въ видѣ лѣтописи (хроники, анналовъ),

погоднаго записыванія извѣстій о событіяхъ, безъ всякой собственно исторической, научной связи между ними. Выраженія: сухое, краткое записываніе, никакъ не могутъ идти въ общихъ признакахъ для опредѣленія лѣтописи; лѣтописныя извѣстія отличаются сухостью и украшенностію, краткостію и обиліемъ, вслѣдствіе различныхъ условий—мѣстныхъ, личныхъ, случайныхъ и постоянныхъ, какъ увидимъ впоследствии. Теперь же слѣдуетъ спросить: кто у насъ на Руси долженъ былъ первоначально заняться записываніемъ событий, составленіемъ лѣтописей? Мы видѣли, что если между князьями, а вѣроятно и въ дружинѣ ихъ, были охотники собирать и читать книги, то это были только охотники, тогда какъ на Руси существовало сословіе, котораго грамотность была обязанностію и которое очень хорошо создало эту обязанность,—сословіе духовное. Только лица изъ этого сословія имѣли въ то время досугъ и всѣ средства заняться лѣтописнымъ дѣломъ; говоримъ: „всѣ средства“ потому, что при тогдашнемъ положеніи духовныхъ, особенно монаховъ, они имѣли возможность знать современные событія во всей ихъ подробности и приобрѣтать отъ вѣрныхъ людей свѣдѣнія о событіяхъ отдаленныхъ. Въ монастырь приходилъ князь прежде всего сообщить о замышляемомъ предпріятіи, испросить благословенія на него, въ монастырь прежде всего являлся съ вѣстію объ окончаніи предпріятія; духовныя лица отправлялись обыкновенно послами, слѣд. ихъ лучше другихъ былъ извѣстенъ ходъ переговоровъ. Имѣемъ право думать, что духовныя лица отправлялись послами, участвовали въ заключеніи договоровъ сколько изъ уваженія къ ихъ достоинству, можемъ отвратить отъ нихъ опасность, сколько вслѣдствіе большаго умѣнія ихъ убѣждать словами писанія и болшей власти въ этомъ дѣлѣ, столько же и вслѣдствіе грамотности, умѣнія написать договоръ, знанія обычныхъ формъ: иначе для чего бы Смоленскій князь поручилъ священнику Іеремію заключеніе договора съ Ригию? Должно думать, что духовныя лица, какъ первые грамотныя, были первыми дьяками, первыми секретарями нашихъ древнихъ князей. Припомнимъ также, что въ затруднительныхъ обстоятельствахъ князья обыкновенно прибѣгали къ совѣтамъ духовенства; прибавимъ наконецъ, что духовныя лица имѣли возможность знать также очень хорошо самыя подробности походовъ, ибо сопровождали войска, и будучи сторонними наблюдателями и вмѣстѣ приближенными людьми къ князьямъ, могли сообщить вѣрнѣйшія извѣстія, тѣмъ самые ратные люди, находившіеся въ дѣлѣ. Изъ одного уже соображенія всѣхъ этихъ обстоятельствъ мы имѣли бы полное право заключить, что первыя лѣтописи наши вышли изъ рукъ духовныхъ лицъ, а если еще въ самой лѣтописи мы видимъ ясныя доказательства тому, что она составлена въ монастырѣ, то обязаны успокоиться на этомъ и не искать другого какого-нибудь мѣста и другихъ лицъ для составле-

ния первоначальной, краткой лѣтописи, первоначальныхъ, кратко въ записокъ¹⁾).

¹⁾ Г. Погодинъ (Нислѣдов. т. IV, стр. 6 и слѣд.) говорить: «Есть ли въ лѣтописяхъ промежутокъ между годами, т. е. есть ли годы неописанные? Нѣтъ. Изъ этого явленія мы должны заключить, что лѣтописное дѣло не подвергалось случайностямъ: слѣд. было возлагаемо всегда на известное лицо, и по смерти его передавалось другому. Возлагать и передавать было не кому, кромѣ князя. Въ монастыряхъ не могли дѣлаться известными происшествія такъ скоро. Слѣд. лѣтописи наши имѣли характеръ officialный. Вотъ заключеніе, выводимое нами изъ разсмотрѣнія лѣтописей. Нѣтъ ли ему подтвержденій положительныхъ? Есть, хотя и некоторыя изъ нихъ принадлежатъ позднѣйшему времени, но, безъ сомнѣнія, могутъ быть отнесены и къ древности. Важнѣйшимъ, драгоценнѣйшимъ считаю я слѣдующее: лѣтописецъ, описавъ подъ 1499 годомъ шествіе Едигеева на Москву, прибавляетъ: «И сія вся написанная аще и нелѣпо кому видится иже только отъ случившихъ въ нашей земли не сладостная неулаженная намъ изглаголашимъ, но вострадная и къ пользѣ обрѣтающаяся, и возставляющая на блага и не забытая; мы бо не досажаяще, ни понашающе, не завидяще чти честныхъ, таковая вчинихомъ; аже бо обрѣтають начальнаго лѣтописца киевскаго, яже все времена быства земская необинуся показуетъ, но и первыи наши вастодержцы безъ гнѣва повелѣвающе вся добрая и по добрая прилучившаяся написовати, да и прочія по ихъ образи явлюи будущъ, аже при Володимерѣ Мономаѣ оного великаго Селиверста Выдубытскаго не украсая пишущаго, да аще хоцещи прочти тамо прилежно... мы же снхъ учася таковая вся прилучившаяся по дни наша не прихѣухомъ вастодержецъ нашихъ дозящихъ снхъ и прилежно внимающихъ, да таковыиъ вещемъ расужденіе расуудо да расуждають». Итакъ, продолжаетъ г. Погодинъ, лѣтописи ведены были по повелѣнію князей. Г. Погодинъ приводитъ также свидѣтельство изъ XIII вѣка о князѣ Мстиславѣ Васильковичѣ, который въ грамотѣ своей 1289 г. говоритъ: «А вопсалъ есмь въ лѣтописецъ королю ихъ» (жителей Берестя).
На это замѣтъ: во 1) что изъ отсутствія промежутокъ между годами никакъ не слѣдуетъ непременно, что лѣтописное дѣло возлагаемо было всегда на известное лицо, и по смерти его передавалось другому: списки лѣтописей, дошедшихъ до насъ, являются въ видѣ сборниковъ изъ разныхъ лѣтописей, писанныхъ разными лицами въ одно время въ разныхъ мѣстахъ; одинъ лѣтописецъ кончилъ прежде, другой послѣ; понатю, почему въ сборникахъ, до насъ дошедшихъ, нѣтъ годовъ неописанныхъ, а напротивъ, есть года, дважды описанные по неловности (впрочемъ драгоценной для насъ) позднѣйшихъ составителей лѣтописныхъ сборниковъ; 2) живѣи, что въ монастыряхъ не могли дѣлаться известными происшествія такъ скоро, достаточно опровергается сказаннымъ нами въ текстѣ; прибавимъ слѣдующее: если первоначальная лѣтопись составлялась при дворѣ княжескомъ, то спрашивается, въ какомъ отношеніи находилась она къ лѣтописи монастырской, до насъ дошедшей? Если существованіе первоначальной лѣтописи г. Погодинъ предполагаетъ на томъ основаніи, что въ монастыряхъ не могли знать подробности событий, то эту первоначальную лѣтопись необходимо предположить подробною; но въ такомъ случаѣ, что же оставалось писать монаху? Если же первоначальная лѣтопись была краткая, и въ монастырѣ распространяли ее подробно, то, значитъ, въ монастырѣ подробности были известны, и лѣтописцу-монаху не нужно было пользоваться краткимъ указаніемъ событий, когда онъ имѣлъ средство описать эти событія подробно; слѣд. предположеніе о существованіи какой-то первоначальной officialной лѣтописи, кромѣ монастырской, до насъ дошедшей, вовсе не нужно. 3) Важнѣйшее, драгоценнѣйшее и положительное подтвержденіе, какое находится г. Погодинъ своему мнѣнію въ свидѣтельствѣ лѣтописца XV вѣка,

Зная, что дошедшая до насъ первоначальная лѣтопись вышла изъ рукъ духовенства, мы должны теперь обратиться къ вопросу: въ какомъ видѣ дошла до насъ эта лѣтопись?

Лѣтопись дошла до насъ во множествѣ списковъ, изъ которыхъ самый древній не ранѣе XIV вѣка; изъ всѣхъ этихъ списковъ нѣтъ ни одного, въ которомъ бы не было замѣтно явныхъ вставокъ; слѣдовательно всѣ списки лѣтописей, древніе и позднѣйшіе, представляются намъ въ видѣ сборниковъ. При разсмотрѣніи этихъ списковъ мы замѣчаемъ, что въ нихъ начальная лѣтопись о Русской Землѣ, сохраняя явственно одну общую основу, разнится не только по языку, что легко объясняется временемъ составленія того или другого списка или сборника, но также разнится въ подробностяхъ событий, и въ однихъ спискахъ недостаетъ подъ известными годами такихъ событий, какія находимъ въ другихъ. Отсюда рождается первый, главный для историка вопросъ: какъ пользоваться этими подробностями, этими лишними известіями, которыя находятся въ однихъ, преимущественно позднѣйшихъ сборникахъ, и недостають въ другихъ? Критика историческая прошедшаго столѣтія рѣшила этотъ вопросъ такъ, что должно пользоваться только известіями, находящимися въ древнихъ спискахъ, и считать прибавочныя известія позднихъ сборниковъ за позднѣйшія сочиненія, вымыслы. Но въ наше время, при возмужалости исторической критики, такимъ приговоромъ удовлетворяться нельзя. Одно обстоятельство поздняго составленія сборника не можетъ въ глазахъ историка заподозрить вѣрности известій, въ немъ содержащихся, потому что составитель позднѣйшаго сборника, напримѣръ XVII-го вѣка, могъ пользоваться списками древнѣйшими, для насъ по-

служить не подтвержденіемъ, но полнымъ опроверженіемъ этому мнѣнію: лѣтописецъ XV вѣка говоритъ, что оль хочетъ писать такъ, какъ писалъ начальныи лѣтописецъ киевскій, которому первые вастодержцы повелѣвали писать все доброе и недоброе; но какая же это начальная лѣтопись? Та самая, которая дошла до насъ подъ именемъ Несторовой, и которую дописывалъ или переписывалъ Селиверстъ Выдубычскій, слѣд. officialность, участіе князей, которая г. Погодинъ хочетъ отнести къ первоначальной лѣтописи, относятся прямо къ монастырской, до насъ дошедшей; что дворцовыхъ лѣтописей не было не только въ XII, но даже и въ первой половинѣ XV вѣка, ясно доказываютъ приведенныя слова лѣтописца этого времени, который говоритъ, что писать и хочетъ писать лѣтописъ, какъ писали ее въ старину, писать всѣ событія безъ украшенія, чего не могъ бы сказать дякъ, обязаный писать то, что ему велятъ. Лѣтописи монастырская, съ прежнимъ характеромъ, который хочетъ поддержать лѣтописецъ XV вѣка, очевидно исчезаетъ и замѣняется лѣтописью дворцовою со второй половины XV вѣка, что всякій можетъ легко усмотрѣть изъ дошедшихъ до насъ лѣтописей того времени; слова лѣтописца первой половины XV вѣка указываютъ на приближеніе этого перехода и его необходимость вследствие измѣненія историческихъ обстоятельствъ. — Нужно ли прибавлять, что лѣтописи, въ которую князь Мстиславъ Волыскій велѣлъ внести кромолу Берестяячъ, есть не первоначальная дворцовая, но та же самая Волынская лѣтопись, которая дошла до насъ, и въ которой именно находится грамота Мстиславава.

терьянными; слѣдовательно всякое новое извѣстіе, находящееся въ позднѣйшихъ сборникахъ, должно быть подвергаемо критикѣ само по себѣ, безъ отношенія къ позднему составленію. Обычныя старинныя возраженія, что составитель позднѣйшаго, напримѣръ, Никоновскаго сборника въ д у м а л ь то или другое извѣстіе, не находящееся въ древнихъ харатейныхъ спискахъ, не имѣетъ для насъ теперь никакого значенія: можно заподозрить грамоту или извѣстіе какое-нибудь, если они говорятъ въ пользу лица или сословія, имѣющаго близкое отношеніе къ составителю сборника, но и тогда только, когда эта грамота или извѣстія будутъ заключать въ себѣ другіе подозрительныя признаки; легко замѣтить извѣстіе, носящее на себѣ слѣды народной фантазіи и занесенное простодушнымъ составителемъ лѣтописи въ рядъ событій достовѣрныхъ; за это, впрочемъ, историкъ долженъ быть только благодаренъ составителю сборника, а не упрекать его самого въ выдумкѣ; никто не обязываетъ вѣрить догадкѣ стариннаго грамотѣя, который старается объяснить названія извѣстныхъ мѣстностей и для этого придумываетъ рядъ небывалыхъ лицъ и событій. Но никто не имѣетъ права сказать, чтобы составитель позднѣйшаго лѣтописнаго сборника выдумалъ событіе, случившееся за много вѣковъ назадъ, событіе, ничего не объясняющее, напримѣръ, что въ XI-мъ вѣкѣ, въ такомъ-то году, приходили Печенѣги на Русскую Землю, что Аскольдъ и Диръ ходили на Волгарь, что въ такомъ-то году крестился ханъ печенѣжскій, поймали разбойника;—подозрительность относительно подобныхъ извѣстій будетъ служить не въ пользу критика. Но освобожденіе отъ предразсудка относительно извѣстій позднѣйшихъ списковъ, которыхъ нѣтъ въ древнѣйшихъ, значительно измѣняетъ взглядъ нашъ на лѣтописи. Разсматривая начальную нашу лѣтописи, какъ по древнимъ спискамъ, такъ и позднѣйшимъ, болѣе полнымъ, мы прежде всего должны различать извѣстія кievскія и новгородскія, ибо одновременно съ начальною южною, или Кіевскою лѣтописью мы должны положить и начальную сѣверную, Новгородскую; извѣстія обихъ соединены въ позднѣйшихъ спискахъ, каковы такъ-называемый Софійскій, Никоновскій и другіе.

Такъ, напримѣръ, Кіевская начальная лѣтописи не знаетъ, какую брали дань Варяги съ сѣверныхъ племенъ; составитель Софійскаго списка, пользовавшійся начальною Новгородскою лѣтописью, знаетъ: „отъ мужа по бѣлѣ вверцицѣ“ Счетъ годовъ въ Никоновскомъ спискѣ, оканчивающійся Владиміромъ Ярославичемъ, обличаетъ новгородское составленіе; извѣстіе о Вадимѣ также.—Южный начальный лѣтописецъ не знаетъ, гдѣ были посажены двое сыновей Владиміровыхъ — Станиславъ и Судиславъ; Новгородскій знаетъ: Станиславъ—въ Смоленскѣ; Судиславъ—во Исковѣ. Подъ 991 годомъ явственная вставка новгородскаго преданія о Перуцѣ: „Крестився Володимеръ, и взи у

Фотія патриарха у Царьградскаго перваго митрополита Кіева, а Полугороду архіепискуна Якимъ Корсунянина... и приде къ Полугороду архіепискупъ Акимъ, и требице разори, и Перуна посѣче и повелѣ въверци въ Волховъ, и новязави ужи, влечахути и по калу, бѣюще железемъ и пихающе, и въ то время вшесть бы въ Перуна бѣсъ, и нача кричати: о горе, охъ мнѣ! достахся немплостивымъ смнѣ рукамъ; и вринуша его въ Волховъ. Онъ же плыва сквозѣ великій мостъ, верже палицу свою и рече: на семь мя помпнають новгородскіе дѣти, ею же и сынѣ безумнии убиваюшея, утѣху творять бѣсомъ. И заповѣда никому же нигдѣ же переяти его; иде Индѣблянинъ рано на рѣку, хотя горници взети въ городъ, оли Перуцъ приплы къ берви, и тринуи и шестомъ: ты, рече, Перунище, до смта еси ѣлъ и шиль, а нынча поплочи прочъ; плы изъ свѣта некоюше.“ — Подъ 1034 годомъ въ Софійскомъ и Никоновскомъ спискѣ встрѣчаемъ явственно новгородское извѣстіе: „Великій князь Ярославъ иде въ Новгородъ, и посади сына своего Володимера въ Новѣгородѣ, и епископа Жидяту; и людемъ написа грамоту, рекъ: „по сей грамотѣ далите дань“. Вяна же хромоногъ, по умомъ свершенте и храборѣ на рати, и хрестіанъ, чтыше самъ книги.“ Извѣстіе о походѣ Улѣба на Желѣзные Ворота, встрѣчающееся въ позднѣйшихъ спискахъ, есть извѣстіе чисто новгородское, и потому его нѣтъ въ Кіевской лѣтописи, равно какъ извѣстіе о епископѣ Лукѣ Жидятѣ и проч. Когда написана первоначальная Новгородская лѣтописи—на это есть указаніе; въ Софійскомъ спискѣ и въ нѣкоторыхъ спискахъ собственно Новгородскій лѣтописи, подъ 1030 г., встрѣчаемъ слѣдующее извѣстіе: „Того же лѣта престаився архіепискупъ новгородскій Акимъ, бiance ученикъ его Ефремъ, же ны учааше.“ На основаніи этого извѣстія, мы имѣемъ полное право отнестъ составленіе Новгородской начальной лѣтописи къ XI вѣку. Такимъ образомъ объясняется часть дополненій, внесенныхъ въ начальную Кіевскую лѣтописи составителями позднихъ списковъ: эти дополненія взяты изъ лѣтописи Новгородской. Но въ позднѣйшихъ спискахъ мы встрѣчаемъ такія дополненія, которыя никакъ не могли быть заимствованы изъ сѣверной, Новгородской лѣтописи, ибо содержатъ въ себѣ извѣстія о событіяхъ южныхъ, кіевскихъ. Такъ напр., въ началѣ Игорева книженія слѣдующее мѣсто: „И бѣ у него воевода, именемъ Свентелдъ, и премучи Углици и възложи на нихъ дань Игорь и вдасть Свентелду, и не вдадышата еднн градъ, именемъ Пересѣвци, и сѣдѣ около его три лѣга, и едва взя и. И бѣша сѣднше Углици по Днепру внизъ, и по селѣ придоша межи во Днѣстрѣ, и сѣдоша тамо. И дасть же и дань Деревскую Свентелду, имаше же по чернѣ кушѣ отъ дыма, и рѣша дружина Игорева: „се даль еси едному мужу много“¹⁾. Не могли быть взяты изъ Новгородской лѣ-

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, 97.—Любопытны лишніи

тописи дополнительные извѣстія о печенѣжскихъ набѣгахъ, находящаяся въ Никоновскомъ спискѣ подъ 990, 991, 1001 годами, извѣстія краткія, не имѣющія никакого значенія для позднѣйшаго лѣтописца: также извѣстія о крещеніи болгарскихъ и печенѣжскихъ князей, о смерти печенѣжскаго князя Темира, убитаго родственниками ⁴⁾. Такимъ образомъ, должно заключить, что начальная лѣтопись, сохранившаяся въ древнихъ спискахъ, есть сокращенная сравнительно съ тою, которая сохранилась въ позднѣйшихъ.

Сдѣлавши эти предварительныя заключенія, обратимся къ разсмотрѣнію начальной лѣтописи. Съ первыхъ строкъ ея виденъ уже источникъ и образецъ—лѣтопись византийская: русскій лѣтописецъ начинаетъ свою повѣсть точно такъ же, какъ и лѣтописецъ византийскій, исчисленіемъ странъ, которыя достались потомству троихъ сыновей Ноевыхъ; это исчисленіе взято изъ греческаго лѣтописца, Георгія Амартола; но русскій лѣтописецъ вставилъ въ него: подлѣ Иллїрии (Иллирикъ) С л о в е н е, и потомъ въ концѣ исчисленія сѣверныхъ рѣкъ и народовъ, причемъ Карпатскія горы называются Кавкасіескими, или Угорскими. Включивши въ число семидесяти двухъ народовъ и народъ славянской, отъ племени Афетова, лѣтописецъ указываетъ первоначальное жилище Славянъ на Дунаѣ, и потомъ выселеніе ихъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ, сперва добровольное, потомъ вынужденное притѣсненіями враговъ, Волховъ; для опредѣленія этихъ Волховъ, по понятіямъ лѣтописца, можно пользоваться другимъ мѣстомъ лѣтописи, гдѣ говорится о нашествіи Венгровъ на Дунайскія страны: „Пришедь отъ востока (Угры) и устремилася черезъ горы великія и почаша восвати на живущая ту Волхи и Словѣни. Съядяху бо ту преже Словѣни, и Волхъве прїятна землю словѣнскую; посемъ же Угры прогнана Волхъ и наелѣдша землю, и сѣдоша съ Словѣни, покориши я подъ ся“.

Итакъ Венгры застали Волховъ вмѣстѣ съ Славянами. Въ разсказѣ о поселеніи славянскихъ племенъ въ нынѣшней Россіи, ихъ бытѣ и судьбѣ, тотчасъ видно, что составитель лѣтописи житель Кіева, принадлежитъ къ племени Полянъ,—это племя на первомъ мѣстѣ, имъ особенно занимается лѣтописецъ, о немъ больше всего знаетъ, его правительственность превозносить въ ущербъ всѣмъ остальнымъ племенамъ. Лѣтописецъ знаетъ, что въ отдаленныя времена, когда еще Поляне жили особо,

отдѣльными родами по горамъ кіевскимъ ²⁾, уже шелъ путь изъ Скандинавіи въ Грецію, по Дибьру и сѣвернымъ рѣкамъ озерной области; на первыхъ страницахъ лѣтописи уже дается уразумѣть значеніе географическаго положенія Европейской Россіи, значеніе водныхъ путей. Послѣ извѣстія о морѣ Поптскомъ, или Русскомъ, въ лѣтописи вставлено сказаніе о путешествіи апостола Андрея на сѣверъ до Новгорода; понятно, что сказаніе это могло явиться только во времена христіанскія, когда узнали, что апостоль Андрей проповѣдывалъ въ Скиіи; вставка начинается словами: „яко же рѣна“ ³⁾.

За вставкою о путешествіи апостола Андрея слѣдуетъ разсказъ о построеніи города Кіева. Во время лѣтописца составилось уже обычное объясненіе мѣстныхъ названій именами лицъ, будто бы тутъ жившихъ: явились братья Кій, Щекъ, Хорплъ съ сестрою Лыбедью, для объясненія названій Кіева, горъ Щеквицы и Хоревницы и рѣчки Лыбеди. Лѣтописецъ сообщаетъ намъ два преданія о Кіи: одно мы должны назвать собственно толкованіемъ; были во времена лѣтописца люди, которые, основываясь на выраженіи: „Кіевъ перевозъ“, толковали, что Кій было имя перевозчика; лѣтописецъ отвергаетъ это сухое толкованіе, онъ принимаетъ преданіе о Кіи-князѣ, который ходилъ въ Царьградъ, принялъ большую честь отъ царя, и, на возвратномъ пути, основалъ на Дунаѣ маленькій городокъ Кіевецъ. По здѣсь для насъ очень важно выраженіе лѣтописца: „якоже говорятъ“. Здѣсь виденъ источникъ, которымъ пользовался лѣтописецъ—это народныя сказанія. Принимая преданіе о Кіи-князѣ, лѣтописецъ и роду его, потомству всѣхъ братьевъ, приписываетъ княженіе между Полянами: „И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженъ въ Поляхъ“; потомъ, чтобъ показать особость всѣхъ остальныхъ племенъ, прибавляетъ: „въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое“ и т. д.;—т. е. въ Деревяхъ, у Древлѣнъ свое, независимое княженъ, а Дреговичи держатъ свое. Но мы знаемъ, какъ лѣтописецъ вывелъ заключеніе о важномъ владѣльческомъ значеніи Кіи и его рода: источникъ его относительно дреговическихъ и древлянскихъ княженій еще болѣе скуденъ, и въ лѣтописи Переяславля-Суздальскаго читаемъ: „А Деревлянъ собѣ, а Дрягичи собѣ жьятъ (начаша), а Словяне собѣ Новгородци, а Полочане такожъ безъ князей“ и проч.

подробности въ разсказѣ о мести Ольгиной, находящаяся въ лѣтописи Переяславля Суздальскаго, наприм.: «Къ близю же веселіе творящу къ браку и сонъ часто зряше Малъ князь: се бо пришедъ. Олга дана ему прѣтъмъ многоцѣнныя червцы вси жемчюгомъ посажены и одѣла чръны съ язелныи узоры и лодіи, въ нихъ же несенныи быти, сколли... И посла къ Деревлянномъ (Ольга) и а н и с а в ѣ... Она же (Ольга) рече (Деревляннамъ): мало у васъ прощу дати богомъ жертву отъ васъ и ослабу вамъ подавать себе на лекарство главныя болѣзни»—Составъ очевидно позднѣйшій, по объ источникахъ нельзя сказать этого утвердительно, и во всякомъ случаѣ они любопытны.

¹⁾ Никон. I, 92, 95, 103.

²⁾ Поляномъ же жившимъ особѣ по горамъ свѣтъ.—Надобно замѣтить, что съ Кіевои въ древности неразрывно было представленіе о горахъ; и въ языкѣ къ племени Кіева присоединилось еще н а г о р а х ѣ; такъ читаемъ подъ 1198 годою: «Тако воспитана бысть въ Кіевѣ н а Горахъ»;—въ словѣ о Полку Нг.: «Того стараго Владимира не лъзѣ бѣ прїгвоздити къ горамъ Кіевскимъ».

³⁾ Подъ 983 годою читаемъ: «Сдѣже мнѣсяе оканьный: яко сдѣ ми суть жилище, сдѣ бо не суть апостоли учили, ни пророци прорекли. Не вѣдѣи пророка глаголюща: и нареку не люди моя люди моя... Аще и тѣломъ апостоли не суть здѣ были, но ученья ихъ аки трубы гласятъ по вселеннѣи въ церквахъ».

Сказавши о разделеніи племенъ славянскихъ, о народахъ чужихъ, которые въ это время платили дань Руси, лѣтописецъ сообщаетъ извѣстія о нашествіи разныхъ степныхъ народовъ съ востока на Славявъ—единственныя событія въ жизни послѣднихъ; здѣсь источниками служатъ для него отчасти греческія лѣтописи, отчасти туземныя, славянскія преданія и пословицы. Такъ изъ византійскихъ источниковъ онъ знаетъ, что Угры Бѣлые явились при царѣ Иракліи и ходили на Хозроя, царя Персидскаго; изъ славянскихъ преданій знаетъ онъ о притѣсненіяхъ, которымъ дѣлѣбскія женщины подвергались отъ Аваровъ; изъ пословицы: погибша, акъ Обры, заключается о гибели этого народа безъ племени и наслѣдника. — Потому лѣтописецъ переходитъ къ описанію нравовъ и обычаевъ племени славянскихъ. Свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, разумѣется, онъ могъ получить изъ разныхъ преданій и пѣсней; но онъ самъ указываетъ на другой, вѣрный источникъ: старинные нравы и обычаи племени, сохранившіеся въ его время: „Это дѣлають Вягичи и нынѣ“, прибавляетъ онъ, говоря о древнихъ языческихъ похоронныхъ обрядахъ: должно замѣтить и здѣсь, что о свѣрхныхъ отдаленныхъ племенахъ лѣтописецъ знаетъ мало, говорить неопредѣленно, вообще: „Си же творяху обычаи Кривичи, прочія погалии“. Подлѣ описанія славянскихъ нравовъ и обычаевъ вставлено описаніе нравовъ и обычаевъ различныхъ народовъ изъ греческой хроники Георгія (Амартала). Извѣстія о дорюриковскомъ бытѣ восточныхъ Славявъ оканчиваются извѣстіемъ о притѣсненіяхъ, которымъ подверглись Поляне отъ Древлянъ и другихъ окрестныхъ племенъ, и потомъ извѣстіемъ о нашествіи Козаръ, которые принудили Полянъ платить себѣ дань; здѣсь вставлено сказаніе о данѣ по мечу съ дыма,—сказаніе очевидно позднѣйшее, сочиненное уже въ то время, когда Козары пали подъ ударами русскихъ князей: „Нашли Козары Полянъ, сидящихъ по этимъ горамъ въ лѣсахъ, и сказали Козары: платите намъ дань; Поляне, подумавши, дали по мечу отъ дыма; понесли эту дань Козары къ князю своему и старѣйшинамъ, и сказали имъ: вотъ мы нашли дань новую.—Тѣ спросили ихъ: откуда вы это взяли? Въ лѣсу, на горахъ, надъ рѣкою Днѣпровскою, отвѣчали они. Старцы козарскіе сказали тогда: не добра эта дань, князь! мы доискались ея оружіемъ, которое остро только съ одной стороны, саблями, а у этихъ оружіе обоюду острое, мечъ; будутъ они брать дань на насъ и на другихъ странахъ“. Такъ и случилось, прибавляетъ лѣтописецъ: владѣють Козарами Русскіе и до сего времени.

Вотъ все, что находимъ въ лѣтописи о дорюриковскомъ времени: картина, повидимому, очень скудная въ подробностяхъ; но мы не имѣемъ никакого права предполагать, что лѣтописецъ утаилъ отъ насъ что-нибудь, что онъ зналъ больше, чѣмъ сколько записалъ; слѣдовательно и въ самой дѣй-

ствительности историкъ не долженъ искать ничего больше; и въ самомъ дѣлѣ, какихъ еще нужно больше подробностей? Живетъ каждый особо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстахъ, владѣеть родомъ своимъ; когда изгоняются завоеватели, то родъ встаетъ на родъ, и начинаются усобицы; лѣтописецъ упоминаетъ о городахъ; по тутъ же и даетъ знать, какъ мы должны представлять себѣ эти города, ихъ отношенія между собою и къ остальному народонаселенію: жители ихъ пануть землю, присутствіе городовъ не мѣшаетъ людямъ жить въ лѣсу подобно звѣрямъ, убивая другъ друга, похищать дѣвѣцъ; вотъ весь бытъ, и что еще сказать кромѣ того, что сказано у лѣтописца? Разсказъ его ясенъ и пологъ. Племена воюють другъ съ другомъ, сильнѣйшія обижаютъ слабѣйшихъ; но что представляютъ подробности этихъ усобицъ, и можно ли надѣяться найти ихъ въ лѣтописи? Но лѣтописецъ записалъ преданія о движеніяхъ варварскихъ народовъ изъ Азій, о впазанномъ исчезновеніи, смѣнѣ одного другимъ, притѣсненіяхъ, которымъ подвергались отъ нихъ племена осѣдлыя, но слабыя по причинѣ разединенія своего; таковы главныя явленія въ жизни племенъ, населявшихъ ископи великую восточную равнину Европы; лѣтописецъ русскій продолжаетъ въ этомъ отношеніи историковъ древности. Перечислены племена по свѣжпмъ слѣдамъ, какъ они сохранились во время лѣтописца; наконецъ записано сказаніе о происхожденіи города, главнаго города всей Русской Земли, сказаніе, составившееся по общему закону, чрезъ объясненіе мѣстныхъ названій именами лицъ.

Послѣ сказанія о козарской данѣ начинается собственная лѣтопись, т.-е. погодное записываніе событій. Съ какого же времени лѣтописецъ начинаетъ свою лѣтопись? Онъ начинать ее съ 852 г. по Р. Х.: „Съ царствованія Михаила, императора Греческаго, является впервые названіе Русской Земли; объ этомъ мы узнали, продолжаетъ лѣтописецъ, потому, что при царѣ Михаилѣ приходили Русскіе на Царьградъ, какъ пишется въ лѣтописцѣ греческомъ; поэтому-то отсюда начнемъ и числа положимъ“.

По образцу греческаго лѣтописца, и нашъ начинать перечисленіе: отъ Адама до потопа столько-то лѣтъ; отъ потопа до Авраама столько-то, и т. д., доходитъ до царя Михаила, и отъ него переходитъ къ Русской Исторіи: „Отъ перваго лѣта Михаила до перваго лѣта Олгова, Русскаго князя, лѣтъ 29; а отъ перваго лѣта Олгова, понеже сѣде въ Кіевѣ, до перваго лѣта Игорева лѣтъ 31; а отъ перваго лѣта Игорева до перваго лѣта Святослава лѣтъ 33; а отъ перваго лѣта Святослава до перваго лѣта Ярополча лѣтъ 28; а Ярополча княжи лѣтъ 8; а Володимеръ лѣтъ 37; а Ярославъ княжи лѣтъ 40. Тѣмъ же отъ смерти Святослава до смерти Ярослава лѣтъ 85; а отъ смерти Ярослава до смерти Ярополча лѣтъ 60“. Любопытно мѣсто Никоновскаго списка, гдѣ время призванія князей означено такъ: „При Михаилѣ и Ва-

силѣ царема и при Фотіи патріарсѣ придоша Слоvene“ и проч. Потомъ важно окончаніе смерти Святополка Изяславича—знакъ, что лѣтопись составлена во время между смертью Святополка и смертью преемника его, Владиміра Мономаха.

Послѣ означеннаго исчисления слѣдуетъ подъ 858 годомъ извѣстіе изъ Греческой, или Болгарской лѣтописи о крещеніи Болгаръ; подъ слѣдующимъ 859 годомъ извѣстіе: „Имаху дань Варязи изъ заморья на Чуди и на Словѣнѣхъ, на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ; а Козари имаху на Полянѣхъ и на Севѣрѣхъ, и на Вятичѣхъ, имаху по бѣгѣ и вѣвернѣгѣ отъ дыма“. Любопытное выраженіе: „и маху“ вмѣсто: „приндоша Варязи“ и тому подобн. По простествіи двухъ лѣтъ полныхъ отъ извѣстія о данн помѣщено извѣстіе объ изгнаніи Варяговъ и призваніи князей; по простествіи двухъ лѣтъ по смерти Рюрика Олегъ оставляетъ Новгородъ. Здѣсь очень любопытенъ также сплошной рассказъ подъ однимъ 862 годомъ о призваніи Рюрика, о смерти его младшихъ братьевъ, о раздачѣ городовъ, объ отпускѣ Аскольда и Дира на югъ.

Вездѣ здѣсь явственны слѣды того, что извѣстія о пришествіи князей и утвержденіи ихъ первоначально составляли отдѣльный сплошной рассказъ безъ годовъ, которые внесены послѣ; насильственный разрывъ рассказа внесеніемъ годовъ особенно замѣтенъ въ извѣстіи о походѣ Аскольда и Дира на Грековъ: „Рюрику же князю въ Новгородѣ—въ лѣто 6371, въ лѣто 6372, въ лѣто 6373, въ лѣто 6374 — иде Аскольдъ и Диръ на Греки“ и проч.

Къ этому первоначальному сказанію вмѣстѣ съ предисловіемъ о дорюрикскомъ времени и можетъ только относиться заглавіе: „Се повѣсти временихъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская Земля, кто въ Кіевѣ нача церіеѣ княжити и откуда Русская Земля стала есть.“

Начальный Кіевскій лѣтописецъ почти ничего не знаетъ о подробностяхъ призванія, о событіяхъ княженія Рюрика: преданія о Гостомыслѣ и Вадимѣ внесены въ позднѣйшіе списки изъ начальной Новгородской. Извѣстіе о походѣ Олега на югъ и утвержденіи въ Кіевѣ очевидно взято изъ устныхъ преданій, въ которыхъ Олегъ являлся первымъ собрателемъ племени, первымъ учредителемъ народа; къ его времени относились всѣ древніе уставы, наприм., дань новгородская. Событія раздѣлены по годамъ: на каждый годъ по походу изъ одного племени; потомъ извѣстія о дѣятельности Олеговой прекращаются въ продолженіи 17 лѣтъ; подъ 903 годомъ помѣщено извѣстіе о бракѣ Игоря на Ольгѣ; замѣтимъ, что лѣтописцу нужно было помѣстить это извѣстіе позднѣе по соображеніямъ съ малолѣтствомъ Святослава при смерти отцовой. Подъ 907 годомъ помѣщено извѣстіе о походѣ Олега на Грековъ. Извѣстный характеръ рассказа о походѣ Олеговымъ ясно указываетъ на источникъ—устныя народныя сказанія, причемъ въ лѣтописи нельзя не замѣтить явную сшивку двухъ

извѣстій: она обличается повтореніемъ одного и того же извѣстія о данн сперва по 12 гривенъ на человека, а потомъ по 12 гривенъ на ключъ.

Подъ 911 годомъ помѣщено извѣстіе о кометѣ, взятое очевидно изъ Греческой или Болгарской лѣтописи; подъ 912 годомъ договоръ съ Греками. Неоспоримыя свидѣтельства греческихъ источниковъ о договорахъ, заключаемыхъ Имперіею съ разными варварскими народами; свидѣтельства о договорахъ, именно заключенныхъ съ Русью; соотвѣтствіе послѣднихъ договоровъ договорамъ, заключеннымъ съ другими народами; необходимость, какую чувствовало греческое правительство урядиться съ Русскимъ княземъ относительно того, какъ поступать въ случаяхъ столкновенія Русскихъ съ подданными Имперіи въ Константинополѣ, случаяхъ, немогшихъ быть рѣдкими; полное соотвѣтствіе содержанія договоровъ обстоятельствамъ времени, наконецъ языкъ, во многихъ мѣстахъ темный, показывающій ясныя слѣды перевода съ греческаго:—не оставлять никакого сомнѣнія въ подлинности договоровъ—Олегова, Игорева, Святослава ¹⁾. По всѣмъ вѣроятностямъ, до лѣтописца дошелъ переводъ, современный подлиннику; переводъ этотъ долженъ былъ храниться въ Кіевѣ у князей, и храниться тщательно, потому что торговыя сношенія Русскихъ съ Византіею были предметомъ первой важности для Руси и князей, а нѣтъ сомнѣнія, что и впоследствии поступали съ Русскими въ Константинополѣ на основаніи древнихъ договоровъ; странно думать, что Норманы вообще заботились мало о сохраненіи и исполненіи договоровъ: норманскіе пираты, быть можетъ, мало заботились объ этомъ; но уже показано было прежде, что Русскіе князья не могли оставаться норманскими пиратами, и гдѣ доказательство, что они мало заботились объ ихъ исполненіи и сохраненіи? Послѣ заключенія Олегова договора, Игорь пошелъ на Грековъ; но гдѣ доказательство, что онъ пошелъ не вынужденный нарушеніемъ договора со стороны Грековъ? Когда послѣдніе объявили ему, что будутъ платить столько же, сколько платили Олегу, то онъ заключилъ съ ними миръ: пьемъ право думать, что походъ былъ именно и предпринятъ для того, чтобы возстановить прежнія отношенія. Святославъ завоевалъ Болгарію по договору съ Греками же, и потомъ велъ противъ нихъ войну оборонительную; походъ Владиміра тѣсно связанъ въ лѣтописи съ намѣреніемъ принять христіанство; Ярославъ послалъ сына на Грековъ именно потому, что въ Константинополѣ обидѣли русскихъ купцовъ, слѣдовательно не выдѣлили договора. Надобно замѣтить, что у насъ вообще походы древнихъ Русскихъ князей на Византію представляются чѣмъ-то непрерывнымъ, обычнымъ, тогда какъ всѣхъ ихъ было только шесть,

¹⁾ Krug—Kritischer Versuch zur Ausklärung der Byzant. Chronolog s. 108; Ewers—das älteste Recht der Russen s. 118; Ногодина—Несторъ, с. 113.

Записавъ преданіе о смерти Олеговой, лѣтописецъ вставляетъ извѣстія о волхвахъ, являвшихся у другихъ народовъ; вставка понятная по тому интересу, который возбуждали волхвы между современниками лѣтописца. Долговременное княженіе Игоря, отъ котораго дошло очень мало преданій, пополняется извѣстіями изъ Греческой и Болгарской лѣтописи. Извѣстіе о первомъ походѣ Игоревѣ на Грековъ взято изъ тѣхъ же источниковъ, извѣстіе о второмъ — изъ туземныхъ преданій: изъ нихъ же взято оправданіе въ неудачѣ первого похода; очевиденъ тотъ же самый источникъ въ извѣстіяхъ о смерти Игоря, о мести Ольги, о ея распоряженіяхъ, о крещеніи, которое описано исключительно по туземнымъ преданіямъ, безъ всякаго соображенія съ греческими источниками: это доказываетъ имя императора, при которомъ крестилась Ольга, Цимискій, и годъ событія. Еще въ княженіе Игоря, 943 годомъ оканчиваются выписки изъ Греческой или Болгарской лѣтописи о тамошнихъ событіяхъ, и съ этихъ поръ очевидно исключительное пользованіе туземными устными преданіями. Уже выше было замѣчено, когда должно было окончательно образоваться преданіе о проповѣдникахъ разныхъ вѣръ при Владимірѣ; здѣсь замѣтимъ любопытное показаніе: во времена лѣтописца жили люди, которые помнили крещеніе Земли Русской; несмотря на то, во времена же лѣтописца уже существовали различныя противорѣчивыя преданія объ этомъ событіи, о мѣстѣ крещенія Владимірова; утверждалъ, что Владиміръ крестился въ Корсуни, лѣтописецъ прибавляетъ: „Се же не свѣдуще право глаголютъ, яко крестился есть въ Кіевѣ; нпн же рѣша Василиви, друзи же инако скажутъ“; такъ въ одномъ дошедшемъ до насъ житіи Владиміра сказано, что этотъ князь предпринималъ походъ на Корсунъ на третій годъ по принятіи крещенія. Замѣтимъ явную шивку въ началѣ княженія Святополкова; тутчасъ послѣ извѣстія о смерти Владиміровой, послѣ заглавія: о убіеніи Борисовѣ, читаемъ: „Святополкъ же сѣде Кіевѣ по отцѣ своемъ, и съзва Кыяны, и нача даяти имъ имѣнне“, — а послѣ извѣстія о смерти Святослава Древлянскаго, читаемъ опять: „Святополкъ же окаянный нача княжити Кіевѣ. Созвавъ люди, нача даяти овѣмъ корзна, а другымъ кунами, и раздаа множество“. Очевидно, что объ убіеніи Св. Бориса и Глѣба вставлено особое сказаніе въ лѣтописи: это доказываетъ особое заглавіе; замѣтимъ, что, вслѣдствіе сильнѣйшаго развитія церковной литературы, въ позднѣйшихъ спискахъ лѣтописи мы встрѣчаемъ распространенныя сказанія не только объ убіеніи Св. Бориса и Глѣба, но также и о страданіи первомучениковъ русскихъ, Варяговъ—Феодора и Іоанна. Въ разныхъ сказаніяхъ о Св. Борисѣ и Глѣбѣ замѣчаются разногласія: такъ, въ сказаніи, вставленномъ въ лѣтописи, читается, что Св. Глѣбъ бѣжалъ изъ Муромъ, полагая, что умирающій отецъ зоветъ его къ себѣ, а въ другихъ сказаніяхъ гово-

рится, что Глѣбъ, во время кончины Св. Владиміра, находился въ Кіевѣ, а не въ Муромѣ, и, узнавъ, что Святополкъ посылалъ убійцъ на Бориса, отправился тайно вверхъ по Днѣпру, но былъ настигнутъ убійцами подъ Смоленскомъ. Противъ перваго извѣстія приводятъ, что въ 43 дня, протекшіе между убіеніемъ Бориса 24-го іюля и Глѣба 5-го сентября, не могли улѣтѣться всѣ событія, рассказанныя въ томъ извѣстіи; что голицъ, посланный отъ Святополка въ Муромъ, не могъ возвратиться къ своему князю съ вѣстію, что Глѣбъ отправился ранѣе первыхъ чиселъ сентября, и если Святополкъ, по этой вѣсти, отправилъ убійцъ вверхъ по Днѣпру, то какъ они успѣли проплыть въ три или четыре дня около 650 верстъ ⁴⁾? Но, во первыхъ, изъ сказанія вовсе не видно, чтобъ Святополкъ посылалъ убійцъ тогда только, когда получилъ вѣсть, что Глѣбъ отправился; въ ожиданіи, что Глѣбъ отправится по извѣстному пути, онъ могъ посылать убійцъ гораздо прежде. Вторыхъ, въ сказаніи нѣтъ никакихъ хронологическихъ указаній. Замѣтимъ также, что въ сказаніи, помѣщенномъ въ лѣтописи, нѣтъ никакихъ противорѣчій, нѣтъ словъ Борисовыхъ: „Поне узрю лице брата моего меньшаго Глѣба, якоже Іосифъ Веніаминъ“. Во всякомъ случаѣ видно, что и о событіяхъ, послѣдовавшихъ за смертію Владиміра, ходили такія же разнорѣчивыя преданія, какъ и о событіяхъ, сопровождавшихъ крещеніе Руси. Съ другой стороны, замѣтимъ, что въ извѣстіяхъ о первыхъ событіяхъ княженія Ярославова можно видѣть шивки извѣстій изъ начальной Кіевской лѣтописи съ извѣстіями изъ начальной Новгородской, такъ что мѣсто, начинающееся послѣ словъ: „Обладающе ими“, и оканчивающееся словами: „И поиде на Святополька; слышавъ же Святополкъ идуще Ярослава, пристрои безъ числа вои, Руси и Печенѣгъ, и изыде противу Любичю, онъ полъ Днѣпра, а Ярославъ объ сю“ — можно считать вставкою изъ Новгородской лѣтописи: во первыхъ потому, что это мѣсто содержитъ извѣстіе собственно о новгородскомъ событіи, вовторыхъ потому, что въ рассказѣ подъ слѣдующимъ годомъ опять повторяется: „Приде

⁴⁾ Разборъ трехъ древнихъ памятниковъ русской духовной литературы; соч. П. В. Житико, вставленное въ лѣтопись, кѣмъ бы ни было написано, заслуживаетъ предпочтеніе по самой краткости своей, по отсутствію противорѣчій, даже по отсутствію числовыхъ показаній, все облечено въ немъ первоначальное составленіе. Противорѣчіе — признакъ позднѣйшаго составленія изъ разныхъ сказаній. Чѣмъ украшеннѣе, многоглаголивѣе сказаніе, тѣмъ подозрительнѣе относительно своей древности. Авторъ житія Св. Владиміра, помѣщеннаго въ Степенной книгѣ, говоритъ: «О немъ же (Владимірѣ) и прежде сего орбетами суть многія повѣствія, глаголемыя и ишешныя, и похвалямы достойно украинцы, по обаче не во единомъ мѣстѣ, но на многи части особъ кажда: ова въ лѣтописаніихъ, иная же видѣ, прочая же краткѣ писана въ житіи его, многая же въ похваляхъ его. И отъ всѣхъ сихъ, яко отъ многоразличныхъ цвѣтцъ хотяшу собраныи по одну словесную плевицу». — Но такъ поступалъ не одинъ авторъ житія Степенной книги. Отсюда и противорѣчія.

Ярославъ, и стаѣа протѣву оба полѣ Дѣѣпра⁴.

Между извѣстіями о княженіи Ярослава, подѣ 1051 годомъ, въ разсказѣ о началѣ Кіевскаго монастыря, встрѣчаемъ первое указаніе на автора извѣстій, на время его жизни: „Оеодосеви же живуцѣ въ монастыри, и правяцѣо добродѣтельное житѣе и черпечьское правило, и прѣмающѣо всякаго приходящаго къ нему, къ нему же и азѣ приходѣ худый и недостойный рабъ, и прѣйтѣ мя лѣтъ ми сущѣо 17 отъ роженъя моего. Се же написахъ и положихъ, въ кое лѣто почалѣ быти монастырь и что ради зовется Печерскій; а о Оеодосовѣ житѣи паки скажемъ.“ Подѣ 1064 годомъ встрѣчаемъ новое указаніе, что съ XI-го вѣка извѣстія записаны очевидцемъ событий, тогда какъ прежде повсюду встрѣчаемъ явственные слѣды устныхъ преданій⁴). Разсказывая между прочими дурными предвѣщаніями, что рыбаки выгнали изъ рѣки Сѣтомли урода, лѣтописецъ прибавляетъ: „Его же позоровахомъ до вечера“. — Такимъ образомъ, во второй половинѣ XI-го вѣка открываемъ мы слѣды автора извѣстій начальной Кіевской лѣтописи, какъ въ томъ же вѣкѣ, но ранѣе, открыли слѣды составителя начальной Новгородской лѣтописи.

Съ этихъ поръ, какъ ясно обозначился очевидецъ при записываніи событий, встрѣчаемъ и числовыя показанія событий, напр. подѣ 1060 годомъ: „Придоша половци первое на русскую землю воевать, Всеволодъ же изиде протѣву ихъ, мѣсяца февраля въ 2 день“. Этого прежде мы не встрѣчаемъ при описаніи самыхъ важныхъ событий, кромѣ дня кончили книжескихъ, и то начиная съ христіанскаго времени. Что съ этихъ поръ лѣтописецъ есть очевидецъ или современникъ событий, — доказывается подробностями, которыя легко отличить отъ подробностейъ предыдущихъ на родныхъ сказаній: легко почить, какого рода подробности въ сказаніи о мести Ольгиной, напримѣръ, и какого рода подробности въ извѣстіи о побѣдѣ Половцевъ въ 1066 году и ея слѣдствіяхъ. Мы видѣли, что подѣ 1051 годомъ лѣтописецъ обѣщалъ опять сказать о житіи Св. Оеодосія: „А о Оеодосовѣ житѣи паки скажемъ“; теперь подѣ 1074 годомъ, по случаю извѣстія о смерти Св. Оеодосія, лѣтописецъ дѣйствительно со-

общаетъ свѣдѣнія о его житіи: какъ онъ проводилъ постъ, какъ училъ братію поститься, о цвѣтущемъ состояніи монастыря при Оеодосіи и о томъ, какъ братія жили въ любви, какъ меньшіе покорялись старшимъ, не смѣя прѣдъ ними говорить, что ясно выставлено съ цѣлю показать противоположность такого поведенія съ событіемъ, случившимся по смерти Оеодосія, относительно игумена Стефана, — о великихъ подвижникахъ, какіе были при Оеодосіи, и обращеніи съ ними послѣдняго, о Даміанѣ чудотворцѣ и другихъ; здѣсь, въ разсказѣ о жизни Св. Исакія, встрѣчаемъ слѣдующія слова: „И ина многа повѣдаху о немъ, а другое и самовидецъ быхъ“. Подѣ 1091 годомъ встрѣчаемъ разсказъ объ открытіи мощей Св. Оеодосія, въ которомъ повѣствователь говоритъ о себѣ, какъ о главномъ дѣйствователѣ, и взаимное называетъ себя рабомъ и ученикомъ Оеодосія. Подѣ 1093 годомъ, въ благочестивомъ размысленіи о Вожинхъ наказаніяхъ, встрѣчаемъ слова; „Се бо азѣ грѣшный и много и часто Бога прогнѣваю, и часто согрѣшаю по вся дни“. Подѣ 1096, въ разсказѣ о нашествіи Половцевъ на Печерскій монастырь, читаемъ: „И придоша въ монастырь Печерскій, намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ по заутрени... намъ же бѣжащимъ задомъ монастыря“. Подѣ тѣхъ же годомъ, въ одномъ изъ древнѣйшихъ списковъ, такъ называемомъ Лаврентьевскомъ, находится позднѣйшая вставка поученія Мономаха къ дѣтямъ, переработаннаго съ письмомъ его къ Олегу Святославичу; вставка позднѣйшая — потому, что начальный составитель лѣтописи, современникъ Мономаха, конечно могъ имѣть въ рукахъ оба эти памятника и вставить ихъ въ свою лѣтопись, но не могъ вставить ихъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ находимъ ихъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ, ибо здѣсь они вставлены между извѣстіями, которыя не могутъ быть раздѣлены, а именно: описавши нашествіе Половцевъ, лѣтописецъ начинаеть говорить о прокожденіи разныхъ варварскихъ народовъ: „А Измаиль роди 12 сына, отъ нихъ же суть Торкъмени, и Печенѣзи, и Торци, и Кумани, рекше Половци, иже сходятъ отъ пустынь, и по сихъ 8 колѣнъ къ кончинѣ вѣка изидуть, заключеніи въ горѣ Александромъ Македонскимъ, ичестыя человекы“. За этими словами непосредственно долженъ слѣдовать разсказъ лѣтописца о людяхъ, заключенныхъ въ гору, о которыхъ онъ слышалъ отъ Новгородца Гюратя Роговича, тогда какъ между этимъ разсказомъ и послѣдними приведенными словами: „ичестыя человекы“, вставлено поученіе Мономаха и его письмо къ Олегу. Но потому насъ останавливаетъ еще одно обстоятельство; по окончаніи разсказа о войнѣ Мстислава Владиміровича Новгородскаго съ дядею Олегомъ Святославичемъ: „И посла къ Ольгови (Мстиславъ), глаголя: не бѣгай никаможе, но пошли къ братѣ своей съ молбою, не лишай тя Русскыя земли и азѣ пошлю къ отцю молится о тебѣ. Олегъ же „обѣщаяся тако створи ти“, — лѣтописецъ прибавляетъ: „Мстиславъ же

⁴) Нѣкоторые разсуждаютъ такъ: Лѣтописецъ говоритъ: «Воевада бѣ Свѣнелдъ, тоже отецъ Мистишинъ». Вѣрно, это имено тогда, когда жилъ сей невѣстный Мистиша, слѣд. не позднѣе начала XI вѣка: сынъ современника Свѣнелдова (?) не могъ жить долѣе. Не хожеть быть, чтобъ эти слова принадлежали Нестору; к чему бы ему означать неизвѣстнаго боярина родствомъ съ Мистишею, о которомъ почти онъ не говоритъ ни слова. — Но если самъ Мистиша не могъ жить позднѣе начала XI вѣка, то пѣсня, преданіе о немъ, его домъ, его улица могли существовать гораздо позднѣе: естественно предположить, что лѣтописецъ позднѣйшій приводитъ въ родственную связь два лица, воспоминаніе о которыхъ начинаетъ слабѣть; неестественно предположить, чтобъ современникъ Мистиши почелъ нужнымъ напомнить, что этотъ Мистиша-Свѣнелдичъ.

възвратився въспѣть Суждалю, оттуда поиде Новгороду въ свой градъ, мо литвами преподо бнаго епископа Никиты⁴. Страшно, что Киевскій лѣтописецъ сдѣлалъ эту прибавку, тогда какъ мы знаемъ обычай Новгородскаго лѣтописца приписывать усѣбъ дѣла молитвамъ современнаго событію владыки; напр. подлѣ 1169 г.: „И къ вечеру побѣди я князь Романъ съ Новгородѣци силою крестною и Св. Богородицы и молитвамъ благовѣрнаго владыки Илѣ“⁵. Можно возразить одно, что упомянутый здѣсь владыка Никита былъ знаменитый своею святостію инокъ киевпечерскій; это и могло побудить Киевскаго лѣтописца, инока Печерскаго монастыря, приписать побѣду Мстислава молитвамъ Св. Никиты; но, съ другой стороны, трудно предположить, чтобы это событіе не было подробно разсказано въ Новгородской лѣтописи, когда преданіе о славной войнѣ Мстислава и Новгородцевъ съ Олегомъ переходило изъ рода въ родъ въ Новгородѣ; въ 1216 году Новгородцы вспоминаютъ, какъ ихъ предки бились на Кулакшѣ. Карамзинъ также замѣтилъ отличіе этого разсказа отъ остальныхъ мѣстъ Несторовой лѣтописи: индиктъ и годъ означены въ концѣ⁴).

Подъ слѣдующимъ 1097 годомъ встрѣчаемъ вставочный разсказъ объ ослѣпленіи Василька. Нашли²), что слогъ этого разсказа явственно отличается отъ слога цѣлой лѣтописи, въ которой не замѣчается выраженій, подобныхъ слѣдующему, наприм.: „Боиякъ же раздѣлился на три полки: и ебиша Угры акн въ мячь, яко и соколь сбиваетъ галиць“⁴; замѣтили, что подобныя выраженія просятся въ Слово о Полку Игореву; но они просятся не въ это сочиненіе, а въ Волынскую лѣтопись, которая именно отличается подобнымъ слогомъ и которой первая часть, до смерти Романа Великаго, не дошла до насъ, кромѣ этого отрывка объ ослѣпленіи Василька. Это происшествіе собственно волынское, имѣвшее важное влияние преимущественно на судьбы Волыни, и потому долженствовавшее быть въ подробности описано тамъ же; лѣтописецъ, составившій свою лѣтопись въ Киевѣ, не могъ написать: „И по ту ночь ведоша и Бѣлгороду, иже градъ малъ у Киева яко 10 версты въ дале“⁴. Авторъ сказанія является самъ дѣйствующимъ лицомъ въ разсказѣ, открываетъ свое имя, приводя слова князя Давыда Игоревича, который называетъ его тезкою князя Василька. Вставка этого мѣста изъ Волынской лѣтописи явственна еще потому, что послѣ него опять повторяются прежнія извѣстія по порядку годовъ, изъ лѣтописи, въ которую вставленъ упомянутый разсказъ о Василькѣ. Подлѣ 1106 годомъ читаемъ: „Преставися Янь, старецъ добрый, живъ лѣтъ 90, въ старостѣ маститѣ; живъ по закону Божью, не худій бѣ первыхъ праведникъ, отъ него же и азъ много словеса слышахъ, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семь отъ него же слы-

шахъ“. Наконецъ, послѣ 1110 года встрѣчаемъ слѣдующую приписку: „Игуменъ Селивестръ свяятаго Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, наѣбъся отъ Бога милость пріяти, при князѣ Володимери, княжачу ему Киевѣ, а мѣтъ въ то время игуменію у свяятаго Михаила, въ 6624, индикта 9 лѣта, а иже чтегы книги сія, то буди ми въ молитвахъ“⁴.— Такимъ образомъ, въ началѣ XII вѣка мы встрѣчаемъ ясное свидѣтельство объ извѣстномъ Сильвестрѣ Выдубецкомъ, которой говоритъ о себѣ, что онъ написалъ лѣтописецъ. Возрастъ этого Сильвестра нисколько не препятствовалъ бы признанію его первымъ составителемъ начальной Киевской лѣтописи, отнести къ нему извѣстіе подлѣ 1064 годомъ; будучи ребенкомъ, лѣтъ 7, онъ могъ ходить смотрѣть уroda, вытасеннаго рыбаками, и случай этотъ могъ сохраниться живо въ его памяти. Но есть преданіе, которое приписываетъ составленіе древней Киевской лѣтописи иноку Киевпечерскаго монастыря, преподобному Нестору; въ пользу этого преданія свидѣлствуетъ самая приписка Сильвестрова, ибо на ея основаніи гораздо естественнѣе было бы объявить Сильвестра лѣтописцемъ, а не предполагать другого, Нестора; извѣстіе подлѣ 1064 годомъ можетъ относиться столько же и къ Нестору, сколько къ Сильвестру; но за то мѣста, встрѣченныя нами въ разсказѣ о Печерскомъ монастырѣ, о кончигѣ Оеодосія, объ открытіи мощей его, о нападеніи Половцевъ на монастырь,—прямо свидѣлствуютъ о лѣтописцѣ — инокѣ Киевпечерскаго монастыря. Для соглашенія извѣстій о Несторѣ лѣтописецъ съ свидѣтельствомъ Сильвестра, написаннаго въ 1116 году лѣтописецъ, предполагаютъ, что Сильвестръ былъ переписчикомъ или продолжателемъ Несторовой лѣтописи. Въ 1116 г. Сильвестръ могъ переписать лѣтопись, оконченную въ 1110 году, и продолжать записываніе событій дальнѣйшихъ годовъ³). Но относительно Нестора являются новыя возраженія: указываютъ на поразительныя разнорѣчія, какія находятся между Несторовымъ сказаніемъ объ убіеніи Бориса и Глѣба, и извѣстіями, помѣщенными въ лѣтописи; на разнорѣчія, какія находятся между Несторовымъ житіемъ Св. Оеодосія и тѣми извѣстіями о Св. Оеодосіи и объ авторѣ житія его, какія находятся въ лѣтописи. Такъ какъ безъ крайнихъ натяжекъ нѣтъ возможности согласить эти разнорѣчія, то, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, должно принять, что или Несторова лѣтопись подверглась большимъ измѣненіямъ и допущеніямъ, или что не Несторъ, а другой кто-либо составлялъ дошедшую до насъ первую лѣтопись⁴). Но для насъ нѣтъ еще рѣшительныхъ дока-

³) *Написалъ* можетъ значить переписалъ, но не должно означать этого непременно; въ противномъ случаѣ и Несторъ будетъ только переписчикомъ, ибо и о немъ сказано: «Несторъ иже написа лѣтописецъ».

⁴) См. о противорѣчіяхъ между Несторовыми сочиненіями и лѣтописью въ статьѣ г. Казанскаго: «Еще вопросъ о Несторѣ» (Временникъ Московск. Истор. Общ. № 1); отвѣтъ его на возраж. П. В. (Отч. Зап. т. LXXIV, отд. VIII), отвѣтъ П. В. въ разборѣ трехъ древнихъ памятникѣвъ.

¹) П., прим. 1, 78.

²) Статьи Вѣльева о Несторѣ въ Чтеніяхъ Московск. Истор. Общ.

зательствъ, которыя могли бы заставить предпочесть второе положеніе первому. Для насъ важно то: что во второй половинѣ XI вѣка въ Кіевѣ мы замѣчаемъ ясные признаки лѣтописца—очевидца событій; что еще прежде открываемъ слѣды Новгородскаго лѣтописца; что въ концѣ XI вѣка открываемъ извѣстія, обозначающія Волынскаго лѣтописца; что дошедшіе до насъ списки начальной лѣтописи представляютъ сборники, составленные изъ Кіевской, Новгородской и Волынской лѣтописей; что, по свидѣтельству Владимірскаго епископа Симона въ посланіи его къ монаху Поликарпу, существовалъ еще старый лѣтописецъ Ростовскій, въ которомъ можно было найти имена всѣхъ епископовъ поставленныхъ изъ монаховъ кіевночерскихъ; что древнѣшіе списки начальной лѣтописи представляютъ лѣтопись сокращенную, пополненіе которой должно искать въ извѣстіяхъ, содержащихся въ позднѣйшихъ спискахъ, напримѣръ въ Никоновскомъ и другихъ. Извѣстія эти не могутъ подлежать никакому сомнѣнію, не выдуманы позднѣйшими составителями лѣтописи; возраженія въ родѣ такихъ: „Это извѣстіе Никоновскаго списка выдумано, потому что его нѣтъ въ хартейномъ Несторѣ“, —не имѣютъ болѣе смысла въ наукѣ; тотъ же самый выводъ должно распространить и на извѣстія, находимыя въ Татищевомъ сводѣ лѣтописей, ибо противъ ихъ достовѣрности употребляли то же самое возраженіе: выдумано, потому что этого нѣтъ въ древнѣйшихъ спискахъ.

Послѣ приписки Сильвестра и древнѣшіе списки болѣе или менѣе расходятся другъ съ другомъ въ подробностяхъ. Всѣ они содержатъ въ себѣ лѣтописи общую, всероссійскую, или, лучше сказать, княжескую лѣтопись, ибо главное, почти исключительно содержаніе ея оставляютъ отношенія Рюрикава княжескаго рода; но и въ лѣтописи XII-го и начала XIII-го вѣка, какъ въ разсмотрѣнной лѣтописи XI-го вѣка, въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ, легко замѣтить, что они принадлежатъ то кіевскому, то черниговскому, то полоцкому, то суздальскому лѣтописцу; въ концѣ же XII-го вѣка извѣстія Кіевскаго лѣтописца явственно прекращаются, и у насъ остаются двѣ лѣтописи, —одна явно написана на Волыни, а другая на сѣверѣ, въ Суздальской Землѣ; впрочемъ еще прежде, съ явственнаго отдѣленія Сѣверной Руси отъ Южной, съ княженія Всеволода III-го, замѣчаемъ и явственно, такъ-сказать, сплошное отдѣленіе сѣверной лѣтописи отъ южной⁴⁾. Приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ лѣтописи

событій XII-го вѣка, въ которыхъ опять видимъ ясные признаки лѣтописца—очевидца, современника событій, или признаки мѣстныхъ лѣтописей. Подъ 1114 годомъ въ Ипатьевскомъ спискѣ читаемъ: „Въ се же лѣто Мстиславъ заложилъ Новгородъ болѣе перваго. Въ се же лѣто заложена бысть Ладога каменіемъ на приспѣ Павломъ посадникомъ, при князѣ Мстиславѣ. Пришедши ми въ Ладогу, повѣдаша ми Ладожане, яко сдѣ есть, егда будетъ туча велика, и находятъ дѣти наши глазки стеклянныи, и малыя и великыи, провертаны, а другіе подлѣ Волховъ берутъ, еже выноласкиваетъ вода, отъ нихъ же взяхъ болѣе ста; суть же различни. Сему же ми ся дивляху, рекоша ми: се не дивно; и еще мужи старіи ходили за Югру и за Самоядъ, яко видѣвши сами на полуночныхъ странахъ спаде туча и въ той тучи спаде вѣтрица млада, акы топерво рожена и възрастна и расходится по землѣ, и пакы бываетъ другая туча, и выпадаютъ оленци малы въ ней, и върастаютъ и расходятся по земли. Сему же ми есть послухъ посадникъ Павелъ Ладожскій и всѣ Ладожане.“ Здѣсь ясно, что лѣтописецъ былъ современникъ построенія каменной крѣпости въ Ладогѣ, и'о имѣлъ разговоръ съ посадникомъ Павломъ, не построившимъ; по откуда родомъ былъ этотъ лѣтописецъ, гдѣ писалъ, изъ какой лѣтописи это извѣстіе занесено въ Ипатьевскій списокъ—этого рѣшить нельзя; замѣтимъ, что въ Новгородской лѣтописи заложеніе Ладожской крѣпости помѣщено двумя годами позднѣе, чѣмъ въ Ипатьевскомъ спискѣ.—Подъ 1151 годомъ: „И рече (Изяславъ Мстиславичъ) слово то, ако же и переже слышахомъ: не идетъ мѣсто къ головъ, но голова къ мѣсту.“ Очевиденъ современникъ событій и человекъ, имѣвшій случай разговаривать съ княземъ. Подъ 1161 годомъ: „Бысть брань крѣпка... и тако страшно бѣзрѣти яко второму пришествию быти.“ Подъ 1171 годомъ: „На утрю же въ субботу поидохомъ съ Володимиромъ изъ Вышегорода.“ Подъ 1187 годомъ: „И на ту осень бысть зима зла велика, тако иже въ нашу память не бывало николи же.“ Подъ 1199 годомъ,

насъ есть дѣйствительно лѣтописи, принадлежащая по содержанію одному городу или одной волости, таковыя лѣтописи повгородскія, исковскія; но въ нихъ съ первой страницъ всякій читатель увидитъ, что содержащія однихъ служатъ событія повгородскія, другихъ—исковскія, тогда какъ этого вовсе не замѣтитъ онъ въ спискахъ Лаврентьевскомъ, Ипатьевскомъ и другихъ, содержащихъ въ себѣ общую, или княжескую лѣтопись.—Вотъ почему странно встрѣчать слѣдующіе выводы или выраженія: «Какъ лѣтописатели кіевскіе для суздальскихъ происшествій сокращали лѣтопись Суздальскую, такъ точно лѣтописатели суздальскіе сокращали обыкновенно Кіевскую лѣтопись; между тѣмъ сохранили извѣстія о Кіевѣ такія, какіяхъ нѣтъ въ Кіевской лѣтописи». (Погодина - Н. З. Л. IV стр. 67).—Лѣтописатели кіевскіе и суздальскіе записывали одно и то же или разныя событія независимо, не переписывая ихъ другъ у друга и не сокращая, брали же у тѣхъ и другихъ эти событія и сшивали позднѣйшіе составители списковъ, до насъ дошедшихъ, отъ чего и вышло, что мы для XII вѣка не имѣемъ ни Кіевской, ни Суздальской лѣтописи.

⁴⁾ Вотъ почему мы не можемъ принять выраженій о лѣтописяхъ XII вѣка: «Кіевская лѣтопись, Суздальская лѣтопись; Кіевская, дошедшая до насъ въ Ипатьевскомъ спискѣ, Суздальская въ Лаврентьевскомъ» и т. д. Во всѣхъ спискахъ мы встрѣчаемъ одно и то же содержаніе: въ Лаврентьевскомъ спискѣ мы находимъ собственно кіевскія событія, разсказанные такъ же подробно или еще подробнѣе, чѣмъ въ Ипатьевскомъ, и наоборотъ, — въ Ипатьевскомъ суздальскія происшествія разсказаны гораздо подробнѣе, чѣмъ въ Лаврентьевскомъ; поправильность этихъ названій для общей лѣтописи XII вѣка тѣмъ очевиднѣе, что у

въ разсказѣ о построеніи стѣны у Выдубецкаго монастыря: „Въ тое же время благоволи Богъ... и вдохнуть мысль благу во богопріятное сердце великому князю Рюрикову... тѣ же съ радостію примѣ, акы благый рабъ вѣрный потчася немедленно сугубити дѣломъ... Но о Христѣ державно милосердѣя о всѣхъ, по обычаю ти благому, и нашея грубости писаніе примѣ, акы даръ словесенъ на похваленіе добродѣтелей.“ Здѣсь очевиденъ и современникъ событія и монахъ Выдубецкаго монастыря; но нельзя рѣшить, принадлежитъ ли ему и записываніе предыдущихъ событій, или разсказъ о построеніи стѣны составляетъ отдѣльный памятникъ и вставленъ въ лѣтописъ какъ замѣчательное риторическое произведеніе. Есть извѣстіе, изъ котораго можно вывести отрицательное, что лѣтописецъ не принадлежалъ къ братіи Киевопечерскаго монастыря. — въ Лавр. спискѣ подь 1128: „Преяша црковѣ Дмитрія Печеряне, и парекоса ю Петра, съ грѣхомъ великимъ и неправо“.

Разность лѣтописцевъ—одного черниговскаго, а другаго кіевскаго или, по крайней мѣрѣ, принадлежащаго къ сторонѣ Мономаховичей, видна въ разсказѣ объ изгнаніи Ольговичей изъ Кіева и вступленіи туда Изяслава Мстиславича подь 1146 годошъ въ Ипатьевскомъ спискѣ: сначала намѣреніе изгнать Ольговича называется постоянно совѣтомъ злымъ, вложеннымъ отъ дьявола, а потомъ говорится о томъ же самомъ событіи, т.-е. объ изгнаніи Ольговича и торжествѣ Изяслава Мстиславича: „Се же есть пособіемъ Божіимъ, и силою Честнаго Христа, и заступленіемъ Св. Михаила, и молитвами Св. Богородицы“. Потомъ опять слышенъ голосъ другаго, прежняго лѣтописца, укороляющаго Давыдовичей за то, что они не хотѣли воевать съ Мстиславичемъ, отыскивать свободы Игорю Ольговичу, брату своему (двоюродному): „Лукавый и пронырливый дьяволъ, не хотая добра межи братьею, хотая приложити зло къ злу, и вложи имъ (Давыдовичамъ) мысль не взыскати брата Игоря, ни поманути отечества и о христѣ утверженіе, ни божественныя любве, яко же бѣ лѣпо жити братья единомысленно укупѣ, блюдучи отечества своего“. По всему видно, что лѣтописецъ стоитъ за Ольговичей; Кіевскій лѣтописецъ не могъ бы принимать такого горячаго участія въ дѣлахъ Святослава Ольговича, не могъ бы, говоря о приходѣ союзниковъ къ послѣднему, выражаться, что это случилось Божіимъ милосердіемъ; не могъ сказать, что Святославъ Божіимъ милосердіемъ погналъ Изяслава Давыдовича и бывшую съ нимъ кіевскую дружину; сипска изъ двухъ разныхъ лѣтописей въ этомъ разсказѣ ясна: лѣтописецъ Ольговича говорить о несприличивыхъ словахъ Изяслава Давыдовича, о походѣ его на Святослава Ольговича, о рѣшительности послѣдняго и побѣдѣ надъ врагами — все дѣло кончено; но потомъ опять о томъ же самомъ происшествіи новый разсказъ, очевидно кіевскаго лѣтописца: „Изяславъ Мстиславичъ и Володиміръ Давыдовичъ послаша брата своего Изяслава съ Шварномъ, а

сами по немъ подста“. Ясно также, что первое извѣстіе о Москвѣ принадлежитъ не кіевскому лѣтописцу, а черниговскому или сѣверскому, который такъ горячо держитъ сторону Святослава Ольговича и знаетъ о его движеніяхъ такія подробности; кіевскаго лѣтописца, явно враждебнаго Ольговичамъ, не могли занимать или даже не могли быть ему извѣстны подробности пировъ, которые давалъ Юрій Суздальскій Святославу; не могла занимать смерть сѣверскаго боярина, добраго старца Петра Ильича ⁴⁾. Разсказъ подь 1159 годошъ въ Ипатьевскомъ спискѣ о полоцкихъ проществіяхъ, по своимъ подробностямъ и вмѣстѣ отрывочности, ибо вообще лѣтописъ очень скудна относительно полоцкихъ событій, обличаетъ вставку изъ Полоцкой лѣтописи. Примѣты сѣвернаго, суздальскаго лѣтописца также ясны; напр., разсказъ о переходѣ Ростислава Юрьевича на сторону Изяслава Мстиславича—въ Лаврентьевскомъ спискѣ отличается отъ разсказа о томъ же событіи въ Ипатьевскомъ: въ первомъ поступокъ Ростислава выставленъ съ хорошей стороны, ни слова не упомянуто о сорѣ его съ отцомъ; первый очевидно принадлежитъ суздальскому лѣтописцу, второй—кіевскому. Различіе разсказъ сѣвернаго и южнаго лѣтописца; о походѣ Изяслава Мстиславича на Ростовскую область; о мирѣ Юрія съ Изяславомъ въ 1149 году, о епископѣ Леонѣ и князѣ Андрѣ; объ отношеніяхъ Ростиславичей къ Андрею Боголюбскому. Въ описаніи похода рати Андреевой на Новгородъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ читаемъ: „Новгородъ же затворишася въ городѣ съ княземъ Романомъ, и бяхуться крѣпко съ города, и многи избѣша отъ паш и хъ“,—очевиденъ суздальскій лѣтописецъ; но и въ Ипатьевскомъ спискѣ вставлено также суздальское сказаніе, ибо и здѣсь читаемъ: се же бысть за наша грѣхы“. Объ убіеніи Андрея Боголюбскаго въ обоихъ спискахъ вставлено суздальское сказаніе съ вариантами; но въ Лаврентьевскомъ, между прочимъ, понадаются слѣдующія слова въ обращеніи къ Андрею: „Молися помилovati князя нашего и господина Всеволода: своего же приснаго брата“,—прямое указаніе на время и мѣсто написанія разсказа. Разсказъ о событіяхъ по смерти Андрея принадлежитъ очевидно сѣверному, и именно владимірскому лѣтописцу: встрѣчается выраженіе, что Ростовцы слушались злыхъ людей, „не хотаящихъ и амъ добра; завистью граду сему“. Подь 1180 очевиденъ владимірскій лѣтописецъ, ибо въ разсказѣ о войнѣ Всеволода III съ Рязанью употребляетъ выраженіе: „паша сторожи, паша погнаша“. Подь 1185 г. въ разсказѣ о постановленіи епископа Луки лѣтописецъ обращается къ нему съ такими словами: „Молися за порученное тебѣ стадо, за люди хрестьянскыя, за князя и за землю ростовскую“; отсюда ясно также, что писано это уже по смерти епископа Луки. Подь тѣмъ же годошъ любопытенъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ

⁴⁾ П. С. Р. Л. II, стр. 22 и слѣд.

разсказъ о подвигахъ князя Переслава Южнаго, Владиміра Глѣбовича, разсказъ, обличающій сѣвернаго лѣтписца, приверженнаго къ племени Юрія Долгорукаго: у суздальскаго лѣтписца вся честь побѣды надъ Половцами приписана Владиміру Глѣбовичу; у кіевскаго — дѣло разсказано иначе. Любопытно также разногласіе въ разсказѣ суздальскаго (Лавр. спис.) и кіевскаго (Ипатьев. спис.) лѣтписцевъ о войнѣ Всеволода III и Рюрика Ростиславича съ Ольговичами: суздальскій — во всемъ оправдываетъ Всеволода, кіевскій — Рюрика. Подъ 1227 годомъ читаемъ: „Поставленъ бысть епископъ Митрофанъ въ богохранимѣхъ градѣхъ Володимерѣ, въ чуднѣй святѣй Богородици, Суздаля и Володимерю, Переславу, сущю ту благородному князю Гюрю и съ дѣтми своими, и братома его Вятославу, Иоанну, и веъмъ бояромъ и множествомъ народа: приключися и мнѣ грѣшному ту быти“.

Мы сказали, что лѣтопись, извѣстная подъ именемъ Несторовой съ продолжателями, въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, есть лѣтопись всероссійская; ей, по содержанию, противоположны лѣтописи мѣстныя: Волынская и Новгородская. Мы признали сказаніе Василія объ ослѣпленіи князя Василѣя Теребовльскаго за отрывокъ изъ первой части Волынской лѣтописи, которая не дошла до насъ, дошла вторая половина, начинающаяся съ 1201 года, съ заглавіемъ: „Начало княженія великаго князя Романа, самодержца бывша всей русской земли, князя Галичскаго“; но, вѣдѣно того, тотчасъ послѣ заглавія, читаемъ: „По смерти же великаго князя Романа“, послѣ чего слѣдуетъ похвала этому князю, сравненіе его съ Мономахомъ; потомъ съ 1202 года начинается разсказъ о событіяхъ, происходившихъ по смерти Романа. Примѣту лѣтописца современника, очевидца событий, можно отыскать подъ 1226 годомъ въ разсказѣ о борьбѣ Мстислава Торонепскаго съ Венграми: „Мстиславъ же выѣхалъ противу съ полки; онѣмъ же позоровавшимъ насъ, и ꙗхша Угре въ станы своя“ — Начальной Новгородской лѣтописи не дошло до насъ въ чистотѣ; въ извѣстныхъ намъ спискахъ извѣстія изъ нея находятся уже въ смѣшеніи съ начальной Кіевскою лѣтописью: въ древнѣйшемъ, такъ называемомъ Синодальномъ, спискѣ недостаетъ первыхъ пятнадцати тетрадей. Другой списокъ, такъ-называемый Толстовскій, начинается любопытнымъ мѣстомъ, очевидно принадлежащимъ позднѣйшему составителю, соединившему Новгородскую лѣтопись съ Кіевскою: „Временникъ, еже нарицается лѣтописаніе князей и земля русскія, како избра Витъ страну нану на послѣднее время и грады почана (бывати) по мѣстомъ, прежде Новгородская волость и потомъ Кіевская, и о поставленіи Кіева, како во имя (Кіа) назався Кіевъ. Якоже древле царь Римъ, прозався во имя его градъ Римъ, и наци Антиохъ, и бысть Антиохія, и наци Селевъ, бысть Селевкія, и наци Александръ, бысть Александрія во имя его. И по многа мѣста тако прозави быша гради ты во имяна царевъ тѣхъ и

князь тѣхъ. Яко въ нашей странѣ прозави бысть градъ великій Кіевъ во имя Кіа, его же древле нарицають перевозника бывша, инія же яко п довы дѣяна около града своего. Великъ бо есть промысль Божій, еже яви въ послѣднія времена! Куда же древле погани жряху бѣсомъ на горахъ, туда же нынѣ церкви святыя стоятъ златоверхія каменозданныя, и монастыреве исполнени черноризцевъ, безпрестанно славящихъ Бога въ молитвахъ и въ бдѣніи, въ постѣхъ, въ слезахъ, ихже ради молитвъ црквамъ тѣмъ велику пользу приметь души же и тѣлу. Мы же на послѣднее возвратимся. О началѣ Русскихъ земля и о князяхъ, како и откуда быша“. За этихъ слѣдуетъ не разъ приведенное мѣсто о древнихъ князьяхъ и дружинѣ съ увѣщаніемъ современникамъ подражать имъ: „Васъ молю, стадо Христова, съ любовію, приклоните ушеса ваша разумно; како быша древня князи и мужи ихъ“ и проч. Здѣсь можно примѣтить, что первое заглавіе: „Временникъ, еже нарицается лѣтописаніе князей и земля русскія“ и слѣдующее за нимъ разсужденіе о началѣ городовъ принадлежитъ позднѣйшему составителю; а второе заглавіе: „О началѣ Русскія земля и о князяхъ“ — съ разсужденіемъ о древнихъ князьяхъ взято изъ издревнѣйшаго лѣтописца — какого, новгородскаго или кіевскаго — рѣшить трудно. Разсужденіе о древнихъ князьяхъ и вѣрахахъ оканчивается такъ: „Да отсель, братія возлюбленная моя, останется отъ несъщества своего: доволни будите уроки вашими. Яко и Павель нишегъ: ему же данъ, то данъ, ему же урокъ, то урокъ; ни кому же насилія творяще, милостынею двѣтуше, страннолюбіемъ въ страхѣ Божіи и правотѣри свое спасеніе содѣвающе, да и здѣ добръ поживемъ, и тамо вѣчнѣй жизни участници будемъ. Сеже таковая. Мы же отъ начала Русской земли до сего лѣта и вся по ряду извѣстно да скажемъ, отъ Мухамла Царя до до Александра и Исакія“. — Выше было указано на примѣту первого лѣтописца новгородскаго, ученика Ефремова; примѣту другого позднѣйшаго составителя находимъ подъ годомъ 1144: „Въ то же лѣто постави мя цопомъ архіепископъ Святый Нифонтъ“.

Въ связи съ вопросомъ о Новгородской лѣтописи находится вопросъ о такъ-называемой Иоакимовой лѣтописи, помѣщенной въ первомъ томѣ Исторіи Россійской Татищева. Нѣтъ сомнѣнія, что составитель ея пользовался начальной Новгородскою лѣтописью, которая не дошла до насъ и которую онъ приписываетъ первому Новгородскому епископу Иоакиму — на какомъ основаніи, рѣшить нельзя; быть можетъ, онъ основался только на слѣдующемъ мѣстѣ разсказа о крещеніи Новгородцевъ: „Мы же стохкомъ на торговой странѣ, ходихомъ по торжашамъ и улицамъ, учухомъ люди едикомъ можахомъ“⁴⁾.

⁴⁾ Объ этомъ подробнѣе ниже, при оцѣнкѣ трудовъ Татищева.

Исследовавши составъ нашихъ лѣтописей въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ, скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ ихъ характерѣ и о нѣкоторыхъ мѣстныхъ особенностяхъ. Лѣтопись вышла изъ рукъ духовенства; это обстоятельство, разумеется, сильнѣе всего должно было опредѣлить ея характеръ. Лѣтописецъ—духовное лицо—ищетъ въ описываемыхъ имъ событіяхъ религіозно-нравственнаго смысла, предлагаетъ читателямъ свой трудъ, какъ религіозно-нравственное поученіе: отсюда высокое религіозное значеніе этого труда въ глазахъ лѣтописца и въ глазахъ всѣхъ современниковъ его; Сильвестръ въ своей припискѣ говоритъ, что онъ написалъ лѣтописецъ, надѣясь принять милость отъ Бога; слѣдовательно написаніе лѣтописи считалось подвигомъ религіознымъ, удобнымъ Богу. Говоря вначалѣ о событіяхъ древней языческой исторіи, лѣтописецъ удерживается отъ благочестивыхъ наставленій и размышленій: поступки людей, невѣдающихъ закона Божія, не представляютъ ему приличнаго къ тому случая. Только съ разказа объ Ольгѣ-христіанкѣ начинаются благочестивыя размышленія и поученія; непослушаніе язычника Святослава святой матери подаетъ первый къ тому поводъ. „Онъ же не послуша матери, творяще норовы поганскіе, не вѣдый, аще кто матери не послушаетъ, въ бѣду выдастъ; яко же рече: аще кто отца, ли матери не послушаетъ, смертию да умретъ“. Такимъ образомъ, бѣдственная кончина Святослава представляется слѣдствіемъ его непослушанія матери. Смерть Св. Ольги доставляетъ поводъ къ другому размышленію о славѣ и блаженствѣ праведниковъ. Потомъ не встрѣчаемъ благочестивыхъ размышленій до разказа о предательствѣ Блуда: „О злая лесь челоувѣческа! Се есть съвѣтъ золь, иже свѣщаютъ на кровопролитыя; то суть нечестови, иже приѣмше отъ князя или отъ господина своего честь, ли дары ти мыслятъ о главѣ князя своего на погублене, горыше суть бѣсовъ такови“. Святополкъ Окаянный съ самаго разказа о зачатіи его подвергается уже нареканію, предсказывается въ немъ будущій злодѣй: „Отъ грѣховнаго бо корени золь илюдъ бываетъ“. Протривоположность Владиміра язычника и Владиміра христіанна также подаетъ поводъ къ поученію; смерть двухъ Варяговъ-христіанъ не могла остаться безъ благочестиваго размышленія о преждевременной радости дьявола, который не предвидѣлъ скораго торжества истины вѣры. При извѣстіи о началѣ книжнаго ученія лѣтописецъ обнаруживаетъ сильную радость и прославляетъ Бога за неизреченную милость Его: „Симъ же раздаломъ ¹⁾ на ученье книгамъ, събысться пророчество на Русьѣй Земли, глаголющее: во оны дни услышатъ глосиіи словеса книжная, и ясенъ будетъ языкъ гунныхъ. Се бо не бѣша преди слышали словесе книжнаго, но по Вожью строю, и по милости своей помилова Богъ, яко же

рече Пророкъ: помилюю, его же аще помилю“, и проч. За извѣстіемъ о смерти Владиміра слѣдуетъ похвала этому князю, изъ которой узнаемъ, что во времена лѣтописца Владиміръ не былъ еще причтенъ къ лику святыхъ: „Дивно же есть ее, колико добра створилъ Русьѣй земли, крестивъ ю. Мы же христіане суме, не въздаемъ почестя противу онаго възданю. Аще бы онъ не крестилъ бы насъ, то нынѣ были быхомъ въ прельсти дьяволи, яко же и прородители наши погынуса. Да аще быхомъ имѣли потчанье и молибы приносили Богу зань, въ день преставленья его, и видя бы Богъ тщанье наше къ нему, прославилъ бы и; намъ бо достопи, зань Бога моляти, пожеже тѣмъ Бога познахомъ“. Мы уже прежде упоминали о похвалѣ книжному ученію, внесенной въ лѣтопись по поводу извѣстія о ревности князя Ярослава къ нему.

По смерти Ярослава, явленія, стоящія на первомъ планѣ въ лѣтописи, суть отношенія княжескія, усобицы и потомъ нашествія степныхъ варваровъ, Половцевъ. Понятно, что лѣтописецъ, вѣстѣ со всѣми современниками, видитъ въ усобицахъ главное зло и сильно противъ нихъ вооружается. Лѣтописецъ смотритъ на усобицу, какъ на слѣдствіе дьявольскаго внушенія и нашествія иноплемениковъ; пораженія отъ нихъ суть наказанія Божіи за грѣхъ усобицы: „Наводитъ бо Богъ люгнѣву своему иноплемениныи на землю, и тако сокрушеннымъ имъ възпомянуты къ Богу; усобная же рать бываетъ отъ соблаженья дьявола“ ²⁾. Мы видѣли, какъ часто князья преступали клятвы, данныя другъ другу, отъ чего и происходили усобицы; по двумъ основаніямъ—религіозному и политическому—лѣтописецъ долженъ былъ сильно вооружаться противъ клятвеннопреступленій, которыя вѣстѣ были крестопреступленіями, ибо клятвы запечатлѣвались цѣлованіемъ креста. Ярославичи цѣловали крестъ Всееславу Полоцкому—и тотчасъ же нарушили клятву, посадили Всееслава въ тюрьму. Но Всееславъ освободился изъ заключенія вълѣдствіе изгнанія Изяслава; по этому случаю лѣтописецъ говоритъ: „Се же Богъ яви силу крестную, пожеже Изяслявъ цѣловавъ крестъ, и я (Всееслава); тѣмъже наведе Богъ поганныя, сего же явѣзбави крестъ честный, въ день бо Въздвигенья Всееслава въздохнувъ рече: „О, кресте честный! пожеже къ тобѣ вѣровахъ, избави мя отъ рва сего“. Богъ же показа силу крестную на показанье землѣ Русьѣй, да не преступаютъ честнаго креста, цѣловавше его, аще ли преступитъ кто, то и здѣ приметъ казнь, и на придущемъ вѣщѣ казнь вѣчную“.—Начало усобицы между Ярославичами, изгнаніе Изяслава меньшими братьями, преступленіе заповѣди отцовской—даетъ случай лѣтописцу сказать грозное слово: „Въздвиге дьяволъ котору въ братья сей Ярославичахъ... Велий бо есть грѣхъ преступати заповѣдь отца своего: ибо сперва преступиша сынове Хамове

¹⁾ Это слово раздаяномъ также свидѣтельствуеть о раздачѣ дѣтей по церквамъ, а не о соединеніи ихъ въ одну школу.

²⁾ Поля. Собр. Русск. Лѣт. I, стр. 72. См. выше о соч. Св. Феодосія.

на землю Сноову, и по 400 лѣтъ отмщеніе пріиша отъ Бога; отъ племени бо Сноова суть Еврѣи, же избивше Хананѣйско племя, восприише свои жребіи и свою землю. Паки преступи Исавъ заповѣдь отца своего, и прія убійство; не добро бо есть преступити предѣла чужого“. Смерть Изяслава, положившаго голову свою за брата, даетъ лѣтописцу случай распространиться въ похвалу братолюбію: „Поистинѣ аще, что створилъ есть (Изяславъ) въ свѣтѣ семь стеро согрѣшенъе, отдастъся ему, занеже положи главу свою за брата своего, не желая болшее волости, ни имѣнья хотя болша, но за братню обиду“. Говоря о мести Василька Теребовльскаго, сперва на невпняныхъ жителей города Всеволожа, а потомъ на боярахъ Давыда Игоревича, лѣтописецъ прибавляетъ: „Се же второе мщеніе створи, егоже не бѣше лѣно створити, дабы Богъ отмстити къ былъ, и възложити было на Бога мщеніе свое“. Въ разсказѣ о борьбахъ и счегахъ княжескихъ лѣтописецъ стоить за старшихъ противъ младшихъ: никогда не находимъ оправданія послѣднимъ, не разъ находимъ упрекъ имъ; такъ на югѣ лѣтописецъ вооружается противъ Ярослава Святополковича за гордость противъ дяди и тестя; на сѣверѣ, разсказавши о побѣдѣ Юрьевичей надъ племянниками, лѣтописецъ прибавляетъ: „Богу наказавши князей креста честнаго не преступати и старѣйшаго брата чтити“. Мы видѣли, что по привязанности лѣтописца къ тому или другому князю можно опредѣлить, къ какой волости принадлежитъ лѣтописецъ; у сѣвернаго лѣтописца замѣчаемъ особенную привязанность къ своимъ князьямъ, потомкамъ Юрія Долгорукаго, особенно уваженіе ко власти, стараніе внушить къ ней уваженіе. Здѣсь видимъ почти постоянное величаніе князя именемъ и отчествомъ съ прибавленіемъ: Великій князь, часто съ прибавленіемъ: благовѣрный, христіолобивый; здѣсь встрѣчаемъ упоминеніе о семейныхъ торжествахъ князей, напримеръ, о постригахъ, достоянннхъ великую радость цѣлому городу. Особенно въ этомъ отношеніи замѣчательно описаніе отъѣзда князя Константина Всеволодовича въ Новгородъ въ 1206 году. Уваженіе ко власти, которое сѣверный лѣтописецъ старается внушить, высказано также подъ 1175 годомъ, по поводу смерти Андрея Юрьевича; потомъ по случаю смерти Всеволода Юрьевича въ 1212 году. Замѣчаемъ у сѣвернаго лѣтописца и особенную привязанность къ владыкамъ своимъ. Поизитъ, что въ самомъ уже началѣ встрѣчаемъ у сѣвернаго лѣтописца мало сочувствія къ Новгородцамъ: по случаю похода Андреевой рати въ 1169 году онъ упрекаетъ Новгородцевъ въ частомъ нарушеніи клятвъ, въ гордости, хотя и соглашается, что бытъ новгородскій получилъ начало свое издавна, отъ прадѣдовъ княжескихъ, но никакъ не хочетъ уступить Новгородцамъ права нарушать клятвы и выгонять князей. Подъ 1186 годомъ нерасположеніе лѣтописца къ новгородскому быту также ясно высказывается: „Въ се же лѣто выгнаша Новгородцы Ярослава

Володимировича, а Давыдовича Мстислава поппа къ собѣ княжить Новгороду: такъ бо бѣ и хъ о быча й“. Подъ 1178 годомъ, по поводу взятія и опустошенія Торжка Всеволодомъ III, лѣтописецъ распространяется противъ клятвопреступленій: „Взяша городъ, мужи повязаша, а жены и дѣти на щитъ и товаръ взяша, и городъ пожгоша весь за новгородскую неправду, оже по дни цѣлуютъ крестъ честный, и преступаютъ. Тѣмже прокоумъ глаголетъ намъ“ и проч.

О нашествіи варваровъ лѣтописецъ отзывается постоянно, какъ о наказаніи Божиємъ за грѣхи народа; подъ 1093 годомъ: „Высть плачь въ градѣ, а не радость, грѣхъ ради нашихъ великихъ и неправды, за умноженіе беззаконій нашихъ. Се бо на ны Богъ попусти поганымъ, не яко млдѣя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ ся востягнули отъ злыхъ дѣлъ, симъ казнитъ ны нахоженъемъ поганыхъ, се бо есть батоъ его, да негли востягнувшеся всиомянемъ ся отъ злаго пути своего“. Подобное разсужденіе повторяется и въ послѣдствіи. Таково же воззрѣніе лѣтописца и на всѣ другія бѣдствія: „Богъ бо казнитъ рабы своя напастыи различными, огнемъ и водою и ратью и иными различными казними, хрестыянину бо многыми напастыи внити въ царство небесное, согрѣшихомъ казними есмь, яко створихомъ, тако и пріяхомъ, но кажетъ ны добрѣ Господъ нашъ. Но да никтоже можетъ рѣщи, яко ненавидитъ насъ Богъ; не буди!“¹⁾ Болѣзнь, всякаго рода страданія, напрасная смерть очищаютъ человѣка отъ грѣховъ; по свидѣтельству лѣтописца, князь Ярополкъ Изяславичъ молился: „Господи Боже мой! прими молитву мою и дажь ми смерть, яко же двѣма братама моима Борису и Глѣбу, отъ чюжою руку, да омыю грѣхы вся своею кровью“. Сказавши о смерти князя Святослава Юрьевича, лѣтописецъ прибавляетъ: „Си же князь избранныкъ Вожій бѣ: отъ рождества и до свершенъя мужьства бысть ему болѣзнь та, ея же болѣзнь просяхуть на ся святіи апостоли и святіи отци у Бога: кто бо постражеть болѣзнию тою, якоже книги глаголють, тѣло его мучится, а душа его спасается. Также и ть во истину святой Святославъ, Вожій угодникъ избранный въ всѣхъ князехъ: не да бо ему Богъ княжити на земли, но да ему царство небесное“. Ту же мысль выражаетъ лѣтописецъ и въ разсказѣ о смерти Андрея Боголюбскаго. Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый говаривалъ дружинѣ своей предъ битвою: „Братья! ничтоже имете во умѣ своемъ, аще нынѣ умремъ за хрестыяны, то очистимся грѣховъ своихъ и Богъ вѣнчитъ кровь нашу съ мученикъ“. Лѣтописецъ держится того же мнѣнія, даже относительно христіанскихъ вновь другихъ исповѣданій, напримеръ крестоносцевъ²⁾. Успѣхъ, избавленіе отъ опасности приписывается, обыкновенно послѣ молитвы Вожіей и молитвъ святыхъ, также молитвъ

¹⁾ Полп. Собр. Русск. Лѣт. I, стр. 166, 168.

²⁾ Тамъ же, стр. 139.

предковъ умершихъ, отца, дѣда и прадѣда; наприм., описавши торжество Юрьевичей надъ племянниками, лѣтописецъ прибавляетъ: „И поможе Богъ Михалку и брату его Всеволоду, отца и дѣда его молитва и прадѣда его“. Мы видѣли, съ какимъ неудовольствіемъ лѣтописецъ отзывается о народныхъ увеселеніяхъ, въ которыхъ видны были остатки язычества.

Разсмотрѣвши религіозныя, нравственныя и политическія понятія лѣтописца, обратимся къ его понятіямъ научнымъ. Вотъ его разсужденіе о происхожденіи Половцевъ въ образчикъ этнографическихъ, историческихъ и географическихъ понятій: „Исшыли бо суть си отъ пустыне Питривьскыя, межю востокомъ и сѣверомъ; исшыли же суть ихъ колѣны 4 Торкъмени и Печенѣзи, Торци, Половци. Меоодій же свидѣтельствуетъ о нихъ, яко 8 колѣвъ пробѣгли суть, едва и сѣче Гедеонъ, да 8 ихъ бѣже въ пустыню, а 4 исѣче. Други же глаголютъ: сыны Амлоповы. Се же вѣсть тако: сынове бо Моавли Хвалиси, а сынове Аммонови Болгаре, а Сарацины отъ Измаила творятся Сарини, и прозваша имена себѣ Саракыне, рекше: Сарини есмы. Тѣмже Хвалиси и Болгаре суть отъ дочерю Лотову, пже зачасти отъ отца своего, тѣмже нечисто есть племя ихъ; а Измаилъ роди 12 сына, отъ нихъ же суть Торкъмени, и Печенѣзи, и Торци, и Кумани, рекше Половци, иже исходятъ отъ пустыни и по сихъ 8 колѣвъ въ концихъ вѣка изыдутъ, заклении въ горѣ Александромъ Македонскимъ, нечистыя челоувѣки, якоже сказаетъ о нихъ Меоодій Патарійскій: и взиде на восточныя страны до моря, наричаемое Солнце мѣсто, и видѣ ту челоувѣки нечистыя, отъ племени Афетова; ихъ же нечистоту видѣхъ: ядыху скверную всяку, комары и мухы, котки, змѣи, и мертвецъ не погребаху, но ядыху и жельскыя изворогы и скоты вся нечистыя; то видѣвъ Александръ убояся, еда како умножаться и осквернять землю, и загна ихъ на полунощныя страны въ горы высокія; и Богу повелѣвшю, сеступишася о нихъ горы полунощныя, токмо не ступишася о нихъ горы на 12 локотъ и ту створишася врата мѣдяна, и помазашася сунклитомъ, и аще хотятъ огня взяти, не възмогутъ и жеши; вещь бо сунклитова сще есть: ни огнь можетъ вжеши его, ни желѣзо его приметъ; въ послѣднія же дни по сихъ изыдутъ 8 колѣвъ отъ пустыне Етривьскыя, изыдутъ п си скверніи языки, яке суть въ горахъ полунощныхъ, по повелѣнью Божию“. О другихъ историческихъ, географическихъ и этнографическихъ свѣдѣніяхъ начального лѣтописца говорено было выше въ своемъ мѣстѣ; теперь же взглянемъ на отзывы лѣтописца о различныхъ физическихъ явленіяхъ: каждое необыкновенное физическое явленіе предвѣщаетъ что-нибудь необыкновенное въ мірѣ нравственномъ, обыкновенно что-нибудь недоброе: въ 1603 году шель Волхвъ въ Новгородѣ назадъ 5 дней; это знаменіе было не къ добру, говоритъ лѣтописецъ: на четвертый годъ князь Всеславъ пожегъ городъ. Въ слѣдующемъ году „бысть знаменіе на западѣ, звѣзда

превелика, лучѣ имущи акы кровавы, выходящи съ вечера по заходѣ солнечицѣмъ и пребысть за 7 дней, се же проявляше не на добро: по семь бо быша убицѣ много и нашествіе поганыхъ на Русьскую землю, си бо звѣзда бѣ акы кровава, проявляюща кровопролитые. Въ си же времена бысть дѣтиши вверженъ въ Сѣтомль, сего же дѣтища выволокоша рыболове въ неводѣ, его же позоропахомъ до вечера, и пакы ввергоша и въ воду, бышеть бо сице: на лица ему срамнии удове, много пелзѣ казати срама ради. Предъ симъ же временемъ и солнце престѣнися, и не бысть свѣтло, но акы мѣсяцъ бысть, его же невѣгласи глаголютъ спѣдаему сущю. Се же бываеть сица знаменья не на добро, мы бо по сему разумѣемъ“. Слѣдуетъ исчисленіе необыкновенныхъ явленій, видѣнныхъ въ разныхъ странахъ и предвѣстившихъ народныя бѣдствія; это исчисленіе лѣтописецъ оканчиваетъ слѣдующими словами: „Знаменья бо въ небеси, или звѣздахъ, ли сонци, ли птицами, ли етеромъ чимъ, на благо бывають: но знаменья сица на зло бывають, ли проявленье рати, ли гладу, ли смерть проявляють“. Подъ 1091 годомъ читаемъ: „Бысть Всеволоду ловы дѣюще звѣрныя за Вышегородомъ, заметавшимъ тенета и кличаномъ кликнувшимъ, спаде превеликъ змій отъ небесе; ужасошася вси людье. Въ се же время земля стукну, яко мнози слышаша“. Подъ 1102: „Бысть знаменье на небеси, мѣсяца генваря въ 29 день, по 3 дни: акы пожарная заря отъ востока и уга и запада и сѣвера, и бысть тако свѣтъ всю ночь, акы отъ луны полны свѣтящия. Въ то же лѣто бысть знаменье въ луни, мѣсяца февраля въ 5-й день. Того же мѣсяца въ 7-й день бысть знаменемъ въ солци; огородилося быше солцие въ три дугы, и быша другыя дугы хребты къ собѣ. И си видяще знаменья, благовѣрнии челоувѣци со въздыханьемъ моляхуся къ Богу и со слезами, дабы Богъ обратилъ знаменья си на добро: знаменья бо бывають ова на зло, ова ли на добро“. Подъ 1104 годомъ: „Стояше солцие въ круцѣ, а посреди круга крестъ, а спереди креста солцие, а вни круга оба полы два солциа, а надъ солциемъ кромѣ круга дуга, рогами на сѣверъ; такоже знаменье и въ луни тѣмъ же образомъ, мѣсяца февраля въ 4, 5 и 6 день, въ дне по три дни, а въ ночь въ луни по три ночи“. Подъ 1110: „Въ 11-й день февраля мѣсяца явися столпъ огненъ отъ земли до небеси, а молнья освѣтиша всю землю, и въ небеси погрѣмѣ въ часъ 1-й ночи“. Подъ 1141 годомъ: „Дивно знаменье бысть на небеси и странно: быша три солциа сіюща межю собою, а столпи 3 отъ земли до небесе, надо всѣми горѣ быше акы дуга мѣсяцъ особѣ стояча“. Подъ 1203 годомъ: „Бысть во едину ночь, въ пятый часъ ночи, потече небо все и бысть черно, по земли же и по хоромемъ свѣтъ, мнѣти же всѣмъ челоувѣкомъ зряче, акы кровь прольана по свѣту; и видѣша же нѣции теченіе звѣздное бысть на небеси, отторгаху бо ся звѣзды на землю, мнѣти видящияхъ я яко копчину“. Подъ 1186 годомъ описаніе солнечнаго затмѣнія: „Мѣ-

сяца мая въ 1-й день, въ среду на вечерни, бысть знаменье въ солнци, и морочно бысть велми, яко и звѣзды видѣти, человекомъ въ очю яко зелено быше, и въ солнци учинися яко мѣсяць, изъ роугъ его яко угль жаровь исхожане: страшно бѣ видѣти человекомъ знаменье Вожьѣ“. Описавъ солнечное затмѣніе въ 1113 году, предвозвѣстившее, по тогдашнему мнѣнію, смерть великаго князя Святополка, лѣтописецъ прибавляетъ: „Се же бывають знаменія не на добро, бывають знаменья въ солнци и въ лунѣ или звѣздами не по всей землѣ, но въ которой либо землѣ аще будетъ знаменье, то та земля и видѣти“. Подъ 1143 годомъ, читаемъ описаніе бури: „Бысть буря велика, ака же не была николже, около Котелничѣ, и разноси хоромы, и товарь, и клѣтти, и жито изъ гумень, и просто рещи, яко рать взяла, и не остаея у клѣтехъ ничтоже; и нѣщии палѣшоша бронѣ у болотѣ, занесены бурей“. Подъ слѣдующимъ годомъ читаемъ: „Бысть знаменіе за Днѣпромъ, въ Кіевской волости: летящю по небеси до земли яко кругу огнену, и остаея по слѣду его знаменіе въ образѣ змя великаго, и стоя по небу съ часъ дневный и разидося. Въ то же лѣто паде снѣгъ великъ въ Кіевской стороны, коневы до черевы, на великъ день“. Подъ 1161 годомъ: „Бысть знаменіе въ лунѣ страшно и дивно: идяше бо луна черезо все небо отъ вьстока до запада, измѣняючи образы своя: бысть первое и убываніе помалу, дондеже вся погибе, и бысть образъ ея яко скупина, черна, и пакы бысть яко кровава, и потомъ бысть яко двѣ лица имущи, едино зелено, а другое желто, и посреди ея яко два ратная сѣкущесе мечема, и одному ею яко кровь идяше изъ главы, а другому бѣло акы млеко течаше; сему же рекоша старіи люди: не благо есть сяково знаменіе, се прообразуетъ княжю смерть—еже бысть“ (убить былъ Изяславъ Давыдовичъ).—Подъ 1195: „Тоеже зими, по Оедоровѣ недѣли во вторникъ въ 9-й часъ потрясеса земля по всей области Кіевской и по Кыеву: церкви каменные и деревянныя колебахуся, и вси людіе видяше, отъ страху не можаху стояти, овн падаху ници, ниш же трепстаху. И рекоша игумени, блаженіи: се Богъ проявилъ есть показал силу свою за грѣхи наша, да быхомъ оста-

ли отъ злого пути своего; ниш же моляхуть другъ ко другу: сіи знаменія не на добро бывають, но на паденіе многихъ, и на кровопролитіе, и на мятежъ много въ Русской землѣ, еже и сбысться“ (усобица Мономаховичей съ Ольговичами).

Изложивъ общія черты нашей древней лѣтописи, скажемъ нѣсколько словъ объ особенностяхъ изложенія, которыми отличаются различныя лѣтописи. До насъ отъ описываемаго времени дошли двѣ лѣтописи сѣверныя—Новгородская и Суздальская, и двѣ южныя—Кіевская, съ явными вставками изъ Черниговской, Полоцкой и, вѣроятно, другихъ лѣтописей, и Волынская. Новгородская лѣтопись отличается краткостію, сухостію разказа; такое изложеніе происходитъ, впервыхъ, отъ бѣдности содержанія: Новгородская лѣтопись есть лѣтопись событій одного города, одной волости; съ другой стороны, нельзя не замѣтить и вліянія народнаго характера, ибо въ рѣчахъ новгородскихъ людей, внесенныхъ въ лѣтопись, замѣчаемъ также обыкновенную краткость и силу; какъ видно, Новгородцы не любили разглагольствовать, они не любають даже договаривать своей рѣчи, и однако хорошо понимаютъ другъ друга; можно сказать, что дѣло служить у нихъ окончатіемъ рѣчи; такова знаменитая рѣчь Твердислава: „Тому емь радъ, еже вины мои нѣту; а вы, братье, въ посадничество и въ князехъ“.—Разказъ южнаго лѣтописца, наоборотъ, отличается обиліемъ подробностей, живостію, образностію, можно сказать,—художественностію; преимущественно Волынская лѣтопись отличается особеннымъ поэтическимъ складомъ рѣчи: нельзя не замѣтить здѣсь вліянія южной природы, характера южнаго народонаселенія; можно сказать, что Новгородская лѣтопись относится къ южной—Кіевской и Волынской—какъ поученіе Луки Звѣдаты относится къ словамъ Кирилла Туровскаго. Что же касается до разказа суздальскаго лѣтописца, то онъ сухъ, не имѣя силы новгородской рѣчи, и вымѣстъ многоглаголивъ безъ художественности рѣчи южной; можно сказать, что южная лѣтопись—Кіевская и Волынская—относится къ сѣверной Суздальской, какъ Слово о Полку Игореву относится къ сказанію о Мамаевомъ побоищѣ.

Глава II.

Отъ смерти Мстислава Торопецкаго до опустошенія Руси Татарами.

(1228—1240.)

Событія новгородскія. — Война суздальскихъ князей съ Чернигомъ. — Вражда Новгорода со Пековомъ. — Войны съ Мордвою, Волгарами, Нѣмцами и Литвою. — Усобица въ Смоленскѣ — Дѣятельность Данила Романовича Галицкаго. — Участіе его въ польскихъ дѣлахъ. — Тевтонскій орденъ. — Батыево нашествіе. — Снѣдѣнія о Татарахъ.

Отношенія новгородскія, столкновенія здѣсь князей сѣверныхъ съ южными грозило-было во второй разъ нарушить покой на сѣверѣ. Мы видѣли ¹⁾,

что въ 1228 году Новгородцы, недовольные Ярославомъ Всеволодовичемъ, призвали къ себѣ вторично Михаила Черниговскаго; послѣдній былъ шуриномъ великому князю Юрію Владимірскому, который въ первый разъ посадилъ его въ Новгородѣ; Ярославу

¹⁾ Исторія Россіи, т. II, стр. 623.

стали говорить, что и теперь Михаилъ посаженъ въ Новгородѣ по старанію Юрія; Ярославъ повѣрилъ наговорамъ: въ самомъ дѣлѣ, могъ ли Владиміръ князь спокойно видѣть, что младшій братъ его, князь Переяславль-Залѣскаго, услышавъ на счетъ Новгорода; не имѣлъ ли Юрій важныхъ причинъ мѣшать этому успѣху? Какъ бы то ни было, Ярославъ сталъ сердиться на старшаго брата и, чтобъ успѣшнѣе дѣйствовать противъ него, поссорилъ съ Явасю и тронхъ Константиновичей ростовскихъ — Василька, Всеволода и Владиміра. Юрій, узнавши объ этомъ, спѣшилъ предупредить усобицу, и въ 1229 году повѣстилъ всѣмъ родичамъ, чтобъ съѣхались къ нему во Владиміръ на сеймъ; Ярославъ сначала не хотѣлъ-было ѣхать, но, узнавъ, что племянники поѣхали, отправился и самъ во Владиміръ. Здѣсь Юрію удалось дѣло; всѣ родичи поклонились ему, называя отцомъ себя и господиномъ, весело отпраздновали Рождество Богородицы, получили подарки сами и бояре ихъ, и разѣхались довольные по волостямъ своимъ ¹⁾. Ярославъ, обезпеченный со стороны старшаго брата, сталъ готовиться къ войнѣ съ Михаиломъ; тогда во Владиміръ явилось посольство съ Южной Руси отъ князя Кіевскаго — Владиміра Рюриковича и Черниговскаго — Михаила, обоимъ близкихъ свойственниковъ великаго князя Юрія (который въ томъ же 1230 году женилъ сына своего Всеволода на дочери Владиміра Кіевскаго); пріѣхалъ самъ митрополитъ Киріллъ съ Черниговскимъ епископомъ Порфиріемъ; новое могущественное значеніе Сѣверной Руси уже не въ первый разъ заставляеть митрополитовъ отправляться туда и стараться, чтобъ обѣ половины Руси были въ политическомъ единеніи, которое условляло и единеніе церковное. Митрополитъ достигъ цѣли своей поѣздки: Ярославъ послушался старшаго брата Юрія, отъ своего митрополита, и заключилъ миръ съ Михаиломъ ²⁾. Слѣдствіемъ мира было то, что, какъ мы видѣли, Михаилъ уѣхалъ изъ Новгорода, оставя тамъ сына своего Ростислава, и Новгородцы не могли дожидаться его съ войскомъ, чтобъ идти вмѣстѣ на Ярослава. Но опять новыя волненія въ Новгородѣ, торжество стороны суздальской, изгнаніе Ростислава, бѣгство приверженцевъ Михайловыхъ къ нему въ Черниговъ и утвержденіе Ярослава въ Новгородѣ могли снова возбудить вражду Суздаля съ Черниговомъ; сюда присоединялась еще другая причина вражды, къ которой не могъ быть нечувствителемъ и самъ великій князь Юрій: въ 1232 году Михаилъ Черниговскій, вмѣстѣ съ Владиміромъ Кіевскимъ, двинулись на волынскихъ князей — Данила и Василька Романовичей, бывшихъ въ близ-

комъ свойствѣ съ Юріемъ Владимірскимъ, ибо дочь послѣдняго была за Василькомъ ³⁾. Какъ бы то ни было, но въ томъ же 1232 году великій князь Юрій съ братомъ Ярославомъ и племянниками Константиновичами вступилъ въ черниговскія волости; самъ Юрій возвратился, не доходя Серенска ⁴⁾; но Ярославъ съ новгородскимъ войскомъ взялъ и сжегъ Серенскъ, осадилъ-было и Мосальскъ, но отступилъ безъ успѣха и безъ мира, истребивши только много хлѣба во владѣніяхъ врага своего.

У послѣдняго, какъ мы видѣли, жило много Новгородцевъ, его приверженцевъ, бѣжавшихъ вѣлѣдствіе перевѣса стороны суздальской. Внѣздъ Водовикъ умеръ; но у него остался сынъ, который, вмѣстѣ съ пятью другими изгнанниками, договоривши Трубенскаго князя Святослава, явился въ предѣлахъ новгородскихъ; но Святославъ, увидавши, что товарищи его обмануты своими пріятелями въ Новгородѣ, что тамъ нѣтъ никакой надежды на успѣхъ, уѣхалъ назадъ; тогда новгородскіе изгнанники бросились во Псковъ и получили здѣсь успѣхъ, благодаря, вѣроятно, недавней враждѣ Псковичей съ Ярославомъ; они схватили намѣстника послѣдняго, Вячеслава, прибили его, заключили въ оковы; смута вставала и въ Новгородѣ; вѣроятно и здѣсь поднялась враждебная Ярославу сторона, пользуясь отсутствіемъ князя; по пріѣздѣ Ярослава утихли волненія; князь велѣлъ схватить Псковичей, бывшихъ въ Новгородѣ, посадилъ ихъ на Городищѣ въ gridsницѣ, и послалъ во Псковъ объявить его жителямъ: „Мужа моего отпустите, а тѣмъ путь покажите прочь, пусть идутъ, откуда пришли“. Но Псковичи не послушались, стали крѣпко за изгнанниковъ и велѣли отвѣчать Ярославу и Новгородцамъ: „Вышлите къ намъ жегъ ихъ и все имѣніе, тогда мы отпустимъ Вячеслава, или мы себя, а вы себя“. Такъ прошло все лѣто безъ мира. Но Псковичи не могли жить долго во враждѣ съ Новгородомъ; когда Ярославъ не велѣлъ пускаться къ нимъ купцовъ, и берковецъ соли сталъ продаваться по 7 гривенъ, то они опустили Вячеслава, а князь отпустилъ къ нимъ женъ новгородскихъ изгнанниковъ; во мира все еще не было; наконецъ зимою явились псковскіе послы въ Новгородѣ, поклонились Ярославу, сказали ему: „Ты имѣешь князя“, и стали просить у него себя въ князя сына его Оеодора; Ярославъ не далъ имъ сына, но далъ шурина, князя Юрія ⁵⁾. Псковичи взяли Юрія, а изгнанникамъ новгородскимъ показали отъ себя путь, и тѣ отправились къ Нѣмцамъ въ Одене.

Таковы были внутреннія событія на сѣверѣ. Извѣстны великій князь Владиміръ князь продолжалъ борьбу съ Мордвою, которая въ 1229 году приходила съ княземъ своимъ Цургасомъ къ Нижнему-Новгороду; но жители отбили отъ нея; варварамъ удалось только сжечь Богородичный монастырь, да загородную

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, стр. 192; Татвц. III, 453.

²⁾ У Карамзина читаемъ: «Ярославъ упрекалъ Черниговскаго князя вѣроломствомъ». «Коварныя его внушенія» — говорилъ онъ — «возбудили противъ меня Новгородцевъ». Но въ текстѣ Пушкинскаго списка, приведенномъ въ примѣч. 333, этихъ словъ нѣтъ; въ лѣтописи сказано только: «бѣ бо Михаилъ неправъ въ крестномъ цѣлованьи при Ярославѣ». Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, стр. 149.

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 336.

⁴⁾ Теперь село на рѣкѣ Серенѣ, въ Калужской губерніи.

⁵⁾ Если Ярославъ не женился въ третій разъ, то Юрій долженъ быть сынъ Мстислава Чорноцкаго.

церковъ. Между самою Мордовою шла усобица; въ томъ же году сынъ русскаго присяжника Пуреша началъ съ Половцами на Цургаса, избилъ всю его Мордву и Русь¹⁾, и самъ Цургасъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Подъ 1232 годомъ лѣтоисецъ говорить о походѣ на Мордву сына великокняжескаго Всеволода съ князьями рязанскими и муромскими; Русскіе пожгли неурядельскія села и перебили Мордвы много. Съ Волгарами, послѣ трехлѣтняго мира, въ 1124 году началась опять вражда; въ чемъ она обнаруживалась, — неизвѣстно; извѣстно только то, что въ 1230 г. Болгары опять поклонились великому князю Юрію и заключили миръ, разбѣжавшись плѣнными и заложниками. На сѣверо-западѣ Новгородцы боролись съ Нѣмцами и Литвою. Мы видѣли, что изгнанники новгородскіе, Борисъ Нѣгочевичъ и другіе, будучи принуждены выхажь изъ Пскова, удалились къ Нѣмцамъ въ Оденне, разумеется, не на добро своей родинѣ; тамъ же у Нѣмцевъ жилъ изгнанный князь Ярославъ, сынъ извѣстнаго уже намъ Владиміра Псковскаго. Въ 1233 г. эти изгнанники — Ярославъ и Новгородцы выѣхавъ съ Нѣмцами ворвались печально въ русскія владѣнія и захватили Изборскъ; но Псковичи отняли назадъ у нихъ этотъ городъ. Въ томъ же году Нѣмцы опять показались въ новгородскихъ владѣніяхъ²⁾; князя Ярослава не было въ то время въ Новгородѣ; но скоро онъ пришелъ съ сильными полками переславскими, чтобы отмстить Нѣмцамъ за обиду. Время было удобное дѣйствовать противъ Нѣмцевъ: Новгородъ и Псковъ въ соединеніи подъ однимъ княземъ, а между тѣмъ Ливонія лишилась своего великаго Альберта, умершаго въ 1229 году. Магистръ ордена Волквинъ, которому тѣжка была зависимость отъ Альберта, рѣшился воспользоваться его смертію, чтобы высвободить себя изъ-подъ зависимости отъ преемника Альбертова, которымъ былъ назначенъ Николай изъ Магдебурга. Съ этою цѣлію онъ рѣшился соединить свой орденъ съ Нѣмецкимъ орденомъ, который процвѣталъ тогда подъ начальствомъ магистра Германа Фонъ-Зальца; но Германъ отклонилъ на этотъ разъ предложеніе Волквина, и, такимъ образомъ, орденъ Ливонскій былъ пока оставленъ собственнымъ силамъ, которыхъ вовсе не было достаточно для отпора Русскимъ, еслибъ только послѣдніе могли сообщить постоянство своимъ движеніямъ. Въ 1234 году князь Ярославъ съ своими полками и новгородскими выступилъ на Нѣмцевъ подъ Юрьевъ и сталъ недалеко отъ города, ощутивъ людей своихъ воевать окрестную страну для сбора съѣстныхъ припасовъ, что называлось тогда: „воевать въ зажитіе.“ Нѣмцы сдѣлали вылазку изъ Юрьева, другіе изъ Оденне; но Русскіе побѣди ихъ; нѣсколько лучшихъ Нѣмцевъ пало въ битвѣ, но больше погибло ихъ въ рѣкѣ, когда подъ ними обломился ледъ; Русскіе, воспользовавшись побѣдою, опустошили ихъ землю, истребили хлѣбъ;

тогда Нѣмцы поклонились князю, и Ярославъ заключилъ съ ними миръ на всей своей правдѣ. Послѣднія слова могутъ вестн къ тому заключенію, что тутъ-то Ярославъ выговорилъ дань съ Юрьева для себя и для всѣхъ преемниковъ своихъ, ту знаменитую дань, которая послѣ послужила Юаншу IV-му поводомъ лишить Ливонію независимости. Этотъ походъ Ярослава былъ, вѣроятно, одною изъ главныхъ причинъ, почему Волквинъ возобновили стараніе о соединеніи обоихъ орденовъ въ одинъ. Въ 1235 году Германъ Фонъ-Зальца, чтобы разузнать состояніе дѣлъ въ Ливоніи, отправилъ туда Еренфрида Фонъ-Неуенбургъ, командора Альтенбургскаго, и Ариольда Фонъ-Неуендорфъ, командора Негельстандскаго. Они возвратились и привели съ собою тронъхъ депутатовъ отъ ливонскихъ рыцарей. Лудвигъ Фонъ-Оттингенъ, намѣстникъ великаго магистра въ Пруссіи, собралъ капитулъ въ Марбургѣ, гдѣ ливонскіе рыцари обстоятельно были допрашиваемы объ ихъ правилахъ, образѣ жизни, владѣніяхъ и притязаніяхъ; потомъ спрошены были командоры, послыанные въ Ливонію. Еренфридъ фонъ-Неуенбургъ представилъ поведеніе рыцарей Меча вовсе не въ привлекательномъ свѣтѣ, описалъ ихъ людьми упрямыми и крामольными, не любящими подчиняться правиламъ своего ордена, ищущими прежде всего личной корысти, а не общаго блага, — „А эти, прибавилъ онъ, указывая пальцемъ на присутствующихъ рыцарей ливонскихъ, да еще четверо мнѣ извѣстныхъ, хуже всѣхъ тамъ“³⁾. Ариольдъ Фонъ-Неуендорфъ подтвердилъ слова своего товарища, послѣ чего неудвительно было, что когда стали собирать голоса — принимать ли Меченосцевъ въ соединеніе, — то сначала воцарилось всеобщее молчаніе, а потомъ единогласно рѣшили дожидаться прибытія великаго магистра. Но медлить

³⁾ Что донесенія нѣмецкихъ рыцарей относительно поведенія Меченосцевъ были справедливы, доказываютъ посланія намъ: въ 1238 году папа Григорій IX писалъ епископу Моденскому, своему легату въ Ливоніи, чтобъ обращенные въ христіанство изъязычки не подвергались рабству (Hist. Russ. Monum. I, № XLVIII); въ томъ же году онъ писалъ, чтобъ рабажъ далъ облегченіе и позволили ходить въ церковь. (Тамъ же № XLIX.) Въ 1245 г. Иннокентій IX писалъ къ рыцарямъ: «Ne igitur in rapina cedant qui custodiri a potentioribus debuerant, vestri contenti stipendiis al exactionibus in debitis manus vestros innoxios conservate, conteratis capita humilium populi Domini super terram». (Тамъ же, № LX.) Въ 1318 г. папа Юаннъ XXII писалъ къ нимъ же: «Quia posteriora non fuerunt confirmata prioribus, sed priora potius posterioribus deformata, dum in primas ecclesias, et alias de novo ad fidem conversas, qui praecipuis fuerant prosequendi favoribus, ut ad susceptionem fide, mentes allicerentur aliorum, sic fuisse crudeliter inhumaniter de se vitam, quod plerique, volentes ad fidem converti, se a conversione hujus modi retraxerunt». (Тамъ же, № XCIX.) О поведеніи завоевателей свидѣтельствуетъ также слѣдующая пѣсня:

Diss Land den Deutschen gegeben ist,
Schier für Vierhundert Jahren
Dass sie dein Nahmen Herr Jesu Christ
Die Heiden solten lehren:
Sie aber gesuchit vielmehr,
Ihr eigen—Nutz, Lust und Ehr,
Deiner wonig geachtet etc.

¹⁾ Вѣроятно извѣстное Ерма, — одно изъ названій Мордвы.

²⁾ Поля. Собр. Русск. Лѣт. III, 49.

скоро нельзя стало болѣе: въ 1236 году ¹⁾ магистръ Волквинъ сдѣлалъ опустошительный набѣгъ на Литву, но скоро былъ окруженъ многочисленными толпами враговъ и погибъ со всею своимъ войскомъ; псковскій отрядъ изъ 200 человекъ сопровождалъ магистра въ этомъ несчастномъ походѣ: изъ десяти одинъ возвратился домой. Тогда остальные Меченосцы отправили посла въ Римъ представить папѣ безпомощное состояніе ордена, церкви ливонской, и настоятельно просить о соединеніи ихъ съ орденомъ Тевтонскимъ. Папа Григорій IX-й призналъ необходимость этого соединенія, и оно воспослѣдовало въ 1237 году: первымъ провинціальнымъ магистромъ ливонскимъ былъ назначенъ Германъ Балкъ, извѣстный уже своими подвигами въ Пруссіи.

Литва по-прежнему продолжала свои набѣги: въ 1229 году она опустошила страну по озеру Селигеру и рѣкѣ Полѣ, въ нынѣшнемъ Демьянскомъ уѣздѣ Новгородской губерціи ²⁾; Новгородцы погнались за ними, настигли, били и отняли весь полонъ. Въ 1234 году Литовцы явились внезапно передъ Русою и захватили посады до самаго торгу; но жители и засада (гарнизонъ) успѣли вооружиться: огнищани и гридьба, купцы и гости ударили на Литву, выиграли ее изъ посады, и продолжали бой на полѣ; Литовцы отступили. Князь Ярославъ, узнавши объ этомъ, двинулся на враговъ съ конницею и пѣхотою, которая ѣхала въ посадахъ по рѣкѣ Ловати; но у Муравьина ³⁾ князь долженъ былъ отпустить пѣхоту назадъ, потому что у ней неостало хлѣба, а самъ продолжалъ путь съ одною конницею; въ Торопецкой волости на Дубровицѣ встрѣтилъ онъ Литовцевъ и разбилъ ихъ; побѣжденные потеряли 300 лошадей, весь товаръ и побѣжали въ лѣсъ, побросавши оружіе, щиты, совины, а нѣкоторые тутъ и костью пали. Новгородцы потеряли 10 человекъ убитыми.

Изъ событій въ другихъ княжествахъ лѣтописи упоминаютъ объ усобицѣ въ Смоленскѣ: по смерти Мстислава Давыдовича (1230 г.), стоить этотъ, по родовымъ счетамъ, долженъ былъ перейти въ третью поколѣніе Ростиславичей, именно—достаться внуку Романову, Святославу Мстиславичу; но Смоленяне почему-то не хотѣли имѣть его своимъ княземъ; тогда Святославъ въ 1232 г., съ помощію Полочащъ, взявъ Смоленскъ на штурмъ, перебилъ его жителей, себѣ враждебныхъ, и сѣлъ на столѣ.

Подвиги Мстислава Торопецкаго не принесли никакой существенной пользы для Южной Руси; но по смерти Мстислава судьба дала ей другого князя, котораго характеръ вполне былъ способенъ доставить ей прочную и великую будущность,—если только будущность Южной Руси могла зависѣть отъ личности одного князя; этотъ князь былъ молодой

Даніилъ, сынъ Романа Великаго. Съ блестящимъ мужествомъ, славолюбіемъ, наслѣдственнымъ въ племени Изяславовомъ, Даніилъ соединялъ способность къ обширнымъ государственнымъ замысламъ и къ государственной распорядительности; съ твердостью, умѣнемъ неуклонно стремиться къ развѣдочной предположенной цѣли онъ соединялъ мягкость въ поведеніи, разборчивость въ средствахъ, въ чемъ походилъ на прадеда своего Изяслава, и рѣзко отличался отъ отца своего, Романа. Начиная рассказъ о подвигахъ Даніиловыхъ, лѣтописецъ имѣлъ полное право сказать: „Начнемъ рассказывать о безчисленныхъ ратяхъ, великихъ трудахъ, частыхъ войнахъ, многихъ крамолахъ, частыхъ возстаніяхъ, многихъ мятежахъ“; имѣлъ полное право сказать, что сыновьямъ Романовымъ измлада не было покоя. По смерти Мстислава они остались окруженные со всѣхъ сторонъ врагами: въ Галичѣ—корольевичъ Венгерскій и непріязненные бояре; въ Шинскѣ—князь Ростиславъ, злобившійся на Даніила за отнятіе Черторыйска и плѣвъ сыновей; въ Кіевѣ—Владиміръ Рюриковичъ, наслѣдовавшій вражду отца своего къ Роману Великому и сыновьямъ послѣдняго; князья черниговскіе не хотѣли также забыть притязаній племени своего на Галичъ и злой обиды, полученной тамъ. Тщетно митрополитъ Кириллъ, котораго мы уже въ третій разъ застаемъ въ святомъ дѣлѣ миротворства и котораго лѣтописецъ величаетъ преблаженнымъ и святымъ, старался отвратить усобицу; Ростиславъ Шинскій не переставалъ клеветать на Даніила и поднимать другихъ князей, и вотъ Владиміръ Кіевскій собралъ войско. „Отецъ Даніиловъ постригъ отца моего“, говорилъ онъ, и была у него въ сердцѣ боязнь великая, прибавляетъ лѣтописецъ; значитъ, Владиміръ боялся, что молодой Даніилъ пойдетъ по слѣдамъ отца своего, и плохо придется отъ него соебѣдамъ. Владиміръ посадилъ и половецкаго хана Котяна на коня, всѣхъ Половцевъ, и, вмѣстѣ съ Михаиломъ Черниговскимъ, осадилъ Каменецъ; въ рати осаждающихъ были: Куряне (жители Курска), Шиняне, Новгородцы (Сѣверскіе), Туровцы. Даніилъ видѣлъ, что нельзя ему противиться такой рати, тѣмъ болѣе что въ Галичѣ корольевичъ и главный совѣтникъ его, бояринъ Судиславъ, были въ союзѣ съ Кіевскимъ княземъ; онъ началъ мирные переговоры, чтобъ выиграть время и раздѣлить союзниковъ, что и удалось ему относительно половецкаго хана Котяна: „Ватюшка!“ послалъ сказать Даніилъ Половчину: „разстрой эту войну, прими меня въ любовь къ себѣ“. Котянъ отдѣлился отъ союзниковъ, опустошилъ Галицкую Землю, и ушелъ назадъ къ себѣ въ степи; остальные союзники, не успѣвши взять Каменецъ, также отступили въ свои владѣнія. А между тѣмъ Даніилъ сѣвшиль въ Польшу за помощію, и, получивши ее, предпринялъ съ своей стороны наступательное движеніе,—дошелъ къ Кіеву; но на дорогѣ встрѣтили его послы отъ Кіевского и Черниговскаго князей, и заключили миръ.

¹⁾ По Новгород. лѣт. въ 1237.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 45: «Придоша Литва и воевша Любичъ и Мореву и Серегеръ».

³⁾ Муравейка на Ловати, въ Холможскомъ уѣздѣ, Псковской губерціи.

Въ слѣдующемъ 1229 году успѣхъ ждалъ Даниїла на другой сторонѣ, въ Галичѣ: когда онъ былъ въ Угровскѣ, то преданные ему Галичане прислали сказать ему: „Ступай скорѣе къ намъ: Судиславъ ушелъ въ Поцизье, а королевичъ одинъ остался въ Галичѣ“. Даниїлъ немедленно съ небольшою дружиною пошелъ къ этому городу, а тысяцкаго своего Дамьяна послалъ на Судислава; на третьи сутки въ ночь подошелъ Даниїлъ къ Галичу, гдѣ успѣлъ уже затвориться Судиславъ, ускользнувшій отъ Дамьяна; Волыцямъ только удалось захватить его дворъ подлѣ Галича, гдѣ они нашли много вина, овощей, корму всякаго, коній, стрѣлъ. Даниїлъ стоялъ противъ города, на другомъ берегу Дибѣстра; Галичане и Венгры выѣзжали и бились на льду; но къ вечеру ледъ поднялся, рѣка наводнилась, и враждебный Даниїлу бояринъ Семьонко (котораго лѣтописецъ сравниваетъ съ лицеемъ по краснотѣ лица), зажегъ мостъ. Въ это время явился къ Даниїлу Дамьянъ со многими галичскими боярами, принявшими сторону сына Романа, у котораго такимъ образомъ набралась многочисленная рать. Даниїлъ очель обрадовался ей, жалѣлъ только, что мостъ зажженъ и не-почему перейти Дибѣстра; но когда поѣхалъ онъ посмотреть на мѣсто, то увидалъ, что конецъ моста погасъ—и переправа возможна: радость была большая, и на другой же день все войско перешло Дибѣстръ и обступило Галичъ съ четырехъ сторонъ; осажденные не могли держаться долѣе и сдали городъ, причемъ королевичъ достался въ плѣнъ Даниїлу; но тотъ вспомнилъ прежнюю любовь къ себѣ отца его Андрея и отпустилъ его къ послѣднему; изъ бояръ галицкихъ съ королевичемъ пошелъ только одинъ Судиславъ, въ котораго народъ бросалъ камнями, крича: „Вонъ изъ города, мятежникъ земскій!“ Но Судиславъ сбѣжалъ отомстить народу новымъ мятежомъ; прѣхавши въ Венгрію, онъ не переставалъ твердить королю и королевичу: „Ступайте на Галичъ, возьмите Землю Русскую; если же не пойдете, то опи укрѣпятся на васъ“. Андрей послушался, собралъ большое войско и объявилъ походъ: „Не останется въ Галичѣ камень на камнѣ, говоритъ онъ; никто уже теперь не избавитъ его отъ моей руки“. Но какъ скоро вступилъ онъ въ Карпаты, то полили сильные дожди, лошади толпились, люди едва могли спастись на высокихъ мѣстахъ. Несмотря на то, король шелъ дальше и осадилъ Галичъ, для защиты котораго Даниїлъ оставилъ известнаго намъ тысяцкаго Дамьяна. Этотъ воевода не испугался высокоумнаго вызова королевскаго и не сдалъ города; Андрею же нельзя было долѣе оставаться подлѣ Галичскаго, потому что въ войскахъ его открылась страшная болѣзнь, вожа падала у Венгровъ съ ногъ, какъ обувь. Король снялъ осаду; Галичане нанали на отсталыхъ, и много перебили и побрали въ плѣнъ, еще больше умерло на дорогѣ отъ болѣзни.

Даниїлъ избавился отъ враговъ вѣрными, но лѣтописецъ опять начинаетъ рассказъ своей злѣ-

вѣщими словами: „Скажемъ многій мятежь, великія лести, безчеловѣчныя рати“. Бояре галицкіе, привыкшіе къ крамоламъ, находивши свою выгоду въ безпорядкѣ, въ возможности переходить отъ одного князя къ другому, не могли спосить спокойно установление наряда, утверждение сына Романа на столѣ отцовскомъ. Они стали сноситься съ давниимъ врагомъ Романовичей, Александромъ Бѣльскимъ, какъ бы убить Даниїла и взять къ себѣ въ князья его, Александра. Однажды заговорщики сидѣли вмѣстѣ и совѣтовались, какъ бы зажечь дворъ княжескій и такимъ образомъ погубить Даниїла; въ это время братъ его Василько входилъ къ нимъ и въ шутку бросается съ обнаженнымъ мечемъ на одного слугу, вырываетъ щипъ у другого; заговорщики испугались, думая, что Василько поступаетъ такъ съ намѣреніемъ, отрывавши ихъ замыселъ, и бросились бѣжать. Даниїлъ съ братомъ никакъ не могли догадаться, отчего побѣжали болре, какъ одинъ изъ оставшихся, Филиппъ, сталъ звать къ себѣ Даниїла на пиръ; Даниїлъ поѣхалъ, но на дорогѣ нагналъ его посолъ отъ тысяцкаго Дамьяна: „Пиръ затѣянъ злой, сказалъ ему посолъ; Филиппъ съ Александромъ Бѣльскимъговорились убить тебя“. Даниїлъ возвратился въ Галичъ и послалъ сказать брату Васильку во Владиміръ, чтобъ шелъ на Александра; Василько выпалъ Александра въ Перемышль, взялъ Бѣльзъ, а сѣдельничаго своего, Ивана Михайловича, послалъ захватить бояръ, которыхъ и взято было 28 человекъ; но Даниїлъ не хотѣлъ поступать по примѣру отца и простилъ крамольщиковъ. Великодушіе однако не помогло, а только еще усилило дерзость бояръ: одинъ изъ этихъ безбожниковъ, по выраженію лѣтописца, залѣгъ на пирѣ князю лицо вполмъ; Даниїлъ стерѣлъ и это оскорбленіе. Но онъ не хотѣлъ оставить безъ наказанія Александра Бѣльскаго, который за сѣлъ въ Перемышль съ своими галицкими соумышленниками. Изъ всей дружины у Даниїла осталось только 18 отроковъ, на которыхъ можно было пожитья; онъ созвалъ ихъ на вѣче вмѣстѣ съ Дамьяномъ тысяцкимъ и спросалъ: „Хотите ли оставаться мнѣ вѣрными и идти со мною на враговъ моихъ?“ Тѣ отвѣчали: „Вѣрны мы Богу и тебѣ, господню нашему; ступай съ Вожейо помоцью“; а сотскій Микла прибавилъ при этомъ: „Господинъ! не раздавивши пчелъ, меду не ѣсть“. Старый дядька Даниїла, Мпрславъ, привелъ къ нему на помощь еще немного отроковъ, и съ такою небольшою дружиною Даниїлъ выступилъ къ Перемышлю; на дорогѣ впрочемъ присоединились къ нему и невѣрные бояре, показывая только видъ вѣрности. Александръ, узнавши о приближеніи Даниїла, бросилъ все свое имѣніе и убѣжалъ въ Венгрію, гдѣ вмѣстѣ съ Судиславомъ сталъ опять поднимать короля на Даниїла; король послушался и съ двумя сыновьями выступилъ къ Ярославлю, гдѣ заперся воевода Даниїловъ, Давыдъ Вышатичъ, который отбывалъ цѣлый день отъ Венгровъ, и отбилъ. Но у Давыда была теща, большая пріятель-

ница Судиславу, который звалъ ее не иначе какъ матерью; она стала страдать зятя и успѣла напугать его; тиетно товарищъ его, Василько Гавриловичъ, мужъ крѣпкій и храбрый, уговаривалъ не сдаваться; тиетно переметчикъ, прѣбывавшій изъ полковъ венгерскихъ, говорилъ Давыду, что ослабленные Венгры не въ состоянн взять города, — Давыдъ сдалъ Ярославль, только самъ вышелъ цѣль со всѣмъ войскомъ. Взявши Ярославль, король пошелъ къ Галичу, а между тѣмъ отступленіе отъ Данила боярина Климаты, убѣжавшаго съ Голыхъ горъ къ королю, послужило знакомъ къ измѣнѣ всѣхъ остальныхъ бояръ галицкихъ. Отнявши Галичъ у Данила, король перешелъ теперь въ дѣдовскую волость его и осадилъ Владиміръ-Волыскій; король Андрей, по словамъ лѣтописца, удивленъ былъ видомъ этого города, многочисленностію ратниковъ, которыхъ оружіе и щиты блистали какъ солнце: „Такого города не находилъ я и въ нѣмецкихъ земляхъ“, сказалъ онъ. И начальникъ въ городѣ былъ надежный — старый дядька Даниловъ, Мірославъ: „Богъ знаетъ, что съ нимъ случилось, говорить лѣтописецъ: въ старину онъ былъ храбръ, а тутъ смутился умомъ и заключилъ миръ съ королемъ, безъ совѣта съ своими князьями — Даниломъ и Василькомъ, обязався уступить Вѣльзъ и Червень Александру“. Сильно упрекали за это Романовичи Мірослава: „Зачѣмъ мирился, имѣя такое большое войско?“ Старикъ отпирался, что не уступалъ Венграмъ Червени. Какъ бы то ни было, король достигъ своей цѣли, посадилъ опять сына въ Галичѣ, и ушелъ-было въ Венгрію, но скоро опять сынъ его Андрей поднялъ рать на Данила: съ королевичемъ былъ Александръ Вѣльзскій, Глѣбъ Зерембевичъ, князья болховскіе ¹⁾ и множество Венгровъ. Соперники — королевичъ и Даниль — видѣлись на рѣкѣ Вельѣ ²⁾, но не уладились; изъ словъ лѣтописца видно, что виною этого была гордость Данила, слишкомъ понадѣявагося на свою силу ³⁾. На другой день Даниль перешелъ рѣку у Шумска и далъ кровопролитную битву Венграмъ, причемъ воеводы уговаривали Романовичей воспользоваться выгоднымъ положеніемъ на высокихъ горахъ, но Даниль отвѣчалъ словами Писанія: „Медаль на брань страшилу душу иматъ“, и спустилъ полки свои внизъ на непріятеля; оба брата приняли дѣятельное участіе въ битвѣ, подвергаясь страшной опасности; но дружина Данилова не отвѣчала храбрости князя свое-

го и въ концѣ дѣла обратились въ бѣгство; впрочемъ уронъ, претерпѣнный Венграми, былъ такъ великъ, что они не смѣли преслѣдовать непріятеля и отступили въ Галичъ. Даниль съ успѣхомъ продолжалъ войну до конца года; мѣриломъ его успѣха служить то, что заклятый врагъ Романовичей, Александръ Вѣльзскій, перешелъ отъ королевича на ихъ сторону, прислалъ сказать имъ: „Не годится мнѣ быть ни гдѣ, кромѣ васъ“; и братья приняли его съ любовью. Въ слѣдующемъ 1232 году королевичъ и Судиславъ выслали противъ Данила воеводу Діанина; Даниль поѣхалъ въ Кіевъ, привелъ оттуда на помощь князя Владиміра Рюриковича, Изяслава, котораго считаютъ обыкновенно Владиміровичемъ, внукомъ Игоря Сѣверскаго ⁴⁾, Полонцевъ, и выступилъ противъ Венгровъ, которые послѣ нерѣшительной битвы должны были возвратиться назадъ; Изяславъ въ самомъ началѣ похода отступилъ отъ Данила, и вмѣсто того, чтобъ помогать ему, опустошилъ его же волость. Слѣдующій 1233 годъ былъ счастливъ для Данила: Глѣбъ Зерембевичъ перешелъ на его сторону, послѣ чего Даниль и Василько немедленно отправились къ Галичу, гдѣ были встрѣчены болынею частью бояръ: ясно, что переходъ Глѣба произошелъ съ согласія цѣлой стороны боярской; Даниль занялъ всю волость, раздалъ города боярамъ и воеводамъ (какъ видно, съ этимъ условіемъ они и призвали его, не надѣясь получить того же отъ Венгровъ), и осадилъ королевича съ Діаниншемъ и Судиславомъ въ Галичѣ. 9 недѣль стоялъ Даниль у города, гдѣ осажденные изнемогли отъ недостатка пищи, и дожидался только льду на Дигѣстрѣ, чтобъ идти на приступъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Судиславъ придумалъ средство ослабить осаждающихъ; онъ послалъ сказать Александру Вѣльзскому: „Дамъ тебѣ Галичъ, только отступи отъ брата“; Александръ прельстился обѣщаніемъ и отступилъ. Но это вѣроломство не повредило нисколько Данилу: скоро королевичъ умеръ, и Галичане прислали звать Данила на его мѣсто; Судиславу удалось уйти въ Венгрію, но Александръ Вѣльзскій былъ схваченъ на дорогѣ въ Кіевъ.

Даниль утвердился опять въ Галичѣ; но ему суждено было измлада не лугѣтъ покой: вражда встала на востокѣ между Мономаховичами и Ольговичами, и Даниль вмѣшался въ нее. Еще въ 1231 году Владиміръ Кіевскій, угрожаемый Михаиломъ Черниговскимъ, присылалъ звать на помощь Данила, и тотъ ѣздилъ по этому случаю въ Кіевъ; Владиміръ уступилъ ему изъ Русской Земли часть Торческа, которую Даниль тотчасъ же отдалъ дѣтямъ Мстислава Торонцакаго, шурьямъ своимъ, сказалъ имъ: „За добро отца вашего возьмите и

¹⁾ Карамзинъ и Арцыбашевъ считаютъ этихъ князей Ольговичами; владѣнія ихъ, по Ходаковскому, были въ нынѣшней Подольской губерніи, на дорогѣ изъ Галича въ Кіевъ. Если это были дѣйствительно Ольговичи, то ихъ должно считать внуками Игоревыми, братьями родными или двоюродными Изяслава Владиміровича (см. ниже), которымъ удалось удержаться въ части Галицкихъ волостей послѣ несчастнаго 1208 года.

²⁾ Впадаетъ въ Горынь, близъ Острога.

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 172: «Видѣвшу же ся Данилу о рѣку съ королевичемъ, и ѣкое слово похвально рекшу, его же Богъ не любитъ».

⁴⁾ Такъ думаютъ Карамзинъ и Арцыбашевъ; Густинская лѣтопись (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 337) называетъ его Мстиславичемъ (храбримъ); Татищевъ — сыномъ Мстислава Ростиславича Смоленскаго; Троицкая называетъ также Мстиславичемъ; Ростовская, Воскрес. и Никонев. лѣтописи подтверждаютъ показаніе Татищева.

держите этотъ городъ“ Но нападеніе Венгровъ вызвало Данила изъ Кіева. Въ 1233 г. Владиміръ опять прислалъ звать его на помощь, потому что Михайлъ стоялъ у Кіева; Данилъ, спокойный теперь въ Галичѣ со стороны Венгровъ, пошелъ къ Дибру и заставилъ Михаила удалиться. Не удовлетвовавшись этимъ, Мономаховичи перешли Дибирь, стали пустошить Черниговскую волость, забирать города по Деснѣ, наконецъ осадили Черниговъ, поставили таранъ и били изъ него стѣну камнями, а камни были въ подъемъ только челоуѣкамъ четырьмя сильными; но Михаилу удалось обмануть осаждающихъ, выйти изъ города и побить галицкіе полки ¹⁾. Мономаховичи — Данилъ и Владиміръ — возвратились въ Кіевъ, истомленные продолжительною войною, которую вели отъ Крещенія до Вознесенія, и Данилъ уже собирался идти домой лѣсною стороною, какъ пришла вѣсть, что Изяславъ съ Половцами воюетъ Русскую Землю. Владиміръ сталъ просить Данила помочь ему и противъ поганыхъ, старый дядька Мірославъ просилъ за Владиміра, и Данилъ, несмотря на изнеможеніе полковъ своихъ, отправился въ новый походъ. У Звенигорода встрѣтились они съ варварами; Владиміръ и Мірославъ стали теперь уговаривать Данила возвратиться, но уже онъ не захотѣлъ: „Воннѣ, говорилъ онъ, вышедши разъ на брань, долженъ или побѣдить, или пасть; прежде я самъ вамъ отговаривалъ идти въ походъ, а теперь вижу, что вы трусы; развѣ я вамъ не говорилъ, что не слѣдуетъ выходить усталымъ полкамъ противъ свѣжихъ? а теперь чего испугались, ступайте!“ Сѣча была лютая; Данилъ погналъ Половцевъ, но потерялъ коня, и, видя, что всѣ другіе бѣгутъ, побѣжалъ и самъ, а Владиміръ и Мірославъ со многими другими боярами были взяты въ плѣнъ. Данилъ прибѣжалъ въ Галичъ и, по ложной вѣсти, что Изяславъ съ Половцами у Владиміра, отправилъ всѣ свои полки съ братомъ Василькомъ на помощь этому городу; но какъ скоро бояре галицкіе увидали, что князь остался безъ полковъ, то подняли крамолу, и Данилъ принужденъ былъ убѣжать въ Венгрію. Цѣль этой побѣдки состояла, какъ видно, въ томъ, чтобъ убѣдить новаго короля Бѣлу IV не мѣшаться въ галицкія дѣла и дать время Романовичамъ управиться съ врагами единоплеменными ²⁾. Владиміръ Рюриковичъ освобожденъ изъ половецкаго плѣна, но не могъ занять

Кіева ³⁾, гдѣ сидѣлъ уже Изяславъ, а союзникъ его, Михайлъ Черниговскій, занялъ между тѣмъ Галичъ; такимъ образомъ у Романовичей осталась опять одна Волынь.

Слѣдующіе годы прошли, какъ слѣдуетъ ожидать, въ непрерывной борьбѣ; враги Романовичей предприняли наступательное движеніе на ихъ волость, отправили войска съ князьями болховскими къ Каменну; но бояре Даниловы, съ помощію Торковъ, поразили ихъ и взяли въ плѣнъ князей болховскихъ. Михайлъ и Изяславъ стали тогда присылать къ Данилу съ угрозою: „Отдай нашу братію ⁴⁾, а не то придемъ на тебя войною“. Данилъ не исполнилъ ихъ требованій, и они навели на него Ляховъ, Русь и Половцевъ. Но Польскій князь, узнавши о разбитіи своего отряда у Червеня, побѣжалъ назадъ, потопивши много войска въ рѣкѣ Вепрѣ; Половцы же пришли не для того, чтобъ биться съ Даниломъ, а чтобъ опустошить Галицкую волость, принадлежавшую союзнику ихъ Михаилу. Тогда Романовичи, въ свою очередь, предприняли наступательное движеніе на Михаила; два раза мирились, и послѣдній разъ Михайлъ уступилъ Данилу Перемышль. Между тѣмъ въ Кіевѣ произошла перемѣна: князь Цереслава-Зальскаго и Новгородца Великаго, Ярославъ Всеволодовичъ, рѣшился воспользоваться усобицею на югѣ и утвердиться въ Олеговой столицѣ, какъ утвердился въ Рюриковой; съ другой стороны, усиліе врага его Михаила Черниговскаго и вообще усиліе Ольговичей на счетъ Мономаховичей могло также побудить Ярослава вмѣшаться въ дѣла юга, но, разумѣется, онъ вмѣшался въ дѣло не для того только, чтобы дать перевѣсъ Мономаховичамъ надъ Ольговичами, какъ дѣлывалъ Мстиславъ Торонскій; оставя въ Новгородѣ сына Александра, взявши съ собою нѣсколькихъ знатныхъ Новгородцевъ, 100 челоуѣкъ Новоторжанъ, полки переяславскіе и ростовскую помощь отъ племянниковъ, Ярославъ двинулся къ югу, опустошилъ область Черниговскую и сѣлъ на столѣ въ Кіевѣ, выгнавъ оттуда Изяслава. Но страшныя вѣсти съ сѣверо-востока о татарскомъ нашествіи не позволили Ярославу долго оставаться въ Кіевѣ ⁵⁾. Удаленіемъ Ярослава сибѣ-

³⁾ По словамъ Волынской лѣтописи можно думать, что Владиміръ, освободившись изъ плѣна, оставался у Торковъ, ибо сказано подъ 1235 годомъ: «Въ то же время послалъ баяне Володимѣръ Данилови помощь Торки и Данила Важировича». Но та же лѣтопись, подъ 1229 годомъ упоминаетъ еще о какомъ-то Владимірѣ Ингаровичѣ, союзникѣ Данила; этотъ долженъ быть ваякъ Ярослава Изяславича Лупкаго.

⁴⁾ Вотъ единственное основаніе считать Изяслава Ольговичемъ.

⁵⁾ Густинская лѣтопись говоритъ, что Ярославъ выгналъ изъ Кіева Изяслава, но самъ былъ изгнанъ Владиміромъ Рюриковичемъ, возвратившимся изъ плѣна половецкаго, а Владиміра Рюриковича выгналъ Михайлъ. По Татищеву же (III, 464) Ярославъ, отпрываясь на сѣверъ, заключилъ договоръ съ Изяславомъ, чтобъ тотъ остался въ Кіевѣ, заглаживъ окупъ за Владиміра, который отправился въ Смоленскъ. Въ Волынь лѣтописи: «Приде Ярославъ Суждальскій и вая Кіевъ подъ Владиміромъ, не

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 337: «Князь же Михайлъ сотвори нѣкую прелесть: изведе изъ града и побилъ много множество Галичанъ, Володимѣръ же видя сію побѣду и поразумѣвъ, яко уже не одолѣти ему Михаилу, поиде со Даниломъ Романовичемъ и сядѣ въ Кіевѣ». — По Татищеву (III, 464) Михайлъ подкунилъ совѣтниковъ Даниловыхъ уговаривать своего князя къ миру; Данилъ сталъ уговаривать къ миру Владиміра, и, видя, что тотъ не соглашается, отступилъ отъ него со союзно подкуленныхъ бояръ своихъ; тогда Михайлъ, воспользовавшись раздѣвленіемъ союзниковъ, ночью навалъ на Даниловы полки и разбилъ ихъ.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 174.

шли воспользоваться Михаилъ Черниговскій: онъ занялъ и Кіевъ, отдавши Галичъ сыну своему, Ростиславу и отнявши Перемышль у Данила, съ которымъ надѣялся легко теперь управиться, по обману въ надеждѣ, потому что какъ только Данилъ получилъ вѣсть, что Ростиславъ съ дружиною отправился на Литву, то появился немедленно предъ стѣнами Галича и сталъ говорить его жителямъ: „Люди городскіе! до какихъ поръ хотите вы терпѣть державу иноплемениныхъ князей? Тѣ закричали въ отвѣтъ: „Вотъ нашъ держатель Богомъ данный!“—и пустились къ Данилу, какъ дѣти къ отцу, какъ пчелы къ маткѣ, какъ жаждущіе воды къ источнику, по выраженію лѣтописца. Епископъ Артемій и дворскій Григорій сперва удерживали жителей отъ сдачи: но, видя, что не могутъ болѣе удержать, явились къ Данилу со слезами на глазахъ, съ ослабленнымъ лицомъ, облизывая губы, по-невольѣ сказали ему: „Приди, князь Данило, прими городъ“. Данилъ вошелъ въ свой городъ, и, въ знакъ побѣды, поставилъ хоругвь свою на Нѣмецкихъ воротахъ, а на другое утро пришла ему вѣсть, что Ростиславъ возвратился было къ Галичу, но, узнавши, что городъ уже взятъ, бѣжалъ въ Венгрію. Тогда болре, лишеныя послѣдней надежды, пришли къ Данилу, упали ему въ ноги и стали просить милости, говоря: „Виноваты, что много князя держали“. Данилъ отвѣчалъ: „Милую вась, только смотрите, впередъ этого не дѣлайте, чтобъ хуже не было“.

Таковы были внутреннія дѣла въ Юго-Западной Руси до татарскаго нашествія; касательно внѣшнихъ мы видѣли столкновенія съ Польшею и Венгріею по поводу Галича. Въ Польшѣ въ это время происходили событія, имѣвшія послѣ важное вліяніе на судьбы восточной Европы. Послѣ того какъ Владиславъ Лясконогій, принужденный уступитъ Краковъ Лешку Казимировичу ¹⁾, возвратился въ свою отчину, встала усобица между нимъ и племянникомъ его, сыномъ Оттоновымъ, Владиславомъ, обыкновенно называемымъ Одоничемъ (Оттоновичемъ). Эта усобица скоро обхватила всю Польшу и страшно опустошила ее, способствуя, съ другой стороны, болшему ослабленію власти княжеской и усиленію власти прелатовъ и вельможъ. Въ 1227 году Владиславъ Одоничъ нанесъ страшное пораженіе Лясконогому и занялъ почти всѣ его владѣнія; тогда на помощь Лясконогому встали противъ Одонича князь — Лешко Краковскій, братъ его Конрадъ Мазовецкій и князь Генрихъ Бреславскій ²⁾, а на сторону Одонича сталъ зять его (женинъ братъ), Святополкъ, князь Поморскій. Святополкъ и Одоничъ напали нечаянно на враждебныхъ

князей и поразили ихъ, причеиъ Лешко Краковскій лишился жизни. Тогда братья его, Конрадъ Мазовецкій, призвалъ на помощь противъ Одонича Данила и Василька, постоянныхъ союзниковъ покойнаго Лешка; Романовичи пошли вмѣстѣ съ Конрадомъ и осадили Калишъ; Данилъ хотѣлъ непременно взять городъ, но Поляки не шли биться, несмотря на то, что Конрадъ, любя русскій бой, поуждалъ ихъ идти вмѣстѣ съ Русью. Между тѣмъ осажденные, видя приготвленія Даниловыхъ ратниковъ къ приступу, послали просить Конрада, чтобъ прислалъ къ нимъ двоихъ мужей своихъ для переговоровъ; одинъ изъ послѣднихъ, Пакославъ, сказалъ Данилу: „Переодѣйся, и поѣдемъ вмѣстѣ съ нами на переговоры“. Данилъ сперва не хотѣлъ ѣхать, но братъ Василько уговорилъ его: „Ступай, послушай ихъ вѣче“, — потому что Конрадъ не вѣрилъ одному изъ посланныхъ, Метіюю. Данилъ, надѣвши племъ Пакославовъ, сталъ позади пословъ и слушалъ, что осажденные говорили съ забралъ вельможамъ Конрадовымъ: „Скажите вотъ что великому князю Конраду, наказывали имъ граждане, — этотъ городъ не твой ли, и мы развѣ чужіе, ваши же братья, чтожъ надъ нами не скажитесь? Если насъ Русь плѣнитъ, то какую славу Конрадъ получитъ? Если русская хоругвь станетъ на забралахъ, то кому честь доставишь? Не Романовичамъ ли однимъ? А свою честь унизишь; нынче брату твоему служимъ, а завтра будемъ твои; не дай славы Руси, не погуби нашего города“. Пакославъ отвѣчалъ имъ на это: „Конрадъ-то бы и радъ вась помиловать, да Данилъ очень люте, не хочетъ отойти прочь, не взиави города: да вотъ онъ и самъ стоять, поговорите съ нимъ“, прибавилъ онъ, смѣясь и указывая на Данила. Князь снялъ съ себя шлемъ, и граждане закричали ему: „Смилуйся, помирись!“ Романовичъ много смѣялся и долго разговаривалъ съ ними, потомъ, взявъ у нихъ двухъ челоуѣкъ, пошелъ къ Конраду, и тотъ заключилъ съ нимъ миръ. Русскіе поплѣнили множество челяди и боярынь; но тутъ Русь и Поляки заключили между собою условіе и утвердили его клятвою: если впередъ будетъ между ними война, то не воевать Полякамъ русской челяди, а Руси — польской. Послѣ этого Романовичи возвратились домой съ честью и славою; ни одинъ другой князь не входилъ такъ глубоко въ землю Польскую, кромѣ Владимира Великаго, который землю крестилъ, говоритъ лѣтописецъ. Мы уже видѣли, что Конрадъ отплатилъ Романовичамъ за услугу, соединившись съ ихъ врагами; Данилъ за это навелъ на него Литовскаго князя Миндовга и русскаго, Изяслава Новгородскаго (Новгородскаго).

Этотъ Конрадъ знаменитъ въ исторіи восточной Европы, какъ виновникъ событія, имѣвшаго важное вліяніе на послѣдующія судьбы ея. Въ то время, когда западныя русскія области терпѣли отъ опустошительныхъ набѣговъ Литвы, волости Польскія, преимущественно Мазовія, терпѣли еще болше отъ набѣговъ единоплеменныхъ ей Пруссовъ. Конрадъ доведенъ былъ до отчаянія этими набѣгами, ибо не

мога его держати иде паки Суждалю, и взя ноуь нимъ Михаилъ». —Трудно согласить удовлетворительно всѣ эти извѣстія. —Исцѣлѣтно, на какихъ основаніяхъ Карамзинъ говоритъ, что Дрославъ занялъ Кіевъ вслѣдствіе переговоровъ Данила съ в. княземъ Георгіемъ.

¹⁾ См. Исторію Россіи т. II, стр. 553.

²⁾ Потомокъ Владислава II; см. Исторію Россіи т. II, стр. 391.

имѣлъ никакихъ средствъ вести не только наступательной, но и оборонительной войны съ варварами: мы видѣли уже, какъ повиновались ему подданные на войнѣ. Однажды шайка Пруссовъ пришла къ нему требовать лошадей и платья; Конрадъ не смѣлъ на исполнить требованія и, между тѣмъ, не имѣлъ средствъ удовлетворить ему. Что же онъ сдѣлалъ въ такихъ обстоятельствахъ? Зазвалъ къ себѣ на пиръ знатнѣйшихъ пановъ своихъ съ женами, и во время пира велѣлъ отобрать ихъ лошадей и верхнее платье и отослать Пруссамъ. По не всегда же можно было употреблять подобныя средства, и потому Конрадъ началъ думать о другихъ. Въ это время въ Ливоніи рыцари Меча усѣбно дѣйствовали противъ туземцевъ. Конраду пришла мысль учредить подобный рыцарскій орденъ на границѣ своихъ владѣній, для постоянной борьбы съ Пруссамъ; орденъ былъ учрежденъ подъ именемъ Христова ордена, и Конрадъ далъ ему во владѣніе замокъ Добрынь. Прусы, свѣдавъ о новомъ врагѣ, нѣсколько разъ подступали къ замку, взять его не могли, но за то нагнали такой страхъ, что четверо или пятеро язычниковъ спокойно грабили подъ самыми валами Добрыни, и никто не смѣлъ остановить ихъ. Конрадъ видѣлъ, что на подвиги добрыньскихъ рыцарей плохая надежда, и потому обратился къ другому, болѣе знаменитому своею храбростію ордену. Въ 1192 году, во время послѣднихъ попытокъ христіанъ удержаться въ Палестинѣ, тевтонскій орденъ рыцарей Богородицы получилъ окончательное утвержденіе. Новые рыцари носили черную туннику и бѣлый плащъ съ чернымъ крестомъ на лѣвомъ плечѣ; кромѣ обыкновенныхъ монашескихъ обѣтовъ, они обязывались ходить за больными и биться съ врагами вѣрн; только Нѣмецъ и членъ стараго дворянскаго рода имѣлъ право на вступленіе въ орденъ. Уставъ его былъ строгій: рыцари жили выѣтъ, спали на твердыхъ ложахъ, ѣли скудную пищу за общою трапезой, не могли безъ позволенія начальниковъ выходить изъ дому, писать и получать письма; не смѣли ничего держать подъ замкомъ, чтобъ не имѣть и мысли объ отдѣльной собственности, не смѣли разговаривать съ женщиной. Каждого вновь вступающаго брата встрѣчали суровыми словами: „Жестоко ошибаешься, ежели думаешь жить у насъ спокойно и весело; нашъ уставъ—когда хочешь ѣсть, то долженъ поститься, когда хочешь поститься, тогда долженъ ѣсть; когда хочешь идти спать, долженъ бодрствовать; когда хочешь бодрствовать, долженъ идти спать. Для ордена ты долженъ отречься отъ отца, отъ матери и сестры, и въ награду за это орденъ дастъ тебѣ хлѣбъ, воду да рубище“.

Къ этому-то ордену обратился Конрадъ Мазовецкій, съ просьбою о помощи противъ Пруссовъ. Тевтонскіе рыцари были славны своими подвигами въ Палестинѣ, богаты недвижимымъ имуществомъ, которое прибрѣли въ даръ отъ государей въ разныхъ странахъ Европы; но они хорошо видѣли, что имъ нельзя долго держаться въ Палестинѣ, и потому не

могли не согласиться на предложеніе Конрада. Оно обѣщало имъ новое поприще, новое средство prolongировать существованіе ордена, которое условливалось возможностью постоянной борьбы съ врагами Креста Христова. Въ 1225 году послы Конрада предложили магистру ордена, Герману Фонъ-Зальца землю Хельмскую или Кульмскую (terra Culmensis), съ обязанностию защищать польскія владѣнія отъ язычниковъ; въ 1226 году императоръ Фридрихъ II предоставилъ ордену владѣніе Кульмскою землею и всѣми странами, которыя онъ отниметъ вперёдъ у Пруссовъ, но въ видѣ имперскаго лена, безъ всякой зависимости отъ мазовецкихъ князей; въ 1228 году явился въ новыхъ владѣніяхъ ордена первый областной магистръ Пруссіи, Германъ Балкъ, съ сильнымъ отрядомъ рыцарей; въ 1230 году послѣдовало окончательное утвержденіе условій съ Конрадомъ, и орденъ началъ свою дѣятельность на новой почвѣ.

Пруссія была раздѣлена на одиннадцать областей, не связанныхъ другъ съ другомъ никакимъ политическимъ союзомъ; жители этихъ областей могли безнаказанно опустошать владѣнія Польши, слабой отъ раздѣла, усобицы и внутренняго нестроения: но сами, въ свою очередь, были неспособны ни къ какому соединенію, дружному предпріятію; ихъ нападенія на Польшу были набѣгами разбойничьихъ шаксъ; при оборонѣ собственной земли, они не могли выставить также общаго, дружнаго сопротивленія; каждая область, каждое племя боролось по-одиночкѣ съ своихъ новымъ врагомъ, а этотъ врагъ былъ—военное братство, которое существовало съ дѣлю постоянной, неуспынной борьбы и которое обладало всѣми средствами къ этой борьбѣ; на его сторонѣ была постоянная, самая строгая дисциплина, на его сторонѣ было военное искусство, на его сторонѣ было религиозное одушевленіе. Потери ордена были для него нечувствительны; послѣ каждаго пораженія онъ возставалъ съ болѣе грозными силами, потому что ряды погибшихъ братьевъ быстро замѣщались новыми подвижниками, стекавшимися со всѣхъ сторонъ, чтобъ пролить кровь свою въ священной борьбѣ, подъ славною хоругвью Дѣвы Маріи и Св. Георгія. Противъ суроваго дикаря западная Европа выставила столь же суроваго рыцаря, но со всѣми преимуществами образованности. Вѣрнъ былъ успѣхъ на сторонѣ ордена; но орденъ дорого заплатилъ за этотъ успѣхъ. Первое занятіе прусскихъ земель Нѣмцами совершилось довольно быстро; городки старинныхъ прусскихъ племенъ перешли въ руки рыцарями, и замки послѣднихъ строились безпріятелино: что шагъ впередъ, то новая твердыня. Но однимъ построениемъ крѣпостей въ новозанятыхъ странахъ орденъ не ограничивался; льготами привлекались нѣмецкіе колонисты въ новостроенные города; люди, стекавшіеся изъ разныхъ странъ помогать ордену въ священныя войны, получали отъ него въ ленъ земельные участки, на которыхъ строили новые замки; ту-

земцы, оставшіеся отъ истребленія, принуждены были или бѣжать въ Литву, или принять христіанство и подчиниться игу новыхъ господъ. Для утвержденія новой вѣры среди Пруссовъ, орденъ отбиралъ дѣтей у туземцевъ и отсылалъ ихъ учиться въ Германію съ тѣмъ, чтобы эти молодые люди, возвратясь потомъ на родину, содѣйствовали распространенію христіанства и нѣмецкой народности среди своихъ соплеменниковъ. Несмотря однако на эти средства, Прусы, озлобленные жестокими притѣсненіями, тяжкими работами, надменнымъ обхожденіемъ побѣдителей, пять разъ возставали противъ послѣднихъ и противъ новой вѣры, принятой неволюю. Въ первое изъ этихъ возстаній только двѣ области, прежде всѣхъ занятыя Нѣмцами, остались вѣры ордену; въ другихъ же областяхъ прусскихъ рыцари едва успѣли удержать за собою нѣсколько замковъ, и такое состояніе дѣлъ продолжалось четырнадцать лѣтъ. Казалось, что орденъ долженъ былъ отказаться отъ надежды вторично покорить Пруссію; но вышло иначе, по причинамъ выше изложеннымъ: орденъ нельзя было окончательно обезсилить опустошеніемъ его владѣній, ибо онъ получалъ свое питаніе извнѣ, изъ всей Германіи, изъ всей Европы. А Прусы? Благодаря побужденію и подкрѣпленію извнѣ, отъ князей литовскихъ, они умѣли одновременно возстать противъ припльцевъ; но при самомъ этомъ единодушномъ и одновременномъ возстаніи каждая область выбрала особаго вождя—дурное предвѣщаніе для будущаго единства въ борьбѣ. И точно: когда орденъ началъ снова наступательное движеніе, борьба приняла прежній характеръ,—каждая область снова защищалась отдѣльно, и, разумѣется, при такой особености, не могла устоять предъ дружнымъ и постояннымъ напоромъ рыцарей. Наконецъ продолжительное знакомство съ христіанствомъ, съ высшею образованностію припльцевъ должно было произвести среди Прусовъ свое дѣйствіе: несмотря на упорную привязанность къ родной старинѣ, на жестокую ненависть къ припльцамъ-поработителямъ, нѣкоторые изъ Прусовъ, разумѣется лучше, не могли не замѣтить превосходства вѣры и быта послѣднихъ; и вотъ иногда случалось, что среди сильнаго возстанія избранный вождь этого возстанія, лучший человекъ въ области, вдругъ покидалъ дѣло соплеменниковъ, переходилъ на сторону рыцарей и принималъ христіанство съ цѣлымъ родомъ своимъ,—такъ начала обнаруживаться слабость въ самой основѣ сопротивленія со стороны Прусовъ, въ религіозномъ одушевленіи. Второе возстаніе было послѣднимъ обнаруженіемъ силы прусской народности; третье возстаніе, случившееся въ послѣдней четверти XIII вѣка, показало только, что эта народность находится уже при послѣднемъ своемъ часѣ: выплывши вѣдѣствіе личнаго, своекорыстныхъ побужденій одного человека, оно тотчасъ же погухло; четвертое и пятое возстанія носили такой же характеръ; при пятомъ жители одной прус-

ской области—Самбин, видя, что всѣ лучше люди прямить ордену, положили истребить сперва ихъ, и потомъ уже броситься на Нѣмцевъ; они выбрали себѣ въ предводители одного молодого человека, по тотъ принялъ это званіе для того только, чтобы удобнѣе предать главныхъ враговъ въ руки рыцарей. Ясны были признаки безсилія Прусовъ, а между тѣмъ рыцари не отдыхали на лаврахъ, неумолимо и неуклонно преслѣдовали свою цѣль и, послѣ пятидесятидвухлѣтней кровавой борьбы, окончили завоеваніе Пруссіи⁴⁾.

Такимъ образомъ, благодаря Конраду Мазовецкому, Пруссія и даже нѣкоторыя изъ старыхъ славянскихъ земель уступлены были въ пользу нѣмецкой народности. О непосредственномъ столкновеніи новыхъ завоевателей съ Русью лѣтописецъ оставилъ намъ неполный и смутный разсказъ подъ 1235 годомъ; по его словамъ, Даниилъ сказалъ: „Не годится держать нашу отчину крестовымъ рыцарямъ“,—и пошелъ съ братомъ на нихъ въ силѣ тяжелой, взялъ городъ, захватилъ въ плѣнъ стариннаго Бруно, ратниковъ, и возвратился во Владиміръ. Даниилъ хотѣлъ-было также принять участіе въ войнѣ императора Фридриха II-го съ австрійскимъ герцогомъ Фридрихомъ Воинственнымъ, помогавъ послѣднему, но былъ остановленъ въ этомъ намѣреніи королемъ Венгерскимъ. Кроме того, лѣтописецъ упоминаетъ о войнахъ съ Литвой и Ятвягами: въ 1229 году, во время отсутствія Романавича въ Польшу на помощь Конраду, жители Бреста съ княземъ Владиміромъ Пинскимъ истребили толпу Литовцевъ. Надъ Ятвягами Романоличи одержали побѣду въ 1226 году. Цоловцы по-прежнему участвуютъ въ княжескихъ усобицахъ, но о походахъ на нихъ не слышно.

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ Сѣверной и Южной Руси, когда въ другой разъ услышали о Татарахъ. Въ 1227 году умеръ Чингисъ-Ханъ; ему наследовалъ сынъ его Угедей (Октай); старшій сынъ Чингиса—Джучи, назначенный владѣльцемъ страши, лежащей между Янкомъ и Дибиромъ, Кичака, прежнихъ кочевьевъ половецкихъ, умеръ при жизни отца, и Чингисъ отдалъ Кичакъ сыну его Батью (Вату). Еще подъ 1229 годомъ наши лѣтописцы упоминаютъ, что Сакены и Половцы прибѣжали съ низовьевъ Волги къ Болгарамъ, гонимымъ Татарами, прибѣжали и сторожа болгарскіе, разбитые послѣдними на рѣкѣ Янкѣ. Въ 1236 году 300,000 Татаръ, подъ начальствомъ Батыя, вошли въ землю Болгарскую, сожгли славный городъ Великій, истребили всѣхъ жителей, опустошили всю землю; толпы Болгаръ, избѣжавшихъ истребленія и плѣна, явились въ предѣлахъ русскихъ и просили князя Юрія дать имъ здѣсь мѣсто для поселенія; Юрій обрадовался и указалъ развести ихъ по городамъ поволжскимъ и другимъ⁵⁾. Въ слѣдующемъ году лѣсною стороною съ востока явились въ рязанскихъ предѣлахъ и Татары. Ставши на одномъ

⁴⁾ См. Rogalskiego-Dzieje Krzyżaków, 1847.

⁵⁾ Татищ. III, 465.

изъ притоковъ Суры ⁴⁾, Батый послалъ жену чародѣйку и съ исю двухъ мужей къ князьямъ рязанскимъ требовать десятины отъ всего—князей, простыхъ людей и коней, десятины отъ коней бѣлыхъ, десятины отъ вороныхъ, бурыхъ, рыжихъ, пѣгихъ. Князья рязанскіе, Юрій Игоревичъ съ двумя племянниками Ингваревичами—Олегомъ и Романомъ, также князья Муромскій и Пропскій, не подпуская Татаръ къ городамъ, отправились къ нимъ на-встрѣчу въ Воронежъ и объявили имъ: „Когда шихого изъ насъ не останется, тогда все будетъ ваше“ Между тѣмъ, они послали во Владиміръ къ князю Юрію объявить ему о бѣдѣ и просить помощи; но Юрій не исполнилъ ихъ просьбы, и хотѣлъ одинъ оборониться. Услыхавши отвѣтъ князей рязанскихъ, Татары двинулись дальше, и 16-го декабря осадили Рязань, а 21-го взяли приступомъ и сожгли, истребивши жителей; князя Юрія удалось имъ выманить обманомъ изъ города; они повели его къ Пронску, гдѣ была у него жена, выманили и ее обманомъ, убили обохъ, опустошили всю Землю Рязанскую и двинулись къ Коломнѣ. Здѣсь дождался ихъ сынъ великаго князя Юрія, Всеволодъ, съ бѣглецомъ рязанскимъ, княземъ Романомъ Ингваревичемъ, и воеводою Времѣемъ Глѣбовичемъ; послѣ кровной сѣчи, великокняжеское войско потерпѣло поражение; въ числѣ убитыхъ былъ князь Романъ и воевода Еремѣй, а Всеволодъ Юрьевичъ успѣлъ спастись бѣгствомъ во Владиміръ съ малою дружиною. Татары шли дальше,—взяли Москву, гдѣ убили воеводу Филиппа Никьку, захватили князя Владиміра Юрьевича и отправились съ нимъ ко Владиміру. Великій князь оставилъ здѣсь своихъ сыновей, Всеволода и Мстислава съ воеводою Петромъ Ослядуковичемъ, а самъ съ тремя племянниками—Константиновичами—похалъ на Волгу и сталъ на рѣкѣ Сити; потомъ, оставивъ здѣсь воеводу Жирослава Михайловича, онъ отправился по окрестнымъ волостямъ собирать ратныхъ людей, поджидалъ и братьевъ—Ярослава и Святослава. 3 февраля толпы татарскія, безчисленныя какъ саранча, подступили ко Владиміру, и, подѣхавши къ Золотымъ воротамъ съ плѣнникомъ своимъ, княземъ Владиміромъ Московскимъ, стали спрашивать у жителей: „Великій князь Юрій въ городѣ ли?“ Владиміры, въѣсто отвѣта, пустили въ нихъ стрѣлы, Татары отплатили имъ тѣмъ же, потомъ закричали: „Не стрѣляйте!“ и, когда стрѣльба прекратилась, подвели поближе къ воротамъ и показали имъ Владиміра, спрашивая: „Узнаете ли вашего княжича?“ Братья, бояре и весь народъ за-

плакали, увидавши Владиміра блѣднаго, исхудалаго. Возбужденные этимъ видомъ, князья Всеволодъ и Мстиславъ хотѣли-было немедленно выѣхать изъ Золотыхъ воротъ и биться съ Татарами, но были удержаны воеводою Ослядуковичемъ. Между тѣмъ Татары, урядивши, гдѣ стать имъ около Владиміра, пошли сперва къ Суздалью, сожгли его, и, возвратившись опять ко Владиміру, начали ставить лѣса и пороки (стѣпобитыя орудія), ставили съ утра до вечера, и въ ночь нагородили тынъ около всего города. Утромъ князь Всеволодъ и владыка Митрофанъ, увидавши эти приготовленія, поняли, что города не отстоятъ, и начали готовиться къ смерти; 7-го февраля Татары приступили къ городу, до бѣда взяли новый городъ и зашлели его, послѣ чего князья Всеволодъ и Мстиславъ и всѣ жители бросились бѣжать въ старый, или Печерный городъ; князь Всеволодъ, думая умилюстивитъ Батыя, вышелъ къ нему изъ города съ малою дружиною, неся дары; но Батый не пощадилъ его молодости, велѣлъ зарѣзать передъ собою. Между тѣмъ, епископъ Митрофанъ, великая княгиня съ дочерью, снохами и внучатами, другія княгини со множествомъ бояръ и простыхъ людей заперлись въ Богородичной церкви на полатахъ. Татары отбили двери, ограбили церковь, потомъ наклали лѣсу около церкви и въ самую церковь, и зажгли ее; всѣ бывшіе на полатахъ задохнулись отъ дыма или сгорѣли, или были убиты. Изъ Владиміра Татары пошли дальше, раздѣлявшись на нѣсколько отрядовъ: одинъ отправился къ Ростову и Ярославлю, другіе—на Волгу и на Городецъ, и поплѣнили всю страну поволжскую до самаго Галича Мерскаго; иные пошли къ Переяславлю, взяли его, взяли другіе города: Юрьевъ, Дмитровъ, Волоколамскъ, Тверь, гдѣ убили сына Ярославова; до самого Торжка не осталось ни одного мѣста, гдѣ бы не восвали; въ одинъ февраль мѣсяцъ взяли четырнадцать городовъ, кромѣ слободъ и городовъ.

Великій князь Юрій стоялъ на Сити, когда пришла къ нему вѣсть о сожженіи Владиміра и гибели семейства; онъ послалъ воеводу Дорожа съ трехтысячнымъ отрядомъ разузнать о неприятелѣ; Дорожъ прибѣжалъ назадъ и объявилъ, что Татары уже обошли русское войско кругомъ. Тогда князь сѣлъ на коня и, въѣстѣ съ братомъ Святославомъ и тремя племянниками, выступилъ противъ враговъ 4-го марта 1238 года; послѣ этой сѣчи русскіе полки побѣжали предъ иноплеменниками, причемъ князь Юрій былъ убитъ и множество войска его погибло, а Василько Константиновичъ былъ взятъ въ плѣнъ. Татарамъ очень хотѣлось, чтобъ Василько принялъ ихъ обычаи и восвалъ въѣстѣ съ ними; но Ростовскій князь ни ѣлъ, ни шилъ, чтобъ не оскверниться нищедо поганыхъ, укоризнами отвѣчалъ на ихъ убѣжденія, и раздосадованные варвары наконецъ убили его ²⁾. Лѣтописецъ очень

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 221: «Сташа первое стапомъ на Онузѣ»; въ др. спискахъ: Нузѣ, Окозѣ, Угузѣ, Тууузѣ. Думаютъ слышать подобно звуки въ Сурскихъ притокахъ: Узѣ, Инѣ, Иноарѣ, Пенѣ.—См. о томъ же Русскій Времечникъ I, стр. 110. и слѣд.: здѣсь разсказывается, что Рязанскій князь послалъ сначала къ Батыю сына своего Теодора, у котораго ханъ сталъ просить жены красавицы; Теодоръ отказалъ и былъ убитъ; жена его, услыхавши объ этомъ, ринулась въѣстѣ съ малюткою сыномъ съ высокихъ хоромъ и убилась до смерти, и проч.

²⁾ Василько былъ убитъ въ Ширинкомъ лѣсу. Село

хвалить этого князя: былъ онъ красивъ лицомъ, имѣлъ ясный и вѣстѣй грозный взглядъ, былъ необыкновенно храбръ, отваженъ на охотѣ, сердцемъ легокъ, до бояръ ласковъ; бояринъ, который ему служилъ, хлѣбъ его ѣлъ, чашу пилъ и дары бралъ, тотъ бояринъ никакъ не могъ быть у другихъ князей,—такъ Василько любилъ своихъ слугъ.—Отъ Сяти Татары пошли къ юго-западу, осадили Торжокъ, били въ него пороками двѣ недѣли и наконецъ взяли 23-го марта, истребили всѣхъ жителей. Отъ Торжка пошли Селигерскимъ путемъ, поѣдая людей какъ траву; но, не дошедши ста верстъ до Повгорода, остановились ¹⁾, боясь, по нѣкоторымъ извѣстиямъ, приближенія весенняго времени, разлива рѣкъ, таяннй болотъ, и пошли къ юго-востоку, на степь. На этой дорогѣ Батый былъ задержанъ семь недѣль у города Козельска, гдѣ кляжилъ одинъ изъ Ольговичей, молодой Василій; жители Козельска рѣшились не сдаваться Татарамъ: „Хотя князь нашъ и молодъ, сказали они, но положимъ животь свой за него; и здѣсь славу, и тамъ небесныя вѣнцы отъ Христа Бога получимъ“. Татары разбили наконецъ городскія стѣны и вошли на валъ, но и тутъ встрѣтили упорное сопротивленіе: горожане рѣзались съ ними ножами, а другіе вышли изъ города, нанали на татарскіе полки и убили 4,000 неприятелей, пока сами всѣ не были истреблены; остальные жители, жены и младенцы подверглись той же участи; что случилось съ княземъ Василіемъ,—не извѣстно: одни говорятъ, что онъ утопулъ въ крови, потому что былъ еще молодъ. Съ тѣхъ поръ, прибавляетъ лѣтописецъ, Татары не смѣли называть Козельскъ настоящимъ его именемъ, а называли злымъ городомъ.

По взятіи Козельска, Батый отправился въ степи, въ землю Половецкую, и разбилъ здѣсь хана Котяна, который съ 40,000 своего народа удалился въ Венгрію, гдѣ получилъ земли для поселенія. Въ слѣдующемъ 1239 году татарскія толпы снова явились на сѣверо-востокѣ, взяли Землю Мордовскую, повоевали по Клязьмѣ, пожгли городъ Гороховецъ, принадлежавшій владимірской Богородичной церкви. Вѣсть о новомъ ихъ нашествіи нагнала такой ужасъ, что жители городовъ и селъ бѣжали, сами не зная куда. На этотъ разъ впрочемъ Татары не шли далѣе. Клязьмы на сѣверо-востокѣ; но за то путемъ половецкимъ явились въ предѣлахъ Южной Руси, взяли и сожгли Черяславль южный, половину жителей истребили, другихъ повели въ плѣнъ. Въ то же время Батый отправилъ отрядъ войска и на Черниговъ; на помощь осажденнымъ явился двоюродный братъ Михаила, Мстиславъ Глѣбовичъ, но потерѣлъ поражение и убѣжалъ въ Венгрію.

Ширинское, прежде бывшій монастырь, отъ Кашина въ 23 верстахъ, отъ Калязана въ 38—40, при рѣкѣ Ширинкѣ, впадающей въ Медвѣдицу, и теперь въ лѣсной сторонѣ.

¹⁾ Татищ. III, 416.—Татары дошли до Игнача Креста; быть можетъ это нынѣшнее Крестцы.

Черниговъ былъ взятъ и сожженъ, но епископъ былъ пощажень: такъ уже обозначилось обыкновеніе Татаръ—уважать религію каждаго народа и ея служителей. По взятіи Чернигова, племянникъ Батый, сынъ Угедая, Менгу-Ханъ пріѣхалъ къ Несочному Городку, на лѣвый берегъ Днѣпра, противъ Кіева, чтобы посмотрѣть на этотъ городъ; по словамъ лѣтописца, Татаринъ удивился красотѣ и величеству Кіева, и отправилъ пословъ къ князю Михаилу и гражданамъ склонять ихъ къ сдачѣ; но тѣ не послушались—и послы были убиты. Михаилъ однако не дождался осады и бѣжалъ въ Венгрію; несмотря на опасность, красота и величество Кіева привлекали еще князей къ этому городу, и на мѣсто Михаила явился изъ Смоленска вуюкъ Давыдовъ, Ростиславъ Мстиславичъ; но старшій по родовой лѣстницѣ, четверюродный братъ его, Даниилъ Галицкій, не позволилъ ему долго оставаться въ Кіевѣ: онъ схватилъ Ростислава и взялъ Кіевъ себѣ; самъ однако не остался въ немъ, а поручилъ оборонять его отъ Татаръ тысяцкому Дмитрію. Между тѣмъ, во время бѣгства Михаила въ Венгрію, жена его (сестра Даниилова) и бояре были захвачены княземъ Ярославомъ ²⁾, который овладѣлъ также Каменцомъ. Услыхавъ объ этомъ, Даниилъ послалъ сказать ему: „Отпусти ко мнѣ сестру, потому что Михаилъ на обонхъ насъ зло мыслить“. Ярославъ исполнилъ Даниилову просьбу, отправилъ черниговскую княгиню къ брату, а между тѣмъ дѣла мужа ея шли неудачно въ Венгрію; король не захотѣлъ выдать дочери своей за сына его Ростислава и прогнать его отъ себя; Михаилъ съ сыномъ отправились тогда въ Польшу къ дядѣ своему Коцраду. Но и здѣсь, какъ видно, они не могли получить помощи и потому должны были смириться предъ Романовичами, послали сказать имъ: „Много разъ грѣшили мы предъ вами, много надѣлали вамъ вреда, и общаѣи своихъ не исполняли; когда и хотѣли жить въ дружбѣ съ вами, то невѣрные Галичане не допускали насъ до этого; но теперь кланяемъ, что никогда не будемъ враждовать съ вами“. Романовичи позабыли зло, отпустили сестру свою къ Михаилу и привели его самого къ себѣ изъ Польши; мало того,—обѣщали отдать ему Кіевъ, а сыну его Ростиславу отдали Луцкъ; но Михаилъ, боясь Татаръ, не смѣлъ идти въ Кіевъ, и ходилъ по волости Романовичей, которые давали ему много шенницы, меду, быковъ и овецъ.

Боязнь Михаила была основательна; въ 1240 году явился Батый подъ Кіевомъ: окружила го-

²⁾ Какимъ Ярославомъ? по всѣмъ вѣроятностямъ. Ниглавичемъ Волынскимъ. Въ Волын. лѣтоп. и въ Пункии. сл. у Карамзина сказано «Ярославъ»; въ позднѣйшемъ Никоновскомъ сборникѣ прибавлено «Всеволодичъ»; но эта прибавка позднѣйшаго составителя объясняется естественно; въ разсказѣ Волынскаго лѣтописца ясно видно, что Ярославъ былъ ближайшій мѣстный князь, который перехватилъ на дорогѣ жену и бояръ Михаилыхъ: «Яко бѣжалъ естъ Михаилъ изъ Кіева въ Угры, Ярославъ хъавъ я княгиню его и бояръ его пойма».

родъ и остолбила сила татарская, по выражению лѣтописца; Кіевлянамъ нельзя было разлышаться другъ друга отъ скрипа телѣгъ татарскихъ, рева верблюдовъ, ржанія лошадей. Батый поставилъ пороки возлѣ воротъ Лядскихъ, потому что около этого мѣста были дебри; пороки били безпрестанно день и ночь, и выбили наконецъ стѣны; тогда граждане взошли на остатокъ укрѣпленій и все продолжали защищаться; тысяцкій Димитрій былъ раненъ, Татары овладѣли и послѣдними стѣнами, и расположились провести на нихъ остатокъ дня и ночь. По вѣночь граждане выстроили новыя деревянные укрѣпленія около Вогородичной церкви, и Татарамъ на другой день нужно было брать ихъ опять съ кровопролитнаго бою. Граждане спѣшили спастись съ имѣніемъ своимъ на церковь; но стѣны перковныя рухнули подъ ними отъ тяжести, и Татары окончательно овладѣли Кіевомъ 6-го декабря; раненаго Димитрія Батый не велѣлъ убивать за его храбрость. Вѣсть о гибели Кіева послужила знакомъ къ отъѣзду князей—Михаила въ Польшу къ Конраду, Данила въ Венгрію. Узнавши объ этомъ, Батый двинулся на Волынь; подошедши къ городу Ладимину на Бугѣ⁴⁾, онъ поставилъ противъ него 12 пороковъ—и не могъ разбить стѣны; тогда льстивыми словами началъ уговаривать гражданъ къ сдачѣ; тѣ повѣрили его обѣщаніямъ, сдались—и были всѣ истреблены. Потомъ взять былъ Каменецъ, Владиміръ, Галичь и много другихъ городовъ, обойдя одинъ Кременецъ по своей неприступности. Тогда плѣнный тысяцкій Димитрій, видя гибель Земли Русской, сталъ говорить Батыю: „Вудеть тебѣ здѣсь военать, время иди на Венгровъ; если же еще станешь медлить, то тамъ Земля сильная, соберутся и не пустятъ тебя въ нее“. Батый послушался и направилъ путь къ венгерскимъ границамъ.

Страхъ напалъ на западную Европу, когда узнали о приближеніи Татаръ къ границамъ католическаго міра. Извѣстія объ ужасахъ, испытанныхъ Русью отъ Татаръ, странные разказы объ ихъ дикости, въ соединеніи съ чудесными баснями объ ихъ происхожденіи и прежнихъ судьбахъ, распространились по Германіи и далѣе на западъ. Разказы-вали, что татарское войско занимаетъ пространство на двадцать дней пути въ длину и пятнадцать въ ширину, огромные табуны дикихъ лошадей слѣдуютъ за нимъ; что Татары вышли прямо изъ ада и потому наружностью не похожи на другихъ людей. Императоръ Фридрихъ II-й разослалъ воззваніе къ общему вооруженію противъ страшныхъ враговъ: „Время, писалъ онъ, пробудиться отъ сна, открыть глаза духовные и тѣлесныя. Уже сѣкира лежитъ при деревѣ, и по всему свѣту разносится вѣсть о врагѣ, который грозитъ гибелью цѣлому христіанству. Уже давно мы слышали о немъ, но считали опасностью отдаленною, когда

между нимъ и нами находилось столько храбрыхъ народовъ и князей. Но теперь, когда одни изъ этихъ князей погибли, а другіе обращены въ рабство,—теперь пришла наша очередь стать оплотомъ христіанству противъ свирѣпаго непріятели“. Но воззваніе доблестнаго Гогенштауфена не достигло цѣли: въ Германіи не тронулись на призывъ ко всеобщему вооруженію, ибо этому мѣшала борьба императора съ папою и протекавшее отъ этой борьбы разъединеніе; Германія ждала враговъ въ бездѣйственномъ страхѣ, и одни Славянскія государства должны были взять на себя борьбу съ Татарамъ.

Весною 1241 года Батый перешелъ Карпаты и поразилъ Венгерскаго короля на рѣкѣ Солохой (Сайо); король убѣжалъ въ Австрію,—и владѣнія его были опустошены. Еще прежде другой отрядъ Татаръ опустошилъ волость Сендомиреку; потомъ Татары перешли Вислицу, поразили двухъ польскихъ князей, и въ концѣ апрѣля вторглись въ Нижнюю Силезію. Здѣшній герцогъ Генрихъ вышелъ къ нимъ на-встрѣчу у Лигница, палъ въ битвѣ, и уже Татарамъ открытъ былъ путь чрезъ Лузацкія долины къ Эльбѣ, во внутренность Германіи, какъ, день спустя послѣ Лигницкой битвы, передъ ними явились полки Чешскаго короля Вячеслава. Татары не рѣшились вступить во вторичную битву, и пошли назадъ въ Венгрію; на этомъ пути опустошили Силезію и Моравію, но при осадѣ Ольмюца потерѣли поражение отъ чешскаго воеводы, Ярослава изъ Штернберга, и удалились опшшно въ Венгрію. Отсюда въ томъ же году они попытались вторгнуться въ Австрію, но здѣсь загородило ихъ дорогу большое ополченіе подъ начальствомъ короля Чешскаго Вячеслава, герцога Австрійскаго и Каринтійскаго; Татары опять не рѣшились вступить въ битву, и скоро отхлынули на востокъ²⁾. Западная Европа была спасена: по сосѣдняя съ степями Русь, европейская Украина, надолго подпала вліянію Татаръ. Чтобъ впоследствии вѣрнѣе опредѣлить степень этого вліянія, мы должны теперь познакомиться съ нравами и бытомъ этихъ послѣднихъ азіатскихъ владыкъ восточной европейской равнины. Мы будемъ пользоваться извѣстіями западныхъ путешественниковъ, сводя ихъ съ восточными извѣстіями, намъ доступными³⁾.

По этимъ извѣстіямъ, наружностью своею новые завоеватели нисколько не походили на другихъ людей: большее, чѣмъ у другихъ племенъ разстояніе между глазами и щеками, выдавшіяся скулы, приплюснутый носъ, маленькіе глаза, небольшой ростъ, рѣдкіе волосы на бородѣ—вотъ отличительныя черты ихъ наружности. Жень Татаринъ

²⁾ Roeppele's—Geschichte Polens, II, 466.

³⁾ Iohannis de Plano-Carpini, Antivariensis Archiepiscopi historia Mongolorum.—Въ Recueil de voyages et de mémoires, publié par la société de Géographie, t. IV. In appendice: De itinere fratrum minorum ad Tartaros quos frater Benedictus Polonus viva voce retulit. О восточныхъ извѣстіяхъ см. Geschichte der golden Horde, von Hammer-Purgstall, 2 und 5 Buch.

⁴⁾ Теперь мѣстечко Подольской губерніи Гайсинскаго уѣзда.

имѣть столько, сколько можетъ содержать; жения не разбирая родств, не берутъ за себя только мать, дочь и сестру отъ одной матери; женъ покупаютъ дорогою цѣною у родителей послѣднихъ. Живутъ они въ круглыхъ юртахъ, сдѣланныхъ изъ хворосту и тонкихъ жердей, покрытыхъ войлокомъ; наверху находится отверстіе для освѣщенія и выхода дыма, потому что по серединѣ юрты всегда у нихъ разведенъ огонь. Нѣкоторыя изъ этихъ юртъ легко разбираются и возятся на телегахъ какъ есть, и, куда бы ни пошли Татары, на войну или такъ куда-нибудь, всюду возятъ ихъ за собою. Главное богатство ихъ состоитъ въ скотѣ: верблюдахъ, быкахъ, овцахъ, козахъ и лошадяхъ; у нихъ столько скота, сколько нѣтъ во всемъ остальномъ мірѣ. — Вѣрятъ въ одного Бога, Творца всего видимаго и невидимаго, виновника счастья и бѣдствій. По этому Богу они не молятся и не чувствуютъ его, а приносятъ жертвы идоламъ, сдѣланнымъ изъ разныхъ матеріаловъ на-подобіе людей и помѣщаемымъ противъ дверей юрты; подъ этими идолами кладутъ изображение сосновъ, считая ихъ охранителями стадъ. Боготворятъ также умершихъ хановъ спонхъ, изображеніямъ которыхъ приносятъ жертвы, и творятъ идолами, смотря на югъ; обожаютъ солнце, луну, воду и землю. Держатся разныхъ суевѣрныхъ преданій; напр., считаютъ грѣхомъ дотронуться ножомъ до огня, бичемъ до стрѣлы, ловить или бить молодыхъ птицъ, переломить кость другою костью, пролить на землю молоко или другую какой-нибудь напитокъ и т. п. Молцію считаютъ огненнымъ дракономъ, падающимъ съ неба и могущимъ оплодотворять женщинъ. Вѣрятъ въ будущую жизнь, по думаютъ, что и по смерти будутъ вести такую же жизнь, какъ и здѣсь на землѣ. Сильно вѣрятъ гаданіямъ и чарамъ; думаютъ, напримѣръ, что огонь все очищаетъ; и потому иностранныхъ пословъ и князей съ дарами ихъ проводятъ сперва между двухъ огней, чтобъ они не могли принести хану какого-нибудь зла. — Нѣтъ ни одного народа въ мірѣ, который бы отличался такимъ послушаніемъ и уваженіемъ къ начальникамъ своимъ, какъ Татары. Браются они рѣдко между собою и никогда не дерутся; воруютъ у нихъ нѣтъ, и потому юрты и кибитки ихъ не запираются; другъ съ другомъ общительны, помогаютъ въ нуждѣ; воздержны и терпѣливы: случится день-два не поѣсть — ничего: поютъ и играютъ, какъ будто бы сытно пообедали; легко переносятъ также холодъ и жаръ; жены ихъ цѣломухренны на дѣлѣ, но нѣкоторыя невоздержны на непристойныя слова. Любятъ пить, но и въ нѣяномъ видѣ не браются и не дерутся. — Описавъ добрыя качества Татаръ, западный путешественникъ — миноритъ Іоаннъ Плато-Карини переходитъ къ дурнымъ; прежде всего поразила его въ нихъ непоумѣрная гордость, презрѣніе ко всемъ другимъ народамъ. Мы видѣли, говоритъ онъ, при дворѣ ханскомъ великаго князя Русскаго Ярослава, сына царя Грузискаго и многихъ другихъ владѣтельныхъ особъ, и

ни одному изъ нихъ не было воздаваемо должной почести: приставленные къ нимъ Татары, люди незначительные, всегда брали передъ ними первое мѣсто. Татары сколько обходительны другъ съ другомъ, столько же раздражительны, гнѣвливы съ чужими, лживы, коварны, странно жадны и скупы; свирѣпы, — убить человѣка имъ ничего не стоитъ; наконецъ очень неопрятны. По законамъ Чингисъ-хана, смертная казнь назначалась за 14 преступленій: за супружескую невѣрность, воровство, убійство и, между прочимъ, за то, если кто убьетъ животное не по принятому обычаю. Между дѣтьми отъ жены и наложницы нѣтъ у нихъ различія, однако наследнику престола считался младшій сынъ, котораго мать была знатнѣе по происхожденію своему всѣхъ другихъ ханшъ; младшій сынъ считался охранителемъ домашнего очага, онъ поддерживалъ семью въ случаѣ, если старшіе будутъ убиты на войнѣ. Мужчины ничѣмъ не занимались, кромѣ стрѣльбы, да еще немного заботились о стадахъ; большую же часть времени проводили на охотѣ и въ стрѣльбѣ, потому что всѣ они отъ мала до велика хорошіе стрѣлки: дѣти съ двухъ или трехъ лѣтъ начинаютъ ѣздить верхомъ и стрѣлать въ цѣль. Дѣвушки и женщины ѣздятъ верхомъ, какъ мужчины, носятъ луки и стрѣлы; на женщинахъ лежатъ всѣ хозяйственныя заботы. — Вообще женщины пользовались уваженіемъ, шадить ихъ по возможности было закономъ: ханши имѣли сильное вліяніе на дѣла, имъ принадлежало регентство; въ торжественныхъ случаяхъ подлѣ хана сидѣла и жена его или жены; даже магометанинъ Узбекъ садился по пятницамъ на золотомъ тронѣ, окруженный справа и слева женами. Касательно военного устройства, Чингисъ-Ханъ опредѣлялъ, чтобъ надъ каждымъ десятымъ человѣкомъ былъ одинъ пачальникъ, десятникъ; надъ десятью десятниками начальствовалъ сотникъ, надъ десятью тысячниками — особый начальникъ, а число войска, ему подчиненнаго, — называлось ть м о ю ⁴; сторожевыя отряды назывались к а р а у л а м и. Вѣглецы съ поля битвы (если только бѣгство не было всеобщимъ) всѣ умерщвлялись; если изъ десятка одинъ или нѣсколько храбро бился, а остальные не слѣдовали ихъ примѣру, то послѣдніе умерщвлялись; если изъ десятка одинъ или нѣсколько были взяты въ плѣнъ, а товарищи ихъ не освободили, то послѣдніе также умерщвлялись. Каждый Татаринъ долженъ имѣть лукъ, колчанъ, наполненный стрѣлами, топоръ и веревки для того, чтобъ тащить осадныя машины. Богатые, сверхъ того, имѣютъ кривыя сабли, шлемы, брони и лошадей, также защищенныхъ; нѣкоторыя дѣлаютъ брони для себя и для лошадей изъ

⁴) Et ille numerus vocatur t e n c b r a e apud eos. Издательи замѣчаютъ: «Le mot tartare auquel il est ici fait allusion est celui de t o u m â n signifiant dix mille, facile a confondre, par un étranger, avec celui de t h o u m ê n , signifiant nuages, fumée, obscurité. — Но любознательно, что у насъ 10.000 также называется тьмою, и татарскій начальникъ этого члена воиновъ «теминскомъ», точно также какъ у татаръ: Dehe Sade, Hesarog, Temnik.

кожи, нѣкоторые вооружаются также кошками; щаты у нихъ хворостяныя. Вступая въ неприятельскую землю, Татары посылаютъ передовые отряды, которые ничего не оустошаютъ, но стараются только убивать людей или обратить ихъ въ бѣгство; за ними слѣдуетъ нѣкое войско, которое, наоборотъ, истребляетъ все на пути своемъ. Если встрѣтится большая рѣка, то переправляются сидя на кожаныхъ мѣшкахъ, наполненныхъ пожитками и привязанныхъ къ лошадинымъ хвостамъ! Завидя неприятеля, передовой отрядъ бросаетъ въ него по три или четыре стрѣлы, и если замѣчается, что не можеть одолѣть его въ схваткѣ, обращается въ бѣгство, чтобъ заманить преслѣдующаго неприятеля въ засаду; на войнѣ—это самый хитрый народъ, и немудрено: больше сорока лѣтъ ведутъ они безпрестанныя войны. Вожди не вступаютъ въ битву, но стоятъ далеко отъ неприятеля, окруженные дѣтьми и женщинами на лошадяхъ, иногда сажаютъ на лошадей чучель, чтобъ казалось больше войска. Прямо противъ неприятеля высылаютъ отряды изъ покоренныхъ народовъ, а толпы самыхъ храбрыхъ людей посылаютъ направо и налево въ дальнемъ разстояніи, чтобъ послѣ неожиданно обхватить врага. Если послѣдній крѣпко бьется, то обращаются въ бѣгство, и въ бѣгствѣ бьютъ стрѣлами преслѣдующаго неприятеля. Вообще они не охотники до ручныхъ схватокъ, но стараются сперва перебить и переранить какъ можно больше людей и лошадей стрѣлами, и потомъ уже схватываются съ ослабленнымъ такимъ образомъ неприятелемъ. При осадѣ крѣпостей разбиваютъ стѣны машинами, бросая стрѣлы въ осажденныхъ и не перестаютъ бить и биться ни днемъ, ни ночью, чтобъ не давать нисколько покоя послѣднимъ, а сами отдыхаютъ, потому что одинъ отрядъ смѣняетъ другой; бросаютъ на крыши домовъ жиръ убитыхъ людей и потомъ греческій огонь ¹⁾, который отъ того лучше горитъ; отводятъ рѣки отъ городовъ или, наоборотъ, наводняютъ послѣдніе, дѣлаютъ подкопы; наконецъ огораживаютъ свой станъ, чтобъ быть безопасными отъ стрѣлбы неприятелей и дѣлать облежаніемъ принуждаютъ послѣднихъ къ сдачѣ. При этомъ они стараются сперва общаніями уговорить гражданъ къ сдачѣ, и когда тѣ соглашались, то говорятъ имъ: „Выходите, чтобъ, по своему обычаю, мы могли пересчитать васъ“, и когда всѣ жители выйдутъ изъ города, то спрашиваютъ, кто между ними знаетъ какое-нибудь искусство?—и тѣхъ сожрапаютъ, а остальныхъ же убиваютъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ выбираютъ въ рабы; но при этомъ лучше, благородные люди никогда не дождутся отъ нихъ пощады. По приказанію Чингисъ-Хана, не должно падать нѣмѣнн и жизни враговъ, потому что плодъ пощады—сожалѣніе. Миръ заключаютъ они только съ тѣми народами, которые соглашались признать ихъ господство, потому что Чингисъ-Ханъ завѣщалъ имъ покорить всѣ народы.

¹⁾ Сравни это извѣстіе съ извѣстіемъ о Половцихъ, который стрѣлялъ живымъ огнемъ, т. II.

Условія, на которыхъ Татары принимаютъ къ себѣ въ подданство какой нибудь народъ, суть слѣдующія: жители подчиненной страны обязаны ходить съ ними на войну по первому востребованію, потому давать десятину отъ всего, отъ людей и отъ вещей; берутъ они десятаго отрока и дѣвицу, которыхъ отводятъ въ свои кочевья и держатъ въ работѣ, остальныхъ жителей перечисляютъ для сбора подати. Требуютъ также, чтобъ князья подчиненныхъ странъ являлись безъ замедленія въ Орду и привозили богатые подарки хану, его женамъ, тысячникамъ, сотникамъ, однимъ словомъ—всѣмъ, имѣющимъ какое-нибудь значеніе; нѣкоторые изъ этихъ князей лишаются жизни въ Ордѣ; нѣкоторые возвращаются, но оставляютъ въ заложникахъ сыновей или братьевъ, и принимаютъ въ свои земли баскаковъ, которымъ какъ сами князья, такъ и всѣ жители обязаны повиноваться; въ противномъ случаѣ, по донесенію баскаковъ, является толпа Татаръ, которая истребляетъ ослушниковъ, оустошаетъ ихъ городъ или страну; не только самъ ханъ или намѣстникъ его, но всякій Татаринъ, если случится ему прѣхать въ подчиненную страну, ведетъ себя въ ней какъ господинъ ²⁾, требуетъ все, чего только захочеть, и получаетъ.—Во время пребыванія въ Ордѣ у великаго хана, Плато-Жарини замѣтили необыкновенную терпимость послѣдняго относительно чуждыхъ вѣроисповѣданій; терпимость эта была предписана закономъ: въ самомъ семействѣ хана были христіане; на собственномъ иждивеніи содержалъ онъ христіанскихъ духовныхъ греческаго исповѣданія, которые открыто отправляли свое богослуженіе въ церкви, помѣщавшейся передъ большою его палаткою. Другой западный путешественникъ, мпноритъ Рубруквисъ, самъ былъ свидѣтелемъ, какъ передъ ханомъ Мангу совершали службу сперва христіанскіе несторіанскіе духовные, потомъ мулы магометанскіе, наконецъ языческіе жрецы. Рубруквисъ описываетъ также любопытный споръ, происходившій, по ханскому приказанію, между проповѣдниками трехъ религій—христіанской, магометанской и языческой. Рубруквисъ, защищавшій христіанство противъ языческаго жреца, позвалъ былъ послѣ того къ хану, который сказалъ ему: „Мы, Татары, вѣруемъ во единого Бога, Которымъ живемъ и умираемъ; но какъ рукъ Богъ далъ различные пальцы, такъ и людямъ далъ различные пути къ спасенію: вамъ Богъ далъ писаніе, и вы его не соблюдаете; намъ далъ колдуновъ, мы дѣлаемъ то, что они намъ говорятъ, и живемъ въ мирѣ.“ По уставу Чингисъ-Хана и Откая, подтвержденному впоследствии, служители всѣхъ религій освобождены отъ платежа данн ³⁾.

²⁾ До сихъ поръ у насъ народъ называетъ Татаръ князьями, но теперь уже больше дразнятъ ихъ этимъ именемъ; мальчишки, сдѣлавши изъ полы свиное ухо, бѣгутъ за Татаряномъ и кричатъ: «князь! князь!».

³⁾ Объ ординскомъ устройствѣ относительно Россіи см. ниже, въ IV томѣ.

Глава III.

Отъ Батыева нашествія до борьбы между сыновьями Александра Невского.

(1240—1276.)

Ярославъ Всеволодовичъ на сѣверѣ.—Его поѣздки къ Татарамъ и смерть.—Война съ Литвою, Шведами и Ливонскими рыцарями.—Дѣятельность Александра Ярославича Невского.—Михаилъ Ярославичъ, князь Московскій.—Отношенія между сыновьями Ярослава—Александромъ и Андреемъ.—Андрей изгнавъ и Александръ великимъ княземъ.—Ссора Александра съ Новгородомъ.—Татарская перепись.—Движеніе противъ Татаръ.—Смерть Александра Невского.—Вѣншія войны.—Ярославъ Тверской великимъ княземъ.—Отношенія его къ Новгороду.—Княженію Василія Ярославича Костромскаго.—Ослаба отъ насилія татарскаго.—Продолженіе борьбы съ Литвою и Нѣмцами.—Событія въ разныхъ княжествахъ Сѣверо-Восточной Руси.—Воине.—Событія въ Юго-Западной Руси.

Узнавши о гибели великаго князя, старшій по немъ братъ, Ярославъ Всеволодовичъ пріѣхалъ княжить во Владиміръ; онъ очистилъ церкви отъ труповъ, собрали оставшихся отъ истребленія людей, утѣшилъ ихъ, и, какъ старшій, началъ распорядиться волостями: брату Святославу отдалъ Суздаль, другому Ивану—Стародубъ сѣверный¹⁾. При этомъ распоряженіи волостями видимъ господство отчужденности: Переяславль, прежняя волость Ярослава, остается за нимъ; Ростовъ, старшій столъ послѣ Владиміра, остается постоянно въ племени Константиновомъ; и здѣсь видимъ то же самое явленіе,—по смерти старшаго Константиновича, Василька, старшая волость Ростовская не переходитъ къ брату его Владиміру, который остается на прежнихъ столѣхъ своемъ въ Угличѣ, Ростовская волость переходитъ къ сыновьямъ Василька, изъ которыхъ старшій, Борисъ, остался въ Ростовѣ, а младшій, Глѣбъ, сѣлъ на Вѣль-озерѣ; Ярославъ остается за сыномъ убитаго Всеволода, Васильемъ.

Татары²⁾ оставляли въ покоѣ только тѣ народы, которые признавали надъ собою власть ихъ; противиться имъ не было средствъ у Владимірскаго князя: мы видѣли, какой ужасъ напалъ на жителей при вѣсти о вторичномъ появленіи Татаръ въ

русскихъ предѣлахъ; надобно было покориться, надобно было изъять эту покорность лично предъ ханомъ,—и Ярославъ отправился въ Орду къ Батыю, который раскинулъ станъ свой на берегу Волги. Батый, по словамъ лѣтописца, принялъ Ярослава съ честію, и, отпуская, сказалъ ему: „Будь ты старшій между всеми князьями въ русскомъ народѣ“. Велѣвъ за Ярославомъ, отправились къ Батыю и все родичи его, а сынъ великокняжескій—Константинъ—поѣхалъ дальше, къ великому хану; но присутствіемъ сына не удовольствовались; въ 1245 г. Константинъ возвратился въ Русь, и отецъ его Ярославъ долженъ былъ самъ отправиться въ Татарію, гдѣ въ августѣ 1246 года былъ свидѣтелемъ воцаренія Куюка, сына Угедеева. Извѣстный уже намъ путешественникъ, монахъ Плано-Карпини, встрѣтился съ Ярославомъ въ Ордѣ; не велика была, по его словамъ, честь, которою пользовался здѣсь старшій князь Русскій; но все же эта честь была относительно велика, ибо Ярославу давали высшее мѣсто передъ всеми другими владѣльцами³⁾. Тотъ же путешественникъ оставилъ намъ нѣкоторыя подробности и о смерти великаго князя, послѣдовавшей въ 1246 году; Ярославъ позвалъ къ матери великаго хана, которая, какъ бы желая оказать честь Русскому князю, дала ему ѣсть и пить изъ собственныхъ рукъ; но, возвратившись отъ ханши, Ярославъ заболѣлъ, и чрезъ семь дней умеръ, причеиъ тѣло его удивительнымъ образомъ посинѣло, почему все и думали, что ханша отравила его, дабы Татары могли свободно владѣть Русью; доказательствомъ служить еще и то, прибавляетъ Плано-Карпини, что ханша послѣшила отправить посла въ Россію къ сыну Ярославу, Александру, съ обѣщаніемъ дать ему отцовское наслѣдство, если пріѣдетъ къ ней; но Александръ не поѣхалъ.—Догадка Плано-Карпини о причинѣ отравленія Ярослава не перемѣняла дѣлъ на сѣверѣ, слѣдовательно не могла быть полезна для Татаръ, которымъ надобно было истребить всѣхъ князей для того, чтобы свободно владѣть Россіею.

¹⁾ По книгѣ Большой Чертежъ, Стародубъ на Клязьмѣ, ниже Владиміра въ 60, выше устья Тезы въ 30 верстахъ; это соответствуетъ селенію Клязьменскій городокъ, въ 14 верстахъ отъ уѣзднаго города Коврова.—Отъ Ивана Стародубскаго происходятъ князья Пожарскіе. Напрасно думаютъ, что мѣстѣ о происхожденіи князей Пожарскихъ изъ Малороссіи было утверждено въ нашей историч. литературѣ. См. противное у Татищева кн. III, примѣч. 599 и въ Истор. Россіи отнош. между русск. князьями Рюрика.

²⁾ Быть можетъ, нѣкоторые упрекнутъ меня за это названіе, которое ведетъ къ смѣшенію разноплеменныхъ народовъ, ибо народъ, извѣстный теиерь у насъ подъ именемъ Татаръ, принадлежитъ къ турецкому племени: но во 1-хъ, смѣшеніе безвредно, потому что различіе всевъ извѣстно; во 2-хъ, нельзя выкинуть изъ Русской Исторіи слова, которымъ предки наши исключительно называли своихъ поработителей; и древніе и настоящіе Русскіе люди не знаютъ Монголовъ, а знаютъ только Татаръ. Точно также странно, по моему мнѣнію, писать Бату вмѣсто Батый, ибо это слово уже русское. Никто не требуетъ, чтобы писали Пари вмѣсто Парижъ, Рома вмѣсто Римъ; почему же только въ монгольскихъ именахъ мы должны покинуть древнія русскія формы?

³⁾ Плано-Карпини, стр. 757: «Nobis autem et duci Ieroslao semper dabant locum superiorem».

Извѣстія нашихъ лѣтописей проливаютъ новый, хотя неясный свѣтъ на событія: по этимъ извѣстіямъ, виною смерти Ярославовой была крамола его соотечественниковъ, именно какого-то Теодора Яруновича, который ослѣствалъ великаго князя; по трудно предположить, чтобъ Яруновичъ дѣйствовалъ здѣсь лично отъ себя и для себя; гораздо легче подумать, что смерть Ярослава въ Ордѣ была явленіемъ, одинакимъ съ смертію другихъ князей русскихъ тамъ же, — была слѣдствіемъ наговора родичей, слѣдствіемъ родовыхъ княжескихъ усобицъ.

Въ то время какъ на востокѣ русскіе князья принуждены были ѣздить съ поклономъ къ ханамъ степныхъ варваровъ, на западѣ шла борьба съ сильными врагами, которые начали грозить Руси еще прежде Татаръ. Тотчасъ по занятии старшаго стола, въ 1239 году, Ярославъ долженъ былъ выступить противъ Литвы, которая воевала уже въ окрестностяхъ Смоленска; великій князь побѣдилъ Литовцевъ, взялъ въ плѣнъ ихъ князя; потомъ урядилъ Смольяныя, посадивши у нихъ княземъ Всеволода, сына Мстислава Романовича, и возвратился домой съ большою добычею и честію. Но у Литвы оставалось много князей и много силы; съ двухъ другихъ сторонъ нападаютъ на Сѣверо-Западную Русь враги не менѣе опасные: Шведы и Ливонскіе рыцари. Владимірскимъ князьямъ нельзя было оборонять ее постоянно отъ всѣхъ этихъ враговъ: у нихъ было много дѣла у себя, на востокѣ, вслѣдствіе утвержденія новаго порядка вещей, безпрестанныхъ усобицъ для усиленія одного княжества на счетъ всѣхъ другихъ и татарскихъ отношеній. Тогда Новгородъ Великій долженъ былъ взять на свою долю борьбу со Шведами, а Псковъ, бѣдный ередствами, долженъ былъ вести борьбу съ двумя самыми опасными врагами, Литвою и Нѣмцами, при внутреннемъ неустойчивѣ, при частомъ отсутствіи князя, при ссорахъ съ старшимъ братомъ своимъ, Новгородомъ Великимъ.

Самымъ сильнымъ ударамъ съ трехъ сторонъ Новгородъ и Псковъ подверглись съ 1240 года: они выдержали ихъ, и этимъ преимущественно обязаны были сыну великаго князя Ярослава, Александру, который сталъ княжить у нихъ одинъ послѣ отца съ 1236 года ⁴⁾. Въ Швеціи борьба между готскимъ и шведскимъ владѣтельными домами, кончившаяся въ 1222 году, усилила власть вельможъ, между которыми первое мѣсто занималъ родъ Фолькунговъ, владѣвшій наслѣдственно достоинствомъ и р л а. Могущественный представитель этой фамилии, Виргеръ, побуждаемый папскими посланіями, предпринялъ крестовый походъ противъ Руси. Какъ скоро пришла въ Новгородъ вѣсть, что Шведы явились въ устьи Ижоры и хотятъ идти на Ладогу, то Александръ не сталъ дожидаться ни полковъ отцовскихъ, ни пока соберутся всѣ силы Новгородской волости, съ небольшою дружиной выступилъ противъ непріятеля, и 15-го іюля нанесъ

ему пораженіе, за которое получилъ славное прозваніе „Невскаго“. Самъ Александръ рассказывалъ послѣ о подвигахъ шестерыхъ мужей изъ дружины своей: одинъ изъ нихъ, Гаврило Олексичъ, прорвался вслѣдъ за бѣгущимъ Биргеромъ до самаго корабля его, былъ низвергнутъ и съ копей въ воду, но вышелъ невредимъ, и опять поѣхалъ биться съ воеводою шведскимъ, который называется въ лѣтописи Спиридономъ; этотъ воевода остался на мѣстѣ, а по нѣкоторымъ извѣстіямъ, та же участь постигла и епископа ²⁾. Другой Новгородецъ, Сбыславъ Якуновичъ, удивилъ также всѣхъ своею силою и храбростію, не разъ врываясь съ однимъ топоромъ въ толпы непріятельскія. Якуновичу въ храбрости не уступалъ княжескій ловчій, Яковъ Полочанинъ, съ мечемъ въ рукахъ ворвавшійся въ шведскіе ряды. Четвертый Новгородецъ, Миша, пѣшкомъ съ отрядомъ своимъ ударилъ на непріятельскіе корабли и погубилъ три изъ нихъ; пятый, отрокъ княжескій, Савва, пробился до большаго златоверхаго шатра Виргерова и подѣкъ у него столпъ, шатеръ повалился и паденіе его сильно обрадовало Новгородцевъ въ битвѣ; шестой слуга княжескій — Ратмиръ — бился пѣшъ, былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ врагами, и палъ отъ множества ранъ; всѣхъ убитыхъ со стороны новгородской было не болѣе 20 человекъ. Зная, какой характеръ носила эта борьба, съ какимъ нахмреніемъ приходили Шведы, мы поймемъ то религиозное значеніе, которое имѣла Невская побѣда для Новгорода и остальной Руси; это значеніе ясно видно въ особенномъ сказаніи о подвигахъ Александра: здѣсь Шведы не иначе называются какъ Римлянами, — прямое указаніе на религиозное различіе, во имя котораго предпринята была война. Побѣда была одержана непосредственною помощію свыше; былъ старшина въ землѣ Ижорской, именемъ Пелгусей, которому было поручено сторожить непріятеля на морѣ; Пелгусей былъ крещенъ и носилъ христіанское имя Филиппа, хотя родъ его находился еще въ язычествѣ; Пелгусей жить богоугодно, держалъ строгій постъ по середамъ и пяткамъ, и сподобился видѣнія: однажды пробылъ онъ всю ночь безъ сна, и, при восходѣ солнцемъ, вдругъ слышитъ сильный шумъ на морѣ и видитъ, что гребетъ къ берегу насадъ, а посреди насада стоятъ Св. мученики Борисъ и Глѣбъ въ пурпурныхъ одеждахъ: гребцы сидятъ, какъ будто мглою одѣты, и слышатъ онъ, что Борисъ говоритъ Глѣбу: „Вратъ Глѣбъ! вели грести, поможемъ сроднику своему великому князю Александру Ярославичу“. Пелгусей разсказалъ потомъ видѣніе Александру, и тотъ запретилъ ему больше никому не рассказывать объ немъ.

Новгородцы любили видѣть Александра въ члѣхъ дружинъ своихъ; но не долго могли ужиться съ нимъ, какъ съ правителемъ, ибо Александръ шелъ по слѣдамъ отцовскимъ и дѣдовскимъ: въ самый

⁴⁾ Старшій братъ Александра, Теодоръ умеръ въ 1233 г.

²⁾ Поля. Собр. Русск. Лѣт. III, 53; V, 178.

годъ Невской побѣды онъ выѣхалъ изъ Новгорода, разсорившись съ жителями. А между тѣмъ Нѣмцы, опять съ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ, взяли Изборскъ; Псковичи вышли къ нимъ навстрѣчу и были разбиты, потеряли воеводу Гаврилу Гориславича¹⁾, а Нѣмцы, по слѣдамъ бѣгущихъ, подступили ко Пскову, пожгли посады, окрестныя села и цѣлую недѣлю стояли подъ городомъ. Псковичи принуждены были исполнить все ихъ требованія, и дали дѣтей своихъ въ заложники; въ Псковѣ началъ владѣть вмѣстѣ съ Нѣмцами какой-то Твердило Ивановичъ, который и подвелъ враговъ, какъ утверждаетъ лѣтописецъ: мы уже видѣли во враждѣ сторону причину такихъ измѣнъ. Приверженцы противной стороны бѣжали въ Новгородъ, который остался безъ князя, а между тѣмъ Нѣмцы не довольствовались Псковомъ: вмѣстѣ съ Чудью напали они на Вотскую пятину, завоевали ее, наложили дань на жителей, и намѣреваясь стать твердою ногою въ Новгородской волости, построили крѣпость въ Коноры погостъ; по берегамъ Луги побрали всехъ лошадей и скотъ; по селамъ нельзя было земли пахать, да и не чѣмъ; по дорогамъ, въ тридцати верстахъ отъ Новгорода, непріятель билъ купцовъ. Тогда Новгородцы послали въ Низовую Землю къ Ярославу за княземъ, и тотъ далъ имъ другого сына своего Андрея; но надобенъ былъ Александръ, а не Андрей. Новгородцы подумали и отправили опять владыку съ боярами за Александромъ; Ярославъ далъ имъ его опять, на какихъ условіяхъ—не извѣстно, но, вѣроятно, не на всей волѣ новгородской; мы увидимъ послѣ самовласти Александра въ Новгородѣ; жалобы гражданъ на это самовластіе остались въ договорахъ ихъ съ братомъ Александровымъ.

Прѣхавши въ Новгородъ въ 1241 году, Александръ немедленно пошелъ на Нѣмцевъ къ Конорю, взялъ крѣпость, гарнизонъ нѣмецкій привелъ въ Новгородъ, часть его отпустилъ на волю, только измѣнниковъ Вожака и Чудь перевѣшалъ. Но нельзя было такъ скоро освободить Псковъ; только въ слѣдующемъ 1242 году Александръ выступилъ ко Пскову и взял его, причемъ погибло семьдесятъ рыцарей со множествомъ простыхъ ратниковъ, шесть рыцарей взяты въ плѣнъ и замучены, говоритъ нѣмецкій лѣтописецъ²⁾. Послѣ этого Александръ вошелъ въ Чудскую Землю, во владѣнія Ордена; войско послѣдняго встрѣтило одинъ изъ русскихъ отрядовъ и разбило его на голову; когда бѣглецы принесли Александру вѣсть объ этомъ пораженіи, то онъ отступилъ ко Псковскому озеру и сталъ дожидаться непріятеля на льду его, который былъ еще крѣпокъ 5-го апрѣля. На солнечномъ восходѣ началась знаменитая битва, слышная въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Ледоваго побоища. Нѣмцы и Чудь пробились

свинею (острою колонною) сквозь русскіе полки и погнали уже бѣгущихъ, какъ Александръ обогналъ враговъ съ тыла и рѣшилъ дѣло въ свою пользу; была злая сѣча, говорить лѣтописецъ, льда на озерѣ стало не видно,—все покрылось кровію. Русскіе гнали Нѣмцевъ по льду до берега на разстояніи семи верстъ, убили у нихъ 500 человекъ, а Чуди безчисленное множество, взяли въ плѣнъ 50 рыцарей. „Нѣмцы“, говоритъ лѣтописецъ, „хвалились: возьмемъ князя Александра руками, а теперь ихъ самихъ Богъ предастъ ему въ руки“. Когда Александръ возвращался во Псковъ послѣ побѣды, то плѣнныхъ рыцарей вели пѣшкомъ подлѣ коней ихъ; весь Псковъ вышелъ на встрѣчу къ своему избавителю, игумены и священники со крестами. „О, Псковичи! (говоритъ авторъ повѣсти о великомъ князѣ Александрѣ) если забудете эго и отступите отъ рода великаго князя Александра Ярославича, до похожи будете на Жидовъ, которыхъ Господь напиталъ въ пустынѣ, а они забыли все благодѣянія Его; если кто изъ самыхъ дальнихъ Александровыхъ потомковъ пріѣдетъ въ печали жить къ вамъ во Псковъ, и не приметъ его, не почтете, то назоветесь вторые Жиды“.—Послѣ этого славнаго похода Александръ долженъ былъ ѣхать во Владиміръ прощаться съ отцомъ, отправляющимся въ Орду; въ его отсутствіе, Нѣмцы прислали съ поклономъ въ Новгородъ; послы ихъ говорили: „Что зашли мы мечемъ—Вотъ, Лугу, Псковъ, Летголу,—отъ того отъ всего отступаемся; сколько взяли людей вашихъ въ плѣнъ,—тѣмъ разбѣяемся; мы вашихъ цугимъ, а вы нашихъ пустите“; отпустили также заложниковъ псковскихъ и помирились.

Но оставалась еще Литва; въ 1245 году толпы Литовцевъ явились около Торжка и Бѣжецка; въ Торжкѣ въ это время сидѣлъ возвратившійся вѣроятно послѣ мира изъ Ливоніи князь Ярослав Владиміровичъ; онъ погнался—было съ Новоторжцами за Литвою, но потерпѣлъ пораженіе, потерялъ всехъ лошадей; потомъ Новоторжцы и Ярославъ погнались опять вмѣстѣ съ Тверичами и Дмитровцами; на этотъ разъ Литовцы были разбиты подъ Торонцемъ, и князь ихъ бѣжалъ въ городъ. Но утромъ на другой день приспѣлъ Александръ съ Новгородцами, взявъ Торонецъ, отпаялъ у Литовцевъ весь плѣнъ и перебилъ князей ихъ, больше восьми человекъ. Новгородскіе полки возвратились отъ Торонца; но Александръ съ однимъ дворомъ своимъ погнался опять за Литовцами, разбилъ ихъ снова у озера Живца³⁾, не оставилъ въ живыхъ ни одного человека, побилъ и остатки князей. Послѣ этого онъ отправился въ Витебскъ, откуда, взявши сына, возвращался назадъ, какъ вдругъ наткнулся опять на толпу Литовцевъ подлѣ Усвята; Александръ ударилъ на непріятелей,—и снова разбилъ ихъ.

Такъ были отбиты со славою все три врага Сѣ-

¹⁾ Нѣмецкіе анналысты сдѣлали изъ этого Гаврилу Гориславича Герпальта, потомъ князя Ирнопка, заставили его жить послѣ битвы и сдаться имъ Псковъ.

²⁾ Russow's livl. Chron. p. 17.

³⁾ Озеро Живцо Псков. губ., Торонецк. уѣзда.

веро-Западной Руси; Александр не могъ долго оставаться здѣсь, ибо дѣла на востокѣ перемѣнились со смертію отца его. Послѣ Ярослава старшинство и столѣ Владимірскій наследовалъ по старинѣ братъ его, Святославъ, который утвердилъ племянниковъ своихъ, сыновей Ярослава, на удѣлахъ¹⁾, данныхъ имъ покойнымъ великимъ княземъ. Еще въ 1242 году Невскій ѣздилъ въ Орду, потому что Батый прислалъ сказать ему: „Мнѣ покорилъ Богъ многіе народы; неужели ты одинъ не хочешь покориться моей державѣ? Если хочешь сберечь землю свою, то приходи поклониться мнѣ, и увидишь честь и славу царства моего“. Лѣтописецъ говоритъ, что ханъ, увидавши Александра, сказалъ своимъ вельможамъ: „Все, что мнѣ ни говорили о немъ, все правда; нѣтъ подобнаго этому князю“. По смерти отца, Александръ отправился къ Батю въсѣтъ съ братомъ Андреемъ; съ береговъ Волги поѣхали они, по обычаю, въ Татарию; а между тѣмъ, въ отсутствіе старшихъ²⁾ Ярославичей, въ Руси произошла важная перемена: одинъ изъ младшихъ братьевъ ихъ, Михаилъ, по прозванію Хоробритъ, князь Московскій³⁾, отнялъ у дяди Святослава великое княженіе, и самъ заступилъ его мѣсто. Это явленіе очень важно, потому что здѣсь мы видимъ совершенный произволъ, полное невниманіе ко всякому родовому праву, исключительное преобладаніе права сильного; Михаилъ не былъ даже и старшимъ сыномъ отъ старшаго брата. Михаилъ скоро погибъ въ битвѣ съ Литовцами, еще до возвращенія старшихъ братьевъ изъ Орды, гдѣ Александръ былъ утвержденъ на столѣ Киевскомъ и Новгородскомъ, удержавъ также на сѣверо-востокѣ, какъ отчину, Переяславъ-Залѣскій; Андрей же получилъ великое княженіе Владимірское. Изгнанный дядя Святославъ ѣздилъ въ Орду; не извѣстно, требовалъ ли онъ у хана возвращенія великокняжескаго достоинства, или нѣтъ; извѣстно только то, что не получилъ его и скоро умеръ (въ 1252 г.). Оставался князь, который по старинѣ могъ предъявить права свои на великое княженіе: именно Владиміръ Углицкій, сынъ Константина Ростовскаго, старшаго изъ сыновей Всеволода III-го; но кто могъ думать о правѣ Владиміра въ то время, когда Михаилъ Московскій не обращалъ никакого вниманія ни на свое безправіе, ни на право дяди? Ярославичи были сильнѣе Углицкаго князя: этого было довольно, чтобъ заставить позабыть о наследствѣ.

Но раздѣлъ между Ярославичами не былъ миренъ; есть извѣстіе⁴⁾, что Александръ съ Андреемъ

имѣли въ Ордѣ большой споръ, кому быть во Владимірѣ, кому въ Киевѣ, и ханъ отдалъ Киевъ Александру, а Владиміръ—Андрею, основываясь на завѣщаніи покойнаго великаго князя Ярослава. Что же могло заставить Ярослава завѣщать старшему, Александру,—Киевъ, а младшему, Андрею,—Владиміръ? Быть можетъ, особенная любовь къ Андрею, который оставался всегда при немъ; быть можетъ также, что Ярославъ, желая удержать и Южную Русь въ своемъ родѣ, отдалъ Киевъ Александру, какъ болѣе способному держать его. Но если подобное завѣщаніе существовало въ самомъ дѣлѣ, то оно исключало необходимо брата Святослава, тогда какъ лѣтописецъ говоритъ прямо, что Святославъ утвердилъ племянниковъ на удѣлахъ, какъ распорядился покойный Ярославъ. Впрочемъ, есть средство согласить оба свидѣтельства: Ярославъ, при жизни, назначилъ Александра въ Киевъ, Андрей оставался на сѣверѣ; по изгнаніи Святослава Михаиломъ и по смерти послѣдняго, Андрей, желая получить Владимірскій столѣ, настаивалъ на томъ, что уже старшій братъ его получилъ старшій столѣ — Киевъ и Русскую Землю, по распоряженію покойнаго отца, и тѣмъ убѣдилъ хана, который, для собственной безопасности, могъ не желать усиленія Александра. Но Александръ, какъ старшій, не могъ быть доволенъ такимъ рѣшеніемъ, ибо давно уже Владиміръ получилъ первенство надъ Киевомъ относительно старшинства, давно уже киевскіе князья не могли быть безъ Владимірскихъ; теперь особенно когда Южная Русь была опустошена, когда Киевъ представлялъ одиѣ развалины, владѣніе имъ не могло быть лестно. Вотъ почему Невскій могъ считать себя въ правѣ сердиться на младшаго брата, видѣть въ немъ хитрика правъ своихъ (1249 г.). — Какъ бы то ни было, Андрей два года спокойно сидѣлъ во Владимірѣ; Александръ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ⁵⁾, хотѣлъ идти въ Киевъ, но былъ удержанъ Новгородцами, представившими ему опасность отъ Татаръ на югѣ. Въ 1250 году Андрей вступилъ въ тѣсную связь съ Данииломъ Галицкимъ, женившись на его дочери; а въ 1252 году Александръ отправился на Донъ⁶⁾, къ сыну Батыеву, Сартаку, съ жалобою на брата, который отнялъ у него старшинство и не исполняетъ своихъ обязанностей относительно Татаръ⁷⁾. Александръ получилъ старшинство, и

хану должно читать Андрей, ибо говорится уже послѣ смерти Михайловой.

⁵⁾ Татищ. IV, 22.

⁶⁾ Быть можетъ, есть связь между этими двумя событіями.

⁷⁾ Татищ. IV, 24. Справедливость этого извѣстія подтверждается, во 1) словами Андрея: «Господи! что се есть, доколѣ намъ межъ собою браниться и наводити другъ на друга татаръ». 2) Александръ былъ въ это время въ Ордѣ и ввѣлъ старшинство отъ хана: если-бы онъ не былъ противъ брата, то почему не умолилъ Сартака, какъ умолилъ его послѣ, по случаю возстанія народныхъ? 3) Бѣгство Андрея въ Швецію и радужный пріемъ съ стороны Шведовъ также можетъ показывать, что они видѣли въ Андрѣ врага Александра.—Предположеніе ии. Щербат., что всему виною былъ дядя Святославъ,

¹⁾ Здѣсь вѣрнее считаемъ себя въ правѣ употребить это слово, означющее отдѣльное, выдѣленное владѣніе, вступающее постоянно при одной княжеской линіи, ибо преемніе волости княжескія не были удѣлами, и древній лѣтописецъ не знаетъ этого слова.

²⁾ По свидѣтельству лѣтописной, Александръ былъ самый старшій, Андрей слѣдовалъ за нимъ.

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 38. Рукоп. Москов. Истор. Общ. № 128.

⁴⁾ Татищ. III, 22. Это мѣсто испорчено: вмѣсто Ми-

толпы Татаръ, подъ начальствомъ Неврюя, вторгнулись въ Землю Суздальскую. Андрей при этой вѣсти сказалъ: „Что это, Господи! покуда намъ между собою ссориться и наводить другъ на друга Татаръ; лучше мнѣ бѣжать въ чужую землю, чѣмъ дружить съ Татарами и служить имъ.“ Собравши войско, онъ вышелъ противъ Неврюя, но былъ разбитъ и бѣжалъ въ Новгородъ, не былъ тамъ принятъ и удался въ Швецію, гдѣ былъ принятъ съ честью. Татары взяли Переяславль, захватили здѣсь семейство Ярослава, брата Андрея¹⁾, убили его воеводу, поплѣнили жителей и пошли назадъ въ Орду. Александръ прѣхалъ княжить во Владиміръ; Андрей также возвратился на Русь и помирился съ братомъ, который помирилъ его съ ханомъ и далъ въ удѣль Суздаль²⁾.

Но скоро началась у Александра вражда съ другими братьями, Ярославомъ, княжилившимъ въ Твери. Вслѣдствіе появленія на сѣверѣ отдѣльныхъ отчинъ, удѣловъ, между князьями необходимо обнаруживается стремленіе усиливать эти удѣлы на счетъ другихъ; уже въ Ярославѣ Всеволодовичѣ ясно обнаружилось это стремленіе: недовольный своимъ Переяславскимъ удѣломъ, онъ старался утвердиться въ Новгородѣ, даже въ Кіевѣ; сынъ его Ярославъ Тверской шелъ по слѣдамъ отцовскимъ. Въ 1254 г. онъ отправился княжить во Псковъ (а по другимъ извѣстіямъ—въ Ладогу), гдѣ принялъ его съ большою честью; но Псковъ находился въ тѣсной связи съ Новгородомъ, а въ Новгородѣ не всѣ были довольны великимъ княземъ Александромъ, вмѣсто котораго княжилъ теперь здѣсь сынъ его Василій, и вотъ въ 1255 году Новгородцы выгнали Василя и перевели къ себѣ изъ Пскова Ярослава Тверскаго. Но Василій не думалъ уступить дядѣ безъ борьбы и, засѣвши, по обычаю, въ Торжкѣ, дожидаясь отга своего съ полками, и ждалъ не долго; Александръ явился съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Дмитріемъ Святославичемъ, и, соединивъ къ себѣ сына съ Повоторжцами, выступилъ противъ Новгорода; на дорогѣ встрѣтилъ его какой-то Ратишка съ перевѣтомъ: „Ступай, князь! говорилъ онъ: братъ твой Ярославъ убѣжалъ“. Не

не имѣетъ основанія, ибо Святославъ не получилъ отъ перенятой шкакой полныи; связь между событиями, какую представляетъ Степенная книга (I, 367), не держится: «В. князь Александръ пакы пріиде въ орду къ новому царю Сартаку. Славный же градъ Владиміръ и всю Суздальскую землю поручи брату своему князю Андрею. Онъ же аще и преудобрень бѣ благородіемъ и храбростію, но обаче правленію державы яко подѣліе вѣдѣяя, и на ловитвы животныхъ упражняся, и совѣтникомъ младаумнымъ внималя; отъ нихъ же бысть зѣло много нестроеніе, и оскуденіе въ людехъ, и тиета имѣюи. Его же ради царь Сартакъ посла воеводу своего» и проч.

¹⁾ Это очень замѣчательно: по извѣстію Татищева, Переяславль оставался за Александромъ (IV, 22); какииъ образомъ очутилось здѣсь семейство Ярослава Ярославича? Очень вѣроятно, что онъ былъ заодно съ Андреемъ противъ Александра, и овладѣлъ удѣломъ послѣдняго; мы и послѣ увидимъ его неурядочивныя отношенія къ старшему брату.

²⁾ Татиш. IV, 27.

смотря однако на бѣгство князя, Новгородцы не хотѣли безусловно покориться Александру и выстроили два полка, конный и пѣшій, причемъ въ первый разъ высказались двѣ сословныя партіи; меньшіе люди, собравши вѣче у Св. Николы, сказали: „Братья! а что какъ князь скажетъ: выдѣйте мнѣ враговъ моихъ?“ Въ отвѣтъ всѣ меньшіе цѣловали образъ Богородицы стать всѣмъ заодно,—либо животъ, либо смерть за правду новгородскую, за свою отчину. Но лучшіе люди думали иначе: имъ хотѣлось побить меньшихъ и ввести князя на своей волѣ, и Михалко, сынъ послѣдняго посадника, вникъ Твердиславовъ, предводитель стороны лучшихъ людей, уже побѣжалъ изъ города къ Св. Георгію (къ Юрьеву монастырю), чтобъ оттуда съ своимъ полкомъ ударить на меньшихъ. Посадникомъ въ это время на мѣсто Твердислава сына Степана (умершаго въ 1243 году) былъ Ананія, который, желая добра Михалку, послалъ за нимъ тайно; но вѣсть о замыслѣ Михалковомъ уже разнеслась между черными людьми, и они погнало было грабить его дворъ, но были удержаны посадникомъ: „Братья, говорилъ имъ Ананія: если хотите убить Михалка, то убейте прежде меня!“ Онъ не зналъ, что лучшіе люди уже порѣшили схватить его самого и посадничество отдать Михалку. Между тѣмъ посоль Александровъ явился на вѣче и объявилъ народу волю княжескую: „Выдѣйте мнѣ Ананію посадника; а не выдѣдите, то я вамъ не князь, ѣду на городъ ратью“. Новгородцы отправили къ нему съ отвѣтомъ владыку и тысяцкаго: „Ступай князь, на свой столъ, а злодѣевъ не слушай, на Ананію и всѣхъ мужей новгородскихъ нестанъ сердиться“. Но князь не послушалъ просьбы владыки и тысяцкаго; тогда Новгородцы сказали: „Если, братья, князь согласился съ нашими измѣнниками, то Богъ имъ судья и Св. Софія, а князь безъ грѣха“, — и стоялъ весь полкъ три дня за свою правду, а на четвертый день Александръ прислалъ объявить новое условіе: „Если Ананія не будетъ посадникомъ, то помирюсь съ вами“. Это требованіе было исполнено; Ананія свергнутъ, его мѣсто занялъ Михалко Степановичъ, и Василій Александровичъ опять сталъ княжить въ Новгородѣ.

Черезъ годъ (1257 г.) злая вѣсть, что Татары хотѣтъ наложить тамги и десятины на Новгородъ, опять смутила его жителей. Первая перенесъ татарская для сбора дани должна была проронходить еще въ началѣ княженія Ярослава; Илано-Каринни говорить, что во время пребыванія его въ Россіи ханы Куюкъ и Батый прислали сюда баскакомъ одного Сарадина, который у каждаго отца семейства, имѣвшаго трехъ сыновей, бралъ одного, захватилъ всѣхъ неженатыхъ мужчинъ и женщинъ, не имѣвшихъ законныхъ мужей, также всѣхъ нищихъ, остальныхъ же перечислялъ, по обычаю татарскому, и обложилъ данью; каждый человѣкъ мужскаго пола, какого бы возраста и состоянія ни былъ, обязанъ былъ платить по мѣху медвѣжьей, бобровому, соболиному, хорьковому и

либеуму; кто не могъ заплатить, того отводили въ рабство. Въ 1255 году умеръ Батый ¹⁾; ему наследовалъ сынъ его Сартакъ, или Сертакъ, скоро умершій. Золотая Орда досталась брату Батыеву, Берге, или Берке. По воцареніи этого новаго хана въ 1257 году, по русскимъ извѣстіямъ, происходила вторая перепись: пріѣхали численники, сочли всю Землю Суздальскую, Рязанскую и Муромскую, поставили десятниковъ, сотниковъ, тысячникъ и темниковъ, не считали только игуменовъ, чернецовъ, священниковъ и клирошанъ. Подобная же перепись происходила одновременно во всѣхъ странахъ, подвластныхъ Татарамъ, и всездѣ служители всѣхъ религій, исключая еврейскихъ раввиновъ, были освобождены отъ подати. Въ Новгородѣ послѣ вѣсти о переписи все лѣто продолжалось смятеніе; а зимою убили посадника Михалка: „Если бы кто добро другъ другу дѣлалъ, прибавляетъ лѣтописецъ, то добро бы и было, а кто конаетъ лѣтъ другнмъ яму, тотъ самъ въ пещ попадаетъ“. Велѣдъ за этимъ пріѣхалъ въ Новгородъ великій князь съ татарскими послами, которые начали требовать десятины и тамги; Новгородцы не соглашались, дали дары для хана и отпустили пословъ съ миромъ; самъ Василій, сынъ Невскаго, былъ противъ дани, слѣдовательно противъ воли отцовской, и выѣхалъ во Псковъ, какъ только отецъ пріѣхалъ въ Новгородъ; Александръ выгналъ его отсюда и отправилъ въ Суздальскую область, а совѣтниковъ его наказалъ жестоко. Волненія не прекращались въ Новгородѣ; тою же зимою убили Мишу, быть можетъ, того самаго, который такъ славно бился со Шведами при Невѣ; посадничество дано было Михаилу Федоровичу, выведенному изъ Ладоги. Цѣлый слѣдующій годъ однако прошелъ безъ слуховъ о требованіяхъ татарскихъ; но въ 1259 году пріѣхалъ съ Низу (изъ Суздальской волости) Михайла Пинециничъ съ ложнымъ посольствомъ: „Если не согласитесь на перепись, говорилъ онъ Новгородцамъ, то уже полки татарскіе въ Низовой Землѣ“. Новгородцы испугались и согласились; но когда зимою пріѣхалъ Александръ и съ нимъ окаянные Татары съ роядцы съ женами, то опять всталъ сильный мятежъ; Татары испугались и начали говорить Александру: „Дай намъ сторожей, а то убьютъ насъ“, и князь велѣлъ имъ стеречь по ночамъ сыну посадничью со вѣщи дѣтими боярскими. Татарамъ наскучило дожидаться: „Дайте намъ число, или побѣжимъ прочь“, говорили они. Но въ Новгородѣ и въ этомъ случаѣ, какъ въ предыдущемъ, высказались двѣ враждебныя сословныя партіи; одни граждане никакъ не хотѣли дать числа: „Умремъ честно за Св. Софію и за дома ангельскіе“, гово-

рили они; но другіе требовали согласія на перепись и наконецъ осилили, когда Александръ съ Татарами съѣхали уже съ Городиница. И начали ѣздить окаянные Татары по улицамъ, переписывая дома христіанскіе. Взавши число, татары уѣхали; велѣдъ за ними отправился и князь Александръ, оставивши въ Новгородѣ сына Дмитрія.

Въ Новгородѣ стало тихо; но поднялись волненія на востокѣ, въ Землѣ Ростовской: здѣсь въ 1262 г. народъ былъ выведенъ изъ терпѣнія насиліями татарскихъ откупщиковъ дани; поднялись вѣча и выгнали откупщиковъ изъ Ростова, Владиміра, Суздаля, Переяславля и Ярославля; въ послѣднемъ городѣ убитъ былъ въ это время отступникъ Исосимъ, который принялъ магометанство въ угоду татарскому баскаку и хуже иноплемениковъ угнеталъ своихъ прежнихъ согражданъ. Понятно, что въ Ордѣ не могли спокойно снести этого событія, и полки татарскіе уже посланы были плѣнить христіанъ; тогда Александръ, чтобы отомстить людямъ отъ бѣды, отправился въ четвертый разъ въ Орду; какъ видно, онъ успѣлъ въ своемъ дѣлѣ, благодаря, быть можетъ, Персидской войнѣ, которая сильно занимала хана Берге. Но это было уже послѣднимъ дѣломъ Александра; большою поѣзжалъ онъ изъ Орды, проведши тамъ всю зиму, и на дорогѣ, въ Городцѣ Волжскомъ, умеръ 14-го ноября 1263 года. „Много потрудившись за Землю Русскую, за Новгородъ и за Псковъ, за все великое княженіе, отдавая жпвотъ свой и за правобѣрную вѣру“. Соблюденіе Русской Земли отъ бѣды на востокѣ, знаменитые подвиги за вѣру и землю на западѣ доставили Александру славную память на Руси, сдѣлали его самымъ виднымъ историческимъ лицомъ въ нашей древней исторіи отъ Мономаха до Донскаго. Знакомъ этой памяти и славы служить особое сказаніе о подвигахъ Александровыхъ, дошедшее до насъ вѣстѣ съ лѣтописями, написанное современникомъ и, какъ видно, человекомъ близкимъ къ князю. Великій князь Александръ Ярославичъ, говоритъ авторъ сказанія, побѣждалъ всездѣ, а самъ не былъ нигдѣ побѣжденъ; приходилъ въ Новгородъ отъ западныхъ странъ знаменитый рыцарь, видѣлъ Александра и, возвратясь съ своею землею, рассказывалъ: „Прошелъ я много странъ и народовъ, но нигдѣ не видалъ такого ни въ царяхъ царя, ни въ князьяхъ князя“; такой же отзывъ сдѣлалъ о немъ и ханъ. Когда Александръ, послѣ отцовой смерти, пріѣхалъ во Владиміръ, то былъ грозенъ пріѣздъ его, промчалась вѣсть о немъ до самыхъ устьей Волги, и жены Моавитскія начали страшать дѣтей своихъ: „Молчи, великій князь Александръ ѣдетъ!“ Однажды явились къ нему послы изъ великаго Рима отъ папы, который велѣлъ сказать Александру: „Слышали мы о тебѣ, князь, что ты честенъ и дивенъ, и велика Земля твоя; поэтому прислали мы къ тебѣ отъ двѣнадцати кардиналовъ двоякъ хитрѣйшихъ — Галла и Гемонта, да послушаемъ ученія нашего“. Александръ, подумавши съ мудрецами своими, описалъ папѣ все

¹⁾ Ему приписывается основаніе Сарая, столицы Волжской, Золотой Орды или Джучіева улуса; основаніе города полагается между 1242 и 1254 годовъ; мѣстоположеніе его въ урочищѣ Царева-Воды, около и на вѣстѣ нынѣшняго города Царева. См. Григорьева: о мѣстоположеніи столицы Золотой Орды.

случившееся отъ сотворенія міра до Седьмого Вселескаго Собора, прибавивъ: „Все это мы знаемъ хорошо, но отъ васъ ученія не принимаемъ“¹⁾. Идя по слѣдамъ отцовскимъ, Александръ передавалъ много золота и серебра въ Орду на выкупъ пленныхъ. Митрополитъ Кириллъ былъ во Владимирѣ, когда узналъ о смерти Александра; онъ такъ объявилъ объ этомъ народу: „Дѣти мои милыя! знайте, что зашло солнце Земли Русской“, и все люди завопили въ отвѣтъ: „Уже погибасмъ!“

Занимаясь по смерти отца преимущественно отношеніями ордынскими, Александръ долженъ былъ слѣдить и за обыкновенною борьбою на западѣ, въ которой прежде принималъ такое славное участіе. Мы видѣли, что Михаилъ Московскій не долго пользовался стариннымъ столемъ, отнятымъ у дяди, и палъ въ битвѣ съ Литвою; но другіе Ярославичи отместили за его смерть, поразивши Литву изъ Зубцова (1249 году); около этого же времени Псковичи потерпѣли поражение отъ Литвы на Кудени; въ 1253 году Литва явилась въ области Новгородской; но князь Василій съ Новгородцами нагнали ее у Торонца, разбили, отняли полонъ. Въ 1258 г. пришла Литва съ Полочанамъ къ Смоленску и взяла городъ Войшину²⁾ на штурмъ; послѣ этого Литовцы явились у Торжка, жители котораго вышли къ нимъ на встрѣчу, но потерпѣли поражение и городъ ихъ много пострадалъ; подъ 1262 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о мирѣ Новгородцевъ съ Литвою. — Шведы и Датчане съ Финнами пришли въ 1256 году и стали чинить городъ на Наровѣ; Новгородцы, снѣвшіе въ это время безъ князя, послали въ Суздальскую Землю къ Александру за полками, разослали и по своей волости собирать войско; непріятель испугался этихъ приготовленій и ушелъ за море³⁾. На зиму прѣхалъ въ Новгородъ князь Александръ и отправился въ походъ — куда, никто не зналъ; думали, что князь идетъ на Чудь, но онъ отъ Коноря пошелъ на Ямъ; путь былъ грудной, войско не видѣло ни дня, ни ночи отъ мятели; несмотря на то, Русскіе вошли въ непріятельскую землю и опустошили ее. Послѣ мира 1242 года Нѣмцы десять лѣтъ не поднимались на Русь; только въ 1253 году, обо-

дрепные удачными войнами съ Литвою, они нарушили договоры, пришли подъ Псковъ и сожгли посадь, по самихъ ихъ много Псковичи били, говорить лѣтописецъ. Видно впрочемъ, что осада крѣпости тянулась до тѣхъ поръ, пока пришелъ полкъ повгородскій на-выручку; тогда Нѣмцы испугались, сняли осаду и ушли. Въ Новгородѣ въ это время было покойно, и потому рѣшились не довольствоваться освобожденіемъ Пскова, а идти пустошить Ливонію: пошли за Нарову и положили пусты Нѣмецкую волость; Корелы также ей много зла надѣляли. Псковичи, съ своей стороны, не хотѣли оставаться въ долгу, пошли въ Ливонію и побѣдили нѣмецкій полкъ, вышедшій къ нимъ на-встрѣчу. Тогда Нѣмцы послали въ Псковъ и въ Новгородъ просить мира на всей волѣ новгородской и псковской, и помирились. Въ 1262 г. собрались князья идти къ старой отчинѣ своей, къ Юрьеву Ливонскому. Этотъ походъ замѣчательнъ тѣмъ, что здѣсь въ первый разъ видимъ русскихъ князей въ союзѣ съ литовскими, для наступательнаго движенія противъ Нѣмцевъ. Русскіе князья — братъ Невскаго, Ярославъ, и сынъ Дмитрій съ Миндовгомъ Литовскимъ, Тройпатоми Жмудскимъ и Тевтивилемъ Полоцкимъ — уговорились ударить вмѣстѣ на Орденъ. Миндовгъ явился передъ Венденомъ, но тщетно дожидаяся Русскихъ и возвратился назадъ, удовольствовавшись однимъ опустошеніемъ страны. Когда ушла Литва, явились русскіе полки и осадили Юрьевъ. Нѣмцы сильно укрѣпили его. „Быль городъ Юрьевъ твердь, говоритъ лѣтописецъ, въ три стѣпы, и множество людей въ немъ всякихъ, и оборону себѣ пристроили на городѣ крѣпкую“⁴⁾. Послѣ былъ взятъ приступомъ, сожжены: Русскіе набрали много полону и товара великаго, но крѣпости взяти не могли и ушли назадъ. Нѣмецкій лѣтописецъ прибавляетъ, что Русскіе оставили Юрьевъ, слыша о приближеніи магистра Вернера Фоль-Брейтгаузена, и что магистръ, по ихъ слѣдамъ, вторгнулся въ русскія владѣнія, опустошилъ ихъ, но болѣзнь принудила его возвратиться⁴⁾.

Прежній великій князь, Андрей Ярославичъ, не долго пережилъ брака своего: онъ умеръ весною 1264 года. Сохранилось извѣстіе⁵⁾, что Андрей, по смерти Александра, снова хотѣлъ занять стодъ Владимирскій, но что братъ его Ярославъ перенесъ дѣло на рѣшеніе хана, и тотъ утвердилъ Ярослава. Это извѣстіе подтверждается тѣмъ, что въ лѣтописяхъ вступленіе Ярослава на великокняжескій престолъ означено не точно по смерти Александра въ 1263, но уже по смерти Андрея въ 1264 году. Неизвѣстно, гдѣ Невскій имѣлъ пребываніе: — въ отчинномъ ли городѣ Переславль-Залѣскомъ⁶⁾, или во Влади-

¹⁾ Грамоту Иннокентія IV къ Александру см. въ *Historia Russiae Monum.* I, № LXXVIII; Иннокентій уговариваетъ Александра обратиться къ Рижской церкви по призыву отца Ярослава, который будто бы, по свидѣтельству Пляно-Карпини, обратился въ латинство въ Ордѣ; но у Пляно-Карпини нѣтъ ни слова объ этомъ. Еще въ 1207 г. папа Иннокентій III писалъ къ духовенству и мірянамъ въ Россіи о послѣдѣ легата — ut filiis rodicac ad matrem et membrum ad carit. Потомъ Григорій IX писалъ о томъ же къ в. к. Юрію Всеволодовичу. См. тамъ же № III, XXXIII.

²⁾ Карамзинъ (IV, прим. 102); Войшину (князь Воено); Арцибани. (II, прим. 208); «мы не знаемъ Войщины, Воено — хѣтечко Могилевской губерніи, Оршанскаго повѣта».

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 56: «Придома Свѣи и Емъ, и Сумъ и Дидманъ». Дидманъ, по вѣроятнѣйшей догадкѣ Арцибашева (II, прим. 175), былъ извѣстный датскій вассалъ; сомнительно, были ли здѣсь Свѣи. — О походе въ Александра въ Норвегію, см. *Totfaci. Hist. Norveg.* IV, 265.

⁴⁾ Russos., p. 20.

⁵⁾ Татищ. IV, 32.

⁶⁾ Переславль-Залѣскій былъ удѣломъ отца его Ярослава, и потому, по новому порядку вещей, переходить постоянно къ старшему по нисходящей линіи; вотъ почему онъ достался старшему сыну Ярослава — Александру, потомъ старшему сыну послѣдняго Дмитрію, наконецъ сыну

міръ, по крайней мѣрѣ погребенъ былъ въ послѣднемъ; братъ же его, Ярославъ, какъ видно, жилъ то въ Твери ¹⁾, то во Владимірѣ, то въ Новгородѣ, и былъ похороненъ въ Твери ²⁾. Смерть Невскаго повела прежде всего къ перемѣнѣ въ Новгородѣ; сынъ его Дмитрій былъ изгнанъ; мы видѣли, что посадникъ Ананія былъ сверженъ по требованію Александра, и на его мѣсто поставленъ Михалко Степановичъ—необходимо угодный великому князю; но Михалко былъ убитъ меньшими людьми, постоянно не ладившими съ Александромъ, слѣдовательно и посадника, ими выбраннаго, Михаила Оедоровича, мы не имѣемъ права считать въ числѣ приверженцевъ послѣдняго. Поэтому неудивительно встрѣтить въ лѣтописи извѣстіе, что Новгородцы изгнали Дмитрія Александровича, по совету съ посадникомъ своимъ Михаиломъ, и послали въ Тверь сына посадникова и лучшихъ бояръ звать Ярослава къ себѣ на столь; вспомнимъ, что и прежде Ярославъ былъ позванъ въ Новгородъ вслѣдствіе желанія меньшихъ людей, которые такъ сильно послѣ того противились Александру. Рядъ Новгородцевъ съ Ярославомъ дошелъ до насъ во всей полнотѣ въ двухъ грамотахъ; Новгородцы называютъ предложенныя князю условія древними ³⁾: быть можетъ, они были предложены впервые Всеволоду, внуку Мономахову; внесено также въ условія, чтобъ поступки Невскаго не повторялись ⁴⁾. Несмотря на то, Новгородцы недолго нажили въ мирѣ и съ новымъ княземъ. Первая размоловка произошла по поводу Исковичей, которые посадили у себя княземъ Довмонта Литовскаго, тогда какъ прежде сидѣлъ у нихъ сынъ Ярославъ, Святославъ ⁵⁾; въ 1266 году Ярославъ пришелъ въ Новгородъ съ полками низовыми, чтобъ идти на Исковичей и Довмонта, уже славнаго подвигами своими за Русскую Землю; Новгородцы воспротивились этому походу и сказали князю: „Прежде переверѣдайся съ нами, а потомъ уже поѣзжай въ Исковъ.“ Ярославъ отослалъ полки свои назадъ. Намѣстникомъ Ярославовымъ въ Новгородѣ сидѣлъ племянникъ его, Юрій Андреевичъ ⁶⁾; но въ 1269 году приходилъ туда самъ великій князь, и

сталъ жаловаться: „Мужки мои и братья мои и ваши побиты въ войнѣ съ Нѣмцами“; князь складывалъ всю вину на грехъ гражданъ—Жирослава Давидовича, Михаила Мишинича и Юрія Сбыславича, желая лишить ихъ волостей. Но Новгородцы были за нихъ; князь въ сердцахъ собрался выѣхать изъ города: жители стали кланяться ему: „Князь! перестань сердиться на Жирослава, Михаила и Юрія, и отъ насъ не ѣзди“, потому что миръ съ Нѣмцами былъ еще не прочтенъ. Ярославъ не послушался и уѣхалъ; но они послали за нимъ владыку и лучшихъ мужей, и воротили его съ Бронниль; чтобъ угодить ему, выбрали тысяцкаго Ратибора Клуковича по его волю, а посадникомъ на мѣсто Михаила Оедоровича, умершаго въ 1268 году, былъ избранъ тогда же еще сынъ изгнанаго Ананія, Павна.

Новгородцы хотѣли мира съ Ярославомъ изъ страха передъ Нѣмцами только, и когда этотъ страхъ прошелъ, то въ слѣдующемъ же 1270 году всталъ мятежъ въ городѣ: начали выгонять князя, собрали вѣче на Ярославомъ дворѣ, убили пріятеля княжескаго Иванка; а другіе пріятели Ярославы, и между ними тысяцкій Ратиборъ, скрылись къ князю на Городище; Новгородцы разграбили ихъ дома, хоромы разнесли, а къ князю послали грамоту съ жалобою, что отняли Волхвъ гоголыми ловцами, а поле отнято заячьими ловцами, взяли дворъ Алексея Мурткинчича, взято серебро на Никифорѣ Манускиничѣ, на Романѣ Волдыжничѣ, на Варооломѣ; кромѣ того, выводятъ иноземцы, которые живутъ въ Новгородѣ. Ярославъ, несмотря на всѣ свои старанія, долженъ былъ выѣхать, и Новгородцы послали за Дмитріемъ Александровичемъ, но ошиблись въ расчетѣ,—Дмитрій отказался ѣхать къ нимъ, сказавши: „Не хочу взять стола передъ дядею“. Новгородцы пріучили, особенно когда узнали, что Ярославъ конитъ полки на нихъ, мало того,—послалъ къ хану ихъ прежняго тысяцкаго Ратибора просить помощи на Новгородъ; Ратиборъ говорилъ хану: „Новгородцы тебя не слушаютъ; мы просили у нихъ дани для тебя, а они насъ выгнали, другихъ убили, дома наши разграбили и Ярослава обесчестили.“ Ханъ повѣрилъ и отправилъ уже войско къ Ярославу. Въ такой крайней опасности Новгородъ былъ спасенъ не княземъ Южной, старой Руси, но роднымъ братомъ в. князя, Василиемъ Ярославичемъ Костромскимъ: этотъ князь вступился за старый городъ не по сочувствію съ его бытомъ, но изъ соприличества съ братомъ; какъ князь Костромской, Василій боялся усиленія князя Тверскаго, ибо такое усиленіе грозило не только правамъ его на княжество Владимірское, но даже независимости его княжества—Костромскаго. Василій послалъ сказать Новгородцамъ: „Кланяюсь Св. Софїи и мужамъ Новгородцамъ; слышалъ я, что Ярославъ идетъ на Новгородъ со всею своею силою, Дмитрій съ Переславцами и Глѣбъ съ Смольянами; жаль мнѣ своей отчизны.“ Но Василій не ограничился однимъ сожалѣніемъ: самъ поѣхалъ въ Орду, сказалъ хану, что Новгородцы правы, а Яро-

Дмитрія — Ивану, съ которымъ пресѣклась старшая линия Ярославова рода. Что Невскій былъ княземъ Переславля-Залесскаго, см. Никои. III, 13: «Размоловина Новгородци съ Александромъ Ярославичемъ, и отиде Александръ скоро къ отцу своему и мало пребывъ у отца и иде въ Переславль на княженіе, иже на Клециѣ озерѣ»; стр. 14: «Новгородци послаша съ челобитиемъ къ в. князю просяше у него сына его князя Александра, иже въ Переславль на Клециѣ озерѣ». Поли. Собр. Русск. Лѣт. III, 58: «Вынде князь Александръ изъ Новгорода къ отцу въ Переславль».

¹⁾ Поли. Собр. Русск. Лѣт. III, 58.

²⁾ Тамъ же, стр. 62.

³⁾ Собр. Гос. грам. и дог. т. I, № 1. «На семь, княже, цѣлуй крестъ къ всему Новгороду, на цѣмъ то цѣловали дѣды и отци».

⁴⁾ Тамъ же. «А кто княже, братъ твой Александръ хлѣбъ насиліе въ Новгородѣ, а того ся, княже, отетуню».

⁵⁾ Поли. Собр. Русск. Лѣт. III, 58. «Тогда вѣбгоша въ Псковъ 300 Литвы съ женами и дѣтми, и крестя я князь Святославъ».

⁶⁾ Воскрес. II, 243.

славъ виновать, и возвратилъ съ дороги татарскую рать. Между тѣмъ Новгородцы поставили острогъ около города, имѣніе свое вывели въ крѣпость, и когда явились сторожа Ярославовы, то весь городъ вышелъ съ оружіемъ отъ мала до велика. Ярославъ, узнавъ объ этомъ, засѣлъ въ Русѣ, а въ Новгородъ послалъ съ мирными предложеніями: „Объщаюсь впередъ не дѣлать ничего того, за что на меня сердитесь; всѣ князья въ томъ за меня поручаться“. Новгородцы отвѣчали: „Князь! ты вздумалъ зло на Св. Софію, такъ ступай; а мы изомремъ честно за Св. Софію; у насъ князя нѣтъ, но съ нами Богъ и правда, и Св. Софія, а тебя не хотимъ“. Новгородцы могли такъ разговаривать: къ Ярославу Татары не приходили, а къ нимъ собралась вся ихъ волость—Псковичи, Ладожане, Корела, Ижора, Вожане, пошли всѣ къ устью Шелони ¹⁾ и стояли пядью на бродѣ, а полкъ Ярославовъ по другую сторону рѣки. Дѣло впрочемъ не дошло до битвы, потому что явился новый посредникъ,—прислалъ митрополитъ грамоту, въ которой писалъ: „Мнѣ поручилъ Богъ архіепископію въ Русской Землѣ; вамъ надобно слушаться Бога и меня; крови не проливайте, а Ярославъ не сдѣлаетъ вамъ ничего дурнаго, я за то ручаюсь; если же вы крестъ дѣловали не держать его, то я за это принимаю епитимью на себя и отвѣчаю передъ Богомъ“. Митрополитичья грамота подѣйствовала ²⁾, и когда Ярославъ опять прислалъ въ новгородскій полкъ съ поклономъ, то Новгородцы помирились съ нимъ на всей своей волѣ, посадили его опять у себя на столѣ и привели къ кресту. Зимой Ярославъ отправился во Владиміръ, а оттуда въ Орду, оставя въ Новгородѣ наѣздникомъ Андрея Вратиславича, а во Псковѣ—князя Августа Литовскаго.

Въ 1272 году Ярославъ умеръ на возвратномъ пути изъ Орды. По старому порядку вещей, великое княжество перешло къ брату его Василию Костромскому; но относительно Новгорода явился ему соперникъ, и такимъ образомъ Новгородцы получили право выбора: послы Василя Костромскаго и племянника его, Димитрія Переяславскаго, въ одно время съѣхались въ Новгородъ; оба князя просили себя этого стола. Казалось, что выборъ будетъ легокъ для Новгородцевъ; благодарность заставляла ихъ избрать Василя, недавно избавившаго ихъ отъ страшной опасности. Несмотря на то, они посадили у себя Димитрія. Есть извѣстіе ³⁾, объясняющее причину такого поступка: Василій требовалъ уничтоженія грамотъ брата своего; слѣдовательно Новгородцы выбрали того, кто согласился княжить у нихъ на всей ихъ волѣ. Однако новый великій князь не думалъ уступать своихъ правъ: съ Татарами и племянникомъ своимъ, княземъ Тверскимъ Святославомъ, онъ повоевалъ волости нов-

городскія, взялъ Торжокъ, пожегъ хоромы, посадилъ своего тиуна, торговля съ Низовою Землею прекратилась, купцовъ новгородскихъ перехватили тамъ, и хлѣбъ сильно вздорожалъ въ городѣ. Зимой 1273 года князь Димитрій съ Новгородцами пошелъ къ Твери, а къ Василю послалъ сказать: „Возврати волости новгородскія и помирись съ нами“; но Василій не хотѣлъ мириться; тогда въ Новгородѣ возмутились люди и захотѣли Василя; Димитрій, не дожидаясь изгнанія, добровольно уѣхалъ въ свой Переяславъ, и Василій съѣлъ на столѣ Новгородскомъ; по нѣкоторымъ извѣстіямъ, Василій наказалъ своихъ противниковъ, въ числѣ которыхъ былъ тысяцкій ⁴⁾; судя по обстоятельствамъ, съ вѣроятностію можно положить, что прежнія требованія Василя относительно грамотъ были исполнены. Перегнѣна князя повлекла и перегнѣну посадника: еще до пріѣзда Василява отняли посадничество у Павши (Павла Семеновича) и дали Михаилу Мишиничу (вѣроятно сыну убитаго прежде Миши); Павши бѣжалъ сперва къ Димитрію, но потомъ раздумалъ и поѣхалъ съ поклономъ къ Василю, который, какъ видно, принялъ его милостиво, потому что какъ скоро Василій утвердился въ Новгородѣ, то отняли посадничество у Михаила и отдали опять Павши, выведши его изъ Костромы; но въ слѣдующемъ же 1274 году Павши умеръ, и Михаилъ сталъ опять посадникомъ. Въ 1276 году умеръ великій князь Василій и погребенъ въ своей отчинѣ, Костромѣ; съ нимъ прекратилось первое поколѣніе потомства Ярослава Всеволодовича, и старшинство со столомъ Владимірскимъ перешло по старинѣ къ старшему сыну Невскаго, Димитрію Александровичу Переяславскому. Такимъ образомъ, при ослабленій родовой связи и общности владѣнія, при образованіи удѣловъ, отдѣльныхъ отчинъ и при необходимо слѣдующемъ отсюда стремленіи каждаго великаго князя усилить свое собственное княжество, причемъ всѣ они начинаютъ съ Новгорода, жребій—усилиться и стать чрезъ это сосредоточивающимъ пунктомъ Руси—выпалъ сперва Твери; но недостатокъ твердости въ Ярославѣ Тверскомъ и соперничество брата его Василя воспріятыствовали усладенію Твери; Василій Костромскій едва получилъ великокняжескую область, какъ началъ дѣйствовать точно такимъ же образомъ, какой оуждалъ въ братѣ; подобно ему, привелъ Татаръ на Новгородцевъ, тогда какъ прежде заступился за послѣднихъ и отклонилъ отъ нихъ татарское нашествіе; но кратковременное пятнадцатилѣтнее правленіе не позволило ему усилить Костромское княжество, онъ умеръ бездѣтенъ, и очередь перешла къ Переяславлю-Залѣскому.

Касательно ордынскихъ отношеній по смерти Невскаго: въ 1266 году кончилось первое, самое тяжкое двадцатипятилѣтіе татарскаго ига; въ этомъ году, говорятъ лѣтописи, умеръ ханъ Берге, и была ослаба Руси отъ наслія татарскаго. Берге былъ

¹⁾ «И подоша въ Голино». Село Новгородскаго уѣзда, на лѣвомъ берегу у устья Шелони. Арцаб.

²⁾ По Никол. (III, 53) митрополитъ гровился въ случаѣ непослушанія наложить на Новгородъ запрещеніе.

³⁾ Татищ. IV, 45.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 46.

первый ханъ, который принялъ магометанство, и потому неудивительно читать въ лѣтописяхъ, что какой-то Изосимъ принялъ исламъ въ угодность татарскому баскаку. Берге наследовалъ Менгу-Гимуръ, внукъ Батыя отъ второго сына его Тутукана. Въ 1275 году происходила вторичная перенесъ народа на Русь и въ Новгородъ. — На западъ по-прежнему шла борьба съ Литвою и Нѣмцами. Въ Литвѣ въ это время произошли усобицы, вельдетвіе которыхъ въ 1266 г. приближалъ во Псковъ одинъ изъ литовскихъ князей, именемъ Довмонтъ, съ дружиною и съ дѣльмъ родомъ, принялъ крещение подъ именемъ Тимофея, и былъ посаженъ Псковичами на столъ Св. Всеволода: здѣсь въ первый разъ видимъ то явленіе, что русскій городъ призываетъ къ себѣ въ князя Литвина вмѣсто Юриковича, — явленіе любопытное, потому что оно объясняетъ намъ тогдашній понятія и отношенія, объясняетъ древнее призваніе самого Юрика, объясняетъ ту легкость, съ какою и другіе западные русскіе города, въ это время и послѣ, подчинялись династїи князей литовскихъ. Псковичи не ошиблись въ выборѣ: Довмонтъ своими доблестями, своею ревностію по новой вѣрѣ и новымъ отечествѣ напомнилъ Руси лучшихъ князей ея изъ рода Юрикова — Мстиславовъ, Александра Невского. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ Псковичи провозгласили его княземъ, Довмонтъ, взявши три деля и о с т а дружины отправился на Литовскую Землю, и повоевалъ свое прежнее отечество, плѣнилъ родную тетку свою, жену князя Гердена, и съ большими полономъ возвращался во Псковъ. Переправившись черезъ Двину и отбѣжавъ верстъ пять отъ берега, онъ сталъ шатрами на бору, разставилъ сторожей по рѣкѣ, отпустилъ два девяносто ратныхъ съ полопомъ во Псковъ, и самъ остался съ однимъ девяностомъ, ожидая за собою погони. Гердена и другихъ князей не было дома, когда Довмонтъ пустился ихъ землю; возвратившись, они погнались съ 700 человекъ вельдъ за нимъ, грозясь схватить его руками и предать лютой смерти, а Псковичей избѣчь мечами. Стража, разставленная Довмонтомъ на берегу Двины, приближала и объявила ему, что Литва уже переправилась черезъ рѣку. Тогда Довмонтъ сказалъ своей дружинѣ: „Братья-мужи Псковичи! кто старъ, — тотъ отецъ, а кто молодъ, — тотъ братъ! слышалъ я о мужествѣ вашемъ во всѣхъ сторонахъ; теперь передъ нами, братья, жизнь и смерть; братья-мужи Псковичи! потянемъ за Св. Троицу и за свое отечество“. Поѣхалъ князь Довмонтъ съ Псковичами на Литву и однимъ девяностомъ семействомъ побѣдилъ. Въ слѣдующемъ 1267 году Новгородцы съ Довмонтомъ и Псковичами ходили на Литву и много повоевали; въ 1275 году русскіе князья ходили на Литву вмѣстѣ съ Татарами и возвратились съ большою добычею. Въ 1268 году Новгородцы собрались было опять на Литву, но на дорогѣ раздумали и пошли за Нарву къ Раковору (Везенбергъ); много земли попустили, но города не взяли, и, потерявши 7 человекъ, возвратились

домой; но скоро потомъ рѣшились предпринять походъ поважнѣе и, подумавши съ посадникомъ своимъ Михаиломъ, послали за княземъ Дмитріемъ Александровичемъ, сыномъ Невского, звать его изъ Переяслава съ полками; послали и къ великому князю Ярославу, и тотъ прислалъ сыновей своихъ съ войскомъ. Тогда Новгородцы съехали мастеровъ, убогихъ дѣлать стѣнобитныя орудія, и начали чинить по роки на Владычнемъ дворѣ. Нѣмцы — Рижане, Феллинцы, Юрьевцы — услышавши о такихъ сборахъ, отправили въ Новгородъ пословъ, которые объявили гражданамъ: „Память съ вами миръ, переvedывайтесь съ Датчанами-Колыванцами (Ревельцами) и Раковорцами (Везенбергцами), а мы къ нимъ не пристаемъ, на чемъ и крестъ дѣлуемъ;“ — и точно поѣхали крестъ. Новгородцы однако этимъ не удовольствовались, послали въ Ливонію привести къ кресту всѣхъ пискуповъ и Вожьихъ дворянъ (рыцарей), и тѣ всѣ присягнули, что не будутъ помогать Датчанамъ. Обезопасивъ себя такимъ образомъ со стороны Нѣмцевъ, Новгородцы выступили въ походъ подъ предводительствомъ семи князей, въ числѣ которыхъ былъ и Довмонтъ со Псковичами. Въ январѣ мѣсяцѣ вошли они въ Нѣмецкую Землю и начали опустошать ее по обычаю; въ одномъ мѣстѣ Русскіе нашли огромную непроходимую пещеру, куда спряталось множество Чуди; три дня стояли полки передъ пещерою и никакъ не могли добраться до Чуди; наконецъ одинъ изъ мастеровъ, который былъ при машинахъ, догадался пустить въ нее воду; этимъ средствомъ Чудь принуждена была покинуть свое убожище, и была персбита. Отъ пещеры Русскіе пошли дальше къ Раковору; но когда достигли рѣки Кеголы, 18-го февраля, то вдругъ увидели передъ собою полки нѣмецкіе, которые стояли, какъ лѣсъ дремучій, потому что собралась вся Земля Нѣмецкая, обманувши Новгородцевъ ложною клятвою. Русскіе однако не испугались, пошли къ Нѣмцамъ за рѣку и начали ставить полки: Псковичи стали по правую руку, князь Дмитрій Александровичъ съ Переяславами и съ сыномъ великаго князя Святославомъ стали по правую же руку повыше; по лѣвую, — сталъ другой сынъ великаго князя, Михаилъ съ Тверичами, а Новгородцы стали въ лицо желѣзному полку противъ великой свиньи, и въ такомъ порядкѣ схватились съ Нѣмцами. Было побоище страшное, говорить лѣтописецъ, какого не видали ни отцы, ни дѣды. Русскіе сломили Нѣмцевъ и гнали ихъ семь верстъ вплоть до города Раковора; но дорого стояла имъ эта побѣда: посадникъ съ тринадцатю знаменитѣйшими гражданами polegъ на мѣстѣ, много пало и другихъ добрыхъ бояръ, а черныхъ людей безъ числа; нные пропали безъ вѣсти, и въ томъ числѣ тысяцкій Кондратъ. Сколько пало несправедливыхъ — видно изъ того, что копница русская не могла пробираться по ихъ трунамъ; но у нихъ оставались еще свѣжіе полки, которые, во время бѣгства остальныхъ, успѣли врѣзаться свиньею въ обозъ новгородскій; князь Дмитрій хотѣлъ немедленно

напасть на нихъ, но другіе князья его удержали: „Время уже къ ночи, говорили они, въ темнотѣ смѣшаемся и будемъ бить своихъ“. Такимъ образомъ, оба войска остановились другъ противъ друга, ожидая разсвѣта, чтобы начать снова битву; но когда разсвѣло, то пѣмечихъ полковъ уже не было болѣе видно,—они сбѣжали въ ночь. Новгородцы стояли три дня на костахъ (на полѣ битвы), на четвертый тронулись, везя съ собою избѣженныхъ братій, честно отдавшихъ животъ свой, по выраженію лѣтописца. Но Довмонть съ Псковичами хотѣли воспользоваться побѣдою, опустошили Ливонію до самаго моря и, возвратившись, наполнили землю свою множествомъ полона. Латинны (Нѣмцы), собравши остатокъ силъ, спѣшили отомстить Псковичамъ; пришли тайно на границу, сожгли нѣсколько псковскихъ селъ и ушли назадъ, не имѣя возможности предпринять что нибудь важное; ихъ было только 800 человекъ; но Довмонть погнался за ними съ 60 человекъ камп дружины и разбилъ. Въ слѣдующемъ 1269 году магистръ пришелъ подъ Псковъ съ силою тяжкою; 10 дней стояли Нѣмцы подъ городомъ и съ урономъ принуждены были отступить; между тѣмъ явились Новгородцы на помощь и погнались за неприятелемъ, который успѣлъ однако уйти за рѣчку, и оттуда заключилъ миръ на всей волѣ новгородской. Оставалось покончить съ Датчанами ревельскими, и въ томъ же году самъ великій князь Ярославъ послалъ сына Святослава въ Низовую Землю собирать полки; собрались всѣ князья и безчисленное множество войска пришло въ Новгородъ; былъ тутъ и баскакъ великій владимірскій, именемъ Амраганъ, и всѣ вѣстѣ хотѣли выступить на Колывань. Датчане испугались и прислали просить мира: „Клянемся на всей вашей волѣ; Наровы всей отступаемся, только кроны не проливайте“. Новгородцы подумали—и заключили миръ на этихъ условіяхъ.

До сихъ поръ мы преимущественно обращали вниманіе на пресество великихъ князей владимірскихъ и отношенія ихъ къ родичамъ; теперь взглянемъ на отношенія князей въ другихъ волостяхъ Сѣверо-Восточной Руси. Лѣтописецъ не говоритъ, гдѣ княжилъ Святославъ Всеволодовичъ, лишенный Владимірскаго стола, и сынъ его Дмитрій, ибо прежній удѣлъ ихъ, Суздаль, отданъ былъ Невскимъ брату его Андрею Ярославичу, также лишившемуся Владиміра. Мы видимъ послѣ, что этотъ Дмитрій помогаетъ Невскому въ войнѣ противъ Новгорода; наконецъ, подъ 1269 годомъ встречаемъ извѣстіе о смерти Дмитрія и погребеніи его въ Юрьевѣ—знакъ, что онъ княжилъ въ этомъ городѣ, который держалъ отецъ его Святославъ по смерти Всеволода II; слѣдовательно Юрьевъ, какъ неотъемлемая вотчина, осталась за Святославомъ и тогда, когда онъ получалъ отъ брата Ярослава Суздаль. По смерти Андрея Ярославича остались сыновья—Юрій и Михайла; перваго мы видѣли въ Новгородѣ.—Въ 1249 г. умеръ послѣд-

ній сынъ Константина Всеволодовича, Владимір Углицкій, оставивъ двоихъ сыновей—Андрея и Романа, изъ которыхъ Андрей умеръ въ 1261 г. Въ одинъ годъ съ Владиміромъ умеръ племянникъ его, Василій Всеволодовичъ Ярославскій, не оставивъ сыновей, вслѣдствіе чего произошло любопытное явленіе: прежде въ старой Руси волости не считались собственностью отдѣльныхъ князей, но собственностію цѣлаго рода, и если какой-нибудь князь умиралъ, то волость его не переходила даже и къ сыновьямъ, но къ старшему въ родѣ или племени; на сѣверѣ мы видимъ, что волости начинаютъ переходить прямо къ сыновьямъ, исключая одной старшей волости Владимірской; но мало этого: понятіе о собственности, отдѣльности владѣнія такъ утвердилось, что удѣлы, за немѣняемъ сыновей, переходить къ дочери покойнаго князя, вслѣдствіе чего дочь Василія Всеволодовича начала княжить въ Ярославлѣ съ матерью, которая стала искать ей жениха. Въ это время въ Смоленской волости княжили трое сыновей Ростислава Мстиславича, внука Давыда Ростиславича: Глѣбъ, котораго мы видѣли союзникомъ Ярослава Ярославича противъ Новгорода, Михайла и Оеодоръ. По словамъ лѣтописца, Глѣбъ и Михайла обидѣли Оеодора, давши ему одинъ только Можайскъ; этого-то Оеодора Можайскаго вдова Василія Всеволодовича выбрала въ мужья своей дочери, и такимъ образомъ одинъ изъ Ростиславичей смоленскихъ получилъ въ приданое за женою волость суздальскихъ Юрьевичей. Въ житіи князя Оеодора находимъ слѣдующія дополнительныя извѣстія: отъ первой жены, княжны Ярославской, онъ имѣлъ сына Михайла; во время отсутствія князя въ Орду, жена его умерла, и тепа съ боярами, провозгласивъ княземъ молодого Михайла, не пустили въ городъ Оеодора, когда онъ пріѣхалъ изъ Орды. Оеодоръ отправился назадъ въ Орду, тамъ женился на ханской дочери, прижалъ съ нею двоихъ сыновей—Давида и Константина, и, услыхавъ о смерти старшаго своего сына, Михайла, возвратился въ Ярославль, гдѣ утвердился съ ханской помощію.

Изъ князей муромскихъ упоминается Ярославъ, по случаю брака Ростовскаго князя Бориса Васильевича на его дочери. Въ Рязани княжилъ Олегъ Нигваревичъ, внукъ Игоревъ, правнукъ Глѣбовъ, оставившій (1258 г.) столъ сыну Роману. Въ 1270 году на Романа донесли хану Менгу-Тимуру, будто онъ хулитъ хана и ругается вѣрѣ татарской; ханъ пустилъ на Романа Татаръ, которые стали принуждать его къ своей вѣрѣ; тотъ не соглашался, и когда стали его бить, то онъ продолжалъ восхвалять христіанство и бранить вѣру татарскую; тогда разъяренные Татары отрѣзали ему языкъ, загкнули ротъ платкомъ и, изрѣзавши всего по составамъ, отняли наконецъ голову и взоткнули на копье. Разсказавши смерть Романову, лѣтописецъ обращается къ русскимъ князьямъ и увѣщиваетъ ихъ не плѣняться суетною славою свѣта сего, не обижать другъ друга, не лукавствовать между собою, не похищать

чужаго, не обижать меньшихъ родичей. Не извѣстно, кто оклеветалъ Романа.

Изъ бояръ при князьяхъ Сѣверо-Восточной Руси упоминается Жидиславъ, воевода князя Ярослава Ярославича, котораго Татары убили въ Переяславѣ въ 1252 году; именемъ своимъ онъ напоминаетъ прежнихъ славныхъ на сѣверѣ Жидиславовъ или Ярославовъ. У князя Василия Костромскаго упоминается воевода Семень, опустошавшій въ 1272 году Повгородекую волость; можно думать, что это одно лицо съ знаменитымъ впоследствии Семеномъ Тониліевичемъ.

Обратимся теперь къ Юго-Западной Руси.

Плано-Карининъ, проѣхавшій черезъ древнюю собственную Русь (Кіевскую область) въ 1245 году, говоритъ, что онъ во все продолженіе пути находился въ безпрестанномъ страхѣ предъ Литовцами, которые начали опустошать теперь и Приднѣпровье, благодаря тому, что некому было противиться: большая часть жителей Руси или была побита, или взята въ плѣнъ Татарами; Кіевъ послѣ Батыева опустошенія сдѣлался ничтожнымъ городкомъ, въ которомъ едва насчитывалось домовъ съ двѣсти; жители находились въ страшномъ рабствѣ; по окрестностямъ путешественники находили бесчисленное множество череповъ и костей человѣческихъ, разбросанныхъ по полямъ. Такимъ образомъ, Русь находилась между двумя страшными врагами: Татарами — съ востока и Литвою — съ запада, которые не замедлятъ вступить въ борьбу за нее. Но у нея оставался еще знаменитый князь, подъ знаменемъ котораго она могла еще съ успѣхомъ отстаивать свою независимость, хотя и гутъ, разумеется, собственная Русь не могла играть по прежнему первенствующей роли; Кіевъ уже прежде потерялъ свое первенствующее значеніе, перенесенное теперь къ богатой области Прикарпатской, отчинивъ знаменитаго правнука Изяслава Мстиславича. Но къ этой волости перешло также роковое пренукуство Кіевского княжества — бытъ предметомъ усобицъ между Мономаховичами и Ольговичами; несмотря на татарское опустошеніе, за Галичъ продолжали бороться двое представителей обѣихъ враждебныхъ линій — Даниилъ Романовичъ Мономаховичъ и Михаилъ Всеволодовичъ Ольговичъ.

Даниилъ еще до взятія Кіева Батыемъ поѣхалъ въ Венгрію, но былъ дурно принятъ королемъ, который отказался выдать дочь свою за его сына. Даниилъ выѣхалъ изъ Венгріи, но, встрѣтивъ на дорогѣ толпы народа, спасавшагося бѣгствомъ отъ Татаръ, долженъ былъ возвратиться назадъ; потомъ, услышавъ, что братъ, жена и дѣти спаслись въ Польшу, отправился и самъ туда-же; на дорогѣ соединился съ семействомъ и вмѣстѣ съ ними поѣхалъ къ Кондратову сыну Волеславу, который далъ ему на время Вынгородъ, гдѣ Даниилъ и пробылъ до тѣхъ поръ, пока узналъ, что Татары вышли изъ его волости. Обстоятельство, что Даниилъ уѣхалъ въ Венгрію только съ однимъ сыномъ Львомъ, оставивши семейство въ Галичѣ,

заставляетъ думать, что онъ не бѣжалъ предъ Татарами, а ѣздилъ для сватовства и заключенія союза съ королемъ противъ Татаръ. Въ Галичѣ ждали Даниила прежнія непріятности: когда онъ подѣхалъ къ городу Дрогоичину, то наѣстники тамошній не позволили ему войти въ городъ; другіе города были опустошены, — изъ Вреста нельзя было выйти въ поле отъ смрада гниющихъ труповъ; во Владимірѣ не осталось ни одного живаго человека; Вогородичный соборъ и другія церкви были наполнены трунами. Между тѣмъ и Михаилъ Черниговскій съ сыномъ Ростиславомъ возвратились изъ Польши, гдѣ также скрывались отъ Татаръ, и проѣхали мимо Владиміра къ Шинску, не давши знать Романовичамъ о своемъ пріѣздѣ, чѣмъ явно выказывали вражду свою къ нимъ; изъ Шинска Михаилъ отправился въ Кіевъ и жилъ подъ этимъ городомъ на островѣ, а сынъ его Ростиславъ поѣхалъ княжить въ Черниговъ. Когда такимъ образомъ Черниговскіе обнаруживали непріязнь свою къ Романовичамъ, послѣдніе должны были бороться со внутренними врагами. Бояре галицкіе, по словамъ лѣтописца, называли Даниила своимъ княземъ, а между тѣмъ сами держали всю землю; главными изъ нихъ были въ это время Доброславъ Судычъ, поповъ внукъ, и Григорій Василевичъ ¹⁾; первый взялъ себѣ Бакоту ²⁾ и все Понпзье, а другой хотѣлъ овладѣть горною стороною Перемышльской, и былъ мятежъ большой въ землѣ и грабежъ отъ низъ. Даниилъ послалъ стольника своего Якова сказать Доброславу: „Я вашъ князь, а вы меня не слушаетесь, землю грабите; я не велѣлъ тебѣ принимать черниговскихъ бояръ, велѣлъ дать волости галицкимъ, а коломыйскую соль отписать на меня.“ — „Хорошо, отвѣчалъ Доброславъ, такъ и будетъ сдѣлано“; но въ это самое время вошли къ нему Лазарь Домажиричъ и Иворъ Молибжичъ, два беззаконника отъ племени смердяго, какъ называется ихъ лѣтописецъ; они поклонились Доброславу до земли; Яковъ удивился и спросилъ: „За что это они такъ тебѣ низко кланяются?“ — „За то, что я отдалъ имъ Коломыю“, отвѣчалъ Доброславъ. — „Какъ же ты смѣлъ это сдѣлать безъ княжескаго приказа? сказалъ Яковъ: великія князья держать эту Коломыю ³⁾ на раздачу оруженосцамъ своимъ, а эти чего стоятъ?“ — „Чтожь мнѣ говорить?“ отвѣчалъ смѣясь Доброславъ: — другого ничего Яковъ не могъ отъ него добиться. Къ счастью Даниила, оба боярина — Доброславъ и Григорій — скоро перессорились; Доброславу не хотѣлось имѣть товарища, и потому онъ прислалъ къ князю съ доно-

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 179. «Доброславъ же вокняжился бѣ и Судычъ, поповъ внукъ, и грабленіе всю землю, въшедь въ Бакоту все понпзье прія». — Я считаю сдѣсь «п» вставленнымъ ошибкою: Доброславъ Судычъ былъ одно лицо, ибо во всей послѣдующей рѣчи говорится только о немъ да Григорій Василевичъ.

²⁾ Бакота находилась на лѣвомъ берегу Днѣстра, ниже Хотина, Архив. II, прим. 15.

³⁾ Городъ Коломыя находился близъ сѣвернаго берега рѣки Прута.

сомъ на Григорія, и оба потомъ явились съ наѣ-
тами другъ на друга къ Даниилу, который былъ
особенно оскорбленъ гордостью Доброслава: этотъ
бояринъ прѣхалъ къ князю въ одной сорочкѣ,
закинувъ вверхъ голову, въ сопровожденіи толпы
Галичанъ, шедшихъ у его стремени. Романовичи
увидели, что оба боярина лгутъ, оба не хотятъ
ходить по волѣ княжеской, и потому велѣли схва-
тить обоихъ, потомъ отравили печатника Кирилла
въ Бакоту собрать подробныя свѣдѣнія о граби-
тельствахъ боярскихъ и успокоить землю, въ чемъ
Кириллъ и успѣлъ.

Но только-что установилось спокойствіе вну-
треннее, какъ Романовичи должны были приняться
за оружіе для отраженія враговъ внѣшнихъ: въ
1241 году Ростиславъ Михайловичъ Черниговскій,
собравши князей болховскихъ и Галичанъ, себѣ
преданныхъ, осадилъ Кирилла въ Бакотѣ; послѣ
битвы у городскихъ воротъ, Ростиславъ потребо-
валъ свиданія съ печатникомъ, надѣясь склонить
его на свою сторону, но Кириллъ отвѣчалъ ему:
„Такъ-то ты благодарить дядей своихъ за ихъ
добро? ты позабылъ, какъ тебя выгналъ и съ от-
цомъ король Венгерскій, и какъ тогда приняли
тебя господа мои, твой дядя! отца твоего въ вели-
кой чести держали и Кіевъ ему обѣщали, тебѣ
Луцкъ отдали, а мать твою и сестру изъ Яросла-
вовыхъ рукъ освободили.“ Много умныхъ рѣчей
говорилъ Кириллъ, но Ростиславъ не послушался;
тогда печатникъ принялся за другое средство пѣ-
дѣйствительнѣе, и вышелъ на Черниговскаго князя
съ пѣхотою: тотъ не рѣшился вступить въ битву
и ушелъ за Днѣпръ. Даниилъ, услышавши, что
Ростиславъ приходилъ на Бакоту съ князьями
болховскими, пошелъ немедленно на послѣднихъ,
потому что эти князья также отплатили ему злою
неблагодарностью за добро: когда онъ жилъ въ
Вышгородѣ у Болеслава Мазовецкаго, то князья
болховскіе приближали также въ Польщу отъ Та-
гаръ; но Болеславъ не хотѣлъ принимать ихъ, а
хотѣлъ ограбить: „Это особенные князья, а не твои
ратники“, говорилъ онъ Даниилу, который всту-
пился за нихъ; Галицкій князь хотѣлъ-было даже
биться за нихъ съ Болеславомъ, насилиу братъ его
Василько умолилъ послѣдняго не трогать Волхов-
скихъ, которые обѣщались служить Полякамъ. Но
теперь они забыли все это, и Даниилъ безъ милости
опустошалъ ихъ землю, оставленную Татарами въ
цѣлости для того, чтобъ жители сѣяли на нихъ
пшеницу и просо; семь городовъ ихъ взялъ Даниилъ
и сжегъ. Но Ростиславъ Черниговскій не думалъ еще
отставать отъ своихъ враждебныхъ наѣзреній; со-
единившись съ измѣнникомъ Данииловымъ, бояри-
номъ Владиславомъ, и съ рязанскимъ изгнанникомъ,
братоубійцею княземъ Константиномъ Владиміро-
вичемъ, овладѣлъ Галичемъ, но былъ скоро вы-
гнанъ оттуда Романовичами и спасенъ былъ отъ
дальнѣйшаго преслѣдованія только вѣстію, что Та-
гары вышли изъ Венгріи и идутъ на Землю Галиц-
кую; Константинъ съ крамольнымъ владыкою Пе-

ремышльскимъ также принужденъ былъ ѣхать
передъ дворцовымъ Данииловымъ, Андреемъ; Андрей
настигъ и разграбилъ гордыхъ слугъ владыкинскихъ,
разодралъ тулупы ихъ бобровые, прилбицы (опушки
у шапокъ подлѣ лба) волчьи и бареуковыя: тутъ
же попался въ плѣтъ и славный пѣвецъ Митуса,
который прежде по гордости не хотѣлъ служить
князю Даниилу. Черезъ три года (въ 1245) Ростис-
лавъ, женившійся между тѣмъ на дочери короля
Венгерскаго, пришелъ съ тестевымъ войскомъ опять
на волость Даниила, разбилъ бояръ послѣдняго, но
былъ выгнанъ самимъ Данииломъ.

Черезъ нѣсколько времени Ростиславъ съ пол-
ками венгерскими и польскими вошелъ въ послѣд-
ній разъ въ Землю Галицкую и осадилъ Ярославль.
Во время сильныхъ боевъ передъ городомъ Венгры
и Поляки укрѣпили свой лагерь, чтобъ не терпѣть
никакого вреда отъ осажденныхъ до тѣхъ поръ,
пока не будутъ готовы осадныя машины. Ростис-
лавъ хвастался передъ войскомъ своимъ: „Если-
бы я зналъ только, гдѣ Даниилъ и Василько, то по-
ѣхалъ бы на нихъ съ десятью человекъ“. Онъ
устроилъ военную игру передъ городомъ и, сра-
жаясь съ какимъ-то Воршемъ, уналъ съ лошади и
вывихнулъ себѣ плечо—примѣта была не на добро,
замѣчаетъ лѣтописецъ. Даниилъ и Василько, услы-
шавши о его приходѣ, помолились Богу и стали со-
бирать войска. На рѣкѣ Санѣ произошла послѣдняя
кровавопрлитная битва между Мономаховичами и
Ольговичами; передъ сраженіемъ, говоритъ лѣто-
писецъ, пролетѣла надъ полкомъ стая птицъ хищ-
ныхъ, орловъ и вороновъ, и стали птицы играть,
хлоптать и плавать по воздуху—знаменіе было на
добро. Первый напалъ на полки Ростиславовы дво-
рецкій Андрей; когда съ обѣихъ сторонъ перело-
мали коня, то послышался трескъ, какъ отъ грома,
и много съ обѣихъ сторонъ подало всадниковъ
съ копей своихъ; Даниилъ послалъ къ Андрею 20
отборныхъ мужей на помощь, но тѣ испугались и
прибѣжали назадъ къ Сану, оставя храбраго двор-
скаго среди враговъ съ малою дружиною. Между
тѣмъ Поляки, поднявши страшный крикъ, поя-
вились (Кириѣ елсеисонъ), двинулась на Ва-
силька; съ ними былъ самъ Ростиславъ, а въ зад-
немъ полку стоялъ съ хоругвою извѣстный венгер-
скій воевода Филъ; онъ по-прежнему хвастался и
укорялъ Русь: „Русскіе, говорилъ онъ своимъ, го-
рячо наступаютъ, но долго не выдерживаютъ боя,
стоитъ намъ только выдержать ихъ первый на-
тискъ“. Даниилъ бросился на выручку брата, по-
пался-было въ плѣтъ, вырвался, выѣхалъ изъ пол-
ковъ, но потомъ возвратился опять, ударилъ на
Филу, смялъ полкъ его, разодралъ хоругвь поно-
лаемъ; увидавши это, Ростиславъ пробѣжалъ, а за
нимъ и всѣ Венгры. Мы оставили Василька, ожи-
дать нападенія Поляковъ, которые кричали другъ
другу: „Погонимъ длинныя бороды“.—„Лжете“,
прокричалъ имъ въ отвѣтъ Василько: „Вогъ помощ-
никъ намъ“,—и, съ этими словами, прищоривъ
коня, двинулся къ нимъ на-встрѣчу. Поляки не вы-

держали натиска и обратились въ ѡбѣство. Даниль, гоня Венгровъ и Русь Ростиславову черезъ глубокую дѣбрь, сильно тужилъ, не зная что дѣлается съ братомъ, какъ вдругъ увидаль хоругвь его и самого князя, гонимаго Поляковъ; Даниль остановился на могилѣ противъ города и подождалъ брата, съ которымъ сталъ совѣтоваться—продолжать ли преслѣдованіе. Василько отговариваль его гнаться дальше. Пораженіе неприятелей было полное: множество Венгровъ и Поляковъ было побито и взято въ плѣны; въ числѣ плѣнныхъ находился гордый Фила, схваченный Андреемъ дворскимъ, и знаменитый измѣшникъ галицкій, бояринъ Владиславъ: оба казнены были въ тотъ же день вмѣстѣ съ многими другими вешерскими плѣнниками¹⁾.

Ярославская побѣда окончательно утвердила Данила на столѣ Галицкомъ: съ этихъ поръ никто изъ русскихъ князей уже не беспокоилъ его болѣе своимъ соперничествомъ; Венгры также оставили свои притязанія; должны были успокоиться и внутренніе враги народа, бояре, не имѣя болѣе возможности крамолить, не находя соперниковъ сыну Романову. Но сколько жавень былъ для Данила 1249 годъ, столько же тяжело слѣдующій 1250; отъ Татаръ пришло грозное слово: „Дай Галичъ!“ Въ глубокой грусти оба Романовича стали думать, что дѣлать; въ чистомъ полѣ не было возможности сопротивляться Татарамъ, городовъ не успѣли укрѣпить; наконецъ Даниль сказалъ: „Не отдамъ пол-отчины моей, лучше поѣду самъ къ Батыю“²⁾. Даниль отправился въ путь, пріѣхаль въ опустошенный Кіевъ, гдѣ сидѣлъ бояринъ Дмитрій Кйковичъ, посланный туда в. княземъ Ярославомъ Суздальскимъ; въ Кіевѣ Даниль остановился въ Выдубицкомъ монастырѣ, созвалъ братію, попросилъ ихъ отслужить молебенъ, чтобъ Богъ помиловаль его, и поплылъ по Днѣпру въ сильной тоскѣ, видя предъ собою бѣду грозную. Въ Черкаславѣ, стольномъ городѣ прадѣда своего Мономаха, онъ уже встрѣтилъ Татаръ; упомянутые выше западные путешественники рассказываютъ о такомъ впечатлѣніи, которое произвело на нихъ первое знакомство съ Татарамъ, показавшимися имъ

какими-то демонами; такое же тяжелое впечатлѣніе произвели Татары и на Данила, но свидѣтельство лѣтописца: варварскіе обряды, суевѣрія внушали глубокое отвращеніе сыну Романову; съ ужасомъ думаль онъ, что всѣ приходящіе къ хану подчиненные владѣльцы должны исполнять эти обряды, ходить около куста, кланяться солнцу, луцѣ, землѣ, дьяволу, умершимъ, находящимся въ адѣ предкамъ ихъ ханскимъ. Въ черныхъ мысляхъ пріѣхаль Даниль на Волгу, въ Орду Батыеву, и первая вѣсть, услышанная имъ здѣсь, не могла его утѣшить,—пришелъ къ нему слуга в. князя Ярослава Суздальскаго и сказалъ: „Братъ твой Ярославъ кланялся кусту, и тебѣ кланяться“. — „Дьяволъ говоритъ твоими устами, отвѣчалъ ему на это Даниль: да заградить ихъ Богъ“. Къ счастью, Батый не потребоваль отъ него исполненія суевѣрныхъ обрядовъ; когда Даниль, при входѣ въ вежу, поклонился по татарскому обычаю, то Батый встрѣтилъ его словами: „Данило! зачѣмъ такъ долго не приходилъ; но все хорошо, что теперь пришелъ; пьешь ли черное молоко, наше питье, кобылій кумысъ!“ — „До сихъ поръ не пилъ, отвѣчалъ Даниль, но теперь если велишь, буду пить“. — „Ты уже нашъ Татаринъ, продолжалъ Батый, пей наше питье“. Даниль вынулъ, поклонился по ихъ обычаю, и, сказавши хану, что слѣдовало, о дѣлахъ своихъ, попросилъ позволенія идти къ ханнѣ; Батый сказалъ: „Иди“. Князь пошелъ поклониться ханнѣ; потомъ Батый прислалъ къ нему вина, велѣвши сказать: „Не привыкли вы пить молоко, пей вино“. Сѣверный лѣтописецъ, довольный относительномъ уваженіемъ, какимъ пользовались наши князья въ Ордѣ, повторяетъ постоянно, что они принимались тамъ съ честью; но южный, рассказавши о пріятіи Данила ханомъ, раздражается громкими жалобами: „О, злѣе зла честь татарская! Даниль Романовичъ князь былъ великій, обладалъ вмѣстѣ съ братомъ Русскою Землею, Кіевомъ, Владиміромъ и Галичемъ; а теперь сидитъ на колыняхъ, и холопомъ называется, дани хотятъ, живота не часть и грозы приходять. О злая честь татарская! Отецъ былъ царемъ въ Русской Землѣ, покоришь Половецкую Землю и военаль на нияя всѣ страны; и такого отца сынъ не принялъ чести, кто-жъ другой послѣ того получить отъ нихъ что-нибудь? Злобѣ и лести ихъ нѣтъ конца!“ Пробывши двадцать пять дней въ Ордѣ, Даниль достигъ цѣли своей побѣды: ханъ оставилъ за нимъ всѣ его земли. Пріѣхавши въ Русь, онъ былъ встрѣченъ братомъ и сыновьями, и былъ плачь о его обидѣ, говорилъ лѣтописецъ; но еще больше радовались, что увидѣли его опять здоровымъ.

Даниль могъ немного утѣшиться немедленнымъ полезнымъ слѣдствіемъ своей побѣды къ хану; король Венгерскій, испуганный не столько Ярославскою побѣдою, сколько благосклонностью Батыя къ Данилу, тотчасъ же прислалъ къ послѣднему съ предложеніемъ мира и родственнаго союза, который прежде отвергнулъ; Даниль изъявилъ сперва

¹⁾ Въ Ипатьев. свискѣ назначень 1249 годъ для этого событія; въ другихъ спискахъ неопредѣленно сказано: «п о т о ж е ж е»; что 1249 годъ означенъ неправильно, видно изъ извѣстія о помощи Копрада Мазовецкаго Данилу, а Копрадъ умеръ въ 1247 году.—О дальнейшей судьбѣ Ростислава Михайловича на чужбинѣ см. статью Палацкаго: о Русскомъ князѣ Ростиславѣ (Чтенія Моск. Истор. Общ. № 3, годъ 1846) и Палаузова: Ростиславъ Михайловичъ, князь Мачвы (Журн. Мин. Нар. Прос. 1851 г. Августъ).

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 184: «Не дамъ отчины своей, но ѣду къ Батыю самъ». — Что за смыслъ этихъ словъ? онъ можетъ объясняться только изъ смысла требованія татарскаго: «дай Галичъ». Хотѣли ли Татары только дани съ Галичи, или требовали себѣ всей земли въ полное, непосредственное владѣніе? Въ послѣднемъ случаѣ Даниль могъ сказать: «Не уступлю пол-отчины моей, не уступлю Галича, не ограничусь одною Волянью, лучше поѣду къ Батыю, умолю его оставить за мною всѣ мои волости».

сомнѣніе въ искренности короля; но митрополитъ Кириллъ съѣздилъ въ Венгрію и удалилъ дѣло: Левъ Даниловичъ женился на дочери королевской, и Даниилъ отдалъ королю плѣнниковъ венгерскихъ, взятыхъ при Ярославѣ. Но чѣмъ спокойнѣе было княженіе Данила внутри, чѣмъ славнѣе становился онъ между сосѣдними государями европейскими, тѣмъ тягостнѣе была для него злая честь татарская, и онъ сталъ искать средствъ къ сверженію ига. Съ одними средствами Галича и Волыни нельзя было и думать объ этомъ; сломить могущество Татаръ, отбросить ихъ въ степи можно было только съ помощію новыхъ крестовыхъ походовъ, съ помощію союза всей Европы, или, по крайней мѣрѣ, всей восточной ея половины. Но о крестовомъ союзѣ католическихъ государствъ цѣлью было думать безъ главы Римской церкви, отъ котораго должно было изойти первое, самое сильное побужденіе; князь Русскій могъ быть принятъ въ этотъ союзъ только въ качествѣ сына Римской церкви, и вотъ Даниилъ завязалъ сношенія съ папою Иннокентіемъ IV о соединеніи церквей. Легко понять, какъ обрадовался папа предложеніямъ Галицкаго князя; письмо за письмомъ, распоряженіе за распоряженіемъ слѣдовали отъ его имени по случаю присоединенія Галицкой Руси. Онъ отпрывилъ доминиканскаго монаха Алексѣя съ товарищемъ для безотлучнаго пребыванія при дворѣ Данила, поручилъ архіепископу Прусскому и Эстонскому легатство на Русь, позволялъ русскому духовенству совершать службу на закахенныхъ просвирахъ, призналъ законнымъ бракъ Даниилова брата Василька на одной изъ родственницъ, уступилъ требованію Данила, чтобъ никто изъ крестоносцевъ и другихъ духовныхъ лицъ не могъ приобретать имѣній въ русскихъ областяхъ безъ позволенія князя. Но съ самаго уже начала обнаружилось, что связь съ Римомъ не будетъ продолжительна: время крестовыхъ походовъ прошло, папа не имѣлъ уже прежняго значенія, не могъ своими буллами подвинуть дѣлой Европы противъ востока; въ 1253 году онъ писалъ ко всемъ христіанамъ Богеміи, Моравіи, Сербіи и Помераніи объ отраженіи татарскихъ набѣговъ на земли христіанскія и проновѣдываніи крестоваго похода; но это посланіе не произвело никакого дѣйствія; то же въ слѣдующемъ году писалъ онъ къ христіанамъ Ливоніи, Эстоніи и Пруссіи, — и также безуспѣшно. Въѣсто помощи противъ Татаръ, папа предлагалъ Даниилу королевскій титулъ, въ награду за соединеніе съ Римскою церковію. Но Данила не могъ предъстать королевскій титулъ; „Рать татарская не черастаетъ; какъ я могу принять вѣнецъ, прежде чѣмъ ты подашь мнѣ помощь?“ приказывалъ онъ отвѣчать папѣ. Въ 1254 году, когда онъ былъ въ Краковѣ, у князя Болеслава, туда же явились и послы папскіе съ короною, требуя свиданія съ Данииломъ; тотъ отдѣлялся на этотъ разъ, велѣвши сказать имъ, что не годится ему съ ними видѣться въ чужой землѣ. На слѣдующій годъ послы явились опять съ короною и съ обиданіемъ

помощи; Даниилъ, не полагаясь на пустыя обѣщанія, не хотѣлъ сперва и тутъ принимать короны, но былъ уговоренъ матерью своею и князьями польскими, которые говорили ему: „Прими только вѣнецъ, а мы ужъ будемъ помогать тебѣ на поганыхъ“; съ другой стороны, папа проклиналъ тѣхъ, которые хулили православную вѣру Греческую, и общалъ созвать соборъ для разсужденія объ общемъ соединеніи церквей. Даниилъ короновался въ Дрогоичинѣ; но событіе это осталось безъ слѣдствій; видя, что отъ папы не дождаться помощи, Даниилъ прервалъ съ нимъ всякія сношенія, не обращая вниманія на укоры Александра IV-го ¹⁾; впрочемъ титулъ королевскій остался навсегда за княземъ Галицкимъ.

Предоставленный однимъ собственнымъ средствамъ, Даниилъ не хотѣлъ однако отказаться отъ мысли о сопротивленіи Татарамъ: укрѣплялъ города и не позволялъ баскакамъ утверждаться въ низовьяхъ днѣпровскихъ. Ближайшимъ сосѣдомъ Данииловымъ въ Приднѣпровьи были баскакъ Куремса, не могшій вышсть большаго страха Галицкому князю, такъ что въ 1257 году послѣдній рѣшился предпринять наступательное движеніе противъ Татаръ, и побралъ всѣ русскіе города, непосредственно отъ нихъ зависѣвшіе ²⁾. Въ 1259 году войско Куремсы явилось у Владимира, но было отбито жителями; самъ Куремса не могъ взять Лудка, потому что сильный вѣтеръ относилъ отъ города каменья, бросаемые Татарами изъ машинъ. Но въ 1260, вмѣсто Куремсы, явился другой баскакъ, Вурундай, съ которымъ не такъ легко было управиться. Вурундай прислалъ сказать Даниилу: „Я иду на Литву; если ты миренъ съ нами, то ступай со мною въ походъ“. Опечаленный Даниилъ стѣлъ думать съ братомъ и сыномъ; они хорошо знали, что если Даниилъ самъ поѣдетъ къ Вурундаю, то не воротится съ добромъ за явную войну съ Куремсою, и потому рѣшили, что Василько поѣдетъ за брата. Василько отпрывался, на дорогѣ встрѣтилъ отрядъ Литовцевъ, разбилъ ихъ и привезъ с а й г а т ь (трофей) къ Вурундаю; это понравилось Татарину, онъ похвалилъ Василька, поѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ воевать Литву и послѣ войны отпустилъ домой. Но этимъ дѣло не кончилось; въ слѣдующемъ 1261 году Вурундай опять прислалъ сказать Романовичамъ: „Если вы мирны со мною, то встрѣтите меня, а кто не встрѣтитъ, тотъ мнѣ врагъ“. Опять поѣхалъ къ нему Василько, взявши съ собою племянника Льва и владьку Холмскаго Ивана (на Русіи узнали уже, что Монголы уважаютъ служителей всѣхъ религій); Татаринъ встрѣтилъ ихъ сильною бранью, такъ что владыка Иванъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ отъ страха; наконецъ

¹⁾ Папскія посланія см. въ *Historica Russiae Monumenta*, t. I, LXII—XCV. Плано-Карпини разсказываетъ, что на Волыни у князя Василька онъ читалъ русскимъ епископамъ папскія грамоты, и увѣщевалъ обратиться къ Римской церкви, по что они не могли дать рѣшительнаго отвѣта, ибо князя Данила не было тогда въ Руси.

²⁾ Нош. Собр. Русск. Лѣт. II, 194, 195.

Вурундай сказалъ Васильку: „Если вы со мною мирны, то разметьте всѣ свои города“. Надобно было исполнить приказаніе: Левъ разметалъ Даниловъ ¹⁾, Истожекъ ²⁾, послалъ и Львовъ разметать, а Василько послалъ разрушить укрѣпленія Кременя и Луцка. Владыко Иванъ отправленъ былъ ими къ Данилу съ вѣстію о гнѣвѣ Вурундая; Даниль испугался и уѣхалъ сперва въ Польшу, потомъ въ Венгрію, а между тѣмъ Вурундай вѣстѣ съ Василькомъ пріѣхалъ къ Владимиру, и приказалъ разрушить городскія укрѣпленія; Василько видѣлъ, что такія обширныя укрѣпленія нельзя скоро разрушить, и потому велѣлъ зажечь ихъ, и горѣли они цѣлую ночь. Сжегши свой городъ, Василько на другой день долженъ былъ угощать Вурундая въ беззащитномъ Владимирѣ; но Татарину и этого было мало: онъ потребовалъ, чтобы рвы городскіе были раскопаны, и это было исполнено. Изъ Владимира Вурундай и Василько пріѣхали къ Холму, любимому городу короля Данила; городъ былъ затворенъ, въ немъ сидѣли бояре и люди добрые съ пороками и самострѣлами, такъ что взять его не было никакой надежды у Вурундая, и онъ сталъ говорить Васильку: „Это городъ брата твоего, ступай, скажи гражданамъ, чтобъ сдались“; Василько поѣхалъ, а при немъ три Татарина, и толмачъ, знавшій русскій языкъ,—слушать, что Василько будетъ говорить съ Холмовцами. Но Василько догадался, какъ сдѣлать: набралъ въ руки камней, и, подѣхавши къ стѣнамъ, началъ кричать главнымъ боярамъ: „Константинъ холоцъ и ты другой холоцъ, Лука Ивановичъ! это городъ брата моего и мой, сдавайтесь“ и, сказавши это три раза, ударилъ камнемъ объ землю, давая этимъ знать, чтобъ не сдавались, а бились съ Татарамъ. Константинъ, стоя на забралахъ, увидаль знакъ, понялъ его смыслъ и отвѣчалъ Васильку: „Ступай прочь, если не хочешь, чтобъ ударили тебя камнемъ въ лицо, ты уже не братъ королю, а врагъ ему“. Татары, бывшіе съ Василькомъ, рассказали Вурундаю о гнѣвѣ Константиновъ, и тотъ, не смѣя приступить къ Холму, отправился пустошить Польшу, а оттуда возвратился въ степи. Такимъ образомъ, Даниль, обманутый слабостью Куремсы, рано началъ дѣйствовать противъ Татаръ, и полатился за преждевременную смѣлость городами галицкими и волынскими; но съ другой стороны Даниль не ошибая относительно выбора главнаго средства сопротивленія противъ степныхъ полчищъ, именно—укрѣпленія городовъ; наиболѣе укрѣпленный Холмъ остался цѣлъ; должно замѣтить впрочемъ, что предъ этимъ городомъ былъ одинъ баскакъ съ своимъ отрядомъ; конечно и Холмъ не могъ бы устоять противъ тѣхъ полчищъ, которыя приводилъ Батый на Русь.

Но если Даниль не имѣлъ успѣха въ борьбѣ съ

Востокомъ, за то онъ вознагражденъ былъ счастливою борьбою съ европейскими своими сосѣдями. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ борьба его съ Литвою, среди которой произошли важныя перемены, имѣвшія рѣшительное вліяніе на судьбы Юго-Западной Руси. До сихъ поръ Литовцы, подобно соплеменникамъ своимъ Пруссамъ, были разъединены, повиновались многимъ князьямъ; такое разъединеніе, не препятствуя Литовцамъ собираться многочисленными толпами и опустошать сосѣднія страны, препятствовало единству, постоянству въ движеніяхъ, не могло сообщать этимъ движеніямъ завоевательнаго, прочнаго характера. Для этого нужно было едновластіе; и вотъ въ то время, какъ Прусссы гибнутъ отъ меча нѣмецкихъ рыцарей или теряютъ свою народность вълѣдствіе разъединенія, среди Литовцевъ, значительно усиленныхъ, безъ сомнѣнія, бѣглецами прусскими, являются князья, которые начинаютъ стремиться къ едновластію; самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ былъ Миндовъгъ. Характеръ Миндовга ручался за успѣхъ дѣла на обществѣ варварскомъ: этотъ князь былъ жестокъ, хитръ, не разбиралъ средствъ для достиженія цѣли; никакое злодѣйство не могло остановить его; но гдѣ нельзя было дѣйствовать силою, тамъ онъ сыпалъ золото, употреблялъ обманъ. Изъ разказа Плато-Карпини мы видѣли, что Литовцы, послѣ нашествія Батыева, безнаказанно опустошали русскія области; но въ 1246 году, возвращаясь съ набѣга на окрестности Поросопницы, они были настигнуты у Шинска обоими Романовичами и поражены на-голову; въ слѣдующемъ году встрѣчаемъ извѣстіе о новомъ пораженіи ихъ отъ князей—Галицкаго и Волынскаго. Въ 1252 году Миндовъгъ отправилъ дядю своего Выкыта и двоихъ племянниковъ—Тевтивила и Едивида—воевать къ Смоленску; онъ сказалъ имъ: „Что кто возьметъ, то пусть и держитъ при себѣ“. Но этотъ походъ былъ хитростію со стороны Миндовга: онъ воспользовался отсутствіемъ родичей, чтобъ захватить ихъ волости и богатство, послѣ чего отправилъ войско, чтобъ нагнать и убить ихъ самихъ. Князья однако во-время узнали о намѣреніяхъ Миндовга и уѣжали къ Данилу, за которыми была сестра Тевтивила и Едивида. Миндовъгъ послалъ сказать Данилю, чтобъ тотъ не вступался за изгнанниковъ; но Даниль не послушался сколько по родству съ послѣдними, столько же и потому, что хотѣлъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для обезсилія Литвы; посоветовавшись съ братомъ, онъ послалъ сказать князьямъ польскимъ: „Время теперь христіанамъ идти на поганыхъ, потому что у нихъ встали усобицы“. Поляки обѣщались идти съ нимъ вѣстѣ на войну,—и не исполнили обѣщанія. Тогда Романовичи стали искать противъ Миндовга другихъ союзниковъ, и отправили Выкыта къ Ятвягамъ, въ Жмудъ и къ Нѣмцамъ въ Ригу; Выкынту удалось серебромъ и дарами уговорить Ятвяговъ и половину Жмуди подяяться на Миндовга; Нѣмцы также прислали сказать Данилу: „Для тебя помирились мы съ Выкы-

¹⁾ Плато-Карпини, стр. 737: Antequam in Kioviam venissemus, in Danilovo usque ad mortem fuimus infirmati.

²⁾ Не тутъ ли, гдѣ Стоявскій монастырь, Дубенскаго повѣта? спрашиваетъ Арцыбаш. II, примѣч. 232.

томъ, хотя онъ погубилъ много нашей братья“, и обѣщались также идти на помощь къ изгнанникамъ. Обнадеженные этимъ, Романовичи выступили въ походъ: Даниилъ послалъ брата на Волковыйскъ, сына—на Слонимъ, а самъ пошелъ къ Здитову; побрали много городовъ и возвратились домой; потому отправилъ Даниилъ Тевтивила съ Русью и Половцами воевать Миндовгову землю; но Нѣмцы не двигались, и Тевтивилъ самъ отправился въ Ригу, гдѣ принялъ крещеніе: это подѣйствовало, и Орденъ сталъ готовиться къ войнѣ.

Миндовгъ увидалъ, что не можетъ противиться въ одно время двумъ врагамъ — и Романовичамъ, и Ордену, и потому принялся за другія средства, — онъ послалъ тайно къ магистру Ордена, Андрию Фонъ Штукланду съ богатыми дарами и слѣдующимъ предложеніемъ: „Если убьешь или выгонишь Тевтивила, то еще больше получишь“. Андрей принялъ дары и отвѣчалъ, что ищетъ къ Миндовгу сильную дружбу, но не можетъ помогать ему до тѣхъ поръ, пока онъ не приметъ крещенія. Миндовгъ просилъ личнаго свиданія съ магистромъ, и, за роскошнымъ обѣдомъ, было улажено все дѣло¹⁾. Миндовгъ крестился²⁾, и папа былъ въ восторгѣ: онъ принялъ Литовскаго князя, по обычаю, подъ покровительство Св. Петра³⁾, писалъ къ Литовскому епископу, чтобъ никто не смѣлъ оскорблять новообращеннаго⁴⁾; поручилъ епископу Кульскому вѣщать Миндовга королевскимъ вѣнцомъ⁵⁾, писалъ объ установленіи соборной церкви въ Литвѣ и епископа⁶⁾; но Миндовгъ принялъ христіанство точно такъ же, какъ Прусы принимали его подъ мечемъ рыцарей, только для вида, до первой возможности возвратиться къ отцовской вѣрѣ. „Крещеніе его было льстиво, говоритъ лѣтописецъ, потому что втайнѣ онъ не переставалъ приносить жертвы своимъ прежнимъ богамъ, сожигалъ мертвецовъ; а если когда выйдеть на охоту, и зайдя перебѣжитъ дорогу, то ужъ ни за что не войдетъ въ лѣсъ, не посмѣетъ и вѣтки сломить тамъ“. Какъ бы то ни было, Миндовгу удалось отстранить опасность, грозившую ему отъ Ордена, и Тевтивилъ долженъ былъ бѣжать изъ Риги въ Жмудъ, къ дядѣ своему Выкыту; онъ собралъ войско изъ Ятвяговъ, Жмуди, вспомогательнаго русскаго отряда, присланнаго ему Данииломъ, и выступилъ противъ Миндовга, на помощь къ которому пришли Нѣмцы. Война не ознаменовалась никакимъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ въ 1252 году; въ слѣдующемъ 1253 самъ Даниилъ принялъ въ ней участіе, опустошилъ область

Новгородскую (Новоградскую); потомъ Василько съ племянникомъ Романомъ Даниловичемъ взяли Городенъ, а сынъ Миндовговъ за то опустошилъ окрестности Турійска. Но этотъ набѣгъ не могъ перевѣсить успѣховъ русской рати, и Миндовгъ прислалъ къ Даниилу съ предложеніемъ мира и руки своей дочери для Шварна, сына Данилова. Литовскій князь впрочемъ и тутъ нашелъ средство заставить Данила благосклоннѣе выслушать его предложенія: въ одно время съ Миндовговыми послами явился къ Даниилу Тевтивилъ и объявилъ, что Миндовгъ подкупилъ Ятвяговъ, — и тѣ не хотятъ больше воевать съ нимъ. Даниилъ разсердился на Ятвяговъ; но дѣлать было нечего. Почти два года послѣ того не встрѣчаемъ извѣстій о дѣлахъ литовскихъ; въ концѣ 1255 года лѣтописецъ рассказываетъ о мирѣ между Данииломъ и сыномъ Миндовговымъ, Воишелкомъ, княземъ Новгородскимъ (Новогрудскимъ). Характеръ и жизнь этого Воишелка очень замѣчательны для насъ, потому что подобныя явленія всего лучше показываютъ состояніе нравовъ въ извѣстный вѣкъ, въ извѣстномъ обществѣ. Жестокъ былъ и Миндовгъ, но безчеловѣчіе Воишелка превосходило всякое вѣроятіе; наипривнѣе рассказъ лѣтописца наводитъ ужасъ: „Воишелкъ сталъ княжить въ Новгородѣ, будучи въ поганствѣ, и началъ проливать крови много, — убивалъ всякій день по три, по четыре человѣка; въ который день не убивалъ никого, былъ печаленъ, а какъ убьетъ кого, такъ и развеселится“. И вдругъ процеслась вѣсть, что Воишелкъ христіанинъ; мало того, онъ оставляетъ княженіе свое и постригается въ монахи. Этотъ-то Воишелкъ явился въ 1265 году къ королю Даниилу посредникомъ мира между нимъ и отцомъ своимъ Миндовгомъ; условія были такъ выгодны, что нельзя было не принять ихъ: Шварпъ Даниловичъ получалъ руку Миндовговой дочери, а старшій братъ его, Романъ, получалъ Новогрудскъ отъ Миндовга, да Слонимъ съ Волковыйскомъ и другими городами отъ Воишелка, съ обязанностью впрочемъ признавать надъ собою власть Миндовга. При заключеніи этого мира, Воишелкъ просилъ Даниила дать ему возможность пробраться на Апенскую гору, и Даниилъ выхлопоталъ для него свободный путь чрезъ Венгерскія владѣнія; но смугты, происходившія тогда на Балканскомъ полуостровѣ, заставили Воишелка возвратиться назадъ изъ Болгаріи, послѣ чего онъ построилъ себѣ свой особый монастырь на рѣкѣ Нѣманѣ, между Литвою и Новогрудекомъ.

Такимъ образомъ, южнымъ Мономаховичамъ удалось снова утвердиться въ волостяхъ, занятыхъ было Литвою; но за то Изяславичи полющкіе должны были уступить свои волости князьямъ литовскимъ. Последнимъ Полоцкимъ княземъ является въ нашихъ лѣтописяхъ Брячиславъ, котораго имя записано подъ 1239 годомъ, по случаю брака Александра Невского на его дочери;

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 188.

²⁾ Впрочемъ есть извѣстіе, что Миндовгъ еще прежде принялъ православіе, Густин. лѣтоп., стр. 341. Подъ годомъ 1246: „Въ сіе лѣто в. князь Литовскій Миндовгъ пріялъ вѣру христіанскую отъ востока, со многими своими бояры“.

³⁾ *Historica Russiae Monumenta*, I, № LXXXII.

⁴⁾ Тамъ же, № LXXXIII.

⁵⁾ Тамъ же, № LXXXIV.

⁶⁾ Тамъ же, LXXXV.

но потомъ (1262 г.) Полоцкимъ княземъ является уже Литвинъ Тевтивиль, племянникъ Миндовговъ отъ сестры ¹⁾. Но и Роману Даниловичу трудно было княжить въ своей новой волости, среди родственниковъ, подобныхъ Воишелку; подъ 1260 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что король Даниль и братъ его Василько воевали Литву, ища Романа Дачловича, схваченнаго Воишелкомъ и Тевтивиломъ; чѣмъ кончилось дѣло, какъ освободился Романъ—не извѣстно; извѣстно только то, что въ 1262 году Миндовгъ, желая отмстить Васильку, который выѣхалъ съ Татарами воевать его землю, послалъ на Волынь двѣ рати, набравшія добычи; но одну изъ нихъ Василько нагналъ у города Небла ²⁾. Литовцы стояли у озера и, увидавши неприятеля, сѣли въ три ряда за щитами, по своему обычаю; Василько ударилъ на нихъ и побѣдилъ, причемъ не осталось изъ нихъ ни одного человека; одни погбли отъ меча, другіе потонули въ озерѣ. Василько отправилъ сайгаты къ брату своему Данилу, который былъ тогда на дорогѣ въ Венгрію и сильно тосковалъ по братѣ и молодомъ племянникѣ Владимірѣ, зная, что они пошли въ походъ, какъ вдругъ одинъ изъ слугъ началъ говорить: „Господинъ! какие-то люди ѣдутъ за щитами съ сулицами, и кони съ ними въ поводахъ“. Король вскопчилъ съ радостію и сказалъ: „Слава Тебѣ, Господи! это Василько побѣдилъ Литву!“ Посланный подѣхалъ и привелъ сайгаты: коней въ сѣдлахъ, щиты, сулицы, шлемы. Эта война Романовичей съ Литвою была послѣднею при жизни Миндовга. Въ то время, какъ сынъ его Воишелкъ жилъ въ монастырѣ, Миндовгъ ждалъ случая отвергнуть новую вѣру и прервать связь съ Орденомъ или, лучше сказать, зависимость отъ него; онъ долго выказывалъ себя передъ рыцарями ревностнымъ христіаниномъ, послушнымъ сыномъ наны, союзникомъ Ордена; уступилъ послѣднему значительныя земли; мало того, — завѣщалъ ему всю Литву въ случаѣ своей безответственной смерти, а между тѣмъ толпы Литовцевъ, въ 1259 г., вторгнулись въ Курляндію и пустошили тамъ орденскія владѣнія; отрядъ Тевтонскихъ рыцарей вышелъ къ нимъ на встрѣчу, и на берегахъ рѣки Дурбы произошла битва, которая служила печальнымъ предвѣщаніемъ для Ордена: Литовцы одержали блистательную побѣду и отпраздновали ее сожженіемъ илѣнныхъ рыцарей въ жертву богамъ. Эта побѣда Литвы служила знакомъ къ волненію Пруссовъ, подстрекуемыхъ, какъ говоритъ, Миндовгомъ; а въ 1260 г., въ условленный день, всыхнуло повсемѣстное возстаніе. Миндовгъ еще медлилъ, все выжидалъ; на-

конецъ, видя, что часть пробилъ, рѣшился дѣйствовать открыто: отрекся отъ христіанства и королевскаго титула, вступилъ съ войскомъ въ Пруссію и страшно опустошилъ ее. Съ другой стороны, его войско счастливо воевало польскія владѣнія, убило одного князя, взяло въ плѣнъ другого; съ литовскимъ войскомъ въ этомъ походѣ находился рязанскій выходецъ Евстаоій, сынъ извѣстнаго намъ братоубійцы, князя Константина; сынъ, какъ видно, былъ похожъ на отца, потому что лѣтописецъ называетъ Евстаоія окаяннымъ и незаконнымъ. Такіе успѣхи не могли быть перевѣшены неудачею, которую Литовцы въ послѣднее время потеряли отъ Василька Волынскаго, и лѣтописецъ говоритъ, что Миндовгъ началъ сильно гордиться и не признавалъ себѣ никого равнымъ. Въ 1262 году умерла у него жена, о которой онъ очень жалѣлъ. У покойной была сестра за Довмонтомъ, княземъ Нальщанскимъ; Миндовгъ послалъ сказать ей: „Сестра твоя умерла, пріѣзжай сюда плакаться по ней“; но когда та пріѣхала, то онъ сталъ говорить ей: „Сестра твоя, умирая, велѣла мнѣ жениться на тебѣ, чтобъ другая дѣтей ея не мучила“, — и женился на свояченицѣ. Мужъ послѣдней, Довмонтъ, озлобившись за это на Миндовга, сталъ думать, какъ бы убить его, но открыто сдѣлать этого не могъ, потому что сила его была мала, а Миндовгова велика; тогда Довмонтъ сталъ искать себѣ союзника и нашелъ его въ племянникѣ Миндовговомъ отъ сестры, Тренятѣ, князѣ Жмудскомъ. Въ 1263 году Миндовгъ послалъ въ свой войско за Днѣпръ на князя Романа Брянскаго, и Довмонтъ находился также въ этомъ ополченіи; усмотря удобное время, онъ объявилъ другимъ вождямъ, что волхвы предсказываютъ ему дурное, и потому не можетъ продолжать походъ; возвратившись назадъ, онъ немедленно отправился ко двору Миндовга, засталъ его врасплохъ и убилъ вмѣстѣ съ двумя сыновьями. Тренята, вѣроятно вслѣдствіе прежняго рѣдъ за Довмонтомъ, сталъ княжить въ Литвѣ, на мѣстѣ Миндовга, и въ Жмуди, и послалъ сказать брату своему, Тевтивилу Полоцкому: „Пріѣзжай сюда, раздѣлимъ землю и все имѣніе Миндовгово“; но дѣлежъ повелъ къ ссорѣ между братьями: Тевтивиль сталъ думать, какъ бы убить Треняту, а Тренята какъ бы отдѣлаться отъ Тевтивила; бояринъ послѣдняго, Проконій Полочанинъ, донесъ Тренятѣ о замыслахъ своего князя; — тотъ предупредилъ брата, убилъ его, и сталъ княжить одинъ, но не долго на княжилъ: четверо конюшихъ Миндовговыхъ составили заговоръ отмстить убійцамъ прежняго князя своего, и убили Треняту, когда тотъ шелъ въ баню. Тогда началъ дѣйствовать единственный оставшійся въ живыхъ сынъ Миндовга, Воишелкъ: когда онъ узналъ о смерти отца своего, то испугался и ушелъ изъ Литвы въ Пинскъ; но когда услышалъ, что Тренята убитъ, то съ пинскимъ войскомъ отправился въ Новогрудекъ, и, взявши здѣсь другіе полки, пошелъ въ Литву, гдѣ

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 201: Тевтивиль полоній—братъ Треняты, а послѣдній называется сестричичемъ Миндовговымъ; тогда какъ прежній Тевтивиль называется сыновцемъ его. Тамъ же, стр. 187. О литовскихъ полоцкихъ князьяхъ см. грамоты, касающ. до сношеній Съверозпади. Россіи съ Ригою, № 11.

²⁾ Мѣстечко Нобель Пискаго уѣзда, Минской губерніи.

былъ принять съ радостію отцовскими приверженцами. Воишелкъ сталъ княжить и, какъ бы желая привести въ забвеніе, что онъ былъ когда-нибудь монахомъ, началъ поступать точно такъ же, какъ поступалъ, будучи княземъ въ Новогрудкѣ: „Онъ сталъ княжить во всей Землѣ Литовской, говорить лѣтописецъ, и началъ избивать своихъ враговъ, и перебилъ ихъ безчисленное множество, а другіе разбѣжались.“ Воишелкъ утвердился въ Литвѣ съ помощію зятя своего Шварна Даниловича и дяди его Василька Романовича Волянскаго, котораго онъ называлъ отцомъ своимъ и господиномъ; вмѣстѣ съ Шварномъ, приведшимъ въ Литву сильное войско, Воишелкъ пошелъ на своихъ враговъ, города ихъ побралъ, самихъ перебилъ; въ числѣ убитыхъ находился и рязанскій изгнанникъ—Евстаѣій Константиновичъ.

Такимъ образомъ отношенія литовскія при жизни Данила кончались съ явною выгодною для Руси: Миндовга не было болѣе, а сынъ его Воишелкъ, обязанный утвержденіемъ своимъ въ Литвѣ русскому войску, призналъ зависимость свою отъ брата Данилова, ибо таково значеніе словъ, что онъ называлъ Василька отцомъ и господиномъ. Съ такимъ же успѣхомъ шла борьба и съ другимъ сосѣднимъ варварскимъ народомъ—Ятвягами: въ 1248 году Ятвяги потерпѣли сильное пораженіе отъ Василька Романовича при Дрогичинѣ, потеряли сорокъ князьковъ своихъ. Въ 1251 году отправился на Ятвяговъ оба Романовича съ Поляками и Половцами, перешли болота и вошли въ страну ихъ, причемъ Поляки не утѣрили, зажгли первую весъ; Романовичи сильно разсердились на нихъ за это, потому что пожаръ далъ вѣсть варварамъ о рати; Ятвяги собрались всюю землею, и, какъ видно, зная о гнѣвѣ Данила на Поляковъ, прислали сказать ему: „Оставь намъ Поляковъ, а самъ ступай съ миромъ изъ земли нашей“; Данилъ не согласился. Ночью Ятвяги напали на укрѣпленный станъ польскій и готовились проломить острогъ, но Польскій князь Семовитъ послалъ просить стрѣльцовъ у Романовичей на помощь; русскіе князья насилу отправили стрѣльцовъ, все еще держась на Поляковъ. Стрѣльцамъ удалось откннуть Ятвяговъ отъ острога, хотя во всю ночь не было отъ нихъ покоя. На другой день Данилъ двинулся впередъ, а братъ его Василько съ Семовитомъ остался на мѣстѣ, имѣя позади отрядъ половецкій; Ятвяги ударили на послѣдній, обратили его въ бѣгство, отняли хоругвь и схватились потомъ съ Василькомъ и Семовитомъ; сѣча была лютая, и съ обѣихъ сторонъ падало много народу; извѣстный намъ Андрей Дворскій, крѣпкій сердцемъ и большой тѣломъ, поскакалъ—было по привычкѣ на непріятеля, но не могъ удержать коня въ слабыхъ рукахъ и едва не лишился жизни; Василько послалъ къ брату за помощію, и возвращеніе Данила дало перевѣсъ Русскимъ. Земля непріятельская была пожжена и поплѣнена, много князей ея побито; но скоро къ Ятвягамъ пришли на помощь

Пруссы и Борты ¹⁾; Русскіе и Поляки сошли съ коней и пѣшкомъ двинулись на-встрѣчу къ врагамъ: щиты ихъ сіяли какъ заря, шлемы какъ солнце восходящее, копья казались густымъ тростникомъ, а князь Данилъ разбѣзжалъ на конѣ среди Поляковъ и рядилъ войско. Тогда Пруссы сказали Ятвягамъ: „Можете ли дерево поддержать сулицами и дерзнуть на эту рать“? Ятвяги отступили; Данилъ также возвратился въ свою землю, избавивши изъ плѣна многихъ христіанъ, которые пѣли побѣдителямъ славныя пѣсни: какъ видно, эти пѣсни имѣли вліяніе и на разсказъ лѣтописца.

Черезъ три года (въ 1255 году) Данилъ съ сыномъ Львомъ и Польскимъ княземъ Семовитомъ отправился опять на Ятвяговъ; молодой Левъ Даниловичъ, узнавши, что одинъ изъ князей ятвяжскихъ, Стекиндъ, укрѣпился (осѣкся) съ своими въ лѣсу, пошелъ на него, убилъ самого Стекинда, ранилъ брата его, обратилъ въ бѣгство остальныхъ Ятвяговъ, и принесъ къ отцу оружіе Стекиндово и брата его, обличая тѣмъ свою побѣду; королю была большая радость. Ятвяги прислали просить мира, обѣщаясь быть въ подданствѣ у Данила; но это возбудило зависть Поляковъ, и они стали благопріятствовать поганымъ. Узнавши объ этомъ, Данилъ велѣлъ опустошить Землю Ятвяжскую, причемъ истребленъ былъ весь домъ Стекиндовъ, такъ что и теперь, говорятъ лѣтописецъ, пусто на этомъ мѣстѣ. Въ 1256 году Данилъ, съ сыновьями Львомъ, Шварномъ, Романомъ, который княжилъ въ Новогрудкѣ, съ двумя изъ остальныхъ Изяславичей полоцкихъ (минскихъ) ²⁾ и съ Семовитомъ Польскимъ, наполнилъ ятвяжскія болота своими многочисленными полками. Князья русскіе и польскіе собрали совѣтъ и сказали Данилу: „Ты король, голова всѣмъ полкамъ; если кого-нибудь изъ насъ пошлешь напередъ, то другіе не будутъ слушаться; а ты ратный чинъ знаешь, война тебѣ за обычай, всѣ тебя боятся и нестыдятся; ступай самъ напередъ“. Данилъ, устроивши полки, поѣхалъ самъ напередъ съ небольшимъ отрядомъ вооруженныхъ отроковъ, передъ собою пустилъ стрѣльцовъ, а другіе стрѣльцы шли по обѣимъ сторонамъ дороги; Дворскій ѣхалъ за королевемъ, къ которому присоединились потомъ и сыновья его Левъ и Романъ. Узнавши, что Ятвяги дожидались непріятелей въ веси Привипѣ, Данилъ послалъ сказать Дворскому: „Какъ скоро увидишь, что мы поскакали впередъ, то немедленно ступай за нами, распустивши полкъ, чтобъ всякій могъ ѣхать, и какъ можно скорѣе“; но посланный молодой отрокъ не понялъ приказанія и передалъ его совершенно иначе Дворскому; это подвергло короля и сыновей

¹⁾ Арцабашевъ (II, прим. 101) думаетъ, что это жители Раственбургскаго округа въ Старой Пруссіи, гдѣ родъ Бартенштейнъ.

²⁾ Поля. Собр. Русск. Лѣт. II, 192. «И приде къ нему Романъ, со всѣми Новгородци и со цтемъ своимъ Глѣбюмъ, и со Изяславомъ со Вислочьскимъ». Свислочь—Минской губерніи, Игуменскаго уѣзда.

его страшной опасности, потому что, надѣясь на подкрѣпленіе отъ Дворскаго, они ударили на весь крпча: „Бѣги, бѣги!“ Ятвяги точно дрогнули сначала и побѣжали, но потомъ остановились по срединѣ вѣси, и Даниилъ съ Львовъ стояло большіхъ усилій обратитъ ихъ вторично въ бѣгство; Дворскій прѣихалъ уже тогда, когда одержана была полная побѣда, слѣдствіе которой было—обычное опустошеніе страны. На другой день Ятвяги прислали просить мира, и предлагали заложниковъ, чтобы только Русскіе не убивали ихъ плѣнныхъ. Неизвѣстно, какое слѣдствіе имѣло это предложеніе; лѣтописецъ говоритъ, что Даниилъ, возвратившись съ честью и славою домой, собрался опять идти на Ятвяговъ, но тѣ успѣли отравитъ къ нему пословъ съ данью и съ обѣщаніями служить ему и строить города въ землѣ своей, въ удостовѣреніе чего прислали дѣтей своихъ въ заложники. Такъ Даниилъ достигъ того, что началъ отецъ его, Ромаль Великій: тотъ заставлялъ дикарей расчищать землю подъ пашни, Даниилъ заставлялъ ихъ строить города въ землѣ своей; торжество Галицкаго князя надъ Ятвягами было торжествомъ гражданственности надъ варварствомъ въ Восточной Европѣ, и торжество это тѣмъ замѣчательнѣе, что въ описываемое время цивилизующее племя само находилось подъ гнетомъ азіятскихъ варваровъ. Въ 1257 году Даниилъ послалъ боярина своего взять дань съ Ятвяговъ черными кунцами, бѣлками и серебромъ; часть данн послана была польскому воеводѣ: пусть узнаетъ вся Земля Польская, что Ятвяги платятъ дань королю Даниилу.

Но не одною счастливою борьбою съ варварами знаменитъ былъ король Даниилъ въ сосѣднихъ государствахъ; борьба съ варварами не мѣшала ему принимать участіе въ дѣлахъ этихъ государствъ, возвыситъ и здѣсь значеніе Руси. Въ Польшѣ борьба между Владиславомъ Ласконогимъ и племянникомъ его, Владиславомъ Одоничемъ, кончилась въ 1231 г. смертію Ласконогаго, слѣдствіе чего Одоничъ сталъ единовластителемъ Великой Польши. Но усобица началась съ другой стороны: по смерти Лешка, братъ его, Конрадъ Мазовецкій, спѣшилъ взять въ свои руки управление его волостями—Краковомъ и Сендомиромъ, въ качествѣ опекуна надъ малолѣтнимъ племянникомъ своимъ Болеславомъ; но мать и вельможи послѣдшаго предложили эту опеку герцогу Силезскому, Генриху I; отсюда война между Генрихомъ и Конрадомъ, въ которой Конрадъ остался побѣдителемъ и удержалъ за собою опеку надъ Болеславомъ Краковскимъ. Когда Болеславъ, возмужавъ, потребовалъ отъ дяди очищенія отцовскихъ владѣній, то Конрадъ захватилъ его въ плѣнъ; но племянникъ усилья убѣжать изъ заключенія и опять обратился съ просьбою о помощи къ Генриху Силезскому; тотъ вступился въ дѣло и помогъ Болеславу Лешковичу противъ дяди, но за эту помощь взялъ себѣ Краковъ и часть Сендомирской волости. Съ такимъ же успѣхомъ кончилъ Генрихъ и войну съ Великопольскимъ

княземъ Владиславомъ Одоничемъ въ 1234 г. Одоничъ долженъ былъ уступить Силезскому герцогу всѣ свои земли, лежащія къ югу отъ Варты. Благодаря этимъ успѣхамъ Генриха Силезскаго, самая старшая линия Пястовъ усилилась надъ всѣми остальными линиями. Но, пролагая, съ одной стороны, путь своему потомству къ усиленію себя насчетъ всѣхъ остальныхъ родичей и къ собранію Земли Польской, Генрихъ, съ другой стороны, сильно содѣйствовалъ преобладанію нѣмецкой народности надъ славянскою въ областяхъ польскихъ. Не разъ замѣчали мы, какъ наши русскіе князья тяготились малонаселенностію земли своей и старались отовсюду призывать въ нее колонистовъ; та же самая потребность чувствовалась и въ другихъ земляхъ славянскихъ; монастыри, получившіе большія земли во владѣніе, искали средствъ разсчитывать свои лѣса, населить, обработать пустоши; для этого они стали перезывать къ себѣ нѣмецкихъ колонистовъ. Князья перезывали ихъ частію съ той же цѣлю, частію селили ихъ въ старыхъ городахъ и основывали для нихъ новые, дабы посредствомъ нихъ усилить промыслы, торговлю, и такимъ образомъ увеличить свои доходы; остальные земледѣльцы послѣдвали примѣру духовенства и князей, и вотъ нѣмцы распространяются по всѣмъ западно-славянскимъ землямъ. Примѣръ къ выводу нѣмецкихъ колонистовъ въ польскія владѣнія должна была подать, по своимъ особеннымъ обстоятельствамъ, Силезія. Родоначальникъ силезскихъ князей, Владиславъ II, по изгнаніи своемъ съ старшаго стола, нашелъ дружественный пріемъ въ Германіи; сыновья его, рожденные отъ нѣмецкой принцессы, были здѣсь воспитаны, и съ помощію императора Фридриха-Варбарусы получали отъ дядей вольность въ родной землѣ—Силезіи. Это все повело къ тѣснѣйшей связи ихъ съ Германіею. Съ другой стороны дѣйствовала Церковь: монастыри, наполненные нѣмецкими монахами и монахинями, рыцарскіе ордена, получившіе себѣ земли отъ педрости князей, стали, съ позволенія послѣднихъ, вызывать въ свои владѣнія нѣмецкихъ колонистовъ; скоро города начали также наполняться нѣмцами, причемъ важно было то, что послѣдніе сохраняли вполнѣ свою народность, судились и рядились своимъ правомъ. Особенную склонность къ нѣмцамъ обнаружилъ Генрихъ I-й Силезскій, и легко понять, какое значеніе для всей Польши должна была имѣть эта склонность, когда Генрихъ сталъ самымъ сильнымъ изъ ея владѣтелей⁴⁾. Генрихъ умеръ въ 1238 году, оставя сыну своему, Генриху II-му Благочестивому, княжество, которое превосходило величиную владѣнія всѣхъ остальныхъ Пястовъ: во владеніе Монголовъ, въ битвѣ съ которыми палъ Генрихъ Благочестивый, воспрепятствовало усиленію Силезіи насчетъ другихъ польскихъ областей: владѣнія Генриха раздѣлились между тремя его сыновьями; старшій изъ нихъ Болеславъ, которому

⁴⁾ Koepoll's Geschichte Polens, t. I, zweites Buch. V cap.

достался Краковъ и часть Великой Польши, безпорядочнымъ поведеніемъ и наслѣдственною въ своемъ родѣ любовью къ Нѣмцамъ вооружилъ противъ себя вельможъ, которые провозгласили своимъ княземъ Болеслава, Лешкова сына, а жители Великой Польши передались сыновьямъ стараго князя Владислава Одонича. Но этого мало: скоро началась усобица между Болеславомъ Генриховичемъ и его родными братьями, причѣмъ соперники обращались къ нѣмецкимъ князьямъ и платили за помощь частью своихъ владѣній, а между тѣмъ прелаты, пользуясь недалеконидною щедростью князей и ихъ ослабленіемъ вслѣдствіе усобицы, все болѣе и болѣе успливали свое значеніе, и въ Польшѣ повторились явленія, о которыхъ началъ уже забывать дальнѣйшій Западъ: въ 1258 году Болеславъ Генриховичъ принужденъ былъ, въ одеждѣ кающагося, босыми ногами, отправиться въ бреславскую церковь Іоанна Крестителя, чтобы избавиться отъ проклятія, надъ нимъ тяготѣвшаго...

Мы видѣли, что слабостію Силезіи воспользовался Болеславъ (Стыдливый), сынъ Лешка (Вѣлаго), для возвращенія своей отчины, стола Краковскаго; но прежде утвержденія своего здѣсь, онъ долженъ былъ выдержать войну съ дядею, Конрадомъ Мазавецкимъ. Даниилъ Галицкій снова находился въ союзѣ съ послѣднимъ, и потому въ 1245 году встрѣчаемъ извѣстіе о войнѣ его съ Болеславомъ Лешковичемъ: въ первый походъ, вошедши въ Польшу чегырма дорогами, Романовичи опустошили Люблинскую область до рѣки Вислы и Сапа; во второй походъ осадили Люблинъ, и сняли осаду только тогда, когда Люблинцы дали слово не помогать Болеславу⁴⁾. Слѣдствіемъ этихъ войнъ было то, что въ битвѣ подъ Ярославлемъ Поляки Болеславовы находились въ войскѣ Ростислава Черниговскаго, а Романовичи, заслышавъ приходъ послѣдняго, послали сказать Конраду: „Изъ-за тебя пришли на насъ Ляхи Болеславовы, потому что мы помогали тебѣ“,—и Конрадъ послалъ имъ вспомогательный отрядъ, который не успѣлъ однако принять участіе въ битвѣ. Въ 1247 году умеръ Конрадъ, славный, предобрый, по выраженію лѣтописца, и Даниилъ съ Василькомъ жалѣли о немъ; еще при жизни своей онъ раздѣлилъ Мазовію между двумя сыновьями,—Казиміромъ и Болеславомъ; послѣдній умеръ вскорѣ послѣ отца и, по просьбамъ князя Даниила, отдалъ свою волость младшему брату Семовиту, за которымъ была пле-

мянница Даниилова, дочь Александра Вѣльзскаго; дружескія отношенія между Данииломъ и Семовитомъ не прерывались до самой смерти послѣдняго; съ Болеславомъ Краковскимъ Галицкій князь находился также въ мирѣ.

Ярославскою битвою кончились, какъ мы видѣли, враждебныя отношенія къ Венгріи, и за союзомъ родственнымъ скоро послѣдовалъ политическій, когда, по смерти послѣдняго австрійскаго герцога Фридриха, за владѣнія его возникла упорная борьба между королями Чешскимъ и Венгерскимъ; послѣдній обратился съ просьбою о помощи къ Даниилу, и заключилъ съ нимъ договоръ, по которому сынъ Даниила, Романъ, женился на сестрѣ покойнаго герцога Гертрудѣ и въ приданое бралъ Австрію. Слѣдствіемъ этого договора была война Даниила съ Чехами. Въ 1254 году Даниилъ предпринялъ походъ въ землю Опавскую (Троншау) сколько для короля Венгерскаго, говорить лѣтописецъ, столько же и для славы, потому что ни одинъ князь русскій, ни Святославъ Храбрый, ни Владимиръ Святый, не воевали Землю Чешскую. Даниилъ выступилъ въ походъ вмѣстѣ съ Болеславомъ Стыдливымъ Краковскимъ, женатымъ на дочери Венгерскаго короля; союзники, приближаясь къ Опавѣ, отправили къ городу сторожевой отрядъ изъ Поляковъ, который былъ разбитъ Чехами, выѣхавшими изъ Опавы. Такое неудачное начало навело сильный страхъ на Поляковъ, и Даниилъ долженъ былъ увѣщевать ихъ быть пободръе: „Чего вы испугались? говорилъ онъ имъ; развѣ вы не знаете, что война безъ мертвыхъ не бываетъ? развѣ вы не знали, что вышли на мужчинъ вооруженныхъ, а не на женщинъ? если воинъ убитъ на рати, то какое тутъ чудо? другіе и дома умираютъ безъ славы, а эти со славою умерли; укрѣпите сердца ваши и ступайте бодро вперед“. Но тщетно Даниилъ уговаривалъ Поляковъ подступитъ поближе къ городу: тѣ никакъ не согласились; Даниилъ сильно горевалъ, тѣмъ болѣе что большая часть его войска съ сыномъ Львомъ отправились другимъ путемъ и неизвестно гдѣ находились; наконецъ пришелъ Левъ Даниловичъ,—и началась осада, которая однако не имѣла успѣха по причинѣ глазной болѣзни Данииловой; взятъ былъ только ближній городъ Насплье (Носсельтъ). Опустошивши въ-конецъ всю Землю Опавскую, Даниилъ и Болеславъ возвратились домой.

Даниилъ, по уговору съ королемъ Венгерскимъ, опустошилъ чешскія владѣнія, но король не исполнилъ своихъ обѣщаній, данныхъ Роману, оставилъ его въ городѣ Нейбургѣ, подлѣ Вѣны, безо всякой помощи. Чешскій король Оттокаръ осадилъ Нейбургъ, и, не будучи въ состояніи взять его силою, прислалъ сказать Роману: „Ты мнѣ родня и своякъ (Оттокаръ былъ женатъ на Маргаритѣ, другой сестрѣ австрійскаго герцога Фридриха),—оставь Венгерскаго короля, и мы раздѣлимъ съ тобою пополамъ Австрію; король тебѣ много обѣщаетъ и ничего не сдѣлаетъ; а я тебѣ говорю правду и по-

⁴⁾ Подъ 1251 годомъ читаемъ: „И посемъ поиде Вуранда вборзѣ къ Люблину, отъ Люблина же поиде къ Запихову. И придоша къ рѣцѣ къ Вислѣ и ту изнайдоша собѣ бродъ у Вислѣ, и поидоша на ону страну рѣки и начаша воевати землю Лядскую.—Слѣд. Лядская Земля начиналась за Вислою.—Подъ 1301 годомъ, въ Волянск. лѣтописи прямо сказано: «Люблинъ Ляхи отшукали отъ Русей; былъ Люблинъ подъ Русью 57 лѣтъ». Но, съ другой стороны, въ грамотахъ князей краковскихъ и сендомирскихъ встрѣчаемъ извѣстія о люблинскихъ кастелянахъ въ означенныя 57 лѣтъ (Коерреп, стр. 524); въ Волянск. лѣтописи также есть указанія, что Люблинъ не былъ въ русскіяхъ владѣніяхъ, подъ годомъ 1282, 1287.

ставлю свидѣтелей—папу и 12 епископовъ“. Романъ отвѣчалъ: „Не могу имѣть съ тобою никакого дѣла, потому что стыдно будетъ мнѣ и грѣхъ, вопреки обѣщаніямъ, покинуть короля Венгерскаго“, — и послалъ объявить послѣднему о предложеніи Оттокара, прося немедленной помощи. Но король явно его обманывалъ, — хотѣлъ Австрію для себя, а Роману обѣщалъ дать города въ Венгріи, и не посылалъ ему помощи, а между тѣмъ осажденные терпѣли сильный голодъ въ Нейбургѣ: одна женщина тайкомъ прокрадывалась въ Вьну и покупала тамъ съѣстные припасы для князя. Тогда жена Романова стала уговаривать мужа ѣхать къ отцу, и Романъ, воспользовавшись добротетвомъ какого-то Веренгера Просвѣла, выбрался изъ города и уѣхалъ въ Галицію. Въ 1260 году Даниилъ опять соединилъ полки свои съ войскомъ Бѣлы противъ Оттокара Богемскаго; но союзники были разбиты послѣднимъ при рѣкѣ Моравѣ¹⁾, и Даниилъ долженъ былъ отказаться отъ надежды видѣть сына своего на престолѣ австрійскомъ, тѣмъ болѣе что татарскія отношенія занимали тогда все его вниманіе.

Король Даниилъ не долго пережилъ разрушеніе своихъ надеждъ на успѣшную борьбу съ Татарами; онъ умеръ между 1264—1266 годовъ; такимъ образомъ, почти въ одно время Восточная Европа лишилась троихъ знаменитѣйшихъ своихъ владѣтелей: въ Руси Сѣверной не стало Александра Невского; въ Южной—Данила, въ Литвѣ—Миндовга. Не трудно замѣтить сходство въ дѣятельности обоихъ князей русскихъ, Невского и короля Даниила: оба прославились воинскими подвигами на западѣ и оба должны были покинуть предъ Монголами, причемъ неудача предпріятій Данииловыхъ служить самымъ лучшимъ объясненіемъ постоянной покорности Александровой и выставляетъ съ выгодной стороны проницательность и осторожность внука Всеволода III-го; легко замѣтить, какъ оба князя — представители — одинъ Сѣверной, другой— Южной Руси, представители двухъ, долго враждебныхъ линій Мономахова племени, — остаются вѣрны каждый своей странѣ и своему племени по личному характеру своему, несмотря на извѣстное сходство въ характерѣ ихъ дѣятельности. Даниилъ сдѣлалъ для Южной Руси все, что можно было ожидать отъ него при тѣхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, которыми могъ быть въ уровень только князь, талантливый подобно Даниилу и, подобно Даниилу, испытанный бѣдствіями, съ ранней молодости не знавшій покоя. Крѣпости срыты по приказанію татарскаго баскака, но Холмъ береженъ, и вообще отношенія монгольскія не такъ тяжелы, на югѣ, гроза Вурундаева прошла какъ-то мимо; Литва и Ятвяги въ зависимости; среди сосѣднихъ христіанскихъ государствъ Русь получила важное мѣсто съ признаннымъ необходимымъ вліяніемъ, чему много способствовало то, что главная сцена дѣйствія пере-

несена была съ востока изъ области Днѣпровской на западъ, въ область Днѣстровскую. Но, кромѣ подвиговъ вѣнскихъ, Даниилъ прославился особенно внутреннею распорядительностью: послѣ монгольскаго опустошенія успѣлъ привести свою Землю въ цвѣтущее состояніе, населилъ, обстроилъ города, усилилъ промышленность, торговлю. При этомъ должно замѣтить однако, что Даниилъ, населяя города свои, наполнилъ ихъ Нѣмцами, Поляками, Армянами, Жидами²⁾, что не могло не имѣть вліянія на будущую судьбу страны.

По смерти короля Даниила, мысль Романа Великаго была приведена въ исполненіе: Галицкая Земля перешла прямо къ сыновьямъ Данииловымъ, Льву, Мстиславу и Шварну (Романъ больше не упоминается), а дядя ихъ Василько остался княжить по-прежнему на Волыни. Литва готовилась окончательно слиться съ Русью подъ властью одного изъ сыновей Данииловыхъ; въ 1268 году Воишелкъ снова заключился въ монастырѣ, отдавъ всѣ свои владѣнія зятю Шварну. Послѣдній, боясь, какъ видно, возобновленія внутреннихъ волненій въ Литвѣ въ пользу князей природныхъ, уговаривалъ Воишелка покняжить еще вмѣстѣ, но тотъ рѣшительно отказался, говоря: „Много согрѣшилъ и предъ Богомъ и передъ людьми; ты княжи и Земля тебѣ безопасна“. Живя въ Угровскомъ Данииловомъ монастырѣ, Воишелкъ говорилъ: „Вотъ здѣсь, подлѣ меня сынъ мой Шварнъ, а тамъ господишъ мой отецъ князь Василько, — буду ими утѣшаться“. Но онъ не долго утѣшался: Шварнъ умеръ бездѣтнымъ, и Литовцы снова вызвали Воишелка изъ монастыря для управленія дѣлами княжества; это возбудило вражду въ братѣ Шварновомъ, Левѣ Даниловичѣ, которому хотѣлось быть наслѣдникомъ брату въ Литвѣ, а Воишелкъ не склонялся на его желаніе. Между обоими князьями готовы уже были начаться непріятельскія дѣйствія, какъ Василько Романовичъ, князь Волынской, предложилъ имъ съѣхаться вмѣстѣ для примиренія. Воишелкъ и Левъ пріѣхали къ Васильку во Владимір-Волынской, гдѣ Маркольдъ, родомъ Нѣмецъ, старый совѣтникъ короля Даниила, позвалъ всѣхъ троихъ князей къ себѣ на обѣдъ; обѣдали весело, много пили, и Василько, послѣ обѣда, поѣхалъ къ себѣ домой спать, а Воишелкъ поѣхалъ въ Михайловскій монастырь, гдѣ стоялъ. Но этимъ дѣло не кончилось: Левъ пріѣхалъ въ монастырь къ Воишелку и сталъ говорить ему: „Кумъ! пошьемъ-ка еще!“ Тотъ согласился — и началась опять попойка, во время которой князья опять поссорились, отъ брани дошло до драки, и Воишелкъ былъ убитъ Львомъ. Послѣдній хотѣлъ-было воспользоваться смертію Воишелка и пріобрѣсти себѣ Литву; но онъ не получилъ успѣха въ этомъ дѣлѣ, и Литовцы выбрали себѣ единоплеменнаго князя³⁾. Такъ порвало было въ

²⁾ Поля. Собр. Русск. Лѣт. II, 196. — Зубрицкаго — Исторія Галицкой Руси, въ перев. О. Водянскаго, стр. 153 и слѣд.

³⁾ Поля. Собр. Русск. Лѣт. II, 204; Narbutt — Dzieje

¹⁾ Histor. Russiae Monum. II, № V.

самоу началу мирное соединеніе Литвы съ Русью. — Съ Поляками, именно съ Болеславомъ Краковскимъ, началась война скоро по смерти Даниловой; въ ней Русскіе потерпѣли поражение влѣдствіе неосторожности Шварна, который, не послушавшись совѣта стараго дяди Василька, не дождался полковъ волынскихъ и ударилъ одинъ на соединенныхъ враговъ, тогда какъ Василько именно говорилъ: „Не бейтесь спачала съ Поляками, но отпустите ихъ въ свою землю; когда пойдутъ, раздѣлившись, тогда нападайте“. Въ 1271 году умеръ Василько Волынской, оставивъ столю свой сыну Владиміру. Кромѣ потомковъ Романа Великаго, на западной сторонѣ Днѣпра упоминаются трое князей пинскихъ, — Оеодръ, Демидъ и Юрій Владиміровичи, въ союзѣ съ Василькомъ Волынскимъ (1262 г.); Изяславъ — князь Свислочьскій (1256); Глѣбъ Ростиславичъ — Степанскій.

Обратимся теперь къ другимъ княжествамъ Южной Руси, на восточномъ берегу Днѣпра. Мы оставили Михаила Черниговскаго въ Кіевѣ, гдѣ онъ жилъ подъ городомъ на островѣ. Узнавши, что король Венгерскій выдалъ наконецъ дочь свою за его сына Ростислава, онъ поѣхалъ въ Венгрію, но не получилъ почетнаго пріема ни отъ свата, ни отъ сына, и, разсердившись на Ростислава, поѣхалъ въ

Черниговъ, а оттуда къ Батыю просить себѣ ярлыка на это княжество. Пріѣхавши въ Орду, онъ никакъ не хотѣлъ, обратившись на югъ, поклониться изображенію умершаго Чингисъ-Хана, говоря, что охотно поклонится хану и даже рабамъ его, но христіанинъ не долженъ кланяться изображенію мертваго человѣка. Напрасно князь Юрискъ Ростовскій уговаривалъ его со слезами исполнить обрядъ, а бояре ростовскіе обѣщались принять на себя за него спитимью и со всею своею областью, Михаилъ оставался непреклоннымъ, тѣмъ болѣе что бояринъ его, Оеодоръ, напоминалъ ему увѣщанія духовника не губить души долопоклономъ. Михаилъ умеръ мучительною смертію; лѣтописецъ называетъ палачемъ его русскаго отступника, Путьльда Домана; бояринъ Оеодоръ былъ также убитъ ¹⁾ (1264 г.). Въ Черниговѣ началъ княжить Андрей Всеволодовичъ, какъ видно, братъ Михайловъ. — Изъ другихъ черниговскихъ князей упоминается Романъ Брянскій, который въ 1264 году поразилъ литовское войско, напавшее на его волость ²⁾. Подъ 1241 годомъ упоминается князь Рылъскій Мстиславъ, убитый Татарами. Въ одной лѣтописи ³⁾ подъ 1245 годомъ упоминается о смерти князя Андрея Мстиславича, убитаго Батыемъ; Плано-Карпини называетъ его княземъ Черниговскимъ ⁴⁾.

Глава IV.

Борьба между сыновьями Александра Невскаго.

(1276—1304.)

Исчезновеніе прежнихъ понятій о правѣ старшинства. — Великій князь Дмитрій Александровичъ Переяславскій стремится къ усиленію. — Восстаніе противъ него младшаго брата, Андрея Городецкаго съ помощію Орды. — Вліяніе боярина Семена Топилевича. — Союзъ князей противъ Дмитрія. — Осторожность сѣверныхъ князей. — Раздѣленіе Орды и Дмитрій пользуется этимъ раздѣленіемъ. — Убіеніе Семена Топилевича. — Новая усобица. — Торжество Андрея. — Безуспѣшный съѣздъ князей. — Князь Переяславскій Иванъ Дмитріевичъ отказываетъ свою волость князю Данилу Александровичу Московскому. — Смерть Андрея. — Событія въ другихъ сѣверныхъ княжествахъ. — Отношенія къ Татарамъ, Шведамъ, Нѣмцамъ и Ляхамъ. — Дѣла на юго-западѣ.

Мы достигли того времени, когда прежнія понятія о правѣ старшинства исчезаютъ; великіе князья показываютъ ясно, что они добиваются не старшинства, но силы. Каждый князь, получивъ область Владимірскую, старается увеличить свою собственную насчетъ другихъ княжествъ. Но когда преемство владѣнія заставляло каждого великаго князя заботиться только о самомъ себѣ, — то всѣ остальные

князья не могутъ уже болѣе довѣрять родственной связи, должны также заботиться о самнхъ себѣ, всѣми средствами должны стараться приобрести силу, потому что имъ оставалось на выборъ: быть жертвою сильнѣйшаго, или другихъ сдѣлать жерт-

²⁾ Карамзинъ, IV, примѣч. 62.

⁴⁾ Стр. 623. Andreas dux de Cherneglove quod est in Russia, fuit apud Bati accusatus quod educeret equos Tartarorum de terra et venderet alias: et cum tamen non esset probatum, fuit occisus. Quod audiens junior frater ejus, venit cum uxore occisi ad ducem praedictum Bati, volentes supplicare ne terra tolleretur eisdem: qui dixit puero quod uxorem fratris carnalis praedicti duceret in uxorem, et mulieri praecipit ducere illum in virum secundum consuetudinem Tartarorum, qui respondit dicens quod prius vellet occidi quam facere contra legem; et ille nihilominus tradidit eam illi, quamvis ambo renuerent quantum possent, et duxerunt eos ambos in lecto, et posuerunt puerum super illam clamantem et plorantem, et coegerunt eos pariter commisceri.

narodu Litewskiego t. IV, p. 239. По нѣкоторыхъ извѣстіямъ Воишскіе назывались въ юности Давидомъ; Довхонтъ Нековскій былъ родной ему братъ. См. Сборникъ Синодал. Виблюот. № 850.

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 181; V, 185. — Плано Карпини p. 621.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 198. Романъ Брянскій считается сыномъ Михайловымъ; другіе сыновья его указываются: Мстиславъ въ Корачевѣ, Симеонъ въ Глуховѣ, Юрій въ Торусѣ.

вами своей силы. Вотъ почему мы видимъ теперь возстаніе князей на великаго, съ попраніемъ всѣхъ старинныхъ правъ, родовыхъ отношеній.

Князь Димитрій Александровичъ Переяславскій, присоединивши къ своей отчизнѣ область Владимірскую, началъ тѣмъ же, чѣмъ начинали его предшественники — стремленіемъ усилиться насчетъ Повгорода, который, по смерти Василія, поспѣшилъ признагъ его своимъ княземъ. Въ 1279 году онъ, по словамъ лѣтописца, выпросилъ у Новгородцевъ позволеніе поставить для себя крѣпость Копорье, пошелъ и самъ срубилъ ее; въ слѣдующемъ году онъ поѣхалъ туда вторично съ посадникомъ Михаиломъ, съ лучшими гражданами; заложили въ Копорьи крѣпость каменную. Въ томъ же году посадникъ Михаилъ Мишиничъ, возведенный въ это достоинство при Василіи, былъ смѣненъ, и на его мѣсто былъ возведенъ Семенъ Михайловичъ, неизвѣстно сынъ какого изъ прежде бывшихъ посадниковъ — Михалка Степановича или Михаила Федоровича. Лѣтописецъ говоритъ, что у Мишинича отнято было посадничество княземъ и Новгородцами вмѣстѣ: — все показывало, слѣдовательно, согласіе города съ Димитріемъ; но въ слѣдующемъ 1281 году вдругъ встрѣчаемъ извѣстіе о ссорѣ великаго князя съ Новгородцами. Очень вѣроятно ¹⁾, что ссора эта произошла по поводу Копорья, на который Димитрій хотѣлъ смотрѣть какъ на свою собственность, что не нравилось Новгородцамъ. Какъ бы то ни было, когда Новгородцы отправили къ Димитрію владыку съ мольбою, то онъ не послушать его, пришелъ съ войскомъ на волость Новгородскую и сильно опустошилъ ее, послѣ чего заключенъ былъ миръ, какъ видно, на всей волѣ великаго князя. Быть можетъ, этотъ поступокъ Димитрія, обличавшій стремленіе его усилить себя на счетъ другихъ, послужилъ Андрею Александровичу Городецкому знакомъ къ возстанію на старшаго брата; быть можетъ, онъ хотѣлъ подражать дядѣ своему Василію Ярославичу, который посредствомъ хана не позволилъ брату своему Ярославу усилиться окончательно на счетъ Новгорода; впрочемъ, лѣтописцы указываютъ на бояръ Андреевыхъ, и особенно на одного изъ нихъ, Семена Тонилевича, какъ главнаго виновника этого возстанія. Мы видѣли у князя Василія Костромскаго воеводу Семена, который водилъ полки своего князя противъ Димитрія и Новгородцевъ. Очень вѣроятно, что, вслѣдствіе этихъ отношеній къ Димитрію, Семенъ, по смерти Василія, перешелъ не къ Переяславскому князю, а къ Городецкому Андрею, тѣмъ болѣе что Кострома, по смерти бездѣтнаго Василія, перешла къ Андрею. Этотъ-то Семенъ началъ вооружать своего новаго князя противъ Димитрія, и вотъ Андрей отправляется въ Орду, имѣя еноснѣшникомъ себя и помощникомъ Семена То-

нилевича и другихъ многихъ, говоритъ лѣтописецъ.

Задаривши хана Менгу-Тимура, Андрей получилъ ярлыкъ на Владиміръ и войско противъ Димитрія, потому что послѣдній не думалъ повиноваться слову ханскому, и нужно было принудить его къ тому силою, причемъ всѣ князья, ближніе и дальніе родственники, соединились съ Андреемъ противъ Димитрія. Мы не станемъ предполагать, что Димитрій дурно обходился съ ними, — пусть Димитрій былъ добрый, кроткій князь: для насъ важна здѣсь недовѣрчивость князей къ великому князю Владимірскому, постоянное нерасположеніе ихъ къ каждому князю, присоединявшему къ своему удѣлу Владимірскую область. Димитрій, видя союзъ князей и татарскіе полки противъ себя, поѣхалъ къ Новгороду, желая засѣсть въ своемъ Копорьи, но на озерѣ Ильменѣ встрѣтилъ полкъ новгородскій; — Новгородцы показали князю путь, самого не схватили, но взяли двухъ дочерей его и бояръ въ заложники: „Отпустимъ ихъ тогда, сказали они Димитрію, когда дружина твоя выступитъ изъ Копорья“. Но дружина эта не думала оставлять крѣпости, потому что ея начальствовалъ зять Димитрія, знаменитый Довмонъ Псковскій; онъ нечаянно попалъ на Ладогу и высвободилъ оттуда имѣнне Димитрію; но когда новгородскіе полки подошли къ Копорью, то дружина великокняжеская не могла долѣ здѣсь держаться, и, получивъ безпрепятственный выходъ, оставила крѣпость, которую разрыли Новгородцы ²⁾. Между тѣмъ Димитрій отправился за море, а Татары, пришедшіе съ Андреемъ, ища Димитрія, разсыпались по всей Землѣ, опустошили все около Муромъ, Владиміра, Юрьева, Суздаля, Переяславля, Ростова, Твери, до самаго Торжка и далѣе къ Новгороду. Андрей съѣлъ во Владимірѣ, угостилъ богатымъ пиромъ, одарилъ князей ордынскихъ и, отпустивъ ихъ домой, поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ былъ честно посаженъ на столъ. Но скоро пришла къ нему вѣсть, что Димитрій возвратился изъ-за моря съ наемными войсками ³⁾, засѣлъ въ своемъ Переяславтѣ, укрѣпляется тамъ и собираетъ полки. Андрей немедленно выѣхалъ изъ Новгорода во Владиміръ, оттуда въ Городецъ, а изъ Городца поѣхалъ въ Орду, опять вмѣстѣ съ Семеномъ Тонилевичемъ, жаловаться на брата хану Тудай-Менгу, брату и преемнику Менгу-Тимурову, доносить, что Димитрій не хочетъ повиноваться Татарамъ, платитъ имъ дани; а между

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 64. Иначе Никои. III, 73: «Того же лѣта иде князь Димитрей Александровичъ изъаморя къ Переяславлю; а въ Копорье бѣша боиере его и слуги и вся казна его и весь бытъ его, и изведе изъ Нскова зять его Дамантъ Псковскій и взя изъ Копорьи всю казну тестя своего; а бояръ его и слугъ его изведе изъ Копорьи, и отосла ихъ ко тестю своему къ в. к. Дмитрею Алекс. и иде въ Ладогу, въ ней бѣ многи людію В. К. Дм. Ал. Онъ же изведе ихъ такоужъ отосла къ тестю своему».

³⁾ Татищ. VI, 58.

¹⁾ Догадка Карамзина.

тѣмъ, въ его отсутствіе, князя: Святославъ Ярославичъ Тверской, Данилъ Александровичъ Московскій и Новгородцы двинулись на Дмитрія: союзъ также замѣчательный! Враждебныя войска сошлись у Дмитрова, стояли пять дней, ссылаясь о мирѣ, и наконецъ заключили его, неизвѣстно на какихъ условіяхъ. Становится замѣтнымъ, какъ рѣдко на сѣверѣ князья вступаютъ въ битвы другъ съ другомъ: обыкновенно сошедшись, они заключаютъ миръ и расходятся (1281—1283 г.).

Между тѣмъ Андрей пришелъ изъ Орды съ полками татарскими; Дмитрій бѣжалъ вторично, но на этотъ разъ уже не за Балтійское море, а къ берегамъ Чернаго: тамъ въ степяхъ распнулась другая Орда, независимая и враждебная Золотой, или Волжской,—Орда Ногайская. Повелитель ея, Ногай, князь рода Джучіева и полководецъ со времени Берге, изъ соперничества съ ханомъ Золотой Орды, принялъ съ честію Дмитрія и далъ ему свои полки; на этотъ разъ Андрей долженъ былъ уступить, и возвратилъ брату Владиміръ. Какъ же Дмитрій воспользовался своею побѣдою? Въ 1283 году двое переяславскихъ бояръ, Антонъ и Теофанъ, явились въ Кострому, схватили печально Семена Тонилевича и начали допытываться у него о прежнихъ и настоящихъ намѣреніяхъ его князя. Семень отвѣчалъ: „Напрасно допрашиваете меня; мое дѣло служить вѣрою и правдою своему князю; если же были между нимъ и братомъ его какіе раздоры, то они сами лучше знаютъ ихъ причины.“ — „Ты поднималъ Ордынскаго царя, ты приводилъ Татаръ на нашего князя“, — продолжали переяславскіе бояре. — „Ничего не знаю,“ отвѣчалъ Семень: „если хотите знать подробнѣе объ этомъ, спросите у господина моего, князя Андрея Александровича, тотъ отвѣтитъ вамъ на всѣ ваши вопросы.“ — „Если ты не расскажешь намъ о всѣхъ замыслахъ своего князя, продолжали Дмитріевы бояре, то мы уберемъ тебя.“ — „А гдѣ же клятва, которою клялся вашъ князь моему,“ отвѣчалъ Семень; клятва мира и любви? Неужели вашъ князь и вы думаете исполнить эту клятву, убивая бояръ нашего господина?“ — Переяславскіе бояре исполнили порученіе своего князя—убили Семена Тонилевича.

Легко было предвидѣть, что убійство Семена не потушитъ вражды между братьями: Андрей сильно тужилъ о своемъ бояринѣ и началъсылаться съ Новгородцами; въ Торжкѣ (въ 1284 г.) они обмѣнялись клятвою стоять другъ за друга противъ Дмитрія. Но послѣдній былъ слабѣе. Андрей уступилъ и на этотъ разъ, и даже нашелся принужденнымъ, вмѣстѣ съ Дмитріемъ и его Татарами, опустошать волости новгородскія. Послѣ этого Андрей обратился къ Татарамъ и привелъ на Дмитрія какого-то царевича изъ Орды; но когда Татары разсылались для грабежа, то Дмитрій собралъ большую рать и ударилъ на нихъ; царевичъ убѣжалъ въ Орду, бояре Андрея попались въ плѣнъ, и Городецкій князь долженъ былъ опять уступить; Нов-

городцы приняли къ себѣ Дмитрія, конечно не на всей своей волѣ. Есть извѣстіе о наказаніи людей ему непріязненныхъ¹⁾; посадникъ Семень Михайловичъ, отправившій свою должность во все время дружбы Новгорода съ Андреемъ и потому необходимо пріятный послѣднему, былъ свергнутъ при торжествѣ Дмитрія; его мѣсто заняли Андрей Климовичъ. Но Семень не отдѣлался однимъ лишеніемъ посадничества: въ 1287 году всталъ на него весь Новгородъ понапрасну (безъ причины), говоритъ лѣтописецъ, пошла на него изъ всѣхъ концовъ, какъ сильная рать, каждый съ оружіемъ, пришли на дворъ къ нему, взяли весь домъ съ шумомъ; Семень прибѣжалъ къ владыкѣ, а владыка проводилъ его въ Софійскую церковь, гдѣ онъ и пробылъ въ безопасности до другого дня, пока смятеніе утихло. Семень чрезъ нѣсколько дней умеръ; но и Андрей Климовичъ не долго посадничалъ; въ 1289 г. онъ былъ свергнутъ, и на его мѣсто возведенъ братъ прежде бывшаго посадника Юрій Мишиничъ; а ладожское посадничество отдало было Матвѣю Семеновичу, какъ видно, сыну Семена Михайловича. Неизвѣстно, въ связи-ли съ этими перемѣнами было убіеніе Самойлы Ратшинича жителями Прусской улицы на Владычинѣмъ дворѣ; Новгородцы съвоили вѣче у Св. Софій и у Св. Николая, откуда пошелъ вооруженные, взяли улицу Прусскую, дома разграбили, улицу всю пожгли. Въ слѣдующемъ году крамольнички пограбили торгъ; на другой день Новгородцы собрались на вѣче и сбросили двухъ крамольниковъ съ мосту.

Между тѣмъ Дмитрій, смиривъ брата и Новгородцевъ, хотѣлъ, какъ видно, раздѣлаться и съ тѣми княжествами, которые помогали Андрею противъ него; въ 1288 году Дмитрій, вмѣстѣ съ Ростовскимъ княземъ и Новгородцами, пошелъ на Тверскаго князя Михаила Ярославича, наследовавшаго брату своему Святославу, неизвѣстно когда умершему; но Михаилъ встрѣтилъ Дмитрія съ полками у Кашина, и дѣло кончилось безъ боя—миромъ. Неизвѣстны подробности, какъ Дмитрій поступилъ съ другими князьями; извѣстно только то, что въ 1292 году отправились жаловаться на него въ Орду князья: Андрей Городецкій, Дмитрій Ростовскій съ сыномъ и братомъ Константиномъ Углицкимъ, двоюродный братъ ихъ—Михаилъ Глѣбовичъ Вѣлосерскій, тестъ послѣдняго, Феодоръ Ростиславичъ Ярославскій съ Ростовскимъ епископомъ Тарасіемъ. Въ Ордѣ Волжской Тудай-Менгу былъ свергнутъ четыреми племянниками своими, внуками Тутукана, которые скоро, въ свою очередь, были истреблены сыномъ Менгу-Тимура, Тохтою, или Токтаемъ. Тохта, выслушавъ жалобы князей, хотѣлъ сначала послать въ Русь за Дмитріемъ, но потомъ раздумалъ и отправилъ туда большое войско. Переяславцы, узнавши о приближеніи Татаръ, всѣ разбѣжались, и Дмитрій долженъ былъ бѣжать изъ своего города сперва на Волокъ, а оттуда

¹⁾ Татищ. VI, 68.

во Псковъ; Татары же, съ Андреемъ Городецкимъ и Оеодоромъ Ярославскимъ, взяли Владиміръ, разграбили Богородичную церковь, взяли потомъ 14 другихъ городовъ и опустошили всю землю. Тверь наполнилась бѣглецами со всѣхъ сторонъ, которые уговаривались не пускать Татаръ дальше и биться съ ними; но Татары хотѣли идти къ Волоку къ Новгороду и Пскову; тогда Новгородцы послали къ предводителю ихъ, Дуденю, богатые дары, и варвары, удовольствовавшись ими, отправились назадъ въ степи. Союзники—Андрей Городецкій и Оеодоръ Ярославскій—подѣляли между собою волости: Андрей взял себѣ Владиміръ и Новгородъ, Оеодоръ Переславль; сына Димитріева, Ивана, вывели въ Кострому. По удаленіи Татаръ, Димитрій хотѣлъ было обратиться изъ Пскова въ Тверь, ибо Михаилъ не нарушилъ съ ними мира и не показанъ въ числѣ жалобщиковъ на него; самъ Димитрій успѣлъ проѣхать въ Тверь, но обозъ его было захваченъ Андреемъ и Новгородцами съ новымъ посадникомъ ихъ Андреемъ Климовичемъ, заступившимъ мѣсто Юрія Мишинича, какъ видно, вслѣдствіе торжества Городецкаго князя. Димитрій принужденъ былъ просить мира у брата, который принялъ предложеніе: какъ видно, взявши Владиміръ, Андрей уступилъ старшему брату опять Переславль, ибо встрѣчаемъ извѣстіе, что Оеодоръ Ярославскій пожегъ этотъ городъ, вѣроятно съ досады, что долженъ былъ отступить отъ своего пріобрѣтенія, и послѣ видимъ въ Переславлѣ сына Димитріева¹⁾; Волокъ возвращенъ Новгородцамъ. Но Димитрій не достигъ своей отчины: онъ умеръ на дорогѣ въ Волокъ, въ 1294 году, погребенъ же, по обычаю, въ своемъ Переславлѣ.

Андрей заступилъ мѣсто брата, и потому, при тогдашнихъ отношеніяхъ, не могъ оставить другихъ князей въ покоѣ, ни самъ остаться отъ нихъ въ покоѣ. Мы видѣли, что и прежде Андрей былъ въ союзѣ съ княземъ Оеодоромъ Ярославскимъ; союзъ остался непарушимъ и теперь; на ихъ же сторонѣ стоялъ и князь Константинъ Ростовскій; но противъ этихъ троихъ князей образовался другой союзъ также изъ трехъ князей: Михаила Тверскаго, Данила Московскаго и Ивана Переславскаго, который впрочемъ былъ въ это время въ Ордѣ и поручилъ защищать свою волость двумъ первымъ. Въ 1296 году, въ присутствіи ханскаго посла, князя собралась во Владиміръ для окончанія своихъ споровъ, но чуть-чуть дѣло не дошло до кровопролитія; владыка Симеонъ отвратилъ его, но не надолго: въ томъ же году Андрей, собравши большое войско, пошелъ къ Переславлю; по Даниилъ Московскій и

Михаилъ Тверской заступили ему дорогу; битвы, по обычаю, не было, князья стали пересылаться и помирились. Въ 1301 году князья опять съѣхались въ Дмитровѣ; Андрей и Даниилъ уладили свои дѣла, но Иванъ Переславскій и Михаилъ Тверской разъѣхались въ распрѣ,—знакъ, что на этихъ новыхъ съѣздахъ каждый князь толковалъ отдѣльно о своихъ интересахъ и, уладивши дѣло съ однимъ, могъ не уладиться съ другимъ. Въ слѣдующемъ 1302 году произошло событіе, важное по своимъ слѣдствіямъ и подавшее непосредственно поводъ къ новой борьбѣ между князьями: князь Иванъ Димитріевичъ Переславскій умеръ бездѣтнымъ; кому же должна была достаться его отчина, старшій удѣлъ въ племени Ярослава Всеволодовича? По-старинѣ, великій князь долженъ былъ распорядиться этою родовою собственностью по объему совѣту со всѣми родичами, сдѣлать съ ними рядъ, — по древнему выраженію. Но теперь на сѣверѣ смотрѣли на волости, удѣлы, какъ на частную собственность, и каждый князь, какъ частный собственникъ, отдѣленный отъ рода, считалъ себя въ правѣ завѣщать свою собственность кому хотѣлъ, и вотъ Иванъ Димитріевичъ завѣщаетъ Переславль, мимо старшаго дяди Андрея, младшему—Даниилу Московскому. Легко понять, какое значеніе это событіе имѣло въ то время, когда каждый князь стремился къ успленію своего удѣла насчетъ другихъ: область княжества Московскаго увеличивалась цѣлою областью другаго княжества!²⁾ Великій князь Андрей не хотѣлъ позволить Даниилу воспользоваться завѣщаніемъ племянника, и, тотчасъ по смерти Ивана, отправилъ въ Переславль своихъ намѣстниковъ. Но Даниилъ не думалъ отступать: онъ выгналъ намѣстниковъ Андреевыхъ и посадилъ своихъ; Андрей отправился въ Орду, вѣроятно, жаловаться хану. Въ слѣдующемъ 1303 году умеръ Даниилъ Александровичъ Московскій: старшій сынъ его, Юрій, былъ совершенно въ уровень своему времени: пріобрѣтать и у. илнваться во что бы то ни стало—было главною его цѣлію, и когда Андрей возвратился изъ Орды съ ярлыками ханскими, то Юрій не уступилъ ему Переславля³⁾, жители котораго хотѣли непремѣнно имѣть его своимъ княземъ и, доставивши отду его по завѣщанію, не толковали, какъ нѣкогда Кіевляне, что не хотятъ доставаться по наслѣдству. Въ 1304 году умеръ Андрей: смерть его служила знакомъ къ борьбѣ между Москвою и Тверью.

Описавши борьбу между сыновьями Невскаго, обратимся къ событіямъ, происходившимъ въ другихъ княжествахъ. Въ Ростовѣ, по смерти князя Бориса Васильковича (1277 г.), взялъ опять перевѣсъ старый обычай: здѣсь сталъ княжить братъ покойнаго, Глѣбъ Васильковичъ Бѣлозерскій. Но Глѣбъ

¹⁾ Арцабашевъ (II, прим. 496) упрекаетъ Карамзина въ голословіи; но мнѣніе Карамзина имѣетъ на себя всѣ вѣроятности, и основывается на мѣстѣ лѣтописи (Никон. III, 92).—Карамзина (IV, прим. 172) соблазняетъ свидѣтельство лѣтописи, что Андрей пошелъ въ Городецъ: но куда же ему было идти, когда онъ жилъ въ Городѣ и, будучи в. княземъ Владимірскаго, какъ Ярославъ жилъ въ Твери, Василий въ Костромѣ, Димитрій въ Переславлѣ, Михаилъ въ Твери, Калита въ Москвѣ.

²⁾ Странно, впрочемъ, что послѣ Переславль считался не въ числѣ городовъ московскихъ, но владимірскаго. См. духовныя кн. московскія въ 1-мъ томѣ Собр. Гос. гр. и дог. также Никон. III, 219.

³⁾ Карамз. IV, примѣч. 191.

умеръ въ слѣдующемъ же 1278 году; отъ смолоду, говорить лѣтописецъ, служилъ Татарамъ, и много христіанъ избавилъ отъ нихъ изъ плѣна; ему наследовали въ Ростовѣ племянникъ отъ старшаго брата, Дмитрій Борисовичъ; на Вѣлѣозерѣ остался княжить сынъ покойнаго Глѣба, Михаилъ. Дмитрій Борисовичъ, по обычаю времени, захотѣлъ усилиться на-счетъ этого младшаго двоюроднаго брата, и отнялъ у него волости съ грѣхомъ и неправдою, по выраженію лѣтописца; отъ двоюроднаго брата Дмитрій скоро (1271 г.) перешелъ къ родному, Константину Борповичу, княжившему съ нимъ вмѣстѣ въ Ростовѣ; была между ними крамола и вражда великая, говорить лѣтописецъ; быть можетъ, эта вражда произошла вѣлѣдствие смерти Угличкаго князя Романа Владиміровича (1269 г.), не оставившаго наследниковъ. Напрасно старался примирить ихъ владыка Игнатій: Константинъ долженъ былъ выѣхать изъ Ростова, а Дмитрій сталъ собирать войско и укрѣплять города, боясь нападенія отъ брата. Тогда владыка Игнатій отправился къ великому князю Дмитрію Александровичу и упросилъ его пріѣхать въ Ростовъ; тотъ пріѣхалъ — и помирилъ братьевъ. Въ 1287 году братья раздѣлились: старшій — Дмитрій — остался въ Ростовѣ; младшій — Константинъ — сѣлъ въ Угличѣ. Въ 1294 году умеръ князь Дмитрій Борповичъ Ростовскій; мѣсто его занялъ братъ Константинъ Борисовичъ, оставивъ въ Угличѣ сына своего Александра. — Изъ другихъ князей племени Всеволода III упоминается подъ 1281 годомъ внукъ его, князь Михаилъ Ивановичъ Стародубскій, дядя сыновьямъ Невского, но немогшій быть старшимъ ни по праву, потому что не былъ отчинникомъ, ни по силѣ. — Подъ 1278 годомъ упоминается внукъ Ярослава Всеволодовича, Давидъ Константиновичъ, князь Галицкій и Дмитровскій; онъ умеръ въ 1290 году. — Изъ князей суздальскихъ, сыновей Андрея Ярославича, Юрій Андреевичъ умеръ въ 1279 году, и его мѣсто занялъ братъ его Михаилъ. — Въ Рязани княжилъ Оедоръ, сынъ убитаго въ Ордѣ Романа; онъ умеръ въ 1294 году, и мѣсто его занялъ братъ, Константинъ Романовичъ; третій Романовичъ, Ярославъ, князь Пронскій, умеръ въ 1299 году. Въ 1278 году умеръ Смоленскій князь Глѣбъ Ростиславичъ; мѣсто его занялъ братъ Михаилъ Ростиславичъ, но и этотъ умеръ въ слѣдующемъ 1279 году; тогда Смоленскъ перешелъ къ третьему Ростиславичу, Оедору Ярославскому. Соединеніе двухъ княжествъ — Смоленскаго и Ярославскаго — могло бы повести къ важнымъ слѣдствіямъ для Сѣверной Руси при тогдашнихъ обстоятельствахъ, еслибъ географическое раздѣленіе этихъ княжествъ въ самомъ началѣ не положило препятствія ихъ политическому соединенію. Племянникъ Оедора отъ старшаго брата, Александръ Глѣбовичъ, овладѣлъ Смоленскомъ подъ дядею; послѣдній въ 1298 году съ большимъ войскомъ пошелъ на Александра, долго стоялъ подъ Смоленскомъ и бился крѣпко, но взять города не могъ и возвратился въ

Ярославль безъ успѣха. Смоленское княжество удержало свою независимость; послѣ, въ 1301 году, видимъ здѣсь усобицы между Александромъ Смоленскимъ и Андреемъ Вяземскимъ: Александръ, вмѣстѣ съ роднымъ братомъ Романомъ, осадилъ Дорогобужъ и людямъ зла много сдѣлалъ, отнявши у нихъ воду; но Андрей Вяземскій подошелъ на помощь къ Дорогобужцамъ, и Александръ, раненый, потерявши сына, долженъ былъ съ большимъ урономъ отступить отъ города. — На судьбу обоихъ княжествъ, и Рязанскаго и Смоленскаго, въ описываемое время начало оказывать вліяніе сосѣднее имъ обоимъ среднее княжество на сѣверѣ, Московское, гдѣ, какъ мы видѣли, княжилъ третій, младшій сынъ Невского, Даниилъ, сперва бывшій въ союзѣ съ братомъ Андреемъ противъ старшаго Дмитрія, потомъ, когда Андрей сталъ в. княземъ, вооружившійся противъ него вмѣстѣ съ князьями Тверскимъ и Переяславскимъ. Кромѣ этого любопытнаго поведенія и пріобрѣтенія, по завѣщанію племянника, Переяславскаго княжества, Даниилъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что въ 1301 году явился съ войскомъ у Переяслава Рязанскаго, одолѣлъ тамоннаго князя Константина Романовича, перебилъ много бояръ и простыхъ людей, и наконецъ взялъ въ плѣнъ самого князя Константина какою-то хитростію, вѣлѣдствие пѣвѣны бояръ рязанскихъ; Даниилъ, по словамъ лѣтописца⁴⁾, держалъ племянника своего въ чести, хотѣлъ укрѣпиться съ нимъ крестнымъ пѣлованіемъ и отпустить его въ Рязань. Сынъ Данииловъ, Юрій, въ самый годъ отцовской смерти отправился съ братьями на другое сосѣднее княжество, Можайское. Городъ взялъ, князя Святослава Глѣбовича привелъ плѣннымъ въ Москву. Такъ уже первые московскіе князья начинаютъ собирать Русскую Землю. — Въ Новгородѣ, послѣ торжества Андреева надъ братомъ, княжилъ сынъ в. князя Борисъ Андреевичъ; посадникъ Андрей былъ смѣненъ братомъ Семеномъ Ивановичемъ, неизвѣстно въ которомъ году; но въ 1303 году Семени смѣнилъ опять Андрей. Въ послѣдніе годы отношенія Новгорода къ великому князю Андрею, какъ видно, переѣнились: до насъ дошелъ договоръ Новгородцевъ съ Михаиломъ Тверскимъ, въ которомъ этотъ князь, объявляя о союзѣ своемъ съ Данииломъ Московскимъ и Иваномъ Переяславскимъ, обязываетъ Новгородцевъ, чтобы они помогали ему въ случаѣ пригнѣсенія отъ в. князя Андрея или отъ Татарина, или отъ кого-либо другого; Новгородцы, съ своей стороны, обязываютъ Михаила, чтобы онъ, въ случаѣ обиды Новгороду, защищалъ его вмѣстѣ съ братомъ своимъ Данииломъ²⁾.

⁴⁾ Никон. III, 98. Въ Воскресен. (II, 272) и Лавр. (209) прибавлено, что Юрій при осадѣ Рязани много Татаръ избилъ, почему и полагаютъ здѣсь первую побѣду Русскихъ надъ Татарами; но во 1) избіи еще не значить побѣдить: Александръ Тверской также избилъ дружини Шевкала, однако никто не признаетъ это побѣдою; во 2) мы уже видѣли, что еще Дмитрій Александровичъ заставлялъ бѣжать татарскаго царевича, названнаго Андреемъ.

²⁾ Собр. Рос. грам. и дог. I, № 4 и 5.

Касательно вѣдѣній отношеній въ описываемое время мы видѣли, что Татары опустошали Сѣверную Русь, помогая враждующимъ князьямъ, какъ прежде Половцы пустошили Южную. Въ 1277 году русскіе князья, — Андрей Городецкій, Глѣбъ Ростовскій съ сыномъ и племянникомъ, Федоръ Ярославскій, — будучи въ Орду у хана Менгу-Тимура, должны были вмѣстѣ съ нимъ отправиться въ походъ противъ Исовъ, взяли ихъ городъ Деяковъ, и возвратились съ честію и дарами отъ хана. Въ слѣдующемъ году Федоръ Ярославскій и Михаилъ, сынъ Глѣба Ростовскаго, ходили опять съ Татарами на войну. Въ томъ же году Татары приходили на Рязань и, надѣлавши много зла, возвратились домой. Черезъ десять лѣтъ встрѣчаемъ новое извѣстіе о нападеніи Татаръ на Рязань и Муромъ. Въ 1293 году былъ тяжесъ для Твери царевичъ татарскій; въ Ростовѣ, въ 1290 году, жители встали вѣчемъ на Татаръ и разграбили ихъ. — На западѣ продолжалась прежняя борьба Новгородцевъ со Шведами, Новгородцевъ и Псковичей съ Нѣмцами и Литвою. Въ 1283 году Шведы вошли Невною въ озеро Ладожское, перебили Новгородцевъ — обоюбожскихъ купцовъ, Ладожане вышли къ нимъ на-встрѣчу и бился, но счастливо ли, — не извѣстно; въ слѣдующемъ году такое же новое покушеніе Шведовъ, хотѣвшихъ взять дань на Корель; но на этотъ разъ Новгородцы и Ладожане встрѣтили враговъ въ устьи Невы, побили ихъ и заставили бѣжать. Въ 1292 году пришли Шведы въ числѣ 800 человекъ — 400 пошли на Корелу, 400 — на Ижору; но Ижора перебила своихъ, а Корела — своихъ. Это были покушенія неважныя; но въ 1293 году Шведы обнаружили намѣреніе стать твердою ногою въ новгородскихъ владѣніяхъ и построили городъ на корельской землѣ; небольшое новгородское войско съ Смоленскимъ княземъ Романомъ Глѣбовичемъ подошло къ городу, но должно было отступить отъ него по причинѣ отпечели и недостатка въ конскомъ кормѣ; въ 1295 году Шведы построили другой городъ на корельской же землѣ; но этотъ городъ Новгородцы раскопали, истребивши гарнизонъ шведскій. Шведы однако не отстали отъ своего намѣренія и въ 1300 году вошли въ Неву съ большою силою, привели мастеровъ изъ своей Земли и изъ Италіи, и поставили городъ при устьи Охты, утвердили его твердостію несказанною, по словамъ лѣтописца, поставили въ немъ пороки и назвали въ похвалу Вѣ и н о м ѣ з е м л я (Ландскрона). Маршалъ Торкель Кнугсонъ, правившій Швеціей въ наолѣдствіе короля Виргера, самъ присутствовалъ при постройкѣ Ландскроны, и оставилъ въ ней сильный гарнизонъ съ воеводою Стеномъ. Противъ такой опасности нужно было вооружиться всѣми силами, и вотъ въ слѣдующемъ году самъ великій князь Андрей съ полками низовыми и новгородскими подступилъ къ Ландскронѣ: городъ былъ взятъ, раскопанъ, гарнизонъ частію истребленъ, частію отведенъ въ неволю. Шведамъ не удалось утвердиться въ новгородскихъ владѣ-

ніяхъ; такъ-же неудачна была и попытка Датчанъ изъ Ревеля поставить городъ на русской сторонѣ Наровы: въ 1294 году Новгородцы пожгли городъ, и въ 1302 году заключенъ былъ миръ, за которымъ новгородскіе послы ѣздили въ Данію. — Псковъ продолжалъ бороться съ Ливонскимъ Ордепомъ: въ 1298 году Довмонтъ въ другой разъ отбилъ отъ него Нѣмцевъ; это былъ послѣдній его подвигъ: въ 1299 году онъ умеръ, много пострадавши (потрудившись) за Св. Софію и за Св. Троицу (т. е. за Новгородъ и за Псковъ) — лучшая похвала князю отъ лѣтописца: ливонскій выходецъ сражнялся ею съ Мономахомъ. Лѣтописецъ прибавляетъ, что Довмонтъ былъ милостивъ безмѣрно, священниковъ любилъ, церкви украшалъ, нищихъ милывалъ, всѣ праздники честно проводилъ, за сиротъ, вдовъ и всякихъ обиженныхъ заступался. Неприятельскія дѣйствія Литвы противъ Новгородской области ограничались въ описываемое время однимъ опустошеніемъ береговъ Ловати въ 1285 году; но въ слѣдующемъ году Литовцы напали на Олешню, церковную волость Тверскаго владыки. Тверичи, Москвичи, Волочане, Новгородцы, Дмитровцы, Зубчане, Ржевичи соединились, догнали разбойниковъ, побили ихъ, отняли добычу, взяли въ плѣнъ князя. Съ финскими племенами продолжалась борьба съ прежнимъ характеромъ: въ 1292 году новгородскіе молодцы ходили съ княжими воеводами воевать Емскую (Ямъ) землю, и, повоевавши ее, пришли въ поздорову; но въ описываемое время одно изъ ближайшихъ финскихъ племенъ, Корела, давно платившее дань Новгороду и еще до Татаръ покрещенное, стало возмущаться. Еще въ 1269 году князь Ярославъ Ярославичъ собирался идти на Корелу; но на этотъ разъ Новгородцы упростили его не ходить. Подъ 1278 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что князь Димитрій Александровичъ съ Новгородцами и со всею Низовскою Землею казнилъ Корелянъ и взялъ землю ихъ на пить,

Князей Юго-Западной Руси — Льва Даниловича Галицкаго и двоюроднаго брата его Владиміра Васильковича Волынскаго, — занимали преимущественно отношенія польскія, литовскія и татарскія. Съ Болеславомъ Ленковичемъ Краковскимъ они помирились и даже помогали ему въ войнѣ съ Болеславомъ Генриховичемъ Вреславскимъ (Силезскимъ). Мы видѣли, что Мазовія, по смерти Конрада, раздѣлилась между двумя его сыновьями, сначала между Казимиромъ и Болеславомъ, потомъ, по смерти послѣдняго, между Казимиромъ и Семовитомъ. Казимиръ, умершій въ 1267 году, оставилъ свою часть пяти сыновьямъ: Ленску Черному, Земомыслу, Владиславу Локетку, Семовиту и Казимиру; Семовитъ оставилъ свою часть двумъ сыновьямъ, Болеславу и Конраду. Съ послѣднимъ у Волынскаго князя было враждебное столкновеніе по поводу Ятвяговъ: эти дикари возмущались — было снова по смерти Данила, но воеводы сыновей его — Льва и Мстислава — и племянника Владиміра заставили ихъ смириться; въ 1279 году былъ сильный голодъ по всей Землѣ Русской и

Поляской, у Литвы и Ятвяговъ; послы ятвяжескіе прѣѣхали къ князю Владиміру Волынскому и стали ему говорить: „Господице князь Владиміръ! прѣѣхали мы къ тебѣ ото всѣхъ Ятвяговъ, понадѣясь на Бога и на твое здоровье. Господице! не помори насъ, а перекорми, пошли къ намъ жито свое на продажу, мы съ радостію станемъ покупать, что хочешь,—то и будемъ давать: воску, бѣлокъ, бобровъ, черныхъ кунциъ, серебро“. Владиміръ сжалился и послалъ къ нимъ жито изъ Вреста въ лодкахъ по Бугу съ людьми добрыми, кому вѣриль. Волынцы изъ Буга вошли въ Наревъ, поплыли по этой рѣкѣ; но когда остановились ночевать подъ Полтовскомъ (Пултускомъ), то всѣ были перебиты, жито унесено, лодки потоплены. Владиміръ сталъ доискиваться, кто это сдѣлалъ, и послалъ сказать Конраду: „Подъ твоимъ городомъ перебиты мои люди; либо ты приказалъ ихъ убить, либо кто другой; ты долженъ знать, что дѣлается въ твоей землѣ; объяви мнѣ“.—Конрадъ заперся: „Самъ не билъ и другого никого не знаю“. Но дядя его, Болеславъ Краковскій, бывшій въ ссорѣ съ племянникомъ, послалъ сказать Владиміру: „Конрадъ лжетъ, самъ избилъ твоихъ людей, перевѣдайся съ нимъ, осрамилъ онъ тебя, смой свой позоръ“. Владиміръ послушался и послалъ на Конрада войско, которое опустошило земли по сю сторону Вислы и взяло много плѣну; Конрадъ прислалъ просить мира у Владиміра, тотъ согласился, и началась между обоими князьями большая любовь: Владиміръ возвратилъ Конраду всю челядь, которую побрало его войско.

Смерть бездѣтнаго Болеслава Краковскаго, послѣдовавшая въ 1279 году, подала поводъ къ новымъ смутамъ. Болеславу наследовалъ старшій изъ двоюродныхъ племянниковъ—Лешко Черный, князь Мазовецкій-Сераджскій, сынъ Казимира Конрадовича, и это преемство утверждено было избраніемъ краковской шляхты ⁴⁾. Левъ Даниловичъ Галицкій, не услыхивъ получить Литвы послѣ брата, захотѣлъ попытаться, не уснѣетъ ли овладѣть наследствомъ Болеслава Краковскаго; но бояре, сильные, по выраженію лѣтописца, не дали ему земли. Тогда Левъ захотѣлъ, по крайней мѣрѣ, овладѣть нѣкоторыми порубежными городами, и послалъ просить войска у хана Ногая; тотъ исполнилъ его просьбу, и Левъ, съ татарскими полками и сыномъ Юриемъ, вступилъ въ польскія владѣнія, а братъ его Мстиславъ, съ сыномъ Данииломъ, и двоюродный братъ, Владиміръ Волынскій, пошли туда же неволею татарскою. Левъ шелъ къ Кракову съ гордостью великою, говоритъ лѣтописецъ, но возвратился съ великимъ безчестіемъ, потому что при Гощлицѣ, въ двухъ миляхъ отъ Сендомира, Поляки поразили его на-голову; а въ слѣдующемъ 1281 году Лешко отплатилъ ему вторженіемъ въ Галицкую область, гдѣ взялъ городъ

Переверосскъ (Пришеворскъ) и сжегъ его, перебивши всѣхъ жителей. Съ другой стороны Поляки вошли въ Волынскія владѣнія у Вреста, взяли десять селъ и пошли назадъ; но жители Вреста, съ воеводою Титомъ, въ числѣ 70 человекъ, ударили на 200 Поляковъ, убили у нихъ 80 человекъ, другихъ взяли въ плѣнъ и возвратили все пограбленное. Скоро стала усобица между Семовитовичами мазовецкими—извѣстнымъ намъ Конрадомъ и братомъ его Болеславомъ. Конрадъ обратился съ просьбою о помощи къ Владиміру Васильковичу Волынскому; тотъ принялъ къ сердцу его обиду и со слезами отвѣчалъ его послу: „Скажи брату: Богъ будетъ мстителемъ за твой позоръ, а я готовъ тебѣ на помощь“,—и дѣйствительно сталъ собираться на Болеслава, послалъ и къ племяннику Юрію Львовичу Холмскому за помощью, и тотъ отвѣчалъ: „Дядюшка! съ радостію бы пошелъ и самъ съ тобою, но некогда: ѣду въ Суздаль жениться, а съ собою беру немногихъ людей; такъ всѣ мои люди и бояре Богу на руки да тебѣ, когда тебѣ будетъ угодно, тогда съ ними и ступай“. Владиміръ собралъ рать и выступилъ къ Вресту, но прежде отправилъ къ Конраду посла, который, опасаясь невѣрныхъ бояръ послѣдняго, сказалъ при нихъ князю: „Вратъ твой Владиміръ велѣлъ тебѣ сказать: съ радостію бы помочь тебѣ, да нельзя—Татары мѣшаютъ“. Сказавши это, посолъ взялъ Конрада за руку и сильно пожалъ ее; князь догадался, вышелъ съ нимъ вонъ, и посолъ началъ опять говорить: „Вратъ велѣлъ тебѣ сказать: приготовляйся самъ и лодки приготовь на Вислѣ, рать у тебя будетъ завтра“. Конрадъ сильно обрадовался, велѣлъ поскорѣе готовить лодки и самъ приготовился; рать волынская пришла, перевезлась черезъ Вислу и пошла вмѣстѣ съ Конрадомъ во владѣнія Болеслава, гдѣ осадили городъ Гостинный. Конрадъ, ѣзда по полкахъ, началъ говорить: „Вратъ мой, милая Русь! ступайте, бейтесь дружнѣ!“ Полки двинулись подъ стѣны, другіе стали неподвижно, оберегая товарищей отъ внезапнаго нападенія Поляковъ. Осажденные сынали на русскихъ каменя, какъ градъ сильный, но тѣ ловко отстрѣливались; дѣло дошло и до копій, и Поляки начали валиться со стѣнъ, какъ снопы: наконецъ городъ былъ взятъ; побѣдители захватили въ немъ много всякаго добра и плѣнныхъ, остальныхъ перебили, городъ сожгли, и возвратились домой съ побѣдою и честию великою, потерявши только двухъ человекъ убитыми, но и тѣ были убиты не подъ городомъ, а въ наѣздѣ,—одинъ былъ родомъ Пруссъ, а другой придворный слуга князя Владиміра, любимый его сынъ боярскій, Рахъ Михайловичъ. Когда войска шли мимо Сохачева (Сохонинъ), то князь Болеславъ выѣхалъ изъ этого города, чтобъ поймать кого-нибудь изъ непріятелей въ разгонѣ; князь Владиміръ наказывалъ своимъ воеводамъ не распускать войска, а идти всѣмъ вмѣстѣ къ городу; но тридцать человекъ отдѣлились отъ войска и поѣхали въ лѣсъ ловить челядь, которая скрылась тамъ изъ

⁴⁾ Съ польскими источниками, приводимыми Рѣппелемъ (стр. 526), согласна и Волынская лѣтопись (стр. 208): «бояре же Лядци избраша себѣ одного отъ нихъ, Лестька, и посадиша и Краковѣ на столѣ Болеслави».

сель; въ это время Болеславъ ударилъ на нихъ; всѣ разбѣжались, не любѣжали только двое—Рахъ съ Пруссомъ: послѣдній пустился на самого Болеслава, и былъ убитъ окружающими князя; Рахъ убилъ знатнаго боярина Болеслава, по также заплатилъ жизнью за свою подвигъ. Они умерли мужественно, говорить лѣтописецъ, оставили по себѣ славу будущимъ вѣкамъ. Въ 1282 году два хана—Ногай и Телебуга—пошли на Венгровъ съ огромнымъ войскомъ, велѣли идти съ собою и русскимъ князьямъ. Пользуясь этимъ, Болеславъ напалъ съ небольшою дружиною на русскія границы, взялъ нѣсколько сель и пошелъ назадъ, величаясь, какъ будто бы всю землю завоевалъ. Левъ Даниловичъ, возвратясь изъ похода, послалъ сказать Владиміру Васильковичу: „Братъ! смею съ себя позоръ, наведи Литву на Болеслава“. Владиміръ послалъ за Литвою и получилъ отвѣтъ: „Владиміръ, добрый князь, правдивый! можемъ за тебя свои головы сложить; если тебѣ любо, то мы готовы“. Левъ и Владиміръ, собравши полки, пошли къ Бресту, дожидаясь Литвы, но Литва не пришла къ сроку, и князя отпустили однихъ своихъ воеводъ, которые повоевали Болеславу землю, взяли безчисленное множество челяди, скота, коней. Послѣ пришли Литовцы къ Бресту и стали говорить Владиміру: „Ты насъ подиаль, такъ веди куда-нибудь, мы готовы, мы на то и пришли“. Князь сталъ думать, куда ихъ вести:—своя рать ушла уже далеко, рѣки разливаются, и вспомнилъ, что Лешко Краковскій посылалъ Люблинцевъ, которые взяли одно пограничное волынское село; Владиміръ нѣсколько разъ ему напоминать, чтобъ онъ возвратилъ плѣнныхъ, но Лешко не возвратилъ, и за это теперь Владиміръ послалъ на него Литву, которая повоевала около Люблина и взяла множество плѣнныхъ. Скоро возвратились и русскіе воеводы изъ польскаго похода съ большою добычею; но Болеславъ все не переставалъ враждовать; Владиміръ съ племянникомъ Юріемъ опять собрали войско, опять явились Литву; Русскіе и Литовцы взяли у Болеслава Сохачевъ и возвратились назадъ съ большою добычею.

Съ Литовскимъ княземъ Тройденомъ Владиміръ Васильковичъ воевалъ цѣлый 1274 годъ мелкою войною; потомъ Тройденъ взялъ городъ Дрогичинъ у Льва Даниловича. Левъ послалъ къ хану Менгучимуру за помощью; Татары пришли, а это значило, что всѣ русскіе князья должны идти съ ними вѣстѣ, и пошли на Литву—Левъ, Метиславъ, Владиміръ, Романъ Брянскій съ сыномъ Олегомъ, Глѣбъ Смоленскій, князья пинскіе и туровскіе. Левъ съ Татарами пришелъ прежде всѣхъ къ Новогрудку и, не дожидаясь другихъ князей, взялъ окольный городъ; на другой день пришли остальные князья и стали сердиться на Льва, что безъ нихъ началъ лѣло; въ этихъ сердцахъ они не пошли дальне и возвратились отъ Новогрудка. Волынскій князь звалъ тестя своего, Романа Брянскаго, захватить къ нему во Владиміръ; „Господинъ батюшка! пріѣзжай, побудеши въ своемъ домѣ и дочери своей здо-

ровье увидиши“; Романъ отвѣчалъ: „Сынъ Владиміръ! не могу отъ своего войска уѣхать, кожу въ землѣ ратной, кто проводитъ войско мое домой? Пусть вмѣсто меня ѣдетъ сынъ мой Олегъ“.—Въ 1276 году толпы Пруссомъ, спасаясь отъ притѣсненій Ордена, явились къ Литовскому князю съ просьбою о помѣщеніи; Тройденъ одну часть ихъ посадилъ въ Гроднѣ, а другую—въ Слономѣ; Владиміру и Льву это соседство показалось опаснымъ; они послали рать свою къ Слоному и взяли Пруссовъ. За это Тройденъ послалъ воевать около Каменца (Литовскаго); Владиміръ отпустилъ ему взятіемъ Турійска-Нѣманскаго. Борьба на этотъ разъ кончилась, и лѣтописецъ говорить, что оба князя—Тройденъ и Владиміръ—начали жить въ большой любви. Но послѣдній, какъ видно, не полагался на долговременность этого мира, и сталъ думать, гдѣ бы поставить городъ за Брестомъ. Въ этомъ раздумьи онъ взялъ книги пророческія и разогнулъ ихъ на слѣдующемъ мѣстѣ: „Духъ Господень на мнѣ, его же ради помаза мя... и созиждутъ пустыни вѣчная, запустѣвшая прежде, воздвигнуты города пусты, запустѣвшая отъ рода“. Владиміръ, говорить лѣтописецъ, уразумѣлъ къ себѣ милость Божию и началъ искать мѣста, гдѣ бы поставить городъ, для чего послалъ мужа искуснаго, именемъ Алексеу, съ туземцами на челнахъ вверхъ по рѣкѣ Лоснѣ; Алекса нашелъ удобное мѣсто и объявилъ объ этомъ князю, который самъ отправился на берега Лосны и заложилъ городъ, названный Каменцомъ, потому что почва была каменистая ¹⁾.

На этотъ разъ Татары не дали русскимъ и литовскимъ князьямъ пожить въ мирѣ; въ 1277 году Ногай прислалъ къ русскимъ князьямъ грамоту: „Вы все мнѣ жалуетесь на Литву, такъ вотъ вамъ войско и съ воеводою, ступайте съ нимъ на своихъ враговъ“. Зимомъ пошли русскіе князья—Метиславъ, Владиміръ и Юрій Львовичъ—на Литву къ Новогрудку; но когда пришли они къ Бресту, то получили вѣсть, что Татары опередили ихъ; тогда князья стали думать: „Чтò намъ идти къ Новогрудку?—тамъ Татары все уже извоевали; пойдемъ куда-нибудь къ цѣлому мѣсту“,—и пошли къ Гродну. Минувши Волковыскъ, они остановились почевать, и тутъ Метиславъ съ Юріемъ тайкомъ отъ Владиміра послали лучшихъ своихъ бояръ и слугъ съ воеводою Тьюмою воевать окрестную страну. Тѣ, повоевавши, расположились также на ночлегъ, вдалекѣ отъ главной рати, сторожей не разставили и доспѣхи сняли. Тогда одинъ переметчикъ убѣжалъ отъ нихъ прямо въ городъ и объявилъ жителямъ: „Тамъ-то и тамъ-то на селѣ люди лежатъ безо всякаго порядка“. Прусы и Ворты выѣхали изъ города и ударили на сонныхъ Русскихъ; половину избили, другую повели плѣнными въ городъ, а Тьюму повезли на саняхъ, потому что былъ тя-

¹⁾ Каменецъ—мѣстечко Гродненской губерніи, Брестскаго уѣзда, на рѣкѣ Лоснѣ; какой же Каменецъ упоминается выше, около котораго воевала Литва?

жело ранепъ. На другой день, когда главная рать подошла къ городу, приближалъ къ ней одинъ изъ посланныхъ съ Тюймою, нагъ и босъ, и объявилъ о пораженіи своихъ; князья, погоревавши, начали промышленяты, какъ бы взять городъ: передъ нимъ стояла высокая каменная башня, гдѣ заперлись Пруссы и стрѣлбою своею никакъ не давали приблизиться къ городу. Русскіе поэтому приступили сперва къ башнѣ и взяли ее; тогда страхъ напалъ на горожанъ; они стояли какъ мертвые на забралахъ, потому что вся ихъ надежда была на башню; стали рядиться съ осаждающими и порѣшили на томъ, что Русскіе не будутъ брать города, за что осажденные выдали имъ всѣхъ бояръ, взятыхъ въ плѣны ночью.

Татары же водили русскихъ князей и на Поляковъ въ 1287 году: Телебуга послалъ звать съ собою въ походъ всѣхъ князей волынскихъ и заднѣпровскихъ. Князья, каждый на границѣ своей волости, встрѣчали хана съ напитками и дарами; они боялись, что Татары перебьютъ ихъ и города возьмутъ себѣ. Этого не случилось, по насиліямъ татарскимъ въ городахъ и по волости не было конца. Телебуга, отправившись въ Польшу, оставилъ около Владиміра отрядъ Татаръ кормить любимыхъ коней своихъ; эти Татары опустошили всю Землю Владимірскую, не давали никому выйти изъ города за съѣстными припасами: кто выйдетъ, тотъ непременно будетъ или убитъ, или схваченъ, или ограбленъ, и оттого въ городѣ Владимірѣ померло людей безчисленное множество. Пробывши десять дней въ Польшѣ, Телебуга на возвратномъ пути остановился въ Галицкомъ княжествѣ на двѣ недѣли, и опустошилъ его точно такъ же, какъ Татары его опустошили Волынское.

Въ то время еще, когда Телебуга былъ на Волыни, тамошній князь Владиміръ, уже давно страдавшій тяжелою болѣзнію (гниеніемъ нижней челюсти), почувствовалъ, что становится ему гораздо хуже, и послалъ сказать двоюродному брату своему, Мстиславу Даниловичу Луцкому: „Братъ! ты видишь мою немощь, а дѣтей у меня нѣтъ,—такъ даю тебѣ, брату своему, землю свою всю и города, по смерти своей, и даю это тебѣ при ханѣ и его вельможахъ.“ Послалъ также сказать и другому двоюродному брату Льву и племяннику Юрію: „Объявляю вамъ, что я отдалъ брату Мстиславу землю свою и города.“ Левъ отвѣчалъ Владиміру: „И хорошо сдѣлалъ, что отдалъ; мнѣ развѣ искать подъ нимъ послѣ твоей смерти? всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, а мнѣ даль бы только Богъ и своимъ княжествомъ управить въ нынѣшнее время.“ Потомъ Мстиславъ послалъ сказать брату Льву и племяннику: „Вратъ Владиміръ отдалъ мнѣ землю свою и города; если чего захочешь искать по смерти брата Владиміра, такъ скажи лучше теперь, когда здѣсь ханъ.“ Левъ не отвѣчалъ на это ни слова. Телебуга пошелъ въ Польшу со всѣми князьями и съ Владиміромъ; но послѣдній долженъ былъ воротиться съ дороги, потому что жалко было смотрѣть

на него. Пробывъ нѣсколько дней во Владимірѣ, онъ началъ говорить княгинѣ и боярамъ: „Хотѣлось бы мнѣ поѣхать въ Любомль¹⁾, потому что погань эта (Татары) сильно мнѣ опротивѣла: я человекъ большой, нельзя мнѣ съ ними толковать, чувствъ моего не остается здѣсь епископомъ Маркъ“. Князь поѣхалъ въ Любомль съ княгинею и слугами придворными, изъ Любомля—въ Брестъ, а изъ Бреста въ Каменецъ (Литовскій), гдѣ и слегъ въ постель, говоря княгинѣ и слугамъ: „Когда эта погань выйдетъ изъ земли, то поѣдемъ въ Любомль“. Черезъ нѣсколько дней пріѣхали къ нему слуги, бывшіе въ Польшѣ на войнѣ съ Татарами; онъ сталъ спрашивать ихъ о Мелебугѣ, пошелъ ли онъ назадъ изъ Польши,—тѣ отвѣчали, что пошелъ;—„А братъ мой Левъ, и Мстиславъ, и племянникъ здоровы ли?“—тѣ отвѣчали, что всѣ здоровы, бояре и слуги, причемъ сказали, что Мстиславъ уже раздаетъ своимъ боярамъ города и села волынскіе. Владиміръ очень разсердился и сталъ говорить: „Я лежу болепъ, а братъ придалъ мнѣ еще болѣзнь; я еще живъ, а онъ уже раздаетъ города мои и села, могъ бы подождать, когда умру.“ И отправилъ посла къ Мстиславу съ жалобою: „Вратъ! вѣдь ты меня ни на полону взялъ, ни конемъ добылъ, ни ратью выбилъ меня изъ городовъ моихъ,—что такъ со мною поступаешь! ты мнѣ братъ; по вѣдь есть у меня и другой братъ Левъ и племянникъ Юрій; изъ васъ троихъ я выбралъ тебя одного и отдалъ тебѣ свою землю и города, по своей смерти; а пока живъ, тебѣ не вступаться ни во что; я такъ распорядился, отдалъ тебѣ землю за гордость брата Льва и племянника Юрія.“ Мстиславъ снѣшилъ успокоить больного: „Вратъ и господи! велѣлъ онъ отвѣчать ему: земля Божія и твоя и города твои, и я надъ ними не воленъ, самъ я въ твоей волѣ, и дай мнѣ Богъ имѣть тебя какъ отца и служить тебѣ со всею правдою до смерти, чтобы ты, господи, здоровъ былъ, а мнѣ главная надежда на тебя.“ Эта рѣчь была Льву Владиміру, онъ успокоился и поѣхалъ въ Рай-городъ²⁾; здѣсь онъ началъ говорить княгинѣ: „Хочу послать за братомъ Мстиславомъ, урядиться съ нимъ о землѣ и о городахъ, и о тебѣ, княгини моя милая Ольга, и объ этомъ ребенкѣ Изяславѣ, которую люблю какъ дочь родную; Богъ, за грѣхи мои, не далъ мнѣ дѣтей, такъ эта была мнѣ вмѣсто родной, потому что взялъ ее отъ матери въ пеленахъ и вскормилъ.“ За Мстиславомъ послали, и когда онъ пріѣхалъ, то Владиміръ поднялся съ постели, сѣлъ и сталъ его спрашивать про походъ; Мстиславъ рассказывалъ ему все по порядку, какъ было; и когда пришелъ къ себѣ на подворье, то Владиміръ послалъ епископа и двухъ бояръ сказать ему: „Вратъ! я за тѣмъ тебя призвалъ, что хочу урядиться съ тобою о землѣ и о городахъ, о княгинѣ своей и о ребенкѣ Изяславѣ, хочу грамоты писать“.

¹⁾ Любомль, жѣсточека при Западномъ Бугѣ, почти между Хелмомъ и Ковлемъ.

²⁾ Недалеко отъ Августова, въ царствѣ Польскомъ.

Мстиславъ отвѣчалъ: „Братъ и господинь! Я развѣ хотѣлъ искать твоей земли по твоей смерти? Самъ ты прислалъ ко мнѣ въ Польшу объявить, что отказываешь мнѣ свою землю;—если хочешь грамоты писать, то пиши, какъ Богу любо и тебѣ“. Епископъ возвратился съ этимъ отвѣтомъ, и Владиміръ велѣлъ писцу писать грамоты: въ одной отказалъ Мстиславу всю свою землю и города, въ другой—отказалъ женѣ своей городъ Кобринъ съ нѣсколькими селами и монастырь Апостольскій съ селами же. „А княгиня моя, сказано въ концѣ грамоты, захочетъ итти въ монастырь послѣ меня, пусть идетъ, а не захочетъ, то какъ ей любо: мнѣ вѣдь не смотрѣтъ, вставши изъ гроба, что кто станетъ дѣлать по моей смерти“.

Когда грамоты были написаны, Владиміръ послалъ сказать Мстиславу: „Цѣлуй крестъ на томъ, что не отнимешь ничего у княгини моей и у ребенка Изяславы, не отдашь ей неволю ни за кого, но за кого захочетъ княгиня моя, за того отдашь“. Мстиславъ поцѣловалъ крестъ, послѣ чего поѣхалъ во Владиміръ, въ Богородичную церковь, куда созованы были бояре и граждане, Русскіе и Нѣмцы; передъ ними прочли Владимірову духовную, въ которой отказана была вся земля Мстиславу, и епископъ благословилъ всея дѣлаго крестомъ воздвизальнымъ на княженіе; Мстиславъ уже хотѣлъ начать послѣ этого княжить, но опять былъ остановленъ большимъ Владиміромъ, который велѣлъ ему подождать до своей кончины. Мстиславъ отправился въ свою Луцкую волость, а Владиміръ изъ Рая переѣхалъ въ Любомль, гдѣ лежалъ больной всю зиму, разсылая слугъ своихъ на охоту, потому что былъ страстный охотникъ и храбрый; завидитъ вепря или медвѣдя—не станетъ дожидаться слугъ, самъ убьетъ всякаго звѣря. Но большому князю не дали успокоиться; какъ наступило лѣто, прислалъ къ нему Конрадъ Ссмоновичъ Мазовецкій; „Братъ и господинь! велѣлъ сказать ему Конрадъ: ты былъ мнѣ вѣсто отца, держалъ подъ своєю рукою, своєю милостію; тобою я княжилъ и города свои держалъ, отъ братиі отступился и былъ грозенъ; а теперь, господинь! слышалъ я, что ты отказалъ свои земли брату своему Мстиславу; такъ послалъ бы ты къ нему своего посла вѣстѣ съ моимъ, чтобъ я оиъ принялъ меня подъ свою руку, и стоялъ бы за меня, какъ ты“. Владиміръ исполнилъ желаніе Конрада, послалъ къ Мстиславу, и тотъ обѣщавшись не давать въ обиду Мазовецкаго князя и, если случится, голову свою за него сложить. Мстиславу хотѣлось также видѣться лично съ Конрадомъ; тотъ согласился съ радостію, заѣхалъ сперва къ Владиміру, въ Любомль, гдѣ горько плакалъ, увидѣвши, какъ болѣзнь истощила красивое тѣло князя Волынскаго; отсюда поѣхалъ къ Мстиславу, который встрѣчилъ его съ боярами и слугами своими, и принялъ съ честію и любовію подъ свою руку, сказавши: „Какъ тебя братъ мой Владиміръ чтилъ и дарилъ, такъ дай Богъ и мнѣ честить тебя и дарить и стоять за тебя, когда кто-нибудь

тебя обидитъ“. Потомъ князья начали веселиться: Мстиславъ одарилъ Конрада конями красивыми въ сѣдлахъ дивныхъ, платьемъ дорогимъ и другими дарами многими, и такъ съ честію отпустилъ его.

За Конрадомъ явился къ большому Владиміру другой гость, — прислалъ князь Юрій Львовичъ посла своего сказать дядѣ: „Господинъ дядюшка! Богъ знаетъ и ты знаешь, какъ я служилъ тебѣ со всею правдою, почиталъ я тебя какъ отца: что-бы тебѣ сжалиться за мою службу? теперь отецъ прислалъ ко мнѣ, отнимаетъ у меня города, что прежде далъ—Вѣльзъ, Червень и Холмъ, а велитъ мнѣ быть въ Дрогичинѣ и Мельникѣ¹⁾; бою челомъ Богу и тебѣ,—дай мнѣ, господинъ дядюшка, Врестъ“. Владиміръ велѣлъ отвѣчать ему: „Племинникъ! не дамъ; самъ знаешь, что я не двурѣчивъ и не лгунъ, не могу нарушить договора, что заключилъ съ братомъ Мстиславомъ,—дать ему всю землю и все города, и грамоты написалъ“. Отправивши съ этимъ отвѣтомъ Юрѣва посла, Владиміръ отрядилъ къ брату Мстиславу вѣрнаго слугу своего Ратышу съ такимъ наказомъ: „Присылалъ ко мнѣ племянникъ Юрій просить Вреста, но я не далъ ему ни города, ни села“, и, взявши изъ-подъ постели клокъ соломы, прибавилъ: „Не давай и такого клока соломы никому послѣ моей смерти“. Мстиславъ велѣлъ отвѣчать ему: „Ты мнѣ и братъ, ты мнѣ и отецъ—Данило король, когда принялъ меня подъ свои руки; что ни велитъ мнѣ, все съ радостію исполню“. Но этимъ дѣломъ не кончилось; чрезъ нѣсколько времени вошли слуги и объявили больному: „Владыка, господинъ, пріѣхалъ“. — „Какой владыка?“ спросилъ Владиміръ. — „Перемышльскій Мемпонъ, отъ брата твоего Льва пріѣхалъ“. — Догадался Владиміръ, зачѣмъ пріѣхалъ владыка, но дѣлать нечего, велѣлъ позвать; владыка вошелъ, поклонился князю до земли, промовлялъ: „Братъ тебѣ кланяется“, сѣлъ и началъ править посольство: „Братъ твой велѣлъ тебѣ сказать, господинь! дядя твой Данило король, а мой отецъ, лежитъ въ Холмѣ у Св. Богородицы, и сыновья его, братья мои и твои, Романъ и Шварнъ, и всехъ кости тутъ лежать; а теперь, братъ, слышалъ я про твою болѣзнь тяжкую: что-бы тебѣ, братецъ, не погаситъ свѣчи надъ гробомъ дяди своего и братиі своей, дать бы тебѣ свой городъ Врестъ? То бы твоя свѣча была“. Владиміръ, говоритъ лѣтописецъ, разумѣлъ всякія притчи и темныя слова, и началъ съ епископомъ длинный разговоръ отъ книгъ, потому что былъ книжникъ большой и философъ, какого не было во всей землѣ, да и по немъ не будетъ; наконецъ отпустилъ епископа къ брату съ такими словами: „Братъ Левъ! что ты думаешь, что я уже изъ ума выжила и не пойму твоей хитрости? мало тебѣ твоей земли, что еще Вреста захотѣлъ, когда самъ три княженія держишь,—Галицкое, Перемышльское и Вѣльзское, и того всего мало? Мой отецъ, а твой дядя лежатъ у Св. Богородицы во Владимірѣ, а

¹⁾ Мѣстечко при Бугѣ, нынѣ Дрогичина.

много-ль ты надъ нимъ свѣчь поставилъ? какой городъ дать, чтобъ свѣча была? Сперва просилъ ты живымъ, а теперь уже мертвымъ просишь; не дамъ не только города, села у меня не выпросишь, разумѣю я твою хитрость, не дамъ“

Волость свою Владиміръ отдалъ брату; что же касается движимаго имѣнія, то, еще будучи на погахъ, роздалъ его бѣднымъ: золото, серебро, камни драгоценныя, пояса отповскіе и свои, золотые и серебряные, — все роздалъ; блюда большія серебряныя, кубки золотые и серебряные самъ предъ глазами своими побилъ и полилъ въ гривны, полилъ и монисты, большія золотыя — бабки и матери своей, и разослалъ милостыню по всей землѣ; и стада роздалъ убогимъ людямъ, у кого лошадей нѣтъ, кто потерялъ ихъ во время Телебугина нашествія. Владиміръ умеръ въ 1288 году, послѣ двадцатилѣтняго княженія. Княгиня и слуги придворные обмыли тѣло, обвили бархатомъ съ кружевами, какъ слѣдуетъ хоронить царей, и, положивши на сани (10-го декабря), повезли во Владиміръ; граждане отъ мала до велика съ громкимъ плачемъ проводили своего господина. Привезши во Владиміръ вечеромъ того же дня, на другой день похоронили въ соборной Богородичной церкви, причемъ княгиня причитала: „Царь мой добрый, кроткій, смиренный, правдивый! въ правду назвали тебя въ крещеніи Иваномъ, всякими добродѣтелями похожъ ты былъ на него: много досадъ принялъ ты отъ сродниковъ своихъ, но не видала я, чтобъ ты отомстилъ имъ зломъ за зло“; а бояре причитали: „Хорошо - бь намъ было съ тобою умереть; какъ дѣдъ твой Романъ, ты освободилъ насъ отъ всякихъ обидъ, поревновалъ ты дѣду своему и наслѣдовалъ путь его; а ужъ теперь нельзя намъ больше тебя видѣть; солнце наше зашло и остались мы въ обидѣ“¹⁾. Такъ плакали надъ нимъ множество Владимірцевъ, мужчины, женщины и дѣти, Нѣмцы, Сурожцы, Новгородцы; Жиды плакали точно такъ, какъ отцы ихъ, ведомые въ плѣнъ Вавилонскій.

Мстиславъ, пріѣхавши послѣ похоронъ и поплававши надъ братнимъ гробомъ, слышавъ разослать засады (гарнизоны) по вѣмъ городамъ, боясь Льва и Юрія. Страхъ его не былъ напрасенъ: на югѣ не всѣ такъ охотно исполняли завѣщанія князей своихъ, какъ на сѣверѣ, и Мстиславу дали знать, что Юрева дружина уже сидитъ въ трехъ городахъ: Брестѣ, Каменцѣ (Литовскомъ) и Вѣльскѣ²⁾. Еще во время болѣзни Владиміровой жители Бреста поклялись признать своимъ княземъ Юрія, и тотъ сейчасъ же послѣ дядиной смерти пріѣхалъ въ Брестъ и сталъ здѣсь княжить. Но бояре Мстиславовы, старые людѣе и новые владимірскіе, начали говорить своему князю: „Господинъ! племянникъ осрамилъ тебя, отнялъ то, что далъ тебѣ Богъ, братъ, молитва отповская и дѣдовская; можемъ и

съ дѣтми положить за тебя свои головы, ступай, возьми сначала Юревы города — Вѣльскъ и Червень, а потомъ пойдешь къ Вресту“. Мстиславъ отговаривалъ: „Не дай мнѣ Богъ пролить кровь неповинную; я исправлю дѣло Богомъ и благословеніемъ брата своего Владиміра“, — и послалъ сказать племяннику: „Племянникъ! добру бы ты не былъ самъ на томъ пути и ничего не слыхалъ, — а то самъ слышалъ и отецъ твой и вся рать слышала, что братъ Владиміръ отдалъ мнѣ землю свою и города всѣ, при ханѣ и при его вельможахъ, и мы оба, я и Владиміръ, вамъ объ этомъ объявляли; если ты чего хотѣлъ, то почему тогда ничего не сказалъ мнѣ при ханѣ? Теперь объяви мнѣ: самъ ли ты сѣлъ въ Брестѣ своею волею, или по приказанію отца своего? Не па мнѣ будетъ кровь, а на виноватомъ; я пошлю за Татарами, а ты сиди пожалуй; не поѣдешь добромъ, такъ зломъ — поѣдешь“. Потомъ отправилъ епископа Владимірскаго къ брату Льву сказать ему: „Жалуюсь Богу и тебѣ, потому что ты мнѣ больше всѣхъ по Богѣ, братъ ты мнѣ старшій; скажи мнѣ правду: своею ли волею сѣлъ твой сѣлъ въ Брестѣ, или по твоему приказанію? Если по твоему приказанію, то объявляю тебѣ прямо: я послалъ за Татарами и самъ собираю войско; какъ меня Богъ съ вами разудитъ“. Левъ испугался, потому что еще у него не сошла оскомнина послѣ Телебугина нашествия, говоритъ лѣтописецъ, и велѣлъ отвѣчать брату: „Сынъ мой это сѣдалъ безъ моего вѣдома, своимъ молодымъ умомъ, и объ этомъ, братецъ, не беспокойся, я пошлю къ нему, чтобъ онъ выѣхалъ изъ Бреста.“ И дѣйствительно послалъ сказать Юрію: „Ступай вонъ изъ города, не погуби земли; братъ послалъ за Татарами; если же не поѣдешь, то я самъ буду помогать брату на тебя, и отрѣшу тебя отъ наслѣдства, все отдамъ брату Мстиславу, если меня, отца своего, не послушаешься.“ Юрій поѣхалъ изъ Бреста, съ большимъ позоромъ, взявши съ собою главныхъ крамольниковъ, которыхъ поклялся не выдавать дядѣ, пограбивши всѣ дома дядины, и не осталось камня на камнѣ ни въ Брестѣ, ни въ Каменцѣ, ни въ Вѣльскѣ. Мстиславъ пріѣхалъ въ Брестъ и наказалъ его жителей тѣмъ, что заставилъ ихъ содержать ловчихъ княжескихъ, и тѣмъ, что извѣстіе о крамолѣ ихъ велѣлъ вѣсти въ лѣтопись.

Покончивъ такъ удачно съ родственниками, Мстиславъ былъ одинаково счастливъ и въ отношеніяхъ литовскихъ: двое тамошнихъ князей отдали ему свой городъ Волковыйскъ, чтобъ только былъ съ ними въ мирѣ. Со стороны Польши не могло быть также никакой опасности: въ то время, когда Конрадъ Семовитовичъ Мазовецкій былъ въ Луцкѣ у Мстислава, въ Любомлѣ къ болному Владиміру пріѣхалъ Ляхъ изъ Люблина и объявилъ, что ищетъ Конрада, потому что Ленко-Черный Краковскій умеръ, и Люблинцы послали за Конрадомъ, хотятъ, чтобъ онъ княжилъ въ Краковѣ. Владиміръ велѣлъ дать гонцу свѣжую лошадь, и онъ нагналъ Конрада во Владиміръ; тотъ сильно обрадовался Кра-

¹⁾ Ср. томъ II-й Исторіи Россіи; значитъ, для причитанія была одна общая форма.

²⁾ Есть Вѣла недалеко отъ Бреста на западъ; есть Вѣльскъ выше.

ковскому княженію, и, взявши у Владимира воеводу волынскаго Дуная, чтобъ было почетнѣе прѣхать въ Люблинъ, немедленно отправился туда, но нашелъ ворота городскія запертыми. Остановившись въ монастырѣ, онъ послалъ сказать гражданамъ: „Зачѣмъ же вы привели меня, когда теперь городъ передо мною затворили?“ Тѣ отвѣчали: „Мы тебя не приводили и не посылали за тобою, голова намъ Краковъ,—тамъ воеводы наши и бояре большіе; если станешь княжить въ Краковѣ, то и мы будемъ твои.“ Послѣ этого вдругъ разнеслась вѣсть, что рать идетъ литовская къ городу; Конрадъ переполошился и вбѣжалъ въ башню къ монахамъ; но оказалось, что рать была не литовская, а русская;—привелъ ее князь Юрій Львовичъ, хотѣвшій овладѣть Люблиномъ, но граждане не приняли и его, стояли вооруженные на стѣнахъ и кричали ему: „Князь! плохо ѣдешь, рать съ тобою малая, придетъ Ляховъ много, позоръ тебѣ будетъ большой.“ Юрій долженъ былъ удовольствоваться опустошеніемъ окрестностей краковскихъ, и отправился назадъ съ добычею; поѣхалъ назадъ и Конрадъ Мазовецкій, взявши себѣ позоръ великій, такъ что лучше было бы ему умереть, говорить лѣтописецъ.

Шляхта краковская позвала къ себѣ на престолъ старшаго брата его, Болеслава Семовитовича; но княженіе Болеслава не могло быть продолжительно и спокойно, ибо если прежде въ Польшѣ на княжескія отношенія обнаруживали сильное вліяніе вельможи и прелаты, то теперь сюда присоединилось третье сословіе, не туземное, какъ въ Европѣ западной такъ называемое среднее сословіе, выступившее тогда на сцену вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ, но иностранное, —нѣмецкое. Нѣмцы краковскіе, сендомирскіе и изъ другихъ городовъ, которымъ не понравился новый князь Болеславъ, обратили свои взоры на Генриха IV, князя Силезскаго-Вратиславскаго (Бреславскаго), Пяста, по совершенно опѣмченнаго, который сочинялъ нѣмецкія любовныя пѣсни (Minnelieder) и былъ вассаломъ Нѣмецкаго императора. Генрихъ принялъ предложеніе краковскихъ гражданъ, часть шляхты приняла также его сторону, и онъ успѣлъ выгнать Болеслава. Но тотъ не думалъ еще уступить ему: онъ собралъ войско и призвалъ на помощь роднаго брата Конрада и двоюроднаго Владислава Локетка, собратвенно законнаго наследника Кракову по родному братѣ своемъ, Дешкѣ Черномъ. Мазовецкіе князя пошли на Генриха, и тотъ поѣхалъ въ Бреславль, поручивши охранять Краковскую крѣпость нѣмцамъ, лучшимъ мужамъ своимъ, задобривъ ихъ обѣщаніями даровъ и волостей и оставивъ много съѣстныхъ припасовъ. Нѣмцы объявили, что сложать за него свои головы, а крѣпости не сдадутъ, и сдержали слово: Болеславъ вошелъ въ городъ (посаду), но крѣпости взять не могъ; при этомъ граждане отказались биться съ крѣпостнымъ гарнизономъ, говоря: „Кто будетъ княжить въ Краковѣ, тотъ нашъ и князь“. Цѣлое лѣто стояли мазовецкіе князья подъ крѣпостью; наконецъ на помощь къ нимъ

явился Левъ Даниловичъ Галицкій, сталъ ѣздить около крѣпости, страшая гарнизонъ, но приступить ни откуда нельзя было: вся она была каменная, утверждена пороками и самострѣлами, большими и малыми, которые поворачивались во все стороны. Видя невозможность взять крѣпость, Левъ послалъ войско въ Силезію къ Бреславию—посошнить наследственную волость Генрихову, и галицкая рать взяла множество добычи, потому что никакое другое войско до нея не входило такъ глубоко въ эту область. Удовольствовавшись этимъ, Левъ окончилъ походъ и поѣхалъ на свиданіи къ Чешскому королю Вячеславу; очень вѣроятно, что при этомъ свиданіи была рѣчь и уговоръ насчетъ Краковскаго княжества, ибо когда, по смерти Генриха Силезскаго (1290 г.), за Краковъ подняли вражду Пршемиславъ Великопольскій, вукъ Владислава Одонича, съ Владиславомъ Локеткомъ Мазовецкимъ, Краковцы послали къ Вячеславу съ предложеніемъ ему короны, и Вячеславъ согласился принять ее. Ни Пршемиславъ Великопольскій, ни Владиславъ Локетекъ Мазовецкій не хотѣли сначала отказаться отъ правъ своихъ въ пользу чужеземца, слѣдствіемъ чего была усобица: кому изъ нихъ помогали русскіе князья—Левъ и Мстиславъ Даниловичи—неизвѣстно; извѣстно только то, что они во время этой усобицы входили въ Сендомирскую Землю и опустошили ее ¹⁾. Наконецъ, по смерти Пршемислава, Вячеславу Чешскому удалось утвердиться въ Краковѣ. Пясты, княжившіе въ другихъ польскихъ областяхъ, должны были признать свою зависимость отъ него, какъ отъ короля всей Польши, а самъ Вячеславъ былъ вассалъ императора Нѣмецкаго (1300) ²⁾.

Кромѣ потомковъ Романа Великаго, на западной сторонѣ Дибра упоминаются еще другіе князья изъ другихъ племенъ: такъ, подъ 1289 годомъ упоминается Юрій, князь Поросскій, служившій волынскимъ князьямъ—Владимиру и потомъ Мстиславу; подъ 1292 годомъ помѣщены извѣстія о смерти Пинскаго князя Юрія Владиміровича и Степанскаго ³⁾ князя Ивана Глѣбовича, послѣ котораго сталъ княжить сынъ его Владиміръ.

Изъ князей на восточной сторонѣ Дибра мы встрѣтили опять Романа Бринскаго съ сыномъ Олегомъ; этотъ Романъ извѣстенъ не по одной борьбѣ своей съ Литвою: въ 1286 году онъ приходилъ подъ Смоленскъ, пожегъ окрестности, посадъ, при-

¹⁾ По Густину. лѣт. Русь воевала подъ начальствомъ Петра Галки, но была разбита подъ Люблиномъ.

²⁾ Въ лѣтописи сохранилось еще слѣдующее извѣстіе объ участіи Русскихъ князей въ польскія дѣла:—подъ годомъ 1289: «Прѣхалъ бѣгетъ Кондратъ князь Сомовитовичъ къ Мстиславу, прося себѣ помочи на Ляхы, пойти хотя на княженіе судимирское; Мстиславъ же обща ему, а Кондрата одари и бояры его вси и отпусти, рекъ ему: ты поѣдь, а я по тоби пошлю рать свою. Кондратови же поѣхавшу, Мстиславъ же совокуши рать свою, посла в парекъ Чудина воеводу; и тако съѣде Кондратъ князь въ Судомирѣ княземъ Мстиславомъ и его помочью».

³⁾ Степанъ—мѣстечко на лѣвомъ берегу Горыни, выше Дожбровицы.

ступалъ къ крѣпости, но, не взявши ея, ушелъ прочь. Изъ другихъ черниговскихъ Ольговичей упоминается Олегъ—князь Рылъскій и Волгорскій, и Святославъ—князь Липецкій, по поводу слѣдующаго происшествія. Былъ въ Курскѣ ханскій баскакъ, именемъ Ахматъ, сынъ Темировъ; онъ откупилъ въ Орду всякія дани Курскаго княжества, и тяжело было отъ него и князьямъ, и чернымъ людяхъ; мало того,—онъ построилъ себѣ двѣ большія слободы во владѣніяхъ князя Олега Рылъскаго и Волгорскаго и князя Святослава Липецкаго. Олегъ и Святославъ были родственники между собою; но, какъ обыкновенно тогда водилось, то жили въ мирѣ, то воевали другъ съ другомъ; нападали они и на Ахматовы слободы, враждовали съ нимъ и опять мирились, такъ что въ Орду ничего объ этомъ не знали. Но скоро князьямъ нельзя стало болѣе терпѣть у себя этихъ слободокъ, которыхъ народонаселеніе увеличилось бѣглецами отовсюду, и окрестнымъ жителямъ стало отъ нихъ уже слишкомъ тяжело. Олегъ и Святославъ начали думать, какъ помочь злу, и рѣшили, чтобъ Олегъ шелъ съ жалобою въ Орду, къ Телебугѣ. Ханъ рѣшилъ дѣло въ пользу князей, велѣлъ имъ разорить слободы и жителей ихъ вывести въ свою волость; князья исполнили приказъ ханскій. Тогда Ахматъ, видя, что Телебуга принялъ сторону русскихъ князей, обратился съ жалобою на нихъ къ сопернику Телебугину, Ногаю. „Князь Олегъ и родственникъ его, князь Святославъ, говорили онъ Ногаю, именемъ только князья, а на самомъ дѣлѣ разбойники и тебѣ испріятели; если не вѣришь, то испитай: есть въ Олеговой волости много ловищъ лебединыхъ; ты пошла свозъхъ сокольниковъ—пусть наловятъ тебѣ лебедей, и князь Олегъ пусть съ ними же ловить, а потомъ пусть они позовутъ его къ тебѣ; если Олегъ послушается, придетъ къ тебѣ, то я солгалъ, а Олегъ правъ“. Ногай сдѣлалъ по Ахматову, послалъ звать къ себѣ Олега, и тотъ не пошелъ: онъ боялся, что хотя самъ онъ и не грабилъ слободъ Ахматовыхъ, по люди его и князь Святославъ Липецкій грабили: къ этому можно прибавить также, что пойти къ Ногаю, признать надъ собою его судъ и власть,—значило разсердить Телебугу. Сокольники возвратились и объявили Ногаю, что Ахматъ правъ, а Олегъ съ Святославомъ разбойничаютъ и не слушаются хана. Ногай разсердился и послалъ вмѣстѣ съ Ахматовъ войско для опустошенія волости Олеговой и Святославовой. Татары пришли къ городу Ворголу⁴⁾ въ январѣ мѣсяцѣ, въ сильную стужу; Олегъ, услыхавъ о Ногаевой рати, бросился бѣжать въ Орду къ своему хану Телебугѣ, съ женою и дѣтymi, а Святославъ

побѣжалъ въ Рязанское княжество, въ лѣса воронежскіе; бояре Олеговы побѣжали—было велѣдъ за своимъ княземъ, но были перехвачены Татарами, въ числѣ одиннадцати человекъ. Двадцать дней стояли Татары въ Рылъскомъ и Липецкомъ княжествахъ, воюя повсюду и складывая добычу въ слободахъ Ахматовыхъ, которые наполнились людьми и скотомъ и всякимъ богатствомъ. Въ числѣ плѣнниковъ находились и купцы иностранные, иѣмецкіе и цареградскіе, которыхъ привели закованнхъ въ желѣза иѣмецкія; но Татары, узнавши, что они купцы, освободили ихъ и отдали имъ всѣ товары, сказавши: „Вы—купцы, торгуете, ходите по всякимъ землямъ, такъ рассказывайте всюду, что бываетъ тому, кто станетъ спорить съ своимъ баскакомъ“. Бояръ Олеговыхъ Ахматъ велѣлъ перерубить и трупы ихъ развѣшать по деревьямъ, а въ слободахъ оставилъ двухъ своихъ братьевъ, съ отрядомъ войска изъ Татаръ и Русскихъ.

Въ слѣдующемъ году, по веснѣ, случилось обонимъ братьямъ Ахматовымъ идти изъ одной слободы въ другую, а съ ними пошло 35 человекъ Русскихъ, слугъ ихъ. Липецкій князь Святославъ, услыхавъ объ этомъ, подстергелъ ихъ съ своими боярами и дружиною, ударилъ нечаянно, убилъ 25 человекъ Русскихъ да двухъ Татаръ, а братья Ахматовы успѣли убѣжать въ слободу; Святославъ преслѣдовалъ ихъ и туа, но слобожане встрѣтили его съ оружіемъ, и съ обѣихъ сторонъ пало много людей въ бою. Братья Ахматовы побоялись однако остаться долѣе въ слободѣ и побѣжали въ Курскъ къ брату, а за ними разбѣжались и всѣ остальные слобожане. Ахматъ прислалъ къ Святославу съ миромъ, но тотъ убилъ посла. Въ это время возвратился изъ Орды отъ Телебуги князь Олегъ Рылъскій, сдѣлалъ поминки по боярамъ своимъ и всѣмъ побитымъ, послѣ чего послалъ сказать Святославу: „Что это ты, братъ, сдѣлалъ! правду нашу погубилъ, наложилъ на себя и на меня имя разбойниче, знаешь обычай татарскій, да и у насъ на Руси разбойниковъ не любятъ, ступай въ Орду—отвѣчай“. Святославъ велѣлъ сказать ему на это: „Изъ чего ты хлопочешь? какое тебѣ до меня дѣло? я самъ знаю про себя; чтѣ хочу, то и дѣлаю; а что баскаковы слободы грабилъ, въ томъ я правъ,—не человекъ я обидѣлъ, а звѣря; врагамъ своимъ отомстилъ; не буду отвѣчать ни передъ Богомъ, ни передъ людьми въ томъ, что поганыхъ кровопійцевъ избилъ“. Олегъ послалъ опять сказать ему: „Мы дѣловали съ тобою крестъ, что ходить намъ по одной думѣ обонимъ; когда рать была, то ты со мною къ царю не бѣжалъ, остался въ Руси, спрятался въ воронежскихъ лѣсахъ, чтобъ послѣ разбойничать; а теперь погубилъ и мою, и свою правду, пойдешь ли къ своему царю, ни къ Ногаю на исправу, такъ какъ тебя со мною Богъ разсудитъ“. Объявивши войну Святославу, Олегъ отправился въ Орду, пришелъ отуда съ толпою Татаръ и убилъ Святослава. Мѣсто послѣдняго занялъ братъ его Александръ; онъ не могъ стерпѣть, чтобы не ото-

⁴⁾ Ворголь, рѣка Орловской губерніи, впадающая въ Сосну; Ворголь (но Карамъ).—село Орловской губерніи, Елецкаго уѣзда.—Ворголь Елецкій будетъ далеко отъ Рылъска; не Вольговскій ли (Льговъ-Вольговъ—естественно)?—Вмѣсто Липецкій у Татищева почитается сперва Ливецкій; быть можетъ и здѣсь надобно разумѣть Ливин Орловскія—вмѣсто Липецка Тамбовскаго.

мстить за брата, — пошелъ въ Орду съ богатыми дарами и, взявши отъ хана войско, убилъ князя Олега Рыльского съ двумя сыновьями. Лѣтописецъ говоритъ о своемъ разказѣ, что въ немъ пропущено много подробностей, потому что и малая эта повѣсть можетъ исторгнуть слезы у разумнаго чловѣка.

Глава V.

Борьба между Москвою и Тверью до кончины великаго князя Іоанна Даниловича Калиты.

(1304—1341.)

Соперничество между Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ и Юріемъ Даниловичемъ Московскимъ. — Борьба за Переяславль. — Юрій увеличиваетъ свою власть. — Наступательныя движенія Твери на Москву. — Борьба Новгорода съ Михаиломъ. — Юрій женится на сестрѣ ханской и воюетъ съ Михаиломъ, который побѣждаетъ его. — Жена Юрія умираетъ въ плѣну тверскомъ. — Вызовъ Михаила въ Орду и убіеніе его. — Юрій получаетъ ярлыкъ на великое княженіе. — Димитрій Михайловичъ Тверской усиливается противъ него въ Ордѣ. — Димитрій убиваетъ Юрія и самъ убить по ханскому приказу. — Ханъ отдаетъ великое княженіе брату Димитріеву, Александру Михайловичу. — Событія въ другихъ княжествахъ. — Продолженіе борьбы у Новгорода со Шведами, у Пскова съ ливонскими Нѣмцами. — Набѣгъ Литвы. — Война Новгородцевъ съ Устюжанами. — Іоаннъ Даниловичъ Калита княжитъ въ Москвѣ. — Митрополитъ Петръ утверждаетъ свой престолъ въ Москвѣ. — Истребленіе Татаръ въ Твери. — Калита съ Татарами опустошаетъ Тверское княжество. — Александръ спасается сперва въ Псковѣ, а потомъ въ Литвѣ. — Онъ мирится съ ханомъ и возвращается въ Тверь. — Возобновленіе борьбы между Александромъ и Калитой. — Александръ вызывается въ Орду и умираетъ тамъ. — Московскій князь притыкаетъ къ своей власти. — Судьба Ростова и Твери. — Событія въ другихъ сѣверныхъ княжествахъ. — Событія въ Новгородѣ и Псковѣ. — Смерть Калиты и его духовныя грамоты. — Усиленіе Литвы на западѣ. — Поляки овладѣваютъ Галичемъ. — Событія на восточной сторонѣ Днѣпра.

По смерти Андрея Александровича, по прежнему обычаю, старшинство принадлежало Михаилу Ярославичу Тверскому¹⁾, потому что онъ былъ внукомъ Ярослава Всеволодовича, а Юрій Даниловичъ Московскій — правнукомъ, и отецъ его, Данилъ, не держалъ старшинства. Но мы уже видѣли, что мѣсто родовыхъ споровъ между князьями заступило теперь соперничество по праву силы: Юрій Московскій былъ также силенъ, если еще не силнѣе Михаила Тверскаго, и потому считалъ себя въ правѣ быть ему соперникомъ. Когда Михаилъ отправился въ Орду за ярлыкомъ, то и Юрій поѣхалъ туда же. Когда онъ былъ въ Владимірѣ, митрополитъ Максимъ уговаривалъ его не ходить въ Орду, не спорить съ Михаиломъ, ставилъ себя и Тверскую княгиню, мать Михаилу, цорукими, что Михаилъ дастъ ему волости, какія только захочетъ²⁾. Юрій отвѣчалъ: „Я иду въ Орду такъ, по своимъ дѣламъ, а вовсе не искать великаго княженія“ Онъ оставилъ въ Москвѣ брата своего Ивана, а другого — Бориса — отправилъ въ Кострому; но здѣсь Борисъ былъ схваченъ тверскими боярами, которые хотѣли перезавтатъ и самого Юрія на дорогѣ, но тотъ пробрался другимъ путемъ. Опасность грозивъ Переяславлю, и князь Иванъ Даниловичъ переѣхалъ изъ Москвы сюда оборонять отцовское пріобрѣтеніе отъ Тверичей. Ему дали тайно вѣсть изъ Твери, что хотятъ оттуда придти внезапно подъ Переяславль съ войскомъ, и дѣйствительно подъ городомъ скоро явились тверскіе пол-

ки подъ начальствомъ боярина Акинѣя³⁾. Этотъ Акинѣй былъ прежде бояриномъ у великаго князя Андрея Александровича Городецкаго, по смерти котораго вмѣстѣ съ другими боярами перешелъ въ Москву; но туда же пришелъ тогда на службу знаменитый кievскій бояринъ Родіонъ Несторовичъ съ сыномъ и привелъ собственный дворъ, состоявшій изъ 1,700 чловѣкъ; московскіе князья обрадовались такому слугѣ и дали ему первое мѣсто между своими боярами. Но этимъ оскорбился Акинѣй, отѣхалъ къ Михаилу Тверскому и теперь сиѣхалъ отомстить Даниловичамъ московскимъ за свое безчестіе. Онъ три дня держалъ Ивана въ осадѣ; но на четвертый день явился на выручку Родіонъ изъ Москвы, зашелъ Тверичамъ въ тылъ; Иванъ въ то же время сдѣлалъ вылазку изъ города, непріятель потерпѣлъ совершенное пораженіе; Родіонъ собственноручно убилъ Акинѣя, взоткнулъ голову его на копье и поднесъ князю Ивану съ такими словами: „Вотъ, господинъ, твоего измѣнника, а моего мѣстника голова“⁴⁾.

Между тѣмъ въ Ордѣ рѣшился споръ между князьями другимъ образомъ: когда Юрій пріѣхалъ въ Орду, то князья татарскіе сказали ему: „Если ты дашь выходу (дани) больше князя Михаила Тверскаго, то мы дадимъ тебѣ великое княженіе. Юрій обѣщалъ дать больше Михаила, но тотъ надбавилъ еще больше, Юрій отказался — и Михаилъ получилъ ярлыкъ⁵⁾. Въ 1305 году Михаилъ возвратился изъ Орды и, узнавъ о смерти боярина своего Акинѣя, пошелъ на Юрія; чѣмъ кончилась

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, 207: «Ему же по старшинству дошелъ быше степенъ княженія великаго».

²⁾ «Чего всхочени изъ отчины вашей, то ти дастъ». — По всѣмъ вѣроятностямъ, дѣло шло о Переяславлѣ.

³⁾ Акинѣй Ботринъ у Татищева (IV, 84).

⁴⁾ Барамъ. IV, прихвѣ. 325.

⁵⁾ Татищ. IV, стр. 86.

эта война, на какихъ условіяхъ помирлись соперники,—не извѣстно; но извѣстно, что послѣ этого Юрій Московскій началъ стремиться къ усиленію своей волости, не разбирая средствъ; онъ убилъ Рязанскаго князя, плѣннаго отцомъ его Данииломъ, и удержалъ за собою Коломну, и въ томъ же году встрѣчаемъ извѣстіе объ отъѣздѣ братьевъ Юріевыхъ изъ Москвы въ Тверь. Черезъ два года (1308) Михаилъ опять пошелъ къ Москвѣ, бился подъ ея стѣнами, надѣлалъ много зла, но ушелъ, не взявши города. Подъ 1312 годомъ находимъ въ лѣтописяхъ трудное для объясненія извѣстіе, что двѣнадцатилѣтній сынъ Михаила Тверскаго, Димитрій, отправился въ походъ на Нижній-Новгородъ, на князя Юрія, но во Владимірѣ былъ удержанъ отъ своего намѣренія митрополитомъ Петромъ, и распустилъ войско¹⁾.

До сихъ поръ мы видѣли наступательныя движенія на Москву со стороны Твери; но въ 1313 г. дѣла перемѣнились: ханъ Тохта умеръ, престолъ ханскій занялъ молодой племянникъ его Узбекъ, и Михаилъ спѣшилъ въ Орду взять ярлыкъ отъ новаго хана; этимъ отсутствіемъ рѣшились воспользоваться Новгородцы, чтобы съ помощью Московскаго князя избавиться отъ притѣсеній Тверскаго. Уже давно сѣверные князья, по примѣру родоначальника своего, Всеволода III, стремились привести Новгородъ въ свою волю, и только соперничеству между ними послѣдній былъ обязанъ продолженіемъ своего быта. Когда, по смерти Андрея Александровича, оба князья соперники—и Московскій, и Тверской—отправились въ Орду, Тверичи хотѣли силою ввести въ Новгородъ намѣстниковъ своего князя; но послѣдніе не были приняты Новгородцами, которые немедленно отправили рать оберегать Торжокъ на случай нападенія Тверичей; тверскіе полки дѣйствительно явились у Торжка, но не рѣшились напасть, потому что Новгородцы собрали всю свою Землю противъ нихъ; наконецъ положено было, что Новгородцы на свободѣ будутъ дожидаться ханскаго рѣшенія, признаютъ своимъ княземъ того изъ соперниковъ, кто привезетъ ярлыкъ на Владимірское княжество. Ярлыкъ привезъ Михаилъ, и Новгородцы въ 1308 году посадили его у себя на столѣ на обычныхъ условіяхъ²⁾. Однако въ самомъ началѣ мы уже встрѣчаемъ повторительныя договорныя грамоты Новгородцевъ съ Михаиломъ, и въ ихъ числѣ находится слѣдующая жалоба Новгородцевъ на двоихъ волостей³⁾.

¹⁾ Арцыбашевъ II, 72 говоритъ: «Можетъ быть, чтобы перехватить его (Юрія) на дорогѣ въ Орду».—Но лѣтъ никакого повода думать, чтобы Юрій ѣздилъ въ это время въ Орду: объ этомъ происшествіи лѣтописецъ, по обычаю, сказалъ бы непрямо. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ: «И не благослови его митрополитъ столомъ въ Володимери, и стоялъ три недѣли и възвратися въ своеси».

²⁾ Собр. Гос. гр. и дог. I, № 6.

³⁾ Эти грамоты напечатаны въ Собр. Гос. гр. и дог. т. I, подъ № 9, 10 и 11; онѣ относятся ко времени, слѣдующему тотчасъ послѣ перваго вступленія Михаила на столъ новгородскій, т. е. къ 1308 году, ибо къ нимъ привѣшаны печати архіепископа Феоктиста, а Феоктистъ

„Князь великій Андрей и весь Новгородъ далъ Ѳедору Михайловичу городъ стольный Псковъ, и онъ ѣлъ хлѣбъ; а какъ пошла рать, то онъ отъѣзжалъ, городъ бросилъ, новгородскаго и псковскаго поклона не послушалъ, да еще, пріѣхавши въ село, Новгородскую волость пугу положилъ, братью нашу испиродаль. Тебѣ, князь, не кормить его новгородскимъ хлѣбомъ, кормить его у себя, а за села его мы деньги ему отдадимъ. Бориса Константиновича кормилъ Новгородъ Корелю, а онъ Корелю всю истерялъ и за Пѣмцѣвъ загналъ, да и на Новгородѣ бралъ больше, чѣмъ слѣдуетъ. Какъ будешь въ Новгородѣ у отца своего владыки и у своихъ мужей, то намъ съ нимъ судъ передъ тобою, господицъ, и теперь серебра не вели ему брать. И тебѣ, господицъ, новгородскимъ хлѣбомъ не кормить его, пусть выѣдетъ изъ Новгородской волости; а за села его деньги отдадимъ“. Четыре года впрочемъ прошли мирно; на пятый встала ссора: Михаилъ вывелъ своихъ намѣстниковъ, захватилъ Торжокъ, Вѣжецкъ со всѣми волостями и остановилъ подвозъ хлѣба, что всего хуже было для Новгородцевъ; весною, въ распутьѣ, отправили они владыку Давыда въ Тверь, и тотъ успѣлъ заключить миръ. Михаилъ отворилъ ворота для обозовъ и прислалъ опять своихъ намѣстниковъ въ Новгородъ, взявши съ него за миръ 1,500 гривенъ серебра. Легко догадаться, что тверскіе намѣстники не стали воздерживать послѣ этого: было отъ нихъ Новгородцамъ много обидъ и нужды; и вотъ въ 1314 году, въ отсутствіе Михаила, Новгородцы послали въ Москву звать къ себѣ князя Юрія. Тотъ отправилъ къ нимъ сначала князя Ѳедора Ржевскаго, который перехваталъ тверскихъ намѣстниковъ, и пошелъ съ новгородскими полками къ Волгѣ, куда на-встрѣчу вышелъ къ нему сынъ Михайловъ Димитрій съ тверскою ратью. Вытвы впрочемъ не было: простоявши до морозовъ у Волги, Новгородцы заключили миръ съ Димитріемъ и послали въ другой разъ въ Москву звать къ себѣ князя Юрія на всей волѣ новгородской: Юрій на этотъ разъ пріѣхалъ самъ вмѣстѣ съ братомъ Аонасьемъ, и рады были Новгородцы своему хотѣнію, говорить ихъ лѣтописецъ.

Не долго радовались Новгородцы: ханъ прислалъ звать Юрія въ Орду, и тотъ поѣхалъ, вмѣстѣ съ послами новгородскими⁴⁾, оставивъ въ Новгородѣ брата Аонасіа; тогда же пришла вѣсть, что Михаилъ идетъ на Русь, ведетъ съ собою Татаръ.

отказался отъ архіепископства въ 1308 году. (Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 68.) Посадникъ въ нихъ означенъ Гюрги, вѣроятно старшій Юрій Мишиничъ, о поволахъ избраніи котораго хотя и дѣтъ извѣстія въ лѣтописи, но на лѣтописи въ этомъ случаѣ положиться нельзя, ибо въ ней пѣтъ о смѣнѣ Юрія Мишинича въ 1293 году, пѣтъ о смѣнѣ послѣдняго Семеновъ и есть только о смѣнѣ Семена Андреемъ въ 1303 году; въ 1309 году сказано: «Даша посадничеству Михаилу Павшиничу», но не сказано: у кого оно было отнято, слѣд. имѣемъ право мнѣнью Андреемъ и Михаиломъ пометить сына Юрія Мишинича.

⁴⁾ Карамз. IV, прим. 219.

Новгородцы не могли теперь ждать отъ него милости, и рѣшились защищаться силою; князь Аонасій вышелъ съ полками къ Торжку и стоялъ здѣсь шесть недѣль, чтобъ перенять вѣсть; вѣсть пришла, что Михаилъ со всею Низовою Землею и Татарамъ идетъ на Новгородъ. На этотъ разъ дѣло не обошлось безъ битвы, и битва была злая: Новгородцы потеряли много мужей добрыхъ, бояръ и купцовъ, и потерѣли совершенное поражение; князь Аонасій съ остаткомъ рати затворился въ Торжкѣ, куда побѣдитель прислалъ сказать Новгородцамъ: „Выдайте мнѣ Аонасія и Федора Ржевскаго, такъ я съ вами миръ заключу“. Новгородцы отвѣчали: „Не выдаемъ Аонасія, но пошремъ все честно за Св. Софію“! Михаилъ прислалъ опять, требовалъ выдачи по крайней мѣрѣ одного Федора Ржевскаго; Новгородцы сперва не соглашались, но потомъ поневолѣ выдали его, кромѣ того заплатили Михаилу 50,000 гривенъ серебра ¹⁾ (по другимъ извѣстіямъ только 5,000) ²⁾, и заключили миръ. Но Михаилъ, несмотря на мирное постановленіе, призавши къ себѣ князя Аонасія и бояръ новгородскихъ, перехваталъ ихъ и отправилъ заложниками въ Тверь, на жителей Торжка наложилъ окупъ, сколько кто могъ заплатить за себя, отобралъ у нихъ все оружіе, и тогда отправилъ своихъ намѣстниковъ въ Новгородъ, гдѣ посадничество дано было Семену Климовичу; но по нѣкоторыхъ, очень вѣроятныхъ извѣстіямъ, Михаилъ далъ посадничество изъ своей руки Михаилу Климовичу и Ивану Дмитріевичу. Заключение было договоръ ³⁾: „Что случилось между княземъ и Новгородомъ, какое розрѣше, что въ эту замятню взято въ княжой волости, или у намѣстниковъ, или у пословъ, или гостинный товаръ, или купеческій, или въ церквахъ, или у котораго боярина, и по всей волости, то все князь отложилъ; а что взято новгородскаго товара по всей волости, того всего Новгороду не поминать. Которыя села ли или люди новгородскіе заложились въ эту замятню за князя и за княгиню, или за дѣтей ихъ и бояръ, или кто купилъ села — тотъ возьметъ свои деньги, а села отойдутъ Новгороду, по прежней грамотѣ владыки

Оеоктиса, что утвердилъ въ Твери. Что взято по всей волости Новгородской, то пойдетъ къ Новгороду, безъ окупа. Князю великому Михаилу и боярамъ его не водить рати на Новгородъ ни за что, гостя не задерживать въ Суздальской Землѣ нигдѣ; а за все это взять князю и Новгороду 12,000 серебра, а что взято у заложниковъ, то пойдетъ въ счетъ этихъ 12,000; брать эти деньги въ низовый вѣсъ, въ четыре срока; а когда князь все серебро возьметъ, то всѣхъ заложниковъ долженъ отпустить. Нелюбе князь отложилъ отъ Новгорода и отъ Пскова и отъ всѣхъ пригородовъ, и недругамъ своимъ метить не будетъ; Новгороду держать княжене безъ обиды, а князю великому держать Новгородъ безъ обиды, по старинѣ; опять сѣлъ князь великій Михаилъ на Оеоктисовой грамотѣ, которую утвердилъ съ владыкою и послами новгородскими въ Твери. Если Новгородъ заплатитъ все серебро, 12,000, то великій князь долженъ изрѣзать двѣ прежнія грамоты, одну, которая утверждена была къ Городцѣ, на Волгѣ, и другую, новоторжскую, что утвердили въ Торжкѣ“.

Договоръ не былъ исполненъ; Новгородцы отправили пословъ къ хану жаловаться на Михаила, но Тверичи поймали пословъ и привели ихъ въ Тверь; въ 1316 году намѣстники Михайловы выѣхали изъ Новгорода, — по другимъ извѣстіямъ, были выгнаны ⁴⁾, и Михаилъ отправился къ Новгороду со всею Низовскою Землею, а Новгородцы сдѣлали острогъ около города по обѣ стороны, и къ нимъ на помощь сошлась вся волость: Псковичи, Ладжане, Рушане, Корела, Ижора, Вожане, схватили какого-то Игната Бѣска, били его на вѣчъ и сбросили съ моста въ Волховъ, подозрѣвая, что онъ держитъ перевѣтъ къ Михаилу, но правда ли это — Богъ одинъ знаетъ, но замѣчанію лѣтописца; тогда же убитъ былъ и Данилко Писцовъ своимъ холопомъ, который донесъ горожанамъ, что господинъ посылалъ его съ грамотами къ князю Михаилу. Между тѣмъ Михаилъ приближался съ войскомъ и сталъ въ 50 верстахъ отъ города ⁵⁾; но собственная болѣзнь, морь на лошадей, вѣсть о враждебныхъ намѣреніяхъ Юрія Московскаго заставили его отступить ⁶⁾, и отступление было глупо: тверскіе ратники заблудились въ озерахъ и болотахъ, начали мереть отъ голода, ѣли конину, оружіе свое пожгли или побросали, и пришли пѣшкомъ домой. Въ надеждѣ, что эта бѣда сдѣлаетъ Михаила уступчивымъ, Новгородцы, въ слѣдующемъ 1317 году отправили къ нему владыку Давыда съ мольбою от-

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Дѣл. III, 71: пять темъ гривенъ серебр.

²⁾ Никон. III, 110.

³⁾ Этотъ договоръ я читаю въ грамотѣ, напечатанной въ С. Г. Р. и Д. подъ № 12 и утвержденной въ Новгородѣ и Твери. — Карамзинъ (IV, примѣч. 221) думалъ, что эта грамота утверждена въ Торжкѣ, и по ней порицалъ противорѣчивыя показанія лѣтописей относительно суммы окупа; но онъ не обратилъ вниманія на окончаніе грамоты, имъ самимъ выписанное: здѣсь прямо говорится, что в. князь долженъ изрѣзать прежнюю грамоту, напечатанную въ Торжкѣ, вмѣстѣ съ тою, которая выписана была въ Городцѣ на Волгѣ. — Далѣе Карамзинъ говоритъ: «Грамота же, выписанная въ Городцѣ на Волгѣ (имѣя Городня, близъ Твери), содержала въ себѣ, чаятельно, договоръ архіепископа Давида, заключенный имъ съ в. княземъ въ 1312». — Но въ лѣтописи сказано, что владыка ходилъ для заключенія этого договора въ Тверь. — Мы думаемъ, что эта грамота утверждена была Новгородцами съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ, когда они сошлись съ нимъ на Волгѣ, въ 1314 году.

⁴⁾ Никон. III, 171; здѣсь же находимъ извѣстіе, что Новгородцы съ княземъ Аонасіемъ Даниловичемъ ходили въ Торжокъ и потеряли опять здѣсь поражение отъ Михаила.

⁵⁾ «Ста въ Устьянѣхъ». — Устьянскій погостъ — Деревская пятинъ Шедковского стана, въ 50 верстахъ отъ Новгорода. — Арцыб. II, прим. 547. — У Татищева (IV, 96) вмѣсто Устьянѣхъ на у с т ѣ Ц и н ы. По Никонов. ратники заблудились, вѣдя къ Новгороду, зашли на р. Ловать, и тамъ начали терять бѣдствія.

⁶⁾ Татищ. IV, 96.

пустить на окупъ новгородскихъ заложниковъ, но Михайлъ не послушалъ просьбы архіепископской; ему, какъ видно, нужно было имѣть въ рукахъ новгородскихъ заложниковъ въ предстоящей борьбѣ съ Юріемъ Московскимъ.

Юрій недаромъ жилъ въ Ордѣ: онъ не только оправдался въ обвиненіяхъ Михайловыхъ, но умѣлъ сблизиться съ семействомъ хана и женился на сестрѣ его, Копчакѣ, которую при крещеніи назвали Агаіею. Ханскій зять возвратился въ Русь съ сильными посланцами татарскими, изъ которыхъ главный былъ Кавгадый; одинъ Татаринъ отправился въ Новгородъ звать на Михаила его жителей: но послѣдніе, еще не зная, гдѣ князь Юрій, заключили съ Михайломъ договоръ въ Торжкѣ, по которому обязались не вступаться ни за одного изъ соперниковъ, послѣ чего Тверской князь, собравши войско и свесившись съ другими князьями, пошелъ къ Костромѣ на-встрѣчу Юрію; долго соперники стояли на берегу Волги, наконецъ заключили договоръ, въ содержаніи котораго источники разногласятъ: по однимъ извѣстіямъ—Юрій уступилъ великое княженіе Михаилу¹⁾, по другимъ, наоборотъ,—Михайлъ уступилъ его Юрію²⁾. Какъ бы то ни было, дѣло это не кончилось; Михайлъ, возвратясь въ Тверь, сталъ укрѣплять этотъ городъ, ожидая, какъ видно, къ себѣ врага, и дѣйствительно Юрій остался въ Костромѣ, собирая отовсюду войска. Когда пришли къ нему князья суздальскіе и другіе, то онъ двинулся изъ Костромы къ Ростову, изъ Ростова пошелъ къ Переяславлю, изъ Переяслава къ Дмитрову, изъ Дмитрова—къ Кляну; а Новгородцы уже дожидались его въ Торжкѣ. Наконецъ войска Юрьевы пошли въ Тверскую волость и сильно опустошили ее; послы Кавгадыевы ѣздили въ Тверь къ Михаилу съ лестію, по выраженію лѣтописца, но мира не было, и, въ 40 верстахъ отъ Твери, при селѣ Вортеневѣ, произошелъ сильный бой, въ которомъ Михайлъ остался побѣдителемъ; Юрій съ небольшою дружиною успѣлъ убѣжать въ Новгородъ, но жена его, братъ Борисъ, многіе князья и бояре остались плѣнными въ рукахъ побѣдителя. Кавгадый, видя торжество Тверскаго князя, велѣлъ дружинѣ своей бросить стяги и бѣжать въ станъ, а на другой день послалъ къ Михаилу съ мирными предложеніями, и поѣхалъ къ нему въ Тверь. Михайлъ принялъ его съ честію, и Татары стали говорить ему: „Мы съ этихъ поръ твои, да и приходили мы на тебя съ княземъ Юріемъ безъ ханскаго приказа, виноваты и боимся отъ хана оналы, что такое дѣло съѣдали и много крови пролили“. Князь Михайлъ повѣрилъ имъ, одарилъ и отпустилъ съ честію.

Между тѣмъ Юрій явился опять у Волги, и съ нимъ весь Новгородъ и Псковъ съ владыкою своимъ Давыдомъ: понятно, что Новгородъ долженъ былъ вступиться за Юрія, не ожидая себѣ добра

отъ усиленія Михаила. Тверской князь вышелъ къ непріятелю на-встрѣчу, но битвы не было: заключили договоръ, по которому оба соперника обязались идти въ Орду и тамъ рѣшить свои споры; Михайлъ обязался также освободить жену Юрьеву и брата; Новгородцы заключили съ нимъ особый договоръ, какъ съ постороннимъ владѣльцемъ³⁾ (1317 г.). Но жена Юрьева не возвратилась въ Москву: она умерла въ Твери, и пронесся слухъ, что ее отравили. Этотъ слухъ былъ выгоденъ Юрію и опасенъ для Михаила въ Ордѣ, и когда Тверской князь отправилъ въ Москву посла Александра Марковича съ мирными предложеніями, то Юрій убилъ посла и поѣхалъ въ Орду съ Кавгадыемъ, со многими князьями, боярами и Новгородцами.

Начальникомъ всего зла лѣтописецъ называетъ Кавгадыя: по Кавгадыеву совѣту, Юрій пошелъ въ Орду, Кавгадый наклеветалъ хану на Михаила, и разсерженный Узбекъ велѣлъ схватить сына Михайлова, Константина, посланнаго отцомъ предъ собою въ Орду; ханъ велѣлъ-было умерить голодомъ молодаго князя, но нѣкоторые вельможи замѣтили ему, что если онъ умертвитъ сына, то отецъ никогда не явится Орду, и Узбекъ приказалъ выпустить Константина. Что же касается до Кавгадыя, то онъ боялся присутствія Михаила въ Ордѣ, и послалъ толпу Татаръ перехватить его на дорогѣ и убить; но это не удалось: чтобъ воспрепятствовать другимъ способомъ пріѣзду Михайлову, Кавгадый сталъ говорить хану, что Тверской князь никогда не пріѣдетъ въ Орду, что нечего его дожидаться, а надобно послать на него войска. Но въ августѣ 1318 года Михайлъ отправился въ Орду, и когда былъ во Владимірѣ, то явился туда къ нему посолъ изъ Орды, именемъ Ахмыль, и сказалъ ему: „Зоветь тебя ханъ, поѣзжай скорѣе, поспѣвай въ мѣсяцъ; если же не пріѣдешь къ сроку, то уже назначена рать на тебя и на города твои; Кавгадый обещъ тебя передъ ханомъ, сказалъ, что не бывать тебѣ въ Ордѣ“. Бояре стали говорить Михаилу: „Одинъ сынъ твой въ Ордѣ; пошли еще другого“. Сыновья его, Дмитрій и Александръ, также говорили ему: „Ватюшка! Не ѣзди въ Орду самъ, но пошли кого-нибудь изъ насъ, хану тебя оклеветалъ, подожди, пока гнѣвъ его пройдетъ“. Михайлъ отвѣчалъ имъ: „Ханъ зоветь не васъ, и ни кого другого, а моей головы хочетъ; не поѣду,—такъ вотчина моя вся будетъ опустошена и множество христіанъ избито; послѣ когда-нибудь надобно же умирать, такъ лучше теперь положу душу мою за многія души“. Давши рядъ сыновьямъ, раздѣливъ имъ отчину свою, написавши грамоту, Михайлъ отправился въ Орду, настягъ хана на устьи Дона, по обычаю отнесъ подарки вѣсѣмъ князьямъ ордынскимъ, женамъ ханскимъ, самому хану, и полтора мѣсяца жилъ спокойно; ханъ далъ ему пристава, чтобъ никто не смѣлъ обижать его. Наконецъ Узбекъ вспомнилъ о дѣлѣ и сказалъ князьямъ своимъ: „Вы мнѣ гово-

¹⁾ Никон. III, 112.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, 208.

³⁾ Собр. Гос. гр. т. I, № 14.

рили на князя Михаила:—такъ разудите его съ Московскимъ княземъ, и скажите мнѣ, кто правъ и кто виноватъ.“ Начался судъ; два раза приводили Михаила въ собраніе вельможъ ордынскихъ, гдѣ читали ему грамоты обвинительныя: „Ты былъ гордъ и непокорилъ хану нашему, ты позорилъ посла ханскаго Кавгадыя, бился съ нимъ и Татаръ его побилъ, дани ханскія бралъ себѣ, хотѣлъ бѣжать къ Нѣмцамъ съ казною, и казну въ Римъ къ папѣ отпустилъ, княгиню Юрьеву отравилъ“. Михаилъ защищался; но судьи стояли явно за Юрія и Кавгадыя, причеиъ послѣдній былъ вмѣстѣ и обвинителемъ, и судьей. Въ другой разъ Михаилъ привели на судъ уже связаннаго; потомъ отогбали у него платье, отогнали бояръ, слугъ и духовника, наложили на шею тяжелую колоду и повели за ханомъ, который ѣхалъ на охоту; по почамъ руки у Михаила забивали въ колодки, и такъ какъ онъ постоянно читалъ псалтирь, то отрокъ сидѣлъ передъ нимъ и перевертывалъ листы. Орда остановилась за рѣкою Тереконъ, на рѣкѣ Севенцѣ, подъ городомъ Деяковымъ, недалеко отъ Дербента. На дорогѣ отроки говорили Михаилу: „Князь! Проводники и лошади готовы, бѣги въ горы, спаси жизнь свою“. Михаилъ отказался: „Если я одинъ спасусь, говорилъ онъ, а людей своихъ оставлю въ бѣдѣ, то какая мнѣ будетъ слава? Ужъ двадцать четыре дня Михаилъ терпѣлъ всякую нужду, какъ однажды Кавгадый велѣлъ привести его на торгъ, созвалъ всѣхъ замоуанцевъ, велѣлъ поставить князя передъ собою на колѣни, величался и говорилъ много досадныхъ словъ Михаилу, потомъ сказалъ ему: „Знай, Михаило! Таконъ ханскій обычай: если ханъ разсердится на кого и изъ ролевенниковъ своихъ, то такъ-же велитъ держать его въ колодкѣ, а потомъ, когда гнѣвъ минетъ, то возвращаетъ ему ирежнюю честь; такъ и тебя завтра или послѣзавтра освободятъ отъ всей этой тяжести, и въ большой чести будешь“;—послѣ чего, обратясь къ сторожамъ, прибавилъ: „Зачѣмъ не снимете съ него колоды? Тѣ отвѣчали: „Завтра или послѣзавтра снимемъ, какъ ты говоришь“. — „Ну, по крайней мѣрѣ, поддержите колодку, чтобъ не отдавила ему плечъ“, сказалъ на это Кавгадый, и одинъ изъ сторожей сталъ поддерживать колодку. Нарушавшись такимъ образомъ надъ Михайломъ, Кавгадый велѣлъ отвести его прочь; но тотъ захотѣлъ отдохнуть и велѣлъ отрокамъ ¹⁾ своимъ подать себѣ стулъ; около него собралась большая толпа Грековъ, Пѣмцевъ, Литвы и Руси; тогда одинъ изъ приближенныхъ сказалъ ему: „Господинъ князь! Видишь, сколько народа стоитъ и смотритъ на позоръ твой, а прежде они слыхали, что былъ ты княземъ въ Землѣ своей, пошелъ бы ты въ свою вежу“. Михаилъ всталъ и пошелъ домой. Съ тѣхъ поръ на глазахъ его были всегда слезы, потому что онъ предугадывалъ свою участь. Прошелъ еще день, и Михаилъ велѣлъ отбѣть заутреню, часы, про-

челъ со слезами правило къ причащенію, исповѣдался, призвалъ сына своего Константина, чтобъ объявить ему послѣднюю свою волю, потомъ сказалъ: „Дайте мнѣ псалтирь, очень тяжело у меня на душѣ“. Открылся псаломъ: „Сердце мое смутится во мнѣ, и страхъ смертныи придетъ на мя“. — „Что значить этотъ псаломъ? спросилъ князь у священниковъ; тѣ, чтобъ не смутить его еще больше, указали ему на другой псаломъ: „Возвзри на Господа печаль свою, и той тя препитаетъ, и не дастъ во-вѣки смятенія праведному“. Когда Михаилъ пересталъ читать и согнулъ книгу, вдругъ вскочилъ отрокъ въ вежу, блѣдный, и едва могъ выговорить: „Господинъ князь! Идутъ отъ хана Кавгадый и князь Юрій Даниловичъ со множествомъ народа прямо къ твоей вежѣ!“ Михаилъ тотчасъ всталъ и со вздохомъ сказалъ: „Знаю, зачѣмъ идутъ,—убить меня“,—и послалъ сына своего Константина къ ханшѣ. Юрій и Кавгадый отрядили къ Михаилу въ вежу убійцъ, а сами сошли съ лошадей на торгу, потому что торгъ былъ близко отъ вежи на передетъ камня. Убійцы вскочили въ вежу, разогнали всѣхъ людей, схватили Михаила за колоду и ударили его объ стѣну, такъ что вежа проломилась; несмотря на то, Михаилъ вскочилъ на ноги, но тогда бросилось на него множество убійцъ, повалили на землю и били пятами нещадно; наконецъ одинъ изъ нихъ, именемъ Ромалець, выхватилъ большой ножъ, ударилъ имъ Михаила въ ребро и вырѣзалъ сердце ²⁾. Вежу разграбили Русь и Татары, тѣло мученика бросили нагое. Когда Юрія и Кавгадыю дали знать, что Михаилъ уже убитъ, то они прѣехали къ тѣлу, и Кавгадый съ сердцемъ сказалъ Юрію: „Старшій братъ тебѣ высто отца; чего же ты смотришь, что тѣло его брошено нагое? Юрій велѣлъ своимъ прикрыть тѣло, потомъ положили его на доску, доску привязали къ телѣгѣ и перевезли въ городъ Маджары ³⁾; здѣсь гости, знавшіе покойника, хотѣли прикрыть тѣло его дорогими тканями и поставить въ церкви съ честію, со свѣчами, но бояре московскіе не дали имъ и поглядѣть на покойника, и съ бранью поставили его въ хлѣвѣ за сторожами; изъ Маджаръ повезли тѣло въ Русь, привезли въ Москву и похоронили въ Спасскомъ монастырѣ. Изъ бояръ и слугъ Михайловыхъ спаслись только тѣ, которымъ удалось убѣжать къ ханшѣ; другихъ же ограбили до-нага, били какъ злодѣевъ и заковали въ желѣза (1319 г.).

Въ 1320 году Юрій возвратился въ Москву съ ярлыкомъ на великое княженіе, и привелъ съ собою молодаго князя Тверскаго Константина и бояръ его въ видѣ плѣнниковъ; мать и братья Константиновы, узнавши о копчнѣи Михаила и погребеніи его въ Москвѣ, прислали просить Юрія, чтобъ отпустилъ тѣло въ Тверь; Юрій исполнялъ ихъ просьбу не прежде, какъ сынъ Михайловъ, Александръ, явился къ нему во Владимірѣ и заключилъ миръ, вѣроятно,

²⁾ 22 ноября въ среду, въ седьмомъ часу дня.

³⁾ Теперь городище на рѣкѣ Кузѣ, Кавказской губерніи, Георгіевскаго уѣзда.

¹⁾ Значитъ не всѣхъ отроковъ отогнали.

на условіяхъ, предписанныхъ Московскимъ княземъ. Въ томъ же году Юрій отправилъ въ Новгородъ брата своего Аванасія и ходилъ войною на Рязанскаго князя Ивана, съ которымъ заключилъ миръ, а подъ слѣдующимъ годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о смотрахъ Юрія на тверскихъ князей; по войны не было: князь Димитрій Михайловичъ отправилъ къ Юрію въ Переяславль пословъ и заключилъ миръ, по которому заплатилъ Московскому князю 2,000 рублей серебра и обязался не искать подъ нямъ великаго княженія. Двѣ тысячи рублей взяты были для хана; но Юрій не пошелъ съ ними на-встрѣчу къ татарскому послу, отправился въ Новгородъ, куда призывали его для дѣлъ ратныхъ. Этимъ воспользовался Димитрій Тверской, поѣхалъ въ Орду и выхлопоталъ себѣ ярлыкъ на великое княженіе; есть извѣстіе, что онъ объяснилъ хану всю неправду Юрія и особенно Кавгадыя, и что ханъ велѣлъ казнить послѣдняго, а Димитрію далъ великое княженіе, узнавши отъ него, что Юрій собираетъ дань для хана и удерживаетъ ее у себя ¹⁾. Послѣднее извѣстіе тѣмъ вѣроятнѣе, что находится въ прямой связи съ приведеннымъ выше извѣстіемъ лѣтописи объ удержаніи тверскаго выхода Юріемъ; въ связи съ извѣстіемъ о гнѣвѣ ханскомъ на Юрія находится также извѣстіе о татарскомъ послѣ Ахмылѣ, который сдѣлалъ много зла Низовской Землѣ, много избилъ христіанъ, а другихъ повелъ рабами въ Орду. Какъ бы то ни было, впрочемъ, Тверь взяла перевѣсъ; Юрій видѣлъ необходимость идти опять въ Орду, и усердно просилъ Новгородцевъ, чтобъ проводили его; но на дорогѣ, на рѣкѣ Урдомѣ ²⁾, онъ былъ захваченъ врасплохъ братомъ Димитріевымъ Александромъ, казна его была отнята, самъ же онъ едва спасся въ Исковъ, откуда опять пріѣхалъ въ Новгородъ, ходилъ съ Новгородцами на берега Невы, потомъ въ Заволочье, и оттуда уже отправился въ Орду по Камѣ, будучи позванъ посломъ ханскимъ, въ 1324 году. Димитрій Тверской не хотѣлъ пускать соперника одного въ Орду и поспѣшилъ туда самъ. Мы не знаемъ подробностей о встрѣчѣ двухъ враговъ; лѣтописецъ говоритъ, что Димитрій убилъ Юрія, понадѣявшись на благоволеніе ханское. Узбекъ однако сильно осердился за это самоуправство, долго думалъ, наконецъ велѣлъ убить Димитрія (1325 г.); но великое княженіе отдалъ брату его Александру; такимъ образомъ Тверь не потеряла ничего ни отъ смерти Михаила, ни отъ смерти Димитрія; въ третій разъ первенство и сила перешли къ ея князю.

Взглянемъ теперь, что происходило въ другихъ княжествахъ во время этой первой половины борьбы между Москвою и Тверью. Въ годъ смерти великаго князя Андрея Александровича (1304) вспыхнула мятежь въ Костромѣ: простые люди собрали вѣче

на бояръ, и двое изъ послѣднихъ были убиты; въ слѣдующемъ году въ Нижнемъ - Новгородѣ черные люди избилъ бояръ князя Андрея Александровича; но въ томъ же году возвратился изъ Орды князь Михаилъ Андреевичъ и перебилъ всѣхъ вѣчниковъ, которые умертвили бояръ. Здѣсь представляется вопросъ: кто былъ этотъ князь Михаилъ Андреевичъ? До сихъ поръ утверждено было мнѣніе, что всѣ князья суздальскіе происходятъ отъ Андрея Ярославича, брата Александра Невскаго, въ такомъ порядкѣ: Андрей—Михаилъ—Василій—Константинъ—Димитрій и т. д. Въ самомъ дѣлѣ летописъ говоритъ, что послѣ Андрея Ярославича осталось двое сыновей—Юрій и Михаилъ ³⁾. Юрій умеръ въ 1279 году, и вмѣсто него садится въ Суздаль братъ его Михаилъ ⁴⁾; потомъ летописи упоминаетъ о смерти сына Михаила, Василія, въ 1309 году ⁵⁾; потомъ встрѣчаемъ Александра и Константина Васильевичей Суздальскихъ, которыхъ легко принять за дѣтей Василія Михайловича. И дѣйствительно, въ большей части родословныхъ эти князья показаны происходящими отъ Андрея Ярославича. Но вотъ, подъ 1364 годомъ, читаемъ въ лѣтописи извѣстіе о кончинѣ князя Андрея Константиновича Суздальскаго, и этотъ князь называется потомкомъ не Андрея Ярославича, но Андрея Александровича, сына Невскаго, въ такомъ порядкѣ: Андрей—Михаилъ—Василій—Константинъ ⁶⁾. Въ извѣстіи о кончинѣ брата Андреева, Димитрія Константиновича, повторена та же родословная. Эта послѣдняя родословная объявлена ошибочною; утверждено, что князь Михаилъ Андреевичъ былъ сынъ Андрея Ярославича, а не Александровича, у котораго дѣтей не было, кромѣ Бориса, умершаго при жизни отца. Но на чемъ же основано такое утверженіе? Основываются на томъ ⁷⁾, что, по смерти Андрея Александровича, бояре, не имѣя государя, уѣхали къ Михаилу Тверскому. Но еслибъ Михаилъ Андреевичъ былъ сынъ Андрея Александровича, то бояре послѣдняго могли по разнымъ причинамъ отъѣхать къ Михаилу Тверскому, имѣя за собою право отъѣзда. Мы приведемъ извѣстія лѣтописи объ избіеніи бояръ черными людьми въ Нижнемъ-Новгородѣ и о наказаніи мятежниковъ княземъ Михаиломъ Андреевичемъ; но если Михаилъ Андреевичъ былъ сынъ Андрея Ярославича, а не Александровича, то почему бояре послѣдняго являются въ его княжествѣ и распоряжаются такъ, что возбуждаютъ противъ себя черныхъ людей? Это показываетъ съ другой стороны, что не всѣ бояре Андрея Александровича отъѣхали въ Тверь; часть ихъ и, можетъ быть, большая, дождалась въ Нижнемъ пріобрѣтія князя Михаила Андреевича, сына своего прежняго князя. Итакъ отъѣздъ бояръ не причина признавать Михаила Андреевича сы-

¹⁾ Татищ. IV, III.—О Кавгадыѣ Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, 214: «Смерть же грѣшниковъ люта, еже бысть беззаконному и проклятому Кавгадыю и не пробывъ убо ни единого лѣта и явъ изверже океанннй животъ св-й».

²⁾ Ярославской губерніи, Романовскаго уѣзда».

³⁾ Никон. III, 43.

⁴⁾ Никон. III, 67.

⁵⁾ Никон. III, 105.

⁶⁾ Тамъ же, IV, 8.

⁷⁾ Карамз. IV, примѣч. 209.

номъ Андрея Ярославича, а не Александровича. Но есть еще другія указанія, подтверждающія родословную лѣтописи: царь Василій Ивановичъ Шуйскій, въ грамотѣ о своемъ избраніи, говоря о происхожденіи своемъ, ведетъ общій родъ до Александра Невского, котораго называетъ своимъ прапрадѣдомъ, и послѣ Александра начинаеть развѣтвленіе рода на двѣ отрасли, — отрасль Андрея Александровича, отъ котораго пошли онъ, князья Суздальскіе-Шуйскіе, и отрасль Данила Александровича, отъ котораго пошли князья, потомъ цари Московскіе: „Учинились мы на отчичѣхъ прародителей нашихъ, царемъ и великимъ княземъ на Россійскомъ государствѣ, которое даровалъ Богъ прародителю нашему Юрику, и потомъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, до прародителя нашего великаго князя Александра Ярославича Невского на Россійскомъ государствѣ были прародители мои, а потомъ на Суздальскій удѣлъ отдѣлились, не отчичемъ, не по неволѣ, но какъ обыкновенно большіе братья на большія мѣста садились“¹⁾. Лнія Андрея Александровича отдѣлилась на Суздальскій удѣлъ, какъ обыкновенно большіе братья саживались на большія мѣста: въ самомъ дѣлѣ, Андрей Александровичъ былъ большой братъ Данила Александровичу, и Суздаль былъ большое мѣсто относительно Москвы. Итакъ вопросъ о происхожденіи князей суздальскихъ-нижегородскихъ не можетъ быть рѣшенъ окончательно.

Въ Ростовѣ, въ 1309 году умеръ князь Константинъ Борисовичъ, и мѣсто его заступилъ сынъ Василій; другого, Александра, мы видѣли въ Угличѣ; подъ 1320 годомъ упоминается о смерти сына его, Юрія Александровича. Въ Ярославлѣ въ 1321 году умеръ князь Давыдъ, сынъ Теодора Ростиславича-Чернаго, Смоленскаго; мѣсто его занялъ сынъ Василій Давыдовичъ. Въ Галичѣ упоминается подъ 1310 годомъ князь Василій Константиновичъ, внукъ Ярослава Всеволодовича, княжившій, какъ видно, но братѣ своемъ Давыдѣ. Въ Стародубѣ, по смерти внука Всеволода III, Михаила Ивановича, княжилъ сынъ его Иванъ, умершій въ 1315 году; мѣсто покойнаго заступилъ сынъ его Осодоръ Ивановичъ. Въ Рязани, послѣ Константина Романовича, убитаго въ Москвѣ, княжилъ сынъ его Василій, который былъ убитъ въ Ордѣ въ 1308 году; въ 1320 году видимъ въ Рязани двоюроднаго брата Василіева, князя Ивана Ярославича, противъ котораго предпринималъ походъ Юрій Московскій. Въ 1313 году умеръ князь Александръ Глѣбовичъ Смоленскій, оставивъ двоихъ сыновей, Василія и Ивана.

Касательно вѣнскихъ отношеній упоминается подъ 1308 годомъ о намѣстнѣ Татаръ на Рязань, мѣншемъ, какъ видно, связь съ убіеніемъ тамошняго князя Василія Константиновича въ Ордѣ. Въ 1318 году приходилъ изъ Орды лютой посоль, именемъ Конча, убилъ 120 человекъ у Костромы, потомъ пошелъ и весь Ростовъ повоевалъ ратью.

Въ 1320 г. посоль Байдера много зла надѣлалъ во Владимірѣ; въ 1321 г. Татаринъ Таялчаръ былъ тяжекъ Кашицу; въ 1321 году посоль Ахмыль надѣлалъ много зла низовымъ городамъ, Ярославль взялъ и повелъ много плѣнниковъ въ Орду²⁾. — На сѣверо-западѣ продолжалась старая борьба — у Новгорода со Шведами, у Пскова съ ливонскими Нѣмцами. Въ 1310 году Новгородцы въ ладьяхъ и лодьяхъ вошли въ Ладожское озеро, въ рѣку Узерву, и построили на порогѣ новый городъ, разрушивши старый³⁾. Въ слѣдующемъ году, подъ начальствомъ князя Дмитрія Романовича Смоленскаго, они отправились войною за море, въ шведскія владѣнія, въ Финляндію (Емь); переѣхавши море, повоевали сначала берега Купецкой рѣки, села пожги, людей побрали въ плѣнъ, скотъ побили; потомъ взяли всю Черную рѣку, по ней подплыли къ городу Ваная, городъ взяли и сожгли; Шведы заперлись во внутренней крѣпости, или дѣтинцѣ, построенномъ на высокой неприступной скалѣ, и прислали къ Новгородцамъ съ поклономъ просить мира; но тѣ мира не дали и стояли трое сутокъ подъ городомъ, опустошая окрестную страну: села большія пожгли, хлѣбъ весь потравили, а изъ скота не оставили ни рога, потомъ пошли — взяли мѣста по рѣкомъ Кавгалѣ и Першѣ, выплыли эти рѣками въ море и возвратились въ Новгородъ все здоровы⁴⁾. Шведы отомстили Новгородцамъ сожженіемъ Ладоги въ 1313 году. Мы уже видѣли попытки Корелы отделиться отъ Новгорода и попытки Шведовъ утвердиться въ Корельской Землѣ; видѣли и причину неудовольствія Корелы въ жалобѣ Новгородцевъ на княжескаго намѣстника, Бориса Константиновича, который своими притѣсненіями заставлялъ Корелянъ бѣжать къ Шведамъ; въ 1314 году встрѣчаемъ повое извѣстіе о возстаніи Корелянъ: они перебили Русскихъ, находившихся въ Корельскомъ городѣ, и ввели къ себѣ Шведовъ. Новгородцы однако не долго позволяли Корелѣ оставаться за Шведами: въ томъ же году пошли они съ намѣстникомъ великаго князя Михаила Ярославича, Осодоромъ, къ городу, и перебили въ немъ всехъ Шведовъ и перевѣтчиковъ Корелянъ. Черезъ два года непріятельскія дѣйствія возобновились: Шведы въ 1317 году вошли въ Ладожское озеро и побили много обонежскихъ купцовъ; а въ слѣдующемъ году Новгородцы отправились за море, и много воевали: взяли Або и находившійся недалеко отъ него епископскій за-

²⁾ Никон. III, 127: «И Ярославль взяша и сожгоша». Не Солигаличъ ли?

³⁾ Книга Больш. Черт.: на усть рѣки Узервы на острову городъ Корела.

⁴⁾ Мѣста, здѣсь означенныя, — спорныя, но одинъ Ванай близъ Тавастгуса, гдѣ теперь приходъ Ваная, Купецкая рѣка — Кумо, Черная — Нокия; по другій Купецкая рѣка есть заливъ Пою, Черная Карьва. — Рѣка Перно въ Кинешемской губерніи; Кавгалу причнають за Юрго, отдѣляющую Кинешемскую губернію отъ Тавастгуской. См. Карамз. IV, примѣч. 214; Арцыбаш. II, прим. 528 — 533. Lehrberg — Untersuchungen, стр. 232.

мокъ. Въ 1322 году Шведы опять пришли драться къ Корельскому городку, но не могли взять его; вслѣдъ за этимъ Новгородцы съ в. к. Юріемъ пошли къ Выборгу и били его 6-ю пороками, но взять не могли, перебили только много Шведовъ въ городѣ и взяли въ плѣнъ; изъ плѣнниковъ—однихъ переѣхали, другихъ отправили въ Суздальскую Землю (на Изъ), потеряли нѣсколько и своихъ добрыхъ мужей. Надобно было ждать мести отъ Шведовъ, и Новгородцы въ 1323 году укрѣпили истокъ Невы изъ Ладожскаго озера, поставили городъ на Орѣховомъ островѣ (Орѣшекъ); но, вмѣсто рати, явились послы шведскіе съ мирными предложеніями, и заключенъ былъ миръ вѣчный по старинѣ. Юрій съ Новгородцами уступилъ Шведамъ три корельскія округа: Саволакскъ, Ескисъ и Егрена⁴⁾. Подъ 1320 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о враждебномъ столкновеніи съ Норвежцами: какой-то Лука, сказано, ходилъ на Норвегдевъ, которые разбили суда какаго-то Игната Мольгина.

По смерти Довмонта для Пскова наступило тяжелое время; на востокъ князья заняты усобицами, тамъ идетъ важный вопросъ о томъ, какому князю переселить всѣ остальные и собрать Землю Русскую; Новгородъ также занятъ этими усобицами и борьбою со Шведами; притомъ же у него со Псковомъ начинаются непріятности, переходящія иногда въ открытую вражду, причины которой въ лѣтописи не высказаны ясно. Стремленіе Пскова выйти изъ-подъ опеки старшаго брата своего, Новгорода, мы замѣчаемъ съ самаго начала; послѣ это стремленіе все болѣе и болѣе усиливается; Новгородцы, разумѣется, не могли смотрѣть на это равнодушно и не могли близко принимать къ сердцу затруднительное положеніе младшихъ братьевъ; отсюда жалобы послѣднихъ на холодность Новгородцевъ, оставленіе безъ помощи, что еще болѣе усиливало разномыслие; притомъ же, не имѣя возможности давать чувствовать Псковичамъ свое господство въ политическомъ отношеніи, Новгородцы сильно давали чувствовать его въ церковномъ, вслѣдствіе того, что Псковъ былъ подвѣдомственъ ихъ владыкѣ,—отсюда новыя непріятности и стремленіе Псковичей отложиться отъ Новгородскаго владыки, получить для себя особаго епископа²⁾. Когда князья русскіе пріѣзжали во Псковъ, то граждане принимали ихъ съ честью, отъ всего сердца³⁾; но эти князья не могли ходить съ Псковичами на Нѣмцевъ или отсаживаться въ осаду отъ нихъ; такъ были во Псковѣ по необходимости на короткое время—князь Димитрій Александровичъ и Юрій Даниловичъ. Не видя помощи отъ русскихъ князей, Псковитяне принуждены бывали посылать за литовскими. Въ 1322 году

Нѣмцы, во время мира, перебили псковскихъ купцовъ на озерѣ и рыболововъ на рѣкѣ Наровѣ, опустошили часть Псковской волости; Псковичи поехали въ Литву за княземъ Давыдомъ; пошли съ нимъ за Нарову и опустошили землю до самаго Ревеля. Въ мартѣ 1323 года пришли Нѣмцы подъ Псковъ со всею силою, стояли у города три дня и ушли съ позоромъ; но въ маѣ явились опять, загордившись, въ силѣ тяжелой, безъ Бога; пришли на корабляхъ, въ лодкахъ и коняхъ, со стѣнбными машинами, подвижными городками и многими замышленіемъ. На первомъ приступѣ убили посадника; стояли у города 18 дней, били стѣны машинами, придвигали городки, прешаляли лѣстницы. Въ это время много гонцовъ гоняло изъ Пскова къ великому князю Юрію Даниловичу и къ Новгороду, со мною печалію и тугою, потому что очень тяжело было въ то время Пскову; какъ вдругъ явился изъ Литвы князь Давыдъ съ дружиною, ударилъ вмѣстѣ съ Псковичами на Нѣмцевъ, прогналъ ихъ за рѣку Великую, машины отнял, городки зажегъ, и—побѣжали Нѣмцы со стыдомъ; а князь великій Юрій и Новгородцы не помогли, прибавляетъ Псковскій лѣтописецъ.

Литовцы въ 1323 году напали на страну по рѣкѣ Ловати, но были прогнаны Новгородцами.—Мы видѣли волненія среди Корель, видѣли и прежде возстанія финскихъ племенъ въ Двинской области противъ Новгородцевъ; въ 1323 году началась у послѣднихъ вражда съ Устюжанами, которые перехватили Новгородцевъ, ходившихъ на Югру, и ограбили ихъ. Задвинскія дани и торговля были главнымъ источникомъ богатства для Новгородцевъ, и потому они не могли оставить этого дѣла безъ вниманія; въ слѣдующемъ же году, съ княземъ Юріемъ Даниловичемъ, они пошли въ Заволочье и взяли Устюгъ на щитъ; когда они были на Двинѣ, то князь устюжскій прислалъ къ Юрію и Новгородцамъ просить мира и заключили его на старинныхъ условіяхъ. Въ чемъ состояли эти старинныя условія,—мы не знаемъ; знаемъ только то, что еще въ 1220 году великій князь Юрій Всеволодовичъ, собирая войско на Волгарь, велѣлъ Ростовскому князю взять также и полки устюжскіе; изъ этого извѣстія можно только заключить о зависимости Устюга отъ ростовскихъ князей.

Таковы были отношенія Сѣверной Руси къ соседнимъ пародамъ въ первую половину борьбы между Тверью и Москвою, до смерти Димитрія Тверскаго и Юрія Московскаго. Димитрію наследовалъ, какъ мы видѣли, братъ его Александръ Михайловичъ, съ ярлыккомъ и на великое княженіе, Юрію также братъ—Іоаннъ Даниловичъ Калита, остальные братья котораго—Александръ, Иоанасій, Борисъ—умерли еще при жизни Юрьевой. Калита, слѣдовательно, княжилъ одинъ въ Московской волости; какъ видно, онъ управлялъ Москвою гораздо прежде смерти Юрія, когда послѣдній находился то въ Ордѣ, то въ Новгородѣ; иначе онъ не имѣлъ бы времени сблизиться съ митрополитомъ Петропльмъ, ибо

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 72; Архив. II, прил. 558, 559. Вуткова—Три древніе договора Русскихъ съ Норвежцами и Шведами, въ Журн. Мин. Вп. Д. 1837 г., т. 23.—Немоллина—О пятинахъ Новгор. въ Записк. Геогр. Общ. кн. VIII; Antiquités Russes, t. II.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 183. «Бысть Псковичемъ немарье со владыкою Феоктистомъ и съ Новгородцымъ».

³⁾ Тамъ же, стр. 184.

Юрій убитъ въ 1325 году, а митрополитъ Петръ умеръ въ 1326. Еще въ 1299 году митрополитъ Максимъ оставилъ опустошенный Кіевъ, гдѣ не могъ найти безопасности, и переѣхалъ на жительство во Владиміръ. Послѣдній городъ былъ столицей великихъ, или сильнѣйшихъ князей только по имени, ибо каждый изъ нихъ жилъ въ своемъ наслѣдственномъ городѣ; однако пребываніе митрополита во Владиміръ, при тогдашнемъ значеніи и дѣятельности духовенства, сообщало этому городу видъ столицы болѣе, чѣмъ преданіе и обычай. Послѣ этого яспо, какъ важно было для какаго-нибудь города, стремившагося къ первенству, чтобъ митрополитъ утвердилъ въ немъ свое пребываніе; это необходимо давало ему видъ столицы всея Руси, ибо единство послѣдней поддерживалось въ это время единымъ митрополитомъ, мало того, — способствовало его возрастанію и обогащенію, ибо въ него со всѣхъ сторонъ стекались лица, имѣвшія нужду до митрополита, какъ въ средоточіе церковнаго управленія; наконецъ митрополитъ долженъ былъ дѣйствовать постоянно въ пользу того князя, въ городѣ котораго имѣлъ пребываніе. Калита умѣлъ приобрести расположеніе митрополита Петра, такъ что этотъ святитель живалъ въ Москвѣ больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, умеръ и погребенъ въ ней. Гробъ святаго мужа былъ для Москвы такъ же драгоцененъ, какъ и пребываніе живаго святителя; выборъ Петра казался внушеніемъ Божиимъ, и новый митрополитъ Θεогность уже не хотѣлъ оставить гроба и дома чудотворца. Петръ, увѣщавая Калиту построить въ Москвѣ каменную церковь Богоматери, говорилъ: „Если меня, сынъ, послушаешься, храмъ Пречистой Богородицы построишь и меня упокоишь въ своемъ городѣ, то я самъ прославившись больше другихъ князей, и сыновья, и внуки твои, и городъ этотъ славень будетъ, святители стануть въ немъ жить, и подчинитъ онъ себѣ всѣ остальные города“. Другіе князья хорошо видѣли важныя послѣдствія этого явленія — и сердлились; но помочь было уже нельзя.

Но въ то время, какъ Московскій князь утвержденіемъ у себя митрополитскаго престола приобрѣталъ такія важныя выгоды, Александръ Тверской необдуманнѣе поступкомъ погубилъ себя и все княжество свое. Въ 1327 году пріѣхалъ въ Тверь ханскій посолъ, именемъ Шевкаль (Чол-ханъ), или Щелканъ, какъ его называютъ наши лѣтописи, двоюродный братъ Узбека, и, по обыкновенію всѣхъ пословъ татарскихъ, позволяя себѣ и людямъ своимъ всякаго рода насилія. Вдругъ въ народѣ разнесся слухъ, что Шевкаль хочетъ самъ княжить въ Твери, своихъ князей татарскихъ посадить по другимъ русскимъ городамъ, а христіанъ привести въ татарскую вѣру. Трудно допустить, чтобъ этотъ слухъ былъ основателемъ: Татары изначала отличались вѣротерпимостью и, по припятіи магометанства, не были ревнителями новой религіи. Узбекъ, по приказу котораго долженъ былъ дѣйствовать Шевкаль, покровительствовалъ христіанамъ въ Ка-

еѣ, позволилъ католическому мопаху Іонѣ Валепсу обращать въ христіанство Ясовъ и другіе народы по берегу Чернаго моря; онъ же, какъ мы видѣли, выдалъ сестру свою за Юрія Московскаго и позволилъ ей креститься¹⁾. Еще страннѣе былъ слухъ, что Шевкаль хочетъ самъ сѣсть на великомъ княженіи въ Твери, а другіе города раздать своимъ Татарамъ. Когда пронеслась молва, что Татары хотятъ исполнить свой замыселъ въ Успеневъ день, пользуясь большимъ стеченіемъ народа по случаю праздника, то Александръ съ Тверичами захотѣли предупредить ихъ нагнѣреніе, и рано утромъ, на солнечномъ восходѣ, вступили въ бой съ Татарами, бился пѣлый день и къ вечеру одолѣли. Шевкаль бросился въ старый домъ князя Михаила, но Александръ велѣлъ зажечь отповскій дворъ, и Татары погибли въ пламени: куцыя старые ордынскія и новыя, пришедшія съ Шевкаломъ, были истреблены, несмотря на то, что не вступали въ бой съ Русскими: однихъ изъ нихъ перебили, другихъ перетопили, иныхъ сожгли на кострахъ.

Но въ такъ-называемой Тверской лѣтописи Шевкалово дѣло рассказано подробнѣе, естественнѣе и безъ упоминенія о замыслѣ Шевкала относительно вѣры: Шевкаль, говорится въ этой лѣтописи, сильно притѣснялъ Тверичей, согналъ князя Александра со двора его, и самъ сталъ жить на немъ; Тверичи просили князя Александра объ оборонѣ, но князь приказывалъ имъ терпѣть. Несмотря на то, ожесточеніе Тверичей дошло до такой степени, что они ждали только перваго случая возстать противъ притѣснителей; этотъ случай представился 15-го августа: дьяконъ Дюдюко повелъ кобылу молодую и тучную на поило; Татары стали ее у него отнимать, дьяконъ началъ вопить о помощи, — и сбѣжавшіеся Тверичи начали на Татаръ²⁾.

Узбекъ очень разсердился, узнавъ объ участіи Шевкаловой, и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, послалъ за Московскимъ княземъ; но, по другимъ извѣстіямъ, Калита поѣхалъ самъ въ Орду, тотчасъ послѣ тверскихъ происшествій, и возвратился оттуда съ 50,000 татарскаго войска. Присоединивъ къ себѣ еще князя Суздальскаго, Калита вошелъ въ Тверскую волость, по ханскому приказу; Татары пожгли города и села, людей повели въ плѣнъ и, просто сказать, положили пусту всю Землю Русскую, по выраженію лѣтописца; но спаслась Москва, отчина Калиты, да Новгородъ, который далъ татарскимъ

¹⁾ См. Исслѣдованіе г. Григорьева: О достовѣрности-архивковъ, динныхъ русскому духовенству, стр. 59.

²⁾ Въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи Александръ говорить тѣ же самыя слова, какія древній лѣтописецъ заставляетъ говорить Ярослава стараго передъ битвою съ Святополкомъ: «Не язъ почаяхъ изновати, но оу и да будетъ отъѣстникъ Вогъ крови отца моего Михаила и брата моего Дмитрія, заче прольша кровь праведную, егда миѣ сеже створить?» Если бы Александръ дѣйствительно говорилъ что-нибудь подобное, то этикъ указалъ бы намъ главную причину возстанія, а въ вопросѣ: «егда миѣ сеже створить?» видѣли бы мы только опасеніе, и нисколько не убѣжденіе въ справедливости слуховъ о татарскихъ замыслахъ.

воеводамъ 2,000 серебра и множество даровъ. Александръ, слышавъ о приближеніи Татаръ, хотѣлъ бѣжать въ Новгородъ, но Новгородцы не захотѣли подвергать себя опасности изъ-за сына Михаилова и приняли намѣстниковъ Калиты; тогда Александръ бѣжалъ въ Псковъ, а братья его нашли убѣжище въ Ладогѣ. Въ слѣдующемъ 1328 году Калита и Тверской князь Константинъ Михайловичъ поѣхали въ Орду; Новгородцы отправили туда также своего посла; Узбекъ далъ великое княженіе Калитѣ; Константину Михайловичу далъ Тверь и отпустилъ ихъ съ приказомъ искать князя Александра. И вотъ въ Псковъ явились послы отъ князей Московскаго, Тверскаго, Суздальскаго и отъ Новгородцевъ уговаривать Александра, чтобъ ѣхалъ въ Орду къ Узбеку; послы говорили ему отъ имени князей: „Царь Узбекъ всѣмъ намъ велѣлъ искать тебя и прислать къ нему въ Орду; ступай къ нему, чтобъ намъ всѣмъ не пострадать отъ него изъ-за тебя одного; лучше тебѣ за всѣхъ пострадать, чѣмъ намъ всѣмъ изъ-за тебя одного погустонить всю землю“. Александръ отвѣчалъ: „Точно, мнѣ слѣдуетъ съ терпѣніемъ и любовію за всѣхъ страдать и не мстить за себя лукавымъ крамольникамъ; но и вамъ не дурно было бы другъ за друга и братъ за брата стоять, а Татарамъ не выдавать, и всѣмъ вмѣстѣ противиться имъ, защищать Русскую Землю и православное христіанство“. Александръ хотѣлъ ѣхать въ Орду, но Псковитяне не пустили его, говоря: „Не ѣзди, господинъ, въ Орду; что-бъ съ тобою ни случилось, умремъ, господинъ, съ тобою на одномъ мѣстѣ“. Надобно было дѣйствовать силою; но сѣверные князья не любили дѣйствовать силою тамъ, гдѣ успѣхъ былъ не вѣренъ; они разсуждали: „Псковичи крѣпко взялись защищать Александра, обѣщались всѣ умереть за него, а близко ихъ Пѣмцы, — тѣ подадутъ имъ помощь“. Придумали другое средство, и придумала его Калита, по свидѣтельству Псковскаго лѣтописца: уговорили митрополита Феогноста проклясть и отлучить отъ церкви князя Александра и весь Псковъ, если они не исполнятъ требованіе князей. Средство подѣйствовало, — Александръ сказалъ Псковичамъ: „Братья мои и друзья мои! не будь на васъ проклятій ради меня; ѣду воинъ изъ вашего города и снимаю съ васъ крестное дѣлованіе, только цѣлуйте крестъ, что не выдадите книгъ мои“. Псковичи поцѣловали крестъ и отпустили Александра въ Литву, хотя очень горьки были имъ его проводы; тогда, говорить лѣтописецъ, была во Псковѣ туга и печаль, и молва многая по князѣ Александрѣ, который добротою и любовію своею пришелъ на сердце Псковичамъ. По отъѣздѣ Александра, послы псковские отправились къ великому князю Московскому и сказали ему: „Князь Александръ изъ Пскова поѣхалъ прочь; а тебѣ, господину своему князю великому, весь Псковъ кланяется отъ мала и до велика: и поны, и чернецы, и черницы, и сироты, и вдовы, и жены, и малыя дѣти“. Услыхавъ, что Александръ уѣхалъ изъ Пскова, Калита заключилъ съ Псковичами миръ вѣч-

ный по старинѣ, по отчинѣ, и по дѣдичнѣ, послѣ чего митрополитъ Феогностъ съ Новгородскимъ влакою благословили посадника и весь Псковъ (1329 г.).

Полтора года пробылъ Александръ въ Литвѣ, и когда гроза пріутрихла, возвратился къ женѣ во Псковъ, жители котораго приняли его съ честью и посадили у себя на княженіи. Десять лѣтъ спокойно княжилъ Александръ во Псковѣ, но тосковалъ по своей родной Твери; Псковъ, по формальству своего быта, не могъ быть наслѣдственнымъ княжествомъ для сыновей его; относительно же родной области онъ зналъ старыи обычай, по которому дѣти изгнаннаго князя не могли надѣяться на наслѣдство; по словамъ лѣтописи, Александръ разсуждалъ такъ: „Если умру здѣсь, то что будетъ съ дѣтми моими? всѣ знаютъ, что я выбѣжалъ изъ княжества моего и умеръ на чужбинѣ, — такъ дѣти мои будутъ лишены своего княжества“. Въ 1336 году Александръ послалъ въ Орду сына Феодора попытаться, нельзя-ли какъ-нибудь ушлюстивъ хана, и, узнавши, что есть надежда на успѣхъ, въ 1337 году отправился самъ къ Узбеку. „Я сдѣлалъ много зла тебѣ“, сказалъ онъ хану, „но теперь пришелъ принять отъ тебя смерти или жизни, будучи готовъ на все, что Богъ возвратитъ тебѣ“. Узбекъ сказалъ на это окружающимъ: „Князь Александръ смиренною мудростію избавилъ себя отъ смерти“, и позволялъ ему занять Тверской столъ; князь Константинъ Михайловичъ, волею или неволею уступилъ княжество старшему брату.

Но возвращеніе Александра служило знакомъ къ возобновленію борьбы между Москвою и Тверью: скоро встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе, что Тверской князь не могъ поладить съ Московскимъ, и не заключили они между собою мира. Еще прежде видимъ, что бояре тверскіе отъѣзжаютъ отъ Александра къ Московскому князю¹⁾. Сирь могъ окончатся только гибелью одного изъ соперниковъ, и Калита рѣшился предупредить врага; въ 1339 году онъ отправился съ двумя сыновьями въ Орду, и велѣлъ за этимъ Александръ получить приказъ явиться туда же; зовъ этотъ послѣдовалъ думою Калиты, говорить лѣтописи²⁾. Александръ уже зналъ, что кто оклеветаетъ его предъ ханомъ, который опять очень сердитъ на него, и потому отправилъ передъ собою сына Феодора, а за нимъ уже отправился самъ по повому зову изъ Орды. Феодоръ Александровичъ встрѣтилъ отца и объявилъ ему, что дѣла

¹⁾ Карамзинъ говоритъ при этомъ: «Вѣроятно, что Александръ, бывъ долгое время въ отчизнѣ, возвратился туда съ новыми любимицами, коимъ старыи вельможи завидовали». — Догадка эта очень основательная; это явленіе объясняется мѣстичествомъ: новые бояре Александровы заѣхали и старыи тверскіи.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 79; Никои. III, 164; Татищ. IV, 136; по Никои. и въ князѣ и клеветата; по Татищ. оклеветали его нѣмецкіе и литовскіе вельможи, которымъ Александръ не могъ исполнить прежнихъ обязательствъ. Но извѣстіе кажется на чѣхъ поддѣланнымъ объясненіемъ дѣла.

вдуть плохо; проживши мѣсяцъ въ Ордѣ, Александръ узналъ отъ Татаръ, пріятелей своихъ, что участь его рѣшена. Узбекъ опредѣлялъ ему смерть, назначили и день казни. Въ этотъ день, 29-го октября, Александръ всталъ рано, помолился, и, видя, что время проходить, послалъ къ ханшѣ за вѣстами, сѣлъ и самъ на коня и поѣхалъ по знакомымъ разузнавать о своей участи, но вездѣ былъ одинъ отвѣтъ, что она рѣшена, что онъ долженъ ждать въ этотъ самый день смерти; дома ждалъ его посланный отъ ханши съ тою же вѣстію. Александръ сталъ прощаться съ сыномъ и боярами, сдѣлалъ распоряженіе на счетъ княжества своего, исповѣдался, причастился; то же самое сдѣлали и сынъ его Феодоръ и бояре, потому что никто изъ нихъ не думалъ остаться въ живыхъ. Жѣлали послѣ того не долго: вошли отроки съ плачемъ и объявили о приближеніи убійцы; Александръ вышелъ самъ къ нимъ на-встрѣчу — и былъ рознять по составамъ выѣсть съ сыномъ. Калита еще прежде убѣжалъ изъ Орды съ великимъ пожалованіемъ и съ честію; сыновья его возвратились послѣ смерти Александровой, пріѣхали въ Москву съ великою радостію и веселіемъ, по словамъ лѣтописи. Тверской столъ перешелъ къ брату Александру, Константину Михайловичу, который называется собирателемъ и возстановителемъ Тверской волости послѣ татарскаго опустошенія ¹⁾.

Мы видѣли, что князья хорошо понимали, къ чему поведетъ усиленіе одного княжества на-счетъ другихъ при исчезновеніи родовыхъ отношеній, и потому старались препятствовать этому усиленію, составляя союзы противъ сильнѣйшаго. Что предугадывали они, то и случилось: Московскій князь, ставши сильнѣе и безъ соперника, спѣшилъ воспользоваться этою силою, чтобъ примыслить сколько можно больше къ своей собственности. Начало княженія Калиты было, по выраженію лѣтописца, началомъ насилія для другихъ княжествъ, гдѣ Московскій собственникъ распоряжался своевольно. Горькая участь постигла знаменитый Ростовъ Великій: три раза проигралъ онъ свое дѣло въ борьбѣ съ пригородами, и хотя послѣ перешелъ, какъ собственность, какъ опричнина, въ родъ старшаго изъ сыновей Всеволодовыхъ, однако не помогло ему это старшинство безъ силы; ни одинъ изъ Константиновичей ростовскихъ не держалъ стола великокняжескаго, ни одинъ слѣдовательно не могъ усилить свой наследственный Ростовъ богатыми примыслами, и скоро старшій изъ городовъ сѣверныхъ долженъ былъ испытать тяжкія насилія отъ младшаго изъ пригородовъ; отяглись отъ князей ростовскихъ власть и княженіе, имущество, честь и слава! говорить лѣтописецъ ²⁾. Присланъ былъ изъ Москвы въ Ростовъ отъ князя Ивана Даниловича, какъ воевода какой-нибудь, вельможа Василій Кочева, и другой съ нимъ Миша. Наложили они

великую нужду на городъ Ростовъ и на всѣхъ жителей его; не мало Ростовцевъ должны были передавать Москвичамъ имѣніе свое по нуждѣ, но, кромѣ того, принимали еще отъ нихъ раны и оковы; старшаго боярина ростовскаго, Аверкія, Москвичи стремглавъ повѣсили и, послѣ такого поруганія, чуть-жива отпустили. И не въ одномъ Ростовѣ это дѣлалось, но во всѣхъ волостяхъ и селахъ его, такъ что много людей разбѣжалось изъ Ростовскаго княжества въ другія страны. — Мы не знаемъ, по какому случаю, вслѣдствіе какихъ предшествовавшихъ обстоятельствъ позволилъ себѣ Калита такіе поступки въ Ростовскомъ княжествѣ; должно полагать, что Ростовскимъ княземъ въ это время былъ Василій Константиновичъ ³⁾. Со стороны угнѣсенныхъ князей не обошлось безъ сопротивленія; такъ Московскій князь встрѣтилъ врага въ зятѣ своемъ, Василіи Давыдовичѣ Ярославскомъ, внуцѣ Феодора Ростиславича-Чернаго; Василій, какъ видно, дѣйствовалъ заодно съ Александромъ Тверскимъ и помогалъ ему въ Ордѣ, ибо есть извѣстіе, что Калита посылалъ перехватить его на дорогѣ къ хану, но Ярославскій князь отбился отъ московскаго отряда, состоявшаго изъ 500 человекъ, достигъ Орды, благополучно возвратился оттуда и пережилъ Калиту. По смерти Александра и Тверь не избѣжала насилій московскихъ: Калита велѣлъ снять отъ Св. Спаса колоколъ и привезти въ Москву, — насиліе, очень чувствительное по тогдашнимъ понятіямъ о колоколѣ вообще, и особенно о колоколѣ главной дѣржавы въ городѣ. — Изъ другихъ князей упоминаются: князь Александръ Васильевичъ Суздальскій, помогавшій Калитѣ опустошать тверскія волости; Александръ умеръ въ 1332 году, его мѣсто занялъ братъ его, Константинъ Васильевичъ, участвовавшій въ походѣ подъ Смоленскъ. Стародубскій князь Феодоръ Ивановичъ былъ убитъ въ Ордѣ въ 1329 г. Мы видѣли, что Галичъ и Дмитровъ достались брату Александра Невскаго, Константину Ярославичу, у котораго упоминаются сыновья — Давыдъ, князь Галицкій и Дмитровскій, и Василій, послѣ котораго видимъ раздѣленіе волости, ибо подъ 1333 годомъ говорится о смерти князя Бориса Дмитровскаго, а подъ 1334 годомъ — о смерти Феодора Галицкаго. Упоминается князь Романчукъ Вѣлозерскій. Подъ 1338 годомъ упоминается князь Иванъ Ярославичъ Юрьевскій: это должно-быть потомокъ Святослава Всеволодовича. — Объ убіеніи князя Ивана Ярославича Рязанскаго въ лѣтописи упомянуто въ разсказѣ о походѣ Татаръ съ Калитой на Тверь; сынъ и пресмирикъ Ивана Ярославича, Иванъ Ивановичъ Коротополь, возвращаясь въ 1340 году изъ Орды, встрѣтилъ родственника своего, двоюроднаго брата Александра Михайловича Пронскаго, отправлявшагося туда же съ данью, или выходомъ, ограбилъ его, привелъ въ Переяславль-Рязанскій и тамъ велѣлъ убить. Явленіе это объясняется тѣмъ, что

¹⁾ Никоп. III, 167.

²⁾ Тамъ же, IV, 204.

³⁾ Хотя въ Никонов. лѣтоп. подъ 1310 годомъ упоминается опять въ живыхъ умершій Константинъ Боровичъ.

старшіе или сильнѣйшіе князья въ каждомъ княжествѣ, въ видахъ усиленія своего на-счетъ младшихъ, слабѣйшихъ, хотѣли одинъ знати Орду, т.-е. собирать дань и отвозить ее къ хану.—Въ Смоленскѣ княжилъ Иванъ Александровичъ; какъ видно, надѣясь на отдаленность своего княжества, онъ не хотѣлъ подчиняться хану и возить выходъ въ Орду, и потому Узбекъ въ 1340 году послалъ войско къ Смоленску, куда велѣлъ также идти и всѣмъ князьямъ русскимъ—Рязанскому, Суздальскому, Ростовскому, Юрьевскому, Друцкому, Омиинскому и мордовскимъ князьямъ. Московскій великій князь самъ не пошелъ, но отправилъ свое войско подъ начальствомъ двоихъ воеводъ—Александра Ивановича и Федора Акипоновича. Эта рать пожгла посады смоленскіе, пограбила села и волости, нѣсколько дней постояла подъ Смоленскомъ и пошла назадъ; Татары пошли въ Орду съ большимъ поилономъ и богатствомъ, а русскіе князья возвратились домой здоровы и цѣлы.

Новгородцы, освобожденные Московскимъ княземъ отъ насилій Тверскаго, не могли доброжелательствовать наследникамъ Михайловымъ; они признали своимъ княземъ Дмитрія, потомъ Александра Михайловича¹⁾, когда онъ возвратился съ ярлыкомъ изъ Орды; но не приняли къ себѣ Александра послѣ убійства Шевкалова, взяли на мѣстниковъ Московскаго князя и стояли за послѣдняго противъ Александра и Псковичей. Но Калита скоро показалъ Новгородцамъ, что переимѣнилось только имя, и что значеніе Твери относительно Новгорода перешло къ Москвѣ. Что же теперь спасетъ Новгородъ?—отъ Твери спасла его Москва, отъ Москвы долженъ спасти его какой-нибудь другой городъ, Москвѣ враждебный: слѣдовательно Новгородцы должны искать враговъ московскимъ князьямъ, пользоваться ссорами въ семействѣ послѣднихъ; но когда эти ссоры прекратятся, когда уже не будетъ другихъ князей, кромѣ Московскаго, то что тогда останется Новгородцамъ? Остается или отказаться отъ своего стараго быта, приравняться къ Москвѣ, или искать соперника Московскому князю въ Литвѣ. Но московскимъ князьямъ нужны были еще прежде всего деньги, чтобы, съ одной стороны, задаривать хана, съ другой—накупать какъ можно больше сель и городовъ въ другихъ княжествахъ; вотъ почему Новгородцы могъ еще на нѣсколько времени сохранить свой прежній бытъ, удовлетворяя денежнымъ требованіямъ великихъ князей, усиливая послѣднихъ на свой счетъ. Въ 1332 году Калита запросилъ у Новгородцевъ серебра закамскаго, старинной дани печерской, а за отказъ взялъ Торжокъ, Вѣжецкій Верхъ, а въ слѣдующемъ году пришелъ въ Торжокъ со всѣми князьями низовскими и рязанскими, и началъ опустошать новгородскія волости. Новгородцы отправили пословъ звать великаго князя въ Новгородъ, но онъ ихъ не послу-

шалъ и, не давши мира, поѣхалъ прочь. Новгородцы отправили за нимъ новыхъ пословъ, съ владыкою Василиемъ, которые нашли Калиту въ Переславлѣ; давали ему пять сотъ рублей, только бы отступился отъ слободы, которую построить на новгородской землѣ; много упрашивая его владыка, чтобы помирился,—но онъ не послушался его Любопытнo, что, тотчасъ по возвращеніи изъ своего неуспѣшнаго посольства къ Калитѣ, владыка Василій отправился въ Псковъ, гдѣ уже новгородскіе архіепископы не бывали семь лѣтъ; въ Псковѣ княжилъ въ это время вратъ Московскаго князя, Александръ Тверской, у котораго владыка Василій окрестилъ сына Михаила; можно думать, что все это происходило вѣдѣтвiе разномыслия Новгорода съ Калитою. Александръ и Псковичи находились въ тѣсной связи съ Литвою, и вотъ, подъ тѣмъ же 1333 годомъ, Новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что вложилъ Богъ въ сердце князю Нариманту—Глѣбу, сыну великаго князя Литовскаго Гедимина, прислать въ Новгородъ съ просьбою позволить ему поклониться Св. Софіи. Новгородцы послали звать его, и онъ немедленно пріѣхалъ, принявъ былъ съ честью, цѣловалъ крестъ ко всему Новгороду, и получилъ пригороды—Ладогу, Орѣшекъ, Корельскій городокъ съ Корельскою Землею и половину Копорья въ отчину и дѣдину. По другимъ извѣстіямъ, Новгородцы еще прежде уговорились объ этомъ съ Наримантомъ²⁾. Какъ бы то ни было, уговоръ этотъ былъ исполненъ тогда, когда Новгороду сталъ нуженъ союзъ Литвы противъ Московскаго князя. На слѣдующій годъ Калита принялъ съ любовію пословъ новгородскихъ и самъ ѣздилъ въ Новгородъ; неизвѣстно, что было причиною такой перемены: Новгородцы ли уступили всѣмъ требованіямъ Калиты, или послѣдній смягчилъ свои требованія, опасаясь связи Новгородцевъ съ Литвою и Александромъ Псковскимъ. Можно думать также, что миръ заключенъ былъ не безъ участія митрополита, у котораго передъ тѣмъ былъ владыка Василій. Въ краткихъ извѣстіяхъ лѣтописи причины явленій не показаны; но по всему видно, что Калита не могъ долго сносить пребыванія Александра Тверскаго въ Псковѣ. Въ 1335 году Калита собрался съ Новгородцами и со всею Низовскою Землею идти на Псковъ, но почему походъ былъ отложенъ, хотя Псковичамъ и не дали мира; намѣреніе, слѣдовательно, воевать съ ними не было оставлено, и Московскій князь продолжалъ ласкать Новгородцевъ; въ томъ же году онъ позвалъ къ себѣ въ Москву на честь владыку, посадника, тысяцкаго, знатнѣйшихъ бояръ, и они, говоритъ лѣтописецъ, бывши въ Москвѣ, много чести видѣли. Но въ тотъ самый 1337 годъ, когда Александръ Тверской отправился изъ Пскова въ Орду и помирился съ ханомъ, Калита, вдругъ, забывши крестное цѣлованіе, послалъ рать свою на

¹⁾ Собр. Гос. гр. и дог. I, № 15.

²⁾ Нпкон. III, 160: «что ему (Нариманту) рекли въ Литвѣ идуще къ Овектисту митрополиту и слово праведали».

Двину за Волокъ, ибо заволочкія владѣнія и доходы Новгородцевъ всего больше должны были соблазнять Московскаго князя; но предпріятіе не удалось: московскія войска были поражены и поражены, какъ выражается лѣтописецъ; имѣли ли какую-нибудь связь эти два событія—поѣздка Александра въ Орду и разрывъ Калиты съ Новгородомъ—не извѣстно. Новгородцы могли надѣяться, что возстановленіе Александра на отцовскомъ столѣ и новая борьба его съ Калитою помѣшаютъ послѣднему тѣснить ихъ; но Московскій князь не теряя времени, и Александръ погибъ въ Ордѣ. Новгородцы отправили къ великому князю пословъ съ выходомъ; но Калита послалъ къ нимъ своихъ просить другого выхода: „Дайте мнѣ еще царевъ запросъ, чего у меня царь запросилъ“. Новгородцы отвѣчали: „Этого у насъ не бывало отъ начала міра, а ты цѣловалъ крестъ по старой пошлениѣ новгородской и по Ярославовымъ грамотамъ“. Калита велѣлъ своимъ намѣстникамъ выхъать изъ Новгорода,—и не было ему съ нимъ мира.

Прежде, когда было много князей-соперниковъ, перемирявшихся охотно волости свои, Новгородъ рѣдко оставался долгое время безъ князя; на смѣну одного сѣдшилъ другой; но теперь, когда князья усялись неподвижно, каждый въ своей наследственной волости, то въ Новгородѣ вмѣсто князя видимъ уже бояръ—намѣстниковъ великокняжескихъ, которые выѣзжаютъ при первой размовкѣ Новгородцевъ съ великимъ княземъ, и Новгородъ предоставляется самому себѣ. Вслѣдствіе этого новаго порядка вещей, стороны, партіи княжескія должны были исчезнуть: какія могли быть княжескія партіи въ Новгородѣ во время Калиты, когда Новгородъ могъ имѣть дѣло только съ однимъ великимъ княземъ, который разъ, много два пріѣдетъ въ Новгородъ на самое короткое время? Тверской партія не могло быть, потому что ни Михаилъ, ни сынъ его не жили въ Новгородѣ, не могло быть и влѣдствіе постоянно враждебныхъ отношеній; великимъ князьямъ и не нужно теперь имѣть въ Новгородѣ приверженную къ себѣ сторону; ихъ дѣло рано или поздно уничтожитъ самостоятельность Новгорода, а пока имъ нужно брать съ него какъ можно больше денегъ; они знаютъ, что Новгородъ будетъ ихъ, если они будутъ сильны, сильнѣе всѣхъ другихъ, но измѣнчивое расположеніе Новгородцевъ не дастъ имъ этой силы. Любопытно, что съ описываемаго времени лѣтописецъ Новгородскій становится видимо равнодушенъ къ смѣнѣ посадниковъ, начинаетъ часто пропускать ихъ; мы уже прежде упоминали объ этихъ пропускахъ. Подъ 1315 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о врученіи посадничества Семену Климовичу и послѣ того до самаго 1331 года нѣтъ ни слова о посадникахъ въ лѣтописи; въ этомъ году встрѣчаемъ извѣстіе о посадникѣ Варооломѣѣ; но подъ слѣдующимъ 1332 годомъ говорится, что вѣтали крамольники, отняли посадничество у Федора Ахмыла и дали Захару Михайловичу, причѣмъ пограбили дворъ Се-

мена Судокова, а у брата его, Ксенофонта, села пограбили; но Захаръ не долго былъ посадникомъ: въ томъ же году онъ былъ сверженъ, а на его мѣсто избранъ Матвѣй. Подъ 1335 годомъ упоминается новый посадникъ Федоръ Даниловичъ, неизвѣстно когда и на чье мѣсто избранный. Прежде еще, подъ 1327 годомъ, лѣтописецъ упоминаетъ о мятежѣ, во время котораго народъ пограбилъ и пожегъ дворъ Евстаѳія Дворянина; потомъ, подъ 1335 годомъ, встрѣчаемъ извѣстіе объ усобицѣ, во время которой едва не дошло до кровопролитія: по обѣимъ сторонамъ Волхова граждане стояли съ оружіемъ, но потомъ сошлись въ любовь. Что касается до принятаго на кормленіе Литовскаго князя Нариманта, то Новгородцы съ самаго начала увидели ненадежность этихъ союзовъ съ Литвою: въ 1338 году, когда Новгородцы вели войну со Шведами, Наримантъ былъ въ Литвѣ; Новгородцы много разъ посылали за нимъ, но онъ не пріѣхалъ, даже и сына своего Александра вывелъ изъ Орѣшка, оставилъ только своихъ намѣстниковъ.

По извѣстіямъ Новгородской лѣтописи, Псковичи, взявши къ себѣ въ князья Александра Тверскаго, признали въ то же самое время зависимость свою отъ Литвы: естественно, Псковъ долженъ былъ употребить это средство, чтобъ защитить себя въ случаѣ новаго движенія сѣверо-восточныхъ русскихъ князей, по настоянію Калиты и по приказу ханскому. Имѣя особаго князя, Псковичи хотѣли получить полную независимость отъ Новгорода, хотѣли имѣть и особаго епископа. Въ 1331 году новозбранный Новгородскій владыка Василій отправился для посвященія своего на Вольны, гдѣ находилась тогда митрополитъ Феогность. Но въ то же время къ митрополиту явились послы изъ Пскова, отъ князя Александра, вмѣстѣ съ послами отъ Гедимина и всѣхъ другихъ князей литовскихъ; они привели съ собою монаха Арсенія, прося митрополита, чтобъ поставилъ его владыкою во Псковъ; но Феогность отказалъ имъ въ просьбѣ. Новгородскій лѣтописецъ говоритъ при этомъ: „Псковичи хотѣли поставить себѣ Арсенія на владычество, но осрамились, пошли прочь ни съ чѣмъ отъ митрополита изъ Вольнской Земли; они Новгородъ считали за ничто уже; вознеслись высокоуміемъ своимъ, но Богъ и Св. Софія низлагаютъ всегда высокомыслящихъ, потому что Псковичи измѣнили крестному цѣлованію къ Новгороду, посадили къ себѣ князя Александра изъ литовской руки“. Мы видѣли, что въ 1333 году было сближеніе Новгорода со Псковомъ и его княземъ, влѣдствіе разрыва Новгородцевъ съ княземъ Московскимъ; но потомъ, когда, въ 1335 году, Новгородцы помирились съ Калитою, то снова началась вражда со Псковомъ; въ 1337 году, владыка Василій поѣхалъ во Псковъ для своихъ святительскихъ дѣлъ, на подѣздѣ, какъ тогда выражались; но Псковичи суда ему не дали, и онъ поѣхалъ прочь, проклявши ихъ.

Еще въ 1316 и 1326 году источники запад-

ные упоминаютъ о враждебныхъ столкновеніяхъ Новгородцевъ съ Норвегіею; въ 1326 г. заключенъ былъ миръ между ними на 10 лѣтъ. Въ 1337 г. у Новгородцевъ началась война со Шведами, опять по поводу Корель, которые подвели Шведовъ, побили новгородскихъ и ладожскихъ купцовъ и всѣхъ христіанъ, находившихся въ ихъ землѣ, а сами убѣжали въ Выборгъ и, выходя оттуда, били Новгородцевъ. Въ слѣдующемъ году Новгородцы съ посадникомъ Федоромъ Даниловичемъ отправились въ Неву и стояли подъ Орѣшникомъ, пересылаясь съ шведскимъ воеводою Стеномъ; но переговоры кончились ничѣмъ; Новгородцы возвратились домой, а Шведы съ Корелею много воевали по Обо-нежью, а потомъ сожгли посадъ у Ладоги. Мститъ имъ за это ходили м о л о д ц ы новгородскіе съ воеводами: они повоевали Шведскую Корелу около Выборга, сильно опустошили землю, хлѣбъ пожгли, скотъ изрубилъ и пришли домой всѣ здоровы съ полономъ. По ихъ удаленіи, Шведы вышли изъ Выборга, воевали Толдогу¹⁾, и оттуда пошли на Вотскую Землю, но здѣсь ничего не взяли, потому что жители поостереглись; Копорьяне напали на нихъ въ небольшомъ числѣ и разбили. Послѣ этого пришли послы въ Новгородъ изъ Выборга, отъ воеводы Петрика, и объявили, что Шведскій князь ничего не знаетъ о войнѣ, началъ ее своевольно Стенъ-воевода. Новгородцы отправили въ Выборгъ своихъ пословъ, которые и заключили миръ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ помирился князь Юрій Даниловичъ на Невѣ; относительно же Кобылитской Корелы положено было послать къ Шведскому князю. Въ слѣдующемъ 1339 г. Новгородцы отправили двоихъ пословъ, да еще третьяго отъ владыки, за море, къ Шведскому князю, и заключили съ нимъ миръ по старымъ грамотамъ; о Корелѣ же сказали такъ: „Если наши побѣгутъ къ вамъ, то сѣките ихъ и вѣшайте; если и ваши побѣгутъ къ намъ, то и мы съ ними дѣлать будемъ то же самое, чтобъ изъ-за нихъ ссоры между нами не было; которые же прежде были за нами, тѣхъ не выдадимъ, потому что они покрещены въ нашу вѣру, да и мало ихъ осталось, всѣ померли гнѣвомъ Вожиимъ“. На западѣ волновались Корелы, на сѣверо-востокѣ, въ Двинской области—финскія племена также не хотѣли быть спокойны: подъ 1329 годомъ опять встрѣчаемъ извѣстіе, что Новгородцы, шедшіе въ Югру, были перебиты устюжскими князьями.—Въ 1326 году пріѣхали въ Новгородъ послы изъ Литвы: братъ Гедимина Воитъ, князь Полоцкій, Василій—князь Минскій и князь Федоръ Святославичъ; они заключили миръ съ Новгородцами и Нѣмцами. Но въ 1335 году, несмотря на этотъ миръ и несмотря на то, что Литовскій князь Наримантъ кормился на пригородахъ новгородскихъ, Литва повоевала Новгородскую во-

лость; великій князь былъ въ это время въ Торжкѣ и немедленно послалъ свое войско въ Литву; оно пожгло городки литовскіе—Осѣчень²⁾, Рясну и много другихъ.

Подъ 1329 годомъ лѣтопись упоминаетъ объ убійствѣ въ Дерптѣ новгородскаго посла, мужа честнаго, Ивана Сына, но о слѣдствіяхъ этого убійства не говоритъ ничего. И въ Исковской лѣтописи съ 1323 до 1341 года года мы не встрѣчаемъ извѣстій о войнѣ съ Орденомъ Ливонскимъ. Причина была та, что уже давно, еще съ конца XIII вѣка въ Ливоніи происходили усобицы. Мы видѣли, что главнымъ дѣятелемъ при утвержденіи нѣмецкаго владычества въ Ливоніи былъ епископъ Рижскій, по старанію котораго былъ учрежденъ рыцарскій Орденъ, необходимо становившійся въ служебное отношеніе къ Рижской церкви. По миръ не могъ долго сохраниться между двумя учрежденіями, изъ которыхъ у одного были матеріальныя средства, право силы, меча, у другого же—одно права историческія и духовныя; первое не могло долго подчиняться послѣднему; но епископы также не хотѣли уступить магистрамъ Ордена своего первенствующаго положенія,—и слѣдствіемъ этого была усобица. Особенно разгорѣлась она при магистрѣ Вруно и архіепископѣ Іоаннѣ фонъ-дѣр-Фехте, причѣмъ, не имѣя достаточно собственныхъ матеріальныхъ средствъ для борьбы съ рыцарями, епископъ и Рижане призвали себѣ на помощь Литовцевъ-язычниковъ! Началась ожесточенная война; въ теченіи 18 мѣсяцевъ дано было девять битвъ, большую часть которыхъ выиграли рыцари; но въ 1298 году Литовскій князь Витинесъ вторгнулся въ Ливонію, встрѣтился съ войскомъ рыцарей на рѣкѣ Аа и нанесъ имъ страшное пораженіе: магистръ Вруно, 60 рыцарей и множество простаго войска полегли въ битвѣ; ободренные побѣдою, войска рижскія и Литовцы осадили орденскую крѣпость Неумюль, но потерпѣли подъ нею пораженіе отъ Тевтонскихъ рыцарей, пришедшихъ на помощь своимъ ливонскимъ собратіямъ. Не видя возможности одолѣть Орденъ матеріальными средствами, епископы ливонскіе прибѣгли къ другимъ: въ это время, т. е. въ началѣ XIV вѣка, вниманіе западной Европы обращено было на страшный процессъ Храмныхъ рыцарей; великій магистръ ихъ уже былъ въ оковахъ вмѣстѣ съ братіями, находившимися во Франціи, и непамясть Филиппа Красиваго грозила печальнымъ окончаніемъ процесса. Это подало надежду ливонскимъ епископамъ, что подобная же участь можетъ постигнуть и Нѣмецкій Орденъ въ Пруссіи и Ливоніи. Въ 1308 году они подали напѣ обвинительный лѣтъ, въ которомъ приписывали Ордену неуспѣхъ въ обращеніи Литовцевъ, обвиняли рыцарей въ истребленіи жителей Семгалии, когда тѣ были уже христіанами, и проч.; нашлось обвиненіе и въ родѣ тѣхъ, которыя тяготѣли надъ

¹⁾ Толдожскій погостъ между Ямою и Копорьемъ, въ 160 верстахъ отъ Новгорода. Арциб. II, прилѣч. 652.—О договорѣ съ Норвежцами см. Бушинговъ Магазинъ, III, 177. Караязъ. IV, прил. 310, 311.

²⁾ Рясно, или Рясна, мѣстечко Могилевской губерніи, Чаусскаго уѣзда. Осѣчень находимъ подлѣ Рясны. Арциб. II, прил. 642.

несчастными Тамплиерами: епископы доносили, что когда рыцарь получалъ рану въ битвѣ, то остальные товарищи добивали его и сожигали тѣло по обычаю язычниковъ. Папа Климентъ V нарядилъ комисію на мѣстѣ для изслѣдованія справедливости жалобы; дѣло кончилось ничѣмъ; епископы не удовлетворились такимъ окончаніемъ его, и когда король Польскій завелъ споръ съ Орденомъ о Землѣ Поморской, когда архіепископъ Гибзенскій, епископы Куявскій, Плоцкій и Познанскій встали противъ Ордена, то архіепископъ Рижскій соединился съ ними въ надеждѣ, что такое сильное возстаніе достигнетъ наконецъ своей цѣли — низложенія Ордена. Всего больше архіепископъ и Рижане настаивали на томъ, что князья литовскіе и народъ ихъ давно были бы христианами и католиками, еслибы не препятствовали тому рыцари, — обвиненіе, илѣвнее на своей сторонѣ вѣроятность: еслибы въ самомъ дѣлѣ Литва приняла христианство, то Орденъ, котораго цѣлю было обращеніе язычниковъ, тѣмъ самымъ долженъ былъ прекратить свое существованіе. Несмотря однако на всѣ старанія епископовъ, великій магистръ фонъ-Веффартъ выигралъ въ Авиньонѣ дѣло въ пользу Ордена, который былъ оправданъ во всѣхъ взводимыхъ на него обвиненіяхъ: самымъ лучшимъ доказательствомъ въ пользу Ордена послужило представленное Веффартомъ напѣ оригинальное письмо архіепископа и Рижанъ къ Литовскому князю съ просьбою напастъ на владѣнія Ордена. Но дѣло, рѣшенное въ Авиньонѣ, далеко было до окончанія своего въ Ливоніи, потому что, при такой долгой борьбѣ за самые существенные интересы, ненависть съ обѣихъ сторонъ достигла вышней степеніи и не могла скоро погаснуть. Обманувшись въ надеждѣ повредить Ордену процессомъ у папы, Рижане обратились опять къ прежнему средству и вошли въ сношенія съ литовскими язычниками противъ рыцарей. Тогда магистръ ливонскій Эбергартъ фонъ-Монгеймъ рѣшился покончить дѣло оружіемъ и, собравши большое войско, осадилъ Ригу. Около года длилась осада; но наконецъ Рижане, терпя сильный голодъ, запросили мира, и получили его на тяжелыхъ условіяхъ: лучшие граждане должны были явиться въ станъ рыцарей и у ногъ магистра положить всѣ свои привилегіи. Потомъ, велѣвши засыпать часть городскихъ рововъ и понизить валы, магистръ заложилъ новую крѣпость, которая должна была сдерживать безпокойное народонаселеніе.

Съ тѣхъ поръ, говоритъ лѣтописецъ, какъ Московскій князь Іоаннъ Даниловичъ сталъ великимъ княземъ, наступила тишина великая по всей Русской Землѣ и перестали Татары восвать се ¹⁾. Таково было непосредственное слѣдствіе усиленія одного княжества Московскаго насчетъ всѣхъ другихъ; въ одномъ древнемъ памятникѣ дѣятельность Калиты обозначена тѣмъ, что онъ избавилъ Русскую Землю отъ воровъ (татей ²⁾), — видно, что

предки наши представляли себѣ Калиту установителемъ тишины, безопасности, внутренняго наряда, который до тѣхъ поръ постоянно былъ нарушаемъ сперва родовыми усобицами княжескими, потомъ усобицами князей или, лучше сказать, отдѣльныхъ княжествъ для усиленія себя насчетъ всѣхъ другихъ, что вело къ единовластію. Борьба эта для усиленія себя насчетъ другихъ, съ презрѣніемъ родовой связи и счетовъ, началась давно: Михаилъ Хоробритъ Московскій, Ярославъ Тверской, Василій Костромской, Андрей Городецкій — показали ясно новый характеръ борьбы; борьба Твери съ Москвою была послѣднею сильною, ожесточенною, кровавою борьбою двухъ княжествъ, стремившихся къ окончательному усиленію. Для Москвы средства къ этой борьбѣ были приготовлены еще при Данилѣ; началъ борьбу и неутомимо продолжалъ Юрій Даниловичъ. Калита умѣлъ воспользоваться обстоятельствами, окончить борьбу съ полнымъ торжествомъ для своего княжества, и далъ современникамъ почувствовать первыя добрыя слѣдствія этого торжества; далъ имъ предвкусить выгоды единовластія, почему и перешелъ въ потомство съ именемъ перваго собирателя Русской Земли ³⁾.

Калита умеръ 31 марта 1341 года, не успѣвъ окончить дѣлъ своихъ съ Новгородомъ. До насъ дошли двѣ его духовныя грамоты ⁴⁾; между тремя сыновьями и женою подѣлилъ онъ свое движимое и недвижимое имѣніе: старшему, Ссамену, отдало 26 городовъ и селеній, въ числѣ которыхъ примыслы Юрія Даниловича — Можайскъ и Колозна; второму сыну, Ивану, 23 города и селенія, изъ нихъ главные Звенигородъ и Руза; третьему, Андрею, — 21 городъ и селеніе, изъ нихъ извѣстнѣе Серпуховъ; княгинѣ съ меньшими дѣтьми — опять 26. Такимъ образомъ, величина удѣловъ слѣдуетъ старшинству: самый старшій и матеріально сильнѣе, притомъ города его значительнѣе, наиримѣръ Можайскъ былъ особымъ княжествомъ; старшему же должно было получить и великокняжескую область Владимірскую съ Переяславлемъ ⁵⁾.

Въ то самое время какъ на сѣверо-востокѣ Русская Земля собиралась около Москвы, такое же собираніе русскихъ восточей въ одно цѣлое произошло и на юго-западѣ. Давно уже можно было ожи-

³⁾ Калитой онъ называлъ потому, что носилъ мѣшокъ (калиту) съ деньгами, которая раздавалъ нищимъ.

⁴⁾ Собр. Гос. гр. и дог. т. I, № 21 и 22.

⁵⁾ Калита купилъ Угличъ, Вѣлоозеро и Галичь, но ни въ духовной самого Іоанна, ни въ духовныхъ онойной его эти прикупы не упоминаются, и только уже Дмитрій Донской говоритъ о нихъ, какъ о куплѣ дѣда своего. — Бараяшиъ (IV, гл. IX) дѣлаетъ предположеніе, что эти прикупы принадлежали не къ Москвѣ, но къ великому князю Владимірскому. Но какъ могъ Калита прикупить къ великому князю, которое вовсе не принадлежало въ собственность его роду, и по смерти его могло перейти къ князю Тверскому или Нижегородскому? Это значило бы обогащать другихъ князей на свой счетъ. Дѣло объясняется тѣмъ, что Калита купилъ эти города у князей, но оставилъ еще имъ цѣлостныя права владѣтельныхъ, подчиненныхъ однако князю Московскому, а при Дмитріи Донскомъ они были лишены этихъ правъ.

¹⁾ Никои. III, 141.

²⁾ Опис. Румянц. Музея, № ССCLVIII.

дать, что дѣло собранія старой, Юго-Западной Руси предназначено князьямъ галицко-волинскимъ, потомкамъ Романа Великаго. Случайныя обстоятельства были въ пользу этихъ князей, въ пользу скораго собранія Юго-Западной Руси: въ старшемъ сынѣ Романовомъ съ блестящею храбростію соединялся ясный смыслъ, государственное пониманіе; отношенія его къ брату Васильку Волинскому представляють образецъ братской любви и согласія. Волости не дробятся, ибо сынъ Васильку, Владиміръ, умирая бездѣтнымъ, отказываетъ Волинь сыну Данилову Мстиславу; мало того, — при сынѣ Льва, Юріи, видимъ соединеніе Галича и Волини подъ одну власть; при внука этого Юрія, Юрія II-мъ, видимъ также соединеніе обѣихъ волостей, потому что этотъ князь пишетъ свои грамоты то во Львовѣ, то во Владимірѣ. Несмотря на всѣ эти благоприятныя обстоятельства, Юго-Западная Русь не собралась въ одно государство подъ знаменемъ своихъ родныхъ князей изъ племени Романа Великаго; мы не знаемъ никакихъ подробностей о княженіи внуковъ Даниловыхъ, мы знаемъ только имена ихъ и титулы, какъ они сохранились въ грамотахъ ихъ къ Нѣмецкому Ордену: читася въ этихъ грамотахъ имя Юрія, который называетъ себя королемъ Русскимъ и княземъ Владимірскимъ; въ другой грамотѣ находимъ имена сыновей его, Андрея и Льва; наконецъ есть позднѣйшія грамоты отъ Андрея сына Юрія, князя всей Малой Россіи ⁴⁾. Эти грамоты важны для насъ еще въ другомъ отношеніи; онѣ показываютъ, что въ Галичѣ и на Волини бояре и дружина сохранили по-прежнему свое важное значеніе, ибо грамоты написаны не отъ имени одного князя, но также отъ имени знатнѣйшихъ боярь и дружины вообще⁵⁾; въ числѣ бароновъ (боярь) упоминается и епископъ Галицкій; послѣдняя грамота Юрія II-го относится къ 1335 году. Но въ то время, какъ Юго-Западная Русь не воспользовалась благоприятными обстоятельствами и закоисила въ старинѣ своей, соединія государства, Литовское и Польское, успѣли усилиться внутри единовластіемъ и приобрѣли такимъ образомъ возможность дѣйствовать наступательно на Русь. Мы видѣли, что по смерти Мицдовговой, предложенное соединеніе Руси съ Литвою не состоялось: Литовцы, послѣ убіенія Воишелькова, выбрали себѣ князя изъ своего народа. При этомъ князь и его преемникахъ продолжалось и кончилось начатое еще прежде утвержденіе литовскаго господства въ русскихъ княжествахъ — Полоцкомъ, Туровскомъ и отчасти Волинскомъ. Въ 1315 г., послѣдовала перемѣна въ династіи князей литовскихъ, произведенная знаменитымъ Гедиминомъ. Примѣромъ сильныхъ противорѣчій, которыми наполнены источники Литовской и Малороссійской исторіи, служатъ извѣстія о происхожденіи Гедимины: одни ⁶⁾ говорятъ, что Гедиминъ былъ

конюшимъ великаго князя Витенеса, въ заговорѣ съ молодою женою послѣдняго убилъ своего государя и овладѣлъ его престоломъ; другіе утверждаютъ ⁴⁾, что Гедиминъ былъ сынъ Витенеса и получилъ престолъ литовскій по смерти отца, пораженного громомъ; наконецъ есть извѣстіе, что Гедиминъ былъ братъ Витенеса ⁵⁾.

Въ самомъ началѣ княженія Гедимины уже упоминается о столкновеніяхъ его съ князьями русскими, галицкими и волинскими; можемъ принять извѣстіе, что эти князья хотѣли, сообщая съ Нѣмецкимъ Орденомъ, сдержатъ опасныя стремленія Литовскаго владѣльца и первые начали противъ него наступательное движеніе. Но за вѣрность дальнѣйшихъ извѣстій о ходѣ борьбы историкъ ручается уже не можетъ; по однимъ свидѣтельствамъ, въ 1320 году Гедиминъ предпринялъ походъ на Владимір-Волинскій, гдѣ княжилъ Владиміръ Владиміровичъ, подъ предводительствомъ котораго граждане оказали упорное сопротивленіе; наконецъ князь Владиміръ палъ, и стольный городъ его отворилъ ворота побѣдителю, причемъ въ войскѣ Гедиминовомъ Литва занимала незначительную часть, большинство же состояло изъ Русскихъ — Полочанъ, жителей Новгородка, Гродна ⁶⁾. Такимъ образомъ, по однимъ извѣстіямъ Владимірскаго княжества завоевано Гедиминомъ: но по другимъ ⁷⁾ — Владиміръ, Луцкъ и вся Земля Волинская достались Любару, сыну Гедиминову, котораго послѣдній князь этой страны, не имѣя сыновей, принялъ къ дочери. Здѣсь сказано, что Луцкъ, вмѣстѣ съ Владиміромъ, взятъ былъ Любаромъ въ приданое за женою; а по другимъ извѣстіямъ, въ Луцкѣ княжилъ особый князь, Левъ Юрьевичъ, который, испугавшись участи князя Владимірскаго, бросилъ свой стольный городъ и убѣжалъ въ Брянскъ, гдѣ у него были родственники; Луцкъ поддался Гедиминову, и бояре, собранные со всей Волини, признали его своимъ княземъ, удержавъ прежніе права, обычаи, вѣру. На слѣдующій 1321 годъ ⁸⁾ Гедиминъ двинулся къ Киеву, которымъ владѣлъ какой-то князь Станиславъ; на помощь къ нему пришелъ Олегъ, князь Переяславскій, Святославъ и Василій, князя брянскіе, и

⁴⁾ Хроника Выховца, Стрыйковскій.

⁵⁾ Такъ какъ выгодно было намѣнить послѣ первое преданіе въ пользу Гедимины и его сильнаго потомства, то мы соглашаемся вѣрнѣе этому первому преданію. Нарбутъ (Dzieje państwa Litew. t. IV, p. 455) старается подтверждать второе преданіе или мнѣніе писемъ Гедимины къ папѣ Іоанну XXII: «Ista enim, pater reverende, vobis scripsimus, ut sciatis, quare progenitores nostri in errore infidelitatis et incredulitatis decesserunt». — Нарбутъ находитъ здѣсь доказательство, что Гедиминъ происходитъ отъ Витенеса; но можно понимать progenitores nostri такъ, что Гедиминъ, отъ лица всѣхъ Литовцевъ, говоритъ о своихъ отцахъ. И въ этомъ же числѣ находимъ ясное доказательство противнаго: Гедиминъ называетъ Витенеса только предшественникомъ своихъ (praecessor), а не отцомъ.

⁶⁾ Narbut IV, p. 486; Густин. лѣтоп., стр. 348.

⁷⁾ Лѣтописецъ Даниловича, стр. 27.

⁸⁾ Но мы видѣли, что во Владимірѣ еще въ 1335 г. былъ особый князь Юрій Андреевичъ.

¹⁾ Карамз. IV, прим. 268, 276.

²⁾ Cum nostris Baronibus, nec non commilitaribus, или nosа cum dilectis et fidelibus, nostris Baronibus militibusque.

³⁾ Annales Olivienses, Dlugosz, Michovita, Bielski, Kromer.

вѣстѣ съ ними, бѣжавшій изъ Волыни князь Левъ. Надъ рѣкою Ирпенею сошлись непріятели — и Гедиминъ побѣдилъ; князя Олега и Левъ были убиты, Станиславъ убѣжалъ въ Бряньскъ съ тамошними князьями; Вѣлгородъ сдался побѣдителю, но Кіевъ выдержалъ двухмѣсячную осаду; наконецъ граждане, не видя ни откуды помощи, собрались на вѣче и рѣшили поддаться Литовскому князю, который съ триумфомъ вѣхалъ въ Золотыя ворота. Другіе города русскіе послѣдовали примѣру Кіева; Гедиминъ оставилъ вездѣ старый порядокъ, только по-сказалъ своихъ намѣстниковъ и гарнизоны по городамъ. Намѣстникомъ въ Кіевѣ былъ назначенъ Лидонгъ, князь Гольшанскій. Повгородская лѣтопись подъ 1331 годомъ упоминаетъ о Кіевскомъ князѣ Олдорѣ, который, вмѣстѣ съ татарскимъ баскакомъ, гнался, какъ разбойникъ, за Новгородскимъ владыкою Василиемъ,шедшимъ отъ митрополита изъ Волыни: Повгородцы, провожавшіе владыку, остереглись — и Олдоръ не посмѣлъ напасть на нихъ ⁴⁾.

Какъ бы то ни было, переворотъ, произведенный на сѣверѣ своими князьями, потомками Св. Владимира, былъ произведенъ на югѣ княземъ Литовскимъ, который, тѣмъ или другимъ способомъ, собралъ Русскую Землю подъ одну власть. Гедиминъ умеръ въ 1339 году, оставивъ семерыхъ сыновей: Мовиѣга, князя Корачевского и Слонимскаго, который скоро послѣдовалъ за отцомъ въ могилу; Нариманта-Глѣба, князя Туровскаго и Пинскаго, котораго мы видѣли въ Новгородѣ; отъ второй жены Ольги, Русской родомъ, Гедиминъ оставилъ Олгерда, который, женившись на дочери князя Витебскаго, получилъ это княжество за женою въ приданое; кромѣ Олгерда, отъ Ольги Гедиминъ имѣлъ другого сына, Кейстута, князя Троцкаго. Отъ третьей жены, Еввы, также княжны Русской, онъ оставилъ Любарта-Владимира, князя Волынскаго; Коріата-Миндла, князя Новгородскаго, наконецъ Евутиа, князя Виленскаго. Послѣдній, несмотря на то, что былъ младшій, получалъ однако столичный городъ отцовскій, быть можетъ, по стараніямъ матери своей;

⁴⁾ Карамзинъ считаетъ этого Олдора княземъ Россійскимъ; но для этого нѣтъ никакого основанія. Стадницкій (Synowie Gedymina, II, 25) старается такъ представить дѣло: «Гедиминъ началъ войну съ двумя князьями, господствовавшими на Руси Червоной и на Волыни. Завлапши Вресь и Пинскую область, двинулся дальше въ глубь Волыни и поразилъ обоихъ князей, причемъ старшій Андрей (Владиміръ лѣтописецъ) лишился жизни. По побѣда не была такъ рѣшительна, какъ ее представляеть лѣтописецъ: это видно уже изъ того, что Гедиминъ не занялъ Руси Червоной. Умершій Андрей имѣлъ сына Юрія, съ которымъ должно было войти въ договоры. Этотъ Юрій до смерти своей владѣлъ Русью Червоною и Владимірскими княжествами. Дядя его, Левъ, князь Луцкій, имѣлъ только дочь, которую выдалъ за Любарта, сына Гедимина. Кіево-Печерская рукопись XVI вѣка говоритъ, что Гедиминъ въ 1333 году пошелъ на князя Кіевского Станислава, разбилъ его русско-татарское войско на рѣкѣ Ирпени, и, выгнавши Татаръ, подчинилъ себѣ Кіевъ. По Литовской лѣтописи, Левъ Луцкій, тесть Любарта, досидѣлъ на пошлю кіевскому собрату, и вѣпелъ смерть въ битвѣ».

по двое старшихъ Гедиминовичей — Олгердъ и Кейстутъ — отняли у Евутиа старшій стоить. Олгердъ и Кейстутъ жили между собою очень дружно, говорятъ лѣтописецъ Западной Руси ²⁾, а князь великій Евутиа, державшій старшинство, не любился имъ, и сговорились они между собою, какъ бы Евутиа изъ Вильны выгнать. Сговорившись, положили срокъ, въ который день взять Вильну подъ братомъ Евутиемъ. Князь Олгердъ изъ Витебска не поспѣлъ къ тому сроку, а князь Кейстутъ одинъ напалъ на Вильну и прорвался въ городъ; великій князь Евутиа спасся бѣгствомъ въ горы, отморозилъ ноги и попался въ плѣнъ. Принесли его къ брату Кейстуту; тотъ отдалъ его подъ стражу, а самъ послалъ гонца сказать Олгерду, чтобъ шелъ скорѣе въ Вильну, и что Евутиа уже въ ихъ рукахъ. Когда Олгердъ пришелъ, то Кейстутъ сказалъ ему: „Тебѣ слѣдуетъ быть великимъ княземъ въ Вильнѣ, ты старшій братъ, а я съ тобою буду жить заодно“, и посадилъ его на великомъ княженіи въ Вильнѣ, а Евутиа дали Изяславль. Потомъ уговорились оба князя между собою, чтобъ всей братіи слушаться князя Олгерда; условились — что добудутъ, городъ ли, волость ли, все дѣлать пополамъ, и жить до смерти въ любви, не мыслить лиха одному на другого. Олгердъ и Кейстутъ поклялись и сдержали клятву. Такъ рассказываетъ лѣтописецъ Литовскій; Московскій же лѣтописецъ говоритъ, что Олгердъ и Кейстутъ напали внезапно въ Вильнѣ на двухъ братьевъ, Нариманта и Евутиа; жители города испугались, и Наримантъ бѣжалъ въ Орду, а Евутиа сперва во Псковъ, оттуда въ Новгородъ, изъ Новгорода въ Москву, къ пресвитеру Калиты, Симеону Ивановичу, здѣсь былъ крещенъ и названъ Иваномъ ³⁾ (1346 г.).

Но въ то время, какъ единовластіе утверждалось въ Восточной Руси, благодаря князьямъ Московскимъ, и въ Западной, вѣлдетіе подчиненія ся князьямъ Литовскимъ, въ Польшѣ также утвердилось оно послѣ великихъ смутъ, происходившихъ въ этой странѣ въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка. Мы видѣли, что въ 1300 году въ Краковѣ утвердился чужой князь, Вячеславъ, король Чешскій. Но по смерти Вячеслава, Владиславу Локетку, котораго характеръ исправился въ школѣ бѣдствій, удалось, послѣ безчисленныхъ затрудненій, утвердиться на тронѣ и успокоить Польшу (1319 г.). Правленіе Локетка особенно замѣчательно тѣмъ, что съ его времени аристократія въ Польшѣ уступаетъ мѣсто шляхетской демократіи, потому что король, имѣя нужду въ шляхтѣ, по причинѣ безпрестанныхъ и тяжкихъ войнъ, призвалъ ее на сеймъ для совѣщанія о дѣлахъ общественныхъ; такимъ образомъ, при Локеткѣ положено начало той шляхетской волѣ и власти, которая имѣла такое сильное вліяніе на будущую судьбу Польши, были главною

²⁾ Лѣтопись Даниловича, стр. 27. Стадницкій не безъ основанія думаетъ, что Мовиѣда былъ князь Керновскій, а не Корачевскій.

³⁾ Никон. III, 182.

причиною ея паденія. Тщетно сытъ и преемникъ Владислава Локетка, Казимиръ Великій, старался обуздать эту волю и власть и защищать низшее народонаселеніе: онъ не могъ произвести никакой перемѣны въ этомъ отношеніи ¹⁾. Въ исторіи Юго-Западной Руси Казимиръ Великій замѣчательнѣе тѣмъ, что ему удалось присоединить къ Польшѣ королевство Галицкое. Какъ видно, потомство Романа Великаго въ мужескомъ колѣнѣ пресѣлось смертію Юрія II-го, и преемникомъ послѣдняго въ Галичѣ мы видимъ племянника его отъ сестры Маріи, Болеслава, князя Мазовецкаго. Но Болеславъ возбудилъ противъ себя сильное негодованіе новыхъ подданныхъ: онъ угнеталъ ихъ тяжкими податями, насилывалъ ихъ женщ и дочерей, окружилъ себя Поляками, Чехами, Пѣмцами, раздавалъ имъ должности мимо туземцевъ, наконецъ старался ввести латинство. Галичане отравили его ядомъ; тогда Казимиръ Великій, пользуясь несогласіемъ бояръ относительно выбора князя, въ два похода успѣлъ овладѣть княжествомъ Мстислава Торопецкаго и Данила Романовича (1340 г.).

На восточной сторонѣ Днѣпра замѣчательны для насъ событія, происходившія въ княжествѣ Брянскомъ; замѣчательны они по соотвѣтствію событіямъ, которыя видимъ въ другихъ княжествахъ русскихъ въ описываемое время: вездѣ князя обнаруживаютъ одинакія стремленія—усилиться во что бы то ни стало насчетъ другихъ, и вездѣ борьба эта, ведущаяся по инстинкту самосохраненія, принимаетъ суровый характеръ, сопровождается кровавыми явленіями. Подъ 1309 годомъ Лѣтописецъ говоритъ, что князь Святославъ Глѣбовичъ выгналъ племянника своего, князя Василія, изъ Брянска, и самъ сѣлъ на его мѣсто. Василій ушелъ въ Орду

жаловаться хану на дядю, и въ слѣдующемъ году пришелъ подъ Брянскъ съ татарскимъ войскомъ. Въ городѣ всталъ сильный мятежъ. Въ это время находился здѣсь митрополитъ Петръ, который сталъ уговаривать Святослава подѣлиться властью съ племянникомъ, или, оставивши ему все, бѣжать изъ города, а не биться. Но Святославъ надѣялся на свою силу и на мужество; былъ онъ крѣпокъ тѣломъ, очень храбръ и потому не послушался митрополита, отвѣчалъ ему: „Господинъ! Бряницы меня не пустятъ, они хотятъ за меня головы свои сложить“. Святославъ не хотѣлъ даже защищаться въ стѣнахъ города, но вышелъ на поле въ пути отъ Брянска и сразился съ Татарами. Послѣдніе, по обычаю, сначала помрачили воздухъ стрѣлами, потомъ, когда дѣло дошло до копій и сабель, то Бряницы—крамольники, какъ ихъ называетъ Лѣтописецъ, выдали князя Святослава, бросили стѣны побѣжали; Святославъ остался только съ однимъ дворомъ своимъ, бился долго, наконецъ былъ убитъ. Митрополитъ Петръ затворился въ церкви и тамъ спасся отъ Татаръ. Князь Василій, овладѣвши Брянскомъ, не теряя времени и случая: въ томъ же году ходилъ съ Татарами къ Корочеву и убилъ тамошняго князя Святослава Мстиславича. Смерть Василія Брянскаго помѣщена подъ 1314 годомъ; въ 1333 упоминается о походѣ князя Дмитрія Брянскаго на Смоленскъ съ Татарами: бился много и заключили миръ ²⁾. Въ 1340 году Бряницы, злые крамольники, по выраженію Лѣтописца, сошлись вѣчемъ и убили князя своего Глѣба Святославича, несмотря на увѣщанія митрополита Феогноста.— Въ Корочевскомъ княжествѣ князь Андрей Мстиславичъ былъ убитъ племянникомъ своимъ, Василіемъ Пантелеичемъ, въ 1339 году.

¹⁾ Dlugossi Histor. Polon lib. IX, p. 1163. Et emethonibus colonisque, ut a militaribus et Nobilibus non fierent oppressiones et injuriae: quo factum est, ut emethones et coloni, sub militaribus Nobilibus degentes, quotiescumque per suos dominos et haereditas gravabantur, toties ad illum habebant fidum responsum atque recursum, ipseque pro illis et eorum injuriis, effectuale oppositionem severe et rigide interponebat, ut nemo, quantumcumque magnus, potens et dives auderet in suos esse emethones violentus, gravis et injurius, rege Casimiro, unumquemque per sua factione, excessu, aut demerito digna multa coercente. Ob quam rem asperius (ut militaribus apparebat) in eos practica tam, sugillationem vitare non potuit, quin Rusticorum Rex a Nobilibus et militaribus vocitaretur... Tanta sane justitiae culta et moderamine in omnes, tam nobiles quam agrestes, propensus, ut colonis propriis domi-

nos et haereditas iniquitatem et injuriam inferre prohiberet ipsosque juxta ac peculiares tutatus est, homini de haerede suo querenti, monens ut igni mercato et silice in campo reperto (si aliter non daretur) incendio se ultum irot, illum tradebat. Eaque licentia multorum hominum militarium, fortunas subjectorum expilantium, aut illos gravantium refrenavit.

²⁾ Никонов. списокъ считаетъ Василія Брянскаго сыномъ Александра Глѣбовича Смоленскаго, дядю его Святослава Глѣбовичемъ, который былъ липецъ Можайскаго княжества и взятъ въ плѣвъ Юріемъ Московскимъ; Караязинъ (IV, прим. 242), обвиняя (голословно) Никонов. въ сѣмненіи разныхъ князей, говоритъ, что Василій могъ бытъ внукомъ прежде-упомянутаго Брянскаго князя Романа. Дмитрій Брянскій по родословнымъ считается также Александровичемъ Смоленскимъ, слѣд. братомъ Василія.

Глава VI.

Событія въ княженіе сыновей Іоанна Калиты.

(1341—1362.)

Смеонъ Гордый; подручническія отношенія князей къ нему. — Походы Смеона на Смоленскъ и Новгородъ. — Волненія въ Новгородѣ, Твери и Рязани. — Событія въ Ярославлѣ и Муромѣ. — Дѣла татарскія и литовскія. — Олгердь и борьба его съ Тевтонскимъ Орденомъ. — Войны Пекова съ литовскими Нѣмцами, Новгорода со Шведами. — Договоръ в. к. Смеона съ братьями. — Черная смерть. — Колчина и завѣщеніе Смеона Гордаго. — Соперничество преемника его Іоанна съ Суздальскимъ княземъ. — Война съ Рязанью. — Судьба Московскаго тысяцкаго Алексѣя Петровича Аюста. — Усобицы въ Муромѣ, Твери и Новгородѣ. — Отношенія къ Орду и Литвѣ. — Смерть в. к. Іоанна. — Торжество сына его Дмитрія надъ Суздальскимъ княземъ. — Московскіе бояре.

По смерти Калиты, всѣ русскіе князья отправились въ Орду; но соперничество ихъ съ богатымъ и сильнымъ Московскимъ княземъ было не возможно, и ханъ объявилъ старшаго сына Калиты, Смеона, великимъ княземъ Владимірскимъ. Благодаря усиленію Москвы, это уже не былъ теперь одинъ только титулъ; по чего опасались князья еще со временъ Мстислава Храбраго, то исполнилось: — они перестали быть родичами равноправнымъ и стали подручниками. „Всѣ князья Русскіе даны были подъ руки Смеона“, говорятъ лѣтописи. Что князья хорошо понимали эту перемѣну; что сынъ Калиты заставилъ ихъ се почувствовать, — доказательствомъ служитъ прозваніе *Гордаго*, которое ему они дали. Есть извѣстіе ¹⁾, что Смеонъ, созывая князей для извѣстныхъ пѣлей своихъ, напоминалъ имъ, что Русь была только тогда сильна и славна, когда князья безпрекословно повиновались старшему, и что теперь только такимъ же безпрекословнымъ повиновеніемъ ему, Смеону, они могутъ освободиться отъ Татарскаго ига; но князья знали разницу между прежними и настоящими отношеніями; знали, къ чему поведетъ такая покорность.

Какъ бы то ни было, князья повиновались Смеону; Тверь не думала болѣе о борьбѣ: князь ея, Всеволодъ Александровичъ, отказался отъ мести за отца своего сына Калиты, и отдалъ за Смеона Московскаго сестру свою, Марію, въ 1346 г., а въ 1349 г. племянникъ Александровъ, Михайлъ, сынъ великаго князя Тверскаго, Василія Михайловича, женился на дочери Смеонової. Въ 1351 году лѣтописи упоминаетъ о походѣ Смеона съ двумя братьями — Иваномъ и Андреемъ — на Смоленскъ; но послы смоленскіе встрѣтили его на рѣкѣ Угрѣ и заключили миръ; причины похода и условія мира не извѣстны ²⁾. —

¹⁾ Татищ. IV, 346.

²⁾ Няков. III, 195: «Князь великій Семень Ивановичъ съ братиею со княземъ Иваномъ и Андреемъ, и прочіи князи собравше силу многу идоша ратью къ Смоленску. И дошедши въ ичъ Вышегорода на Пороти (между Верею и Боровскомъ, Арцаб. II, 748), и ту приидоша къ нему послы отъ в. князя литовскаго Олгерда Гедиминовича со многими дары о миру; ошъ же не остави слова Олгердова миръ все и послы отпусти съ миромъ, а самъ подвижесъ еще ко Угри, хотя ити къ Смоленску, и ту приидоша къ нему послы смоленскія. Ошъ же стоявъ на Угри осмъ дней, и своя послы посла въ Смоленскъ, и вая миръ возвратился къ Москвѣ. — Нѣтъ никакого основанія соединять

Въ то время, какъ Смеонъ, по смерти отца своего, находился въ Ордѣ, новгородскіе м о л о д д ц ы, какъ называютъ ихъ лѣтописецъ, повоевали и пожгли Устюжну; жители послѣдней пагнали ихъ и отняли добычу; но потомъ молодцы эти повоевали Бѣлозерскую волость. Мы видѣли, что Калита купилъ Бѣлозерскъ; Смеонъ долженъ былъ смотрѣть на этотъ городъ уже какъ на свою собственность; когда онъ возвратился изъ Орды, то первымъ его дѣломъ было послать въ Торжокъ за сборомъ дани, причемъ сборщики стали притѣснять жителей. Новоторжцы послали просить помощи у Новгородцевъ, и тѣ отправили войско, которое внезапно овладѣло Торжкомъ, схватило великокняжескихъ наместниковъ и сборщиковъ дани, перековало ихъ съ женами и дѣтьми, укрѣпило городъ, а Новгородцы между тѣмъ послали въ Москву сказать Смеону: „Ты еще не съѣлъ у насъ на княженіи, а уже бояре твои насильничаютъ“. Новоторжцы, боясь мести великаго князя, послали сказать Новгородцамъ, чтобъ они сядились на коней и сѣднили къ нимъ на помощь; но чернь новгородская не захотѣла выступить въ походъ. Тогда новоторжская чернь, видя, что изъ Новгорода рать не приходитъ, встала на бояръ, говоря: „Зачѣмъ вы призвали Новгородцевъ? Они перехватили княжихъ людей, и намъ теперь приходится за это погибать!“ Черные люди вооружились, надѣли брони, пошли на дворы, гдѣ содержались московскіе плѣнники, освободили ихъ, а Новгородцевъ выпроводили изъ города, потомъ бросились на своихъ бояръ, дома ихъ разграбили, хоромы развезли, села опустошили, одного боярина, Семена Внучка, убили на вѣчь, остальные убѣжали въ Новгородъ. Между тѣмъ въ Москвѣ былъ съѣздъ всѣмъ князьямъ русскимъ: — Смеонъ Гордый шелъ въ походъ на Новгородъ; съ нимъ выѣстъ отправился и митрополитъ Оеогностъ. Новгородцы, узнавъ, что великій князь изъ Торжка съ всею Землею Низовскою, начали собирать всю свою волость къ себѣ въ городъ, но сперва попытались кончить дѣло миромъ: владыку Василія от-

приходъ пославъ Олгердовыхъ съ смоленскими дѣлами и думать, что Олгердь приишлалъ ходатайствовать о мирѣ съ Смоленскомъ; литовскіе послы приходили за миромъ для своего князя, получали миръ, послѣ чего Смеонъ продолжалъ походъ къ Смоленску и заключилъ съ послѣднимъ миръ на Угрѣ.

правили бить челомъ къ митрополиту, а тысяцкаго съ боярами—къ великому князю. Симеонъ согласился на миръ по старымъ грамотамъ новгородскимъ, но взялъ за это черный боръ по всей волости и 1,000 рублей съ Торжка, послѣ чего отпустилъ намѣстника въ Новгородъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Симеонъ, кромѣ денегъ, потребовалъ еще послыханнаго до тѣхъ поръ униженія отъ пословъ новгородскихъ; прозваніе „Гордый“ побуждаетъ вѣрить этому свидѣтельству ¹⁾. Только въ 1347 году Симеонъ, по зову владыки Василія, прѣѣзжавшаго за тѣмъ въ Москву, отправился въ Новгородъ, гдѣ сѣлъ на столъ и пробылъ три недѣли.

Сторонъ княжескихъ теперь не могло быть болѣе въ Новгородѣ, ибо нельзя стало болѣе выбирать изъ многихъ князей; но существованіе сильныхъ сторонъ боярскихъ очевидно изъ рассказовъ лѣтописци о внутреннихъ дѣлахъ Новгорода. Подъ 1342 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о смерти посадника Варооломея, сына Юрія Мишинича; мѣсто его заступилъ прежній посадникъ Оедоръ Даниловичъ. Вскорѣ послѣ этого Лука Варооломенчъ, какъ видно сынъ умершаго посадника, противъ воли Новгорода, не взявши благословенія ни у митрополита, ни у владыки, собравши бродячихъ холопей, пошелъ за Волокъ на Двину, поставилъ городокъ Орлецъ и, набравши Бчманъ ²⁾, опустошилъ всю Землю Заволоцкую по Двинѣ, взялъ всѣ погосты на пить; потомъ, отпустивши сына своего Оницифора на Вагу, выѣхалъ воевать только съ двумястами человекъ, и былъ убитъ Заволочанами. Когда пришла въ Новгородъ вѣсть о смерти Луки, то черные люди встали на какого-то Андриюшку, да на посадника Оедора Даниловича, пограбили ихъ дома и села, обвиняя ихъ въ убійствѣ Луки. Оедоръ и Андриюшка убѣжали въ Копорье и сидѣли тамъ всю зиму до Великаго поста, когда возвратился съ Ваги Оницифоръ и сталъ бить на нихъ челомъ Новгороду: „Оедоръ и Андриюшка заслали убить моего отца“,—говорилъ онъ. Владыки и Новгородъ послали архимандрита съ боярами въ Копорье привести оттуда обвиненныхъ; Оедоръ и Андрей прѣѣхали и объявили: „Не думали мы на брата своего Луку, чтобъ его убить, не засылали на него“. Тогда Оницифоръ вѣстѣ съ Матвѣемъ ³⁾ собрали вѣче у Св. Софїи, а Оедоръ и Андрей собрали другое вѣче на Ярославовомъ дворѣ; Оницифоръ и Матвѣй послали—было на это вѣче владыку, но, не дождавшись его возвращенія, ударили на Ярославовъ дворъ, были разбиты, Матвѣй Коска (Козка) съ сыномъ попались въ руки враговъ, а Оницифоръ убѣжалъ съ своими пособниками. Это случилось

утромъ; а послѣ обѣда вооружился весь городъ, раздѣлившись на двѣ стороны; однако владыку Василія съ великокняжескимъ намѣстникомъ Борсомъ помирили граждане; крестъ былъ возведенъ, а дьяволъ посрамленъ, говорить лѣтописецъ. Послѣ этого, какъ видно, посадникомъ былъ избранъ Евстаѣій Дворянинецъ; но въ 1345 г. онъ былъ лишенъ посадинчества, которое было отдано упомянутому выше Матвѣю Варооломеевичу, по всѣмъ вѣроятностямъ дядѣ Оницифорову, сыну покойнаго посадника Варооломея: „Божею благодатію, говорить лѣтописецъ, не было лѣха между ними“, т. е. между старымъ и новымъ посадникомъ. Потомъ, какъ видно, Матвѣй опять скоро былъ свергнутъ и замѣщенъ Дворянинцемъ, по смерти котораго видимъ, въ 1348 году, посадникомъ опять Оедора Даниловича. Въ 1350 году Оедоръ Даниловичъ былъ свергнутъ, и посадинчество отдано извѣстному Оницифору Лукиничу; по этимъ дѣло не кончилось: скоро Оедора выгнали съ тремя братьями, пограбили дома ихъ и всю Прусскую улицу; изгнанники отправились сперва во Исковъ, а потомъ въ Копорье.

Въ остальныхъ княжествахъ происходили возненія другого рода. Въ Твери до 1346 года княжилъ Константинъ Михайловичъ. Стремясь, подобно всѣмъ князьямъ, усилить себя насчетъ родичей, онъ началъ тѣснить вдову брата своего Александра Анастасію, и сына его, Всеволода Александровича, князя Холмскаго, сплю захватывалъ бояръ и слугъ ихъ ⁴⁾. Всеволодъ не могъ сносить этихъ притѣсненій—и ушелъ въ Москву къ Симеону; потомъ, въ томъ же 1346 году, и Константинъ и Всеволодъ поѣхали въ Орду, гдѣ Константинъ умеръ, а Всеволодъ выхлопоталъ у хана ярлыкъ на княженіе, несмотря на то, что у него оставался еще дядя, Василій Михайловичъ, князь Кашиинскій. Послѣдній, услыхавъ о братней смерти, сбѣжалъ также въ Орду, но зная, что туда не захѣмъ ѣздить съ пустыми руками, взялъ дань съ племянниковой Холмской волости и отправился; Всеволодъ, узнавши о поступкѣ дяди и о поѣздкѣ его въ Орду, выѣхалъ оттуда къ нему на-встрѣчу вѣстѣ съ ханскимъ посломъ и ограбилъ его, вѣстѣ вѣстѣ чего Василій долженъ былъ возвратиться въ свою отчину—Кашиинъ. Понятно, что вражда между дядею и племянникомъ не кончилась этимъ, а только началась: „Была между ними ссора, говорить лѣтописецъ, а людямъ тверскимъ тѣготы, и многіе люди тверскіе отъ такого нестроенія разошлись; вражда была сильная между князьями, чуть-чуть не дошло до кровопролитія“. Однако любоньно, что кровопролитія не было: не любили его сѣверные князья, старались кончить дѣло какими-нибудь другими средствами. Въ 1349 году епископу Оедору удалось помирать князей: Всеволодъ уступилъ Тверь дядѣ, и оба укрѣпились между со-

¹⁾ Татищ. IV, 147: «Князь же великій рече пчл.: аче хочутъ млости и мѣра отъ меня, да придузъ предъ мя посадники и тысяцкій боеи, просятъ при вѣсахъ князѣвъ на конѣяхъ» и проч.

²⁾ См. Исторію Рос. т. I, стр. 206, пр. 5.

³⁾ Подъ 1340 годомъ упоминается Матвѣй Варооломеевичъ, посланный въ Торжокъ дѣйствовать тамъ противъ в. князя; отчество показывается, какъ будто бы онъ былъ дядя Оницифору.

⁴⁾ Никонъ III, 184: «И нача имати бояръ ихъ слугъ въ серебрѣ заволости, чрезъ людскую силу»

бою крестнымъ пѣлованіемъ, поклялись жить въ совѣтѣ и единствѣ; и вотъ, когда князья помирились, то пошли къ нимъ отовсюду люди въ города ихъ и волости, пародонаселеніе умножилось, и всѣ Тверичи сильно радовались. Но радовались они не долго: только-что Василій получилъ ярлыкъ изъ Орды, какъ началъ опять сердиться на племянника, припоминалъ, какъ тотъ ограбилъ его на дорогѣ въ Орду; средства къ угнетенію племянника употреблены были и Василіемъ тѣ же самыя, какія прежде употреблялъ Константинъ: онъ сталъ притѣвлять бояръ и слугъ Холмскаго князя. Но подобныя явленія происходили не въ одномъ Тверскомъ княжествѣ; мы видѣли, что Рязанскій князь Иванъ Ивановичъ Коротополь убилъ родственника своего Александра Михайловича Пронскаго. Въ 1342 году сынъ убитаго Александра, Ярославъ, выхлопоталъ себѣ ярлыкъ и выгналъ самого Коротополя изъ Переяславля-Рязанскаго¹⁾; потомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Коротополь былъ убитъ — не извѣстно гдѣ, кѣмъ и какъ, а подъ 1344 годомъ упоминается о смерти Ярослава Пронскаго. — Подъ 1349 годомъ упоминается о смерти Рязанскаго князя Василія Александровича, какъ видно, брата Ярослава, послѣ чего видимъ въ Рязани княземъ знаменитаго Олега Ивановича. Въ 1344 году умерли князья — Василій Давыдовичъ Ярославскій и Василій Муромскій; преемникъ послѣдняго, Юрій Ярославичъ обновилъ отчину свою Муромъ, запусѣлый издавна, со времени первыхъ князей; Юрій поставилъ дворъ свой въ этомъ городѣ; его примѣру послѣдовали бояре, вельможи, купцы и черные люди.

Въ Ордѣ въ 1340 году умеръ ханъ Узбекъ; старшій сынъ и преемникъ его, Тимбекъ (Исанбекъ) былъ убитъ въ 1342 году младшимъ братомъ своимъ Чанибекомъ. Пять разъ ходилъ Симеонъ Московскій въ Орду, и всякій разъ возвращался отсюда со многою честію и пожалованіемъ, по выраженію лѣтописца: о татарскихъ опустошеніяхъ, насліяхъ баскаковъ и пословъ не слышно и въ княженіе Симеона, какъ въ княженіе отца его; только разъ, подъ 1347 годомъ, лѣтописецъ упоминаетъ о приходѣ ордынскаго князя Темпра подъ городъ Алексинъ: Татары сожгли посадъ и возвратились въ Орду съ большою добычею. Съ отношеніями татарскими при Симеонѣ соединились литовскія. Мы видѣли, что въ то самое время, какъ на сѣверо-востокъ усилились Московскіе князья и стали собирать Русскую Землю, на юго-западѣ то же самое дѣло совершено было князьями Литовскими; но какъ скоро обѣ половины Руси собрались въ два сильныя тѣла, то и вступили въ борьбу между собою. Гедиминъ занялъ былъ подчиненіемъ себѣ волостей Юго-Западной Руси; сынъ его, Олгердъ, спокойный съ этой стороны, обратилъ вниманіе на Сѣверо-Восточную. Олгердъ, по отзыву нашего лѣтописца,

былъ очень уменъ, говорилъ на разныхъ языкахъ, не любилъ забавъ, и занимался дѣлами правительственными день и ночь; былъ воздерженъ, вина, пива, меду и никакого хмельнаго напитка не пилъ, и отъ этого приобрѣлъ великій разумъ и смыслъ, коварствомъ своимъ многія земли повоевалъ и увеличилъ свое княжество²⁾. Въ 1341 году Олгердъ явился подъ Можайскомъ, опустошилъ окрестности, пожегъ посадъ, но города взять не могъ³⁾. Мы видѣли, что Евнуцій, братъ Олгердовъ, пашель убѣжище въ Москвѣ у Симеона. Но литовскіе князья, подобно соперникамъ своимъ, князьямъ московскимъ, отличаются большою осторожностію въ своемъ поведеніи, не любятъ рѣшительныхъ средствъ, открытой борьбы, гдѣ въ одной битвѣ можно потерять собранное многолѣтними трудами. Олгердъ, коварству котораго удивляется лѣтописецъ, вздумалъ погубить Московское княжество посредствомъ Татаръ, для чего въ 1349 году отправилъ брата своего, Коріада, къ Чанибеку просить у него помощи на Симеона. Тотъ, узнавши объ этомъ, немедленно послалъ сказать хану: „Олгердъ опустошилъ твои улусы (юго-западные Русскія волости) и вывелъ ихъ въ плѣтъ, теперь то же хочетъ сдѣлать и съ нами, твоимъ вѣрнымъ улусомъ, послѣ чего, разбогатѣвши, вооружится и на тебя самого“. Ханъ былъ столько уменъ, что понялъ справедливость словъ Симеоновыхъ, задержалъ Коріада и выдалъ его Московскому князю. Олгердъ присмрѣлъ на время, и отправилъ пословъ въ Москву съ дарами и челобитнымъ, прося освободить брата; Симеонъ исполнялъ просьбу. Мало того: оба брата, Олгердъ и Любартъ, женатые и прежде на княжнахъ русскихъ и овдовѣвшіе въ одинъ годъ, прислали къ Симеону просить за себя двухъ его родственницъ: Любартъ — племянницу, княжну Ростовскую, а Олгердъ — свояченицу, княжну Тверскую. Симеонъ спросился митрополита, и тотъ разрѣшилъ эти браки, вѣрнотю имѣя въ виду пользу, какая могла произойти отъ нихъ для православной Юго-Западной Руси, гдѣ Любартъ Волинскій боролся съ Казимиромъ Польскимъ, угнетавшимъ православіе⁴⁾. — Съ Новгородомъ также было у Олгерда враждебное столкновение въ 1346 году: Литовскій князь вошелъ въ новгородскіе предѣлы со всею братьею и со всею Литовскою Землею, сталъ на рѣкѣ Шелони, при впаденіи въ нее Пшаги, и послалъ объявить Новгородцамъ: „Хочу съ вами видѣться: брашналь меня посадникъ вашъ, Евстаѣій Дворянинецъ, называлъ посомъ“, — послѣ чего опустошилъ страну по рѣкамъ Шелони и Лугѣ, и пошелъ домой; Новгородцы вышли было противъ него на Лугу, но возвратились къ себѣ въ городъ, собрали вѣче и убили посадника своего Дворя-

²⁾ Никои. III, 174; у Татищева (IV, 165) въ такихъ же выраженіяхъ говорится и о Симеонѣ Московскомъ.

³⁾ Никои. III, 174; такъ же: «Того же лѣта взяна Латва Тишиновъ и со многымъ полономъ возвратишася во свои».

⁴⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 84.

¹⁾ Никои. III, 178: «А князь Ярославъ Пронскій сяде во градѣ Ростовѣ рязанскомъ». — Погостъ Роцисловъ, плн Ратисловъ, см. Арц. II, прим. 705.

нина, крича ему: „Изъ-за тебя опустошили нашу волюсть“.

Но не одна врожденная осторожность заставляла Олгерда дѣйствовать нерѣшительно противъ Сѣверо-Восточной Руси: онъ сдерживался на западѣ опасною борьбою съ Нѣмецкимъ Орденомъ, влияние котораго на судьбы восточной Европы становится такимъ образомъ еще важнѣе. Мы видѣли, что торжествомъ своимъ надъ Пруссамъ Орденъ былъ обязанъ преимущественно ихъ раздѣленію на многія независимыя племена, не могшія потому выставить завоевателямъ дружнаго сопротивленія. Но борьба перемѣнила характеръ, когда рыцари, окончивъ завоеваніе Пруссіи, обратились на Литву, ибо здѣсь, благодаря стремленіямъ Миндовга и его преемниковъ, они должны были имѣть дѣло съ соединенными силами дѣлой страны, силами, которые постоянно увеличивались,—сначала толпами Пруссовъ, которые бѣжали отъ пга Нѣмцевъ, потомъ русскими волостями, входившими въ составъ великаго княжества Литовскаго. Последніе годы тринадцатаго и первые четырнадцатаго вѣка протекали въ опустошительныхъ набѣгахъ рыцарей на Литовскія области и Литовцевъ—на владѣнія рыцарей; послѣднимъ не удалось стать твердою ногою на литовскомъ берегу Нѣмана. Неудачны были рѣчные походы рыцарей по Нѣману; огромная барка ихъ, сдѣланная въ видѣ пловучаго острожка, сѣла на мель и была сожжена Литовцами; однаково неудачны были и походы сухопутные; взятіе литовскихъ крѣпостей стоило Ордену много трудовъ и крови. Въ 1336 году прибыли въ Пруссію маркграфъ Бранденбургскій, графъ Генисбергскій и графъ Намурскій съ многочисленными войсками, чтобъ помогать Ордену въ войнѣ съ язычниками. Магистръ Ордена воспользовался удобнымъ случаемъ, двинулся вмѣстѣ съ союзниками на Литву и осадилъ Пуизъ, острожекъ служившій пристанищемъ для Литвы, возвращавшейся съ набѣговъ. На этотъ разъ въ острожекъ урылось четыре тысячи окрестныхъ жителей съ женами, дѣтьми и со всемъ имуществомъ. Въ христіанскомъ ополченіи было много военныхъ машинъ, которыя такъ успѣшно били въ стѣны острожка, что осажденные скоро увидали невозможность защищаться долѣе и, несмотря на то, рѣшились лучше погибнуть съ женами и дѣтьми, чѣмъ сдать врагу; оборонялись до послѣдней крайности, потратили много народа на вылазкахъ; всѣ способные къ бою были покрыты ранами, а между тѣмъ часть стѣнъ была уже раскатана таранами, другая грозила рухнуть отъ подкоповъ. Тогда Литвины перебили женъ и дѣтей, поклали труны ихъ на огромный костеръ, сгромажденный среди крѣпости, зажгли его, и потомъ стали сами умерщвлять другъ друга; большую часть перебилъ Маргеръ, начальникъ крѣпости, поклявшійся, что, по умерщвленіи товарищей, самъ себя лишитъ жизни; много помогла Маргеру одна старуха, которая обезглавила топоромъ сто ратниковъ и потомъ убила сама себя, при видѣ входящихъ

непріятелей. Нѣмцы безпрепятственно вступили въ крѣпость; оставшіеся въ живыхъ Литвины бросались сами подъ удары ихъ мечей. Маргеръ сдержалъ свое слово: онъ бился еще съ горестью отчаянныхъ храбрецовъ, и, когда всѣ они пали, бросился въ подземелье, гдѣ спряталъ жену, убилъ сперва ее, а потомъ и самого себя. Въ такомъ положеніи находились дѣла до 1346 г., когда великимъ магистромъ Ордена былъ избранъ Генрихъ фонъ-Арфбергъ. Новый магистръ началъ дѣйствовать рѣшительнѣе своихъ предшественниковъ, и борьба началась съ обѣихъ сторонъ съ большими усиліями, съ большимъ ожесточеніемъ. Арфбергъ проникъ до Трокъ, страшно опустошилъ ихъ окрестности, потомъ встрѣтился съ литовскими и русскими полками Олгерда и поразилъ ихъ въ злой сѣчѣ, какой еще не было до сихъ поръ между рыцарями и Литвою. Слѣдствіемъ побѣды было новое опустошеніе литовскихъ областей. Но Олгердъ не долго заставилъ ждать мести: онъ вторгнулся съ братьями въ предѣлы орденскихъ владѣній и съ лихвою отплатилъ за недавнее опустошеніе Литвы: войско Олгердово возвращалось уже домой, обремененное добычею, какъ было постигнуто великимъ магистромъ; произошла новая злая битва, и опять Литовцы потерпѣли поражение. Съ такимъ-то опаснымъ врагомъ долженъ былъ бороться Олгердъ на западѣ.

Прекращеніе внутренней борьбы дало возможность Ливонскому Ордену возобновить свои нападенія на Псковъ. Въ 1341 году, безъ объявленія войны, Нѣмцы убили псковскихъ пословъ; Псковичи отомстили имъ опустошеніемъ Ливонской области, и, видя, что скоро должно ожидать сильнаго нападенія, начали кланяться Новгородцамъ, чтобъ тѣ дали имъ намѣтника и помощь; Новгородцы не дали ни того, ни другого, а между тѣмъ Нѣмцы пришли со всею силою, поставили городокъ на псковской землѣ¹⁾. Псковичи начали мелкую войну, ѣздили воевать нѣмецкія села. Какъ производилась эта война, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа Лѣтописца: двое удальцовъ—Филиппъ Ледовичъ и Олферій Селковичъ, подговоривши 60 человекъ По-

¹⁾ «Въ лѣто 6849, мѣсяца сентября въ 9 убиша Нѣмцы въ Латыгорѣ, на селѣ на Опочѣ, псковскихъ пословъ пять мужъ Мизала Любюновича, Власія Колотвиловича, Анеима Полутарановича, на миру, и Псковичи, ѣхавше, повоеваше Латыгорѣ о князѣ Александрѣ о Всеволодовичѣ (неизвѣстномъ), мѣсяца декабря въ 21, тогда бяшетъ ему въ Псковѣ на княженіи. И князь Александръ учинивъ розрече съ Нѣмци, разгнѣвае на Псковичъ и побѣже изъ Пскова, и Псковичи ѣхаше по нѣчь съ поклономъ до св. Павтелѣймона и потомъ послана Псковичи послове съ поклономъ и до Новгорода, и бша ему человекъ много (князь), и неворотился (т. е. не воротился) и отречеся Псковичемъ. Поставиша новый городокъ (Нейгаузенъ) на рѣкѣ на Пиняжѣ (Пинжѣ), и Псковичи въ то же время, коли Нѣмцы городокъ ставили, ѣхавше за Норову въ малѣ дружнѣ, ваяша посадъ у Ругодива (Нарва)... И тое весны поѣхавше въ лодьихъ восавати, о Ильѣ о посадникѣ въ рѣку Омовжу, и повоеваше село нѣмецкое по сѣбѣ стороны Омовжѣ до городка до Могилева». Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 186, 187.—Амовжа—Эмбажъ.

рѣчанъ¹⁾, послали спросить Островичей²⁾: Хотите ли ѣхать воевать Матыгору? Островичи согласились и назначили срокъ, когда собратъся вѣзъмъ вѣстѣ на княземъ селѣ—Изгояхъ. Порѣчане выѣхали въ назначенное мѣсто и время; но Островичи замедлили, а между тѣмъ нѣмецкій отрядъ, состоявшій болѣе чѣмъ изъ 200 человекъ, явился опустошать Псковскую область; 60 человекъ Псковичей, не дожидаясь товарищей, схватились биться съ нѣмцами, бились съ солпечнаго восхода до полудня, потеряли Ледовича и Селковича и еще семь человекъ своихъ, утомились и отступили: очень было имъ тогда притужно, говорятъ дѣтописецъ. Нѣмцы не преслѣдовали ихъ, а начали перенравлять труны своихъ убитыхъ за рѣку Великую; въ это время явились Островичи съ посадиномъ своимъ Васильемъ Онисимовичемъ, ударили съ свѣжими силами на нѣмцевъ, однихъ убили, другіе потонули въ рѣкѣ, а тѣ, которые переплыли ее съ трунами, бросились бѣжать, покинувши мертвыхъ. Потомъ 50 молодыхъ Псковичей стоворились идти на нѣмцевъ, подъ начальствомъ Калеки Карпа Даниловича, и въ то же самое время нѣмцы переѣхали Нарову рѣку и стали воевать псковскія села по берегу; Карпова дружина встрѣтилась съ ними на Кунели, у села, на болотѣ, схватились биться крѣпко, и убили на иришорѣ 20 нѣмцевъ, а остальные побѣжали прочь со стыдомъ, бросивши все, что пограбили. Зимой 1342 года Володша Стриловичъ подяжалъ Псковичей воевать нѣмецкія села; побѣхали по озеру, по льду, и, услыхавъ, что нѣмцы вноуютъ село псковское Ремду, отправились туда и поразили ихъ.

Иде при самомъ началѣ непріятельскихъ дѣйствій, Псковичи, видя, что ни откуда нѣтъ помощи, послали въ Витебскъ, къ Литовскому князю Олгерду, вѣдѣли сказать ему: „Вратья наши Новгородцы насъ покинули, не помогаютъ намъ; помоги намъ ты, господинъ“³⁾ Олгердъ не оставилъ псковскаго слова безъ вниманія, и пріѣхалъ во Псковъ самъ съ братомъ своимъ Кейстутомъ, полками литовскими и русскими. Воевода Олгердовъ, князь Юрій Витовтовичъ, отправился на границу добывать языка и наткнулся на сильную рать нѣмецкую, которая шла къ Изборску. Потерявши 60 человекъ своей дружины, Юрій прибѣжалъ къ Изборскъ, и на другой день явился подъ этимъ городомъ нѣмцы, „загородившись, въ силѣ тяжкой, безъ Бога, съ иороками, городами и со многими замышленіемъ, и обступили городъ Изборскъ, хоти пѣхнѣть домъ Св. Никола“ Тяжко было въ то время Изборску; послали жители его гоцца во Псковъ „со многою тугою и печалію“; но князь Олгердъ и Кейстутъ и мужи ихъ Литовники отреклись идти противъ нѣмецкой силы; Олгердъ говорилъ Псковичамъ: „Сидите въ городѣ, не сдавайтесь, бейтесь съ нѣмцами, и если только не

будеть у васъ крамолы, то ничего вамъ не сдѣлають. А если мѣтъ пойти съ своею силою на великую ихъ силу, то сколько тамъ падетъ мертвыхъ, и кто знаетъ, чей будетъ верхъ! Если, Богъ дастъ, и мы возьмемъ верхъ, то сколько будетъ побито народу; а какая будетъ изъ этого польза?“⁴⁾ Пять дней стояли нѣмцы подъ Изборскомъ, и вдругъ отступили, пожегши цоррки и города свои, не зная, что въ Изборскѣ воды не было, и что они потому не могъ долго держаться. Послѣ этого Псковичи приняли много труда, уговаривая князя Олгерда креститься и сѣсть у нихъ во Псковѣ на княженіи; Олгердъ отвѣчалъ: „Я уже крещенъ, я уже христіанинъ, въ другой разъ креститься не хочу, и садиться у васъ на княженіе не хочу“. Онъ согласился только на то, чтобъ сынъ его, Андрей, крестился и остался княжить въ Псковѣ⁵⁾. Но, уѣзжая изъ Пскова, Олгердъ и Кейстутъ истребили въ Псковской области хлѣбъ и травы, такъ что зимою у жителей пало много лошадей и скота отъ безкормицы. Тогда Псковичи, видя, что помощи нѣтъ ни откуда, помирились съ Новгородомъ. Иначе разсказываетъ дѣло Новгородскій дѣтописецъ; въ началѣ войны, по его словамъ, псковскіе послы пріѣхали въ Новгородъ съ поклономъ: „Идетъ на насъ рать нѣмецкая, говорили они, кланяемся вамъ, господамъ своимъ, обороните насъ“. Новгородцы, не медля ни мало, запечатали всѣ общины⁶⁾, и выступили въ походъ, кто въ великую пятницу, а кто въ субботу. Но когда они дошли до села Мелетова⁶⁾, пріѣхали опять послы псковскіе и объявили: „Кланяемся вамъ: рати на насъ нѣтъ; пришли нѣмцы, по они ставятъ городъ на рубежѣ на своей землѣ“. Новгородцы сначала хотѣли продолжать путь, но потомъ послушались просьбы пословъ и возвратились домой.

Въ маѣ 1334 года Псковичи, уговорившись съ

³⁾ Никон. III, 177. Эти слова вполнѣ очерчиваютъ характеръ Литовскаго князя.

⁴⁾ Подробнѣе въ Псковской дѣтописи: «И Юрей князь подяичъ Псковичъ, и пріѣхавше къ Изборску и подяича Изборичъ съ собою, и поѣхаша на еумежъ языка добывать, и срѣтошася съ великою ратію съ нѣмецкою на Мекужьякомъ полѣ у Мекужничъ у рѣчки... оступивша городъ Изборскъ... А Олгердъ князь и братъ его Кейстутъ повелѣи своимъ Литовникомъ и Видляномъ и Псковичемъ, бродитися за Великую рѣку, не вѣдаючи подъ Изборскомъ рати; и они перебродившеси стае стаями на камнѣ. А князь Олгердъ посла своихъ людей 60 сторожу передъ полкомъ, и они ѣхавши языкъ яша за Ходоколомъ и приведоша ко князю Олгерду; и онъ повѣда силу велику нѣмецкїи рати подъ городомъ Изборскимъ. И князь Олгердъ и братъ его Кейстутъ останаши впади съ сполки Литовниками и съ мужи Псковичи, въ малѣ дружишѣ, и поѣхаше въ Грачское болото и нача перенатывати нѣмецкіе рати. А Любка князь, сынъ Вонцевъ полоцкаго князя, сажъ другъ отѣхаша отъ князя Олгерда и вѣхавше въ сторожевой полкъ нѣмецкїи, не вѣдаючи ему стороженнаго полка, и тако его убїиа самодруга.—Теперь въ Псковскомъ уѣздѣ ость деревня Халахальна.

⁵⁾ Обыаши всѣ попочатави. Думаемъ, что здѣсь подѣ ижемень обчииъ должно разумѣть все общественное, казенное зданіе, архивъ, деньги.

⁶⁾ Псковскаго уѣзда.

¹⁾ Село Порѣчане въ Псковскомъ уѣздѣ.

²⁾ Городъ Островъ—Псковской губерніи.

Изборянами, подняли всю область Псковскую и поѣхали воевать Нѣмецкую Землю. Пять дней и пять ночей воевали они непріятельскія села около Медвѣжьей Головы (Оденпе), не стѣзая съ лошадей; воевали тамъ, гдѣ не бывали ихъ отцы и дѣды, и поѣхали назадъ во Псковъ съ большимъ полономъ. Нѣмцы, собравши силу, погнали вслѣдъ за ними и догнали недалеко отъ Новаго Городка (Нейгаузена) нѣмецкаго, на Маломъ Воргу¹⁾. Стали Псковичи на бой, помолитиесь Святой Троицѣ, Святымъ князьямъ своимъ — Всеволоду и Тимошею (Довмонту), простялись другъ съ другомъ и сказали: „Не озоримъ отцовъ, потянемъ за Св. Троицу и за Св. церкви, за свое отечество!“ Была сѣча большая, и Богъ помогъ Псковичамъ: побили они Нѣмцевъ и стали на косягахъ, потерявши 17 человекъ убитыми; кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ обезпачили отъ бесоницы и погябли, блуждая по лѣсу; иные, впрочемъ, вышли послѣ рати. Между тѣмъ, еще при самомъ началѣ битвы, Руда, священникъ борисоглѣбскій, пригналъ въ Изборскъ и распустилъ лихую вѣсть, что всѣхъ Псковичей и Изборявъ Нѣмцы побили; ту же вѣсть перенесъ и во Псковъ. Здѣсь поднялся плачь и вопль, какого никогда прежде не бывало; отрядили гонцомъ въ Новгородъ Оому, старосту поповскаго, сказать тамъ: „Псковичи всѣ побиты, а вы, Новгородцы, братья наши, ступайте скорѣе, чтобы Нѣмцы не взяли прежде васъ города“. Опаматовавшись однако немного, послали провѣдать, точно ли правду сказалъ Руда, и нашли, что Псковичи, которыхъ считали мертвыми, спокойно спятъ въ стагѣхъ подъ Изборскомъ. Сильная радость смѣнила горе, когда пришла во Псковъ эта добрая вѣсть. — Лѣтъ шесть потомъ не было слышно о Нѣмцахъ; но въ 1348 г., когда войско псковское находилось въ новгородскихъ областяхъ, помогая Новгороду въ войнѣ со Шведами, Нѣмцы начали жечь псковскія села, а весною 1349 года отрядъ ихъ явился внезапно у Изборска. Въ это время жилъ во Псковѣ Литовскій князь Юрій Витовтовичъ; онъ вышелъ противъ Нѣмцевъ и былъ убитъ при первой стычкѣ; была тогда во Псковѣ скорбь и печаль великая, все духовенство проводило князя, и положили его въ церкви Св. Троицы. Въ томъ же году Нѣмцы поставили новую крѣпость надъ рѣкою Наровою. Псковичи подняли всю свою область и поѣхали — одинъ въ лодкахъ, другіе на лошадяхъ, прѣехали къ Новому Городку, обступили и зажгли его; Нѣмцы и Чудь, которые въ немъ были, одни сгорѣли, другіе пометались изъ крѣпости, и были побиты Псковичами. Во всѣхъ этихъ войнахъ не упоминается о князѣ Андрей Олгердовичѣ; онъ не жилъ самъ въ Псковѣ, а держалъ намѣстника. Пока этимъ намѣстникомъ былъ храбрый и любимый Юрій Ви-

товтовичъ, Псковичи молчали; но послѣ смерти его они послали сказать Андрею: „Тебѣ было, князь, сидѣть самому во Псковѣ на княженіи, а намѣстниками Пскова не держать; когда тебѣ не угодно сидѣть у насъ, въ другомъ мѣстѣ княжиши, то намѣстниковъ твоихъ не хотимъ.“ Этимъ попустукомъ Псковичи накликали на себя новыхъ враговъ: Олгердъ и Андрей немедленно захватили въ своихъ владѣніяхъ всѣхъ купцовъ псковскихъ, товаръ у нихъ отняли, самихъ опустушили только тогда, когда они заплатили окупъ; кромѣ того, Андрей изъ Полоцка новосвалъ псковскія села; Псковичи отоместили ему тѣмъ же.

Въ отношеніяхъ Пскова къ Новгороду произошла важная перемотна вслѣдствіе войны Шведской. Еще во время малолѣтства короля Магнуса Эрксона собрана была въ Швеціи десятина, для крестоваго похода на Русскихъ — язычниковъ, какъ величалась она въ папскихъ буллахъ. Въ 1348 г. Магнусъ предпринялъ этотъ походъ. Послы его явились въ Новгородъ и объявили вѣщу отъ имени короля: „Пришлите на съѣздъ своихъ философовъ, а я пришлю своихъ, пусть они поговорятъ о вѣрѣ: хочу я узнать, какая вѣра будетъ лучше; если ваша будетъ лучше, то я иду въ вашу вѣру; если же наша лучше, — то вы ступайте въ нашу вѣру и будемъ всѣ какъ одинъ человекъ; если же не хотите соединиться съ нами, то иду на васъ со всею моею силою“. Владыка Василій, посадникъ, Федоръ Даниловичъ, тысящій Авраамъ и всѣ Новгородцы, подумавши, велѣли отвѣчать Магнусу: „Если хочешь узнать, какая вѣра лучше, наша или ваша, то пошли въ Царьградъ къ патриарху, потому что мы приняли отъ Грековъ православную вѣру, а съ тобою намъ нечего спорить о вѣрѣ; если же тебѣ есть какая-нибудь отъ насъ обида, то шлемъ къ тебѣ на съѣздъ“, и послали къ нему Авраама тысяцкаго съ боярами. Но Магнусъ отвѣчалъ посланцъ: „Обиды мнѣ отъ васъ нѣтъ никакой; ступайте въ мою вѣру, а не пойдете, такъ иду на васъ со всею моею силою;“ — и, отпустивши посланца съ этимъ отвѣтомъ, осадилъ Орѣнскъ, сталъ крестить Ижорявъ въ свою вѣру, а которые не захотѣли креститься, на тѣхъ рать пустилъ, всѣмъ попавшимся въ его руки Русскимъ велѣлъ стричь бороды и потомъ перекрещивать ихъ въ латинство. Но Русскіе скоро показали, что у нихъ бороды опять отросли, говорить шведская хроника²⁾; Новгородцы отправили противъ непріятеля извѣстнаго намъ Опицифора Лукича съ малою дружиною; но Опицифору удалось съ потерей только трехъ человекъ изъ своего войска перебить 500 человекъ Шведовъ, другихъ взять въ плѣнъ и казнить перевѣтниковъ. Между тѣмъ, посадникъ Федоръ Даниловичъ съ намѣстниками великокняжескими, со всею волостью Новгородскою и Псковичами, двинулся къ Ладогѣ, пославши сказать великому князю Симеону: „Приходи, князь, къ намъ, оборонять свою отчину, идетъ

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 189: «Поѣхаша воевати земли нѣмецкія о князѣ Иванѣ, и о Изборскомъ князѣ Остафѣ о посадникѣ Володѣшѣ... А Нѣмци, зновивши сязу, надгонили Псковичи за 2 поприща не доѣхавши Новаго Городка Углецкаго, на Маломъ Воргу, на тѣсняхъ».

²⁾ Gejer-Geschichte Schwedens I, 185.

на насъ король Шведскій, нарушивши крестное пѣлованіе“. Симеонъ отвѣчалъ: „Съ радостію иду, но держать меня дѣла ханскія“. Спустя нѣсколько времени ¹⁾, Симеонъ выступилъ въ походъ, но, дошедши до Ситна ²⁾, возвратился назадъ въ Москву: гонецъ привезъ ему извѣстіе, что ханъ выдалъ ему Олгердова брата Коріада; тогда московскіе полки повелъ въ Новгородъ братъ Симеоновъ, Іоаннъ. Этотъ князь пришелъ въ Новгородъ, но въ Ладогу, къ новгородскому войску не отправился, а между тѣмъ королю удалось овладѣть Орѣшкомъ, гдѣ онъ захватилъ и пословъ новгородскихъ, Авраама тысяцкаго съ товарищами. Удовольствовавшись взятіемъ Орѣшка, Магнусъ оставилъ въ немъ намѣстниковъ, а самъ отправился въ Швецію; князь Іоаннъ, услышавъ о взятіи Орѣшка, также ушелъ назадъ въ Москву, и Новгородцы съ Псковичами одни отправились осенью къ Орѣшку, и взяли его. Но, идучи къ Орѣшку, Новгородцы, по выраженію лѣтописца, дали жалованье Пекову, опредѣлили: посадникаго новгородскимъ во Псковѣ Псковичу, ни судить; отъ владыки судить во Псковѣ Псковичу, изъ Новгорода Псковитяни на судъ не вызывать ни дворянами, ни подвойскими, ни Софлянами, ни извѣтниками, ни бирячами, и назвали Псковъ младшимъ братомъ Новгороду ³⁾. Впрочемъ, съ извѣстіемъ ⁴⁾, что Псковитяне плохо отблагодарили Новгородцевъ за это жалованье: они не хотѣли долго стоять подъ Орѣшкомъ, а когда Новгородцы просили, чтобы они ушли по крайней мѣрѣ ночью, то Псковичи не хотѣли исполнить и этой просьбы, но вышли изъ стана нарочно въ полдень, съ громкою музыкою. Черезъ годъ Магнусъ приплылъ опять къ русскимъ берегамъ, переночевалъ подъ Копорьемъ, и, узнавши о приближеніи новгородскаго войска, ушелъ назадъ въ море, гдѣ ждала его буря, истребившая много шведской рати въ устьи рѣки Наровы; а Новгородцы пошли къ Выборгу, пожгли окрестности, посады и разбили Шведовъ, сдѣлавшихъ вылазку изъ города; наконецъ въ Дерптѣ разбилили плѣнныхъ съ обѣихъ сторонъ, и заключили миръ ⁵⁾.

Опасная борьба шла на западныхъ границахъ; внутри разныхъ княжествъ происходили волненія, усобицы княжескія, заставлявшія народъ высылаться изъ родной страны; но Московское княжество было спокойно и при Симеонѣ, какъ при отцѣ его; народъ не терилъ ни отъ Татаръ, ни отъ усобицъ. Симеонъ жилъ мирно съ братьями; до насъ дошелъ любопытный договоръ его съ ними ⁶⁾. Договоръ начинается такъ: „Я, князь великій Симеонъ Іоан-

новичъ всея Руси съ своими братьями младшими, съ княземъ Иваномъ и княземъ Андреемъ, пѣловали между собою крестъ у отцовскаго гроба. Быть намъ заодно до смерти, брата старшаго имѣти и чтить въ отпово мѣсто; а тебѣ, господинъ, князь великій, безъ насъ не доканчивать ни съ кѣмъ“. Все эти выраженія, съ перваго разу, напоминаютъ старину, но въ старину князья не иначе называли другъ друга какъ: братъ, отецъ, сынъ; въ договорѣ же Симеона младшіе братья, обѣщая, что будутъ держать старшаго въ отпово мѣсто, не смѣютъ однако, или не хотятъ, или не умѣютъ называть его: отче! но постоянно называютъ: „Господинъ, князь великій!“ Любопытно также, что братья всего больше толкуютъ о собственности, о своихъ участкахъ; младшіе выговариваютъ, чтобы старшій братъ не обидѣлъ, чего не отнял у нихъ; также: „Кто изъ насъ что примыслилъ или прикупилъ, или кто впередъ что прикупить или примыслить чужое къ своимъ волостямъ, то все блясти, не обидѣть“.

Если въ княженіе Симеона Русь не ленилась ни кровавыхъ усобицъ, ни татарскихъ опустошеній, за то въ 1352 году явилась странная язва—Черная смерть ⁷⁾; въ 1353 году она поразила въ Москвѣ митрополита Феогноста, самого великаго князя, двоихъ сыновей его и брата Андрея. Симеонъ умеръ еще очень молодъ, 36 лѣтъ; онъ также оставилъ завѣщаніе, въ которомъ отказалъ удѣлъ свой и все движимое и недвижимое имѣніе женѣ, по смерти которой все это переходило къ брату Симеонову, великому князю Іоанну. Это обстоятельство важно въ томъ отношеніи, что два удѣла Московскаго княжества соединились теперь въ одинъ, и такимъ образомъ сила великаго князя Іоанна увеличивалась вдвое. Мы видѣли, что третій сынъ Калиты, Андрей, умеръ въ одно время съ Симеономъ, и уже по смерти его родился у него сынъ Владиміръ, получившій только одинъ удѣлъ отцовскій ⁸⁾. Въ завѣщаніи Симеона любопытно слѣдующее наставленіе братьямъ, изъ котораго оказывается ослѣдствіе боярь, вѣдѣствіе новаго порядка вещей, явленіе старыхъ отцовскихъ боярь, хранителей правительственныхъ преданій, добрыхъ совѣтниковъ, которыхъ мы такъ мало видимъ прежде: „По отца нашего благословенію, что приказывалъ намъ жить за одинъ, также и я вамъ приказываю, своей братьѣ, жить за одинъ; лихихъ людей не слушайте, которые станутъ васъ ссорить; слушайте отца нашего владыки Алексея, до старыхъ боярь, которые отцу нашему и намъ добра хотѣли. Пичу вамъ это слово для того, чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша чтобы свѣча не угасла“.

У брата Симеонова Іоанна явился соперникъ въ

¹⁾ Любопытны различія: въ повгород. лѣтоп. «медливъ же князь долго»; въ Соф. вр. «медливъ же князь великій не много».

²⁾ Ситанскій погостъ—во 120 верстахъ отъ Новгорода.

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, 226.

⁴⁾ Никоп. III, 189.

⁵⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, 227. Карамз. IV, пр. 348.

⁶⁾ Собр. Гос. гр. и дог. I, № 23. Годъ ядѣсь 1341 выставлятъ издателями произвольно; нѣтъ достаточныхъ причинъ полагать, чтобы договоръ былъ написанъ тотчасъ по смерти Калиты.

⁷⁾ Подробности см. ниже, въ IV томѣ.

⁸⁾ Кажется у Симеона остался залолѣтній сынъ, который скоро умеръ; это видно изъ слѣдующихъ словъ завѣщанія: «Приказываю своей братьѣ свою кнѣжину и своего...; если только это «своего» не относится къ дядѣ Василью, о которомъ сказано прежде: «даю рядъ своей кнѣжни: велѣлъ есмь у нее быти моему дядѣ Василью».

исканіи великаго княженія Владимірскаго: то былъ Константинъ Васильевичъ, князь Суздальскій. Если мы предположимъ, что Константинъ происходилъ отъ Андрея Ярославича, а не Александровича, и былъ, такимъ образомъ, дядею сыновьямъ Калиты, то и тогда овъ не имѣлъ права на старшинство, ибо взята бы его не по отчичь и не по дѣдичь: ни отецъ, ни дѣдъ его не были великими князьями ¹⁾. Константинъ Суздальскій искалъ великаго княженія не по старымъ правамъ, но по новымъ понятіямъ и отношеніямъ, по которымъ всякій князь имѣлъ право въ томъ случаѣ, когда былъ отваженъ, богатъ и силенъ. Объ отвагѣ Константина свидѣтельствуетъ лѣтопись, говоря, что онъ княжилъ честно и грозно, оборонялъ отчину свою отъ сильныхъ князей и отъ Татаръ, причемъ подъ сильными князьями нельзя разумѣть другихъ, кромѣ Московскихъ. Если Константинъ не могъ быть богатъ своею казною, чтобъ перекупить ярлыкъ у Московскаго князя, то могъ получить денежную помощь изъ Новгорода, жители котораго, притѣсненные Калитою, смиренныя Симеономъ, не могли падѣяться добра отъ сильной Москвы, и старались, чтобъ великое княженіе перешло къ другому князю послабѣе; узнавши о смерти Симеона, они отправили немедленно посла своего въ Орду просить великаго княженія Константину Суздальскому. Но всѣ ихъ старанія были напрасны: ханъ отдавъ ярлыкъ Иоанну Московскому. Впрочемъ, сначала ни Суздальскій князь, ни Новгородцы не обратили вниманія на ярлыкъ; Константинъ помирился съ Иоанномъ передъ своею смертію въ 1354 году; съ Новгородомъ у Московскаго князя полтора года не было мира.

Въ годъ смерти Симеоновой, Рязанцы взяли Лопасню, захватили здѣсь намістника Александра Михайловича, отвели въ Рязань и держали тамъ въ большомъ томленіи, пока не выкупили его изъ Москвы. Лопасня, принадлежавшая къ удѣлу малолѣтняго Серпуховскаго князя, Владиміра Андреевича, и шесть другихъ мѣстъ были потеряны; но этотъ уронъ былъ вознагражденъ другими пріобрѣтеніями въ Рязанской области ²⁾.

Внутри Московскаго княжества въ правленіе Иоанна произошло слѣдующее замѣчательное событіе. Мы уже имѣли случай говорить что при осѣдлости князей и бояре ихъ должны были пріобрѣсти большое значеніе въ княжествѣ; большое значеніе

долженъ былъ пріобрѣсти и тысяцкій, получившій возможность управлять свою важную должность при нѣсколькихъ князьяхъ сряду безъ смѣны, могла даже литься наследственность должности въ одномъ родѣ ³⁾. Но при такихъ обстоятельствахъ, власть тысяцкаго, при непосредственныхъ отношеніяхъ этой власти къ городскому народонаселенію, могла быть опасна другимъ боярамъ, которыхъ влияние стѣснялось влияніемъ тысяцкаго, потому могла быть опасна и самой власти княжеской. Въ описываемое время должность московскаго тысяцкаго отправлялъ бояринъ Алексѣй Петровичъ Хвостъ. При Семеонѣ Гордомъ онъ поднялъ крамолу противъ великаго князя, былъ изгнанъ, лишень своихъ волостей; всѣ три брата—Симеонъ, Иоаннъ и Андрей—покаялись не принимать къ себѣ въ службу мятежнаго боярина, ни дѣтей его; Иоаннъ особенно покаялся не отдавать Алексѣю Петровичу той части его имѣнія, которую онъ, Иоаннъ, получилъ отъ брата своего, великаго князя Симеона ⁴⁾;—и, несмотря на все это, Алексѣй Петровичъ является тысяцкимъ въ княженіе Иоанна. Но зимою, 3 февраля 1357 года, рано, во время заутрени, тѣло Алексѣя Петровича было найдено на площади со всѣми признаками насильственной смерти; никто не видѣлъ, какъ совершилось убійство; но слухъ шель, что бояре собирали на тысяцкаго тайный совѣтъ, строили ковы, и погибъ онъ отъ своихъ товарищей, общемо всѣхъ думою, какъ погибъ Андрей Боголюбскій отъ Кучковича ⁵⁾. Сильный мятежъ всталъ въ городѣ вслѣдствіе этого убійства, и большіе бояре московскіе отбѣжали въ Рязань съ женами и дѣтьми; но въ слѣдующемъ году великій князь перезвалъ къ себѣ опять изъ Рязани двоихъ бояръ—Михаила и зятя его Василія Васильевича.

Въ другихъ княжествахъ продолжались прежнія явленія. Въ Муромской волости, въ 1354 г. князь Ѳеодоръ Глѣбовичъ, собравши большое войско, пошелъ къ Мурому на тамошняго князя Юрія Ярославича, выгналъ его и самъ сѣлъ на его мѣсто. Муромцы были ему рады и пошли съ нимъ въ Орду; но, спустя недѣлю по отбѣздѣ Ѳеодора, пришелъ въ

³⁾ Пріѣхавъ изъ Чернигова въ Тверь Борисъ Ѳеодоровичъ, прозвище ему было Половой, и былъ въ Твери бояриномъ, у Бориса сынъ Ѳеодоръ и тамъ во Твери бояриномъ же былъ, у Ѳеодора сынъ Михайло Шетневъ, а во Твери былъ Тысяцкой, у Михайла сынъ Константинъ Шетневъ, а во Твери былъ Тысяцкой же. А у Константина дѣтей: Иванъ Шетневъ, тотъ былъ во Твери Тысяцкой же. (Москвит. 1843 г. № 1).

⁴⁾ Собр. Гос. гр. и дог. I, № 23; на тождество Алексѣя Петровича Тысяцкаго съ бояриномъ Гордаго указалъ еще князь Щербатовъ въ своей Исторіи.

⁵⁾ Николин. III, 207, 209: «Убіеніе же его страшно и незнаемо и невѣдомо отъ кого же; тоцію обрѣтается убіенъ лежа на площади егда заутреню благоустаять. И ѣдичи глаголють о немъ, яко совѣтъ сей сотворися, или отъ бояръ, или отъ иныхъ втайнѣ. И тако убіенъ бысть, ажоже князь великій Андрей Боголюбскій отъ Кучковичевъ». Троицкая лѣтопись (у Карамз. IV, пр. 381): «Нѣдци же рѣвона, яко втаю свѣтъ створици и ковы ковапа наль и тако всѣхъ общемо думою, да жоже Андрей Боголюбивый отъ Кучковичъ, тако и сій отъ своей дружины пострада».

¹⁾ Карамзинъ (IV, примѣч. 302) упоминаетъ о лѣтописи въ Син. библиот. XV вѣка (№ 34^а), гдѣ говорится, что Узбекъ подблизилъ между Александромъ Васильевичемъ Суздальскимъ и Калитою, причемъ Владиміръ достался первому, и уже по смерти его перешелъ къ Московскому князю. — Но это извѣстіе съ царемъ Албугомъ и съ поэтическимъ разказомъ о колоколѣ — не заслуживаетъ большаго вниманія.

²⁾ См. духовную в. князя Иоанна въ С. г. г. п. д. I, 26: «А что ся мѣй достали мѣста Рязанская на сей сторонѣ Оки, и съ тыхъ мѣсть дальъ семъ князю Володиміру въ Лопасни мѣста, новый городокъ на устьѣ Порога, а иныя мѣста Рязанская отъѣзжая сыну моему князю Дмитрію и Ивану подблизятъ на полы безъ обиды».

Муромъ прежній князь Юрій, собралъ остальныхъ жителей Муромъ и пошелъ также въ Орду судиться съ Оедоромъ. По суду ханскому, Муромское княженіе досталось Оедору Глѣбовичу; Юрій былъ выданъ сопернику, который посадилъ его въ крѣпкую тюрьму, гдѣ онъ и умеръ. — Въ Твери продолжалась вражда между дядею Василиемъ Михайловичемъ и племянникомъ Всеволодомъ Александровичемъ Холмскимъ. Въ 1357 году митрополитъ Алексѣй пріѣхалъ во Владиміръ, и туда явился къ нему князь Всеволодъ Александровичъ съ жалобою на дядю. Но митрополитъ слову, Василий Михайловичъ, заключивъ договоръ съ великимъ княземъ Московскимъ, также пріѣхалъ во Владиміръ судиться съ племянникомъ предъ митрополитомъ; съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ и владыка Тверской Оедоръ; много было между князьями споровъ, глаголанія, какъ говорить лѣтописецъ, но конечный миръ и любовь не состоялся. Московскій князь, какъ видно, держалъ сторону дяди Василія, потому что, когда потомъ оба соперника отравились въ Орду, и Всеволодъ хотѣлъ пробраться туда черезъ Переяславль, то намѣстники московскіе не пустили его, и онъ принужденъ былъ уѣхать въ Литву. Немудрено, что и въ Ордѣ дѣло было рѣшено также въ пользу дяди: здѣсь ханъ и ханша безъ суда выдали Всеволода Василю; и было, по словамъ лѣтописца, Всеволоду отъ дяди томленіе большое, много потерпѣлись и бояре и слуги Холмскаго князя, и черные люди.

Но у сына Александра былъ могущественный союзникъ, Олгердъ, князь Литовскій, женатый на родной сестрѣ его. Неизвѣстно, какимъ образомъ удалось Всеволоду уѣхать въ Литву; но когда онъ возвратился оттуда въ 1360 году, то Василю уступилъ племянникамъ треть ихъ отчины. — Изъ другихъ князей лѣтопись упоминаетъ подъ 1354 годомъ о смерти Дмитрія Оедоровича Стародубскаго, которому наследовалъ братъ его Иванъ Оедоровичъ. Въ 1359 г. умеръ Смоленскій князь Иванъ Александровичъ, и его мѣсто заступилъ сынъ его Святославъ.

Въ Новгородѣ въ 1354 году посадникъ Оницпоръ Лукичъ добровольно отказался отъ своей должности, и на его мѣсто былъ избранъ Александръ, братъ убитаго Дворянина. Но потомъ въ 1359 году упоминается уже другой посадникъ, Адрианъ Захарычъ, у котораго въ этомъ году было отнято посадничество, но не всѣмъ городомъ, а только однимъ Славенскимъ концомъ; на мѣсто Адриана былъ избранъ Сильвестръ Лентѣвичъ. Но другія части города не согласились на это избраніе, и на Ярославѣ дворъ произонла сѣча, потому что жители Славенскаго конца явились въ досѣдкахъ и разогнали безоружныхъ Зарѣчанъ, бояръ многихъ били и грабили, одного убили до смерти. Это повело къ новой усобицѣ: Софійская сторона вооружилась, чтобы отомстить за безчестье братьевъ своихъ, а Славенская, по необходимости, чтобъ защищать имѣніе и головы свои; три дня

враждебныя стороны стояли другъ противъ друга, Славенцы переметали уже мостъ, какъ пришли два владыки — старый Моисей изъ монастыря, гдѣ жилъ на покоѣ, и новый, Алексѣй, съ архимандритами и игуменами. Владыки стали благословлять народъ, говоря: „Дѣти! не накликайте себѣ брани, а поганымъ похвалы, Снятымъ переклалъ и мѣсту этому пустоты, не сходитесь на бой“. Толпы послушались и разошлись; по села Селивестровы были опустошены, взяли много селя и у другихъ славенцовъ, причѣмъ погибло много и невиноватыхъ; посадникомъ былъ избранъ Никита Матѣевичъ¹⁾, какъ видно, сынъ прежняго посадника Матѣя.

Въ Ордѣ ханъ Чапибекъ былъ убитъ въ 1357 г. сыномъ своимъ Бердибекомъ; Русскій лѣтописецъ говорить объ убитомъ, что онъ былъ очень добръ къ христіанству, и при немъ была большая льгота Землѣ Русской. Въ этомъ же году лѣтописецъ упоминается о татарскомъ послѣ Кошака, отъ котораго была большая нестома князьямъ русскимъ. Бердибекъ былъ убитъ сыномъ своимъ Кузупомъ, Кулна — Неврусомъ. Въ 1358 году сынъ Бердибековъ Маматхожа, пришедши въ Рязанскую Землю, прислалъ въ Москву къ великому князю съ предложеніемъ установить твердыя границы между Московскимъ и Рязанскимъ княжествами; по великій князь не пустилъ Маматхожу въ свою отчину. — Опаснѣе былъ врагъ на западѣ: подъ 1356 годомъ лѣтописецъ говорить, что Литовцы овладѣли Ржевою²⁾; въ тотъ же самый годъ Олгердъ приходилъ подъ Брянскъ и подъ Смоленскъ, и плѣнилъ сына у князя Василія Смоленскаго³⁾. Этотъ Василю въ томъ же году пришелъ изъ Орды съ ярлыкомъ на Брянскъ, утвердился здѣсь, но скоро умеръ; послѣ его смерти, по словамъ лѣтописца, былъ въ Брянскѣ мятежъ отъ лихихъ людей, смута великая и опустѣніе города, послѣ чего сталъ владѣть Брянскомъ великій князь Литовскій. Въ 1358 году войско тверское и Можайское отняло Ржеву у Литовцевъ; въ 1359 г. Смольяне воевали Вѣльчу⁴⁾. Но Олгердъ не любилъ отдавать назадъ разъ что-нибудь взятое; въ томъ же году онъ приходилъ подъ Смоленскъ, сынъ его, Андрей, взялъ опять Ржеву, и въ 1360 году самъ Олгердъ пріѣзжалъ сморгнуть этотъ городъ, вѣрно боясь, чтобъ Русскіе въ другой разъ не отняли его у Литвы. Но, къ счастью для слабыхъ княжествъ — Смоленскаго и Тверскаго, — Олгердъ постоянно сдерживался на западѣ Тевтонскимъ Орденомъ:

¹⁾ Подъ слѣдующимъ 1360 годомъ: «повиде Алексѣй на поставленіе во Володимирѣ, а съ нимъ бояръ бѣ Новгородскихъ, Александръ посадникъ, Юрїи Ивановъ». — Но быть можетъ здѣсь разумѣется старый посадникъ, какимъ и былъ дѣйствительно Александръ, братъ Дворянина.

²⁾ Никон. III, 207: «Слжекаго сына Ивана седе съ Литвою во Ржевѣ» (теперь городъ Тверской губерніи).

³⁾ Кто былъ этотъ Василю? Но родословиячъ онъ могъ быть сыномъ Ивана Александровича Смоленскаго, братомъ Святослава; у этого Василія означенъ сынъ Иванъ. Но онъ могъ быть также и Василиемъ Александровичемъ, о которомъ см. Тагин. IV. 346.

⁴⁾ Никон. III, 213. Не Вѣльчу ли?

борьба съ рыцарями шла одинаково неудачно для Литвы и при наслѣдникѣ Арфберга, Вирихѣ фонъ Книпродѣ. Въ 1360 году Олгердъ, Кейстутъ и сынъ послѣдняго, Патрикій, сошлись съ великимъ магистромъ на границахъ литовскихъ; битва продолжалась цѣлый день, и рыцари одержали побѣду. Напрасно Кейстутъ старался остановить бѣгущихъ и возобновить битву; его свалили съ коня; Патрикій ринулся въ середину неприятелей для спасенія отца, но также былъ сброшенъ съ лошади, поднялся и отбивался до тѣхъ поръ, пока подошлѣлъ отрядъ Литовцевъ и выручилъ его изъ бѣды; но отца спасти не могъ. Кейстута отвезли въ Маріенбургъ, столицу Ордена, и засадили въ тѣсную тюрьму: день и ночь стояла у дверей стража и не пускала къ плѣннику никого, кромя слуги, приносящаго пищу; но этотъ слуга, приближенный къ магистру, отличавшійся своею вѣрностью, былъ родомъ Литвинъ, въ молодости захваченный въ плѣнъ и окрещенный. Ежедневный разговоръ съ Кейстутомъ на родномъ языкѣ, злая судьба и знаменитые подвиги литовскаго богатыря разбудили въ немъ давно уснувшую любовь къ старому отечеству: онъ далъ средство Кейстуту уйти изъ заточенія и достигъ двора зятя своего, князя Мазовецкаго. Кейстутъ не хотѣлъ возвращаться на родину, не отомстивши рыцарямъ: онъ взялъ у нихъ два замка, и съ добычею возвращался домой, какъ на дорогѣ былъ захваченъ орденскимъ отрядомъ, вторично попался въ неволю, вторично ушелъ изъ нея, и опять началъ готовиться къ вторженію въ Пруссію. Къ 1362 или 1363 году относить побѣду Олгерда надъ Татарами при Синихъ водахъ, слѣдствіемъ которой было очищеніе Подолія отъ Татаръ.

У Поворода со Шведами, а у Пскова съ Ливонскимъ Орденомъ войны не было въ княженіе Іоанна; встрѣчаемъ только извѣстіе о двукратномъ походѣ Псковичей къ Полоцку¹⁾.

Въ 1359 году умеръ Іоаннъ Московскій, кроткій, тихій и милостивый князь, по словамъ лѣтописца. Іоаннъ умеръ еще очень молодъ, 33 лѣтъ, оставивъ двухъ малолѣтнихъ сыновей, Дмитрія и Ивана, и малолѣтняго племянника Владиміра Андреевича. Слѣдовательно, Московское княжество по смерти Іоанна падалось точно въ томъ же положеніи, какъ и по смерти Калиты, раздѣлялось на три участка, а именно: старшій сынъ Іоанна—Дмитрій получилъ удѣлъ дяди Симеона, младшій, Иванъ—участокъ отца своего, а двоюродный ихъ братъ, Владиміръ—удержалъ волость отца своего Андрея. Но Иванъ скоро умеръ (1365 г.), и Дмитрій опять соединилъ два участка, при которыхъ владѣлъ еще Владимірскаго великокняжескою областью, съ прикунами лѣдовскими; Владиміръ Андреевичъ имѣлъ только одинъ участокъ—отцовскій; борьба между братьями была поэтому невозможна, и Владиміръ

долженъ былъ подчиняться распоряженіямъ Дмитрія, какъ видимъ въ слѣдствіи²⁾.

Казалось, что ранняя смерть Іоанна будетъ гибельна для Москвы, ибо малютка сынъ его могъ ли хлопотать въ Ордѣ, могъ ли бороться съ притязаніями другихъ князей? И, дѣйствительно, когда всѣ князья явились въ Ордѣ и недоставало одного Московскаго, то ханъ отдалъ великокняжескую Владимірскаю область князю Суздальскому, который получилъ ее не по отчиму и не по дѣдичу, повторяетъ лѣтописецъ, слѣдовательно безо всякаго права. Еще замѣчательнѣе здѣсь то, что добытъ у хана ярлыкъ не старшій изъ суздальскихъ князей—Андрей Константиновичъ, но младшій—Дмитрій. Андрей, по словамъ лѣтописца, не хотѣлъ взять ярлыка; есть извѣстіе, будто онъ говорилъ: „Доискиваться ярлыка—потратить только деньги, а потомъ, когда вырастетъ законный наслѣдникъ, Дмитрій Московскій, то надобно будетъ воевать съ нимъ, притомъ должно нарушить клятву, данную отцу его“³⁾. Дмитрій Константиновичъ думалъ иначе: онъ поѣхалъ во Владиміръ и, чтобы упрочить его за собою, остался жить въ этой древней столицѣ великокняжеской. Но Москва не думала уступать. Волею ея, привыкшіе быть боярами сильнѣйшихъ князей всея Руси, не хотѣли сойти на низшую степеню, а начали стараться добыть ярлыкъ своему князю. Малютка Дмитрій отправился въ Орду; но тамъ нельзя было ничего добиться при сильной смутѣ, когда одинъ ханъ смѣнялъ другого: Неврусь былъ свергнутъ и убитъ Заяцкимъ ханомъ Хидыремъ (Хидрбегъ), Хидырь былъ убитъ сыномъ своимъ Темиръ-Ходжею, наконецъ Орда раздѣлилась между двумя ханами: Абдуломъ (Abdullah), именемъ котораго правилъ сильный темникъ Мамай, и Мюридомъ. Московскіе бояре отправили пословъ къ послѣднему, и онъ далъ ярлыкъ малолѣтнему ихъ князю. Есть извѣстіе⁴⁾, что за Дмитрія Московскаго хлопотали въ Ордѣ также родственники его, князья ростовскіе и тверскіе, вѣроятно думавшіе, что гораздо безопаснѣе для нихъ имѣть на Владимірскомъ столѣ малютку, чѣмъ взрослого. Бояре посадили на коней всѣхъ трехъ

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 191.—Въ оба похода Псковичами предводительствовали князь Евстаіой. Подъ 1357 годомъ: «Прійхаше князь Василей Будиволла на княженіе во Псковъ».

²⁾ Мы видимъ, что Семенъ отказалъ свой участокъ женѣ своей Маріѣ, которая еще была жива, когда Іоаннъ писалъ свое завѣщаніе, и владѣла многими мѣстами въ участкѣ Дмитрія, почему и сказано, что по ея смерти всѣ ея владѣнія переходятъ къ Дмитрію; но она же, по завѣщанію мужа, должна была владѣть Можайскою и Коломенскою? Стало-быть, она уступила ихъ послѣ в. к. Ивану. Въ завѣщаніи послѣдняго упоминается еще о какой-то княгинѣ Ульянѣ, послѣ которой владѣнія раздѣляются между Дмитріемъ, Иваномъ и Владиміромъ, ибо на то была воля Калиты, т.-е. Калита далъ кн. Ульянѣ волости съ тѣмъ, чтобы, по ея смерти, онѣ были раздѣлены между его сыновьями, а теперь онѣ должны были дѣлиться между ихъ потомствомъ. Карамзинъ называетъ Ульяну женою Андреевою, что не можетъ быть принято, ибо Андрей женился въ 1348 году (Никон. III, 181), по смерти Калиты; и потому послѣдній не могъ распоряжаться дѣлами невѣстки, которой еще не было.

³⁾ Татищ. IV, 188.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 195.

малолѣтнихъ князей своихъ, Дмитрія, Ивана и Владиміра, и выступили съ ними на Дмитрія Константиновича. Послѣдній не могъ противиться московскимъ полкамъ, и внукъ Калиты получилъ великое княженіе Владимірское (1362 г.).

Такимъ образомъ, болре московскіе, упрочивъ первенство за молодымъ княземъ своимъ, оправдали отзывъ о нихъ Симеона Гордаго. Но кто же были эти бояре, которые, по выраженію Симеона, отду его добра хотѣли? Мы видѣли, что еще къ Юрію Даниловичу въ Москву пришелъ служить изъ Южной Руси бояринъ Родіонъ Несторовичъ. Въ 1340 году великій князь Іоаннъ Даниловичъ Калита отправилъ рать свою подѣ Смоленскъ съ двумя воеводами: Александромъ Ивановичемъ и Федоромъ Акиновичемъ. Послѣдній долженъ былъ сызмъ знаменитаго Акиноа, который, по неудовольствію на Родіона, отъѣхалъ въ Тверь и погибъ при Черяславлѣ; сыновья Акиноа могли перейти опять изъ Твери въ Москву, тѣмъ болѣе что лѣтописецъ упоминаетъ передъ тѣмъ объ отъѣздѣ многихъ тверскихихъ бояръ въ Москву, а что у Акиноа были два сына—Федоръ и Иванъ—это мы знаемъ также изъ лѣтописи ¹⁾. Въ 1348 году, вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ, ходилъ въ Новгородъ воеводоу изъ Москвы Иванъ Акиновичъ. Наконецъ мы видѣли дѣйствующимъ въ Ростовѣ бояриномъ Василія Кочеву. При Симеонѣ Гордомъ намѣстниками его въ Торжкѣ были Михаилъ Давыдовичъ и Иванъ Рыбкинъ, да сборщикъ податей Борисъ Семеновъ. Вознабравшись жениться на княжнѣ Тверской, Симеонъ послалъ за невестоу Андрея Кобылу и Алексѣя Босоволокова. Вскорѣ послѣ этого, по очень важному дѣлу,

Симеонъ отправилъ въ Орду Феодора Хлѣбовича (въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ—князя Феодора Глѣбовича, слѣд. Муромскаго) и съ нимъ киличевъ, или мечниковъ—Феодора Шубачева и Амниа. Въ 1352 году Симеонъ отправилъ въ Константинополь послами Дементія Давыдова и Юрія Воробьева; мы видѣли уже прежде одного Давыдовича—Михаила—намѣстникомъ въ Торжкѣ. Въ 1353 году намѣстникомъ Серпуховскаго князя въ Лопасиѣ былъ Михаилъ Александровичъ, тогда какъ прежде мы видѣли Александра воеводоу при Калитѣ. Большими боярами въ Москвѣ при Іоаннѣ Іоанновичѣ были, какъ мы видѣли, Михаилъ и зять его, Василій Васильевичъ, безспорно тысяцкій, родъ котораго производится отъ Протасія. Прѣхавшаго въ Москву съ княземъ Даниломъ Александровичемъ, и бывшаго здѣсь тысяцкимъ. Сынъ, его Василій, отецъ нашего Василія, по родословнымъ книгамъ, былъ также тысяцкимъ; отсюда объясняется соперничество и вражда этого рода съ Алексѣемъ Петровичемъ Хвостомъ; дѣдъ нашего Василія называется Протасіемъ въ родословныхъ книгахъ, въ лѣтописи же Вельяминомъ; могло быть, что онъ имѣлъ два имени по обычаю того времени. Въ духовной Калиты упоминается Борисъ Ворковъ, который служилъ великому князю и за это получилъ отъ него село въ Ростовской области. Свидѣтелями договора между великимъ княземъ Симеономъ и братьями его были: Василій... тысяцкій, Михаилъ Александровичъ... Васильевичъ, Василій Окальевичъ, Ананій Околицкій... Иванъ Михайловичъ ²⁾. Дьякомъ при Іоаннѣ Калитѣ былъ Кострома, при сынѣ его Іоаннѣ—Цестерко.

Г л а в а VII.

Княженіе Дмитрія Іоанновича Донскаго.

(1362—1389.)

Слѣдствія усиленія Москвы для другихъ княжествъ.—Св. Алексѣй и Св. Сергій.—Вторая борьба Москвы съ Тверью.— Война Рязанская.—Торжество Московскаго князя надъ Тверскимъ.—Событія въ Литвѣ по смерти Олгерда.—Борьба Москвы съ Ордоу.—Пораженіе Русскихъ на рѣкѣ Пялиѣ.—Побѣда ихъ на Вожѣ.—Куликовская битва.—Нашествіе Тохтамыша.—Сынъ в. князя въ Ордѣ.—Война съ Рязанью.—Событія въ Нижнемъ-Новгородѣ. Отношенія в. князя Дмитрія къ двоюродному брату Владиміру Андреевичу.—Уничтоженіе сана тысяцкаго и судъ боярина Вельяминова.—Отношеніе Москвы къ Новгороду.—Войны Пскова съ ливонскими Нѣмцами.—Событія въ Литвѣ.—Смерть в. князя Дмитрія и его завѣщаніе.—Значеніе княженія Дмитріева.—Московскіе бояре.

Преждевременная смерть Іоанна и малолѣтство сына его вмѣсто вреда, какого, повидимому, должно было ожидать отъ нихъ для Московскаго княжества, послужили только для того, чтобы показать всю силу послѣдняго; благодаря этой силѣ, сконченной дѣдомъ, дядею и отцомъ, одиннадцатилѣтній Дмитрій Московскій получилъ первенство между всѣми князьями Сѣверо-Восточной Руси. Мы видѣли, что бояре московскіе купили ярлыкъ для

своего князя у одного изъ хановъ—соперниковъ—Мюрида; но когда, въ 1363 году, во время пребыванія молодого Дмитрія во Владимірѣ, явился туда къ нему посоль изъ Мамаевъ Орды, отъ хана Абдула, съ ярлыками на великое княженіе Владимірское, то великій князь принялъ и этого посла съ честію и проводилъ съ дарами. Это разсердило Мюрида, который, чтобы отомстить Дмитрію Московскому, присталъ съ княземъ Иваномъ Бѣло-

¹⁾ Никон. III, 103.

²⁾ Точками означены слова, стертіяся въ подлинникѣ.

зерекимъ новый ярлыкъ на Владиміръ Дмитрію Суздальскому. Тотъ обрадованъ и съѣлъ другой разъ во Владимірѣ, но сидѣлъ только двѣнадцать дней, потому что Дмитрій Московскій опять пришелъ на него съ большимъ войскомъ, выгнать изъ Владиміра, осадилъ въ Суздаль, опустошилъ окрестности этого города, и взялъ наконецъ надъ его княземъ свою волю, по выраженію лѣтописца. Но если торжество Москвы надъ Тверью при Калитѣ сопровождалось бѣдою для другихъ князей, то и торжество внука Калитина надъ соперникомъ его, княземъ Суздальскимъ, имѣло такія же слѣдствія: подъ тѣмъ же 1363 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что Дмитрій Московскій взялъ свою волю надъ княземъ Константиномъ Ростовскимъ ⁴⁾, а князя Ивана Оедоровича Стародубскаго и Дмитрія Галицкаго выгналъ изъ ихъ княжествъ. Изгнанники удалились къ Дмитрію Константиновичу Суздальскому; во время удачныхъ союзовъ многихъ младшихъ князей противъ великаго прошло: Суздальскій князь, два раза уже испытать силу Москвы, не хотѣлъ начинать борьбы въ третій разъ; и потому, когда въ 1365 г. ему снова вынесли изъ Орды ярлыкъ на Владиміръ, онъ отказался навсегда отъ своихъ притязаній въ пользу Московскаго князя съ тѣмъ, чтобы тотъ помогъ ему управиться съ младшимъ братомъ, а въ 1366 году выдалъ дочь свою за Дмитрія Московскаго.

Между тѣмъ моровая язва сильно опустошила Россію, умерло много князей: молодой братъ Дмитрія Московскаго, Иванъ; Ростовскій князь Константинъ; тверскіе—Семенъ Константиновичъ, Всеволодъ, Андрей и Владиміръ Александровичи; Андрей Константиновичъ Суздальскій. Между оставшимися въ живыхъ князьямъ начались споры за выморочные удѣлы; древній Суздаль, подобно Ростову, давно уже утратилъ свое значеніе; старшіе князья жили и погребались не въ Суздаль и не въ Городицѣ, а въ Новгородѣ-Нижегемъ, уже тогда значительномъ по своей торговлѣ, благодаря выгодному положенію; старшій изъ Константиновичей—Андрей—княжилъ въ Нижнемъ, предоставивъ Суздаль младшему Дмитрію; но по смерти Андрея Нижнимъ овладевалъ третій, самый младшій братъ, Борисъ Константиновичъ; Дмитрій, не будучи въ силахъ самъ отнять у брата Нижній, посылалъ просить помощи въ Москву. Дмитрій Московскій (четырнадцатилѣтній) отиранилъ къ Константиновичамъ пословъ съ увѣщаніемъ помириться и подѣлиться вотчиною; но Борисъ не послушался. Тогда Москва употребила другую силу: митрополитъ Алексѣй отнялъ епископію Нижегородскую и Городецкую у Суздальскаго владыки Алексѣя, и, въ то же время, посломъ отъ Московскаго князя явился въ Нижнемъ прещодобный Сергій, игуменъ Радонеж-

скій; онъ позвалъ Бориса Константиновича въ Москву, и когда тотъ не послушался, то Сергій, по приказу митрополита и великаго князя Московскаго, затворилъ все церкви въ Нижнемъ. Послѣ этого присланы были изъ Москвы полки на помощь Дмитрію Константиновичу, а когда послѣдній приблизился съ ними и своею ратью къ Нижнему, то Борисъ вышелъ къ нему на встрѣчу съ поклонами и покореніемъ, уступая ему захваченную волость. Дмитрій помирился съ нимъ, взялъ себѣ Нижній, а брата отдалъ Городецъ.

Въ Твери князь Василій Михайловичъ началъ опять войну съ племянниками Александровичами: въ 1363 году онъ пошелъ-было съ войскомъ на Михаила Александровича, князя Миклулинскаго, но скоро помирился съ нимъ. Смерть князя Семена Константиновича подала новый поводъ къ борьбѣ, потому что Семень отказалъ удѣлъ свой двоюродному брату Михаилу Александровичу, иммо дядя Василія и роднаго брата Еремѣя Константиновича. Въ 1366 году Василій и Еремѣй начали споръ, который былъ отданъ на рѣшеніе Тверскаго владыки Василія: Василій судилъ князей по благословенію и повелѣнію митрополита, и оправилъ князя Михаила Александровича. Но этотъ князь былъ самый дѣятельный и смѣлый изъ всѣхъ потомковъ Св. Михаила, и потому менѣе другихъ былъ способенъ терпѣть насилія отъ могущественной Москвы. Подъ 1367 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что князь Дмитрій Ивановичъ Московскій заложилъ у себя каменный кремль, и всѣхъ князей русскихъ приводилъ подъ свою волю, посягнувъ и на князя Михаила Александровича Тверскаго. Михаилъ рѣшился на борьбу, но, разувѣтая, онъ не могъ противиться Москвѣ собственными силами и потому обратился къ зятю своему, Олгерду Литовскому; слѣдовательно на эту вторую борьбу Твери съ Москвою мы должны смотрѣть собственно, какъ на борьбу Московскаго князя съ Литовскимъ по поводу Тверскаго князя. Михаилъ уѣхалъ въ Литву; этимъ воспользовались князья Василій и Еремѣй, чтобы съ помощію Москвы низложить соперника; прежде всего они позвали владыку Василія въ Москву на судъ къ митрополиту, зачѣмъ же по правдѣ рѣшилъ споръ объ удѣлѣ Семена Константиновича. За это рѣшеніе владыка Василій понесъ большіе убытки (проторъ великъ) въ Москвѣ; жители Твери испытали также большую бѣду: князь Василій съ сыномъ Михаиломъ, съ княземъ Еремѣемъ, со всею силою кашинскою и съ полками московскими, пріѣхалъ въ Тверь, многихъ людей мучилъ и грабилъ безъ милости; приступалъ и къ крѣпости, но не могъ ея взять, опустошилъ только волости и села, и много народу поведено было тогда въ плѣнъ войсками московскими и волоцкими, которыхъ погнали и поплѣнили по сию сторону Волги, не исключая и волостей, принадлежащихъ церкви Св. Спаса. Изъ этихъ словъ лѣтописца мы видимъ, что Тверь не принадлежала болѣе Василію, но Михаилу; когда произошла эта перемиѣна, мы не знаемъ; быть мо-

⁴⁾ Который велъ усобицу съ родичами. Сбившія подробности объ этой усобицѣ собраны у Арцыбаш. II, прѣмѣч. 795, 797.

жетъ она-то и повела къ враждебнымъ столкнове-
ніямъ Михаила съ Москвою.

Въ этомъ же году Михаилъ пришелъ назадъ съ полками литовскими, захватилъ въ плѣнъ женъ— Еремѣену и Васильеву, бояръ и слугъ ихъ, и отправился съ своею ратью в литовскую къ Кашину. Но на дорогѣ, въ селѣ Андреевомъ, ждали его послы отъ дяди и отъ Тверскаго епископа Василія; Богъ, по словамъ лѣтописца, утишилъ ярость Михаилу, и онъ помирился съ дядею, а потомъ помирился и съ двоюроднымъ братомъ Еремѣемъ, и съ Московскимъ княземъ Дмитріемъ. Но еще годъ не кончился, какъ Еремѣй сложилъ съ себя крестное цѣлованіе къ Михаилу Александровичу и уѣхалъ въ Москву. Въ 1368 году великій князь Дмитрій и митрополитъ Алексѣй звали ласкою къ себѣ въ Москву князя Михаила на третейскій судъ; послѣ этого суда Тверскаго князя схватили вмѣстѣ со всѣми боярами и посадили въ заключеніе; но вдругъ узнали о неожиданномъ пріѣздѣ трехъ князей ордынскихъ. Этотъ пріѣздъ напугалъ враговъ Михаила, и они выпустили его на свободу, заставивши отказаться отъ Городка ¹⁾, части удѣла Семена Константиновича, гдѣ великій князь Дмитрій посадилъ намѣстника своего вмѣстѣ съ княземъ Еремѣемъ. Помянуто, что Михаилъ выѣхалъ изъ Москвы непримиримымъ врагомъ ея князю ²⁾, который снѣвшилъ предупредить его, пославши сильное войско на его волость. Михаилъ и на этотъ разъ ушелъ въ Литву, и сталъ управивать со слезами Олгерда, чтобъ тотъ оборонилъ его, пошелъ войною на Москву, отжалъ Дмитрію; научилъ и сестру свою управивать мужа, и тотъ рѣшился исполнить ихъ просьбу, тѣмъ болѣе что еще съ 1363 года встрѣчаемъ извѣстія о враждебныхъ столкновенияхъ Литвы съ Москвою.

У Олгерда Гедиминовича, говорить лѣтописецъ, былъ такой обычай, что никто не зналъ, ни свон, ни чужіе, куда онъ замышляетъ походы, на что собирать большое войско; этою-то хитростью онъ и забралъ города и земли, и поплѣнилъ многія страны: воевалъ онъ не столько силою, сколько мудро-стію. Такъ и на этотъ разъ Дмитрій Московскій узналъ о замыслахъ Олгердовыхъ, когда уже тотъ стоялъ на границѣ, съ братомъ Кейстутомъ, молодымъ сыномъ его Витовтомъ, своими сыновьями, другими князьями литовскими, Михаиломъ Тверскимъ и полками смоленскими. Великій князь разо-чалъ по всѣмъ городамъ грамоты для сбора войска; но ратники не успѣли прійти изъ дальнихъ мѣстъ, и Дмитрій могъ выслать противъ Олгерда

въ заставу только сторожевой полкъ изъ Мо-сквичей, Коломенцевъ и Дмитровцевъ, подъ началь-ствомъ своего воеводы Дмитрія Мишина и воеводы двоюроднаго брата, Владиміра Андреевича—Акипа Оedorовича Шубы. Между тѣмъ Олгердъ уже воевалъ порубежныя мѣста, т.-е. жегъ, грабилъ, сѣкъ; встрѣтился съ княземъ Семеномъ Дмитріевичемъ Стародубскимъ—Кранивою и убилъ его, потомъ въ Оболенскѣ убилъ князя Константина Юрьевича, на-коонецъ, 21 ноября, на рѣкѣ Троснѣ, встрѣтилъ мо-сковскій сторожевой полкъ и разбилъ его; князя, воеводы и бояре всѣ погибли ³⁾. Узнавши здѣсь, что Дмитрій не успѣлъ собрать большаго войска и заперся въ Москвѣ, Олгердъ быстро пошелъ къ этому городу, гдѣ Дмитрій велѣлъ пожечь посады, а самъ съ митрополитомъ, двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, со всѣми боярами и со всѣми людьми затворился въ новомъ кремлѣ. Три дня стоялъ подъ нимъ Олгердъ, взять его не могъ, но страшно опустошилъ окрестности, повелъ въ плѣнъ безчисленное множество народа, погналъ съ собою и весь скотъ. Впервые, по прошествіи сорока лѣтъ, то-есть начиная отъ перваго года княженія Калиты, Московское княжество испытало теперь непріятельское нашествіе. Михаилъ Твер-ской былъ отомщенъ, Дмитрій принужденъ былъ уступить ему Городокъ и всѣ части удѣла Семена Константиновича; дядя его, Василій Кашиинскій, умеръ еще прежде похода Олгердова, оставивъ удѣлъ свой сыну Михаилу, который, въ слѣдую-щемъ 1360 году, уже пріѣзжалъ въ Москву жало-ваться митрополиту Алексѣю на владыку своего Василія.

Олгердъ не могъ стоять болѣе трехъ дней подъ Москвою, потому что на западъ Нѣмцы не давали ему отдыха. Еще въ 1362 году они взяли Ковно, а въ 1369 году въ мѣлѣ отъ этого города заложили замокъ Готтесвердеръ. Олгердъ и Кейстутъ поспѣшили взять его, но принуждены были снова отстать Нѣмцамъ. Въ 1370 году сильное ополченіе, состоявшее изъ Литвы, Жмуди, Руси и Татаръ, подъ предводительствомъ Олгерда, Кейстута и двоихъ молодыхъ сыновей ихъ, Ягайла и Витовта, вторгнулось въ Пруссію, гдѣ великій магистръ встрѣтилъ его подъ замкомъ Рудауо и поразилъ на-голову. Въ это время, Москва, отдохнувши годъ, начала наступательное движеніе; ея войска, вмѣ-стѣ съ Волочанами, воевали Смоленскія волости, вѣроятно мѣтя ихъ князю за союзъ съ Олгердомъ; потомъ Дмитрій посылалъ рать къ Брянску; на-коонецъ, въ августѣ 1370 года, послалъ объявить

¹⁾ Можно думать, что это Старица, см. Арцб. II, прил. г. 827.

²⁾ Никон. IV, 19: «Князь же Михайло Ал. Твер. о томъ весьма яжалъсь, и по любезно бысть ему сію, и негодова-ваше о семъ. И положи то въ измѣну и въ нечестивъ подвижесъ и разирише про то нача изѣти къ в. князю Дх. Цв., гнѣвашекеса и жаловашекеса пашаче на митрополита глаголя, колнку любовь и вѣру нмѣхъ паче всѣхъ къ митрополиту сему и онъ толку яя посерами и поруга.»

³⁾ Никон. IV, 21: «На стрѣжи уби князя Сем. Дмитр. Старод., нарицаемаго Краниву (сынъ Дмитрія Оedorовича, племеникъ Ивана), во власти глаголеми Хохлакъ; и по-томъ въ Оболенскѣ уби князя Константина Юрьева сына, внука Михаила Черниговскаго.—Оболенскъ недалеко отъ устья Протвы въ Оку; рѣка Тросна въ Русскоцъ уѣздѣ Московск. губерніи.—Хохлакъ выходила въ Можайскій волости, см. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 82. Это должно быть лишніи Хохла въ Гжатскомъ уѣздѣ, см. л. XLV Свен. Кар. Зап. Росс.

войну Михаилу Тверскому, который, по обычаю, слѣдшилъ уйти въ Литву, а московскія войска, по обычаю, опустошили Тверскую волость. Но это была только еще часть рати; скоро самъ великій князь Димитрій явился въ тверскихъ владѣнiяхъ съ большою силою, взялъ и пожегъ города—Зубцовъ, Микулинъ, пожегъ также всѣ волости и села, а людей многое множество вывелъ въ свою землю со всѣмъ ихъ богатствомъ и скотомъ.

Сильно опечалился и оскорбился Михаилъ, когда пришло къ нему въ Литву извѣстiе о странномъ опустошенiи Тверской волости. Отъ Олгерда нельзя было надѣяться помощи въ настоящую минуту, потому что онъ занятъ былъ вѣмьскими дѣлами, и вотъ Михаилъ вздумалъ попытаться, нельзя ли оборотить Димитрія старымъ средствомъ — Ордою; онъ поѣхалъ туда; но прiатели изъ Москвы дали ему вѣсть, что повсюду на дорогѣ разставлены заставы московскiя, чтобъ перехватить его. Михаилъ возвратился опять въ Литву, опять сталъ кланяться Олгерду, и на этотъ разъ съ успѣхомъ. Зимомъ, въ Рождественскiй постъ, Олгердъ двинулся на Москву съ братомъ Кейстутомъ, съ Михаиломъ Тверскимъ и Святославомъ Смоленскимъ. Они подошли къ Волоку-Дамскому, пожгли посадь, окрестности, но, простоявъ три дня полъ городомъ⁴⁾, не взяли его и пошли дальше къ Москвѣ, которую осадили 6 декабря. В. князь Димитрій и на этотъ разъ заперся съ кремлѣмъ московскомъ; но братъ его, Владимиръ Андреевичъ, стоялъ въ Перемышлѣ, собирая силу; къ нему на помощь пришелъ князь Владимиръ Димитриевичъ Пронскiй и полки Олега Ивановича Рязанскаго. Олгердъ испугался, услышавъ о смотрахъ въ Перемышлѣ, и сталъ просить мира, предлагая выдать дочь свою за князя Владимира Андреевича; но в. князь Димитрій, вмѣсто вѣчнаго мира, согласился только на перемирие до Петрова дня. Олгердъ двинулся назадъ и шелъ съ большою осторожностью, озираясь на всѣ стороны, боясь за собою погони.

Михаилъ Тверской возвратился въ Тверь, также помирившись съ Димитриемъ; но испугъ Олгерда и желанiе Литовскаго князя породниться съ Московскимъ показывали ему, что надобно искать помощи въ другой сторонѣ: весной 1371 года онъ исполнилъ прежнее свое намѣренiе, отправился въ Орду и возвратился оттуда съ ярлыкомъ на великое княженiе Владимирское и съ посломъ ханскимъ Сарыхожею. Но Димитрій Московскiй по всѣмъ городамъ взялъ присягу съ бояръ и черныхъ людей не предаваться Тверскому князю и не цускать его на Владимирское княженiе, а самъ съ братомъ Владимиромъ сталъ съ войсками въ Черяславѣ. Вла-

димирцы, исполняя присягу, не пустили къ себѣ Михаила, и когда Сарыхожа послалъ звать Димитрія во Владимиръ къ ярлыку, то Московскiй князь велѣлъ отвѣчать ему: „Къ ярлыку не ѣду, Михаилу на княженiе Владимирское не пушу; а тебѣ послу путь чистъ.“ Сарыхожа сначала не хотѣлъ вѣхать къ Димитрию, но потомъ прельстился дарами и, отдавши ярлыкъ Михаилу, поѣхалъ изъ Мологи въ Москву, а Михаилъ, недовольный оборотомъ дѣла, повоевалъ Кострому, Мологу, Угличъ, Вѣженскiй Верхъ²⁾, и, возвратясь въ Тверь, отправилъ въ Орду сына своего Ивана. Между тѣмъ Сарыхожа пировалъ въ Москвѣ у Димитрія, набралъ у него много даровъ и, возвратясь въ Орду, началъ расхваливать Московскаго князя, его добрый нравъ и смиренiе. Вѣроятно обладаженный Сарыхожею въ добромъ прiемѣ, Димитрій самъ рѣшился отправиться въ Орду, чтобъ положить конецъ проискамъ Михаиловымъ. Митрополитъ Алексѣй проводилъ его до Оки и, давъ благословенiе на путь, возвратился въ Москву, куда въ это время прiѣхали послы литовскiе обручать Олгердову дочь Елену за князя Владимира Андреевича.

Въ Ордѣ Московскiй князь успѣлъ задобрить и Мамай, и хана, и ханшъ, и всѣхъ князей; пожалованъ былъ опять великимъ княженiемъ Владимирскимъ и отпущенъ съ большою честiю, а Тверскому князю ханъ послалъ сказать: „Мы тебѣ дали великое княженiе, давали и войско, чтобъ посадить тебя на немъ; но ты войска нашего не взялъ, говорилъ, что сядешь одною своею силою; такъ сиди теперь съ кѣмъ хочешь, а отъ насъ помощи не жди.“ Молодой Тверской князь Иванъ задолжалъ въ Ордѣ 10,000 рублей: Димитрій Московскiй заплатилъ эти деньги и взялъ Ивана съ собою въ Москву, гдѣ онъ сидѣлъ на дворѣ митрополичьемъ до тѣхъ поръ, пока отецъ не выкупилъ его. Для насъ здѣсь важно то, что Тверской князь принужденъ былъ задолжать въ Ордѣ 10,000 р., а Московскiй имѣлъ средства выкупить его—борьба была неравная! Такимъ образомъ, говоритъ лѣтописецъ, великiй князь Димитрій твердо укрѣпилъ подъ собою великое княженiе, а враговъ своихъ посрамилъ. По одного посрамленiя было мало: въ Вѣжецкомъ Верхѣ Тверской князь держалъ своего намѣстника, и Димитрій отправилъ туда войско. Намѣстникъ Михайловъ былъ убитъ, Тверскiя волости пограблены; но война рязанская пошла въ Тверской. Мы видѣли, что, во время втораго нашествiя Олгердова, князь Пронскiй вѣстѣ съ рязанскими полками приходилъ на помощь войску московскому, собиравшемуся въ Перемышлѣ; но послѣ доброе согласiе между Москвою и Рязанью было нарушено неизвѣстно по какимъ причинамъ, и въ 1371 году, въ декабрѣ, великiй князь отправилъ на Олега Рязанскаго воеводу своего, Димитрія Михайловича Волынскаго, съ большимъ войскомъ; Олегъ собралъ также большое войско и вы-

⁴⁾ Никон. IV, стр. 27: «Тогда жь ранецъ бысть князь Василей Ивановичъ Березувскiй у града у Волока; стоящу убо на мосту предъ градомъ, и се внезапно тайно пазъ подмостья, сквозѣ мостъ, Литвишъ прободѣ его конемъ. Онъ же извѣвъ вѣдо неизъомже, и въ той часъ пострижеса въ вчоческiй чинъ, и преставися». Въ родословной сказано только, что родъ князей Оюмскихъ и Березувскихъ отъ князя Константина Березувскаго.

²⁾ Село Вѣжицы, Тверской губерни, Вѣжецкаго уѣзда.

шелъ на-встрѣчу московскимъ полкамъ ¹⁾, приче-
мъ, по словамъ лѣтописца, Рязанцы говорили другъ
другу: «Не берите съ собою ни доспѣховъ, ни щито-
въ, ни коней, ни сабель, ни стрѣлъ,—берите толь-
ко ремни да веревки, чѣмъ вязать боязливыхъ и
слабыхъ Москвичей». Московскій лѣтописецъ по-
благодарилъ ихъ за такое мнѣніе въ слѣдующихъ
выраженіяхъ: «Рязанцы люди суровые, свирѣпые,
высокоумные, гордые, чайтельные, вознесшихъ
умомъ и возгордившихъ величаніемъ, помыслили въ
высокоуміи своемъ полуумные людѣща, какъ чу-
дѣща». «Господь низложилъ гордыхъ, продолжаетъ
лѣтописецъ: въ злой сѣчѣ Рязанцы пали какъ сно-
пы, и самъ князь Олегъ едва спасся бѣствомъ съ
небольшою дружиною ²⁾. Мы видѣли, что въ Ря-
зани шла постоянная вражда между двумя княже-
скими линіями, Рязанскою и Пронскою; эта борьба
помогала Москвѣ точно такъ, какъ въ Твери по-
могали ей усобицы между князьями тверскими и
кашинскими. Какъ только князь Владиміръ Дми-
трійевичъ Пронскій узналъ о бѣдѣ Олеговой, то
явился въ Рязани и сѣлъ здѣсь на княженіи; но
Олегъ скоро выгналъ его, взялъ въ плѣнъ и при-
велъ въ свою волю.

По окончаніи войны рязанской, въ 1372 году,
началась опять война тверская. Князю Михаилу
Александровичу удалось снова заключить союзъ съ
Литвою, и, въ надеждѣ на него, онъ началъ насту-
пательное движеніе,—послалъ племянника своего,
Дмитрія Еремѣвича, съ войскомъ къ городу Кіе-
стмѣ ³⁾, воеводы котораго были схвачены и приве-
дены въ Тверь. Тотчасъ послѣ этого князь Ми-
хائлъ Васильевичъ Кашинскій отправилъ пословъ
въ Москву, заключилъ миръ съ княземъ Дмитріемъ и
сложилъ крестное цѣлованіе къ князю Михаилу.
Тверской князь не удовольствовался Кіестмою; онъ
пошелъ самъ къ Дмитрову, взялъ съ города окупъ,
посады, волости и села пожечь, бояръ и людей по-
бралъ въ плѣнъ. Въ то же время онъ подвѣлъ тай-
но подъ Черяславъ рать литовскую—Олгердова
брата Кейстута съ сыномъ Витовтомъ, Андрея Ол-
гердовича Полоцкаго и Дмитрія Друцкаго. Черя-
славъ имѣлъ участъ Дмитрова; скоро раздѣлилъ
се и Кашинъ, котораго князь принужденъ былъ
подчиниться Михаилу и опять цѣловать ему крестъ.
Отъ Кашина союзники пошли къ Торжку, взяли
его, и Тверской князь посадилъ въ немъ своихъ на-
мѣстниковъ. Но въ Петровъ пость явились въ Тор-
жокъ Новгородцы, укрѣпились съ Новоторжцами
крестнымъ цѣлованіемъ, выслали намѣстниковъ
Михайловыхъ изъ города, а кунцовъ тверскихъ и

другихъ людей пограбили и побили, послѣ чего
укрѣпили городъ и сѣли въ немъ дожидаться при-
хода Михайлова. 31-го мая пришелъ Михайлъ подъ
Торжокъ и послалъ сказать гражданамъ, чтобъ вы-
дали ему тѣхъ, которые били и грабили Тверичей,
и чтобъ приняли опить его намѣстниковъ, послѣ
чего онъ оставитъ ихъ въ покоѣ. Новгородцы не
согласились и вышли на бой: первый встрѣтилъ
Тверичей на Подолѣ Александръ Абакумовичъ, и
паль костью за Св. Спаса и за обиду новгородскую,
трое товаришей его были также убиты, и Новго-
родцы потеряли совершенное поражение: одни по-
бѣжали въ поле по новгородской дорогѣ, другіе за-
перлись въ крѣпости (городѣ) торжокской. Но Тве-
ричи скоро зажгли посадъ, сильный вѣтеръ потя-
нулъ на городъ, и пошелъ огонь по всему городу;
несчастные Новгородцы побросались оттуда съ же-
нами и дѣтьми прямо въ руки врагамъ; иные сго-
рѣли, другіе задохнулись въ церкви Св. Спаса или
перетонули въ рѣкѣ; добрыя женщины и дѣвчцы,
видя себя раздѣтыми до-нага, отъ стыда сами бро-
сались въ рѣку; Тверичи до-нага обдирали всѣхъ,
даже чернецовъ и черницъ; вконныхъ окладовъ и
всякаго серебра много побрали, чего и поганые не
дѣлаютъ, заключаетъ лѣтописецъ; кто изъ остав-
шихся въ живыхъ не поплачетъ, видя, сколько лю-
дей приняло горькую смерть, святая церковь пож-
жены, городъ весь пустъ? И отъ юганыхъ ни-
когда не бывало такого зла; убитыхъ, погорѣлыхъ,
утопихъ наметали пять скудельницъ, а иные сго-
рѣли безъ остатка, другіе потонули и безъ вѣсти
поплыли внизъ по Тверцѣ,

Истребивши Торжокъ, Михайлъ отправился для
соединенія съ Олгердомъ, который стоялъ у Лю-
бутска ⁴⁾. На этотъ разъ Дмитрій приготовился,
встрѣтилъ съ сильнымъ войскомъ Олгерда у Лю-
бутска и разбилъ сторожевой полкъ литовскій. Все
войско литовское переполошилось, самъ Олгердъ
побѣжалъ и остановился за крутымъ и глубокимъ
оврагомъ, который не допустилъ неприятелей до
битвы: много дней Литва и Москвичи стояли въ без-
дѣйствіи другъ противъ друга, наконецъ заклю-
чили миръ и разошлись Миръ, или, лучше сказать,
перемірие, было заключено на короткій срокъ: отъ
31 іюля по 26 октября (отъ Сножня заговѣнья
до Дмитріева дня). Договоръ заключенъ отъ имени
Олгерда, Кейстута и Смоленскаго великаго князя
Святослава Ивановича, въ него включены также:
князь Михайлъ Тверской, Дмитрій Брянскій и тѣ
князья, которые будутъ въ имени Олгерда и
Святослава Смоленскаго; трое князей рязанскихъ,
которые одинаково называются волскими ⁵⁾, нахо-
дятся на сторонѣ Дмитрія Московскаго. Олгердъ
поручился, что Михайлъ Тверской возвратитъ все
пограбленное имъ въ волостяхъ московскихъ, и
сведетъ оттуда своихъ намѣстниковъ и волостелей.
Если Михайлъ въ перемірный срокъ стаетъ гра-

¹⁾ У Скорпищева.

²⁾ Никон. IV, 32: «Рязанцы убо махающеся вьенми и
ремьемъ и ужици, и ничтоже усѣшна, во падоша жертви
аки снопы, аки свиньи заклаши быша».—Выходитъ, какъ
будто Рязанцы въ самомъ дѣлѣ вѣсего оружія взяли ремни
да веревки.—Вѣтъ можетъ, рязанскіе ратники въ Скорпи-
щевской битвѣ впервые употребили арканъ.

³⁾ Рѣчка Кесма впадаетъ въ Мологу, верстѣ около 10
ниже Вьсегонска, Тверской губерніи; есть и село Кесма
Вьсегонскаго уѣзда. Арцыб. II, примѣч. 852.

⁴⁾ Село Любудское, въ Калужскомъ уѣздѣ.

⁵⁾ Олегъ, Ромаиъ и Владиміръ Пронскій.

бить волости Дмитрія, то послѣдній волею развѣдываться съ нимъ, и литовскіе князья за него не вступятся. Дмитрій предоставилъ себѣ также право покончить съ Михаиломъ посредствомъ хана: „А что пошла въ Орду къ царю люди жаловаться на князя Михаила, то мы въ Божіей волѣ и въ царевой,—какъ повелитъ, такъ мы и будемъ дѣлать, а то отъ насъ не въ измѣну“.

Раздоры между княземъ Тверскимъ и Кашинскимъ не допустили до продолжительнаго мира, ибо если князь Тверской отъ притѣсеній Москвы находилъ защиту въ Литвѣ, то слабый князь Кашинский отъ притѣсеній Твери искалъ постоянно защиты въ Москвѣ. Подъ 1373 годомъ опять встречаемъ извѣстіе, что князь Михаилъ Васильевичъ Кашинский сложилъ крестное цѣлованіе къ Михаилу Тверскому и уѣхалъ въ Москву, а изъ Москвы отправился въ Орду, откуда возвратился въ Кашинь неизвѣстно съ чѣмъ. Скоро послѣ этого онъ умеръ, а сынъ его, Василій, по совѣту бабки и бояръ, пріѣхалъ въ Тверь къ князю Михаилу Александровичу съ челобитьемъ, и отдался въ его волю; за этимъ примиреніемъ послѣдовало и примиреніе Тверскаго князя съ Московскимъ. Дмитрій отпустилъ изъ Москвы сына Михаилава Ивана, приведеннаго, какъ мы видѣли, изъ Орды¹⁾; а Михаилъ вывелъ своихъ наместниковъ изъ занятыхъ имъ волостей великокняжескихъ. Но на слѣдующій годъ молодой Кашинский князь Василій Михайловичъ побѣжалъ изъ Твери въ Москву; за то теперь и Тверской князь пошелъ внутри самой Москвы враговъ Дмитрію. По поводу насильственной смерти тысяцкаго Алексѣя Петровича, мы упоминали о важномъ и опасномъ значеніи этого сановника. Въ 1374 г. умеръ тысяцкій Василій Васильевичъ Вельямновъ, и в. князь не назначилъ другого на его мѣсто, которое по всѣмъ вѣроятностямъ надѣялся занять сынъ покойнаго, Иванъ. Обманутый въ этой надеждѣ, онъ сговорился съ другимъ недовольнымъ, Некоматомъ Сурожаниномъ, то-есть купцомъ, торгующимъ дорожными южными товарами, и въ 1375 г. бѣжалъ оба къ Тверскому князю, со многу лежо и льстивыми словами, и отъ этого загорѣлся огонь, по выраженію лѣтописца. Михаилъ Александровичъ, повѣривъ льстивымъ словамъ московскихъ бѣглецовъ, отправилъ Вельямнова съ Некоматомъ къ хану, а самъ побѣжалъ въ Литву, гдѣ, пробывши малое время, возвратился въ Тверь; скоро возвратился изъ Орды и Некоматъ съ ханскимъ посломъ и ярлыкомъ Михаилу на великое княженіе Влади-

мирское, и на великую погибль христіанскую, говорить лѣтописецъ. Тогда Михаилъ, увѣренный, какъ видно, въ помощи и съ востока, и съ запада, послалъ объявить войну Дмитрію Московскому, и въ то же время отправилъ наместниковъ въ Торжокъ и рать въ Угличъ.

Но помощь не приходила къ нему ни съ востока, ни съ запада, а между тѣмъ Дмитрій собрался со всею силою и двинулся къ Волоку-Дамскому, куда пришли къ нему князья: тестъ его Дмитрій Константиновичъ Суздальскій съ двумя братьями и сыномъ, двоюродный братъ Владиміръ Андреевичъ Серпуховской, трое князей ростовскихъ, князь Смоленскій, двое князей ярославскихъ, князь Вяземскій, Кашинский, Моложскій, Стародубскій, Брянскій, Новосильскій, Оболенскій и Торусскій. По словамъ лѣтописца, всѣ эти князья сильно сердились на Михаила Тверскаго за то, что онъ прежде нѣсколько разъ приводилъ Литву, надѣлавшую столько зла христіанамъ, а теперь соединился съ Мамаемъ; но, съ другой стороны, замѣтимъ, что нѣкоторые изъ этихъ князей были подручники Дмитрія и не могли ослушаться его приказанія, нѣкоторые же были только по имени князьями извѣстныхъ волостей, какъ, напримѣръ, князь Стародубскій, а Вяземскъ былъ купленъ еще Калитюю. — Всѣ эти князья двинулись изъ Волока къ Твери и стали воевать, взяли Микулинъ, поплѣнили и пожгли окружныя мѣста, наконецъ осадили Тверь, гдѣ заперся князь Михаилъ. Обнеси весь городъ тыномъ, наведя два большихъ моста на Волгѣ, Дмитрій послалъ за Новгородцами; тѣ, желая почтить великаго князя и вмѣстѣ отомстить Тверичамъ за торжеское поражение, собрались въ три дня, пришли къ Твери и много надѣлали зла. Тогда осаждающіе приступили со всѣми силами къ городу, приставили туры, приметали приметъ около всей крѣпости, зажгли мостъ у Тмакскихъ воротъ и стрѣльницы; но осажденные—хотя съ большимъ трудомъ—потушили пожаръ, и когда Дмитріева рать немного отступила отъ крѣпости, то Михаилъ сдѣлалъ изъ нея удачную вылазку, посякъ туры, другіе пожегъ и побилъ много людей у осаждающихъ. Но этого успѣхъ не принесъ ему пользы: волость его была опустошена въ-концѣ, города Зубцовъ, Вязьгородъ и Городокъ (Старица) взяты; онъ все ждалъ помощи изъ Литвы и отъ хана; литовскіе полки пришли, но, услыхавъ, какая безчисленная рать стоитъ у Твери, испугались и ушли назадъ. Тогда Михаилъ, потерявъ послѣднюю надежду, отправилъ владыку Евонію и большихъ бояръ своихъ къ Дмитрію просить мира, отдаваясь во всю волю Московскаго князя²⁾, и тотъ заключилъ съ ними миръ, котораго условія дошли до насъ. Независимый в. князь Тверской, соперникъ Московскаго по Владимірскому великому княженію, не утрачивая своего названія „великій князь“, обязывается считать себя младшимъ

¹⁾ И Карамзинъ, и Арцибашевъ, каждый съ особой стороны, несправедливо заоднопривають здѣсь извѣстія Никоновской лѣтописи. Карамзинъ хочетъ положить освобожденіе Ивана гораздо прежде; но какъ могло это случиться, когда до сихъ поръ не было мира между Михаиломъ и Дмитріемъ? Арцибашевъ же не хочетъ допустить извѣстіе о мирѣ, полагая, что миръ былъ заключенъ вмѣстѣ съ Олгердомъ; но въ самомъ договорѣ предположена возможность, что Михаилъ будетъ продолжать непріятельскія дѣйствія, притомъ же заключенъ былъ не миръ, а краткое перемиріе.

²⁾ По словамъ Новгородскаго лѣтописца, Михаилъ Тверской сталъ просить мира, испугавшись приближенія новгородской рати.

братомъ Димитрія, равнымъ младшему двоюродному брату послѣдняго, удѣльному — Владиміру Андреевичу. Обязанности младшаго брата къ старшему опредѣлены: когда великій князь Московскій или братъ его выступаютъ въ походъ, то и Тверской князь обязанъ садиться на коня; если пошлютъ воеводъ, то и онъ обязанъ послать своихъ воеводъ. Михаилъ обязался не искать ни Москвы, ни великаго княженія Московскаго, ни Новгородъ, обязался не только за себя, но и за дѣтей своихъ и племянниковъ; обязался самъ не искать великаго княженія Владимірскаго и не принимать его отъ Татаръ, за что Димитрій, съ своей стороны, обѣщался не принимать Твери отъ Татаръ. Но онъ вытребовалъ, чтобъ княжество Кашинское было независимо отъ Тверскаго, — условіе важное, выгодное для Москвы, тяжкое для Тверскаго княжества, которое обезнживалось раздробленіемъ на двѣ волости независимыя: „Въ Кашинъ тебѣ не вступаться, и что поглянуло къ Кашину, то вѣдаешь в отчичь князь Василій, и выходомъ не надобно Кашину тянуть къ Твери; князя Василія тебѣ не обижать, а будешь обижать, то стану его оборонять“. Также важное условіе постановлено относительно Татаръ: „Будемъ ли мы въ мирѣ съ Татарамъ—это зависитъ отъ насъ; дадимъ ли выходъ—это зависить отъ насъ; не захотимъ дать—это зависить также отъ насъ. Если же Татары пойдутъ на насъ или тебѣ, то намъ биться вмѣстѣ; если же мы пойдёмъ на нихъ, то и тебѣ идти съ нами вмѣстѣ“ Михаилъ отказался отъ союза съ Олгердомъ, его братьями, дѣтьми и племянниками, — мало того, обязался воевать съ Литвою, если она нападаетъ на Московскаго или на Смоленскаго князя. Съ великимъ Новгородомъ и Торжкомъ Тверской князь обязался жить по старинѣ и въ мирѣ, и возвратитъ всё церковныя вещи, пограбленныя въ Торжкѣ во время его взятія, также все пограбленное послѣ мира 1373 года. Право отъѣзда отъ одного князя къ другому съ удержаніемъ сель въ прежнихъ волостяхъ утверждено за боярами и слугами вольными, за исключеніемъ Ивана Васильевича Вельяминова и Некомата, села которыхъ удержалъ Московскій князь за собою. Замѣчательно, что, при затрудненіяхъ въ смѣсномъ судѣ, дѣла Москвитянъ и Тверщичей положено отдавать на рѣшеніе великаго князя Рязанскаго Олега ¹⁾.

Такъ счастливо для Москвы кончилась борьба съ Тверью, т. е. съ Литвою, по поводу Твери. Въ томъ же году Олгердъ попустилъ Смоленскую волость за то, что князь ея воевалъ противъ Михаила Тверскаго; съ другой стороны, Татары опустили волости Нижегородскую и Новосильскую за то же самое; но Московскій князь оставался въ покоѣ, и въ 1376 году посылалъ Владиміра Андреевича съ войскомъ ко Ржеву; Серпуховскій князь, по обычаю, пожегъ посадь, но, простоявъ три дня подъ крѣпостью, возвратился назадъ. Тверской князь не думалъ разрывать союза съ Литвою: еще въ 1375 г.

въ Тверь приведена была дочь Кейстута Марья, окрещена и выдана за сына в. князя Михаила, Ивана. Но союзъ этотъ былъ безполезенъ для Тверскаго князя, ибо въ 1377 годъ умеръ Олгердъ, постригшись передъ смертью въ монахи, причемъ мірское православное имя Александра перемѣнилъ на имя Алексѣя. Еще прежде умеръ братъ его князь Волынской, Любартъ, который всю жизнь провелъ въ борьбѣ съ Поляками, стремившимися овладѣть и Волынью, какъ овладѣли Галичель. Великимъ княземъ сталъ сынъ Олгерда, Ягайло — въ православіи Яковъ, и дядя Кейстутъ, князь Троицкій, присягнувъ племяннику. Но Ягайло, подобно дядѣ Евнутію, взявъ старшинство не по праву, мимо старшаго брата, Вингольда-Андрея, рожденнаго отъ первой жены Олгердовой; Андрей, княжившій въ Полоцкѣ, объявилъ—было свои притязанія на старшинство, но, не получая ни откуда подкрѣпленія, долженъ былъ уступить Ягайлу, лишился своей волости и бѣжалъ въ Псковъ, гдѣ жители посадили его на княженіе, съ согласія великаго князя Димитрія, къ которому Андрей ѣздилъ въ Москву. Димитрій хотѣлъ воспользоваться этою смутною, и въ 1379 году Андрей Олгердовичъ, вмѣстѣ съ Серпуховскимъ княземъ, Владиміромъ Андреевичемъ, и московскимъ воеводою, Давидомъ Михайловичемъ Волынскимъ, отравились на литовскія владѣнія, взяли города Трубчевскъ и Стародубъ, повоевали много становъ и волостей, и возвратились съ большимъ богатствомъ домой. Братъ Андрея, Димитрій Олгердовичъ, князь Трубчевскій, не сопротивлялся московскимъ полкамъ: онъ вышелъ изъ города съ семействомъ и боярами, поѣхалъ въ Москву и вступилъ въ службу великаго князя, или, какъ выражается лѣтописецъ, урядился въ рядъ и крѣпость взялъ; Димитрій принялъ его съ честію, любовію и далъ ему Переяславль со всѣми помѣщаньями.

За этою смутною, которая доставила Московскому князю дружбу вѣрныхъ слугъ между сыновьями Олгердовыми, послѣдовала другая, болѣе опасная для Литвы, болѣе выгодная для враговъ ея. Ягайло не походилъ на отца и дѣда своего: былъ лѣнивъ, любилъ удовольствія и не имѣлъ твердаго характера, вслѣдствіе чего подвергался вліянію окружавшихъ его. Самымъ приближеннымъ изъ нихъ былъ Войдылло, о которомъ вотъ что говоритъ лѣтописецъ ²⁾: былъ у великаго князя Олгерда паробокъ, крѣпостной холонокъ; звали его Войдыллою; сначала былъ онъ хлѣбникомъ, полюбился великому князю, который взялъ его къ себѣ постелю стлать и пить подавать, а наконецъ дать ему держать городъ Лиду. Силень былъ Войдылло при Олгердѣ; еще сильнѣе сталъ при Ягайлѣ, который даже отдалъ за него родную сестру. Старому князю Кейстуту очень не понравилось, что племянницу его выдали за холопа; сталъ онъ попрекать и вдовѣ Олгердовой, и Ягайлу, и самой племянницѣ, отсюда пошла ненависть между Кейстутомъ и Войдыллою, и по-

¹⁾ Собр. Гос. гр. и дог. I, № 28.

²⁾ Лѣт. изд. Даниловичемъ, стр. 40.

слѣдній сталъ думать, какъ бы избавиться отъ старика. Съ этой цѣлю онъ началъ наговаривать Ягайлу на Кейстута и поднимать на него нѣмецкихъ рыцарей. Куно Либштейнъ, командоръ Остеродекій, кумъ Кейстута, послалъ сказать послѣднему: „Ты ничего не знаешь, какъ Ягайло безпрестанно посылаетъ Войдылла къ намъ и уже договоръ съ нами написалъ, чтобъ отнять у тебя волости“. Кейстутъ, получивъ эту вѣсть, послалъ сказать сыну своему Витовту: „Ты живешь съ Ягайломъ въ тѣсной дружбѣ, а онъ договорился съ Нѣмцами на наше лихо“. Витовтъ отвѣчалъ отцу, что ничему не надобно вѣрить, что онъ живетъ съ Ягайломъ душа въ душу, знаетъ все его думы. Скоро однако правда обнаружилась. Въ Полоцкѣ, по изнаніи Андрея Олгердовича, княжилъ сынъ Кейстута, Андрей, прозвѣщемъ Горбатый. Ягайлу или Войдыллу хотѣлось отнять эту волость у Кейстутовича и отдать ее родному брату Ягайлову, Скиригайлу; но Полочане, старые вѣчники, никакъ не согласились на эту переѣмку и съ позоромъ выптали отъ себя Скиригайла. Великій князь выслалъ противъ нихъ сильное войско, съ которымъ соединились и Нѣмцы; но Полочане не потеряли духа: они объявили, что скорѣе поддадутся Нѣмцамъ, чѣмъ Скиригайлу, и вмѣстѣ съ Андреемъ мужественно отразили все приступы ¹⁾. Старикъ Кейстутъ, услышавъ о полоцкихъ происшествіяхъ, опять сталъ жаловать сыну своему Витовту на Ягайла ²⁾: „За Войдыллу отдалъ мою племянницу, уговорился съ Нѣмцами на мое лихо; а вотъ теперь съ кѣмъ мы воевали,—съ Нѣмцами? а онъ съ ними заодно добываетъ Полоцкѣ“. Витовтъ отвѣчалъ и на этотъ разъ, что онъ все еще не совѣтъ вѣрить коварству Ягайла, и выѣхалъ въ Дрогичинъ, откуда скоро отправился въ Гродно. Но старикъ Кейстутъ не раздѣлялъ сомнѣній сына своего: онъ рѣшился для собственной безопасности предупредить Ягайла, врасплохъ явился съ войскомъ передъ Вильною, овладѣлъ ею, взялъ въ плѣнъ Ягайла со всемъ семействомъ, захватилъ все грамоты и, между прочимъ, послѣдній договоръ Ягайла съ Нѣмцами.

Витовтъ, извѣщенный чрезъ гонца о торжествѣ отцовскомъ, въ одинъ день прискакалъ изъ Гродна въ Вильну. Кейстутъ показалъ ему грамоту: „Ты мнѣ все не вѣрилъ, а вотъ тебѣ и грамота на лицо; написалъ на наше лихо, да Богъ насъ остерегъ. А я великому князю Ягайлу за это никакого зла не сдѣлалъ, не дотронулся ни до имѣнія его, ни до стада, и самъ онъ у меня не въ плѣнъ, ходитъ только за малой стражей; отчину его — Витебскъ и Крево, и все мѣста, что отецъ его держалъ, все отдалъ ему, и ни во что его не вступаясь; а что я теперь сдѣлалъ, того нельзя было мнѣ не сдѣлать,—берегъ свою голову“. Ягайло долженъ былъ присягнуть, что никогда не вооружится противъ Кейстута и не выйдетъ изъ его воли, послѣ

чего со всеми родными и имѣніемъ отправился въ Витебскъ.

Кейстутъ сталъ великимъ княземъ, но недолго пользовался своимъ новымъ положеніемъ. Вдова Олгердова, Гуліанія, и дѣти ея не могли спокойно видѣть, что столь великокняжескій перешелъ къ Кейстуту, и потому, посредствомъ Скиригайла, изгнанника полоцкаго, завязали снова сношенія съ Нѣмцами, которые были рады смутамъ въ Литвѣ. Но пока Кейстутъ жилъ въ Вильнѣ, никто не смѣлъ противъ него подняться, тѣмъ болѣе же Ягайла трудно было уговорить на какое-нибудь важное предпріятіе. Только когда Кейстутъ велѣлъ повѣсить плѣшника своего Войдылла, Ягайло позволилъ сестрѣ и ея приверженцамъ уговорить себя дѣйствовать рѣшительно противъ дяди. Въ это время старый Кейстутъ велъ войну съ племянникомъ Дмитріемъ Олгердовичемъ; Ягайло обязанъ былъ также выступить въ походъ; но, вмѣсто того, чтобъ идти съ войскомъ на Русь, онъ двинулся нечаянно къ Вильнѣ, гдѣ Кейстута тогда не было, и овладѣлъ городомъ; та же участь постигла и Троки. Кейстутъ собралъ большое войско и, соединившись съ сыномъ Витовтомъ, обложилъ Троки; противъ него стоялъ Ягайло съ своими союзниками Нѣмцами. Но Олгердовъ сынъ побоялся рѣшиться дѣло оружіемъ, и предпочелъ коварство. Онъ началъ просить Витовта, чтобъ тотъ помирилъ его съ отцомъ, для чего просилъ обоимъ князьямъ пріѣхать къ нему въ станъ, и князь Скиригайло именемъ брата поклялся, что съ ними не случится ничего дурнаго. Въ надеждѣ на эту клятву, Кейстутъ и Витовтъ пріѣхали въ станъ къ Ягайлу, чтобъ договариваться о мирѣ, но, вмѣсто того, были схвачены, и Кейстутъ былъ отданъ въ руки самымъ злымъ врагамъ своимъ, которые сковали его, отвезли въ Крево, заперли въ тюрьму и на пятую ночь удавили.

Большой Витовтъ былъ также отвезенъ вмѣстѣ съ женою Анною въ Крево, гдѣ держали его подъ крѣпкою стражею. И, выздоровѣвши, Витовтъ все еще притворялся хворымъ; жена навѣчала его ежедневно вмѣстѣ съ двумя служанками; наконецъ она получала отъ Ягайла для одной себя позволеніе ѣхать въ Моравію. Въ ночь, наканунѣ отъѣзда, она пришла проститься съ мужемъ и замѣшкалась у него, какъ слѣдовало ожидать, долге обыкновеннаго; въ это время Витовтъ передѣвался въ платье одной изъ женныхъ служанокъ, Елена, которая осталась на его мѣстѣ, а онъ, вышедши съ женою изъ тюрьмы и спустившись со стѣны, напелъ лошадей, высланныхъ изъ Волковыйска, отъ тамошняго туна, въ короткое время достигъ Слонима, отуда отправился въ Вресьть, и на пятый день былъ уже въ Плоцкѣ. Елена, не вставая съ постели, такъ хорошо представляла больного князя, что только на третій день узнали о его бѣгствѣ. Она полатилась жизнью за свое самоотверженіе.

Эти смуты отняли у литовскихъ князей средства враждебно дѣйствовать противъ Москвы и дали по-

¹⁾ Narbutt V, 277.

²⁾ Лѣтоп. изд. Давыдов., стр. 22.

слѣдней возможность безпрепятственно управиться съ Татарами. Димитрій выросъ въ исповиповеніи хану, два раза младенцемъ ходилъ онъ отнимать Владимірское княженіе у Димитрія Суздальскаго, у котораго былъ ярлыкъ ханскій. Княжество Московское постоянно усиливалося; его князья еще со временъ Калиты привыкли располагать полками князей подручныхъ, убѣждались все болѣе и болѣе въ своей силѣ, тогда какъ Орда видимо ослабѣвала въ слѣдствіе внутреннихъ смутъ и усобицъ, и ничтожныя ханы, подчиненные могущественнымъ вельможамъ, свержаемые ими, теряли все болѣе и болѣе свое значеніе, переставали внушать страхъ. Отъ страха передъ Татарами начали отвыкать русскій народъ и потому, что со временъ Калиты пересталъ являться ихъ нашествіе и опустошенія; возмужало цѣлое поколѣніе, которому чуждъ былъ трепеть отцовъ предъ именемъ татарскимъ. Московскій князь, находившійся въ цвѣтѣ лѣтъ, въ самомъ полномъ развитіи силъ, былъ представителемъ этого новаго поколѣнія. Съ малолѣтства привыкъ Димитрій дѣйствовать иначе, нежели дѣйствовали дѣдъ, дяди и отецъ его; малюткою съ оружіемъ въ рукахъ добылъ онъ себѣ старшинство между русскими князьями; послѣ, до тридцатилѣтняго возраста, не выпускалъ изъ рукъ оружія, выдержалъ опасную борьбу съ Литвою, Тверью, Рязанью, и вышелъ изъ нея побѣдителемъ съ полнымъ сознаніемъ своихъ силъ. Неудивительно, что такой князь рѣшился первый поднять оружіе противъ Татаръ.

Мы видѣли, что въ началѣ княженія Димитріева Орда дѣлилась между двумя ханами — Мюридомъ (Амуратомъ) и Абдуломъ (Abdullah), именемъ котораго управлялъ темникъ Мамай. Но, кромѣ ихъ, въ древней странѣ Болгарской утвердился третій ханъ Пуладъ-Темиръ, а въ странѣ Мордовской — князь Тогай. Послѣдній въ 1365 году напалъ печально на Переяславль-Рязанскій, взялъ, сжегъ его, поплѣнилъ окрестныя волости и села, и уже съ большою добычею возвращался въ степь, какъ былъ достигнутъ князьями — Олегомъ Ивановичемъ Рязанскимъ, Владиміромъ Пронскимъ и Титомъ Козельскимъ: былъ между ними бой лютой, пало много мертвыхъ съ обѣихъ сторонъ, но русскіе князья наконецъ одолѣли, и Тогай едва убѣжалъ съ небольшою дружиною ¹⁾. Въ 1367 году Булатъ, или Пуладъ-Темиръ, напалъ на нижегородскія владѣнія, но прогнанъ былъ княземъ Димитріемъ Константиновичемъ за рѣку Пьяну съ большимъ урономъ, прибѣжалъ въ Золотую Орду, и былъ тамъ убитъ ханомъ Аизомъ, или Озизомъ, преемникомъ Мюридовымъ. Въ 1370 году Димитрій Константиновичъ съ братомъ Борисомъ, сыномъ Василіемъ и ханскимъ

посломъ Ачихожю (Хаджи-Ходжа) ходилъ войною на Болгарскаго князя Асана; тотъ встрѣтилъ ихъ съ челобитьемъ и дарами: они дары взяли, но посадили на княженіе Салтана, Бакова сына. Въ 1373 году Татары изъ Орды Мамаевой опустошили Рязанское княжество; великій князь Московскій все лѣто простоялъ на берегу Оки (куда пришелъ къ нему и Владиміръ Андреевичъ) ²⁾, и не пустилъ Татаръ на свою сторону. Сопротивленіе Татарамъ и даже наступательное движеніе на нихъ обнаружилось повсюду; въ 1374 году Новгородцы перебили пословъ Мамаевыхъ и съ ними 1,500 Татаръ, старшаго посла — Сарайку — съ дружиною заперли въ крѣпости. На слѣдующій годъ князь Димитрій Константиновичъ приказалъ развести плѣнниковъ по разнымъ мѣстамъ; но Сарайка съ товарищами своими вырвался, убѣжалъ на архіерейскій дворъ, зажегъ его и началъ отбиваться отъ Нижегородцевъ, многихъ перебилъ и переранилъ; наконецъ народъ одолѣлъ Татаръ и перебилъ ихъ всѣхъ. Въ томъ же году Татары Мамаевы опустошили берега рѣки Киши, притока Суры, и мѣста за рѣкою Пьяною ³⁾. Мы упоминали уже о нападеніи Татаръ на Нижегородское и Новосильское княжество за помощь, оказанную ихъ князьями Димитрію Московскому противъ Михаила Тверскаго, послѣ чего Московскій князь ходилъ съ войскомъ за Оку, оберегая Землю свою отъ Татаръ. Еще въ XII и XIII вѣкѣ мы видѣли стремленіе Сѣверо-Восточной Руси къ естественному распространію своему на востокъ вплоть по Волгѣ, насчетъ Болгаръ, Мордыи и другихъ туземныхъ племенъ. Стремленіе это было надолго остановлено татарскимъ нашествіемъ и внутренними движеніями, которыя имѣли слѣдствіемъ усиленіе Московскаго княжества; теперь же, какъ скоро Сѣверо-Восточная Русь снова усилилась единовластіемъ, а татарское владычество ослабѣло, опять начинается наступательное движеніе Русскихъ на древнюю Болгарскую Землю. По окончаніи борьбы съ Литвою и Тверью, весной 1376 года великій князь послалъ воеводу своего Димитрія Михайловича Волынскаго на Болгары; съ Волынскимъ отправились двое молодыхъ князей нижегородскихъ — Василій и Иванъ Димитріевичи, и подступили подъ Казань. Казанцы вышли противъ нихъ изъ города, стрѣляя изъ луковъ и самострѣловъ; другіе производили какой-то громъ, чтобъ испугать Русскихъ, а нѣкоторые выѣхали

¹⁾ Никол. IV, 10: «Тогай князь Ординскій, иже по разурненіи Ординскомъ принде въ Норучай, и тамо самъ о себѣ княжаше въ Наручатцкой странѣ. И потомъ восхотѣ ювати Русь... князь же великій Олегъ... Постижо его на мѣстѣ, нарицаемомъ подъ Шиневскимъ лѣсомъ на Воинѣ». — Нарочатъ — городъ Пензенской губерніи, Тагай — городъ Сямбирской губерніи.

²⁾ Рѣка Пьяна — Нижегородской и Сямбирской губерній, впадающая въ Суру. Никол. III, 37: «Князь великій Дмитр. Изъ Московск. собрався со всею силою своею и стоялъ у рѣки Оки на берегу, и братъ его иже изъ двоюродныхъ князь Володимиръ Оудр. приде къ нему изъ Нижняго Новгорода». — Крамзинъ (V, прим. 31) говорить: «Владиміръ Андреевичъ послѣ войны литовской жилъ одно лѣто въ Новгородѣ Великомъ до іюля мѣсяца, въ слѣдующее завязался строеніемъ Серпухова: когда же могъ простоять все лѣто на берегахъ Оки?» — Но развѣ лѣтоишь говорить, что Владиміръ Андр. стоялъ все лѣто? Не прямо ли она говорить, что онъ пришелъ къ в. князю изъ Новгорода? Вся ошибка здѣсь только въ томъ, что вмѣсто Великаго Новгорода поставленъ Нижній.

³⁾ Арцубаш. II, прим. 872.

на верблюдахъ, чтобы переносить лошадей. Но всё эти хитрости не удалось: Русскіе воювали неприятеля въ городѣ, и князя казанскіе Асанъ и Магометъ-Солтанъ принуждены были добить челомъ великому князю; заплатили тысячу рублей Димитрію Московскому, тысячу Повгородскому, три тысячи воеводамъ и ратнымъ людямъ; кромѣ того, лѣтописецъ говоритъ, что Русскіе посадили въ Казани своего сборщика податей (дорогу) и таможенниковъ.

Въ 1377 году въ Москву пришла вѣсть, что въ странахъ Носурскихъ явился новый царевичъ татарскій, Араша, перебѣжавшій за Волгу съ береговъ Яика и Аральскаго моря. Димитрій Московскій тотчасъ собралъ большое войско и пошелъ на помощь къ тестю своему, Димитрію Нижегородскому; но объ Арашѣ долго не было вѣсти, и великій князь возвратился въ Москву, оставивши воеводу своихъ съ полками владимірскими, переяславскими, юрьевскими, муромскими и ярославскими, съ которыми соединилось и нижегородское войско, подъ начальствомъ своего молодого князя Ивана. Собралась большая рать и двинулась за рѣку Пьяну, гдѣ воеводы получили вѣсть, что Араша далеко, на рѣкѣ Волчи Воды, притокѣ Дона. Князья и воеводы русскіе обрадовались и не ображали уже большаго вниманія на другія, приходившія къ нимъ вѣсти: кто можетъ стать противъ насъ? говорили они, — и стали ѣздить въ простомъ платьи (охабняхъ и сарафанахъ), а доспѣхи свои поклали на телеги и въ сузы, рогатины, сулицы и копыя не были приготовлены, иныя не были еще пасажены, также не были приготовлены шты и шлемы. Было время въ концѣ іюля, стояли сильныя жары, и ратники разбѣжали, ссутыивши платье съ плечъ, растегнувши петли, растрепавшись точно въ банѣ; если случилось гдѣ найти пиво и медъ, — напивались до-пьяна, и хвастались, что одинъ изъ нихъ выѣдетъ на сто Татаръ. Князья, бояре и воеводы также забыли всякую осторожность, ѣздили на охоту, пировали, величались, да ковы другъ противъ друга строили¹⁾. Въ это время мордовскіе князья подвели тайно Арашу, который, раздѣляя свою рать на пять полковъ, втораго августа нечаянно ударилъ со всѣхъ сторонъ на русское войско; послѣднее не имѣло возможности сопротивляться и побѣжало въ ужасѣ къ рѣкѣ Пьянѣ. Князь Иванъ Димитріевичъ Нижегородскій утонулъ при переправѣ вѣстѣ со множествомъ бояръ, слугъ и простыхъ ратниковъ; другіе были перебиты Татарами. Араша явился передъ Нижнимъ, откуда князь Димитрій Константиновичъ выбѣжалъ въ Суздаль, а жители разбѣжались на судахъ по Волгѣ къ Городцу; Татары перехватили тѣхъ, которые не успѣли спастись, сожгли городъ, опустошили окрестности и ушли назадъ. Въ томъ

¹⁾ Никон. IV, 52: «Утешающесь и веселящесь шюще и ковы дѣюще, мянлесь дома суще, аки въ своихъ сиротахъ величающесь возноситеся, забывша смиренныя мудросты, яко Богъ смиреннымъ даетъ благодать, и яко вси есмь Адамовы внуцы». — И дождоша на Шилару» (Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 73).

же году Араша пограбилъ и мѣста за Сурою (Засурье), потомъ перебилъ русскіхъ гостей; пришелъ нечаянно на Рязань, взялъ ее, причемъ самъ князь Олегъ, изстрѣленный, едва вырвался изъ рукъ татарскихъ. Надѣясь, что послѣ Пьянскаго пораженія Нижегородское княжество осталось безъ защиты, и Мордва захотѣла попытать счастья противъ Русскихъ: приплыла нечаянно по Волгѣ въ Нижегородскій уѣздъ и пограбила то, что осталось отъ Татаръ; но князь Борисъ Константиновичъ настигъ ее у рѣки Пьяны и поразилъ; одни потонули, другіе были побиты. Оба князя, и Московскій и Нижегородскій, не хотѣли этимъ ограничиться, и зимою, несмотря на страшные морозы, нижегородское войско, подъ начальствомъ князей — Бориса Константиновича и Семена Димитріевича, и московское — подъ начальствомъ воеводы Свибла — вошло въ Мордовскую Землю, и „сотворило ее пусту“²⁾, по выраженію лѣтописца: лѣтчиковъ, приведенныхъ въ Нижній, казнили смертію, травили сами на льду на Волгѣ. Въ слѣдующемъ, 1378 г., Татары явились опять нечаянно передъ Нижнимъ; князя не было тогда въ городѣ, а жители разбѣжались за Волгу. Приѣхавши къ Нижнему изъ Городца, князь Димитрій Константиновичъ увидалъ, что нельзя отстоять города отъ Татаръ, и потому послалъ къ нимъ окупъ; но Татары не взяли окупа и сожгли Нижній, потомъ повоевали весь уѣздъ и Березовое поле. Управившись съ Димитріемъ Нижегородскимъ, Мамай отправилъ князя Вегича съ большимъ войскомъ на Димитрія Московскаго. Но тотъ узналъ о приближеніи непріятеля, собралъ силу и выступилъ за Оку въ Землю Рязанскую, гдѣ встрѣтился съ Вегичемъ на берегахъ рѣки Вожи³⁾. 11-го августа, къ вечеру, Татары переправились черезъ эту рѣку и, съ крикомъ, помчались на русскіе полки, которые храбро ихъ встрѣтили: съ одной стороны ударилъ на нихъ князь Пронскій Данилъ, съ другой — московскій околичничій Тимофей; а самъ великій князь Димитрій ударилъ на нихъ въ лицо. Татары не выдержали, побросали копыя и бросились бѣжать за рѣку, причемъ множество ихъ перетонуло и было перебито. Ночь потѣшила преслѣдовать Татаръ, а на другое утро былъ сильный туманъ, такъ что только къ обѣду Русскіе могли двинуться впередъ и нашли въ степи весь обозъ непріятельскій. Мамай собралъ остатки своей рати и, въ сентябрѣ, ударилъ на Рязанскую Землю; князь Олегъ, никакъ не ожидая нападенія послѣ Вожской битвы, бросилъ города и перебѣжалъ на лѣвую сторону Оки, а Татары взяли города Дубокъ и Переяславль-Рязанскій, сожгли ихъ и опустошили всю землю, но дальше за Оку не пошли.

Ворьба была открытая; послѣ Вожской битвы Московскій князь не могъ надѣяться, что Мамай

²⁾ Тачъ же, стр. 54: «И пришедше воспаше землю Мордовскую власти и села и погосты и зимы и цы пограбиша». — З и м и цы — должно быть зимнія жилища.

³⁾ Вожа впадаетъ въ Оку съ правой стороны, въ Глазаскомъ уѣздѣ.

ограничится мѣстю на Рязанской области. До сихъ поръ смуты и раздѣленіе въ Ордѣ внушали смѣлость Московскому князю не обращать большаго вниманія на ярлыки ханскіе; Димитрій былъ свидѣтелемъ ослабленія Орды въ самой Ордѣ; лучшимъ доказательствомъ этого ослабленія было то, что Мамай долженъ былъ отказаться отъ прежней дани, какую получали ханы изъ Россіи во время Чаибека, и удовольствоваться меньшимъ ее количествомъ. Мы видѣли, до какой самонадѣянности дошли русскіе воеводы и ратники передъ Плянскимъ пораженіемъ: эта самонадѣянность была наказана: однако битва Вожская снова убѣдила Русскихъ въ возможности побѣждать Татаръ. По отношенію должны были измѣниться, когда Мамай, правивши до сихъ поръ именемъ хановъ—Абдула и потомъ Магомеда, избавился наконецъ отъ послѣдняго и провозгласилъ себя ханомъ; теперь онъ имѣлъ возможность двинуть всю Орду для наказанія Московскаго князя, котораго нельзя было смирить однимъ отрядомъ; времена Андрея Ярославича прошли: чтобъ снова поработить Россію, нужно было повторить Батыево нашествіе. Говорятъ, что Вожское пораженіе привело въ ярость Мамай, и онъ не хотѣлъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не отомститъ Димитрію. Есть любопытное извѣстіе, будто совѣтники Мамай говорили ему: „Орда твоя оскудѣла, сила твоя изнемогла; но у тебя много богатства, пошли нанять Генуэзцевъ, Черкесъ, Ясовъ и другіе народы“. Мамай послушался этого совѣта, и когда собралось къ нему множество войска со всѣхъ сторонъ, то дѣломъ 1380 года онъ переезжая за Волгу и сталъ кочевать при устьи рѣки Воронежа. Ягайлѣ Литовскій, который имѣлъ много причинъ недоброжелательствовать Московскому князю, вступилъ въ союзъ съ Мамаемъ и обѣщала соединиться съ нимъ 1 сентября. Узнавши объ этомъ, Димитрій Московскій сталъ немедленно собирать войска, послалъ за полками и къ князьямъ подручнымъ—ростовскимъ, ярославскимъ, бѣлгородскимъ; ель извѣстіе, что князь Тверской прислалъ войско съ племянникомъ своимъ Иваномъ Всеволодовичемъ, Холмскимъ¹⁾. Не соединился съ Москвою одинъ попомокъ Святослава Черниговскаго, Олегъ Рязанскій; болѣе другихъ князей русскихъ онъ былъ настрашенъ Татарамъ; еще недавно княжество его подверглось страшному опустошенію отъ не очень значительнаго отряда Татаръ, а теперь Мамай стоитъ на границахъ съ громаднымъ войскомъ, котораго пограничная Рязань будетъ первою добычею, въ случаѣ сопротивленія. Не надѣясь, чтобъ и Димитрій Московскій дерзнулъ выйти противъ Татаръ, Олегъ послалъ сказать ему о движеніяхъ Мамай, а самъ сѣвшилъ войти въ переговоры съ послѣднимъ и съ Ягайломъ Литовскимъ. Говорятъ, будто Олегъ и Ягайлѣ разсуждали

такъ: „Какъ скоро князь Димитрій услышитъ о нашествіи Мамай и о нашемъ союзѣ съ нимъ, то убѣжитъ изъ Москвы въ дальнія мѣста, или въ Великій Новгородъ, или на Двину, а мы сядемъ въ Москву и во Владимірѣ; и когда ханъ придетъ, то мы его встрѣтимъ съ большими дарами и упроемъ, чтобъ возвратился домой, и сами, съ его согласія, раздѣлимъ Московское княжество на двѣ части—одну къ Вильнѣ, а другую—къ Рязани, и возьмемъ на нихъ ярлыки и для потомства нашего“.

Но Димитрій не думалъ бѣжать ни въ Новгородъ Великій, ни на Двину, а назначилъ всѣмъ полкамъ собраться въ Коломну къ 15 августа, отправивши напередъ сторожей въ степь, которые должны были извѣщать его о движеніяхъ Мамай. Передъ выступленіемъ изъ Москвы, в. князь отправился въ Троицкій монастырь, недавно основанный Св. пустынноикомъ Сергіемъ, о которомъ было уже разъ упомянуто въ разсказѣ о нижегородскихъ событіяхъ; Сергій благословилъ Димитрія на войну, обѣщая побѣду, хотя соединенную съ сильнымъ кровопролитіемъ, и отпустилъ съ нимъ въ походъ двухъ монаховъ—Пересвѣта и Ослѣба, изъ которыхъ первый былъ прежде бояриномъ въ Брянскѣ, и оба отличивше своимъ мужествомъ.—Оставя въ Москвѣ при женѣ и дѣтяхъ воеводу Федора Андреевича, Димитрій выѣхалъ въ Коломну, куда собралась огромная рать, какой прежде никогда не видывали на Руси—150,000 человекъ! Кромѣ князей, воеводами были: у коломенскаго полка Николай Васильевичъ Вельяминовъ, сынъ послѣдняго тысяцкаго, у владимірскаго—Тимошей Валуевичъ, у костромскаго—Иванъ Родионовичъ, у переславскаго—Андрей Сергизовичъ; пришли и два князя иноплеменныхъ, два Олгердовича—Андрей и Димитрій. Въѣздъ о сильнымъ вооруженіи Московскаго князя, должно быть, достигла Мамай, и онъ почитался было сначала кончить дѣло мпромъ; послы его явились въ Коломну съ требованіемъ дани, какую великіе князья платили при Узбекѣ и Чаибекѣ; но Димитрій отвергнулъ это требованіе, соглашаясь платить только такую дань, какая была опредѣлена между нимъ и Мамаемъ въ послѣднее свиданіе ихъ въ Ордѣ

20 августа великій князь выступилъ изъ Коломны и, пройдя границы своего княжества, сталъ на Окѣ, при устьи Лопасы²⁾, осведомляясь о движеніяхъ неприятельскихъ; здѣсь соединился съ нимъ двоюродный братъ его, Владиміръ Андреевичъ Серпуховскій, прѣхавъ и большой воевода московскій Тимошей Васильевичъ Вельяминовъ съ остальными полками. Тогда, видя все полки свои въ сборѣ, Димитрій велѣлъ переправляться черезъ Оку; въ воскресенье, за недѣлю до Семенова дня (1 сентября), переправилось войско; въ понедѣльникъ переѣхалъ самъ великій князь съ дворомъ своимъ. и шестого сентября достигли Дона. Тутъ прислѣ-

¹⁾ Извѣстіе очень вѣроятно, ибо мы видѣли, что Михаилъ обіащалъ помогать Димитрію въ войнѣ съ Татарамъ.—Замѣчательно, что не упоминается о князьяхъ нижегородскихъ.

²⁾ Какъ видно, это движеніе въ сторону на западъ нарочно было предпринято, для соединенія съ Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ.

ла грамота отъ Преподобнаго игумена Сергія, благословеніе отъ Святаго старца ядти на Татаръ: „Чтобъ еси, господине, таки пошелъ, а поможетъ ти Богъ и Святая Богородица“, писалъ Сергій. Устроили полки, начали думать; одни говорили: „Ступай, князь, за Донъ“; а другіе— „Не ходи, потому что враговъ много, не одни Татары, но и Литва и Рязанцы.“ Димитрій принялъ первое мнѣніе—и велѣлъ мостить мосты и искать броду; въ ночь 7-го сентября начало переправляться войско за Донъ; утромъ на другой день, 8 сентября, на солнечномъ восходѣ, былъ густой туманъ, и когда, въ третьемъ часу, просвѣтлѣло, то русскіе полки строились уже за Дономъ, при устьи Непрядвы. Часу въ двѣнадцатомъ начали показываться Татары: они спустились съ холма на широкое поле Куликово; Русскіе также сошли съ холма, и сторожевые полки начали битву, какой еще никогда не бывало прежде на Руси: говорятъ, что кровь лилась какъ вода на пространствѣ десяти верстъ, лошади не могли ступать по трупамъ, ратники глбы подъ конскими копытами, задыхались отъ тѣсноты. Пѣшая русская рать уже лежала, какъ скошенное сѣно, и Татары начали одолѣвать. Но въ засадѣ, въ лѣсу, стояли еще свѣжіе русскіе полки подъ начальствомъ князя Владиміра Андреевича и извѣстнаго уже намъ воєводы московскаго Димитрія Михайловича Волинскаго-Боброка. Владиміръ, видя поражение Русскихъ, началъ говорить Волинскому: „Долго-ль намъ здѣсь стоять, какая отъ насъ польза? Смотри, уже всѣ христіанскіе полки лежатъ мертвы!“ Но Волинскій стѣбчалъ, что еще нельзя выходить изъ засады, потому что вѣтеръ дуетъ прямо въ лицо Русскимъ. Но чрезъ нѣсколько времени вѣтеръ перемѣнился: „Теперь пора!“ сказалъ Волинскій,—и засадное ополченіе бросилось на Татаръ. Это появленіе свѣжихъ силъ на сторонѣ Русскихъ рѣшило участь битвы. Мамай, стоявшій на холмѣ съ пятью знатнѣйшими князьями и смотрѣвшій оттуда на сраженіе, увидалъ, что побѣда склонилась на сторону Русскихъ,—и обратился въ бѣгство; Русскіе гнали Татаръ до рѣки Мечи¹⁾ и овладѣли веѣмъ ихъ станомъ.

Возвратившись съ погони, князь Владиміръ Андреевичъ сталъ на костяхъ и велѣлъ трубить въ трубы; всѣ оставшіеся въ живыхъ ратники собрались на эти звуки, но не было великаго князя Димитрія; Владиміръ сталъ разспрашивать, не видѣли кто его? Одни говорили, что видѣли его жестоко раненаго, и потому должно искать его между трупами; другіе,—что видѣли, какъ онъ отбивался отъ четырехъ Татаръ и бѣжалъ, но не знаютъ, что послѣ съ нимъ случилось; одинъ объявилъ, что видѣлъ, какъ великій князь раненный пѣшкомъ возвращался съ боя. Владиміръ Андреевичъ сталъ со слезами упрашивать, чтобъ всѣ искали великаго князя, обѣщавъ богатыя награды тому, кто най-

детъ. Войско разсѣялось по полю: нашли трупъ любимца Димитріева, Михаила Андреевича Бренка, котораго прежде началомъ битвы великій князь поставилъ подъ свое черное знамя, велѣлъ надѣть свои латы и шлемъ; остановились надъ трупомъ одного изъ князей бѣлозерскихъ, похожаго на Димитрія; наконецъ двое ратниковъ, уклонившись въ сторону, нашли великаго князя, едва дышавшаго, подъ вѣтвями недавно срубленнаго дерева. Получивши вѣсть, что Димитрій найденъ, Владиміръ Андреевичъ поскакалъ къ нему и объявилъ о побѣдѣ; Димитрій съ трудомъ пришелъ въ себя, съ трудомъ распозналъ, кто съ нимъ говорить и о чемъ; пандыръ его весь былъ избитъ, но на тѣлѣ не было ни одной смертельной раны²⁾.

Лѣтописцы говорятъ, что такой битвы, какъ Куликовская, еще не бывало прежде на Руси; отъ подобныхъ битвъ давно уже отвыкла Европа. Побѣда подобнаго рода происходила и въ западной ея половинѣ въ началѣ такъ-называемыхъ среднихъ вѣковъ, во время великаго переселенія народовъ, во время страшныхъ столкновеній между европейскими и азіатскими ополченіями: таково было побѣще Каталонское, гдѣ полководецъ римскій спасъ западную Европу отъ Гунновъ; таково было побѣще Турское, гдѣ вождь франкскій спасъ западную Европу отъ Аравитянъ. Западная Европа была спасена отъ азіатцевъ, но восточная ея половина надолго еще оставалась открытою для ихъ нашествій; здѣсь, въ половинѣ IX-го вѣка, образовалось государство, которое должно было служить оплотомъ для Европы противъ Азіи; въ XIII-мъ вѣкѣ этотъ оплотъ былъ, повидимому, разрушенъ; но основы европейскаго государства спасены на отдаленномъ сѣверо-востоцѣ; благодаря сохраненію этихъ основъ, государство въ полтораста лѣтъ успѣло объединить я, окрѣпить—и Куликовская побѣда послужила доказательствомъ этой крѣпости. Она была знакомъ торжества Европы надъ Азією; она имѣетъ въ исторіи восточной Европы точно такое же значеніе, какое побѣды Каталонская и Турская имѣютъ въ исторіи Европы западной, и носить одинаковый съ ними характеръ,—характеръ страшнаго, кроваваго побѣща, отчаяннаго столкновенія Европы съ Азією, долженствовавшего рѣшить великій въ исторіи человечества вопросъ:—какой изъ этихъ частей свѣта восторжествовать надъ другою.

Таково всемірно-историческое значеніе Куликовской битвы; собственно въ Русской Исторіи она служила освященіемъ новому порядку вещей, начавшемуся и утвердившемуся на сѣверо-востоцѣ. Полтораста лѣтъ назадъ татарскія полчища встрѣтились впервые съ русскими князьями въ степи на берегахъ Калки: здѣсь была въ сборѣ Южная Русь, которая носила преимущественно названіе Руси; здѣсь было много храбрыхъ князей и богатырей; здѣсь былъ самый храбрый изъ князей—Мстиславъ

¹⁾ Рѣка Красивая Меча—Тульской губерніи, Ефремовскаго, Богородицкаго и Крапивинскаго уѣздовъ.

²⁾ Поли. Собр. Русск. Лѣт. IV, 75; Никонов. IV, 86. Объ украшеніяхъ сказанія см. ниже, въ IV томѣ Исторіи Россіи.

Мстиславичъ Торопецкій; но этотъ самый Мстиславъ завелъ распрю (кото ру) съ братнею и погубилъ войско. На сѣверѣ исполнилось то, чего такъ боялся отецъ Мстиславовъ: младшіе братья-князья стали по д р у ч и н и кам и старшаго, великаго князя, и когда этотъ князь вывелъ ихъ противъ Татаръ на берега Дона, то не было между ними никакихъ к о р т ь — и побѣда осталась за Русью.

Но Куликовская побѣда была изъ числа тѣхъ побѣдъ, которыя близко граничатъ съ тяжкимъ поражениемъ. Когда, говорить преданіе, великій князь велѣлъ счастье, сколько осталось въ живыхъ послѣ битвы, то бояринъ Михайла Александровичъ донесъ ему, что осталось всего сорокъ тысячъ человекъ, тогда какъ въ битву вступило больше четырехъ сотъ тысячъ. Если историкъ и не имѣетъ обязанности принимать буквально послѣдняго показанія, то для него важно выставленное здѣсь отношеніе живыхъ къ убитымъ. Четверо князей (двое блѣзерскихъ и двое тарусскихъ), тринадцать бояръ и Троицкій монахъ Пересвѣтъ были въ числѣ убитыхъ. Вотъ почему въ украшенныхъ сказаніяхъ о Мамасовомъ побойцѣ мы видимъ, что событіе это, представляяясъ, съ одной стороны, какъ великое торжество, съ другой — представляется какъ событіе плачевное, ж а л о с т ь. Была на Руси радость великая, говорить лѣтописецъ; но была и печаль большая по убитыхъ отъ Мамая на Дону; оскудѣла совершенно вся Земля Русская воеводами и слугами и всякими воинствомъ, и отъ этого былъ страхъ большой по всей Землѣ Русской. Это оскудѣніе дало Татарамъ еще кратковременное торжество надъ Куликовскими побѣдителями.

Мамай, возвратившись въ Орду, собралъ опять большое войско съ тѣмъ, чтобъ идти на Московскаго князя, но былъ остановленъ другимъ врагомъ: на него напалъ ханъ Залицкій Тохтатышъ, потомокъ Орды старшаго сына Джучиева. На берегахъ Калки встрѣтился Мамай съ Тохтатышемъ, былъ разбитъ, и бѣжалъ въ Каоу къ Генуезцамъ, которые убили его. Тохтатышъ, овладѣвши Золотою Ордою, отправилъ къ Московскому и другимъ князьямъ русскимъ пословъ извѣстить ихъ о своемъ воцареніи. Князья приняли пословъ съ честью и отправили своихъ пословъ въ Орду съ дарами для новаго хана. Въ 1381 году Тохтатышъ отправилъ къ великому князю посла Ахкозю, который называется въ лѣтописи царевичемъ, съ семьюстами Татаръ; но Ахкозя, доѣхавши до Нижняго-Новгорода, возвратился назадъ, не смѣлъ ѣхать въ Москву; онъ послалъ-было туда нѣсколько человекъ изъ своихъ Татаръ, но и тѣ не осмѣлились вѣхать въ Москву. Тохтатышъ рѣшился разогнать этотъ страхъ, который напалъ на Татаръ послѣ Куликовской битвы; въ 1382 году онъ велѣлъ пограбить русскихъ гостей въ Болгаріи, перехватить ихъ суда, а самъ внезапно съ большимъ войскомъ перевезся черезъ Волгу и пошелъ къ Москвѣ, наблюдая большую осторожность, чтобъ въ Русской Землѣ не узнали о его походѣ. Эта скрытность и

поспѣшность Тохтатыша показываютъ всего лучше переѣмъ въ татарскихъ отношеніяхъ, вѣдѣствіе Куликовской битвы: ханъ надѣется имѣть успѣхъ; только напавши врасплохъ на Московскаго князя; боится встрѣтить его войско въ чистомъ полѣ, употребляетъ осторожность, хитрость — орудіе слабого, и тѣмъ самымъ обнаруживаетъ слабость Орды передъ новымъ могуществомъ Руси.

Нижегородскій князь, узнавши о походѣ Тохтатыша, послалъ къ нему двоихъ сыновей своихъ, Василія и Семена, которые едва могли нагнать хана на границахъ рязанскихъ. Здѣсь же встрѣтили Тохтатыша и князь Олегъ Рязанскій, упростили его не восвать Рязанской области, обвелъ его около нея и указалъ броды на Окѣ. Димитрій Московскій, узнавши о приближеніи Татаръ, хотѣлъ-было выйти къ нимъ на-встрѣчу, но область его, страшно оскудѣвшая народомъ послѣ Куликовскаго побоища, не могла выставить вдругъ достаточнаго числа войска, и великій князь уѣхалъ сперва въ Переяславль, а потомъ въ Кострому собирать полки. Тохтатышъ взялъ Серпуховъ и приближался къ Москвѣ, гдѣ безъ князя встало сильное волненіе: одни жители хотѣли бѣжать, а другіе хотѣли запереться въ кремль. Началась распри, отъ распріешло до разбоя и грабежа: кто хотѣлъ бѣжать вонъ изъ города, тѣхъ не пускали, били и грабили; не пустили ни митрополита Киприана, ни великую княгиню Евдокію, ни большихъ бояръ; во всѣхъ воротахъ кремлевскихъ стояли съ обнаженнымъ оружіемъ, а со стѣнъ метали камнями въ тѣхъ, кто хотѣлъ выйти изъ города; насилью наконецъ согласились вынустить митрополита и великую княгиню.

Мятежъ утихъ, когда явился въ Москвѣ Литовскій князь Остей, котораго лѣтописецъ называетъ внукомъ Олгердовымъ; Остей принялъ начальство, укрѣпилъ кремль и затворился въ немъ съ Москвичами. 23 августа показались передовые татарскіе отряды; они подѣхали къ кремлю и спросили: „Въ городѣ ли великій князь Димитрій?“ имъ отвѣчали, что нѣтъ. Тогда они обѣхали вокругъ всего кремля, осмотрѣли его со всѣхъ сторонъ: все вокругъ было чисто, потому что сами граждане пожгли посады, и не оставили ни одного тына или дерева, боясь примета къ городу. Между тѣмъ внутри кремля добрые люди молились день и ночь, а другіе вытащили изъ погребовъ боярскихъ мѣды и начали пить; хмель ободрилъ ихъ, и они стали хвастаться: „Нечего намъ бояться Татаръ, городъ у насъ каменный, крѣпкій, ворота желѣзные; Татары долго не простоятъ подъ городомъ, потому что имъ будетъ двойной страхъ, — изъ города будутъ насъ бояться, а съ другой стороны княжескаго войска, скоро побѣгутъ въ степь“. Иѣкоторые взойшли на стѣны, и начали всячески ругаться надъ Татарамъ; тѣ грозили имъ издали саблями...

На другой день, 24 числа, подошелъ къ кремлю самъ Тохтатышъ, — и началась осада. Татары пускали стрѣлы какъ дождь, стрѣляли безъ промаха, и много падало осажденныхъ въ городѣ и на стѣнныхъ за-

бралахъ; непріятель подблалъ уже лѣстницы и лѣзъ на стѣны, но граждане лили на него изъ котловъ горячую воду, кидали камнями, стрѣляли изъ само-стрѣловъ, пороковъ, т ю ф я к о в ъ (ружей) и пушекъ, которыя здѣсь въ первый разъ упоминаются. Одинъ купецъ-суконникъ, именемъ Адамъ, стоявшій надъ Фроловскими воротами, пустилъ стрѣлу изъ самострѣла и убилъ одного знатнаго князя татарскаго, о которомъ очень жалѣлъ Тохтамышъ. Три дня уже бился Татары подъ кремлемъ, и не было надежды взять его силою; тогда ханъ вздумалъ употребить хитрость: на четвертый день подбѣхали къ стѣнамъ большіе князья ордынскіе и съ ними двое князей нижегородскихъ, Василій и Семень, шурья великаго князя Дмитрія. Они стали говорить осажденнымъ: „Царь хочетъ жаловать васъ, своихъ людей и улусниковъ, потому что вы не виноваты; не на васъ пришелъ царь, а на князя Дмитрія; отъ васъ же онъ требуетъ только, чтобъ вы встрѣтили его съ княземъ Остеемъ и поднесли небольшие дары; хочется ему поглядѣть вашъ городъ и побывать въ немъ, а вамъ дать миръ и любовь“. Нижегородскіе князья дали Москвитянамъ клятву, что ханъ не сдѣластъ имъ никакого зла. Тѣ повѣрили, отвѣрили кремлевскія ворота, и вышли лучшіе люди съ княземъ Остеемъ, со крестами и съ дарами. Но Татары сперва взяли къ себѣ тайкомъ въ станъ князя Остелъ и убили его; потомъ подошли къ воротамъ и начали безъ милости рубить духовенство, ворвались въ кремль, всѣхъ жителей нобили или поплѣнили, церкви разграбили, взяли казну княжескую, имѣніе частныхъ людей; пожгли и книги, которыхъ множество отовсюду было снесено въ кремль. Эта бѣда случилась 26-го августа.

Взявши Москву, Тохтамышъ распустилъ рать свою къ Владиміру и Переяславлю: другіе отряды взяли Юрьевъ, Звенигородъ, Можайскъ, Боровскъ, Рузу, Дмитровъ; волости и села поплѣнили; Переяславль былъ сожженъ, но многіе жители его успѣли спастись въ лодкахъ на озеро. В. князь Дмитрій съ семействомъ своимъ укрылся въ Костромѣ, митрополитъ Кипріанъ въ Твери. Тверской князь Михаилъ послалъ къ Тохтамышу кил и ч е я своего съ честію и съ большими дарами, за что ханъ послалъ къ нему свое жалованье, ярлыкъ и не тронулъ тверскихъ владѣній. Между тѣмъ князь Владиміръ Андреевичъ стоялъ близъ Волока съ большою силою; одинъ изъ тохтамышевскихъ отрядовъ, не зная объ этомъ, подбѣхалъ къ нему и былъ разбитъ; испуганные Татары прибѣжали къ своему хану съ вѣстію о большомъ русскомъ войскѣ,—и тогда опять ясно обнаружилась рѣшительная перемѣна въ отношеніяхъ Руси къ Татарамъ,—обнаружилось слѣдствіе Куликовской битвы: едва успѣлъ узнать Тохтамышъ, что великій князь стоитъ въ Костромѣ, а братъ его, Владиміръ, у Волока, какъ тотчасъ стянулъ къ себѣ все свои войска и пошелъ назадъ, взявши на дорогѣ Коломну и опустошивши Рязанскую Землю. По уходѣ Татаръ, великій князь и братъ его Владиміръ возвратились съ своею

опустошенную отчину, поплакали и велѣли хоронить убитыхъ: Дмитрій давалъ за погребеніе 80 тѣлъ по рублю и издержалъ на это 300 рублей, слѣдовательно погребено было 24,000 человекъ¹⁾.

Вѣдою Москвы спѣшили воспользоваться Тверской князь Михаилъ Александровичъ; вмѣстѣ съ сыномъ Александромъ онъ поѣхалъ въ Орду, и поѣхалъ не прямою дорогою (не прямыми), но околицами, опасаясь и таясь отъ великаго князя Дмитрія: онъ хотѣлъ искать себѣ великаго княженія Владимірскаго и Новгородскаго. Это заставило великаго князя отправить въ Орду сына своего Василія съ старшими боярами вѣрными и лучшими, тягаться съ Михаиломъ о великомъ княженіи. Весною 1383 года отправился Василій въ Орду, и лѣтомъ того же года прибѣжалъ въ Москву посоль отъ Тохтамыша съ добрыми рѣчами и съ пожалованіемъ. Но за эти добрыя рѣчи и пожалованіе надобно было дорого заплатить: „Быль во Владиміръ лютый посоль отъ Тохтамыша, именемъ Адамъ, и была дань великая по всему княженію Московскому, съ деревни по полтинѣ, тогда же и золотомъ давали въ Орду“, говорить лѣтописецъ подъ 1384 годомъ. Къ такимъ уступкамъ великій князь пришеволенъ былъ не одною невозможностію опять вступитъ въ открытую борьбу съ Ордою послѣ недавнихъ разореній, но еще и тѣмъ, что сынъ его Василій былъ задержанъ Тохтамышемъ, который требовалъ за него 8,000 окупа, и только въ концѣ 1385 года молодой князь успѣлъ спастись бѣгствомъ изъ плѣна. Послѣ этого мы ничего не знаемъ объ отношеніяхъ Московскаго князя къ Тохтамышу; лѣтопись упоминаетъ только о двукратномъ нашествіи Татаръ на Рязанскія земли.

Не одни отношенія татарскія занимали Дмитрія послѣ Куликовской битвы. Союзникъ Мамасъ, Олегъ Рязанскій, зная, что ему нечего ожидать добра отъ Московскаго князя, и потому, приказавъ по возможности препятствовать возвращенію московскихъ войскъ чрезъ свою Землю²⁾, самъ убѣжалъ въ Литву. Дмитрій послалъ-было въ Рязань своихъ намѣстниковъ, но увидалъ, что еще трудно будетъ удержатъ ее противъ Олега, и потому помирился съ послѣднимъ. Договоръ дошелъ до насъ³⁾: Олегъ, подобно Михаилу Тверскому, признаетъ себя младшимъ братомъ Дмитрія и равнымъ московскому удѣльному князю—Владиміру Андреевичу; опредѣлены границы между обоими княжествами⁴⁾, причеъ Олегъ уступилъ Дмитрію три мѣста; Мещера, купленная княземъ Московскимъ, остается за нимъ; упоминается о мѣстахъ татарскихъ, которыя оба князя, и Московскій и

¹⁾ Но по некоторымъ извѣстіямъ, вдвое больше: см. Карамз. V, прим. 100.

²⁾ Въ договорѣ Василія Дмитріевича съ Олегомъ сыномъ Федоромъ говорится о московскихъ волностяхъ, возвращавшихся съ Дону и захваченныхъ въ Землѣ Рязанской: Собр. Гос. гр. и дог. I, № 36.

³⁾ Собр. Гос. гр. и дог. I, № 32.

⁴⁾ Объ этихъ границахъ см. ниже, въ IV томѣ Исторіи Россіи.

Рязанскій, взяли за себя; Олегъ обязался разорвать союзъ съ Литвою и находится съ нею въ тѣхъ же же самыхъ отношеніяхъ, въ какихъ и великій князь Московскій; точно также и съ Ордою и со всеми русскими князьями. Мы видѣли, что во время Тохтамышева нашествія Олегъ Рязанскій послѣдовалъ примѣру Димитрія Нижегородскаго, вышелъ навстрѣчу къ хану съ челобитьемъ и обвелъ Татаръ мимо своей области; но слѣдствія этого поступка для Олега были иныя, чѣмъ для князя Нижегородскаго: прежде всего Татары на возвратномъ пути опустошили Рязанское княжество; но едва Тохтамышъ выступилъ изъ рязанскихъ предѣловъ, какъ московскіе полки явились въ волостяхъ Олега и разорили то, что не было тронуту Татарами; злѣе ему стало и татарской рати, говоритъ лѣтописецъ. Олегъ, собравшись съ силами, отомстил за это въ 1385 году: онъ напалъ нечаянно на Коломну, взялъ и разграбилъ ее; Димитрій отправилъ противъ него войско подъ начальствомъ Владиміра Андреевича. Но Москвитяне потерпѣли поражение, потеряли много бояръ и воеводъ. Димитрій сталъ хлопотать о мирѣ, отправлялъ къ Рязанскому князю пословъ, но никто не могъ умолить Олега; наконецъ, по просьбѣ великаго князя, отправился въ Рязань Троицкій игумень, Св. Сергій. Лѣтописецъ говоритъ, что этотъ чудный старецъ тихими и кроткими рѣчами много бесѣдовалъ съ Олегомъ о душевной пользѣ, о мирѣ и любви: князь Олегъ переѣхалъ свръшность свою на кротость, утихъ и умилился душою, устыдясь такого Святаго мужа, и заключилъ съ Московскимъ княземъ вѣчный миръ. Этотъ миръ былъ скрѣпленъ даже семейнымъ союзомъ: сынъ Олега женился на дочери Димитрія.

Въ 1383 году умеръ Димитрій Константиновичъ Нижегородскій; Тохтамышъ отдалъ ярлыкъ на Нижній, по-старинѣ, брату его Борису; но племянники, сыновья Димитрія, вооружились, по-новому, противъ дяди, и съ помощію зятя своего, Димитрія Московскаго, принудили его къ уступкѣ Нижняго. Лѣтописецъ говоритъ, будто Борисъ пророчилъ племянникамъ, что они будутъ плакать отъ враговъ своихъ. Пророчество это исполнилось, какъ увидимъ впоследствии.

Съ именемъ Димитрія Донскаго въ нашей исторіи неразлучно имя двоюроднаго брата его, Владиміра Андреевича, который называется также Донскимъ и Храбрымъ. Мы видѣли, что великіе князья Тверской и Рязанскій въ договорахъ съ великимъ княземъ Московскимъ приравниваются къ Владиміру Андреевичу, и потому для насъ очень любопытно знать отношенія послѣдняго къ старшему двоюродному брату. Къ счастью, до насъ дошли три договорныя грамоты, заключенныя между ними. Первая написана въ 1362 году ¹⁾. Братья обязываются жить такъ, какъ жили отцы ихъ съ старшимъ своимъ братомъ, великимъ княземъ Симеономъ. Симеонову договорную грамоту съ братьями

мы знаемъ, но въ ней нѣтъ такихъ любопытныхъ мѣстъ, какія находимъ въ грамотѣ Димитрія и Владиміра; напримѣръ: „Тебѣ брату моему младшему князю Владиміру держать подъ мною княженіе мое великое честно и грозно; тебѣ брату моему младшему служить мнѣ безъ ослушанья по уговору (по гадкѣ), какъ будетъ мнѣ надобно и тебѣ: а мнѣ тебя кормитъ по твоей службѣ“. Владиміръ обязывается не искать подъ Димитріемъ удѣла Симеонова; этимъ вводится новый обычай, по которому выморочный удѣлъ поступаетъ прямо къ великому князю безъ раздѣла съ родичами. Большая статья посвящена боярямъ. Несмотря на допущеніе перехода бояръ отъ великаго князя къ удѣльному, и наоборотъ, старшій братъ уже дѣлаетъ попытку распространить свое вліяніе на бояръ младшаго; къ этому онъ приступаетъ слѣдующимъ образомъ: „Если случится мнѣ отпустить своихъ воеводъ изъ великаго княженія, то ты долженъ послать своихъ воеводъ съ моими мѣстѣ безъ ослушанья; а кто ослушается, того я буду казнить, а ты мѣстѣ со мною. Если захочешь кого-нибудь изъ бояръ оставить при себѣ, то ты долженъ мнѣ объ этомъ доложить, и мы рѣшимъ мѣстѣ—кому остаться и кому ѣхать“. Въ 1371 г. былъ заключенъ второй договор ²⁾, по которому Владиміръ обязался не искать Московской отчины Димитріевой и великаго княженія Владимірскаго не только подъ Димитріемъ, но и подъ сыновьями его, обязался, въ случаѣ смерти Димитріевой, считать старшаго сына его, а своего племянника, старшимъ братомъ и служить ему. Мы видѣли, что еще въ первомъ договорѣ съ двоюроднымъ братомъ великій князь выговаривалъ себѣ право наказывать Владиміровыхъ бояръ въ извѣстномъ случаѣ. Въ 1389 году Димитрій захотѣлъ воспользоваться этимъ правомъ, хотя намъ и неизвѣстно, чѣмъ именно бояре Владиміровы навлекли на себя гнѣвъ великаго князя; послѣдній велѣлъ схватить старшихъ изъ нихъ и развести по разнымъ городамъ, гдѣ держали ихъ подъ крѣпкою стражею, подъ надзоромъ жестокихъ приставниковъ. О непріязненныхъ дѣйствіяхъ со стороны Владиміра сохранилось извѣстіе: онъ захватилъ нѣсколько деревень великокняжескихъ ³⁾. Ссора впрочемъ была непродолжительна, и братья заключили третій договоръ ⁴⁾. Въ этомъ договорѣ окончательно и ясно опредѣлены отношенія Владиміра къ семейству старшаго двоюроднаго брата. Димитрій называетъ себя уже не старшимъ братомъ, но отцомъ Владиміру; старшій сынъ великаго князя Василій называется старшимъ братомъ Владиміра, второй сынъ Юрій—просто братомъ, т.-е. равнымъ; а меньшіе сыновья—младшими братьями. Въ остальныхъ статьяхъ этотъ договоръ сходенъ съ первымъ; замѣтимъ

¹⁾ Тамъ же, № 29.

²⁾ Навѣстіе это находится въ духовномъ завѣщаніи Донскаго: «А которые деревни отомалъ быхъ князь Володимеръ отъ Лыткискаго села».

⁴⁾ Собр. Гос. гр. и дог. I, № 33.

¹⁾ Собр. Гос. гр. и дог. I, № 27.

только слѣдующія выраженія, которыя показываютъ также новыя отношенія между родичами; Димитрій говоритъ Владиміру: „Ты мнѣ челомъ добилъ чрезъ отца моего Алексѣя митрополита всея Руси, и я тебя пожаловалъ, далъ тебѣ Дужу и Воровскъ“.

Строго началъ поступать великій князь Московскій съ боярами удѣльнаго князя; злая участь постигла и московскаго боярина, дерзнувшаго возстать противъ своего князя. Мы упоминали объ уничтоженіи сана тысяцкаго въ Москвѣ и о повѣщеніи Ивана Вельяминова и Некомата Сурожанина: мы видѣли, что Некоматъ возвратился изъ Орды въ Тверь съ ханскимъ ярлыкомъ для князя Михаила; но Вельяминовъ остался въ Ордѣ и, какъ видно, продолжалъ свои происки въ стѣнахъ московскихъ; лѣтописецъ говоритъ глухо: „Много нѣчто нестроевнѣ бысть“. Въ битвѣ на Вождѣ Русскіе поймали какого-то пона, шедшаго съ Татарамъ изъ Орды по порученію Ивана Вельяминова; у этого пона обыскали ядовитые корни, допросили его и сослали въ заточеніе. Въ 1378 году Вельяминовъ самъ рѣшился явиться на Руси; но слѣды его были открыты, онъ схваченъ въ Серпуховѣ и приведенъ въ Москву. На Кучковомъ полѣ, гдѣ теперь Срѣтенка, была совершена первая торжественная смертная казнь, и былъ казненъ сынъ перваго сановника въ княжествѣ; лѣтописецъ говоритъ: „Въ множество народа стояща, и мнози проездешиася о немъ и опечалишася о благородствѣ его и величествѣ его“. Какъ знаменитъ былъ родъ Вельяминовыхъ, видно изъ того, что лѣтописецъ, говоря о смерти послѣдняго тысяцкаго, приводитъ его родословную. Родной братъ казеннаго Ивана, Николай, былъ женатъ на родной сестрѣ великой княгини Московской, дочери Димитрія Константиновича Нижегородскаго, и великій князь, въ своихъ грамотахъ, называетъ Василія Вельяминова тысяцкаго дядею ⁴⁾. Даже и послѣ, несмотря на измѣну и казнь Ивана Вельяминова, родъ его не потерялъ своего значенія: послѣдній сынъ Донскаго, Константинъ, былъ крещенъ Марьею, вдовою Василія Вельяминова тысяцкаго.

Если Калита и Симеонъ Гордый давали уже чувствовать Новгороду силу московскую, то еще болѣе грозны должны были являть Новгородцы отъ сиблага внука Калитина. По смерти Іоанна Московскаго, желаніе ихъ исполнилось—было: Димитрій Константиновичъ Суздальскій, за отца котораго они и прежде такъ хлопотали въ Ордѣ, съѣхъ на велкомъ княженіи во Владиміръ и немедленно послалъ своихъ наместниковъ въ Новгородъ; Новгородцы посадили ихъ у себя и судъ дали, уговорившись съ княземъ. Незавѣстно, когда Новгородъ призналъ своимъ княземъ Димитрія Московскаго; только подъ 1366 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ прямо уже о ссорѣ Новгорода съ великимъ княземъ. Причиною этой ссоры были разбои новгородской вольницы. Еще въ 1360 году, въ княже-

ніе Димитрія Константиновича, новгородская вольница взяла городъ Жукотинъ на рѣкѣ Камѣ, перебила тамъ множество Татаръ и разграбля ихъ богатства. Жукотинскіе князья жаловались хану, и тотъ велѣлъ русскимъ князьямъ переловить разбойниковъ и прислать къ нему въ Орду, что и было исполнено тремя князьями—Суздальскимъ, Нижегородскимъ и Ростовскимъ, которые нарочно для того съѣзжались въ Кострому. Подъ 1363 годомъ Новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что пріѣхали съ Югры дѣти боярскія и молодые люди съ воеводами—Александромъ Абакуновичемъ и Степаномъ Ляпою; воевали они по рѣкѣ Оби до моря, а другая половина рати воевала верховье Оби; Двиняне стали противъ нихъ полкомъ, но были разбиты ²⁾. Въ 1366 году пошли опять изъ Новгорода молодые люди на Волгу, безъ новгородскаго слова, съ тремя воеводами: Оспомомъ Варволомичемъ, Василіемъ Федоровичемъ, Александромъ Абакуновичемъ; много бусурманъ побили подъ Нижнимъ, и въ томъ же году возвратились по-здорову. Но великій князь разорвалъ за это миръ съ Новгородцами, велѣлъ сказать имъ: „Зачѣмъ вы ходили на Волгу, и ростей монхъ пограбили?“ Новгородцы отвѣчали: „Ходили люди молодые на Волгу, безъ нашего слова; по твоихъ ростей не грабили, били только бусурманъ; и ты нелюбые отложи отъ насъ“. Въ Волгодѣ слуги Московскаго князя задержали Новгородца Василія Даниловича Машкова съ сыномъ и Проконья Кіева, шедшихъ съ Двини; но рати не было: Новгородцы отправили пословъ къ Димитрію и заключили миръ, влѣдствіе чего великій князь прислалъ своего наместника въ Новгородъ. Къ этому времени долженъ относиться дошедшій до насъ договоръ Новгородцевъ съ великимъ княземъ Димитріемъ и двоюроднымъ братомъ его Владиміромъ Андреевичемъ: князья обязались помогать Новгороду въ войнѣ съ Литвою, Тверью и Нѣвцами; а Новгородцы обязались помогать князьямъ въ войнѣ съ Литвою и Тверью; Димитрій обязался также, въ случаѣ войны, или самъ быть въ Новгородѣ, или послать туда брата Владиміра и до окончанія войны Новгорода не метать, исключая того случая, когда непріятель нападетъ на собственный его области ³⁾. Влѣдствіе этого договора, въ 1364 году, во время войны съ Цѣмцами, князь Владиміръ Андреевичъ пріѣзжалъ въ Новгородъ.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 65: «И избиха Двинянь на Курьн».

³⁾ Карамзинъ относитъ этотъ договоръ къ 1372 году, на томъ основаніи, что упомянутые здѣсь посадникъ Юрій и тысяцкій Елисей упоминаются подъ 1371 годомъ; во они могли исполнить свои должности и въ 1367 году. — «Влѣдствіе сего условія, говоритъ Карамзинъ, князь Владиміръ Андреевичъ въ 1378 году пріѣзжалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Новгородъ». Но князь Владиміръ пріѣхалъ въ Новгородъ въ первый разъ въ 1368 году, что и заставляеть насъ отнести упомянутый договоръ къ 1367 году, тѣмъ болѣе что подъ этимъ годомъ въ лѣтописи именно упоминается о докончаніи мира, объ отправленіи пословъ новгородскихъ въ Москву. См. договоръ въ Актахъ Арх. эксл. I, № 8.

⁴⁾ Дополн. къ акт. историч. т. I, № 7.

Но тогда борьба между Московскимъ и Тверскимъ княземъ была еще далека до окончанія; ханъ не былъ расположенъ къ Дмитрію, Михаилъ домогался ярлыка въ Орду, и Новгородцы заключили съ Тверскимъ княземъ обычный договоръ, съ условіемъ: „Вынесутъ тебѣ изъ Орды княженіе великое, и ты намъ будешь князь великій; если же не вынесутъ тебѣ княженія великаго изъ Орды, то ийти твоимъ намѣстникамъ изъ Новгорода прочь, и изъ новгородскихъ пригородовъ, и Новгороду въ томъ измѣны нѣтъ“¹⁾. Велѣдствіе этого условія, Новгородцы и признали великимъ княземъ Дмитрія Московскаго, когда тотъ не пустилъ Михаила во Владимиръ и самъ вынесъ себѣ ярлыкъ изъ Орды. Мы упоминали уже о враждебномъ столкновении Новгородца съ Тверскимъ княземъ, о взятіи Торжка и страшномъ его опустошеніи. Принужденный послѣ того къ миру съ великимъ княземъ Московскимъ, Михаилъ долженъ былъ заключить миръ и съ Новгородцами на всей ихъ волѣ²⁾; Тверской князь обязался свести своихъ намѣстниковъ съ Торжка и со всѣхъ волостей новгородскихъ, возвратитъ всѣхъ плѣнныхъ Новгородцевъ и Новоторжцевъ безъ окупа, возвратитъ товары, пограбленные у новгородскихъ и новоторжскихъ купцовъ, тогда какъ Новгородцы не обязались вознаграждать Тверскаго князя за убійства и грабежи, причиненные имъ волеплицею на Волгѣ; Михаилъ обязался также возвратитъ всѣ товары, захваченные у купцовъ новгородскихъ и новоторжскихъ до взятія Торжка. — Московскіе князья исполнили свой договоръ съ Новгородцами; въ 1373 г. князь Владиміръ Андреевичъ опять былъ у нихъ, вѣроятно для обереганія отъ Твери; но потомъ, какъ видно, отношенія измѣнились, потому что въ 1380 году Новгородцы сказали своему архіепископу Алексію: „Что-бъ тебѣ, господинъ, поухать къ великому князю Дмитрію Ивановичу?“ Владыка принялъ челобитъе дѣтей своихъ всего Новгорода, и поухалъ въ Москву вмѣстѣ со многими боярами и житыми мужами. Великій князь принялъ ихъ въ любовь, а къ Новгороду дѣловалъ крестъ на всей старинѣ новгородской и на старыхъ грамотахъ³⁾. Между тѣмъ разбои новгородской воляницы не прекратились; въ 1369 году осенью шло Волгою 10 ушкучевъ (разбойничьихъ судовъ), а иные шли Камою, и били ихъ подъ Волгарами; въ слѣдующемъ году дважды ходили Новгородцы Волгою и много зла надѣлали.

¹⁾ Собр. Гос. гр. и дог. I, № 8.

²⁾ Тамъ же, № 17. — Послѣ Торжковскаго взятія Новгородцы отправили пословъ къ Михаилу съ требованіемъ отпустить безъ окупа захваченныхъ имъ Новгородцевъ и Новоторжцевъ и вывести намѣстниковъ тверскихъ изъ Торжка. Наказъ посламъ см. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 13. Что этотъ наказъ относится ко временамъ Михаила Александровича, доказываютъ надписи на печатяхъ.

³⁾ Въ нѣкоторыхъ спискахъ сказано: «И пріѣхаша съ хиромъ». Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 75. Были ли Новгородцы на Куликовскомъ полѣ? Молчаніе новгородскихъ лѣтописей объ этомъ заставляетъ насъ отвергнуть извѣстіе украшенныхъ сказаній, что и Новгородцы участвовали въ битвѣ.

Въ 1371 году ушкучники разграбили Ярославль и Кострому. Въ 1374 году разбойники въ 90 ушкучахъ пограбили Ватку; потомъ взяли Волгары и хотѣли зажечь городъ, но жители откупились 300 р., послѣ чего разбойники раздѣлились: 50 ушкучевъ пошли внизъ по Волгѣ — къ Сараяу, а 40 — вверхъ, дошли до Обухова, опустошили все Засурье и Марквашь, высадились на лѣвый берегъ Волиги, истребили суда свои, отправились къ Вяткѣ на лошадяхъ, и дорогою разорили много сель по берегамъ Ветлуги⁴⁾. Въ 1375 году, въ то время, когда великій князь Дмитрій стоялъ подъ Тверью, новгородскіе разбойники на 70 ушкучахъ, подъ начальствомъ Прокопа и какого-то Смолянщина, явились подъ Костромою; тамошній воевода Плещеевъ вышелъ къ нимъ на-встрѣчу съ 5,000 рати, тогда какъ разбойниковъ было только 1,500 человекъ; но Прокопъ раздѣляя свой отрядъ на двѣ части: съ одною вступилъ въ битву съ Костромичами, а другую отправилъ тайкомъ въ лѣсъ въ засаду. Ударъ этой засады въ тылъ Плещееву рѣшилъ дѣло въ пользу разбойниковъ, которые взойшли въ беззащитный городъ и жили здѣсь цѣлую недѣлю, грабя дома и забравъ въ плѣнъ жителей; они забрали съ собою только то, что было подороже и полегче, остальное побросали въ Волгу или пожгли, плѣнныхъ взяли на суда и поплыли дальше внизъ. Ограбивши и зажегши Нижній-Новгородъ, они повернули въ Каму и, помедливши здѣсь нѣкоторое время, вошли въ Волгу; въ городѣ Волгарахъ продали бусурманамъ женъ и дѣвицъ, плѣнныхъ въ Костромѣ и Нижнемъ, и поплыли въ насадахъ по Волгѣ внизъ къ Сараяу, грабя гостей христіанскихъ, а бусурманъ побивая; они доплыли такимъ образомъ до самой Астрахани, но князь Астраханскій перебилъ ихъ всѣхъ обманомъ. Будучи злать отношеніями ордынскими, великій князь Дмитрій не могъ обратитъ большаго вниманія на подвиги Волжанъ, какъ называли ратниковъ Прокопа; но, окончивши дѣла рызанскія, покойный со стороны Тохтамыша и, для сохраненія этого спокойствія имѣя нужду въ деньгахъ, Дмитрій рѣшился раздѣляться и съ Новгородцами. Въ 1385 году пріѣзжали отъ него въ Новгородъ бояре брать черный боръ по тамошнимъ волостямъ, причемъ дѣло не обошлось безъ ссоры: новгородскіе бояре ѣздили на Городище тягаться съ московскими боярами объ обидѣхъ, причемъ дворня (чадь) главнаго московскаго боярина, Осдора Свибла, побѣжала прямо съ Городища въ Москву, не удовлетворивши Новгородцевъ за обиды. Впрочемъ, другіе Низовцы (Москвичи) остались въ городѣ добирать черный боръ; а въ слѣдующемъ году отправился къ Новгороду самъ великій князь съ войскомъ, собраннымъ изъ 29 волостей, въ числѣ которыхъ упоминается Вѣжецкая и Новоторжская; причиною похода были выставлены разбойники Волжанъ, взятіе ими Костромы и Нижняго, и

⁴⁾ Въ Казанской губерніи, Свижскаго уѣзда, есть два селенія Маркваша; рѣка Ветлуга впадаетъ въ Волгу между Васильсурскомъ и Козмодемьянскомъ.

еще то, что Новгородцы не платили княжескихъ пошлинъ. Новгородцы отправили на-встрѣчу къ великому князю пословъ съ челобитьемъ о мирѣ, но Димитрій отпустилъ ихъ безъ мира и остановился въ 15 верстахъ отъ Новгорода ¹⁾. Сюда прѣхалъ къ нему владыка Алексѣй и сказалъ: „Господинъ князь великій! я благословляю тебя, а Великій Новгородъ весь челомя бысть, чтобы ты заключилъ миръ, а кровополитія бы не было, за виноватыхъ же людей Великій Новгородъ доканчиваетъ и челомя бысть тебѣ 8,000 рублей“. Но великій князь, сильно сердясь на Новгородъ, не послушалъ и владыки; тотъ поѣхалъ назадъ безъ мира, пославши напередъ себя сказать Новгородцамъ: „Великій князь мира не далъ, хочеть идти къ Новгороду, берегитесь!“ Тогда Новгородцы поставили острогъ и пожгли около города 24 монастыря великихъ и всякое строеніе вѣѣ города за рвомъ; много было убытку Новгородцамъ и монашескому чину, говорили лѣтописецъ; кромѣ того, великокняжескіе ратники много волостей повоевали, у купцовъ много товару пограбили, много мужичинъ, женщинъ и дѣтей отослали въ Москву; Новоторжцы, большіе люди вѣѣжали въ Новгородъ и изъ нихъ волостей много народу побѣжало туда же. Наконецъ Новгородцы отправили третье посольство къ великому князю: послали архимандрита Давыда, семь священниковъ и пять челомякъ ж и т ы х ъ, съ конца по челомяку, которымъ и удалось уговорить Димитрія къ миру по старинѣ: Новгородцы взяли съ полатей у Св. Софіи 3,000 рублей и послали къ великому князю съ двумя посадниками, остальные же 5,000 рублей обѣщали взять на заволочкихъ жителей, потому что они также грабили по Волгѣ.

Въ то время, когда рать московская стояла подъ Новгородомъ, начальниками рати новгородской были князья: Патрикій Наримановичъ, Романъ Юрьевичъ и какіе-то копорскіе князья. Не наученные примѣромъ Наримана, Новгородцы продолжали принимать къ себѣ на кормленіе литовскихъ князей: въ 1379 году прѣхалъ въ Новгородъ Юрій Наримановичъ, въ 1389—братъ его Патрикій, которому Новгородцы дали въ кормленіе пригороды: Орѣховъ, Корельскій городъ, половину Копорья и Лузское село; но въ слѣдующемъ году Орѣховцы и Корельяне прѣхали съ жалобою къ Новгороду на князя Патрикія, который прѣхалъ также въ Новгородъ, поднявъ посюломъ Славянскій конецъ и смутить весь городъ. Славяне стали за князя и пѣлы двѣ недѣли звонили вѣче на Ярославовомъ дворѣ, а на другой сторонѣ три конца собрали свое вѣче у Св. Софіи; тысяцкій Осипъ съ Плотничанами и добрыми людьми перешелъ къ софійскому вѣчу, за что Славянскій конецъ съ Ярославовдворскаго вѣча ударилъ на его дворъ; но Плотничане не выдали Осипа, били Славянъ и ограбили ихъ. Тогда три конца—Черевскій, Загородскій и Людннъ—вооружились на Славянскій конецъ, и стояли

у Св. Софіи на вѣчѣ отъ обѣда до вечерни: съ ними сначала согласился и Плотничкій конецъ, желая также идти на Славянъ, но на другой день отказался, и только три конца написали три одинакія грамоты о бѣт и ы я—стоятъ за одно, а Славяне съ княземъ Патрикіемъ все стояли на вѣчѣ на Ярославовомъ дворѣ. Наконецъ все пять концовъ уладились: отняли прежніе города у Патрикія, а вмѣсто нихъ дали ему Русу, Ладогу и Наровекій берегъ; написали съ нимъ договорную грамоту и запечатали на вѣчѣ на Ярославовомъ дворѣ. Подъ 1388 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о другой смутѣ: встали три конца Софійской стороны на посадника Осипа Захарыча, созвоили вѣче у Св. Софіи и пошли на дворъ Осиповъ, какъ рать сильная, все вооруженные, взяли домъ его и торомы развезли, а посадникъ Осипъ бѣжалъ за рѣку въ Плотничкій конецъ; Торговая сторона встала за него вся: начали людей грабить, перевозчиковъ отбивать отъ берега, лодки ихъ разѣвкать; и такъ продолжалось двѣ недѣли; наконецъ сошлись въ любовь и дали посадничество Василью Ивановичу. Послѣ того какъ лѣтописецъ пересталъ упоминать постоянно объ избраніи и сверженіи посадниковъ, мы потеряли возможность представлять непрерывный рядъ этихъ сановниковъ и отличать посадниковъ степенныхъ отъ старыхъ. Подъ 1360 годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописи имя посадника Александра; подъ 1371 и 1375 годомъ упоминается посадникъ Юрій Ивановичъ; подъ 1386—посадникъ Федоръ Тимофеевичъ; подъ 1388—Осипъ Захарычъ, смѣненный, какъ мы видѣли, Василіемъ Ивановичемъ, но въ томъ же году упоминаются посадники (старые) Василій Федоровичъ и Михаилъ Даниловичъ. Въ договорныхъ грамотахъ съ великимъ княземъ Димитріемъ Московскимъ и Михаиломъ Тверскимъ встрѣчаемъ имя посадника Юрія; въ наказѣ посламъ, отправленнымъ изъ Новгорода къ князю Михаилу Тверскому, читаемъ имя посадника Михаила; на печатяхъ, приложенныхъ къ этому наказу, читаемъ имена посадниковъ: Якова, Андрияна, Юрія Ивановича.

Псковъ по-прежнему велъ войну съ Нѣмцами литовскими, въ которой принималъ участіе и Новгородъ. Въ 1362 году пригнали Нѣмцы и перебили на Лудвѣ ²⁾ нѣсколько головъ на миру; за это Псковичи задержали нѣмецкихъ купцовъ, которыхъ было тогда много въ Псковѣ ³⁾. Въ слѣдующемъ году прѣхали въ Новгородъ послы нѣмецкіе изъ Юрьева и Феллина договариваться съ Псковичами. прѣхали и Псковичи, наговорили много ⁴⁾, а поѣхали прочь безъ мира, за что купцовъ новгород-

²⁾ Рѣка Лудва Петербургской губерніи, Гдовскаго уѣзда.

³⁾ Эта причина выставлена въ Псковской лѣтописи. въ Новгородской другая: «Поимана Псковичи гость нѣмецкій, поморекій и зачорекій, а ркуше: отымали Юрьевца съ Вилловичи у насъ земли и воду».

⁴⁾ Такъ выражается Новгородскій лѣтописецъ, постоянно неприязненный къ Псковичамъ: «И повѣствованье много подюна прочъ». Впрочемъ, здѣсь можетъ высказаться и нелюбовь Новгородцевъ вообще къ многословію.

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 94: «И стоя въ Ямѣхъ».

свихъ задержали въ Юрьевѣ. Тогда Новгородцы отправили туда своихъ пословъ, по бирину изъ каждаго конца, которымъ удалось помирить (смот- вить въ любовь) Нѣмцевъ съ Псковичами. Нѣмцы спустили новгородскихъ кушцовъ, а Псковичи нѣ- мецкихъ, взявши съ нихъ серебро за головы убитыхъ на Лудвѣ. Миръ, какъ обыкновенно, былъ непро- должителенъ; на этотъ разъ мпротворцемъ хотѣлъ бытъ великій князь Московскій, и, въ 1367 году, посоль его Никита прѣхалъ въ Юрьевъ, жить здѣсь долго, но, не сдѣлавши ничего добраго, возвратился въ Псковъ, а вслѣдъ за нимъ явилась рать нѣмецкая и пожгла посадъ; но стояла только одну ночь подъ городомъ и ушла назадъ. Въ то же время другая нѣмецкая рать явилась у Велья¹⁾ и разбила псков- скую погоню: много пало головъ добрыхъ людей. Потомъ Псковичи съ какимъ-то княземъ Алексан- драмъ отправились къ Новому Городку (Шейгаузену) воевать Чудь, причемъ небольшою отрядъ охочихъ людей, подъ начальствомъ Селла Скертковского, по- халъ въ разгонъ къ Киремпе²⁾, наткнулся на отрядъ нѣмецкій—и былъ разбитъ имъ; князь Але- ксандръ прѣхалъ на мѣсто битвы, похоронилъ уби- тыхъ, собралъ раненыхъ, разсѣявшихся по лѣсу, и возвратился назадъ.

Псковичи отправили пословъ сказать Новгород- цамъ: „Господа братья! Какъ вы заботитесь о насъ, своей братьѣ младшей?“ Новгородцы задер- жали пословъ нѣмецкихъ, потому что новгородскіе купцы были задержаны въ Юрьевѣ и другихъ го- родахъ ливонскихъ, и въ 1368 году отправили войска къ Изборску, осажденному Нѣмцами. Нѣмцы бросили осаду, слышавши о приближеніи Новго- родцевъ, но въ слѣдующемъ году явились опять подъ Псковъ, выстояли подъ нимъ три дня и двѣ ночи, и ушли, ничего не взявши; лѣтописецъ упо- минаетъ только имена двухъ убитыхъ Псковичей и одного, взятаго въ плѣнъ и затравленнаго Нѣмцами. Въ 1370 году Новгородцы и Псковичи захотѣли отомстить рыцарямъ за ихъ нападенія, и пошли къ Новому Городку, но не взяли его, потому что былъ твердъ, говорить новгородскій лѣтописецъ, а псковскій жалуется на Новгородцевъ, зачѣмъ они отъ Городка не пошли въ Нѣмедскую Землю, а воз- вратились назадъ, не пособивши ни мало Псковичамъ, которые одинъ сожгли Киремпе и взяли мно- жество добычи. Нѣмцы—одни были побиты, а другіе захочулисе отъ зноя въ погребахъ. Въ 1371 году новгородскій посадникъ Юрій Ивановичъ съ тысяц- кимъ и двумя другими боярами заключилъ миръ съ Нѣмцами подъ Новымъ Городкомъ³⁾; но подъ 1377 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о походѣ нов- городскихъ молодыхъ людей къ Новому Городку нѣмецкому; они стояли долго подъ городомъ, посадъ

весь взяли, волость всю потравили, полона много привели и сами пришли въ по-здорову.

Во все это время во Псковѣ и въ пригородахъ мы видимъ разныхъ князей неизвѣстнаго намъ про- исхожденія. Такъ упоминается Изборскій князь Евстаоій, умершій въ 1360 году вмѣстѣ съ двумя сыновьями; потомъ упоминается князь Александръ; въ 1375 году встрѣчаемъ князя Матосея; но въ слѣ- дующемъ году прибѣжалъ во Псковъ бывший уже прежде здѣсь княземъ Андрей Олгердовичъ; Пско- вичи посадили его къ себѣ на княженіе съ согласія великаго князя Московскаго, и Андрей воидил псковскіе полки на Куликовскую битву, когда братъ его, великій князь Литовскій Ягайло, велъ войско для соединенія съ Мамаемъ Днезь или еще меньше опоздалъ Ягайло, и, узнавши у Одоева о пораженіи своего союзника, возвратился назадъ. Послѣ онъ уже не могъ продолжать борьбы съ Димитріемъ Москов- скимъ, потому что внутреннія дѣла заняли все его вниманіе. Мы видѣли, что Витовтъ освободился изъ плѣна, слѣдовательно Ягайло начала грозить борьба съ опаснымъ врагомъ; но изгнанникъ не могъ дѣй- ствовать противъ двоюроднаго брата одними соб- ственными средствами и вошелъ въ сношенія съ Нѣ- мецкимъ Орденомъ, обязался въ случаѣ, если рыцари помогутъ ему возвратитъ отчину, объявить себя под- ручникомъ Ордена. Для послѣдняго не могло бытъ ничего лестнѣе подобной сдѣлки: онъ достигалъ та- кимъ образомъ верховной власти надъ Литвою, под- дѣленною между враждебными князьями. Великій магистръ послалъ объявить Ягайлу, чтобъ онъ по- зволялъ возвратиться въ Литву и вступить во вла- дѣніе отчиною Кейстутовичамъ, находящимся подъ высокою рукою Ордена. Ягайло не послушался—и война открылась. Самъ великій магистръ, Конрадъ Цольнеръ, вступилъ въ Литву съ сильными вой- скомъ, но подлѣ хоругви Ордена развѣвалось знамя литовско-жмудское, подъ которымъ шелъ Витовтъ съ отрядомъ своихъ приверженцевъ. Число этихъ приверженцевъ все болѣе и болѣе увеличивалось, когда войско вступило на правый берегъ Нѣмана. Витовтъ овладѣлъ Троками, и какъ скоро вѣсть объ этомъ разнеслась по краю, толпы Литвы и Жмуди начали сбѣгаться къ сыну Кейстуту, который скоро увидалъ себя обладателемъ почти всего Троц- каго княжества. Но едва только великій магистръ оставилъ Литву, какъ подъ Троками явилось мно- гочисленное войско Ягайлово и принудило нѣмецкій гарнизонъ къ сдачѣ крѣпости. Въ такой бѣдѣ Витовтъ рѣшился на самую большія жертвованія, чтобъ получить болѣе дѣятельную помощь отъ Ордена; онъ принялъ католицизмъ, объявилъ себя вассаломъ Ордена и уступилъ послѣднему въ пол- ное владѣніе лучшую часть собственной Литвы и Жмуди. Въ 1384 году Нѣманъ опять покрылся мно- гочисленными судами, наполненными всякаго рода матеріалами; положено было возобновить старое Ковно, чтобъ изъ этой крѣпости удобнѣе дѣйстви- вать противъ Ягайла. Самъ великій магистръ опять предводилъ ополченіемъ. Шесть недѣль безъ отдыха

¹⁾ Мѣстечко Псковской губерніи, Опочкинскаго уѣзда.

²⁾ Кирьинга—Киремпе, мѣза въ Дерптскомъ уѣздѣ.

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 193: «Тоже бысть Пско- вичемъ Богомъ дарована война: а то разоритъ бысть съ Ныци про Жолчъ (Жбалачко, V, 16) обида много время, али по 5 лѣтъ».

работало множество народа, стѣны новаго Ковна поднялись; но крѣпость уже носила новое чуждое названіе Риггервердера. Такимъ образомъ, становилось ясно, что Литвѣ готовится участь Пруссіи; но, къ счастью для Литвы, князья ея поспѣшили вовремя прекратить усобицу. Ягайло предложилъ Витовту значительныя волости и возобновленіе прежней братской любви, если онъ захочетъ отказаться отъ союза съ общими врагами. Витовтъ охотно принялъ предложеніе, захватилъ два орденскіе замка, перемѣнилъ католицизмъ на православіе, и оба брата начали сообща собирать силы для борьбы съ Нѣмцами. Цѣлью ихъ успѣй былъ новый ковенскій замокъ—Риггервердеръ—ключъ ко всей Литвѣ; они осадили его и стали добывать съ необыкновенною дѣятельностью. Нѣмецкій гарнизонъ, составленный изъ выборныхъ ратниковъ орденскаго войска, выставилъ также упорное сопротивленіе. Каждый день происходили кровавыя стычки; въ ловкости брали верхъ Нѣмцы, въ смѣлости и отвагѣ—Литва и Русь; особенно литовскія пушки плохо дѣйствовали въ сравненіи съ нѣмецкими. Наконецъ, послѣ трехнедѣльныхъ усилій, Литовцамъ и Русскимъ удалось сдѣлать проломъ въ стѣнѣ, и крѣпость сдалась въ виду нѣмецкаго отряда, который не могъ подать никакой помощи осажденнымъ.

Примиреніе Витовта съ двоюроднымъ братомъ принесло Ордену большія потери; но эти потери были только предвѣстницами страшнѣйшей опасности, которая начала грозить ему отъ соединенія Литвы съ Польшею, вслѣдствіе брака Ягайла на Ядвига, наследницей польскаго престола. Польскій король Казимиръ Великій, не имѣя дѣтей, назначилъ наследникомъ по себѣ племянника своего, Людовика, короля Венгерскаго; король не могъ исполнить своего желанія безъ согласія сейма, и сеймъ воспользовался этимъ благопріятнымъ случаемъ для усиленія своихъ правъ насчетъ правъ королевскихъ. Еще при жизни Казимира, въ 1355 году, послы отъ сейма вытребовали у Людовика подтвержденіе шляхетскихъ правъ ¹⁾. Двѣнадцатилѣтнее правленіе Людовика ознаменовано было безпрестанными смутами, потому что король жилъ въ Венгріи и не обращалъ большого вниманія на Польшу, предоставленную такимъ образомъ самой себѣ ²⁾. Въ 1382 году умеръ Людовикъ; не имѣя сыновей, онъ назначилъ наследникомъ по себѣ въ Польшѣ мужа старшей своей дочери Маріи, Сигизмунда, маркграфя Бранденбургскаго, сына Чешскаго короля и Нѣмецкаго императора Карла IV. Но польскіе вельможи, собравшись у Радома, постановили: присягнуть второй дочери короля Людовика, Ядвигѣ, и выбрать ей въ мужа князя на всей своей волѣ. Нашелся и женихъ: то былъ князь отъ крови Пяста, Семовитъ Мазовецкій, котораго и выбрали по согласію большинства. Началась война между Семовитомъ и Сигизмундомъ, сопровождаемая вну-

тренными вольненіями и кровопролитіями. Наконецъ, въ 1384 году, Ядвига пріѣхала въ Краковъ и была принята съ большою радостію всѣмъ народомъ, который ждалъ отъ нея избавленія отъ смуты междупарствія. Подобно было теперь думать о ея бракѣ; Семовитъ Мазовецкій уже успѣлъ приобрести нерасположеніе Польковъ насильственными поступками противъ тѣхъ, которые не хотѣли признавать его; кромѣ того, присоединеніе Мазовіи къ владѣніямъ Казимира Великаго мало льстило вельможамъ; по той же причинѣ отвергнутъ былъ и другой искатель—Владиславъ, князь Опольскій, также потомокъ Пяста. У Ядвиги былъ еще другой женихъ, съ которымъ она вмѣстѣ воспитывалась, къ которому была привязана нѣжною страстью: то былъ Вильгельмъ, герцогъ Австрійскій. Но Вильгельмъ не правился польскимъ вельможамъ, потому что отъ него нельзя было ожидать скорой помощи ³⁾. Ихъ вниманіе обратилъ на себя болѣе выгодный женихъ: въ 1385 году явились къ Ядвигѣ послы литовскіе съ предложеніями, что князь Ягайло приметъ Римскую вѣру не только самъ, но и со всѣми родственниками, вельможами и народамъ, выдастъ безъ окупа польскихъ плѣнниковъ, захваченныхъ Литовцами въ предыдущихъ войнахъ, соединитъ на-вѣки съ Польшею свои наследственные и приобретенныя владѣнія, поможетъ Польшѣ возратить потеряныя ею земли, привезетъ въ нее нѣкоторыя изъ отцовскихъ и дѣдовскихъ сокровищъ, заплатитъ сумму, должную Вильгельму Австрійскому за несдержаніе обѣщанія насчетъ руки королевной. Ядвига не очень пріятно было это предложеніе, но сильно нравилось оно вельможамъ польскимъ; они представили королевѣ высокую заслугу апостольскаго подвига, успѣли колебать ея отвращеніе и отправили уже пословъ къ Ягайлу для окончательныхъ переговоровъ, какъ вдругъ неожиданно является къ Кракову Вильгельмъ Австрійскій. Тщетно вельможи запретили ему входъ въ Краковскій замокъ; Ядвига устроила съ нимъ свиданіе въ францисканскомъ монастырѣ, и здѣсь страсть ея къ прежнему жениху возоблилась и усилилась до такой степени, что она, какъ говорятъ ⁴⁾, и слышать не хотѣла о Ягайлѣ, и обвинчалась съ Вильгельмомъ; но когда онъ хотѣлъ пользоваться правами супруга въ самомъ Краковскомъ замкѣ, то съ безчестіемъ былъ оттуда изгнанъ вельможами. Ядвига хотѣла за нимъ слѣдовать, но была удержана силою; тогда Вильгельмъ, опасаясь чего-нибудь еще худшаго, посѣшилъ скрыться изъ Кракова. Между тѣмъ Ягайло приближался къ этому городу; вельможи и прелаты снова подступили къ Ядвигѣ съ просьбами не отказываться отъ брака съ Литовскимъ княземъ и заслужить названіе просвѣтительницы его народа; молодая королева, охлажденная нѣсколькими отсутствіемъ Вильгельма, опять начала колебаться. Ее сильно

¹⁾ Dlugossi-Histor. Polon., IV, p. 1101.

²⁾ Ibid. X, p. 68.

³⁾ Ibid. X, p. 98.

⁴⁾ Ibid. p. 102. Fama insuper et plurimorum assertione probitum est.

безпокояла молва, что Ягайло былъ варваръ, правый и урокъ тѣломъ; чтобъ укрѣпиться въ справедливости этихъ слуховъ, она отправила къ нему на встрѣчу самаго преданнаго себѣ человѣка съ порученіемъ рассмотреть хорошенько наружность желика и извѣдать его нравъ. Ягайла предувѣдомили о цѣли посольства; онъ принялъ посланнаго съ необыкновенною ласкою, и тотъ, возвратившись къ Ядвига, донесъ ей, что Литовскій князь наружностію приятенъ, красивъ и строенъ, роста средняго, длиннорощъ, во всѣмъ тѣлѣ нѣтъ у него никакого пророка, въ обхожденіи важенъ и смотритъ государемъ. Ядвига успокоилась на этотъ счетъ и позволила убѣдить себя.

Въ 1386 году совершенъ былъ бракъ Ягайла съ Ядвигою, имѣвшій такое великое вліяніе на судьбы восточной Европы. Согласно съ условіями, Ягайло отрекся отъ православія, причемъ прежнее имя Якова переимѣнилъ на имя Владислава; ему послѣдовали родные братья, Олгердовичи, и двоюродный—Витовтъ, прѣбывшій съ нимъ на свадьбѣ въ Краковѣ. Ягайло сѣвшилъ исполнить и обѣщаніе относительно распространенія католицизма въ Литвѣ; здѣсь уже прежде было распространено православіе; половина вилenskихъ жителей исповѣдовала его; но такъ какъ православіе распространялось само собою, безъ особеннаго покровительства и пособій со стороны свѣтской власти, то по этому самому оно распространялось медленно. Иначе стали дѣйствовать латинскіе проповѣдники, прѣбывшіе теперь съ Ягайломъ въ Литву: они начали истребленіемъ священныхъ мѣстъ стараго языческаго богослуженія, и народъ, котораго прежнія вѣрованія были ослаблены давнимъ знакомствомъ съ христіанскою религіею посредствомъ Русскихъ, безъ большого труда согласился на принятіе новой вѣры. Впрочемъ, латинскіе проповѣдники дѣйствовали успѣшно только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя давно уже находились подъ русскимъ вліяніемъ; въ Жмуду же они встрѣтили упорное сопротивленіе и были выведены по приказанію Витовта, напуганнаго тѣмъ, что многочисленныя толпы народа начали переселяться, чтобъ спастись отъ принужденія къ новой религіи. По если католицизму легко было сладить съ язычниками собственной Литвы, то очень трудно было бороться съ православіемъ, имѣвшимъ здѣсь издавна многочисленныхъ и вѣрныхъ приверженцевъ; наступательныя дѣйствія латинства противъ него начались немедленно: постановлено было, что Русскія, выходившія замужъ за католиковъ, должны принимать исповѣданіе мужей своихъ, а мужья православной вѣры должны принимать исповѣданіе женъ; есть даже извѣстіе, что православная церковь въ Литвѣ имѣла мучениковъ при Ягайлѣ¹⁾.

Вмѣстѣ съ новостями религиозными явились и политическія: князья племени Рюрика и Гедимина принуждены были присягать коронѣ польской и

¹⁾ Dlugossi-Histor. Polon., X, p. 118; Лѣтон. Даннл., стр. 204 и 205.

королевѣ Ядвига; такъ, въ 1386 году, князь Федоръ Острожскій утверждёнъ былъ на своей отчинѣ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ и его наследники служили Ягайлу, его преемникамъ и коронѣ польской, какъ прежде служилъ князь Федоръ князю Любарту Гедиминовичу Волынскому²⁾. Но подобный порядокъ вещей не могъ безпреткновенно утвердиться; Литва и Русь не могли легко и добровольно подчиняться Польшѣ въ религиозномъ и политическомъ отношеніи; началась борьба: началась она подъ покровомъ личныхъ стремленій князей литовскихъ, кончилась возстаніемъ Малой Руси за вѣру и паденіемъ Польши.

Неизвѣстно, какимъ образомъ Андрей-Випгольтъ Олгердовичъ, котораго мы видѣли во Псковѣ, въ Москвѣ и на Куликовомъ полѣ со Псковичами, успѣлъ овладѣть опять Полоцкомъ; извѣстно только то, что онъ вторично возсталъ на Ягайла подъ тѣмъ предлогомъ, что послѣдній, принявши католицизмъ, не имѣетъ болѣе права владѣть православными областями. Андрей соединился съ нѣмецкими рыцарями, которые опустошили литовскія владѣнія больше чѣмъ на 60 миль. Эта война кончилась тѣмъ, что другой братъ Ягайловъ, Скиргайло, взявъ Полоцкъ, захватилъ въ плѣнъ Андрея, а сына его убилъ³⁾. Но опасѣе для Ягайла была новая борьба съ Витовтомъ. Новый Польскій король назначилъ наместникомъ Литвы брата своего, Скиргайла, съ титуломъ великаго князя, но столица его была въ Трокахъ, въ Вильнѣ же сидѣлъ Полякъ, староста королевскій⁴⁾. Характеръ Скиргайла польскіе историки описываютъ самыми черными красками: онъ былъ дерзокъ и жестокъ, не дрожалъ ни передъ какимъ злодѣйствомъ, былъ почти постоянно въ нетрезвомъ видѣ, и потому былъ нестерпимъ для окружающихъ, которые никогда не могли считать себя безопасными въ его присутствіи⁵⁾. Иначе отзываются о немъ православные лѣтописцы, называя его княземъ чуднымъ и добрымъ⁶⁾; причина такого разнорѣчія ясна: Скиргайло оставался вѣрнопъ православію, и потому былъ любимъ русскимъ народомъ⁷⁾. Между

²⁾ Zródła do dziejow polskich-Grabowsk. t. I, p. 145. Въ 1393 году эту грамоту князю Федору подтвердила уже одна Ядвига, которая называетъ себя: *lituaniae principis Suprema, Pomeraniae haeresque domina et haeres*.—О присягѣ Симеона. Лувенія Ягайлу и Ядвига см. ниже, въ IV томѣ.

³⁾ Подл. Собр. Русск. Лѣт. V, 240.

⁴⁾ Лѣтон. Даннловича, стр. 44. Еслибъ Скиргайло владѣлъ въ Волыни, то Другомъ (стр. 120) не называлъ бы его Троицкихъ княземъ.

⁵⁾ Dlugossi, I, X., p. 120.

⁶⁾ Лѣтон. Даннлов., стр. 47.

⁷⁾ Dlugossi, I, X, p. 120; Hunc (Scirgallonem) Vithaudus Grodne isis dux, magis modesti, magisque vegeti et semper sobrii vir ingenii, et propter Ruthenorum assistentiam, qui illi propter ritus cui indentitatem magnopere afficiebantur, et propter Wladislawi Poloniae regis germanitatem, pertimescens, etc. Ясно, что здѣсь приверженность русскаго народа за единство вѣры относится къ Скиргайлу, а не къ Витовту; но Зубрицкій утверждаетъ противное (Исторія Галицкой Руси, стр. 221).

Троцкимъ княземъ Скиргайломъ и Гродненскимъ Витовтомъ скоро возникли несогласія: Витовту говорили, что Скиргайло хочетъ извести его какимъ бы то ни было образомъ ¹⁾, не желая имѣть соперника въ Литвѣ; въ нерасположеніи Ягайла Кейстутовичъ могъ убѣдиться уже изъ того, что король не хотѣлъ дать ему грамоту на уступленныя области, не согласился придать ему волости князя Любарта Волинскаго; потомъ это нерасположеніе обнаружилось еще сильнѣе, когда Ягайло заключилъ въ оковы посланца Витовтова и вымучивалъ у него показанія о сношеніяхъ его князя съ княземъ Московскимъ ²⁾. Все это заставило Витовта вооружиться снова противъ двоюродныхъ братьевъ; онъ хотѣлъ-было нечаянно овладѣть Вильною, но попытка не удалась, и онъ принужденъ былъ съ семействомъ и дворомъ удалиться сперва въ Мазовію, а потомъ къ нѣмецкимъ рыцарямъ.

Опять Ордену открылся удобный случай утвердить свое вліяніе въ Литвѣ, соединеніе которой съ Польшею грозило ему страшную опасность въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны—онъ не могъ съ успѣхомъ бороться противъ соединенныхъ силъ двухъ государствъ, съ другой стороны—самое существованіе его стало теперь болѣе ненужнымъ, ибо онъ учрежденъ былъ для борьбы съ язычниками, для распространенія между ними христіанства по ученію Западной церкви; но теперь самъ великій князь Литовскій, ставши Польскимъ королемъ и принявши католицизмъ, обязался утвердить послѣдній и въ своихъ послѣдственныхъ волостяхъ, и усердно исполнялъ свое обязательство. Немудрено послѣ этого, что рыцари забили сильную тревогу, когда узнали о намѣреніи Ягайла вступить въ бракъ съ Ядвигагою; они стали разглашать, что это соединеніе Польши съ Литвою грозитъ гибелью христіанству, потому что Литва непремѣнно обратитъ Польшу въ язычество; мы видѣли, что они поддерживали Андрея Полоцкаго противъ Ягайла, а теперь охотно приняли сторону Витовта, который отдалъ имъ Жмудь и Гродно подъ залогъ. Но Ягайлу удалось взять Гродно. Чтобъ поправить дѣло, Орденъ, въ 1390 году, выслалъ въ Литву сильное войско, при которомъ въ числѣ заграничныхъ гостей находился графъ Дербн, послѣ ставшій герцогомъ Ланкастерскимъ и наконецъ королемъ Англійскимъ, подъ именемъ Генриха IV. Послѣ удачной битвы на берегахъ Вилии, крестоносцы осадили Вильну, взяли нижній замокъ измѣною пріятелей Витовтовыхъ, но верхняго взять не могли и принуждены были отступить по причинѣ холодныхъ осеннихъ ночей, недостатка въ съѣстныхъ припасахъ и болѣзней. Въ 1391 году, усиленный толпами новыхъ пришельцевъ изъ Германіи, Франціи, Англии и Шотландіи, великій магистръ, Конрадъ Валленродъ, въ челѣ 46-тысяч-

наго войска, вступилъ въ Литву. Витовтъ съ своею Жмудью и магистръ Ливонскаго Ордена соединились также съ нимъ, и всѣ двинулись опять на Вильну; но на дорогѣ получили вѣсть, что вся страна на пять миль въ окружности этой столицы опустошена въ-конецъ самими Литовцами. Великій магистръ, потерявъ надежду прокормить свое войско въ опустошенной странѣ, не могъ болѣе думать объ осадѣ Вильны и возвратился назадъ, удовольствовавшись построеніемъ деревянныхъ острожковъ на берегахъ Нѣмана, охрана которыхъ поручена была Витовту. Послѣдній съ нѣмецкимъ отрядомъ осадилъ Гродно, гдѣ королевскій гарнизонъ состоялъ большею частію изъ Русскихъ и Литвы, потомъ изъ Поляковъ. Сначала осажденные оказали сильное сопротивленіе; Витовтъ уже терялъ надежду взять крѣпость, какъ вдругъ вспыхнулъ въ ней пожаръ, а вмѣстѣ съ пожаромъ ссора между Поляками и Литовцами, вѣроятно вслѣдствіе подозрѣнія, что пожаръ произведенъ послѣдними, расположенными къ Витовту. Литовцы переселили Поляковъ, заперли ихъ, загасили пожаръ и сдали крѣпость Кейстуту сыну. Между тѣмъ члены королевскаго совѣта въ Краковѣ дѣйствовали благоразумнѣе гродненскаго гарнизона: они старались всѣми силами оторвать ояна Витовта отъ Ордена, и успѣли въ этомъ, потому что сыну Кейстуту тяжело было видѣть себя подручникомъ невинныхъ рыцарей и вмѣстѣ съ ними пустонить свою отчину; притомъ король выполнялъ всѣ его требованія, давалъ ему грамоту на Литву и Жмудь. И вотъ нечаянно, съ значительнымъ отрядомъ войска, явился Витовтъ передъ Ковно, гдѣ былъ принятъ какъ союзникъ и вѣрный слуга Ордена; но едва успѣлъ онъ войти въ крѣпость, какъ велѣлъ своимъ людямъ занять всѣ важныя мѣста, перехваталъ рыцарей, нѣмецкихъ купцовъ, приказалъ разломать мосты на Нѣманѣ и Вилии, потомъ также нечаянно овладѣлъ Гродномъ и новыми острожками Ордена. Съ тѣхъ поръ, т.-е. съ 1392 года, миръ между Ягайломъ и Витовтомъ не прерывался болѣе. Скиргайло, принужденный отказаться отъ Литвы въ пользу Витовта, получилъ дипломъ на достоинство великаго князя Русскаго и Кіевъ—столицею; но въ Кіевѣ сидѣлъ другой Олгердовичъ, Владиміръ, посаженный здѣсь отцомъ своимъ, который выгналъ изъ Кіева прежняго князя Федора ³⁾. Владиміръ не хотѣлъ уступить Руси брату, и Витовтъ долженъ былъ оружіемъ доставить Кіевскій столъ Скиргайлу.

Всѣ эти внутреннія происшествія не давали князьямъ литовскимъ возможности думать о наступательныхъ движеніяхъ на Сѣверо-Восточную Русь; но они со славою и выгодною успѣли уничтожить попытку смоленскихъ князей къ наступательному движенію на Литву. Въ 1386 году Смоленскій князь Святославъ Ивановичъ, съ сыновьями Глѣбомъ и Юріемъ и племянникомъ Иваномъ Васильевичемъ, собралъ большое войско и пошелъ къ Мстиславу, ко-

¹⁾ Dlugossi, I. X., p. 120.

²⁾ Narbut, V. 433.

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 350

торый прежде принадлежалъ смоленскимъ князьямъ и потому былъ у нихъ отнятъ Литовцами. Идучи Литовскою Землею, Смоленяне воевали ее, захватывая жителей, мучили ихъ нещадно различными казнями, мужичить, женичить и дѣтей: кнѣхъ, заперши въ избахъ, сжигали, младенцевъ на колѣ сажали. Жители Мстиславля затворились въ городѣ съ наѣстникомъ своимъ, княземъ Коригойломъ Олгердовичемъ; десять дней стояли Смоленяне подъ Мстиславлемъ и ничего не могли сдѣлать ему, какъ въ одиннадцатый день поутру показался въ полѣ стягъ литовскій: то шель великій князь Скиргайло Олгердовичъ; немного подалеже выступалъ другой полкъ — вель его князь Димитрій - Корибутъ Олгердовичъ; за полкомъ Корибутовымъ шель полкъ Симеона-Лувенія Олгердовича; наконецъ показался и рать Витовтова. Литовскіе полки быстро приближались; Смоленяне смутились, увидавши ихъ, начали скорѣе одѣваться въ брони, выступили на бой и сошлись съ Литовцами на рѣкѣ Вехрѣ, подъ Мстиславлемъ, жители котораго смотрѣли на битву, стоя на городскихъ забралахъ. Битва была продолжительна, наконецъ Олгердовичи одолѣли; самъ князь Святославъ Ивановичъ былъ убитъ однимъ Полякомъ въ дубравѣ; племянникъ его, Иванъ, былъ также убитъ, а двое сыновей попались въ плѣнъ. Литовскіе князья вельдъ за бѣгущими пошли къ Смоленску, взяли съ него окупъ и посадили княземъ изъ своей руки Юрѣ Святославича, а брата его — Глѣба — повели въ Литовскую Землю.

Въ такомъ положеніи находились дѣла на востокѣ и западѣ, когда, въ 1389 году, умеръ великій князь Московскій Димитрій, еще только 39 лѣтъ отъ рожденія. Дѣдъ, дядя и отецъ Димитрія въ тишинѣ приготовили богатыя средства къ борьбѣ открытой, рѣшительной. Заслуга Димитрія состояла въ томъ, что онъ умѣлъ воспользоваться этими средствами, умѣлъ развернуть приготовленныя силы и дать имъ во-время надлежащее употребленіе. Мы станемъ взвѣшивать заслугу Димитрія сравнительно съ заслугами его предшественниковъ; замѣтимъ только, что употребленіе силъ происходитъ обыкновенно громче и виднѣе ихъ приготовления, а богатое событіями княженіе Димитрія, протекшее съ начала до конца въ упрямой и важной борьбѣ, легко затмѣно бѣдными событіями княженія предшественниковъ; событія, подобныя битвѣ Куликовской, сильно поражаютъ воображеніе современниковъ, надолго остаются въ памяти потомковъ, и потому неудивительно, что побѣдитель Мамай получилъ подлѣ Александра Невскаго такое видное мѣсто между князьями новой Сѣверо-Восточной Руси. Лучшимъ доказательствомъ особенно важнаго значенія, придаемаго дѣятельности Димитрія современниками, служитъ существованіе особаго сказанія о подвигахъ этого князя, особаго украшенно написаннаго житія его. Наружность Димитрія описывается такимъ образомъ: „Быше крѣпокъ и мужественъ, и тѣломъ великъ и широкъ, и плечистъ, и чреватъ велми и тяжекъ собою зѣло, брадою-жъ

и власы черны, взоромъ же дивенъ зѣло“¹⁾. Въ житіи прославляется строгая жизнь Димитрія, отъращеніе отъ забавъ, благочестіе, незлобіе, дѣломудріе до брака и послѣ брака; между прочимъ говорится: „Аще и кингазъ неучень бѣаше добръ, но духовныя книги въ сердцѣ своемъ имаше“²⁾. Кончина Димитрія описывается такимъ образомъ: „Разболѣся и прискоробенъ бысть велми, потому же легче бысть ему; и паки впаде въ большую боѣзнь и стеначіе приде къ сердцу его, яко торгати внутреннимъ его и уже приблизится къ смерти душа“³⁾

Важныя слѣдствія дѣятельности Димитрія обнаруживаются въ его духовномъ завѣщаніи³⁾; въ немъ встрѣчаемъ неслыханное прежде распоряженіе: Московскій князь благословляетъ старшаго своего сына Василія великимъ княженіемъ Владимірскимъ, которое зоветъ своею отчиною. Донской уже не боится соперниковъ для своего сына ни изъ Твери, ни изъ Суздаля. Кромѣ Василія, у Димитрія оставалось еще пять сыновей: Юрѣ, Андрей, Петръ, Иванъ и Константинъ; но двое послѣднихъ были малолѣтны; Константинъ родился только за четыре дня до смерти отцовской, и великій князь поручаетъ свою отчину, Москву, только четвертымъ сыновьямъ. Въ этой отчинѣ, т.-е. въ городѣ Москвѣ и въ станахъ, къ ней принадлежавшихъ, Донской владѣлъ двумя жребіями, — жребіемъ отца своего Ивана и дяди Симеона, третьимъ жребіемъ владѣлъ Владиміръ Андреевичъ; онъ остался за нимъ и теперь. Изъ двухъ своихъ жребіевъ великій князь половину отдастъ старшему сыну Василію, на с т а р ш і й п у т ь; другая половина раздѣлена на три части между остальными сыновьями. Другіе города Московскаго княжества раздѣлены между четырьмя сыновьями: Коломна — старшему, Василію, Звенигородъ — Юрѣ, Можайскъ — Андрею, Дмитровъ — Петру. Благословляя старшаго Василія областію великаго княженія Владимірскаго, къ которому принадлежали области Костромская и Переяславская, Димитрій отдастъ остальнымъ тремъ сыновьямъ города, купленные еще Калптою и окончательно присоединенные только имъ: Юрѣ — Галичъ, Андрею — Вѣлоозеро, Петру — Угличъ. Предпослѣдній сынъ, Иванъ, сильно обдѣленъ: ему ничего не назначено изъ собственно Московской отчины; удѣлъ его ничтоженъ въ сравненіи съ удѣлами другихъ братьевъ. Такую, повидимому, несправедливость объясняютъ слова завѣщателя: „Въ томъ удѣлѣ воленъ сынъ мой князь Иванъ, который братъ до него будетъ добръ, тому дасть“ Изъ этихъ словъ видно, что князь Иванъ былъ боленъ, и не могъ имѣть надежды на потомство; вотъ почему Донской дасть ему право распорядиться своимъ малѣнькимъ удѣломъ въ пользу того брата, который будетъ до

1) Никон. IV, 119.

2) Полн. Собр. Русск. Лѣт., IV, 531. Хотя и есть вариантъ: н а у ч е н ь, однако по связи обоихъ предложеній скорѣе можно принять: н е у ч е н ь.

3) Собр. Гос. гр. и дог. I, № 34.

него добръ; въ самомъ дѣлѣ, Иванъ умеръ скоро по смерти отца ¹⁾. Завѣщаніе было написано прежде рожденія самаго младшаго сына, Константина, и потому на его счетъ сказано слѣдующее: „А дасть Богъ сына, и княгиня моя подѣлитъ его, взявши по доли у большихъ его братьевъ“. Княгиня своей Димитрій завѣщала по нѣскольку волостей изъ удѣловъ каждаго сына съ тѣмъ, чтобъ по смерти ея эти волости отошли къ тому князю, къ удѣлу котораго принадлежали; но тѣмъ волостями, которыя при мѣстѣ самъ Димитрій и далъ женѣ, или которыя она сама примыслила, великая княгиня могла распорядиться по произволу: „Сыну ли которому дасть, по душѣ ли дасть“. Великой княгинѣ уступлена также неограниченная власть при дальнѣйшемъ распредѣленіи волостей между сыновьями въ слѣдующихъ случаяхъ: когда умретъ одинъ изъ князей, то удѣломъ его княгиня дѣлитъ остальныхъ сыновей; если у котораго-нибудь изъ князей будетъ отчины, то княгиня вознаграждаетъ его за потерю, отдѣливъ ему часть изъ удѣловъ остальныхъ братьевъ; если умретъ старшій сынъ ²⁾ князь Василій, то его удѣлъ переходить къ старшему по немъ брату; удѣлъ послѣдняго княгиня дѣлитъ между всѣми сыновьями. Наконецъ завѣщатель выражаетъ надежду, что сыновья его перестанутъ давать выходъ въ Орду ³⁾.

Говоря о важномъ значеніи княженія Димитріева въ исторіи Сѣверо-Восточной Руси, мы не должны забывать и дѣятельности бояръ московскихъ: они, пользуясь обстоятельствами, отстаивали права своего малолѣтняго князя и своего княжества, которымъ и управляли до возмужалости Димитрія. Послѣдній не остался неблагодаренъ людамъ, которые такъ сильно хотѣли ему добра; доказательствомъ служатъ слѣдующія мѣста житія его ⁴⁾, обнаруживающія всю степень вліянія бояръ на событія Димитріева княженія. Чувствуя приближеніе смерти, Димитрій, по словамъ сочинителя житія, далъ сыновьямъ слѣдующее наставленіе: „Бояръ своихъ любите, честь имъ достойную воздавайте противъ ихъ службы, безъ воли ихъ ничего не дѣлайте“. Потомъ умирающій князь обратился къ боярамъ съ такими словами: „Вы знаете каковъ мой обычай и правъ, родился я передъ вами, при васъ выросъ, съ вами царствовалъ; воевалъ вмѣстѣ съ вами на многія страны, противникамъ былъ страшенъ, поганыхъ низложилъ съ Божіею помощію и враговъ покорилъ, великое княженіе свое сильно укрѣпилъ, миръ и тишину далъ Русской Землѣ, отчину свою съ вами сохранилъ, вамъ честь и любовь оказывалъ, подъ вами города держалъ и большія волости,

дѣтей вашихъ любить, никому зла не сдѣлалъ, не отнялъ ничего силою, не досадилъ, не укорилъ, не отравилъ, не обезчестилъ, но всѣхъ любилъ, въ чести держалъ, веселился съ вами, съ вами и скорбѣлъ, и вы не пазывались у меня боярами, но князьями Земли моея“.

Кто же были эти бояре? Первое мѣсто между ними принадлежитъ Димитрію Михайловичу Волинскому-Боброку, побѣдителю Рязанцевъ и рѣшителю Куликовской битвы; онъ выѣхалъ изъ Волины въ Москву при Донскомъ и женился на сестрѣ великокняжеской, Аннѣ; между свидѣтелями, подписавшимися на второй духовной в. князя, имя Димитрія Михайловича стоитъ на первомъ мѣстѣ. Послѣ Волинскаго слѣдуетъ Тимошей Васильевичъ околничій, который называется также великимъ воеводою; по родословнымъ книгамъ онъ былъ братъ послѣдняго тысяцкаго, Василя Васильевича Вельминова; въ первой духовной Донскаго онъ подписанъ свидѣтелемъ на первомъ мѣстѣ, во второй духовной — на второмъ, уступивъ первое Димитрію Михайловичу Волинскому; подпись эта доказываетъ, что онъ не былъ убитъ на Куликовскомъ сраженіи, какъ говорится въ сказаніяхъ. Послѣ Тимошея околничаго на духовныхъ грамотахъ слѣдуетъ подпись Ивана Родіоновича Квашни, который въ извѣстіяхъ о Куликовской битвѣ называется костромскимъ воеводою; это былъ сынъ извѣстнаго Родіона Несторовича, боярина Калитина. Послѣ имени Ивана Родіоновича въ духовныхъ великаго князя слѣдуютъ имена двухъ Ѳеодоровъ Андреевичей: первый былъ сынъ извѣстнаго уже въ предыдущее княженіе боярина Андрея Кобылы; по сыну, Ѳеодоръ Андреевичъ, носилъ уже другое названіе — Кошка; о знатности этого боярина свидѣлствуетъ то, что великій князь Тверской Михаилъ Александровичъ женилъ своего сына на его дочери ⁵⁾. Другой бояринъ Ѳеодоръ Андреевичъ Свѣблѣ былъ правнукомъ знаменитаго Акинша чрезъ сына его, извѣстнаго уже намъ Ивана. Свѣблѣ, какъ мы видѣли, былъ начальникомъ рати, опустошившей Землю Мордовскую; кто изъ обоихъ Ѳеодоровъ Андреевичей былъ оставленъ въ Москвѣ воеводою во время Донскаго похода и кто изъ нихъ вытѣгалъ у Смольянянъ два мѣста, какъ значится въ духовной великаго князя, — рѣшить нельзя, ибо прозваній въ обоихъ случаяхъ нѣтъ. Во второй духовной встрѣчаемъ имена двоихъ Ивановъ Ѳеодоровичей: одинъ изъ нихъ долженъ быть сынъ боярина Ѳеодора Кошки; что же касается до другого, то въ родословныхъ книгахъ значится, что у послѣдняго тысяцкаго Василя Васильевича былъ братъ Ѳеодоръ Воронежскъ, у котораго былъ сынъ Иванъ, посившій боярское званіе. Но очень можетъ быть также и Иванъ Ѳеодоровичъ Уда, происходившій, по родословнымъ, отъ князей Ѳоминскихъ-Смоленскихъ; имя одного Ивана Ѳеодоровича встрѣчается и въ первой духовной и въ договорной грамотѣ съ Олгер-

¹⁾ Никон. IV, 191.

²⁾ Завѣсь должно предполагать смерть безпотогновенную.

³⁾ «А переѣхнѣтъ Богъ Орду, дѣти мои не пмуть давати выхода въ Орду, и который сынъ мой возьметъ дань на своемъ удѣлѣ, то тому и есть».

⁴⁾ Пусть эта рѣчь выдуманая, изукрашена сочинителемъ: для насъ важны не собствѣнные слова в. князя, но то, какъ представлялись современникамъ отношенія его къ боярамъ.

⁵⁾ Никон. IV, 202.

домъ. Что касается до остальныхъ имепъ, встрѣчаемыхъ въ подписяхъ на грамотахъ: Ивана Михайловича, Дмитрія Александровича, Симеона Васильевича, Александра Андреевича, Ивана Андреевича, то мы видѣли прежде имена Михаила, Александра, Василя и Андрея между боярами московскими; Дмитрій Александровичъ можетъ быть или Дмитрій Александровичъ Всеволожъ, сынъ выходца смоленскаго, князя Александра Всеволодовича, который вмѣстѣ съ братомъ Владиміромъ упоминается въ сказаніяхъ о Донской битвѣ, или внукъ мурзы Чета, выѣхавшаго при Калитѣ, предка Сабуровыхъ и Годуновыхъ ¹⁾. Относительно Александра Андреевича должно замѣтить, что по родословнымъ между боярами великаго князя Дмитрія значится Андрей Одинецъ, у котораго былъ сынъ Александръ Белеутъ; Александръ Белеутъ, вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Свибломъ и Иваномъ Ѳедоровичемъ Удою, былъ посланъ въ 1384 г. въ Новгородъ брать черныи боръ; но, кромѣ того, между братьями Ѳедора Андреевича Свибла встрѣчаемъ имена—Александра и Ивана. Въ лѣтописи подь 1367 годомъ встрѣчаемъ воеводу Дмитрія Мишина, родоначальника Софроновскихъ и Профестевыхъ, посланнаго противъ Олгерда вмѣстѣ съ воеводою князя Владиміра Андреевича, Акиноомъ Ѳедоровичемъ Шубою ²⁾. Посломъ въ Константинополь съ нареченнымъ митрополитомъ Митяемъ отправленъ былъ большой бояринъ Юрій Васильевичъ Кочевинъ-Олешенскій ³⁾, сынъ извѣстнаго намъ при Калитѣ Василя Кочевы. Въ извѣстіяхъ о Куликовской битвѣ упоминается владимірскій воевода Тимошей Валувичъ,

перяяславскій—Андрей Серкизовичъ; по родословнымъ книгамъ, къ великому князю Дмитрію выѣхалъ изъ Орды царевичъ Серкизь, у котораго былъ сынъ Андрей; бояриномъ же Донскаго называется Владиміръ Дашковичъ Красный Снабля, потомокъ князей муромскихъ. Въ извѣстіяхъ о Куликовской битвѣ упоминается бояринъ и крѣпкій воевода Семень Меликъ; въ родословныхъ значится: „Семень Меликъ да Василій, оба изъ Пѣмецъ пришли“. Между убитыми на Дону упоминаются: Михаилъ Андреевичъ Бренко, любимецъ велико княжескій, Семень Михайловичъ, Михайла и Иванъ Акиноовичи, Иванъ Александровичъ, Андрей Шуба, Валуй Окатевичъ, Левъ Мазыревъ ⁴⁾, Тарасъ Шетневъ ⁵⁾. Упоминается бояринъ Михалко Александровичъ, который сказалъ великому князю, сколько осталось въ живыхъ послѣ Куликовской битвы. Подь 1382 годомъ упоминаются бояре: Симеонъ Тимошеевичъ (сынъ околычнчаго, по родословнымъ) и Михаилъ, быть можетъ Михайлъ Андреевичъ Челяднн, братъ Ѳедора Свибла, ѣздившіе за митрополитомъ Кипріаномъ. Подь 1375 годомъ упоминается намѣстникъ великаго князя въ Новгородѣ, Иванъ Прокшиничъ; посломъ отъ великаго князя въ Псковъ прѣвжалъ Никита. Подь 1375 годомъ упоминается костромской воевода Александръ Шлещей: по родословнымъ, это былъ меньшей братъ Св. митрополита Алексѣя, сынъ боярина Ѳедора Бяконты, вышедшаго изъ Чернигова ⁶⁾.—Дьякомъ при великомъ князѣ Дмитріи былъ сначала прежній Несторъ, а потомъ Внукъ.

¹⁾ Родослов. Четъ, а во крещеніи имя ему Захарія, и у Захарія сынъ Александръ, а у Александра сынъ Дмитрій Зарис.

²⁾ Въ родосл. родъ Софроновскихъ да Профестевыхъ: Дмитрій Мишичъ былъ бояринъ у в. князя Василя Дмитриевича.

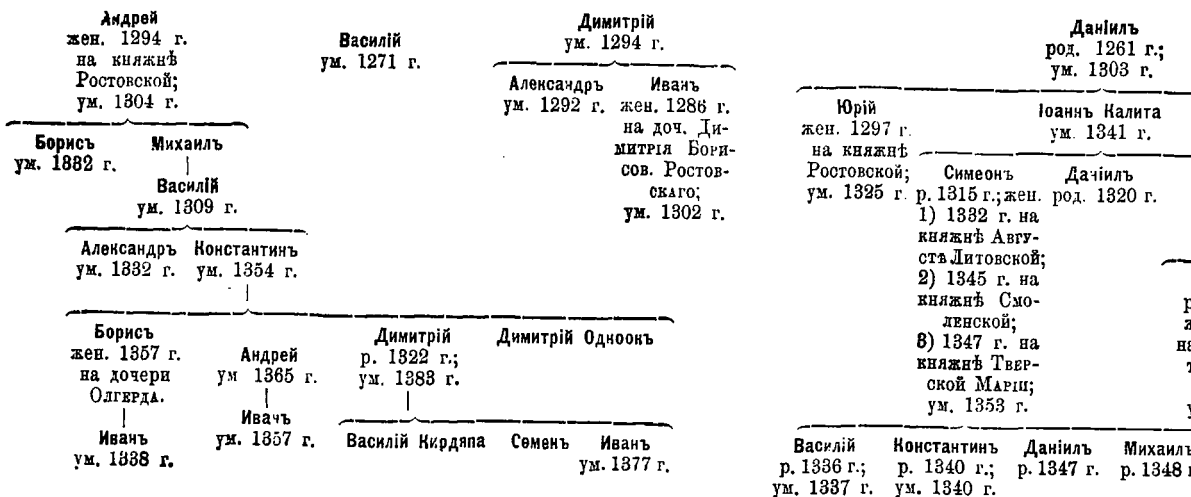
³⁾ Показаніе родословныхъ о Татаринѣ Кочевѣ, предкѣ Полисановыхъ, не подходитъ къ извѣстію лѣтописи.

⁴⁾ Т. е. какъ видно Морозовъ, «Иванъ Семеновичъ Морозовъ, и братъ у него большой Ѳедоръ, а подь Ѳедоромъ Левъ, а убили его на Дону».

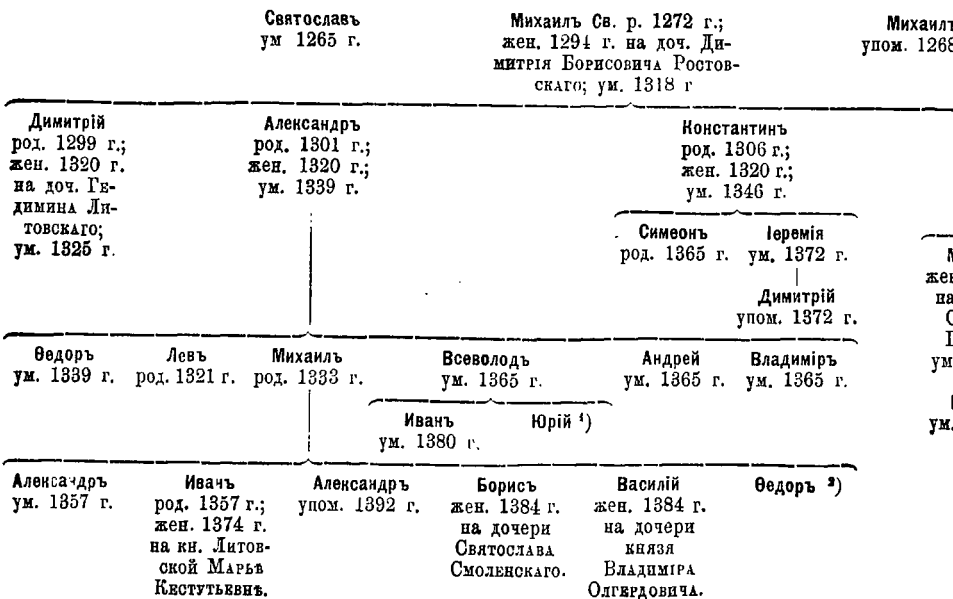
⁵⁾ Въ родословныхъ тверскихъ бояръ Шетневыхъ пѣтъ Тараса.

⁶⁾ По родословнымъ между боярами в. к. Дмитрія значится: Владиміръ Даниловичъ Красный, потомъ околычнчій Маргосъ Погожъ, выѣхавшій съ Олгердовичами изъ Литвы.—Ср. статью Погодина: о Русск. Аристокр. Москв. 1847, № 1.

аа) ПЛЕМЯ АЛЕКСАНДРА ЯРОСЛАВИЧА НЕВОСКОГО:

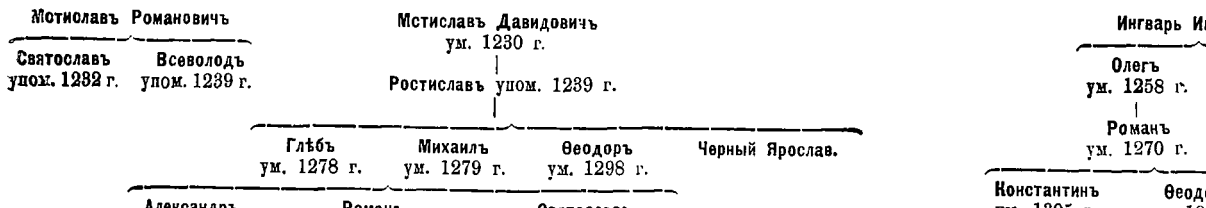
бб) ПЛЕМЯ ЯРОСЛАВА ЯРОСЛАВИЧА ТВЕРСКАГО:

№ 3.

1) КНЯЗЬЯ СМОЛЕНСКІЕ (См. Т. II, № 4, а).

1) КНЯЗЬЯ РЯЗАНС

ИСТОРИЯ РОССИИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ четвертый.

Глава I.

Княженіе Василія Димитріевича.

(1389—1425.)

Присоединеніе къ Москвѣ княжества Нижегородскаго.— Столкновение великаго князя съ дядею Владиміромъ Андреевичемъ Донскимъ.— Договоры великаго князя съ родными братьями.— Отношенія къ Новгороду Великому.— Внутренніи движенія въ Новгородѣ.— Ссора Новгорода со Псковомъ.— Отношенія Москвы къ Рязани и Твери.— Усобщія между тверскими князьями.— Нашествіе Эдигея на Москву.— Отношеніе великаго князя къ Татарамъ послѣ Эдигеева нашествія.— Отношенія литовскія: взятіе Смоленска Витовтомъ; намѣреніе Витовта овладѣть Новгородомъ; битва Витовта съ Татарамъ на Ворсклѣ; вторичное взятіе Смоленска Витовтомъ; борьба Московскаго князя съ Литовскимъ и миръ на Угрѣ; взглядъ лѣтописца на литовскія и татарскія отношенія.— Отношенія Литвы къ Польшѣ и Тевтонскому Ордену.— Борьба Пскова и Новгорода съ Ливонскимъ Орденомъ.— Борьба Новгорода со Шведами.— Смерть Василія Димитріевича.— Его духовныя грамоты.— Воле Василія.

Молодой сынъ Донскаго въ самомъ началѣ княженія своего показалъ, что останется вѣренъ преданію отцовскому и дѣдовскому. Черезъ годъ послѣ того, какъ посоль ханскій посадилъ его на великокняжескій столъ въ Владимірѣ, Василій отправился въ Орду и купилъ ¹⁾ тамъ ярлыкъ на княжество Нижегородское, которое незадолго передъ тѣмъ выпросилъ себѣ въ Ордѣ же Борисъ Константиновичъ. Услыхавъ о замыслахъ Васильевыхъ, Борисъ созвалъ къ себѣ бояръ своихъ и сталъ говорить имъ со слезами: „Господа и братья, бояре и друзья мои! вспомните свое крестное цѣлованіе, вспомните, какъ вы клялись мнѣ!“ Старшимъ бояриномъ у него былъ Василій Румянецъ, который и отвѣчалъ князю: „Не печалься, господинъ князь! всѣ мы тебѣ вѣрны, и готовы головы свои сложить за тебя и кровь пролить“. Такъ онъ говорилъ своему князю, а между тѣмъ пересылался съ Василіемъ Димитріевичемъ, обѣщая выдать ему Бориса. Василій на возвратномъ пути изъ Орды, доѣхавши до Коломны, отправилъ оттуда въ Нижній Тохтамышева посла съ своими боярами. Борисъ сначала не хотѣлъ пускать ихъ въ городъ, но Румянецъ сталъ говорить ему: „Господинъ князь, посоль ханскій и бояре московскіе идутъ сюда за тѣмъ, чтобы миръ подкрѣпить и любовь утвердить вѣчную,

а ты самъ хочешь поднять брань и рать; вступи ихъ въ городъ; что они могутъ тебѣ сдѣлать? мы всѣ съ тобою“. Но только-что посоль и бояре вѣхали въ городъ, какъ вѣбли звонить въ колокола, собрали народъ и объявили ему, что Нижній принадлежитъ уже князю Московскому. Борисъ, услыхавъ объ этой новости, послалъ за боярами и сталъ говорить имъ: „Господа мои и братья, милая дружина! вспомните крестное цѣлованіе, не выдайте меня врагамъ моимъ“. На это отвѣчалъ ему тотъ же Румянецъ: „Господинъ князь! не надѣйся на насъ, мы уже теперь не твои, и не съ тобою, а на тебя“. Борисъ былъ схваченъ. Немного спустя пріѣхалъ въ Нижній Василій Димитріевичъ, посадилъ здѣсь своихъ намѣстниковъ, а князя Бориса съ женою, дѣтми и доброхотами велѣлъ развести въ оковахъ по разнымъ городамъ и держать за крѣпкою стражею. По тому же ярлыку, кромѣ Нижняго, Василій приобрѣталъ Городецъ, Муромъ, Мещеру, Торусу ²⁾.

Но у Бориса Нижегородскаго оставалось двое племянниковъ — Василій и Семень Димитріевичи, родные дядя по матери Московскому князю; какъ видно, они оставались княжить въ Суздальской волости, обзваченной теперь со всѣхъ сторонъ московскими владѣніями, или, по крайней мѣрѣ, оставались жить въ Суздаль; но, въ 1394 году, тотъ

¹⁾ Никои. IV. 239: «И умѣди князей царевыхъ, чтобы печаловались о немъ царю Тахта ишу. Они же взяша много злато и сребро и великіе дары, также и царь Тахтамычь взя много злато и сребро и великіе дары».

²⁾ Мещера была куплена еще Донскимъ; Торуса имѣла особыхъ князей. См. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 32.

Племя Всеволода III-го (См. родосл. табл. при второмъ томѣ, №

а) ПЛЕМЯ КОНСТАНТИНА ВСЕВОЛОДОВИЧА РОСТОВСКАГО:

Васильно ум. 1238 г.		Ростовскій		Всеволодъ Ярославъ ум. 1238 г.
Борись жен. 1248 г. на дочери Яро- слава Муром.; ум. 1277 г.	Ростовскій.	Глѣбъ жен. въ Орлѣ 1257 года; ум. 1278 г.	Бѣлозерскій.	Василій ум. 1249 г.
Димитрій род. 1233 г.; жен. 1276 г.; ум. 1294 г.	Константинъ род. 1254 г.; жен. 1302 г.; ум. 1309 г.	Василій род. 1268 г.	Михаилъ род. 1263 г.; жен. 1278 г. на доч. Θεод. Яросл.	Демьянъ род. 1263 г.
Александръ ум. 1287 г.	Василій	Михаилъ род. 1287 г.	Александръ упом. 1294 г.; жен. 1302 г.	Романъ
Юрій	Константинъ ¹⁾ жен. на доч. Юлиана Кал. 1328 г.	Ведоръ ²⁾ род. 1311 г.; жен. 1326 г.; ум. 1330 г.	Юрій ум. 1230 г.	Василій ум. 1344 г.
		Ведоръ	Ведоръ	Василій
			Василій ³⁾	Глѣбъ

б) ПЛЕМЯ ЮРЯ ВСЕВОЛОДОВИЧА:

Всеволодъ жен. 1230 г. на доч. Вла- димира Рюри- ковича; ум. 1238 г.	Владиміръ ум. 1238 г.	Мстиславъ ум. 1238 г.
---	--------------------------	--------------------------

г) ПЛЕМЯ ИВАНА ВСЕВОЛОДОВИЧА:

Михаилъ Ивановичъ ум. 1281 г.
Иванъ ум. 1315 г.
Ведоръ упом. 1329 г.

г) ПЛЕМЯ СВЯТОСЛАВА ВСЕВОЛОДОВИЧА (ум. 1252 г.):

Димитрій Святославичъ Юрьевскій ум. 1269 г.
Ярославъ
Иванъ упом. 1338 г.

Димитрій ум. 1354 г.	Иванъ
Семень Крапива.	

д) ПЛЕМЯ ЯРОСЛАВА ВСЕВОЛОДОВИЧА:

Ведоръ ум. 1238 г.	Александръ жен. 1239 г. на доч. князя Полоцкаго; ум. 1264 г.	Андрей жен. 1250 г. на дочери Да- нила Галиц- скаго;	Константинъ ум. 1255 г.	Ярославъ жен. 1264 г. на доч. Нов- городца Юрія Михайловича;	Аванасій упом. 1239 г.	Данилъ упом. 1239 г.
			Давидъ ум. 1280 г.	Василій		

часть по смерти Бориса Константиновича, оба племянника его, вслѣдствіе притѣсненій отъ Московскаго князя, какъ шелъ слухъ, выѣхали изъ Суздаля въ Орду добиваться ярлыковъ на отчину свою—Нижній, Суздаль и Городецъ. Московскій князь послалъ за ними погоню, но имъ удалось избѣжать ея и благополучно достигнуть Орды. Въ 1399 году князь Семень Димитріевичъ вмѣстѣ съ какимъ-то татарскимъ царевичемъ Ейтякомъ, у котораго было 1,000 человекъ войска, подступилъ къ Нижнему-Новгороду, гдѣ затворились трое московскихъ воеводъ; три дня бились Татары подъ городомъ, и много людей пало отъ стрѣль; наконецъ Нижегородцы сдали городъ, взявши съ Татаръ клятву, что они не будутъ ни грабить христіанъ, ни брать въ плѣнъ. Но Татары нарушили клятву, ограбили всѣхъ Русскихъ до-нага, а князь Семень говорилъ: „Не я обманулъ, а Татары, я въ нихъ не воленъ, я съ ними ничего не могу сдѣлать“. Двѣ недѣли пробыли Татары въ Нижнемъ съ Семеномъ, но потомъ, услышавши, что Московскій князь собирается на ихъ войскомъ, убѣжали въ Орду. Василій Димитріевичъ послалъ большую рать съ братомъ своимъ княземъ Юріемъ, воеводами и старшими боярами; они вошли въ Болгарію, взяли города Болгары, Жукотилъ, Казань, Кременчукъ, въ три мѣсяца повоевали всю землю и возвратились домой съ большою добычею.

Послѣ этого Семень крылся все въ татарскихъ мѣстахъ, не отказываясь отъ надежды возвратитъ себѣ родовое владѣніе. Это заставило Московскаго князя, въ 1401 году, послать двоихъ воеводъ своихъ, Ивана Уду и Осдора Глѣбовича, искать князя Семена, жену, дѣтей, бояръ его. Въ Землѣ Мордовской отыскали они жену Семенову, княгиню Александру, на мѣстѣ, называемомъ Цыбирда, у Св. Николы, гдѣ бусурманникъ Хазибаба поставилъ церковь¹⁾. Княгиню ограбили и привели вмѣстѣ съ дѣтьми въ Москву, гдѣ она сидѣла на дворѣ Вслуготвѣ до тѣхъ поръ, пока мужъ ея не прислалъ къ великому князю съ челобитиемъ и покорился ему. Василій, быть можетъ по увѣщанію Св. Кирилла Влззерскаго, далъ ему опасную грамоту, получивши которую Семень пріѣхалъ въ Москву, заключилъ миръ съ великимъ княземъ, взялъ семейство и большою отправился въ Яткю, издавна зависѣвшую отъ Суздальскаго княжества: здѣсь онъ черезъ пять мѣсяцевъ умеръ. Этотъ князь, говоритъ лѣтописецъ, испыталъ много напастей, претерпѣлъ много истомы въ Ордѣ и на Руси, все добиваясь своей отчины; восемь лѣтъ не зналъ онъ покоя, служилъ въ Ордѣ четыремъ ханамъ, все поднимая рать на великаго князя Московскаго; не имѣлъ онъ своего пристанища, не зналъ покоя погамъ своимъ — и все понапрасну. Братъ Семеновъ, Василій, какъ видно, также помирился съ великимъ княземъ Московскимъ, по-

тому что подъ 1403 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о смерти его, случившейся въ Городцѣ, и въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ онъ называется прямо княземъ Городецкимъ; но Василій не могъ оставить Города сыну своему Ивану, котораго мы видимъ послѣ въ изгнаніи, а Городецъ—въ числѣ московскихъ владѣній.

Неизвѣстно, какимъ образомъ освободились сыновья Бориса Константиновича — Иванъ и Даниилъ. Имѣемъ, впрочемъ право отнести къ Ивану Борисовичу слѣдующее мѣсто отъ договорной грамоты великаго князя съ дядею своимъ Владиміромъ Андреевичемъ; уступая дядѣ Городецъ съ волостями, великій князь говоритъ: „А чѣмъ я пожаловалъ князя Ивана Борисовича, въ то князю Владиміру и его дѣтямъ не вступаться“. Но въ 1411 году встрѣчаемъ уже извѣстіе о боѣ между сыновьями Борисовыми и княземъ Петромъ Димитріевичемъ на Лысковѣ²⁾: изгнанники съ союзниками своими, князьями болгарскими и Жукотинскими, остались побѣдителями. Въ томъ же году, князь Даниилъ Борисовичъ, призванный къ себѣ какого-то татарскаго царевича Талыча, послалъ вмѣстѣ съ нимъ ко Владиміру тайно лѣвомъ боярина своего Семена Карамышева. Татары и дружина Данилова подкралась къ городу въ полдень, когда всѣ жители спали, захватили городское стадо, взяли посады и пожгли ихъ, людей побили множество. Въ соборной Богородичной церкви затворился ключарь, священникъ Патрикій, родомъ грекъ; онъ забралъ, сколько могъ, сосудовъ церковныхъ и другихъ вещей, спесь все это въ церковь, посадилъ тамъ нѣсколько людей, заперъ ихъ, сошелъ внизъ, отбросилъ лѣстницы и сталъ молиться со слезами предъ образомъ Богородицы. И вотъ Татары прискакали къ церкви, кричатъ по-русски, чтобъ имъ ее отперли; — ключарь стоитъ неподвижно передъ образомъ и молится; Татары отбили двери, вошли, ободрали икону Богородицы и другіе образа, ограбили всю церковь, а Патрикій схватили и стали пытать: гдѣ осталая казна церковная и гдѣ люди, которые были съ нимъ вмѣстѣ? Ставили его на огненную скоророду, втыкали щепы за ногти, драли кожу, — Патрикій не сказалъ ни слова; тогда привязали его за ноги къ лошадиному хвосту, и такимъ образомъ умертвили. Весь городъ послѣ того былъ пожженъ и пограбленъ, жителей повели въ плѣнъ; всей добычи Татары не могли взять съ собою, такъ складывали въ кошны и жгли, а деньги дѣлили мѣрками; колокола растопились отъ пожара, городъ и окрестности наполнились трупамъ. Въ 1412 году Борисовичи уснѣли выхлопотать себѣ въ Ордѣ ярлыкъ на отчину свою; но одинъ ярлыкъ давно уже потерялъ значеніе на Руси, и въ 1416 году пріѣхали въ Москву нижегородскіе князья Иванъ Васильевичъ, внукъ Димитрія, и Борисовичъ Иванъ, а сынъ послѣдняго — Иванъ — пріѣхалъ еще за два года

¹⁾ Архивашевъ догадывается, что Цыбирда можетъ быть испорченное Симбирскъ; но въ такомъ случаѣ не скорѣе ли Цивильскъ.—См. Акты истор. I, № 12.

²⁾ Село Нижегородской губерніи, Макарьевскаго уѣзда.

передъ тѣмъ; въ слѣдующемъ году явился и князь Даниль Борисовичъ, но въ 1418 году убѣждалъ отсюда опять вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ. Дальнѣйшихъ дѣтонисныхъ извѣстій о судьбѣ князей суздальскихъ не встрѣчаемъ; но имѣемъ право заключать, что Суздальская волость оставалась за ними, потому что великій князь Василій въ завѣщаніи своемъ ни слова не говоритъ о Суздалѣ, отказывая сыну только два примысла свои—Нижній и Муромъ.

Утвержденіе новаго порядка вещей не обошлось безъ сопротивленій и въ самомъ родѣ князей московскихъ: въ первый же годъ княженія Василіева встрѣчаемъ извѣстіе о ссорѣ великаго князя съ дядею Владиміромъ Андреевичемъ, который выѣхалъ изъ Москвы сперва въ свой наслѣдственный городъ Серпуховъ, а потомъ въ Новгородскую область, въ Торжокъ. Но въ началѣ слѣдующаго года находимъ уже извѣстіе о мирѣ между дядею и племянникомъ: Василій придалъ Владиміру къ его отчій двѣ города—Волокъ и Ржевъ. Договоръ дошелъ до насъ ¹⁾: великій князь выговариваетъ себѣ право посылать дядю въ походъ, и тотъ долженъ садиться на коня безъ послушанія. Слѣдующее условіе показываетъ сильную недоброжелательность между родственниками: „Если я, говоритъ великій князь дядѣ, самъ сяду въ осадѣ въ городѣ (Москвѣ), а тебя пошлю изъ города, то ты долженъ оставить примѣи свою княгиню, своихъ дѣтей и своихъ бояръ; если же я тебя оставлю въ городѣ, а самъ поѣду прочь, то я оставляю при тебѣ свою мать, своихъ братьевъ младшихъ и бояръ“. Предположеніе: „Если переимѣнитъ Богъ Орду“—находится въ договорѣ; видно также, что при заключеніи договора Василій уже имѣлъ намѣреніе примыслить Муромъ или Торусу, и другія мѣста: „Найду я себѣ Муромъ, или Торусу, или другія мѣста, то ты (князь Владимір) не участвуешь въ издержкахъ, которыя я понесу при этомъ; если же тебѣ Богъ дастъ какія другія мѣста, кромѣ Мурома и Торусы, то мы (великій князь съ братьями) не участвуемъ въ твоихъ издержкахъ“. Потомъ заключенъ былъ второй договоръ ²⁾ съ Владиміромъ, по которому онъ уступилъ великому князю Волокъ и Ржевъ, и взялъ вмѣсто нихъ Городецъ, Угличъ, Козельскъ и нѣкоторыя другія мѣста. Владиміръ обязался не вступаться въ примыслы великаго князя—Нижній-Новгородъ, Муромъ, Мещеру и ни въ какія другія мѣста татарскія и мордовскія, которыя были за дѣдомъ Васильевымъ, Дмитріемъ Константиновичемъ, и за нимъ самимъ. Владиміръ обязался, въ случаѣ смерти великаго князя, признать старшимъ, отцемъ, сына его, а своего внука, Ивана; здѣсь впрочемъ выговорена небольшая переимѣна въ отношеніяхъ: „Если, господи! (говоритъ Владимір) будетъ сынъ твой на твоемъ мѣстѣ, и сядетъ сынъ твой на коня, то

и мнѣ съ нимъ вмѣстѣ садиться на коня; если же сынъ твой не сядетъ на коня, то и мнѣ не садиться, а пошлетъ дѣтей моихъ, то имъ сѣсть на коня безъ послушанья“. Въ 1410 году умеръ князь Владиміръ Андреевичъ. Въ завѣщаніи ³⁾ онъ раздѣлилъ свою волость на пять частей по числу сыновей своихъ, которыхъ, вмѣстѣ съ княгинею своею и боярами, приказалъ великому князю Василію, съ просьбою печаловаться о нихъ; споры между сыновьями рѣшаетъ княгиня-мать ихъ, и великій князь долженъ привести въ исполненіе приговоръ ея, причемъ завѣщатель прибавляетъ: „А вотчинѣ бы ихъ и удѣламъ было безъ убытку“. Въ случаѣ смерти одного изъ сыновей, завѣщатель распорядился такъ: „Если не будетъ у него сына, и останется дочь, то всѣ дѣти мои брата своего дочь выдадутъ за мужъ, а брата своего удѣломъ подѣлятся всѣ по равнѣ“.

До насъ дошли также договорныя грамоты Василія Дмитріевича съ родными его братьями ⁴⁾. Въ нихъ нѣтъ отгнѣнъ противъ прежнихъ подобнаго же рода грамотъ. Для объясненія послѣдующихъ событій нужно замѣтить, что князья—Андрей и Петръ Дмитріевичи—обязываются, въ случаѣ смерти Василія, блюсти великое княженіе и подъ сыномъ его, тогда какъ въ договорной грамотѣ Юрія этого условія не находится. Подобно Юрію, и самый младній братъ великокняжескій, Константинъ, не хотѣлъ сначала отказаться отъ правъ своихъ въ пользу племянника. Мы видѣли, что Константинъ родился незадолго до смерти отца, такъ что ему въ духовной Донскаго не было назначено никакого удѣла, и Василій Дмитріевичъ въ первомъ завѣщаніи своемъ, распорядившись на счетъ роднаго сына, говоритъ: „Я брата своего и сына, князя Константина, благословляю, даю ему въ удѣлъ Топию да Устюжну, по душевной грамотѣ отца нашего, великаго князя“. Но когда Василій, въ 1419 году, потребовалъ отъ братьевъ, чтобы они отреклись отъ правъ своихъ на старшинство въ пользу племянника, то Константинъ оказалъ явное сопротивленіе: „Этого отъ начала никогда не бывало,“ говорилъ молодой князь. Василій разсердился, отнялъ у него удѣлъ, и Константинъ ушелъ въ Новгородъ, убѣдивше всѣхъ недовольныхъ князей; однако скоро онъ уступилъ требованіямъ старшаго брата и возвратился въ Москву.

Съ Новгородомъ Великимъ началась у Московскаго князя вражда въ 1393 году. Давно уже Новгородцы однимъ изъ главныхъ условій своихъ съ великими князьями ставили, чтобъ не звать ихъ къ суду въ низовые города; въ 1385 году они вздумали приобрести то же право и въ отношеніи къ суду церковному; посадникъ и тысяцкій созвали вѣче, гдѣ всѣ укрѣпились крестнымъ цѣлованіемъ не ходить въ Москву на судъ къ митрополиту, а

¹⁾ Собр. Гос. гр. и дог. I, № 35.

²⁾ Собр. Гос. гр. и дог. I, № 38.

³⁾ Собр. Гос. гр. и дог. I, № 40.

⁴⁾ Собр. Гос. гр. и дог. I, № 37; Акты Арх. Эксп. I, № 10.

судиться у своихъ владыкъ по закону греческому; писали объ этомъ и утвержденную грамоту. Когда, въ 1391 году, митрополитъ Киприанъ прѣѣхалъ въ Новгородъ, то цѣлыя двѣ недѣли уговаривалъ гражданъ разодрать эту грамоту. Новгородцы отвѣчали однимъ устамъ: „Цѣловали мы крестъ за-одно, грамоты пописали и попечатали и души свои запечатали“. Митрополитъ говорилъ имъ на это: „Цѣловаше крестное съ васъ снимаю, у грамотъ печати порву, а васъ благословляю и прощаю, только мнѣ судѣ дайте, какъ было при прежнихъ митрополитахъ“. Новгородцы не послушались, и Киприанъ поѣхалъ отъ нихъ съ большимъ гнѣвомъ. Московскій князь, хорошо зная, что зависть отъ митрополита значило зависть отъ Москвы, не хотѣлъ позволить Новгородцамъ отложить отъ суда митрополичьяго; примысливши Нижній-Новгородъ, онъ послалъ сказать гражданамъ Великаго, чтобъ дали ему черный боръ, заплачили всѣ княжескія пошлины (княжчины) и чтобъ отослали грамоту о судѣ къ митрополиту, который снимаетъ съ нихъ грѣхъ клятвоступленія. Новгородцы не согласились, и великій князь отправилъ дядю своего Владиміра Андреевича и брата Юрія съ войскою къ Торжку. Повторжцы побѣжали съ женами и дѣтьми въ Новгородъ и другія мѣста, и много народу изъ Новгородскихъ волостей сбѣжалось съ домочадцами своими въ Новгородъ. Князь Владиміръ и Юрій сѣли въ Торжкѣ, а рать распутили воевать новгородскія волости; взяты были Волокъ Ламскій и Вологда. Остальные жители Торжка возмущались-было и умертвили великокняжескаго боярина Максима; но Василій послалъ перехватить убійцъ, которые были привезены въ Москву и казнены различными муками. Между тѣмъ повгородская охочая рать, съ двумя князьями (Романомъ Литовскимъ и Константиномъ Вѣлозерскимъ) и пятью своими воеводами, начала воевать великокняжескія волости, взяла Кличень городокъ и Устюжну, а изъ Заволочья Новгородцы съ Двинянами взяли Устюгъ. Много было кровопролитія съ обѣихъ сторонъ, и Новгородцы, по словамъ ихъ лѣтописца, не желая видѣть большаго кровопролитія между христіанами, отправили пословъ къ великому князю съ челобитіемъ о старинѣ, а къ митрополиту отослали грамоту цѣловальную; митрополитъ отвѣчалъ: „Я грамоту цѣловальную беру, грѣхъ съ васъ снимаю и благословляю васъ“. Великій князь также принялъ новгородское челобитіе и взялъ миръ по старинѣ. Новгородцы дали князю черный боръ по своимъ волостямъ, заплатили 350 рублей князю и митрополиту за то, что послѣдній благословилъ ихъ владыку и весь Новгородъ; тѣ, за которыми были княжчины, поклялись ихъ не утайвать ¹⁾.

¹⁾ По Никонов. лѣтоп. (IV, 253), Новгородцы заплатили 350 рублей митрополичьему послу за то, что привезъ имъ благословеніе, а потомъ послали митрополиту еще 600 рублей. Въ Новгор. IV-й (И. С. Р. Л. IV, 100) годъ 1394 г.: «а отъ митрополита Киприана боярыня Дмитрокъ прѣѣхалъ просить сребра получегверстага ру-

Три года прошло мирно: въ 1395 году митрополитъ Киприанъ прѣѣхалъ въ Новгородъ вмѣстѣ съ посломъ патриаршимъ и запросилъ суда; Новгородцы суда ему не дали и, несмотря на то, при отъѣздѣ, онъ благословилъ владыку Ивана и весь Великій Новгородъ. Но въ 1397 году великій князь вдругъ послалъ за Волокъ на Двину бояръ своихъ, приказавши объявить всей Двинской свободѣ (колони): „Что-бъ вамъ задаться за великаго князя, а отъ Новгорода бы отпяться? Князь великій хочетъ васъ отъ Новгорода оборонить, хочетъ стоять за васъ“. Въ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ выставлена одна причина такого поступка великокняжескаго: Василій Дмитріевичъ вмѣстѣ съ Витовтомъ Литовскимъ отправили пословъ своихъ къ Новгородцамъ съ требованіемъ разорвать миръ съ Нѣмцами; Новгородцы не послушались князей и дали такой отвѣтъ въ Москву: „Князь Василій! Съ тобою у насъ миръ, съ Витовтомъ другой, съ Нѣмцами третій!“ Но есть очень вѣроятное извѣстіе, что великій князь рѣшился захватить Заволоцкую свободу, узнавши о сношеніяхъ Новгородцевъ съ Витовтомъ Литовскимъ, который склонялъ ихъ поддаться ему ²⁾. Какъ бы то ни было, бояре двинскіе и всѣ Двиняне задались за великаго князя и цѣловали ему крестъ; но Василій не удовольствовался этимъ, послалъ войско захватить Волокъ Ламскій, Торжокъ, Вѣжецкій Верхъ, Вологду, послѣ чего сложилъ съ себя крестное цѣлованіе къ Новгороду и крестную грамоту скинулъ. Новгородцы сдѣлали то же самое, но хотѣли кончить дѣло миромъ, и когда митрополитъ прислалъ ко владыкѣ, чтобъ тотъ ѣхалъ въ Москву по святительскимъ дѣламъ, то вмѣстѣ съ архіепископомъ Новгородцы отправили къ великому князю пословъ своихъ; владыка подалъ великому князю благословеніе и доброе слово, а послы челобитіе отъ Новгорода; владыка говорилъ Василію: „Что-бъ тебѣ, господи сынъ, князь великій, мое благословеніе и доброе слово и новгородское челобитіе принять, отъ Новгорода отъ своихъ мужей вольныхъ нелюбие отложить, принять ихъ въ старину; чтобы при твоёмъ, сынъ, княженіи другого кровопролитія между христіанами не было; а что ты, сынъ князь великій, на крестномъ цѣлованіи отиалъ у Новгорода Заволочье, Торжокъ, Волокъ, Вологду, Вѣжецкій Верхъ, того, князь великій, отступись, пусть пойдетъ то къ Новгороду по старинѣ, и общій судъ на порубежья отложи, потому что это

блестъ, что ѣздилъ Кюръ Созоновъ да Василій Шечинъ въ Царьградъ къ Патриарху посломъ отъ Новгорода о благословеніи, и скопилъ долгу, а Новгородцы даша Дмитроку то сребро». Архангел., стр. 114: «И послаша Новгородцы и владыка Юаншъ въ Ростовъ къ Ѳедору архіепископу Ростовскому, чтобъ ѣхалъ къ Москвѣ да билъ челомъ в. к. Вас. Дм. о миру. А митрополиту послаша грамоту цѣловальную... и арх. Ѳедоръ в. к. челомъ и даша Новгородцы в. князю 10,000 рублей, а владыка далъ в. князю 1,000 рублей».

²⁾ Татищ. IV, 388. Что подобныя отношенія съ Витовтомъ действительно были, о томъ прямо говоритъ Новгородская лѣтопись. См. ниже.

не старина". Но великій князь не принялъ ни благословенія, ни добраго слова отъ владыки, ни челобитья отъ пословъ новгородскихъ, и мира не взялъ.

Тогда, на слѣдующій (1398) годъ, весною, Новгородцы сказали своему господину владыкѣ, отцу Іоанну: „Не можемъ, господинъ отецъ, терпѣть такого насилія отъ своего князя великаго, Василия Дмитріевича, что отгялъ у насъ, у Св. Софіи и у Великаго Новгорода пригороды и волости, нашу отчину и дѣдину, хотимъ поискать ихъ“; — и цѣловали крестъ всѣ за одинъ братъ, что отыскивать имъ пригороды и волостей Св. Софіи и Великаго Новгорода, сказали: „Или найдемъ свою отчину, или головы свои положимъ за Св. Софію и за своего господина, за Великій Новгородъ“. Владыка Іоаннъ благословилъ своихъ дѣтей — и Новгородцы съ тремя воеводами отправились за Волость, на Двину, къ городку Орлецу. На дорогѣ встрѣтилъ ихъ Вельскій волостель Владыкинъ, Исайд, и сказалъ: „Господа воеводы новгородскіе! наѣхалъ князя великаго бояринъ Андрей съ Двинянами на Софійскую волость Вель, въ самый великій день, волость Св. Софіи нововсели, а на головахъ окупъ взяли; отъ великаго князя пріѣхалъ въ засаду, на Двину, князь Оедоръ Ростовской городокъ беречь, судить и пошлины брать съ новгородскихъ волостей, а двинскіе воеводы, Иванъ да Конопъ, съ своими друзьями, волости новгородскія и бояръ новгородскихъ подѣлили себѣ на части“. Услыхавши объ этомъ, новгородскіе воеводы сказали другъ другу: „Братья! если такъ вздумалъ господинъ нашъ князь великій съ клятвенными преступниками двинскими воеводами, то лучше намъ умереть за Св. Софію, чѣмъ быть въ обидѣ отъ своего великаго князя“, — и пошли на великокняжескія волости, на Бѣлоозеро, взяли ихъ на щить, повоевали и пожгли; старый городокъ Бѣлозерскій пожгли, а изъ новаго вышли князья Бѣлозерскіе съ великокняжескими воеводами и добили челомъ воеводамъ новгородскимъ и всему войску, заплативши 60 рублей окупа. Новгородцы захватили и Кубенскія волости, воевали около Вологды, взяли и сожгли Устюгъ, гдѣ останались четыре недѣли, отсюда двое воеводъ съ дѣтьми боярскими ходили къ Галичу, и только одного дня не дошли до него. Добычу взяли Новгородцы страшную; пѣвникикъ отпустили на окупъ, потому что уже ляди не подымали, и многое принуждены были бросить. Съ Устюга, Двиною, пошли Новгородцы къ городку Орлецу, стояли подъ нимъ четыре недѣли; но когда начали бить пороками, то Двиняне вышли изъ городка съ плачемъ, и воеводы, по новгородскому слову, приняли ихъ челобитие, схватили только воеводъ заволочскихъ, которые водили Двинскую Землю на зло, по словамъ лѣтописца; однихъ казнили смертію, другихъ сковали, у князя Оедора Ростовскаго взяли присуды и пошлины, которые онъ побрала, а самого съ товарищами оставили въ живыхъ; у гостей велико-

княжескихъ взяли окупа 300 рублей; у Двинянь, за ихъ вину, взяли 2,000 рублей, да 3,000 лошадей. Съ торжествомъ возвратилось новгородское войско домой, изъ 3,000 человекъ потерявши только одного. Пѣвный воевода заволочкій, Иванъ Никитичъ, какъ главный перевѣтчикъ, скинуть былъ съ моста; братья его Герасимъ и Родионъ выпросили себѣ у Великаго Новгорода жизнь, съ условіемъ постричься въ монахи; четвертый, Анфалъ, убѣжалъ съ дороги; за нимъ погнался Яковъ Прокофьевъ съ 700 человекъ и пригналъ къ Устюгу, гдѣ въ то время былъ Ростовскій архіепископъ Григорій и князь Юрій Андреевичъ; Яковъ спросилъ владыку Григорія, князя Юрія и Устюжанъ: „Стоите ли за бѣглеца новгородскаго Анфала?“ Тѣ отвѣчали, что не стоятъ. Тогда Яковъ пошелъ дальше за Анфаломъ и настигъ его за Медвѣжьею горою, гдѣ бѣглець съ товарищами своими устроилъ себѣ острогъ и бился изъ-за него съ Новгородцами; Устюжане обманули Якова, п, въ числѣ 2,000 человекъ, пришли на помощь къ Анфалу, и бился съ Новгородцами крѣпко на рѣкѣ Сухонѣ, у порога Стрѣльянаго; Яковъ побѣдилъ, убилъ 400 человекъ Устюжанъ и дружины Анфаловой, перетопилъ дружку въ Сухонѣ, но самъ Анфалъ убѣжалъ съ Устюгъ. Это было уже въ 1399 году, но еще въ предыдущемъ 1398 Новгородцы, несмотря на свои усѣбхи, отправили къ великому князю архимандрита, посадника, тысяцкаго и двохъ житыхъ людей со вторичною просьбою о мирѣ, и получили его на старинныхъ условіяхъ¹⁾.

Но въ Москвѣ не могли забыть неудачи относительно Заволочкаго края, не могли забыть и того, что владыка Іоаннъ благословилъ Новгородцевъ на войну съ великимъ княземъ. Въ 1401 году владыка

¹⁾ Любопытнѣе разсказъ Архангелъ лѣтописи (стр. 116): «И прииде на Устюгъ (Новгородцы) въ соймахъ, и повоевала, послаи пожгоша, и волости многіи повоевала, а города Глѣвъ на не могла взяти и стоаха подъ городомъ три недѣли... а у Устюжанъ съ города и съ церковей копейничны просиша и они ихъ не дали. И воеводы новгородскіи на Устюжанъ разгѣвашася, да и церковъ соборную Пречистыя пограбиса, а иконы чудотворныя Одиигріе взяла въ полонъ, а иныи многіи, и исе съ насадъ поставиша, и насадъ съ берегу не поиде. Единъ Ляцунъ старъ всочи въ насадѣ, п связья икону убрисохъ, и глагола тако: Икои полонъ явись не связянь на чужую землю неидеть. И поидоша прочъ, а церковъ соборную зажгоша... И бысть на нихъ гнѣвъ Божій и прочисте его Матери, и бысть на нихъ на пути коротка, начало имъ корчати руки и ноги, хребты имъ ломати, и мало ихъ придоша здоровыхъ въ Новгородъ, и тамъ на нихъ сѣвота бысть.... Владыка же повелѣ имъ, обѣщався поставити церковъ соборную на Устюзѣ, и чудотворныя иконы отвести со всею крутою и съ полономъ навадъ. И створиша обѣтъ, иконы поставиша во св. Софѣи, и пѣвше молебны. И бысть имъ милость отъ Бога. Въ лѣто 6907, владыка Иванъ и Новгородци послаша мастера въ церковныхъ на Устюгъ, и съ ними гостей своихъ, людей добрыхъ, и проводи владыка и весь Новгородъ иконы чудотворныя до Ладоги; а гости многіи прѣводиша до Устюга. И поставиша церковъ на Устюзѣ древину велику единого лѣта, соборную Успеніе Пресвятыя Богородицы».

былъ позванъ къ митрополиту Киприану въ Москву для святительскихъ дѣлъ, но былъ задержанъ тамъ, и пробылъ въ наказаніи и смиреніи слишкомъ три года. Въ то же время на Двинѣ возобновлена была прежняя попытка; извѣстный намъ Анфалъ Никитичъ съ братомъ Герасимомъ, которому удалось выбѣжать изъ новгородскаго монастыря¹⁾, съ полками великокняжескими явились неожиданно въ Двинской Землѣ и взяли ее всю на щитъ, жителей посябли и повѣшали, имѣніе ихъ забрали, захватили и посадниковъ двинскихъ; но трое изъ нихъ, собравши Вожака, нагнали Анфала и Герасима, бились съ ними на Холмогорахъ, и отняли у нихъ бояръ новгородскихъ. Въ то же время великій князь послалъ двоихъ бояръ своихъ съ 300 человекъ въ Торжокъ, гдѣ они захватили двухъ бояръ новгородскихъ и взяли имѣніе ихъ, хранившееся въ церкви. Какъ шли дѣла дальше—неизвѣстно; въ 1402 году великій князь отпустилъ бояръ новгородскихъ, захваченныхъ въ Торжкѣ, а въ 1404 отпущенъ былъ и владыко Іоаннъ²⁾. Потомъ подъ 1406 годомъ встречаемъ извѣстіе о пріѣздѣ въ Новгородъ князя Петра, брата великокняжескаго; въ 1408 году великій князь послалъ намѣстникомъ въ Новгородъ брата своего, Константинина, чего уже давно не бывало. Анфалъ Никитичъ не беспокоилъ болѣе владѣній новгородскихъ; въ 1409 году онъ пошелъ съ Вятчанами Камую и Волгою на городъ Болгары, но былъ разбитъ Татарами и отведенъ въ Орду; избавившись отъ плѣна, онъ явился опять въ Вятку, но былъ здѣсь убитъ другимъ новгородскимъ бѣглецомъ Разсохинымъ; въ 1418 году этотъ Разсохинъ шелъ по слѣдамъ Анфала относительно Новгорода; въ 1417 году изъ Вятки, изъ отчины великаго князя, какъ выражается Новгородскій лѣтописецъ, бояринъ князя Юрія Дмитріевича, Глѣбъ Семеновичъ съ новгородскими бѣглецами—Жадовскимъ и Разсохинымъ, съ Устюжанами и Вятчанами, паѣхали въ насадахъ, безъ вѣсти, на Заволоцкую Землю и повоевали волости Борокъ, Емцу³⁾ и Холмогоры, захватили и двоихъ бояръ новгородскихъ.

¹⁾ И потому онъ называется въ лѣтописи расстригою.

²⁾ Никои. IV, 300: «Ивашъ владыка архіепискупъ Новгородскій прииде изъ Новгорода на Москву къ Киприану митрополиту, позванъ о святительскихъ дѣлахъ, и пребываетъ у Киприана митрополита въ наказаніи и смиреніи. То же лѣта бысть соборъ на Москвѣ... описана архіепискупъ Иванъ Новгородскій свое спискушн». — Архангел. (121): «Пріѣха владыка Иванъ Новгородскій на Москву бити челомъ в. князю о Торжкѣ, и Киприанъ, по в. князя слову, владыку поймалъ, да позадилъ въ Чудовскомъ монастырѣ, за мѣсячной судъ, что не далъ». — Татищ. IV, 404: «В. князь Василій, увидѣвъ, яко Новгородцевъ владыка Іоаннъ на ихъ зло поучаетъ и въ волости Заволоцкой ронта възстаетъ, рекъ митрополиту Киприану: «отче! не добръ тлоритъ владыка Іоаннъ съ Новгородцы: послыла на Волокъ даны смилоти и людей отчины моя пужаютъ и солщуютъ къ себѣ; а вы посылаете къ миру и любви учати, мне же имѣше собирать и возноситися. И митрополитъ вскорѣ посла въ Новгородъ стольника своего Новосильца, повели ему развѣдати добръ и владыку звати о святительскихъ дѣлахъ».

³⁾ Наже устья рѣки Ямцы 50 верстъ грядъ Колмогоры; есть и село Емцкое. — Арцуб. II, прим. 699.

Но четверо другихъ бояръ новгородскихъ нагнали Глѣба Семеновича и отбили свою братью со вѣями другими плѣшниками и добычею, послѣ чего четверо воеводъ новгородскихъ пошли съ Заволочанами въ погоню за разбойниками и пограбили Устюгъ⁴⁾. Это было послѣднее враждебное столкновение Москвы съ Новгородомъ въ княженіи Василія Дмитріевича, который первый ясно показалъ намѣреніе примыслить къ Москвѣ Заволоцкія владѣнія. Овладевши Нижнимъ-Новгородомъ съ помощію тамошнихъ бояръ, великій князь попытался сдѣлать то же самое и въ Двинской области; первая попытка была неудачна; но Московскій князь, вѣрный преданіямъ своего рода, не теряетъ надежды на успѣхъ, повторяетъ попытку, не упускаетъ изъ виду разналичной дѣли. Почетный пріемъ, оказанный Новгородцами въ 1419 году князю Константину Дмитріевичу, поссорившемуся со старшимъ братомъ, какъ видно, не имѣлъ неприятныхъ слѣдствій для Новгорода⁵⁾.

⁴⁾ Арханг. лѣтоп. прямо говоритъ, что в. князь велѣлъ брату своему Юрію воевать Двинскую землю.

⁵⁾ Мы видѣли, что въ 1388 году свергнуть былъ посадникъ Осипъ Захаровичъ и на его мѣсто возведенъ Василій Ивановичъ; подъ 1391 годомъ встречаемъ имена старшихъ посадниковъ—Василія Федоровича, Богдана Обакумовича, Федора Тимофеевича; подъ слѣдующимъ годомъ упоминается о смерти двоихъ посадниковъ—Василія Федоровича и Михаила Далнѣвича; но неизвѣстно, какъ лишился своей должности Василій Ивановичъ, и когда возведенъ опять въ степенные посадники свергнутый прежде Осипъ Захаровичъ; а въ 1394 году прямо говорится о вторичномъ сверженіи Осипа Захаровича и возведеніи на его мѣсто одного изъ старшихъ посадниковъ, Богдана Обакумовича. Подъ 1397 годомъ видимъ въ посадникахъ уже Тимофея Юрьевича, вѣроятно сына прежняго посадника Юрія Ивановича. Этотъ-то Тимофей Юрьевичъ, вмѣстѣ съ старымъ посадникомъ Юрьемъ Дмитріевичемъ и другимъ бояриномъ, Василіемъ Борисовичемъ, возвратилъ Новгороду заволочкія его владѣнія, захваченныя Московскимъ княземъ, посломъ къ которому, для заключенія мира, отправлялся старый посадникъ Осипъ Захаровичъ. Въ 1404 году степеннымъ посадникомъ былъ Александръ Омниничъ. Подъ 1405 годомъ встречаемъ извѣстіе о смерти посадника Василія Ивановича, возведеннаго, какъ мы видѣли, въ 1388 году; но умеръ ли онъ снова степеннымъ посадникомъ, или только старымъ—неизвѣстно. Въ 1409 г. умерли двое извѣстныхъ намъ посадниковъ—Тимофей Юрьевичъ и Осипъ Захаровичъ; въ слѣдующемъ году умеръ неизвѣстный намъ посадникъ Кириллъ Адриановичъ; степеннымъ же въ то время былъ Григорій Богдановичъ, какъ видно, сынъ стараго, Богдана Обакумовича. Подъ слѣдующимъ годомъ встречаемъ имена посадниковъ: Юрія Онцифоровича, Фомы Есиповича (вѣроятно сына Осипа Захаровича) и Александра Фомича. Подъ 1414 г. встречаемъ извѣстіе о смерти неизвѣстнаго намъ посадника Кирилла Дмитріевича (который былъ тысяцкимъ въ 1404 году), подъ слѣдующимъ годомъ—Феодосія Обакумовича, какъ видно, брата Богдана Обакумовича. Въ 1416 г. степеннымъ посадникомъ являетъ Иванъ Богдановичъ, какъ видно, другой сынъ Богдана Обакумовича; въ 1417 г. Семенъ Васильевичъ; въ томъ же году умерли посадники: Юрій Онцифоровичъ, Иванъ Александровичъ, Боркъ Васильевичъ; въ 1418 году степеннымъ былъ Василій Основичъ, быть можетъ, сынъ Осипа Захаровича. Иванъ Богдановичъ умеръ въ 1419 году. Подъ 1420 встречаемъ имя стараго посадника Аванасія Федоровича; въ слѣдующій годъ умерли двое посадниковъ—Осдоръ Тимофеевичъ и Александръ Омниничъ. Степеннымъ посадникомъ въ этомъ

Слѣды внутренняго раздѣленія въ Новгородѣ, раздѣленія между лучшими и меньшими людьми, опять обнаруживаются: въ 1418 году какой-то простолудинъ Степанъ схватилъ боярина Даниїла Ивановича и сталъ кричать прохожимъ: „Господа, помогите мнѣ управиться съ этимъ злодѣемъ!“ Прохожіе кинулись на Даниїла, поволокли его къ толпѣ, собравшейся на вѣчь, и стали бить; между прочимъ, выскочила изъ толпы какаля-то женщина и начала бранить и бить его, какъ нечестоваго, крича, что онъ ее обидѣлъ; наконецъ полумертваго Даниїла свели съ вѣча и сбросили съ моста; но одинъ рыбакъ, Личковъ сынъ, захотѣлъ ему добра и взявъ на свой челнъ; народъ разъярился на рыбака и разграбилъ его домъ, а самъ онъ успѣлъ скрыться. Дѣло этимъ не кончилось, потому что бояринъ Даниїлъ хотѣлъ непременно отомстить Степану; онъ схватилъ его и сталъ мучить. Когда разнеслась въ народѣ вѣсть, что Степанъ схваченъ, то зазвонили вѣче на дворѣ Ярославовомъ, собралось множество народа, и нѣскольکو дней сряду кричали: „Пойдемъ на этого Даниїла, разграбимъ его домъ.“ Подняли доспѣхи, развернули знамя и пошли на Козмодемьянскую улицу, гдѣ разграбили домъ Даниїловъ и много другихъ домовъ, а на Яневой улицѣ пограбили берегъ. Тогда Козмодемьянцы, боясь, чтобъ не было съ ними чего хуже, рѣшились выпустить Степана, и, пришедши къ архіепископу, стали умолять его, чтобъ вступился въ дѣло и послалъ къ людскому собранію; святитель исполнилъ ихъ просьбу и послалъ священника козмодемьянскаго вмѣстѣ съ своимъ бояриномъ, которые и освободили Степана. Но и этимъ дѣло не кончилось; народъ всталъ, какъ нынѣшній, на другою боярина, Ивана Іевлича, разграбилъ его домъ на Чудиной улицѣ и много другихъ домовъ боярскихъ; мало того, — разграбили и Никольскій монастырь на полѣ, говоря, что тутъ житицы боярскія; потомъ, въ то же утро, разграбили много дворовъ на Люгощѣй улицѣ, говоря, что тамъ живутъ ихъ супостаты; пришли-было и на Прусскую улицу, но жители ея отбились отъ грабителей, и это послужило поводомъ къ большому смятенію. Вѣчники прибѣжали на свою Торговую сторону и начали кричать, что Софійская сторона хочеть на нихъ вооружиться и дома ихъ грабить; начали звонить по всему городу, — и вотъ съ обѣихъ сторонъ толпы повалили, какъ на рать, въ доспѣхахъ, на большой мостъ; стали уже и падать мертвые: одни отъ стрѣлъ, другіе — отъ лошадей; въ то же самое время странная гроза разразилась надъ городомъ съ громомъ и молніею, дождемъ и градомъ; ужасъ началъ на обѣ стороны, и многіе начали уже переносить имѣнія свое въ церкви. Тогда владыка Симеонъ пошелъ въ церковь Св. Софїи,

облачился, велѣлъ взять крестъ и образъ Богородицы, и пошелъ на большой мостъ; за нимъ слѣдовали священники, причтъ церковный и толпа народу. Многіе добрые люди плакали, говоря: „Да укротитъ Господь народъ, молитвами господина нашего святителя“; другіе, припадая къ ногамъ владыки, съ плачемъ говорили: „Иди, святитель, благослови народъ, да утишитъ Господь твоимъ благословіемъ усобную рать“; а иные прибавляли: „Пусть все зло падетъ на зачинщиковъ“. Между тѣмъ крестный ходъ, не взирая на тѣсноту отъ вооруженныхъ людей, достигъ большого моста; владыка сталъ посреди него и началъ благословлять крестомъ на обѣ стороны; тогда одни, видя крестъ, начали кланяться, другіе прослезились; отъ Софійской стороны пришелъ старый посадникъ Федоръ Тимофеевичъ съ другими посадниками и тысяцкими, и сталъ просить владыку, чтобъ установилъ народъ; владыка послалъ духовника своего, архимандрита Варлаама, и протодиакона на дворъ Ярославовъ къ Св. Николѣ, отнести благословеніе степенному посаднику Василью Осиповичу¹⁾, тысяцкому, всему народу, и сказать имъ, чтобъ расходились по домамъ. Тѣ отвѣчали: „Пусть святитель прикажетъ своей сторонѣ разойтись, а мы здѣсь своимъ, по его благословенію, приказываемъ то же самое“, — и такимъ образомъ всѣ разошлись.

Мы видѣли, какъ дорого заплатились Новгородцы за своихъ ушкуйниковъ при Димитріи Донскомъ; это заставляло ихъ строго смотрѣть, чтобы шайки людей, обремененныхъ долгами, холопей, рабовъ не собирались въ ихъ волостяхъ и не отправлялись разбойничать на Волгу; это же повело и къ ссорѣ Новгородцы со Псковомъ въ 1390 году. Пошли Новгородцы съ войскомъ ко Пскову подъ предводительствомъ князя Семена Олгердовича, и стали на Солцѣ²⁾; но тутъ явились къ нимъ послы псковскіе и заключили миръ, съ обязательствомъ не вступать за должниковъ, холопей и рабовъ, которые ходили на Волгу, но выдавать ихъ. Ушкуйничество впрочемъ не прекратилось; подъ слѣдующимъ же годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Новгородцы, Устюжане и другіе собрались и пошли въ насадахъ и ушкуяхъ рѣками Вяткою и Камою, взяли Жукотинъ, Казань, выплыли потомъ на Волгу и пограбили всѣхъ гостей. Не прекратилась и вражда Новгородца со Псковомъ; въ 1394 году Новгородцы пошли съ войскомъ ко Пскову, и стояли подъ нимъ 8 дней; былъ у нихъ бой со Псковичами, гдѣ они потерпѣли неудачу и принуждены были ночью бѣжать домой, побросавши свои стѣнобитныя орудія; вслѣдствіе этого-то неудачнаго похода свергнутъ былъ, какъ видно, посадникъ Осипъ Захаровичъ. Несмотря однако на свое торжество, Псковичи не хотѣли продолжать войны съ старшимъ братомъ и отправили пословъ въ Новгородъ: но на этотъ разъ

1) Тутъ былъ Андрей Ивановичъ; два конца — Неревскій и Славенскій — встали на этого Андрея за землю какого-то Клементія Артемьяна: жители ихъ вооружились, пограбили дворъ посадника и другихъ бояръ, убили 20 человекъ помощниковъ Андреевыхъ, и, потерявши съ своей стороны двухъ человекъ, утѣли.

¹⁾ Такъ въ Новгор. повѣ., въ четвертой жѣ: Оеонаса Есифовича.

²⁾ Посадъ Селца при рѣкѣ Шелони, въ Порховскомъ уѣздѣ.

послы возвратились безъ мира; черезъ два года явились въ Новгородъ новые знатные послы изъ Пскова и били челомъ владыкѣ Иоанну: „Чтобъ ты, господи́нь, благословилъ дѣтей своихъ Великій Новгородъ, чтобъ господи́нь нашъ Великій Новгородъ недлюбе намъ отдалъ, и принялъ бы насъ въ старицу“. Владыка благословилъ дѣтей своихъ: „Вы бы, дѣти, мое благословіе приняли, Псковичамъ недлюбе отдали, и свою братью младшую приняли по старинѣ; потому что, дѣти, видите, уже послѣднее время приходитъ, надобно всѣмъ христіанамъ быть заодно“. Новгородцы послушались и заключили миръ по старинѣ.

Но если послѣ этого не было войны между Новгородомъ и Псковомъ, за то не было и единодушнаго союза между ними, какого желалъ владыка; и послѣ Псковской дѣтописецъ постоянно жалуется, что Новгородцы не помогаютъ Псковичамъ. Отношенія между старшимъ и младшимъ братомъ были таковы, что они не могли дѣйствовать за-одно; но этотъ недостатокъ единства между ними пролагалъ московскимъ князьямъ путь къ усиленію своей власти, къ собранію Русской Земли. Дѣйствительно, по словамъ Новгородскаго владыки, приходило теперь послѣднее время, но послѣднее время для особаго существованія Новгорода, Пскова и другихъ русскихъ волостей. Угрожаемый Нѣмцами и Литвою, оставляемый безъ помощи Новгородомъ, Псковъ необходимо долженъ былъ обратиться къ сильному князю Московскому, который теперь имѣлъ возможность занять его дѣлами, оборонить отчину Св. Ольги, и вотъ съ послѣдняго года XIV вѣка во Псковѣ происходитъ важная перемена: онъ начинаетъ принимать князей отъ руки великаго князя Московскаго. Такимъ образомъ, сынъ Донскаго примыслилъ богатая волости на берегахъ Оки и Волги, утвердилъ свое вліяніе во Псковѣ, заставилъ Новгородцевъ держать свое княженіе честно и грозно, потому что грозилъ постоянно ихъ богатымъ колоніямъ заволочкамъ. Рязань и Тверь, слабыя, волцүемыя усобицами, не могли и думать о борьбѣ съ Москвою, но все болѣе и болѣе подчинялись ея вліянію. Въ 1402 году великій князь Московскій Василій отъ имени всѣхъ родичей—дяди Владиміра Андреевича и троихъ родныхъ братьевъ, Юрія, Андрея и Петра—заключилъ договоръ съ великимъ княземъ Рязанскимъ, Феодоромъ Ольговичемъ. Въ этомъ договорѣ Московскій князь дѣлитъ своихъ родичей на два разряда: братьевъ младшихъ (князь Владиміръ Андреевичъ и князь Юрій Димитріевичъ) и братьевъ меньшихъ (князь Андрей и Петръ Димитріевичи). Великій князь Рязанскій обязывается держать великаго князя Московскаго старшимъ братомъ, младшихъ его братьевъ равными себѣ братьями, меньшихъ братьевъ—младшими; обязывается не приставать къ Татарамъ; выговариваетъ себѣ право отправлять посла (князича) въ Орду съ подарками, право принять у себя татарскаго посла съ честію для добра христіанскаго; но при этомъ обязывается давать

знать въ Москву, если вздумаетъ послать князича, равно какъ передавать въ Москву всѣ вѣсти ординскія. „А отдалится отъ насъ Орда, тогда тебѣ съ нами учинить по думѣ“, прибавляетъ великій князь Московскій. Не разъ было упомянуто о наслѣдственной враждѣ между великими князьями Рязанскимъ и Пронскимъ; Московскій князь ставитъ себя посредникомъ между ними и вноситъ въ договоръ слѣдующее условіе: „Съ княземъ великимъ Иваномъ Владиміровичемъ (Пронскимъ) взять любовь по прежнимъ грамотамъ; а если учинится между васъ какая обида, то вамъ послать бояръ своихъ для рѣшенія спора; если же они не рѣшатъ, то третій (судья) имъ митрополитъ; кого митрополитъ обвинитъ, тотъ и долженъ отдать обидное; а не отдастъ, то я, великій князь Василій Димитріевичъ, заставлю его исправиться“. Московскій князь обязываетъ Рязанскаго помириться съ князьями Новосильскимъ и Торускимъ¹⁾ по прежнимъ грамотамъ, и жить съ ними безъ обиды, потому что тѣ князья одинъ человекъ съ Московскимъ. Если случится у этихъ князей споръ съ княземъ Рязанскимъ о землѣ или о водѣ, то рѣшаютъ его бояре, высланные съ обѣихъ сторонъ; если же бояре не уладятся, то избираютъ третью судью, приговоръ котораго приводится въ исполненіе княземъ Московскимъ. Если князь Литовскій Витовтъ захочетъ любви съ княземъ Рязанскимъ, то послѣдній можетъ взять съ нимъ любовь, но только по думѣ съ княземъ Московскимъ, какъ будетъ годно. Но, несмотря на посредничество Московскаго князя, вражда между князьями Рязанскимъ и Пронскимъ не стихла: въ 1408 году князь Иванъ Владиміровичъ Пронскій пришелъ нечаянно съ Татарамъ и выгналъ изъ Рязани князя Феодора Ольговича, который бѣжалъ за Оку. Московскій князь послалъ на помощь къ изгнанному воеводѣ коломенскаго и муромскаго съ тамошними полками; на рѣкѣ Смядвѣ²⁾ встрѣтились они съ Пронскимъ княземъ и были разбиты: коломенскій воевода былъ убитъ, муромскій—взятъ въ плѣнъ. Несмотря однако на эту побѣду, Пронскій князь уступилъ Рязань опять Феодору, вѣроятно влѣдствіе угрозъ князя Московскаго.

Въ 1399 году умеръ Тверской князь Михаилъ, послѣдній опасный соперникъ Московскаго князя Договорная грамота его съ сыномъ Донскаго дошла до насъ³⁾: въ ней отпощеніи князя Тверскаго къ Московскому и его братьямъ не опредѣлены родовыя счеты: Михаилъ называется просто братомъ Василя. Тверской князь обязывается за себя, за дѣтей своихъ, за внучатъ и за племянниковъ не искать ни Москвы, ни великаго княженія Владимірскаго, ни Великаго Новгорода; обязывается быть за одно съ Московскимъ княземъ на Татаръ, на

¹⁾ С. г. г. и д. т. I, № 36. Но еще въ 1392 году Василій взялъ у хана ярлыкъ на Торусы: значить, онъ оставилъ тамъ прежнихъ князей въ качествѣ подручниковъ.

²⁾ Рѣка Смедва, впад. съ тульской стороны въ Оку.

³⁾ Акты Арх. Эксп. I, № 14.

Литву, на Пѣмцевъ и Ляховъ. Если на московскихъ князей нападутъ Татары, Литва, Нѣмцы или Поляки, и самъ Василій съ братьями сядетъ на коня, то Михаилъ обязанъ послать къ нимъ на помощь двоихъ сыновей, да двоихъ племянниковъ, оставивъ у себя одного сына; если же Татары, Литва или Нѣмцы нападутъ на Тверское княжество, то Московскій князь обязанъ самъ идти на помощь къ Михаилу съ своею братьею. Эта разница въ обязательствахъ объясняется старостию Михаила относительно Василія. Тверской князь обязанъ объявить Витовту Литовскому, что онъ одинъ чело-вѣкъ съ Московскимъ княземъ. Къ Орду Тверскому князю путь чистъ, равно его дѣтямъ, вучатамъ и людямъ. Въ первый разъ Московскій князь упоминаетъ о князьяхъ, которыхъ ему или его младшей братѣ Богъ поручилъ; если кто-нибудь изъ нихъ отъѣдетъ къ Тверскому князю, то послѣдній не можетъ вступаться въ ихъ вотчины: онѣ остаются за Московскимъ княземъ.

Распределение Тверскихъ волостей между сыновьями, сдѣланное княземъ Михаиломъ, замѣчательно: и здѣсь ясно обнаруживается намѣреніе завѣщателя увеличить власть старшаго брата предъ волостями младшихъ, чтобы сдѣлать возстаніе послѣднихъ и усобицы невозможными; старшій сынъ Михаила, Иванъ, получилъ Тверь съ семью городами, а двое другихъ сыновей, Василій и Федоръ, только по два города; притомъ можно думать, что въ кашинскомъ же удѣлѣ второго сына, Василія Михайловича, помѣщенъ былъ и внукъ Михаилъ, Иванъ, сынъ умершаго при жизни отцовой Бориса Михайловича¹⁾. Мы видѣли упорную борьбу Михаила съ Дмитріемъ Московскимъ, которая обличала большую энергію въ Тверскомъ князѣ; мы видѣли также стремленіе Михаила подчинить себѣ Кашинское княжество; это стремленіе уиѣчалось усѣбхомъ, несмотря на сопротивленіе Москвы, ибо мы видимъ Кашинъ во власти Михаила, и онъ завѣщаетъ этотъ городъ второму сыну своему, Василію. Миръ, господствовавшій въ Тверскихъ волостяхъ въ продолженіи 25 лѣтъ по окончаніи борьбы съ Москвою, далъ Михаилу досугъ обратить свою дѣятельность на устроеніе внутренняго наряда, и авторъ сказанія о его смерти говоритъ, что въ княженіе его разбойники, воры и ябедники исчезли, корчемники, мытари и торговцы злая тамги истребились, о насиліяхъ и грабежахъ и гдѣ не было слышно; вообще о Михаилѣ встречаемъ въ лѣтописяхъ такой отзывъ: былъ онъ крѣпокъ, сапожникъ и смышленъ, взоръ имѣлъ грозный и дивный.

Новый Тверской князь, Иванъ Михайловичъ, по обычаю, немедленно же хотѣлъ воспользоваться полученными отъ отца средствами для приведенія въ свою волю младшихъ братьевъ. Тверскіе бояре великокняжескіе начали обижать удѣльныхъ князей; Василій Михайловичъ Кашинскій пришелъ къ своей матери, великой княгинѣ Евдокіи, и сталъ

говорить ей: „Бояре брата нашего крестное пѣлованіе къ намъ сложили, тогда какъ они кля жь отцу нашему хотѣтъ намъ добра“. Великая княгиня тотчасъ же отравила своихъ бояръ съ боярами младшихъ сыновей къ старшему, которому они должны были сказать: „Господинъ князь великій! вопреки грамотѣ отца нашего, бояре твои сложили къ намъ крестное пѣлованіе, и ты-бъ, господинъ князь великій, пожаловалъ, велѣлъ своимъ боярамъ крестное пѣлованіе держать по грамотѣ отца нашего“. Но Иванъ велѣлъ имъ прямо сказать, что бояре тверскіе сложили къ нимъ крестное пѣлованіе по его приказу, и началъ съ тѣхъ поръ сердиться на мать, братьевъ и племянника. Но мать послѣдняго, вдова Бориса Михайловича, родомъ Смоленка, взяла сына, боярина Воронца и явилась въ Тверь къ великому князю съ оправданіемъ, что она не послала своихъ бояръ вмѣстѣ съ другими удѣльными. Эта лукавая лесть, по выраженію лѣтописца, поправилась Ивану; онъ отгналъ ѹ брата, Василія Кашинскаго, Луское озеро и отдалъ его племяннику Ивану Борзовичу. Тщетно Василій черезъ владыку Тверскаго Арсенія просилъ у брата общаго суда, — тотъ велѣлъ отвѣчать: „Суда тебѣ не далъ“. Скоро Иванъ усѣблъ примыслить новую волость къ своей отчинѣ: въ 1402 году умеръ двоюродный братъ его, Иванъ Всеволодовичъ Холмскій и, мимо роднаго брата Юрія, отказалъ свой удѣлъ сыну великаго князя, Александру²⁾; въ слѣдующемъ году этотъ Александръ выгналъ дяdua Василія Михайловича изъ Кашина; тотъ убѣжалъ въ Москву, и великій князь Василій усѣблъ на этотъ разъ помирить его съ старшимъ братомъ; но черезъ годъ, когда Кашинскій князь пріѣхалъ за чѣмъ-то въ Тверь къ старшему брату, то послѣдній велѣлъ схватить его вмѣстѣ съ боярами. Двоюродный братъ ихъ, Юрій Всеволодовичъ, боясь такой же участи, убѣжалъ въ Москву; неизвѣстно, что заставило Ивана выпустить своего плѣнника и поцѣловать съ нимъ крестъ; но черезъ мѣсяцъ Кашинскій князь былъ уже въ Москвѣ, и тверскіе намѣстники сидѣли въ Кашинѣ, угнетая его жителей продажами и грабежомъ. Дѣла литовскія мѣшали Московскому великому князю вступиться въ усобицу тверскихъ князей. Какъ видно, онъ далъ изгнанному Василію Михайловичу Переяславль въ кормленіе; но когда явился изъ Литвы болѣе важный для Москвы выходецъ, князь Александръ Пелюбъ,

²⁾ Объ этомъ Иванѣ Всеволодовичѣ подлѣ 1397 годомъ встречаемъ слѣдующія извѣстія: «Князь Иванъ Всеволодичъ отѣха со Твери на Москву съ в. к. Василіемъ Дмитріевичу, а дядѣ своему в. к. Мих. Алек. Тверскому посла цѣлованіе крестное сложи... Женися князь Ив. Всеволодичъ Тверскій на Москвѣ, у вел. княгини Евдокіи поять дщерь в. кн. Дмитрія Ивановича Настасію. — Московскій князь далъ Ивану въ кормленіе Торжокъ». — Въ Псков. лѣтоп. подлѣ 1399 годомъ: «Псковичи послаша ко кн. вел. Василію Дмитріевичу, и испросиша себѣ князя Ивана Всеволодовича, Александрова внука Тверскаго, и пріѣха Иванъ Всеволодовичъ во Псковъ. Того же лѣта въ осень престанися князь Михайлъ Тверскій. Того же осени выѣха изъ Пскова князь Иванъ».

¹⁾ П. С. Р. Л. V, 232.

то великій князь Василій отдалъ Черяславль ему; вѣроятно это самое обстоятельство заставило Кашиинскаго князя вступить въ переговоры съ старшимъ братомъ своимъ, Иваномъ Тверскимъ, который возвратилъ ему Кашиинъ.

Между тѣмъ Юрій Всеволодовичъ Холмскій все жилъ въ Москвѣ, и вдругъ, въ 1407 году, поѣхалъ въ Орду искать великаго княженія Тверскаго подъ двоюроднымъ братомъ своимъ, Иваномъ. Послѣдній, узнавъ объ этомъ, также отправился въ Орду судиться съ Юріемъ; но легко было предвидѣть, кто изъ двухъ будетъ оправданъ на этомъ судѣ: богатый ли Иванъ, или безземельный Юрій. Всѣ князья ордынскіе, говорить лѣтописецъ, оправдали князя Ивана Михайловича и съ честію отпустили его въ Тверь, а Юрій остался въ Ордѣ. Въ 1408 году поднялась вражда между княземъ Иваномъ Михайловичемъ и племянникомъ его, Иваномъ Борисовичемъ, которому онъ до сихъ поръ покровительствовалъ; услышавъ о приближеніи яды съ войскомъ къ Кашину, Иванъ Борисовичъ ѣхалъ въ Москву; но мать его отвезена была плѣнницею въ Тверь, и въ Кашиинѣ сѣли намѣстники великаго князя Тверскаго, т. е., какъ надобно полагать, въ той части Кашина, которую владѣлъ Иванъ Борисовичъ, ибо тутъ же сказано, что князь Иванъ Михайловичъ заключилъ миръ съ братомъ своимъ, Василюмъ Кашиинскимъ. Миръ этотъ однако продолжался не болѣе трехъ лѣтъ: въ 1412 году встало опять между братьями нелюбие великое, по выраженію лѣтописца: князь Иванъ Михайловичъ Тверской велѣлъ схватить брата своего, Василя Михайловича Кашиинскаго, вмѣстѣ съ женою, боярами и слугами; княгиню велѣлъ отвезти въ Тверь, а самого Василя Михайловича—въ Старицу; но, при переправѣ черезъ рѣку Тмаку, когда всѣ провожатые сошли съ лошадей, князь въ одномъ терлики, безъ кивера, погналъ свою лошадь въ бродъ, переправился черезъ рѣку и потомъ поскакалъ по пѣззжалымъ дорогамъ; въ одномъ селѣ несчастливилось ему найти преданнаго человѣка, который заботился о немъ, укрывалъ въ лѣсу, перенималъ вѣсти и, улучивъ наконецъ удобное время, убѣжалъ съ княземъ въ Москву.

Въ это самое время явился изъ Орды въ Тверь посоль лютый звать князя Ивана къ хану; тотъ поѣхалъ; но еще прежде него отправился въ Орду изъ Москвы братъ его, Василій, прежде и возвратился, и, пользуясь отсутствіемъ старшаго брата, попытался—было овладѣть Кашиномъ съ Татарами; но князь Иванъ Борисовичъ съ тверскою заставою (гарнизонами) не пустилъ его въ городъ. Это показываетъ, вопервыхъ, что Василій успѣлъ склонить хана на свою сторону, ибо тотъ далъ ему Татаръ въ помощь; во вторыхъ, видно, что князь Иванъ Борисовичъ помирился уже съ старшимъ ядлою и дѣйствовалъ за него противъ младшаго. Скоро переѣхавъ хана въ Ордѣ перемѣнила и дѣла тверскія: враждебный князь Ивану Михайловичу ханъ Зелени-Салтанъ былъ убитъ, и преемникъ его

отпустилъ Тверскаго князя съ честію и пожалованіемъ ¹⁾.

Этимъ оканчиваются извѣстія о тверскихъ дѣлахъ въ княженіе Василя Димитріевича. Дѣла ордынскія и литовскія мѣшали Московскому князю пользоваться тверскими уособицами; сначала князь Иванъ Михайловичъ былъ въ союзѣ съ Москвою и послалъ полки свои на помощь Василю Димитріевичу противъ Витовта къ рѣкѣ Плавѣ; но тутъ Московскій князь скрылъ свои переговоры съ Витовтомъ отъ князей и воеводъ тверскихъ; кромѣ того, въ договорной грамотѣ съ Литовскимъ княземъ написанъ имя Тверскаго великаго князя ниже именъ родныхъ братьевъ своихъ—Димитріевичей, вслѣдствіе чего Тверичи съ гнѣвомъ ушли домой, и князь ихъ съ тѣхъ поръ пересталъ помогать Москвѣ ²⁾. Несмотря на то однако, онъ не смѣлъ думать объ открытой борьбѣ съ Москвою. Опасеніе Тверскаго князя затронуть могущественную Москву видно изъ того, что когда Эдигей, во время осады Москвы, послалъ звать его къ себѣ на помощь съ войскомъ, то князь Иванъ показалъ видъ, что послушался приказа, и поѣхалъ къ Эдигею, только одинъ, безъ войска; а потомъ, подъ предлогомъ болѣзни, возвратился съ дороги. Современники считали этотъ поступокъ Тверскаго князя мастерскимъ дѣломъ; вотъ что говоритъ лѣтописецъ: „Таковымъ коварствомъ перемудрова, ни Эдигей разгнѣва, ни князю великому погуби, обнимъ обоего избѣжа; се же створи уменски, паче же истински“.

Тверской князь боялся князя Московскаго наравнѣ съ ханомъ татарскимъ: это всего лучше показываетъ значеніе Москвы при смыѣ Донскаго; несмотря на то, Василій Димитріевичъ не могъ еще смотрѣть на хана, какъ только на равнаго себе владѣтеля, не могъ совершенно забыть отъ зависимости ордынской. Мы видѣли, что въ началѣ своего княженія Московскій князь ѣздилъ въ Орду искать благосклонности Тохтамыша, съ ярлыкомъ котораго овладѣлъ Нижнимъ. Между тѣмъ лѣтописецъ говорить о нападеніяхъ Татаръ на Рязань: два раза пустошили они это пограничное съ степью княжество безнаказанно, въ третій были побиты княземъ Олегомъ; въ 1391 году Тохтамышъ послалъ какого-то царевича Бекгута, которому удалось взять Вятку, перебить и поплѣнить ея жителей; какъ видно, этотъ походъ былъ предпринятъ съ цѣлію отомстить Вятчанамъ за ихъ ушукунничество. Болѣе важныя предпріятія нельзя было ожидать со стороны Тохтамыша, потому что къ смятеніямъ внутреннимъ присоединилась еще борьба съ Тамерланомъ. Въ концѣ XIV вѣка для Азіи повторилась времена Чингисхановъ: сынъ небогатаго Чагатайскаго князька, Тимуръ, или

¹⁾ У Карамз., прим. 213, вставлено неизвѣстно къ какому году относящееся извѣстіе изъ Троицкой лѣтописи: «князь Юрій Всев. приде изъ Орды, добывая Кашиинъ, да третьей части Твери».

²⁾ Такъ наз. Тверская лѣтопись, рукоп. въ Импер. Публ. Библ.

Тамерланъ, началъ въ половинѣ XIV вѣка поприще свое мелкимъ грабежомъ и разбоемъ, а въ 1371 году владѣлъ уже землями отъ Каспійскаго моря до Манчжуріи. Ему былъ обязанъ Тохтамышъ престоломъ Кличакскимъ, но не хотѣлъ быть благодарнымъ и вооружился противъ Тамерлана. Въ 1395 году, на берегахъ Терека, Тохтамышъ потерпѣлъ поражение и принужденъ былъ спастись бѣгствомъ въ лѣсахъ болгарскихъ, а Тамерланъ вошелъ въ русскіе предѣлы, взявъ Елецъ, плѣнилъ его князя, опустошилъ окрестную страну. Нападеніе не было нечаянное, и Василій Димитріевичъ имѣлъ время приготовиться: онъ собралъ большое войско и сталъ на границѣ своего княжества, на берегу Оки. Но онъ не дождался врага; простоявши 15 дней на Землѣ Рязанской, опустошивши оба берега Дона, Тамерланъ вышелъ изъ русскихъ предѣловъ въ тотъ самый день, когда Москвичи встрѣтили образъ Богородицы, принесенный изъ Владиміра.

Послѣ разгрома Тамерланова Золотая Орда долго не была опасна Московскому князю; въ продолженіи 12 лѣтъ лѣтописецъ раза три упоминаетъ только о пограничныхъ сношеніяхъ хищническихъ отрядовъ татарскихъ съ Рязанцами, причѣмъ успѣхъ болѣею частью оставался на сторонѣ послѣднихъ. Нѣсколько хановъ перемѣнилось въ Ордѣ, а великій князь Московскій не думалъ не только самъ ѣздить къ нимъ на поклонъ, но даже не посылалъ никого, на требованіе данъ отвѣчалъ, что княжество его стало бѣдно людьми, не на комъ взять выхода, тогда какъ татарская дань съ двухъ сохъ по рублю шла въ казну великокняжескую. Наконецъ обращеніе съ Татарами перемѣнилось въ областяхъ московскихъ: надъ послами и гостями ордынскими начали смѣяться и метить имъ за прежне разными притѣвленіями⁴⁾. Въ это время, какъ во время Мамаева, всѣми дѣлами въ Ордѣ завѣдывалъ князь Эдигей; долго терпѣлъ онъ презрительное обращеніе Московскаго князя съ бывшими повелителями, наконецъ рѣшился напомнить ему о себѣ. Но, подобно Тохтамышу, и Эдигей не ослѣблялся яно напасть на Москву, встрѣтиться въ чистомъ полѣ съ ея полками, только отъ хитрости и тайны ждалъ онъ успѣха: далъ знать великому князю, что ханъ со всею Ордою идетъ на Витовта, а самъ съ необыкновенною скоростію устремился къ Москвѣ. Василій Димитріевичъ, застигнутый врасплохъ, оставилъ защищать Москву дядю Владиміра Андреевича, да братьевъ своихъ Андрея и Петра Димитріевичей, а самъ съ княгинею и дѣтьми уѣхалъ въ Кострому. Жители Москвы смуглились, отъ страха побѣжали въ разныя стороны, не заботясь объ имѣніи, чѣмъ воспользовались разбойники и воры, и наполнили свои руки богатствомъ. Посады были уже выжжены, когда явились Татары Эдигеевы и со всѣхъ сторонъ облегли городъ. Остановившись у Москвы, Эдигей разослалъ въ раз-

ныя стороны отряды, которые опустошили Переяславль, Ростовъ, Дмитровъ, Серпуховъ, Вереею, Новгородъ-Нижній, Городецъ, Клинъ; много народу погибло отъ Татаръ, много и отъ жестокаго холода и вьюгъ. Тридцати-четырехъ-тысячный отрядъ посланъ былъ въ погону за великимъ княземъ, но не успѣлъ догнать его. Между тѣмъ Эдигей стоялъ спокойно подъ кремлемъ; сберегая людей и помня неудачу Тохтамышеву, онъ не дѣлалъ приступовъ, а хотѣлъ зимовать и принудить къ сдачѣ голодомъ; уже мѣсяць стоялъ Эдигей подъ Москвою, какъ вдругъ пришла къ нему вѣсть изъ Орды отъ хана, чтобъ шель немедленно домой, потому что какой-то царевичъ напалъ на хана. Осажденные ничего не знали объ этомъ, и когда Эдигей прислалъ къ нимъ съ мирными предложеніями, то они съ радостію заплатили ему три тысячи рублей за отступленіе; Эдигей посѣбно поднялся и вышелъ изъ русскихъ предѣловъ, взявши по дорогѣ Рязань (1408 г.).

Но и послѣ шествія Эдигеева Московскій князь три года не ѣздилъ въ Орду самъ и не посылалъ туда ни родственниковъ своихъ, ни бояръ большихъ; только въ 1412 году, когда новый ханъ Зелент-Салтанъ (Джелаледдинъ Султанъ), сынъ Тохтамыша, далъ изгнаннымъ нижегородскимъ князьямъ ярлыкъ на ихъ отчину, Василій Димитріевичъ поѣхалъ въ Орду съ большимъ богатствомъ и со всѣми своими вельможами. Это—послѣднее извѣстіе объ отношеніяхъ Москвы къ Ордѣ въ княженіе Василія Димитріевича; послѣ встрѣчаемъ только извѣстія о нападеніяхъ татарскихъ на пограничныя съ стѣною русскія области: въ 1410 году Татары напали нечаянно на Рязань, но были отбиты и потеряли добычу; въ 1414 они воевали по Задонью, взяли Елецъ и убили тамошняго князя; въ 1422 году они прогнаны были изъ области Одоевской; въ 1424 году ханъ Кундадатъ вошелъ въ Одоевскую область, простоялъ здѣсь три недѣли и отправился къ Рязани; но здѣсь встрѣченъ былъ русскими войсками и пораженъ²⁾.

Опаснѣе была Литва. Когда еще въ 1386 году Василій Димитріевичъ спасался бѣгствомъ изъ Орды отъ Тохтамыша, то, разувѣтая, не могъ бѣжать прямою дорогою, а направлялъ путь къ западнымъ странамъ, свободнымъ отъ татарскаго вліянія; сначала онъ укрылся въ Молдавію, а оттуда пробрался въ Москву чрезъ литовскія владѣнія; извѣстія разногласятъ насчетъ того, гдѣ именно Василій встрѣтился съ Витовтомъ, ведшимъ тогда борьбу съ Ягайломъ, но согласны въ томъ, что молодой Московскій князь далъ или принужденъ былъ дать Кейтутгову сыну слово жениться на его дочери Софій. Слово было сдержано, какъ только Василій сталъ великимъ княземъ: въ 1390 году трою бояръ великокняжескихъ привезли невѣсту въ Москву изъ-за-моря, отъ Нѣмцевъ, по выраженію лѣ-

²⁾ Витовтъ въ письмѣ къ в. магистру Ордена наз. хана Chudandach. Моск. Арх. Мин. Ин. Д. копия съ Копенгабергскихъ актовъ. Lief. VII, № 147.

¹⁾ Собр. Гос. гр. и дог. II, № 15.

топища, т. е. изъ владѣній Ордена, гдѣ жилъ тогда Витовтъ. Но эта близкая родственная связь не принесла Москвѣ никакой пользы, когда Витовтъ, помирившись съ Ягайломъ, сталъ великимъ княземъ Литовскимъ и началъ стремиться къ увеличенію своихъ владѣній, ибо это увеличеніе единственно могло произойти чрезъ покореніе областей Руси Восточной.

Сначала Орденъ не давалъ Витовту досуга обратить свое вниманіе на востокъ: великій магистръ Конрадъ фонъ-Вингингенъ хотѣлъ воспользоваться борьбою между Ягайломъ и младшимъ братомъ его, Свидригайломъ Олгердовичемъ Витебскимъ (который, по обычаю, отдался подъ покровительство Ордена), и въ 1394 году осадилъ Вильну. Но, несмотря на многочисленныя осаждавшихъ, ихъ искусство, опытность войскъ, превосходную по тому времени артиллерію, осажденные отбивались съ такимъ мужествомъ, что магистръ, потерявъ треть войска, множество лошадей и снарядовъ, принужденъ былъ снять осаду и заключить миръ съ Витовтомъ, чтобы только безпреткновенно выйти изъ Литвы¹⁾. Миръ съ Нѣмцами далъ Витовту возможность обратить вниманіе на востокъ и примыслить важную волость Смоленскую. Въ Смоленскѣ происходила въ это время сильная усобица между княземъ Юріемъ Святославичемъ и братьями его за удѣлы и за то, что ни одинъ братъ не хотѣлъ служить другому. Князь Юрій былъ принужденъ уѣхать изъ Смоленска къ тестю своему, князю Олегу Рязанскому, а Витовтъ слѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, ибо удаленіе Юрія не примирило остальныхъ Святославичей; Литовскій князь распустилъ слухъ, что идетъ на Татаръ, вмѣсто того вдругъ явился подъ Смоленскомъ. Одинъ изъ князей, Глебъ Святославичъ, выѣхалъ къ нему на-встрѣчу съ небольшою дружиной, былъ принятъ съ честью, отпущенъ съ миромъ, причемъ Витовтъ велѣлъ сказать остальнымъ князьямъ: „Что-бъ вамъ вѣзмъ князьямъ-братьямъ выѣхать ко мнѣ съ любовію, но охранной грамотѣ (по опасу) слышалъ я, что между вами нѣтъ единства и вражда:

большая,—такъ если будетъ между вами какой споръ, то вы сошлитесь на меня, какъ на третью, и я васъ разсужу справедливо“. Смоленскіе князья обрадовались, что нашелся безпристрастный третій судья, который разсудитъ ихъ по всей справедливости и раздѣлитъ имъ отчину по жребію; всѣ они собрались и поѣхали къ Витовту съ дарами; но Витовтъ, взявши дары, велѣлъ перехватать всѣхъ князей и отослалъ ихъ въ Литву, потомъ подступилъ къ городу, пожегъ посады, взялъ крѣпость, и посадилъ здѣсь своихъ намѣстниковъ (1395 г.)

Но старшій изъ смоленскихъ князей—Юрій—оставался на свободѣ, въ Рязани, и въ концѣ 1395 года тестя его, Олега, вмѣстѣ съ нимъ и другими князьями опустошилъ литовскія владѣнія; но еще не успѣлъ Олегъ возвратиться въ Рязань, какъ услышалъ, что Витовтъ пустошитъ его собственныя волости. Тогда, оставивъ свою добычу въ надежномъ мѣстѣ, Олегъ ударилъ врасплохъ на Литовцевъ, разбѣявшихся для грабежа, и поразилъ ихъ: Витовтъ испугался и ушелъ домой. Великій князь Московскій во всѣхъ этихъ событіяхъ явно держалъ сторону тестя; въ 1396 году онъ ѣздилъ на свиданіе съ нимъ въ Смоленскъ, праздновалъ здѣсь Пасху, и когда Рязанскій князь снова вошелъ съ полками въ Землю Литовскую и осадилъ Любутскъ, то Василій отправилъ къ нему посла и отгналъ его отъ этого города. Потомъ, когда Витовтъ вошелъ въ рязанскія владѣнія и пролилъ здѣсь кровь какъ воду, по выраженію лѣтописей, и людей побивалъ, сажая ихъ улицами, то изъ Москвы не было ему никакого препятствія,—напротивъ: зять встрѣтилъ его въ Коломнѣ, поднесъ дары и оказалъ большую честь. Мы видѣли, что въ 1397 году оба князя, и Московскій и Литовскій, заодно посылали требовать отъ Новгородцевъ, чтобы тѣ разорвали миръ съ Нѣмцами; но тогда же Московскій князь могъ узнать, какого союзника онъ имѣлъ въ своемъ тестѣ, ибо въ то же время Витовтъ требовалъ отъ Новгородцевъ, чтобы тѣ поддались ему; получивши отказъ, онъ послалъ въ 1399 году въ Новгородъ грамоту разметную (объявленіе войны) и велѣлъ сказать Новгородцамъ: „Вы меня обезчестили; что было вамъ мнѣ поддаться, а мнѣ было взымать княземъ великимъ быть и васъ оборонять; но вы мнѣ не поддались“. Но не одинъ Витовтъ объявлялъ свои притязанія на Новгородъ: еще въ 1389 году пріѣхалъ туда князь Симеонъ-Дугвиній Олгердовичъ, былъ принятъ Новгородцами съ честью, и за эту честь далъ брату своему, королю Ягайлу, слѣдующую записъ: „Такъ какъ господинъ Владиславъ (Ягайло), король Польскій, Литовскій, Русскій и иныхъ земель многихъ государь, поставилъ насъ опекуномъ надъ мужами и людьми Великаго Новгорода, то мы королю и Ядвига королевѣ, вмѣстѣ съ Новгородцами, обѣщались и обѣцаемся, пока держимъ Новгородъ въ нашей опецѣ, быть при королѣ польской и никогда не отступать отъ неа“²⁾.

¹⁾ Кромѣ Нѣмцевъ и Свидригайла, Витовтъ, ставши в. княземъ Литовскимъ, долженъ былъ вести войну съ Дмитріемъ Корбутомъ, княземъ Сѣверскимъ, и Федоромъ Гюриатовичемъ, княземъ Подольскимъ. Во время владычества Юриковича надъ Южною Русью, Подолія была мало заселена. Послѣ Батыя утвердились здѣсь Татары. Олгердъ разбилъ трехъ братьевъ, князей татарскихъ—князя Хочебоя, Кутлубуга и Дмитрія, которые были, по выраженію лѣтописца (Давидов. стр. 49), отчичи и дѣдичи Подольской земли. Олгердъ отдалъ эту землю сновьямъ князя Коріата, которые населили страну и построили въ ней городы. Три старшіе Коріатовича умерли безъ наследниковъ; младшій, Федоръ, остался одинъ господиномъ Подолія и не хотѣлъ признавать власти Витовта; тогда послѣдній выгналъ Федора изъ Подолія и взялъ ее себѣ; потомъ продалъ половину Польшѣ, опять выкупили и держалъ за собой до самой смерти своей, послѣ чего Поляки насильственно отторгнули ее отъ Литвы.—Отъ Александра Коріатовича дошла до насъ грамота, данная имъ Смолитцкому доминиканскому монастырю на мельницу. Здѣсь упоминается о дани Татарамъ; слѣд. Подолія еще не совсѣмъ была освобождена отъ ихъ зависимости. См. Акты, относящ. къ Исторіи Запад. Россіи, т. I, № 4.

²⁾ Акты, относящ. къ Истор. Запад. Россіи, т. I, № 10.

Намѣреніе Витовта овладѣть Новгородомъ обнаруживается и въ договорѣ его съ Орденомъ 1398 года: здѣсь Витовтъ обѣщался Ордену помогать ему въ завосаніи Пскова, за что Орденъ, съ своей стороны, обязался помогать Витовту въ завосаніи Великаго Новгорода. Но война съ послѣднимъ была отложена, потому что Витовтъ обратилъ вниманіе на дѣла ордынскія, вышательство въ которыя обѣщало ему выгоды болѣе важныя. По удаленіи Тамерлана на югъ, Тохтамышъ попытался—было снова утвердиться въ Золотой Ордѣ, но былъ изгнанъ ханомъ Темиръ-Кутлудемъ (Kotlogh-Timur) и отдался въ покровительство Витовту, который обѣщаль ему возвратитъ Киччакъ съ тѣмъ, чтобы Тохтамышъ потомъ помогъ ему овладѣть Москвою. Въ 1399 году Витовтъ собралъ огромное войско: кромѣ Руси, Литвы, Жмуди и Татаръ Тохтамышевыхъ, здѣсь были полки волошскіе, польскіе и пѣмедскіе, ибо и находившіеся тогда въ мирѣ съ Витовтомъ великій магистръ Ордена прислалъ ему отрядъ войска; однихъ князей лѣтописцы насчитываютъ до пятидесяти. Передъ выступленіемъ въ походъ, къ Витовту явились послы отъ Темира-Кутлудя: „Выдай мнѣ бѣглаго Тохтамыша“—велѣлъ сказать ему ханъ; „онъ мой врагъ, но могу оставаться въ покоѣ, зная, что онъ живъ и у тебя живетъ,—потому что измѣнчива жизнь наша: нынче ханъ, а завтра бѣглецъ, нынче богатъ, завтра нищій, нынче много друзей, а завтра все враги. Я боюсь и своихъ, не только-что чужихъ, а ханъ Тохтамышъ чужой мнѣ и врагъ мой, да еще злой врагъ; такъ выдай мнѣ его, а что ни есть около него, то вестебѣ“. Витовтъ велѣлъ отвѣчать на это: „Хана Тохтамыша не выдамъ, а съ ханомъ Темиръ-Кутлудемъ хочу видѣться самъ“. На берегахъ Ворсклы произошло это свиданіе, въ полѣ чистомъ, въ Землѣ Татарской. Но передъ битвою начались опять переговоры; Темиръ-Кутлудя послалъ сказать Витовту: „Зачѣмъ ты на меня пошелъ? я твоей земли не бралъ, ни городовъ, ни селъ твоихъ“. Витовтъ велѣлъ отвѣчать: „Богъ покорилъ мнѣ все земли, покоришь ты мнѣ, будь мнѣ сыномъ, а я тебѣ буду отцомъ, и дай мнѣ всякій годъ дани и оброки; если же не хочешь быть сыномъ, такъ будешь рабомъ, и вся Орда твоя будетъ предана мечу“. Испуганный ханъ соглашался на все требованія Витовта, который, видя такую уступчивость, началъ требовать, чтобы на деньгахъ ордынскихъ чеканилось клеймо Литовскаго князя; ханъ просилъ три дня срока подумать. Но въ это время пришелъ къ нему Эдигей; старикъ, узнавши объ условіяхъ, сказалъ хану: „Лучше намъ умереть, чѣмъ согласиться на нихъ“,—и послалъ къ Витовту требовать личныхъ переговоровъ; Литовскій князь выѣхалъ на берегъ Ворсклы, и Эдигей сталъ ему говорить съ другаго берега: „По праву взявъ ты нашего хана въ сыновья, потому что ты старъ, а онъ молодой; но я старіе еще тебя, такъ слѣдуетъ тебѣ быть моимъ сыномъ, дани давать каждый годъ, клеймо мое чеканить на литовскихъ деньгахъ“. Витовтъ разсвирѣпѣлъ и велѣлъ неме-

ленно полкамъ своимъ сходитьсь на битву. Сначала полки Витовтовы схватились съ полками Эдигеевыми; съ обѣихъ сторонъ стрѣляли изъ самострѣловъ и пищалей; но пушки и пищали плохо дѣйствовали въ чистомъ полѣ. Несмотря на то, Витовтова рать крѣпко боролась, падали стрѣлы какъ дождь, и стали полки Витовтовы перемогать князя Эдигея. Но въ это время обошли кругомъ полки Темиръ-Кутлудеи, вступили въ битву и одолѣли силу литовскую. Тохтамышъ первый обратился въ бѣгство, и въ этомъ бѣгствѣ много народа побралъ и много Литовской Земли пограбилъ. Побѣдители взяли весь обозъ Витовта, который едва успѣлъ убѣжать съ небольшою дружиной; Татары гнались за нимъ пять-сотъ верстъ до самаго Кіева; ставши подъ этимаъ городомъ, Темиръ-Кутлудя распустилъ свою силу воевать Литовскую Землю, и ходила татарская рать до самаго Луцка, опустошивъ все на своемъ пути. Кіевъ откупился тремя тысячами рублей, причѣмъ Печерскій монастырь заплатилъ отъ себя 30 рублей, и ханъ ушелъ въ степи, оставивъ Литовскую Землю въ плачъ и скудость; лѣтописецъ насчитываетъ между убитыми сличкомъ 20 князей¹⁾.

Битва Куликівская возвѣстила паденіе Татарскаго владычества въ Восточной Европѣ; Мамай пришелъ на Донъ съ цѣлю напомнить Руси Ватюга, возстановитъ порядокъ вещей, утвердившіеся послѣ сраженія при Сити; Мамай былъ побѣжденъ, и битва при Ворсклѣ показала ясно слѣдствія этой побѣды: Темиръ-Кутлудя пришелъ не нападать, но защищаться отъ замысловъ одного изъ государей Восточной Европы; унижительныя условія, которыя онъ соглашался принять, показываютъ всего лучше переѣму отношеній. Татары побѣдили; но какія же были слѣдствія этой побѣды?—опустошеніе нѣкоторой части литовскихъ владѣній,—и только! Темиръ-Кутлудя долженъ былъ удовлетвориться тѣмъ, что освободился отъ страха предъ Тохтамышемъ. Важность битвы при Ворсклѣ для судьбы Восточной Европы не подлежитъ сомнѣнію; конечно, нельзя нисколько утверждать, что торжество Витовта и Тохтамыша надъ Темиръ-Кутлудемъ имѣло бы необходимымъ слѣдствіемъ подчиненіе Москвы и остальныхъ княжествъ Восточной Руси Витовту; но нельзя также не признать, что опасность Москвѣ отъ этого торжества грозилъ большая.

Витовтъ пріутихъ и заключилъ съ Новгородцами миръ по старинѣ, въ 1400 году. Въ то же время и Смоленяне, которымъ тяжело было господство литовское, завели сношенія съ роднымъ княземъ своимъ, Юріемъ Святославичемъ, жившимъ по-прежнему у тещы въ Рязани. Юрій пришелъ къ Олегу и сталъ говорить ему съ слезами: „Пришли ко мнѣ послы изъ Смоленска отъ доброхотовъ моихъ; говорятъ, что многіе хотятъ меня видѣть на отчизнѣ и дѣдичнѣ

¹⁾ Этихъ 20 сличкомъ князей лѣтописецъ высчитываетъ по именамъ, а потомъ говоритъ, что всѣхъ князей было 74; но откуда же взялось 74, когда всѣхъ князей было 50? Касательно окупа съ Кіева въ одиѣхъ лѣтописяхъ шаходимъ 3,000, въ другякъ—только 500 рублей.

моей; сотвори, господи, Христову любовь, помоги, посади меня на отчичъ и дѣдинъ моей, на великомъ княженіи Смоленскомъ". — И вотъ въ 1401 году Олегъ, вмѣстѣ съ Юріемъ, князьями Пронскимъ, Муромскимъ и Козельскимъ, отправился къ Смоленску; время онъ уличилъ удобное, говоритъ лѣтописецъ, потому что Витовтъ оскудѣлъ тогда до конца людьми послѣ побѣды при Ворсклѣ, и въ Смоленскѣ была крамола: одни хотѣли здѣсь Витовта, а другіе многіе—своего отчича, стариннаго князя Юрія. Пришедши подъ Смоленскъ, Олегъ велѣлъ повѣстить его жителей: „Если не отворите города и не примете господина вашего князя Юрія, то буду стоять здѣсь долго и предамъ васъ мечу и огню; выбирайте между животою и смертію“. Смольняне сдались, и многіе изъ нихъ были рады князю своему Юрію, но другіе ненавидѣли его. Вошедши въ городъ, Юрій началъ тѣмъ, что убилъ Витовтова намѣстника, князя Романа Михайловича Брянскаго, съ его боярами, а потомъ перебилъ и смоленскихъ бояръ, преданныхъ Витовту. Олегъ, возвративши зятю его отчину, не былъ этимъ доволенъ, но вошелъ со всѣмъ войскомъ въ Литовскія владѣнія и возвратился оттуда съ большою добычею.

Въ августѣ мѣсяцъ утвердился въ Смоленскѣ Юрій, а осенью того же года Витовтъ уже стоялъ съ полками подъ этимъ городомъ, гдѣ поднялась сторона, ему преданная: по противники Литвы оспаривали, перебили много ея приверженцевъ, и Витовтъ, простоявши четыре недѣли понапрасну, заключилъ перемиріе и отступилъ отъ Смоленска. Слѣдующій 1402 годъ былъ счастливымъ для Витовта: сынъ Рязанскаго князя, Родославъ Ольговичъ, пошелъ на Брянскъ, но у Любутска встрѣтили его двое князей Гедиминовичей — Симеонъ-Лугвѣній Олгердовичъ и Александръ Патрикѣевичъ Стародубскій, разбили его и взяли въ плѣнъ; три года просидѣлъ онъ въ тяжкомъ заключеніи у Витовта, наконецъ отпущенъ въ Рязань за 3,000 рублей. Въ 1403 году побѣдитель Родослава, Лугвѣній, взялъ Вязму; а въ 1404 самъ Витовтъ опять осадилъ Смоленскъ, и опять неудачно: три мѣсяца стоялъ онъ подъ городомъ, много трудился и билъ пушками, но взять не могъ и, опустошивъ окрестности, ушелъ въ Литву. Смоленскій князь Юрій видѣлъ однако, что одинъ онъ не въ состояніи противиться Витовту, который показывалъ ясно намѣреніе овладѣть во что бы ни стало Смоленскомъ, внутри котораго была у него сильная сторона; Олегъ Рязанскій умеръ (1402 г.), слѣдовательно отсюда нечего было ожидать помощи. Оставался только одинъ русскій князь, могшій поспорить съ Витовтомъ: то былъ князь Московскій; но послѣдній, зять Витовта, до сихъ поръ былъ съ нимъ въ постоянномъ союзѣ; трудно было надѣяться и отсюда помощи безкорыстной. Юрій видѣлъ, что изъ двухъ подданствъ надобно выбрать менѣе тяжкое, и потому, взявши опасную грамоту, пріѣхалъ въ Москву и сталъ умолять Василія Димитріевича о помощи: „Тебѣ все возможно, говорилъ онъ, потому что онъ

тебѣ тещъ, и дружба между вами большая; помри и меня съ нимъ, чтобъ не обижалъ меня. Если же онъ ни слезъ монахъ, ни твоего дружескаго совѣта не послушаетъ, то помоги мнѣ, бѣдному, не отдавай меня на съѣденіе Витовту; если же и этого не хочешь, то возьми городъ мой за себя; владѣй лучше ты имъ, а не поганая Литва“. Василій обѣщался помочь ему, но медлил; въ нѣкоторыхъ источникахъ эта медленность объясняется доброжелательствомъ Московскаго князя къ тестю ¹⁾, хотя она можетъ естественно объясняться и безъ этого. Какъ бы то ни было, въ то время, когда медлили въ Москвѣ,—въ Смоленскѣ и Литвѣ не теряли времени: бояре смоленскіе, доброжелательствовавшіе Витовту, послали сказать ему, чтобъ шелъ какъ можно скорѣе къ ихъ городу, прежде чѣмъ придетъ Юрій съ помощію московскою. Витовтъ явился,—и бояре сдали ему городъ, вмѣстѣ съ женою Юрьевой, дочерью Олега Рязанскаго. Витовтъ отослалъ княгиню въ Литву вмѣстѣ съ нѣкоторыми боярами, другихъ бояръ, самыхъ сильныхъ себѣ противниковъ, казнилъ смертію, посадилъ въ городѣ своихъ намѣстниковъ, а жителей далъ большія льготы, отводя ихъ тѣмъ отъ князя Юрія, чтобъ Земля Смоленская не хотѣла послѣдняго и не любила. Въ Москвѣ сильно разсердились плъ, по крайней мѣрѣ, показали видъ, что разсердились, когда узнали о сдачѣ Смоленска; желая, какъ видно, сложить всю вину на самого Юрія и поскорѣе освободиться отъ него, Василій сказалъ ему: „Пріѣхалъ ты сюда съ обманомъ, приказавши Смольнянамъ сдаться Витовту“ ²⁾, — и Юрій, видя гнѣвъ Московскаго князя, уѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ жители приняли его и дали тринадцать ³⁾ городовъ; Юрій и Новгородцы цѣловали другъ другу крестъ—не разлучаться ни въ жизни, ни въ смерти; если пойдутъ какіе иноплеменики на Новгородъ ратью, то обороняться съ отъ нихъ князю Юрію съ Новгородцами заодно. Такъ пало знаменитое княжество Ростиславичей, отчина Мстислава.

Новгородцы, заключая договоръ съ княземъ Юріемъ противъ иноплемениковъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, имѣли въ виду самаго опаснаго изъ этихъ иноплемениковъ, князя Литовскаго. И дѣйствительно, въ слѣдующемъ же 1405 году, Витовтъ, пославши объявленіе войны въ Новгородъ, самъ вышелъ съ войскомъ въ Исковскую волость, тогда какъ псковскій посолъ жилъ еще въ Литвѣ, и Псковичи, ничего не зная, не могли приготовиться. Витовтъ взялъ городъ Коложе и вывелъ 11,000 плѣнныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, не считая уже убитыхъ; потомъ стоялъ два дня подъ другимъ городомъ, Вороначемъ, гдѣ Литовцы на-

¹⁾ Супрасельская рукопись, стр. 136: «князь же Василій обѣща ему дати сплю свою и удержа его на тые ерски, а порова тети своему Витовту».

²⁾ Лѣтоп. соерж. Русск. ист. отъ 852 — 1598 г., стр. 123, 124.

³⁾ Русу, Ладого, Орѣховъ, Тиверскій, Корѣльскій, Копорью, Торжокъ, Волокъ Ламскій, Порховъ, Вышгородъ, Высокое, Кожкиня, Городецъ. И. С. Р. Л. IV, 107.

кидали двѣ лодки мертвыхъ дѣтей. Такой гадости, говоритъ лѣтописецъ, не бывало съ тѣхъ поръ, какъ Псковъ сталъ. Между тѣмъ Псковичи послали въ Новгородъ просить помощи, и Новгородцы прислали къ нимъ полки съ тремя воеводами; но Витовтъ уже вышелъ изъ русскихъ предѣловъ. Псковичи вздумали отомстить ему походомъ въ его владѣнія и звали съ собою Новгородцевъ: „Пойдемте, господа, съ нами на Литву мстить за кровь христіанскую“; но воеводы новгородскіе побоялись затрогивать страшнаго Литовскаго князя и отвѣчали Псковичамъ: „Нашъ владыка не благословилъ идти на Литву, и Новгородъ намъ не указалъ, а идемъ съ вами на Пѣлицевъ“. Псковичи разсердились, отправили Новгородцевъ домой, а сами выступили въ походъ, повоевали Ржеву, въ Великія Луки⁴⁾ взяли стягъ Коложскій, бывшій въ плѣну у Литвы, и возвратились съ добычею⁴⁾. Мало этого: въ 1406 году Псковичи подняли всю свою область и пошли къ Полодку, подъ которымъ стояли трое сутокъ.

Но ни Псковичи, ни Новгородцы не надѣялись одѣлать собственными силами управиться съ Витовтомъ, и потому послали просить защиты у Московскаго князя. Мы не знаемъ, какіе были разговоры у Василія Димитріевича съ Витовтомъ относительно Смоленска, уже прежде принадлежавшаго Литовскому князю; нѣтъ ничего страннаго, что Москва дѣйствовала непринимательно въ смоленскомъ дѣлѣ. Но нападеніе на Псковскія волости показывало ясно, что Витовтъ, ободренный вторичнымъ взятіемъ Смоленска, не хочетъ удовольствоваться этимъ однимъ примысломъ, и Московскій князь не хотѣлъ ему уступать Пскова и Новгорода; Василій разорвалъ миръ съ тестемъ за псковскую обиду, отправилъ брата Петра въ Новгородъ; потомъ, сложивши вмѣстѣ съ Тверскимъ княземъ, крестное цѣлованіе къ Витовту, собралъ полки и послалъ ихъ въ Литовскую Землю: они приступали къ Вязьмѣ, Серпейску²⁾ и Козельску, но безуспѣшно. Витовтъ за это велѣлъ перебить всѣхъ Москвичей, находившихся въ его владѣніяхъ. Но здѣсь уже отозвался разрывъ съ Московскимъ княземъ: до сихъ поръ тѣ изъ южныхъ Русинновъ и Литвинновъ, которые были недовольны новымъ порядкомъ вещей, начавшимъ утверждаться со времени соединенія

Литвы съ Польшею, должны были сдерживать свое неудовольствіе, ибо гдѣ было искать помощи, кромѣ шовѣрнаго Ордена, — сильный единовѣрный Московскій князь находился постоянно въ союзѣ съ Витовтомъ. Но когда этотъ союзъ перемѣнился на вражду, то недовольнымъ литовскимъ открылось убѣжище въ Москвѣ; первый пріѣхалъ изъ Литвы на службу къ великому князю Московскому князь Александръ Нелюбъ, сынъ князя Ивана Ольгимаговича, и съ нимъ много Литвы и Поляковъ; Василій Димитріевичъ принялъ его съ любовію и далъ ему въ кормленіе Переяславль. Съ обѣихъ сторонъ, и въ Москвѣ, и въ Литвѣ, собирали большое войско, и осенью 1406 года Московскій князь выступилъ въ походъ и остановился на рѣкѣ Плавѣ, близъ Кропивны, куда пришли къ нему на помощь полки тверскіе съ четырьмя князьями и татарскіе отъ хана Шадилбека. Литовскій князь также вышелъ навстрѣчу къ зятю съ сильнымъ войскомъ, Поляками и Жмудью; но, по обычаю, битвы между ними не было: князья начали пересылаться, заключили перемиріе до слѣдующаго года, и разошлись, причемъ Татары, уходя, пограбили русскія области.

Въ 1407 году Литовцы начали непріятельскія дѣйствія, взявши Одоевъ. Московскій князь пошелъ опять съ большимъ войскомъ на Литовскую Землю, взялъ и сжегъ городъ Дмитровецъ³⁾; но, встрѣтившись съ тестемъ у Вязьмы, опять заключилъ перемиріе, и оба князя разошлись по домамъ. Въ слѣдующемъ году отбѣжалъ изъ Литвы въ Москву родной братъ короля Ягайла, Сѣверскій князь Свидригайло Олгердовичъ, постоянный соперникъ Витовта, и соперникъ опасный, потому что пользовался привязанностью православнаго народонаселенія въ Южной Руси. Свидригайло пріѣхалъ не одинъ: съ нимъ пріѣхалъ владыка Черниговскій, шесть князей Юго-Западной Руси и множество бояръ черниговскихъ и сѣверскихъ. Московскій князь не зналъ, чѣмъ пзъявить свое радушіе знаменитому выходцу; онъ далъ Свидригайлу въ кормленіе городъ Владиміръ, со всѣми волостями и пошлинами, селами и хлѣбами земляными и стоячими, также Переяславль (взятыи, слѣдовательно, у князя Нелюба), Юрьевъ-Польскій, Волокъ-Дамскій, Ржевъ и половину Коломны. Въ іюлѣ пріѣхалъ Свидригайло, въ сентябрѣ Василій съ полками своими и татарскими уже стоялъ на границахъ, на берегу Угры, а на другомъ берегу этой рѣки стоялъ Витовтъ съ Литвою, Поляками, Пѣльцами и Жмудью. Но и тутъ битвы не было: постоявши много дней другъ противъ друга, князья заключили миръ и разошлись.

Витовтъ былъ сдержанъ: послѣ мира на Угрѣ, во все остальное время княжениа Василіева, онъ не обнаруживалъ больше непріятельскихъ замысловъ ни противъ Москвы, ни противъ Новгорода и Пскова. Во время войны между князьями Московскимъ и Ли-

⁴⁾ Съ перваго раза кажется, что Псковичи повоевали волости литовскія, и слѣд. Ржева (село Подрижевка, къ югу отъ города Новоржева, Псковской губерніи, см. Сѣвер. Арх. 1822, № 23) и Великія Луки принадлежали уже Витовту. Но въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано слѣдующее: «Псковичи же отсѣлали ихъ (лодки новгородскіе) къ Новгороду, а сами ѣхавше на крестномъ цѣлованіи поवेशа села повогородская, Луки и Ржеву» (П. С. Р. Л. V, стр. 254). Псковичи дѣйствительно воевали и литовскія и новгородскія волости вмѣстѣ, ибо Ржева съ Великими Луками принадлежали прежде Новгороду и Смоленску, какъ принадлежали прежде Новгороду и смоленскимъ князьямъ пошоламъ; когда же Витовтъ овладѣлъ Смоленскомъ, то съ этимъ приобрѣлъ право и на всю Смоленскую волость.

²⁾ Серпейскъ, вѣстатный городъ Калужской губерніи, Мещовскаго уѣзда.

³⁾ Плана выдаетъ въ Уду близъ Крапивны, Тульской губерніи; Дмитровецъ теперь деревня въ Калужской губерніи, на рѣкѣ Протвѣ.

товскимъ Новгородцамъ, по обычаю, не хотѣли быть ни за того, ни за другого: не отступали отъ Москвы и между тѣмъ держали у себя на пригородахъ князя Семена-Лугвенія Олгердовича, присяжника Ягайлона. Напрасно послѣ того Ягайло и Витовтъ уговаривали Новгородцевъ заключить тѣсный союзъ съ Польшею и Литвою и воевать вмѣстѣ съ Нѣмцами, — тѣ не соглашались, причемъ высказалась уже главная причина, которая будетъ постоянно препятствовать тѣсному союзу Новгорода съ Гедимновичами: *послѣдніе* были уже латины, поганые. Въ 1411 году Симеонъ-Лугвеній, видя, что мало пользы служить на пригородахъ новгородскихъ, уѣхалъ въ Литву, свелъ и намѣстниковъ своихъ, и, въ началѣ слѣдующаго года, Ягайло, Витовтъ и Лугвеній разорвали всякій союзъ съ Новгородцами, прислали имъ взятныя грамоты и велѣли сказать: „Что было вамъ взятъяся служить намъ, разорвать миръ съ Нѣмцами, съ нами стать заодно и закрѣпиться на обѣ стороны въ запасъ; пригодился бы этотъ союзъ — хорошо, а не пригодился, — такъ ничего бы дурного не было; мы къ вамъ посылали бояръ своихъ Немира и Зиновья Братошича спросить васъ, стонте ли въ прежнемъ договорѣ? и вы отвѣчали Немиру: „Не можете Новгородъ исполнить королевскаго требованія, — какъ онъ съ Литовскимъ княземъ миренъ, такъ и съ Нѣмцами миренъ.“ — Мы князя Лугвенія вывели отъ васъ къ себѣ, съ Нѣмцами заключили миръ вѣчный, и съ Венграми, и со всѣми нашими сосѣдями (граничниками), а вы слово свое забыли, да еще ваши люди насъ брали и безчестили, погаными звали; кромѣ того, вы приняли нашего врага, сына Смоленскаго князя“. Лугвеній велѣлъ прибавить: „Держали вы меня у себя хлѣбкормленіемъ, а теперь старшимъ моимъ братьямъ, королю и Витовту, это не любю, и мнѣ не любю, потому что и съ ними одинъ человекъ, — п съ меня крестное цѣлованіе долой“. Войны однако у Новгорода съ Литвою не было: въ 1414 году новгородскіе послы ѣздили въ Литву и заключили съ Витовтомъ миръ по старинѣ; Псковичи же заключили миръ съ Литовскимъ княземъ еще въ 1409 году, по старинѣ, на псковской волѣ, по докопчанію великаго князя Василія Димитріевича: слѣдовательно при заключеніи мира на Угрѣ Московскій князь выговорилъ у Витовта и миръ со Псковомъ. Но въ 1418 году Витовтъ писалъ къ великому магистру Нѣмецкаго Ордена, поднимая его противъ Псковичей; магистръ отговаривался тѣмъ, что у Ордена съ Псковомъ заключенъ десятилѣтній миръ; Витовтъ возражалъ, что Орденъ учрежденъ для постоянной борьбы съ невѣрными и слѣдовательно долженъ помогать ему, Витовту, какъ единовѣрному государю противъ невѣрныхъ Псковичей; представлялъ въ примѣръ собственное поведеніе: въ прошломъ году Московскій великій князь присылалъ звать его на Нѣмцевъ, но онъ не согласился ¹⁾. Неизвѣстно, потому ли

Витовтъ хотѣлъ подпять Орденъ на Псковичей, что самъ не могъ напасть на нихъ безъ нарушенія договора съ Московю; извѣстно только то, что войны со Псковомъ не было.

Витовтъ былъ сдержанъ; но на сѣверо-востокѣ не умѣли понять необходимости войны съ Литовскимъ княземъ; видѣли вооруженія сильныя, но съ перваго взгляда безполезныя; видѣли странную борьбу, кончившуюся, какъ будто, ничѣмъ: сильно досадовали, что племенику Свидригайлу дано такъ много богатыхъ волостей; всего больше боились и ненавидѣли Татаръ; отъ нихъ опасались вредныхъ замысловъ, и вотъ — дѣйствительно Эдигей странно опустошилъ Московскія владѣнія. Эдигей, по мнѣнію лѣтописца, ссорилъ тестя съ зятемъ, чтобы они тратили свои силы въ борьбѣ и тѣмъ легче стали бы добычею Татаръ; Эдигей посылалъ въ Москву къ великому князю Василію, побуждая его на Витовта, давая ему помощь свою, а князя и бояре и всѣ думцы великокняжескіе и вся Москва радовалась Эдигеевой любви къ Василію Димитріевичу, и говорили: „Вся Орда въ волѣ великаго князя, кого хочеть воюеть“. Вотъ и начали воевать Литву, воя съ собою рать татарскую, а Литва воевала Москвичей; крови лилось много. Татары обогащались добычею, а московскіе бояре, воеводы и великожи веселились. Но старикамъ старымъ это не нравилось: „Не добра дума бояръ нашихъ, говорили они, что приводятъ на помощь къ себѣ Татаръ, ланимають ихъ серебромъ и золотомъ; не отъ того ли и въ старину Кіеву и Чернигову приключились большія напасти и бѣды? и тамъ братья воевали другъ съ другомъ, поднимая Половцевъ на помощь; а Половцы, разсмотрѣвши весь нарядъ и всю крѣпость князей нашихъ, потомъ ихъ всѣхъ одолѣвали. Что, если и теперь то же случится? Князь великій Василій Димитріевичъ воевалъ съ тестемъ своимъ, великимъ княземъ Витовтомъ Кейсугтьевичемъ, утомился и заключилъ перемиріе, а вражда между ними умножалась, и оба понесли много убытковъ и томленія. Не было въ то время на Москвѣ бояръ старыхъ, но молодые обо всемъ совѣтовали, радуясь войнѣ и кровопролитію, а между тѣмъ Эдигей безпрестанно ссорилъ князей, разсматривая весь русскій нарядъ и все войско, дожидаяся удобнаго времени, когда бы напасть на Русь. Въ это время прислалъ къ Москву къ великому князю Свидригайло Олгердовичъ, желая съ нимъ вмѣстѣ воевать Литву. Свидригайло былъ вѣроу Ляхъ, но устроенъ къ брани, мужъ храбрый и крѣпкій на ополченіе; обрадовался ему князь великій со всѣми боярами своими, дали ему городовъ много, чуть-чуть не половину всего княженія Московскаго, и даже славный городъ Владиміръ, гдѣ соборная златоверхая церковь Пречистой Богородицы; и это все Ляху-принцелю дано было; отъ того и многія бѣды постигли насъ: хра-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Ин. Д., коніи съ Кенигсберга. актовъ, Liefer. VI, № 144. За возможность пользоваться

этимъ любопытными актами изъясняю глубочайшую благодарность князю Михаилу Андреевичу Оболенскому.

брый князь Свидригайло Олгердовичъ и храброе его воинство смуглились и испугались, какъ дѣти малыя, во время Эдигеева нашествія, и обратились въ бѣгство⁴.

Такъ разсуждаетъ лѣтописецъ. Свидригайло дѣйствительно не оправдалъ надеждъ великаго князя, хотя, быть можетъ, союзъ этого Олгердовича съ Московскимъ княземъ и заставилъ Витовта ускорить заключеніемъ мира съ послѣднимъ. Свидригайло не могъ быть доволенъ такимъ окончаніемъ войны, которое несколько не измѣняло его положенія къ лучшему относительно Литвы: ему не удалось свергнуть Витовта съ московскою помощію. Вотъ почему онъ вошелъ въ тѣсную дружбу съ братомъ великаго князя, Юріемъ, который уже тогда былъ въ размовкѣ съ Василіемъ, не желая уступать старшинства племяннику; этимъ объясняется поступокъ Свидригайла, который во время Эдигеева нашествія не оказалъ великому князю никакой помощи, и скоро отъѣхалъ назадъ на Литву (1409 г.), обнаруживъ свою вражду къ Москвѣ тѣмъ, что на дорогѣ ограбилъ Серпуховъ⁵.

Неизвѣстно, чего надѣялся Свидригайло въ Литвѣ; извѣстно только то, что по прїѣздѣ своемъ сюда онъ былъ схваченъ въ Кременцѣ, заключенъ въ темницу Ягайло и Витовтомъ, и пробылъ въ цѣпяхъ около девяти лѣтъ: только въ 1418 году онъ былъ освобожденъ Острожскимъ княземъ и уѣзжалъ въ Венгрію. Но заключеніе Свидригайла не могло положить конца волненіямъ въ Литвѣ и Руси, ибо эти волненія зависѣли не отъ личности одного человѣка, но отъ взаимныхъ отношеній двухъ или трехъ народовъ, приведенныхъ въ неожиданную связь одними случайнымъ обстоятельствомъ. Слѣдя за отношеніями Московскаго князя къ Литовскому, мы видѣли обширные честолюбивые замыслы послѣдняго: примысливъ важную волость Смоленскую, Витовтъ хотѣлъ сдѣлать тоже съ Новгородомъ и Нековомъ, хотѣлъ посадить своего хана въ Кипчакъ и съ его помощію подчинить себѣ Москву; но этотъ могущественный и честолюбивый князь былъ ни иное что, какъ вассалъ двоюроднаго брата своего, короля Польскаго; могъ ли Витовтъ терпѣливо сносить такое положеніе, могли ли терпѣливо сносить его Литва и Русь? Въ 1398 г., королева Ядвига прислала къ Витовту письмо, въ которомъ говорилось, что Ягайло отдалъ ей княжества Литовское и Русское въ вѣно, влѣдствие чего она имѣетъ право на ежегодную дань съ нихъ. Витовтъ собралъ сеймъ въ Вильнѣ и предложилъ боярамъ литовскимъ и русскимъ вопросъ: «Считаютъ ли они себя подданными короны польской въ такой степени, что обязаны платить дань коро-

левъ?» Всѣ единогласно отвѣчали: «Мы не поддаемъ Польши ни подъ какимъ видомъ; мы всегда были вольны, наши предки любили Полякамъ дань не платили, не будемъ и мы платить, останемся при нашей прежней вольности». Послѣ этого Поляки больше уже не толковали о данн. Но Витовтъ и бояре его не могли забыть этой попытки со стороны Польши, и должны были подумать о томъ, какъ бы высвободиться и изъ-подъ номинальнаго подчиненія. Однажды на обѣдѣ, даиномъ по случаю заключенія мира съ Орденомъ, бояре провозгласили тѣсть за Витовта, короля Литовскаго и Русскаго, и просили его, чтобъ онъ позволилъ всегда дань велчать себя. Витовтъ на этотъ разъ притворился скромникомъ и отвѣчалъ, что не смѣетъ еще почитать себя достойнымъ такого высокаго титула. Королемъ Литовскимъ и Русскимъ могли провозгласить его вельможи, потому что еще въ 1396 году древняя собственная Русь, или Киевская область, лишилась своего великаго князя, Скиргайла-Ивана, и соединилась опять съ Литвою. Но если князь Литовско-Русскій съ своими боярами хотѣлъ независимости отъ Польши, то вельможи польскіе старались всѣми силами соединить неразрывно Литву и Русь съ своимъ государствомъ: въ 1401 году, на Виленскомъ сеймѣ, въ присутствіи Ягайла и Витовта, было опредѣлено, что по смерти Витовта Литва и Русь возвращаются снова подъ власть Ягайла; по смерти же королевской ни Литва безъ Польши не выбираетъ великаго князя, ни Польша безъ Литвы не выбираетъ короля; оба народа имѣютъ общихъ враговъ и друзей. Ходили слухи еще объ одномъ пунктѣ договора, а именно, что по смерти Ягайла престолъ польскій переходитъ къ Витовту. Въ 1413 году связь съ Польнею была еще болѣе скрѣплена на сеймѣ Городельскомъ: дворянство литовское сравнено въ правахъ съ дворянствомъ польскимъ, за исключеніемъ однако православныхъ²).

²) Шла молва, будто Свидригайло былъ отравленъ, и подозревали въ преступленіи Оуму, митрополитскаго наместника, послѣ обѣда у котораго великій князь заболѣлъ и на седьмой день умеръ. Витовтъ, узнавъ о смерти Свидригайла, прислалъ въ Киевъ князя Ивана Ольгиматовича Ольшанскаго, въ качествѣ своего наместника. Этотъ князь палъ въ битвѣ при Ворекѣ. Преемникомъ его былъ, какъ видно, сынъ преемника князя Владиміра Олгердовича, Александръ, или Олександръ Владиміровичъ; отъ него имѣемъ мы двѣ грамоты: одну, данную въ 1411 году Киево-успенскому монастырю — въ ней Александръ подтверждаетъ пожалованіе отца своего (описаніе Киево-Софійскаго Собора, стр. 99); другая дана имъ, вмѣстѣ съ женою, Лаврешевскому монастырю на десятину (Акты, относящ. къ Истор. Запад. Россіи, т. I, № 28); въ этой грамотѣ говорится: «Се язь князь Олександръ Володиміровичъ, и съ своею княгинею Московскою и своими дѣтми, да въ еомъ десятину св. Богородицѣ и проч.». Эта княгиня Московка была Анастасія, дочь Московскаго в. князя Василія Дмитріевича. Преемникомъ Александра въ Киевѣ былъ сынъ его Семень. Кромѣ преемства князей, лѣтописи упоминаютъ еще объ опустошеніи Киева и всей Русской Земли Татарамъ подъ предводительствомъ Эдигея въ 1416 году (Густин. лѣтоп. стр. 354) — Постановленіе сеймовъ Виленскаго и Городельскаго см. въ Zbiór praw Litewskich — Działynskiego, стр. 3, 7, 20.

⁴) Никон. V, 109. Касательно другого выходца, Нелюба, въ Кенигсберг. тайномъ архивѣ находится дошедшее в. магистру Ордена о томъ, что Витовтъ помирился съ Свидригайломъ, намѣренъ помириться и съ Московскимъ княземъ, если тотъ выдастъ ему князя Александра Ивановича и Юрія Смоленскаго. — Москов. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, копінъ съ актовъ Кенигсберг. архива. Lieferung II, № 26.

Последній пунктъ показывалъ ясно, какъ мало прочности было для будущаго въ этой связи Литвы съ Польшею; но пока она еще не рушилась, и первымъ важнымъ слѣдствіемъ ея для Восточной Европы было сокрушеніе Нѣмецкаго Ордена. Въ концѣ XIV вѣка Витовтъ, чтобы заняться дѣлами на востоцѣ, хотѣлъ жить въ мирѣ съ Нѣмцами, и даже отдалъ имъ на жертву Жмудь, упорно державшуюся язычества. Въ 1399 году, пользуясь прибытіемъ заграничныхъ крестоносцевъ, въ томъ числѣ Карла, герцога Лотарингскаго, великій магистръ выступилъ на Жмудь, жители которой одни не могли сопротивляться Нѣмцамъ и принуждены были принять подданство и крещеніе; нѣкоторые изъ нихъ, однако, по примѣру старыхъ Пруссовъ, убѣжали въ Литву. Когда Орденъ неотступно требовалъ ихъ выдачи у Витовта, то послѣдній отвѣчалъ: „Вы, вѣрно, хотите, чтобы я всѣмъ Жмудинамъ заразъ велѣлъ возвратиться въ ихъ землю? Хорошо; но знайте, что эти люди самые горячіе приверженцы независимости, которую вы отняли у ихъ земляковъ; никто лучше ихъ не защититъ ея“. Угроза Витовта скоро исполнилась: возстаніе вспыхнуло во всей Жмуди, толпы вышли изъ лѣсовъ и ударили на повоностроенныя замки орденскіе, сожгли ихъ, изрубили гарнизоны, начальниковъ, рыцарей, духовныхъ побрали въ неволю, послѣ чего отправлены были послы къ Витовту съ просьбою, чтобы онъ взялъ Жмудь подъ свою власть. Витовтъ согласился; Жмудины разослали всюду грамоты съ жалобою на Орденъ: „Выслушайте насъ, угнетенныхъ, измученныхъ, выслушайте насъ, князя духовные свѣтскіе! Орденъ не ищетъ душъ нашихъ для Бога, онъ ищетъ земель нашихъ для себя: онъ насъ довелъ дотого, что мы должны или ходить по-міру, или разбойничать, чтобы было чѣмъ жить. Какъ они послѣ того смѣютъ называть себя братьями, какъ смѣютъ крестить? Кто хочетъ другихъ умывать, долженъ быть самъ чистъ. Правда, что Пруссы покрещены; но они такъ-же ничего не смыслятъ въ вѣрѣ, какъ и прежде: когда войдутъ съ рыцарями въ чужую землю, то поступаютъ хуже Турокъ, и чѣмъ злѣе свирѣпствуютъ, тѣмъ больше похвалъ получаютъ отъ Ордена. Всѣ плоды земли нашей и ульи пчелиныя рыцари у насъ забрали; не даютъ намъ ни звѣря бить, ни рыбы ловить, ни торговать съ сосѣдями; что годъ, увозили дѣтей нашихъ къ себѣ въ заложники; старшинъ нашихъ завезли въ Пруссію, другихъ со всѣмъ родомъ огнемъ сожгли; сестеръ и дочерей нашихъ силой увлекли, — а еще крестъ святой на платья носить! Сжалитесь надъ нами! Мы просимъ крещенія: но вспомните, что мы люди же, сотворенные по образу и подобию Божію, а не звѣри какіе.... Отъ всей души хотимъ быть христіанами, но хотимъ креститься водою, а не кровію“.

Началась война. Рыцари, пользуясь отсутствіемъ Витовта къ брату въ Краковъ, опустошили окрестности Гродно, за что Жмудь взяла Мемель: два раза потомъ сильное орденское войско опустошало

Литву: Витовтъ отплатилъ рыцарямъ опустошеніемъ Пруссіи: съ обѣихъ сторонъ впрочемъ не сдѣлано ничего важнаго, и заключили перемиріе, а въ 1404 году—вѣчный миръ. Витовтъ принужденъ былъ спѣшить заключеніемъ мира съ Орденомъ, потому что долженъ былъ обратить вниманіе свое на отношенія къ Сѣверо-Восточной Руси; онъ уступилъ опять Жмудь рыцарямъ, обязавшись даже, въ случаѣ сопротивленія Жмудиновъ, помогать Ордену при ихъ покореніи. Несмотря на это, Жмудь не думала покоряться добровольно. Когда орденскія и Витовтовы войска входили въ ея области, жители преклонялись на время передъ силою, но потомъ возставали опять. „Не мало у насъ (говорили они) прелатовъ, ксензовъ и тому подобныя людей, которые отбираютъ у насъ шерсть и молоко, а въ ученіи христіанскомъ не наставляютъ насъ.“ Между тѣмъ Витовтъ, управившись на востоцѣ, началъ думать, какъ бы опять овладѣть Жмудью, сталъ поддерживать жителей ея въ ихъ возстаніяхъ, слѣдствіемъ чего были новыя войны Польши и Литвы съ Орденомъ. Въ 1410 году Витовтъ соединился съ Ягайломъ и встрѣтилъ орденское войско подъ Грюнвальдомъ; у рыцарей было 83,000 воиновъ, у Витовта и Ягайла 163,000, между которыми находились русскіе полки: смоленскій, полоцкій, витебскій, кіевскій, пицкій и другіе. Въ началѣ битвы успѣхъ былъ на сторонѣ рыцарей; но отчаянное мужество русскихъ смоленскихъ полковъ, выдержавшихъ натискъ Пѣмцевъ, дало возможность Витовту поправить дѣло: рыцари потерпѣли страшное пораженіе, потеряли великаго магистра Ульриха фонъ-Юнгингена, болѣе 40,000 убитыми и 15,000 взятыми въ плѣнъ, вмѣстѣ со всѣмъ обозомъ. Грюнвальдская битва была одна изъ тѣхъ битвъ, которыя рѣшаютъ судьбы народовъ; слава и сила Ордена погибли въ ней окончательно; покорители разледиенныхъ Пруссовъ встрѣтили громадное ополченіе изъ трехъ соединенныхъ народовъ Восточной Европы, предъ которыми силы, мужество, искусство рыцарей оказались недостаточными; военное братство, существовавшее для борьбы, не имѣло болѣе ни средствъ, ни дѣли для борьбы; силы его поникли предъ соединенными силами трехъ народовъ христіанскихъ; въ ополченіи враговъ Ордена не приносилось болѣе языческихъ жертвъ, въ немъ раздавался христіанская молитва: „Богородице, Дѣво, радуйся!“ Орденъ былъ предоставленъ собственнымъ средствамъ; потерявшія силы не восполнялись болѣе толпами рыцарей изъ разныхъ краевъ Европы, потому что Орденъ не велъ болѣе войны съ невѣрными, слѣдовательно существованіе его становилось уже безцѣльнымъ, ненужнымъ, и существованіе это послѣ Грюнвальдской битвы представляеть только продолжительную агонію.

Въ то время, какъ Орденъ Тевтонскій въ Пруссіи оканчивалъ борьбу свою съ Литвою, другая половина его, Орденъ Меченосцевъ въ Ливоніи, продолжалъ борьбу со Псковомъ и Повгородомъ. Въ

1406 году, по возвращеніи Псковичей съ войны Литовской, изъ-подъ Полоцка, магистръ Ливонскій пришелъ со всею силою, и ходилъ двѣ недѣли по ихъ волости ¹⁾; но извѣстно, что значило тогда ходить по чужой волости. Жители пригорода Велья ²⁾ выѣхали въ числѣ 150 человекъ жельзной рати, помолились Богу и Св. Михаилу, и ударили на Нѣмцевъ; поганые не выдержали и обратились въ бѣгство, потерявши много людей и зная; а изъ Вельянъ никто не былъ не только убитъ, но даже и раненъ; одного только Нѣмцы взяли въ плѣнъ, но и тотъ убѣжали. Это было въ августѣ мѣсяцѣ; въ октябрѣ Псковичи подняли всю свою волость и пошли на Нѣмецкую Землю, подстерегли нѣмецкую рать, убили у нея 20 человекъ, да 7 взяли живыхъ; потомъ пошли за Новый Городокъ, встрѣтили другую нѣмецкую рать, ударили и на нее, убили 315 Нѣмцевъ, потеряли своихъ 34 человекъ, и возвратились домой съ большою добычею. Въ слѣдующемъ году пріѣхалъ во Псковъ братъ великаго князя Московскаго, Константинъ; первымъ дѣломъ его было послать слугу своего въ Новгородъ на добро Пскову, просить помощи на Нѣмцевъ; Новгородцы однако отказались, не помогли Псковичамъ ни словомъ, ни дѣломъ. Тогда князь Константинъ, будучи юнъ верстою, по выраженію лѣтописца, но совершенно умою, поднявши всю область Псковскую и пригороды, пошелъ воевать за Нарову; повоевали много городовъ, взяли много добычи; со времени князей Довмонта и Давыда Псковичи не бывали еще такъ далеко въ Нѣмецкой Землѣ. Благополучно возвратились Псковичи изъ похода; но скоро князь Константинъ уѣхалъ отъ нихъ, — и дѣла перемѣнились; магистръ пришелъ къ Пскову со всею нѣмецкою силою; Псковичи вышли къ нему на-встрѣчу; четыре дня стояли испрятели другъ противъ друга и бились объ рѣку; Нѣмцы не отважились перейти ее и пошли уже назадъ, какъ Псковичи, ободренные этиа отступленіемъ, перешли рѣку и погнались за ними; тогда Нѣмцы оборотились и нанесли имъ сильное пораженіе на Логозовицкомъ полѣ ³⁾; убили трехъ посадниковъ, множество бояръ и сельскихъ людей, всего 700 человекъ; Нѣмцамъ побѣда стоила также дорого и они не могли воспользоваться ею. Это побойще, по словамъ лѣтописца, было такъ же сильно, какъ Ледовое и Раковорское. Въ то же самое время другая рать псковская потерѣла неудачу за Наровою, принуждена была бросить свои лодки и бѣжать отъ неприятеля. Псковскій лѣтописецъ при этомъ продолжаетъ жа-

ловаться на Новгородцевъ: они взяли князя изъ Литвы, говоритъ онъ, все Псковичамъ на-перекоръ, вложили имъ дяволь злыя мысли въ сердце — водить дружбу съ Литвою и Нѣмцами, а Псковичамъ не помогать ни словомъ, ни дѣломъ. Въ слѣдующемъ 1408 году магистръ пришелъ опять со всею своею силою на Псковскую волость, ходилъ по ней двѣ недѣли, но безуспѣшно осаждалъ Велье; потомъ встрѣчамъ извѣстіе о новомъ неулачномъ набѣгѣ Нѣмцевъ на Велье и о неудачномъ походѣ Псковичей на Нѣмецкую Землю. Въ 1409 году новое нашествіе Нѣмцевъ, опять безъ важныхъ послѣдствій, кромѣ пораженія псковскихъ охочихъ людей. Наконецъ, въ 1410 году, псковскіе посадники и бояре съѣхались съ рыцарями у Кремне и заключили миръ по-старинѣ, на псковской волѣ; въ 1417 г. въ Ригу пріѣхалъ посолъ великокняжескій съ двумя псковскими сановниками, и заключили договоръ о свободной торговлѣ и непроникнѣ враговъ Ордена чрезъ псковскія, а псковскихъ чрезъ орденскія владѣнія; въ обидѣхъ положено нескать управы судомъ, а не мечемъ. Великій князь Василій въ этой грамотѣ называется великимъ королемъ Московскимъ, императоромъ Русскимъ ⁴⁾. Въ 1420 году нѣмецкіе послы съѣхались съ новгородскими на рѣкѣ Наровѣ и заключили вѣчный миръ, по-старинѣ, какъ было при Александрѣ Невскомъ.

Въ 1392 году приходили шведскіе разбойники въ Неву, взяли села по обѣ стороны рѣки, не доходя до города Орѣшка; но князь Семень (Лугвинъ) Олгердовичъ нагналъ ихъ и разбилъ; въ 1395 году новое безуспѣшное покушеніе Шведовъ на городъ Яму; въ слѣдующемъ году опять нападеніе Шведовъ на Корельскую Землю, гдѣ они повоевали два погоста; въ 1397 году они взяли семь селъ у города Ямы. Въ 1411 году успѣхъ Шведовъ былъ значительнѣе: они овладѣли однимъ пригородомъ Новгородскимъ ⁵⁾; тогда Новгородцы, съ княземъ Семеномъ Олгердовичемъ, пошли сами въ Шведскую Землю, села повоевали и могли, народу много перебили и взяли въ плѣнъ, а у города Выборга взяли наружныя укрѣпленія. Въ томъ же году двинскій воевода съ Заволочанами, по приказу изъ Новгорода, ходилъ на Норвежцевъ; послѣдніе отомстили въ 1419 году: пришло ихъ 500 человекъ, въ бусахъ и шекахъ къ берегамъ Вѣлаго моря, повоевали одиннадцать мѣстъ; Заволочанамъ удалось истребить у нихъ только двѣ шнеки ⁶⁾.

¹⁾ Полное Собр. Рус. Лѣтоп. IV, 197. «Прінде мастеръ Рижскій со всею силою своею, и Юревичи, и изъ Курска (и Курци, т. е. жит. Курляндін), и подѣ Осрвоомъ, и подѣ Котельномъ были, а на устья Сини стояли по обѣ стороны рѣки». Рѣка Синя впадаетъ въ Опочкинскомъ уѣздѣ въ рѣку Великую.

²⁾ Мѣстечко Велья, при рѣкѣ того же имени, Псковск. губерніи Опочкинскаго уѣзда.

³⁾ Село Логововича, Псковскаго уѣзда, на дорогѣ къ Изборку.

⁴⁾ Карамз. V, прим. 202. — Приводимая Карамз. грамота въ примѣч. 218 не можетъ относиться къ 1420 г., по сличенію именъ пословъ съ именами, какъ они читаются въ лѣтописи.

⁵⁾ П. С. Р. Л. III, 104: «И взяша пригородъ Тиверскій»; въ другихъ спискахъ — Корѣльскій.

⁶⁾ И повоевала въ Варзугѣ (рѣка Варзуга Кольскаго уѣзда, Архангел. губерніи) погостъ Корѣльскій, и въ землѣ Заволочской погосты: въ Непокѣ (Архангел. уѣзда), въ Козельскомъ монастырѣ св. Николы, Конечный погостъ, Яковлю, Курью, Ондраевоу берегъ, Книгъ островъ, Кяръ островъ, Михайловъ монастырь, Чиглопичъ, Хѣчинина.

Когда войны стихли на всѣхъ концахъ Сѣверо-Восточной Руси, тогда явилось ѡбщественное физическое, начало свирѣпствовать страшный моръ. Въ это время умеръ великій князь Московскій Василій Димитріевичъ, 1425 года, 27 февраля, послѣ тридцати-шестилѣтняго правленія. До насъ дошли три его духовныя грамоты. Первая написана, когда еще у него былъ живъ сынъ Иванъ, а Василій еще не родился¹⁾. Въ это время великій князь не былъ увѣренъ, достанется ли великое княженіе Владимірское, равно какъ богатые примыслы, Нижній и Муромъ, сыну его, и потому говорить предположительно: „А дастъ Богъ сыну моему князю Ивану княженіе великое держать... А дастъ Богъ сыну моему держать Новгородъ Нижній да Муромъ.“ Во второй духовной грамотѣ²⁾ великій князь благословляетъ сына Василія утвердительно своею отчиною, великимъ княженіемъ; о Новгородѣ же Нижнемъ говоритъ опять предположительно: „Если мнѣ дастъ Богъ Новгородъ Нижній, то я благословляю имъ сына моего князя Василія.“ Въ третьей грамотѣ утвердительно благословляетъ сына примысломъ своимъ Новгородомъ-Нижнимъ и Муромомъ³⁾; но о великомъ княженіи Владимірскомъ говоритъ опять предположительно: „А дастъ Богъ сыну моему великое княженіе.“ Замѣчательнѣе всего въ этихъ духовныхъ то обстоятельство, что великій князь приказываетъ сына тестю Витовту, братьямъ Андрею, Петру и Константину, равно какъ троюроднымъ братьямъ, сыновьямъ Владиміра Андреевича; но ни въ одной грамотѣ не говорится ни слова о старшемъ изъ братьевъ, Юріи Димитріевичѣ — знакъ, что этотъ князь еще при жизни Василія Димитріевича постоянно отрицался признать старшинство племянника, основываясь на древнихъ родовыхъ счетахъ и на криво толкуемомъ завѣщаніи Донскаго, гдѣ послѣдній говоритъ, что, въ случаѣ смерти Василія, удѣлъ его переходитъ къ старшему по немъ брату. Но здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ завѣщаніяхъ, разумѣется кончина безпотогоственная, ибо рѣчь идетъ о дѣломъ удѣлѣ Василіевомъ, котораго отчинная часть, по крайней мѣрѣ, если исключимъ великое княженіе Владимірское, должна была перейти къ сыновьямъ покойнаго⁴⁾. Притязанія брата Юрія, какъ видно, и заставили Василія въ послѣдней своей духовной грамотѣ сказать предположительно о великомъ княженіи; въ третьей грамотѣ нѣтъ также имени Константина Димитріевича въ числѣ князей, которымъ Василій поручалъ своего сына.

На первомъ планѣ въ княженіе Василія Ди-

¹⁾ Собр. гос. гр. и дог. I, № 39.

²⁾ Тамъ же, № 41.

³⁾ Тамъ же, № 42.

⁴⁾ Что же касается извѣстія, сообщаемого Герберштейномъ (Kerim Moscovit. Auctores varii, Francof. p. 6), будто Василій Димитріевичъ, подоурная жену свою Анастасію (Софью) въ невѣрности, отказалъ великое княженіе не сыну Василію, но брату Юрію, то это сказаніе, выдуманная и разсказанная Герберштейну людьми, озлобленными на потомство Василія Темнаго.

митріевича стоять безспорно отношенія литовскія. Почти въ одно время его вступленіемъ на Московскій столъ Василія, въ Литвѣ окончательно утверждается тестъ его Витовтъ; оба ознаменовываютъ начало своего княженія богатymi примыслами: Василій овладѣваетъ Нижнимъ-Новгородомъ и Муромомъ, Витовтъ—Смоленскомъ. Примыслы эти достались имъ не легко, но вдругъ, и на берегахъ Волги, и на берегахъ Днѣпра не обошлось безъ борьбы, довольно продолжительной. Въ этой борьбѣ оба князя не только не мѣшаютъ другъ другу, но находятся повидимому въ тѣсномъ союзѣ, живутъ какъ добрые родственники, хотя Витовтъ и выговариваетъ себѣ Москву у Тохтамыша. Но какъ скоро Литовскій князь, утвердившись въ Смоленскѣ, начинаетъ тѣснить Псковъ и Новгородъ, то Василій вооружается противъ него. Кажется наступать рѣшительная минута, въ которую долженъ рѣшиться вопросъ о судьбахъ Восточной Европы; но ни потомки Всеволода III, ни потомки Гедимина не любятъ средствъ рѣшительныхъ; тестъ и зять не разъ выходятъ съ полками другъ противъ друга—и расходятся безъ битвы; дѣло оканчивается тѣмъ, что Витовтъ отказывается отъ дальнѣйшихъ покушеній на независимость Пскова, куда Московскій князь посылаетъ своихъ наместниковъ; съ другой стороны, и Василій принужденъ отказаться на время отъ богатаго примысла—Двинской Земли. Но мы видѣли, что порваніе мира между тестемъ и зятемъ возбудило сильное неудовольствіе въ Москвѣ; лѣтописецъ жалуется, что не было больше въ думѣ княжеской старыхъ бояръ, и обо всѣхъ дѣлахъ начали совѣтовать молодые. Кто-жъ были эти старые бояре, державшіеся союза съ Литвою и осторожно поступавшіе относительно Татаръ, и кто были эти молодые, начавшіе дѣйствовать иначе? Это мы узнаемъ изъ письма Эдигеева, которое онъ прислалъ великому князю, возвращаясь отъ Москвы въ степи⁵⁾. „Добрыя нравы и добрая дума и добрыя дѣла къ Орду были отъ боярина Федора Кошки; добрый быль челоувѣкъ; которыя были добрыя дѣла ордынскія—и онъ тебѣ объ нихъ напоминалъ; но это время прошло. Теперь у тебя сынъ его Иванъ, казначей твой и любящій, старѣйшина, изъ котораго слова и думы ты не выстушаеш. А отъ этой думы улуугу твоему теперь разореніе и христіане изгнили. Такъ ты впередъ поступиай иначе, молодыхъ не слушай, а собери старшихъ своихъ бояръ: Илью Ивановича, Петра Константиновича, Ивана Никитича, да иныхъ многихъ стариковъ земскихъ, и думай съ ними добрую думу“.

Итакъ, важнѣйшее вліяніе на дѣла оказывалъ сначала бояринъ Федоръ Андреевичъ Кошка, а потомъ сынъ его Иванъ, подлѣ которыхъ видимъ и родичей ихъ, и младшихъ сыновей Федора Кошки—Федора Федоровича и Михаила Федоровича, и родного племянника его, Игнатія Семеновича Же-

⁵⁾ Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 15.

ребдова, бывшего коломенскимъ воеводою и убитаго въ сраженіи съ Пронскимъ княземъ. Старшими боярами Эдигей называетъ Илью Ивановича, Петра Константиновича, Ивана Никитича, изъ которыхъ первый, по родословнымъ, оказывается сыномъ извѣстнаго Ивана Родіоновича Квашни. Этотъ Иванъ Родіоновичъ умеръ въ 1390 году, и извѣстіе о его смерти занесено въ лѣтопись. Изъ Вельяминовыхъ, по соображеніи съ родословными книгами, можно указать только Федора Ивановича, сына казеннаго Ивана Васильевича ¹⁾. Знаменитый бояринъ Донскаго, Федоръ Андреевичъ Свибла больше не упоминается; но въ духовныхъ грамотахъ своихъ великій князь Василій говоритъ о селлахъ Федора Свибла, которыхъ онъ взялъ за себя, и о холопахъ, которыхъ онъ отпаялъ у него; это выраженіе указываетъ на опалу; но между боярами Василія упоминается родной братъ Свибла, Михаилъ Андреевичъ Челядян. Изъ извѣстныхъ намъ прежде родовъ и лицъ упоминаются также между боярами: Константинъ Дмитріевичъ Шея, сынъ Дмитрія Александровича Зерна, внукъ Четовъ; Иванъ Дмитріевичъ, сынъ Дмитрія Всеволожа; Владиміръ Даниловичъ Красный-Снабдя, бывший намѣстникомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ; Даниль и Степанъ Оввановичи Плещевы, родные племянники Св. митрополита Алексія; о Данилѣ сказано въ лѣтописи подъ 1393 годомъ: „Преставился Данило Теофановичъ ²⁾, который много служилъ великому князю въ Ордѣ, и на Руси, и по чуждымъ землямъ“. Наконецъ упоминаются въ лѣтописи Иванъ Уда и Александръ Велеутъ. — Изъ неизвѣстныхъ упомина-

ются: Дмитрій Аонисеевичъ, подписавшійся на первой духовной Василія на третью мѣсть; Андрей Албердовъ, занявшій Двинскую Землю; Александръ Поле, Иванъ Маринъ (оба подъ 1401 годомъ); Селиванъ (или Селиванъ Борисовичъ, внукъ Дмитрія Михайловича Волынскаго, или Селиванъ Глѣбовичъ Кутузовъ); Дмитрій Васильевичъ; Степанъ Васильевичъ; намѣстники въ Нижнемъ-Новгородѣ, вмѣстѣ съ Владиміромъ Даниловичемъ Краснымъ, были — Григорій Владиміровичъ и Иванъ Лихоръ; въ 1393 году Новоторжцы убили великокняжескаго боярина Максима; въ битвѣ съ Пронскимъ княземъ, вмѣстѣ съ Игнатіемъ Жеребцовымъ погибли Михаилъ Ляликъ и Иванъ Брынка, тутъ же попался въ плѣнъ муромскій воевода Семенъ Жирславичъ; намѣстникомъ во Владимірѣ упоминается Юрій Васильевичъ Щека; подъ 1390 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что въ Коломнѣ на игрушкѣ былъ убитъ Осей, кормилчица великаго князя. — Какъ при Донскомъ, новопріѣзжій бояринъ Дмитрій Михайловичъ Волынской отгѣснилъ на низшую ступень, или захватъ, по тогдашнему выраженію, нѣкоторыхъ старыхъ бояръ, такъ при Василіи Дмитріевичѣ Литовскій князь Юрій Патрикѣвичъ, внукъ Паримантовъ, вступивши въ службу къ Московскому князю, захватъ ³⁾ также нѣкоторыхъ бояръ, и его имя встрѣчаемъ на первомъ мѣстѣ въ духовныхъ великокняжескихъ. Братъ его, князь Федоръ Патрикѣвичъ, былъ намѣстникомъ великаго князя въ Новгородѣ въ 1420 году. — Дьяками великокняжескими были: Тимошей Ачкасовъ и Алексѣй Стромилъ.

Глава II.

Княженіе Василія Васильевича Темнаго.

(1425—1462.)

Малолѣтство Василія Васильевича. — Новая усобица дяди съ племянникомъ. — Споръ въ Ордѣ между ними. — Московскій бояринъ Всеволожскій. — Ханъ рѣшаетъ дѣло въ пользу племянника Василія противъ дяди Юрія Дмитріевича. — Отъѣздъ боярина Всеволожскаго отъ великаго князя къ дядѣ его Юрію. — Возобновленіе борьбы между дядею и племянникомъ. — Василій попадаетъ въ плѣнъ къ Юрію. — Василій въ Коломнѣ. — Продолженіе борьбы. — Смерть Юрія. — Василій утверждается въ Москвѣ. — Отношенія Василія Васильевича къ двоюроднымъ братьямъ, сиречь Юрія, Василію Косому и Дмитрію Шемякѣ. — Ослабленіе Косого. — Отношенія великаго князя къ другимъ удѣльнымъ князьямъ. — Отношенія татарскія. — Плѣнъ великаго князя у казанскихъ Татаръ и освобожденіе. — Шемяка овладѣваетъ Москвою, захватываетъ великаго князя въ Троицкомъ монастырѣ и ослабляетъ. — Слѣпой Василій получаетъ Вологду. — Движенія его приверженцевъ, которые овладѣваютъ Москвою. — Продолженіе борьбы Василія съ Шемякою. — Дѣятельность духовенства въ этой борьбѣ. — Смерть Шемяки. — Отношенія великаго князя къ другимъ удѣльнымъ князьямъ. — Отношенія къ Рязани и Твери. — Отношеніе къ Новгороду и Пскову. — Собатія въ Литвѣ, борьба ея съ Польшею. — Отношенія Литвы къ Москвѣ. — Татарскія намѣстия. — Борьба Новгорода и Пскова со Шведами и Нѣмцами. — Смерть великаго князя Василія; его духовная грамота; его приравненіе.

По смерти Василія Дмитріевича, на столѣ Московскомъ и всяя Руси явился опять малолѣтній, десятилѣтній князь, Василій Васильевичъ. Мало-

лѣтствомъ дѣда его, Дмитрія, хотѣлъ воспользоваться Дмитрій Суздальскій, князь изъ старшей линии потомства Ярослава Всеволодовича; но Москва была уже такъ сильна, что, несмотря и на малолѣтство ея князя, Суздаль, даже поддерживаемый ханомъ, не могъ остаться побѣдителемъ въ

¹⁾ Федоръ Ив. подписался подъ 2-ю и 3-ю духовною Вас. Дмитр.

²⁾ Никои. IV, 251; вѣдь ошибка — Федоровичъ см. Овфановичъ.

³⁾ Москов. Сборн. 1847 года, стр. 280.

борьбѣ. Теперь, при малолѣтнемъ внуцѣ Дмитріевомъ, никто изъ князей не осмѣливается спорить за Владиміръ съ потомками Калиты; Нижній, Суздаль принадлежатъ уже Москвѣ; Тверь давно уже отказалась отъ всякаго наступательнаго движенія. Но теперь, когда не можетъ быть болѣе борьбы у Московскаго князя за Владиміръ ни съ княземъ Нижегородскимъ, ни съ Тверскимъ, начнется борьба между самими потомками Калиты, между самими князьями московскими — за Москву и уже неразрывно соединенный съ нею Владиміръ. До сихъ поръ мы видѣли частыя и явныя нарушенія родовыхъ правъ старшинства въ потомствѣ Всеволода III, нарушенія, постоянно увеличивавшіяся успѣхомъ: видѣли возстаніе Михаила Ярославича Московскаго противъ дяди Святослава; возстаніе Андрея Александровича Городецкаго противъ старшаго брата, Дмитрія Черняславскаго, возстаніе Юрія Московскаго противъ старшаго въ родѣ Михаила Тверскаго; но все это были возстанія противъ порядка вещей, который хотя и видимо ослабѣвалъ (что именно доказывалось успѣхомъ явленій, противъ него направленныхъ), однако еще держался, признавался вообще всеми какъ законно существующій, и явленія, ему враждебныя, были только исключеніями; не являлось еще ни одного князя, который рѣшился бы это исключеніе сдѣлать правиломъ. Дмитрій Донской первый завѣщалъ старшіе столы — и Московскій и Владимірскій сыну своему мимо двоюроднаго брата, который самъ согласился на это распоряженіе, согласился признать племянника старшимъ братомъ; но этотъ братъ Донскаго былъ, во-первыхъ, братъ двоюродный; во-вторыхъ, не могъ занять старшаго стола по отчинѣ: отецъ его не былъ никогда великимъ княземъ Московскимъ и Владимірскимъ. Гораздо важнѣе, слѣдовательно, и рѣшительнѣе было распоряженіе сына Дмитріева, Василія, завѣщавшаго старшинство сыну своему мимо родныхъ своихъ братьевъ, которыхъ права, по старшинѣ, были совершенно безпорны. И вотъ совершенно правъ, по старшинѣ, наследникъ старшинства, князь Юрій Дмитріевичъ Звенигородскій отказывается признать старшинство племянника, отказывается признать законность новаго порядка престолонаслѣдія. Должна была возгорѣться борьба, борьба послѣдняя и рѣшительная, которая нисколько не похожа на прежнія усобицы между дядьми и племянниками. Припомнимъ древнюю борьбу Изяслава Мстиславича съ дядею, Юріемъ Долгорукимъ: Изяславъ занялъ Кіевъ вопреки правамъ дяди, но никогда не смѣлъ огрнцать этихъ правъ, говорилъ прямо, что Юрій старше его, но не убѣдетъ жить съ родичами и проч.; припомнимъ также, что возможность этой борьбы условливалась обстоятельствомъ случайнымъ, — слабостію, неспособностію полноправнаго дяди Вячеслава, предъ которымъ однако Изяславъ принужденъ былъ наконецъ покаяться. Но теперь оба порядка, оба обычая — старый и новый — сталкиваются другъ съ

другомъ во всей чистотѣ; князь Юрій — полноправный наследникъ старшинства по старинѣ; племянникъ его, Василій Васильевичъ, получаетъ это старшинство по завѣщанію отцовскому, съ полнымъ отрицаніемъ правъ дяди, безъ всякаго пособія какого-либо случайнаго обстоятельства, которое ослабляло бы права дяди и давало племяннику предлогъ къ возстанію противъ нихъ. Въ этой новой борьбѣ дяди съ племянникомъ какъ бы нарочно племянникъ является малолѣтнимъ и, потому, неспособнымъ дѣйствовать самъ по себѣ. До сихъ поръ, когда племянники возставали противъ дядей, то это было обыкновенно возстаніе болѣе даровитой, болѣе сильной личности; но теперь, какъ нарочно, слабый отрокъ вступаетъ въ борьбу противъ сильнаго своимъ правомъ стараго дяди, слѣдовательно все преимущественно видимо на сторонѣ послѣдняго, а между тѣмъ побѣждаетъ малолѣтній племянникъ, и тѣмъ рѣзче обнаруживается вся крѣпость новаго порядка вещей, который не зависитъ болѣе отъ личныхъ средствъ.

Могущественныя средства малолѣтняго Василія обнаружились въ самомъ началѣ: въ ту самую ночь, какъ умеръ великій князь Василій Дмитріевичъ, митрополитъ Фотій послалъ своего боярина въ Звенигородъ къ Юрію, звать его въ Москву. Но Юрій не хотѣлъ признавать племянника старшимъ, боялся принужденія въ Москвѣ, боялся даже остаться по близости въ Звенигородѣ и уѣхалъ въ отдаленный Галичъ, откуда прислалъ съ угрозами къ племяннику и съ требованіемъ перемирія мѣсяца на четыре. Въ Москвѣ согласились на перемиріе, которое было употреблено съ обѣихъ сторонъ для собранія войска. Бояре московскіе съ малолѣтнимъ княземъ своимъ предупредили Юрія и пошли къ Костромѣ съ большимъ войскомъ, въ которомъ находились и остальные дядья великаго князя, Дмитріевичи; это напугало Юрія, который побѣжалъ въ Нижній-Новгородъ и сѣлъ тамъ; противъ него отправленъ былъ братъ его, Константинъ Дмитріевичъ, который прежде самъ вооружался за старшинство дядей; Юрій изъ Нижняго побѣжалъ за Суру и сталъ на одномъ ея берегу, а Константинъ — на другомъ, и, постоявши нѣсколько времени, возвратился въ Москву подъ тѣмъ предлогомъ, что нельзя было перейти рѣку; но, по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ, Константинъ радѣлъ не племяннику, а брату, и потому не хотѣлъ, какъ должно, преслѣдовать Юрія¹⁾, который возвратился въ Галичъ и послалъ въ Москву просить опять перемирія на годъ. Но если для Юрія выгодно было не заключать окончательнаго мирнаго договора, въ которомъ онъ принужденъ былъ бы отказаться отъ своихъ притязаній; если ему выгодны были только перемирія, которые позволяли ему собирать силы и выжидать удобнаго времени; — то въ Москвѣ, наоборотъ, желали чего-нибудь рѣшительнаго, и, по общему совѣту — митрополита, матери великаго кня-

¹⁾ Карамз. V, примѣч. 257.

жеской Софій, дядей и даже дѣда Витовта Литовскаго, митрополитъ Фотій отправился въ Галичь уговаривать Юрія къ вѣчному миру. Юрій, узнавши, что митрополитъ ѣдетъ, встрѣтилъ его съ дѣтьми, боярами, лучшими людьми, собралъ и чернью всю изъ городовъ и деревень и поставилъ ее по горѣ такъ, чтобы Фотій могъ видѣть большую толпу народа при въѣздѣ въ городъ. Но Галицкий князь не достигъ своей цѣли, не испугалъ митрополита, который, взглянувъ на густыя толпы черни, сказалъ ему: „Сынъ князь Юрій! не выдвывая и никогда столько народа въ овечьей шерстя“, давая тѣмъ знать, что люди, одѣтые въ сермяги, шлохѣ ратники.

Начались переговоры: митрополитъ настаивалъ на вѣчный миръ, но Юрій не хотѣлъ о немъ слышать, а требовалъ только перемирія. Фотій разсердился и выѣхалъ изъ Галича, не благословивъ ни князя, ни города, и вдругъ, послѣ его отъѣзда, открылся морь въ Галичь. Юрій испугался, поспешилъ самъ за митрополитомъ, нагналъ его за озеромъ и едва успѣлъ со слезами умолилъ его возвратиться. Фотій пріѣхалъ опять въ Галичь, благословилъ народъ, — и морь стала прекращаться, а Юрій обѣщалъ митрополиту послать, и дѣйствительно послалъ, двухъ бояръ своихъ въ Москву, которые заключили миръ на томъ условіи, что Юрій не будетъ искушать великаго княженія самъ собою, но ханомъ: кому ханъ дастъ великое княженіе, тотъ и будетъ великимъ княземъ. Но понятно, что и это была только одна уловка, одно средство продлить нерѣшительное положеніе, потому что если и прежніе князья мало обращали вниманія на рѣшенія ханскія, то могли ли повиноваться имъ сынъ и внукъ Донскаго? Боть почему послѣ того, ни дядя, ни племянникъ не думали ѣхать въ Орду, и Юрій, отчаявшись въ успѣхъ своего дѣла, заключилъ въ 1428 году договоръ съ Василіемъ, по которому признавалъ себя младшимъ братомъ племянника и обязывался не искать великаго княженія подъ Василіемъ¹⁾. Но въ 1431 году Юрій прислалъ означенный договоръ вмѣстѣ со складною грамотою²⁾, и оба соперника рѣшились ѣхать въ Орду, къ хану Махмету. Обративъ вниманіе на время возобновленія вражды, мы не можемъ не придти къ мысли, что поводомъ къ нему была смерть Витовта; въ 1428 году Юрій призналъ старшинство племянника, потому что въ предыдущемъ году велика княгиня Софья Витовтовна ѣздила къ отцу и поручила ему сына и все Московское княжество; въ 1430 году Витовтъ умеръ, и на его мѣстѣ сталъ княжить Свидригайло, обративъ, своихъ Юрія; вотъ почему послѣдній, въ 1431 году, пользуясь благоприятною для себя церемѣною обстоятельствомъ, разрывалъ съ племянникомъ.

Въ челѣ московскаго боярства стоялъ тогда из-

¹⁾ Собр. Гос. гр. и гр. и дог. I, № 43 и 44.

²⁾ Тамъ же на оборотѣ написано: «А сю грамоту кн. великому приславъ складною вмѣстѣ кнзв. Юрин, къ Орду ида».

вѣстный уже намъ бояринъ Иванъ Димитріевичъ Всеволожскій, хитрый, ловкій, находчивый, достойный преемникъ тѣхъ московскихъ бояръ, которые при отцѣ, дѣдѣ и прадѣдѣ Василія умѣли держать за Московю первенство и дать ей могущество. Когда Юрій, по прибытіи въ Орду, уѣхалъ въ Крымъ вмѣстѣ съ доброжелателемъ своимъ, могущественнымъ мурзою Тегиню, который обѣщалъ ему великое княженіе, Иванъ Димитріевичъ подольстился къ остальнымъ мурзамъ, возбудилъ ихъ самолюбіе и ревность къ могуществу Тегини. „Ваши просьбы, говорилъ онъ имъ, ничего не значатъ у хана, который не можетъ выступить изъ Тегинина слова: по его слову дается великое княженіе князю Юрію; но если ханъ такъ сдѣлаетъ, послушавшись Тегини, то что будетъ съ вами? Юрій будетъ великимъ княземъ въ Москвѣ, въ Литвѣ — великимъ княземъ побратимъ его Свидригайло, а въ Ордѣ будетъ сильнѣе всѣхъ васъ Тегиня“. Этими словами, говоритъ лѣтописецъ, онъ уязвилъ сердца мурзъ какъ стрѣлою; всѣ они стали бить челомъ хану за князя Василія, и такъ настроили хана, что тотъ началъ грозить Тегинѣ смертію, если онъ вымолвитъ хотя слово за Юрія. Весною 1432 года былъ судъ между дядею и племянникомъ: Юрій основывалъ свои права на древнемъ родовомъ обычаѣ, доказывалъ лѣтописцами и наконецъ ссылался на криво толкуемое завѣщаніе Донскаго. За Василія говорилъ Иванъ Димитріевичъ; онъ сказалъ хану: „Князь Юрій ищетъ великаго княженія по завѣщанію отца своего, а князь Василій — по твоей милости; ты далъ улусъ свой отцу его Василію Димитріевичу; тотъ, основываясь на твоей милости, передалъ его сыну своему, который уже столько лѣтъ княжитъ и не свергнулъ тобою; слѣдовательно княжить по твоей же милости“. Эта лесть, выражавшая совершенное презрѣніе къ старшѣ, произвела свое дѣйствіе: ханъ далъ ярлыкъ Василію, и даже хотѣлъ заставить Юрія вести коня подъ племянникомъ, но послѣдній самъ не захотѣлъ пасти такой позоръ дядѣ; Юрій уступленъ былъ также Дмитровъ, выморочный удѣлъ брата его Петра (умершаго въ 1428 году). Такъ кончился судъ въ Ордѣ; разумается, онъ не могъ потушить распри; Юрій не могъ забыть неудачи, а въ Москвѣ не могли не воспользоваться своимъ торжествомъ для окончательнаго низложенія соперника. Вотъ почему въ томъ же году встрѣчаемъ извѣстіе, что Юрій побоялся жить вблизи отъ Москвы, въ новоприобрѣтенномъ Дмитровѣ, и уѣхалъ опять въ Галичь, а Василій тотчасъ же выгналъ его наместниковъ изъ Дмитрова и захватилъ городъ; но вдругъ дѣла въ Москвѣ неожиданно приняли благоприятный оборотъ для стараго дяди.

Иванъ Димитріевичъ, въ награду за услуги, оказанныя имъ Василію въ Ордѣ, надѣялся, что великій князь женится на его дочери; эта надежда вовсе не была дерзкою въ то время, когда князья часто женились на дочеряхъ боярскихъ и выдавали за бояръ дочерей своихъ. Самъ же Иванъ Дими-

рѣвичъ вель свой родъ отъ князей Смоленскихъ и женатъ былъ на внукѣ великаго князя Нижегородскаго, почему и былъ уже въ родствѣ съ великимъ княземъ Московскимъ. Василій, будучи въ Ордѣ, далъ Ивану Дмитріевичу обѣщаніе жениться на его дочери, но, по прїѣздѣ въ Москву, дѣла перемѣнились: мать великаго князя, Софья Витовтовна, никакъ не согласилась на этотъ бракъ и настояла, чтобъ сынъ обручился на княжнѣ Марьѣ Ярославовнѣ, внукѣ Владиміра Андреевича. Тогда Иванъ Дмитріевичъ, такъ сильно ратовавшій въ Ордѣ противъ старины княжеской, воспользовался старину боярскую и отъѣхалъ отъ Московскаго князя. Онъ боялся прямо ѣхать къ Юрію и потому кинулся сперва къ брату его Константину Дмитріевичу, надѣясь пробудить въ немъ старинные замыслы, потомъ къ Тверскому князю, наслѣдственному сопернику Москвы; но все это уже была старина, надъ которою самъ бояринъ такъ недавно посмѣялся въ Ордѣ; новымъ, дѣйствительнымъ было могущество Москвы, противъ котораго никто не смѣлъ тронуться,—могущество, утвержденное съ помощію предшественниковъ, товарищей Ивана и его самого. Наконецъ бояринъ рѣшился явиться къ Юрію, и былъ принятъ радушно. Но между тѣмъ какъ Иванъ Дмитріевичъ подговаривалъ Юрія возобновить старыя притязанія, въ Москвѣ сыновья Юрія, Василій Косой и Дмитрій Шемяка, шировали на свадьбѣ великокняжеской. Василій Косой прїѣхалъ въ богатомъ золотомъ поясѣ, усаженномъ дорогими камнями. Старый бояринъ Петръ Константиновичъ рассказалъ исторію этого пояса матери великокняжеской, Софьѣ Витовтовнѣ, исторію любопытную: поясъ этотъ былъ данъ Суздальскимъ княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ въ приданое за дочерью Евдокією, шедшею замужъ за Дмитрія Донскаго; послѣдній тысящій, Василій Вельяминовъ, имѣвшій важное значеніе на княжеской свадьбѣ, подмѣнилъ этотъ поясъ другимъ, меньшей цѣны, а настоящій отдалъ сыну своему Николаю, за которымъ была другая дочь князя Дмитрія Суздальскаго, Марья. Николай Вельяминовъ отдалъ поясъ также въ приданое за дочерью, которая вышла за нашего боярина, Ивана Дмитріевича; Иванъ отдалъ его въ приданое за дочерью же князю Андрею, сыну Владиміра Андреевича, и по смерти Андреевой, обрубивъ его дочь, а свою внучку, за Василія Косаго, подарилъ жениху поясъ, въ которомъ тотъ и явился на свадьбу великаго князя¹⁾. Софья Витовтовна, узнавъ, что за поясъ была на Косомъ, при вѣсѣхъ сняла его съ князя, какъ собственность своего семейства, незаконно перешедшую въ чужое. Юрьевичи, оскорбленные такими позоромъ, тотчасъ вы-

ѣхали изъ Москвы, и это послужило предлогомъ къ войнѣ.

Въ Москвѣ тогда только узнали о движеніяхъ Юрія, когда уже онъ былъ въ Переяславѣ съ большимъ войскомъ. Московскій князь, захваченный врасплохъ, послалъ бояръ своихъ просить мира у дяди, котораго они нашли въ Троицкомъ монастырѣ; но Иванъ Дмитріевичъ не далъ и слова молвить о мирѣ: «И была, говоритъ лѣтописецъ, между боярами брань великая и слова неподобныя». Тогда Василій, собравши наскоро, сколько могъ, ратныхъ людей и московскихъ жителей, гостей и другихъ, выступилъ противъ дяди, но съ своею малочисленною и нестройною толпою былъ разбитъ на-голову сильными подками Юрьевыми на Клязьмѣ, за 20 верстъ отъ Москвы²⁾ (въ апрѣлѣ 1433 г.), и бѣжалъ въ Кострому, гдѣ былъ захваченъ въ плѣнъ. Юрій въѣхалъ въ Москву и сталъ великимъ княземъ. Но какія же могли быть слѣдствія этого событія? Старина, возобновленная Юріемъ, была новостію въ Москвѣ, и потому побѣдитель находился въ затруднительномъ положеніи относительно побѣжденнаго. Сперва, при господствѣ родовыхъ отношеній, сынъ старшаго или великаго князя, при жизни отца, имѣлъ свою власть, и когда старшій въ родѣ заступалъ мѣсто покойнаго великаго князя, то сынъ послѣдняго оставался на своемъ столѣ или перемѣнялъ его на другой, лучший, что было тогда легко. Но теперь Василій, при жизни отца, не имѣлъ особаго удѣла,—его удѣлъ была Москва и великое княженіе; вытѣснивъ его изъ Москвы, Юрій, чтобъ помѣстить гдѣ-нибудь, долженъ былъ разрушить порядокъ вещей, установленный завѣщаніями князей предшествовавшихъ. Далѣе представлялся вопросъ: по смерти Юрія кто долженъ былъ занять его мѣсто?—по старому порядку вещей, Константиній Дмитріевичъ, единственный изъ оставшихся въ живыхъ сынъ Донскаго (Андрей умеръ въ 1432), и послѣ него опять Василій, какъ сынъ старшаго брата. Но московскій бояринъ Иванъ Дмитріевичъ и сыновья Юрія думали не такъ; они позабыли старину и знать ея не хотѣли. Ихъ право не было старинное право старшинства, но право новое, право силы и удачи. Выгнавши Василія изъ Москвы, добили его въ свои руки, Юрьевичи вовсе не думали возобновлять старыхъ родовыхъ счетовъ съ кѣмъ бы то ни было; они хотѣли, по новому порядку, наслѣдовать своему отцу точно такъ, какъ Василій наслѣдовалъ своему; они хотѣли воспользоваться своею побѣдою, чтобъ тотчасъ же избавиться отъ соперника.

По Юрій былъ болѣе совѣтливъ или, по крайней мѣрѣ, не имѣлъ столько твердости, чтобъ рѣшиться на мѣры насильственныя. Скоро Василій нашелъ за себя передъ нимъ ревностнаго ходатая: у Юрія былъ старинный любимиый бояринъ Семесъ

¹⁾ Никои. V, 112; иначе говорится въ другихъ лѣтописяхъ, напр. П. С. Р. Л. V, 264: «И на той свадьбѣ Захарія Ивановичъ Кошкинъ ималъ за поясъ у князя Василія Юрьевича у Косого». Въ Архангел. (стр. 138) прибавлено: «и ржучи тотъ поясъ пропалъ у меня, коли крали казну мою». По родословіямъ, у Ивана Федоровича Кошки дѣйствительно значится сынъ Захарія.

²⁾ Никои. V, 114: «А отъ Москвичъ не былъ никоея же помощи, мнози бо отъ нихъ няни биху, а мѣ съяко медь везяху, чтобъ шти еще».

Морозовъ, который, вѣроятно изъ соперничества съ Иваномъ Димитріевичемъ, отбившимъ у него первое мѣсто, заступился за плѣннаго Василія и уговорилъ Юрія отдать послѣднему въ удѣль Коломну, постоянно переходившую къ старшему сыну Московскаго князя. Щетно Иванъ Димитріевичъ и сыновья Юрія сердлились и возставали противъ этого рѣшенія: Юрій далъ прощальный пиръ племяннику, богато одарилъ его и отпустилъ въ Коломну со всеми боярами его.

Но едва прибылъ Василій въ Коломну, какъ началъ призывать къ себѣ отовсюду людей, и отовсюду начали стекаться къ нему князья, бояре, воеводы, дворяне, слуги, откладываясь отъ Юрія, потому что, говоритъ лѣтописецъ, не привыкли они служить галицкимъ князьямъ; однимъ словомъ, около Василія собрались все тѣ, которые пришли бы къ нему и въ Москву по первому зову, но не успѣли этого сдѣлать, потому что Юрій напалъ на племянника врасплохъ, и этому только было объяснъ своимъ торжествомъ. Тогда старшіе Юрьевичи, Василій Косой и Димитрій Шемяка, увидя исполненіе своихъ опасній, обратили ярость свою на главнаго виновника отповской ошибки, и убили Семпа Морозова въ дворцовыхъ сѣняхъ, приговаривая: „Ты злодѣй, крамольникъ! Ты вселъ отца нашего въ бѣду, и намъ издавна крамольникъ и лиходей“. Избѣгая отцовскаго гнѣва, убійцы удалились изъ Москвы; тогда Юрій, видя себя оставленнымъ всеми, послалъ къ Василію звать его обратно на великое княженіе, а самъ уѣхалъ въ Галичъ, сопровождаемый только пятью человѣками¹⁾. Такъ торжественно была показана невозможность возстановленія старшины! Но борьба этимъ не кончилась.

Удаляясь изъ Москвы, въ пылу негодованія на двоихъ старшихъ сыновей, Василія Косого и Димитрія Шемяку, Юрій отдѣлилъ ихъ дѣло отъ своего и заключилъ съ Василіемъ Васильевичемъ договоръ, въ которомъ за себя и за младшаго сына, любимца своего, Димитрія Краснаго, отказался принимать къ себѣ Косого и Шемяку, отказался отъ Дмитрова, вмѣсто котораго взялъ Бѣжецкій-Верхъ съ разными другими волостями: призналъ племянника старшимъ братомъ, который одинъ имѣетъ право звать Орду; старый дядя выговорилъ только не садиться на коня, когда племянникъ самъ поведетъ свои полки, не ѣздить къ племяннику и не давать ему помощи на Литву, гдѣ по смерти Витовта княжилъ побратимъ и своякъ Юрьевъ, Свидригайло. Что же касается Ивана Димитріевича, то есть извѣстие, что онъ былъ схваченъ великимъ княземъ Василіемъ и ослѣпленъ, села его были взяты въ казну великокняжескую за его вину, какъ сказано въ договорѣ Юрія съ Василіемъ²⁾. Понадѣявшись на обѣщаніе дяди, Василій отпривилъ воеводу своего, князя Юрія Патрикѣевича, къ Костромѣ на Косого и Шемяку; но

тѣ съ Вятчанами и Галичанами разбили московское войско на рѣкѣ Куси и взяли въ плѣнъ воеводу. Василій узналъ, что дядя не сдержалъ своихъ обѣщаній, что полки его были въ войскѣ сыновей при Куси, и потому, въ 1434 году, пошелъ на Юрія къ Галичу, съему этотъ городъ и заставилъ дядю бѣжать на Бѣлоозеро. Но когда Василій ушелъ домой, Юрій также возвратился въ Галичъ, послалъ за сыновьями, за Вятчанами, и весною двинулся на Московскаго князя съ большою силою. Онъ встрѣтилъ двухъ племянниковъ—Василія Московскаго и Ивана Можайскаго (сына умершаго Андрея Димитріевича) въ Ростовской области, у Св. Николая на горѣ, и разбилъ ихъ: Василій убѣжалъ въ Новгородъ, Иванъ Можайскій—въ Тверь, вмѣстѣ съ матерью; Василій Васильевичъ послалъ къ нему боярина съ просьбою не отступать отъ него въ бѣдѣ; но Можайскій отвѣчалъ: „Господинъ и государь! гдѣ ни буду, вездѣ я твой человѣкъ, но теперь нельзя же мнѣ потерять свою отчину и мать свою заставить скитаться по чужой сторонѣ“. Позванный Юріемъ, Иванъ отправился къ нему въ Троицкій монастырь, и вмѣстѣ съ дядею приступилъ къ Москвѣ, которая сдалась по прошествіи недѣли, причемъ мать и жена Васильевы попались въ плѣнъ и были отсланы въ Звенигородъ. Самъ Василій, не видя ни откуда помощи, перебрался изъ Новгорода Великаго въ Нижній, и, слыша о погонѣ за собою отъ Юрьевичей, которые стояли во Владимирѣ, собрался въ Орду, какъ вдругъ узналъ о скоростижной смерти Юрія³⁾ и о томъ, что старшій сынъ послѣдняго, Василій Косой, занялъ столъ Московскій, по новому обычаю.

Но братья Косого, два Димитрія—Шемяка и Красный,—послали сказать ему: „Если Богу не угодно, чтобъ княжилъ отецъ нашъ, то тебя сами не хотимъ“,—и въ то же время послали къ Василію Васильевичу въ Нижній звать его на великое княженіе въ Москву; они знали, что брату ихъ не удержаться въ Москвѣ, и спѣшили добровольнымъ признаніемъ Василія получить расположеніе послѣдняго и прибавки къ своимъ удѣламъ. Василій Васильевичъ дѣйствительно отдалъ Шемякѣ удѣлъ умершаго дяди Константина Димитріевича—Ржеву и Угличъ, Димитрію Красному—Бѣжецкій-Верхъ, но за то удержалъ за собою удѣлъ дяди Петра—Дмитровъ и удѣлъ Косого—Звенигородъ⁴⁾; кромѣ того, выговорилъ, чтобъ Шемяка не вступался въ Вятку, воинственное народонаселеніе которой давало постоянно дѣятельную помощь Юрію.—Косой былъ изгнанъ изъ Москвы и лишенъ удѣла; ему не оставалось ничего, кромѣ самыхъ отчаянныхъ средствъ, которыя слѣдовательно условливались его положеніемъ и притомъ еще личнымъ характеромъ. Вообще, надобно войти въ ихъ положеніе: притязанія отца

¹⁾ Акты Истор. I, № 40.

²⁾ Собр. Гос. гр. и дог. т. I, № 49 и 50. Такъ наз. Тверская лѣтопись въ Импер. Публич. Вибліот.

³⁾ Оставленная Юріемъ духовная написана прежде, а именно тогчасъ по приходѣ въ Орду, когда еще онъ владелъ Дмитровомъ. См. С. г. г. и д. т. I, № 51.

⁴⁾ С. г. г. и д. I, № 52 и слѣд.

вовлекли ихъ во вражду съ Василіемъ Московскимъ, изъ которой имъ не было выхода. Когда отецъ ихъ овладѣлъ въ первый разъ Москвою, они требовали вассальственныхъ мѣръ противъ Василія, понимая, что дѣло идетъ о томъ: кому быть Московскимъ княземъ и кому быть слугою Московскаго князя; теперь, когда восторжествовалъ Василій, Юрьевичи чувствуютъ, что побѣдитель долженъ употребить противъ нихъ тѣ же самыя средства, какія прежде они сами хотѣли употребить противъ него, и если они примирятся съ нимъ, то это примиреніе вынуждено только обстоятельствами, ненадежно, и обѣ стороны пользуются имъ для отысканія средствъ къ возобновленію борьбы. Но во имя чего же идетъ эта борьба? Какое право поддерживаютъ Юрьевичи противъ Василія? Борьба идетъ во имя права самосохраненія: доведенные до отчаянія, озлобленные неудачею, Юрьевичи повинуются одному инстинкту самосохраненія и не разбираютъ средствъ для достиженія дѣла; но средства, употребляемыя Юрьевичами, вызываютъ подобныя же и со стороны ихъ соперника.

Косой бѣжалъ изъ Москвы въ Новгородъ Великій; но скоро выѣхалъ оттуда, пограбивши по дорогѣ берега Мсты, Бѣжецкой-Верхъ и Заволочье. Въ 1435 году онъ успѣлъ собрать войско въ Костромѣ и встрѣтился съ великимъ княземъ Московскимъ въ Ярославской волости, на берегу Которости, между Кузьминскимъ и Великимъ Селомъ. Богъ помогъ Василію Васильевичу: Косой бѣжалъ въ Кашиль и, собравшись здѣсь съ силами, напалъ нечаянно на Вологду, гдѣ была застава (гарнизонъ) великокняжеская, захватили воеводу и дворянъ московскихъ и послалъ за Вятчанами, которые не замедлили придти къ нему. Московскій князь пошелъ опять за нимъ къ Костромѣ и сталъ у нынѣшняго монастыря Ипатьевского, на мысѣ между Волгою и Костромою, за которою расположился Косой. Рѣка помѣшала биться, — и двоюродные братья помирились: великій князь отдалъ Косому въ удѣлъ Дмитровъ; — почему же не прежній удѣлъ его, Звенигородъ? почему и прежде Василій не далъ этого отцовскаго удѣла Шемякѣ и уступилъ ему удѣлъ Константина Дмитріевича? Распоряженіе это объясняется послѣдующими распоряженіями: и послѣ великіе князья стараются церемнить владѣнія князей удѣльных, дабы послѣдніе, постоянно живя въ одномъ удѣлѣ, не могли пріучить къ себѣ его жителей, пріобрѣсть ихъ любовь. Юрьевичъ призналъ Василія Васильевича старшимъ братомъ, обязался не брать великаго княженія, если Татары будутъ давать ему его, обязался также отдать всю казну, увезенную имъ изъ Москвы, равно казну покойнаго дяди Константина. Въ этомъ же договорѣ встрѣчаемъ слѣдующее условіе: „Которые гости сукошники завели кралоу на меня, великаго князя, и на мою мать, великую княгиню, да ушли изъ Москвы въ Тверь во время нашей войны, тѣхъ тебѣ не принимать“¹⁾.

Но миръ былъ не долготъ: проживъ только мѣсяцъ въ Дмитровѣ, Косой отправился опять въ Кострому, отославши къ великому князю разметныя грамоты. Проживши въ Костромѣ до зимняго пути, отправился къ брату въ Галичъ, отсюда къ Устюгу, куда пришли къ нему и Вятчане; не могли взять крѣпости устюжской Гледена силою, взяли его на условіяхъ, но, нарушивъ ихъ, убилъ московскаго воеводу князя Оболенскаго, повѣсилъ десятильника владыки Ростовскаго, и многихъ Устюжанъ перебилъ и перевѣшалъ²⁾. И въ это самое время братъ Косаго, Шемяка, пріѣхалъ въ Москву звать великаго князя къ себѣ на свадьбу; но Василій Васильевичъ велѣлъ задержать его и стеречь въ Коломнѣ на все время войны съ братомъ его; третій же Юрьевичъ, Дмитрій Красный, по своему кроткому характеру, не могъ возбудить подозрѣнія и былъ въ войскахъ великаго князя. Послѣдній встрѣтился съ Косымъ въ Ростовской области, при селѣ Скортинѣ. У Юрьевича, кромѣ Вятчанъ, былъ двоюродный братъ его Шемяка; съ великимъ княземъ, кромѣ Дмитрія Краснаго, находился Иванъ Можайскій и новоприбывшій изъ Литвы князь Иванъ Баба Друцкой, который изрядилъ свой полкъ съ конями. По литовскому обычаю. Косой не надѣялся одолѣть соперника силою и рѣшился употребить коварство: заключилъ съ великимъ княземъ перемиріе до утра, и когда Василій, понадѣявшись на это, распустилъ свои полки для сбора припасовъ, вдругъ прибѣжали къ нему сторожа съ вѣстію, что неприятель наступилъ. Великій князь тотчасъ разослалъ по всѣмъ сторонамъ приказъ собираться, самъ схватилъ трубу и началъ трубить; полки московскіе успѣли собраться до прихода Косаго, который былъ разбитъ, взять въ плѣнъ и отвезены въ Москву, и когда союзники его, Вятчане, схватили воеводу великокняжескаго, князя Александра Врххатаго, взяли съ него богатый окупъ, и, несмотря на это, отвели къ себѣ въ плѣнъ, то великій князь велѣлъ ослѣпить Косаго³⁾. Ожесточенная борьба, въ которой рѣшался вопросъ, кому стать сильнѣе всѣхъ и подчинить себѣ всѣхъ другихъ? — давно уже шла между князьями, — борьба, по означенному характеру не могла отличиться мягкостію средствъ: такъ борьба между Москвою и Тверью кончилась гибелью четырехъ князей тверскихъ; московскіе князья погубили ихъ въ Орді посредствомъ хана, но не менѣе того погубили. Теперь же, въ борьбѣ между московскими князьями, соперники были поставлены въ положеніе гораздо опаснѣйшее: прежде вопросъ шелъ только о великомъ княженіи Владимірскомъ, торжество одного князя еще не грозило такою близкою гибелью побѣжденному; онъ, его сыновья и внуки могли существовать, какъ владѣльцы почти независимые, тогда какъ теперь обстоятельства были уже не тѣ. Косой обнаружилъ свой характеръ и свои дѣла, показалъ, что пока онъ живъ, имѣетъ средства вредить, до

¹⁾ Акты Арх. Эксп. т. I, № 29

²⁾ Никон. V, 120; Акты Истор. I, № 40.

³⁾ Арханг., стр. 147.

тѣхъ поръ Василій Васильевичъ не будетъ покоенъ; ханы въ это время потеряли прежнее значеніе, ихъ уже нельзя было употреблять оружіемъ для гибели соперника, и князьямъ было предоставлено раздѣляться самими другъ съ другомъ.

По ослабленіи Косаго, великій князь выпустилъ брата его, Шемяку, изъ Коломны въ прежній уѣздъ и заключилъ съ нимъ договоръ, совершенно одинаковый съ предыдущимъ ¹⁾. Въ 1440 году встрѣчаемъ новый договоръ съ Юревичемъ ²⁾, гдѣ между прочимъ сказано слѣдующее: „Также и теперь что вы взяли на Москвѣ нынѣшнимъ приходомъ у меня, и у моей матери, и у моихъ князей, у бояръ моихъ и дѣтей боярскихъ, и что будетъ у васъ, то все вы должны отдать“. Это мѣсто ясно указываетъ на неприятельскій приходъ Юревичей къ Москвѣ. Лѣтописцы молчатъ объ этомъ приходѣ Шемяки подъ 1440 годомъ и помѣщаютъ приходъ его подъ 1442, которому предшествовалъ походъ великаго князя на Юревича и бѣгство послѣдняго въ Новгородскую область ³⁾; причиною вражды Василія къ Шемякѣ въ этомъ случаѣ было то, что Юревичъ ослушался зову великокняжескаго и не пошелъ помогать Москвѣ, когда она была осаждена ханомъ Улу-Махметомъ въ 1439 году ⁴⁾; соперники были припрены Троицкимъ архимандритомъ Зиновіемъ. Если мы предположимъ, что въ лѣтописи перемѣшаны года, и этотъ походъ 1442 года должно отнести къ 1440, послѣ котораго и былъ заключенъ означенный договоръ, то дѣло можетъ объясниться легко: въ 1439 году Улу-Махметъ осаждалъ Москву, Шемяка не явился на помощь, за что великій князь пошелъ на него и прогналъ въ Новгородскую область; потомъ Шемяка, оправившись, явился самъ подъ Москву и заключилъ миръ.

Такъ кончилась первая половина усобицы въ княженіе Василія Васильевича. За право дядей боролся одинъ Юрій, остальные три Дмитріевича были на сторонѣ племянника, хотя, какъ видно, и не желали окончательнаго низложенія брата. Всѣ они умерли во время первой половины усобицы, до 1440 года; Петръ и Константинъ умерли бездѣтны; Андрей оставилъ двоихъ сыновей—Ивана Можайскаго и Михаила Верейскаго. Мы видѣли поведеніе Ивана Можайскаго въ борьбѣ Юрія съ Василіемъ: чтобы не лишиться волости, чтобы не заставить мать свою скитаться по чужимъ сторонамъ, онъ принимаетъ сторону побѣдителя, увѣряя въ вѣрности своей побѣжденнаго, — таково обыкновенно поведеніе слабыхъ въ борьбѣ двухъ сильныхъ. До насъ дошелъ договоръ обонхъ Андреевичей съ Василіемъ Васильевичемъ, заключенный, какъ видно, еще до поѣздки въ Орду,

когда еще Василій не былъ увѣренъ, что получить великое княженіе, ибо Андреевичи говорятъ: „А дасть тебѣ Богъ достать свою вотчину, великое княженіе, то ты насъ пожагаешь, какъ общался, изъ великаго княженія, по пригожу“. Андреевичи обыиваются считать себя младшими братьями ⁵⁾. Послѣ торжества дяди Юрія, они заключили и съ нимъ договоръ, въ которомъ обыиваются почитать его отцомъ, не сноситься съ Василіемъ Васильевичемъ и, по кончѣ Юрія, признавъ великое княженіе за дѣтьми его—знакъ, что Юрій, подъ предлогомъ старшинства, велъ борьбу вовсе не за старшій порядокъ вещей и, добывши себѣ великое княженіе, передавалъ его своимъ дѣтямъ, мимъ законнаго по старинѣ наследника ⁶⁾. Также точно обязался не искать великаго княженія Московскаго, подъ сыновьями Юрія, и Рязанскій князь Иванъ Федоровичъ, по матери родной племянникъ Юрію, который обязывается имѣть его племянникомъ; сынъ его, Василій Косой, обязывается имѣть Рязанскаго князя братомъ равнымъ, Дмитрій Шемяка и Дмитрій Красный — братомъ старшимъ ⁷⁾. До насъ дошелъ также договоръ князя Василія Ярославича, внука Владиміра Андреевича, съ зятемъ (мужемъ сестры) и четверюроднымъ братомъ, Василіемъ Васильевичемъ Московскимъ. Въ этомъ договорѣ замѣчаемъ другой тонъ, гораздо униженнѣе: Василій Ярославичъ называетъ Московскаго князя старшимъ отцомъ и отцомъ, обязывается держать подъ нимъ великое княженіе честно и грозно ⁸⁾.

Съ 1440 года по 1445 у великаго князя не было враждебныхъ столкновеній съ Шемякою; послѣдній дожидаясь удобнаго случая для возобновленія борьбы, и этотъ случай наконецъ представился по поводу дѣлъ татарскихъ. Прежде поѣздки Василія Васильевича съ дядею въ Орду, для суда предъ ханомъ, мы встрѣчаемъ извѣстія объ обычныхъ набѣгахъ Татаръ на украинскія мѣста: въ 1425 году они приходили на Рязанскую Украину, но были разбиты Рязанцами и потеряли всю добычу; въ концѣ 1428 года они напали печально на Галицкую область и стояли здѣсь мѣсяць; потомъ взяли Кострому, Плесо, Луку, и ушли Волгою внизъ. Великій князь Василій послалъ за ними въ погоню дядей своихъ Андрея и Константина Дмитріевичей и боярина Ивана Дмитріевича съ полками московскими; они не догнали Татаръ и возвратились; но князь Федоръ Стародубскій-Пестрый съ Федоромъ Константиновичемъ Добрынскимъ, тайкомъ отъ московскихъ князей, погнался за Татарами, догнали задніе отряды и побѣди. Тотъ же князь Федоръ Давыдовичъ Пестрый, по приказанію князя Московскаго, ходилъ на Болгаръ и поплѣнилъ всю ихъ Землю въ 1431 году. Въ 1437 году Татары опустошили границы рязанскія; но гораздо важнѣе были дѣла съ ними въ концѣ года, когда

¹⁾ С. г. г. и д. I, № 56 и 57.

²⁾ Тамъ же, № 60.

³⁾ Никон. V, 157.

⁴⁾ См. посланіе духовенствъ къ Шемякѣ — Акты Ист. I, № 40. «Егда приходилъ въ Москвѣ безбожный царь Махметъ, и кн. вел. Вас. Вас. колюкое пословъ своихъ по тебѣ посылалъ также и грамоту, зовучи тебе къ собѣ на помощь? и ты къ нему не пошелъ»

⁵⁾ С. г. г. и д. I, № 46.

⁶⁾ Тамъ же, № 47.

⁷⁾ Тамъ же, № 48.

⁸⁾ Тамъ же, № 45.

ханъ Улу-Махметъ, изгнанный изъ Золотой Орды брагомъ своимъ, явился на границахъ русскихъ и засѣлъ въ Бѣлевѣ. Великій князь отправилъ противъ него сильныя полки подъ начальствомъ обоихъ Юревичей—Шемяки и Краснаго, которые, по свидѣтельству лѣтописца, грабили по дорогѣ своихъ Русскихъ, мучили людей, допытываясь у нихъ имѣнія, били скотъ и позволяли себѣ всякаго рода неприличныя поступки ¹⁾. Когда они пришли къ Бѣлеву, то ханъ испугался, прислалъ просить мира, отдавая на всю волю князей русскихъ; но тѣ не послушали его рѣчей, двинулись къ городу и нанесли Татарамъ сильное пораженіе. На другой день татарскіе мурзы пріѣхали опять для переговоровъ съ великокняжескими воеводами: ханъ давалъ сына и мурзъ своихъ въ заложники, обязывался, пока живъ, стеречь Русскую Землю и не требовать никакихъ выходовъ. Но воеводы не соглашались и на эти условія; тогда мурзы сказали имъ: „Не хотите мира, такъ оглянитесь назадъ!“ — и воеводы увидали, что все русское войско бѣжитъ назадъ передъ Татарами. Причиной этого бѣгства былъ литовскій мценскій воевода Григорій Протасевъ, присланный своимъ княземъ на помощь Москвитчамъ; онъ передался на сторону хана и началъ говорить московскимъ воеводамъ: „Великій князь мой прислалъ ко мнѣ приказъ, чтобъ я не бился съ ханомъ, а заключилъ съ нимъ миръ и распустилъ полки.“ Когда московскіе воеводы приуныли отъ этого объявленія, Протасевъ послалъ ночью къ хану, чтобъ тотъ утромъ нападалъ на московскую рать. Утро, какъ нарочно, было мглнстое, и русскіе сторожа не видали, какъ Татары вышли изъ города и напали на московскіе полки; Протасевъ побѣжалъ прежде всѣхъ, крича: „Вѣги! бѣги!“ — и всѣ въ ужасѣ побѣжали за нимъ.

Послѣ этой побѣды, Улу-Махметъ пошелъ степью мимо русскихъ границъ, переправился черезъ Волгу и засѣлъ въ опустѣлой отъ русскихъ набѣговъ Казани, гдѣ поставилъ себѣ деревянный городъ на новомъ мѣстѣ, и въ іюлѣ 1439 года явился нечаянно подъ Москвою. Великій князь не успѣлъ собраться съ силами — и уѣхалъ за Волгу, оставивъ защищать Москву воеводу своего, князя Юрія Патрикѣвича; ханъ стоялъ 10 дней подъ городомъ, взявъ его не могъ, но надѣлалъ много зла Русской Землѣ; на возвратномъ пути сжегъ Коломну и погубилъ множество людей. Въ 1444 году султанъ Мустафа пришелъ на Рязань со множествомъ Татаръ, повоевалъ влостн и села рязанскія, и остановился въ степи для продажи плѣнниковъ, которыхъ выкупали Рязанцы. Когда плѣнные были всѣ выкуплены, Мустафа пришелъ опять въ Рязань, на этотъ разъ уже съ миромъ; хотѣлось ему зимовать въ городѣ, потому что въ степи не было никакой возможности оставаться: осенью вся степь погорѣла пожарами, а зима была лютая, съ большими снѣгами и сильными влюгами; отъ безкормицы лошади

у Татаръ перемерли. Когда въ Москвѣ узнали объ этомъ, то великій князь отправилъ на Мустафу двоихъ воеводъ своихъ — князя Василія Оболенскаго и Андрея Голтѣева, съ дворомъ своимъ, да Мордву на лыжахъ. Московскіе воеводы нашли Мустафу подъ Переяславлемъ на рѣкѣхъ Листани, потому что Рязанцы выслали его изъ своего города. Несчастные Татары, полузамерзшіе, безконныя, не могли владѣть луками по причинѣ сильного вихря, должны были выдержать нападеніе съ трехъ сторонъ: отъ воеводъ московскихъ, отъ Мордвы и отъ казаковъ рязанскихъ, которые упоминаются тутъ въ первый разъ. Несмотря на безпомощное состояніе свое, Татары рѣзались крѣпко, но выраженію лѣтописца, живыми въ руки не давались, и были сломлены только превосходнымъ числомъ непріятелей, причемъ самъ Мустафа былъ убитъ. Другіе Татары въ томъ же году отплатили за Мустафу нападеніемъ и на Рязанскую Украину, и на Землю Мордовскую; а въ 1445 году ханъ Улу-Махметъ засѣлъ въ старомъ Нижнемъ-Новгородѣ, и оттуда пришелъ къ Мурому. Великій князь вышелъ противъ него со всеми своими силами, съ князьями Шемякою, обоими Андреевичами и Василемъ Ярославичемъ; ханъ испугался и убѣжалъ назадъ въ старый Нижній-Новгородъ, только передовымъ полкамъ великокняжескимъ удалось побить Татаръ подъ Муромомъ, Гороховцемъ и въ другихъ мѣстахъ.

Но иначе кончилось дѣло при второй встрѣчѣ Василія съ Татарами Улу-Махметовыми. Весною того же года пришла въ Москву вѣсть, что двое сыновей Улу-Махметовыхъ опять появились въ русскихъ границахъ, и великій князь, заговѣвшись на Пегровъ постъ, вышелъ противъ нихъ. Въ Юрьевъ прискакали къ нему нижегородскіе воеводы — князь Оедоръ Долголядовъ и Юшка Драница съ вѣстію, что „они выбѣжали ночью изъ города, зажегши его, потому что не могли долѣе переносить голода: что было хлѣбнаго запаса, все переѣли“. Тогда великій князь, проведши Пегровъ день въ Юрьевѣ, пошелъ къ Суздалю и сталъ на рѣкѣ Камениѣ, куда пришли къ нему двоюродные братья Андреевичи и Василій Ярославичъ. 6 іюля московское войско переполнилось, надѣли доспѣхи, подняли знамена и выступили въ поле, но непріятель не покажется, и великій князь, возвратившись въ станъ, сѣлъ ужинать съ князьями и боярами; долго пили ночью, встали на другой день уже послѣ солнечнаго восхода, и Василій, отелунавъ заутреню, хотѣлъ было опять лечь спать, какъ пришла вѣсть, что Татары переправляются черезъ рѣку Нерль. Великій князь тотчасъ же послалъ съ этою вѣстію по всѣмъ станамъ, самъ надѣлъ доспѣхи, поднялъ знамена и выступилъ въ поле; — но войска было у него мало, всего тысячи съ полторы, потому что полки союзныхъ князей не успѣли собраться, не успѣли прійти и союзные Татары, не пришелъ и Шемяка, несмотря на то, что къ нему много разъ посылали ²⁾. Подлѣ

¹⁾ Неподобная и скверная дѣячу.

²⁾ Акты Истор. I, № 40.

Евоніева монастыря, по лѣвую сторону, сошлись русскіе полки съ Татарами, и въ первой стычкѣ рать великокняжеская обратила въ бѣгство Татары; но когда стала гнаться за ними въ безпорядкѣ, то непріятель обратился и нанесъ Русскимъ совершенное поражение. Великій князь отбивался храбро, получилъ множество ранъ и былъ наконецъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ Михаиломъ Андреевичемъ; князь Иванъ Андреевичъ Можайскій былъ также раненъ и сбитъ съ коня, но успѣлъ пересѣсть на другого и спасся бѣгствомъ. Побѣдители разсыпались по окрестности для грабежа, а сыновья ханскіе, остановившіеся въ Евоніевѣ монастырѣ, сняли съ великаго князя крестъ-тѣлникъ и отослали въ Москву къ матери и женѣ плѣнника.

Когда узнали въ Москвѣ объ участи великаго князя, то поднялся плачъ великій и рыданіе многое, говоритъ лѣтописецъ. Но за этою бѣдою для Москвичей по слѣдамъ шла другая: ночью 14 іюля загорѣлся ихъ городъ и выгорѣлъ весь; не осталось ни одного дерева, а каменные церкви распались и стѣны каменные попадали во многихъ мѣстахъ; людей много погорѣло, — по нѣкоторымъ извѣстіямъ 700 человекъ¹⁾, по другимъ — гораздо больше, духовныхъ и мірянъ, потому что съ одной стороны огонь, а съ другой боялись Татары; казны и всякаго товара сгорѣло множество, ибо изъ разныхъ городовъ собрались тогда жители въ Москву и сѣли въ осаду. Великія княгини — Софья и Марья — съ дѣтьми и боярами уѣхали въ Ростовъ; по нѣкоторымъ же извѣстіямъ, великая княгиня Софья отправилась — было сначала въ Тверь, но отъ рѣки Дубны была возвращена назадъ Шемякою. Между тѣмъ въ Москвѣ, послѣ отъѣзда княгинь, поднялось волненіе: тѣ, которые могли бѣжать, хотѣли оставить Москву; но чернь, собравшись, прежде всего начала строить городовыя ворота, хотѣвшихъ бѣжать хватали, били, ковали, и тѣмъ прекратили волненіе; всѣ вмѣстѣ начали укрѣплять городъ и готовить дѣсь для постройки домовъ.

Между тѣмъ побѣдители Татары подошли — было ко Владиміру, но не рѣшились на приступъ, и удалились сперва къ Мурому, потомъ къ Нижнему, откуда Улу-Махметъ со всею Ордою и илѣннымъ великимъ княземъ отступилъ къ Курмышу, отправивши посла своего Бегича къ Шемякѣ, который могъ теперь думать, что благоприятная судьба внезапною, неожиданною развязкою дастъ ему желанное торжество. Онъ принялъ посла съ большою честью и отпустилъ его, но выраженію лѣтописца, „со всѣмъ лихомъ на великаго князя“, и вмѣстѣ съ Бегичемъ отправилъ къ хану своего посла, дьяка Дубенскаго, хлопотать о томъ, чтобы Василію не выйти на великое княженіе. Но ханъ хотѣлъ кончить дѣло какъ можно скорѣе, какъ можно скорѣе получить выгоды отъ своей побѣды; думая, что посоль его, долго не возвращавшіеся отъ Ше-

мяки, убитъ послѣднимъ, Махметъ вступилъ въ переговоры съ своимъ плѣнникомъ и согласился отпустить его въ Москву. Касательно условій освобожденія свидѣтельства разногласить: въ большей части лѣтописей сказано: „Царь Улу-Махметъ и сынъ его утвердили великаго князя крестнымъ плѣваніемъ, что дать ему съ себя окупъ, сколько можетъ“; но въ нѣкоторыхъ означена огромная сумма 200,000 рублей, намекается также и на другія какія-то условія: „А иное Богъ вѣсть, и она между собою“²⁾; во всякомъ случаѣ, трудно согласиться, чтобы окупъ былъ умѣренный. Лѣтописи единогласно говорятъ, что съ великимъ княземъ выѣхали изъ Орды многіе князья татарскіе со многими людьми. И прежде Василій принималъ татарскихъ князей въ службу и давалъ имъ кормленіе — средство превосходное противопоставлять варварамъ варваровъ же, средство, которое Россія должна была употреблять вслѣдствіе самаго своего географическаго положенія; но современники думали не такъ: мы видѣли, какъ они роптали, когда, при отцѣ Василія, давались литовскимъ князьямъ богатая кормленія; еще болѣе возбудили ихъ негодованіе подобные поступки съ Татарами, потому что въ нихъ не могла еще тогда погаснуть сильная ненависть къ этому народу, и когда къ тому еще были наложены тяжкія подати, чтобы достать денегъ для окупа, то неудовольствіе обнаружилось въ самыхъ стѣнахъ Москвы; имъ сѣвшиль воспользоваться Шемяка. Теперь, больше чѣмъ когда-либо, Юрьевичъ долженъ былъ опасаться Василія, потому что посоль его къ хану былъ перехваченъ, и великій князь зналъ о его замыслахъ; но, занятый дѣлами татарскими, онъ не могъ думать о преслѣдованіи Дмитрія. Послѣдній сѣвшиль предупредить его и началъ сносятся съ княземъ Борисомъ Тверскимъ и Можайскимъ княземъ Иваномъ Андреевичемъ, у котораго хотя прежде и было неудовольствіе съ великимъ княземъ, однако потомъ заключенъ былъ миръ: Василій далъ ему Козельскъ съ волостями, — и Можайскій князь вмѣстѣ съ братомъ, какъ мы видѣли, находился въ Суздальской битвѣ³⁾. Шемяка сообщилъ князьямъ слухъ, который носился тогда, объ условіяхъ Василія съ ханомъ Махмедомъ: шла молва, будто великій князь обѣщалъ отдать хану все Московское княжество, а самъ удовлетворялся Тверью. Князья Тверской и Можайскій повѣрили или сочли полезнымъ для себя повѣрить, и согласились дѣйствовать заодно съ Шемякою и московскими недовольными, въ числѣ которыхъ были бояре, гости и даже чернецы⁴⁾, а

²⁾ Тамъ же, стр. 125; стр. 218: «Послѣливъ на собѣ (в. князь) отъ злата и сребра и отъ портица всякого и отъ коней, и отъ доенъховъ пол-30 тысячъ, а съ нимъ придоша 500 татаръ».

³⁾ Собр. гос. гр. и дог. I, № 61. Эта договорная грамота в. князя съ Андреевичами написана 17 іюля 1447 г., слѣд. когда в. князь съ Михаиломъ Андреевичемъ находился въ плѣну татарскомъ, и Михаилъ дѣйствовалъ именемъ отсутствующаго старшаго брата.

⁴⁾ Троицкіе — П. С. Р. Л. V, 268.

¹⁾ П. С. Р. Л. IV, 125; тамъ же стр. 218, показано 2,700 сгорѣвшихъ.

главнымъ двигателемъ былъ Иванъ Старковъ; изъ бояръ Шемякиныхъ главнымъ совѣтниками лѣтописецъ называетъ Константиновичей, изъ которыхъ послѣ на видномъ мѣстѣ является Никита Константиновичъ.

Въ 1446 году московскіе недовольные дали знать союзнымъ князьямъ, что Василій побѣхалъ молиться въ Троицкій монастырь; Шемяка и Можайскій, ночью 12 февраля, овладѣли врасплохъ Москвою, схватили мать и жену великаго князя, казну его разграбили, вѣрныхъ бояръ перехватили и пограбили, пограбили также многихъ гражданъ, и въ ту же ночь Можайскій отправился къ Троицѣ съ большою толпою своихъ и Шемякиныхъ людей. Великій князь слушалъ объѣдню, 13 числа, какъ вдругъ вбѣгаетъ въ церковь Рязанецъ Бунко и объявляетъ ему, что Шемяка и Можайскій идутъ на него ратію. Василій не повѣрилъ ему, потому что Бунко незадолго передъ тѣмъ отбѣхалъ отъ него къ Шемякѣ: „Эти люди только смущаютъ насъ, сказалъ великій князь: можетъ ли быть, чтобы братья пошли на меня, когда я съ ними въ крестномъ цѣлованіи?“ — и велѣлъ выбить Бунку изъ монастыря, поворотить его назадъ. Не повѣривши Бунку, великій князь послалъ однако на всякій случай сторожей къ Радонежу¹⁾ (на гору); но сторожа просматрѣли ратныхъ людей Можайскаго, ибо тѣ увидали ихъ прежде и сказали своему князю, который велѣлъ собрать много сaney—инья съ рогожами, другія съ постелями, и положить въ нихъ по два человѣка въ доспѣхахъ, а третьему велѣлъ идти сзади, какъ будто за гозомъ. Вбѣхавши на гору, ратники выскочили изъ возовъ и перехватили сторожей, которымъ цѣльзъ было убѣжать, потому что тогда снѣгъ лежалъ на девять пядей. Забравши сторожей, войско Можайскаго пошло тотчасъ же къ монастырю. Великій князь увидалъ непріятелей, какъ они скакали съ Радонезской горы къ селу Клементьевскому, и бросился было на конюшенный дворъ, по здѣсь не было ни одной готовой лошади, потому что самъ онъ прежде не распорядился, понабѣявшись на крестное цѣлованіе, а люди всѣ оторопѣли отъ страха. Тогда Василій побѣжалъ въ монастырь, къ Троицкой церкви, куда пономарь выпустилъ его и занеръ за нимъ двери. Тотчасъ послѣ этого всакали на монастырь и враги; прежде всѣхъ вбѣхалъ бояринъ Шемякинъ Никита Константиновичъ, который разлетѣлся на конѣ даже на лѣстницу церковную, но, какъ сталъ слѣзать съ лошади, споткнулся объ камень, лежащій на панерти, и упалъ; когда его подняли, то онъ едва очнулся, шатался точно пьяный, и поблѣднѣлъ какъ мертвецъ. Потомъ вбѣхалъ на монастырь и самъ князь Иванъ, и сталъ спрашивать, гдѣ князь великій. Василій, услыхавъ его голосъ, закрычалъ ему изъ церкви: „Братья! помилуйте меня! позвольте мнѣ остаться здѣсь смотрѣть на образъ

Божій, Пречистыя Богородицы, Всѣхъ Святыхъ: я не выйду изъ этого монастыря, постригусь здѣсь.“ — и, взявши икону съ гроба Св. Сергія, пошелъ къ Южнымъ дверямъ, самъ отперъ ихъ и, встрѣтивъ князя Ивана съ иконою въ рукахъ, сказалъ ему: „Братъ! цѣловали мы животеорящій крестъ и эту икону, въ этой самой церкви, у этого гроба чудотворцева.— что не мыслить намъ другъ на друга никакого лиха, а теперь не знаю, что надо мною дѣлается?“ Иванъ отвѣчалъ: „Государь! если мы захотимъ сдѣлать тебѣ какое зло, то пусть это зло будетъ надъ нами; а что теперь дѣлаемъ, такъ это мы дѣлаемъ для христіанства, для твоего окупа. Татары, которые съ тобою пришли, когда увидятъ это, облегчатъ окупъ.“

Василій, поставивъ икону на мѣсто, упалъ предъ чудотворцевымъ гробомъ и сталъ молиться съ такими слезами, воплемъ и рыданіемъ, что прослезилъ самихъ враговъ своихъ. Князь Иванъ, помолвившись немного въ церкви, выпшелъ вонъ, сказавши Никитѣ: „Возьми его.“ Великій князь, помолвившись, всталъ и, оглянувшись кругомъ, спросилъ: „Гдѣ же братъ, князь Иванъ?“ Въмѣсто отвѣта, подошелъ къ нему Никита Константиновичъ, схватилъ его за плеча и сказалъ: „Взять ты великимъ княземъ Димитріемъ Юрьевичемъ.“ Василій сказалъ на это: „Да будетъ воля Божія!“ Тогда Никита вывелъ его изъ церкви и изъ монастыря, послѣ чего посадили его на голыя сани, съ чернецомъ напротивъ, и повезли въ Москву; бояръ великокняжескихъ также перехватили, но о сыновьяхъ, Иванѣ и Юріи, бывшихъ вмѣстѣ съ отцомъ въ монастырѣ, даже и не спросили. Эти малолѣтніе князья днемъ спрятались вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ слугъ, а ночью убѣжали въ Юрьевъ, къ князю Ивану Рязоловскому въ село его Боярово; Рязоловскій, взявши ихъ, побѣжалъ вмѣстѣ съ братьями, Семеномъ и Димитріемъ, и со всѣми людьми своими въ Муромъ и тамъ заперся.

Между тѣмъ, великаго князя привезли въ Москву на ночь 14 февраля и посадили на дворѣ Шемякинѣ; 16 числа на ночь ослѣпили и послали въ Угличъ вмѣстѣ съ женою, а мать, великую княгиню Софью Витовтовну, отослали на Чухлому. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ приведены причины, побудившія Шемяку ослѣпить Василія: „За чѣмъ привелъ Татаръ на Русскую Землю, и города съ волостями отдалъ имъ въ кормленіе? Татаръ и рѣчь ихъ любилъ сверхъ мѣры, а христіанъ томилъ безъ милости; золото, серебро и всякое имѣніе отдавалъ Татарамъ; наконецъ, за чѣмъ ослѣпилъ князя Василія Юрьевича?“ — Услыхавши объ ослѣпленіи великаго князя, братъ жены его, князь Василій Ярославичъ, вмѣстѣ съ княземъ Семеномъ Ивановичемъ Оболенскимъ убѣжали въ Литву. Мы видѣли литовскихъ князей въ Москвѣ, теперь видимъ явленіе обратное: и великіе князья литовскіе принимаютъ московскихъ выходцевъ точно такъ же, какъ московскіе принимали литовско-русскихъ,—съ честью, даютъ имъ богатыя кормленія; такъ, Василію

¹⁾ Городокъ Радонезъ, близъ Троицы, упоминается Никои. IV, 205; VI, 130, село Радонезское. С. г. г. и д. I, № 21, 22.

Ярославичу дали Брянскъ, Гомель, Стародубъ, Мстиславль и многія другія мѣста. Изъ бояръ и слугъ Василіевыхъ одни присягнули Шемякѣ, другіе убѣжали въ Тверь; всѣхъ отважило поступилъ Оедоръ Басенокъ, объявивши, что не хочетъ служить Шемякѣ, который за это велѣлъ заковать его въ желѣза; но Басенокъ успѣлъ вырваться изъ нихъ, убѣжалъ въ Коломну, подговорилъ тамъ многихъ людей, разграбилъ съ ними Коломенскій уѣздъ и ушелъ въ Литву, къ князю Василію Ярославичу, который отдалъ ему и князю Семену Оболенскому Брянскъ ¹⁾.

Шемяка видѣлъ, что не можетъ быть покоенъ до тѣхъ поръ, пока сыновья Василія находятся на свободѣ въ Муромѣ съ многочисленною дружиною, но не смѣлъ послать противъ нихъ войско, боясь всеобщаго негодованія противъ себя, и придумалъ слѣдующее средство, — призвалъ къ себѣ въ Москву Рязанскаго епископа Іону и сталъ говорить ему: „Батюшка! побѣжай въ свою епископію, въ Муромъ, и возьми на свою эпитрахиль дѣтей великаго князя Василія, а я съ радостію ихъ пожалую, отца ихъ выпущу и вочину дамъ достаточную, чѣмъ будетъ имъ можно жить“. Владыка отправился въ Муромъ и передалъ Рязанцевымъ слова Шемяки. Тѣ начали думать: „Если мы теперь святителя не послушаемъ, не пойдѣмъ къ князю Дмитрію съ дѣтьми великокняжескими, то онъ придетъ съ войскомъ и городъ возьметъ; тогда и дѣти, и отецъ ихъ, и мы всѣ будемъ въ его волѣ“. Рѣшившись исполнить требованіе Шемяки, они сказали Іонѣ: „Мы не отпустимъ съ тобою дѣтей великокняжескихъ такъ просто, но пойдѣмъ въ соборную церковь, и тамъ возьмемъ ихъ на свою эпитрахиль“. Іона согласился, пошелъ въ церковь, отслужилъ молебень Богородицѣ, взялъ дѣтей съ пелены отъ Пречистой на свою эпитрахиль и поѣхалъ съ ними къ Шемякѣ въ Переяславль, куда прибылъ 6 мая. Шемяка принявъ малютку ласково, позвалъ на обѣдъ, одарилъ, но на третій день отослалъ къ отцу въ Угличъ, въ заточеніе. Тогда Рязанцевскіе, увидавъ, что Шемяка не сдержалъ своего слова, стали думать, какъ-бы освободить великаго князя изъ заточенія. Въ этой думѣ были съ ними вмѣстѣ: князь Иванъ Васильевичъ Стрига-Оболенскій, Иванъ Ощера съ братомъ Бобромъ, Юнка Драница, котораго прежде мы видѣли воеводою нижегородскимъ, Семень Филимоновъ съ дѣтьми, Русалка, Руно и многіе другіе дѣти боярскіе. Они сговорились сойтись къ Угличу въ Петровъ день, въ полдень. Семень Филимоновъ пришелъ ровно въ срокъ, но Рязанцевскіе не могли этого сдѣлать, потому что были задержаны отрядомъ Шемяки, за ними посланнымъ; они разбили этотъ отрядъ, но, зная, что уже опоздали, двинулись назадъ по Новгородской области въ Литву, гдѣ соединились съ прежними выходцами, а Филимоновъ пошелъ опять къ Москвѣ.

Шемяка испугался этихъ движеній въ пользу плѣннаго Василія, послалъ за владыками и началъ думать съ ними, съ княземъ Иваномъ Можайскимъ и боярами: выпускать-ли плѣннаго Василія изъ заточенія или нѣтъ. Сильнѣе всѣхъ въ пользу Василія говорилъ епископъ Іона, нареченный митрополитъ; онъ каждый день твердилъ Шемякѣ: „Сдѣлалъ ты неправду, а меня ввелъ въ грѣхъ и срамъ; ты обѣщалъ и князя великаго выпустить, а вмѣсто того и дѣтей его съ ними посадили; ты мнѣ далъ честное слово, и они меня послушали, а теперь я остаюсь передъ ними лежепомъ. Выпусти его, сними грѣхъ съ своей души и съ моей! что тебѣ можетъ сдѣлать слѣпой да малыя дѣти? Если боишься, укрѣпи его еще крестомъ честнымъ, да и нашу братьею, владыками“. Шемяка рѣшился наконецъ освободить Василія, дать ему отчину, и, осенью 1446 года, ²⁾ отправился въ Угличъ съ епископами, архимандритами и игуменами. Приѣхавши туда, онъ выпустилъ Василія и дѣтей его изъ заключенія, кажался и просилъ у него прощенія; Василій также въ свою очередь складывалъ всю вину на одного себя, говорилъ: „И не такъ еще мнѣ надобно было пострадать за грѣхи мои и клятвенное преступленіе передъ вами, старинными братьями моими, и передъ всѣми православнымъ христіанствомъ, которое изгубилъ и еще изгубить хотѣлъ. Достойно былъ я и смертной казни, но ты, государь, показалъ ко мнѣ милосердіе, не погубилъ меня съ моими беззаконіями, далъ мнѣ время покаяться“. Когда онъ это говорилъ, слезы текли у него изъ глазъ какъ ручьи; всѣ присутствующіе дивились такому смиренію и умиленію, и плакали сами, на него глядя. На радости примиренія, Шемяка далъ Василію, женѣ его и дѣтямъ большой пиръ, гдѣ были всѣ епископы, многіе бояре и дѣти боярскіе; Василій получилъ богатые дары и Вологду въ отчину, давши напередъ Шемякѣ проклятія грамоты не искать великаго княженія. Но приверженцы Василія ждали только его освобожденія, и толпами кинулись къ нему. Затрудненіе состояло въ проклятыхъ грамотахъ, данныхъ на себя Василіемъ; Трифонъ, игумень Кириллова-Вѣлозерскаго монастыря, снялъ ихъ на себя, когда Василій приѣхалъ изъ Вологды въ его монастырь, подъ предлогомъ — накормить братію и раздать ей милостыню. Съ Вѣлозера великій князь отправился къ Твери, которой князь Борисъ Александровичъ обѣщалъ ему помощь, съ условіемъ, чтобы онъ обручилъ своего старшаго сына и наследника Ивана на его дочери Марьѣ; женитьбу было только семь лѣтъ. Василій согласился ³⁾, и съ тверскими полками пошелъ на Шемяку къ Москвѣ.

²⁾ Арханг. лѣт., стр. 158; здѣсь сказано, что Шемяка выпустилъ Василія 15 сентября.

³⁾ Неволєю, какъ сказано въ Львовской лѣтописи, III, 342. Въ одной лѣтописи рукоп. Импер. Публ. Библ. XVII вѣка читаемъ: «князь же великій поиде ко Твери, и обручалъ тогда князь великій за большаго сына своего за князя Ивана Горбачаго, тако бо зава его отецъ». Въ такъ наз. Тверской лѣтописи сказано, что Василій отдалъ

¹⁾ П. С. Р. Л. IV, 125; такъ наз. Тверская лѣтопись въ Импер. Публич. Библіот.

Между тѣмъ князь Василій Ярославичъ и другіе московскіе выходцы, жившіе въ Литвѣ, еще не зная объ освобожденіи великаго князя, рѣшились, оставя семейства свои въ Литвѣ, идти къ Угличу и вывести оттуда Василія. Они уже назначили срокъ собираться всѣмъ въ Пацныѣ¹⁾, какъ пришла вѣсть, что великій князь выпущенъ и дана ему Вологда. Тогда князь Василій Ярославичъ двинулся изъ Мстиславля, князь Семенъ Оболенскій съ Васенкомъ изъ Брянска, сошлись въ Пацныѣ и, получивши здѣсь вѣсть, что великій князь уже пошелъ изъ Вологды на Бѣлоозеро и оттуда къ Твери, двинулись къ нему на помощь. Вблизи Ельны встрѣтили они татарскій отрядъ и начали-было уже съ нимъ стрѣляться, какъ Татары закричали: „Кто вы?“ Они отвѣчали: „Москвичи; идемъ съ княземъ Василіемъ Ярославичемъ искать своего государя, великаго князя Василія Васильевича, — сказываютъ, что онъ уже выпущенъ; а вы кто?“ — Татары отвѣчали: „Мы пришли изъ страны Черкасской, съ двумя царевичами, дѣтьми Улу-Махметовыми, Касимомъ и Эгуломъ; слышали царевичи о великомъ князѣ, что онъ пострадалъ отъ братьевъ, и пошли искать его за прежнее добро и за хлѣбъ, потому что много его добра до насъ было“. Когда дѣло такимъ образомъ объяснилось, Москвичи и Татары съѣхались, дали другъ другу клятву и пошли вмѣстѣ искать великаго князя. Шемяка, съ княземъ Иваномъ Можайскимъ, выступилъ къ Волоку, на-встрѣчу неприятелю; но въ его отсутствіе Москва такъ же внезапно и легко была захвачена приверженцами Василія Васильевича, какъ прежде приверженцами Шемяки. Бояринъ Михаилъ Борисовичъ Плещеевъ, отправленный великимъ княземъ съ очень небольшимъ отрядомъ войска, пробрался съ ночью Шемякиной рати и подѣлалъ къ Москвѣ въ ночь наканунѣ Рождества Христова, въ самую заутреню; Никольскія ворота были отворены для княгини Ульяны, жены Василія Владиміровича (сына Владиміра Андреевича); этимъ воспользовался Плещеевъ и ворвался въ кремль: Шемякинъ намѣстникъ, Оедоръ Галичскій, убѣжалъ отъ заутрени изъ собора; намѣстникъ князя Ивана Можайскаго, Василія Шига, выѣхалъ-было изъ кремля на лошади, но былъ схваченъ истопникомъ великой княгини, Росточкою, и приведенъ къ восводамъ, которые сковали его вмѣстѣ съ другими боярами Шемяки и Можайскаго, а съ гражданъ взяли присягу на имя великаго князя Василія, и начали укрѣплять городъ.

Тверскому князю Ржеву; но Ржевичи одались Борису Александровичу только тогда, когда онъ пришелъ на помощь съ дружинами. Но въ договорѣ съ Казимиромъ и въ завѣщаніи Василія Темнаго Ржева въ московской сторонѣ; развѣ предположить, что Василій взялъ себѣ назадъ этотъ городъ при болѣе благоприятныхъ для себя обстоятельствахъ.

¹⁾ Духовная Іоанна III (С. г. г. и д. I, № 144): «Да сыну же своему Юрію даю городъ Брянскъ съ волостями и погосты, изъ селы и со всѣми пошлыми, со всѣмъ, что къ Брянску потягло; да волости Соловьевичи, Прикладки, Пацныѣ.

Великій князь, узнавши, что Москва за нимъ, двинулся къ Волоку на Шемяку и Можайскаго, которые, видя, что изъ Твери идетъ великій князь, изъ Литвы Василій Ярославичъ съ Татарами, Москва взята и люди бѣгутъ отъ нихъ толпами, побѣжали отъ нихъ къ Галичу, оттуда въ Чухлому, гдѣ взяли съ собою мать великаго князя, Софію Витовтовну, и отправились въ Каргополь. Василій, отпустивши жену въ Москву, пошелъ за ними, взявъ Угличъ, который сдался только тогда, когда Тверской князь прислалъ пушки осаждающимъ; въ Угличѣ соединился съ великимъ княземъ Василіемъ Ярославичемъ, и всѣ вмѣстѣ пошли къ Ярославлю, гдѣ соединились съ татарскими царевичами. Изъ Ярославля Василій послалъ сказать Шемякѣ: „Братъ, князь Дмитрій Юрьевичъ, какая тебѣ честь и хвала держать въ плѣну мою мать, а свою тетку, неужели ты этимъ хочешь мнѣ отмстить? Я уже на своемъ столѣ, на великомъ княженіи!“ Отпустивши съ этимъ посла къ Шемякѣ, великій князь отправился въ Москву, куда пріѣхалъ 17 февраля 1447 г.; а Шемяка, выслушавши посла Василіева, сталъ думать съ своими боярами; „Братъ, говоритъ онъ имъ: что мнѣ томить тетку и госпожу свою, великую княгиню? Самъ я бѣгаю, люди надобны самому, они уже и такъ истомлены, а тутъ еще надобно ее стеречь, — лучше отпустимъ ее“. Порѣшивши на этомъ, онъ отпустилъ Софію изъ Каргополя съ бояриномъ своимъ, Михаиломъ Оедоровичемъ Сабуровымъ, и дѣтьми боярскими. Великій князь, услышавъ, что мать отпущена, поѣхалъ къ ней на-встрѣчу въ Троицкій монастырь, а оттуда съ нею же вмѣстѣ въ Переяславль; бояринъ Шемякинъ, Сабуровъ, со всѣми своими товарищами, добилъ челомъ великому князю, чтобы принялъ ихъ къ себѣ на службу.

Послѣ этого Шемяка съ Можайскимъ рѣшился просить мира и обратились къ посредничеству князей, остававшихся вѣрными Василію, — Михаила Андреевича Верейскаго и Василія Ярославича Серпуховскаго, заключили съ ними перемиріе, и въ перемирномъ договорѣ обѣщались бить челомъ своему господину, брату старшему, великому князю Василію Васильевичу, чтобы принялъ ихъ въ любовь и миръ и пожаловалъ ихъ прежними ихъ отчинами, за что обывавались возвратить всю казну, захваченную ими у великаго князя, его матери, жены, жениной матери²⁾ и бояръ; кромѣ того, Шемяка отступался отъ пожалованія великаго князя — Углича, Ржевы и Бѣлецкой волости, а Можайскій отступался отъ Козельска, Алексина и Лисина, обѣщались отдать всѣ взятые въ казны великокняжескіе договорные грамоты, ярлыки и дефтеры.

²⁾ С. г. г. и д. I, № 67: «Да что есмь взяла казну князя вел., и матере его вел. княгини, и его вел. княгини и бояръ его и Марьину Голтыевъ». — Родосл.: «А у пятого сына Андреева у Кобылина у Оедора у Кошки четыре сына; большой Иванъ, другой Оедоръ Голтай; а у Оедора у Голтая дѣти: Иванъ да Гаврило, да Ондрей бездѣтны, да дочь его была за княземъ Ярославомъ Володимировичемъ Боровскимъ».

Любопытно высказанное въ этомъ договорѣ недобріе: Шемяка и Можайскій просятъ, чтобы великій князь не вызывалъ ихъ въ Москву до тѣхъ поръ, пока не будетъ тамъ митрополита, который одинъ могъ дать имъ ручательство въ безопасности. На основаніи этихъ статей, заключенъ былъ миръ между Шемякою, Иваномъ Можайскимъ и великимъ княземъ. Но мы видѣли, что и Василій далъ Шемякѣ въ Угличѣ проклятыя грамоты.

Теперь мы должны обратиться нѣсколько назадъ и посмотреть, что сдѣлалъ Шемяка, сидя въ Москвѣ на столѣ великокняжескомъ. Положеніе его здѣсь не было завидное: отовсюду окруженный людьми подозрительной вѣрности, доброжелателями Василія, онъ не могъ идти по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, примышлять къ своей отчинѣ, потому что только уступками могъ приобрести расположеніе другихъ князей. Обязанный своимъ успѣхомъ содѣйствію князя Ивана Андреевича Можайскаго, онъ отдалъ ему Суздальское княжество; но правнуки Дмитрія Константиновича были еще живы, и, какъ видно, княжили въ Суздаль, неизвѣстно въ какихъ отношеніяхъ къ московскимъ князьямъ. Когда Шемяка снова лишился Москвы, то заключилъ съ ними договоръ¹⁾, призналъ старшаго брата, князя Василія Юрьевича, сыномъ, младшаго — князя Федора Юрьевича — племянникомъ; по сынъ Шемяки, князь Иванъ Дмитріевичъ, долженъ былъ считать князя Василія Юрьевича братомъ равнымъ; слѣдовательно, въ случаѣ смерти Шемяки, Суздальскій князь, будучи равнымъ сыну его и наслѣднику, имѣлъ равное съ нимъ право на великое княженіе Владимірское. Шемяка обязался не отдавать Суздаль князю Можайскому, какъ отдалъ прежде, не вступаться въ прадѣлну, дѣлну и отчину обоимъ братьевъ, Суздаль, Новгородъ-Нижній, Городецъ и Вятку. Здѣсь, какъ видно, нарочно прибавлено „прадѣлну“²⁾, чтобы показать давность права князей на эти области. Шемяка уступалъ Суздальскимъ одно изъ самыхъ важныхъ правъ — вѣдаться самимъ съ Ордою; обязывается не заключать никакихъ договоровъ съ великимъ княземъ Василіемъ безъ вѣдома князей суздальскихъ. Касательно оборонительнаго и наступательнаго союза обязанности равныя: если самъ Шемяка поведетъ войско, то и князь Суздальскій долженъ сѣсть на коня; если же пошлетъ сына, то и Суздальскій князь посылаетъ только сына или брата. Московскіе служилые князья и бояре, купившіе волости въ Суздальскомъ княжествѣ во время невзгоды прежнихъ князей его (въ ихъ невремя), должны отступиться отъ своихъ приобрететей; наконецъ читаемъ: „Что мы, наши бояре и люди пограбили въ твоей отчинѣ, великомъ княженіи, то все оставить, пока дасть тебѣ Богъ, велитъ достать своей отчинѣ, великаго княженія“

Обязанный уступать требованіямъ князей-союзниковъ, въ ущербъ силѣ Московскаго княжества,

Шемяка, разумѣется, долженъ былъ уступать требованіямъ своей дружины и своихъ московскихъ приверженцевъ; граждане, къ нему нерасположенные или, по крайней мѣрѣ, равнодушные, не могли найти противъ нихъ защиты на судѣ Шемякинѣ, и этотъ судъ послонницею перешелъ въ потомство съ значеніемъ суда несправедливаго.

Но послѣ торжества Василіева отношенія Московскаго князя къ другимъ князьямъ, союзнымъ и враждебнымъ, роднымъ и нероднымъ, принимаютъ прежній характеръ. Мы видѣли, на какихъ основаніяхъ заключенъ былъ миръ съ Шемякою и Можайскимъ; до насъ дошла договорная грамота послѣдняго съ великимъ княземъ²⁾; Можайскій повторяетъ въ ней: „Что ты, господинъ князь великій, отъ насъ потерѣлъ, за то за все ни ты самъ, ни твоя мать, ни жена, ни дѣти не должны мстить ни мнѣ, ни моимъ дѣтямъ, не должны ничего этого ни помнить, ни поминать, ни на сердцахъ держать“. Когда дѣтямъ великокняжескимъ исполнится по 12 лѣтъ, то они должны сами цѣловать крестъ въ соблюденіи этого договора. Договаривающіеся ставятъ въ свидѣтели Бога, Богородицу, великихъ чудотворцевъ, великаго Святителя Николаю, Св. Петра митрополита, Свв. Леонія Ростовскаго, Сергія и Кирилла, молитву родителей, отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ; а поручами — князя Тверскаго, его жену (сестру Можайскаго), князей Михаила Андреевича и Василія Ярославича; кто нарушитъ договоръ, на томъ не будетъ милости Божіей, Богородицы, молитвы означенныхъ святыхъ и родительской, а поруки будутъ съ правомъ на виноватаго.

Союзъ Можайскаго князя пока еще былъ нуженъ Василію, и въ сентябрѣ 1447 года заключенъ былъ съ нимъ новый договоръ³⁾, по которому великій князь пожаловалъ Ивана Андреевича Бѣжецкимъ-Верхомъ, половиною Заозерья и Лисинимъ; Можайскій клянется держать великое княженіе честно и грозно безъ обиды; въ случаѣ смерти Василія обязуется признать его сына великимъ княземъ и быть съ нимъ заодно, ходить на войну по приказу великокняжескому безъ ослушанья, но выговариваетъ онять: „А къ тебѣ, великому князю, мнѣ не ѣздить, пока Богъ не дасть отца нашего митрополита въ землѣ нашей“. Князья, оставшіеся вѣрными Василію, были награждены: въ юнѣ 1447 года заключенъ былъ договоръ⁴⁾ съ Михайломъ Андреевичемъ Верейскимъ, по которому тотъ получилъ освобожденіе отъ татарской дани на два года, кромѣ того большую часть Заозерья въ вотчину; Серпуховскій князь Василій Ярославичъ получилъ за свои услуги Дмитровъ и еще нѣсколько волостей⁵⁾.

Всѣ эти князья были довольны; не могъ быть доволенъ одинъ Шемяка. Вездѣ, въ Новгородѣ и Казани, между князьями удѣльными и въ стѣнахъ

¹⁾ С. г. д. и д. I, № 68.

²⁾ Тамъ же, № 66.

³⁾ Тамъ же, № 64.

⁴⁾ Тамъ же, № 71 и слѣд.

¹⁾ С. г. г. и д. I, № 69

самой Москвы, онъ заводилъ крамолы, хотѣлъ возбудить перасположеніе къ Василию: онъ не переставалъ сноситься съ Новгородомъ, называя себя великимъ княземъ и требуя помощи отъ гражданъ, повторяя старое обвиненіе Василию, что по его поблажкѣ Москва въ рукахъ Татаръ, не прекратилъ сношеній и съ прежнимъ союзникомъ своимъ, Иваномъ Можайскимъ; послѣдній не скрывалъ этого союза отъ великаго князя,—послы его прямо говорили Василию: „Если пожалуешь князя Димитрія Юрьевича, то все равно, что ты и меня, князь-Ивана, пожаловалъ: если же не пожалуешь князя Димитрія, то это значитъ, что и меня ты не пожаловалъ“¹⁾. Изъ этого свидѣтельства видно, что Шемяка просилъ у великаго князя волостей, потерянныхъ по договору 1447 года, или другихъ какихъ-либо, и не получалъ прощлаго. Отказавшись отъ всякой власти надъ Вяткою, Шемяка между тѣмъ посылалъ подговаривать ея безпокойное народонаселеніе на Москву: поклявшись не сноситься съ Ордою, Шемяка держалъ у себя казанскаго посла, и легко было догадаться, какіе переговоры велъ онъ съ ханомъ, потому что послѣдній сковалъ посла великокняжескаго; когда же отъ хана Большой Орды пришли послы въ Москву, и великій князь послалъ къ Шемякѣ за выходомъ, то онъ не далъ ничего, отозвавшись, что ханъ Большой Орды не имѣетъ никакой власти надъ Русью. Поклявшись возвратитъ все захваченное имъ въ Москвѣ черезъ мѣсяцъ, Шемяка не возвращалъ и по истеченіи шести мѣсяцевъ, особенно не возвращалъ ярлыковъ и грамотъ. Далѣе, въ договорѣ находилось условіе, общее всѣмъ княжескимъ договорамъ того времени,—что бояре, дѣти боярскіе и слуги вольные вольны переходить отъ одного князя къ другому, не лишаясь своихъ отчинъ, такъ что бояринъ одного князя, покинувъ его службу, перейдя къ другому, могъ жить однако во владѣніяхъ прежняго князя, и тотъ обязывался блюсти его, какъ своихъ вѣрныхъ бояръ. Но Шемяка не могъ смотрѣть равнодушно, что бояре его отъѣзжаютъ въ Москву, и, вопреки клятвѣ, грабляхъ ихъ, отнималъ села, дома, все имущество, находившееся въ его владѣніяхъ. Мы знаемъ, что младшимъ сыновьямъ великокняжескимъ давались части въ самомъ городѣ Москвѣ, и каждый изъ нихъ держалъ тѣну въ своей части: Шемяка, владѣя въ Москвѣ жребіемъ отца своего Юрія, посылалъ къ тѣну своему Ватазину грамоты, въ которыхъ приказывалъ ему стараться отклонять гражданъ отъ великаго князя. Эти грамоты были перехвачены, и Василий отдалъ дѣло на судъ духовенству.

Если русское духовенство въ лицѣ своего представителя, митрополита, такъ сильно содѣйствовало возвеличенію Москвы, то одинаково могущественно содѣйствовало и утверженію единовластія, ибо въ это время духовенство сознательнѣе другихъ сословій могло смотрѣть на стремленіе великихъ

князей Московскихъ, вопліи оцѣнить это стремленіе. Проникнутое понятіями о власти царской, власти, получаемою отъ Бога и независимою ни отъ кого и ни отъ чего, духовенство по этому самому должно было находиться постоянно во враждебномъ отношеніи къ старому порядку вещей, къ родовымъ отношеніямъ, не говоря уже о томъ, что усобицы княжескія находились въ прямой противоположности съ духомъ религіи, а безъ единовластія онѣ не могли прекратиться. Вотъ почему, когда Московскіе князья начали стремиться къ единовластію, то стремленія ихъ совершенно совпали съ стремленіями духовенства; можно сказать, что вмѣстѣ съ мечемъ свѣтскимъ, великокняжескимъ, противъ удѣльныхъ князей постоянно былъ направленъ мечъ духовный. Мы видѣли, какъ митрополитъ Фотій въ началѣ Василиева княженія дѣйствовалъ противъ замысловъ дяди Юрія, какъ потомъ Кирилловскій игумень Трифонъ разрѣшилъ Василія отъ клятвы, данной Шемякѣ; и теперь, когда Шемяка не соблюлъ своей клятвы и великій князь объявилъ объ этомъ духовенству, то оно вооружилось противъ Юрьевича и отправило къ нему грозное посланіе, замѣчательное по необыкновенному для того времени искусству, съ какимъ написано, по умѣнью соединить цѣли государственныя съ религіозными. Посланіе написано отъ лица пяти владыкъ, двухъ архимандритовъ, которые поименованы, и потомъ отъ лица всего духовенства. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе порядокъ, въ какомъ слѣдуютъ владыки одинъ за другимъ: они написаны по старшинству городовъ, и первое мѣсто занимаетъ владыка Ростовскій. Ростовъ Великій, давно утратившій свое значеніе, давно преклонившійся предъ пригородами своими, удерживаетъ прежнее мѣсто относительно церковной іерархіи и напоминаетъ, что область, въ которой находится теперь историческая смена дѣйствія, есть древняя область Ростовская; за нимъ слѣдуетъ владыка Суздальскій, и уже третье мѣсто занимаетъ нареченный митрополитъ Іона, владыка Рязанскій, за которымъ слѣдуютъ владыки Коломенскій и Пермскій. Второе, что останавливаетъ насъ здѣсь,—это единство русскаго духовенства: Іона, епископъ Рязанскій, ревностно поддерживаетъ государственное стремленіе Московскаго князя, и Московскій князь не медлитъ дать свое согласіе на возведеніе этого епископа въ санъ митрополита, зная, что Рязанскій владыка не принесетъ въ Москву областныхъ рязанскихъ стремленій.

Въ первыхъ строкахъ посланія духовенство высказываетъ ясно свою основную мысль о царственномъ единовластіи: оно сравниваетъ грѣхъ отца Шемякина, Юрія, помыслившаго беззаконно о великомъ княженіи, съ грѣхомъ праотца Адама, которому сатана вложилъ въ сердце желаніе равнобожества. „Сколько трудовъ перенесъ отецъ твой, говоритъ духовенство Шемякѣ; сколько истомы потерпѣло отъ него христіанство, но великокняжескаго стола все не получилъ, чего ему Богомъ не

¹⁾ Акты Истор. I, № 40.

дано, ни земскою изначала пошдиною⁴. Последнимъ словомъ духовенство объявляетъ себя прямо на сторонѣ новаго порядка престолонаслѣдія, называя его земскою изначила пошдиною. Упомянувъ о поступкахъ и неудачахъ Юрія и Василія Косаго, духовенство обращается къ поступкамъ самого Шемяки; укоривъ его тѣмъ, что онъ не подавалъ никогда помощи великому князю въ борьбѣ его съ Татарами, переходитъ къ ослѣпленію Василія: „Когда великій князь пришелъ изъ плѣна на свое государство, то дьяволъ вооружилъ тебя на него желаніемъ самоначалства; разбойнически, какъ ночной воръ, напалъ ты на него, будучи въ мирѣ, и поступилъ съ нимъ не лучше того, какъ поступили древніе братоубійцы Каинъ и Святополкъ Окаянный. Но расуди, какое добро сдѣлалъ ты православному христіанству, или какую пользу получилъ самому себѣ; много ли нагосподарствовалъ, пожилъ ли въ тишинѣ? Не постоянно ли жилъ ты въ заботахъ, въ переѣздахъ съ мѣста на мѣсто, днемъ томился тяжелыми думами, ночью дурными снами? Ища и желая большаго, ты погубилъ и свое меньшее“. Потомъ приводится послѣдняя договорная грамота Шемяки съ великимъ княземъ и показывается, что Юрьевичъ не соблюлъ ни одного условія. Духовенство отстраняетъ упрекъ, дѣлаемый великому князю за то, что онъ держитъ въ службѣ своей Татаръ: „Если Татары живутъ въ Землѣ христіанской, то это потому, что ты не хочешь соблюдать договора, слѣдовательно всѣ слезы христіанскія, проливаемые отъ Татаръ, на тебѣ же. Но какъ скоро ты съ своимъ старшимъ братомъ, великимъ княземъ, управиться во всемъ чисто, по крестному цѣлованію, то мы ручаемся, что великій князь сейчасъ же вышлетъ Татаръ вонъ изъ Земли“. Какъ видно, Шемяка сильно досадовалъ на духовенство за то, что оно держитъ сторону Василія, и выражалъ на словахъ свою досаду. Духовенство пишетъ: „Ты оскверяешь наши святые эпитрахили негодными своими богомерзкими рѣчами; это дѣлаешь ты не какъ христіанинъ, но хуже и поганыхъ, ибо самъ знаешь, что святые эпитрахили изображаютъ страданіе Господа нашего Иисуса Христа; эпитрахили наши твоими рѣчами не могутъ никакъ оскверниться, но только ты самъ дуну свою губишь“. Взаключеніе духовенства говоритъ, что оно, по своему долгу, было челою за Шемяку великому князю; что тотъ послушалъ святительскаго слова и хочетъ мира съ двоюроднымъ братомъ, назначая ему срокъ для исполненія договора. Если же Шемяка и тутъ не исполнитъ условій, въ такомъ случаѣ духовенство отлучаетъ его отъ Бога, отъ Церкви Божіей, отъ православной христіанской вѣры и передаетъ проклятію.

Шемяка не послушался увѣщаній духовенства, и въ 1448 году великій князь выступилъ въ походъ. Тогда Юрьевичъ, не пугавшійся церковнаго проклятія, испугался полковъ Василіевыхъ и послалъ просить мира къ великому князю, который остановился къ Костромѣ. Миръ былъ заключенъ,

какъ видно, на прежнихъ условіяхъ, и Шемяка далъ на себя проклятія грамоты. Іона, посвященный въ декабрѣ 1448 года въ митрополиты, увѣдомляя объ этомъ посвященіи своему князю, пановъ, бояръ, намѣстниковъ, воеводъ и все Христіименитое Господне людетво, пишетъ: „Знаете, дѣти, какое зло и запустѣніе Земля наша потерпѣла отъ князя Димитрія Юрьевича, сколько крови христіанской пролилось; потомъ князь Димитрій добилъ челою старшему брату своему, великому князю, и честный крестъ цѣловалъ, и не однажды, но все измѣняя; наконецъ написалъ на себя грамоту, что если вооружится опять на великаго князя, то не будь на немъ милости Божіей, Пречистыя Богоматери, великаго чудотворца Николы, Св. чудотворцевъ Петра и Леонтія, Преподобныхъ Сергія и Кириллы, благословенія всѣхъ владыкъ и всего духовенства, ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій; поэтому, продолжаетъ Іона, пишу къ вамъ, чтобы вы пощадилъ себя, не только тѣлесно, но особенно духовно, и посылали бить челою къ своему государю великому князю о жалованьи, какъ ему Богъ положить на сердце. Если же не станете бить челою своему государю, и прольется отъ того кровь христіанская, то вся эта кровь взыщется отъ Бога на васъ, за ваше окаменѣніе и неразуміе; будете чужды милости Божіей, своего христіанства, благословенія и молитвы нашего смиренія, да и всего великаго священства; Божія благословенія не будетъ на васъ; въ Землѣ вашей никто не будетъ больше называться христіаниномъ, ни одинъ священникъ не будетъ священствовать, но всѣ Божіи церкви затворятся отъ нашего смиренія“¹).

Въ концѣ 1448 года увѣдомлять митрополитъ о мирѣ великаго князя съ Шемякою, а весной слѣдующаго 1449 года Шемяка уже нарушилъ крестное цѣлованіе, свои проклятыя грамоты, и, въ самое Свѣтлое Воскресенье, осадилъ Кострому, битю долго подъ городомъ, но взять его не могъ, потому что въ немъ была сильная застава (гарнизонъ) великокняжеская, подъ начальствомъ князя Ивана Стриги и Ѳедора Васенка. Скоро и самъ великій князь выступилъ съ полками противъ Шемяки, съ которымъ опять засдно дѣйствовалъ Иванъ Можайскій, а съ великимъ княземъ шли вмѣстѣ также могущественные союзники — митрополитъ и епископы. На Волгѣ, въ селѣ Рудинѣ, близъ Ярославля, встрѣтились непріатели; но битвы не было, потому что Можайскій оставилъ Шемяку и помирился съ Василіемъ, который придалъ ему Вѣжецкій-Верхъ. Мы видѣли, что Вѣжецкій-Верхъ былъ отданъ Ивану гораздо прежде, въ 1447 году, но это нисколько не можетъ заставить насъ заподозрить приведенное лѣтописное извѣстіе, потому что до насъ не дошло никакихъ извѣстій о причинахъ, которыя побуждали Шемяку и Можайскаго возставать на великаго князя. Очень можетъ быть, что у Можайскаго почему-нибудь было отнято пожалованіе

¹) Акты Истор. I, № 43.

1447 года; мы знаемъ, что еще въ февралѣ 1448 г. Можайскій, чрезъ посредство тестя своего, князя Федора Воротынского, вошелъ въ сношенія съ великимъ княземъ Литовскимъ Казимиромъ, требуя помощи послѣдняго для овладѣнія столомъ Московскимъ, за что обязывался писаться всегда Казимиру братомъ младшимъ, уступитъ Литвѣ Ржеву, Медынь, не вступаться въ Козельскъ и помогать во всѣхъ войнахъ, особенно противъ Татаръ ¹⁾. Подъ 1450 годомъ встрѣчаемъ новое извѣстіе о походѣ великаго князя на Шемяку къ Галичю: 27 января великокняжескій воевода, князь Василій Ивановичъ Оболенскій, напалъ на Шемяку, который стоялъ подъ городомъ со всею своею силою; Шемяка потерпѣлъ страшное пораженіе, и едва могъ спастись бѣгствомъ: Галичъ сдался великому князю, который посадилъ здѣсь своихъ намѣстниковъ.

Лишенный удѣла, Шемяка скрылся сначала въ Новгородѣ, но потомъ, собравшись съ силами, захватилъ Устюгъ; земли онъ не воевалъ, говоритъ лѣтописецъ, но привелъ добрыхъ людей къ присягѣ; кто же изъ нихъ не хотѣлъ измѣнить великому князю Василю, тѣхъ бросалъ въ рѣку Сухону, навязавши камень на шею; изъ Устюга ходилъ воевать къ Вологдѣ. Великій князь, занятый дѣлами татарскими, не могъ дѣйствовать противъ Шемяки въ 1451 году, и только въ началѣ 1452 выступилъ противъ него къ Устюгу; Шемяка испугался и убѣжалъ на рѣку Кокшенгу, гдѣ у него были городки; но, преслѣдуемый и тамъ великокняжескими полками, убѣжалъ опять въ Новгородъ. Въ 1453 году отправился туда изъ Москвы дьякъ Степанъ Бородатый; онъ подговорилъ боярина Шемякина, Ивана Котова, а тотъ подговорилъ повара: Юрьевичъ умеръ, поѣвши курицы, напитанной ядомъ. 23 іюня пригналъ къ великому князю изъ Новгорода подьячій, Василій Веда, съ вѣстію о смерти Шемякиной, и былъ пожалованъ за это въ дьяки ²⁾.

Сынъ Шемаки, Иванъ, ушелъ въ Литву, гдѣ, какъ прежде враги отца его, нашелъ себѣ почетный пріемъ и кормленіе. Но, кромѣ Шемяки, въ Московскомъ княжествѣ оставались еще другіе удѣльные князья, отъ которыхъ Василю надобно было избавиться; онъ началъ, какъ и слѣдовало ожидать, съ Ивана Можайскаго: въ 1454 году великій князь пошелъ къ Можайску на князя Ивана Андреевича,

за его неисправленіе, говорить лѣтописецъ. Князь Иванъ не сопротивлялся; онъ выбрался изъ города съ женою, дѣтми, со всеми своими, и побѣжалъ въ Литву; Можайскъ былъ присоединенъ къ Москвѣ. Какое было неисправленіе Ивана Можайскаго, — узнаемъ изъ письма митрополита Іоны къ Смоленскому епископу ³⁾: „Вы знаете, пишетъ митрополитъ, что и прежде этотъ князь Иванъ Андреевичъ сдѣлалъ съ нашимъ сыномъ, а съ своимъ братомъ старшимъ, но не скажу: съ братомъ, — съ своимъ господаремъ, великимъ княземъ“. Здѣсь глава русскаго духовенства ясно говоритъ, что родовыхъ отношеній между князьими болѣе не существуетъ, что князья удѣльные не суть братья великому, но подданные! — Вина Ивана Можайскаго, по словамъ Іоны состояла въ томъ, что, во время двукратнаго нашествія Татаръ, митрополитъ посылалъ къ нему съ просьбою о помощи великому князю, но Иванъ не явился. Цѣль письма — чрезъ посредство Смоленскаго владыки внушить литовскому правительству, чтобъ оно, принявъ бѣглеца, удовлетворялось этимъ, и не позволяло ему враждовать противъ Москвы, ибо это необходимо должно вызвать непріязненное движеніе и со стороны Василя Васильевича.

Изъ остальныхъ удѣльныхъ князей всѣхъ безпокойнѣе могъ быть Василій Ярославичъ Серпуховской, именно потому, что оказалъ большія услуги великому князю и, слѣдовательно, имѣлъ большія притязанія на благодарность и уступчивость послѣдняго. Мы видѣли, что, въ благодарность за услугу, великій князь уступилъ Серпуховскому князю Дмитровъ; но послѣ, неизвѣстно въ какое именно время, Василій Ярославичъ долженъ былъ отказаться отъ этого пожалованья ⁴⁾; и только когда Иванъ Можайскій былъ изгнанъ изъ своего удѣла, великій князь уступилъ Василю Ярославичу Вѣжецкій-Верхъ и Звенигородъ ⁵⁾. Но въ 1456 году Серпуховской князь былъ схваченъ въ Москвѣ и заточенъ въ Угличъ, откуда послѣ перенезенъ въ Вологду, гдѣ и умеръ; той же участи подверглись и меньшія его дѣти, а старшій, Иванъ, вмѣстѣ съ матерью, убѣжалъ въ Литву. Лѣтописцы не объявляютъ вины Серпуховскаго князя, одна только Степенная Книга глухо говоритъ: „За нѣкую грамоту“. Иванъ Васильевичъ Серпуховской встрѣтился въ Литвѣ съ Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ; общее бѣдствіе соединило ихъ, и они уговорились дѣйствовать заодно; Иванъ Серпуховской говоритъ въ договорной грамотѣ князю Можайскому ⁶⁾: „Такъ какъ великій князь Василій Васильевичъ отнялъ у тебя твою отчину и дѣдину на крестномъ цѣлонаніи, выгналъ тебя изъ твоей отчины и дѣдины; также и моего отца, князя Ва-

¹⁾ Акты, относящ. къ исторіи Западн. Россіи, т. I, № 49.

²⁾ Рѣка Вологодской губерніи, Вельскаго уѣзда, впад. въ Вагу. — О смерти Шемякиной находимъ любопытное извѣстіе въ житіи св. Пафнутія Боровскаго (соч. Васіаномъ Рыло, см. Макаревскія мшени): «Нѣкій человекъ именемъ Иванъ, съ баше по наученію пѣковъхъ въ великомъ Новгородѣ, служу у нѣкоего князя благочестива, и господина своего отравомъ умори, послѣди же зарывъ себѣ облечеса въ иноческій образъ и прииде въ обитель святая; онъ же видѣвъ его грядуща, рече къ ученикомъ: зрите ли человека сего, яко ли иноческаго ради образа очистися отъ крови!.. Послѣди же повѣда блаженный единому ученику: съ человекъ князя Димитрія Шемяку отравомъ уби».

³⁾ Акты Истор. I, № 56.

⁴⁾ С. г. г. и д. I, №№ 84 и 85. Я ставлю этотъ договоръ прежде, потому что въ немъ не упоминается еще объ изгнаніи Ивана Можайскаго.

⁵⁾ Тамъ же, №№ 78 и 79.

⁶⁾ Акты Арх. Эксп. I, № 70.

силія Ярославича, великій князь схватилъ на крестномъ дѣлованіи безвинно и меня выпгаль изъ моей отчины и дѣдины, — го идти тебѣ, князь Иванъ Андреевичъ, доставать вмѣстѣ и отца моего, князя Василія Ярославича, и нашей отчины и дѣдины, а мнѣ идти съ тобою, заодно. Если великій князь станетъ звать тебя на твою отчину, станетъ отдавать тебѣ твою отчину или придавать къ ней, а моего отца не пожалуетъ, не выпуститъ, и отчины ему по старинѣ не отдастъ, или станетъ жаловать отца моего какъ мнѣ пелюбо, то тебѣ съ великимъ княземъ безъ моей воли не мириться, стоять со мною заодно, доставать отца моего; и если отецъ мой погибнетъ въ неволѣ, — или умретъ своею смертію, то тебѣ съ великимъ княземъ также не мириться безъ моей воли, но мститъ за обиду отца моего. Наоборотъ, если великій князь захочетъ помириться съ отцомъ моимъ, а съ тобою не захочетъ, то мнѣ отъ тебя не отстанать. Если великій князь не смилуется, ни тебѣ отчины не отдастъ, ни отца моего не выпуститъ, и, дастъ Богъ, князя великаго побьемъ или сгонимъ, и ты доставнешъ великое княженіе и отца моего освободишь, то тебѣ приняти отца моего въ любовь и докончаніе, и въ его отчину тебѣ не вступатся; а меня тебѣ приняти въ братья младшіе и дать мнѣ отчину особую, Дмитровъ и Суздаль; а если кто станетъ тебѣ на меня наговаривать, то тебѣ меня вдругъ не захватывать, но обослать сперва своими боярами и спросить по крестному дѣлованью, и мнѣ тебѣ сказать всю правду, а тебѣ мнѣ вѣрить". Это условіе любовно; оно можетъ указывать, что князь Василій Ярославичъ Серпуховской былъ схваченъ по наговору, и сынъ его требуетъ отъ своего союзника, чтобы впередъ не было подобнаго. Въ изгнаніи, лишённые почти всякой надежды, князья Можайскій и Серпуховской мечтали, одинъ — о великомъ княженіи, другой — о Дмитровѣ и Суздаль. Замыслы изгнанниковъ не осуществились; попытка нѣкоторыхъ вѣрныхъ слугъ освободить стараго Серпуховскаго князя также не удалась; они были схвачены и казнены въ Москвѣ въ 1462 году. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ удѣловъ Московскаго княжества осталось только одинъ — Верейскій, ибо князь его, Михаилъ Андреевичъ, какъ видно, велъ себя такъ, что на него не могло быть никакого наговора. До насъ дошелъ договоръ великаго князя Василія съ Суздальскимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ Горбатымъ, правнучкомъ Дмитрія Константиновича чрезъ второго сына Семена ¹⁾; князь Иванъ отказался отъ Суздаля и Нижняго, возвращая Московскому князю все ярлыки, прежде н эти княжества взятыя, и самъ бралъ отъ Василія, въ видѣ пожалованія, Городецъ да нѣсколько селъ въ Суздальской области, съ условіемъ, что если онъ отступитъ отъ великаго князя или сыновей его, то эта отчина отходитъ къ Москвѣ, а онъ, Иванъ, подвергается церковному проклятію. Какая была

судьба князей — Василія и Федора Юрьевичей — не известно; известно только то, что великій князь Московскій завѣщалъ Суздаля старшему сыну своему.

Такъ кончилась знаменитая усобица между князьями Московскими, потомками Калиты. Сперва началась было она подъ предлогомъ стараго права дяди предъ племянникомъ; но скоро приняла сообразный съ временемъ характеръ: сыновья Юрія, мимо всѣхъ правъ, враждуютъ съ Василіемъ Васильевичемъ, добиваются великаго княженія, ибо чувствуютъ, что удѣльными князьями они больше оставаться не могутъ. Вслѣдствіе сухости, краткости, отрывочности лѣтописныхъ извѣстій, у насъ нѣтъ средствъ съ точностію опредѣлить, во сколько торжество старшей линии въ потомствѣ Донскаго зависѣло отъ личности главныхъ дѣятелей въ этой борьбѣ; но изъ современныхъ источниковъ, при всей ихъ неполнотѣ, мы можемъ ясно усмотрѣть, какъ старыя права, старые счета родовые являются обветшалыми, являются чѣмъ-то дикимъ, страннымъ; московскій бояринъ смѣется въ Ордѣ надъ правами, которыя основываются на старыхъ лѣтописяхъ, старыхъ бумагахъ; духовенство торжественно провозглашаетъ, что новый порядокъ престолонаслѣдія отъ отца къ сыну, а не отъ брата къ брату, есть земская изначала пошлая; старый дядя Юрій остается одинокомъ въ Москвѣ съ своимъ старымъ правомъ; сынъ его, Шемяка, побѣждается беззащитнымъ слѣпымъ плѣнникомъ своимъ, который успѣваетъ уничтожить все (кромя одного) удѣлы въ Московскомъ княжествѣ и удержать примыслы отцовскіе и дѣдовскіе.

По въ то время, какъ въ Московскомъ княжествѣ происходила эта знаменитая усобица между правнучками Калиты, усобица первая и послѣдняя, ясно показавшая, что Московское княжество основалось на новыхъ началахъ, не допускающихъ родовыхъ счетовъ и родовыхъ усобицъ между князьями, — въ это время что же дѣлали великіе князья, давніе соперники Московскихъ, — князь Рязанскій и Тверской? Отчего они не воспользовались усобицею и не постарались усилиться насчетъ Москвы? — Какъ видно, они были такъ слабы, что имъ не приходило и на мысль подобное предпріятіе. Этимъ князьямъ давно уже оставалось на выборъ — подчиниться Московскимъ или Литовскимъ великимъ князьямъ, смотря по тому, которые изъ нихъ возьмутъ верхъ. Когда усиленіе Московскаго княжества было приостановлено усобицею между потомками Калиты, Рязанскій князь Иванъ Оедровичъ почелъ нужнымъ примкнуть къ Литвѣ и заключилъ съ Витовтомъ слѣдующій договоръ: „Я, князь великій Иванъ Оедровичъ Рязанскій, добилъ челомъ господину господарю моему, великому князю Витовту, отдался ему на службу, — служить мнѣ ему вѣрно, безъ хитрости, и быть съ нимъ всегда заодно, а великому князю Витовту оборонять меня отъ всякаго. Если будетъ отъ кого пригнѣненіе вичуку его, великому князю Василію Васильевичу,

¹⁾ С. г. г. и д. 1, № 80.

и если велить мнѣ великій князь Витовтъ, то, по его приказанію, я буду посягать великому князю Василию на всякаго, и буду жить съ нимъ по старинѣ. Но если начнется ссора между великимъ княземъ Витовтомъ и внукомъ его, великимъ княземъ Василиемъ или родственниками послѣдняго, то мнѣ помогать на нихъ великому князю Витовту безъ всякой хитрости. А великому князю Витовту не вступаться въ мою отчину, ни въ землю, ни въ воду, судъ и расправу давать ему мнѣ во всѣхъ дѣлахъ чисто, безъ перевода: судьи его съѣзжаются съ моими судьями и судятъ, цѣловавъ крестъ, безо всякія хитрости; а если въ чемъ не согласятся, то рѣшаетъ дѣла великій князь Витовтъ.“ Временемъ этого подданства и договора можно положить 1427 годъ: отъ 15 августа этого года Витовтъ писалъ къ великому магистру Ордена, что во время поѣздки его по русскимъ областямъ явились къ нему князья рязанскіе—Черяславскій и Пронскій, также князья—Новосильскій, Одоескій и Воротынскій, и всѣ поддалися ему; что потомъ пріѣхала къ нему дочь, великая княгиня Московская, которая съ сыномъ и великимъ княжествомъ своимъ, съ землями и людьми, отдалась въ его опеку и обереганіе ¹⁾). Такимъ образомъ, чего съ одной стороны не успѣвали сдѣлать князья московскіе, то съ другой доканчивали литовскіе, отнимая независимость и у князей Восточной Руси, заставляя ихъ вступать къ себѣ въ службу. Въ одно время съ Рязанскимъ княземъ и великій князь Пронскій заключилъ точно такой же договоръ съ Витовтомъ — „служить ему вѣрно, безъ всякія хитрости“ ²⁾). Но когда Витовтъ умеръ и Литва ослабѣла отъ междоусобій, а въ Москвѣ Василій Васильевичъ взялъ явный верхъ, тогда тотъ же Рязанскій князь, Иванъ Федоровичъ, примкнулъ къ Москвѣ, и, умирая, въ 1456 году, отдалъ осмилѣтняго сына своего на руки великому князю Василию; послѣдній перевезъ малюжку Василія вѣстѣ съ сестрою къ себѣ въ Москву, а въ Рязань и другіе города княжества послалъ своихъ намѣстниковъ.

Въ Твери, въ 1426 году, умеръ великій князь Иванъ Михайловичъ, во время сильнаго мороваго повѣтрія; Ивану наследовалъ сынъ его Александръ, но и этотъ умеръ въ томъ же году; старшій сынъ и наследникъ его, Юрій, княжилъ только четыре недѣли и умеръ; мѣсто Юрія занялъ братъ его Борисъ Александровичъ, тогда какъ оставался еще въ-живыхъ двоюродный дѣдъ его, князь Василій Михайловичъ Кашинскій. Василій, какъ видно, не хотѣлъ уступать своего старшинства безъ борьбы, и Борисъ снѣбился предупредить его: подъ тѣмъ же годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что князь Борисъ Александровичъ схватилъ дѣда своего Ва-

силія Михайловича Кашинскаго. Но если старый порядокъ вещей явно вездѣ рушился, то новый не установился еще окончательно: Борисъ занялъ главный столъ мимо старыхъ правъ двоюроднаго дѣда и мимо новыхъ правъ племянника отъ старшаго брата, ибо у князя Юрія Александровича остался сынъ Иванъ, который не наследовалъ отцу въ Твери и долженъ былъ удовольствоваться удѣломъ Зубцовскимъ. Во время малолѣтства Василіева и смуть московскихъ, и Борисъ Тверской, подобно Рязанскому князю, примкнулъ къ Литвѣ, хотя на гораздо выгоднѣйшихъ условіяхъ: въ 1427 году онъ заключилъ съ Витовтомъ договоръ, по которому обязался быть съ Литовскимъ княземъ заодно, при его сторонѣ, и помогать на всякаго безъ исключенія; Витовтъ, съ своей стороны, обязался оборонять Бориса отъ всякаго, дуемою и помощію. Въ этомъ договорѣ всего любопытнѣе то, что Тверской великій князь не позволяетъ Витовту никакого внимательства въ отношенія свои къ удѣльнымъ тверскимъ князьямъ,—знакъ, что въ описываемое время всѣ великіе князья, въ отношеніи къ удѣльнымъ, преслѣдовали одинаки цѣли, всѣ стремились сдѣлать ихъ изъ родичей подручниками, поданными. Борисъ говоритъ въ договорѣ: „Дядьямъ моимъ, братьямъ и племени моему—князьямъ—быть у меня въ послушаніи; я, князь великій Борисъ Александровичъ, воленъ, кого жалую, кого казю, и моему господину дѣду, великому князю Витовту не вступаться; если кто изъ нихъ захочетъ отдаться въ службу къ моему господину дѣду вѣстѣ съ отчиною, то моему господину дѣду съ отчиною не принимать; кто изъ нихъ пойдетъ въ Литву, тотъ отчины лишится,—въ отчинѣ его воленъ я, князь великій Борисъ Александровичъ.“ Вслѣдствіе этого договора, тверскіе полки находились въ войскѣ Витовта, когда послѣдній, въ 1428 году, воевалъ Новгородскую Землю ³⁾). Но по смерти Витовта начинается безпрестанное колебаніе Тверского князя между союзомъ литовскимъ и московскимъ, причемъ Борисъ Александровичъ сохраняетъ равенство положенія, пользуясь благоприятными для себя обстоятельствами, т. е. тѣмъ, что оба сильнѣйшіе князя были заняты внутренними смутами и не имѣли возможности дѣйствовать пагубительно на Тверь. Такъ дошелъ до насъ договоръ Тверскаго князя съ великимъ княземъ Василиемъ Васильевичемъ и двоюродными братьями его—Димитріемъ Шемякою и Димитріемъ Краснымъ ⁴⁾). Борисъ Александровичъ выговариваетъ, чтобъ Московскій князь не принималъ Тверскихъ областей въ даръ отъ Татаръ. Оба князя кланяются быть заодно на Татаръ, на Ляховъ, на Литву, на

¹⁾ Акты Арх. Экс. I, № 25 Моск. Арх. Мпп. Ип. Дѣлъ, Кенигсберг. акты, Lief, VII, № 161: in unser Vormundshaft vorwesunge und beschutzunge genzlich hat befulen (В. К. Московская).

²⁾ Тамъ же, № 26.

³⁾ Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи, I, № 33. Такъ наз. Тверская лѣтопись въ Измѣн. Публ. Библ. Здѣсь сказано, что тверскіе полки были съ воеводою Захаріею Ивановичемъ.

⁴⁾ Акты Арх. Экс. I, № 33. Съ тверской стороны договоръ написанъ отъ имени в. князя Бориса и удѣльныхъ: Федора Федоровича, Ивана Юрьевича и Андрея Ивановича.

Нѣцѣвъ; Борисъ обязывается сложить цѣлованіе къ Свигизунду Литовскому, объявивъ ему, что Тверь въ союзѣ съ Москвою, и безъ князя Московскаго не заключать договоровъ ни съ какимъ княземъ Литовскимъ. Мы видѣли, что Тверскій князь, находившійся въ близкомъ свойствѣ съ княземъ Можайскимъ, соединился съ послѣднимъ и Шемякою противъ Василія, но тотчасъ же и принялъ сторону его, увидавши, что Московское княжество противъ Шемяки; мы видѣли также, что Борисъ, въ награду за помощь, выговорилъ у Василія согласіе на бракъ его старшаго сына и наследника, Ивана, на своей дочери Маріи. Между тѣмъ, у Тверскаго князя была война съ Литовскимъ, и войска послѣдняго взяли Ржеву. Это, какъ видно, заставило Бориса заключить миръ съ Казимиромъ Литовскимъ, который возвратилъ Ржеву, но за это Борисъ обязался быть въ постоянномъ союзѣ съ Литовскимъ княземъ, помогать ему на всѣхъ, никого не исключая ¹⁾. И Московскій великій князь, заключая въ томъ же году договоръ съ Казимиромъ, объявляетъ Тверскаго князя на сторонѣ литовской, о своихъ же отношеніяхъ къ нему говоритъ, что онъ съ нимъ въ любви и докончаніи ²⁾. Но послѣ 1454 года опять встрѣчаемъ договоръ Тверскаго князя съ Московскимъ, въ которомъ оба клянутся быть заодно на Татаръ, на Ляховъ, на Литву и Нѣцѣвъ ³⁾. Въ этомъ договорѣ замѣчательно слѣдующее условіе: „Что отступилъ отъ тебя князь Иванъ Можайскій да сынъ Дмитрія Шемяки, князь Иванъ, или который другой братъ тебѣ сгрубить, и мнѣ, великому князю Борису, и моимъ дѣтямъ, и братьямъ моимъ младшимъ къ себѣ ихъ не принимать, а быть намъ съ тобою на нихъ заодно и съ твоими дѣтьми. Также, если кто изъ моихъ братьевъ младшихъ или меньшихъ мнѣ, великому князю Борису, сгрубить, или моему сыну, князю Михаилу, и меньшимъ моимъ дѣтямъ, — то тебѣ, великому князю Василію, и твоимъ дѣтямъ, великому князю Ивану и князю Юрію, и меньшимъ твоимъ дѣтямъ къ себѣ ихъ не принимать; а быть вамъ со мною и съ моими дѣтьми на нихъ заодно“. Оба свата обязываются взаимно, что если одинъ изъ нихъ умретъ, то оставшіяся въ живыхъ должны заботиться о женѣ и дѣтяхъ умершаго. — И въ сношеніяхъ съ княземъ Тверскимъ митрополитъ

Иона принимаетъ дѣятельное участіе. До насъ дошло посланіе его къ Тверскому епископу о томъ, чтобы тотъ убѣдилъ своего князя подать помощь великому князю Василію противъ Татаръ. „Благословляю тебя, пишетъ митрополитъ епископу: чтобы ты сыну моему, великому князю Борису Александровичу, говорилъ, и билъ челомъ, и докучалъ твердо, по своему святительскому долгу, чтобы онъ послалъ своихъ воеводъ къ великому князю Василію Васильевичу на безбожныхъ, ибо самъ ты знаешь, что если великій князь Василій Васильевичъ получитъ надъ ними верхъ, то это будетъ общее добро обоихъ великихъ государей и всего нашего православнаго христіанства“ ⁴⁾. Такъ духовенство старалось тогда поддержать сознание объ общихъ русскихъ выгодахъ.

Рязань и Тверь постоянно колебались между Москвою и Литвою; Новгородъ Великій хотѣлъ быть самостоятельнымъ, тѣмъ болѣе что теперь онъ былъ порадованъ возобновеніемъ усобицъ между самими князьями Московскими. Во время этихъ усобицъ Новгородцы слѣдовали правилу признавать побѣдителя своимъ княземъ, но между тѣмъ давать у себя убѣжище и побѣжденному: такъ, въ 1434 году, нашелъ въ Новгородѣ убѣжище Василій Васильевичъ ⁵⁾, и въ томъ же году видимъ тамъ и противника его, Василія Юрьевича Косаго. Но послѣдній, кромѣ почетнаго пріема, не могъ ничего получить отъ Новгородцевъ, и, убѣжая отъ нихъ, погребилъ ихъ волости. Угрожаемый Косымъ, Василій Васильевичъ заключилъ въ 1435 году договоръ съ Новгородцами, по которому обѣщалъ отступить отъ всѣхъ Новгородскихъ земель, захваченныхъ его предшественниками, Вѣжецкаго-Верха, волостей на Ламскомъ Волокѣ и Вологдѣ; а Новгородцы обѣщали также отступить отъ всего слѣдующаго великому князю, и для этого обязались съ обѣихъ сторонъ выслать своихъ бояръ на разводъ земли. Новгородцы выслали своихъ бояръ въ назначенный срокъ, но московскіе бояре не явились. Несмотря однако на это, открытой вражды не было; когда, въ 1437 году, отъ великаго князя изъ Москвы пріѣхалъ въ Новгородъ князь Юрій Патрикѣвичъ преслѣдъ чернаго бору, то Новгородцы черныи боръ дали ⁶⁾; съ другой стороны, Московскій князь былъ занятъ борьбою съ Косымъ и Татарами. Но въ 1441 году, когда съ всѣхъ сторонъ было спокойно, Василій прислалъ въ Новгородъ складную грамоту, и повоевалъ волостей новгородскихъ много, вмѣстѣ со Псковитянами, которые опустошили Новгородскія владѣнія на 300 верстъ въ длину и 50 въ ширину; двое тверскихъ

¹⁾ Акты, относящ. къ исторіи Запад. Росс. I, № 51.

²⁾ Тамъ же, № 50. Здѣсь мы видимъ даже, что относительно свѣбнаго суда между тверскими и новгородскими подданными дѣло идетъ непосредственно между в. князьями Московскимъ и Литовскимъ, какъ будто бы Новгородъ принадлежалъ совершенно Москвѣ, а Тверь Литвѣ: «А съ новгородцы в. к. Борису жити по старинѣ; а всѣмъ обиднымъ, дѣломъ давати имъ межю собою судъ и расправу, на обѣхъ сторонѣхъ, безъ перевода, а о чѣмъ ся сопрутъ, и они сложать на митрополита, кто будетъ обѣйма нама любъ; и митрополитъ на кого помолвити, позовитъ ли на новгородца, а не исправитна; а ему послати ко мнѣ, къ в. к. Василію и мнѣ то справити; а помолвити ли на Тферытину, а не исправитна, и ему послати до тебе, короля и в. к. Казимира, и тобъ то исправити».

³⁾ Собр. гос. гр. и дог. I, № 76.

⁴⁾ Акты Истор. I, № 51.

⁵⁾ П. С. Р. Л. III, 111. «Пріѣха кн. вел. Васил. Васил. въ Новгородъ, на Святой недѣли, апрѣля въ 1. Тогда же на Святой недѣли апрѣля въ 5, выѣха весь великій Новгородъ ратию на поле, на Зарыцкую сторону, къ Жилогоу, а князь Василей былъ тогда на городицѣ, и не бысть Новгородцемъ ничтоже». — Значитъ, Новгородцы хотѣли защищаться отъ Василія.

⁶⁾ П. С. Р. Л. III, 112; Акты Арх. Эксп. I, № 32.

воеводъ были также въ подкахъ Васильевыхъ. Новгородскіе воеводы, съ своей стороны, много воевали за Волокомъ по землѣ великокняжеской; тѣмъ не менѣе, Новгородцы послали въ городъ Демонъ къ великому внязю владыку, бояръ и житыхъ людей, которые купили у него миръ на старинныхъ условіяхъ, за 8,000 рублей ¹⁾. Еслимы, основываясь на договорѣ великаго князя съ Шемякою 1440 года, предположимъ смѣшеніе годовъ въ лѣтописяхъ и отнесемъ войну Василія Васильевича съ Шемякою къ 1439 и 1440 году, вмѣсто 1442, то будемъ въ состояніи объяснить себѣ причину разрыва великаго князя съ Новгородомъ въ 1441 году: во время войны своей съ Василіемъ, Шемяка убѣждалъ въ Новгородскія владѣнія на Бѣжецкомъ-Верху, и оттуда послалъ сказать Новгородцамъ: „Примите меня на своей волѣ“. Тѣ отвѣчали: „Хочешь, князь, пріѣзжей къ намъ; а не хочешь, то какъ тебѣ любо“.

1444 годъ былъ тяжелъ для Новгорода: съ одной стороны напали Нѣмцы, съ другой стороны—Тверичи, неизвѣстно по какому поводу, опустошили много пограничныхъ волостей Новгородскихъ; тогда великій князь Литовскій Казимиръ прислалъ сказать Новгородцамъ: „Возьмите моихъ намѣтниковъ на городище, и я васъ обороню, я для васъ не заключилъ ми а съ великимъ княземъ Московскимъ“. Новгородцы не приняли этого предложенія, и не было имъ обороны ни отъ Литвы, ни отъ Москвы противъ князя Тверскаго, который опять взялъ у нихъ 50 волостей вмѣстѣ съ Торжкомъ. Плѣнъ великаго князя Василія у Татаръ придалъ Тверскому князю еще больше смѣлости: онъ прислалъ своихъ людей и воеводъ на Торжокъ, разогналъ, ограбилъ остальныхъ его жителей ²⁾, иныхъ погубилъ, на другихъ взялъ окупъ, съезъ въ Тверь 40 возовъ товару московскаго, новгородскаго и торжокскаго; изъ нихъ нѣсколько потонуло въ рѣкѣ. Притѣсняемые Тверью, Новгородцы, по крайней мѣрѣ, могли надѣяться спокойствія со стороны Москвы, гдѣ опять начались усобицы; Шемяка восторжествовалъ надъ Василіемъ, но былъ слабъ, и потому прислалъ поклонниковъ въ Новгородъ и заключилъ съ нимъ миръ на всѣхъ старинахъ. Шемяка недолго накинжалъ въ Москвѣ; въ новой войнѣ его съ Василіемъ Новгородцы, по словамъ ихъ лѣтописца, не вступились ни за одного, и тѣмъ самымъ уже возбуждали неудовольствіе побѣдителя; еще болѣе раздражали они его тѣмъ, что, по обычаю, приняли къ себѣ Шемяку. Митрополитъ Іона и тутъ вступился въ дѣло; нѣсколько разъ писалъ онъ къ Новгородскому архіепископу Евоимію и къ Новгородцамъ, чтобы они поберегли себя душевнаго ради

устроенія и тишины. Новгородцы, съ своей стороны, присылали къ митрополиту съ просьбою, чтобы билъ челомъ за нихъ великому князю и далъ для ихъ пословъ опасныя грамоты. Опасныя грамоты были даны съ тѣмъ, чтобы Новгородцы отправили въ Москву своихъ пословъ, людей большихъ, но своимъ дѣламъ, а чтобы Шемяка прислалъ своего посла, съ чистымъ поканіемъ, билъ челомъ своему господину и старшему брату, великому князю, и жалованья у него просить. Новгородцы прислали своихъ пословъ людей великихъ, но прислали ни съ чѣмъ; Шемяка прислалъ также своего боярина, но съ такими условіями, на которыя въ Москвѣ никакъ не хотѣли согласиться. Митрополитъ жаловался на это Новгородскому владыкѣ, зачѣмъ Шемяка посылаетъ свои грамоты съ великою высостію, о своемъ преступленіи и о своей винѣ ни одного слова пригоднога не приказываетъ ³⁾. Между тѣмъ Новгородцы продолжали держать Шемяку, и владыка въ письмахъ къ митрополиту оправдывалъ ихъ стариннымъ обычаемъ, по которому каждый князь, пріѣзжавшій къ Св. Софіи, принимался съ честію; указывалъ, что и самъ митрополитъ называетъ Шемяку сыномъ. Іона отвѣчалъ на это: „Прочти хорошенько всѣ мои грамоты, какія только я къ тебѣ писалъ, и вразумись, могъ ли я называть сыномъ того князя, съ которымъ не вѣло дѣлать твоимъ, Новгородцамъ, ни пить, ни ѣсть, потому что онъ самъ себя отъ христіанства отлучилъ. Ты самъ видѣлъ грамоту, которую онъ написалъ на себя, и послѣ сколько зла надѣлалъ, сколько крови христіанской пролилъ. Послѣ того можно ли князя Дмитрія называть сыномъ церкви Божіей и нашего смиренія? Я тебѣ писалъ, и теперь пишу, что я, и вмѣстѣ со мною всѣ владыки и все священство Русской Земли—считаемъ князя Дмитрія неблагоговѣннымъ и отлученнымъ отъ Божіей церкви. Ты пишешь, что прежде Русскіе князья пріѣзжали въ домъ Св. Софіи, въ Великій Новгородъ, и Новгородцы честь имъ воздавали по силѣ, а прежніи митрополиты такихъ грамотъ съ тягостію не посылывали; но скажи мнѣ, сынъ, какіе это прежніе князья пріѣзжали къ вамъ, сдѣлавши такое зло надъ своимъ старшимъ братомъ, и, оставя у васъ княгиню свою, дѣтей и весь кошъ, ходили отъ васъ въ великое княженіе христіанство губить и кровь проливать? Какъ прежде не бывало въ нашей Землѣ братоубійства и къ вамъ съ такимъ лихомъ ни одинъ князь не пріѣзжалъ, такъ и прежніе митрополиты въ Великій Новгородъ такихъ грамотъ съ тягостію не посылывали“ ⁴⁾.

Новгородцы все еще не слушались и держали Шемяку до самой его смерти; они должны были ждаты мести отъ Москвы, и вотъ, управившись съ княземъ Можайскимъ и Татарами, Василій, въ 1456 году, выступилъ въ походъ противъ Новгорода за его неисправленіе. Въ Волокѣ собрались

¹⁾ Акты Истор. I, № 258.—О тверской помощи см. такъ лав. Тверскую лѣтопись въ Импер. Публ. Библіот., гдѣ названы воеводы: Александръ Романовичъ и Каршъ Федоровичъ.

²⁾ Останокъ людей. Должно быть, здѣсь разумѣются жители Торжка въ Московской великокняжеской сторонѣ, ибо Новгородскую сторону Тверичи взяли еще прежде.

³⁾ Акты Истор. I, № 53.

⁴⁾ Акты Арх. Эксп. I, № 372.

къ нему всё князья и воеводы со множествомъ войска; изъ Новгорода также явился туда посадникъ съ челобитіемъ, чтобы великій князь пожаловалъ — на Новгородъ не шель и гнѣвъ свой отложилъ. Но Василий не принялъ челобитья и продолжалъ походить, отиравшии напередъ на Русу двоихъ воеводъ, князя Ивана Васильевича Оболенскаго-Стригу и Федора Басенка, а самъ остановился въ Яжелбицахъ¹⁾. Стрига и Басенокъ вошли въ Русу и захватили здѣсь много богатства, потому что жители, застигнутые врасплохъ, не успѣли убѣжать и спрятать свое имѣніе. Московскіе воеводы отпустили главную рать свою назадъ съ добычею, а сами съ немногими дѣтьми боярскими поотстали отъ нея, какъ вдругъ показались пятитысячное новгородское войско. Москвичи, которыхъ не было и двухъ сотъ, сначала испугались, но потомъ начали говорить: «Если не пойдемъ противъ нихъ биться, то погибнемъ отъ своего государя великаго князя; лучше помереть». Схватиться имъ въ рукопашный бой съ Новгородцами было нельзя; мѣшали плетни и свѣжіе сугробы; тогда воеводы придумали средство: видя на Новгородцахъ крѣпкіе доспѣхи, они велѣли стрѣлять по лошадямъ, которыя начали отъ равъ бѣситься и сбивать всадниковъ. Новгородцы, никогда и прежде не любившіе и не умѣвшие биться верхомъ, никакъ не могли сладить съ лошадьми, не умѣли дѣйствовать и длинными кошлями, и валялись подъ коней своихъ, точно мертвые. Московскіе воеводы одержали рѣшительную побѣду, много перебили непріятелей, взяли въ плѣнъ посадника Михаила Тучу; но другихъ плѣнниковъ было мало, потому что некому было брать ихъ. Когда бѣглецы принесли въ Новгородъ вѣсть о своемъ поражении, то поднялся сильный плачь, потомъ зазвонили въ вѣчевой колоколь; сошелся весь городъ на вѣче, и стали бить челомъ владыкѣ Евоимію, чтобы ѣхалъ вмѣстѣ съ посадниками, тысяцкими и жнгими людьми къ великому князю просить о мирѣ. Владыка пріѣхалъ въ Яжелбицы, сталъ бить челомъ сперва князьямъ и боярамъ, а потомъ уже самому великому князю, который принялъ челобитье, далъ миръ, но взялъ за него 10,000 рублей, кромѣ того, что получили князья и бояре. Договоръ, заключенный въ Яжелбицахъ, дошелъ до насъ²⁾; здѣсь, кромѣ обычныхъ старинныхъ условій, встрѣчаемъ слѣдующія новыя: 1) вѣчевымъ грамотамъ не быть; 2) печати быть князей великихъ; 3) Великій-Новгородъ не будетъ принимать въ себя князя Можайскаго и его дѣтей, князя Ивана Димитріевича Шемакина и его дѣтей, его матери и зятьевъ; и послѣ, если какой-нибудь лиходѣй великимъ князьямъ пріѣдетъ въ Новгородъ, то Новгороду не принимать, пріѣдетъ ли онъ прямо изъ Московской Земли, или побѣжить сперва въ Литву или къ Нѣмцамъ, и оттуда пріѣдетъ въ Новгородъ. Что оставалось Новгородцамъ послѣ такихъ

условій? Въ Суздальской Землѣ, какъ они продолжали называть новую Русь, теперь одинъ великій князь, ибо великіе князья—Тверской и Рязанскій,—по своему относительному безсилію, готовы стать его подручниками или отказаться отъ своихъ владѣній; Татары уже не вступаются въ дѣла князей, ихъ ярлкіи недѣйствительны; послѣдній походъ показали Новгородцамъ ихъ безсиліе предъ полками московскими: теперь эти полки постоянно будутъ готовы устремиться къ Новгороду, ибо не будутъ болѣе заняты усобицами; притомъ же Новгородцы поклялись не вмѣшиваться въ междоусобія княжескія, не принимать къ себѣ враговъ Василия и его сына. Новгородцы понимали всю трудность своего положенія, предчувствовали приближающееся паденіе своего быта, и это произвело въ нѣкоторыхъ изъ нихъ неукротимую ненависть къ Московскому князю, отнявшему у вѣча печать и грамоты. Въ 1460 году Василий съ младшими сыновьями—Юриемъ и Андреемъ—поѣхалъ въ Новгородъ; вѣчники начали сговариваться, какъ бы убить его и съ дѣтьми; намѣреніе не было приведено въ исполненіе только потому, что архіепископъ Іона представилъ всю его бесполезность: съ Василіемъ не было старшаго сына, Іоанна; смерть старика князя могла только возбудить всеобщую ненависть къ Новгородцамъ, навлечь на нихъ страшную месть сына Василіева; нѣкоторые хотѣли убить лучшаго и вѣрнѣйшаго воеводу великокняжескаго, Федора Басенка, но и этотъ замыселъ не удался³⁾.

Новгородъ былъ наказанъ за то, что давалъ у себя убѣжище лиходѣямъ великокняжескимъ; но колонія Новгородская, Вятка, оказывала этимъ лиходѣямъ болѣе дѣятельную помощь, и потому не могла быть забыта Московскимъ княземъ, когда онъ восторжествовалъ надъ всѣми своими врагами. Въ 1458 году великій князь отправилъ на Вятчанъ воеводъ своихъ—князя Ивана Васильевича Горбатаго-Суздальскаго, князя Семена Ряполовскаго и Григорія Перхушкова; но этотъ походъ не удался, потому что Перхушковъ за подарки благопріятствовалъ Вятчанамъ. Въ слѣдующемъ году были посланы другіе воеводы—князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣвъ, Иванъ Ивановичъ и князь Дмитрій Ряполовскій; они взяли два городка, Орловъ и Котельничъ, и долго держали въ осадѣ главный городъ Хлыновъ; наконецъ Вятчане добились челомъ на всей волѣ великаго князя, какъ ему было надобно.

Другимъ, не насильственнымъ путемъ утверждалась власть Московскаго великаго князя во Псковѣ. Несмотря на то, что внутреннія смуты, происходившія въ первую половину княженія Василіева, не позволяли Московскому князю постоянно наблюдать за Псковомъ, жители послѣдняго долго не прерывали связи съ Москвою, прося утверждения

¹⁾ Яжелбидный ямъ—во 120 верстахъ отъ Новгорода.

²⁾ Акты Арх. Эксп. I, № 58.

Исторія Россіи, т. IV, кн. I.

³⁾ Соф. Врем. II, 66, П. С. Р. Л. IV, 127: «Пріѣха въ Новгородъ к. в. Московскій Василей Васильевичъ, да миру, къ св. Софѣи на иоклонѣ; а Новгородци въ сторожѣ жиша».

князьямъ своимъ отъ великаго князя Московскаго. Такъ, въ 1429 году, Псковичи прислали къ Василию Васильевичу въ Москву просить себѣ князя, и онъ отпустилъ къ нимъ князя Александра Федоровича Ростовскаго; потомъ съ 1434 года видимъ во Псковѣ княземъ зятя Александрова, Владимира Даниловича, прѣхавшаго изъ Литвы; во время его княженія, въ 1436 году, явился изъ Москвы, отъ великаго князя, князь Борисъ; Псковичи приняли его, посадили на княжомъ дворѣ, но отправили стараго своего князя Владимира въ Москву; великій князь далъ ему опять княженіе, а Борису велѣлъ выѣхать изъ Пскова, потому что послѣдній прогналъ ему, по выраженію лѣтописца, т.-е. вѣроятно Борисъ, просясь у Василия на Псковскій столъ, представилъ тамошнія дѣла не такъ, какъ они были на самомъ дѣлѣ. Мы видѣли, что Псковичи усердно помогли великому князю въ войнѣ съ Новгородомъ. Въ 1443 году сталъ княжить во Псковѣ князь Александръ Васильевичъ Чарторыйскій: посольство московскій поручилъ ему княженіе по великаго князя слову, Псковичи посадили Александра на столъ у Св. Троицы, и онъ цѣловалъ крестъ къ великому князю Василию Васильевичу и ко всему Пскову на всей псковской пошинѣ. Бѣдствіе великаго князя Василия и борьба его съ Шемякою прервали на время связь Пскова съ Москвою; Псковичи тѣснѣе соединились съ Новгородцами; отпустивши князя своего Александра въ Новгородъ въ 1447 году, они взяли оттуда князя Василия Васильевича Шуйскаго-Гребенку, правнука Дмитрія Константиновича Нижегородскаго, чрезъ сына Семена. Когда, въ 1454 году, сынъ Шемяки, Иванъ, убѣгая изъ Новгорода въ Литву, прѣхалъ во Псковъ, то на-встрѣчу къ нему вышло все священство съ крестами, посадники и весь Псковъ приняли его съ великою честью, угощали три недѣли, и при отъѣздѣ подарили ему на вѣчѣ 20 рублей. Когда, въ 1456 году, великій князь Василій Васильевичъ началъ войну съ Новгородомъ, то оттуда явился гонецъ во Псковъ и сталъ говорить на вѣчѣ: „Братья младшіе, мужи Псковичи! братъ Великій Новгородъ вамъ кланяется; чтѣ бы вы намъ помогли противъ великаго князя и крестное цѣлованіе исправили?“ Псковичи, говоритъ лѣтописецъ, взира на Бога и на домъ Св. Троицы, и старыхъ временъ не поминая, что Новгородцы Псковичамъ никогда не помогали ни словомъ, ни дѣломъ, ни на какую землю, послали воеводъ своихъ на помощь Новгороду. Между тѣмъ начались у Новгорода мирные переговоры съ великимъ княземъ, и Псковичамъ оставалось только отправить вмѣстѣ съ новгородскими послами и своихъ — добывать челомъ послѣднему. Но приведеніе Новгорода въ волю Московскаго князя необходимо утверждало власть его и во Псковѣ. Здѣсь снова княжилъ теперь Александръ Чарторыйскій, смѣнившій Василия Шуйскаго, уѣхавшаго въ Новгородъ. Когда, въ 1460 году, великій князь прѣхалъ въ Новгородъ, то Псковичи отправили къ нему знатныхъ пословъ съ 50

рублями дару и съ челобитьемъ, чтобъ жаловалъ и печаловалъ своею отчиною, мужами Псковичами, добровольными людьми: „Обижены мы отъ поганыхъ Нѣмцевъ, водою, землею и головами, церкви Божіи пожжены погаными на миру и на крестномъ цѣлованіи,“—говорили послы, послѣ чего били челомъ великому князю о князѣ своемъ Александрѣ Васильевичѣ, чтобъ былъ ему намѣстникомъ великокняжескимъ и во Псковѣ княземъ. Василій отвѣчалъ: „Я васъ, свою отчину, хочу жаловать и оборонять отъ поганыхъ, какъ дѣлывали отцы наши и дѣды, князья великіе; а что мнѣ говорите о князѣ Александрѣ Чарторыйскомъ, то и этияъ васъ, свою отчину, жалую; если князь Александръ поцѣлуетъ животворящій крестъ ко мнѣ, великому князю, и къ моимъ дѣтямъ, великимъ князьямъ, что ему зла на насъ не хотѣтъ, не мыслить, то пусть будетъ вамъ княземъ, а отъ меня намѣстникомъ.“ Услыхавши этотъ отвѣтъ, князь Александръ не захотѣлъ цѣловать креста и сказалъ Псковичамъ: „Не слуга великому князю, и не будъ вашего цѣлованія на мнѣ и моего на васъ; когда стануть Псковичи соколомъ воронъ ловить¹⁾, тогда и меня, Чарторыйскаго, веломнятъ“. Онъ попросился на вѣчѣ, сказалъ: „Я вамъ не князь“,—и уѣхалъ въ Литву съ дворомъ своимъ, 300 человекъ боевыхъ людей кованой рати, кромѣ кошевыхъ; Псковичи много били ему челомъ, чтобъ остался, но онъ не послушалъ псковскаго челобитья. Когда великій князь услышалъ, что Александра вѣтъ больше во Псковѣ, то послалъ туда сына своего, князя Юрія. Посадники и бояре псковскіе встрѣтили его за рубежемъ съ великою честью, духовенство съ крестами встрѣтило его за городомъ, цѣли многолѣтіе и посадили на столъ отцовскомъ, знаменовавши крестомъ, а посадники и весь Псковъ приняли его честно въ княжій дворъ. Потомъ посадники и весь Псковъ били ему челомъ: „Чтобъ, господинъ, пожаловать, далъ бы намъ отъ великаго князя и отъ себя намѣстника во Псковѣ, князя Ивана Васильевича“ (Оболенскаго-Стригу), и князь Юрій пожаловалъ свою отчину, по приказу отца своего и старшаго брата, далъ Псковичамъ въ намѣстники князя Оболенскаго; Юрій пробылъ во Псковѣ три недѣли и два дня; Псковичи подарили ему 100 рублей и проводили 20 верстъ за рубежъ.

Такимъ образомъ, въ концѣ княженія Василіева обозначилось ясно, куда должны примкнуть эти спорныя между Москвою и Литвою области — Рязань, Новгородъ, Псковъ:—всѣ онѣ находились уже почти въ волѣ великаго князя Московскаго. Но какъ же должны были смотрѣть на это князья Литовскіе? что заставило ихъ выпустить изъ рукъ добычу безъ борьбы; что помѣшало имъ воспользоваться усобицами князей Московскихъ для окончательнаго усиленія себя насчетъ послѣднихъ? Они не имѣли для этого средствъ, ибо если прежде сдерживались они на западѣ борьбою съ Нѣмцъ-

¹⁾ Что это значить?—не должно ли читать наоборотъ.

кимъ Ордену, то теперь сдерживались они еще болѣе союзомъ съ Польшею и потомъ окончательною борьбою съ тѣмъ же Ордену. Мы видѣли, что если Поляки сильно хлопотали о вѣчномъ соединеніи своего государства съ Литвою, то въ Литвѣ хлопотали также о независимости своего княжества отъ Польши. На Ленчицкомъ сеймѣ, бывшемъ въ 1426 году, опять толковали о средствахъ, какъ бы помѣшать отдѣленію Литвы отъ Польши, о которомъ сталъ снова замышлять Витовтъ. Но Витовтъ, замышляя о независимости Литвы отъ Польши, замышлялъ также и о зависимости Польши отъ себя. Мы видѣли, что, въ случаѣ смерти Ягайла бездѣтнымъ, престолъ польскій могъ перейти къ нему; но Ягайло отъ второго брака имѣлъ уже двоихъ сыновей, и королева Софія была беременна третьимъ ребенкомъ; Витовтъ придумалъ средство — ославивъ мать, лишить и сыновей надежды на престолъ: въ 1427 году, на сеймѣ въ Городнѣ, Витовтъ обвинилъ молодую королеву въ невѣрности Ягайлу; пытку вынудилъ показанія у нѣкоторыхъ придворныхъ женщинъ, перевратилъ указанныхъ виновниковъ преступленія; по королевѣ успѣла очистить себя присягою, и Ягайло успѣхнулся ¹⁾. Тогда Витовтъ сталъ думать о другомъ средствѣ достать независимость для Литвы и корону королевскую для себя: для этого онъ обратился къ императору Сигизмунду. Сигизмундъ, находясь въ затруднительномъ положеніи по случаю войны съ Гуситами и Турками, требовалъ и не могъ добиться помощи отъ слабаго Ягайла, который самъ признавался, что не можетъ ничего сдѣлать безъ совѣта съ Витовтомъ; вотъ почему императору очень хотѣлось сблизиться съ Витовтомъ. „Вижу, говорилъ онъ, что король Владиславъ человекъ простоватый и во всемъ подчиняется вліянію Витовта, — такъ мнѣ нужно привязать къ себѣ, прежде всего, Литовскаго князя, чтобъ посредствомъ него владѣть и Ягайломъ“ ²⁾. Начались частыя пересылки между Сигизмундомъ и Витовтомъ, наконецъ положили свидѣться въ Луцкѣ, куда долженъ былъ пріѣхать и Ягайло. Въ 1429 г. былъ этотъ знаменитый съездъ трехъ коронованныхъ лицъ вмѣстѣ со множествомъ вельможъ польскихъ, литовскихъ и русскихъ. Послѣ празднествъ начались совѣщанія, и на одномъ изъ нихъ императоръ сказалъ слѣдующія слова: „Я понуждаю папу, чтобъ онъ созвалъ соборъ для примиренія съ Гуситами и для преобразования церкви; отправлюсь туда самъ, если онъ согласится; если же не согласится, созову соборъ собственно моею властью. Не должно пренебрегать также и соединеніемъ съ Греками, потому что они исповѣдуютъ одну съ нами вѣру, отличаясь отъ насъ только бородами, да тѣмъ, что священники у нихъ женатые. Но этого однако не должно ставить имъ въ порокъ, потому что греческіе священники довольствуются

одною женою, а латинскіе держать ихъ по десяти и больше“ ³⁾. Эти слова императора скоро были въ устахъ Русскихъ, которые превозносили его похвалами, къ великой досадѣ католиковъ и Поляковъ ⁴⁾. Но досада послѣднихъ усилилась еще болѣе, когда они узнали о главномъ предметѣ совѣщаній между Сигизмундомъ и Витовтомъ: этотъ предметъ былъ — признаніе Витовта независимымъ королемъ Литвы и Руси. Сигизмундъ легко успѣлъ уговорить Ягайла дать на это свое согласіе; но сильное сопротивленіе, какъ слѣдовало ожидать, оказалось со стороны прелатовъ и вельможъ польскихъ, у которыхъ изъ рукъ вырывалась богатая добыча; Збигнѣвъ Олесницкій, епископъ Краковскій, бывший вездѣ впереди по своему характеру и талантамъ, въ полномъ собраніи обратился къ Витовту съ рѣзкими словами, говоря, что при избраніи Ягайла они руководствовались только духовнымъ благомъ Литовцевъ, владѣнія которыхъ не могли представить имъ ничего лестнаго, потому что были все почти опустошены и разобраны сосѣдними владѣльцами. Палатинъ Краковскій, Янъ Тарновскій, и все другіе шумно выразили свое согласіе съ рѣчью Олесницкаго. Витовтъ, всегда скрытный, тутъ, однако, не могъ удержать своего неудовольствія, которое выразилось въ отрывочныхъ, гнѣвныхъ восклицаніяхъ. „Пусть такъ!“ сказалъ онъ, выходя изъ собранія: „А я все-таки найду средства сдѣлать по-моему“. Поляки тогда обратились съ упреками къ своему королю: „Развѣ ты насъ за тѣмъ сюда позвалъ, чтобы быть свидѣтелями отдѣленія отъ Польши такихъ знатныхъ владѣній?“ (Слѣдовательно Литва и Русь не были еще въ-конецъ опустошены и разобраны сосѣдними государями!) Ягайло заливался слезами, благодарилъ ихъ за вѣрность, клялся, что никогда не давалъ согласія Сигизмунду и Витовту на отдѣленіе Литвы; что радъ хоть сейчасъ бѣжать изъ Луцка, куда они сами назначаютъ. И, точно, прелаты и папы польскіе собрались и уѣхали днемъ, а Ягайло побѣжалъ за ними въ ночь. Витовта сильно раздосадовало это поспѣшное бѣгство Поляковъ и короля ихъ; однако крутыя, рѣшительныя мѣры были не въ характерѣ Витовта; зная польское корыстолюбіе ⁵⁾, онъ началъ обадривать пановъ, чтобы какъ можно тише, безъ помощи оружія, достигнуть своей цѣли.

На слѣдующемъ сеймѣ у Поляковъ было предложение — кроткими мѣрами отвлекать Витовта отъ его опаснаго намѣренія. Посланъ былъ къ нему въ Литву

¹⁾ Dlugossi XI, p. 497; Narbntt, VI, 488.

²⁾ Dlugossi, XI, p. 508.

³⁾ Тамъ же, p. 155. Scandalizavit hic sermo Ruthenos populos, viventes ritu Graecorum, et in suis confirmavit erroribus. Propter quod Sigismundum regem sanctum vocabant, deducentem fidem Graecorum esse praestantiorum quam Latinorum. Eratque in ore omnium ac sermone Ruthenorum Sigismundus rex, summis laudibus illum efferebant, quod Graecorum ritum propensiorum quam Romanum judicasset.

⁴⁾ Я здѣсь перевожу только слово въ слово Польскаго лѣтописца: Callidus tamen ipse polonicaeque av. itiae peritus plerosque Polonorum primores auro et argento implevit. Dlugossi, I, XI, p. 520.

все тотъ же Збигнѣвъ Олесницкій, который истощилъ передъ нимъ все свое краспорѣчье. „Знай, говоришь, онъ Витовту, что корона королевская скорѣе уменьшитъ твою величіе, чѣмъ возвыситъ: между князьями ты первый, а между королями будешь послѣдній; что за честь въ преклонныхъ лѣтахъ окружить голову небольшимъ количествомъ золота и дорогихъ камней, а цѣлые народы окружить ужасами кровопролитныхъ войнъ?“ Но въ Литовскомъ князѣ Збигнѣвъ встрѣтилъ достойнаго противника. „Никогда, отвѣчалъ ему Витовтъ, у меня и въ головахъ не было намѣренія стать независимымъ королемъ; давно уже императоръ убѣждалъ меня принять королевскій титулъ, но я не соглашался. Теперь же самъ король Владиславъ требовалъ этого отъ меня; уступая его мольбамъ, повинуюсь его приказанію, я далъ публично свое согласіе, послѣ чего постыдно было бы для меня отречься отъ своего слова“. Олесницкій возвратился ни съ чѣмъ, а между тѣмъ приближенные Витовта не переставали убѣждать своего князя привести какъ можно скорѣе къ концу начатое предпріятіе. Витовтъ писалъ къ Ягайлу, укоряя его за то, что онъ взялъ назадъ свое согласіе, и за то, что хочетъ сдѣлать народъ Литовскій и князя его вассалами Польши; писалъ и къ императору съ тѣми же жалобами ¹⁾. Поляки были въ страшной тревогѣ; послѣ долгихъ совѣщаній положено было опять слать пословъ къ Витовту, и опять отправленъ былъ Збигнѣвъ Олесницкій вмѣстѣ съ Яномъ Тарновскимъ, папатиномъ Краковскимъ. Послы удивили Витовта предложеніемъ принять корону польскую, которую уступаетъ ему Ягайло, по старости лѣтъ уже чувствующій себя неспособнымъ къ правленію. Витовтъ отвѣчалъ, что считаетъ гнуснымъ дѣломъ принять польскую корону, отнявши ее у брата, и прибавилъ, что самъ не станетъ болѣе добиваться королевской короны, но если ее пришлютъ ему, то не откажется принять.

Между тѣмъ Поляки дѣйствовали противъ намѣреній Витовта и съ другой стороны: они представили папѣ всю опасность, которою грозитъ католицизму отдѣленіе Литвы и Руси отъ Польши, потому что тогда издревле господствовавшее въ этихъ странахъ православіе опять возьметъ прежнюю силу и подавить только что водворившееся въ Литвѣ латинство. Папа, понявъ справедливость опасенія, немедленно отправилъ къ императору запретъ посылать корону въ Литву, а Витовту—запретъ принимать ее. Получивъ папскую грамоту, Витовтъ, въ 1430 году, написалъ прелатамъ и вельможамъ польскимъ, жалуясь имъ на короля Владислава, который чернитъ его предъ папою и другими владѣтелями католическими. Въ это время Поляки были встревожены вѣстію, что Литовскій князь взялъ съ своихъ бояръ присягу служить ему противъ короля и королевства Польскаго, и снова Збигнѣвъ отправился въ Литву успокоить Витовта

насчетъ папскаго посланія и укорить въ неприязненныхъ намѣреніяхъ противъ Польши. Витовтъ отвѣчалъ, что онъ взялъ присягу съ своихъ и утвердить крѣпости вовсе не съ цѣлію начать наступательныя движенія противъ Польши, но только для предохраненія себя отъ внезапнаго нападенія враговъ, ибо ему достовѣрно извѣстно, что Гусматы безпрестанно добиваются отъ короля Владислава позволенія пройти чрезъ его области на Пруссію и на Литву, и король ему объ этомъ ничего не объявилъ. Збигнѣву нечего было отвѣчать на это. Между тѣмъ, днемъ Витовтовой коронаціи назначенъ былъ праздникъ Успенія Богородицы; но такъ какъ посланные отъ Сигизмунда съ короною опоздали къ этому дню, то назначенъ былъ другой праздникъ—Рождества Богородицы, и приглашены были уже къ этому торжеству многіе сосѣдніе владѣльцы, въ томъ числѣ и внукъ Витовта, князь Московскій. Поляки знали объ этихъ приготовленіяхъ, и потому разставили сторожевые отряды по границамъ, чтобы не пропускать Сигизмундовыхъ пословъ въ Литву. На границахъ Саксоніи и Пруссіи схвачены были двое пословъ—Чигала и Ротъ, которые ѣхали къ Витовту съ извѣстіемъ, что корона уже отправлена, и съ грамотами, въ силу которыхъ онъ получалъ право на королевскій титулъ; за этими послами слѣдовали другіе, знатнѣйшіе и многочисленнѣйшіе, везшіе корону. Чтобы перехватить ихъ, отправилось трое польскихъ вельможъ съ значительнымъ отрядомъ, поклявшись помѣшать отдѣленію Литвы и Руси, хотя бы для перехваченія короны нужно было ѣхать въ самые отдаленные предѣлы. Послы, узнавъ объ этомъ, испугались и возвратились назадъ къ Сигизмунду ²⁾.

Вѣсть объ этомъ такъ поразила Витовта, что сильно разстроила его здоровье; однако больной старикъ еще не терялъ совершенно надежды какъ бы то ни было успѣть въ своемъ намѣреніи. Зная слабохарактерность Ягайла, онъ послалъ звать его къ себѣ въ Вильну. Ягайло и самому очень хотѣлось поѣхать въ Литву,—не потому, чтобы онъ питалъ сильную привязанность къ родной странѣ, а потому, что въ ней всего лучше удовлетворялъ онъ своей страсти къ охотѣ. Но польскіе прелаты и вельможи знали, что если Ягайло разъ свидится съ Витовтомъ, то не будетъ въ состояніи отказать ему ни въ чемъ; знали также, что Сигизмундовы послы убѣждаютъ Витовта употребить при вѣчаніи корону, сдѣланную въ Вильнѣ, что не помѣшаетъ Сигизмунду признать его королемъ,—и потому боялись отпустить Ягайла одного въ Литву, а представили къ нему Збигнѣва Олесницкаго, на твердость котораго вполне полагались. Витовтъ принялъ двоюроднаго брата съ большимъ торжествомъ; но самъ со-дня-на-депъ становился все слабѣе и слабѣе, не переставая требовать отъ Ягайла, чтобы тотъ согласился на его коронацію. Ягайло отвѣчалъ, что онъ самъ по себѣ радъ дать согласіе, да

¹⁾ Narbutt, VI, 518.

²⁾ Dlugossi, XI, p. 548.

что-жъ ему дѣлать, когда Поляки приставили къ нему Збигнѣва, безъ согласія котораго ничего нельзя сдѣлать; что прежде всего нужно какъ-нибудь размягчить этотъ камень ¹⁾. Витовтъ принялся размягчать и просьбами и дарами, какихъ лядо до сихъ поръ не получали еще въ Литвѣ; но Збигнѣвъ остался непреклоненъ. Тогда Витовтъ прибѣгнулъ къ угрозамъ, давая знать, что употребитъ всѣ средства, разсыплетъ повсюду то самое золото, раздастъ тѣ самые дары, которые были приготовлены для Збигнѣва, чтобы лишить его Краковской епископіи. Но угрозы не испугали, а только ожесточили Збигнѣва, и Витовтъ долженъ былъ оставить великую надежду преклонить его на свою сторону, а скоро тяжкая болѣзнь заставила его отложить и всѣ другія надежды. Витовтъ умеръ 27 октября 1430 года; главную причину смерти полагаютъ тяжкую скорбь о несбывшихся намѣреніяхъ.

Немнѣя сыновей, Витовтъ сосредоточилъ всѣ свои желанія на удовлетвореніи личнаго честолюбія, для чего такъ сильно добивался вѣнца королевскаго, и не могъ, повидимому, въ послѣднее пятилѣтіе жизни, заботиться о расширеніи своихъ владѣній, которыхъ не кому было оставить. Несмотря на то, еще въ 1425 году, Витовтъ посылалъ къ великому магистру Ордена требовать помощи противъ Пскова; магистръ отказалъ, и Витовтъ почему-то отложилъ походъ; въ 1426 году онъ опять послалъ за тѣмъ же къ магистру; тотъ опять отвѣчалъ, что не можетъ нарушить крестнаго пѣлованія къ Псковичамъ ²⁾; но на этотъ разъ Витовтъ не сталъ дожидаться союзниковъ, объявилъ войну Псковичамъ, и, по прошествіи четырехъ недѣль и четырехъ дней послѣ объявленія, въ августѣ мѣсяцѣ, явился съ полками литовскими, польскими, русскими и татарскими подъ Опочкою, жители которой устроили мостъ на канатахъ, подъ мостомъ набили кольявъ, а сами спрятались въ крѣпости, чтобы непріятелю она показалась пустою. Татарская конница, не видя никого на стѣнахъ, бросилась на мостъ; тогда граждане подрѣзали канаты, — и мостъ вмѣстѣ съ Татарами упалъ на колья; почти всѣ непріатели лишились жизни, а которые попались въ плѣнъ, тѣхъ жестоко и позорно изувѣчили въ городѣ, и въ такомъ видѣ показали осаждающимъ. Витовтъ отошелъ отъ Опочки и осадилъ другой городъ — Вороначъ, подъ которымъ стоялъ три недѣли, разбивая пороками стѣны. Вороначанамъ стало очень тяжело, и они послали сказать въ Псковъ: „Господа Псковичи! помогайте намъ, думайте о насъ, — намъ теперь очень тяжело“! Псковичи послали въ литовскій станъ своего посадника бить челомъ Витовту; но тотъ не принялъ псковскаго челобитья. Другой псковскій посадникъ съ 400 человекъ хотѣлъ пробраться въ Котельну и засѣсть тамъ, но былъ перенятъ на дорогѣ 700 Литовцевъ и Татаръ, и

успѣлъ убѣжать въ Котельну, потерявши 30 человекъ; въ двухъ другихъ стычкахъ съ Татарами жители псковскихъ пригородовъ были счастливыѣ. Между тѣмъ, въ одну ночь случилось чудо страшное, говоритъ лѣтописецъ: внезапно нашла туча грозная, полился дождь, загремѣлъ громъ, молнія сверкала безпрестанно, и всѣ думали, что или отъ дождя потоцнутъ, или отъ грома камнями будутъ побиты; громъ былъ такой страшный, что земля тряслась, и Витовтъ, ухватясь за шатерный столпъ, кричалъ въ ужасѣ: „Господи помилуй“! Псковскій лѣтописецъ этой грозѣ приписываетъ смиреніе Витовта, который далъ перемиріе Вороначанамъ; но лѣтописецъ Московскій приводитъ другое обстоятельство, — къ Витовту пріѣхалъ посольизъ Москвы, князь Лыковъ, и сказалъ отъ имени великаго князя Василія: „Зачѣмъ это ты такъ дѣлаешь вопреки договору? вмѣсто того, чтобы быть тебѣ со мною заодно, ты мою отчину воешь и пустошишь“³⁾. Витовтъ, послушавшись внука своего, заключилъ съ Псковичами миръ; вмѣсто трехъ тысячъ рублей взялъ съ нихъ только одну тысячу, и плѣнниковъ ихъ отдалъ на поруки, съ условіемъ, чтобъ въ извѣстный срокъ они явились къ нему въ Вильну. Псковскій лѣтописецъ не говоритъ ничего о послѣ московскомъ, и жалуется, по обычаю, на Новгородцевъ, которые не помогли Пскову ничѣмъ, ни словомъ, ни дѣломъ, хотя ихъ посоль былъ все это время въ станѣ у Витовта, и подъ Опочкою, и подъ Вороначемъ. Когда срокъ хзать въ Вильну съ деньгами и плѣнными сталъ приближаться, Псковичи послали въ Москву просить великаго князя, чтобъ отправилъ къ дѣду своихъ бояръ бить челомъ за Псковичей. Московскій посоль поѣхалъ въ Вильну вмѣстѣ съ псковскими, повезли деньги 1,000 рублей и плѣнниковъ; Витовтъ деньги взялъ, но плѣнниковъ оставилъ у себя, и посоль московскій не помогъ ничего своимъ посольствомъ, говорить Псковскій лѣтописецъ; Псковичи принуждены были опять послать посадника въ Вильну и выкупить плѣнныхъ деньгами.

Въ 1428 году пришелъ чередъ и Новгородцамъ; Витовтъ объявилъ имъ войну за то, что они называли его измѣнникомъ и пьяницею; Новгородцы послали просить помощи у Псковичей, но тѣ отвѣчали: „Какъ вы намъ не помогли, такъ и мы вамъ не поможемъ, да еще мы и договоръ заключили съ Витовтомъ, что не помогаемъ вамъ“. Великій князь Московскій также пѣловалъ крестъ Витовту, что не будетъ помогать ни Новгороду, ни Пскову, а Тверской князь отправилъ даже свои полки на помощь Витовту. И вотъ Витовтъ пришелъ сначала къ Вышгороду ³⁾, а потомъ къ Порхову съ пушками, — была у него одна огромная пушка, по имени „галка“, которая надѣлала много вреда и Порхову и Литвѣ, потому что, разорвавшись, убила самого мастера, воеводу Полоцкаго и много ратныхъ

¹⁾ Dlugossi, XI, p. 553.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Ив. Д. Кеннигбер. акты Lief. III, № 78 и 81; IV, № 96.

³⁾ Вышегородское село Псковской губерніи, Порховскаго уѣзда.

людей и лошадей. Несмотря на то, Порховъ не могъ долѣе держаться и заплатилъ за себя Витовту 5,000 рублей; потомъ прїѣхалъ изъ Новгорода владыка съ боярами и заплатили еще 5,000, да тысячу за плѣнныхъ; собирали это серебро по волостямъ Новгородскимъ и за Волокомъ, брали съ 10 центовъкъ по рублю. „Вотъ вамъ за то, что называли меня измѣнникомъ и бражникомъ“, сказалъ Витовтъ Новгородцамъ, принимая у нихъ деньги.

Смерть Витовта обрадовала многихъ и въ Польшѣ и въ Сѣверо-Восточной Руси; ей радовались и въ Юго-Западной Руси тѣ, которымъ дорого было свое и которые видѣли ясно, что Витовтъ, въ своихъ честолюбивыхъ стремленіяхъ, руководился одними личными, корыстными цѣлями¹⁾. Ихъ надежды давно уже были обращены на брата Ягайлова, Свидригайла Олгердовича, который оказывалъ явное расположеніе къ православію и явную ненависть къ Польшѣ. Польскіе писатели изображаютъ Свидригайла человекомъ, преданнымъ вину и праздности, непостояннымъ, вспыльчивымъ, безразсуднымъ, склоннымъ на всѣ стороны, куда вѣтеръ подуетъ, и находятъ въ немъ одно только доброе качество—щедрость. Но должно замѣтить, что почти всѣхъ Гедиминовичей можно упрекать въ непостоянствѣ, видя, съ какою легкостью измѣняютъ они одной вѣрѣ и народности въ пользу другой, лишь бы только эта измѣна вела къ скорѣйшему достиженію извѣстной цѣли. Эта семейная черта Гедиминовичей равно поражаетъ насъ какъ въ Ягайлѣ, Свидригайлѣ и Витовтѣ, такъ и въ послѣднемъ изъ Гедиминовичей, Сигизмундѣ-Августѣ, который точно такъ-же былъ равнодушенъ, точно такъ-же колебался между католицизмомъ и протестантизмомъ, какъ предки его колебались между католицизмомъ и православіемъ. Быть можетъ, причина такому явленію заключалась въ самомъ положеніи Литовскаго народа, который, не успѣвъ выработать для себя крѣпкихъ основъ народнаго характера, пришелъ въ столкновение съ различными, чуждыми и вышшими его народностями: къ одной которой-нибудь изъ нихъ онъ долженъ былъ приравняться, не насильственно однако, а съ правомъ выбора.

По смерти Витовта, Ягайло не могъ противиться всеобщему желанію: русскіе и литовскіе вельможи бросились къ Свидригайлу и провозгласили его великимъ княземъ. Свидригайло ознаменовалъ свое вступленіе на отцовскій столъ тѣмъ, что занялъ литовскіе замки отъ своего имени, съ исключеніемъ Ягайлова, и тѣмъ обнаружилъ намѣреніе отложиться отъ Польши. Князя гнѣвомъ за прежнія обиды и гоненія, онъ въ рѣзкихъ словахъ укорялъ короля и его польскихъ совѣтниковъ, грозя имъ местию. Ягайло находился въ самомъ затруд-

нительномъ положеніи; эта затруднительность еще болѣе усилилась при извѣстїи, что Поляки, услыхавъ о смерти Витовта, внезапно захватили Подолію, вытѣснивъ оттуда литовскихъ намѣстниковъ. Свидригайло выходилъ изъ себя, грозилъ королю тюрьмою, и даже смертію, если Поляки не возвратятъ Подолію Литвѣ. Тогда совѣтники королевскіе рѣшились умертвить Свидригайла и, запершись въ Вильнѣ, держаться тамъ до прибытія короннаго войска. Но Ягайло никакъ не соглашался на такую мѣру и почелъ за лучшее возвратитъ брату Подолію. Свидригайло, обрадованный уступчивостію короля, утихъ и началъ ласкаться къ брату; но вельможи польскіе были въ отчаяніи, что Подолія отходитъ отъ нихъ, стали придумывать средства, какъ бы помѣшать королевскому намѣренію, и наконецъ нашли: тайнымъ образомъ дали знать польскому коменданту Каменца, чтобъ онъ не слушался королевскаго повелѣнія, не сдавалъ города Литвѣ и заключилъ бы въ окопы Ягайловыхъ и Свидригайловыхъ посланныхъ; — комендантъ исполнилъ ихъ желаніе.

Въ 1431 году Ягайло возвратился въ Польшу; на Сешомирскомъ сеймѣ слабый старикъ сталъ жаловаться на обиды отъ Свидригайла; негодованіе Поляковъ было усилено еще вѣстями, что Свидригайло не оставляетъ въ покоѣ ни Подоліи, ни другихъ сосѣднихъ областей; но они боялись дѣйствовать противъ Литовскаго князя вооруженною силой, зная сильную приверженность къ нему Русскихъ, заподозривая и короля своего въ тайномъ доброжелательствѣ брату²⁾, и потому рѣшились попытаться сперва мирнымъ путемъ склонить Свидригайла къ уступкѣ Подоліи и къ признанію своей зависимости отъ Польши. Первое посольство ихъ осталось безъ успѣха; при второмъ, выведенный изъ терпѣнія дерзкими требованіями Яна Лутека Бржескаго, Свидригайло далъ ему пощечину. Въ томъ же году (1431) Бржескій опять прїѣхалъ посломъ отъ Ягайла; опять говорилъ Свидригайлу тѣ же рѣчи, опять получилъ отъ него пощечину: но теперь уже не былъ отпущенъ назадъ, а заключенъ въ тюрьму. Ягайло выступилъ съ войскомъ на Литву, хотя, какъ выражается польскій историкъ³⁾, горче смерти былъ ему этотъ походъ противъ родной земли и родного брата. Борьба между народностями, изъ которыхъ одна посягала на права другой, ведена была, какъ и слѣдовало ожидать, съ большимъ ожесточеніемъ: съ обѣихъ сторонъ не было пощадъ плѣнникамъ, причежь Русскіе особенно изливали свою мечь на латинское духовенство. Жители Луцка съ удивительнымъ мужествомъ выдерживали осаду отъ королевскаго войска; несмотря на то, по увѣренію польскаго историка, городъ долженъ былъ бы скоро сдаться

¹⁾ Dlugossi, XI, p. 566. In Withaudi ducis morte, et si nonnulli vultu simularent in prospectu tristitiam, multi tamen et praesertim Rutheni, laetabantur nimium, sperantes sibi et sectae suae schismaticaе meliora, rerum permutatione, et Switrigelli successione, proventura.

²⁾ Ibid. XI, p. 573. Quia tamen difficile visum est, illum de possessione ducatus magni detrahere, cum quod Wladislaus Poloniae rex occulto et intenso ardore sciebat sibi favere, tum quod a Ruthenis miro diligebatur affectu.

³⁾ Ibid., p. 582.

и война кончилась бы съ выгодною и честію для короля и королевства, еслибъ тому не помѣшалъ самъ Ягайло, благопріятствовавшій Свидригайлу и его подданнымъ, съ которыми успѣли заключить перемиріе, причѣмъ положенъ былъ срокъ и мѣсто для переговоровъ о вѣчномъ мирѣ. Король снялъ осаду Луцка, и Русскіе торжествовали отступленіе непріятеля тѣмъ, что разрушили всѣ католическія церкви въ Луцкой Землѣ.

Съѣздъ для заключенія вѣчнаго мира назначенъ былъ въ Парчевѣ; но Свидригайло не явился туда и не прислалъ своихъ уполномоченныхъ. Тогда Поляки, не надѣясь справиться съ Литовскимъ княземъ открытою силой, рѣшились выставить ему соперника и возбудить междоусобіе въ собственныхъ его владѣніяхъ. Мы видѣли, что Свидригайло держался русскаго народонаселенія. Это возбуждало неудовольствіе собственно литовскихъ вельможъ, особенно тѣхъ, которые приняли католицизмъ. Поляки воспользовались ихъ неудовольствіемъ и послали Лаврентія Зоронбу въ Литву, съ явнымъ порученіемъ отъ Ягайла къ брату его — склонять послѣдняго къ покорности, и съ тайнымъ порученіемъ — уговаривать литовскихъ вельможъ къ сверженію Свидригайла и къ принятію къ себѣ въ князя Витовтова брата, Сигизмунда Кейстутовича, князя Стародубскаго. Зоронба успѣлъ какъ нельзя лучше выполнить свое порученіе: составленъ былъ заговоръ, съ помощію котораго Сигизмундъ Стародубскій напалъ нечаянно на Свидригайла и выгналъ его изъ Литвы; но Русь (т.-е. Малороссія), Смоленскъ и Витебскъ остались вѣрными Свидригайлу.

Свѣдавъ объ изгнаніи Свидригайла изъ Литвы, король созвалъ вельможъ и прелатовъ для совѣщанія о дѣлахъ этой страны. Положено было отправить къ Сигизмунду полномочныхъ пословъ, въ числѣ которыхъ находился Эбигнѣвъ Олесницкій. Сигизмундъ съ почестями принялъ посольство и подчинилъ себя и свое княжество коронѣ польской. Такой поступокъ понятенъ: Сигизмундъ собственными средствами не могъ держаться противъ Свидригайла; ему нужна была помощь Польши, авторитетъ ея короля. Но понятно также, что подчиненіе Литвы Польшѣ не могло доставить Сигизмунду расположенія многихъ Литовцевъ, которые не хотѣли этого подчиненія; зато почему Сигизмундъ скоро увидѣлъ, что окруженъ людьми, на вѣрность которыхъ не можетъ положиться; и хотя Польскій лѣтописецъ видитъ въ этомъ случаѣ только врожденное непостоянство Литовцевъ, но мы имѣемъ право видѣть еще что-нибудь другое, тѣмъ болѣе что тотъ же самый лѣтописецъ, въ одинъ голосъ съ лѣтописцемъ Русскимъ, упрекаетъ Сигизмунда въ страшной жестокости и безразличности ¹⁾.

¹⁾ Dlugossi, XI, p. 645, 724; П. С. Р. Л. III, 118: «Сей же князь люте и немилостивъ и сребролюбивъ, паче (всѣхъ) человекъ, и много князей литовскихъ погуби, шныя истощи, шныя погуби мечемъ, а дяновъ и земскихъ людей не мало безъ милосердія погуби».

Открытъ былъ заговоръ на жизнь Сигизмунда, и главами заговора были двое знаменитѣйшихъ вельможъ: Янугъ — палатинъ Трокій, и Румбольдъ — гетманъ Литовскій. Янугъ и Румбольдъ, вмѣстѣ съ другими соучастниками, погибли подъ топоромъ; но ожесточеніе противъ Сигизмунда не уменьшилось: онъ не смѣлъ встрѣтиться съ Свидригайломъ въ открытомъ полѣ, боясь измѣны своихъ.

Въ такомъ положеніи находились Литва и Юго-Западная Русь, когда, въ 1434 году, умеръ король Владиславъ. Поляки возвели на престолъ сына его Владислава, не безъ смутъ впрочемъ и сопротивленія со стороны нѣкоторыхъ вельможъ. Но перемиріе, совершившаяся въ Польшѣ, не измѣнила положенія Литвы и Руси; здѣсь по-прежнему шла борьба между Сигизмундомъ и Свидригайломъ, по-прежнему послѣдній не хотѣлъ отказываться отъ правъ своихъ на Литву, и по-прежнему былъ несчастливъ на войнѣ: войска его потеряли сильное пораженіе подъ Вилькомиромъ. Но Сигизмундъ не долго наслаждался своимъ торжествомъ: двое братьевъ, русскихъ князей — Иванъ и Александръ Чарторыйскіе ²⁾ — составили новый заговоръ, вслѣдствіе котораго Сигизмундъ лишился жизни.

По убіеніи Сигизмунда, литовскіе вельможи раздѣлились: одни хотѣли видѣть великимъ княземъ Владислава Ягайловича, короля Польскаго; другіе, возвеличенные Сигизмундомъ, держались сына его Михаила; третьи, наконецъ, хотѣли Свидригайла. Король Владиславъ былъ въ это время въ большомъ затрудненіи: Венгры выбрали его на свой престолъ и просили послѣднихъ пріѣздомъ къ нимъ, а между тѣмъ Литва требовала также его присутствія и, въ противномъ случаѣ, грозила отдѣлиться отъ Польши. Послѣ долгихъ совѣщаній съ польскими вельможами, рѣшено было, чтобъ самъ Владиславъ посѣдѣлъ въ Венгрію для упроченія себѣ тамошняго престола, а въ Литву отправилъ вмѣсто себя родного брата своего, молодого Казимира, не въ качествѣ, однако, великаго князя Литовскаго, а въ качествѣ намѣстника польскаго Литовскіе и нѣкоторые изъ русскихъ вельможъ, вмѣстѣ съ Александромъ, или Оленькомъ Владиміровичемъ, княземъ Кіевскимъ, внукомъ Олгердовымъ, приняли Казимира, но никакъ не хотѣли видѣть въ немъ намѣстника Владислава и требовали возведенія его на великокняжескій престолъ. Поляки, окружавшіе Казимира, никакъ не хотѣли согласиться на это требованіе, и тогда Литовцы, противъ ихъ воли, провозгласили Казимира великимъ княземъ. Видя это, король Владиславъ и его польскіе совѣтники придумали средство обезсилить Литву, отнять у ея князей возможность къ сопротивленію польскому владычеству: это средство было — раздѣленіе Литовскихъ областей между Казимиромъ Ягеллоновичемъ, Михаиломъ Сигизмундовичемъ и Болеславомъ Мазовецкимъ; назначенъ былъ

²⁾ Dlugossi, XI, p. 723: Dux Iwan Czartoryyski ritus et generis Ruthenicus.

для этого уже и съѣздъ въ Парчевѣ, но сопротивленіе литовскихъ вельможъ помѣшало и этому намѣренію.

Въ 1444 году, Владиславъ, король Польскій и Венгерскій, палъ въ битвѣ съ Турками, при Варшѣ, и это событіе имѣло важное значеніе въ судьбахъ Литвы и Руси; оно снова затягивало связь ихъ съ Польшою, потому что бездѣтному Владиславу долженъ былъ наследовать братъ его, восемнадцатилѣтній Казимиръ Литовскій. Поляки, по мысли Збигнѣва Олесницкаго, прислали звать Казимира къ себѣ на престолъ польскій; тогь, по внушеніямъ Литовцевъ, долго не соглашался. На Петроковскомъ сеймѣ, въ 1446 году, послы Казимировы, русскіе князья, Василій Красный и Юрій Семеновичъ, объявили панамъ прямой отказъ своего князя наследовать брату на престолѣ польскомъ; второе посольство Поляковъ также не имѣло успѣха; наконецъ Казимиръ долженъ былъ уступить ихъ требованіямъ, когда узналъ, что на сеймѣ идетъ рѣчь о выборѣ въ короли Болеслава, князя Мазовецкаго, тестя и покровителя соперника его, Михаила Сигизмундовича. Затруднительно было положеніе Казимира между притязаніями Поляковъ на Литовскія владѣнія и стремленіями Литовцевъ удержать свою самостоятельность относительно Польши; иногда дѣло доходило до явнаго разрыва, и большіе усилій стоило Казимиру отвратить кровопролитіе. По этого мало: Орденъ является опять на сцену, чтобъ отвлечь вниманіе государей польско-литовскихъ отъ востока къ западу. Грюнвальдская битва, нанесшая рѣшительный ударъ Ордену, служила знакомъ ко внутреннимъ безпокойствамъ въ его владѣніяхъ; ослабленные рыцари стали нуждаться теперь въ помощи дворянства и городовъ; послѣдніе воспользовались обстоятельствами и начали требовать участія въ правленіи, начали требовать, чтобъ при великомъ магистрѣ находился совѣтъ, состоящій изъ выборныхъ отъ Ордена, дворянства и главныхъ городовъ, и чтобъ на этомъ совѣтѣ рѣшались всѣ важнѣйшія дѣла. Вслѣдствіе этихъ стремленій начались неудовольствія, кончившіяся тѣмъ, что въ 1454 году послы отъ дворянъ и городовъ прусскихъ явились къ королю Казимиру, съ просьбою принять ихъ въ свое подданство. Казимиръ согласился, и слѣдствіемъ этого была война съ Орденомъ, война продолжительная, ведшаяся съ переменнымъ счастьемъ и поглотившая все вниманіе короля и сеймовъ.

Такое затруднительное положеніе великаго князя Литовскаго—съ одной стороны, и не менѣе затруднительное положеніе великаго князя Московскаго—съ другой—сдерживали обонхъ, мѣшали значительнымъ столкновеніямъ Руси Юго-Западной съ Северо-Восточною во все описываемое время. Но если не могло быть между Литвою и Московію войны значительной, богатой рѣшительными послѣдствіями, то самыя усобицы однако, происходившія одновременно и здѣсь, и тамъ, не могли допустить и постоянного мира между обѣими державами, потому

что враждующія стороны на сѣверо-востокѣ искали себѣ пособія и убѣжища на юго-западѣ, и наоборотъ. Свидригайло былъ побратимъ князю Юрію Димитріевичу, слѣдовательно Василій Московскій долженъ былъ находиться въ союзѣ съ врагомъ Свидригайловымъ Сигизмундомъ Кейстутовичемъ и сыномъ его Михаиломъ, и убійца Сигизмунда, князь Чарторыйскій, жилъ у Шемани, и вмѣстѣ съ нимъ приходилъ воевать на Москву. Василій держалъ сторону Михаила и въ борьбѣ его съ Казимиромъ; мы видѣли, что въ 1444 году, находясь въ войнѣ съ Михаиломъ и Болеславомъ Мазовецкимъ, Казимиръ предлагалъ Новгородцамъ помощь подъ условіемъ подданства. Новгородцы не согласились на это предложеніе, и въ 1445 году великій князь Василій послалъ печально дружъ татарскихъ паревичей на литовскіе города Вязму, Брянскъ и другіе; Татары много воевали, много народу перебили и въ плѣнъ повели, пожгли Литовскую Землю почти до самаго Смоленска и возвратились домой съ большимъ богатствомъ. Казимиръ слѣдшею огомстить, и отправилъ подъ Калугу 7,000 войска, подъ начальствомъ семерыхъ пановъ своихъ. Были они подъ Козельскомъ и подъ Калугою, но не могли здѣсь сдѣлать ничего, и отошли къ Суходорову ¹⁾; тутъ встрѣтили ихъ сто человекъ Можайцевъ, сто Верейцевъ и шестьдесятъ Боровцевъ, и сразились; Русскіе потеряли своихъ воеводъ, Литовцы также потеряли двѣсти человекъ убитыми, и возвратились домой ²⁾. Это впрочемъ было единственное ратное дѣло съ Литвою въ княженіе Василія. Въ 1448 г. былъ въ Москвѣ посолъ литовскій ³⁾, а въ 1449 году заключенъ былъ договоръ между королемъ Казимиромъ и великимъ княземъ Василіемъ и его братьями, Иваномъ Андреевичемъ, Михаиломъ Андреевичемъ и Василіемъ Ярославичемъ ⁴⁾: Василій обязался жить съ Казимиромъ въ любви и быть съ нимъ вездѣ заодно, хотѣть добра ему и его землѣ

¹⁾ Рѣка Суходоровъ вытекаетъ изъ Калужскаго уѣзда и впадаетъ въ Медвѣнское, въ рѣку Шаню.

²⁾ Никои. V, 195: «Приходша х. Колузѣ, Литва, палъ Судувой, палъ Родивилъ Овсовичъ, Андриотка Мостволовичъ, Ябу Вралоичъ, Андрей Исаковичъ, Николай Немировичъ, Захаръ Ивановичъ Кошкитъ, а рати съ ними 7000... Слышавъ же то Можанчи князь Иванови Андрѣевича, а князя Ивана Андрѣевича тогда въ Можайскѣ не было, и собраса Можанчевъ сто человекъ, а воевода у нихъ князь Андрей Васильевичъ Лугвинца Суздальскихъ князей; также слышавше, и брата его князя Михаила Андрѣевича люди, и собраса ихъ сто же, а князя Михаила Андрѣевича у себя тогда въ Верѣ не было, а воевода у нихъ Судокъ; также слышавше и князя Васильевича Ярославича люди, и собраса ихъ 60 человекъ, а князя Василия Ярославича тогда убо въ Боровцѣ не было, а воевода у нихъ Жбаневъ; и сретошася съ Литвою въ Суходровѣ, и бьсть ихъ бой, и убиша ту воеводу князя Ив. Андр. Можайск., князя Андрея Вас. Лугвинца, да Корачарова, да иныхъ четыре человекъ, а Ярошка да Семеша Ржевскаго поимали княжа Ивановыхъ Андр. Можайскаго воеводъ, а брата его поимали воеводъ Судока да Филина Щокяна до Кошійскаго да пять человекъ ходыхъ».

³⁾ Никои. V, 215: «палъ Семешъ Едиголдовъ».

⁴⁾ Акты, относящ. къ истор. Зап. Рос. I, № 50.

вездѣ, гдѣ бы ни было; тѣ же обязательства взялъ на себя и Казимиръ. Договаривающіеся клянутся имѣть однихъ враговъ и друзей; Казимиръ обязывается не принимать къ себѣ Дмитрія Шемяки, а Василій—Михаила Сигизмундовича. Если пойдутъ Татары на украинскія мѣста, то князьямъ и воеводамъ литовскимъ и московскимъ, переславившись другъ съ другомъ, обороняться заодно. Казимиръ и Василій обѣщаютъ не вступаться во владѣнія другъ друга, и, въ случаѣ смерти одного изъ нихъ, другой долженъ заботиться о семействѣ умершаго. Обязываются помогать другъ другу войскамъ въ случаѣ нападенія непріятельскаго; но это обстоятельство можетъ быть и не исполнено, если союзникъ будетъ занятъ самъ у себя дома войною. Орду великій князь Московскій знаетъ по старинѣ, ему самому и посылаетъ его путь чистъ въ Орду чрезъ Литовскія владѣнія. — Съ перваго взгляда послѣднее условіе кажется страннымъ: для чего было Московскому князю или посылать ѣздить въ Орду чрезъ Литовскія владѣнія? Но мы не должны забывать, что при усобицахъ княжескихъ побѣдители захватывали пути въ Орду, чтобы не пропускать туда соперника, и для послѣдняго въ такомъ случаѣ было очень важно проѣхать безпрятственно окольными путями. — Далѣе договаривающіеся обязываются не трогать служилыхъ князей. Василій Московскій называетъ себя въ договорѣ княземъ Новгородскимъ и требуетъ отъ Казимира, чтобы тотъ не вступался въ Новгородъ Великій и во Псковъ, и во всѣ новгородскія и псковскія мѣста, и если Новгородцы или Псковичи предложатъ ему принять ихъ въ подданство, то король не долженъ соглашаться на это. Если Новгородцы или Псковичи нагрубятъ королю, то послѣдній долженъ увѣдомить объ этомъ великаго князя Московскаго, и потому можетъ переѣздаться съ Новгородцами и Псковичами, и Василій не вступится за нихъ, не будетъ сердиться на Казимира, если только послѣдній не захватитъ ихъ земли и воды. Казимиръ обязывается держать съ Нѣмцами вѣчный миръ, съ Новгородцами—особенный миръ, съ Псковичами—особенный, и если станутъ они воевать другъ съ другомъ, то король не вмѣшивается въ ихъ дѣло. Если Новгородцы или Псковичи нагрубятъ великому князю Московскому, и тотъ захочетъ ихъ показнить, то Казимиру за нихъ не вступаться. Великій князь Иванъ Федоровичъ Рязанскій въ любви съ великимъ княземъ Московскимъ, старшимъ своимъ братомъ, и потому король не долженъ обижать его, и если Рязанскій князь нагрубитъ Казимиру, то послѣдній обязанъ дать знать объ этомъ Василію, и тотъ удержитъ его, заставитъ исправиться; если же Рязанскій князь не исправится, то король воленъ его показнить, и Московскій князь не будетъ за него заступаться; если же Рязанскій князь захочетъ служить королю, то Василій не будетъ за это на него сердиться или мстить ему.

Войны не было послѣ этого между Москвою и Литвою, но и договоръ не былъ соблюдаемъ,—Ми-

хаилъ Сигизмундовичъ былъ принятъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ въ 1452 году, въ одно время съ знаменитымъ Свидригайломъ; съ своей стороны, Казимиръ принялъ сына Шемяки, и потомъ Ивана Андреевича Можайскаго и Ивана Васильевича Серпуховскаго: Шемячичъ получилъ во владѣніе Рылъскъ и Новгородъ-Сѣверскій, Можайскій получилъ сперва Брянскъ, потомъ Стародубъ и Гомель¹⁾. Видимъ новые переговоры между великими князьями Московскимъ и Литовскимъ, причемъ литрополитъ Иона является посредникомъ²⁾. Рязанцы опустошили Литовскія владѣнія, и входили за промывами туда, куда имъ издавна входивъ не бывало; Казимиръ жаловался на это великому князю Рязанскому Ивану Оедоровичу³⁾, но получалъ ли удовлетвореніе—не извѣстно.

Московские удѣльные князья обѣжали въ Литву вслѣдствіе стремленій своего старшаго, великаго князя къ единовластію; но чего они не хотѣли въ Москвѣ, тому самому должны были подвергнуться въ Литвѣ: они не могли быть здѣсь князьями самостоятельными, и, принимая вѣности отъ внука Олгердова, клялись быть его подручниками, слугами, данниками⁴⁾. Въ тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ къ Литовскому великому князю были уже давно всѣ князья Рюриковичи Юго-Западной Руси⁵⁾.

Литва не мѣшала Московскому князю утверждать единовластіе на сѣверо-востокѣ, по смерти Шемякиной; мѣшали тому Татары: въ 1449 году отрядъ ихъ внезапно явился на берегахъ рѣки Нохры и много занадѣбалъ христіанамъ,—сѣкъ и въ полонъ вель. Великаго князя обвиняли въ томъ, что онъ любитъ Татаръ, кормитъ ихъ, принимаетъ въ службу; въ настоящемъ случаѣ поведеніе Василія получило полное оправданіе, потому что противъ грабителей выступилъ татарскій же царевичъ Касимъ, изъ Звенигорода, разбилъ ихъ, отнялъ добычу, прогналъ въ степь; и въ слѣдующемъ году Касимъ оказалъ такую же услугу Москвѣ, разбивши Татаръ вѣсетѣ съ коломенскимъ воеводою Беззубцевымъ, на рѣкѣ Битогѣ. Но въ 1451 году дѣло было значительнѣе: великому князю дали вѣсть, что идетъ на него изъ-за Волги царевичъ Мазовша; Василій, не собравшись съ силами, вышелъ-было къ Коломнѣ, но, услышавъ⁶⁾, что Татары уже подлѣ берега, возвратился въ Москву, а всѣхъ людей своихъ отпустилъ къ Окѣ съ воеводою, княземъ Иваномъ Звенигородскимъ, чтобы препятствовать, сколько можно долѣе, переправѣ Татаръ черезъ рѣку; но Звенигородскій испугался и вернулся также назадъ, только другимъ путемъ, а не прямо за великимъ княземъ. Между

¹⁾ Акты, относящ. къ истор. Зап. Росс. I, № 52, 139.

²⁾ Акты Арх. Эксп. I, № 49.

³⁾ Акты, относящ. къ истор. Запад. Росс. № 58.

⁴⁾ Акты, относящ. къ истор. Запад. Росс. № 52.

⁵⁾ Тамъ же, № 41, 48, 57, 63.

⁶⁾ Никол. V, 218: «Бывшу же ему близъ Врешевы, и привде вѣсть ему».

тѣмъ Василій, пробывъ Петровъ день въ Москвѣ, укрѣпилъ (осадилъ) городъ, оставилъ въ немъ свою мать, княгиню Софью Витовтовну, сына князя Юрія, множество бояръ и дѣтей боярскихъ, митрополита Іоану; жену съ другими дѣтymi отпустилъ въ Угличъ, а самъ со старшимъ сыномъ, Иваномъ, отправился къ Волгѣ. Татары подошли къ Окѣ, думая, что на берегу стоитъ русская рать, и, не видя никого, послали сторожей на другую сторону рѣки посмотреть, не скрылись ли Русскіе гдѣ въ засадѣ. Сторожа обыскали всюду и возвратились къ своимъ съ вѣстію, что нѣтъ нигдѣ никого. Тогда Татары переправились черезъ Оку и безъ остановки устремились къ Москвѣ, и подошли къ ней 2-го іюля. Въ одинъ часъ зажжены были всѣ посады: время было сухое, — и пламя обняло городъ со всѣхъ сторонъ, церкви загорѣлись, а отъ дыма нельзя было ничего видѣть; несмотря на то, осажденные отбили приступъ у всѣхъ воротъ. Когда осады сторѣли, то Москвичамъ стало легче отъ огня и дыма, и они начали выходить изъ города и биться съ Татарами; въ сумерки непріятель отступилъ, а граждане стали готовить пушки и всякое оружіе, чтобъ отбивать на другой день приступы; но при солнечномъ восходѣ ни одного Татарина уже не было подъ городомъ: въ ночь всѣ убѣжали, покинувши тяжелые товары, мѣдъ, желѣзо. Великая княгиня Софья тотчасъ же послала сказать объ этомъ сыну, который въ то самое время перевозился черезъ Волгу при устьи Дубны; Василій немедленно возвратился въ Москву и утѣшалъ народъ, говоря ему: „Эта бѣда на васъ ради моихъ грѣховъ; но вы не унывайте, ставьте хоромы по своимъ мѣстамъ, а я радъ васъ жаловать и льготу давать“. Черезъ три года Татары попытались—было опять тѣмъ же путемъ прорваться къ Москвѣ, но были разбиты полками великокняжескими у Коломны. Въ 1459 году новый приходъ Татаръ къ берегамъ Оки: на этотъ разъ отбилъ ихъ старшій сынъ великаго князя, Іоаннъ Васильевичъ На слѣдующій годъ ханъ Большой Орды—Ахматъ—приходилъ со всею силою подъ Переяславль-Рязанскій въ августѣ мѣсяцѣ, стоялъ шесть дней подъ городомъ и принужденъ былъ отступить съ уропомъ и стыдомъ. Это было послѣднее нападеніе изъ Большой Орды въ княженіе Василія; съ Казанью нарушенъ былъ миръ въ 1461 году; великій князь собрался идти на нее войною, но во Владимірѣ явились къ нему послы казанскіе и заключили миръ.

Новгородцы, или, лучше сказать, новгородскіе подданные воевали со Шведами и Норвежцами не на берегахъ Невы и Ладожскаго озера, но въ отдаленномъ Заволочьи, на берегахъ Вѣлаго моря; въ 1445 году Кореляне заволочскіе напали на Норвежскія владѣнія, перебили и поплѣнили жителей, и возвратились по-здорову домой. Какъ видно, чтобъ отомстить за это нападеніе, въ слѣдующемъ году Шведы и Норвежцы пришли нечаянно въ Двинскую губу, на посадъ Пеноксу, повоевали, пожгли, людей перебили и въ плѣнъ повели; услышавши объ

этомъ, Двиняне собрались скоро, напали на непріятеля, убили у него троихъ восводъ, взяли въ плѣнъ сорокъ челоуѣкъ и прислали ихъ въ Новгородъ; только немногимъ удалось пометаться въ корабли и уйти въ море. Собственныя волости Новгородскія не терѣли отъ Шведовъ; въ 1443 году шведскій князь изъ Выборга пріѣхалъ ратью на миру и крестномъ дѣлованіи на рѣку Нарову, и схватилъ псковскаго сына посадничяго, Максима Ларионова, вмѣстѣ съ 27 челоуѣками, а другихъ перебилъ; только на слѣдующій годъ Псковичи выкупили Максима съ товарищами за 120 рублей, а всѣхъ проторей они потеряли 150 рублей. Вредѣе была для Новгородскихъ волостей война съ ливонскими Нѣмцами, — въ 1444 году Нѣмцы пожгли посадъ у города Ямы и берегъ повоевали, а въ Новгородъ прислали сказать: „Не мы васъ воеемъ, а воеетъ васъ изъ-за моря князь Клевскій, метитъ вамъ за своего проводника и толмача“. Князь Клевскій дѣйствительно ѣздилъ черезъ Россію въ Палестину и претерѣлъ непріятности, потому что его именовъ Нѣмцы грабили Новгородскую Землю¹⁾. Зимою Новгородцы пошли въ Нѣмецкую Землю за Нарову, пожгли и поплѣнили все около Ругодана (Нарвы), по берегамъ Наровы до Чудскаго озера. За это магистръ Ордена приходилъ со всѣми своими силами подъ городъ Яму, билъ его пушками и стоялъ пять дней, пожегъ и поплѣнилъ по Вотской Землѣ, по Ижорѣ и по Невѣ, но города взять не могъ и съ уропомъ долженъ былъ возвратиться домой. Новгородцы собрались отомстить ему за это, идти опять за Нарову, но конскій надежь помѣшалъ походу. Въ 1446 году съѣхались было Новгородцы съ Нѣмцами для заключенія мира, но магистръ захотѣлъ Острова, и потому развѣхались безъ мира. Между тѣмъ у Псковичей происходили съ Нѣмцами мелкія столкновенія; въ 1427 году Нѣмцы убили шесть челоуѣкъ Опочанъ-бортничковъ, убили на русской землѣ; другіе подошли къ Опочкѣ, посѣкли и пожгли все на миру и на крестномъ дѣлованіи; иные въ то же время косили сѣно на псковской землѣ; Псковичи за это поѣхали на нихъ въ двухъ насадахъ, сѣно пожгли, схватили 7 челоуѣкъ Чуди и повѣсили ихъ у Выбутска. На слѣдующій годъ впрочемъ заключенъ былъ миръ съ магистромъ, жителями Юрьева и со всею Землею Нѣмецкою, по старому крестному дѣлованію, — только безъ Новгорода, потому что Новгородцы не помогли ничѣмъ, по словамъ Псковскаго дѣтонца. Семь лѣтъ продолжался этотъ миръ; но въ 1436 году Псковичи захватили гостей нѣмецкихъ съ товарами, всего 24 челоуѣка, и посадили ихъ въ тюрьму за то, что Нѣмцы во время мира стали захватывать псковскихъ рыболововъ, а нѣкоторыхъ и убили. Въ 1443 году заключенъ былъ миръ на 10 лѣтъ: но тотчасъ же послѣ этого Псковичи, съ княземъ Александромъ Чарторыйскимъ, поѣхали подъ Новый городокъ нѣмецкій, истребили все жито и повѣсили

¹⁾ Карам. V, пр. 316.

7 Чухомъ, схвативши ихъ на своей землѣ. Подъ 1448 годомъ Псковскій лѣтописецъ говоритъ о походѣ Новгородцевъ съ княземъ Александромъ Васильевичемъ Чарторыйскимъ противъ Ливонскихъ и Тевтонскихъ рыцарей и короля Шведскаго ¹⁾: Новгородцы стали на Наровѣ и бились черезъ рѣку съ Нѣмцами; Богъ помогъ Новгородцамъ, они побили много враговъ, иныхъ побили много на морѣ въ судахъ (бусахъ), другіе потонули въ морѣ, 84 человека попались въ плѣнъ и съ ними два князя; добычи было взято много Русскими; въ то же время отрядъ нѣмецкій потерпѣлъ поражение подъ Ямою отъ Новгородцевъ, бывшихъ подъ начальствомъ князя Василія Васильевича Суздальскаго. Эта неудача, какъ видно, заставила Нѣмцевъ быть сговорчивѣе; въ слѣдующемъ году Псковичи отправили своихъ пословъ на съѣздъ, на рѣку Нарову, вмѣстѣ съ послами Новгородскими ²⁾, и заключенъ былъ выгодный для Русскихъ миръ на 25 лѣтъ съ магистромъ Ордена и епископомъ Юрьевскимъ: Нѣмцы возвратили, со стыдомъ и срамомъ, по выраженію лѣтописца, всѣ старины псковскія, которыя прежде отняты были Юрьевцами. Восемь лѣтъ соблюдали этотъ миръ; но въ 1458 году началась опять ссора за границы: князь Александръ Чарторыйскій съ посадниками псковскими поѣхали на спорную землю ³⁾, сѣно покосили и велѣли своимъ рыбакамъ ловить рыбу ловить по старинѣ, церкви поставили и Чудъ перевѣшали. Но въ слѣдующемъ году ⁴⁾ поганые латины, не вѣруя въ крестное дѣлованіе, напали нечаянно на это спорное мѣсто, сожгли церкви и десять человекъ. Псковичи съ княземъ Александромъ немедленно поѣхали въ насадахъ и ладьяхъ въ Нѣмецкую Землю, и также много людей, мужчинъ и женщинъ, пожгли, мстя за тѣ головы неповинныя. Нѣмцы сѣшши отомстить за своихъ: вѣхали въ шнекахъ и въ ладьяхъ въ Нарову, отняли у псковскихъ рыбаковъ насадъ съ пушками ⁵⁾ и со всѣмъ запасомъ ратнымъ, а въ Березской волости выжгли 42 двора, людей же Богъ сохранилъ. Но скоро потомъ пріѣхалъ посолъ изъ Новгорода во Псковъ, посадникъ Карпъ Савиничъ съ дружиною, и объявилъ, что Нѣмцы бьютъ челоуъ, и назначили срокъ для мирнаго съѣзда. Князь Александръ, вмѣстѣ съ посадниками новгородскими и псковскими, и боярами изво всѣхъ концовъ отправилъсь на спорное (обидное) мѣсто, обыскали и нашли, что земля и вода принадлежатъ Св. Троицѣ;

Нѣмцы же, зная свою неправду, не явились на спорное мѣсто въ назначенный срокъ. Послѣ этого Псковичи съ своимъ княземъ Александромъ поѣхали въ Нѣмецкую Землю и много вреда надѣлали, повоевали Землю Нѣмецкую на 70 верстъ, и три ночи въ ней почевали: много добра пограбили и поготовъ много пожгли, божищу великую выжгли, сняли съ нея крестъ и четыре колокола; со множествомъ другихъ плѣнниковъ привезли во Псковъ и попа нѣмецкаго.

Это было послѣдній походъ на Нѣмцевъ въ княженіе Темнаго. Удачный ли походъ Псковичей, или вѣсть о томъ, что могущественный князь Московскій принялъ дѣла псковскія въ свое завѣдываніе, заставили Нѣмцевъ желать мира, — только въ 1460 же году пріѣхали во Псковъ нѣмецкіе послы бить челомъ находившемуся тогда здѣсь сыну великокняжескому, Юрію Васильевичу, о перемиріи; князь Юрій принялъ ихъ челобитье, и, въ слѣдующемъ году, большіе послы нѣмецкіе пріѣхали въ Новгородъ бить челомъ о перемиріи съ Псковичами на пять лѣтъ. Посолъ великаго князя и Новгорода, спросившись съ Псковичами, послали въ Москву гонцовъ доложить великому князю о просьбѣ Нѣмцевъ; гонцы говорили Василію, что Новгородъ и Псковъ полагаютъ на него упованіе. Великій князь согласился на пятилѣтнее перемиріе, и оно было заключено съ тѣмъ условіемъ, относительно спорнаго мѣста, что Псковичи будутъ ловить рыбу на своемъ берегу, а Юрьевцы и епископъ ихъ — на своемъ; кромѣ того, Нѣмцы возвратили иконы и всѣ вещи, пограбленныя ими въ прежнюю войну. Въ столкновеніяхъ своихъ съ финскими племенами Приуральскими Новгородцы не были счастливы въ это время; въ 1446 году двое воеводъ ихъ, Василій Шенкурскій и Михаилъ Яковлевъ, пошли съ трехтысячною заволокою ратью на Югру, набрали много добычи и стали вести себя оплошно, тѣмъ воспользовались Югорцы и обманули ихъ, говоря: „Мы хотимъ вамъ дань давать, хотимъ перечислить сколько всѣхъ насъ, указать вамъ станы, острова и урочища“; а между тѣмъ собрались и ударили на острогъ Василія Шенкурскаго, гдѣ перебили 80 человекъ дѣтей боярскихъ и удалыхъ людей; воевода Василій успѣлъ спастись съ сыномъ и небольшою дружиною, другіе разбѣжались по лѣсу. Товарищъ Шенкурскаго, Михаилъ Яковлевъ, былъ въ это время на другой рѣкѣ; пріѣхавши къ Васильеву острогу и видя, что онъ разоренъ и люди побиты, сталъ искать бѣглецовъ по рѣкѣ, и когда всѣ они собрались къ нему, то пошелъ назадъ въ свою землю. А между тѣмъ на дорогѣ Новгородцевъ къ Уралу стоялъ городъ, который не только не признавалъ надъ собою власти Великаго Новгорода, но и не одинъ разъ шпался враждовать съ нимъ: то былъ Устюгъ Великій; въ 1425 году Устюжане повоевали Землю Заволокную; Новгородцы пошли за это ратью къ Устюгу и взяли съ него окупъ: 8,000 бѣлокъ да шесть сороковъ соболей.

¹⁾ П. С. Р. Л. IV, 213: «Князь Александръ Васил. съ мужи новгородци поиде противу князя Ризскаго мастера, и противъ короля Прусскаго, и противъ короля Свейскаго Карла».

²⁾ Здѣсь вариантъ, — въ однихъ спискахъ: «Послаша Псковичи своихъ пословъ на съѣздъ, на Нарову рѣку, подѣ новгородскихъ пословъ»; — а въ другихъ: «подѣ Новыи городецъ».

³⁾ На Оволлицу и на Желачкѣ.

⁴⁾ Въ Псковской лѣтоп. сказано: «Того же лѣта (1459), въ великій пость»; но ясно, что Псковичи не могли косить сѣно, и потому Нѣмцы придти въ великій пость въ ономъ и томъ же году.

⁵⁾ Съ пушчичами; въ др. си. съ пушками.

Съ Устюгомъ легко было справиться Новгородцамъ въ 1425 году; то было для нихъ благоприятное время: начало княженія Василя Васильевича, начало смуты въ Московскомъ княжествѣ; но также былъ для Новгорода конецъ княженія Темнаго, когда всѣ смуты прекратились и великій князь сталъ жаловаться, что Новгородцы чтуть его не такъ, какъ слѣдуетъ, его, который держалъ въ рукахъ всѣхъ князей русскихъ. Въ Новгородѣ знали о жалобахъ великаго князя, — и вотъ владыка Иона, несмотря на свою старость, отправился въ Москву, гдѣ своими увѣщаніями и успѣлъ на время отклонить отъ Новгорода послѣдній ударъ: Иона убѣдилъ Василя отказаться отъ похода на Новгородъ и обратить все свое вниманіе на Татаръ¹⁾, враговъ христіанства; по скоро смерть положила конецъ всѣмъ предпріятіямъ великаго князя. Въ 1462 году Василій разболѣлся сухоотною болѣзнію, и велѣлъ пользоваться себя обыкновеннымъ тогда въ этой болѣзни лѣкарствомъ: закипать на разныхъ частяхъ тѣла трутъ по нѣскольку разъ; но лѣкарство не помогло, раны загнили, и больному стало очень тяжело; онъ захотѣлъ постричься въ монахи, но другіе не согласились на это, и, 27 марта, въ субботу на четвертой недѣлѣ великаго поста, Василій скончался.

Желая узаконить новый порядокъ престолонаслѣдствія и отнять у владѣтельныхъ князей всякій предлогъ къ смутѣ, Василій еще при жизни своей назвалъ старшаго сына Іоанна великимъ княземъ, объявилъ его соправителемъ; всѣ грамоты писались отъ имени двухъ великихъ князей. — Димитрій Донской первый рѣшился благословить старшаго своего сына великимъ княженіемъ Владимірскимъ, потому что не боялся ему соперниковъ ни изъ Твора, ни изъ Нижняго; Василій Димитріевичъ не рѣшился благословить сына своего утвердительно великимъ княженіемъ, зная о притязаніяхъ брата своего Юрія. Василій Темный не только благословляетъ старшаго сына своего отчиною, великимъ княженіемъ, но считаетъ великое княженіе Владимірское неразрывно соединеннымъ съ Московскимъ, вслѣдствіе чего Владиміръ и другіе города этого княжества смѣшиваетъ съ городами московскими. До сихъ поръ въ завѣщаніяхъ своихъ князья прежде всего распоряжались отчинными своими московскими волостями, и потомъ уже благословляли старшаго сына великимъ княженіемъ Владимірскимъ утвердительно или предположительно; но Василій Темный начинаетъ съ того, что благословляетъ старшаго сына отчиною своею, великимъ княженіемъ, потомъ даетъ ему треть въ Москвѣ, Коломну и за Коломною слѣдуетъ Владиміръ — отдѣльно отъ великаго княженія, за нимъ города, принадлежавшіе прежде къ Владимірской области, — Переяславль и Кострома; за Костромою слѣдуетъ Галичъ, за Галичемъ — Устюгъ, который до сихъ поръ не упоминался

въ завѣщаніяхъ княжескихъ, равно какъ Вятка и Суздаль, что все отказывается старшему сыну, великому князю, вмѣстѣ съ Новгородомъ-Нижнимъ, Муромомъ, Юрьевымъ, Великою-Солью, Боронскомъ, Суходоломъ, Калугою, Алексинимъ — огромныя владѣнія въ сравненіи съ тѣми, которыя были отканы самому Василю отцомъ его. Второй сынъ, Юрій, получилъ: Дмитровъ, Можайскъ, Медынь, Серпуховъ и Хатуны; третій сынъ, Андрей Большой, получилъ Угличъ, Вѣжецкій-Верхъ и Звенигородъ; четвертый, Борисъ, — Ржеву, Волокъ и Рузу; пятый, Андрей Меньшой, — Вологду съ Кубеною, Заозерьемъ и нѣкоторыми Костромскими волостями. Женѣ своей великій князь отдалъ московскую часть Ростова съ тѣмъ, чтобы по смерти своей она отдала ее второму сыну — Юрію. Такимъ образомъ, старшій получилъ городовъ гораздо больше, чѣмъ всѣ остальные братья вмѣстѣ, не говоря уже о значеніи городовъ и величій областей; замѣчательно, что всѣ удѣлы младшихъ братьевъ назначены на сѣверѣ и западѣ, отчасти югѣ, тогда какъ весь востокъ сплошь составляетъ участокъ старшаго, великаго князя: замѣчательно также, что въ удѣлы младшимъ отданы тѣ волости, которыя и прежде были удѣлами; область же великаго княженія Владимірскаго и примыслы — Нижній, Суздаль и Муромъ — безъ раздѣла переходятъ къ старшему брату, которому даны были всѣ матеріальные средства держать младшихъ подъ своею рукою.

Въ княженіе Темнаго чаще, нежели прежде, встрѣчается имена служилыхъ князей, бояръ и воеводъ московскихъ. Еще въ княженіе Василя Димитріевича мы видѣли, какъ литовскій выходецъ, князь Юрій Патрикѣвичъ оттѣснилъ (заѣхалъ) нѣкоторыхъ бояръ и занялъ первое мѣсто между ними. И въ княженіе Темнаго князь Юрій Патрикѣвичъ водилъ въ походъ полки московскіе, но неудачно: онъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ Косымъ и Шемякою; по послѣ, подъ 1437 годомъ, мы видимъ его опять въ Новгородѣ, въ качествѣ посла великокняжескаго. Сынъ его, Иванъ Юрьевичъ, замѣчательнѣе тѣмъ, что участвовалъ въ покореніи Вятки²⁾. Изъ князей Рюриковичей на службѣ Московскаго князя видѣе другихъ являюся князья Ряполовскіе и Палецкій, потомки Ивана Всеволодовича Стародубскаго, и Оболенскіе, потомки Св. Михаила Черниговскаго. Мы видѣли, какую важную услугу оказали Ряполовекіе семейству великаго князя; изъ четверыхъ братьевъ — Ивана, Семена, Димитрія и Андрея-Лобана Ивановичей, Семенъ извѣстенъ неудачнымъ походомъ подъ Вятку, Димитрій — удачнымъ, Андрей-Лобанъ убитъ въ сраженіи съ Татарами подъ Вѣловымъ³⁾; двоюродный братъ ихъ, князь Федоръ Давидовичъ Палецкій-Пестрый, извѣстенъ побѣдою надъ Татарами въ 1428 году. Изъ шести сыновей князя Ивана Константиновича Оболенскаго трое внесли свои имена въ лѣ-

¹⁾ Житіе Св. Ионы, архіепископа Новгородскаго; рукоп. Румянц. Муз. № 154.

²⁾ Никон. V, 285.

³⁾ Никон. V, 127.

тописи: Василій, Семень и Глѣбъ; Василій разбилъ Татаръ подъ Переяславлемъ-Рязанскимъ въ 1444 году; Семень явился ревностнымъ приверженцемъ Темнаго, по ослѣпленіи котораго бѣжалъ въ Литву вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ Ярославичемъ; Глѣбъ былъ убитъ Косымъ; сынъ Василія Ивановича Оболенскаго, князь Иванъ Василевичъ Стрига, подобно отцу, извѣстенъ побѣдами: отъ отбилъ Шемяку отъ Костромы въ 1449 году, потомъ разбилъ Новгородцевъ подъ Русою. Изъ потомковъ Св. Михаила Черниговскаго упоминается также князь Федоръ Тарусскій; по родословнымъ, это долженъ быть одинъ изъ князей Мезецкихъ; упоминается и нѣсколько другихъ князей сѣвернаго происхожденія. Изъ старыхъ московскихъ знатныхъ фамилій прежнее значеніе удерживаетъ фамилія Кобылиныхъ-Кожкиныхъ, которой представителями въ княженіе Темнаго являются—Андрей Федоровичъ Голтяевъ, внукъ стараго главнаго совѣтника при Василіи Дмитріевичѣ — Оедора Кошки, чрезъ второго сына его Оедора Голтяя, и другой внукъ того же Оедора Кошки, чрезъ третьего его сына, Александра Беззубца, Константинъ Александровичъ Беззубцевъ. Андрей Федоровичъ Голтяевъ уговариваетъ князя Ивана Можайскаго не отставать отъ Василія Васильевича при торжествѣ дяди Юрія ¹⁾; въ 1435 году онъ попадаетъ въ плѣнъ къ Косому въ Вологдѣ; въ 1438 ведетъ переговоры съ ханомъ Улу-Махметомъ у Вѣлева; въ 1444 году, вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ Ивановичемъ Оболенскимъ, разбиваетъ Татаръ у Переяславля-Рязанскаго; Константинъ Александровичъ Беззубцевъ разбиваетъ Татаръ въ 1450 году. Что касается до старшаго ихъ двоюроднаго брата, Ивана Ивановича, сына того знаменитаго совѣтника при великомъ князѣ Василіи Дмитріевичѣ, на котораго такъ жаловался Эдигей, то, по всѣмъ вѣроятностямъ, это тотъ самый бояринъ Иванъ Ивановичъ, который подписался подъ завѣщаніемъ Темнаго на второмъ мѣстѣ, послѣ князя Юрія Патрикѣевича, и который, вмѣ-

стѣ съ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ, покорилъ Вятку ²⁾. Изъ знаменитой фамиліи Акинфовыхъ упоминается Оедоръ Михайловичъ Челядинъ. Вѣрными слугами Темнаго являются члены другой древней фамиліи—Шещеевы: Михаилъ Борисовичъ и двоюродный братъ его Андрей Федоровичъ, правнуки Александра Шещеева, младшаго брата Св. Алексія митрополита. Михаилъ былъ отправленъ захватить Москву подъ Шемякою, Андрей — объявить въ Москвѣ объ освобожденіи великаго князя изъ татарскаго плѣна. Одного рода съ извѣстною намъ прежде фамиліею Бѣлеутовыхъ были двое братьевъ Сорокоумовыхъ—Иванъ Опера и Дмитрій Вобрь, вмѣстѣ съ знаменитымъ Басенкомъ, отличившіе себя вѣрностію къ Темному; дѣйствовавшій съ ними заодно, Семень Филимоновъ принадлежалъ къ роду Морозовыхъ, былъ родной племянникъ извѣстнаго Семена Морозова, любимца князя Юрія Дмитріевича; Юрій, или Юшка Драница, литовскій выходецъ, былъ вторымъ воеводою въ Нижнемъ, потомъ дѣйствовалъ вмѣстѣ съ поименованными лицами въ пользу Василія Темнаго и былъ убитъ подъ Угличемъ; лѣтопись называетъ его храбрымъ человѣкомъ; Василій Оедоровичъ Кугузовъ, потомокъ слуги Александра Невскаго, былъ посланъ Темнымъ къ Шемякѣ требовать возвращенія изъ плѣна великой княгини Софьи Витовтовны. Это все приверженцы Темнаго Врагомъ его оказался Иванъ Старковъ, который былъ намѣстникомъ въ Коломнѣ и приставомъ при Шемякѣ, когда послѣдняго отослали въ Коломну подъ стражу; этотъ Старковъ, по родословнымъ, причитается вѣнкомъ татарскаго царевича Серкиза, выхвачаемаго изъ Большой Орды при Дмитріи Донскомъ. Изъ бояръ Шемякинскихъ главными совѣтниками своего князя выставилъ Никита Константиновичъ съ братьями; Михаилъ Оедоровичъ Сабуровъ, потомокъ мурзы Чета, перешелъ отъ Шемяки къ Темному. Дьяками у послѣдняго были Оедоръ и потомъ Василій Веда.

Глава III.

Внутреннее состояніе русскаго общества отъ кончины князя Мстислава Мстиславича Торопецкаго до кончины великаго князя Василія Васильевича Темнаго.

(1228—1462.)

Общій ходъ событій.—Причины усиленія Московскаго княжества.—Московскія волости.—Ихъ судьба по княжескимъ завѣщаніямъ.—Способы ихъ увеличенія.—Границы ихъ.—Перемѣны въ отношеніяхъ между старшимъ и младшимъ князьями.—Положеніе женщины въ родѣ княжескомъ.—Служебные князья.—Титулы княжескіе.—Печати. Посаженье на столъ.—Отношеніе къ Татарамъ.—Законодательная власть князя.—Финансы.—Богатство князей.—Жизнь русскаго князя на сѣверѣ и югѣ.—Положеніе дружины.—Войско.—Характеръ войны.—Города.—Сельское народонаселеніе.—Козаки.—Бѣдствія политическія и физическія.—Торговля.—Деньги.—Искусство, ремесла.—Церковь.—Законодательные памятники.—Международное право.—Нравы.—Обычаи.—Литература.—Лѣтописи.—Общій ходъ Русской исторіи до образованія Московскаго государства.

Мы обозрѣли событія болѣе чѣмъ двухсотлѣтняго періода времени, отъ смерти Мстислава Торо-

пецкаго до смерти Василія Темнаго. Мы остановились на смерти Удалого потому, что это былъ по-

¹⁾ Никон. V, 117.

²⁾ Никон. V, 285.

слѣдній князь, который связывалъ еще судьбы обѣихъ половинъ Руси, Сѣверной и Южной; который, будучи представителемъ послѣдней, оказалъ между тѣмъ сильное вліяніе и на судьбы первой, тогда какъ прежде, при Андрѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ III, наоборотъ, Южная Русь подчинялась вліянію Сѣверной, князь послѣдней считался старшимъ, главнымъ княземъ, безъ котораго князья южные не могли обойтись, по собственному ихъ признанію. Слѣдя за внутреннею связью явленій, наблюдая за переходомъ отъ стараго быта Руси къ новому, отъ родовыхъ княжескихъ отношеній къ единовластію¹⁾, мы замѣтили въ Сѣверной Руси внутреннія условія, благоприятствующія этому переходу, замѣтили несостоятельность Южной въ этомъ отношеніи. Еще прежде Мстислава, при Романѣ Великомъ, можно замѣтить, что и въ Южной Руси главная сцена дѣйствія готова уже оставить Приднѣпровье, славныя горы Кіевскія и перенестись въ богатую область Галицкую, издавна служившую посредницею между Русью и міромъ западнымъ; Мстиславъ умираетъ въ Галичѣ,—и тамъ же является достойный ему преемникъ въ сынѣ Романовомъ, Даніилѣ. Не менѣе Мстислава доблестный, но не странствующій герой, подобный ему, Даніилъ отчинными преданіями привязанъ къ одной извѣстной области; онъ съ ранней молодости не знаетъ покоя, чтобы добыть отцовское наслѣдіе; добывши его, заботится о немъ, устанавливаетъ нарядъ внутренній, старается защитить отъ Татаръ, Ятвяговъ и Литвы, старается распространить свое вліяніе на сѣверъ и западъ. Будущность Южной Руси въ рукахъ Даніила и его потомства, въ которомъ историкъ надѣется увидать собирателей Русской Земли на югъ; но надежды эти оказываются обманчивыми. Южная Русь не собирается въ одно самостоятельное цѣлое; большая часть ея подчиняется князьямъ Литовскимъ, меньшая—отходить къ Польшѣ. Литва и Русь соединяются съ Польшею подъ одну династію; но соединеніе это оказывается вѣшнимъ, непрочнымъ, сліянія внутренняго государственнаго и народнаго нѣтъ, и причина этого заключается въ томъ, что большую часть владѣній князей Литовскихъ составляютъ Русскія области, большую часть ихъ подданныхъ составляетъ русское православное народонаселеніе, которое, съ самаго начала будучи затронуто въ самомъ существенномъ своемъ интересѣ, должно было вступить въ борьбу съ католическими стремленіями Ягеллоновъ и преемниковъ ихъ. Историкъ долженъ съ вниманіемъ слѣдить за этою борьбою по тому великому значенію, какое имѣла она, и особенно исхода ея, на судьбы Россіи, на судьбы Восточной Европы; но, при этомъ вниманіи и участіи, онъ не можетъ дать исторіи Юго-Западной Руси равнаго мѣста, равнаго значенія съ исторіею Руси Сѣверо-Восточной, гдѣ, влѣдствіе внутреннихъ движеній, образовалось самостоятель-

ное Русское государство, и важность Юго-Западной Руси, важность исхода борьбы ея съ Польшею для судебъ Восточной Европы условливается самостоятельнымъ существованіемъ Московскаго государства на сѣверѣ; довольно сказать, что исторія Юго-Западной Руси послѣ Гедимина и Казимира Великаго немыслима одна, сама по себѣ, но только въ связи съ исторіею Литвы и Польши. Итакъ, если несправедливо, въ научномъ отношеніи невѣрно и односторонне, упускать изъ виду Юго-Западную Русь послѣ отдѣленія ея отъ Сѣверо-Восточной, поверхностно только касаться событій ея исторіи, ея быта и отношеній къ Литвѣ и Польшѣ, тѣмъ болѣе что ея бытъ представляетъ постоянно народныя русскія особенности и самая видная сторона ея отношеній къ Литвѣ и Польшѣ—есть борьба для поддержанія основъ русской народности:—то, съ другой стороны, также несправедливо, также невѣрно исторію Юго-Западной Руси ставить наряду съ исторіею Сѣверо-Восточной,—значеніе Юго-Западной Руси остается всегда важнымъ, но всегда второстепеннымъ; главное вниманіе историка должно быть постоянно обращено на сѣверъ.

Здѣсь, благодаря Мстиславу Торопецкому и Липпкой побѣдѣ, старшій сынъ Всеволода III, Константинъ, усиливается не въ прихѣръ передъ братьями, которые, какъ побѣжденные, должны были удовлетворяться ничтожными волостями, данными изъ милости побѣдителемъ. Но преждевременная смерть Константина помѣшала ему воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ и упрочить могущество сыновей своихъ, которые должны были удовлетворяться одною Ростовскою волостью. Очередь усиливаться перешла къ Юрью; но этотъ Всеволодовичъ погибъ отъ Татаръ со всѣмъ семействомъ своимъ и двумя племянниками Константиновичами. Оставались еще трое Всеволодовичей, и старшимъ между ними былъ Ярославъ. Этотъ князь уже давно изъ всѣхъ сыновей Всеволодовыхъ отличался предприимчивымъ духомъ, охотою къ промысламъ; будучи еще только княземъ Переяславскимъ, онъ не отставалъ отъ Новгорода, все старался привести его въ свою волю, несмотря на урокъ, заданный ему Мстиславою на Липицѣ. По отношеніямъ новгородскимъ, онъ завелъ ссору съ Черниговомъ, и, не надѣясь получить скоро старшинства на сѣверѣ, бросился на югъ и овладѣлъ Кіевомъ. Татары, истребленіемъ семейства Юрѣва, очистили Ярославу великое княженіе и обширныя волости для раздачи сыновьямъ своимъ. Онъ отдалъ Суздаль брату Святославу, Стародубъ—другому брату Ивану; свою отчину, Переяславль, передалъ нераздѣльно старшему сыну Александру, остальныхъ же пятерыхъ сыновей подѣлилъ волостями изъ великаго княженія, не давши ничего изъ него потомкамъ Константиновымъ. Не извѣстно, что онъ далъ второму сыну своему, Андрею;—вѣроятно Юрьевъ, который уступилъ ему Святославъ Всеволодовичъ за Суздаль; третій сынъ, Константинъ, получилъ Галичъ, четвертый—Ярославъ—Тверь, пятый, Ми-

¹⁾ Отъ единопорядія къ единовластію, еслибъ позволено было такъ выразиться.

халь — Москву, шестой, Василий — Кострому. Таким образом, вся почти Владимірская область явилась въ рукахъ сыновей Ярославовыхъ: что могли предпринять противъ этихъ шестерыхъ князей дядя ихъ — князя Суздальскій и Стародубскій? Ясно, что, при ослабленіи родовыхъ понятий, по смерти Ярослава, братъ его Святославъ не могъ долго держаться на старшемъ столѣ, былъ изгнанъ Михаиломъ Ярославичемъ Московскимъ, а послѣ даже лишился и Суздаля, который перешелъ къ Ярославичамъ же, а Святославъ и его потомство должны были удовольствоваться опять однимъ Юрьевомъ. При этомъ надобно замѣтить, что сыновья Ярославовы и по личному характеру своему были въ уровень своему положенію, могли только распространить и укрѣпить оловское наслѣдство, а не растратить его: Александръ получилъ названіе Невскаго; въ отвагѣ Андрея нельзя сомнѣваться, когда онъ рѣшился поднять оружіе противъ Татаръ. Михаилъ прозывается Хоробритомъ; Ярославъ идетъ постоянно по слѣдамъ отцовскимъ, постоянно хлопочетъ о примыслахъ, хочетъ привести Новгородъ въ свою волю, но не можетъ этого сдѣлать, потому что Василий Костромской также не хочетъ спокойно смотрѣть на дѣятельность старшихъ братьевъ. Братковременная вражда между Александромъ Невскимъ и братомъ его Андреемъ не могла принести вреда семьѣ Ярославовой; важное значеніе Невскаго не ограничивается только подвигами его противъ Шведовъ, Нѣмцевъ, Литвы и благоразумнымъ поведеніемъ относительно Татаръ. Въ немъ съ перваго же раза виденъ внукъ Всеволода III и дѣдъ Калиты; онъ старшій Новгороду не менѣе отца и дѣда; въ великомъ княженіи расноиражается по отцовски; Переяславскую отчину безъ раздѣла отдаетъ старшему сыну Дмитрію, остальныхъ сыновей надѣляетъ волостями великокняжескими: Андрею отдаетъ Городецъ съ Нижнимъ, Даниилу Москову, выморочный удѣлъ Михаила Хоробрита. По смерти Невскаго, Ярославу Тверскому помѣшалъ успѣться Василій Костромской, но самъ умеръ скоро и безпотомственно, очистивъ такимъ образомъ старшій столъ для сыновей Невскаго. Здѣсь повторяется то же явленіе: Дмитрію Переяславскому мѣшаетъ усилиться Андрей Городецкій. Начинается продолжительная усобица, во время которой старшіе Александровичи истощаютъ свои силы, не могутъ сдѣлать ничего для своего потомства, притомъ же сынъ Дмитрія умираетъ бездѣтнымъ; а между тѣмъ, во время этой усобицы князей Переяславскаго и Городецкаго, въ тиши усиливается два княжества: Тверское при сынѣ Ярослава Ярославича, Михаилѣ, и Московское — при младшемъ сынѣ Невскаго, Даниилѣ. Соперничество между ними по этому самому необходимо; но будетъ ли это соперничество послѣднимъ?

До сихъ поръ, при стремленіи сѣверныхъ князей къ примысламъ, къ увеличенію своихъ волостей, своихъ матеріальныхъ средствъ, они обыкновенно стараются привести въ свою волю Новгородъ-Ве-

ликій, утвердиться здѣсь прочѣе прежнихъ князей, но борьба съ Новгородомъ ни для одного изъ нихъ не увѣнчивается полнымъ успѣхомъ; средства князей еще не такъ велики, средства Новгорода обширны; притомъ же предпріятіе слишкомъ важно, слишкомъ громко, возбуждаетъ вниманіе, опасеніе другихъ князей, которые стараются ему воспрепятствовать. Московскіе князья, при началѣ своего усиленія, поступаютъ благоразумнѣе: вооружаются противъ ближайшихъ сосѣдей, слабыхъ, съ которыми легко сладить, притомъ же примыслы на ихъ счетъ слишкомъ далеки отъ главной сцены дѣйствія, не могутъ возбудить подозрѣнія и сильнаго противодѣйствія. Даниилъ Александровичъ вооружается противъ Рязани, беретъ въ плѣнъ ея князя, упрочиваетъ за своимъ княжествомъ Коломну, важный пунктъ при устьи Москвы-рѣки въ Оку; сынъ Даниловъ, Юрій, обращается на другую сторону, беретъ Можайскъ у Смоленскаго княжества, также важный пунктъ при верховьяхъ Москвы-рѣки. Гораздо замѣтнѣе, крупнѣе, по тогдашнимъ отношеніямъ, было пріобрѣтеніе Переяславля-Залѣскаго, доставшагося Даниилу по завѣщанію бездѣтнаго племянника Ивана Дмитріевича: Андрей Городецкій не хотѣлъ уступить Переяславль Московскому князю; не хотѣлъ уступить ему его и Михаилъ Тверской, когда сталъ великимъ княземъ Владимірскимъ; но Москва крѣпко держалась за своей примысль, несмотря на то, что и ея князья до самаго Василія Темнаго признавали Переяславль волостію великаго княженія. Уже одно держаніе Переяславля могло повести къ усобицѣ между Москвою и Тверью, кромѣ явнаго намѣренія Юрія спорить съ Михаиломъ и о самомъ Владимірѣ. Борьба сначала рѣшилась-было въ пользу Твери; но мы уже видѣли, что всѣ великіе князья стремятся примыслить къ своей отчинѣ Новгородъ: не могъ же послѣдовать отцовскому примѣру и Михаилъ Тверской, ближайшій сосѣдъ Новгорода. Но мы замѣтили также, что предпріятіе противъ богатаго Новгорода было для князя довольно затруднительно; и теперь, стѣсненные Михаиломъ, Новгородцы обращаются къ Юрію Московскому, и нѣтъ сомнѣнія, что деньги ихъ всего болѣе помогли послѣднему успѣть въ Ордѣ и сблизиться, породниться съ семействомъ ханскимъ, что и было причиною гибели Михаиловой. Но Тверь не пала вмѣстѣ съ Михаиломъ; Юрій, хлопотавшій такъ много для примысловъ, не разбиравшій средствъ для нихъ, проведшій всю жизнь въ безпокойствахъ, странствованіяхъ, не воспользовался плодами своихъ тяжелыхъ и непривлекательныхъ трудовъ, погибъ безпотомственно въ Ордѣ, отъ руки сына Михаилава. Но ему наслѣдовалъ братъ его Іоаннъ Калита, и если Александръ Михайловичъ Тверской получилъ отъ хана великое княженіе Владимірское, то Калита перезвалъ къ себѣ въ Москву митрополита, что было важнѣе всякихъ ярлыковъ ханскихъ. Борьба слѣдовательно не окончилась; Калита ждалъ удобнаго случая, и вотъ въ Твери встало возстаніе, — вы-

рѣзали Татаръ: Калита съ татарскимъ войскомъ опустошилъ, обезначилъ вконецъ Тверское княжество, и погубилъ потомъ Александра въ Ордѣ. Москва восторжествовала и, не имѣя болѣе соперниковъ, стала собирать Русскую Землю.

Изложивши ходъ событій, вслѣдствіе котораго княжество Московское усилилось насчетъ всѣхъ остальныхъ княжествъ и собрало около себя Русскую Землю на сѣверѣ, мы должны еще обратить вниманіе на нѣкоторыя обстоятельства, благоприятствовавшія усиленію Москвы. Здѣсь, разумеется, прежде всего мы должны обратить вниманіе на географическое положеніе Москвы и ея области. Уже прежде, въ своемъ мѣстѣ, было замѣчено ¹⁾ о важномъ значеніи Москвы, какъ срединнаго пограничнаго мѣста между старою, Южною, и новою, Сѣверною Русью. Когда Южная Русь потеряла свое значеніе, княжества обезначились отъ усобицъ, разсмѣченія волостей и особенно отъ погрома татарскаго, послѣ котораго не было здѣсь болѣе безопасности, то необходимо должно было усиливаться переселеніе народа съ юга на сѣверъ, въ мѣста болѣе безопасныя, и первымъ пограничнымъ княжествомъ было Московское: бояринъ Родіонъ Несторовичъ пришелъ изъ Кіева въ Москву, на службу къ ея князьямъ, и привелъ съ собою 1,700 человекъ дружины; черниговскій бояринъ Плещеевъ, вслѣдствіе татарскихъ опустошеній, также перешелъ въ Москву ²⁾. Но если переселялись дружинники, то нѣтъ основанія полагать, что не переселялись люди другихъ сословій. Притомъ же, кромѣ Южной Руси, въ Московское княжество должно было стекаться народонаселеніе и изъ ближайшихъ областей—Рязанской, Тверской, Ростовской, постоянно межѣ безопасныхъ, чѣмъ область Московская; пограничная съ степью, Рязанская волость часто терпѣла отъ татарскихъ нападений, тогда какъ Москва послѣ 1293 года до самаго Тохтамышева нашествія не слыхала о нихъ. Тверское княжество было странно опустошено Татарами и Калитою, потому здѣсь начинаются усобицы княжескія, заставлявшія жителей, по прямому свидѣтельству лѣтописи, переселяться въ другія области; въ Ростовскомъ княжествѣ насилія Москвичей при Калитѣ заставили многихъ жителей изъ городовъ и селъ перейти въ московскія владѣнія ³⁾. Увеличеніе народонаселенія въ княжествѣ вмѣстѣ съ его продолжительною безопасностью увеличивало доходы княжескіе, и отсюда объясняется, почему уже Калита былъ такъ богатъ, что могъ покушать цѣлыя княжества, какъ Вѣлоозеро, Угличъ и Галичъ. Но что же заставило князей Вѣлозерскаго и Галичскаго продать свои волости Калитѣ?—но всѣмъ вѣроятностямъ, невозможность платить выходы ордынскіе. Обиліе въ деньгахъ не только позволяло Московскимъ князьямъ увеличивать свои владѣнія внутри и удерживать за собою великокняжеское до-

стоинство, задаривая хана и вельможъ его,—оно давало имъ еще новое средство увеличивать народонаселеніе своихъ волостей, скуная плѣнныхъ въ Ордѣ и поселяя ихъ у себя: такъ произошелъ особый классъ народонаселенія — ордынцы, о которыхъ часто упоминается въ завѣщаніяхъ и договорахъ княжескихъ; не говоримъ уже о томъ, что обиліе въ деньгахъ позволяло Московскимъ князьямъ давать переселенцамъ большія льготы, чѣмъ какія они могли получить въ другихъ областяхъ, отъ другихъ, менѣе богатыхъ князей. Любопытно, что древніе путешественники, хваля плодородіе Владимірской и Нижегородской областей, называютъ область собственно Московскаго княжества малоплодородною. Мы знаемъ, что относительно плодородія почвы Владимірская область не имѣетъ преимуществъ предъ Московскою, и потому извѣстныя путешественниковъ можетъ быть объяснено только болѣе раннимъ истощеніемъ московской почвы, вслѣдствіе болѣе ранняго и болѣе густаго населенія.

Кромѣ увеличенія доходовъ, зависѣвшаго отъ умноженія народонаселенія, казна Московскихъ князей должна была обогащаться также вслѣдствіе выгоднаго торговаго положенія ихъ области, которая не только была посредствующею областію между сѣверомъ и югомъ, но также, благодаря своей рѣкѣ, посредствовала въ торговомъ отношеніи между сѣверо-западомъ и юго-востокомъ. Впослѣдствіи мы видимъ большой торговый путь, изъ Азии въ Европу и обратно, по Волгѣ, Окѣ и Москвѣ-рѣкѣ; видимъ указанія путешественниковъ на важность торговаго положенія Московскаго княжества вслѣдствіе удобства рѣчной системы. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ торговый путь существовалъ и въ описываемое время, и прежде: этимъ объясняется, почему торговые Новгородцы утвердили свое владѣніе на Волгѣ-Ламскомъ, важномъ торговомъ пунктѣ между рѣкою-Москвою, притокомъ Оки, Ламю, притокомъ Волги, и озерною ихъ областію. Но, кромѣ волжскаго торговаго пути, Москва-рѣка имѣла важное торговое значеніе для Новгорода, какъ путь въ Рязанскую область, богатѣйшую естественными произведеніями изъ всѣхъ областей Сѣверо-Восточной Руси, по увѣренію путешественниковъ, и особенно изобилующую медомъ и воскомъ, — а этими товарами, какъ извѣстно, Россія чрезъ Новгородъ и Псковъ, снабжала всю Европу.

Важно было положеніе Москвы въ срединѣ, на границѣ между Сѣверною и Южною Русью, въ политическомъ отношеніи; важно было посредничество ея рѣчной области между юго-востокомъ и сѣверо-западомъ въ отношеніи торговомъ: думаемъ, что срединность положенія ея между Сѣверною и Южною Русью имѣла не малое значеніе и въ отношеніи церковномъ. Всероссійскіе митрополиты, пребывавшіе на югѣ, въ Кіевѣ, послѣ того какъ этотъ городъ потерялъ значеніе, перешедшее на сѣверъ, и послѣ погрома татарскаго, должны были обратить особенное вниманіе на Русь Сѣверо-Вос-

¹⁾ Исторія Россіи, т. I, гл. 1.

²⁾ Никон. IV, 55.

³⁾ Никон. IV, 205.

точную, куда видимо перенеслась главная сцена дѣйствія русскаго православнаго міра Митрополиты начинаютъ часто путешествовать съ юга на сѣверъ, и наконецъ утверждаютъ свое пребываніе во Владимірѣ-Клязьменскомъ; по въ то же время, будучи единство Русской Церкви, не переставая называться митрополитами Кіе в с к и м и и всяя Руси, они не могли оставить безъ вниманія и Руси Юго-Западной; въ этомъ отношеніи Владиміръ не могъ быть для нихъ удобнымъ мѣстопробываніемъ, находясь слишкомъ далеко на сѣверо-востокѣ, тогда какъ Москва, пограничный городъ между старою и новою Русью, вполне удовлетворяла потребности Всероссийскаго митрополита, должностовавшаго одинаково заботиться и о сѣверѣ, и о югѣ.

Таковы были обстоятельства, содѣйствовавшія усиленію Московскаго княжества; обратимся теперь къ разсмотрѣнію волостей этого княжества и ихъ постепеннаго увеличенія

Вотъ Московскія волости, какъ онѣ, подробно исписанныя, являются въ первый разъ въ завѣщаніи Іоанна Калиты: „Приказываю сыновьямъ своимъ, пишетъ Калита, отчину свою Москву, а вотъ какъ я раздѣлилъ имъ волости.“ Изъ этихъ словъ видимъ, что городъ Москва находится въ общемъ владѣніи сыновей завѣщателя; въ такомъ же общемъ владѣніи Москва продолжаетъ находиться у всего потомства Калиты ¹⁾. Общее владѣніе Московское противопоставляется частному, удѣльному владѣнію каждаго князя извѣстными волостями, удѣлу. Эти удѣлы сыновей Калиты были слѣдующіе: удѣлъ старшаго сына, Симеона — Можайскъ, Коломна со всѣми Коломенскими волостями, Городенка ²⁾, Мѣльни, Песочна ³⁾, Середокорытна, Похряне, Устьмерска ⁴⁾, Врошевая, Гвоздина, Иванны-деревни, Маковецъ, Лѣвичинъ, Скулневъ, Каневъ, Гжель, Горѣтова, Горки ⁵⁾, село Астафьевское, село на Сѣверьцѣ въ Похрянскомъ уѣздѣ, село Константиновское, село Орнинское, село Островское, село Копотенское, сельцо Микульское, село Малаховское, село Напрудское у города ⁶⁾. Удѣлъ второго сына, Іоанна: Звенигородъ, Кремична, Руза, Ѡмшнское, Суходоль, Великая свобода, Замошская

свобода, Угожь, Ростовци, Окачьева свобода, Скирминовское, Тростна, Нѣгуча; села — Рюховское, Каменичское, Русское, Бѣлжинское, Максимовское, Андреевское, Вяземское, Домонтовское, село въ Заможской слободѣ, село Семчинское. Удѣлъ князя Андрея Іоанновича: Лопастна, Сѣверска, Нарупишское, Серпоховъ, Нивна, Темна, Голичичи, Щитовъ, Перемышль, Ростовецъ, Тухачевъ; села — Талезское, Серпуховское, Колбасинское, Нарское, Перемышльское, Витяговское, Труфоновское, Ясиновское, Коломнинское, Ногатинское ⁷⁾. Княгиня съ меньшими дѣтьми завѣщана: Сурожикъ, Мушкина гора, Гадонѣжское, Бѣли, Воря, Черноголовль, на Вори свобода Софроньевская, Вохна, Дѣйково, Раменье, Данилищева свобода, Машевъ, Селна, Гуслицы, Раменье; села — Михайловское, Лупинское ⁸⁾, село у озера, село Радонѣжское, Дѣйгушинское, Тыловское, Ротожь, Протасьевское, Аристовское, Лопастенское, Михайловское на Юзѣ, два села Коломенскихъ. Въ духовной у Калиты означены и прикупы его: село Аваковское въ Новгородѣ, на Улатѣ, Борисовское во Владимірѣ, которыя оба отданы князю Симеону, четыре села па Масѣ, Петровское, Олексинское, Вседобричъ и Цялковское; половина ихъ была куплена и половина вымѣнена у митрополита; всѣ они отданы князю Ивану. Два села Варварское и Мѣловское у Юрьева — князю Андрею. Новое сельцо, купленное на Костромѣ, вымѣстѣ съ покупкою бабки Калитиной, жены Александра Невскаго, сельцомъ Пялковскимъ, завѣщатель отказалъ женѣ своей. Купленное въ Ростовѣ село Богородицкое отдано въ помѣстье Борису Воркову. Три сельца, одно на Кержачи, другое Леонтьевское, третье Шариповское, отданы Св. Александру на поминанье. Но въ духовныхъ Калиты умолчено о важныхъ прикупахъ, о которыхъ говорится въ завѣщаніи Донскаго, — о Галичѣ, Вѣлѣозерѣ и Углечѣ, остававшихся, по вѣзмѣ вѣроятностямъ, еще за прежними князьями своими на извѣстныхъ условіяхъ: умолчено также и о другомъ прикупѣ — Кистмѣ, въ Бѣжецкомъ-Верхѣ, которая впервые упоминается въ завѣщаніи Василя Дмитріевича.

¹⁾ С. г. г. и д. I, № 21, 22. Въ Твери то же самое явленіе, см. Карам. V, прим. 213.

²⁾ Городня, такъ С. г. г. и д. № 25. Теперь Городня, село въ Коломен. уѣздѣ, въ 25 верстахъ отъ Коломны.

³⁾ Песочна, сельцо, въ 35 верстахъ отъ Коломны.

⁴⁾ Похряни въ Бронницк. уѣздѣ на гран. съ Коломенск. — Устьмерска, теперь Усмерскій погостъ, Бронницкаго уѣзда, въ 30 вер. отъ уѣзда. города.

⁵⁾ Боршева въ Бронниц. уѣздѣ, на колом. дор. Погостъ Ипанъ тамъ же. Есть деревня Левычона, въ Бронницкомъ уѣздѣ, въ 28 вер. отъ уѣзднаго города. — Въ томъ же уѣздѣ село Гжель, въ 25 вер. отъ уѣзднаго города. — Есть село Горы въ Коломенск. уѣздѣ, въ 22 вер. отъ уѣзда. гор. Коневъ боръ тамъ же.

⁶⁾ Астафьевское на Клязьмѣ, С. г. г. и д. I, № 24. Село Сѣверское въ Коломенск. уѣздѣ, въ 8 верст. отъ уѣзда. города. Въ Бронницкомъ уѣздѣ село Константиновское. Въ томъ же уѣздѣ есть сельцо Островна и деревня Островецъ. Въ томъ же уѣздѣ есть два села Малахова. Микульское въ Коломен. уѣз., Арининское въ Подол. уѣздѣ.

⁷⁾ Кремиченскій погостъ, въ Русскомъ уѣздѣ, въ 18 верстахъ отъ уѣзднаго города. Въ томъ же уѣздѣ есть деревня Ѡомкяно, въ 16 вер. отъ уѣзда. гор.; деревня Ростовцева въ Звенигород. уѣздѣ, въ 39 вер. отъ уѣзда. гор.; деревня Акатово Русскаго уѣзда, въ 12 вер. отъ гор. Въ томъ же уѣздѣ деревня (кирманово), въ 28 вер. отъ уѣзд. гор. Въ Русскомъ уѣздѣ есть село Камени, въ 24 вер. Въ Звенигородск. уѣздѣ есть деревня Рузино, въ 30 вер. Въ томъ же уѣздѣ деревня Максимовка, въ 26 вер. Андреевскихъ два села и три деревни въ Звенигородск. уѣздѣ. Тамъ же село Вяземское, въ 15 вер.; село Рюховское Волоколам. уѣзда, въ 10 вер. отъ гор.; село Лопастна Серпухов. уѣзда, въ 24 вер.; деревня Северова въ Подольск. уѣздѣ, въ 4 вер. Въ томъ же уѣздѣ сельцо Голичино, въ 26 вер.; деревня Растовка Серпухов. уѣзда, въ 32 вер. Тамъ же село Талжи, 29 вер.; село Витягово въ Подол. уѣздѣ, въ 18 вер.; деревня Нагатино, Москов. уѣзда, въ 5 вер.; Суходоль дер. въ Боровскомъ уѣздѣ; Тросна въ Калуж. губ.

⁸⁾ Село Лучинское въ Подол. уѣздѣ, въ 15 вер. отъ города.

Въ договорѣ великаго князя Симеона съ братьями встрѣчамъ уже новыя села: Повое село на Купавиѣ и Вышневецкое означены во владѣннхъ великаго князя; села Михалевское, Микульское на Пруженѣ, Микифоровское и Парфеньевское во владѣннхъ младшихъ братьевъ—Ивана и Андрея.

Изъ шестерыхъ сыновей Симеона Гордаго ни одинъ не остался въ живыхъ; Симеонъ завѣщаль весь свой удѣлъ, все свое движимое и недвижимое имѣннхъ женѣ, Маріи, не означивъ въ духовной, кому все это имущество должно принадлежать по ея смерти. Но добровольно, или нѣтъ, Марія еще при жизни передала свои волости великому князю Иоанну, оставивъ за собою только два примысла мужа своего: да и тѣ обязалась передать по своей смерти великой княгинѣ Александрѣ, женѣ Иоанновой, причемъ у великаго князя не было никакого дѣла съ племянникомъ Владиміромъ Андреевичемъ. Такимъ образомъ, при Иоаннѣ II двѣ части Московскаго княжества (коломенско-можайская и звенигородская), какъ онѣ были при Калитѣ, соединились опять въ одинъ участокъ. Въ завѣщаннхъ Симеона Гордаго упоминаются слѣдующія новыя волости, ему принадлежавшія: Заячковъ, которымъ благословила его тетка, княгиня Аппа, и Гордосевичи; потомъ села Ивановское, село на Клязьмѣ Хвостовское, Дейгунинское ⁴⁾, село на Сулешнѣ погостъ; кули въ Переславлѣ: село Самаровское, Романовское на Кержачѣ, Ортаковское въ Юрьевской волости, село Семеновское во Владимірской волости, село на Костромѣ Александровское, село въ Дмитровѣ и Заберегъ ²⁾.

Иоаннъ II, умирая, раздѣлилъ ³⁾ свой участокъ двоимъ сыновьямъ—Димитрію и Иоанну, и такимъ образомъ Московское княжество опять раздѣлилось на три части, какъ по смерти Калиты: Коломенско-Можайскій удѣлъ Симеоновъ отданъ былъ старшему сыну Димитрію; здѣсь, при исчисленнхъ Коломенскихъ волостей, между Каневымъ и Гжелею, встрѣчаемъ Каширу; примысловъ Симеоновыхъ—Заячкова и Заберега нѣтъ, потому что они оставались при вдовѣ Симеоновой, Маріи; но неизвѣстно, почему нѣтъ другихъ примысловъ Симеоновыхъ, равно села Астафьевскаго; за то встрѣчаемъ названія новыхъ волостей: село Малино, село Холмы, Мещерка у Коломны. Младшій сынъ Иоаннъ получилъ прежній отцовскій удѣлъ Звенигородскій; здѣсь вѣсто Великая свобода встрѣчаемъ названнхъ Истерва свободка; нѣтъ Угожа, Акатьевской свободки и Скирминовскаго; изъ сель нѣтъ Ружскаго, Бѣлжинскаго, Вяземскаго, Семдинскаго, вѣсто которыхъ встрѣчаемъ: Михалевское, село на Рѣпнѣ въ Боровецѣ, Милцинское, Выславское, Кузминское, Каринское и Козловское. Изъ мѣсть

рязанскихъ по сю сторону Оки даць Владиміру Андреевичу Новый городокъ на устьи Поротли, а другія рязанскія мѣста князьмъ Димитрію и Иоанну; Димитрію же село на Рокнѣ Романовское, и Ивану село Афинеевское, да сельцо у Павловскаго села, само же село Павловское Св. Александру въ провъ на память. Женѣ своей, Александрѣ, Иоаннъ завѣщаль село Семдинское, котораго потому и недостаетъ между волостями Ивановыми; потомъ изъ удѣловъ обохъ сыновей выдѣлнлъ ей волости въ пожизненное владѣннхъ, а послѣ смерти ея онѣ отходили къ удѣлу того князя, у котораго были взяты; изъ Коломенскихъ волостей были ей выдѣлены: села Лысцевское вмѣстѣ съ Похрянами, Несочною и Середокорытною; изъ Звенигородскихъ—Угожъ, Великая свобода Юрьева, села Кляповское и Бѣлцинское съ Новымъ сельцомъ ⁴⁾. Въ завѣщаннхъ Иоанна II встрѣчамъ также распоряженнхъ относительно волостей мачихи его, жены Калиты, княгини Ульяны; волости ея—Сурожикъ и Лучинское послѣ ея смерти поступаютъ къ ея дочери, остальные же волости и пошлина въ Москвѣ, называемая осминчимъ, по ея смерти переходили къ князьмъ Димитрію, Ивану и двоюродному брату ихъ Владиміру Андреевичу ⁵⁾.

Князь Иванъ скоро умеръ, и опять двѣ части Московскаго княжества соединились въ однѣхъ рукахъ Димитрія, какъ были онѣ въ рукахъ отца его, Иоанна; притомъ же Димитрій усгблъ увеличить свои владѣннхъ примыслами, которые дѣлали не такъ чувствительнымъ раздробленнхъ волостей на пять или даже на шесть участковъ, по числу сыновей его. Важнѣе всѣхъ примысловъ было то, что старшій сынъ Донскаго—Василій—получалъ Владимірскую великокняжескую область безспорно, по завѣщаннхъ отцовскому, что утѣшало его въ лишеннхъ Можайской волости, которая вмѣстѣ съ Коломною доставалась до сихъ поръ постоянно старшему. Относительно Москны (въ которой Димитрій владѣлъ только двумя частями, а третья принадлежала двоюродному брату его, Владиміру Андреевичу), завѣщатель увеличилъ долю старшаго, которому дана половина, а другимъ братьямъ—части остальной половины; встрѣчаемъ въ первый разъ выраженнхъ: „старшій путь.“ „Сына своего князя Василія, говорить Донской, благословляю на старшій путь въ городъ и въ станахъ моего удѣла—двухъ жребнхъ половина, а тремъ сынамъ моимъ половина, и въ пошлинахъ городскихъ половина.“ Кромѣ того, на старшій путь великому князю Василію отказано

⁴⁾ Въ Звенигородъ уѣздъ есть три деревни Михайловскихъ и одно село Михайловское, есть деревня Михайлова, есть сельцо Мельтихино, въ 25 вер. отъ уѣзд. гор.; Иславское въ 11 вер., Каринское въ 10. Козьмина деревня въ 7. Деревня Юрьева въ 15. Деревня Кляповка въ 4 вер.

⁵⁾ Мы видѣли (т. III. стр. 956, прим. 2), что эта княгиня Ульяна не могла быть невѣсткою Калиты, какъ думалъ Карамзинъ; теперь же изъ распоряженнхъ о волостяхъ видно ясно, что она была жена Калиты, мачиха Симеона и Иоанна.

¹⁾ Мы видѣли, что оно входило въ участокъ вдовы Калитиной.

²⁾ С. г. т. и д. I, № 24. Самарово въ Пересял. уѣз. къ югу отъ Пересял., недалеко отъ границъ Алекс. уѣзда; Романовское въ Александр. уѣздѣ.

³⁾ Тамъ же, № 25.

Васильцево это и Добрятинская борть съ селомъ Добрятинскимъ. Между Коломенскими волостями первое мѣсто занимаетъ Мещерка, встрѣчающаяся въ первый разъ въ завѣщаніи отца Димитріева, потому Раменка, которой не встрѣчаемъ прежде, по крайней мѣрѣ въ этой формѣ; изъ прежде извѣстныхъ Коломенскихъ волостей нѣтъ Мѣзыни, Середокорытны, Горѣтовой, Горюкъ; но за то встрѣчаются новыя волости: Кочема и Комаревъ съ берегомъ. Изъ селъ, принадлежавшихъ прежде къ удѣлу старшаго сына, нѣтъ Астафьевскаго, села на Сѣверецѣ, Микульскаго и Напрудскаго; вѣсто нихъ встрѣчаемъ Митилъ починокъ, Яширошкины деревни, Хвостовское на Клязьмѣ, встрѣчающееся въ первый разъ въ завѣщаніи Симеона Гордаго. Надобно замѣтить также, что изъ Коломенскихъ волостей Личининъ, Скулневъ и слѣдующія за ними въ завѣщаніи Донского названы деревнями. Послѣ Москвы великому князю Василию отказанъ лугъ великій за рѣкою.

Второму сыну, Юрію, отданъ удѣлъ Звенигородскій; здѣсь между прежними волостями встрѣчаемъ новыя: Сурожикъ и Бѣли, бывшія за княгинею Ульяною, потомъ Вышегородъ, Плѣсь и Димитріева слобода. Изъ московскихъ селъ Юрій получилъ только Михалевское и Дамантовское съ Ходыньскимъ лугомъ¹⁾.

Для третьяго сына, Андрея, уже надобно было выдѣлить изъ прежняго удѣла Коломенско-Можайскаго Можайскъ съ его волостями, которые теперь впервые перечисляются: Исмея, Числовъ, Волянъ, Берестовъ, Поротва, Колоча, Тушковъ, вышнее Глинско, Пневичи съ Загорьемъ, Волонескъ; къ Можайскому же удѣлу приданы были волости Коржанъ и Мошининъ Холмъ, равно какъ отъздныя волости Веряя, Рудъ, Дордошевичи (примысль Симеона Гордаго), Гремичи, Заберега (примысль Симеона Гордаго), Сушовъ, село Репнинское, принадлежавшее прежде къ удѣлу Звенигородскому. Изъ московскихъ селъ Напрудское, принадлежавшее прежде къ волостямъ старшаго брата, Луцинское на Юзѣ съ мельницею и Дѣушинское (оба изъ волостей княгини Ульяны), Хвостовское въ Перемышлѣ, лугъ Воробейскій и другой противъ Воскресенья; изъ юрьевскихъ селъ—село Алексинское на Пѣшкѣ²⁾.

Такъ были раздѣлены на три удѣла два участка

¹⁾ Село Камарево въ Колом. уѣздѣ, въ 33 вер. отъ гор. Въ Волоколам. уѣздѣ есть село Бѣли, въ 16 вер. отъ города; Дмитровское въ 20 вер. отъ Звенигорода; Добрятинское въ Подол. уѣзд. Угожская волость на границѣ между звенигородскими и вышегородскими (дмитровскими) землями, у рѣки Локошки; тамъ же рѣка Плѣсь, отъ которой получила названіе и волость. См. С. г. г. и д. I, № 139. Село Дамантовское и волость Сурожикъ на границахъ между Московскимъ и Звенигородскимъ уѣздами. См. тамъ же, № 140.

²⁾ Деревня Тушково, въ Можайскомъ уѣздѣ, въ 25 вер. отъ гор. Въ Вереѣкомъ уѣздѣ есть деревни Глинки и Глинцы. Тамъ же село Рудинцо, въ 57 вер.; деревня Гремячево, Моск. уѣзда, въ 16 в., село Догущино, тамъ же, въ 9 вер.

Московского княжества, въ буквальномъ смыслѣ отчина и дѣдина Димитріева; но у Димитрія оставались еще другіе сыновья, которымъ также надобно было назначить удѣлы, и для этого послужили примыслы. — Лѣтописи не говорятъ, какими образомъ были примыслены Дмитровъ, мы знаемъ только, что этотъ городъ, вмѣстѣ съ Галичемъ, находился во владѣніи потомковъ Константина Ярославича; Галичъ былъ купленъ Калитою, но князь его окончательно изгнанъ изъ своей волости Димитріемъ Донскимъ; вѣроятно въ то же время прибрѣтенъ былъ и Дмитровъ. Умирая, Донской отдаетъ этотъ примысль четвертому сыну, Петру; волости Дмитровскія означены слѣдующія: Вышегородъ, Берендѣева слобода, Лугосна съ отъѣздемъ, Инобашъ; но къ этой небольшой волости приданы были еще старыя мѣста московскія, большею частью волости княгини Ульяны—Мушкова гора, Ижва, Раменка, слобода князя Иванова³⁾, Вори, Корзенева, Рогожъ или Ротожъ, Загарье, Вошна, Селна, Гуслица, Шерна-Городокъ. Изъ московскихъ селъ Новое и Сулишинъ погостъ (приобрѣтеніе Симеона Гордаго). Пятому сыну, князю Ивану, отдѣлена была маленькая волость: Райшенце съ бортиками, село Зверковское съ Соховскимъ починкомъ, что отошло отъ князя Владимира Андреевича, и Сохна.

Кромѣ Дмитрова, были окончательно примыслены при Донскомъ Галичъ, Вѣлозеро и Угличъ: Галичъ отданъ князю Юрію со всѣми волостями и съ тѣми селами, которые тянули къ Костромѣ,—Никольскимъ и Борисовскимъ. Вѣлозеро отдано князю Андрею со всѣми волостями, и Вольскимъ съ Шаготью, и съ Мирюлюбскимъ ѣздомъ, и съ слободами. Угличъ отданъ князю Петру вмѣстѣ съ Тощною и Сямою. Потомъ прикулены были села: Красное, Елизаровское и Праватово въ Юрьевѣ, Васильевское въ Ростовѣ; всѣ они отданы были старшему сыну Василию. Село Козмодемьянское въ Юрьевѣ съ починкомъ Краснаго села за Везнею и село Богородицкое въ Ростовѣ отданы были сыну Юрію. Примыслены были волости измѣнника Ивана Вельминова, и одна изъ нихъ—село въ Гремичахъ отдано было князю Андрею. Вѣроятно при Донскомъ же присоединены были къ Московскому княжеству Калуга и Рожа; выгтянаны были у Смольнянъ Товъ (?) и Медынъ, и все это отдано князю Андрею. Князю Петру былъ отданъ примысль—село Богородицкое на Вогонѣ въ Юрьевѣ. Великой княгинѣ Евдокии завѣщаны примыслы: Скирневская слобода съ Шепновымъ, Смольяны съ Митяевскимъ починкомъ и съ бортью, съ вышегородскими бортиками, Кро-

³⁾ Т. е. слобода, заведенная княземъ Иваномъ, братомъ Димитріевымъ; волость Инобашъ, или Инобашъ получила свое названіе отъ рѣки. Волость Ижва граничила съ Сурожикомъ; ея положеніе и границы съ Сурожикомъ опредѣляется рѣками Малоюцею. Мушкова гора, или Мушкова, волость, двѣ трети которой принадлежали къ Дмитрову и треть къ Москвѣ; ея положеніе опредѣляется рѣками Малоюцею, Истрою и Каменкою (С. г. г. и д. I, № 140). Упоминается еще Мошкова гора въ числѣ смоленскихъ волостей (дѣла польск. № I, годъ 1494).

пивна съ бортниками кропивенскими, именованными, гордошевскими, рудскими, Желѣзнова слободка съ бортью и селомъ Ивана Хороброва, Исковская слободка, Кузовская слободка, на Коломнѣ примысль — Самойлецовъ починокъ съ деревнями, Савельевскій починокъ, Микульское село, Бабышево, Ослебатовское; изъ Юрьевскихъ покупокъ — Петровское село, Фроловское, Елохъ. Княгиня Федосья (должно быть дочь Калиты отъ второй жены) отдала великому князю Суду на Вѣлѣзерѣ, да Калашку и Слободку, а великую княгиню благословила Городкомъ и Волочкомъ; этими волостями впрочемъ она пользовалась во все предлоложеніе жизни своей, послѣ же смерти ея онѣ отходили къ великой княгинѣ. Сама великая княгиня прикупила себѣ Лохно; кромѣ того, ей выдѣлено было въ пожизненное владѣніе по нѣсколькимъ волостей изъ удѣла каждаго сына; изъ великокняжеской Владимірской области она получила въ Переяславскомъ удѣлѣ Юлку, въ Костромскомъ — Иледамъ съ Комелю; изъ Галича — Соль; изъ Бѣлозера — Вольское съ Шаготью и Милолюбскій ѣзь; изъ владимірскихъ селъ Андреевское, изъ переяславскихъ Доброе село, изъ Коломенского удѣла — Каневъ, Песочну, а изъ селъ — Малинское, Лысцево; изъ Звенигородскаго удѣла — Юрьеву слободу, Суходоль съ Истею Истервою, села — Андреевское и Каменское; изъ Можайскаго удѣла — Верю, Числовъ, село Лучинское; изъ Дмитровскаго удѣла — Ижво да Сяму. Потомъ ей принадлежало село Репенское и Московскія села — Семпинское съ Ходынскому мельницею, Остафьевское, Илмовское; наконецъ Холхоль и Заячковь ¹⁾.

Василій Дмитріевичъ примыслилъ къ своимъ владѣніямъ богатія волости Нижегородскія, Муромскія и Торусскія, и всѣ эти примыслы со всѣми волостями, полученными отъ отца, могъ оставитъ въ нераздѣльности единственному сыну своему Василю, которому суждено было собрать княжество Московское, какъ оно было при Калитѣ, вмѣстѣ съ примыслами всѣхъ преемниковъ послѣдняго. Но до насъ дошло еще завѣщаніе Василя Дмитріевича въ пользу сына Ивана, умершаго до рожденія Василюва; въ этомъ завѣщаніи ²⁾, между Коломенскими волостями, мы находимъ новыя названія мѣстъ: Радокинъ съ берегомъ, Крутинки. Изъ волостей, завѣщанныхъ великой княгинѣ Софьѣ Витовтовнѣ,

¹⁾ Красное теперь къ СЗ. отъ Юрьева; Васильевское къ СВ. отъ Ростова; Козмодемьянское къ Ю. отъ Юрьева; Богородское къ Ю. отъ Ростова; Богородское на ЮВ. отъ Юрьева; къ З. отъ нихъ Фроловское. Елохъ, къ ЮЗ. Петровское. Роща въ Тарусскомъ удѣлѣ, къ СЗ. отъ гор. Переяславская волость Юлка между верховьями рѣкъ Дубны и Нерли (С. г. г. и д. 1, № 138). Здѣсь видно отношеніе между волостью и станомъ: Юлка называется волостью, и въ ней станы: Большой, Бортинъ; но въ другихъ актахъ волость является въ иныхъ отношеніяхъ къ стану: если она не есть подраздѣленіе стана, то, по крайней мѣрѣ, является сораздѣленіемъ, напр. «Въ Шенкуръ на посадѣ, и въ стнхъхъ и въ волостѣхъ, которые станы и волости приписаны къ Шенкурѣ къ посадѣ». (Акты Арх. Экз. I, № 234).

²⁾ С. г. г. и д. 1, № 39.

встрѣчаемъ новыя названія: Оглоблино со всѣми деревнями и съ Ольхомъ, Колычевское съ Зыбевскимъ, село въ Лѣвчинѣ, принадлежавшее Ивану Веляминову, съ землею Чухистова и со всѣми прикупами. Изъ московскихъ селъ, отказанныхъ великому князю Василю Васильевичу, встрѣчаемъ село Григорьевское Фаустова; но изъ селъ самый богатый примысль Василя Дмитріевича составляли владѣнія знаменитаго боярина Федора Свибла; эти села находились на Устюгѣ, и въ Отводномъ, и на Сямѣ, и въ Ростовѣ, и въ Вѣжецкомъ-Верхѣ (Максимовское съ деревнями), въ Переяславѣ (Весьское съ Радивоновскимъ), на Москвѣ — Буйловское съ Алексѣевскою деревнею, да села Тимошевское на Яузѣ, въ Юрьевѣ — Чагино, Савельевское, Иворово, Карабузино, въ Новгородѣ — Ненейцино. Кромѣ того, великій князь купилъ Ухтюшку и приобрѣлъ бѣжинскія села дяконовы; всѣ эти примыслы отданы были въ пожизненное владѣніе великой княгинѣ, вмѣстѣ съ юрьевскими селами — Фроловскимъ (съ Ольхомъ), Петровскимъ, Богородицкимъ и Алексинскимъ, которыя Василій Дмитріевичъ вымѣнялъ у матери своей. Изъ новаго примысла, княжества Нижегородскаго, великая княгиня получила Алачинскія села, Монгачъ, Курмыль со всѣми селами и пошлями и Алгань, изъ Муромской области сельцо. Въ о п р и ч и н у (владѣніе отдѣльное, которымъ можно было располагать по произволу) даны были ей два села юрьевскія — Богородицкое и Алексинское. Василій Дмитріевичъ долженъ былъ также надѣлать и младшаго брата своего, Константина: ему даны были Тошна и Устюжна ³⁾.

Во второмъ завѣщаніи, написанномъ въ пользу сына Василя, находимъ нѣкоторые перемѣны и новизны, — сыну великій князь отказываетъ въ городѣ на Москвѣ: дворъ Оомы Ивановича у Борвицкихъ воротъ, да другой дворъ, что былъ за Михайломъ за Вяжсмъ, да новый дворъ за городомъ у Св. Владимира, да примысль въ Юрьевѣ — села Петровское и Алексинское. Мы видѣли, что эти села отданы были по прежнему завѣщанію великой княгинѣ, которой теперь изъ Коломенскихъ волостей отданы Песочна, Брашева съ сельцомъ и съ Гвоздею и съ Иваномъ, Устьмерское и Гжеля съ путями и селами (изъ коломенскихъ селъ не встрѣчаемъ противъ прежняго Оглоблина, Колычевскаго и Зыбевскаго), село Васильевское въ Ростовѣ (примысль Донскаго), по-прежнему всѣ села Свибловскія, подмосковныя села — Митинъ починокъ и Семшинское съ Самоновымъ лугомъ, примысль Донскаго — слободку на Гуси, хотя это названіе и встрѣчается здѣсь въ первый разъ, въ Юрьевѣ примыслы Донскаго — село Красное съ Праватовымъ и Елизаровскимъ, прежніе примыслы завѣщателя — Фроловское, Елохъ и Богородицкое, Устюшка на Вологдѣ. Изъ великокняжескихъ волостей — изъ Костромы получала — Иледамъ съ Обнорою, Ко-

³⁾ Весково къ З. отъ Переяславля. Алексино къ С. отъ Юрьева.

лю и Волоочкомъ, Нерехту съ варницами, бортиками, бобровниками и Книгининскимъ селомъ; изъ Переяславля—Юлку и Доброе село; изъ Владиміра—Адреевское село и Гошну, если великій князь выбьетъ ее у дѣтей князя Владиміра Андреевича; изъ Нижняго—Соколовское село и Киржанецъ; изъ Муромъ—сельцо и Платуръ. Изъ всѣхъ этихъ волостей Гжели и Семщинское село были даны въ опричнину.

Изъ новыхъ примысловъ, которыхъ нѣтъ въ прежнемъ завѣщаніи, упоминаются: между коломенскими селами — Окуловское и Захаровское, въ Вѣжецкомъ-Верхѣ — Кистма и села Антоновскія, хотя и названныя куплею Калиты, но встрѣчающіяся въ первый разъ, Троицкая слободка на Волгѣ, Белеутовскія (боярина Белеута) села на Волокѣ и въ Юрьевѣ слободѣ, подь Москвою село Крилатское ¹⁾, на Вѣлѣозерѣ слободка ²⁾, на Устюгѣ села Ивана Головинна и Тутюлинна: всѣ эти примыслы были отказаны великой княгинѣ.

Если два жребія или участка Московскаго княжества, соединенные при Дмитріи Донскомъ, по смерти его раздѣлились на пять частей, то и третій участокъ князя Владиміра Андреевича раздѣлился также на пять частей по числу его сыновей. Владиміръ Андреевичъ отказалъ вотчину свою Моску, свою третью, сыновьямъ—Ивану, Семену, Ярославу, Андрею, Василию, которые должны вѣдать ее по годамъ. Подобно Донскому, онъ благословилъ старшаго сына Ивана на старѣйшій путь въ Москвѣ и станахъ, далъ ему конюшій путь, бортиковъ, садовничовъ, царей, бобровниковъ, барашей и дѣлювъ. Далъ ему Серпуховъ съ волостями: Городецъ, Нарское, Нивна, Темна, Синалица, Гомонинъ, Ярославля слободка, Мокрая слободка, Дягилева слободка, Львова, Верхъ-Москвичъ слободка, Круглая и Останкова слободка, изъ московскихъ сель—Микудинское, Губкино, Нѣмцево, Поповское и Коломенка съ мельницею, Туловское со всѣми деревнями, село Сесинетрово и Струпицково; князю же Ивану—Козельскъ, Гоголь, Алексинъ и купля Лисину

Князю Семену—Воровскъ съ волостями: Голчицы, Хопилева слободка, Истья съ слободкою, Мушковы треть, половина Щитова; изъ московскихъ сель—Выпряжково на Студеницѣ съ деревнями, Колычевское, мельница на Неглинной; въ Юрьевѣ-Польскомъ 4 села—Варварское, Богоявленское, Попловское, Оedorовское.

Князю Ярославу: Ярославль съ Хотунью, Вихорю, Полянку, Роступову слободку, Мошненскую слободку; изъ московскихъ сель—Сарыевское да Кирьясоно съ лугами, да на устьи Митца мельница. — Семену и Ярославу вмѣстѣ: Городецъ на Волгѣ, кромѣ мыта и тамги, которыми будетъ поль-

зоваться княгиня, ихъ мать; городъ же и станы князья раздѣлять пополамъ со всѣми пошлинами: Семену—станы по сю сторону Волги, пониже Городца, да Вѣлгородье; Ярославу—станы по ту сторону Волги, повыше Городца, да Юрьевецъ; если же Вѣлгородье окажется больше Юрьевца и Черняковой, то князь Семенъ придастъ князю Ярославу Коряковой; если же Юрьевецъ и Чернякова окажутся больше Вѣлгородья, то оставить по-прежнему, а Корякову раздѣлять пополамъ вмѣстѣ съ слободами. Възъ (рыбныя ловли) оба князья устроятъ подь Городцомъ вмѣстѣ, и дѣлятъ себѣ добычу пополамъ. Но кромѣ этого раздѣла, князю Семену одному дана на Городцѣ Порозна.

Князю Андрею: Радонезжъ, Вѣлди, Чернооголовъ съ численными людьми на Кержачѣ, Яковля слободка, Кишкина слободка, Тухачевъ; изъ московскихъ сель—Михайловское съ мельницею, Калиткиново, на Учи Поповское, да Илья Святый, сельцо Дмитрія Воронина, Четрековское и Мосейково на Любосивли, Сакова деревня.

Князю Василию: Перемышль, Ростовецъ, половина Щитова, треть Добрыгинская; изъ московскихъ сель—Ясиповское съ деревнями, да Паншина гарь.—Князьямъ Андрею и Василию вмѣстѣ—городъ Угличъ.

Княгинѣ Еленѣ: Лужу, Козловъ Бродъ, Бадѣву слободку, слободы и волости Лужевскія: Ловышина, Ярцева слободка, Сосновецъ, Турьи горы, Вуболь, Вепрѣйка, Якимова слободка, Маковецъ, Стунка, Терехова, Спиркова, Артемова слободка, Скопантова, Гриди, Ярцева, Михалкова Степана Осипова, Дышка Мосолова, Гриди Федотова Лукина. Изъ московскихъ сель: Коломенское со всѣми лугами и деревнями, Ногатинское, Таинское съ Корѣвымъ, Косино съ тремя озерами, Обухово, мельница на устьи Яузы; Косино, Обухово и мельница даны въ опричнину. Изъ сыновнихъ удѣловъ въ пожизненное владѣніе княгиня получила: изъ удѣла князя Ивана—Всходное съ деревнями, Тетково озеро; изъ удѣла князя Семена—Омутское съ деревнями и лугами; изъ удѣла князя Ярослава—Бобыкино и Долгое озеро на устьи Лопастны; изъ удѣла князя Андрея—Вороновское, Ковѣзинское, Родонѣжскихъ бортиковъ съ деревнями и бортью; изъ удѣла князя Василья—Витягово, Домодѣдово; на Угличѣ—село Богородицкое. По смерти княгини Елены Коломенское село должно отойти къ старшему ея сыну, князю Ивану, Ногатинское—къ Семену, Таинское съ Корѣвымъ—къ Василью; Козловъ бродъ пополамъ князю Ивану съ братомъ Ярославомъ, равно какъ и Бадѣва слободка, а Лужу со всѣми волостями должны подѣлить на три части князья Семень, Андрей и Василий, кромѣ сель—Вубольскаго, Вѣнитскаго, Мѣдкина и Дьяковскаго, въ которыхъ княгиня вольна.

Старшему сыну, князю Ивану, завѣщатель отдалъ въ Москвѣ дворы—Зворыкинъ, Иглатьевъ и Бутовъ садъ; Семену и Ярославу пополамъ дворъ великой княгини Маріи (жены Симеона Гордого);

¹⁾ «Крилатское, што было за Татаромъ, а княгиня моя дастъ съ того села чорницѣ Софѣѣ 50 руб. долгу ея. Село Крилатское, въ Моск. уѣздѣ, въ 12 вер. отъ гор.; тутъ же и Татарово.—Захарово въ Колом. уѣздѣ, въ 22 в. отъ города.

²⁾ «Что была княжа Васильева Семеновича».

Семену—за Пеглинною Тереховъ садъ; княгинѣ съ Андреемъ и Васильемъ—большой дворъ московскій пополамъ; Ярославу, Андрею и Василью—Чичаковъ садъ на-трое. Соль на Городцѣ князя Семена и Ярославъ вѣдаютъ за-одно, и добычу дѣлятъ пополамъ, кромѣ Оедоровской варицы ¹⁾.

Сравнивая волости, исчисленныя къ завѣщанію Владиміра Андреевича, съ волостями, которыя получили отецъ его по завѣщанію Калиты, мы видимъ, что князь Владиміръ успѣлъ значительно увеличить свой удѣлъ. Изъ этого удѣла еще при великомъ князѣ Иоаннѣ II была потеряна Лопастна, отошедшая къ Рязани, но она замѣнена была Новымъ городомъ на устьи Поротли. Потомъ Владиміръ Андреевичъ, вслѣдствіе завѣщанія Калиты, получилъ треть изъ волостей княгини Ульяны; великій князь Дмитрій Донской далъ ему Лужу и Боровскъ ²⁾; племянникъ Василій Дмитріевичъ далъ ему Волокъ и Ржеву съ волостями ³⁾; но потомъ произошла у нихъ мѣна: быть можетъ, Василію не хотѣлось, чтобъ волости Серпуховскаго князя простирались такъ далеко на западъ, по границамъ новгородскимъ и тверскимъ; онъ взялъ назадъ у дяди Волокъ и Ржеву, и вмѣсто перваго уступилъ ему часть своихъ примысловъ на востокѣ, именно—Городецъ съ волостями Вѣлгородьемъ, Юрьевцемъ, Корняковою и Черняковою слободами и Ужинскою тамгою, а вмѣсто Ржевы—Угличъ съ селомъ Золоторусскимъ ⁴⁾; наконецъ на югѣ даны были Владиміру Андреевичу въ удѣлъ и отчину Козельскъ, Гоголь, Алексинъ и Лисинъ съ куплею Пересвѣтовою. Но умноженіе селъ подмосковныхъ, слободъ въ разныхъ другихъ мѣстахъ, селъ въ Юрьевѣ—нельзя приписать ничему иному, какъ покупкамъ со стороны Владиміра Андреевича; въ завѣщаніи своемъ онъ упоминаетъ объ одной покупкѣ сына своего, князя Ивана,—доказательство, что князю еще при жизни отцовъ своихъ имѣли средства покупать себѣ волости ⁵⁾.

Въ завѣщаніи Владиміра Андреевича и въ договорахъ его съ великимъ княземъ Васильемъ Дмитріевичемъ останавливается насъ еще одно обстоятельство: онъ получаетъ отъ великаго князя Угличъ; но мы видѣли, что этотъ городъ, по завѣщанію Донскаго, отказанъ былъ не Василью, а Петру Дмитріевичу, князю Дмитровскому. Эта мѣна волостей произошла вслѣдствіе составленія удѣла для меньшаго брата, Константина Дмитріевича. Мы ви-

дѣли, что въ первомъ завѣщаніи своемъ Василій Дмитріевичъ отказываетъ на долю Константина Тошну и Устюжну; но этого было мало; въ князю должны были участвовать въ составленіи удѣла, и вотъ бездѣтный князь Петръ Дмитріевичъ уступаетъ младшему брату Угличъ, въ завѣщаніи получаетъ отъ Юрія Шачебалъ и Ликурги, но и эти двѣ волости уступаетъ также Константину ⁶⁾; кромѣ того,—Юрій отдастъ Константину еще нѣсколько своихъ Звенигородскихъ волостей. За это, а можетъ быть и за что-нибудь другое, Юрій получаетъ отъ великаго князя часть его примысловъ, Вятку, принадлежавшую въ Суздальско-Нижегородскому княжеству ⁷⁾. Но великій князь взялъ у Константина Угличъ и промѣнялъ у Владиміра Андреевича на Ржеву для Константина же, которому придалъ еще великокняжескія владѣнія въ Вѣжедкомъ-Верхѣ; Волокъ, вымѣненный на Городецъ, остался за великимъ княземъ. Такое распредѣленіе волостей существовало не долго по смерти князя Владиміра Андреевича, ибо великій князь отобралъ у его дѣтей всѣ свои пожалованія: Угличъ, Городецъ, Козельскъ, Гоголь, Алексинъ, куплю Пересвѣтову и Лисинъ ⁸⁾, изъ которыхъ Угличъ отдалъ опять брату Константину, вѣроятно чтобъ заставить его отказаться отъ своихъ притязаній на старшинство: Владиміровичи не имѣли средствъ противиться великому князю и должны были отказаться отъ примысловъ отцовскихъ, и одинъ изъ нихъ, Ярославъ, принужденъ былъ отъѣхать въ Литву. Впрочемъ, великій князь далъ имъ нѣкоторое вознагражденіе: отдавая Угличъ Константину, онъ взялъ у него Тошну и отдалъ Владиміровичамъ, наказавши однако сыну своему, въ завѣщаніи, вымѣнять ее у нихъ.

Такъ были распредѣлены волости на Сѣверо-Восточной Руси, когда малолѣтній Василій Васильевичъ сѣлъ на столѣ отца своего и начались знаменитыя усобицы, поведшія къ собранію почти всѣхъ волостей Московскихъ въ одно цѣлое. Прежде всего долженъ былъ возникнуть вопросъ о Дмитровѣ, выморочномъ удѣлѣ князя Петра Дмитріевича; сначала онъ былъ, какъ видно, присоединенъ къ волостямъ Василія Васильевича, но потомъ, послѣ суда въ Орлѣ, Дмитровъ былъ отданъ дядѣ Юрію, въ вознагражденіе за потерю старинства. Заключая договоръ съ племянникомъ послѣ смерти Морозова и бѣгства своего изъ Москвы, Юрій уступилъ ему опять Дмитровъ, но за то взялъ Сурожикъ, село Лучинское, Шенкову, Шачебалу, Ликурги ⁹⁾, Костромскія волости—Андому, Корегу.

¹⁾ Есть два села Косыня въ Моск. уѣздѣ, оба въ 12 вер. отъ города. Лисинъ, быть можетъ, нынѣшній Лихвинъ. И теперь къ югу отъ Юрьева-Польскаго есть село Богоявленское, къ Ю.В. Варварино и Оедоровское. Въ Серпух. уѣздѣ Хотуна на СВ. отъ гор. Въ Подольск. уѣзд. Гиступова. Рѣка Лужа впад. въ Угру.

²⁾ С. г. г. и д. I, 33.

³⁾ Тамъ же, № 35. «Волокъ съ волостями, а волости издѣтеле, воичичи».

⁴⁾ И теперь къ С. отъ Углича есть село Золоторучье.
⁵⁾ «А что сынъ князь Иванъ купилъ село у Ортеза въ Роступовѣ слободѣ, въ удѣлѣ брата своего, князя Ярослава, и то село сыду князю Ярославу, а на то мѣсто далъ емь сыну Ивану Сесипетрово село да Струпиново».

⁶⁾ С. г. г. и д. I, №№ 43 и 44. Верстахъ въ 25 отъ города Буя (Костром. губ.), на востокъ въ два сѣла называются Ликургами: Ликурги-Троица и Ликурги-Нѣдество (Труды Общ. Истор. и Древ. ч. VI).

⁷⁾ Тамъ же, № 62.

⁸⁾ Тамъ же, № 71.

⁹⁾ Незвѣстно, туть ли князь Константинъ Дмитріевичъ, заключавшій договоръ воедино съ племянникомъ, уступилъ опять брату эти двѣ волости, или еще прежде уступилъ ихъ племяннику. С. г. г. и д. I, № 49.

Борку, Березовець съ Залѣсьемъ и Шыленгу, наконецъ остальные великокняжескія владѣнія въ Бѣжецкомъ-Верху, кромѣ волостей, уступленныхъ прежде князю Константину, и кромѣ сель боярина Ивана Дмитріевича, которыхъ Василій оставлялъ за собою, ибо „взялъ въ своей вѣнѣ“.

Оба брата, и Юрій, и Константинъ, несмотря на разницу въ лѣтахъ, умерли почти въ одно время; выморочный удѣлъ бездѣтнаго Константина взялъ себѣ великій князь Василій; у Юрія оставалось трое сыновей. До насъ дошло его завѣщаніе, но написанное гораздо прежде смерти, когда еще онъ владѣлъ Дмитровомъ, слѣдовательно до перваго завладѣнія Москвою. Въ этомъ завѣщаніи особенно замѣчательно то, что не сдѣлано никакого различія между старшимъ и младшими братьями, участокъ московскій отказанъ всѣмъ тремъ сыновьямъ поровну, старшаго пути нѣтъ; быть можетъ, холодность къ старшему сыну Василю Косому и особенная привязанность къ младшему, Дмитрію Красному, были тому причиною. Василій Косой получалъ Звенигородъ съ волостями Угожею, Плѣсню, Дмитріевую слободкою, Тростною, Нѣчучею, Андреевскимъ; изъ московскихъ сель—Домантовское да луга Тамашинскіе въ Перервѣ. Дмитрій Шемяка получалъ городъ Рузу съ ея волостями: Юрьевую слободою, Замошьемъ, Кремичною, Скирмановымъ, Вѣлами, Ростовцами, Оминскимъ, селомъ Михайловскимъ и Никифоровскимъ со всѣми деревнями; изъ подмосковныхъ волостей получилъ онъ бортниковъ на той сторонѣ Москвы-рѣки да лугъ противъ города. Дмитрій Красный получилъ Вышгородъ съ Косятскимъ селомъ, Суходолъ съ Истьею и съ Истервою, Уборичною слободкою, Боровою, Смоляную, изъ подмосковныхъ волостей—село Михайловское, сельцо Суцеское у города, Доблинскихъ сокольниковъ, бортниковъ, псарей, да лугъ Ходынский. Дмитровъ городъ завѣщанъ тремъ сыновьямъ вѣстѣ, а изъ волостей Дмитровскихъ Василю Косому—Селна, Гуслица, Вохна, Загарье, Рогожь, Куней; Шемякѣ—городокъ Шорна, Корзенево, Воря, Вышегородъ, Инобажь; Красному—Ижво, Мушкова, Раменка, Берендѣево съ слободкою Кузюдемьянскою, Лутосна, Куликюва. Вятка отказана всѣмъ сыновьямъ вѣстѣ; но Галичь со всѣми волостями и доходами одному Дмитрію Красному. Третьи сыновьямъ вѣстѣ Юрій отказываетъ дворъ свой, садъ за городомъ на посадѣ и другой садикъ поменьше. Изъ этого завѣщанія видимъ, что, кромѣ Вятки и Дмитрова, уступленныхъ братомъ и племянникомъ, Юрій не успѣлъ прикупить ничего къ своему удѣлу, а потерялъ Сурожикъ (отданный, какъ видно, брату Константину); не упомянуты также въ его завѣщаніи села Юрьевское и Ростовское ¹⁾.

¹⁾ Замошье, дер. Волоколам. уѣзда, въ 31 вер. отъ города.—Селно сельцо Дмитр. уѣз., въ 26 вер. отъ гор. Тамъ же есть деревня Рогова въ 9 вер. отъ гор. Тамъ же деревня Куншиникова въ 4 вер. Тамъ же село Раменье въ 37 вер.; деревня Лотонова въ 21 вер., село Куликово въ 25 вер.

Иначе, какъ видно, распорядился Юрій передъ смертію; Вышгородъ и Галичь, волости Краснаго по прежнему завѣщанію, теперь видимъ у Шемяки; за Краснымъ видимъ волости Бѣжецкія и Костромскія, недавно прибрѣтенныя Юріемъ, кромѣ однако Шачебалы, Ликурги и Андомы. Но смерть Юрія и вражда Косаго съ Василіемъ Васильевичемъ послужили для послѣдняго первымъ поводомъ къ примышленію насчетъ живыхъ князей: онъ отобралъ у Косаго его Звенигородскую волость; Шемяка, заключая договоръ съ великимъ княземъ, отказался и отъ Звенигорода, и отъ Вятки, а взялъ удѣлъ дяди Константина—Ржеву и Угличъ, да подмосковныя волости—Зарыдале, Сохну, Раменейпо, Остаевскія деревни ²⁾, Шукинское, Сурожикъ, Шонкову, Лучинское. Послѣ встрѣчи при Костромѣ Косому отданъ былъ Дмитровъ вмѣсто Звенигорода, но, какъ мы видѣли, не надолго ³⁾.

Такимъ образомъ, удѣлъ Петра Дмитріевича и половина удѣла Юрія Дмитріевича были присоединены къ Коломенскому великокняжескому удѣлу. Но удѣлы Серпуховскій и Можайскій оставались еще нетронутыми; первый, волѣдствіе безпоземственной смерти четырехъ сыновей Владиміра Андреевича, сосредоточился въ рукахъ единственнаго внука его, Василя Ярославича; удѣлъ Можайскій, по смерти Андрея Дмитріевича, раздѣлился на два удѣла: Можайскій, доставшійся старшему сыну Андрееву, Ивану, и Верейскій—младшему, Михаилу. Шуригъ великаго князя, Василій Ярославичъ, отказался отъ всѣхъ пожалованій, полученныхъ дѣдомъ его отъ отца Василіева, но часть этихъ пожалованій, именно: Козельскъ съ волостямъ—Серенскомъ, Люднскомъ, Коропками, Вырною, Пересвѣткою куплею, Алексинымъ, Лиснымъ и Свибловымъ, въ Москвѣ сочли нужнымъ отдать Ивану Андреевичу Можайскому. Союзъ Ивана Андреевича съ Шемякою, имѣвшій слѣдствіемъ взятіе и ослѣпленіе великаго князя, имѣлъ также слѣдствіемъ и присоединеніе Можайскаго удѣла къ волостямъ Василичевымъ; въ то время, когда Шемяка принужденъ былъ отказаться отъ Углича, Ржевы и Бѣжецка, Можайскій князь должепъ былъ уступить Козельскъ, Алексинъ и Лисинъ ⁴⁾. Потомъ, отказавшись отъ союза съ Шемякою, Иванъ Андреевичъ получилъ было за это снова Лисинъ, и кромѣ того владѣнія въ Бѣжецкомъ-Верхѣ, какъ они были за Дмитріемъ Краснымъ (умершимъ въ 1440 году и передавшимъ свои волости Шемякѣ) и половину Заозерья—волости кубенскихъ князей; но скоро послѣ, волѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ, Иванъ Андреевичъ лишился не только этихъ новыхъ примысловъ, но и своего удѣла Можайскаго. Всѣ волости Шемяки еще прежде были присоединены къ владѣніямъ великокняжескимъ.

²⁾ С. г. г. и д. I, №№ 52, 60. Село Осташково Моск. уѣзд., въ 24 вер.; деревня Шукина тамъ же въ 8 вер.

³⁾ Акты Арх. Эксп. т. I, № 29.

⁴⁾ С. г. г. и д. I, № 67.

Оставались удѣлы Серпуховскій и Верейскій. По слѣдъ услугъ, оказанныхъ Василіемъ Ярославичемъ великому князю, послѣдній вспомнилъ, что Серпуховскому князю не додана была его дѣдина — Угличъ, Городецъ, Козельскъ, и, въ вознагражденіе за это, отдалъ ему Дмитровъ, кромѣ того, изъ отобранныхъ у Шемяки волостей, Суходоль съ Краснымъ селомъ ¹⁾. По изгнаніи Ивана Андревича Можайскаго, между шуриномъ и зятемъ произошла мѣна волостями: Василій Ярославичъ отдалъ Дмитровъ назадъ великому князю и за то получилъ Звенигородъ съ тѣми волостями, которыя были за Косымъ, кромѣ Плѣсни и села Ершовскаго, потомъ Вѣжедкѣй-Верхъ со всѣмъ, и съ селами тѣхъ бояръ и дѣтей боярскихъ, которые пошли въ изгнаніе съ княземъ Иваномъ Можайскимъ, кромѣ сель, проданныхъ уже московскимъ боярамъ, — Толстикова и Башарова, и вотчинныхъ деревень дѣтей Сопрычинныхъ ²⁾. Но Василій Ярославичъ недолго пользовался этими волостями: сначала былъ принужденъ отдать назадъ Звенигородъ и Вѣжедкѣй-Верхъ ³⁾, а потомъ лишился и всѣхъ волостей своихъ.

Уцѣлѣлъ одинъ удѣлъ Верейскій: князь Михаилъ Андреевичъ не только сохранилъ свою отчину, но еще успѣлъ приобрести нѣкоторые промыслы; сначала Верейскій князь получалъ отъ Василія Васильевича въ отчину и удѣлъ половины Заозерья, отчины заозерскихъ князей; кромѣ того, къ этой половинѣ прибавлено было еще 100 деревень изъ половины великокняжеской, да за половину Кубены Михаилъ Андреевичъ получилъ изъ великокняжескихъ Заозерскихъ волостей по-пригожу, на той сторонѣ, которая приходилась къ его отчинѣ, Вѣлуозеру ⁴⁾. Потомъ изъ Шемякиныхъ волостей великій князь далъ Михаилу Андреевичу Вышгородъ съ волостями, путями и селами, да изъ Звенигородскихъ волостей Плѣсь, кромѣ Плѣсенскаго села; кромѣ того, Смоленские, Сохну, Зарыдале, Зеремъ и Тарусицкихъ бортниковъ. Цѣнность пожалованная была увеличена еще тѣмъ, что Вышгородъ освобождался отъ выхода на пять лѣтъ, и вся Верейская волость три года платила только пол-выхода.

Относительно распредѣленія волостей въ княженіе Василія Васильевича любопытны духовныя завѣщанія двухъ княгинь: Елены, жены Владиміра Андреевича, и великой княгини Софьи Витовтовны, матери Василія Темнаго. Елена сочла нужнымъ благословить своего господина великаго князя Василія Васильевича селомъ Коломенскимъ; внука своего, Василія Ярославича, она благословила селами: Омутскимъ, Выходскимъ, въ Лужѣ селами Юрьевскимъ, Деготскимъ, Осепевскимъ, Аврамовскимъ, Михалковымъ, Миседскимъ, Сосновскимъ, въ стану моск-

скомъ селомъ Туловскимъ; сноху свою, жену князя Семена, Василію, благословила селомъ Погатицкимъ съ дугами и городскими Погатицами, въ Лужѣ селомъ Бубольскимъ и Бѣнитскимъ; другую сноху, жену князя Василія, Ульяну, благословила селами Битяговымъ и Домодѣдовымъ, а въ стану (московскомъ) селомъ Танинскимъ, да селомъ Богородскимъ: внука, князя Василія Ярославича, благословила также селомъ Ковѣзинскимъ въ Радонежѣ; внуку, княгиню Марью Ивановну, селомъ Вороновскимъ въ Дмитровѣ, въ городѣ (Москвѣ) — мѣстомъ подъ дворомъ старымъ на Подолѣ, гдѣ были владычьи хоромы, а по смерти княгини Марьи селомъ мѣсто князю Василію Ярославичу ⁵⁾. — Въ этомъ завѣщаніи мы видимъ не всѣ волости, которыя получила Елена по духовной мужа своего, и, между прочимъ, не видимъ тѣхъ волостей, которыя были даны ей въ опричнину, какъ Обухово, Косино. Съ другой стороны, мы знаемъ, что княгини имѣли право располагать только тѣми волостями, которыя были назначены имъ въ опричнину, или своими собственными примыслами; какимъ же образомъ княгиня Елена располагать всѣми своими волостями? Это явленіе можно объяснить только тѣмъ, что Елена пережила всѣхъ своихъ сыновей, которымъ должны были достаться ея волости, взятая изъ ихъ удѣловъ, а правила, по которому единственный внукъ ея, Василій Ярославичъ, долженъ былъ считаться необходимымъ наследникомъ всѣхъ своихъ бездѣтныхъ дядей, — не было.

Духовное завѣщаніе великой княгини Софьи Витовтовны замѣчательно въ двухъ отношеніяхъ: въ первыхъ, по большому количеству прикуновъ, что показываетъ большія средства, которыми обладала завѣщательница; во-вторыхъ, замѣчательно тѣмъ, что большая часть этихъ прикуновъ отведена одному любимому внуку, князю Юрію Васильевичу. Княгиня, по завѣщанію мужей своихъ, получала большія и богатые волости, — нѣкоторыя изъ нихъ въ опричнину, большую часть въ пожизненное владѣніе; но доходы со всѣхъ этихъ волостей, равно какъ нѣкоторые другіе доходы, оставляемые умирающими князьями въ пользу женъ своихъ, давали послѣднимъ средства прикупать волости, которыми уже онѣ могли располагать по произволу, и, смотря по привязанности, увеличивать ими удѣлъ того или другого внука. Въ завѣщаніи княгини Софьи встрѣчаемъ изъ 52 волостей не болѣе шести, которыя не были ея прикупами; именно села: Вабышевское, Лыцево, Ослебитовское, прикуны Дмитрія Донскаго, завѣщанные имъ жѣнѣ своей Евдокии и, неизвѣстно по какому случаю, перешедшіе въ полную собственность княгини Софьи, и потомъ опричнина послѣдней — селцо Семчинское съ Самсоновымъ лугомъ и Гжеля. Первые три села она отдала снохѣ своей, великой княгинѣ Маріи Ярославовнѣ, а послѣднія любимому внуку Юрію. Теперь

¹⁾ С. г. г. и д. I, № 71.

²⁾ Тамъ же, № 78. — Село Ершово въ Звенигородск. уѣздѣ, въ 3 вер. отъ города.

³⁾ Тамъ же, № 84.

⁴⁾ Тамъ же, № 64.

⁵⁾ Тамъ же, № 82. — Село Вороново Дмитр. уѣзда, въ 10 верст. отъ города.

слѣдуютъ прикупы: Коломенскія села—Колычевское, Никольцево, Липятинское, Чухистово, Окуловское и Рѣпинское; Юрьевскія—Курчевское, Елцкое, Варварское; за Волгою на Шекснѣ волость Утлугла, станъ Веретейка со всѣми деревнями отканы сыну, великому князю Василію. Коломенскіе прикупы: на Сѣверѣицѣ село Григорья Наумова, да у Малина село Ивана Вупкова — отканы великой княгинѣ Маріи. Владимірскій прикупъ—села: Толба, Вижекша и Головино—внуку Иоанну. Московскій прикупъ—Поповское Воробьево съ Семеновскимъ и деревнями; на Похрѣ село Мячково съ Фаустовскимъ, Ладыгинскимъ, Левонтьевскимъ, Тяжиннымъ и рыболовными деревнями; Коломенскія села—Вилино, Кривцово, Брониче, Чевырево, Марчуково, Рожокъ, починокъ у Щелина озера; Юрьевскіе прикупы—Турабьевскія села, потомъ—Кучка, Деревенька, Шадрино; костромскіе прикупы—Качаловское, Ушаковское, Святое; вологодскія—Маеленскія села, Янгасарскія, Говоровскія — отканы внуку Юрію, кромѣ трехъ сель Юрьевскихъ, Турабьевскихъ — Березниковъ, Ратькова и Алексина; Алексино—княгинѣ Евфросиніи, Березники и Ратьково — великой княгинѣ Маріи, но по смерти ихъ князю же Юрію. Село Вышелъсь—внуку Андрею; прикупъ на Волокѣ—Белеутовскія села и Окоракоевскія—внуку Борису ¹⁾.

Накопецъ всѣ удѣлы Московскаго княжества (кромѣ одного Верейскаго), вмѣстѣ со всѣми примыслами въ другихъ областяхъ, собраны были Василіемъ Темнымъ, который, смѣшавъ всѣ ихъ вмѣстѣ съ великокняжескою областью Владимірскою, раздѣлялъ между пятью сыновьями: старшаго, Иоанна Васильевича, благословилъ великимъ княземъ, третью въ Москвѣ, чѣмъ его самого благословилъ отецъ, Коломноу, Владиміромъ, Переяславлемъ, Костромоу, Галичелъ, Устюгомъ, Вяткою, Суздалемъ, Новгородомъ-Нижинымъ, Муромомъ, Юрьевомъ съ Великою Солюю, Боровскомъ, Суходоломъ, Калугою, Алексинымъ; изъ московскихъ сель—Островскимъ, Орнинскимъ, Константиновскимъ, Малаховскимъ, Краснымъ надъ великимъ прудомъ и лугомъ большимъ у города на рѣкѣ-Москвѣ. Второго сына, Юрія, благословилъ въ Москвѣ третью, которая была за княземъ Владиміромъ Андреевичемъ; но Юрій долженъ былъ раздѣлить эту треть съ братомъ Андреемъ Большимъ и держать ее по годамъ. Кромѣ половины московской трети, Юрій получилъ въ Москвѣ же годъ князя Константина Дмитріевича, потомъ волости: Дмитріевъ, Юлку, Серебожъ, Вускутово, Рожественное, Можайскъ, Медынь, Сердучковъ, Хотунъ, всѣ волости, завѣшанныя

ему бабкою Софьею Витовтовною, съ придачею Шинюловскаго села къ Турабьевскимъ. — Мы замѣчаемъ желаніе князей округить свои предѣлы, не имѣть въ нихъ волостей, принадлежащихъ другимъ князьямъ; такъ, напримѣръ, князь Владиміръ Андреевичъ требовалъ отъ своего сына, Ивана, чтобъ тотъ отказался отъ прикупа своего, приходившагося въ удѣлъ другого сына, Ярослава ²⁾; теперь, по завѣщанію Софьи Витовтовны, села князя Юрія приходились въ Коломенскомъ удѣлѣ великаго князя Иоанна, владѣтвіе чего Василій Темный дасть послѣднему право вымѣнять ихъ у младшаго брата безъ обиды. — Третій сынъ, князь Андрей Большой, получилъ: Угличъ, Устюжну, Рожалово, Кистму, Вѣжедкій-Верхъ, Звенигородъ, у Москвы село Суздеевское. Четвертый сынъ, князь Борисъ, получилъ: въ Москвѣ годъ князя Ивана Андреевича Можайскаго. Ржеву, Волокѣ, Рузу. Если князь Юрій Васильевичъ, благодаря особенной любви бабки своей съ отцовской стороны, получилъ большую часть ея многочисленныхъ прикуповъ, то князь Борисъ былъ любимцемъ другой бабки—съ материнской стороны, княгини Марьи Оеодоровны Голтыевой, и получилъ отъ нея также много волостей, безъ сомнѣнія доставшихся ей послѣ отца, боярина Оеодора Оеодоровича Голтя-Кошкина, и бездѣтныхъ братьевъ; эти волости были: у Коломны села Проскурниковскія да Введенскія, на Городѣ деревня, на Москвѣ за Похрою Разсудовскія села — Звѣревское и Вираповское, во Владимірѣ—Симизинскія села, Лазарское, Котязино, у Владиміра —Внуцьевское село, на Костромѣ, на Волгѣ, Нижнія слобода, Вазѣевское, Мануиловское, на Вологдѣ—Тураидаевское, Попиловое, Ковылинскія села, Горка, на Шомъ деревня, да у Москвы село Шараново, Лонаково, дугъ на Москвѣ-рѣкѣ подъ Крутицею, въ Берендѣевѣ село Ростовское, въ Кляпелѣ Суровичево, Тимооеевское, Никульское, дворъ внутри города Москвы и дворы на посадѣ ³⁾. Пятый сынъ, Андрей Меньшой, получилъ въ Москвѣ годъ князя Петра Дмитріевича, у Москвы село Танинское, Ясенево, Рамейце, потомъ Вологду съ Кубеною и Засерьемъ, Иледамъ съ Обнорою, Коломою и Волокомъ, Авпегу, Шилегу, Пельнуму, Вохтюгу, Ухтюнку, Сяму, Отводное съ Перхунковскими селами, Тошну, Янгосаръ. — Великая княгиня Марія получила въ пожизненное владѣніе: Ростовъ, т. е. ту часть города, которая была за Василіемъ Темнымъ, въ остальной же части еще владѣли князья ростовскіе; по смерти великой княгини, ея часть Ростова переходила къ князю Юрію. Потомъ утверждался за нею купля ея Романовъ ⁴⁾ и устье Шексны: дальѣ великая княгиня получала волости по Волгѣ и Шекснѣ, которыя были за княземъ Иваномъ Можайскимъ, вмѣстѣ съ селами, отобранными

¹⁾ С. г. г. и д. 1, № 83. — Колычево, село Колом. уѣзда, въ 7 вер. отъ гор.; Никульское, тамъ же, въ 8 вер.; Липатино, въ 22 вер.; Малино, въ 35 вер.; Вилино-село Бронницкаго уѣзда, въ 3 вер. отъ гор.; Кривцы, въ 6 вер.; Марчюги, въ 17 вер.; Головино во Владимірскомъ уѣздѣ, къ 3. отъ города. Турабьева къ СВ. отъ Юрьева; Кучки къ Ю. Деревенька къ СВ. Качалово, Ушаково въ Костром. уѣздѣ, къ ЮВ. отъ города.

²⁾ Тамъ же, № 40.

³⁾ См. примѣч. 2 на стр. 1072.

⁴⁾ С. г. г. и д. 1, № 86: «Романовъ князь Михайло Дѣева, и княжихъ Лвовыхъ дѣтей, и княже Давыдо Засѣкина».

у измѣнившаго боярина Петра Константиновича; Усть-Углы, Перехту, у Москвы село Непрудское, мельницу Ходыньскую съ лугомъ Ходыньскимъ, Погатиинское, Новинки, Озерецкія села, Михалевское, Олешню, Лужскія села, Павшинское, деревни боярина Петра Константиновича на Истрѣ. Изъ удѣловъ: изъ Коломенскаго — городокъ Вранову съ сельцомъ, съ Гвоздею и съ Ивановъ, Устьмерскую, Песоchny, Малинскія села, село Серкизовское съ Мѣзынкою, Высокое, Шкинъ, сельцо Федора Степанова, Свербѣевское, Лысцевское, Бабинцево у Коломны, Чухистово; въ Переяславль — Рюминское, Маринину слободу, село Доброе; въ Юрьевѣ — село Фроловское съ Елохомъ, Красное, Курчево, Елцы, Варварино, Кузьмодемьянское, Голенищево, Добрыньское, Волстиново, Сорогошино; села Петра Константиновича — Матвѣйцево и Ворогово; въ Суздаль — Шокиновъ, Давыдовское; на Костромѣ — села Михаила Данилова, села Колдомскія, данныя ей Михаиломъ Сабуровымъ; на Устюгѣ, въ придачу къ ся куплѣ Леонтьевскому, Пятницкому и Вондокурью, село Мошечское и Дымкову сторону; изъ удѣла Андрея Большого — Елду, Кадку, Васильково; изъ удѣла князя Борса — Издѣтелю, Гудину слободу, Ядрово, село Андреевское во Ржевѣ; изъ удѣла Андрея Меньшого — Иледамъ съ Комелюю и Обнорюю; изъ Нижняго-Норгорода — села, которыя были за великою княгинею Софьею Витовтвикою съ Сокольскимъ сельцомъ и Керженцомъ, изъ Муромъ — сельце Муромское и Шатурь. — Послѣ составлена была еще принисная духовная грамота, по которой великой княгинѣ отказаны: село Коломенское, Дьяковское, Хвостовское, лугъ князя Юрія Дмитріевича противъ великокняжескаго двора, Юрьевскій лугъ Казначеевъ, два стана къ Марининѣ слободѣ; въ Переяславль — Городище съ деревнями Волниинскими, да Вармазово съ деревнями; въ Муромѣ — Почапъ, Закольне, Черсово, на Коломнѣ село Окениское съ деревнями, также Мячково, купленное у Настасьи, жены Федора Андреевича, села на рѣкѣ Москвѣ, купленные у ея дочери. Въ Можайскѣ село Чертаковское, Вѣлевцы, Исмейское село, мельницу подъ городомъ; села Муромскія и села въ Вотскомъ Стародубѣ, данныя Анною, женою Василія Ивановича; села Долмата Юрьева въ Хотунскомъ Растуновѣ и Перемышль — въ опричнину. — Дворъ князя Ивана Можайскаго, въ Москвѣ, отданъ старшему сыну Ивану; дворъ серпуховскихъ князей за Архангельскимъ соборомъ — сыну Юрию, а дворъ, данный ему бабкою у церкви Иоанна Предтечи, отданъ великой княгинѣ; дворъ Шемяки — Андрею Большому; опальные же дворы бояръ Константиновичей — Петра, Ивана и Никиты, также за городомъ дворы отдаются въ распоряженіе великой княгинѣ — кому изъ сыновей что дастъ. Село Окуловское и Рѣпинское, которыя великая княгиня дала Федору Васенку, а въ духовной своей отдала въ распоряженіе великому князю, — эти села будутъ находиться у Васенка въ пожизненномъ владѣніи, а послѣ

смерти его отходятъ къ великой княгинѣ Маріи¹⁾.

Изъ этого обзора постепеннаго распространенія раздѣленія и собиранія Московскихъ волостей, мы видимъ, что въ распространеніи Московскаго княжества завоеванія играютъ весьма малую роль; первоначальное распространеніе насчетъ соседнихъ княжествъ — Смоленскаго и Рязанскаго, при соединеніи Можайска и Коломны съ Вереею, Боровскомъ, Лужею, произошло сплюю оружія; но со времени Калиты распространеніе происходило преимущественно прикупами и примыслами особаго рода, въ которыхъ оружіе не участвовало. Московскій князь съкупае тѣ (отсюда названіе окупныхъ князьковъ) отдаленныя сѣверо-западныя и сѣверо-восточныя княжества, волости, какъ видно, пустынный, бѣдныя, которыхъ князья не были въ состояніи удовлетворять ордынскимъ требованіямъ, а съ другой стороны не были въ состояніи противиться ближайшимъ соседямъ, князьямъ болѣе сильнымъ. Такимъ образомъ, Московскіе князья распространяютъ свои владѣнія насчетъ слабыхъ, раздробленныхъ владѣній потомковъ Константина, Ивана Всеволодовичей, Константина Ярославича. Калитою куплены были Вѣлоозеро, Галичъ, Угличъ, лѣтописцы не говорятъ, какъ приобрѣтены Дмитровъ; они говорятъ объ изгнаніи изъ волостей князей Галичскаго и Стародубскаго при Донскомъ; но волости стародубскихъ князей не упоминаются среди волостей Донскаго и наследниковъ его; слѣдовательно онѣ оставались за князьями-отщипами, воедичными въ служебныя отношенія къ Московскимъ князьямъ. Княжество Нижегородско-Суздальское и Муромское были заняты не силою оружія; только послѣ нужно было, въ продолженіи извѣстнаго времени, защищать этотъ примысль отъ притязаній прежнихъ его князей; на югѣ Московскіе князья распространяютъ свои владѣнія насчетъ слабыхъ, раздробленныхъ областей Черниговско-Сѣверскихъ, на юго-востокѣ — насчетъ князей мещерскихъ. Но въ то время, когда волости присоединяются путемъ мирнымъ, куплею, или хотя насильственнымъ, но безъ походовъ и завоеваній, продолжительныя войны Московскихъ князей съ соседними княжествами, хотя и оканчивавшіяся благополучно, не имѣли слѣдствіемъ земельныхъ приобретений: такъ ничего не было приобретено отъ Твери послѣ счастливыхъ войнъ съ нею при Донскомъ, ничего не было приобретено отъ Рязани, послѣ опредѣленія границъ при Иоаннѣ II; попытка приобрести волости Ново-

¹⁾ Мячково, село Колом. уѣзда, въ 12 вер. отъ г. Чертаново, дерев. Можайскаго уѣзда, въ полверстѣ отъ города; Черкизово въ Колом. уѣздѣ къ С. отъ города; Лысково къ ЮЗ., Козмодельянское къ Ю. отъ Юрьева-Польскаго; Добрыньское, Волоостиново къ СЗ; Матвѣйцево и Ворогово къ СЗ. отъ послѣднихъ. Елцы къ ЮВ. отъ Юрьева-Польскаго. Симизино къ ЮЗ. отъ Владимира, на границахъ Владимірскаго и Юрьевского уѣздовъ. Сарогужино къ СЗ. отъ Юрьова; Шокинова и Давыдовское къ СЗ. отъ Переяславля.

родскія за Двиною при Василии Димитріевнчѣ не удалась. — Кромѣ пріобрѣтенія цѣлыхъ княжествъ, Московскіе князья обогатились пріобрѣтеніемъ многихъ сель и мѣстъ. Мы знаемъ, что князья постоянно вносили въ свои договоры условіе — не пріобрѣтать волостей въ чужихъ владѣніяхъ, вслѣдствіе чего Московскіе князья, несмотря на свои денежные средства, не могли купить волостей ни въ Тверской, ни въ Рязанской области; по нмъ открыта была для прикуновъ великокняжеская область Владимірская, которую они постоянно владѣли, и мы видѣли изъ ихъ завѣщаній, какъ они пользовались этимъ, какъ преимущественно наполнили своими куплями уѣздъ Юрьева-Польскаго: вотъ также одна изъ причинъ усиленія Московскихъ князей. Двоякимъ путемъ князья Московскіе пріобрѣтали села: куплею и отобраніемъ у опальныхъ бояръ; такъ пріобрѣтены были села Вельяминовскія, Свибловскія, Всеволожскія (Ивана Димитріевича), братьевъ Константиновичей. Границы Московскаго княжества при кончинѣ Іоанна Калиты не совпадали даже съ границами нынѣшней Московской губерніи, ибо для этого недоставало ему Дмитрова, Клина, Волока-Ламскаго; потомъ захватывали нѣкоторую часть Тульской и Калужской губерній; по при кончинѣ праправнука Калитина, Василия Темнаго, Московскія владѣнія послѣдняго не только обнимаютъ всю нынѣшнюю Московскую губернію (кромѣ Клина), но простираются по губерніямъ: Калужской, Тульской, Владимірской, Нижегородской, Вятской, Костромской, Вологодской, Ярославской, Тверской.

Границы собственно Московскаго княжества на юго-востокѣ, съ Рязанскою областію, опредѣлены въ договорахъ рязанскихъ князей съ Московскими: граница шла по рѣкѣ Окѣ и Цѣѣ; прежнія мѣста рязанскія отъ Коломны вверхъ по Окѣ, на сторонѣ московской: Новый городокъ, Лужа, Верей, Боровскъ и всѣ другія мѣста на лѣвой сторонѣ рѣки принадлежатъ Москвѣ, а внизъ по Окѣ отъ Коломны по рѣкѣ Цѣѣ и отъ устья Цыи вверхъ всѣ мѣста на рязанской сторонѣ — къ Рязани, а на московской — къ Москвѣ. Вслѣдствіе этого раздѣла Окою, старыя рязанскія мѣста на правомъ берегу, бывшія до времени Іоанна II за Москвою, отошли къ Рязани, именно: Лонастна, уѣздъ Мстиславль, Ждадене городище, Ждаемль, Дубокъ, Бродничъ съ мѣстами. Мѣста: Талица, Вышолозовъ, Такасавъ отошли къ Москвѣ, равно какъ Мещера, — купля Донскаго. Иначе, думаемъ, нельзя понимать этого мѣста: „А межѣ насъ раздѣлъ земли по рѣкѣ по Оку, отъ Коломны въ верхъ по Оцѣ, на московской сторонѣ почень, Новый городокъ, Лужа, Верей, Боровскъ, и иная мѣста рязанская, которая ни будутъ на той сторонѣ, то къ Москвѣ; а на низъ по Оцѣ, по рѣкѣ по Тциу отъ усть Тциы, въ верхъ по Тциѣ, что на московской сторонѣ Тциы, то къ Москвѣ: а что на рязанской сторонѣ за Окою, что доселѣ потягло къ Москвѣ, почень, Лонастна и проч., та мѣста къ Рязани“. Но спрашивается: какимъ образомъ Лонастна могла быть на рязанской сторонѣ за Окою?

Относительно Тулы новая трудность: „А что мѣсто князя великаго Димитрія Ивановича на рязанской сторонѣ, Тула, какъ было при царницѣ при Тайдулѣ, и коли еѣ баскаки вѣдали; въ то ся князю великому Олгу не вступатся, и князю великому Димитрію“¹⁾. Тула называется мѣстомъ великаго князя Димитрія на рязанской сторонѣ, онъ отъ нея отступается, — это понятно, по въ то же время отступается отъ нея и великій князь Олегъ. Въ чью же пользу? Можно было бы предположить ошибку въ договорѣ Донскаго, и, основываясь на позднѣйшихъ договорахъ рязанскихъ князей съ Василіемъ и Юріемъ Димитріевичами, принимать, что великіе князья Московскіе отступились отъ Тулы въ пользу князей Рязанскихъ, ибо въ этихъ позднѣйшихъ договорахъ Московскіе князья обязываются не вступаться въ Тулу; по здѣсь опять затрудняется дѣло договоръ Рязанскаго князя Ивана Федоровича съ Витовтомъ, гдѣ встрѣчаемъ слѣдующее условіе: „Великому князю Витовту въ вотчину мою не вступатся Ивана Федоровича, въ землю ни въ воду, поколѣ рубежъ Рязанскіе земли Переяславскіе мoses вотчины, высьмии Тулу, Берестей, Ретанъ съ Пании, Дорожень, Заколотень Гордѣвской“²⁾.

Любопытно, что въ договорахъ Московскихъ князей съ рязанскими не только Лонастна, но также Верей и Боровскъ называются старыми мѣстами рязанскими, тогда какъ, по свидѣтельству летописца подъ 1176 годомъ, Лонастна была волостію Черниговскою; но уже изъ этого самого свидѣтельства можно замѣтить, что рязанскіе князья начинаютъ захватывать ближайшія къ нимъ волости Черниговскія, какъ наприимѣръ упоминаемый тутъ же Свирѣльскъ. По всемъ вѣроятностямъ, Рязанцы захватили и Лонастну, и Верей, и Боровскъ, и Лужу вскорѣ послѣ Батыева пашествія, когда Черниговско-Сѣверское княжество опустѣло, раздробилось и обезснѣло.

Изъ новгородскихъ договорныхъ грамотъ мы знаемъ, что Волокъ, Вологда и Вѣжецкій-Верхъ считаются до послѣдняго времени владѣніями Новгородскими; но въ то же самое время въ договорахъ и духовныхъ грамотахъ великокняжескихъ мы видимъ, какъ великіе князья распоряжаются и Волокомъ, и Вѣжецкимъ-Верхомъ, и Вологдою — знакъ, что здѣсь волости Новгородскія находились въ смѣсномъ владѣніи съ великокняжескими; и дѣйствительно великій князь Василій Васильевичъ, утверждая Вѣжецкій-Верхъ за Шемякою и братомъ его, Димитріемъ Краснымъ, ставитъ условіемъ договора, чтобы они держали эту волость по старинѣ съ Новымъ-городомъ³⁾. Мы видѣли, что Новгородцы хотѣли здѣсь размежеваться съ великимъ княземъ, но Василій Ва-

¹⁾ С. г. г. и д. I, № 32; въ договорѣ съ Василіемъ Димитріевичемъ: «А въ Тулицѣ и въ Берести не вступатся мнѣ в. князю Вас. Дм. (№ 36)»; въ договорѣ съ в. к. Юріемъ Дмитровичемъ: «въ Тулу и въ Берести (№ 48)».

²⁾ Акты Арх. Эксп. I, № 25.

³⁾ С. г. г. и д. I, № 60.

спльевичъ Темный почему-то не хотѣлъ этого размежеванія. На основаніи извѣстія подъ 1220 годомъ, что великій князь Юрій Всеволодовичъ велѣлъ племяннику Васильку Константиновичу Ростовскому выслать противъ Болгаръ полки изъ Ростова и изъ Устюга, мы заключили, что Устюгъ зависѣлъ отъ ростовскихъ князей. Не знаемъ, удержали ли они Устюгъ во время своей слабости и зависимости отъ великихъ князей, или Устюгъ отошелъ къ Владимірской области; знаемъ только, что Устюгъ является, какъ городъ, принадлежащій князьямъ Московскимъ, впервые только въ завѣщаніи Василя Темнаго, когда въ первый разъ города Владимірскаго княжества были смѣшаны съ московскими и когда въ первый же разъ Ростовъ былъ отказанъ великимъ княземъ жеиѣ. Что касается общихъ русскихъ границъ на юго-востокѣ, то съ большою вѣроятностію можно предположить, что онѣ совпадали съ границами епархій Рязанской и Сарайской, ибо послѣдняя находилась уже въ собственныхъ владѣніяхъ татарскихъ. Этою границею въ митрополичьихъ грамотахъ опредѣляется рѣка Великая Ворона ¹⁾; изъ тѣхъ же грамотъ узнаемъ, что христіане находились въ предѣлѣ Черленаго Яру (рѣки) и по карауламъ возлѣ Хопра до Дона. На восточномъ берегу Дона, тамъ, гдѣ эта рѣка имѣетъ ширину одинакую съ шириною Сены въ Парижѣ, Рубрукъ вѣсь нашелъ русскую слободу, построенную Бѣтаемъ и Сартакомъ; жители ея обязаны были перевозить черезъ рѣку купцовъ и пословъ. Относительно этихъ границъ важно для насъ извѣстіе о путешествіи Пимена митрополита въ Константинополь. Митрополитъ отправился изъ Рязани сухимъ путемъ, взявши три струя и насадъ на колесахъ. Достигши Дона, путешественники спустились суда на рѣку и поплыли внизъ. Вотъ какъ описывается плаваніе по Дону: „Путешествіе это было печально и уныло, потому что по обѣимъ сторонамъ рѣки пустыни,—не видно ни города, ни села, виднѣются одни только мѣста прежде бывшихъ здѣсь городовъ, красивыхъ и обширныхъ; нигдѣ не видно человека, но звѣрей множество: козъ, лосей, волковъ, лисицъ, выдръ, медвѣдей, бобровъ; множество и птицъ — орловъ, гусей, лебедей, журавлей и разныхъ другихъ.“ Миновавши рѣки Медвѣдицу, Высокія Горы и Бѣлый Яръ, также мѣсто древняго козарскаго Саркела, путешественники начали встрѣчать татарскія кочевья. Видно, что на Донской системѣ въ концѣ XIV вѣка крайнимъ русскимъ княжествомъ было Елецкое; кочевья же татарскія начинались въ нынѣшней Землѣ Войска Донскаго, около тѣхъ мѣстъ, гдѣ Донъ находится въ самомъ ближайшемъ разстояніи отъ Волги.

Касательно юго-западныхъ границъ съ Литовскими владѣніями мы знаемъ, что при Василя Дмитріевичѣ Московскомъ и Витовтѣ Литовскомъ границею была назначена рѣка Угра; по это опредѣленіе односторонне. Мы видѣли также, какъ Ря-

занскій князь опредѣлилъ свои границы съ Литвою; но изъ этого опредѣленія ничего понять нельзя. Изъ княжескихъ договоровъ и завѣщаній мы знаемъ, что Черемшыль, Лихвинъ (Лисицъ), Козельскъ, Тросна считались въ числѣ Московскихъ волостей. Что же касается земель присяжныхъ князей: Одоескихъ, Бѣлевскихъ, Ворогынскихъ, то здѣсь границъ опредѣлить нельзя, потому что, по собственнымъ словамъ Іоанна III, эти князья служили и его предкамъ и предкомъ Казимира Литовскаго, на обѣ стороны, съ-обща; мы знаемъ также, что городъ Одоевъ, напримѣръ, раздѣлялся на двѣ половины,—одна принадлежала линіи князей, зависѣвшихъ отъ Москвы, а другая—линіи князей, зависѣвшихъ отъ Литвы. Изъ переговоровъ между московскими боярами съ литовскими послами при Іоаннѣ III мы знаемъ также, что договоры, заключенные съ Литвою при Василя Дмитріевичѣ и сынѣ его Василя Темномъ, были невыгодны для Москвы, которая должна была тутъ уступить волости, принадлежавшія ей по прежнимъ договорамъ, заключеннымъ при Симеонѣ Гордомъ и братѣ его Іоаннѣ II; при Олгердѣ половина Серенска принадлежала Москвѣ, а другая половина — Литвѣ; въ договорѣ Василя Темнаго съ Казимиромъ Козельскъ былъ написанъ на обыскъ, т.-е. по заключеніи договора должно было обыскать, кому этотъ городъ принадлежалъ прежде; по обыска не было, и Козельскъ остался за Московно. Со стороны Смоленской или Верхнедѣлѣвской области границею между Московскими и Литовскими владѣніями была сначала Угра, потомъ далѣе на сѣверѣ границъ Москвы и Твери съ Литвою должно искать по водораздѣлу между рѣчными областями Дѣлѣра и Волги.

Границы между Литвою и Новгородскими (съ Псковскими) владѣніями должны были оставаться тѣ же самыя, какія были между Смоленскимъ и Полоцкимъ княжествами и Новгородомъ. Какъ на востокѣ были волости, находившіяся въ смѣльномъ владѣніи у Новгородцевъ и великихъ князей Владимірскихъ, напр. Торжекъ, Волокъ, Бѣжичи, такъ и на югѣ были такія же смѣсныя владѣнія у Новгородцевъ и великихъ князей литовскихъ; таковы были Великія Луки, Ржева (новгородская) и еще волостей десять, менѣе значительныхъ; всѣ эти земли принадлежали къ Новгородскимъ владѣніямъ, но дань и пѣкоторые другіе доходы шли съ нихъ великому князю Литовскому; какъ въ Торжкѣ были два тѣна—новгородскій и московскій, такъ и на Лукахъ сидѣли два же тѣна—новгородскій и литовскій, и судъ у нихъ былъ пополамъ. Безъ сомнѣнія, такія отношенія къ Лукамъ, Ржевѣ и другимъ мѣстамъ литовскіе князья наследовали отъ князей смоленскихъ, которыхъ княжествомъ они овладѣли. Такое явленіе, что волость принадлежала одному государству, а дань съ нея шла другому, мы видимъ не въ однихъ Новгородскихъ областяхъ; въ договорахъ великихъ князей тверскихъ съ литовскими читаемъ: „Норубежныя мѣста, которыя тянутъ къ Литвѣ или къ Смоленску, а по-

¹⁾ Акты Ист. I, № 1 и 3.

дать дають къ Твери, должны и теперь тянуть по старому, равно какъ тѣ мѣста, которые тянули къ Твери, а подать давали къ Литвѣ или къ Смоленску, тѣмъ и нынче тянуть по прежнему и подать давать по прежнему же“.

Западныя границы, границы Псковскихъ волостей съ Ливонскимъ Орденомъ, совпадали съ нынѣшними границами Псковской губерніи съ Остзейскимъ краемъ. Что касается границъ Новгородской области со стороны Шведскихъ владѣній къ Финляндіи, то мы не имѣемъ возможности опредѣлить ихъ до 1323 года, къ которому относится дошедшій до насъ договоръ великаго князя Юрія Даниловича съ Шведскимъ королемъ Магнусомъ. Въ этомъ договорѣ сказано, что Юрій съ Новгородцами уступили Шведамъ три корельскихъ округа: Саволаксъ, Есксъ и Егрена, вѣдѣтвіе чего и сдѣлалось возможнымъ опредѣлить границу.

Дошла до насъ перечень и новгородскихъ Двинскихъ волостей: Орлецъ, Матигоры, Колмогоры, Курь-островъ, Чухчелема, Ухть-островъ, Кургія, Княжь-островъ, Лисичь-островъ, Конечные дворы, Пенюкса, Уна, Кривой, Ракула, Наволокъ, Челмахта, Емецъ, Калея, Кирія горы, Нижняя Тойма. Потомъ изъ сѣверныхъ мѣстностей упоминаются: Вельскъ, Кубена, Сухона, Кемь, Андома, Чухлома, Каргополь, Кокшенига и Вага. Изъ вятскихъ городовъ упоминаются Орловъ и Котельничъ. — На востокъ опредѣлить границу трудно: знаемъ только, что на сурѣ былъ уже русскій нижегородскій городъ Курмышъ¹⁾.

Мы обозрѣли исторически распространіе Московскаго княжества, усиленіе владѣльцевъ его волостями насчетъ другихъ князей; но рядомъ съ этимъ усиленіемъ Московскихъ и великихъ князей, разумеется, должно было идти измѣненіе въ отношеніяхъ между старшими и младшими князьями. Рассмотримъ также и это измѣненіе исторически; сперва обратимъ вниманіе на отношенія князя Московскаго и вмѣстѣ великаго князя Владимірскаго къ ближайшимъ родичамъ своимъ, удѣльнымъ князьямъ, а потомъ на отношенія его къ дальнимъ родичамъ, которые, благодаря ослабленію родовой связи, назвались, каждый въ своей волости, великими князьями и пользовались одинакими правами съ великимъ княземъ Владимірскимъ, хотя послѣдній при удобномъ случаѣ и старался приравнять ихъ

къ своимъ удѣльнымъ; таковы были князья Тверской, Рязанскій, Нижегородскій.

Въ завѣщаніяхъ своихъ великіе князья опредѣляютъ отношенія между старшимъ и младшими сыновьями по старинѣ. Калита говоритъ: „Приказываю тебѣ, сыну своему Семелу, братиству твоихъ младшихъ и княгиню свою съ меньшими дѣтми: по Богѣ ты имъ будешь печальникъ“²⁾. Донской завѣщаетъ дѣтямъ: „Дѣти мои, младшіе братья князя Василія, чтите и слушайте своего брата старшаго, князя Василія, вмѣсто меня, своего отца; а сынъ мой князь Василій держитъ своего брата князя Юрія и своихъ братиствъ младшихъ въ братствѣ безъ обиды“³⁾. Противъ духовной Калиты въ завѣщаніи Донскаго встрѣчаемъ ту новость, что онъ придаетъ волостей старшему сыну на старшій путь. Однакоже наставленіе дѣтямъ на счетъ отнесеній младшихъ къ старшему повторилъ и великій князь Василій Васильевичъ въ своемъ завѣщаніи⁴⁾. Но описываемое время было переходнымъ между родовыми и государственными отношеніями: первыя ослабли, вторыя еше не утвердились; вотъ почему неудивительно встрѣтить намъ такіа завѣщанія княжескія, гдѣ завѣщатель вовсе не упоминаетъ объ отношеніяхъ младшихъ сыновей своихъ къ старшему: таковы завѣщанія Владиміра Андреевича и Юрія Дмитріевича⁵⁾. Можно было бы подумать, что такъ какъ эти завѣщанія писаны младшими, удѣльными князьями, то они и не упоминали объ отношеніяхъ между сыновьями, которые всѣ были одинаково младшіе братья относительно великаго князя; но въ такомъ случаѣ они упомянули бы объ обязанностяхъ своихъ сыновей къ этому великому князю, чего мы не находимъ; притомъ, напримѣръ, Владиміръ Андреевичъ дѣластъ же различіе между старшимъ своимъ сыномъ и младшими, назначаетъ первому особыя волости на старшій путь, наконецъ опредѣляетъ обязанности сыновей къ ихъ матери, своей женѣ, говоритъ, чтобъ они чтили ее и слушались; говоритъ, чтобъ они жили согласно, заодно, и однако не прибавляетъ старой обычной формы — чтобъ они чтили и слушались старшаго брата какъ отца.

Посмотримъ теперь, какъ опредѣлялись обязанности удѣльныхъ князей къ великому въ ихъ договорахъ другъ съ другомъ. Въ договорѣ сыновей Калиты младшіе братья называютъ старшаго господиномъ княземъ великимъ; кланутся быть заодно до смерти; брата старшаго имѣть и чтить вмѣсто отца. Кто будетъ, говорятъ они, брату нашему старшему недругъ, тотъ и намъ недругъ, а кто будетъ ему другъ, тотъ и намъ другъ. Ни старшій безъ младшихъ, ни младшіе безъ старшаго не заключаютъ ни съ кѣмъ договора. Если кто станетъ ихъ ссорить, то они должны изслѣдовать дѣло (исправу учинить), виноватаго казнить послѣ

¹⁾ Сахарова — Сказ. Русск. Нар. т. II, кн. VIII, стр. 97. — Москв. Арх. Мин. Ин. Дѣл. Дѣла Польскія № 1. — Буткова: три древніе договора Русскихъ съ Норвежцами и Шведами, въ Журн. Мин. Вн. Дѣл., 1837 г. ч. 23. — Новалина: О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ, въ Записк. Геогр. Общ. кн. VIII. — Antiquités Russes, t. II. — О двинскихъ водостяхъ см. Акты Арх. Эксп. I, № 13. Ср. книгу Большой чертежъ, стр. 195, 197, 201, 284. — Границы между Ржевою (московскою) и Литовскими владѣніями означены такъ въ договорѣ Василія Темнаго съ Казимиромъ (Акты Зап. Рос. № 50): «По озерѣ по Орлице на поля, по озеро по Пиотлице, по Красный борокъ, по Баранью рѣчку на верхъ Вѣлейки, по Вѣлейскъ, на Повикль, съ Поникля на верхъ Сижьки, съ берозы на мюхъ, со мху на верхъ Осухи».

²⁾ С. г. г. и д. I, № 21.

³⁾ С. г. г. и д. I, № 34.

⁴⁾ С. г. г. и д. I, № 86.

⁵⁾ С. г. г. и д. I, № 40, 51.

этого изслѣдованія, а вражды не имѣть другъ къ другу. Старшій обязанъ не отнимать у младшихъ волостей, полученныхъ ими отъ отца: „Того подь ними блюсти, а не обидѣти“. Когда кто-нибудь изъ младшихъ умретъ, то старшій обязанъ заботиться (печаловаться) объ оставшемся послѣ умершаго семействѣ, не обижать его, не отнимать также примысловъ и прикуповъ. Если старшій сядетъ на коня (выступить въ походъ), то и младшіе обязаны также садиться на коней; если старшій самъ не сядетъ на коня, а пошлетъ въ походъ однихъ младшихъ, то они должны идти безъ ослушанія. Если случится какая нибудь оплошность (просторожа) отъ великаго князя, или отъ младшихъ князей, или отъ тысяцкаго, или отъ намѣстниковъ ихъ, то князья должны изслѣдовать дѣло, а не сердиться другъ на друга ¹⁾.

Въ договорѣ Димитрія Донскаго съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ встрѣчаемъ уже важныя дополненія: младшій братъ обязывается держать подь старшимъ княжене великое честно и грозно, добра хотѣть ему во всемъ; великій князь обязывается держать удѣльнаго въ братствѣ, безъ обиды: „Тебѣ знать свою отчину, а мнѣ знать свою“. Заслышавши отъ христіанина или отъ поганина что-нибудь доброе или дурное о великомъ князѣ, о его отчинѣ, или о всѣхъ христіанахъ, младшій обязанъ объявить ему въ правду, безъ примысленія, по крестному дѣлованію, равно какъ и старшій младшему. Оба князя обязываются не покупать сель въ удѣлахъ другъ у друга, не позволять этого и своимъ боярамъ, не держать закладней и оброчниковъ, не давать жалованныхъ грамотъ; если случится искъ одному князю на подданнаго другого, давать исправу. Младшій обязанъ посылатъ своихъ воеводъ съ воеводами великокняжескими вмѣстѣ, безъ ослушанія; если кто-нибудь изъ воеводъ ослушается, то великій князь имѣетъ право его казнить вмѣстѣ съ удѣльнымъ. Если во время похода удѣльный князь захочетъ оставить кого-нибудь изъ своихъ бояръ у себя, то онъ обязанъ доложить объ этомъ великому князю, и оба распорядятся вмѣстѣ, по обоюдному согласію (по згадцѣ): кому будетъ прилично оставаться, тотъ останется, кому ѣхать, тотъ поѣдетъ. Младшій долженъ служить старшему безъ ослушанія, по згадцѣ, какъ будетъ прилично тому и другому, а великій князь обязанъ кормить удѣльнаго князя, смотря по его службѣ. Когда оба сядутъ на коня, то бояре и слуги удѣльнаго князя, кто гдѣ ни живеть, должны быть подь его знаменемъ ²⁾. Если случится какое-нибудь дѣло между обоими князьями, то они отсылаютъ для рѣшенія спора (для учиненія исправы) своихъ бояръ, если же бояре будутъ не въ состояніи кончить дѣло, то ѣдутъ къ митрополиту, а не будутъ митрополита въ Русской Землѣ, то ѣдутъ къ кому нибудь на третейскій

судъ (на третей), кого сами себѣ выберутъ: и если который князь проиграетъ свое дѣло, то бояре его не виноваты въ томъ ³⁾.

Владиміръ Андреевичъ отказался отъ старшинства въ пользу племянника, обязался признавать послѣдняго старшимъ братомъ; но все же онъ былъ дядею Василию Димитріевичу, и потому договоръ, заключенный между ними, написанъ въ болѣе легкихъ для Серпуховскаго князя выраженіяхъ. Послѣдній обязывается держать своего племянника, брата старшаго честно, а слова „грозно“ — нѣтъ; великій князь обязывается держать дядо и вмѣстѣ брата младшаго въ братствѣ и въ чести безъ обиды ⁴⁾. Во второмъ договорѣ старикъ-дядя выговариваетъ даже себѣ право не садиться на коня, когда племянникъ самъ не сядетъ; этотъ второй договоръ замѣчательно тѣмъ, что договаривающіеся уже хотятъ продлить и упрочить свои отношенія; здѣсь въ первый разъ князь клянется исполнять условія договора за себя и за дѣтей своихъ ⁵⁾. Въ завѣщаніи своемъ Владиміръ Андреевичъ приказываетъ жену, дѣтей и бояръ своихъ брату старшему, великому князю; если между дѣтвми его случится какой-нибудь споръ, то они для его рѣшенія посылаютъ своихъ бояръ; если и эти не согласятся между собою, то ѣдутъ передъ старую княгиню — вдову; котораго сына княгиня обвинитъ, на томъ великій князь долженъ доправитъ, такъ однако, чтобъ вочинѣ ихъ и удѣламъ было безъ убытка. Относительно пользованія удѣлами, Владиміръ Андреевичъ опредѣляетъ, чтобъ сыновья его не вѣзжали въ удѣлы другъ къ другу на свою утѣху, т.-е. на охоту, равно и въ удѣлы матери своей, развѣ получать позволеніе; не должны присылать въ удѣлы другъ другу приставовъ и судить судовъ ⁶⁾.

Димитрій Донской имѣлъ всю возможность привестъ въ свою волю двоюроднаго брата, который не имѣлъ средствъ бороться съ владѣльцемъ двухъ частей Московскаго княжества и дѣлаго Владимірскаго; притомъ же Серпуховской князь не имѣлъ права на старшинство ни въ Москвѣ, ни во Владимірѣ. Въ другихъ отношеніяхъ находился Василій Димитріевичъ къ роднымъ братьямъ, которыхъ надобно было наидти, ласкать, чтобы заставить рѣшиться сдѣлать первый тяжкій шагъ — отказаться отъ старшинства въ пользу племянника. Отсюда понятно, почему въ договорахъ Василія Димитріевича съ братьями мы не находимъ тѣхъ рѣзкихъ выраженій, тѣхъ призывовъ указаній на служебныя отношенія удѣльнаго князя въ великому, какія встрѣчаемъ въ договорахъ Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ. Младшіе братья обязываются держать Василія только вмѣсто отца ⁶⁾, Юрій Дими-

³⁾ С. г. г. и д. 1, № 33: «А которые бояръ умолятъ, то подойметъ князь, котораго умолятъ, а бояромъ вини вѣтъ».

⁴⁾ Тамъ же, № 35.

⁵⁾ Тамъ же, № 38.

⁶⁾ Тамъ же, № 40.

⁷⁾ Тамъ же, № 37.

¹⁾ С. г. г. и д. 1, № 23.

²⁾ С. г. г. и д. 1, № 27.

тривичъ, въ отдѣльномъ договорѣ своемъ съ старшимъ братомъ¹⁾, обязывается держать его въ старшинствѣ — и только; нѣтъ выражения: честно и грозно, нѣтъ обязательства служить старшему брату.

Василію Димитріевичу не удалось склонить брата Юрія къ уступкѣ старшинства племяннику; отсюда усобица въ княженіе Василія Васильевича. Эта усобица кончилась торжествомъ новаго порядка вещей, собраніемъ удѣловъ; но въ продолженіе ся великій князь иногда находился въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и потому не могъ слишкомъ круто поступать съ удѣльными. Дядя Юрій Димитріевичъ, принуждаемый отказаться отъ старшинства, хотя и называетъ племянника старшимъ братомъ, однако заключаетъ съ нимъ договоры какъ союзникъ равноправный, безо всякаго опредѣленія, какъ онъ долженъ держать старшаго брата; Юрій освобождаетъ себя отъ обязанности садиться на коня даже и тогда, когда самъ великій князь выступитъ въ походъ; относительно этого обстоятельства въ первомъ договорѣ²⁾ встрѣчаемъ слѣдующее условіе: если Василій Васильевичъ сядетъ на коня, то Юрій посылаетъ съ нимъ своихъ дѣтей, бояръ и слугъ; если великій князь пошлетъ въ походъ младшихъ дядей своихъ или дѣтей Юрія, то послѣдній обязанъ выслать дѣтей съ боярами и слугами; если же великій князь посылаетъ своихъ воеводъ, то и Юрій обязанъ выслать только своего воеводу съ своими людьми. Во второмъ договорѣ: когда Василій самъ сядетъ на коня, или пошлетъ въ походъ дядю Константина, то Юрій высылаетъ сына; если же великій князь пошлетъ двоюродныхъ братьевъ или воеводъ, то Юрій высылаетъ только воеводъ своихъ; если же великій князь пошлетъ одного сына Юріева на службу, то послѣдній долженъ идти безъ ослушанья³⁾. Выраженія честно и грозно въ началѣ княженія Василія Васильевича не находимъ въ договорныхъ грамотахъ этого великаго князя даже и съ двоюродными братьями Андреевичами, встрѣчаемъ только въ договорѣ съ княземъ Василіемъ Ярославичемъ, внукомъ Владимира Андреевича⁴⁾; нѣтъ этого выраженія и въ договорѣ Андреевичей съ Юріемъ⁵⁾; но послѣ смерти Юрія оно является постоянно въ договорахъ Василія Васильевича съ удѣльными князьями.

Договоры великихъ князей Московскихъ съ великими же князьями Тверскими и Рязанскими сходны съ упомянутымъ выше договоромъ великаго князя Василія Васильевича съ дядею Юріемъ, съ тою только разницею, что Юрій, какъ удѣльный князь, не можетъ самъ собою, непосредственно, сноситься съ Ордуо, посылаетъ дань черезъ великаго князя, тогда какъ великіе князья Тверской и Рязанскій сохраняютъ относительно Татаръ вполне независимое

отъ Московскаго князя положеніе, сами знаятъ Орду, по тогдашнему выраженію. Если Тверской князь и обязывается иногда считать Московскаго старшимъ братомъ, то это опредѣленіе отношеній остается безъ дальнѣйшаго объясненія. Относительно выступленія въ походъ въ договорахъ между великими князьями — Московскимъ, Тверскимъ и Рязанскимъ — встрѣчаемъ обыкновенно условіе, что если великій князь Московскій сядетъ на коня, то и другой договаривающійся великій князь обязанъ садиться на коня; если Московскій пошлетъ воеводу, то и другой обязанъ сдѣлать то же; только въ договорахъ Димитрія Донскаго и сына его Василія съ Михаиломъ Тверскимъ встрѣчаемъ особенности: въ первомъ Тверской великій князь обязанъ садиться на коня и въ томъ случаѣ, когда выйдетъ на рать двоюродный братъ Московскаго князя, Владимиръ Андреевичъ⁶⁾. Въ договорѣ Василія Димитріевича читаемъ⁷⁾: „Пойдетъ на насъ царь (ханъ) ратию, или рать татарская, и сяду я на коня самъ съ своею братьею, то и тебѣ, братъ, послать ко мнѣ на помощь двухъ своихъ сыновей, да двухъ племянниковъ, оставивъ у себя одного сына; если же пойдутъ на насъ или Литва, или Ляха, или Нѣмцы, то тебѣ послать дѣтей своихъ и племянниковъ на помощь; кормъ они возьмутъ, но шнымъ ничѣмъ корыстоваться не должны. Также, если пойдутъ на васъ Татары, Литва или Нѣмцы, то мнѣ идти самому къ вамъ на помощь съ братьями, а нужно будетъ мнѣ котораго брата оставить у себя на сторожу, и я оставлю. А къ Орду, тебѣ, и къ царю, путь чистъ, и твоимъ дѣтямъ, и твоимъ внучатамъ, и вашимъ людямъ“. Этотъ договоръ заключенъ совершенно на равныхъ правахъ, даже у Тверскаго князя болѣе правъ, чѣмъ у Московскаго, безъ сомнѣнія вельдѣствіе возраста Михаила Александровича; такъ послѣдній ни въ какомъ случаѣ не обязывается самъ выступать въ походъ.

Что касается формы договорныхъ грамотъ, то до времени великаго князя Василія Димитріевича онѣ обыкновенно начались словами: „По благословенію отца нашего митрополита“; первая дошедшая до насъ договорная грамота, начинающаяся словами: „Вожіею милостию и Пречистию Богоматери“, есть договорная грамота Василія Димитріевича съ Тверскимъ княземъ Михаиломъ; постоянно же эта форма начинаетъ встрѣчаться въ договорныхъ грамотахъ со временъ Василія Васильевича Темнаго, именно начиная съ договора его съ княземъ Василіемъ Ярославичемъ Серпуховскимъ. Постѣ этихъ словъ слѣдуютъ слова: „На семъ на всемъ (имярекъ), цѣлуй ко мнѣ крестъ“ (имярекъ). Оканчиваются грамоты такими же словами: „А на семъ на всемъ цѣлуй ко мнѣ крестъ по любви въ правду, безъ хитрости“. Когда, вельдѣствіе извѣстныхъ стремленій, вражда между родичами, между великимъ княземъ и удѣльными, дошла до крайности, когда мирились только

¹⁾ Акты Арх. Эксп. I, № 10.

²⁾ С. г. г. и д. I, №№ 43 и 44.

³⁾ С. г. г. и д. I, №№ 49 и 55.

⁴⁾ С. г. г. и д. I, №№ 45 и 46.

⁵⁾ С. г. г. и д. I, № 47.

⁶⁾ С. г. г. и д. I, №№ 28, 48, 65.

⁷⁾ Акты Арх. Эксп. I, № 14.

по нуждѣ, съ враждою въ сердцѣхъ, съ намѣреніемъ нарушить миръ при первомъ удобномъ случаѣ, то начали употреблять болѣе сильныя нравственныя средства, для того, чтобы побудить къ сохраненію договора: явились такъ называемыя проклятыя грамоты. — Но эти проклятыя грамоты, это усиленіе нравственныхъ принужденій, не достигало цѣли, и служило для насъ только признакомъ крайняго усиленія борьбы, при которой враждующіе дѣйствовали по инстинкту самосохраненія, не разбирая средствъ, не сдерживаясь никакими нравственными препятствіями. — Что касается формы духовныхъ завѣщаній княжескихъ, то они начинались слѣдующими словами: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Се азъ грѣшный худый рабъ Вожій (имярекъ) пишу душевную грамоту, ни кѣмъ не нужеи, цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьи“.

При обзорѣ распредѣленія волостей княжескихъ мы видѣли, какую важную долю изъ нихъ князья давали обыкновенно своимъ женамъ. Этому богатому надѣленію соответствовало и сильное нравственное и политическое вліяніе, какое уступалось имъ по духовнымъ завѣщаніямъ мужей. Калита въ своемъ завѣщаніи приказываетъ княгиню свою съ меньшими дѣтьми старшему сыну Семену, который долженъ быть по Богѣ ея печальникомъ. Здѣсь завѣщатель не предписываетъ сыновьямъ, кромѣ попеченія, никакихъ обязанностей относительно жены своей, потому что эта жена, княгиня Ульяна, была имъ мачиха. До какой степени мачиха и ея дѣти были чужды тогда дѣтямъ отъ первой жены, доказательствомъ служитъ то, что сынъ Калиты, Иоаннъ II, не иначе называетъ свою мачиху, какъ княгиню Ульяною только, дочь ея не называетъ сестрою¹⁾; это объясняетъ намъ старинныя отношенія сыновей и внуковъ Мстислава Великаго къ сыну его отъ другой жены, Владимиру Мстиславичу, мачешичу. — Иначе опредѣляются отношенія сыновей къ роднымъ матерямъ по духовнымъ завѣщаніямъ княжескимъ; Донской приказываетъ дѣтей своихъ княгинѣ: „А вы, дѣти мои, говоритъ онъ, живите заодно, а матери своей слушайте во всемъ; если кто изъ сыновей моихъ умретъ, то княгиня моя подѣлать его удѣломъ остальныхъ сыновей моихъ: кому что дать, то тому и есть, а дѣти мои изъ ея воли не выйдутъ. Дать мнѣ Богъ сына, и княгиня моя подѣлать его, взявши по части у большихъ его братьевъ. Если у кого-нибудь изъ сыновей моихъ будетъ отчины, чѣмъ я его благословилъ, то княгиня моя подѣлать сыновей моихъ изъ ихъ удѣловъ; а вы, дѣти мои, матери слушайте. Если отниметъ Богъ сына моего, князя Василья, то удѣлъ его идетъ тому сыну моему, который будетъ подъ нимъ, а удѣломъ послѣдняго княгиня моя подѣлать сыновей моихъ; а вы, дѣти мои, слушайтесь своей матери: что кому дать, то того и есть. А приказалъ я своихъ дѣтей своей княгинѣ; а вы, дѣти мои,

слушайте своей матери во всемъ, изъ ея воли не выступайте ни въ чемъ. А который сынъ мой не станетъ слушаться своей матери, на томъ не будетъ моего благословенія“.

Договоръ великаго князя Василья Дмитріевича съ братьями начинается такъ: „По слову и благословенію матери нашей Авдотьи“. Въ договоръ свой съ братомъ Юріемъ Василій вноситъ слѣдующее условіе: „А матери свою намъ держать въ матерствѣ и въ чести“. Сыну своему Василій Дмитріевичъ наказываетъ держать свою мать въ чести и матерствѣ: какъ Богъ рекль; въ другомъ завѣщаніи обязываетъ сына почитать мать точно такъ же, какъ почиталь отца. Князь Владиміръ Андреевичъ Серпуховской даетъ своей женѣ право судить окончательно споры между сыновьями, приказываетъ послѣднимъ чтить и слушаться матери. То же самое приказываетъ сыновьямъ и Василій Темный. — Относительно княгинь-вдовъ и дочерей ихъ въ завѣщаніи Владиміра Андреевича находимъ слѣдующее распоряженіе: „Если Богъ отниметъ второго нибудь изъ моихъ сыновей, и останется у него жена, которая не пойдетъ за мужъ, то пусть она съ своими дѣтьми сидитъ въ удѣлѣ мужа своего, когда же умретъ, то удѣлъ идетъ сыну ея, моему внуку; если же останется дочь, то дѣти мои все брата своего дочь выйдутъ за мужъ, и брата своего удѣломъ подѣлятся все поровну. Если же не будетъ у нея вовсе дѣтей, то и тогда пусть сноха моя сидитъ въ удѣлѣ мужа своего до смерти и поминать нашу душу, а дѣти мои до ея смерти въ брата своего удѣлѣ не вступаются никакимъ образомъ“.

Мы видѣли, что волости, оставляемыя княгинямъ, раздѣлялись на такія, которыми онѣ не имѣли права располагать въ своихъ завѣщаніяхъ, и на такія, которыми могли распорядиться произвольно; послѣднія назывались *опричинками*. Но, кромѣ того, въ Московскомъ князствѣ были такія волости, которыя постоянно находились во владѣніи княгинь, назначались на ихъ содержаніе; эти волости назывались *княгининскими* поимьями. Относительно ихъ великій князь Василій Дмитріевичъ въ завѣщаніи своемъ дѣлаетъ слѣдующее распоряженіе: „Что касается селъ княгининскихъ поплыхъ, то они принадлежатъ ей; вѣдаетъ она ихъ до тѣхъ норъ, пока женится сынъ мой, послѣ чего она должна отдать ихъ княгинѣ сына моего, своей снохѣ, тѣ села, которыя были издавна за княгинями“.

Во всѣхъ этихъ волостяхъ княгиня была полною владѣтельницею. Дмитрій Донской на этотъ счетъ распоряжается такъ: „До какихъ мѣстъ свободскіе волостели судили тѣ свободы при мнѣ, до тѣхъ же мѣстъ судятъ и волостели княгини моей. Если въ тѣхъ волостяхъ, слободахъ и селахъ, которыя я взялъ изъ удѣловъ сыновей моихъ и далъ княгинѣ моей, кому-нибудь изъ сиротъ (крестیانъ) случится пожаловаться на волостелей, то дѣло разберетъ княгиня моя (учинить исправу), а дѣти мои въ то

¹⁾ С. г. г. и д. I, № 25: «А что волости за княгиню за Ульяною все тѣхъ волостей по ее живогѣ дѣти мои дадутъ дочери ее Сурожики, село Лучинское».

не вступаются". — Владимиръ Андреевичъ распорядился такъ: „На мытниковъ и таможниковъ городскихкихъ дѣти мои приставовъ своихъ не даютъ и не судятъ ихъ; судить ихъ, своихъ мытниковъ и таможниковъ, книгиня моя“

Духовенство, во имя религіи, поддерживало всё эти отношенія сыновей къ матерямъ, какъ они опредѣлялись въ духовныхъ завѣщаніяхъ княжескихъ. Митрополитъ Іона писалъ князьямъ, которые отнимали у матери своей волости, принадлежащія ей по завѣщанію отца¹⁾: „Дѣти! Вила мнѣ челомъ на васъ мать ваиа, а моя дочь, жалуется на васъ, что вы поотнимали у нея волости, которыя отецъ вашъ далъ ей въ опричину, чтобы было ей чѣмъ прожить, а вамъ далъ Osborne удѣлы. И это вы, дѣти, дѣлаете богопротивное дѣло, на свою душевную погибель и здѣсь, и въ будущемъ вѣкѣ... Благословляю васъ, чтобы вы своей матери челомъ добились, прощеніе у ней выпросили, честь бы ей обычную воздавали, слушались бы ея во всемъ, а не обижали, пусть она вѣдаетъ свое, а вы свое, по благословенію отцовскому. Отпишите къ намъ, какъ вы съ своею матерью управитесь; и мы за васъ будемъ Бога молить, по своему святительскому долгу, и по вашему чистому покаянію. Если же станете опять гнѣвить и оскорблять свою мать, то дѣлать нечего, самъ боюсь Бога и по своему святительскому долгу, поплюю за своимъ сыномъ, за вашимъ владыкою, и за другими многими священниками, да взглянувши вмѣстѣ съ ними въ божественныя правила, поговоривъ и рассудивъ, возложимъ на васъ духовную тягость церковную, свое и прочихъ священниковъ неблагословеніе“.

Таковы были междукняжескія отношенія къ Сѣверо-Восточной Руси. Мы видимъ, что переходъ родовыхъ отношеній въ государственныя, переходъ удѣльныхъ князей изъ родичей въ служебниковъ, поскольку онъ выражается въ договорныхъ княжескихъ грамотахъ, совершается очень медленно, благодаря именно долговому господству родовыхъ княжескихъ отношеній и вѣдѣтвие того, что великій князь долженъ здѣсь успливать свою власть насчетъ ближайшихъ родственныхъ, выгоды которыхъ требуютъ поддержанія старыхъ родовыхъ формъ при опредѣленіи отношеній въ договорахъ, хотя, разумѣется, при перемѣнѣ отношеній на дѣлѣ, при новыхъ стремленіяхъ и понятіяхъ, и самыя родовыя формы измѣняются и показываютъ ясно разрушеніе старыхъ отношеній; такъ, напримѣръ, выраженія, встрѣчающіяся въ договорахъ описываемаго времени: „держатъ дядюю, держатъ племянникомъ, держатъ братомъ ровнымъ“ — не имѣютъ смысла при родовыхъ отношеніяхъ, гдѣ существуютъ только отношенія отца къ дѣтямъ, гдѣ дядя есть отецъ, старшій братъ — отецъ, племянникъ, младшій братъ — сыновья. Обязательство удѣльнаго князя — служить великому, и обязательство послѣдняго

кормить удѣльнаго, смотря по службѣ, являются разъ въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ двоюроднымъ братомъ Владимиромъ Андреевичемъ, и потому исчезаютъ вѣдѣтвие того, что Василій Дмитриевичъ и Василій Васильевичъ находятся въ менѣе выгодномъ положеніи относительно родичей. Даже довольно неопредѣленное выраженіе: „Держать великое княженіе честно и грозно“ — утверждается не вдругъ въ договорныхъ грамотахъ. Договоровъ служебныхъ князей съ тѣми князьями, къ которымъ они вступали въ службу съ отчинами, изъ Сѣверо-Восточной Руси до насъ не дошло; но мы имѣемъ довольно число такихъ договоровъ изъ Руси Юго-Западной. Въ 1443 году князь Оедоръ Львовичъ Воротынской, взявши городъ Козельскъ въ наместничество изъ руки Казимира, короля Польскаго и великаго князя Литовскаго, записался своему государю безъ лести и безъ хитрости²⁾. Король Казимиръ въ 1455 году пишетъ, что далъ вотчину князю Воротынскому, узрѣвши вѣрную его службу³⁾. Договорная грамота князей Новосельскихъ и Одоевскихъ съ Казимиромъ начинается тѣмъ, что означенные князья били челомъ государю великому князю, чтобы принялъ ихъ въ службу. Тотъ пожаловалъ, принялъ ихъ въ службу, — и они обязываются служить ему вѣрно во всемъ, безъ всякой хитрости, и быть во всемъ послушными, давать ему ежегодную дань (полѣтною), быть въ его волѣ, имѣть однихъ друзей и враговъ. Казимиръ, съ своей стороны, обязывается держать ихъ въ чести и въ жалованьи, оборонять отъ всякаго; обязывается и за наслѣдниковъ своихъ не нарушать договора, не вступаться въ ихъ отчину; въ противномъ случаѣ крестное пѣлованіе съ нихъ долой и они становятся вольными; обязывается судъ и исправу давать имъ во всёхъ дѣлахъ чистыя, безъ перевода: судья королевскіе съѣзжаются съ ихъ судьями и судятъ, поцѣловавши крестъ безъ всякой хитрости; если возникнетъ у судей споръ, то дѣло переносится на разрѣшеніе великаго князя; споры самихъ князей между собою отдаются также на рѣшеніе Казимира⁴⁾. Любопытно сравнить дошедшую до насъ духовную грамоту Олгердова внука, князя Андрея Владиміровича, съ духовными грамотами Московскихъ князей; и въ этихъ письменныхъ памятникахъ, какъ во всякихъ другихъ, высказывается различіе въ характерѣ странъ, гдѣ они писаны. И московскія и южно-русские завѣщанія начинаются словами: „Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа,“ послѣ чего въ московскихъ, какъ мы видѣли, означаетъ, что завѣщатель находился въ добромъ здоровьи, душевномъ и тѣлесномъ, — замѣчаніе, необходимое для того, чтобы духовная имѣла полную силу, — и потому, безъ всякихъ околѣчностей, излагаются распоряженія завѣщателя. Въ духовной же Гедиміновича нѣтъ замѣчанія о душевномъ и тѣлесномъ здравіи: вмѣсто того завѣщатель распростра-

²⁾ Акты, относящ. къ истор. Западной Россіи, I, № 48.

³⁾ Тамъ же, № 57.

⁴⁾ Тамъ же, № 63.

¹⁾ Дошлн. къ акт. Истор. I, № 11.

няется, какъ онъ съ женою и дѣтми прѣхалъ въ Кіевъ Богу молиться, поклонился всеѣмъ святынямъ, благословился у архимандрита Николая, поклонился гробамъ родственниковъ и всеѣхъ святыхъ старцевъ, и сталъ размышлять: въ своемъ сердцѣ: сколько тутъ гробовъ, а вѣдь все эти мертвецы жили на семь свѣтѣ и пошли все къ Богу; пораздумавъ, что скоро и ему туда придется идти, гдѣ отцы и братья, князь почелъ приличнымъ написать духовное завѣщаніе ¹⁾.

Мы видѣли, что прежде князь было общимъ, неотъемлемымъ названіемъ для всеѣхъ членовъ Рюрикова рода, а старшій въ этомъ родѣ князь назывался великимъ, причѣмъ мы видѣли, что названіе великій князь придавалось иногда и младшему въ родѣ просто изъ учтивости, отъ усердія пишущаго къ извѣстному князю. Въ описываемое время князь, при ослабленіи родовой связи, родового единства, при стремленіи князей къ особености, независимости, мы должны ожидать, что явится много князей, которые въ одно и то же время будутъ величать себя названіемъ великихъ, и не обманываемся въ своихъ ожиданіяхъ: князья Московскіе носятъ это названіе по праву, обладая постоянно старшимъ столомъ Владимірскимъ, по въ то же самое время называютъ себя великими князья Тверскіе и Рязанскіе, въ родѣ князей рязанскихъ — князья Пронскіе, стремясь постоянно къ независимости, называютъ себя также великими; наконецъ видимъ, что, по-прежнему, и тѣ младшіе, удѣльные князья, которые въ официальныхъ памятникѣхъ никогда не смѣютъ называть себя великими, въ памятникѣхъ неофициальныхъ, изъ учтивости величаются этимъ названіемъ: такъ Св. Кириллъ Вѣлорскій въ духовной своей называетъ великимъ княземъ удѣльнаго Можайскаго, Андрея Димитріевича ²⁾. Прежде, когда все вниманіе обращалось на родовыя отношенія князей, а не на владѣнія, старшему великому князю противопоставались младшіе; но теперь, когда родовыя отношенія стали рушиться, отношенія же по владѣніямъ и зависимости начали выдвигаться на первый планъ, въ противоположность великому князю для младшихъ являются названія удѣльныхъ и помѣстныхъ князей ³⁾. Мы видѣли, что и прежде нѣкоторые князья назывались великими князьями всея Руси, какъ напримѣръ, Мономахъ, Юрій Долгорукій; въ описываемое время, изъ официальныхъ памятникѣхъ видимъ, что уже Іоаннъ Калита называется великимъ княземъ всея Руси ⁴⁾ и потомъ все его преемники. Изъ прежнихъ названій княжескихъ встрѣ-

чаемъ Господинъ; вновь являются Господарь и Государь. Что касается происхожденія перваго слова, то оно одинаково съ происхожденіемъ слова князь; оспода означаетъ семью, осподарь — начальника семьи, отца семейства ⁵⁾; должно замѣтить также, что первое названіе употребительнѣе на югѣ, второе на сѣверѣ. Господинъ и господарь встрѣчаются въ соединеніи; напр., „Занеже, господине князь великій, намъ твоимъ нищимъ нѣчимъ боронитися противу обидищихъ насъ, но токмо, господине, Богомъ и Пречистою Богородицею, и твоимъ, господине, жалованіемъ нашего господина и господаря“ ⁶⁾. Что значеніе слова господарь или государь было гораздо важнѣе значенія прежняго господинъ, свидѣтельствуетъ упорное сопротивленіе Новгородцевъ внести его въ употребленіе вмѣсто господинъ. Господарь противопоставляется служащимъ: „Кто кому служитъ, тотъ съ своимъ господаремъ и ѣдетъ“ ⁷⁾. Для великихъ князей встрѣчаемъ названія: Великаго Государя Земскаго ⁸⁾, Великаго Государя Русскаго ⁹⁾, Великаго Государя, Самодержца ¹⁰⁾. Самый полный титулъ великаго князя Московскаго для вѣнскихъ сношеній встрѣчаемъ въ договорной грамотѣ его съ Казимиромъ, королемъ Польскимъ: „По Божьей воли и по нашей любви, Божьей милостью, се язъ князь великій Василій Васильевичъ, Московскій, и Новгородскій, и Ростовскій, и Пермскій и иныхъ“ ¹¹⁾. — По-прежнему подданные, все остальное народонаселеніе, противопоставляются князьямъ подъ названіемъ черныхъ людей ¹²⁾.

При подлинныхъ грамотахъ княжескихъ, дошедшихъ до насъ отъ описываемаго времени, находятя печати князей съ различными изображеніями и надписями. На печати Іоанна Даниловича Калиты съ одной стороны находится изображеніе Иисуса Христа, на другой Св. Іоанна; вокругъ надписи: „Печать великаго князя Ивана“. У Симеона Гордаго на одной сторонѣ печата изображеніе Святаго Симеона, на — другой надписи: „Печать князя великаго Семенова всея Руси“. У брата его, Іоанна II, на одной сторонѣ печата изображеніе Святого Іоанна съ надписью „Агіосъ Іоаннъ“, на другой — надписи: „Печать князя великаго Ивана Ивановича“. У Димитрія Донскаго на одной сторонѣ печата изображеніе Св. Димитрія, на другой надписи: „Печать князя великаго Димитрія“; но на другой печата того же князя встрѣчаемъ надписи съ прибавленіемъ всея Руси. У Василія Дими-

⁵⁾ Пол. Собр. Рус. Лѣт. IV, 61: «Егда бо видяте (болѣзнь) гдѣ въ который родъ, яля въ осподу». — Выриантъ къ осподу: въ семью.

⁶⁾ Акты истор. I, № 32.

⁷⁾ С. г. г. и д. I, № 52.

⁸⁾ Акты истор. I, № 57.

⁹⁾ Акты истор. I, № 60.

¹⁰⁾ Акты истор. I, № 75; тамъ же, стр. 109.

¹¹⁾ Акты, отгос. къ истор. Запад. Россія, I, № 50.

¹²⁾ Никон. III, 78: «И тѣми дашьи многу тяжестъ творяше княземъ и чернымъ людемъ».

¹⁾ Акты, относящ. къ истор. Западной Россія, I, № 46.

²⁾ Акты истор. I, № 32: «Предаю монастырь, трудъ свой и свое браты, Богу и Пречистѣй Богородицѣ, и господину князю великому, сыну своему Андрею Димитріевичю».

³⁾ Тамъ же, № 39: «И благодатю Божію, земля наша и сущаѣ окрестъ насъ братій нашихъ, великихъ князей дръжавы и помѣстныхъ князей и начальниковъ, сликно кто подъ собою имѣтъ, вси суть къ благочестію».

⁴⁾ Акты Арх. Эксп. I, № 3.

тріевича нѣсколько печатей; на одной изображеніе Св. Василія Кесарійскаго и надпись: „Печать князя великаго Васильева Димитріевича всея Руси“; на другой — изображеніе всадника съ копьемъ, обращеннымъ остриемъ книзу; третья печать имѣетъ изображеніе всадника съ поднятымъ мечемъ, и разныя другія. На печати Василія Темнаго виденъ всадникъ съ копьемъ, находящимся въ покойномъ положеніи, остриемъ вверхъ. На печати Тверскаго князя Бориса Александровича встрѣчаемъ также изображеніе всадника съ поднятымъ мечемъ.

И въ описываемое время вступленіе князя на столъ сопровождалось обрядомъ посаженія. Вотъ какъ описывается посаженіе Александра Невскаго во Владимирѣ: преосвященный Кириллъ митрополитъ встрѣтилъ его со крестами, со священнымъ соборомъ и со множествомъ людей, и посадилъ его на великомъ княженіи во Владимирѣ на столъ отца его, съ пожалованіемъ царевымъ (ханскимъ) ¹⁾. Великій князь Василій Димитріевичъ былъ посаженъ на столъ посломъ Тохтамышевымъ ²⁾; Василія Васильевича посадили на столъ посолъ ханскій у Пречистыя, у Золотыхъ дверей ³⁾. Такимъ образомъ, въ этомъ самомъ обрядѣ обозначалась ясно зависимость русскихъ князей отъ хановъ татарскихъ; теперь, слѣдовательно, для удовлетворительнаго рѣшенія вопроса о значеніи князя на Руси въ описываемое время мы должны постараться опредѣлить степень зависимости его отъ хана; зависимость эта выражалась ли только въ необходимости требовать ханскаго утвержденія, ханскаго ярлыка и въ обязанности платить дань, или она имѣла вліяніе на внутреннюю дѣятельность князя, стѣсняла его? Здѣсь, разумѣется, прежде всего должно рѣшить вопросъ о томъ, какъ ханъ могъ наблюдать за дѣятельностію князя; имѣлъ ли онъ при немъ постояннаго представителя своего, намѣстника? Въ известномъ разсказѣ объ Ахматѣ, баскакѣ курскомъ, лѣтописецъ говоритъ, что Ахматъ держалъ баскачество Курскаго княженія, другіе же Татары держали баскачество по инымъ городамъ, во всей Русской Землѣ, и были велики ⁴⁾. Въ повѣсти о мученіи Св. Михаила Черниговскаго сказано, что Батый поставилъ намѣстниковъ и владетелей своихъ по всемъ городамъ русскимъ ⁵⁾. Въ известіи о перечисленіи говорится, что численники поставили десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ и темниковъ, и, урядивши все, возвратились въ Орду ⁶⁾. Подъ 1262 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что по всемъ городамъ русскимъ былъ совѣтъ на Татаръ, которыхъ Батый и потомъ сынъ его, Сартакъ, посажали властелями по всемъ городамъ русскимъ. Князья, согласившись между собою, выгнали Татаръ, потому что было отъ нихъ насиліе: богатые

люди откупали у Татаръ дани и корыстовались при этомъ сами, а многіе бѣдные работали въ ростахъ. Тогда же, при изгнаніи и убіеніи Татаръ, въ Ярославлѣ убили отступника Зосиму, или Изосима, который, съ позволенія посла ханскаго, дѣлалъ много зла христіанамъ ⁷⁾. Въ 1269 году великій князь Ярославъ Ярославичъ, собираясь идти на Нѣмцевъ, пришелъ въ Новгородъ имѣетъ съ Амраганомъ, великимъ баскакомъ владимірскимъ ⁸⁾. Потомъ великій князь Василій Ярославичъ съ тѣмъ же самымъ Амраганомъ воевалъ волости Новгородскія ⁹⁾. Подъ 1275 годомъ упоминается о второмъ перечисленіи ¹⁰⁾; подъ 1290 — о возстаніи жителей ростовскихъ на Татаръ, которые были ограблены ¹¹⁾. Послѣ извѣстія объ Амраганѣ мы не встрѣчаемъ на сѣверѣ извѣстій о баскакахъ; встрѣчаемъ баскака только разъ на югѣ, въ Курской области, подъ 1284 годомъ, — ясный знакъ, что на сѣверѣ баскаковъ больше не было, иначе лѣтописи не могли бы умолчать о нихъ въ разсказѣ о событіяхъ, въ которыхъ Татары принимали важное участіе, какъ напримѣръ въ борьбѣ между сыновьями Невскаго; упоминаются только одни послы, временно являвшіеся въ русскихъ городахъ. Послѣ 1275 года не упоминается болѣе о перечисленіи, — ясный знакъ, что ханы, по разнымъ причинамъ, начали оказывать полную довѣренность князьямъ и что послѣдніе взяли на себя доставку дани въ Орду; но еще подъ 1266 годомъ лѣтописецъ говоритъ объ ослабѣ отъ насилія татарскаго по смерти хана Берге. Уже князь Андрей Александровичъ Городецкій зводилъ въ Орду обвиненіе на старшаго брата Димитрія Шереметевскаго, будто тотъ не хочетъ платить дани хану; конечно, если-бы въ это время находился въ Россіи баскакъ, или главный сборщикъ податей, до рога, то не родному брату пришлось бы доносить на Димитрія, и ханъ не сталъ бы основываться на однихъ Андреевыхъ доносахъ; если же въ этихъ дѣлахъ были замѣшаны и баскаки, и дороги, то какимъ образомъ лѣтописецъ умолчалъ о нихъ? — не умолчалъ же онъ о Кавгадыѣ. Такимъ образомъ, чрезъ удаленіе баскаковъ, численниковъ и сборщиковъ дани князья освобождались совершенно отъ татарскаго вліянія на свои внутреннія распоряженія; но и во время присутствія баскаковъ мы не имѣемъ основанія предпологать большаго вліянія ихъ на внутреннее управленіе, ибо не видимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ такого вліянія.

На юго-западъ самое подробное описаніе вступленія княжескаго на столъ читаемъ въ разсказѣ Волинскаго лѣтописца о вступленіи Мстислава Даниловича на столъ владимірскій, оставленный ему по распоряженію двоюроднаго брата Владиміра Васильевича: Мстиславъ пріѣхалъ въ соборную церковь, созвалъ бояръ и гражданъ, Русскихъ и Нѣм-

¹⁾ Никон. III, стр. 34.

²⁾ Тамъ же, т. IV, стр. 192.

³⁾ Тамъ же, V, стр. 111.

⁴⁾ Тамъ же, т. III, стр. 78: «И сія велицы баху».

⁵⁾ Тамъ же, стр. 20.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 37.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 41.

⁸⁾ П. С. Р. Л. III, 61.

⁹⁾ Никон. III, 57.

¹⁰⁾ Никон. III, стр. 59.

¹¹⁾ П. С. Р. Л. I, 227.

цевъ, которымъ прочли Владимірово завѣщаніе, и слышали всё отъ мала до велика, послѣ чего епископъ благословилъ Мстислава крестомъ воздвизальнымъ на княженіе. Здѣсь, на югѣ, жителя Бреста не хотѣли призывать Мстислава своимъ княземъ, не хотѣли исполнять завѣщанія Владимірова. На сѣверѣ не видимъ ничего подобнаго, не встрѣчаемъ также извѣстій о рядахъ или уговорахъ гражданъ съ князьями; не встрѣчаемъ извѣстій о томъ, чтобы князья созывали вѣча и объявляли народу о походѣ. Князья, попрежнему, чаще сами предводительствуютъ войскамъ, чѣмъ посылаютъ воеводъ; но ни въ одномъ изъ нихъ не замѣчаемъ такой охоты къ бою, какую видѣли въ князьяхъ старой, Южной Руси.

Законодательная дѣятельность князей выразилась въ описываемое время на сѣверѣ въ уставной грамотѣ великаго князя Василія Димитріевича на Двину ¹⁾, въ судной грамотѣ великаго князя Александра Михайловича, данной Пскову, и въ уставной грамотѣ князя Константина Димитріевича, данной тому же городу ²⁾. Въ 1395 году митрополитъ Кипріанъ писалъ Псковичамъ: „Слышалъ я, что Суздальскій владыка Діонисій, будучи во Псковѣ, составилъ грамоту и присоединилъ ее къ грамотѣ великаго князя Александра—по чему ходитъ, какъ судитъ, кого какъ казнить, да написалъ и проклятіе на того, кто начнетъ поступать иначе. Діонисій владыка сдѣлалъ это не свое дѣло, не по закону и не по правиламъ. Если великій князь Александръ написалъ грамоту, по чему ходитъ, то воленъ въ томъ всякій царь, въ своемъ царствѣ, или князь въ своемъ княженіи—всякія дѣла рѣшить и грамоты записывать; такъ и великій князь Александръ воленъ былъ написать грамоту, по чему ходитъ, на христіанское добро, а Діонисій владыка вплеся не въ свое дѣло, написалъ грамоту негодную, и я эту грамоту рушаю. Вы же, дѣти мои Псковичи, какъ прежде ходили по грамотѣ князя великаго Александра, какъ была это у васъ старина, такъ и теперь по той старинѣ ходите; а грамоту Діонисіеву пришлите ко мнѣ, я самъ ее раздеру; то грамота не въ грамоту, а что написалъ онъ тамъ проклятіе и неблагословеніе патріаршее, и я это проклятіе снимаю и благословляю васъ. Ходите, дѣти, по своему обычаю (по своей пошлннѣ) и по старинѣ суды судите: кого виноватаго пожалуете, вольны: покажите ли за какую вину, также вольны; дѣлайте по старинѣ, чисто и безъ грѣха, какъ и всякіе христіане дѣлаютъ“. О дѣятельности князя относительно суда и расправы такъ читаемъ въ договорѣ Димитрія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ; великій князь говоритъ двоюродному брату: „Судовъ тебѣ московскихъ безъ моихъ намѣстниковъ не судитъ; а стану я судить московскіе суды, то я буду этимъ съ тобою дѣ-

литься. Если случится мнѣ не быть въ Москвѣ, и ударитъ мнѣ челою Москвитинъ на Москвитина, то я дамъ пристава и пошлю къ своимъ намѣстникамъ, чтобъ они рѣшили дѣло, вмѣстѣ съ твоими намѣстниками. Если же ударитъ мнѣ челою кто изъ великаго княженія на Москвитина, на твоего боярина, то я пошлю за нимъ пристава, а ты пошлешь за своимъ своего боярина. Если же ударитъ мнѣ челою мой на твоего, кто живетъ въ твоёмъ удѣлѣ, то я пошлю къ тебѣ, а ты рѣшишь дѣло; а ударитъ тебѣ челою твоею на моего, кто живетъ въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ княженіи, то ты пошлешь ко мнѣ, и я рѣшу дѣло, а послать намъ за ними своихъ бояръ ³⁾.

Мы видимъ, что по прошествіи извѣстнаго времени Россія освободилась отъ татарскихъ численниковъ, и сами князья стали собирать дань съ своихъ волостей и доставлять въ Орду. О томъ, какъ собиралась дань въ волостяхъ, составлявшихъ общее владѣніе Калитина потомства, можно найти извѣстія въ условіяхъ договора между Димитріемъ Донскимъ и Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ. „Если мнѣ, говоритъ великій князь, придется послать своихъ данщиковъ въ городъ я на перевозки и въ волости княгини Ульяны, то тебѣ своихъ данщиковъ слать съ моими данщиками вмѣстѣ, а въ твой удѣлъ мнѣ своихъ данщиковъ не всылать“; слѣдовательно, каждый удѣльный князь собиралъ въ своемъ удѣлѣ дань независимо, и потому отдавалъ ее великому князю, для доставленія въ Орду. Въ другомъ договорѣ тѣхъ же князей говорится: „Что наши данщики сберутъ въ городѣ (Москвѣ), въ станахъ и въ варяхъ, тому идти въ мою (в. князя) казну, а мнѣ давать въ выходъ“. Послѣ того, какъ поголовное перечисленіе не возобновлялось болѣе, то количество выхода, разумѣется, стало зависѣть отъ соглашеній великихъ князей съ ханами. Безъ сомнѣнія, съ самаго начала великіе князья предложили ханамъ большую сумму денегъ, чѣмъ та, которую доставляли татарскіе численники и откупщики; потомъ эта сумма должна была измѣниться въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ; такъ напр., мы видѣли, что иногда князья, соперничествуя изъ ярлыка, надбавляли количество выхода ⁴⁾. Мамай требовалъ отъ Димитрія Донскаго дани, какую предки послѣдняго платили ханамъ Узбеку и Чанибеку, а Димитрій соглашался только на такую дань, какая въ послѣднее время была условлена между нимъ самимъ и Мамаемъ; нашествіе Тохтамыша и задержаніе въ Ордѣ сына великокняжескаго Василія заставили потомъ Донскаго заплатить огромный выходъ; была дань великая по всему княженію Московскому, говоритъ лѣтописецъ, брали по полтннѣ съ деревни, давали и золотомъ въ Орду. Въ завѣщаніи своемъ Димитрій Донской упоминаетъ о выходѣ въ 1,000 рублей со всѣхъ волостей, принад-

¹⁾ Акты Арх. Эксп. I, № 13.

²⁾ Акты Истор. I, № 10 и 23.

³⁾ С. г. г. и д. I, № 33.

⁴⁾ Исторія Россіи, т. III, стр. 902.

щаніе Серпуховскаго князя Владиміра Акаждаго о рыбнои ловлѣхъ подъ Городцомъ: оныѣмъ обра- ваетъ двоимъ сыповлямъ, чтобъ они удекаго — бѣ общій ѣзъ и дѣлили добычу пороми — 235, изъ важнѣйшихъ отраслей звѣроловства бы. Ивана бобровъ, для которыхъ у князей было особство рядъ служителей (бобровники); что бобровъ, вѣча, не тогда по близости Москвѣ; и такимъ образомъ мы завѣщаніе князя сравнить Серпуховской удѣль съ другими удѣлами Московскаго княжества относи- тельно количеству выхода и, слѣдовательно, отно- сительно матеріальныхъ средствъ. Доля Серпухов- ского удѣла опредѣлена въ договорѣ великаго князя Василя Димитріевича съ дядею Владиміромъ Ан- дреевичемъ и въ завѣщаніи послѣдняго: эта доля состояла изъ 320 рублей; но количество всего вы- хода въ обоихъ случаяхъ означено другое, именно 5,000 рублей; наконецъ, во второмъ договорѣ Ва- силия Димитріевича съ княземъ Серпуховскимъ встрѣчаемъ извѣстіе о выходѣ въ 7,000 рублей; изъ тѣхъ же источниковъ узнаемъ, что Нижего- родское княжество платило выходу 1,500 рублей. Извѣстна также доля каждаго изъ пяти удѣловъ, на которые раздробилось Серпуховское княжество по смерти Владиміра Андреевича: княгиня съ своего участка платила 88 рублей, князь Серпу- ховской 48 рублей съ половиною, князь Боровскій 33 рубля, князь Ярославскій 76, князь Радо- нежскій 42; князь Перемышльскій 41; съ Городца князя Семень и Ярославъ платили 160 рублей въ нижегородскій выходъ (1,500 рублей); съ Углича — 105 рублей. Здѣсь останавливаетъ насъ малость доли князя Семена Боровскаго — 33 рубля; любо- пытно также, что средства одного Городца превы- шали средства двухъ удѣловъ князей Семена и Ярослава, Боровска и Ярослава. Въ эти уроки, въ эту опредѣленную сумму, которую долженъ былъ вносить каждый удѣлъ для выхода, не входила чрез- вычайная дань, которую князья брали съ своихъ бояръ большихъ и путныхъ, по кормленію и пу- тямъ¹⁾. Это выраженіе: „брать дань по кормленію и путямъ“ также — „брать дань на московскихъ станахъ и на городѣ, на Москвѣ“, съ противоположеніемъ дани, взятой на численности людяхъ; выраженіе „по- ложить дань на волости по людямъ по силѣ“; наконецъ, выраженіе — „потянуть данью по землѣ и по водѣ“ — все эти выраженія уже показываютъ, что дань бралась не поголовно. Великій князь Ва- силій Васильевичъ пишетъ въ своемъ завѣщаніи: „Какъ начнутъ дѣти мои жить по удѣламъ, то кня- гиня моя и дѣти пошлютъ писцовъ, которые опи- шутъ ихъ удѣлы по крестному дѣлованію, обло- жать данью по сохамъ и по людямъ, и по этому

окладу княгиня и дѣти мои стануть давать въ вы- ходъ сыну моему Ивану“. Едигей въ письмѣ къ ве- ликоу князю Василю Димитріевичу говоритъ, что послѣдній во всехъ своихъ владѣніяхъ бралъ дань по рублю съ двухъ сохъ, но серебра этого не при- сылалъ въ Орду. Измѣнчивость выхода выражается обычнымъ въ княжескихъ договорахъ условіемъ: „А прибудетъ дани больше или меньше, взять ее по тому же разсчету“ и т. п. Со времени Донскаго обычною статью въ договорахъ и завѣщаніяхъ княжескихъ является то условіе, что если Богъ освободитъ отъ Орды, то удѣльные князья берутъ дань, собранную съ ихъ удѣловъ, себѣ, и ничего изъ нея не даютъ великому князю: такъ продол- жають сохранять они свое родовое равенство въ противоположность подданству, всего рѣзче обозна- ченною данью, которую князья Западной Руси уже платятъ великому князю Литовскому.

Кромѣ выхода или дани были еще другого рода издержки на Татаръ, ордынскія тягости и проторы. Таковы были ямъ — обязанность доставлять подводы татарскимъ чиновникамъ²⁾, содержаніе посла татар- скаго и его многочисленной хищной свиты³⁾; након- ецъ поѣздки князей въ Орду, гдѣ должно было дарить хана, женъ его, вельможъ и всехъ сколько- нибудь значительныхъ людей. Неудивительно, что у князей иногда не доставало денегъ и они должны были занимать ихъ въ Ордѣ у тамошнихъ бее ре- менскихъ купцовъ, а чтобы заплатить потомъ послѣдимъ, — занимать у своихъ русскихъ купцовъ; ордена долги княжескіе раздѣляются въ ихъ дого- ворахъ на долгъ бесерменскій и русскій; князь Зве- нигородскій Юрій Димитріевичъ въ договорѣ съ племянникомъ Василюемъ Васильевичемъ говоритъ: „Что я занялъ у гостей и у суконниковъ 600 ру- блей, и заплатилъ твоей ордынскій долгъ Резень-Хозѣ и Абипу въ кабалы, и на кабалахъ подписалъ это серебро, то ты спими съ меня этотъ долгъ 600 ру- блей, а съ тѣми гостями вѣдайся самъ безъ меня; я только назову тебѣ тѣхъ людей, у которыхъ я за- нялъ деньги“. Какъ средства великаго князя пре- восходили средства удѣльныхъ, видно изъ того, что онъ нерѣдко имѣлъ возможность жаловать послѣд- нихъ, позволяя имъ извѣстное время не платить вы- хода съ пѣлаго удѣла или съ части его.

Дань шла въ казну княжескую тогда только, когда не было запросовъ изъ Орды, то-есть, когда считали возможнымъ не удовлетворять этимъ за- просамъ; постоянные же доходы княжескіе состоя- ли по-прежнему въ пошлинахъ торговыхъ, суд- ныхъ и доходовъ съ земельной частной собствен- ности. Торговья пошлины въ княжескихъ договорахъ опредѣляются такимъ образомъ: князья тре-

¹⁾ С. г. г. и д. № 33: «А хто иметь жити моихъ бояръ въ твоимъ удѣлѣ, блюсти ти ихъ какъ и своихъ, дань вяти какъ и на своихъ. А коли ми вяти дань на своихъ боярѣхъ на большихъ и на путныхъ, тогда ти вяти на своихъ такъ же по кормленію и по путемъ, да дати ти мѣшъ, а то опроче того урока трехъ сотъ рублей и дватцати».

²⁾ «А коли прядетъ дань или ямъ». — С. г. г. и д. I, № 39. Въ жалованныхъ грамотахъ говорится: «Тѣмъ ихъ людямъ не надобѣ ямъ, опроче татарскаго яму». Акты, относ. до юридич. быта, I, стр. 107.

³⁾ Тамъ же, № 35, догов. Василя Дм. съ Владим. Андр. «А выдетъ Юрь съ посоломъ, и намъ то подати по розчету».

буютъ обыкновенно другъ отъ друга, чтобы новыхъ мытьевъ не замышлять, старые же, обычные мыты, состоятъ въ слѣдующихъ сборахъ: съ воза пошлины деньга, съ человѣка костокъ деньга; если кто поѣдетъ безъ воза, верхомъ на лошади, но для торговли, платитъ деньгу же; кто утаится отъ мытника, промытятся, то платитъ съ воза промыты 6 алтынъ, да заповѣди столько же, сколько бы возовъ ни было; промыта состоитъ въ томъ, когда кто объѣдетъ мытъ; если же кто проѣдетъ мытъ, а мытника у заставы (завора) не будетъ, то промыты нѣтъ; если мытникъ догонитъ купца, то пусть возьметъ свой мытъ, но промыты и заповѣди здѣсь нѣтъ. Съ лодки пошлина: съ доски два алтына, со струга алтынъ. Тамги и осмичаго берется отъ рубля алтынъ; но тамга и осмичее берется только тогда, когда кто начнетъ торговать; если же поѣдетъ только мимо, то знаетъ свой мытъ да костки, а другихъ пошлинъ нѣтъ; если же кто поѣдетъ безъ торгу, то съ того ни мыта нѣтъ ¹⁾, ни пошлинкъ.

Кромѣ означенныхъ пошлинъ, въ источникахъ упоминаются еще: гостинное, вѣсече, пудовое, пошлина съ серебрянаго литыя ²⁾, рѣзанка, шестьдесятъ, побережное ³⁾, пятно (пошлина съ положенія клейма на лошадей) ⁴⁾, пошлины съ соляныхъ варницъ (противень, плошки ⁵⁾, сторожевое медовое ⁶⁾, ѣзовое (пошлина съ рыбныхъ промысловъ) ⁷⁾, закось или закосная пошлина ⁸⁾, поважное ⁹⁾, портное ¹⁰⁾.

Изъ судебныхъ пошлинъ упоминаются: вина, поличное ¹¹⁾, безащина ¹²⁾, татинъ рубль ¹³⁾, переисудъ ¹⁴⁾ и проч. Наконецъ упоминается пошлина съ браковъ, или такъ называемая новоженная купи-

ца ¹⁵⁾, новенія, которыя упоминаются въ слове о законахъ, а въ старшихъ Константійскихъ уставахъ упоминается о немъ въ XII вѣка, но потомъ это названіе исчезаетъ, и исчезъ ли обычай, и когда именно исчезъ?—этихъ вопросовъ рѣшить не можемъ.

Мы видѣли, какою богатою земельною собственностію владѣли князья; произведенія этихъ земель не только служили для продовольствія двора, но шли также въ торговлю; на послѣднее указываетъ условіе въ договорѣ съ Рязанскимъ княземъ, чтобы съ торговыхъ людей великокняжескихъ не брали мыта ¹⁶⁾. Въ описываемое время встрѣчаются извѣстія объ оброке, который должны были платить поселенцы на земляхъ люди два раза въ годъ, весной и осенью ¹⁷⁾, на весенній и осенній Юрьевъ день ¹⁸⁾. Одно изъ важнѣйшихъ статей дохода было пчеловодство и варка меду; объ этой статьѣ князья постоянно упоминаютъ въ своихъ договорахъ и завѣщаніяхъ ¹⁹⁾. Потомъ упоминаются княжескія соляныя варницы: въ области Галицкой такъ называемая Соль ²⁰⁾, въ Перехтѣ; подлѣ Юрьева упоминается Великая Соль ²¹⁾, въ Ростовѣ—ростовская соль; на Городицѣ волжскомъ князья имѣли также соляныя варницы ²²⁾. О важности рыбной ловли для князей свидѣтельствуетъ завѣ-

¹⁵⁾ Акты Арх. Эксп. I, № 15.

¹⁶⁾ С. г. г. и д. I, № 36.

¹⁷⁾ Акты истор. I, № 25.

¹⁸⁾ Акты Арх. Эксп. I, № 19.

¹⁹⁾ С. г. г. и д. I, № 21: «А оброкомъ медовымъ городскимъ Василцева вѣданя подѣляется сивою мон. № 23: «все на трое: и боргници, и добратиньская борти». № 25: «И что медъ оброчны Василцева сталу, и что отца моего кушленне боргници подѣляче варихъ, то изъ все па трое». № 40: «А благословилъ семь сына князя Ивана, дядь семь ему Серпуховъ съ тамгою и съ мыты, и съ селы и зъ бортью и со вѣми пошлинами».

²⁰⁾ С. г. г. и д. I, № 34: Дмитрий Донской отказываетъ княгинѣ своей изъ Галича—Соль; князь Юрій Дмитриевичъ отказываетъ сыну Дмитрію Красному—Галичь съ солюю, варницами. Тамъ же, № 51.

²¹⁾ С. г. г. и д. I, № 86. Акты, относ. до юридич быта, I, стр. 88.

²²⁾ Тамъ же, № 40.—Подробности о солевареннѣ находимъ въ жалованной грамотѣ великой княгини Маріи Ярославны чухломскому Покровскому монастырю (Акты истор. I, № 49): «Что ихъ варница монастырская у Соли съ Сушленскою варницею, и кто у нихъ будетъ закиникъ монастырской, и оиъ въ той варницѣ варитъ на монастырь, какъ и на меня на великую княгиню варитъ въ моей варницѣ, безъ череду и безъ стоялицъ. Да что тугожь у нихъ Соли монастырская же ихъ полярница, на великомъ колодязѣ, да и въ иныхъ варницахъ три четвертны, нию не надобѣ съ нихъ ни противень, ни плошки, ни тамга, ни домытницы, ни иные изъ некоторыхъ пошлины не надобѣ, ни явлено; а волости мои усольскіе, и ихъ тѣни и доводчики, и игуменовыхъ варницъ дровъ не смяютъ». См. также Акты Арх. Эксп. I, № 52. Акты, относ. до юридич быта, I, стр. 445.

¹⁾ С. г. г. и д. I, № 76, договоръ съ Тверью.—Въ другомъ договорѣ съ Тверью (Акты Арх. Эксп. I, № 14):

«Съ воза по морткѣ обѣушой, а костки съ человѣка мортка; поѣдетъ на верѣ съ торговлею—морткаже, промыта съ воза по штидесать, а заповѣди шестьдесятъ одна».—Въ договорѣ съ Рязанью (С. г. г. и д. I, № 36): «Съ лодки съ доски по алтыну, а съ струга съ набои два алтына, а безъ набои деньга; а князей великихъ ладъ пошлинъ нѣтъ».

²⁾ С. г. г. и д. I, № 40.

³⁾ Акты истор. I, № 25. Шестьдесятъ должно быть то же самое, что промытъ, см. выше пр. 1-е.

⁴⁾ Тамъ же, № 15.

⁵⁾ Тамъ же, № 49. Акты Арх. Эксп. I, № 52. Акты, относ. до юрид. быта, I, стр. 107.

⁶⁾ Акты Арх. Эксп. I, № 5.

⁷⁾ Акты Арх. Эксп. I, № 18.

⁸⁾ Акты Арх. Эксп. I, № 39.

⁹⁾ Акты Арх. Эксп. № 39. «А куды архимандритъ

идеть на монастырскую службу старцевъ своихъ или довъ на ватагу или на щую службу, а поплинники догоню и поватажини поватажнаго у насъ не емдютъ».

¹⁰⁾ Тамъ же, №№ 46 и 53.

¹¹⁾ Акты истор. I, № 2.

¹²⁾ Тамъ же, № 14: «Съ виною и съ поличнымъ и съ

безащинами». Сравни. Акты Арх. Эксп. I, № 4: «А коли розмирне князю великому съ Новымъ городомъ, а тогда ихъ (людей Юрьева монастыря на Волжѣ) въ безащину не ставити, ни общѣти ихъ въ то время, но живутъ опришь въ брѣзѣ князи великаго».

¹³⁾ Акты истор. I, № 39.

¹⁴⁾ С. г. г. и д. I, № 40.

жаніе Серпуховскаго князя Владиміра Андреевича о рыбной ловлѣ подѣ Городцомъ: онъ приказываетъ двоимъ сыновьямъ, чтобъ они устроили себѣ общій ѣзъ и дѣлили добычу поровну. Одною изъ важнѣйшихъ отраслей звѣроловства была ловля бобровъ, для которыхъ у князей былъ особый разрядъ служителей (бобровники); что бобры водились тогда по близости Москвы даже, — свидѣтельствуегъ завѣщаніе князя Владиміра Андреевича, который отказывается старшему сыну бобровниковъ въ станахъ московскихъ. Выгоды отъ звѣроловства и страсть къ охотѣ придавали въ глазахъ князей большую важность ловчему и сокольничему пути, т. е. праву промыслять надъ звѣремъ и птицею; Симеонъ Гордый потребовалъ отъ братьевъ, чтобъ они уступили ему на старѣйшинство оба эти пути въ станахъ московскихъ, которые должны были находиться въ общемъ владѣніи; по завѣщанію Владиміра Андреевича, ни одинъ изъ его сыновей не смѣлъ охотиться на удѣлѣ другого безъ позволенія послѣдняго. Что охота была цсовая, свидѣтельствуегъ названіе ловчихъ — псаряни; для ловли птицъ употреблялись также и перевѣсы¹⁾. Князья посылали толпы своихъ промышленниковъ, ватаги къ Вѣлому морю и Сѣверному океану, въ страну Терскую и Печерскую за рыбую, звѣрежъ и птицею: изъ грамоты великаго князя Андрея Александровича узнаемъ, что уже тогда три ватаги великокняжескія ходили на море, со своимъ ватаманомъ (ватагаманомъ, атаманомъ); Калита даетъ жалованную грамоту печерскимъ сокольникамъ²⁾. Въ завѣщаніяхъ и договорахъ княжескихъ упоминается о конюшемъ пути, о правѣ ставить и кормить своихъ коней; Иоаннъ Калита завѣщалъ одно свое стадо сыну Семену, другое Ивану, а остальнымъ приказалъ подѣлиться сыновьямъ и женѣ поровну. Симеонъ Гордый завѣщалъ своей женѣ 50 коней ѣзовыхъ и два стада. Иоаннъ II отказалъ двоимъ сыновьямъ пополамъ стада свои коневыя, жеребцовъ и кобылицъ; Донской раздѣлилъ стада между сыновьями и женою. Владиміръ Андреевичъ Серпуховской отказалъ свое стадо сѣдельное — коней, лошаковъ и жеребцовъ, также кобылье стадо — женѣ своей. Наконецъ доходной статью для князей являются сады, къ которымъ причислено было известное число садовниковъ.

Мы видѣли, что князья пользовались остатками своихъ доходовъ для пріобрѣтенія имуществъ недвижимыхъ; о подвижности ихъ можно имѣть довольно полное понятіе изъ духовныхъ завѣщаній. Иоаннъ Калита оставилъ послѣ себя двѣнадцать цѣпей золотыхъ, три пояса золотыхъ, поясъ большой съ

жемчугомъ и съ камнемъ, поясъ золотой съ капторгами, поясъ сердоничный окованъ золотомъ, поясъ фряжскій съ жемчугомъ и камнемъ, поясъ золотой съ крюкомъ на червчатомъ шелку, поясъ золотой царевскій; двѣ чаши золотыя съ жемчугомъ, два овкача золотыхъ, двѣ чашки круглыя золотыя, двѣ чары золотыя, блюдецъ золотое съ жемчугомъ и камнемъ, десять блюдецъ серебряныхъ, два чума золотыхъ большихъ, два чумка золотыхъ меньше, коробочку золотую; послѣ первой жены его, княгини Елены, остались вещи: четырнадцать обручей, ожерелье, монисто кованное, чело, гривна. Кромѣ того, Калита упоминаегъ еще о золотѣ, которое онъ пріобрѣлъ, и о серебряныхъ сосудахъ. Изъ дорогого платья Калита оставилъ дѣтямъ: козуху червленную, жемчужную, козуху желтѣю обьяришій съ жемчугомъ, два козуха съ алами и съ жемчугомъ, коць великую съ бармами, бугай соболій съ наплечками, съ жемчугомъ и камнемъ, скорлатное портище саженое съ бармами, шапку золотую.

Все это движимое имущество раздѣлено было между тремя сыновьями и женою; вещи первой жены пошли ея дочери. Доля князя Андрея Ивановича Серпуховскаго досталась сыну его, Владиміру. Симеонъ Гордый завѣщалъ все женѣ своей, отъ которой только нѣкоторыя вещи перешли къ великому князю Иоанну II; послѣдній оставилъ послѣ себя три пконы³⁾, пять цѣпей золотыхъ, изъ которыхъ три съ крестами⁴⁾, одну шапку золотую, одиѣ бармы, четыре пояса, изъ которыхъ два съ жемчугомъ и камнемъ⁵⁾, двѣ сабли золотыя, двѣ обязи золотыя, двѣ серьги съ жемчугомъ, два чекана золотыхъ съ камнемъ и жемчугами, три овкача золотыхъ, два ковшы большихъ золотыхъ, одну коробку сердоничную, золотомъ окованную, одну бадью серебряную съ алами и съ серебряною, одинъ опашень скорлатный саженный, алашь жемчужный, наплечки золотыя съ кругами, съ камнемъ и жемчугами, алашь малый съ жемчугами, чашку золотую и стаканъ пारेградскій, кованый золотомъ⁶⁾, блюдо серебряное съ кольцами. Будущимъ зятьямъ своимъ великій князь оставилъ по цѣпи золотой и поясу золотому.

Димитрій Донской оставилъ послѣ себя одну пкону, одну цѣпь, восемь поясовъ, бармы, шапку золотую, вотову саженую, снасть золотую, наплечки, алашь, два ковшы золотыхъ⁷⁾.

Василій Димитріевичъ оставилъ своему сыну: страсти большія, крестъ патриарха Флосея, шапку Парамиппа дѣла, цѣпь крещатую, шапку золотую, бармы, три пояса, коробку сердоничную, ковшъ

³⁾ «Икона св. Александръ, икона золотомъ кована Парамиппа дѣла, икона Благовѣщенъ».

⁴⁾ «Цѣпь золоту врану съ крестомъ золотымъ, цѣнь золоту колчату, цѣнь огнивату».

⁵⁾ Между прочимъ: «поясъ золотъ сточный».

⁶⁾ Между названіемъ вещи одно полустерто: «ца золота съ камнемъ».

⁷⁾ Между прочимъ: «поясъ золотъ съ калитою, да съ тузлукъ поясъ золотъ татаръ».

¹⁾ Акты истор. I, № 2.

²⁾ Акты Арх. Эксп. I, №№ 1, 2, 3. «Отъ великаго князя отъ Ондрея къ посадникомъ и къ околничомъ (т. е. сотникомъ) и къ старостамъ. Како оемъ докончилъ съ повлгородомъ ходити тремъ ватагамъ лонмъ на море, а ватаманъ Ондрей Критичкий, отдаюеть съ погостовъ кормъ и подводи по пошаниѣ».

золотой князя Симеона Гордаго, сосудъ, окованный золотомъ, каменный сосудъ, присланный въ подарокъ отъ Витовта, кубокъ хрустальный, присланный въ подарокъ отъ Польскаго короля. Удѣльный князь Юрій Димитріевичъ Звенигородскій оставилъ послѣ себя три иконы, окованныя золотомъ, три пояса и блюдо большое двуколочное.

Великая княгиня Софья Витовтовна оставила: ящикъ съ мощами, икону, окованную на мусіи, икону Пречистыя Богородицы съ пеленою, большую икону Богородицы стѣнную съ пеленою и съ убрѣсками, икону Св. Козьмы и Даміана, икону Св. Феодора Стратилата, выбитую на серебрѣ. Кромѣ того, оставила два дубовыхъ ларчика, большой и малый, большой ящикъ и коробью съ крестами, иконами и мощами.

Великій князь Василій Васильевичъ Темный оставилъ пять крестовъ золотыхъ: одинъ изъ нихъ Петра Чудотворца, другой Нараминскій, третій патріарха Филовея; икону золотую и на изумрудѣ, шапку, бармы, сердоликовую коробку и два пояса. Изъ этого перечисленія мы видимъ, что движимое имущество великихъ князей Московскихъ вовсе не увеличивается послѣ Калиты, напротивъ—уменьшается; бѣдность завѣщанныхъ вещей особенно поражаетъ насъ въ духовной Димитрія Донскаго, сына и внука его. Такое оскуднѣніе мы должны приписать, во первыхъ, раздѣленію между сыновьями и передачѣ вещей дочерямъ, потомъ желанію князей увеличивать болѣе недвижимую собственность, чѣмъ движимую, Тохтамышеву нашествію и большимъ издержкамъ въ Ордѣ послѣ этого нашествия, большимъ издержкамъ въ Ордѣ при Василиіи Димитріевичѣ для пріобрѣтенія ярлыковъ на Нижній-Новгородъ и Муромъ, наконецъ смутному княженію Василия Васильевича и тому, что Василиій Косой и Шемяка грабили въ Москвѣ казну велико-княжескую. Золотая шапка завѣщается постоянно старшему сыну, начиная съ завѣщанія Калиты; бармы Калита не отказываетъ старшему сыну Семену, отказываетъ одежды съ бармами младшимъ сыновьямъ; но съ завѣщанія Іоанна II мы видимъ бармы постоянно въ числѣ вещей, завѣщаемыхъ старшему сыну; также, начиная съ завѣщанія Іоанна II, къ старшему сыну постоянно переходитъ коробка сердоичная, или сердоликовая, золотомъ окованная; впрочемъ, и Калита упоминаетъ о золотой коробчкѣ, которую онъ завѣщалъ княгинѣ съ дочерьми. Благословеніе иконами встрѣчаемъ впервые въ завѣщаніи Іоанна II; замѣчательно, что оружіе, именно двѣ золотыхъ сабли, встрѣчаемъ только между вещами этого князя, равно какъ двѣ серьги, завѣщанныя сыновьямъ. Въ духовной Димитрія Донскаго встрѣчаемъ очень мало платья; въ духовныхъ Василия Димитріевича и Василия Темнаго вовсе не встрѣчаемъ его. Движимое богатство князей Юго-Западной Руси состояло, какъ видно, въ тѣхъ же самыхъ вещахъ, какъ и на сѣверо-востокѣ; такъ, мы видѣли, что князь Владиміръ Васильевичъ Волинскій передъ смертію роздалъ бѣд-

нымъ все свое имѣніе: золото, серебро, дорогіе камни, золотые и серебряные пояса, отцовскіе и свои; серебряныя блюда большія и кубки золотые и серебряныя побилъ и полилъ въ гривны, такъ же поступилъ съ золотыми монетами бабки и матери своей¹⁾,

Жизнь русскаго князя на сѣверѣ и югѣ, въ описываемое время, мало чѣмъ разнилась отъ жизни прежнихъ русскихъ князей. Замѣчаемъ, что князія имена выходять изъ употребленія: князья обыкновенно называются именами, взятыми изъ греческихъ святцевъ; изъ старшихъ славянскихъ именъ употребляются такіа, которыя принадлежали Святымъ православнымъ князьямъ, каковы: Владиміръ, Борнсъ, Глѣбъ, Всеволодъ. Въ потомствѣ Константина Всеволодовича встрѣчаемъ только одного Мстислава; въ потомствѣ Ярослава Всеволодовича находимъ одного Ярослава и одного Святослава; чаще встрѣчаемъ князія имена въ областяхъ, принадлежащихъ къ старой Руси, Смоленской, Рязанской, Черниговской. Но если вышло изъ обычая давать князьямъ славянскія языческія имена, то сохранился обычай давать по два имени, хотя оба были взяты изъ греческихъ святцевъ; такъ извѣстно, что сынъ Василія Темнаго имѣлъ два имени—Іоаннъ и Тимоѳей, изъ которыхъ употреблялось только одно первое. Воспріемниками при крещеніи князей встрѣчаемъ духовныхъ лицъ: такъ владыка Новгородскій Василій Ѳзидлъ въ Псковѣ креститъ сына (Михаила) у князя Александра Мшапловича Тверскаго; митрополитъ Алексій крестилъ князя Ивана Борисовича Нижегородскаго; у Димитрія Донскаго сына Юрія крестилъ Св. Сергіи Радонежскій²⁾; у князя Василія Михайловича Кашинскаго крестилъ сына Димитрія Троицкій игуменъ Никонъ, преемникъ Св. Сергія, вмѣстѣ съ бабкою новорожденнаго, великою княгинею Евдокією³⁾; у Василія Васильевича Темнаго крестилъ сына (Іоанна) Троицкій же игуменъ Зиновій⁴⁾. На княжескія крестины бывали большіе съѣзды, пріѣзжали князья—родственники съ женами, братьями, дѣтьми и боярами⁵⁾. Обрядъ пострига сохранился⁶⁾. Касательно воспитанія князей встрѣчаемъ одно извѣстіе, что князь Михайлъ Александровичъ Тверской Ѳзидлъ въ Новгородъ къ крестному отцу своему, владыкѣ Василію, учиться у него грамотѣ⁷⁾; молодому князю было тогда семь лѣтъ. Между боярами княжескими упоминаются дядьки⁸⁾. Женились князья въ первый разъ отъ четырнадцатилѣтняго до двадцатилѣтняго возраста⁹⁾; какъ и прежде, свадьбы сопровождалась богатыми пирами; какъ вид-

¹⁾ П. С. Р. Л. II, 219.

²⁾ Никон. IV, 40. П. С. Р. Л. IV, 66.

³⁾ Тамъ же, стр. 299.

⁴⁾ Тамъ же, V, 153.

⁵⁾ Тамъ же, IV, 40.

⁶⁾ Тамъ же, III, 99. «Въсть постригъ у князя Мшаплова Ярославича тверскаго сына его Димитрею».

⁷⁾ Никон. III, 175.

⁸⁾ Акты востор. I, № 2.

⁹⁾ См. Родословныя таблицы.

но, вѣнчались князья въ томъ городѣ, гдѣ княжилъ отецъ невѣсты, у котораго былъ первый пиръ, а потомъ всѣ родные и гости пировали у женихова отца; такъ Глѣбъ Васильевичъ, князь Ростовскій, женилъ сына Михаила на дочери Ярославскаго князя Федора Ростиславича, и вѣнчаніе происходило у послѣдняго въ Ярославлѣ, куда пріѣхалъ отецъ жениховъ и много другихъ князей и бояръ; потомъ жениховъ отецъ задалъ большой пиръ въ Ярославлѣ же, почтитъ свата своего, князя Федора Ростиславича, и всѣхъ гостей — князей, бояръ и слугъ¹⁾; брачные пиры назывались кашею²⁾. Отъ обычая жениться въ городѣ отца невѣстина происходитъ выраженіе, что такой-то князь женился у такого-то князя. Но понятно, что подобный обычай могъ соблюдаться только тогда, какъ женихъ былъ еще князь молодой, ниже или равный по достоинству съ отцомъ невѣсты, и когда послѣдній былъ живъ; но если женился князь не молодой уже, или даже если молодой, но важнѣе тестя, или бралъ сироту, то женихъ не ѣздилъ самъ въ городъ невѣстинъ, а посылалъ за нею бояръ своихъ: такъ, Симеонъ Гордый, великій князь Московскій, послалъ двоихъ бояръ привезти себѣ невѣсту изъ Твери, сироту, дочь князя Александра Михайловича. Дмитрій Донской женился на дочери Нижегородскаго князя Дмитрія Константиновича, но свадьба была не въ Москвѣ и не въ Нижнемъ, а въ Коломнѣ, на половинѣ дороги, ибо изъ Москвы въ Нижній путь шель Москвою-рѣкою и Окою мимо Коломны; выборъ Коломны здѣсь объясняется тѣмъ, что оба великіе князья не хотѣли нарушить своего достоинства. Московскій не хотѣлъ ѣхать жениться въ Нижній, а Нижегородскій — не хотѣлъ ѣхать на свадьбу къ дочери въ Москву къ шестнадцатилѣтнему зятю. Такъ и Александръ Невскій, взявши дочь у Полоцкаго князя, вѣнчался съ нею въ Торопцѣ, гдѣ былъ первый пиръ, и потомъ въ Новгородѣ другой³⁾. Вѣнчали князей епископы; если въ городѣ, гдѣ женился князь, не было епископскаго стола, то приглашался для вѣнчанія тотъ епископъ, къ спархіи котораго принадлежало княжество; такъ, вѣнчать князя Василія Ярославича въ Кострому пріѣзжалъ епископъ изъ Ростова⁴⁾. Изъ завѣщанія великаго князя Іоанна II мы видимъ, что было въ обычай тестю дарить зятьевъ: такъ, великій князь назначаетъ будущимъ зятьямъ въ завѣщаніи по золотой цѣпи и по золотому поясу. Мы видѣли, что обычай давать приданое былъ уже и прежде⁵⁾; но теперь встрѣчаемъ въ источникахъ и самое это слово; такъ, Дмитрій Шемяка, въ договорѣ съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, упоминаетъ о своемъ приданомъ, кото-

рое было означено въ духовной грамотѣ его тестя и которое захватилъ братъ его Василій Косой⁶⁾. Женились князья и въ описываемое время, какъ мы уже могли усмотрѣть, въ своемъ родѣ, потомъ часто женились на княжнахъ литовскихъ и выдавали дочерей своихъ за мужъ въ Литву, иногда женились въ Ордѣ на княжнахъ татарскихъ; великій князь Василій Дмитріевичъ отдалъ дочь свою, Анну, за греческаго царевича Іоанна, сына Мануилова⁷⁾; наконецъ князья женились на дочеряхъ боярскихъ и выдавали дочерей своихъ за бояръ: дочь великаго князя Нижегородскаго Дмитрія Константиновича была замужемъ за московскимъ бояриномъ Николаемъ Васильевичемъ, сыномъ тысяцкаго Вельяминова; дочери московскаго боярина Ивана Дмитріевича были — одна за сыномъ Владиміра Андреевича Серпуховскаго, Андреемъ, другая — за однимъ изъ князей Тверскихъ⁸⁾; сынъ Донскаго, князь Петръ Дмитровскій, женился на дочери московскаго боярина Полиевкта Васильевича⁹⁾: одинъ изъ сыновей Тверскаго великаго князя Михаила Александровича женатъ былъ на дочери московскаго боярина Федора Андреевича Кошки¹⁰⁾, а внука послѣдняго была за княземъ Ярославомъ, сыномъ Владиміра Андреевича Серпуховскаго¹¹⁾. Изъ примѣра Симеона Гордаго видимъ, что князья вступали въ бракъ иногда до трехъ разъ; тотъ же великій князь Симеонъ развелся со второю женою своею Ешираксією и отослалъ ее къ отцу, одному изъ князей смоленскихъ¹²⁾; князь Всеволодъ Александровичъ Холмскій также отослалъ княгиню свою къ роднымъ въ Рязань¹³⁾.

О занятіяхъ княжескихъ въ описываемое время, по характеру источниковъ, мы имѣемъ меньше извѣстій, чѣмъ въ періодѣ предшествовавшей. Притивъ прежняго для князей прибавилась теперь новая, важная и тяжкая обязанность — это поѣздки въ Орду; Іоаннъ Калита ѣздилъ туда девять разъ; сынъ его, Симеонъ Гордый, въ кратковременное княженіе свое былъ тамъ пять разъ. Иногда князья отправлялись въ Орду и съ женами¹⁴⁾ и съ дѣтьми¹⁵⁾, иногда собиралось по нѣскольку князей и ѣхали туда вмѣстѣ¹⁶⁾; о князѣ Глѣбѣ Васильевичѣ Ростовскомъ говорится, что онъ съ молодыхъ лѣтъ служилъ Татарамъ, и много христіанъ избавилъ отъ ихъ обидъ¹⁷⁾; иногда князья должны были отправляться съ ханомъ въ походъ¹⁸⁾.

Волыскій лѣтописецъ говоритъ, что князь Даниилъ Галицкій, поѣхавши однажды провожать свое

⁶⁾ С. г. г. и д. I, № 56.

⁷⁾ Никон. V, 41.

⁸⁾ Никон. V, стр. 79 и 112.

⁹⁾ Никон. V, стр. 8.

¹⁰⁾ Никон. IV, 202.

¹¹⁾ См. выше прим. на стр. 1072.

¹²⁾ Никон. III, 183.

¹³⁾ Никон. III, стр. 198.

¹⁴⁾ Никон. III, стр. 83, 93.

¹⁵⁾ Никон. III, стр. 61.

¹⁶⁾ Никон. III, стр. 63.

¹⁷⁾ Никон. III, стр. 66.

¹⁸⁾ Тамъ же.

¹⁾ Ник. III, 65.

²⁾ П. С. Р. Л. III, 52: «Оженися князь Олександръ, сынъ Ярославъ, въ Новгородѣ, поя въ Полоцкѣ у Брячслава дчеръ, и вѣнчался въ Торопци, ту кашю чини, а въ Новгородѣ другую».

³⁾ См. выше, прим. 2.

⁴⁾ Никон. III, 45.

⁵⁾ Исторія Россіи, III, 677.

войско, убилъ на дорогѣ самъ рогатною три вепря, да отрокъ его трехъ же ¹⁾. О племянникѣ Даниловомъ, князѣ Владимірѣ Васильевичѣ Волынскомъ, говорится, что онъ былъ ловець добрый и храбрый: завидитъ вепря или медвѣдя, не станеть дожидаться слугъ, но самъ сейчасъ убьетъ всякаго звѣря ²⁾. Не знаемъ, въ такой ли степени сѣверные князья раздѣляли эту страсть къ охотѣ съ своими южными соплеменниками; мы видѣли, что князь Владиміръ Андреевичъ Серпуховской запретилъ сыновьямъ въ духовномъ завѣщаніи охотиться безъ позволенія въ чужихъ удѣлахъ; видѣли, что у князей были ловчие, пары и сокольники, которыми они дорожили; но, съ другой стороны, мы знаемъ, что для князей охота составляла также промыселъ, что они посылали безъ себя своихъ ловчихъ добывать звѣря и птицу. Такъ, въ сказаніи о Лукѣ Колоцкомъ говорится, что когда сокольники удѣльнаго князя Можайскаго Андрея Димитріевича выѣзжали, по княжескому приказу, съ ястребами и соколами на ловлю, то Лука билъ и грабилъ сокольниковъ, ястребовъ и соколовъ себѣ бралъ, и случалось это много разъ. Князь Андрей Димитріевичъ терпѣлъ, иногда и посылалъ къ Лукѣ, но тотъ приказывалъ отвѣчать ему жестоко и сурово, и самъ не переставалъ бить и грабить не только сокольниковъ, но и ловчихъ княжескихъ, отнимая у нихъ медвѣдей ³⁾. Одинъ изъ ловчихъ рѣшился отомстить Лукѣ и нашелъ удобный случай: поймавши однажды медвѣдя лютаго, онъ приказалъ вести его мимо Лукина двора; Лука, увидавши медвѣдя, вышелъ самъ къ нему съ служкою и приказалъ княжескому ловчему пустить звѣря на дворъ; тотъ воспользовался случаемъ и выпустилъ медвѣдя прежде, чѣмъ Лука успѣлъ уйти въ комнаты; звѣрь бросился на него и истерзалъ такъ, что слуги отняли его едва-живаго ⁴⁾. Изъ этого разсказа видно, что ловили большихъ медвѣдей живыми и употребляли ихъ потомъ на утѣху.

¹⁾ П. С. Р. Л. II, 192.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Никон. V, 50: «И медвѣди и съ ларми взимама къ себѣ».

⁴⁾ Это сказаніе о Лукѣ Колоцкомъ замѣчательно во многихъ отношеніяхъ: Лука былъ простой поселянщикъ, жившій въ 15 верстахъ отъ Можайска, на рѣкѣ Колочѣ; онъ шель на деревѣ икону Богородицы, отъ которой начали твориться чудеса; Лука понесъ икону въ Можайскъ, въ Москву; поведеніе появленіе ея сопровождалось чудесами, и Лука собралъ отъ приносцовъ большое богатство; разбогатѣвши, онъ построилъ себѣ на Колочѣ большой и красивый дворецъ, какъ будто князь какой, дабралъ отроковъ, вкусно пилъ, ѣлъ, ѣздилъ на охоту съ ястребами, соколами и кречетани, держалъ множество цесовъ и медвѣдей и утѣшался ими. Мы видѣли, до какой дерзости дошелъ Лука относительно своего князя. Когда медвѣдь оставилъ его чуть-живымъ, то князь Андрей Димитріевичъ пріѣхалъ къ нему немедленно и сталъ говорить ему: «Зачѣмъ ты полюбилъ бѣсовское повороще и пляску и предался плясуну? Богъ тебя прославилъ чудотворнымъ образомъ Своей Матери, а ты низшелъ къ безполезному мірскому житію; по дѣломъ твоѣмъ такъ и приключилось». Лука съ плачемъ сталъ умолять князя раскоряться его богатствомъ на дѣло богоугодное, и князь построилъ монастырь Колоцкій, гдѣ Лука постригся и умеръ въ покаяніи.

Какъ сѣверные князья проводили свой день, видно отчасти изъ одного извѣстія, именно изъ извѣстія о Суздальской битвѣ; здѣсь сказано, что великій князь Василій Васильевичъ ужиналъ у себя со всеми князьями и боярами, и пиръ продолжался до глубокой ночи ⁵⁾. На другой день, по вошествіи солида (7 июля) великій князь приказалъ служить заутреню, послѣ которой пошелъ опять уснуть. Видно, что по утрамъ къ князю являлись сыновья его, бояре и другіе люди съ разными дѣлами по управленію. Смерти княжеской предшествовало обыкновенно постриженіе въ иноки и схиму; о кончинѣ князя Димитрія Святославича Юрьевского разсказывается, что когда Ростовскій епископъ постригъ его въ иноки и схиму, то онъ внезапно лишился употребленія языка, потомъ опять сталъ говорить, и, взглянувши на епископа радостными глазами, сказалъ ему: „Господинъ отецъ, владыка Игнатій! исполни Господь Богъ твой трудъ, что приготовилъ меня на долгій путь, на вѣчное лѣто, снарядилъ меня воиномъ истинному Царю Христу, Богу нашему“ ⁶⁾. Вотъ подробное описаніе кончины великаго князя Тверскаго Михаила Александровича: уже два года прошло, какъ Михаилъ отправилъ въ Царьградъ пословъ съ милостынею къ соборной церкви Св. Софіи и къ патриарху, по своему обычаю; императоръ и патриархъ приняли и отпустили пословъ тверскихъ съ большою честью, и патриархъ отправилъ къ Михаилу своего посла съ иконою Страшнаго Суда, съ мощами святыхъ, съ честнымъ муромъ. Когда великій князь узналъ, что послы приближаются къ Твери, то велѣлъ имъ войти въ городъ; къ вечеру пришла ему мысль— встрѣтивъ икону отъ святого мѣста и принявъ благословеніе отъ патриарха, не возвращаться болѣе домой. На другой день утромъ, когда сыновья, другіе князья, бояре и разные люди ждали его съ дѣлами по обычному городскому управленію, Михаилъ не велѣлъ уже никому входить къ себѣ, а позвалъ одного епископа Арсенія, которому объявилъ о намѣреніи своемъ постричься, прося его, чтобы онъ не говорилъ объ этомъ никому другому. Несмотря на то, уже по всему городу разнесся слухъ, что Михаилъ хочетъ оставить княженіе и постричься въ монахи. Народъ изумился; иные не вѣрили, но все собирались, какъ на дивное чудо; бояре и отроки его, склоняясь другъ къ другу, проливали слезы, плакала княгиня, молодые князья, но въ присутствіи Михаила никто не смѣлъ сказать ни слова, потому что все боялись его: былъ онъ человѣкъ страшный, и сердце у него точно львиное. Между тѣмъ, послы изъ Царяграда вошли въ городъ, неся священные подарки; епископъ, все духовенство и множество народа вышли къ нимъ на встрѣчу со свѣчами и кадилами; вышелъ и самъ великій князь, съ трудомъ вставши съ постели, и встрѣтилъ пословъ на своемъ дворѣ у церкви Святаго Михаила. Поклонившись иконѣ, Ми-

⁵⁾ «И вина долго пощи». Никон. V, 198.

⁶⁾ Никон. III, 48.

халкъ приказалъ отнести ее въ соборную церковь Св. Спаса, самъ же проводилъ туда, и, когда икону поставили на приготовленное для нея мѣсто, вышелъ изъ церкви къ народу, сталъ на высокую ступень и, поклонясь на всѣ стороны, сказалъ: „Простите меня, братія и дружина, добрые сыны тверскіе! оставляю вамъ любимого и старшаго сына Ивана, пусть будетъ вамъ княземъ вмѣсто меня; любите его, какъ и меня любили, а онъ пусть соблюдасть васъ, какъ я соблюдалъ“. Народъ отвѣчалъ горькими слезами и похвалами своему старому князю, который смиренно всѣмъ опять поклонился и пошелъ на постриженіе въ Ааласевскій монастырь, гдѣ, за извѣстную плату, выпросился жить у одного монаха, именемъ Григорія. На четвертый день онъ принялъ постриженіе подъ именемъ Матвѣя, и черезъ восемь дней послѣ этого обряда умеръ ¹⁾. — Въ разсказѣ о кончинѣ князя Дмитрія Юрьевича Краснаго говорится, что его не хоронили семь дней, до тѣхъ поръ, пока прѣхалъ братъ его Дмитрій Шемяка; тогда отпѣли, положили въ колоду, засмолили ее и повезли въ Москву, для погребенія въ церкви Архангела Михаила, общемъ мѣстѣ погребенія всѣхъ потомковъ Калиты, какъ великихъ князей, такъ и удѣльных ²⁾. Великій князь Василій Васильевичъ Темный, по словамъ лѣтописца, хотѣлъ предъ смертію постричься въ монахи, но ему не дали воли; умеръ онъ въ субботу, въ третьемъ часу ночи, а на другой день, въ воскресенье, схоронили его, — слѣдовательно, безъ особенныхъ обстоятельствъ, хоронили на другой день ³⁾. На юго-западѣ погребеніе Волынскаго князя Владиміра описывается такъ: княгиня съ слугами дворными омыла тѣло, обвили его аксамитомъ съ кружевомъ, положили на сани и повезли во Владимірѣ, гдѣ поставили въ Богородичной церкви на сѣняхъ, потому что было уже поздно; на другой день совершенно было погребеніе съ обычными причитаніями ⁴⁾. Похвала доброму князю въ устахъ лѣтописца мало разнится отъ прежней; но въ ней не встрѣчаемъ извѣстныхъ словъ объ отношеніяхъ къ дружинѣ; о великомъ князѣ Василіи Ярославичѣ Костромскомъ говорится, что онъ былъ очень добродѣтеленъ, любилъ Бога отъ всего сердца безъ лукавства, былъ милостивъ, ко святымъ церквамъ прилеженъ, чтилъ много епископовъ, какъ пачальниковъ и пастырей, любилъ и чтилъ и весь священнической и монашеской чинъ; былъ незлобивъ и легко прощалъ согрѣшающихъ предъ нимъ ⁵⁾. О князѣ Глѣбѣ Васильевичѣ Ро-

стовскомъ говорится, что онъ пища и питья не щадилъ и подавалъ требующимъ, много церквей построилъ и украсилъ иконами и книгами, священнической и монашеской чинъ очень почиталъ, ко всѣмъ былъ любовенъ и милостивъ, гордости ненавидѣлъ и отворачался отъ нея какъ отъ змія; когда умеръ, то не малую жалость и плачь оставилъ по себѣ всѣмъ знающимъ его ⁶⁾.

Объ одеждѣ княжеской мы уже могли составить понятіе при исчисленіи вещей, оставшихся послѣ князей Московскихъ; въ лѣтописи, при описаніи бѣгства князя Василія Михайловича Кашинскаго, сказано, что онъ убѣжалъ въ одномъ терлнѣ и безъ кивера ⁷⁾. При описаніи наружности Волынскаго князя Владиміра Васильевича говорится, что онъ стригъ бороду ⁸⁾.

Измѣненія, происшедшія въ междукняжескихъ отношеніяхъ, должны были несрѣменно отразиться и на положеніи дружины. Осѣдность князей въ однихъ извѣстныхъ княжествахъ должна была повести и къ осѣдности дружины, которая могла теперь пріобрѣсть важное первенствующее земское значеніе въ качествѣ постоянныхъ, богатѣйшихъ землевладѣльцевъ, въ качествѣ лицъ, пользующихся наследственно правительственными должностями. Потомки Данила Александровича не трогаясь изъ Москвы; начиная съ Іоанна Калиты, всѣ Московскіе князья постоянно удерживаютъ за собою великокняжескую Владимірскую область; князья не позволяютъ чужимъ боярамъ покупать села въ своихъ волостяхъ; одни только московскіе бояре имѣютъ постоянно возможность покупать села въ области Владимірской, какъ принадлежащей постоянно ихъ князьямъ, и мы видимъ, что они пользуются этимъ правомъ. Имъ выгодно, слѣдовательно, удерживать Владимірскую область и вмѣстѣ главное, первенствующее значеніе за своими князьями, и мы видимъ, какъ они усердно объ этомъ стараются. Какъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ могущества князей Московскихъ, усиливалось значеніе бояръ ихъ, видно изъ того, что великіе князья Нижегородскій, Тверской ищутъ родственныхъ союзъ съ ними. Несмотря на скудность источниковъ, дошедшихъ до насъ отъ описываемаго времени, въ нихъ можно встрѣтить довольно ясныя указанія на усилившееся значеніе бояръ ⁹⁾. Уже было упомянуто въ своемъ мѣстѣ, какъ переселеніе бояръ съ юга въ Московское княжество помогло усиленію послѣдняго, а это самое усиленіе въ свою очередь должно было привлекать къ Московскимъ князьямъ отовсюду богатыхъ, знатныхъ и даровитыхъ бояръ; мы видѣли, какую службу отслужилъ Москвѣ пришлецъ съ юга — бояринъ волынской Воброкъ, Дмитрій Алибуртовичъ; но онъ не вдругъ перешелъ съ юга въ Москву, а сначала былъ тысяцкимъ у

¹⁾ Никон., IV, 294.

²⁾ Тамъ же, V, 152: «Положиша его въ колоду, и осмоливше съ полами повезоша его на Москву на носилехъ». — Стр. 151, въ разсказѣ о кончинѣ: «Много же тогда крикъ и вошь бысъ, и плачь неутошимъ. И погостъ мало истинше меду, и легоша въ той же горницѣ мнози у него и поуспума, единъ только діаконъ его не испилъ тогда, но легъ противу князя на другой лавицѣ зряше панъ».

³⁾ Тамъ же, стр. 290.

⁴⁾ П. С. Р. Л. II, 220.

⁵⁾ Никон. III, 60.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 66. Ср. тамъ же, стр. 99.

⁷⁾ Тамъ же, V, 43.

⁸⁾ П. С. Р. Л. II, 220.

⁹⁾ Исторія Россіи, т. III, стр. 1004, 1006; стр. 975, прим. 1.

Нижегородскаго князя Дмитрія Константиновича. Здѣсь мы видимъ, какъ извѣстное положеніе дружины на Руси способствовало усиленію одного княжества насчетъ другихъ, собранію Земли Русской: вслѣдствіе единства рода княжескаго въ древней Руси, земля сохранила свое единство; дружинники, переходя отъ одного князя къ другому, не измѣняли чрезъ это нисколько ни Русской Землѣ, ни роду княжескому, владѣвшему ею нераздѣльно. Это право свободнаго перехода дружинники удержали и на сѣверѣ; отсюда, какъ скоро они замѣчали невыгоду службы у слабаго князя и выгоду у сильнаго, то свободно переходили къ послѣднему, ибо здѣсь не было измѣны прежнему князю, а только пользованіе своимъ правомъ, признаннымъ всеми князьями; такъ, мы видѣли, что великій князь Василій Дмитріевичъ, склонивши на свою сторону дружину Нижегородскаго князя, овладѣлъ безпрепятственно его княжествомъ.

По родословнымъ книгамъ, еще съ княземъ Данииломъ Александровичемъ пріѣхалъ въ Москву вельможа Протасій, прелокъ знаменитыхъ Вельяминовыхъ; вѣрнѣе извѣстіе, что Протасій былъ тысяцкимъ при Калитѣ¹⁾, послѣ чего мы видимъ эготъ самъ наследственнымъ и для потомковъ Протасія. При одинаковой осѣдлости князей и бояръ ихъ въ другихъ княжествахъ, подобныя явленія найдемъ не въ одной Москвѣ: такъ выѣхалъ изъ Чернигова въ Тверь Борисъ Ѳеодоровичъ, прозвищемъ Половой, и былъ въ Твери бояриномъ; сынъ его также здѣсь бояриномъ; внукъ, правнукъ и праправнукъ были тысяцкими²⁾. Кромѣ Вельяминовыхъ, мы видѣли цѣлый рядъ знатныхъ фамилій, который продолжается отъ Калиты до праправнука его. Но послѣ этихъ, такъ сказать, коренныхъ московскихъ бояръ мы видимъ постоянно приплывъ пришельцевъ: пріѣзжаютъ служить Московскимъ князьямъ не только знатные люди изъ Юго-Западной Руси и изъ странъ чуждыхъ, но вступаютъ къ нимъ въ службу князя Рюриковичи съ юга и сѣвера, Гедиминовичи—изъ Литвы. Мы видѣли, къ какимъ явленіямъ иногда подавалъ поводъ пріѣздъ новаго знатнаго выходца, когорый хотѣлъ вступить въ службу къ князю только при условіи высокаго мѣста; но, чтобы дать ему это мѣсто, нужно было взять его у другого стариннаго боярина, понизитъ послѣдняго и вмѣстѣ съ нимъ цѣлый рядъ другихъ бояръ, занимавшихъ мѣста подлѣ нихъ; это называлось на тогдашнемъ языкѣ заѣздомъ,—новый выходецъ заѣзжалъ старыхъ бояръ, которые обязаны были подвинуться, чтобы дать ему высшее мѣсто. Такъ, при Калитѣ, выходецъ съ юга, Родионъ Несторовичъ заѣхалъ боярина Акинея съ то-

варщиками. Тогда Москва не взяла еще явнаго перевѣса надъ другими княжествами, Акинею можно было пренебречь ею, и разсадовавшій заѣздомъ, онъ отѣхалъ въ Тверь; но послѣ, когда Москва усилилась окончательно и боярскіе роды обжились въ ней, тогда имъ невыгодно стало отѣзжать отсюда; они, въ случаѣ заѣзда, скорѣе соглашались уступать высшее мѣсто пришельцу. Такъ, въ княженіе Донскаго, выходецъ волынской Боброкъ заѣхалъ Тимоея Васильевича Вельяминова съ товарищами, и тотъ уступилъ ему первое мѣсто; при Василіи Дмитріевичѣ литовскій выходецъ, князь Юрій Патрикѣвичъ, заѣхалъ также нѣкоторыхъ бояръ, именно: Константина Шею, Ивана Дмитріевича, Володимера Даниловича, Дмитрія Васильевича, Ѳеодора Кошкина Голтяя. Относительно этого заѣзда дошло до насъ любопытное извѣстіе: князю Юрію Патрикѣвичу князь великій мѣсто уприсилъ, когда за него далъ сестру свою великую княжну Анну (по лѣгонислямъ дочь Марью). А братъ былъ большою у князя Юрія Патрикѣвича Хованскій; и Ѳеодоръ Сабуръ, на свадьбѣ князя Юрія Патрикѣвича, брата большаго посѣлъ Хованскаго (занялъ высшее мѣсто). И Хованскій молвилъ Сабуру: „Посядь брата моего меньшаго, князя Юрія Патрикѣвича“. И Ѳеодоръ Сабуръ молвилъ Хованскому: „У того Богъ въ кикѣ, а у тебя Бога въ кикѣ нѣтъ“, да съѣлъ Хованскаго выше. „У того Богъ въ кикѣ“ значитъ: у того счастье, судьба въ кикѣ; кичка—вѣсто женщина, жена; князь Юрій получилъ высшее мѣсто по жепѣ. До насъ дошла также любопытная мѣстна я грамота Нижегородскаго великаго князя Дмитрія Константиновича: „Князь великій Дмитрій Константиновичъ Нижняго—Новгорода и Городецкой, и Курмышской. Пожаловалъ есми бояръ своихъ и князей, далъ имъ мѣстную грамоту по ихъ челобитью и по печалованію архимандрита Нижегородскаго Печерскаго, отца своего духовнаго Іоны, и по благословенію владычню Серапіона Нижегородскаго и Городецкаго, и Сарскаго, и Курмышскаго: кому съ кѣмъ сидѣть и кому подлѣ кѣмъ сидѣть. Велѣлъ садитись отъ своего мѣста тысяцкому своему Дмитрію Алибуртовичу князю Волынскому, а подлѣ Дмитріемъ садитись князю Ивану Васильевичу Городецкому, да противъ его въ скамьѣ садитись Дмитрію Ивановичу Лобанову, да въ лавкѣ же подлѣ княземъ Иваномъ князю Ѳеодору Польскому Андреевичу; да садитись боярину его Василью Петровичу Новосильцеву, да противъ въ скамьѣ садитись казначею боярину Тарасію Петровичу Новосильцеву. А пожаловалъ его боярствомъ за то, что онъ окупилъ изъ полону государя своего дважды великаго князя Дмитрія Константиновича, а въ третіе окупилъ великую княгиню Марю. Да садитись боярину князю Петру Ивановичу Березопольскому, да садитись въ лавкѣ князю Дмитрію Ѳеодоровичу Курмышскому. А къ мѣстной грамотѣ князь великій велѣлъ боярямъ своимъ и дяку руки прикладывать, а мѣстную грамоту писалъ великаго князя дякъ Петръ Давыдовъ сынъ

¹⁾ Никон. III, 136: «Яко убо позна (Св. митрополитъ Петръ) свое еже изъ міра исхожденіе и часъ увиде, призываеиъ ѣвѣгого именовъ Протасія, его же бѣ князь старѣйшину града поставилъ, князю убо тогда не прилучиша во градѣ. Вѣ же Протасей онъ мужъ честенъ и вѣренъ и всякими добрами дѣломъ украшенъ».

²⁾ Москов. сбор. 1847 года, стр. 273.

Русичъ" ¹⁾). Изъ этой грамоты мы видимъ, какъ въ каждомъ княжествѣ сильнѣйшіе князья примышляли себѣ волости, сводя ихъ князей на степень слугъ своихъ; здѣсь эти князья должны садиться ниже простыхъ бояръ, и въ началѣ грамоты бояре вообще поставлены выше князей.

Кромѣ завѣщанія Дмитрія Донскаго, и изъ другихъ извѣстій мы знаемъ, что бояре по-прежнему были думца м и князя; князь думалъ, совѣтовался съ ними о дѣлахъ ²⁾). Начиная съ Симеона Гордаго, бояре являлись свидѣтелями въ княжескихъ духовныхъ грамотахъ. Рязанскій великій князь Олегъ Ивановичъ въ одной своей жалованной грамотѣ говорить: „Посоветовавшись (сгадавъ) съ отцемъ своимъ, владыкою Василиемъ и съ своими боярами (сѣдуютъ имена ихъ), далъ ³⁾ я“ и проч.; но мы должны замѣтить, что въ грамотахъ Московскихъ князей мы этого выраженія не находимъ. Видимъ бояръ, которые пользуются особенною довѣренностію нѣкоторыхъ князей, и чрезъ это обнаруживаютъ большое вліяніе на дѣла: таковъ былъ Семень Тонилевичъ при князѣ Андрѣе Александровичѣ; бояре Федоръ Андреевичъ и сынъ его Иванъ Федоровичъ Кошка при Василии Дмитріевичѣ, Морозовъ — при князѣ Юриіи Дмитріевичѣ; мы видѣли, какъ вліяніе, переданное старикомъ Кошкою молодому (относительно) сыну своему, возбудило негодованіе старшихъ, отразившееся и въ лѣтописи.

Раздѣленіе дружины на старшую и младшую сохраняется и въ описываемое время, только съ перемѣною нѣкоторыхъ названій. Старшая дружина по-прежнему носитъ названіе бояръ, или боярня. Право бояръ на свободный отъѣздъ отъ одного князя къ другому, отъ великаго къ удѣльному, и наоборотъ, также отъ великаго къ великому же, отъ Московскаго, напримѣръ, къ Тверскому или Рязанскому, и наоборотъ, подтверждается во всѣхъ договорахъ княжескихъ. Князья обязывались въ договорахъ своихъ не сердиться на отъѣхавшихъ отъ нихъ бояръ, не захватывать ихъ селъ и домовъ, оставшихся во владѣніяхъ прежняго князя. Вслѣдствіе этого права бояръ сохранять свои недвижимыя имущества послѣ отъѣзда, въ княжескихъ удѣлахъ постоянно могли находиться волости чужихъ бояръ, несмотря на то, что князья не позволяли чужимъ боярамъ покупати селъ въ своихъ удѣлахъ; волости чужихъ бояръ могли находиться въ княжескихъ удѣлахъ еще и потому, что извѣстное княжество, напримѣръ Серпуховское, принадлежало сначала одному князю, Владиміру Андреевичу, и бояре его могли свободно покупать села по всему княжеству, но по смерти Владиміра Андреевича его владѣнія раздѣлились между сыновьями его на нѣсколько особыхъ удѣловъ, бояре его также разо-

шлись по сыновьямъ, причѣмъ легко могло случиться, что бояринъ князю служилъ старшему брату, Серпуховскому князю, а село его, по новому раздѣлу, очутилось въ удѣлѣ князя Боровскаго. Это обстоятельство заставило князей вносить въ свои договоры условіе, что бояре относительно суда и дани подвѣдомственны тому князю, во владѣніяхъ котораго живутъ, гдѣ у нихъ недвижная собственность: князья обязываются вѣдать такихъ бояръ судомъ и данью какъ своихъ ⁴⁾; но въ военное время бояре должны были идти въ походъ съ тѣмъ княземъ, которому служили; въ случаѣ же осады города, въ которомъ или близъ котораго они жили, они должны были оставаться и защищать этого городъ ⁵⁾. Въ случаѣ спорнаго дѣла между однимъ княземъ и бояриномъ другого, оба князя отсылали отъ себя по боярину для рѣшенія этого дѣла; если же посланные бояре не могли между собою согласиться, то избирали третью судью; но всякое дѣло боярина съ своимъ княземъ судить послѣдній ⁶⁾. За службу свою бояре получали отъ князей извѣстныя волости и села въ кормленіе: Іоаннъ Калита въ завѣщаніи своемъ упоминаетъ о селѣ Богородицкомъ, которое онъ купилъ и отдалъ Борису Воркову. „Если этотъ Воркову, говорить великій князь, будетъ служить которому нибудь изъ моихъ сыновей, то село оста-

⁴⁾ С. г. г. и д. I, № 27: «А коли ми будетъ и дань вѣзати на своихъ боярехъ въ великомъ княженѣи, и кто будетъ твоихъ бояръ и слугъ въ великомъ княженѣи... ми дань вѣзати, какъ и на своихъ». Тамъ же, № 28: «А кто служить вѣль или тобѣ, а живеть въ нашей вотчинѣ въ великомъ княженѣи, или въ твоей вотчинѣ въ Тѣри, и на тыхъ вѣхъ вѣзати дань, какъ и на своихъ, по целованью, безъ хитрости». — Тамъ же, № 76: «А бояромъ и слугамъ межъ насъ волнымъ воля; а дома имъ свои вѣдати, а начъ ся въ нихъ не вступати. А судомъ и данью потянуть по землѣ и по водѣ; а которыхъ бояръ и слугъ села, а имутъ жити въ наше отчинѣ, вѣзати въ на сихъ дань и судъ, какъ и на своихъ».

⁵⁾ С. г. г. и д. I, № 35: «А которые бояре твои живутъ въ нашихъ удѣлахъ и в. княженѣи, а ти бояре съ тобою; а коли ми послати своихъ военодѣ изъ которыхъ городовъ, и твои бояре поѣдутъ съ твоимъ военодоу, в твой военода съ моимъ военодоу вмѣстѣ; а хто живеть нашихъ бояръ въ твоей отчинѣ и въ удѣлѣ, а тымъ потому же». — № 37: «А хто которому князю служить; гдѣ бы ни былъ, поѣзати ему съ тѣмъ княземъ, которому служить; а городная осада, гдѣ хто живеть, тому тутъ стѣти». № 43 и 44, 45, 46, 47, 49, 50, 52. Въ видѣ исключенія является слѣдующее условіе въ третьемъ договорѣ Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ: «А коли ми будетъ послати на рать своихъ военодѣ, и твоихъ бояръ хто иметъ жити въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ княженѣи, тѣмъ поѣзати съ моимъ военодоу, а моимъ потому же съ твоимъ военодоу. А коли ми будетъ самому вѣсти на конь, а тобѣ со мною; или ти куды пошло, и твои бояре съ тобомъ». Тамъ же № 33.

⁶⁾ Тамъ же № 27: «А чего ми будетъ искати на твоихъ боярехъ, или чего искати тобѣ на моихъ боярехъ, намъ отослати отъ себе по боярину, тѣ тому дѣлу учиняи исправу; а ци о каковѣ дѣлѣ межъ собѣ спорутся, ѣхати изъ на третій, кого себѣ наберутъ, тамо ѣзавъ перемолвится». Тамъ же, № 28: «А кто будетъ слуга намъ княземъ, а шюль въ каково дѣло, а того поискави своимъ княземъ, а того своимъ судьямъ опчимъ не судяти».

¹⁾ Извѣстія Акад. Наукъ по II отд. т. V, стр. 351. — Копія съ грамоты князя Дмитрія Константиновича въ государствъ. Архивѣ при дѣлѣ Волынскаго.

²⁾ Никон. У, 214: «Князь же Дмитрій (Шемяка), обдумавъ съ бояря своими, рече».

³⁾ Акты истор. I, № 2.

нется за нимъ; если же перестанетъ служить дѣтямъ моимъ, то село отнимуть¹. Касательно пользования доходами съ кормленій Симеонъ Гордый распоряжается такъ въ своемъ завѣщаніи: „Если кто-нибудь изъ бояръ моихъ стаетъ служить моей княгинѣ, и будетъ вѣдать волости, то обязанъ отдавать княгинѣ моей половину дохода (прибытка)². Димитрій Донской съ двоюроднымъ братомъ своимъ Владиміромъ Андреевичемъ уговорились такъ относительно боярскихъ кормленій: „Если бояринъ поѣдетъ съ кормленія, отъ тебя ли ко мнѣ, отъ меня ли къ тебѣ, не отслуживъ службы, то дать ему кормленье по исправѣ, т.-е. за то только время, какое онъ находился въ службѣ, или онъ обязанъ отслужить службу³. До насъ дошли ввозныя, или послушныя грамоты, дававшіяся при пожалованіи кормленіемъ; въ нихъ приказывалось жителямъ отдаваемого въ кормленіе волости чтить и слушаться посланнаго къ нимъ на кормленіе; послѣдній вѣдаетъ ихъ и судить, и тиунамъ своимъ ходить у нихъ велить, а доходъ долженъ брать по наказному списку; волости жаловались въ кормленіе съ мытами, перевозами, со всеми намѣстничьими доходами и съ пошлиною⁴).

Между самими старшими членами дружины, между боярами, встрѣчаемъ различіе: встрѣчаемъ названіе большихъ бояръ. Лѣтоисецъ говоритъ, что послѣ убійства тысяцкаго Алексѣя Петровича Хвоста большіе московскіе бояре отъѣхали въ Рязань⁵). Димитрій Донской требуетъ отъ двоюроднаго брата своего Владиміра Андреевича, что, въ случаѣ если онъ, великій князь, возьметъ дань на своихъ боярахъ, на большихъ и на путныхъ, то и удѣльный князь долженъ также взять дань на своихъ боярахъ, смотря по кормленію и по путямъ, и отдать ее великому князю⁶). Великій князь Василій Васильевичъ договаривается съ Шемякою, что если общіе судьи ихъ не согласятся, то берутъ себѣ третьяго судью, для чего берутъ сперва изъ бояръ великокняжескихъ двоихъ, да изъ бояръ Шемяки одного большаго⁷). Кромѣ упомянутаго условія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ, мы не встрѣчаемъ больше названія большихъ бояръ вмѣстѣ съ путными; но вмѣстѣ съ путными боярами, или путниками, встрѣчаемъ, на первомъ мѣстѣ, бояръ введенныхъ. Относительно этихъ введенныхъ и путныхъ бояръ мы постоянно встрѣчаемъ условіе, что когда, въ случаѣ городской осады, бояре обязаны садиться въ осаду или защищать тотъ городъ, въ которомъ живутъ, бояре введенные и путники избавляются отъ этой обязанности⁸). Кромѣ того,

о путныхъ боярахъ въ договорѣ великаго князя Василя Димитріевича съ Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ встрѣчаемъ условіе: „Если намъ взять (дань) на своихъ боярахъ на путныхъ, то тебѣ взять на своихъ боярахъ на десяти⁹. Въ жалованной грамотѣ великаго князя Василя Васильевича Троицкому Сергію монастырю, въ 1453 году, читаемъ: „Если кто стаетъ чего искать на игуменскомъ приказчикѣ, то сужу его я, князь великій, или мой бояринъ введенный“¹⁰). Въ родословной Кикиныхъ говорится, что Логгинъ Михайловичъ Кикинъ былъ у великаго князя Димитрія Иоанновича бояринъ введенный и горододержавецъ, держалъ города Волокъ и Торжокъ безъ отмики; сынъ Логгина, Тимофей, называется также бояриномъ введеннымъ¹¹).

Объяснитъ значеніе этихъ названій: бояринъ введенный и путный—мы можемъ только по соображенію съ другими подобными же названіями. Мы видѣли, что въ одной грамотѣ на мѣстѣ бояръ введенныхъ находятся большіе, изъ чего имѣемъ основаніе заключать, что оба эти названія были равнозначущи. Послѣ встрѣчаемъ названіе дьяковъ введенныхъ. Что же касается различія между боярами введенными или большими и путными, то его можно усмотрѣть въ приведенномъ мѣстѣ изъ договора Димитрія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ: „Если великій князь возьметъ дань на своихъ боярахъ, на большихъ и на путныхъ, то и удѣльный князь долженъ также взять дань на своихъ боярахъ, смотря по кормленію и по путямъ“. Значитъ, большой бояринъ, или введенный былъ именно горододержавецъ, получавшій города, волости въ кормленіе; путный же бояринъ получилъ содержаніе съ извѣстныхъ доходныхъ статей княжескихъ, или такъ называемыхъ путей. Бояринъ путный долженъ былъ имѣть поэтому какую-нибудь прядорную должность: конюшій бояринъ, напримѣръ, пользовался доходами съ волостей, определенныхъ на конюшій путь. Старинное слово путь и настоящее наше доходъ (отъ доходитъ) выражаютъ одно и то же представленіе¹²).

Встрѣчаемъ въ описываемое время и названіе окольничаго: такъ оно находится въ грамотѣ Смоленскаго князя Федора Ростиславича 1284 г., въ договорной грамотѣ Симеона Гордаго съ братьями Серпуховской князь Владиміръ Андреевичъ сдѣлалъ намѣстникомъ въ Серпуховѣ окольничаго своего, Якова Юрьевича Новосильца¹³); въ разсказѣ о битвѣ съ Бегичемъ упоминается московскій окольничій Тимофей (Вельяминовъ). Въ жалованной грамотѣ Рязанскаго князя Олега Ивановича Ольгову монастырю, въ числѣ бояръ, съ которыми совѣтовался при этомъ князь, упоминается Юрій окольничій. Этотъ Юрій занимаетъ

¹) Акты юридич., стр. 177.

²) Никои. III, 208.

³) С. г. г. и д. I, № 33.

⁴) Тамъ же, № 52.

⁵) С. г. г. и д. I, № 37: «А городная осада, гдѣ кто живеть, тому туго съйти, опричь путныхъ бояръ». № 43: «опричь путныхъ бояръ»; № 45: «опричь бояръ введенныхъ и путниковъ»; № 46: «опроче бояръ и путниковъ»; № 47: «опроче путныхъ бояръ»; № 49 тоже; № 52: «опроче бояръ введенныхъ и путниковъ».

⁶) Акты Арх. Эксп. I, № 51.

⁷) Сямбир. сборникъ, введеніе къ бумаг. Кикиныхъ.

⁸) Котошихина о ключникахъ, о дьякахъ Никои. VI, 151.

⁹) Литовск. путникахъ въ акт. Запад. Россіи, III, № 19.

¹⁰) Никои. IV, 38.

здѣсь шестое мѣсто, изъ чего можно заключить, что окольные и въ описываемое время, какъ послѣ, хотя и причислялись къ старшей дружинѣ, составляли вмѣстѣ съ большими боярами (послѣ просто съ боярами) думу княжескую, однако занимали второстепенное мѣсто. Въ числѣ бояръ въ означенной Ольговой грамотѣ упоминается Манасія дьякъ, занимающій мѣсто выше окольного, и Юрий чашникъ, слѣдующій за окольнымъ. Въ другой рязанской грамотѣ выше чашника встрѣчаемъ названіе стольника, которое встрѣчается и въ московскихъ грамотахъ¹⁾. Эти оба званія опредѣляются легко изъ самыхъ словъ, указывающихъ прямо на должность; но что была за должность окольного? На нее мы встрѣчаемъ указаніе въ позднѣйшихъ источникахъ, изъ которыхъ видимъ, что окольный употреблялся въ походахъ царскихъ, ѣздилъ передъ государемъ по станамъ, и при этомъ случаѣ иногда въ окольные назначались дворяне — ясный знакъ, что здѣсь окольный представлялъ уже не чинъ только, а должность²⁾. Если мы сравнимъ это извѣстіе о значеніи окольныхъ съ извѣстіями о значеніи бояръ путныхъ, то будемъ имѣть основаніе принять ихъ за тождественныя, тѣмъ болѣе что въ какомъ отношеніи прежде находятся путники къ боярамъ большимъ или введеннымъ, въ такомъ же отношеніи послѣ находимъ окольныхъ къ боярамъ. Младшая дружина, въ противоположность старшей, боярамъ, носитъ общее названіе слугъ и дворянъ; но въ большей части памятникоевъ выдѣляются составныя части младшей дружины, и первое мѣсто здѣсь, второе послѣ бояръ, занимаютъ дѣти боярскія, — названіе, показывающее ясно, изъ кого составлялся этотъ высшій отдѣлъ младшей дружины. Дѣти боярскія имѣютъ одинакое положеніе съ боярами относительно права отъѣзда и волостей, не имѣя только права участвовать въ думѣ княжеской.

Второй отдѣлъ младшей дружины составляютъ собственно такъ называемые слуги, слуги вольные, люди дворные³⁾, которые, по тогдашнему выраженію, бывали въ кормленьи и въ доводѣ, и ко-

¹⁾ Акты истор. I, № 36; Акты Арх. Эксп. I, № 21.

²⁾ Дворцовые разряды, т. I, стр. 491: «Предъ государемъ посланъ по станомъ окольный Феодоръ Васильевичъ Головицъ». Стр. 615: «А въ окольныхъ, передъ государемъ, были дворяне». Что окольные принадлежали къ старшей дружинѣ, была боярами, видно ясно изъ нѣсколькихъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ, наприм.: «отъ великаго государя бояромъ нашимъ — окольному (Морову) да дворецкому (Вутурлину)». Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣл. Дѣла польскаго двора, № II, стр. 254. Или: «Нисахъ кп. велики къ Менглигрею царю, чтобы Менглигррей парь боярина его и окольного Костянтина Зоболоцкаго къ нему отпустилъ». Тамъ же, дѣла Крымск. № III, стр. 24.

³⁾ С. г. г. и д. I, № 61: «Бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ межъ насъ вольнымъ воля». № 83: «А что которые мои бояре и дѣти боярскіе, и слуги мои». Акты Ист. I, № 81: «Князи мои и бояре и дѣти боярскіе, и люди дворные». — С. г. г. и д. I, № 1: «А изъ Бѣжины, княже, людей не выводи ни князину твою, ни бояромъ твоимъ, ни дворянамъ твоимъ». № 3. «Ни боярамъ твоимъ, ни слугамъ твоимъ».

торые, относительно свободнаго отъѣзда, имѣли одинакое право съ боярами и дѣтими боярскими⁴⁾, отличаясь отъ послѣднихъ происхожденіемъ. Отъ этихъ слугъ вольныхъ отличались слуги другого рода, промышленники и ремесленники, какъ-то: бортники, садовники, псары, бобровники, бараши, дѣлюи, которые пользовались княжескими землями. Московскіе князья обязываются не принимать ихъ въ службу, блюсти за одно, земель ихъ не покупать. Если кто изъ этихъ слугъ не захочетъ жить на своей землѣ, то самъ можетъ уйти прочь, но земли лишается, — она отходитъ къ князю. Такого рода слуги обыкновенно называются въ грамотахъ слуги подъ дворскимъ, ибо находились подъ вѣдомствомъ дворскаго; этимъ названіемъ отличаются они отъ вольныхъ слугъ перваго разряда, которые бывали въ кормленіи и въ доводѣ⁵⁾. Наконецъ, у князей встрѣчаемъ невольныхъ слугъ, холопей, которые могли употребляться въ тѣ же самыя должности, въ какихъ находились и слуги подъ дворскимъ⁶⁾, равно и въ высшія должности, по домовому и волостному управленію, напр. въ тѣны, поселскіе, ключники, старосты, казначей, дьяки; всѣ эти должностныя лица назывались большими людьми, въ отличіе отъ простыхъ холопей, меньшихъ людей. Названіе гриди, гридѣба — исчезаетъ, но встрѣчается еще иногда названіе мужа⁷⁾.

На юго-западѣ встрѣчаемъ также бояръ, слугъ и слугъ дворныхъ; между боярами встрѣчаемъ луч-

⁴⁾ С. г. г. и д. I, № 61: «Бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ межъ насъ вольнымъ воля». № 76: «А боярамъ и слугамъ межъ насъ вольнымъ воля, а домы явъ свои вѣдати, а намъ ся въ нихъ не вступати. А судомъ и данью потягати по землѣ и по водѣ, а которыхъ бояръ и слугъ села, а икутъ жити въ вашей отчинѣ, вьяти вы на нихъ дань и судъ, какъ и на своихъ». № 23.

⁵⁾ С. г. г. и д. I, № 27: «А которыя слуги потягли къ дворецкому тѣхъ ны въ службу не примати, но блюсти ны ихъ съ одного». № 33: «А земля ихъ не кунити». № 40: «А тѣхъ бортниковъ, или садовниковъ, или псарей, или бобровниковъ, или барашовъ, дѣлюевъ не вьсхочетъ жити на тѣхъ земляхъ, ниъ земли лишенъ, поиди прочь, а сами сыну князю Ивану по надобѣ, на котораго грамоты полные будутъ, а земли ихъ сыну князю Ивану. А бояромъ и слугамъ, кто будетъ не подъ дворскимъ, вольнымъ воля. А кто будетъ подъ дворскимъ слуге, тѣхъ дѣти мои премежи себе не принимаютъ».

⁶⁾ С. г. г. и д. I, № 21: «А что моихъ бортниковъ и оброчниковъ купленныхъ, которыхъ въ которой рошине, то того (сила). — А что моя люди куплены въ великомъ свертѣцѣ, а тыми ся подѣлятъ сынове мои». № 24: «А что моихъ людей дѣловыхъ или кого буди привкушалъ, или хто ми ся будетъ въ винѣ досталъ, также мои тивуны, и поселскіе, и ключники, и старосты, или хто ся будетъ у тѣхъ людей женилъ, всѣмъ тѣхъ людямъ далъ есмь волю, куды имъ любю». № 25: «А хто будетъ казначеевъ и тивуновъ и поселскихъ или хто будетъ моихъ дьяковъ, что будетъ отъ мене вѣданъ прибытокъ ли который, или хто будетъ у тѣхъ женился, тѣ люди не надобни моимъ дѣтемъ, далъ есмь имъ волю. Также хто будетъ моихъ людей полныхъ, купленныхъ, грамотныхъ, далъ есмь имъ свободу». № 83: «А что у меня у в. княгини колкое людей моихъ ни есть и большихъ и меньшихъ, и азъ ихъ всѣхъ пожаловала, ослободила».

⁷⁾ Акты истор. I, № 2: «Коя ставили прадѣды наши Св. Богородицу, князь великій Изъгварь, князь Олегъ князь Юрьи, а съ ними бояръ 300, а мужей 600».

нихъ бояръ; между слугами—дворными дѣтей боярскихъ¹⁾. Со времени литовскаго владычества названіе бояръ для старшихъ членовъ дружины остается въ областяхъ русскихъ, но при дворѣ великокняжескомъ оно исчезаетъ, замѣняется названіемъ паны, паны рада. До насъ дошли жалованная грамоты великихъ князей Литовскихъ вступившимъ къ нимъ въ службу русскимъ дружинникамъ. Если кто-нибудь изъ вельможъ литовскихъ свидѣтельствовалъ предъ великимъ княземъ о знатности выходца, то послѣдняго принимали и при дворѣ литовскомъ соответственно его прежнему значенію, какъ челоуѣка родовитаго и рыцарскаго, равняли его въ правахъ съ князьями, панами и шляхтою хоругвенною. Новый слуга обязывался быть вѣрнымъ великому князю: съ кѣмъ послѣдній будетъ миренъ, съ тѣмъ и онъ долженъ быть миренъ, и наоборотъ, и отправлять военную службу вмѣстѣ съ прочюю шляхтою—князьями, панами и землянами. Изъ этого мы видимъ, какъ раздѣлялись и назывались служилые люди (шляхта) при дворѣ великихъ князей Литовскихъ. Дошли до насъ присяжная грамоты и тѣхъ вельможъ, которымъ великіе князья Литовскіе давали держать города: новый державецъ обязывался держать городъ вѣрно, не передавать его никакому другому государству, кромѣ великаго княжества Литовскаго; въ случаѣ смерти великаго князя,—городъ сдать его преемнику²⁾. О богатствѣ южно-русскихъ, именно галицкихъ, бояръ можно имѣть понятіе изъ извѣстія о взятіи двора боярина Судислава, гдѣ найдено было много вина, овощей, корма, коній, стрѣлъ³⁾. Что бояре на югѣ получали отъ князей волости, объ этомъ источники описываемаго времени говорятъ ясно; Даниилъ Романовичъ не велитъ принимать черниговскихъ бояръ, а раздавать волости галицкимъ только; и, вслѣдъ за тѣмъ, встрѣчаемъ извѣстіе, что доходы съ коломыской соли шли на раздачу оруженникамъ⁴⁾. Вольному Волынскому князю Владиміру донесли, что брать его Мстиславъ, еще не вступивъ въ управленіе княжествомъ, уже раздастъ боярамъ города и села⁵⁾. Отъ временъ литовскихъ дошли до насъ извѣстія о жалованіи слугъ землями въ вѣчное владѣніе⁶⁾;

¹⁾ П. С. Р. Л. II, 207, 110: «Другіи башеть дворный его слуга, любими слыиъ боярскій».

²⁾ Акты, относ. къ истор. Зап. Россіи, I, № 37, 53.

³⁾ П. С. Р. Л. II, стр. 169.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 179.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 214.

⁶⁾ Акты, относящ. къ истор. Зап. Рос. I, № 6; 1383 г.: «Милостюю Вожею, мы велики князь Витовтъ вѣдомо чинимъ каждому доброму, кто коли на сесь листь позаритъ, аже есмо допустили садити село княжую Луку, на сырѣхъ корени, у подолокской земли, у камешецкомъ поутѣ, Василеви Карачовскому, слугѣ нашему; а дали есмо ему во воини лѣсы и въ дубровами, и съ полями и сѣножатми и въ лугами, и во всеми позятки, ему и дѣтемъ его и всякъ его потомкомъ, на вѣки вѣчныя».—Иногда волости давались съ правомъ выкупа за извѣстную сумму, напр. № 22: «Дали есмо сюю нашу грамоту Ведриху, што держитъ отъ насъ двѣ селци, на тыи двѣ селци записали есмо сею нашею грамотою шестьдесятъ копъ—

при этихъ пожалованіяхъ опредѣляется обязанность пожалованнаго являться на службу съ извѣстнымъ количествомъ вооруженныхъ слугъ⁷⁾. Имѣнія даются въ вѣчное владѣніе съ правомъ передать ихъ по смерти дѣтямъ и ближнимъ, съ правомъ продать, подарить, распорядиться ими, какъ сочтутъ для себя полезнѣе; впрочемъ Олгердовъ внуку, князю Андрей Владиміровичъ, пишетъ въ своей духовной, что бояре, которымъ онъ далъ имѣнія, должны съ этихъ имѣній служить женѣ его⁸⁾. Боярскія вотчины въ Юго-Западной Руси издавна были свободны отъ дани, не были тяглыми; въ Смоленскѣ дань (посощина) шла только съ тѣхъ имѣній боярскихъ, которыя были пожалованы великимъ княземъ Витовтомъ и его преемникамъ.

По привилегіи Казимира Ягелловича, данной литовскимъ землямъ въ 1457 году, князья, паны и бояре могли выѣзжать въ чужія земли, кромѣ земель непріятельскихъ, для приращенія своего состоянія и для подвиговъ воинскихъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобъ въ ихъ отсутствіе служба великокняжеская съ ихъ имѣній нисколько не страдала. Имуществами отчанными или пожалованными отъ Витовта они имѣютъ право владѣть такъ, какъ князья, паны и бояре польскіе владѣютъ своими имуществами, имѣютъ право ихъ продать, промѣнять, отчудить, подарить и всячески на свою пользу употребить. Подданные ихъ освобождаются отъ всякихъ податей, платежей, поборовъ и серебпизны, отъ мѣръ, которыя называются дяклями, отъ подводъ, отъ обязанности возить камень, бревна, дрова для обжиганія кирпичей или извести, отъ кошения сѣна и проч., исключая работъ, необходимыхъ для построенія новыхъ крѣпостей и поправки старыхъ; остаются также въ силѣ старыя повинности: постоя, поборы, постройки новыхъ мостовъ, поправки старыхъ, исправленіе дорогъ. Ихъ люди зависимы и невольные не могутъ быть принимаемы ни великимъ княземъ, ни его чиповниками. Если будетъ жалоба на кого-нибудь изъ людей ихъ, то великій князь не посылаетъ своего дѣикаго, но прежде будетъ потребована управа у господина, которому виноватый принадлежитъ, и только въ томъ случаѣ, когда въ назначенный срокъ управа не будетъ учинена, дѣицкій посылается, но виноватый платитъ за вино только своему господину, а не кому-либо другому⁹⁾.

подольскими полугрошники; коли же быхомъ хотѣли тыи двѣ селци либо сами узяти у него, или кому приволиа быхомъ выкупити, и тогда имѣмъ дати ему за ты двѣ селци шестьдесятъ копъ». № 32.

⁷⁾ Тамъ же, № 36: «А панъ Петръ съ того имѣнья имаеть служити нами двѣма конья». № 45: «А съ того панъ имають служити и палимъ намѣстникомъ двума стрѣлцана заволаную войну, яко ииіи земляне служатъ».

⁸⁾ Тамъ же, № 46.

⁹⁾ Тамъ же № 59: «Тое имѣнье изъ вѣка боярское, а не тягловъ».—№ 55: «То старина за Витовта была, повѣдаютъ стары старцы и путники стары: зъ отчину боярскихъ не давана посощина, и тожь съ купли, хто што купитъ отчину боярскую, и съ того тожь не давана посощина; а што прдади великаго князя Витовта, или иишихъ в. князей, и съ того давана посощина. А токожь

Мы видѣли на сѣверѣ, въ числѣ бояръ, — окольничихъ, стольниковъ, чашниковъ. Встрѣчаемъ также должность конюшаго, дворскаго. Въ современныхъ источникахъ указана только одна обязанность дворскаго: вѣдать слугъ княжескихъ — мастеровыхъ и промышленныхъ, но конечно дѣятельность его этимъ не ограничивалась. Встрѣчаемъ казначея, ключниковъ, тиуновъ: всѣ эти должностныя лица могли быть изъ свободныхъ и изъ холопей. Относительно ключниковъ свободныхъ въ завѣщаніи князя Владиміра Андреевича Серпуховскаго находимъ слѣдующее распоряженіе: „Что мои ключники некупленные, а купили деревни за моиѣ ключемъ, сами ключники дѣтямъ моимъ ненадобны, а деревни къ дѣтямъ моимъ“ Въ разсказѣ о Мамаевомъ побойщѣ встрѣчаемъ рынду, который тутъ имѣеть обязанность возить великокняжеское знамя¹⁾. Изъ лицъ правительственныхъ находимъ древній санъ тысяцкаго и видимъ его уничтоженіе въ Москвѣ при Дмитріи Донскомъ. Не встрѣчаемъ болѣе посадниковъ: вмѣсто нихъ находимъ намѣстниковъ, волостей, становщиковъ и околичниковъ, которые различались другъ отъ друга обширностію и важностію управляемыхъ участковъ. Въ жалованныхъ грамотахъ обыкновенно говорится, что намѣстники и волостели не въѣзжаютъ въ извѣстныя волости, не судятъ тамошнихъ людей и не посылаютъ къ нимъ ни за чѣмъ. Великій князь Василій Дмитріевичъ требуетъ отъ дяди своего Владиміра Андреевича, чтобы тотъ не судилъ судовъ московскихъ безъ великокняжескихъ намѣстниковъ; если, въ отсутствіи великаго князя изъ Москвы, подастъ ему просьбу Москвичъ на Москвича, то онъ даетъ пристава и посылаетъ къ своимъ намѣстникамъ, которые должны разобрать дѣло вмѣстѣ съ намѣстниками удѣльнаго князя.

кому даетъ великій князь пустошину, селище пососниное, а служба будетъ одна была съ того селища, и сядетъ самъ бояринъ на томъ селищи, и людей што за собою посадитъ на томъ селищи: съ того господарю конемъ служить и на прѣздъ конь даетъ, а пососинны и съ тыхъ людей не даетъ. А прійметъ ли другое селище, съ которою пососина хаживала, и посадитъ человекъ: съ того дають пососину; а што будетъ лѣсъ тогожъ селища ни коли не паханая, и тотъ лѣсъ распашетъ и посадитъ людей: и съ тыхъ людей штъ пососинны. Такожъ которому коли борину даль будетъ селища пососинны в. к. Витовтъ, или миши в. князя, и тотъ бояринъ посадитъ слуги своя на тыхъ селищахъ, которымъ же служатъ отпустилъ будетъ в. князь не давать пососинны, а будутъ на то листы имѣти, а либо добрый договоръ: ты не имаетъ давать пососинны; а которымъ слугамъ не отпустилъ будетъ в. князь пососинны, ты имаетъ давать пососину. Такожъ о боронины гоны повѣдала тыиже старци: гдѣ берегъ великаго князя суженный съ боярскими, тутъ гонити, боры боровникомъ и великаго князя и боярскимъ, и подѣляти боры по старому; а сѣть, и розковъ, и осокъ, и собакъ боролъ не держать, и кололоды, и кошовъ не ставити. А гдѣ князские или боярские берегы ихъ особины, а в. князя берегъ не пришлоу будетъ къ которымъ і тутъ имъ ставити кололоды и кони, и собаки держать и сѣти; какъ мога, такъ имъ бобра ловити». — Привилегія 1457 года см. у Дьялыскаго. — *Zbiór praw Litewskich*, p. 28.

¹⁾ Никон. IV, III.

Тиуны являются съ прежнимъ значеніемъ. При разбирательствѣ дѣлъ употреблялись чиновники: приставы, доводчики; селами управляли поселские, о которыхъ намъ прямо извѣстно, что они могли быть изъ несвободныхъ слугъ княжескихъ; для письменныхъ дѣлъ употреблялись дьяки и подъячие²⁾; дьяки употреблялись также и для дѣлъ посольскихъ; такъ, Шемяка послалъ въ Казань дьяка своего Федора Дубенскаго стараться о томъ, чтобъ великаго князя Василія Васильевича не выпускали изъ плѣна. Описанъ земель производились писцами. Для сбора разнаго рода податей существовалъ рядъ чиновниковъ подъ названіемъ данщиковъ, боровщиковъ (отъ бора), бѣльщиковъ (отъ бѣлки), ямщиковъ (отъ яма), бобровниковъ, закосниковъ, бортниковъ³⁾.

На юго-западъ до литовскаго владычества встрѣчаемъ званія: дворскаго, который имѣеть здѣсь важное значеніе и въ мирѣ, и на войнѣ: дворскій Григорій въ Галичѣ, вмѣстѣ съ епископомъ Артемиемъ, является на первомъ планѣ: оба противятся князю Даниилу Романовичу и потомъ оба являются къ нему съ предложеніемъ принять городъ⁴⁾. Знаменитый Андрей, дворскій Данила, является на первомъ планѣ въ походахъ; по всему видно, что, вслѣдствіе вліянія соедѣнныхъ государствъ, Польскаго и Венгерскаго, дворскій въ Галичѣ имѣеть важное значеніе палатина. Важнымъ сановникомъ является на югѣ печатникъ (канцлеръ); печатникъ Кирилль посланъ былъ князьями Даниломъ и Василькомъ въ Вакоту исписать грабительства бояръ и угнать землю; печатника встрѣчаемъ и въ Смоленскѣ, въ концѣ XIII вѣка⁵⁾. Видимъ и въ Москвѣ печатника, которымъ при Дмитріи Донскомъ былъ знаменитый священникъ Митяй. Встрѣчаемъ и на югѣ стольниковъ⁶⁾. Встрѣчаемъ съ дѣльничаго, но въ другомъ высшемъ значеніи, чѣмъ прежде⁷⁾; находимъ новое названіе снузниковъ, подлѣ бояръ⁸⁾; писецъ на югѣ употребляется въ томъ же значеніи, въ какомъ дьякъ на сѣверѣ⁹⁾.

Таковъ былъ составъ дружины и собственно двора княжескаго на сѣверѣ и югѣ. Но, кромѣ означенныхъ званій и раздѣленій, и здѣсь, и тамъ, въ описываемое время входятъ въ число княжескихъ слугъ князя же племени Рюрикова и Гедиминова, лишенные своихъ владѣній, или, по крайней мѣрѣ, лишенные правъ независимыхъ владѣльцевъ. Вначалѣ, въ описываемое время, эти князья не вхо-

²⁾ Тамъ же, V, 200, 278.

³⁾ Акты истор. I, № 13, 36; Акты Арх. Эксп. I, № 9.

⁴⁾ П. С. Р. Л. II, 175.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 179; С. г. г. и д. II, № 3.

⁶⁾ П. С. Р. Л. II, 179.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 170; ср. Исторія Россіи, т. III, стр. 685.

⁸⁾ Тамъ же, стр. 165: «Приде вѣсть Данилу, яко Ростиславъ сошелъ естъ на Литву со всѣми бояры и съ дузники». Стр. 195: «снужникомъ же сранившимъ не стерпша».

⁹⁾ Тамъ же, стр. 215.

дять еще въ общій служебный распорядокъ, составляютъ особый отдѣлъ дружины, причемъ, хотя не вездѣ, становятся выше бояръ. Князья уславливаются другъ съ другомъ, что, въ случаѣ отъѣзда, князья служебные лишаются своихъ вотчинъ¹⁾. Что же касается происхожденія остальныхъ членовъ дружины, то на сѣверѣ она наполнялась выходцами изъ Южной Руси, изъ Литвы, изъ Орды и даже изъ Германіи. На югѣ, во Владимірѣ-Волынскомъ видимъ нѣща Марколыта съ важнымъ значеніемъ²⁾; тамъ же въ службѣ князя Владиміра Васильковича видимъ Кафилата, выходца изъ Силезіи³⁾, потомъ Прусса⁴⁾. Въ смутное время въ Галичѣ важнаго значенія достигъ бояринъ Григорій, внукъ священника; вмѣстѣ съ нимъ упоминаются Лазарь Доможиричъ и Иворъ Молибожичъ, люди низкаго происхожденія (племени смердя); но было ли это явленіе слѣдствіемъ смутнаго времени, или могло случиться и при обыкновенномъ порядкѣ вещей—этого рѣшить нельзя⁵⁾. Мы видимъ, что люди знатнаго происхожденія, но не достигшіе еще званія члена старшей дружины, образуютъ особый отдѣлъ въ младшей дружинѣ подъ именемъ дѣтей боярскихъ.

Кромѣ дружины, войско по-прежнему составлялось и изъ городовыхъ полковъ; полки, составленные изъ московскихъ жителей, упоминаются въ княжескихъ договорахъ обыкновенно подъ именемъ московской рати; Василій Васильевичъ Темный вывелъ противъ дяди Юрія московскихъ гостей и другихъ жителей. Въ жалованной грамотѣ Василія Темнаго Троицкому Сергіеву монастырю говорится о сельчанахъ, обязанныхъ береговою службою⁶⁾. На югѣ Ростиславъ Михайловичъ Черниговскій собралъ въ Перемышлѣ многихъ смердовъ для войны съ Данииломъ Галицкимъ⁷⁾, причемъ лѣтописецъ говоритъ, что эти смерды составляли нѣхоту, которая дала побѣду Ростиславу; но въ знаменитомъ Ярославскомъ сраженіи тотъ же Ростиславъ вступилъ въ битву съ одною конницею, оставилъ нѣхоту у города, и былъ побѣжденъ Данииломъ, у котораго была и конница, и пѣхота. На сѣверѣ, заслышавъ о приближеніи непріятеля, князья разсылали грамоты по вѣмъ волостямъ своимъ для сбора войска; но мы видѣли, какъ эти сборы были медленны, когда

надобно было имѣть дѣло съ непріятелемъ, подобнымъ Олгерду или Тохтамышу. Когда непріятель былъ уже близко, то изъ первыхъ собравшихся ратниковъ составляли сторожевой полкъ и отправляли въ заставу, чтобы задержать по возможности врага⁸⁾. Выступивъ въ походъ, посылали напередъ сторожи—развѣдать о движеніяхъ непріятеля, чтобы плѣнниковъ, отъ которыхъ можно было бы узнать все подробно; добыть плѣнника значило, по тогдашнему выраженію, добыть языка. Въ походѣ войско кормилось насчетъ областей, чрезъ которыя проходило: такъ, говорится, что великій князь Василій Васильевичъ, заключивъ перемиріе съ Василіемъ Косымъ, распустилъ свои полки, которые разѣхались воѣ для собранія кормовъ. Предъ вступленіемъ въ битву войско располагалось по-прежнему: въ срединѣ становился великій полкъ, но обѣ стороны его двѣ руки—правая и лѣвая; напередѣ—передовой полкъ. Видимъ употребленіе съ большою пользою засадъ, или западныхъ полковъ; засада рѣшила Куликовскую битву въ пользу Русскихъ; благодаря засадѣ, начальникъ ушкуйниковъ Проконій съ двумя тысячами войска разбилъ пять тысячъ Костромичей. По-прежнему предъ началомъ битвы князья говорили рѣчи. По-прежнему, видя бѣгство непріятеля, ратники бросались обдирать мертвыхъ, иногда преждевременно, какъ, на примѣрѣ на Суздальскомъ бою; на югѣ и на сѣверѣ видимъ старый обычай браниться съ непріятелемъ⁹⁾. Въ Южной лѣтописи упоминается о русскомъ боѣ¹⁰⁾, какъ отличавшемся своими особенностями. Сѣверный лѣтописецъ, по случаю битвы Василія Васильевича Темнаго съ Василіемъ Косымъ, говоритъ, что литовскій выходецъ, князь Иванъ Ваба-Друцкой изрядилъ свой полкъ съ конями по-литовски, и этотъ литовскій обычай противопоставляетъ русскому. Выраженіе съ „коньями“—не можетъ намъ дать понятія объ особенностяхъ литовскаго боя, ибо и Русскіе одинаково употребляли это оружіе; такъ, на примѣрѣ, при описаніи Куликовской битвы говорится, что задній рядъ закладывалъ коня на плеча переднимъ, причемъ у переднихъ коня были короче, а у заднихъ длиннѣе. Венгерскій полководецъ отзывался о южно-русскихъ ратникахъ, что они охочи до бою, стремительны на первый ударъ, но долго не выдерживаютъ; южно-русскіе полки любили биться въ чистомъ полѣ, на открытыхъ мѣстахъ; Даниилъ Галицкій, во время похода на Ятвяговъ, говоритъ своему войску: „Развѣ не знаете, что христіанамъ пространство ссть крѣпость, а поганымъ—гѣснота“¹¹⁾. Въ Сѣверномъ лѣтописцѣ находимъ извѣстіе, что когда великій князь Василій Васильевичъ послалъ полки

¹⁾ С. г. г. и д. I, № 48: «А князей же моихъ служебныхъ съ вотчиною себѣ въ службу не прызати, а которые имуть тебѣ служити, и нивъ въ вотчину свою не вступатися». Тамъ же, № 56: «Князья служебные, бояре, дѣти боярскіе и вехскіе люди». Акты истор. I, № 71: «Князи мои и бояре, и дѣти боярскіе, и люди дворные».

²⁾ П. С. Р. Л. II, 204.

³⁾ П. С. Р. Л. II, стр. 208.

⁴⁾ П. С. Р. Л. II, 210.

⁵⁾ П. С. Р. Л. II, стр. 179.

⁶⁾ С. г. г. и д. I, № 33: «А Московская рать хто ходилъ съ воеводами тѣ и нойѣча съ воеводами, а намъ ихъ не прызати». № 71.—Акты Арх. Эксп. I, № 64.

⁷⁾ П. С. Р. Л. II, стр.—Тамъ же, IV, стр. 123: «А Новгородци послаша *селникоо* лускихъ и воцкихъ, и ильерскихъ бояръ напередъ».—Но что значить здѣсь *селники*?—жители или владѣльцы сель?

⁸⁾ Никон. IV, 21.

⁹⁾ П. С. Р. Л. II, 184; Никон. IV, 133.

¹⁰⁾ П. С. Р. Л. II, 168: «Ковдрату же любящу русский бой и поучающую Лихи свои».

¹¹⁾ Тамъ же, стр. 183: «Русь тшиви суть на брань, да стершихъ устремленіе ихъ, не стершихъ бо суть на долго время на сѣчи». Тамъ же, стр. 186.

своп противъ Татаръ къ Окѣ, подъ начальствомъ князя Звенигородскаго, то этотъ воевода испугался и возвратился назадъ; иначе поступили другіе воеводы, князь Иванъ Васильевичъ Оболенскій-Стрига и Федоръ Васенокъ, въ войнѣ Новгородской; встрѣтившись, въ числѣ двухъ сотъ человѣкъ, съ непріятелемъ, у котораго было 5,000 человѣкъ, они сказали: „Если не вступимъ въ бой, то погибнемъ отъ своего государя великаго князя“, сразились—и одержали побѣду. На югѣ сохранялся обычай, по которому князь долженъ былъ ѣхать впереди войска, потому что онъ былъ искуснѣе всѣхъ въ ратномъ дѣлѣ и его болѣе всѣхъ слушались; такъ, князя русскіе и польскіе говорили Даниилу Романовичу: „Ты король—голова всѣмъ полкамъ; если пошлешь кого-нибудь изъ насъ напередъ, то войско не будетъ слушаться; ты знаешь военскій чинъ, ратное дѣло тебѣ за обычай, и всякій тебя постыдится и побойтся; ступай самъ напередъ“. И Даниилъ, урядивши полки, самъ поѣхалъ напередъ съ однимъ дворскимъ и небольшимъ числомъ отроковъ. На сѣверѣ, по свидѣтельству сказаній о Мамаевомъ побойщѣ, великій князь Димитрій, поѣздивъ немного впереди въ сторожевыхъ полкахъ, возвратился въ великій полкъ.

Вооруженіе на сѣверѣ состояло изъ щитовъ, шлемовъ, рогатинъ, сулицъ, копій ¹⁾, сабель ²⁾, ослоповъ, топоровъ. Южный лѣтописецъ такъ описываетъ вооруженіе полковъ Даниила Галицкаго: „Щиты ихъ были какъ заря, шлемы какъ солнце восходящее, коня дрожали въ рукахъ ихъ какъ трости многія; стрѣльцы шли по обѣ стороны и держали въ рукахъ рожанцы свои, наложивши на нихъ стрѣлы“. Въ другой разъ, вышедши на помощь къ королю Венгерскому, Даниилъ вооружилъ свое войско по-татарски: лошади были въ личинахъ и коярахъ кожаныхъ, а люди въ ярыкахъ; самъ же Даниилъ одѣтъ былъ по обычаю русскому; сѣдло на конѣ было изъ жженого золота, стрѣлы и сабли украшены золотомъ и разными хитростями, коужь изъ греческаго оловира, обшитъ кружевами золотыми, плоскими, сапоги—изъ зеленого сафьяна (хза), щиты золотомъ; когда король попросился у него въ станъ, то Даниилъ ввелъ его въ свою полату ³⁾ (полатку). И на югѣ между оружіемъ попадаются названіе рогатицы, или рогатицы, также мечи и сулицы. Въ духовной Волынскаго князя Владиміра упоминается ⁴⁾ броня дощатая ⁵⁾. Изъ отягтыхъ у непріятелей коней и оружія составляли с а й г а т ь ⁶⁾. Непрежнему на югѣ употреб-

¹⁾ Никон. IV, 52.

²⁾ Тамъ же, V, 192.

³⁾ П. С. Р. Л. II, 187.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 193: «Одичъ же вопиъ управи десъницю свою, изъемъ рогатицу изъ пояса своего далече мергъ, срази князя ятвижскаго съ коня своего». Вар.: *Рогатицо*.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 205.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 200: «Борисъ же прѣхъ и приведе сайгати королевси, кони и въ сѣдлахъ, щиты, сулицы, шлемы».

ляются стяги, или хоругви, на сѣверѣ они уже начинаютъ называться знаменами; такъ, въ сказаніяхъ о Мамаевомъ побойщѣ упоминается черное знамя, которое возили надъ великимъ княземъ. Для созванія войска на бой употреблялись трубы: Василій Васильевичъ Темный самъ началъ трубить войску, заслышавъ о приближеніи Косаго.

Относительно характера войны должно замѣтить, что на сѣверѣ (включая сюда область Сѣверскую, Рязанскую и Смоленскую), изъ девяноста извѣстій о войнахъ внутреннихъ или междоусобныхъ, мы встрѣчаемъ не болѣе двадцати извѣстій о битвахъ, слѣдовательно семьдесятъ походовъ совершенно было безъ битвъ. Раздѣливъ описываемый періодъ времени въ 234 года на двѣ равныя половины, увидимъ, что въ первую половину, до 1345 года, который придется въ началѣ княженія Симеона Гордаго, было только пять битвъ, остальные же пятнадцать относятся ко второй половинѣ, и изъ этихъ пятнадцати почти половина, именно семь битвъ приходится на усобицу, происходившую въ княженіи Василія Темнаго между этимъ княземъ и его дядей и двоюродными братьями,—доказательство усиленнаго ожесточенія къ концу борьбы. На югѣ же, въ продолженіи семнадцати лѣтъ, отъ 1228 года до Ярославской битвы, встрѣчаемъ двѣнадцать извѣстій о походахъ, и между ними четыре извѣстія о битвахъ, между которыми двѣ были лютыя—Звенигородская и Ярославская. О вѣнскихъ войнахъ въ описываемое время на сѣверѣ встрѣчаемъ около 160 извѣстій, и въ томъ числѣ около пятидесяти только извѣстій о битвахъ; изъ этого числа битвъ болѣе тринадцати было выиграно Русскими. Изъ общаго числа извѣстій о войнахъ сорокъ пять относятся къ войнамъ съ Татарами, сорокъ одно къ войнѣ съ Литовцами, тридцать—съ Ивѣями Ливонскими; остальные относятся къ войнѣ со Шведами, Волгарами и проч. На югѣ до литовскаго владычества встрѣчаемъ сорокъ съ чѣмъ-нибудь извѣстій о войнахъ вѣнскихъ, въ томъ числѣ одиннадцать извѣстій о битвахъ, изъ которыхъ восемь были выиграны Русскими. Во время междоусобныхъ войнъ на сѣверѣ встрѣчаемъ разъ тридцать пять извѣстій о взятіи городовъ, причеъ разъ пять попадаютъ осады неудачныя; во вѣнскихъ войнахъ разъ пятнадцать упоминается о взятіи городовъ Русскими, разъ семь неудачныя осады; разъ семнадцать Русскіе отбили осаждающихъ отъ своихъ городовъ, разъ около семидесяти упоминается о взятіи русскихъ городовъ, преимущественно Татарами во время нашествія Батыева, Тохтамышева, Едигеева. На югѣ во вѣнскихъ войнахъ разъ семь упоминается о взятіи городовъ Русскими, раза три—избавленіе русскихъ городовъ отъ осады, разъ неудачная осада Русскими, разъ одиннадцать взятіе городовъ русскихъ непріятелемъ.

Касательно осадъ городовъ, въ самомъ началѣ описываемаго періода мы уже встрѣчаемъ извѣстія о стѣнобитныхъ орудіяхъ, порокахъ, таранахъ, туряхъ. Во время осады Чернигова Данииломъ Рома-

новичемъ Галицкимъ и Владиміромъ Рюриковичемъ Кіевскимъ, осаждающіе поставили таранъ, который металъ камнемъ на полтора перестрѣла, а камень былъ въ подъемъ чегыремъ мужчинамъ сильнымъ. Ростиславъ Мстиславичъ Черниговскій, во время осады Ярославля-Галицкаго, употреблялъ пороки, или праки. Вотъ какъ описывается взятіе приступомъ города Гостинаго - Волынскаго войсками, отправленными на помощь къ Польскому князю Кондрату: „Когда полки пришли къ городу и стали около него, то начали пристриваться на взятіе города; князь Конрадъ ѣздилъ и говорилъ Русскимъ: „Братья, моя милая Русь! потяните за одно сердце!“ и ратники полѣзли подъ забрала, а другіе полки стояли неподвижно, сторожа, чтобъ Поляки не подкрались внезапно. Когда ратники прилѣзли подъ забрала, то Поляки стали пускаться на нихъ камни, точно градъ сильный; но стрѣлы осаждающихъ не давали осажденнымъ выпикнуть изъ забрала; потомъ начали колотъся копыями; много было раненыхъ въ городѣ отъ копій и стрѣлъ, и начали мерные падать изъ забрала какъ снопы; такимъ образомъ взятъ былъ городъ и сожженъ, жители перебиты и поведены въ плѣнъ ¹⁾.“ На сѣверѣ Новгородцы, собираясь въ походъ подъ Раковоръ, прислали мастеровъ, которые стали чинить пороки на Владычнемъ дворѣ. Во время осады Твери Дмитріемъ Донокимъ, осаждающіе окружили городъ острогомъ, приставили туры и приметали приметь около всего города; эта осада продолжалась четыре недѣли; городъ не былъ взятъ потому, что Тверской князь послѣдствіемъ заключить миръ съ Московскимъ. Первымъ дѣломъ осаждающихъ было пожечь посадь и всё строенія около осажденной крѣпости или города; но иногда это дѣлали и сами осажденные, приговорясь къ осадѣ. Въ разсказѣ объ осадѣ Москвы Тохтамышемъ въ первый разъ упоминаются цѣпки и тюфяки, употребленные осажденными; тутъ же упоминаются и самострѣлы; осажденные, кромѣ того, что бросали камни и стрѣлы, лили на осаждающихъ также горячую воду. Московскій кремль ни разу не былъ взятъ силою, ибо Тохтамышъ овладѣлъ имъ хитростію; Смоленскъ оба раза былъ взятъ Витовтомъ также хитростію; Тверь послѣ татарскаго нашествія съ Калитою ни разу не была взята; Новгородъ не былъ взятъ никогда; Псковъ выдержалъ шесть осадъ отъ Нѣмцевъ.

Относительно числа войскъ въ описываемое время у насъ еще менѣе точныхъ извѣстій, чѣмъ даже въ періодъ предшествовавшій. Правда, мы имѣемъ извѣстіе о числѣ русскаго войска, сражавшагося на Куликовомъ полѣ, но это извѣстіе почеркнуто изъ украшенныхъ сказаній, и есть еще другія причины сомнѣваться въ его вѣрности. Когда великій князь Дмитрій перевезся черезъ Оку и сосчиталъ своихъ ратниковъ, то нашелъ, что ихъ болѣе двухъ сотъ тысячъ, причемъ великій князь жалѣлъ, что у него мало пѣхоты, и оставилъ у Лопасы вели-

каго воєводу своего Тимоѳея Васильевича, чтобъ онъ провожалъ по Рязанской Землѣ тѣ пѣшие и конные отряды, которые будутъ приходить послѣ. И, дѣйствительно, потому сказано, что пришло къ нему много пѣхоты, много житейскихъ людей и купцовъ изъ всѣхъ земель и городовъ, такъ что послѣ ихъ прихода насчиталось уже болѣе 400,000 войска. Но если мы примемъ въ соображеніе: что Дмитрій долженъ былъ ограничиться силами одного Московскаго и великаго княжества съ подручными князьями и отрядомъ двоихъ Олгердовичей; что извѣстіе о приходѣ Новгородцевъ болѣе чѣмъ сомнительно; что на извѣстїи о тверской помощи также нельзя много настаивать; что о полкахъ нижегородскихъ и суздальскихъ нѣтъ и помину, — то извѣстіе о 400,000 войска не можетъ не показаться преувеличеннымъ. Въ Суздальскомъ бою съ Василемъ Темнымъ было только полторы тысячи войска, хотя съ нимъ были тутъ князья Можайскій, Верейскій и Серпуховской, недоставало одного Шемьяки, чтобъ всѣ силы Московскаго княжества были въ сборѣ. Новгородцы выставили противъ Василія Темнаго 5,000 войска, и эту рать лѣтописецъ называетъ великою вельми. Разумѣется, мы не можемъ сравнивать похода Василія Темнаго на Казанскаго хана съ походомъ дѣда его, Дмитрія, на Мама; самая жалоба лѣтописца на чрезмѣрное истощеніе областей московскихъ послѣ Кудиковской битвы показываютъ напряженіе чрезвычайное.

Таково является, по источникамъ, состояніе дружины и войска вообще. Что касается до остатнаго народонаселенія городскаго и сельскаго, то города Сѣверо-Восточной Руси въ описываемое время представляются намъ съ другимъ значеніемъ, чѣмъ какое видѣли мы у городовъ древней, Юго-Западной Руси. Усобицы между князьями продолжаютъ по-прежнему, но города не принимаютъ въ нихъ участія какъ прежде, ихъ голоса не слышно; ни одинъ князь не собираетъ вѣча для объявленія городовому народонаселенію о походѣ или о какомъ-нибудь другомъ важномъ дѣлѣ, ни одинъ князь не уряживается ни о чемъ съ горожанами. За Владимір и его область борются князья Переяславскій и Городецкій, Московскій и Тверской, но расположеніе Владимірцевъ къ тому или другому сопернику никогда не кладется на вѣсы для рѣшенія спора, какъ нѣкогда расположеніе Кіевлянъ; цѣна важности Владиміра и его области, борясь за нихъ, князья однако перестаютъ жить въ стольномъ городѣ отцовъ, остаются въ своихъ опричнинахъ; это обстоятельство должно было бы дать Владимірцамъ большую независимость при обнаруженіи своего расположенія въ пользу того или другаго соперника; но ничего подобнаго не видимъ. Начинается усобица въ Московскомъ княжествѣ между дядею и племянникомъ; одинъ изгоняетъ другаго изъ Москвы, какъ нѣкогда изъ Кіева, но о голосахъ соперника ни слова, ни слова о томъ, чтобъ князья-соперники прислушивались къ этому голосу, спрашивали его; говорится о заговорѣ многихъ Москви-

¹⁾ Н. С. Р. Л. II, стр. 210.

чей, бояръ, гостей и чернцовъ въ пользу Шемяки противъ Василія Темнаго, но ни слова о вѣчѣ, о гласномъ выраженіи народнаго мнѣнія, о распрѣ сторонъ между гражданами, какъ это мы видѣли въ старину на югѣ; два раза Москва, лишенная князей, представляется себѣ самой: во время Тохтамышева нашествія и послѣ Суздальскаго боя, и ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ ни слова о вѣчѣ; лѣтописецъ говоритъ только о волненіи, которое въ первомъ случаѣ было утишено прибытіемъ князя Олега. Три раза упоминаются вѣча или возстанія: два раза вѣча простыхъ людей на бояръ — въ Костромѣ, Нижнемъ, Торжкѣ; одинъ разъ вѣче въ Ростовѣ на Татаръ; упоминаются и прежде совѣты на Татаръ въ городахъ. — причеиъ видимъ и участіе князей¹⁾; но въ старыхъ городахъ — Смоленскѣ, Муромѣ, Брянскѣ — жители вмѣшиваются въ княжескія усобицы: Смольяне не хотѣли имѣть своимъ княземъ Святослава Мстиславича, и послѣдній долженъ былъ силою съѣсть у нихъ на столѣ; Брянцы сходятся вѣчемъ на князя своего Глѣба Святославича: въ Муромѣ обнаруживаются двѣ стороны, изъ которыхъ одна стоитъ за князя Федора Глѣбовича, а другая — за Юрія Ярославича.

Но и въ описываемое время существовалъ на сѣверѣ городъ, который, несмотря на усилія Андрея Боголюбскаго, Всеволода III, сына его Ярослава, внука Ярослава, правнука Михаила, сохранялъ прежнее значеніе старинныхъ городовъ въ областяхъ, значеніе власти, сохранилъ прежній обычай, какъ на думу, на вѣче сходятся: то былъ Новгородъ Великій. Мы видѣли, какъ, вѣлѣдствіе родовыхъ княжескихъ отношеній и усобицъ, явились ряды, какъ великіе князья рядились съ Кіевлянами, какъ послѣ Всеволода Ольговича тѣиъ въ Кіевѣ становился выборнымъ отъ города; мы видѣли, что, вѣлѣдствіе тѣхъ же самыхъ обстоятельствъ, но еще болѣе усиленныхъ, явились ряды и въ Новгородѣ, и здѣсь посадники и тысяцкіе стали выборными. Мы видѣли, что начало рядовъ новгородскихъ должно отнести ко временамъ Всеволода Мстиславича; но дошедшая до насъ самая древняя изъ договорныхъ грамотъ новгородскихъ съ великими князьями относится ко временамъ Ярослава Ярославича; послѣ этого князя мы имѣемъ цѣлый рядъ подобныхъ грамотъ съ малыми измѣненіями одна противъ другой, ибо Новгородцы держались старинныя новыя отношенія, явившіяся на сѣверѣ, не могли дать имъ новыхъ льготъ; все стараніе ихъ долженствовало быть направлено къ тому только, чтобы удержать прежнее.

Такъ, въ началѣ грамотъ Новгородцы обыкновенно говорятъ, чтобы князь цѣловалъ крестъ на томъ, на чемъ цѣловали дѣды и отцы, держать Новгородъ въ старинѣ, по пошлннѣ, безъ обиды; послѣ исчисленія всѣхъ условій говорится, что такъ пошло отъ дѣдовъ и отцовъ. Въ грамотахъ Ярослава Ярославича говорится только о крестоцѣло-

ваніи княжескомъ; но въ грамотахъ сына его, Михаила, является уже и клятва Новгородцевъ — держать княженіе честно, по пошлннѣ, безъ обиды; наконецъ съ того времени, какъ младшіе, удѣльные князья Московскіе начали присягать — держать княженіе старинныхъ честно и г р о з и о, Новгородцы также должны были внести въ свои грамоты: „г р о з и о“. Договоръ заключается отъ имени владыки, посадника, тысяцкаго, сотскихъ, отъ всѣхъ старѣйшихъ, отъ всѣхъ меньшихъ, отъ всего Новгорода. Владыка посылалъ князю благословеніе, остальные сановники и жители — поклонъ.

По условіямъ, опредѣлявшимъ права князя, какъ правителя, князь держалъ все почти волости новгородскія не своими мужами, но мужами новгородскими. Мы не должны забывать, что подъ именемъ волостей разумѣлось тогда не только то, что мы теперь разумѣемъ подъ этимъ названіемъ, но также должности, доходы. Князь безъ посадника не раздавалъ волостей, не давалъ грамотъ. Князь рядилъ Новгородъ и раздавалъ волости, находясь въ Новгородѣ, но не могъ дѣлать этого, находясь въ Суздальской Землѣ; безъ вины не лишалъ никого волости. На Нѣмецкомъ дворѣ князь торговалъ посредствомъ купцовъ новгородскихъ, не могъ затворять двора, приставлять къ нему приставовъ, нарушать договоры, заключенныхъ съ городами нѣмецкими, долженъ былъ, по выраженію грамоты, блюсти новгородскую душу, т. е. не дѣлать Новгородцевъ клятвоступниками предъ Нѣмцами. — Изъ этихъ условій видимъ, что давать грамоты, скрѣплять ими извѣстные права, — принадлежало князю, только при участіи посадника; но потомъ Новгородъ, въ этомъ отношеніи, забылъ старину, и грамоты стали даваться на вѣчѣ безъ участія князя; такъ, дана была жалованная грамота Троицкому Сергіеву монастырю въ слѣдующей формѣ: „По благословенію господина преосвященнаго архіепископа богоспасаемаго Великаго Новгорода владыки Еуимія, по старой грамотѣ жалованной, пожаловали посадникъ Великаго Новгорода Димитрій Васильевичъ и все старыя посадники, тысяцкій Михайла Андреевичъ и все старыя тысяцкіе, и бояре, и житые люди, и купцы, и весь господинъ Великій Новгородъ на вѣчѣ, на Ярославѣ дворѣ²⁾“. Великій князь Василій Васильевичъ уничтожилъ эту новизну; въ его договорѣ съ Новгородцами читается условіе: „Вѣчнымъ грамотамъ не быть“, извѣстъ съ другимъ условіемъ — „А печати быть князей великихъ“. Понятно, что, присвоивши себѣ право давать грамоты отъ вѣча, безъ князя, Новгородцы привѣщивали къ этимъ грамотамъ и свою городскую печать.

По условіямъ, опредѣлявшимъ права князя, какъ судьи, князь не судилъ суда безъ посадника; Новгородцы обязываются не отнимать суда у великокняжескихъ наместниковъ, исключая двухъ слу-

¹⁾ Николь III, 41: «Совѣтъ бысть на татарове по всеиъ градомъ Русскимъ; и посемъ нини князьямъ Рускимъ, согласившеся межъ собою прогнаше Татаръ изъ градовъ своихъ».

²⁾ Акты Арх. Эксп. I, № 42. См. также Акты истор. I, № 17.

чаевъ: вопервыхъ, когда придетъ вѣсть о вторженіи непріятеля, вотворыхъ, — когда жители будутъ заняты укрѣпленіемъ города, и обвиненные или тяжущіеся не будутъ имѣть времени отвѣчать передъ судомъ. Сотскіе и рядовичи безъ великокняжескаго намѣстника и безъ посадника не судятъ нигдѣ. Зовъ къ суду по волости производится посредствомъ по з о в ѣ к о в ѣ великокняжескихъ и новгородскихъ, въ городѣ посредствомъ п о д в о й с к а г о великокняжескаго и новгородскаго. Если князю донесутъ на кого бы то ни было, то онъ не даетъ вѣры доносу, прежде нежели изслѣдуется дѣло; князь не посуживаетъ грамотъ, т.-е. не перемѣняетъ грамотъ, данныхъ прежними князьями; не посуждаетъ ряду вольнаго, т.-е. когда соперники полюбовно уладятъ дѣло между собою; не замышляетъ самъ суда; не даетъ вѣры навѣстамъ холопа или рабы на господина; не судитъ ни холопа, ни рабы, ни половника безъ господара ихъ; дворяне княжескіе изъ Новгородской волости за рубежъ суда не выводятъ и не судятъ, в ѣ з ч е й пошлины не берутъ. Если случится судъ великокняжескому человѣку съ Новгородцемъ, то судятъ отъ великаго князя бояринь, и отъ Великаго Новгорода бояринь, судятъ право, по крестному цѣлованію. Если же заспорятъ, не смогутъ рѣшить дѣла, то когда великій князь или его братъ, или сынъ пріѣдутъ въ Новгородъ, тогда рѣшать это дѣло. Судей своихъ по волости князь шлетъ на Петровъ день.

По условіямъ, опредѣлявшимъ доходы княжескіе, князь получалъ даръ отъ всѣхъ новгородскихъ волостей; въ Торжкѣ и Волоктѣ держалъ тиуна въ той части этихъ городовъ, которая ему принадлежала, а въ Волоктѣ тиуна не держалъ; на двухъ погостахъ, Имоволожскомъ и Важанскомъ, бралъ куны; когда князь ѣхалъ въ Новгородъ, то бралъ даръ по станціямъ (постояніямъ), а когда ѣхалъ изъ Новгорода, тогда дара не бралъ. Судныхъ пошлинъ Новгородцы обязываются не утаивать, равно какъ всякихъ доходовъ и оброковъ княжескихъ. Пошлины великимъ князьямъ и митрополиту отъ владыки брать по старинѣ. Крюкъ великимъ князьямъ по старинѣ на третій годъ. Князь пользовался въ назначенныхъ мѣстахъ правомъ косить сѣно, ловить звѣрей, рыбу, варить медъ ¹⁾. Князь собиралъ дань въ Заволоцкихъ владѣніяхъ Новгорода; но онъ или продавалъ (отдавалъ на откупъ) эту дань Новгороду, или могъ посылать и своего мужа, но только

изъ Новгорода, въ двухъ насадахъ, и никакъ не съ Низу, и потому посланный долженъ былъ возвращаться опять въ Новгородъ, а не прямо къ великому князю; раздавать даней на Низу князь не могъ. Въ Вотскую землю князь посылалъ ежегодовъ. Дворяне княжескіе и тиуны его имѣютъ право брать проганы ²⁾; но дворяне не имѣютъ права по селамъ брать подводы у кунцовъ, развѣ только въ томъ случаѣ, когда надобно дать вѣсть о приближеніи непріятеля. Ни князь, ни княгиня, ни бояре, ни дворяне ихъ не могли въ Новгородской волости держать селъ, покупать ихъ, принимать въ даръ, также ставить слободы и мытвы.

Изъ всѣхъ этихъ условій видно, что Новгородъ не платилъ великому князю дани, исключая даней заволоцкихъ, о которыхъ упоминается еще падъ 1133 годомъ. Но мы видѣли, что въ 1259 году наложена была на Новгородъ дань татарская, ч и с л о; лѣтописецъ говоритъ, что Татары переписали дома христіанскіе, и что богатымъ было легко, а бѣднымъ тяжело ³⁾; изъ послѣднихъ словъ можно видѣть, что количество платимой суммы было одинаковое для всѣхъ жителей, дань была наложена безъ соображенія съ средствами плательщика. Но мы видѣли также, что Татары скоро перестаютъ сами собирать дань и поручаютъ это князьямъ, которые такимъ образомъ получаютъ возможность распорядиться сборомъ дани по-своему; то же самое дѣлаютъ и Новгородцы: они платятъ великому князю такъ называемый ч е р н ы й б о р ь для хана, и вносятъ въ свои договоры условіе: „Если приведется князьямъ великимъ взять ч е р н ы й б о р ь, — и намъ черныи боръ дать по старинѣ“. Такъ, когда Димитрій Донской, послѣ Тохтамышева нашествія, долженъ былъ дать въ Орду большой выходъ, то послалъ и въ Новгородъ брать черныи боръ ⁴⁾. Какъ брался этотъ черныи боръ, мы знаемъ изъ данной новгородской грамоты великому князю Василію Васильевичу на черныи боръ по новоторжскимъ волостямъ ⁵⁾. „Братъ князя великаго черноторцамъ на новоторжскихъ волостяхъ на всѣхъ, куда пошло по старинѣ, съ сохи по гривнѣ поной, да пещу княжому мортка съ сохи; а въ соху два коня да третье припряжъ, да тишанъ кожевничій за соху (идеть), неводъ за соху, лавка за соху, плугъ за двѣ сохи, кузнецъ за соху, четыре пѣщи за соху, ладья за двѣ сохи, прѣвъ за двѣ сохи; а кто сидитъ на исполовѣ, на томъ взять за полсохи; гдѣ Новгородецъ забѣхалъ лодьено, или торгуетъ лавкою, или староста, — на томъ не взять; и кто будетъ одерноватый, беретъ мѣсячину, — на томъ также не брать. Кто, покинувъ свой дворъ, вбѣжитъ во дворъ боярскій, или кто утаитъ соху и

¹⁾ «А въ Русу ти, княже, ездити осень, а лѣто не ездити, ездити, на оввадъ (Възводу или Озвадо — урочище) звѣра гонитъ. А въ Ладогу ти княже, слати осетрыникъ и медовара». Или: «Ехати ти въ Русу на третью вичу, а въ Ладогу ехати на третье лѣто, на възвядъ. А поуже, княже, что пошло тебе и твоимъ мужемъ, то твое. А свиный ти бити за 60 верстъ отъ города, а дале куда кому угодно». Или: «А свиный ти, княже гонити за шестьдесятъ верстъ около города, а въ той шестидесятъ Новгородцо гонити, князя доклада князя, а дале куда кому годно». — См. любопытную грамоту в. к. Василія Темнаго Русскимъ толпикамъ, въ Древн. Вѣст. ч. II, стр. 406.

²⁾ «Дворяномъ твоимъ и тивуномъ погонъ имати, какъ то пошло». Или: «А дворяномъ твоимъ, какъ пошло, погонъ имати, отъ князя по 5 кунъ, а отъ тивуна по двѣ куны». Или: «а отъ тиуна по двѣ долги».

³⁾ П. С. Р. Л. III, 57: «И злыхъ съѣтъомъ ягаса по число, творяху бо бояре собѣ легко, а мевышимъ влод».

⁴⁾ Никон. IV, 145.

⁵⁾ Акты Арх. Эксп. I, 32.

будетъ изоблеченъ,— тотъ платитъ за вину свою вдвое за соху.“ Такимъ образомъ, мы видимъ, что дань платилась съ промысловъ и опредѣлялась величїною средствъ промышленника, причемъ всѣ промыслы приравнивались къ сохѣ, которая выражала опредѣленную величину средствъ, употребляемыхъ при обработкѣ земли.

Мы видѣли, что опредѣленіе однихъ только финансовыхъ отношеній Новгорода къ великимъ князьямъ можно отнести ко временамъ Ярослава I, что опредѣленіе остальныхъ отношеній, какъ мы встрѣчаемъ его въ договорныхъ грамотахъ, должно быть отнесено ко временамъ позднѣйшимъ, началось не ранѣе княженія Ярополка Владиміровича въ Кіевѣ. Начавшіяся съ этихъ поръ усобицы между Мономаховичами и Ольговичами и между разными линиями Мономахова потомства, частыя перемены великихъ князей отразились въ Новгородѣ, который постоянно признавалъ свою зависимость отъ великаго князя, бралъ себѣ князя изъ его руки: и здѣсь начались волненія и усобицы, смѣны, изгнаніе князей, образовались партїи, приверженныя то къ тому, то къ другому изъ нихъ; если сначала князья смѣнялись вслѣдствіе смѣнъ въ Кіевѣ, то потомъ начали смѣняться вслѣдствіе торжества той или другой стороны въ самомъ Новгородѣ; чиновники княжескіе, посадники, тысяцкіе стали выборными, начали смѣняться вслѣдствіе торжества той или другой стороны, вслѣдствіе смѣны князей, съ которыми стали заключать договоры, ряды. Князья южные, запытая своими родовыми счетами и усобицами, смотрѣли равнодушно на утвержденіе такого порядка вещей въ Новгородѣ; если Ольговичи усугубили Кіевлянамъ выборъ тиуна, то нѣтъ ничего удивительнаго, что другіе южные князья легко соглашались и на новгородскія условія; Изяславъ Мстиславичъ одинаково ведетъ себя какъ на кievскомъ, такъ и на новгородскомъ вѣчѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ приняли первенствующее положеніе князья сѣверные, мы видимъ постоянное враждебное столкновеніе ихъ съ бытомъ Новгорода, разившимся, по всѣмъ вѣроятностямъ, полнѣе и опредѣлившимся точнѣе, нежели въ другихъ старыхъ городахъ. Всеволодъ III привелъ-было уже Новгородъ совершенно въ свою волю; сынъ его Ярославъ хотѣлъ сдѣлать то же самое, хотѣлъ управлять Новгородомъ изъ пригорода Торжка: обоимъ помѣшалъ южный князь Мстиславъ; Александръ Невскій шелъ по слѣдамъ предковъ; братъ его Ярославъ хотѣлъ привести Новгородъ въ свою волю съ помощью татарскою, но былъ остановленъ братомъ Василіемъ; Димитрій Александровичъ былъ остановленъ въ подобныхъ же намѣреніяхъ братомъ Андреемъ, Михаилъ Тверской—Юріемъ Московскимъ. Но Московскіе князья, получивши первенство, избѣгаютъ поведеніе предшествовавшихъ князей относительно Новгорода: они оставляютъ въ покоѣ его бытъ, не допускаютъ только дальнѣйшаго распространенія новгородскихъ правъ, напротивъ, освобожденія отъ митрополитскаго суда, и все вни-

маніе обращаютъ только на то, чтобъ получить съ Новгорода какъ можно больше денегъ, овладѣть его главными доходами, получаемыми съ Заволочья. Калита сталкивается враждебно съ Новгородомъ—и всякій разъ за деньги, за то, что хочетъ взять съ него больше положеннаго; онъ дѣлаетъ также первую попытку овладѣть Заволочьемъ; сынъ его, Симеонъ Гордый, начинаеть княженіе походомъ на Новгородъ изъ-за денегъ, изъ-за того, что Новгородцы не хотять позволить ему собирать дань на торжовскихъ волостяхъ. Димитрій Донской идетъ на Новгородъ, когда, вслѣдствіе Тохтамышева нашествія, онъ чувствуетъ большую надобность въ деньгахъ; Василій Димитріевичъ возобновляетъ попытку Калиты, хочетъ овладѣть Заволочьемъ; Темный беретъ съ Новгорода богатые окупы; но Темный уже сильнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, онъ освободился отъ родичей, собралъ ихъ удѣлы; у него нѣтъ соперниковъ ни въ Твери, ни въ Инжнемѣ, онъ не боится ни Литвы, ни Орды—и потому можетъ думать уже о послѣднемъ ударѣ Новгороду, объ уничтоженіи его стараго быта; онъ дѣйствительно думаетъ объ этомъ, но смерть мѣшаетъ исполненію думы.

Уже давно, по всѣмъ вѣроятностямъ во второй четверти XII вѣка, посадникъ въ Новгородѣ сталъ выборнымъ и занялъ мѣсто подлѣ князя при судѣ и раздачѣ волостей, хотя при этомъ князь не потерялъ вліянія при избраніи посадника и не лишился права требовать его смѣны, объявивши только вину его: такъ, мы видимъ, что въ 1271 году князь Рюрикъ Ростиславичъ отнялъ посадничество у Жирослава и выгналъ его изъ города; князь Святославъ Мстиславичъ не могъ сдѣлать того же съ посадникомъ Твердиславомъ потому, что, вопреки условію, хотѣлъ лишить его должности безъ вины; въ описываемое время Александръ Невскій настоялъ на то, чтобъ посадникъ Апанія лишенъ былъ должности; братъ Невскаго, Ярославъ, требовалъ, чтобъ трое бояръ были лишены должности; Новгородцы упростили его простить этимъ людямъ и удовольствоваться тѣмъ, что должность тысяцкаго отдана была, по его волѣ, челоуѣку, ему преданному. Отъ начала XV вѣка дошло до насъ иностранное извѣстіе (Ланноа), что посадники и тысяцкіе мѣнялись ежегодно. Мы видимъ, что великіе князья посылаютъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ; какое же было значеніе этихъ лицъ? Подъ 1342 годомъ лѣтоисецъ указываетъ намъ намѣстника великокняжескаго—Бориса, который, вмѣстѣ съ владыкою Василіемъ, примирилъ враждующія стороны; подъ 1375 годомъ встрѣчаемъ другое извѣстіе о намѣстникѣ: Новгородцы, желая упрости владыку Алексѣя, чтобъ онъ не оставлялъ епископіи, стали вѣчемъ на дворѣ Ярослава и послали съ челоуѣкомъ къ владыкѣ съ вѣча намѣстника великокняжескаго Ивана Прокшинича, посадника, тысяцкаго и другихъ многихъ бояръ и добрыхъ мужей; здѣсь, какъ и слѣдуетъ ожидать, намѣстникъ занимаетъ мѣсто выше городскихъ са-

новнпковъ. Въ описываемое время, когда попадаются извѣстія о довольно значительныхъ войнахъ Новгородцевъ со Шведами, Ливонскими Нѣмцами, Литвою, войнахъ, которыя объявлялись формально и оканчивались мирными договорами, можно усмотрѣть степень участія князя или намѣстника его во внѣшнихъ сношеніяхъ, въ рѣшеніяхъ относительно войны и мира. Подъ 1242 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что послѣ Ледоваго побоища Нѣмцы прислали въ Новгородъ за миромъ съ поклономъ, безъ князя (Александра), и миръ былъ заключенъ. Подъ 1256 годомъ встрѣчаемъ любопытное извѣстіе, что Александръ Ливекій выступилъ въ походъ съ своими полками и новгородскими, причемъ Новгородцы не знали, куда, на какой народъ князь идетъ,—знакъ, что Александръ не объявлялъ на вѣщѣ о походѣ, не спрашивалъ согласія гражданъ на него. Орѣховскій договоръ со Шведами, заключенный въ 1323 году, начинается такъ: „Я, князь великій Юрій, съ посадникомъ Варооломеемъ, тысяцкимъ Авраомъ и со всѣмъ Новгородомъ, докончалъ съ братомъ моимъ, свейскимъ королемъ“¹⁾. Во времена Московскихъ князей, представившихъ Новгородъ самому себѣ, дававшихъ литовскимъ князьямъ право показывать Новгородцевъ, если они сгрубятъ имъ, въ это время, разуѣтается, вѣще получило большую свободу въ опредѣленіи своихъ внѣшнихъ отношеній; такъ видимъ, что когда Шведскій король Магнусъ прислалъ въ Новгородъ съ требованіемъ принять католицизмъ, грозя въ противномъ случаѣ войною, то въ совѣщаніи по этому случаю видимъ владыку, посадника, тысяцкаго и всѣхъ Новгородцевъ,—о намѣстникѣ великокняжескомъ не упомянуто; а при заключеніи договора съ княземъ Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ Новгородцы вносятъ условіе, чтобы великій князь безъ новгородскаго слова не замышлялъ войны. Но при этомъ князь не терялъ своего участія во внѣшнихъ сношеніяхъ; въ 1420 году Орденъ прислалъ пословъ въ Новгородъ съ предложеніемъ назначить съѣздъ для мирныхъ переговоровъ. Въ это время въ Новгородѣ жилъ князь Константинъ Димитріевичъ, разоорившійся съ братомъ, великимъ княземъ Василиемъ; Новгородцы приняли его въ честь, дали ему пригороды, бывшіе прежде за Литовскими князьями, и, кромѣ того, по всей волости Новгородской сборъ пошлины, называемой *коробейщиною*; но въ то же время въ Новгородѣ находился и намѣстникъ великаго князя Василія, князь Оедоръ Патрикѣевичъ, и, вотъ, по словамъ лѣтописца, нѣмецкіе послы условились съ княземъ Константиномъ и со всѣмъ Великимъ Новгородомъ, что быть на съѣздъ самому магистру, а князю Константину и Новгородцамъ послать своихъ бояръ, вѣлѣдствіе чего были посланы на съѣздъ намѣстникъ великокняжескій, князь Оедоръ Патрикѣевичъ, бояринъ князя Константина—Андрей Константиновичъ, двое посадниковъ и трое бояръ новгородскихъ²⁾. На-

конецъ изъ дошедшихъ до насъ договорныхъ грамотъ Новгородцевъ съ Любекомъ и Готскимъ берегомъ—одна, относящаяся къ концу XIII или началу XIV вѣка, написана отъ имени великаго князя Андрея, посадника, тысяцкаго и всего Новгорода; въ ней сказано, что гости будутъ на Божіихъ рукахъ, княжескихъ и всего Новгорода; другая грамота, относящаяся ко второй половинѣ XIV вѣка, половинѣ московской или намѣстнической, написана отъ имени архіепископа, посадника, тысяцкаго и всего Новгорода.

Изъ двѣнадцати смуть въ Новгородѣ, о которыхъ упоминается лѣтописецъ, въ періодъ отъ 1054 до 1228 года, только двѣ не были въ связи съ княжескими переѣнами: возстаніе концовъ вѣлѣдствіе бѣгства Матея Душильевича, въ 1218 году, и возстаніе на владыку Арсенія, въ 1228 году. Въ періодъ времени отъ 1228 до 1462 года лѣтописецъ упоминаетъ 21 разъ о смутахъ, изъ которыхъ только четыре были въ связи съ княжескими отношеніями. Большею частію Новгородцы возстаютъ на своихъ сановниковъ, причемъ нельзя не усмотрѣть борьбы двухъ сторонъ,—стороны лучшихъ и стороны меньшихъ людей. Мы видѣли, что и въ періодъ отъ 1054 до 1228 года посадники избирались обыкновенно изъ одного извѣстнаго круга знатныхъ фамилій; если при избраніи въ другія должности слѣдовали тому же обычаю, то легко понять, какое значеніе должны были получить знатныя фамиліи, какія общій цѣли должны были онѣ преслѣдовать и какія волненія въ городѣ должна была производить вражда нѣкоторыхъ изъ нихъ другъ съ другомъ. Мы видѣли, къ какимъ явленіямъ повела распря Степана Твердиславича съ Водовникомъ въ 1230 году; въ 1255 г. лучшие люди составляютъ совѣтъ—побить меньшихъ и ввезти князя на своей волѣ; на раздѣленіе интересовъ обѣихъ сторонъ лѣтописецъ указываетъ также въ извѣстіи о наложеніи дани татарской; то же самое видимъ и въ смутѣ 1418 года. Но здѣсь рождается вопросъ о происхожденіи бояръ новгородскихъ: было ли это званіе наследственнымъ въ нѣкоторыхъ фамиліяхъ, или нѣтъ? Извѣстно, что въ нашей древней исторіи никогда и нигдѣ боярское званіе не было наследственнымъ; боярами назывались старшіе члены дружины, думы, совѣтники князя, который возводилъ въ это званіе, давалъ это значеніе или смысловымъ своимъ старымъ бояръ и дружинниковъ вообще, смотря по мѣрѣ ихъ достоинства, или людямъ, вновь вступающимъ въ дружину, смотря опять по достоинству и по разнымъ другимъ условіямъ; разуѣтается, происхожденіе отъ знаменитаго и любимаго княземъ боярина давало его сыну большее право и легкость къ достиженію того же званія; но въ случаѣ нужды и дѣтскіе могли стать боярами, какъ общалъ сдѣлать князь Владиміръ Мстиславичъ при извѣстномъ случаѣ³⁾. Но мы должны строго различать въ источникахъ названіе бояри-

¹⁾ Antiquités russes, т. II, p. 490.

²⁾ П. С. Р. Л. IV, 119.

³⁾ См. Исторію Россіи, т. II, стр. 488.

на въ значеніи старшаго члена дружины, — названіе, употребляющееся въ противоположность съ названіями другихъ младшихъ членовъ дружины, и то же самое названіе, употребленное въ общемъ смыслѣ, — въ смыслѣ знатныхъ, большихъ людей, въ смыслѣ дружины вообще, съ противоположеніемъ ей всего остальнаго народонаселенія, людей простыхъ, черныхъ. Такъ, и въ Новгородской лѣтописи названіе бояръ употребляется въ общемъ смыслѣ знатныхъ людей, вѣчшихъ, въ противоположность меньшимъ, простымъ. Подъ именемъ бояръ, или большихъ, вѣчныхъ людей въ Новгородѣ разумѣются всѣ правительственные лица, какъ отправляющія свою должность, такъ и старья, члены всѣхъ тѣхъ знатныхъ фамилій, которые успѣли сосредоточить въ своемъ кругу правительственную должность. Сыны посадника имѣли важное значеніе, какъ сыны посадника, какъ сыны при этомъ знаменитаго, могущественнаго по своему вліянію чловѣка, и, вслѣдствіе этого, принадлежалъ къ числу большихъ знатныхъ людей, бояръ; назывался бояриномъ въ отличіе отъ обыкновеннаго, простаго чловѣка, а не потому онъ назывался такъ, что имѣлъ особый санъ боярина, или принадлежалъ къ сословію бояръ. Татары, боясь волненія народа въ Новгородѣ, просятъ князя Александра, чтобъ онъ приставилъ къ нимъ сторожей, и князь велитъ стеречь ихъ сыну посадничьему и всѣмъ дѣтямъ боярскимъ; потомъ, по смерти Александра Невского, Новгородцы послали за братомъ его Ярославомъ — сына посадничьяго и лучшихъ бояръ

Слово бояре въ общемъ значеніи лучшихъ, знатныхъ людей, противопологаемыхъ простымъ людямъ, употребляется не въ одной Новгородской, но и во всѣхъ другихъ лѣтописяхъ; понятно, что въ другихъ княжествахъ подъ именемъ бояръ обыкновенно члены дружины противопологаются всему остальному народонаселенію. Такъ, подъ 1315 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что князь Аонасій Даниловичъ пошелъ изъ Новгорода въ Торжокъ съ новгородскими боярами безъ черныхъ людей¹⁾; при описаніи усобицы въ Твери, говорится, что тяжело было боярамъ и слугамъ, тяжело было и чернымъ людямъ²⁾. О Дмитріи Донскомъ сказано, что онъ, желая предупредить Мхилая Тверскаго, привелъ по всѣмъ городамъ къ присягѣ бояръ и черныхъ людей³⁾. При описаніи Раковорской битвы, Новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что много пало добрыхъ бояръ, а иныхъ черныхъ людей безъ числа⁴⁾. Встрѣчается и старинное названіе людей въ значеніи простыхъ, черныхъ людей и въ противоположность знатымъ, боярамъ, дружинѣ вообще; такъ, говорится, что Тверской князь Михаилъ Александровичъ, пожегши дмитровскіе посады, волости и села, бояръ и людей привелъ плѣн-

ными въ Тверь⁵⁾; а въ Волынской лѣтописи встречаемъ названіе простыхъ людей въ противоположность боярамъ⁶⁾. Наконецъ, въ противоположность дружинѣ, все остальное народонаселеніе носитъ названіе земскихъ людей⁷⁾. Такимъ образомъ, въ противоположность князьямъ всѣ, не князья были смелы, черные люди; въ противоположность боярамъ и дружинѣ вообще, все остальное народонаселеніе также носило названіе простыхъ, черныхъ людей; изъ этого народонаселенія будутъ выдѣляться новые, высшіе разряды или сословія, и всѣ остальные — низшіе въ отношеніи къ этимъ новымъ разрядамъ будутъ называться также черными людьми. Такъ, въ Новгородѣ, при подробномъ перечисленіи словъ городского народонаселенія, послѣ бояръ встрѣчаемъ житыхъ людей, значительныхъ по своему богатству, людей, которые, не принадлежа къ городской аристократіи, къ лицамъ и фамиліямъ правительственнымъ, не принадлежали также и къ купцамъ, ибо не занимались торговлею. За житыми людьми, или мужами,⁸⁾ слѣдуютъ купцы и наконецъ черные люди; подъ 1398. годомъ лѣтописецъ говоритъ, что ко владыкѣ Новгородскому пришли битъ челомъ посадники, бояре, дѣти боярскія, житые люди и купческія дѣти; иногда житые люди помѣщаются послѣ купцовъ⁹⁾. Тѣ же самыя части городского населенія, кромѣ житыхъ людей, видимы и во всѣхъ другихъ городахъ Сѣверо-Восточной Руси: когда князь Юрій Ярославичъ обновлялъ запустѣлый Муромъ и поставилъ въ немъ свой дворъ, то ему подражали въ этомъ бояре, вельможи, купцы и черные люди¹⁰⁾. Въ Москвѣ купцы уже раздѣляются на гостей и суконниковъ: Московскіе князья въ договорахъ своихъ условливаются обыкновенно — гостей, суконниковъ и городскихъ людей блюсти вмѣстѣ и въ службу ихъ не принимать. Послѣднее условіе объясняется тѣмъ, что гости, суконники и вообще городскіе люди были люди даниые, или тяглые, и позволеніе переходить имъ въ дружину лицало бы князю главнаго источника доходовъ, лицало бы ихъ средствъ платить выходъ въ Орду. Послѣ, въ XVII вѣкѣ, мы увидимъ, какой страшный ущербъ въ московскихъ финансахъ былъ произведенъ стремленіемъ тяглыхъ городскихъ людей выйти изъ даннаго состоянія вступленіемъ въ службу или зависимость отъ духовенства, бояръ и служилыхъ людей, и какія сильныя мѣры употребляло правительство для воспрепятствованія этому выходу. То же самое побужденіе заставляло князей и въ описываемое время условливаться не принимать въ службу даниныхъ людей¹¹⁾, ни купцовъ, ни черныхъ людей, ни численныхъ, или числяковъ, и зе-

⁵⁾ Никон. IV, 33.

⁶⁾ П. С. Р. Л. II, 205, 213

⁷⁾ С. г. г. и д. I, № 55.

⁸⁾ П. С. Р. Л. III, 91.

⁹⁾ Акты истор. I, № 60.

¹⁰⁾ Никон. III, 194.

¹¹⁾ С. г. г. и д. I, № 60

¹⁾ Никон. III, 110.

²⁾ Тамъ же, стр. 211.

³⁾ Тамъ же, IV, 28.

⁴⁾ П. С. Р. Л. III, 60.

мель ихъ не покупать; если же кто купилъ подобныя земли, то прежние владѣльцы должны выкупить ихъ, если могутъ; если же не будутъ въ состояніи выкупить, то покупщики должны потянуть къ чернымъ людямъ; если же не захотятъ тянуть, то лишаются своихъ земель, которыя даромъ переходятъ къ чернымъ людямъ,—распоряженіе, тождественное съ позднѣйшими распоряженіями, по которымъ бѣломѣстамъ, людямъ нетяглымъ, запрещалось покупать земли тяглыхъ людей. То же самое побужденіе заставляло Московскихъ князей условливать на держать въ Москвѣ закладной и не покупать человека съ дворомъ; князья обязываются также не покупать земель ордынцевъ и дѣлюевъ, которые должны знать свою службу, какъ было прежде, при отцахъ. Подъ именемъ дѣлюевъ разумѣются всякаго рода ремесленныя и промышленныя люди, поселенные на княжихъ земляхъ; ордынцами же называются плѣнники, выкупленные князьями въ Ордѣ и поселенные также на княжихъ земляхъ¹⁾.

Городское тягло населеніе попрежнему раздѣлялось на сотни: Повгородцы говорятъ въ своихъ грамотахъ, что купецъ долженъ тянуть въ свое сто, а смердъ—въ свой погостъ; здѣсь подъ смердомъ разумѣется сельскій житель. Московскіе князья въ своихъ договорахъ говорятъ о черныхъ людяхъ, которые тянутъ къ сотникамъ; иногда же говорятъ о черныхъ людяхъ, которые тянутъ къ становщику; и здѣсь надобно, думаемъ, понимать такъ, что въ первомъ случаѣ говорится о городскихъ людяхъ, а во второмъ—о сельскихъ. Сотникъ, или сотеній, удерживаетъ прежнее значительное положеніе свое въ Новгородѣ; въ началѣ договорныхъ грамотъ съ князьями говорится, что шлется князю благословеніе отъ владыки, поклонъ отъ посадника, тысяцкаго и всѣхъ сотскихъ. Но если купцы и вообще горожане тянули къ своимъ сотскимъ, то сотскіе должны были тянуть къ тысяцкому. Великій князь, въ договорахъ съ удѣльными, выговариваетъ, чтобъ московская рать попрежнему выступала въ походъ подъ его воеводу, и чтобъ князья не принимали къ себѣ никого изъ этой рати; послѣднее условіе показываетъ намъ, что эта рать состояла изъ горожанъ; мы знаемъ также, что имя воеводы давалось преимущественно тысяцкому. Кромѣ собственныхъ горожанъ, тянувшихъ въ городскія сотни, могли жить въ городѣ на своихъ дворахъ холопы и сельчане княжескіе: такъ, Дмитрій Донской условливается съ Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ послать въ городъ (Москву) своихъ намѣстниковъ, которые должны очистить холопей ихъ и сельчанъ; отъ этого происходило, что въ Москвѣ находились дворы, которые тянули къ селамъ²⁾.

¹⁾ С. г. г. и д. I, № 21, 27, 33, 34, 35, 40, 45, 60, 71.

²⁾ Тамъ же, № 86: «А изъ Московскихъ сель даю своей княгинѣ Напрудское у города и съ дворы въ городскими, что къ нему потягло».

На вятское устройство могутъ указать намъ только первыя строки посланія митрополита Іоны, который обращается къ троимъ воеводамъ земскимъ, ко всѣмъ ватаманамъ, подвойскамъ, боярамъ, купцамъ, житымъ людямъ и ко всему христіанству³⁾.

Въ городскомъ быту Юго-Западной Руси до литовскаго владычества самымъ замѣчательнымъ явленіемъ былъ приплывъ чуждаго народонаселенія—Нѣмцевъ, Жидовъ, Армянъ. Подъ 1259 годомъ Волынской лѣтописецъ сообщаетъ намъ любопытное извѣстіе о построеніи и населеніи города Хома: однажды князь Данилъ Романовичъ, охотясь, увидалъ красивое и лѣсное мѣсто на горѣ, окруженное равниною (полями); мѣсто ему полюбилось, и онъ построилъ сперва на немъ маленькую крѣпость, а потомъ другую, большую, и началъ призывать отовсюду Нѣмцевъ и Русскихъ, иноязычниковъ и Поляковъ,—и набѣжало много всякихъ ремесленниковъ отъ Татаръ: сѣдельники, лучники, тулники, кузнецы, мѣдники, серебрянники; закипѣла жизнь, и наполнились дворами окрестности города (крѣпости), поле и села. Князь Мстиславъ Даниловичъ, для выслушанія завѣщанія брата своего Владиміра Васильевича, созываетъ во Владимірѣ-Водынскомъ горожанъ (мѣстичей)—Русскихъ и Нѣмцевъ; на похоронахъ Владиміровыхъ плакали Нѣмцы, (урожицы и Жиды. Во время литовскаго владычества Жиды получали большія льготы; по грамотѣ Витовтовой, данной въ 1388 году⁴⁾, за убійство, нанесеніе раны, побоевъ Жиду, виноватый отвѣчаетъ такъ же, какъ за убійство, раны, побой, нанесенные шляхтичу; если христіанинъ разгонитъ жидовское собраніе, то наказывается по обычаю земскому, и все его имущество отбирается въ казну; за оскорбленіе, нанесенное школѣ жидовской, виноватый платитъ великокняжескому старостѣ два фунта перцу. Жиды можно заставить присягнуть на десяти зановѣдяхъ только при важномъ искѣ, гдѣ дѣло идетъ не меньше какъ о 50 гривнахъ литаго серебра; въ другихъ же случаяхъ Жидъ присягаетъ передъ школою, у дверей. Жиды-заимодавца нельзя заставить выдать закладъ въ субботу. Если христіанинъ обвинитъ Жиды въ убійствѣ христіанскаго младенца, то преступленіе должно быть засвидѣтельствовано тремя христіанами и тремя Жидами добрыми: если же свидѣтели объявятъ его невиннымъ, то обвинитель долженъ потерѣть то же наказаніе, какое предстоило обвиненному.—Во время литовскаго владычества, города русскіе стали получать право нѣмецкое, магдебургское. Ставили королемъ Польскимъ, Ягайло немценомъ, въ 1387 году, далъ Вильнѣ магдебургское право; великій князь Сигизмундъ Кейстутовичъ въ 1432 году подтвердилъ это пожалованіе грамотою на русскомъ языкѣ; вслѣдствіе этого, жители Вильны, какъ римской, такъ и русской вѣры, высвобождались изъ-подъ вѣдомства воеводъ, судей и всякихъ

³⁾ Акты истор. I, № 261.

⁴⁾ Акты, отис. къ истор. Запад. Рос. I; № 6. Ср. Времен. Моск. Ист. Общ. кн. 16.

чиновниковъ великокняжескихъ; и во всёхъ дѣлахъ расправлялись передъ своимъ войтомъ. Отъ того же Сигизмунда жители Вильны, какъ Ляхи, такъ и Русь, получили право безмытной торговли по всему княжеству Литовскому, вѣсую и другія пошлины въ своемъ городѣ, а великій князь Казимиръ Ягайловичъ освободилъ ихъ отъ обязанности доставлять подводы. Въ привилегіи короля Казимира, данной литовскимъ землямъ въ 1457 году, городскіе жители сравнены въ правахъ съ князьями, панами и боярами, кромѣ права выѣзжать за границу и кромѣ управы надъ подвластными людьми. Старый Полоцкъ, имѣвшій одинакій бытъ съ Новгородомъ-Великимъ, сохраняетъ этотъ бытъ, или, по крайней мѣрѣ, очень замѣтные слѣды его, и при князьяхъ Литовскихъ. Такъ, видимъ, что онъ заключаетъ договоры съ Ригю, съ магистромъ Ливонскимъ, и привѣшиваетъ къ этимъ договорамъ свою печать. Король Казимиръ въ своей уставной грамотѣ Полоцку, говоритъ: „Приказываемъ, чтобы бояре, мѣщане, дворяне городскіе и все посполство жили въ согласіи, и дѣла бы наши городскіе дѣлали всё вмѣстѣ согласно, по старинѣ; а сходились бы всё на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде издавна сходились, и безъ бояръ мѣщанамъ, дворянамъ и черни сеймовъ не собирать“¹. Для сбора денегъ на короля устроенъ былъ въ Полоцкѣ ящикъ за четырьмя ключами: ключъ боярскій, ключъ мѣщанскій, ключъ дворянскій и ключъ посполскій; для крашенія ключей избирались изъ всёхъ этихъ сословій по два человѣка добрыхъ, годныхъ и вѣрныхъ, которые одинъ безъ другого ящика не отпирали. — Кто были эти дворяне? — безъ сомнѣнія служива прежнихъ полоцкихъ князей¹).

Вѣншій видъ русскаго города не разлился отъ вѣншнаго вида его въ прежде-описанное время. Въ Москвѣ явилась каменная крѣпость (кремль) только въ вѣяженіе Димитрія Донскаго; мы видѣли, какъ во время Тохтамышова нашествія Москвичи хвалились, что у нихъ городъ каменный, твердый и ворота же лѣзныя. Въ 1394 году задумали въ Москвѣ копать ровъ отъ Кучкова поля въ Москву-рѣчку; много было людямъ убытка, говорить лѣтописецъ, много хоромахъ разметали, много трудилась, — и ничего не сдѣлалъ. Черезъ пять лѣтъ послѣ заложения московскаго кремля заложень былъ каменный кремль нижегородскій. Заложенье обширной крѣпости въ Твери лѣтописецъ приписываетъ еще Св. Михайлу Ярославичу; но подъ 1368 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что въ Твери срубили деревянную крѣпость и глиною помазали; потомъ князь Михайлъ Александровичъ велѣлъ около крѣпостнаго вала выкопать ровъ и валъ засыпать отъ Волги до Тмаки, а въ 1394 году тотъ же князь велѣлъ руинить обветшалую стѣну и тутъ же рубить брусевъ²). Какъ видно, кремль Донскаго былъ единственною каменною крѣпостью во всемъ

Московскомъ княжествѣ; въ Серпуховѣ князь Владиміръ Андреевичъ построилъ крѣпость дубовую³). Гораздо болѣе извѣстій о городскихъ постройкахъ встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ новгородскихъ и псковскихъ: въ 1302 году заложена была въ Новгородѣ каменная крѣпость; въ 1331 — владыка Василій заложилъ городъ каменный отъ Владимірской церкви до Богородицкой и отъ Богородицкой до Борисоглѣбской, и въ два года строеніе было окончено; а Юрьевскій архимандритъ Лаврентій поставилъ стѣны около своего монастыря, въ сорокъ сажень, съ заборами; въ 1334 году владыка покрылъ свой каменный городъ, а въ слѣдующемъ году заложилъ острогъ каменный отъ Ильинской церкви къ Павловской. Въ 1372 году выкопали ровъ около Людина конца, Загородья и Неревскаго конца: въ 1383 — выкопали ровъ около Софійской стороны, къ старому валу; въ 1387 — сдѣлали валъ около Торговой стороны. Въ 1400 — владыка Іоаннъ заложилъ каменный дѣтинецъ. Иностранному путешественнику Ланноа (въ началѣ XV вѣка) Новгородъ показался удивительно огромнымъ, но дурно укрѣпленнымъ; Псковъ, по его отзыву, укрѣпленъ былъ гораздо лучше⁴). Дѣйствительно, мы часто встрѣчаемъ извѣстія о городскихъ постройкахъ во Псковѣ: въ 1309 г. здѣсь заложена была стѣна плитяная отъ Цетронавловской церкви къ Великой-рѣкѣ; въ 1374 году Псковичи заложили четвертую стѣну, плитяную, отъ рѣки Псковы до Великой, подлѣ старой стѣнки, которая была съ дубомъ немного выше человѣческаго роста, и черезъ годъ поставили два костра каменныхъ на торгу; въ 1387 году поставили три каменныхъ костра у новой стѣны на приступѣ; въ 1394 — выстроили перши, или перся; въ 1397 — четыре костра каменныхъ; въ 1399 — заложена новая стѣна съ тремя кострами; въ слѣдующемъ году поставлены два новыхъ костра, а въ 1401 году пристроили новую стѣну къ старой — подлѣ рѣки Великой; въ 1404 — заложили новую стѣну каменную, подлѣ рѣки Псковы и старой стѣны, толще и выше послѣдней, и покрыли ее; въ 1407 — выстроили стѣну противъ персей, отъ гребли до сторожевой избы, толще и выше; въ 1417 — наняли мастеровъ, выстроили стѣну и поставили костерь; въ Петровъ цость кончили строеніе, а въ Успенскій оно уняло; въ 1420 — поставили новый костерь, и выстроенны были новыя перши; строили ихъ 200 человѣкъ, которые взяли у Пскова за работу 1,000 рублей, да тѣмъ, которые плиту обжигали, дали 200 рублей; но черезъ три года строеніе распалось. Въ 1452 г. урядили новую стѣну у першей и въ ней 5 погребовъ; въ 1458 — наддѣлали надъ старою стѣною новую, и дали за это мастерамъ полтораста рублей. — Кромѣ самихъ Новгорода и Пскова, въ ихъ волости видимъ и нѣсколько другихъ каменныхъ городовъ: Копорье, Орѣшекъ, Ямскій городъ, Порховъ, Изборскъ, Гдовъ; какъ легко и скоро строились дере-

¹) Собр. древн. грам. и акт., городовъ: Вильна, Ковно, и проч. № 1—10. Акты Запад. Россіи, I, № 60.

²) Никон. IV, 23, 37, 255.

³) Тамъ же, стр. 38.

⁴) Voyages et ambassad. de Guilleber de Lannoy, p. 19, 22.

винныя крѣпости, видно изъ извѣстiя подъ 1414 г., что Псковичи поставили городъ Коложе въ двѣ недѣли; деревянную московскую крѣпость Калиты начали рубить (строить) въ ноябрѣ и кончили въ началѣ весны слѣдующаго 1338 года.

Въ Новгородѣ отъ 1228 до 1462 года было построено не менѣе 150 церквей, включая монастырскія и исключая поставленные на мѣстѣ старыхъ, обветшалыхъ; изъ этого числа не менѣе 100 каменныхъ; въ періодъ предшествовавшій, какъ мы видѣли, было построено около 70 церквей: и такъ какъ число церквей, построенныхъ при Св. Владимірѣ и Ярославѣ I, нельзя протянуть далеко за 20, то число всѣхъ церквей новгородскихъ въ половинѣ XV вѣка можно полагать около 230; любопытно, что въ продолженіи первыхъ 42 лѣтъ — отъ 1228 до 1270 года — лѣтописецъ упоминаетъ о построеніи только двухъ церквей въ Новгородѣ. Во Псковѣ, въ описываемое время, построено было 35 церквей, изъ нихъ 23 каменныхъ, двѣ деревянныхъ и о десяти неизвѣстно. Въ Москвѣ лѣтописецъ упоминаетъ о построеніи только пятнадцати каменныхъ церквей; изъ этого видно, какъ отсталъ главный городъ Сѣверо-Восточной Руси отъ Новгорода и даже отъ Пскова. О количествѣ церквей московскихъ въ половинѣ XIV вѣка можно судить по извѣстiю о пожарѣ 1342 года: сказано, что погорѣлъ городъ Москва весь и церковь сгорѣла 18. Въ Нижнемъ-Новгородѣ въ концѣ XIV вѣка было 32 церкви ¹⁾.—Упоминаются мостовыя въ Псковѣ; напримѣръ, въ 1308 году посадникъ Борисъ замыслилъ помостить торговые, — и помостили, и было весьма людямъ хорошо, заключаетъ лѣтописецъ; въ 1397 году снова помостили торговые; но мы видимъ, что отъ Пскова или Новгорода никакъ нельзя заключать къ другимъ городамъ, да и во Псковѣ мостили только торговую площадь, гдѣ было безпрерывное стеченіе народа, для котораго, разумеется, было хорошо, когда онъ не былъ принужденъ стоять по колѣни въ грязи. Эта мостовая была, разумеется, деревянная, ибо каменной не было здѣсь и въ XVII вѣкѣ. Въ Новгородской и Псковской лѣтописяхъ находимъ извѣстiе о построеніи мостовъ съ нѣкоторыми подробностями; напримѣръ: въ 1435 году наняли Псковичи наймитовъ сорокъ человекъ строить новый мостъ на рѣкѣ Псковѣ; балки должны были доставить наймиты сами, а рилли, городни и дубы были псковскія; наймитамъ заплачено было 70 рублей: въ 1456 году помостили мостъ большой черезъ рѣку Пскову и дали мастерамъ ²⁾ 60 рублей, да потомъ еще прибавили 20. Изъ городскихъ частей упоминаются въ Новгородѣ концы, улицы, чолы-улицы, ули ³⁾.

Что касается внѣшняго вида юго-западныхъ русскихъ городовъ, то мы знаемъ отзывъ Венгерскаго короля о Владимірѣ-Волынскомъ, что такого города не находилъ онъ и въ нѣмецкихъ земляхъ;

городскія стѣны и на югѣ, какъ на сѣверѣ, утвердились пороками и самострѣлами. Въ Холмѣ, при Данилѣ Романовичѣ, среди города построена была башня высокая, съ которой можно было стрѣлять по окрестностямъ; основаніе ея было каменное, вышиною въ 15 локтей, а сама была построена изъ тесаннаго дерева и выбѣлена какъ сыръ, свѣтилась на всѣ стороны; подлѣ нея находился колодезь глубиною въ 35 сажень. Въ поприщѣ отъ города находился столпъ каменный, а на немъ орелъ каменный изваянъ; высота камяу 10 локтей, съ головами же и подножками 12. О князѣ Владимірѣ Васильковичѣ лѣтописецъ говоритъ, что онъ много городовъ срубилъ: между прочимъ, въ Каменцѣ поставилъ столбъ каменный вышиною въ 17 сажень, такъ что всѣ удивлялись, смотря на него. Столица великаго князя Литовскаго, Вильна, въ началѣ XV вѣка состояла изъ дурныхъ деревянныхъ домовъ, имѣла деревянную крѣпость и нѣсколько кирпичныхъ церквей ⁴⁾.

Такъ какъ и въ описываемое время, кромѣ стѣнъ и церквей, остальное строеніе въ русскихъ городахъ было почти исключительно деревянное, то и теперь пожары должны были свирѣпствовать непрежнему. О московскихъ пожарахъ лѣтописецъ упоминаетъ въ первый разъ подъ 1330 годомъ; въ 1335 году Москва погорѣла вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими городами; въ 1337 — былъ новый большой пожаръ, причеиъ сгорѣло 18 церквей; послѣ пожара пошелъ сильный дождь, и что было вынесено въ погреба и на площади, то все потонуло. Въ 1342 году подобный же пожаръ; въ 1357 — Москва сгорѣла вся съ 13 церквами; въ 1364 году загорѣлась Москва во время сильной засухи и зноя, поднялась буря и разметала огонь повсюду; этотъ пожаръ, начавшійся отъ церкви Всѣхъ Святыхъ, слылъ большимъ; въ 1388 — сгорѣла почти вся Москва; въ 1389 — сгорѣло въ Москвѣ нѣсколько тысячъ дворовъ; подобный же пожаръ въ 1395 году; потомъ упоминается о пожарѣ въ Москвѣ въ 1413, 1414, 1415, въ 1422, 1441; въ 1445 — знаменитый пожаръ послѣ Суздальскаго бою; въ 1453 — выгорѣлъ весь кремль; въ 1458 — сгорѣло около трети города. Такимъ образомъ, во 130 лѣтъ 17 большихъ пожаровъ, по одному на 7 лѣтъ. — Въ Новгородѣ въ 1231 году сгорѣлъ весь Словенскій конецъ; пожаръ былъ такъ лютъ, говоритъ лѣтописецъ, что огонь ходилъ по водѣ черезъ Волховъ; въ 1252 году опять погорѣло Славно; въ 1261 — сгорѣло 80 дворовъ; въ 1267 — сгорѣлъ конецъ Неревскій, причеиъ много товара погорѣло на Волховѣ въ ладьяхъ, все сгорѣло въ одну часть, и многие отъ того разбогатѣли, а другіе многіе обнищали; въ 1275 — погорѣлъ торгъ съ семью деревянными церквами, четыре каменныхъ погорѣло, да пятая нѣмецкая; въ 1299 году, ночью, загорѣлось на Варяжской улицѣ, поднялась буря, изъ нѣмецкаго двора перекинуло на Неревскій конецъ. за-

¹⁾ Никол. IV, 53.

²⁾ Это слово употреблено въ лѣтописи.

³⁾ П. С. Р. Л. IV, 72, 91.

⁴⁾ Тамъ же, II, 19, 86, 198, 222. Lannoy, p. 24.

нялся Большой мостъ—и была великая пагуба: на Торговой сторонѣ сгорѣло 12 церквей, въ Неревскомъ концѣ—10. Въ 1311 году было три сильныхъ пожара: сгорѣло 9 церквей деревянныхъ, 46 обгорѣло; потомъ упоминается сильный пожаръ подъ 1326 годомъ; такой же подъ 1329, 1339; въ 1340 году упоминается объ одномъ изъ самыхъ легкихъ пожаровъ; между прочимъ, погорѣлъ Владычный дворъ и церковь Св. Софїи, изъ которой не успѣли вынести всѣхъ иконъ; Большой мостъ сгорѣлъ весь по самую воду; всѣхъ церквей сгорѣло 43, по другимъ извѣстіямъ—50, а людей погибло 70 человекъ; по инымъ извѣстіямъ, сгорѣло 48 церквей деревянныхъ и упало три каменныхъ. Въ 1342 году, во время большого пожара, сгорѣло три церкви и много зла случилось: люди не смѣли жить въ городѣ, перебрались на поле, а иные жили по берегу въ судахъ,—весь городъ былъ въ движеніи, бѣгали больше недѣли, наконецъ владыка съ духовенствомъ замыслили постъ и ходили со крестами по монастырямъ и церквамъ. Въ 1347 году погорѣло шесть улицъ; въ 1348—два пожара: во второй горѣло на пяти улицахъ, сгорѣло 4 деревянныхъ церкви; въ 1360—погорѣлъ Подоль съ Гончарскимъ концомъ, причемъ сгорѣло семь деревянныхъ церквей; въ 1368 году былъ пожаръ злой, по выраженію лѣтописца: погорѣлъ весь Дѣтинецъ, Владычный дворъ, церковь Св. Софїи огорѣла, часть Неревского конца и Плотницкій конецъ весь, а въ слѣдующемъ году погорѣлъ конецъ Славенскій; черезъ годъ—новый пожаръ: погорѣлъ весь Подоль и нѣкоторые другія части города; въ 1377 году сгорѣло семь церквей деревянныхъ и огорѣло три каменныхъ; въ 1379—сгорѣло 8 улицъ и 12 церквей; въ 1384—былъ пожаръ въ Неревскомъ концѣ, сгорѣло двѣ церкви; въ слѣдующемъ году сгорѣли два конца—Плотницкій и Славенскій, весь торговъ: каменныхъ церквей сгорѣло 26, деревянныхъ 6; начался пожаръ въ среду утромъ, горѣло весь день и ночь и въ четвергъ все утро; людей сгорѣло 70 человекъ. Въ 1386 году сгорѣлъ конецъ Никитской улицы; въ 1388 году погорѣла Торговая сторона,—сгорѣло 24 церкви и погибло 75 человекъ. Въ 1391—сгорѣло 8 деревянныхъ церквей, по другимъ извѣстіямъ—15, огорѣло 3 каменныхъ, по другимъ извѣстіямъ—семь; людей погибло 14 человекъ; въ томъ же мѣсяцѣ погорѣлъ весь Людинъ конецъ съ семью деревянными церквами и четырьмя каменными; въ 1394 году погорѣлъ Владычный дворъ съ околоткомъ, сгорѣло 2 церкви деревянныхъ и 8 каменныхъ огорѣло; въ 1397—погорѣлъ берегъ; въ 1399—былъ пожаръ въ Плотницкомъ концѣ, Славенскій сгорѣлъ весь, огорѣло 22 каменныхъ церкви, сгорѣла одна деревянная; въ 1403 году опять погорѣла часть Плотницкаго конца, а Славенскій сгорѣлъ весь, причемъ сгорѣло 15 каменныхъ церквей; по другимъ извѣстіямъ,—каменныхъ 7, а деревянныхъ двѣ; въ 1405 году два пожара: на Ягевой улицѣ сгорѣло 15 дворовъ, потомъ погорѣлъ Людинъ конецъ, часть Прусской улицы, часть Дѣтинца, сгорѣло 5 дере-

вянныхъ церквей и одна каменная, огорѣло каменныхъ 12, причемъ погибло 30 человекъ; въ 1406—погорѣлъ княжой дворъ, а въ слѣдующемъ году погорѣлъ Неревскій конецъ, огорѣло 12 церквей каменныхъ, и въ томъ числѣ Св. Софїи, сгорѣло 6 деревянныхъ; въ 1414—погорѣлъ Неревскій конецъ, пять деревянныхъ церквей сгорѣло, 8 каменныхъ огорѣло; въ 1419 погорѣло два конца—Славенскій и Плотницкій съ 24 церквами; въ 1424—погорѣла Торговая сторона и Людинъ конецъ весь; въ 1434—погорѣло два конца; въ 1442—было три сильныхъ пожара въ одномъ мѣсяцѣ. Такимъ образомъ, въ Новгородѣ, въ описываемое время, приходилось по одному сильному пожару на 5 лѣтъ. Подъ 1391 годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе о средствѣ, которое придумали Новгородцы для предупрежденія пожаровъ: послѣ большого пожара, бывшаго въ этомъ году, они взяли у Св. Софїи съ полатей десять тысячъ серебра, сконпленныя владыкою Алексѣемъ, и раздѣлили по 1,000 рублей на каждый конецъ; на эти деньги поставили костры каменные по обѣ стороны острога у всякой улицы. Во Псковѣ упоминаются десять большихъ пожаровъ, въ Твери—семь, два въ Смоленскѣ, два въ Торжкѣ и по одному въ Нижнемъ, Старицѣ, Ростовѣ, Коломнѣ, Муромѣ, Корельскомъ городѣ, Оршкѣ, Молвотницахъ. Что касается народонаселенія городовъ, то подъ 1230 годомъ говорится, что въ Смоленскѣ погибло отъ мору 32,000 человекъ; въ Новгородѣ въ 1390 году, по одному иностранному извѣстію (Кранда), погибло отъ мору 80,000 человекъ; въ Москвѣ, во время Тохтамышева взятія, по однимъ извѣстіямъ погибло 24,000 человекъ, по другимъ—двое меньше.

Земельные участки, принадлежащіе къ городу, назывались его волостями, а совокупность всѣхъ этихъ участковъ называлась уѣздомъ; названіе уѣзда происходитъ отъ способа или обряда размежеванія, который назывался разъѣздомъ, межевникъ—разъѣзжикомъ, или заѣздникомъ, межевать—разъѣзжать; слѣдовательно, все что было приписано, примезовано къ извѣстному мѣсту, было къ нему уѣхано, или заѣхано, составляло его уѣздъ; что было отписано, не принадлежало къ нему, было отъѣхано, составляло волости отъѣздныя. По уѣздомъ называлась не одна совокупность мѣстъ, волостей, принадлежавшихъ городу; такое же названіе могла носить и совокупность мѣстъ или земель, принадлежавшихъ къ извѣстному селу,—и дѣйствительно, мы встрѣчаемъ село съ уѣздомъ¹⁾. Въ правительственномъ отношеніи уѣздъ раздѣлялся на волости—на станы, станы—на околицы. Населенныя мѣста въ уѣздѣ носили различныя названія: встрѣчаемъ городки, слободы, слободки, села, сельца, деревни, ночинки села, новоселки; встрѣчаемъ села,

¹⁾ Акты истор. I, 36: «Далъ есмь село свое Филиповичи съ уѣздомъ по кое мѣсто уѣздъ былъ къ пачѣ и моеи госпожи великой княгини Софїи: а она възьметъ до той ищѣи, съ пивами и съ покнями со всею пашнею». См. также яванскія грамоты, изд. Пискаревичъ, № 2.

принадлежащая къ слободамъ, села въ слободахъ, деревни, принадлежащая къ селамъ, къ починкамъ. Известно, какъ обширна была волость Новгородова Великаго; по давно утвердившемуся въ нашей наукѣ мнѣнію, новгородскія волости изстари дѣлились на пять большихъ частей, или пятинъ, которыя соотвѣтствовали раздѣленію Новгорода на пять концовъ, такъ что жители каждой пятинны вѣдались у старосты того городского конца, къ которому ихъ пятинна принадлежала. Объ этомъ прямо и ясно говоритъ Герберштейнъ; изъ русскихъ источниковъ, въ житіи Св. Саввы Вишерскаго читаемъ, что преподобный, имѣя нужду на земли для построения монастыря, посылалъ для испрошенія этой земли въ Славенскій конецъ. Сохранились даже въ спискахъ и грамоты, данныя правленіемъ конца Вишерскому монастырю на земли, концу принадлежавшія. Здѣсь могутъ возразить, что въ означенныхъ грамотахъ дѣло идетъ не о пятинныхъ отношеніяхъ къ концу, а просто о земляхъ, находившихся недалеко отъ Новгорода (въ 7 верстахъ) и принадлежавшихъ Славенскому концу. Но известно: что области пятинъ, какъ, напримѣръ, Обонежской (въ которой находились вишерскія земли), начинались непосредственно отъ Новгорода; что въ Обонежской пятинѣ были погосты, находившіеся еще ближе къ Новгороду, чѣмъ вишерскія земли, напр. Деревяницкій, Волотовскій ¹⁾. И въ описы-

ваемое время видимъ, что князья и вообще землевладѣльцы стараются увеличивать народонаселеніе льготами, которыя они даютъ приплытымъ людямъ; въ княженіе Димитрія Донскаго какой-то Евсейка вздумалъ переселиться изъ Торжка въ великокняжескую вотчину, на Кострому, и великій князь освободилъ его отъ всѣхъ податей, кромѣ оброка по 5 куняцъ на годъ; кромѣ того, приказалъ его блюсти дядѣ своему, Василю Тысяцкому ²⁾. При уступкѣ земельного участка монастырю или какому-нибудь частному лицу, князья обыкновенно помѣщаютъ въ своихъ жалованныхъ грамотахъ то условіе, что если землевладѣлецъ населитъ данный участокъ, то населеніе освобождается на нѣсколько лѣтъ отъ всѣхъ податей или тягостей, причемъ различаются два случая: если землевладѣлецъ перезоветъ на свой участокъ прежде жившихъ на немъ людей, старожилцевъ, или перезоветь выходцевъ изъ другихъ княжествъ, инокняженцевъ; для послѣднихъ льготъ было больше, — давалась имъ свобода отъ всѣхъ податей на двойное количество лѣтъ, въ сравненіи съ первыми, — обыкновенно на десять лѣтъ вмѣсто пяти. Въ случаѣ успѣшнаго заселенія данного участка, землевладѣлецъ получалъ новыя льготы, новыя награды; такъ, напримѣръ, монахи Кириллова монастыря за то, что полученную ими пустошь распахали, людей собрали, сельцо и деревни на рядили, получили отъ великаго князя Василя Васильевича льготу: никому изъ чиновниковъ не велѣно было ѣздить на это сельцо и деревни и останавливаться въ нихъ, брать кормы, проводниковъ, подводы ³⁾. Условія, на которыхъ принимали люди поселялись на пустыхъ участкахъ, разумѣется, зависѣли отъ взаимнаго соглашенія ихъ съ землевладѣльцами; они могли обрабатывать землю за известную плату отъ владѣльца, по найму, — и назывались наймитами; могли пользоваться землею, уличавъ владѣльцу ее половиною собираемыхъ произведеній, — почему назывались половниками, третьпроизведеній, — почему назывались третниками; крестьянщинъ, занявшій при поселеніи деньги у землевладѣльца, назывался серебряникомъ; наконецъ встрѣчаемъ названіе рядовыхъ людей, — отъ какого-нибудь, намъ неизвестнаго, ряда или договора. Мы видимъ изъ княжескихъ грамотъ, что эти люди переходили съ одной земли на другую, изъ одного княжества въ другое, перезывались; понятно, что самыя льготы, которыя они получали при заселеніи пустыхъ участковъ, побуждали ихъ къ переходамъ, ибо, живя на одномъ мѣстѣ, по истеченіи известнаго срока, на-

¹⁾ Житіе Саввы Вишерскаго, написанное известнымъ Пахоміемъ Логоетомъ, рукописное въ библиот. Удѣлскаго. Грамоты см. въ Истор. Росс. Іерар. III, стр. 559. Существуетъ и противное мнѣніе, что раздѣленіе Новгородской области на пятинны принадлежитъ позднѣйшему московскому времени (Ходаковский въ Русск. истор. сборт. I, кн. 3, стр. 100; Неволинъ — въ Записк. Русск. Геогр. Общ. кн. VIII, стр. 43 и слѣд.). Это мнѣніе основывается на томъ, что въ источникахъ Новгородской исторія о пятиннахъ не упоминается раньше московскаго покоренія. Но мы прежде всего спросимъ: въ позднѣйшихъ однородныхъ источникахъ упоминаются ли пятинны? При подобнаго рода вопросахъ первое дѣло смотрѣть на однородность источниковъ, а не смѣшивать извѣстныя лѣтописныхъ съ извѣстными, находящимися въ актахъ, въ исповныхъ книгахъ; никакъ нельзя при ршеніи известнаго вопроса для одной эпохи приводить только лѣтописныя извѣстія, а для другой писаныя книги и акты, на нихъ ссылающіеся. Известно, что чѣмъ древнѣе лѣтописи или акты, тѣмъ зачѣтнѣе въ ихъ составителяхъ любовь употреблять имена народныхъ вмѣсто именъ государствъ, именъ жителей областей вмѣсто названія самыхъ областей. Лѣтописецъ не знаетъ ни Польши, ни Богеміи, ни Швеціи, знаетъ только Ляховъ, Чеховъ, Свевей; какъ же отъ него требовать, чтобы вмѣсто *Вожанъ* онъ говорилъ: *Вотская пятинна*? Въ другихъ же приводимыхъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ мы не въ правѣ ожидать названія пятинны, ибо названія заключали бы въ себѣ большую неопредѣленность, напр.: «И совокупися въ Новгородъ вся волость новгородская: пльсковичи, ладожане, корѣла, ижера, вожане». Наконецъ зачѣтнѣе, что сотия не есть пятинна, вотская земля не есть вотская пятинна, слѣд. тамъ, гдѣ употребляются эти названія, не должно было быть упомянуто слово: пятинна. Что Герберштейнъ разумѣлъ пятинны, которыя тянутся къ концамъ, это ясно: «Civitas latissimam ditionem in quinque partes distributam habebat: quarum quaelibet pars ad suae partis magistratum referebat»: изъ которыхъ каждая часть тянула къ начальству своей части! — Ходаковский и Кеппель указали, что пятинны попадаются и въ другихъ

мѣстахъ (Зап. Геогр. Общ. VIII, 43); въ одномъ актѣ 1738 года (Врем. Моск. Истор. Общ. кн. 17, стр. 17 слѣд.) указываются пятинны нижегородской епархіи, и мы думаемъ, что всѣ эти пятинны (кромѣ новгородскихъ) произошли вслѣдствіе церковнаго раздѣленія на десятины, откуда десятильники или десятилявники; называется же Устюгъ десятиною Ростовскаго архіепископа.

²⁾ Доноли. къ акт. историч. I, № 8.

³⁾ Актъ истор. I, № 13, 36, 25, 28; Дополн. къ акт. истор. I, № 197. Актъ Арх. Эксп. I, № 18, 39, 44, 37.

примѣръ десяти лѣтъ, они лишились льготъ, и нѣтъ выгоды было перейти на другое мѣсто, заселивъ которое они получали опять льготы. Впрочемъ, видя уже ограниченіе произвольнаго перехода с иротъ, или хрестьянъ (такъ называлось тогда сельское народонаселеніе) опредѣляемъ срока для него; сирота могъ оставлять землю, от ка зы в а т ь с я, только осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, именно — за двѣ недѣли до Юрьева дня и недѣля спустя послѣ Юрьева дня осенняго, причѣмъ серебряники должны были заплатить свое серебро ¹⁾. Потомъ видимъ запрещеніе перехода или перезыва крестьянъ въ видѣ льготы для извѣстнаго землевладѣльца: такъ, напримѣръ, великій князь Василій Васильевичъ пожаловалъ игумена Троицкаго Сергіева монастыря и братію, запретивъ переходъ крестьянамъ-старожилцамъ изъ монастырскаго села Присѣкъ и деревень, къ нему принадлежащихъ ²⁾. Дальнѣйшимъ ограниченіемъ было запрещеніе землевладѣльцамъ, чьихъ земли были освобождены отъ общаго княжескаго суда и пошлинъ, принимать къ себѣ тяглыхъ волостныхъ людей, тянувшихъ судомъ и пошлинами къ князю; они должны были довольствоваться только перезывомъ инокняженцевъ; такъ, Иоаннъ Калита запретилъ Юрьевскому архимандриту принимать на свои земли тяглыхъ волоцкихъ людей и выходцевъ изъ Московскаго княжества; такъ, великій князь Василій Димитріевичъ постановилъ это условіе при позволеніи митрополиту Фотію купить деревню въ волости Талшѣ ³⁾. Наконецъ, иногда князь не только позволялъ извѣстному землевладѣльцу не отгускать отъ себя крестьянъ, но давалъ право возвращать и тѣхъ, которые прежде вышли: такъ, великій князь Василій Васильевичъ далъ это право игумену Троицкаго Сергіева монастыря относительно людей, выпешшихъ изъ монастырскихъ селъ въ Углискомъ уѣздѣ ⁴⁾. Что же касается отношеній переходнаго сельскаго народонаселенія къ землевладѣльцамъ, то мы знаемъ, что нѣкоторымъ изъ послѣднихъ князья жаловали право суда надъ поселенными на ихъ земляхъ людьми, кромѣ душегубства и суда смѣснаго: въ послѣднихъ случаѣхъ землевладѣльцы эти судили вмѣстѣ съ намѣстниками и волостелями княжескими или ихъ тѣнами;

иногда жаловалось право суда, кромѣ душегубства, разбоя и татбы съ поличнымъ ⁵⁾.

Но подлѣ этого переходнаго сельскаго народонаселенія мы видимъ народонаселеніе несвободное, принадлежащее землевладѣльцамъ; такъ, въ жалованныхъ грамотахъ землевладѣльцамъ отличаются люди, купленные ими, отъ тѣхъ, кого они перезовутъ, или старожилицы и пришлые люди отличаются отъ окупленныхъ ⁶⁾. Князья въ своихъ договорахъ отличаютъ холопей своихъ отъ сельчанъ ⁷⁾, говорятъ о своихъ бортникахъ и оброчникахъ купленныхъ, о людяхъ купленныхъ, о людяхъ дѣловыхъ, которыхъ они прикупили или за вину взяли себѣ, о людяхъ полныхъ (рожденныхъ въ холопствѣ), купленныхъ грамотныхъ (отдавшихся добровольно въ холопство по кабальнымъ грамотамъ). Изъ зависимыхъ людей упоминаются также закладни, или закладники, которые, на извѣстныхъ условіяхъ, з а л о ж и л и с ь за другого; такъ какъ главнымъ побужденіемъ къ закладничеству было желаніе освободиться отъ повинностей, лежавшихъ на свободномъ и самостоятельномъ человѣкѣ, то князья и условливаются не держать закладней въ городѣ (Москвѣ). Такимъ образомъ, мы должны отличать, въ описываемое время, людей свободныхъ и самостоятельныхъ, людей несамостоятельныхъ (каковы были закладни), и наконецъ людей несвободныхъ, которые могли быть вѣчно или временно несвободны, смотря по тому, родились ли они въ несвободномъ состояніи, были куплены, попались въ плѣнъ, или отделись добровольно въ холопство на ограниченное число лѣтъ. Для первыхъ встрѣчаемъ названіе людей полныхъ — челяди дерноватой; выраженіе: послать на отхожую — значило освободить подобныхъ людей. Замѣчательно, что вмѣстѣ человѣкъ вольный говорилось: „человѣкъ великаго князя“ ⁸⁾. Что касается положенія холопа, то Новгородцы въ своихъ договорахъ требуютъ, чтобы доносъ холопа или раба на господина не имѣлъ силы и чтобы судьи не судили холопа и холопника безъ господара. Говоря о разныхъ слояхъ народонаселенія въ древней Руси, мы не можемъ обойти вопросъ о томъ: кто и какъ могъ владѣть земельною собственностію? Кромѣ людей служилыхъ и духовенства, въ числѣ землевладѣльцевъ видимъ гостей: годъ 1371 годомъ находимъ извѣстіе, что въ Нижнемъ-Новгородѣ былъ гость Тарасъ Петровъ, который выкупилъ изъ плѣна своею казною множество всякихъ чинцовъ людей и купилъ себѣ втчину у великаго князя, шесть селъ за рѣкою Кудьюю. Но значеніе гостя въ лѣтонисѣ не опредѣлено: иногда „гости“ употребляются вообще въ смыслѣ торговыхъ людей, купцовъ, иногда — въ значеніи лучшихъ, богатѣйшихъ купцовъ; въ новгородскихъ

¹⁾ Акты Арх. Эксп. I, № 48.

²⁾ Акты истор. I, № 59: «Также есмь игумена съ братьею пожаловалъ: котораго ивъ хрестьянина изъ того села и изъ деревень кто къ себѣ откажетъ, а ихъ старожила, и язъ князь велики тѣхъ крестьянъ изъ Присѣкъ и възъ деревень не ведѣлъ вышущати ни къ кому».

³⁾ Акты Арх. Эксп. I, № 4 и 20.

⁴⁾ Тамъ же, № 61: «Которые люди отъ нихъ вышли изъ ихъ селъ въ мои села в. к. или въ мои села в. княгини, и въ боярские села, сего лѣта, не хотя ѣхати на мою службу, в. князя къ берегу, и язъ князь в. пожаловалъ игумена Васьяна съ братьею, велѣлъ есмь тѣ люди вывести опять назадъ; а которые люди живутъ въ ихъ селахъ и нынѣ, и язъ к. в. тѣхъ людей не велѣлъ пушати прочъ; а надобѣ будетъ приславъ поселекому монастырскому, и оиъ смлетъ пристава моего у намѣстника Углецкаго на тѣ люди, которые отъ нихъ вышли».

⁵⁾ Тамъ же, № 44, 46.

⁶⁾ Акты истор. I, № 28. Акты Арх. Эксп. I, № 374.

⁷⁾ С. г. г. и д. I, № 33.

⁸⁾ Тамъ же, № 21, 24, 25. Акты истор. I, № 255; Акты юрид., стр. 430, 434.

памятникахъ гости не составляютъ особаго разряда,—вездѣ видимъ только купцовъ. Но естественно, что только богатѣйшіе купцы, гости, могли приобретать земельную собственность, ибо они одни только, по своимъ средствамъ, могли, не оставляя торговли, заниматься и сельскимъ хозяйствомъ, тогда какъ купцы незначительные не были въ состояніи въ одно время и торговать въ лавкѣ, и жить въ селѣ. Кромѣ того, столкновение государственныхъ интересовъ должно было уже въ описываемое время вести къ тому, что купцамъ нельзя было владѣть земельною собственностію, ибо всякій землевладѣлецъ долженъ былъ служить государству, а купецъ былъ человекъ данной, платившій въ казну деньги съ своего промысла. Если купецъ становился землевладѣльцемъ, то онъ, относительно государственныхъ требованій, долженъ былъ совмѣщать въ себѣ два характера: человекъ служилаго и человекъ даннаго; но понятно, что онъ не могъ удовлетворить вмѣстѣ этимъ двумъ требованіямъ: мало того, мы видѣли, что, по финансовымъ требованіямъ, онъ не могъ бросить торга и перейти въ служилые люди, ибо князья клялись другъ другу не принимать къ себѣ въ службу торговыхъ людей. Всѣ землевладѣльцы необходимо должны были перейти въ служилые люди, ибо государство не хотѣло между служилыми и промышленными людьми признавать никакого другаго разряда; такъ, послѣ, по Уложенію, дѣти неслужилыхъ отцовъ, купившіе вотчины, должны были записаться въ царскую службу; въ противномъ случаѣ вотчины отбирались у нихъ въ казну. Класса землевладѣльцевъ, живущихъ на своихъ земляхъ, не могло образоваться въ описываемое время, ибо и теперь, какъ прежде, продолжалась постоянная колонизація сѣверо-восточныхъ пространствъ, постоянное переселеніе, броженіе; земледѣльцу невыгодно было оставаться долго на одномъ мѣстѣ по самому качеству почвы на сѣверо-востокѣ, которая нигдѣ не обѣщала продолжительнаго плодородія: чрезъ нѣсколько времени послѣ перваго занятія, послѣ выжиги лѣса, требовала уже большихъ трудовъ, и земледѣльцу выгодно было оставлять ее и переходить на новую почву. Кромѣ того, во все продолженіе древней русской исторіи, мы видимъ стремленіе менѣе богатыхъ, менѣе значительныхъ людей заклады вать ся за людей болѣе богатыхъ, болѣе значительныхъ, пользующихся особенными правами, чтобы подъ ихъ покровительствомъ найти облегченіе отъ повинностей и безопасность. Стремленіе это мы видимъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ въ средніе вѣка; оно естественно въ новорожденныхъ обществахъ, при отсутствіи безопасности, когда правительство, законы еще не такъ сильны, чтобы дать покровительство, безопасность всѣмъ членамъ общества. Такимъ образомъ, выгодно было земледѣльцамъ переходить на земли богатыхъ и знатныхъ землевладѣльцевъ, архіереевъ, монастырей, вельможъ, ибо, кромѣ вышеупомянутыхъ льготъ

при первомъ поселеніи, поселенцы пользовались еще льготами, заключавшимися въ разныхъ правахъ, которые имѣли тѣ или другіе землевладѣльцы, а главное—пользовались покровительствомъ сильныхъ людей. При обращеніи вниманія на отличительную черту нашей древней исторіи, на колонизацію страны, легко рѣшается вопросъ о томъ, какъ произошла поземельная собственность и различныя ея виды. Какъ только Сѣверо-Восточная Русь выступаетъ на историческую сцену, такъ мы видимъ въ ней сильную колонизацію, происходящую подъ покровительствомъ князей; если бы мы даже не имѣли опредѣлительныхъ извѣстій объ этой колонизаціи, то мы необходимо должны были бы предположить ее, ибо исторія застаетъ Сѣверо-Восточную Русь Финскою страной, а потомъ видимъ ее Славянскою; слѣдовательно, допустивъ даже, что финское народонаселеніе не исчезало, но ослаблялось, мы должны допустить сильную славянскую колонизацію. Но эта колонизація происходила не въ доисторическія времена, когда „живиху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстахъ“: она происходила на памяти исторіи, когда Сѣверо-Восточная Русь составляла уже опредѣленную область, княжество, гдѣ владѣла извѣстная линія княжеская; слѣд. колонизація не могла происходить безъ вѣдома и вліянія извѣстнаго правительства. Ростовъ Великій существовалъ до призванія князей; ему принадлежала обширная, малонаселенная, но опредѣленная область. Для потомковъ первыхъ насельниковъ, городскихъ и сельскихъ, земля находится въ общемъ владѣніи; на это указываютъ обычный способъ владѣнія землями, принадлежавшими общинамъ городскимъ и сельскимъ. Но остаются обширныя ненаселенныя пространства, никому не принадлежація, т. е. принадлежація городу Ростову, а въ Ростовѣ находится высшее правительственное лицо, князь, который управляетъ всею областю посредствомъ своихъ чиновниковъ, волостелей; слѣд. никакая дальнѣйшая переѣна, никакія новыя права и отношенія не могутъ произойти безъ вѣдома, безъ распоряженія княжескаго; положимъ, что сначала князь распоряжается въ области не безъ вѣдома и участія старшаго города, но конечно мы не имѣемъ никакого права думать, чтобы послѣ Андрея Боголюбскаго и Всеволода III князья распоряжались чѣмъ бы то ни было съ вѣдома и согласія Ростовцевъ. Прежде всего князья могли распоряжаться землею, принадлежащею ихъ волости, отдавая ее въ полное владѣніе членамъ своей дружины, съ правомъ населять ее всякаго рода людьми, вольными и невольными; могли распоряжаться землею, отдавая ее духовенству; наконецъ могли продавать ее богатымъ купцамъ или гостямъ, подобнымъ вышеупомянутому Тарасу Петрову, которые имѣли возможность населить купленную землю: вотъ разные виды происхожденія частной земельной собственности, вотчины. Но, съ одной стороны, мы видѣли, что для жителей городовъ и селъ существовала исконная

привычка смотрѣть на земли, принадлежавшія ихъ городамъ и селамъ, какъ на общее достояніе; земля принадлежала общинѣ, а не отдѣльнымъ членамъ ея; когда же община потеряла свое самостоятельное значеніе передъ княземъ, то земля естественно стала государевою; съ другой стороны, земли оставались все еще много; какъ частные люди, землевладѣльцы старались населить принадлежавшіе имъ участки, перезывая къ себѣ отовсюду земледѣльцевъ, такъ точно старалось и правительство о населеніи оставшихся у него пустыхъ земель. Являлись насельники, земледѣльцы, и принимались съ радостію: но какимъ же образомъ они селились? Они не покупали земель у правительства, ибо, во-первыхъ, имъ не было никакой выгоды покупать, когда они могли пользоваться землею безъ покупки, и потомъ, найдя землю неудобною, переселялись на новыя мѣста. Если подобныя поселенцы оставались долго на занятыхъ ими участкахъ, то, разумѣется, эти участки переходили къ ихъ дѣтямъ, безо всякихъ новыхъ формъ и сдѣлокъ; но ясно, что какъ у правительства, такъ и у насельниковъ сохранялось вполнѣ сознаніе, что занятая послѣдними земли не составляютъ ихъ полной собственности, не суть ихъ вотчины, не пожалованы имъ за службу, не куплены ими, но уступлены только въ пользованіе, хотя правительству и выгодно, чтобъ это продолжалось какъ можно долѣе, переходило изъ рода въ родъ. Вотъ происхожденіе такъ называемыхъ черныхъ, или государственныхъ земель. Что сказано о селлахъ, то должно быть примѣнено и къ городамъ, ибо города населялись точно такъ же, какъ села. Извѣстный промышленникъ селился въ городѣ, на отведенной ему отъ правительства землѣ, ставилъ дворъ, оставлялъ эту землю и дворъ въ наслѣдство дѣтямъ, передавалъ ихъ за деньги, продавалъ другому подобному себѣ лицу, — правительство не вступалось, лишь бы только эта черная земля не сдѣлалась бѣлою, не перешла бы къ кому-нибудь въ видѣ полной частной собственности: отсюда всѣ извѣстныя распоряженія о непокупкѣ земель черныхъ людей, т. е. о непереводѣ собственности государственной въ частную.

Кромѣ повинностей, означенныхъ выше въ статьѣ о доходахъ княжескихъ, въ описываемое время встрѣчаемъ извѣстія о другихъ обязанностяхъ сельскаго населенія: напримѣръ, обязанностяхъ — городъ дѣлать, дворъ княжой и волостелинъ ставить, коня княжого кормить, сѣно косить, на охоту ходить по приказанію ловчихъ княжескихъ (на медвѣдя и на лося), давать кормъ, подводы и проводниковъ князю, воеводамъ, намѣстникамъ, волостелямъ, тиунамъ и всякаго рода чиновникамъ и посланцамъ княжескимъ

Кромѣ означенныхъ словесъ народонаселенія, въ первый разъ, въ описываемое время, именно въ концѣ первой половины XV вѣка, встрѣчаемъ названіе козаковъ рязанскихъ, которые пришли на помощь къ Рязанцамъ и Москвичамъ противъ та-

тарскаго царевича Мустафы; они пришли вооруженные сулицами, рогатинами и саблями¹⁾.

Мы видѣли стараніе князей умножать народонаселеніе въ своихъ княжествахъ; теперь обратимъ вниманіе на обстоятельства, препятствовавшія этому умноженію, на бѣдствія политическія (войны междуусобныя и внѣшнія) и физическія (голодъ, моръ и другія). Мы видѣли на сѣверѣ въ описываемое время 90 усобицъ, въ продолженіи которыхъ Владимірская область (съ Черяславлемъ, Костромою и Галичемъ) терпѣла 16 разъ, Новгородская 15, Московская 14, Тверская 13, Смоленская, Рязанская и Двинская — по 9 разъ, Сѣверская и Суздальско-Нижегородская по 4, Ярославско-Ростовская 3, Вятская 2, Псковская 1; такимъ образомъ, Владимірская область, болѣе другихъ терпѣвшая отъ усобицъ, подвергалась опустошеніямъ по одному разу почти въ 15 лѣтъ; относительно же всей Сѣверной Россіи придется по одной войнѣ слишкомъ на два года. Опустошеніямъ отъ внѣшнихъ враговъ Новгородская область подвергалась 29 разъ, Псковская 24, Рязанская 17, Московская 14, Владимірская и Нижегородская по 11, Сѣверская 8, Смоленская и Тверская — по семи, Ярославско-Ростовская 4; Вятская 1; слѣдовательно Новгородская область, болѣе другихъ повидимому терпѣвшая отъ внѣшнихъ войнъ, подвергалась непріятельскимъ нашествіямъ по одному разу на 8 лѣтъ. Круглое число непріятельскихъ нашествій будетъ 133; изъ этого числа на долю татарскихъ опустошеній приходится 48, считая всѣ извѣстія о тиранствахъ баскаковъ въ разныхъ городахъ; приложивъ къ числу опустошеній отъ внѣшнихъ враговъ число опустошеній отъ усобицъ, получимъ 232, слѣдовательно придется по опустошенію почти на каждый годъ. Но понятно, что на этихъ однѣхъ цифрахъ нельзя основать никакихъ выводовъ; такъ, напримѣръ, Новгородская и Псковская области терпѣли больше всѣхъ другихъ отъ нашествій внѣшнихъ враговъ, и, несмотря на то, Новгородъ и Псковъ оставались самыми богатыми городами во всей Сѣверной Россіи, ибо Псковъ во все это время былъ только разъ во власти враговъ, которые, впрочемъ, какъ видно, не причинили ему большого вреда; Новгородъ же ни разу не доставался въ руки непріятелю; большая часть нашествій нѣмецкихъ, шведскихъ и литовскихъ, отъ которыхъ терпѣли Новгородъ и Псковъ, ограничивались пограничными волостями ихъ и нисколько не могутъ идти въ сравненіе съ нашествіемъ Ватяя, съ двукратнымъ татарскимъ опустошеніемъ во время усобицъ между сыновьями Невскаго, съ опустошеніемъ Тверской области Татарами и Калитою, съ нашествіемъ Тохтамыша, Едигея. Такъ же обманчивы приведенныя цифры и относительно восточныхъ областей; такъ, напримѣръ, цифры показываютъ, что Московское княжество подвергалось большимъ опустошеніямъ, чѣмъ кня-

1) Псков. У, 192.

жество Тверское; но разсмотрѣніе другихъ обстоя- тельствъ, и именно — когда и какого рода опусто- шеніямъ подвергались оба соперничающія кня- жества, совершенно измѣняетъ дѣло: Тверское кня- жество подверглось страшному опустошенію въ-ко- нецъ отъ Татаръ и Калиты при князѣ Александрѣ Михайловичѣ; потомъ, не успѣло оно оправиться отъ этого бѣдствія, начинаются усобицы княжескія, заставляющія народъ выселяться изъ родныхъ пре- дѣловъ въ другія княжества, тогда какъ Москва не терпитъ опустошеній отъ вѣнскихъ враговъ отъ Калиты до Донскаго, а усобицы начинаются въ ней только въ княженіе Василія Васильевича, когда она уже воспользовалась временемъ отдыха и взяла окончательнo верхъ надъ всѣми другими княже- ствами. Цифры показываютъ, что болѣе частымъ нападеніямъ вѣнскихъ враговъ подвергались погра- ничныя области на юго-востокѣ и сѣверо-западѣ — Рязанская, Новгородская и Псковская; Рязанская — отъ Татаръ, Новгородская и Псковская — отъ Шведовъ, Польшы и Литвы, — и числовое большин- ство остается на сторонѣ сѣверо-западныхъ гра- ницъ. Но мы замѣтили, что нашествій шведскихъ и нѣмецкихъ нельзя сравнивать съ татарскими: съ другой стороны, не должно преувеличивать и вреда, который Россія претерпѣвала отъ Татаръ; не должно забывать, что иго тяготѣло особенно только въ продолженіи 25 лѣтъ; что уже въ 1266 г. лѣтописецъ извѣщаетъ объ его ослабленіи; что уже въ концѣ XIII вѣка исчезаютъ баскаки, и князья сами распоряжаются относительно выхода; что пол- ствѣ татарскихъ опустошеній, которыя были слѣд- ствіемъ усобицы между сыновьями Невскаго, до опустошенія Тверской области Татарами съ Кали- тою, и послѣ этого вплоть до Тохтамышева наше- ствія, въ продолженіи, слѣдовательно, слишкомъ 50 лѣтъ, за исключеніемъ пограничныхъ княжествъ Рязанскаго и Нижегородскаго, Сѣверо-Восточная Россія не слыхала о татарскихъ нашествіяхъ, а по- томъ, кромѣ Тохтамышева, Едигеева и Улу-Махме- това нашествія, набѣги касались только границъ, и по-прежнему терпѣло отъ нихъ преимущественно княжество Рязанское. Вообще съ цифрами въ исторіи надобно обходиться очень осторожно.

Обратимся къ физическимъ бѣдствіямъ. Подъ 1230 годомъ лѣтописецъ говоритъ о голодѣ, сви- рѣшествовавшемъ во всей Россіи, кромѣ Кіева: въ половинѣ сентября морозъ побилъ весь хлѣбъ въ Новгородской области, и отсюда началось горе боль- шое, говорятъ лѣтописецъ, — начали покупать хлѣбъ по 8 купъ, кадь ржи по 20 гривенъ, пшеницы — по 40 гривенъ, пшеница — по 50, овса — по 13; „разошелся весь городъ нашъ и вся волость, и наполнились чужіе города и страны братьями нашими и сестра- ми; оставшіеся начали мереть; трупы лежали по улицамъ, младенцевъ грызли псы; ѣли мохъ, сосну, кору липовую, листь разный; нѣкоторые изъ черни рѣзали живыхъ людей и ѣли, другіе обрѣзывали мясо съ труповъ, иныя ѣли лошадей, собакъ, ко- шекъ. Преступниковъ казнили, вѣшали, жгли, но

стало другое зло: начали зажигать дома людей добрыхъ, у которыхъ чужіи рожь, и грабили ижъ- ние ихъ; между родными не было жалости, сосѣдъ сосѣду не хотѣлъ отломить куска хлѣба; отцы и матери отдавали дѣтей своихъ изъ хлѣба въ раб- ство купцамъ иноземнымъ; по улицамъ скорбь при видѣ труповъ, лежащихъ безъ погребенія: дома тоска при видѣ дѣтей, плачущихъ по хлѣбѣ, или умирающихъ съ голоду; цѣны возвысились на- конецъ дотого, что четвертую часть кади ржи на- чали покупать по гривнѣ серебра. Архіепископъ Спиридонъ поставилъ скудельницу и приставилъ челоуѣка добраго и смиреннаго, именемъ Станила, возить въ нее мертвецовъ на лошади со всего го- рода; Станиль возилъ цѣлый день безпрестанно, и навозилъ 3,030 труповъ; скудельница наполнилась: поставили еще другую, и наклали 3,500 труповъ“. Псковскій лѣтописецъ разсказываетъ объ этомъ го- лодѣ у себя въ тѣхъ же чертахъ; его особенно по- разило то, что въ Великій постъ люди ѣли конину: „Написалъ бы еще кой о чемъ похуже, да и такъ уже горько“, оканчиваетъ онъ свой разсказъ. Въ Смоленскѣ выстроено было четыре скудельницы, въ которыхъ было положено 32,000 труповъ. Въ 1251 году пошла дожди въ Новгородской области, подмочили хлѣбъ и сѣно, осенью морозъ побилъ хлѣбъ; въ 1291 году то же самое; въ 1303 году тамъ же зима была теплая, не было снѣгу черезъ всю зиму, и люди хлѣба не добыли. Въ 1309 году былъ голодъ сильный по всей Русской Землѣ, по- тому что мышь поѣла всякій хлѣбъ. Въ 1331 году была большая дороговизна въ Русской Землѣ: это голодное время слыло подъ названіемъ ро сло й ржи. Въ 1364 году съ половиной лѣта стояла мгла, зной былъ страшный, лѣса, болота и земля горѣли, рѣки высохли; въ слѣдующемъ году то же самое, и отсюда сильный голодъ. Осенью 1370 года было снѣгу много, и хлѣбъ пошелъ подъ снѣгъ; по зима была теплая, весь снѣгъ сошелъ въ самомъ началѣ Великаго поста, и хлѣбъ былъ сжатъ въ Великій постъ; лѣтомъ въ солнцѣ показались мѣста черныя, какъ гвозди; мгла была такая, что на са- жени нельзя было ничего передъ собою видѣть, люди сталкивались головы, птицы падали съ воз- духу людямъ на головы, звѣри сѣбишались съ людьми, медвѣди и волки бродили по селамъ, рѣки, болота, озера высохли, лѣса горѣли, голодъ былъ сильный по всей землѣ. Въ 1373 году, при сильномъ зноѣ, не было ни капли дождя во все лѣто. Лѣтомъ 1407 года было сумрачно и дождливо, крылатый червь летѣлъ отъ востока на западъ, поѣлъ деревья и засушилъ ихъ; въ 1409 году множество людей померло отъ голоду, въ 1412 — дороговизна въ Ниж- немъ-Новгородѣ; въ 1418 году снѣгъ выпалъ 15 сентября, шелъ трое сутокъ и покрылъ всю землю на 4 пяди, пошла морозы; но потомъ стало тепло, снѣгъ сошелъ, но хлѣба сжали мало послѣ снѣга, и начался голодъ по всей Русской Землѣ. Въ 1421 г. свирѣпствовалъ голодъ въ Новгородѣ и по всей Русской Землѣ; много людей померло съ голоду,

другіе ушли въ Литву, иные померзли на дорогѣ, потому что зима была очень холодна; въ Москвѣ оковъ ржи покупали по полтора рубля, въ Костромѣ — по два рубля, въ Нижнемъ — по шести; во Псковѣ тогда клѣтѣ были полны хлѣба отъ прежнихъ лѣтъ, и вотъ пошли ко Пскову Новгородцы, Корела, Чудь, Вожане, Тверичи, Москвичи, просто сказать, пошелъ народъ со всей Русской Земли, и нашло его множество, стали покупать рожь во Псковѣ, по волостямъ и пригородамъ, и возить за рубежъ; цѣны поднялись: зобница ржи начала продаваться по 70 копѣекъ, жита — по 50, овса — по 30, вслѣдствіе чего Псковичи запретили вывозить хлѣбъ за рубежъ, а нахожихъ людей стали выгонять изъ Пскова и изъ всѣхъ волостей; иные разошлись, а которые остались во Псковѣ, тѣхъ множество перемерло, и наклали ихъ въ одномъ Псковѣ четыре скудельницы, — а сколько погибло по пригородамъ и волостямъ, тѣмъ и числа нѣтъ. Осенью 1429 года земля и лѣса горѣли, дымъ слался по воздуху, съ трудомъ можно было видѣть другъ друга, отъ дыму умирали рыба и птица; рыба послѣ того нашла дымомъ два года; слѣдствіемъ такой погоды былъ голодъ сильный по всей Землѣ Русской; въ 1436 году морозъ побилъ хлѣбъ въ жатвенную пору, и была большая дороговизна; зимою 1442 года лютые морозы много причинили зла людямъ и животнымъ; въ 1444 году опять лютая зима и дороговизна сѣна; подъ 1446 годомъ Новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что въ его области хлѣбъ былъ дорогъ не только этого году, но въ продолженіи 10 лѣтъ, — двѣ коробы по полтинѣ, иногда больше, иногда меньше, а иногда и вовсе негдѣ купить; была скорбь сильная: только и слышно было, что плачь да рыданіе по улицамъ и по торгу; многіе отъ голоду падали мертвые, дѣти передъ родителями, отцы и матери передъ дѣтьми; многіе разошлись въ Литву, къ Нѣмцамъ, бусурманамъ и Жыдамъ; изъ хлѣба отдавались въ рабство купцамъ.

О морѣ долго не встрѣчаемъ извѣстій; подъ 1284 годомъ южный лѣтописецъ упоминаетъ о сильномъ морѣ на животныхъ въ Руси, Польшѣ и у Татаръ: лошади, рогатый скотъ, овцы померли безъ остатка; сѣверный лѣтописецъ упоминаетъ о морѣ на скотъ подъ 1298 годомъ; подъ 1308 — о морѣ на людей; подъ 1318 — о морѣ въ Твери; подъ 1341 — о морѣ на рогатый скотъ въ Новгородѣ; во Псковѣ же въ этомъ году былъ моръ сильный на людей: негдѣ стало погребать, гдѣ выкапаютъ могилу мужу или жевѣ, тамъ же положить и дѣтей малыхъ, голову семь или восемь въ одномъ гробѣ. Но это бдствіе было только предвѣстникомъ ужаснѣйшихъ; наступила страшная вторая половина XIV вѣка. Еще подъ 1348 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о морѣ въ Полоцкѣ; въ 1350 году слышали о морѣ въ дальнихъ странахъ; въ 1351 году начался моръ во Псковѣ съ такимъ признакомъ: харкнуть человѣкъ кровью, — и на четвертый день умираетъ; предвидя скорую смерть, мужчины и женщины шли въ монастыри и тамъ умирали, постриг-

шись; другіе приготовлялись къ смерти въ домахъ заботами о душахъ своихъ, отдавая игнѣние свое церквамъ и монастырямъ, духовнымъ отдавъ и нищимъ; священники не уцѣлвали ходить за каждымъ мертвецомъ на домъ, но приказывали свозить всѣхъ на дерковный дворъ, и за ночь къ утру набралось труповъ по тридцати и больше у каждой церкви, и всѣмъ было одно отпѣваніе, только молитву разрѣшительную читали каждому порознь, и клали по три или по пяти головъ въ одинъ гробъ; такъ было по всѣмъ церквамъ, и скоро стало негдѣ погребать, начали погребать подальше отъ церкви, наконецъ отведены были подъ кладбище пустая мѣста, совершенно вдаль отъ церквей. Многіе думали, что никто уже не останется въ живыхъ, потому что если моръ войдетъ въ какой одинъ либо родъ или семью, то рѣдко кто оставался въ живыхъ; если умиравшіе отдавали кому дѣтей своихъ или имѣніе, то и принимавшіе скоро заболѣвали и умирали, вслѣдствіе чего стали бояться принимать что-либо отъ умирающихъ, и родные начали бѣгать родныхъ; за то нѣкоторые великодушные, отбросивши всякій страхъ, и чужихъ мертвецовъ погребали, для спасенія душъ своихъ. Псковичи послали въ Новгородъ звать владыку Василія, чтобы пріѣхалъ благословить ихъ; владыка пріѣхалъ, обошелъ весь городъ съ духовенствомъ со крестами, мощами святыхъ; весь народъ провожалъ кресты, взывая: „Господи помилуй!“ Пробывъ немного дней во Псковѣ, владыка поѣхалъ назадъ здоровымъ, но на дорогѣ, на рѣкѣ Узѣ¹⁾, занемогъ и умеръ. Вслѣдъ за владыкою моръ шелъ изъ Пскова въ Новгородъ; во Псковѣ свирѣпствовалъ онъ съ весны до зимы, въ Новгородѣ — отъ Успенева дня до весны слѣдующаго года; одновременно съ Новгородомъ моръ свирѣпствовалъ въ Смоленскѣ, Кіевѣ, Черниговѣ, Суздальѣ; въ Глуховѣ и Вѣлозерскѣ не осталось ни одного человѣка; мы видѣли, что въ 1353 году моръ свирѣпствовалъ въ Москвѣ. Въ 1360 году свирѣпствовалъ второй моръ во Псковѣ съ новымъ признакомъ: у кого выложатся железа, тотъ скоро умираетъ; опять Псковичи послали въ Новгородъ звать къ себѣ владыку Алексѣя; тотъ пріѣхалъ, благословилъ всѣхъ отъ великаго до убогаго, обошелъ весь городъ со крестами, отслужилъ три литургии, — и моръ началъ переставать. Въ 1363 году явился моръ съ низовьевъ Волги, началъ свирѣпствовать въ Нижнемъ-Новгородѣ, потомъ въ Рязани, Коломнѣ, Переяславлѣ, Москвѣ, Твери, Владимирѣ, Суздальѣ, Дмитровѣ, Можайскѣ, Волокѣ, Вѣлозерѣ. Предъ началомъ болѣзни человѣка какъ рогагиною ударитъ въ лопатку, или подъ груди противъ сердца, или между крыльцами, потомъ большой начинаетъ харкать кровью, почувствуетъ сильный жаръ, за жаромъ слѣдуетъ обильный потъ, за потомъ дрожь — и это послѣднее; болѣзнь продолжалась день-два, рѣдко три; показывались и железа не одинаково: у иного на шеѣ, у другого

1) Усть Узы рѣки на Шелони.

на стегнѣ подь пазухоу, подь скулоу, за лопаткою; умираю на день человекъ по пятидесяти, по сту и больше; бѣдствие продолжалось не одинъ годъ, обходя разные города. Подь 1373 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о сильномъ морѣ на людей и скотскомъ надежѣ влѣдствие жаровъ и бездождя. Въ 1375 упоминается о морѣ въ Кіевѣ: въ 1387 былъ сильный моръ въ Смоленской области: изъ самаго Смоленска вышли только пять человекъ живыхъ и затворили городъ; подь 1389 годомъ упоминается сильный моръ во Псковѣ, подь слѣдующимъ годомъ—въ Новгородѣ. Подь 1402 годомъ упоминается моръ въ Смоленскѣ, подь 1403 во Псковѣ—железоу; моръ пришелъ изъ Дерпта; въ 1406 году это бѣдствие возобновилось во Псковѣ; въ 1409 году—моръ съ кровяною харкотою свирѣпствовалъ въ волостяхъ ржевскихъ, можайскихъ, дмитровскихъ, звенигородскихъ, переяславскихъ, владимірскихъ, юрьевскихъ, рязанскихъ и торусскихъ, показываясь въ нѣкоторыхъ московскихъ волостяхъ; первый признакъ—у больного руки и ноги прикорчить, шею скривить, зубы скрежещуть, кости хрустятъ, всё составы трещать, кричить, вопить; у иныхъ и мысль измѣняется, умъ отнимается; иные одинъ день поболѣвши умирали, другіе—полтора дня, нѣкоторые—два дня, а иные, поболѣвши три или четыре дня, выздоравливали. Въ 1414 была болѣзнь тяжкая по всей Русской Землѣ—костоломъ; въ 1417—моръ съ кровохарканіемъ и железомъ опустошилъ Новгородъ, Ладогу, Русу, Порховъ, Псковъ, Торжокъ, Дмитровъ и Тверь; въ Новгородѣ владыка Симеонъ, съ духовенствомъ вѣхъ семи соборовъ и всѣми жителями, обошелъ крестнымъ ходомъ около всего города, послѣ чего Новгородцы, одни на лошадахъ, другіе пѣшкомъ, отправились въ лѣсъ, привезли бревенъ и поставили церковь Св. Анастасіи, которую въ тотъ же день освятили и отделили въ ней литургію, а изъ остального лѣсу поставили церковь Св. Ілліи; въ Торжкѣ также въ одно утро построили церковь Св. Аванасія. Подь 1419 годомъ упоминается моръ въ Кіевѣ и другихъ юго-западныхъ странахъ; въ слѣдующемъ году моръ началъ опустошать сѣверо-восточную полосу—Кострому, Ярославъ, Юрьевъ, Владиміръ, Суздаль, Переяславль, Галичъ, Плесо, Ростовъ; хлѣбъ стоялъ на нивахъ, жать было некому; потомъ моръ, вѣстѣ съ голодомъ, опустошилъ Новгородъ и Псковъ; въ 1423 году—моръ съ железомъ и кровохарканіемъ въ Новгородѣ, Корелѣ и по всей Русской Землѣ; въ 1425 моръ былъ въ Галичѣ, а съ Троицына дня въ Москвѣ и по другимъ областямъ продолжался въ слѣдующихъ годахъ; явился новый признакъ—прыщъ: если прыщъ синій, то человекъ на третій день умираетъ; если же красный, то выгивалъ, и больно выздоравливалъ. Въ декабрѣ 1441 года начался сильный моръ железомъ во Псковѣ и продолжался все лѣто 1442 года, и по пригородамъ и волостямъ до января 1443 года. Послѣднее извѣстіе о морѣ подь 1448 годомъ: былъ моръ на лошадей и на

всякій скотъ, былъ и на людей, но не сильный.— Такимъ образомъ, въ продолженіи всего описываемаго времени, встрѣчаемъ не менѣе 23 извѣстій о морѣ въ разныхъ мѣстахъ; но если мы обратимъ вниманіе, что до второй половины XIV вѣка о морѣ упоминается не болѣе трехъ или четырехъ разъ, и всё остальные извѣстія относятся къ этой несчастной половинѣ вѣка, то здѣсь придется по извѣстію на каждыя пять лѣтъ. Нельзя не замѣтить, что послѣ успокоенія отъ вѣдшихъ и внутреннихъ войнъ, которымъ наслаждалось княжество Московское, Владимірское и Нижегородское во время Калиты и Симеона Гордаго, съ первыхъ же годовъ второй половины XIV вѣка начинается свирѣпствовать моровая язва и скоро потомъ опять начинаются сильныя внутреннія и вѣдшія войны: возобновляется борьба Москвы съ Тверью, Рязанью, Новгородомъ, видимъ опустошительныя нашествія татарскія и литовскія. Несмотря однако на это, Дмитрій Донской нашелъ средства вывести на Куликово поле войско, достаточное для побѣды надъ мамаевыми толпами; при этомъ нельзя забывать того явленія, что послѣ физическихъ бѣдствій, нагубныхъ для народонаселенія, послѣднее стремится къ увеличенію съ большею силою; такимъ образомъ, на Куликовскую битву являлось молодое поколѣніе, которое родилось уже послѣ страшной язвы, опустошившей Русь въ концѣ княженія Симеона Гордаго. Изъ другихъ разрушительныхъ явленій природы лѣтописи упоминаютъ о землетрясеніи подь 1230 годомъ, и потомъ не рѣже, какъ подь 1446 годомъ; о первомъ упоминаютъ лѣтописцы Суздальскій и Новгородскій, о второмъ—Московскій; Суздальскому рассказывали самовидцы, какъ въ Кіевѣ, во время землетрясенія 1230 года, разступилась въ Печерскомъ монастырѣ Богородичная каменная церковь на четыре части, въ трапезницѣ снесло со столовъ все кушанье и питье; въ Переяславлѣ русскомъ церковь Св. Михаила разбѣглась надвое; земля тряслась вездѣ въ одинъ день и часть—3 мая, во время литургіи. Того же мѣсяца 10 числа солнце при своемъ восхожденіи было на три угла, какъ коврига, но выраженію лѣтописца, потомъ сдѣлалось мало, какъ звѣзда, и погнбло; 14 числа солнце опять начало погибать и три дня являлось въ видѣ мѣсяца; того же 14 числа, какъ солнце стояло мѣсяцемъ, по обѣ его стороны являлись столпы красные, зеленые, синіе, и сошелъ огонь съ небеси, какъ облако большое, надъ ручьемъ Лыбедью; всѣмъ людямъ показалось, что уже пришелъ послѣдній часъ, начали цѣловаться другъ съ другомъ, прощаться, горько плакали, но страшный огонь прошелъ черезъ весь городъ безъ вреда, палъ въ Дибіръ и тутъ погнбъ. Въ Новгородской лѣтописи встрѣчаемъ извѣстія о сильныхъ наводненіяхъ; напримѣръ, въ 1421 году, въ маѣ мѣсяцѣ, вода въ Волховѣ поднялась, снесла Великій мостъ и два другихъ, въ одномъ мѣстѣ снесла церковь, во многихъ церквахъ могли служить только на хорахъ (полатяхъ), потому что вѣзизу была вода. Подь

1399 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о необыкновенно ранней веснѣ, о страшныхъ грозахъ, отъ которыхъ погнбло много людей; такія же грозы были и въ 1406 году; между прочимъ, подь этимъ годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописи слѣдующее извѣстіе: послѣ Петрова дня, въ Нижегородской области была такая буря, что вѣтеръ поднялъ на воздухъ чело-вѣка вмѣстѣ съ телѣгою и лошадыю; на другой день телѣгу нашли висящею наверху высокаго дерева, и то на другой сторонѣ Волги, лошадь мертвую на землѣ, а чело-вѣка нигдѣ не нашли; о лю-тыхъ морозахъ зимою, о страшныхъ грозахъ и буряхъ лѣтомъ упоминается еще подь 1442 годомъ; въ іюнѣ 1460 года, въ Москвѣ, съ запада явилась туча страшная и темная, и поднялась такая буря, что отъ ныли никому нельзя было смотрѣть; люди были въ отчаяніи; на этотъ разъ мракъ и вѣтеръ скоро прекратились, но на другой день къ вечеру вошла туча съ юга, поднялась опять страшная гроза и буря, многія и каменные церкви поколеба-лись, забрала на кремлевскихъ стѣнахъ были со-ваны и разнесены, крыши съ церквей и верхи сме-таны, по селамъ многія церкви изъ основанія вы-рваны и отнесены далеко въ сторону, лѣса старые, боры и дубы съ корнемъ вырваны.

Изъ явленій, вредно дѣйствовавшихъ на народное здорье, видимъ обычай хоронить мертвыхъ внутри городовъ, около церквей; не знаемъ, какія, наоборотъ, принимались мѣры предосторожности во время моровыхъ язвъ; что же касается вообще до врачебныхъ средствъ, то о нихъ не имѣемъ почти никакихъ извѣстій; узнаемъ только, что великій князь Василій Васильевичъ, какъ средство отъ сухотной болѣзни, приказывалъ зажигать у себя на тѣлѣ трупъ, во многихъ мѣстахъ и часто; раны разгнились—и болѣзнь кончилась смертію.

Мы видѣли обстоятельства, долженствовавшія содѣйствовать умноженію народонаселенія въ нѣкоторыхъ областяхъ преимущественно передъ дру-гими, напримѣръ въ княжествѣ Московскомъ. Изъ областей, и прежде имѣвшихъ относительно густѣйшее народонаселеніе, въслѣдствіе выгоды положенія, благоприятнаго для торговли, области Новгородская и Псковская сохраняли эти выгоды. Торговое значеніе Новгорода для Восточной Европы, въ описы-ваемое время, не могло нисколько уменьшиться,—по-прежнему онъ былъ посредникомъ торговыхъ сно-шеній между Азією, Восточною и Сѣверною Евро-пою; отсюда понятно накопленіе богатствъ въ Нов-городѣ, увеличеніе его народонаселенія, расшире-ніе, украшеніе самого города, который, послѣ упадка Кіева, безспорно оставался самымъ богатымъ, са-мымъ значительнымъ городомъ во всей Россіи. Нов-городскихъ купцовъ видимъ на отдаленномъ юго-западѣ, во Владимірѣ-Волынскомъ²⁾; вездѣ Великій Новгородъ выговариваетъ путь чистый безъ рубежа и новыхъ мытовъ для купцовъ своихъ, торжокскихъ и пригородныхъ, для чего куплена была въ Ордѣ

и ханская грамота²⁾; выговариваетъ, чтобы князья не нарушили договоровъ, заключенныхъ имъ съ городами нѣмецкими, не затворяли двора нѣмецкаго, не приставляли къ нему приставовъ и торговали на этомъ дворѣ только посредствомъ Новгородцевъ. Какъ нѣмцы дорожили Новгородомъ, видно изъ того, что когда, въ 1231 году, свирѣпствовалъ здѣсь голодъ, нѣмецкіе купцы прѣѣхали съ хлѣбомъ изъ-за моря и сдѣлали много добра, по словамъ лѣто-писца, значитъ,—продали товаръ свой дешевою цѣ-ною. Съ 1383 до 1391 года не было крѣпкаго мира у Новгорода съ нѣмцами, и вотъ въ 1391 году съѣхались въ Изборскъ новгородскіе послы съ нѣ-мецкими; въ числѣ послѣднихъ были не только по-слы изъ Риги, Юрьева и Ревеля, но также замор-скіе—изъ Любека и Готскаго берега. Встрѣчаемъ въ лѣтописи особый отдѣлъ новгородскихъ куп-цовъ, производившихъ торгъ солью (прасоловъ³⁾); встрѣчаемъ упоминеніе о торговыхъ дворахъ Гот-скомъ, Псковскомъ⁴⁾. Наконецъ отъ описываемаго времени до насъ дошли три договора Новгородцевъ съ Любекомъ, Готскимъ берегомъ и Ригюю: первый относится къ 1270 году и немногимъ отличается отъ приведеннаго прежде договора; второй отно-сится къ концу XIII или началу XIV вѣка, ко вре-мени княженія Андрея Александровича; въ немъ Новгородцы даютъ купцамъ латинскаго (нѣмецкаго) языка три сухихъ (горныхъ) пути по своей воле-сти и четвертый водяной (въ рѣчкахъ), съ усло-віемъ, что если путь сдѣлается нечистъ (опасенъ), то князь подать объ этомъ вѣсть иностраннымъ купцамъ и велитъ своимъ мужьямъ проводить ихъ. Въ другой грамотѣ, относящейся ко второй поло-винѣ XIV вѣка, Новгородцы обязываются не по-минать впередъ вреда, причиненнаго ихъ купцамъ нѣмецкими разбойниками передъ Невою; изъ этого договора узнаемъ, что Новгородцы ѣздили торговать въ Любекъ, на Готскій берегъ и въ Стокгольмъ⁵⁾. Любопытны нѣкоторыя подробности о нѣмецкой торговлѣ въ Новгородѣ, заключающіяся въ поста-новленіяхъ, или такъ называемыхъ скрахъ: напр., запрещалось брать у Русскихъ товаръ въ кредитъ, вступать съ ними въ торговую компанію и перево-зить ихъ товары; запрещалось вывозить поддѣль-ный воскъ, ввозить поддѣльные сукны; запрещалось продавать товары по мелочамъ; розничная про-дажа, съ ограниченіями, дозволялась только такъ называемымъ Kindern. Никому не позволялось вво-зить товаровъ на сумму, превышавшую 1,000 мар-окъ серебра. Право избирать олдермановъ было въслѣдствіи предоставлено только депутатамъ Лю-

²⁾ «А гостю пашему гостити по Суждальской землѣ, безъ рубежа по царевѣ грамотѣ». См. Новгородскія грам. въ I т. С. г. г. и д.; тамъ же, № 28.

³⁾ П. С. Р. Л. III, 102.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 103.

⁵⁾ Допол. къ акт. истор. I, № 6 и 7. Hergmann's Beiträge zur Geschichte des Russischen Reiches, p. 23; Славянскаго—Историческое обозрѣніе торговыхъ сношеній Новгорода съ Готландомъ и Любекомъ, 1847. Андреевскаго.—О договорѣ Новгорода съ нѣмецк. городами.

бека и Висби, и притомъ изъ ихъ же гражданъ; то же самое соблюдалось и при выборѣ священниковъ. Запрещалось испрашивать привелегій для личныхъ выгодъ или дѣлать новыя постановленія безъ согласія Любека и Висби. Запрещалось привозить купцовъ иностранныхъ, не принадлежавшихъ къ нѣмецкому обществу, преимущественно ломбардскихъ. Главный путь иностранныхъ купцовъ шельгъ, по-прежнему, Невою, Ладожскимъ озеромъ, Волховомъ черезъ Старую Ладогу, къ Волховскимъ порогамъ, по которымъ за извѣстную плату проводили ихъ суда особенные лодчана, далѣе къ Таберна piscatorum (Рыбачья слобода, на 33 верстѣхъ отъ Ладож. озера), потомъ къ Gestevelt (Гостинопольская пристань, на 34 верстѣхъ отъ Ладож. озера), гдѣ платили пошлину, наконецъ приѣзжали въ новгородскую пристань.

Смоленскъ продолжаетъ торговыя связи съ Ригю, которыя были такъ выгодны, что правительства обоихъ городовъ условились, въ 1284 году, не пренятствовать взаимной торговлѣ, хотя бы между Смоленскимъ княземъ и епископомъ, или магистромъ и произошли какія-нибудь неприятели¹⁾; кромѣ пословъ отъ магистра и горожанъ рижскихъ, заключили этотъ договоръ двое купцовъ—одинъ изъ Брауншвейга, другой изъ Мюнстера. Отъ половины XIV вѣка до насъ дошелъ также договоръ между Смоленскомъ и Ригю, заключенный по докончанію дѣдовскому и по старымъ грамотамъ²⁾; Смоленскій князь называетъ магистра братомъ, общается блюсти Пѣмцевъ въ своихъ владѣніяхъ, какъ и своихъ Смольянъ, а правительство рижское обязывается поступать точно такъ же у себя съ Смольянами. Полоцкъ продолжаетъ свои торговыя связи съ Ригю и подъ литовскою зависимоцію: въ 1407 году Полочане заключили договоръ съ Рижанами о свободной торговлѣ между обоими городами; постановлено, чтобъ Полочане въ Ригѣ, а Рижане въ Полоцкѣ не торговали малою торговлею, что розницею зовутъ; Полочане могутъ мимо Риги ѣздить въ какую угодно землю сухимъ путемъ и водою, то же право имѣютъ и Рижане относительно Полоцка. Если Полочанинъ совершитъ какое-нибудь преступленіе въ Ригѣ, то его отсылать для суда въ Полоцкъ, и наоборотъ; соль въ Полоцкѣ должно вѣсить тѣмъ же вѣсомъ, какимъ вѣсятъ, воскъ, тѣми же колоколами; вѣсъ полоцкій будетъ больше рижскаго полупудомъ; снѣрга Рижане посылаютъ свои колокола и скалвы въ Полоцкъ на свой счетъ, а потомъ, когда эти колокола сотрутся или изломаются, или пропадутъ, то уже Полочане на свой счетъ посылаютъ въ Ригу для исправленія этихъ колоколовъ; серебряные вѣсы держать въ Ригѣ полузолотникомъ больше одного

рубля; вѣсовщикамъ дѣловать крестъ, что будутъ вѣсить справедливо; какъ одному, такъ и другому вѣсовщику при извѣщиваніи отойти прочь отъ скалвы, и рукою не принимать, а вѣсчую пошлину брать въ Ригѣ на Полочаныхъ такую же, какую берутъ въ Полоцкѣ на Рижаныхъ. Если случится тяжба между Полочанникомъ и Рижаниномъ, то истцу знать истца, а другому никому въ ихъ дѣло не вмѣшиваться, и за это пренятствій торговлѣ не дѣлать; купцамъ будетъ путь свободный и во время усобицы между магистромъ Ордена (менштеремъ Завдинскимъ) и земскими людьми. Привозимые нѣмецкими купцами товары были: хлѣбъ, соль, сельди, копченое мясо, сукно, полотно, пряжа, рукавицы, жемчугъ, сердоликъ, золото, серебро, мѣдъ, олово, свинецъ, сѣра, иголки, четки, пергаментъ, вино, пиво; вывозимые—мѣха, кожи, волось, щетина, сало, воскъ, лѣсъ, скотъ и произведенія востока: жемчугъ, шелкъ, драгоценныя одежды, оружіе.—Во Псковъ изъ Нѣмецкой Земли приходили вино, хлѣбъ, овоци. Изъ вещей, носившихъ названіе русскихъ, встрѣчаемъ: русскія перчатки русскія постели, русскія чашки. Мы видѣли возвышеніе дѣвъ на съѣстные припасы; о дѣвахъ же обыкновенныхъ, на сѣверѣ, можно имѣть понятіе изъ одной жалованной грамоты великаго князя Василія Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю: „Волостеле даютъ съ двухъ плуговъ полоть мяса, мѣхъ овса, возъ сѣна, десять хлѣбовъ, а нелюбъ полоть, то два алтына, нелюбъ овесъ—алтынгъ, не любъ возъ сѣна—алтынгъ, не любы хлѣбы—за корову по деньгѣ“³⁾.

Если Новгородъ, Смоленскъ, Полоцкъ, старинныя русскія торжища, богатѣли по-прежнему торговлею, благодаря выгодному положенію своему, то древнее средоточіе южной, греческой торговли на Руси, Кіевъ, опустошенный усобицами и Татарами, переставшій быть главнымъ городомъ Руси, прерѣзанный сильнѣйшими князьями, Суздальскимъ, Галицкими, Литовскими, представлялъ во второй половинѣ XIII вѣка жалкое зрѣлище: Пляно-Карпини насчитываетъ въ немъ не болѣе 200 домовъ. Но природныя выгоды оставались прежнія, и купцы изъ разныхъ странъ, по старой привычкѣ, продолжали приѣзжать въ Кіевъ; такъ, вмѣстѣ съ Пляно-Карпини приѣхали туда купцы изъ Бреслави; потомъ приходило туда много купцовъ изъ Польши, Австріи, Константинополя, послѣдніе были Итальянцы—Генуэзцы, Венеціане, Пизане. Купцы изъ Торна приѣзжали на Волынь и въ Галичъ: въ 1320 году здѣшній князь Андрей Юрьевичъ, который называетъ себя *Dux Ladimiriae et dominus Russiae*, далъ торнскимъ купцамъ грамоту, въ силу которой никто изъ его мытниковъ или служителей не смѣлъ требовать отъ нихъ суконъ или другихъ товаровъ, уступаетъ имъ всѣ права, которыми они пользовались при отцѣ его, общается,

1) С. г. г. и д. II, № 3.

2) Тамъ же, № 8. Этотъ договоръ замѣчательнъ еще тѣмъ, что изъ него видна зависимость Смоленска отъ Литвы еще при Гедиминѣ, ибо Смоленскій князь называетъ Гедимина старшимъ братомъ и соотносится съ его вѣвшими отношеніями.

3) Акты Арх. Эксп. I, № 16, С. г. г. я д. П, № 14, 16. Акты истор. I, № 22, 58. Lannou. p. 35, 37.

что если кто-нибудь изъ нихъ потерпитъ обиду, то за каждый денарій, несправедно отнятый, получитъ вдвое. Послѣ Гедиминовичи, княжившіе на Волыни, не хотѣли пропускать купцовъ изъ Польши и Германіи черезъ свою землю на востокъ (Heidenland), дабы утвердить складку товаровъ во Владимірѣ, Луцкѣ и Львовѣ, какъ бывало извѣсти. О торговлѣ Галичанъ и Подольцевъ въ Молдавіи, Бессарабіи, Венгріи получаемъ извѣстіе изъ уставной грамоты, данной львовскимъ и подольскимъ купцамъ господаремъ Молдавскимъ въ 1407 году ¹⁾; русскіе купцы покупали въ молдавскихъ владѣніяхъ татарскій товаръ: шелкъ, перецъ, камки, тебенки, ладонь, греческій квасъ, потомъ покупали скотъ — свиней, овецъ, лошадей, мѣха бѣличьи и лисьи, овчины, кожи, рыбу, воскъ; продавали сукно, которое складывалось въ Сочавѣ, шапки, ногавицы, пояса, мечи, серебро жженое венгерское, куницъ венгерскихъ. Черноморская торговля производилась черезъ городъ Солдайю, или Судакъ, въ Тавридѣ. Сюда приставали всѣ купцы, идущіе изъ Россіи и странъ сѣверныхъ въ Турцію; первые привозили ткани бумажныя, шелковыя и пріятныя коренья, послѣдніе — преимущественно дорогіе мѣха; что подѣ этими мѣховыми торговцами должно разумѣть именно русскіе купцовъ, доказываетъ рассказъ Рубруквиса о крытыхъ телѣгахъ, запряженныхъ волами, въ которыхъ русскіе купцы возятъ свои мѣха; по словамъ того же Рубруквиса, купцы изъ всей Россіи прѣзжали въ Крымъ за солью, и съ каждой нагруженной телѣги давали Татарамъ двѣ бумажныхъ ткани пошлины. Знаемъ также изъ другихъ источниковъ, что въ XIV вѣкѣ русскіе купцовъ можно было найти въ Каоѣ, Оцѣ, Гредіи ²⁾.

Встрѣчаемъ извѣстія и о торговлѣ приволжской съ Татарами: такъ, лѣтописецъ говоритъ, что татарскій царевичъ Арапша перебилъ много русскихъ купцовъ и богатство ихъ пограбилъ ³⁾; Тохтамышъ послалъ слугъ своихъ въ Болгарію захватить русскихъ купцовъ съ судами ихъ и товарами ⁴⁾. Нижній-Новгородъ, благодаря положенію своему, уже и въ описываемое время производилъ значительную торговлю: такъ, говорится, что новгородскіе ушкуйники пограбили въ Нижнемъ множество купцовъ, Татаръ и Армянъ, равно какъ и нижегородскихъ; пограбили товару ихъ множество, а суда ихъ разсѣкли; здѣсь перечисляются и разныя названія этихъ судовъ — паузки, карбасы, лоды, учаны, мшаны, бафты и струги. Восточные купцы торговали въ городахъ русскіхъ подѣ покровитель-

ствомъ Татаръ; Тверичи, во время возстанія своего на Татаръ, истребили и купцовъ ордынскихъ, старыхъ и пришедшихъ вновь съ Шевкаломъ; подѣ 1355 годомъ упоминается о приходѣ въ Москву татарскаго посла и съ нимъ гостей Сурожанъ; подѣ 1389 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе объ Авраамѣ Армянинѣ, жившемъ въ Москвѣ; наконецъ видимъ, что въ Москву приходили и купцы съ запада, именно изъ Литвы ⁵⁾.

Мы видѣли заботы Новгородцевъ о томъ, чтобы купцамъ ихъ былъ путь чистъ по русскимъ княжествамъ; великіе князья Сѣверо-Восточной Руси въ договорахъ между собою и въ договорахъ съ великими князьями Литовскимъ выговариваютъ то же самое. Видимъ, что монастыри получаютъ право безошлинной торговли. Новгородцы, въ половинѣ XV вѣка, дали на вѣчѣ Троицкому Сергіеву монастырю грамоту, въ которой запрещалось двинскимъ посадникамъ, холмогорскимъ и вологодскимъ, ихъ приказчикамъ и пошлинникамъ брать пошлины и судить людей Троицкаго монастыря, старцевъ или мірянъ, которые будутъ посланы монастыремъ на Двину, зимою на возахъ, а лѣтомъ на одиннадцати лодьяхъ: „А кто эту грамоту новгородскую нарушить, обидитъ купчину Сергіева монастыря, или его кормниковъ (кормчихъ), или осначевъ (оснастичковъ), тотъ дастъ посаднику и тысячнику и всему господину Великому Новгороду пятьдесятъ рублей въ стѣну ⁶⁾. А вы, бояре двинскіе, и житые люди и купцы! обороняйте купчину Сергіева монастыря, даже и тогда, когда Новгородъ Великій будетъ немощенъ съ нѣкоторыми сторонами ⁷⁾; блюдите монастырскаго купчину и людей его какъ своихъ, потому что весь господинъ Великій Новгородъ жаловалъ Сергіевъ монастырь, держитъ его своимъ, и вы, посадники, бояре, приказчики ихъ и пошлинники, сей грамоты новгородской не ослушайтесь“. Митрополитъ изъ Москвы посылалъ своихъ слугъ въ Казань съ ружьядю для торговли ⁸⁾. Великіе князья Литовскіе, для поднятія своего главнаго города Вильны, даютъ ея купцамъ право безошлинной и безпрепятственной торговли во всѣхъ литовскихъ и русскихъ областяхъ ⁹⁾. Въ Вильнѣ видимъ ярмарки два раза въ годъ ¹⁰⁾; въ городахъ Восточной Россіи видимъ торги по воскресеньямъ ¹¹⁾.

Относительно монеты должно замѣтить, что въ первой половинѣ XIV вѣка счетъ гривнами замѣняется счетомъ рублями, причѣмъ нетрудно усмотрѣть, что старая гривна серебра и новый рубль одно и то же ¹²⁾; слово „куны“, въ значеніи денегъ

⁵⁾ Тамъ же, V, 54.

⁶⁾ Вѣроятно для постройки стѣны.

⁷⁾ Понятно, что здѣсь подѣ этими сторонами разумѣется Москва.

⁸⁾ А. а. в. I, № 42. Сборникъ библ. гр. А. С. Уварова, № 412.

⁹⁾ Вилен. акты, I, № 6 и 8.

¹⁰⁾ Тамъ же, № 7.

¹¹⁾ Никои. IV, 264: «Загорѣся (Зубцевъ) въ недѣлю порану, какъ вача торгъ сниматься».

¹²⁾ См. статью Казанскаго: Исслѣдованіе о древней русской монетной системѣ, въ Запискахъ Археолог. Общ. т. III.

¹⁾ Акты, относ. къ истор. Зап. Рос. I, № 21, Supplementum ad historica Russiae monumenta, № XXXVIII, XII, XLII.

²⁾ Акты истор. I, № 252. Замѣчательно, что еще въ началѣ XV вѣка Качи-бей, или Хаджи-бей, князьшійя Одесса, была известною гаванью, принадлежавшею къ литовско-русскимъ владѣніямъ; въ ноя въ 1415 году Ягайло отравилъ подольскую пшеницу въ Константинополь. Варовски—Dz. Kor. pol. I; 376.

³⁾ Никои. IV, 54.

⁴⁾ Тамъ же, IV, 132.

вообще, начинается смѣняться теперь употребительнымъ татарскимъ словомъ „деньги“. Такъ какъ отъ описываемого времени до насъ прямыхъ извѣстій о кожаныхъ деньгахъ, то мы обязаны здѣсь подробнѣе рассмотреть этотъ давній, важный и запутанный вопросъ въ нашей исторической литературѣ. Здѣсь должно отличать два вопроса: вопросъ о мѣхахъ, обращавшихся вмѣсто денегъ и имѣющихъ цѣнность сами по себѣ, и вопросъ собственно о кожаныхъ деньгахъ, о частицахъ шкуры известнаго животнаго, не имѣющихъ никакой цѣнности сами по себѣ и обращающихся въ видѣ денегъ условно. Относительно обоихъ вопросовъ мы встрѣчаемъ у изслѣдователей крайнія мнѣнія: одни не хотятъ допускать въ древней Россіи металлической монеты и заставляютъ ограничиваться одними мѣхами ¹⁾; другіе, наоборотъ, подлѣ металлической монеты не допускаютъ вовсе мѣховъ ²⁾. Противъ перваго мнѣнія мы уже указали неопровержимыя свидѣтельства источниковъ ³⁾; противъ втораго—существуютъ свидѣтельства также неопровержимыя; напр., въ уставной грамотѣ князя Рогислава Смоленскаго: „А се погородіе отъ Мстислава 6 гривенъ урока, а почестья гривна и три лисицы, а се отъ Крупля гривна урока, а пять ногать за лисицу“. Или: „Се заложилъ Власей Св. Николѣ полсела въ 10 рублѣхъ да въ трехъ сорокъ бѣлкахъ“. Здѣсь мы ясно видимъ, что подлѣ, вмѣстѣ съ гривнами и рублями, принимались въ уплату мѣха, и это самое показывасть, что, безъ всякаго сомнѣнія, было время, когда употребленіе мѣховъ для уплаты всякаго рода, употребленіе ихъ вмѣсто денегъ было господствующимъ; Смоленскій князь, или его пошлинникъ, вмѣстѣ съ рублемъ бралъ три лисицы; частное лицо, какой-то Власій, вмѣстѣ съ 10 рублями занялъ и три сорока бѣлки, и обязался уплатить то же самое; также точно первые князья брали дань съ подчиненныхъ племенъ одними черными куницами и бѣлками, потому что серебра этимъ племенамъ было взять негдѣ; такъ точно въ это время и частные люди совершали свои уплаты одними мѣхами. Явилась металлическая монета, но она не вытѣснила еще мѣховъ; выраженіе: „А пять ногать за лисицу“—показываетъ намъ переходъ отъ уплаты мѣхами къ уплатѣ деньгами. Если и князья, и простые люди принимали въ уплату мѣха вмѣсто денегъ, то иѣтъ намъ нужды разсуждать о томъ: что цѣнность пушнаго товара не могла оставаться всегда одинаковою, по различію лицъ, имѣющихъ или неимѣющихъ въ немъ нужду, по различію мѣсть, болѣе или менѣе богатыхъ этимъ товаромъ; что шкуры звѣрей—товаръ, подверженный порчѣ, что онъ теряетъ достоинство даже отъ частаго перехода изъ рукъ въ руки; ни пошлинникъ Смоленскаго князя не взялъ бы въ казну трехъ истертыхъ лисьихъ мѣховъ, ни

упомянутый Власій не запялъ бы трехъ сороковъ истертыхъ бѣлокъ, и ясно также, что если въ Смоленской области лисица стоитъ пять ногать, то въ Черниговской могла стоять больше или меньше. Труднѣе объясненіе другого явленія, именно собственно кожаныхъ денегъ, имѣющихъ условную цѣнность; но въ исторіи много такихъ явленій, которыхъ мы объяснить теперь не можемъ и которыхъ однако отвергать не имѣемъ права, если о нихъ существуютъ ясныя, не подлежащая сомнѣнію извѣстія. Но таковы именно свидѣтельства современникомъ и очевидцевъ—Рубруквиса и Гильберта де-Ланноа ⁴⁾. Названія единицъ нашей древней монетной системы могли, положимъ, ввести въ заблужденіе новѣйшихъ изслѣдователей, могли, положимъ, ввести въ заблужденіе Герберштейна, за его лѣтъ до котораго, по его собственному свидѣтельству, перестали уже употреблять вмѣсто денегъ мордки и ушки бѣлокъ и другихъ звѣрей: но какъ же отвергать свидѣтельства Рубруквиса и Ланноа—очевидцевъ? Одинъ старый изслѣдователь, отвергавшій кожаные деньги, смѣялся надъ свидѣтельствомъ, что въ Ливоніи ходили бѣлячьи ушки съ серебряными гвоздиками и назывались ногатами; другой, позднѣйшій изслѣдователь, находить это извѣстіе замѣчательнымъ; по его мнѣнію, оно можетъ указывать на обычай нашихъ предковъ мелкую серебряную монету для сохранности укрѣплять въ лоскутки звѣриныхъ шкуръ, откуда легко могло образоваться у иностранцевъ мнѣніе, что въ Россіи ходили бѣлячьи и куньи мордки или ушки, части шкуры, негодныя для мѣха, но надежныя для хранения монетъ. Изслѣдователи могутъ успокоиться насчетъ кожаныхъ лоскутковъ съ гвоздиками, ибо такова была именно форма древнѣйшихъ ассигнацій въ Европѣ: въ 1241 году императоръ Фридрихъ II пустилъ въ обращеніе кожаные деньги въ Италиі; онѣ состояли изъ кожанаго лоскута, на одной сторонѣ котораго находился небольшой серебряный гвоздикъ, а на другой—изображеніе государя; каждый лоскутъ имѣлъ цѣнность золотого августала. Знаемъ, что такого же рода монеты ходили во Франціи въ XIV вѣкѣ. Неужели же мы должны предположить, что Ланноа въ Новгородѣ, Рубруквисъ въ степяхъ приволжскихъ, итальянскіе, французскіе историки на западѣ Европы—все согласились выдумать кожаные деньги и дать имъ обращеніе въ своихъ извѣстіяхъ только! Наконецъ, знаемъ, что у Татаръ, въ описываемое время, были бумажныя и кожаные деньги, по образцу китайскому ⁵⁾.

О перемѣнахъ монеты въ Новгородѣ встрѣчаемъ слѣдующія извѣстія: подъ 1410 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что Новгородцы начали употреблять во внутренней торговлѣ лобки и гроши литовскіе и аруги лѣмецкіе, а куньи отложили; подъ 1420 годомъ говорится, что Новгородцы стали

¹⁾ Г. Егуновъ въ статьѣ своей о древней русской торгов., напечат. въ Современ.

²⁾ Г. Казанскій въ означенной выше статьѣ.

³⁾ Исторія Россіи, т. III, стр. 715.

⁴⁾ Географ. Извѣст. 1850 г.

⁵⁾ Villani—Istor. Fior. I, 6 c. 22, ap. Murat. T. XIII, p. 368. — Каченовскій, о кож. деньгахъ, стр. 22; Hammer. ств. 222.

торговать деньгами серебряными, артуги же, которыми торговали 9 лѣтъ, продали Нѣмцамъ. Псковскій лѣтописецъ, въ соответствии новгородскому извѣстію подъ 1410, говоритъ подъ 1409, что во Псковѣ отложили куны и стали торговать пенязями, а подъ 1422 годомъ говоритъ, что Псковичи стали торговать чистымъ серебромъ; Новгородскій же лѣтописецъ говоритъ, что въ это время во Псковѣ деньги сковали, и начали торговать деньгами во всей Русской Землѣ¹⁾. Но эти перемены не могли обойтись безъ смуты въ Новгородѣ: подъ 1447 годомъ лѣтописецъ рассказываетъ, что начали Новгородцы хулить деньги серебряныя, встали мятежи и ссоры большія; между прочимъ, посадникъ Сокира, или Сѣкира, напоивши лядца и вѣспа серебрянаго, Федора Жеребца, вывелъ его на вѣче и сталъ допытываться, на кого онъ лилъ рубли. Жеребецъ оговорилъ 18 человекъ, и, по его рѣчамъ, народъ скинулъ съ моста нѣкоторыхъ изъ оговоренныхъ, у другихъ дома разграбили, и даже вытащили имѣніе ихъ изъ церквей, чего прежде не бывало, замѣчаетъ лѣтописецъ. Неправедливые бояре научили того же Федора говорить на многихъ людей, грозя ему смертію; но когда Жеребецъ протрезвился, то сталъ говорить: „Я лиль на вѣхъ, на всю Землю, и вѣсилъ съ своею братьею, съ лядцами.“ Тогда весь городъ былъ въ большой печали, одни только голодники, ябедники и посульники радовались; Жеребца казнили смертію, имѣніе его вынули изъ церкви и разграбили. Чтобъ помочь злу, посадникъ, тысяцкій и весь Новгородъ установили пять денежниковъ и начали переливать старыя деньги, а новыя ковать въ ту же мѣру, платя за работу отъ гривны по полуденгѣ; и была христіанамъ скорбь великая и убытокъ въ городѣ и по волостямъ.

Главные торговые города древней Руси—Новгородъ, Кіевъ, Смоленскъ, Полоцкъ—обязаны были своею торговлею и своимъ богатствомъ природному положенію, удобству водныхъ путей сообщенія. Въ описываемое время города Сѣверо-Восточной Руси—Москва, Нижній, Вологда—были обязаны своимъ относительнымъ процвѣтаніемъ тому же самому. И долго послѣ сухимъ путемъ по Россіи можно было только ѣздить зимою; лѣтомъ же оставался одинъ водный путь, который потому имѣетъ такое важное значеніе въ нашей исторіи; морозъ и снѣга зимою и рѣки лѣтомъ нельзя не включить въ число важнѣйшихъ дѣятелей въ исторіи русской цивилизаціи. Князья ѣздили въ Орду водою: такъ извѣстно, что сынъ Дмитрія Донскаго, Василій, отправился къ Тохтамышу въ судахъ изъ Владиміра Клязьмою въ Оку, а изъ Оки внизъ по Волгѣ; Юрій Даниловичъ Московскій поѣхалъ въ послѣдній разъ въ Орду изъ Заволочья по Камѣ и Волгѣ. Изъ Москвы въ города при-окскіе и при-волжскіе огиравлялась водою: такъ, отправился изъ Москвы въ Муромъ

на судахъ нареченный митрополитъ Іона для переговоровъ съ князьями Рязанскими насчетъ дѣтей великаго князя Василія Темнаго. Епифаній, въ житіи Св. Стефана Пермскаго, говоритъ: „Всякому хотящему шествовати въ Пермскую Землю, удобственъ путь есть отъ града Устьима рѣкою Вычегдою вверхъ, дондеже видеть въ самую Пермь.“

При удобствѣ путей сообщенія водою, лѣтомъ, и саннымъ путемъ, зимою, перечисленные прежде благоприятныя обстоятельства для торговли²⁾ имѣли силу и теперь. Касательно же пренятствій для торговли мы прежде всего должны упомянуть, разумеется, о татарскихъ опустошеніяхъ, послѣ которыхъ Кіевъ, напимѣръ, не могъ уже болѣе оправиться. Но здѣсь мы опять должны замѣтить, что Кіевъ упалъ не вслѣдствіе одного татарскаго разгрома: упадокъ его начался гораздо прежде Татаръ, вслѣдствіе отлива жизненныхъ силъ, съ одной стороны—на сѣверо-востокъ, съ другой—на западъ. Другихъ главныхъ рынковъ—Новгорода, Пскова, Смоленска, Полоцка не коснулись татарскія опустошенія. Послѣ утвержденія татарскаго господства, ханы и баскаки ихъ для собственной выгоды должны были благоприятствовать торговлѣ русской; въ Ордѣ можно было все купить, и у Новгородцевъ была ханская грамота, обезпечивавшая ихъ торговлю; притомъ же, по прошествіи перваго двадцатипятилѣтія, тяжесть ига начинаетъ уменьшаться, и послѣ видимъ значительное развитіе восточной торговли и волжскаго судоходства: даже съ достовѣрностію можно положить, что утвержденіе татарскаго владычества въ Средней Азій, также въ низовьяхъ Волги и Дона и вступленіе Россіи въ число зависящихъ отъ Орды владѣній—очень много способствовало развитію восточной торговли. Время отъ Калиты до Дмитрія Донскаго должно считать самымъ благоприятнымъ для восточной торговли, ибо непосредственной тяжести ига болѣе не чувствовалось, и между тѣмъ Татары, успокоиваемые покорностію князей, ихъ данью и дарами, не пустошили русскихъ владѣній, не загорякивали путей. Послѣ попытокъ порвать татарскую зависимость, послѣ Куликовской битвы, или нѣсколько ранѣе, обстоятельства становятся не такъ благоприятны для восточной торговли: опять начинаются опустошительныя нашествія, отъ которыхъ особенно страдаютъ области Рязанская и Нижегородская, Нижегородская—преимущественно жившая восточною, волжскою торговлею; теперь ханы, вооружаясь противъ Россіи, прежде всего бросаются на русскихъ купцовъ, которыхъ только могутъ достать своею рукою. Подъ 1371 годомъ встрѣчаемъ любопытное извѣстіе, изъ котораго, съ одной стороны, можно видѣть богатство купцовъ нижегородскихъ, а съ другой стороны—гибельное вліяніе татарскихъ опустошеній на граничныя русскія области: былъ, говорится, въ Нижнемъ

¹⁾ При этомъ не должно смѣшивать *куны*, какъ мѣтной единицы, съ словомъ *куны*—въ общемъ значеніи денегъ всякихъ—кожаныхъ и металлическихъ.

²⁾ Исторія Россіи, т. III. стр. 716.

гость Тарасъ Петровъ, первый богачъ во всемъ городѣ; откупилъ онъ полону множество всякихъ чиновъ людей своею казною, и купилъ онъ себѣ вотчину у князя, шесть селъ за Рудьюю рѣкою; а какъ заступѣлъ отъ Татаръ этотъ уѣздъ, тогда и гость переѣхалъ изъ Нижняго въ Москву. Но не всегда же Россія послѣ Мамаю находилась въ неприязненныхъ отношеніяхъ къ Орду, и давно протоптанный путь не могъ быть вдругъ покинутъ.

Въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ Олгердомъ видны условіе о взаимной свободной торговлѣ; но этимъ договоромъ не кончилась борьба между Москвою и Литвою, не могла не страдать отъ нея и торговля. Впрочемъ, открытая вражда между Московскими и Литовскими князьями не была постоянною. притомъ же, во время ссоръ съ Москвою, Литва находилась въ мирѣ съ Рязанью, Тверью, Новгородомъ и Псковомъ. Псковъ часто враждовалъ съ Нѣмцами, и, несмотря на то, торговля заграничная дѣлала его однимъ изъ самыхъ богатыхъ и значительныхъ городовъ русскихъ—знакъ, что частая вражда съ Нѣмцами не могла много вредить этой торговлѣ. И Новгородъ не всегда былъ въ мирѣ съ Нѣмцами; мы видѣли, что съ 1383 до 1391 года не было между ними крѣпкаго мира, и когда въ послѣднемъ году миръ былъ заключенъ, то нѣмецкіе послы пріѣхали въ Новгородъ, товары свои взяли, крестъ цѣловали, и начали дворъ свой ставить снова; значить, при началѣ ссоры товары были захвачены Новгородцами и дворъ нѣмецкій разоренъ. Изъ приведенной выше грамоты узнаемъ, что новгородскіе купцы терпѣли иногда отъ нѣмецкихъ разбойниковъ передъ самою Невою; Шведы неблагоприятно смотрѣли на торговлю Новгородцевъ съ Нѣмцами; король Биргеръ писалъ въ 1295 году Любчанамъ, что Шведы не будутъ тревожить нѣмецкихъ купцовъ, идущихъ въ Новгородъ съ товарами, только въ угожденіе императору, ибо для него, Биргера, эта торговля невыгодна, потому что усиливаетъ враговъ его (Новгородцевъ). Онъ даетъ купцамъ свободу отправляться въ Новгородъ, но подъ условіемъ, чтобъ они не возили туда оружія, желѣза, стали и проч. Много, какъ видно, терпѣла волжская торговля отъ новгородскихъ ушкуйниковъ; но и это бѣдствіе не было продолжительнымъ. Относительно ушкуйничества должно замѣтить, что это явленіе служить также доказательствомъ развитія волжской торговли въ XIV вѣкѣ: значить, было что грабить, когда образовались такіа многочисленныя разбойничьи шайки.

Торговля должна была содѣйствовать распространенію ремесла, искусствъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ она наиболѣе процвѣтала: самые богатые торговые города, Новгородъ, Псковъ, отличаются прочностію своихъ укрѣпленій, многочисленностію своихъ церквей. Церкви и каменные, по-прежнему, строились скоро: церковь Архангела Михаила въ Москвѣ была заложена, окончена и освя-

щена въ одинъ годъ¹⁾; то же говорится и о монастырской церкви Чуда Архангела Михаила²⁾; нѣкоторыя деревянныя церкви, такъ называемыя обydенныя, начинали строить, оканчивали и освящали въ одинъ день; но соборная церковь Св. Троицы во Псковѣ строилась три года: сперва Псковичи дали наймитамъ 200 рублей, чтобы разрушить стѣны старой церкви; старый матеріалъ былъ сваленъ въ рѣку Великую, ибо считалось неприличнымъ употребить его на какое-нибудь другое дѣло; на другой годъ заложили новую церковь, дали мастерамъ 400 рублей и много ихъ потчвали³⁾. Въ Твери, во время стройки соборной церкви Св. Спаса, поставили внутри нея маленькую деревянную церковь и служили въ ней, пока мастера оканчивали большую⁴⁾. И въ описываемое время иногда складывали церкви очень неуклюже: въ Коломнѣ только-что окончили каменную церковь, какъ она упала⁵⁾; въ Новгородѣ едва успѣли мастера, окончивши работы, сойти съ церкви Св. Іоанна Златоуста, какъ она упала⁶⁾. Лѣтописцы употребляютъ въ извѣстіяхъ о построеніи церквей иностранное слово: мастера, но нигдѣ не видно, чтобы призываемы были иностранцы для этихъ построекъ. Въ княженіе Василія Дмитріевича въ Новгородѣ извѣстны были, какъ искусные строители, три мастера: Иванъ⁷⁾, Климентъ и Алексѣй. Кромѣ церквей и колоколенъ, подъ 1409 годомъ упоминается о построеніи въ Новгородѣ владыкою Іоанномъ теремца каменнаго, гдѣ святили воду каждый мѣсяць. Упоминается по-прежнему о покрытіи церковей оловомъ; въ 1429 году Псковичи наняли мастеровъ Федора и дружку его обивать церковь Св. Троицы свинцомъ; но не могли отыскать ни во Псковѣ, ни въ Новгородѣ такого мастера, который бы могъ лить свинчатые доски; послали и къ Нѣмцамъ въ Юрьевъ, но поганые, какъ выражается лѣтописецъ, не дали мастера; наконецъ пріѣхалъ мастеръ изъ Москвы, отъ Фотія митрополита, и научилъ Федора какъ лить доски; мастера получили 44 рубля. Новгородскій владыка Евоній покрылъ чешуею церковь Св. Георгія въ Ладогѣ. Упоминается по-прежнему о золоченіи главъ или маковицъ⁸⁾; упоминается о позлащеніи гроба князя Владиміра Ярославича и матери его Анны въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ⁹⁾. Говорится, что Тверской епископъ Федуръ сдѣлалъ у церкви Св. Спаса двери мѣдныя¹⁰⁾: въ нижегородской церкви Св. Спаса были двери дш-

1) Никон. III, 160.

2) Тамъ же, IV, 8.

3) П. С. Р. Л. IV, 192.

4) Ник. III, 86.

5) Тамъ же, IV, 85.

6) П. С. Р. Л. III, 112.

7) Житіе Св. Михаила Клопскаго, по рукоп. библ. г. Удольскаго, № 298.

8) П. С. Р. Л. IV, 110, 123.

9) Тамъ же, III, 239.

10) Никон. III, 221.

ныя, устроенныя мѣдью золоченою ¹⁾. Ростовскій епископъ Игнатій помостилъ краснымъ мраморомъ дно (поль) Богородичной церкви ²⁾; то же сдѣлала Тверской владыка Оедоръ у себя въ церкви Св. Спаса ³⁾. Встрѣчаемъ извѣстія объ украшеніи церквей живописью; въ 1343 году греческіе мастера подписали (расписали) соборную церковь Успенія Богородицы въ Москвѣ; подъ слѣдующимъ годомъ говорится о расписаніи монастырской церкви Св. Спаса въ Москвѣ; мастера были родомъ русскіе, ученики Грековъ ⁴⁾ — Гойтапъ, Семень и Иванъ, съ учениками своими и дружиною. Подъ 1395 годомъ упоминается о расписаніи церкви Рождества Богородицы и придѣла Св. Лазаря въ кремль; мастера были — Теофанъ Грекъ и Семень Черный; тотъ же Теофанъ Грекъ расписалъ церковь Св. Архистратига Михаила въ 1399 году; въ 1405 году расписывали церковь Благовѣщенія на княжомъ дворѣ Теофанъ иконописецъ Грекъ, Прохоръ — старецъ изъ Городца, да чернецъ Андрей Рублевъ. Подъ 1409 годомъ говорится о расписаніи церкви Богородицы Владимірской мастерами Даниломъ икононикомъ и Андреемъ Рублемъ. Они же расписали церковь Троицкую надъ гробомъ Св. Сергія, церковь въ московскомъ Андрониковомъ монастырѣ. Въ Новгородѣ церковною живописью занимался также Грекъ: подъ 1338 годомъ упоминается Исаія Гречинъ. Упомянутый мастеръ, Грекъ Теофанъ расписалъ въ 1378 году въ Новгородѣ церковь Христа Спасителя на Ильинѣ улицѣ; подъ 1385 годомъ, при описаніи большого пожара въ Новгородѣ, говорится, что вмѣстѣ съ другими сгорѣлъ въ Павловѣ монастырѣ Иванъ, церковный росписникъ, какъ видно, Русскій. Подъ 1345 годомъ находимъ извѣстіе, что въ Москвѣ слиты были три колокола большихъ и два меньшихъ, и литъ ихъ мастеръ Борись Рямлянинъ; но еще прежде, въ 1342 году, какъ видно, этотъ же самый Борись вызванъ былъ изъ Москвы въ Новгородъ и слитъ тамъ большой колоколъ къ Св. Софій. Въ 1403 году слитъ былъ колоколъ въ Твери къ соборной церкви Преображенія, но не сказано, какимъ мастеромъ. Изъ построекъ не-церковныхъ упоминается подъ 1409 годомъ о построеніи въ Новгородѣ владыкою Иоанномъ пекленицы (поварни?) каменной: подъ 1433 годомъ — о построеніи Новгородскимъ владыкою Евоиміемъ у себя на дворѣ палаты каменной съ 30 дверями; строили мастера ибемціе изъ-за моря (т. е. не ливонскіе) вмѣстѣ съ новгородскими; въ 1439 году тотъ же владыка поставилъ ключицу хлѣбную каменную ⁵⁾; въ слѣдующемъ году поставилъ комнату каменную меньшую; въ 1441 году большая палата влады-

кина и сѣни прежнія были расписаны; въ 1442 году тотъ же владыка поставилъ на своемъ дворѣ поварни каменные и комнату каменную, а въ 1444 — духовницу и сторожню каменные. Въ Москвѣ только въ 1450 году митрополитъ Иона заложилъ на своемъ дворѣ палату каменную. — Наконецъ находимъ извѣстія объ устройствѣ часовъ; подъ 1404 годомъ говорится, что поставлены были часы въ Москвѣ, на дворѣ великаго князя, за церковью Благовѣщенія; устроилъ ихъ монахъ Лазарь, пришедшій изъ Сербіи. Вотъ какъ описываются эти часы: „Сій же часникъ наречется часомѣрье; на всякій же часъ ударяетъ молотомъ въ колоколъ, размѣряя и расчитая часы ночныя и дневныя; но бо человекъ ударяше, но человеквидно, самозвонно и самодвижно, страннодѣльно иѣкакъ сотворено есть человеческою хитростью, прензметано и прехищрено“. Въ Новгородѣ, въ 1436 году владыка Евоимій устроилъ у себя надъ палатою часы звонящіе, а подъ 1449 годомъ говорится, что тотъ же владыка поставилъ часозвоню.

О построеніи и украшеніи церквей въ Юго-Западной Руси можемъ имѣть понятіе изъ разсказа Волинскаго лѣтописца о построеніи церковей въ Холмѣ Данииломъ Романовичемъ, подъ 1259 годомъ: построена была церковь Св. Иоанна, красивая и великолѣпная: построена она была такъ: четверо комаръ, съ каждаго угла переводъ, а стояли они на четырехъ головахъ человеческихъ, изваянныхъ иѣкоторымъ хитрецомъ; три окна украшены были стеклами римскими; при входѣ въ алтарь стояли два столпа изъ цѣльнаго камня, и на нихъ комара: потолокъ былъ украшенъ звѣздами золотыми на лазури; внутренній помостъ былъ слитъ изъ мѣди и олова чистаго, и блестялъ какъ зеркало; двое дверей украшены камнемъ галицкимъ, бѣлымъ и зеленымъ холмскимъ, тесаннымъ, сработаны ⁶⁾ иѣкоторымъ хитрецомъ Авдѣемъ, прилѣпны отъ всѣхъ шаровъ изъ золота, напередъ ихъ изваяны Св. Спасъ, а на полунощныхъ Св. Иоаннъ, на удивленіе всѣмъ смотрящимъ; иконы, принесенныя изъ Кіева, украшены были драгоцѣнными камнями, жемчугомъ и золотомъ ⁷⁾; колокола привезены были также изъ Кіева, а другіе слиты на мѣстѣ. Другая церковь была построена въ честь Св. Везмездниковъ Кузьмы и Даміана; верхъ ея поддерживали четыре столпа изъ цѣлаго камня песчанаго. Построена была и церковь Св. Богородицы величиною и красотой не хуже первыхъ, и украшена пречудными иконами; князь Даниилъ принесъ изъ Венгріи чашу мраморную багряную, изваянную чудесно, съ змѣиными головами вокругъ, и поставилъ ее передъ дверями церковными, называемыми Царскими; въ этой чашѣ святили воду на Богоявленье ⁸⁾. Князь Вла-

¹⁾ Никон., IV, 79.

²⁾ Тамъ же, III, 69.

³⁾ Тамъ же, стр. 213.

⁴⁾ Такъ понимаю я это извѣстіе: «А мастера, старѣйшины и начальники быша Рускии родомъ, а Грѣчестиии ученики». Никон., III, 181.

⁵⁾ Въ другихъ спискахъ: «Ключицу и хлѣбную каменную».

⁶⁾ Здѣсь варианты: «узоры тѣ иѣкимъ хитрецемъ Авдѣемъ» и «парити иѣкимъ хитрецемъ».

⁷⁾ Здѣсь два чтенія: «бисеромъ п влаточъ».

⁸⁾ Жаль, что пропущено существительное въ слѣдующемъ извѣстіи: «створи же въ ней (церкви Св. Богородицы) блажеюй иискутъ Иванъ отъ древа красна точень».

димиръ Васильковичъ построилъ въ Каменцѣ перковь Благовѣщенія, украсилъ ее иконами золотыми, сковалъ сосуды служебные серебряные, евангеліе далъ также окованное серебромъ, положилъ и крестъ воздвизальный. Во Владимірѣ расписать всю перковь Св. Димитрія, сосуды служебные серебряные сковать, икону Св. Богородицы оковать серебромъ и дорогими камнями, завѣсы у иконы были золотомъ шитыя, а другія аксамитныя съ дробницею; въ каедральномъ соборѣ Св. Богородицы образъ Спасителя оковать серебромъ, евангеліе также оковать серебромъ, сосуды служебные устроить изъ жженнаго золота съ дорогими камнями и образъ Спасовъ оковать золотомъ съ дорогими камнями и поставить на память себѣ. Въ Перемышльскій соборъ далъ евангеліе, окованное серебромъ съ жемчугомъ; въ Черниговскій соборъ послалъ евангеліе, золотомъ писанное, окованное серебромъ и жемчугомъ, и среди его Спасъ съ финифтью; въ Луцкій соборъ далъ крестъ большой, серебряный позолоченный, съ честнымъ древомъ. Въ Любимѣ поставилъ перковь каменную Св. Георгія, украсилъ ее иконами кованными, сосудами серебряными, платцы далъ аксамитныя, шитыя золотомъ съ жемчугомъ, херувимъ и серафимъ, иидитью золотомъ шитую всю, а другую изъ бѣлчатой паволоки, а въ малыхъ алтаряхъ обѣ иидить изъ бѣлчатой паволоки, евангеліе окованное все золотомъ съ дорогими камнями и жемчугомъ, децусъ на немъ скованъ изъ золота, цаты большія съ финифтью, другое евангеліе волочено оловиромъ; два кадила—одно серебряное, другое мѣдное; икона мѣстная Св. Георгія была написана на золотѣ; на эту икону князь положилъ гривну золотую съ жемчугомъ; другая икона Богородицы была также написана на золотѣ, и на ней было монисто золотое съ дорогими камнями; двери въ церкви были мѣдныя. Князь началъ расписывать эту перковь, и расписалъ уже всѣ три алтаря, начали было расписывать и шею, но не окончили по причинѣ княжеской болѣзни; колокола были слиты такіе удивительные на слухъ, что подобныя не было во всей землѣ.

Что касается ремеслъ вообще, то изъ разсказа лѣтописцева о населеніи Холма-Галицкаго мы видимъ, какія были главныя, самыя нужныя изъ нихъ—это мастерство оружейное и металлическое: начали, сказано, собираться въ Холмъ сѣдельники, лучники, тульники и кузнецы желѣза, мѣди и серебра; въ Новгородѣ встрѣчаемъ щитника и серебряника⁴⁾; ибо что касается другихъ ремеслъ, напримѣръ сапожнаго, портнаго, то, по всѣмъ вѣроятностямъ, они отправлялись въ домахъ слугами. О мебели, удобствахъ домашней жизни, располженіи и украшеніи жилищъ мы не имѣемъ почти никакихъ извѣстій, и должны заключить, что домашній бытъ отличался по-прежнему простотою. Богатый Волинскій князь Владиміръ Васильковичъ, который по-

и повлащенъ дѣи и вѣд, дивлевию подобенъ». Не иконостась ли это?

¹⁾ П. С. Р. Л. III, 50.

строилъ столько городовъ, церковей, такъ ихъ богато украсилъ, лежалъ во время болѣзни своей на соломѣ. О богатствѣ Московскихъ князей можемъ имѣть понятіе по ихъ завѣщаніямъ, гдѣ упоминается объ иконахъ, дорогихъ платьяхъ, цѣпяхъ, рѣдко о дорогомъ оружій, о нѣсколькихъ сосудахъ столовыхъ, и все это въ такомъ небольшомъ количествѣ, что не могло занимать много мѣста, легко могло быть сирятано, собрано, увезено. Но если такъ было у князей, то чего же мы должны искать у простыхъ людей? У послѣднихъ, кромѣ самой простой и необходимой рухляди, нельзя было ничего ссыпать, ибо все, что получше и подороже, хранилось въ перквахъ, какъ мѣстахъ, наименѣе подвергавшихся пожарамъ и разграбленіямъ. Жлища располагались, какъ видно, попрежнему; вотъ описаніе пожара, бывшаго въ домѣ Тверскаго великаго князя Михаила Ярославича: загорѣлись сѣни и сгорѣлъ дворъ княжой весь, но Божіею милостію проснулся самъ князь Михайлъ и выбросился въ окно съ княгинею, а сѣни полны были княжатъ и боярчнковъ, которые тутъ снали, и сторожей было много, но никто не слыхалъ²⁾. О княжескихъ одеждахъ упомянуто было выше; относительно платья простыхъ людей встрѣчаемъ названія: охабни, опашни, шубы, вотоны³⁾, сарафаны, чупруны, котыги; изъ украшеній—перстни, колтки, цѣпочки (золотыя вранья)⁴⁾. О пищѣ имѣть подробностей: узнаемъ только, что бѣдные употребляли въ пищу овсяные хлѣббы⁵⁾. — Обратимся къ состоянію нравственному.

Начавши описывать состояніе религія и церкви въ предшествующій періодъ, мы должны были упомянуть о противодѣйствіи, которое христіанство встрѣтило на финскомъ сѣверѣ отъ язычества, отъ волхвовъ; въ описываемое время мы не видимъ болѣе подобныхъ явленій; замѣчаемъ, напротивъ, усилнное распространеніе христіанства въ финскихъ предѣлахъ. Еще подъ 1227 годомъ лѣтописецъ говоритъ о крещеніи Корель; но земля послѣднихъ скоро стала спорною между Новгородцами и Шведами; этотъ споръ давалъ Корелѣ возможность мѣнять зависимость отъ одного народа на зависимость отъ другого, причеъ мѣнялась и вѣра. Безъ соперничества распространялось православіе на сѣверо-востокѣ: здѣсь апостоломъ Зырянъ, или Пермьяковъ явился Св. Стефанъ, сынъ устюжскаго причетника и постриженникъ ростовскій; вѣроятно знакомый еще въ Устюгѣ съ языкомъ зырянскимъ, Стефанъ приготовился къ своему

²⁾ Никон. III, 95.

³⁾ Акты истор. I, № 8.

⁴⁾ Акты юридич., стр. 144, 432. Опис. кончины Мих. Ярослав. Твер. въ Соф. лѣтоп. — Вотъ что говоритъ Ланноа (стр. 20) о головномъ уборѣ Новгородцевъ: «Ont les dames deux tréches de leurs cheveulz pendans derrière leurs dos et les hommes une tréche». О Пековичахъ (стр. 23): «Et ont les Russes d'icelle ville leurs cheveulz longs espars sur leurs espaulles, et les femmes ont ung ront déadème derrière leur testes commes les sains».

⁵⁾ Никон. V, 48.

апостольскому подвигу тѣмъ, что избрѣлъ азбуку и перевелъ нужнѣйшія богослужебныя книги на языкъ зырянскій. Несмотря на всѣ препятствія со стороны ревнителей язычества, дѣло Стефана увѣнчалось успѣхомъ; на мѣстѣ разрушенныхъ третищъ языческихъ онъ основалъ церкви, при церквяхъ — училища для дѣтей. Стефанъ былъ поставленъ епископомъ въ Пермь. О характерѣ его дѣятельности въ этомъ званіи можно заключить изъ слѣдующихъ словъ „Плача земли пермской на смерть Стефана“, помѣщеннаго въ житіи его: „Теперь мы лишились добраго промышленника и ходатая, который Богу молился о спасеніи душъ нашихъ. а князю доносили наши жалобы, хлопоталъ о нашихъ льготахъ, о нашей пользѣ; предъ боярами и всякими властями былъ нашимъ теплымъ заступникомъ, часто избавлялъ насъ отъ насилій, работы и тиунской продажи, облегчалъ отъ тяжелой дани. Самые Новгородцы, ушкуйники, разбойники, словъ его слушались, и не воевали насъ“. Преемниками Св. Стефана были епископы Исаакъ и Ингиримъ; послѣдній былъ взятъ Вогулами въ плѣнъ и умерщвленъ ¹⁾. Если влѣдѣтвѣе татарскаго ига мы видѣли одинокъ примѣръ отступничества въ Зосимѣ, или Изосимѣ, то за то встрѣчаемъ извѣстія о крещеніи Татаръ; такъ, напримѣръ, подъ 1390 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что били челомъ великому князю Василію Дмитріевичу въ службу три Татарина, ханскіе постельники, желая принять христіанство; митрополитъ Кипріанъ самъ крестилъ ихъ, нарекиши именами: Ананія, Азарія, Мисанлъ.

Во главѣ Русской Церкви попрежнему находятся митрополиты; но дѣятельность ихъ въ описываемое время гораздо замѣтнѣе, чѣмъ прежде; тому двѣ главнѣйшія причины: періодъ предшествовавшій характеризуется господствомъ родовыхъ княжескихъ отношеній и происходившихъ отсюда усобицъ; духовенство могло противодѣйствовать этимъ усобицамъ, утишать ихъ, но не могло дѣйствовать открыто и съ успѣхомъ противъ причины усобицъ, противъ господствующаго обычая. Мы видимъ, какъ лѣтописецъ, лицо безспорно духовное, принимаетъ сторону дядей противъ племянниковъ; таковы были господствующія представленія о правѣ княжескаго старинства въ дѣломъ русскою народѣ, въ дѣломъ русскою духовенствѣ. Если бы митрополиты, приходившіе изъ Византіи, и враждебно смотрѣли на такое представленіе, то ихъ мнѣніе, какъ чужеземцевъ, не могло имѣть большаго авторитета, и здѣсь, именно въ этой чужденародности митрополитовъ, заключалась вторая главная причина ихъ не очень замѣтной дѣятельности. Другого рода явлениями характеризуется описываемое время; оно характеризуется борьбою между старымъ и новымъ порядкомъ вещей, борьбою, которая должна была окончиться единовластіемъ; при этой борьбѣ духовенство не могло оставаться равнодушнымъ, оно должно было объявить себя въ пользу того изъ нихъ, кото-

рый обѣщаль землѣ успокоеніе отъ усобицъ, установленіе мира и порядка. Но, кромѣ этой знаменитой борьбы, вниманіе духовенства, митрополитовъ должны были обратить на себя другія, новыя, важныя отношенія, именно отношенія татарскія, литовскія и отношенія къ изнемогающей Византіи, которыя должны были принять новый характеръ. Такимъ образомъ, важность событій описываемаго времени, смѣнившихъ однообразіе и однородность явленій періода предшествовавшаго, событій, имѣвшихъ тѣсную связь съ интересами Церкви, должна была вызвать духовенство къ сильной дѣятельности, и сюда же присоединилось теперь то важное обстоятельство, что митрополиты начинаютъ являться русскіе родомъ; дѣйствительно, нельзя не замѣтить, что самая значительная дѣятельность въ описываемое время принадлежитъ тремъ митрополитамъ изъ Русскихъ: Петру, Алексію, Іоаннѣ.

Мы видѣли, что въ Константинополѣ не согласились на раздѣленіе русской митрополіи, на поставленіе особаго митрополита для Сѣверной Руси во Владиміръ-Клязьменскій: но важное значеніе, съ какимъ явилась Сѣверная Русь при Андрѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ III, заставило Кіевскихъ митрополитовъ обратить на нее особенное вниманіе и отправиться во Владиміръ для умирненія тамошнихъ князей съ князьями южными, для поддержанія согласія между двумя половинами Руси, согласія, необходимаго для поддержанія единства и въ церковномъ управленіи. Послѣ 1228 года и послѣ татарскаго разгрома, когда значеніе Кіева и Южной Приднѣпровской Руси пало окончательно, митрополиты Кіевскіе и всяя Руси должны были обратить еще большее вниманіе на Сѣверную Русь, и вотъ, подъ 1250 годомъ, встрѣчаемъ извѣстіе о путешествіи митрополита Кирилла II (родомъ Русскаго) изъ Кіева въ Черниговъ, Рязань, Землю Суздальскую и наконецъ въ Новгородъ Великій. Но потомъ опять мы видимъ Кирилла во Владиміръ въ 1255 году и при похоронѣ Александра Невскаго въ 1263 году; послѣ этого онъ ѣздилъ въ Кіевъ; о возвращеніи его оттуда лѣтописецъ говоритъ подъ 1274 годомъ; въ томъ же году Кирилла созывалъ соборъ во Владиміръ для исправленія церковнаго; наконецъ, передъ кончиною, Кирилла является опять изъ Кіева въ Суздальской Землѣ и умираетъ въ Переяславль-Залѣскомъ, въ 1280 г., въ княженіе Дмитрія Александровича, но погребенъ въ Кіевѣ. Если мы, на основаніи этихъ извѣстій, и не имѣемъ еще права сказать, что Кирилла перенесъ кафедру изъ Кіева во Владиміръ ²⁾, то по крайней мѣрѣ видимъ, что онъ нѣсколько разъ является на сѣверѣ, и очень вѣроятно, что онъ жилъ здѣсь если не долѣе, то столько же, сколько и на югѣ; и если Кирилла II не сдѣлалъ того, что обыкновенно приписывается митрополиту Максиму, не перенесъ пребываніе съ юга на сѣверъ, то, по

¹⁾ Твор. св. отецъ, годъ 3, кн. 3.

²⁾ Какъ то дѣлалъ митрополитъ Евгеній въ Словарѣ духовныхъ писателей, I, 383.

крайней мѣрѣ, приготовилъ явленіе, необходимое по всемъ обстоятельствамъ. Любопытно также извѣстіе о кончинѣ Кирилла въ Переяславль-Залѣскомъ; здѣсь мы можемъ видѣть также необходимый, по обстоятельствамъ, шагъ со стороны митрополита всея Руси, можемъ видѣть предпочтеніе города, въ которомъ живетъ сильнѣйшій князь, городу, главному только по имени.

Кириллъ не дожидъ до важнаго для Сѣверной Руси событія, открытія борьбы между сыновьями Невскаго—старшимъ Димитріемъ и младшимъ Андреемъ; но онъ оказалъ участіе въ одномъ также значительномъ событіи, именно—въ борьбѣ великаго князя Ярослава Ярославича съ Новгородомъ; вслѣдствіе его посредничества, Новгородцы помирились съ княземъ. Съ другой стороны, при Кириллѣ опредѣлились отношенія ордынскія: въ Русскіе были обложены данью, исключая духовенства; другимъ слѣдствіемъ терпимости Татаръ было то, что въ самомъ Сараѣ, столицѣ хановъ, учреждается православная епископская кафедра въ зависимости отъ русскаго митрополита; въ 1261 г. Кириллъ поставилъ въ Сарай епископа Митрофана; подъ 1279 г. встрѣчаемъ извѣстіе, что Сарайскій епископъ Теогность въ третій разъ возвратился изъ Царяграда, куда посылалъ его митрополитъ Кириллъ и ханъ Менгутемиръ къ патриарху и императору съ писмами и дарами,—извѣстіе любопытное, показывающее значеніе русскаго Сарайскаго епископа для христіанскаго востока.

Преемникомъ Кирилла былъ Максимъ, родомъ Грекъ; нѣтъ извѣстій, чтобъ Кириллъ ѣздилъ въ Ордъ, но Максимъ отправился туда немедленно по приѣздѣ въ Кіевъ изъ Константинополя. Сначала Максимъ показалъ, что столицей митрополіи Русской долженъ остаться Кіевъ: сюда въ 1284 году должны были явиться къ нему всѣ епископы русскіе. Въ слѣдующемъ году видимъ его на сѣверѣ, даже въ Новгородѣ и Псковѣ; но во время знаменитой усобицы на сѣверѣ между Александровичами мы не слышимъ о митрополитѣ: онъ остается въ Кіевѣ; быть можетъ, эта усобица и удерживала его на югѣ, потому что, какъ скоро она пріутихла, Максимъ переселился совершенно изъ Кіева во Владиміръ, пришелъ съ клиросомъ и со всемъ житьемъ своимъ, но выраженію лѣтописца; послѣдній приводитъ и причину переселенія: митрополитъ не хотѣлъ терять насилія отъ Татаръ въ Кіевѣ; но трудно предположить, чтобъ насилія татарскія въ это время именно усилились противъ прежняго. Такимъ образомъ, Максимъ сдѣлалъ рѣшительный, окончательный шагъ, которымъ ясно засвидѣтельствовало, что жизненные силы совершенно отлипли съ юга на сѣверъ, и дѣйствительно до сихъ поръ, если Кіевъ потерялъ прежнее значеніе и благосостояніе, то значеніе и благосостояніе поддерживалось еще на юго-западѣ, въ Галиціи, на Волыни; но по смерти Данила, Василька и Владиміра Васильковича и здѣсь оставалось мало надежды на что-нибудь сильное и прочное.

Максимъ не долго прожилъ на сѣверѣ; не оказавши нравственнаго вліянія, посредничества въ усобицѣ между сыновьями Невскаго, онъ хотѣлъ воспрепятствовать усобицѣ между князьями Московскимъ и Тверскимъ; но старанія его остались тщетны; онъ умеръ въ 1305 году, и преемникомъ ему поставленъ былъ Петръ, родомъ Русскій, изъ Волыни. Послѣ поставленія своего, Петръ только проѣздомъ остановился въ Кіевѣ и спѣшилъ на сѣверъ; но и здѣсь пробылъ не долго,—отправился опять на югъ. Въ Брянскѣ онъ уговаривалъ князя Святослава, чтобы тотъ подѣлился восточными племянникомъ, или даже оставилъ бы ему все, бѣжалъ бы изъ города, а не бился. Неизвѣстно, шель ли Петръ далѣе Брянска на югъ и было ли прекращеніе брянской усобицы главною цѣлію его поѣздки туда; всего вѣроятнѣе, что святитель возвратился изъ Брянска на сѣверъ, во Владиміръ, ибо подъ слѣдующимъ годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе, что онъ не пустилъ Тверскаго княжича Димитрія Михайловича идти войною на Новгородъ-Нижній; впрочемъ, за правильность порядка годовъ въ лѣтописнымъ сборникамъ ручаться нельзя: очень можетъ быть, что митрополитъ былъ въ Брянскѣ и уговаривалъ тамошняго князя, когда ѣхалъ въ первый разъ изъ Кіева во Владиміръ; послѣ мы не встрѣчаемъ извѣстій о поѣздкахъ Св. Петра на югъ. Митрополитъ Кириллъ колебался между сѣверомъ и югомъ; Максимъ переѣхалъ съ клиросомъ и со всемъ житьемъ своимъ на сѣверъ; Петръ сдѣлалъ новый шагъ. Владиміръ, гдѣ поселился Максимъ, былъ столицею старшаго князя только по имени; каждый князь, получавшій старшинство и великое княженіе Владимірское, оставался жить въ своемъ прежнемъ наслѣдственномъ городѣ, и шла борьба за то, которому изъ этихъ городовъ усилиться окончательно, собрать Русскую Землю, и вотъ Петръ назначается это окончательное торжество Москвы, оставаясь здѣсь долѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ, и выбравши Москву мѣстомъ успокоенія своего на старости и мѣстомъ погребенія своего. Любопытно видѣть, какъ во все это время митрополиты, тогдашніе представители духовнаго единства Руси, не имѣютъ постоянного пребыванія, странствуютъ то съ юга на сѣверъ, то съ сѣвера на югъ, и на сѣверѣ не пребываютъ постоянно во Владиміръ: Св. Петръ, по словамъ автора житія его, проходилъ мѣста и города, и, полюбивши Московскаго князя Іоанна Даниловича, сталъ жить въ Москвѣ долѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Это движеніе митрополитовъ всего лучше выражаетъ то броженіе, то переходное состояніе, въ которомъ тогда находилась Русь, состояніе, прекратившееся съ тѣхъ поръ, какъ средоточіе государственной жизни утвердилось въ Москвѣ, чему, какъ мы видѣли, много содѣйствовало расположеніе Св. Петра къ этому городу или его князю. Восколько этому расположенію къ Москвѣ способствовали непріязненные отношенія Твери и ея епископа Андрея къ Св. Петру, мы опредѣлить не можемъ;

но мы не должны упускать этого обстоятельства из вниманія.

Подобно Максиму, и Петръ долженъ былъ отправиться въ Орду; это случилось по смерти хана Тохты, когда, со вступленіемъ на престолъ Узбека, все обновилось, по выраженію лѣтописца, когда всѣ приходили въ Орду и брали новые ярлыки — и князья и епископы. Петръ былъ принятъ въ Ордѣ съ большою честью и скоро отпущенъ на Русь. Еще въ самомъ началѣ, когда опредѣлились татарскія отношенія, наложена была дань на всѣхъ, за исключеніемъ духовенства: послѣднему данъ былъ ярлыкъ, свидѣтельствующій объ этомъ освобожденіи. Въ донедшемъ до насъ ярлыкѣ Менгу — Тимура ¹⁾ именно говорится о жалованныхъ грамотахъ духовенству первыхъ хановъ, которыхъ грамотъ Менгу — Тимуръ не хочетъ измѣнять; слѣдовательно ярлыкъ Менгу-Тимуровъ мы имѣемъ полное право считать одинаковымъ со всѣми прежними ярлыками; въ немъ ханъ обращается къ баскакамъ, князьямъ, дашкикамъ и всякаго рода чиновникамъ татарскимъ съ объявленіемъ, что онъ далъ жалованныя грамоты русскимъ митрополитамъ и всему духовенству, бѣлому и черному, чтобъ они правымъ сердцемъ, безъ печали, молили Бога за него и за все его племя и благословляли ихъ; не надобна съ нихъ ни дань, ни тамга, ни пошлужное, ни ямъ, ни подводы, ни война, ни кормъ; не надобна съ нихъ никакая пошлина, ни ханская, ни ханшина, ни князей, ни рядцевъ ни до роги (сборщика податей), ни посла, ни которыхъ пошлиниковъ никакіе доходы; никто не смѣетъ занимать церковныхъ земель, водъ, огородовъ, виноградниковъ, мельницъ, зимовищъ и лѣтoviщъ; никто не смѣетъ брать на работу или на сторуку церковныхъ людей: мастеровъ, сокольниковъ, пардусниковъ; никто не смѣетъ взять, изорвать, испортить иконъ, книгъ и никакихъ другихъ богослужебныхъ вещей, чтобы духовные не проклинали хана, но въ покоѣ за него молились; кто въру ихъ похулить, нарушается надъ нею, тотъ безъ всякаго извиненія умретъ злою смертію. Братья и сыновья священниковъ, живущіе съ ними вмѣстѣ, на одномъ хлѣбѣ, освобождаются также отъ всякихъ даней и пошлинъ; но если отдѣлятся, изъ дому выйдутъ, то дадутъ пошлины и дани. А кто изъ баскаковъ или другихъ чиновниковъ возьметъ какую-либо дань или пошлину съ духовенства, тотъ безъ всякаго извиненія будетъ казненъ смертію. — Но съ вопареніемъ Узбека, какъ было упомянуто, надобно было брать новые ярлыки, т.-е. снова платить за нихъ, и митрополиту Петру данъ былъ новый ярлыкъ на его имя ²⁾. Этотъ ярлыкъ одинаковъ съ Менгу-Тимуровымъ, только многословнѣе; прибавлено то, что митрополитъ Петръ управляетъ своими людьми и судитъ ихъ во всякихъ дѣлахъ,

не исключая и уголовныхъ; что всѣ церковные люди должны повиноваться ему.

Преемникъ Петра, Грекъ Θεογνοῦς, пріѣхалъ на сѣверъ, когда уже борьба между Москвою и Тверью кончилась, когда Тверская область была страшно опустошена, князь ея въ изгнаніи, и Московскій князь перенесовалъ безъ соперника Новому митрополиту не оставалось ничего болѣе, какъ послѣдовать примѣру своего святаго предшественника, и Θεογνοῦς, по словамъ лѣтописца, сѣлъ на мѣстѣ Св. Петра, сталъ жить на его дворѣ въ Москвѣ, что другимъ князьямъ было не очень сладостно. Мы видѣли какого важнаго союзника имѣлъ Калита въ Θεογνοῦς, который страхомъ отлученія заставлялъ Псковичей отказаться отъ покровительства Александру Тверскому. Но, окончивши дѣла на сѣверѣ, Θεογνοῦς долженъ былъ свѣшиться на югъ, гдѣ въ послѣднее время произошла важная перемѣна; вмѣсто многихъ отдѣльных, мелкихъ, слабыхъ князей, потомковъ Рюрика, здѣсь господствовалъ теперь сильный князь Литовскій, Гедиминъ, язычникъ, но не гонитель христіанства. Вслѣдствіе этого событія, отношенія Всероссийскаго митрополита къ Юго-Западной Руси должны были принять новый характеръ: прежде можно было оставить югъ для сѣвера, пренебрегая неудовольствіемъ многихъ, слабыхъ, раздѣльныхъ князей, если бы они и рѣшились выразить неудовольствіе на отсутствіи митрополита; но теперь могущественными князьями Литовскими пренебрегать было нельзя, и Θεογνοῦς долго живетъ на Волыни, потомъ встрѣчаемъ извѣстіе о поѣздкѣ его туда же въ другой разъ ³⁾. И это извѣстіе нельзя не привести въ связь съ другимъ одновременнымъ извѣстіемъ о насиліяхъ Поляковъ на Волыни, о гоненіяхъ на православіе; притомъ удаленіе Кіевскаго митрополита на сѣверъ уже заставляло думать на югѣ объ избраніи особаго митрополита, который, по извѣстнымъ намъ обстоятельствамъ, долженъ былъ имѣть пребываніе въ Галицкой Руси, а не Днѣпровской. До насъ дошли письма Константинопольскаго императора къ митрополиту Θεογνοῦς, къ великому князю Симеону Московскому, Волынскому князю Любаргу объ уничтоженіи Галицкой митрополіи, установленной прежнимъ патріархомъ ⁴⁾. Въ Орду Θεογνοῦς долженъ былъ ѣздить два раза; во второй разъ его ждали тамъ болшія неприятности: какіе-то Русскіе люди рассказали хану Чанибуку, что митрополитъ Русскій получаетъ огромный доходъ, что у него множество золота, серебра и всякаго богатства, и что ему ничего не стоитъ платить ежегодную дань въ Орду. Ханъ потребовалъ этой дани отъ Θεογноῦса, но тотъ вытерпѣлъ гѣсное заключеніе, раздарилъ хану, ханшѣ и князьямъ много денегъ и остался при прежнихъ льготахъ.

Мы видѣли, что, начиная съ Кирилла II до сихъ поръ, митрополиты изъ Русскихъ и изъ Грековъ,

¹⁾ С. г. г. и д. II, № 2. Григорьева — о достовѣрн. ханскихъ ярлыковъ.

²⁾ Тамъ же, № 7.

³⁾ Никои. III, 192.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 191. Протоколы Константинопольскаго патріархата въ Журн. Мил. Нар. Просв. 1848 г.

такъ-сказать, чередуются: послѣ Русскаго Кирилла видимъ Грека Максима, потомъ опять Русскаго Петра и потомъ опять Грека Θεогноста. Какъ избирались всѣ эти митрополиты, Русскіе и Греки, по предложенію или по согласію какихъ русскіхъ князей ставились они — мы знаемъ мало. Но мы знаемъ подробности о выборѣ преемника Θεогноста. При князѣ Юріи Даниловичѣ выѣхалъ изъ Чернигова въ Москву бояринъ Осдоръ Плещеевъ; сынъ его, Елевѣрій-Симеонъ, крестникъ Іоанна Калиты, съ двѣнадцатилѣтняго возраста началъ вести себя монахомъ, и на двадцатомъ году постригся въ московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, подъ именемъ Алексія. Прославившись духовною жизнію, Алексій былъ взятъ митрополитомъ Θεогностомъ въ намѣстники, должность котораго состояла въ судѣ надъ церковными людьми; послѣ двѣнадцатилѣтняго исправленія этой должности, Θεогностъ поставилъ Алексія епископомъ во Владиміръ, и еще при жизни своей благословилъ его себѣ въ преемники на столѣ митрополитчьемъ, и отправлены уже были отъ великаго князя и митрополита послы въ Царьградъ къ патріарху, чтобы тотъ имѣлъ въ виду Алексія и не ставилъ никого другого въ митрополиты русскіе. Когда Θεогностъ умеръ, Алексій отправился въ Царьградъ на поставленіе; но тамъ, не дожидаясь извѣстія изъ Москвы, уже поставили въ митрополиты Романа, и, не рѣшаясь отказать Московскому князю, поставили потомъ и Алексія, и обоихъ отпустили въ Русь: сотворился мятежъ во святительство, чего прежде никогда не бывало на Руси, говоритъ лѣтописецъ; отъ обоихъ митрополитовъ начали являться послы къ областнымъ владыкамъ, и была вездѣ тяжесть большая священническому чину. Такимъ образомъ, теперь въ самомъ Константинополѣ указано было на то, что прежде здѣсь же было отвергнуто, именно раздѣленіе Русской митрополіи; надобно было исполнить двухъ митрополитовъ, и когда Алексій пришелъ въ Москву, Романъ отправился на Литовскую и Волинскую Землю. Но Алексій, посвященный въ митрополиты Кіевскіе и всяя Руси, не могъ отказаться отъ Кіева; онъ поѣхалъ туда въ 1358 г., но когда черезъ годъ возвратился въ Москву, Романъ явился въ Твери; здѣшній владыка Θεодоръ не захотѣлъ съ нимъ видѣться и не оказалъ ему никакого почета; но князья, бояре и нѣкоторые другіе, по словамъ лѣтописца, давали ему потребное; особенно большую честь оказалъ и богатые дары далъ ему князь Всеволодъ Александровичъ Холмскій. Такое поведеніе Всеволода объясняется легко: Всеволодъ враждовалъ съ дядею Васильемъ Михайловичемъ, на сторонѣ котораго былъ Московскій князь и митрополитъ Алексій; Всеволодъ же нашелъ помощь въ Литвѣ у зятя своего Олгерда, посредничеству котораго, безъ сомнѣнія, Всеволодъ былъ обязанъ тѣмъ, что дядя уступилъ ему треть отчины. Всеволодъ возвратился изъ Литвы въ Тверь въ то самое время, когда пріѣзжалъ туда и митрополитъ Романъ; очень вѣроятно слѣдовательно, что

послѣдній пріѣзжалъ съ Олгердовымъ порученіемъ примирить князей и добыть Всеволоду волость; но если бы и не такъ было, то понятно, что Всеволодъ, родственникъ и союзникъ Олгерда, долженъ былъ оказывать всякое расположеніе митрополиту, признаваемому въ Землѣ Литовской.

Намъ не нужно повторять здѣсь сказаннаго выше о могущественномъ содѣйствіи Св. Алексія Московскимъ князьямъ въ утвержденіи ихъ власти надъ другими князьями. Недаромъ великій князь Симеонъ завѣщалъ своимъ братьямъ не слушаться лихихъ людей, но слушаться владыки Алексія да старыхъ бояръ, которые отцу ихъ и имъ добра хотѣли: и Тверь и Нижній испытали, какъ Св. Алексій хотѣлъ добра сыновьямъ и внукамъ своего крестнаго отца, Іоанна Калиты. Не будучи Грекомъ, Алексій умѣлъ поддерживать постоянное расположеніе къ себѣ и къ Москвѣ двора и патріарха Константинопольскаго. Патріархъ писалъ къ Донскому объ особенномъ расположеніи своемъ къ нему и брату его Владиміру, о гнѣвѣ своемъ на другихъ князей русскіхъ, имъ непріязненныхъ. Въ другой грамотѣ патріархъ писалъ, что онъ не сниметъ проклятія, наложеннаго митрополитомъ Алексіемъ на нѣкоторыхъ князей русскіхъ, до тѣхъ поръ, пока они не исполнятъ всѣхъ условій и пока митрополитъ не уничтожитъ, что они рассказали, ибо эти князья дали великому князю страшную клятву выступить вмѣстѣ противъ враговъ вѣры. Смоленскій князь Святославъ жаловался, что митрополитъ предалъ его проклятію; патріархъ отвѣчалъ, что поступокъ митрополита справедливъ, ибо Святославъ помогалъ Олгерду противъ Москвы. Князь Тверской жаловался также на митрополита и требовалъ суда съ нимъ; патріархъ отвѣчалъ, что считаетъ неприличнымъ князю судиться съ митрополитомъ предъ посломъ патріаршимъ. — Слава благочестивой жизни Русскаго митрополита достигла и Орды: жена хана Чанибека, Тайдула, заболѣвши глазами, прислала въ Москву просить Алексія, чтобы посылалъ ее: Св. Алексій поѣхалъ въ Орду, — и ханша получила исцѣленіе.

Алексій хотѣлъ видѣть и преемникомъ своимъ мужа, славнаго своею святостію, Сергія, игумена-основателя Троицкаго монастыря; но смиренный инокъ отказался отъ власти; а между тѣмъ въ Константинополѣ не хотѣли дожидаться московскаго избранника; туда съ разныхъ сторонъ приходили жалобы на то, что митрополитъ покинулъ югъ для сѣвера; Польскій король Казимиръ, владыка Галицкою Русью, требовалъ для нея особаго митрополита, грозя въ противномъ случаѣ обращать Русскіхъ въ латинскую вѣру. Угроза подѣйствовала, и въ Константинополѣ поставили особаго митрополита для Галича, подчинивъ ему епархіи — Холмскую, Туровскую, Перемышльскую и Владимірскую на Волини. Съ другой стороны, Олгердъ Литовскій писалъ жалобы къ патріарху, что Москва обидѣла шурина его, Михаила Тверскаго, зятя Бориса Нижегородскаго, другаго зятя, Ивана Новосиль-

скаго, побрала много городовъ; жаловался, что митрополитъ благословляетъ Московскаго князя на такие поестуки по благословенію патриаршему, не прѣзжалъ ни въ Литву, ни въ Кіевъ, снимаетъ грестное цѣлованіе съ перебѣжчиковъ изъ Литвы въ Москву; Олгердь требовалъ другаго митрополита Кіевскаго на Смоленскъ, на Тверь, на Малую Россію, на Новосиль, на Нижній-Новгородъ. И вотъ, по просьбамъ юго-западныхъ русскихъ князей, въ Константинополь поставили имъ митрополита Киріана, родомъ Сербъ, съ условіемъ, чтобы по смерти митрополита Алексія онъ былъ митрополитомъ всея Россіи. Но понятно, что если въ Литвѣ хотѣли своего митрополита, то въ Москвѣ хотѣли также своего. Ни въ Москвѣ, ни въ Новгородѣ, ни во Псковѣ не признавали Киріана, и онъ принужденъ былъ отправиться на житье въ Кіевъ: опять повторилось, слѣдовательно, прежнее явленіе, опять указывалась возможность раздѣленія Русской митрополіи, ибо въ Москвѣ не хотѣли принимать Киріана и по смерти Алексія: здѣсь былъ свой избранныкъ. Былъ въ городѣ Коломнѣ священникъ Михаилъ Митяй, человекъ необыкновенно видный, красивой наружности, грамотный, съ рѣчью легкою и чистою, голосомъ громкимъ и приятнымъ, превосходилъ всѣхъ умѣнемъ толковать силу книжную; память имѣлъ необыкновенную, зналъ все старинныя повѣсти, книги и притчи; во всѣхъ дѣлахъ и судахъ разсуждалъ краснорѣчиво и умно. Такія достоинства обратили на него вниманіе великаго князя Дмитрія, который и взялъ Митяя къ себѣ въ духовники и почетники. Митяй годъ отъ году пріобрѣталъ все болѣе славы и значенія; никто, по словамъ лѣтописца, не былъ въ такой чести и славы, какъ Митяй; отъ великаго князя не было ему ни въ чемъ отказу, всѣ почитали его какъ царя какого, и, что еще важнѣе, любили его всѣ.

Въ Спаскомъ монастырѣ (внутри кремля) очистилося архимандричье мѣсто; великому князю и боярамъ непремѣнно хотѣлось, чтобы на этомъ мѣстѣ былъ Митяй, но самъ Митяй не хотѣлъ; великій князь сталъ его уговаривать: „Видишь, Алексій митрополитъ уже старъ, и ты будешь послѣ него митрополитомъ всея Руси; постригись только теперь въ монахи, — и будешь архимандритомъ въ Спаскомъ монастырѣ и моимъ отцомъ духовнымъ, попрежнему“. Митяй согласился; до обѣда постригли его въ монахи, послѣ обѣда назначили архимандритомъ. Теперь надобно было уговорить митрополита, чтобы благословилъ Митяя себѣ въ преемники; но Св. Алексій не соглашался на это. „Митяй еще недавно въ монахахъ, говорить онъ: надобно ему еще поискуситься, облечься благими дѣлами и правами“. Великій князь долго его упрасивалъ, то самъ приходилъ къ нему, то посылалъ брата двоюроднаго, Владиміра Андреевича, то бояръ — все напрасно. „Кому дасть Господь Богъ, Пречистая Богородица, патриархъ и вселенскій соборъ, того и я благословлю“, былъ отъ него отвѣтъ. Несмотря на то, ко-

гда Св. Алексій преставился въ 1377 году, Митяй вошелъ въ митрополичій дворъ, сталъ ходить съ митрополичьемъ одѣяніи и началъ обращаться съ духовенствомъ и властвовать какъ митрополитъ. Сперва онъ собрался ѣхать въ Константинополь на поставленіе къ патриарху, но потомъ раздумалъ и началъ говорить великому князю: „Въ правилахъ написано, что два или три епископа поставляютъ епископа; такъ пусть и теперь сойдутся епископы русскіе, пять или шесть, и посвятятъ меня въ митрополиты“. Великій князь и бояре согласились, и епископы уже собрались. Но что случилось въ XII вѣкѣ при поставленіи митрополита Кліма однимъ соборомъ русскихъ епископовъ, то же самое случилось и теперь: какъ тогда Инфонтъ Новгородскій возсталъ противъ неправильнаго, по его мнѣнію, поставленія Клімова, такъ теперь противъ поставленія Митяева вооружился Діонисій, епископъ Суздальскій. Спротивленіе Діонисія заставило Митяя опять думать о путешествіи въ Царьградъ; туда же началъ собираться и Діонисій, желая самъ получить митрополію. Узнавши объ этомъ, Митяй сталъ соговать великому князю удержатъ Діонисія, который можетъ помѣшать ему въ Константинополь, и великій князь велѣлъ держать Суздальскаго епископа подъ крѣпкою стражею. Діонисій, чтобы избавиться изъ заключенія, далъ великому князю обѣщаніе не ѣздить въ Царьградъ безъ его позволенія, и поставилъ поручителемъ преподобнаго Сергія Радонскаго, но не сдержалъ слова: изъ Суздаля поѣхалъ въ Нижній, отсюда Волгою въ Сарай, а изъ Сарая въ Константинополь. Митяй и прежде не соглашался на освобожденіе Діонисія; ему казалось, что Св. Алексій не хотѣлъ благословить его, Митяя, по совѣту преподобнаго Сергія, который и теперь дѣйствуетъ противъ него заодно съ Діонисіемъ; когда же онъ узналъ о бѣгствѣ Діонисія въ Константинополь, то негодованіе его достигло высшей степени, и Св. Сергій говорилъ: „Молю Господа Бога сокрушеннымъ сердцемъ, да не попуститъ Митяю исполнить свою угрозу — разорить мѣсто это святое и изгнать насъ безъ вины“. Съ другой стороны, являлся новый соперникъ Митяю: Киріанъ изъ Кіева ѣхалъ въ Москву, и былъ уже въ Любутскѣ, откуда далъ знать Св. Сергію, что идетъ къ сыну своему, великому князю, съ миромъ и благословеніемъ. Но великій князь, узнавъ о прибытіи незваннаго гостя, разоудалъ всюду заставы, чтобы не пропускать его въ Москву; Киріана схватили и съ безчестіемъ отправили назадъ ¹⁾.

¹⁾ Никол. III, Степен. кн. I, 456. Посланіе митрополита Киріана къ Св. Сергію и Феодору 1378 года, іюля 3, изъ Любутска:

1. «Слышу о васъ и о вашей добродѣтели, како мирская вся мудрованія преобладайте и о единой воли Божіей нечетесь; и о томъ велики благодарю Бога, и молюю Ему, да сподобитъ насъ видѣти другъ друга и насладитися духовныхъ словесъ. Буди же намъ свидѣмо: прѣзжалъ есмь въ Любутскъ, въ четвергъ, мѣсяца іюля 3 деня, и иду къ сыну къ своему, ко князю къ великому, на Москву. Иду же яко же иногда Иосифъ отъ отца посланъ къ своимъ

Движенія Дюнсія и Кипріана должны были укорить поѣздку Митяя въ Константинополь, и отъ отправленія наконецъ съ полномочіемъ отъ великаго князя дѣйствовать какъ заблагоразсудитъ, смотря по обстоятельствамъ, для чего взялъ съ собою про записъ бѣлыя хартіи съ привѣщеною къ нимъ великокняжескою печатію, чтобъ, въ случаѣ надобности, можно было написать на нихъ кабалу или вексель; Димитрій позволялъ ему занять тысячу рублей серебра и даже больше на великокняжеское имя. Митяй отправился въ сопровожденіи трехъ архимандритовъ и многихъ другихъ духовныхъ лицъ, также большаго боярина великокняжескаго, Юрія Кочевина, и митрополитичьихъ бояръ. Въ

братіи, миръ и благословеніе пося. Аще вѣсти о мѣѣ инако свѣтають, азъ же святитель есмь, а не ратный человекъ; благословеніемъ иду, яко и Господи, посылая ученики своя на проповѣдь, учаше ихъ глаголю: «Пріемляя насъ, Мене пріемлетъ». Вы же будете готовы видѣтися съ нами, гдѣ сами погадаете; велики жадаю видѣтися съ вами и утѣшится духовнымъ утѣшеишемъ».

2. «Не уталося отъ васъ и отъ всего рода христіанскаго, елико сотворилося надо мною, еже не сотворилося есть ни надъ единымъ святителемъ, какъ Русская земля стала. Язъ Божиимъ изволеніемъ и избраніемъ великаго и св. собора, и благословеніемъ и ставленіемъ вселенскаго патріарха, поставленъ есмь митрополитъ на всю Русскую землю, и вся вселенная то вѣдаеть, и пишѣче похваля есмь былъ со вѣмъ чистосердечіемъ и зъ добротѣишемъ къ князю великому; и онъ послы ваша (?) разошля, мене не пропустити, и еще заставилъ застави, рати сбивъ и воеводы предъ нами поставивъ, и елико зло надо мною дѣяти, еще же и смерти предати насъ немилостиво, такъ научи и накажаже. Азъ же его безчестія и души его болши стрега, и пишмъ путемъ проидохъ, на свое чистосердечіе падѣися и на свою любовь, еже имѣхъ есмь къ князю великому и къ его княгини и къ его дѣтемъ. Онъ же пристави надъ мною учителя, проклятаго Никифора; и которое зло остави, еже не сдѣя надо мною? Хулы и наруганія, посяханіе, грабленіе, голодъ! Мене вночи заточилъ, нагато и голоднаго, и отъ тоя ночи студени и пынѣча стражу. Слуги же моя надъ многимъ злымъ, что надъ нами издѣляли, отгуская ихъ на кланчахъ хлибныхъ, безсѣделъ, во обротѣхъ личныхъ, изъ города вывели ограбленныхъ и до сорочки, и до пошевъ и до нованицъ, и сапоговъ и киверовъ не оставили на нихъ! Токоли не обрѣтесе никтоже на Москвѣ добра похотѣти душѣ князя великаго и всей отчнѣи его!... И аще мѣрїе блудитъ князя, занеже у нихъ жены и дѣти, стяжаніе и богатство, и того не хотятъ погубити: вы же нже міра отрекся есте и нже въ мѣрѣ живете единому Богу, како, толку злобу видѣвъ, умолчали есте?... Которую вишу нашель есть на мѣѣ князя великій? Чѣмъ азъ ему виноватъ или отчнѣи его? Кладете на мене вины, что былъ есмь въ Литвѣ первое; и которое лихо учинилъ есмь, бывъ тамъ? Аще былъ есмь въ Литвѣ, много христіанъ горькаго плѣнненія освободилъ есмь, мнози отъ невѣдѣнщъ Бога познали нами истиннаго Бога и къ православной вѣрѣ Св. крещеніемъ пришли. Церквїи Св. ставилъ есмь, христіанство утвердилъ есмь, мѣста церковная, запустошена давними лѣта, оправилъ есмь. Новый Городокъ Литовскїй давно отпалъ, и азъ его оправилъ, и достатину досталъ къ митрополіи же и села. Въ Волынской же земли также колько лѣтъ стояла Волимерская епископіа безъ владыки, запустошала: и азъ владыку поставилъ и мѣсто исправилъ».

3. 1378. Октября 18 изъ Кіева. «Елико смиреніе и повиновеніе и любовь имѣете къ Св. Божіей церкви и къ нашему смиренію, вся познать есмь отъ словъ вашихъ». (Правосл. Собесѣдн. 1860 года).

стени Митяй былъ захваченъ Мамаемъ, но не долго задержанъ; переплыто было уже благополучно и Черное море, какъ вдругъ, въ виду Константинополя, Митяй разболѣлся и умеръ. Между произошедшими его духовными и боярами встало тогда сильное смятеніе: одни хотѣли поставить въ митрополиты Іоанна, архимандрита Петровскаго, изъ Москвы, а другіе—Иммена, архимандрита Горницкаго, изъ Переяславлѣ; наконецъ бояре, хотѣвшіе Иммена, пересилили и едва не умертвили Іоанна, который не соглашался съ ними. На одной изъ бѣлыхъ хартіи написали отъ имени великаго князя грамоту къ императору и патріарху съ просьбою о поставленіи Иммена въ митрополиты. Сперва дѣло пошло было дурно: императоръ и патріархъ отвѣчали, что уже давно посвященъ и отправленъ въ Россію митрополитъ Кипріанъ, и другого не слѣдуетъ ставить; тогда Русскіе заняли у италіанскихъ и восточныхъ купцовъ денегъ въ ростъ, написавши кабалу на другой бѣлой хартіи, роздали повсюду богатые подарки и достигли своей цѣли въ Константинополь, но не достигли ея въ Москвѣ. Когда сюда пришла вѣсть, что Митяй умеръ на морѣ и вмѣсто него поставленъ Иммень, и когда, въ то же время, какъ обыкновенно бываетъ, стали носиться слухи, что Митяй умеръ не своею смертію, то сильно опечаленный великій князь сказалъ: «Я не посылаю Иммена въ митрополиты, послалъ я его какъ слугу при Митяѣ; что сдѣлалось съ Митяемъ,—я не знаю, одинъ Богъ знаетъ, одинъ Богъ и судитъ, только Иммена я не приму и видѣть его не хочу». Еще Иммень медлил въ Константинополь, какъ великій князь отправилъ духовника своего въ Кіевъ, звать на митрополитичій столъ Кипріана, и тотъ пріѣхалъ въ Москву; когда же узнали о приходѣ Иммена, то остановили его въ Коломнѣ, сняли бѣлый клобукъ и отправили въ заточеніе.

Но Кипріанъ не долго на этотъ разъ пробылъ въ Москвѣ, и Иммень не долго дождался своей очереди; какъ прежде присутствіе нѣсколькихъ князей, предъявляющихъ права свои на старшинство, давало возможность выбора между ними, такъ теперь присутствіе двухъ митрополитовъ, уже поставленныхъ въ Константинополь, дѣлало возможнымъ выборъ и между ними. Мы видѣли, что во время Тохтамышева нашествія митрополитъ Кипріанъ уѣхалъ изъ Москвы въ Тверь; отъѣздъ ли Кипріана изъ Москвы, или отъѣздъ именно въ Тверь, которой князь немедленно послѣ Тохтамышева отступленія отправился въ Орду искать ярлыка, или наконецъ какое-нибудь другое обстоятельство было причиною нерасположенія великаго князя Димитрія къ Кипріану, — только встрѣчаемъ извѣстіе, что Димитрій не захотѣлъ видѣть Кипріана въ Москвѣ, и тотъ отправился въ Кіевъ, гдѣ сѣлъ на своемъ митрополитчьемъ мѣсто, принявъ съ отъ вѣхъ съ честью и радостію, и сталъ жить здѣсь, управляя, по обычаю, дѣлами церковными, а въ Москву былъ вызванъ изъ заточенія Иммень, который былъ также встрѣченъ здѣсь съ честью и вступилъ въ цер-

ковное управление. Такимъ образомъ, опять для юга и сѣвера, для Кіева и Москвы, явились два отдѣльныхъ митрополита; этого мало: въ Кіевѣ явился изъ Византіи еще третій митрополитъ, извѣстный уже намъ епископъ Суздальскій Діонисій; но Кіевскій князь Владиміръ Олгердовичъ велѣлъ схватить Діонисія и посадить въ заключеніе, гдѣ этотъ соперникъ Митяевъ и умеръ черезъ годъ; нѣсколько лѣтъ спустя умеръ и Пимень въ Халкидонѣ, на дорогѣ въ Константинополь. Смерть Пимена соединяла снова Русскую Церковь подъ однимъ митрополитомъ—Кипріаномъ, для котораго не было болѣе пренятствій и въ Москвѣ: здѣсь Донской умеръ, и сынъ его, Василій, встрѣтилъ съ честью Кипріана.

Согласіе Московскаго князя съ митрополитомъ не прерывалось послѣ этого ни разу; мы видѣли, какъ оба они дружно дѣйствовали въ дѣлахъ новгородскихъ. Союзъ Василя Димитріевича съ тестемъ Витовтомъ Литовскимъ удерживалъ и церковную связь между Русью Литовскою и Московскою; такъ, когда Московскій князь ѣздилъ въ Смоленскъ на свиданіе съ тестемъ, то въ то же время ѣздилъ туда и митрополитъ Кипріанъ, который изъ Смоленска поѣхалъ въ Кіевъ, и жилъ тамъ полтора года; потомъ, подъ 1404 годомъ, встрѣчаемъ извѣстіе о новой поѣздкѣ Кипріана въ Литву къ Витовту и въ Кіевъ; отъ Витовта и отъ Ягайла получилъ онъ большую честь и много даровъ, большую честь видѣлъ отъ всѣхъ князей, пановъ и отъ всей земли; въ Кіевѣ онъ велѣлъ схватить намѣстника своего, архимандрита Тимодея, и слугъ своихъ тамошнихъ, и отвезти ихъ въ Москву; въ это же путешествіе Кипріанъ долженъ былъ снять санъ и отослать въ Москву, въ Симоновъ монастырь, Антонія, епископа Туровскаго, по настоянію Витовта, предъ которымъ Антоній былъ оклеветанъ въ сношеніяхъ съ Татарами; главною же причиною ненависти литовскихъ властей къ Антонію полагаютъ ревность этого епископа къ православію.

Но вскорѣ затѣмъ послѣдовалъ разрывъ между князьями Московскимъ и Литовскимъ, долженствовавшій повлечь за собою и раздѣленіе митрополіи. Кипріанъ не дожидая до этого событія. Когда, по его смерти, Московскій великій князь, не имѣя своего избранника, послалъ въ Константинополь съ просьбою выслать оттуда митрополита на Русь, Витовтъ отправилъ туда же Полоцкаго епископа Θεодосія. Литовскій князь просилъ императора и патріарха: „Поставьте Θεодосія намъ въ митрополиты, чтобы сидѣлъ на столѣ Кіевской митрополіи по старинѣ, строилъ бы церковь Божию по-прежнему, какъ нашъ, потому что, по волѣ Божіей, мы обладаемъ тѣмъ городомъ, Кіевомъ“⁴⁾. Но въ Константинополь не исполнили желаніе Витовта, а прислали на Всероссійскую митрополію Фотія, родомъ Грека, изъ Морей. Нѣтъ основанія думать, чтобы Витовтъ, желая поставленія Θεодосія Полоц-

кого въ митрополиты, имѣлъ въ виду именно раздѣленіе митрополіи, чтобы онъ хотѣлъ поставленія особаго митрополита въ Литву²⁾; онъ хотѣлъ только, чтобы митрополитъ Всероссійскій жилъ, по старинѣ, въ Кіевѣ, въ областяхъ Литовскихъ и былъ бы такимъ образомъ его митрополитомъ, хотѣлъ перезвать митрополита изъ враждебной Москвы, о чемъ, безъ сомнѣнія, онъ уговорился со своимъ избранникомъ Θεодосіемъ; положеніе Витовта было совершенно иное, чѣмъ положеніе Олгерда: послѣдній, жалуясь патріарху на митрополита Алексія, поборавшаго за Москву, не смѣлъ думать, чтобы патріархъ, по этой жалобѣ, снялъ санъ съ Алексія и чтобы въ Москвѣ согласились на это, а потому и просилъ для Литвы особаго митрополита, — тогда какъ теперь положеніе дѣлъ было иное: общаго для юга и сѣвера митрополита не стало, и Витовтъ спѣшилъ предложить въ этотъ санъ своего избранника, которой бы, по старинѣ, остался жить въ Кіевѣ. Почему въ Константинополь не посвятили Θεодосія — не извѣстно; очень вѣроятно, что не хотѣли, въ угоду князю иновѣрному, сдѣлать неприязность государю Московскому, который незадолго передъ тѣмъ, въ 1398 году, отправилъ къ императору Мануилу богатое денежное вспоможеніе. О тогдашнихъ дружескихъ отношеніяхъ между Московскимъ и Константинопольскимъ дворами можно судить по тому, что въ 1414 году Мануилъ женилъ сына своего Іоанна на дочери Василя Димитріевича, Анніи; если Московскій князь оказывалъ такую учтивость, предоставляя императору и патріарху, по старинѣ, выборъ митрополита, то странно было бы на эту учтивость отвѣтить поставленіемъ челоуѣка, присланнаго княземъ, враждебнымъ Москвѣ; наконецъ, очень можетъ быть, что Фотій былъ посвященъ прежде пріѣзда Θεодосіева³⁾. Какъ бы то ни было, когда Фотій пріѣхалъ въ Кіевъ, то Витовтъ сначала не хотѣлъ принимать его, но потомъ принялъ, взявши съ него обѣщаніе жить въ Кіевѣ. Но Фотій, пробывши въ Кіевѣ около семи мѣсяцевъ, отправился въ Москву и занялся здѣсь устройствомъ хозяйственныхъ дѣлъ митрополіи. „Пусты Татаръ, говоритъ лѣтописецъ⁴⁾, и послѣ частыхъ моровъ повѣтрій, начало умножаться народонаселеніе въ Русской

²⁾ Слово, «намъ» вовсе не должно означать здѣсь непременно: «въ Литву, въ Западную Русь», а просто означать мѣстность назначенія.

³⁾ Въ настоятельной грамотѣ Фотія (Акты истор. I, № 254) времечко посвященія Фотіева выставлено 1393 г.; это показаніе опровергаютъ: 1) актомъ, который никакъ не можетъ быть предчтотелемъ означенному акту; во 2) предположеніемъ, что Фотія не стали бы держать такъ долго въ Константинополь; но причинъ неотправленія его въ Русь могли быть много; въ 3) предположеніемъ, что литовскіе епископы поставили бы это обстоятельство въ вину Фотію; но какъ бы стали обвинять Фотія въ томъ, въ чемъ не обвиняли Кипріана? притомъ нужно еще предположить, что литовскіе епископы знали объ этомъ обстоятельстве. — Показаніи настоятельной грамоты нельзя опровергать, не показавши прежде, какъ могла произойти такая странность.

⁴⁾ Акты, относ. къ истор. Зап. Рос. I, № 25.

⁴⁾ Никон. V, 33.

Землѣ, послѣ чего и Фотій митрополитъ сталъ обновлять владѣнія и доходы церковные отыскивать, что гдѣ пропало, что забрано князьями, боярами или другимъ кѣмъ нибудь—доходы, пошлыны, земли, воды, села, волости; иное что и прикупилъ“¹⁾. Эти отыскиванія захваченнаго у церкви вооружили противъ Фотія сильныхъ людей, которые стали наговаривать на него великому князю Василію Димитріевичу и усгѣли посорить послѣдняго съ митрополитомъ. Фотій писалъ сначала великому князю, прося утвердить грамотою принесенное въ даръ церкви и устроить всея пошлыны; потомъ, въ другомъ посланіи, просилъ великаго князя не унижать церкви, обратиться къ ней съ раскаяніемъ, возстановить ея права, возвратить данное и утвержденное прародителями²⁾.

Чѣмъ кончились непріятности Фотія съ Московскимъ княземъ—не извѣстно; лѣтописецъ говоритъ только, что клеветники, бывшіе въ числѣ людей, близкихъ къ митрополиту, принуждены были бѣжать отъ него изъ Москвы къ Черниговскому владыкѣ и оттуда въ Литву къ Витовту; это извѣстіе можетъ показывать намъ, что Василій Димитріевичъ взялъ наконецъ сторону митрополита, почему клеветники и принуждены были бѣжать изъ Москвы³⁾. Но они бѣжали къ Витовту, сердитому уже на Фотія за предпочтеніе Москвы Кіеву; теперь враги Фотія стали вѣнчать Литовскому князю, что митрополитъ переноситъ изъ Кіева въ Москву все узорочье церковное и сосуды, пустошить Кіевъ и весь югъ тяжкими пошлынами и даянми. Эти обвиненія были для Витовта желаннымъ предлогомъ покончить дѣло съ митрополитомъ, жившимъ въ Москвѣ, и поставить своего въ Кіевъ; онъ собралъ подручныхъ себѣ князей русскихъ и рѣшилъ съ ними свергнуть Фотія со стола Кіевской митрополии, послѣ чего послали въ Константинополь съ жалобою на Фотія и съ просьбою поставить на Кіевъ особаго митрополита, Григорія Цамблака, родомъ Булгара. Но тѣ же самыя причины, препятствовавшія прежде исполнить желаніе Витовтова, существовали и теперь въ Константинополѣ: непрежнему здѣсь существовала тѣсная связь съ единовѣрнымъ дворомъ Московскимъ, уже скрѣпленная родственнымъ союзомъ; непрежнему здѣсь не любили чужихъ избранниковъ и, при бѣдѣ—

стvenномъ состояніи имперіи, надѣялись получить большую помощь отъ своего Фотія, чѣмъ отъ Витовтова Григорія, Болгарина. Просьба Литовскаго князя была отвергнута. Тогда Витовтъ, присылавъ этотъ отвѣтъ корыстолюбію Константинопольскаго двора и патріарха, которые хотятъ ставить своего митрополита на накупъ, кто имъ больше дастъ и будетъ въ ихъ волѣ, будетъ отсылать къ нимъ русскія деньги, — созвалъ владыкъ и архимандритовъ, и объявилъ имъ о необходимости поставить своего митрополита: „Жаль мнѣ смотрѣть на все это, говорилъ Витовтъ; чужіе люди станутъ толковать: „Вотъ государь не въ той вѣрѣ, такъ и церковь оскудѣла; такъ чтобы этихъ толкови не было, а дѣло явное, что все нестроеніе и запущеніе отъ митрополита, а не отъ меня.“ Епископы отвѣчали: „Мы и сами не въ первый разъ слышимъ и видимъ, что церковь скудѣетъ, а императоръ и патріархъ строителя добраго къ нашей церкви не даютъ.“ Но по другимъ⁴⁾ извѣстіямъ, епископы, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, только по принужденію рѣшились разорвать связь съ Фотіемъ, и потому изъ самой Витовтовой грамоты видно, что, разрывая съ Фотіемъ, они не хотѣли разрывать съ Константинополемъ, и, подумавъ, отвѣчали своему князю: „Пошлемъ еще разъ въ Царьградъ къ императору и патріарху“. Витовтъ отправилъ пословъ въ Константинополь въ мартѣ мѣсяцѣ 1415 года съ угрозою, что если тамъ не исполнятъ его желаніе, то въ Кіевъ будетъ поставленъ митрополитъ своими русскими епископами; срокъ посламъ назначенъ былъ Ильинъ день, послѣдній срокъ—Успеніе; но потомъ императорскій и патріаршій послы, возвращавшіеся изъ Москвы чрезъ Литовскія владѣнія, упросили отложить до Филиппова дня. Но когда и этотъ срокъ прошелъ, то Григорій и былъ посвященъ соборомъ русскихъ епископовъ. Фотій, узнавши о замыслахъ Витовтовыхъ, поспѣшилъ отправиться въ Кіевъ, чтобы тамъ помириться съ Литовскимъ княземъ; если же это не удастся, ѣхать въ Царьградъ и тамъ препятствовать исполненію намѣренія Витовтова; но на границахъ Литовскихъ владѣній митрополитъ былъ схваченъ, ограбленъ и принужденъ возвратиться въ Москву.

Чтобы оправдать свой поступокъ, южно-русскіе епископы отправили къ Фотію посланіе, въ которомъ вообще упрекаютъ его въ какихъ-то неправильныхъ поступкахъ, замѣченныхъ ими въ самомъ началѣ его управленія, потомъ упоминаютъ о какой-то важной вѣщѣ, признать которую предоставляютъ собственной совѣсти Фотія, сами же объявить ея не хотятъ, не желая опозорить его⁵⁾. Въ соборной грамотѣ объ избраніи и посвященіи Григорія, написанной отъ имени 8 епископовъ⁶⁾, гово-

¹⁾ Говорятъ: «Виночныхъ въ расхищеніи казны церковной не нашлось. Потому Фотій нашель нужнымъ обратиться къ совѣсти похитителей. Онъ vzdalъ увѣщательную грамоту»,—и приводятъ грамоту, напечатанную въ Актахъ Ист. I, № 256. Но въ этой грамотѣ говорится не о расхищеніяхъ казны церковной, а объ одномъ случаѣ покражи имущества, принадлежавшаго частному лицу и положеннаго въ церкви на сохраненіе: «Церкви Божіей сокровенное взятъ... кто будетъ то сѣкровище всхитилъ, да не презреть слезящаго о немъ... дондеже татекрадствасное прибрѣтенъ повержетъ рыдающему по немъ и възрять погубившему».

²⁾ См. статью: «Фотій, митр. Кіев.», въ прибавл. къ Твор. Св. отецъ, ч. XI, 1852 г.

³⁾ Въ лѣтописи сохранились имена двоихъ клеветниковъ: Саввы Аврамѣева и куна литовскаго, или торговащаго въ Литвѣ, Омы Лазарева, Никон. V, 53, 54.

⁴⁾ Никон. V, 54.

⁵⁾ Акты Запад. Рос. I, № 23.

⁶⁾ Полоцкаго, Черниговскаго, Луцкаго, Владимірскаго, Переяславскаго, Смоленскаго, Холмскаго, Туровскаго. Акты Зап. Рос. I, № 24.

рится, что епископы, видя церковь Киевскую въ преобращеніи отъ митрополита, который, собирая доходы съ нея, относитъ ихъ въ другое мѣсто, гдѣ живеть, — по совѣту великаго князя, всѣхъ другихъ князей, бояръ, вельможъ, архимандритовъ, игуменовъ, иноковъ и священниковъ, поставили въ митрополиты Григорія, руководствуясь уставомъ апостольскимъ, прежнимъ примѣромъ русскихъ епископовъ, которые, при великомъ князѣ Изяславѣ, сами поставили митрополита Клима, потомъ примѣромъ единоплеменныхъ Волгаръ и Сербовъ. „Этимъ поступкомъ, говорятъ епископы, мы не отдѣляемся отъ Восточной Церкви, продолжаемъ почитать патріарховъ восточныхъ, митрополитовъ и епископовъ отцами и братіями, согласно съ ними держимъ исповѣданіе вѣры, хотимъ избѣгать только насилій и вмѣшательства мірскаго человѣка, симоніи и всѣхъ безпорядковъ, которые происходили недавно, когда Киприанъ, Пимень и Діонисій спорили о митрополитѣ“ — Епископы хотѣли избѣгать симоніи, въ которой упрекаютъ Константинопольскій дворъ; но въ 1398 году Луцкій епископъ Іоаннъ обязался дать королю Угайлу двѣсти гривенъ и тридцать коней, если тотъ поможетъ ему получить Галицкую митрополию ⁴⁾. Витовтъ, съ своей стороны, выдалъ окружную грамоту о поставленіи Григорія ⁵⁾, въ которой выставляетъ тѣ же самыя причины событія и, описавши подробно ходъ дѣла, заключаетъ: „Нипомъ вамъ, чтобъ вы знали и вѣдали, какъ дѣло было. Кто хочетъ по старинѣ держаться подъ властію митрополита Киевскаго — хорошо, а кто не хочетъ, то какъ хочетъ; знайте одно: мы не вашей вѣры, и еслибы мы хотѣли, чтобъ въ нашихъ владѣніяхъ вѣра ваша истреблялась и церковь ваша стояла безъ устройства, то мы бы ни о комъ и не хлопотали; но когда митрополита нѣтъ, или епископъ который умретъ, то мы бы намѣстника своего держали, а доходъ церковный, митрополитичій и епископскій собѣ бы брали. Но мы, желая, чтобы ваша вѣра не истреблялась и церквамъ вашимъ было бы строеніе, поставили соборомъ митрополита на Киевскую митрополию, чтобъ русская честь вся стояла на своей землѣ“.

Фотій, съ своей стороны, издалъ также окружное посланіе къ православному южно-русскому народонаселенію ⁶⁾. Не упоминая о Витовтѣ, митрополитъ въ очень сильныхъ выраженіяхъ порицаетъ поступокъ Григорія Цамблака и епископовъ, его поставившихъ. Изъ посланія узнаемъ, что Григорій ѣздилъ сперва въ Константинополь на поставленіе, но былъ тамъ лишь съ священническаго сана патріархомъ Евноміемъ и едва спасся бѣгствомъ отъ казни. Этотъ случай Фотій приводитъ въ доказательство безкорыстія Константинопольскаго двора, ибо какъ самъ Григорій, такъ и прежде его Феодосій Полоцкій общали много золота и серебра за свое поставленіе, но не получили желаемого.

Фотій требуетъ отъ православныхъ, чтобъ они не сообщались съ епископами, замыслившими раздѣленіе митрополіи.

Цамблакъ, славившійся между современниками краснорѣчіемъ, остался вѣренъ правилу, выраженному въ посланіи поставившихъ его епископовъ, т. е. остался вѣренъ православію. Въ нашихъ лѣтописяхъ ⁴⁾ сохранилось извѣстіе, будто бы онъ задалъ вопросъ Витовту: зачѣмъ тотъ не въ православіи? и будто бы Витовтъ отвѣчалъ, что если Григорій поѣдетъ въ Римъ и оспоритъ тамъ пану и всѣхъ мудрецовъ его, то онъ со всѣми своими подданными обратится въ православіе. Это извѣстіе можетъ указывать только на побужденія, которые заставили Григорія отправиться вмѣстѣ съ посольствомъ Витовтовымъ на Константиискій соборъ. Литовское посольство прибыло въ Констанць уже къ концу засѣданій собора, на которое оно явилось 18 февраля 1418 года вмѣстѣ съ послами Греческаго императора Мануила, имѣвшими порученіе начать переговоры съ паномъ о соединеніи церкви. Посольство греческое и литовское были приняты торжественно, получили право отправлять богослуженіе по своему обряду, но уѣхали ни съ чѣмъ, потому что соборъ разошелся, не начавши совѣщанія о соединеніи церкви ⁵⁾. Григорій жилъ недолго по возвращеніи изъ Констанца: онъ умеръ въ 1419 году. Въ это время вражда къ Москвѣ остыла въ Витовтѣ и все вниманіе его было поглощено отношеніями польскими, вотъ почему, по смерти Цамблака, онъ не старался объ избраніи особаго митрополита для Кіева, и Фотій снова получилъ въ управленіе церковь Южно-Русскую. Извѣщая объ этомъ событіи православныхъ, онъ пишетъ: „Христосъ, устроившій всю вселенную, снова древнимъ благоудіемъ и миромъ Свою церковь украсилъ, и смиреніе мое въ церковь Свою ввелъ, совѣтованіемъ благороднаго, славнаго, великаго князя Александра (Витовта)“ ⁶⁾. Въ 1421 году мы видимъ Фотія на юго-западѣ, во Львовѣ, Владимірѣ, Вильнѣ; а въ 1430 году онъ былъ въ Троккахъ и въ Вильнѣ у Витовта вмѣстѣ съ Московскимъ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, причемъ Литовскій князь оказалъ большую честь митрополиту; такую же честь оказалъ ему и преемникъ Витовта — Свидригайло.

Мы видѣли, какимъ важнымъ шагомъ ознаменовалъ свою политическую дѣятельность Фотій на сѣверѣ, въ Москвѣ, объявивши себя торжественно на сторонѣ племянника противъ дяди; при жизни Фотія открытой вражды не было, и Юрій признавалъ старшинство племянника, но тотчасъ по смерти митрополита князя снова заснорили и стали собираться въ Орду ⁷⁾. Усобицы между Василіемъ

⁴⁾ Никон. V, 70.

⁵⁾ См. вышепривед. статью: Фотій М. К., стр. 42.

⁶⁾ Дополн. къ акт. истор. I, № 183.

⁷⁾ Правда, что въ Никон. подъ 1431 годомъ читаемъ: «Тоеже зими кн. Юрій Дм. разверже чиръ»; но въ 1) на правильность размѣщенія событій въ Ник. списокъ пользя

¹⁾ Акты зап. Рос. I, № 12.

²⁾ Тамъ же, № 25.

³⁾ Акты истор. I, № 19.

и Юриемъ происходили, когда митрополита не было въ Москвѣ, и мы съ увѣренностію можемъ сказать, что присутствіе митрополита дало бы иной характеръ событіямъ, ибо мы видѣли, какъ митрополитъ Иона сильно дѣйствовалъ въ пользу Василія Темнаго; мы видѣли, какъ побѣжденные князья требуютъ у побѣдителя, чтобъ онъ не призываетъ ихъ въ Москву до тѣхъ поръ, пока тамъ будетъ митрополитъ, который одинъ могъ дать имъ ручательство въ безопасности.

Московскія смуты долго мѣшали назначенію новаго митрополита; наконецъ былъ избранъ Рязанскій епископъ Иона, первый митрополитъ не только Русскій, но рожденіемъ и происхожденіемъ изъ Сѣверной Руси, именно изъ Солигалицкой области ¹⁾. Но когда медляли въ Москвѣ, спѣшили въ Литвѣ, и, прежде чѣмъ Иона успѣлъ собраться ѣхать въ Константинополь, оттуда уже явился митрополитомъ Смоленскій епископъ Герасимъ, который остановился въ Смоленскѣ, пережидая здѣсь, пока въ Москвѣ прекратятся усобицы. Усобицы прекратились, но Москва не видала Герасима: поссорившись съ Литовскимъ княземъ Свидригайломъ, митрополитъ былъ схваченъ имъ и сожженъ ²⁾. На этотъ разъ Иона отправился къ Константинополь, но опять былъ предупрежденъ: здѣсь уже поставили Исидора, послѣдняго Русскаго митрополита изъ Грековъ и поставленнаго въ Греціи, потому что Флорентійскій соборъ, смуты и паденіе Византіи должны были повести необходимо къ независимости Русской митрополіи отъ Константинопольскаго патріарха.

Исидоръ, пріѣхавши въ Москву, сталъ собираться на соборъ, созданный въ Италіи для соединенія церквей. Самое уже мѣсто собора, въ странѣ неpravославной, должно было возбуждать подозрѣніе въ Москвѣ. Великому князю не хотѣлось, чтобъ Исидоръ ѣхалъ въ Италію; когда же онъ не могъ отклонить митрополита отъ этого путешествія, то сказалъ ему: „Смотри же, приноси къ намъ древнее благочестіе, какое мы приняли отъ прародителя нашего Владиміра, а новаго, чужого не приноси; если же принесешь что-нибудь новое и чужое, то мы не примемъ“. Исидоръ обѣщалъ крѣпко стоять въ православіи, но уже на дорогѣ православные спутники стали замѣчать въ немъ склонность къ латинству; такъ въ Юрьевѣ-Ливонскомъ (Дерптѣ), когда русское народонаселеніе города вышло къ нему на встрѣчу съ священниками и крестами, и въ то же время вышли на встрѣчу Нѣмцы со своими крестами, то онъ подошелъ сначала къ послѣднимъ. На соборѣ Исидоръ принялъ соединеніе; между другими побужденіями Исидоръ могъ имѣть въ виду и большія средства къ поддержанію единства митрополіи, большія удобства въ положеніи Русскаго

митрополита, когда князья Московскій и Литовскій не будутъ разниться въ вѣрѣ. Но въ Москвѣ не хотѣли имѣть въ виду ничего, кромѣ поддержанія древняго благочестія, и когда Исидоръ, возвратясь въ Москву, принесъ новое и чужое, когда началъ называться легатомъ папнымъ и велѣлъ носить предъ собою крестъ латинскій и три палицы серебряныя, когда на литургіи велѣлъ поминать папу вмѣсто патріарховъ вселенскихъ, а послѣ литургіи велѣлъ на амвонѣ читать грамоту о соединеніи церквей, когда услышали, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца и Сына, что хлѣбъ безквасный и квасный можетъ одинаково претворяться въ Тѣло Христова, и прочія новизны,—то великій князь назвалъ Исидора латинскимъ ереснымъ прелестникомъ, волкомъ, велѣлъ свести его съ митрополитскаго двора и посадить въ Чудовъ монастырь подъ стражу, а самъ созвалъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, монаховъ, и велѣлъ имъ рассмотреть дѣло. Тѣ нашли, что все это папско дѣло, несогласное съ божественными правилами и преданіями; а между тѣмъ Исидоръ успѣлъ обѣжать изъ заключенія. Великій князь не велѣлъ догонять его.

Флорентійскій соборъ заставилъ наконецъ рѣшиться на то, что хотѣлъ сдѣлать Митяя на сѣверѣ, что сдѣлали потомъ на югѣ епископы, поставившіе Цамблака. Великій князь отправилъ въ Константинополь грамоту къ патріарху ³⁾: „Прошло уже слишкомъ 450 лѣтъ, ищетъ Василій какъ Россія держитъ древнее благочестіе, принято отъ Византіи при Св. Владимірѣ. По смерти митрополита Фотія, мы понудили идти къ вамъ епископа Рязанскаго Иону, мужа духовнаго, отъ младенчества живущаго въ бродѣтвѣльномъ житіи; но не знаемъ, почему вы нашего прошенія не приняли, грамотамъ и послу нашему не вняли, и вмѣсто Ионы прислали Исидора, за которымъ мы не посылали, котораго не просили и не требовали; мольба императорскаго посла, благословеніе патріарха, кокрушеніе, покореніе, челобитие самого Исидора—сдва-едва могли заставить насъ принять его. Намъ тогда и въ мысль не приходило, что современемъ отъ него станется! Онъ принесъ намъ панскія новизны, пріѣхалъ легатомъ, съ латинскіи-изваяннымъ распятіемъ, и злочестиво двоеженствовалъ, называя себя учителемъ и настоятелемъ двухъ церквей, православной и латинской. Мы собрали наше православное духовенство, и всѣмъ Исидорово поведеніе показалось чуждымъ, страннымъ и противузаконнымъ. Велѣдствіе всего этого просимъ твое святѣйшее владычество, пошли къ намъ честнѣйшую твою грамоту, чтобъ наши епископы могли избирать и поставлять митрополита въ Русь, потому что и прежде, по нуждѣ, такъ бывало; а теперь у насъ намѣстие безбожныхъ Агарянъ, въ окрестныхъ странахъ неустройство и мятежи; притомъ же намъ надобно споспѣять съ митрополитомъ о важныхъ дѣлахъ, и когда митрополитъ Грекъ, то мы должны разго-

полагаться; во 2) если князь поссорился еще зимою, то вѣдьмы же не ѣхали въ Орду ранѣе, а дожидались осени?

¹⁾ Св. Алексій хотя и родился въ Москвѣ, однако по отцу былъ южно-русскаго происхожденія.

²⁾ П. С. Р. Л. IV, 208 и 209.

³⁾ Акты истор. I, № 39., П. С. Р. Л. VI, 162.

варивать съ нимъ черезъ переводчиковъ, людей знавательныхъ, которые такимъ образомъ прежде другихъ будутъ знать важныя тайны⁴.

Эта грамота не достигла Константинополя: въ Москву пришла вѣсть, будто императоръ Греческій принялъ латинство и переселился въ Римъ; тогда великій князь велѣлъ возвратитъ пословъ съ дороги¹). Скоро послѣ того въ Москвѣ начались новыя бѣдствія и смуты: плѣнъ великаго князя Василия, сперва у Татаръ, а потомъ у Шемяки, не далъ возможности думать о поставленіи митрополита, и здѣсь мы должны также замѣтить, что это обстоятельство — отсутствіе митрополита — имѣло важное вліяніе на ходъ событій: едва ли Шемяка и Можайскій могли бы привести въ исполненіе свой замыселъ при митрополитѣ. Когда Василий утвердился опять на столѣ великокняжескомъ, то посѣщали поставленіемъ митрополита: поставленъ былъ своими епископами давно нареченный на митрополию Иона Рязанскій, уже успѣвшій оказать важныя услуги великому князю и его семейству.

Услуги, оказанныя Ионою московскому правительству послѣ поставленія его въ митрополию, мы видѣли прежде въ своемъ мѣстѣ, здѣсь же должны обратитъ вниманіе на отношенія къ Византіи и Литовской Руси. Послѣ Ионина поставленія великій князь отправилъ къ императору Константину Палеологу грамоту²), въ которой писалъ: „Послѣ кончины Фотія митрополита, мы, посовѣтовавшись съ своею матерью, великою княгинею, и съ нашею братьею — Русскими князьями, великими и помѣстными, также и съ государемъ Литовской Земли, съ святителями и со всѣмъ духовенствомъ, съ боярами и со всею Землею Русскою, со всѣмъ православнымъ христіанствомъ, избрали и отправили съ нашимъ посломъ Рязанскаго епископа Иону къ вамъ въ Константинополь для поставленія; но прежде его прихода туда императоръ и патріархъ поставили на Кіевъ, на всю Русь, митрополитомъ Исидора, Ионъ же сказали: „Ступай на свой столъ — Рязанскую епископію; если же Исидоръ умретъ или что-нибудь другое съ нимъ случится, то ты будь готовъ благословенъ на митрополичій престолъ всея Руси.“ Такъ какъ въ нашихъ благословенныхъ державахъ произошло разногласіе въ церкви Божіей, путешествующи въ Константинополь претерпѣваютъ на дорогѣ всякаго рода затрудненія, въ нашихъ странахъ неустройство всякое, нашествіе безбожныхъ Агарянъ, междоусобныя войны, мы сами не отъ чужихъ, но отъ братьевъ своихъ претерпѣли страшное бѣдствіе, — то при такой великой нуждѣ, собравши своихъ Русскихъ святителей, согласно съ правилами, поставили мы вышеупомянутаго Иону на митрополию Русскую, на Кіевъ и на всю Русь. Мы поступили такъ по великой нуждѣ, а не по гордости или дерзости; до скончанія вѣка пребудемъ мы въ преданномъ намъ пра-

вославіи; наша церковь всегда будетъ искать благословенія церкви Цареградской и во всемъ по древнему благочестію ей повиноваться; и отецъ нашъ, Иона митрополитъ, также проситъ благословенія и соединенія, кромѣ нынѣшнихъ новыхъ разногласій, и молимъ твое святое царство, будь благосклоненъ къ отцу нашему Ионѣ митрополиту. Мы хотѣли обо всѣхъ этихъ дѣлахъ церковныхъ писать и къ святѣйшему патріарху православному; требовать его благословенія и молитвы, но не знаемъ, есть ли въ вашемъ царствующемъ градѣ патріархъ, или цѣтъ. Если же, Богъ дастъ, будетъ у васъ патріархъ по древнему благочестію, то мы будемъ извѣщать его о всѣхъ нашихъ положеніяхъ и просить благословенія.“ Въ 1453 году Константинополь былъ взятъ Турками; въ Москвѣ узнали объ этомъ событіи отъ бѣжавшаго изъ плѣна Грека Димитрія; митрополитъ Иона окружнымъ посланіемъ увѣдомилъ православныхъ о паденіи Константинограда, о страшныхъ бѣдствіяхъ греческаго народа, и просилъ помочь означенному Димитрію выкупить семейство изъ турецкаго плѣна³). Къ патріарху Геннадію Иона писалъ, что проситъ его благословенія и посылаетъ дары, какіе нашлись у него. „Не погнѣвайся, пишетъ Иона, за наши малые поминки (подарки), потому что и наша земля отъ поганства и междоусобныхъ войнъ очень истощилась. Да покажи къ намъ, господи, духовную любовь, пришли къ моему сыну, великому князю, честную свою грамоту къ душевной пользѣ великому нашему православію; сколько у насъ ни было грамотъ отъ прежнихъ патріарховъ, мы всѣ ихъ держали за земскую честь, къ своей душевной пользѣ; но всѣ эти грамоты погибли отъ пожара во время земскихъ нестроеній“⁴). Быть можетъ, грамота отъ патріарха пужна была въ Москвѣ, какъ доказательство, что постановленіе Русскаго митрополита, независимо отъ Константинополя, не уничтожило единенія съ послѣднимъ, что тамъ не сердятся за эту перемену отношеній.

Если Московскій князь и митрополитъ обязывались оставаться въ единеніи съ Византіею только подъ условіемъ, чтобы тамъ сохранялось древнее благочестіе; если новизны Флорентійскаго собора, принесенныя Исидоромъ, нашли себѣ такой сильный отпоръ въ Москвѣ, и прежде всего со стороны самого правительства, то понятно, что иначе встрѣчена была эта новизна отъ католическихъ правителей Руси Литовской: въ 1443 году Польскій король Владиславъ Ягелловичъ далъ жалованную грамоту русскому духовенству, въ которой объявлялъ, что Церковь Восточная — Греческая и Русская — приведены въ давножданное соединеніе съ Римскою, вслѣдствіе чего русское духовенство, терпѣвшее до сихъ поръ нѣкоторое утѣшеніе, какъ выражается король, жалуется всѣми тѣми правами и вольностями, которыми пользуется духовенство

¹) П. С. Р. Л. VI, 167.

²) Акты истор. I, № 41, 262.

³) Акты истор. I, № 264.

⁴) Тамъ же, № 263.

католическое ¹⁾). Но Исидоръ, принужденный бѣжать изъ Москвы, не остался нигдѣ на Руси; король Владиславъ въ слѣдующемъ же 1444 году палъ подъ Варною; преемникъ его, Казимиръ находился въ затруднительномъ положеніи между требованіями Польши и Литвы, что заставило его прекратить неприязнь съ Москвою, а миръ могъ быть всего скорѣе заключенъ подъ вліяніемъ митрополита Іоны; Литовскій князь, желая мира съ Москвою, долженъ былъ для этого приобрести расположеніе Іоны подчиненіемъ ему церкви Литовско-Русской; Іона, съ своей стороны, долженъ былъ всѣми силами стараться о мирѣ между Казимиромъ и Василіемъ, потому что только подъ условіемъ этого мира могло сохраниться единство церковное. Такъ, мы видимъ, что когда, по заключеніи мира, встрѣтились вновь какія-то недоразумѣнія, то Казимиръ, отправляя своего посла въ Москву, приказалъ ему попросить митрополита постараться, чтобы миръ не былъ нарушенъ. Іона, называя себя общимъ богомольцемъ, отвѣчалъ Казимиру, что онъ говорилъ великому князю Василію о мирѣ съ благословеніемъ и мольбою, и что Василій хочетъ съ королемъ братства и любви. „Благодарю твое господство, пишеть Іона, за доброе расположеніе, и благословляю тебя на любовь съ братьемъ твоимъ, великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, который желаетъ того же; я же, вашъ общій богомольецъ, по своему святительскому долгу, радъ Бога молить и стараться о мирѣ между вами; за великое ваше жалованье и поминки благодарю и благословляю ²⁾.“ Мы знаемъ, въ чемъ состояло это великое жалованье, за которое Іона благодаритъ Казимира: послѣдній обѣщалъ возстановить единство Русской Церкви по старинѣ и прислать Іонѣ рѣшительный отвѣтъ по возвращеніи своемъ изъ Польши въ Литву ³⁾. Король сдержалъ слово и подчинилъ юго-западную Русскую церковь Іонѣ ⁴⁾, которого видимъ въ Литвѣ въ 1451 г. ⁵⁾.

Но опасныя слѣдствія Флорентійскаго собора не могли ограничиться для Юго-Западной Руси одною попыткою Исидора: папы не любили отказываться отъ того, что разъ какимы бы то ни было образомъ попадало въ ихъ руки, а Литовскій князь, католикъ, не могъ пріятельствовать намѣреніямъ главы католицизма. Въ 1458 году отъѣхавшій въ Римъ Константинопольскій патріархъ, Григорій Мамма, поставилъ Григорія, ученика Исидора, въ митрополию на Русь. Въ Москву дали знать объ этомъ немедленно, и еще до прихода Григорія въ Литву великій князь Василій послалъ сказать королю Казимиру, чтобы тотъ не принималъ митрополита изъ Рима, на общаго отца, Іону, не вводилъ новизны, не нарушалъ старины. „Старина же наша (писалъ Василій), которая ведется со времени прародителя нашего Владимира, крестившаго Русскую Землю, со-

стоятъ въ томъ, что выборъ митрополита принадлежалъ всегда нашимъ прародителямъ, великимъ князьямъ Русскимъ, и теперь принадлежитъ намъ, а не великимъ князьямъ Литовскимъ; кто будетъ намъ любъ, тотъ и будетъ у насъ на всей Руси, а отъ Рима митрополиту у насъ не бывать, такой митъ не надобенъ; и ты, братъ, ни подъ какимъ видомъ не принимай его; если же примешь, то ты церковь Божию раздѣлишь, а не мы ⁶⁾.“ Іона, не могшій самъ отправиться въ Литву по причинѣ старости и болѣзни, отправилъ туда двоихъ архимандритовъ съ посланіемъ къ православнымъ епископамъ, князьямъ, панамъ и боярамъ, чтобы стояли за православную вѣру твердо, помня древнее законоположеніе, установленное на седми соборахъ ⁷⁾. Въ Москвѣ созванъ былъ соборъ пѣз владыкъ Сѣверной Руси, рукоположенныхъ митрополитомъ Іоною; владыки дали здѣсь обѣщаніе—отъ Святой Церкви соборной Московскою и отъ господина и отца своего Іоны митрополита всяя Руси быть неотступными и повиноваться во всемъ ему и преемнику его, кто будетъ поставленъ по избранію Св. Духа, по правиламъ Апостоловъ и Св. Отцевъ, по повелѣнію господина великаго князя Василія Васильевича, Русскаго самодержца, въ соборной церкви Св. Богородицы, на Москвѣ, у гроба Св. Петра митрополита, русскаго чудотворца; къ самозванцу же Григорію, ученику Исидорову, отъ котораго произошло раздѣленіе Московской соборной Церкви съ Кіевскою Церковію, не приступать, грамотъ отъ него никакихъ не принимать, и совѣта съ нимъ ни о чемъ не имѣть ⁸⁾. Это обѣщаніе, обнародованное въ соборной грамотѣ, важно для насъ въ томъ отношеніи, что здѣсь впервые указано на Москву, какъ на престольный городъ Русской митрополіи: владыки клянутся не отступать отъ Московской соборной Церкви Св. Богородицы; до сихъ поръ митрополитъ назывался Кіевскимъ и всяя Руси, въ этой же грамотѣ онъ называется просто митрополитомъ всяя Руси, или Русскимъ; потомъ въ этой грамотѣ опредѣленъ и на будущее время образъ поставленія митрополита Русскаго; законный митрополитъ Русскій отнынѣ есть тотъ, который будетъ поставленъ, безъ всякаго отношенія къ Византіи, въ Москвѣ, по повелѣнію Московскаго князя. Владыки сѣверные, бывшіе на соборѣ,—Ростовскій, Суздальскій, Коломенскій, Сарайскій, Пермскій—отправили также грамоту къ литовскимъ—Черниговскому, Полоцкому, Смоленскому, Туровскому и Луцкому,—съ увѣщаніемъ не принимать митрополита отъ латинъ ⁹⁾; Іона послалъ отъ своего имени окружное посланіе литовскимъ епископамъ въ томъ же смыслѣ, писалъ и отдѣльно епископамъ Черни-

⁶⁾ Акты арх. экон. I, № 80.

⁷⁾ Акты истор. I, № 45.

⁸⁾ Тамъ же, № 61.

⁹⁾ Тамъ же, № 272. Какъ видно, на соборѣ были только епископы областей, находившихся въ тѣснѣйшей зависимости отъ Москвы: не было ни Новгородскаго, ни Тверскаго, ни Рязанскаго.

¹⁾ Акты Запад. Росс. I, № 42.

²⁾ Акты арх. экон. I, № 42.

³⁾ Акты истор. I, № 47.

⁴⁾ Тамъ же, № 42.

⁵⁾ Тамъ же, № 48.

говскому и Смоленскому ¹⁾, увѣщевая не принимать Григорія, въ случаѣ принужденія приглашалъ ихъ въ Москву, какъ въ безопасное убѣжище отъ латинскихъ насилій; въ противномъ случаѣ грозилъ великою тягостію церковною; наконецъ писалъ и всему остальному православному народонаселенію Литовско-Русскихъ областей; обѣщался послѣдить свою литовскую ластву, какъ только получить облегченіе отъ болѣзни, увѣщевалъ не принимать Григорія, не слушать его ученія, которое подобно Македоніеву, страдать за православіе даже и до смерти, потому что такимъ страдальцамъ готовъ вѣнецъ мученической ²⁾. Но всѣ эти мѣры остались тщетными: Казимиръ не могъ не принять митрополита изъ Рима; онъ даже присылалъ угovarивать и великаго князя Василія признать Григорія общимъ митрополитомъ по той причинѣ, что Иона уже устарѣлъ ³⁾. Московскій князь, разумѣется, не согласился, и митрополія Русская раздѣлилась окончательно. Иона не долго пережилъ это печальное для него событіе: онъ умеръ въ 1461 году, назначивъ себѣ преемникомъ Феодосія, архіепископа Ростовскаго, который и былъ поставленъ, по повому обычаю, въ Москвѣ, соборомъ сѣверныхъ русскихъ владыкъ ⁴⁾.

Таковы были главные явленія исторіи русской церковной іерархіи въ описываемое время. Мысль, естественно явившаяся впервые тогда, когда Андрей Боголюбскій задумалъ дать Сѣверной Руси отдѣльное самостоятельное существованіе и даже господство надъ Южною Русью, — эта мысль осуществилась, когда обѣ половины Руси раздѣлились подъ двѣ, равно могущественныя и враждебныя одна другой династіи; вслѣдствіе этого раздѣленія раздѣлилась и митрополія, причѣмъ посредствующими явленіями, опять вслѣдствіе явленій политическихъ, было образованіе отдѣльной Галицкой митрополіи и перенесеніе Кіевскаго митрополитичьяго стола на сѣверъ. Это перенесеніе, бѣдствія Византіи, смуты, Флорентійскій соборъ, наконецъ паденіе Имперіи вывели изъ Московскую митрополію изъ непосредственной зависимости отъ Константинопольскаго патриархата. Флорентійскій соборъ и поведеніе Исидора имѣютъ важное значеніе въ нашей исторіи потому, что заставили Сѣверо-Восточную Русь окончательно и рѣзко высказаться насчетъ соединенія съ Римомъ; понято, что рѣшительность московскаго правительства держаться отеческаго преданія, древняго благочестія, и не допускать никакихъ новизнъ въ Церкви — принадлежитъ къ числу явленій, опредѣлившихъ будущія судьбы Восточной Европы. Въ повеленіи русскихъ митрополитовъ при всѣхъ этихъ важныхъ и рѣшительныхъ обстоятельствахъ, дѣйствовавшихъ въ продолженіи описаннаго періода, всего лучше можно замѣтить великое вліяніе византійскихъ отноше-

ній, характера Восточной Церкви. Митрополиты русскіе не стараются получить самостоятельное, независимое отъ свѣтской власти существованіе. Пребываніе въ Кіевѣ, среди князей слабыхъ, въ отдаленіи отъ сильнѣйшихъ, отъ главныхъ сценъ политическаго дѣйствія, всего лучше могло бы дать имъ такое существованіе; но Кіевъ не становится русскимъ Римомъ; митрополиты покланяютъ его и стремятся на сѣверъ, подъ покровъ могущества гражданскаго; и на сѣверѣ недолго остаются во Владимірѣ, который, будучи покинутъ сильнѣйшими князьями, могъ бы имѣть для митрополитовъ значеніе Кіева, но переселяются въ стольный городъ одного изъ сильнѣйшихъ князей, и всѣми силами стараются помочь этому князю одолѣть противниковъ, утвердить единовластіе. Борьбамъ, сопровождавшимъ это утвержденіе, значеніемъ, которое получаютъ здѣсь митрополиты, значеніемъ, которое придаютъ имъ сами князья, митрополиты вовсе не пользуются для утвержденія своего вліянія, своего господства надъ князьями, за свою помощь не выговариваютъ себѣ особыхъ правъ, и, для упрощенія этихъ правъ, не стараются раздорами уменьшить силу князей, не стараются для князя сильнѣйшаго, опаснѣйшаго для ихъ правъ, возбуждать соперниковъ и усиливать ихъ своимъ вліяніемъ, какъ то дѣлывалось на западѣ; напротивъ, — стараются какъ можно скорѣе усилить одного князя насчетъ всѣхъ другихъ, вслѣдствіе чего власть церковная и гражданская должны были стать въ тѣ же отношенія, въ какихъ онѣ были въ Византіи: все, слѣдовательно, показываетъ, откуда идетъ преданіе и примѣръ.

Относительно опредѣленія отношеній власти митрополитичьей ко власти великокняжеской, мы получаемъ извѣстія изъ грамоты, составленной по взаимному согласію великаго князя Василія Димитріевича и митрополита Кипріяна; изъ этой грамоты видимъ, что всѣ лица, принадлежація къ церкви, подчиняются суду митрополитичьему; если человекъ великокняжескій ударитъ великому князю челомъ на игумена, священника и чернца, то судъ общій, т. е. судитъ великій князь вмѣстѣ съ митрополитомъ; если же митрополитъ будетъ въ въ отлучкѣ, то судитъ одинъ великій князь, а прибѣткомъ дѣлится пополамъ съ митрополитомъ; если кто ударитъ челомъ великому князю на митрополитичья наместника, десятичника или волостеля, то великій князь судитъ самъ. Въ случаѣ войны, когда самъ великій князь сядетъ на коня, тогда и митрополитичьи бояре и слуги выступаютъ въ походъ подъ митрополитичьимъ воєводою, но подъ стягомъ великокняжескимъ; которые изъ бояръ и слугъ не служили Алексію митрополиту, вступили въ митрополитичью службу недавно (приказались пою), тѣ пойдутъ съ воєводою великокняжескимъ, смотря по мѣсту, гдѣ кто живетъ. Слугъ великокняжескихъ и людей тяглыхъ, платящихъ дань въ великокняжескую казну (данныхъ людей), митрополитъ не имѣлъ права ставить въ священники или

¹⁾ Акты истор. I, № 62, 63, 273.

²⁾ Тамъ же, № 66.

³⁾ П. С. Р. Л. VI, 169.

⁴⁾ Акты истор. I, № 69.

дьяконы, ибо этимъ наносился ущербъ службѣ и казнь великокняжеской. Здѣсь причина, почему въ духовное званіе поступали только люди изъ того же званія. Но сынъ священника, хотя записанный въ службу великокняжескую, если захочетъ, можетъ быть поставленъ въ священники или въ дьяконы. Сынъ священника, который живетъ у отца, ѣсть хлѣбъ отцовскій, принадлежитъ къ вѣдомству митрополичьему, а который отдѣленъ, живетъ не вмѣстѣ съ отцомъ, хлѣбъ ѣсть свой, тотъ принадлежитъ великому князю¹⁾. Изъ этой грамоты мы уже видимъ, что у митрополита былъ свой дворъ, свои бояре и слуги, домъ его называется дворцомъ. Встрѣчаемъ и въ лѣтописи извѣстія о митрополичьихъ боярахъ²⁾, отрокахъ³⁾; о Митяѣ говорится, что бояре митрополичьи служили ему, отроки предстояли, куда двинется, и тѣ и другіе шли передъ нимъ. Митрополитъ имѣлъ своихъ столъниковъ: такъ, митрополитъ Киприанъ посылалъ своего столъника Оедора Тимошеева звать Новгородскаго владыку въ Москву⁴⁾; имѣлъ своего печатника⁵⁾, своего конюшаго⁶⁾. Изъ этихъ придворныхъ слугъ своихъ митрополитъ посылалъ для управленія волостями (въ волостели), для суда церковнаго (въ десятичники) и проч. Мы видѣли, какое важное значеніе имѣлъ митрополитъ въ отношеніяхъ княжескихъ, и потому встрѣчаемъ подписи митрополичьи и печати на грамотахъ княжескихъ, на договорахъ, духовныхъ завѣщаніяхъ. Изъ дошедшихъ до насъ грамотъ, договорная Дмитрія Донскаго съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ—первая, въ началѣ которой встрѣчаемъ слова: „По благословенію отца нашего Олексѣя митрополита всея Руси“. Въ концѣ духовнаго завѣщанія Дмитрія Донскаго читаемъ: „А сю грамоту писалъ есмь себѣ душевную, и явилъ есмь отцю своему Олексѣю митрополиту всея Руси, и отецъ мой Олексѣй митрополитъ всея Руси и печать свою привѣсилъ къ сей грамотѣ“. Печать митрополичья имѣеть на одной сторонѣ изображеніе Богородицы съ Младенцемъ Иисусомъ, а на другой надпись: „Вожіею милостію печать (имя) митрополита всея Руси“. На духовномъ завѣщаніи Василія Дмитріевича встрѣчаемъ подпись митрополита Фогія по-гречески; ту же подпись видимъ и на договорной грамотѣ Василія Васильевича съ дядею Юріемъ. Въ 1450 году грамоты пишутся по благословенію митрополита Іоны и утверждаются его подписью: „Смиренный Іона, архієпископъ Кіевскій и всея Руси“. Такова же подпись и преемника Іонина, Феодосія.

Въ настоящихъ грамотахъ патриаршихъ новопоставленному митрополиту говорилось, что великій князь долженъ воздавать ему честь, показывать

духовную любовь съ благоговѣніемъ и послушаніемъ и благимъ повиновеніемъ, равно какъ все другіе русскіе князья, сановники, духовенство и весь христіанскій народъ, и что митрополитъ долженъ во всемъ предѣлѣ своемъ ставить архієпископовъ, священниковъ, монаховъ, дьяконовъ, подьяконовъ и чтецовъ, освящать церкви и управлять всеми церковными дѣлами⁷⁾. Избраніе епископовъ, какъ видно, производилось такъ же, какъ и въ предшествовавшемъ періодѣ: такъ, подъ 1289 годомъ читаемъ въ лѣтописи, что великій князь Михайль Ярославичъ Тверской, вмѣстѣ съ матерью своею, послалъ игумена Андрея въ Кіевъ, къ митрополиту Максиму, и тотъ поставилъ его епископомъ въ Тверь; этотъ Андрей былъ сынъ Литовскаго князя. Впрочемъ, отъ конца описываемаго времени дошелъ до насъ уставъ, какъ должно избирать епископа⁸⁾; здѣсь говорится, что по случаю избранія митрополитъ созываетъ всехъ епископовъ, ему подчиненныхъ; который изъ нихъ не могъ пріѣхать,—присылалъ грамоту, что будетъ согласенъ на рѣшеніе остальныхъ; собравшіеся епископы избираютъ три лица, имена которыхъ въ запечатанномъ свиткѣ отсылаютъ митрополиту, и тотъ изъ троихъ выбираетъ уже одного. Такой порядокъ дѣйствительно могъ быть введенъ въ концѣ описываемаго времени, когда значеніе областныхъ князей понижалось. Избранный предъ посвященіемъ давалъ обѣтъ исповѣдывать православіе, повиноваться митрополиту, не препятствовать въ своей епархіи сбору митрополичьихъ пошлинъ, не исполнять обязанностей своего званія въ чужихъ епархіяхъ, пріѣзжать къ митрополиту безрессословно по первому зову, не позволять въ своей епархіи православнымъ вступать въ браки, кумиться и брататься съ Армянами и Латинами; тутъ же новопоставляемый объявлялъ, что не далъ ничего за поставленіе, не обѣщался дать и не дастъ; запись эту онъ писалъ собственною рукою и подписывалъ⁹⁾. Настоящія грамоты митрополичьи епископамъ писались по приведенному образцу настоятельной патриаршей митрополиту¹⁰⁾. Архієпископы и епископы не могли называть митрополита братомъ, но только отцомъ; въ противномъ случаѣ подвергались выговору¹¹⁾.

Митрополитъ имѣлъ право отлучать епископовъ отъ службы. Въ 1280 году митрополитъ Кириллъ, обозрѣвая подвѣдомственные ему епархіи, пріѣхалъ въ Ростовъ и узналъ, что здѣшній епископъ Игнатій велѣлъ въ полночь выкинуть изъ соборной церкви тѣло князя Глѣба Васильковича и запросто закопать его въ монастырѣ. Митрополитъ немедленно отлучилъ за это епископа отъ службы, и простилъ его только по усерднымъ просьбамъ князя Дмитрія Борисовича, причемъ далъ такое наставленіе

¹⁾ Акты арх. эксп. I, № 9.

²⁾ Никон. V, 82.

³⁾ Тамъ же, IV, 67.

⁴⁾ Тамъ же, № 266.

⁵⁾ Тамъ же, 73.

⁶⁾ Акты истор. I, № 50.

⁷⁾ Тамъ же, № 254.

⁸⁾ Акты Арх. Эксп. I, № 375.

⁹⁾ Тамъ же, № 370. Новопоставляемый мѣнялъ свое именование на другое.

¹⁰⁾ Акты истор. I, № 8; ср. № 7.

¹¹⁾ Тамъ же, № 268.

Литваго: „Не возносься, и не думай, что ты безъ грѣха; больше освобождай и прощай, чѣмъ запрещай и отлучай. Плачь и кайся до самой смерти въ этой дерзости, потому что судить ты прежде суда Вожія уже мертвого человѣка, а живого боялся, дары отъ него принималъ, ѣлъ съ нимъ, пилъ и веселился, и, когда было можно исправить его, не исправлялъ, а теперь уже мертвого хочешь исправить такимъ жестокимъ отлученіемъ. Если хочешь помочь ему на томъ свѣтѣ, то помогай милостынями и молитвами“¹⁾. Митрополитъ Петръ снялъ санъ съ епископа Сарайскаго Измаила²⁾; митрополитъ Феогностъ отлучилъ и потомъ простилъ Суздальскаго епископа Даниила³⁾. Князь, недовольный своимъ епископомъ, ѣздилъ жаловаться на него митрополиту⁴⁾. Тверской епископъ Евѳимій возбудилъ на себя сильное негодованіе своего князя Михаила Александровича, который въ 1390 году послалъ звать въ Тверь митрополита Кириана. Тотъ отправился съ двумя владыками греческими и нѣсколькими русскими. За 30 верстъ отъ Твери его встрѣтилъ внукъ великаго князя, за 20—старшій сынъ, за 5—самъ великій князь. Встрѣченный передъ городскими воротами духовенствомъ со крестами, Кирианъ отслужилъ обѣдню въ соборной церкви, послѣ чего обѣдалъ у великаго князя; получилъ дары и честь большую. Три дня князь Михаилъ угощалъ такимъ образомъ митрополита; на четвертый собралось на великокняжескомъ дворѣ духовенство и бояре, и когда пріѣхалъ туда Кирианъ, то всѣ начали жаловаться ему на епископа Евѳимія; митрополитъ, смѣтѣ съ другими владыками, сталъ судить: по однимъ извѣстіямъ—обвиняемый не могъ оправдаться, не обрѣлась правда въ устахъ его⁵⁾; по другимъ⁶⁾,—обвиненія были клеветами. Но какъ бы то ни было, извѣстія согласны въ одномъ, что неудовольствіе на Евѳимія было странное, и митрополитъ, не успѣвши помиритъ князя съ епископомъ, отослалъ послѣдняго въ Москву, а на его мѣсто поставилъ въ Тверь протодіакона своего Арсенія, который едва согласился быть здѣсь епископомъ, видя такія вражды и смуты. Въ началѣ описываемаго времени, именно подъ 1229 годомъ, находимъ любопытное извѣстіе о судѣ мѣстнаго князя надъ епископомъ, какъ владѣльцемъ частной собственности. „Пришло, говоритъ лѣтописецъ, искушеніе на Ростовскаго епископа Кирилла: въ одинъ день все богатство отнялось отъ него вслѣдствіе проигрыша тяжбы, и рѣ-

шилъ дѣло въ пользу соперниковъ Кирилловыхъ князь Ярославъ; Кириллъ былъ очень богатъ, деньгами и селами, всякимъ товаромъ и кнѣгами, однимъ словомъ—такого богатаго епископа еще не бывало въ Суздальской Землѣ“

Встрѣчаемъ извѣстіе о жалобѣ епископа на митрополита Константинопольскому патріарху. Такъ, жаловался на митрополита Петра упомянутый уже прежде Тверской епископъ Андрей, родомъ Литвинъ. Патріархъ для разобранія дѣла отправилъ въ Россію своего посланнаго, который когда пріѣхалъ, то созванъ былъ соборъ въ Переяславлѣ: явился обвиненный, явился и обвинитель, съ которымъ вмѣстѣ пріѣхали изъ Твери двое князей—Димитрій и Александръ Михайловичи, другіе князья, много вельможъ и духовныхъ. Обвинитель былъ уличенъ во лжи; но Петръ простилъ его и, поучивъ присутствующихъ, распустилъ соборъ. Если по приведенному выше уставу долженъ былъ созываться соборъ для избранія епископа, то встрѣчаемъ извѣстіе о созваніи собора для отрѣшенія его; такъ, въ 1401 году, митрополитъ Кирианъ созвалъ въ Москвѣ соборъ, на которомъ отписались отъ своихъ епископій Іоаннъ Новгородскій и Савва Лупкій. Митрополитъ Кириллъ въ 1274 году воспользовался соборомъ, созваннымъ для поставленія Владимірскаго епископа Серапіона, чтобы предложить правило для установленія церковнаго и народнаго благочинія: „Самъ видѣлъ я и отъ другихъ слышалъ о сильномъ церковномъ неустройствѣ, говорить Кириллъ въ своемъ правилѣ⁷⁾: въ одномъ мѣстѣ держатся такого обычая, въ другомъ—много, много несогласій и грубости.... Какую пользу получили мы отъ того, что оставили правила божественныя? не разсѣялъ ли насъ Богъ по лицу всей земли? не взяты ли наши города? не пали ли сильные князья наши отъ острія меча? не отведены ли были въ плѣнъ дѣти наши? не запустѣли ли (святыя Вожія церкви) не томятъ ли насъ каждый день безбожнѣе и нечестивые поганы?“ Прежде всего митрополитъ вооружается противъ поставленія въ духовный санъ на мздѣ, и преподаетъ правила относительно этого поставленія⁸⁾. Въ народѣ по-прежнему продолжалась страсть къ кулачнымъ и дрекольнымъ боямъ, которые мы видѣли въ такой силѣ въ предыдущемъ періодѣ. Кириллъ пишетъ: „Узналъ я, что еще держатся бѣсовскаго обычая треклятыхъ Еллинъ: въ божественные праздники со свѣтомъ, кличемъ и воплемъ скаредные пьяницы сзываютъ другъ друга, бьются дреколемъ до смерти и берутъ платъ убитыхъ; на укоризну совершается это Вожіимъ праздникамъ и на досажденіе Вожіимъ церквамъ“ Кириллъ вооружается также противъ пьянства,

¹⁾ Никон. III, 69.

²⁾ Тамъ же, стр. 108.

³⁾ Тамъ же, стр. 193.

⁴⁾ Тамъ же, IV, 24.

⁵⁾ Церковн. уставъ Синодал. бібліот. у Карам. У, пр. 232.

⁶⁾ Никон. IV, 196. — По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Евѳимій былъ обвиненъ въ томъ, что влѣчивался въ дѣла княжескія, лжеудреждалъ о Христвѣ, какъ Аріи, о Богородицѣ, какъ Несторій, и что не соглашался признать надъ собою никакаго другаго суда, кромѣ вселенскаго собора. См. Христіан. Чтен. 1852, апрѣль.

⁷⁾ Русскія Достопамят. ч. I, стр. 106.

⁸⁾ Между прочимъ: «Ни рыба на священничество прииди, аще не прежде господишь его отустыять предо многими послыхы съ грамотою и пустить ачуже хочеть; и по поставленіи да не присвоитъ къ себѣ..... Отъ поставленяго требуется между прочимъ, чтобъ оиъ не былъ «или резавникъ, или челяде друца голодомъ и наготою, страдою насилье теоря, или данн бѣгая, или чародѣецъ».

препятствующаго совершатъ божественную службу отъ Вербной недѣли до дня Всѣхъ Святыхъ.—На соборахъ рѣшались иногда и другія дѣла, какъ напримѣръ споры относительно границъ епархій: митрополитъ Алексій въ грамотѣ къ красноярскимъ жителямъ пишетъ, что предѣлъ Рязанской и Сарайской епархій указанъ на Костромскомъ соборѣ ¹⁾; на соборѣ Ростовскій архіепископъ Феодосій былъ убѣжденъ въ неправомерности своего мнѣнія относительно рода пищи, какую должно употреблять въ Боголюбленское навечеріе, если оно придется въ день воскресный ²⁾; на соборѣ было опредѣлено о неправомерности поступка Исидорова; на соборѣ владыки Северо-Восточной Руси рѣшили держаться Московскаго митрополита Іоны и не сообщаться съ Киевскимъ Григоріемъ ³⁾. Кромѣ общихъ соборовъ, созывавшихся митрополитомъ всея Руси изъ подвѣдомственныхъ ему владыкъ, могли быть еще частные, созывавшіеся владыкою какой-нибудь области изъ подвѣдомственнаго ему духовенства: такъ, въ 1458 году Ростовскій архіепископъ Феодосій созвалъ соборъ въ Вѣлозерскѣ для отвращенія пѣкоторыхъ злоупотребленій, напр. позволенія вступать въ четвертый бракъ ⁴⁾.

Кромѣ соборовъ, митрополиты старались уничтожить правственные безпорядки посланіями къ духовенству и мірянамъ; таково поученіе Фотія митрополита священникамъ и монахамъ о важности ихъ сана: „Какимъ подобаетъ имъ быти, ходатаемъ, посылаемымъ къ Царю царствующихъ о душахъ человѣческихъ“ ⁵⁾; митрополитъ обращаетъ особое вниманіе священниковъ на то, чтобы они блюли за чистотою браковъ у своихъ прихожанъ, не позволяли бы имъ бросать законныхъ женъ и жить съ незаконными, какъ то дѣлывалось, также чтобы не позволяли отнюдь четвертаго брака. Сохранялся и прежній обычай, по которому духовныя лица обращались къ митрополиту съ разными вопросами, которыхъ сами рѣшить были не въ состояніи: такъ, дошли до насъ отвѣты митрополита Кипріана на вопросы игумена Аонасія ⁶⁾, отвѣты того же митрополита на вопросы неизвѣстныхъ духовныхъ лицъ ⁷⁾.

Особенныя отношенія Новгорода, Пскова, Вятки требовали особенной дѣятельности митрополитовъ относительно этихъ городовъ. Что касается избранія владыки Новгородскаго въ описываемое время, то обыкновенно на вѣчѣ избирались три лица, имена которыхъ, или жребій, клались на престолъ въ церкви Св. Софій, послѣ чего духовенство соборомъ служило обѣдню, а народъ стоялъ вѣчемъ у церкви; по окончаніи же службы, протоинокъ Софійскій выносилъ народу по порядку жребій, и владыкою

превозглашался тотъ, чей жребій выносился послѣдній. Если и вездѣ владыки имѣли важное значеніе, то оно еще болѣе усилывалось въ Новгородѣ, при извѣстныхъ отношеніяхъ его жителей къ князю, при частыхъ распряхъ съ послѣднимъ, при частомъ между-княжьи и внутреннихъ смутахъ. Архіепископъ въ Новгородѣ безъ князя былъ первымъ правительственнымъ лицомъ; его имя читается прежде всѣхъ другихъ въ грамотахъ; онъ былъ посредникомъ города въ распряхъ его съ великими князьями, укротителемъ внутреннихъ волненій; безъ его благословенія не предпринималось ничего важнаго. Но владыка Новгородскій принималъ посвященіе отъ митрополита, заимѣлъ отъ него, отъ суда владычнаго былъ переносъ дѣла на судъ митрополита, и когда послѣдній, утвердивъ свое пребываніе въ Москвѣ, началъ стараться всеми зависящими отъ него средствами содѣйствовать Московскому великому князю въ пріобрѣтеніи могущества, въ утвержденіи единовластія, — причеиъ и Новгородъ долженъ былъ отказаться отъ своего особнаго и особеннаго быта, — то положеніе Новгородскаго владыки стало очень затруднительно; владыка Іоаннъ благословилъ Новгородцевъ воевать съ великимъ княземъ для возвращенія Двинской области, — и заплатилъ за это трехлѣтнимъ заключеніемъ въ Москвѣ. Мы упоминали въ своемъ мѣстѣ о неприяіной перенескѣ митрополита Іоны съ Новгородскимъ владыкою по поводу Шемяки. Митрополитъ Іона съелъ также своею обязанностию дать наставленіе Новгородскому владыкѣ и его наставѣ насчетъ воздержанія отъ вѣчевыхъ буйствъ: „Я слышалъ, дѣти, пишетъ митрополитъ, что по навѣтамъ дьявольскимъ творится богоуниженіе дѣло у васъ, въ отчипѣ сына моего, великаго князя, въ Великомъ Новгородѣ, не только между простыми людьми, но между честными, великими, — за великое важное и пустое дѣло начинается гнѣвъ, отъ гнѣва — ярость, свары, прекословія, съ обѣихъ враждующихъ сторонъ является многонародное собраніе, напоминаютъ сбродней, пьяничивыхъ и кровоизлитныхъ людей, замышляютъ бой и дүни христианскія губять“ ⁸⁾. Предшественникъ Іоны, митрополитъ Фотій, также посылалъ поученіе Новгородскому владыкѣ и его паствѣ ⁹⁾; митрополитъ увѣщеваетъ Новгородцевъ удерживаться отъ привычки сквернословить (за которую лѣтописецъ осуждаетъ еще до-иорниковскія славянскія племена); Фотій говоритъ, что такой привычки нѣтъ нигдѣ между христианами. Далѣе митрополитъ увѣщеваетъ Новгородцевъ басней не слушать, лихихъ бабъ не принимать, узловъ, примолвленья, зелья, ворожбы и ничего подобнаго не употреблять; при крещеніи приказываетъ погружать въ сосудъ, а не обливать водою, по обычаю латинскому; запрещаетъ вѣнчать дѣвочекъ ранѣе тринадцатаго года, запрещаетъ духовенству бѣлому и черному тор-

¹⁾ Акты истор. № 57.

²⁾ Акты истор. № 57.

³⁾ Акты истор. № 61.

⁴⁾ Акты истор. № 64.

⁵⁾ Дополн. къ Акт. истор. I, № 181.

⁶⁾ Акты истор. I, № 253.

⁷⁾ Тамъ же, № 11.

⁸⁾ Тамъ же, № 44.

⁹⁾ Акты Арх. Эксп. I, № 369.

говать или давать деньги въ ростъ; если кто предъ выходомъ на поле (судебный поединокъ) придетъ къ священнику за Св. причастиемъ, тому причастія нѣтъ; который изъ соперниковъ убьетъ другого, — тотъ отлучается отъ церкви на 18 лѣтъ, а убитого не хоронить.

Политическія и находившіяся въ тѣсной связи съ ними церковныя отношенія Новгорода ко Пскову также требовали вниманія митрополита. Мы видимъ, что Псковъ, разбогатѣвшій отъ торговли, давно уже началъ стремиться къ независимости отъ Новгорода, вълѣдствіе чего послѣдній сталъ обнаруживать нерасположеніе ко Пскову, высказывавшееся иногда открытою войной. Понятно, какъ затруднительно было при такихъ отношеніяхъ положеніе Пскова, завязѣвшаго въ церковныхъ дѣлахъ отъ владыки Новгородскаго; отсюда — естественное желаніе Псковитянъ избавиться отъ этой зависмости, получить особаго владыку. Но мы видимъ, какъ ихъ стараніе объ этомъ осталось тщетнымъ, ибо митрополитъ Феогностъ не согласился поставить имъ особаго епископа. Дѣйствительно, Псковичи выбрали дурное время: митрополитъ Феогностъ, подобно своему предшественнику, утвердилъ пребываніе въ Москвѣ, и Псковъ болѣе другихъ городовъ непыталъ на себѣ слѣдствія этого утвержденія; еще недавно Феогностъ грозилъ ему проклятіемъ, въ случаѣ, если онъ не откажется отъ союза съ Александромъ Тверскимъ; теперь же этотъ самый Александръ опять княжилъ у нихъ, и подъ покровительствомъ литовскимъ, тогда какъ Новгородъ еще не ссорился съ Москвою. О прямой враждѣ Псковичей съ Новгородскимъ владыкою не разъ упоминаетъ лѣтописецъ: такъ, онъ говоритъ о ссорѣ ихъ съ владыкою Феогнистомъ въ 1307 году; въ 1337 году владыка Василій поѣхалъ во Псковъ на подѣздъ, но Псковичи не дали ему суда, и владыка выѣхалъ изъ города, проклявши жителей; когда, въ 1411 году, владыка Іоаннъ прислалъ протопопа во Псковъ просить подѣзда на тамошнемъ духовенствѣ, то Псковичи не велѣли давать и отослали протопопа съ такимъ отвѣтомъ: „Если, Богъ дастъ, будетъ самъ владыка во Псковѣ, тогда и подѣздъ его чистъ, какъ пошло изначала по старинѣ“. Въ 1435 году пріѣхалъ во Псковъ владыка Евсимій, не въ своей подѣздъ, не въ свою череду; Псковичи однако приняли его и были ему челомя о соборованіи¹⁾; но онъ созвать соборъ не обѣщался, а сталъ просить суда, да на священникахъ своего подѣзда. Псковичи ему этого не посулили, но стали за соборованіе и за свою старину, стали говорить владыкѣ, зачѣмъ онъ сажаетъ намѣстника и печатника изъ своей руки — Новгородцевъ, а не Псковичей; владыка за это рассердился и уѣхалъ, побывши только одну недѣлю во Псковѣ. Князь Владиміръ, посадники и бояре поѣхали за нимъ, нагнали и упростили воз-

вратиться: Псковичи дали ему судъ на мѣсяць, подѣздъ на священникахъ; о соборѣ же владыка сказалъ, что онъ отлагаетъ его до митрополита. Но владычій намѣстникъ началъ судить не по псковской пошлнѣ, началъ уничтожать разныя уговорныя грамоты (посужать рукописанія и рядницы), сталъ сажать дьяконовъ въ грядниду, все по новому, покинувши старину. Псковичи были правы, говорить ихъ лѣтописецъ, священники за подѣздъ и оброкъ не стояли, но, по грѣхамъ и дьявольскому навожденію, случилось бой между Псковичами и владычными служилыми людьми (Софьянами). Тогда владыка опять рассердился и уѣхалъ, не взявши псковскаго подарка, а пгуменамъ и священникамъ надѣлалъ много убытка, не бывало такъ прежде никогда, съ тѣхъ поръ какъ началъ Псковъ стоять. — Послѣ того какъ Псковичи, вмѣстѣ съ московскимъ войскомъ, ошустошили новгородскія владѣнія и заключили миръ, оба города жили дружно, и дружба эта отразилась на отношеніяхъ церковныхъ: въ 1449 году владыка Евсимій пріѣхалъ во Псковъ; духовенство съ крестами, князь, посадники, бояре вышли къ нему на-встрѣчу и приняли съ великою честью. Въ самый день пріѣзда владыка служилъ обѣдню у Св. Троицы, а на третій день соборовалъ въ той же церкви, и читали синодикъ: проклятя злыхъ, которые хотятъ зла Реликому Новгороду и Пскову, а благовѣрнымъ князьямъ, лежащимъ въ дому Св. Софій и Св. Троицы, нѣли вѣчную память, такъ же и другимъ добрымъ людямъ, которые сложили головы и кровь пролили за дома Божіе и за православное христіанство, живымъ же Новгородцамъ и Псковичамъ нѣли многая лѣта. Князь, посадники и во вѣсѣхъ концахъ господина владыку много чтли и дарли, и проводили его изъ своей земли до границы съ великою честью. Съ такою же честью былъ принятъ и провоженъ владыка и въ 1453 году, потому что онъ дѣлалъ все точно такъ-же, какъ и прежне братья его — архіепископы.

Непріязненные отношенія Пскова къ Новгороду и его владыкъ были причиною церковнаго неурядства и заставляли Псковичей обращаться прямо къ митрополиту за управленіемъ и наставленіемъ, а непріязненные отношенія Новгорода къ митрополиту благоприятствовали этимъ непосредственнымъ сообщеніямъ. Такъ, Псковичи послали въ Москву, къ митрополиту Кириіану нѣсколько священниковъ для поставленія и для извѣщенія о своихъ нуждахъ, что нѣтъ у нихъ церковнаго правила настоящаго²⁾. Митрополитъ посвятилъ священниковъ и послалъ съ ними уставъ службы и синодикъ правый, какой читаютъ въ Константинополѣ у Св. Софій, приложилъ къ этому правилу, какъ поминать православныхъ царей и князей великихъ, какъ совершать крещеніе и бракъ: велѣлъ вывести прежній обычай — держать дѣтѣй при крещеніи на рукахъ и сверху поливать водою; послалъ также 60 анти-

¹⁾ П. С. Р. Л. IV, 209. «И бина ему челомя о соборованіи».

²⁾ Акты истор. I, № 8.

миновъ, съ запрещеніемъ рѣзать ихъ, по примѣру Новгородскаго епископа ¹⁾.—Разрывъ Псковичей со владыкою Новгородскою и протекавшее отъ того церковное безначаліе вело къ тому, что вѣче псковское присвоило себѣ право судить и наказывать священниковъ; митрополитъ Кирианъ, въ 1395 году, писалъ Псковичамъ, что это противно христіанскому закону, что священника судить и наказывать святитель, который его поставилъ; при этомъ митрополитъ запрещаетъ также Псковичамъ вступаться въ земли и села церковныя ²⁾. Близость Пскова къ литовскимъ границамъ, частыя и давнія сношенія его съ Литвою и князьями ея заставляли митрополитовъ беспокоиться о Псковѣ при раздѣленіи митрополіи: такъ, митрополитъ Фотій въ 1416 году писалъ Псковичамъ, чтобъ они удалялись отъ неправедныхъ предѣловъ, отметающихся Божіа закона и святыхъ правилъ, также чтобы съ радушіемъ принимали православныхъ, которые, вслѣдствіе религіознаго гоненія, будутъ искать убѣжища въ ихъ городѣ ³⁾. Въ другой разъ писалъ Фотій къ псковскому духовенству съ приказаніемъ не употреблять при крещеніи мѣра латинскаго, но только цареградское, и не обливаетъ младенцевъ, но погружать; митрополитъ требуетъ, чтобъ Псковичи прислали къ нему одного изъ своихъ священниковъ, человѣка искуснаго, и оцъ научить его веѣмъ церковнымъ правиламъ и мѣро Святое съ нимъ пришетъ. Въ другомъ посланіи Фотій пишетъ, чтобъ Псковичи не возволяли людямъ, играющимъ клятвою, быть церковными старостами и вообще занимать правительственныя и судебныя должности; также чтобъ не позволяли старостить въ церквахъ людямъ, которые, разведясь съ законными женами, вступили въ новые браки ⁴⁾. Митрополитъ Іона, стараясь вездѣ утверждать власть великаго князя Московскаго, писалъ и во Псковъ, называя его отчиною великаго государя Русскаго, который дѣдичъ и отчичъ во Псковѣ, по родству, по началству прежнихъ великихъ государей, великихъ князей Русскихъ, его праотцевъ. Митрополитъ увѣщаетъ Псковичей жить по своему христіанству, по той доброй старинѣ, которая пошла отъ великаго князя Александра; увѣщаетъ ихъ стоять въ томъ, что обѣщали великому князю ⁵⁾. Увѣщаніе Іоны не могло остаться безъ вліянія во Псковѣ, ибо мы знаемъ, какое важное значеніе имѣлъ здѣсь митрополитъ: такъ, будучи недовольны новою уставною грамотою, которую далъ имъ князь Константинъ Дмитріевичъ

и которую они поклялись соблюдать, Псковичи обратились къ митрополиту Фотию съ просьбою разрѣшить ихъ отъ этой клятвы и благословить жить по старинѣ; митрополитъ исполнилъ ихъ просьбу ⁶⁾. Наконецъ, до насъ дошли два посланія митрополита Фотія къ Псковичамъ, замѣчательныя по отношенію къ особенностямъ ихъ положенія: въ одномъ посланіи, написанномъ по случаю мороваго новбѣтрія, митрополитъ обращается къ нарочитымъ гражданамъ и увѣщаетъ ихъ, чтобъ они были довольны своими уроками, и въ купляхъ и въ мѣрилахъ праведныхъ Божію правду соблюдали ⁷⁾; въ другой разъ Псковичи обратились къ митрополиту за разрѣшеніемъ недоумѣнія ихъ — пользоваться ли имъ хлѣбомъ, виномъ и овощами, приходящими изъ Нѣмецкой Земли. Митрополитъ разрѣшилъ пользоваться, очистивъ молитвою іерейскою ⁸⁾.

Но, кромѣ означенныхъ отношеній, еще одно явленіе заставило обратить вниманіе не только митрополитовъ русскихъ, но и патріарховъ константинопольскихъ на Псковъ и Новгородъ, — преимущественно на первый. Враждебныя отношенія Пскова къ Новгороду отзывались въ отношеніяхъ Пскова къ владыкѣ Новгородскому и вмѣстѣ Псковскому; не разъ поведеніе владыки возбуждало сильное негодованіе Псковичей; раздраженіе, вслѣдствіе несбывшагося желанія независимости отъ Новгорода въ церковномъ отношеніи, возбудило въ нѣкоторыхъ желаніе освободиться совершенно отъ всякой іерархіи; споры о подѣздахъ, судахъ, жалобы на убытки дали поводъ — и вотъ явилась ересь стригольниковъ въ семидесятыхъ годахъ XIV вѣка ⁹⁾. Начальниками ереси лѣтоницы называютъ дьякона Никиту и Карпа простаго человѣка; но въ такъ называемомъ посланіи Антонія патріарха ¹⁰⁾ и въ „Провѣдителяхъ“ Іосифа Волоцкаго начало ереси приписывается одному Карпу, причѣмъ въ первомъ источникѣ Карпъ называется дьякономъ, отлученнымъ отъ службы, стригольникомъ; во второмъ говорится, что онъ былъ художествомъ стригольникъ. Разпорѣчія эти можно согласить тѣмъ, что Карпъ, дѣйствительно бывший прежде дьякономъ, какъ отлученный отъ службы, могъ называться и простымъ уже человѣкомъ; отъ этого отлученія, разстриженія, могло произойти и названіе „стригольника“, которое, будучи послѣ не понятно, превратилось въ названіе художества. Ученіе, какъ излагаютъ его источники, состояло въ томъ: что духовные недостойны своего сана, потому что поставляются на мздѣ; стараются пріобрѣтать имѣніе и нечестливо ведутъ себя; что не должно принимать отъ нихъ таинствъ; что мірне не могутъ учить народъ вѣрѣ; что должно каяться, обращаясь къ землѣ; что не должно ни отпѣвать

¹⁾ Между прочимъ: «Какъ измолвить дьяконъ: со страхомъ Божьямъ и съ вѣрою приступите, тогда бы приходи къ царскимъ дверемъ да причащались, а руки положи къ персеямъ крестообразно, а къ судари бы не прикасались; такъ же и женкамъ давите причастье, обиди не кончавъ, а причащались бы ся у другяхъ дверей, что противу жертвенника; а мужи бы къ св. причастію въ вотолахъ не приходили, но снимая вотола; а на комъ пригодится опасень или шуба; ницъ бы причащывали».

²⁾ Акты истор. I, № 9.

³⁾ Тамъ же, № 20.

⁴⁾ Тамъ же № 35, № 34.

⁵⁾ Тамъ же № 60.

⁶⁾ Тамъ же, № 23.

⁷⁾ Тамъ же, № 30.

⁸⁾ Тамъ же, № 22.

⁹⁾ См. Куницына: Историч. изобраз. древ. судопроизв., стр. 53; авторъ неосновательно полагаетъ начало ереси въ Новгородѣ.

¹⁰⁾ Акты истор. I, № 6. П. С. Р. Л. V, 235.

умершихъ, ни поминать ихъ, ни служить заупокойныхъ обѣдѣнъ, ни приносить приносить, ни пировъ учреждать, ни милостыни раздавать по душѣ умершаго; ходили даже слухи, что стригольники отвергали будущую жизнь. Ересь началась и распространилась во Псковѣ; неизвѣстно, волею или неволею, ересіархи явились въ Новгородѣ; извѣстно только то, что здѣсь въ 1375 году Карна, Пикиту и еще третьяго какого-то ихъ товарища сбросили съ моста въ Волховъ. Но гибель ересіарховъ не искоренила ереси; стригольники прельщали народъ своимъ безкорыстіемъ, своею примѣрною нравственностію, умѣлиемъ говорить отъ Исайи; указывая на нихъ, говорили: „Вотъ эти не грабятъ, имѣнія не собираютъ.“ Въ обличительныхъ посланіяхъ читаемъ о нихъ: „Таковы были и всѣ еретики: постники, богомольцы, книжники, лицемѣры, передъ людьми люди чистые; если бы видѣли, что они неблагочестиво живутъ, то никто бы имъ и не повѣрилъ; и если бы они говорили не отъ Писанія, то никто бы ихъ и слушать не сталъ.“ Изъ XIV вѣка ересь перешла въ XV; до насъ дошли три посланія митрополита Фотія къ Псковичамъ относительно стригольниковъ¹⁾. Митрополитъ запрещаетъ духовенству псковскому принимать приношенія отъ стригольниковъ, мірскимъ людямъ сообщаться съ ними въ ѣдѣ или питьѣ. Псковичи отвѣчали, что, исполняя приказаніе митрополита, они обыскали и показали еретиковъ; что нѣкоторые изъ нихъ убѣжали, но что другіе уюотствуютъ въ своихъ мнѣніяхъ и, устремляя глаза на небо, говорятъ, что тамъ ихъ Отець. Митрополитъ писалъ на это, чтобы Псковичи продолжали удаляться отъ еретиковъ, могутъ и наказывать ихъ, только не смертію, а тѣлесными наказаниями и заточеніемъ. Послѣ 1427 года, когда написано послѣднее посланіе Фотія, мы не встрѣчаемъ болѣе извѣстій о стригольникахъ.

Относительно матеріальнаго благосостоянія церкви, источниками для содержанія митрополита и епископовъ служили, впервые, сборы съ церквей; эти сборы въ уставной грамотѣ великаго князя Василія Димитріевича и митрополита Кириана опредѣлены такъ: „Сборнаго митрополиту брать съ церкви шесть алтынъ; а заѣзда три деньги; десятинику, на десятину пашьши, брать за вѣздное, и за рождественское, и за петровское, пошлныи шесть алтынъ; сборное брать о Рождествѣ Христовѣ, а десятинику брать свои пошлныи о Петровѣ дни; которыя же соборныя переки по городамъ не давали сборнаго при прехнихъ митрополитахъ, тѣмъ и нынче не давать.“ Архіепископъ Ростовскій Феодосій, освобождая двѣ церкви Кириллова Вѣлдозерскаго монастыря, пишетъ въ своей грамотѣ: „Кто у тѣхъ церквей будутъ священники или игумены, не надобно давать имъ моей дани, ни даничыхъ пошлницъ, ни десятиничней пошлныи, ни доводичей, ни другой какой-либо, десятиники мои ихъ

не судать, и пристава на нихъ не даютъ.“ О Митяѣ говорится, что онъ, вступивъ во всѣ права митрополита, началъ со всѣхъ церквей въ митрополи дань собирать, сборы петровскіе и рождественскіе, доходы, уроки и оброки митрополитичьи. Попржнему источниками дохода для митрополита и епископовъ служили пошлныи ставленныи и судныи; для суда церковнаго посылался архіеремъ особый чиновникъ, называвшійся десятиникомъ; вмѣсто того, чтобы сказать: такой-то городъ былъ подвластенъ такому-то владыкѣ, говорились: такой-то городъ былъ его десятиною²⁾. Одинъ изъ десятиниковъ митрополита Юны, Юрій конюшій, пріѣхавши въ Вышгородъ, волость князя Михаила Андреевича Вереѣскаго, остановился на подворьяхъ у священника, который вмѣстѣ съ горожанамъ началъ бить десятиника и дворянъ митрополитичьихъ, прибили въ улогъ, и двоихъ-троихъ изувѣчили. Митрополитъ, извѣщая объ этомъ происшествіи князя Михаила, пишетъ: „Ты самъ, слышь, великій господарь; такъ посмотри и старыхъ своихъ бояръ спроси, бывала ли при твоихъ прапудителяхъ и родителяхъ такая нечесть перкви Божіей и святителямъ? Тебѣ извѣстно, что князь великій Витовтъ былъ не нашей вѣры, да и теперешній король тоже, и всѣ ихъ княжата и паны; поспроси, какъ они оберегаютъ церковь и какую честь ей воздаютъ? а эти, будучи православными христианами, ругаются и безчестятъ церковь Божію и насъ. Я за священниками своего пристава послалъ; а тебя благословляю и молю, чтобы ты, какъ истинный великій православный господарь, церковь Божію и меня, своего отца и пастыря, отъ своихъ горожанъ оборонилъ, чтобы впередъ не было ничего подобнаго; а не оборонишь меня, то поберегись воздаянія отъ Бога, а я буду отъ нихъ обороняться закономъ Божиимъ. Если же мой десятиникъ сдѣлалъ что-нибудь дурное, то ты бы, слышь, обыскалъ дѣло чисто, да ко мнѣ отписалъ,—и я бы тебѣ безъ суда выдалъ его головою, какъ и прежде сдѣлалъ“³⁾. Мы видѣли, что Новгородскій архіепископъ получалъ и о дѣздѣ со псковскаго духовенства. Какъ псковское духовенство давало содержаніе Новгородскому владыкѣ и дары, когда онъ пріѣзжалъ во Псковъ, такъ точно и митрополитъ получалъ содержаніе и дары, когда пріѣзжалъ въ Новгородъ или какую-нибудь другую область: подъ 1341 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что митрополитъ Осогность пріѣхалъ въ Новгородъ въ сопровожденіи большого числа людей, и отъ того было тяжело владыкѣ и монастырямъ, обязаннымъ давать кормъ и дары. Подъ 1352 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Новгородскій архіепископъ Моисей отправлялъ пословъ къ Византійскому патриарху съ жалобою на обиды людей, приходившихъ въ Новгородъ отъ митрополита. Наконецъ важный доходъ доставляли

²⁾ Никои. IV, 70, 277; Акты Арх. Эксп. I, № 9, № 54.

³⁾ Акты истор. I, № 50.

¹⁾ Акты истор. I, № 21, 33, 34.

недвижимыя имущества. Подъ 1286 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Литовцы воевали церковную волость Тверскаго владыки; городъ Алексинъ называется городомъ Петра митрополита ¹⁾; въ Новгородской области упоминается городокъ Молвотичи, принадлежавшій владыкѣ ²⁾; князья завѣщали села свои митрополитамъ ³⁾; встрѣчаемъ извѣстіе о мѣстѣ сель между княземъ и митрополитомъ ⁴⁾. Касательно этихъ волостей отношенія великаго князя и митрополита были опредѣлены такъ: даньщику и бѣльщику великокняжескому на митрополитичьихъ селахъ не быть, дань брать съ нихъ въ выходъ по оброку, по оброчной грамотѣ великокняжеской; ямъ по старинѣ шестой день, и даютъ его митрополитичьи села тогда, когда даютъ великокняжескія; на людяхъ митрополитичьихъ, которые живутъ въ городѣ, а тянуть ко дворцу, положенъ оброкъ, какъ на дворянахъ великокняжескихъ. Митрополитичьи церковные люди тамъ не даютъ при продажѣ своихъ домашнихъ произведеній, но даютъ тамъ, когда стануть торговать прикуномъ; оброкъ даютъ церковные люди тогда только, когда придется платить дань Татарамъ ⁵⁾. Касательно содержанія низшаго духовенства мы видимъ, что князья въ завѣщаніяхъ своихъ назначаютъ доходы въ пользу духовенства нѣкоторыхъ церквей, въ ругу: такъ, великій князь Іоаннъ II отказалъ четвертую часть коломенской тамги въ церкви Св. Богородицы на Крутицахъ, кости московскія въ Успенскій и Архангельскій соборы, въ память по отцѣ, братьяхъ и себѣ: то имъ руга, говоритъ завѣщатель ⁶⁾. Княгини Елена, жена Владиміра Андреевича, и Софья, жена Василія Димитріевича, отказали села московскому Архангельскому собору ⁷⁾; видимъ, что князья въ своихъ завѣщаніяхъ приказываютъ раздавать пояса свои и платья по священникамъ, деньги—по церквамъ ⁸⁾. Должно замѣтить, что во Псковѣ, въ описываемое время, священники распределялись не по приходамъ, а по соборамъ, и вѣдались поновскими старостами ⁹⁾. Объ употребленіи митрополитами своихъ доходовъ лѣтописецъ говоритъ, что митрополитъ Фотій закрѣплялъ за собою доходы, пошлины, земли, воды, села и волости на прокормленіе убогихъ и нищихъ, потому что церковное богатство—нищихъ богатство ¹⁰⁾; въ житіи Іоны митрополита находимъ извѣстіе, какъ одна вдова приходила на митрополитичій погребъ пить медъ для облегченія въ болѣзни ¹¹⁾.

Касательно Южной Россіи до насъ дошла записъ о денежныхъ и медовыхъ даняхъ, получавшихся съ

киевской софійской митрополитичьей отчины ¹²⁾; видимъ село у епископа Перемышльскаго ¹³⁾; видимъ, что князья даютъ села церквамъ ¹⁴⁾.

И въ новой Сѣверо-Восточной Руси монастырь не теряетъ своего прежняго важнаго значенія: чѣмъ былъ Печерскій монастырь Антонія и Феодосія для древняго средоточія русской жизни—Кіева, тѣмъ былъ Троицкій монастырь Сергіевъ для новаго ея средоточія—Москвы. Мы видѣли, какъ сюда, въ это новое средоточіе, стекались выходцы изъ разныхъ странъ—боляре и простые люди, отыскивая убѣжище отъ смутъ внутреннихъ, отъ непокоевъ татарскихъ и наконецъ отъ насилій самой Москвы, и принося на службу послѣдней, на службу новому порядку вещей, ея представляемому, и силы матеріальныя, и силы духовныя. Въ одно почти время явились въ Московскую область два выхода съ концовъ противоположныхъ: изъ Южной Руси, въ Чернигова, бояринъ Оеодоръ Плещевъ, убѣгая отъ разореній татарскихъ; съ сѣвера, изъ самаго древняго и знаменитаго здѣсь города, Ростова, бояринъ Кирилль, разорившійся и принужденный оставить свой родной городъ вълѣдствіе насилій московскихъ. Сыновья этихъ пришельцевъ, одинъ—въ санѣ митрополита всея Руси, другой—въ званіи смиреннаго инока, но отвергнувшаго санъ митрополитичій, заключили тѣсный союзъ для того, чтобы соединенными нравственными силами содѣйствовать возмеленію своего новаго отечества. Ростовскій выходецъ Кирилль поселился въ Радосежскіе; средній сынъ его, Варлоомей, съ малолѣтства обнаружилъ стремленіе къ иночеству, и какъ только похоронилъ своихъ родителей, такъ немедленно удалился въ пустыню—лѣсъ великій, и долго жилъ здѣсь одинъ, не видя лица человѣческаго; одинъ медвѣдь приходилъ къ пустыннику дѣлать съ нимъ его скудную пищу. Но какъ старшину Антоній не могъ скрыть своихъ подвиговъ въ пещерѣ, такъ теперь Варлоомей, принявшій при постриженіи имя Сергія, не могъ утаиться въ дремучемъ лѣсу; иноки стали собираться къ нему, несмотря на суровый привѣтъ, которымъ встрѣчалъ ихъ пустынникъ: „Знайте прежде всего, что мѣсто это трудно, голодно и бѣдно; готовьтесь не къ пище сытной, не къ питью, не къ покою и веселію, но къ трудамъ, поту, печалямъ, напастямъ“. Явилось нѣсколько бѣдныхъ келій, огороженныхъ тыномъ; самъ Сергіи своими руками построилъ три или четыре кельи, самъ носилъ дрова изъ лѣсу и кололъ ихъ, носилъ воду изъ колодезя и ставилъ ведра у каждой кельи, самъ готовилъ кушанье на всю братію, шилъ платье и сапоги, однимъ словомъ,—служилъ всѣмъ, какъ рабъ кушанный. И это-то смиренное служеніе прославило Сергія по всѣмъ областямъ Русскимъ и дало ему ту великую нравственную силу, то значеніе, съ какимъ мы уже встрѣчали его въ политическихъ событіяхъ княженія Димитрія Донскаго;

¹⁾ Акты Ист. III, 190.

²⁾ П. С. Р. Л. III, 101.

³⁾ Никол. V, 35.

⁴⁾ С. г. г. и д. I, № 22.

⁵⁾ Акты арх. эксл. I, № 9.

⁶⁾ С. г. г. и д. № 25.

⁷⁾ Тамъ же, № 82 и 83.

⁸⁾ С. г. г. и д. I, № 21, 39.

⁹⁾ П. С. Р. Л. IV, 191, 215; V, 22.

¹⁰⁾ Никол. V, 33.

¹¹⁾ Рукон. Румянц. Муз. № 155.

¹²⁾ Акты, относ. къ ист. Зап. Россіи, I, № 26.

¹³⁾ Тамъ же, № 29.

¹⁴⁾ Тамъ же, № 62, 65.

здѣсь мы видѣли Сергія грознымъ посломъ для Нижняго-Новгорода, не повинующагося волѣ Московскаго князя, тихимъ примирителемъ послѣдняго съ озлобленнымъ Олегомъ Рязанскимъ, твердымъ увѣщателемъ къ битвѣ съ полками Мамаевыми. Изъ монастыря Сергіева, прославленнаго святостію своего основателя, выведено было много колоній, много другихъ монастырей въ разныя стороны, сподвижниками, учениками и учениками учениковъ Сергіевыхъ¹⁾. Изъ этихъ монастырей болѣе другихъ значенія въ гражданской исторіи нашей имѣетъ монастырь Вѣлозерскій, основанный Св. Кирилломъ, постриженникомъ Симоновскаго архимандрита Теодора, ученика и племянника Св. Сергія. Мы видѣли, что въ свѣдѣтели клатвъ книжескихъ въ послѣднія усобицы, вмѣстѣ съ Св. Сергіемъ, призывался и Св. Кириллъ, какъ одинъ изъ покровителей Сѣверо-Восточной Руси. Отъ Сергія осталась намъ память о дѣлахъ, память о тихихъ и кроткихъ рѣчахъ, которыми онъ исправлялъ братію и умилялъ озлобленныхъ князей; отъ Кирилла дошли до насъ посланія къ князьямъ: такъ, дошло его посланіе къ великому князю Василию Димитріевичу²⁾. „Чѣмъ болѣе святые приближаются къ Богу любовію, тѣмъ болѣе видятъ себя грѣшными, пишетъ Кириллъ; ты, господинъ, пріобрѣтаешь себѣ великое спасеніе и пользу душевную этимъ смиреніемъ своимъ, что посылаешь ко мнѣ, грѣшному, нищему, страстному и недостойному, съ просьбою о молитвахъ... Я, грѣшный, съ братією своею радъ, сколько силы будетъ, молить Бога о тебѣ, нашемъ господинѣ; ты же самъ, Бога ради, будь внимателенъ къ себѣ и ко всему княженію твоему. Если въ кораблѣ гребецъ ошибется, то малый вредъ причинитъ плавающимъ; если же ошибется кормчій, то всему кораблю причиняетъ пагубу: такъ, если кто отъ боярѣ согрѣшитъ, повредитъ этимъ одному себѣ; если же самъ князь, то причиняетъ вредъ всѣмъ людямъ. Возненавидь, господинъ, все, что влечетъ тебя на грѣхъ, бойся Бога, истиннаго Царя, — и будешь блаженъ. Слышалъ я, господинъ князь великій, что большая смута между тобою и сродниками твоими, князьями суздальскими. Ты, господинъ, свою правду сказываешь, а они свою, а христіанамъ чрезъ это кровопролитіе великое происходитъ. Такъ посмотри, господинъ, внимательнѣе, въ чемъ будетъ ихъ правда передъ тобою, и по своему смиренію уступи имъ; въ чемъ же будетъ твоя правда передъ ними, — такъ ты за себя стой по правдѣ. Если же они станутъ тебѣ бить челомъ, то, Бога ради, пожалуй ихъ, по ихъ мѣрѣ, ибо слышалъ я, что они до сихъ поръ были у тебя въ нуждѣ, и оттого начали враждовать. Такъ, Бога ради, господинъ, покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы не погибли, скитаясь, въ татарскихъ странахъ“³⁾. Кириллъ перечислялся и съ

братьями великокняжескими — Андреемъ, въ удѣлѣ котораго находился его монастырь, и Юріемъ. Къ Андрею Св. Кириллъ писалъ: „Ты властелинъ въ отчинѣ своей, отъ Бога поставленный унимать людей своихъ отъ лихого обычая: пусть судятъ судъ праведный, поклеповъ, подметовъ бы не было, судьи посуловъ бы не брали, были бы довольны уроками своими; чтобы корчмы въ твоей отчинѣ не было, ибо это великая пагуба душамъ, — христіане прониваются, а души гибнутъ; чтобы мытовъ не было, ибо это деньги неправедныя; а гдѣ перевозъ, тамъ надобно дать за трудъ; чтобы разбой и воровства въ твоей вотчинѣ не было, и если не уймется отъ злаго дѣла, то вели наказывать; также, господинъ, унимай отъ скверныхъ словъ и браци“⁴⁾. Къ Юрію Димитріевичу Св. Кириллъ писалъ посланіе утѣшительное, по случаю болѣзни жены его⁵⁾; здѣсь любопытны слѣдующія слова: „А что, господинъ князь Юрій, писалъ ты, что давно ждешь видѣться со мною, то, ради Бога, не прѣжай ко мнѣ; — если поѣдешь ко мнѣ, то на меня придетъ искушеніе, и, покинувъ монастырь, уйду, куда Богъ укажетъ. Вы думаете, что я здѣсь добръ и святъ, а на дѣлѣ выхоditъ, что я всѣхъ людей окаяннѣе и грѣшнѣе. Ты, господинъ князь Юрій, не осердись на меня за это: слышу, что божественное писаніе самъ въ конецъ разумѣешь, читаешь и знаешь, какой намъ вредъ приходитъ отъ похвалы человѣческой, особенно намъ, страстнымъ. Да и то, господинъ, рассуди, — твоей вотчины въ нашей сторонѣ нѣтъ, и если ты поѣдешь сюда, то вѣстачутъ говорить: „Только для Кирилла поѣхалъ“. Былъ здѣсь братъ твой, князь Андрей; но здѣсь его вотчина, — и намъ нельзя было ему, нашему господину, челомъ не ударить“.

Князь Юрій Димитріевичъ и сынъ его, Димитрій Шемяка, нашли болѣе строгаго увѣщателя въ другомъ святомъ игуменѣ — Григоріи Вологодскомъ (на Пелшмѣ). Когда Юрій, выгнанный племянника Василія, утвердился въ Москвѣ, Григорій явился къ нему сюда съ увѣщаніями удалиться съ несправедно пріобрѣтеннаго стола; потомъ, когда Шемяка овладѣлъ Вологдою и надѣлалъ много зла жителямъ, Григорій немедленно явился и къ нему съ обличеніями, угрожая гибелью за злодѣйства надъ христіанами. Шемяка, не терпя обличеній, велѣлъ сринуть съ помосту святаго старца, такъ что тотъ едва живой возвратился въ монастырь свой⁶⁾.

Монастыри имѣютъ еще другое значеніе въ стр. 151) отъоситъ дѣйствіе посланія Кириллова къ слишкомъ позднему явленію, именно къ браку князя Александра Ивановича Суздальскаго на дочери великаго князя Василія, и думаетъ, что суздальскіе князья, Симеонъ и Василій, умерли въ изгнаніи; но мы видѣли, что одинъ изъ нихъ умеръ въ Вяткѣ, а другой въ Городцѣ, почивши съ великимъ княземъ Московскимъ, и въ этомъ прищивеніи именно можемъ допустить участіе совѣтовъ Кирилловыхъ.

¹⁾ Акты истор. I, № 16.

²⁾ Тамъ же, № 27.

³⁾ Прологъ, 30-го сентября; рукопис. житіе въ библиот. Ундольскаго, № 146.

¹⁾ См. объ этихъ монастыряхъ Истор. Русск. цер. пер. II, изд. 2, стр. 159, и слѣд.

²⁾ Акты истор. № 12.

³⁾ Проф. Шевыревъ (Поѣздка въ Кир. Вѣл. мон. ч. I,

исторіи русской гражданственности: по разнымъ направленіямъ, въ дремучихъ лѣсахъ и болотахъ съвера пробрались пустынники, ища уединенія и безмолвія, но между тѣмъ приносили съ собою начала новой жизни. Сперва поселился пустынникъ въ дуплѣ большого дерева ⁴⁾, но потомъ скоро собирается братія и являются отъ нея послы въ Москву къ великому князю съ просьбою, чтобъ пожаловалъ, велѣлъ богомолье свое, монастырь, строить, на пустомъ мѣстѣ, въ дикомъ лѣсу, братію собирать и пашню пахать. Св. Дмитрій Прилуцкій поставилъ обитель свою на многихъ путяхъ, которыми шли отъ Вологды до Сѣвернаго океана, всѣхъ странниковъ принимали въ монастырь и кормили; однажды пришелъ къ преподобному обнищавшій купецъ просить благословенія ийти торговать съ погаными народами, которые слывуть Югрою и Печорю; въ другой разъ какой-то богатый человекъ принесъ преподобному въ подарокъ съѣстные припасы, но святой велѣлъ ему отнести эти припасы назадъ домой и раздать ихъ рабамъ и рабынямъ, которые у него голодали. Клопскій монастырь кормилъ странниковъ и людей, стекавшихся въ него за пищу во время голода. Кромѣ препятствій со стороны дикой природы, иноки—основатели монастырей—терпѣли много и отъ язвъ юнаго неустроеннаго общества, много терпѣли отъ разбойниковъ и отъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ, которые не боялись самоуправствовать. Обычай отдавать ближайшія земли новостроеннымъ монастырямъ велъ иногда къ тому, что окрестные жители старались разорить новую обитель изъ страха, чтобы монахи не овладѣли ихъ землями ⁵⁾.

Преподобный Сергій, говорится въ житіи его, принималъ всякаго къ себѣ въ монастырь, и старыхъ, и молодыхъ, и богатыхъ, и бѣдныхъ, и всѣхъ (остригалъ) съ радостію; племянника своего Іоанна (Беодора) преподобный постригъ, когда тому было 12 лѣтъ. Сначала въ монастыряхъ каждый иннокъ имѣлъ свое особое хозяйство; но съ конца XIV вѣка замѣчаемъ старанія ввести общее житіе; такъ оно было введено въ Троицкій Сергіевъ монастырь еще при жизни самого основателя; распредѣлили братію по службамъ: одного назначили келаремъ, другого подкеларникомъ, много казначескъ, уставщикомъ, и некоторыхъ назначили трапезниками, поварами, хлѣбниками, больничными служителями; все богатство и имущество монастырское сдѣлали общимъ, запретили инокамъ имѣть отдѣльную соб-

ственность; и некоторымъ не понравилась эта перемена, и они ушли тайно изъ монастыря Сергіева ³⁾. Основателемъ общаго житія въ собственно московскихъ монастыряхъ называется Іоаннъ, архимандритъ Петровскій, сопровождавшій Митя въ Константинополь ⁴⁾; въ женскихъ монастыряхъ—игуменья Алексѣевского монастыря Ульяна ⁵⁾. Въ уставѣ общаго житія, данномъ Спѣтогорскому монастырю, читаемъ: ни игумень, ни братія не должны имѣть ничего своего; не могутъ ни ѣсть, ни пить у себя по кельямъ, ѣсть и пить должны въ трапезѣ всѣ вмѣстѣ; одежду необходимую должны брать у игумена изъ обыкновенныхъ, а не изъ ижецкихъ суконъ, шубы бараны носить безъ пуху, обуви, даже онучи, брать у игумена, и лишняго платья не держать ⁶⁾. Изъ посланій митрополита Фотія въ Киевопечерскій монастырь видна забота его о приведеніи въ лучшей порядокъ монастырской жизни ⁷⁾. Тотъ же митрополитъ писалъ въ Новгородъ, чтобъ игумены, священники и чернецы не торговали и не давали денегъ въ ростъ; чтобъ въ однихъ и тѣхъ же монастыряхъ не жили монахи и монахини вмѣстѣ; чтобы при женскихъ монастыряхъ были священники бѣлые, не вдовые ⁸⁾. Эти же заботы наследовалъ отъ Фотія и митрополитъ Іона ⁹⁾. Объ избраніи игуменовъ до насъ дошли слѣдующія извѣстія: въ 1433 году братія нижегородскаго Печерскаго монастыря прислали къ великому князю Василію Васильевичу и матери его съ просьбою о назначеніи къ нимъ въ архимандриты избраннаго ими старца. Великій князь и княгиня исполнили просьбу, велѣли митрополиту поставить избраннаго иноками старца въ архимандриты ¹⁰⁾; въ 1448 году иноки Кириллова Бѣлозерскаго монастыря, выбравши себѣ въ игумены старца Кассіана, послали просить о поставленіи его къ Ростовскому архіепископу, и тотъ, для ихъ прошенія и моленія, благословилъ Кассіана, съ тѣмъ однако, чтобы послѣдній пріѣхалъ къ нему для духовной бесѣды ¹¹⁾.—Новгородскій архіепископъ Симеонъ писалъ въ Спѣтогорскій монастырь: „Велѣлъ я игумену и всѣмъ старцамъ крѣпость монастырскую держать,—чернецамъ быть у игумена и у старцевъ въ послушаніи и духовнаго оуда держать, а кто будетъ прогнѣнъ, такихъ изъ обители отстривать, причемъ вклада ихъ не возвращать имъ. Если чернецъ умретъ, то все оставшее послѣ него имущество составляетъ собственность обители и братскую, а мірскіе люди къ нему не должны прикасаться. Если чернецъ, вышедши изъ монастыря, станетъ поднимать на игумена и на старцевъ мірскихъ людей или судей, та-

¹⁾ Какъ напр. Св. Павелъ Кожельскій.

²⁾ Это случилось съ Св. Дмитріемъ Прилуцкимъ, съ Св. Стефаномъ Махрицкимъ;—рукопис. житіе первого въ библиот. гр. Уварова, второго въ библиот. Ундольскаго, № 178, а.—Были и другого рода притѣсненія, напр. въ житіи Св. Михаила Клопскаго читаемъ: «Вистъ же пужа иѣкой належачи монастырю отъ архіепископа Евфимія (перваго) овогда насильствіемъ сребромянія, овогда монастырскихъ коней отягати».—Здѣсь считая пріятною обязанностію повѣдать глубочайшую благодарность графу Алексѣю Сергіевичу Уварову и Вуколу Михайловичу Ундольскому за возможность, которую они мнѣ доставили, пользоваться ихъ прекрасными библиотеками.

³⁾ Никон. IV, 225.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 73.

⁵⁾ Карамз. V, прим. 254.

⁶⁾ Акты истор. I, № 5.

⁷⁾ Допол. къ акт. истор. I, № 180.

⁸⁾ Акты Арх. Эксп. I, № 369.

⁹⁾ Акты истор. I, № 265, 276.

¹⁰⁾ Тамъ же, № 37.

¹¹⁾ Акты Арх. Эксп. I, № 40.

кой будетъ подъ тягостію церковною, равно какъ и тѣ міряне, которые вступаютъ въ монастырскія дѣла. Если же произойдетъ ссора между братьями, то судить ихъ игумень съ старцами, причетниками и старостами Св. Богородицы, а міряне не вступаютъ¹⁾. Но мы знаемъ, что монастыри, основанные иждивеніемъ князей или другихъ лицъ, находились въ завѣдываніи этихъ лицъ и наследниковъ ихъ: такъ Волынской князь Владиміръ Васильковичъ завѣщаль основанный имъ монастырь Апостольскій женѣ своей²⁾; Московскій князь Петръ Константиновичъ далъ митрополиту Іонѣ монастырь Св. Саввы въ Москвѣ; этимъ объясняется, почему братія Печерскаго нижегородскаго монастыря присылали въ Москву къ великому князю испрашивать утвержденія избранному ими игумену.

Монастыри владѣютъ большою недвижимою собственностію; князья продаютъ имъ свои села, покупаютъ села у игуменовъ, позволяютъ покупать земля у частныхъ лицъ, дарить, завѣщаютъ по душѣ; монастыри берутъ села въ закладъ, частныя лица даютъ монастырямъ села по душѣ. Часть описываемаго времени дошло до насъ множество грамотъ княжескихъ монастырямъ съ пожалованіемъ разныхъ льготъ монастырскимъ людямъ и крестьянамъ: давались селища монастырю, и люди, которыхъ игумень перевозетъ сюда, освобождались отъ всѣхъ повинностей на извѣстное число лѣтъ; давались населенныя земли съ освобожденіемъ старожильцевъ и новопризываемыхъ крестьянъ отъ всякихъ даней, пошлинъ и повинностей на вѣчныя времена, съ тѣмъ однако, что когда придетъ татарская дань, то игумень за монастырскихъ людей платитъ по силѣ; крестьяне освобождались отъ даней, пошлинъ и повинностей; но если придетъ изъ Орды посолъ сильный, и нельзя будетъ его опровергнуть, то архимандритъ съ крестьянъ своихъ помогаетъ въ ту тягость, однако и тутъ князь не посылаетъ къ монастырскимъ людямъ ни за чѣмъ; освобождались отъ всѣхъ даней и пошлинъ, съ условіемъ платежа денежнаго оброка въ казну княжескую одинъ разъ въ годъ; освобождались отъ всѣхъ даней и пошлинъ съ тѣмъ, чтобы давали сотнику оброкъ на Юрьевъ день вешній и осенній по три четверти; наконецъ освобождались отъ всякихъ даней, пошлинъ и повинностей на вѣчныя времена безо всякихъ условий. Иногда игумень получалъ право держать въ монастырѣ свое пятно: монастырскій крестьянинъ, купившій или вытѣнявшій лошадь, платилъ ее въ монастырѣ, за что платилъ игумену извѣстную пошлину; монастырскій крестьянинъ, продавшій что-нибудь на торгу или на селѣ, платилъ тамгу также игумену въ монастырѣ; если онъ пропятился или протамжится (утантъ пятно или тамгу), то за вино платилъ опять въ монастырь. Намѣстничьимъ, боярскимъ

и всякимъ другимъ людямъ запрещалось ѣздить незванымъ на пиры къ монастырскимъ людемъ; послѣдніе освобождались отъ обязанности ставить у себя ѣздоковъ, или гонцовъ, посылаемыхъ для правительственныхъ нуждъ, давать имъ кормы, подводы и приводниковъ, кромѣ того случая, когда гонцы ѣхали съ военнымъ извѣстіемъ. Монастырские люди освобождались отъ мыта даже и въ чужихъ областяхъ князьями послѣднихъ; торговой монастырской лодѣ позволялась ходить со всякими товарами во всякое время, будетъ ли тишина въ землѣ, или нѣтъ; дозволялось возить монастырское сѣно по рѣкѣ, когда другимъ заповѣдано было ѣздить по ней; монастырскіе люди, посланные на ватагу или какую-нибудь другую службу, освобождались отъ поватажной и отъ всякихъ другихъ пошлинъ. Монастыри освобождались отъ военного постоя: посланнымъ княжескимъ запрещалось даже ставиться подъ извѣстнымъ монастыремъ, дѣлать себѣ тутъ перевозъ и брать себѣ на перевозъ людей и суда монастырскіе. Крестьяне монастырскіе освобождались отъ суда намѣстниковъ, волостелей княжескихъ и тиунъ ихъ: игумень вѣдалъ самъ своихъ людей во всѣхъ дѣлахъ и судилъ ихъ самъ, или тотъ, кому приказывалъ. Иногда право суда давалось вполнѣ, во всѣхъ дѣлахъ, гражданскихъ и уголовныхъ, иногда съ ограниченіями; иногда исключалось душегубство, иногда вмѣстѣ съ душегубствомъ и разбой; иногда, вмѣстѣ съ душегубствомъ и разбоемъ, татѣя съ поличнымъ. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ крестьяне монастырскіе освобождались отъ княжескаго суда съ тѣмъ условіемъ, чтобы давали волостелю два корма на годъ: на Рождество Христово и на Петровъ день. Кормы эти опредѣляются такъ: на Рождество Христово съ двухъ плуговъ полоть мяса, мѣхъ овса, возъ сѣна, десять хлѣбовъ; не любъ полоть, такъ вмѣсто него два алгына, не любъ мѣхъ овса — вмѣсто пего алтынъ, не любъ возъ сѣна — алтынъ, не любы хлѣбы — за ковригу по деньгѣ; на Петровъ день съ двухъ плуговъ барана и 10 хлѣбовъ, не любъ баранъ — десять денегъ. Когда игумень имѣлъ право суда, то въ случаѣ суда смѣснаго, т.-е. при тяжбѣ монастырскихъ людей съ городскими и волостными, намѣстникъ или тиунъ его судилъ вмѣстѣ съ игуменомъ или его приказникомъ. Иногда игумену давалось право назначать срокъ для смѣсныхъ судовъ; когда игумень не имѣетъ права уголовного суда, то встрѣчаемъ въ грамотахъ распоряженіе, что намѣстникъ или тиунъ долженъ отдать душегубца на поруку и за тою порукою поставить передъ княземъ; встрѣчается также распоряженіе, что намѣстникъ и тиунъ не беретъ съ монастырскихъ крестьянъ за мертвое тѣло, если человѣкъ съ дерева убьется или на водѣ утонетъ; слуги монастырскіе освобождаются отъ обязанности пѣловать крестъ: сироты ихъ стоятъ у креста. Въ случаѣ иска на игуменовъ приказчикѣ, судить его самъ князь или бояринъ введенный; если пріѣдетъ приставъ княжескій по людей монастырскихъ, то даетъ

¹⁾ Акты истор. I, № 24.

²⁾ П. С. Р. Л. II, 215.

имъ извѣстное число сроковъ для явки къ суду — два-три; иногда позволяется монастырскимъ людямъ самимъ метать между собою сроки вольные. Встрѣчаемъ грамоты, которыми даются монастырямъ села со всѣмъ къ нимъ принадлежащимъ, кромѣ людей страдныхъ и кромѣ суда. Иногда дается монастырю село съ условіемъ, чтобъ его не продавать и не мѣнять; крестьяне освобождаются отъ даней и пошлинъ съ условіемъ, чтобы не принимали на монастырскія земли тяглыхъ людей княжескихъ. Встрѣчаемъ извѣстія, что у монастырей во владѣніи находились соляныя варницы, относительно которыхъ давались также особенныя льготы; князья приказывали посельскимъ, или управителямъ своимъ, давать въ извѣстные монастыри на храмовые праздники рожь, сыры, масло, рыбу; встрѣчаемъ жалованныя грамоты монастырямъ на рыбныя ловли и бобровые гоны; Соловецкій монастырь, по повгородской вѣчевой грамотѣ, получалъ десятину отъ всѣхъ промысловъ, производимыхъ на принадлежащихъ ему островахъ; нѣкоторые монастыри получали десятину съ извѣстныхъ селъ. — Что касается женскихъ монастырей, то имъ давались такія же льготы, какъ и мужескимъ; иногда игумены получали право не только гражданскаго, но и уголовнаго суда надъ крестьянами своего монастыря; встрѣчаемъ впрочемъ распоряженія, по которымъ управленіе селами поручалось священникамъ, доходы же дѣлились пополамъ между священниками и игуменскою съ черницами. Частныя лица давали села въ монастырь съ условіемъ, чтобъ игумень держалъ общее житіе, чтобы чернецовъ держалъ какъ его силы позволятъ, и держалъ такихъ, которые ему любы; чтобъ игумень и чернецы с о б и л ѣ (отдѣльной собственности) не имѣли; если игумень пойдетъ прочь изъ монастыря, то пусть дастъ отчетъ (удеть) чернецамъ; выговаривалось условіе, чтобъ игумень не принималъ на монастырскія земли половниковъ и отхожихъ людей съ земель отчинника, давшаго села въ монастырь.

Что монастырскіе крестьяне обязаны были давать монастырю и дѣлать для него въ описываемое время, — объ этомъ можемъ получить свѣдѣнія изъ уставной грамоты митрополита Кипріяна Константиновскому монастырю: большіе люди изъ монастырскихъ селъ, т. е. имѣвшіе лошадей, церковь наряжали, монастырь и дворъ обводили тыномъ (тынили), хоромы ставили, игуменскую часть пашни орали взголомъ, сѣяли, жали и свозили, сѣно косили десятинами и во дворъ ввозили, ѣзъ были вешній и зимній, сады оидетали, на неводъ ходили, пруды прудили, на бобровъ осенью ходили, истоки забинали; на Великъ день и на Петровъ день приходили къ игумену съ припасами (приходили что у кого въ рукахъ); пѣшеходцы (не имѣвшіе лошадей) изъ селъ къ празднику рожь молотили, хлѣбъ некли, солодъ молотили, пиво варили, на сѣмъ рожь молотили, ленъ дасть игумень въ село — и они прядутъ, сѣжи и дѣли неводныя наряжаютъ; на праздникъ даютъ всѣ люди яловицу; а въ ко-

торое село пріѣдетъ игумень на братчину, — дадутъ овесъ коньямъ его ¹⁾.

Несмотря однако на богатое надѣленіе монастырей недвижимымъ имуществомъ, въ описываемое время существовало сомнѣніе, слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть селами. Митрополитъ Кипріянъ писалъ къ игумену Аванасію: „Святыми отцами не предано, чтобъ инокамъ держать села и людей. Какъ можно человѣку, разъ отрешимуся отъ міра и всего мірскаго, обязываться опять дѣлами мірскими и снова создать разоренное? Древніе отцы селъ не пріобрѣтали и богатства не конили. Ты спрашивашь меня о селѣ, которое тебѣ князь въ монастырь далъ, что съ нимъ дѣлать? Вотъ мой отвѣтъ: если уповаешь съ братією на Бога, что до сихъ поръ пропиталъ васъ безъ села и впередъ пропитаетъ, то зачѣмъ обязываться мірскими попеченіями, и вѣсто того, чтобы памятовать о Богѣ и Ему единому служить, памятовать о селлахъ и мірскихъ заботахъ? Подумай и о томъ, что когда чернецъ не заботится ни о чемъ мірскомъ, то отъ всѣхъ людей любимъ и почитаемъ; когда же начнетъ хлопотать о селлахъ, тогда нужно ему и къ князьямъ ходить, и къ властелямъ, суда искать, защищать обиженныхъ, сеориться, мириться, поднимать большой трудъ и оставлять свое правило. Если чернецъ станетъ селами владѣть, мужичи и женщинъ судить, часто ходитъ къ нимъ и объ нихъ заботиться, то чѣмъ онъ отличится отъ мірянина? а съ женщинами сообщаться и разговаривать съ ними — чернецу хуже всего. Если бы можно было такъ сдѣлать: пусть село будетъ подъ монастыремъ, но чтобы чернецъ никогда не бывалъ въ немъ, а поручить его какому-нибудь мірянину богобоязненному, который бы хлопоталъ объ немъ, а въ монастырь привозилъ готовое житомъ и другими припасами, потому что пагуба чернецамъ селами владѣть и туда часто ходить“ ²⁾.

Въ Руси Юго-Западной продолжался также обычай надѣлять монастыри недвижимымъ имуществомъ и селами: князь Волынской Владиміръ Васильковичъ купилъ село и далъ его въ Апостольскій монастырь ³⁾. Тому же обычаю слѣдовали и православные потомки Гедиминовы ⁴⁾. Здѣсь, на юго-западѣ, встрѣчаемъ жалованныя грамоты княжескія монастырямъ, по которымъ люди послѣднихъ освобождались отъ суда намѣстничьяго и тиунскаго и отъ всѣхъ даней и повинностей: если митропо-

¹⁾ Жалованныя монастырямъ грамоты см. въ Собр. Гос. гр. и дог. I, № 22, 25, 34, 51, 62, 82, 82. — Акты истор. I, № 3, 13, 14, 15, 25, 28, 29, 36, 38, 49, 50, 54, 55, 58, 59, 67, 70, 71, 266, 375. — Дошл. къ акт. истор. I, № 10, 184—197. — Акты Арх. Эксп. I, № 3, 5, 7, 11, 12, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 28, 30, 31, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 42, 43, 45, 47, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 60, 61, 62, 63, 65, 67, 68, 69, 373. — Опис. Государ. Арх. стар. дѣл., стр. 208. Акты юрид. стр. 145.

²⁾ Акты истор. I, № 253.

³⁾ Н. С. Р. Л. II, 215.

⁴⁾ Акты, относ. къ истор. Западн. Россіи, I, № 7, 13, 14, 28.

лить поѣдетъ мимо монастыря, то архимандрита не судить и подводъ у монастырскихъ людей не беретъ, равно какъ и мѣстный епископъ; судить архимандрита самъ князь; если же владыкъ будетъ до архимандрита дѣло духовное, то судить князь съ владыкою; владычїе десятинники и горюдскїе людей монастырскихъ также не судятъ¹⁾.

Таково было состояніе Церкви. Отъ описываемаго времени дошло до насъ нѣсколько законодательныхъ памятниконъ, изъ которыхъ также можно получить понятїе о нравственномъ состоянїи общества. Такъ, дошла до насъ уставная Двинская грамота великаго князя Василя Димитріевича, данная во время непродолжительнаго присоединенїя Двинской области къ Москвѣ. Эта уставная грамота раздѣляется на двѣ половины: въ первой заключаются правила, какъ должны поступать намѣстники великокняжескіе относительно суда; во второй — торговыя льготы Двинянамъ. Въ первой, судной половицѣ грамоты излагаются правила, какъ поступать въ случаѣ душегубства и нанесенїя рапъ, побоевъ и брани боярину и слугѣ, драки на пиру, переоранїя или перекошенїя межи, въ случаѣ воровства, самосуда, неявленїя обвиненнаго къ суду, убійства холопа господиномъ. Если случится душегубство, то преступника должны отыскать жители того мѣста, гдѣ совершено было преступленїе; если же не найдутъ, то должны заплатить извѣстную сумму денегъ намѣстникамъ. Если кто выбранитъ или приберетъ боярина или слугу, то намѣстники присуждаютъ плату за безчестїе, смотря по отечеству обезчещеннаго; но, къ сожалѣнїю, мы не знаемъ здѣсь самаго любопытнаго, именно — чѣмъ руководились намѣстники при опредѣленїи этого отечества. Впрочемъ, очень важно уже, что въ Двинской грамотѣ полагаются взыскаїїя за обиды словесныя, тогда какъ въ „Русской Правдѣ“ о нихъ не упоминается. Случится драка на пиру, и поссорившіеся помирятся, не выходя съ пиру, то намѣстники и дворяне не берутъ за это съ нихъ ничего; если же помирятся, вышедши съ пиру, то должны дать намѣстникамъ по кунцѣ. При переоранїи или перекошенїи межи различается, нарушена ли межа на одномъ полѣ, или между селами, или наконецъ нарушена будетъ межа княжая. Если кто у кого узнаетъ покраденную вещь, то владѣлецъ ея сводитъ съ себя обвиненїе до десяти изводольемъ; съ уличеннаго вора въ первый разъ берется столько же, сколько стоитъ украденная вещь; во второй разъ берутъ съ него безъ милости, въ третїй — вѣшаютъ; но всякій разъ его пятнаютъ. За самосудъ платится четыре рубля; самосудомъ называется тотъ случай, когда кто — шибудь, пойнавъ вора съ поличнымъ, отпустить его, а себѣ посулъ возьметъ. Обвиненнаго куютъ только тогда, когда нѣтъ поруки. Обвиненный, не явившїйся къ суду, тѣмъ самымъ проигрываетъ свое дѣло: намѣстники даютъ на него грамоту правую бессуд-

ную. Если господинъ, ударивши холопа или рабу, ненарокомъ причинитъ смерть (огрѣшится — а случится смерть), то намѣстники не судятъ, и за вину ничего не берутъ²⁾.

Уже выше упомянуто было о судныхъ грамотахъ, данныхъ Покову князьями Александромъ Михайловичемъ Тверскимъ и Константиномъ Димитріевичемъ Московскимъ; до насъ дошелъ сборникъ судныхъ правилъ, составленный изъ этихъ двухъ грамотъ, равно какъ изъ приписокъ къ нимъ всѣхъ другихъ псковскихъ судныхъ обычаевъ (пошлинъ)³⁾. Здѣсь относительно убійства встрѣчаемъ слѣдующее постановленїе: гдѣ учинится головщина и уличать головника, то князь на головника возьметъ рубль продажи; убьетъ сынъ отца или братъ брата, то князю продажа. Относительно воровства встрѣчаемъ постановленїе, сходное съ постановленїемъ, заключающимся въ Двинской грамотѣ: дважды воръ отпускается, берется съ него только денежная пеня, равная цѣнѣ украденнаго, но въ третїй разъ онъ казнится смертїю; это правило имѣетъ силу впрочемъ тогда только, когда покража произойдетъ на посадѣ; воръ же, покравшїй въ кромномъ городѣ, также воръ коневый, вмѣстѣ съ перевѣтникомъ и зажигальщикомъ, подвергаются смертной казни за первое преступленїе⁴⁾. Касательно споровъ о землевладѣнїи четырехъ или пятилѣтнїя давности рѣшается дѣло. Довольно подробно говорится о займахъ, о дачѣ денегъ или вещей на сохраненїе; заемныя записи, какъ въ Новгородѣ, такъ и во Псковѣ назывались досками; чтобъ эти доски имѣли силу, нужно, чтобы конїи съ нихъ хранились въ ларѣ, находившемся въ соборной церкви Св. Троицы; позволялось давать займы безъ заклада и безъ записи только до рубля; ругаться позволялось также въ сумѣ не болѣе рубля. Касательно семейныхъ отношенїй встрѣчамъ постановленїе, что если сынъ откажется кормить отца или мать до смерти и пойдеть изъ дому, то онъ лишается своей части въ наслѣдствѣ. Относительно наслѣдства говорится, что если умереть жена безъ завѣщанїя (рукописаїїя), оставивъ отчину, то мужъ съ владѣетъ этою отчиною до своей смерти, если только не женится въ другой разъ; то же самое и относительно жены; встрѣчаемъ указанїе на случай, когда старшїй братъ съ младшимъ живутъ на одномъ хлѣбѣ. Довольно подробно говорится о спорахъ между домо-владѣльцемъ и землевладѣльцемъ (государими) и ихъ наймитами, между мастерами и учениками: эти

²⁾ Акты Арх. Эксп. I, № 13.

³⁾ Псковская Судная грамота, Одесса. 1847 г.

⁴⁾ «А Кромскому (читай: Кромскому) татю, и коновому и перевѣтнику, и зажигальнику, тѣмъ живота не даи. Чтобы и на посадѣ покрадется ино дважды е пожаловати, а илчивъ казнити но его випѣ и въ третїй рядъ илчивъ живота ему недати». Крим. Кромскому татю. — Что здѣсь татба на посадѣ противопоставляется татѣ на Крому, въ Кромномъ городѣ, это ясно; но почему такое различїе? Не употреблено ли здѣсь слово: *Кромскїй* въ значенїи *торговаю*, если торгъ находился въ Крому, въ Кромномъ городѣ.

¹⁾ Акты относящ. къ истор. Западн. Россїи, I, № 43.

подробности впрочемъ касаются преимущественно случаевъ неисполненія обязательствъ и назначенія срока, когда одинъ могъ отказываться, а другой отказываться; срокъ этотъ былъ—Филиппово заговѣнье, т.-е. 14 ноября. При поселеніи поселникъ получалъ отъ хозяина покругу, т.-е. подмогу или сеуду на обзаведеніе хозяйствомъ; она могла состоять изъ денегъ, изъ разныхъ орудій домашнихъ, земледѣльческихъ, рыболовныхъ, изъ хлѣба озимаго и яроваго. Судебныя доказательства: свидѣтельство или послушничество, клятва и поле, или судебный поединокъ; въ случаѣ, если одно изъ тяжущихся лицъ будетъ женщиною, ребенокъ, старикъ больной, увѣчный или монахъ, то ему дозволялось нанимать вмѣсто себя бойца для поля, и тогда соперникъ его могъ или самъ выходить противъ наемника, или также выставить своего наемника; но если будутъ тягаться двѣ женщины, то онѣ должны выходить сами на поединокъ, а не могутъ выставить наймитовъ. Мѣстомъ суда назначены сѣни княжескія, и именно сказано, чтобъ князь и посадникъ на вѣчѣ суда не судили. Когда на кого дойдетъ жалоба, то позвоникъ отправляется на мѣсто жительства позываемаго и требовалъ, чтобъ тотъ шелъ къ церкви слушать позывную грамоту (позывницы); если же онъ не пойдетъ, то позвоникъ читалъ грамоту на погостѣ предъ священникомъ, и если тогда, не прося отерочки, позываемый не являлся на судъ, то сопернику его давалась грамота, по которой онъ могъ схватить его, причемъ тотъ, кто имѣлъ такую грамоту (ограмоцій), схвативши противника, не могъ ни бить его, ни мучить, но только поставить предъ судьей; а тотъ, на кого дана была грамота (ограмочный), не могъ ни биться, ни колотиться противъ своего противника. Тяжущіеся (сутьяжники) могли входить въ судную комнату (судебницу) только вдвоемъ, а не могли брать помощниковъ; помощникъ допускался только когда одно изъ тяжущихся лицъ была женщина, ребенокъ, монахъ, монахиня, старикъ или глухой; если же въ обыкновенномъ случаѣ кто вздумаетъ помогать тяжущимся, или силою взойдетъ въ судебницу, или ударитъ придверника (подверника), то посадить его въ дыбу и взять шкуру въ пользу князя и подверниковъ, которыхъ было двое: одинъ отъ князя, а другой отъ Пскова. Посадникъ и всякое другое правительственное лицо (властель) не могъ тягаться за друга, могъ тягаться только по своему собственному дѣлу или за церковь, когда былъ церковнымъ старостою. Въ случаѣ тяжбы за церковную землю, на судъ ходили одни старосты, сосѣди не могли идти на помощь.

Какъ въ Двинской, такъ и во Псковской грамотѣ назначаетъ прямо смертную казнь за извѣстные преступленія, напримѣръ: за троекратное воровство, зажигательство и проч.; по въ обихѣ грамотахъ умалчивается о душегубствѣ; казнили ли въ описываемое время за смертоубійство смертію, или слѣдовали уставу сыновей Ярославовыхъ?—этого вопроса мы не можемъ рѣшить; въ жалован-

ной грамотѣ Кириллову монастырю князь Михаилъ Андреевичъ Верейскій говоритъ, что въ случаѣ душегубства въ селахъ монастырскихъ должно отдавать душегубца на поруку, и за тою порукою поставить его передъ нимъ, княземъ, а онъ самъ исправу учинитъ; если же убійцы не будетъ налицо, то брать виры за голову рубль новгородскій; но какъ чинили исправу князь, —мы не знаемъ¹⁾; знаемъ только, что попржему люди, уличенные въ извѣстныхъ преступленіяхъ, становилась собственностію князя: мы видѣли, что князя упоминаютъ о людяхъ, которые имъ въ винѣ достались. Что князь предавали смерти лицъ себѣ противныхъ и въ описываемое время, и прежде,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; если Мономахъ и совѣтуетъ своимъ дѣтямъ не убивать ни праваго, ни виноватаго, то это уже самое показываетъ, что убіеніе случалось; притомъ же число князей не ограничивалось дѣтьми Мономаха. Андрей Боголюбскій казнилъ Кучковича; Всеволодъ III предать смерти враждебнаго ему новгородскаго боярина; говорятъ, что казнь Ивана Вельяминова, по приказанію Дмитрія Донскаго совершенная, была первою публичною смертною казнію; но мы не знаемъ, какъ преданъ былъ смерти Кучковичъ при Андрѣе Боголюбскомъ; форма здѣсь—не главное.

Въ Новгородѣ Великомъ въ 1385 году установлено было слѣдующее: посадникъ и тысящій судятъ свои суды по русскому обычаю, по цѣлованью крестному, причемъ обѣ тяжущіяся стороны берутъ на судъ по два боярина и по два мужа житейскихъ. Судъ иногда отдавался на откупъ: такъ, въ первой, дошедшей до насъ, договорной грамотѣ Новгородцевъ съ княземъ Ярославомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что князь Дмитрій съ Новгородцами отдалъ судъ Бѣжичанамъ и Обонежанамъ на три года; въ 1434 году великокняжій намѣстникъ въ Новгородѣ продалъ обонежскій судъ двумъ лицамъ—Якимъ Гурьеву и Матвѣю Петрову.—Мы видѣли, что во Псковской судной грамотѣ при спорахъ о землевладѣніи четырехъ или пятилѣтняя давность рѣшала дѣло; но въ одной грамотѣ Іоанна III, 1483 года, есть указаніе на законъ великаго князя Василія Дмитріевича, которымъ давность опредѣлена въ 15 лѣтъ²⁾.

Вотъ картина гражданскаго суда, какъ онъ производился въ описываемое время: предъ судью являются двое тяжущихся—одинъ монахъ, Игнатій, митрополичій поселскій, другой—мірянинъ, землевладѣлецъ, Семенъ Терпиловъ. Игнатій началъ: „Жалоба мнѣ, господинъ, на этого Сеньку Терпилова; косилъ онъ у насъ силою другой годъ лугъ митрополичій, а на лугу ставится 200 копенъ сѣна, и лугъ тотъ митрополичій изстаринъ, Спасскаго села“. Судья сказалъ Сенькѣ Терпилову: „Отвѣчай!“ Сенька началъ говорить: „Тотъ лугъ, господинъ, на рѣкѣ на Шекснѣ—земля великаго

¹⁾ Допол. къ акт. истор. I, № 189.

²⁾ Акты Арх. Эксп. I, № 28. —Москвитинъ 1848, № 2.

князя, а тынешь изстари къ моей деревнѣ Доросевской, а кону тотъ лугъ я и сѣно вожу". Судья спросилъ старца Игнатія: „Почему ты называешь этотъ лугъ митрополичьимъ изстари, Спасскаго села?" Игнатій отвѣчалъ: „Лугъ митрополичій изстари; однажды перекошилъ его у насъ Леонтій Васильевъ, и нашъ посельскій съ нимъ судился и вышелъ правъ; и грамота правая у насъ на тотъ лугъ есть, а вотъ, господинъ, съ нея списокъ передъ тобою, подлинная же въ казніи митрополичьей, и я положу ее предъ великимъ княземъ". Судья велѣлъ читать списокъ съ правой грамоты, и читали слѣдующее: „Судилъ судъ судья великой княгини Марѳы, Василій Ушаковъ, по грамотѣ своей государыни, великой княгини. Ставши на землѣ, на лугу на рѣкѣ Шекснѣ, передъ Василиемъ Ушаковымъ, митрополичій посельскій Данило такъ сказалъ: „Жалоба мнѣ, господинъ, на Леонтія Васильева сына; перекошилъ онъ пожно митрополичью, ту, на которой стоимъ". Судья сказалъ Леонтію: „Отвѣчай!" Леонтій началъ: „Я, господинъ, эту пожню косилъ, а межки не вѣдаю; эту пожню заложилъ мнѣ въ деньгахъ Сысой Савеловъ, а вотъ, господинъ, тотъ Сысой передъ тобою". Сысой сталъ говорить: „Эта пожня, господинъ, моя; заложилъ ее Леонтію я, и указалъ я ему косить по тѣ мѣста, которыя Данило называетъ своими; до сихъ поръ мое пожнѣ была межа по эти мѣста. А теперь, господинъ, вели Даниловымъ знахарямъ указать межю; какъ укажутъ,—такъ и будетъ; душа ихъ подниметь, а у меня этой пожнѣ разводныхъ знахарей нѣтъ". Судья спросилъ митрополичьяго посельскаго Данила: „Кто у тебя знахари на эту пожню, на разводныхъ межю?" Данило отвѣчалъ: „Есть у меня, господинъ, старожилыцы, люди добрые, Уваръ да Гавшукъ, да Игнатъ; а вотъ, господинъ, эти знахари стоятъ передъ тобою". Судья обратился къ Увару, да къ Гавшуку, да къ Игнату: „Скажите, братцы, по правдѣ, знаете ли, гдѣ митрополичьей пожнѣ съ Сысоевою межа? поведите насъ по межѣ!" Уваръ, Гавшукъ и Игнатъ отвѣчали: „Знаемъ, господинъ; ступай за нами, мы тебя по межѣ поведемъ". И повели оны изъ подлѣсья отъ березы на насередѣ пожни къ тремъ дубкамъ, да на берегъ по ветлу по виловатую, по самыя рассохи, и тутъ сказала: „По сихъ поръ знаемъ: эта межа митрополичьей пожнѣ съ Сысоевою". Судья спросилъ Сысою: „А у тебя есть ли знахари?" Сысой отвѣчалъ: „Знахарей у меня нѣтъ: ихъ дуна подниметь". Тогда обоимъ истцамъ назначенъ былъ срокъ стать передъ великою княгинею у доклада; посельскій Данило сталъ на срокъ, но Сысой не явился, вельдѣствіе чего Данилку оправдали и пожно присудили къ митрополичьей землѣ, а на судѣ были мужи: староста Арбужевскій Костя, Левъ Софроновъ, Костя Савинъ Дарына, Лева Якимовъ, Сенька Терпиловъ".

Когда прочли правую грамоту, судья спросилъ у Сеньки Терпилова: „Ты написалъ въ этой грамотѣ суднымъ мужемъ; былъ ли такой судъ Леон-

тію Васильеву съ митрополичьимъ посельскимъ Данилкую объ этомъ лугу, и ты былъ ли на судѣ?" Сенька отвѣчалъ: „Былъ такой судъ, и я былъ на немъ въ мужахъ, а все же изстари этотъ лугъ—земля великаго князя моей деревни Доросевской". Судья спросилъ у старца Игнатія: „Кромѣ вашей правой грамоты, есть ли у тебя на этотъ лугъ иной доводъ? Кто знаетъ, что этотъ лугъ митрополичій изстарины, и Сенька Терпиловъ косилъ его два года?" Игнатій отвѣчалъ: „Вѣдомо это людямъ добрымъ, старожилцамъ: Ивану Харламову, да Олферу Уварову, да Малашу Оранику, да Лукѣ Давидову, а вотъ эти старожилыцы, господинъ, передъ тобою". На вопросъ судьи, старожилыцы подтвердили показаніе Игнатія, и сказали: „Поѣзжай, господинъ судья, за нами, и мы отведемъ между этому лугу съ великокняжеской землею". И повели Игнатьевы старожилыцы съ верхняго конца, съ ивоваго куста изъ подлѣсья на голенастый дубъ, на впслый сукъ, къ рѣкѣ Шекснѣ на берегъ, и сказали: „Съ правой стороны земля великокняжеская, а съ лѣвой—лугъ митрополичій". Тогда судья спросилъ у Сеньки Терпилова: „А ты почему зовешь этотъ лугъ великокняжескимъ, кому это у тебя вѣдомо?" Сенька отвѣчалъ: „Вѣдомо добрымъ людямъ, старожилцамъ трехъ волостей, и вотъ, господинъ, эти старожилыцы передъ тобою". На вопросъ судьи, старожилыцы подтвердили показаніе Сеньки, и повели судью также показывать настоящія межки. Но Игнатьевы старожилыцы сказали судѣ: „Эти Сенькины старожилыцы свидѣтельствоуютъ лживо, и отводятъ лугъ митрополичій безмежно. Дай намъ, господинъ, съ нами цѣловатьше: мы цѣлуемъ животворящій крестъ на томъ, что лугъ этотъ изстари митрополичій". Сеньки старожилыцы также сказали: „Цѣлуемъ животворящій крестъ на томъ, что лугъ этотъ великокняжескій изстари". Тогда судья сказалъ, что доложитъ государю, великому князю всея Русіи, передъ которымъ велѣлъ старцу Игнатію положить свою правую грамоту¹⁾.

Отъ описываемаго же времени дошли до насъ разнаго рода юридическіе акты: записи купчія, мѣновыя, данныя, отводныя, возныя, заемныя и закладныя, раздѣльныя, духовныя. Въ купчихъ означается прежде всего лицо покупающее и лицо продающее: „Се купи" такой-то у такого-то. Иногда покупка производится цѣлымъ племенемъ, нѣсколькими братьями, у цѣлаго же племени, которое владѣтъ землею нераздѣльно; такіе братья совладѣльцы называются братениками, сибрами. Иногда покупали землю двое, какъ видно, чужихъ другъ другу людей, и вносили въ купчую условіе, что если одинъ изъ покупателей или дѣтей его захотятъ отказаться отъ своей покупки, то не должны продавать своего участка никому мимо другого покупателя и дѣтей его. Между покупателями видимъ лица духовныя, священниковъ, мо-

¹⁾ Описание Государств. Архива старыхъ дѣлъ, стр. 201.

паховъ; игумены покупаютъ земли для монастыря и собственно для себя. Между продавцами встрѣчаемъ женщинъ замужнихъ, которые продаютъ землю, полученную или въ приданое, но къ ихъ имени присоединяется и мужнее имя: „Се купи такой-то у такой-то и у ея мужа“. Иногда мужъ покупалъ землю у своей жены, у ея зятя и у его жены. Послѣ имени покупателя и продающаго подробно означается предметъ купли и цѣна, за него заплаченная, причемъ обыкновенно къ суммѣ денегъ прибавляется пополюкъ, большую частью какое-нибудь животное, напримѣръ: „И далъ за ту землю три рубля, а свинью пополюка“. Далѣе означается, произведена ли купля на извѣстное число лѣтъ, или на-вѣки; послѣднее условіе выражается словомъ: одеренъ: „А купи себѣ одеренъ и своей братьи“, или: „И своимъ дѣтемъ“. Означается, что земля продана вмѣстѣ съ грамотами на нее, или означается у кого эти грамоты находятся. Если покупаютъ нѣсколько братьевъ, то означается, какому брату владѣть сколькими частями купленной земли. При покупкѣ земли означается ея межи, или говорится просто: „По старымъ межамъ“. Вносятся условіе, что если кто-нибудь станетъ предъявлять свои права на купленную землю, то очищать ее обязанъ продавецъ и его дѣти; въ нѣкоторыхъ грамотахъ встрѣчаемъ условіе, чтобъ покупатель не продавалъ земли никому, кромѣ земца. На каждой грамотѣ видимъ имена нѣсколькихъ свидѣтелей или послуховъ, которые иногда называются просто людьми, бывшими на заводи, т.-е. при опредѣленіи границъ продаваемой земли. Говорится обыкновенно, что у печати стоялъ и землю завелъ самъ продавецъ; но иногда встрѣчаются и другія лица при обоихъ дѣйствіяхъ. Означается также имя писавшаго грамоту—священника, дьякона, дьяка, церковнаго дьяка¹⁾. Въ началѣ купчей Кирилла Вѣлозерскаго сказано, что она совершена съ вѣдома тиуна княжескаго²⁾.—Въ приданныхъ записяхъ означались имена обоихъ родителей, равно какъ имена зятя и дочери; въ концѣ грамоты писались также имена послуховъ и прикладывалась печать, при которой стоялъ отецъ³⁾. Въ раздѣльныхъ грамотахъ дѣлившіеся родственники, напримѣръ дядя съ племянникомъ, уговаривались, что если у одного изъ нихъ не будетъ дѣтей (отрода), или захочетъ онъ свой участокъ промѣнять, продать, приказать кому-нибудь, то онъ не долженъ этого дѣлать мимо другого отдѣливагося родственника. При раздѣлѣ свидѣтелями съ обѣихъ сторонъ были люди добрые; за нарушеніе условій нарушитель въ Новгородѣ обязанъ былъ дать князю и владыкѣ извѣстную сумму денегъ⁴⁾. Въ духовныхъ грамотахъ завѣщатели, имѣя жену, приказываютъ имущество ма-

тери своей и сыновьямъ, отчину и дѣдину, землю и воду, по отцовской грамотѣ и по владѣнью; распоряжаются челядью дерноватою; въ другихъ завѣщаніяхъ имѣніе приказывается женѣ и сыновьямъ; жена, если оставшись вдовою, станетъ сидѣть въ имѣніи мужа, то будетъ господарынею въ этомъ имѣніи; если же выйдетъ замужъ, то беретъ въ надѣлокъ извѣстную сумму денегъ; также беретъ надѣлъ все свое приданое; въ нѣкоторыхъ же завѣщаніяхъ говорится, что въ такомъ случаѣ нѣтъ ей участка ни въ чемъ. Если по смерти завѣщателя родится у него сынъ, то ему равная доля съ старшими братьями; если дочь,—то братья выдаютъ ее замужъ по силѣ. При распоряженіи имуществомъ, иныя земли завѣщатель дѣлитъ между сыновьями, другія оставляетъ имъ въ общее владѣніе. Если завѣщатель оставляетъ малолѣтнихъ сыновей, то до ихъ возраста родственникъ, напримѣръ братъ, ѣздитъ по селамъ и владѣетъ людьми, а хлѣбъ, деньги и дары идутъ матери и сыновьямъ. Въ случаѣ смерти сыновей, завѣщатель отдаетъ половину своего имѣнія брату, а другую половину велитъ продать и вырученное раздать по перьямъ на помяновіе, челядь дерноватую отпустить на волю. Взаключеніе завѣщатель поручаетъ оставляемому семью извѣстнымъ лицамъ, иногда цѣлой улицѣ—въ Новгородѣ⁵⁾. Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ относительно наслѣдства обращались къ власти церковной; такъ, одна вдова обратилась къ митрополиту Киприану съ вопросомъ: то ей дѣлать?—мужъ ея умеръ насильственною смертію, завѣщанія не оставилъ, дѣтей нѣтъ, но есть пріемышъ (примачекъ). Митрополитъ рѣшилъ, что она имѣетъ право владѣть землею, людьми и вѣлмъ имуществомъ мужа своего, помянать душу послѣдняго, дитя свое пріемное кормить, и распорядиться мужнимъ имѣніемъ въ завѣщаніи, какъ захочетъ⁶⁾. Наконецъ отъ описываемаго времени дошли до насъ записи мировыя⁷⁾.

Изъ приведенныхъ памятниковъ мы видимъ, что имущество жены было отдѣльно отъ имущества мужа; жена не могла продать своего приданого безъ согласія мужа, продавали они его вмѣстѣ, причемъ имя жены стоитъ прежде имени мужа. Видимъ, что жена продаетъ свое имѣніе мужу. Мы видѣли, что по „Русской Правдѣ“ за извѣстные преступленія преступниковъ выдавали князю на покотокъ со вѣлмъ семействомъ; безъ сомнѣнія, это правило имѣло силу и въ описываемое время. Но отбѣчала ли жена за долги мужа, за нарушеніе имъ частныхъ правъ? Въ первомъ договорѣ Новгородцевъ съ Нѣмцами положено было, что должникъ неплательщикъ отдается заимодавцу въ рабство со вѣлмъ семействомъ; во второмъ договорѣ эта статья измѣнена такъ: если жена поручалась

¹⁾ Акты юридич. № 71. Не должно забывать, что всѣ ованная формы принадлежатъ купчимъ новгородскимъ.

²⁾ Тамъ же, № 72.

³⁾ Тамъ же, № 110.

⁴⁾ Тамъ же, № 260.

⁵⁾ Тамъ же, № 409. Всѣ эти завѣщанія новгородскія.

⁶⁾ Акты истор. I, № 255.

⁷⁾ Акты юридич. № 357; Записки археологич. общ. т. III, стр. 250; относительно Наперсковской грамоты можно усвоиться на объясненіи Неволіна.

за мужа, то въ случаѣ неплатежа отдавалась въ рабство; если же не поручалась, то оставалась свободною. Но изъ этой статьи договора съ Нѣмцами слѣдуетъ ли заключить, что подобное же правило соблюдалось и внутри Россіи? Не имѣя другихъ доказательствъ, мы считаемъ себя въ правѣ сомнѣваться, ибо въ договорѣ съ Нѣмцами затрогивались особаго рода интересы: важно было ограничить выводъ людей изъ Новгородской области въ чужую сторону, православныхъ — къ иновѣрцамъ. Въ „Русской Правдѣ“, наприм., было положено, что жена и дѣти холопа не выдаются за преступленіе мужа и отца, если они не участвовали въ этомъ преступленіи; но здѣсь дѣло не въ томъ, что они не отвѣчаютъ за преступленіе, ибо въ переходѣ отъ одного господина къ другому для нихъ нѣтъ еще наказанія; здѣсь дѣло въ томъ, что господинъ за преступленіе одного изъ своихъ холопей не долженъ лишаться нѣсколькихъ, слѣд. здѣсь правило устанавливается вслѣдствіе вліянія особаго интереса.

Что касается юридическихъ понятій въ Юго-Западной Литовской Руси, то земскою привилегіею великаго князя Казимира Ягайловича 1457 года постановлено, что никто изъ князей, пановъ и мѣщанъ не казнится смертію и не наказывается по чьему-либо доносу, явному или тайному, или по подозрѣнію, прежде нежели будетъ уличенъ на явномъ судѣ, въ присутствіи обвинителя и обвиняемаго. За чужое преступленіе никто другой, кромѣ преступника, не наказывается, ни жена за преступленіе мужа, ни отецъ за преступленіе сына, и наоборотъ, также никакой другой родственникъ, ни слуга. Иностранцы не могутъ получить должностей и земель въ Литвѣ. — Относительно положенія жены по смерти мужа находимъ такое же распоряженіе, какое мы видѣли въ Псковской судовой грамотѣ и въ новгородскихъ духовныхъ: вдова остается въ имѣніи мужа, пока не выйдетъ замужъ; въ этомъ случаѣ имѣніе переходитъ къ дѣтямъ или родственникамъ покойнаго; если же послѣдній назначилъ женѣ изъ своего имѣнія какое-нибудь вѣно, то оно остается при ней и въ томъ случаѣ, когда она вступитъ во второй бракъ ¹⁾.

Изъ правыхъ грамотъ видимъ, что и на юго-западѣ споры о границахъ владѣній рѣшались такъ же, какъ и на сѣверо-востокѣ: свидѣтельство старцевъ общихъ въ Литовской Руси имѣетъ такое же значеніе, какъ свидѣтельство знахарей, старожильцевъ въ Руси Московской ²⁾. Галицкая купчая 1351 года по формѣ сходна съ купчими въ Сѣверо-Восточной Руси ³⁾.

Относительно народнаго права мы видимъ, что война ведется съ такимъ же характеромъ, какъ и прежде, если еще не съ большею жестокостію. Нижегородцы, взявши плѣнныхъ у Мордвы, затра-

нили ихъ собаками ⁴⁾. Смоленяне, во время похода своего на Литву, младенцевъ сажали на копыя, другихъ вѣшали стремглавъ на жердяхъ, взрослыхъ давили между бревнами и проч. ⁵⁾; ругательства Псковичей надъ плѣнными ратниками Витовтовыми мы отказываемся сообщить нашимъ читателямъ ⁶⁾; во время похода московскихъ войскъ на Улу-Махмета, ратники по дорогѣ грабили и мучили своихъ ⁷⁾ — русскихъ; митрополитъ Іона говорить о Вятчанахъ, что они, во время походовъ своихъ съ Шемякою, много православныхъ перемучили, переморили, иныхъ въ воду пометали, другихъ въ избахъ пожгли, инымъ глаза выжигали, младенцевъ на колы сажали ⁸⁾, взяли плѣнныхъ больше полуторы тысячи и продавали Татарамъ. Военная жестокости слѣдовательно могли доходить до ужасныхъ крайностей; но всегда ли доходили — это вопросъ; можно думать, что приведенные случаи были исключеніями, которые обуславливались особенными обстоятельствами, особеннымъ ожесточеніемъ, и потому заслужили быть упомянутыми въ источникахъ, хотя, съ другой стороны, не имѣемъ права предполагать вообще мягкости въ поступкахъ ратныхъ людей въ землѣ нечуждой.

При заключеніи мира князя Сѣверо-Восточной Руси договариваются возвратить всѣхъ плѣнныхъ и все пограбленное во время войны, съ поручителемъ свести поруку, съ давнишъ присягу свести крестное цѣлованіе, все пограбленное отдается по исправѣ; если же не будетъ исправы, то требующіе возьмутъ по крестному цѣлованью; не возвращается съестное и то, что взято у нечуждаго во время боя. Если, въ продолженіи войны, въ отнятой у нечуждаго землѣ отнявшій князь сажалъ своихъ волостелей, то по заключеніи мира обязывался изслѣдовать ихъ поведеніе — и что взято право, то взять, а что взято криво, то по исправѣ отдать. Иногда встрѣчаемъ условіе, что князья обязываются отыскать, выкупить и возвратить даже тѣхъ плѣнныхъ, которые были запроданы за границу; иногда князья уговариваются не требовать другъ съ друга ничего взятаго во время войны, кромѣ людей, — и тѣхъ безъвзятаго у нихъ имуществомъ: „Что взято въ наше размирье, тому всему погребь“, или: „Тому всему дерть на обѣ стороны.“ Въ случаяхъ столкновенія между подданными двухъ княжествъ былъ общій судъ: „Между нами судить судъ общій людямъ старѣйшимъ“; если общіе судьи не смогутъ рѣшить дѣла, то должны передать его на рѣшеніе третьяго: на кого третій помолвитъ, вповагѣтъ передъ правымъ поклонится и взятое отдастъ; чьи же судьи на третій не пойдутъ, или обвиненный третьимъ не захочетъ исполнить приговора, то правый можетъ силою отнять свое, и это не должно счи-

⁴⁾ Нвкон. IV, 55.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 153.

⁶⁾ Тамъ же, V, стр. 93.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 125.

⁸⁾ Акты истор. I, № 261.

¹⁾ Działynskiego—Zbiór praw Litewskich, 28.

²⁾ Акты, относящ. къ истор. Зап. Россіи, I, № 30, 31.

³⁾ Тамъ же, № 3. Временникъ Москов. истор. обл. кн. 16.

таться нарушеніемъ мира; объ общемъ и третейскомъ судѣ обычное выраженіе: „Обидному суду безъ перевода, а судьямъ нашимъ третій вольный; въ суду общій намъ (князьямъ) не вступаться; судьямъ садиться судить, подѣловавши крестъ, что имъ судить въ правду, по присягѣ“. Иногда впрочемъ третій обозначается именно на лицо; иногда условливаются: „Кто хочеть, тотъ назоветъ три князя христіанскихъ, и изъ этихъ трехъ одного выбираетъ тотъ, на комъ ищуть“; или: „Если судьи наши не смогутъ рѣшить дѣла, то зовутся и а тр е т і й; берутъ себѣ третьяго изъ моихъ бояръ, великокняжескихъ, двухъ бояръ, и изъ тронхъ большаго боярина одного; третьяго назоветъ тотъ, кто ищетъ, а тотъ беретъ, на комъ ищуть; если же не выберутъ себѣ третьяго изъ этихъ тронхъ бояръ, то я имъ третій, князь великій,—пусть придуть передъ меня, я имъ велю выбирать изъ тѣхъ же тронхъ бояръ, и если не захочетъ тотъ, на комъ ищуть, то я его обвишу“. Относительно суда встрѣчаемъ еще слѣдующій уговоръ: „Если случится разбой, или набѣздъ, или воровство изъ твоей отчины на моихъ людей великокняжескихъ, то суда общаго не ждаты, отослать намъ своихъ судей и велѣтъ дать управу безъ перевода; если же ты не дашь мнѣ управы, или судьи твои судомъ переведуть, то я свое отпущу, и это не будетъ считаться нарушеніемъ мира“. Понятно, что условія измѣнялись вслѣдствіе обстоятельствъ, при которыхъ заключался договоръ, вслѣдствіе того, между какими князьями онъ заключался.

Князья условливались вывода и рубежа не замышлять, а кто замыслитъ рубежъ, то рубежника выдавать по изслѣдованію дѣла; выдавать также по изслѣдованію дѣла холопа, рабу, поручника, должника, вора, разбойника, душегубца; кто пріѣдетъ изъ одного княжества въ другое за холопомъ или должникомъ, поймаетъ его самъ безъ пристава, но поставитъ передъ княземъ, намѣстникомъ или волостелемъ,—тотъ не виноватъ; но если выведетъ изъ волости и передъ волостелемъ не поставитъ,—будетъ виноватъ; если холопъ станетъ съ кѣмъ тягаться, но поруки по себѣ не представитъ, то холопа обвинитъ и выдать господарю, причемъ обыкновенно опредѣляется, сколько платить пошлины за одного холопа и за цѣлую семью; опредѣляются также и всѣ другія судныя издержки, которыя обязанъ платить истецъ; если же холопъ или раба не станутъ тягаться, то пошлинъ нѣтъ. Если по должникъ не будетъ поруки, то его обвинитъ. Вора, разбойника, грабежника, душегубца судить тамъ, гдѣ поймаютъ; если же станетъ проситься на изводъ, то пускать. Новгородцы договорились съ Тверью, что если изъ новгородскихъ волостей явится обвиненіе на тверского вора или разбойника, и Тверичи скажутъ, что такого у нихъ нѣтъ, то пусть его не будетъ и послѣ въ тверскихъ волостяхъ; если же явится въ нихъ,—то выдать его безъ суда¹⁾.

На сѣверо-востокѣ мы разъ встрѣчаемъ извѣстіе объ убіеніи посла, отправленнаго отъ одного князя къ другому²⁾. Встрѣчаемъ извѣстіе объ убійствѣ татарскихъ пословъ въ Нижнемъ; въ 1414 году Нѣмцы убили псковскаго посла въ Нейгаузенѣ, Псковичи убили деритскаго. Мы видѣли, что въ войнахъ Псковичей съ Литовцами былъ обычай отдавать плѣнныхъ на поруки.

На юго-западѣ, подъ 1229 годомъ встрѣчаемъ замѣчательное извѣстіе объ условіи, заключенномъ между Конрадомъ Мозавецкимъ и Данииломъ Галицкимъ: если когда-нибудь начнется между ними война, то Полякамъ не воевать русской челяди, а Русскимъ—польской. Потомъ и здѣсь встрѣчаемъ также извѣстіе о возвращеніи плѣнныхъ послѣ войны³⁾. Въ договорѣ Василя Темнаго съ королемъ Казимиромъ находимъ условіе: „А которые люди съ которыхъ мѣсть вышли добровольно, ино тѣмъ людемъ вольнымъ воля, гдѣ хочять, тутъ живуть“. Въ договорахъ великихъ князей литовскихъ съ Новгородомъ и Псковомъ встрѣчаемъ условіе: если великій князь захочетъ начать войну съ Новгородомъ или Псковомъ, то обязанъ прислать разметныя грамоты, и можетъ начать войну только спустя мѣсяцъ послѣ этой присылки. Витовтъ, котораго по справедливости русской лѣтописецъ называетъ не вѣ р н и к о м ъ п р а в д ѣ, чтобъ напастъ врасплохъ на Псковичей, послалъ въ 1406 году разметную грамоту не во Псковъ, а въ Новгородъ, подъ предлогомъ старой зависимости перваго отъ послѣдняго, а самъ вступилъ въ Псковскую область. Для предотвращенія впредь подобнаго коварства, Псковичи, заключая договоръ съ Казимиромъ, обязали его, въ случаѣ разрыва, отсылать разметную грамоту не въ Москву и не въ Новгородъ, но положить ее во Псковѣ. Новгородцы, заключая договоръ съ тѣмъ же Казимиромъ, условились, чтобъ литовскіе послы по Новгородской волости подводу не брали, а новгородскіе по Литовской⁴⁾. Но, какъ видно, между Московскою и Литвою не было условій относительно подданныхъ одного государства, находившихся въ областяхъ другого во время разрыва между ними, ибо подъ 1406 годомъ находимъ извѣстіе, что, при разрывѣ Витовта съ Василемъ Димитріевичемъ, въ Литвѣ перебили Псковичей.

Что касается нравственнаго состоянія вообще на Руси въ описываемое время, то мы уже замѣтили и въ предыдущемъ періодѣ, что тѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ нравы становятся жестче. Понятно, что удаленіе славянскихъ переселенцевъ въ пустыни Сѣверо-Восточной Европы, удаленіе отъ другихъ народовъ христіанскихъ, стоявшихъ съ ними на одинаковой степени гражданственности, и всгупленіе въ постоянное сообщество только съ наро-

46, 47, 48, 49, 50, 52, 67, 76, 80. —Акты Арх. Эксп. I, № 14.

²⁾ Никон. III, 115.

³⁾ П. С. Р. Л. II, 208.

⁴⁾ Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи I, № 39, 40.

¹⁾ С. г. г. в. д. т. I, № 18, 28, 31, 35, 43, 44,

дами, стоявшими на низшей степени, не могли дѣйствовать благоприятно на нравы этихъ переселенцевъ; понятно, если послѣдніе не только остановились въ этомъ отношеніи, но даже пошли назадъ; не забудемъ здѣсь и вліянія самой природы, о которомъ была уже рѣчь прежде. Но кромѣ этихъ, собственно географическихъ причинъ, были еще другія, историческія, которые не могли способствовать смягченію нравовъ. Одна географическая отдаленность главной сцены дѣйствія не могла надолго отнять у русскихъ людей возможность сообщенія съ другими христіанскими народами: мы видимъ, что когда Сѣверо-Восточная Русь образовалась въ одно сильное государство, то, начиная со второй половины XV вѣка, уже является стремленіе къ сообщенію съ другими христіанскими державами; въ продолженіи XVI и XVII вѣка, несмотря на все препятствія, это стремленіе становится все сильнѣе и сильнѣе и, наконецъ, въ XVIII вѣкѣ видимъ вступленіе Россіи въ систему европейскихъ государствъ. Слѣдовательно полное уединеніе Руси въ XIII, XIV и XV вѣкахъ условливалось не географическимъ только отдаленіемъ, но преимущественно тѣмъ, что все вниманіе ея было поглощено внутреннимъ, тяжкимъ, болѣзненнымъ переходомъ отъ одного порядка вещей къ другому. Этого-то болѣзненный переходъ и дѣйствовалъ неблагоприятно на нравы. На югѣ мы видѣли сильныя усобицы; но усобицы эти шли вслѣдствіе споровъ за родовыя права: тотъ или другой князь становился старшимъ, занимая Кіевъ вслѣдствіе своего торжества, — отношенія къ нему младшихъ оставались прежнія; но и тутъ мы замѣчаемъ большую жестокость, большую неразборчивость средствъ у тѣхъ князей, которые, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, были доводимы до крайности, лишались волостей и принуждены были потомъ прибрѣтать ихъ и сохранять мечемъ. На сѣверѣ же, какъ мы видѣли, измѣнилась цѣль усобицъ, долженъ былъ измѣниться и характеръ ихъ: князья показали ясно, что они борются не за старшинство, какъ прежде, но за силу; хотѣя увеличить свои волости, прибрѣтать могущество, и, вслѣдствіе этого могущества, подчинить себѣ всѣхъ остальныхъ князей, лишитъ ихъ владѣній. При такомъ характерѣ борьбы нѣтъ и рѣчи о правахъ и обязанностяхъ: каждый дѣйствуетъ по инстинкту самосохраненія; а гдѣ человекъ дѣйствуетъ только по инстинкту самосохраненія, тамъ не можетъ быть выбора средствъ: сильный пользуется первымъ удобнымъ случаемъ употребить свою силу; слабый прибѣгаетъ къ хитрости, коварству, взаимное довѣріе рушится, сильные начинаютъ прибѣгать къ страшнымъ нравственнымъ обязательнымъ средствамъ въ отношеніи къ слабымъ, но и эти средства оказываются не дѣйствительными; страшныя проклятыя грамоты нарушаются такъ же легко, какъ и обыкновенные договоры; хитрость, двоедушіе слабого получаютъ похвалу, какъ дѣло мудрости: лѣтописецъ хвалитъ князя Тверскаго, который, будучи слабымъ среди

борьбы двухъ сильныхъ, умѣлъ извернуться, не прогнѣвалъ ни князя Московскаго, ни Эдигея. Борьба, доведенная до крайности, усложнилась и средства крайнія: сперва губили соперниковъ въ Ордѣ; но здѣсь могли видѣть еще только слѣдствія судебного приговора, произнесеннаго высшею властію; когда же князья стали управляться другъ съ другомъ независимо отъ всякаго чуждаго вліянія и когда борьба, приходя къ концу, достигла крайняго ожесточенія, является сперва ослѣпленіе, а потомъ и смерть насильственная. Обычай, по которому дружинники свободно переходили отъ одного князя къ другому, обычай, много облегчившій объединеніе Сѣверо-Восточной Руси, съ другой стороны, — вредилъ нравственности; поступокъ Румянца и товарищей его въ Нижнемъ-Новгородѣ конечно не можетъ быть причисленъ къ поступкамъ нравственнымъ. Насилія со стороны сильныхъ, хитрость, коварство, со стороны слабыхъ, недоувѣрчивость, ослабленіе общественныхъ узъ среди всѣхъ: — вотъ необходимыя слѣдствія такого порядка вещей. Нравы грубѣли, привычка руководствоваться инстинктомъ самосохраненія вела къ господству всякаго рода матеріальныхъ побужденій надъ нравственными: грубость нравовъ должна была отражаться на дѣлѣ, на словѣ, на всѣхъ движеніяхъ человека. Въ это время имущества гражданъ прятались въ церкви и монастыряхъ, какъ мѣстахъ наиболѣе, хотя не всегда, безопасныхъ; сокровища нравственныя имѣли нужду также въ безопасныхъ убѣжищахъ — въ пустыняхъ, монастыряхъ, теремахъ; женщина сѣвшила удалиться, или се сѣвшила удалить отъ общества мужчинъ, чтобы волею или неволею удержать въ чистотѣ нравственность, чистоту семейную; не вслѣдствіе византийскаго, или татарскаго, или какого-нибудь другого вліянія явилось затворничество женщинъ въ высшихъ сословіяхъ, но вслѣдствіе извѣстной нравственной экономіи въ народномъ тѣлѣ; подтвержденіе здѣсь сказанному нами найдемъ мы послѣ въ прямыхъ извѣстіяхъ современниковъ-очевидцевъ. Историкъ не рѣшится отвѣчать на вопросъ: что бы стало съ нами въ XIV вѣкѣ безъ церкви, монастыря и терема? Но понятно, что удаленіе женщинъ, бывшее слѣдствіемъ огрубѣнія нравовъ, само, въ свою очередь, могло производить еще большее огрубѣніе.

Но хотя это большое огрубѣніе въ нравахъ очень замѣтно въ описываемое время, однако историкъ не имѣетъ права дѣлать уже слишкомъ рѣзкаго различія между нравами описываемаго времени и нравами предшествовавшей эпохи въ пользу послѣдней. Мы уже имѣли случай замѣтить, что увѣщаніе Мономаха дѣлалъ — не убивать ни праваго, ни виноватаго, нисколько не служить доказательствомъ, чтобъ подобныхъ убійствъ не было въ его время; мы сомнѣваемся, чтобъ торжественная смертная казнь была установлена Димитріемъ Донскимъ, ибо не знаемъ, какъ Андрей Боголюбскій казнилъ Кучковича. Говорятъ, что отъ времени Василія Яросла-

вича до Иоанна Калиты отечество наше походило болѣе на темный лѣсъ, нежели на государство: сила казалась правомъ; кто могъ, грабилъ, не только чужіе, но и свои; не было безопасности ни въ пути, ни дома: татба сдѣлалась общою язвою собственности. Въ доказательство этихъ словъ приводятъ одно извѣстіе лѣтописи, что Иоаннъ Калита прославился уменьшеніемъ разбойничьихъ и воровъ. Хотя въ источникахъ можно отыскать и болѣе указаній относительно разбоевъ, однако, съ одной стороны, мы не скажемъ, чтобъ въ приведенной картинѣ краски не были слишкомъ ярки, а съ другой стороны, — итъ основанія предполагать, чтобъ прежде было много лучше; въ послѣднемъ усомнитесь всякій, кто, напримѣръ, сравнитъ извѣстія о разбояхъ въ польскихъ владѣніяхъ во время Казимира Ягайловича. Говорятъ: легкія денежныя пени могли нѣкогда удерживать нашихъ предковъ отъ воровства; но въ XIV вѣкѣ воровъ клеймили и вѣшали, причѣмъ спрашиваютъ: былъ ли дѣйствителенъ стыдъ гражданскій тамъ, гдѣ человекъ съ клеймомъ вора оставался въ обществѣ? Но мы, въ свою очередь, спросимъ: былъ ли дѣйствителенъ стыдъ гражданскій тамъ, гдѣ воръ, отдѣлавшись легкою пенею, безъ клейма оставался въ обществѣ? Къ описываемому же времени относятъ появленіе тѣлесныхъ наказаній; но мы уже въ „Русской Правдѣ“ встрѣтили извѣстіе о мукахъ или тѣлесныхъ истязаніяхъ, которымъ виновный подвергался по приказанію княжескому; тѣлесныя наказанія существовали вездѣ въ средніе вѣка, но были ограничены извѣстными отношеніями сословными; у насъ же, вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ, такія сословныя отношенія не выработались, откуда и произошло безразличіе касательно тѣлесныхъ наказаній. Но если мы не можемъ допустить излишней яркости нѣкоторыхъ красокъ въ картинѣ нравовъ и рѣзкости въ противоположеніи нравовъ описываемаго времени нравамъ предшествовавшей эпохи, то, съ другой стороны, мы видѣли въ описываемое время причины, которыя должны были вредно дѣйствовать на нравственность народную, измѣнять ее не къ лучшему.

Въ примѣрахъ жестокости наказаній нѣтъ недостатка въ источникахъ; совѣтники молодого князя Василія Александровича подверглись жестокимъ наказаніямъ: у однихъ носъ и уши обрѣзали, у другихъ глаза выкололи, руки отсѣкли ¹⁾. Подъ 1442 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ, что какихъ-то Колударова и Рѣжскаго кнутомъ били; это извѣстіе вставлено въ рассказъ о войнѣ великаго князя Василія съ Шемякою, и потому можно думать, что преступленіе этихъ людей состояло въ доброжелательствѣ послѣднему. Подъ 1444 годомъ говорится, что князь Иванъ Андреевичъ Можайскій схватилъ Андрея Димитріевича Мамона и, вы-

стѣ съ женою, сжегъ въ Можайскѣ; послѣ мы узнаемъ, что эти люди были обвинены въ еретичествѣ. Старое суевѣріе, привычка обвинять въ дѣлахъ общественныхъ бѣдствійхъ сохранялась: Псковичи во время язвы сожгли 12 вѣдмъ. Когда, въ 1462 г., схвачены были дружинники Серпуховскаго князя Василія Ярославича, задумавшіе было освободить своего господаря, то Василій Темный велѣлъ ихъ казнить — бить кнутомъ, отсѣкать руки, рѣзать носы, а нѣкоторымъ отсѣчь головы. — Относительно нравовъ служебныхъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Вятка не была взята по винѣ воеводы Перфушкова, который благоприятствовалъ Вятчанамъ за посылы ²⁾. Соблазнительная исторія о поясѣ, который былъ подмѣненъ на княжеской свадьбѣ первымъ вельможею, не можетъ дать выгоднаго понятія о тогдашней нравственности. — Вспомнимъ о страшномъ поступкѣ послѣдняго Смоленскаго князя Юрія. Лишенный волости, онъ жилъ въ Торжкѣ въ качествѣ намѣстника великокняжескаго. Здѣсь же нашель пріютъ изгнанный съ нимъ вмѣстѣ князь Семень Мстиславичъ Вяземскій. Юрій влюбился въ жену Вяземскаго, Ульяну, и, не находя въ пей взаимности, убилъ ея мужа, чтобъ воспользоваться беззащитнымъ состояніемъ жены; но Ульяна схватила ножъ, не попавши въ горло насильнику, ранила его въ руку и бросилась бѣжать, но Юрій догналъ ее на дворѣ, изрубилъ мечемъ и велѣлъ бросить въ рѣку. Но къ чести тогдашняго общества мы должны привести слова лѣтописца: „И бысть ему въ грѣхъ и въ стыдъ великъ, и съ того побѣже къ Ордѣ, не терпя горькаго своего безвременья, срама и безчестія“. Юрій умеръ въ Рязанской землѣ, гдѣ жилъ у пустынника Петра, плачась о грѣхахъ своихъ. — Мы видѣли, что митрополиты обратили вниманіе на нравственную порчу въ Новгородѣ и Псковѣ, вооружились противъ буйства, сквернословія, разводовъ, суевѣрій, клятвопреступленій. Лѣтописецъ Новгородскій особенно упрекаетъ своихъ согражданъ за грабежи на пожарахъ: отъ лютаго пожара, бывшаго въ 1267 году, многіе разбогатели; описывая пожаръ 1293 года, лѣтописецъ говоритъ: „Злые люди пали на грабежъ; что было въ церквахъ, все разграбили, у Св. Иоанна сторожа убили надѣ имѣніемъ“; подобное же извѣстіе встрѣчаемъ подъ 1311 годомъ, потомъ подъ 1340 и 1342. Лѣтописецъ сильно жалуется также на дурное состояніе правосудія въ Новгородѣ подъ 1446 г. Въ то время, говоритъ онъ, не было въ Новгородѣ правды и праваго суда, встали ябедники, изнарили четы, обѣты и крестныя цѣлованія на неправду, начали грабить по селамъ, волостямъ и по городу, и „были мы въ поруганіе сосѣдямъ нашимъ, сущимъ окрестъ нашъ; были по волости изъѣзды великіе и боры частые, крикъ, рыданіе, вопль и клятва отъ всѣхъ людей на старѣйшинъ нашихъ и на городъ нашъ, потому что не было въ насъ милости и суда праваго.“

¹⁾ Никон. III, 39.

²⁾ П. С. Р. Л. V, 272

Страсть къ вину въ сильной степени выказывается въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ, какъ, напримеръ, въ извѣстіи объ осадѣ Москвы Тохтамышемъ; въ описаніи похода Василія Темнаго противъ дяди Юрія сказано, что великій князь взялъ съ собою изъ Москвы кунцовъ и другихъ людей, которые были пьяны и везли съ собою медъ, чтобъ еще пить. Ссоры, драки, убійства и всякаго рода преступленія, попрежнему, всего чаще происходили на пьяныхъ пирахъ; въ 1453 году великій князь Василій Васильевичъ писалъ своимъ посельскимъ и прикащикамъ: „Говорилъ мнѣ отецъ мой Іона митрополитъ, что ваши люди ѣздятъ въ митрополичьи села по праздникамъ, по пирамъ и по братчинамъ, незваные, и на этихъ пирахъ происходятъ душегубства, воровства и другихъ лихихъ дѣлъ много. И я, князь великій, далъ митрополиту грамоту, что въ его села по праздникамъ, пирамъ и братчинамъ никому незванымъ не ѣздить.“ Чѣмъ далѣе къ сѣверо-востоку, тѣмъ нравы были грубѣе. Изъ посланія митрополита Іоны къ вятскому духовенству узнаемъ, что въ Вяткѣ нѣкоторые брали по пяти, шести, семи и даже до десяти женъ, а священники ихъ благословляли и приношенія отъ нихъ принимали въ церковь; нѣкоторые жили съ женами вовсе безъ вѣнчанія, иные, постригшись въ монахи, разстригались и женились ⁴⁾.

Мы видѣли, что митрополитъ уговаривалъ Новгородцевъ воздерживаться отъ суетвѣрій; въ 1357 г. они утвердились между собою крестнымъ цѣлованіемъ, чтобъ игранія бѣсовскаго не любить, и бочекъ не бить. Но борьбы, кончавшіяся иногда убійствомъ, продолжались повсюду: такъ, въ 1390 году въ Коломнѣ на игрункѣ убитъ былъ Осей, сынъ кормильца или дядьки великаго князя Василія Дмитріевича.

Невыгодное мнѣніе о безопасности общественной мы получаемъ изъ лѣтописныхъ извѣстій объ ушкунничествѣ; извѣстій о разбояхъ, производимыхъ не въ столь обширныхъ размѣрахъ, мы не находимъ въ лѣтописяхъ, но находимъ въ житіяхъ святыхъ. Относительно состоянія общества любовныя приведенныя нами выше извѣстія о судьбѣ митрополичьяго десятичника, погибшаго въ Вышгородѣ, и о Лукѣ Можайскомъ, который, разбогатѣвъ, не сдерживался уже ничѣмъ при удовлетвореніи своихъ желаній.

Грубость нравовъ и приведенныя причины этой грубости должны были задержать также и литературное развитіе. Мы не встрѣчаемъ нигдѣ извѣстій объ образованности князей и вельможъ; о Дмитріи Донскомъ прямо говорится, что онъ не былъ хорошо изученъ книгамъ; о Василіи Темномъ говорится, что онъ былъ ни книженъ, ни грамотепъ ²⁾; учились попрежнему у лицъ духовнаго званія: такъ, въ житіи Св. Іоны Новгородскаго говорится, что

его учили у дьякона со множествомъ другихъ дѣтей. Хотя Исидоръ и отзывался о русскихъ епископахъ, что они не княжны, однако мы должны приписать этотъ отзывъ относительно: грамотность сохранялась въ сословіи духовномъ; книги не могли утратить своего значенія, какъ вмѣстелища религиозныхъ сокровищъ; ученіе книжное не могло не оставаться желанною цѣлью для лучшихъ людей, какъ сообщавшее имъ познаніе вещей божественныхъ, дававшее средства къ религиозному совершенствованію. Книга, слѣдовательно, продолжала считаться сокровищемъ; во время Тохтамышевой осады, въ Москву со всѣхъ сторонъ снесено было множество книгъ; книги усердно переписывались иноками, переводились съ греческаго, составлялись сборники; вмѣстѣ съ книгами духовнаго содержанія переписывались и лѣтописи. Не одно врожденное челоуѣку любопытство и уваженіе къ дѣламъ предковъ давали значеніе лѣтописямъ; онѣ употреблялись какъ доказательства въ княжескихъ спорахъ: мы видѣли, что князь Юрій Дмитріевичъ доказывалъ права свои на старшинство лѣтописями. Обычай записывать современные событія также не прекратился; извѣстія о событіяхъ важныхъ, возбуждавшихъ особенное вниманіе и сочувствіе, записывались съ разными прибавками молвы стоустой, украшались по мѣрѣ силъ и знаній.

Епископы продолжали говорить поученія народу въ церкви: о Кириллѣ, епископѣ Ростовскомъ, говорится, что народъ изъ окрестныхъ городовъ стекался слушать его ученіе отъ св. книгъ, и авторъ этого извѣстія говоритъ о себѣ, что, онъ, стоя въ церкви въ нѣкоторомъ узкомъ и уединенномъ мѣстѣ, записывалъ слова проповѣдника. О Владимірскомъ епископѣ Серапіонѣ и Тверскомъ Симеонѣ говорится, что они были учительны и сильны въ книгахъ божественнаго писанія ³⁾. Подъ 1382 годомъ лѣтописецъ говоритъ о кончинѣ нижегородскаго инокъ Павла Высокаго, который былъ очень книженъ и большой философъ; слово его было солю божественною растворено. До насъ дошло нѣсколько словъ и поученій отъ описываемаго времени. Дошло слово на соборъ Архистратига Михаила, принисываемое митрополиту Кириллу: проповѣдникъ говорить о сотвореніи небесныхъ силъ, ихъ занятій, о паденіи сатаны, о сущности души челоуѣческой, о паденіи перваго челоуѣка, излагается кратко исторія Ветхаго и Новаго Завѣта; послѣ чего проповѣдникъ обращается опять къ ангеламъ, описываетъ служеніе ангеловъ-хранителей, говорить о томъ, что ожидаетъ душу челоуѣка по разлученіи съ тѣломъ, описываются такъ называемыя мытарства, въ числѣ которыхъ помѣщены: срамословіе и иныя безстыдныя слова, пляски на пирахъ, свадь-

³⁾ П. С. Р. Л. I, 195: «Любовному ученью же и тѣмъ дивляся сего честнаго святителя Кирила, со страхомъ и покореніемъ послушая, въ уацѣ мѣстѣ нѣкоемъ и во входѣнѣ (и чтяно; не входѣнѣ) написанья (я чтяю; написанье) себѣ вдахъ, сего перваго словесе дѣтеля написати». Никон. III, 59, 86.

⁴⁾ Акты истор. I, № 261, 267. Акты Арх. Экоп. I, № 50.

²⁾ Лѣтописи XVII вѣка, хранящ. въ Император. публичной библ.

бахъ, вечерахъ, прищахъ на улицахъ, бани, всякія позорныя игры, плесканіе ручное, скаканіе погами, вѣра во встрѣчу, чохъ, полазъ и итичій грай, ворожбу. Затѣмъ слѣдуетъ наставленіе духовенству: „Если вы сохраните всё эти завѣщанія, говоритъ проповѣдникъ, то Бога возвеселите, ангеловъ удивите, молитва ваша услышана будетъ отъ Бога, земля папа облежится отъ иновѣрнаго ига бесерменскаго, милость Божія на всё страны Русской Земли умножится, пагубы и порчи плодамъ и скотамъ перестанутъ, гнѣвъ Божій утолится, народы всей Русской Земли въ тишинѣ и безмолвіи пожыуютъ, и милость Божію получать въ нынѣшнемъ вѣкѣ, особенно же въ будущемъ“. Въ концѣ поученія замѣчательны для насъ слѣдующія слова: „Уже видимо кончина міра приблизилась, и урокъ житію нашему приспѣлъ, и лѣта сокращаются, обыло уже все сказанное Господомъ: возстанетъ бо языкъ на языкъ... Говорятъ, что по прошествіи семи тысячъ лѣтъ пришествіе Христова будетъ ⁴⁾“.

Современникомъ Кирилла былъ Серапіонъ, епископъ Владимірскій, отзывъ о которомъ мы привели уже выше. Серапіонъ былъ поставленъ въ епископы митрополитомъ Кирилломъ изъ архимандритовъ кіевскаго Печерскаго монастыря, слѣдовательно происходилъ изъ Южной Руси. Серапіонъ въ своихъ словахъ также призываетъ къ покаянію, указывая на страшныя бѣдствія, тяготѣющія надъ Русью и возбѣгающія послѣднее время. Особенно замѣчательно изъ словъ его то, гдѣ онъ вооружается противъ упомянутой выше привычки приписывать общественныя бѣдствія вѣдьмамъ и губить ихъ за это: „Я-было короткое время порадовался, дѣти, видя вашу любовь и послушаніе къ нашей худости; я сталъ-было думать, что вы уже утвердились и съ радостію принимаете божественное писаніе. Но вы все еще держитесь поганскаго обычая, волхвованію вѣруете и сожигаете невинныхъ людей. Если кто изъ васъ и самъ не билъ ихъ, но былъ въ сомнѣніи съ другими въ одной мысли, и тотъ такой же убійца: ибо если кто могъ помочь, да не помогъ,—все равно, что самъ велѣлъ убивать. Въ какихъ книгахъ, въ какихъ писаніяхъ вы слышали, что голода бывало на землѣ отъ волхвованія, и, наоборотъ, волхвованіемъ же хлѣбъ умножается? Если вы этому вѣрите, то зачѣмъ же вы пожигаете волхвовъ? Умоляйте, почитайте ихъ, дары имъ приносите, чтобъ устраивали миръ, дождь ниспускали, тепло приводили, землѣ велѣли быть плодоносною. Теперь вотъ уже три года хлѣбъ не родится, не только на Руси, но и въ латинскихъ земляхъ; что-жь?—все эти волхвы надѣлали! Чародѣи и чародѣйки дѣйствуютъ силою бѣсовскою надъ тѣми, кто ихъ боится, а кто вѣру твердую держитъ къ Богу, надъ тѣми они не имѣютъ власти. Скорблю о вашемъ безуміи; умоляю васъ, отступите отъ дѣлъ поганскихъ. Если хотите очистить городъ отъ беззаконныхъ людей, то очищайте,

какъ царь Давидъ очищаль Иерусалимъ: онъ страхомъ Божіимъ судилъ, Духомъ Святымъ прозрѣвалъ. А вы какъ осуждаете на смерть, будучи сами исполнены страстей?—одинъ губить повраждѣ, другой хочетъ прибытка, а иному безумному хочется только побить до пограбить, а за что бьютъ и грабятъ,—того самъ не знаетъ. Правила божественныя повелѣваютъ осуждать человѣка на смерть по выслушаніи многихъ свидѣтелей; а вы въ свидѣтели поставили воду, говорите: если начнетъ тонуть, невинна,—если же поплыветъ,—то вѣдьма. Но развѣ дѣяловіе, видя ваше маловѣріе, не можетъ поддержать ее, чтобы не тонула, и тѣмъ ввести отвѣтъ въ душегубство? Свидѣтельство человѣка отвергаете, а идете къ бездушному естеству, къ водѣ за свидѣтельствомъ“ ²⁾.

Дошли до насъ поученія митрополитовъ Петра, Алексія, Фотія ³⁾. Литовско-русскій митрополитъ Григорій Цамблакъ, изученный, по словамъ лѣтописей, книжной мудрости, оставилъ много проповѣдей. Мы должны обратить вниманіе на поученіе Новгородскаго владыки Симеона Псковичамъ, ибо въ немъ высказываются отношенія новгородскихъ владыкъ къ ихъ наставѣ. „Благородныя и христілюбивыя честныя мужи Псковичи! сами знаете, что кто честь воздастъ свосму святителю, то честь эта самому Христу приходитъ, и воздающій принимаетъ отъ Него мзду сторицею. И вы, дѣти, честь воздайте свосму святителю и отдамъ своимъ духовнымъ со всякимъ покореніемъ и любовію, не пытай отъ нихъ ничего и не говоря вопреки ничего; но смотрите сами на себя, укоряйте и судите сами себя, плачьте о грѣхахъ своихъ, не похищайте чужого, не радуйтеся бѣдамъ братіи своей, не мудрствуйте о себѣ и не гордитесь, но со смиреніемъ повинуйтеся отцамъ своимъ духовнымъ. Церковь Божію не обижайте, въ дѣла церковныя не вступайтесь, не вступайтесь въ земли и воды, въ суды и печать, и во всё пошлите церковныя, потому что великому надобно гнѣва Божія бояться, милость Его призывать, о грѣхахъ своихъ плакаться и чужаго не брать“ ⁴⁾. Къ описываемому времени можно отнести окончательное составленіе краткаго Домостроя, который въ нѣкоторыхъ сборникахъ называется: „Поученіе владыки Матвея Сарайскаго къ дѣтямъ своимъ.“ Это сочиненіе замѣчательно тѣмъ, что въ немъ три раза преподается наставленіе хорошо обращаться съ прислугою. Сначала говорится: „Не морите ихъ голодомъ и паче того, ибо это домашніе нищія: нищія выпросятъ себѣ въ другомъ мѣстѣ, а прислуга въ одни твои руки смотритъ.“ Потомъ снова наставленіе: „Челядь свою милуйте и учите, старыхъ на свободу отпускайте, молодыхъ на добро учите“. Въ заключеніи опять наставленіе: „Челядь свою кормите. Холопа или рабу твою убьютъ

²⁾ Твор. Св. Отцевъ, годъ первый, кн. 1, 2, 3. Тамъ же годъ второй, кн. 1. О Серапіонѣ ср. Шевырева:—Поѣздке въ Кирилл. монастырь, II, стр. 36.

³⁾ Пр. Макарія Исторія Русской церкви, V, 150 и слѣд.

⁴⁾ Никон. V, 72.

на воровствѣ—тебѣ отвѣчать за ихъ кровь.“ Тутъ же совѣтуется не падать жебра на непослушныхъ рабовъ, но не давать однако болѣе 30 ранъ ¹⁾).

Отъ митрополитовъ Кипріана и Фотія дошли до насъ и р о щ а л ь н ы я грамоты. За четыре дня до преставленія своего, митрополитъ Кипріанъ написалъ грамоту, по выраженію лѣтописца, незнаему и странн о л ѣ н и ю, въ которой всѣхъ пропалъ и благословлялъ, и самъ требовалъ отъ всѣхъ прощенія и благословенія, съ приказаніемъ—прочеть эту грамоту во всеуслышаніе, когда тѣло его будетъ класть во гробъ, что и было исполнено. Фотіева грамота подобна Кипріановой, только болѣе распространенная; въ началѣ тамъ, гдѣ митрополитъ говоритъ о своихъ трудахъ и печаляхъ, и въ концѣ,—гдѣ говорится о церковныхъ имуществвахъ ²⁾).

Митрополитъ Кипріанъ написалъ житіе предшественника своего, Св. Петра ³⁾. Вотъ образецъ слога Кипріанова: „Праведницы во вѣки живутъ, и отъ Господа мзда ихъ, и строеніе ихъ отъ Вышняго, и праведникъ аще достигнетъ скончатися, въ локобъ будетъ, и похваляемому праведнику возвеселится люде, занеже праведнымъ подобаетъ похвала. Отъ сихъ убо единъ есть, иже и нынѣ нами похваляемый священноначальникъ, и аще убо никтоже доволенъ нынѣ есть похвалити достойно его по достоинству, но наки несправедно разсудихъ, таковаго святителя вѣнцемъ не украсенъ нѣкакъ оставити, аще и прежде насъ бывини самохотіемъ преминуша, смотрѣніе и се нѣкое Вожіе мню и святого дарованія, яко да и мы малу мзду примемъ, яко же вдовица она, принесша двѣ мѣдницы, тако и азъ убо многима деньми томимъ и привлекаемъ любовію къ истинному пастуху, и хотящу ми убо малое нѣкое похваленіе святителю принести, по свою немощъ смотрящу недостижну ко онаго величествію и удерживаещу, напѣ же доконца оставити и облѣнитись тяжчайше вмѣстнхъ“. Митрополитъ Феодосій описалъ чудо, бывшее у гроба Св. Алексія; онъ начинаеть свой трудъ такъ: „Свѣтло намъ днесь позорище и чудно торжество, и просвѣщено и собрано, днесь радостенъ праздникъ и чудеси исполненъ, праздникъ душевному спасенію потреба есть, иже всякаго ума и слова превосходитъ.... Како ли кто можетъ по достоянію доблести твоя похвалити и многа чудеса, ими же тя Богъ прославилъ? слышана же бысть чудесе твоихъ пучина, отвсюду къ тебѣ различныхъ родовъ человѣци вѣроу влекоми течаху, якоже слени на источники водныя во время распаленія, насладитися твоихъ дарованій; ты бо душевная и тѣлесная чувства свѣтло просвѣщаещи, имѣють бо въ душахъ своихъ слово, отъ сунци къ тебѣ благодати даемое любезнѣ. Азъ смиренный, видя такова, велми удивихся, надѣюще же ми ся помощи святого, и еже ми къ нему вѣрѣ и любви боязни, дерзнухъ простерти смиренного ми тѣлесе руку и омочихъ мою трость въ свѣтлесеяся

смирненіе, и дерзнулъ положити начало, еже написати великое и преславное чудо“. Встрѣчается слово похвальное Св. верховнымъ апостоламъ Петру и Павлу—твореніе Феодосія, архіепископа всея Руси ⁴⁾).

Изъ другихъ писателей житій святыхъ извѣстенъ Троицкій монахъ Епифаній Премудрый, написавній службу, житіе и чудеса Св. Сергія и Никона Радонежскихъ, также житіе Стефана Пермскаго. Былъ ли Епифаній на Афонѣ и въ другихъ православныхъ центрахъ просвѣщенія или нѣтъ, но онъ былъ хорошо знакомъ съ современной ему русской книжною и въ совершенствѣ усвоилъ приемы образцовыхъ произведеній церковнаго витійства на славянскомъ языкѣ, переводныхъ или оригинальныхъ, которыя стали размножаться въ русской письменности съ его времени. По житію Стефана можно составить значительный лексиконъ тѣхъискусственныхъ, чуждыхъ русскому языку по своему грамматическому образованію, словъ, которыя вносила въ книжный языкъ древней Руси южно-славянская письменность. Риторическія фигуры и всевозможныя амплификаціи разбѣяны въ житіи съ утомительнымъ изобиліемъ; авторъ не любитъ разсказывать и размышлять просто, но облакаетъ часто одну и ту же мысль въ нѣсколько тавтологическихъ оборотовъ; для характеристики святаго онъ набираетъ въ одномъ мѣстѣ 20, въ другомъ 25 эпитетовъ, и почти всѣ они разные... Вообще Епифаній въ своемъ твореніи больше проповѣдникъ, чѣмъ біографъ, и въ смѣшеніи житія съ церковнымъ панегирикомъ идетъ гораздо дальше Кипріана. Историческій разсказъ о Стефанѣ въ потокѣ авторскаго витійства является скудными отрывками ⁵⁾.—Чтобъ объяснить себѣ такой характеръ житій, надобно винкутъ въ ихъ происхожденіе, въ побужденія, которыя заставляли писать ихъ. Религіозное чувство требовало отнестись къ святому съ молитвою и прославленіемъ, что выражалось въ службѣ святому; изъ жизни святаго выбирались именно такія черты, которыя особенно возбуждали умиленіе, религіозное чувство, служили къ прославленію угодника Вожія. Церковная нѣсна, канонъ, похвальное слово,—вотъ первоначальная, естественная и необходимая форма извѣстій о жизни святаго, и позднѣйшія житія должны были слагаться подъ влияніемъ этой формы, тѣмъ болѣе что и въ ихъ составителяхъ дѣйствовало то же побужденіе, то же желаніе прославить святаго, принести ему „малое нѣкое похваленіе“. Поэтому въ житіяхъ святыхъ мы и не можемъ найти много чертъ быта и важныхъ теперь для насъ указаній историческихъ. Тѣмъ менѣе можемъ мы искать этого въ сочиненіяхъ писателя приплагаго, для котораго обстановка тогдашней русской жизни была чуждою,—въ сочиненіяхъ знаменитаго книжника, Пахомія Логовета,

⁴⁾ П. С. Р. Л. VI, 325.—Рукоп. библиот. Ундольск. № 297.

⁵⁾ Ключевскаго. Житія святыхъ, какъ историч. источникъ, стр. 93.

¹⁾ Пр. Макарія Истор. Русс. церкви V, 414.

²⁾ Тамъ же, VI, 147; V, 254.

³⁾ Степен. кн. I, 410.

родомъ Серба, который, живя то въ Троицкомъ монастырѣ, то въ Новгородѣ, писалъ житія святыхъ, похвальныя слова и законы, по порученію начальства. Искусствомъ въ книжномъ сложеніи славился также митрополитій дьякъ Родіонъ Кожухъ, изъ сочиненій котораго дошло до насъ сказаніе о чудѣ Св. Варлаама и сказаніе о трусѣ, бывшемъ въ 1460 году. Вотъ образецъ Родіонова искусства: „Прежде взыде подѣ небесы туча на облацѣхъ и вѣмъ зрѣти, яко обычнѣ шествоваше воздухъ носимо, и тако поиде отъ юга совокупляся облаки по аеру воздуха парящаго, по пророческому словеси: собирая яко въ мѣхъ воды морскія и полагаля во скривщахъ бездны, и тако поиде къ востоку солнечному на облацѣхъ, и яко уже совокупивъ свое величество, исполнены водоточнаго естества, и такъ распространися надо многими мѣстами, и бысть видѣніемъ туча грозна и велика велми“¹⁾.

И въ описываемое время сохранился обычай странствовать ко Св. мѣстамъ цареградскимъ, аеонскимъ, палестинскимъ. Такъ дошло до насъ описаніе Цареграда, сочиненное Стефаномъ Новгородцемъ въ половинѣ XIV вѣка²⁾. Вотъ цѣль путешествія Стефана, какъ онъ самъ ее опредѣляетъ въ началѣ своего описанія: „Азъ грѣшный Стефанъ изъ Великаго Новгорода съ своими други осмью приидохомъ въ Царьградъ поклонитися Святымъ мѣстамъ, и цѣловати тѣлеса святыхъ, и помпловани быхомъ отъ Св. Софіи, премудрости Вожіей“. Любопытно видѣть, какъ чудеса искусства и прочность камня поражали русскихъ людей, привыкшихъ къ своимъ бѣднымъ и непрочнымъ зданіямъ; статуя Юстиніанова показалась нашему Новгородцу весьма чудна, „аки живъ, грозно видѣти его... Суть же много и инихъ столповъ по граду стоятъ, отъ камени мрамора, много же на нихъ писанія отъ верха и до долу, писано рытїею великою. Много бо есть дивитися и умъ сказати не можетъ, како бо толико лѣтъ камня того ничто не иметь?“ Видимъ, что русскіе путешественники пользовались въ Константинополѣ особеннымъ вниманіемъ со стороны правительства, гражданскаго и церковнаго; такъ, царевъ бояринъ, видя, что Новгородцы стиснуты въ толпѣ и не могутъ пробраться къ страстямъ Господнимъ, очистилъ имъ дорогу; патриархъ, увидѣвши русскихъ странниковъ, подо звалъ ихъ къ себѣ, благословилъ и разговаривалъ съ ними: „Поисже бо весьма любить Русь. О великое чудо! Колико смиреніе бысть ему, иже бесѣдова съ странники ны грѣшнии: не нашъ бо обычай имѣть“. Описывая монастырь Студійскій, Стефанъ говоритъ, что изъ этого монастыря въ Русь посылали много книгъ: уставы, трїоди. Обходя другіе монастыри, Стефанъ встрѣтилъ двоихъ своихъ Новгородцевъ, Ивана и Добрилу, которые жили въ Константинополѣ, занимающія сиксываніемъ церковныхъ книгъ въ Студійскомъ монастырѣ.

Троицкій монахъ Зосима, странствовавшій по Святымъ мѣстамъ въ 1420 году, такъ говоритъ о побужденіяхъ, заставлявшихъ его описать свое хожденіе: „Поисже глаголетъ писаніе: тайну бо цареву хранити добро есть, а дѣла Божія проповѣдати преславно есть; да еже бо не хранити царевы тайны неправедно и блазнено есть, а еже бо молчати дѣла Божія, ино бѣду наноситъ душѣ своей. Убо и азъ боюся дѣла Божія таити, воспоминаю мучу раба онаго, иже прїимше талантъ Господень и въ землѣ скрывый... Буди же се написаніе вѣмъ намъ причащающимся благословеніе отъ Бога и Святаго гроба, и отъ Святыхъ мѣстъ сихъ; мзду бо многу равну прїимуть съ ходящими до Св. града Іерусалима и видѣвшими святыхъ сіи мѣста. Влажени бо видѣвши и вѣровавши; треблаженіи бо не видѣвши и вѣровавши... Но Бога ради, братіе и отцы и господіе мои, сынове Рустин! Не заррите моему художому и грубости моей; да не будетъ ми въ похуленіе написаніе се. Не меня для, грѣшнаго человека, но святыхъ для мѣстъ прочитайте съ любовію и вѣрою, да мзду прїимите отъ Бога нашего Іисуса Христа“.

Стефанъ Новгородецъ говоритъ, что войдешь въ Царьградъ какъ въ дубраву каковую, и безъ добраго провожатаго ходить нельзя. Наши странники записывали безъ разбора все, что имъ говорили эти провожатые, записывали и о жабѣ, которая, по улицамъ ходя, смертію людей пожирала, а метломъ сами мели; встанутъ люди рано—улицы чисты, и многое тому подобное.

Одинъ изъ спутниковъ митрополита Исидора описалъ путешествіе во Флоренцію. И здѣсь любопытны впечатлѣнія, произведенныя на русскаго человека западными городами и западною природою: „Городъ Юрьевъ (Дерптъ) великъ, каменный, такихъ нѣтъ у насъ; палаты въ немъ чудныя, мы такихъ не видывали и дивились. Городъ Любекъ очень дивенъ, поля, горы вокругъ великія, сады прекрасныя, палаты чудныя съ позолоченными верхами; товара въ немъ много всякаго; воды проведены въ него, текутъ по вѣмъ улицамъ, по трубамъ, а иныя изъ столповъ, студены и сладки“. Въ монастырѣ Любскомъ путешественники видѣли мудрость недоуменную и несказанную: какъ живая стоитъ Пречистая и Спаса держитъ на рукахъ; зазвонитъ колокольчикъ—слетаетъ ангелъ сверху и сносить вѣнецъ, кладетъ ее на Пречистую; потомъ пойдетъ звѣзда какъ по небу, и, глядя на нее, идутъ три волхва, передъ ними человекъ съ мечемъ, за ними другой съ дарами.—Въ Любекѣ же нашъ путешественникъ видѣлъ колесо на рѣкѣ, воду беретъ изъ рѣки и пускаетъ во вѣ стороны, другое колесо тутъ же небольшое, мелетъ и сукна тчетъ. Въ Люнебургѣ поразилъ его фонтанъ: среди города столпы устроены изъ мѣди позолоченой, чудесныя! У каждаго столпа люди приражены тоже мѣдныя, текутъ изъ нихъ вѣхъ воды сладкія и холодныя,—у инаго изо рта, у другаго изъ уха, у третьяго изъ глаза, текутъ шибко, точно

¹⁾ П. С. Р. Л. VI, стр. 182, 320.

²⁾ Сахарова.—Сказ. русск. нар. т. II.

изъ бочекъ; люди эти поятъ водою весь городъ и скотъ, проведенное водою этихъ очень хитро и стеганіе несказанное. Въ Брауншвейгѣ удивили его крыши домовъ: крыты дома досками изъ камня мудренаго, который много лѣтъ не рунится. Нюренбергъ показался хитрѣе въѣхъ прежде видѣнныхъ городовъ: сказать нельзя и недомысленно. Но Флоренція лучше еще Нюренберга: въ ней дѣлаютъ камки и аксамиты съ золотомъ, сукна scarlatinныя, товару всякаго множество и садовъ масляныхъ, гдѣ дѣлаютъ деревянное масло; о колокольницѣ Флорентійской недоумѣваетъ умъ. Въ Венеціи по въѣмъ улицамъ воды, и ѣздятъ на баркахъ; дерковь Св. Марка каменная, столпы въ ней чудные, Гречинъ писалъ мусією. О Хорватахъ путешественникъ замѣтилъ, что языкъ у нихъ съ Русси, а въра латинская. Другой спутникъ Исидора, инокъ Симеонъ Суздальецъ, составилъ описаніе Флорентійскаго собора: „Повѣсть инока Симеона іерея Суздальца, како Римскій папа Евгеній составлялъ осмой соборъ съ своими единомысленники“. Симеонъ не былъ доволенъ поведеніемъ Исидора во Флоренціи; вотъ что онъ говоритъ о своемъ сопротивленіи митрополиту и гошеніяхъ, которыя онъ за то потерпѣлъ отъ послѣдняго: „Исидоръ митрополитъ остался въ Венеціи и пересылался съ папою, да, ходя по божицамъ, приклякалъ (присѣдалъ) по-фряжски, и намъ приказывалъ то же дѣлать; но я много разъ съ нимъ за это спорилъ, и онъ меня держалъ въ большой крѣпости. Тогда я, видя такую неправду и великую ересь, побѣжалъ въ Новгородъ, изъ Новгорода въ Смоленскъ“. — Смоленскій князь выдалъ Симеона Исидору, который посадилъ его въ темницу, въ желѣза, и сидѣлъ онъ всю зиму въ одной свѣткѣ, на-босу-погу, потомъ повезли его изъ Смоленска въ Москву¹⁾.

Продолжали переводить съ греческаго: митрополитъ Кипріанъ перевелъ „Лѣтислицу“ Св. Іоанна и толкованіе на нее; переводили Андрея Критскаго, Златоуста, Преп. Нила, Св. Исаака Сирина, Преп. Максима. Впрочемъ, большая часть переводовъ совершена была не въ Россіи, а на Афонѣ, въ русскомъ Пантелеймоновомъ и сербскомъ Хиландарскомъ монастыряхъ; переводились и сочиненія позднѣйшія, иногда ничтожныя по содержанію²⁾. Подъ 1384 годомъ читаемъ въ лѣтописи: того же года передано было слово Святаго и премудраго Георгія Писиды — Похвала Богу о сотвореніи всякой твари. Это поэма „Міротвореніе“ Георгія Писиды, митрополита Никомидійскаго, писателя VII вѣка: переводникомъ былъ Дмитрій Зоографъ³⁾. Отъ XIV вѣка дошелъ до насъ списокъ „Пчелы“, сборника, или антологіи, составленной по извѣстнымъ греческимъ антологіямъ Максима Исповѣдника и Антонія Мелитсы (Пчелы); антологіи эти обыкновенно начинаются выписками изъ Евангелія, Апостола, Твореній Св. Отцевъ, и вслѣдъ за ними идутъ вы-

держки изъ писателей языческихъ — Исократа, Демокрита, Ксенофонта, Платона и др.⁴⁾. Изъ Болгаріи и Сербіи перешли въ Русь и сочиненія апокрифическія, разнаго рода повѣсти, особенно привлекательныя для людей, стоящихъ на той степени образованія, на какой стояли Русскіе люди въ описываемое время⁵⁾. Разказы новгородскихъ путешественниковъ погали поведы и къ Русскому оригинальному сочиненію подобнаго рода; многие Новгородцы разказывали, что видѣли на дышущемъ морѣ червь пусысаную, слышали скрежетъ зубной, видѣли рѣку молниенную Моргъ, видѣли, какъ вода входитъ въ преисподнюю и опять выходитъ трижды въ день. Судно Новгородца Моислава прибило бурей къ высокимъ горамъ, и вотъ путешественники увидали на горѣ деисусъ, написанъ лазоремъ чуднымъ, и свѣтъ былъ на томъ мѣстѣ самосіянный, такой, что человекъ и разказать нельзя, солнца не видать, а между тѣмъ свѣтло, свѣтлѣе солнца, на горахъ слышались ликованія, веселые голоса; одинъ Новгородецъ взбѣжалъ на гору, всплеснулъ руками, засмѣялся и скрылся отъ товарищей, то же сдѣлалъ и другой; третьему привязали веревку къ ногѣ, и когда стащили его насильно съ горы, то онъ оказался мертвъ. Эти разказы, вмѣстѣ съ извѣстіями, почерпнутыми изъ другихъ, также мутныхъ источниковъ, заставили Новгородскаго архіепископа Василія писать къ Тверскому епископу Теодору посланіе о раѣ⁶⁾.

Сказанія о Китоврасѣ и т. п. переписывались, а въ богослужбныхъ книгахъ ощущался недостатокъ; въ житіи Св. Дмитрія Прилупскаго говорится, что братія жаловалась ему на недостатокъ книгъ; во Псковѣ не было настоящаго церковнаго правила; митрополитъ Кипріанъ посылалъ туда уставъ службы Златоустаго и Василія, чинъ крещенія и вѣчанія; въ сински вкрадывались различныя искаженія: тотъ же митрополитъ Кипріанъ писалъ, что въ толстыхъ сельскихъ сборникахъ много ложнаго, посянаго еретиками на соблазнъ невѣждамъ, наприм. молитвы о трясавицахъ⁷⁾.

Что касается литературы свѣтской, то до насъ дошли отъ описываемаго времени историческія пѣсни, сказанія и лѣтописи. Изъ первыхъ дошла пѣсня о Щелканѣ Дуденъевичѣ, замѣчательная по взгляду на Татаръ и на поведеніе ханскихъ баскаковъ въ Руси. Ханъ Узбекъ, творящій судъ и расправу, изображается такъ: „Сидитъ тутъ Азвѣкъ — суды разуживаетъ и ряды разряживаетъ, костьюлемъ размахиваетъ по бритымъ тѣмъ усамъ, по татарскимъ тѣмъ головамъ“. Узбекъ жалуется своихъ родственковъ русскими городами, не жалуется одного Щелкана, потому что тотъ находится въ отсутствіи, въ Землѣ Литовской, гдѣ „бралъ онъ дани, невыходы,

⁴⁾ Извѣст. Импер. Акад. Наукъ по отд. Русск. яз. т. II, л. 14, статья Сухомлинова о Пчелахъ.

⁵⁾ Исторія Русск. церк. пер. II, стр. 63.

⁶⁾ П. С. Р. Л. VI, 87.

⁷⁾ Истор. Русск. церк. пер. II, стр. 98. Макарьевскія Минеи, февраль.

¹⁾ Сборникъ библ. гр. Уварова, 408.

²⁾ Истор. Русск. Церк. пер. II, стр. 62.

³⁾ Словарь духов. писат. I, стр. 113.

царскіе невыплаты, съ князей бралъ по сту рублевъ, съ бояръ по пятидесяти, съ крестьянъ по пяти рублевъ,—у котораго денегъ нѣтъ, у того дитя возьмешь, у котораго дитя нѣтъ,—у того жену возьмешь, у котораго жены-то нѣтъ,—того самого головой возьмешь“. Возвратившись въ Орду, Щелканъ проситъ Узбека пожаловать его Тверью старую, Тверью богатую; Узбекъ соглашается, но съ условіемъ, чтобъ Щелканъ прежде закололъ любимаго своего сына, нацѣдилъ чашу горячей крови и выпилъ бы ее. Щелканъ исполняетъ условіе и прѣзжаетъ въ Тверь судью. „А немного оупъ судьей сидѣлъ: и вдовы-то безчестити, красны дѣвцы позорити, надо всѣми наругаться, надъ домами насмѣхаться“ Тверичи принесли жалобу своимъ князьямъ, которые называются братьями Ворисовичами, и потомъ пошли съ поклономъ и подарками къ Щелкану: тотъ загордился, повздорилъ съ Тверичами, которые и растерзали его ¹⁾.

Содержаніе украшенныхъ сказаній составляютъ подвиги самыхъ знаменитыхъ князей, самыя важныя событія въ жизни народной, счастливыя или бѣдственныя, накопецъ событія, особенно поразившія воображеніе современниковъ какими-нибудь чудесными обстоятельствами. Если прежде содержаніемъ историческихъ пѣсенъ и словъ служили подвиги князей и богатырей противъ Печенѣговъ и Половцевъ, то мы должны ожидать, что въ описываемое время это содержаніе будетъ заимствовано изъ борьбы съ Татарами, смѣнившими Половцевъ; на западъ, для Новгорода и Пскова шла также опасная борьба со Шведами, ливонскими Нѣмцами и Литвою; въ этой борьбѣ прославились два князя—Александръ Новгородскій и Довмонтъ Псковской, и вотъ мы видимъ, что подвиги ихъ служатъ предметомъ особенныхъ украшенныхъ сказаній.

Сочинитель сказанія о великомъ князѣ Александрѣ былъ современникъ и приближенный членъ къ своему герою: самъ Александръ разсказывалъ ему о подробностяхъ Невской битвы. Мы уже воспользовались прежде этими подробностями; теперь же приведемъ начало сказанія въ образецъ слога: „О велицѣмъ князѣ нашемъ Александрѣ Ярославичѣ, о умномъ и кроткомъ и смысленомъ, о храбромъ, тезоименитомъ царя Александра Македонскаго, подобникѣ царю Алевкису (Ахиллѣсу) крѣпкому и храброму, сиде бысть повѣсть о немъ. О Господѣ Возѣ нашемъ, азъ худый и грѣшный и малосмысленный покушаюся написати житіе Святаго и великаго князя Александра Ярославича, внука великаго князя Всеволода. Понеже слышахомъ отъ отецъ своихъ, и самовидецъ емь възраста его, и радъ быхъ исповѣдалъ святое и честное житіе его славное; но яко же Приточникъ рече: въ злочитру душу не видеть мудрость... Аще грубъ емь умомъ, но молитвою Св. Богородице и поспѣшеніемъ Св. великаго князя Александра на-

чатокъ положю. Сей бѣ князь Великій Александръ Богомъ роженъ отъ отца боголюбива и мужелюба, паче и кротка, великаго князя Ярослава Всеволодовича и отъ матери Святыя великия княгини Теодосіи. Яко же рече Исая пророкъ: тако глаголетъ Господь: князи азъ учиню, священни бо суть, азъ вожу я въ истину; безъ Божія повелѣнія не бѣ княженіе его. И взрасть его паче плѣнхъ членовѣкъ, гласъ его яко труба въ народѣ, лице же его бѣ яко Иосифа Прекраснаго, сила же его бѣ вторая часть отъ силъ Самсона; и далъ ему бѣ Богъ премудрость Соломону, храбрость же яко царя римскаго Еуспасьяна“.—Сказаніе о благовѣрномъ князѣ Довмонтѣ и о храбрости его отличается большею простотою.

Къ борьбѣ Новгорода со Шведами относится также любопытный литературный памятникъ—Рукописаніе Магнуса, короля свѣйскаго. Мы видѣли, что Шведскій король, Магнусъ Ериксонъ, предпринималъ крестовый походъ противъ Новгорода; походъ этотъ, грозившій сначала большою опасностію Новгородцамъ, не удался; въ отечествѣ Магнуса ждали бѣдствія: сначала онъ долженъ былъ вести войну съ родными сыновьями, потомъ былъ свергнутъ съ престола вельможами, которые провозгласили королемъ племянника его отъ сестры, Альбрехта Осекленбургскаго; Магнусъ былъ взятъ въ плѣнъ, освобожденъ только черезъ пять лѣтъ и кончилъ жизнь въ Норвегін, въ 1374 году. Эти извѣстія о плачевной судьбѣ короля, который грозилъ такою опасностію православію, были причиною появленія въ Новгородѣ „Магнусена рукописанія“, которое начинается обыкновенною формою русскихъ завѣщаній: „Я, Магнусъ, король Шведскій, нареченный во Св. крещеніи Григорій, отходя отъ свѣта сего, пишу рукописанье при своемъ животѣ и приказываю своимъ дѣтямъ, своей братьѣ и всей Землѣ Шведской: не наступайте на Русь на крестномъ цѣлованіи, потому что намъ не удается“. Слѣдуетъ исчисленіе неудачныхъ шведскихъ походовъ на Русь, отъ Виргерова до Магнусова. „Послѣ похода моего, продолжастъ Магнусъ, нашла на нашу Землю Шведскую погибель, потопъ, морь, голодъ и междоусобная брань; у меня самого отнялъ Богъ умъ, и сидѣлъ я цѣльный годъ задѣланъ въ полатѣ, прикованъ на цѣпи; потомъ прѣхалъ сынъ мой изъ Мурманской (Норвежской) Земли, вынулъ меня изъ полаты и повезъ въ свою Землю Мурманскую. Но на дорогѣ опять поднялась буря, потопила корабли и людей моихъ, самого меня вѣтеръ носилъ три дня и три noci, наконецъ принесъ подъ монастырь Св. Спаса въ Полную рѣку; здѣсь монахи сняли меня съ доски, внесли въ монастырь, постригли въ чернецы и схиму, послѣ чего живу я три дня и три noci; а все это меня Богъ казнить за мое высокоуміе, что наступалъ на Русь вопреки крестному цѣлованію. Теперь приказываю своимъ дѣтямъ и братьямъ: не наступайте на Русь на крестномъ цѣлованіи; а кто наступитъ, на того Богъ и

¹⁾ Древ. Росс. стихотвор. стр. 31.

огонь, и вода, которыми я быть казнень; а все это сотворилъ мнѣ Богъ къ моему спасенію“¹⁾.

Сказанія, относящіяся къ борьбѣ съ Татарамъ, начинаются рязанскимъ сказаніемъ о Батыевѣ нашествіи. Заслышавъ приходъ безбожнаго царя Батыя, великій князь Рязанскій Юрій Игоревичъ посылалъ за своими родственниками, за княземъ Олегомъ Игоревичемъ Краснымъ, Давыдомъ Игоревичемъ Муромскимъ, за сыномъ своимъ, княземъ Оедоромъ Юрьевичемъ, за Пронскимъ княземъ Всеволодомъ и за прочими князьями мѣстными, боярами воеводами. Князья рѣшили на совѣтѣ послать князя Оедора Юрьевича съ дарамъ къ Батыю, чтобы не воевалъ Рязанской Земли. Князь Оедоръ отправился и былъ принятъ ласково Батыемъ; но тутъ одинъ вельможа рязанскій шепнулъ хану, что у Оедора жена красавица; Татаринъ сталъ добиваться, чтобы Оедоръ показалъ ему жену свою, но тотъ отвѣчалъ: „Когда насъ одолѣешь, то и женами нашими владѣть будешь“. Батый велѣлъ убить Оедора; жена его Ввпраксія стояла вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ на прывесныхъ хоромахъ, когда одинъ изъ дядекъ Оедоровыхъ явился къ ней съ вѣстію о гибели мужа; услышавъ эту вѣсть, княгиня вмѣстѣ съ сыномъ бросилась съ хоромъ на землю и убилась до смерти. Тогда князь Юрій выступилъ съ братьями противъ Татаръ, и произошла сѣча злая и ужасная: одинъ бился съ тысячами, двое со тысяи. Первый палъ князь Давидъ Игоревичъ; тогда князь Юрій вскричалъ въ горести души своей: „Братія моя милая, дружина ласковая, узорочье и воспитаніе рязанское! мужайтесь и крѣпитесь!“ Удальцы и рѣзвцы рязанскіе бились крѣпко и нещадно, такъ что земля стопала, наконецъ сильныя полки татарскіе одолѣли, князья всѣ были перебиты, кромѣ одного Олега Игоревича, который попался въ плѣнъ, бранью отвѣчалъ на убъжденія Батыя отатариться, и былъ разсѣченъ на части; Рязань взята, вся Земля Рязанская опустошена. Тогда является вельможа рязанскій, Ипатій Коловратъ, бывший все это время въ Черниговѣ, гдѣ бралъ дань на великаго князя Рязанскаго (?). Ипатій собралъ 1,700 человекъ дружины и нечаянно ударилъ на Татаръ, которыхъ началъ сѣчь безъ милости. Батый испугался; когда привели къ нему пятерыхъ плѣнныхъ, то онъ спросилъ ихъ: „Какой вы вѣры, изъ какой Земли? зачѣмъ мнѣ такъ много зла надѣлали?“ Плѣнники отвѣчали: „Мы вѣры христіанской, рабы великаго князя Георгія Игоревича, изъ полку Ипатія Коловрата, посланы отъ князя Игоря Игоревича Рязанскаго тебя, сильнаго царя, почтить и честно проводить; не сердись, государь, что не успѣваемъ чашъ наливать на великую силу татарскую“. Батый подивился отвѣту ихъ мудрому и послалъ шурина своего, Тавруля, на Ипатія съ полками сильными. Тавруль позвадилса, что приведетъ Ипатія живаго, но вмѣсто того самъ былъ разсѣченъ пополамъ

Ипатіемъ. Тогда Татары навели на этого крѣпкаго исполна множество саней съ парядомъ (?), и тутъ едва одолѣли. Когда трушъ Ипатія принесли къ Батыю, то хашъ сказалъ: „Пу, братъ Ипатій! гораздо ты меня потчивалъ, съ малой дружиною многихъ богатѣрей побилъ; если бы ты у меня такую службу служилъ, то держалъ бы я тебя противъ своего сердца“. Князь Игорь Игоревичъ былъ въ это время въ Черниговѣ, у тамошняго князя Михаила Всеволодовича. Возвратясь въ родную Землю, онъ началъ хоронить трупы, и такъ плакалъ надъ побитою братьею: „Возои горькимъ гласомъ, вельми ревыи, слезы отъ очію изпушаючи яко струю силну, утробю располаючи, въ перси руками быючи и гласомъ же яко труба рати повѣдающимъ, яко органъ сладко вѣшающе. И рече сице: почто не промолвите ко мнѣ двѣте мои, и прекраснн виногради мои шпогоплоднн уже не подасте сладосте души моея; кому приказываете мя, солнце мое драгое рано заходящія, мѣсяць мой красноп скоропогибшии, звѣзды восточны почто рано зашли есте“, и проч.²⁾

Составилось сказаніе и о смерти Батыя. Батый вошелъ въ Венгрію, и осадилъ городъ Варадинъ, стоящій среди Земли Венгерской; около этого города мало простыхъ деревьевъ, но все деревья виноградныя. Среди города стоялъ столпъ высокой каменный, на столпѣ укрывался король Властавъ, или Владиславъ, король Венграмъ, Чехамъ и Шымцамъ и всему поморью. Были Венгры прежде въ православнн, потому что принялъ крещеніе отъ Грековъ; но не успѣли на своемъ языкѣ грамоты сложить, и сосѣдніе Римляне присоединили ихъ къ своей ериси. И король Владиславъ повиновался Римской церкви до тѣхъ поръ, пока не пришелъ къ нему Св. Савва, архіепископъ Сербскій, который обратилъ его къ греческому закону; но Владиславъ исповѣдывалъ этотъ законъ тайно, боясь возстанія отъ Венгровъ. И вотъ, когда Батый осадилъ Варадинъ, Владиславъ не спилъ, не бѣлъ, все молилъ Христа Бога, да предложитъ гнѣвъ на милость. Однажды онъ увидѣлъ со столпа, что сестра его бѣжала къ нему въ городъ, но была перехвачена Татарамн и отведена къ Батыю. Съ тѣхъ поръ Владиславъ началъ еще усерднѣе молиться: слезы текли изъ глазъ его какъ быстрыны рѣчнны, и гдѣ надали на мраморъ, проходили насквозь, такъ что и теперь видны скважины на мраморахъ. И вотъ является къ нему какой-то человекъ, свѣтлый и страшный, и говоритъ ему: „Ради слезъ твоихъ даетъ тебѣ Богъ побѣду надъ Батыемъ; ступай сейчасъ же на него.“ Вѣстникъ исчезъ, но у башни стоялъ конь осѣдланный, ни кѣмъ не держимый, и на конѣ сѣпра. Владиславъ немедленно сѣлъ на коня, взялъ сѣкиру въ руки, и повелъ дружину свою на станъ Батыевъ, а у Батыя тогда было мало войска, потому что всѣ Татары его разошлись въ загоны. Нагсудившіеся въ станѣ Та-

¹⁾ П. С. Р. Л. V, 227.—На островѣ Балаамѣ въ Преображенскомъ монастырѣ показываютъ могилу Магнуса. Камаж. IV, прим. 348.

²⁾ Временникъ Москов. Истор. Общ. кн. 15, 1852.

тары побѣждали предъ Владиславомъ; побѣждали и самъ Батый съ сестрою королевскою, но были настигнуты Владиславомъ, который самъ сразился съ нимъ. Королевна стала помогать Батыю; тогда Владиславъ воззвалъ къ Богу о помощи, одолѣлъ Батыя, и убилъ его вмѣстѣ съ сестрою своею. Венгры расположились въ станѣ Батыевомъ и хвотали Татаръ, возвращавшихся изъ загоновъ: добычу отнимали, самихъ предавали смерти; но кто хотѣлъ креститься, тѣхъ оставляли въ живыхъ. И на память послѣдному роду воздвигнуто было на городомъ столпъ изваяніе: сидитъ король Владиславъ на конѣ, въ рукахъ держитъ сѣкиру, которою убилъ Батыя и сестру свою ¹⁾. Въ основѣ сказанія лежитъ истинное происшествіе—пораженіе Татаръ при осадѣ Ольмюда чешскимъ воеводою Ярославомъ Штернбергскимъ; и по чешскому поэтическому преданію отъ руки Ярослава погибъ въ битвѣ сынъ хана Кублая. Нѣтъ сомнѣнія, что сказаніе это составилось на югѣ и принесено къ намъ на сѣверъ извѣстнымъ Сербомъ, Пахоміемъ Логоетомъ ²⁾.

Великое событіе, которымъ началось освобожденіе Сѣверо-Восточной Руси отъ Татаръ—Куликовская битва—не могла остаться безъ особеннаго описанія. И, дѣйствительно, составилось первоначальное сказаніе, вполне сходное по характеру своему съ сказаніемъ объ Александрѣ Невскомъ, пропикнутое религиознымъ чувствомъ, вслѣдствіе чего приводятся въ полнотѣ молитвы, которыя произноситъ главное дѣйствующее лицо, помѣщены благодѣтельные разсужденія и восклицанія самого писателя; при описаніи самого дѣла нѣтъ подозрительныхъ подробностей. Въ такомъ видѣ первоначальное сказаніе внесено въ нѣкоторыя лѣтописи ³⁾; оно начинается такъ: „Приде Ордынскій князь Мамай съ единомышленниками своими, и съ всею прочими князьями ордынскими, и съ всею силою татарскою и половецкою, и еще къ тому рати понаимовавъ, Бесермены, и Армены, и Фрязи, Черкасы, и Ясы, и Вуртасы; также съ Мамаемъ купилъ въ единомысли въ единой думѣ и литовскій Ягайлъ со всею силою литовскою и лятскою,

¹⁾ Никон. III, 27.

²⁾ Краledвор. рукоп. Ярославъ.—Догоднѣ моя относительно Пахомія основывается во-первыхъ на томъ, что сказаніе о смерти Батыя находится въ житіи Св. Михаила Черниговскаго, написаннаго Пахоміемъ (житіе это указалъ мѣст. г. Удольскій въ своей бібліотекѣ). «Твореніе іеромонаха Пахомія св. горы». Начало: «Что реку или что возглаголю; № 300). Во-вторыхъ, преданіе о Саввѣ Сербскомъ указываетъ на Серба или Сербію. Въ житіи ярославскихъ князей Василія и Константина (новѣсть сложена многорѣшнымъ рабомъ Пахоміемъ, рукоп. библ. Удоль. № 144, а.) говорится, что Батый стоялъ подъ Ярославлемъ 2 года и 6 мѣсяцевъ, ища отца своего: «бѣше бо той окошный царь Батый родомъ града Ярославля, отъ веси Череможскія и дошедъ отца своего, въ лѣто 6745 взять бысть градъ Ярославль». Изъ Россіи Батый пошелъ въ Болгарскую землю, и Богъ охрабрилъ на него короля Владислава, нѣ сразился съ которымъ Батый былъ убитъ. (Это другой Пахомій, русскій).

³⁾ И. С. Р. Л. 75; VI, 90.

съ нимъ же въ одиночествѣ Олегъ Ивановичъ, князь Рязанскій, со всеми своими свѣтниками поиде на великаго князя Дмитрея Ивановича и на брата его Володимера Андреевича. Но хотя человеклоубивный Богъ сласти и свободити родъ крестьянскій, молитвами Пречистыя Его Матере, отъ работы измаилтескїи, отъ поганаго Мамаѣ, и отъ соима нечестиваго Ягайла, и отъ велорѣчиваго и худаго Олга Рязаньскаго, не снабдѣвшаго своего крестьянства; и придетъ ему день великій Госнодень въ судъ аду. Окаянный же Мамай разгордѣвся мнѣвъ себе аки царя, начатъ злый свѣтъ творити, темныя своя князи поганая звати; и рече имъ: поидемъ на русскаго князя и на всю силу русскую, якоже при Батыи было, крестьянство потеряемъ, и церкви Божїи поналимъ, и кровь ихъ прольемъ, и законы ихъ погубимъ, сего ради нечестивый людіи гнѣвавшесе о своихъ друзѣхъ и любовницѣхъ о князѣхъ избѣвшихъ на рѣдѣ на Вождѣ.“ Вотъ описаніе самой битвы: „Сступившася обои силы великыя на долгъ часъ вмѣстѣ, и покрывша поле полты, яко на десяти версты отъ множества вой: и бысть сѣча велика и брань крѣпка, и трусь великъ зѣло, яко отъ начала міру не бывала сѣча такова великымъ княземъ русьскимъ. Виоцимъ же ся имъ отъ шестаго часа до девятого, и проліяся кровь аки дождевая туча обонихъ, и крестьянъ и Татаръ, и множество много безчислено падоша труши мертвыхъ обонихъ... И рече къ себѣ Мамай: власи нани растерзаются, очи нани не могутъ огненныхъ слезъ испущати, языци нани связуются, гортани пересыхаютъ, сердце растаевасть, и челеса ми протерзаются“ и проч.

Но событіе было такъ велико, такъ сильно всѣхъ занимало, что однимъ сказаніемъ не могли ограничиться. О подобныхъ событіяхъ обыкновенно обращается въ народѣ много разныхъ подробностей, вѣрныхъ и невѣрныхъ; подробности вѣрныя, съ теченіемъ времени, переходя изъ усть въ уста, искажаются, перемѣшиваются имена лицъ, порядокъ событій; но такъ какъ важность событія не уменьшается, то является потребность собрать все эти подробности и составить изъ нихъ новое украшенное сказаніе; при переписываніи его вносятся новыя подробности. Это втораго рода сказаніе отличается отъ перваго преимущественно большими подробностями, вѣроятными, подозрительными, явно невѣрными. Но до насъ дошелъ еще третій родъ сказанія о Куликовской битвѣ— „Словоо великому князѣ Дмитрѣ Ивановичѣ и о братѣ его князѣ Владимѣрѣ Андреевичѣ, яко побѣдили супостата своего царя Мамаѣ“ ⁴⁾, написанное явно по подражанію древнему южно-русскому произведенію, „Слову о Полку Игоревѣ“ ⁵⁾. Авторъ этого „Слова о Дмитрѣ“ говоритъ, что онъ написалъ же а л о с т ь и п о х в а л у великому князю Димитрію Іоанновичу

⁴⁾ Времен. Москво. Истор. Общ., кн. 14.

⁵⁾ Въ нѣкоторыхъ спискахъ пространнаго сказанія видно знакомство съ этимъ третьимъ сказаніемъ, или словомъ.

и брату его, чѣмъ выражаетъ взглядъ современниковъ на Куликовскую битву, представляющуюся имъ съ одной стороны событіемъ славнымъ, съ другой—бѣдственнымъ, влѣдствіе страшнаго урона убитыми съ русской стороны. Въ краткомъ сказаніи вовсе не говорится о пораженіи русскихъ полковъ вначалѣ; но его словамъ, битва произошла съ одинакимъ успѣхомъ для той и другой стороны: „Много Руси биено отъ Татаръ, и отъ Руси Татаръ, и паде трунъ на трунѣ, а видѣ видѣти Русичъ за Татариномъ гонителя, а Татаринъ Русина състигаше. Мнози же небывалыи Москвичи устрашишася и живота отчаяшася, а иные сыны Агарини на побѣгъ возвратишася отъ клича великаго и зря злаго убійства“. Послѣ этого авторъ извѣщаетъ о пораженіи Татаръ, не приводя никакой земной причины, склонившей побѣду на сторону Русскихъ, указывая только на одну небесную помощь: „По сихъ же въ 9 часть дни, призрѣ Господь милостивыи очима на великаго князя Дмитрія Ивановича и на всѣ князи Русьскыя, и на крѣпкія воеводы и на всѣ христіяны, и не устрашишася христіяне, дерзнуша яко велиции ратници. Видѣша вѣрніи, яко въ 9 часть бующеса, ангели помогающе христіяномъ, и Свѣ. мученикъ полки, и воина великаго Христова Георгія, и славнаго Дмитрія, и великихъ князей тезоименитыхъ Бориса и Глѣба, въ нихъ же бѣ воевода свершеннаго полка небесныхъ силъ великій Архистратигъ Михаилъ; видѣша поганіи полци двои воеводы, тресолнечныи полки и пламенныи ихъ стрѣлы, яке падутъ на нихъ; безбожніи же Татарове отъ страха Божіа и отъ оружія христіанскаго падаху. Вяесе Богъ десницею великаго князя Дмитрія Ивановича на побѣду иноплеменикъ. Безбожний же Мамай со страхомъ вострепетавъ“ и проч. Въ пространномъ сказаніи говорится, что Татары вездѣ одолѣли; но что тутъ внезапный ударъ изъ зазавы свѣжихъ силъ, подѣ начальствомъ князя Владимира Андреевича и воеводы Волицкаго, рѣшилъ дѣло въ пользу Русскихъ. Наконецъ въ третьемъ, по преимуществу поэтическомъ словѣ, говорится также о пораженіи Русскихъ вначалѣ, почему и первая часть сочиненія является какъ жалоба: „На томъ полѣ сильныи тучи ступишася, а изъ нихъ часто сіяли молныи и загремѣли грома велиции; то ти ступишася русскіе удалцы съ погаными Татарамъ за свою великую обиду, а въ нихъ сіяли сильныи досѣхи злаченыи, а гремѣли князи русскіи мечыи булатныи о шеломи хиновскіи. А билися изъ утра до полудни въ субботу на Рождество Св. Богородицы. Не тури возгремѣли у Дунаю великаго на полѣ Куликовѣ, и не тури побѣждены у Дунаю великаго; но посѣчени князи рускіе и бояры и воеводы великаго князя Дмитрея Ивановича, побѣждены князи Вѣлозеретин отъ поганыхъ Татаръ, Оедоръ Семеновичъ, да Семелъ Михайловичъ, да Тимошей Валуевичъ, да Андрей Серкизовичъ, да Михайло Ивановичъ и иная многая дружина Пересѣфта черница, брянскаго боя-

рина, на суженое мѣсто привели. Восплакашася всѣ княгини и боярыни и вси воеводскіе жены о избіенныхъ“... Послѣ этого плача женъ авторъ переходитъ къ похваляѣ, къ побѣдѣ, и здѣсь, согласно съ пространнымъ сказаніемъ, выставляетъ князя Владимира Андреевича, который увѣщаетъ брата, великаго князя, наступать на Татаръ; тотъ двигается—и побѣда одержана: „Того же дни въ субботу на Рождество Св. Богородицы исѣкша христіана поганые полки на полѣ Куликовѣ, на рѣкѣ Напрядѣ; и юкнувъ князь великій Владимиръ Андреевичъ гораздо, и скакаше въ полцѣхъ поганыхъ въ татарскыхъ, а злаченнымъ тыгъ шеломамъ посвѣчиваетъ, а скакаше со всѣмъ своимъ войскомъ, и загремѣли мечыи булатныи о шеломи хиновскіи. И восхвалитъ брата своего великаго князя Дмитрея Ивановича: свои полки понужай... уже бо поганые Татары поля постунаютъ, а храбрую дружину у насъ истеряли, а въ трупи чловѣчьи борзакони не могутъ скоčiti, а въ крови по колѣна бродятъ, а уже бо, брате, жалостно видѣти кровь крестьянская. И ки. вел. Дмитрей Ивановичъ рече своимъ боярамъ: братія бояра и воеводы и дѣти боярскіе, то ти ваши московскіе сладкіе меды и великіе мѣста ¹⁾, туто добудете себѣ мѣста и своимъ женамъ, туто, брате, стару помолодѣтъ, а молодому чести добыть. И рече ки. вел. Дмитрей Ивановичъ: Господи Боже мой! па Тя уповахъ да не постыжуся въ вѣкъ, ни да посмѣютъся враги моя; и помолися Богу и Пречистой Его Матери и всѣмъ святымъ Его, и прослезися горько, и утерѣ слезы. И тогда аки соколы борзо полетѣли. И поскакиваетъ князь вел. Дмитрей Ивановичъ“ и пр.

Таковы источники, которыми долженъ пользоваться историкъ при описаніи Куликовской битвы. Въ какое время составились эти сказанія, мы не знаемъ; на одномъ списокѣ пространнаго сказанія означено, что оно составлено Рязанцемъ Іеремь Софроніемъ ²⁾; въ одной лѣтописи ³⁾ онъ названъ Софоніемъ Рязанцемъ, брянскимъ бояриномъ; авторъ поэтическаго слова поминаетъ Рязанца Софонія, какъ своего предшественника въ сочиненіи похвалъ великаго князя Дмитрія.

Нашествіе Тохтамыша на Москву послужило также предметомъ особаго сказанія: „О Московскомъ взятіи отъ царя Тахтамыша и о плѣненіи Земли Русьскыя“ ⁴⁾. Это сказаніе носитъ такой же характеръ, какъ и краткое сказаніе о Куликовской битвѣ, но отличается отъ него большею простотою и обстоятельностью разсказа. Извѣстія о Тамерлановомъ нашествіи вошли въ „Повѣсть преславнаго чудесе отъ иконы Пречистыя Богородицы, еже нарицается Владимирская“ ⁵⁾. Здѣсь говорится о Тамерланѣ, что онъ родился между зайицкими Татарамъ, въ Самаркандской странѣ, былъ простой,

¹⁾ Любопытное указаніе на мѣстничество.

²⁾ Карамз. V, прим. 65.

³⁾ Въ такъ-пав. Тверской.

⁴⁾ П. С. Р. Л. VI, 98.

⁵⁾ Никон. IV, 258.

бѣдный человѣкъ, ремесломъ кузнецъ, правомъ хищникъ, ябедникъ и воръ. Въ молодости укралъ онъ овцу, хозяинъ которой переломилъ ему за это ногу и бѣдру; но Тамерланъ оковалъ себѣ ногу желѣзомъ, отъ чего и былъ прозванъ желѣзнымъ хромцемъ, Темиръ-Аксакомъ. Къ выходу изъ русскихъ владѣній побудилъ его сонъ, въ которомъ явилась ему на воздухѣ жена въ багряныхъ ризахъ, воспрещавшая ему идти далѣе на Русскую Землю. Особое сказаніе о битвѣ Русскихъ подъ Рязанью съ Татарами внесено въ лѣтопись подъ заглавіемъ Повѣсти о Мустафѣ царевичѣ ¹⁾. Битва на Вореклѣ послужила предметомъ также особаго сказанія ²⁾.

Если столкновения съ Татарами вообще, и битва Куликовская въ особенности, возбуждали сильное вниманіе народа, вслѣдствіе чего являлись разнаго рода сказанія о нихъ, то не удивительно, что жизнь того князя, который впервые вывелъ русскіе полки противъ Татаръ и побѣдилъ, стала предметомъ украшеннаго сказанія. Въ этомъ сказаніи: О житіи и преставленіи великаго князя Дмитрія Ивановича Царя Русьскаго ³⁾, мы не должны искать подробныхъ извѣстій о подвигахъ Донскаго; сказаніе это есть не иное что, какъ похвальное слово, касающееся почти исключительно нравственной стороны. Авторъ начинаетъ съ происхожденія своего героя, потомъ говоритъ о его душевныхъ качествахъ, которыми онъ отличался въ молодости, когда принялъ правленіе: „Еще же младшій возрастомъ, и о духовныхъ прилежа дѣлесѣхъ, и пустошныхъ бесѣдъ не творяше, и срамныхъ глаголь не любяше, злонравныхъ человѣкъ отвращаеши, а съ благими всегда бесѣдоваше, божественныхъ писаній всегда со умиленіемъ послушаше, о церквахъ Божіихъ велми печашеся, а стражбу Земли Русьския мужествомъ своимъ держаше, злобо отроча обрѣташеся, а умомъ свершенъ всегда бываше, и мнози враги, встающа на ны, побѣди, и славный градъ свой Москву стѣнами чюдными огради, и во всемъ мѣрѣ славеи бысть, яко кедръ въ Ливанѣ умножися и яко финикъ въ древесѣхъ процвѣте“. — Далѣе говорится о женитбѣ Дмитрія, послѣ чего слѣдуютъ извѣстія о двухъ побѣдахъ надъ Татарами, при Вождѣ и на Куликовѣ полѣ. Походъ Мамаю авторъ приписываетъ зависти людей, окрестъ живущихъ, къ Дмитрію; говоритъ, что лукавые совѣтники, которые христіанскую вѣру держатъ, а поганскія дѣла творятъ, начали внушать Мамаю: „Великій князь Дмитрій Московскій называетъ себя царемъ Русской Земли, онъ чести тебѣ славою, и противится твоему царству“. Мамай объявилъ своимъ вельможамъ, что идетъ на Русь съ тѣмъ, чтобъ ввести туда магометанскую вѣру вмѣсто христіанской. Куликовская битва описывается кратко въ общихъ выраженіяхъ. Упомянувши о побѣдахъ Вожекой и Куликовской, авторъ обращается опять къ нравственнымъ до-

стоинствамъ Дмитрія, которыя выставляетъ съ тою цѣлію, чтобъ царь и князя научились подражать ему. Описавши дѣломудріе, воздержаніе, благочестіе Дмитрія, авторъ переходитъ къ описанію его кончины, говоритъ объ увѣщаніяхъ его сыновьямъ, боярамъ, о распредѣленіи волостей между сыновьями. Описываетъ плачъ великаго княгини Евдокии, которая такъ причитала: „Почто не промовиши ко мнѣ, цвѣте мой прекрасный? что рано увядаеши? винограде многоплодный, уже не подеси плода сердцу моему и сладости души моеи; солнце мое, рано заходши; мѣсяцъ мой прекрасный, рано погыбаеши; звѣздо восточная, почто къ западу грядеши?“ и проч. Описавши погребеніе великаго князя, авторъ продолжаетъ: „О страшно чудо, братіе, и дива исполнено; о трепетное видѣніе и ужасъ обдержаше! Слыши небо и внуши земле! Како въспишу или како възглаголю о преставленіи сего великаго князя? отъ горести души языкъ связаетъся, уста загражаются, гортань премолкаетъ, смѣхъ измѣняется, зракъ оупустываетъ, крѣпость изнѣмаетъ; аще ли премолчу нудить мя языкъ яснѣе рещи“. Слово оканчивается обычнымъ прославленіемъ героя, въ видѣ уподобленія его другимъ знаменитымъ лицамъ священной и гражданской исторіи; это прославленіе оканчивается также извѣстнымъ образомъ: „Похваляете бо царя Константина Греческая Земля, Володимера Кіевская со окрестными грады; тебѣ же, великій князь Дмитрій Ивановичъ, вся Русьская Земля“. — Надобно замѣтить, что это похвальное слово есть самое блестящее литературное произведеніе, какое только дошло до насъ отъ описываемаго времени.

По образцу похвальнаго слова Дмитрію Донскому составлена повѣсть о житіи соперника его, Михаила Александровича Тверскаго; только написана эта повѣсть гораздо проще. Въ одной лѣтописи сказано, что она составлена по приказанію князя Бориса Тверскаго ⁴⁾.

Уже выше было сказано о характерѣ лѣтописи Сѣверной, и собственно Сѣверо-Восточной, о различіи ея отъ лѣтописи Южной. Тяжеле становится для историка его трудъ въ XIII и XIV вѣкѣ, когда онъ остается съ одною Сѣвѣрою лѣтописью; появленіе грамотъ, число которыхъ все болѣе и болѣе увеличивается, даетъ ему новый, богатый матеріалъ, но все не восполняетъ того, о чемъ молчать лѣтописи, — а лѣтописи молчатъ о самомъ главномъ: — о причинахъ событій, не даютъ видѣть связи явленій. Нѣтъ болѣе живой, драматической формы разсказа, къ какой историкъ привыкъ въ Южной лѣтописи; въ Сѣверной лѣтописи дѣйствующія лица дѣйствуютъ молча; воюють, мирятся, но ни сами не скажутъ, ни лѣтописецъ отъ себя не прибавитъ, за что они воюють, вслѣдствіе чего мирятся; въ городѣ, на дворѣ княжескомъ ничего не слышно, — все тихо; все сидятъ запершиши и ду-

¹⁾ Никон. V, 192. П. С. Р. Д. IV, 103.

²⁾ П. С. Р. Д. т. IV, стр. 104.

³⁾ Никон. VI, 285; такъ-наз. Тверская, стр. 167.

⁴⁾ Лѣтописецъ Переяславля-Суздальскаго изданъ К. М. Оболенскимъ, Москва, 1851.

мають думу про себя; отворяются двери, выходятъ люди на сцену, дѣлають что-нибудь, но дѣлають молча. Конечно, здѣсь выражается характеръ эпохи, характеръ цѣлаго народонаселенія, котораго дѣйствующія лица являются представителями; лѣтописецъ не могъ выдумывать рѣчей, которыхъ онъ не слышалъ; но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что самъ лѣтописецъ не разговорчивъ, ибо въ его характерѣ отражается также характеръ эпохи, характеръ цѣлаго народонаселенія; какъ современникъ, онъ знаетъ подробности любопытнаго явленія, и однако записалъ только, что „много вѣчто нестроеніе бысть“:

До сихъ поръ, называя Сѣверную лѣтопись общимъ именемъ Суздальской, мы рассматривали ее въ противоположности съ Южною лѣтописью вообще. Но, рассматривая Южную лѣтопись, мы замѣтили, что въ позднѣйшихъ сборникахъ она слагается изъ разныхъ мѣстныхъ лѣтописей — Киевской, Волынской, Черниговской, или Сѣверской. Теперь, приступая къ подробнѣйшему рассмотрѣнію Сѣверной лѣтописи, мы должны рѣшить вопросъ: не повторяется ли и здѣсь то же самое явленіе? Взглянемъ на извѣстія о сѣверныхъ событіяхъ по Лаврентьевскому списку лѣтописи. Мы уже видѣли, что въ разсказѣ о убіеніи Андрея Боголюбскаго находится ясное свидѣтельство, что разсказъ этотъ написанъ при Всеволодѣ III и въ его владѣніяхъ; въ разсказѣ о событіяхъ по смерти Боголюбскаго, въ словахъ: „Не хотящихъ намъ добра, завистью граду сему“ — обозначается лѣтописецъ, именно Владимірскій; подлѣ 1180 и 1185 годами находимъ тѣ же признаки. Потому мы замѣчаемъ особенную привязанность лѣтописца къ старшему сыну Всеволода III, Константину; эта особенная привязанность видна изъ разсказа о томъ, какъ этотъ князь отправился въ Новгородъ, о томъ, какъ онъ возвратился изъ Новгорода, о встрѣчѣ его съ отцомъ въ Москвѣ; видна — изъ умолчанія о поведеніи Константина передъ смертію отцовскою. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ изумляетъ сперва умолчаніе о подробностяхъ вражды между Всеволодовичами, о Липицкой битвѣ; но если предположить, что лѣтопись составлена приверженцемъ Константина, но послѣ его смерти, когда, влѣдствіе новыхъ отношеній, въ интересахъ самихъ дѣтей Константиновыхъ, не нужно было напоминать ядѣ ихъ Юрію о Липицкой битвѣ, то мы поймемъ смыслъ этого краткаго извѣстія о враждѣ Всеволодовичей, этого старанія указать преимущественно на великую любовь, которая послѣ того начала господствовать между братьями. Подробности о предсмертныхъ распоряженіяхъ Константина, пространная похвала ему, упоминаніе, что въ 1221 году погорѣлъ городъ Ярославль, но дворъ княжій остался цѣлъ молитвою добраго Константина, — утверждаютъ насъ именно въ томъ предположеніи, что лѣтопись продолжала писаться и по смерти Константина его приверженцемъ, который поселился теперь въ Ростовѣ, у старшаго сына Константинова;

самое выраженіе, подлѣ 1227 годомъ, въ разсказѣ о посвященіи епископа Владимірскаго Митрофана. „приключися мнѣ грѣшному ту быти“ — это выраженіе, указывающее на случайное въ то время пребываніе лѣтописца во Владимірѣ, заставляетъ насъ также думать, что постоянно онъ жилъ въ Ростовѣ. Описаніе посвященія Ростовскаго епископа Кирилла, встрѣчи ему въ Ростовѣ, похвала ему, наконецъ свидѣтельство, что авторъ разсказа самъ записывалъ проповѣди Кирилловы, убѣждаютъ насъ окончательно въ томъ, что мы имѣемъ дѣло съ ростовскимъ лѣтописцемъ, т.-е. живущимъ въ Ростовѣ. Въ извѣстіи о нашествіи Батгя ростовскаго же лѣтописца обличаютъ подробности о кончинѣ Ростовскаго князя Василька Константиновича, похвала этому князю, особенно же слова, что бояре, служившіе доброму Васильку, не могли уже послѣ служить никакому другому князю: такъ онъ былъ добръ до своихъ слугъ. Признакъ ростовскаго лѣтописца можно видѣть и подлѣ 1260 годомъ, въ извѣстіи о пріѣздѣ Александра Невскаго въ Ростовъ; также подлѣ 1261 годомъ — въ извѣстіи о епископѣ Кириллѣ и объ архимандритѣ Игнатіи. Какъ извѣстія этого лѣтописца относятся къ указаннымъ прежде извѣстіямъ владимірскаго лѣтописца, — опредѣлить съ точностію нельзя; очень быть можетъ, что одинъ и тотъ же лѣтописецъ, который жилъ сперва во Владимірѣ при Всеволодѣ III, былъ въ числѣ приближенныхъ людей къ старшему сыну его, Константину, и переселился вмѣстѣ съ нимъ въ Ростовъ.

Но въ то же самое время, какъ мы замѣчаемъ слѣды этого ростовскаго, или владимірско-ростовскаго лѣтописца, приверженца Константинова, въ лѣтописномъ сборникѣ, носящемъ названіе Лаврентьевской лѣтописи, — въ другомъ сборникѣ, при описаніи тѣхъ же самыхъ событій, замѣчаемъ явные слѣды Переяславскаго лѣтописца. Въ сказаніи о смерти Андрея Боголюбскаго, тамъ, гдѣ упомянутый выше лѣтописецъ проситъ Андрея, чтобы тотъ молился за брата своего Всеволода, лѣтописецъ Переяславскій говоритъ: „Молися помилovati князя нашего и господина Ярослава, своего же приснаго и благороднаго сыновца, и дай же ему на противныя (любѣду), и многа лѣта съ княжатию, и прижитіе дѣтій благородныхъ.“ Последнія слова одѣтъхъ повели къ правильному заключенію, что они написаны въ то время, когда Ярославъ Всеволодовичъ былъ еще молодъ и княжилъ въ Переяславлѣ. Потому, при описаніи событій, послѣдовавшихъ на сѣверѣ за смертію Андрея, вездѣ тамъ, гдѣ Владимірскій лѣтописецъ говоритъ объ однихъ Владимірцахъ, Переяславскій прибавляетъ Переяславцевъ. Важное значеніе получаютъ для насъ извѣстія Переяславскаго лѣтописца съ 1213 года, когда онъ начинаетъ излагать подробности борьбы между Константиновичемъ Ростовскимъ и его младшими братьями, подробности, на мѣренно умолченныя лѣтописцемъ Владимірско-Ростовскимъ. Къ сожалѣнію, мы не долго пользуемся

этими подробными извѣстіями, ибо они прекращаются на 1214 году. Такимъ образомъ, мы лишены описанія Липицкой битвы, которое было бы составлено приверженцемъ Ярослава Всеволодовича и, слѣдовательно, союзника его—Юрія; мы видѣли, что приверженецъ Константина намѣренно смолчалъ о ней; то же описаніе Липицкой битвы, которое находимъ въ извѣстныхъ лѣтописяхъ, отзывается новгородскимъ составленіемъ.

Мы видѣли важнѣйшія прибавки, которыя находятся у Переяславскаго лѣтописца противъ Владиміреко-Ростовскаго въ Лаврентьевскомъ сборникѣ. Большая часть извѣстій буквально сходны; но есть разности и даже противорѣчія. Рѣзкое противорѣчіе находится въ разсказѣ о борьбѣ Всеволода III съ Рязанью подъ 1208 годомъ: въ Лаврентьевскомъ и другихъ спискахъ говорится, что Всеволодъ, взявъ Пронскъ, посадилъ здѣсь княземъ Олега Владиміровича, одного изъ рязанскихъ князей; а у Переяславскаго лѣтописца говорится, что Всеволодъ посадилъ въ Пронскѣ Давида, Муромскаго князя, и что въ слѣдующемъ году Олегъ, Глѣбъ, Изяславъ Владиміровичи и князь Михаилъ Всеволодовичъ, рязанскіе, приходили къ Пронску на Давида, говоря: „Развѣ ему отчина Пронскъ, а не намъ?“ Давидъ послалъ имъ сказать: „Братья! я бы самъ не набился на Пронскъ,—посадилъ меня въ немъ Всеволодъ, а теперь городъ вашъ, я иду въ свою волюсть“. Въ Пронскѣ сѣлъ Киръ-Михаилъ, Олегъ же Владиміровичъ умеръ въ Вѣлгородѣ въ томъ же году. Изъ двухъ противорѣчивыхъ извѣстій въ нашемъ разсказѣ ⁴⁾ помѣщено то, которое находится въ большемъ числѣ списковъ; но не знаемъ, едва ли не справедливѣе будетъ предпочесть извѣстіе Переяславскаго лѣтописца, ибо трудно предположить, чтобъ извѣстіе о приходѣ рязанскихъ князей къ Пронску на Давида было выдуманно. Подъ тѣмъ же 1208 годомъ у Переяславскаго лѣтописца находится новое любопытное извѣстіе, что Всеволодъ III посылалъ воеводу своего Степана Здюловича къ Серенску, и городъ былъ пожженъ. Посылка эта очень вѣроятна, какъ месть Всеволода черниговскимъ князьямъ за изгнаніе сына его, Ярослава, изъ Переяславля южнаго.

Мы сказали, что въ большей части извѣстій лѣтописцы Владиміреко-Ростовскій и Переяславскій буквально сходны. Но трудно предположить, чтобъ они не были современниками, чтобъ не составляли своихъ лѣтописей одновременно, и потому трудно предположить, чтобъ одинъ списывалъ у другого, прибавляя кой-что свое. Гораздо легче предположить, что такъ-называемая Переяславская лѣтопись, по самому составу своему, есть позднѣйшій сборникъ, составитель котораго, относительно событій конца XII и начала XIII вѣка, пользовался обѣими лѣтописями, и Переяславскою, и Владиміреко-Ростовскою, написанными первоначально безо всякаго отношенія другъ къ другу. Можно даже найти

слѣдъ, какъ позднѣйшій составитель, черпая извѣстія изъ двухъ различныхъ лѣтописей, сбивался иногда ихъ показаніями: такъ, послѣ описанія торжества князя Михаила Юрьевича и Владиміреца надъ Ростиславичами и Ростовцами, лѣтописецъ Владимірекій говоритъ: „И бысть радость велика въ Володимерѣ градѣ, видяще у себе великаго князя всея Ростовскыя Земли“. Въ лѣтописи Переяславской безъ сомнѣнія въ томъ же самомъ мѣстѣ говорилось о посаженіи Михаила брата Всеволода въ Переяславѣ и о радости Переяславцевъ по этому случаю, и вотъ позднѣйшій составитель, смѣшавшись въ этихъ двухъ извѣстіяхъ, захотѣлъ къ извѣстію Владимірекаго лѣтописца прибавить собственное имя князя, находившееся въ Переяславской лѣтописи, и написалъ: „Бысть радость велика въ градѣ Володимирѣ, видяще у себе великаго Всеволода всея Ростовскыя Земля“. Итакъ мы думаемъ, что въ „Лѣтописцѣ Русскихъ царей“, который въ печати названъ „Лѣтописцемъ Переяславля Сузальскаго“, находятся извѣстія, взятые изъ Переяславской лѣтописи XIII вѣка; но отсюда еще никакъ не слѣдуетъ, чтобъ весь этотъ сборникъ, въ томъ видѣ, въ какомъ дошелъ до насъ, былъ составленъ Переяславскимъ лѣтописцемъ, жившимъ въ XIII вѣкѣ.

Съ 1285 года, по Лаврентьевскому списку, нельзя не замѣтить слѣдовъ Тверскаго лѣтописца: тверскія событія на первомъ планѣ, о Тверскомъ князѣ Михаилѣ разсказывается въ подробности. 1305 годомъ оканчивается Лаврентьевскій списокъ, такъ важный для насъ по своей относительной древности: любопытенъ онъ и по точному указанію—когда, кѣмъ и для чего онъ написанъ. Указанія эти находятся въ слѣдующей приписи: „Радуется купецъ прикупъ створивъ, и кормчій въ отише приставъ, и странникъ въ отчество свое пришедъ; также радуется и книжный писатель, дошедъ конца книгамъ, также и азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ Божій Лаврентей мнихъ. Началъ есмь писати книги сія, глаголемый лѣтописецъ, мѣсяца генваря въ 14, на память Святыхъ отецъ нашихъ авдаѣ, въ Синаи и въ Радфѣ священныхъ, князю великому Димитрію Константиновичю, а по благословенію священнаго епископа Діонисія, и кончалъ есмь мѣсяца марта въ 20, на память Святыхъ отецъ нашихъ, иже въ монастыри Святаго Савы избвенныхъ отъ Срацинь, въ лѣто 6885 (1377), при благовѣрнемъ и христоролюбивѣмъ князѣ великомъ Димитріи Константиновичи, и при епископѣ нашемъ христоролюбивомъ священномъ Діонисѣ суждальскомъ и повгородьскомъ и городскомъ. И нынѣ, господа отци и братья, оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, зате несправливая Бога дѣла, а не клените, занеже книги ветшаны, а умъ молодъ не дошелъ; слышите Павла апостола глаголюща: не клените, но благословите. А со всіми нами хрестьяны Христосъ Богъ нашъ, Сынь Бога живаго, Ему же слава и держава и честь и поклоняние со Отцемъ и со Пресвятымъ Духомъ и нынѣ и присно въ вѣкы.

⁴⁾ Т. II, стр. 568.

ампн⁴. Такимъ образомъ, Лавреній, составляя лѣтошесъ свою въ 1377 году, долженъ былъ окончить ее 1305 годомъ; значитъ, при всѣхъ средствахъ своихъ, пиша для князя, не нашель описанія любопытныхъ событій отъ начала борьбы между Москвою и Тверью.

Въ Никоновскомъ сборникѣ и во второй половинѣ XIII вѣка видны слѣды Ростовскаго лѣтописца, который подробнѣе всего рассказываетъ о князьяхъ ростовскихъ, ихъ поѣздкахъ въ Орду, женитьбахъ, характерахъ, усобицахъ. Съ девятидесяти годовъ XIII вѣка замѣтны и здѣсь слѣды Тверскаго лѣтописца. Въ извѣстияхъ о первой борьбѣ между Москвою и Тверью трудно распознать, какому мѣстному лѣтописцу принадлежатъ они; но съ 1345 года подлѣ Московскаго лѣтописца мы видимъ опять явственные слѣды Тверскаго въ подробностяхъ усобицы между потомками Михаила Ярославича, и эти подробности продолжаются до двадцатыхъ годовъ XV вѣка. Но когда подробныя извѣстия о тверскихъ событїяхъ прекращаются въ Никоновскомъ сборникѣ, любопытныя извѣстия объ отношенїяхъ тверскихъ князей къ московскимъ, въ княженіе Ивана Михайловича, находимъ въ такъ называемой Тверской лѣтописи, хранящейся теперь въ Императорской публичной библиотекѣ. Этотъ чрезвычайно любопытный лѣтописный сборникъ, составленный какимъ-то Ростовцемъ во второй четверти XVI вѣка¹), конечно не можетъ быть названъ Тверскою лѣтописью потому только, что его составитель для нѣкотораго времени пользовался Тверскою лѣтописью. Относительно тверскихъ событій сборникъ этотъ важенъ для насъ не только по извѣстїямъ позднѣйшимъ, пачиная съ княженія Ивана Михайловича, но особенно по извѣстїю о возстанїи на Шевкала въ Твери. Давно уже мы выразили сильное сомнѣніе относительно справедливости извѣстїя, будто бы Шевкалъ хотѣлъ обратиться Русскихъ въ магометанскую вѣру²), и вотъ въ упомянутомъ сборникѣ Шевкалово дѣло разсказано подробнѣе, естественнѣе, чѣмъ въ другихъ лѣтописяхъ, и безъ упоминенія о намѣренїи Шевкала относительно вѣры. Шевкалъ, по обычаю всѣхъ послѣдовъ татарскихъ, сильно притѣснялъ Тверичей, согналъ князя Александра съ двора его и самъ сталъ жить на немъ; Тверичи просили князя Александра объ оборонѣ, но князь приказывалъ имъ терпѣть. Несмотря на то, ожесточеніе Тверичей дошло до такой степени, что они ждали только перваго случая

возстать противъ притѣснителей; этотъ случай представился 15 августа: дьяконъ Дюлко повелъ кобылу молодую и тучную на поило; Татары стали ее у него отнимать, дьяконъ пачалъ вопить о помощи, — и сбѣжавшіеся Тверичи напади на Татаръ³).

Что существовало нѣсколько лѣтописей, въ которыхъ описывались событія конца первой половины XV вѣка, — видно ясно изъ Никоновскаго сборника подлѣ 1445 годомъ: приведши краткое извѣстїе о приходѣ Литовцевъ на Калугу, составитель вслѣдъ за этимъ помѣщаетъ два другихъ пространнѣйшихъ извѣстїя о томъ же самомъ событїи, прямо говоря: „Отъ инаго лѣтописца о томъ же“.

Что касается до современныхъ понятій религиозныхъ, нравственныхъ, политическихъ и научныхъ, высказываемыхъ въ лѣтописи, то въ описываемое время въ Сѣверо-Восточной лѣтописи голосъ лѣтописца слышится гораздо рѣже, чѣмъ прежде. Описавши мученическую кончину князя Романа Рязанскаго въ Орлѣ, лѣтописецъ обращается къ князьямъ съ такимъ наставленїемъ: „Возлюбленные князья русскїе! не прельщайтесь суетною и малорепенною прелестною славою свѣта сего, которая хуже паутины, какъ тѣнь проходитъ, какъ дымъ исчезаетъ; не приесли вы на этотъ свѣтъ съ собою ничего, ничего и не отнесете; не обижайте другъ друга, не лукавьте между собою, не похищайте чужаго, не обижайте меньшихъ родственниковъ своихъ“. Тверской лѣтописецъ, сказавши о примиренїи своихъ князей, прибавляетъ: „И радуюхусъ бояре ихъ, и вси вельможи ихъ, тако же гости и купцы и вси работники, людїе роды и племена Адамова: вси бо сїи единый родъ и племя Адамова, и царя, и князя, и бояре, и вельможи, и гости, и купцы, и ремесленники, и работнїи людїе, единый родъ и племя Адамово; и забывшеся другъ на друга враждуютъ, и ненавидятъ, и грызутъ, и кусаютъ, отстоящи отъ заповѣдей Божїихъ, еже любити искренняго своего яко самъ себе⁴)“. Особенно сильно раздается голосъ Московскаго лѣтописца при описанїи Едигеева нашествїя, бѣдствїе котораго онъ приписываетъ неблагоразумной политикѣ молодыхъ боярь. „Подобаеть намъ разумѣть, говорить онъ, вслѣдствїе чего Агарїне такъ возстали на насъ; не яви ли, что за нами грѣхи наводятъ ихъ Господь Богъ, да обратимся и покаемся?... Быть можетъ, нѣкоторымъ покажется неспрїятно написанное нами; быть можетъ, найдутъ неспрїичнымъ, что мы разсказали событія, не очень для насъ лестныя; но все сказанное нами клонится къ тому, чтобъ удержатъ отъ зла, направить къ добру. Мы написали это не въ досаду, не въ поношенїе чье-либо, не изъ зависти къ чести честныхъ; мы пишемъ по примѣру начальнаго лѣтословца Кїевского, который всѣ событія земскїя не обинуясь показы-

¹) «Отъ начала русскїя земли до княженія великаго князя Ивана Васильевича Московскаго... сѣдшу ему князю послѣ отца своего в. к. Василїя Ивановича... Еще же молу ваше братїе преподобїе и благородїе чтущихъ и слушающихъ книги сія, еже аще обрѣцетъ кто много недостаточное или неисполненное, да не позарить мнѣ, но бо бѣхъ Кїянїнъ родомъ, ии Новагорода; ии Владимера, но отъ всѣхъ ростовскихъ областей». — Этотъ лѣтописный сборникъ находился сначала въ рукахъ г. Строева и разсмотрѣнъ имъ подробно; потомъ перешель въ библиотеку г. Погодина, и отсюда уже въ Императорскую Публичную.

²) Исторїя отнош. между русск. княз. Гюрїк. дожа, стр. 336.

³) Приготовили къ печати третїй томъ Исторїи Россїи, и не могъ еще пользоваться этимъ сборникомъ, и потому прошу моихъ читателей прїять во вниманїе сказанное теперь при чтенїи 918 и 919 страницъ третьяго тома.

⁴) Ник.п. IV, 16.

ваеть: да и первые наши владодержцы безъ гнѣва повелѣвали описывать все, что ни случится доброго или недоброго въ землѣ; хочешь, почти прилежно того великаго Сильвестра Выдубицкаго, безъ украшеній писавшаго при Владимірѣ Мономахѣ. Блага временныя и вѣчныя приобрѣтаются не гнѣвомъ и гордостію, но простою, умилениемъ и смиреніемъ. Отцы наши безгнѣвнѣмъ, простою и смиреніемъ обрѣли блага настоящаго и будущаго вѣка и намъ предавали; мы же, поучась ихъ примѣромъ, не преминули описать все приключившееся во дни наши, да владодержцы наши прилежно внимають, избирая лучшее; юности да почитаютъ старцевъ, и сами одни безъ опытиѣйшихъ старцевъ да не самочинствуютъ въ земскомъ правленіи.“ Сѣверный, теперь, какъ видно, Московскій, лѣтописецъ продолжаетъ неприязненно смотрѣть на Новгородцахъ, называя ихъ людьми суровыми, непокорными, упрямыми и вѣстѣ непостоянными, вѣчниками, крамольниками¹⁾. Изъ научныхъ понятій лѣтописца можемъ привести только слѣдующее объясненіе случавъ, когда молнія убиваетъ, и когда нѣтъ: „Если молнія происходитъ только отъ столкновенія облаковъ, то не вредить, проходитъ мимо и угасаетъ; если же, при столкновеніи облаковъ, къ нимъ сойдеть небесный свѣтъ огненный, пламевидный, и соединится съ молніею, то послѣдняя спускается внизъ къ землѣ и сожигаетъ все, къ чему прирастетъ“²⁾.

Новгородская лѣтопись отличается тѣмъ же самымъ характеромъ, какой показанъ былъ и прежде. Примѣту лѣтописца находимъ въ ней подъ 1230 годомъ;—сказавши о смерти Юрьевского игумена Саввы, лѣтописецъ прибавляетъ: „А дай Богъ молитва его святая всѣмъ крестьяномъ и мнѣ грѣшному Тимошею попомарю“; въ другихъ же спискахъ вмѣсто этого имени читаемъ: „И мнѣ грѣшному Юанну попови.“ Подъ 1399 годомъ выказывается лѣтописецъ — современникъ, принимавшій теплое участіе въ церкви Покрова на Звѣрициѣ. Въ такъ называемой Новгородской четвертой лѣтописи, подъ 1384 годомъ, при описаніи вѣчевой смуты въ Новгородѣ, лѣтописецъ говоритъ: „И стюху Слявлянѣ по князѣ, и звонича вѣче на Ярославли дворѣ по двѣ недѣли, а здѣсе, на сей сторонѣ, три князи другое вѣче ставиша“. Подъ 1418 годомъ опять виденъ лѣтописецъ, — современникъ описаннаго событія.—При описаніи событія 1255 года лѣтописецъ прямо даетъ знать, что онъ принадлежитъ къ сторонѣ меньшихъ: „И побѣжа Михалко изъ города къ Св. Георгію, како было ему своимъ пол-

комъ уразити и нашу сторону.“ Если Московскій лѣтописецъ неблагоосклонно отзывается о Новгородцахъ, то и Новгородскій пользуется случаемъ сказать дурное о Москвичахъ, упрекнувъ ихъ въ трусости; такъ, при описаніи Батыева нашествія, читаемъ: „Москвичи же побѣгоша, ничего же не видѣше“.

Мы упомянули о такъ называемой Новгородской четвертой лѣтописи. Всякому съ перваго же взгляда на нее будетъ ясно, что это названіе неправильно, ибо означенная лѣтопись есть довольно полный сборникъ разныхъ лѣтописей, въ томъ числѣ и Новгородской; но конечно онъ не можетъ получить названія отъ одной только составной части своей. Здѣсь, подъ 1352 годомъ, встрѣчаемъ мы лѣтописца Псковскаго, распространяющагося о моровой язвѣ въ его городѣ; подъ 1371 годомъ встрѣчаемъ лѣтописца Московскаго, который, разсказывая о сраженіи Москвичей съ Рязанцами, называетъ первыхъ нашими; видимъ явныя сшивки изъ разныхъ лѣтописей: такъ, напримеръ, подъ 1386 годомъ два раза разсказано объ одномъ и томъ же событіи, именно о походѣ смоленскихъ князей подъ Мстиславль,—сначала коротче, а потомъ пространнѣе; а подъ 1404 годомъ два раза разсказано о взятіи Смоленска Витомъ.

Мы видѣли, что въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка распространилось мнѣніе о близкомъ концѣ міра; мы видѣли, что Новгородскій владыка Юаннъ въ 1397 году уговаривалъ Новгородцевъ помириться со Псковичами, представляя имъ, что уже приходитъ послѣднее время. Въ этомъ отношеніи замѣчательно слѣдующее мѣсто въ сборникѣ, посвященъ названію Новгородской четвертой лѣтописи, подъ 1402 годомъ: „Въ великій постъ, въ мартѣ мѣсяцѣ являлось знаменіе на небеси: въ вечернюю зарю, на западѣ, звѣзда не малая въ видѣ копья, а на верху у нея какъ лучъ сіялъ. Это является ради нашихъ грѣховъ, прообразуетъ и претитъ и велитъ намъ покаяться; смѣю сказать, сбывается слово евангельское: знаменія на небеси являются; встали и языки другъ на друга: Татары, Турки, Фряги, Ляхи, Нѣмцы, Литва. Но что мнѣ говорить о Татарахъ и Туркахъ, и прочихъ языкахъ невѣрныхъ и некрепеныхъ? Мы сами, называемые христіане, правовѣрные и православные, ведемъ между собою брани и рати. Случается такъ: встаетъ правовѣрный князь на правовѣрнаго князя, на брата своего роднаго или на дядю, и отъ вражды, непокоренія и гнѣва доходитъ дѣло до кровопролитія. Войны, съ обѣихъ сторонъ православные христіане, ратують, каждый по своему князѣ, волю и неволю; въ схваткѣ сбьются безъ милости: поднимаетъ руку христіанинъ на христіанина, куетъ копьѣ брата на брата, остритъ мечъ пріятель на пріятеля, стрѣлами стрѣляетъ ближній ближняго, сулицею прободаетъ сродникъ сродника, племенникъ своего племенника низлагаетъ, и правовѣрный единовѣрнаго разсѣкаетъ, юшоша сѣдинъ

¹⁾ Троицкая лѣтон. у Карамз. V, прим. 148.

²⁾ Н. С. Р. Л. VII, 118.—Лѣтописецъ говоритъ объ этомъ объясненіи: «глаголетъ бо писаніе». По всѣмъ вѣроятностямъ, это объясненіе взято изъ того же источника, откуда взято «расужденіе о громѣ и молніи», находящееся въ книгѣхъ Преподобнаго чудотворца Кирилла, въ Кирилло-Владзерскомъ монастырѣ. См. повѣдку туда проф. Шевырева, ч. II, стр. 24.

старшею не стыдится, и рабъ Вожій раба Божяго не пошадитъ“¹⁾.

Начало псковскихъ лѣтописей можно отнести ко второй четверти XIII вѣка. Относительно состава списковъ ихъ, до насъ дошедшихъ, встрѣчаемъ любопытное указаніе въ такъ называемой Второй Псковской лѣтописи, подъ 1352 годомъ: „Бысть моръ золь въ Псковѣ, и по селамъ, и по всей волости, хрлатный: о семь пространѣ обращени написано въ русскомъ лѣтописци.“ Это пространное извѣстіе о морѣ, написанное, какъ по всему видно, Псковичемъ и современникомъ, находится во Псковской Первой и въ Городской Четвертой лѣтописи; но какая лѣтопись разумѣется здѣсь подъ именемъ Русскаго Лѣтописца? Мы думаемъ только, что здѣсь не можетъ разумѣться мѣстная псковская. Что касается характера псковскихъ лѣтописей, то рассказъ ихъ отличается особеннымъ простодушіемъ; при этомъ замѣчаемъ въ псковскихъ лѣтописцахъ сильную привязанность къ однимъ и тѣмъ же обычнымъ выраженіямъ при описаніи извѣстныхъ событийъ Легко замѣтить, на какихъ отношеніяхъ сосредоточивается преимущественно участіе лѣтописца, — это на отношеніяхъ къ Нѣмцамъ ливонскимъ и къ Новгороду; мы замѣтили, что жалоба на неспособность отъ Новгородцевъ служить постояннымъ припѣвомъ псковскаго лѣтописца.

Въ Сѣверо-Восточной лѣтописи вообще въ описываемое время, именно съ конца XIV вѣка, замѣчаемъ важную переѣмъ: годы мірозданія перестаютъ считаться съ марта и начинаютъ считаться съ сентября. Замѣтимъ и переѣмъ въ веществе рукописей: съ XIV вѣка вмѣсто пергамента стали употреблять бумагу, сдѣланную изъ хлопчатой, и трапичную.

На юго-западѣ во второй четверти XIII вѣка славился пѣвецъ Митуса, котораго лѣтописецъ называетъ словутнымъ, и говоритъ, что онъ по гордости не хотѣлъ служить князю Даниилу; Митуса находился, какъ видно, въ службѣ владыки Перемышльскаго, ибо взятъ былъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ слугами послѣдняго²⁾. До литовскаго владычества юго-западные русскіе князья Рюриковичи въ любви къ книгамъ подражали, какъ видно, своимъ предшественникамъ; о Владимірѣ Васильевичѣ Волинскомъ читаемъ, что онъ говорилъ ясно отъ книгъ, потому что былъ филозофъ великій³⁾. Этотъ князь самъ трудился надъ переписываніемъ книгъ: такъ, говорится, что онъ самъ списалъ Евангеліе и Апостолъ, другія священныя и богослужебныя книги велѣлъ переписывать и раздавалъ по церквамъ⁴⁾; молитвенникъ кушилъ за 8 гривенъ кунъ.

Что касается Юго-Западной, т.-е. Волинской лѣ-

тописи, то къ сказанному прежде мы должны прибавить теперь, что эта лѣтопись любопытна отсутствіемъ хронологіи, ибо годы, выставленные въ дошедшихъ до насъ спискахъ, выставлены позднѣйшими переписчиками⁵⁾; первоначально же лѣтопись составляла сплошной рассказъ, какъ это, напримѣръ, ясно видно между годами 1259 и 1260. Для объясненія этого служить слѣдующее мѣсто лѣтописи, находящееся подъ 1254 годомъ: „Въ та же лѣта, времени минувшу, хронографу же нужна есть писати все и вся бывшая, овогда же писати въ передняя, овогда же возстунати въ задняя: чытый мудрый разумѣтъ; чело же лѣтомъ здѣ не писахомъ, въ задняя впишемъ по Антиохійскимъ соромъ алумпїадамъ, Грьккимъ же численицами, Римьскы же високостомъ, якоже Евсей и Памфиль, иии хронографы списаша отъ Адама до Хрѣстоса; вся же лѣта спишемъ рочетъще во задня“. Здѣсь слова: „Овогда же (пужа) писати въ передняя, овогда же возстунати въ задняя“ — показываютъ намъ, что лѣтописецъ тяготился хронологическимъ порядкомъ, который заставляетъ прерывать нить однородныхъ извѣстій, понимая, что иногда нужно вести рассказъ сплошь въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, и потомъ опять возвращаться назадъ къ другому рода событіямъ. Должно прибавить также, что рассказъ о кончинѣ князя Владиміра Васильковича обличаетъ современника, очевидца, писавшаго въ княженіе преемника Владимірова, Мстислава Даниловича; на это указываютъ слѣдующія слова въ обращеніи къ Владиміру: „Возстанн, видъ брата твоего, красящую столъ земли твоея, кесму же вижъ и благовѣрцую свою княгиню, како благовѣрье держитъ по предалью твоему“. Касательно образованности Волинскаго лѣтописца мы должны замѣтить, что онъ знаетъ Гомера; такъ, подъ 1232 годомъ читаемъ: „Олестъ зла есть! якоже Омиръ пишеть, до обличеня сладка есть, обличена же зла есть!“ Русскій языкъ остался господствующимъ, письменнымъ и правительственнымъ и послѣ утвержденія власти князей литовскихъ въ Западной Руси. На русскомъ же языкѣ продолжались писаться и лѣтописи, слѣды которыхъ можно отыскать въ XIV вѣкѣ; до насъ дошла лѣтопись отъ первой половины XV вѣка, въ которой говорится, что она есть сокращеніе древнѣйшихъ; рассказъ ея отличается особенною наивностію⁶⁾.

Мы окончили тотъ отдѣлъ Русской Исторіи, который по преимуществу носитъ названіе древней исторіи; мы не можемъ разстаться съ нимъ, не показавши его общаго значенія, не показавши отношеній его къ слѣдующему отдѣлу, тѣмъ болѣе что теперь каждое слово наше будетъ подтверженіе въ преждесказанномъ, читателю уже извѣстномъ.

На великой сѣверо-восточной равнинѣ, на пе-

¹⁾ Одного характера съ Новгородскою Четвертою сборники, носяще названіе Софійскихъ лѣтописей.

²⁾ П. С. Р. Л. II, 180.

³⁾ Тамъ же, стр. 220.

⁴⁾ Тамъ же, 222, 233. Здѣсь я различаю выраженія: «самъ списалъ», и просто «списалъ».

⁵⁾ Это замѣчено Карамзинымъ, т. III, прим. 113.

⁶⁾ Лѣтописецъ Литвы и Хроника Русская, старѣеишъ и трудами Игнатія Даниловича; Вильна, 1827 г. — Даниловича: — О Литовскихъ лѣтописяхъ. Жур. Нар. Пров. 1840, ноябрь.

рекрестномъ открытомъ пути между Европою и Азією и между Сѣвѣрною Европою и Южною. т. е. между новою Европою и старою, на пути изъ Варгъ въ Греки, основалось государство Русское. „Земля наша велика и обильна“—сказали племена призываемымъ князьямъ; но они не могли сказать, что великая и обильная страна ихъ хорошо населена. То была обширная, дѣвственная страна, ожидавшая населенія, ожидавшая исторіи: отсюда древняя Русская Исторія есть исторія страны, которая колонизуется. Отсюда постоянное сильное движеніе народонаселенія на огромныхъ пространствахъ: лѣса горятъ, готовится богатая почва, но поселенецъ недолго на ней останется; чуть трудъ станетъ тяжелѣе, онъ идетъ искать новаго мѣста, ибо вездѣ просторъ, вездѣ готовы принять его; земельная собственность не имѣетъ цѣны, ибо главное дѣло въ населенія. Населить какъ можно скорѣе, перезавать отовсюду людей на пустыя мѣста, приманить всякаго рода льготами; уйти на новыя лучшія мѣста, на выгоднѣйшія условія, въ болѣе мирный, спокойный край; съ другой стороны,—удержать населеніе, возвратитъ, заставить другихъ не принимать его: вотъ важные вопросы колонизирующей страны, вопросы, которые мы встрѣчаемъ въ древней русской исторіи. Народонаселеніе движется; славянскій колонистъ, кочевникъ-земледѣлецъ, съ топоромъ, косяго и плугомъ идетъ впередъ все къ сѣверо-востоку, сквозь финскія звѣролововъ. Отъ такой расходчивости, распыливчивости, привычки уходить при первомъ неудобствѣ, происходила полудушедность, отсутствие привязанности къ одному мѣсту, что ослабляло нравственную сосредоточенность, пріучало къ исканію легкаго труда, къ безрасчетливости, къ какой-то междуумочной жизни, къ жизни день за день. Но разсматриваемая нами страна не была колонія, удаленная океанами отъ метрополіи: въ ней самой находилось средоточіе государственной жизни; государственныя потребности увеличивались; государственныя отправления осложнялись все болѣе и болѣе, а между тѣмъ страна не лишалась характера страны колонизирующей; легко понять, какія трудности должно было встрѣтить государство при подчиненіи своимъ интересамъ интересовъ частныхъ; легко понять происхожденіе этихъ разнаго рода льготныхъ грамотъ, жалуемыхъ землевладѣльцамъ, населятелямъ землю.

Если колонизація имѣетъ такое важное значеніе въ нашей исторіи, то понятно, какъ должно быть важно для историка направленіе колонизаціи, ибо это направленіе будетъ вмѣстѣ и направленіемъ общаго историческаго движенія. Направленіе колонизаціи мы узнаемъ изъ первыхъ строкъ лѣтописца, который говоритъ о движеніи славянскихъ племенъ съ юго-запада къ сѣверо-востоку, съ береговъ Дуная къ берегамъ Днѣпра и далѣе на сѣверъ и востокъ. Такимъ образомъ, два племени, которымъ принадлежить новая исторія Европы, славянское и германское, при раздѣленіи между собою европейской почвы, будущей исторической сцены, дви-

жутся путями противоположными: германское—отъ сѣверо-востока къ юго-западу, славянское на оборотъ,—отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Судьба этихъ племенъ опредѣлялась означеннымъ движеніемъ, опредѣлялась природою странъ, занятыхъ вслѣдствіе движенія, прежними бытомъ этихъ странъ, ихъ прежними отношеніями. Здѣсь прежде всего намъ представляется вопросъ: почему въ древней исторіи главнаго Славянскаго государства, представителя славянскихъ государствъ по могуществу и самостоятельности, мы замѣчаемъ движеніе именно на сѣверо-востокъ? Если германскія племена, при своемъ западномъ движеніи, разрушили Западную Римскую имперію, поселились въ ея областяхъ, основали здѣсь отдѣльныя государства,—то почему же славянскія племена, при восточномъ движеніи, не разрушили Восточной Римской имперіи и не основали на ея развалинахъ новыхъ государствъ? Почему, вмѣсто юго-восточнаго направленія, они приняли сѣверо-восточное? Причинъ тому много.

При движеніи своемъ къ юго-востоку, Славяне должны были сталкиваться съ стремительнымъ движеніемъ азиатскихъ племенъ, прорывавшихся чрезъ Каспійскія ворота, по нынѣшней Южной Россіи къ западу. Извѣстны движенія Гунновъ, Аваровъ и судьба народовъ, которые подпадали ихъ натиску. Отъ Средняго Днѣпра славянскимъ племенамъ нельзя было двигаться къ югу и юго-востоку, оставалось только направленіе сѣверо-восточное, и мы видимъ, что племена отъ Средняго Днѣпра двигаются въ этомъ направленіи къ Десяткѣ, къ Окѣ; но и здѣсь даже они не безопасны отъ Азіатцевъ,—и здѣсь они принуждены были платить дань Козарамъ.—Съ другой стороны, однако мы видимъ славянскія племена на Нижнемъ Дунаѣ, видимъ славянское народонаселеніе и гораздо южнѣе, на Балканскомъ полуостровѣ; но Славяне здѣсь не господствуютъ; Восточная имперія держится, на что есть также свои причины: во-первыхъ, здѣсь имперія была еще крѣпка, здѣсь были собраны всѣ остальныя жизненныя силы ея, благодаря которымъ она и просуществовала до половины XV вѣка; раньше этого времени ея не могли разрушить ни Готы, ни Аравитяне; Славяне были ближе, но у нихъ не было достаточныхъ силъ. Азіатскіе народы, стремившіеся съ востока на западъ, постоянно разрывали Славянъ; мы видѣли, какъ Азіатцы оттолкнули русскихъ Славянъ отъ юга и заставили ихъ взять для своего движенія сѣверо-восточное направленіе; западныхъ Славянъ задерживали Нѣмцы: такимъ образомъ, къ Нижнему Дунаю, на Балканскій полуостровъ не приходили постоянно новыя массы славянскихъ племенъ, которыя бы тѣснили одни другихъ, заставляя прежде пришедшихъ двигаться впередъ, какъ это было на западѣ у германскихъ племенъ. Мы видѣли, какъ Мадыры окончательно разрывали чехо-моравскихъ Славянъ отъ иллирійскихъ нижнедунайскихъ, нормальную связь между ними, начинавшуюся—было посредствомъ народной славянской Церкви. Основаніе Рус-

скаго государства на великомъ восточномъ пути изъ Балтійскаго моря въ Черное, соединеніе подъ одною властію славянскихъ племенъ, жившихъ по этому пути и около, могло, повидимому, перемѣнить дѣла на востокъ; лодки Олега являются подъ Константинополь, Святославъ поселяется на Дунай. Но судьба Святослава показала ясно, что первые Русскіе князья не могли имѣть для Восточной имперіи того значенія, какое Одоакры и Кловны имѣли для Западной; славянскія племена, вошедшія въ составъ Русскаго государства, раскинулись широко и привольно по огромной сѣверо-восточной равнинѣ Европы; они не получали никакого толчка съ сѣвера и сѣверо-востока; ничто не побуждало ихъ покидать землю великую и обильную, и отправляться искать новыхъ земель, какъ то дѣлывали германскія племена на западъ; ничто не побуждало ихъ предпринимать стремительнаго движенія дѣльными массами съ сѣвера на югъ, а Святославъ вовсе не былъ предводителемъ подобныхъ массъ; онъ оставилъ назадъ громадное владѣніе, рѣдкое населеніе котораго вовсе не хотѣло переселяться на югъ, хотѣло, чтобъ князь жилъ среди него и защищалъ его отъ дикихъ степныхъ ордъ: „Ты, князь, чужой земли ищешь; а насъ здѣсь чуть не взяли Печенѣги“, говорятъ Кіевляне въ преданіи, — знакъ, что у Кіевлянъ была своя земля, а чужой они искать не хотѣли. Святославъ былъ предводителемъ только небольшой дружины, которая, несмотря на всю свою храбрость, не могла произвести никакого важнаго переворота на Балканскомъ полуостровѣ. Вытѣсненный Цимихіемъ съ береговъ Дуная, Святославъ погибъ въ степи отъ Печенѣговъ, — знакъ, что, съ одной стороны, имперія имѣла еще довольно силъ, чтобъ отбиться отъ князей новорожденной Руси, а съ другой стороны, — степные варвары по-прежнему отрѣзывали сѣверо-восточныхъ Славянъ отъ имперіи; и дѣйствительно мы знаемъ, съ какими трудностями и опасностями вначалѣ и послѣ сопряжено было сообщеніе Руси съ Византіею вслѣдствіе того, что Печенѣги, Половцы, Татары стояли между ними. Слѣдствіемъ столкновенія первыхъ Русскихъ князей съ Византіею было не разрушеніе имперіи, но принятіе христіанства Русью изъ Византіи: мы видѣли, какое великое вліяніе при образованіи Русскаго государства имѣло церковное преданіе, заимствованное изъ Византіи.

Такимъ образомъ, и послѣ основанія Русскаго государства, т. е. послѣ соединенія восточныхъ славянскихъ племенъ, главное направленіе движенія оставалось прежнее, т. е. съ юго-запада на сѣверо-востокъ, потому что юго-восточная часть великой равнины по-прежнему занята кочевыми азіатскими ордами, на которыя новорожденная Русь не въ силахъ предпринимать наступательное движеніе. Правда, вначалѣ, когда средоточіе правительственной дѣятельности утвердилось въ Днѣпровской области, мы замѣчаемъ въ князьяхъ стремленіе переводить народонаселеніе съ сѣвера на югъ, населять

людьми сѣвера южные Украинскіе города, должествовавшіе защищать Русь отъ степныхъ варваровъ. Но скоро господствующія обстоятельства взяли свое: степная Украина, область Днѣпровская, подвергается постояннымъ сильнымъ опустошеніямъ отъ кочевниковъ; ся города пусты: въ нихъ живутъ псары да Половцы, по отъзвухъ самихъ князей; куда же было удалиться русскимъ людямъ отъ плѣна и разоренія? Конечно не на юго-востокъ, прямо въ руки къ Половцамъ; конечно не на западъ, къ иновѣрнымъ Ляхамъ и Венграмъ; свободный путь оставался одинъ — на сѣверо-востокъ: такъ Ростовская — изначала финская — область получала свое славянское населеніе. Мы видѣли, какъ сѣверные князья воспользовались приливомъ народонаселенія въ свою область; мы видѣли, какое значеніе въ русской исторіи имѣла колонизація сѣвера, совершавшаяся въ историческое уже время, подъ вліяніемъ, подъ распоряженіемъ князей.

Такъ было въ XII вѣкѣ; въ XIII и послѣдующихъ вѣкахъ побужденія, заставлявшія народонаселеніе двигаться отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, становятся еще сильнѣе: съ юго-востока Татары, съ запада — Литва; крайній сѣверо-востокъ, еще неподвластный Русскимъ князьямъ, населенный Зырянми и Вогуличами, не привлекателенъ и опасенъ для поселенцевъ невинственныхъ, идущихъ небольшими массами; такимъ образомъ, теперь съ востока, юга и запада населеніе, такъ сказать, стоняется въ средину страны, гдѣ на берегахъ Москвы-рѣки завязывается крѣпкій государственный узелъ. Мы видѣли, какъ Московскіе князья воспользовались средствами, полученными отъ увеличившагося населенія ихъ области, какъ умѣли доставить этой области безопасность и тѣмъ болѣе привлечь въ нее населенію, какъ Москва обрала около себя Сѣверо-Восточную Русь.

Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, ходъ древней русской исторіи. Уже давно, какъ только начали заимчиваться русскою исторіею съ научною цѣлью, подмѣчены были главныя, особенно выдающіяся въ ней событія, — событія новоротныя, отъ которыхъ исторія заимчиво начинаетъ новый путь. На этихъ событіяхъ начали останавливаться историки, дѣлать по нимъ исторію на части, періоды; начали останавливаться на смерти Ярослава I, на дѣятельности Андрея Боголюбскаго, на сороковыхъ годахъ XIII вѣка, на времени вступленія на Московскій престолъ Іоанна Калиты, на смерти Василія Темнаго и вступленія на престолъ Іоанна III, на прекращеніи старой династіи и восшествіи новой, на вступленіи на престолъ Петра Великаго, на вступленіи на престолъ Екатерины II. Нѣкоторые писатели изъ этихъ важныхъ событій начали выбирать наиболѣе, по ихъ мнѣнію, важныя; такъ, явилось дѣленіе русской исторіи на три большіе отдѣла: древнюю — отъ Рюрика до Іоанна III, среднюю — отъ Іоанна III до Петра Великаго, новую — отъ Петра Великаго до позднѣйшихъ временъ. Нѣкоторые были недовольны этимъ дѣленіемъ, и объявили, что въ

русской исторіи можетъ быть только два большихъ отдѣла—исторія древняя до Петра Великаго и новая—послѣ него. Обыкновенно каждый новый писатель старался показать неправильность дѣленія своего предшественника, обыкновенно старался показать, что и послѣ того событія, при которомъ предшествующій писатель положилъ свою грань, продолжался прежній порядокъ вещей; что, наоборотъ, передъ этою гранью мы видимъ явленія, которыми писатель характеризовалъ новый періодъ и т. д. Споры безконечны! ибо въ исторіи ничто не оканчивается вдругъ и ничто не начинается вдругъ; новое начинается въ то время, когда старое продолжается.

Но мы не будемъ продолжать этихъ споровъ, мы не станемъ доказывать неправильности дѣленія предшествовавшихъ писателей и придумывать свое дѣленіе, болѣе правильное. Мы начнемъ съ того, что объявимъ всѣ эти дѣленія правильными; мы начнемъ съ того, что признаемъ заслугу каждаго изъ предшествовавшихъ писателей, ибо каждый, въ свою очередь, указывалъ на новую сторону предмета,—и тѣмъ способствовалъ лучшему пониманію его. Всѣ эти дѣленія и споры о правильности того или другого изъ нихъ были необходимы въ свое время, въ первое время занятія исторіею: тутъ необходимо, чтобы легче осмотрѣться, поскорѣе раздѣлать предметъ, поставить грани по болѣе виднымъ, по болѣе громкимъ событіямъ; тутъ необходимо сначала выѣшній взглядъ, по которому эти самыя видныя, громкія событія и являются исключительными опредѣлителями историческаго хода, уничтожающими вдругъ все старое и начинающими новое. Но съ теченіемъ времени наука мужаетъ, и является потребность соединить то, что прежде было раздѣлено, показать связь между событіями, показать какъ новое протекло изъ стараго, соединить разрозненные части въ одно органическое цѣлое, является потребность замѣнить анатомическое изученіе предмета физиологическимъ.

Впервые обыкновенно оставались на полоніи XI вѣка, на смерти Ярослава I; здѣсь полагаютъ грань между первымъ и вторымъ періодомъ русской исторіи. Грань поставлена совершенно правильно; но какаѣ же непосредственная связь между первымъ и вторымъ періодомъ, какъ второй произошелъ изъ перваго? Въ XVIII вѣкѣ, въ первомъ періодѣ видѣли Русь рождающуюся, во второмъ—раздѣленную; связимежду періодами не было показано, но удачныя названія, по крайней мѣрѣ, указывали на естественную связь между рожденіемъ и раздѣленіемъ. Позднѣйшіе писатели однако не воспользовались этимъ удачнымъ названіемъ: они старались уничтожить всякую мысль о связи, естественномъ переходѣ, мысль случайно выразившуюся въ названіяхъ, опровергая послѣднія, какъ неправильныя „Вѣкъ Св. Владиміра былъ уже вѣкомъ могущества и славы, а не рожденія“, объявляя они.—„Государство (въ первый періодъ), шагнувъ въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до

величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехъ сотъ лѣтъ (во второй періодъ).“ Читая эти слова, мы невольно начинаемъ думать, что имѣемъ дѣло съ Ассиріею, Вавлоніею, Мидіею, тѣми восточными государствами, которыя, шагнувъ внезапно отъ колыбели до величія, начали потомъ разрушаться; и каково же должно быть наше удивленіе, когда послѣ узнаемъ, что государство, о которомъ идетъ рѣчь, послѣ трехстолѣтняго разрушенія, вдругъ опять обновилось и явилось могущественнѣе прежняго!—Потомъ первому періоду дали названіе норманскаго, второму—удѣльнаго; въ первомъ выставилъ на главный планъ Норманновъ, всѣ явленія приписали ихъ дѣятельности; во второмъ—раздѣленіе Россіи на части, борьбу между князьями, владѣльцами этихъ частей. Но мы спросимъ: какаѣ же связь между норманскимъ и удѣльнымъ періодами? какъ второй произошелъ изъ перваго? Нѣкоторые писатели пытались—было указать на связь между норманизмомъ и удѣлизмомъ, объявивъ, что удѣльная система, тѣ княжескія отношенія, какія мы видимъ во время ея господства, были заимствованы отъ Нормановъ; попытка похвальная, но вполнѣ неудачная, потому что ни у Скандинавовъ, ни вообще у всѣхъ германскихъ племенъ ни найдемъ ничего похожаго на отношенія, какія видимъ между Русскими князьями; нигдѣ не видимъ, чтобы послѣ князя наследовалъ братъ, а не сынъ; нигдѣ не видимъ, чтобы главный столъ принадлежалъ старшему въ цѣломъ родѣ; подобныя отношенія видимъ только въ славянскихъ государствахъ, и потому должны заключить, что явленіе это есть чисто, исключительно славянское. Теперь спрашивается: какимъ же образомъ случилось, что въ продолженіи цѣлаго перваго періода, до самой смерти Ярославовой, на первомъ планѣ дѣйствуютъ Норманны, дѣйствуютъ по-нормански, отсюда все норманское, и вдругъ, при переходѣ въ слѣдующій періодъ, встрѣчаемъ господствующее явленіе—отношенія между князьями, потомками Норманновъ, и это явленіе есть чисто, исключительно славянское? Ищемъ Норманновъ восточъ,—и нигдѣ не находимъ.

Это самое отсутствіе связи между первымъ и вторымъ періодомъ, если первый обозначимъ именемъ норманскаго, всего лучше показываетъ намъ невѣрность послѣдняго названія. Норманны основали государство, Норманны дѣйствуютъ преимущественно, даже исключительно въ продолженіи двухъ сотъ лѣтъ,—и вдругъ исчезаютъ, и вдругъ государство является Славянскимъ! Дѣло въ томъ, что основалось государство Славянское; въ основаніи его участвуютъ и Финны, и Норманны; но потомъ спена дѣйствія немедленно же переносится на югъ, въ область Днѣпровскую, въ сторону Славянъ исключительно, утверждается здѣсь, и потому славянское начало господствуетъ вполнѣ; въ первыхъ князьяхъ мы не должны видѣть Варяговъ, предводителей варяжскихъ дружинъ, морскихъ королей;—мы должны видѣть въ нихъ князей извѣст-

наго владѣнія, имѣющаго свои особенности, свои условия, которыя и опредѣляютъ характеръ дѣятельности историческихъ лицъ. Два раза является по нѣскольку князей въ новомъ владѣнн, но немедленно исчезаютъ въ пользу одного; въ третій разъ является опять нѣсколько князей, которые начинаютъ владѣть въ разныхъ областяхъ, и такой порядокъ вещей утверждается надолго; говорить, Россія раздѣлилась. Посмотримъ же теперь, что это за явленіе, какое отношеніе его къ явленіямъ предыдущимъ, къ первому, начальному періоду.

Исторія знаетъ различные виды образованія государства: или государство, начавшись незамѣтною точкой, въ короткое время достигаетъ громадныхъ размѣровъ, въ короткое время покоряетъ себѣ многие различные народы, къ одной небольшой области, въ короткое время, силою завоеванія, призываются многія другія государства, связь между которыми не условливается природою. Обыкновенно такія государства, какъ скоро возрасли, такъ же скоро и падаютъ: такова, напримѣръ, судьба, азіатскихъ громадныхъ государствъ. Въ другомъ мѣстѣ видимъ, что государство начинается на ничтожномъ пространствѣ, и потомъ, вслѣдствіе постоянной напряженности силъ отъ внутренняго движенія, въ продолженіи довольно долгаго времени, распространяетъ свои владѣнія насчетъ сосѣднихъ странъ и народовъ, образуетъ громадное тѣло, и наконецъ распадается на части, вслѣдствіе самой громадности своей и вслѣдствіе отсутствія внутренняго движенія, исчезновенія внутренннхъ живительныхъ соковъ: таково было образованіе государства Римскаго. Образованіе всѣхъ этихъ древннхъ громадныхъ государствъ, какова бы ни была въ другихъ отношеніяхъ разница между ними, можно назвать образованіемъ неограниченнымъ, ибо они обыкновенно состояются парстаніемъ извнѣ, внѣшнимъ присоединеніемъ частей посредствомъ завоеванія. Иной характеръ представляется намъ въ образованн новыхъ, европейскихъ, христіанскихъ государствъ: здѣсь государство при самомъ рожденн своемъ, вслѣдствіе племенныхъ и преимущественно географическихъ условий, являются уже въ тѣхъ же почти границахъ, въ какихъ имъ предназначено дѣйствовать впоследствии; потомъ наступаетъ для всѣхъ государствъ долгій, тяжкій, болѣзненный процессъ внутренняго возрастанія и укрѣпленія, въ началѣ котораго государства эти являются обыкновенно въ видимомъ раздѣленн, потому это раздѣленіе мало-по-малу исчезаетъ, уступая мѣсто единству: государство образуется. Такое образованіе мы имѣемъ право назвать высшимъ, органическимъ.

Какое же образованіе нашего государства?

Громадность русской государственной области можетъ привести нѣкоторыхъ въ заблужденіе, заставитъ подумать, что Россія—колоссальное государство въ родѣ древннхъ—Ассирійскаго, Персидскаго, Римскаго; но стоитъ только внимательнѣе

вглядѣться въ явленія начальной русской исторн, чтобъ увидѣть, какъ невѣрно подобное мнѣніе. Мы видѣли, какъ прежніе историки обозначали древнюю русскую исторію: „Государство, шагнувъ, такъ сказать, въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехъ сотъ лѣтъ“. Такъ должны были смотрѣть прежде, при внѣшности взгляда; для насъ же теперь это явленіе имѣетъ совершенно обратный смыслъ. Что значитъ: „Государство шагнуло въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія?“ Это значитъ, что государство при самомъ рожденн своемъ является уже въ громадныхъ размѣрахъ, и что эти громадные размѣры условливаются природою: для области новаго государства была опредѣлена обширная восточная европейская равнина, которая, какъ обширная равнина, орошаемая въ разныхъ направленіяхъ бѣгущими великими рѣками, по берущнмъ начало въ одномъ общемъ узлѣ, необходимо должествовала быть областью едиааго государства. Страна была громадна, но пустынна; племена рѣдко разбросались на огромныхъ пространствахъ, по рѣкамъ; новое государство, пользуясь этимъ удобствомъ водяныхъ путей во всѣхъ направленіяхъ, быстро обхватило племена, быстро нажтило громадную для себя область; но эта область попрежнему оставалась пустынною; данаго, кромѣ почвы, большею частью не было ничего,—нужно было все населитъ, все устроить, все создать: „Земля была велика и обильна, но царяду въ ней не было“:—и вотъ Русское государство, подобно другимъ, органически образованнымъ государствамъ, вступаетъ въ долгій, тяжкій, болѣзненный періодъ внутренняго возрастанія, окрѣпленія.

Въ этотъ періодъ мы видимъ и у насъ, какъ въ другихъ органически образованныхъ государствахъ, что страна какъ будто бы раздѣлилась на части, находящаяся подъ властію разныхъ владѣтелей. Всмотриваясь внимательнѣе однако, мы видимъ, что при этомъ наружномъ раздѣленн государство сохраняетъ единство, ибо владѣльцы частей находятся въ связи другъ съ другомъ и въ общей зависимости отъ одного—главнаго изъ нихъ. Эти-то отношенія владѣльцевъ, характеръ ихъ зависимости отъ владѣльца верховнаго и должны стать на первомъ планѣ для историка, ибо они держатъ себя въ зависимости всѣ прочія отношенія, опредѣляютъ ходъ событій не только въ то время, въ которое господствуютъ, но и надолго впередъ. Касательно этихъ внутреннхъ владѣльческихъ отношеній новыя европейскія государства раздѣляются на двѣ группы: на группу государствъ германскихъ и на группу государствъ славянскихъ; въ первыхъ мы видимъ господство такъ называемыхъ феодальныхъ отношеній, во вторыхъ, и преимущественно въ Россн, сохранившей въ болѣе чистотѣ славянскій характеръ, видимъ господство родовыхъ княжескихъ отношеній. Тамъ, на западѣ, связью между частями государства служила зависимость владѣльца каждой изъ этихъ частей отъ своего высшаго

(вассала отъ сюзерена), зависимость, развивавшаяся изъ первоначальной зависимости членовъ дружины къ вождю; здѣсь, на востокѣ, связью между частями государства служило родовое отношеніе владѣльца каждой части къ владѣльцамъ другихъ частей и къ самому старшему изъ нихъ, — отношеніе, основанное не только на происхожденіи всѣхъ владѣльцевъ отъ одного общаго родоначальника, но и на особенномъ способѣ владѣнія, которымъ поддерживалось единство рода княжескаго; этотъ особенный способъ состоялъ въ томъ, что главный, старшій столяръ переходилъ постоянно во владѣніе къ старшему въ цѣломъ родѣ княжескомъ. Явленія въ высокой степени любопытныя представляютъ намъ феодализмъ на западѣ, родовыя княжескія отношенія на востокѣ; единство государства видимому расторгнуто, на сценѣ множество владѣльцевъ, изъ которыхъ каждый преслѣдуетъ свои личныя цѣли, съ презрѣніемъ чужихъ правъ и своихъ обязанностей: тамъ вассалъ воюетъ противъ своего государя, здѣсь — младшій князь вооружается противъ старшаго; феодальная цѣнь на западѣ и родовая связь на востокѣ кажутся такъ слабы, такъ ничтожны при страшной борьбѣ матеріальныхъ силъ, и, несмотря на то, благодаря извѣстной экономіи человѣческихъ обществъ, эти двѣ нравственныя связи, нравственныя силы такъ могущественны, что въ состояніи охранить государственное единство; несмотря на частныя нарушенія обязанностей — феодальныхъ на западѣ, родовыхъ на востокѣ, — вообще эти обязанности признаются безусловно, юныя государства крѣпко держатся за нихъ, какъ за основы своего единства; феодализму на западѣ и родовымъ княжескимъ отношеніямъ на востокѣ бесспорно принадлежала опека надъ новорожденными европейскими обществами въ опасный періодъ ихъ младенчества.

Но этотъ періодъ началъ проходить для Руси: стало замѣтно образовываться крѣпкое государственное средоточіе; родовыя княжескія отношенія должны уступить мѣсто единовластію. Мы видѣли, гдѣ и какъ, при какихъ условіяхъ образовалось это государственное средоточіе, какъ нанесенъ былъ первый ударъ господствующимъ отношеніямъ, какъ началась, продолжалась и окончилась борьба между старымъ и новымъ порядкомъ вещей. Мы видѣли, какъ первоначальная сцена русской исторіи, знаменитая водная дорога изъ Варягъ въ Греки, въ концѣ XII вѣка оказалась неспособною развить изъ себя крѣпкія основы государственнаго быта. Жизненныя силы, слѣдуя изначала опредѣленному направленію, отливаются отъ юго-запада къ сѣверо-востоку; народонаселеніе движется въ этомъ направленіи — и вмѣстѣ съ нимъ идетъ исторія. Область Верхней Волги колонизуется; мы видѣли, подъ влияніемъ такого начала произошла эта колонизація, какой характеръ вслѣдствіе этого приняли здѣсь отношенія новаго народонаселенія къ власти, его призвавшей, новыхъ городовъ — къ князьямъ, ихъ построившимъ, отношенія, опредѣлившія характеръ

новаго государства. Мы видѣли, какъ эти отношенія немедленно же обнаруживаютъ свое дѣйствіе; какъ, основываясь на нихъ, начинается борьба новаго порядка вещей съ старымъ, государственныхъ отношеній съ родовыми, и оканчивается торжествомъ первыхъ надъ послѣдними, вслѣдствіе чего Сѣверо-Восточная Русь собирается въ одно цѣлое; мы видѣли причины, почему она собирается около Москвы; видѣли, какъ Московскіе князья пользуются выгоднымъ положеніемъ своей срединной области, наибольшимъ стеченіемъ въ нее народонаселенія, богатыютъ, усиливаются, подчиняютъ себѣ остальныхъ князей, отбиваютъ и Татарь, и Литву.

Препятствія имъ при этомъ мало, пособій — много. Споспосовало имъ: отсутствіе сильныхъ областныхъ привязанностей, что условливалось природою страны, передвигно народонаселенія, привычкою переходить изъ одного княжества въ другое при первыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и вслѣдъ находить одинакія удобства, одинакій бытъ; неразвитость самостоятельной жизни въ городахъ Сѣверо-Восточной Руси, вслѣдствіе чего голоса ихъ при важныхъ событіяхъ, при важныхъ борьбахъ не слышно; характеръ сѣвернаго народонаселенія вообще, означала неохотно принимавшаго участіе въ усобицахъ, склоннаго къ мирнымъ занятіямъ, не легко увлекающагося, разсудительнаго. Народонаселеніе съ такимъ характеромъ скорѣе чѣмъ какому-либо другому должны были наскутить усобицы, сопряженныя съ ними безпокойства, бѣдствія; такое народонаселеніе должно было скорѣе другого понять, что единственнымъ выходомъ изъ этого положенія было единовластіе, подчиненіе всѣхъ князей одному, — сильнѣйшему, причѣмъ, какъ видно, народонаселеніе присоединяемыхъ къ Москвѣ княжествъ ничего не теряло, не имѣло повода жалѣть о своей прежней особности. Не могло быть сильныхъ препятствій со стороны дружины, ибо дружинники, какъ мы знаемъ, не были тѣсно связаны съ извѣстнымъ княземъ, съ извѣстнымъ — княжествомъ, имѣли право переходить отъ слабѣйшихъ князей къ сильнѣйшему, служба которому была выгоднѣе. Наконецъ, сословіе, пользовавшееся могущественнымъ нравственнымъ влияніемъ, сословіе духовное, изначала дѣйствовало въ пользу единовластія.

Извѣтъ Литва не могла мѣшать Москвѣ усиливаться, сильно и долго зашищала отъ нея слабѣйшія княжества; сначала Твтонскій Орденъ, еще могущественный, постоянно отвлекалъ вниманіе Литовскихъ князей на западъ; потомъ, послѣ брака Ягайлова на Ядвига, вниманіе ихъ было поглощено отношеніями къ Польшѣ, къ которымъ присоединялись еще отношенія къ падающему и распадающемуся Ордену, къ Богеміи, Венгріи. Патиски Швеціи и Ордена Ливонскаго были таковы, что отдѣльныхъ силъ Новгорода и Пскова было достаточно для противоборства имъ. Продаваемая за деньги, помощь татарская была постоянно готова для каждаго сильнаго и богатаго князя.

Между тѣмъ въ Европѣ происходятъ великія явленія; если на сѣверъ отъ Чернаго моря владычеству Азіатцевъ нанесенъ сильный ударъ отъ новорожденнаго Московскаго государства, если Куликовская битва предвозвѣстила конецъ давняго господства кочевыхъ варваровъ на великой восточной равнинѣ, вслѣдствіе начинающаго здѣсь сосредоточенія и усиленія европейскаго государства, то на югѣ одряхлѣвшая окончательно Византія пала предъ Турками. Европейскіе христіанскіе народы не поддержали Греческой имперіи: подобныхъ государствъ нельзя поддержать при всемъ желаніи и при всѣхъ средствахъ; кромѣ того, европейскіе народы въ описываемое время были сильно заняты у себя: то былъ знаменитый XV вѣкъ, когда юныя европейскія государства, послѣ тяжелаго внутренняго процесса, знаменующаго такъ называемую Среднюю исторію, стремились къ окончательному сосредоточенію, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ. На востокѣ одновременно видимъ сосредоточеніе сѣверныхъ русскихъ областей около Москвы, сосредоточеніе Польши и образованіе Литовскаго государства преимущественно изъ областей Руси Юго-Западной. Польша соединяется съ Литвою подъ одну династію, но соединяется внѣшнимъ соединеніемъ, ибо внутреннему препятствуетъ разность вѣроисповѣданій. И вотъ Римъ, пользуясь бѣдствіемъ Византіи, устроиваетъ дѣло соединенія церквей. Исидоръ, въ званіи митрополита всея Руси, подписываетъ во Флоренціи актъ соединенія; но въ Москвѣ этотъ актъ отвергнуть, здѣсь рѣшили остаться при древнемъ благочестіи: одно изъ тѣхъ великихъ рѣшеній, которыя на многіе вѣка впередъ опредѣляютъ судьбы народовъ! Если борьба между католицизмомъ и протестантизмомъ, борьба, предвозвѣщенная въ описываемое время Гуссомъ, опредѣлила надолго судьбы Западной Европы, то борьба между католицизмомъ и православіемъ, борьба, условленная отринутіемъ Флорентійскаго соединенія въ Москвѣ, опредѣлила судьбы Европы Восточной; вѣрность древнему благочестію, провозглашенная великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, поддержала самостоятельность Сѣверо-Восточной Руси въ 1612 году, сдѣлала невозможнымъ вступленіе на Московскій престолъ Польскаго королевича, повела къ борьбѣ за вѣру въ польскихъ владѣнцахъ, произвела соединеніе Малой Россіи съ Великою, условила паденіе Польши, могущество Россіи и связь послѣдней съ единовѣрными народами Балканскаго полуострова.

При такихъ обстоятельствахъ образовалось Московское государство. Формы, въ которыхъ оно образовалось, условливались отношеніями къ духовенству, дружинѣ и остальному народонаселенію; отношенія духовенства условливались византійскими преданіями; дружина не была дружиною завоева-

телей; сначала, на югѣ, при многочисленности членовъ княжескаго рода, члены дружины не могли пріобрѣсть значенія постоянныхъ областныхъ правителей; при господствѣ родовыхъ княжескихъ отношеній, при переходѣ князей изъ одной области въ другую, члены дружины не могли пріобрѣсть въ областяхъ значенія постоянныхъ знатнѣйшихъ землевладѣльцевъ; на сѣверѣ, при осыдлости князей, члены дружины получили возможность пріобрѣсть послѣднее значеніе; здѣсь видимъ богатія и могущественныя фамиліи; но сначала уже замѣчаемъ, что при самыхъ богатыхъ и могущественныхъ изъ нихъ богатство и могущество не остаются долго: Алексѣй Петровичъ Хвостъ гибнетъ, какъ видно, отъ соперниковъ своихъ, отъ Вельяминовыхъ; значеніе послѣднихъ никнетъ при Димитріи Донскомъ; при Василіи Димитріевичѣ поднимаются Кошки, но не сохраняютъ своего первенствующаго положенія при Василіи Темномъ; Всеволожскій, поднявшійся—было въ малолѣтство послѣдняго, скоро падаетъ, имѣние его также переходитъ къ великому князю, равно какъ имѣнія Свибловыхъ и Константиновичей. Соперничество фамилій безспорно много помогло и при уничтоженіи сана тысяцкаго и вообще помогало князьямъ управляться съ отдѣльными членами дружины, опасными или почему бы то ни было неудобными, тѣмъ болѣе что вообще очень важное значеніе дружины не затрогивалось. Съ другой стороны, значеніе старыхъ фамилій постоянно ослаблялось приливомъ знатныхъ выходцевъ, искавшихъ службы при дворѣ сильныхъ князей Московскихъ; особенно въ послѣднее время пріѣзжаетъ много князей, Рюриковичей и Гедиминовичей, которые въ описываемый періодъ сохраняютъ свое первенствующее положеніе, именуются прежде бояръ; пришельцы захватываютъ, оттѣсняютъ членовъ старыхъ фамилій; неудовольствіе послѣднихъ не можетъ вести ни къ чему: безъ нихъ обойдутся,—другихъ слугъ много; невыгодно промѣнять службу въ сильной, богатой Москвѣ на службу въ другомъ княжествѣ; если же недовольный и отъѣдетъ, начнетъ крамолить, поджигать уособы, то всѣ эти уособы оканчивались торжествомъ князя Московскаго, причемъ извѣстна участь Вельяминова, Всеволожскаго, Константиновичей. При постоянномъ движеніи, пріѣздѣ отовсюду новыхъ слугъ, трудно было образоваться какимъ нибудь постояннымъ отношеніямъ и положеніямъ, и потому видимъ смѣны, перемѣненія; въ концѣ описываемаго времени видимъ на первомъ планѣ или князей, или членовъ такихъ родовъ, которыхъ не видимъ прежде на первомъ мѣстѣ.—Касательно отношеній остальнаго народонаселенія намъ не нужно ничего прибавлять къ тому, что было прежде сказано о значеніи городовъ Сѣверо-Восточной Руси.

Такъ образовалось Московское государство.

ИСТОРИЯ РОССИИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ пятый.

I. Княженіе Іоанна III Васильевича.

Глава I.

Новгородъ Великій.

Значеніе Іоанна III и характеръ его. — Состояніе Новгорода Великаго. — Литовская сторона. — Боревскіе. — Столкновение съ великимъ княземъ. — Осторожное поведеніе великаго князя и митрополита. — Избраніе владыки. — Вѣчевая усобица. — Договоръ съ Казимиромъ Литовскимъ. — Война Новгорода съ Москвою. — Миръ по старинѣ. — Посвященіе владыки Феофила. — Новгородское беззаряде; обиженные обращаются къ суду великокняжескому. — Мирный пріѣздъ Іоанна въ Новгородъ для управы. — Судъ. — Жалобники ѣдутъ въ Москву. — Государь и господинъ. — Іоаннъ хочетъ быть государемъ въ Новгородѣ. — Новая война. — Приравненіе Новгорода къ Москвѣ. — Движенія въ Новгородѣ въ пользу старины. — Казни и переселенія. — Присоединеніе Вятки. — Ссоры Псковичей съ наместниками великокняжескими. — Московскій великій князь распоряжается въ Рязани. — Присоединеніе Твери къ Москвѣ; окончательное присоединеніе Ярославля и Ростова.

Иногда видимъ мы, какъ цѣлыя поколѣнія, въ продолженіи многихъ и многихъ лѣтъ, тяжелыми трудами накаплиютъ большія богатства: сынъ прибавляетъ къ тому, что было накоплено отцомъ, внукъ увеличиваетъ собранное отцомъ и дѣдомъ; тихо, медленно, незамѣтно дѣйствуютъ они, подвергаются лишеніямъ, живутъ бѣдно, — и вотъ, наконецъ, накопленные средства достигаютъ обширныхъ размѣровъ, и вотъ, наконецъ, счастливый наслѣдникъ трудолюбивыхъ и бережливыхъ предковъ начинаетъ пользоваться доставшимся ему богатствомъ. Онъ не расточаетъ его, напротивъ — увеличиваетъ: но при этомъ способъ его дѣйствій, но самой обширности средствъ, отличается уже большими размѣрами, становится громокъ, виденъ, обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, ибо имѣетъ вліаніе на судьбу, на благосостояніе многихъ. Честь и слава человека, который такъ благоразумно умѣлъ воспользоваться доставшимися ему средствами; но при этомъ должны ли быть забыты скромные предки, которые своими трудами, бережливостію, лишеніями доставили ему эти средства?

Счастливый потомокъ пѣлаго ряда умныхъ, трудолюбивыхъ, бережливыхъ предковъ, Іоаннъ III вступилъ на Московскій престолъ, когда дѣло собранія Сѣверо-Восточной Руси могло почитаться уже оконченнымъ; старое зданіе было совершенно

расшатано въ своихъ основаніяхъ, и нужень былъ послѣдній, уже легкій ударъ, чтобъ дорунуть его. Отношенія всѣхъ частей народонаселенія ко власти княжеской издавна уже опредѣлились въ пользу послѣдней: надлежало только воспользоваться обстоятельствами, воспользоваться преданіями, доставшимися въ наслѣдство отъ Византійской имперіи, чтобъ выказать яснѣ эти отношенія, дать имъ точнѣйшее опредѣленіе. Новгородъ Тверь, удѣлы княжества Московскаго ждали не послѣдняго удара, но, можно сказать, только перваго движенія со стороны Москвы, чтобъ присоединиться, приравняться къ ней. Орда надала сама собою отъ раздѣленія, усобицы, и стоило только воспользоваться этимъ раздѣленіемъ и усобицами, чтобъ такъ называемое Татарское иго исчезло безъ большихъ усилій со стороны Москвы. На западѣ король Польскій и великій князь Литовскій заняты внутри раздѣленіемъ между Польшею и Литвою, раздѣленіемъ, господствующимъ подъ видомъ соединенія; сильно заняты извнѣ отношеніями къ Пруссіи, Богеміи, Венгрии, не можетъ мѣшать Москвѣ въ ея усиленіи, не можетъ бороться съ нею и уступаетъ ей цѣлыя области. Спокойный, единовластный внутри, Московскій князь пользуется своими средствами, пользуется собраніемъ Сѣверо-Восточной Руси, совершеннымъ его предками, пользуется счастливыми вѣчными

обстоятельствами, затруднительнымъ положеніемъ сосѣдей, чтобъ начать наступательное движеніе на востокъ, на племена финскія, на царства татарскія; относительно же юго-запада припоминаетъ, что Кіевъ, Смоленскъ, Витебскъ и Полоцкъ издѣлава его предковъ отчизны. Съ прекращеніемъ внутренняго движенія для собранія Земли, съ утверженіемъ единовластія и съ началомъ вѣдшихъ движеній, замкнутость, отчужденность Сѣверо-Восточной Руси необходимо начинать прекращаться: державы Западной Европы узнаютъ, что на сѣверо-востокъ существуетъ обширное, самостоятельное Русское государство, кромѣ той Руси, которая подчинена Польскимъ королямъ, и начинаютъ отправлять въ Москву пословъ, чтобъ познакомиться съ новымъ государствомъ и попытаться, нельзя ли употребить его средства для общихъ европейскихъ цѣлей. Первымъ необходимымъ слѣдствіемъ начавшихся сношеній съ западными государствами было появленіе западныхъ художниковъ въ Москвѣ, которая такимъ образомъ начинаетъ пользоваться плодами европейской цивилизаціи. Понятно, что все это были только начатки слабые: сношенія съ западными державами не шли далѣ Италіи, Даніи, Германской имперіи; сношенія съ послѣднею скоро должны были прекратиться по недостатку общихъ интересовъ; какъ и прежде татарскія орды на востокъ и югъ, Литва и Швеція—на западъ—ограничивали политической горизонтъ Московскаго государства.

Таковы были слѣдствія собранія Русской Земли около Москвы, слѣдствія необходимо обнаружившіяся во второй половинѣ XV вѣка, въ княженіе Іоанна III, который, пользуясь полученными отъ предковъ средствами, пользуясь счастливымъ положеніемъ своимъ относительно сосѣднихъ государствъ, доканчиваетъ старое и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо начинаетъ новое. Это новое не есть слѣдствіе его одной дѣятельности, но Іоанну III принадлежитъ почетное мѣсто среди преемателей Русской Земли, среди образователей Московскаго государства; Іоанну III принадлежитъ честь за то, что онъ умѣлъ пользоваться своими средствами и счастливыми обстоятельствами, въ которыхъ находился во все продолженіе жизни. При пользованіи своими средствами и своимъ положеніемъ, Іоаннъ явился истымъ потомкомъ Всеволода III и Калиты, истымъ княземъ Сѣверной Руси: расчетливость, медленность, осторожность, сильное отвращеніе отъ мѣръ рѣшительныхъ, которыми было можно много выиграть, но и потерять, и при этомъ стойкость въ доведеніи до конца разъ начатаго, хладнокровіе,—вотъ отличительныя черты дѣятельности Іоанна III.—Благодаря извѣстіямъ Венеціанца Контарини, мы можемъ имѣть нѣкоторое понятіе и о физическихъ свойствахъ Іоанна: онъ былъ высокій, худощавый, красивый мужчина; изъ прозвища „Горбатый“, которое встрѣчается въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, должно заключать, что онъ, при высокомъ ростѣ, былъ сутуловатъ.

Мы видѣли, что только увѣщанія Новгородскаго

архіепископа Іоны, пользовавшагося особеннымъ уваженіемъ въ Москвѣ, и послѣдовавшая вскорѣ смерть великаго князя отвратили отъ Новгорода послѣдній ударъ, который хотѣлъ нанести ему Василій Темный, жаловавшійся, что Новгородцы не чтутъ его, какъ слѣдуетъ. Дѣйствительно, особый бытъ Новгорода давно уже поддерживался только усобицами княжескими, и необходимымъ слѣдствіемъ ихъ прекращенія было приравненіе Новгорода къ другимъ городамъ Сѣверной Руси, полное подчиненіе его князьямъ Московскимъ; Василій Темный, какъ скоро избавился отъ опасныхъ или безпокойныхъ князей, такъ началъ тяготиться, что Новгородъ не воздастъ ему достойной чести, ему, который держитъ въ рукахъ всѣхъ князей; понятно, что если самъ Василій не успѣлъ освободить себя отъ такихъ неприятныхъ для него отношеній, то сынъ его долженъ былъ объ этомъ позаботиться. Новгородцы не могли не понимать всей опасности своего положенія, не могли не видѣть, что противъ сына Василіева не будетъ имъ помощи ни отъ кого изъ князей Сѣверной Руси, и потому должны были искать помощи въ другой сторонѣ. Кромѣ великаго князя Московскаго, теперь сильнаго, спокойнаго, замышлявшаго нанести послѣдній ударъ Новгороду, былъ еще великій князь Литовскій, который назывался также и Русскимъ; къ этому князю отъѣзжали изъ Сѣверо-Восточной Руси всѣ князья недовольные, лишенные отчизнъ, угрожаемые княземъ Московскимъ; къ нему обратились и Новгородцы въ послѣдній, рѣшительный часъ. Но великій князь Литовскій и вмѣстѣ король Польскій былъ католикъ; отложиться отъ Московскаго князя и поддаться Литовскому, отложиться отъ Московскаго митрополита и признать свою зависимость отъ митрополита Кіевскаго, митрополита подозрительнаго по своему поставленію, ученика Исидорова,—въ глазахъ многихъ, въ глазахъ большинства въ Новгородѣ, въ глазахъ всего сѣвернаго русскаго народонаселенія значило измѣнить православію, приложиться къ латинству, или, по крайней мѣрѣ, подвергнуть древнее благочестіе сильной опасности. Такимъ образомъ, мысль о подданствѣ великому князю Литовскому встрѣчала сопротивленіе въ господствующемъ чувствѣ большинства въ Новгородѣ, въ привязанности къ вѣрѣ предковъ; такимъ образомъ, Москва, въ окончательной борьбѣ своей съ Новгородомъ, имѣла могущественнаго нравственнаго союзника, общаго вѣрную побѣду: этотъ союзникъ былъ—православіе.

И прежде не разъ великіе князья Литовскіе предлагали свое покровительство Новгороду; нѣхъ предложенія были отвергаемы; и нельзя не замѣтить, что главнымъ побужденіемъ къ тому было иновѣрство Гедиминичей, хотя, съ другой стороны, и отъ Москвы не было еще тогда такой опасности, которая бы заставила Новгородцевъ быть внимательнѣе къ предложеніямъ изъ Литвы. Но мысль, что рано или поздно придется просить помощи у Литвы,—эта мысль не могла уже быть

чуждою въ Новгородѣ, и здѣсь нашлись люди, которые не раздѣляли мнѣнія большинства относительно препятствій къ соединенію съ Литвою. Замѣтно было уже и прежде раздвоеніе между гражданами новгородскими, между лучшими и меньшими людьми; теперь, въ рѣшительную минуту, это раздѣленіе повело къ разномыслию относительно самаго важнаго шага, а это разномыслие, въ свою очередь, усиливало вражду между сторонами. Есть извѣстіе, что будто бы еще въ тридцатыхъ годахъ столѣтія была въ Новгородѣ смута отъ желанія знатныхъ людей присоединиться къ Литвѣ¹⁾. Въ рѣшительную минуту борьбы Новгородъ былъ раздѣленъ; въ Москвѣ не могли не знать о существованіи литовской стороны, которая, разумѣется, должна была утверждать, что соединеніе съ Литвою вовсе не опасно для православія; что въ старомъ Кіевѣ такой же православный митрополитъ, какъ и въ Москвѣ. Для ослабленія литовской стороны, надобно было возражать на это, надобно было удержать прежде всего владыку Новгородскаго отъ признанія Кіевского митрополита Григорія православнымъ, законнымъ, — и вотъ Іоаннъ III посылаетъ къ владыкѣ Іонѣ съ такими рѣчами: „Тебѣ извѣстно, откуда пришелъ этотъ Григорій и отъ кого поставленъ, — пришелъ онъ изъ Рима, отъ папы, и поставленъ въ Римѣ же бывшимъ Цареградскимъ патріархомъ Григоріемъ, который повиновался папѣ съ осьмаго собора. Ты знаешь также, за сколько лѣтъ отдѣлилась Греческая Церковь отъ Латинской, и Святыми Отцами утверждено, чтобы не соединяться съ латинствомъ. Ты долженъ хорошо помнить, какой обѣтъ далъ ты Іонѣ митрополиту, когда пріѣзжалъ къ намъ въ Москву: ты общалъ не приступать къ Григорію, не отступать отъ Іоны митрополита всяя Руси и отъ его преемниковъ; такой же обѣтъ повторилъ и митрополиту Теодосію, и нынѣшнему Филиппу... Такъ если тотъ Григорій начнетъ подсылать къ тебѣ или къ Новгородцамъ съ какими-нибудь рѣчами или письмами, то ты, богомолецъ нашъ, поберегись, и своимъ дѣламъ внуши, чтобы Григорьеву посланію не вѣрили, рѣчей его не слушали и даровъ не принимали; да помни, отецъ, свой обѣтъ, который ты далъ на своемъ поставленіи отцу нашему Іонѣ митрополиту и всѣмъ его преемникамъ“²⁾.

Въ челѣ стороны литовскія стояли Борецкіе, дѣти умершаго посадника Исака Борецкаго. Мы видѣли, какое важное значеніе въ семействахъ княжескихъ получали матери по смерти отцовъ;

¹⁾ Въ житіи Св. Михаила Клопскаго читаемъ: «Сему же чудному Еуфимію (владыкѣ, второму этого имени) возведену бывшу на престолъ, случижеса тогда нестроеніе въ градѣ: ови отъ гражданъ прилежаху по древнему преданію русскимъ царемъ, вельможи же града вси и старѣйшины хотяху Латини приложитися и снхъ Кралоу повиноватися. И тако нестроенію велику сушу, и того ради блаженному Еуфимію несовершившуся архіерейства саномъ три лѣта». Въ послѣднемъ извѣстіи о трехъ годахъ есть неточность, и вообще этого извѣстія безусловно признать нельзя.

²⁾ Акты арх. эксп. I, № 80.

такъ было и въ семьяхъ частныхъ: вдова Исака Борецкаго, Мароа, имѣла сильную власть надъ дѣтьми по обычаю и по личному характеру, и посредствомъ этой власти пользовалась могущественнымъ вліяніемъ на дѣла роднаго города. Существованіе сильной стороны, Москвѣ враждебной, ожесточеніе, такъ рѣзко обнаружившееся въ нѣкоторыхъ Новгородцахъ послѣ похода Василія Темнаго, не могли не повести къ враждебнымъ столкновеніямъ Новгорода съ Москвою въ княженіе преемника Василіева; въ Новгородѣ стали утаивать великокняжескія пошлны; стали заводить опять за себя земли и воды, уступленные прежде по суду Москвѣ; съ большаго вѣча шумная толпа людей являлась на великокняжескій дворъ, на Городище, бранили, безчестили намѣстниковъ, посла Іоаннова; по одному изъ условій договора Василіева, московскіе подданные, тяжущіеся съ Новгородцами, судились новгородскимъ бояриномъ вмѣстѣ съ московскимъ на Городищѣ; Новгородцы, забывъ объ этомъ условіи, схватили на Городищѣ какихъ-то двухъ князей, за отказомъ, въ имени великаго князя, людей ихъ взяли, били, свели въ городъ и мучили³⁾; наконецъ, новгородскіе порубежники нападали на волости московскія. Великій князь во все это время былъ занятъ войною Казанскою; съ другой стороны, по природной осторожности своей, онъ могъ бояться рѣшительными, строгими требованіями усилить, увеличить число приверженцевъ литовскихъ и заставить Новгородъ поддаться Казимиру. Нѣсколько разъ отправлялъ онъ въ Новгородъ пословъ съ требованіемъ, чтобы отчина его исправилась, жила по старинѣ. Теперь это слово „старина“ въ устахъ великокняжескихъ получала особое значеніе; до сихъ поръ, въ отношеніи къ великимъ князьямъ, Новгородцы имѣли важное преимущество дѣйствовать во имя старины; теперь, замышляя подданство литовское, они теряли это преимущество, переходившее на сторону великаго князя; сперва Новгородцы не требовали отъ князей ничего болѣе, кромѣ исполненія старинныхъ условій; теперь великій князь требуетъ отъ Новгородцевъ сохраненія старины.

И митрополитъ Московскій держался также старины; мы видѣли, что Псковичи постоянно тяготились зависимостью своею отъ владыки Новгородскаго, который, въ ихъ глазахъ, не исполнялъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ нимъ, какъ слѣдуетъ, отъ чего происходили сильныя неурядица въ Псковской церкви. Въ концѣ 1463 года Псковичи отправили къ великому князю гонца съ двумя грамотами: въ одной написана была благодарность отъ всего Пскова за то, что Іоаннъ прислалъ воеводу своего оборонять Псковъ отъ Нѣмцевъ, причемъ прибавлено: „Хотѣли мы слать къ тебѣ, своему Государю, людей честныхъ, посадниковъ и бояръ, да за тѣмъ не послали, что не пропуститъ Великій Новгородъ“. Великій князь съ удивленіемъ

³⁾ П. С. Р. Л. VI, 3.

сказалъ гонцу: „Какъ это вы побоялись моей отчины, Великаго Новгорода? какъ Новгородцамъ не пропустить вашихъ пословъ ко мнѣ, когда они у меня въ крестномъ цѣлованіи?“ Другая грамота объявляла дѣло: въ ней Псковичи просили, чтобъ великій князь велѣлъ митрополиту поставить особаго владыку во Псковѣ—ихъ же брата, Псковитина. Иоаннъ отвѣчалъ: „Это дѣло великое; хотимъ у немъ съ отцомъ своимъ, митрополитомъ, крѣпко подумать; отецъ нашъ пошлетъ за архіепископами и епископами, и если они все согласятся, то мы вамъ дадимъ знать“. Въ началѣ слѣдующаго года Псковичи возобновили просьбу чрезъ знатныхъ пословъ, которые привезли великому князю въ подарокъ 50 рублей; но успѣха не было: Иоаннъ, подумавши съ митрополитомъ, объявилъ, что нельзя быть во Псковѣ особому владыкѣ, потому что съ самаго начала не бывалъ, и нѣтъ стола во Псковѣ. Псковичи принуждены были возвратить Новгородскому владыкѣ воды, земли и все оброки, которые было-завзвали въ надеждѣ, что Москва исполнитъ ихъ желаніе. Въ концѣ 1468 года онъ попытался—было опять ввести новизну въ своемъ церковномъ управленіи,—и опять неудачно: все монахи и священники псковскіе, все пять соборовъ, благословивши посадниковъ и весь Псковъ на вѣчѣ, сказали: „Хотимъ, дѣти, между собою, по правиламъ Св. Апостоловъ и Св. Отца, во всемъ священствѣ крѣпость положить, какъ намъ управляться и жить по Номоканону; а вы намъ, дѣти, будьте поборники, потому что здѣсь правителя надъ нами нѣтъ, и намъ самимъ между собою крѣпости удержать нельзя, да и вы иногда вступаетесь міромъ въ церковныя дѣла не по правиламъ; такъ мы хотимъ и на васъ такую же крѣпость положить“. Псковъ имъ отвѣчалъ: „То вѣдаете вы, все Божіе священство, и мы вамъ поборники на всякій добрый совѣтъ“. Тогда все пять соборовъ и все священство написали грамоту изъ Номоканона о своихъ священническихъ крѣпостяхъ и о церковныхъ дѣлахъ, и положили грамоту въ ларь, а для исполненія грамоты правителями надъ собою на вѣчѣ предъ всемъ Псковомъ посадили двоихъ священниковъ. Но скоро клеветники встали на одного изъ этихъ правителей, и онъ убѣжалъ въ Новгородъ къ владыкѣ. Владыка, узнавши о новизнѣ, пріѣхалъ въ началѣ 1469 года во Псковъ и спросилъ: „Кто это такъ сдѣлалъ безъ моего вѣдома? я самъ хочу здѣсь судить, и вы бы грамоту вынули и подрали“. Все Божіе священство, посадники и весь Псковъ, подумавши, отвѣчали: „Самъ, господинъ, знаешь, что тебѣ здѣсь не долго быть и нашего дѣла тебѣ скоро нельзя управить, потому что въ это послѣднее время въ церквахъ между священниками смущеніе сильное, такъ что всего и сказать нельзя, сами они хорошо объ этомъ знаютъ; такъ вотъ грамоту изъ Номоканона выписали и въ ларь положили по вашему же слову; самъ ты, господинъ, и прежніе владыки благословляли пять соборовъ управлять всякими дѣлами священническими по Номоканону, вмѣстѣ съ своимъ намѣ-

стникомъ“. Владыка сказалъ: „Доложу объ этомъ митрополиту и дамъ вамъ знать, какъ онъ прикажетъ“. Митрополитъ благословилъ, а великій князь приказалъ, чтобъ Псковичи все управленіе священническое положили на архіепископѣ Новгородскомъ, потому что такъ искони предано, и весь Псковъ митрополитиче благословленіе, и государя своего, великаго князя слово принялъ, вынулъ грамоту изъ ларя и подралъ.

Между тѣмъ въ Москву пріѣхалъ изъ Новгорода посольство, посадникъ Василій Анашинъ, правилъ посольство о своихъ дѣлахъ земскихъ новгородскихъ, относительно же великокняжескихъ жалобъ не сказалъ ни слова, и когда бояре напомнили ему о нихъ, отвѣчалъ: „Великій Новгородъ объ этомъ не мнѣ приказалъ“. Великаго князя раздосадовала такая грубость, что Новгородцы о своихъ земскихъ дѣлахъ къ нему посылаютъ и челомъ бьютъ, а въ чемъ ему грубятъ, то забываютъ; онъ велѣлъ Анашину сказать Новгородцамъ: „Исправьтесь, отчина моя, сознайтесь, въ земли и воды мои не вступайтесь, имя мое держите честно и грозно по старинѣ, какъ мнѣ посылайте битъ челомъ по докончанію, а я васъ, свою отчину, жаловать хочу и въ старинѣ держу“. Отправивши такое умѣренное требованіе, безъ всякихъ угрозъ, Иоаннъ однако не очень надѣялся на удовлетворительный для себя отвѣтъ со стороны Новгорода, и сталъ думать о походѣ, послалъ сказать Псковичамъ: „Если Великій Новгородъ не добьетъ мнѣ челомъ о моихъ старинахъ, то отчина моя Псковъ послужилъ бы мнѣ великому князю на Великій Новгородъ за мои старины“.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда, въ ноябрѣ 1470 года, умеръ Новгородскій владыка Иона, а чрезъ два дня послѣ его смерти пріѣхалъ въ Новгородъ братъ Кіевского князя—намѣстника Семена, Михайло Александровичъ, или Оельковичъ, выпрошенный Новгородомъ у короля Казимира, пріѣхалъ въ сопровожденіи многочисленной толпы, и былъ принятъ съ честью. Принимать съ честью князей литовскихъ и давать имъ кормленіе на пригородахъ не было новостію для Новгорода, и подобныя приемы прежде не вели къ разрыву съ Московскими князьями, которые продолжали держать въ Новгородѣ своихъ намѣстниковъ. Такъ и теперь: Новгородцы, принявши Оельковича, не показали пути намѣстнику Иоанновымъ; но теперь обстоятельства были уже другія; теперь пробилъ рѣшительный часъ, теперь громко и ясно былъ высказанъ вопросъ: оставаться ли за Москвою, или просить покровительства у короля Литовскаго?—и при рѣшеніи этого вопроса раздѣлился на двѣ стороны. Оельковича выпросили у Казимира не для защиты отъ Шведовъ или Нѣмцевъ,—выпросила его сторона литовская для усиленія себя, для угрозы Москвѣ.

Черезъ десять дней послѣ смерти Ионы, посадники, тысяцкіе и весь Великій Новгородъ, поставя вѣче у Св. Софіи, положили три жребія на пре-

столѣ: жребій Варсонофія, духовника, Пимена, ключника, и Теофила, ризничьяго архіепископскихъ; вынудя жребій Теофиловъ; избраннаго, по старинѣ, ввели честно во владычній дворъ, на сѣни, и, по старинѣ, отправили посла въ Москву, бить челомъ великому князю, просить опасной грамоты для пріѣзда Теофила и посвященія его въ архіепископы у гроба Чудотворца Петра. Но сторона литовская, Борецкіе съ Олельковичемъ дѣйствовали: говорятъ, что князь Михаилъ указывалъ Марѣ жениха въ одномъ изъ пановъ литовскихъ, въ будущемъ наѣстникѣ новгородскомъ, съ которымъ она станетъ правительницею роднаго города. Ключникъ владычній Пименъ, потерявши надежду стать архіепископомъ по жребію, думалъ получить свое желаніе при новомъ порядкѣ вещей, тѣмъ болѣе что Теофиль былъ за старину, требовалъ, чтобъ его отправили непременно на поставленіе въ Москву; Пименъ, напротивъ, сталъ объявлять: „Хотя на Кіевъ меня пошлите, я и туда на свое постановленіе поѣду“; хозяинъ богатой казны архіепископской, Пименъ передалъ много денегъ Марѣ для подкупа людей на свою сторону. Но такое поведеніе Пимена, разграбленіе казны владычней и желаніе идти наперекоръ священному древнему обычаю, по которому былъ избранъ Теофиль, возбудили сильное негодованіе въ Новгородѣ: Пимена схватили. мучили, казну его разграбили, и, кромѣ того, взыскали 1.000 рублей. Пришелъ и отвѣтъ изъ Москвы на просьбу о позволеніи пріѣхать Теофилу; великій князь велѣлъ сказать: „Отчина моя, Великій Новгородъ, прислалъ ко мнѣ бить челомъ, и я его жалую, нареченному владыкѣ Теофилу ведю бего у себя и у митрополита для поставленья безъ всякихъ зацѣпокъ, по прежнему обычаю, какъ было при отцѣ моемъ, дѣдѣ и прадѣдахъ“.

Люди, не хотѣвшіе развратъ съ Москвою, и въ томъ числѣ Теофиль, образовались дружелюбному отвѣту Іоаннову; но въ это самое время явились послы псковскіе съ такою рѣчью: „Насъ великій князь, а нашъ государь поднимаетъ на васъ; отъ васъ же, своей отчины, челобитья хочеть. Если вамъ будетъ надобно, то мы за васъ, свою братью, ради отправить посла къ великому князю, бить челомъ о миродокончальной съ вами грамотѣ; такъ вы бы посламъ нашимъ дали путь по своей вотчинѣ къ великому князю“. Это посольство доставило приверженцамъ литовскимъ предлогъ къ возстанію; на вѣчѣ раздался голоса: „Не хотимъ за великаго князя Московскаго, не хотимъ называться его отчиною, мы люди вольные; не хотимъ терѣгъ обиды отъ Москвы, хотимъ за короля Казимира! Московскій князь присылаетъ опасную грамоту нареченному владыкѣ, а между тѣмъ поднимаетъ на насъ Псковичей, и самъ хочеть идти“. Въ отвѣтъ, слышались крики стороны противной: „Хотимъ, по старинѣ, къ Москвѣ; нельзя намъ отдаться за короля и поставить владыку у себя отъ митрополита латинца“. Вѣчевая усобица

должна была рѣшить вопросъ о томъ, за кѣмъ быть Новгороду—за Литовскимъ или Московскимъ княземъ? какъ прежде она рѣшала, какого князя принять—Кіевского, Черниговскаго или Суздальскаго. Природа вѣча давала сторонѣ богатѣйшей возможность осилить противниковъ менѣе богатыхъ наймомъ людей, которые продавали не только свои голоса на вѣчѣ, но и свои руки, когда дѣло доходило до схватки. По словамъ лѣтописца, приверженцы Литвы стали нанимать худыхъ мужиковъ вѣчниковъ, которые готовы стать за всякаго, по своему обычаю; вѣчники начали звонить въ колокола, кричать: „Хотимъ за короля!“ и бросать камнями въ тѣхъ, которые хотѣли оставаться за Московскимъ княземъ. Наконецъ литовская сторона осилла: отправили посла съ поминками и съ челобитьемъ къ королю, и король заключилъ договоръ со вѣмъ Великимъ Новгородомъ, мужами вольными,—обязался держать въ Городищѣ намѣстника вѣры греческой, православнаго христіанства; намѣстникъ, дворецкій и тиуны королевскіе, живя на Городищѣ, не могли имѣть при себѣ болѣе пятидесяти человѣкъ. Пойдетъ великій князь Московскій на Великій Новгородъ, или сынъ его, или братъ, или которую Землю поднимаетъ на Великій Новгородъ,—королю садиться на коня за Новгородъ со всею радю литовскою; если же король, не помиривъ Новгорода съ Московскимъ княземъ, поѣдетъ въ Польскую Землю или Нѣмецкую, и безъ него пойдетъ Москва на Новгородъ, то рада литовская садится на коня и обороняетъ Новгородъ. Король не отнимаетъ у Новгородцевъ ихъ вѣры греческой православной, и гдѣ будетъ любо Великому Новгороду, тутъ и поставитъ себѣ владыку; римскихъ церквей король не ставитъ ни въ Новгородѣ, ни въ пригородахъ, ни по всей Землѣ Новгородской. Что въ Псковѣ судъ, печать и земли Великаго Новгорода, то къ Великому Новгороду по старинѣ. Если король помирить Новгородъ съ Московскимъ княземъ, то возьметъ черный боръ по новгородскимъ волостямъ, одинъ разъ, по старымъ грамотамъ, а въ иные годы чернаго бору ему не надобно. Король держитъ Новгородъ въ волѣ мужей вольныхъ, по ихъ старинѣ и по крестной грамотѣ; цѣлуетъ крестъ ко всему Великому Новгороду за все это княжество и за всю радю литовскую.—Между этими условіями съ Казимиромъ не встрѣчаемъ условія о правѣ короля раздавать волости, грамоты вмѣстѣ съ посадникомъ, не лишать волостей безъ вины; имѣть условія о правѣ короля брать даръ со вѣсѣхъ волостей новгородскихъ, о правѣ охотиться въ извѣстныхъ мѣстахъ, посылать своего осетреника и медовара; о правѣ посылать своего мужа за Волокъ. Замѣчательно въ договорѣ съ Казимиромъ выраженіе „вольные люди“, которое повторяютъ Новгородцы, говоря о себѣ, чего не находимъ въ прежнихъ договорахъ съ князьями Рюриковичами; наконецъ должно замѣтить, что Новгородцы требуютъ отъ Казимира при-

сяги за раду литовскую, о Польшѣ не упоминается ни слова ¹⁾).

Отправивши пословъ въ Литву, послали сказать Псковичамъ: „Вашего посла къ великому князю не хотимъ поднимать ²⁾, и сами ему челомъ бить не хотимъ; а вы бы за насъ противъ великаго князя на коня сѣли, по своему съ нами миродокончанію“ Псковъ далъ на это такой отвѣтъ: „Какъ вамъ князь великій отошлетъ складную грамоту, то объявите намъ, мы тогда, подумавши, отвѣтимъ“. Но Псковичи не долго думали и объявили московскому послу, что будутъ помогать великому князю.

Послѣдній, узнавъ о побѣдѣ литовской стороны, хотѣлъ испытать еще мирныя средства, и отправилъ въ Новгородъ посла съ жалованіемъ и добрыми рѣчами: „Чтобы отчина его, Новгородцы, отъ православія не отступали, лихую мысль изъ сердца выкинули, къ латинству не приставали, и ему бы, великому князю, челомъ били, да исправились, а онъ великій государь жалуетъ ихъ и въ старинѣ держитъ“ ³⁾. Митрополитъ Филиппъ также послалъ увѣщательныя грамоты: „Сами знаете, дѣти, съ какого времени господаи православные, великіе князья Русскіе, начались; начались они съ великаго князя Владиміра, продолжаютъ до нынѣшняго Іоанна Васильевича; они господаи христіанскіе русскіе и ваши господа, отчичи и дѣдичи, а вы ихъ отчина изъ старины мужи вольные. Господинъ и сынъ мой князь великій сказываетъ, что жаловалъ васъ и въ старинѣ держалъ и впередъ жаловать хочеть, а вы, сказываетъ, своихъ обѣщаній ему не исполняете ⁴⁾... Ваши лиходѣи наговариваютъ вамъ на великаго князя: „Опасную-то грамоту онъ владыкѣ нареченному далъ, а между тѣмъ Псковичей на насъ поднимаетъ и самъ хочеть на насъ идти“. Дѣти! такія мысли врагъ дьяволь вкладываетъ людямъ; князь великій еще до смерти владыки и до нашего челобитья объ опасной грамотѣ послалъ сказать Псковичамъ, чтобы они были готовы идти на васъ, если вы не исправитесь; а когда вы прислали челобитье, такъ и его жалованье къ вамъ тотчасъ пошло. И о томъ, дѣти, подумайте: царствующій градъ Константинополь до тѣхъ поръ непоколебимо стоялъ, пока соблюдалъ православіе; а когда оставилъ истину, то и впалъ въ руки поганыхъ. Сколько лѣтъ ваши прадѣды своей старины держались неотступно; а вы, при концѣ послѣдняго времени, когда человѣку нужно душу свою спасать въ православаніи, вы теперь, оставя старину, хотите за латинскаго государя закладываться! Много у васъ людей моло-

дыхъ, которые еще не навъкли доброй старинѣ, какъ стоять и бороться по благочестію, а иные, оставшись по смерти отцовъ ненаказанными, какъ жить въ благочестіи ⁵⁾, собираются въ сонмы и поопряютъ на земское неустроеніе. А вы, сыны православные, старые ⁶⁾ посадники новгородскіе и тысяцкіе, и бояре, и купцы, и весь Великій Новгородъ, сами остерегитесь, старые молодыхъ понаучите, лихихъ удержите отъ злаго начинанія, чтобы не было у васъ латинскія похвалы на вѣру православныхъ людей“ ⁷⁾.

Всѣ эти увѣщанія не помогли; надобно было садиться на коня. Въ маѣ 1471 года, великій князь созываетъ на думу братьевъ своихъ, митрополита, архіереевъ, бояръ и воеводъ, объявляетъ, что необходимо выступить въ походъ на Новгородцевъ за ихъ отступление, но спрашиваетъ — выступать ли немедленно, или ждать зимы? потому что Земля Новгородская наполнена большими озерами, рѣками, болотами непроходимыми; прежніе великіе князья лѣтомъ на Новгородъ не хаживали, а кто ходилъ, тотъ много людей терялъ. Рѣшили выступить немедленно, и великій князь занялся распоряженіями къ походу; беречь Москву и управлять Русскою Землею, во время отсутствія своего, оставилъ сына Іоанна, при которомъ приказалъ быть брату Андрею Васильевичу Старшему, вмѣстѣ съ служилымъ татарскимъ царевичемъ Муртовою. Съ собою въ походъ бралъ великій князь братьевъ Юрія, Андрея Меньшаго и Бориса, князя Михаила Андреевича Верейскаго съ сыномъ и другого татарскаго служилаго царевича Даньяра; выпросилъ съ собою въ походъ у матери дѣяка ея, Степана Бородатого, знавшаго хорошо лѣтописи, умѣяшаго прискаать въ нихъ, что нужно къ дѣлу: на случай, если придутъ новгородскіе послы, то Степанъ напомнитъ ему, что говорить о ихъ старыхъ измѣнахъ, какъ они измѣняли въ давнія времена отцамъ его, дѣдамъ и прадѣдамъ ⁸⁾. Въ Новгородѣ отправленъ былъ посоль съ разметными грамотами, въ Тверь — съ просьбою о помощи, во Псковъ и Вятку — съ приказомъ идти на новгородскія владѣнія. И прежде въ лѣтописяхъ отражается нерасположеніе сѣверо-восточнаго народонаселенія къ Новгороду; но теперь, при описаніи похода 1471 года, замѣчаемъ сильное ожесточеніе: „Невѣрные, говорить лѣтописецъ, изначала не знаютъ Бога; а эти Новгородцы столько лѣтъ были въ христіанствѣ, и подкоонецъ начали отступать къ латинству; великій князь пошелъ на нихъ не какъ на христіанъ, но какъ на

¹⁾ Акты арх. эксл. I, 87.

²⁾ Это можетъ значить: не хотимъ убытчиться на подвѣтъ вашего посла по нашимъ влостямъ.

³⁾ Быть можетъ, въ это время Іоаннъ пожаловалъ сына Марюча, тогдашняго степеннаго посадника, Дмитрія Борецкаго въ бояре московскіе, чтобы отвлечь эту могущественную фамилію отъ Литвы. (См. Опытъ трудовъ Вольнаго Россійск. Собр. I, 219.

⁴⁾ Здѣсь слѣдуетъ уже извѣстныя намъ жалобы на поведеніе Новгородцевъ.

⁵⁾ Быть можетъ, намекъ на Борецкихъ.

⁶⁾ О степенномъ не говорить, ибо степенный былъ Борецкій.

⁷⁾ Акты историч. I, № 280, 291.

⁸⁾ П. С. Р. Л. VI, 192. Въ нѣкоторыхъ спискахъ вл.: «говорити по лѣтописецемъ» сказано: «воротити лѣтописецемъ». Издатели считаютъ послѣднее чтеніе ошибочнымъ; но мы въ этомъ сомнѣваемся: воротити лѣтописецемъ, перерачивать листы въ лѣтописяхъ — это выраженіе могло быть очень легко употреблено вмѣсто: читать, прикидывать что-нибудь въ книгѣ.

язычникомъ и на отступниковъ отъ православія; отступили они не только отъ своего государя, и отъ самого Господа Бога; какъ прежде предѣль его великій князь Димитрій вооружился на безбожнаго Мамаю,—такъ и благовѣрный великій князь Юаннь пошелъ на этихъ отступниковъ“.

Первый отрядъ, подъ начальствомъ князя Даніла Димитріевича Холмскаго и боярина Теодора Давыдовича, въ числѣ 10,000, выступилъ въ началѣ іюня къ Русѣ; за нимъ пошелъ отрядъ, подъ начальствомъ князя Оболенскаго-Стриги, вмѣстѣ съ Даныяровыми Татарами, къ Вышнему-Волочку и потомъ къ Метѣ: трое братьевъ великокняжескихъ и князь Верейскій двинулись съ полками каждый изъ своей отчины. Всѣ эти войска вступили разными дорогами въ Новгородскую Землю и начали страшно опустошать ее: воеводамъ вѣдно было расцугить ратниковъ по многимъ мѣстамъ — жечь, плѣнить и казнить безъ милости жителей за ихъ несправленіе къ своему государю великому князю. Самъ Юаннь выступилъ 20 іюня съ главными силами и царевичемъ Даныяромъ, 23-го пришелъ въ Волокы, 29 остановился въ Торжкѣ, куда явилась къ нему воеводы тверскіе со многими людьми, явились и послы пековскіе съ объявленіемъ, что Пековъ сложилъ крестное дѣлованіе къ Новгороду.

Къ Московскому князю приходила помощь съ разныхъ сторонъ; Великому Новгороду не было помощи ни откуда; король Казимиръ не трогался; даже князь Михайлъ Олельковичъ, услышавъ о смерти брата своего Семена въ Киевѣ, еще 15 марта уѣхалъ изъ Повгорода, да на дорогѣ пограбилъ Русу и отъ нея всѣ мѣста до самой границы; другого служилаго князя своего, Рюриковича, князя Василія Шуйскаго-Гребенку, Новгородцы отправили на защиту Заволочья; они послали просить помощи у Ордена, и магистръ Ливонскій писалъ къ Великому, что Орденъ долженъ помочь Новгороду, ибо если Московскій князь овладѣетъ послѣднимъ, то Нѣмцамъ будетъ грозить большая опасность¹⁾. По покаянью магистры пересылались, Московскій князь уже успѣлъ совершить опасное для нихъ дѣло: передовые полки его, подъ начальствомъ князя Холмскаго, сожгли Русу 23 іюня, и, на берегу Ильмена, у Коростыни, побили отрядъ Новгородцевъ, которые пришли въ озеро, хотѣя нечаянно напасть на Москвичей; но сзади, на рѣкѣ Полѣ, явилась другая новгородская рать; московскіе воеводы побили и эту, возвратясь отъ Русы²⁾. Легко повѣ-

рить Новгородскому лѣтописцу, что причиною неуспѣха его землякомъ было раздвоеніе, господствовавшее въ ихъ городѣ: конная рать не пошла къ пѣшей въ срокъ на помощь, потому что полкъ владычій не хотѣлъ ударить на великокняжескую рать, говоря: „Владыка намъ не велѣлъ на великаго князя руку поднимать, онъ послалъ насъ только на Псковичей“.

Къ Псковичамъ, въ половинѣ іюня, пріѣхалъ московскій посолъ понуждать ихъ къ немедленному походу. Они отослали складныя грамоты въ Новгородъ, а послы сказали: „Какъ только услышимъ великаго князя въ Новгородской Землѣ, такъ и сядемъ на коней за своего государя“. Въ Петровъ день пріѣхалъ изъ Русы московскій бояринъ Зиновьевъ и началъ каждый день твердить Псковичамъ: „Садитесь сейчасъ же со мною на коней, и къ вамъ отпущенъ отъ великаго князя, воеводою пріѣхалъ“. Зиновьевъ привелъ съ собою сто человекъ дружины, и Пскову былъ большой убытокъ, много выходило корму на людей и на лошадей. И вотъ Псковичи 10 іюля тронулись въ походъ въемъ городомъ и пригородами, подъ начальствомъ сына своего князя-наѣстника, Василія Теодоровича Шуйскаго, и четырнадцати посадниковъ. Новгородцы, услышавъ объ этомъ, и безопасные со стороны Холмскаго, отвлеченнаго къ рѣкѣ Полѣ, рѣшили выступить противъ Псковичей, и стали собирать огромное войско. Но уже изъ самаго способа, какимъ набиралось это войско, можно было предвидѣть неудачу: приверженцы Литвы, затѣявше войну, силою выгнали въ походъ плотниковъ, гончаровъ и другихъ ремесленниковъ, которые отроду и на лошадь не саживались; кто не хотѣлъ идти, тѣхъ грабили, били, бросали въ Волховъ. Такимъ образомъ, набралось тысячъ сорокъ войска, и пошло, подъ начальствомъ степеннаго посадника Димитрія Ворецкаго, по лѣвому берегу Шелони на встрѣчу Псковичамъ; но не съ ними оно встрѣтилось. Великій князь 9-го іюля стоялъ у озера Коломны, недалеко отъ Вышняго Волочка, когда Холмской далъ ему знать о битвѣ на Полѣ и о своемъ

мѣсто нарицаемое Коростыня у езера Ильмена на брезѣ, и внезапно какъ безвѣстно прииде на нихъ по езеру рать въ судехъ отъ Новгорода, и изъ судовъ вышелъ приидоша тамъ подъ станы ихъ, а ихъ въ то время олончившихся. Сторожи жъ воеводѣ В. Князя видевше ихъ, возвратиша воеводамъ. Они же въ той часъ вооружившись пондоша противу ихъ и многихъ Новгородцевъ взойша... и оттолкъ каки возвратишасъ къ Русѣ. Въ той же день въ Русѣ яная рать яшная многаѣ первые и сугубеиша, и пришли рѣкою же въ судехъ Полою Илменомъ (въ Ростов. правильнѣе: Полою именовъ), воеводи же В. Князя и на тѣхъ пришедъ побнша ихъ... и сами воеводи отъ Русы пондоша къ Демону городку». — Здѣсь мы должны необходимо допустить смѣшеніе собственныхъ именъ рѣкъ; если втория битва была у Русы, то новгородская рать не могла пріѣхать рѣкою Полою, а Полостю; если же пріѣхала Полою, то битва не была у Русы; мы думаемъ, что должно принять Полу и видѣть ошибку относительно Русы, ибо, въ противномъ случаѣ, для чего бы воеводамъ отъ Коростыни возвращаться такъ далеко назадъ къ Демону, именно на Полу рѣку?

¹⁾ Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣль копія съ актовъ Кенигсберг. Арх. Іюль. 18, № 18; письмо Ливонскаго магистра отъ 15 августа 1471 года.

²⁾ Въ разныхъ лѣтописяхъ этотъ походъ Новгородскій описанъ различно: въ однихъ говорится только объ одной Шелонской битвѣ; въ другихъ — о двухъ: близъ Русы или на Коростыни и на Шелони; въ нѣкоторыхъ — о трехъ, о Коростынской, на рѣкѣ Полѣ и на Шелони. По внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ этихъ извѣстій, я пришелъ къ тому заключенію, что должно, основываясь на разсказѣ Ростовскаго и Никонскаго списка, допустить три битвы. Вотъ этотъ разсказъ (Никон. VI, 26): «И пондоша къ Новгороду къ рѣкѣ Шелонѣ; и якоже приидоша на

движеніи къ Демону; Іоаннъ немедленно же велѣлъ ему идти назадъ къ Шелони для соединенія съ Псковичами, а у Демона приказалъ стоять князю Верейскому. Холмской двинулся назадъ и 14 іюля завидѣлъ полки новгородскіе, идшіе по той сторонѣ Шелони. Московскіе воеводы, несмотря на огромную разницу въ числѣ войска (у нихъ было немного болѣе 4,000, а у Новгородцевъ до 40,000), рѣшились вступить въ битву: ратники ихъ переправились черезъ рѣку и ударили на Новгородцевъ, которые не выдержали натиска и побѣжали; по новгородскимъ же извѣстіямъ, Новгородцы прогнали Московичей за Шелонь, но западная рать татарская внезапно ударила на нихъ и рѣшила дѣло въ пользу войскъ великокняжескихъ¹⁾. Какъ бы то ни было, Новгородцы потерпѣли страшное пораженіе,—потеряли, по ихъ счету, двѣнадцать тысячъ убитыми и тысячу семь сотъ взятыхъ въ плѣнъ; въ числѣ послѣднихъ находился степенный посадникъ Борецкій, вмѣстѣ съ другими воеводами; въ обозѣ побѣдители нашли и договорную грамоту Новгородцевъ съ Казимиромъ, и отослали ее къ великому князю.

Съ другой стороны Псковичи, узнавши, что Новгородцы жгутъ ихъ пограничныя волости, выѣзжая изъ Вышгорода, осадили это мѣсто, начали бить пушками, стрѣлами стрѣлять, приметъ примечивать. Первый день Новгородцы крѣпко оборонялись, но на другой день, видя, что у нихъ нѣтъ ни запасовъ, ни воды, вышли со крестами на заборало, и начали говорить осаждающимъ: „Въ чемъ вы изобижены, то вѣдаетъ государь нашъ и вашъ, князь великій и Великій Новгородъ; а вы бы надъ нами свое милосердіе показали, мы же вамъ животворящій крестъ цѣлуемъ“,—и отдали весь Псковской полонъ, даже стрѣлы, собравши ихъ на городѣ или кругомъ забораль. Псковичи челобитые ихъ приняли, кровь ихъ пощадили, отступили отъ городка и занялись опустошеніемъ пограничныхъ мѣстъ верстъ на 50 и больше. Не такъ былъ счастливъ другой полторатысячный отрядъ Псковичей, собранный изъ охочихъ людей, которые отправились на сѣверъ: за рѣкою Лютою, притокомъ Плюсы, ударили на нихъ врасплохъ Новгородцы и разбили на голову; но скоро вѣсть о Шелонскомъ пораженіи заставила побѣдителей бѣжать съ мѣста побѣды.

Великій князь получилъ вѣсть о побѣдѣ, когда стоялъ въ Яжолбицахъ, въ 120 верстахъ отъ Новгорода; отсюда онъ двинулся къ югу и сталъ противъ Демона, который сдался князю Верейскому, заплативши сто рублей окупа; отъ Демона Іоаннъ пошелъ къ Русѣ, и вступилъ въ нее 24 іюля;

онъ ждалъ пословъ новгородскихъ съ челобитьемъ, потому что еще изъ-подъ Демона отпустилъ въ Новгородъ гонца, пріѣзжавшаго за опасною грамотою, но вмѣсто того получилъ вѣсть, что Новгородъ волнуется по-прежнему. Несмотря на Шелонское пораженіе, несмотря на то, что здѣсь литовская сторона лишилась предводителей своихъ, взятыхъ въ плѣнъ, несмотря на то, что гонецъ, посланный къ Казимиру для понужденія его садиться поскорѣе на коня за Новгородъ, возвратился съ печальною вѣстію, что магистръ Ливонскій не пропустилъ его черезъ свою Землю (если магистру не нравилось господство Московскаго князя надъ Новгородомъ, то еще болѣе должно было не нравиться господство Литовскаго князя, по тогдашнимъ отношеніямъ обоимъ Орденамъ къ Казимиру),—несмотря на все это, когда въ Новгородѣ узнали, что Іоаннъ въ Русѣ, то всталъ сильный мятежь, сторожа заняли стѣны и башни, перебиваясь день и ночь, а люди по-прежнему раздѣлились: одни хотѣли за Москву, а другіе—за Литву. Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ сильно разсердился, и велѣлъ казнить Борецкаго съ тремя другими знатнѣйшими плѣнниками: „Вы за короля задаваться хотѣли“, сказалъ онъ имъ. Новгородцы приготовились защищаться, ножегши всѣ посады около города, казнили перевѣтника Упадыша, который съ своими единомышленниками пять пушекъ желѣзомъ заключивалъ; но скоро увидали, что сопротивленіе не можетъ быть продолжительно: хлѣбъ вздорожалъ, рожь исчезла на торгу, можно было найти шеничный хлѣбъ, да и того мало. Тогда потребители ржанаго хлѣба поднялись на потребителей шеничнаго, укоряя ихъ за то, что они привели великаго князя на Новгородъ; это значило, что Московская сторона взяла вверхъ,—и вотъ нареченный владыка Теофілъ съ старыми посадниками и житыми людьми поѣхалъ бить челомъ великому князю, который стоялъ уже при устьѣ Шелони, на Коростынѣ. Теофілъ сначала обратился съ челобитьемъ къ князьямъ, боярамъ и воеводамъ, чтобъ просили за Новгородъ братьевъ великокняжескихъ, а чтобъ эти просили уже самого великаго князя; митрополитъ изъ Москвы также писалъ, что если Новгородцы придутъ съ челобитьемъ, то чтобъ великій князь утолилъ свой гнѣвъ²⁾. Іоаннъ принялъ новгородское челобитіе, велѣлъ перестать жечь и плѣнить, и далъ миръ Новгороду по старинѣ; но за новгородскую проступку взялъ 15,000 рублей, деньгами въ отчетъ, а серебромъ—въ отвѣтъ³⁾, кромѣ того, что передано было братьямъ великокняжескимъ, князьямъ, боярамъ, воеводамъ московскимъ за ходатайство. Въ договорѣ, заключенномъ по старинѣ, Новгородцы обязались: „За короля и за великаго князя Литовскаго, кто на Литвѣ ни будетъ, отъ васъ великихъ князей (Іоанна и сына его) намъ, вашей отчинѣ Великому Новгороду, му-

¹⁾ Наконецъ по лѣтописи Псковской: «И наѣхаша на Шелони силу Московскую Князя Давидя, ѣдутъ съ ними поровну обоимъ полъ-рѣки, и недомедше Муста и Солца, и вергошася Москвичи съ берега въ рѣку Дрянъ и прегнаше Дрянъ рѣку, и ударшася на нихъ и побѣдша ихъ».—Муста—на лѣвомъ берегу Шелони, противъ впаденія рѣки Плюевъки.

²⁾ Акты истор. I, № 282.

³⁾ Акты арх. эксп. I, № 90.

жамъ вольнымъ, не отдаться никакому хитростию, и быть намъ отъ васъ неотступными ни къ кому; князей намъ у великаго князя Литовскаго на пригороды не просить, и не принимать князей изъ Литвы въ Великій Новгородъ. А на владычество намъ выбирать по своей старинѣ; ставиться же нашему владыкѣ у гроба Св. Петра чудотворца въ Москвѣ у васъ, великихъ князей, и у внаго отца митрополита, какой митрополитъ у васъ въ Москвѣ ни будетъ; а въ другомъ мѣстѣ, кромѣ Москвы, намъ владыки нигдѣ не ставить“¹⁾).

Новгородцы начали переговоры съ великимъ княземъ, еще не зная о другомъ своемъ несчастіи: въ Двинской области воевода ихъ, князь Василій Шуйскій, имѣя двѣнадцать-тысячный отрядъ войска, встрѣтился на берегахъ Двины съ устюжскимъ великокняжескимъ воеводою Образцомъ и Вятчанами, у которыхъ было менѣе 4,000 войска; жаркая битва продолжалась цѣлый день, съклись, схватывая другъ друга за руки; двинскій знаменщикъ былъ убитъ, знамя подхватилъ другой, убитъ былъ и этотъ, подхватилъ третій, наконецъ убили и третьяго, — знамя перешло въ руки Москвичей, и Двиныяе дрогнули; князь Шуйскій спасся бѣгствомъ, раненый. Новгородскій лѣтописецъ складываетъ вину поражения на Двиныя, говорить, что они не тянули по князю Шуйскому. Съ другой стороны, вологодскій воевода князя Андрея Васильевича — Меньшого повоевалъ Кокшенгу. Заключая договоръ по старинѣ, Иоаннъ возвратилъ Новгороду его заволоцкія владѣнія, но при этомъ былъ сдѣланъ строгій переборъ, и Новгородцы должны были отдать всѣ волости великокняжескія и ростовскіихъ князей, захваченныя ими прежде и въ послѣднюю войну²⁾. Такимъ образомъ, многія волости раздѣлились пополамъ между Москвою и Новгородомъ, напримѣръ: Емецъ, Матигоры, Курь-островъ, Чухчелема, Ухть-островъ, Лисичъ-островъ; другія, которыя прежде мы видѣли за Новгородомъ, отошли всѣ къ Москвѣ безъ раздѣла, напримѣръ, Кольмогоры, Непокса, Уна и проч. — Вся Земля Новгородская, говорить лѣтописецъ, до самаго моря была пожжена и поплѣнена, потому что опустошала ее не одни тѣ войска, которыя были съ великимъ княземъ или его братьями, но изо всѣхъ земель московскихъ ходили толпы за добычею въ новгородскія волости. Вѣды не прекратились и по отходѣ великокняжескихъ войскъ: жители Русы, бѣжавшіе въ Новгородъ во время войны, теперь отправились домой по Ильменю; но поднялась страшная буря и потопила ихъ: погибло 90 учановъ и 60 мальхъ судовъ; въ одномъ мѣстѣ нашли 120 труповъ. И не тутъ только природа объявила себя противъ Новгорода за Москву; опасенія, что трудно будетъ идти подъ Новгородъ лѣтомъ, по причинѣ многихъ водъ и болотъ, на этотъ разъ не оправдались: какъ нарочно, лѣто

было знойное, отъ мая до сентября не ушло ни капли дождя; не было нигдѣ преграды московскимъ ратникамъ, которые гнали скотъ по болотамъ и мѣстамъ, прежде непроходимымъ³⁾).

1-го сентября возвратился Иоаннъ въ Москву; того же 1471 года, въ декабрѣ, пріѣхалъ туда на реченный владыка Новгородскій Оеофиль и былъ посвященъ; Оеофиль просилъ свободы новгородскимъ плѣнникамъ, и великій князь исполнилъ его просьбу; отправилъ и намѣстниковъ своихъ въ Новгородъ по-прежнему. Казалось, что все уладилось; но такъ могло казаться только: долговременное отсутствіе великихъ князей, долговременная невозможность для нихъ заниматься внутренними дѣлами Новгорода — ослабили, привели въ забвеніе, но не уничтожили правъ ихъ здѣсь; теперь же великій князь Московскій получилъ возможность дать силу этимъ правамъ. При ослабленіи власти княжеской, вслѣдствіе постоянной борьбы многихъ князей-соперниковъ, образовались стороны, также постоянно борвшіяся между собою; богатый бояринъ, имѣвшій средства платить многочисленнымъ вѣчникамъ, могъ отважиться на все, могъ отважиться вооруженною рукою мстить за свои оскорбленія; иногда цѣлыя улицы, цѣлые концы враждовали другъ съ другомъ, стоя за то или другое лицо, за того или другаго чиновника гражданскаго; сила рѣшала споръ; предводитель восторжествовавшей стороны достигалъ должности посадника, и въ этомъ званіи позволялъ себѣ мстить тѣмъ гражданамъ, тѣмъ улицамъ, тѣмъ концамъ, которые были противъ него. Что оставалось побѣжденнымъ и слабымъ? Молчать и ждать благоприятныхъ обстоятельствъ, ждать усиленія своей стороны, которое подастъ имъ возможность собраться на вѣче, низложить соперниковъ и поступить съ ними по ихъ же приѣзру. Въ такомъ состояніи находились дѣла, когда великій князь былъ далеко, а намѣстниковъ мало слушались. Но теперь, когда великій князь хотѣлъ и могъ возстановить свое старинное значеніе верховнаго судьи, теперь сторонѣ угнетенной не нужно было долго дожидаться удобнаго случая къ низложенію враговъ своихъ: она могла отдать свое дѣло на рѣшеніе великаго князя. Посадникъ степенный Василій Ананинъ съ 18-ю другими боярѣ своей стороны, наѣхавши съ многочисленнымъ отрядомъ на двѣ улицы, Славкову и Никитину, людей перерабилъ и перебилъ, многихъ даже до смерти, имѣнія взял на тысячу рублей. Во то же время староста Оедоровской улицы, Памфиль, вмѣстѣ съ двумя боярами, которые участвовали и въ нападеніи на двѣ упомянутыя улицы, ударилъ на дворъ двухъ братьевъ, боярѣ Полинарьинныхъ, людей у нихъ перебилъ, имѣнія пограбилъ на 500 рублей. Любопытно, что между виновниками этихъ насилій встрѣчаемъ имена извѣстныхъ враговъ Москвы: это обстоятельство можетъ навести на мысль, что здѣсь

¹⁾ Акты арх. экск. I, № 91.

²⁾ Тамъ же, № 93, 94.

³⁾ Никон. VI, 16—33; П. С. Р. Л. IV, 127—129; 239—242; VI, 1—15; 191—194.

дѣйствовали также и причины политическія, что на эту борьбу должно смотрѣть, какъ на продолженіе борьбы двухъ сторонъ—литовской и московской. Въ нападеніи на Славкову и Никитину улицы участвовали: Селезневъ—Матвѣй и Яковъ, которыхъ братья, Василій, былъ казненъ вмѣстѣ съ Дмитріемъ Борецкимъ; Андрей Телятевъ и Моисей Федоровъ: Павелъ Телятевъ и Яковъ Федоровъ были также схвачены въ Шелонской битвѣ и отсланы въ Коломну; Аванасьева, которыхъ Иоаннъ, какъ увидимъ впоследствии, считалъ самыми жаркими приверженцами Литвы; наконецъ, въ числѣ вельможъ, на которыхъ были поданы жалобы и которые были обвинены Иоанномъ, видимъ Федора Исакова Борецкаго. Но если сообщники степеннаго посадника Анашина были приверженцами Литвы, то можно заключить, что и самъ посадникъ не былъ доброжелателемъ Москвы. Какъ бы то ни было, обиженные посадникомъ и его товарищами послали жаловаться на нихъ въ Москву. Псковскій лѣтописецъ говоритъ, что житые и младшіе люди сами призвали великаго князя, потому что обижали ихъ посадникъ и великіе бояре, незнавшіе надъ собою суда; но мы не можемъ принять этого извѣстія безъ ограниченія: кромѣ борьбы сословій, тутъ мы видимъ и борьбу сторонъ, ибо между врагами Анашина и товарищей его встрѣчаемъ не однихъ житыхъ и младшихъ гражданъ, но также бояръ Полинарыныхъ.

22 октября 1475 года, Иоаннъ выѣхалъ изъ Москвы въ Новгородъ и промъ, но со многими людьми; въ Вышнемъ-Волочкѣ встрѣтилъ его посоль отъ владыки Теофила съ дарами; но тутъ же встрѣтилъ его и жалобники, — какой-то Кузьма Яковлевъ съ товарищами; отсюда до самаго Новгорода по всѣмъ станціямъ встрѣчали его новгородскіе чиновники съ подарками, начиная отъ подвойскаго до посадниковъ, и между ними опять жалобники и могое. За 90 верстъ до города встрѣтилъ князя владыка Теофилъ, воевода новгородскій, князь Василій Васильевичъ Шуйскій, и посадникъ степенный Анашинъ, со многими другими духовными, боярами и житыми людьми; владыка поднесъ двѣ бочки вина, всѣ остальные по мѣху вина, и всѣ были угощены обѣдомъ. Проведя мѣсяцъ въ дорогѣ, 21 ноября Иоаннъ въѣхалъ въ Новгородъ, встрѣченный посадниками, житыми людьми, множествомъ народа, и сталъ на Городищѣ; владыка прислалъ двухъ чиновниковъ своихъ распоряжаться доставкою съѣстныхъ припасовъ ко двору великокняжескому; но великій князь не велѣлъ брать отъ нихъ кормовъ и осердился на владыку, зачѣмъ прислалъ людей непригожихъ къ дѣлу, незначительныхъ. Владыка просилъ прощенья чрезъ бояръ, велѣлъ отпустить припасы намѣстнику своему, и тогда великій князь нелюбле отложилъ и пожаловалъ, велѣлъ брать кормы. Владыка, въ день прѣзда, билъ челомъ Иоанну, звалъ его къ себѣ обѣдать, но великій князь не пожаловалъ, не поѣхалъ, и на другой день позвалъ къ себѣ на обѣдъ владыку, по-

садника степеннаго, старыхъ посадниковъ, тысячныхъ и многихъ знатныхъ людей. Въ тотъ же день нашло къ нему множество жалобниковъ, Новгородцевъ и уѣздныхъ людей; одни пришли просить приставовъ, чтобъ не быть ограбленными отъ ратниковъ, пришедшихъ съ великимъ княземъ; другіе пришли съ жалобами на свою же братію, Новгородцевъ, потому что, говоритъ лѣтописецъ, земля эта давно уже въ своей волѣ жила, о великихъ князьяхъ небрегла и не слушала ихъ, и много зла было въ ней—убійства, грабежи, домамъ разореніе напрасное; кто кого могъ, тотъ того и обижалъ.

23 ноября въѣхалъ Иоаннъ въ городъ (крѣпость), гдѣ былъ встрѣченъ владыкою со всѣмъ духовенствомъ, какъ приказалъ самъ великій князь. Въ этотъ день онъ слушалъ обѣдню у Св. Софій и обѣдалъ у владыки, причѣмъ получилъ дары: три поставы суконъ, 100 корабельниковъ (червонцевъ), зубъ рыбій, да на проводяхъ двѣ бочки вина. На другой день пошли къ велпкому князю съ челобитьемъ, дарами и жалобами разные люди, а на третій явились главные жалобщики — двѣ улицы. Славкова и Никитина, да братья Полинарыны, и жаловались въ присутствіи владыки, старыхъ посадниковъ, другихъ бояръ и житыхъ людей. Иоаннъ сказалъ владыкѣ и посадникамъ: „Ты, богомолецъ нашъ, и вы, посадники, объявите отчинѣ нашей. Великому Новгороду, чтобы дали на этихъ обидчиковъ своихъ приставовъ, какъ я далъ на нихъ своихъ, потому что я хочу дѣло разсмотрѣть; и ты бы, богомолецъ мой, и, вы посадники, тогда у меня были: хочется мнѣ обиженнымъ управу дать.“ Новгородцы дали своихъ приставовъ, и въ воскресенье, 26 ноября, обидчики и обиженные всѣ стали предъ великимъ княземъ на Городищѣ, въ присутствіи Теофила и старыхъ посадниковъ; начался судъ, и было рѣшено, что жалобы справедливы. Тогда великій князь велѣлъ взять обвиненныхъ: главныхъ посадить за приставами, товарищій ихъ отдать на поруку крѣпкую, въ 1,500 рублѣяхъ; архіепископъ взялъ ихъ на поруку. Въ то же время Иоаннъ выслалъ отъ себя вошь и велѣлъ схватить Ивана Аванасьева съ сыномъ за то, что совѣтовали Новгороду отдаться за короля.

Прошелъ день-другой; на третій явился на Городище владыка и посадники бить великому князю челомъ отъ Великаго Новгорода, чтобъ пожаловалъ, смиловался, велѣлъ освободить посаженныхъ бояръ и отдать ихъ на поруку. Великій князь челобятя не принялъ и сказалъ: „Извѣстно тебѣ, богомолью нашему, и всему Новгороду, отчинѣ нашей, сколько отъ этихъ бояръ и прежде зла было, а нынче что ни есть дурного въ нашей отчинѣ, все отъ нихъ,—такъ какъ же мнѣ ихъ за это дурное жаловать?“ Въ тотъ же день посадникъ Анашинъ съ тремя главными товарищами, скованные, были отправлены въ Москву. Спустя нѣсколько времени, пришелъ опять Теофилъ съ посадниками и многими другими людьми бить челомъ о помилованіи тѣхъ товарищей Анашина, которые дашы были на поруку; это че-

лобитые великій князь принялъ, велѣлъ только взыскать съ виноватыхъ 1,500 рублей исковыхъ убытковъ, да свои судныя пошлины (свою вину). По окончаніи этихъ дѣлъ, съ 4-го декабря начались пиры у знатнѣйшихъ Новгородцевъ для великаго князя, и продолжались до 19-го января: каждый хозяинъ дарилъ гостя ковшами золотыми, деньгами, мѣхами, рыбными зубьями, сукнами, ловчими птицами, виномъ, лошадьми. Тѣ посадники и тысяцкіе, которые не успѣли дать явровъ для великаго князя, подносили ему дары, какими хотѣли дарить на пирахъ; изъ купцовъ и житыхъ людей не остался ни одинъ, который бы не пришелъ съ дарами, даже и молодые (незначительные) люди многіе были у него съ дарами и челобитиемъ; новозбранный степенный посадникъ Юма Андреевичъ Курятникъ выѣхавъ съ тысяцкимъ, поднесли ему 1,000 рублей отъ всего Великаго Новгорода. Во время пировъ, пріѣхалъ шведскій посолъ съ просьбою о продолженіи перемирія: великій князь пожаловалъ, велѣлъ владыкѣ и Новгороду заключить съ Шведами перемиріе по старинѣ, и съ честью отпустилъ посла. При всѣхъ этихъ распоряженіяхъ Иоанновыхъ, ни одинъ изъ старыхъ обычаевъ, ни одно изъ старыхъ условий не были нарушены: перемиріе съ сосѣднимъ государствомъ было заключено владыкою и Новгородомъ, но съ вѣдома и по приказанію князя; по жалобѣ Новгородцевъ, Иоаннъ судилъ, смѣнилъ и наказалъ посадника, ибо имѣлъ право верховнаго суда надъ всѣми, имѣлъ право смѣнять чиновниковъ, объявивъ только ихъ вину; при этомъ Иоаннъ выполнилъ въ точности старинный обычай; давши на обличенныхъ своихъ приставовъ, требовалъ, чтобъ Новгородъ далъ также и своихъ; онъ заточилъ осужденнаго посадника и его товарищей въ Москву, но и это была старина: Владимиръ Мономахъ, Святославъ Ольговичъ заточали на югъ бояръ новгородскихъ, и послѣ, въ договорахъ, это право не было отнято у князей. Иоаннъ не нарушилъ ни въ чемъ старины; но давно уже Новгородцы отвыкли отъ нея, ибо въ продолженіи многихъ вѣковъ великіе князья не пользовались своими правами, а Новгородцы, пользуясь настоящимъ, забыли и о прошедшемъ, и о будущемъ.

Мѣсяцъ ѣхалъ великій князь изъ Москвы въ Новгородъ; гораздо скорѣе возвратился изъ Новгорода въ Москву, ибо не былъ задерживаемъ на пути: 26 января выѣхалъ онъ изъ Новгорода, 8 февраля былъ уже въ Москвѣ. И здѣсь соблюдено было условіе старинныхъ договоровъ: „Когда князь, поѣдемъ въ Новгородъ, тогда тебѣ дары брать по постолянямъ (стапціямъ): когда же поѣдешь изъ Новгорода, тогда дара тебѣ не надобно“. Въ мартѣ пріѣхалъ въ Москву владыка Теофиль съ боярами просить объ освобожденіи заточенныхъ Новгородцевъ; Иоаннъ угостилъ владыку, но лѣтъ заточенныхъ не отпустилъ ни одного. Между тѣмъ, многимъ понравилось искать защиты отъ обидъ на судѣ великокняжескомъ; ждать Иоанна, когда онъ

опякъ пріѣдетъ въ Новгородъ, было долго, и вотъ забыли старинное условіе: „На низу Повгородца не судить:“—стали брать приставовъ и являться въ назначенный срокъ въ Москву на судъ. Въ началѣ 1477 года пріѣхалъ посадникъ Захаръ Овиновъ, за приставомъ великокняжескимъ, со многими Новгородцами—однимъ отвѣчать, на другіе искать. Велѣтъ за Овиновымъ пріѣхали другіе бояре и многіе житые люди, также поселяне, монахини, вдовы и всѣ обиженные, многое множество, искать удовлетворенія въ обидахъ и отвѣчать на жалобы другіхъ. „Этого не бывало отъ начала, говорить лѣтописецъ, какъ земля ихъ стала и какъ великіе князья пошли отъ Рюрика на Кіевъ и на Владиміръ; одинъ только великій князь Иванъ Васильевичъ довелъ ихъ до этого“.

Два шага было сдѣлано; оставалось сдѣлать третій,—последній. Все было приготовлено: литовская сторона, пораженная бездѣйствіемъ Казимира, безмолвствовала безъ главъ своихъ; народъ началъ смотрѣть на Московскаго князя какъ на верховнаго судью; мало того: были въ Новгородѣ люди, которыхъ лѣтописецъ называетъ пріятелями великаго князя Московскаго; вѣче молчало. Но оно могло заговорить при первомъ удобномъ случаѣ, при первой побѣдѣ хана Золотой или Казанской орды, и посадникъ все еще сидѣлъ въ судѣ подлѣ московскаго намѣстника; надобно было освободиться и отъ вѣча, и отъ посадника. Пріѣхали двое пословъ новгородскихъ, — Назаръ подвойскій и Захаръ—вѣчевой дьякъ, которые въ челобитыи назвали Иоанна государемъ, тогда какъ прежде, съ тѣхъ поръ какъ земля ихъ стала, говорить лѣтописецъ, того не бывало, ни одного великаго князя государемъ не называли, а только „господиномъ“. Лѣтописи не сообщаютъ ясныхъ подробностей, кѣмъ собственно и какъ устроено было это дѣло. Въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ (апрѣля 24) отправились послы изъ Москвы спросить владыку и весь Великій Новгородъ: „Какого они хотятъ государства? хотятъ ли, чтобъ въ Новгородѣ былъ одинъ судъ государя, чтобъ тѣмъ его сидѣть по всѣмъ улицамъ, хотятъ ли дворъ Ярославовъ очистить для великаго князя?“ Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ говорится, что послы назвали Иоанна государемъ по рѣшенію владыки, бояръ, посадниковъ, но безъ вѣдома Великаго Новгорода; въ другихъ говорится, что Новгородцы, услыхавъ запросъ посла московскаго, пограбили этихъ посадниковъ и бояръ, дворы, доспѣхи и всю ратную приправу у нихъ отняли; извѣстный намъ Захаръ Овиновъ оговорилъ другою бояриномъ, Василія Никифорова, будто бы тотъ, во время поѣздки своей въ Москву, присягнулъ тамъ служить великому князю противъ Новгорода. 31 мая всталъ мятежь, собралось вѣче, пришли на Василія Никифорова, взяли его и привели предъ народъ, который закричалъ ему: „Перевѣтникъ! былъ ты у великаго князя и цѣловалъ ему крестъ на насъ!“ Василій отвѣчалъ: „Цѣловалъ я крестъ великому князю въ томъ, что буду служить ему правдою и

добра ему хотѣть, а не цѣловаль я креста на государя своего Великій Новгородъ и на васъ, своихъ господъ и братій". Его убили безъ милости, избѣкли топорами на части; но потомъ убили и Захара Овнина вмѣстѣ съ братомъ у владыки, на дворѣ, сына Кузьмина за-мертво оставили, схватили и двоихъ другихъ бояръ, Луку Федорова и Теофилакта Захарына, но, приведши на вѣче, пожаловали, взявши съ нихъ присягу, что будутъ хотѣть добра Новгороду. Съ этого времени Новгородцы взбѣсповались, какъ пьяные, по выраженію лѣтописца, посредничество Псковитянь отвергли, всякій началъ толковать свое, и къ королю опять захотѣли; но пословъ московскихъ держали шесть недѣль съ честію, съ честію и отпустили, давши такой отвѣтъ великимъ князьямъ: „Вамъ, своимъ господамъ, челомя бьемъ, но государями васъ не зовемъ, судъ нашимъ намѣстникамъ на Городищѣ по старинѣ, а тиунамъ нашимъ у насъ не быть, и двора Ярославова не даемъ; хотимъ съ вами жить, какъ договорились въ послѣдній разъ на Коростыни; кто же взялся безъ нашего вѣдома иначе сдѣлать, тѣхъ казните какъ сами знаете, и мы здѣсь будемъ ихъ также казнить, кого поймемъ; а вамъ, своимъ господамъ, челомя бьемъ, чтобъ держали насъ въ старинѣ, по крестному цѣлованію". Послы и преданные великому князю посадники отравились въ Москву и объявили здѣсь о новгородскихъ событіяхъ. Иоаннъ пришелъ къ митрополиту съ вѣстію о клятвоступленіи Новгородцевъ: „Я не хотѣлъ у нихъ государства, сами присылали, а теперь запираются, и на насъ ложь положили". То же объявилъ матери, братьямъ, боярамъ, воеводамъ, и, по общему благословенію и совѣту, вооружился на отступниковъ и крестнаго цѣлованія преступниковъ Новгородцевъ.

Услыхавъ объ этихъ вооруженіяхъ, Новгородцы послали старосту одной изъ своихъ улицъ въ Москву бить челомя объ опасной грамотѣ для своихъ пословъ; но великій князь велѣлъ *опасчика* задержать въ Торжкѣ, и, несмотря на осеннее время, спѣшилъ двинуть отсюда многочисленныя полки къ Новгороду. 30 сентября послалъ онъ туда складную грамоту, а 9 октября выхалъ самъ изъ Москвы, оставя здѣсь по-прежнему сына. Черезъ десять дней великій князь стоялъ въ Торжкѣ; здѣсь ждали его два посланца новгородскихъ съ челобитьемъ объ опасныхъ грамотахъ, ждали его и два боярина новгородскихъ, братья Клементьевы съ челобитьемъ—о принятіи въ службу—вѣрное предвѣщаніе для успѣха! Пробывъ четыре дня въ Торжкѣ, Иоаннъ выступилъ далѣе на Вышній-Волочокъ, а отсюда пошелъ между Мстою и Яжелбицкою дорогою, и, въ то же время, по разнымъ другимъ дорогамъ двигались сильныя полки московскіе, тверскіе, татарскіе. Прежде, когда Иоаннъ ходилъ въ Новгородъ миромъ, на станціяхъ являлись къ нему знатныя Новгородцы съ подарками; теперь они являлись къ нему съ челобитьемъ о принятіи въ службу: такъ пріѣхали къ нему посадникъ Тучинъ,

житый человекъ Савельевъ. Опасчиковъ, найденныхъ въ Торжкѣ, великій князь велѣлъ вести съ собою, и только, будучи уже во 125 верстахъ отъ Новгорода, у Спаса на Еглинѣ, велѣлъ имъ явиться предъ себя и дать опасную грамоту. Но если великій князь спѣшилъ походомъ, то Новгородцы спѣшили миромъ, и, не дожидаясь прежнихъ двухъ опасчиковъ, выслали третьяго. Иоаннъ объявилъ ему, что опасъ уже данъ, а самъ уже, между тѣмъ, на Полинахъ, въ 120 верстахъ отъ Новгорода, урядилъ полки какъ бытъ въ большомъ полку или въ великокняжескомъ, какъ въ передовомъ, какъ въ правой и лѣвой рукѣ, и отпустилъ войска къ Новгороду, съ приказаніемъ занять Городище и монастыри, чтобъ Новгородцы не сожгли ихъ. Находясь въ 50 верстахъ отъ Новгорода, у Николы въ Тухолѣ, Иоаннъ послалъ приказъ Псковичамъ идти на Новгородъ ратью съ пушками, пицалами, самострѣлами, со всею приправою, съ чѣмъ къ городу приступить, стать на устьи Шелони и дожидаться дальнѣйшихъ приказаній. Въ 30 верстахъ отъ Новгорода, на Сытинѣ, 23 ноября явились къ Иоанну владыка Теофилъ съ посадниками и житыми людьми, и сталъ бить челомя: „Господни государь князь великій Иванъ Васильевичъ всея России! ты положилъ гнѣвъ свой на отчину свою, на Великій Новгородъ, мечъ твой и огонь ходять по Новгородской Землѣ, кровь христіанская льется;—смилуйся надъ отчиною своею, мечъ уйми, огонь утоли, чтобъ кровь христіанская не лилась; господни государь, пожалуй! Да положилъ ты опалу на бояръ новгородскихъ и на Москву свелъ ихъ въ свой первый пріѣздъ; смилуйся, отпусти ихъ въ свою отчину, въ Новгородъ Великій". Великій князь не отвѣчалъ посламъ ни слова, но позвалъ ихъ обѣдать. На другой день ходили они къ брату великокняжескому—Андрею-Мельпому, съ подарками, чтобъ просилъ брата за Новгородъ, и потомъ пришли къ великому князю съ просьбою, чтобъ пожаловалъ, велѣлъ съ боярами поговорить; великій князь выслалъ къ нимъ троихъ бояръ на в о р к у. Послы предложили имъ такія условія: чтобъ великій князь ѣздилъ въ Новгородъ на четвертый годъ и бралъ по 1,000 рублей; велѣлъ бы судъ судить намѣстнику своему и посаднику въ городѣ, а чего они не управятъ, тому бы самъ князь великій управу чинилъ, когда пріѣдетъ на четвертый годъ, а чтобы позвонъ на Москву не было; чтобъ князь великій не велѣлъ своимъ намѣстникамъ владычныхъ судовъ судить и посадничьихъ; чтобъ великокняжескіе подданные въ тяжбахъ своихъ съ Новгородцами судились предъ намѣстникомъ и посадникомъ въ городѣ, а не на городищѣ⁴).

⁴) П. С. Р. Л. т. VI, 210; «А житяя говорили съ товарищи о томъ, что Великога Князя *мукобраня* позываютъ Новгородцевъ, а отъ намѣстниковъ въ городѣ, и ищутъ на Новгородцевъ въ городѣ передъ намѣстникомъ да передъ посадникомъ, а чего на нихъ Новгородцы вышутъ, и сии въ городѣ не отвѣчаютъ, а отвѣчиваютъ на

Вмѣсто отвѣта, великій князь велѣлъ воеводамъ своимъ придвинуться къ Новгороду, занять Городецъ и подгородные монастыри, и, получивъ вѣсть, что приказаніе его исполнено, велѣлъ сказать посламъ: „Сами вы знаете, что посылали къ намъ Назара подвойскаго и Захара вѣчеваго дьяка, и назвали насъ, великихъ князей, себѣ государями; мы великіе князья, по вашей присылкѣ и челобитью, послали бояръ спросить васъ: какого нашего государства хотите? И вы заперлись, что пословъ съ тѣмъ не посылавали, и говорили, что мы васъ притѣсняемъ. Но кромѣ того, что вы объявили насъ жепами, много и другихъ вашихъ къ намъ несправленій и нечести. Мы сперва поудержались, ожидая вашего обращенія, посылали къ вамъ съ увѣщаніями; но вы не послушались, и потому стали намъ какъ чужіе. Вы теперь поставили рѣчь о боярахъ новгородскихъ, на которыхъ я положилъ опалу, просили, чтобъ я ихъ пожаловалъ, отпустилъ; но вы хорошо знаете, что на нихъ билъ мнѣ челомъ весь Великій Новгородъ какъ на грабителей, проливавшихъ кровь христіанскую. Я, обсыкавши владыкою, посадниками и вѣщъ Новгородомъ, нашла, что много зла дѣлается отъ нихъ нашей отчинѣ, и хотѣлъ ихъ казнить; но ты же, владыка, и вы, наша отчина, просили меня за нихъ, и я ихъ помиловалъ, казнить не велѣлъ, а теперь вы о тѣхъ же виноватыхъ рѣчь вставляете, чего вамъ дѣлать не годилось, и послѣ того какъ намъ васъ жаловать? Князь великій вамъ говоритъ: захочетъ Великій Новгородъ бить намъ челомъ, и онъ знаетъ, какъ ему намъ, великимъ князьямъ, челомъ бить“.

Послы отправились назадъ въ Новгородъ, а слѣдомъ за ними двинулся туда и великій князь Ильмень по льду; 27 ноября сталъ онъ подъ городомъ; въ тотъ же и слѣдующіе дни подошли и всѣ другіе полки; 30 ноября Іоаннъ велѣлъ воеводамъ отпустить половину войска за кормами съ тѣмъ, чтобъ черезъ десять дней всѣ были въ сборѣ подъ Новгородомъ, послать торопить и исковскую рать. Новгородцамъ стало очень тяжело, потому что непріятель расположился въ ихъ посадахъ и монастыряхъ, обхвативши городъ съ обѣихъ сторонъ. Несмотря на то, они сначала съѣли всѣ въ осадѣ, устроивши себѣ по обѣ стороны Волхова и черезъ самую рѣку на судахъ стѣну деревянную. Іоаннъ видѣлъ, что они укрѣпились хорошо; что если пойти подъ стѣну, то съ обѣихъ сторонъ головы стануть падать, и потому не хотѣлъ брать города приступомъ, а рѣшился стоять подъ нимъ до тѣхъ поръ, пока голодъ и тѣснота заставятъ осажденныхъ покориться. Чтбъ въ собственныхъ полкахъ при этомъ не было ни въ чемъ недостатка, онъ приказалъ Исковичамъ прислать мукы пшеничной, рыбы, меду, выслать купцовъ своихъ со всякимъ другимъ товаромъ, чтб и было исполнено. Въ Новгородѣ между тѣмъ наредъ стала волноваться: одни хотѣли биться съ

великимъ княземъ, а другіе покориться ему, и послѣднихъ оказалось больше, чѣмъ первыхъ. Вслѣдствіе этого, 4 декабря, явился въ московскомъ стайѣ опять владыка Теофілъ съ посадниками и жителями; послы били челомъ, чтобъ государь пожаловалъ, указалъ своей отчинѣ, какъ Богъ положить ему на сердце свою отчину жаловать. Отвѣтъ былъ прежній: „Захочетъ наша отчина бить намъ челомъ, и она знаетъ, какъ бить челомъ“. Послы отправились назадъ въ городъ и на другой день возвратились съ повинною, что дѣйствительно Новгородъ посылалъ въ Москву Назара да Захара называть великаго князя государемъ, и потомъ заперся. — „Если такъ, велѣлъ отвѣчать имъ Іоаннъ: если ты, владыка, и вся наша отчина Великій Новгородъ сказались передъ нами виноватыми, и страшиваете, какъ нашему государству быть въ нашей отчинѣ, Новгородѣ, — то объявляемъ, что хотимъ такого же государства и въ Новгородѣ, какое въ Москвѣ“. Послы просили, чтобы великій князь отпустилъ ихъ въ городъ подумать, и дано имъ два дня на размышленіе. 7 декабря послы возвратились съ новыми просьбами, съ новыми уступками: чтобы великій князь велѣлъ своему намѣстнику судить съ посадниками; чтобы бралъ каждый годъ дань со всѣхъ волостей новгородскихъ по полдугривнѣ съ сохи; чтобы держалъ пригороды новгородскіе своими намѣстниками, а судъ былъ бы по старинѣ; чтобы не было вывода и позвова изъ Новгородской Земли; чтобы государь не вступался въ боярскія земли; чтобы Новгородцамъ не было службы въ Низовую Землю, чтобы запищали они только свои рубежи. Великій князь велѣлъ отвѣчать имъ: „Сказано вамъ, что хотимъ государства въ Великому Новгородѣ такого же, какое у насъ государство въ Низовой Землѣ, на Москвѣ; а вы теперь сами мнѣ указываете, какъ нашему государству у васъ быть; какое же послѣ этого будетъ мое государство?“ Послы отвѣчали: „Мы не указываемъ, и государству великихъ князей урока не кладемъ; но пожаловали бы государи свою отчину, объявили Великому Новгороду, какъ ихъ государству въ немъ быть, потому что Великій Новгородъ низовскаго обычая не знаетъ, не знаетъ какъ наши государи великіе князья держать свое государство въ Низовской Землѣ“.

„Государство наше таково, былъ отвѣтъ: вѣчевому колоколу въ Новгородѣ не быть; посаднику не быть, а государство все намъ держать; волостями, селами намъ владѣть, какъ владѣемъ въ Низовой Землѣ, чтобъ было на чемъ намъ быть въ нашей отчинѣ, а которыя земля наши за вами, и вы ихъ намъ отдайте; вывода не бойтесь, въ боярскія вотчины не вступаемся, а суду быть по старинѣ, какъ въ землѣ судъ стоитъ“.

Шесть дней думали Новгородцы объ этомъ государствѣ; наконецъ, 14 декабря, владыка съ посадниками явился и объявилъ, что вѣчевый колоколъ и посадника Новгородцы отложили, только бы государь не выводилъ ихъ, въ вотчины ихъ, земли, воды и въ имущество не вступался, позвы отло-

городнщъ: и государь бы князь велики пожаловалъ велѣлъ ихъ судити намѣстнику своему съ посадникомъ въ городѣ“.

жилъ и службы имъ въ Низовую Землю не наряжалъ. Великій князь всёмъ этимъ ихъ пожаловалъ. Тогда они стали бить челомъ, чтобы государь далъ крѣпость своей отчинѣ Великому Новгороду, крестъ бы цѣловалъ; и получили въ отвѣтъ: „Не быть моему цѣлованію“; просили, чтобы бояре цѣловали крестъ,—и въ томъ получили отказъ; просили, чтобы, по крайнѣй мѣрѣ, будущій намѣстникъ присягнувъ,—отказано и въ этомъ; наконецъ просили, чтобы великій князь позволилъ имъ возвратиться въ городъ и опять подумать—и этого позволенія не дано. Прошло тринадцать дней, прошелъ праздникъ Рождества Христова,—владыка съ посадниками все жилъ въ станѣ московскомъ, а между тѣмъ послѣдній служивый князь Новгородскій, Василій Васильевичъ Шуйскій, сложилъ къ Новгородцамъ крестное цѣлованіе на имя великаго князя, и Новгородцы, изъ страха передъ послѣднимъ, не смѣли ни слова молвить Шуйскому, который безопасно оставался у нихъ послѣ того два дня. Наконецъ, 29 декабря, владыка и другіе послы сказали боярамъ московскимъ: „Если государь не жалуетъ, креста не цѣлуетъ и опасной грамоты намъ не даетъ, то пусть самъ объявитъ намъ свое жалованье, безъ боярскихъ высылковъ“. Иоаннъ велѣлъ имъ войти къ себѣ и сказалъ: „Просили вы, чтобы вывода, позва на судъ и службы въ Низовую Землю не было; чтобы я въ имѣнія и отчины людскія не вступался, и чтобы судъ былъ по старинѣ;—всѣмъ этимъ я васъ, свою отчину, жалую“. Послы поклонились и вышли. Но скоро нагнали ихъ бояре и начали говорить: „Великій князь велѣлъ вамъ сказать: Великій Новгородъ долженъ дать намъ волости и села, безъ того намъ нельзя держать государства своего въ Великомъ Новгородѣ“. Послы отвѣчали: „Скажемъ объ этомъ Новгороду“. Новгородъ предложилъ двѣ волости—Луки Великія и Ржеву Пустую; великій князь не взялъ; предложили десять волостей,—не взялъ и ихъ; тогда послы сказали, чтобы самъ великій князь назначилъ сколько ему надобно волостей. Иоаннъ назначилъ половину волостей владычныхъ и монастырскихъ и всё новоторжскія, чьи бы ни были ¹⁾. Новгородцы согласились, но просили, чтобы половина монастырскихъ волостей была взята только у шести богатыхъ монастырей, у остальныхъ же, бѣдныхъ, малоземельныхъ не брать. Великій князь исполнилъ ихъ просьбу; пожаловалъ и владыку: вмѣсто половины волостей, взялъ у него только десять. Затѣмъ начались переговоры о дани; сначала великій князь хотѣлъ брать по полугривнѣ съ обжи новгородскую обжу составлялъ одинъ человекъ, пашущій на одной лошади, три обжи составляли соху, пашущій на трехъ лошадахъ и самъ-третей составлялъ также соху. Но владыка отъ всего города сталъ бить челомъ, чтобъ великій князь смילו-

вался, бралъ бы по семи денегъ съ трехъ обжей одинъ разъ въ годъ; Иоаннъ согласился брать однажды въ годъ по полугривнѣ съ сохи со всѣхъ волостей новгородскихъ, на Двинѣ и въ Заволочья, на всякомъ, кто пахнетъ землею, на ключникахъ, старостахъ и холодахъ одерноватыхъ. Владыка просилъ также, чтобы великій князь не посылать по новгородскимъ волостямъ своихъ писцовъ и данщиковъ, потому что это тяжело будетъ христіанству; положилъ государь это дѣло на новгородскую душу; Новгородцы скажутъ сами, сколько у кого будетъ сохъ, сами соберутъ дань и отдадутъ по крестному цѣлованію, безъ хитрости тому, кому великіе князья прикажутъ; а кто утаитъ хотя одну обжу и будетъ уличенъ, того пришлютъ къ государямъ на казнь. Иоаннъ исполнилъ и эту просьбу, послѣ чего велѣлъ очистить для себя дворъ Ярославовъ и объявить Новгородцамъ присяжную запись, на которой они должны были цѣловать ему крестъ. 13 января 1478 года пришелъ къ великому князю владыка со многими боярами, жителями, купцами, и принесъ присяжную запись; писать ее дьякъ владычинъ, подписалъ владыка собственною рукою и печать свою приложилъ, приложилъ по печати и со всѣхъ пяти концовъ. Въ тотъ же день въ станѣ цѣловали крестъ на этой записи многіе бояре, житеи и купцы передъ боярами великокняжескими, которые заставили ихъ также обѣщаться на словахъ—не мстить Исковичамъ за помощь ихъ Москвѣ, не мстить тѣмъ боярамъ, и женамъ ихъ, и дѣтямъ, которые служатъ великому князю, отказаться отъ пригородовъ, Двинской области и Заволочья. Присягнувши, Новгородцы просили бояръ, чтобы Иоаннъ сказалъ имъ всёмъ велухъ свое милостивое слово, и слово это было имъ сказано: „Дастъ Богъ, впередъ тебя, своего богомольца, и отчину нашу, Великій Новгородъ, хотимъ жаловать“. 15 января прѣхалъ въ Новгородъ князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣвъ съ четырьмя другими московскими боярами и созвалъ весь Новгородъ въ палату, а не на площадь, потому что съ этого дня вѣча уже не было болѣе въ Новгородѣ. Патрикѣвъ началъ говорить: „Князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси, государь нашъ, тебѣ, своему богомольцу владыкѣ, и своей отчинѣ Великому Новгороду говорить такъ: ты, нашъ богомольецъ, и вся наша отчина, Великій Новгородъ, были челомъ нашимъ братьямъ, чтобы я пожаловалъ, смилвался, нелюбе съ сердца сложилъ, и я, князь великій, для братьевъ своихъ, пожаловалъ васъ, нелюбе отложилъ. И ты бы, богомольецъ нашъ, и отчина наша, на чемъ добились намъ челомъ, и грамоту записали, и крестъ цѣловали,—то бы все исполняли; а мы васъ впередъ хотимъ жаловать по вашему исправленію къ намъ“. Послѣ этой рѣчи московскіе бояре стали приводить лучшихъ Новгородцевъ къ присягѣ на владычиномъ дворѣ, а по концахъ посланы были для этого дѣти боярскія и дьяки: цѣловали крестъ всё, не исключая женъ и людей боярскихъ; тугъ, при крестномъ цѣлованіи, взята

¹⁾ «Взяти ми половину всѣхъ волостей владычныхъ и монастырскихъ ваятой ископавъ В. Княземъ, а захватили сами». Послѣднія слова прибавл. у Татиш. См. Читенія Москов. Истор. Общ. 1847, № 4.

была и грамота, которую Новгородцы написали и утвердили между собою за 58-ю печатами. 18 января были челомъ великому князю въ службу бояре новгородскіе и всѣ дѣти боярскія и житые люди. 20 января отправлена была въ Москву грамота, что великій князь отчину свою, Великій Новгородъ, привести во всю свою волю и учинился на немъ государемъ, какъ и на Москвѣ. Намѣстниками въ Новгородѣ были назначены князь Иванъ Васильевичъ Стрига да братъ его, Ярославъ Оболенскіе, а черезъ нѣсколько дней приданы были къ нимъ еще двое намѣстниковъ. Оболенскіе помѣстились на дворѣ Ярославовомъ. самъ же великій князь продолжалъ жить въ стани и два раза только выѣзжалъ въ Новгородъ, для слушанія обѣдин у Св. Софїи, потому что въ городѣ былъ моръ. Передъ отъѣздомъ Иоаннъ велѣлъ схватить старосту купеческаго, Марка Панфилева, боярыню Марю Воредкую со внукомъ ея Василиемъ Осдоронимъ, еще пятерыхъ Новгородцевъ, и отвезти ихъ въ Москву, имѣние отписать на себя; забраны были и всѣ договоры, когда-либо заключенные Новгородцами съ князьями Литовскими. 17 февраля тронулся Иоаннъ изъ стана, 5 марта прїѣхалъ въ Москву; за нимъ привезли изъ Новгорода вѣчевой колоколь и подняли на колокольню на площади Кремлевской звонить вмѣстѣ съ другими колоколами.

Но не вдругъ могъ забыть Новгородъ свой прежній бытъ, и противная Москвѣ сторона ждала только перваго удобнаго случая, чтобы снова подняться. Этотъ удобный случай не замедлилъ представиться, когда въ 1477 году ханъ Золотой Орды, въ союзѣ съ Казимиромъ Литовскимъ, началъ грозить Москвѣ нашествіемъ, и когда братья великаго князя хотѣли также воспользоваться этимъ случаемъ для возвращенія себѣ старыхъ удѣльныхъ правъ. Иоанну дали тайно знать, что многие Новгородцы пересылаются съ Казимиромъ, зовутъ его къ себѣ, пересылаются и съ Нѣмцами; король обѣщалъ явиться съ полками, и послалъ, съ одной стороны, къ хану Золотой Орды, звать его на Москву, а съ другой—къ папѣ съ просьбою о денежномъ вспоможеніи для уснѣха въ дѣлѣ, которое неминуемо повлечетъ за собою присоединеніе важной области къ Римской церкви. Папа назначилъ на военныя издержки сборъ со всѣхъ церквей польскихъ и литовскихъ. Иоаннъ хотѣлъ предупредить Казимира и заставить врасплохъ Новгородцевъ: взявъ съ собою только тысячу человекъ, онъ отправился 26 октября къ Новгороду миромъ, а между тѣмъ, подъ предлогомъ войны съ Нѣмцами, велѣлъ сыну набирать войска и спѣшить за собою слѣдомъ; заставы были разставлены повсюду, дабы въ Новгородѣ не узнали о наборѣ и приближеніи многочисленной рати. Несмотря на то, въ Врѣницахъ онъ получилъ вѣсть, что Новгородцы заворвались и не намѣрены пускать его миромъ. Тогда Иоаннъ дождался полковъ своихъ и приступилъ къ городу, въ которомъ по-прежнему имѣлъ многочисленныхъ приверженцевъ: они не хотѣли биться

и перебѣжали къ Москвичамъ; архіепископъ послалъ за опасною грамотою, но Иоаннъ отвѣчалъ: „Я самъ опасъ для невинныхъ и Государь вашъ; отворите ворота; когда войду въ городъ, — невинныхъ ни чѣмъ не оскорблю.“ А между тѣмъ разрушительная стрѣльба изъ пушекъ не прекращалась. Накопецъ ворота отворились, и владыка, посадникъ, тысяцкій (ибо Новгородцы поспѣшили возстановить свои древнія формы правленія), старосты пяти концовъ, бояре и народъ вышли на-встрѣчу къ великому князю, пали ницъ и просили прощенья. Иоаннъ благословилъ на архіепископа и сказалъ во всеуслышаніе: „Я, государь вашъ, даю миръ всѣмъ невиннымъ, не бойтесь ничего!“ и отправился, по обычаю, къ Св. Софїи, а потомъ въ домъ Ефима Медвѣдева, новаго посадника, гдѣ и остановился. Въ тотъ же день 50 человекъ главныхъ враговъ Москвы были захвачены и пытаны. Тутъ только великій князь узналъ объ участи владыки въ разговорѣ и объ отношеніяхъ братьевъ своихъ съ Новгородцами. Теофилизъ былъ взятъ и отосланъ въ московскій Чудовъ монастырь подъ стражу, богатство его отобрано въ казну; 100 главныхъ заговорщиковъ подвергнуты смертной казни. 100 семей дѣтей боярскихъ и купцовъ разосланы по разнымъ городамъ. Но и этимъ дѣло не кончилось: въ 1481 году схвачено было четверо новгородскихъ бояръ; вражда сторонъ продолжалась, и слѣдствіемъ было то, что въ 1484 году сами же Новгородцы прислали доносъ въ Москву, что нѣкоторые изъ нихъ согражданъ пересылались съ королемъ. По этому доносу, человекъ тридцать большихъ и житыхъ людей было схвачено, дома ихъ разграблены, сами подвергнуты пыткамъ; когда ихъ приговорили къ смертной казни, то передъ висѣлицею стали они прощаться другъ съ другомъ и каяться, что напрасно клепали другъ друга на пыткахъ. Услыхавъ объ этомъ, великій князь не велѣлъ ихъ вѣшать, но велѣлъ сковать и посадить ихъ въ тюрьму, а женъ и дѣтей ихъ послать въ заточеніе. Въ то же время была схвачена и разграблена Настасья, славная и богатая, во выраженіи Лѣтописца, взята и пограбленъ была также Иванъ Кузьминъ, который во время новгородскаго взятія съ тридцатью слугами убѣжалъ въ Литву; но король не оказалъ ему никакой милости, слуги отстали отъ него, и онъ самъ-третей прибѣжалъ назадъ въ Новгородъ, гдѣ и былъ схваченъ. Въ томъ же 1484 году принужденъ былъ по болѣзни оставить архіепископію владыка Сергій, посвященный въ Новгородѣ на мѣсто Осеофила изъ старцевъ Троицкаго Сергіева монастыря. Московскіе лѣтописцы говорятъ, что Новгородцы не хотѣли покориться Сергію, ибо онъ не по ихъ мысли ходилъ: не могли ничего сдѣлать надъ нимъ явно, они волшебствомъ отняли у него умъ, говоря, что Иоаннъ чудотворецъ наказалъ его. Новгородскіе же и нековскіе лѣтописцы разсказываютъ, будто бы Сергій сталъ притѣснять игуменовъ и священниковъ, ввелъ новыя пошлины, будто бы захавъ на дорогѣ въ Сковородскій Ми-

хайловскій монастырь, отъ гордости, потому что прѣѣхалъ изъ Москвы къ гражданамъ плѣбнымъ, не захотѣлъ вскрыть гробъ похороненнаго тутъ Новгородскаго владыки Моисея, и будто бы съ этихъ поръ нашло на него изумленіе: иногда выдали, какъ онъ сидѣлъ на Евимьевской панерти въ одной рясѣ, безъ мантии, а иногда выдали его въ полдень сидящимъ въ томъ же видѣ у Св. Софіи. По другому разсказу, Новгородскіе владыки начали являться Сергію то во снѣ, то на-яву, съ укоромъ, какъ онъ смѣлъ принять свѣтительское поставленіе при жизни своего предшественника, не улещеннаго въ ереси, но изгнаннаго несправдою; когда же онъ презрѣлъ этими укорами, то невидимая сила перазила его и на нѣкоторое время лишила употребленія языка. Въ 1487 году переведено изъ Новгорода во Владимірь 50 семей лучшихъ купцовъ. Тогда же выѣхала изъ Новгорода и московская ратная сила, стоявшая здѣсь 17 недѣль. Въ 1488 году привели изъ Новгорода въ Москву больше семи тысячъ житыхъ людей за то, что хотѣли убить намѣстника великокняжескаго Якова Захарьича; нѣкоторыхъ Яковъ казнилъ еще въ Новгородѣ, другихъ казнили въ Москвѣ, остальныхъ отправили на житье въ Нижній, Владимірь, Муромъ, Переяславль, Юрьевъ, Ростовъ, Кострому и другіе города; на ихъ мѣсто посланы въ Новгородъ изъ Москвы и другихъ городовъ низовыхъ дѣти боярскія и купцы⁴⁾.

Въ одно время, съ окончательнымъ прекращеніемъ новгородскихъ смутъ чрезъ выводъ лучшихъ гражданъ, окончательно усмирена и древняя колонія новгородская, Вятка, и тѣмъ же самымъ средствомъ. Еще въ 1466 году Вятчане ратью прошли мимо Устюга на Кокшенигу, угнавшійся отъ городскихъ сторожей; шли по Сухой рѣкѣ вверхъ, воевали Кокшенигу, а назадъ шли Вагою внизъ. Намѣстникъ устюжскій Сабуровъ послалъ гонца въ Москву съ вѣстію объ этомъ, и великій князь велѣлъ перехватить Вятчанъ. Сабуровъ дѣйствительно перенялъ ихъ подъ Гledenомъ; но Вятчане дали ему хорошіе подарки и, простоявши три дня, спокойно отправились домой. Въ 1469 году, во время похода на Казань, московскіе воеводы требовали отъ Вятчанъ, чтобъ шли съ ними выѣстѣ, и получили отвѣтъ: „Казанскій ханъ неволею заставилъ насъ поклясться, что не будемъ помогать ни ему на великаго князя, ни великому князю на него“; на второе же требованіе воеводъ Вятчане отвѣчали, что когда пойдутъ въ походъ братья великаго князя, тогда пойдутъ и они. Не знаемъ, какое слѣдствіе имѣло для Вятчанъ такое поведеніе ихъ, — знаемъ только, что, не помогши противъ Казани, они помогли Москвѣ противъ Новгорода. Въ 1485 г. повторилось прежнее явленіе: во время похода на Казань, Вятчане, по словамъ лѣтописца, отступили отъ великаго князя, который послалъ на нихъ

воеводу Юрія Кутузова съ большою силою; тотъ помирился съ ними—и они опять возвратились въ московское подданство, но подъ слѣдующимъ годомъ другой лѣтописецъ разсказываетъ, что Вятчане приходили на Устюгъ и стояли подъ городомъ Осиновецъ, но что воевода ихъ, Костя, начальствовалъ ими поневолѣ, и, воспользовавшись случаемъ, ушелъ въ Осиновецъ, а оттуда въ Москву. Митрополитъ два раза писалъ къ Вятчанамъ увѣщательныя грамоты: „Называетесь вы именемъ христіанскимъ, писалъ онъ, а живете хуже нечестивыхъ: святую церковь обижаете, законы церковные старые разоряете, государю великому князю грубите и пристаєте къ его недругамъ издавна, съ поганствомъ соединяетесь, да и одни, сами собою, отчину великаго князя воюете безпрестанно, христіанство губите, церкви разоряете, а челомъ государю за свою грубость не бѣгете. Великій князь васъ жаловалъ, слушался нашего смиренія, потому что я молилъ его о васъ со многими слезами; но отъ васъ нѣтъ никакого исправленія. И я теперь уже въ послѣдній разъ послалъ къ вамъ: бейте челомъ великому князю за свою грубость, пограбленное все отдайте, плѣбныхъ отпустите. Если же не послушаете насъ, то кровь христіанская вамъ отольется; священники ваши церкви Божіи затворятъ и пойдутъ воевъ изъ Земли; если же такъ не сдѣлаютъ, то будутъ и сами отъ насъ прокляты“.—Увѣщанія митрополита не помогли, и въ 1489 году, подчинивши себѣ Казань, великій князь послалъ на Вятчанъ шестидесятичетырехтысячную рать, подъ начальствомъ двухъ главныхъ воеводъ, князя Данила Щени и Григорія Морозова. 16 августа воеводы подступили подъ Хлыновъ, а на другой день Вятчане, большіе люди, вышли бить имъ челомъ, чтобъ рать Земли Вятской не воевала, „а мы великому князю челомъ бьемъ, покоряемся на всей его волѣ, данъ даемъ и службу служимъ“. Воеводы отвѣчали: „Цѣлуйте же крестъ великому князю отъ мала до велика, а измѣнниковъ и крамольниковъ выдайте головами: Иванъ Аникіева, Пахомья Лазарева, Палку Богодайщикова“. Вятчане сказали на это: „Дайте намъ, господа, сроку до завтра, мы это ваше слово скажемъ всей Землѣ Вятской“. Срокъ имъ дали; Вятчане думали два дня, но на третій отказали воеводамъ, что не выдадутъ тѣхъ трехъ человѣкъ. Тогда воеводы встѣли всей силѣ своей готовиться къ приступу: ставли по городу плетень, запастись смолою и берестомъ; но Вятчане, видя свою погибель, добились челомъ на всей волѣ великаго князя и выдали измѣнниковъ. Воеводы развели всю Вятку, взяли лучшихъ людей, купцовъ и отправили ихъ съ женами и дѣтьми въ Москву. Великій князь велѣлъ Аникіева, Лазарева и Богодайщикова бить кнутомъ и повѣсить, а другихъ Вятчанъ пожаловалъ, далъ имъ помѣстья въ Боровскѣ, Алексинѣ и Кременцѣ, и написались они въ слуги великому князю, купцовъ же поселили въ Дмитровѣ. Выѣстѣ съ Вятчанами правлены были въ Москву и туземные вотякскіе, или

⁴⁾ П. С. Р. Л. III, 243; IV, 255—261; VI, 200—238; Чтенія Москв. Истор. Общ. 1847, № 4 Арханг., стр. 183.

арскіе князья; но великій князь отпустилъ ихъ на родину ¹⁾.

Исковъ удержалъ за время свою старину, благодаря постоянному старанію угодить великому князю, покорностію утишать гнѣвъ его. Еще Василий Темный не задолго до кончины своей прислалъ во Псковъ намѣстникомъ князя Владиміра Андреевича не по псковскому прошенію, не по старинѣ: Псковичи однако приняли его съ честію и посадили на княженіе. Но въ слѣдующій годъ, — годъ вступленія на престолъ Іоанна III, — они выгнали князя Владиміра, потому что пріѣхалъ не по старинѣ, Псковичами не позванъ, и на народъ не благъ. Столкнутый со ступени на вѣчѣ, съ безчестіемъ поѣхалъ Владиміръ въ Москву жаловаться великому князю; поѣхали за нимъ и псковскіе послы оправдываться. Три дня Іоаннъ не пускалъ ихъ къ себѣ на глаза, наконецъ принялъ ихъ челобитье и велѣлъ сказать Пскову: „Какого князя Псковичи захотятъ, и я имъ его дамъ, пусть пришлютъ ко мнѣ грамоту съ боярниномъ“. Псковичи выпросили себѣ князя Ивана Александровича Звенигородскаго, потомъ князя Феодора Юрьевича, которому дали держать намѣстниковъ на двѣнадцати пригородахъ, тогда какъ прежде князья намѣстники бывали только на семи пригородахъ. Мы видѣли, какъ безпрекословно принимали Псковичи рѣшенія великаго князя и митрополита касательно отношеній своихъ къ Новгородскому владыкѣ, какъ потомъ безпрекословно ходили на Новгородъ вмѣстѣ съ полками московскими. Іоаннъ твердилъ псковскимъ посламъ: „Какой мой князь будетъ вамъ надобенъ въ намѣстники, того я къ вамъ отпущу, только не безчестите тѣхъ намѣстниковъ, которые будутъ дурно съ вами поступать; мое дѣло ихъ наказывать, а я васъ, свою отчину, жалую“. Помня этотъ наказъ, Псковичи въ 1472 году послали къ великому князю просить къ себѣ въ намѣстники князя Ивана Стригу-Оболенскаго, потому что князь Феодоръ Юрьевичъ началъ дурно вести себя во Псковѣ и самъ сталъ засылать грамоты къ великому князю. Узнавши, что Псковичи послали въ Москву жаловаться на него и просить себѣ другаго князя, Феодоръ на другой же день вышелъ на вѣче, сложилъ съ себя крестное цѣлованіе и выѣхалъ изъ города. Псковичи, чтобъ оправдать себя внолѣ въ глазахъ Іоанна, послали посадника, дѣтей боярскихъ и сотскихъ провожать съ честію князя Феодора до рубежа, съ хлѣбомъ, виномъ, медомъ; но какъ скоро Феодоръ подѣхалъ къ границѣ, то силою завелъ за нѣе псковскихъ провожатыхъ, отнялъ лошадей, самихъ ограбилъ и чуть-чуть не нагихъ отпустилъ во Псковъ. Іоаннъ далъ Псковичамъ брата Стригина, князя Ярослава Васильевича Оболенскаго, потому что Стрига ему самому былъ нуженъ ²⁾. Въ 1474 году, оказалъ Пскову дѣятельную помощь противъ Нѣмцевъ, Іоаннъ далъ большихъ пословъ

съ благодарностію, но выѣсто нихъ пріѣхалъ гонецъ. Гонецъ этотъ возвратился во Псковъ съ вѣстію, что великій князь сильно сердитъ; тогда Псковичи послали къ своему государю въ Москву князя-намѣстника Ярослава Васильевича, троихъ посадниковъ, бояръ изо всѣхъ концовъ и поминъ 100 рублей; но Іоаннъ сослалъ ихъ съ подворья, на глаза къ себѣ не пустил, дара не принялъ, и послы, простоявши пять дней шатромъ на полѣ, безъ отвѣта пріѣхали назадъ во Псковъ. Въ слѣдъ за ними пріѣхалъ посолъ великокняжескій съ приказомъ Пскову сейчасъ же отправлять новыхъ пословъ въ Москву, и поѣхали трое другихъ посадниковъ, повезли 150 рублей въ подарокъ; этихъ пословъ Іоаннъ принялъ и далъ такой отвѣтъ: „Радъ свою отчину по старинѣ ³⁾ держать, если мнѣ положите прежнихъ великихъ князей грамоты пошлинныя“.

Это было въ концѣ лѣта, а въ концѣ осени пріѣхалъ во Псковъ изъ Москвы намѣстникъ, князь Ярославъ, и началъ просить у Пскова судъ держать не по псковской старинѣ ⁴⁾. Псковичи отправили въ Москву пословъ со старыми грамотами; но великій князь, посмотрѣвши въ грамоты, сказалъ: „Это грамоты не самихъ князей великихъ, и вы бы исполнили все то, чего князь Ярославъ проситъ“. Псковичи отвѣчали: „Намъ нельзя такъ жить, какъ теперь проситъ князь Ярославъ не по нашимъ старинамъ“. Іоаннъ обѣщалъ прислать во Псковъ своего посла для рѣшенія дѣла, которое тянулось уже цѣлый годъ. Въ концѣ 1475 года великій князь пріѣхалъ въ Новгородъ на судъ и на управу; въ то время какъ онъ осудилъ новгородскихъ посадниковъ и бояръ, явилось къ нему четверо посадниковъ псковскихъ съ 50-ю рублями дара и съ челобитьемъ, чтобы держалъ Псковъ по старинѣ. Іоаннъ велѣлъ послать дожидаться ихъ князя Ярослава, которому Псковичи дали 20 рублей, чтобы просилъ за нихъ великаго князя; но Ярославъ, пріѣхавши въ Новгородъ, сталъ жаловаться Іоанну на посадниковъ и на Псковъ, въ слѣдствіе чего вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали во Псковъ послы великокняжескіе и объявили вѣчу: „Просите прошенія у князя Ярослава, въ чемъ предъ нимъ провинились, и дайте ему все съ суды и пошлины, которыхъ онъ проситъ ⁵⁾; если же не сдѣлаете такъ, то будете вѣдаться съ государемъ вашимъ, великимъ княземъ; онъ далъ намъ только пять дней срока пріѣхать и отѣхать“. Псковичи исполнили требованіе великаго князя и дали на вѣчѣ Ярославу 130 рублей, за все сполна.

³⁾ Устроены въ друг. сп. устроены. Я приняваю оба чтенія неправильными, и читаю: «по старинѣ».

⁴⁾ «На ссылку вдвое ѣзды имати, и по пригородомъ его намѣстникомъ князя продажа имати обоя (отъ боя); также и деньга намѣстничъ».

⁵⁾ «Также бы есте Князю Ярославу денгу намѣстничу освободили, и ѣзды вдвое, и продажи по пригородомъ намѣстникомъ имати Князю и вивши судове по старинѣ, судити всякая копяя, и изгородное прясло, и коневая валица, а не учините тако» и проч.

¹⁾ Никон. VI, 9; П. С. Р. Л. VI, 237, 239; Акты Историч. I, № 97 и 98; Архангел. 195—198.

²⁾ П. С. Р. Л. IV, 249.

Ярославъ началъ пользоваться псковскими уступками, и, въ половинѣ 1476 года, бояре изъ всѣхъ концовъ поѣхали на Москву съ грамотою жалобною, бить челомъ съ плачемъ великому князю, чтобы сослалъ съ своей отчины князя Ярослава, а даль бы ей князя Ивана Александровича Звенигородскаго, потому что князь Ярославъ притѣняетъ весь Псковъ, а намѣстники его то же дѣлаютъ по пригородамъ и волостямъ. Великій князь обѣщалъ прислать своего посла разобрать дѣло; но Псковичи боялись, что на этомъ судѣ будетъ больше обращеніе вниманія на донесенія князя Ярослава, — чѣмъ на ихъ старину. Между тѣмъ во Псковѣ, вслѣдствіе всеобщаго озлобленія на князя Ярослава, вспыхнуло волненіе, какого, по словамъ лѣтописца, никогда не бывало, ни при одномъ князѣ: везъ какой-то Псковичъ съ огорода капусту черезъ торгъ, мимо княжескаго двора; одинъ изъ княжескихъ слугъ схватилъ кочанъ и даль княжему барану, и за это началась ссора у Псковичей съ княжескими слугами; отъ ссоры дѣло дошло до драки; слуги ¹⁾ намѣстники стали колотья ножами, Псковичи отбиваясь камнями; княжесворцы пошли на весь міръ съ ножами на торгъ, а иные съ луками, и начали стрѣлять, другіе ножами колотья. Псковичи оборонялись — кто камнемъ, кто деревомъ — и убили княжескаго повара; самъ князь Ярославъ, пьяный, въ нанцырѣ, выскочилъ и началъ стрѣлять. Въсть о побойщѣ пронеслась по всему городу, и вотъ пошли на торгъ посадники, бояре, житые люди съ оружіемъ; но уже время было къ вечеру, и князь съ своими слугами пошелъ на сѣни, укрошенный добрыми людьми; разошлись и Псковичи, изъ которыхъ многіе умерли отъ ранъ. Ночью однако вооруженные посадники и житые люди всѣмъ Псковомъ держали стражу на торгу, слыша отъ княжихъ слугъ угрозу, что зажгутъ городъ и во время пожара будутъ бить Псковичей. На другое утро Псковичи поставили вѣче, и отреклися князю Ярославу, стали провожать его изъ Пскова, а къ великому князю послали грамоту, прописавъ въ ней все, что случилось; но Ярославъ изъ Пскова не ѣдетъ, дожидается посла отъ великаго князя, и Псковичи ждутъ того же, Ярославу ничего не дѣлаютъ, не мстятъ ему за его насилія. Наконецъ явились изъ Москвы два боярина съ такими рѣчами: „Псковичи на князя Ярослава жаловались: а прежде, какъ великій князь былъ въ Новгородѣ, они на него не жаловались, тогда какъ князь Ярославъ и тогда на Псковъ жаловался, и прежде и теперь ояты жалуются; если Псковичи не выдадутъ людей, осужденныхъ по пригородамъ, то великій князь, моля Бога и Пречистую Его Матерь, самъ все исправитъ; а Ярослава князь великій оставляетъ на столѣ во Псковѣ“. Двѣ недѣли бояре толковали со Псковомъ, выпрашивали тѣхъ людей, которыхъ намѣстники Ярославовы безъ суда поковали, а Псковъ расковалъ, и тѣхъ, которые князю

какое слово молвили. Псковичи не выдали ихъ и дали такой отвѣтъ: „Которыхъ людей вы у насъ головами выпрашиваете, тѣхъ не можемъ выдать по старинѣ и пошлннѣ, какъ бывало при прежнихъ господаряхъ, — то люди правые; а что вы князя Ярослава у насъ на столѣ сажаете, то вѣдаетъ государь нашъ князь великій, а мы съ Ярославомъ быть не можемъ, если онъ такъ же будетъ насильничать, какъ и прежде; пошлемъ еще пословъ бить челомъ нашимъ государямъ о старинахъ“. Старшему послу, Ивану Товаркову, Псковичи дали 15 рублей, дяку — 5 рублей, младшему послу, Юрію Шестаку, 10 рублей; по Юрію десяти рублей не принялъ. И все это псковское добро ихъ не тронуло, говоритъ лѣтописецъ: пріѣхавши на рубежъ, всѣхъ провожатыхъ ограбили, лошадей и платье отняли, самихъ прибили, да и деньги отняли; давно въ Псковѣ не бывало такихъ пословъ; ничѣмъ ихъ нельзя было удобрить; въ двѣ недѣли стоили они 60 рублей, кромѣ даровъ. Мы видѣли, что Псковичи обѣщали отправить новыхъ пословъ къ Иоанну бить челомъ о сохраненіи старины; великій князь заставилъ этихъ пословъ дожидаться четыре недѣли, и наконецъ даль такой отвѣтъ: „Если Псковичи на дворъ нашего намѣстника, а своего князя, нападали, то сами изъ старины выступили, а не я, князь великій“. Въ февралѣ 1477 года, князь Ярославъ получилъ изъ Москвы грамоту, въ которой приказывалась ему ѣхать туда со всѣмъ дворомъ, а въ Псковѣ не оставлять никого. Псковичи со страхомъ ожидали, что изъ этого будетъ, и хотя такого злосердаго князя у нихъ еще не было, однако выслали ему на всякій станъ кормъ изъ города съ честію; а онъ нарочно на сорока верстахъ ночевалъ пять ночей, чтобы побольше изубытчить Псковскую волость, на послѣднемъ же станѣ схватилъ и отвелъ 18 человекъ приставовъ, которые возили къ нему съѣстные припасы и чествовали его. Псковичи впрочемъ боялись напрасно: Иоаннъ собирался въ это время покончить съ Новгородомъ, потому принялъ милостиво псковскихъ пословъ, привезшихъ ему въ даръ 100 рублей, и сказалъ имъ, что пришлетъ во Псковъ своихъ бояръ, которые устроятъ всѣ дѣла; захваченныхъ Ярославомъ людей всѣхъ отпустилъ, а самого Ярослава не пустилъ къ себѣ на глаза во все то время, какъ псковскіе послы были въ Москвѣ. Намѣстникомъ во Псковѣ назначенъ былъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій.

Въ награду за помощь противъ Новгорода, великій князь прислалъ во Псковъ поклонъ и позолоченный кубокъ; посоль его, Василій Китай, обвѣилъ отъ его имени на вѣчѣ: „Я, князь великій, хочу держать васъ, свою отчину, въ старинѣ; а вы бы также слово наше и жалованье держали честно; знайте это и помните“. Псковичи отправили къ нему своихъ пословъ бить челомъ за жалованье и за подарокъ, и вмѣстѣ жаловаться на пословъ, что по дорогѣ, по станамъ и по подворью въ городѣ обижаютъ жителей, подарокъ просятъ не по псковской силѣ, съ гнѣвомъ и со враждою, а что

¹⁾ Сестники.

имъ Псковъ съ челобитьемъ начнеть на вѣчѣ давать, того не принимають, съ вѣча бѣгаютъ, и въ сердцахъ много причиняють христіанамъ убытковъ и истомы. Но великій князь за эту жалобу только рассердился на Псковъ, потому что бояре сказали ему совсѣмъ другое. Псковичи немного выиграли отъ перемѣны намѣстника: Василій Шуйскій, по словамъ лѣтописца, былъ князь невоинственный и грубый, только и зналъ, что пилъ да грабилъ, и много всей землѣ грубости надѣлалъ. Неизвѣстно, какимъ образомъ смѣненъ былъ Шуйскій, и на его мѣсто присланъ отъ князя Ярославъ Васильевичъ Оболенскій, при которомъ съ 1483 года начались опять сильныя волненія: Псковичи посѣдали дворы у шести посадниковъ и у многихъ другихъ; въ слѣдующемъ году сельскіе жители, смерды отказались исполнять свои обычныя работы для города. Псковичи посадили троихъ изъ нихъ въ тюрьму, и тогда же закликали посадниковъ и написали на нихъ мертвую грамоту, т. е. объявили осужденными на смертную казнь, за то, что они выѣтъ съ княземъ Ярославомъ нанесли новую грамоту и положили ее въ ларь, безъ псковскаго вѣдома; одного изъ посадниковъ, Гаврилу, убили на вѣчѣ всѣмъ Псковомъ. Опять, слѣдовательно, Псковичи накликали на себя гнѣвъ великокняжескій, и когда, въ концѣ 1484 года, послы ихъ пріѣхали въ Москву съ челобитьемъ, чтобъ ихъ держали въ старинѣ, то Іоаннъ съ сердцемъ приказалъ смердовъ отпустить, посадниковъ откликать, имѣніе ихъ отпечатать, а у князя Ярослава просить прощенія. „Тогда только можете мнѣ быть челомъ, тогда я о вашемъ добрѣ стану думать“, сказалъ великій князь. Послы возвратились и объявили на вѣчѣ приказъ Іоанновъ; но черные люди не повѣрили, и отравили въ Москву новыхъ пословъ, которые пріѣхали съ прежнимъ отвѣтомъ. Черные люди и этимъ не повѣрили, говоря, что послы согласились объявлять все одно и то же по челобитью посадниковъ, сбѣжавшихъ въ Москву, потворствуютъ имъ; видно, что и во Псковѣ, какъ въ Новгородѣ, было раздѣленіе на двѣ стороны: сторону лучшихъ и сторону меньшихъ людей. Всталъ сильный мятежъ, началась брань между лучшими людьми — посадниками, боярами, жителями и чернью; первые хотѣли исполнить требованіе великаго князя, отпустить смердовъ, откликать посадниковъ, выкинуть изъ ларя мертвую грамоту и бить челомъ князю Ярославу, чтобъ ходатайствовала за нихъ въ Москвѣ; боялись они отъ великаго князя казни, потому что безъ повелѣнія предъ его посломъ смерда казнили и посадника Гаврилу убили. Но черные люди молодые говорили имъ: „Мы во всемъ правы, и не погубить насъ за это князь великій, а вамъ не вѣримъ, и князю Ярославу не за-что намъ челомъ бить“. Послъ долгихъ споровъ, отправили въ Москву двоихъ гонцовъ, изъ молодыхъ (незначительныхъ) людей, съ такими рѣчами: „Какъ намъ, господарь, укажешь, и мы все по твоей волѣ сдѣлаемъ съ смердами и посадниками; а потомъ на-

ши большіе послы будутъ съ челобитьемъ“. Все это черные люди сдѣлали наперкоръ посадникамъ и жителямъ, послали, не исполнивши ничего, что приказывалъ великій князь. Но двое гонцовъ ихъ были убиты въ Тверской Землѣ разбойниками; тогда, весною 1485 года, Псковичи послали въ Москву посадниковъ и бояръ, на челобитье которыхъ великій князь отвѣчалъ съ большимъ гнѣвомъ: „Если моя вотчина приказъ мой исполнить, и потомъ станеть просить прощенія, то я буду васъ жаловать какъ должно“. На этотъ разъ Псковичи послушались, отпустили смердовъ, мертвую грамоту изъ ларя выкинули, имѣніе и дворы отпечатали. Осенью отравились опять въ Москву посадники и бояре вмѣстѣ съ княземъ Ярославомъ, и повезли 150 рублей; великій князь пожаловалъ, объявилъ имъ, что отчину свою будетъ держать въ старинѣ. Это уже четвертые послы, говоритъ лѣтописецъ, да пятыхъ разбойники тверскіе убили; а все это слали Псковичи по дѣлу о смердахъ, и много убытка потеряли, рублей 1,000 издержали, да вся земля мялась два года. Но и этимъ дѣло не кончилось; спустя немного времени, случилось одному священнику разбирать грамоты у наровскихъ смердовъ, и нашель онъ ту грамоту, въ которой говорилось, какъ смердамъ изъ вѣковъ-вѣчныхъ князю и Пскову данъ давать и всякія работы уручныя отправлять; отъ этой-то грамоты и произошла вся бѣда, потому что смерды, утаивши ее, не пошли на работу; Псковичи не знали, какъ бывало въ старину, а смерды обманули великаго князя, насажали ему все не такъ. Смердь, увидавши грамоту въ рукахъ священника, вырвалъ ее у него; священникъ объявилъ объ этомъ, и Псковичи посадили смерда подъ стражу; съ тѣхъ поръ начали являться къ посадникамъ и ко всему Пскову изъ города, пригородовъ и волостей челобитчики на самого князя Ярослава и на его намѣстниковъ. Посадники и весь Псковъ набрали безчисленное множество жалобъ, написали грамоты и отравили, лѣтомъ 1486 года, пословъ въ Москву, посадниковъ, бояръ да обиженныхъ, по два человѣка съ пригорода. Послы пріѣхали бить челомъ великому князю и объявили о смердѣ, что грамоту утаилъ: „Мы теперь его подъ стражею держимъ, и какъ намъ, господарь, укажешь?“ Великій князь, взглянувъ на нихъ ярмыя окомя, сказалъ: „Давно ли я вамъ простилъ за дѣло о смердахъ, а теперь вы опять начинаете?“ и не принявъ ни одной жалобы на Ярослава. Это было послѣднее, занесенное въ лѣтопись посольство изъ Пскова въ Москву по дѣламъ внутренняго управленія ¹⁾.

И Рязань сохранила свою самостоятельность по имени только, потому что на самомъ дѣлѣ безирекословно подчинилась распоряженіямъ великаго князя Московскаго. Мы видѣли, что это подчиненіе началось еще при Василіи Темномъ, который взялъ къ себѣ на воспитаніе малолѣтняго Рязанскаго князя Василія, а для управленія Рязанью назначилъ

¹⁾ П. С. Р. Л. т. IV, со стр. 222; т. V, со стр. 34.

своихъ намѣстниковъ. Въ 1464 году Иоаннъ III отпустилъ молодого князя въ Рязань; но Василий скоро возвратился въ Москву для того, чтобъ жениться здѣсь на сестрѣ великокняжеской, Аннѣ. Въ 1483 году онъ умеръ, оставя двоихъ сыновей, Ивана и Теодора, и въ томъ же году первый, какъ великій князь Рязанскій, заключилъ договоръ съ Иоанномъ Московскимъ и его родственниками¹⁾; великій князь Рязанскій обязывается считать себя младшимъ братомъ Иоанна III и сына его, и приравливается къ удѣльному московскому князю Андрею Васильевичу; обязывается быть заодно на всѣхъ враговъ Москвы и не сносить съ лиходѣями ея князя; съ великими князьями литовскими не заключать договоровъ, не ссылаться на лихо Москвѣ, не отдаваться съ землею къ нимъ въ зависимость. Теперь въ договорахъ нашихъ князей, мѣсто орднскихъ отношеній, заступаютъ отношенія къ служебнымъ татарскимъ царевичамъ, появившимся, какъ мы видѣли, со времени Темнаго. Великій князь Рязанскій обязывается, по примѣру дѣда и отца, давать извѣстное количество денегъ на содержаніе царевичей, но не долженъ заключать съ ними договоровъ, ссылаться съ ними ко вреду Московскаго князя; долженъ жить съ ними по договору послѣдняго. Слѣдовательно татарскіе царевичи находятся въ службѣ одного Московскаго великаго князя, какъ князя всея Руси; его одного знаютъ, съ нимъ однимъ заключаютъ договоры. Относительно князей мецкерскихъ, Рязанскій князь обязывается не только не принимать ихъ къ себѣ, но даже отыскивать ихъ безъ хитрости, если они побѣгутъ отъ Иоанна, и, отыскавъ и, выдать ему. Въ этомъ договорѣ встрѣчаемъ новое опредѣленіе границъ Московскаго и Рязанскаго княжествъ; какъ трудно было съ точностію опредѣлять границы въ Придонскихъ странахъ,—видно изъ того, что Елецъ объявленъ за Москву, а мѣста по рѣкѣ Мечѣ—въ общемъ владѣніи²⁾.

Мы видѣли, что у великаго князя Рязанскаго, Ивана, былъ младшій братъ, удѣльный князь Теодоръ; старшій братъ, по благословенію отцовскому, получилъ Переяславъ Рязанскій, Ростиславль и Пронскъ; младшій—Перевитскъ и Старую Рязань. Въ 1496 году оба брата заключили между собою договоръ, изъ котораго мы видимъ, что въ одно и то же время во всѣхъ русскихъ княжествахъ отношенія между князьями опредѣлялись точно

¹⁾ С. г. г. и д. I, № 115 и 116.

²⁾ «А что кули отца нашего за рѣкою за Окою Тешивловъ и Вепевъ и Рагостовецъ и иная мѣста, и тѣмъ нашимъ (Московскимъ) землямъ съ твоею землею рубежъ отъ Оки съ усть Смыды въ верхъ по Смыдѣ до усть Песоченки, а Песоченкою до верховья Песоченскаго, а отъ верховья Песоченки чрезъ лѣсъ прямо къ Осетру къ усть Кудеснѣ, а Кудесною въ верхъ до верховья, а отъ верховья Кудесны прямо въ верхъ Табаломъ, а по Табаломъ на низъ въ Донъ. А что за Дономъ твое В. Князя Иванова Романово съ уѣздомъ, и что къ нему потягло, и намъ В. К. въ то не вступатися; а тебѣ не вступатися въ нашу отчину въ Елечъ и во вся Елецкая мѣста, а Меча начъ вѣдати воше».

такъ-же, какъ и въ Московскомъ княжествѣ. Великій князь Рязанскій, который въ договорѣ съ Иоанномъ III, приравненъ къ удѣльному московскому, въ договорѣ съ своимъ удѣльнымъ, съ своимъ младшимъ братомъ, требуетъ, чтобъ тотъ „его великое княженіе держалъ честно и грозно безъ обиды“, а самъ обязывается: „мнѣ, великому князю, тебя жаловать и заботиться мнѣ (печаловаться) о тебѣ и о твоей отчинѣ. И тебѣ подо мною великаго княженія не хотѣть, ни твоимъ дѣтямъ подъ моими дѣтями“. Доказательствомъ, какъ ослабили родовыя понятія и какъ, наоборотъ, усилились понятія объ удѣльной собственности, о произволѣ владѣльца распорядиться своею собственностію,—служитъ то, что рязанскіе князья считаютъ необходимымъ внести въ свой договоръ слѣдующее условіе: „Не будетъ у меня дѣтей, и мнѣ, великому князю, великимъ княженіемъ благословить тебя, своего брата; а не будетъ у тебя дѣтей, и тебѣ, моему брату, своей отчины не отдать никакою хитростію мимо меня, великаго князя“³⁾. Въ условіи не было сказано, чтобъ Теодору не отдавать своей отчины мимо дѣтей старшаго брата, и Теодоръ, переживши послѣдняго и умирая бездѣтнымъ, съелъ себя въ правѣ отказать свой удѣлъ, мимо племянника, великому князю Московскому⁴⁾. Старшій братъ, великій князь Иванъ, умеръ въ 1500 году, оставя пятнадцатипятиго сына, именемъ также Ивана, подъ опекою матери и бабки. Какковы были тогдашнія отношенія Рязани къ Москвѣ въ это время,—видно изъ слѣдующаго наказа, даннаго Иоанномъ III Якову Телешову, который провозжалъ чрезъ Рязанскія владѣнія каинскаго посла. Телешовъ долженъ былъ поклониться великой княгинѣ Рязанской Агриппинѣ и сказать ей отъ великаго князя Московскаго: „Твоимъ людямъ служивымъ, боярамъ и дѣтямъ боярскимъ и сельскимъ быть всѣмъ на моей службѣ; а торговымъ людямъ, лучшимъ, среднимъ и чернымъ, быть у тебя въ городѣ; если же кто ослушается и пойдетъ на Донъ, такихъ ты велѣла бы казнить, а не станешь казнить, такъ я велю ихъ казнить и продавать“⁵⁾.

Рязань, т. е. волости Переяславская, Ростиславльская и Пронская, благодаря родственнымъ связямъ, малолѣтству князей и онекъ княгинь, безпрекословно исполнявшихъ приказы изъ Москвы, не были еще присоединены къ Московскому княжеству при Иоаннѣ III, который удовольствовалъ только присоединеніемъ Перевитска и Старой Рязани. Но въ другомъ положеніи находилась Тверь: здѣсь былъ князь взрослый, привыкшій къ самостоятельности, ибо послѣ Дмитрія Донскаго Тверскіе князья постоянно сохраняли равенство положенія съ Московскимъ; мы видѣли, въ какихъ тѣсныхъ родственныхъ связяхъ находился Иоаннъ III съ Тверскими князьями. Въ началѣ своего правленія, онъ заклю-

³⁾ С. г. г. и д. № 127.

⁴⁾ Тамъ же, № 144.

⁵⁾ Брѣв. к. дѣла въ Московск. Архив. Млн. Пп. Д. № II, стр. 918.

чилъ договоръ съ шуринномъ своимъ, княземъ Михайломъ Борисовичемъ Тверскимъ, п въ этомъ договорѣ нѣтъ ничего особеннаго противъ прежнихъ¹⁾; подобно отцу своему, Михайлъ обязался быть на Орду, Нѣмцевъ, Поляковъ и Литву заодно съ Московскимъ княземъ; мы видѣли, что онъ ревностно помогалъ ему даже и противъ Новгорода, несмотря на то, что еще подъ 1476 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе объ отъѣздѣ изъ Твери въ Москву цѣлой толпы бояръ и дѣтей боярскихъ²⁾; конечно, по договору, они имѣли право отъѣхать, но все же этого явленія, занесеннаго по своей важности въ лѣтопись, мы не должны оставлять безъ вниманія. Какъ бы то ни было, разрыва между Москвою и Тверью не видимъ до конца 1484 года; въ это время въ Москвѣ узнали, что Тверской князь началъ держать дружбу съ Казимиромъ Литовскимъ и женился на внукѣ послѣдняго³⁾. Договоръ, заключенный между Михайломъ и Казимиромъ, дошелъ до насъ⁴⁾; въ немъ говорится, что Казимиръ будетъ помогать Михайлу вездѣ, гдѣ тому понадобится, а Михайлъ обязывается, гдѣ будетъ близко, самъ идти со всею сплюю на помощь королю, и стоять съ нимъ заодно противъ всѣхъ сторонъ, не исключая ни одной. Эти обязательства были явнымъ нарушеніемъ обязательствъ, заключенныхъ съ Московскимъ княземъ, и потому послѣдній объявилъ Михаилу войну. Москвичи поплѣнили Тверскую область, взяли и сожгли города; Тверь не могла воевать одна съ Москвою и при Дмитріи Донскомъ; понятно, почему она не могла выставить ей сопротивленія при Иоаннѣ III-мъ; литовская помощь не являлась, и Михайлъ принужденъ былъ отправить въ Москву епископа съ боярами бить челомъ о мирѣ; Иоаннъ далъ миръ, потому что не любилъ ничего дѣлать съ одного раза, а приготовлялъ вѣрный успѣхъ исподоволь. Новый договоръ, заключенный между двумя великими князьями, сильно рознился отъ прежняго⁵⁾; въ немъ Михайлъ, подобно Рязанскому князю, обязался имѣть Московскаго князя и сына его старшими братьями, и приравнивался къ удѣльному Андрею Васильевичу; обязался сложить крестное цѣлованіе къ Казмиру торжественно передъ посломъ московскимъ, вперёдъ ни съ Казмиромъ и ни съ кѣмъ изъ его преемниковъ не заключать мира и союза, не отправлять къ нимъ пословъ безъ вѣдома и думы князей московскихъ; если великій князь Литовскій пришлетъ съ чѣмъ-нибудь къ Тверскому, то послѣдній обязанъ дать знать объ этомъ въ Москву, обязанъ быть всегда на Литовскаго князя заодно съ Московскимъ; наконецъ Иоаннъ вытребовалъ у Михаила слѣдующее обязательство: „Если тебѣ надобно будетъ отправить пословъ въ Орду, то послать тебѣ

туда по думѣ съ нами, великими князьями; а безъ нашей думы тебѣ въ Орду не посылать“.

Нарушеніе перваго договора и обнаруженіе безпомощной слабости при заключеніи втораго не могли заставить побѣдителя уважать права побѣжденнаго, если мы даже и не предположимъ въ Иоаннѣ обдуманнаго намѣренія мало-по-малу обезсилить Тверь и привести ее къ необходимости покориться. Въ тотъ же годъ (1485), говоритъ лѣтописецъ⁶⁾, пріѣхали изъ Твери служить великому князю Московскому князь Андрей Миклулинскій и князь Осипъ Дорогобужскій. Миклулинскому Иоаннъ далъ Дмитровъ, а Дорогобужскому — Ярославль. Тогда же пріѣхали и бояре тверскіе служить къ великому князю на Москву, не могли сносить обидъ отъ него, потому что много было обидъ имъ отъ великаго князя, отъ бояръ его и дѣтей боярскихъ при спорахъ о земляхъ; если тамъ, гдѣ межн сошлись съ межами, обидятъ московскія дѣти боярскія, то пропало; а если Тверичи обидятъ, то князь великій съ бранью и угрозами посылаетъ къ Тверскому, отвѣтамъ его вѣры не даетъ, суду быть не позволяетъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Михайлъ опять завелъ сношенія съ Литвою; но гонецъ его былъ перехваченъ, грамота доставлена въ Москву, откуда скоро пришли въ Тверь грозныя, укорительныя рѣчи. Испуганный Михайлъ отправилъ владыку бить челомъ Иоанну, но тотъ не принялъ челобитья; пріѣхалъ князь Михайлъ Холмской съ челобитьемъ; этого Иоаннъ не пустилъ и на глаза, и сталъ собирать войско. Въ августѣ выступилъ онъ на Тверь съ сыномъ Иоанномъ, съ братьями Андреемъ и Борисомъ, съ княземъ Ѳеодоромъ Вѣльскимъ, съ итальянскимъ мастеромъ Аристотелемъ, съ пушками, тюфяками и пищальми. 8 сентября московское войско обступило Тверь. 10-го — зажжены посады, 11-го — пріѣхали изъ Твери къ великому князю въ станъ князя и бояре тверскіе, крамольники, какъ выражается лѣтописецъ, и били челомъ въ службу; Михайлъ Борисовичъ ночью убѣжалъ въ Литву, видя свое изнеможеніе, а Тверь присягнула Иоанну, который посадилъ въ ней сына своего. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прямо сказано, что Иоаннъ взялъ Тверь измѣною боярскою⁷⁾; въ другихъ же находимъ извѣстіе, что главнымъ крамольникомъ былъ князь Михайлъ Холмской, котораго послѣ Иоаннъ сослалъ въ заточеніе въ Вологду за то, что, поцѣловавши крестъ своему князю Михаилу, Холмской отступилъ отъ него: „Нехорошо вѣрить тому, кто Богу лжетъ“, сказалъ Иоаннъ при этомъ случаѣ. Изъ семейства великокняжескаго взята была въ Твери мать Михайлова, у которой Иоаннъ допытывался, гдѣ казна сына ея; старая княгиня отвѣчала, что Михайлъ увезъ все съ собою въ Литву, но послѣ служившія у нея женщины донесли, что она хочетъ отослать казну къ сыну, и дѣйствительно нашли у нея много дорогихъ вещей, золота и се-

¹⁾ С. г. г. и д. I, № 88.

²⁾ Никои. VI, 69.

³⁾ П. С. Р. Л. V, 43, VI, 236.

⁴⁾ Акты, относящ. къ Исторіи Западной Россіи, I, № 79.

⁵⁾ С. г. г. и д. I, № 119.

⁶⁾ П. С. Р. Л. VI, 237.

⁷⁾ Супрасльск. рукоп., стр. 135.

ребра, за что великій князь заточилъ ее въ Переяславль ¹⁾. О дальнѣйшей судьбѣ князя Михаила мы знаемъ, что онъ сначала оставался въ Литвѣ не болѣе года, и куда-то уѣзжалъ; въ сентябрѣ 1486 года посолье Казимировъ говорилъ Иоанну: „Тебѣ хорошо известно, что союзникъ нашъ, великій князь Михаилъ Борисовичъ Тверской, пріѣхалъ къ намъ, и мы его приняли. Билъ онъ челомъ, чтобъ мы ему помогли: мы хотѣли, чтобъ онъ возвратилъ себѣ отчину безъ кровопролитія, для чего и отпраивали къ тебѣ посла, какъ самъ знаешь; но, посмотрѣвши на договоръ, заключенный нами съ отцомъ твоимъ, мы ему на вась помощи не дали, въ хлѣбѣ же и соли — не отказали: жилъ онъ у насъ до тѣхъ поръ, пока самъ хотѣлъ, и какъ въ нашу Землю добровольно пріѣхалъ, такъ добровольно же мы его и отпустили.“ Но потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, видимъ опять Михаила въ Краковѣ ²⁾; въ 1505 году, при пожалованіи князю Василю

Львовичу Глинскому имѣнія Лососной, въ Слонимскомъ повѣтѣ, говорится, что это имѣніе вмѣстѣ съ двумя другими селами — Белавичами и Гопцовымъ — находилось прежде во владѣніи князя Михаила Борисовича Тверскаго; знаемъ также, что Михаилъ владѣлъ еще имѣніемъ Печы-Хвосты на Волыни. въ Луцкомъ повѣтѣ ³⁾. Въ Несвижскомъ замкѣ показываютъ портретъ молодой женщины въ русскомъ платьи; преданіе говоритъ, что это дочь изгнанника князя Тверскаго, вышедшая замужъ за одного изъ Радзивиловъ ⁴⁾.

Кромѣ Твери, при Иоаннѣ III окончательно были присоединены княжества Ярославское и Ростовское: въ 1463 году ярославскіе князья, сохранявшіе до сихъ поръ права владѣтельныхъ, уступили свою отчину великому князю Московскому; это дѣло уладилъ московскій дьякъ Алексѣй Полуехтовичъ; въ 1474 году два ростовскіе князя продали Иоанну III и остальную половину своего города ⁵⁾.

Глава II.

Софія Палеологъ.

Присоединеніе удѣла Верейскаго къ Москвѣ. — Отношеніе Иоанна III къ роднымъ братьямъ. — Второй бракъ Иоанна III Софіи Палеологъ. — Значеніе Софіи. — Борьба между сыномъ и внукомъ Иоанновымъ. — Судьба главныхъ вельможъ.

Мы видѣли, что одинъ только Михаилъ Андреевичъ Верейскій успѣлъ сохранить свой удѣлъ при Василю Темномъ. Въ началѣ княженія своего, Иоаннъ III возобновилъ съ нимъ договоръ на прежнихъ основаніяхъ ³⁾; но въ 1465 году видимъ уже другой договоръ, по которому Михаилъ долженъ былъ возвратитъ великому князю нѣсколько волостей, пожалованіе Темнаго ⁴⁾. И этимъ не удовольствовались: въ томъ же году встрѣчаемъ еще договоръ, въ которомъ Верейскій князь обязывается считать себя моложе всѣхъ братьевъ великокняжескихъ, даже самыхъ младшихъ. Въ 1482 году новый договоръ: Верейскій князь уступаетъ по смерти своей великому князю свою отчину, Вѣлозеро. На всѣ эти требованія Михаилъ соглашался, и не давалъ никакого предлога къ присоединенію Верейскаго удѣла. Скоро однако предлогъ отыскался, не со стороны самого Михаила, но со стороны сына его, Василя. Этотъ Василій былъ женатъ на Греческой княжнѣ, племянницѣ великой княгини Софіи. Софія дала въ приданое за нею вещи, принадлежавшія первой женѣ Иоанна III, Маріи Тверской; великій князь, по случаю рожденія внука Дмитрія, хотѣлъ подарить этими вещами невѣстку

Елену, и, узнавъ, что онѣ переданы Верейскому князю, послалъ забрать у него все женно приданое, причемъ грозился посадить его въ заключеніе вмѣстѣ съ женою. Василій, оскорбленный и испуганный, уѣхалъ въ Литву. Тогда Иоаннъ отобралъ у старика Михаила отчину его Верю за вину сына и, въ видѣ уже пожалованія, отдалъ ее опять, обязавъ Михаила слѣдующимъ договоромъ: „Съ сыномъ своимъ, княземъ Василюмъ, не ссылаешься тебѣ никакою хитростію; если прилетѣть къ тебѣ онъ съ какими рѣчами, объявить ихъ мнѣ въ правду по крестному цѣлованію, да выдать мнѣ и того человекъ, кого прилетѣть. Что я, князь великій, пожаловалъ тебя своею отчиною Верюю, которую взялъ за вину у сына твоего, то держать тебѣ ее за собою до самой смерти; а послѣ твоей смерти эта отчина отходить ко мнѣ; мнѣ же, великому князю, и моему сыну, которому дамъ эту твою отчину, — поминать намъ твою душу“.

Въ 1485 году умеръ несчастный старикъ Михаилъ Верейскій; въ своей духовной онъ говоритъ: „Что моя отчина, чѣмъ меня благословилъ отецъ мой, и я благословилъ, далъ эту свою отчину господину и государю великому князю Ивану Ва-

¹⁾ Чтенія Москов. Истор. Общ. 847, № 4.

²⁾ Акты, относящ. къ истор. Запад. Рос. I, № 89.

³⁾ С. г. г. в д. I, № 90.

⁴⁾ Тамъ же, № 92. Эти волост.: Вышгородъ, Пльскъ, Сколяныя Сохна, Зарыдалево, Зеремъ, Торусицкіе бортники.

⁵⁾ Акты, относящ. къ истор. Запад. Рос. I, № 218; т. II, № 35.

⁶⁾ Шишлевскаго — Путешествіе по Польсью; Современ. 1853 г., № 8.

⁷⁾ Архангел. лѣтоп., стр. 166; лѣтоп., служащ. продолж. Исторію, стр. 284.

сильевичу всея Руси". Здѣсь въ первый разъ удѣльный князь называется великаго государемъ. Не смѣя думать о сынѣ, не смѣя отказать волостей замуженной дочери, несчастный Михаилъ умоляетъ въ духовной: „Чтобы господинъ мой князь великій пожаловалъ, послѣ моей смерти судовъ моихъ не по судилъ. А что мои люди, кого я пожаловалъ жалованьемъ и деревнями, и государь бы мой князь великій послѣ моей смерти жалованья моего не порушилъ, чтобы мои люди послѣ меня не заплакали, и меня бы государь мой князь великій во всемъ томъ не положилъ, потому что тебѣ, государю моему великому князю, приказано душу поминать и долги платить“.

Когда дѣло было кончено, Верейскій удѣлъ присоединенъ къ Москвѣ; великій князь позволилъ себѣ склониться на просьбы жены и сына, и согласился принять бѣжавшаго Василя Михайловича опять въ Московское государство, но только на службу, въ качествѣ служебнаго князя, — не болѣе. Сынъ великаго князя, Василій, писалъ къ изгнаннику въ 1493 году, что: „Отецъ нашъ, князь великій, тебя жалуетъ, хочеть твоей службы; и ты бы къ отцу нашему поѣхалъ“. Василій не поѣхалъ на такой зовъ, но, какъ видно, послалъ новую просьбу, выговаривая себѣ какое-то пожалованіе и обѣщаясь отдать все, что было дано его жемъ изъ казны великокняжеской; въ 1495 году отправился въ Литву Грекъ Петръ, который долженъ былъ сказать Василю отъ имени великаго князя: „Присылалъ ты и твоя княгиня къ моей великой княгинѣ, къ моимъ дѣтямъ и къ моимъ боярамъ бить челомъ, чтобы миѣ тебя пожаловать, нелюбе съ сердца сложить, и къ себѣ тебя принять, а вы хотите отдать намъ нашу казну, что у твоей княгини; такъ ты бы прислалъ ко миѣ списокъ вещамъ, которыя намъ теперь хочешь отдать, и мы, посмотря по вашему исправленію, и жаловать васъ хотимъ“. Чѣмъ дѣло кончилось, — неизвѣстно ⁴⁾.

Но извѣстна намъ судьба родныхъ братьевъ Іованна III. Онъ жилъ съ ними въ мирѣ до 1472 года, когда умеръ старшій изъ нихъ, Юрій, князь Дмитровскій, бездѣтнымъ; въ духовной онъ приказываетъ душу господаринѣ матери своей великой княгинѣ, да господину своему великому князю; онъ дѣлитъ по родственникамъ, дѣрвьямъ, монастырямъ села, движимое имущество, совершенно какъ частный человекъ, не говоря ничего объ удѣлѣ своемъ — Дмитровѣ, Можайскѣ, Серпуховѣ ²⁾. Причина такого молчанія понятна: благословить поровну всѣхъ братьевъ — значило разгнѣвать великаго князя; отказать все великому князю — значило обидѣть остальныхъ братьевъ, — и Юрій промолчалъ. Великій князь взялъ удѣлъ себѣ; братья разсердились ³⁾; на этотъ разъ дѣло кон-

чилось однако перемиремъ: Іоаннъ отдалъ Борису Вышгородъ, взятый передъ тѣмъ у Михаила Верейскаго, и Шолкову слободу; Андрею Меньшому Вологодскому далъ Торусу; одному Андрею Большому не далъ ничего самъ; уже мать его, Марія, очень любившая Андрея, дала ему свою кулию, Романовъ, городокъ на Волгѣ. Послѣ этого съ двумя братьями — Андреемъ Углицкимъ и Борисомъ Волоцкимъ — заключены были договоры ⁴⁾, въ которыхъ они обязались имѣть не только самого Іоанна III, но и сына его, Іоанна Молодаго, — старшими братьями, держать Іоанна Молодаго такъ-же, какъ и отца его, но смерти послѣдняго; не искать великаго княженія ни подъ кѣмъ изъ дѣтей Іоанна III; татарскаго царевича Даниара, или какой другой царевичъ будетъ на его мѣстѣ, удѣльные князья обязываются содержать заодно съ великимъ, и если послѣдній захочетъ принять другого царевича въ свою землю для своего и христіанскаго дѣла, то удѣльные обязаны содержать и этого царевича; наконецъ оба младшіе брата обязались не думать о выморочномъ удѣлѣ Юрія. Понятно, что эта сдѣлка была не въ пользу удѣльных; выморочная волость осталась за великимъ княземъ; они лишились своего права, подтвердивъ клятвенное обязательство не вступаться въ нее, и такимъ образомъ давали старшему брату право на всѣ выморочныя области, какія будутъ впередъ, ибо въ договорахъ не сказано, что младшіе братья получили извѣстныя волости вмѣсто волостей Юрьевыхъ, да и сами послѣ, какъ увидимъ, объявили, что обижены великимъ княземъ, который не подѣлился съ ними удѣломъ Юрія.

Такъ нарушено было одно право, которое считали за собою удѣльные; скоро нарушено было и другое. Право бояръ, дѣтей боярскихъ и слугъ вольныхъ отбѣжать отъ одного князя къ другому подтверждалось еще во всѣхъ договорахъ между князьями; но оно могло оставаться ненарушимымъ только тогда, когда существовало нѣсколько болѣе или менѣе независимыхъ княжествъ; когда же всѣ княжества поникли предъ Московскимъ, то переходъ бояръ могъ продолжаться только изъ первыхъ въ послѣднее. Какимъ образомъ младшій братъ, удѣльный, подчиненный князь могъ принять къ себѣ боярина, навлекшаго гнѣвъ великаго князя, сохраняя по-прежнему свои родственныя отношенія, не возбуждая опасной вражды могущественнаго старшаго брата? Опираясь на это невременное уже теперь право, Андрей Углицкій и Борисъ Волоцкій слова вооружились противъ Іоанна III. Въ 1479 году великій князь отнялъ Великолукское намѣстничество у князя Ивана Оболенскаго-Лыка, по жалобѣ жителей, обвинившихъ его въ притѣсненіяхъ; когда Іоаннъ привелъ окончательнo Новгородъ въ свою волю, то Лыко наѣхалъ на Луки и Ржеву, началъ судить и рыдлить, брать пошлины и грабить, — что хотѣлъ, то дѣ-

¹⁾ П. С. Р. Л. VI, 335. С. г. г. и д. I, № 93, 113, 118, 121, 122; II, № 22; Польскія дѣла въ Москв. Арх. Мин. Ин. Дѣль № 1, стр. 520.

²⁾ С. г. г. и д. I, № 96.

³⁾ Лѣтоп., служ. продолж. Нестор., стр. 284.

⁴⁾ С. г. г. и д. I, № 97 и 99.

лалъ: владыкъ Новгородскому и боярамъ не далъ брать пошлинь, все бралъ на себя; слуги его дѣлали то же самое, и жители отъ такихъ грабежей разбѣжались по заграничью ¹⁾. Иоаннъ нарядилъ судъ, и Оболенскій долженъ былъ выплатить гражданамъ все, что взялъ у нихъ неправдою, а шое что великій князь и безъ суда велѣлъ ему платить; Лучане обрадовались, видя, что великій князь взялъ ихъ сторону, и стали уже прилгывать: гдѣ Оболенскій взялъ мало, — тамъ они показывали много ²⁾; Лыко вышелъ изъ терѣнія и отѣхалъ отъ великаго князя къ брату его, Борису Володкому. Тогда Иоаннъ рѣшился впервые торжественно нарушить старинное право отѣзда: онъ послалъ на Волокъ одного изъ своихъ слугъ съ приказомъ схватить Оболенскаго среди двора княжескаго, но Борисъ не допустилъ до этого; Иоаннъ вторично послалъ къ брату съ требованіемъ выдачи отѣзжика головою. Борисъ отвѣчалъ, что не выдастъ, а кому до Оболенскаго дѣло, тому на него судъ да исправа. Между тѣмъ Иоаннъ услышалъ о смутѣ въ Новгородѣ и поспѣшилъ туда; по нѣкоторымъ извѣстіямъ, изъ Новгорода уже онъ прислалъ приказъ Боровскому намѣстнику своему, образцу, схватить тайно князя Ивана Лыка, гдѣ его ни отыщеть, потому что село у него было въ Боровской волости; дѣйствительно Образецъ нашель его въ этомъ селѣ, нечаянно напалъ на него, схватилъ и, въ оковахъ, отвезъ въ Москву. Князь Борисъ Васильевичъ, услыхавъ объ этомъ, послалъ къ брату Андрею Углицкому съ жалобою на старшаго брата: „Вотъ какъ онъ съ нами поступаетъ; нельзя уже никому отѣзжать къ намъ! мы ему все молчали; братъ Юрій умеръ — князю великому вся отчина его досталась, а намъ подѣла не далъ изъ нег; Новгородъ Великій съ нами взялъ — ему все досталось, а намъ жребія не далъ изъ него; теперь, кто отѣдетъ отъ него къ намъ, беретъ безъ суда, считаетъ братью свою ниже бояръ, а духовную отца своего забылъ, какъ въ ней приказано намъ жить; забылъ и договоры, заключенные съ нами послѣ смерти отцовской“. Братья посоветовались, и рѣшили защищать свои права вооруженною рукою.

Но мы видѣли по другимъ извѣстіямъ, что Андрей и Борисъ находились въ тайныхъ сношеніяхъ съ Новгородцами, замышлявшими восстаніе, что не могло быть послѣ выступления Иоанна въ Новгородъ; слѣдовательно, принимая это извѣстіе, мы не можемъ согласиться, чтобъ Иоаннъ послалъ уже изъ Новгорода грамоту къ Образцу съ приказомъ схватить Оболенскаго, и что, вслѣдствіе этого поступка, оба брата переслались и вооружились противъ великаго князя. Или сношенія удѣльныхъ князей, вообще недовольныхъ старшимъ братомъ и преимущественно раздраженныхъ попыткою Иоанна схватить Оболенскаго среди двора Борисова и потому требованіемъ его выдачи, — или эти сношенія

происходили гораздо прежде и были въ связи съ приготовленіемъ всеобщаго движенія противъ Москвы и со стороны Литвы, и со стороны Татаръ, и захваченіе Оболенскаго Образцомъ по приказу отъ великаго князя изъ Новгорода служило для удѣльныхъ только окончательнымъ побужденіемъ и предлогомъ къ начатию непріязненныхъ движеній, причемъ очень можетъ быть, что приказъ объ этомъ захваченіи былъ присланъ Иоанномъ изъ Новгорода уже тогда, когда онъ узналъ о сношеніяхъ братьевъ съ возставшими Новгородцами, — или, если мы примемъ, что окончательное захваченіе Оболенскаго только заставило впервые удѣльныхъ князей вооружиться противъ старшаго брата, и если при этомъ мы захотимъ держаться также извѣстія о сношеніяхъ ихъ съ Новгородцами, то должны будемъ предположить, что приказъ о захваченіи Оболенскаго былъ данъ не изъ Новгорода, но предъ отправленіемъ великаго князя туда ³⁾. Какъ бы то ни было, великій князь, узнавши въ началѣ 1480 года о непріязненныхъ движеніяхъ братьевъ, поспѣшилъ изъ Новгорода въ Москву. Пріѣздъ его очень обрадовалъ жителей, потому что сильный страхъ напалъ на всѣхъ, когда узнали о приготовленіи удѣльныхъ къ усобицѣ; всѣ города были въ осадахъ, и многіе люди, бѣгая по лѣсамъ, мерзли отъ стужи. Между тѣмъ князь Борисъ Васильевичъ выѣхалъ изъ Волока къ брату Андрею въ Угличъ, и отсюда вмѣстѣ двинулись ко Ржеву, черезъ Тверскую область. Великій князь послалъ къ нимъ туда боярина уговаривать ихъ не начинать усобицы; но братья не послушались и вышли изъ Ржева съ княгинями, дѣтьми, боярами, лучшими дѣтьми боярскими, направляя путь вверхъ по Волгѣ къ новгородскимъ волостямъ; всего народу около нихъ было тысячъ двадцать. Великій князь опять послалъ уговаривать ихъ, на этотъ разъ уже духовное лицо, — извѣстнаго своею начитанностію, краснорѣчіемъ и энергіею владыку Вассіана Ростовскаго; Вассіанъ уже нашель князей въ новгородскихъ волостяхъ, въ Молятицкомъ погостѣ, на рѣкѣ Полѣ, въ 180 верстахъ отъ Новгорода. Владыкъ удалось уговорить ихъ послать къ великому князю бояръ своихъ для переговоровъ, и они отправили въ Москву двоихъ князей Оболенскихъ, послѣ чего, неизвѣстно по какой причинѣ, перемѣнили путь, пошли къ литовскому рубежу и остановились въ Лукахъ; тяжело было жителямъ тѣхъ областей, по которымъ двигались ихъ толпы; многіе плакали и рыдали, потому что всѣ волости лежали пусты, ратники княжескіе вездѣ

³⁾ На это мнѣніе можетъ навести мѣсто лѣтописи П. С. Р. Л. 222, нѣсколько сбивчивое: «И князь великій ѣхалъ въ Новгородъ коли владыку поималъ, и посла изъ Новгорода грамоту въ Боровскъ къ намѣстнику къ Вассіану къ Федоровичю Образцу, и повелѣ тайно намъгати князя Ивана Лыка; тамже князь великій въ Новгородѣ и Василей изъѣха князя Ивана». — Между выраженіями: «Тамже князь великій въ Новгородѣ» — и: «И Василей изъѣха князя Ивана» — мы видимъ пропускъ важнаго извѣстія.

¹⁾ Акты, относящ. къ истор. Запад. Рос. I, 71.

²⁾ П. С. Р. Л. VI, 222.

грабили и плѣнили, только мечамъ не сѣкли. Стави на Лукахъ, Андрей и Борисъ послали къ королю бить челомъ, чтобъ ихъ управилъ въ обѣдахъ съ великимъ княземъ и помогалъ; но Казимиръ отказалъ въ помощи, только женамъ ихъ далъ Витебскъ на прожитіе. Между тѣмъ, въ Москвѣ шли переговоры: великій князь очень младшими смышлявша, по сильной привязанности своей къ князю Андрею Васильевичу; нужно было прежде отвѣчь отъ возстанія этого любимца старой великой княгини, и вотъ Иоаннъ опять отправилъ къ братьямъ Вассіана съ двумя боярами сказать имъ: „Ступайте назадъ въ свою отчину, а я васъ во всемъ хочу жаловать“; по Андрею послы должны были предложить отдѣльно Калугу и Алексинъ; Андрей не согласился. Скоро однако бездѣйствіе Казимира и возвращеніе татарскаго отряда отъ русскихъ границъ безъ важныхъ дѣйствій побудили князей снова начать переговоры съ старшимъ братомъ; они послали къ нему дявока своихъ, мать также стала просить за нихъ Иоанна; но теперь уже онъ отвергъ ихъ просьбы.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Псковичи, притѣсненные Нѣмцами и не видя помощи съ востока, гдѣ великій князь былъ занятъ ближайшими дѣлами, послали въ Луки къ князьямъ Андрею и Борису, чтобъ оборонили городъ Псковъ. Третьяго сентября прѣѣхали князья въ Псковъ и пробыли здѣсь десять дней. Долго упрямивали ихъ Псковичи, чтобъ отомстили поганымъ Нѣмцамъ за кровь христіанскую, но князья отвѣчали: „Какъ намъ пойти съ вами въ землю иновѣрную, когда у насъ самихъ жены, дѣти, имѣніе покинуты въ чужой землѣ? Если согласитесь, чтобъ наши жены жили здѣсь у васъ, то мы ради оборонять вашъ городъ“. Псковичи были въ большой печали, не зная чѣмъ дѣлать: боялись они великаго князя, потому что кто хранитъ царскаго врага, тотъ врагъ царю; такъ и эти, хотя братья ему, по суностаты. Долго думавши такимъ образомъ, Псковичи наконецъ отказались принять женъ Андрея и Бориса; „Сами господа, великіе князья, знаете, сказали они имъ: не можетъ одинъ рабъ двумъ господарямъ работать, но евангеліскому слову; такъ и мы — не хотимъ двоимъ работать, но хотимъ одного господаря держаться, великаго князя Ивана Васильевича, старшаго брата вашего; а вамъ челомъ бьемъ: сама о своемъ добрѣ и о нашемъ думайте, какъ бы нашему городу до конца не погибнуть“. Князья разсердились, выѣхали изъ Пскова, и, ставши на Мелетовѣ, распустили людей своихъ воевать по всѣмъ псковскимъ волостямъ, и тѣ повоевали все, какъ невѣрные: дома Божіи пограбили, женъ и дѣвцъ посквернили и поплѣнили, въ дворахъ не оставили ни цыпленка, только огнемъ не жгли да оружіемъ не сѣкли, потому что никто имъ не противился. Псковичи, послѣ долгихъ просьбъ, дали имъ 200 рублей, да съ околицъ 15, чтобъ только вышли отъ нихъ въ Новгородскую Землю,

Между тѣмъ въ Москвѣ обстоятельства перемѣнились; нашествіе хана Золотой Орды Ахмата навело большой страхъ на великаго князя, и младшіе братья, воспользовавшись случаемъ, прислали сказать ему: „Если исправиться къ намъ, притѣснять васъ больше не будешь, а станешь держать насъ, какъ братьевъ, то мы придемъ къ тебѣ на помощь“. Иоаннъ обѣщаль исполнить всѣ ихъ требованія, и братья явились къ нему съ войсками на Угру, гдѣ онъ стоялъ противъ Татаръ. Андрей получилъ Можайскъ, т. е. значительную часть выморочнаго удѣла Юріева; Борисъ даны были села, бывшія прежде за Василіемъ Ярославичемъ Серпуховскимъ. Великой княгини матери, митрополиту Геронтію, владыкамъ — Вассіану Ростовскому и Филоею Пермскому, Троицкому игумену Пансію и князю Михаилу Андреевичу Верейскому приписывается примиреніе братьевъ¹⁾.

Въ ноябрѣ 1480 ушелъ Ахматъ; въ февралѣ 1481 Иоаннъ заключилъ договоръ съ братомъ Андреемъ Большимъ на прежнихъ условіяхъ; о Можайскѣ говорится, что великій князь по жалованью его Андрею съ волостями и селами, въ отчину и удѣлъ, кромѣ тѣхъ селъ и деревень, которыя уже розданы боярямъ и дѣтямъ боярскимъ; впрочемъ Андрей удерживаетъ право суда и данн на этихъ селахъ по землѣ. Любопытна также новая форма стараго условія объ отношеніяхъ татарскихъ: „Орды вѣдѣтъ и знать намъ, великимъ князьямъ, а тебѣ Орды не знать; а если я въ Орды не дамъ, и мнѣ у тебѣ не взять“. Выѣсто единственнаго „Орды“, теперь уже является множественное „Орды“. Тогда же заключенъ договоръ и съ Борисомъ Волоцкимъ на тѣхъ же условіяхъ; только въ этомъ договорѣ не упоминается ни слова ни о какихъ новыхъ пожалованіяхъ великаго князя, даже и о селахъ, о которыхъ говорится глѣтонисъ²⁾. Прежде, слыша о негодованіи братьевъ, Иоаннъ далъ волости Борису и Андрею Меньшому, не давши ничего Андрею Большому, теперь же даетъ Можайскъ послѣднему, не давая ничего Борису; братья были опасны въ союзѣ другъ съ другомъ; когда же одинъ, удовольствованный, отставалъ отъ союза, то другой одинъ переставалъ быть опаснымъ, и потому не нужно было тратить для него волостей. Но легко понять также, былъ ли Иоаннъ благодаренъ Андрею за то, что послѣдній, воспользовавшись тяжелыми обстоятельствами, успѣлъ получить отъ него часть удѣла Юріева.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ бездѣтнымъ четвертый братъ, Андрей Меньшой, остававшійся на сторонѣ старшаго брата, во время возстанія среднихъ; задолжавъ великому князю 30,000 рублей за ордынскіе выходы, Андрей отказалъ ему весь свой удѣлъ, остальнымъ же двумъ братьямъ далъ только по селу³⁾. На этотъ разъ Андрей

¹⁾ Никон. VI, 119; П. С. Р. Л. VI, 20, 224, 231, 232; Архангел. 186, 187.

²⁾ С. г. г. и д. I, № 106 и 110.

³⁾ Тамъ же, № 112.

Большой и Борисъ не могли выставить никакихъ требованій; завѣщаніе собственника должно было имѣть полную силу.

Гораздо больше вліянія на отношенія между старшимъ и младшимъ братьями имѣла смерть матери ихъ, послѣдовавшая въ 1484 году, ибо этимъ событіемъ разрывался самый крѣпкій узелъ между князьями: мы знаемъ, какую сильную защитницу имѣлъ Андрей Большой въ матери, горячо его любившей. Въ 1486 году великій князь уже счелъ нужнымъ заключить съ братьями новые договоры, въ которыхъ они обязались не вступаться въ принадлежавшія великому князю волости умершихъ братьевъ—Юрія и Андрея Меньшаго, ни въ удѣлъ Верейскій, ни въ область Новгородскую и Псковскую, ни въ примыслъ великаго князя—Тверь и Кашиинъ; также не сноситься ни съ Казимиромъ, ни съ изгнаннымъ великимъ княземъ Тверскимъ, ни съ князьями или панами литовскими, ни съ Новгородомъ, ни съ Псковомъ ¹⁾. Обстоятельства заставляли предугадывать печальную развязку; Андрей боялся и видѣлъ въ бѣгствѣ единственное средство спасенія. Въ 1488 году бояринъ Андреевъ, Образецъ, объявилъ своему князю, бывшему тогда въ Москвѣ, что старшій братъ хочетъ схватить его. Андрей испугался, хотѣлъ уже тайно бѣжать изъ Москвы; но потомъ одумался и послалъ къ митрополиту тогда вѣдомомъ, князю Ивану Юрьевичу Патрикѣеву, съ просьбою, чтобъ тотъ довѣдался у великаго князя, за что онъ хочетъ схватить его. Но Патрикѣевъ отказался отъ этого опаснаго порученія; тогда Андрей самъ пошелъ къ старшему брату и расказалъ ему все; Иоаннъ поклялся ему небомъ и землею, и Богомъ сильнымъ, Творцомъ всея твари, что у него и въ мысляхъ не бывало ничего подобнаго. Начали искать, откуда пошелъ слухъ; оказалось, что великокняжескій сынъ боярскій, Мунтъ Татищевъ, въ шутку сказавъ объ этомъ Образцу, а тотъ повѣрилъ и сказавъ князю Андрею, желая прислужиться, потому что прежде князь держалъ его въ неилости. Татищеву Иоаннъ велѣлъ дать торговую казну, хотѣлъ велѣть даже отрѣзать ему языкъ, но митрополиту упросилъ не дѣлать этого ²⁾. Для насъ любопытно впрочемъ здѣсь то, что подобное извѣстіе уже могло быть тогда содержаніемъ шутки, и шутку могли принимать за правду. Года черезъ два послѣ этого (1491) Иоаннъ, узнавъ, что на союзника его, Крымскаго хана Менгли-Гирея, идутъ Татары съ востока, выслалъ свои полки къ нему на помощь; велѣлъ и братьямъ отправить также своихъ воеводъ, на что имѣлъ полное право по договорнымъ грамотамъ. Борисъ послалъ свои полки выѣсть съ великокняжескими, но Андрей не послалъ ³⁾. Это было въ маѣ; въ сентябрѣ Андрей пріѣхалъ въ Москву, и былъ принятъ вечеромъ очень почетно и ласково старшимъ братомъ. На

другой день явился къ нему посоль съ приглашеніемъ на обѣдъ къ великому князю. Андрей поѣхалъ немедленно, чтобъ ударить челомъ за честь; Иоаннъ принялъ его въ комнатѣ, называвшейся за падею, посидѣлъ съ нимъ, поговорилъ немного и вышелъ въ другую комнату, и овалушу, приказавши Андрею подождать, а боярямъ его идти въ столовую грядню; но какъ скоро вошли туда, такъ были схвачены и разведены по разнымъ мѣстамъ. Въ то же время въ западню къ Андрею вошелъ князь Семень Ряполовскій съ многими другими князьями и боярами и, обливаясь слезами, едва могъ промолвить Андрею: „Государь, князь Андрей Васильевичъ! пойманъ ты Богомъ, да государемъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Руси, братомъ твоимъ старшимъ“. Андрей всталъ и отвѣчалъ: „Воленъ Богъ, да государь, братъ мой старшій, князь великій Иванъ Васильевичъ; а судъ мнѣ съ нимъ передъ Богомъ, что беретъ меня неповинно“. Съ перваго часа дня до вечеренъ сидѣлъ Андрей во дворцѣ; потомъ свели его на казенный дворъ и приставили стражу изъ многихъ князей и бояръ. Въ то же время послали въ Угличъ схватить сыновей Андреевыхъ, Ивана и Дмитрія, которыхъ послали въ желѣзахъ въ Переяславль; дочерей не тронули ⁴⁾.

Есть извѣстіе, что Иоаннъ такъ отвѣчалъ митрополиту, когда тотъ просилъ его объ освобожденіи Андрея: „Жаль мнѣ очень брата, и я не хочу погубить его, а на себя положить упрекъ; но освободить его не могу, потому что не разъ замышлялъ онъ на меня зло; потомъ каляся, а теперь опять началъ зло замышлять и людей моихъ къ себѣ притягивать. Да это бы еще ничего; но когда я умру, то онъ будетъ искать великаго княженія подъ внукомъ моимъ, и если самъ не добудетъ, то смутитъ дѣтей моихъ, и станутъ они воевать другъ съ другомъ, а Татары будутъ Русскую Землю губить, жечь и плѣнить, и дань опять наложатъ, и кровь христіанская опять будетъ литься, какъ прежде, и всѣ мои труды останутся напрасны, и вы будете рабами Татаръ“ ⁵⁾. Андрей умеръ въ концѣ 1494 года; есть извѣстіе, что Иоаннъ, узнавъ о смерти брата, приносилъ слезное покаяніе духовенству, которое не скоро простило его ⁶⁾; но это извѣстіе заподозривается тѣмъ, что сыновья Андреевы оставались въ заключеніи, слѣдовательно Иоаннъ не раскаивался въ своей мѣрѣ.

Бориса Волочкаго не тронули, онъ также скоро умеръ, оставя удѣлъ двоимъ сыновьямъ — Федору и Ивану. Въ 1497 году они били челомъ великому князю, чрезъ митрополита Симона, о вымѣнѣ ихъ сель, разсѣянныхъ въ областяхъ великокняжескихъ и доставившихъ ихъ отцу отъ прабабушки Маріи Голтыевой, на тверскія волости, ближайшія къ ихъ удѣлу, именно Вуйгородъ и Колпь ⁷⁾. Въ концѣ

⁴⁾ Архангел., стр. 200.

⁵⁾ Чтенія Москв. Истор. Общ. Годъ III, № 4.

⁶⁾ Лѣтоп., служ. продолж. Нестор., стр. 339.

⁷⁾ С. г. г. и д. I, № 129.

¹⁾ С. г. г. и д. I, № 123, 125.

²⁾ П. С. Р. Л. VI, 238.

³⁾ Тамъ же, стр. 38.

1503 года меньшей изъ волоцкихъ князей, Иванъ умеръ; въ духовной своей оиъ завѣщаетъ брату нѣсколько сель, а удѣлъ оиъ — Рузу и половину Ржева, равно какъ служивую руклядь, dospѣхи и коней — передаетъ великому князю, котораго называетъ Государемъ¹⁾.

Такъ возстанія удѣльныхъ князей, имѣвшихъ слѣдствіемъ кровавыя явленія въ правленіе Темнаго, при сынѣ его, благодаря окончательнымъ распоряженіямъ отца, кончились однимъ страхомъ для московскаго народонаселенія и грабежемъ нѣкоторыхъ пограничныхъ волостей. Источенная Орда, не могшій справиться съ собственными или ближайшими, по его мнѣнію, дѣлами на западѣ, Казимиръ, трепетавшій въ предсмертныхъ движеніяхъ Новгородъ — не могли дать удѣльнымъ князьямъ продолжительной опоры; страхъ, и то страхъ мнимый, предъ могуществомъ Ахмата заставилъ Иоанна уступить Андрею Можайскъ; но эта уступка была послѣдняя и ненадолго. Не знаемъ, во сколько мы должны вѣрить приведенному выше извѣстію, будто Иоаннъ оправдывалъ заключеніе брата опасеніемъ, что Андрей, по смерти его, станетъ ссорить внука его и сыновей: дѣйствительно, отношенія въ самой семьѣ великокняжеской, какъ они были одно время, могли подать удѣльнымъ князьямъ надежду болѣе крѣпкую, чѣмъ подавали имъ прежде Орда, Литва и Новгородъ.

Мы видѣли, что Иоаннъ еще въ очень молодыхъ лѣтахъ, при жизни отцовской, по обстоятельству политическимъ, женился на Маріи Борисовнѣ, дочери великаго князя Тверскаго. Иоаннъ не долго жилъ съ нею: въ 1467 году Марія скончалась; тѣло ея такъ распухло, что покровъ, который прежде былъ великъ, висѣлъ по краямъ, теперь уже не могъ прикрывать покойница: начали толковать, что княгиня была отравлена: дознались, что одна изъ женщинъ ея, Наталья, жена Алексѣя Полухтова, посылала поясъ къ ворожеѣ. Великій князь разсердился на мужа, и на жену, и шесть лѣтъ потомъ не пускалъ Полухтова къ себѣ на глаза. Огъ этой первой жены Иоаннъ имѣлъ сына, именемъ также Иоанна, для отличія называемаго Молодымъ, котораго, по примѣру отцовскому, назвалъ великимъ княземъ, чтобъ отнять у братьевъ предлогъ къ предьявленію старшихъ правъ старшинства предъ племянникомъ, и влѣдствіе этого мы видѣли, что грамоты писались отъ имени двоихъ великихъ князей, посольства отправлялись также къ двоимъ, и отвѣтъ на нихъ давали отъ двоихъ. Но не прошло еще двухъ лѣтъ по смерти Маріи, какъ началось знаменитое сватовство великаго князя на царевнѣ Греческой. Послѣ паденія Византіи, братъ нашего папа ея стѣнахъ императора Константина, Ома Палеологъ нашель съ семействомъ убѣжище въ Римѣ; послѣ него осталась здѣсь двое сыновей и дочь Софія; эту-то дочь папа Павелъ II, чрезъ извѣстнаго кардинала Виссаріона, одного изъ гре-

ческихъ митрополитовъ, подписавшихъ Флорентійское соединеніе, и предложилъ въ супружество Московскому великому князю, безъ сомнѣнія желая воспользоваться случаемъ завязать сношенія съ Москвою и утвердить здѣсь свою власть посредствомъ Софіи, которую, по самому воспитанію ея, не могъ подозрѣвать въ отчужденіи отъ католицизма²⁾. Въ февралѣ 1469 года Грекъ Юрій пріѣхалъ къ великому князю съ письмомъ отъ Виссаріона, въ которомъ кардиналъ предлагалъ Иоанну руку Греческой царевны, отказавшей будто бы изъ преданности къ отцовской вѣрѣ двумъ женихамъ, — королю Французскому и герцогу Медюланскому. Великій князь взялъ эти слова въ мысль, говорить лѣтописецъ, и, подумавши съ митрополитомъ, матерью, боярами, въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ отправилъ въ Римъ своего посла, выѣзжаго италянца, монетнаго мастера, Ивана Фрязина. Фрязинъ возвратился съ портремомъ царевны и съ пропускными (опасными) грамотами отъ папы для проѣзда пословъ московскихъ съ Софією по всѣмъ землямъ католическимъ. Тотъ же Фрязинъ отправился опять въ Римъ представлять лицо князя при обрученіи. Папѣ хотѣлось выдать Софію за Московскаго князя, возобновить Флорентійское соединеніе, приобрести могущественнаго союзника противъ странныхъ Турокъ, и потому ему легко и пріятно было вѣрить всему, что ни говорилъ посоль московскій: а Фрязинъ, отказавшійся отъ латинства въ Москвѣ, но равнодушный къ различію исповѣданій, рассказывалъ то, чего не было, обещалъ то, чего быть не могло, лишь бы только уладить поскорѣ дѣло, желанное и въ Москвѣ не менѣе, чѣмъ въ Римѣ.

Дѣло уладилось: въ іюнѣ 1472 года Софія выѣхала изъ Рима, въ сопровожденіи кардинала Антонія и многихъ Грековъ, а 1-го октября прігналъ во Псковъ гонимомъ Николаемъ Ляхъ отъ моря изъ Ревеля и объявилъ на вѣчѣ: „Царевна переѣхала море, вѣдетъ въ Москву, дочь Оомы, князя

²⁾ П. С. Р. Л. VI, 186, 196; VI, 244; Никои. VI, 8, 35, 37, 44, 48, 49; Rainald—Annal. Eccles. an. 1470, 1471; Кранца Vandala, p. 397. Ea quoque spes fovebat pontificem Sixtum, quod inclinaret maritum puella ad suscipiendos ritus ecclesiae Romanae, in quibus, ea fuerat educata apud sedem apostolicam. Sed concessit illa, nolens volensque, in ritus Rutorum quibus et pater ejus vivebat. — Въ Софійскомъ времени. Софія названа Зипантою, что не представляетъ ничего удивительнаго, ибо мы знаемъ, что и бабка Иоанна III, Софья В-товтона, имѣла другое имя Анастасія; знаемъ, что и послѣ царицы принимали другое имя при бракѣ. — О первой супругѣ Иоанна, Маріи Тверской, см. извѣстіе въ сочиненіи Іосифа Волоцкаго — Сказаніе о св. отцѣхъ, бывшихъ въ монастырѣхъ, иже въ Русьѣ вели сущихъ (Чтенія Моск. Ист. Общ. 1847 г. № 7): «Видѣхъ же тогда и много свята старца во Саватіевѣ пустыни, именемъ Евросима... прішла къ нему Самодержецъ земля оная, Кн. Вел. Борись Александровичъ дщерь свою яладу суцу, иже тогда обручену суцу В. К. Ивану Васильевичу: И начаша молити блаж. Евросима, яко да помолится о откровеніи, быше бо одержима зѣлною немощію. Онъ же отрицашеся. Они же (присланные) со слезами моляхуся ему и глаголаху сице: Аще сія жива будетъ твоихъ ради святыхъ холить, то два царства смириши». Княжна была исцѣлена.

Морейскаго, племянница Константина, царя Цареградскаго, внука Иоанна Палеолога, зятя великаго князя Василія Димитріевича, зовутъ ее Софья, она будетъ вамъ государыня, а великому князю Ивану Васильевичу жена, и вы бы ее встрѣтили да приняли честно.“ Объявивъ это Псковичамъ, гонецъ въ тотъ же день поскакалъ къ Новгороду Великому, а оттуда въ Москву. Псковичи тотчасъ начали медъ сыгнать и кормъ собирать; посадники и бояре изъ концовъ отправились на-встрѣчу къ царевичу въ Изборскъ, жили уже здѣсь цѣлую недѣлю, какъ пріѣхалъ изъ Дерпта гонецъ съ приказомъ, чтобы ѣхали встрѣчать ее на нѣмецкій берегъ; въ шести пасадахъ и со множествомъ лодокъ поѣхали посадники и бояре, и встрѣтили Софію въ устьи Эмбаха, вышли изъ судовъ, и, наливши кубки и позолоченные роги виномъ и медомъ, были ей челомъ; она приняла это отъ нихъ въ честь и любовь великую, и объявила, что сейчасъ же хочетъ ѣхать съ ними дальше, чтобы поскорѣе покинуть Нѣмцевъ; посадникъ принялъ ее, всѣхъ пріятелей ея и казну въ свои насады, и поплыли къ русскому берегу. Передъ Псковомъ была ей также честь большая: вышли къ ней на-встрѣчу священники съ крестами и посадники; принявши благословеніе отъ священниковъ, челобитье отъ посадниковъ и всего Пскова, Софія пошла въ Троицкій соборъ съ пріятелями своими; былъ съ нею, говорить лѣтописецъ, и владыка свой (кардиналъ), не по нашему обычаю одѣтый весь въ красное, въ перчаткахъ, которыхъ никогда не снимаешь, и благословляетъ въ нихъ, и несутъ передъ нимъ распятое литое, высоко взоткнутое на древкѣ, къ иконамъ не подходитъ и не крестится, въ Троицкомъ соборѣ приложился только къ Пречистой, и то по приказанію царевны. Изъ Троицкаго собора царевна пошла на княжій дворъ, гдѣ опять посадники, бояре и весь Псковъ потчивали ее виномъ, медомъ, всякими кушаньями, и всѣхъ пріятелей ея и слугъ, кормили и коней; потомъ всѣ посадники, бояре и кушцы дарили ее, чѣмъ кто могъ, а отъ всего Пскова поднесли 50 рублей деньгами, да и Ивану Фрязину дали 10 рублей. Царевна, видя такую почесть, сказала посадникамъ, боярамъ и всему Пскову: „Теперь хочу ѣхать въ дорогу къ моему и вашему государю въ Москву; и на вашемъ почетномъ приемѣ, на вашемъ хлѣбѣ, винѣ и медѣ кланяюсь; когда, Богъ дастъ, буду въ Москвѣ, и когда вамъ будетъ тамъ какая нужда, то буду усердно стараться за васъ“. Сказавши это, поклонилась посадникамъ и всему Пскову, сѣла въ повозку и выѣхала изъ города; посадники и бояре, съ виномъ, медомъ и хлѣбомъ провожали ее до новгородскаго рубежа. Въ Новгородѣ была ей оказана такая же честь въ приемѣ и въ дарахъ.

Софія подѣзжала къ Москвѣ, а здѣсь между тѣмъ шло совѣщаніе; думалъ князь великій съ матерью, боярами и братьями — какъ сдѣлать: вездѣ, гдѣ ни останавливалась до сихъ поръ Софія, нап-

скій посолъ, кардиналъ Антоній, шелъ передъ нею, а впереди несли крестъ латинскій. Одни на совѣтѣ говорили, что ничего, можно позволить это и въ Москвѣ; другіе же возражали, что никогда этого не бывало въ нашей Землѣ, чтобы латинской вѣрѣ почесть оказывали; сдѣлать это одинъ разъ Исидоръ, но за то онъ и погибъ. Великій князь послалъ спросить митрополита Филиппа; тотъ велѣлъ отвѣчать: „Нельзя послу не только войти въ городъ съ крестомъ, но и подѣхать близко; если же ты позволишь ему это сдѣлать, желая почитать его, то онъ въ одни ворота въ городъ, а я, отецъ твой, другими воротами изъ города: неприлично намъ и слышать объ этомъ, не только что видѣть, потому что кто возлюбитъ и похвалитъ вѣру чужую, тотъ своей поругался“. Тогда великій князь послалъ боярина отобратъ у легата крестъ и спрятать его въ саняхъ; Антоній сначала было воспротивился, но потомъ скоро уступилъ; больше противился московскій посолъ, Иванъ Фрязинъ денежникъ: хотѣлось ему оказать честь напѣ, послу его и всей землѣ ихъ, потому что ему самому оказали тамъ большую почесть; будучи въ Римѣ, онъ исполнялъ всѣ латинскіе обычаи, скрывши, что принялъ въ Москвѣ православную вѣру. 12 го ноября 1472 года въѣхала Софія въ Москву, и въ тотъ же день обвинена была съ Иоанномъ, а на другой день легатъ правилъ посольство и поднесъ дары отъ папы. Разумѣется, кардиналъ долженъ былъ немедленно же обратиться къ дѣлу о соединеніи церквей; но скоро онъ испугался, говорить лѣтописецъ, потому что митрополитъ выставилъ противъ него на споръ книжника Никиту Поповича; иное, спросивши у Никиты, самъ митрополитъ говорилъ легату, о другомъ заставлялъ спорить Никиту; кардиналъ не нашелся что отвѣчать, и кончилъ споръ, сказавши: „Нѣтъ книгъ со мною“! Такъ неудачно кончилась попытка римскаго двора возстановить Флорентійское соединеніе посредствомъ брака князя Московскаго на Софію Палеологъ. Но бракъ этотъ имѣлъ другія важныя слѣдствія.

До сихъ поръ главною заботою Московскихъ князей было собираніе Русской Земли, примысли, прибитки; вмѣсто вождей дружины, какими князья являлись на югѣ, мы видимъ на сѣверѣ князей-собственниковъ, хозяевъ. Мы видѣли¹⁾, какъ всѣ отношенія, отношенія духовнаго, дружины, остальнаго народонаселенія клонились къ утверженію въ Москвѣ крѣпкаго самодержавія; въ половинѣ XV вѣка все уже было приготовлено къ тому, чтобы новое государство приняло именно эту форму; но отъ стараго порядка вещей оставались еще нѣкоторые преданія, обычаи, приемы, отъ которыхъ нужно было освободиться. Великій князь Московскій на дѣлѣ былъ сильнѣйшимъ изъ князей Сѣверной Руси, которому никто не могъ противиться; но онъ продолжалъ еще носить названіе великаго

¹⁾ Исторія Россіи, т. IV, стр. 1345.

князя, что означало только старшаго въ родѣ княжескомъ; онъ еще недавно кланялся въ Ордѣ не только хану, но и велможамъ его; князья-родичи еще не переставали требовать родственнаго, равнаго обхожденія; члены дружины еще сохраняли старое право отъѣзда; а это отсутствіе прочности въ служебныхъ отношеніяхъ, хотя на дѣлѣ и приходившее къ концу, давало имъ поводъ думать о старяиѣ, когда дружинникъ, при первомъ неудовольствіи, отъѣзжалъ отъ одного князя къ другому, и считалъ себя въ правѣ знать всѣ думы княжескія; при дворѣ московскомъ явилась толпа служилыхъ князей, которые не забыли о своемъ происхожденіи отъ одного родоначальника съ Московскимъ великимъ княземъ, и выдѣлялись изъ дружины московской, становясь выше ея, слѣдовательно имѣя еще болѣе притязаній. Церковь, содѣйствуя Московскимъ князьямъ въ утверженіи единовластія, давно уже старалась дать имъ высшее значеніе относительно другихъ князей; но для успѣвнѣйшаго допущенія дѣла нужна была помощь преданій Имперіи; эти-то преданія и были принесены въ Москву Софією Палеологъ. Современники замѣтили, что Іоаннъ, послѣ брака на племянницѣ императора Византійскаго, явился грознымъ государемъ на Московскомъ великокняжескомъ столѣ; онъ первый получилъ названіе Грознаго ¹⁾, потому что явился для князей и дружины монархомъ, требующимъ безрекословнаго повиновенія и строго карающимъ за ослушаніе, возвысился до царственной недосыгаемой высоты, передъ которою боярину, князю, потомокъ Рюрика и Редимина должны были благоговѣнно преклониться наравнѣ съ послѣднимъ изъ подданныхъ; по первому мнновенію Грознаго Іоанна, головы королевскихъ князей и бояръ лежали на плахѣ. Современники и ближайшіе потомки приписали эту перемену внушеніямъ Софіи, и мы не имѣемъ никакого права отвергать ихъ свидѣтельство. Князь Курбскій, защитникъ старины, старыхъ правъ княжескихъ и боярскихъ, говоритъ, что перемена въ поведеніи князей Московскихъ произошла отъ внушенія женъ иноплемениныхъ ²⁾. Нѣтъ преступленія, въ которомъ бы ожесточенный потомокъ князей ярославскихъ не обвинилъ Іоанна III въ Софію ³⁾. Какой духъ принесли служебные князья къ двору Московскому, какія чувства питали они къ Московскимъ князьямъ, какъ смотрѣли на собираніе земли, видно изъ слѣдующихъ словъ Курб-

скаго: „Обычай у Московскихъ князей издавна желать братій своихъ крови и губить ихъ убогихъ ради окаянныхъ отчинъ, нессытства ради своего“ ⁴⁾.

Но кромѣ Курбскаго, до насъ дошелъ еще другой боярскій отзывъ о новомъ порядкѣ вещей, принесенномъ Софією. Уже въ княженіе сына ея, Василия, опальный бояринъ Берсень такъ говорилъ Максиму Греку: „Какъ пришли сюда Греки, такъ наша Земля и замѣшалась; а до тѣхъ поръ Земля наша Русская жила въ тишинѣ и въ миру. Какъ пришла сюда мать великаго князя, великая княгиня Софья съ вашими Греками, такъ наша Земля и замѣшалась, и пришли нестроения великія, какъ и у васъ въ Цареградѣ при вашихъ царяхъ“. Максимъ замѣтилъ на это: „Господи! мать великаго князя, великая княгиня Софья, съ обѣихъ сторонъ была рода великаго: по отцѣ царскаго рода Константинопольскаго, а по матери происходить отъ великаго герцога Феррарскаго Италійской страны“. Берсень отвѣчалъ: „Господи, какова бы она ни была, да къ нашему нестроенію пришла. Которая земля переставляетъ обычая свои, та земля не долго стоитъ; а здѣсь у насъ старые обычая великій князь перемѣнилъ; такъ какого добра отъ насъ ждать? Въ чемъ же, по мнѣнью Берсени, состояла эта перестановка обычая? „Лучше, говоритъ онъ, старыхъ обычаевъ держаться, и людей жаловать и старыхъ почитать; а теперь государь нашъ, запершись самъ-третей у постели, всякія дѣла дѣлаетъ“ ⁵⁾. Итакъ перестановка обычаевъ состояла въ томъ, что великій князь, отстранивъ прежнее вліяніе дружины, началъ думать особо свою думу, съ кѣмъ хотѣлъ, и теперь уже дружина не могла сказать ему по-прежнему: „Ты, князь, самъ собою это замыслилъ, такъ не ѣдемъ за тобой, мы объ этомъ ничего не знали“; — не смѣла она теперь сказать этого, потому что Московскіе князья уничтожили отдѣльныя волости, и боярамъ некуда уже стало болѣе отъѣзжать. — Но не одни недовольные князья и бояре оставили намъ свидѣтельства о важномъ вліяніи Софіи на перестановку обычаевъ въ Русской Землѣ; есть свидѣтельства, болѣе безпристрастныя: Герберштейнъ, бывший въ Москвѣ въ княженіе сына Софіи, говоритъ о ней: „Это была женщина необыкновенно хитрая; по ея внушенію, великій князь сдѣлалъ многое“. Наконецъ, лѣтописцы подтверждаютъ это, говоря напримѣръ, что, по внушеніямъ Софіи, Іоаннъ окончательно разорвалъ съ Ордою.

26 марта 1479 года родился у Софіи первый сынъ Василій-Гаврилъ; въ 1490 году старшій сынъ Іоаннъ въ, молодой великій князь Іоаннъ разболѣлся ломотою въ ногахъ (камчюгомъ); въ это время былъ въ Москвѣ лѣкаръ, мистръ Леонъ, Жидъ, вызванный русскими посланцами изъ Венеціи; Леонъ объявилъ отцу большаго: „Я вылѣчу сына твоего; а не вылѣчу, вели меня казнить смертною

¹⁾ Лѣтописецъ Латухинскій, у Карама. прим. 588: «Сей бо вел. Князь Іоаннъ, именуемый Тимофей Грозный»; то же названіе у Петра и въ Лѣтѣ Росс. Истор. Гербершт.: *Pauperibus a potentioribus oppressis injuria quo affectis, aditus ad eum non patebat.*

²⁾ «Въ предобрый Русскихъ князей родъ всѣялъ дьяволь аые нравы, наипаче же женами ихъ алыми и чародѣицами, яко и во Израильскихъ царѣхъ, паче же которыхъ помявали отъ иноплеменичиковъ». Сказ. Бн. Курб. изд. Устрял., стр. 4.

³⁾ Курбск., стр. 57. Такъ, онъ обвиняетъ Іоанна и Софію въ отравленіи старшаго сына Іоанна, въ удаленіи брата Андрея Углицкаго, въ изгнаніи Михаила Вереискаго и Василія Ярославича и проч.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 127.

⁵⁾ Акты арх. экон. I, № 172.

казню⁴. Великій князь велѣлъ лѣчить; Леонъ сталъ давить болному лѣкарства внутрь, а къ тѣлу прикладывать стеклянкі съ горячею водою; но отъ этого лѣченія Іоанну стало хуже, и онъ умеръ, 32-хъ лѣтъ. Старый великій князь велѣлъ схватить лѣкаря, и, какъ минуло покойнику сорокъ дней, Леона казнили смертію¹). Эти подробности важны для насъ, потому что, какъ мы видѣли, люди, недовольные Іоанномъ III и Софьєю, упрели ихъ въ отравѣ Іоанна Молодаго. Но послѣдній оставилъ малолѣтняго сына Дмитрія, отъ брака своего на Еленѣ, дочери Стефана, господара Молдавскаго, и потому теперь рождался вопросъ: кому наследовать великое княженіе — сыну или внуку? Если бы Іоаннъ III захотѣлъ обратить вниманіе на старый обычай, еслибъ справился съ лѣтописцами, то нашелъ бы, что внукъ не могъ получить великаго княженія не по отчинѣ. Но мы видѣли, что отецъ Дмитрія, Іоаннъ, былъ при жизни своего отца уже великимъ княземъ, равнымъ отцу, и потому, даже по прежнимъ родовымъ счетамъ, преждевременная смерть Іоанна Молодаго не лишила сына его правъ на старшинство; притомъ же Московскому государю не было теперь нужды до старыхъ родовыхъ счетовъ; всѣ предки его шли наперекоръ имъ, отдавая преимущество племяннику передъ дядею; Іоаннъ III, вѣрный преданію, долженъ былъ также отдать преимущество внуку Дмитрію передъ сыномъ Василюемъ. Но послѣдній имѣлъ за собою также важныя преимущества: онъ былъ сынъ Софіи Палеологъ, отъ царскаго корня; ему, разумѣется, а уже никакъ не Дмитрію, принадлежала гербъ Римской Имперіи, и Софія была способна внушить мужу и сыну высокое мнѣніе о своемъ происхожденіи, своихъ правахъ, была способна поддержать эти права. Началась преемственность, дворъ раздѣлился на двѣ стороны.

Если князья, бояре и по смерти Софіи дурно отзывались о ней, представляли ее виновницею переменъ, переменъ къ худшему по ихъ мнѣнію, то ясно, что они не могли быть расположены къ ней при жизни ея, и потому поддерживали Елену, вдову Іоанна Молодаго, и сына ея Дмитрія; на сторонѣ же Софіи и сына ея Василя мы видимъ только дѣтей боярскихъ и дяковъ. Дьякъ Осдоръ Стромилловъ извѣстилъ Василю, что отецъ хочетъ пожаловать великимъ княженіемъ внука Дмитрія, и, выѣстѣ съ Аонасіемъ Яропкинскимъ, Пояркомъ, Руновымъ братомъ, и другими дѣтими боярскими, началъ совѣтовать молодому князю выѣхать изъ Москвы, захватить казну въ Вологдѣ и на Бѣлѣозерѣ, и погубить Дмитрія; главные заговорщики набрали себѣ и другихъ соумышленниковъ, привели ихъ тайно къ крестному дѣлованію. Но заговоръ былъ открытъ въ декабрѣ 1497 года; Іоаннъ велѣлъ держать сына на его же дворѣ подъ стражею, а приверженцевъ его велѣлъ казнить, шестерыхъ казнили на Москвѣ-рѣкѣ: Яропкину отсѣкли руки,

ноги и голову, Поярку — руки и голову; двумъ дякамъ — Стромиллову и Гусеву, да двумъ дѣтямъ боярскимъ — князю Палеокому-Хрулю и Щевью-Стравину — отсѣкли головы, много другихъ дѣтей боярскихъ пометали въ тюрьмы. Въ то же время разсердился великій князь и на жену свою, великую княгиню Софію, за то, что къ ней приходили ворожеи съ зельемъ; этихъ лихихъ бабъ обыскали и утопили въ Москвѣ-рѣкѣ ночью, послѣ чего Іоаннъ сталъ остерегаться жены²).

Желаніе бояръ исполнилось. Но, удалившись отъ Софіи, Іоаннъ не удалился отъ мыслей, внушенныхъ ею; отстранивъ сына ея отъ великаго княженія, онъ спѣшилъ совершить царское вѣчаніе надъ соперникомъ его, внукомъ Дмитріемъ, и бояре, пелюбившіе Софію за принесеніе новыхъ понятій, пользуются однако ими и называютъ Дмитрія царемъ Боговѣчаннымъ, въ укоръ Василю и сыну его. 4 февраля 1498 года, въ Успенскомъ соборѣ, среди церкви приготовили мѣсто большое, тамъ, гдѣ святителей ставятъ; на этомъ мѣстѣ поставили три стула: великому князю, внуку его Дмитрію и митрополиту; на налоѣ лежала шапка Мономахова и бармы. Когда великій князь съ внукомъ вошли въ церковь, митрополитъ со всѣмъ соборомъ началъ служить молебенъ Богородицѣ и Петру Чудотворцу, послѣ чего митрополитъ и великій князь сѣли на своихъ мѣстахъ, а князь Дмитрій сталъ у мѣстѣ передъ ними, у верхней ступени. Іоаннъ, обратясь къ митрополиту, началъ говорить: „Отецъ митрополитъ! Воимъ, изволеніемъ, отъ нашихъ прародителей великихъ князей старина наша оттолѣ и до сихъ мѣстѣ; отцы наши великіе князья сыновьямъ своимъ старшимъ давали великое княженіе; и я-было сына своего перваго Ивана при себѣ благословилъ великимъ княженіемъ; но Вожією волею сынъ мой Иванъ умеръ, у него остался сынъ первый Дмитрій, и я его теперь благословляю при себѣ и послѣ себя великимъ княженіемъ Владимірскимъ, Московскимъ и Новгородскимъ; и ты бы его, отецъ, на великое княженіе благословилъ“. Послѣ этой рѣчи митрополитъ велѣлъ Дмитрію стать на его мѣсто, и, вставши, благословилъ его крестомъ; потомъ Дмитрій преклонилъ голову, и митрополитъ, положивши на нее руку, прочелъ громко молитву, чтобы Господь Богъ далъ поставляемому скипетръ царства, посадилъ его на престолъ правды и проч. Два архимандрита подошли сперва бармы, потомъ шапку; митрополитъ бралъ ихъ, передавалъ великому князю, а тотъ возлагалъ на внука. За этимъ обрядомъ слѣдовала ектеня, молитва Богородицѣ и многолѣтіе, послѣ котораго духовенство поздравило обоихъ великихъ князей; митрополитъ сказалъ Іоанну: „Вожією милостию радуйся и здравствуй, преславный царь Иванъ, великій князь всея Руси, самодержецъ, и съ внукомъ своимъ, великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ всея Руси, на многая лѣта“;

¹) П. С. Р. Л. VI, 239.

²) Тамъ же, стр. 279.

Димитрію сказалъ: „Вожіею милостию здравствуй, господинъ сынъ мой князь великій Димитрій Ивановичъ всея Руси съ государемъ своимъ дѣломъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Руси, на многая лѣта“. Потомъ поздравляли обоимъ великимъ князьямъ дѣти Іоанновы, бояре и всѣ люди. Митрополитъ произнесъ Димитрію слѣдующее поученіе: „Господишъ сынъ князь великій Димитрій Ивановичъ! Вожимъ изволеніемъ дѣдъ твой князь великій пожаловалъ тебя, благословилъ великимъ княжествомъ; и ты, господинъ сынъ, имѣй страхъ Божій въ сердцѣ, люби правду и милость и судъ праведный, будь послушенъ своему государю и дѣду великому князю, и попеченіе имѣй отъ всего сердца о всемъ православномъ христіанствѣ; а мы тебя, своего господина и сына, благословляемъ и Бога молимъ о вашемъ здоровьи“. Послѣ митрополита Іоаннъ повторилъ то же наставленіе: „Внукъ князь Димитрій! пожаловалъ я тебя и благословилъ великимъ княженіемъ; и ты имѣй страхъ въ сердцѣ, люби правду и милость и судъ праведный, и попеченіе отъ всего сердца о всемъ православномъ христіанствѣ“. Такъ кончился обрядъ; великіе князья отслушали послѣ литургію, и Димитрій вышелъ изъ церкви въ шапкѣ и бармахъ; въ дверяхъ осыпалъ его трижды деньгами золотыми и серебряными дядя Юрій Ивановичъ (Василій содержалъ подъ стражею); то же повторено было предъ Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами¹⁾.

Но торжество бояръ не было продолжительно. Не прошло еще году послѣ царскаго вѣнчанія Димитріева, какъ въ январѣ 1499 страшная опала постигла два знатнѣйшихъ боярскихъ семейства — князей Патрикѣевыхъ и князей Ряполовскихъ. Мы видѣли, что при дѣдѣ и отцѣ Іоанна первое мѣсто между служилыми князьями и боярами принадлежало литовскимъ выходцамъ, князьямъ Гедиминова рода, Патрикѣевымъ, которые породнились и съ великими князьями Московскими, ибо князь Юрій Патрикѣевичъ женился на дочери великаго князя Василія Димитріевича. Сынъ Юрія, Иванъ, первый бояринъ при Василіи Темномъ, продолжалъ первенствовать и при Іоаннѣ III-мъ: къ нему послы иностранные обращались съ важными предложеніями; къ нему, какъ мы видѣли, обратился и братъ великокняжескій Андрей съ просьбою о посредничествѣ. Князь Иванъ породнился съ другимъ знаменитымъ семействомъ боярскимъ, ведшимъ свой родъ отъ Ивана, сына Всеволода III, и возвысившимся въ Москвѣ при Василіи Темномъ черезъ важныя услуги, оказанныя семейству послѣдняго; Патрикѣевъ выдалъ дочь за князя Семена Ряполовскаго-Стародубскаго. И вотъ, несмотря на важное значеніе, родство, заслуги отцовскія, Іоаннъ велѣлъ схватить князя Ивана Юрьевича съ двумя сыновьями, зятя его, князя Семена Ряполовскаго, и пыталъ подробно всѣ крамолы²⁾, нашелъ измѣну

бояръ³⁾, и приговорилъ ихъ къ смертной казни: 5 февраля Семену Ряполовскому отрубили голову на Москвѣ рѣкѣ. Просьбы духовенства спасли жизнь Патрикѣевымъ: отецъ со старшимъ сыномъ должны были постричься въ монахи — первый у Троицы, другой въ Кирилловѣ-Бѣлозерскомъ монастырѣ; младшій сынъ остался подъ стражею въ домѣ⁴⁾. Незавѣстно, отобрано ли было имѣніе у Патрикѣевыхъ; изъ духовной князя Ивана Юрьевича, написанной прежде опалы, знаемъ, что у него было около пятидесяти вотчинъ, сель, селець и деревень, поименованныхъ въ духовной, кромѣ такихъ селець и деревень, которыя не названы по имени, а причислены къ селамъ⁵⁾.

Лѣтописцы говорятъ глухо, не объявляютъ, въ чемъ состояли крамолы, измѣна Патрикѣевыхъ и Ряполовскаго; но нѣтъ сомнѣній, что эта измѣна и крамолы состояли въ дѣйствіяхъ ихъ противъ Софіи и ея сына въ пользу Елены и Димитрія-внука; это ясно видно изъ приведенныхъ выше словъ Курбскаго и Берсена; ясно и изъ того, что за опалю Патрикѣевыхъ и Ряполовскаго немедленно послѣдовала опала Елены и Димитрія, торжество Софіи и Василія. Здѣсь мы не можемъ не привести одного любопытнаго извѣстія, изъ котораго видно, что поведеніе Патрикѣевыхъ и Ряполовскаго, поступавшихъ еще по старой княжеской и боярской привычкѣ, не нравилось Іоанну, требовавшему новыхъ отношеній князей служилыхъ и бояръ къ великому князю, государю. Давая наставленіе посламъ, отправлявшимся къ Польскому королю, Іоаннъ говоритъ: „Чтобъ во всемъ между васъ было гладко, или бы бережно, не до-пьяна; чтобы вашимъ небреженьемъ нашему имени безчестья не было; вѣдь что сдѣлаете не по-пригожу, такъ намъ безчестье и вамъ то же; и вы бы во всемъ себя берегли, а не такъ бы дѣлали, какъ князь Семень Ряполовскій въ скоумничалъ съ княземъ Васильемъ, сыномъ Ивана Юрьевича“⁶⁾.

Послѣ опалы боярской, Іоаннъ началъ и радѣть о внуцѣ, по выраженію лѣтописцевъ⁷⁾, и объявилъ сына Василія великимъ княземъ Новгородомъ и Пскова. Въ Новгородѣ, послѣ выводовъ старыхъ жителей, было тихо, отсюда не раздалось никакого возраженія; но Псковичи еще жили по старинѣ: узнавши объ этой новости и не зная въ чемъ дѣло, они отравили въ Москву троихъ посадниковъ и по три боярина съ конца — бить челомъ великимъ князьямъ Іоанну Васильевичу и внуку его Димитрію Іоанновичу, чтобъ держали отчину свою въ старинѣ, и который великій князь будетъ на Москвѣ, тотъ былъ бы и во Псковѣ. Услыхавъ отъ пословъ такую просьбу, великій князь разсердился: „Развѣ я не воленъ въ своемъ внуцѣ и въ

¹⁾ Архангел., стр. 205.

²⁾ П. С. Р. Л. VI, 243; Лѣтоп. библиот. архива Мин. Ин. Дѣлъ № 20; Барамз. VI, примѣч. 454.

³⁾ С. г. г. и д. I, № 130.

⁴⁾ Акты, относящ. къ Истор. Запад. Росс. т. I, № 192.

⁵⁾ Степен. Кн. II, 160.

¹⁾ С. г. г. и д. II, № 25.

²⁾ Степен. Кн. II, 160.

своихъ дѣтихъ?—сказалъ онъ: кому хочу, тому и дамъ княжество⁴. Одинъ посадникъ съ боярами были отпущены, двое другихъ задержаны и посажены въ тюрьму. Въ это время прѣхалъ во Псковъ изъ Новгорода владыка Геннадій, и хотѣлъ соборовать; но посадники и Псковичи, подумавъ, соборовать владыкѣ не дали: „Ты хочешь молить Бога за великаго князя Василія, а наши посадники за тѣмъ поѣхали къ великому князю, что мы не вѣримъ, будто князь Василій будетъ великимъ княземъ Новгородскимъ и Псковскимъ; подожди, когда прѣдутъ наши посадники и бояре, тогда и служи“. Послы прѣхали, но не всё, прѣхали съ опалою безъ поклона, съ однимъ отвѣтомъ: „Развѣ не волея я, князь великій, въ своихъ дѣтихъ и въ своемъ княженіи“. Псковичи посѣпили послать другихъ бояръ бить челомъ великимъ князьямъ — Иоанну Васильевичу и Василію Иоанновичу Новгородскому и Псковскому, „чтобъ государи наши держали отчину свою въ старинѣ, а посадниковъ бы опустили“. Посадники были отпущены и, велѣдъ за ними, прѣхалъ бояринъ изъ Москвы съ объявленіемъ, что великій князь отчину свою держитъ въ старинѣ⁵.

Псковичи напрасно беспокоились: Иоаннъ не хотѣлъ дѣлать великаго княженія, не хотѣлъ раздражать его усобицами, которыя могли кончиться только гибелью одного изъ соперниковъ, и предупредилъ борьбу, пожертвовавъ сыну внукомъ. 11 апрѣля 1502 года великій князь положилъ опалу на внука своего, великаго князя Дмитрія, и на мать его, Елену, посадилъ ихъ подъ стражу, и съ того дня не велѣлъ помянуть ихъ на ектеньяхъ и

литіяхъ, не велѣлъ называть Дмитрія великимъ княземъ; а 14 апрѣля пожаловалъ сына своего Василія, благословилъ и посадилъ на великое княженіе Владимірское и Московское и всея Руси самодержцемъ, по благословенію Симона митрополита²). Съ этихъ поръ имя великаго князя Василія является въ грамотахъ подлѣ отцовскаго, причемъ Іоаннъ называется, въ отличіе, великимъ княземъ Большимъ³). Отпуская пословъ въ Литву, Іоаннъ далъ имъ такой наказъ: Если дочь великаго князя (Елена) или кто другой спроситъ, какъ великій князь пожаловалъ сына своего Василія великимъ княжествомъ? то посламъ отвѣчать: „Пожаловалъ государь нашъ сына своего, учинилъ государемъ такъ: какъ самъ онъ государь на государствахъ своихъ, такъ и сынъ его съ нимъ на всѣхъ тѣхъ государствахъ государь.“ Если же спросятъ: „А вѣдъ прежде государь пожаловалъ великимъ княжествомъ внука своего; и онъ взялъ ли у внука великое княжество?“—то на это послы должны были отвѣчать: „Который сынъ отцу служить и норовитъ, того отецъ больше и жалуетъ; а который сынъ родителемъ не служить и не норовитъ, того за что жаловать?“ Если же дочь великаго князя Елена спроситъ: „Гдѣ теперь внукъ и сноха?“—то послы должны отвѣчать: „Внукъ и сноха живутъ теперь у великаго князя такъ же, какъ и прежде жили“⁴). Посолъ, отправленный въ Крымъ, долженъ былъ на тѣ же вопросы отвѣчать такъ: „Внука своего государь нашъ было пожаловалъ, а онъ сталъ государю нашему грубить; но вѣдъ жалуетъ всякій того, кто служить и норовитъ, а который грубитъ, того за что жаловать?“⁵).

Глава III.

Востокъ.

Подчиненіе Казани.—Завоеваніе Перми.—Югорскіе князья платятъ дань въ Москву; утвержденіе Русскихъ на Печорѣ; переходъ за Уральскія горы.—Нашествіе хана Золотой Орды Ахмата.—Поведеніе Іоанна во время втораго нашествія Ахмата.—Посланіе къ нему Вассіана, архіепископа Ростовскаго.—Отступленіе Ахмата отъ Угры.—Гибель Ахмата въ степяхъ.—Крымская Орда.—Союзъ Іоанна съ Крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ; Крымцы дорущиваютъ Золотую Орду.—Первыя сношенія Россіи съ Турціею.—Сношенія съ Тюменцами, Ногаями, Хорасаномъ и Грузіею.

Послѣдній походъ Василія Темнаго былъ на Казань; первый походъ московскія рати въ княженіе сына его былъ также на Казань. Въ 1467 году служилый московскій царевичъ Касимъ получилъ изъ Казани вѣсть, что тамъ хотятъ видѣть его ханомъ, и чтобъ онъ сбѣжалъ туда съ войскомъ; Касимъ обрадовался, далъ знать объ этомъ великому князю, и тотъ послалъ къ нему сильную ратью подлѣ начальствомъ князя Ивана Васильевича Оболенскаго-Стриги. Но когда Касимъ подошелъ къ Волгѣ, то на другомъ берегу уже стоялъ Казанскій ханъ Ибрагимъ со всѣми князьями, и не допустилъ его до перевоза. Обманутый Касимъ въ холодную и дождливую осень долженъ былъ возвращаться назадъ; оказалась недостатокъ въ съѣстныхъ при-

насахъ, такъ что многіе изъ ратниковъ Оболенскаго

²) Тамъ же, VI, 48. О коронованіи Василія по смерти отца находится слѣдующее мѣсто въ одномъ хронографѣ (Библи. арх. Мин. И. Д. № 14): «Совѣтомъ Симона митрополита и всего освященнаго собора и бояръ своихъ входилъ во св. соборную церковь и со всѣмъ своимъ синодломъ. И священному собранію соединяся и иѣснословина, яко-же обычай имать св. и соборная церковь еже царя поставляти. Пресвященному же Сихону митрополиту возложшу на В. К. Василія Ивановича животворящій крестъ и порфиру, и виссонъ, и златую гривну, и вѣнецъ Мономаховъ возложи на главу его и всѣми царскими утрачами украси и царемъ его нарече и съ поклоненіемъ возвелъ его и рече: благовѣрному и христороубному царю и В. К. Василію Ивановичу Московскому и всеи Руси исповазати деспота.»

³) Акты, относящ. къ Истор. Зап. Рос. I, № 192.

⁴) Тамъ же.

⁵) Моск. арх. Мин. И. Дѣлъ, Крымскія дѣла, № 2, стр. 1009.

въ постные дни принуждены были ѣсть мясо, а лошади мерли съ голоду; много досѣховъ было поброшено на дорогѣ, но люди всё возвратились домой благополучно. Казанцы спѣшили отомстить, и немедленно явились подъ Галичъ, но получили скудную добычу, ибо всё окружные жители сидѣли запершись въ городѣ; городовъ же брать не могли, потому что великій князь успѣлъ разослать заставы въ Муромъ, Нижній, Кострому и Галичъ. Счастливые были московскія дѣти боярскія, которые зимою 6 декабря выступили изъ Галича въ Землю Черемисскую. Цѣлый мѣсяцъ, въ сильную стужу, безъ дороги шли они лѣсами. 6 января 1468 года вошли къ Черемисамъ и выжгли всю Землю ихъ дотла, людей перебили, другихъ взяли въ плѣнъ, пленныхъ сожгли, имѣніе все побрали, скотъ, которого нельзя было съ собою увести, перебили; за одинъ день пути только не дошли до Казани, и возвратились къ великому князю всё поздорову; въ во же время Муромцы и Нижегородцы воевали по Волгѣ ¹⁾. Казанцы отомстили нападеніемъ на верховья рѣки Юга, гдѣ сожгли городокъ Кичменгю; потомъ повоевали двѣ Костромскія волости. Князь Оболенскій-Стрига не могъ догнать ихъ; счастливые были князь Данило Холмскій, которому удалось разбить Татаръ, разорвавшихъ Муромскую волость.

Весною новый походъ: воеводы собрались на Вяткѣ, подъ Котельничемъ, повоевали по Вяткѣ Черемисъ, выплыли въ Каму, воевали до Тамлуга и Перевоза Татарскаго, побили многихъ кушцовъ и товару у нихъ отняли много; входили воевать и въ Вѣтлю-Воложку ²⁾; на берегахъ Камы разбили отрядъ Татаръ изъ двухъ сотъ человѣкъ, потерявши на бою двухъ человѣкъ убитыми; наконецъ черезъ Великую Пермь и Устюгъ возвратились въ Москву. Съ другой стороны, князь Хрипунъ-Ряполовскій съ нижегородскою заставою разбилъ татарскій отрядъ, состоявшій изъ дворянъ ханскихъ. Но въ то время, какъ Русскіе воевали по Камѣ, Казанцы съ большою силою пришли къ Вяткѣ и заставили ея жителей передаться хану Ибрагиму.

Въ 1469 году, весною же, великій князь задумалъ походъ въ болѣ обширныхъ размѣрахъ: пошла подъ Казань судовая рать, въ которой были дѣти боярскія изъ всѣхъ городовъ, подъ начальствомъ воеводы Константина Александровича Беззубцева; пошла и московская городова рать, сурожане, сукопники, кушцы и прочіе Москвичи, которымъ было можно, по ихъ силѣ, съ воеводою

княземъ Петромъ Васильевичемъ Оболенскимъ-Нагимъ. Суда шли къ Нижнему, изъ Москвы Московю-рѣкою и Окою; Коломничи и Муромцы—Окою, Владимірцы и Суздальцы—Клязьмою. Дмитровцы, Можайцы, Угличане, Ярославцы, Ростовцы, Костромичи и всѣ другіе поволжане—прямо Волгою, и всѣ сошлись къ Нижнему въ одинъ срокъ. Другая рать, подъ начальствомъ князя Данилы Ярославскаго, изъ Вологды и Устюга пришла къ Вяткѣ, и повѣстила Вятчанамъ, чтобъ шли вмѣстѣ на Казанскаго царя; но мы видѣли уже, что Вятчане отказались воевать противъ Ибрагима. Въ это время въ Вяткѣ былъ казанскій посолъ, который и далъ знать своимъ, что идетъ отъ Вятки рать московская судовая, по небольшая. Между тѣмъ Беззубцевъ съ главною ратью стоялъ въ Нижнемъ, куда пришла къ нему великокняжеская грамота съ приказомъ—самому стоять въ Нижнемъ, на казанскія же мѣста отпустить охотниковъ. Беззубцевъ созвалъ всѣхъ князей и воеводъ, и объявилъ имъ: „Прислалъ великій князь грамоту, и велѣлъ всѣмъ вамъ сказать: кто изъ васъ хочетъ идти воевать казанскія мѣста по обѣ стороны Волги, тотъ ступай, только къ городу Казани не ходите.“ Рать отвѣчала: „Всѣ хотимъ на окаянныхъ Татаръ, за святыя церкви, за своего государя великаго князя Ивана и за православное христіанство!“—и пошли всѣ, а Беззубцевъ одинъ остался въ Нижнемъ. Ратники выплыли изъ Оки подъ Нижній-Новгородъ-Старый, вышли изъ судовъ къ церкви, велѣли священникамъ служить молебень за великаго князя и за воинъ его, и милостыню роздали каждый по силѣ ³⁾; потомъ собрались и стали думать—кого поставить воеводою, чтобъ одного всѣмъ слушать; долго думавши, выбрали себѣ по своей волѣ Ивана Руна. Въ тотъ же день отплыли они отъ Нижняго, два раза ночевали въ дорогѣ ⁴⁾, и, на третью сутки, на ранней зарѣ, 21-го мая пришли подъ Казань, забрались въ посады, велѣли трубить въ трубы и бросились съчъ сонныхъ Татаръ, грабить, брать въ плѣнъ; освободили христіанскихъ плѣнниковъ, московскихъ, рязанскихъ, литовскихъ, вятскихъ, устюжскихъ, пермскихъ, и зажгли посады со всѣхъ сторонъ; Татары, не хотя отдаться въ руки христіанамъ и больше жалѣя о богатствѣ своемъ, заперлись со всѣмъ добромъ, съ женами и дѣтми въ мечетяхъ, и тамъ сгорали. Когда посады погорѣли, русская рать, истомившись, отступила отъ города ⁵⁾, съѣла на суда и отплыла на

¹⁾ П. С. Р. Л. VI, 188: «И тѣ шедше повоеваша горы и бораты по обѣ стороны». Въ Архангел. лѣтоп., стр. 169, при описаніи похода Касиязова и Стригила говорится: «И пришла сила Князя великаго на берегъ къ Волгѣ на Звещицѣ бору, и Татарове Казанскіе пришли на нихъ въ судѣхъ и на берегъ вылезли изъ судовъ, а сила Кн. великаго нароявца заскопичи Татаръ отъ судовъ, и вѣкто Айдаръ, постельникъ В. Князя Григорьевъ сынъ Карпова, не отступя Татаръ нимало отъ судовъ, кликну на нихъ; Татарова же вмесгавъ въ суды, и побѣгша за Волгу, а другая судовая сила еще не послѣла».

²⁾ Впадаетъ въ Каму ниже Чусовой; теперь просто: Вѣлая.

³⁾ П. С. Р. Л. VI, 189: «И поидоша изъ Оки подъ Новгородъ подъ Старой, стапа подъ Николою на Бечевѣ, и вышедъ изъ судъ идоша въ градъ ко старой церкви Преображенія Господня... и отголѣ шедъ также и у Св. Николы молебная творина».

⁴⁾ И того же дни отплывше отъ Новгорода 60 вереть ночевали, а наутрѣ и обѣдали на Рошежи, а ночевали на Чебоксари; а отъ Чебоксари шли день весь да и ночь ту всю шли, и приидоша подъ Казань на ранней зарѣ. — Село Разнежь Нижегородскаго губерніи, Васильскаго уезда, на лѣвомъ берегу Волги.

⁵⁾ П. С. Р. Л. VI, 190; Никоп. VI, 11; въ Архангел. 170 иначе: «Воеводи судовые рати целюбие держали про-

островъ Коровничъ, гдѣ стояла семь дней. На осьмой прибѣжалъ изъ Казани плѣнный Колотмятинскій и объявилъ: „Собрался на васъ царь Казанскій Ибрагимъ со всею Землею, камскою, сыплинскою, костяскою, бѣловоложскою, вотяскою, башкирскою, и быть ему на васъ на ранней зарѣ, съ судовою ратью и конною.“ Услыхавши эту вѣсть, воеводы и ратники начали отсылать отъ себя молодыхъ людей съ большими судами, а сами остались назадъ, на берегу, оборонять ихъ. Они приказали молодымъ стать на Ирыховѣ островѣ, а на узкое мѣсто не ходитъ: но тѣ не послушались, пошли въ узкое мѣсто на большихъ судахъ, и тутъ пришли на нихъ конные Татары, начали стрѣлять, стараясь ихъ выбить; но Русскіе отстрѣливались удачно и отбили отъ неприятеля. Между тѣмъ судовая рать татарская, лучшіе князья и люди, пошли на главный отрядъ, собираясь пожрать его, потому что былъ не великъ; но Русскіе не испугались, пошли противъ Татаръ—и прогнали ихъ до самаго города. Возвратившись съ погони, вся рать стала на Ирыховѣ островѣ, и тутъ пришелъ къ ней большой воевода Беззубцевъ, который, простоявши еще семь недѣль въ ожиданіи Вятчанъ и отряда князя Ярославскаго, и видя, что въ войскѣ оказывается недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, двинулся со всею ратью назадъ къ Нижнему. На другой день встрѣтили они ханшу, мать Ибрагимову, плывшую изъ Москвы, которая объявила имъ, что войны больше не будетъ. „Князь великій, говорила она, отпустилъ меня къ сыну со всею добромъ и съ честію; больше уже не будетъ никакого лиха между нами, но все только добро будетъ.“ Вѣроятно прибытіе этой ханши въ Москву и заставило великаго князя отложить походъ Беззубцева изъ Нижняго. Воевода продолжалъ путь Волгою вверхъ, и остановившись въ воскресенье на Звеничѣ островѣ, велѣлъ священникамъ служить обѣдню; отслушавъ обѣдню, хотѣли уже садиться обѣдать, а въ нѣкоторыхъ церквахъ не успѣли еще и обѣденъ отслужить, какъ вдругъ показались Татары въ судахъ на рѣкѣ и на коняхъ по берегу. Русскіе бросились на суда, схватились съ неприятелемъ и прогнали его; но стрѣльба конницы заставила ихъ отплыть къ своему берегу; тогда судовые Татары погнались опять за ними; Русскіе снова оборотились и прогнали Татаръ; такъ бился цѣлый день и разошлись ночевать—Татары на своемъ берегу, Русскіе—на своемъ. Какъ на другой день они разошлись, —лѣтописи не говорятъ.

межъ себя другъ подъ другомъ ити не хотятъ; и передувая, да поставили себѣ воеводу отъ середнихъ бояръ Ивана Дмитреевича Руна, и придоша подъ городъ Казань зарѣ на ранней зарѣ безвѣстно, а сторожи Татарскіе не слышали, и ввяти имъ было Казань, Татарове снятъ, а рать судовая о стѣну ирпшла; и поворовилъ Татарохъ Ивавъ Руно, отбилъ рать отъ воротъ городныхъ прочъ, а самъ велѣлъ трубити во многие трубы и Татарове слышша ирядились. Обвинение явно несправедливое, ибо Русскіе пришли бѣвно: когда же было Руно сговариваться съ Татарами и братъ подкупъ; если же онъ не ввлялъ подкупа, то зачѣмъ ему было воровать Татарамъ?

Но есть извѣстіе о судьбѣ другого отряда, находившагося подъ начальствомъ князя Ярославскаго, который, какъ мы видѣли, шелъ Вяткою и Камою. Получивши вѣсть отъ одного Татарина, что войско Беззубцева было подъ Казанью и ушло, заключивши миръ съ ханомъ, князь Ярославскій рѣшился выйти изъ Камы въ Волгу и, мимо Казани, плыть къ Нижнему. Но когда онъ поровнялся съ Казанью, то нашелъ, что Волга загорожена татарскими судами; несмотря на неравенство силъ, Русскіе должны были вступить въ битву, чтобъ проложить себѣ дорогу; битва была ожесточенная, сѣклись, схватывался руками; нѣсколько воеводъ полегло на мѣстѣ; особенное мужество оказалъ князь Василій Ухтомскій, который скакалъ по связаннымъ судамъ татарскимъ и билъ ослопомъ неприятеля. Русскіе потеряли 430 человекъ убитыми и взятыми въ плѣнъ; много было побито, потоплено и Татаръ; наконецъ князю Ухтомскому и Устюжанамъ удалось пробиться и приплыть къ Нижнему ¹⁾, откуда послали къ великому князю бить челомъ о жалованьи: Иоаннъ дважды посылалъ къ нимъ по золотой деньгѣ; но они обѣ эти деньги отдали священнику, который былъ съ нимъ подъ Казанью,—цусъ Бога молигъ о государѣ и о всемъ его воинствѣ; въ третій разъ Иоаннъ послалъ имъ запасъ: 700 четвертей муки, 300 пудовъ масла, 300 луковъ, 6,000 стрѣлъ, 300 шубъ бараньихъ, 300 оленьядокъ изъ иностраннаго сукна и 300 сермигъ, съ приказомъ идти въ новый походъ на Казань.

Въ четыре описанные похода ничего не было сдѣлано: весь успѣхъ ограничивался опустошеніемъ неприятельскихъ областей, за что Казанскіе также не оставались въ долгу; сожженіе казанскихъ посадовъ Руномъ не могло вознаграждать за потери, понесенныя отрядомъ князя Ярославскаго; мало того,—выгода была явно на сторонѣ Казанцевъ, потому что имъ удалось подчинить себѣ Вятку. Лѣтописи не говорятъ намъ о числѣ войскъ, отправившихся до сихъ поръ на Казань; но изъ ихъ разказа ясно, что успѣхъ главнымъ образомъ зависѣлъ отъ недостатка единства въ движеніяхъ, отъ недостатка подчиненности; одинъ воевода не могъ ничего сдѣлать, потому что не могъ дожидаться другого; приказъ великокняжескій и воеводскій не былъ исполненъ: Руно пошелъ на Казань, когда ему прямо сказано было не ходитъ; подъ Казанью молодые не слушались старшихъ. И вотъ, для полученія чегонѣбудъ рѣшительнаго, лѣтомъ же 1469 года, Иоаннъ послалъ подъ Казань двоихъ братьевъ своихъ—Юрія и Андрея Большаго—вмѣстѣ съ молодымъ Верейскимъ княземъ, Василіемъ Михайловичемъ, со всею силою московскою и устюжскою, конною и судовою. 1-го сентября князь Юрій подошелъ къ Казани; Татары выѣхали навстрѣчу, но, побившись немного, побѣжали въ городъ и затворились, а Русскіе обвели острогъ и отняли воду. Тогда Ибрагимъ, видя себя въ большой бѣдѣ,

¹⁾ Архангел., 172.

началъ посылать съ просьбою о мирѣ, и добилъ челою на всей волѣ великаго князя и воеводской. Мы не знаемъ, въ чемъ состояла эта воля; знаемъ только, что ханъ выдалъ всёхъ плѣнниковъ, взятыхъ за 40 лѣтъ.

Очень быть можетъ, что никакихъ другихъ условий не было; могли желать покончить скорѣе съ Казанью, потому что вниманіе отвлекалось другими, важнѣйшими отношеніями: съ Новгородцами дѣла не ладилась; Казимиръ Литовскій пересылался съ Ахматомъ, ханомъ Золотой Орды. Въ продолженіи слѣдующихъ осемь лѣтъ, когда Иоаннъ былъ занятъ дѣлами новгородскими, о Казани не было слышно; и, какъ нарочно, ханъ Казанскій нарушилъ миръ въ то самое время, когда Иоаннъ привелъ Новгородъ окончательно въ свою волю и могъ обратиться оружіе на востокъ. Въ началѣ 1478 года, когда еще великій князь былъ въ Новгородѣ, пришла въ Казань вѣсть, что онъ потерпѣлъ поражение отъ Новгородцевъ и самъ-четверть убѣжалъ раненый. Ханъ воспользовался благопріятнымъ случаемъ и вооружился. Но относительно похода Казанцевъ въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ разныя показанія: въ нѣкоторыхъ говорится, что самъ Ибрагимъ напалъ на Вятку, взявъ много плѣнныхъ по селамъ; но города не взялъ ни одного, и подъ Вяткою потерялъ много своихъ Татаръ, стоявши подъ городомъ съ масляницы до четвертой недѣли поста ¹⁾; въ иныхъ прибавлено, что и нѣкоторые города передались хану ²⁾; въ другихъ сказано, что ханъ пошелъ было и на Устюгъ, но задержанъ былъ разлившеюся рѣкою ³⁾. Но въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ говорится, что Ибрагимъ не пошелъ самъ, а послалъ на Вятку войско, и когда пришла къ нему справедливая вѣсть, что великій князь покорилъ Новгородъ, то онъ отдалъ войску приказъ возвратиться немедленно; войско повиновалось такъ ревностно, что побѣжало, бросивши даже кушанье, которое варилось въ котлахъ ⁴⁾. Мы не можемъ видѣть несогласнаго противорѣчія въ томъ, что ханъ самъ пошелъ въ походъ или только отправилъ войско съ воеводами: народная молва и самые лѣтописцы легко могли приписать походъ самому хану, хотя бы его и не было при войскѣ; легко могло явиться выраженіе „Приходилъ царь Казанскій“, вмѣсто „Приходилъ Татары Казанскіе“, или „Приходилъ царевичъ Казанскій“. Что же касается до извѣстія о быстромъ отступленіи вслѣдствіе приказа изъ Казани, то оно не противорѣчитъ извѣстію объ опустошеніи Вятской области и четырехнедѣльномъ стояніи подъ городомъ, ибо приказъ возвратиться именно могъ придти послѣ этого четырехнедѣльнаго стоянія; наконецъ относительно извѣстія о походѣ къ Устюгу легко можно допустить здѣсь отдѣльный отрядъ татарскій.

¹⁾ Русск. Времеп. II, 141.

²⁾ Никон. VI, 105.

³⁾ Архангел., стр. 184. «Моложа рѣка была водна, лельяѣ птти.»

⁴⁾ П. С. Р. Л. VI, 221.

Какъ бы то ни было, великій князь не хотѣлъ оставлять безъ вниманія нарушеніе мира со стороны Ибрагимовой, и весною московскіе воеводы, Ибрагъ и другіе, поплыли Волгою изъ Нижняго къ Казани, опустошили волости и подплыли къ городу; но сильная буря и дождь помѣшали приступу и заставили московское войско отступить; съ другой стороны—Вятчале и Устюжане вошли Камою въ Казанскія владѣнія и также опустошили ихъ. Ибрагимъ послалъ съ челобитиемъ къ великому князю, и заключилъ миръ на всей его волѣ ⁵⁾; воля эта опять остается неизвѣстною.

До сихъ поръ война съ Казанью ограничивалась местию, опустошеніями за опустошенія; изъ мирныхъ договоровъ, заключавшихся по волѣ великаго князя Московскаго, знаемъ только объ обязательствѣ хана отпустить плѣнниковъ; по скоро смерти Ибрагима и внутреннія смуты, послѣдовавшія за нею въ Казани, дали Московскому князю возможность утвердить здѣсь рѣшительно свое вліяніе, впервые привести въ зависимость Татарское царство. Послѣ Ибрагима осталось двое сыновей отъ разныхъ женъ; старшій—Алегамъ (Али-Ханъ) и младшій—Магметъ-Аминъ; около каждаго изъ нихъ образовалась своя сторона; Алегамъ, съ помощію Ногаевъ, осилилъ и сѣлъ на отповскомъ столѣ; но волненія не прекратились и подавали поводъ Московскому князю вооруженною рукою вмѣшиваться въ казанскія дѣла ⁶⁾; наконецъ молодой Магметъ-Аминъ явился въ Москву бить челою великому князю, назвалъ его себѣ отцомъ и просилъ у него силы на брата Алегамъ. Иоаннъ обѣщалъ; ему тѣмъ болѣе выгодно было видѣть ханомъ къ Казани Магметъ-Аминя, что мать послѣдняго, Нурсалтанъ, вышла замужъ за Крымскаго хана Менгли-Гирея, вѣрнаго союзника Москвы, и скоро пришла вѣсть изъ Казани, обѣщавшая удачу въ предпріятіи. Казанскіе возможно прислали сказать великому князю: „Мы отпустили къ тебѣ Магметъ-Аминя для того, что если въ случаѣ Алегамъ станетъ съ нами поступать дурно, то ты опять отпустишь къ намъ Магметъ-Аминя: узнавши послѣ этого, Алегамъ завлачитъ насъ къ себѣ на пиръ и хотѣлъ перерѣзать,—мы убѣжали въ степь, а онъ, укрѣпивши городъ, выступилъ за нами“. Иоаннъ не сталъ болѣе медлить и, въ апрѣлѣ 1487 года, послалъ на Казань большую рать, подъ начальствомъ князей — Даниила Холмскаго, Александра Оболенскаго, Семена Ряполовскаго и Семена Прославскаго, вельдъ за которыми отправилъ и Магмета-Аминя. Войска, по обычаю,плыли

⁵⁾ Русск. Времеп. II, 142.

⁶⁾ Разрядн. кн. Москв. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, № 1, стр. 26: «Послалъ князь Бел. въ Казань къ Магмету (?) царю воеводъ своихъ—князя Василья Ива. Оболенскаго, да кн. Василья Тулуна Стародубскаго, да кн. Тимофея Прозоровскаго, по царевѣ Магмедимовѣ присласть, что хотѣлъ братью свою выдати В. князю; и князи Казанскіе воле ему не дали, хотѣли Магмедина самого убить, и Магмедимъ ушолъ къ В. князю воеводамъ, князи ему Казанскіе добили челою, и Магмедимъ пошелъ къ нимъ опять въ городъ на царство».

на судахъ, лошадей гнали берегомъ. Алегамъ выѣхалъ противъ нихъ со всею силою, но, побивши ихъ немного, убѣжалъ въ городъ и заперся здѣсь. Казань была осаждена, обведена была острогомъ: осада продолжалась три недѣли, и каждый день Алегамъ дѣлалъ вылазки: съ другой стороны, много вреда русскому войску причинялъ князь Алгазый, оставшійся внѣ города; наконецъ воеводамъ удалось прогнать Алгазья за Каму въ степь; послѣ этого изнемогъ и Алегамъ: самъ выѣхалъ изъ города и отдался въ руки воеводамъ 9 июля. На его мѣсто посланъ былъ Магметъ-Аминъ, какъ подручникъ великаго князя Московскаго; крамольные князья и уланы казнены смертію; Алегамъ съ женою сосланы въ заточеніе въ Вологду, мать его, братья и сестры—на Вѣлоозеро въ Карголомъ ¹⁾. Подручническія отношенія Магметъ-Аминя къ Московскому великому князю не выражаются нисколько въ формахъ ихъ грамотъ; письма ханскія начинаются такъ: „Великому князю Ивану Васильевичу всея Руси, брату моему, Магметъ-Аминъ царь челомъ бьетъ“; письма Іоанновы начинаются такъ же: „Магметъ-Аминю царю, брату моему, князь великій Иванъ челомъ бьетъ“ ²⁾. Но, несмотря на равенство въ формахъ, письма Іоанновы къ Магметъ-Аминю заключаютъ въ себѣ приказанія; такъ, напримѣръ, Муромскіе намѣстники поймали однажды казанскаго Татарина, который ѣхалъ съ товарами черезъ Мордву, а Новгородъ-Нижній и Муромъ обѣхалъ, избывая пошлинъ. Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ писалъ Магметъ-Аминю: „Ты бы въ Казани и во всей своей Землѣ заповѣдалъ всемъ своимъ людямъ, чтобы изъ Казани чрезъ Мордву и Черемису на Муромъ и Мещеру не ѣздили никто, а ѣздили бы изъ Казани всѣ Волгою на Новгородъ-Нижній“. Желая жениться на дочери Ногайскаго хана, Магметъ-Аминъ испрашивалъ на то согласія великаго князя; наконецъ видимъ, что на Казанскія волости наложена была извѣстная подать, шедшая въ московскую казну и собираемая московскими чиновниками; такъ Магметъ-Аминъ жаловался великому князю, что какой-то Оеодоръ Киселевъ притѣсняетъ цивильскихъ жителей, беретъ лишнія пошлины ³⁾.

Но самъ Магметъ-Аминъ возбудилъ противъ себя негодованіе вельможъ казанскихъ разнаго рода наслѣдами. Въ маѣ 1496 года онъ извѣстилъ великаго князя, что идетъ на него Шибанскій царь Мамукъ съ большою силою, а внутри Казани измѣна, — сносятся съ непріятелемъ князья Калиметъ, Уракъ, Садыръ и Агипъ. Іоаннъ велѣлъ идти къ нему на помощь воеводѣ своему, князю Семену Ряполовскому, съ дѣтьми боярскими московскаго двора и поповыхъ городовъ; когда Калиметъ съ товарищами узнали о приближеніи московскаго войска, то выбѣжали изъ Казани къ Мамуку, который также испугался и ушелъ домой. Но только-что московское войско успѣло возвратиться, какъ не-

довольные Казанцы дали объ этомъ знать Мамуку, и тотъ явился подъ Казанью съ большою силою ногайскою и князьями казанскими. Магметъ-Аминъ, боясь измѣны, выбѣжалъ изъ Казани съ женою и вѣрными князьями, и пріѣхалъ въ Москву, гдѣ великій князь держалъ его въ чести. Мамукъ вошелъ въ Казань безъ сопротивленія, но началъ царствовать тамъ, что схватилъ своихъ старыхъ доброжелателей, Калимета съ товарищами, ограбилъ купцовъ и всѣхъ земскихъ людей. Князей онъ скоро выпустилъ и пошелъ съ ними осаждать Арскій городъ; но арскіе князья города своего ему не сдали и бились крѣпко; въ то же время и князья казанскіе убѣжали изъ его стана въ Казань, укрѣпили городъ, не пустили въ него Мамука, и послали въ Москву бить челомъ великому князю, чтобы простилъ ихъ за измѣну и пожаловалъ, не присылалъ бы къ нимъ прежняго хана Магметъ-Аминя, потому что отъ него большое насилие и безчестіе жителямъ ихъ. Великій князь исполнилъ ихъ просьбу и, вмѣсто Магметъ-Аминя, послалъ въ Казань младшаго брата его, также сына Ибрагимова отъ Нурсалтана, Абдылъ-Летифа, недавно пріѣхавшаго служить ему изъ Крыма и получившаго въ кормленіе Звенигородъ со всѣми пошлинами. Князья Семень Холмской и Оеодоръ Палецкій посадили Летифа на царство и привели къ присягѣ (шерти) за великаго князя всѣхъ князей казанскихъ, улановъ и земскихъ людей, по ихъ вѣрѣ. Магметъ-Аминю, вмѣсто Казани, дали Каширю, Серпуховъ, Хотунъ со всѣми пошлинами: но онъ и здѣсь права своего не перемѣнилъ, жилъ съ насильствомъ и алчно ко многимъ, по словамъ лѣтописца ⁴⁾.

Летифъ не долго царствовалъ. Какъ видно, тотъ же самый князь Калиметъ, который былъ въ главѣ недовольныхъ Магметъ-Аминемъ, потомъ оказался опасенъ Мамуку и былъ имъ схваченъ, теперь не могъ ужиться и съ Летифомъ и дѣйствовалъ противъ него обвиненіями въ Москвѣ: въ январѣ 1502 года великій князь отправилъ въ Казань князя Василья Поздреваго и Ивана Телешова съ приказомъ схватить Летифа за его неправду; Летифъ былъ схваченъ, привезенъ въ Москву и сосланъ въ заточеніе на Вѣло-озеро ⁵⁾. По другимъ же извѣстіямъ ⁶⁾, Летифъ былъ схваченъ Калиметомъ, пріѣхавшимъ для того изъ Москвы. Московскій посолъ въ Крымъ объявилъ Менгли-Гирею о винахъ Летифа въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ: „Великій князь его пожаловалъ, посадилъ на Казани, а онъ ему началъ лгать, ни въ какихъ дѣлахъ управы не чинилъ, да и до Земли Казанской сталъ быть лихъ“ ⁶⁾. На мѣсто Летифа посаженъ былъ опять Магметъ-Аминъ, который не забылъ, что Калиметъ былъ главнымъ виновникомъ его прежняго изгнанія изъ Казани; можетъ быть, Калиметъ своимъ пове-

³⁾ П. С. Р. Л. VI, 40, 41.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 47.

⁵⁾ Арх. 208.

⁶⁾ Моск. Арх. Миц. Ип. Дѣль, Крымскія дѣла № 2, стр. 1007.

¹⁾ Никон. VI, 121; Арх. 193; П. С. Р. Л. VI, 237.

²⁾ Архивъ Миц. Ип. Дѣль; Ногайскія дѣла, № 1, стр. 10 и слѣд.

деніемъ и своими отношеніями къ Москвѣ убѣдил хана, что имъ двоимъ нельзя быть вмѣстѣ въ Казани. Магметъ-Аминъ убилъ Калимета, держа гнѣвъ на великаго князя, по словамъ лѣтописца ¹⁾. По другимъ извѣстіямъ, этотъ гнѣвъ еще болѣе былъ воспламененъ новою женою Магметъ-Аминя, вдовою прежняго царя Казанскаго Алегамы, на которой великій князь позволилъ жениться; будучи научаема вельможами, она день и ночь шептала хану, чтобъ отложился отъ Москвы ²⁾. Весною 1505 года Магметъ-Аминъ прислалъ въ Москву одного изъ своихъ князей съ грамотою о какихъ-то дѣлахъ; какъ видно, грамота заключала въ себѣ жалобу, потому что великій князь отправилъ въ Казань своего посла сказать хану, чтобъ онъ всѣмъ тѣмъ рѣчамъ не потакалъ. Этотъ отказъ въ удовлетвореніи жалобъ послужилъ Магметъ-Аминю поводомъ къ отложенію отъ Москвы; посолъ великокняжескій былъ схваченъ вмѣстѣ съ русскими купцами, прибавшими на ярмарку 24 июня; нѣкоторые изъ нихъ были убиты, другіе ограблены и отосланы къ Погалямъ; послѣ чего Магметъ-Аминъ подходилъ къ Нижнему-Новгороду, который былъ спасенъ искусствомъ и храбростію плѣнныхъ стрѣльцовъ литовскихъ, вятыхъ на Ведрошѣ и сосланныхъ въ Нижній. Скоро послѣдовавшая за тѣмъ смерть великаго князя дала хану возможность наслаждаться своимъ торжествомъ безнаказанно.

Прочіе, чѣмъ на низовьяхъ Камы, утвердилось русское владычество въ верхнихъ ея частяхъ. Мы видѣли, что еще въ княженіе Дмитрія Донскаго Св. Стефанъ крестилъ часть народонаселенія Пермской Земли, именно Зырянъ: изъ описаній этого событія видно, что послѣдніе еще прежде были подчинены великимъ князьямъ Московскимъ; Св. Стефанъ является ходоатомъ за новообращенныхъ предъ правительствомъ. Дѣло Стефана въ Перми довершено было однимъ изъ преемниковъ его: подъ 1462 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что епископъ Пермскій Иона крестилъ Великую Пермь и князя ея, поставилъ церкви, игуменовъ и священниковъ ³⁾. Въ какомъ отношеніи находилась эта Великая Пермь и князь ея въ Москвѣ, — мы не знаемъ; Новгородцы даже въ Шелонскомъ договорѣ включили Пермь въ число своихъ владѣній; но точася по заключеніи этого договора, въ 1472 году, великій князь послалъ воеводу, князя Оедора Пестраго, на Пермьковъ за ихъ непослушеніе; 26 июня пришла въ Москву вѣсть, что Пестрый завоевалъ Пермскую Землю; съ устья Черной рѣки воевода плылъ на плотахъ съ лошадыми до городка Анфаловскаго; здѣсь сошелъ съ плотовъ и отправился на лошадахъ въ верхнюю землю къ городку Искору, отпустивши отрядъ подъ начальствомъ Нелидова въ нижнюю землю, на Урость, Чердынь и Почку, гдѣ владѣлъ князь Михаилъ. Не доходя до Искора на рѣкѣ Колвѣ, Пестрый встрѣ-

тилъ пермскую рать, разбилъ ее, взялъ въ плѣнъ воеводу Качаина. Отсюда Русскіе пошли къ Искору, взяли его, взяли и другіе городки и пожгли; Нелидовъ дѣлалъ то же въ нижней землѣ. Пришедши на мѣсто, гдѣ рѣка Почка впадаетъ въ Колву, Пестрый сождался со всѣми своими отрядами, срубилъ городокъ, сѣлъ въ немъ и привелъ всю Землю за великаго князя, къ которому отправилъ плѣннаго князя Михаила съ воеводами его и добычу — шестнадцать сороковъ соболей, шубу соболью, двадцать девять съ половиною поставовъ сукна, три панцыря, шлемъ и двѣ сабли булатныя ⁴⁾. Послѣ впрочемъ, во все продолженіе княженія Иоаннова, въ Перми оставались туземные князья; послѣднимъ изъ нихъ былъ Матвѣй Михайловичъ, вѣроятно сынъ упомянутого выше Михаила; этого Матвѣя великій князь свелъ съ Великой Перми въ 1505 году, и послалъ туда перваго русскаго намѣстника, князя Василья Ковра ⁵⁾.

Новгородцы и Югу причисляли къ своимъ востаямъ; но мы видѣли, какъ непрочно было тамъ ихъ владычество. Въ 1465 году Иоаннъ велѣлъ Устюжанину, Василью Скрябѣ, воевать Югорскую Землю; съ нимъ пошли охочіе люди, пошелъ также князь Василій Ермолаичъ Вымскій съ Вымичами и Вычегжанами. Выведши много плодна, они привели Югорскую Землю за великаго князя, двонъ князей доставили въ Москву, гдѣ великій князь пожаловалъ ихъ опять Югорскимъ княженіемъ, и отпустилъ домой, наложивши дань. Давно уже Вогуличи напали на Русскія владѣнія въ Перми: мы видѣли, что епископъ Питиримъ, одинъ изъ преемниковъ Св. Стефана, палъ ихъ жертвою. Въ 1467 году 120 человекъ Вятчанъ вмѣстѣ съ Пермьями воевали Вогуличей и взяли въ плѣнъ князя ихъ Асыку. Въ 1481 году Вогуличи напали на Великую Пермь, провикли до Чердыни, но здѣсь настигли ихъ Устюжане, подъ начальствомъ Андрея Мишнева, и побили. Асыка какимъ-то образомъ успѣлъ освободиться изъ плѣна, и въ 1483 году великій князь послалъ на него воеводу, князя Оедора Курбскаго, Чернаго и Салтыка Травина съ Устюжанами, Вологжанами, Вычегжанами, Вымичами, Сысоличами, Пермьями. На устьи Сельмы встрѣтили они Вогуличей и разбили съ потерей только семи человекъ своихъ; отсюда пошли внизъ по Тавдѣ, мимо Тюмени, въ Сибирскую Землю, дорогою воевали, добра и плѣнныхъ взяли много; отъ Сибири пошли внизъ по Иртышу, съ Иртыша на Обь, въ Югорскую Землю, взяли въ плѣнъ большаго ея князя Молдана и другихъ, и возвратились въ Устюгъ 1 октября, вышедши оттуда 9 мая. Въ 1485 году, по старанію Пермскаго епископа Филоея, князья югорскіе, кодскіе — Молданъ, отпущенный изъ плѣна съ дѣтьми, да трое другихъ заключили миръ подъ владычнымъ городомъ Устьвымскимъ съ князьями вымскими — Петромъ и Оедо-

¹⁾ Арх., стр. 208.

²⁾ Сказаніе о землѣ царства Казан., рукоп. библиот. Москов. Унив., стр. 39.

³⁾ Лѣтоп., служъ продолъ Нест. стр. 206.

⁴⁾ Никои. VI, 44.

⁵⁾ Арх. 209, 210

Ростиславль, царевичъ Даньярь Касимовичъ, съ Татарами и Русскими, — въ Коломнѣ, братъ великаго князя Андрей Васильевичъ — въ Серпуховѣ; видя передъ собою многочисленныя полки князя Юрія, какъ море колеблющееся въ свѣтломъ вооруженіи: ханъ двинулся назадъ въ свои улусы; по нѣкоторымъ же извѣстіямъ, Ахматъ принужденъ былъ отступить въслѣдствіе моровой язвы, открывшейся въ его войскѣ¹⁾; впрочемъ, страхъ Ахматовъ будетъ понятенъ и безъ моровой язвы, если справедливо извѣстіе одного лѣтописца, что у Русскихъ было 180,000 войска, стоявшаго въ разныхъ мѣстахъ, на пространствахъ 150 верстъ²⁾.

Послѣ этого, какъ видно, заключенъ былъ миръ между Ахматомъ и великимъ княземъ; подъ 1474 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о приходѣ изъ Орды Никифора Васенка съ Ахматовымъ посломъ Каракучкомъ, который привелъ съ собою 600 Татаръ, принадлежавшихъ къ посольству, получавшихъ поэтому нищу отъ великаго князя, кромѣ 3,200 купцовъ, приведшихъ на продажу болѣе 40,000 лошадей. Въ 1476 году пріѣхалъ въ Москву новый посолъ отъ Ахмата звать великаго князя въ Орду; Иоаннъ отправилъ съ нимъ къ хану своего посла Вестужева, неизвѣстно съ какими рѣчами; извѣстно только то, что эти рѣчи не понравились; есть извѣстіе, впрочемъ сильно подозрительное, что когда ханъ отправилъ въ Москву новыхъ пословъ съ требованіемъ дани, то Иоаннъ взялъ басму (или ханское изображеніе), изломалъ ее, бросилъ на землю, растопталъ ногами, велѣлъ умертвить пословъ, кромѣ одного, и сказалъ ему: „Ступай, объяви хану: что случилось съ его басмою и послами, то будетъ и съ нами, если онъ не оставитъ меня въ покоѣ“³⁾. Гораздо вѣроятнѣе другое извѣстіе, что великую княгиню Софію оскорбляла зависимость ея мужа отъ степныхъ варваровъ, зависимость, выражавшаяся платежемъ дани, и что племянница Византійскаго императора такъ уговаривала Иоанна прервать эту зависимость: „Отче мой и я захотѣли лучше отчины лишиться, чѣмъ дань давать; я отказала въ рукѣ своей богатымъ, сильнымъ князьямъ и королямъ для вѣры, вышла за тебя, а ты теперь хочешь меня и дѣтей моихъ сдѣлать данниками; развѣ у тебя мало войска? зачѣмъ слушаешься рабовъ своихъ и не хочешь стоять за честь свою и за вѣру святую?“⁴⁾ Къ этому извѣстію прибавляютъ: будто, по старанію Софіи, у пословъ и купцовъ татарскихъ взято было Кремлевское подворье; будто Софія уговорила Иоанна не выходить пѣшкомъ на-встрѣчу къ посламъ ордынскимъ, призывавшимъ басму; будто древніе князья кланялись при этомъ посламъ, подносили кубокъ съ кумысомъ и выслушивали ханскую грамоту, стоя на колѣняхъ; будто Иоаннъ, для избѣжанія

этихъ унизительныхъ обрядовъ, сказывался болѣе при въздѣ пословъ ханскихъ; но можно ли допустить, чтобы отецъ и дѣдъ Иоанновъ подвергались этимъ обрядамъ, если даже допустимъ, что иностранцы, свидѣтельствующіе о нихъ⁵⁾, и сказали полную правду?

Какъ бы то ни было, вѣроятно, что Ахматъ не былъ доволенъ поведеніемъ Иоанна, и, въ 1480 году, слышавъ о возстаніи братьевъ великаго князя и согласившихся опять дѣйствовать заодно съ Казимиромъ Литовскимъ, выступилъ на Москву; лѣтописцы говорятъ, что и на этотъ разъ король былъ главнымъ подстрекателемъ. Получивши вѣсть о движеніи Ахмата, великій князь началъ отпустить воеводу на берега Оки: брата, Андрея Меньшаго, отправилъ въ Торусу, сына Иоанна въ Серпуховъ, и, получивши вѣсть, что ханъ приближается къ Дону, отправился самъ въ Коломну, 23 іюля. Но ханъ, видя, что по Окѣ разставлены сильныя полки, взялъ направленіе къ западу, къ Литовской Землѣ, чтобы проникнуть въ Московскія владѣнія черезъ Угру; тогда Иоаннъ велѣлъ сыну и брату слѣзти туда; князья исполнили приказъ, пришли къ Угрѣ прежде Татаръ, отняли броды и перевозки⁶⁾.

Въ Москвѣ сѣди въ осаду: мать великаго князя, инокиня Мароа, князь Михаилъ Андреевичъ Верейскій, митрополитъ Геронтій, Ростовскій владыка Вассіанъ, намѣстникъ московскій, князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ съ дьякомъ Васильемъ Мамыревымъ; а жену свою, великую княгиню Софію (Римлянку, какъ выражаются лѣтописцы), Иоаннъ послалъ вмѣстѣ съ казною на Вѣлоозеро, давши наказъ ѣхать далѣе къ морю и океану, если ханъ перейдетъ Оку и Москва будетъ взята. Касательно самого великаго князя мнѣнія раздѣлились; одни, приводя непостоянство военнаго счастья, указывая на примѣръ великаго князя Василія Васильевича, взятаго въ плѣнъ казаскими Татарами въ Суздальскомъ бою, указывая на бѣдствія, бывшія слѣдствіемъ этого плѣна, думали, что Иоаннъ не долженъ выводить войска противъ Татаръ, но долженъ удалиться на сѣверъ, въ мѣста безопасныя. Другіе же, особенно духовенство, и изъ духовныхъ преимущественно Вассіанъ, архіепископъ Ростовскій, по талантамъ, грамотности и энергіи выдававшійся на первый планъ, думали, что великій князь долженъ оставаться съ войскою на границахъ. Лѣтописецъ, оставившій намъ подробнѣйшій рассказъ о событіи, держался того же мнѣнія, и сильно вооружается противъ людей, настаивавшихъ на удаленіи великаго князя отъ границъ, именно противъ двоихъ приближенныхъ бояръ, Ивана Васильевича Ощеры и Григорія Ан-

¹⁾ Арханг. 180; Никои. VI, 46.

²⁾ П. С. Р. Л. IV. 244.

³⁾ Сказаніе о землѣ царства Каванок., рукоп. библиотек. Моск. Универ., стр. 33.

⁴⁾ Чтенія Моск. Истор. Общ. Годъ III, № 4.

⁵⁾ Dlugossi Hist. Polon. p. 588; Герберштейнъ, — Рег. Mosc. Comment. 8; Манкѣва. — Ядро Рус. Истор., стр. 196. Герберштейнъ если иочеркнулъ это извѣстіе не изъ Длугоша, то могъ слышать его изъ отечества послѣдняго; Манкѣва безспорно взяла его или у Длугоша, или у Герберштейна.

⁶⁾ Сказаніе о землѣ цар. Казан., стр. 44.

древича Мамона. По его словамъ, эти богатые люди думали только о богатствѣ своемъ, о женахъ, о дѣтяхъ, хотѣли укрыть ихъ в самихъ себя въ безопасныхъ мѣстахъ, и припоминали Иоанну Суздальскій бой, какъ отца его взяли Татары въ плѣнъ и били; припоминали, что когда Тохтамышъ приходилъ, то великій князь Димитрій бѣжалъ въ Кострому, а не бился съ ханомъ. Но должно замѣтить, что лѣтописецъ, равно какъ и Вассіанъ, въ посланіи своемъ, удивительнымъ для насъ образомъ смѣшиваютъ двѣ вещи: удаленіе великаго князя отъ войска и бѣгство цѣлаго войска, цокнутіе его ударства на жертву Татарамъ, что, по ихъ словамъ, Ощера и Мамоновъ именно совѣтовали. Великій князь, оставя войско на берегу Оки и приказавши сжечь городокъ Коширу, поѣхалъ въ Москву, чтобы посовѣтоваться съ матерью, митрополитомъ и боярами, а князю Даниилу Холмскому далъ приказъ— по первой присылкѣ отъ него изъ Москвы, ѣхать туда же вмѣстѣ съ молодымъ великимъ княземъ Иоанномъ. 30-го сентября, когда Москвичи перебрались изъ посадовъ въ Кремль на осадное сидѣнье, вдругъ увидали они великаго князя, который въѣжалъ въ городъ вмѣстѣ съ княземъ Оедоромъ Палецкимъ; народъ подумалъ, что все кончено, что Татары идутъ по слѣдамъ Иоанна; въ толпахъ послышались жалобы: „Когда ты, государь великій князь! надъ нами княжншь въ кротости и тихости, тогда насъ много въ безлѣнцѣ продаешь; а теперь самъ разгнѣвалъ царя, не платя ему выхода, да насъ выдаешь царю и Татарамъ“. Въ кремлѣ встрѣтили Иоанна митрополитъ и Вассіанъ; Ростовскій владыка, называя его бѣгуномъ, сказалъ ему: „Вся кровь христіанская падеть на тебя за то, что, выдавши христіанство, бѣжншь прочь, бою съ Татарамъ не поставивши и не бивши съ ними; зачѣмъ боишься смерти? не безсмертнй ты человекъ,—смертнй; а безъ року смерти нѣтъ ни человекъ, ни птицѣ, ни звѣрю; дай мнѣ, старику, войско въ руки,—увидишь, уклоню ли я лицо свое передъ Татарамъ! Великій князь, опасаясь гражданъ, не поѣхалъ на свой кремлевскій дворъ, а жилъ въ Красномъ сельцѣ¹⁾, къ сыну послалъ грамоту, чтобы немедленно ѣхалъ въ Москву, но тотъ рѣшился лучше навлечь на себя

гнѣвъ отцовскій, чѣмъ отѣхать отъ берега. Видя, что грамоты сынъ не слушаетъ, Иоаннъ послалъ приказаніе Холмскому—схвативши силою молодого великаго князя, привести въ Москву; но Холмскій не рѣшился употребить силы, а сталъ уговаривать Иоанна, чтобы ѣхалъ къ отцу; тотъ отвѣчалъ ему: „Умру здѣсь, а къ отцу не пойду“. Онъ устерегъ движеніе Татаръ, хотѣвшихъ тайкомъ переправиться черезъ Угру и внезапно броситься на Москву; ихъ отбили отъ русскаго берега съ большимъ урономъ.

Въ Москвѣ мнѣніе Вассіана превозмогло: проживши двѣ недѣли въ Красномъ сельцѣ, приказавши Патрикѣеву сжечь московскій посадъ и распорядившись переводомъ Дмитровцевъ въ Переславль для осады, а Москвичей въ Дмитровъ, великій князь отправился къ войску. Передъ отѣздомъ, митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ благословилъ его крестомъ и сказалъ: „Богъ да сохранить царство твое силою честнаго креста и дать тебѣ побѣду на враговъ; только мужайся и крѣпнсь, сынъ духовный! не какъ наемникъ, но какъ пастыръ добрый, полагающей душу свою за овцы, потнись избавить врученное тебѣ словесное стадо Христовыхъ овецъ отъ грядущаго нынѣ волка, и Господь Богъ укрѣпитъ тебя, и поможетъ тебѣ я всему твоему Христолюбивому воинству“. Все духовенство въ одинъ голосъ сказала: „Амигъ, буди тако, Господу ти помогаюшъ!“ Иоаннъ отправился, но сталъ не на Угрѣ, въ виду Татаръ, а въ Кременцѣ, на рѣкѣ Лужѣ, въ тридцати верстахъ отъ Медыни, гдѣ теперь село Кременецкое. Здѣсь опять Ощера и Мамонъ начали совѣтовать ему удалиться; на этотъ разъ причесалъ Иоаннъ не поѣхалъ въ Москву, но понытался, нельзя ли кончить дѣло миромъ, и отправилъ къ хану Ивана Товаркова съ челобитиемъ и дарами, прося жалованья, чтобы отступилъ прочь, а улусу своего не ведѣлъ воевать. Ханъ отвѣчалъ: „Жалую Ивана; пусть самъ придетъ бить челома, какъ отцы его къ нашимъ отцамъ ѣздили въ Орду“. Но великій князь не поѣхалъ. Слыша, что Иоаннъ самъ ѣхать не хочетъ, ханъ прислалъ сказать ему: „Самъ не хочеть ѣхать, такъ сына пришли или брата“. Не получивши отвѣта, Ахматъ послалъ третій разъ: „Сына и брата не пришлешь, такъ пришли Никифора Васенкова“: Никифоръ этотъ былъ уже разъ въ Ордѣ, и много даровъ давалъ отъ себя Татарамъ, за что и любилъ его ханъ и всѣ князья. Но Иоаннъ не послалъ и Васенкова; говорить, къ этому рѣшенію побудило его посланіе Вассіана, который, узнавши о переговорахъ, писалъ такъ великому князю:

¹⁾ П. С. Р. Л. VI, 230: «Урѣша к. в. и стужина, качаша к. в. обестужився глаголати и извѣты класти, ркуче: егда ты г. в. к. надъ нами княжншь въ кротости и тихости, тогда насъ много въ безлѣнцѣ продаешь; а нынѣ разгнѣвалъ царя самъ, выхода ему не плативъ, насъ выдаешь царю и Татаромъ. Нача же владыка Вассіанъ влѣ глаголати в. к., бегуномъ его называя, сие глаголаше: «вся кровь на тебе падеть хрестіанская, что ты выдавъ ихъ бѣжншь прочь а бои не постави съ Татары и не бивса съ ними; а чему боишса смерти? ве безсмертенъ еси человекъ, смертенъ: п безъ року смерти нѣту ни человекъ, ни птицѣ, ни звѣрю; а дай семо вои въ руку мою, коли азъ старый утулю лице противъ Татаръ»,—и много сие глаголаше ему, а граждане роптаху на в. к. Того ради к. в. не обитавъ въ градѣ на своемъ дворѣ, боясь гражданъ мысли злые похванія, того ради обита въ Красномъ сельцѣ».

„Влаговѣрному и христіолобному, благородному и Богомъ вѣнчанному, и Богомъ утвержденному, въ благочестіи всей вселенной въ концѣ возсіявшему, въ царяхъ пресвѣтлѣйшему, преславному государю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси богомодецъ твой, архіепископъ Вассіанъ Ростовскій, благословляю и челома бую. Молю величество твое, благолюбивый государь! не прогнѣвайся изъ

мое смиреніе, что прежде дерзнулъ устами къ устами говорить твоему величеству твоего ради спасенія, — потому что наше дѣло напоминать вамъ, а ваше слушать насъ; теперь же дерзнулъ я написать къ твоему благородству, хочу напомнить тебѣ немного отъ Св. Писанія, сколько Богъ вразумитъ меня, на крѣпостіи лѣ утвержденіе твоей державѣ“. Напомнивъ Иоанну, какъ онъ пріѣзжалъ въ Москву; какъ, повинувъ общему моленію и доброй думѣ, общалъ бороться съ Ахматомъ и не слушать людей, отвлекающихъ его отъ этой борьбы, Вассіанъ продолжаетъ: „Нынѣ слышимъ, что бусурманнѣ Ахматъ уже приближается и христіанство губитъ; ты предъ нимъ смиряешься, молишь о мирѣ, посылаешь къ нему, а онъ гнѣвомъ дышетъ, твоего моленія не слушаетъ, хочеть до конца разорить христіанство. Не унывай, по возверзи на Господа печаль твою, и Той ты препитаешь. Дошелъ до насъ слухъ, что прежніе твои развратники не перестаютъ шептать тебѣ въ ухо лъстивыя слова, совѣтуютъ не противиться супостатамъ, но отступити и предать на расхищеніе волкамъ словесное стадо Христовыхъ овецъ. Молюсь твоей державѣ, не слушай ихъ совѣтовъ! Чтѣ они совѣтуютъ тебѣ, эти лъстецы лжеименитыя, которые думаютъ, будто они христіане? — совѣтуютъ бросить щиты, и, не сопротивляясь нисколько окаяннѣмъ этимъ сыролюдцамъ, предать христіанство, свое отечество, и, подобно бѣглецамъ, скитаться по чужимъ странамъ. Помысли, великомудрый государь! отъ какой славы въ какое безчестіе сведуть они твое величество, когда народъ тѣмъ погибнетъ, а церкви Божіи разорятся и осквернятся. Кто каменносердечный не вслачется объ этой гибели? Убойся же и ты, настырь! Не отъ твоихъ ли рукъ взыщеть Богъ эту кровь? Не слушай, государь, этихъ людей, хотящихъ честь твою приложить въ безчестіе и славу твою въ безславіе, хотящихъ, чтобы ты сдѣлался бѣглецомъ и назывался предателемъ христіанскимъ. Выйди на-встрѣчу безбожному языку Агаринскому, поревнуй прародителямъ твоимъ великимъ князьямъ, которые не только Русскую Землю обороняли отъ поганныхъ, но и чужія страны брали подъ себя: говорю объ Игорѣ, Святославѣ, Владимірѣ, бравшихъ дань на царяхъ Греческихъ, о Владимірѣ Мономахѣ, который бился съ окаянными Половцами за Русскую Землю, и о другихъ многихъ, о которыхъ ты лучше моего знаешь. А достохвальный великій князь Дмитрій, твой прародитель, какое мужество и храбрость показалъ за Дономъ надъ тѣми же сыролюдцами окаянными! — самъ напередъ бился, не пощадилъ живота своего для избавленія христіанскаго, не испугался множества Татаръ, не сказалъ самъ себѣ: „У меня жена и дѣти и богатства много, если и Землю мою возьмутъ, то въ другомъ мѣстѣ поселюсь“, но, не сомнѣваясь ни мало, воспринялъ на подвигъ, напередъ выѣхалъ, и въ лицо сталъ противъ окаяннаго разумнаго волка Мамайа, желая исхитити изъ устъ его словесное стадо Христовыхъ овецъ. За это и Богъ

послалъ ему на помощь ангеловъ и мучениковъ Святыхъ; за это и до сихъ поръ восхваляется Дмитрій и славится не только людьми, но и Богомъ. Такъ и ты поревнуй своему прародителю, и Богъ сохрани тебѣ; если же, вмѣстѣ съ воинствомъ своимъ, и до смерти пострадаешь за православную вѣру и святая церкви, то блаженны будете въ вѣчномъ наследіи. Но, быть можетъ, ты опять скажешь, что мы находимся подъ клятвою прародительскою не поднимать рукъ на хана, то послушай: если клятва дана по нуждѣ, то намъ повелѣно разрѣшать отъ нея, и мы прощаемъ и разрѣшаемъ, благословляемъ тебя идти на Ахмата, не какъ на царя, но какъ на разбойника, хищника, богоборца; лучше солгавши получить жизнь, чѣмъ, соблюдая клятву, погибнуть, т.-е. пустить Татаръ въ Землю на разрушеніе и истребленіе всему христіанству, на запустѣніе и оскверненіе святыхъ церквей и уподобиться окаянному Ироду, который погибъ, не желая преступити клятвы. Какой пророкъ, какой апостоль или святитель научилъ тебѣ, великаго русскихъ странъ христіанскаго царя, повиноваться этому боготыдному, оскверненному, самозванному царю? Не столько за грѣхи и несправленіе къ Богу, сколько за недостатокъ упованія на Бога, Богъ попустилъ на прародителей твоихъ и на всю Землю нашу окаяннаго Батыя, который разбойнически поплѣнилъ всю Землю нашу, и поработилъ, и воцарился надъ нами, не будучи царемъ и не отъ царскаго рода. Тогда мы прогнѣвали Бога, и Онъ на насъ разгнѣвался, какъ чадолюбивый отецъ; а теперь, государь, если каешься отъ всего сердца и прибѣгаешь подъ крѣпкую руку Его, то помилуетъ насъ милосердый Господь“.

Ахматъ, не пускаемый за Угру полками московскими, все лѣто хвалился: „Дастъ Богъ зиму на насъ; когда всѣ рѣки стануть, то много дорогъ будетъ на Русь“. Опасаясь исполненія этой угрозы, Иоаннъ, какъ только стала Угра 26 октября, велѣлъ сыну, брату Андрею Меньшому и воеводамъ со всѣми полками отступити къ себѣ на Кременецъ, чтобы битися соединенными силами. Этотъ приказъ нагналъ ужасъ на ратныхъ людей, которые бросились бѣжать къ Кременцу, думая, что Татары перешли уже черезъ рѣку и гонятся за ними; но Иоаннъ не довольствовался отступленіемъ къ Кременцу; онъ далъ приказъ отступити еще отъ Кременца къ Боровску, общая дать битву Татарамъ въ окрестностяхъ этого города. Лѣтописцы опять говорятъ, что онъ продолжалъ слушаться злыхъ людей, серебродобцевъ, богатыхъ и тучныхъ предателей христіанскихъ, потаковниковъ бусурманскихъ. Но Ахматъ не думалъ пользоваться отступленіемъ русскихъ войскъ: простоявши на Угрѣ до 11-го ноября, онъ пошелъ назадъ черезъ литовскія волости, Серенскую и Мценскую, опустошая земли союзника своего Казаняра, который, будучи занятъ домашними дѣлами и отвлеченъ набѣгомъ Крымскаго хана на Подолію, опять не исполнилъ своего обѣщанія. Одинъ изъ сыновей Ахматовыхъ

вошешь-было въ московскія волости, но былъ прогнавъ вѣстію о близости великаго князя, хотя за нимъ въ погону пошли только братья великокняжескіе. О причинахъ отступленія Ахматова въ лѣтописяхъ говорится разнѡ: говорится, что когда Русскіе начали отступать отъ Угры, то неприятель, подумавъ, что они уступаютъ ему берегъ и хотятъ биться, въ страхѣ побѣжалъ въ противную сторону. Но положили, что Татары подумали, будто Русскіе отступаютъ для завлеченія ихъ въ битву, — все же они отступали, а не нападали; слѣд. Татарамъ не для чего было бѣжать; потомъ, великій князь далъ приказаніе своимъ войскамъ отступить отъ Угры, когда эта рѣка стала; она стала 26 октября; положили, что между установленіемъ ея и приказаніемъ великаго князя протекло нѣсколько дней, но все же не пятнадцать, ибо ханъ пошелъ отъ Угры только 11 ноября; слѣдовательно, если мы даже и допустимъ, что Татары побѣжали, видя отступленіе Русскихъ, то должны будемъ допустить, что они потомъ остановились, и, дожидаясь еще до 11 ноября, тогда уже выступили окончательно въ обратный походъ. Другіе лѣтописцы говорятъ правдоподобнѣе, что съ Дмитріева дня (26 октября) стала зима и рѣки все стали, начались лютые морозы, такъ что нельзя было смотрѣть; Татары были наги, босы, ободрались: тогда Ахматъ испугался и побѣжалъ прочь 11 ноября. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ находимъ извѣстіе, что Ахматъ бѣжалъ, испугавшись примиренія великаго князя съ братьями. Все эти причины можно принять вмѣстѣ: Казимиръ не приходилъ на помощь, лютые морозы мѣшаютъ даже смотрѣть, и въ такое-то время года надобно идти впередъ на сѣверъ съ нагимъ и босымъ войскомъ, и, прежде всего, выдержать битву съ многочисленнымъ врагомъ, съ которымъ послѣ Мамая Татары не осмѣливались вступать въ открытыя битвы; наконецъ обстоятельство, главнымъ образомъ побудившее Ахмата напасть на Іоанна, именно усобица послѣдняго съ братьями, теперь болѣе не существовало ¹⁾).

¹⁾ П. С. Р. Л., стр. 223 — 232; Архивел. 187. Синодал. лѣтоп. у Карамз. VI, прим. 232, 236: здѣсь упоминаются Русскія вѣлости: Конинъ и Нюхово, на кои началъ Амургоза, сынъ Ахматовъ. — Касательно причинъ Ахматова ухода приводитъ еще одна: будто великій князь отправилъ служилаго Крымскаго царевича Нордоулата и воеводу князя Василія Новгородскаго воедою на Орду; тѣ случайно исполнили порученіе, опустошили Орду, въ которой нашли только женщинъ, стариковъ и дѣтей. Ахматъ же, получивъ вѣсть о разореніи собственныхъ улусовъ, поспѣшно обратился въ бѣгство съ береговъ Угры. Но во 1) это извѣстіе находится въ одномъ изъ самыхъ мутныхъ источниковъ, въ высокопарномъ Сказаніи о землѣ царства Казанскаго; во 2) Ахматъ вовсе не спѣшилъ домой: сначала остановился въ Литвѣ для грабежа, потомъ остался зимовать на Донцѣ. — Лѣтописецъ такъ заключаетъ свой разсказъ: «Прииде Кн. Вел. на Москву изъ Воровска и похвали Бога и Пречистую Богородицу и Св. чудотворцевъ, избавльшихъ насъ отъ поганыхъ; и возрадовашася вси люди, и похвалиша Бога и преч. Богородицу, глаголюще: ни ангель, ни человекъ спасе насъ, но самъ Господь спасе насъ. Тоеже зими прииде В. К. Софья пазъ бѣговъ, бѣ бо бѣгала отъ Татаръ на Вѣло-озере,

Ахматъ возвращался въ степь съ добычею, награбленною имъ въ областяхъ латовскихъ. На отпущку этой добычи отправился ханъ Шибанскій, или Тюменской Орды, Ивакъ, соединившись съ Ногайми. Ахматъ, не подозрѣвая опасности, раздѣлялся съ своими султанами, и съ малымъ числомъ войска, безъ всякой осторожности, сталъ зимовать на устьяхъ Донца. Здѣсь, 6 января 1481 года, попалъ на него Ивакъ и совѣщенноручно убилъ соннаго, послѣ чего отправилъ къ великому князю посла объявить, что супостата его уже нѣтъ болѣе; Іоаннъ принялъ посла съ честью, дарилъ и отпустилъ съ дарами для Ивака ²⁾. Такимъ образомъ, послѣдній грозный для Москвы ханъ Золотой Орды погибъ отъ одного изъ потомковъ Чингисъ-Хановыхъ; у него остались сыновья, которымъ также суждено было погибнуть отъ татарскаго оружія. Еще въ княженіе Василія Темнаго стала извѣстною Крымская Орда, составленная Едигеемъ изъ улусовъ черноморскихъ; по сыновья Едигеевы погибли въ усобицахъ, и родоначальникомъ знаменитыхъ въ нашей исторіи Гиреевъ крымскихъ былъ Ази-Гирей, сохранявшій во все продолженіе своей жизни дружбу съ Казимиромъ Литовскимъ. Но сынъ Ази-Гиреевъ, Менгли-Гирей, влѣдствіе жестокой, наследственной вражды съ ханами Золотой Орды, пошелъ за лучшее сблизиться съ великимъ княземъ Московскимъ, чтобъ вѣстѣ дѣйствовать противъ общихъ враговъ; еще въ 1474 году началось это сближеніе. Какъ дорожилъ Іоаннъ союзомъ Менгли-Гиреевымъ, имѣя въ виду не одного Ахмата, но также и Литву, и какъ еще не отвыкли въ описываемое время отъ уваженія къ ханамъ, или царямъ татарскимъ, видно изъ тона посольствъ и грамотъ Іоанна къ Менгли-Гирею: посоль московскій, бояринъ Никита Беклемишевъ, долженъ былъ говорить хану отъ имени своего государя: «Князь великій Иванъ чело мъ бьетъ: посоль твой Ази-Баба говорилъ мнѣ, что хочешь меня жаловать, въ братствѣ, дружбѣ и любви держать, точно такъ, какъ ты съ королемъ Казимиромъ въ братствѣ, дружбѣ и любви. И я, слышавъ твоѣ жалованье и видѣвъ твой ярлыкъ, послалъ къ тебѣ бить челою боярина своего Никиту, чтобъ ты пожаловалъ, какъ началъ меня жаловать, такъ бы и до конца жаловалъ». Но, соблюдая такія учтивости въ рѣчахъ посольскихъ, Іоаннъ не хотѣлъ однако, чтобъ ханъ, на этомъ основаніи, позволялъ себѣ слишкомъ повелительный тонъ въ своихъ грамотахъ; по великокняжескому наказу, Беклемишевъ долженъ былъ отвѣчать, чтобъ въ договорной грамотѣ не было словъ: «Я, Менгли-Гирей царь, пожаловалъ, заключилъ съ своимъ братомъ» и проч. Но если такъа будетъ форма договорныхъ грамотъ между

а не гонять ни ктоже, и по которымъ странамъ ходила, тѣмъ пуци Татаръ отъ боярскихъ холоповъ, отъ кровопийцевъ христіанскихъ. Была бо жны пхъ тамо, возлюбина бо паче жены, неже православную христіанскую нѣру».

²⁾ Архивел. 188.

Менгли-Гирею и королю, то посоль могъ допустить выраженіе „п о ж а л о в а л ъ“; если Веклемишевъ успѣетъ отговориться отъ этого п о ж а л о в а н і я, то очень будетъ хорошо; если же не успѣетъ, то дѣлать нечего, пусть впишутъ въ ярлыкъ. Заключая союзъ съ врагомъ Ахмата, чтобъ удобнѣе, при случаѣ, бороться съ послѣднимъ, Иоаннъ однако не хотѣлъ первый начинать этой борьбы, и потому наказалъ своему послу отговаривать, чтобъ въ ярлыкѣ не было сказано быть заодно, именно на Ахмата, но чтобъ было сказано вообще: быть на всехъ недруговъ заодно; если же посоль не успѣетъ отговорить, то долженъ требовать внесенія въ ярлыкъ слѣдующаго условія: если Ахматъ или Казимиръ пойдутъ на Москву, то Менгли-Гирей самъ долженъ идти на нихъ или брата посылать. Веклемишевъ никакъ не долженъ былъ соглашаться на условіе — прервать сношенія съ Ахматомъ, не отправлять къ нему посоль; на требованіе этого условія Веклемишевъ долженъ былъ отвѣчать: „Послы между Москвою и Ордуо не могутъ не ходить, потому что господаря отчина съ Ахматомъ на одномъ полѣ“. Если царь станеть требовать поминковъ, какіе шлетъ ему король, то посоль долженъ былъ отговаривать и ярлыка не брать; если же царь захочетъ написать въ ярлыкъ: „Поминки ко мнѣ слать и ихъ не ужалывать“, то посоль долженъ былъ отговаривать и это условіе, но, въ случаѣ нужды, могъ согласиться на него ¹⁾.

Веклемишеву удалось отговориться отъ поминковъ, но онъ долженъ былъ согласиться вписать въ ярлыкъ п о ж а л о в а н і е; грамота была написана такъ: „Вышняго Бога волею, я, Менгли-Гирей царь, пожаловалъ, съ братомъ своимъ, великимъ княземъ Иваномъ, взявъ любовь, братство и вѣчный миръ отъ дѣтей на внучать. Быть намъ вездѣ заодно, другу другому быть, а недругу недругомъ. Мнѣ, Менгли-Гирею царю, твоей Земли и тѣхъ князей, которые на тебя смотрять, не воевать, ни мномъ уланамъ, ни князьямъ, ни козакамъ; если же безъ нашего вѣдома люди наши твоихъ людей повоюють, и придутъ къ намъ, то намъ ихъ казнить, и взятое отдать, и головы людскія безъ окупа выдать. Если мой посоль отъ меня пойдетъ къ тебѣ, то мнѣ его къ тебѣ посылать безъ пошлинъ и безъ пошлинныхъ людей; когда же твой посоль ко мнѣ придетъ, то онъ идетъ прямо ко мнѣ. Пошлинамъ д а р а ж е к и м ъ (дарага, или дорога—сборщикъ податей) и никакимъ другимъ пошлинамъ не быть. На всемъ на этомъ, какъ писано въ ярлыкѣ, я, Менгли-Гирей царь, съ своими уланами и князьями, тебѣ, брату своему великому князю Ивану, молвя крѣпкое слово, шерть (клятву) далъ: жить намъ съ тобою по этому ярлыку“ ²⁾. Послѣ форма грамотъ Иоанновыхъ къ Менгли-Гирею была такая: „Государь еси великой, и справед-

ливой и премудрой, межъ бесерманскими государи прехвальной государь, братъ мой, Менгли-Гирей царь. Богъ бы государство твое свыше учинилъ. Иоаннъ Вожіею милостію, сдѣвъ правой государь всея Руси, отчичъ и дѣдичъ, и инымъ многимъ землямъ, отъ сѣвера и до востока государь. Величеству твоему, брата твоего, слово наше то. Приказывать еси къ намъ“ ³⁾ и проч.

Послами въ Крымъ обыкновенно отправлялись люди знатные, бояре; однажды случилось послать челоуѣка незначительнаго (паробка), и великій князь съѣхшилъ извиниться, писалъ хану: „На Литву проѣзду иѣтъ, а полемъ пути истомны“ ⁴⁾. Важность, которую великій князь придавалъ крымскимъ отношеніямъ по поводу дѣлъ ордынскихъ и литовскихъ, заставляла его распорядиться такъ, что въ Крыму былъ постоянно русской посоль; такъ Иоаннъ наказывалъ послу своему, Шенну, не уѣзжать изъ Крыма ни весною, ни лѣтомъ, и хлопотать, чтобъ царь шель или на Орду, или на короля, а великаго князя обсылать обо всемъ ⁵⁾; послы получали также наказъ не уѣзжать до пріѣзда другихъ ⁶⁾. Князь Семень Ромодановскій, отправляясь посломъ въ Крымъ, получилъ такой наказъ: „Если отъ какихъ-нибудь другихъ государей будутъ послы у царя Менгли-Гирея, отъ Турецкаго или отъ иныхъ, то ему, Ромодановскому, ни подъ которымъ посломъ у царя не садиться, и остатковъ у него послѣ нихъ не брать“ ⁷⁾.

Несмотря на то, что въ договорѣ именно было внесено условіе не требовать пошлинъ, алчность Татаръ заставляла великаго князя постоянно наказывать посламъ своимъ: „Станеть царь посла своего отправлять къ великому князю, то говорить: какъ пожаловалъ царь великаго князя, братомъ и другомъ себѣ учинилъ и правду (клятву) на томъ далъ, потому бы и жаловалъ, посла своего посылать бы безъ пошлинъ“ ⁸⁾. Татары любили также отправлять съ послами множество лишнихъ людей, которые въ Москвѣ кормились насчетъ великаго князя и брали у него подарки, что было отягочительно, особенно для бережливаго Иоанна; поэтому онъ наказывалъ посламъ своимъ говорить царю, чтобъ съ крымскими послами лишнихъ людей не было ⁹⁾. Въ договорѣ не упомянуто было о поминкахъ; несмотря на то, ханъ постоянно ихъ требовалъ, писалъ: „Нынѣ братству приѣхта то, нынѣ тотъ запросъ: кречеты, соболи, рыбій зубъ“ ¹⁰⁾. Вельможи Менгли-Гиреевы подражали своему хану, привязывались ко всякому случаю, чтобъ выманить подарки; такъ царевичъ Имгурей прислалъ сказать: „Я нынче женился и сына женилъ; такъ въ великій князь пожаловалъ, прислалъ шубу соболью, да

³⁾ Крымскія дѣла, № I, годъ 1492.

⁴⁾ Тамъ же, годъ 1478, стр. 35

⁵⁾ Тамъ же, стр. 157.

⁶⁾ Тамъ же, № 2, стр. 804.

⁷⁾ Тамъ же, № 1, стр. 561.

⁸⁾ Тамъ же, стр. 65.

⁹⁾ Тамъ же, стр. 116.

¹⁰⁾ Тамъ же, стр. 221

¹⁾ Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣла, Крымскія дѣла, № I, годъ 1474.

²⁾ Архив. грам., долженствовавшія войти въ пятый томъ. Собр. гос. грам. и догов. № 1.

шубу горностаеву, да шубу рысью. Да великій князь пожаловалъ, прислалъ мнѣ третьяго года панцырь; я ходилъ на недруговъ, и панцырь не терялъ; такъ великій князь пожаловалъ бы, новый панцырь прислалъ“¹⁾. Менгли-Гирей объявилъ требованіе на дань съ одоевскихъ князей, писалъ великому князю: „Изстарини одоевскихъ городовъ князья давали намъ ежегодно тысячу алтынъ ясаку, а дарагамъ другую тысячу давали; по тому обычаю и послалъ дарагу ихъ Вахшениша“. Иоаннъ отвѣчалъ: „Одоевскихъ князей большихъ не стало, отчина ихъ пуста, а другіе князья Одоевскіе намъ служатъ, мы ихъ кормимъ и жалуемъ своимъ жалованьемъ, а иныхъ князей Одоевскихъ жребіи за нами. Что они тебѣ давали и твоему человѣку, тѣмъ я ихъ жаловалъ, и имъ нечего давать, отчина ихъ пуста, и теперь твоего человѣка я же жаловалъ, а имъ нечего давать. Такъ ты бы Одоевскимъ князьямъ впередъ свою пошлину отложилъ, да и дарагъ ихъ къ нимъ не посылалъ за своею пошлиною для меня“²⁾.

Менгли-Гирей, ея царевичей, улановъ и князей еще удерживало отъ требованій то обстоятельство, что они имѣли нужду въ великомъ князѣ Московскомъ: между царевичами происходили усобицы, одинъ изгонялъ другого; изгнанники находили убѣжище и кормленіе въ московскихъ владѣніяхъ. Въ 1476 году Менгли-Гирей былъ изгнанъ Ахматомъ и мѣсто его получалъ Зенебекъ; но послѣдній не считалъ себя прочнымъ въ Крыму, и потому просилъ Иоанна, чтобъ, въ случаѣ изгнанія, далъ ему у себя убѣжище; великій князь отвѣчалъ: „Прислалъ ты ко мнѣ своего человѣка, который говорилъ, что если, по грѣхамъ, придетъ на тебя истомъ, то мнѣ бы дать тебѣ опочивъ въ своей Землѣ. Я и прежде твоего добра смотрѣлъ, когда еще ты былъ козакъ; ты и тогда ко мнѣ также приказывалъ, что если конь твой будетъ potentъ, то мнѣ бы тебѣ въ своей Землѣ опочивъ дать. Я и тогда тебѣ опочивъ въ своей Землѣ давалъ, и нынче добру твоему радъ вездѣ; каковы твои дѣла будутъ послѣ, и захочешъ у меня опочива, то я тебѣ опочивъ въ своей Землѣ дамъ, и истому твою подниму“³⁾. Предчувствіе Зенебека сбылось:—онъ былъ изгнанъ Менгли-Гиреемъ; Иоаннъ принялъ его и еще двоихъ братьевъ Менгли-Гиреевыхъ: Нордоулата и Айдара. Извѣщая хана о принятіи этихъ царевичей, великій князь писалъ: „Держу ихъ у себя, истому своей Землѣ и своимъ людямъ чиню для тебя“.

Но и самъ Менгли-Гирей просилъ Иоанна, чтобъ тотъ принялъ его въ случаѣ бѣды; великій князь велѣлъ ему отвѣчать, что подниметь его истому на своей головѣ, и далъ ему крѣпкую грамоту съ золотою печатью: „Дай Господи, чтобы тебѣ лиха не было, брату моему Менгли-Гирею царю; а если что станется, какое дѣло о юртѣ отца твоего, и

прійдешь ко мнѣ, то отъ меня, отъ сына моего, братьевъ, отъ великихъ князей и отъ добрыхъ бояръ тебѣ, царю, братьямъ и дѣтямъ твоимъ, великимъ князьямъ и добрымъ слугамъ лиха никакого не будетъ: добровольно прійдешь, добровольно прочъ пойдешь, намъ тебя не держать. А сколько сплы моей станеть, буду стараться достать тебѣ отцовское мѣсто“⁴⁾. Въ 1475 году Крымъ былъ завоеванъ Турками; Менгли-Гирей остался ханомъ въ качествѣ подручника султанова; сначала Менгли-Гирей не жаловался на Турокъ, но подконецъ писалъ къ Иоанну: „Султанъ посадилъ въ Кафѣ сына своего; онъ теперь молодъ и моего слова слушается, а какъ вырастетъ, то слушаться перестанеть, я также не стану слушаться, и пойдетъ между нами лихъ: двѣ бараньихъ головы въ одинъ котель не лѣзутъ“⁵⁾. Иоаннъ отвѣчалъ, что будетъ стоять на той крѣпкой своей грамотѣ, которую уже разъ далъ ему.

Кромѣ того, какъ было уже сказано, союзъ Крыма съ Москвою скрѣплялся враждою Менгли-Гирея къ Ахмату, а потомъ къ его сыновьямъ. Мы видѣли, что Иоаннъ и Менгли-Гирей обязались въ договорной грамотѣ имѣть однихъ враговъ и друзей, не означая именно кого; но въ грамотѣ своей 1475 г. Менгли-Гирей говоритъ, что, присягая исполнить договоръ, онъ выговорилъ Иоаннову недруга, короля; великій же князь, присягая передъ посломъ крымскимъ, выговорилъ Менгли-Гиреева недруга, Ахмата, и потому онъ, Менгли-Гирей, готовъ на всякаго недруга Иоаннова, даже и на короля; за то и великій князь обязанъ выслать своихъ служилыхъ татарскихъ царевичей противъ Ахмата, если послѣдній пойдетъ на Крымъ⁶⁾. По смерти Ахмата, вслѣдствіе требованія султана Турецкаго, который не могъ съ удовольствіемъ смотрѣть на усобицы магометанскихъ владѣльцевъ, сыновья Ахматовы помирились съ Менгли-Гиреемъ; но когда, въ 1485 г., одинъ изъ нихъ—Муртоза, выгнанный голодомъ изъ своихъ обычныхъ кочевьевъ, пришелъ зимовать въ Крымъ, то Менгли-Гирей схватилъ его и отослалъ въ Кафу; потомъ отправилъ на Темировъ улусъ брата своего, который разогналъ и остатки орды; но другой Ахматовъ сынъ, Махмудъ, соединившись съ княземъ Темиромъ, паналъ на Крымъ, освободилъ Муртозу, а Менгли-Гирей сдѣла успѣлъ снастись тайнымъ бѣгствомъ съ бою. Великій князь отрядилъ войско на улусы Ахматовыхъ сыновей, и оно успѣло освободить много крымскихъ пѣнниковъ, которыхъ отослали къ Менгли-Гирею. Муртоза послѣ этого вздумалъ посадить въ Крымъ вмѣсто Менгли-Гирея брата его, Нордоулата; но такъ какъ послѣдній находился на службѣ у Иоанна, то сынъ Ахматовъ прислалъ Московскому князю такую грамоту: „Муртозино слово Ивану: вѣдомо тебѣ будъ, что Нордоулатъ царь съ отцомъ моимъ и со мною былъ въ любви; помирились мы

¹⁾ Крымскія дѣла, № 1, стр. 256.

²⁾ Тамъ же, стр. 587; № 2 — посольство князя Кубекаго.

³⁾ Тамъ же, № 1, стр. 30.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 35. С. г. г. и д. V, № 3.

⁵⁾ Дѣла Крымскія, № 2, стр. 637.

⁶⁾ С. г. г. и д. V, № 2, 4.

съ Менгли-Гиресемъ; но онъ своей клятвы не сдержалъ, за то и былъ наказанъ. Теперь Менгли-Гирей намъ недругъ, и на его мѣсто надѣмся посадить царемъ Нордоулата; отпусти его къ намъ, а женъ и дѣтей его оставь у себя. Когда Богъ помилуетъ, дасть ему тотъ юргъ, тогда онъ возьметъ ихъ у тебя добромъ. Менгли-Гирей царь тебѣ другомъ былъ; но вѣдь и Нордоулатъ царь тебѣ другъ же; намъ онъ пригожь и ты его къ намъ отпусти" ¹⁾. Понятно, что Иоаннъ не отпустилъ Нордоулата къ Ахматовымъ сыновьямъ; не отпустилъ его и къ самому Менгли-Гирею, когда тотъ, обезпосвоенный сношеніями Нордоулата съ врагами, просилъ прислать его въ Крымъ, обѣщая подѣлиться съ нимъ властію ²⁾. Вражда Ахматовыхъ сыновей съ Менгли-Гиресемъ продолжалась; Иоаннъ помогалъ Менгли-Гирею; отсюда естественно слышъ Ахматовъ, Шигъ-Ахметъ, смѣшавшій Муртозу, помогалъ Литвѣ въ войнѣ ея съ Москвою. Но Литва не могла помочь ни самой себѣ, ни союзникамъ своимъ; видя это, Шигъ-Ахметъ завелъ—было мирные переговоры съ великимъ княземъ, который соглашался на союзъ съ нимъ, подъ условіемъ союза его съ Менгли-Гиресемъ, что было невозможно для Ахматова сына. Менгли-Гирей въ 1502 году рѣшилъ дѣло, напавши на Шигъ-Ахмета и панесши орды его тяжелой окончательный ударъ. Шигъ-Ахметъ убѣжалъ къ Ногаямъ. Но Иоаннъ не хотѣлъ его окончательной гибели; онъ хотѣлъ доставить ему Астрахань, подъ условіемъ воевать съ Литвою и быть въ мирѣ съ Менгли-Гиресемъ. Но Шигъ-Ахметъ отправился въ Турцію; султанъ не принялъ его, какъ врага Менгли-Гиреева; тогда онъ обратился къ старому союзнику своему, королю Польскому; но тотъ заключилъ его въ неволю, желая имѣть въ рукахъ узника, освобожденіемъ котораго могъ постоянно страдать Менгли-Гирей ³⁾. Такъ прекратилось существованіе знаменитой Золотой Орды!

Крымъ избавилъ Москву окончательно отъ потмоковъ Батыевыхъ; чрезъ его посредство завелись первыя сношенія у нея съ Турціею. Русскій посолъ, дьякъ Оедоръ Курицынъ, ѣздившій къ Венгерскому королю, Матвѣю Корвину, былъ задержанъ на возвратномъ пути Турками въ Бѣлгородѣ, освобожденъ по стараніямъ Матвѣя и Менгли-Гирей, и, пріѣхавши въ Москву, извѣстилъ великаго князя, что турецкіе наши въ Бѣлгородѣ намекали ему, почему бы его государю не вступитъ въ дружественныя сношенія съ ихъ падишахомъ. Иоаннъ, на этомъ основаніи, написалъ Менгли-Гирею: „Какъ мой человекъ Оедоръ былъ въ рукахъ у салтана Турскаго, то ему говорили наши большіе, господа своего словомъ, что салтанъ Турскій хочетъ со мною дружбы, и ты бы для меня поотвѣдалъ,

какой дружбы со мною хочетъ Турскій?“ Менгли-Гирей справился въ Константинополь и переслалъ къ Иоанну отвѣтъ султановъ: „Если государь Московскій тебѣ, Менгли-Гирею, братъ, то будетъ и мнѣ братъ" ⁴⁾. Такой отвѣтъ еще не могъ повести къ сношеніямъ; повели къ нимъ притѣсенія, которыми русскіе купцы стали подвергаться отъ Турокъ въ Азовѣ и Кафѣ, и вѣдствіе которыхъ должна была прерваться торговля, издавна столь дѣятельная и выгодная для русскихъ областей. Въ 1492 году Менгли-Гирей получилъ отъ Иоанна грамоту для отсылки ея къ султану Баязету II-му, Грамота была написана такъ: „Султану великому царю. Между бусурманскими государями ты великій государь, надъ турецкими и азіяскими государями ты воленъ, ты польскій (сухопутный) и морской государь, султанъ Баязетъ! Иоаннъ, Божіею милостію единый правый господарь всея Россіи, отчичъ и дѣдичъ и инымъ многимъ землямъ отъ сѣвера и до востока государь, величеству твоему слово наше таково: между нами наши люди не ѣзжали нашего здоровья видѣть, только наши гости изъ нашихъ земель въ твои земли ѣздить. Нашимъ и нашимъ людямъ отъ этого большія выгоды были; но гости наши били намъ челомъ и сказывали, что они въ твоихъ земляхъ отъ твоихъ людей великія насилія терпятъ. Мы ихъ рѣчей не слушали, въ Азовѣ и Кафу ежегодно гостей отпускали. Но теперь эти гости били намъ челомъ и сказывали, что въ нынѣшнемъ году въ Азовѣ твой паша велѣлъ имъ ровъ копать и камень возить на городское строеніе; также въ Азовѣ, Кафѣ и другихъ твоихъ городахъ оцѣнивъ ихъ товары возмутъ, а потомъ отдадутъ только половину цѣны. Если между нашими гостями, живущими по пяти и по шести человекъ вмѣстѣ, при одномъ хозяйствѣ (въ одномъ котлѣ), одинъ разболится, то еще при жизни его отсылаютъ отъ него всѣхъ товарищей, товаръ ихъ печатаютъ, и когда больной умретъ, то этого товаръ у всѣхъ у нихъ берутъ, называя его товаромъ одного умершаго человека; если же больной выздоровѣетъ, то отдадутъ только половину товара. Разболится русскій купецъ и станетъ товаръ отдавать брату, или племяннику, или съ товарищемъ станетъ отсылать его къ женѣ и дѣтямъ, то у него еще у живаго товаръ отнимаютъ, и товарищей къ нему не пускаютъ. Да и другихъ много насилій терпятъ наши купцы: почему нынѣшнюю весною мы ихъ и не отпустили ни въ Азовъ, ни въ Кафу, и ни въ какіе другіе твои города. Прежде наши гости платили одну тамгу, и насилій никакихъ надъ ними не было; а теперь при тебѣ недавно начались насилія; извѣстно ли это твоему величеству или неизвѣстно? Если твои люди поступали такъ съ нашими людьми по твоему приказу, то мы впередъ своихъ гостей въ твои земли отпустить не будемъ. Еще одно слово: отецъ твой славный и великій былъ господарь; сказываютъ, хо-

¹⁾ Дѣла Крым. № 1, стр. 139, 163; П. С. Р. Л. VI, 236; С. г. г. и д. V, № 5.

²⁾ Дѣла Крым. № 1, стр. 179, 181.

³⁾ Тамъ же, № 2, стр. 818—1100; П. С. Р. Л. VI, 47 Crotieri—de reb. Polon. p. 440.

⁴⁾ Дѣла Крымскія № 1, стр. 115, 176.

тѣлъ онъ, чтобъ наши люди между нами ѣздили здоровье наше видѣть, и послалъ-было къ намъ своихъ людей, но, по Божьей волѣ, дѣло не сдѣлалось; почему же теперь между нами наши люди не ѣздить здоровье наше видѣть? Обо всѣхъ этихъ дѣлахъ, написавши грамоту, прислалъ бы ты ее къ намъ, чтобъ намъ вѣдомо было“¹⁾.

Султанъ, получивши грамоту, отправилъ посла въ Москву; но въ Литовскихъ владѣнiяхъ посолъ этотъ былъ остановленъ, по приказанiю великаго князя Александра, и возвращенъ назадъ. Тогда Иоаннъ, въ 1497 году, отправилъ въ Турцiю своего посла, Михайла Плещеева, которому данъ былъ наказъ править поклонъ султану и сыну его, Кафинскому намѣстнику, стоя, а не на колѣняхъ, не уступать мѣста никакому другому послу и сказать посольския рѣчи только султану, а не пашамъ Плещеевъ, на основанiи этого наказа, не захотѣлъ имѣть съ пашами никакого дѣла, не поѣхалъ къ нимъ обѣдать, не взялъ ихъ подарковъ. Султанъ, въ письмѣ къ Менгли-Гирею, жаловался на Плещеева, какъ на невѣжду, и объявилъ, что не отправилъ своего посла въ Москву, боясь, чтобъ онъ не потерялъ тамъ оскорбленiя²⁾; но съ Плещеевымъ отправилъ грамоту, въ которой, называя себя государемъ Анатолийской и Румской Земли, Вѣлаго (Мраморнаго) и Чернагоморей, Караманской Земли, меньшаго Гила и иныхъ многихъ земель, а Иоанна княземъ всея Руси, Восточной, Польской и иныхъ многихъ земель, писалъ: что приложилъ его грамоту къ своему сердцу, изъявляя желанiе, чтобъ послы между ними ходили часто; чтобъ великій князь отпуская въ Турцiю своихъ гостей, которые увидятъ его правду къ себѣ. Относительно же обидъ прежнимъ купцамъ прислана была другая грамота, въ которой Баязеть писалъ, что приказалъ сыну своему Магомету, Кафинскому намѣстнику, и дядкѣ его: чтобъ съ этихъ поръ давали русскимъ купцамъ за ихъ товары настоящую цѣну, не оставляли ничего за собою; не брали бы купцовъ, не заставляли ихъ камень носить и землю копать; писалъ, что съ этихъ поръ наслѣдникамъ умершихъ въ Турцiи русскихъ купцовъ стоять только придти къ кадию, поставить свидѣтелей и присягнуть, что они дѣйствительно наслѣдники, — и товары будутъ имъ отданы. Если же кто изъ Русскихъ умретъ, а наслѣдниковъ у него при немъ не будетъ, то кадiй положить его имущество на годъ у добраго человѣка въ крѣпкомъ мѣстѣ, и когда наслѣдникъ явится, получить имѣнiе вышеозначеннымъ порядкомъ. Русскiй человѣкъ, заблѣвши, пусть пишетъ духовную передъ добрыми людьми, и когда наслѣдникъ прiѣдетъ, получить имѣнiе по обыску и присягѣ. Если кто изъ Русскихъ будетъ долго боленъ, то зауморщики вмѣстѣ съ кадемъ опишутъ его имѣнiе, чтобъ не истерялось. Другъ тѣ, которые говорятъ, будто въ Турцiи

больныхъ Русскихъ изъ комнатъ выкидываютъ, и имѣнiе ихъ берутъ у султана; кто изъ Русскихъ умретъ, и не будетъ у него родныхъ, то начальство города беретъ имѣнiе его на сохраненiе, а самого хоронитъ и поминки правитъ, какъ будетъ приказано въ духовной; если же умершiй будетъ кому-нибудь долженъ, то заимодавецъ приходитъ къ кадию и присягаетъ въ справедливости своего требованiя, и кадiй по обыску отдаетъ ему долгъ изъ имущества покойнаго. „Гостей своихъ въ мою Землю на ихъ промыслъ отпускай, заключаетъ султанъ свою грамоту; изъ нашей заповѣди никто не смѣетъ выступить. Какъ свои двери отворены видишь передъ собою, такъ и мои двери передъ тобою отворены всегда. О чемъ какое дѣло будетъ, что тебѣ на мысль придетъ, съ любовiю безъ зарѣвнiя напиши ко мнѣ: все передъ тобою готово. Тебѣ великiй поклонъ, и кто тебя любитъ, — я меня любить, и тому великiй поклонъ“³⁾.

Торговля возобновилась; продолжались сношенiя съ Константинополемъ, но преимущественно съ Кафинскимъ султаномъ, намѣстникомъ; отправляя къ послѣднему посла Андрея Кутузова, въ 1501 году, Иоаннъ далъ ему такой наказъ: если кто-нибудь ему въ Кафѣ скажетъ: „Почему государь твой къ отцу нашего государя пишетъ въ грамотѣ свое имя напередъ?“ — то онъ долженъ отвѣчать: „Когда государь нашъ писалъ первую грамоту къ султану Баязету, то почтилъ его, написалъ его имя прежде своего: но Баязеть султанъ, вмѣсто того, чтобъ точно такъ же почтить его, написалъ свое имя прежде имени государя нашего; послѣ этого государю нашему для чего писать его имя прежде своего.“⁴⁾ Жалобы русскихъ купцовъ на турецкое правосудiе и разнаго рода притѣсенiя возобновились: когда, въ 1501 году, прiѣхалъ въ Москву кафинскiй посолъ Алакозь, то великiй князь велѣлъ сказать ему. „Вили мнѣ челомъ наши гости, говорятъ, что въ сила чинится въ судѣ и въ иныхъ дѣлахъ въ Кафѣ: чего станеть искать Русинъ на бусурманнѣ, или кто изъ Русскихъ умретъ, и если при этомъ у Русскихъ не будетъ свидѣтеля бусурманина, то, сколько бы ни было свидѣтелей Русскихъ, суды имъ не вѣрятъ и Русиновъ обвиняютъ въ судѣ и въ зауморкахъ (въ искѣ имущества, оставшагося послѣ умершихъ). Если же чего станеть искать бусурманнѣ на Русинѣ, и пошлется на Русина, то тутъ и Русакъ свидѣтель. Потомъ новыя притѣсенiя: берутъ пошлину съ оружiя, которое русскiе купцы на себѣ привозятъ, съ платья, съ пистолей, съ корму; заставляютъ русскихъ купцовъ на султановомъ дворѣ дрова носить изъ корабля.“ Алакозь отвѣчалъ, что относительно поминки съ оружiя и прочаго купцы обманываютъ: въ таможи скажутъ, что оружiе привезли для собственнаго употребленiя, но только-что выйдутъ изъ таможи, то начнутъ продавать; дрова же заставили ихъ

¹⁾ С. г. г. и д. V, № 23.

²⁾ Дѣла Крымскiя, № 1, стр. 496 — 536

³⁾ Тамъ же, стр. 524. С. г. г. и д. V, № 33, 34, 36, 37.

⁴⁾ Крымск. дѣла, № 2, стр. 659.

возить безъ султанова вѣдома и впередь того не будетъ ¹⁾. — Иоаннъ посылалъ также къ султану жаловаться на разбои азовскихъ казаковъ, отъ которыхъ сильно страдали наши послы и купцы.

Этимъ ограничивались сношенія съ Турціею. Изъ другихъ восточныхъ народовъ Московское правительство при Иоаннѣ сносилось съ Ордою Тюменскою и союзными ей Ногаями. Предметомъ сношеній были дѣла казанскія, ордынскія, торговля. Такъ Тюменскій владѣлецъ, извѣстный уже намъ Ибрагимъ-Ивакъ, просилъ великаго князя выпустить изъ неволи родственника его, бывшаго царя Казанскаго, Алегамъ; но Иоаннъ не исполнилъ этой просьбы; одинъ изъ ногайскихъ владѣльцевъ просилъ согласія Иоаннова на бракъ своей дочери съ другимъ царемъ Казанскимъ, Магметъ-Аминемъ.

Московское правительство имѣло въ виду возбудить Ногаевъ противъ сыновей Ахматовыхъ; погайскіе послы проводили лошадей для продажи: вслѣдствіе этого имъ велѣно было ѣздить въ Московское государство всегда черезъ Казань и Нижній, а не Мордовскую Землю, чтобъ нижегородскаго мыта не объѣзжали ³⁾. Есть извѣстіе о посольствѣ Марка Руфа изъ Москвы въ Персію, къ царю Узунъ-Гассану, но дѣль этого посольства и подробности не извѣстны ⁴⁾. Подъ 1490 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о посольствѣ отъ Хорасанскаго, или Чагатайскаго владѣльца Гуссейна, праправнука Тамерлана ⁵⁾, а подъ 1462 годомъ — извѣстіе о посольствѣ отъ Грузинскаго князя Александра, который въ грамотѣ называетъ себя меньшимъ холопомъ Иоанна и посылаетъ ему низкое челобитье ⁶⁾.

Глава IV.

Литва.

Выгодное положеніе Московскаго великаго князя относительно великаго князя Литовскаго. — Враждобность Казимира Литовскаго къ Иоанну. — Иоаннъ въ союзѣ съ Крымскимъ ханомъ противъ Литвы. — Переходъ мелкихъ пограничныхъ князей изъ литовскаго подданства въ московское. — Смерть короля Казимира. — Наступательное движеніе со стороны Москвы на Литву. — Сватовство сына Казимира, великаго князя Александра на Еленѣ, дочери Иоанновой. — Миръ и бракъ. — Неурядности по поводу Елены. — Переходъ князей Вѣльскаго, Черниговскаго и Сѣверскаго отъ Александра къ Иоанну. — Возобновленіе войны. — Побѣды Русскихъ на Ведрошѣ и подъ Мстиславлемъ. — Александръ ищетъ мира. — Посредничество короля Венгерскаго. — Цереміи. — Сношенія Елены съ отцомъ. — Войны съ ливонскими Нѣмцами. — Война со Шведами, въ союзѣ съ Данією. — Сношенія съ Австрійскимъ дворомъ, съ Венецією.

Въ 1470 году Казимиръ, король Польскій и великій князь Литовскій, пріѣхалъ на сеймъ, созванный въ Петроковѣ, гдѣ требовалъ денежнаго вспоможенія. Малополяне сказали ему на это, что Великополянъ на сеймѣ нѣтъ, а безъ нихъ они не могутъ ни на что согласиться, и прибавили: „Ты намъ о денежномъ вспоможеніи и не говори до тѣхъ поръ, пока не выдашь намъ подтвержденія правъ и не означишь вѣрно въ грамотѣ, какія области принадлежатъ Польшѣ и какія Литвѣ.“ Король подписалъ подтвержденіе всѣхъ правъ, и тогда только получилъ деньги ²⁾. Могъ-ли король, завидѣвшій во всемъ отъ сеймовъ, успѣшно бороться съ великимъ княземъ Московскимъ, который по произволу располагалъ силами своего государства? Но, кромѣ внутренняго безсилія, Казимиръ не имѣлъ возможности остановить успѣховъ Иоанна еще и потому, что все вниманіе его было обращено на отношенія къ западнымъ сосѣдямъ. Мы видѣли, что Казимиръ, принявши Новгородъ въ свое покровительство, не защитилъ его отъ Иоанна, ибо въ томъ самоузъ 1471 году умеръ Чешскій король Юрій Подебрадъ; избирательный сеймъ раздѣлился: одни, державшіеся гусситизма, хотѣли видѣть преемникомъ Юрія — сына его, другіе — Владислава, сына короля Польскаго Казимира, третьи — Матвѣя,

короля Венгерскаго, четвертые — императора Фридриха, пятыя — короля Французскаго. Владиславъ Польскій былъ наконецъ избранъ; но Матвѣй Венгерскій не хотѣлъ отстать отъ своихъ притязаній; съ другой стороны, маркграфъ Мейсейнскій пустошилъ Чешскія владѣнія, и Владиславъ, отправляясь въ Прагу, долженъ былъ взять у отца значительный отрядъ войска. Мало этого: въ то время, какъ король Матвѣй старался добыть Чешскій престолъ, часть его собственныхъ подданныхъ, Венгровъ, возстала противъ него и прислала къ Казимиру Польскому просить у него себѣ въ король другого сына, Казимира, угрожая, въ случаѣ отказа, передаться Туркамъ. Казимиръ отправилъ сына въ Венгрію съ значительнымъ войскомъ; это предпріятіе не удалось; но, тѣмъ не менѣе, вниманіе и силы Казимира были отвлечены на западъ, а на востокѣ между тѣмъ Новгородцы потерпѣли поражение отъ Иоанна и принуждены были отдаться въ его волю. Не имѣя возможности бороться самъ съ Москвою, Казимиръ возбуждалъ противъ нея Орду обѣщаніемъ дѣйствовать вмѣстѣ: въ 1472 году Ахматъ явился въ московскихъ предѣлахъ; но Казимиръ не могъ оказать

²⁾ Дѣла Ногайскія, № 1; С. г. г. и д. т. V, № 11, 12, 15, 16, 17.

⁴⁾ Коптарины въ Вибліот. иностр. писат. о Россіи, стр. 63.

⁵⁾ П. С. Р. Л. VI, 38.

⁶⁾ Тамъ же, IV, 160; Карач. VI, прилѣж. 370.

¹⁾ Крымскія дѣла, № 2, стр. 879—894.

²⁾ Bielskiego Kronica Polska, IV, 452, по изд. 1597 г.

ему никакой помощи, потому что долженъ былъ опять послать помощь сыну, Владиславу Чешскому, противъ Венгерскаго короля Матвѣя, долженъ былъ самъ готовиться въ походъ въ Пруссію. Въ 1477 г. Іоаннъ окончательно подчинилъ себѣ Новгородъ, а Казимиръ не могъ оказать послѣднему никакой помощи, потому что Матвѣй Венгерскій не давалъ ему покоя, возбуждалъ противъ него Пруссію, Стефапа, воеводу Молдавскаго, самихъ Поляковъ, а шляхта не хотѣла давать денегъ на сеймъ; наконецъ въ 1480 году, когда надобно было дѣйствовать опять вмѣстѣ съ Ахматомъ, Менгли-Гирей Крымскій напалъ на Подолью, а морь опустошала Польшу¹⁾.

Не имѣя средствъ вести открытой войны съ Московскою, Казимиръ однако въ сношеніяхъ съ Новгородомъ, Ордой обнаруживалъ явную вражду къ Іоанну и тѣмъ заставляя послѣдняго принимать свои мѣры, искать вездѣ союзниковъ противъ Литвы. Въ сношеніяхъ своихъ съ Крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ Іоаннъ постоянно называетъ Казимира своимъ недругомъ. Посылая въ 1482 году въ Крымъ Михаила Кутузова, великій князь далъ ему наказъ: „говорить царю накрѣпко, чтобъ пожаловалъ, правилъ великому князю по своему крѣпкому слову и по ярлыкамъ, королю шертъ сложилъ, да и рать свою на него послалъ бы; а какъ станетъ царь посылать рать свою на Литовскую Землю, то Михайло долженъ говорить царю о томъ, чтобъ пожаловалъ царь, послалъ рать свою на Подольскую Землю или на кievскія мѣста“²⁾. Менгли-Гирей послушался, овладѣлъ Кіевомъ, увелъ въ плѣнъ жителей, другіе захопнулись въ пещерахъ, Печерскую церковь и монастырь разграбилъ, и изъ добычи прислалъ въ Москву великому князю золотой дискосъ и потиръ изъ Софійскаго собора³⁾. Князь Ноздроватый, отправляясь въ Крымъ въ 1484 году, получилъ наказъ: „беречь накрѣпко, чтобъ царь съ королемъ не канчивалъ (не заключалъ мирнаго договора)“. Тотъ же наказъ получилъ и бояринъ Семень Борисовичъ въ 1486 году, съ слѣдующею прибавкою: „если царь скажетъ,—князь великій съ королемъ пересылается,—то отвѣчать ему такъ: послы между нимъ ѣздятъ о мелкихъ дѣлахъ, порубежныхъ, а гладкости пикакой и мира господарю нашему, великому князю, съ королемъ нѣтъ“. Затѣмъ бояринъ долженъ былъ говорить хану: „Пожаловалъ бы ты, послалъ своихъ людей на королеву Землю, потому что король тебѣ недругъ и господарю моему недругъ, такъ недругъ вашъ чѣмъ бы больше истомился, тѣмъ бы лучше, а великаго князя люди безпрестанно берутъ королеву Землю“. Если Менгли-Гирей спроситъ: „Я иду на короля; великій князь идетъ ли?“—то отвѣчать: „Захочешъ свое дѣло дѣлать, пойдешъ на короля, сдѣлаешъ доброе дѣло; когда дашъ объ этомъ знать господарю моему, то онъ съ тобой одинъ человекъ на короля; и твое

дѣло и свое дѣлаешь, какъ ему Богъ поможетъ“. Изъ этого уклончиваго отвѣта видно, что Іоаннъ, возбуждая хана на Казимира, самъ не хотѣлъ вступать съ послѣднимъ въ открытую войну, не хотѣлъ первый начинать ея; это видно также изъ слѣдующаго наказа боярину Семену: „Захочетъ царь самъ идти на Литовскую Землю, и Семена захочетъ съ собой взять, то Семену отговариться; но если царь отложить походъ потому только, что Семень отговорился съ нимъ идти, то Семену больше не отговариваться, идти съ царемъ; если же король пойдетъ на великаго князя, то Семену говорить царю, чтобъ царь самъ съѣлъ на коня и шелъ воевать Литовскую Землю, и самому Семену тогда не отговариваться, идти вмѣстѣ съ царемъ въ походъ. Если захочетъ царь послать воевать Литовскую Землю, или самъ пойти, и захочетъ идти къ Пугивлю, или на Сѣверскую Землю, то Семену говорить, чтобъ царь послалъ воевать или самъ пошелъ бы не туда, но на Подолье, или на кievскія мѣста“⁴⁾. Такіе же наказы давались и слѣдующимъ посламъ⁵⁾. Менгли-Гирей заключилъ Казимирова посла; по этому случаю Іоаннъ далъ своему послу, Шенну, такой наказъ: „Если царь скажетъ: королевскій посоль сядитъ у меня въ неволѣ, и князь великой что мнѣ о немъ приказалъ?—то Шенну отвѣчать: король какъ тебѣ недругъ, такъ и моему господарю недругъ; но чѣмъ недругу досадитье, тѣмъ лучше“.

Казимиръ возбуждалъ противъ Москвы Ахмата, Іоаннъ возбуждалъ противъ Польши Менгли-Гирея, но открытой войны не было: Казимиръ не имѣлъ для этого средствъ и времени, Іоаннъ не любилъ предпріятій, войнъ, не обѣщавшихъ вѣрнаго успѣха. Понятно однако, что при враждѣ, хотя и не превратившейся въ явную войну между двумя соседними государствами, дѣло не могло обойтись безъ непріязненныхъ столкновеній. Этихъ столкновеній было много между Московію и Литвою, и они подавали поводъ къ частымъ пересылкамъ между Іоанномъ и Казимиромъ. Мы видѣли, какъ Московскій государь опредѣлилъ характеръ этихъ сношеній, приказывая объявить Менгли-Гирею, что литовскіе послы ѣздятъ въ Москву по поводу дѣлъ мелкихъ, порубежныхъ; въ другой разъ онъ велѣлъ сказать тому же хану: „Послы ѣздятъ за тѣмъ, что господаря нашего люди берутъ королевскую Землю со всѣхъ сторонъ“⁶⁾. Поводъ къ непріязненнымъ столкновеніямъ подавали, во-первыхъ, мелкіе пограничные князья, большею частію потомки черниговскихъ, изъ которыхъ одни находились въ зависимости отъ Москвы, другіе отъ Литвы; продолжая старая родовая усобица, они безпрестанно ссорились между собою, переходили изъ литовскаго подданства въ московское. Такъ посоль Казимировъ жаловался, что князья Одоевскіе, находившіеся въ подданствѣ московскомъ, нападаютъ на

¹⁾ Bielskiego Kronica Polska, IV, стр. 452, 468, 474. по изд. 1597 г.

²⁾ Крымскія дѣла, № 1, стр. 82.

³⁾ П. С. Р. Л. VI, 234

⁴⁾ Крымскія дѣла, № 1, стр. 118 и слѣд.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 157, 204.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 157.

князей Мезецкихъ (Мещовскихъ), Глинскихъ, Крошенскихъ, Мосальскихъ; что князь Иванъ Михайловичъ Воротынский служитъ королю, который его изъ присяги и записи не выпустилъ, а между тѣмъ его люди нападаютъ на литовскія владѣнія. Послу отвѣчали, что князья Мезецкіе первые начали, Одоевскіе только метили имъ за нападеніе, что вражда началась съ тѣхъ поръ какъ литовскіе пограничные князья убили князя Семена Одоевского. Что же касается до князя Ивана Михайловича Воротынского, то онъ былъ челомъ въ службу къ великому князю, который посылалъ къ королю отъ него съ отказомъ, и самъ князь Иванъ посылалъ къ королю своего человѣка и присягу съ себя сложилъ: „и потому не вѣдаемъ (велѣлъ сказать Іоаннъ Казимиръ), какимъ обычаемъ король къ намъ такъ приказываетъ, что нашего слугу своимъ зоветъ; а вѣдомо королю, что и прежде нашему отцу и нашимъ предкамъ тѣ князья служили съ своими отчинами“.

Подобно Ивану Воротынскому поступили князья—Иванъ Васильевичъ Бѣлевскій и Димитрій Федоровичъ Воротынский. Іоаннъ извѣстилъ Казимира о переходѣ Воротынскаго такъ: „Что служилъ тебѣ князь Димитрій Федоровичъ Воротынский, и онъ нынче намъ былъ челомъ служить, и тебѣ бы то вѣдомо было“. Послу, Григорью Путятину, отправлявшемуся съ этимъ извѣстіемъ, великій князь наказалъ: „Какъ будешь близко того мѣста, гдѣ король, то напередъ отпусти человѣка князя Воротынскаго, который поѣхалъ для того, чтобъ за своего господина сложить присягу королю“. Казимиръ отвѣчалъ, что не выпускаетъ изъ подданства ни князя Димитрія Воротынскаго, ни князя Ивана, ни князя Ивана Бѣлевскаго, которые перешли къ Москвѣ съ отчинами и пожалованіями; что князь Димитрій Воротынский перешелъ съ доль и пцею (удѣломъ) брата своего, князя Семена, всю казну послѣдняго себѣ взялъ, бояръ всѣхъ и слугъ захватилъ и насильно привелъ къ присягѣ служить себѣ. Іоаннъ отвѣчалъ на это: „Вѣдомо королю самому, что нашимъ предкамъ великимъ князьямъ да и литовскимъ великимъ князьямъ князья Одоевскіе и Воротынскіе на обѣ стороны служили съ отчинами, а теперь эти наши слуги старые къ намъ пріѣхали служить съ своими отчинами,—такъ они наши слуги“. Потомъ король прислалъ новую жалобу: былъ ему челомъ князь Федоръ Ивановичъ Одоевскій, что, во время отсутствія его изъ Одоева, другіе Одоевскіе князья, Семеновичи, служащіе Москвѣ, схватили его мать и засѣли отчину его, половину города Одоева. Жаловался также князь Андрей Васильевичъ Бѣлевскій, что, въ его отсутствіе, братъ его Иванъ Васильевичъ, перешедшій отъ Литвы къ Москвѣ, напалъ на третьяго брата, князя Василія, схватилъ и заставилъ его насильно пѣловать крестъ, что не будетъ служить королю, князя же Андрея вотчину за себя взялъ. Іоаннъ отвѣчалъ: „Князь Иванъ съ братьею, Одоевскіе, сказываютъ, что они брату свое-

му Федору не дѣлали ничего такого, на что онъ жалуется; идетъ у нихъ съ нимъ споръ о вотчинѣ, о большомъ княженіи по роду, но старѣйшинство; говорить, что пригоже быть на большомъ княженіи нашему слугѣ, князю Ивану Семеновичу; они и посылали, сказываютъ, къ брату своему, князю Федору, чтобъ съ ними не рядится. Такъ король былъ велѣлъ князю Федору урядиться (молву учинить), кому пригоже быть на большомъ княженіи и кому на удѣлѣ: согласится—хорошо, а не согласится, то великій князь пошлетъ разобрать ихъ своего боярина, а король пусть пошлетъ своего пана“. Не извѣстно, чѣмъ дѣло кончилось¹⁾. Менѣе хлопоталъ Казимиръ о князѣ Бѣлевскомъ, который безъ отчины перебѣжалъ изъ Литвы въ Москву: въ 1482 году, говоритъ лѣтописецъ, былъ мятежъ въ Литовской Землѣ, захотѣли отчичи—Олшанскій, Омельковичъ и князь Федоръ Бѣлевскій—передаться великому князю Московскому, отсѣсть отъ Литвы по рѣку Березыню; намѣреніе ихъ было открыто; король казнилъ Олшанскаго и Омельковича; Бѣлевскій успѣлъ бѣжать въ Москву, покинувши молодую жену на другой день послѣ свадьбы; великій князь много разъ посылалъ къ королю съ требованіемъ выдачи жены Бѣлевскаго, но тотъ не согласился²⁾.

Кромѣ смуты между пограничными князьями, предметомъ сношеній между Москвою и Литвою при Іоаннѣ III были жалобы съ обѣихъ сторонъ на пограничные разбои, опустошенія, забраніе волостей. Въ 1473 году, неизвѣстно по какому поводу, великій князь послалъ рать свою къ Любутску; рать возвратилась, повоевавши волости и ничего не сдѣлавши городу; жители Любутской области немедленно отомстили: напали печаянно на князя Семена Одоевского и убили его на бою³⁾, о чемъ Іоаннъ упоминалъ, какъ о причинѣ вражды между Одоевскими и пограничными литовскими князьями. Казимиръ жаловался, что русскіе люди заняли нѣкоторыя литовскія волости, Тѣшиново и другія⁴⁾; что братъ великаго князя, Андрей Васильевичъ Можайскій, взялъ у Вяземскаго князя волость Орѣховскую. Въ Москвѣ отвѣчали, что князь Андрей никакихъ вяземскихъ волостей не бралъ; что Тѣшиново и другія, упоминаемая королевемъ, волости издавна тянутся къ Можайску; что напротивъ—князь Андрей жалуется на королевскихъ людей, которые наносятъ много вреда его владѣніямъ. Казимиръ жаловался, что изъ Тверской области, гдѣ княжилъ Іоаннъ Молодой, приходилъ князь Оболенскій и разграбилъ вяземскій городъ Хлѣпневъ⁵⁾ и дру-

¹⁾ Москов. Арх. Мив. Ин. Д. Дѣла Польскія, № 1, стр. 5—173.

²⁾ П. С. Р. Л. VI, 233.

³⁾ Тамъ же, стр. 198; Никон. VI, 55.

⁴⁾ Тешиново, или Тешиневичи, Сукромно, Олховець, Надсаваль, Отъѣздець; брали Смоленскую волость Недоховоу.

⁵⁾ Такъ же, волость Труфоновъ, волость князя Бывальскаго—Негоумръ и Сочовки.

гій волости; ему отвѣчали жалобой, что изъ Любутека прѣехали литовскіе люди на Серпуховскую дорожку къ Лопастнѣ; разбойники жили на Дугнѣ и были люди князя Трубецкаго; одинъ изъ нихъ былъ пойманъ и представленъ послу, который его и допрашивалъ. Король жаловался на опустошеніе русскими Торопецкихъ, Дмитровскихъ и другихъ волостей; ему отвѣчали жалобами на опустошеніе литовскими людьми Калужскихъ, Медынскихъ и Новгородскихъ волостей¹⁾. Король жаловался, что князь Дмитрій Воротынскій, отвѣзжая въ Москву, захватилъ городъ Серпескъ и три другія литовскія волости²⁾; требовалъ, чтобъ Іоаннъ не вступался въ Козельскъ, на который есть особая грамота. Іоаннъ велѣлъ отвѣчать, что Козельскъ во всѣхъ грамотахъ записанъ за Москвою, велѣлъ показать послу и ту особую грамоту, о которой говорилъ король: „Свои убытки (шкоды) поминаше (велѣтъ сказать Іоаннъ королю), а о нашихъ забылъ, сколько нашихъ именитыхъ людей твои люди побили. Бѣдили наши люди на поле оберегать христіанство отъ бусурманства, а твои люди на нихъ напали изъ Мценска, Брянска и другихъ мѣстъ; изъ Мценска же набѣзжикі перебили сторожей нашихъ на Донцѣ, ограбили сторожей алексинскихъ, сторожей на Шати, изъ Любутека напали на Алексинъ“.

Мы видѣли³⁾, что на южныхъ границахъ своей области Новгородцы имѣли смежныя владѣнія съ великими князьями литовскими, какъ наприм. Великія Луки, Ржеву и нѣкоторыя другія; дань съ нихъ шла въ казну великаго князя Литовскаго; въ нѣкоторыхъ Ржевскихъ волостяхъ послѣдній имѣлъ также право суда; съ нѣкоторыхъ Ржевскихъ волостей дань шла и въ Новгородъ, и въ Литву, и въ Москву. Когда Новгородъ окончательно подчинился Іоанну со всѣми своими владѣніями, то московскіе наместники не стали обращать вниманія на прежнія отношенія Ржева и другихъ волостей къ Литвѣ и выгнали чиновниковъ Казимировыхъ. Король, лишившись доходовъ, началъ посылать съ жалобами въ Москву; Іоаннъ отвѣчалъ: „Луки Великія и Ржева вотчина наша, Новгородская Земля, и мы того не вѣдаемъ, какимъ обычаемъ король наши волости, вотчину нашу зоветъ своими волостями; король въ наши волости, въ Луки Великія и Ржеву, и въ инныя мѣста повгородскія, въ нашу отчину, не вступался бы“. Кромѣ того, со стороны великаго князя были постоянныя жалобы на притѣсненія и грабежи, претерпѣваемые московскими купцами въ литов-

скихъ областяхъ. Казимиръ также жаловался, что недалеко отъ Москвы побиты купцы смоленскіе и товары ихъ пограблены; на это дѣякъ великокняжескій отвѣчалъ литовскому послу, что разбойники сысканы и казнены, пограбленные товары ими истеряны, но великій князь не хочетъ, чтобъ эти вещи пропали: пусть жены, дѣти или кто-нибудь изъ роду убитыхъ прѣдетъ въ Москву и получитъ вознагражденіе. „Недавно, продолжалъ дѣякъ, взяли русскіе люди у Татаръ плѣнниковъ—христіанскія головы; оказалось, что эти плѣнники изъ Литовской Земли, и великій князь ихъ отпускаетъ въ Литву; вотъ они предъ тобою, возьми ихъ, какъ и прежде дѣлывалось“.

Казимиру вздумалось вовлечь Іоанна въ войну съ Турками и тѣмъ повнать необходимый для Москвы союзъ съ Менгли-Гиреемъ; въ 1486 году онъ прислалъ объявить Московскому великому князю, что султанъ громить Землю Стефана, воеводы Молдавскаго, взялъ у него Кицію и Бѣлгородъ; приводя обязательство договора, заключеннаго между ними, Казимиремъ, и отцомъ Іоанновымъ, обязательство стоятъ заодно противъ всякаго недруга, король требовалъ, чтобъ великій князь вооружился съ нимъ заодно противъ непріятели всего христіанства. Іоаннъ отвѣчалъ: „Еслибъ намъ было не такъ далеко и было бы можно, то мы бы сердечно хотѣли то дѣло дѣлать и стоятъ за христіанство. Стефанъ воевода и къ намъ присылалъ съ просьбой, чтобъ мы уговаривали тебя помогать ему; которымъ христіанскимъ государямъ близко и можно то дѣло дѣлать, то всякому господарю христіанскому должно того дѣла оберегать и за христіанство стоятъ“⁴⁾.

Псковъ, сохраняя особый бытъ, долженъ былъ отдѣльно сносятся съ Литовскимъ великимъ княземъ. Казимиръ ласкалъ Псковичей, отпускалъ пословъ ихъ съ честію и съ великими дарами⁵⁾; но въ 1470 году псковскіе послы на съѣздѣ съ литовскими панами толковали четыре дня—и разбѣжались, ни на чемъ не согласившись. Весною слѣдующаго года Казимиръ объявилъ псковскимъ посламъ, что такъ какъ паны не могли съ ними узладиться, то онъ самъ прѣдетъ на границы и своими глазами осмотритъ спорныя мѣста. Когда послы сказали объ этомъ на вѣчѣ, то Псковичамъ стало не любо, потому что ни одинъ великій князь, ни король, сколько ихъ ни бывало въ Литвѣ, самъ не прѣѣзжалъ на границы улаживаться, а всѣ обыкновенно присылали пановъ. Псковичи безпокоились, какъ видно, напрасно, потому что до 1480 года не встрѣчаемъ болѣе извѣстій о сношеніяхъ ихъ съ Казимиромъ; въ этомъ году король прислалъ къ нимъ съ жалобой на обиды, которыя терпятъ въ Псковѣ купцы виленскіе и полоцкіе, также на обиды, претерпѣваемые отъ Псковичей пограничными литовскими жителями. Псковичи отвѣчали жалобой на лудскаго воеводу, пограбившаго ихъ

¹⁾ Король жаловался, что князь Андрей Васильевичъ Можайскій посылалъ на отчину Глинскихъ князей—Турбо. Жаловались князья Воротынскіе и Мосальскій, что Русскіе люди брани Людмеевъ, Бышкевичи, Лычино, Неодоховъ. Отвѣчали, что изъ Любутека набѣжали на Калужскія мѣста; сынъ боярскій Челушевъ погнался за разбойниками, встрѣтился съ Любутецкимъ воеводою и взял его въ плѣн.

²⁾ Бышковичи, Лычино, Неодоховъ.

³⁾ Исторія Россіи т. IV, 1144.

⁴⁾ Дѣла Польскія, № 1; Акты, относящ. къ исторіи Западной Россіи, т. I, № 71, 88.

⁵⁾ П. С. Р. Л. IV, 234, 235, 239.

купцовъ, на воеводъ и мѣщанъ другихъ городовъ, которые ихъ купцамъ съ Нѣмцами торговать не даютъ; послы должны были сказать также королю: „И о томъ тебѣ, своему господину, честному великому королю, челомъ бьемъ и жалуемся, что Нѣмцы, князь Местерь, пришедши, на миру и на крестномъ цѣлованьи, на Землю Св. Троицы, на отчину великихъ князей, два пригорода взяли, волости пожгли, христіанство пересѣкли и въ полонъ свели. А теперь слышали мы, что князь Местерь тебѣ бьетъ челомъ на насъ, просить у тебя силы въ помочь на Псковъ, самъ будучи виноватъ передъ Псковомъ; и ты бы силы князю Местеру въ помочь не давалъ на Псковъ. Да и о томъ челомъ бьемъ: что князь Местерь нашихъ Псковичей полонилъ, и они чрезъ твою Литовскую Землю бѣгаютъ ко Пскову изъ Нѣмецкой Земли, а Литва ихъ ко Пскову не пускаетъ, — и ты бы пожаловалъ, не велѣлъ своимъ ихъ задерживать“. При этомъ послы поднесли королю въ даръ отъ Пскова пять рублей, да отъ себя полтора рубля, королевичамъ — по полтинѣ, королевѣ отъ Пскова — рубль, старшій посолъ отъ себя — полтину, младшій — золотой венгерскій. Король обѣщаль во всемъ дать управу ¹⁾. Въ 1492 году Казимиръ прислалъ во Псковъ съ требованіемъ выдачи бѣглыхъ Литовцевъ и боярскихъ людей, ушедшихъ изъ Полоцкой области ²⁾.

Въ томъ же году умеръ Казимиръ; Польша и Литва раздѣлились между его сыновьями: Яну-Альбрехту досталась Польша, Александру — Литва. Посылая въ Крымъ Константина Заболоцкаго, Иоаннъ велѣлъ ему сказать Менгли-Гирею, что король умеръ, остались у него дѣти, такіе же Москвѣ и Крыму недруги, какъ и отецъ; чтобъ ханъ съ ними не мирился, чтобъ шель на Литву; великій князь также хочетъ самъ съѣсть на коня. При Казимирѣ Иоаннъ не хотѣлъ начинать явной войны, позволяя посламъ своимъ соглашаться провозгласить хана въ походъ на Литву только въ крайности; теперь же даетъ такой наказъ Заболоцкому: пойдеть ханъ на Литву, и велить ему идти съ собою, то ему идти, не отговариваться; говорить царю накруѣнку, чтобъ непремѣнно пошелъ на Литовскую Землю; если царь пойдеть, чтобъ шель на Кіевъ. Заболоцкій отвѣчалъ, что по его настоянію ханъ велѣлъ схватить литовскаго посла, князя Ивана Глинскаго, и хочетъ идти самъ на Литву. Крымцы воевали между Кіевомъ и Черниговомъ, но это были ничтожные отряды; Иоаннъ былъ недоволенъ и писалъ Заболоцкому: „Пишетъ мнѣ царь, что безпрестанно его люди Литовскую Землю воюютъ; а мы здѣсь слышали, что мало ихъ приходило на Литовскую Землю и не брали ничего; чиньче оиъ сына послалъ, и съ нимъ пять согъ человекъ; по пятистами человекъ какая война Литовской Землѣ?“ При этомъ посланъ былъ наказъ послу: „Если ханъ спросить: а зачѣмъ князь великій самъ не

сѣлъ на коня? — то отвѣчать: не знаю; будутъ другіе послы, тѣ скажутъ зачѣмъ“. Поѣхалъ другой посолъ; ему данъ былъ наказъ: „Если спроситъ ханъ, зачѣмъ князь великій не сѣлъ на коня? — отвѣчать; за нарядомъ тяжелымъ“ ³⁾.

Иоаннъ самъ не хотѣлъ садиться на коня, но воевода его, князь Федоръ Оболенскій, напалъ на Мценскъ и Любутскъ, сжегъ ихъ, вывелъ въ плѣнъ намѣстниковъ, бояръ и многихъ другихъ людей; другой московскій отрядъ захватилъ два города — Хлѣпень и Рогачевъ ⁴⁾. Литвѣ было трудно отбиваться отъ Иоанна и отъ Менгли-Гирея вмѣстѣ; начали думать о мирѣ съ Москвою, и, чтобъ склонить Иоанна къ уступкамъ, рѣшили предложить ему брачный союзъ одной изъ дочерей его съ великимъ княземъ Александромъ. Панъ Янъ Заберезскій, намѣстникъ Полоцкій, прислалъ въ Новгородъ, къ тамошнему воеводѣ Якову Захарьичу писаря своего Лаврина, подъ предлогомъ покупки разныхъ вещей въ Новгородѣ, а въ самомъ дѣлѣ съ предложеніемъ о сватовствѣ. Яковъ Захарьичъ, услышавъ это предложеніе, самъ поѣхалъ въ Москву объявить о немъ великому князю. Иоаннъ сначала приговорилъ было съ боярами, что Якову не слѣдуетъ посылать къ Заберезскому своего человека съ отвѣтомъ на его предложеніе; но потомъ, когда Яковъ уѣхалъ уже въ Новгородъ, великій князь передумалъ и послалъ ему приказъ отправить своего человека къ Заберезскому, не прекращая впрочемъ военныхъ дѣйствій, „потому что и между государями пересылка бываетъ, хотя бы и полки сходились;“ — велѣлъ писать вѣжливо, потому что Заберезскій писалъ вѣжливо; посланный долженъ былъ извѣдать всѣ тамошнія дѣла: какъ Александръ живетъ съ панами, какъ у нихъ дѣла въ Землѣ, какіе слухи про Александровыхъ братьевъ. Въ Москвѣ поняли, зачѣмъ въ Литвѣ хотягъ прежде начать дѣло о сватовствѣ, и потому посланецъ Якова Захарьича долженъ былъ сказать Заберезскому, что до мира нельзя толковать о бракѣ.

Но литовскіе паны продолжали настаивать на сватовствѣ; тотъ же Заберезскій писалъ въ Москву, къ тамошнему первому боярину, князю Ивану Юрьевичу Патрикѣеву: „Дознайся у своего государя, великаго князя, захочеть ли оиъ отдать дочку свою за нашего государя, великаго князя Александра; а мы здѣсь съ ядыми и братьями нашими (т. е. съ старшими и равными панами) хотимъ въ томъ дѣлѣ постоять“. Наконецъ, въ ноябрѣ 1492 года, явился въ Москву посолъ отъ Александра, панъ Станиславъ Глѣбовичъ, который началъ дѣло жалобами на прежнія обиды Литвѣ отъ Москвы при Казимирѣ и новья при Александрѣ, на сожженіе Мценска и Любуска, взятіе Хлѣпеня и Рогачева, сожженіе Мосальска, взятіе Негомири и Бывалицы — волостей князя Бывалецкаго-Вяземскаго, Тѣшинова, волости князей Кро-

¹⁾ Акты, относящ. къ исторіи Зап. Росс. I, № 74.

²⁾ Тамъ же № 97.

³⁾ Крымскія дѣла, № 1, стр. 391, 402.

⁴⁾ Акты, относящ. къ истор. Запад. Росс. I, № 105.

шинскихъ. Отправивши посольство, Станиславъ обѣдалъ у великаго князя, который, по обычаю, отпустилъ послѣ обѣда на польское подворье князя Ноздроватаго съ медомъ поить Глѣбовича. Во время угощенія, уже въ нетрезвомъ видѣ, Станиславъ началъ говорить Ноздроватому о сватовствѣ и заключеніи мира, объявилъ, что долженъ говорить объ этомъ съ княземъ Патрикѣевымъ, и дѣйствительно на ширѣ у послѣдняго началъ рѣчь о сватовствѣ; но Патрикѣевъ на этотъ разъ ничего не отвѣчалъ, потому что время и положеніе Глѣбовича было неприличное. На другой день уже, по приказу великаго князя, онъ спросилъ у посла о дѣлѣ, и тотъ отвѣчалъ, что говорилъ отъ себя, а не по приказу своего великаго князя, и просилъ, чтобъ Патрикѣевъ вывѣдалъ у Іоанна, хочетъ ли онъ выдать дочь свою за Александра. Князь Иванъ Юрьевичъ отвѣчалъ вопросомъ: „По-вашему, какому дѣлу надобно быть прежде: миру или сватовству?“ Посолъ отвѣчалъ, что когда великіе литовскіе люди пріѣдутъ, то они объ этомъ поговорятъ съ великими московскими людьми. Этимъ пока кончились рѣчи о сватовствѣ; на жалобы же посла великій князь отвѣчалъ чрезъ казначея своего Димитрія Владимировича: что Литва обижаетъ Москву, а не наоборотъ; что жители Мценска и Любутска безпрестанно нападали на Московскія области и на сторожей; что наши, не могли болѣе терпѣть этого, ходили на Мценскъ и Любутскъ за своими женами, дѣтьми и имѣніемъ; что Хлѣпень въ старыхъ договорахъ принсанъ къ Московскому княжеству, а Рогачевъ изстари принадлежатъ къ Твери; что о сожженіи Масальска въ Москвѣ еще не получено извѣстія. Князь Патрикѣевъ сказалъ отъ себя послу, что когда будетъ миръ, для заключенія котораго литовскіе послы должны пріѣхать въ Москву, тогда и дѣло о сватовствѣ начнетъ дѣлаться, чего московскіе бояре желаютъ. А потомъ князь Иванъ Юрьевичъ говорилъ, между прочимъ, въ разговорѣ, чтобъ при дѣлѣ лишникъ рѣчей не было: какъ прежде пріѣзжалъ отъ короля Казимира посолъ для заключенія мира, то много было лишникъ рѣчей, отъ чего дѣло и не состояло. Къ Заберезскому Патрикѣевъ отправилъ своего челоуѣка съ грамотою, гдѣ писалъ то же самое, т. е. что прежде надобно миръ заключить, и чтобъ паны этимъ дѣломъ не медлили; что же касается условія, чтобы оба государства держали тѣ земли, которыя издавна имъ принадлежали, то великій князь Іоаннъ земель Литовскаго государства не держитъ, держитъ свои земли¹⁾.

Такимъ образомъ, въ Москвѣ прямо объявили, что не хотятъ слышать о сватовствѣ до заключенія мира, который потому Литва должна заключить на всей волѣ Московскаго князя, т. е. уступить ему всѣ его недавніе примыслы, ибо онъ прямо объявилъ, что все, чѣмъ онъ владѣетъ,—его собствен-

ность. И эта собственность увеличивалась безпрестанно насчетъ Литвы: въ началѣ 1493 года пріѣхали служить къ великому князю Московскому князь Семенъ Федоровичъ Воротынской съ племянникомъ, княземъ Иваномъ Михайловичемъ,—оба съ отчинами; мало того: дорогою князь Семенъ оладѣлъ двумя литовскими городами—Серпѣйскомъ и Мещовскомъ. За Воротынскими погнались воевода Смоленскій, пачъ Юрій Глѣбовичъ, да сынъ извѣстнаго московскаго бѣглеца, князь Семенъ Ивановичъ Можайскій, и взяли назадъ Серпѣйскъ и Мещовскъ. Но Іоаннъ не хотѣлъ отдавать разъ взятъ; онъ послалъ противъ нихъ племянника своего, князя Федора Васильевича Рязанскаго, да еще нѣсколько воеводъ съ большимъ войскомъ, которому Глѣбовичъ и Можайскій не осмѣлились противиться, укрѣпили города заставами (гарнизонами), а сами побѣжали къ Смоленску. Сила московская пришла подъ Мещовскъ и взяла городъ безъ сопротивленія, заставу литовскую отослали въ Москву, земскихъ и черныхъ людей привели къ присягѣ Іоанну; Серпѣйскъ сопротивлялся, былъ взятъ съ бою, разграбленъ и сожженъ; сожженъ былъ также Онаковъ; повсюду земскіе и черные люди приведены къ присягѣ за Москву; ратные люди, сидѣвшіе въ осадѣ по городамъ, и большіе городскіе люди числомъ 530 разосланы въ заточеніе по московскимъ городамъ. Въ то же время двое другихъ воеводъ, князь Данило Щеня и князь Василій Ивановичъ Патрикѣевъ, сынъ Ивана Юрьевича, взяли Вязьму, князей Вяземскихъ и пановъ привели въ Москву; великій князь пожаловалъ ихъ прежнею отчиною Вязьмою и приказалъ имъ себѣ служить. Тогда же пріѣхалъ служить въ Москву князь Михайла Романовичъ Мезецкій, и привелъ плѣнными двухъ родныхъ братьевъ, которыхъ сослалъ въ Ярославль. Изъ Литвы въ Москву пріѣзжали князья съ отчинами; изъ Москвы въ Литву перебѣжалъ одинъ какой-то Юшка Елизаровъ, и скоро потомъ гнѣздо литовскихъ доброжелателей было окончательно истреблено въ Москвѣ: въ январѣ 1493 года на Москвѣ-рѣкѣ въ клѣткѣ были сожжены: князь Иванъ Лукомскій да Матвѣй Полякъ, толмачъ латинскій; послалъ князь Лукожего въ Москву еще король Казимиръ, взявши съ него клятву, что или убьетъ великаго князя Іоанна, или ядомъ окормитъ, и ядъ свой къ нему прислалъ, который былъ выпить и послужилъ уликою. Лукомскій оговорилъ и князя Федора Вѣльскаго, что хотѣлъ бѣжать въ Литву; Вѣльскаго схватили и сослали въ заточеніе въ Галичъ; схвачены были и двое братьевъ Селевниныхъ, родомъ изъ Смоленска, которые послали челоуѣка своего съ грамотами и вѣстями къ Литовскому великому князю Александру; одного брата застѣкли кнутомъ до смерти, другому—отрубили голову²⁾. Такъ говоритъ лѣтописецъ; по всѣмъ вѣроятностямъ, упомянутые люди, живя въ Москвѣ, служили князю Литовскому, но, какъ

¹⁾ Дѣла Польск., № 1, стр. 173 и слѣд.

²⁾ П. С. Р. Л. IV, 161, 162.

видно, не было ясныхъ доказательствъ относительно участія Казимира въ намѣреніи погубить Іоанна, потому что послѣдній въ сношеніяхъ съ Литвою ни разу не упоминаетъ объ этомъ; послѣ, уже въ княженіе Василія Іоанновича, московскіе бояре, вычисляя предъ литовскими послами все непріятелиныя поступки Казимира и Александра, ни слова не упомянули о дѣлѣ Лукомскаго.

Между тѣмъ пересылки не прекращались; посланецъ Патрикѣева, ѣздившій отъ него съ письмомъ къ Заберезскому, привезъ отъ послѣдняго новое письмо; Заберезскій увѣдомлялъ, что онъ говорилъ съ княземъ, епископомъ и панамъ-радою, которые все желаютъ мира и родственнаго союза между государями, хотеть этого и самъ великій князь Александръ, и отправляетъ пословъ въ Москву; но до ихъ отъѣзда хотѣлось бы получить ручательство въ успѣхѣ посольства, — поидетъ ли дѣло впередъ къ доброму концу. „Какъ вы своего государя чести стережете (писалъ Заберезскій), такъ и мы; если великіе послы вернуться безъ добраго конца, то къ чему доброму то дѣло пойдетъ впередъ?“

Съ отвѣтомъ отправился въ Литву къ Александру дворянинъ Загряжскій, который прежде всего удивилъ новою формою; до сихъ поръ въ вѣрющихъ грамотахъ Казимиру Іоаннъ писалъ такъ: „Отъ великаго князя Ивана Васильевича Казимиру королю Польскому и великому князю Литовскому послали есмо“ и проч. Теперь же грамота начиналась: „Іоаннъ, Божіею милостию, государь всея Руси и великій князь Владимірскій, и Московскій, и Новгородскій, и Псковской, и Тверской, и Югорскій, и Волгарскій, и иныхъ; великому князю Александру Литовскому“. Первая рѣчь посольская была: „Служилъ тебѣ князь Семень Оedorовичъ Воротынский, и онъ нынче намъ билъ челомъ служить. Служили тебѣ князь Андрей да князь Василій Васильевичи Бѣлевскіе, да князь Михайла Романовичъ Мезецкій, да князь Андрей Юрьевичъ Вяземскій, и они нынче намъ били челомъ служить и съ вотчинами, и тебѣ бы то было вѣдомо“. Потомъ посоль требовалъ, чтобъ всемъ этимъ князьямъ не было никакихъ обидъ отъ литовскихъ подданныхъ¹⁾. Относительно титула Загряжскому былъ данъ такой наказъ: „Если спросятъ его: для чего князь великій назвался государемъ всея Руси; прежде ни отецъ его, ни онъ самъ къ отцу государя нашего такъ не приказывали? то послу отвѣчать: государь мой со мною такъ приказалъ, а кто хочеть знать зачѣмъ, тотъ пусть ѣдетъ въ Москву, тамъ ему про то скажутъ“. Князь Патрикѣевъ послалъ Заберезскому письмо въ отвѣтъ на опасенія его относительно невѣрнаго успѣха великихъ литовскихъ пословъ: „Самъ поразумѣй, — писалъ Патрикѣевъ: — когда между государями великіе люди ѣздятъ, тогда Божіею волею между ними и доброе дѣло дѣлается“. Между тѣмъ Заберезскій опять прислалъ въ Новгородъ къ Якову За-

харычу просить позволенія купить двухъ кречетовъ; Яковъ послалъ сказать объ этомъ великому князю, и тотъ отвѣчалъ, что дѣло не въ кречетахъ, а вѣрно прислано затѣмъ, чтобы высмотрѣть, или задираючи для прежняго дѣла; что надобно Якову послать къ Заберезскому своего челоуѣка съ кречетами и съ грамотою о прежнемъ дѣлѣ: „возмутся за то дѣло, то дай Богъ; а не возмутся, то намъ низости въ этомъ нѣтъ никакой“. Іоаннъ приказывалъ, чтобъ Яковъ послалъ въ Полоцкъ съ кречетами и грамотою челоуѣка умнаго, который бы могъ смотрѣть тамошнее дѣло и разспрашивалъ вѣжливо; а съ челоуѣкомъ Заберезскаго послать до рубежа пристава. который бы смотрѣлъ, чтобъ съ нимъ никто не говорилъ, и впередъ такъ поступать, если кто снова пріѣдетъ изъ Литвы.

Заберезскій отвѣчалъ, что поруха доброму дѣлу отъ Москвы, которая забираетъ города и причиняетъ вредъ Литвѣ: если этотъ вредъ загладится, то и дѣло пойдетъ впередъ. Посоль отъ Александра пріѣхалъ съ объявленіемъ, что Литовскій великій князь не освобождаетъ отъ присяги отъѣхавшихъ князей, съ требованіемъ, чтобъ Іоаннъ не принималъ ихъ, и съ жалобами на взятіе и сожженіе городовъ. Посоль долженъ былъ повторить эти жалобы и предъ княземъ Патрикѣевымъ отъ имени епископа Виленскаго и всѣхъ пановъ радныхъ, съ прибавкою о титулѣ: „Господарь вашъ къ его милости нашему господарю имя себѣ высоко написалъ не по старинѣ, не такъ, какъ издавна обычай бывалъ. Самъ того, князь, посмотри, хорошо ли это дѣлается, — старину оставлете и въ новыя дѣла вступае“²⁾. Великій князь велѣлъ отвѣчать, что князья Воротынскіе и Бѣлевскіе старые слуги Московскихъ князей, и только въ невзгоду отца его, великаго князя Василія, были у Казимира короля; что взятіе и сожженіе городовъ было слѣдствіемъ нападенія князя Можайскаго на отъѣхавшихъ князей. Князь Патрикѣевъ отвѣчалъ насчетъ титула, что государь его высокаго ничего не писалъ и новизны никакой не вставлялъ; писалъ оъ то, что ему Богъ даровалъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, отъ начала, ибо онъ правый, уроденный государь всея Руси, и которыя земли ему Богъ даровалъ, тѣ онъ и писалъ.

Видя, что подобными пересылками нельзя ничего достигнуть, Александръ прислалъ просить опасной грамоты для большихъ пословъ, которые и явились въ Москву въ январѣ 1494 года. То были: Петръ Вѣллы Яновичъ, воевода Троицкій, и Станиславъ Гапшольдъ Яновичъ, староста Жамонтскій. Послы объявили, что государь ихъ хотеть мира съ Московскимъ государемъ на тѣхъ самыхъ условіяхъ, на какихъ онъ былъ заключенъ между отцомъ Александровымъ, Казимиромъ, и отцомъ Іоанновымъ, Васиіемъ, и для укрѣпленія вѣчной пріязни хотеть, чтобъ Іоаннъ выдалъ за него дочь свою, да-

¹⁾ Дѣла Польск., № 1, стр. 202 и слѣд.; Акты, относящ. къ истор. Запад. Росс. 1, № 109.

²⁾ Дѣла Польск. тамъ же. Акты, относящ. къ истор. Запад. России, 1, № 110.

бы жить съ нимъ въ такомъ же союзѣ, въ какомъ находился дѣдъ его, Витовтъ, съ дѣдомъ Иоанновичемъ, Василіемъ. Иоаннъ велѣлъ имъ отвѣчать, что теперь нельзя уже заключить такого договора, какой былъ заключенъ между Казимиромъ и Василіемъ, и если Александръ вспоминаетъ предковъ, то онъ, Иоаннъ, хочетъ, чтобы все было такъ, какъ было при великихъ князьяхъ Симеонѣ Иоанновичѣ, Иоаннѣ Иоанновичѣ и Олгердѣ. Когда литовскіе послы спросили, почему Иоаннъ не хочетъ заключить мира на условіяхъ Казимира договора, то бояре отвѣчали, что этотъ договоръ заключенъ былъ вслѣдствіе невзгоды Московскихъ государей, дѣда и отца Иоанновича; тогда послы начали отговариваться отъ договора Симеопова старинною и невзгодою Литовскихъ князей, Олгерда и Кейстута. Начались переговоры о волостяхъ: послы представили списокъ смоленскихъ пригородовъ съ волостями; бояре возражали, что въ этомъ списокѣ писаны волости боровскія, медынскія и Можайскія, и указали именно какія; тогда послы уступили эти волости въ московскую сторону⁴⁾. Въ договорѣ Казимира съ Василіемъ Темнымъ Козельскъ былъ написанъ на обыскъ, т.-е. послѣ заключенія мира должно было обыскать, кому онъ прежде принадлежалъ, — тому и отдать; литовскіе послы точно также хотѣли написать и о Вязьмѣ, или вовсе о ней не упоминать, оставя ее на дѣлѣ за Московію; но бояре не согласились, и послы уступили, уступили весь Серенскъ, котораго одна половинна, но Олгердову договору, принадлежала Литвѣ, а другая — Москвѣ; князья Новосильскіе всѣ, Одоевскіе, Воротыньскіе и Бѣлевскіе отошли къ Москвѣ съ отчинами и податью, которую давали великимъ князьямъ литовскимъ. О Мезецкѣ рѣшили такъ: которые князья Мезецкіе служатъ Литвѣ, тѣ вѣдаютъ свои долиныцы, а которые служатъ Москвѣ, — тѣ вѣдаютъ свои долиныцы; которые князья въ плѣну въ Москвѣ, — тѣхъ выпустить, и пусть служатъ, кому хо-

⁴⁾ «А се Смоленскіе пригороды: городъ Мезцоуекъ, а другой городъ Акдыревъ. А волости тѣхъ городовъ: Сялкоичи, Новое Село, Немерзани, Уруга, Брынь, Сухивичи, Орвери, Барягинъ, Хоць, Олешна, Рука, Лабодичи, Устье, Жабанъ, Бакино. Другіе смоленскіе пригороды: городъ Мосалеокъ, Серенеокъ, Серенеокъ, Вышкевичи, Залидовъ, Ошаконъ, Городечна, Лучинъ, Перемыль. А то волости Смоленскія: Трубна, Городечка, Порыски, Тарбѣвъ, Олоповъ, Жереинъ, Озерекъ, Дагинекъ, Крапшино, Недоховъ, Лычно, Нерожа, Путынъ, Дорожмирягора, Клутова дуброва, Сквородекъ, Гостяжа, Бѣлевста, Вѣжки, Турье, Жулинь, Мошкова гора, Ощитовъ, Дмитровъ. Пустымошница, Луганъ, Лишны, Верхъ, Сереса, Ожиничи, Вѣжична, Дегна, Кольвика, Демена, Моцья, Ужешеретъ, Замоше. Владыки Смоленскаго волости: Погостище, Любушь, Влѣжниччи, Печки; Кришенскихъ князей волости: Тешыновъ, Сукромна, Олховець, Отъздъ, Залоконь, Волста, Кляшчино, Навадилово, Чарна, Годовичи. Городъ Мденекъ съ волостями; городъ Любутескъ съ волостями, городъ Вязьма съ волостями. Бояре указали здѣсь волости Боровскія: Трубна, Путынъ; Медынскія: Городечка, Нерожа, Дорожмирягора, Клутова дуброва, Сквородекъ, Гостяжа, Бѣлевста, Вѣжки, Можайскія: Турье, Тѣшиновъ, Сукромна, Олховець, Отъздъ».

тять²⁾. Въ договорной грамотѣ³⁾ Иоаннъ былъ написанъ государемъ всея Руси, великимъ княземъ Владимірскимъ, Московскимъ, Новгородскимъ, Псковскимъ, Тверскимъ, Югорскимъ, Пермскимъ, Болгарскимъ и иныхъ. Оба государя обязались, по обычаю, быть вездѣ заодно, имѣть однихъ друзей и враговъ; обязались князья служебныхъ съ отчинами не принимать; Александръ обязался не отпускатъ никуда ко вреду Иоанна дѣтей его измѣнниковъ — Шемячича Можайскаго, Ярославича Верейскаго, также Тверскаго князя; если выйдутъ они изъ Литовской Земли, опять ихъ не принимать, но быть на нихъ заодно съ Иоанномъ. Въ договорѣ Казимира съ Василіемъ Темнымъ было условлено, что если великій князь Рязанскій сгрубить королю, то послѣдній долженъ дать объ этомъ знать Василію; тотъ долженъ удержать Рязанскаго князя отъ грубости; но если послѣдній не исправится, то Казимиръ можетъ его показнить, и Московскій великій князь уже не долженъ вступаться; также было условлено, что Рязанскій князь можетъ вступить въ службу къ королю, и Василій не долженъ сердиться и мстить ему за это. Но въ настоящемъ договорѣ между Иоанномъ и Александромъ о Рязанскихъ князьяхъ сказано: «Великій князь Рязанскій Иванъ Васильевичъ съ братомъ, дѣтьми и землею въ твоей сторонѣ великаго князя Ивана; а миѣ, великому князю Александру, ихъ не обижать и въ земли ихъ не вступаться; если же они миѣ сгрубятъ, то я долженъ дать объ этомъ знать тебѣ, великому князю Ивану, и ты миѣ долженъ дать удовлетвореніе.» Такимъ образомъ, и Рязань признана въ полной зависимости отъ Москвы.

Еще прежде начала переговоровъ о волостяхъ, послы были у великой княгини Софіи, и передъ тѣмъ спрашивали; будутъ ли при ней дочери; имъ отвѣчали, что дочерей не будетъ. По окончаніи переговоровъ, Иоаннъ объявилъ, что соглашается выдать дочь за Александра, если только, какъ говорили послы и ручались головою, неволи ей въ вѣрѣ не будетъ. На другой день послы отправились къ великой княгинѣ и увидѣли тутъ невѣсту, старшую княжну Елену, послѣ чего въ тотъ же день было и обручене: кресты съ цѣпями и перстни мѣняли; мѣсто жениха занималъ панъ Станиславъ, а старшаго пана Петра отстраили, потому что онъ былъ женатъ на другой жещѣ. Иоаннъ требовалъ, чтобъ Александръ далъ ему относительно вѣры Елениной утвержденную грамоту въ такой формѣ: «Намъ его дочери не нудитъ къ римскому закону; держитъ она свой греческій законъ». Для полученія этой грамоты и для взятія съ Александра клятвы въ соблюденіи мирнаго договора отправились въ Литву послами князья Рязоловскіе — Василій и Семенъ Ивановичи. Любопытно, что Рязоловскіе должны были править по-

²⁾ Послы отступались отъ Лагичьска и Крапшина, къ Воротыньску къ Вязьмѣ уступили: Велико поле, Волста верхняя, да Слобода, да Мошчировичи, Середее.

³⁾ С. г. г. и д. V, № 29.

клоны Александру отъ всѣхъ сыновей Иоанновыхъ, начиная съ Василія, и потомъ уже отъ внука Димитрія—знакъ, что въ 1494 году послѣдній считался ниже всѣхъ своихъ дядей, и Василій являлся наслѣдникомъ великаго княженія. Ряполовскіе получили такой наказъ: „Говорить накрѣпко, чтобъ Александръ далъ грамоту о вѣрѣ Елениной по списку слово въ слово; если же онъ не захочетъ никакъ дать грамоты, то укрѣпить его на словахъ, пусть крѣпкое слово свое молвить, что не будетъ ей принужденія въ греческомъ законѣ“. Александръ не отказался дать грамоты, но велѣлъ написать ее по другой формѣ, а именно—вставлено было новое обстоятельство: „Александръ не станетъ принуждать жены къ перемѣнѣ закона; но если она сама захочетъ принять римскій законъ, то ея воля“. Ряполовскіе отказались принять эту грамоту, и когда пріѣхалъ въ Москву посолъ отъ Александра, Лютвовъ Хрестовичъ, то Иоаннъ спросилъ у него, зачѣмъ измѣнена форма грамоты. Хрестовичъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ отвѣчать на этотъ вопросъ, не имѣя наказа; тогда Иоаннъ объявилъ, что если Александръ не дастъ грамоты по прежней формѣ, то онъ не выдастъ за него дочери. Александръ уступилъ, прислалъ грамоту, какой требовалъ Иоаннъ, и тотъ назначилъ срокъ пріѣзжать за Еленою—Рождество Христово, „чтобъ нашей дочери быть у великаго князя Александра за недѣлю до нашего великаго заговѣнья мяснаго“.

Въ январѣ 1495 года пріѣхали въ Москву за Еленою литовскіе послы: воевода Виленскій, князь Александръ Юревичъ, извѣстный уже намъ намѣстникъ Полоцкій, Янъ Заберезскій и намѣстникъ Брацлавскій, панъ Юрій. Иоаннъ сказалъ имъ: „Скажите отъ насъ брату и зятю нашему, великому князю Александру: на чемъ онъ намъ моявилъ и листъ свой далъ, на томъ бы и стоялъ, чтобъ нашей дочери никакимъ образомъ къ римскому закону не нудилъ; если бы даже наша дочь и захотѣла сама приступить къ римскому закону, то мы ей на то воли не даемъ, и князь въ великій Александръ на то ей воли не давалъ же, чтобъ между нами про то любовь и прочная дружба не порушилась. Да скажите великому князю Александру: какъ дастъ Богъ, наша дочь будетъ за нимъ, то онъ бы нашу дочь, а свою великую княгиню, жаловалъ, держалъ бы ее такъ, какъ Богъ указалъ мужьямъ женъ держать, а мы, слыша его къ нашей дочери жалованье, радовались бы тому. Да чтобъ сдѣлалъ для насъ, велѣлъ бы нашей дочери поставить церковь нашего греческаго закона на перекондахъ у своего двора, у ея хоромъ, чтобы ей близко было къ церкви ходить, а намъ бы его жалованье къ нашей дочери пріятно было слышать. Да скажите отъ насъ епископу и панамъ, вашей братьѣ, всей радѣ, да и сами поберегите, чтобъ братъ нашъ и зять нашу дочь жаловалъ, и между нами братство и любовь и прочная дружба не порушились бы“.

13 января Иоаннъ, отслушавъ обѣдню въ Успен-

скомъ соборѣ со всѣмъ семействомъ и боярами, позвалъ литовскихъ пословъ къ дверямъ и перedalъ имъ дочь. Елена остановилась въ Дорогомилевѣ и жила два дня: братъ ея, Василій, угощалъ здѣсь пословъ обѣдой, мать почевала съ нею: самъ великій князь пріѣзжалъ два раза; онъ наказалъ дочери, чтобъ она, во всѣхъ городахъ, черезъ которые будетъ проѣзжать, была въ соборныхъ церквахъ и служила молебны; въ Витебскѣ мостъ городской худъ, и если можно будетъ ей проѣхать къ соборной церкви, то она поѣхала бы, а будетъ нельзя, то она бы вѣдила. Наказалъ какъ поступить, когда какія-нибудь паньи встрѣтятъ ее; если кто-нибудь изъ пановъ дастъ обѣдъ Еленѣ, то женѣ его быть на обѣдѣ, а самому ему не быть; князей отѣхавшихъ изъ Москвы, Шемичича и другихъ, не допускать къ себѣ; если бы даже и потомъ въ Вильнѣ они захотѣли ударить ей челомъ, то чтобъ Александръ не велѣлъ имъ и княгинямъ ихъ къ ней ходить. Если встрѣтитъ Елену самъ великій князь Александръ, то ей изъ тапканы (экипажа) выйти и челомъ ударить, и быть ей въ это время въ нарядѣ; если позоветъ ее къ рукѣ, то ей къ рукѣ идти и руку дать; если велитъ ей идти въ свою повозку, но тамъ не будетъ его матери, то ей въ его повозку не ходить, ѣхать ей въ своей тапканѣ. Въ латинскую божицу не ходить, а ходить въ свою церковь; захочетъ посмотреть латинскую божицу или монастырь латинскій, то можетъ посмотреть одинъ разъ или дважды. Если будетъ въ Вильнѣ королева, мать Александра, ей свекровь, и если пойдеть въ свою божицу, а ей велитъ идти съ собою, то Еленѣ провожать королеву до божицы, и потомъ вѣжливо отпроситься въ свою церковь, а въ божицу не ходить.

Александръ, какъ доносили наши послы, встрѣтилъ великую княжну за три версты отъ Вильны: онъ сидѣлъ верхомъ на лошади; отъ его коня до тапканы Елениной постлали красное сукно, а у тапканы постлали по сукну камку съ золотомъ; Елена вышла изъ тапканы на камку, за нею вышли и боярыни. Александръ въ то же время сошелъ съ лошади, подошелъ къ Еленѣ, далъ ей руку, принялъ ее къ себѣ¹⁾, спросилъ о здоровьи и велѣлъ опять пойти въ тапкану; потомъ, давъ также руку боярынямъ, сѣлъ на коня—и всѣ вмѣстѣ вѣхали въ городъ. Въ тотъ же день происходило вѣнчаніе; латинскій епископъ и самъ Александръ крѣпко настаивали, чтобъ русскій священникъ Оома, пріѣхавшій съ Еленою, не говорилъ молитвъ, и княгиня Марья Ряполовская не держала вѣнца; но князь Семенъ Ряполовскій, главный изъ бояръ, проважавшихъ Елену, настоялъ на томъ, что былъ исполненъ приказъ Иоанновъ: священникъ Оома говорилъ молитвы и княгиня Марья держала вѣнецъ²⁾.

Отпуская бояръ, проважавшихъ Елену, князя Семена Ряполовскаго и Михаила Русалку, Але-

¹⁾ Мы придерживаемся буквально подлинника.

²⁾ Польск. Дѣла, № 1, стр. 317—442.

ксандръ сказалъ: „Вы говорили отъ великаго князя Ивана Васильевича, что бы мы дочери его, а пашей великой княгинѣ поставили церковь греческаго закона на переходахъ, подлѣ ея хоромъ; но князья наши и паны, вся Земля имѣють право и записи отъ предковъ нашихъ, отца нашего и насъ самихъ, а въ правахъ написано, что церквей греческаго закона больше не прибавлять; такъ намъ этихъ правъ рушить не годится. А книгинѣ нашей церквей греческаго закона въ городѣ есть близко; если ея милость захочетъ въ церковь, то мы ей не мѣшаемъ. Братъ и тестъ нашъ хочетъ также, чтобъ мы дали ему грамоту на пергаментѣ относительно греческаго закона его дочери; но мы дали ему грамоту точно такую, какой онъ самъ отъ насъ хотѣлъ: эта грамота теперь у него съ нашею печатью“. Въ маѣ прѣѣхалъ отъ Александра посоль Станиславъ Петряшковичъ изъяснить Иоанну благодарность за присылку Елены, и объявить, что воевода Молдавскій Стефанъ попалъ на литовскія владѣнія; относительно Елены Александръ велѣлъ Петряшковичу сказать слѣдующее тестю: „Ты хотѣлъ, чтобъ мы оставили нѣсколько твоихъ бояръ и дѣтей боярскихъ при твоей дочери, пока попривыкнетъ къ чужой сторонѣ; и мы для тебя велѣли имъ остаться при ней нѣкоторое время; но теперь пора уже имъ выѣхать отъ насъ; вѣдь у насъ, слава Богу, слугъ много, есть кому служить нашей великой княгинѣ; какая будетъ ея воля, кому что прикажетъ,—и они будутъ, по ея приказу, дѣлать все, что только ни захочетъ“. Наконецъ Петряшковичъ жаловался на московскихъ пословъ, князя Ряполовскаго и Михайла Русалку, которые будто бы на возвратномъ пути изъ Вильны грабили жителей на двѣ мили по обѣ стороны дороги, грабили и купцовъ, имъ встрѣчавшихся⁴⁾.—Иоанну сильно не нравилось и то, что зять пересталъ называть его государемъ вся Русь, и то, что не хотѣлъ построить церкви для Елены, когда онъ именно просилъ его сдѣлать это для него, и то, что Александръ отсылалъ изъ Вильны бояръ московскихъ, которыхъ Иоанну хотѣлось непремѣнно удержать при дочери. Онъ отвѣчалъ Петряшковичу насчетъ церкви: „Нашъ братъ, князь великій самъ знаетъ, съ кѣмъ тамъ его предки и онъ самъ утвердилъ тѣ права, что новыхъ церквей греческаго закона не строить; намъ до тѣхъ его правъ дѣла нѣтъ никакого; а съ нами братъ нашъ, князь великій, да и его рада договаривались на томъ, чтобъ нашей дочери держать свой греческій законъ, и что намъ братъ нашъ и его рада обѣщали, все теперь дѣлается не такъ“. Относительно пословъ былъ отвѣтъ, что они не грабили, а напротивъ—терпѣли дорогию во всемъ недостатокъ; съ Стефаномъ Молдавскимъ Иоаннъ обѣщалъ помирить зятя.

Въ Вильну отправился изъ Москвы гонецъ, Михайла Погожевъ, съ грамотою, въ которой отецъ писалъ Еленѣ: „Сказывали мнѣ здѣсь, что ты нездо-

рова, и я послалъ навѣстить тебя Михайла Погожева: ты бы ко мнѣ съ нимъ отписала, чѣмъ можешь, и какъ тебя нынче Богъ милуетъ“. Но наединѣ гонецъ долженъ былъ сказать Еленѣ отъ Иоанна: „Эту грамоту о твоей болѣзни я нарочно прислалъ къ тебѣ для того, чтобъ не догадался, зачѣмъ я отправилъ Погожева“. Погожевъ былъ присланъ съ приказомъ, чтобъ Елена не держала при себѣ людей латинской вѣры и не отпускала бояръ московскихъ. Главному изъ нихъ, князю Ромодановскому, Иоаннъ велѣлъ сказать чрезъ Погожева: „Что ко мнѣ дочь моя пишетъ, и что вы пишете, и что съ вами дочь моя говоритъ, все это и робята у васъ знаютъ: пригоже ли такъ дѣлаете?“

Въ Литвѣ разнеслась вѣсть о движеніяхъ Менгли-Гирея Крымскаго: Александръ и Елена увѣдомили объ этомъ Иоанна и просили помощи, по договору; Иоаннъ отвѣчалъ Александру: „Ты бы насъ увѣдомилъ, Менгли-Гирей царь изъ Перекопи вышелъ ли, и къ какимъ украинамъ твоимъ идетъ? объяви, какъ намъ тебѣ помощь подать?“ Александръ увѣдомилъ, что еще ханъ до Дибра не дошелъ, а какіе слухи будутъ, то онъ дастъ о нихъ знать въ Москву. Но ханъ не двигался, помощи подавать было не нужно, а между тѣмъ неудовольствія между тестемъ и зятемъ росли все болѣе и болѣе: Иоаннъ не переставалъ требовать, чтобъ Александръ построилъ женѣ церковь греческаго закона, не давалъ ей слугъ латинской вѣры, не принуждалъ ее носить польское платье, писалъ титулъ Московскаго государя, какъ онъ написанъ въ послѣднемъ договорѣ, не запрещалъ вывозить серебра изъ Литвы въ московскія владѣнія; отпустилъ жену князя Вѣловскаго. Иоаннъ отозвалъ изъ Вильны князя Ромодановскаго съ товарищами, оставивъ при Еленѣ только священника Оому съ двумя крестовыми дяками или пѣвчими и нѣсколько поваровъ; но Александръ не хотѣлъ исполнить ни одного его требованія, отговариваясь попрежнему, что законы запрещаютъ увеличивать число православныхъ церквей въ Литвѣ; относительно прислуги Еленой изъ католиковъ, отвѣчалъ: „Кого изъ пановъ, паней и другихъ служебныхъ людей мы заблагоразсудили приставить къ нашей великой княгинѣ, кто годился, тѣхъ и приставили; вѣдь въ этомъ греческому закону ея помѣхи нѣтъ никакой“. Иоаннъ требовалъ также, чтобъ князьямъ Виземскимъ и Мезецкимъ отдано было ихъ имущество, оставшееся въ Смоленскѣ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ; Александръ отвѣчалъ, и въ этомъ отвѣтѣ высказалась досада, которая не могла также не досадить и Московскому великому князю: „Князья Виземскіе и Мезецкіе были нашими слугами, велѣлъ сказать Александру тестю; измѣнивши намъ, они убѣжали въ твою Землю какъ лихие люди, а если бы не убѣжали отъ насъ, то не того бы и заслужили, чего измѣнники заслуживаютъ“. На границахъ начались опять непріязненные столкновенія между подданными обохъ государствъ; Александръ постоянно жаловался, что московскіе люди захватываютъ

⁴⁾ Акты, относящ. къ Истор. Западной Россіи, I, № 116

земли у литовскихъ и причиняютъ имъ разныя другія обиды.

У Иоанна также не было недостатка въ жалобахъ: Александръ не пропустилъ турецкаго посла, бывшаго въ Москву чрезъ его владѣнія, отговариваясь тѣмъ, что посольство это будетъ высматривать его государство. Иоаннъ велѣлъ ему сказать: „И къ Казимиру королю отъ Турческаго посла послы бывали, и гости многіе ходили въ вашу и нашу землю безъ заѣмки, и теперь изъ Турціи въ Литву, и изъ Литвы въ Турцію гости ходятъ; мы съ тобой въ любви, въ мирномъ докончаніи, въ крестномъ цѣлованіи и въ свойствѣ, а ты ко мнѣ пословъ и гостей не пропускаешь“. Надѣясь имѣть чрезъ Елену и дѣтей ея вліяніе на Литовскую Русь, не желая, чтобъ Кіевъ находился подъ непосредственнымъ управленіемъ католика, Иоаннъ съ неудовольствіемъ услышалъ отъ пословъ своихъ, что Александръ и пань думаютъ, хотятъ брату Александрову, Сигизмунду, дать въ Литовскомъ княжествѣ Кіевъ и другіе города; по этому случаю онъ велѣлъ сказать Еленѣ: „Слыхалъ я, дочь, каково было нестроеніе въ Литовской Землѣ, когда было тамъ государей много; да и въ нашей Землѣ, слышала ты, какое было нестроеніе при моемъ отцѣ, слышала, какія и послѣ были дѣла между мной и братьями, а иное и сама поминишь. Такъ если Сигизмундъ будетъ въ Литовской Землѣ, то вашему какому добру быть? Я объ этомъ приказываю къ тебѣ для того, что ты наше дитя, что если ваше дѣло пойдетъ не хорошо, то мнѣ жаль. А захочешь объ этомъ поговорить съ великимъ княземъ, то говори съ нимъ отъ себя, а не моею рѣчью, да и мнѣ обо всемъ дай знать, какъ ваши дѣла“. Александру Иоаннъ далъ знать, что Стефанъ Молдавскій и Менгли-Гирей Крымскій не прочь отъ мира съ Литвою; тотъ отвѣчалъ, что тестъ все говоритъ только о своихъ дѣлахъ, а молчитъ о томъ, какія обиды литовскіе люди терпятъ отъ московскихъ; что если тестъ хочетъ, чтобъ онъ былъ въ мирѣ съ Крымомъ и Молдавією, то пусть Стефанъ и Менгли-Гирей вознаградятъ его за всѣ прежнія обиды.

Иоаннъ послалъ уговаривать Александра, чтобъ не выступалъ въ походъ противъ Молдавскаго господаря; Александръ отвѣчалъ: „Мы надѣемся, что братъ нашъ, великій князь, больше жалеетъ добра нашъ, зятю своему, чѣмъ Стефану воеводѣ“. По родство было только на словахъ; и зять и тестъ въ сношеніяхъ своихъ съ иностранными владѣтелями дѣйствовали явно другъ противъ друга. Посылая къ Еленѣ съ жалобами, что мужъ ея возбуждаетъ противъ него Швецію и Татаръ, Иоаннъ наказалъ послу: если Елена скажетъ, что Александръ посылалъ въ Орду и въ Швецію по своимъ дѣламъ, а не для того, чтобъ возбуждать ихъ противъ Москвы, то отвѣчать ей, что онъ именно посылалъ въ Орду наводить Ахматовыхъ сыновей на Иоанна и Менгли-Гирея; съ чѣмъ посылалъ въ Швецію, — и то въ Москвѣ извѣстно: если она хочетъ, то отецъ пришлетъ ей грамоты ордынскія,

да и о томъ объявить, съ чѣмъ мужъ ея посылалъ къ Шведскому правителю Стену Стурю. Александръ, съ своей стороны, урекалъ Иоанна за сношенія съ Менгли-Гиремъ, клонившіяся ко вреду Литвѣ. Помирившись съ Александромъ и выдавши за него дочь, Иоаннъ объявилъ объ этомъ Менгли-Гирею, прибавивъ: „А я въ чемъ тебѣ далъ слово, что въ нашихъ грамотахъ записано, на томъ и теперь стою, другу твоему я другъ, а недругу — недругъ“. Менгли-Гирей сначала подивился такой перемиѣнѣ въ отношеніяхъ Москвы къ Литвѣ, перемиѣнѣ, происшедшей безъ его вѣдома, но кончилъ просьбою: „Прошенье мое такое: Мискорскій султанъ прислалъ шатеръ писанный и шитый, узорчатый; дасть Богъ, въ вешніе дни буду въ немъ ѣсть и пить, такъ надобно серебряныя чары въ два ведра хорошей работы, да паливки серебряныя, — прошу ихъ у тебя. Чтобъ наливка не мала была, смотря по чарѣ, доброй бы работы наливка была; твоя, брата моего, любовь ночью и днемъ съ сердца не сойдетъ; серебряную чару меду за твою, брата моего, любовь всегда полную пьемъ; у насъ такой чары сдѣлать мастера доброга не добудешь, а у тебя мастера есть“. Иоаннъ послалъ сказать хану: „Мы говорили литовскимъ посламъ, чтобъ и съ тобою князь ихъ былъ въ мирѣ; а не извѣстили тебя о нашемъ союзѣ съ Литвою потому, что была зима. Если помиришь съ Литовскими, то очень хорошо; а если онъ съ тобою не помирится, или, помирившись съ нами и съ тобою, вдругъ станетъ опять намъ недругомъ, тогда мы съ тобою перешлемся и будемъ дѣлать по совѣту, какъ намъ будетъ пригоже“. Съ другимъ посломъ Иоаннъ велѣлъ сказать хану еще яснѣе: „Если теперь Александръ съ тобою помирится, то ты дай намъ знать; если и не помирится, то ты также дай намъ знать, а мы съ тобою, своимъ братомъ, и теперь на него заодно“¹⁾.

Между тѣмъ частыя сношенія между Москвою и Литвою не прерывались: Александръ все требовалъ, чтобъ отданы были земли, захваченныя Иоанновыми подданными у Литвы по заключеніи уже мира; требовалъ высылки общихъ судей для рѣшенія споровъ между пограничниками; требовалъ, чтобъ тестъ, по договору, помирилъ его съ Менгли-Гиремъ и Стефаномъ, которые, толкуя о мирѣ, опустошаютъ его волости. Иоаннъ отвѣчалъ: „Мы посылали къ зятю говорить о томъ, что онъ имья наше пишетъ не такъ, какъ слѣдуетъ по мирному договору, о церкви, которой онъ не строитъ для жены своей, о панахъ и паньяхъ греческаго закона, которыхъ онъ къ ней не приставляетъ; а онъ въ отвѣтахъ своихъ обо всѣхъ этихъ начальныхъ, большихъ дѣлахъ ничего намъ не говоритъ; онъ требуетъ, чтобъ мы, по договору, помирили его съ Менгли-Гиремъ и Стефаномъ Молдавскими, а самъ договора не соблюдаетъ. Но мы, памятуя наше свойство, что наша дочь за пиль, посылаемъ къ Менгли-Гирею и Стефану, чтобъ помирились съ

¹⁾ Крымскія дѣла, № 1, стр. 449, 470, 536.

Литвою, хотя бы намъ и непригоже было посылать, когда онъ изъ крестнаго цѣлованія выступать. Александръ проситъ о сѣздѣ бояръ на границахъ и срокъ назначаетъ: мы этого сами давно хотимъ, чтобъ нашимъ боярамъ, съ его панами сѣзхавшись, обиднымъ дѣламъ на обѣ стороны управу учинить и грамоты написать; но боярамъ нашимъ какъ въ грамотахъ писать наше имя, когда братъ нашъ и зять не хочетъ писать его, какъ слѣдуетъ по мирному договору? Когда онъ начальными дѣла намъ по докопчанію исправить, тогда мы и пошлемъ бояръ на сѣздъ“.

Такимъ образомъ, для Иоанна большими, начальными дѣлами былъ титулъ государя в сея Руси и построение для Елены церкви греческаго закона. Въ ноябрѣ 1497 года Иоаннъ послалъ въ Литву Микулу Ангелова, который долженъ былъ сказать отъ него Еленѣ: „Я тебѣ приказывалъ, чтобъ просила мужа о церкви, о панахъ и паняхъ греческаго закона, и ты просила ли его объ этомъ? Приказывалъ я къ тебѣ о попѣ, да о боярыни старой, и ты мнѣ отвѣчала ни то — ни се. Тамошнихъ пановъ и паней греческаго закона тебѣ не даютъ, а нашихъ у тебя нѣтъ: хорошо ли это?“ Ангелову данъ былъ наказъ — дознаться: „когда идетъ у великой княгини Елены служба, то она на службѣ стоитъ ли?“ Елена отвѣчала Ангелову: „О церкви я была челомъ великому князю, но онъ и мнѣ отвѣчаетъ то же, что московскимъ послаемъ; попъ Оома не по мнѣ, а другой попъ со мною есть изъ Вильны очень хороший. А боярыню какъ ко мнѣ изъ Москвы прислать, какъ ее держать, какъ ей съ здѣшними сидѣть? Вѣдь мнѣ не далъ князь великій еще ничего, чѣмъ кого жаловать; двухъ-трехъ пожаловалъ, а иныхъ я сама жалую. Если бы батюшка хотѣлъ, то тогда же боярыню со мною послалъ: а поповъ мнѣ кого знать? самъ знаешь, что я на Москвѣ не видала никого. А что батюшка приказываетъ, будто я наказъ его забываю, такъ бы онъ себѣ и на сердцѣ не держалъ, что мнѣ наказъ его забыть: когда меня въ животѣ не будетъ, тогда отцовскій наказъ забуду. А князь великій меня жалуетъ, о чѣмъ ему бью челомъ, и онъ жалуетъ, о комъ помяну. А вотъ которая у меня посажена панья, и теперь она уже тишаеть“¹⁾. Въ грамотѣ къ отцу Елена писала, что мужъ не даетъ слѣдующихъ ей волостей потому, что тестъ

побралъ у него много земель послѣ заключенія мира.

Понятно, что Александръ не хотѣлъ построить для жены православной церкви, не хотѣлъ окружать ее людьми православнаго исповѣданія: ибо понятно, какъ духовенство католическое и паны литовскіе латинскаго исповѣданія должны были смотрѣть на то, что ихъ великая княгиня была греческой вѣры. Александръ, давая знать Римскому двору о бракѣ своемъ съ Еленою, обманулъ его насчетъ грамоты о вѣрѣ, данной Иоанну, писалъ, что онъ общалъ тестю не принуждать жены къ принятію католицизма, если она сама не захочетъ принять его, слѣдовательно указывалъ на свою прежнюю грамоту, которая была отвергнута Иоанномъ. Но что значила для паны присяга, данная не-католику?—и Александръ VI отвѣчалъ Литовскому князю, что совѣсть его останется совершенно чиста, если онъ употребитъ всевозможныя средства для склоненія Елены къ католицизму; только въ 1505 году папа Юлій II позволялъ Александру жить съ иновѣрною женою въ ожиданіи смерти отца ея, который уже очень старъ, ил въ ожиданіи какого-нибудь другого обстоятельства²⁾. Поэтому неудивительно, что въ 1499 году подъячій Шестаковъ прислалъ къ Вяземскому намѣстнику, князю Оболенскому, письмо слѣдующаго содержания: „Здѣсь у насъ произошло смута большая между латинами и нашимъ христианствомъ; въ нашего владыку Смоленскаго дьяволъ вселился, да въ Соуѣгу еще, встали на православію вѣру. Князь великій неволилъ государыню нашу, великую княгиню Елену, въ латинскую проклятую вѣру; но государыню нашу Богъ научилъ, да помнилъ науку государя отца своего, и она отказала мужу такъ: „Вспомни, что ты общалъ государю отцу моему; а я безъ воли государя отца моего не могу этого сдѣлать, обещалось какъ меня научить.“ Да и все наше православное христианство хотятъ окрестить; отъ этого наша Русь съ Литвою въ большой враждѣ. Этотъ списочекъ послалъ бы ты къ государю, а государю самому не узнать. Больше не смѣю писать; еслибы можно было съ кѣмъ на словахъ пересказать“.

Иоаннъ, получивъ записку Шестакова, послалъ въ Литву Ивана Мамонова съ приказомъ отъ себя и отъ жены къ Еленѣ, чтобъ пострадала до крови и до смерти, а вѣры греческаго закона не оставляла. Рѣшившись начать войну, Иоаннъ хотѣлъ узнать средства противника, и потому наказалъ Мамонову: „пытать, былъ ли у Александра Стефановъ посолъ, и заключенъ ли миръ между Молдавіею и Литвою? Польскій и Венгерскій короли въ мирѣ ли со Стефаномъ? Турскій и Перекопскій мурны ли съ Польскимъ, Литовскимъ и Молдавскимъ?“ Объ отношеніяхъ Литвы къ Молдавіи самъ Александръ увѣдомилъ тестя, чрезъ посла своего Станислава Глѣбовича, который объявилъ о мирѣ ме-

¹⁾ Въ этомъ любопытномъ отвѣтѣ Елены мы должны остановиться на двухъ выраженіяхъ: «А о попѣ такъ и есть, что попъ Оома не мойской». Слово мойской попадается и въ другихъ посольскихъ книгахъ, наприм. въ наказѣ боярину Семену Борисовичу, отправлявшемуся въ Крымъ, читаемъ: «Мовилъ бы еси отъ меня Ховѣ-Асапу, что будетъ у него монские залы и яхонты дорогие и жемчугъ доброй, и онъ бы одиночно у меня былъ самъ, а тобы съ тобою привезлъ». — Второе выраженіе Елены: «А все которая у меня посажена, и она была в соррка а ныпча уже тишаеть». Что такое в соррка — мы не знаемъ; развѣ не опибкою ли в соррка вѣдетъ росоррка (разсоррка, ссорщица, смѣтунья), что очень легко по сходному вачертанію двухъ буквъ: е и р въ письмѣ XV вѣка. Или бытъ можетъ: высока?

²⁾ Догель—Cod. dipl. regn. Pol. ms. VI, 271. Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи, I, примѣч. 115.

жду Стефаномъ и Александромъ, и отъ имени послѣдняго пригласилъ Иоанна помочь Молдавіи противъ Турокъ: „Самъ можешь разумѣть, велѣлъ сказать Александръ, что Стефана воеводы панство есть ворота всѣхъ христіанскихъ земель нашего острова; не дай Богъ, если Турки ихъ овладѣютъ!“ Глбоновичъ жаловался, что наѣбтеникъ Козельскій захватилъ села карачевскія и хотимльскія; что бояре, живущіе на новгородскихъ границахъ, отняли торопецкія земли. Относительно титула Іоаннова Александръ велѣлъ объявить слѣдующее: „Въ докончальной записи вписаны были всѣ земли и мѣста и волости литовскія, кромѣ замка Кіева и пригородовъ; теперь впиши Кіевъ, либо особый листъ намъ дай на него, тогда и будемъ тебя писать, какъ написано въ договорѣ“. Іоаннъ велѣлъ отвѣчать, что подастъ помощь Стефану, когда тотъ самъ придетъ просить ее; что земли, отнятыя наѣбтеникомъ Козельскимъ, изстари принадлежатъ къ его городу; что Александръ выступилъ изъ договора, принуждая Елену принять латинство. Относительно Кіева и титула отвѣтъ былъ такой: „Князь бы великій самъ положилъ на своемъ разумѣ, гораздо ли такъ къ намъ приказываетъ? мимо нашего съ нимъ договора и крестнаго дѣлованія не хочетъ намъ править по докончанію, да такія нелѣпницы къ намъ и приказываетъ, мимо дѣла“.

Скоро послѣ этого Менгли-Гирей прислалъ въ Москву условія, на которыхъ хотѣлъ помириться съ Литвою: онъ требовалъ ежегодной дани съ 13 литовскихъ городовъ, между которыми были Кіевъ, Каневъ, Черкасы, Путивль ¹⁾): „По тѣмъ городкамъ, писалъ ханъ, дараги были и ясаки брали.“ Съ этими условіями Іоаннъ отправилъ въ Литву опять Мамонова, который долженъ былъ требовать, чтобъ Александръ далъ отвѣтъ, пока Менгли-Гиреевы послы въ Москвѣ; Елепъ Мамоновъ долженъ былъ сказать упрекъ, зачѣмъ она таятся отъ отца касательно принужденій къ переѣмѣнѣ вѣры, и о во е увѣщаніе быть твердою въ православіи. Александръ отвѣчалъ съ Мамоновымъ: „Пусть великій князь самъ посмотритъ и совѣтъ намъ свой дастъ о Кіевѣ и другихъ городахъ нашихъ—пристойныя ли то рѣчи? Менгли-Гирей хочетъ отъ насъ того, чего его предки отъ нашихъ предковъ никогда не хотѣли. Поговоримъ съ панями-радою, и пришлемъ съ отвѣтомъ своего посла, а великій князь до тѣхъ поръ пусть Менгли-Гиреева посла поздержитъ.“ Іоаннъ послалъ сказать Менгли-Гирею: „Мы по твоему слову посла своего посылали къ великому князю Александру, и то ему сказали, какого ты съ нимъ мира хочешь. Онъ намъ велѣлъ сказать съ нашимъ посломъ, что его люди при отцѣ его и дѣдѣ къ вашей Ордѣ даньщиками никогда не бывали, и общалъ намъ для этихъ дѣлъ выслать своихъ пословъ, приказавши, чтобъ мы отъ себя твоихъ по-

словъ не отпускали до тѣхъ поръ, пока будутъ у насъ его послы; и мы затѣмъ твоихъ пословъ у себя и держали, ждали къ себѣ отъ него пословъ, но онъ къ намъ пословъ не присылывалъ. И если князь великій Александръ пословъ своихъ къ намъ не прислалъ, такъ онъ съ тобою мира не хочетъ; съ нашими недругами, съ Ахматовыми дѣтьми, ссылается, наводитъ пхъ на насъ, а которые послы Ахматовыхъ дѣтей теперь у него, и онъ тѣхъ пословъ въ Орду отпускаетъ, да и своихъ пословъ туда илетъ, и въ своемъ словѣ не стоитъ, что приказывалъ намъ будто мира съ тобою хочеть. И если онъ съ тобою, нашимъ братомъ, мира не хочеть, то и я съ нимъ мира не хочу для тебя, хочу съ тобою, своимъ братомъ, по своей правдѣ на него быть заодно; и если прилететь къ тебѣ князь великій Александръ за миромъ, то ты бы съ нимъ не мирился безъ нашего вѣдома; какъ дастъ Богъ намъ съ Литовскимъ свое дѣло дѣлать и на него наступить, то мы съ тобою сошлемся.“ Послу было наказано: „Веречь накрѣпко, чтобъ Менгли-Гирей съ великимъ княземъ Литовскимъ не мирился, не канчивалъ. Если Менгли-Гирей спроситъ, въ мирѣ ли великій князь съ Литовскимъ, или нѣтъ? то послу отвѣчать: „Александръ хотѣлъ прислать пословъ съ отвѣтомъ насчетъ мира съ тобою, и не прислалъ; съ тѣхъ поръ государь нашъ для тебя съ нимъ въ размиръ“. Если ханъ спроситъ: „Въ чемъ у нихъ размиръ?“—отвѣчать: „Приѣхалъ князь Бѣльскій съ вотчиною, и великій князь его принялъ“ ²⁾.

Дѣйствительно, прислалъ въ Москву князь Семенъ Ивановичъ Бѣльскій бить челомъ великому князю, чтобъ пожаловалъ, принялъ его въ службу и съ отчиною: терпятъ они въ Литвѣ большую нужду за греческій законъ; великій князь Александръ посылалъ къ своей великой княгинѣ Еленѣ отметника православной вѣрѣ, Іосифа, владыку Смоленскаго, да епископа своего Виленскаго и монаховъ бернардинскихъ, чтобъ приступила къ римскому закону; посылалъ и къ князьямъ русскимъ, и къ виленскимъ мѣщанамъ, и ко всей Руси, которая держитъ греческій законъ, принуждаетъ ее приступить къ римскому закону; а Смоленскому владыкѣ великій князь общалъ за то Кіевскую митрополию. Іоаннъ принялъ Бѣльскаго, и послалъ сказать Александру: „Князь Бѣльскій бить челомъ въ службу; и хотя въ мирномъ договорѣ написано, что князья съ вотчиннами не принимать, но такъ какъ отъ тебя имъ такого притѣсенія въ вѣрѣ, и прежде отъ твоихъ предковъ такой нужды не бывало, то мы теперь князя Семена приняли въ службу съ отчиною“. Бѣльскій также послалъ Александру грамоту, въ которой слагалъ съ себя присягу по причинѣ принужденія къ переѣмѣнѣ вѣры. За Бѣльскимъ перешли съ богатыми волостями князья, до сихъ поръ бывшіе заклятыми врагами великаго князя

¹⁾ Имена всѣхъ городовъ слѣдующія: Кіевъ, Каневъ, Нестобратъ, Дамко, Яро, Чанавъ, Волдавъ, Кулжанъ, Виринъ, Чалбашъ, Чернаской городокъ, Путивль, Липятинь.

²⁾ Дѣла Польск. № 1, стр. 443—734; Крымскія, № 2, посольство князя Кубенскаго, апрѣль 1500 года.

Московского: князь Василій Ивановичъ, внукъ Шемякина, и сынъ пріятеля Шемякина. Ивана Андреевича Можайскаго, князь Семенъ Ивановичъ; князь Семенъ поддался съ Черниговомъ, Стародубомъ, Гомелемъ, Любичемъ; Шемяичичъ — съ Рыльскомъ и Новгородомъ-Сѣверскимъ; поддалися другіе князья, меѣе значительные, Мосальскіе, Хотетовскіе—все по причинѣ гоненія за вѣру. Иоаннъ послалъ объявить Александру, что принялъ въ службу Можайскаго съ Шемяичичемъ, въ то же время послалъ складную грамоту, или объявленіе войны.

Московскія войска выступили въ поле подъ начальствомъ хана Магметъ-Амниа и воеводы Якова Захарьевича Кошкина, заняли города Мценскъ, Серпейскъ, Мосальскъ, Брянскъ, Путивль; князья Сѣверскіе—Можайскій и Шемяичичъ—были приведены къ присягѣ; другая рать, подъ начальствомъ боярина Юрія Захарьевича Кошкина, взяла Дорогобужъ. Велѣдъ за нимъ великій князь отправилъ тверскую рать, подъ начальствомъ князя Данила Щени, который долженъ былъ начальствовать большимъ полкомъ, а бояринъ Юрій—сторожевымъ; Юрій обидѣлся и писалъ въ Москву, что ему въ сторожевомъ полку быть нельзя: „То мнѣ стеречь князя Данила!“ Великій князь велѣлъ отвѣчать ему: „Гораздо-ль такъ дѣлаешь? Говоришь, что тебѣ непригоже стеречь князя Данила: ты будешь стеречь не его, но меня и моего дѣла; каковы воеводы въ большомъ полку, таковы и въ сторожевомъ; такъ не позорь это для тебя“. Юрій успокоился. Между тѣмъ литовское войско, подъ начальствомъ гетмана, князя Константина Острожскаго, приближалось къ Дорогобужу, и 14 іюля 1500 года, въ годовщину Шелонской битвы, встрѣтилось съ московскимъ на Митьковѣ полѣ, на рѣчкѣ Ведрошѣ. Благодаря тайной засадѣ, рѣшившей дѣло, московскіе воеводы одержали совершенную побѣду: гетманъ, князь Острожскій, и другіе литовскіе воеводы попались въ плѣнъ; 17 іюля получилъ великій князь вѣсть о побѣдѣ, и была радость большая въ Москвѣ, говорятъ лѣтописцы. Побѣдителей великій князь послалъ спросить о здоровьяхъ; плѣнники привезены въ Москву и отсюда разосланы по городамъ: князь Константинъ Острожскій отправленъ въ Вологду въ оковахъ; держали его крѣпко, но поили и кормили довольно; прочимъ князьямъ и панамъ давали по полуденнѣ на день, а Константину—по четыре алтына; скоро впрочемъ онъ присягнулъ служить великому князю Московскому, получилъ свободу и земли¹⁾.

Войска новгородскія, псковскія и великолупцкія, подъ начальствомъ племянниковъ великокняжескихъ, Ивана и Федора Борисовичей и боярина Андрея Челядина, взяли Торопецъ; новые подданные московскіе, князья Сѣверскіе—Можайскій и Шемяичичъ, вмѣстѣ съ боярами—княземъ Ростовскимъ и Семеномъ Воронцовымъ, одержали побѣду надъ Литовцами подъ Мстиславлемъ, положивъ тысячу семь неприятели на мѣстѣ²⁾. Этимъ окончилась значительная дѣйствія московскихъ войскъ въ областяхъ литовскихъ; сынъ великаго князя, Дмитрій Иоанновичъ, посланный подъ Смоленскъ, не могъ взять этого города и ограничился взятіемъ Орши и опустошеніемъ литовскихъ областей, которое было потомъ повторено князьями Сѣверскими. Военныя дѣйствія шли медленно. Дѣятельнѣе шли сношенія обоихъ государей, Московскаго и Литовскаго, съ сосѣдними владѣльцами, у которыхъ они искали помощи другъ противъ друга. Мы выдѣли, какъ Иоаннъ, съ самаго начала, хотѣлъ вооружить противъ Литвы Менгли-Гирея, стараясь увѣрить его, что миръ съ Александромъ разорванъ велѣдтвие нежеланія послѣдняго помириться съ Крымомъ. Это увѣреніе повторено было съ новымъ посломъ, который долженъ былъ уговаривать хана, чтобъ шелъ на литовскія владѣнія, именно: къ Слуцку, Турову, Пинску, Минску³⁾. Менгли-Гирей остался вѣренъ союзу съ Москвою, и сыновья его не разъ принимались опустошать литовскія и польскія владѣнія⁴⁾, хотя Александръ и старался склонить хана на свою сторону; черезъ кievскаго воеводу, князя Дмитрія Путятича, онъ велѣлъ напомнить Менгли-Гирею давней пріязни, бывшей между ихъ отцами—Ази-Гиреемъ и Казимиромъ: „Когда же ты, по смерти отцовской, нарушилъ пріязнь съ Литвою, то самъ посмотри, что изъ этого вышло: честь твоя царская не по-прежнему стоитъ, понижалась, пошлины всѣ отъ твоего царства отошли, и столу твоему никто не кланяется, какъ прежде кланялись; кто передъ твоимъ отцомъ холопомъ

посольство въ Москву смоленскаго намѣстника Станислава Петровича Кишки, относящееся къ апрѣлю 1500 года, и Кишка говорить о Ведрошской битвѣ, какъ о событіи уже совершившемся: «Мы по тебѣ братѣ нашомъ надѣялись вѣчною дружбою: ты какъ са намъ открылъ у великую неприязнь; войну еси и огонь въ нашу землю пустилъ. И мы послали были тамъ на границы, гетмана нашего князя Константина Ивановича Острожскаго и пановъ нашихъ, границъ и людей нашихъ отъ твоихъ людей постеречи; и твои люди нашихъ людей пораяли, и гетмана нашего и пановъ нашихъ головами къ тебѣ привели». По этому выходитъ, что Стрыйковскій правъ, помѣщая Ведрошскую битву въ 1499 году. Но въ посольскихъ рѣчахъ того же Станислава Кишки, какъ онъ помѣщенъ въ 1-мъ № Польскихъ дѣлъ, хранящихся въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. дѣлъ, этихъ рѣчей послѣ опораженія гетмана не находится. Г. Карповъ въ своей «Исторіи борьбы Москов. госуд. съ Польско-Литовскимъ», стр. 59, настаиваетъ на предпочтеніи, какое мы должны оказать московскимъ источникамъ предъ литовскими; но вопросъ не рѣшается окончательно.

¹⁾ П. С. Р. Л. VI, 47.

²⁾ Дѣла Крымскія, № 2, стр. 726.

³⁾ Тамъ же, стр. 820, 1019.

⁴⁾ П. С. Р. Л. VI, 45. Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи I, № 179; Разрядн. кнѣга Москов. Арх. Мин. Ин. дѣлъ, № 1, стр. 82, 105; Герберштейнъ; Стрыйковскій II, 308, по изд. 1846 г.; Архангел. лѣтоп., стр. 207. Въ опредѣленіи года Ведрошской битвы извѣстія московскихъ лѣтописей и статейныхъ списковъ разнятся съ литовскими. По московскимъ лѣтописямъ Ведрошская битва происходила въ 1500 году, а по Стрыйковскому въ 1499 г.; но горавдо замѣчательнѣе разногласіе другихъ источниковъ, долженствующихъ имѣть авторитетъ неоспоримый: въ Литовской Метрихѣ помѣщено

писывался, тотъ теперь тебѣ уже братомъ называется. Самъ можешь знать, какую высокую мысль держитъ князь Московскій; если онъ зятю своему клятвы не сдержалъ, то сдержитъ ли онъ ее тебѣ? а что онъ роднымъ братьямъ своимъ подѣлалъ, также нарушивши клятву? Если ему удастся завлечь украинскіе города литовскіе и стать тебѣ близкимъ сосѣдомъ, можешь ли сидѣть спокойно на своемъ царствѣ? Если же будешь заодно съ великимъ княземъ Литовскимъ, то онъ велитъ съ каждаго человѣка въ землѣ Киевской, Волынской и Подольской давать тебѣ ежегодно по три денъги¹⁾. Но Крымцы не соблазнились этимъ предложениемъ: они предпочитали брать деньги вмѣстѣ и съ людьми въ областяхъ литовскихъ.

Легче было Александру убѣдить Стефана Молдавскаго разорвать союзъ съ Иоанномъ, потому что послѣдній въ это время возложилъ опалу на дочь Стефанову, Елену, лишилъ наслѣдства сына ея, Дмитрія. Александръ далъ знать объ этомъ Стефану²⁾; московскій посоль въ Крыму, Заболоцкій, писалъ къ своему князю: „Менгли-Гиреевъ человекъ, посланный съ твоими грамотами къ Стефану воеводѣ, нашелъ его въ Польской Землѣ подъ Галичемъ; Стефанъ, прочтя грамоты, хотѣлъ отпустить твоихъ пословъ, какъ пришла ему грамота отъ Александра, который пишетъ: „Ты меня воюешь въ одно время съ недругомъ моимъ великимъ княземъ Московскимъ; но онъ и тебѣ теперь недругъ же: дочь твою и внука посадилъ въ темницу, и великое княженіе у внука твоего отнялъ, да отдалъ сыну“. И Стефанъ восвода сейчасъ-же прислалъ къ царю Менгли-Гирею своего человека добраго съ грамотою и рѣчами, пишетъ: „Разыщи мнѣ подробно, правду-ли мнѣ Александръ писалъ; и если онъ солгалъ, то я московскихъ пословъ къ тебѣ отпущу сейчасъ же“. И царь меня пыталъ какрѣдко наединѣ, да и къ присягѣ меня хотѣлъ привести; но я царю говорилъ: все это, государь, ложь, неправда, все это Александръ отъ себя затѣялъ, недругъ на недруга чего не взведетъ, — что хочешь, то затѣвь. И царь Стефану о томъ отписалъ“. Но правда не могла утаиться отъ воеводы; впрочемъ, кромѣ кратковременной задержки пословъ и художниковъ, ѣздившихъ въ Москву черезъ Молдавію, неудовольствіе Стефана не имѣло другихъ важнѣйшихъ слѣдствій. Союзъ Александра съ Ахматовыми сыновьями причинилъ не много болѣе вреда Московскому государству; гораздо важнѣе былъ союзъ его съ магистромъ Ливонскимъ, отвлекшимъ московскія силы къ псковскимъ границамъ, о чемъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

На престолахъ Польскомъ, Чешскомъ и Венгерскомъ сидѣли естественные союзники Александра, родные братья. До насъ дошли посольскія рѣчи Александра къ брату его Владиславу, королю Венгерскому, въ которыхъ всего любопытнѣе указаніе

на религіозныя движенія въ Лтвѣ: „Вы должны (говорилъ литовскій посоль Владиславу) подать помощь нашему государю не только по родству кровному, но и для святой вѣры христіанской, которая утверждена въ Литовской Землѣ трудами дѣда вашего, короля Владислава (Ягайла). Съ тѣхъ поръ до послѣдняго времени Русь покушается ее уничтожить, не только Москва, но и подданные княжата литовскіе; на отца вашего, короля Казимира, они вставали по причинѣ вѣры; по той же причинѣ встаютъ теперь и на васъ, сыновей его. Братъ вашъ Александръ нѣкоторыхъ изъ нихъ за это казнилъ, а другіе убѣжали къ Московскому князю, который вмѣстѣ съ ними и поднялъ войну, ибо до него дошли слухи, что нѣкоторые князья и подданные нашего государя, будучи русской вѣры, принуждены были принять римскую“³⁾.

Братья могли только обѣщать Александру ходатайствовать за него предъ тестемъ. Но, еще не дожидаясь этого ходатайства, самъ Александръ, въ началѣ 1500 года, прислалъ въ Москву смоленскаго намѣстника, Станислава Кишку, жаловаться на началіе непріятельскихъ дѣйствій со стороны Иоанна и оправдаться въ обвиненіяхъ, которые послѣдній взводилъ на него: „Мы поудержались писать тебя великимъ княземъ всея Руси (велѣлъ сказать Александру, потому, что по заключеніи мира тотчасъ же начались намъ отъ тебя обиды большія: ты намъ объявилъ, что обиды прекратятся, когда мы напишемъ твое имя какъ слѣдуетъ, и вотъ мы его теперь написали сполна. Ты велѣлъ намъ сказать, что принялъ князя Вѣльскаго съ отчиною потому, что мы послали къ нему епископа Виленскаго и митрополита приводить его къ римскому закону; но онъ не могъ тебѣ правды сказать, какъ лихой человекъ и нашъ измѣнникъ: мы его уже третій годъ и въ глаза не видали. Слава Богу, въ нашей отчинѣ, великомъ княжествѣ Литовскомъ, княжатъ и панятъ греческаго закона много, и лучше его, этого нашего измѣнника, да никогда силою и нуждою предки наши и мы къ римскому закону ихъ не приводили и не приводимъ. Въ Орду Заволжскую мы посылалипо нашимъ дѣламъ украинскимъ, а не на твое лихо. Великую княгиню нашу къ римскому закону не принуждаемъ, и дивимся тому, что ты вѣришь больше лихимъ людямъ, которые, забывши честь и души свои и наше жалованье, измѣнили намъ и убѣжали къ тебѣ, чѣвъ намъ, брату своему. Что же касается церкви, которую надобно построить на сѣняхъ, да пановъ и паней греческаго закона, то объ этомъ между нами и рѣчи не было, мы объ этомъ ничего не знаемъ; паны наши, которые были у тебя, намъ объ этомъ ничего не сказали“.

Иоаннъ велѣлъ отвѣчать: „Мы къ брату своему Александру не объ одномъ нашемъ имени приказывали; а теперь онъ только одно наше имя въ своей грамотѣ какъ слѣдуетъ по dokonчаныю на-

¹⁾ Акты, относящ. къ истор. Запада. Россія, I, № 183.

²⁾ Тамъ же, № 161.

³⁾ Тамъ же, № 188.

писалъ. Говорить, что никою не принуждаетъ къ римскому закону: — такъ ли это онъ не принуждаетъ? Къ дочери нашей, къ русскимъ князьямъ, панамъ и ко всей Руси посылаетъ, чтобъ приступили къ римскому закону! Сколько велѣлъ поставить римскихъ божищъ въ русскихъ городахъ, въ Полоцкѣ и въ другихъ мѣстахъ? Женъ отъ мужей и дѣтей отъ отцовъ съ измѣнѣмъ отнимаютъ, да сами крестятъ въ римскій законъ; такъ-то зять нашъ не принуждаетъ Русь къ римскому закону? О князѣ же Семенѣ Бѣльскомъ извѣстно, что онъ прѣхалъ къ намъ служить, не желая быть отступникомъ отъ греческаго закона и не хотя своей головы потерять: такъ какая же его гуть измѣна?¹⁾

Въ январѣ 1501 года прѣхалъ въ Москву посолъ отъ Владислава, короля Венгерскаго и Богемскаго. Это былъ не первый посолъ венгерскій въ Москвѣ при Иоаннѣ III-мъ; сношенія съ Венгріею начались еще съ 1482 года, когда король Матвѣй Корвинъ, имѣя пужду въ союзникахъ противъ Казимира Польскаго, прислалъ къ Московскому великому князю съ предложеніемъ дѣйствовать вмѣстѣ противъ общаго врага. Разумѣется, предложеніе было принято и начались пересылки между двумя дворами, причемъ Иоаннъ старался побуждать Матвѣя къ рѣшительной войнѣ съ Польшею, увѣряя: что онъ, съ своей стороны, дѣйствуетъ противъ Казимира, взявъ Тверь, гдѣ княжилъ другъ и свойственникъ Польскаго короля, кромѣ того взявъ города и волости литовскія; что хотя онъ и пересылается съ Казимиромъ, но единственно о порубежныхъ обидныхъ дѣлахъ, мира же между ними нѣтъ²⁾. Отношенія перемирились, когда, вмѣсто Матвѣя, врага Казимира, королемъ Венгерскимъ сталъ сынъ Казимира, Владиславъ, который теперь прислалъ въ Москву ходатайствовать за брата своего Александра, вмѣстѣ съ третьимъ Казимиромъ, Яномъ-Альбрехтомъ, королемъ Польскимъ. Короли уговаривали Иоанна помириться съ зятемъ, ибо война ихъ причиняетъ большой вредъ всему христіанству, развлекая силы христіанскихъ государей, которые должны быть всею заодно противъ Турокъ; въ случаѣ, если Иоаннъ не приметъ ихъ ходатайства, Казимировичи грозятся помогать брату и княжеству Литовскому, изъ котораго все они вышли; просили также отпустить на поруку плѣнниковъ, взятыхъ въ Литвѣ. Иоаннъ отвѣчалъ изложеніемъ извѣстныхъ уже причинъ, заставившихъ его начать войну съ зятемъ: „Мы зятю своему ни въ чемъ не выступили, онъ намъ ни въ чемъ не исправилъ; такъ если король Владиславъ хочетъ брату своему неправому помогать, то мы, уповая на Бога, по своей правдѣ, противъ своего недруга хотимъ стоять, сколько намъ Богъ поможетъ; у насъ Богъ помощникъ и наша правда“. Относительно плѣнныхъ бояре отвѣчали: „Въ земляхъ нашего государя нѣтъ такого обычая, чтобы плѣнниковъ отпу-

скасть на присягѣ или порукѣ; а пужды имъ нѣтъ никакой, всего довольно — и ѣды, и питья, и платья“. Наконецъ Иоаннъ велѣлъ объявить, что если зять пришлетъ за миромъ, то онъ съ нимъ миру хочетъ, какъ будетъ пригоже³⁾.

Александръ прислалъ пана Станислава Нарбутовича съ тѣми же рѣчами, съ какими прѣзжалъ и прежній посолъ, Станиславъ Кишка, и получилъ тотъ же отвѣтъ съ нѣкоторыми новыми жалобами: „Какъ наша дочь къ нему прѣхала, и онъ въ то время ни одному владыкѣ не велѣлъ у себя въ Вильнѣ быть, а нареченному митрополиту Макарію не велѣлъ вѣнчать нашей дочери; которую дочь княжескую или боярскую греческаго закона она возьметъ къ себѣ, и онъ ту силою велитъ окрестить въ латинство. Онъ говоритъ, что не принуждалъ Русскихъ къ латинству; но это дѣлалось не тайно, а явно, вѣдомо это и въ нашихъ земляхъ, и вашей всей Руси и Латышъ; которые его люди у насъ въ плѣну, и тѣ то же сказываютъ. Онъ хочетъ, чтобъ мы въ его отчину не вступались, отдали ему тѣ города и волости, которые люди наши взяли; но все эти города и волости, также земли князей и бояръ, которые прѣхали намъ служить,—все это стари наша отчина“. Иоаннъ повторилъ, что если Александръ пришлетъ великихъ пословъ, пановъ радныхъ, то онъ охотно заключитъ миръ на условіяхъ, какія сочтетъ приличными; то же писали и бояре московскіе раднымъ панамъ литовскимъ, которые просили ихъ стараться о мирѣ. Паны отвѣчали, что отправленіе великихъ пословъ задержано было смертію Польскаго короля Яна-Альбрехта, наследникомъ котораго провозглашенъ былъ Александръ. Опять Литва соединилась съ Польшею, но чрезъ это соединеніе, какъ и прежде, силы ея не увеличились. Александръ попрежнему желалъ прекращенія войны съ Москвою; явился новый ходатай: папа Александръ VI-й писалъ къ Иоанну, что немилостивый родъ турецкій не перестаетъ наступать на христіанство и вводить его въ крайнюю пагубу; что Турки взяли уже два венеціанскіе города—Модонъ и Коронъ въ Моревѣ, а теперь покушаются напасть на Италию; что въ такихъ обстоятельствахъ всемъ христіанскимъ правителямъ надобно быть въ согласныхъ мысляхъ.

Эту грамоту привезъ новый венгерскій посолъ, который отъ имени своего короля говорилъ, что общій походъ христіанскихъ государей противъ Турокъ задерживается единственно войною Иоанна съ Александромъ. Иоаннъ отвѣчалъ: „Мы съ Божию волею, какъ напередъ того за христіанство противъ поганства стояли, такъ и теперь стоимъ, и впередъ, если дастъ Богъ, хотимъ, уповая на Бога, за христіанство противъ поганства стоять, какъ намъ Богъ поможетъ; и просимъ у Бога того, чтобъ христіанская рука высока была надъ поганствомъ. А что у насъ съ зятемъ война случилась, тому мы не рады,—началась война не отъ насъ, а отъ него. Ко-

¹⁾ Акты, относящ. къ истор. Западн. Россіи, I, № 179.

²⁾ Памятники дипломат. сношен. древ. Россіи, т. I, стр. 159—173.

³⁾ Акты, относящ. къ истор. Зап. Рос. I, № 186, 187.

роли Владиславъ и Александръ объявляютъ, что хотятъ противъ насъ за свою отчину стоять; но короли что называютъ своею отчиною? — не тѣ ли города и волости, съ которыми князья Русскіе и бояре прѣѣхали въ намъ служить и которые наши люди взяли у Литвы? Папѣ, надѣмся, хорошо извѣстно, что короли Владиславъ и Александръ отчины Польскаго королевства да Литовской Земли отъ своихъ предковъ; а Русская Земля — отъ нашихъ предковъ, изъ старины, наша отчина. Когда мы заключили договоръ съ великими княземъ Александромъ, то, для свойства, уступили ему эти свои вотчины; но когда зять нашъ не сталъ соблюдать договора, то намъ зачѣмъ свою отчину покидать и за нее не стоять? Папа положилъ бы то на своемъ разумѣ, гераздо ли то короли дѣлаютъ, что не за свою отчину хотять съ нами воевать.

Венгерскій посоль просилъ опасной грамоты для большихъ польскихъ и литовскихъ пословъ, которые должны прѣѣхать для мирныхъ переговоровъ; грамота была дана — и послы явились; то были: воевода Ленчицкій — Петръ Мѣшковскій, и намѣстникъ Полоцкій — Станиславъ Глѣбовичъ; Елена прислала отъ себя канцлера своего, Ивана Сопѣжича, который привезъ Іоанну такое письмо отъ дочери: „Господица и государь батюшка! вспомни, что я служебница и дѣвка твоя, а отдалъ ты меня за такого же брата своего, каковъ ты самъ; знаешь, что ты ему за мною далъ и что я ему съ собою принесла; но государь, мужъ мой, нисколько на это не жалуетъ, взялъ меня отъ тебя съ доброю волею и держалъ меня во все это время въ чести и въ жалованіи и въ той любви, какую добрый мужъ обязанъ оказывать подружью, половинѣ своей. Свободно держу и вѣру христіанскую греческаго обычая; по церквамъ святымъ хожу, священниковъ, дяконовъ, пѣвцовъ на своемъ дворѣ имѣю; литургію и всякую иную службу Божію совершають передо мною вездѣ, и въ Литовской Землѣ, и въ коронѣ Польской. Государь мой король, его мать, братья короля, зятя и сестры и паны радные и вся Земля — всѣ надѣялись, что со мною изъ Москвы въ Литву пришло все доброе, вѣчный миръ, любовь кровная, дружба, помощь на поганство; а теперь видать всѣ, что со мною одно лихо къ нимъ выпшло: война, рать, взятіе и сожженіе городовъ и волостей, разлитіе крови христіанской, жены вдовами, дѣти сиротами, пологъ, крикъ, плачь, вопль! Таково жалованіе и любовь твоя ко мнѣ! По всему свѣту поганство радуется, а христіанскіе государи не могутъ надивиться и тяжело жалуются: отъ вѣка, говорятъ, не слыхано, чтобы отецъ своихъ дѣтямъ бѣды причинялъ. Если, государь батюшка, Богъ тебѣ не положилъ на сердце меня, дочь свою, жаловать, то зачѣмъ меня изъ Земли своей выпустилъ и за такого брата своего выдавалъ? Тогда и люди бы изъ-за меня не гибли и кровь христіанская не лилась. Лучше бы мнѣ подъ ногами твоими въ твоей Землѣ умереть, нежели такую славу о себѣ слышать; всѣ одно только и

говорятъ: для того онъ отдалъ дочь свою въ Литву, чтобы тѣмъ удобнѣе Землю и людей высмотрѣть. Писала бы къ тебѣ и больше, да съ великою кручины ума не приложу; только съ горькими и великими слезами и плачемъ тебѣ, государю и отцу своему, низко челомъ бью: помани, Бога ради, меня, служебницу свою и кровь свою, оставъ гнѣвъ неправедный и нежитье съ сыномъ и братомъ своимъ, и первую любовь и дружбу свою къ нему соблюди, чтобы кровь христіанская больше не лилась, поганство бы не смѣялось, а измѣнники ваши не радовались бы, которыхъ отцы предкамъ нашимъ измѣнили тамъ на Москвѣ, а дѣти ихъ тутъ въ Литвѣ. А другого чего мнѣ нельзя къ тебѣ и писать. Дай имъ Богъ измѣнникамъ того, что родителю нашему отъ ихъ отцовъ было. Они между вами, государями, замутили, да другой еще Семень Вѣльскій Иуда съ ними, который, будучи здѣсь въ Литвѣ, братію свою, князя Михайла и князя Ивана перебѣлъ, а князя Федора на чужую сторону прогналъ; такъ, государь, самъ посмотри, можно ли такимъ людямъ вѣрять, которые государямъ своимъ измѣнили, и братью свою перерѣзали, и теперь по шею въ крови ходятъ, вторые Каины, да между вамъ, государями, мутятъ? Смилуйся, возьми постарому любовь и дружбу съ братомъ и зятемъ своимъ! Если же надо мною не смилуешься и прочною дружбою съ моимъ государемъ не свяжешься, тогда уже сама уразумѣю, что держишь гнѣвъ не на него, а на меня, не хочешь, чтобы я была въ любви у мужа, въ чести у братьевъ его, въ милости у свекрови, и чтобы подданные наши мнѣ служили. Вся вселенная ни на кого другого, только на меня вопіетъ, что кровопролитіе сталося отъ моего въ Литву прихода, будто я къ тебѣ пишу, привожу тебя на войну; если бы, говорятъ, она хотѣла, то никогда бы такого лиха не было; мило отцу дитя; какой на свѣтѣ отецъ врагъ дѣтямъ своимъ? И сама разумѣю и по міру вижу, что всякій заботится о дѣткахъ своихъ и о добрѣ ихъ промышляетъ; только одну меня, по грѣхамъ, Богъ забылъ. Слуги наши не по силѣ, и трудно повѣрить, какую казну за дочерями своими даютъ, и не только-что тогда даютъ, но и потомъ каждый мѣсяцъ обещаютъ, дарятъ и тѣшатъ; и не одни паны, но и всѣ дѣтокъ своихъ тѣшатъ; только на одну меня Господь Богъ разгнѣвался, что пришло твое жалованье; а я передъ тобою ни въ чемъ не выступила. Съ плачемъ тебѣ челомъ бью: смилуйся надо мною, убогою дѣвкою своею, не дай недругамъ моимъ радоваться обидѣ моей и веселиться о плачѣ моемъ. Если увидитъ твое жалованье на мнѣ, служебницѣ твоей, то всѣмъ буду честна, всѣмъ грозна; если же не будетъ на мнѣ твоей ласки, то самъ можешь разумѣть, что покинуть меня всѣ родные государя моего и всѣ подданные его“. Въ томъ же смыслѣ Елена писала къ матери и двоимъ братьямъ — Василию и Юрію ¹⁾.

¹⁾ Акты арх. экск. I, № 138.

Отпуская пословъ договариваться о мирѣ, Александръ наказалъ имъ не соглашаться на то, чтобъ Иоаннъ писался государемъ всея Руси; если не будутъ въ состояніи этого вытребовать, то должны по крайней мѣрѣ настоять, чтобъ Иоаннъ не писался государемъ всея Руси, посылая грамоты къ Александру въ королевство Польское. Если Московскій скажетъ, что прежде писали его государемъ всея Руси, то отвѣчать, что тогда былъ миръ, и Александръ еще не былъ выбранъ королемъ Польскимъ, былъ только великимъ княземъ Литовскимъ; а теперь, когда онъ уже королемъ, то нельзя Иоанну писаться государемъ всея Руси, потому что подъ королевствомъ Польскимъ большая часть Руси. На построение греческой церкви для Елены и на выборъ слугъ для нея только изъ православныхъ послы не должны были соглашаться. Если великій князь Московскій скажетъ о принужденіи Елены къ римскому закону, то отвѣчать, что принужденія нѣтъ, но папа требуетъ, чтобъ Елена была послушна римской церкви, причемъ вовсе не нужно, чтобъ она и остальные Русскіе снова крестились, пусть только находятся въ послушаніи престолу апостольскому, по приговору Флорентійскаго собора, а жить могутъ по прежнему своему греческому обычаю. Но если миръ за этимъ однимъ остановится то объявить, что дѣло будетъ отложено до новыхъ переговоровъ съ папою. Если скажутъ, что король принуждаетъ Русь къ римскому закону и строить церкви римскія по мѣстамъ русскимъ, то отвѣчать, что король держитъ своихъ подданныхъ, какъ держалъ ихъ отецъ его, Казимиръ; кто въ какомъ законѣ хочетъ жить, тотъ въ томъ и живетъ, кто какія церкви хочетъ строить, тотъ такія и строитъ. Прежде нельзя было строить русскихъ церквей, а теперь позволено. Королю нѣтъ дѣла, какъ Московскій держитъ своихъ подданныхъ относительно вѣры; такъ пусть и Московскій не вѣтшвается, какъ держитъ король своихъ подданныхъ. Если Московскій умереть, то приступить къ старымъ записямъ Витовтовымъ, либо Казимировымъ, чтобъ тѣхъ земель поступились, которые забраны. Если же станутъ говорить о записяхъ, которые были прежде Витовта, о записи Олгердовой, въ которой тотъ записалъ земли великому князю Московскому, то отвѣчать, что Олгердъ былъ взятъ въ плѣнъ, и потому принужденъ былъ на все согласиться, какъ плѣнный ¹⁾. Въ сущности, миръ долженъ быть заключенъ на тѣхъ самыхъ условіяхъ, на какихъ былъ заключенъ послѣдній миръ; если же въ Москвѣ не захотятъ отдать всѣхъ земель, взятыхъ послѣ того, то заключить перемирие на три года ²⁾.

Но какъ скоро послы объявили, что имъ велѣно

заключатъ миръ на условіяхъ прежняго, то бояре сказали рѣшительно: „Тому нельзя стать, какъ вы говорите, чтобъ по старому dokonчанию быть любви и братству; то ужъ миновало. Если государь вашъ хочетъ съ нашимъ государемъ любви и братства, то онъ бы государю нашему отчины его, Русской Земли поступился“. Венгерскій посолъ вмѣшался въ дѣло, и, при его посредничествѣ, заключено было перемирие на шесть лѣтъ, отъ 25 марта 1503 до 25 марта 1509 года. Перемирная грамота написана отъ имени великаго князя Иоанна, государя всея Руси, сына его, великаго князя Василія, и остальныхъ дѣтей. Александръ обязался не трогать земель Московскихъ, Новгородскихъ, Псковскихъ, Рязанскихъ, Пронскихъ, уступилъ землю князя Семена Стародубскаго (Можайскаго), Василія Шемачича, князя Семена Вѣльскаго, князей Трубечкихъ и Мосальскихъ, города: Черниговъ, Стародубъ, Путивль, Рылскъ, Новгородъ Сѣверскій, Гомель, Любечъ, Почепъ, Трубчевскъ, Радогонъ, Брянскъ, Мценскъ, Любутскъ, Серпейскъ, Мосальскъ, Дорогобужъ, Вѣлуду, Торопецъ, Острей; всего 19 городовъ, 70 волостей, 22 городища, 13 сель ³⁾.

Послѣ скрѣпленія договора крестнымъ цѣлованіемъ, Иоаннъ снова потребовалъ у пословъ, чтобъ Александръ не принуждалъ Елены къ римскому закону, поставилъ у нея въ сѣняхъ греческую церковь, приставилъ слугъ и служанокъ православныхъ: „А начеть братъ нашъ дочь нашу принуждать къ римскому закону, то пусть знаетъ: мы этого ему не спустимъ, будемъ за это стоять, сколько намъ Богъ пособитъ“. Послы, поговоривъ между собою, отвѣчали, что папа два раза присылалъ къ Александру, требуетъ, чтобъ Елена была послушна апостольскому престолу и ходила въ латинскую церковь; онъ хочетъ не того, чтобъ Елена вторично крестилась и свой греческій законъ оставила, онъ хо-

³⁾ Волостей: Карачева, Хотинля, Поповы горы, Мглина, Дрокова и сель: Уваровичъ, Теляшовичъ, Тереничъ, Копелева лѣса, Морозовичъ, Ливиничъ, Скарбовичъ, Залѣся, Вабячъ, Свѣтиловичъ, Голодча, Лапичъ, Полѣшанъ и волостей: Сновска, Хоробря, Соловьевичъ, Прикладней, Пацниа, Федоровскіе, Осовина, Покиничъ, Сухари, Веселая, Вороничъ, Жерныя, городища Дмитровца, Личина, Недоходова, Бышковичъ, Завидова, Опакова, Моцила, Дѣмены, Городечны, Ужнерети; Синопта, Ковылинъ, Шуи, Лазарева, Городища, Влижовичъ, Любуни, Даниловичъ, Замошья, Тухачева, Дервы, Оуминичъ, Погостица; волостей: Погорѣлье, Нѣгомля, Игумовы свободы, Метиславля, Лучина, Мошковы горы, Жулина, Омитова, Кременае, Селечны, Водосы, Некрасовы, Родыни, Ведраши, Рѣхты, Оверича, Хомичъ, Василкова, Холма, Бягина, Хотомичъ, Великаго поля, Лопатина, Прости, Заопья, Вышкова, Копыля, Свержовыхъ, Лукъ, и Вѣляя съ волостями, и Верховья, и Болшова, Шоштона, и Мопевидовы свободы и иныхъ волостей, Вержавы, Буягорода и съ тѣми деревнями, которые были за служилыми людьми, и за Печерскимъ монастыремъ, и за Духовскимъ, и за Троецкимъ, и что были деревни тоежи волости за Борисомъ за Околицкимъ; волостей Даньково, Любути, Дубны, Рожны, Турн, Вибереви, Старовы, Незелскіе, Велижскіе, Плавѣтские, Жижетскіе, Оверскіе, Казариновскіе, Березая, Невля, Усвая, Ловца, Весибѣлога.

¹⁾ Такъ представляется здѣсь положеніе Олгерда при Любуцкѣ (см. Россія Исторію т. III, стр. 966). Вѣроятно, что это Ісепція дипломатическаго того времени, ибо трудно согласиться, чтобъ такое важное событіе, какъ плѣнъ Олгердъ, не нашло себѣ мѣста въ лѣтописяхъ.

²⁾ Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи, I, № 200.

четь только, чтобъ она и всѣ русскіе были въ соединеніи съ Римомъ по рѣшенію Флорентійскаго собора. Такъ какъ теперь папскій посолъ въ Москвѣ, то не угодно ли будетъ великому князю приказать что-нибудь къ папѣ объ этомъ дѣлѣ, или отправить въ Римъ своего посла, съ которымъ бы вмѣстѣ великій князь Александръ отправилъ и своего. Иоаннъ сказалъ на это: „Намъ о своей дочери, о томъ дѣлѣ, зачѣмъ къ папѣ посылать своего посла? о томъ дѣлѣ, о своей дочери намъ къ папѣ не посылать; а скажите брату и зятю, чтобъ, какъ намъ обѣщали, на томъ-бы и стоялъ, чтобъ за то между нами лежетья не было“. Елонина посла Ивана Сапѣгу Иоаннъ отправилъ съ такими словами: „Ивашка! привезъ ты къ намъ грамоту отъ нашей дочери, да и словами намъ отъ нея говорилъ; но въ грамотѣ иное не дѣло написано, и непригоже ей было о томъ къ намъ писать. Пишетъ, будто ей о вѣрѣ отъ мужа никакой присылки не было; но мы навѣрное знаемъ, что мужъ ея, Александръ, король посылалъ къ ней, чтобъ приступила къ римскому закону, и ни къ одной къ ней, а ко всей Руси. Скажи отъ насъ нашей дочери: „Дочка! памятуя Бога да наше родство, да нашъ наказъ, держи свой греческій законъ во всемъ крѣпко, а къ римскому закону не приступай некоторымъ дѣломъ; церкви римской и папѣ ни въ чемъ послушна не будь, въ церкви римскую не ходи, душою никому не норови, мнѣ и всему нашему роду безчестья не учини; а только по грѣхамъ что станется, то намъ и тебѣ, и всему нашему роду будетъ великое безчестье, и закону нашему греческому укоризна. И хотя бы тебѣ пришлось за вѣру и до крови пострадать, и ты бѣ пострадала. А только, дочка, пополнишься, приступишь къ римскому закону, волею или неволею, то ты отъ Бога душою погибнешь, а отъ насъ будешь въ неблагословенъ; я тебя за это не благословлю и мать не благословить; а зятю своему мы того не спустимъ: будетъ у насъ съ нимъ за то безпрестанно рать“.

Для взятія присяги съ Александра въ соблюденіи договора отправились въ Литву послы: Петръ Плещеевъ и Константинъ Заболотскій; эти послы должны были сказать Еленѣ отъ отца: „Писала ты къ намъ, что люди въ Литвѣ надѣялись всякаго добра отъ твоего приходу, а вмѣсто того къ нимъ съ тобою пришло всякое лихо. Но это дѣло, дочка, стало не тобою, — стало оно неисправленіемъ брата нашего и зятя, а твоего мужа. Я надѣялся, что какъ ты къ нему придеши, такъ тобою всей Руси, греческому закону окрѣпленіе будетъ; а вмѣсто того, какъ ты къ нему пришла, такъ онъ началъ тебя принуждать къ римскому закону, а изъ-за тебя и всю Русь началъ принуждать къ тому же. Ты ко мнѣ пишешь, что къ тебѣ отъ мужа о пережнѣи вѣры никакой присылки не было; а послы твоего мужа намъ отъ него говорили, что папа къ нему не разъ присылалъ, чтобъ онъ привелъ тебя въ послушаніе римской церкви; но если къ твоему мужу папа за этимъ не разъ присылалъ, то

это все равно, что и къ тебѣ приказываетъ. Я думалъ, дочка, что ты, для своей души, для нашего имени и родства, и для своего имени, будешь къ намъ объ всемъ писать правду; и ты, дочка, гораздо ли такъ дѣлаешь, что къ намъ неправду приказываетъ, будто къ тебѣ о вѣрѣ никакой посылки не было?“

Это были явныя рѣчи въ отвѣтъ на явныя же рѣчи и письма Елены; но послы получивъ отъ Иоанна наказъ: „Если спроситъ канцлеръ королевны Ивашка Сопѣга, есть ли къ королевѣ отвѣтъ отъ отца на тѣ рѣчи, что я отъ нея говорилъ?“ — то скажите Сопѣгѣ тихо, что отвѣтъ есть, и къ нему есть грамота отъ великаго князя. Этотъ отвѣтъ послы должны были сказать Еленѣ наединѣ; онъ состоялъ въ слѣдующемъ: „Говорилъ мнѣ отъ тебя канцлеръ твой Ивашка Сопѣга, что ты еще по нашему наказу въ законѣ греческомъ непоколебима и отъ мужа въ томъ тебѣ принужденія мало, а много тебѣ за греческій законъ укоризны отъ архіепископа Краковскаго, отъ епископа Виленскаго и отъ паповъ литовскихъ; говорятъ они тебѣ, будто ты не крещена, и нынѣ рѣчи недобрыя, да укоръ нашего закона греческаго, тебѣ говорятъ; да и къ папѣ они-жъ приказывали, чтобъ папа къ мужу твоему послала, и велѣлъ тебя привести въ послушаніе римской церкви; говорилъ онъ отъ тебя, что пока твой мужъ здоровъ, до тѣхъ поръ ты не ждешь никакого притѣсненія въ греческомъ законѣ; опасаясь одного, что если мужъ твой умретъ, тогда архіепископъ, епископы и паны станутъ тебя притѣснять за греческій законъ, и потому просини, чтобъ мы взяли у твоего мужа новую утвержденную грамоту о греческомъ законѣ, къ которой бы архіепископъ Краковскій и епископъ Виленскій печати свои приложили, и руку-бъ епископъ Виленскій на той грамотѣ далъ нашимъ боярамъ, что тебѣ держать свой греческій законъ. Это ты, дочка, дѣлаешь гораздо, что душу и имя свое бережешь, нашъ наказъ помнишь и наше имя бережешь, а я къ твоему мужу теперь съ своими боярами о грамотѣ приказалъ. Да говорилъ мнѣ отъ тебя Сопѣга, что свекровь твоя уже стара, а которые города за нею въ Польнѣ, тѣ города всегда бываютъ за королевами, — такъ чтобъ я приказалъ твоему мужу, если свекровь не станеть, то онъ эти города отдастъ бы тебѣ. Дай Богъ, дочка, чтобъ я здоровъ былъ, да мой сынъ, князь великій Василій, и мои дѣти, твои братья, да твой мужъ и ты; какъ будетъ намъ пригоже о томъ приказать къ твоему мужу, и мы ему о томъ прикажемъ“.

Послы должны были также передать Еленѣ отъ отца порученіе: „Сынъ мой, Василій, и дѣти мои, Юрій и Дмитрій, твои братья, уже дотога выросли, что ихъ слѣдуетъ женить, и я хочу ихъ женить, гдѣ будетъ пригоже; такъ ты бы, дочка, разузнала, у какихъ государей греческаго закона или римскаго закона будутъ дочери, на которыхъ бы было пригоже мнѣ сына Василія женить“. Послы получили наказъ насчетъ того же дѣла: „Были у Венгер-

скаго короля Матвѣя дѣти Степана, Сербскаго деспота, Юрій да Иванъ; Иванъ постригся еще во время Матвѣя короля, а Георгій женился и дѣтей прижилъ; такъ посламъ развѣдывать накрѣпко: Юрій, деспотъ въ Венгріи, живъ ли еще и есть ли у него дѣти, сыновья или дочери, сыновья женаты ли, а дочери замужемъ-ли. Если королева Елена укажетъ государей, у которыхъ дочери есть, то спросить, какихъ лѣтъ дочери; да о матеряхъ ихъ и о нихъ самихъ не было ли какой дурной молвы?" Елена отвѣчала: „Развѣдывала я про дѣтей деспота Сербскаго, но ничего не могла допытаться. У маркграфу Бранденбургскаго, говорятъ, пять дочерей: большая—осмнадцати лѣтъ, хрома, нехороша; подь большею—четырнадцати лѣтъ, изъ себя хороша (парсуною ее повѣдаютъ хорошу). Есть дочери у Баварскаго князя, какихъ лѣтъ—не знаютъ, матери у нихъ пѣтъ; у Стетинскаго князя есть дочери, слава про мать и про нихъ добра. У Французскаго короля—сестра, обручена была за Альбрехта, короля Польскаго, собою хороша да хрома, и теперь на себя чепецъ положила, пошла въ монастырь. У Датскаго короля его милость, батюшка, лучше меня знаетъ, что дочь есть“. Когда посоль сказалъ Еленѣ, чтобъ она послала въ Венгрію развѣдать о деспотовыхъ дочеряхъ и къ маркграфу Бранденбургскому, и къ другимъ государямъ, то она отвѣчала: „Что ты мнѣ говоривъ, какъ мнѣ посылать? если бы отецъ мой былъ съ королемъ въ мирѣ, то я послала бы. Отецъ мой лучше меня самъ можетъ развѣдать. За такого великаго государя кто бы не захотѣлъ выдать дочь? Да у нихъ въ Латыни такъ крѣпко, что безъ панна вѣдома никакъ не отдадутъ въ греческій законъ; насъ укоряютъ безпрестанно, зовутъ насъ нехристями. Ты государю моему скажи: если пошлетъ къ маркграфу, то велѣлъ бы отъ старой королевы гайтаться, потому что она больше всѣхъ греческій законъ укоряетъ“. Елена давала отцу также своего рода порученія; однажды московскій посоль долженъ былъ сказать ей отъ отца: „Приказывала ты ко мнѣ о горностаехъ и о бѣлкахъ, и я къ тебѣ послалъ 500 горностаевъ да 1,500 подпалей; приказывала ты еще, чтобы прислать тебѣ соболя чернаго съ ногами передними и задними и съ когтями; но смерды, которые соболей ловятъ, ноги у нихъ отрѣзываютъ; мы имъ приказали соболей черныхъ добывать, и, какъ намъ ихъ привезутъ, мы къ тебѣ пошлемъ сейчасъ же. А что ты приказывала о кречетахъ, то теперь ихъ нельзя было къ тебѣ послать: еще путь не установился; а какъ путь уставится, то я къ тебѣ кречетовъ пришлю сейчасъ же“.

Съ мужемъ Еленинымъ у Иоанна происходили безпрерывныя сношенія, предметомъ которыхъ попеременно были ссоры между пограничными жителями, не перестававшими нападать другъ на друга. Однажды Александръ прислалъ сказать тестю, что уже пора ему возвратитъ Лятвѣ взятыя у нея на перемирному договору волости, что ему, Александру, жаль своей отчины. Иоаннъ велѣлъ отвѣ-

чать, что и ему также жаль своей отчины, Русской Земли, которая за Литвою, Кіева, Смоленска и другихъ городовъ. Въ другой разъ Александръ прислалъ жаловаться, что его намѣстникъ Кричевскій, Евстаѳій Дашковичъ, измѣнилъ ему, убѣждалъ вѣстѣ съ другими кричевскими дворянами въ Москву, пограбивши пограничныхъ литовскихъ жителей. Иоаннъ отвѣчалъ: „Въ нашихъ перемирныхъ грамотахъ написано такъ: вора, бѣглеца, холопа, рабу, должника по исправѣ выдать; Евстаѳій же Дашковичъ у короля человекъ былъ знатный, воеводою бывалъ во многихъ мѣстахъ на Украинѣ, а лихаго имени про него мы не слышали никакого; держалъ онъ отъ короля большіе города, а къ намъ пріѣхалъ служить добровольно, и сказывается, что никому никакого вреда не сдѣлалъ. И прежде, при насъ и при нашихъ предкахъ и при королевыхъ предкахъ, на обѣ стороны люди ѣздили безъ отказовъ; такъ и Дашковичъ къ намъ пріѣхалъ теперь, и потому онъ нашъ слуга“¹⁾.

Какъ Иоаннъ смотрѣлъ на перемиріе съ Литвою, видно изъ наказовъ посламъ, отправлявшимся въ Крымъ: если Менгли-Гирей захочетъ идти на Литовскую Землю, то не отговаривать, только пойти самому съ татарскимъ войскомъ. Если пріѣдутъ литовскіе послы въ Крымъ за перемиріемъ, то говорить Менгли-Гирею, чтобъ онъ не мирился; а если онъ скажетъ, что великій князь перемиріе взялъ, то отвѣчать: „Великому князю съ Литовскимъ прочнаго мира нѣтъ; Литовскій хочетъ у великаго князя тѣхъ городовъ и земель, что у него взяты, а князь великій хочетъ у него своей отчины, всей Русской Земли; взялъ же съ нимъ теперь перемиріе для того, чтобъ люди поотдохнули, да чтобъ взятые города за собою укрѣпить; которые были пожжены, тѣ онъ снова оградилъ, иные дѣтямъ своимъ отдалъ, въ другихъ воеводѣ посажалъ; а которые люди были недобры, тѣхъ онъ вывелъ, да всѣ города насадилъ своими людьми... Съ кѣмъ Александру стоять?—вѣдома намъ литовская сила“. Дѣтей ханскихъ посоль долженъ былъ уговаривать, чтобъ не давали отцу мириться съ Литвою: „Вѣдывамъ тогда не воевать,—такъ у васъ весь прібытокъ отойдетъ“²⁾.

Иоаннъ имѣлъ право говорить: „Съ кѣмъ Александру стоять?“—ибо королю было мало надежды и на помощь самаго дѣятельнаго союзника, магистра Ливонскаго. Мы видѣли³⁾, что въ 1460 году съ Нѣмцами ливонскими было заключено перемиріе на пять лѣтъ; но еще не дошло двухъ лѣтъ до перемирнаго сроку, какъ начались опять ссоры у Псковичей съ Нѣмцами: въ Дерптѣ посадили въ тюрьму посла и гостя псковскаго; Псковичи посадили въ тюрьму нѣмецкаго гостя, и, вслѣдъ за тѣмъ, зимою, явилась нѣмецкая рать къ Новому городку, и начала бить пушками въ его стѣны. Получивши вѣсть, что Нѣмцы подь Новымъ Городкомъ, Пско-

¹⁾ Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи, I, № 292.

²⁾ Крымскія дѣла, I, стр. 1050—1128.

³⁾ Исторія Россіи, т. IV, стр. 1110.

вичи собрались насѣдѣхъ съ двумя посадниками, въ небольшомъ числѣ, и поѣхали туда; а Нѣмцы, услышавъ, что идетъ псковская сила, отбѣжали отъ города и запасъ свой кинули. Но скоро опять пришла вѣсть, что Нѣмцы воюють псковскія села; тогда Псковичи, собравшись съ пригорожанами, пошли къ Городку, но Нѣмцевъ уже не нашли: тѣ убѣжали въ свою Землю. Посадники и Псковичи стали думать: куда бы пойти за ними, — и рѣшили идти къ Воронью Камню. Когда вся псковская сила была уже на озерѣ, пришелъ доброхотъ изъ-за рубежа, Чудинъ, и сказалъ, что сила нѣмецкая собралась и хочетъ въ ночь ударить на Колпино; Псковичи возвратились, пошли къ Колпину и, подошедши къ нему на разсвѣтѣ, увидали, что Нѣмцы жгутъ и воюють по волости, церковь колпинскую зажгли и добычи много набрали. Псковичи, немедля ни мало, ударили на Нѣмцевъ, обратили ихъ въ бѣгство и гнали 15 верстъ по двумъ дорогамъ. „Не дивно ли и не достойно ли памяти, говорить лѣтописецъ, что въ такой страшной сѣчѣ изъ псковской рати не было убитъ ни одинъ человекъ, тогда какъ нѣмецкіе трупы лежали мостомъ“. Въ то же время другая псковская рать, охочіе люди, ходили также воевать Нѣмецкую волость и возвратились съ большимъ полономъ, а воеводою у нихъ былъ Иваншко дьякъ; Изборяне, съ своей стороны, пожгли и поплѣнили около Поваго Городка нѣмецкаго. Въ старину этимъ и кончилось бы дѣло, опять до новаго набѣга Нѣмцевъ; но теперь Нѣмцы начали войну уже не съ однимъ Псковомъ; Псковъ находился теперь подъ властію великаго князя Московскаго, бралъ намѣстника отъ его руки. — и вотъ, по челобитью Псковичей, явился къ нимъ московскій воевода, Федоръ Юрьевичъ, съ полками, и пошелъ съ ними за Великую, рѣку, къ Новому Городку нѣмецкому. До сихъ поръ Нѣмцы приходили осаждать Псковъ и его пригороды, Псковичи довольствовались обыкновенно опустошеніемъ селъ; но теперь Псковичи съ московскимъ войскомъ осадили нѣмецкій городъ, стали бить его стѣны пушками. Осада была неудачна: простоявши четверо сутокъ, Псковичи выстрѣлили изъ большой пушки въ стѣну — и пушку разорвало; послѣ этого приключенія отошла вся сила отъ Городка, потому что былъ онъ крѣпокъ, захѣчаетъ лѣтописецъ.

Но, въ то время, какъ главная псковская рать была съ московскимъ воеводою подъ Городкомъ, въ Псковѣ вспомнили старый обычай и отпустили охочихъ людей, съ посадникомъ Дорогосемъ Елеверичемъ, въ лодкахъ, воевать Нѣмецкую Землю; кромѣ своихъ охочихъ людей, набралось много пришлыхъ: въ то время удалцы, почуявъ рать, возможность добычи, собирались изъ разныхъ мѣстъ. Соединившись съ псковскими охочими людьми, эти прихожіе люди много воевали Нѣмецкую Землю и, узнавъ, что главная сила отступила отъ Городка, возвратились назадъ съ большою добычею. Потомъ, услышавъ, что Нѣмцы нанали на берега Наровы, Псковичи собрались было ѣхать туда, какъ явился

гонецъ отъ Ордена съ просьбою, чтобъ нѣмецкимъ послать вольно было пріѣхать въ Псковъ на переговоры (переговоры о мирѣ) и опять отѣхать; Псковичи дали ему на томъ руку, что вольно будетъ послать пріѣхать и отѣхать. И по той рукѣ прислалъ магистръ пословъ своихъ, честныхъ людей и Нѣмцевъ добрыхъ бить челомъ воеводѣ великаго князя и намѣстнику, и всему Пскову, чтобъ не воевать болѣе съ Юрьевцами (жителями Дерпта), и не гибли бы головы съ обѣихъ сторонъ. Перемиріе было заключено на 9 лѣтъ; епископъ Дерптскій обязался давать дань великому князю по старинѣ, Русскій конецъ въ своемъ городѣ и русскія церкви также держать по старинѣ, по старымъ грамотамъ, а не обижать. Воевода московскій, князь Федоръ Юрьевичъ, сказалъ Псковичамъ на вѣчѣ: „Мужи Псковичи, отчина великаго князя, добровольные люди! Богъ жаловалъ и Святая Живоначальная Троица, князя великаго здоровьемъ съ Нѣмцами управу взяли вы по своей волѣ, а теперь на вашей чести вамъ челомъ бую“, — и поѣхалъ въ Москву; Псковичи проводили его съ большою честью и, на прощаньи, дали тридцать рублей, да боярамъ, которые при немъ были, дали всѣмъ пятьдесятъ рублей.

Еще не вышелъ срокъ перемирія, какъ Нѣмцы, въ 1469 году, пришли ратью на Псковскую Землю, побили у Псковичей 26 человекъ и хоромы пожгли: привели ихъ свои перевѣтчики — какой-то Иванъ Подкурскій да Иванъ Торгоша; Псковичи сначала никакъ не могли подозрѣвать этихъ людей въ измѣнѣ, потому что самъ Торгоша и вѣсть привезъ въ городъ о нападеніи Нѣмцевъ, за что получилъ деньги: только черезъ полтора года открылось, что эти люди, живя на рубежѣ, передавали Нѣмцамъ обо всемъ, что дѣлается въ Псковской области; когда измѣна ихъ открылась, то Подкурскаго замучили на бревнѣ, а Торгошу за лытки на льду повѣсили. Набѣгъ Нѣмцевъ не имѣлъ впрочемъ никакихъ слѣдствій; въ 1471 году пріѣхалъ въ Псковъ посолъ отъ магистра и объявилъ на вѣчѣ, что князь мстерскій хочетъ устроить себѣ столяръ въ Вельядѣ (Феллинѣ), переѣхать туда изъ Риги; хочетъ держать съ Псковичами миръ крѣпкій, но требуетъ, чтобъ они уступили ему нѣкоторыя земли и воды¹⁾. Псковичи дали отвѣтъ: „Водень князь мстерскій — гдѣ хочетъ, тамъ и живетъ, и княженіе держать, городъ ему свой; а что онъ тамъ о землѣ и водѣ говоритъ, то земля и вода Святой Троицы, псковская вотчина, добыта трудомъ великихъ князей всея Руси, тамъ у насъ теперь и города стоятъ; а миръ мы хотимъ держать до срока“. Въ 1473 году былъ съѣздъ посламъ ливонскимъ и псковскимъ въ Нарвѣ, но не могли ни въ чемъ согласиться и разѣхались безъ мира. Тогда Псковичи отрядили пословъ въ Москву быть челомъ великому князю, чтобъ оборонилъ ихъ и на коня съѣлъ за дождь Свя-

¹⁾ П. С. Р. Л. IV, 237: «Тако ииѣи князю Мстеру какъ за Краснымъ городкомъ земли не отступитесь, тако и во Жалачкѣ Велневицкой не въводите ловитя».

тыя Троицы, какъ и прежде его прародители стояли противъ Нѣмцевъ; вслѣдствие этого делобитья, въ концѣ того же года, знаменитый воевода московскій, князь Данило Димитріевичъ Холмской, явился въ Псковъ съ большимъ войскомъ, какого никогда еще не видывали Псковичи. Сначала было отъ него Пскову тяжко, ратники начали-было дѣлать разныя насилія, грабить, потому что съ Москвичами пріѣхало много Татаръ; но потомъ воеводы и ратные люди стали брать у посадниковъ всё кормы по уговору. Убитки Псковичей были вознаграждены тѣмъ, что Нѣмцы испугались московской силы и прислали просить мпра на всей волѣ Псковичей: князь мистеръ велѣлъ объявить, что отступается отъ земли и воды Св. Троицы и Псковичей, своихъ сосѣдей, обязывается изъ своей волости тайно пива и меду не пускать, путь псковскимъ посламъ и гостямъ давать чистый, колоду (заставу) отложить по всей своей державѣ. Заключили договоръ на тридцать лѣтъ; договоръ этотъ дошелъ до насъ¹⁾: „Государи наши (говорится въ грамотѣ), благовѣрные великіе князья Русскіе и Цари, Иванъ Васильевичъ, и сынъ его, Иванъ Ивановичъ, прислали воеводу своего, князя Данила Димитріевича, со многими князьями и боярами, въ домъ Св. Троицы, въ свою отчину, Великій Новгородъ и Псковъ, оборонять свою отчину, обидъ своихъ поискать на Нѣмцахъ на Юрьевцахъ, своихъ даней и старыхъ даней, своихъ залоговъ (недоимокъ), и новгородскихъ старинъ, и псковскихъ обидъ и старинъ. И прислали честной бискупъ Юрьевскій и посадники и всё Юрьевцы пословъ своихъ, и прикончили миръ на тридцать лѣтъ такъ: Святыя Вожиіи церкви въ Юрьевѣ, въ Русскомъ концѣ, и Русскій конецъ держать имъ честно по старинѣ и по крестному цѣлованію, а не обижать. Дани благовѣрныхъ великихъ князей, Русскихъ Царей, старые залогы честному бискупу Юрьевскому за восемь лѣтъ отдать тотчасъ же, по крестному цѣлованію, а отъ этого времени благовѣрнымъ великимъ князьямъ, Русскимъ Царямъ на честномъ бискупѣ Юрьевскомъ дань свою брать, по старинѣ, по тому крестному цѣлованію. А новгородскому послу и гостю по Юрьевской Землѣ путь чистъ на Юрьевъ, со всякимъ товаромъ, водою и горою (сухимъ путемъ); между Псковомъ и Юрьевымъ земли и воды по старый рубежъ“ и проч.

Тридцатилѣтнее перемиріе не продолжалось и шести лѣтъ; начались скоро несогласія: въ нѣмецкихъ городахъ задерживали псковскихъ купцовъ, отнимали у нихъ товары, но открытаго разрыва еще не было, какъ вдругъ, 1-го января 1480 года, Нѣмцы явились печально передъ Вышгородкомъ, взяли его, сожгли, жителей перебили. Ночью пріѣхалъ гонецъ въ Псковъ: „Господа Псковичи! городокъ Нѣмцы взяли!“—и, въ ту же ночь, посадники дважды собрали вѣче, гдѣ рѣшили выступить немедленно; но, какъ часто и прежде бывало, Псковичи уже не нашли Нѣмцевъ въ Вышгородкѣ. Въ

ту же зиму нѣмецкая рать явилась подъ Гдовомъ, остунила городокъ, начала бить пушками, пожгла посады. Псковичи послали гонца къ великому князю въ Новгородъ просить силы на Нѣмцевъ; Иоаннъ прислалъ воеводу, который соединился съ псковскою ратью, пошелъ на Юрьевскую волость и взялъ приступомъ замокъ нѣмецкій: много добра вывезли изъ него Псковичи, и пушекъ, и зелья пушечнаго, а Нѣмцы сами дались руками, увидавши свое изнеможеніе. Сожегши замокъ, Русскіе пошли подъ Юрьевъ; города не взяли, но страшно опустошили окрестности: воевода московскій и его сила много добра повезли въ Москву съ собою, Чуди и Чудокъ и ребячь головами повели многое множество безъ числа, говорить лѣтописецъ²⁾; Псковичи также возвратились съ большою добычею. По Нѣмцы ждали только ухода московской рати, чтобъ отплатить Псковичамъ: магистръ Бернгардъ фонъ-денъ-Ворхъ пришелъ подъ Изборскъ; не могши взять города, Нѣмцы пошли пагитъ окрестности; Псковичи, увидавъ дымъ и огонь, выступили изъ города, встрѣтились съ Нѣмцами у озера, и, послѣ стычки сторожевыхъ полковъ, главная рать и нѣмецкая, и псковская, разошлись по домамъ безъ боя. Лѣтомъ Нѣмцы пришли опять и начали жечь псковскіе городки: въ городкѣ Кобыльемъ погибло въ пламени безъ малаго 4,000 душъ; въ августѣ мѣсяцѣ пришелъ магистръ со всею Землею подъ Изборскъ, но, простоявъ понапрасну два дня у города, осадилъ Псковъ. Нѣмцы били въ стѣны пушками, подѣвжали къ нимъ въ лодкахъ, но также ни въ чемъ не успѣли; Псковичи обратили ихъ въ бѣгство и отняли лодки; по свидѣтельству нѣмецкаго лѣтописца, магистръ приводилъ подъ Псковъ сто тысячъ войска³⁾. На этотъ разъ метили не одни Псковичи ничтожнымъ пограничнымъ пабѣгомъ: въ предѣлахъ Ливоніи явилась двадцатитысячная псковская рать, которая, вѣстѣ съ Новгородцами и Псковичами, гостила четыре недѣли въ Нѣмецкой Землѣ, безъ встрѣчи съ непріателемъ въ полѣ, взяли два города—Феллинъ и Тарвасть, и много золота и серебра вынесли изъ этихъ городовъ, а другого добра—и счесть нельзя; въ плѣнъ взяли также безчисленное множество Нѣмцевъ и Нѣмокъ, Чуди и Чудокъ, и дѣтей малыхъ. Нѣмецкій лѣтописецъ въ тѣхъ же чертахъ описываетъ это впаденіе русскихъ войскъ въ Ливонію; онъ говоритъ: „Сбылось на магистрѣ фонъ-дери-Ворхѣ слово Соломоново: человекъ и конь готовятся къ битвѣ, но бѣда исходитъ отъ Господа; собралъ магистръ противъ Русскихъ силу, какой прежде него никто не собиралъ,—и что же онъ съ нею сдѣлалъ“⁴⁾?

Нѣмцы заключили десятилѣтнее перемиріе въ 1482 году; когда срокъ приближился къ концу, въ 1492 году Иоаннъ велѣлъ заложить на границѣ, противъ Нарвы, каменную крѣпость съ высокими башнями и назвалъ по своему имени, И в а н ь-г о-

²⁾ П. С. Р. Л. IV, 263.

³⁾ Russow, p. 31.

⁴⁾ Ibid.

¹⁾ Акты, относящ. къ исторіи Запада. Россіи, I, № 69.

родомъ. Нѣмцы однако предложили возобновить перемирие еще на десять лѣтъ, и договоръ былъ заключенъ въ 1493 году; грамота дошла до насъ; въ ней говорится, что: „по Божіей волѣ и повелѣнію великаго государя, Царя Русскаго, пріѣхали въ Великій Новгородъ къ великому князю, намѣстникамъ, боярамъ, жителямъ, купцамъ и ко всему Великому Новгороду (старинная форма еще сохранилась!) послы нѣмецкіе, добились челомъ великокняжескимъ намѣстникамъ и заключили съ ними перемирие за всю Новгородскую державу. Землѣ и водѣ Великаго Новгорода съ княземъ и с т р о м ъ старый рубежъ: изъ Чудскаго озера стерженемъ Наровы рѣки въ Соленое море; церкви русскія въ мистровѣ державѣ, въ архіепископской державѣ и въ бискупскихъ державахъ,—повсюду держать по старинѣ, а не обижать; если Нѣмчинъ у Новгорода бороду выдереть, и, по суду, по исправѣ, Нѣмчинъ окажется виноватымъ, то отсѣчь ему руку за бороду“ и проч. ¹⁾ Но въ томъ же году начались непріятности: по нѣмецкимъ извѣстіямъ, въ Ревелѣ сожгли одного Русскаго, уличенаго въ гнусномъ преступленіи, а когда другіе Русскіе жаловались на это, то Ревельцы отвѣчали имъ: „Мы сожгли бы вашего князя, еслибъ онъ у насъ сдѣлалъ то же“. Эти слова были перенесены Иоанну и сильно раздражали его противъ Нѣмцевъ. Русскій лѣтописецъ говоритъ, что Ревельцы купцамъ новгородскимъ многія обиды чинили и поруганія, нѣкоторыхъ живыхъ въ котлахъ варили безъ обыски съ великимъ княземъ и безъ обыску; также было поруганіе и посламъ великокняжескимъ, которые ходили въ Римъ и Нѣмецкую Землю; да и старымъ купцамъ новгородскимъ много было обидъ и разбоевъ на морѣ ²⁾. Иоаннъ требовалъ, чтобъ Ливонское правительство выдало ему ревельскій магистратъ, и получилъ отказъ; въ то же время Иоаннъ заключилъ союзъ съ королемъ Датскимъ, врагомъ Ганзы, который, предлагая помощь въ войнѣ противъ Швеціи, уступая Москвѣ важную часть Финляндіи, требовалъ, чтобъ Иоаннъ за это дѣйствовалъ противъ ганзейскихъ купцовъ въ Новгородѣ ³⁾. Велѣдъ за извѣстіемъ о возвращеніи русскихъ пословъ изъ Копенгагена вмѣстѣ съ датскимъ посломъ и о привезеніи ими докопальныхъ грамотъ, встрѣчаемъ извѣстіе, что великій князь, въ 1495 году, подъ предлогомъ неисправленія Ревельцевъ, велѣлъ схватить въ Новгородѣ всѣхъ Нѣмцевъ-купцовъ, которыхъ было тамъ 40 человекъ изъ 13 городовъ, посадить ихъ въ тюрьмы, гостиные дворы и божницу отнять, товары переписать и отвезти въ Москву.

¹⁾ Акты относящ. къ истор. Запад. Россіи, I, № 112.

²⁾ Никои. VI, 141.

³⁾ Далина—Gesch. des R. Schw. II, 632: первый союзный договоръ съ Датскимъ королемъ Иоанномъ былъ заключенъ въ 1493 г.; въ силу его, Московскій В. Князь, называемый въ договорѣ Императоромъ всея Руси, и Король Датскій обязались быть заодно противъ Стурова, господствовавшихъ въ Швеціи, и противъ В. Князя Литовскаго. См. С. г. г. и д. V, № 110.

Московскій великій князь только-что заключилъ тогда выгодный миръ и союзъ, политической и родственной, съ великимъ княземъ Литовскимъ, съ Данию былъ также въ союзѣ, и потому Орденъ не осмѣлился вооруженною рукою мстить ему за купцовъ своихъ; онъ только чрезъ пословъ своихъ упрашивалъ о ихъ освобожденіи, вмѣстѣ съ послами городовъ Ганзейскихъ и великаго князя Литовскаго; Иоаннъ велѣлъ освободить купцовъ, но товаровъ имъ не отдали. Орденъ молчалъ, хотя видѣлъ страшную опасность, которою грозила ему Москва; Кенигсбергскій командоръ писалъ къ своему магистру: „Старый государь Русскій вмѣстѣ со внукомъ своимъ управляетъ одинъ всѣми землями, а сыновей своихъ не допускаетъ до правленія; не даетъ имъ удѣловъ; это для магистра Ливонскаго и Ордена очень вредно: они не могутъ устоять предъ такою силою, сосредоточенною въ однихъ рукахъ“. Вслѣдствіе этого сознанія своей слабости, Орденъ не могъ ничего предпринять до самаго того времени, когда новый разрывъ между Литвою и Москвою далъ ему надежду на возможность успѣха въ войнѣ съ послѣдней. Въ 1501 году магистръ Вальтеръ-фонъ-Плеттенбергъ заключилъ союзъ съ Александромъ Литовскимъ и объявилъ Московскому государю войну тѣмъ, что задержалъ въ своихъ владѣніяхъ псковскихъ купцовъ; Псковичи послали гонца въ Москву съ этимъ извѣстіемъ, и великій князь выслалъ къ нимъ на помощь воеводъ—князей Василія Шуйскаго и Данила Пенко. Въ 10 верстахъ за Изборскомъ встрѣтились русскіе воеводы съ Плеттенбергомъ; Псковичи первые схватились съ непріятелемъ, и первые побѣжали, потерявши посадника; Нѣмцы, говорить лѣтописецъ, напустили вѣтеръ на русскую силу и шель изъ пушекъ и пищалей; когда, послѣ бѣгства Псковичей, Нѣмцы обратилъ пушки и пищали на московскую силу, то была туча велика, грозна и страшна отъ стука пушечнаго и пищальнаго, что заставило и Москвичей обратиться также въ бѣгство. Изъ этого разсказа ясно видно, что дѣло было рѣшено нѣмецкою артилеріею, съ которою тогдашній русскій рядъ не могъ соперничать.

На другой день Нѣмцы пошли къ Изборску; но Изборяне сами сожгли свой посадъ и отбились; счастливѣе былъ Плеттенбергъ подъ Островомъ: ему удалось взять и сжечь городъ, причѣмъ погибло 4,000 Русскихъ. Отъ Острова Нѣмцы возвратились къ Изборску, ночевали подъ нимъ одну ночь и отступили, оставивъ засаду. Когда, на другой день, Изборяне пришли въ непріятельскій станъ и разсѣялись по немъ, Нѣмцы выскочили изъ засады и перебили ихъ или перехватили. Но Плеттенбергъ не могъ воспользоваться этою удачею: онъ поспѣшилъ назадъ, потому что въ полкахъ его открылся кровавый поносъ, отъ котораго занемогъ и самъ магистръ. Сильно загоревали Ливонцы, когда узнали о возвращеніи большого магистра съ большою ратью: они боялись мести отъ Москвы,—и не напрасно. Великій князь выслалъ новую рать съ

княземъ Александромъ Оболенскимъ и отрядъ татарскій; подъ городомъ Гелмедомъ встрѣтилось московское войско съ нѣмецкимъ, и, несмотря на то, что въ первой схваткѣ убитъ былъ воевода Оболенскій, Русскіе остались побѣдителями и десять верстъ гнали нѣмцевъ; по словамъ исковскаго лѣтописца, изъ непріятельской рати не осталось даже и вѣстопоши (вѣстника), который бы далъ знать магистру объ этомъ несчастіи; ожесточенный Исковичъ пишетъ, что Москвичи и Татары сѣлки враговъ не саблями свѣтлыми, но, какъ свиней, шестоперами ¹⁾. По словамъ нѣмецкаго лѣтописца, потеря Русскихъ въ этомъ сраженіи простиралась до 1,500 человекъ; но онъ же говоритъ, что тогда Ливонія лишилась 40,000 жителей убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ Русскими ²⁾.

Между тѣмъ Плеттенбергъ оправился и, въ томъ же году, явился съ пятнадцатитысячнымъ войскомъ подъ Изборскомъ. Нѣмцы приступили къ городу усердно, но, простоявъ подъ нимъ только одну ночь, отошли и осадили Псковъ; Псковичи сами зажгли предмѣстья и отбивались до тѣхъ поръ, пока Плеттенбергъ, слышавъ о приближеніи московскихъ воеводъ, князей Даниила Щени и Василія Шуйскаго, отступилъ отъ города. На берегахъ озера Смялина настигли его эти воеводы и принудили къ битвѣ; битва была одна изъ самыхъ кровопролитныхъ и ожесточенныхъ: небольшой, въ сравненіи съ русскими войсками, отрядъ нѣмцевъ бился отчаянно и устоялъ на мѣстѣ.

Со славою отступилъ Плеттенбергъ къ своимъ граппдамъ, но со славою бесполезно: Орденъ, могшій бороться со Псковомъ, не могъ теперь бороться съ Московскимъ государствомъ, даже и въ союзѣ съ Польшею и Литвою, который оказался бесполезнымъ. Великій магистръ Прусскій писалъ къ папѣ: что Русскіе хотятъ или покорить всю Ливонію, или если не смогутъ этого по причинѣ крѣпостей, то хотятъ вконецъ опустошить ее, пребивши или отведши въ плѣнъ всѣхъ сельскихъ жителей; что они уже проникли до половины страны; что магистръ Ливонскій не въ состояніи противиться такимъ силамъ, отъ сосѣдей же плохая помощь; что христіанство въ опасности, и потому святой отецъ долженъ провозгласить или крестовый походъ, или юбилей.—Александръ Литовскій долженъ былъ просить мира у тестя, но, по договору, онъ не могъ мириться безъ Ливоніи, и, въ январѣ 1503 года, Иоаннъ далъ опасный листъ нѣмецкимъ посламъ въ такой формѣ: „Иоаннъ, Божіею милостію Царь и государь всея Руси и великій князь (слѣдуетъ обычный титулъ), и сынъ его, князь великій Василій Ивановичъ, царь всея Руси, магистру Ливонской Земли, архіепископу и епископу Юрьевскому и инымъ епископамъ и всей Землѣ Ливонской. Присылали вы бить челомя къ брату нашему и зятю, Александру, королю

Польскому и великому князю Литовскому о томъ, что хотите къ намъ слать бить челомя своихъ пословъ. И мы вамъ на то листъ свой опасный дали“. Послы нѣмецкіе пріѣхали вмѣстѣ съ литовскими и ждали до тѣхъ поръ, пока кончились переговоры съ послѣдними насчетъ шестилѣтняго перемирія. Когда грамоты были написаны, канцлеръ Сапѣга сказалъ дьякамъ, чтобъ князь великій велѣлъ теперь говорить съ нѣмцами, потому что до тѣхъ поръ литовскимъ посламъ нельзя будетъ запечатать грамотъ, пока не будетъ разговора съ нѣмцами о перемирії. На другой день великій князь велѣлъ нѣмецкимъ посламъ быть у себя на дворѣ, и выслать къ нимъ бояръ и дьяковъ для переговоровъ; на третій день послѣ этихъ переговоровъ посолъ венгерскій подалъ Иоанну слѣдующую записку: „Послы князя магистра Ливонскаго были вчера у меня и объявили, что бояре вашей милости, разговаривая съ нами, господаря ихъ и ихъ самихъ позорили, и многія неприличныя слова говорили; я, государь, очень удивляюсь, если это случилось съ позволенія твоей милости! Прошу, пресвѣтлый великій князь, положить конецъ вѣмъ этимъ дѣламъ, которыя мѣшаютъ дѣйствіямъ христіанскихъ государей противъ невѣрныхъ, потому что посламъ королевскимъ нельзя ни на что рѣшиться безъ ливонскихъ“.

Иоаннъ велѣлъ отвѣчать посламъ венгерскому и польскому: „Вы говорили, чтобъ мы велѣли съ лифляндскими нѣмцами взять перемирье на шесть лѣтъ; мы у нѣмецкихъ пословъ рѣчи выслушали, и, для свойства съ зятемъ своимъ Александромъ-королемъ, велѣли намѣстникамъ своимъ, новгородскому и исковскому, и отчинамъ своимъ, Великому Новгороду и Пскову взять съ Ливонскою Землею перемирие на шесть лѣтъ по старинѣ, какъ было прежде. А нѣмцы говорили, что этого прежде не было да и теперь нельзя быть; вы послушайте ихъ рѣчи, что они говорили! Они говорили, что пріѣхали не бить челомя намъ о перемирьи, но будто присилъ магистръ Александръ-король, чтобъ онъ съ нами перемирие взялъ; и они хотятъ съ нами перемирие взять, а не съ нашими намѣстниками и отчинами. А вотъ вамъ грамоты перемирныя, какъ прежде магистръ и вся Ливонская Земля присылали къ нашимъ намѣстникамъ и нашимъ отчинамъ бить челомя о перемирьи; и вы сами посмотрите, гораздо ли они такъ говорили.“ Грамоты были принесены, послы прочли ихъ и объявили, что нѣмцы вчера говорили пегораздо; грамотамъ пригоже быть такимъ, какія въ старину бывали, и заключать имъ перемирье въ Новгородѣ; при этомъ послы венгерскіе и польскіе сказали, чтобъ дали имъ списокъ, какимъ быть перемирнымъ грамотамъ; желаніе ихъ было исполнено, и тогда они объявили, что дѣло нѣмецкое кончено ³⁾.

Мы упоминали уже о союзѣ Иоанна Московскаго

¹⁾ П. С. Р. Л. VI, 275.

²⁾ Russow, p. 33.

³⁾ Акты, относящ. къ истор. Западн. Россіи, I, № 191.— Supplementum ad histor. Russiae Monumenta, № CXXI—CXXXIII.

съ Иоанномъ королемъ Датскимъ, цѣлью котораго было общее дѣйствіе противъ шведскихъ правителей Стуровъ. Датскій король искалъ Шведскаго престола; неизвѣстно чѣмъ возбуждена была неприязнь къ Швеции Московскаго государя: только въ 1496 г., по заключеніи союза съ Данією, онъ отправилъ троихъ воеводъ осаждать Выборгъ; Русскіе опустошили окрестную страну, но не могли взять города, который осаждали три мѣсяца, употребляя при этомъ огромныя пушки, въ 24 фута длиною. Въ слѣдующемъ году новое русское войско вторгнулось въ Финляндію, упостило ее до Тавастгуса и поразило шведское войско, истребивъ въ немъ 7,000 человекъ вмѣстѣ съ начальникомъ; тогда какъ полки, составленные изъ Устюжанъ, Двинянъ, Онежанъ и Важанъ, отправились изъ устьевъ Двины моремъ въ Каянію, на десять рѣкъ, повоевали берега осми рѣкъ, а жителей береговъ Лименги привели въ русское подданство. Шведы отомстили въ томъ же году: Свангъ Стуръ явился на семидесяти бусахъ въ устья Наровы и осадилъ новостроенный Иванъ-Городъ, гдѣ начальствовали князь Юрій Вабитъ; этотъ воевода, видя, что дома начинаютъ горѣть отъ дѣйствія шведскихъ пушекъ, испугался и бѣжалъ изъ города, который былъ занятъ и разграбленъ непріятелемъ; двое другихъ русскихъ воеводъ стояли близко, но не оказали никакой помощи. Шведы впрочемъ скоро сами покинули свое завоеваніе ¹⁾. Война кончилась, когда король Датскій достигъ своей цѣли, — сдѣлался королемъ Шведскимъ; что выигралъ отъ этого союзникъ его, — не извѣстно.

Извѣстія намъ подробности сношеній Московскаго двора съ Австрійскимъ, начавшихся въ княженіе Іоанна III-го. Можно сказать, что Сѣверо-Восточная Россія, или Московское государство, для западныхъ европейскихъ державъ было открыто въ одно время съ Америкой. При императорскомъ дворѣ знали, что Русь подвластна королю Польскому и великому князю Литовскому, но не знали, что на сѣверо-востокѣ есть еще самостоятельное Русское государство до тѣхъ поръ, пока, въ 1486 г., не пріѣхалъ въ Москву рыцарь Николай Поппель, посѣщавшій изъ любопытства отдаленныя страны и имѣвшій при себѣ свидѣтельство отъ императора Фридриха III-го. Этому свидѣтельству въ Москвѣ дурно вѣрили, подозревали, не подославъ ли Поппель отъ Польскаго короля съ какими-нибудь дурнымъ умысломъ противъ великаго князя, однако отпустили его безъ задержки. Возвратясь въ Германію, Поппель объявилъ императору: что Московскій великій князь вовсе не подвластенъ Польскому королю; что владѣнія его гораздо пространнѣе владѣній послѣдняго; что онъ сильнѣе и богаче его. Эти рассказы имѣли слѣдствіемъ то, что въ 1489 году Поппель явился въ Москву уже въ видѣ посла императорскаго и требовалъ чтобъ ве-

ликий князь говорилъ съ нимъ наединѣ безъ бояръ; Іоаннъ отказалъ, и Поппель говорилъ великому князю передъ боярами такія рѣчи: „Хочетъ ли твоя милость выдать дочь свою за князя, маркграфа Ваденскаго, племянника императорскаго? Если хочеть, то царь Римскій беретъ устроить дѣло; если же не хочеть, то не говори объ этомъ ни одному человеку: многіе государи не будутъ рады, когда узнають, что твоя милость въ знакомствѣ и въ пріятельствѣ съ даремъ Римскимъ“. Іоаннъ велѣлъ отвѣчать, что хочеть съ цесаремъ любви и дружбы, и посылаетъ къ нему своего человека. Но Поппель продолжалъ прежнюю рѣчь: „Если тебѣ любо отдать дочь за того князя, о которомъ я тебѣ говорилъ, то ты вели намъ свою дочь показать“. На это ему былъ отвѣтъ: „У насъ въ Землѣ нѣтъ обычая, чтобъ прежде дѣла показывать дочерей“. Тогда Поппель началъ опять просить, чтобъ позволено ему было поговорить съ великимъ княземъ наединѣ. Іоаннъ велѣлъ ему быть у себя и говорилъ съ нимъ въ набережной горницѣ, пооступивъ отъ бояръ, а дякъ Федоръ Курицынъ записывалъ посольскія рѣчи. Поппель началъ: „Просимъ твою милость, чтобъ никто не зналъ о томъ, что я буду говорить; если непріятели твои, Ляхи, Чехи и другіе, узнають, то будетъ мнѣ дурно, придется и головою заплатить. Дѣло вотъ въ чемъ: мы слышали, что ты посылаешь къ Римскому папѣ просить у него королевскаго титула, и что королю Польскому это очень не понравилось, посылаетъ онъ къ папѣ съ большими дарами, чтобъ папа не соглашался. Скажу твоей милости, что папа въ этомъ дѣлѣ никакой власти не имѣетъ; папа имѣетъ власть въ духовенствѣ, а въ свѣтскихъ дѣлахъ, возводить въ короли, въ князья, въ рыцари — имѣетъ власть только нашъ государь, царь Римскій. Такъ, если твоей милости угодно быть королемъ въ своей Землѣ и передать этотъ титулъ своимъ дѣтямъ, то я буду вѣрнымъ слугою твоей милости у царя Римскаго, буду хлопотать, чтобъ твое желаніе исполнилось; только, ради Бога, просимъ твое величество, чтобы ты ни одному человеку объ этомъ не объявлялъ. Если король Польскій узнаеть, то днемъ и ночью будетъ посылать къ цесарю съ великими дарами, чтобъ помѣшать дѣлу. Ляхи сильно боятся, что когда ты будешь королемъ, то вся Русская Земля, которая теперь подъ королемъ Польскимъ, отступитъ отъ него и подчинится тебѣ“. Великій князь велѣлъ отвѣчать: „Сказываешь, что намъ служилъ, что и впередъ служить хочешь: за это мы тебя здѣсь жалуемъ, да и тамъ въ твоей Землѣ тебя жаловать хотимъ. А что ты намъ говорилъ о королевствѣ, то мы, Божию милостию, государи на своей Землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы; просимъ Бога, чтобъ намъ и дѣтямъ нашимъ всегда далъ такъ и быть, какъ мы теперь государи на своей Землѣ, а поставленія какъ прежде мы не хотѣли ни отъ кого, такъ и теперь не хотимъ“. Этотъ отвѣтъ, какъ

¹⁾ П. С. Р. Л. VI, 39 и слѣд. Архангел. стр. 172. Geijer — Geschichte Schwedens, I, 234.

видно, смутилъ Поппеля, и онъ, не говоря ни слова о королевскомъ титулѣ, сталъ предлагать выгоднѣйшихъ жениховъ для дочерей великокняжескихъ: „У великаго князя двѣ дочери, говорилъ онъ; если не захочетъ онъ выдать одной изъ нихъ за маркграфа Ваденскаго, то не захочетъ ли выдать за князя-курфирета Саксонскаго Иоанна, а другую—за маркграфа Бранденбургскаго?“

Устнаго отвѣта не было; но въ томъ же 1489 году великій князь отправилъ своего посла, Грека Юрія Траханіота, къ императору Фридриху и сыну его Максимилиану, съ объявленіемъ, что хочеть быть съ ними въ дружбѣ. Въ грамотахъ Іоаннъ называесть себя:—великимъ государемъ всея Россіи, Фридриха—свѣтлѣйшимъ и наисвѣтлѣйшимъ Римскимъ цесаремъ и королемъ Австрійскимъ, Максимилиана—благороднымъ и наисвѣтлѣйшимъ Римскимъ королемъ и княземъ Бургундскимъ (Вергонскимъ). Траханіоту былъ данъ наказъ: „Если сирасять его: цесарь спрашивалъ у вашего государя, хочеть ли онъ отдать дочь за племянника императорскаго, маркграфа Ваденскаго; естъ ли съ тобою объ этомъ какой-нибудь приказъ?—то отвѣчать: за этого маркграфа государю нашему отдать дочь неприлично, потому что государь нашъ многимъ землямъ государь великій: но гдѣ будетъ прилично, то государь нашъ съ Божіею волею хочеть это дѣло дѣлать. Если начнутъ выставлять маркграфа владѣтелямъ сильнымъ, скажутъ: отчего неприлично вашему государю выдать за него дочь?—то отвѣчать: во всѣхъ земляхъ извѣстно, надѣемся и вамъ вѣдомо, что государь нашъ великій государь, урожденный изначала, отъ своихъ прародителей; отъ давнихъ лѣтъ прародители его были въ пріятельствѣ и любви съ прежними Римскими царями, которые Римъ отдали папѣ, и сами царствовали въ Византіи; отецъ нашего государя до конца былъ съ ними въ братствѣ и пріятельствѣ до зятя своего Іоанна Палеолога, такъ какъ же такому великому государю выдать дочь свою за маркграфа? Если же стануть говорить, чтобы великому князю выдать дочь за императорова сына Максимилиана, то послу не отговаривать, а сказать такъ: захочеть этого цесарь, то послалъ бы къ нашему государю своего человѣка. Если же стануть говорить объ этомъ дѣлѣ накрѣпко: что цесарь пошлетъ своего человѣка, и посоль возьметъ ли его съ собою?—то отвѣчать: со мною объ этомъ приказа нѣтъ, потому что цесарскій посоль говорилъ, что Максимилианъ уже женатъ; но государь нашъ ищетъ выдать дочь свою за кого прилично; цесарь и сынъ его Максимилианъ государя великіе, нашъ государь—также великій государь: такъ если цесарь пошлетъ къ нашему государю за этимъ своего человѣка, то я надѣюсь, что государь нашъ не откажетъ“.

Въ іюлѣ 1490 года Траханіотъ возвратился вмѣстѣ съ посломъ Максимилиановымъ, Юріемъ Делаторомъ, и сказала, что отъ цесаря и отъ Максимилиана честь ему была большая. Іоаннъ велѣлъ оказывать такую же честь Делатору, ко-

торый объявилъ, что Максимилианъ хочеть союза съ Іоанномъ противъ короля Польскаго, мѣняющаго ему овладѣть Венгерскимъ королевствомъ, и спрашивалъ, пошлетъ ли Іоаннъ войско въ Германію и на какое время, также въ Фландрію и въ другія западныя земли противъ измѣнниковъ Максимилиановыхъ и помощниковъ ихъ, короля Французскаго и другихъ. Потомъ Делаторъ началъ рѣчь о сватовствѣ, говорилъ, чтобы ему позволили видѣть дочь великаго князя, и спрашивалъ, сколько за нею приданаго. Ему отвѣчали, что великій князь согласенъ выдать дочь за Максимилиана; но если дѣло сдѣлается, то Максимилианъ дастъ ли утвержденную грамоту, что жена его останется въ греческомъ законѣ, будетъ имѣть греческую церковь и священниковъ постоянно до самой смерти своей.—Посоль отвѣчалъ, что объ этомъ ему не дано наказа, что доложить своему государю, и тотъ дастъ отвѣтъ съ особыми послами. Относительно позволенія видѣть великую княжну и относительно ея приданаго Делатору сказали: „У государя нашего нѣтъ такого обычая; непригоже тебѣ прежде дѣла дочь его видѣть. Государь нашъ государь великій; а мы не слыхивали, чтобы между великими государями были ряды о приданомъ. Если дочь нашего государя будетъ за твоимъ государемъ, королемъ Максимилианомъ, то государь нашъ для своего имени и для своей дочери дастъ съ нею казну, какъ прилично великимъ государямъ“.

Съ Делаторомъ Іоаннъ отправилъ къ Максимилиану своего посла, того же Траханіота, съ докончателюною союзною грамотою, въ которой говорилось: „Быть намъ въ братствѣ, любви и единствѣ; когда будетъ намъ надобна помощь на недруговъ, другъ другу помогать, гдѣ будетъ можно. Станеть Максимилианъ доставать своей отчины—Венгерскаго королевства, а Казимиръ, король Польскій, или сынъ его, Чешскій король, или его меньшія дѣти стануть Венгерское королевство себѣ доставать, то Максимилианъ долженъ дать знать объ этомъ Іоанну, и тотъ помогаетъ ему вправду, безъ хитрости. Если же Іоаннъ начнетъ доставать своей отчины, великаго княжества Кіевскаго, и другихъ русскихъ земель, которыя держитъ за собою Казимиръ, то долженъ дать знать Максимилиану, и тотъ ему помогаетъ.“ Въ наказѣ Траханіоту было написано: „Если король велитъ говорить о сватовствѣ до заключенія союзнаго договора, то послы настаивать, чтобы прежде рѣшено было дѣло о союзѣ; если же нельзя будетъ настоять на этомъ, то начать дѣло о сватовствѣ, требовать, чтобы дочь великокняжеская сохраняла греческій законъ. Если скажутъ, зачѣмъ великій князь не прислалъ поклона и ни одного слова не велѣлъ сказать цесарю Фридриху, то отвѣчать: присылалъ цесарь къ нашему государю посла, Николая Поппеля, и нашъ государь, желая съ нимъ любви, посылалъ къ нему своего посла; но потомъ цесарь къ нашему государю своего посла не послалъ, и рѣчей

къ нему никакихъ не наказалъ; такъ зачѣмъ было нашему государю къ нему посылать?"

Траханіотъ возвратился съ докончательною грамотою, утвержденною Максимиліаномъ; но о сватовствѣ рѣчи не было, потому что король обручился уже на княжцѣ Бретаньской. Въ 1491 году вторично прѣхалъ въ Москву Максимиліановъ посоль, Юрій Делаторъ, съ объясненіемъ по этому дѣлу. „Какъ пошли мы впервые съ Траханіотомъ изъ Любека, говорилъ онъ, то шло насъ двадцать четыре корабля вмѣстѣ; изъ этихъ кораблей пятнадцать утонуло; нашъ корабль носился шесть недѣль безвѣстно, каждый часъ ждали мы смерти. Въ Любекъ пришла вѣсть, что корабль нашъ потонулъ, и объ этомъ дали знать Максимиліану, который былъ въ большомъ раздумьи: рѣчь о сватовствѣ отъ него сюда не дошла, послать въ другой-третій разъ—путь далекій и опасный; да хотя бы рѣчь и дошла, то неизвѣстно, захочетъ ли великій князь дѣло дѣлать, или не захочетъ, а время все идетъ да идетъ. Послѣ этого пришла рѣчь отъ княгини Бретаньской о сватовствѣ, и начальные князья нѣмецкіе, подумавъ, сказали Максимиліану: дѣло русское миновало, а у тебя сынъ одинъ, да и тотъ, что есть, что нѣтъ—все равно, а вотъ дѣло Бретаньской княгини передъ тобою: она посылаетъ къ тебѣ съ большою любовью о сватовствѣ; этого нельзя тебѣ упустить; на томъ и порѣшили. Послѣ, когда Максимиліанъ узналъ, что всѣ мы живы и здоровы, то сильно тужилъ, и теперь молить великаго князя, чтобы онъ на него не сердился“. Послѣ этого Делаторъ, по смыслу договора, требовалъ помощи противъ Польскаго короля, просилъ Іоанна принять въ свое покровительство два Ордена, Тевтонскій и Ливонскій, притѣсняемые Казимиромъ; просилъ продлить срокъ перемирья съ Ливонією и послалъ знающихъ и сведливыхъ людей для прекращенія пограничныхъ споровъ между Псковичами и подданными Ордепа. Іоаннъ отвѣчалъ: „Мы, по своей правдѣ, какъ между нами въ грамотахъ записано, хотѣли своему брату, Максимиліану королю, помогать противъ его и своихъ недруговъ, противъ Казимира короля Польскаго и его дѣтей, всѣми своими силами, да и сами хотѣли на коней сѣсть и дѣло дѣлать, сколько бы намъ Богъ пособилъ; но къ намъ пришли вѣсти, что на Венгерскомъ королевствѣ Владиславъ, Чешскій король, сынъ Казимира, а твой государь Максимиліанъ съ нимъ помирился и вернулся отъ Венгерской Земли на инья свои дѣла; за этимъ мы теперь и остановились. А что мы обѣщали, что въ грамотахъ записано, на томъ стоимъ, хотимъ Максимиліану помогать противъ короля Польскаго; и если Максимиліанъ захочетъ доставать Венгерское королевство, то онъ бы другія—то свои дѣла оставилъ, а присталъ бы къ этому своему дѣлу накрѣпко. Что ты намъ говорилъ о Прусскомъ магистрѣ и Ливонскомъ магистрѣ, то если они пришлютъ къ намъ своихъ людей бить челома, мы, посмотря по ихъ челобитью, для своего

брата, Максимиліана короля, хотимъ ихъ жаловать, принять въ свое соблюденіе, за нихъ стоять, и грамоту свою на то имъ дадимъ, какъ будетъ пригоже. Захочетъ Ливонскій магистръ, архіепископъ и епископы съ Великимъ Новгородомъ и Псковомъ перемирья, то пусть посылаютъ туда бить челома нашимъ намѣстникамъ и нашимъ отчинамъ; Новгородъ держать отъ насъ великіе люди и на сѣздъ посылаютъ честныхъ же людей, такъ можно магистру съ ними споситься“.

То же долженъ былъ сказать Максимиліану и русскій посоль Траханіотъ, снова отправившійся въ 1492 году. Въ наказѣ ему говорится: „Узнавать: для чего Максимиліанъ помирился съ Владиславомъ, Казимировымъ сыномъ, для бретаньскаго ли дѣла или для чего другого, прочно ли помирился, или только заключилъ перемирье, и хочеть ли добывать Венгрію. Какъ его дѣла съ Французскимъ королемъ насчетъ Бретани, и какъ его дѣла съ другими государями. Вотчина его, Австрійское княжество, все ли теперь за нимъ; можно ли ему добыть Венгрію; хотять ли его венгерскіе паны, которые нибудь изъ нихъ живутъ ли у него, и какъ живутъ, съ вотчинами, или просто одни; города венгерскіе есть ли за нимъ? Написать въ списокъ имена пановъ венгерскихъ, которые живутъ у Максимиліана съ вотчинами и безъ вотчинъ, также имена городовъ венгерскихъ, которые за нимъ. Если бретаньское дѣло не состоялось, и стануть опять говорить о сватовствѣ, то отвѣчать: прежде самъ цезарь и Максимиліанъ начали—было дѣло, и потому отъ нихъ же оно не состоялось: такъ какъ теперь этому дѣлу быть?—и говорить о дѣлѣ какъ пригоже и накрѣпко. Если же бретаньское дѣло состоялось, а стануть говорить о Максимиліановѣ сынѣ Филиппѣ, то послу говорить какъ пригоже, также говорить о Саксонскомъ большомъ князѣ Фридрихѣ, заговаривать и о дочеряхъ королевскихъ и княжескихъ для князя Василія и Юрія“. Траханіотъ прислалъ о дѣлахъ Максимиліановыхъ такія извѣстія, изъ которыхъ Іоаннъ могъ заключить, что союзъ съ Австрійскимъ домогъ совершенно безплоденъ для Москвы. Максимиліанъ, помирившись съ Владиславомъ Казимировичемъ, королемъ Чешскимъ, уступивъ ему Венгрію и занятый дѣлами запада, не отправилъ своего посла съ Траханіотомъ по той причинѣ, что ему нечего было сказать Московскому государю; вмѣсто него, прѣхалъ отъ Максимиліана и дяди его Сигизмунда какой-то Снупсъ затѣмъ, чтобы узнать Московское государство и выучиться по-русски. Іоаннъ отвѣчалъ Максимиліану учтивымъ отказомъ: „Іоаннъ, Божією милостію государь всея Руси (сѣдуетъ титулъ), неяснѣйшему и величайшему другу и брату, нашему возлюбленному, здравіе, радость и честнѣйшее животваніе! Твое величество прислалъ къ намъ Михайла Снупса, и мы, для дружбы и братства съ тобою, приняли его ласково и держали въ своемъ жалованьи. Онъ просилъ насъ, чтобы мы отпустили его въ дальнія земли нашего государства, которыя

лежать на востокѣ, на великой рѣкѣ Оби: но мы его туда не отпустили, по причинѣ большого разстоянія, дальняго пути: и наши люди, которые отправляются за данью, проходятъ туда съ большимъ трудомъ. Потомъ онъ просилъ, чтобы мы отпустили его въ Турцію и Польшу; но мы и туда его не отпустили изъ страха, чтобъ не сдѣлалось съ нимъ тамъ бѣды, а отпустили его къ вамъ, въ Нѣмецкую Землю тѣмъ же путемъ, какимъ пришелъ¹⁾.

Послѣ этого одиннадцать лѣтъ не было сношеній съ Австрійскимъ дворомъ. Казимиръ умеръ; Иоаннъ безъ австрійской помощи успѣлъ заключить съ наслѣдникомъ его, Александромъ, выгодный миръ, потому вести удачную войну, заключить выгодное перемирие. Только въ 1504 году явился въ Москву человекъ Максимиліановъ, Гартингеръ, съ двумя грамотами: въ одной король Римскій писалъ, что если Иоаннъ нуждается въ его помощи или совѣтѣ, то пусть объявитъ ему; но цѣль посылки высказана была въ другой грамотѣ. „Наисянишій и вельможный начальникъ и братъ любезнѣйшій! писалъ Максимиліанъ: такъ какъ у насъ нѣтъ бѣлыхъ кречетовъ, то очень желаемъ имѣть нѣсколько такихъ птицъ, и посылаемъ къ тебѣ кречетника нашего Гартингера, съ просьбою позволить ему привезти изъ вашихъ странъ нѣсколько бѣлыхъ кречетовъ“. На первую грамоту Иоаннъ отвѣчалъ, что была у него война съ Александромъ Литовскимъ и съ ливонскими Нѣмцами, и окончилось перемириемъ: если начнется опять, то пусть Максимиліанъ, по договору, помогаетъ ему, а онъ, съ своей стороны, готовъ помогать Максимиліану, если тотъ опять станетъ добывать Венгерское королевство; на вторую грамоту отвѣчалъ, что посылаетъ бѣлаго кречета и четырехъ красныхъ; кречетнику Гартингеру дали плохую шубу, на что онъ послѣ жаловался великому князю; своего посла Иоаннъ не отправилъ, отговорившись тѣмъ, что ему нельзя будетъ пробѣжать ни чрезъ Литовскую Землю, ни чрезъ Ливонію, хотя въ перемирной грамотѣ съ Александромъ былъ выговоренъ путь чистый иностранцами посланъ въ Москву и московскимъ—въ иностранная государства. Въ 1505 году тотъ же Гартингеръ прислалъ изъ Ревеля двѣ грамоты отъ Максимиліана и сына его, Филиппа, съ просьбою объ

освобожденіи ливонскихъ плѣнниковъ, взятыхъ въ послѣднюю войну; на подписи Филипповой грамоты Иоаннъ и сынъ его Василій были названы парями. Иоаннъ отвѣчалъ: „Если магистръ, архіепископъ и епископы и вся Земля Ливонская отъ нашего недруга Литовскаго отстанутъ, примлютъ битъ челомъ въ Великій Новгородъ и Псковъ къ нашимъ намѣстникамъ, и во всемъ нашимъ отчпнамъ, Новгороду и Пскову исправятся, то мы тогда, для вашей братской любви, посмотря по ихъ челобитью и исправленію, дадимъ плѣннымъ свободу“⁴⁾.

Это было послѣднее сношеніе съ Австрійскимъ дворомъ въ княженіе Иоанново. Въ его же княженіе начались сношенія съ Венеціею: московскій посолъ, Иванъ Фрязинъ, ведній переговоры съ папою относительно брака Иоанна на Софій Палеологъ, на дорогѣ въ Римъ, былъ въ Венеціи, гдѣ сказалъ большіимъ бояриномъ великокняжескимъ; вниманіе Венеціанскаго правительства было тогда занято опасною борьбою съ Турками, противъ которыхъ ему хотѣлось возбудить Татаръ; но не знали, какимъ путемъ отправить посла въ Орду. Прибытіе московскаго посла въ Венецію рѣшило недоумѣніе, и вотъ дожъ осыпалъ Фрязина почестями и дарами съ тѣмъ, чтобы тотъ взялъ съ собою въ Москву венеціанскаго посла и доставилъ ему средства пробѣжать безопасно къ хану. Фрязинъ обѣщался устроить дѣло, взялъ съ собою посла именемъ Тревизана, но, прѣхавъ въ Москву, не сказалъ великому князю ни слова о цѣли его прѣзда. назвалъ его своимъ племянникомъ, съ тѣмъ чтобъ тайно отправить его въ Орду. Дѣло однако открылось: Иоаннъ велѣлъ заключить въ тюрьму и въ Фрязина, и Тревизана, и въ Венецію отправилъ брата Иванова, Антоана Фрязина, сказать дожу: „За чѣмъ это ты такъ сдѣлалъ, съ меня честь снялъ? Тайно черезъ мою Землю шлешь посла, мнѣ не сказавши?“ Антоанъ Фрязинъ возвратился съ извиненіями отъ дожа и съ просьбою выпустить Тревизана и отправить его въ Орду, снабдивъ всѣмъ нужнымъ, за что будетъ заплачено Венеціанскимъ правительствомъ. Иоаннъ исполнилъ просьбу и отправилъ въ Венецію посла Толбузина для вызова мастеровъ²⁾, съ тою же цѣлію были отправляемы и послѣ посольства въ Венецію въ 1493 и 1499 годахъ.

¹⁾ Памятники дипломат. сношен. древней Россіи, I, стр. 1—139.

²⁾ Этотъ случай въ разныхъ лѣтописяхъ разсказанъ различно: въ Никои. говорится, что «Тревизанъ пришелъ въ Венецію съ московскимъ посломъ Антономъ Фрязинымъ, а посланъ къ Великому Князю отъ того дня бити челомъ, чтобы пожаловать Князю великій велѣлъ того Тревизана проводить до царя Ахмута большіе Орды; а послалъ къ нему со многими поминки съ челобитиемъ, чтобъ пожаловалъ шель имъ на помощь на турскаго салтана къ Царюграду. Тойже Тревизанъ пришелъ на Москву первое приде къ Ивану Фрязину къ денежнику Московскому, и сказа ему вся та, о чемъ пришелъ на Москву, а у В.

Князя еще и не былъ. Фрязинъ же палъ денежникъ не велѣлъ тому Тревизану о томъ бити челомъ В. Князю да поминки великіе подавать, а могу то я сдѣлать оириче В. Князя, и до царя и допровожати; а къ В. Князю пришедь Фрязинъ съ тѣмъ Тревизаномъ назвалъ его Князкомъ Венеційскимъ, а себѣ племянникомъ, а рекше пришелъ до него своимъ дѣломъ и да гостіею, да то у В. князя утаили... По семъ (по приходѣ Софьи) тотъ Антоаній Лягатосъ и прочіи Фрязи и Гречи видѣшася въ Москвѣ съ посломъ Венеційскимъ Иваномъ Тревизаномъ, а видючи его съ чѣмъ онъ посланъ къ В. Князю, начаше спрашивать его почто много молчаеть; онъ же никакъ къ нимъ глаголюще не какъ дѣлалъ съ Фрязинимъ ва-

Глава V.

Внутреннее состояніе русскаго общества во времена
Иоанна III-го.

Смерть и завѣщаніе Иоанна III. — Договоръ сыновей Иоанновыхъ при жизни отца. — Титуль Иоанна III-го. — Форма обращеній вельможъ и служилыхъ людей къ великому князю. — Печати. — Казна великокняжеская. Богатство удѣльныхъ князей. — Доходы великокняжескіе. — Образъ жизни великаго князя. — Сравнительное положеніе великихъ князей Московскаго и Литовскаго. — Князья и бояре въ Москвѣ. — Крестоцѣловальщія записи. — Новые придворные чины. — Дворъ великой княгини. — Богатство князей. — Боярство. — Кормленія. — Помѣстья. — Войско въ Сѣверо-Восточной и Юго-Западной Россіи. — Приказы. — Города Юго-Западной Россіи. — Магдебургское право. — Выѣшній видъ русскаго города. — Пожары. — Сельское народонаселеніе. — Юрьевъ день. — Сельское народонаселеніе въ литовскихъ владѣніяхъ. — Бѣдствія. — Торговля. — Искусства. — Почты. — Церковь. — Ересь жидовская. — Тѣры къ улучшенію нравственности духовенства. — Заботы о грамотности. Богородное житіе въ монастыряхъ. — Поученія. — Матеріальное состояніе духовенства. — Вопросъ: сѣбдуетъ ли монастырямъ владѣть населенными имѣніями? Связь Русской Церкви съ Восточною. — Состояніе православнаго духовенства въ литовскихъ владѣніяхъ. Судебникъ Иоанна III и судебникъ Казимира Литовскаго. — Народное право. — Общественная нравственность. — Литература.

27 октября 1505 года умеръ Иоаннъ III, на 67 году отъ рожденія, на 44-мъ княженія, переживъ вторую супругу, знаменитую Софью, только двумя годами и нѣсколькими мѣсяцами ¹⁾. Въ завѣщаніи своемъ Иоаннъ, подобно предшественникамъ, подѣлилъ волости между пятью сыновьями: Василиемъ, Юриемъ, Димитриемъ, Семеномъ и Андреемъ; но старшему, Василию, дано 66 городовъ и въ томъ числѣ самыя значительныя: Москва, Новгородъ, Псковъ, Тверь, Владиміръ, Коломна, Переяславль, Ростовъ, Нижній, Суздаль, Муромъ, кромѣ того волости князя Мезецкаго, Новосильскихъ,

Одоевскихъ, Бѣлевскихъ, Щетинина, Заозерье, Заволочье, Юга, Печера, Пермя Великая, князья Мордовскіе, вся Вятская Земля съ Арскими князьями, жалованная вотчина князя Бѣльскаго (Духъ и проч.), Корельская Земля съ Лопью, дѣшею (дѣсною) и дикою, Поонежье и Двинская Земля; тогда какъ всѣмъ остальнымъ четверымъ сыновьямъ выѣстъ дано менѣе половины городовъ, именно только 30 ²⁾. Касательно отношеній старшаго брата къ

нимъ; они же сказали то къ В. Князю. Князь же Великій слышавъ то часа того обяскавъ и всилася на нихъ, повелѣлъ поимати Фрязина, да оковавъ послалъ на Колоцну, а домъ его повелѣлъ разграбити разорити, и жену и дѣти изымати; а того жъ Тривизана поимавъ хотѣлъ казнити, и тойже Лягатосу и протчіа иже съ нимъ посла начаша бити челомъ князю, чтобъ пожаловалъ смилвался надъ нимъ доколѣ обшлетца съ Венеціанскимъ дюкою; Князь же Великій велѣлъ сковати его, а сядѣлъ у Митыи у Беклемишева». — По въ П. С. Р. Л. VI, 196: «Фрязинъ же (Иванъ) обѣдася; вземъ посла его (Дожева) и приде къ В. Князю и рѣчи всѣ панины сказа, а посла того гостемъ павва; тотъ же Фрязинъ толмача добывъ и посла того отпусти, Тривизана янома, на Рязань, да къ орду итай Великаго Князя. Яко Фрязинъ отъиде въ Римъ, тогда приде вѣсть къ В. Князю, яко посла привезши Венеціанскаго Фрязинъ да отпустилъ къ орду; тогда посла повелѣлъ изымати на Рязани и съ толмачемъ, и повелѣлъ его всадити въ тюрьму. Вгда же приде со царевною Фрязинъ, посла Князь Великій боярина своего Оеодора Давыдовича протгиву и повелѣлъ крижъ у Лягатоса отнявша да въ сави положити, а Фрязина поимати да и пограбити. Тогда же не обѣ вѣсти князю Венеціанскому, дошелъ ли посоль его до орды, не дошелъ ли, тогда посла Фрязинова брата къ нему въ Венецію и попошая ему Князь жей той съ нимъ наказа къ В. Князю, чтобъ Князь Великій немлюе отдалъ, а посла бы его отпустилъ къ орду, а что будетъ на подкруту бы еси ему далъ, а язъ самъ плазтвникъ. Тогда Князь Великій, по Онтоновымъ рѣчамъ, отпусти его, а съ ними толмача и дьяка отпусти и семьдесятъ рублевъ дастъ ему; тогда седьмьсотъ сказа ему, и посла все влать». — Трудно согласити съ разсказомъ Николова дѣтониси, чтобы Иванъ Фрязинъ, отпразнившись снова въ Римъ, не отправилъ Тривизана, а заставлялъ его ходядаться въ Москвѣ.

¹⁾ Софья умерла 7 апрѣля 1503 года.

²⁾ С. г. г. и д. I, № 144. Подробности: старшему Василию даны подмосковныя села: «Семчинское съ городскими дворами и съ Самопоповымъ дубожъ, село Воробьево, съ Владиміровскимъ, Семеновскимъ, Воронцовскимъ, Кодашевскимъ и деревчями, — сельце Ворощинское на Лузѣ съ дворомъ великокняжескимъ и съ городскими дворами по обѣ стороны Яузъ, монастырь Лыщиковъ, Ильинскую слободку, выѣвненную у Андроникова монастыря... Да что были къ Дмитрову приданы волости Московскія: Рогожь, Воря, Карзенево, Шерна городокъ, Сулишинъ и съ новымъ селомъ — по старшій сыну Василью. Да ему жъ волости Сурожьякъ, Лучинское, Радоньжъ, да треть Мухомову съ мѣтомъ Лопьскимъ... Городъ Коломну, Каширу съ Зарѣвчъ, что за рѣкою за Окою, Тѣшиловъ, Рославль, Веневъ, Мстиславль и иныя мѣста по Рязанскій рубѣжъ, съ Елчемъ, и со всѣми Елечскими мѣстами, Серпуховъ, Хотунъ, Тарусу съ Городочемъ, съ Исканью, Мишеюю, Колодною, съ княгининскою вотчиною Авдотьиною, Мценскъ, Воротыньскъ, съ Лагискомъ и съ Крайнинскимъ. А что еси прочѣнилъ князю Михаилу Мезецкому на его жеребей на Мѣсечскъ въ Стародубу Алексинъ; и оиъ держитъ по мѣновной грамотѣ; а судъ и данъ сына моего Васильюво, Боровскъ съ Суходоломъ, Цетлею, Истервою, Краснымъ селомъ, Круменщомъ, Песочною болыною, съ слободкою Сосны на Шанѣ, что садилъ Василій Караманевъ; Ярославецъ, Медынъ, Радоль, съ Венками по Угру, да на Шанѣ слобода, что Товарковъ садилъ по Угружъ и съ Песочною меньшою и съ слободами, что садилъ Андрей Картымазовъ, да Митя Загряжской, да Иванко Гладкой; Можайскъ съ Чагошью, Турьевымъ, Орѣховною, Могилянномъ, Миченками, Шатнею, Сулидовымъ, и Дмитровомъ по обѣ стороны Угры; Вязьму, Козловъ, Дорогобужъ, да волости Дорогобужскія: Цогорѣлая, Мегомле, Хотомичи, Холмъ, Витино, Простъ, сельце Запше, Волоса, Некрасова, Селечна, Кремена, Редынъ по рѣцѣ по Ужю устье, Косково, Рехты, Хомичи, Вышково, Василево, Ескино село Климово, слобода владичья въ Чертковѣ, сельце Пуятяно, Игумноно, Мстиславецъ, Ошитовъ, Кукулянъ, Моткова гора, Лучинъ городокъ, Великое поле, Лопатино, Копылева и Ужича, Ведрошь и Оверипа, Свер-

младшимъ повторяется обычное выраженіе: „Приказываю дѣтей своихъ меньшихъ, Юрія съ братьею, сыну своему Василию, а ихъ брату старшему: вы,

ковы Луги. Переяславль съ приданными къ Дмитрову волостямъ—Серебожъ, Рождественное, Вускутово, Владимиръ съ Муромскимъ сельцемъ, Шатуромъ, Колушкою, Вышедьскомъ, Островомъ, Юрьевъ съ Великою Солюю; Суздаля да Солду малую; Ростове; Ярославль и съ Ухрору, селомъ Петровскимъ, слободку Охлябининскую, вотчину князя Щетинина—Кастъ; Инобажъ, усть Шексны съ деревнями Князей Шохонскихъ, да волости Заволжскіе по обѣ стороны Шексны, а волости Шохонскіе Лукovesь, Арбужовесь, Маткома, Веретя Вольная, городокъ Квяжици, Пеше село; Восевитское, Волское съ Окиновскимъ селомъ и съ Бонгуемъ, Патробаль, Рунай и съ Шагатью и съ слободами съ Кештомою, съ Шелшедомомъ, Вѣлое село Шыгоражъ, съ Петровскими Константиновича селами и деревнями, усть Углы, Беретейка малая. Вѣлоозеро, Заоверье съ Кубеюю; Устюгъ, Вычегру, Вымъ, Удору, Сысолу; въ Заволоцкой землѣ Ростовицу, Пичѣга, Кѣгрола, Чякола, Ирмьскію, Мезень, Немьюга, Пальи горы, Пичешка, Вяя, Тойма, Кыръя горы, Емьская гора на Ваяѣ, Антонова перевара, Карбольскій островъ, Шогогора, Керчела, Суралоганая, Давела; Юру, Печеру, Пермь Великую; Кострому съ Плесомъ; Нерехтою, Иледамомъ, Далчя съ Солюю, Уяжею, Чухломою, Нижний-Новгородъ съ Мордвами и Черемисою, Муромъ съ Мордвами и Черемисою, Мещера и съ Кошковицъ, да князя Мордовскіе всѣ. Вягпкую землю всю. А что есмь пожаловалъ князя Ѡ. И. Вѣльскаго, далъ есмь ему въ вотчину городъ Лукъ, да волости—Вичогу, Кивешму, Чихачевъ. Тверь и Городець, Клинь, кромѣ Вуйгорода и Коппи, промѣненныхъ дѣтямъ князя Бориса Васильевича; Новгородъ Великій съ городами: Ивангородъ, Яма, Копорья, Орѣшокъ, Ладога, Дѣмань, Буръ городъ, Порховъ, Высокой, Кошкинъ городъ, Руса; Торжокъ, да въ Новгородской же землѣ городъ Холмъ, Велилю, Вуецъ, Лопастинъ; Луки Великіе съ волостями: Пуповичи, Вязь, Часила, Коротай, Дубно, Коппа; Рязеву пустую; Корельскую землю всю, Корѣльскій городъ и со Лопью, съ лѣшою и съ дикою, Заволоцкую землю всю, Ойѣго, Каргополь, все Понеже. Двину, Вагу, Кошпенгу, Вельскій погостъ, Коломгоры и всю Двинскую и Заволоцкую землю. Пековъ и всю землю Псковскую, Торонецъ, да волости: Данково, Любута, Дубна, Рожна, Тура, Выберово, Старцева, Нежелская, Веляжская, Плавлецкая, Жижетцкая, Озерская, Казаришчовская, Городъ Острее, а волости: Березай, Невье, Усвай, Ловцо, Веспѣболого, Старую Рязань и Перевитскіе.

Сыну Юрію: на Москвѣ сельце Суцовой, изъ Московскихъ селъ Лыткино. Сыну Дмитрію на Москвѣ село Напрудское, изъ Московскихъ Озерецкія села. Сыну Семю на Москвѣ село Луцинская, да слободку князя Ромодановскаго; изъ Московскихъ селъ Расудовскія села за Похрою, Зыѣрево да Бараново. Сыну Андрею слободку Колчневскую, да монастырь Рождество Пречистая на Голутвинѣ; изъ Московскихъ селъ Ясенево, Сарынево, Юдино.

Сыну Юрію: Дмитровъ, въ Дмитровскомъ уѣздѣ въ Инобажѣ деревни Гѣшиловскія; изъ Переяславскихъ волостей къ Дмитрову Юху. Звенигородъ, волость Шонокую, Кашишь, Рузу, Брянскъ да волости: Соловьевичи, Прикладни, Нацыйъ, Ѡедоровская, Осояикъ, Покиничи, Сухарь, Всеславль, Воронича, Жерны, Вагогова, Хвоинца, Шапова, Волконскіе, Серпескскіе, а волости: Замошье, Тучачевъ, Дегна, Омивничъ, Погоститце, Ковылна, Влжевичи, Любинъ, Снопотъ, Даниловичи, Шуя, Демена, Ужечередъ, Червятяци, Горочечна, Мошинъ, да Гѣвѣдливо.

Сыну Дмитрію: Угльце поле, съ Устюжною, Рожаловымъ, Белетовымъ, Кистеюмою, Молого; Хлещъ съ Рогачевымъ, Негомиромъ; Зуицонъ, Опоки, половину Рязевы, Мезецкы, Опаковъ, да волости: Залидовъ, Недоходово, Лычино, Выяковичи, по Угру.

Сыну Семю: Вѣждейкѣ Верхъ, Колугу, Ковельскъ, и волости Ковельскія: Серевскъ, Людямскъ, Коробки, Вирки,

дѣти мои—Юрій, Дмитрій, Семень и Андрей, держите моего сына Василия, а своего брата старшаго, вмѣсто меня, своего отца, и слушайте его во всемъ; а ты, сынъ мой Василій, держи своихъ братьевъ младшихъ въ чести, безъ обиды“. Но касательно опредѣленія отношеній по владѣніямъ находимъ перемѣны противъ распоряженій прежнихъ князей: Василій Темный благословилъ старшаго сына только третью въ Москвѣ; Іоаннъ благословляетъ старшаго сына двумя третями: „Сынъ мой Василій держитъ на Москвѣ большаго своего намѣстника по старинѣ и какъ было при мнѣ, а другаго своего намѣстника держитъ на Москвѣ на трети князя Владиміра Андреевича, которая была за братьями моими, Юріемъ и Андреемъ“; но и въ остальной трети, которую прежніе удѣльные князья вѣдали по годамъ, теперь старшій братъ получилъ также часть: „Благословляю сына своего Василия и дѣтей своихъ меньшихъ—Юрія, Дмитрія, Семна, Андрея—въ Москвѣ годомъ князя Константина Дмитріевича, что былъ данъ брату моему Юрію, да годомъ князя Петра Дмитріевича, что былъ данъ брату моему Андрею Мельному, да годомъ князя Михаила Андреевича: держитъ сынъ мой Василій и мои дѣти меньшія на тѣхъ годахъ своихъ намѣстниковъ, перемѣняя пять лѣтъ, по годамъ; а что данъ былъ брату моему Борису въ Москвѣ годъ князя Ивана Андреевича, и тотъ годъ приходилось брата моего Бориса дѣтямъ держатъ на шестой годъ выѣстъ; но племянникъ мой Иванъ Борисовичъ отдадъ свои полгода мнѣ, а я отдаю ихъ сыну своему Василию, пусть онъ держитъ шестой годъ вмѣстѣ съ плѣмянникомъ моимъ Оедоромъ Борисовичемъ“. Такъ распорядился завѣщатель относительно судебныхъ пошлинъ московскихъ; относительно же тамги и другихъ пошлинъ старшій братъ обязанъ былъ изъ нихъ давать младшимъ только по сту рублей каждому. Потомъ видимъ ограниченіе правъ удѣльныхъ князей въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ: „Сынъ мой Юрій съ братьями по своимъ удѣламъ въ Московской Землѣ и въ Тверской денегъ дѣлать не велать; деньги велать дѣлать сынъ мой Василій въ Москвѣ и Твери, какъ было при мнѣ. Откупъ знаетъ сынъ мой Василій: въ откупъ у него мои дѣти Юрій съ братьями не вступаются¹⁾. Что я далъ дѣтямъ

на Выре волости, Сѣвица, Сытичи, Выино, Липци, Вабминовъ, верхъ Серена, Лугаль, Мѣстляно, Кичинъ, Хвостовичи, Порьскии, Вортяниъ, Орень, Хостыи, Жеремяи, Слычово, Ивановское Бабинное, село Незнаоно.

Сыну Андрею: Верею, Вышгородъ, Алексинъ, съ Волконою, Кошинымъ, Гордѣвнымъ, Ноховою; Любуцкы съ Вѣришнымъ; у Москвы Гажело да Раменино, волости Московскія, что были приданы къ Дмитрову: Селна Гуслица, Загарь, Вохна, Куней; въ Селѣхъ деревни дѣловыя бортныя Васицова ста: Бекренево, Вѣлянничино, Харитоновское, Деденево, Нероново, Враниково, Якимовское, Новое Якимовское, да пустоши: Лонаково, Неачново; Грибачево.—Старицу, Холмъ, Новый Городокъ, волость Олещино, волость Синую.—Границы удѣловъ обозначены въ особыхъ грамотахъ, см. С. г. г. и д. I, № 135—141.

¹⁾ Должно думать, что здѣсь идетъ дѣло объ откупѣ денежномъ же, денежники, какой-нибудь Иваць Фрязивъ, откупали у в. князя право бить монету.

своимъ сельца у Москвы съ дворами городскими на посадахъ, и дѣти мои на тѣхъ дворахъ торговъ не держатъ, житомъ не велятъ торговать, лавокъ не ставятъ, купцовъ съ товаромъ иноземныхъ, изъ Московской Земли и изъ своихъ удѣловъ, на этихъ дворахъ не велятъ ставить: ставятся купцы съ товаромъ на гостинныхъ дворахъ, какъ было примѣ, и меньшия дѣти мои въ тѣхъ дворахъ гостинные и въ тѣ пошлины не вступаются. Если въ сельцахъ дѣтей моихъ меньшихъ и на ихъ дворахъ городскихъ кто станетъ торговать съѣстнымъ товаромъ, то сынъ мой Василій этихъ торговъ не велитъ сводить, но приказчикъ его беретъ съ нихъ полавочную пошлину. Если случится душегубство въ сельцахъ и городскихъ дворахъ меньшихъ сыновей моихъ, то судить большой намѣстникъ сына моего Василія. Судъ и дань надъ селами въ станахъ московскихъ принадлежатъ меньшимъ сыновьямъ моимъ, которые или владѣютъ, но душегубствомъ и поличнымъ эти села тянутъ къ Москвѣ, кромя поличнаго, которое случится между ихъ крестьянами; въ такомъ случаѣ судятъ ихъ приказчики, но докладываютъ большаго намѣстника Московскаго. Грамоты полныя и докладныя пишутъ только ямской дьякъ сына моего Василія. Города и волости, доставшіяся въ удѣлы меньшимъ сыновьямъ моимъ, по прежде тянувшіе душегубствомъ къ городу Москвѣ, и теперь тянуть туда же по старинѣ²⁾. Въ ордынскіе выходы: въ Крымъ, Казань, Астрахань, Царевичевъ Городокъ (Касимовъ), для другихъ царей и царевичей, которые будутъ въ Московской Землѣ, на пословъ татарскихъ назначена тысяча рублей въ годъ; изъ этой суммы 717 рублей платитъ великій князь, остальное — доплачиваютъ удѣльные. Иоаннъ III въ своей духовной окончателно рѣшаетъ вопросъ о выморочныхъ удѣлахъ: „Если кто-нибудь изъ сыновей моихъ умретъ, не оставивъ ни сына, ни внука, то удѣлъ его весь къ Московской Землѣ и Тверской — сыну моему Василію; меньшіе братья у него въ этотъ удѣлъ не вступаются; если же останутся у покойнаго дочери, то сынъ мой Василій, надѣливъ, выдаетъ ихъ замужъ, а что покойный дастъ своей женѣ — волости, села и казну, въ это сынъ мой Василій не вступается до ея смерти“.

Новый порядокъ престолонаслѣдія, по которому дядья должны были отказываться отъ правъ на старшинство въ пользу племянниковъ отъ старшаго брата, былъ подтвержденъ тѣмъ, что Иоаннъ, еще при жизни своей, велѣлъ старшему сыну Василію заключить договоръ съ слѣдующимъ за нимъ братомъ, Юріемъ³⁾; по этому договору послѣдній обязался держать великаго князя господиномъ и братомъ старшимъ, держа честию и грозно безъ обиды; здѣсь выраженіе „держать господиномъ“ употреблено въ первый разъ; въ первый разъ въ договорѣ между родными братьями младшій обязывается держать княженіе старшаго честию

и грозно. Относительно главнаго условія Василій говоритъ Юрію: „Придетъ воля Божія, возьметъ Богъ меня, великаго князя, и останется послѣ меня дѣти, то сына моего, котораго я благословлю великими княжествами, тебѣ держать въ мое мѣсто, своего господина и брата старшаго, великихъ княжествъ подъ нимъ, подъ моею великою княгинею и подъ нашими дѣтymi блюсти и не обидѣть, ни вступаться, ни подыскиваться никакимъ способомъ“. Любопытно, что здѣсь отецъ выговариваетъ себѣ право благословлять великими княжествами сына, котораго хочетъ, не упоминая ни слова о старшинствѣ; это право, какъ мы видѣли, было ясно высказано Иоанномъ III въ отвѣтъ его Псковичамъ: „Развѣ я не волею въ своемъ, внукъ и въ своихъ дѣтяхъ? кому хочю, — тому и дамъ княжество“. Хотя въ княженіе Иоанна III нѣкоторыя слабыя удѣльные князья, какъ напримѣръ Михаилъ Андреевичъ Верейскій и сынъ Бориса Васильевича Волоцкаго, и рѣшились въ духовныхъ грамотахъ своихъ назвать великаго князя государемъ, однако самъ Иоаннъ не рѣшился еще заставить младшаго сына Юрія назвать государемъ старшаго брата Василія: такъ еще сильны были понятія о родовомъ равенствѣ между князьями! И хотя на дѣлѣ это равенство уже исчезло, но на словахъ трудно было еще выразить это исчезновеніе; отца своего князь Юрій называетъ государемъ, но старшаго брата называть такъ не хочетъ, хотя и повторяетъ старинное родовое выраженіе, что старшій братъ ему вмѣсто отца.

Въ грамотахъ Иоанна Калиты, сколько намъ извѣстно, впервые встрѣчаемъ названіе великаго князя всея Руси. Но это названіе не употреблялось въ сношеніяхъ съ Литовскимъ дворомъ до времени Иоанна III, который послѣ смерти Казимира впервые употребилъ въ сношеніяхъ съ Александромъ Литовскимъ выраженіе: „Иоаннъ (вмѣсто прежняго Ивашъ), Божією милостію государъ всея Руси и великій князь Владимірскій и Московскій, и Новгородскій, и Псковскій, и Тверской, и Югорскій, и Пермскій, и Волгарскій, и иныхъ.“ Противъ титула отца своего Иоаннъ прибавилъ названіе великаго князя Владимірскаго, Псковскаго, Тверскаго, Вятскаго и Болгарскаго, выключивъ названіе Ростовскаго. Въ сношеніяхъ съ Ливонією и мелкими владѣніями нѣмецкими Иоаннъ принимаетъ названіе Царя всея Руси²⁾; потомъ на подлиннѣ грамоты эрцгерцога Филиппа, сына Максимилиана, Иоаннъ и сынъ его Василій названы царями Владиміра, Москвы и проч.³⁾; то же названіе и въ спискѣ рѣчей посла Гартингера; въ грамотѣ Датскаго короля Иоаннъ названъ императоромъ; въ грамотахъ къ Крымскому Жиду Захарію Иоаннъ называетъ себя Царемъ всея Руси, также великимъ государемъ Русской Земли⁴⁾. Митрополитъ въ рѣчи своей, во время вѣнчанія внука Дмитрія, называетъ Иоанна Царемъ и Самодерж-

²⁾ Памяти. дипломат. снош. I, стр. 87.

³⁾ Тамъ же, стр. 129.

⁴⁾ Крымскія дѣла, № 1.

цемъ; лѣтописецъ говоритъ, что Іоаннъ благословилъ сына своего Василя Самодержцемъ всея Руси. Царемъ и Самодержцемъ называетъ Іоанна митрополитъ Симонъ въ посланіи къ Пермчанамъ. Бояре и другіе служилые люди въ отпискахъ своихъ къ великому князю употребляли такое обращеніе: „Государю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси холопъ твой такой-то челомъ бьетъ.“ Знатнѣйшіе люди называются въ этихъ отпискахъ обыкновенными именами, другіе уменьшительными; встрѣчаемъ — Алексѣецъ, Феодорецъ, Васюкъ, но не Алешка, Феодька, Васька, какъ послѣ. Любопытно, что служилые люди изъ Грековъ употребляютъ болѣе распространенныя обращенія въ отпискахъ къ великому князю; такъ Димитрій Ларевъ Палеологъ пишетъ: „Наяснѣйшему и вышнѣйшему господу, госпуду Ивану Васильевичу, Царю всея Руси и великому князю“ (слѣдуетъ титулъ¹⁾).

Къ договорной грамотѣ Тверскаго князя Михаила Борисовича съ Іоанномъ III-мъ, заключенной въ началѣ княженія послѣдняго, привѣшены печати; на печати великаго князя Московскаго на одной сторонѣ изображеніе льва, раздирающаго змѣю, на другой — изображеніе двухъ людей: одинъ — съ крыльями — держитъ вѣнокъ, другой — безъ крыльевъ — держитъ поднятый къверху мечъ; на печати же Тверскаго князя изображенъ всадникъ, скачущій съ поднятыми къверху мечемъ и попирающей дракона, что является здѣсь впервые. Къ другимъ грамотамъ Іоанна III до 1497 года привѣшены печати съ разными изображениями, между которыми нѣтъ изображенія всадника, попирающаго дракона; къ мѣшовой грамотѣ Іоанна съ племянниками, сыновьями Бориса Васильевича Волоцкаго, написанной въ 1497 году, привѣшена большая печать, на которой съ одной стороны впервые видимъ изображеніе двуглаваго коронованнаго орла съ распростертыми крыльями и когтями, а на другой — изображеніе всадника, попирающаго дракона и копьемъ прободающаго ему горло; поднявъ вокругъ: „Іоаннъ, Божією милостію государь всея Руси и великій князь Владимірскій и Московскій, и Новгородскій, и Псковскій, и Тверской, и Угорскій и Вятскій, и Пермскій, и Волгарскій.“ — Мы видѣли, что Іоаннъ первый ввелъ обрядъ царскаго вѣнчанія, совершеннаго имъ надъ вуюкомъ Димитріемъ.

Если выходы въ Большую Орду начали уменьшаться и даже совсѣмъ прекращаться еще въ княженіе Василя Димитріевича и Василя Темнаго, то усобицы въ княженіе послѣдняго и тяжкій окупъ казанскій должны были истощать казну великокняжескую. Въ другихъ обстоятельствахъ находился Іоаннъ III. Нельзя думать, чтобы во время мирныхъ сношеній съ Ахматомъ онъ посылалъ ему значительные выходы, ибо, въ противномъ случаѣ, хану не для чего было бы находиться въ почти постоянныхъ враждебныхъ отношеніяхъ къ Москвѣ. Расходы на Крымъ, Казань, Астрахань, на содер-

жаніе служилыхъ царевичей татарскихъ, оцѣненные въ 1,000 рублей, не могли равняться съ прежними выходами въ пять и семь тысячъ; при этомъ сомнительно, что вся эта тысяча выходила на татарскія издержки, и если-бъ даже выходила, то не должно забывать, какія обширныя земельныя приобрѣтенія сдѣланы были при Іоаннѣ III-мъ. Такимъ образомъ, въ княженіе послѣдняго главные расходы прежняго времени, расходы орднскіе, уменьшились, а доходы, вслѣдствіе прибрѣтенія обширныхъ и богатыхъ областей, увеличились не въ мѣру противъ прежняго. Отсюда понятно, что Іоаннъ располагалъ большими денежными средствами, что казна его была велика, особенно при умѣннй взять семьсотъ вмѣсто семидесяти, при расчетливости, которая заставляла при выдатѣ барановъ посламъ требовать отъ нихъ шкуры назадъ²⁾. Іоаннъ въ духовной своей отказываетъ каждому изъ четырехъ младшихъ сыновей ларцы съ казною, съ какою — не извѣстно, причемъ говоритъ: „А кромѣ того, что ни есть моей казны у казначея моего и дьяковъ, лаловъ, яхонтовъ, другихъ каменьевъ, жемчугу, саженья всякаго, пословъ, цѣпей золотыхъ, сосудовъ золотыхъ, серебряныхъ и каменныхъ, золота, серебра, соболей и шелковой рухляди; также что ни есть въ моей казнѣ постельной, коней, крестовъ золотыхъ, золота и серебра, платья и другой рухляди; что ни есть у моего дворецкаго и у дьяковъ дворцовыхъ моихъ сосудовъ серебряныхъ, денегъ и иной рухляди; что ни есть у моего конюшаго, ясельничихъ, дьяковъ, приказчиковъ моихъ денегъ и рухляди; что ни есть у моего дворецкаго тверскаго и дьяковъ тверскихъ и приказчиковъ въ Новгородѣ Великомъ, у дворецкаго, казначеевъ, у дьяковъ и приказчиковъ моихъ денегъ и рухляди; да на Вѣлѣозерѣ и на Вологдѣ моя казна и гдѣ ни есть моихъ казень, — то все сыну моему Василию“ . Дорогие камни, жемчугъ, золото, серебро, и вещи изъ этихъ металловъ сдѣланныя, считались предметами преимущественно и почти исключительно заслуживающими прибрѣтенія. Узнавши, что жена Менгли-Гиреева достала дорогу Тохтамышеву жемчужину, Іоаннъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока не получивъ ея отъ ханши; отправляя посломъ въ Крымъ боярина Семена Борисовича, великій князь наказалъ ему: „Шкаки не забудь сказать отъ меня Хозѣ-Асану, что если будутъ у него лалы, яхонты дорогие и жемчугъ добрый, то чтобы непремѣнно пріѣхалъ ко мнѣ самъ и привезъ ихъ съ собою“ . Знаемъ также, что для Іоанна покупались ковры на востокѣ³⁾.

Изъ духовныхъ грамотъ удѣльныхъ князей узнаемъ также, въ чемъ состояло княжеское богатство: оно состояло въ вѣнцахъ царскихъ, челкахъ, ожерельяхъ, украшенныхъ дорогими камнями и жемчугомъ, сорочкахъ изукрашенныхъ, перстняхъ, жи-

¹⁾ Крымскія дѣла № 2, стр. 1104.

²⁾ См. прилѣч. на стр. 1495 пр. 2.

³⁾ Дѣла Польскія, № 1, второе посольство Еропкина.

ковинахъ ¹⁾, крестахъ, мкопахъ, постеляхъ, шитыхъ шелками по камкъ, взоловьяхъ, подушкахъ, шитыхъ золотомъ, ларпахъ—красныхъ, желтыхъ, дубовыхъ, золотыхъ, украшенныхъ костью работою, колпаккахъ, пуговицахъ, сергахъ, монистахъ, обручахъ, напалкахъ (наперстахъ), мускусницахъ (гдѣ хранился мускусъ), шубкахъ, кожихахъ, опашняхъ, лѣтникахъ, кортеляхъ, каптурахъ, напаккахъ, вошвахъ, поясахъ, кружевахъ, одѣялахъ, гривахъ, споркахъ съ разнаго платья, подкладкахъ (подволокахъ) изъ-подъ него же, сосудахъ разнаго рода — мисахъ, укусницахъ, перечницахъ, солонкахъ, чаркахъ, ложкахъ, ковшахъ, кубкахъ, рогахъ, достоканахъ, мамаяхъ, сковородахъ серебряныхъ ²⁾. Но если богатство великаго князя сильно увеличилось по извѣстнымъ причинамъ, то не было причинъ, по которымъ должно было увеличиваться богатство князей удѣльныхъ; изъ ихъ духовныхъ видимъ, что всѣ они оставили послѣ себя долги: князь Юрій Васильевичъ оставилъ 752 рубля долгу, самая значительная часть котораго была занята подъ залогъ разныхъ движимыхъ вещей; занималъ онъ у частныхъ лицъ и у монастырей. Гораздо больше долгу оставилъ князь Андрей Васильевичъ Меньшой, задолжавшій одному великому князю 30,000 рублей за ордynские выходы, кромѣ долга частнымъ людямъ; князь Михаилъ Верейскій оставилъ долгу 267 рублей ³⁾. Впрочемъ, должно замѣтить, что князь Юрій и князь Андрей Меньшой Васильевичи были бездѣтныя, у Михаила Верейскаго сынъ былъ въ изгнаніи, а дочеръ мимо великаго князя не смѣлъ онъ отказать своей отчичи: вотъ почему у нихъ не было побужденій жить бережно; князь Андрей, напримѣръ, прожилъ всѣ свои доходы и не платилъ старшему брату выходовъ въ зачетъ своего удѣла, который долженъ былъ достаться послѣднему; князь Борисъ Васильевичъ, оставляя отчину сыновьямъ, долгу не оставилъ; но сынъ его, умирая бездѣтнымъ и завѣщая вотчину великому князю, оставилъ долгу болѣе 600 рублей ⁴⁾.

Относительно взиманія дани мы знаемъ, что Іоаннъ бралъ со всѣхъ волостей новгородскихъ по по полугривнѣ съ сохи со всякаго, кто напешъ землю, и съ ключниковъ, со староста, и съ одерноватыхъ ⁵⁾; въ 1491 году Тверская Земля была описана по-московски въ сохи. Отъ времени Іоанна III дошла до насъ древнѣйшая переписная окладная книга—именно Вотской пятины Новгородской области, имѣющая такое заглавіе: „Книги Вопчіе пятины писма Дмитрея Васильевича Китаева да Никиты Губы Семенова сына Моклокова дѣта семь тысячъ осмаго (1499—1500). А въ нихъ писаны

пригороды и волости и ряды и погосты и села и деревни великаго князя и за бояры и за детми боярскими и за служилыми людьми за помѣстчики и своеземцовы и купецкіе деревни и владычни и монастырскіе деревни и сохи по новгородскому. А въ сохѣ по три обжи. А на пригороды, на посады и на великаго князя волости и на села и на деревни кладено великаго князя оброка рубли и полтинами и гривнами и денгами новгородскими въ новгородское число“. — За этиаъ заглавіемъ слѣдуетъ названіе уѣзда, и потомъ начинается описаніе погостовъ. Въ каждомъ погостѣ описываются прежде всего церковь погоста, вмѣстѣ со дворами священно- и церковно-служителей ея и съ ея землею, или замѣчается, въ какой мѣстности находится церковь погоста и гдѣ описана. Потомъ описываются оброчныя волости, села и деревни великаго князя, которыя воевремя составленія писцовой книги не были ни за кѣмъ въ помѣстьи. Въ началѣ описанія каждаго селенія или каждой группы селеній замѣчается, чьи были прежде эти селенія; если прежде они были уже за кѣмъ въ помѣстьи, то объ этомъ также замѣчается. Далѣе описываются волости, села и деревни великаго князя, бывшія во время составленія описанія за разными лицами въ помѣстьи, причеаъ замѣчается, чьи они были прежде. Земли каждаго помѣщика составляютъ въ описаніи особую группу. Если у какаго-нибудь помѣщика есть земли еще въ другомъ погостѣ, то объ этомъ замѣчается. Затѣмъ описываются земли: 1) своеземцевъ и купцовъ; 2) владыки Новгородскаго; 3) монастырскія и церковныя; 4) къ описанію земель церковныхъ присоединяется и описаніе земель, составляющихъ непосредственную собственность священно- и церковно-служителей. Замѣчается, въ какихъ другихъ погостахъ Вотской пятины есть еще земли владычни, или земля того же монастыря и церкви. При описаніи каждаго селенія означается названіе его (погостъ, село, сельцо, деревня), собственное его имя, дворы, въ немъ находящіяся, съ поименованіемъ хозяевъ, количество коробей вытѣвмаго жителями хлѣба и количество скашиваемыхъ коненъ сѣна, а затѣмъ число обжъ, въ которое положена пахатная земля, доходъ въ пользу землевладѣльца, старый и новый, а равно въ пользу поселскаго, или ключника, иногда кормъ, слѣдующій намѣстнику, наконецъ угодыя, существующія при селеніи. Если жители селенія занимаются не хлѣбопашествомъ, а другимъ промысломъ, то описаніе сообразно этому измѣняется. По описаніи извѣстной группы селеній, образующихъ одно цѣлое, приводится итогъ, въ которомъ показывается: сколько во всей этой группѣ по старому письму было селеній, дворовъ, людей, обжъ, сохъ, и какой по старому письму шель доходъ въ пользу землевладѣльца, а равно поселскаго, или ключника; сколько, въ сравненіи съ старымъ письмомъ, прибыло или убыло по новому письму деревень, дворовъ, людей, обжъ; сколько именно по новому письму значится селеній различнаго

¹⁾ Также перстняхъ особаго рода: въ грамотахъ Крымскихъ хановъ постоянно находится приписка, что грамота жаконвою запечатана.

²⁾ С. г. г. и д. I, № 122, 131, 132, 112, 122.

³⁾ Тамъ же, № 96, 112, 122, 132.

⁴⁾ Тамъ же, № 132.

⁵⁾ П. С. Р. Л. VI, 217.

наименованія, дворовъ, людей, обжа и сохъ; какой будетъ идти новый доходъ, и по какимъ статьямъ и въ какомъ количествѣ онъ увеличился или уменьшился въ сравненіи съ прежнимъ временемъ; какія наконецъ есть угодья. Подобный итогъ приводится и по описаніи одного селенія, если оно само по себѣ составляетъ особенное цѣлое. Но по описаніи всѣхъ земель извѣстнаго отдѣла, т.-е. великокняжескихъ, или монастырскихъ и церковныхъ, не приводится общаго итога за каждый такой отдѣлъ, равно не приводится общаго итога по цѣлому погосту и по цѣлому уѣзду ¹⁾).

Соха измѣнялась по соображенію съ различными условіями: въ краяхъ, гдѣ земледѣліе составляло главный промыслъ жителей, объемъ сохъ расширялся; въ краяхъ ремесленныхъ или торговыхъ—сокращался; потому соха соразмѣрялась съ качествомъ почвы; въ этомъ отношеніи земли обыкновенно дѣлились на добрыя, среднія и худыя; если въ соху доброй земли полагалось 800 четвертей, то средней 1,000, а худой—1,200 четвертей. Относительно посадскихъ и слободскихъ тяглыхъ земель сохи измѣнялись не четвертями, а дворами; и здѣсь въ одномъ мѣстѣ въ соху шло столько-то дворовъ, а въ другомъ болѣе или менѣе; здѣсь принималось также въ расчетъ различіе средствъ владѣльцевъ дворовъ, почему сохи раздѣлялись на сохи лучшихъ торговыхъ людей, на сохи среднихъ людей (гдѣ число дворовъ увеличивалось вдвое противъ торговыхъ) и на сохи младшихъ людей (гдѣ число дворовъ было вчетверо больше противъ числа дворовъ въ сохѣ лучшихъ людей). Изъ пошлины въ Иоанново время встрѣчаются названія: помѣрное, роговое, искусное, вѣнцы повоженные, скатертная пошлина ²⁾). Отъ того же времени дошелъ до насъ уставъ откупщикамъ тамги и пятна на Вѣлѣозерѣ. Если городской человѣкъ Вѣлѣозерецъ, или житель подгородныхъ мѣстъ (окологородецъ), или житель какой-нибудь изъ волостей бѣлозерскихъ привезетъ товаръ свой, то таможенники берутъ со всякаго товара по полуденьгѣ съ рубля да по полуденьгѣ съ саней за церковную пошлину, что берутъ въ Москвѣ. Если Вѣлѣозерецъ, городской человѣкъ, купитъ себѣ въ лавку медь, икру, рыбу, то брать у него съ рубля по полуденьгѣ поряднаго; если же онъ купитъ себѣ въ лавку мѣхъ или рогозину, или пошевь соли, или бочку, кадъ рыбы, или бочку сельдей, то со всего этого по одиначкѣ (съ одного) брать по полуденьгѣ съ стяга; по столько же брать съ живой коровы, съ десяти полотей, съ двадцати гусей, съ тридцати поросятъ, съ тридцати утятъ, съ десяти барановъ, съ тридцати сыровъ, съ двадцати зайцевъ. Здѣсь любопытно также, что упоминаются зайцы, которыхъ, слѣдовательно, употребляли въ пищу въ XV-мъ вѣкѣ. Со льну, луку, чесноку, орѣховъ, яблоковъ, маку, золы, дегтю брать по деньгѣ съ воза. Съ вывозной изъ

Вѣлаозера бочки или кади рыбы, мѣха или рогожи, или пошева соли—брать со всякой по полуденьгѣ. Съ служилаго человѣка, идущаго безъ товара, пошлины не брать; если же служилый человѣкъ станетъ торговать, то брать съ него тамгу и всѣ пошлины, какъ и съ торговаго человѣка. Кто покупаетъ человѣка въ полное холопство (въ полницу), тотъ даетъ по алтыну съ головы намѣстнику, да по алтыну съ головы дяку, который ишетъ полныя грамоты, да по-стольку же таможенникамъ. Кто купитъ лошадь въ рубль или меньше рубля, у того брать отъ пятна по деньгѣ съ лошади, столько же брать и у того, кто продастъ. Всѣ торговли, какъ Вѣлѣозерцы, такъ и Москвичи, Тверичи и Новгородцы, должны показывать свой товаръ таможенникамъ, не складывая съ воза или съ судна; если же кто сложитъ товаръ прежде явки таможенникамъ, тотъ протамжилъ, товаръ ему назадъ, и если этотъ товаръ будетъ стоить два рубля или больше, то взять съ него протамги два рубля—рубль намѣстнику, да рубль таможенникамъ; если товаръ стоитъ рубль, то брать тридцать алтынъ безъ гривны; если товаръ стоитъ больше одного рубля, но меньше двухъ, или меньше одного рубля, то брать по расчету. Если кто купитъ лошадь безъ явки, то брать съ него протатенья два рубля—рубль намѣстнику и рубль пятенщикамъ. Если Вѣлѣозерецъ, городской человѣкъ, купитъ что или продастъ въ своемъ городѣ, то съ того тамги не брать; если же продастъ или купитъ судно, то брать по полуденьгѣ съ рубля Съ Москвича, Тверича, Новгородца, жителя уѣловъ московскихъ брать тамгу по старинѣ, съ рубля по алтыну, да съ саней по полуденьгѣ за церковную пошлину и за гостинное. Придетъ кто съ товаромъ на суднѣ изъ Московской, Тверской или Новгородской Земли, то сколько у нихъ будетъ людей на суднѣ, брать со всѣхъ по деньгѣ съ головы. Кто придетъ изъ Московской, Тверской или Новгородской Земли, также изъ монастырей этихъ земель, равно какъ изъ бѣлозерскихъ монастырей,—всѣмъ имъ торговать всякимъ товаромъ и житомъ въ городѣ на Вѣлѣ-озерѣ, а за озеро не ѣздить; по монастырямъ и по волостямъ не торговать, кромѣ одной Вѣлѣозерской волости—Углы: здѣсь быть торгу по старинѣ, а тамгу брать, какъ берутъ на Вѣлѣ-озерѣ. Кто ослушается этого запрета, съ тѣхъ брать съ купца два рубля, да съ продавца два рубля, товаръ описывать на великаго князя, самихъ виновныхъ отдавать на поруки и ставить передъ великимъ княземъ; городскимъ же людямъ Вѣлѣозерамъ и посадскимъ за озеро ѣздить торговать по старинѣ.—По свидѣтельству Иосафата Барбаро, при Иоаннѣ III-мъ право варить медъ и пиво, употреблять хмель сѣлавалось исключительной собственностію казны ³⁾.

Въ образѣ жизни Иоанна мы не видимъ большихъ

¹⁾ Никол. VI, 130. Записки Географ. Общ. кн. VIII; Временникъ Москов. Истор. Общ. кн. 11 и 12-я.

²⁾ С. г. г. и д. I, № 121; Акты арх. эксп. I, № 99.

³⁾ Акты арх. эксп. I, № 134.—Барбаро въ библіот. иностр. писат. о Россіи, стр. 59.

перемѣнѣ противъ образа жизни его предшественниковъ. Мы видѣли, что самъ онъ имѣлъ два имени, оба взятыхъ изъ греческихъ святцевъ—Іоаннъ и Тимоѳей: Тимоѳеемъ онъ названъ былъ въ честь Апостола Тимоѳея, котораго память празднуется 22 января, день рожденія Іоанна; послѣднее же имя онъ получилъ на шестой день, когда празднуется перенесеніе мощей Св. Іоанна Златоустаго¹⁾. Сынъ его, родившійся 25 марта, въ день Благовѣщенія, получилъ имя Гавріила, котораго память празднуется на другой день; но потомъ получилъ имя Василія, подѣ которымъ и извѣстенъ въ исторіи; онъ былъ крещенъ черезъ 10 дней архіепископомъ Ростовскимъ Вассіаномъ и Троицкимъ игуменомъ Пансіемъ, въ Троицкомъ монастырѣ; потомъ Пансіей крестилъ втораго сына Іоаннова, Георгія. Въ княженіе Іоанна III при утвержденіи единовластія должно было оказаться большое затрудненіе относительно княжескихъ браковъ; самъ Іоаннъ въ первый разъ былъ женатъ на княжнѣ Тверской, но при немъ же Тверь пала и князья ея пошли въ изгнаніе; оставались князья Рязанскіе, зависяые на дѣлѣ, равные по праву князьямъ Московскимъ, но они находились уже въ такомъ близкомъ родствѣ съ послѣдними, которое не допускало новыхъ браковъ. Такимъ образомъ, великій князь долженъ былъ заботиться о пріисканіи невѣсты сыновьямъ и жениховъ дочерямъ среди иностранныхъ владѣтельныхъ домовъ; по здѣсь, какъ справедливо замѣтила отцу королева Елена, главное затрудненіе состояло въ иновѣрїи. Относительно своего втораго брака и брака старшаго сына Іоанна великій князь успѣлъ избѣжать этого затрудненія, женившись самъ на царевнѣ Греческой и женивъ сына на дочери православнаго воеводы Молдавскаго; но мы знаемъ, какія слѣдствія имѣлъ бракъ старшей дочери Іоанновой, Елены, долженствовавшей оставаться православною въ Литвѣ и Польшѣ. Понятно, почему Іоаннъ старался отыскать въ Венгріи семейство владѣтельныхъ князей сербскихъ, православныхъ; старанія его на этотъ счетъ остались безуспѣшны, равно какъ исканіе жениховъ и невѣсты въ Даніи, въ Германіи: онъ принужденъ былъ уже въ послѣдній годъ жизни женить старшаго, двадцатипятилѣтняго сына Василія на Соломонидѣ Сабуровой, выбранной изъ 1,500 дѣвицъ, представленныхъ для этого ко двору²⁾. Отецъ Соломониды, Юрій, потомокъ ордынскаго выходца мурзы Чета, не былъ даже бояриномъ; но еще прежде великій князь выдалъ вторую дочь свою, Θεодосію, за боярина, князя Василія Даниловича Холмскаго³⁾; понятно, какъ неприятно было Іоанну выдавать дочь за одного изъ служивыхъ князей—бояръ, которые уже назывались холопами великокняжескими. Неуспѣхъ Іоанна въ исканіи невѣсты для сына среди князей иностранныхъ имѣлъ важное слѣдствіе: иностранная княжна на престолѣ Москов-

скомъ необходимо сближала бы и мужа и подданныхъ съ прежнимъ отечествомъ своимъ и вообще съ Западною Европою, содѣйствовала бы сильнѣйшему усвоенію плодовъ цивилизаціи, введенію новыхъ обычаевъ, и какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ имѣла бы болѣе значенія, болѣе вліанія, по самому высокому происхожденію своему. Значеніе Софіи Витовтовны и Софіи Палеологъ, кромѣ личнаго характера ихъ, много объясняется ихъ происхожденіемъ; Софія Палеологъ принимала иностранныхъ пословъ; послѣ нея, при великихъ княгиняхъ и царицахъ изъ подданныхъ, этого обычая не видимъ. Воспитанная въ теремѣ, дочь московскаго боярина или менѣе значительнаго служилаго человѣка переносила и во дворецъ свою теремную жизнь; великій князь, какъ великій князь, оставался одинокъ на своемъ престолѣ.

Въ отвѣтъ посламъ императорскимъ Іоаннъ объявлялъ, что въ Русской Землѣ нѣтъ обычая показывать дочерей женихамъ или сватамъ прежде окончательнаго рѣшенія дѣла. Тѣмъ же посламъ онъ отказался объявить о приданомъ своихъ дочерей, отозвавшись, что неприлично великимъ государямъ вести объ этомъ переговоры; но прежде приказывалъ своему послу развѣдать, на сколько тысячъ золотыхъ Манкупскій князь давалъ приданого за дочерью, которую предлагалъ въ невѣсты князю Іоанну Іоанновичу⁴⁾. При описаніи свадьбы дочери великокняжеской Θεодосіи, выходявшей за князя Холмскаго, говорится о тысяцкомъ, дружкѣ, дружкѣ податномъ, о двухъ лицахъ, державшихъ коверъ княжой, о конюшемъ, при которомъ находились 15 человѣкъ дѣтей боярскихъ, о поѣзжаныхъ жениховыхъ, о священникѣ со крестомъ при постели, о лицахъ, находившихся у сани великой княгини Софіи, съ корою вмѣстѣ вѣхала и невѣстка, великая княгиня Елена, о свѣщникахъ, коровайникахъ, фонарникахъ и проч.

Изъ иностранныхъ источниковъ узнаемъ, что, вслѣдствіе извѣстныхъ измѣненій въ отношеніяхъ великаго князя къ дружинѣ и вообще къ подданнымъ, измѣнилось и обращеніе его съ ними.—Венеціанскій посолъ Контарини говоритъ, что Іоаннъ имѣлъ обыкновеніе ежегодно объѣзжать разныя области своихъ владѣній и въ особенности посѣщать одного Татарина, котораго содержалъ на жалованьи на татарской границѣ, для ея охраненія⁵⁾.

Въ то время какъ Русь Сѣверо-Восточная, государство Московское увеличивалось областями, соединеніе которыхъ было прочно по единоплемненности и единовѣрью народонаселенія,—на западѣ, по недостатку нравственныхъ и физическихъ силъ къ сопротивленію на востокъ,—въ то время владѣтели Руси Юго-Западной, великіе князья Литовскіе и короли Польскіе, ослабляемые внутреннею борьбою между составными частями своихъ владѣній,

¹⁾ Никон. VI, 108.

²⁾ Герберштейнъ, стр. 18.

³⁾ Древняя Россійск. Вивліоа. ч. XIII.

⁴⁾ Дѣла Крымскія, посольство Старкова.

⁵⁾ Герберштейнъ, стр. 8; Контарини въ Вибл. иностр. писат. о Россіи, стр. 106.

не препятствовали образованію на востокѣ могущественнаго и враждебнаго владѣнія, котораго государь уже принялъ титулъ государя всея Руси и прямо объявилъ, что Русская Земля, находящаяся за Литвою и Польшю, искони его отчина, и что онъ хочетъ ее добывать. Въ это рѣшительное для всей Восточной Европы время, когда Московскій князь, освобождався окончательно отъ страха передъ Азією, начиналъ на нее наступательное движеніе и усиливался приобрѣтеніемъ обширныхъ владѣній, вырванныхъ изъ-подъ руки великаго князя Литовскаго, все вниманіе послѣдняго было обращено не на усиленіе своего государства прочными приобрѣтеніями, но на приобрѣтеніе сосѣднихъ престоловъ для своихъ сыновей. Іоаннъ приобрѣталъ Новгородъ, Тверь, Вятку, Пермь, часть Рязани, подчинялъ себѣ Казань,—Казимиръ также приобрѣталъ Орденскія земли для Польши и цѣлыя королевства для сыновей своихъ—Вогемію, Венгрію; но Іоаннъ отдалъ все свои приобрѣтенія одному сыну, который чрезъ это получилъ средства къ новымъ приобрѣтеніямъ, тогда какъ занятія престоловъ Польши, Литвы, Вогеміи и Венгрии внуками Ягайла покрыло только мгновеннымъ величіемъ династію князей Литовскихъ, не принеся никакой пользы родной странѣ ихъ, историческое движеніе которой прекратилось со времени соединенія ея съ Польшюю.

Въ то время, какъ великій князь Московскій, становясь единовластителемъ обширной страны, становился вмѣстѣ съ тѣмъ и самовластителемъ ея,—власть великаго князя Литовскаго и короля Польскаго нѣкла все болѣе и болѣе. Въ то время, какъ Московскій государь самовластно располагалъ средствами своей страны,—соперникъ его, при исполненіи своихъ наміреній, нуждался въ помощи и согласіи сеймовъ, у которыхъ долженъ былъ выкупать эту помощь и согласіе уступками; долженъ былъ постоянно опасаться и гордаго прелата, который не преминетъ въ торжественномъ собраніи укорить короля за какую-нибудь мѣру, невыгодную для матеріальнаго благосостоянія духовенства, и могущественнаго вельможи, который не преминетъ поднять знамя возстанія при первомъ неудовольствіи, и, наконецъ, собственнаго войска, которое своевольствомъ своимъ не преминетъ испортить походъ.

Іоаннъ Московскій объявилъ, что онъ воленъ въ своихъ великихъ княжествахъ,—кому хочетъ, тому ихъ и отдастъ; но смерти Казимира Литовскаго, сынъ его, Александръ, писалъ князьямъ и панамъ Волынской Земли, что паны-рада великаго княжества Литовскаго заблагоразсудили оставить его, Александра, въ Литвѣ и на Русь для защиты отъ непріятеля на то время, пока не выберутъ великаго князя. Приглашая Волынцевъ на это избраніе, Александръ пишетъ имъ: „Вспомните, что вы поклялись отцу моему, въ случаѣ его смерти, признать господаремъ того изъ сыновей его, котораго ваша милость изберете вмѣстѣ съ панами-радою

великаго княжества Литовскаго“¹⁾. Объ отношеніяхъ Литовскаго великаго князя къ панамъ своимъ раднымъ всего лучше можетъ свидѣтельствовать письмо его къ нимъ отъ 21 октября 1503 года касательно отпуски ногайскихъ пословъ: „Намъ кажется, пишетъ Александръ, что пословъ должно отпустить; но мы отдаемъ дѣло на разсужденіе и рѣшеніе вашей милости: какъ признаете за лучшее—отпустить ихъ или задержать,—такъ исдѣлаете, потому что мы безъ совѣта вашей милости ничего въ земскихъ дѣлахъ не дѣлаемъ“²⁾.

Мы говорили уже о томъ, какая перемѣна въ отношеніяхъ великаго князя къ дружинѣ произошла въ Московскомъ государствѣ въ княженіе Іоанна III-го. Замѣчено было также, что въ два предшествовавшія княженія, Василя Димитріевича и Василя Темнаго, вступили въ службу великихъ князей Московскихъ многие князья, Рюриковичи и Гедиминовичи, которые сохраняли на службѣ первенствующее положеніе, именуясь прежде бояръ: такимъ образомъ, старые московскіе боярскіе роды были оттѣснены отъ первыхъ мѣстъ княжескими родами. При Василя Темномъ три изъ послѣднихъ занимали самое видное мѣсто: Патрикѣевы, Ряполовскіе и Оболенскіе; то же значеніе сохраняютъ двѣ первыя фамиліи и въ княженіе Іоанна III; къ нимъ съ самаго начала присоединяется еще княжеская фамилія—Холмскихъ, тверскихъ удѣльныхъ, вступившихъ въ службу въ московскую. Князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, большой наместникъ, наивысшій воевода московскій, и зять его, князь Ряполовскій, пали въ борьбѣ съ Софією; но племянникъ Ивана Юрьевича, знаменитый ведронскій побѣдитель, князь Даниилъ Васильевичъ Щеня, не подвергся онадѣ вмѣстѣ съ дядею. Послѣ паденія князя Ивана Юрьевича, его мѣсто, мѣсто воеводы московскаго, занялъ князь Василій Даниловичъ Холмской, сынъ знаменитаго воеводы Даниила и зять великаго князя; а второе по немъ мѣсто занималъ Даниилъ Васильевичъ Щеня. Такимъ образомъ, князья продолжаютъ первенствовать и только третье мѣсто занимаетъ потомокъ старой знаменитой боярской фамиліи, Яковъ Захаровичъ Кошкинъ, воевода коломенскій³⁾, котораго брата, Юрія За-

¹⁾ Акты, относ. къ истор. Зап. Россіи, № 100, 101.

²⁾ Тамъ же, № 206. См. Земскую привилегію Александра 1492 года (Dzialynskiego—Zbior praw Litewskich. p. 62); Nuncios seu oratores mittere debemus, consilio dominorum nostrorum... Census theloniorum, tabernarum et alii ex poenis et undecunq; nobis provenientibus, recipiantur et reponantur in thesaurum nostrum. Nulla vero necessitate imminente dicti census, sine voluntate ipsorum, dominorum per nos, de thesauro tolli et recipi non debent.

³⁾ Литовскій воевода Захаръ Ивановичъ Кошкинъ былъ смоленскій бояринъ. О фамиліи Смоленскихъ Кошкиныхъ см. Архивъ Мин. И. Дѣлъ, Дѣла Польскія, гдѣ въ числѣ бояривъ, представлявшихся въ Смоленскѣ великой княжѣ Еленѣ Іоанновнѣ, названа: Иванцова жена Кошкина Маршалкина, вторая особа по назначенію мужей въ Смоленскѣ. См. также акты Западн. Россіи, I, № 192, стр. 320: «Списокъ смоленскихъ князей и бояръ кривдъ и шкодъ, што имъ починили и забрали помѣстички и украинники В. К.

таровича, назѣстника новгородскаго, мы уже видѣли въ сношеніяхъ съ Яномъ Заберезскимъ, и въ мѣстническомъ спорѣ съ княземъ Щенею-Патрикѣевымъ: предъ Ведрошскою битвою. Этотъ споръ и его рѣшеніе важны для насъ опять, какъ доказательство первенствующаго положенія княжескихъ фамилій предъ боярскими: великій князь, рѣшая споръ въ пользу князя Щени, велѣлъ напомнить Кошкину, что прежде бояринъ Федоръ Давыдовичъ уступалъ также первое мѣсто князьямъ¹⁾. Какое множество служилыхъ князей было во время Іоанна III, — видно изъ того, что между воеводами, участвовавшими въ Ведрошской битвѣ, упоминается одиннадцать князей и только пять именъ безъ княжескаго титула. Князья, вступивши въ службу къ великому князю Московскому или его удѣльнымъ, вошли въ составъ старшей дружины, боярства, и потому называются боярами: „Пожаловалъ я своего боярина, князя Василія Ромодановскаго“, говоритъ удѣльный князь Михаилъ Верейскій въ своей духовной²⁾; подъ духовною Іоанна III читаемъ: „Тутъ былы бояре мои: князь Василій Даниловичъ, да князь Данило Васильевичъ“. Несмотря на то, однако князья стоятъ выше бояръ; грамота бояръ московскихъ къ панамъ литовскимъ начинается такъ: „Отъ князя Василія Даниловича, воеводы московскаго, и отъ князя Данила Васильевича, воеводы Великаго Новгорода, и отъ Якова Захарыча, воеводы коломенскаго, и отъ всѣхъ князей и отъ бояръ и отъ окольничихъ, рады (думы, совѣта) Іоанна, Божію милостію государя всея Руси, брати и пріятелиамъ нашимъ, Войтѣху, бискупу Виленскому, и Николаю Радивловичу, воеводѣ виленскому“ и проч.³⁾ Изъ членовъ древнихъ боярскихъ родовъ московскихъ, кромѣ Кобылиныхъ-Конкиныхъ, въ княженіе Іоанна III находились на виду: изъ рода Акинфо-

выхъ упомянутый выше бояринъ Федоръ Давыдовичъ, потомъ бояринъ Петръ Федоровичъ Челядинъ, оба дворяродные внуки знаменитаго Чедора Свйбла отъ двоихъ братьевъ—Ивана Хромаго и Михаила Челядни: линия же самаго Свйбла прекратилась по смерти бездѣтнаго сына его, Семена. Изъ фамилій, особенно выдававшихся при Василіи Темномъ, продолжаютъ имѣть значеніе—Васенокъ и Ошера, преимущественно послѣдній, пользовавшійся большою довѣренностію великаго князя и употреблявшій, по свидѣтельству лѣтописца, во зло эту довѣренность; одинакому нареканю подвергается Григорій Андреевичъ Мамонъ, котораго отецъ былъ можайскимъ бояриномъ; наконецъ съ важнымъ значеніемъ являются Ховрины, потомки греческаго князя Стефана, выѣхавшаго изъ Тавриды, бояринъ Владимиръ Григорьевичъ и сыновья его—Иванъ Голова и Дмитрій Владиміровичъ, казначей великокняжескій. Мы видѣли, что паны литовскіе, предполагая или желая предполагать въ Москвѣ такія же отношенія, какія существовали у нихъ, стали пересылаться о государственныхъ дѣлахъ съ боярами московскими; Іоаннъ допустилъ эту пересылку, ибо видѣлъ, что иногда она можетъ быть полезна, когда, напримѣръ, нужно было, по его выраженію, задрать Литовское правительство насчетъ какого-нибудь дѣла; но какъ онъ смотрѣлъ на эту форму, видно изъ рѣчи посла, отправленнаго имъ въ станъ къ сыну Дмитрію: „Отецъ твой, господинъ, велѣлъ тебѣ сказать: прислала рада литовская къ нашимъ боярамъ грамоту, и я, противъ той грамоты, отъ своихъ бояръ написалъ къ литовской радѣ грамоту; а какову я грамоту къ нимъ писалъ, и я съ нея послалъ къ тебѣ списокъ, чтобы тебѣ та грамота была вѣдома“⁴⁾.

Мы видѣли, какъ Іоаннъ III обошелся съ княземъ-бояриномъ, который рѣшился оставить его службу и перейти къ брату его, удѣльному князю; несмотря на то, въ договорѣ, заключенномъ по его приказанію между сыновьями его, старшимъ Василіемъ и вторымъ Юріемъ, внесено обычное условіе: „А боярамъ и дѣтямъ боярскимъ и слугамъ нашу вольнымъ воля“. Но еще въ 1474 году употреблено было средство заставлять бояръ отказываться отъ своего права отъѣзда: это средство испытано было впервые, сколько намъ извѣстно, на одномъ изъ самыхъ знаменитыхъ бояръ-князей, Данилѣ Дмитріевичѣ Холмскомъ, который уличенъ былъ въ какой-то, намъ неизвѣстной вигѣ (быть можетъ въ покушеніи отъѣхать), отданъ подъ стражу, потомъ прощенъ и принужденъ дать на себя крестоцѣловальную запись, въ родѣ проклятыхъ грамотъ, которыя давались князьями во времена Темнаго: „Я, Данило Дмитріевичъ Холмской (говорится въ записи), билъ челомъ своему господину и государю, великому князю Ивану Васильевичу за свою вину чрезъ своего господина Геронтія митрополита всея Руси и его дѣтей и сослужебниковъ епископовъ

Московскаго: Рославскаго повѣта, окольничаго Смоленскаго Ивана Кошкина дворъ, братаища его Ивашка Яковлевича дворъ».

¹⁾ Разряды. книги Москов. Арх. Мин. И. Дѣль, № 1, стр. 82, 105: «А Юрью велѣло сказать (В. Князь), что въ Костромѣ были воеводы — въ большомъ полку князь Александръ Федоровичъ, а въ передовомъ полку князь Иванъ Стрига, въ сторожевомъ полку Федоръ Давыдовичъ». — Въ послужномъ списокѣ старинныхъ бояръ, начатанномъ въ 1-мъ томѣ Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія, сказано, что въ первый годъ княженія Іоаннова у него были только три боярина, оставшіеся послѣ отца: Михайло Борисовичъ Плещеевъ, кн. Ив. Юр. Патрикѣевъ и кн. Ив. Вас. Стрига-Оболенискій. Но на подлинной духовной Василія Темнаго, кромѣ князя Патрикѣева, видимъ еще троихъ бояръ, въ числѣ которыхъ имѣтъ и князя Стриги, и Плещеева, и тѣхъ дворецкихъ и окольничаго, которые встрѣчаются потомъ въ Спискѣ. Чему же теперь больше вѣрять: подлинной духовной или Списку въ родѣ неофициальныхъ Разрядныхъ книгъ и еще испорченному вадателями Трудовъ, которые говорятъ, что этотъ списокъ «при ономъ Собраніи сокращенъ такиимъ образомъ, что изъ сего сокращенія, есть ли кто пожелаеъ, самой тою полною удобно возстановитъ и вновь сочинитъ можетъ?» что это за безсмыслица?

²⁾ С. г. г. и д. I, № 121.

³⁾ Акты, относ. въ истор. Западн. Россіи, I, № 192.

⁴⁾ Тамъ же.

(слѣдуютъ имена). Господарь мой меня, своего слугу, пожаловалъ, нелюбе свое отдалъ. А мнѣ, князю Данилу, своему господарю и его дѣтямъ служить до смерти, не отъѣхатъ ни къ кому другому. Добра мнѣ ему и его дѣтямъ хотѣть вездѣ во всемъ, а лиха не мыслить, не хотѣть никакого. А гдѣ отъ кого уелышу о добрѣ или о лихѣ государя своего и его дѣтей, и мнѣ то сказать въ правду по этой укрѣпленной грамотѣ, безхитростию. А въ томъ во всемъ взялся (поручился) по мнѣ господинъ мой Геронтій митрополитъ съ своими дѣтьми и сослужебниками. А стану я что думать и начинать вопреки этой моей грамотѣ, или явится какое мое лихо предъ моимъ господаремъ великимъ княземъ и передъ его дѣтьми, то не будь на мнѣ милости Божией, Пречистой Его Матери, и Св. чудотворцевъ Петра митрополита и Леонтія епископа Ростовскаго и всѣхъ Святыхъ, также господина моего Геронтія митрополита и его дѣтей, владыкъ и архимандритовъ тѣхъ, которые за меня били челомя, не будь на мнѣ ихъ благословія ни въ сей вѣкъ, ни въ будущей, а господарь мой и его дѣти надо мною по моей винѣ въ казни вольны. А для крѣпости я цѣловалъ крестъ и далъ на себя эту грамоту за подписью и печатью господина своего Геронтія митрополита всея Руси⁴. — Но однихъ духовныхъ обязательствъ и ручательствъ было недостаточно: — Ивалъ Никитичъ Воронцовъ обязался: если князь Данило отъѣдетъ или сбѣжитъ за его порукою, то онъ платитъ 250 рублей; пять свидѣтелей стояли при этомъ поручительствѣ; когда поручная кабала была написана и запечатана печатью Ивана Никитича, то послѣдній, ставши передъ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ Патрикѣевымъ, объявлялъ ему объ этомъ, и Патрикѣевъ приложилъ къ кабалѣ свою печать¹).

Названіе бояръ введенныхъ и путныхъ сохраняется. Отъ временъ Иоанна III дошла до насъ любопытная жалованная грамота: „Се язъ великій князь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ есмь Василія Остафьевича Ознобину санничимъ въ путь, и вы бояре и слуги, и всѣ люди того пути чтите его и слушайте“. Это извѣстіе показываетъ намъ, какое широкое и, потому, такъ теперь сбивчивое для насъ значеніе имѣло слово бояринъ. Извѣстіе объ этихъ мелкихъ боярахъ саннича пути показываетъ, что и на сѣверѣ были бояре, подобные западно-русскимъ и путнымъ боярамъ, хотя здѣсь слово „путный“, кажется, означаетъ дорожный, гонца, какъ послѣ и на сѣверѣ путные ключники, на-примѣръ, значили просто—дорожные ключники; употребленіе слова „путный“ въ разныхъ значеніяхъ—еще болѣе затемняетъ дѣло. О западно-русскихъ путныхъ боярахъ говорится въ уставахъ объ управленіи королевскихъ волостей 1557—1558 г.: „Бояре путные стародавние должны владѣть двумя волоками, съ которыхъ должны платить всѣ повинности, а на службу тяглую и въ подводы хо-

дить не обязаны; но если по приказанію нашему поѣдутъ на дорогу, то въ этотъ годъ ничего не платятъ, а безъ нашей воли и указа урядники наши на дорогу ихъ никуда не посылаютъ“. Кромѣ названій придворныхъ чиновъ, извѣстныхъ въ прежнее время, встрѣчаемъ названія: постельничаго, сокольничаго, ясельничаго, дьяка постельнаго. Послѣ присоединенія княжествъ и удѣловъ, дворы прежнихъ князей ихъ не сливались съ дворомъ великаго князя Московскаго, и потому видимъ раздѣленіе служилыхъ людей на дворъ великаго князя и на дѣтей боярскихъ родовыхъ. Великая княгиня, мать Иоанна III, имѣла свой дворъ, который во время похода присоединился къ двору великокняжескому подъ особымъ своимъ воеводою²).

О богатствѣ князей-бояръ во время Иоанна III можемъ судить только по завѣщанію главнаго изъ нихъ, князя Ивана Юрьевича Патрикѣева; завѣщатель дѣлитъ между женою и двумя сыновьями недвижимое имущество, состоящее изъ двухъ слободъ, 29 селъ и 13 селець главныхъ, кромѣ селець и деревень, приписанныхъ къ селамъ; кромѣ того, луга и мѣста городскія; пѣкорныхъ крѣпостныхъ людей отпускаетъ на волю, другихъ дѣлитъ между женою и сыновьями; между этими людьми находимъ названія: стрѣлка, трубника, дьяка, поваровъ, хлѣбниковъ, портныхъ мастеровъ, брошниковъ, садовниковъ, псарей, рыболововъ, мельниковъ, утятника, соколышка, огородника, плотника, серебрянаго мастера, истопника, страдниковъ. Завѣщатель упоминаетъ о своихъ купляхъ и объ отцовскомъ благословіи. Относительно кормленій до насъ дошли любопытныя жалованныя грамоты, данныя Иоанномъ литовскому выходцу, пану Ивану Судимонту Кондратьевичу, получившему въ Москвѣ званіе боярина введеннаго; въ первой грамотѣ говорится: „Вилъ мнѣ челомя Яковъ Захаревичъ, что валъ обонимъ на Костромѣ сытымъ быть не съ чего, и я князь великій Якова пожаловалъ городомъ Владиміромъ, а тебѣ придалъ другую половину Костромы, съ правдою (съ судомъ)“. Потомъ Судимонтъ былъ пожалованъ городомъ Владиміромъ подъ княземъ Даниломъ Димитріевичемъ Холмскимъ³). О дачѣ помѣстьи упоминается подъ 1500 годомъ въ лѣтописи, гдѣ сказано, что великій князь, по благословію Симона митрополита, взялъ за себя въ Новгородѣ Великомъ церковныя земли владычни и монастырскія и роздалъ дѣтямъ боярскимъ въ помѣстья⁴); но въ одной разрядной книгѣ находимъ любопытное извѣстіе, что, по взятіи Новгорода, по государеву изволенію, распущены были изъ княжескихъ и боярскихъ дворовъ служилые люди, послужилыцы, и помѣщены въ Вотской путинѣ; здѣсь насчитывается такихъ новыхъ помѣщиковъ 47 родовъ. Въ извѣстіи объ окончательномъ покореніи Вятки говорится, что

²) П. С. Р. Л. VI, 188. Никон. VI, 77. Акты Зап. Росс. I, стр. 307. Древн. Росс. Вивл. XV, 12.

³) Акты историч. I, № 110.

⁴) Никон. VI, 158.

¹) С. г. г. и д. I, № 103 и 104.

великій князь земскихъ людей Вятчанъ посадилъ въ Боровскѣ и Кременѣ и помѣстья имъ дать ¹⁾.

Таково было средство, употребленное для увеличения числа ратныхъ людей. Кромѣ такъ называемыхъ служилыхъ людей, или старой дружины, бояръ, дѣтей боярскихъ и дворянъ, Иоаннъ III посылалъ въ Казанскій походъ 1470 года московскихъ сурожанъ, суконниковъ, кучихъ людей и прочихъ всѣхъ Москвичей, которыхъ пригоже, по ихъ силѣ, и поставилъ надъ ними особаго воеводу, князя Оболенскаго. При осадѣ Смоленска сыномъ великокняжескимъ Дмитріемъ, видимъ въ московской рати посошныхъ людей, собранныхъ съ сохъ. Псковскій лѣтописецъ сообщаетъ намъ извѣстіе о наборѣ войска въ его родной области; въ 1480 году, по случаю войны съ ливонскими Нѣмцами, выставлено было съ четырехъ сохъ по коню и по человѣку; въ 1495 году, по требованію великимъ княземъ вспомогательнаго войска для Шведской войны, Псковичи собрали (срубил и) съ десяти сохъ по конному человѣку; въ 1500 году, для войны Литовской, они брали съ 10 сохъ коня, съ сорока рублей коня и человѣка въ доспѣхѣ, а бобыли составляли пѣший отрядъ; въ Псковской лѣтописи упоминается кованая рать; изъ иностранныхъ извѣстій узнаемъ только, что такъ назывались лучшіе конные полки ²⁾. Мы видѣли, что въ войнахъ Псковитянъ съ Нѣмцами участвовали также охочіе люди (нерубленые люди, охочій человѣкъ) изъ Псковской волости, и потому прихожіе люди, приходцы изъ другихъ областей. Въ московской рати упоминаются казаки ³⁾; наконецъ въ составъ русской рати обыкновенно входили полки татарскіе; кромѣ полковъ, приводимыхъ служилыми царевичами, Татары были, какъ видно, поселены въ разныхъ московскихъ волостяхъ; такъ, въ распоряженіяхъ объ отправкѣ посла въ Крымъ читаемъ: „Ѣхать съ Дмитріемъ Шеннымъ Татарамъ, провожатъ имъ Дмитрія въ Перекопъ въ орду изъ Ростунова, Щитова, Коломны, Левичина, Сурожика, Берендѣева, Ижва“ Однихъ изъ этихъ Татаръ посоль долженъ былъ отпустить, дать имъ волю, другихъ оставить съ собою „въ Перекопи на лежаньѣ“ для вѣстей ⁴⁾.

По свидѣтельству Псковскаго лѣтописца, число московскаго войска, загородившаго дорогу Ахмату въ первое его нашествіе, простиралось до 180,000, растянутыхъ на полтораста верстахъ; число войска, посланнаго на защиту Пскова отъ Нѣмцевъ

въ 1481 году, простиралось до 20,000; новгородскія силы во время Шелонскаго боя было 40,000; столько же было московскаго войска на Ведрошской битвѣ, если вѣрить Стрыйковскому ⁵⁾. Войска ходили по-прежнему сухимъ путемъ и по рѣкамъ; такъ, въ 1470 году войска, назначенныя въ походъ на Казань, плыли изъ разныхъ мѣстъ къ Нижнему рѣками — Москвою, Клязьмою, Окою и Волгою; подъ 1467 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что войска отправлялись на Черемисъ изъ Галича 6 декабря и пошли лѣсами безъ пути, въ жестокие морозы. Относительно продовольствія войскъ во время похода встрѣчаемъ слѣдующія извѣстія: при описаніи похода на Казань князя Стриги-Оболенскаго въ 1467 году говорится, что войска возвратились безъ успѣха, истомленные, потому что осень была холодная и дождливая, корму начало доставать, такъ что многіе ратные люди въ постные дни ѣли мясо, лошади мерли съ голоду. Во время втораго похода Иоанна III на Новгородъ, великій князь Тверской присылалъ сына боярскаго отдавать кормы по отчинѣ своей; потомъ уже, находясь подъ Новгородомъ, Иоаннъ велѣлъ всѣмъ воеводамъ посылать за кормомъ половину людей, а другую половину оставлять у себя; наконецъ, до насъ дошли грамоты Иоанна III, по которымъ запрещалось полкамъ, идущимъ въ походъ, останавливаться, брать кормы, подводы и проводниковъ по волостямъ, принадлежавшимъ Троицкому Сергіеву монастырю ⁶⁾. Изъ всего этого видимъ, что войска брали съѣстные припасы по мѣстамъ, по которымъ проходили. Изъ оружія упоминается огнестрѣльное: пушки, тюфяки и пищали ⁷⁾. При описаніи войны Псковичей съ Нѣмцами, мы уже видѣли, что Нѣмцы брали верхъ своимъ нарядомъ, или артиллеріею; при осадѣ городовъ псковскія пушки дѣйствовали не очень удачно: такъ, при осадѣ Нейгаузена, Псковичи били городокъ пушками, пустили въ него большую пушкою, но колода у нея вся изломалась и желѣза около разорвались, что заставило снять осаду ⁸⁾. Войска попрежнему состояли изъ пяти частей: большаго полка, правой и лѣвой руки, передоваго и сторожеваго полковъ. Еще сохранялся старый обычай браниться передъ битвою; предъ началомъ Шелонскаго сраженія „Новгородци по оной странѣ рѣки Шелони ѣздаше, и гордящеса, и словеса хульные износяще на воеводу великаго князя, еще же окаяннии и на самаго государя великаго князя словеса нѣкая хульная глаголаху, яко пси лаху“ ⁹⁾. Мы видѣли, что Казанскій походъ 1469 года не удался отъ недостатка единства въ движеніяхъ, отъ недостатка подчиненности. Для введенія послѣдней, великій князь долженъ былъ прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ; когда сынъ его, князь Дмитрій, возвратясь изъ Смоленскаго похода, пожаловался отцу,

⁵⁾ П. 310.

⁶⁾ Акты арх. эксп. I, № 89, 98.

⁷⁾ П. С. Р. Л. VI, 237.

⁸⁾ Тамъ же, IV, 224.

⁹⁾ Тамъ же, VI, 192.

¹⁾ Рааряди. книга Бекетова у Карам., VI, примѣч. 201. П. С. Р. Л. VI, 167; видякъ деревни за царями, дякамъ, подьячимъ, сельскимъ: С. г. г. и д. I, № 140.

²⁾ П. С. Р. Л. IV, 241. *Histor. Russiae Monum.* 1, 201. *Jam Petrus Suyssi exorcitus Moschorum Ducum cum delectis equitum turnis ex fortissimis Moschovia municipiis evocatorum ex Troptensi, Pscoviensi, Novohrodensi et Lucensi, quam vulgo К о п а л а R a z id est ferratam aciem vocant Poloniam profectus et. c.*

³⁾ П. С. Р. Л. VI, 188.

⁴⁾ Крыльскія дѣла, Посольство Шенка.

что многія дѣти боярскія безъ его вѣдома отъѣзжали въ волости на грабѣжъ, его не слушались, то Іоаннь велѣлъ этихъ ослушниковъ схватить, бить кнутомъ на торгу, и многихъ велѣлъ въ тюрьму бросить. Уже встрѣчаемъ извѣстіе о мѣстничествѣ, какъ явленіи, препятствовавшемъ успѣху военныхъ дѣйствій: при описаніи Казанскаго похода, Архангельская лѣтопись говоритъ: „А воеводы судовой рати нелюбе держали между собою, другъ нодъ другомъ идти не хотѣли“. Привыкли защищаться отъ Нѣмцевъ въ крѣпкихъ стѣнахъ своего города и, потомъ послѣ ухода непріятеля, метить ему вторженіемъ въ его землю немногочисленными отрядами для опустошенія, Псковичи, какъ видно, не лобили или не умѣли сражаться правильнымъ строемъ; объ этомъ можно заключить изъ слѣдующаго лѣтописнаго разсказа: „Погнались воеводы великаго князя и Псковичи, и нагнали Нѣмцевъ въ Очеровахъ на Могильникѣ; Нѣмцы обозъ (кошъ) своей поставили поодаль отъ себя и сказали: „Когда Русь ударится на кошъ, то мы воспользуемся этимъ и выйдемъ изъ Псковской Земли; если же ударится на насъ, то тутъ намъ сложить свои головы“. Псковичи первые ударилась на кошъ, за ними Москвичи, и начали между собою драться за нѣмецкое добро: Чудь, находившюся при обозѣ, всю перебили; Нѣмцы въ это время напали на Московичей и Псковичей, и была съ ними сѣча, но небольшая. Князь псковскій Иванъ Горбатый началъ загонять Псковичей, чтобъ не ѣхали поодиначкѣ, и они всѣ по закустовую, и начали ему Псковичи прозвища давать — опремомъ и кормихномъ“¹⁾. При осадѣ городовъ были пушками, стрѣляли стрѣлами, приметывали приметь: первымъ дѣломъ осажденныхъ было сжечь этотъ приметь²⁾.

Ахмать въ оба нашествія свои не заставлялъ Іоанна врасплохъ, что вѣроятно было слѣдствіемъ бдительности русскихъ сторожевыхъ отрядовъ, высылаемыхъ въ степи; Іоаннь жаловался Казимиру, что русскіе люди ѣздили на поле оберегать христіанство отъ бусурманства, а литовскіе люди напали на нихъ изъ Мценска, Брянска и другихъ мѣстъ; потомъ жаловался, что Литовцы перебили московскихъ сторожей на Донцѣ, сторожей Алексинцевъ, сторожей на Шатѣ.

Относительно состоянія дружины, или военнаго служилago сословія въ Руси Юг-Западной мы узнаемъ, что здѣсь въ описываемое время название дворянинъ уже получаетъ важное значеніе, какового въ Московской Руси не имѣеть; такъ, въ пожалованной грамотѣ великаго князя Александра 1499 года дворяниномъ называется знаменитый князь Василій Глинскій³⁾. Отъ описываемаго времени дошелъ до насъ большой рядъ пожалованныхъ великокняжескихъ грамотъ князьямъ, панямъ, боярамъ на временныя владѣнія, или на хлѣбокормленія, и на вѣчныя владѣнія го-

родскими мѣстами и селеніями: въ грамотахъ обыкновенно говорится, что имѣнія эти даются самому пожалованному, его жепѣ, дѣтямъ, будущимъ потомкамъ, вѣчно и непорушно, съ пашенными землями, бортными, подлазными, съ сѣножатями, съ озерами и рѣками, съ бобровыми гонами, ѣзами, перевѣсьями, болоньями, ловами, съ данями грошовыми и медовыми, со всякими входами, приходами и платами (уплатами), съ землями пустовскими, съ млынами (мельницами), и съ ихъ вымалками, ставами и ставищами, съ рыбннками, съ рѣчками и потоками ихъ, съ колодезями, съ борами, лѣсами, гаями (рощами), дубравами и хворостниками, съ лядами и лядищами, съ данями кунчными и лисичными, со всякимъ правомъ и панствомъ, съ мытами, явками, кашпинами, со веѣми боярами и ихъ имѣніями, съ слугами путными и данниками, съ слободичами, что на волѣ сидятъ⁴⁾, съ людьми тяглыми, съ кунчниками, лейтами, конокорниками. Въ Киевской области княжата и панята, хотѣвшіе ѣхать въ чужіе края, должны были сказаться королю или его намѣстнику, и когда устроить въ своемъ имѣніи службу такъ, какъ бы она была при нихъ самихъ, тогда могутъ ѣхать, если только земской службы не будетъ; но въ непріятельскую землю ѣхать не могутъ. Киевлянинъ, по королевскимъ грамотамъ, пользовался тою же честью, какъ Литвинъ, ничѣмъ передъ послѣднимъ не понижался; волости кievскія держали только Киевляне, но Киевлянамъ король раздавалъ городки, кому хотѣлъ; князья, паны и бояре литовскіе, владѣвшіе имѣніями въ Киевской Землѣ, обязаны были служить съ этихъ имѣній вмѣстѣ съ Киевлянами, сами, своими головами. Урядники коронные не имѣли права судить слугъ и людей княжескихъ, панскихъ и боярскихъ. Въ уставной Волинской грамотѣ говорится, что староста не смѣлъ срамить злыми словами князей, пановъ и землянъ, не смѣлъ казнить ихъ и сажать въ башню; но если кто изъ нихъ провинится, то староста извѣщаетъ короля и поступаетъ съ преступникомъ по королевскому наказу; если обвиненный потребуетъ суда королевскаго, то староста отпускаетъ его къ королю, назначивши срокъ, когда онъ обязанъ стать передъ послѣднимъ; князя, пана и землянина староста или намѣстникъ одинъ не судить, но имѣеть при себѣ князей, пановъ и землянъ⁵⁾.

Думаютъ, что относительно управления при Іоаннѣ III послѣдовалъ переходъ отъ прежняго управленія посредствомъ только извѣстныхъ лицъ къ управленію — посредствомъ извѣстныхъ присутственныхъ мѣстъ, или приказовъ; думаютъ, что при Іоаннѣ III несомнѣнно должны были существовать приказы разрядный, холодій, житный, Нов-

⁴⁾ Это выраженіе лучше всего объясняетъ намъ значеніе слободы; см. Исторіи Россіи, т. III, стр. 704.

⁵⁾ Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи, т. I, № 75, 77, 81, 85, 91, 110, 128, 129, 133, 138, 158, 164, 171, 172, 181, 194, 195, 208, 218, 180; II, № 30, 54.

¹⁾ П. С. Р. Л. IV, 276.

²⁾ Тамъ же, стр. 240.

³⁾ Акты, относящ. къ истор. Зап. Россіи, I, № 164.

городскій ¹⁾). Но ни въ одномъ памятникѣ, дошедшемъ до насъ отъ княженія Іоанна III-го, не упоминается о приказахъ; и если нѣкоторые приказы должны были явиться непременно при Іоаннѣ III, то не понимаемъ, почему нѣкоторые изъ нихъ не могли явиться ранѣе, если уже не хотимъ обращать вниманія на молчаніе источниковъ; не знаемъ, почему, наприм., разрядный, холопій приказы не могли явиться ранѣе. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Іоанну приписывается раздѣленіе Россіи на три части—Владимірскую, Новгородскую и Рязанскую, и образованіе для каждой изъ нихъ отдѣльнаго приказа подъ названіемъ трети. Но съ этимъ извѣстіемъ мы не можемъ согласиться, ибо Рязанское великое княжество не было присоединено еще при Іоаннѣ.

Въ городономъ бытѣ Сѣверо-Восточной Руси произошло важное явленіе: главный представитель быта старыхъ русскихъ городовъ, Новгородъ Великій, приравнялся своимъ бытомъ къ городамъ Низовой Земли. Мы видѣли, какъ скудны были наши извѣстія о бытѣ Великаго Новгорода, какъ трудно было по этимъ извѣстіямъ составить о немъ ясное, опредѣленное понятіе; посмотримъ, нельзя ли будетъ теперь, при послѣднемъ столкновении Новгорода съ великимъ княземъ, дополнить нѣсколькими нашими свѣдѣніями о различіи между бытомъ Новгорода и бытомъ городовъ низовыхъ. Іоаннъ III потребовалъ отъ Новгородцевъ, чтобъ государство его было такое же въ Великомъ Новгородѣ, какое оно въ Низовой Землѣ, на Москвѣ; тогда Новгородцы просили, чтобъ великій князь объявлялъ, какъ его государству быть въ Великомъ Новгородѣ, потому что Великій Новгородъ низовскаго обычая не знаетъ, не знаетъ какъ государь держать свое государство въ Низовой Землѣ. На это Іоаннъ отвѣчалъ: „Наше государство таково: вѣчному колоколу въ Новгородѣ не быть, посаднику не быть, а государство все намъ держать“. Итакъ бытъ Новгорода рознился отъ быта низовыхъ городовъ тѣмъ, что въ Новгородѣ былъ вѣчевой колоколъ, было вѣче, чего въ низовыхъ городахъ не было; слѣдовательно, если мы встрѣтимъ въ источникахъ, что въ томъ или другомъ низовомъ городѣ, даже въ самой Москвѣ, было вѣче, то это слово, означающее неопредѣленно всякое совѣщаніе, хотя бы даже между немногими лицами, потомъ означающее исключительно на сѣверо-востокъ народное возстаніе, мятежь,—это слово не должно вводить насъ въ заблужденіе, заставляя предполагать, что въ низовыхъ городахъ могло быть что-нибудь похожее на бытъ старыхъ городовъ, уцѣлѣвшій и, вѣроятно, сильнѣе развившійся въ Новгородѣ. Требованіе Іоанна, чтобъ въ Новгородѣ вѣчевого колокола не было, и потомъ извѣстіе, что вѣчевой колокола дѣйствительно былъ взятъ изъ Новгорода и отвезенъ въ Москву, очень важны; существова-

ніе одного вѣчевого колокола предполагаетъ существованіе одного правильнаго, обычнаго вѣча, соизвавшагося по звону этого колокола лицами правительственными, княземъ, посадникомъ; слѣдовательно другія вѣча, созываемыя противниками князя или посадника, по звону другихъ колоколовъ, не на обычномъ мѣстѣ, не были собственно вѣчами, хотя, по неопредѣленности, обширности значенія слова, и называются такъ; въ нѣкоторыхъ спискахъ сказанія о Тохтамышевомъ нашествіи говорится, что и въ Москвѣ, по отъѣздѣ великаго князя „сотвориша вѣче, позвоняша во все колоколы, и сташа сугломъ народы мятежныи, крамольничи“. Ясно, слѣдовательно, что вѣчей, или возстаній въ Москвѣ на людей, хотѣвшихъ бѣжать отъ Татаръ, въ Ростовѣ на Татаръ, въ Костромѣ, Нижнемъ, Торжкѣ—на бояръ, вѣчей, созываемыхъ всеми колоколами, не должно, по одному тождеству названія, смѣшивать съ вѣчами Новгорода и другихъ старыхъ городовъ: Смоленска, Кіева, Полоцка, Ростова, гдѣ жители, по словамъ лѣтописца, какъ на думу, на вѣча сходились, и что старшіе рѣшали, на то пригороды соглашались ²⁾. Въ извѣстіяхъ о послѣднихъ минутахъ вѣчевого быта въ Новгородѣ, мы встрѣчаемъ другое, еще болѣе важное извѣстіе о большомъ вѣчѣ; при исчисленіи несправленій новгородскихъ къ великому князю, лѣтописецъ говоритъ: „А на дворъ великаго князя, на Городище, съ большаго вѣча присылали многихъ людей, а намѣстникомъ его, да и послу великаго князя лаляли и безчествовали“ ³⁾. Если было большое вѣче, то было и малое, совѣтъ, засѣданіе правительственныхъ лицъ, въ противоположность большому всенародному вѣчу.

Въ Новгородѣ вѣчевой бытъ исчезъ; но онъ остался еще до времени во Псковѣ. И въ Псковской лѣтописи, вслѣдствіе частыхъ столкновений вѣча съ усилившеюся властію великокняжескою, находимъ въ описываемое время большее число извѣстій о вѣчевомъ бытѣ, чѣмъ прежде. Мы видимъ распоряженіе вѣча въ 1463 году во время отсутствія князя-намѣстника: пришла вѣсть о нападеніи Нѣмцевъ,—и вотъ Зиновій посадникъ и Псковичи, услышавши эту вѣсть, поставили вѣче, и дали на вѣчѣ воеводство Максимъ посаднику и двумъ другимъ лицамъ. Нѣмцы ушли,—тогда посадники псковскіе и Псковичи начали думать, куда идти за ними. Пріѣхалъ князь-намѣстникъ, и опять встрѣчаемъ извѣстіе, что Псковичи дали на вѣчѣ воеводство посаднику Доросею; но, какъ видно, князь-намѣстникъ въ это время находился въ походѣ, ибо прежде было сказано, что онъ и посадники псковскіе начали собирать пригорожанъ и волостныхъ людей, и, собравшись Псковичи съ пригорожанами и со всеми людьми, выступили въ походъ. Пѣмпы прислали бить челомъ о мирѣ—воеводѣ великаго князя, который приходилъ на по-

¹⁾ Неволіина—Объ управленіи въ Моск. Гос. Жур. Мн. Нар. Пр., 1844 г.

²⁾ См. т. IV, стр. 214.

³⁾ П. С. Р. Л. VI, 98.

мощь Псковичамъ, князю-наместнику Псковскому и всему Пскову; воевода князь-наместникъ, посадники и весь Псковъ, подумавши, заключили миръ, послѣ чего нѣмецкіе послы цѣловали крестъ на вѣчѣ предъ воеводою великаго князя и предъ всѣмъ Псковомъ. Послы, отправленные Псковомъ въ Москву къ великому князю, по возвращеніи, отдавали отчетъ въ своемъ посольствѣ на вѣчѣ; такъ, посадникъ Максимъ, возвратясь въ 1464 году изъ Москвы, началъ править на вѣчѣ посольство: „Князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси тебѣ своему наместнику Псковскому князю Ивану Александровичу, посаднику степенному старому Юрію Тимофеевичу и старымъ посадникамъ, и всему Пскову, отчинѣ своей повѣствуетъ“ и проч. Также на вѣчѣ отдавали отчетъ на своемъ посольствѣ и послы, возвращавшіеся изъ Литвы ¹⁾. Мы видѣли, что еще Василій Темный отнялъ у новгородскаго вѣча право давать грамоты безъ участія князя, т.-е. его наместника; во Псковѣ при Іоаннѣ мы видимъ, что вѣче распоряжается землями въ пользу той или другой церкви или монастыря, причемъ о князь-наместникѣ не говорится, хотя онъ находился въ это время въ городѣ: подъ 1471 годомъ читаемъ: „Посадники и весь Псковъ даша имъ на вѣчѣ тую землю и воду, и въ тѣя часы бысть всему Пскову, еще и вѣче не поспѣло разойтись, скорбь и туга велика“. Но въ 1476 году слобожане Кокшинской волости били челомъ князю-наместнику Ярославу, посадникамъ псковскимъ и всему Пскову, чтобъ позволили имъ поставить городъ, и Псковъ на вѣчѣ позволилъ и грамоту далъ. Когда, въ 1501 году, явились во Псковъ московскіе воеводы, но не хотѣли идти въ Нѣмецкую Землю безъ государева приказанія, то князь-наместникъ, посоветовавшись съ посадниками, боярами и Псковичами на вѣчѣ, послалъ трехъ гонцовъ въ Москву.

Такимъ образомъ, князь-наместникъ, посадники и вѣче являются во Псковѣ тремя нераздѣльными властями, къ которымъ обращались въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ, и которыя рѣшали эти дѣла по общему совѣту. Если вѣче избирало воеводу, то князь-наместникъ выѣхавъ съ посадниками собиралъ войска изъ пригородовъ и волостей. Новаго князя-наместника принимали честно: духовенство со крестами, посадники и весь Псковъ выходили къ нему на-встрѣчу, и сажали на княженіе въ Троицкомъ соборѣ, послѣ чего онъ цѣловалъ на вѣчѣ крестъ къ Пскову на суду, на пошлинныхъ грамотахъ и на всѣхъ старинахъ псковскихъ; не желая болѣе оставаться во Псковѣ, князь-наместникъ выходилъ на вѣче и слагалъ съ себя крестное цѣлованіе. Касательно посадниковъ во Псковѣ, иногда встрѣчаемъ извѣстія объ одномъ степенномъ посадникѣ, иногда о многихъ: такъ, подъ 1462 годомъ говорится, что заложили Псковичи новый Городецъ при князѣ псковскомъ Владимірѣ Андреевичѣ и при посадникѣ степенномъ

Максимѣ Ларионовичѣ; потомъ читаемъ, что въ 1463 году пріѣхалъ во Псковъ на княженіе князь Иванъ Александровичъ Звенигородскій при посадникѣ степенномъ Зиновіи Михайловичѣ; подъ слѣдующимъ годомъ говорится, что посолъ, возвратившись изъ Москвы, правилъ посольство такъ: „Князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси тебѣ своему наместнику князю Ивану Александровичу, посаднику степенному старому Юрію Тимофеевичу и старымъ посадникамъ, и всему Пскову отчинѣ своей повѣствуетъ“. Здѣсь, не предполагая ошибки переписчика, выраженіе „степенному“, „старому“ — можно понимать такъ, что Юрій не въ первый уже разъ отправлялъ должность степеннаго посадника. Но подъ 1465 годомъ говорится, что князь-наместникъ и посадники степенные, Леонтій Макаровичъ и Тимофей Васильевичъ, заложили деревянную стѣну, послѣ чего постоянно говорится о посадникахъ степенныхъ, обыкновенно двоихъ, и говорится такъ, что не оставляетъ никакого сомнѣнія; напримѣръ: „И посадники псковскіе и со псковичи, а въ степени тогда былъ посадникъ Яковъ Аонасьевичъ Брюхатый да Василій Епимаховичъ, и учали сильно дѣяти надъ священники“. Также ясно говорится о двоихъ посадникахъ степенныхъ въ правой грамотѣ Святигорскому монастырю и въ некоторыхъ другихъ актахъ ²⁾. О тысяцкомъ во Псковѣ не упоминается, но упоминается о сотскихъ послѣ посадниковъ; напримѣръ подъ 1464 годомъ: „И цѣловалъ крестъ посадникъ Максимъ Ларионовичъ, посадникъ Ипатій Логиновичъ и сотскіе“; или подъ 1472 годомъ, гдѣ говорится о мирѣ Пскова съ Новгородомъ: „А во Псковѣ посадникъ псковской Аонасій Юрьевичъ, и бояре псковскіе и соцкіе, и судьи тогда же и бынную грамоту подрали, вынужши изъ ларя, и была всѣмъ христіанамъ радость большая“. Здѣсь между посадниками и сотскими видимъ бояръ; кто могъ достигать во Псковѣ боярскаго званія, — видно изъ извѣстія подъ 1477 годомъ: „Псковъ послать къ великому князю двухъ посадниковъ, а съ ними два боярина Ошимаха Гладкаго да Андрея Иванова, сына Попова, раздьякона (т.-е. разстриженнаго дьякона)“. Встрѣчаемъ извѣстіе о губскихъ старостахъ, которые упоминаются послѣ сотскихъ ³⁾. Касательно правительственнаго значенія городскихъ кондовъ, отношенія ихъ къ пригородамъ, находимъ важное извѣстіе подъ 1468 годомъ: „Тойже веси весь Псковъ подѣлиша по два пригорода на всѣ концы, коему же концу къ старымъ пригородамъ новыя жеребьемы дѣлили, а имать жеребій князь Василій князь Федора Юрьевича сынъ съ престола“.

Объ устройствѣ названныхъ городовъ въ княженіе Іоанна III мы имѣемъ очень мало извѣстій; упоминается о городскомъ сотникѣ, какъ чиновникѣ, распоряжающемъ городскими постройками, имѣющимъ право тянуть окружающихъ крестьянъ во всѣ

²⁾ Тамъ же, стр. 269; Акты юридич., стр. 3; Акты Запад. Россіи, I, № 74.

³⁾ Тамъ же, стр. 256.

пошлины ¹⁾; въ Судебникѣ упоминается староста, глава посадскихъ людей, который вмѣстѣ съ лучшими горожанами присутствовалъ въ судѣ. Но довольно много извѣстій дошло до насъ отъ описываемого времени о бытѣ городовъ Юго-Западной Литовской Руси. Въ маѣ 1494 года великій князь Александръ подтвердилъ • кievскимъ мѣщанамъ уставную грамоту отъ своего Казимира ²⁾; по этой грамотѣ мѣщане не поднимали ничѣмъ пословъ польскихъ, московскихъ, валахскихъ, молдавскихъ, но поднимали только пословъ литовскихъ и ордынскихъ; не стерегли казны великокняжеской и воеводской, только въ случаѣ прибытія самого великаго князя въ Кіевъ обязаны были содержать при немъ стражу; не топили бани, не возили дровъ; копей, животины, овецъ и свиней по кievскимъ дворямъ не сгоняли ³⁾; сѣна за рѣкою не косили, косили только одинъ день подъ боркомъ, скошенное должны были убрать, но въ городѣ сѣна не возили ни откуда; плотовъ не сгоняли. на берегъ не волочили; плотникъ не сыпалъ, кромѣ одной плотники подъ городомъ; въ облаву не ходили, города не рубили, не мостили городского моста, не платя однако слугамъ воеводскимъ поѣздки; плѣнниковъ не стерегли, не бѣдили на сторожу въ поле; волю имъ было ѣздить въ боръ по дрова во всѣ стороны, также на болоты и на островахъ за Днѣпромъ сѣно косить, чѣмъ мѣсто кормилось; если воевода побѣдетъ за двѣ мили отъ замка или на охоту, то подводъ ему не давали, давали только по сполу сѣна соколыникамъ воеводскимъ: мѣщане и слуги городове съ послами въ Орду не ходили, вышгородскаго, чернобыльскаго, бѣлогородскаго и глевацкаго мыта не платили по всей Землѣ Кіевской ⁴⁾. Кто изъ мѣщанъ захочетъ выселиться въ другой городъ или мѣсто, тотъ долженъ продать недвижимое имущество, а съ движимымъ можетъ

выѣхать въ какия хочетъ области великаго княжества Литовскаго, только не за границу. Для торговли волю имъ ѣздить, кромѣ служилыхъ неданныхъ (неясачныхъ) людей; если придетъ вѣсть о приближеніи Татаръ, то имъ съ мѣста не ѣхать, если же поѣдутъ, то должны оставаться на свое мѣсто людей добрыхъ, которые могутъ за нихъ отправить великокняжескую службу. Кто возьметъ за себя мѣщанку съ домомъ, — тотъ обязанъ отправлять такую же службу, которая прежде отправлялась съ того дому. Кто изъ мѣщанъ должасть, тому волю продать свой домъ для уплаты долга; но кто купитъ домъ, — тотъ обязанъ отправлять съ него такую же службу, какая отправлялась и прежде. На войну данные (ясачные) люди не ходили. Прежде воевода бралъ пеню съ тѣхъ, кто по ночамъ съ огнемъ сживалъ; но теперь эти дѣла были отданы въ вѣдѣніе войта, который долженъ отвѣчать, если, по его несмотрѣнію, сдѣлается въ городѣ пожаръ. — Въ 1497 году кievскій войтъ, бурмистры, радцы и всѣ мѣщане были челомъ великому князю Александру, чтобы освободилъ ихъ навсегда отъ мыта по всей вотчинѣ своей, Литвѣ, Руси и Жмуди, потому что они разорены отъ ежегодныхъ нападений татарскихъ: великій князь исполнилъ ихъ просьбу ⁵⁾. Въ 1499 г. кievскій воевода Дмитрій Путятинъ жаловался великому князю, что мѣщане кievскіе, какъ скоро получили нѣмецкое право, то отняли у воеводъ всѣ уряды и пошлины городскія. Велѣдствіе этой жалобы дана была кievскому войту и мѣщанамъ уставная грамота о воеводскихъ доходахъ, въ которой говорится: „Если купцы или казаки прѣдутъ въ Кіевъ и стануть на подворьи у какого-нибудь мѣщанина, то послѣдній обязанъ объявить о нихъ воеводѣ или намѣстнику, но старому обычаю; если же не объявитъ, то платитъ воеводѣ пеню. Если осмникъ, выбираемый воеводою изъ слугъ своихъ, застанетъ христіанина, мѣщанина или казака въ безправственномъ дѣлѣ съ женщиною, то намѣстнику метрополичьему идти съ виновнаго урочная пеня, а воеводѣ коша грошей; если же осмникъ застанетъ въ такомъ дѣлѣ Турка, Татарина или Армянина, то воеводѣ съ виноватаго идти двѣнадцать копѣ грошей. Казаки, ходящіе внизъ по Днѣпру до Черкасъ и дальше, должны со всякой своей добычи давать воеводѣ десятину. Если привезутъ въ Кіевъ рыбу, просольную и вялую, то осмникъ воеводинъ осматриваетъ ее и обмычиваетъ, и беретъ на городъ отъ бочки рыбы по шести грошей, а отъ вялыхъ и свѣжихъ рыбъ десятину; если же привезутъ осетровъ, то не смѣютъ ихъ продавать цѣлкою, пока осмникъ не возьметъ отъ каждаго осетра по хребтанѣ, или отъ десяти осетровъ десятаго. Перекунщики, которые сидятъ въ рядахъ и торгуютъ хлѣбомъ и другими припасами, обязаны давать осмнику каждую субботу отъ товара по

¹⁾ Акты арх. эксп. I, 109: «Отъ князя Андрея Васильевича, въ Бѣжецкой Верхъ Городецкому Сотнику Павликѣ. Били мы челомъ Троицкіе старцы, а сказываютъ: что де великіи Присѣцкіи деревнямъ крестьянамъ на Городецкомъ намѣстничей дворъ ставити и тлещь де ихъ во всѣ пошлины».

²⁾ Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи, I, 120.

³⁾ «Мають то вѣдати Клеплицихъ а выбоинки».

⁴⁾ «Только коли пойдутъ суды нанязъ съ Кіева, и они мають давати корговичну, съ коими по три гроши, водою, а не сухимъ путемъ; а коли прійдетъ съ Черкасъ водою рыба, вно тогда маеть, приплодъ, осмникъ обмытити рыбу на березѣ и свое десятое маеть взяти, а што въ верху какая рыба прійдетъ, того на березѣ не обмычвати: маеть осмникъ мыта своего на торгу смотрѣти. А отъ каи съ корчи давати имъ по полтрати копы грошей, а шичего грошъ; а вяги каи на Божѣ вароженьѣ, а оиатъ на Божѣ же вароженьѣ заплатити каи, а рокъ уиаетъ, ино за дѣцкованьѣмъ взяти. А въ которомъ дому сами войтове живуть, съ того дому каи не давати; а што коморы торговые у нихъ въ тыхъ же домѣхъ, съ того плату тожъ не давати. А мясини мають давати, по яловицы, на св. Петра день, на городъ. А съ якры мыта не давати; а отъ пресного меду съ посудыны съ вѣка по полугрошку, а отъ колоды меду гроши, а за посадку меду две гроши. А свадебную кунницу давати имъ шерстью; а не будетъ кунницы шерстью, ино пять грошей за кунницу».

⁵⁾ Акты, относящ. къ истор. Западн. Россіи, т. I, № 149.

деньгъ; а который человекъ новый захочетъ съѣсть въ рядахъ и торговать съѣстными припасами, такой долженъ дать осмнику куницу, двѣнадцать грошей. Если случится покража на берегу на рѣкѣ на такомъ разстояніи, что можно отъ берега палкой докинуть, то эту покражу судить осмникъ; также если кто украдетъ бѣлье, или женщина съ женщиною подерется, то такіа дѣла судить осмникъ вмѣстѣ съ намѣстникомъ митрополичьямъ. Если купеческій возъ, выѣзжающій изъ Кіева и нагруженный товаромъ, обломится, съ одной стороны по Золотыя ворота, а съ другой по рѣку Почайну, то брать его на воеводу, потому что купцы нарочно нагружаютъ тяжело возы свои, чтобъ было ихъ меньше, и слѣдовательно чтобъ меньше платить пошлины. Лучники, кузнецы и сапожники должны давать воеводѣ луки, топоры и сапоги на Свѣтлое Воскресенье и на Рождество Христова. — Изъ этой грамоты объясняется для насъ должность осмника, которая, по всѣмъ вѣроятностямъ, была та же самая и въ старину, ибо осмникъ упоминается и въ Русской Правдѣ и въ лѣтописи между событиями XII вѣка; объясняется и пошлина осмничае, которую уже мы встрѣчали въ Сѣверо-Восточной Руси ¹⁾. — Несмотря на то, что еще въ уставной грамотѣ 1494 года кіевскіе мѣщане были освобождены отъ подѣма пословъ московскихъ и волошскихъ, въ 1503 году они подали великому князю Александру жалобу, что пословъ и гонцовъ московскихъ, волошскихъ, турецкихъ, перекопскихъ, заволжскихъ и другихъ ордынскихъ поднимаютъ, подводы подъ нихъ даютъ, коней и казну посольскую стерегутъ, въ Орду съ великокняжескими послами ходятъ, подъ воеводскихъ гонцовъ подводы даютъ; также отъ тиуновъ кіевскихъ терпятъ великія притѣсненія; жаловались, что въ Кіевѣ живутъ епископскіе, митрополичьи, воеводскіе, архимандричьи, княжескіе, панскіе, землянскіе, милославчани и другіе прихожіе люди, также разные ремесленники, перекупщики, рыболовы, въ Кіевѣ и поселяне торгуютъ, а службъ городскихихъ съ мѣщанами не служатъ и податей не платятъ. Вслѣдствіе этой жалобы, великій князь писалъ къ кіевскому воеводѣ, чтобъ мѣщане были освобождены отъ посольскаго подѣма и вынуты изъ тиунскихъ рукъ; также чтобъ приплые люди участвовали во всѣхъ городскихихъ повинностяхъ, въ противномъ случаѣ мѣщане могутъ ихъ грабить ²⁾.

Въ 1498 году Полоцкъ получилъ Магдебургское право съ опредѣленіемъ войтовскихъ доходовъ, а именно: третьяго нецая отъ всѣхъ судебныхъ пошлинъ, половины мясныхъ лавокъ, отдачи въ его вѣдомство винныхъ промышленниковъ и торговцевъ, съ освобожденіемъ мѣщанъ отъ подводъ, сторожъ, отъ мыта по всему княжеству Литовскому; съ правомъ построить всенародныя бани и ра-

тушу; въ городѣ должно быть всегда двадцать радцевъ, которыхъ избираетъ войтъ, — половину закона римскаго и половину греческаго; эти радцы вмѣстѣ съ войтомъ ежегодно выбираютъ двухъ бурмистровъ, — одного закона римскаго, а другого греческаго; Бурмистры вмѣстѣ съ войтомъ управляютъ общиною; переносъ дѣлъ отъ бурмистровъ и радцевъ допускается къ войту, но отъ войта переносъ дѣла можетъ быть только къ великому князю; войтъ можетъ рѣшить дѣло безъ бурмистровъ и радцевъ, но бурмистры и радцы безъ войта или лентъ-войта не могутъ ничего рѣшить. Полоцкъ обязанъ платить ежегодно 400 копъ грошей въ казну великокняжескую ³⁾. И въ Псковѣ, какъ въ Кіевѣ, послѣ полученія Магдебургскаго права, не обошлось безъ столкновенія между властію войта и властію намѣстника королевскаго, такъ что, въ 1499 году, великій князь Александръ долженъ былъ особю грамотою точице опредѣлить отношенія этихъ властей: по этой грамотѣ тяжбы о землѣ между бояриномъ, мѣщаниномъ или путникомъ судить намѣстникъ съ старшими боярами полокими, по старому обычаю; въ случаѣ спора о границахъ земельныхъ, долженъ ѣхать намѣстникъ или боярь послать; если пріѣдутъ послы изъ Новгорода, Пскова, изъ Лукъ Великихъ или отъ Нѣмцевъ ливонскихъ для рѣшенія обидныхъ дѣлъ земскихъ, то намѣстникъ съ старшими боярами, призвавши къ себѣ войта и старшихъ мѣщанъ (если дѣло будетъ касаться города), пословъ принимаетъ и отправляетъ, какъ было въ старину. Бояре имѣютъ право спускать въ Ригу по Двинѣ собственное жито, крупу, золу и смолу, не перекупая ни у кого; золу и смолу они должны добывать въ своихъ пущахъ, а не въ великокняжескихъ и не въ городскихихъ. Если мѣщанину или путнику будетъ дѣло до боярина или до его человека, то судить намѣстникъ въ городѣ съ боярами, городскимъ правомъ, а войтъ и мѣщане должны быть при судѣ; если же боярину или великокняжескому человеку, или боярскому человеку будетъ дѣло до мѣщанина или до путниковъ, кромѣ споровъ о землѣ, то судить войтъ въ ратушѣ правомъ Нѣмецкимъ, а намѣстникъ съ великокняжескимъ человекомъ посылаетъ судью; если великокняжескій или боярскій человекъ будетъ виноватъ, то нецая съ него идетъ его господарю. Люди боярскіе, живущіе въ городѣ и на посадѣ (на мѣстѣ) на своихъ земляхъ и занимающіеся торговлею, должны вмѣстѣ съ мѣщанами платить всѣ подати, но войтъ и мѣщане не должны ихъ судить и въ право Нѣмецкое писать; также войтъ и мѣщане не должны принимать къ себѣ крѣпостныхъ людей боярскихъ и судить ихъ Нѣмецкимъ правомъ; судить ихъ намѣстникъ городскимъ правомъ. — Въ слѣдующемъ году Александръ почелъ за нужное исключить изъ Магдебургскаго права сельскихъ путниковъ и отдать ихъ въ вѣдѣніе намѣстника, потому что уменьше-

¹⁾ Исторія Россіи, т. III, стр. 703, пр. 2; т. IV, стр. 1163. Акты, относящ. къ истор. Зап. Россіи, I, № 170.

²⁾ Акты, относящ. къ истор. Зап. Россіи, I, № 207.

³⁾ Тамъ же, № 159.

не числа пригонныхъ людей оказалось вреднымъ для полоцкаго замка; но тутъ же было подтверждено, что люди, принадлежавшіе духовенству и боярамъ, также ремесленники и люди, заложившіяся за намѣстника, духовныхъ лицъ и бояръ, принадлежатъ къ Магдебургскому праву.

Въ 1499 году получилъ и Минскъ Магдебургское право, съ обязанностию платить ежегодно въ казну великокняжескую по шестидесяти копъ грошей; сравнивъ эту сумму съ суммою, платимую Полоцкомъ (400 копъ), увидиавъ всю разницу въ богатствѣ двухъ городовъ. — Въ 1503 году князья, бояре и слуги, войтъ и мѣщане и Земля Витебская били челомъ великому князю Александру и объявили ему, что приходили злодѣи изъ Великаго Новгорода, похитили у нихъ церковь Богородицы, и выѣстъ съ другими вещами украли жалованную грамоту (приписей), полученную ими отъ короля Казимира. Александръ далъ имъ новую жалованную грамоту, подобную прежней; по ней Александръ обязался: не вступаться въ дома церковныя, купли, безадшны и отобранныя витебскія; женъ силою замужъ не выдавать; въ духовныя завѣщанія не вступаться; на подводы коней у городскихъ людей и у сельскихъ цутниковъ не брать; холопу и рабѣ не вѣрять; судовъ предковъ своихъ не посуживать; безъ изслѣдованія дѣла Видблянна не казнить; своихъ судныхъ приговоровъ не перемѣнять; казнить по винѣ; челобитья у Видблянъ принимать, не сажая ихъ черезъ поруку въ желѣза и не подвергая ихъ никакой мукѣ; отчину у нихъ не отнимать; въ села купленные и поля не вступаться. Заочному обвиненію не вѣрять; кто станеть на нихъ доносить, того имя объявить, а въ заставу шитѣ Видблянъ не сажать; на войну быть всемъ Видблянамъ готовыми; по волости Витебской воеводѣ великокняжескому не вѣдять; поѣдетъ на охоту, то его по станамъ не дарить; сябровъ городскихъ въ пригонъ великокняжескій не гнать, ни въ подводы, ни на охоту; въ вѣсы витебскіе и локоть великому князю не вступаться, а кто провинится на вѣсахъ или на локтѣ, того Видблянамъ самимъ казнить по своему праву; у кого изъ Видблянъ забракуютъ (загудятъ) воскъ въ Ригѣ, и пріѣдетъ онъ въ Витебскъ, то Видблянамъ самимъ казнить виноватаго; великому князю Видблянъ не дарить шикому; они освобождаются отъ мыта по всемъ владѣніямъ литовскимъ. Воеводу давать имъ по старинѣ, по ихъ волѣ; который воевода будетъ имъ нелюбъ, и обвинять они его передъ великимъ княземъ, то послѣдній дастъ имъ другого воеводу по ихъ волѣ; въ первый день пріѣзда своего въ Витебскъ, воевода цѣлуетъ крестъ Видблянамъ, что безъ суда не будетъ казнить ихъ ни за что по наговорамъ. Видбляне живутъ въ Витебскѣ добровольно, пока хотять, а кто не захочеть, того силою не удерживать, нуть ему чистъ, куда хочеть; поѣдетъ прочь въ великокняжескую отчину, въ Литву не тайно, Св. Благовѣщенію челомъ ударивши, объявившись воеводѣ ч своимъ братьямъ, мужамъ Видблянамъ, будучи

воленъ во всемъ своемъ имуществѣ: можетъ продать его или отказать. Если Видблянннхъ, пріѣхавши въ Литву къ великому князю, пожалуется на Видблянна, то великій князь безъ исгца дѣтскаго изъ Литвы на обвиненнаго не шлетъ, хотя бы дѣло шло о смертномъ убійствѣ, но даетъ жалобщику листъ къ воеводѣ, который судитъ по крестному цѣлованію, разсмотрѣвши дѣло съ князьями, боярами и мѣщанами, а осудивши, казнить въ Витебскѣ, по тамошнему праву. Великій князь не отнимаетъ выслуженнаго имуществва у князей, бояръ, слугъ и мѣщанъ; мѣстпчей витебскихъ изъ города не выводить вонъ. Кто изъ Литовцевъ или Поляковъ былъ крещенъ въ Витебскѣ въ Русскую вѣру и оставилъ потомковъ, тѣхъ не трогать, права ихъ христіанскаго ни въ чемъ не нарушать. — Сравнивши эту грамоту съ грамотами новгородскими, увидимъ общія черты быта городовъ старой Руси. При Александрѣ же получилъ Магдебургское право Волковыискъ, Высокій, Бѣльскъ въ Землѣ Дрогичинской; войтовство въ послѣднемъ городѣ отдано было въ потомственное владѣніе данцигскому мѣщанину Гошпену.

Въ 1500 году, по просьбѣ старосты смоленскаго и всехъ мѣщанъ, Александръ освободилъ ихъ отъ мыта на пятнадцать лѣтъ; а въ 1502 освободилъ ихъ на шесть лѣтъ отъ серебряныя, ордынцаны и другихъ податей вслѣдствіе разоренія мѣщанъ отъ гарнизона; встрѣчаемъ разныя льготныя грамоты, данныя и другимъ городамъ. Мы видѣли, какъ Псковичи рѣдко уживались съ намѣстниками великаго князя Московскаго; видимъ и жалобы западныхъ русскихъ городовъ, имѣвшихъ формы быта, подобныя Псковскимъ, на намѣстниковъ и другихъ урядниковъ великаго князя Литовскаго; такъ, жители Витебска жаловались на своего намѣстника, что когда кто-нибудь изъ нихъ, купивши медъ прѣсной, жито и рыбу, привезеть въ Витебскъ въ свою домъ, то слуги намѣстничьи, отбивая замки, силою берутъ эти товары на намѣстника и денегъ за нихъ не даютъ; а которые хозяева брать не позволяютъ, тѣмъ намѣстникъ запрещаетъ продавать эти товары на мѣстѣ и такимъ образомъ разоряетъ ихъ; отъ каждаго струга, отправляющагося въ Ригу, беретъ по десяти грошей; когда шлетъ свою золу въ Ригу и велитъ тамъ мѣнить ее на соль, то на каждый мѣщанскій стругъ накладываетъ по мѣху своей соли; а кто изъ мѣщанъ не захочеть брать этой соли, — съ того беретъ по десяти рублей грошей. Издавна мостили мостовую — каждый человѣкъ предъ своимъ дворомъ съ пяти топорницъ: такъ хотя бы мостовая была и нова, слуги намѣстничьи, ходя ночью, вздираютъ мостпци, и за то съ каждаго двора берутъ по грошу. Колоду новую намѣстникъ устроилъ, и слуги его за малыя вины сажаютъ жителей въ эту колоду, а на поруки не отпускаютъ. Мѣщане содержать стражу въ городѣ; слуги намѣстничьи заставляютъ этихъ сторожей вмѣсто крѣпости сторожить свои дома. Намѣстникъ полоцкій, Станиславъ Глѣбовичъ, сталъ нарушать Магдебургское право, данное Полочанамъ, на томъ основаніи, что

при этомъ правѣ ему нечѣмъ поживиться: присуды съ мѣщанъ всё отошли; великій князь запретилъ ему нарушать Магдебургское право, но далъ ему, для поживы, сельскихъ путниковъ въ городекой присудѣ ¹⁾).

Относительно вѣншнаго вида русскіе города вообще (кромѣ столицы Москвы) не измѣнились; встрѣчаемъ извѣстіе о постройкѣ деревянныхъ и каменныхъ укрѣпленій; деревянные города, или крѣпости получили Владиміръ, Великія Луки; мы упоминали уже о постройкѣ каменной крѣпости Ивавъ-Города на ливонской границѣ. Новгородъ, послѣ паденія своего стараго быта, не потерялъ важнаго значенія для Московскаго правительства, оставался вторымъ городомъ въ государствѣ, и въ 1491 г. былъ построенъ въ немъ каменный дѣтинецъ. Для Псковичей опасность со стороны ливонскихъ Нѣмцевъ не прекратилась, потому не прекратились и старанія ихъ укрѣплять границы постройкою новыхъ городковъ и укрѣплять самый Псковъ постройкою новыхъ стѣнъ, возобновленіемъ, расширеніемъ старыхъ. Въ 1462 году они заложили на спорномъ мѣстѣ надъ Великимъ озеромъ Новый Городецъ, въ томъ же году и окончили его, строили мастера псковскіе съ волостными людьми (волошанами) и взяли за труды 90 рублей; въ же году заложили другой городъ Володимерецъ. Значительнѣе была постройка укрѣпленій въ самомъ Псковѣ: такъ въ 1465 году 80 человекъ наймитовъ начали строить укрѣпленія въ Кромномъ городѣ и строили три года за 175 рублей; подъ 1473 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Псковичи „около бѣга Св. Николы, въ Опочковскомъ концѣ, камнемъ одѣлавъ и врата каменные изрядивъ, садомъ и яблонями насадили“. — Благодаря дошедшей до насъ Переписной окладной книгѣ, мы можемъ имѣть довольно ясное понятіе о состояніи двухъ городовъ — Орѣшка и Корелы, и по нимъ судить о другихъ. Въ Орѣшкѣ видимъ: двory на посадѣ лучшихъ людей своеземцевъ, гдѣ они живутъ самъ; двory городскихъ людей лучшихъ, двory молодыхъ людей городчанъ; всѣхъ дворовъ внутри города и на посадѣ своеземцевыхъ и городчанъ лучшихъ людей и молодыхъ, тяглыхъ—139, людей въ нихъ 189 тяглыхъ; великокняжескаго оброка положено на нихъ 8 рублей денегъ; потомъ перечисляются на посадѣ и внутри города двory своеземцевы, въ которыхъ живутъ дворники; такихъ дворовъ 17, а дворниковъ въ нихъ 18 человекъ, тянутъ дворники съ горожанами; далѣе перечисляются двory великокняжескіе поземные; двory нетяглые, гдѣ живутъ священники, дяки и сторожа церковные; двory, гдѣ живутъ великаго князя холопи—нищальники и воротники; наконецъ двory пустыи. Въ Корелѣ на посадѣ дворовъ своеземцевыхъ, и рядовыхъ людей, и рыболовлихъ лучшихъ и моло-

дыхъ тяглыхъ—188 дворовъ, а людей въ нихъ 232 человекъ; оброка на нихъ положено 10¹/₂ рублей; потомъ перечисляются двory дѣтей боярскихъ и служилыхъ людей помѣщиковъ, двory духовенства, нищальниковъ, воротниковъ. Относительно мѣръ общественной безопасности встрѣчаемъ подъ 1494 годомъ извѣстіе объ устроеніи въ Москвѣ по улицамъ рѣшетокъ. Въ Псковской лѣтописи подъ 1487 годомъ встрѣчаемъ слѣдующее любопытное извѣстіе: „Бысть въ Псковѣ градъ великъ надъ градомъ, какъ садовое яблоко, изъ тучи молніи блистанія, а взялись тучи съ озера; да на Крому костеръ загорѣлся, противъ дубнаго выхода, что снѣдь бляли собакамъ на ядъ“. Можно подумать, что собаки содержались отъ города для общественной безопасности ²⁾).

Сохраненіе русскими городами прежняго вида должно было вести попрежнему къ частымъ и опустошительнымъ пожарамъ. Въ 1468 году погорѣли въ Москвѣ на посадѣ восемь улицъ. Кремль угрѣбѣлъ, хотя и тяжело было внутри него; но черезъ годъ погорѣлъ весь Кремль, остались цѣлы только четыре двора. Черезъ годъ послѣ этого погорѣлъ посадъ; пожаръ начался въ третьемъ часу ночи и дліялся на другой день до обѣда: однѣхъ церквей сгорѣло 25; самъ великій князь ѣздилъ съ дѣтьми боярскими, гаяя и разметывая. Въ слѣдующемъ году погорѣлъ весь Кремль, едва отстояли большой дворъ великокняжескій, но митрополитчій дворъ сгорѣлъ; въ сентябрѣ 1475 года погорѣлъ въ Москвѣ посадъ, въ октябрѣ—Кремль: загорѣлось въ четвертый часъ дня. Великій князь самъ пріѣхалъ со множествомъ людей, погасилъ пожаръ и поѣхалъ къ себѣ на дворъ обѣдать, какъ вдругъ въ половину стола пожаръ выпыхнулъ снова и сгорѣлъ чуть не весь городъ: едва уняли огонь въ третьемъ часу ночи; самъ великій князь являлся вволю, гдѣ было нужно со многими людьми. Въ 1488 году сгорѣло 42 церкви на посадѣ; въ 1493 весной погорѣлъ весь Кремль, а лѣтомъ 28 іюля былъ страшный пожаръ, и въ Кремлѣ и на посадѣ сгорѣло болѣе 200 человекъ: „лѣтописецъ и старые люди сказываютъ, какъ Москва стала, такого пожара въ ней не было“, записано въ дошедшей до насъ лѣтописи; потомъ упоминается о большомъ пожарѣ въ 1500 году. Мы не упоминаемъ о менѣе значительныхъ пожарахъ въ Москвѣ. Въ 1472 и 1482 годахъ были большіе пожары въ Новгородѣ; въ 1491 году погорѣлъ Владиміръ весь, и крѣпость, и посады; и въ томъ же году сгорѣло въ Угличѣ болѣе 500 дворовъ съ 15-ю церквами; въ 1493 погорѣли Кострома и Рязань ³⁾. Псковскій лѣтописецъ упоминаетъ объ осьми большихъ пожарахъ въ своемъ городѣ, и одинъ только разъ говорить о причинѣ пожара: поджегъ чухонецъ, подосланный Нѣмцами. Въ 1471 году былъ сильный пожаръ въ Вильгѣ: сгорѣло 400 дворовъ; король

¹⁾ Акты, относящ. къ истор. Зап. Россіи, I, № 175, 185, 165, 204, 182, 199, 190, 196, 90, 197, 210, 147, 153; П. № 13. Вишневецкаго: Pomniki historii i literat. polsk. IV. 97.

²⁾ П. С. Р. Д. IV, 160, 161, 163, 221, 222, 229, 233, 240, 242, 247, 267; VI, 244.

³⁾ Никон, подъ означенными годами.

Казимиръ со всѣмъ дворомъ и казною выбѣжалъ въ поле; но Русскій конедъ и русскія церкви остались цѣлы ¹⁾.

Относительно сельскаго народонаселенія видимъ, что правительство заботится о строгомъ соблюденіи срока для перехода сельчанъ, именно Юрьева дня осенняго: крестьянъ, оставившихъ земли ранѣе этого срока, переселяютъ назадъ на прежнія жилища ²⁾. Въ договорной грамотѣ между рязанскими князьями переходъ сельчанъ подтверждается вѣбствъ съ переходомъ дружины, чего не встрѣчаемъ въ другихъ грамотахъ ³⁾. Въ статьѣ Судебника Иоаннова: „О крестьянскомъ отказѣ“ говорится: „Крестьянамъ отказываться изъ волости, изъ села въ село, одинъ срокъ въ году, за недѣлю до Юрьева дня осенняго и недѣля послѣ Юрьева дня осенняго. За пожилые дворы платятъ—въ поляхъ за дворъ рубль, въ лѣсахъ полтина. Если крестьянинъ поживетъ за кѣмъ годъ и пойдетъ прочь, то платитъ четверть двора; за два года платитъ полдвора; за три года—три четверти; за четыре—весь дворъ. Попржнему даются льготы землевладѣльцамъ, населявшимъ пустыя земли; землевладѣльцамъ, населявшимъ свои пустыя земли, дается право суда надъ поселившимися у нихъ людьми, выключая обыкновенно суда уголовного; сами же землевладѣльцы подчиняются только суду князя или боярина введеннаго ⁴⁾. Изъ Переписной окладной книги Вотской пятины можно получить понятіе о размѣщеніи сельскаго народонаселенія и его отношеній къ землевладѣльцамъ. Сель и селець съ народонаселеніемъ отъ 15 до 120 душъ встрѣчаемъ очень мало; деревень съ народонаселеніемъ отъ 7 до 15 и свыше душъ также очень мало; обыкновенно деревни состоятъ изъ 1, 2, 3, 4 дворовъ съ 1, 2, 3, 4-мя душами. Какъ мы видѣли уже, при каждомъ селеніи, послѣ перечисленія крестьянъ, въ переписной книгѣ показывается, что съ нихъ идетъ землевладѣльцу и его ключнику; напр. деревня Вахоницы, Микулка Семеновъ, сынъ его Иванко, събогъ ржи четыре коробы, а сѣна косятъ двадцать кошень, обжа; доходу одна гривна и десять денегъ, а хлѣба треть, а ключнику двѣ лопатки бараны, четверка ржи, четверка овса, че-

тверка ячменя, денга, овчина, сыръ, горсть льну.— Сельское народонаселеніе раздѣлялось на крестьянъ и поземщиковъ; крестьянами назывались занимавшие земледѣльемъ, а поземщиками—занимавшие другими промыслами: рыболовствомъ, звѣроловствомъ и т. д. Селенія, состоянія изъ людей занимавшихся хлѣбопашествомъ, назывались рядками и. Относительно происхожденія холопей находимъ статью въ Судебникѣ Иоанновомъ, которая повторяетъ положеніе Русской Правды съ нѣкоторыми впрочемъ распространеніями: „По полной грамотѣ холопъ, по тѣнству и по ключу сельскому холопъ, съ докладомъ и безъ доклада, съ женою и дѣтьми, которые у одного господина; которые же дѣти живутъ за другимъ господиномъ или живутъ сами по себѣ, тѣ не холопи; по городскому ключу не холопъ; по рабѣ холопъ, по холопѣ раба, по приданной записи холопъ, по духовной холопъ. Если холопа полонитъ рать татарская, и онъ выбѣжитъ изъ плѣна, то свободенъ, и старому господину не холопъ“.

Относительно быта сельскаго народонаселенія въ областяхъ литовскихъ видимъ, что нѣкоторыя волости освобождались отъ зависимости городского начальства; такъ, въ 1497 году, великій князь Александръ писалъ въ Торонецъ, чтобъ дань и тѣнщина въ Старцевой волости собирались волостнымъ старцемъ; чтобъ намѣтникъ Торопецкій за данью и тѣнщиною въ эту волость не вѣзжалъ, не судилъ тамъ и не рядилъ: судить и рядить волощанъ старецъ ихъ, или въ ѣзжій великокняжескій, который выѣдетъ къ нимъ за данью или за какимъ-нибудь другимъ дѣломъ. Въ литовскихъ владѣніяхъ встрѣчаемъ пожалованія людьми: такъ, великій князь Казимиръ пожаловалъ князя Ивана Глинскаго, въ Стародубскомъ повѣтѣ, четырьмя челоушками съ ихъ землями пашными и борными, сѣнокосами, рѣками, бобровыми гонами; волень князь Иванъ этихъ людей съ ихъ землями продать, подарить, промѣнять и вообще распорядиться какъ почтетъ для себя полезнѣе. Видимъ и переходъ вольныхъ сельчанъ; въ грамотѣ Александра тому же князю Глинскому на владѣніе сельцемъ Смолинымъ сказано: „На этомъ сельцѣ князь Александръ посадилъ людей вольныхъ прихожихъ; такъ если они не захотятъ служить ему, князю Ивану, то онъ обязанъ отпустить ихъ добровольно со всѣмъ ихъ имѣніемъ“. Относительно перехода крестьянъ Вѣльской области грамотою великаго князя Александра узаконена важная мѣра: было опредѣлено, сколько дней крестьянинъ обязанъ былъ работать за извѣстный участокъ земли; опредѣлено, сколько отходящій крестьянинъ обязанъ заплатить землевладѣльцу, и прибавлено: „Если бы кто-нибудь изъ землевладѣльцевъ (землянъ), съ цѣлю посадить на своей землѣ большее число крестьянъ (кметей), захотѣлъ установить въ своей землѣ легчайшія работы и дани, къ общему вреду землевладѣльцевъ, таковой за нарушеніе великокняжескаго устава, платитъ сто копъ грошей“.

¹⁾ П. С. Р. Л. IV, 228, 229, 230, 231, 238, 239, 257, 270, 272.

²⁾ Акты арх. экск. I, № 83.

³⁾ С. г. г. п. д. I, № 127: «А бояромъ и детемъ боярскимъ и слугамъ и хрестьяночъ межъ насъ вольныхъ воля».

⁴⁾ Акты арх. экск. I, 95, 109, 111, 120, 132, 379; Акты истор. I, № 115. Отъ времени Иоанна III дошли до насъ грамоты полныя, наприм.: «Семень Васильевъ сынъ Сеславинъ купилъ Кондратка Иванкова сына Ноугородца въ долину себѣ и своимъ дѣтемъ; а далъ на немъ рубль денегъ Ноугородской. Отъ Петра Михайловича отъ нахѣстника приходилъ приставъ Матѣйко. Отъ В. Князя Ивана Васильевича всея Русіи тамгу и осмичее вьяли тамошницы. Полною писалъ Чернецъ, Гавриловъ сынъ Наюсова, лѣта девять десятъ девятаго, Генваря. У поляны печатъ, писана въ кругу тамга В. Новгородца». Архивъ Историко-Юридич. свѣд., изд. П. Калачовъ, книга второй половина первая.

рамъ великокняжескимъ принадлежала невольная челядь, и великіе князья отдають эти дворы въ хлѣбокормленіе вмѣстѣ съ челядью невольною, житою, конями, животиною, людьми путными и тяглыми, съ конюхами, рыболовами, землями пашными и проч. ¹⁾).

Если мѣры, предпринимаемыя правительствомъ для умноженія народонаселенія Сѣверо-Восточной Руси, и въ княженіе Іоанна III-го были тѣ же самыя, что и прежде, то относительно препятствій къ этому умноженію, относительно бѣдствій политическихъ и физическихъ должно замѣтить, что для областей, доставшихся Іоанну въ нѣслѣдство отъ отца, его правленіе было самымъ спокойнымъ, самымъ счастливымъ временемъ: татарскія нападенія касались только границъ; но этихъ нападеній было очень немного; вредъ ими причиненный, очень незначителенъ; возстаніе братьевъ великокняжескихъ только напугало народъ; остальные войны были наступательныя со стороны Москвы, — врагъ не показывался въ предѣлахъ постоянно торжествующаго государства. Новгородъ и его область потерпѣли много: отъ двукратныхъ походовъ Іоанновыхъ; отъ мора, бывшаго слѣдствіемъ осады; отъ страшнаго мора въ 1467 году, когда въ одномъ Новгородѣ умерло болѣе 48,000 человекъ, а во всѣхъ пятинахъ слѣдствіемъ 250,000 человекъ. Тверская область до присоединенія страдала нѣкоторое время отъ обидъ московскихъ, Рязанская была спокойна; Пскову попрежнему вредили опустошительныя войны съ Нѣмцами. О физическихъ бѣдствіяхъ — голодѣ и морѣ — въ собственно Московскихъ областяхъ лѣтописцы упоминаютъ два раза: подъ 1463 и 1464 годомъ; въ Псковѣ свирѣпствовала железа въ продолженіи двухъ лѣтъ, 1465 и 1466, и потомъ въ 1488 году; здѣсь же видимъ и дурной урожай въ 1485 году.

Отъ временъ Іоанна III дошли до насъ новыя извѣстія, новыя подробности о торговлѣ русской; узнаемъ: что изъ Москвы по рѣкамъ Москвѣ, Окѣ и Волгѣ ежегодно отправлялись суда въ Астрахань за солью; что купцы изъ московскихъ областей, именно изъ Москвы, Новгорода, Коломны, Можайска, Твери торговали въ Кафѣ и Царѣградѣ, въ Азовѣ, Токатѣ, и ѣздили оттуда за товарами чрезъ Литовскія владѣнія, потому что прямой путь степью былъ опасенъ и труденъ ²⁾; товары, вывозимые русскими купцами изъ Кафы, были: шелкъ, шелковыя и шерстяныя матеріи, шелковая тесьма, ширинки кисейныя, бумага хлопчатая, кушаки, сафьянъ, сабли, сагадаки, гребни, ожерелья, дорогіе камни, губки, ковры, жемчугъ, ладонъ, мыло, грецкіе орѣхи чиненые, инбирь, перепъ, мыгаль, ремень, шафранъ, мускусъ, камфора, краски. Потомъ купцы изъ московскихъ областей ѣздили

въ литовскія, торговали въ Кіевѣ, Полоцкѣ, Вильнѣ, Путивлѣ и другихъ мѣстахъ, привозили сюда: мѣха бѣличья, лисья, бобровые, горностаевые, рысья, выдровые, воскъ, медъ, шелковыя матеріи, шубы, одюрядки, кожухи, епанчи, колпаки, шапки, одюрядки новгородскія, свиты новгородскія, овчинныя, малыя овчинки, шты, бубны соколы, москатыльные товары. Русскіе купцы ѣздили въ Казань, казанскіе — въ Москву: изъ Кафы пріѣзжали въ Москву Армяне; изъ Орды Волжской попрежнему приходили купцы вмѣстѣ съ послами: однажды пріѣхало 3,200 купцовъ, которые привели въ продажу 40,000 лошадей. По свидѣтельству Контарини, въ Москву, во время зимы, съѣзжалось множество купцовъ изъ Германіи и Польши, для покупки разныхъ мѣховъ, соболей, волковъ, горностаевъ, бѣлокъ и рысей. И русскіе купцы ѣздили въ Крымъ человекъ по 120, кромѣ прислуги, возили товару иногда тысячъ на шестнадцать, иногда двое купцовъ торговали въ складчину, у обоихъ товаръ за-одинъ былъ, и потому назывались складниками; видимъ, что слово гость вовсе не означаетъ именно купца, торгующаго съ иностранными государствами, но просто значительнѣйшаго, богатѣйшаго купца, ибо въ числѣ заграничныхъ торговцевъ находимъ и купцовъ: такъ, Іоаннъ III, запрещая торговцамъ ходить въ Азовъ однимъ безъ посла, пишетъ: „Гостямъ и купцамъ нашимъ“ ³⁾. Относительно торговли псковской съ Нѣмцами узнаемъ, что послѣдніе въ мирныхъ договорахъ обязались не пускать во Псковъ шва и меду.

Для развитія виѣшней восточной торговли въ княженіе Іоанна III важно было то, что Казань долгое время находилась въ подчиненіи Москвѣ; это обстоятельство было тѣмъ болѣе важно, что съ остатками Волжской Орды, съ сыновьями Ахматовыми была постоянная вражда; окончательное подчиненіе Черми, разуьмется, облегчило московскимъ купцамъ торговлю съ странами Приуральскими. Дружба съ Крымскимъ ханомъ и начавшіяся, при его посредствѣ, сношенія съ Турціею освобождали, хотя и не всегда, московскихъ купцовъ отъ притѣсненій во владѣніяхъ султана; но мы видѣли, что удобный доступъ въ эти владѣнія зависѣлъ отъ того, въ какихъ отношеніяхъ находилась Москва къ Литвѣ, ибо прямая дорога изъ Московскихъ владѣній въ Азовъ и Кафу черезъ степь была крайне опасна по причинѣ разбоевъ, производившихся такъ называемыми азовскими казаками, которые разбивали пословъ и шедшихъ съ ними купцовъ. Безопаснѣе былъ путь черезъ Литовскія владѣнія; но здѣсь, какъ мы видѣли уже, московскіе купцы подвергались частымъ притѣсненіямъ въ княженіе Казимира: мытники, которые были обыкновенно Жиды, увеличивали мыты вопреки договорамъ; мыты брались въ Кіевѣ, Чернубылѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ, Дорогобужѣ, Вязьмѣ, Гомѣ, Колодичахъ, Вильнѣ, Новгородѣ-Сѣверскомъ, Радоговцѣ, Трубчевскѣ, Брянскѣ, Минскѣ, Полоцкѣ, Люблинѣ. Іоаннъ посылалъ жаловаться Казимиру,

¹⁾ Акты, относ. къ истор. Зап. Россіи. I, № 146, 133, 202, 218, 189.

²⁾ Повесть пути петомны. Дѣла Крымск. 1, стр. 35. — О торговлѣ съ Астраханью см. Іос. Барбаро въ Виллѣт. илюстран. швцателей о Россіи, стр. 57.

что прежде брали въ Вязьмѣ по грошу съ воза, а потомъ стали брать по деньгѣ; въ Волочкѣ Вяземскомъ прежде брали съ судна товарнаго по два гроша, а потомъ стали брать по три; въ Смоленскѣ прежде брали одинъ разъ тридцатое съ гостей, которые ѣхали въ Кіевъ и возвращались назадъ въ Москву, а потомъ стали брать два раза; прежде въ Смоленскѣ давали рядничему съ товарнаго человѣка по грошу, да старостѣ по грошу, а потомъ прибавили, и съ прислуги (робяты людскихъ) стали брать по грошу, притомъ одинъ ли кто прѣдетъ, самъ-ли-десять прѣдетъ, берутъ на рядничаго по гривенкѣ перцу и столько же на старосту; въ Колодичахъ и Вильнѣ не брали прежде ничего, а потомъ стали брать. Прѣхавши въ городъ, купцы обязаны были относить подарки воеводѣ и женѣ его. Кромѣ того, мытники и владѣльцы, чрезъ земли которыхъ купцы проѣзжали, грабили у нихъ товары ¹⁾. Наконецъ купцы терпѣли отъ разбоевъ.

¹⁾ Московскій посолъ Ерокинъ жаловался Казимиру, что купцы новгородскіе, и между ними Демьянъ Фрязинъ, шли изъ-за моря чрезъ Литовскую Землю; Фрязинъ шель на великокняжеское имя и везъ для В. Князя коверъ да 8 зеренъ жемчугу, и тянуло въ томъ жемчугѣ 52 почки. На нихъ взяли въ Минскѣ непопый мытъ, потомъ весь товаръ пограбили, взяли и деньги, придравшись, что вмѣсто ладоша купцы продали смолу; велѣли купцовъ бить и мучить и деньги на нихъ брать за то, что Фрязинъ не продалъ ковра жиду мытнику. Московскій кушечъ шель изъ-за моря чрезъ Литовскую Землю, и у него въ Смоленскѣ сылю отняли кушничъ ореховъ грецкихъ чиненыхъ. Взяли у московскаго купца въ Смоленскѣ тридцать миткалей безъ трехъ жемчугу, а въ миткаль по 30 зеренъ безъ двухъ, да взяли жыковину золоту, да коверъ. Торговые люди Колодичи и Можанчи торговали въ Шутявлѣ: у нихъ взяли медь, боровъ, почерешей, выдръ, воскъ, горностаявъ, рысей, лисидъ, бѣлокъ, шелкъ, тафту, 15 изуфрей тяжелыхъ, краски, атласъ, епанчи бурскія, 40 орловъ перья. Великаго князя гости шли изъ Крыма: у нихъ пограблено между прочимъ 12 ларивониковъ цвѣтнаго шелку, 70 бровоевъ мыла Халыскаго, два косяка тафты еднискія, да косякъ тафты бурскія, 130 ларивониковъ цвѣтнаго шелка Кафинскаго, 70 литръ бурскаго, двѣ камки куфтеры Кафинскія червчатыхъ мелкій узоръ, 24 изуфрей ангурскихъ тяжелыхъ, да 4 полсти бурскія епанчевыя, а въ полсти по 4 епанчи, да 2 терлика Хандрячныхъ, да огабенъ обьяри, да саблю черкасскую, да 2 тягилля тафтяныхъ, да 3 сафьяныхъ червчатыхъ, да 3 сагалана, да бумажникъ, да одъяло, да терликъ безинель, да коверъ, да 4 ширинки кисейныя съ аюточемъ, да два батмава перцу Кафинскихъ, да косякъ беши халыскія, десять литръ шелку токатскаго, три калы краски, да два кантары ладоша, да рубль денегъ атчалскихъ, два косяка фараузу шелковаго, 3 рубля кафинскихъ денегъ, четвертъ жскусу, 17 гривенокъ кардашу, 20 югъ шафрау, 6 почекъ алмаву, 8 жемчужковъ, 2 яхонта, портица муштадану, шить кандяковъ темносинихъ, да поставъ епаночный, 20 югъ бумаги клубчатой, 10 рублевъ ордынскихъ денегъ, 30 аршинъ каймы, 50 югъ мыла, 5 ларивониковъ шелку артагозу, 4 почки жскусу, 3 косяка фараузу — 2 бурскаго, третій ездскаго, 20 аршинъ ожерелъ кафинскихъ, 4 кантары каймы фатинаго, гривенку ренешю, да другую кашфару. — Великаго князя человѣкъ Игнатъ Верблюду ѣхалъ изъ Кіева къ Смоленску и почевалъ подъ Мстиславляемъ: тутъ его рабвали на полчегѣ, взяли у него полтретья каменн гювдикъ полдтора гривенко, да 30 гривенокъ кичлибуя, да полтретьяивадцать гривенъ мысальныхъ ядеръ, кушакъ турецкій, тафту турецкую, гуно волошскую бѣду;

При наслѣдникѣ Казимира, Александрѣ, въ то время, какъ онъ не находился въ войнѣ съ тестемъ, встрѣчаемъ мало жалобъ на притѣсненія московскихъ купцовъ въ Литвѣ; узнаемъ, что въ это время изъ Литвы запрещено было тамошнимъ правительствомъ вывозить серебро, а великій князь Московскій запретилъ ввозить въ свои владѣнія соль изъ Литвы, отъ Нѣмцевъ же въ Новгородъ шла не только соль, но и медъ.

При отсутствіи усобицъ, при кратковременной распрѣ Москвы съ Тверью и Новгородомъ, послѣ чего оба эти города съ ихъ областями присоединены были къ Москвѣ, внутренняя торговля при Иоаннѣ III должна была развиваться сильнѣе, чѣмъ когда-либо прежде; встрѣчаемъ извѣстія о торгахъ, или ярмаркахъ; такъ, въ 1491 году великій князь перевелъ торгъ отъ Троицкаго монастыря въ городъ Радонежъ; въ духовномъ завѣщаніи своемъ Иоаннъ III говоритъ: „Что я свелъ торгъ съ Холмья городка на Мологу, на тотъ торгъ пусть събъжакотся торговать, какъ было при мнѣ: сынъ мой Дмитрій берегъ пошлины, какъ былъ при мнѣ, а лишннихъ пошлинъ не прибавляетъ; сынъ же мой Василій и другіе дѣти этого торга на свои земли не сводятъ и не запрѣщаютъ въ своихъ земляхъ на него ѣздить“. О внутренней торговлѣ встрѣчаемъ любопытное извѣстіе въ житіи Св. Данила Переславскаго, гдѣ говорится, что однажды Святому случилось увидать на рѣкѣ Трубежѣ большое судно, привязанное волосянымъ канатомъ къ берегу съ товарами тверскихъ купцовъ. По свидѣтельству Иосафата Барбаро, въ Москвѣ было такое изобиліе въ хлѣбѣ и мясѣ, что говядину продавали не на вѣсъ, а по глазомѣру. За одинъ маркъ (marchetto) можно было получить четыре фунта мяса, семьдесятъ куръ стоили червонецъ, гусь не болѣе трехъ марокъ. Зимой привозили въ Москву такое множество быковъ, свиней и другихъ животныхъ, со-всѣмъ уже ободранныхъ и замороженныхъ, что за одинъ разъ можно было кушить до двухъ сотъ штукъ. Жители, для поѣздокъ своихъ, особенно продолжительныхъ, избирали преимущественно зимнее время; лѣтомъ же никто не отваживался въ дальній путь по причинѣ большой гризи и множества мошекъ, порождаемыхъ окрестными лѣсами, почти вовсе необитаемымъ.

По грамотѣ великаго князя Александра Литовскаго, въ Полоцкѣ были учреждены три двудневныя ярмарки въ году, во время которыхъ рижскіе

онъ жаловался княгинѣ Улягѣ Мстиславской, та обѣщалась дать ему управу и не упривали; потомъ за 30 верстъ до Смоленска, въ селѣ Ивановскомъ, велѣлъ его поймать панъ Иванъ Ильничинъ и пограбить своему писарю, который и взялъ у него кушничъ ореховъ грецкихъ чиненыхъ; въ Смоленскѣ пограбилъ его мытники. — Въ Кіевѣ у русскихъ купцовъ взяли зеркала, батарыки, шаруки, наколѣнки. — Въ этихъ извѣстіяхъ бѣдичьихъ мѣха различаются: бѣлка шувайская и устюжская. Въ Крымскихъ дѣлахъ находимъ извѣстіе № 2, стр. 892, что у русскихъ купцовъ было пограблено, между прочимъ, полтретьяидцать аршинъ шиды червчатая, 37 литръ шелку артагазъ.

и другіе иностранные купцы могли покупать товары, какъ хотѣли; но въ обыкновенное время, кромѣ ярмарочнаго, иностранные купцы могли покупать товары только въ большомъ количествѣ, наприм. воскъ штуками не менѣе полуберковца, мѣха сорокѣмн; не имѣли права покупать эти товары ни въ лѣсахъ, ни въ борахъ, ни въ селахъ, а только въ Полоцкѣ; продавая свои товары иностранные купцы опять могли только въ большомъ количествѣ. Изъ этой грамоты Александровой мы узнаемъ, что отпускная торговля Полоцка состояла въ воскѣ, мѣхахъ, золѣ и смолѣ, а привозная—въ сукнахъ, соли, шрянныхъ кореньяхъ, миндаляхъ, топорахъ, пилахъ, желѣзѣ, оловѣ, мѣди, цинкѣ, винѣ и нивѣ; по той же грамотѣ, рижскіе купцы могли торговать только въ Полоцкѣ и не смѣли ѣздить ни въ Витебскъ, ни въ Смоленскъ; изъ другой грамоты Александровой узнаемъ, что бояре полоцкіе отпускали въ Ригу хлѣбъ, крупу, золу и смолу.— Въ 1503 году, великій князь Александръ, по челобитью войта, бурмистровъ, радцевъ и всѣхъ мѣщанъ виленскихъ, позволилъ имъ построить у себя гостиный домъ, въ которомъ должны останавливаться гости—Москвичи, Новгородцы, Псковичи, Тверичи и другіе иноземные купцы, объявивъ о себѣ намѣстнику воеводу, потому что прежде гости останавливались въ мѣщанскихъ домахъ, безъ вѣсти пріѣзжали, безъ вѣсти и уѣзжали, такъ что между ними легко могли быть лазутчики и другіе лихіе люди. Въ Кіевъ, по свидѣтельству Контарини, съѣзжалось множество купцовъ изъ Великой Россіи съ различными мѣхами, которые они отправляли въ Кафу съ караванами ¹⁾).

Благодаря торговлѣ, Новгородъ Великій былъ самымъ богатымъ, самымъ обширнымъ и самымъ великолѣпнымъ городомъ въ Северо-Восточной Руси; Владиміръ, украшенный Боголюбскимъ и Всеволодомъ III-мъ, былъ разоренъ Татарами и послѣдъ не поднимался, переставъ быть мѣстопробываніемъ великокняжескимъ; Москва начала усиливаться не въ такое время, когда можно было думать о ея украшеніи, и потому до временъ Іоанна III-го представляла очень бѣдный видъ. Но теперь обстоятельства перемѣнились: Москва сдѣлалась столицей обширнаго государства, средства великаго князя увеличились, и главное—онъ получилъ возможность въ тишинѣ, безпрепятственно употреблять эти средства для украшенія своего стольнаго города. При вступленіи на престолъ Іоанна, въ Кремлѣ, въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ хоронились великія княгини, видѣлась недостроенная церковь: два раза двѣ великія княгини принимались ее строить—жена Донскаго, Евдокія, и жена сына его, Василія, Софья Витовтовна, но верхъ еще не

былъ сведенъ; послѣ многихъ пожаровъ, камень обгорѣлъ, своды повредились; мать Іоанна, великая княгиня Марія, захотѣла окончить начатое предшественницами своими зданіе, долженствовавшее служить для нея также мѣстомъ погребенія, и поручила дѣло мастеру Василію Димитріеву Ермолину. Ермолинъ не сталъ разбирать всего стараго зданія, разобралъ только то, что было повреждено, обложилъ всю церковь снаружи новымъ камнемъ, да обожженнымъ кирпичемъ, свелъ своды и окончилъ строеніе; всѣ дивились этому необычному дѣлу, говорили лѣтописецъ.

Но главнымъ украшеніемъ города считался соборный храмъ, и Москва менѣе всего могла похвалиться этимъ украшеніемъ. Соборная церковь Успенія, построенная при Калитѣ, уже успѣла такъ обветшать, что своды тронулись, и потому принуждены были подпереть зданіе толстыми деревянными столпами; надобно было думать о построеніи другой церкви, и вотъ, въ 1472 году, митрополитъ Филиппъ призвалъ двухъ мастеровъ—Кривцова да Мышкина, и спросилъ ихъ, возьмутся ли они построить церковь такую же, какъ Владимірскій соборъ Богородицы. Мастера взялись, и митрополитъ назначилъ большой сборъ серебра со всѣхъ священниковъ и монастырей на церковное строеніе, а бояре и гости добровольно давали деньги; когда серебро было собрано, приступили къ дѣлу, разрушили старую церковь и начали строить новую: но когда на третій годъ стали сводить своды,—зданіе рухнуло. Великій князь послалъ во Псковъ за тамошними мастерами, пришедшими изъ Нѣмецкой Земли; мастера пріѣхали, осмотрѣли рухнувшее зданіе, похвалили гладкость работы, но похулили извѣсть, которая растворялась жидко, не клеевито, что и было главною причиною непрочности дѣла. Псковскимъ мастерамъ однако не дали поправить ошибку Кривцова и Мышкина; по всѣмъ вѣроятностямъ, Софія Оомнична, пріѣхавшая незадолго передъ тѣмъ въ Москву, уговорила мужа вызвать изъ Италіи болѣе надежнаго художника, и великій князь, отправляя въ Венецію Семена Толбузина, велѣлъ ему искать тамъ церковнаго мастера. Толбузинъ нашелъ въ Венеціи много мастеровъ, но только одинъ изъ нихъ согласился ѣхать въ Москву за десять рублей въ мѣсяцъ жалованья: то былъ болонскій уроженецъ Аристотель Фіоравенти; и его даже насилу отпустили съ Толбузинымъ. Аристотель привезъ сына Андрея и ученика Пестра; осмотрѣвши старья церковныя работы, и онъ похвалилъ гладкость ихъ, но сказалъ, что извѣсть не клеивита и камень не твердъ, почему и объявилъ, что начнетъ все дѣлать снова; остатки прежняго строенія разбилъ сдѣланнымъ машиною—бараномъ; удивительное дѣло! говорить лѣтописецъ: три года дѣлали, а онъ меньше чѣмъ въ недѣлю развалилъ, не успѣвали выносить камень! Аристотель съѣздитъ и во Владиміръ; осмотрѣвши тамошнюю церковь, онъ похвалилъ ее и сказалъ: „Это работа какихъ-нибудь нашихъ мастеровъ!“ Печь для обжи-

¹⁾ Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Дѣла Польскія, № 1, Дѣла Крымскія № 1 и 2; памятники Дипломат. сношеній, т. 1, стр. 96; Никон. VI, 58, 130, 172; П. С. Р. Л. IV, 151, 248, 256; Акты Запад. Россіи, I, № 159, 175; Виленскіе акты, № 13. Контарини въ Библиот. иностран. писат. о Россіи, стр. 21.

ганія кирпича оны устроилъ за Андрощевымъ монастыремъ, дѣлалъ кирпичи уже прежнихъ, но продолговатѣе и тверже; чтобъ разломить ихъ, нужно было прежде въ водѣ размачивать; известъ также велѣлъ мѣшать густо, такъ что когда засохнетъ, то и ножомъ нельзя расколупать; для поднятія камней вверхъ Аристотель сдѣлалъ колесо; чудно было смотрѣть, какъ поднимали колесомъ камни, прицѣпивъ ихъ за веревку! Въ 1475 году началъ Аристотель свои работы, 1479 кончилъ. Освященіе соборной церкви Іоаннъ праздновалъ великолѣпно: велѣлъ раздать милостыню на весь городъ, угостилъ обѣдомъ митрополита, епископовъ, архимандритовъ и всѣхъ бояръ; на слѣдующій день митрополитъ и всѣ соборы (бѣлое духовенство) обѣдали у Государя въ средней горницѣ, а самъ великій князь стоялъ передъ ними и съ сыномъ своимъ. Всѣ соборы ѣли и пили на дворѣ великокняжескомъ семь дней. Но постройкою Успенскаго собора не ограничилась дѣятельность Аристотеля, ибо онъ былъ не только искусный муроловъ (архитекторъ), но умѣлъ также лить пушки и стрѣлять изъ нихъ, лить колокола, чеканить монету. Во время осады Новгорода, Аристотель построилъ подъ городищемъ мостъ на судахъ; во время похода подъ Тверь, Аристотель шелъ съ пушками; на монетахъ Іоаннова времени видна надпись: Aristoteles.

Но дѣятельности одного Аристотеля было недостаточно для удовлетворенія всѣмъ потребностямъ, которыя начинало чувствовать поворожденное государство Московское; посылая къ двору Императорскому Юрія Траханіюта, Іоаннъ далъ ему наказъ: „Добывать великому князю мастеровъ: рудника, который руду знаетъ золотую и серебряную, да другого мастера, который умѣетъ отъ земли отдѣлять золото и серебро; если Юрій сыщеть такихъ мастеровъ, то ему ихъ выпросить, а рядить ихъ, чтобъ ѣхали къ великому князю на наемъ, по сколько имъ въ мѣсяцъ давать за все про все; добывать также мастера хитраго, который бы умѣлъ къ городамъ приступать, да другого мастера, который бы умѣлъ изъ пушекъ стрѣлять, да каменьщика добывать хитраго, который бы умѣлъ палаты ставить, да серебрянаго мастера хитраго, который бы умѣлъ большіе сосуды дѣлать и кубки да чеканить бы умѣлъ и писать на сосудахъ“. Короля Максимилиана Юрій долженъ былъ просить, чтобъ послалъ къ великому князю лѣкаря добраго, который бы умѣлъ лѣчить внутреннія болѣзни и раны. У Венгерскаго короля Матвія Іоаннъ также просилъ рудознатцевъ, архитекторовъ, серебряныхъ мастеровъ, пушечныхъ литейщиковъ. Въ 1490 году великокняжескіе послы привезли въ Москву лѣкаря, мастеровъ стѣнныхъ, палатныхъ, пушечныхъ, серебряныхъ, и даже арганнаго и рѣца; въ 1494 году послы, ѣздившіе въ Венецію и Медиоланъ, привезли въ Москву Алевиза, стѣннаго мастера и палатнаго, и Петра пушечника; наконецъ подъ 1504 годомъ встрѣчаемъ еще изъ

вѣстіе о привозѣ послами новыхъ многихъ мастеровъ изъ Италіи. Одинъ изъ венеціанскихъ мастеровъ, Антонъ Фрязинъ, поставилъ на Москвѣ рѣкъ стрѣльницу, а подъ нею вывелъ тайникъ; Марко Фрязинъ поставилъ стрѣльницу на углу Беклемишевскую; Петръ Антонъ Фрязинъ поставилъ двѣ стрѣльницы, — одну у Боровицкихъ воротъ, другую у Константиноелевскихъ, и построилъ часть стѣны отъ Свибловской стрѣльницы до Боровицкихъ воротъ, и провелъ стѣну до Неглинной; въ 1495 году великій князь велѣлъ сносить дворы и церкви за Москвою противъ города, и заложилъ стѣну каменную не по старой стѣнѣ, возлѣ Неглинной; между стѣною и дворами велѣно было оставить 109 саженъ пустаго пространства. Въ послѣдній годъ жизни Іоанновой разобрали старый соборъ Архангельскій и заложили новый, неизвѣстно по плану какого архитектора. Мастера выписанные-было изъ Пскова для строенія Успенскаго собора, не остались безъ дѣла и послѣ пріѣзда Аристотелева; они построили Троицкій соборъ въ Сергіевѣ монастырѣ, соборныя церкви въ монастыряхъ московскихъ — Златоустовъ и Срѣтенскъ, Благовѣщенскій соборъ на дворѣ великокняжескомъ, церковь Ризъ Положенія — на митрополищемъ. — Въ 1496 году поставлена была церковь Успенія въ Кирилловѣ Вѣлозерскомъ монастырѣ, ставили пять мѣсяцевъ, издержали 250 рублей; каменьщиковъ и стѣнщиковъ было 20 мастеровъ, изъ нихъ старшій — Прохоръ ростовскій.

Черезъ семь лѣтъ послѣ построенія Успенскаго собора, въ 1487 году, великій князь велѣлъ венеціанскому архитектору Марку заложить большую палату на своемъ дворѣ, гдѣ стоялъ теремъ; въ 1491 году она была готова: это была такъ называемая Грановитая палата, которая назначалась для торжественныхъ пріемовъ и собраній, а жилъ великій князь въ старомъ деревянномъ дворѣ. Только въ слѣдующемъ 1492 году онъ велѣлъ разобрать этотъ деревянный дворецъ и поставить каменный за Архангельскимъ соборомъ, а самъ во время его постройки жилъ въ домѣ князя Патрикева; но въ слѣдующемъ же 1493 году этотъ новый дворецъ сгорѣлъ, такъ что великій князь принужденъ былъ на нѣкоторое время перебраться въ дома простыхъ людей къ Яузѣ, къ церкви Николы въ Подкопашевомъ; наконецъ, въ 1499 году онъ велѣлъ заложить дворецъ каменный, а подъ нимъ погреба и ледники на старомъ своемъ дворѣ, у Благовѣщенія, и вести стѣну каменную отъ двора своего до Боровицкой стрѣльницы; строителемъ былъ мастеръ Алевизъ изъ Медиолана. Митрополитъ Геронтій въ 1473 году поставилъ у двора своего ворота изъ обожженнаго кирпича, а въ 1477 году поставилъ палату кирпичную на четырехъ подклѣткахъ каменныхъ; въ 1493 году митрополитъ Зосима поставилъ три кельи каменныхъ съ подклѣтками. — Въ 1471 году купецъ Тараканъ заложилъ себѣ кирпичныя палаты у Фроловскихъ воротъ; въ 1485 году трое вельможъ построили себѣ кир-

пичныя палаты. Церкви и палаты строили художники иностранные: церковная живопись оставалась въ рукахъ русскихъ мастеровъ; въ 1482 году Ростовскій владыка Вассианъ далъ сто рублей мастерамъ иконникамъ—Діонисію, попу Тимоою, Ярду и Коно, которые написали Деисусъ въ новую церковь Богородицы, и написали чудно вельми съ праздниками; тотъ же Діонисій написалъ икону Одигитрии въ Вознесенскій монастырь; упоминается также иконникъ Далматъ.

Изъ пушечныхъ мастеровъ, кромѣ Аристотеля, извѣстенъ былъ италіанецъ Павликъ Дебосисъ, который въ 1488 году слилъ пушку большую. Мы видѣли, что великій князь вызывалъ изъ-за границы мастеровъ, умѣвшихъ находить руду и отдѣлывать ее отъ земли: въ 1491 году Нѣмпы, Иванъ да Викторъ, нашли руду серебряную да мѣдную на рѣкѣ Цымыѣ, за полдница отъ рѣки Космы и за семь дницъ отъ рѣки Печоры.—Мы видѣли также, что Иоаннъ вызывалъ и лѣкарей; судьба послѣднихъ, сколько намъ извѣстно, была печальна въ Москвѣ. Лѣкаръ Леонъ, родомъ Нѣмецъ, пріѣхавшій изъ Венеціи, обѣщалъ вылѣчить сына великокняжескаго, Іоанна Молодаго, обрекая себя въ противномъ случаѣ смертной казни; больной умеръ, и великій князь исполнилъ условіе: послѣ сыновнихъ сорочинъ велѣлъ отсѣчь голову лѣкарю; другой лѣкаръ, Нѣмецъ Антонъ, котораго великій князь держалъ въ большой чести, лѣчилъ Татарскаго князя Каракучу, принадлежавшаго къ дружинѣ царевича Данияра, и уморилъ его смертнымъ зельемъ на смѣхъ, какъ говоритъ лѣтописецъ; великій князь выдалъ лѣкаря сыну Каракучеву, который, получивъ его, хотѣлъ отпустить за деньги, но великій князь не согласился и велѣлъ его убить; тогда Татары свели Антона на Москву—рѣку подъ мостъ, зимою, и зарѣзали ножомъ, какъ овцу; Аристотель, видя, какой участи подвергаются иностранные мастера въ Москвѣ, испугался и началъ проситься домой; но великій князь велѣлъ его за это схватить, и, ограбивъ, посадить на дворѣ Антоновомъ⁴⁾. Вызывая лѣкарей изъ-за границы, великій князь заботился о недопущеніи заразительныхъ болѣзней изъ-за границы: отправляя пословъ въ Литву Мамонова, Иоаннъ велѣлъ ему справиться: не пріѣзжалъ ли въ Вязму изъ Смоленска кто-нибудь большой тою болѣзью, что болѣчки мечутся и слыветъ французскою, и, говорятъ, будто бы въ винѣ ее привезли:

Наконецъ, говоря о матеріальныхъ средствахъ Московскаго государства при Иоаннѣ III-мъ, мы должны упомянуть о змахахъ, или почтахъ. Учрежденіе ихъ мы не можемъ приписать Іоанну: онѣ

⁴⁾ Никон. 130, 3, 37, 56, 59, 60, 106, 55, 59, 138, 91, 119, 122, 126, 127, 129, 133, 122, 129, 131, 157, 122, 125, 140, 171, 125; Лѣтоп., служ. продол. Нестору, стр. 317. П. С. Р. Л. VI, 194, 198, 199, 205, 206, 221, 235, 239, 191, 237, 233, 234, 237; Памят. дипломат. снош. I, стр. 19, 21, 46, 165. Врехен. Москов. Истор. (бщ. кн. 8.

существовали прежде, и, безъ сомнѣнія, возникли сначала вслѣдствіе татарскихъ отношеній; въ заведеніи своемъ Іоаннъ говоритъ: „Сынъ мой Василий въ своемъ великомъ княженіи держитъ ямы и подводы на дорогахъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ онѣ были при мѣѣ“. Изъ грамоты Новгородскаго владыки Геннадія къ митрополиту узнаемъ, что гонцы изъ Москвы въ Новгородъ пріѣзжали въ три дня.

Въ нравственномъ состояніи русскаго общества, и, впервыхъ, въ сферѣ церковной, въ правленіе Іоанна III-го видимъ любопытныя явленія, относящіяся къ опредѣленію отношеній между властію церковною и гражданскою и къ стремленію улучшить нравственное состояніе духовенства и мірянъ. Въ 1464 году митрополитъ Оеодосій оставилъ митрополию и удалился въ Чудовъ монастырь; тогда великій князь послалъ за братьями своими, князьями удѣльными, за всеми епископами, архимандритами и игуменами, и когда они собрались, то, изволеніемъ великаго князя, братьевъ его и всѣхъ епископовъ, избранъ былъ въ митрополиты Суздальскій епископъ Филиппъ; которые же епископы лично не присутствовали, тѣ прислали соизволительныя грамоты; такимъ же образомъ избраны были и преемники Филипповы—Геронтій и Симонъ; на поставленіи послѣдняго, когда совершилась божественная служба и присіѣло время возвести новопоставленнаго на митрополичье мѣсто, великій князь обратился къ нему съ такою рѣчью: „Всемогущая и Животворящая Святая Троица, дарующая намъ государство всяя Руси, подаетъ тебѣ сей святой, великій престолъ архіерейства, митрополию всяя Руси, рукоположеніемъ и священіемъ святыхъ отцевъ архіепископовъ и епископовъ нашего Русскаго царства. Отче! прими жезлъ папства и възды на сѣдалище старѣйшинства святительскаго во имя Господа Іисуса Христа и Пречистыя Его Матери; моли Бога и Пречистую Его Матерь о насъ, о нашихъ дѣтяхъ, о всемъ православнѣ, и да подастъ тебѣ Господь Богъ здравіе и долгоденствіе на многія лѣта!“ Дьяки запыли: „Ис полта эти деснота“ митрополиту, который отвѣчалъ Іоанну: „Самодержавный владыко государь! Всемогущая и вседержащая десница Вышняго да сохранитъ богопоставленное твое царство мирно, да будетъ твое государство многолѣтно и побѣдительно со всеми виновующимися тебѣ христоролюбными воинствами и прочими народами; во вся дни живота твоего здравъ буди, добротворя на многа лѣта“. Дьяки прошѣли многолѣтіе великому князю.

Въ 1478 году великій князь вступился въ споръ, начавшійся между митрополитомъ Геронтіемъ и Ростовскимъ архіепископомъ Вассианомъ по поводу Кириллова Бѣлозерскаго монастыря. Монахи этого монастыря, не желая быть подъ управленіемъ ростовскихъ архіепископовъ, просили своего удѣльнаго князя, Михаила Андреевича Верейскаго, взять ихъ подъ свое вѣдѣніе; князь обратился съ просьбою къ митрополиту, и тотъ далъ грамоту, по которой монастырь поступалъ въ вѣдѣніе князя Ми-

хана, а Ростовскій архієпископъ лишился надъ нимъ всякой власти. Вассіанъ обратился сначала къ митрополиту съ просьбою, чтобъ не вступался въ его предѣлы; когда же Геронтій его не послушалъ, то онъ обратился къ великому князю, прося суда съ митрополитомъ по правиламъ. Иоаннъ принялъ сторону архієпископа, но митрополитъ не послушалъ и его. Тогда великій князь послалъ взять у князя Михаила митрополичью грамоту и велѣлъ съѣзжаться въ Москву на соборъ всеѣмъ епископамъ и архимандритамъ. Митрополитъ испугался соборнаго суда и упросилъ Иоанна потушить дѣло; великій князь помирилъ его съ Вассіаномъ, грамоту издрали, и Кирилловъ монастырь перешелъ попрежнему въ вѣдѣніе Ростовскаго архієпископа. — Иначе кончился споръ, возникшій у великаго князя съ тѣмъ же митрополитомъ Геронтіемъ по поводу чисто церковнаго дѣла. Нашлись люди, которые наговорили Иоанну, что митрополитъ во время освященія Успенскаго собора поступилъ не по правиламъ, ходилъ съ крестами около церкви не по солнечному восходу. Великій князь разсердился, началъ говорить, что за это Богъ пошлетъ гнѣвъ свой; начались толки, розыски; въ книгахъ не нашли, какъ ходить во время освященія церкви, но солнцу, или противъ солнца; но рѣчей было много; одни говорили за митрополита, а другой говорилъ: „Я самъ видѣлъ, какъ на Святой горѣ освящали церкви; тамъ съ крестами прогнѣвъ солнца ходили“, — и былъ споръ большой, котораго не рѣшили Ростовскій владыка Вассіанъ и Чудовскій архимандритъ Геннадій, призванные великимъ княземъ. Митрополитъ въ доказательство своего мнѣнія приводилъ, что когда діаконъ кадитъ престолъ въ алтарѣ, то на правую руку ходитъ съ кадиломъ, а они говорили: „Солнце праведное Христосъ, а они говорили, смерть связала и души освободялъ, для этого на Пасху исходятъ противъ солнца“. Нашествіе Ахмата и смерть Вассіана Ростовскаго прекратили на время споръ; но, когда все успокоилось, онъ опять возобновился; митрополитъ, негодую, что великій князь все держится мнѣнія его противниковъ, выѣхалъ изъ Кремля въ Симоновъ монастырь, оставивъ посохъ свой въ Успенскомъ соборѣ и взявши съ собою только ризницу; онъ говорилъ, что если великій князь не пріѣдетъ къ нему, не добьетъ челома и спора не прекратитъ, то онъ окончательно оставитъ митрополию и будетъ жить въ кельѣ, какъ простой монахъ. Много между тѣмъ было выстроено новыхъ церквей, которыя оставались безъ освященія вслѣдствіе нерѣшеннаго дѣла о томъ, какъ ходить съ крестами; все священники и книжники, иноки и міряне держали сторону митрополита, за великаго князя стояли только преемникъ Вассіана, Ростовскій владыка Іоасафъ, родомъ изъ князей Оболенскихъ, да Чудовскій архимандритъ Геннадій. Видя на своей сторонѣ такое меньшинство, великій князь послалъ къ митрополиту въ Симоновъ сына своего съ просьбою возвратиться, но митрополитъ не по-

слушалъ; тогда великій князь побѣхалъ самъ бить челома, объявилъ себя виноватымъ, обѣщалъ впередъ во всемъ слушаться митрополита, и тотъ возвратился въ Москву на свой столъ. Случай скоро далъ ему и другое торжество надъ противникомъ его, Геннадіемъ, архимандритомъ Чудовскимъ: въ 1482 году крещенскій сочельникъ пришелся въ воскресенье, и Геннадій позволялъ братіи пить богоявленскую воду поѣвши. Митрополитъ, узнавши объ этомъ, послалъ схватить Геннадія и привести къ себѣ; тотъ убѣжалъ къ великому князю: тогда митрополитъ самъ пошелъ къ великому князю съ жалобами: обвинялъ Геннадія вопервыхъ въ томъ, что поступаетъ самовольно, разрѣшаетъ такія важныя вещи, не спросясь митрополита; во вторыя, обезчестилъ такую священную воду. Великій князь выдалъ его митрополиту, и тотъ велѣлъ сковать Геннадія и посадить въ ледникъ подъ палату; великій князь съ боярами упросилъ однако митрополита смилостивиться надъ преступникомъ, приводя въ примѣръ милосердіе митрополита Іоны, уже теперь прославленнаго чудесами, надъ Ростовскимъ владыкою Оеодосіемъ, дерзнувшимъ разрѣшнить мясо въ богоявленскій сочельникъ. Черезъ два года послѣ этого происшествія Геронтій заболѣлъ, рѣшился оставить митрополию, и опять уѣхалъ въ Симоновъ монастырь; великій князь, какъ видно, былъ доволенъ этимъ, и уже назначилъ ему въ преемники Пансія, благочестиваго игумена Троицкаго; но Геронтій, выздоровѣвши, захотѣлъ опять на митрополию; тщетно великій князь посылалъ къ нему Пансія уговаривать остаться при прежнемъ намѣреніи; Геронтій не соглашался и нѣсколько разъ убѣгалъ изъ монастыря въ Москву, по его перехватывали на дорогѣ. Соблазнъ былъ большой; великій князь началъ совѣтоваться съ Пансіемъ, можно ли взять Геронтія опять на митрополию. Пансіей объявилъ, что можно, и объявилъ также, что самъ никогда не согласится быть митрополитомъ; онъ, по принужденію великаго же князя, согласился быть и Троицкимъ игуменомъ, и скоро потомъ оставилъ игуменство, потому что не могъ превратить чернецовъ на Божій путь, на молитву, постъ, воздержаніе; они хотѣли даже убить его, потому что между тамошними монахами были бояре и князья, которые не хотѣли повиноваться ему. Великій князь, лишившись надежды видѣть Пансія на митрополіи, согласился на вступленіе Геронтія опять въ должность; а въ слѣдующемъ 1485 году Геннадій Чудовскій посвященъ былъ въ архієпископы Новгороду Великому.

Здѣсь Геннадій нашелъ явленіе, которое грозило Русской Церкви большою опасностію. Въ половинѣ XV вѣка, а можетъ-быть и ранѣе, въ Кіевѣ явилась ересь, какъ видно, смѣсь іудейства съ христіанскимъ рационализмомъ, отвергавшая Чинство Св. Троицы, Возжество Іисуса Христа, необходимость воплощенія, почитаніе угодниковъ Божіихъ, иконъ, монашество и т. д. Глава, или членъ общества кіевскихъ еретиковъ, Звядъ Схарія, пріѣхалъ

изъ Кіева въ Новгородъ вмѣстѣ съ княземъ Михайлою Олельковичемъ. Незвѣстно, зачѣмъ собственно пріѣхалъ онъ въ Новгородъ,—для распространенія ли ереси, или по дѣламъ торговымъ; неизвѣстно, долго ли оставался; извѣстно только то, что онъ съ помощію пятерыхъ сообщниковъ, также Жидовъ, насадилъ въ Новгородъ свою ересь. Первыми учениками Схарія здѣсь были два священника,—Діонисій и Алексій; какъ во время строгальничества, наружное благочестіе первыхъ еретиковъ обратило на нихъ вниманіе народа и содѣйствовало быстрому распространенію ереси; еретики старались получить священническія мѣста, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать на своихъ духовныхъ дѣтей; если видѣли человѣка, твердаго въ православіи, передъ такимъ и сами являлись православными; передъ человѣкомъ, обличающимъ ересь, они и сами являлись строгими ея обличителями, проклинали еретиковъ; но гдѣ видѣли человѣка слабого въ вѣрѣ, тутъ были готовы на ловлю. Еретики отличались ученостію, имѣли книги, какихъ не было у православнаго духовенства, которое потому и не могло бороться съ еретиками. Геннадій писалъ къ Ростовскому архіепископу Іоасафу: „Есть ли у васъ въ Кирилловѣ монастырѣ, или въ Оералонтовѣ, или на Каменномъ книгъ: Сильвестръ папа Римскій, Слово Козьмы пресвитера на ересь Богомиловъ, Посланіе Фотія патріарха къ Болгарскому царю Борису, Пророчества, Вытія, Царствъ, Притчи, Менандръ, Іисусъ Сираховъ, Логика, Діонисій Ареопагитъ, потому что эти книги у еретиковъ все есть“. Положеніе Новгорода во время окончательной борьбы съ Москвою и непосредственно послѣ нея не давало его церковному правительству возможности обратить надлежащее вниманіе на ересь. Слава благочестивой жизни и мудрости двухъ главныхъ еретиковъ новгородскихъ, Діонисія и Алексія, достигла дотога, что обратила на нихъ вниманіе великаго князя, когда онъ пріѣхалъ въ Новгородъ въ 1480 году, и оба они взяты были въ Москву: одинъ былъ сдѣланъ протопопомъ въ Успенскій, другой—священникомъ въ Архангельскій соборы. Здѣсь они скоро распространили свое ученіе и между людьми извѣстными, могущественными по своему вліянію; въ числѣ принявшихъ это ученіе были Симоновскій архимандритъ Зосима, славный своею грамотностію и способностями дьякъ Федоръ Вурицынъ съ братомъ Иваномъ Волкомъ, невѣстка великаго князя, Елена, мать наслѣдника престола. Іоаннъ зналъ, что эти люди держатъ новое ученіе, но, по характеру своему, не спѣшили принять рѣшительныхъ мѣръ,—ждалъ, пока дѣло объяснится, особенно видя приверженность къ новому ученію людей, которыхъ не могъ не уважать въ томъ или другомъ отношеніи.

Новгородскій владыка Теофилъ, по извѣстному намъ уже положенію его, не могъ обратить должнаго вниманія на еретиковъ въ своей паствѣ; еще менѣе могъ сдѣлать это преемникъ Теофила, Сергій; но Геннадію скоро случай открылъ глаза; съ

распространеніемъ ереси въ числѣ ея приверженцевъ, разумѣется, нашлись люди, которые уже не отличались такою чистотою поведенія, какъ первые еретики, или уже не считали болѣе нужнымъ притворствоваться. Геннадію донесли, что нѣсколько священниковъ, въ пѣниомъ видѣ, наругались надъ иконами; архіепископъ немедленно далъ знать объ этомъ великому князю и митрополиту, нарядилъ слѣдствіе, обыскалъ еретиковъ и отдалъ ихъ на поруки; но они убѣжали въ Москву; Геннадій отправилъ туда слѣдственное дѣло. 13 февраля 1488 года онъ получилъ отъ великаго князя такую грамоту: „Писалъ ты ко мнѣ и къ митрополиту грамоту о ересяхъ, о хулѣ на Христа Сына Божія и на Пречистую Его Богоматерь, и о поруганіи Св. иконъ, что въ Новгородѣ нѣкоторые священники, дьяконы, дьяки и простыя люди жидовскую вѣру величаютъ, а нашу вѣру православную Христову хулятъ, и списокъ этихъ ересей прислалъ ты къ намъ; я, съ своимъ отцомъ митрополитомъ, епископами и со всемъ соборомъ, по твоему списку разсудили, что пошь Григорій Семеновскій, да пошь Герасимъ Никольскій, да Григорья попа съшь, дьякъ Самсонка, по правиламъ царскимъ, заслужили гражданскую казнь, потому что на нихъ есть свидѣтельства въ твоемъ спискѣ, а на Гридю дьяка борисоглѣбскаго въ твоемъ спискѣ свидѣтельства нѣтъ, кромѣ свидѣтельства пона Наума. Поповъ—Григорья, Герасима и дьяка Самсонку я велѣлъ здѣсь казнить гражданской казнью (ихъ билию торгу кнутаомъ) и послалъ ихъ къ тебѣ: ты созови соборъ, обличи ихъ ересь и дай имъ наставленіе; если не покаются, то отошли ихъ къ моимъ намѣстникамъ, которые казнятъ ихъ гражданской же казнью; Гридю дьякъ къ тебѣ же пошлалъ; обыскивай его тамъ, обыскивай вмѣстѣ съ моими намѣстниками и другихъ, которые написаны въ твоемъ спискѣ; если найдешь ихъ достойными вашей казни церковной, то распорядись самъ, какъ знаешь; если же будутъ заслуживать гражданской казни, то отошли ихъ къ моимъ намѣстникамъ; да велите, вмѣстѣ съ намѣстниками, переписать имѣніе Григорьево, Герасимово и Самсоново“. Митрополитъ писалъ къ Геннадію отъ себя въ томъ же смыслѣ.

Геннадій исполнилъ предписаніе, началъ обыскивать еретиковъ, и которые изъ нихъ покаяться, на тѣхъ положилъ епитимью, велѣлъ во время службы стоять передъ церковью, а въ церковь не входить; тѣхъ же, которые не покаяться и продолжали хвалить жидовскую вѣру, отослалъ къ намѣстникамъ великокняжескимъ для гражданской казни, и обо всемъ дѣлѣ послалъ подробныя извѣстія великому князю и митрополиту. Но на эти извѣстія онъ не получилъ никакого отвѣта изъ Москвы; митрополитъ Геронгій, по словамъ Геннадія, не хотѣлъ докучать ими великому князю. Узнавши объ этомъ, узнавши, что въ Москвѣ еретики живутъ въ ослабѣ, а новгородскіе еретики, покаяться-было и находившіеся подъ епитимьею, убѣ-

жали въ Москву, начали здѣсь ходить безпрепятственно въ церковь и алтарь, а нѣкоторые даже служили литургію, — видя такое послабленіе еретикамъ въ Москвѣ, Геннадій обратился къ челоуѣку, который по своему характеру и нравственному значенію стоилъ многихъ могущественныхъ помощниковъ: то былъ знаменитый Іосифъ Волоколамскій.

Мы уже видѣли, что нравственные недуги вызвали въ свѣжесмъ и крѣпикомъ тѣлѣ древней Россіи сильное противодѣйствіе, и что это противодѣйствіе преимущественно обнаруживалось въ рядѣхъ христіанскихъ подвижниковъ, иноковъ, которыхъ дивная, строгая жизнь для людей съ лучшими потребностями служила щитомъ противъ нравственной порчи. Строгое правило иноческой жизни, правило Сергія и Кирилла на югѣ отъ Москвы поддерживалось въ Боровскомъ монастырѣ его игуменомъ и основателемъ Пафнутіемъ, страшнымъ старцемъ, который имѣлъ даръ по лицу приближающагося къ нему челоуѣка угадывать дурную страсть, дурное дѣло. Къ такому-то наставнику не усумнился придти молодой Иванъ Санинъ, сынъ московскаго служилаго челоуѣка, потомокъ выходца изъ Западной Руси. Еще не достигнувъ двадцатилѣтняго возраста, Иванъ уже усилъ испытать свои силы въ безмолвной иноческой жизни, но не былъ доволенъ своимъ опытомъ, искалъ высшаго образца, опытѣншаго подвижника; ему указали Пафнутія. Пришедши въ Боровскій монастырь, Иванъ засталъ игумена и братію за тяжелую работу: они носили и обтесывали бревна, и потомъ безъ отдыха шли въ церковь на вечернюю службу. Такова была жизнь, ожидавшая молодого челоуѣка въ монастырѣ; но такая-то именно жизнь уже давно и прельщала его; онъ узналъ къ ногамъ Пафнутія и просилъ принять его въ число братій; Пафнутія узналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и въ тотъ же день постригъ пришлеца, который получилъ имя Іосифа. Строгъ былъ искусь, которому подвергся Іосифъ въ Пафнутіевомъ монастырѣ; но это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые не утомляются никакими трудами, никакими лишениями, не останавливаются никакими препятствіями при достиженіи разъ предназначенной цѣли. Когда, по смерти Пафнутія, Іосифа избрали игуменомъ Боровскаго монастыря, то онъ уже не довольствовался уставомъ, который былъ въ силѣ во времена Пафнутія, но хотѣлъ ввести уставъ строжайшій. Когда же большинство братіи не согласилось на это, Іосифъ оставилъ Пафнутіевъ монастырь, поселилъ другія обители, приглядываясь къ уставамъ и выбирая, какой бы былъ строже, наконецъ рѣшился основать собственный монастырь въ лѣсахъ волоколамскихъ, съ самымъ строгимъ общеправительнымъ уставомъ; какъ Іосифъ не любилъ останавливаться, доказываетъ то, что, запретивъ женщинамъ входъ въ монастырь и всякое сношеніе съ братією, онъ самъ себя не позволялъ видѣться съ престарѣлою матерію

Такого-то неутомимаго борца вызвалъ Геннадій на помощь противъ ереси; и такой помощникъ былъ необходимъ, потому что ересь усиливалась все болѣе и болѣе. Митрополитъ Геронтія умеръ въ 1489 году, и, при избраніи ему преемника, сторона еретиковъ получила верхъ: митрополитомъ назначенъ былъ тайный соумышленникъ ихъ, Симоновскій архимандритъ Зосима; Геннадія Новгородскаго отвели отъ присутствія при избраніи митрополита, и Зосима немедленно же оказалъ перасположеніе свое къ Новгородскому владыкѣ, потребовалъ отъ него новаго архіерейскаго исповѣданія. Оскорбленный Геннадій отвѣчалъ ему любопытнымъ письмомъ, въ которомъ жаловался, что его постоянно отводятъ отъ присутствія на соборахъ московскихъ. „Когда архіепископъ Ростовскій Іоасафъ оставилъ владычество, то вмѣстѣ того, чтобъ за нами за вѣми послать и соборомъ обыскъ сдѣлать, обо мнѣ и не упомянули; а гонцы ежедневно ѣздятъ съ путыми дѣлами изъ Москвы въ Новгородъ въ три дни. Хотѣлось мнѣ очень быть на твоёмъ поставленіи; но вотъ пришелъ наказъ отъ государя великаго князя о его великихъ дѣлахъ, велѣлъ мнѣ объ нихъ хлопотать, а въ Москву не велѣлъ ѣхать. Велишь мнѣ писать исповѣданіе, но я уже положилъ разъ исповѣданіе предъ отцомъ моимъ Геронтіемъ митрополитомъ и предъ всѣмъ соборомъ; это исповѣданіе у васъ въ казнь; а какъ я исповѣдался передъ Богомъ, такъ и стою неподвижно: въ Литву грамотъ не посылаю, оттуда мнѣ также не присылаютъ грамотъ, и литовскіе ставленники не служатъ въ моей архіепископії. Если же литовскія окаянныя дѣла прозябли въ Русской Землѣ, въ Великомъ Новгородѣ, когда былъ въ немъ князь Михайлъ Олельковичъ, и съ нимъ жидовинъ еретикъ, и отъ этого жидовина распространилась ересь въ Новгородской Землѣ, сперва держали ее тайно, а потомъ съ-пьяну начали проговариваться, — то я тотчасъ же объ этомъ далъ знать великому князю и митрополиту Геронтію“. Описавши свои дѣйствія противъ еретиковъ и послабленіе, которое встрѣтили они въ Москвѣ, Геннадій требуетъ отъ митрополита, чтобъ онъ, вмѣстѣ съ соборомъ, предасть еретиковъ проклятію, послѣ чего продолжаетъ: „Стала бѣда съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ Курицинь изъ Венгріи и еретики изъ Новгорода перѣбѣжали въ Москву: Курицинь у еретиковъ главный заступникъ, а о государственной чести попеченія не имѣетъ. Теперь же еще бѣда стала земская и нечесть государская большая; церкви старыя извѣчныя вынесены изъ города вонъ (по случаю строения новыхъ стѣнъ), да и монастыри старые извѣчныя съ мѣста переставлены; но этого мало: кости мертвыхъ вынесены въ Дорогомилово, да на тѣхъ мѣстахъ садъ развели.... Если же государь нашъ великій князь еретиковъ не обичаетъ и не казнитъ, то какъ ему съ своей Земли позоръ свести? Смотри, Франки по своей вѣрѣ какую крѣпость держатъ: сказывалъ мнѣ цесарскій посолъ про Испанскаго короля, какъ онъ свою Землю очистилъ, и я съ его

рѣчи послалъ тебѣ списокъ. Да поговори великому князю накрѣпко, чтобъ велѣлъ мнѣ быть въ Москвѣ и у тебя благословиться, потому что здѣсь какія бы великія дѣла ни были, но больше того дѣла нѣтъ: если это дѣло управится, то и здѣшнимъ великимъ дѣламъ укрѣпленіе будетъ. Да жалуюсь теперь тебѣ на чернеца Захара, стригольника; бранить меня безпрестанно уже четвертый годъ, посылаетъ грамоты въ мою архіепископію, къ чернецамъ и священникамъ, а что по Московской Землѣ разослалъ,—тому и числа нѣтъ”.

Дѣло о еретикахъ получило такую гласность по всему государству, что нельзя было не заняться имъ: Зосима долженъ былъ созвать соборъ, на который представили еретиковъ, бѣжавшихъ изъ Новгорода въ Москву; собственноручныя показанія ихъ, данныя ими прежде Геннадію, служили такимъ очевиднымъ доказательствомъ, что Зосимъ не было никакихъ средствъ защищать своихъ; еретиковъ проклинали, нѣкоторыхъ изъ нихъ сослали въ заточеніе, другихъ—въ Новгородъ къ Геннадію. Послѣдній велѣлъ ихъ посадить на лошадей, лицомъ къ хвосту, въ выварочномъ платки, въ берестовыхъ острокопечныхъ шлемахъ, въ какихъ изображаются бѣсы, съ мочальными кистями, въ вѣщахъ изъ сѣна и соломы, съ надписью: „Се есть сатанино воиство“! Въ такомъ нарядѣ возили ихъ по улицамъ новгородскимъ; встрѣчающіеся плевали имъ въ глаза и кричали: „Вотъ враги Вождя, хулители Христа“! Взаключеніе на еретикахъ зажжены были шлемы.

Но этотъ позоръ въ Новгородѣ не обезсилилъ ереси въ Москвѣ. Дерзость еретиковъ особенно усилилась, когда 1492-й годъ прошелъ, а часаго съ концомъ седьмого тысячелѣтія конца міру не было: „Если Христосъ былъ Мессія, говорили еретики православнымъ, то почему не является Онъ во славу? по нашимъ ожиданіямъ?“ и проч. Иосифъ писалъ противъ нихъ обличительныя слова, собраніе которыхъ извѣстно подъ именемъ Провсвѣтителя; въ какомъ состояніи находились умы въ это время, видно изъ посланія его Нифонту, епископу Суздальскому: „Съ того времени, писалъ онъ, какъ солнце православія возсіяло на Землѣ нашей, у насъ никогда не бывало такой ереси: въ домахъ, на дорогахъ, на рынкѣхъ всѣ—иноки и міряне—съ сомнѣніемъ разсуждаютъ о вѣрѣ, основываясь не на ученіи Пророковъ, Апостоловъ и Св. Отцевъ, а на словахъ еретиковъ, отступниковъ христіанства; съ ними дружатся, учатся отъ нихъ жидовству. А отъ митрополита еретики не выходятъ изъ дому, даже спать у него“. Иосифъ требовалъ, чтобъ владыки, вѣрные православію, отказались отъ всякаго сообщенія съ Зосимюю, внушали бы и другимъ, чтобъ никто не приходилъ къ нему, не принималъ отъ него благословенія; вооружился противъ мнѣнія, которое особенно защищала Зосима, что еретиковъ осуждать не должно. Зосима въ 1494 году дѣйствительно отрекся отъ митрополита: оставлять въ члѣбѣ Церкви человека, громко обвиненнаго въ ереси

и не хотѣвшаго торжественно оправдываться, было уже слишкомъ соблазнительно; сами еретики могли желать удаленія Зосимы, какъ скоро опы своимъ неблагоразумнымъ поведеніемъ уже обличили себя и могъ быть теперь болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ ихъ обществу. Въ повольной грамотѣ Геннадія на избраніе преемника Зосимъ, Троицкаго игумена Симона, читася: „Что мы есте (епископы) прислали грамоту, возвѣщая нашему смиренію, что отепъ Зосима митрополитъ, своя ради немощи, оставилъ столъ русскія митрополіи, и, пришедъ въ Свягую великую соборную церковь, предъ всѣми омофоръ свой на престолъ положилъ, и свидѣтеля на то Господа Бога нарицая, яко невозможно ему къ тому святительская дѣйствовать, ни митрополитомъ нарицатися, и отойде въ монастырь въ смиренноточеское жителство“. Въ лѣтописяхъ же говорится, что Зосима оставилъ митрополію не своею волею, но былъ удаленъ за страсть къ вину и за нерадіе о церкви. Если въ Зосимѣ дѣйствительно открылся означенный порокъ, то это было достаточною причиною къ его удаленію, какъ въ глазахъ православныхъ, такъ и еретиковъ, которымъ онъ могъ сильно вредить своимъ поведеніемъ.

Удаленіе Зосимы нисколько не ослабило значенія еретиковъ въ Москвѣ; но имъ нужно было поднять его въ Новгородѣ, гдѣ, благодаря дѣятельности Геннадія, ересь ослабѣла значительно, и вотъ, по старанію Федора Курицына, въ новгородскій Юрьевъ монастырь назначенъ былъ архимандритомъ монахъ Кассіанъ, державшійся ереси. Въ Кассіанѣ новгородскіе еретики должны были найти, и дѣйствительно нашли, могущественную опору: въ его кельяхъ держали они свои тайныя собранія. Геннадій однако нашелъ ихъ и тутъ, и заставилъ бѣжать въ Литву и къ Нѣмцамъ. Но въ Москвѣ могла ли ересь ослабѣть, когда невѣстка великаго князя, Елена, была на ея сторонѣ, а на сторонѣ Елены были самые могущественные вельможи, которые достигли наконецъ того, что Іоаннъ торжественно объявилъ сына Еленына, Дмитрія, наследникомъ стола великокняжескаго. Мы видѣли однако, что это торжество Елены и ея приверженцевъ было непродолжительно; что скоро Софія восторжествовала въ свою очередь, казнь и постриженіе были участію Ряполовскихъ и Патрикѣевыхъ, удаленіе и наконецъ тѣсное заключеніе—участію Елены и ея сына. Мы не знаемъ, какое было значеніе Іосифа въ этихъ перерывахъ; но, видя тѣсную связь Волоколамскаго игумена и его учениковъ съ великимъ княземъ Василіемъ, сыномъ Софіи, видя въ то же время сильную ненависть Курбскаго къ этимъ Осифлянамъ, „подобнымъ великому князю Василію, скорымъ помощникамъ его и во всемъ потаковникамъ и подражателямъ“, какъ говоритъ Курбскій,—видя такія отношенія, мы необходимо должны заключить, что связь Іосифа съ Василіемъ и его матерью началась и укрѣпилась во время борьбы съ ересью: дѣйствуя противъ еретиковъ, слѣдовательно про-

тивъ Елены, Иосифъ естественно долженъ былъ стать на сторону Софїи и ея сына. Понятно, какъ торжество послѣднихъ облегчило Иосифу борьбу съ ересью: онъ нашелъ доступъ къ великому князю, началъ упрашивать его о принятїи строгихъ мѣръ противъ еретиковъ; тотъ обѣщалъ исполнить его желаніе; открылъ, что зналъ о ереси, которую держалъ протопопъ Алексѣй и Оеодоръ Курицынъ, что и Елена была вовлечена въ ересь; раскаялся, что прежде слабо поступалъ съ еретиками. Иосифъ требовалъ раскаянія на дѣлѣ; „Государь, говорилъ оль Іоанну: подвѣйся только на нынѣшнихъ еретиковъ, — и за прежнихъ тебя Богъ проститъ“. Но строгія рѣшительныя мѣры, которыя должно было употребить противъ еретиковъ по требованію Иосифа, могли заставить задуматься великаго князя, слышавшаго съ другой стороны сильный ропотъ на ревность Волоколамскаго игумена: Геннадій Новгородскій былъ лишень архіепископїи по причинамъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже; наконецъ въ это время лѣтописцы говорятъ, что здоровье Іоанна начало разстроиваться послѣ смерти Софїи; все это могло содѣйствовать замедленію собора на еретиковъ. Иосифъ между тѣмъ не успокоивался: онъ обратился къ духовнику великокняжескому, Андрониковскому архимандриту Митрофану, съ просьбою дѣйствовать на Іоанна; наконецъ его желаніе исполнилось: въ концѣ 1504 года созванъ былъ соборъ на еретиковъ; они защищали свое ученіе, Иосифъ былъ обличителемъ; слѣдствіемъ собора было то, что Волкъ Курицынъ, Димитрій Коноплевъ, Иванъ Максимовъ, архимандритъ Юрьевскій Кассіанъ съ братомъ и многіе другіе еретики были сожжены; Некрасу Рукавову сперва отрѣзали языкъ и потомъ сожгли въ Новгородѣ: иныхъ разослали въ заточеніе, другихъ по монастырямъ. Нѣкоторые изъ еретиковъ, приговоренныхъ къ смертной казни, объявили, что раскаиваются; но ихъ раскаяніе не было принято, ибо Иосифъ представилъ, что раскаяніе, вынужденное страхомъ, не есть искреннее. Ударъ, нанесенный ереси соборомъ 1504 года, былъ силенъ, но не былъ окончательнымъ; мы еще должны будемъ обратиться къ этому предмету въ разсказѣ о дѣлахъ преминика Іоаннова.

Кромѣ важнаго дѣла о ереси жидовской, церковные соборы Іоаннова времени занимались не менѣе важными дѣломъ — улучшеніемъ нравственности духовенства. Въ 1468 году Псковичи отлучили отъ службы вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ по всей Псковской волости, не спросившись ни митрополита, ни епископовъ; архіепископъ Новгородскій Іона хотѣлъ наложить на нихъ за это неблагословеніе, но митрополитъ Теодосій запретилъ ему это дѣлать. Теодосій знаменитъ въ исторіи Русской Церкви, какъ жертва святой ревности къ улучшенію нравовъ духовенства; онъ, говоритъ лѣтописецъ, хотѣлъ священниковъ и дьяконовъ силою навести на Божій путь; началъ ихъ каждое воскресенье созывать и учить по святымъ правиламъ,

вдовымъ дьяконамъ и священникамъ приказывалъ постригаться въ монахи; у кого изъ нихъ были наложницы, тѣхъ наказывалъ безъ милости, снималъ съ нихъ священство, налагалъ пеня; церковей наставили много, и вотъ всякій, кому не хотѣлось работать, шель въ священники, не оставляя плотскихъ страстей, потому что шель не Богу служить, а тѣло свое лгать. Когда, вслѣдствіе мѣръ Теодосія, недостойные священнослужители были удалены, то многія церкви остались безъ священниковъ; люди начали тужить объ этомъ и порицать митрополита. Это такъ огорчило Теодосія, что онъ заболѣлъ, и когда выздоровѣлъ, то уже не хотѣлъ болѣе оставаться митрополитомъ, удалился въ Чудовъ монастырь, взявъ къ себѣ въ келью разслабленнаго старца, сталъ служить ему, омывать ступы.

Вопросъ, поднятый Псковичами и Теодосіемъ въ началѣ княженія Іоаннова, былъ потомъ возобновленъ извѣстнымъ уже намъ своею дѣятельностію Геннадіемъ Новгородскимъ, который выписалъ свое имя въ исторіи русскаго просвѣщенія тѣмъ, что первый началъ говорить о необходимости училища для духовныхъ: „Билъ я челомъ (пишетъ Геннадій къ митрополиту Симону) государю великому князю, чтобъ велѣлъ училища устроить: вѣдъ я своему государю напоминнаю объ этомъ для его же чести и спасенія, а намъ бы просторъ былъ; когда приведутъ ко мнѣ ставленника грамотнаго, то я велю ему ектенію выучить, да и ставлю его и отпускаю тотчасъ же, научивъ, какъ божественную службу совершать, и такіе на меня не ропщутъ. Но вотъ приведутъ ко мнѣ мужика; я велю ему Апостоловъ дать читать, а онъ и ступитъ не умѣетъ; велю дать Псалтирь — онъ и по тому едва бредеть; я ему откажу. — а они кричатъ: Земля, господинъ такая, не можемъ добыть человѣка, кто бы грамотѣ умѣлъ, но вѣдь это всей Землѣ позоръ, будто нѣтъ въ Землѣ человѣка, кого бы можно въ попы поставить. Вьютъ мнѣ челомъ: пожалуй, господинъ, вели учить! Вотъ я прикажу учить его ектеніямъ, а онъ и къ слову не можетъ пристать; ты говориши ему то, а онъ совсѣмъ другое; велю учить азбукъ; а онъ, получившись немного, да просится прочь, не хочетъ учиться; а иной и учится, но не усердно, и потому живетъ долго. Вотъ такіе-то меня и бранятъ; а мнѣ что же дѣлать: не могу не учивши ихъ поставить. Для того-то я и быю челомъ государю, чтобъ велѣлъ училища устроить: его разумомъ и грозою, а твоимъ благословеніемъ это дѣло исправится; ты бы, господинъ отецъ нашъ, государей нашихъ, великихъ князей просилъ, чтобъ велѣли училища устроить; а мой совѣтъ таковъ, что учить въ училищѣ сперва азбукъ, а потомъ Псалтири съ слѣдованіемъ накрѣпко; когда это выучатъ, то могутъ читать всякія книги. А вотъ мужики невѣжды учатъ ребячь, только рѣчь имъ портятъ: прежде выучатъ вечерню и за это мастеру принесеть кану да гривну денегъ, за заутреню то же, или еще и больше, за часы особенно, да подарки

еще несеть кромѣ условной платы; а отъ мастера отойдетъ—ничего не умѣеть, только бредеть по книгѣ, о церковномъ же порядкѣ понятія не имѣеть. Если государь прикажетъ учить и цѣну назначить, что брать за ученье, то учащимся будетъ легко, а противиться никто не посмѣеть; да чтобъ и поновъ ставленныхъ вельѣзъ учить, потому что нерадѣные въ Землю вошло. Вотъ теперь у меня побѣжали четверо ставленниковъ—Максимка, да Куземка, да Аоанасъ, да Емельянка мясникъ; этоть и съ недѣлю не поучился—побѣжалъ; православны ли такіе будутъ! Но мнѣ такихъ нельзя ставить въ попы; о нихъ Богъ сказалъ черезъ Пророка: „Ты разумъ мой отверже, азъ же отгину тебя, да не будешь мнѣ служитель“.

Въ 1503 году митрополитъ Симонъ вмѣстѣ съ Геннадіемъ и съ шестью другими епископами на соборѣ опредѣлили: такъ какъ найдено, что многіе вдовы священники и дьяконы послѣ женъ держали у себя наложницъ, не переставая священнодѣйствовать, то впередъ вдовымъ попамъ и дьяконамъ не служить, которые изъ нихъ уличены въ держаніи наложницъ, тѣмъ наложницъ отпустить, жить въ міру, волосъ своихъ не растить, платье носить мірское и дань давать вмѣстѣ съ мірскими людьми, и никакихъ священническихъ службъ не отправлять; а кто изъ нихъ съ наложницею уйдетъ въ дальнія мѣста и начнетъ служить, тѣхъ предавать гражданскимъ судьямъ; на которыхъ же вдовыхъ поповъ и дьяконовъ дурной молвы нѣтъ и сами говорятъ, что живутъ послѣ женъ чисто, тѣмъ стоять въ церкви на клиросахъ, держать дома епитрахили и пріобщаться Св. Таинъ въ епитрахляхъ, а дьяконамъ въ стихаряхъ и орарахъ, но не служить, а пользоваться четвертою частию всѣхъ церковныхъ доходовъ. Чернецамъ и черницамъ въ одномъ монастырѣ вмѣстѣ не жить; въ мужскомъ монастырѣ служить игумену, а въ женскомъ бѣлому священнику. Если попу или дьякону въ который день нахъется пьянъ, то на другой день ему обѣдни не служить. На томъ же соборѣ было постановлено: митрополиту, архіепископамъ и епископамъ отъ поставленія дузовыхъ лицъ всякихъ степеней не брать ничего; также отъ ставленныхъ грамотъ, печатнику отъ печати и дьяку отъ поднеси не брать ничего; ставить въ священники не раньше тридцати лѣтъ, въ дьяконы не раньше 25, подьяконы не раньше 20. За нарушение этихъ правилъ соборъ опредѣлялъ лишеніе сана; и кто же первый былъ обвиненъ въ нарушение этихъ правилъ, и кто первый подвергся наказанію, опредѣленному соборомъ?—Геннадій Новгородскій! Подъ слѣдующимъ же 1504 годомъ читаемъ въ лѣтописяхъ: Геннадій, архіепископъ Великаго Новгорода и Пскова, оставилъ престоль свой неволею; пріѣхавши изъ Москвы послѣ собора, началъ мзду брать съ священниковъ за ставленіе и еще больше прежняго вопреки обѣщанію, данному на соборѣ, по совѣту любимца своего, дьяка Михайлы Гостенкова; великій князь и ми-

трополитъ, обыскавши, свели его съ престола въ Москву, гдѣ онъ былъ помѣщенъ въ Чудовъ монастырѣ. Догадываются, что сверженіе Геннадія было дѣломъ еретиковъ.

Въ монастыри старались вводить общежительныя уставы; общее житіе въ митрополичьихъ уставныхъ грамотахъ называется богораднымъ; по этимъ грамотамъ, архимандритъ долженъ былъ имѣть одну трапезу съ братією, могъ имѣть особую трапезу только въ случаѣ прихода великихъ гостей; всякій приходъ монастырскій архимандритъ вѣдаетъ по слову и по совѣту со всею братією; нужно будетъ избрать кого-нибудь изъ братій для вѣданія монастырскаго прихода и церковнаго строения, келаря, купчину, нужно будетъ послать кого на монастырскую службу, — архимандритъ избираетъ и оставляетъ съ вѣдома всей братіи, кого братья изберутъ и по его благословенію; также иноковъ приходящихъ архимандритъ принимаетъ съ согласія всей братіи; безъ благословенія архимандрита иноки не выходятъ изъ монастыря; доходы съ земель монастырскихъ дѣлятся такъ: архимандриту половина, священникамъ, дьяконамъ и чернецамъ другая; послѣдняя дѣлится на двѣ части, — одна священникамъ и дьяконамъ, другая чернецамъ; такимъ же образомъ поднимаются дань митрополичья и провѣзды. Что же касается до годовыхъ дачъ или сорокоуоствъ, внисовъ, молебновъ, то этими доходами архимандритъ дѣлится пополамъ съ священниками и дьяконами: одна половина архимандриту, другая священникамъ и дьяконамъ съ просвирникомъ и поназаремъ; а чернецы въ эти доходы не вступаютъ. Но завѣщанію преподобнаго Евфросина Псковскаго, чернецы въ его монастырѣ не должны были ѣсть по келіямъ, кромѣ праздника или ширшества какого-нибудь, не должны были носить нѣмецкаго платья, также шубъ съ пухомъ, держать баню, позволять женщинамъ входить въ монастырь. Іосифъ Волоцкій запрещаетъ иноку разговаривать во время службы церковной и на трапезѣ брать у брата кушанье и ставить передъ нимъ свое; ѣсть и пить больше другихъ; ходить въ деревню за какимъ-либо дѣломъ; изъ церкви и изъ трапезы брать книги безъ благословенія поназаря; если инокъ увидитъ въ книгѣ какую-нибудь погрѣшность, то не смѣетъ переписывать или вырѣзывать, а долженъ сказать настоятелю и по другой книгѣ исправить, а не по своему домышленію; если случится согрѣшить словомъ, или дѣломъ, или помышленіемъ, то проситъ прощенія у настоятеля въ тотъ же день; а не откладываетъ до утра. Тотъ же Іосифъ запретилъ инокамъ своего монастыря, подъ страхомъ безчестнаго изгнанія, принимать въ келію медъ, вино, пиво, квасъ медвяный, брагу. Мы видѣли уже, что Іосифъ прежде всего старался воскресить преданіе о строгости монастырскаго житія. Въ этомъ отношеніи очень важно для насъ сочиненіе его: „Сказаніе о Святыхъ отцахъ монастырей русскихъ“, гдѣ сочинитель представляетъ намъ борьбу хранителей дре-

няго преданія съ его нарушителями, и постоянно высказываетъ свою любимую мысль о необходимости строгихъ мѣръ для поддержанія строгости иноческой жизни: „Святѣй Сергій и другіе Святые, говоритъ Іосифъ, такое стараніе имѣли о паствѣ, что не пропускали ни малѣйшаго небреженія или преслушанія; они были мпlostпы, гдѣ слѣдовало, и были строги, гдѣ настояла потребность, согрѣшавшихъ обличали и понуждали къ добру, ослушникамъ же не позволяли свосвольничать, но отлучали ихъ отъ церкви и отъ трапезы. Между ними господствовала такая нишета, такое отсутствіе любостыжанія, что въ обители Св. Сергія и самыя книги писали не на пергаментѣ, а на берестахъ; самъ же Св. Сергій носилъ такое бѣдное платье, что приходящіе часто не узнавали его и думали, что это одинъ изъ просителей. О Святомъ же Кириллѣ что мнѣ писать? По кончѣи его и учениковъ его, въ наше время былъ въ его монастырѣ настоятель изъ другого монастыря, и началъ нарушать нѣкоторыя преданія и постановленія Св. Кирилла; но въ то же время былъ въ монастырѣ старецъ Святой, именемъ Досифей Невѣдомичицъ, и другіе старцы, любившіе преданія Св. Кирилла; они не стали молчать, видя нарушение древняго устава, и за это страдали отъ новаго настоятеля, блаженный же Досифей много разъ бывалъ битъ отъ него. Однажды игумень, разсердившись на Досифея за увѣщанія не развращать преданія, столкнулъ блаженнаго старца съ трапезнаго мѣста, такъ что тотъ упалъ какъ мертвый на землю; выздоровѣвши, Досифей пришелъ къ игумену и сказалъ: „Хоть убей меня до смерти, а я не перестану говорить тебѣ объ уставѣ“. Этотъ игумень ушелъ; выбрали новаго также изъ другого монастыря, и этотъ опять началъ нарушать нѣкоторыя преданія; въ церкви, во время соборнаго пѣнія и въ трапезѣ за обѣдомъ любилъ разговаривать о бесполезныхъ вещахъ. Благочестивые старцы попрежнему стали его удерживать отъ этого, а онъ бросался на нихъ съ палкою и билъ; наконецъ стыдно ему стало, и онъ ушелъ изъ монастыря. Выбрали третью, постриженника Кириллова монастыря, но и этотъ оказался такимъ же разрушителемъ преданій; тогда всѣ лучшіе старцы убѣжали изъ монастыря; на этотъ разъ князь вступился въ дѣло, велѣлъ выгнать игумена, и старцы возвратились“.

Въ поученіяхъ священнослужителямъ, дошедшихъ до насъ отъ описываемаго времени, находятъся, между прочимъ, слѣдующія наставленія: „Въ церкви разговаривать не давай, принося не принося на Божій жертвенникъ отъ невѣрныхъ еретиковъ, развратниковъ, воровъ, разбойниковъ, грабителей и властелей немилосердыхъ, корчемниковъ, рѣзкомцевъ (рѣзь — процентъ), ротниковъ (рота — клятва), клеветниковъ, покленниковъ, лжепослуховъ, волхвовъ, потворниковъ, гресцовъ, злобниковъ, или кто томитъ челядь свою голодомъ и рабами, и наготою. Къ убогимъ сиротамъ, болѣеть ли кто-нибудь изъ нихъ, или умереть, или родитъ,

приходи прежде чѣмъ позовутъ; стой на стражѣ: день и ночь съ крещеніемъ, покаемся, причастиемъ, твори достойное правило съ любовью, тихо, не спѣша; младенецъ не разумѣетъ, мертвецъ не чувствуетъ; младенца крести и всякому человѣку причастіе давай, кромѣ мертвеца; кого изгубишь лѣбностію или нерадѣніемъ, мука ихъ на тебѣ взыщется; къ тросженю не входи въ домъ, развѣ только будетъ на одрѣ смертныхъ“.

Нравственное состояніе недавно обращенныхъ въ христіанство Цермичей, какъ духовныхъ, такъ и мірянъ, требовало особенной заботливости со стороны митрополита, требовало обособнаго ученія. Въ 1501 году митрополитъ писалъ къ пермскому духовенству: „Слышу о васъ, что о церковномъ исправленіи и своемъ спасеніи не радите, о духовныхъ дѣтяхъ небрежете и душевной пользы не ищите: сами ядите и пьете не въ приличное время, до обѣда. а этимъ и новокрещенымъ людямъ послабленіе даете; многіе новокрещенные люди, смотря на васъ, соблазняются, то же дѣлаютъ: да и вступаютъ въ незаконные браки, въ родствѣ, и другія богомерзкія дѣла творить“. Къ мірянамъ тотъ же митрополитъ писалъ: „Кумирамъ не служите, требъ ихъ не принимайте, вопіелю болвану не молитесь по древнему обычаю, и вселскихъ тризницъ не творите идоламъ, въ браки незаконные не вступайте, какъ слышно о васъ, что у васъ женятся въ родствѣ по ветхому и татарскому обычаю: кто у васъ умретъ, то второй его братъ беретъ за себя его вдову, и третій братъ такъ же дѣлаетъ; а жены ваши ходятъ простоволосыя. Все это вы дѣлаете не по закону христіанскому“.

Что касается матеріальнаго благосостоянія духовенства, то митрополитъ пользовался тѣми же доходами, какіе имѣлъ и прежде: Перехтскія соляныя варницы митрополиты и живущіе въ нихъ люди были освобождены отъ дани, пошлинъ, подсудности волостелямъ и тіунамъ великой княгини Маріи; въ 1504 году великій князь освободилъ митрополитичьи села и монастыри въ Московскомъ и Владимірскомъ уѣздахъ отъ подсудности своимъ намѣстникамъ и волостелямъ; обозы съ шекснинскою рыбою, шедшіе въ Москву для митрополита, освобождены были отъ пошлинъ; митрополитъ отправлялъ слугу своего съ товарами для торговли, „чтобъ прибыло церкви Божіей въ поджоженіе“; въ подорожной этому купчинѣ митрополитъ просилъ, чтобъ пошлинъ нигдѣ съ него не брали и въ тѣсныхъ мѣстахъ провожали. Относительно архіерейскихъ доходовъ съ подчиненнаго духовенства, въ описываемое время, мы узнаемъ нѣкоторыя новыя подробности противъ прежняго; пошлины перечисляются такъ: „Данъ петровская и рождественская, десятина, данская пошлина, десятинничья пошлины, доводничья, заѣздничья, зазвничья, благословенная куница, явленная куница съ грамотою, полоть, казенные алтыны, писчее людское“. Мы видѣли, что и прежде возникало сомнѣніе, слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть

селами. и митрополитъ Кипріянь рѣшительно склонялся къ отрицательному отвѣту: при Іоаннѣ III-мъ вопросъ возобновился: онъ былъ поднять на соборѣ знаменитымъ отшельникомъ, основателемъ скитскаго житія, Ниломъ Майковымъ, болѣе извѣстнымъ подъ именемъ Сорскаго (по обители его на рѣкѣ Сорѣ, въ 15 верстахъ отъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря); Нилъ требовалъ, чтобъ у монастырей сель не было, а жили бы чернецы по пустынямъ и кормились рукодѣліемъ; это требованіе поддерживали пустынники бѣлозерскіе. Но противъ него возсталъ знаменитый же подвижникъ иноческой жизни старецъ, Іосифъ Волоцкій. Нилъ смотрѣлъ на монастырь какъ на общество людей, отказавшихся отъ міра; это общество, въ глазахъ его, было тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ менѣе имѣло столкновеній съ міромъ; Іосифъ же, кромѣ этого значенія монастыря, предполагалъ еще другое: онъ смотрѣлъ на монастырь также, какъ на разсадникъ властей церковныхъ; Нилъ имѣлъ въ виду отшельника, желающаго укрыться отъ міра, отъ всѣхъ его отношеній. въ болотахъ и лѣсахъ бѣлозерскихъ; Іосифъ имѣлъ въ виду также и владыку, епископа, который будетъ взятъ изъ монастыря: „Если у монастырей сель не будетъ, говорилъ Іосифъ, то какъ честному и благородному человѣку постричься? Если не будетъ честныхъ старцевъ, то откуда взять на митрополию, или архіепископа, или епископа? Если не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, то вѣра поколеблется“. Вспомнимъ, что въ описываемое время обезпеченное содержаніе могло представляться не иначе, какъ въ видѣ владѣнія земельною собственностью, служилые люди получали содержаніе въ видѣ помѣстій; слѣдовательно вопросъ о содержаніи монашествующихъ могъ представиться только въ такой формѣ: или владѣть имъ селами, или кормиться подаваніемъ и работою рукъ.—Мнѣніе Іосифа Волоцкаго превозмогло на соборѣ, и митрополитъ Симонъ отвѣчалъ великому князю, что духовенство не дерзаетъ и не благоволитъ отдавать церковныхъ земель, причемъ ссылаясь на давній обычай Греческой и Русской Церкви, на уставы Владиміра и Ярослава, наконецъ даже на примѣры хановъ татарскихъ, которые никогда не трогали имущества церковныхъ. Великій князь оставилъ дѣло; но вопросъ, какъ увидимъ послѣ, не переставалъ раздѣлять русское духовенство.

Встрѣчаемъ извѣстіе, что въ описываемое время священники и въ Москвѣ распредѣлялись по соборамъ. Касательно правъ духовенства мы видимъ, что оно не было освобождено отъ тѣлеснаго наказанія. Кромѣ извѣстій о наказаніяхъ еретикамъ, подъ 1488 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Чудовскаго архимандрита, князя Ухтомскаго и еще какого-то Хомутова били на торгу кнутаомъ за то, что они составили подложную жалованную грамоту Спасо-Каменному монастырю отъ имени князя Андрея Вологодскаго, послѣ уже его смерти. Отъ торговой казни духовенство не было освобождено и во

Пековѣ, что видимъ изъ слѣдующаго извѣстія подъ 1495 годомъ: по случаю Шведской войны Искочичъ назначили наборъ ратныхъ людей—съ десяти сохъ коннаго человѣка; назначили сборъ со священниковъ и дьяконовъ; но священники нашли въ правилахъ, что не слѣдуетъ брать ратниковъ съ церковныхъ земель; тогда посадники хотѣли силою заставить ихъ давать ратныхъ людей, причемъ хотѣли двоихъ священниковъ кнутаомъ избечестить, и тѣ въ однихъ сорочкахъ стояли на вѣчѣ.

Взаключеніе мы должны упомянуть о связи Русской Церкви съ Востокомъ при Іоаннѣ III. Въ 1464 году митрополитъ Θεодосій писалъ въ Новгородъ и Псковъ, прося жертвовать на искупленіе Св. Гроба отъ Египетскаго султана; для сбора пожертвованій хотѣлъ ѣхать въ Москву самъ Іерусалимскій патріархъ Іоакимъ, но на дорогѣ заболѣлъ и умеръ въ Кафѣ, завѣщавъ свое дѣло Іосифу, реченному митрополиту Кесаріи Филиппову, который былъ поставленъ на свою митрополию въ Москвѣ здѣшнимъ митрополитомъ Θεодосіемъ, по благословенію и по грамотамъ патріарха Іоакима. Въ 1480 году Іерусалимскій патріархъ Іоакимъ писалъ къ митрополиту Геронтію, что одинъ Русскій, именемъ Григорій, подъ видомъ купца, нашель его въ Египтѣ и просилъ дать благословеніе и писаніе къ Московскому митрополиту, въ порадваніе и пріятельство. Приходилъ также замилостивенно изъ Аѳонской горы, изъ монастыря Ксиропотамона, инокъ Герасимъ; великій князь наградилъ его и отпустилъ; но на дорогѣ старецъ былъ взятъ въ плѣнъ и ограбленъ Татарами, которые продали его въ Астрахань, изъ Астрахани въ Казань, гдѣ онъ былъ выкупленъ и препровожденъ въ Москву; митрополитъ Симонъ писалъ окружное посланіе, прося пожертвованій для этого Герасима. Видя съ одной стороны въ Русской Церкви желаніе не прерывать связи съ Греческою Церковію и сочувствіе къ бѣдствіямъ послѣдней, съ другой—мы видимъ сильное отвращеніе къ сближенію съ церковію Латинскою; въ этомъ отношеніи любознательно писемъ изъ Пекова отъ какого-то Филиппа Петрова (вѣроятно намѣстника владычняго) къ Новгородскому архіепископу Геннадію о спорѣ исковскихъ священниковъ съ латинскими монахами: „Пришли сѣрые чернецы отъ Нѣмцевъ въ Псковъ да стали говорить о вѣрѣ; были у священниковъ, а къ тебѣ не захотѣли итти; рѣчь ихъ такова: соединилъ вѣру нашъ папа вмѣстѣ съ вами на осьмомъ соборѣ; и мы, и вы христіане, вѣруемъ въ Сына Божія. Наши священники отвѣчали имъ: не у всѣхъ вѣра правая; если вѣруете въ Сына Божія, то зачѣмъ богоубійцамъ Жидамъ послѣдуете, поститесь въ субботу и оирѣспокъ въ жертву приносите? Зачѣмъ два Духа беззаконно вводите, говоря: и въ Духа Святаго животворяща, отъ Отца и Сына исходящаго? А что говорите намъ объ осьмомъ соимнѣшѣ, объ италіанскомъ скверномъ соборѣ латинскомъ, то намъ хорошо извѣстно: это сборище окаинное на нашей памяти было, и едва убѣжалъ кардиналъ

Исидоръ отъ нашего государя великаго князя Василія Васильевича, царя всея Руси: объ этомъ соборѣ мы и слышать не хотимъ, потому что отринуть оиъ Богомъ и четырьмя патриархами; будемъ держать семь соборовъ вселенскихъ и помѣстные; они угодны Богу, потому что сказано: „Премудрость созда себѣ домъ и утверди столпы ея семь“¹⁾.

Что касается состоянія православнаго духовенства въ Литовской Руси, то здѣсь, при избраніи митрополита на Кіевъ, каждый разъ посылали за благословеніемъ къ патриарху Константинопольскому; избраніе же и поставленіе совершалось въ Руси. Въ 1494 году великій князь Александръ подтвердилъ жалованную грамоту отца своего Казимира Смоленскому владыкѣ, по которой люди послѣдняго освобождались отъ суда намѣстника великокняжескаго; также владыка получилъ право перезывать изъ-за границы людей и селить ихъ на своихъ церковныхъ земляхъ; въ 1499 году тотъ же великій князь далъ митрополиту и епископамъ грамоту о неприкосновенности святительскаго суда и церковнаго имущество на основаніи церковнаго устава Ярослава (свитка Ярослава). Относительно нѣкоторыхъ монастырей великіе князья Литовскіе имѣли право *п о д а в а н ь*; такъ, напримеръ, въ 1496 году какой-то Григорій Поповичъ билъ челомъ великому князю Александру, просилъ у него Кіевскаго Михайловскаго монастыря, объявляя, что этотъ монастырь издавна великокняжеское *п о д а н ь*е; спр-вѣнись, что объявленіе Григорья справедливо, Александръ велѣлъ отдать монастырь просителю, съ тѣмъ, чтобы онъ немедленно постригся въ монахи²⁾.

Если относительно суда церковнаго основывались еще на уставѣ или свиткѣ Ярослава, то относительно суда гражданскаго мы видѣли, что уже въ уставной грамотѣ Василія Дмитріевича находятъ новизны противъ Русской Правды, приписываемой тому же Ярославу. Судный уставъ, или Судебникъ, собранный при Іоаннѣ III-мъ, въ 1497 г., дьякомъ Владиміромъ Гусевымъ, представляетъ новое движеніе юридическихъ понятій сравнительно съ уставною грамотою дѣда Іоаннова. Судебникъ этотъ прежде всего опредѣляетъ, кто долженъ судить. „Судить судъ боярамъ, околичничья, или дѣтямъ боярскимъ, за которыми кормленія съ судомъ боярскихъ, а на судѣ быть у бояръ и околичничихъ дьякамъ. Котораго жалобника управить будетъ нельзя, о такомъ говорить вели-

кому князю, или отослать его къ тому, кому приказано вѣдать такихъ людей“. Думаютъ, что здѣсь выраженіе „Кому приказано вѣдать такихъ людей“ указываетъ на приказы: но это выраженіе вполне объясняется древними жалованными грамотами, напримеръ жалованною грамотою Дмитрія Донскаго Новоторжцу Евсевку: „А *п р и к а з а л ь* емь его блости дядѣ своему Василію Тысяцкому“. Намѣстникамъ и волостелямъ, которые держатъ кормленія безъ боярскаго суда, также тѣнамъ великокняжескимъ и боярскимъ, за которыми кормленія съ судомъ боярскимъ, холона и рабы безъ боярскаго доклада не вылавать, и отпускныхъ не давать; татя и душегубца не отпускатъ, всякаго лихаго человека безъ доклада ни продать, ни казнить, ни отпустить. — Опредѣляется, какъ судьи должны судить: боярамъ или дѣтямъ боярскимъ судить, а на судѣ у нихъ быть дворскому, старостѣ и лучшимъ людямъ; посула имъ отъ суда не брать же, ни на господина своего, ни на тѣуна, и пошлнникамъ отъ суда *п о с у л о в ь* не просить; велѣтъ прокликать по торгамъ въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ Московской и Новгородской Земли, и запоевѣдать по всѣмъ волостямъ, чтобы истецъ (ищца) и отвѣтчикъ судьямъ и приставамъ посула не сулили въ судѣ. Всякому судѣ судомъ не метить, ни дружить никою, жалобниковъ отъ себя не отсылать, а давать всѣмъ жалобникамъ управу во всемъ. Кого обвинить бояринъ не по суду, и грамоту правую на него съ дьякомъ дать, то эта грамота не въ грамоту, взятое отдать назадъ, а боярину и дьяку въ томъ пеня нѣтъ, истгма же судъ съ головы. — Уголовныя преступленія и наказанія за нихъ обозначаются такъ: „Если доведутъ на кого воровство, разбой, душегубство, ябедничество, или другое какое-нибудь лихое дѣло, и будетъ оиъ вѣдомый лихой человекъ, то боярину велѣтъ его казнить смертною казнью, а истца вознаградить изъ его имѣнія; если за этимъ вознагражденіемъ что останется, то итеть на боярина и дьяка; если же у преступника не будетъ имѣнія, чѣмъ заплатить истцу, то бояринъ не долженъ вылавать послѣднему преступника, но долженъ велѣтъ казнить его. Убийцу своего господина, крамольника, церковнаго татя и головнаго (похитителя людей), подметчика, зажигальщика, вѣдомаго лихаго человека казнить смертною казнью. Если кого-нибудь поймутъ на воровствѣ въ первый разъ (кроме церковнаго воровства головнаго), то казнить его торговою казнью, бить кнутомъ, потомъ доправитъ на немъ вознагражденіе истцу и судѣ продажу; если же не будетъ у него имѣнія, то, бивши кнутомъ, выдать истцу головою на продажу, а судѣ не брать ничего; поймутъ его въ другой разъ на воровствѣ, то казнить смертною, а съ имѣніемъ поступать какъ прежде показано. Кто съоретъ между или грани събѣтъ въ земляхъ великокняжескихъ, боярскихъ и монастырскихъ, того бить кнутомъ, да истцу взять на немъ рубль, а въ черныхъ волостяхъ волостель или посельскій беретъ на вино-

¹⁾ Никон. VI, 2, 54, 143, 169, 170, 127, 140, 171; Н. С. Р. Л. IV, 269; V, 35; VI, 186, 244, 238, 221, 233, 234, 236, 235; Акты арх. эксп. I, № 381, 108, 382, 383, 380, 77, 78, 79, 99, 133, 139, 140, 125; Акты истор. 78, 89, 103, 286, 104, 109, 112, 285, 286, 79, 284; Дошол. къ акт. истор. I, № 211, 212, 214; Карамз. VI, примѣч. 622; Руднева расужд. о ерес. и раск., стр. 92; Твор. Св. отцевъ въ русск. перев. Годъ V-й, кн. 2. — Чтенія Москов. Истор. Общ. 1847 г., № 3, 7, 8.

²⁾ Исторія Русск. Церкви, III, 14, Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи, I, № 118, 166, 141.

ватомъ два алтына, да за рану что присудятъ, посмотря по человѣку и по ранѣ. Между селами и деревнями должны бытъ загородя по половинамъ: въ случаѣ потравы взыскать убытокъ съ того, въ чью загородь прошель скотъ.—О земляхъ судъ: взыщеть бояринъ на бояринѣ, или монастырь на монастырѣ, или бояринъ на монастырѣ, или монастырь на бояринѣ; взыщеть черный на черномъ, или помѣщикъ на помѣщикѣ, или черный, или сельскій на помѣщикѣ и наоборотъ,—то судить за три года, а дальше трехъ лѣтъ не судить; взыщуть на бояринѣ или на монастырѣ великокняжеской земли, то судить за шесть лѣтъ.

Изъ судебныхъ доказательствъ въ Судебникѣ означены: поличное, послушество, или свидѣтельство, поле, или судебный поединокъ, клятва. Велѣно прокликать по торгамъ въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ Московской и Новгородской Земли, и по всѣмъ волостямъ заповѣдать, чтобъ свидѣтелямъ, не выдавши, не свидѣтельствовать, а видѣвши сказать правду. Если свидѣтель засвидѣтельствуетъ лживо, не выдавши, то на немъ взыщется вознагражденіе истцу и всѣ убытки. На кого скажутъ человѣкъ пять или шесть дѣтей боярскихъ добрыхъ по великаго князя крестному дѣлованію, или черныхъ человѣкъ пять—шесть добрыхъ христіанъ дѣловальниковъ, что онъ воръ, а доказательства не будетъ, что онъ прежде воровалъ, то взять на немъ вознагражденіе истцу безъ суда. Если приведутъ вора съ поличнымъ впервые, и скажутъ на него человѣкъ пять или шесть, по великаго князя крестному дѣлованію, что онъ воръ вѣдомый и прежде того не одинъ разъ кралъ, то казнить его смертною казнію, а истцу дать вознагражденіе изъ оставшагося имѣнія. Если воръ скажетъ на кого-нибудь, то этого человѣка обыскивать; если онъ заподозрѣнъ уже въ какомъ-нибудь прежнемъ дѣлѣ, то его пытать; если же итъ, то рѣчамъ вора не вѣрять, а дать его на поруку до обыску. Если кто купитъ на торгу что-нибудь новое, кромѣ лошади, не зная у кого купилъ, при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ, людяхъ добрыхъ, и если послѣ слышется, что купленная вещь краденая, то купившій правъ и присяги ему итъ, когда свидѣтели скажутъ, что при нихъ купилъ; если же свидѣтелей не будетъ, то купившій долженъ ити къ присягѣ. Если свидѣтель будетъ уличать кого-нибудь въ дракѣ, грабежѣ или займѣ, то уличаемому отдается на волю: или ити биться съ свидѣтелемъ, или, ставши у поля, положить у креста то, чего на немъ ищуть,—тогда истецъ безъ присяги возьметъ свое, отвѣтчикъ же заплатитъ полевья пошлины; если же отвѣтчикъ, не стоявъ у поля, положить у креста, то заплатитъ судьямъ пошлину по списку, а полевыхъ пошлинъ платить не обязанъ. Если отвѣтчикъ противъ свидѣтеля будетъ старъ и малъ, или чѣмъ увѣченъ, или попь, или чернецъ, или мопанинъ, или женщина, то волю имъ выставитъ противъ свидѣтеля наемнаго бойца, свидѣтелю же нельзя нанять вмѣсто себя другого для битвы;

какіе правый или его свидѣтель потерпятъ убытки, всѣ они взыщутся на виноватомъ. Если послухъ не пойдетъ передъ судью, есть ли за нимъ рѣчи, итъ ли, во всякомъ случаѣ взять на немъ искъ, итъ убытки и всѣ пошлины, а съ праетчикомъ ему судъ. Если свидѣтель не показываетъ одинаково съ истцемъ, то послѣдній этимъ обвиняется. Если истцомъ или свидѣтелемъ будетъ женщина, или ребенокъ, или старикъ, или больной, или увѣчный, или попь, или чернецъ, или монахиня, то волю имъ нанять за себя бойца: они присягнутъ, а наемникъ будетъ биться; противъ этихъ наемниковъ отвѣтчикъ также можетъ выставитъ наемнаго бойца, если самъ не захочетъ биться. Если чужеземецъ ищетъ на чужеземцѣ, то полагается на волю отвѣтчика: хочетъ, отцѣлуетъ (дать присягу), что не виноватъ, или у креста положить то, чего на немъ ищуть, а истецъ, поцѣловавши крестъ, возьметъ.

О займахъ определено: Если купецъ, идучи на торговлю, возьметъ у кого-нибудь деньги или товаръ, и на дорогѣ этотъ товаръ или деньги изгнубить безъ его вины—потонуть, сгорять, или рать возьметъ, то, послѣ обыска, должникъ платитъ заимодавцу только то, что взято, безъ росту. Если же, взявши для торговли, онъ прощеть или какъ-нибудь иначе погубитъ взятое по своей волѣ, то выдается истцу головою на продажу.—Относительно наслѣдства положено: если человѣкъ умретъ безъ духовной грамоты, и не будетъ у него сына, то все имущество и земли идутъ дочери; а не будетъ у него дочери,—то взять ближнему отъ его рода. Наконецъ въ Судебникѣ нѣсколько статей посвящено определению судныхъ пошлинъ: брать боярину и дьяку въ судѣ, отъ рублеваго дѣла на виноватомъ—боярину два алтына, а дьяку восемь денегъ; а будетъ дѣло выше рубля или ниже, то боярину брать по тому же разсчету, и проч.

Что касается формы Судебника, то онъ составленъ безъ всякаго порядка, изъ статей, въ разныя времена написанныхъ; нѣкоторыя статьи встрѣчаются по два раза, причемъ одна страница другой; въ статьѣ о посулахъ и послушствѣ говорится: „Велѣтъ прокликать по торгамъ, въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ Московской и Новгородской Земли“;—не прибавлено: „Тверской“, и это можетъ вести къ заключенію, что статья издана до покоренія Твери. Если сравнимъ Судебникъ съ Русскою Правдою, то найдемъ важное различіе: мѣсть, самоуправство не допускается; истецъ вознаграждается изъ имущества преступника; но когда этого имущества не окажется, то правительство не отказывается отъ своего права казнить преступника. Важно въ Судебникѣ определеніе, кому и какъ судить; важно постановленіе о наслѣдствѣ, признаніе права на наслѣдство дочерей и рода безъ различія состояній.

Кромѣ Судебника, отъ времени Іоанна III дошелъ до насъ еще любопытный юридическій памятникъ—Уставная Вязовская грамота; здѣсь, между прочимъ, встрѣчаемъ слѣдующія определенія: По-

личное то, что вынуть изъ клѣтки, изъ-за замка; а найдутъ гдѣ на дворѣ, или въ пустой хороми-нѣ, а не за замкомъ, то не поличное. У кого что-нибудь признаютъ воровское, и тотъ сведеть съ себя свода хотя бы до десятаго свода и до бѣглаго вора,—намѣстники не берутъ ничего. Само-судъ—то, кто поймаетъ вора съ поличнымъ, да отпуститъ его прочь, не объявляя намѣстникамъ и тиунамъ ихъ, и будетъ въ томъ уличенъ. Случится гдѣ душегубство, въ городѣ, или въ стану, или въ волости, и душегубецъ не сыщется, то жители города, стана или волости платятъ вины четыре рубля. Намѣстникамъ и тиунамъ безъ сотскихъ и безъ добрыхъ людей не судить суда. Тиунамъ и намѣстничьимъ людямъ на пирь и на братчину незванымъ не ходить; а кто придетъ незванный, того можно выслать вонъ; а кто станетъ ить силою, и приключится какой-нибудь вредъ, тотъ долженъ платить безъ суда, а отъ великаго князя будетъ въ наказаніи.

Судебникъ короля Казимира, данный Литвѣ въ 1468 году, доставляетъ намъ возможность сравнить юридическія понятія въ Западной и Восточной Руси. По Судебнику Казимирову, если приведутъ вора съ поличнымъ, и онъ будетъ въ состояніи заплатить истцу, то пусть платитъ; если же не будетъ въ состояніи заплатить, а жена его со взрослыми дѣтьми знали о воровствѣ, то платитъ женою и дѣтьми, самого же вора на висѣлицу; если же дѣти его будутъ малолѣтнія, ниже семи лѣтъ, то они не отвѣчаютъ; если жена и взрослыя дѣти вора захотятъ выкупиться, или господинъ захочетъ ихъ выкупить, то могутъ выкупаться. Если воръ не приносилъ покражу домой, и жена съ дѣтьми ею не пользовались, то одинъ злодѣй теритъ, а жена, дѣти и домъ ихъ не виноваты, вознагражденіе истцу платится изъ имущества вора, а женино имѣніе остается неприкосновеннымъ. Если преступленіе будетъ совершено крѣпостнымъ человѣкомъ, а господинъ зналъ о немъ или принималъ участіе, то и господинъ отвѣчаетъ паравнѣ съ преступникомъ. Кто будетъ держать у себя постояльца тайно, не объявивши сосѣдямъ, и случится у кого-нибудь изъ нихъ пропажа, то онъ обязанъ поставить своего постояльца къ тремъ срокамъ, если же къ послѣднему сроку не поставитъ, то долженъ заплатить за покраденое, а постояльца пусть ищетъ, и нашедши пусть проводить на судъ: то ужъ заплачено. Кто украдетъ выше полкопы денегъ или корову, того повѣситъ. Кто украдетъ въ первый разъ меньше полтины, пусть оплачивается; если же больше полтины, то повѣситъ; за покражу копя, хотя бы и въ первый разъ, повѣситъ. Если кто найдетъ лошадь блудящую, или какія-нибудь другія вещи потеряныя, долженъ объявить околлицѣ; не найдется хозяинъ въ три дня, то нашедшій беретъ себѣ найденное; если же нашедшій утаитъ найденное, то считается вормъ; если кто будетъ людей выводить или челядь невольную и поймаетъ его съ поличнымъ, то на ви-

сѣлицу. Если вора стануть пытать, а онъ знаетъ средство противъ боли (а зелье знаа), то повѣситъ чародѣя, хотя бы и не признался съ пытки, если будутъ добрыя на него свидѣтели, если будетъ известно, что онъ прежде краля и бывалъ на пыткѣ. Если тотъ, кому выдадутъ вора, не захочетъ его казнить, а захочетъ взять съ него деньги и отпустить, либо къ себѣ въ неволю взять, то лишается своего права; правительство казнить преступника, потому что злодѣю нельзя оказывать милости. — Несмотря на сходство постановленій въ обоихъ Судебникахъ, видимъ и различіе; особенно важно постановление Литовскаго Судебника о семействѣ преступника, если оно не участвовало въ преступленіи; этой статьи нѣтъ въ Московскомъ Судебникѣ. Въ уставной грамотѣ великаго князя Александра кievскимъ мѣщанамъ встрѣчаемъ положеніе, которое, съ разными ограниченіями, мы видѣли уже въ Русской Правдѣ: „Холопу и рабѣ не вѣрять и въ свидѣтели ихъ не принимать; съ невольнымъ человѣкомъ суда нѣтъ“. Дошло до насъ отъ описываемаго времени также нѣсколько распоряженій великаго князя Литовскаго относительно наследства: въ 1495 г. дочери Мстиславскаго князя Ивана Юрьевича били челомъ великому князю Александру объ отчинѣ своей, и получили такой отвѣтъ: пусть ѣдутъ въ Мстиславль и владѣютъ всею отчиною своею, всѣми землями, которыми владѣлъ дѣдъ и отецъ ихъ, исключая тѣхъ имуществъ и людей, которыхъ король Казимиръ придалъ имъ,—эту придану Александръ беретъ себѣ; княжны пусть живутъ на отчинѣ своей до тѣхъ поръ, пока Богъ дастъ имъ женховъ, княжатъ, которые были бы имъ равны; тогда великій князь объ нихъ позаботится. Въ другомъ актѣ относительно Мстиславля говорится, что эта волость по смерти жены послѣдняго князя Ивана перешла къ великому князю, который отдалъ ее князю Жославскому (Ижеславскому, Изяславскому), женившемуся на дочери послѣдняго Мстиславскаго князя, княжнѣ Ульянѣ. Видимъ распоряженія, по которымъ дочь вводилась во владѣніе отцовскимъ имуществомъ, пріобрѣтеннымъ чрезъ пожалованье великокняжеское. Относительно наследства жень послѣ мужа встрѣчаемъ такое распоряженіе: князь Мосальскій просилъ у великаго князя Александра имѣнія въ Смоленскомъ повѣтѣ, говоря, что владѣлецъ этого имѣнія, Протасевъ, умеръ, наследниковъ не оставилъ, оставилъ только жену; великій князь далъ просителю имѣніе съ тѣмъ, чтобъ онъ держалъ въ немъ вдову Протасева въ чести, не обижалъ ничѣмъ да самой ея смерти. По уставной грамотѣ, данной жителямъ Вельской области въ 1501 году, жена, по смерти мужа, оставляется въ покоѣ годъ и недѣлю; потомъ, взявши вѣно, которое получила она отъ мужа, а еслибъ этого вѣна не было, то взявши свое вѣно или приданое, съ которымъ выдана была замужъ, вдова возвращается къ родичамъ своимъ, если имѣетъ ихъ, братьевъ или сестеръ, и должна возвратитъ вѣно родичамъ, которыми была выдана

замужъ; если же не захочетъ возвратитъ, то терять право на слѣдующую ей долю отцовскаго имущества, но не материнскаго. Что касается наслѣдства послѣ измѣнниковъ, то по случаю спора между князьями Вѣльскими о наслѣдствѣ князя Федора, бѣжавшаго въ Москву, было утверждено: если кто-нибудь побѣжитъ отъ господаря, челомя не ударивши, то имущество его нейдетъ къ родственникамъ, но на господаря ¹⁾.

Относительно права народнаго княженіе Іоанна III очень важно для насъ, во первыхъ потому, что при немъ начались дипломатическія сношенія съ такими государствами, съ которыми прежде сношеній не было; во вторыхъ, потому, что, начиная съ его времени, дипломатическія сношенія дошли до насъ во всѣхъ подробностяхъ записанныя. Что касается образа веденія войны, то онъ при Іоаннѣ III несколько не измѣнился противъ прежняго; видимъ ту же жестокость и во вѣнскихъ и въ междоусобныхъ войнахъ; при описаніи войны Новгородской читаемъ, что полки пошли къ Новгороду разными дорогами, плѣнили, жгли; взятымъ въ битвѣ плѣнникамъ рѣзали носы и губы; въ походѣ на Землю Черемисскую русскіе полки причинили ей много вреда, людей перебили, другихъ въ плѣнъ взяли, иныхъ сожгли, скотъ, котораго нельзя было взять съ собою, перебили; обычай браниться передъ битвами продолжался, что видимъ изъ описанія Шелонскаго боя. Одному религіозному требованію дѣлались уступки: такъ, великій князь во время Новгородской войны не велѣлъ союзнымъ Татарамъ брать въ плѣнъ людей-христіанъ. Касательно мирныхъ сношеній съ государствами, прежде всего замѣчаемъ въ нихъ различіе, происшедшее отъ различныхъ степеней важности этихъ государствъ для Москвы. Самый большой почетъ въ формахъ дипломатическихъ сношеній, даже въ ущербъ двору Московскому, какъ мы видѣли, оказывался хану Крымскому; здѣсь дѣйствовало, кромѣ сознанія пользы крымскаго союза, еще преданіе о прежнихъ недавнихъ отношеніяхъ къ татарскимъ ханамъ; преданіе это было такъ сильно, что вело къ странности: не требуя равенства въ сношеніяхъ съ Менгли-Гиреемъ, Московскій дворъ требовалъ полнаго равенства въ сношеніяхъ съ султаномъ Турецкимъ, котораго Менгли-Гирей былъ подручникомъ. Большимъ почетомъ пользовались въ Москвѣ послы императора Германскаго, но съ соблюденіемъ равенства; почетъ оказывался имъ на томъ основаніи, что и нашимъ посламъ при дворѣ Австрійскомъ оказывались большія почести. При жизни Казимира Литовскаго, въ сношеніяхъ его съ Іоанномъ видимъ равенство, которое нарушается послѣ его смерти и нарушается въ пользу Москвы; такъ, для заключенія мира знатные послы литовскіе пріѣзжаютъ въ Москву, что дѣлается уже примѣромъ для бу-

дшаго времени и правомъ Московскаго двора. Касательно же другихъ сосѣднихъ державъ, Швеція и Ливонія, Іоаннъ не допускалъ даже непосредственныхъ сношеній, требовалъ, чтобы эти державы сносились съ его намѣстниками; въ сношеніяхъ съ ливонскими Нѣмцами Іоаннъ писался царемъ, а отъ нихъ писалось ему челобитье.

Іоаннъ III высказалъ такое понятіе о послѣ: „Всякій посолъ рѣчи говорить и лицо носить государя своего“. Вслѣдствіе этого требовалъ также, чтобъ у пословъ и людей посольскихъ не смотрѣли ихъ вещей, не брали съ нихъ тамги и никакихъ другихъ пошлинъ. Но относительно обращенія другихъ государей съ послами державъ, ему враждебныхъ, Іоаннъ обнаруживалъ иногда другого рода желанія; въ случаѣ, еслибъ Крымскій ханъ спросилъ московскаго посла: „Посолъ королевскій сидитъ у меня въ заточеніи, и князь великій что мнѣ приказалъ объ немъ?“ — то московскій посолъ долженъ былъ отвѣчать хану по наказу своего государя: „Король какъ тебѣ недругъ, такъ и моему государю недругъ; такъ чѣмъ недругу до саднѣе, тѣмъ лучше“. Имѣя такое высокое понятіе о послѣ, какъ носящемъ лицо государя своего, Іоаннъ долженъ былъ заботиться не только о томъ, чтобъ его послу оказывалась достойная честь, но также и о томъ, чтобъ самъ посолъ, поведеніемъ своимъ, не унижилъ достоинства государя своего; такъ, въ наказѣ посламъ, отправленнымъ въ Литву, окольничему Петру Михайловичу, сокольничему Михаилу Степановичу и дьяку Губѣ, читаемъ: „Вы бы, Константинъ, Михайло и Губа, Петра чтили во всемъ, а ты бы, Петръ, ихъ береги, да также чтить бы во всемъ, а розни между вами не было бы ни въ чемъ, чтобы вы своею рознью мнѣ безчестія не нанесли, а дѣлу моему порухи не было бы. А какъ будете у короля за столомъ, и послѣ стола пришетъ за вами король, чтобъ вы шли вмѣстѣ пить, то вы идите всѣ къ Петру, да чтобъ между вами все было гладко, и пили бы вы бережно, не доньяна; гдѣ ни случится вамъ пить, вы бы себя берегли, пили бы бережно, чтобъ нашимъ небреженіемъ нашему имени безчестія не было: вѣдь что сдѣлаете неприячное, то намъ безчестье, и вамъ безчестье же; такъ вы бы во всемъ себя берегли. Да что посланы съ вами дѣти боярскія — Орловъ съ товарищами, то на давкѣ отъ Губы садился бы Орловъ, а противъ него на скамьѣ Рахманнигъ-Тилилигъ, а другихъ дѣтямъ боярскимъ скажите, чтобъ между ними мѣстъ не было, садлись бы, и къ рукѣ и къ чашѣ ходили всѣ попеременно, чтобъ между ними объ этомъ споровъ не было; а кто не послушается, на того вы прикричите, да и ударьте“.

Когда одна изъ воюющихъ державъ обнаруживала желаніе кончить войну, то требовала пропускныхъ, или опасныхъ грамотъ для пословъ своихъ; выдачу этихъ грамотъ Іоаннъ не хотѣлъ однако считать знакомъ прекращенія военныхъ дѣйствій;

¹⁾ Никон. VI, 51; П. С. Р. Л. VI, 23, 236, 238, 239, 279; Акты арх. эксп. I, № 92, 115, 123; Акты истор. I, № 105; Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи, I, № 169, 126, 131, 176, 181, 189.

такъ онъ писалъ сыну своему Димитрію, осаждавшему Смоленскъ: „Посылаю тебѣ опасную грамоту на имя великаго князя Александра, для его словъ; отдай ее епископскому человѣку, за ней прѣхавшему; но постарайся, чтобъ онъ не заѣзжалъ въ Смоленскъ и не объявлялъ бы городничему, что опасная грамота дана; и вы дѣла не откладывайте, Смоленскъ доставайте, наше и земское дѣло дѣлайте, какъ васъ Богъ вразумитъ и какъ вамъ поможетъ“.

Услыхавъ о приближеніи посла, посылали пристава встрѣчать его на границѣ и во все продолженіе пути давать ему кормъ съ медомъ и виномъ; Максимилианову послу Снупсу велѣно было давать въ Новгородѣ на день по курицѣ, по двѣ части говядины, по двѣ части свинины, по два калача полуденежныхъ, а соли, засны, сметаны, масла, меду и вина—сколько понадобится. Потомъ другой приставъ встрѣчалъ посла въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Москвы; въ день представленія сановники встрѣчали его внизу лѣстницы и передъ палатными дверями. Вошедши въ приемную палату, посоль правилъ поклонъ великому князю отъ своего государя; великій князь, вставши, спрашивалъ о здоровьи послѣдняго, давалъ руку послу и приказывалъ ему садиться на скамью противъ себя. Посидѣвши немного, посоль вставалъ и подавалъ вѣрящую грамоту, а послѣ грамоты представлялъ поминки, или дары. Приемъ происходилъ въ присутствіи сыновей великокняжескихъ и всѣхъ бояръ; первымъ посоль также правилъ поклоны (хотя не всегда), они давали ему руки и спрашивали о здоровьи. Въ тотъ же день посоль обѣдалъ у государя, а послѣ обѣда великій князь посылалъ къ нему на подворье потчивать виномъ и медомъ, или, какъ обыкновенно выражалось, посылалъ поить посла. Мы видѣли, какъ Іоаннъ III наказывалъ своимъ посламъ, чтобъ они при этомъ потчивались не напивались допьяна: но послы, прѣѣзжавшіе въ Москву изъ другихъ государствъ, какъ видно, не получали подобныхъ наказовъ: литовскій посоль Станиславъ Глѣбовичъ, напившись пьянъ, вздумалъ говорить, присланному потчивать его, князю Ноздреватому о дѣли своего посольства, о сватовствѣ своего государя на дочери великаго князя и т. д. О венгерскомъ послѣ говорится: „Былъ у великаго князя, а послѣ стога князь великій посылалъ поить его; посоль въ ту ночь пьяный расшибся и не могъ быть на другой день съ королевскими рѣчами“. На отпускѣ посла великій князь послѣ отвѣта, кавшагося дѣли посольства, приказывалъ съ посоль поклонъ къ его государю и благодарность за подарки. Желая оказать особенную благосклонность Максимилианову послу Юрію Делатору, великій князь на отпускѣ сдѣлалъ его золотоносцемъ, далъ ему пѣши золотую съ крестомъ, шубу атласную съ золотомъ на горностахъ, да остроги (шпоры) серебряныя, вызолоченныя. При отправленіи русскихъ пословъ въ чужія государства до границы давались имъ подводны отъ яма до яма, на на-

емъ подводъ за границу выдавались деньги; въ *подорожной грамотѣ* Юрію Траханіоту и Василію Кулешину, отправлявшимся въ послахъ къ Максимилиану, говорилось, чтобъ вездѣ давалось каждому изъ нихъ по тринадцати подводъ, корму давалось бы каждому на всякой станціи—туша баранья, а овчина назадъ, три курицы, хлѣбъ. Значительные люди, кромѣ Крыма, отправлялись послами только въ важныхъ случаяхъ, напримѣръ для подтвержденія мирнаго договора; обыкновенный наказъ посламъ состоялъ въ томъ, чтобъ они какъ можно болѣе узпали о состояніи и объ отношеніяхъ государства, въ которое посылались, и какъ можно менѣ сказали о своемъ государствѣ.

Главнѣйшею дѣлю прѣзда иностранныхъ пословъ было заключеніе мира, перемирія, союза. Обрядъ заключенія перемирія между Іоанномъ и Александромъ Литовскимъ описывается такъ: по написаніи двухъ грамотъ съ обѣихъ сторонъ и привѣщеніи къ нимъ печатей, бояре отнесли литовскую грамоту къ великому князю, который, осмотрѣвши посольскія печати у нея, велѣлъ посламъ быть у себя; когда послы пришли, то онъ велѣлъ имъ сѣсть, и послалъ за крестомъ; крестъ принесли на блюдѣ съ пеленою. Тогда великій князь всталъ, велѣлъ одному изъ бояръ держать крестъ и, въ то же время, приказалъ читать перемирныя грамоты. Когда грамоты прочли и положили подъ крестъ, Іоаннъ, обратясь къ посламъ, сказалъ: „Паны! мы съ братомъ своимъ и зятемъ Александромъ, королемъ и великимъ княземъ, заключили перемирие на шесть лѣтъ, и грамоты перемирныя написали, и печати свои къ своей грамотѣ привѣсили, а вы къ королевскому слову, къ той грамотѣ, которой у насъ бытъ, печати свои привѣсили. Мы на этихъ грамотахъ крестъ дѣлуемъ, что хотимъ править такъ, какъ въ грамотахъ писано. А вы на этихъ грамотахъ дѣлуйте крестъ, что какъ будутъ у нашего брата наши бояре, то братъ нашъ и зять къ своей грамотѣ печать свою привѣситъ, и крестъ поцѣлуетъ предъ нашими боярами, отдастъ имъ перемирную грамоту, и будетъ править по ней; а не станетъ намъ править, то Богъ насъ съ нимъ разсудитъ“. Великій князь и послы поцѣловали крестъ.—Въ перемирныхъ грамотахъ выговаривалось, что если по истеченіи урочныхъ лѣтъ начнется опять война, то во время разрыва не захватывать пословъ и купцовъ, которые случатся тогда въ начинающихъ войну государствахъ; въ перемирныхъ же грамотахъ Новгородцевъ и Псковичей съ Ливонією по-прежнему полагается условіе, чтобъ начинать военныя дѣйствія не ранѣ четырехъ недѣль послѣ объявленія войны. О плѣнныхъ высказывалось требованіе съ литовской стороны, чтобъ послѣ заключенія мира освободить ихъ со всѣмъ взятымъ у нихъ имуществомъ; когда венгерскій посоль ходатайствовалъ, чтобъ литовскимъ плѣнникамъ возвратили свободу, обязавши ихъ присягою или порукою, то Іоаннъ велѣлъ отвѣчать ему: „Въ нашихъ земляхъ нѣтъ обычая отпускать

плѣнниковъ на присягѣ или на порукѣ, а нужды имъ нѣтъ никакой,—всего довольно, ѣды, питья и платья“.

Предметомъ дипломатическихъ сношеній между государствами послѣ заключенія мира были преимущественно, какъ мы видѣли, непріязненные столкновенія порубежныхъ жителей и притѣсненія торговыхъ людей. Въ договорахъ Новгородцевъ и Псковичей съ ливонскими Нѣмцами различается вольное и невольное нарушеніе границъ: „Между Псковомъ и Юрьевымъ земли и воды по старымъ рубежъ; въ Великомъ озерѣ ловить Псковичамъ къ своему берегу, а за озеро Великое, на юрьевскую сторону, имъ не ѣздить на рыболовство; если же вѣтромъ занесетъ псковскаго ловца на юрьевскую сторону, то въ томъ пени нѣтъ; также если вѣтеръ занесетъ нѣмецкаго ловца на псковскую сторону, а кто станетъ наступать на чужую землю или воду, того казнить смертію съ обѣихъ сторонъ“. Въ тѣхъ же договорахъ постановлялось: если на порубежьи съ которой-нибудь стороны случится воровство, уводъ людей, грабежъ, убійство, то обиженная сторона посылаетъ три раза требовать управы, и если послѣ этого управы не будетъ, то обиженная сторона можетъ сама управиться (взять за свое на рубежѣ), и это не служитъ поводомъ къ разрыву, послѣ купца и купца за это пельзя держать. — Можно сказать, что заключеніе мира не имѣло никакого вліянія на порубежныхъ жителей, которые находились въ постоянной войнѣ съ сосѣдями; поэтому порубежныя обидныя дѣла, какъ тогда выражались, составляли предметъ постоянныхъ пересылокъ между государствами, пересылокъ, почти никогда однако не достигавшихъ цѣли. Псковичи, Новгородцы и Нѣмцы ливонскіе, какъ мы видѣли, прямо допускали самоуправство въ этомъ случаѣ; между Литовскими и Московскими правительствами видимъ постоянныя жалобы на порубежныя обиды и постоянныя требованія съѣздовъ для учиненія исправы; въ 1496 г. посоль Александръ Литовскаго говорилъ Иоанну: „Напоминаемъ тебѣ, чтобы возвратили намъ и слугамъ нашимъ земли, воды и людей нашихъ, которые забраны; а для другихъ дѣлъ обидныхъ, для покражъ, разбоевъ, грабежей, наѣздовъ и для исправленія старыхъ границъ,—вышли немедленно своихъ бояръ, а мы къ нимъ своихъ пановъ вышлемъ,—пусть они всѣмъ обиднымъ дѣламъ управу учинятъ“. Новгородскіе намѣстники, заключая перемиріе съ Ливонскимъ магистромъ въ 1481 году, выговорили съѣздъ для управы обидныхъ дѣлъ; на этомъ съѣздѣ съ обѣихъ сторонъ должны были быть честные люди; если не успѣютъ рѣшить всѣхъ дѣлъ на одномъ съѣздѣ, то назначить другой; если не успѣютъ на второмъ, то назначить третій; и всѣмъ тремъ съѣздамъ быть въ продолженіи двухъ лѣтъ; а не управятся на третьемъ съѣздѣ, то перемиріе не въ перемиріе. — Постоянно въ договоры вносилось условіе, что купцамъ путь чистый, могутъ торговать въ розницу и

оптомъ, исключая нѣкоторыхъ запрещенныхъ товаровъ, обозначенныхъ въ договорѣ; и постоянно это условіе подвергалось нарушеніямъ; вносилось также въ договоры, что купцовъ не захватывать при началѣ войны, по и это условіе не исполнялось; жалуясь на его неисполненіе съ литовской стороны, Иоаннъ говоритъ: „Наши люди торговые Московской Земли, Новгородской, Псковской, Тверской, зашли въ Литовскую Землю, и тамъ ихъ схватили, товары отняли; но этого нигдѣ не водится, что купцовъ захватывать; хотя и полки ходятъ, а купцу путь не затворенъ,—купецъ идетъ на обѣ стороны безъ всякихъ зацѣпокъ“.

Предметомъ посольствъ бывало также извѣщеніе о вступленіи новаго государя на престолъ; видимъ также предметомъ посольствъ ходатайство государей за другія государства: такъ Литовскіе государи ходатайствовали у Московскаго за воеводу Молдавскаго, за Швецію, за Нѣмцевъ. Ходатайство за православныхъ единовѣрцевъ, покровительство православнымъ подданнымъ чуждыхъ государствъ Иоаннъ, какъ мы видѣли, считалъ постоянно своимъ правомъ; вторая Литовская война началась за притѣсненія православныхъ; Александръ Литовскій признаетъ это право, ибо оправдывается, увѣряетъ, что онъ и не думалъ притѣснять православныхъ своихъ подданныхъ. Выставляя собственное право покровительствовать единовѣрцамъ, Иоаннъ не допускаетъ папскаго вмѣшательства въ дѣла, касающіяся православія въ Литвѣ, не хочетъ слышать о сношеніяхъ съ папою по церковнымъ дѣламъ; въ договоры съ Ливонскимъ Орденомъ вносилось условіе:—не обижать русскихъ церквей въ Ливоніи. Наконецъ, замѣчаемъ, что въ сношеніяхъ съ христіанскими державами защита христіанства отъ невѣрныхъ обыкновенно выставляется какъ общій, высшій интересъ.

Въ дипломатическихъ сношеніяхъ Московскаго двора съ Литовскими мы видѣли любопытное явленіе, именно—сношенія пановъ литовскихъ съ боярами московскими. Касательно языка грамотъ должно замѣтить, что въ сношеніяхъ съ Литовскимъ дворомъ онѣ писались по-русски, въ Москвѣ—на московскомъ нарѣчій, въ Литвѣ—на бѣлорусскомъ; въ сношеніяхъ съ другими европейскими государствами грамоты писались по-латыни: когда венгерскому послу дали отвѣтныя списки, то онъ просилъ перевести ихъ на латинскій языкъ, и, по приказу великаго князя, московскіе толмачи латинскіе перевели ихъ вмѣстѣ съ писаремъ венгерскаго посольства. Отправляя пословъ къ Максимилиану, великій князь далъ имъ такой наказъ: „Просить ихъ грамоты докончальной по великокняжескому списку слово въ слово, и говорить королю, чтобы велѣлъ писать грамоту русскимъ письмомъ, нѣтъ ли у него писца Серба или Словенина; а не будетъ у него такого писца, который бы могъ писать по-русски, то писать по-латыни или по-нѣмецки“¹⁾.

¹⁾ Москов. Арх. Мил. Ин. Дѣл., дѣла Польскія № 1, Крымскія, № 1 и 2; Након. VI, 26, 30; П. С. Р. Л.

Относительно состоянія общественной нравственности новорожденное государство должно было еще много терпѣть отъ остатковъ прежняго беззаконія. Намѣстники и волостели продолжали смотрѣть на отправление своихъ должностей, на отправленіе правосудія исключительно какъ на средство кормиться, быть сытыми, и не считали неприличнымъ высказывать такой взглядъ прямо въ просьбахъ своихъ великому князю: такъ, бояринъ Яковъ Захаревичъ, назначенный въ Кострому намѣстникомъ вмѣстѣ съ литовскимъ выходцемъ, паномъ Иваномъ Судимонтомъ, билъ челомъ великому князю, что имъ обоимъ на Костромѣ сытими быть не съ-чего. Послѣ этого неудивительно читать въ лѣтописи, что Беклемишевъ, Алексинскій воевода, запросилъ у городекихъ жителей посула, и когда они дали ему пять рублей, то онъ запросилъ еще шестаго для жены своей. Видимъ жестокость казней—сожженіе, отрѣзаніе языка, кнутъ—для людей всѣхъ сословій; но видимъ въ то же время и преступленія, объясняющія подобныя казни: подложная грамота была составлена въ 1488 году архимандритомъ и княземъ; видимъ, что и въ другихъ странахъ наказанія не были мягче; по Магдебургскому праву, данному западно-русскимъ городамъ, употреблялись отсѣченіе головы, посаженіе на колъ, потопленіе. Разбойники въ Тверской Землѣ были двоихъ псковскихъ голицовъ, ѣхавшихъ въ Москву, вмѣстѣ со всѣми провожатыми, и побросали въ рѣку; въ какихъ размѣрахъ производились разбои и кѣвъ,—видно также изъ слѣдующаго извѣстія Псковской лѣтописи подъ 1476 годомъ: собрались новгородскіе боярскіе ключники и ударились ночью разбоемъ со всею ратною приправою на Псковскую волость Гостятину. Одно духовное завѣщаніе, дошедшее до насъ отъ описываемаго времени, начинается такъ: „Се язъ рабъ Вожій Панкраць Чепѣй пишу сію грамоту душевную въ концѣ живота; а билъ мя Михайла Скобелцинь большой, съ своими людьми съ Куземкою да и съ Иванкомъ съ Щокотомъ, да брата его челоувѣкъ Михайловъ Меньшево Дмитрокъ Зуй, а билъ мя у своего села, а пойтъ ми съ ихъ рукъ“. Въ житіи Св. Антонія Сійскаго читаемъ, что однажды пришелъ на Двину изъ Новгорода сборщикъ архіепископской дани, и, думая, что у Антонія много богатства, насалъ на его монастырь разбойниковъ. Противъ остатковъ зычскихихъ обычаевъ и соединенной съ ними нравственной порчи вооружился Елеазарова монастыря игумень Памфилъ въ своемъ посланіи къ Псковскимъ властямъ: „Есть еще остатокъ неприязи въ этомъ городѣ, и не прекратилась еще здѣсь леть идольская, празднованіе кумирское: когда приходитъ великій праздникъ Рождества Предтечева, тогда въ эту святую ночь мало не весь городъ взматется и възбѣится:

стучать бубны, голосять сопѣли, гудуть струны, жены и дѣвы плещуть, пляшуть и поютъ скверныя пѣсни; тутъ мужамъ и юношамъ великое прельщеніе и паденіе, женамъ оскорбленіе, дѣвамъ растлѣніе. Тогда же выходятъ мужчины и женщины, чаровники и чаровницы, бродятъ по лугамъ, болотамъ и дубравамъ, пшутъ смертной травы, чревоотравнаго зелья на пагубу людямъ и скоту, копаютъ коренья на безуміе мужамъ“. Мы видѣли, что бабы-чаровницы имѣли доступъ и ко двору великокняжескому. Страсть къ крѣпкимъ напиткамъ продолжала господствовать; обѣды сопровождались питьемъ, причемъ не соблюдалось умѣренности: въ лѣтописи находимъ выраженіе—о бѣдать и пить, гдѣ эти два слова необходимо связаны ¹⁾. Неумѣренность въ пирушкахъ не сдерживалась присутствіемъ женщинъ, съ которыми вообще обходились не очень благосклонно ²⁾. Въ житіи Св. Александра Свирскаго встрѣчаемъ извѣстіе, что если женщина рождала однихъ только дочерей, то подвергалась поношенію и оскорбленію отъ постороннихъ людей. Одинъ изъ костромскихъ намѣстниковъ, бояринъ Яковъ Захаревичъ, жаловался, что когда его жена Арина пришла напередъ въ церковь къ Пречистой, то другой намѣстникъ Судимонтъ взялъ ее за накапку, свелъ съ мѣста, и поставилъ свою жену Аксинью. Великій князь, выговаривая Судимонту за этогъ поступокъ, пишетъ: „Это ты дѣлаешь по литовскому обычаю“. Изъ этого видно, что у народовъ, съ которыми жители Московскаго государства находились въ самыхъ частыхъ сношеніяхъ, нечего было перенимать хорошаго: мы уже имѣли случай замѣтить то же самое, говоря о поведеніи литовскаго и венгерскаго пословъ въ Москвѣ. Венеціанскій посоль Контарини пишетъ, что, отправившись изъ Житомира, онъ цѣлый день ѣхалъ большимъ лѣсомъ, крайне опаснымъ по причинѣ всякаго рода бродягъ, его наполнявшихъ; по его же свидѣтельству, жители Кіева обыкновенно проводили утро до трехъ часовъ въ занятіяхъ, а потомъ отправлялись въ шинки, гдѣ оставались вылотъ до самой ночи, и нерѣдко, напившись допьяна, заводили между собою драки.

Но общество, несмотря на неблагоприятныя обстоятельства для нравственности, оставалось обществомъ христіанскимъ, и потому подлѣ извѣстій, свидѣтельствующихъ о неудовлетворительномъ нравственномъ состояніи общества, находимъ извѣстія о подвигахъ лицъ, которые словомъ и дѣломъ противоборствовали нравственной порчѣ; находимъ из-

¹⁾ «Февраля 8 въѣхалъ К. В. на Москву утрѣ предъ обѣдею; а обѣдали и пилъ у матери». — Герберштейнъ: «In prandio plerumque adeo se potu ingurgitabat, ut somno opprimeretur: invitatis interim omnibus timore percussis, silentibusque». Контарини, стр. 110: «Москвитяне, какъ мужчины, такъ женщины, вообще красивы собою, но весьма грубы и невѣжественны. Главнѣйшій недостатокъ ихъ есть пьянство».

²⁾ Герберштейнъ: «Mulieribus porro usque ad eo infensus erat (M. D.) ut eius conspectu, si quae forte obviam sibi venissent, tantum non exanimarentur».

IV, 225; VI, 187, 192; Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи, I, № 192, 69, 154, 73, 74, 97, 134, 75, 88, 137, 112, 186, 105, 122, 143; Памятники дяшюхъ. снош. т. I, стр. 41, 106, 24, 48, 25, 26, 27, 30, 34, 69, 83, 84, 112, 113.

вѣстїа объ обычаяхъ, коренившихся на религиозномъ чувствѣ, на чувствѣ христіанскаго милосердія; такъ, читаемъ въ лѣтописи: одинъ человекъ въ городѣ Москвѣ ходилъ по обычаю къ селу Скудельничему, которое содержатъ граждане на погребеніе страннымъ: обычаемъ они имѣютъ ходить туда въ четвергъ седьмой недѣли (въ Семихъ), покупать канонъ, свѣчу и молиться объ умершихъ, закупаютъ старую яму, наполненную мертвецами, и выкапываютъ новую; всѣ тутъ копаютъ и засыпаютъ землею Бога ради, всѣ—граждане, мужчины и женщины. О Св. Данїилѣ Переяславскомъ говорится, что онъ, заслышавъ о мертвомъ тѣлѣ, отправлялся немедленно на мѣсто, гдѣ оно лежало, и несъ его въ Вожій домъ на погребеніе; мѣстомъ этимъ божedomскимъ владѣлъ тогда какой-то Изъядиновъ, который приставилъ къ скудельницамъ слугъ своихъ для сбора денегъ съ мертвыхъ тѣлъ; негодующіе Переяславцы прозвали этихъ приставовъ зацѣпьями. Любопытно, что жителямъ нѣкоторыхъ волостей въ описываемое время дается право не пускать скомороховъ играть у себя; напримѣръ: „Князья, воеводы, дѣти боярскія и всякіе ѣздоки въ тѣхъ селахъ не ставятся, кормовъ не берутъ, также и скоморохи въ тѣхъ селахъ не играютъ“. Слѣдовательно жители сель, не имѣвшіе этихъ льготъ, обязаны были позволять скоморохамъ играть у себя; мы не можемъ понять этихъ правъ и обязанностей, не предполагивши какого-нибудь финансоваго отношенія скомороховъ къ казнѣ.

Литература Іоаннова времени, какъ и литература времени предшествовавшихъ, состоитъ, во-первыхъ, изъ посланій духовныхъ лицъ къ великому князю, къ цѣлымъ городамъ, къ цѣлымъ сословіямъ; изъ этихъ посланій, разумѣется, первое мѣсто, по важности содержанія и по одушевленію, занимаетъ посланіе Вассіана на Угру. Ересь жидовская вызвала къ литературной дѣятельности Іосифа Волоцкаго, написавшаго противъ еретиковъ свой знаменитый Просвѣтитель. Это сочиненіе показываетъ въ авторѣ большую начитанность въ Св. Писаніи; въ примѣръ искусства его приведемъ доказательство таланту Св. Троицы изъ Ветхаго Завѣта, изъ книги Бытія: „Егда восхотѣ Богъ сотворити Адама, рече: сотворимъ человекъ по образу Нашему и по подобію. Почто не рече: сотворю, но сотворимъ? Того ради рече, яко не едино лице Божества есть, но трасостане, а же: по образу, а не по образамъ, едино существо являетъ Св. Троицы. Сотворимъ, рече, человекъ. Кому глаголетъ? не явственно ли есть, яко ко однородному Сыну и Слову Своему рече, и Св. Духу?—Еретицы же отвѣщаютъ: ни, но Самъ Себѣ Богъ рекъъ есть, а иному никому же тогда сущу. Но что убо сихъ глаголь безумнѣйши? Кій убо зодчій, или древодѣль, или усмарь, надъ сосудомъ или надъ коимъ зданіемъ сѣдя единъ и никому же ему помогающу, глаголетъ самъ къ себѣ: сотворимъ себѣ сосудъ, или сотворимъ себѣ орало, или утвердимъ усмы, а не паче ли молча

свое дѣло содѣлаетъ? Лжа бо есть сіе, а не истина; безумнаго человекъ се естъ обычай, а не мудраго. И пакы безудствуетъ Жидовинъ и глаголетъ: яко ангеламъ глаголетъ Богъ. Аще бы глаголатъ ко ангеламъ, то не бы писано было, яко сотвори Богъ человекъ по образу и по подобію Божию сотвори его; но быль бы убо человекъ по подобію и по образу ангельскому“ и проч.

Отъ Іосифа Волоцкаго дошли до насъ и другого рода сочиненія, какъ, напримѣръ, посланіе въ одному вельможѣ о милостивости рабовъ: „Слухъ до меня, господинь, дошелъ про твое благородство, будто велико твое милосердіе и нежалованіе къ рабамъ и сиротамъ домашнимъ, тѣснота, скудость въ тѣлесныхъ потребахъ, голодомъ таюгъ, наготою страждутъ; поэтому я грѣшный дерзнулъ тебѣ напомнить, помянувши твою вѣру къ Пречистой Богородицѣ, и къ намъ нищимъ великое жалованіе твое, и любовь о Христѣ. Хотя мнѣ и неприлично было бы писать къ тебѣ объ этомъ, потому что я самъ грѣшенъ, не прилично было бы мнѣ восхитить учительскій санъ, не имѣя ума и смысла очищеннаго; но да вѣдаетъ твое боглюбіе, что эти мысли не мои, а взяты отъ божественнаго писанія. Писаніе повелѣваетъ рабовъ, какъ братію, миловать, питать и одѣвать и о душахъ ихъ заботиться, научать на всякій добрый дѣла; если же рабы и сироты у тебя въ такой тѣснотѣ, то не только имъ добрыхъ дѣлъ дѣлать, но, умирая съ голоду, они не могутъ удержаться отъ злыхъ обычаевъ. Такъ ты, господинь, Бога ради побереги себя, потому что и малое небреженіе къ великимъ бѣдамъ приводитъ. Богъ на тебѣ свою милость показалъ и государь тебя великій князь пожаловалъ: такъ и тебѣ слѣдуетъ своихъ слугъ пожаловать, милость къ нимъ показать, пищею и одеждою удовлетворять и на благія дѣла наставить. Прости меня, господинь, что твое жалованье и любовь сдѣлали меня безстыднымъ и дерзкимъ; а написалъ я къ тебѣ какъ по слухамъ, такъ и потому, что самъ ихъ нужду видѣлъ“.

Отъ времени Іоанна III-го дошли до насъ лѣтописи, принадлежащія разнымъ составителямъ въ разныхъ мѣстахъ жившимъ. Въ разсказѣ о падеши Новгородѣ слышатся голоса различныхъ лѣтописцевъ; одинъ говоритъ: „Такъ великій князь укрѣпилъ Великій Новгородъ подъ властію московскою; написалъ бы я что нибудь и еще, но не могу отъ сильной кручины“. А другой оканчиваетъ свой разсказъ съ чувствомъ полного довольства и съ чувствомъ нерасположенія къ Новгородцамъ: „Вездѣ пособилъ Богъ и Пречистая Богородица государю нашему великому князю Ивану Васильевичу надъ новыми отступниками и надъ своими измѣнниками и надъ вѣчниками, надъ Новгородцами“. Современность лѣтописца ясно видна изъ такого, напримѣръ, извѣстія: „Того же лѣта, мѣсяца іюня въ 5 день, съ субботы на недѣлю въ 3 часъ ноши, преставися великаго князя дьякъ Василій Момырьевъ, и положенъ у Троицы въ Сер-

гивѣѣ монастырѣ, іюня въ 7, за церковью противъ Никонова гроба; а жилъ лѣтъ 60 безъ дву и полшестидесять день, а въ діачествѣ былъ 20 лѣтъ безъ осьми мѣсяцъ, а имянныи его апрѣля 12 Василія Парійскаго“. Внутренній признакъ современности лѣтописца виденъ въ сильномъ негодованіи его на малодушные совѣты Ощеры и Мамона во время Ахматова нашествія, какъ мы уже замѣтили въ своемъ мѣстѣ; разсказъ объ этомъ событіи лѣтописецъ оканчиваетъ такъ: „О храбрѣи, мужественнѣи сынове Русьскіи! потщитесь сохраните свое отечество, Русьскую Землю, отъ поганыхъ; не попадите своихъ головъ, да не узрять очи ваши плѣненія и грабленія Св. церквемъ и домоу вашимъ, и убіенія чадъ вашихъ, и поруганія женамъ и дщерею вашимъ. Якоже пострадаша инии велициіи славныя земли отъ Турковъ, еже Волгари глаголю и рекомѣи Греци, и Трапизонъ, и Аморія, и Арбанасы, и Хорваты, и Босна, и Макнушь, и Кафа, и инии мнозиіи земли, иже не сташа мужественни, и погибоша, и отчество свое изгубиша, и землю, и государство, и скитаются по чужимъ странамъ бѣдни воистинну и странни, и много плача и слезъ достойни, укоряеми и поношаеми, и оплеваемы, яко не мужественни; иже избгоша которые со имѣніемъ многимъ, и съ женами и съ дѣтьми, въ чужіе страны, вкупиѣ со златомъ души и тѣлеса свои изгубиша и ублажаютъ тѣхъ, иже тогда умершихъ, ниже скитатися по чужимъ странамъ яко бездомкомъ. Тако ми Бога видѣхъ своимъ очима грешныма великихъ государъ, избѣгшихъ отъ Турокъ со имѣніемъ и скитающихся яко странни и смерти у Бога просящихъ яко мздовозданія отъ таковыя бѣды; пошадѣи Господи насъ православныхъ христіанъ, молитвами Богородицы и всѣхъ Святыхъ, аминъ“. Последнія слова замѣчательны: лѣтописецъ говорить, что онъ самъ видѣлъ изгнанныхъ Турками владѣтельныхъ лицъ; этого не могъ сказать Москвичъ, видѣвшій въ своемъ городѣ изъ греческихъ изгнанниковъ одного Андрея Оомяча Палеолога, брата великаго княгини Софіи, во-первыхъ потому, что Андрей въ Москвѣ вовсе не находился въ такомъ положеніи, чтобъ просить смрти, какъ избавленія отъ бѣды; во-вторыхъ потому, что въ этомъ случаѣ лѣтописецъ не могъ придавать дѣлу такой важности, — Андрея въ Москвѣ всѣ видѣли, а не одинъ лѣтописецъ, которому всего приличнѣе было бы обратиться ко всѣмъ и сказать: „Вы всѣ видѣли изгнанника“. Слѣдовательно, должно предположить, что лѣтописецъ былъ за границею и гдѣ-нибудь, напримеръ въ Венгріи, видѣлъ изгнанныхъ Турками владѣтелей славянскихъ. — Любопытно, что сочинитель известной повѣсти о Дракулѣ, воеводѣ Волошскомъ, говорить, что, находившись въ Венгріи, въ городѣ Вудинѣ, видѣлъ тамъ Дракулиныхъ сыновей, которыхъ король Матвѣй привезъ туда. Сочинитель повѣсти о Дракулѣ не есть ли и составитель нашей лѣтописи? Такъ какъ въ Венгрію, къ королю Матвѣю былъ посланъ въ 1482 году знаменитый дьякъ Ѳеодоръ Курицынъ,

то Востоковъ думаетъ, что сочиненіе повѣсти о Дракулѣ можно приписать или самому Курицыну, или кому-нибудь изъ его спутниковъ. Повѣсть о Дракулѣ могъ написать и самъ Курицынъ, известный грамотѣй своего времени; но религиозное и православное обращеніе, встрѣчаемое въ лѣтописи, конечно нельзя приписать этому еписарху. У одного изъ лѣтописцевъ описываемаго времени встрѣчаемъ качество, какого прежде не замѣчали ни у кого изъ его собратіи, именно — насмѣшливость, проію: такъ, видимъ это въ извѣстіи о прощеніи князей ярославскихъ въ связи въ предыдущемъ извѣстіемъ; въ извѣстіяхъ о двукратномъ походѣ на Казань въ 1468—1469 годахъ; въ извѣстіи объ Алексинскомъ воеводѣ Беклемшевѣ.

Самое видное и удачное событіе въ княженіе Іоанна III, подчиненіе Новгорода, послужило предметомъ особеннаго сказанія: „Слова избрана отъ Св. Писанія, о правдѣ и о смиренномудріи, еже сотвори благочестія дѣлатель, благовѣрный великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси, ему же и похвала о благочестіи вѣры; даже и о гордости величавыхъ мужей Новгородскихъ, ихъ же смири Господь Богъ и покори ему подъ руку его, онъ же благочестивый смиловался о нихъ, Господа ради, и утѣши землю ихъ“. Въ этомъ заглавіи указаны содержаніе и форма сказанія. Известный уже намъ Сербъ Пахомій продолжалъ и при Іоаннѣ III-мъ служить русской церковной литературѣ: такъ, онъ написалъ два канона Св. митрополиту Іонѣ и слово объ обрѣтеніи мощей его. Знаменитому архіепископу Вассіану, автору посланія на Угру, принадлежитъ сочиненіе житія учителя его, Св. Пафнугія Боровскаго. Вопросъ о вдовыхъ священнослужителяхъ, такъ много занимавшій общество описываемаго времени, подалъ поводъ къ замѣчательному по своей силѣ сочиненію: „Написаніе вдовцаго попа, Георгія Скрипича, изъ Ростова града, о вдовствующихъ попѣхъ“; для образца приведемъ нѣсколько мѣстъ, прямо относящихся къ дѣлу: „Не оскорбляйте и не осуждайте священниковъ, кромѣ богословесныхъ винъ; тѣми писано осужати грѣси ихъ, а не собою и не своимъ разумомъ. Вы же, господа, осудили есте всѣхъ іереевъ и діаконъ, настоящихъ и будущихъ смертію женъ ихъ. Господь рече ко іудеемъ: не на лица зря осуждайте, но праведный судъ судите. А вы, господа, всѣхъ іереевъ и діаконъ безъ испытанія, на лица зря, осудили: который попъ имѣеть жену — чистъ; а не имѣеть жену — не чистъ. И вы, господа мои, которымъ прозрѣли духомъ чистыхъ и нечистыхъ? Чѣмъ испытали, попъ святъ съ женою или безъ жены, и чернецъ ли святъ или бѣлецъ? Почему вѣдати человека безъ свидѣтеля? Точію дѣла его объявятъ; единъ Богъ вѣдаетъ помышленія человека. Вы неблагословно вино раздоръ въ церкви священникомъ есте; чориснемъ-помомъ — достойно служить во градѣхъ и селѣхъ, а вдовцамъ чистымъ помомъ — недостойно служить и въ пустыняхъ, ниже во градѣхъ, а у котораго попа жена есть, — достойнъ слу-

жити, священъ убо женою. А что глаголете, господи мои: мы то сотворили, тѣхъ отлучили благочестія дѣла, очищая церковь;—ино, господа мои, разсудите, отъ кого то зло стало въ нашей Землѣ? Не отъ вашего ли нерадѣнія и небреженія, что злыхъ не казнили, не отлучали отъ священства? Благословно ни сами, ни священники избранными не дозираете священниковъ, а во грады и въ села не посылаете опытывати, какъ кто пасеть церковь Божию, назираете священниковъ бояры и дворецкими, педѣльщики, тѣны и доводчики, своихъ дѣла прибитковъ“. Въ исторіи просвѣщенія древней Руси разсмѣется не должно быть забыто имя книжника Никиты Поповича, который держалъ споръ съ легатомъ и заставилъ послѣдняго молчать, по извѣстію лѣтописца.

Наконецъ отъ описываемаго времени дошелъ до насъ любопытный памятникъ—„Путешествіе тверскаго купца Аванасія Никитина за три моря—Каспійское, Индѣйское и Черное“ Отправившись изъ Нижняго въ свитѣ ширванскаго посла, Никитинъ былъ ограбленъ астраханскими Татарами въ устьяхъ Волги, не захотѣлъ съ пустыми руками возвращаться въ Русь, гдѣ у него были долги, и рѣшился пробраться въ Индію съ дорогимъ жеребцомъ, котораго онъ надѣялся выгодно продать тамъ и, накупивши надобныхъ на Русь товаровъ, возвратиться въ отечество. Но онъ ошибся въ расчетѣ: „Нагнали мнѣ псы бусурманы, наговорили, что всякаго нашего товара тамъ много, а вышло, что нѣтъ ничего на нашу Землю, все товаръ бѣлый на бусурманскую Землю, перецъ да краски—это дешево, но за то поплины большія, да на морѣ разбойниковъ много“. Кромѣ обманутихъ надеждъ относительно торговыхъ выгодъ, Никитинъ подвергался большимъ опасностямъ: „Въ Чунерѣ ханъ взялъ у меня жеребца, и, узнавши, что я не бусурманинъ, а Русскій, сталъ говорить: „И жеребца отдамъ, и тысячу золотыхъ дамъ, стань только въ нашу вѣру магометанскую; а не станешь въ нашу вѣру, то и жеребца возьму, и тысячу золотыхъ на головѣ твоей возьму“,—и сроку далъ 4 дни, въ господники на Спасовъ день. Но Господь Богъ смывался на Свой честный праздникъ, не отнялъ отъ меня грѣшнаго Своей милости, не повелѣлъ погибнуть въ Чунерѣ съ нечестивыми; накануне Спасова дни пріѣхалъ Магометъ Хоросанецъ; я къ нему съ челобитьемъ, чтобы похлопоталъ обо мнѣ; онъ поѣхалъ къ хану и отпросилъ меня, чтобъ въ свою вѣру меня не обращали, и жеребца моего у хана взялъ. Таково Господне чудо на Спасовъ день! Братья Русскіе христіане! кто хочетъ идти въ Индѣйскую Землю, тотъ оставь вѣру свою на Руси,

закричи: Магометъ!—и ступай въ Индостанскую Землю“. Никитинъ описываетъ роскошь южной природы, пышность владѣльцевъ и вельможъ, великолѣпные дворцовы ихъ, бѣдность сельскаго народонаселенія, легкую одежду жителей Индіи, ихъ легкіе нравы. „Познакомился я со многими индѣйцами, говоритъ Никитинъ, и объявилъ имъ о своей вѣрѣ, что я не бусурманинъ, а христіанинъ, и они не стали отъ меня скрывать ни объ ѣдѣ своей, ни о торгowlѣ, ни о молитвахъ, и женъ своихъ отъ меня не прятали; я разспросилъ все объ ихъ вѣрѣ, и они говорятъ: вѣруемъ въ Адама, а Будда—это Адамъ и родъ его весь. Вѣръ въ Индіи всѣхъ 84 вѣры, и всѣ вѣрують въ Будду, а вѣра съ вѣрою не петь, ни ѣсть, ни жениться“.

Тяжко стало наконецъ Никитину на чужой далекой сторонѣ среди 84-хъ вѣръ: „О благовѣрные христіане! кто во многія земли часто плаваетъ, тотъ во многіе грѣхи впадаетъ и вѣры лишается христіанскія. Мнѣ рабу Божию Аванасію сгруднулось по вѣрѣ: уже прошло четыре Великихъ поста, четыре Свѣтлыхъ Воскресенья, а я грѣшный не знаю, когда Свѣтлое Воскресенье, когда постъ, когда Рождество Христово и другіе праздники, ни среды, ни пятницы; книгъ у меня нѣтъ: когда меня пограбили, то и книги у меня взяли; я съ горя пошелъ въ Индію, потому что на Русь мнѣ было не съ чѣмъ идти, не осталось товару ничего. Уже прошло четыре Свѣтлыхъ Воскресенья въ бусурманской Землѣ, а христіанства я не оставилъ; дальше Богъ вѣдаетъ что будетъ. Господи Боже мой! на Тя уповахъ; спаси мя! Пути не знаю, какъ выйти изъ Индостана; вездѣ война! А жить въ Индостанѣ—все истрагить, потому что у нихъ все дорого; я одинъ человѣкъ, а по два съ половиною алтына въ день издерживаю; вина и сыты не нью“. Наконецъ Никитинъ выбралъ путь—черезъ Персію и Азіятскую Турцію къ Черному морю, а послѣднимъ въ Кафу.

Средства къ просвѣщенію въ описываемое время были скудны, какъ это можно видѣть изъ приведеннаго выше письма Геннадія Новгородскаго къ Ростовскому Іоасафу. Есть также извѣстіе, сколько книгъ принесъ съ собою въ монастырь Іосифъ Волоцкій: 4 Евангелія, Апостолъ, два Псалтиря, сочиненія Ефрема, Дороея, Петра, Дамаскина, Василія Великаго, Патерикъ азбуочный, два Ирмолога ¹⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л. IV, 250, V 44, VI, 186, 195, 198, 205, 238, 186; Акты истор. I, № 110; Акты Арх. Эксп. I, № 86; Дополн. къ акт. истор. I, № 28; Акты юридич. стр. 439. Опис. Румянц. Музея, стр. 512: Руднева—о ересяхъ и раскол. прим. 93. Акты Запад. Росс. II, № 13. Собр. Синод. библиот. № 791, л. 66.

II. Княженіе Василія Іоанновича.

Глава I.

Псковъ.

Война съ Казанью.—Война съ Литвою.—Глинскій.—Смерть короля Александра.—Глинскій вооружается противъ преемника его, Сигизмунда, и вступаетъ въ службу къ Московскому великому князю.—Вѣчный миръ между Василіемъ и Сигизмундомъ.—Вражда у Василія съ Крымомъ.—Дѣла ливонскія.—Паденіе Пскова.

Смерть помѣшала Іоанну отомстить подручнику своему, царю Казанскому, за его кровавый разрывъ съ Москвою. Василій, принявши правленіе осенью 1505 года, дожидаясь весны слѣдующаго года, чтобъ отправить на Магметъ-Аминя войско рѣчнымъ путемъ. Въ апрѣлѣ 1506 поплыли съ пѣхотою на судахъ — братъ великокняжескій Дмитрій Ивановичъ и воевода, князь Федоръ Ивановичъ Вѣльскій; сухимъ путемъ пошла конная рать подъ начальствомъ князя Александра Владиміровича Ростовскаго. 22 мая судовая рать пришла подъ Казань, и князь Дмитрій немедленно велѣлъ ратнымъ людямъ высадиться изъ судовъ и идти пѣшкомъ къ городу, въ знойный день; Татары выступили къ нимъ на-встрѣчу и завязали бой, тогда какъ другая часть казанскаго войска на лошадахъ тайно заѣхала имъ въ тылъ и отрѣзала отъ судовъ; Русскіе потеряли сильное пораженіе: много ихъ было побито, много взято въ плѣнъ, много потонуло въ Поганомъ озерѣ. Узнавъ объ этомъ несчастіи, великій князь въ тотъ же день велѣлъ выступить къ Казани князю Василію Даниловичу Холмскому съ другими воеводами, а брату послалъ сказать, чтобъ до прибытія Холмскаго не приступать вторично къ городу. Но когда, 22 июня, подошла конная рать съ княземъ Ростовскимъ, то Дмитрій не счелъ нужнымъ медлить долѣе, и повелъ опять войска къ городу; сначала онъ имѣлъ удачу, но потомъ потерялъ новое пораженіе и принужденъ былъ бѣжать, бросивши пушки и осадныя машины. Говорятъ, что Казанцы, не надѣясь одолѣть Русскихъ силою, употребили хитрость: раскинули станъ и бросили его, какъ будто пораженные страхомъ; Русскіе кинулись на добычу, начали грабить: этимъ воспользовались Казанцы и поразили ихъ на-голову. Самъ князь Дмитрій ушелъ въ Нижній; другой отрядъ московскаго войска, подъ начальствомъ Татарскаго царевича Джаналѣя и воеводы Киселева, пошелъ къ Мурому, былъ достигнутъ на дорогѣ Казанцами, но побилъ ихъ, и достигъ благополучно Муромъ ¹⁾.

¹⁾ Никон. VI, 175; П. С. Р. Л. VI, 51, 245. Въ сказаніи о Землѣ Царства Казанскаго (гл. XIV, рукоп. библиот. Москв. Университета) говорится, будто Казанцы раскинули на Арскомъ полѣ шатры по случаю ярмарки, на которую сошлось много народа; всѣ шировали, весели-

Уже начались приготовленія къ походу на слѣдующую весну, по Магметъ-Аминю не сталъ дожидаться этого новаго похода, и въ мартѣ 1507 г. прислалъ въ Москву бить челомъ, чтобъ великій князь заключилъ съ нимъ миръ и дружбу по старинѣ, какъ было съ отцомъ его, великимъ княземъ Іоанномъ, причемъ обязывался отпустить задержаннаго посла Яропкина и всѣхъ плѣнныхъ, взятыхъ на войнѣ. Василій, поговора съ братьями и боярами, согласился на этотъ миръ, для избавленія христіанскихъ душъ, попавшихъ въ бусурманскія руки, и для христіанскаго устроенія.

Не одни только эти причины заставляли великаго князя сдѣлать заключеніемъ мира съ Казанью, довольствоваться возобновленіемъ прежнихъ отношеній: важнѣйшія дѣла на западѣ требовали всего вниманія Василіева. Мы видѣли уже, что Александръ Литовскій полагалъ большія надежды на смерть Іоаннову, тѣмъ болѣе что въ Литвѣ считали сторону Дмитрія—внука довольно еще сильною, думали, что она будетъ противиться утвержденію Василія на столѣ отцовскомъ, и усобица между дядею и племянникомъ обѣдала Александръ удобный случай къ возвращенію земель, отпавшихъ у Литвы Іоанномъ ²⁾. Узнавъ о смерти тестя, Александръ послалъ сказать Ливонскому магистру

лись, какъ вдругъ нагрянула врасплохъ сила московская и произвела страшное кровопролитіе; Казань была бы взята, но побѣдители, вмѣсто того, чтобъ добывать городъ, бросались грабить шатры, шировать въ нихъ, упиравься; этимъ воспользовался Магметъ-Аминъ, въ свою очередь напалъ на нихъ врасплохъ и поразилъ.—Это понятно въ рассказѣ автора сказанія, который говоритъ объ одномъ только этомъ дѣлѣ, ведетъ прямо Русскихъ изъ судовъ на Казань, гдѣ они застаютъ пирующихъ; но, принявъ извѣстія лѣтописей болѣе достоверныхъ о двукратномъ приступѣ къ Казани, нѣтъ никакой возможности вставлять рассказъ Сказанія, какъ то дѣлаетъ Карамзинъ, ибо нельзя предположить, чтобъ Казанцы не знали, что Русскіе, послѣ первой неудачи, не съѣли еще на суда, не удалились, и открыли ярмарку. Если же принимать извѣстіе о пораженіи въ шатрахъ казанскихъ и вставлять его въ рассказъ лѣтописей, то должно принять извѣстіе Герберштейна (стр. 68), внесенное нами въ свой рассказъ. Во всякомъ случаѣ, извѣстія Герберштейна заслуживаютъ гораздо болѣе довѣрія, чѣмъ извѣстія Сказанія, источника очень мутнаго: въ немъ, наиряждѣе, тутъ же воевода Киселевъ означенъ въ числѣ убитыхъ, тогда какъ лѣтописи выставляютъ его побѣдителемъ при отступленіи къ Мурому.

²⁾ Стрыйковскій, II, 329, 330.

Плеттенбергу, что теперь наступило удобное время соединенными силами ударить на непріятеля вѣры христіанской, который причинилъ одинаково большой вредъ и Литвѣ и Ливоніи; но магистръ отвѣчалъ, что хотя время дѣйствительно благоприятное, однако все же надобно дожидаться конца перемирія, утвержденного крестнымъ цѣлованіемъ, что нельзя такъ вдругъ начинать войны съ такимъ сильнымъ врагомъ, надобно прежде навѣрное узнать, какъ молодые князья будутъ управляться въ своемъ государствѣ, ибо магистръ ждетъ между ними несогласій, которыя и подадутъ удобный случай къ началу войны. Александръ и его рада признали справедливость этихъ представлений, поблагодарили магистра за добрый совѣтъ, прося его немедленно давать знать въ Литву о томъ, что онъ узнаетъ о несогласіяхъ князей московскихъ. Александръ велѣлъ объявить также Плеттенбергу, что онъ приказалъ собирать войска, дабы пограничные московскіе князья и братья великаго князя, живущіе въ малыхъ удѣлахъ, узнавши объ этихъ приготовленіяхъ, тѣмъ скорѣе могли обратиться къ Литвѣ; просилъ и магистра распорядиться такимъ же образомъ въ Ливоніи, чтобы испугать Московскаго князя и сдѣлать его уступчивѣе ¹⁾).

Александръ дѣйствительно началъ готовить полки для войны Московской; но изъ Москвы пришелъ вѣсти, что тамъ все спокойно, Василій княжить на столѣ отцовскомъ, а Дмитрій—внукъ попрежнему остается въ тѣсномъ заключеніи. Надежды на усобицы, на уступчивость Василія исчезли. Когда послы Александровы, предлагая вѣчный миръ, требовали вознагражденія вѣхъ, взятыхъ у Литвы при Іоаннѣ земель, то бояре отвѣчали попрежнему, что великій князь владѣетъ только своими землями, чужихъ не держитъ и возвращать ему нечего. По прежнему отцовскому обычаю, Василій напоминалъ Александру, чтобы онъ не принуждалъ Елены къ латинству. Александръ не могъ воспользоваться смертію Іоанна, скоро умеръ самъ (въ августѣ 1506 года), и теперь Василій хотѣлъ воспользоваться смертію бездѣтнаго зятя, для мирнаго соединенія Литовской Руси съ Московскою: онъ послалъ сказать сестрѣ, чтобы она „пожелала и говорила бы епископу, панамъ, всей радѣ и земскимъ людямъ, чтобы пожелали имѣть его, Василія, своимъ государемъ и служить бы ему пожелали; а стануть опасаться за вѣру, то государь ихъ въ этомъ ни въ чемъ не порушитъ, какъ было при королѣ, такъ все и останется, да еще хочеть жаловать свыше того“. Къ князю Войтеху, епископу Виленскому, къ пану Николаю Радзивилу и ко всей радѣ Василій приказывалъ о томъ же, „чтобы пожелали его на государство Литовское“ ²⁾. Елена отвѣчала, что Александръ назначилъ преемникомъ себѣ брата своего Сигизмунда; но въ Литвѣ

встала сильная смута и усобица, которую Василій Московскій хотѣлъ воспользоваться теперь въ свою очередь.

Любимцемъ покойнаго короля Александра былъ князь Михайлъ Глинскій, маршалокъ дворный, потомокъ татарскаго князя, выѣхавшаго въ Литву при Витовтѣ. Глинскій провелъ долгое время за граппею, въ Италіи, Испаніи, при дворѣ императора Максимилиана; вездѣ умѣлъ приобрести расположеніе, почетъ умомъ, образованностію, искусствомъ въ дѣлѣ военномъ;—неудивительно, что онъ затмѣвалъ собою другихъ пановъ литовскихъ и умѣлъ овладѣть полною довѣренностію Александра. Владѣя обширными землями и замками, почти половиною всего государства Литовскаго, Глинскій приобрѣлъ многочисленную толпу приверженцевъ, преимущественно изъ Русскихъ. Такое могущество возбудило въ остальныхъ панахъ литовскихъ сильную зависть и опасеніе, чтобы Глинскій не овладѣлъ великимъ княжествомъ Литовскимъ и не перенесъ столицы въ Русь; отсюда явная вражда между Глинскимъ и другими членами литовской рады. Ожесточеніе достигло высшей степени, когда Александръ, по просьбамъ Глинскаго, отдалъ городъ Лиду кліенту послѣдняго, Андрею Дрожжи, отнявши ее у пана Ильинича. Ильиничъ обратился съ жалобою къ литовскимъ вельможамъ, уже избѣстнымъ намъ по дѣламъ московскимъ:—къ Войтеху Табору, епископу Виленскому, Николаю Радзивилу, воеводѣ Виленскому, Яну Заберезскому или Забржезинскому, воеводѣ Троцкому, къ Станиславу Яновичу, старостѣ Жмудскому, Станиславу Глѣбовичу, воеводѣ Полоцкому, и Станиславу Петровичу Кишкѣ, намѣстнику Смоленскому, которые, возводя Александра на престолъ Литовскій, взяли съ него обязательство—не отнимать волости ни у кого ни въ какомъ случаѣ, кромѣ преступленія, заслуживающаго лишенія чести и жизни. Основываясь на этомъ обязательствѣ, паны не допустили Андрея Дрожжи до старостства Лидскаго, и возвратили его Ильиничу. Александръ сильно разсердился на пановъ; Глинскій, разумѣется, постарался еще больше распалить гнѣвъ королевскій; говорятъ, будто онъ твердилъ Александру: „Пока эти паны въ Литвѣ, до тѣхъ поръ не будетъ покою въ великомъ княжествѣ“, и довелъ короля до того, что тотъ рѣшился вызвать пановъ на сеймъ въ Врестъ, схватить ихъ въ замкѣ и предать смерти; но паны, предувѣдомленные объ опасности канцлеромъ польскимъ, Ласкимъ, не пошли въ замокъ, и такимъ образомъ намѣреніе короля не исполнилось; онъ могъ отомстить только тѣмъ, что у Яна Заберезскаго, главнаго врага Глинскаго, отнял воеводство Троцкое, Ильинича велѣлъ схватить и посадить въ тюрьму, а другимъ панамъ не велѣлъ казаться себѣ на глаза, и только по просьбѣ пановъ польскихъ послѣ простилъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Александръ заболѣлъ тяжелою, предсмертною болѣзнью. Въ это самое время толпы крымскихъ

¹⁾ Акты, относящ. къ истор. Зап. Россіи, I, № 225.

²⁾ Дѣла Польск. № 2, стр. 97.

Татаръ напали на Лявту и страну пустошили ее. Александръ поручилъ войско Глинскому, и тотъ одержалъ надъ Крымами блистательную побѣду, которая была послѣднимъ дѣломъ Александра правленія. Глинскій побѣдитель, избавитель страны отъ свирѣпныхъ Татаръ, сталъ еще страшнѣе намъ литовскимъ. Какъ только Александръ умеръ, начался споръ о мѣстѣ его погребенія: польскій канцлеръ Ласкій хотѣлъ везти тѣло въ Краковъ, исполняя желаніе самого покойника, по паны литовскіе требовали, чтобъ король былъ погребенъ въ Вильнѣ, боясь того, что, когда они будутъ провожать его тѣло въ Краковъ, Глинскій воспользуется ихъ отсутствіемъ и захватитъ Вильну съ своими Русскими. Опасенія ихъ однако были напрасны: братъ Александровъ Сигизмундъ прибылъ немедленно въ Вильну, и Глинскій первый выѣхалъ къ нему на-встрѣчу. Зная, что новый великій князь уже предупрежденъ противъ него, Глинскій произнесъ предъ Сигизмундомъ прекрасную рѣчь, въ которой очищалъ себя отъ всякаго подозрѣнія въ посягательствѣ на престолъ великокняжескій и общалъ вѣрную службу. Сигизмундъ отвѣчалъ ласково, благодарилъ за изъявленіе вѣрности. Понятно, съ какою радостію литовскіе паны поспѣшили признать Сигизмунда великимъ княземъ и короновать его въ Вильнѣ; вслѣдъ за этимъ и польская рада провозгласила его королемъ.

Александръ отложилъ войну съ Москвою, сдержанный благоразумными совѣтами Плеттенберга, спокойнымъ утвержденіемъ Василія на столѣ отповсюду, нападеніями Татаръ и наконецъ болѣзнію. Сигизмундъ думалъ, что можетъ ознаменовать вступленіе свое на престолъ удачною войною съ Московскимъ княземъ, считая обстоятельства для себя благоприятными въ началѣ 1507 года: походъ Казанскій кончился неудачно, и Москва должна была снова употребить большія усилія для поправленія дѣлъ своихъ на востокъ; прежнія отношенія Крыма къ Москвѣ переѣнились: ханъ готовъ былъ помогать своему пасынку, царю Казанскому, и дѣйствовать заодно съ Литвою противъ Москвы; и вотъ, 2-го февраля 1507 года, виленскій сеймъ опредѣлилъ сборъ войскъ къ Свѣтлому Воскресенью: „А для того такой короткій срокъ положенъ (говоритъ сеймовое опредѣленіе), чтобы непріятель господарскій, услышавши о желаніи нашего господаря начать съ нимъ войну и своихъ земель доставать, не предупредилъ и не вторгнулся въ его государство“¹⁾. Сигизмундъ послалъ сказать Плеттенбергу, что Крымскій ханъ заключилъ съ нимъ союзъ противъ Москвы, что послы хана Казанскаго просятъ его не пропустить удобнаго времени и ударить вмѣстѣ съ Казанью на Москву, потому что царь ихъ четыре раза уже разбилъ ея войска, поразилъ на-голову брата великокняжескаго, приходившаго съ пятидесятью тысячами войска, и безпрестанно опустошаетъ Московскую Землю; что онъ, Сигиз-

мундъ, уже отправилъ своихъ большихъ пословъ въ Крымъ и Казань поднимать Татаръ на Василія и своими поданнымъ велѣлъ быть готовыми на войну къ Свѣтлому Воскресенью, ибо хочетъ идти на непріятеля со всѣми своими силами, видя, что такихъ благоприятныхъ обстоятельствъ для войны съ Москвою еще никогда не бывало.

Распорядившись такимъ образомъ, Сигизмундъ отправилъ пословъ въ Москву вывѣдывать расположеніе тамошняго двора. Послы извѣстили Василія о смерти Александра, о восшествіи на престолъ Сигизмунда и объявили отъ имени послѣдняго, что у великаго князя Василія Васильевича и у короля Казимира заключенъ былъ вѣчный миръ, по которому они обязались не забирать другъ у друга земель и воды; что Казимиръ не нарушилъ ни въ чемъ договора, который нарушенъ съ московской стороны; такъ какъ правда Казимира и Александра королей извѣстна всему свѣту, то Сигизмундъ вызываетъ великаго князя Василія къ уступкѣ всѣхъ литовскихъ городовъ волостей, земель и водъ, доставшихся его отцу во время прежнихъ войнъ, также къ освобожденію всѣхъ плѣнниковъ литовскихъ, дабы кровь христіанская не лилась, ибо король въ своей правдѣ уповаетъ на Бога. Это была явная угроза, что, въ случаѣ неисполненія требованія, будетъ объявлена война; наконецъ послы жаловались, что московскіе подданные захватили четыре смоленскія волости²⁾ и помѣщичьи дорогобужскіе притѣсняють литовскихъ пограничниковъ.—Но и Сигизмундъ, подобно Александру, обманулся въ надеждѣ на благоприятное время для войны съ Москвою: прежде его пословъ явились къ великому князю послы изъ Казани съ просьбою о мирѣ³⁾; съ этой стороны слѣдовательно Василій могъ быть покоенъ и потому далъ Сигизмундовымъ послать обычный отвѣтъ: „Мы городовъ, волостей, земель и водъ Сигизмундовыхъ, его отчинъ, никакихъ за собою не держимъ, а держимъ, съ Божією волею, города и волости, земли и воды, свою отчину, чѣмъ насъ пожаловалъ и благословилъ отецъ нашъ князь великій и что намъ далъ Богъ, а отъ прародителей нашихъ и вся Русская Земля наша отчина“. Но этого мало: на гордый вызовъ Сигизмунда Василій отвѣчалъ также рѣшительнымъ вызовомъ на войну, если король не захочетъ мира, каковой угоденъ Московскому государю; онъ велѣлъ сказать посламъ: „Какъ отецъ нашъ, и мы брату нашему и зятю Александру дали присягу на перемірныхъ грамотахъ, такъ и правили ему во всемъ до самой его смерти; а съ Сигизмундомъ королемъ намъ перемирья не было. Если же Сигизмундъ, какъ вы говорили, хочетъ съ нами мира и добраго согласія, то и мы хотимъ съ нимъ мира, какъ намъ будетъ пригоже“. Потомъ, перечисливши обиды, нанесенныя Литовцами Русскимъ, — взятіе

²⁾ Ельню, Ветлину, Руду, Щучью.

³⁾ Литовскіе послы пріѣхали 21 марта; а 25 великій князь уже отправилъ назадъ казанскаго посла съ отвѣтомъ, что согласенъ на миръ при извѣстныхъ условіяхъ.

¹⁾ Акты, относящ. къ истор. Зап. Россіи, II, № 12.

въ Брянской области болѣе ста селъ и деревень, грабежъ купцовъ—козельскихъ, алексинскихъ, казюжскихъ, псковскихъ; занятіе волостей князя Вѣльскаго, —Василій велѣлъ сказать королю, чтобъ за все это было сдѣлано надлежащее удовлетвореніе, а въ противномъ случаѣ онъ найдетъ управу. Наконецъ, отпуская пословъ, самъ великій князь велѣлъ имъ напомнить Сигизмунду о сестрѣ своей, королевѣ Еленѣ, чтобъ она вѣдала свой греческій законъ, чтобъ онъ, Сигизмундъ, ее жаловалъ и берегъ и держалъ въ чести, а римскому закону не принуждалъ ¹⁾.

Въ мартѣ 1507 года происходили эти переговоры, а 29 апрѣля московскіе полки уже пошли воевать Литовскую Землю; ибо если Сигизмундъ надѣялся напасть на Москву при благоприятныхъ для себя обстоятельствахъ, то теперь эти обстоятельства перешли вдругъ на сторону Василя, который и снѣшилъ пользоваться ими. Мы видѣли, что князь Михаилъ Глинскій былъ принятъ, по видимому, благосклонно, Сигизмундомъ; но если бы даже новый король и не раздѣлялъ всѣхъ подозрѣній пановъ литовскихъ относительно Глинскаго, то, съ другой стороны, онъ не оказывалъ ему того довѣрія, какимъ Глинскій пользовался при покойномъ Александрѣ. Этого уже было достаточно, чтобъ враги Глинскаго подняли головы; этого было достаточно, чтобъ самъ Глинскій, привыкшій къ первенствующему положенію при Александрѣ, чувствовалъ себя теперь въ опалѣ, въ униженіи. Но Глинскаго не хотѣли оставить въ удаленіи и въ покоѣ: въ началѣ 1508 года Сигизмундъ отнялъ у брата Михайлова, князя Ивана Львовича, воеводство Киевское и далъ вмѣсто него Новгородское (Новогрудекское). Напрасно въ грамотѣ своей, данной Ивану по этому случаю, король говорилъ, что онъ этою переменою не уменьшилъ чести князя Ивана, который сохраняетъ прежній титулъ и получаетъ мѣсто въ радѣ подлѣ старосты Жмудскаго: обидѣ была явная, — явно было, что Глинскихъ продолжали подозрѣвать въ замыслахъ возстановить великое княжество Русское, и потому не хотѣли оставить въ ихъ рукахъ Киева ²⁾. Но этого мало: заклятый врагъ князя Михаила, Янъ Заберезскій громко называлъ его измѣнникомъ; Глинскій требовалъ суда съ нимъ предъ королемъ; но Сигизмундъ, будучи занятъ важными дѣлами, откладывалъ этотъ соблазнительный судъ, тѣмъ болѣе что, какъ видно, противъ Глинскаго достаточныхъ уликъ не было, и въ такомъ случаѣ король не хотѣлъ жертвовать Глинскому Заберезскимъ. Но понятно, что Глинскій не хотѣлъ ждать; онъ отправился въ Венгрію, къ королю Владиславу, брату Сигизмундову, съ просьбою вступиться въ дѣло; но и ходатайство Владислава не помогло. Тогда Глинскій, сказавъ королю: „Ты заставляешь меня покуситься на такое дѣло, о которомъ оба

мы послѣ горько жалѣть будемъ“, — уѣхалъ въ свои имѣнія и завелъ пересылку съ великимъ княземъ Московскимъ ³⁾, который обѣщалъ ему помощь на всѣхъ его непріятелей.

Глинскій писалъ въ Москву, что для его дѣла и для дѣла теперь великокняжескаго самое благоприятное время, потому что въ Литвѣ войска не въ сборѣ, а отъ другихъ странъ помощи нѣтъ; Василій отвѣчалъ, что немедленно шлетъ въ Литву своихъ воеводъ, и чтобъ Глинскій тоже не медлил. Глинскій началъ свое дѣло. Съ семьюстами конныхъ ратниковъ онъ переправился черезъ Нѣманъ, явился въ Гродно, подлѣ котораго жилъ тогда Заберезскій, и ночью велѣлъ окружить дворъ послѣдняго; два иностранца, находившіеся въ службѣ Глинскаго, взялись быть орудіями кровавой мести своего господина: одинъ, какой-то Нѣмецъ Шлейницъ, ворвался въ спальню къ Заберезскому, другой—Турокъ—отсѣкъ ему голову, которую на саблѣ поднесли Глинскому; тотъ велѣлъ ее нести передъ собою на древкѣ четыре мили и потомъ утопить въ озерѣ. Закончивши съ главнымъ врагомъ, Глинскій разослалъ конницу свою искать и бить другихъ враждебныхъ ему пановъ литовскихъ, а самъ, набирая все болѣе и болѣе войска, удалился въ Новгородъ.

Тогда Сигизмундъ заговорилъ другимъ языкомъ съ Москвою. Онъ вторично прислалъ сюда за миромъ, предлагая въ посредники Менгли-Гирея Крым-

³⁾ Въ большей части извѣстныхъ намъ московскихъ лѣтописей, у Герберштейна и Стрыйковского говорится, что Глинскій первый прислалъ въ Москву съ челобитиемъ; въ такъ называемомъ Русскомъ Временникѣ II, 261, читаемъ: «И слышавъ то князь великій Василій II, что Глинскіе отъ короля отступили, а живутъ въ своей отчинѣ, и послалъ къ нимъ своего сына боярскаго Колынятина Митю Иванова сына Губу съ грамотою, зовучи Глинскихъ къ себѣ въ службу, чтобъ къ нему ѣхали и съ вотчинами, и Глинскіе дожидались отъ короля до сроку до собраннаго воскресенія. И отъ короля имъ на тотъ срокъ присылка никакого не было. И они отступили къ великому князю сына боярскаго Митю Губу; а съ нимъ прислали къ в. к. своего сына боярскаго, Ивана Приѣздего съ грамотами, чтобъ пожаловалъ ихъ князя в., взявъ ихъ къ себѣ въ службу; а за ихъ отчины стоялъ». Въ посольскихъ рѣчахъ къ в. к. (Акты, относ. къ истор. Зап. Россіи II, № 20) Глинскій говоритъ: «Што вама милость, государь, на мое челобитыѣ ласку и жалованье свое вчинилъ, за мене вступился» и проч. Но здѣсь Глинскій могъ разумѣть челобитыѣ свое, отправленное въ отвѣтъ на предложеніе, принесенное Губою. Можно съ достовѣрностію принять только одно, что сношенія Глинскаго съ великимъ княземъ были продолжительны (см. Русскій Времен.). и, какъ видно изъ упомянутыхъ посольскихъ рѣчей Глинскаго, сначала дѣло шло только о помощи, которую великій князь обѣщавалъ Глинскимъ: «Што вама милость, государь, на мое челобитыѣ ласку, и жалованье свое вчинилъ, за мене вступился и за братья и за пріятелей моихъ, и всказывалъ вама милость, государь, и въ листѣхъ своихъ до мене писалъ, не хотючи насъ ни въ чомъ отпустить, а намъ помогати на всѣхъхъ непріятелей нашихъ и на то помощію своею стояти, хотючи видѣти мое доброе; я государю вашей милости за то низко челоуѣкъ былъ, и, што мнѣ добраго милосердый Богъ дастъ помощію вашей милости государскою, хочу то до живота моего вашей милости заслужовати».

¹⁾ Акты, относ. къ истор. Запад. Россіи, II, № 15 и 16.

²⁾ Тамъ же, № 7.

скаго, и въ то же время пытался возбудить противъ Василія брата его, Дмитровскаго князя Юрія Ивановича: литовскіе послы явились къ послѣднему съ просьбою, чтобъ принять на себя ходатайство о мирѣ между Москвою и Литвою. Но за этою просьбою слѣдовали тайныя рѣчи: „Узнали мы о тебѣ, братѣ нашѣмъ (велѣлъ сказать ему Сигизмундъ), что, милостью Вожіею, въ дѣлахъ своихъ мудро поступаешь, великимъ разумомъ ихъ ведешь, какъ и прилично тебѣ, великаго государя сыну; немалые слухи до насъ дошли, что многіе князья и бояре, покинувши брата твоего, великаго князя Василія Ивановича, къ тебѣ пристали, и всякіе добрые слухи о тебѣ слышимъ, что намъ очень пріятно. Мы хотѣли съ братомъ твоимъ, великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ, быть въ мирѣ и союзѣ на всякаго недруга; но онъ, обрадовавшись отчиннымъ нашимъ пограничнымъ городамъ и волостямъ, землямъ и водамъ, съ нами житья не захотѣлъ. Такъ мы, братъ милый, помня житіе предковъ нашихъ, ихъ братство вѣрное и келестное, хотимъ съ тобою быть въ любви и въ крестномъ дѣлованьи, пріятелю твоему быть пріятелемъ, а непріятелю — непріятелемъ, и во всякомъ твоемъ дѣлѣ хотимъ быть готовы тебѣ на помощь, готовы для тебя, брата нашего, сами своею головою на коня съѣсть со всѣми землями и со всѣми людьми нашими, хотимъ стараться о твоемъ дѣлѣ все равно, какъ и о своемъ собственномъ. И если будетъ твоя добрая воля, зачѣмъ быть съ нами въ братствѣ и пріязни, то немедленно пришли къ намъ человекѣка добраго, сына боярскаго: мы передъ нимъ дадимъ клятву, что будемъ тебѣ вѣрнымъ братомъ и сердечнымъ пріателемъ до конца жизни“¹⁾).

Неизвѣстно, что отвѣчалъ на это князь Юрій; но извѣстенъ намъ отвѣтъ великаго князя Василія сестрѣ своей Еленѣ, которая присылала въ Москву съ ходатайствомъ о мирѣ. Оправдавъ поведение отца своего относительно короля Александра, Василій пишетъ: „Когда послѣ зятя нашего Александра на его государствѣхъ съѣлъ братъ его Сигизмундъ, то онъ прислалъ къ намъ своихъ пословъ: мы съ нимъ мира хотѣли, но онъ съ нами не захотѣлъ; а послѣ того Сигизмундъ король поднималъ бунурманство на христіанство, да посылалъ воеводъ своихъ многіхъ со многими людьми на нашихъ слугъ, на князей, а мы посылали своихъ воеводъ со многими людьми, и наши воеводы отъ его людей отстоялись и пришли къ намъ благополучно. Ты пишешь, что присылалъ къ намъ быть челомъ князь Михайла Глинскій, но къ намъ присылалъ быть челомъ не одинъ князь Михайла Глинскій, а многіе князья русскіе и многіе люди, которые держатъ греческій законъ; сказываютъ, что теперь нужда на нихъ пришла большая за греческій законъ, принуждаютъ ихъ приступать въ римскому закону, и они били челомъ, чтобъ мы пожаловали ихъ, за нихъ стали и обороняли ихъ. Намъ кажется, что

и тебѣ, сестрѣ нашей, теперь неволя большая, потому что, какъ зять нашъ Александръ умеръ, мы посылали навѣстить тебя и приказывали, чтобъ ты насъ о своемъ здоровьи безъ вѣсти не держала; но съ тѣхъ поръ послы отъ Сигизмунда короля у насъ не одинъ разъ были, а отъ тебя къ намъ вѣсти никакой нѣтъ. И если на Русь такая бѣда припла, то мы за нее стали и обороняли ее, а впередъ, дасть Богъ, будемъ стоять и оборонять. А ты бы, сестра, и теперь помнила Бога и свою душу, отца нашего и матери наказъ, отъ Бога душею не отпала бы, отъ отца и матери въ неблагословеньи не была бы, и нашему православному закону укоризны не принесла. А что ты писала къ намъ, чтобъ мы съ Сигизмундомъ королемъ были въ любви и братствѣ, то если Сигизмундъ король захочетъ съ нами мира и добраго согласія, мы съ нимъ мира хотимъ, какъ намъ будетъ пригоже“²⁾ (іюнь 1507 г.).

Сигизмундъ обѣщалъ прислать новыхъ большихъ пословъ въ Москву, но почему-то не прислалъ. Мы видѣли, что въ письмѣ къ сестрѣ Василій говорилъ уже о возвращеніи своихъ воеводъ, ходившихъ на Литву; по литовскимъ извѣстіямъ, воеводы его возвратились назадъ, слышавши о приближеніи короля, который взялъ замокъ Гзыковъ, опустошилъ нѣсколько мѣстечекъ и волостей московскихъ, но принужденъ былъ также возвратиться въ Вильну отъ недостатка продовольствія для войска и отъ сильныхъ жаровъ³⁾. Справедливо или нѣтъ это извѣстіе, очевидно, что военныя дѣйствія 1507 года этимъ кончились. Весною, слѣдующаго 1508 года, они возобновились съ новою силою: Глинскій волновалъ Русь, пустошилъ волости случскія и копильскія, овладѣлъ Туровымъ и Мозыремъ. Великій князь, увѣдомляя его, что посылаетъ къ нему на помощь полки подъ главнымъ начальствомъ князя Василія Ивановича Шемячича, писалъ, чтобъ онъ съ этою помощію добывалъ ближайшіе къ себѣ города, а далеко съ нею въ королевскую землю не ходилъ, дѣло дѣлалъ бы не спѣша, пока подойдетъ другое, болѣе многочисленное войско изъ Москвы. Глинскій хотѣлъ, чтобъ Шемячичъ помогъ ему овладѣть Слуцкомъ, который, какъ писалъ онъ къ Василію, находился близко отъ его городовъ; пишутъ, что Глинскому хотѣлось овладѣть Слуцкомъ для того, чтобъ жениться на его княгинѣ Анастасіи и тѣмъ получить право на Кіевъ, которымъ прежде владѣли предки князей случскихъ⁴⁾. Но князю Шемячичу хотѣлось быть

²⁾ Тамъ же, № 22. Эта грамота важна для насъ преимущественно по означенію мѣсяца и года (іюнь 1507), когда писана. Основываясь на ней, мы отнесли начало сношеній Глинскаго съ Москвою къ веснѣ 1507 года, и приняли извѣстіе лѣтописца Москов. Дух. Типограф. (напечат. 1784 г., стр. 317), гдѣ говорится, что 26 апрѣля 1507 года уже отправлены были воеводы воевать Литовскую Землю.

³⁾ Стрыйковскій, II, 344.

⁴⁾ Такъ у Стрыйковскаго; но Глинскій былъ уже женатъ, см. Акты Истор. I, № 120.

¹⁾ Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи, II, № 19.

поближе къ сѣверу, откуда должны были подойти полки московскіе, и потому рѣшено было идти подъ Минскъ, пустивши загоны въ глубь Литвы для того, чтобъ смутить землю и помѣшать сбору войска. Эти загоны были въ осьми миляхъ отъ Вильны, въ четырехъ отъ Новгородка, заходили подъ самый Слонимъ. Двѣ недѣли стоялъ Глинскій съ Шемячицѣмъ у Минска, дожидаясь вѣсти о московскихъ воеводахъ; но вѣсти не было; это обстоятельство заставило ихъ отступити отъ Минска и двинуться къ Ворисову. Отсюда Глинскій писалъ къ великому князю, чтобъ смывался. не для его одного челобитья, но для собств. чиной пользы и для пользы всего притѣсненнаго христіанства, которое всю надежду полагаетъ на Бога да на него, — велѣлъ бы своимъ воеводамъ спѣшити къ Минску, иначе братья и пріятели его, Глинскаго, и все христіанство придетъ въ отчаяніе, города и волости, занятые съ помощію великокняжескою, подвергнутся опасности и самое благоприятное время будетъ упущено, ибо ратное дѣло дѣлается лѣтомъ. Но великій князь, извѣщая о движеніи воеводъ своихъ — князей Щени изъ Новгорода, Якова Захарьевича изъ Москвы и Григорія Федоровича изъ Великихъ Лукъ, — приказывалъ Шемячичу и Глинскому, чтобъ они шли для соединенія съ ними къ Оршѣ; Шемячичъ и Глинскій двинулись къ Оршѣ, овладѣли на дорогѣ Друдкомъ: въ одно время съ ними пришелъ къ Оршѣ и князь Щеня съ силою новгородскою, и начали вмѣстѣ осаждать эту крѣпость: но осада была неудачна: третій воевода, Яковъ Захарычъ, стоялъ подъ Дубровною ¹⁾. Въ это время пришла вѣсть, что идетъ король къ Оршѣ (послѣ 11 іюня 1508 года). Тогда воеводы отошли отъ нея и стали на другомъ берегу Днѣпра; потомъ отступили далѣе въ Дубровну и стояли здѣсь семь дней; но король за Днѣпръ ни самъ не пошелъ, ни людей не послалъ; но литовскихъ же извѣстіямъ, король переправился черезъ Днѣпръ послѣ того, какъ его отряды отбили Русскихъ отъ берега; ночь развела сражающихся; Глинскій упрашивалъ московскихъ воеводъ, чтобъ дали на другой день битву королю, но тѣ не согласились и въ полночь отступили; король побоялся ихъ преслѣдовать и возвратился въ Смоленскъ.

Изъ Дубровны московскіе воеводы пошли на юго-востокъ, къ Мстиславу, гдѣ выжгли посады, потомъ къ Кричеву ²⁾, и такимъ образомъ разошлись съ королемъ въ противныя стороны. Сигизмундъ, остановившись въ Смоленскѣ, рѣшился принять съ своей стороны наступательное движеніе. Войсками долженъ былъ начальствовать гетманъ литовскій, князь Константинъ Острожскій, которому удалось убѣжать передъ тѣмъ изъ Москвы ³⁾.

Но смута встала въ Литвѣ, влѣдствіе ссоры между двумя вельможами, походъ Острожскаго съ главными войсками не могъ состояться: литовскіе отряды успѣли только сжечь Вѣлую, овладѣть Торондомъ и занять Дорогобужъ, который сожгли сами Русскіе, не падая заштити его. Но эти успѣхи прекратились, когда великій князь велѣлъ подвинуться войскамъ своимъ къ угрожаемымъ границамъ; Смоленскій воевода, Станиславъ Кишка, засѣвшій было въ Дорогобужѣ, бѣжалъ оттуда, слышавъ о приближеніи московскаго войска; литовскіе работники, пришедшіе укрѣплять Дорогобужъ для короля, были побиты; непріятель одистилъ также и Торонецъ, слышавъ приближеніе Щени.

Сигизмундъ видѣлъ невозможность успѣшной борьбы съ Москвою; московскіе воеводы, уклоняясь отъ рѣшительной битвы, вышли изъ Литовскихъ владѣній, но должны были снова явиться въ нихъ при первомъ удобномъ случаѣ; король слѣдовательно долженъ былъ постоянно держать наготовѣ многочисленную рать, а это было ему трудно, невозможно при внутреннемъ безарядіи. Мы видѣли, что походъ Острожскаго былъ остановленъ смутю между двумя вельможами, и въ то же время волненіе, поднятое Глинскими, не стихало, города, имъ принадлежавшіе, находились по-прежнему въ ихъ рукахъ. По выходѣ московскихъ воеводъ изъ Литвы, князь Михаилъ отправился въ Москву, гдѣ вступилъ въ службу къ великому князю, который одарилъ его платнемъ, конями, доспѣхами, далъ ему два города и на пріѣздъ — Малый Ярославецъ и Медынь, да села подъ Москвою, отпустилъ съ ними въ Литву полки свои для обереганія его вотчинныхъ городовъ. Сигизмунду слѣдовательно нужно было кончить войну осенью, чтобъ не дать Глинскому возможности дѣйствовать зимою для подкрѣпленія своей стороны; и вотъ король отправилъ изъ Смоленска гонца въ Москву за опасною грамотою для пословъ, которые пріѣхали сюда 19-го сентября и заключили вѣчный миръ; чтобъ избавиться отъ Глинскихъ, возвратити ихъ владѣнія къ Литвѣ, Сигизмундъ долженъ былъ рѣшиться на важное пожертвованіе: уступить Москвѣ въ вѣчное владѣніе приобрѣтенія Іоанновы; тяжелыя для Литвы условія перемирія Александра съ Іоанномъ стали теперь условіями вѣчнаго мира между Сигизмундомъ и Василіемъ, который получилъ желаемое, заключилъ миръ, какъ ему было пригоже, доказавъ, что онъ чужимъ временно ничѣмъ не владѣетъ ⁴⁾. Оба государя обязались быть заодно на вѣхъ недруговъ, и на Татаръ, исключая Менгли-Гирея царя Черконецкаго. Глинскимъ

тествовать митрополита и другихъ духовныхъ лицъ, въ которой говорятъ: «Се азъ, князь Константинъ Ив. Острожскій, что есмь былъ челохъ своему государю в. к. В. П. за свою вину» и проч. С. г. г. и д. I, № 146.

⁴⁾ Литвѣ возвращены были только волости, захваченныя въ правленіе Василія: Руды Вольскія, Вержавы, Велница, Щучья, Вуй городъ. — Акты, относ. къ истор. Зап. Россіи II, № 43.

¹⁾ Мѣстечко Могилевской губерніи Оршинскаго повѣта.

²⁾ Мѣстечко Могилевской губерніи Климовичевскаго повѣта.

³⁾ Какъ видно, Острожскій былъ уличенъ и прежде въ намѣреніи бѣжать, и въ какой-нибудь другой вѣстѣ, ибо 18 октября, 1506 года, онъ далъ записку за поручи-

и ихъ пріятелиамъ выговоренъ былъ свободный выѣздъ изъ Литвы въ Москву. Предчувствіе князя Михаила сбылось: онъ затѣялъ такое дѣло, о которомъ и король, и онъ самъ сильно должны были жалѣть, потерявши много; но Глинскій не отчаявался заставить короля жалѣть еще больше.

Мы видѣли, что Сигизмундъ вначалѣ надѣялся нанести Москвѣ сильный ударъ съ помощію Татаръ крымскихъ, и дѣйствительно не жалѣлъ денегъ, чтобъ порвать союзъ Менгли-Гирея съ Москвою. Въ это время Крымская Орда начинала обнаруживать вполнѣ свой разбойничій характеръ. Прежде Менгли-Гирей сдерживался боязнью передъ Азматымъ и сыновьями его, и потому дорожилъ союзомъ съ Москвою; дорожилъ онъ имъ и потому еще, что боялся Турокъ, и, въ случаѣ изгнанія отъ послѣднихъ, надѣялся найти убѣжище у Московскаго князя; наконецъ слава могущества и счастья Іоаннова должна была внушать уваженіе варвару. Но теперь обстоятельства перемѣнились: Менгли-Гирей не боялся болѣе остатковъ Золотой Орды, не видалъ безпокойства со стороны Турціи; въ Москвѣ, вмѣсто Іоанна, господствовалъ молодой сынъ его, окруженный опасностями внутри и извнѣ, ибо я въ Крыму могли ожидать той же усобицы между сыновьями Іоанновыми, какой ожидали въ Литвѣ; притомъ Менгли-Гирей устарѣлъ, ослабѣлъ и былъ окруженъ толпою хищныхъ сыновей, родственниковъ и князей. Понятно, что эта хищная толпа съ жадностію бросилась на Сигизмундовы подарки, обѣщая ему за нихъ опустошать Московскія владѣнія; но имъ еще выгодибѣ было брать подарки съ обоихъ государствъ, Московскаго и Литовскаго, обѣщать свою помощь тому, кто больше дастъ, обѣщать, а на самомъ дѣлѣ, взявъ деньги съ обоихъ, опустошать владѣнія обоихъ, пользуясь ихъ взаимною враждою. Съ этихъ поръ сношенія обоихъ государствъ, и Московскаго и Литовскаго, съ Крымцами принимаютъ характеръ задариванія разбойниковъ, которые не сдерживаются никакимъ договоромъ, никакими клятвами. Сюда присоединились еще смѣшныя притязанія на прежнее могущество, прежнее значеніе, которое ханы старались восстановить хотя на бумагѣ; но унизительнѣе всего было то, что король Сигизмундъ рѣшился потворствовать этимъ притязаніямъ, рѣшился взять слѣдующій ярлыкъ отъ Менгли-Гирея: „Великія Орды великаго царя Менгли-Гирея слово, правой и лѣвой руки великаго улуса темникамъ, тысячникамъ, сотникамъ, десятникамъ, уланамъ, князьямъ и всеъмъ русскимъ людямъ, боярамъ, митрополитамъ, попамъ, чернецамъ и всеъмъ чернымъ людямъ. Даемъ вамъ вѣдать, что великіе цари, дѣды наши, и великій царь Ази-Гирей, отецъ нашъ, когда ихъ кони были потны, къ великому князю Витовту въ Литовскую Землю пріѣзжали гостить, великую честь и ласку видали, — за это пожаловали его Кіевомъ и многія другія мѣста дали. Великій князь Казимиръ съ литовскими князьями и панами просили насъ о томъ же, и мы имъ дали Кіевъ, Владиміръ, Луцкъ,

Смоленскъ, Подолію, Каменецъ, Браславль, Сокальскъ, Звенигородъ, Черкасы, Хаджибеевъ маякъ (Одесса), начиная отъ Кіева Днѣпромъ до устья... Путивль, Черниговъ, Рыльскъ, Курскъ, Осколь, Стародубъ, Брянскъ, Мценскъ, Любутскъ, Тулу... Козельскъ, Пронскъ; потомъ, повышая брата нашего Казимира, мы придали ему къ Литовскому столу Ісковъ, Великій Новгородъ, Рязань; а теперь мы пожаловали Сигизмунда, брата нашего, столецъ въ Литовской Землѣ дали ему со всеми выписанными землями“¹⁾.

И вотъ, несмотря на то, что Василій, въ началѣ своего княженія, поспѣшилъ взять съ Менгли-Гирея клятвенную грамоту въ соблюденіи прежняго союза, какой былъ у Москвы съ Крымомъ при Іоаннѣ III, лѣтомъ 1507 года пришла вѣсть, что идетъ множество Татаръ по степи, и надобно ждаты ихъ прихода на бѣлевскія, одоевскія и козельскія мѣста. Великій князь немедленно выслалъ полки на Украину: московскіе воеводы не успѣли помѣшать Татарамъ набрать въ ней большую добычу, но пустылись за разбойниками въ степь, нагнали ихъ на Окѣ, поразили и отняли всю добычу²⁾ (9-го августа). Послѣ этого во все продолженіе войны съ Литвою нападеній не было. Глинскій, съ своей стороны также, обратился въ Крымъ, прося покровительства у хана, поднимая его на короля; Менгли-Гирей не отказывался отъ союза и съ Глинскимъ, обѣщая завоевать для него Кіевъ, не переставая въ то же время обѣщать королю, что хочетъ послать къ нему на помощь Татаръ своихъ къ Кіеву и даже къ Вильнѣ. Но король спѣшилъ отказаться отъ такой помощи, писалъ къ Менгли-Гирею отъ 11-го іюня 1508 года, что помощь татарская уже болѣе не нужна въ Литвѣ, которая очищена отъ Глинскаго и московскихъ воеводъ, и самъ онъ, Сигизмундъ, уже приблизился къ московскимъ границамъ, а просить хана послать войско на Брянскъ, Стародубъ и Новгородъ-Сѣверскій: „Если не захочешь сыновей послать, то пошли хотя нѣсколько тысячъ людей своихъ, и тѣмъ покажи намъ искреннее братство и вѣрную пріязнь, а мы, какъ тебѣ присягнули и слово свое дали, такъ и будемъ все исполнять до смерти, тебя одного хотимъ во всемъ тѣшить, и мимо тебя другого пріятелиа некакъ не будемъ“³⁾. Король обѣщалъ выслать немедленно и деньги въ Крымъ³⁾.

По разбойники еще помнили поражение на Окѣ, и ханъ не послалъ войска въ другой разъ къ московскимъ украинамъ; ему казалось безопаснѣе посредствомъ клятвеннаго обѣщанія союза выманить у великаго князя Московскаго какъ можно больше подарковъ, выманить также и пасынка своего, бывшаго Казанскаго царя Абдыллетифа, находившагося въ заточеніи, и вовлечь Василія въ войну съ

¹⁾ Акты Запад. Россіи II, № 6.

²⁾ П. С. Р. Л. VI, 246. Русскіе глази Татаръ до рѣчки Рыбницы (Орловскаго уѣзда).

³⁾ Акты Зап. Россіи, II, № 33.

Астраханю, съ которою у Москвы не было никакихъ враждебныхъ столкновений. Требовалъ подарковъ не одинъ ханъ; обыкновенно послы привозили къ великому князю множество грамотъ отъ всѣхъ царевичей и царевенъ: все это слало тяжелые поклоны съ легкимъ поминкомъ, а себѣ требовало тяжелыхъ поминковъ; но, кромѣ царевичей и царевенъ, нужно было дарить всѣхъ мурзъ и князей. Менгли-Гирей писалъ великому князю: „Братъ мой, князь великій Иванъ, Ямгурчей - Салтану, кромѣ десяти (подарковъ), портице соболье да 2,000 бѣлки, да 300 горпостаевъ, не убавляя, посылавалъ, а нынче отъ тебя такъ не привезено. Изъ моихъ мурзъ и князей двадцати человекамъ поминка не досталось: такъ ты бы имъ прислалъ по сукну; а если имъ не пришлешь, то они скажутъ: шерть (присягу) съ насъ долой! И сильно намъ стануть объ этомъ докучать, такъ бы намъ докуки не было“. Ханъ требовалъ безпошлинной торговли для своихъ купцовъ, и писалъ великому князю: „Послалъ я своего торговца, и если товаръ, какой ему нужно купить, будетъ дорогъ, то я ему велѣлъ за хорошею бѣлою и въ Казань итти. Въ какомъ мѣстѣ онъ начнетъ товаръ мой продавать, или въ какой городъ пойдетъ, то ты своего добраго человека съ нимъ пошли, чтобъ на немъ тамги не брали, чтобъ силы и наступанія ему никакого не было, потому что мои деньги все равно, что твои деньги; такъ вели постеречь и поберечь. Отъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ нашихъ ордобазарцы въ Москву и въ другіе города хаживали, и нигдѣ съ нихъ тамги не брали, потому что ихъ деньги — наши деньги, и брать съ нихъ тамгу значить надомною насмѣхаться. Изначала наши ордобазарцы въ к е р м о с а р а я х ѣ (гостинныхъ дворахъ) не ставятся, ставятся гдѣ хотять, и никто имъ о томъ слова не говорить“. Ханъ требовалъ также присылки одоевской дани, какъ она шла въ Крымъ при Іоаннѣ III.

Великій князь исполнилъ требованіе хана относительно ордобазарцевъ: не велѣлъ брать съ нихъ тамги и ставить ихъ на гостинныхъ дворахъ, но отказался отправить войско на Астрахань: „Судовъ на Волгѣ при отцѣ моемъ не дѣлывали, да и теперъ не дѣлаютъ, и народу служебнаго туда переслать нельзя“. Великій князь не согласился также отпустить Абдылетфа въ Крымъ, но согласился возратить ему свободу и надѣлить городомъ; Менгли-Гиревъ посоль наставлявалъ, чтобъ Абдылетифу дали Каширу; но великій князь никакъ на это не согласился: помѣстить Абдылетифа такъ близко къ степи — значило передать украину въ жертву Крымцамъ, или, по крайней мѣрѣ, дать Летифу возможность уйти изъ Московскаго государства; ему дали Юрьевъ, причемъ взяли съ него клятвенную грамоту, показывающую намъ тогдашнія отношенія такъ называемыхъ служилыхъ татарскихъ царевичей къ государству. Летифъ, называя себя царемъ и великаго князя бра-томъ, обязуется: быть въ пріязни съ его друзьями и въ враждѣ съ врагами, не мириться и не ссы-

латься ни съ кѣмъ безъ его вѣдома, показывать ему всѣ грамоты, какія только будутъ присланы къ нему отъ другихъ владѣльцевъ; если великій князь пошлетъ его на свою службу, то ему и его войску, ходя по московскимъ землямъ, не брать и не грабить своєю рукою ничего, надъ христианами насилія никакого не дѣлать, а кто это сдѣлаетъ или церковь поругаетъ, того выдать; убьютъ такого преступника на мѣстѣ преступленія — вины нѣтъ; послы Летифа, ѣдущіе въ Москву, берутъ корь по ямазъ; но торговцы его кормъ должны себѣ покупать; послы и купцовъ московскихъ Летифу не хватать и не грабить, также русскихъ плѣнныхъ, которые побѣгутъ изъ Орды; Летифъ обязывается не мыслить зла Янаю царевичу, живущему въ городкѣ Мещерскомъ, и Шихъ-Авліару царевичу, помѣщенному въ Сурожикѣ, и никакому другому царю или царевичу, которые будутъ въ Московскомъ государствѣ; не принимать отъ нихъ улановъ, князей и казаковъ, хотя бы они прежде ушли отъ нихъ въ Орду или Казань, и оттуда изъ не принимать; также не принимать Татаръ великокняжескихъ, кромѣ четырехъ родовъ: Ширинова, Ваарынова, Аргинова и Кипчакова; обязывается не воевать съ Казанью безъ вѣдома великокняжескаго, не выѣзжать изъ Московскаго государства и быть во всемъ послушнымъ великому князю. Съ своей стороны, великій князь далъ Летифу на словахъ клятву — держать его другомъ и братомъ, но въ грамоту этой строки писать не велѣлъ для прежняго своего дѣла.

Послы московскіе начали подвергаться въ Крыму насиліямъ отъ хищныхъ царевичей и мурзъ; отпуская къ Менгли-Гирею значнаго посла своего, Василія Морозова, великій князь писалъ къ хану, что если и Морозовъ потеритъ такое же насиліе и безчестіе, какое потерпѣлъ прежній посоль Заболоткій, то впередъ онъ будетъ посылать къ нему людей молодыхъ, а не бояръ; и Морозову былъ данъ наказъ: „Если стануть у него просить какой пошлины, то ему въ пошлину никому ничего не давать, кромѣ того, что съ нимъ послано отъ великаго князя въ поминкахъ“. Морозовъ исполнилъ наказъ; но пусть онъ самъ расскажетъ намъ, чего стоило ему это выполнение: „Пріѣхалъ я къ воротамъ (доносить посоль великому князю), сошелъ съ лошади, пошелъ пѣшкомъ въ городскія ворота, — и вижу, что въ воротахъ сидятъ всѣ лучшіе князья; они со мной каршавались (здоровались) по обычаю; но когда дошла очередь до Кудаяръ-мурзы, то онъ со мною не каршавался, а сказалъ толмачу: „Скажи боярину, что онъ холопъ“! Толмачъ мнѣ тутъ не сказалъ, а онъ на толмача съ пожемя, и толмачъ мнѣ сказалъ у царевныхъ дверей. Я пошелъ къ царю и девяти (подарки) понесли за мною; тутъ Кудаяръ-мурза отнял у подъячаго пубу бѣличью хребтовую; какъ подошелъ я къ царевнымъ дверямъ, — ясаулы посохи свои бросили передо мною и стали говорить толмачу: „Давай пошлины“! Я перешагнулъ черезъ посохи; ничего, говорю, невѣ-

даю; а мурза Аппакъ мнѣ сказалъ: „Не потакай, ступай прямо къ царю“. Царь спрашивалъ о твоёмъ (великаго князя) здоровьи, меня жаловалъ, и царевичи меня жаловали и карашеваться звали: я посольство править, царь меня жаловалъ чашею, и остатокъ подалъ, и царевичи жаловали, остатки подавали; потомъ царь, немного посидѣвши, велѣлъ мнѣ чашу подать, а я чашу подалъ царю, царевичамъ и князьямъ; но когда дошелъ чередъ до Кудаяръ-мурзы, то я началъ бить челомъ царю на него, что холопомъ меня назвалъ и шубу отнял. „Кудаяръ-мурзѣ, говорилъ я, чашу не подавай за это: холопъ я твой, да брата твоего, государя великаго князя Василія Ивановича“. Царь началъ говорить за Кудаяра (по немъ покрашивать): „Мы его этимъ пожаловали“ — говорилъ царь. Я на это отвѣчалъ: „Въ томъ, государь, воленъ ты, вольный человекъ, хотя и все ему отдай“. Царь послѣ этого меня отпустилъ, и прислалъ за мною съ медомъ, а Кудаяра, говоритъ, бранилъ и вонъ выславалъ... А царевичъ Ахматъ-Гирей прислалъ ко мнѣ дувана своего; дуванъ ко мнѣ пріѣхалъ, да сталъ браниться, говоритъ: „Царевичъ тебѣ приказалъ сказать: не додай мнѣ тѣхъ поминковъ, что мнѣ Заболотскій давалъ, и я тебя велю на цѣпи къ себѣ привести“. Я ему отвѣчалъ: „Цѣпи твоей не боюсь, а поминковъ не дамъ, поминковъ у меня нѣтъ“¹⁾.

Мы видѣли, что и Александръ, и Сигизмундъ, желая войны съ Москвою, старались поднять на нее магистра Ливонскаго; но уже изъ отвѣта Плеттенбергова Александру можно было усмотрѣть, что старанія будутъ безуспѣшны. Ливонія и города Ганзейскіе хлопотали только о томъ, чтобы съ помощію короля Римскаго Максимилиана возвратить своихъ плѣнниковъ и товары, захваченные при Іоаннѣ. Извѣстный намъ Гардингеръ пріѣхалъ осенью 1506 года въ Москву съ прежнею просьбой отъ Максимилиана объ освобожденіи ливонскихъ плѣнниковъ; Василій велѣлъ отвѣчать: „Если Максимилианъ король Римскій будетъ съ нами въ союзѣ, братской любви и дружбѣ, какъ былъ съ отцомъ нашимъ; и если магистръ, архіепископъ и вся Земля Ливонская отъ нашего недруга Литовскаго отстанутъ, пришлютъ бить челомъ въ Великій Новгородъ къ нашимъ намѣстникамъ, исправляя нашимъ отчинамъ, Великому Новгороду и Пскову ввремя, то мы, посмотря на ихъ челобитью, для Максимилиана короля Римскаго прикажемъ своимъ намѣстникамъ и своимъ отчинамъ, Новгороду и Пскову, съ Ливонцами миръ заключить, какъ будетъ пригоже, и тогда плѣнниковъ освободимъ“. Ливонскіе послы не являлись въ продолженіи войны съ Литвою; но когда эта война кончилась, то магистръ въ мартѣ 1509 г. прислалъ бить челомъ о перемиріи, которое и было заключено новгородскимъ и псковскимъ намѣстниками на четырнадцать лѣтъ; по договору, Нѣмцы обязались не приставать къ Литовскому великому князю и его преемникамъ, получили право

торговать въ Новгородской Землѣ всякимъ товаромъ, кромѣ соли; съ обѣихъ сторонъ обязались давать посламъ проводниковъ и подворья безденежно. — Потомъ Максимилианъ прислалъ съ просьбою, чтобы позволено было Ганзейскимъ городамъ торговать по-прежнему съ Новгородомъ и Псковомъ, и чтобы отданы были товары, захваченные при Іоаннѣ. Василій отвѣчалъ, что относительно возобновленія торговли исполнить просьбу Максимилианову, если Ганзейскіе города пришлютъ къ новгородскимъ и псковскимъ намѣстникамъ бить о томъ челомъ по-пригожу; но что товаровъ имъ не отдадутъ²⁾.

Обезопасивъ себя со стороны Казани, Крыма, Литвы и Ливоніи, Василій задумалъ порѣшить со Псковомъ, къ чему подавали поводъ постоянныя столкновения власти народной со властію намѣстника великокняжескаго. Съ 1508 или 1509 года во Псковѣ намѣстникомъ былъ князь Иванъ Михайловичъ Репня-Оболенскій, а Псковичи прозвали его Найденомъ, потому что, говоритъ ихъ лѣтописецъ, пріѣхалъ онъ во Псковъ не по обычаю, не будучи прошенъ и объявленъ, пошли его Псковичи на загородномъ дворѣ, потому священники на-встрѣчу къ нему со крестами не ходили; и былъ этотъ князь лютъ до людей, прибавляетъ лѣтописецъ. Осенью 1509 года великій князь отправился въ Новгородъ и получилъ здѣсь отъ Оболенскаго жалобу, что Псковичи держатъ его нечестно, не такъ, какъ держали прежнихъ намѣстниковъ, и дѣла государскія дѣлаютъ не по-прежнему, въ суды и доходы великокняжескіе вступаютъ, и людьми намѣстничьимъ отъ нихъ безчестіе и насиліе большое. Велѣдъ за жалобою отъ намѣстника, явились въ Новгородъ посадники и бояре псковскіе, принесли великому князю въ даръ полтораста рублей, и били челомъ, что обижены отъ намѣстника, отъ его людей, отъ его намѣстниковъ пригородскихъ и отъ ихъ людей. Великій князь отвѣчалъ: „Хочу отчину свою жаловать и оборонять, какъ отецъ нашъ и дѣды дѣлали; и если придетъ на моего намѣстника много жалобъ, то я его обвиню передъ вами“. Отпустивъ посадниковъ и бояръ, Василій отправилъ въ Псковъ околыничаго, князя Петра Василіевича Великаго, и дьяка Далматова съ приказаніемъ выслушать князя Оболенскаго съ Псковичами порознь и помирить ихъ. Посланые возвратились и объявили, что Псковичи съ намѣстникомъ не мирятся; пріѣхали опять посадники бить челомъ, чтобы государь далъ имъ другого намѣстника, а съ Репнею прожить имъ нельзя. Тогда великій князь велѣлъ ѣхать къ себѣ въ Новгородъ Репнѣ и всѣмъ Псковичамъ, у которыхъ есть жалобы на намѣстника. Поѣхалъ намѣстникъ, поѣхалъ посадникъ Леонтіѣй, но поѣхалъ жаловаться не на Оболенскаго, а на товарища своего, другого посадника Юрія Кошлы; Юрій по-

¹⁾ Крымскія дѣла, № 3, стр. 1—62 и слѣд.

²⁾ Памят. дипломат. снош. I, стр. 139—158; С. г. г. в д. V, № 57.

вѣхалъ отвѣчать, и скоро прислать изъ Новгорода грамоту: „Если не побѣдутъ посадники изъ Искова говорить противъ князя Ивана Ренин, то вся земля будетъ виновата“. Тогда сердце у Псковичей приуныло; побѣхали девять посадниковъ да купеческіе старосты всѣхъ рядовъ. Великій князь управы имъ не далъ, но объявилъ: „Сбирайтесь жалобщики на Крешеніе, тогда я вамъ всѣмъ управу дамъ, а теперь вамъ управы никакой нѣтъ“. Жалобщики возвратились домой, и, когда подошелъ срокъ, отправились опять въ Новгородъ. Въ самый праздникъ Крешенія Василій велѣлъ Псковичамъ собраться и идти на рѣку на водосвятіе, гдѣ былъ и самъ со крестнымъ ходомъ; потомъ бояре объявили имъ: „Посадники Псковскіе, бояре и жалобщики, Государь велѣлъ вамъ всѣмъ собираться на государскій дворъ, а кто не пойдетъ, тотъ бы боялся государевой казни, потому что государь хочетъ дать вамъ всѣмъ управу“. Псковичи отправились съ рѣки на владычій дворъ; посадники, бояре и купцы введены были въ палату, а младшіе люди стояли на дворѣ, и вотъ вошли въ палату московскіе бояре и сказали Псковичамъ: „Пойманы вы Богомъ и великимъ княземъ Василюемъ Ивановичемъ всея Руси“. Посадниковъ посадили тутъ же въ палатѣ, а младшихъ переписали и отдали Новгородцамъ по улицамъ беречь и кормить до управы. Такъ говоритъ Псковскій лѣтописецъ; по извѣстію же другихъ лѣтописцевъ, великій князь велѣлъ Псковскому намѣстнику, князю Ренинъ, съ посадниками стать передъ собою, выслушалъ и обмысалъ, что посадники не слушались намѣстника, въ суды и пошлины его вступались, держали его не такъ, какъ прежнихъ намѣстниковъ; также отъ нихъ и Псковичамъ было много обидъ и насильствъ, но что болѣе всего, — государское имя презирали, нечестно держали. За это великій князь положилъ опалу на посадниковъ, велѣлъ ихъ схватить и раздать дѣтямъ боярскимъ по подворьямъ. Тогда посадники и другіе Псковичи, познавъ свою вину, били челомъ государю, чтобъ пожаловать отчину свою Псковъ, устроилъ какъ ему, государю, Богъ извѣстилъ. Великій князь велѣлъ имъ сказать чрезъ бояръ своихъ: „Вы достойны за свои вины казни и опалы; но государь вамъ готовъ оказать милость, если вы исполните его волю, вѣчевой колоколь свѣсите, чтобъ впредь вѣчу не быть, а быть въ Псковѣ двумъ намѣстникамъ, и по пригородамъ быть также намѣстникамъ; государь самъ хочетъ быть въ Псковѣ, помолиться Св. Троицѣ и всему указъ учинить, какъ судить намѣстникамъ въ Псковѣ и по пригородамъ; если волю государеву исполните, то государь васъ жалуетъ, въ имѣнія ваши и въ земли не вступается. Если же государева жалованья не признаете и воли его не исполните, то государь будетъ дѣлать свое дѣло, какъ ему Богъ поможетъ, а кровь христіанская взыщется на тѣхъ, кто государеву жалованье презираетъ и воли его не исполняетъ“. — Посадники и всѣ Псковичи отвѣчали боярямъ: „За государеву жалованье

мы здѣсь челомъ бьемъ; но велѣлъ бы государь послать во Псковъ съ тѣми же рѣчми“. Они дѣловали крестъ служжить Василю, его дѣтямъ и на слѣдникамъ до конца міра¹⁾.

Псковичи узнали объ участи посадниковъ отъ купца своего Филиппа Поповича, который услышалъ вѣсть на дорогѣ въ Новгородъ, бросилъ товаръ и поскакалъ во Псковъ сообщить ее гражданамъ. На Псковичей напалъ страхъ, трепетъ и тоска, гортани ихъ пересохла отъ печали, уста пересмысли; много разъ приходили на нихъ Нѣмцы, но такой скорби еще имъ не бывало, какъ теперь, говорить ихъ лѣтописецъ. Собрали вѣче, начали думать: ставить ли пить противъ государя, заираться ли въ городъ. Помыслили крестное цѣлованіе, что нельзя поднять рукъ на государя, а посадники и бояре, и лучшіе люди всѣ у него. Порѣшивши, что сопротивляться нельзя, Псковичи послали къ великому князю гоциу Евстаѳію Соцкаго, бить челомъ со слезами: „Чтобъ ты, государь, жаловалъ свою отчину старинную; а мы, сироты твои, прежде были и теперь неотступны отъ тебя и сопротивляться не хотимъ; Богъ воленъ да ты въ своей отчинѣ и въ насъ, своихъ людичкахъ“. Съ объявленіемъ воли великокняжеской пріѣхалъ въ Псковъ дьякъ Трегьякъ Далматовъ, который сказалъ на вѣчѣ отъ имени Василя: „Если отчина моя хочетъ прожить въ старинѣ, то должна исполнить двѣ мои воли: чтобъ у васъ вѣча не было и колоколь вѣчевой былъ бы снятъ; быть у васъ двумъ намѣстникамъ, а по пригородамъ намѣстникамъ не быть. — въ такомъ случаѣ вы въ старинѣ проживете; если же этихъ двухъ волей не исполните, то какъ государю Богъ на сердцѣ положить: много у него силы готовой, и кровопролитіе взыщется на тѣхъ, кто государевой воли не сотворитъ; да государь велѣлъ вамъ еще объявить, что хочетъ побывать на поклонъ къ Св. Троицѣ во Псковѣ“. Отговоривши свою рѣчь, дьякъ сѣлъ на ступени. Псковичи ударили челомъ въ землю и не могли слова промолвить, потому что глаза у нихъ наполнились слезами, только грудные младенцы не плакали; наконецъ, собравшись съ духомъ, отвѣчали дьяку: „Посоль государевъ! подожди до завтра; мы подумаемъ и обо всемъ тебѣ скажемъ“; тутъ опять всѣ горько заплакали: „Какъ зѣницы не выпали у нихъ вмѣстѣ со слезами; какъ сердце не оторвалось отъ корня своего?“ — говоритъ лѣтописецъ.

Думать Псковичамъ было нечего; день прошелъ въ плачѣ, рыданіяхъ, стомахъ; бросались другъ къ другу на шею и обливались слезами. Задержанные въ Новгородѣ посадники и бояре писали къ нимъ, что дали Василю крѣпкое слово своими душами за себя и за всѣхъ Псковичей исполнить государево приказаніе; писали, что общая гибель будетъ слѣдствіемъ сопротивленія великому князю,

1) Русск. Временникъ, II, 278. Архив. лѣтоп. у Казан. VII, примѣч. 63.

у котораго многочисленное войско. На развѣстѣ другого дня позвонили къ вѣчу; Третьякъ приѣхалъ, и Псковичи сказали ему: „Въ лѣтописяхъ нашихъ написано, съ прадѣлами, дѣлами и съ отцемъ великаго князя крестное цѣлованіе положено, что намъ, Псковичамъ, отъ государя своего великаго князя, кто бы ни былъ въ Москвѣ, не отойти ни въ Литву, ни къ Нѣмцамъ; отойдемъ въ Литву или къ Нѣмцамъ, или станемъ жить сами собою безъ государя, то на насъ гнѣвъ Божій, голодь, огонь, потопъ и нашествіе поганыхъ; на государѣ великомъ князѣ тотъ же обѣтъ, какой и на насъ, если не станетъ насъ держатъ въ старинѣ; а теиерь Богъ воленъ да государь въ своей отчинѣ, городѣ Псковѣ, и въ насъ, и въ колоколѣ намемъ, а мы прежней присягѣ своей не хотимъ измѣнять и на себя кровопролитіе принимать, мы на государя рукъ поднять и въ городѣ запереться не хотимъ; а хочеть государь нашъ князь великій помолиться Живоначальной Троицѣ, и побывать въ своей отчинѣ во Псковѣ, то мы своему государю рады всѣмъ сердцемъ, что не погубилъ насъ до конца“. 13 января 1510 года сняли вѣчевой колоколъ у Св. Троицы, и начали Псковичи, смотря на колоколъ, плакать по своей старинѣ и по своей волѣ, и въ ту же ночь Третьякъ повезъ вѣчевой колоколъ къ великому князю въ Новгородъ.

За недѣлю до пріѣзда великаго князя пріѣхали воеводы его съ силою и повели Псковичей къ крестному цѣлованію, а посадникамъ сказали, въ какой день великій князь будетъ во Псковъ; посадники, бояре, дѣти боярскіи и посадичьи и купцы поѣхали въ Дубовно встрѣчать государя, который пріѣхалъ во Псковъ 24 января. Въ тотъ же день рано пріѣхалъ владыка Коломенскій и объявлялъ духовенству, что великій князь не велѣлъ встрѣчать себя далеко; духовенство осталось, а Псковичи встрѣтили его за три версты отъ города и ударили челомъ въ землю; государь спросилъ у нихъ о здоровьи; они отвѣчали: „Ты бы, государь нашъ князь великій, царь всея Руси, здравъ быть“. На торгу встрѣтилъ владыка Коломенскій съ псковскимъ духовенствомъ; въ Троицкомъ соборѣ нѣли молебень и кликали многолѣтіе государю; благословляя его, епископъ сказалъ: „Богъ тебя, государь, благословляетъ взятіемъ Пскова“; которые Псковичи были тутъ въ церкви и слышали это, заплакали горько: „Богъ воленъ да государь, сказали они: мы были изстари отчиною отцовъ его, дѣдовъ и прадѣдовъ“. На четвертый день великій князь велѣлъ быть у себя посадникамъ, боярамъ, купцамъ и житнымъ людемъ, чтобы пожаловать ихъ своимъ жалованьемъ, какъ было имъ сказано. Когда они собрались, то князь Петръ Васильевичъ Великій перекликалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ по списку и велѣлъ имъ идти въ гридню, гдѣ ихъ всѣхъ отдали подъ стражу; меиъ же значительнымъ Псковичамъ, оставшимся на дворѣ, князь Петръ сказалъ: „До васъ государю дѣла нѣтъ, а до кого государю дѣла, тѣхъ онъ къ себѣ беретъ;

а васъ государь пожалуетъ своею жалованнею грамотою, какъ вамъ впередъ жить“. Лучшие Псковичи вышли изъ гридны съ приставами, отправились по своимъ дворамъ, и въ ту же почъ стали обираться въ Москву съ женами и дѣтми, взяли съ собою только что полегче, а прочее все бросили и поѣхали насипѣхъ съ большими плачемъ и рыданіемъ; поѣхало всего тогда 300 семей. Отнялась слава псковская, говорить лѣтописецъ; по его словамъ, бѣда постигла Псковичей за самоволіе и непокореніе другъ другу, за злые поклены и лихія дѣла, за кричанье на вѣчахъ; не умѣли своихъ домовъ устраивать, а хотѣли городомъ управлять.

Великій князь послалъ боярина Петра Яковлевича Захарьина (Коикина) поздравить Москву со взятіемъ Пскова, а самъ жилъ во Псковѣ четыре недѣли, устраивалъ новый бытъ: деревни сведенныхъ бояръ псковскихъ онъ роздалъ своимъ боярамъ; въ намѣстники назначилъ Григорья Морозова и Ивана Челяднина, дьякомъ Мисюря Мунехина, другимъ ямскимъ дьякомъ Андрея Волосатаго, назначилъ 12 городничихъ, и 12 старостъ московскихъ и 12 псковскихъ далъ имъ деревни и велѣлъ сидѣть въ судѣ съ намѣстниками и тиунами, стеречь правды; далъ Псковичамъ уставную грамоту; послалъ своихъ намѣстниковъ по пригородамъ и велѣлъ привести пригорожанъ къ крестному цѣлованію. Изъ Москвы присланы были во Псковъ добрые люди, гости, числомъ 15, для установленія тамги, потому что во Псковѣ прежде тамги не было, торговали безошлинно, и для дѣланія денегъ на новый чеканъ; присланы были изъ Москвы также пищальники казенные и воротники; а уѣзжая, великій князь оставилъ во Псковѣ 1,000 человекъ дѣтей боярскихъ и 500 новгородскихъ пищальниковъ. Къ Троицкуну дню того же года пріѣхали купцы Москвичи на мѣсто сведенныхъ псковскихъ, 300 же семей изъ десяти городовъ, и начали имъ давать дворы въ Среднемъ городѣ, а Псковичей всѣхъ выпроводили въ окольный городъ и на посадь.

Лѣтописецъ жалуется на первыхъ намѣстниковъ: у намѣстниковъ, говоритъ онъ, у тиуновъ ихъ и дьяковъ правда, крестное цѣлованіе взлетѣли на небо, а кривда начала между ними ходитъ; были они немилостивы къ Псковичамъ, а Псковичи бѣдные не знали суда московскаго; намѣстники пригородные торговали пригорожанами, продавали ихъ великимъ и злымъ умысленіемъ, подметомъ и покленомъ; приставы намѣстничьи начали брать отъ поруки по 10, 7 и 5 рублей, а кто изъ Псковичей сошлется на уставную грамоту великаго князя, какъ тамъ опредѣлено, по чему брать съ поруки, того они убьютъ; отъ ихъ налоговъ и насильства многіе разбѣжались по чужимъ городамъ, бросивши женъ и дѣтей; иностранцы, жившіе во Псковѣ, — и тѣ разшлись съ свои земли, одни Псковичи остались, потому что земля не разступится, а вверхъ не взлетѣтъ. — Слухъ о такомъ

поведеніи намѣстниковъ дошелъ до великаго князя: въ слѣдующемъ же 1511 году онъ свелъ Морозова и Челядина, и на ихъ мѣсто прислалъ двоихъ князей—Петра Великаго и Семена Курбскаго; Петръ былъ прежде княземъ во Псковѣ и зналъ всѣхъ Псковичей. Новые намѣстники были добры до Псковичей, говорить лѣтописецъ, и вотъ горожане, которые разошлись, начали опять собираться во Псковъ. Намѣстники эти жили четыре года. Намѣстники смѣнялись; не смѣнялся дьякъ Ми-

сюръ Мунехинъ, имѣвшій важное значеніе, управлявшій, какъ видно, всѣмъ ⁴⁾. Послѣ семнадцати-лѣтняго пребыванія во Псковѣ, Мисюръ умеръ въ 1528 году. Дьяки начали часто перемѣляться послѣ него; по словамъ лѣтописца, были дьяки мудры, а земля пуста; казна великокняжеская начала увеличиваться во Псковѣ; но изъ дьяковъ ни одинъ не выѣхалъ поздорому изъ Пскова въ Москву, потому что другъ на друга воевали. Мы еще будемъ имѣть случай упомянуть о Мисюрѣ.

Глава II.

Смоленскъ.

Возобновленіе войны съ Литвою.—Взятіе Смоленска.—Измѣна Глинскаго.—Пораженіе Русскихъ у Орши.—Сигизмундъ не пользуется побѣдою.—Сигизмундъ подущаетъ Крымцевъ къ нападенію на русскія владѣнія.—Союзъ Василія съ Албрехтомъ Бранденбургскимъ.—Посредничество императора Максимилиана.—Посольство Герберштейна.—Союзъ Казани и Крыма противъ Москвы.—Нашествіе Магметъ-Гирея.—Перемиріе съ Литвою. Войны съ Казанью.—Сююневи съ Крымомъ, Швеціею, городами Ганзейскими, Даниею, Римомъ, Турціею.—Присоединеніе Рязани, княжества Сѣверскаго и удѣла Волоцкаго.

Если великому князю Московскому выгодно было окончательно закрѣпить за собою отцовскія завоеванія въ Литвѣ; если Сигизмунду, съ другой стороны, важно было безъ новыхъ уступокъ освободиться отъ изнурительной и, вслѣдствіе движеній Глинскаго, опасной войны: то конечно Глинскому, потерпѣвшему полную неудачу въ своихъ замыслахъ, принужденному покинуть родную страну, не было никакой выгоды отъ прекращенія войны между Москвою и Литвою. Понятно, что пребываніе Глинскаго при дворѣ Московскомъ не могло служить ручательствомъ въ сохраненіи мира; понятно, что этотъ даровитый, энергическій, знающій, бывалый человекъ долженъ былъ употреблять всѣ усилія къ возвращенію себѣ прежняго положенія, прежнихъ владѣній; понятно, что человекъ, привыкшему къ великокняжескому положенію въ Литвѣ, привыкшему управлять государствомъ при Александрѣ, нельзя было привыкнуть къ положенію дѣла въ Москвѣ, гдѣ великій князь, касательно ограниченія власти боярскаго, приводилъ къ концу мѣры отцовскія; понятно, что Глинскій постоянно обращалъ безпокойные взоры на западъ, прилежно слѣдилъ за дѣлами Сигизмунда, съ радостію замѣчалъ, когда эти дѣла начинали становиться затруднительными, и употреблялъ всѣ усилія, чтобъ склонить великаго князя Московскаго воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ короля для начатія новой, выгодной войны. Сигизмундъ понималъ, что Глинскій не дастъ ему продолжительнаго мира съ Москвою, и потому въ началѣ 1509 года попытался склонить Василія къ выдачѣ ему князя Михаила. „Сестра твоя, королева Елена, велѣтъ сказать Сигизмунду Василію, уже извѣстала тебѣ, что измѣнникъ нашъ Михайло Глинскій, позабывши ласки и жалованье брата нашего, господаря

своего Александра, который изъ смерда сдѣлалъ его паномъ, посягнулъ на его здоровье, своими чарами свелъ его въ могилу; королева устно намъ объ этомъ говорила, подробно писала въ письмѣ и пословъ къ намъ за этимъ дѣломъ отправляла; а злодѣй, чужая свою вину, убѣждалъ въ наше отсутствіе, и теперь у тебя. Напоминаемъ тебѣ, брату нашему, чтобъ ты вмѣстѣ съ нами сочувствовать скорби, которую причинилъ этотъ злодѣй намъ и сестрѣ твоей, и выдалъ бы намъ измѣнника и убійцу зятя твоего, вмѣстѣ съ братьями и помощниками, или бы у себя казнилъ его передъ нашими послами. Если ты это сдѣлаешь, то мы будемъ поступать точно такимъ же образомъ съ твоими подданными, которые, нагрубивши тебѣ, уйдутъ къ намъ“ ⁴⁾. Василій отвѣчалъ отказомъ. Конечно такія требованія не могли утишить въ Глинскомъ вражды къ Сигизмунду; онъ завелъ переписку съ Іоанномъ, королемъ Датскимъ, съ цѣлію вооружить его противъ Сигизмунда; послѣдній, получивши отъ Іоанна это письмо, переслалъ его къ Василію Московскому и велѣлъ сказать ему: „Самъ посмотри, гораздо-ль это дѣлается? Ты съ нами въ мирѣ, а измѣнникъ нашъ, слуга твой, живя въ твоей Землѣ, плететъ къ братьямъ нашимъ, королямъ христіанскимъ, такія грамоты съ несправедливыми словами. Ка-

⁴⁾ П. С. Р. Л. IV, 295: „Преси Арципискушъ Ровенскій у в. князя силы на своего князя Местера Ливонскіе земли, и пословъ своихъ посылаше во Псковъ къ Мисюрю дьяку Мунехину, и Мисюръ послаше къ в. князю“. 297: „Повелѣ князь великій своему дьяку Мисюрю Мунехину поставити стрѣльницу каменную. Прїѣха архіепископъ новгородскій во Псковъ, и повелѣ ему К. Вел. во Псковѣ жити 10 дней; а хотѣлъ онъ жити весь мѣсяць, и Мисюръ дьякъ показалъ ему грамоту Вел. Князя, что ему велѣно жити 10 дней; а владыка Макарей того не вѣдалъ.“

⁵⁾ Акты, относящ. къ истор. Запади. Россіи, II, № 49.

зни этого злодѣя, чтобъ онъ впередъ такъ не дѣлалъ". Отвѣта не было ¹⁾). Сигизмундъ замолчалъ о Глинскомъ, и содержаніемъ сношеній между обоими дворами до 1512 года были взаимныя жалобы на пограничныя обидныя дѣла, взаимныя требованія высылки судей для ихъ рѣшенія ²⁾). Лѣтомъ 1512 года Василий послалъ сказать Сигизмунду: „Дошелъ до насъ слухъ, что твои паны—воеводы Виленскій и Троцкій—сестру нашу, королеву Елену схватили въ Вильнѣ, свезли въ Троки, людей ея всѣхъ отослали, казну всю взяли, въ городахъ ея и волостяхъ, данныхъ ей мужемъ, паны твои ни въ чемъ не дають ей воли: державши ее три дня въ Трокахъ, свели въ Биршаны ³⁾). Мы къ тебѣ не разъ приказывали, чтобъ нашей сестрѣ отъ тебя и отъ твоихъ пановъ никакого безчестья не было и къ римскому закону ее не принуждали бы; и намъ неизвѣстно, за что нашей сестрѣ такое безчестье и принужденіе, и съ твоего ли вѣдома это сдѣлано или безъ твоего. Ты бы, братъ, побережь, чтобъ нашей сестрѣ отъ тебя и отъ твоихъ пановъ безчестья и небреженья никакого не было, казну ея велѣлъ бы всю ей отдать, людемъ ея велѣлъ бы быть при ней попрежнему, въ города ея и волости панамъ своимъ вступаться не велѣлъ, чтобъ у насъ за то съ тобою нежитья не было; да дай намъ знать, за что нашей сестрѣ, а твоей снохѣ, такое безчестье и принужденіе учинено, съ твоего ли вѣдома, или нѣтъ, чтобъ намъ объ этомъ знать. Посылаемъ къ тебѣ въ твои пограничныя города, къ твоимъ намѣстникамъ въ Смоленскыя, Полоцкъ и Витебскъ дѣтей боярскихъ для рѣшенія пограничныхъ обидныхъ дѣлъ; эти дѣти боярскія прїѣдутъ въ твои города на Дмитровъ день 1512 года (26 октября); а ты бы своихъ дворянъ для того же дѣла прислалъ въ наши пограничныя города на Николинъ день осенній“ (6 декабря 1512 года). Сигизмундъ отвѣчалъ: „Что касается пановъ воеводъ Виленскаго и Троцкаго, то намъ очень хорошо извѣстно, что они у невѣстки нашей казны, людей, городовъ и волостей не отнимали, въ Троки и Биршаны ея не увозили, и безчестья ей никакого не нанесли; они только сказали ей, съ нашего вѣдома, чтобъ ея милость на тотъ разъ въ Браславль не ѣздила, а жила бы по другимъ своимъ городамъ и дворамъ, потому что пришли слухи о небезопасности пограничныхъ мѣстъ. Дивимся мы тому, что братъ нашъ, по рѣчамъ лихихъ людей, не довѣдавшись наѣврное, къ намъ присылаетъ и говоритъ о томъ, чего у насъ и въ умѣ не было. Мы съ тѣхъ поръ, какъ стали господаремъ на отчинѣ нашей, невѣстку нашу держали въ *большомъ почетѣ*, къ римскому закону ее не принуждали и не будемъ принуждать, и не только не отнимали у нея тѣхъ городовъ и волостей, которые далъ ей братъ нашъ Александръ, но еще нѣсколько городовъ, волостей и дворовъ ей нашихъ придали; и впередъ, если

дасть Богъ, хотимъ ея милость держать въ почетѣ. А чтобъ братъ нашъ могъ лучше увѣриться, поѣзжай ты, посоль, къ невѣсткѣ нашей королевѣ и спроси ее самъ: что отъ нея услышишь, то и передай брату нашему; а впередъ братъ нашъ лихимъ людемъ не вѣрилъ бы, чтобъ между нами ссоры не было. Мы съ тобою пошлемъ къ королевѣ писаря нашего: пусть ея милость передъ тобою и передъ нашимъ писаремъ скажетъ, вправду ли съ нею такъ было, или нѣтъ“ ⁴⁾).

Слухъ о происшествіи съ Еленю, какъ видно изъ рѣчей Василія, не былъ еще, по его мнѣнію, рѣшительною причиною къ разрыву съ Литвою, ибо въ то же время великій князь назначалъ прїѣзду литовскимъ дворянамъ для рѣшенія пограничныхъ дѣлъ на 6-е декабря. Не знаемъ, ѣздилъ ли московскій посоль съ королевскимъ писаремъ къ Еленѣ, и что она имъ сказала; знаемъ, что послѣ Московское правительство жаловалось, будто Сигизмундъ не далъ никакого отвѣта на вопросъ Василія о сестриномъ дѣлѣ; знаемъ также, что въ ноябрѣ и декабрѣ 1512 года Елена распоряжалась въ своихъ Жмудскихъ волостяхъ, принимала жалобы отъ обиженныхъ, приказывала тиунамъ своимъ и намѣстникамъ объ удовлетвореніи ⁵⁾). Но скоро пришло въ Москву другое извѣстіе. Въ маѣ мѣсяцѣ двое сыновей Менгли-Гиреевыхъ съ многочисленными толдами напали на украину, на Бѣлевъ, Одоевъ, Воротынскъ, Алексинъ, повоевали, взяли плѣнныхъ. Великій князь выслалъ противъ нихъ воеводъ; но Татары отступили съ большою добычею, а воеводы за ними не пошли. Въ июнѣ одинъ изъ этихъ царевичей, Ахматъ-Гирей, пошелъ къ Рязани, но возвратился, узнавъ, что на рѣкахъ Осетрѣ и Упѣ стоятъ московскіе воеводы; въ октябрѣ братъ Ахматовъ, Бурнашъ-Гирей, пришелъ опять къ Рязани, и приступалъ къ городу; города взяты не могъ, но Землѣ Рязанской много надѣлалъ вреда, и ушелъ съ добычею. Послѣ перваго нападенія великій князь положилъ ошалу на Абдыллетифа за его неправду, отдалъ его подъ стражу и отнялъ удѣлъ—по лѣтописямъ Каширу; но мы видѣли, что Абдыллетифъ получилъ не Каширу, а Юрьевъ; перемѣненъ ли былъ послѣ удѣлъ, или ошиблись лѣтописцы—рѣшить не можемъ; не знаемъ также, въ чемъ состояла неправда Летифа: въ томъ ли, что онъ былъ дѣйствительно заодно съ крымскими царевичами, и, при вѣсти о ихъ приходѣ, обнаружилъ враждебныя намѣренія относительно Москвы, или неправда состояла только въ томъ, что его освобожденіе условливалось соблюденіемъ союзнаго договора со стороны Крымцевъ, а этотъ договоръ былъ нарушенъ. Осенью въ Москвѣ узнали, что непріятельскія дѣйствія крымскихъ царевичей были слѣдствіемъ договора, заключеннаго Менгли-Гиреемъ съ Сигизмундомъ. Это извѣстіе уже нашли достаточною причиною къ

¹⁾ Акты, относящ. къ истор. Западн. Россіи, II, № 57.

²⁾ Тамъ же, № 60, 62, 66, 74.

³⁾ Мѣстечко Ковенскаго уѣзда.

⁴⁾ Акты Западн. Россіи, II, № 80.

⁵⁾ Тамъ же, № 81.

разрыву съ Литвою, и великій князь послалъ къ Сигизмунду складную грамоту, упрекая его за оскорбленіе Елены и за стараніе возбудить Менгли-Гирея противъ Москвы. Обстоятельства были самыя благоприятныя для начала войны: Альбрехтъ, маркграфъ Бранденбургскій, родной племянникъ Сигизмунда отъ сестры, ставши великимъ магистромъ Тевтонскаго Ордена, готовился къ войнѣ съ дядею, не желая уступить ему земли Поморской и Прусской и признавать себя его вассаломъ; Ливонія, по отношеніямъ своимъ къ великому магистру, должна была также объявить войну Польшѣ; императоръ и другіе нѣмецкіе владѣльцы поддерживали Альбрехта. Глинскій, какъ мы видѣли, заботливо слѣдилъ за отношеніями Сигизмунда къ его западнымъ сосѣдямъ; еще въ 1508 году, передъ заключеніемъ мира съ Литвою, онъ убѣдилъ Василю войти въ союзъ съ императоромъ Максимилианомъ, который, по его словамъ, думаетъ доставать Венгерскаго королевства подъ братомъ и племянникомъ Сигизмунда, слѣдовательно не обойдется безъ войны съ послѣднимъ. Глинскій взялся доставить къ Максимилиану грамоту Василю, въ которой Московскій государь предлагалъ императору союзъ противъ короля Сигизмунда для доставленія своихъ отчинъ — Максимилиану Венгерской, а Василю Русской Земли. Какъ доставлена была грамота, какъ продолжались сношенія, — намъ неизвѣстно, потому что имперскія посольскія дѣла съ 1510 по 1515 годъ утрачены¹⁾; изъ лѣтописей узнаемъ о прїѣздѣ въ Москву, въ февралѣ 1514 года, императорскаго посла Сниценъ-Памера, и дошелъ до насъ союзный договоръ, заключенный при его посредствѣ между дворами Австрійскимъ и Московскимъ противъ Сигизмунда, для отнятія у послѣдняго съ одной стороны земель Тевтонскаго Ордена, съ другой — Кіева и прочихъ русскихъ городовъ²⁾.

Но Василій не дождался заключенія этого союза для начатія военныхъ дѣйствій противъ Литвы. Уже въ апрѣлѣ 1511 года Глинскій обнадеживалъ орденскихъ сановниковъ, что миръ между Литвою и Москвою не будетъ продолжителенъ. Онъ отправилъ служившаго у него Нѣжца Шлейница въ Силезію, Богемію и Германію, который нанялъ здѣсь многихъ ратныхъ людей и отослалъ черезъ Ливонію въ Москву; нашлись въ самой Польшѣ люди, которые тайно брали деньги отъ Глинскаго; одинъ изъ нихъ Лада, Чехъ, житель краковскій, схваченъ былъ на московскихъ границахъ, отосланъ въ Краковъ и тамъ казненъ³⁾. 19 декабря 1512 года самъ великій князь выступилъ въ походъ съ двумя братьями, Юріемъ и Димитріемъ, зятемъ, крещенымъ татарскимъ царевичемъ Петромъ, съ Михаиломъ Глинскимъ и съ двумя московскими воеводами — князьями Данииломъ Щенею

и Репнею-Оболенскимъ; цѣлю похода былъ Смоленскъ. Шесть недѣль стояли подъ городомъ, назначили приступъ: великій князь далъ несковскимъ пищальникамъ три бочки меду и три бочки пива; они напились и въ полночь ударили на крѣпость вмѣстѣ съ пищальниками другихъ городовъ, поそхи несли приметь: остатокъ ночи и весь слѣдующій день бились они изъ-за Днѣпра, и со всѣхъ сторонъ много легко ихъ отъ городского парада, наконецъ принуждены были отступить, и великій князь въ мартѣ 1513 года возвратился въ Москву.

Лѣтомъ, 14 іюня, Василій вторично выступилъ въ походъ; самъ остановился въ Боровскѣ, а къ Смоленску послалъ воеводу — боярина князя Репнею-Оболенскаго и окольного Андрея Сабурова; Смоленскій памѣстникъ Юрій Сологубъ встрѣтилъ ихъ за городскимъ валомъ, далъ битву, но потерѣлъ поражение и затворился въ крѣпости. Получивши вѣсть о побѣдѣ, Василій самъ отправился подъ Смоленскъ; но на этотъ разъ осада была неудачна: что пушки осаждающихъ разрушали днемъ, то осажденные задыливали ночью; тщетно великій князь посылалъ къ Смольяниамъ частыя грамоты съ обѣщаніями и угрозами, — они не сдавались; удовольствовавшись опустошеніемъ окрестностей, Василій велѣлъ отступить, и возвратился въ Москву въ ноябрѣ мѣсяцѣ. 8 іюня 1514 года великій князь выступилъ въ третій разъ къ Смоленску, съ братьями Юріемъ и Семеномъ; третій, Димитрій, стоялъ въ Серпуховѣ для обороны южныхъ границъ отъ Крымцевъ; четвертый, Андрей, оставался въ Москвѣ. 29 іюля началась осада Смоленска; дѣйствіемъ парада распоряжался пушкаръ Стефанъ. Когда онъ ударилъ изъ большой пушки по городу, то ядро попало въ крѣпостную пушку, — ту разорвало, и много осажденныхъ было побито: черезъ нѣсколько часовъ Стефанъ ударилъ въ другой разъ ядрами мелкими, окованными свинцомъ, и еще больше народа побилъ; въ городѣ была печаль большая, вѣдѣли, что битвѣ нечѣмъ, а пердаться — боялись короля. Великій князь велѣлъ ударить въ третій разъ — пали новыя толны осажденныхъ: тогда владыка Варсонофій вышелъ на мостъ и началъ бить челомъ великому князю, просить срока до слѣдующаго дня, но Василій сроку не далъ, а велѣлъ бить многими пушками отовсюду. Владыка со слезами возвратился въ городъ, собралъ весь причтъ церковный, надѣлъ ризы, взялъ крестъ, иконы и, вмѣстѣ съ памѣстникомъ Сологубомъ, панами и черными людьми, вышелъ къ великому князю. „Государь князь великій! говорили Смольяныне: много крови христіанской пролилось, земля пуста, твоя отчина; не погуби города, но возьми его съ тихо-стью“. Василій, подошедши къ владыкѣ подъ благословеніе, велѣлъ ему, Сологубу и знаменитымъ людямъ идти къ себѣ въ шатеръ, а чернымъ людямъ и духовенству велѣлъ возвратиться въ городъ, къ которому приставлена была крѣпкая стража; владыка, Сологубъ и всѣ паны почевали въ шатрѣ подъ стражею. На другой день, 30 числа, великій

¹⁾ Памят. дипломат. сношеній, I, стр. 151, 1502.

²⁾ С. г. г. и д. V, № 66 и 67.

³⁾ Стрыйковский, II, 373 Supplem. ad. histor. Russ. Monum. № CXII.

князь послалъ въ Смоленскъ воеводъ своихъ, князя Данпла Шеню съ товарищами, дьяковъ и подьячихъ, велѣлъ имъ перенести всѣхъ жителей и привести къ присягѣ — быть за великимъ княземъ и добра ему хотѣть, за короля не думать и добра ему не хотѣть; перепись и приводъ къ присягѣ кончился 31 июля. 1-го августа, послѣ водоосвященія, Василій вступилъ торжественно за крестами въ Смоленскъ вмѣстѣ съ владыкою, и былъ встрѣченъ всѣмъ народомъ; послѣ молебна и многолѣтїя въ соборной церкви, владыка сказалъ ему: „Вожїею милостию радуясь и здравствуя, православный Царь Василій, великій князь всея Руси, самодержецъ, на своей отчинѣ, городѣ Смоленскѣ, на многія лѣта!“ Припавши поздравленіе отъ братьевъ, бояръ и воеводъ, Василій слушалъ литургїю, послѣ чего отправился на княжескій дворъ и сѣлъ на своемъ мѣстѣ; тутъ снова бояре и воеводы московскїе и знатные Смольняне подходили къ нему по чину съ обычными привѣтствїями; великій князь спросилъ ихъ о здоровьи и велѣлъ сѣсть. Князьмъ, боярамъ и мѣщанамъ (горожанамъ) смоленскимъ Василій объявилъ свое жалованье, уставную грамоту, назначилъ имъ въ намѣстники боярина князя Василїя Васильевича Шуйскаго, и позвалъ ихъ обѣдать, послѣ чего каждый получилъ дары. Королевскому намѣстнику Сологубу и сыну его великій князь сказалъ: „Хочешь мнѣ служить, и я тебя жалую, а не хочешь, — воленъ на всѣ стороны“. Сологубъ просилъ позволенія отправиться къ королю, и былъ отпущенъ: онъ поѣхалъ за тѣмъ, чтобы сложить въ Польскій голову на плахѣ, какъ изменникъ. Всѣмъ служивымъ людямъ королевскимъ было сдѣлано такое же предложеніе; многіе изъ нихъ остались въ службѣ московской и получили по два рубля денегъ да по сукну; которые не захотѣли служить, и тѣ получили по рублю денегъ, и отпущены къ королю. Смольнянамъ дано было также на волю: кто изъ нихъ хотѣлъ ѣхать жить въ Москву, тому давали денегъ на подъемъ; кто хотѣлъ остаться попрежнему въ Смоленскѣ, — тотъ удерживалъ свои вотчины и помѣстья¹⁾.

Устроившись такимъ образомъ въ Смоленскѣ, великій князь выступилъ въ обратный походъ, къ Дорогобужу, пославши воеводъ своихъ къ Мстиславу; здѣшній князь, Михаилъ Ижеславскій, присягнувъ государю Московскому; то же сдѣлали жители Кричева и Дубровны. Для обереганія Смоленска, на случай прихода Сигизмундова, отправился къ Оршѣ князь Михаилъ Глинскій; къ Борисову, Минску и Друцку двинулись воеводы: двое братьевъ князей Вулаковыхъ-Патрикевичей, Михаилъ Голица и Дмитрій Ивановичи, да коношій Иванъ Андреевичъ Челядинъ. Но король выступилъ уже къ нимъ на-встрѣчу изъ Минска къ Борисову: онъ надѣялся на успѣхъ своего дѣла, и эту надежду вселялъ въ него — Михаилъ Глинскій.

Иностранцы извѣстїя приписываютъ Глинскому

большое участіе во взятїи Смоленска; говорятъ, что онъ завелъ сношенїя съ Смольнянами, привлекъ многіхъ изъ нихъ на свою сторону, и эти-то люди заставили большинство жителей сдать, не дожидаясь прихода королевскаго, въ которомъ обнадѣживалъ ихъ воевода Сологубъ. По извѣстїямъ о взятїи Смоленска, полученнымъ въ Ливонїи, Глинскій будто бы сказалъ великому князю: „Нынче я дарю тебѣ Смоленскъ, котораго ты такъ долго желалъ; чѣмъ ты меня отдарить?“ великій князь отвѣчалъ: „Я дарю тебѣ княжество въ Литвѣ“²⁾. Это извѣстіе противорѣчитъ извѣстію Герберштейна, будто Василій въ Москвѣ общалъ Глинскому отдать ему Смоленскъ: какъ бы то ни было, видно одно, что Глинскій, хотя и не имѣлъ обѣщанїя великаго князя относительно Смоленска, тѣмъ не менѣе надѣялся, что ему отдадутъ этотъ городъ, считая себя главнымъ виновникомъ его взятїи и вообще успѣха войны, ибо по его старанїю были вызваны изъ-за границы искусные ратные люди; очень вѣроятно, что знаменитый пушкаръ Стефанъ былъ изъ ихъ числа; вѣроятно также, что Глинскій имѣлъ сношенїя съ Смольнянами, дѣйствовалъ на ихъ рѣшимость къ сдачѣ, если могъ имѣть сношенїя съ жителями Кракова, какъ мы видѣли. Но если Глинскій, при своемъ страстномъ желанїи получить независимое положенїе, особое княжество, думалъ, что имѣетъ право надѣяться Смоленскаго княжества, то со стороны Василїя было бы большою неосторожностью вынудить изъ рукъ этотъ давножеланный, драгоцѣнный Смоленскъ, ключъ къ Днѣпровской области, отдать его Глинскому, хотя бы и съ сохраненїемъ права верховнаго господства, отдать его Глинскому, котораго характеръ, способность къ обширнымъ замысламъ, энергія при ихъ выполненїи не могла дать Московскому государю достаточнаго участія въ сохраненїи этого важнаго приобрѣтенїя.

Обманувшись въ своихъ надеждахъ относительно Смоленска, видя (если вѣрить приведенному извѣстію), что ему надобно дожидаться завоеванїя еще другаго княжества въ Литвѣ, завоеванїя сомнительнаго, ибо король уже приближался съ войскомъ, Глинскій завелъ переговоры съ Сигизмундомъ, обнадѣженный еще прежде въ милостивомъ прїемѣ братьевъ Сигизмундовымъ, Владиславомъ, королемъ Венгерскимъ и Богемскимъ. Сигизмундъ дѣйствительно очень обрадованъ предложенїю Глинскаго, придавая совѣтамъ послѣдняго большое вліяніе на успѣхъ московскаго оружія³⁾. Глинскій рѣшился покинуть тайно московскій отрядъ, ему ввѣренный, и ѣхать въ Оршу; но

²⁾ Кошіи съ Кенигсбер. актовъ, хрѣняц. въ Моск. Арх. Мин. Ип. дѣлъ, связка 32, № 10; извѣстіе отъ сентября 1514 года; здѣсь сказано, будто в. князь, общалъ Глинскому княжество въ Литвѣ, прибавилъ: «golobe dir das mein Hewpt nicht zu ruh setzen wollen ich bringe dich ad die orthir». См. также Supplem. ad. histor. Russ. Monum. № CXLVI.

³⁾ Стрыйковскій, II, 376.

¹⁾ Никон. VI, 296; Архангел. 213.

одинъ изъ ближнихъ его слугъ въ ту же ночь при- скакалъ къ князю Михайлѣ Голицѣ, объявилъ ему объ умыслѣ Глинскаго и указалъ дорогу, по которой поѣдетъ бѣглець. Голица, давши знать объ этомъ другому воеводѣ, Челядинну, немедленно сѣлъ на коня съ своимъ отрядомъ, перенялъ доро- гу у Глинскаго и схватилъ его ночью, когда тотъ ѣхалъ за версту впереди отъ своихъ дворянъ; на разсвѣтѣ соединился съ Голицею Челядиннъ,— и повезли Глинскаго въ Дорогобужъ, къ великому князю, который велѣлъ заковать его и отправить въ Москву; королевскія грамоты, вынутыя у Глинскаго, послужили противъ него явною уликою. Распорядившись насчетъ Глинскаго, великій князь велѣлъ своимъ воеводамъ двинуться про- тивъ короля; тотъ, оставивъ при себѣ четыре тысячи войска, въ Борисовѣ, остальное, подъ начальствомъ князя Константина Острожскаго, отпра- вилъ на-встрѣчу къ московскимъ воеводамъ, у которыхъ, по иностраннымъ извѣстіямъ, было 80,000 войска, тогда какъ у Острожскаго не болѣе 30,000. Послѣ нѣсколькихъ неболь- шихъ стычекъ въ концѣ августа, Челядиннъ пе- решелъ на лѣвый берегъ Днѣпра, у Орши, и здѣсь рѣшился дожидаться непріятеля, не препятствуя ему переправляться черезъ рѣку, чтобъ тѣмъ пол- нѣе была побѣда. 8-го сентября 1514 года про- изошелъ бой. Русскіе начали нападеніе, и долго съ обѣихъ сторонъ боролись съ переменнымъ счастьемъ, какъ наконецъ Литовцы намѣренно обратились въ бѣгство и подвели Русскихъ подъ свои пушки: страшный залпъ смялъ преслѣдующихъ, привелъ ихъ въ разстройство, которое скоро сообщилось и всему войску московскому, потерпѣвшему страш- ное пораженіе; всѣ воеводы попались въ плѣнъ, не говоря уже объ огромномъ количествѣ убитыхъ ратниковъ; рѣка Кропивна (между Оршею и Ду- бровною) запрудилась тѣлами Москвитянъ, которые въ бѣгствѣ бросались въ нее съ крутыхъ бере- говъ¹⁾. Сигизмундъ, извѣщая Ливонскаго магистра объ Оршинской побѣдѣ, писалъ, что Москвичи изъ 80,000 потеряли 30,000 убитыми; взяты въ плѣнъ: 8 верховныхъ воеводъ, 37 начальниковъ второсте- пенныхъ и 1,500 дворянъ; но послѣ, изъ литовскаго же обстоятельнаго перечисленія узнаемъ, что всѣхъ плѣнныхъ, какъ взятыхъ на Оршинской битвѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, было 611 человекъ²⁾. По московскимъ извѣстіямъ, Острожскій сначала занималъ Челядинна мирными предложеніями, а потомъ внезапно напалъ на его войско; первый вступилъ въ битву князь Михайла Голица, а Че- лядиннъ изъ зависти не помогъ ему; потомъ Ли- товцы напали на самаго Челядинна, и тогда Го- лица не помогъ ему; наконецъ непріятель напалъ въ третій разъ на Голицу, и Челядиннъ опять вы- далъ послѣдняго, побѣждалъ, и тѣмъ рѣшилъ судьбу

битвы, но московскіе источники согласны съ ли- товскими относительно страшныхъ слѣдствій Ор- шинскаго пораженія.

Дубровна, Мстиславль, Кричевъ немедленно сда- лись королю; мстиславскій владѣлецъ, князь Ми- хайла Ижеславскій, узнавши о приближеніи коро- левскаго войска, отправилъ къ Сигизмунду грамоту съ общими явными вѣрности, съ извѣщеніемъ, что только по необходимости служилъ нѣкоторое время вели- кому князю Московскому³⁾. То же самое послѣ- шилъ сдѣлать и Варсонофія, епископъ Смоленскій; отчаявшись вмѣстѣ съ знатнѣйшими Смольнянами, князьями и папами, въ дѣлѣ новаго госуда- ря, Василія, епископъ послалъ къ Сигизмунду племянника своего съ письмомъ такого содержанія: „Если пойдеши теперь къ Смоленску самъ, или вое- водъ пришлешь со многими людьми, то можешь безъ труда взять городъ“⁴⁾. Но бояре смоленскіе и мѣщане хотѣли остаться за Москвою и сказали объ умыслѣ владыки намѣстнику своему, князю Василію Шуйскому; Шуйскій велѣлъ схватить Вар- сонофію вмѣстѣ съ его соумышленниками, посадилъ ихъ подъ стражу, и далъ знать объ этомъ великому князю въ Дорогобужъ. Въ это время князь Кон- стантинъ Острожскій явился подъ Смоленскомъ только съ шеститысячнымъ отрядомъ войска, въ надеждѣ на владыку, князей и паповъ; но Шуйскій послѣшилъ убить его, что на этихъ людей нечего больше надѣяться; не дожидаясь отвѣта отъ вели- каго князя, онъ велѣлъ повѣсить всѣхъ заговорщи- ковъ, кромѣ Варсонофія, на городскихъ стѣнахъ, въ виду литовскаго войска; который изъ нихъ по- лучилъ отъ великаго князя шубу, тотъ былъ по- вѣшенъ въ этой самой шубѣ; который получилъ ковшь серебряный или чару,—тому на шею привя- зали эти подарки и такимъ образомъ повѣсили⁵⁾. Тщетно послѣ того Острожскій посылалъ къ Смоль- нянамъ грамоты съ увѣщаніями передать Сиги- мунду, тщетно дѣлалъ приступы къ городу: добро- желателей королевскихъ не существовало болѣе, и остальные граждане бились крѣпко; Острожскій дол- женъ былъ отступить отъ Смоленска, московскіе ратные люди и горожане преслѣдовали его и взяли много воевъ. Великій князь одобрилъ поведение Шуйскаго, прибавилъ ему войска и выступилъ изъ Дорогобужа въ Москву.

Упомянувши о печальномъ нападеніи Псковскаго намѣстника Сабурова на Рославль, лѣтописцы на- доло прекращаютъ рассказъ о военныхъ дѣйствіяхъ между Москвою и Литвою. Понятно, что первая должна была отдохнуть послѣ Оршинской битвы; но вредныя слѣдствія этой битвы для Москвы огра- ничились только потерей людей, потому что король не могъ извлечь изъ нея для себя никакой пользы, не могъ даже возвратить себѣ Смоленска, приобрѣ- теніе и удержаніе котораго для Василія служили достаточнымъ вознагражденіемъ за всѣ потери.

¹⁾ Герберштейнъ, стр. 1.

²⁾ Кенигсберг. акты въ Моск. Архив. Мин. Ин. Дѣлъ, связка 32, № 12, Supplom. ad. histor. Russ. Monum. № СXLVIII. Акты Запад. Россіи, II, № 137.

³⁾ Акты Запад. Россіи, II, № 92.

⁴⁾ Русск. Врем. II, 302.

⁵⁾ Архангел. стр. 222.

Письмо кievскаго воеводы Андрея Немировича литовской радѣ объяснить намъ эту невозможность для Спизмунда вести дѣятельную, успешную войну, пользоваться своими побѣдами: „Крымскій царевичъ Алпъ-Салтанъ, сынъ Магметъ-Гиреевъ, прислалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, пишетъ Немировичъ, что онъ со всѣми людьми своими уже на этой сторонѣ рѣки Тясмина, и требовалъ, чтобъ я сядился на коня и шель бы вмѣстѣ съ нимъ на Землю Московскую, — въ противномъ случаѣ онъ одинъ не пойдетъ на нее. Я писалъ къ вашей милости не разъ, чтобъ вы меня научили, какъ мнѣ дѣлать; но до сихъ поръ вы мнѣ не отвѣчали; постарайтесь немедленно прислать мнѣ наказъ. Писалъ я къ старостамъ и ко всѣмъ боярамъ кievскимъ, чтобъ ѣхали со мною на службу господарскую, — но никто изъ нихъ не хочетъ ѣхать; пожалуйте папишите имъ, чтобъ они поспѣшили за мною на службу господарскую“¹⁾.

Такимъ образомъ и помощь крымскихъ разбойниковъ не приносила всей пользы королю, хотя послѣдній не жалѣлъ денегъ для того, чтобъ подумать ихъ противъ Москвы. Весною 1515 года умеръ старшій Менгли-Гирей; сынъ его и наследникъ, Магметъ-Гирей, прислалъ въ Москву съ упрекомъ, что великій князь нарушилъ договоръ, не давши знать въ Крымъ о своемъ походѣ подъ Смоленскъ: „Ты нашему другу королю недружбу учинилъ: — городъ, который мы ему пожаловали (Смоленскъ), ты взялъ отъ насъ тайкомъ; этотъ городъ Смоленскъ къ литовскому юрту отецъ нашъ пожаловалъ, а другіе города, которые къ намъ тянутъ, — Брянскъ, Стародубъ, Почапъ, Новгородъ-Сѣверскій, Рыльскъ, Путивль, Карачевъ, Радогосъ, — отецъ нашъ, великій царь, твоему отцу далъ. Если хочешь быть съ нами въ дружбѣ и въ братствѣ, то ты эти города отдай намъ назадъ, потому что мы ихъ королю дали.... Если хочешь быть съ нами въ дружбѣ и въ братствѣ, то помоги намъ казною, пришли намъ казны побольше“. Кромѣ казны, ханъ требовалъ кречетовъ и разныхъ дорогихъ вещей; требовалъ, чтобъ великій князь отпустилъ въ Крымъ Абдыллетифа. Въ грамотахъ къ великому князю Московскому сохранились еще приличные формы; такъ, ханъ писалъ: „Брату моему поклонъ“, или: „много, много поклонъ“; но вотъ какъ начиналась ханская грамота къ великому князю Рязанскому: „Великія Орды великаго царя Махметъ-Гиреево цареву слово другу моему и становитину, Рязанскому Ивану князю вѣдомо было.... Мы, великій царь и государь твой“....

Преданный Москвѣ вельможа крымскій, Аппакъ-мурза писалъ великому князю: „У тебя ханъ проситъ восемь городовъ, и если ты ему ихъ отдашь, то другому ему будешь, а не отдашь, то тебѣ другому ему не бывать; развѣ пришлешь ему столько же казны, сколько король присылаетъ, — тогда онъ тебѣ города эти уступитъ. А съ королемъ имъ

друзьями какъ не быть? — и лѣтомъ, и зимою казна отъ короля, какъ рѣка, безпрестанно такъ и течетъ, и малому и великому всѣмъ уноривилъ“. Послу великокняжескому, Мамонову, тотъ же Аппакъ говорилъ: „Ты пріѣхалъ нынче между великимъ княземъ и царемъ дѣло дѣлать, такъ ты дѣлай дѣло умѣючи: чего у тебя царь ни попроситъ, ты ни за что не стой, тѣши его. А не захочешь царю дать добромъ, такъ тебѣ безъ дѣла назадъ ѣхать; вѣдь царь у тебя силою возьметъ все, что захочетъ; такъ ты бы царю не стоялъ ни за что, чего у тебя ни попроситъ добромъ, а позора бы тебѣ не дожидаться“. Аппакъ жаловался Мамонову, что и ему великій князь мало прислалъ: „Абдыррахмановою службою, говорилъ онъ, Литовскій царю нашему посылаетъ пятнадцать тысячъ золотыхъ, кромѣ платя, суконъ и запросовъ; а царикамъ, царевичамъ, сентамъ, уланамъ, князьямъ, мурзамъ особенно король посылаетъ, всѣмъ довольно: никто на короля царю за поминки не жалуется; Абдыррахману же отъ короля идетъ двѣ тысячи золотыхъ, кромѣ платя и суконъ; на людей Абдыррахману еще казну, которую Абдыррахманъ раздастъ отъ себя царевичамъ, уланамъ, князьямъ и мурзамъ добрымъ для королевскаго дѣла. Такъ королевскому дѣлу какъ не дѣлаться? А ко мнѣ сколько разъ король приказывалъ: отстань отъ Московскаго, служи мнѣ, и приказывай, чего отъ меня хочешь — все тебѣ дамъ. Но у всякаго человека словъ много, а душа одна; ты, король, познакомился съ Абдыррахманомъ, и живи съ нимъ“.

Мамоновъ доносилъ, что когда онъ шель къ хану съ поминками, то сторожа загородили ему дорогу посохомъ: „И было мнѣ у посоха много истомы не на малый часъ; все требовали у меня посошной пошлины; но я ихъ не послушалъ. Когда я назадъ хотѣлъ идти, то меня не пустили; Аппакъ же меня не выручалъ, дважды онъ къ царю вверхъ ходилъ; но, туда идущи и оттуда, все меня бранилъ, что я не плачу посошной пошлины; однако я не послушался, не заплатилъ. Потомъ пришелъ ко мнѣ Аппакъ князь, и сталъ царскимъ именемъ просить у меня тридцать шубъ бѣличихъ, да тридцать одиорядокъ для раздачи тѣмъ людямъ, которымъ великій князь мало поминокъ прислалъ, потому что они не хотятъ великокняжескаго дѣла дѣлать“. Мамоновъ отказалъ; тогда у него схватили двоихъ людей; пріѣхалъ къ нему Татаринъ и сталъ просить поминка; Мамоновъ не далъ; тогда Татаринъ сталъ за нимъ на лошади съ плетью гоняться, лошадей его топтать, потомъ съ ножомъ въ избу вломился; наконецъ силою взяли у Мамонова все то, чего требовалъ ханъ. Этотъ поступокъ Магметъ-Гирей такъ оправдывалъ въ письмѣ своемъ къ великому князю: „Ты многимъ людямъ не прислалъ подарковъ, и навъ много отъ нихъ докуки было, да и посоль твои много докуки видѣлъ; и вотъ я, для того, чтобъ между нами дружбы и братство прибывало, неволею взялъ у твоего посла да и роздалъ моимъ людямъ — иному шубу,

¹⁾ Акты Западной Россіи, II, № 93.

другому порядку". При этомъ ханъ приложилъ списокъ людей, которымъ великій князь долженъ былъ впередъ послать поминки.

Въ Москвѣ довольствовались подобными объясненіями; въ отвѣтъ своемъ хану Василій не упоминалъ объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ послу, и требовалъ одного — шертной грамоты. Мамоновъ обратился съ тѣмъ же требованіемъ къ сыну Магметъ-Гирееву, царевичу Богатырю; тотъ отвѣчалъ: „Кто меня больше почитать, король или великій князь, о томъ я и буду больше хлопотать“. Мамоновъ отправился къ брату ханскому, Ахматъ-Гирею; Ахматъ отвѣчалъ: „Видишь самъ, какой царь мой братъ: когда былъ отецъ нашъ царемъ, то мы его слушались; а нынче братъ нашъ царемъ, сынъ у него царь же, князья у него пари же, водятъ имъ, куда хотятъ“. Посоль обратился къ старшей ханшѣ; та смотрѣла на поведеніе Магметъ-Гирея съ своей точки зрѣнія и отвѣчала: „Великокняжескіе и королевскіе поминки ханъ проливаетъ съ своими любимыми женами“.

Богатырь царевичъ общалъ хлопотать о томъ, кто его больше почитать; король, какъ видно, почитилъ его больше, и Богатырь, въ 1516 году, опустошилъ Рязанскую Украину. Когда посоль жаловался на это доброхоту московскому, мурзѣ Анпаку, тотъ отвѣчалъ: „Все это дѣлается великому князю самому отъ себя; говорилъ я, чтобъ великій князь столько же присылалъ, сколько король присылаетъ“. А самъ ханъ писалъ Василію: „Что сынъ мой Богатырь безъ моего вѣдома на Рязань ходилъ, то князь бы Василій лихимъ людямъ не потакалъ, кто станетъ говорить, чтобъ ему за то со мною раздуржиться“. Ханъ общалъ иди на Литву, но требовалъ, чтобъ великій князь помогъ ему взять Астрахань: „Какъ возьмемъ Астрахань, то въ ней великаго же князя людямъ сидѣть, тысячахъ въ трехъ или четырехъ, съ пушками и пищалями; рыба, соль—все это пойдеть брату же моему великому князю, а моя только бы слава была, что городъ мой. А что наши люди Мещеру воевали, то я не ручаюсь, что впередъ этого не будетъ, хотя я съ братомъ своимъ великимъ княземъ буду въ дружбѣ и братствѣ; людей своихъ мнѣ не унять: пришли на меня всюю Землю, говорить, что не будутъ меня въ этомъ слушаться; а Ширины мимо меня вздумали воевать Мещеру, потому что нынче на Мещерѣ нашъ недругъ, а изъ старины этотъ юртъ нашъ. Нынче братъ мой князь великій зачѣмъ не проситъ у меня на Мещеру брата или сына? Когда нашъ родъ былъ на Мещерѣ, то смѣлъ ли кто изъ нашихъ смотрѣть на нее?“

Великій князь велѣлъ своему послу предложить Мещеру брату Магметову, Ахматъ-Гирею; общалъ хану помощь на Астрахань, все въ надеждѣ добиться шертной грамоты и отвлечь Крымцевъ отъ союза литовскаго; но король дѣйствовалъ деньгами, и, лѣтомъ 1517 года, 20,000 Татаръ явилось въ тульскихъ окрестностяхъ. Князь Одоевскій и Воротыньскій распорядились очень удачно: пѣше рат-

ники обошли Татаръ и засѣкли имъ дороги въ лѣсахъ, гдѣ много ихъ побили, а конные стали преслѣдовать разбойниковъ по дорогамъ, то бродамъ, потопили много ихъ въ рѣкахъ, много взяли въ плѣнъ, такъ что изъ 20,000 очень мало ихъ возвратилось въ Крымъ, и тѣ пришли цѣпи, босы и наги; съ другой стороны, князь Василій Шемяичъ поразилъ за Сулою татарскій отрядъ, приходившій грабить путивльскія мѣста.—Тогда великій князь созвалъ на думу братьевъ и бояръ, и спросилъ ихъ: нужно ли послѣ этого продолжать сношенія съ Крымомъ, посылать козаконъ къ хану съ грамотами? Приговорили, что нужно продолжать сношенія, чтобъ ханъ прямо не отсталъ отъ Москвы¹⁾.

Сигизмундъ дѣйствовалъ въ Крыму; Василій, по единству выгодъ, долженъ былъ вступить въ союзъ съ Альбрехтомъ Вранденбургскимъ, великимъ магистромъ Тевтонскаго Ордена. Мы видѣли, что ливонскіе Нѣмцы были ревностными союзниками Александра Литовскаго въ войнѣ его съ Иоанномъ Московскимъ; Сигизмунду хотѣлось поднять ихъ и на Василія; литовскіе папы радные, извѣщая магистра Плеттенберга о нападеніи великаго князя Московскаго на ихъ Землю, писали: „Если онъ успѣетъ завладѣть нашими крѣпостями—Смоленскомъ, Полоцкомъ, Витебскомъ, Мстиславлемъ и Оршею, то вы не можете быть безопасны, тѣмъ болѣе что, по мнѣнію Полочанъ, предѣлы страны ихъ простирались по Двинѣ вплоть до самаго моря, что вашъ городъ Рига построена на ихъ Землѣ²⁾“. Плеттенбергу не нужно было напоминать объ опасности, которая грозилъ Ливоніи отъ Москвы, о правахъ Россіи на Ливонію,—онъ самъ очень хорошо зналъ эти права, эту опасность, ненавидѣлъ Москву, готовъ былъ немедленно начать войну съ нею въ союзѣ съ Литвою и Польшею, но сдерживался своимъ безсиліемъ и враждебными отношеніями къ Польшѣ великаго магистра Тевтонскаго. Послѣдній не только не раздѣлялъ вражды Плеттенберга къ Москвѣ,—напротивъ: старался о союзѣ съ великимъ княземъ для общаго дѣйствія противъ Сигизмунда. Московскіе послы, возвращавшіеся отъ императора чрезъ Пруссію, донесли великому князю о просьбѣ магистра: „Чтобъ великій государь меня жаловалъ и берегъ и учинилъ меня съ собою въ союзѣ, а я за этимъ хочу послать къ великому государю своего человека“. Великій князь приказалъ сказать магистру, что жаловать и берегъ его хочетъ; и вотъ, въ 1517 году, явился въ Москву посоль Альбрехтовъ, Шонбергъ, для заключенія союза. Союзъ былъ заключенъ; договорная грамота любопытна для насъ по формамъ, показывающимъ отношенія, въ какихъ находились другъ къ другу оба договаривавшіеся государя: „Но Божіей волѣ и по нашему жалованью, Мы, Великій Государь Василій, Божією милостію Царь и Государь всея

¹⁾ Дѣла Крымскія, № IV-й, стр. 20—418; № V-й, стр. 420—495; П. С. Р. Л. VI, 259, 260.

²⁾ Кешигберг. акты въ Москов. Арх. Мин. Ив. Дѣл. связка 32, № 8.

Россіи и Великій Князь Владиміръскій и проч. (слѣдуетъ титуль), дали есымы сію свою грамоту, Альбрехту, нѣмецкаго чина высокому магистру Прусскому, на то, что къ намъ прислалъ своихъ пословъ битъ челомъ о томъ, чтобы намъ его жаловать и беречь и на своего бы недруга, на короля Польскаго и великаго князя Литовскаго. И мы (титуль) пожаловали во единачествѣ есымы его съ собою учинили и за него и за его Землю хотимъ стоять и оборонять его отъ своего недруга отъ короля Польскаго“. Кромѣ обѣщанія дѣйствовать противъ короля заодно съ магистромъ, великій князь обѣщаль послѣднему также денежную помощь; Альбрехтъ просилъ ежемѣсячно по 40,000 золотыхъ рейнскихъ на содержаніе 10,000 пѣхоты, по четыре золотыхъ каждому ратнику и по 20,000 золотыхъ на содержаніе 2,000 конницы, по 10 золотыхъ на каждыя всадника съ конемъ, кромѣ того, что понадобится еще на артиллерію (что пристойтъ къ хитрецамъ и къ пушкамъ). Великій князь обѣщаль отправить эти деньги въ Пруссію тогда, когда магистръ возьметъ свои города, находившіеся за Сигизмундомъ, и двинется на Польшу, къ Кракову. Шонбергъ просилъ, чтобъ великій князь далъ это обѣщаніе письменно, ибо иначе среди важныхъ дѣлъ онъ могъ забыть о немъ, но получилъ отказъ; послу, отправленному изъ Москвы къ магистру, было предписано: если магистръ потребуетъ отъ него клятвы въ томъ, что великій князь дастъ обѣщанныя деньги, то отговариваться накрѣпко; если же нельзя будетъ отговориться, то дать требуемую клятву. Чрезъ второго посла Альбрехтъ просилъ, чтобъ великій князь распорядился отправкою въ Псковъ 50,000 гривенокъ серебра чистаго, дабы, въ случаѣ если онъ, магистръ, захочетъ начать войну, серебро это привезено было въ Кенигсбергъ и тамъ, при русскихъ приставахъ, выкована будетъ денга, двадцать которыхъ равнялось бы золотому рейнскому. Василій отвѣчалъ, что серебро готово, но что Пѣтцы должны прежде начать войну¹⁾.

Альбрехтъ только еще собирался начать войну съ Сигизмундомъ; но другой союзникъ Василіевъ, императоръ Максимилианъ, уже пересталъ собираться, а предлагалъ себя въ посредники мира между Москвою и Литвою. Василій былъ несколько не прочъ отъ мира; главная дѣль достигнута: — Смоленскъ взятъ; на дальнѣйшія завоеванія безъ союзниковъ мало надежды, Оршинская битва заставляла болѣе чѣмъ когда-либо остерегаться рѣшительныхъ дѣйствій; родовое преданіе внушало дѣйствовать не вдругъ, но мало-по-малу, пользуясь удобными случаями. Вотъ почему и въ переговорахъ съ посломъ Альбрехтовымъ Василій не хотѣлъ дать обязательства не мириться съ Сигизмундомъ до отнятія у него всѣхъ прусскихъ и русскихъ городовъ; вотъ почему Василій принялъ и посред-

ничество императора. Для окончательнаго улаженія дѣла, въ апрѣлѣ 1517 г. пріѣхалъ въ Москву посолъ императорскій Сигизмундъ Герберштейнъ: „Всей вселенной извѣстно, говорилъ посолъ, что много дѣтъ христіанскіе правители междоусобными бранями и раздорами себя озлобляли и много христіанской крови проливали, а никакой отъ того христіанству пользы не произошло, потому что невѣрные и враги христіанскаго имени, т.-е. Турки и Татары, отъ того смѣлѣе и выгоднѣе дѣла свои дѣлать могли, много людей въ плѣнъ побрали, много царствъ и городовъ завоевали: все это произошло единственно отъ несогласія правителей христіанскихъ. Правители христіанскіе должны всегда держать въ мысли, что правленіе вручено имъ отъ Бога для умноженія вѣры и чести Его, для обороны обихъ людей, овецъ Христовыхъ. Римскій цезарь Максимилианъ значала это держитъ въ мысли; многія войны велъ онъ не изъ властолюбія, но для утвержденія общаго мира въ христіанствѣ. И Богъ его благословилъ: наивысшій Рпмскій архіерей со всею Итальянскою Землею теперь съ нимъ въ дружбѣ; внукъ его, Карлъ, сынъ Филипповъ, спокойно правитъ испанскими королевствами, которыхъ числомъ двадцать шесть; король Португальскій родня ему; король Англійскій и Ирландскій давно пріятель; король Датскій, Шведскій и Норвежскій женатъ на его внучкѣ, самъ тѣломъ своимъ и королевствами своими теперь въ рукахъ цесарскаго величества; король Польскій во всѣхъ несогласіяхъ своихъ положился на него же; о твоей паяисности нечего много говорить: самъ знаешь, что между вами братская любовь; наконецъ даже король Французскій и Венеція, которые всегда свое особое дѣло предпочитали общему христіанскому, — и тѣ теперь миръ заключили. Обозрѣть кнѣзь чело-вѣкъ вселенную, отъ востока до запада, отъ юга до сѣвера, — и не найдеть ни одного правителя христіанскаго, который бы не былъ съ цесарскимъ величествомъ въ родствѣ, братствѣ или мирномъ докончаніи, и нѣтъ нигдѣ несогласія, только идетъ война между твоею паяисностію и Сигизмундомъ, королемъ Польскимъ; если эта война будетъ прекращена, то его цесарское величество достигнетъ исполнѣ своей дѣли. За этимъ-то императоръ и послалъ меня сюда, напомнитъ вашей паяисности, что миръ будетъ прежде всего служить къ чести Вседержителя Бога и Его непорочной Матери, къ пользамъ всего христіанства; напомнитъ, сколько выгодъ Земля и люди твои получаютъ отъ мира, сколько зла — отъ войны; напомнитъ, какъ сомнительны бранные случаи. Будучи въ Вильнѣ у короля Польскаго, видѣлъ я тамъ турецкаго посла, который объявилъ, что султанъ его побѣдилъ султана Египетскаго, Дамаскъ, Терусалимъ и всѣ его государства завоевалъ: если Турки и безъ того были уже такъ сильны, то чего не задумаютъ они теперь, послѣ такихъ завоеваній?“

Великій князь велѣлъ боярамъ своимъ отвѣчать Герберштейну: „Брату нашему, цесарю Римскому.

¹⁾ Дѣла Прусск. въ Моск. Арх. Мин. Ип. Дѣл. № 1; С. г. г. и д. V. № 73, 74, 75, 76, 78, 82.

извѣстно, что война между нами и Сигизмундомъ началась не съ нашей стороны, а съ королевской; а мы всегда просимъ Бога, чтобъ христіанство пребывало въ тишинѣ. И прежде братъ нашъ, цесарь Римскій, писалъ къ намъ, чтобъ мы съ королемъ помирились, и мы отвѣчали: захочетъ нашъ недругъ Сигизмундъ король съ нами мира, и онъ бы прислалъ къ намъ своихъ пословъ, какъ прежде присылалъ; когда его послы прійдутъ, то мы, для брата нашего Максимилиана, съ Сигизмундомъ королемъ миру хотимъ, какъ будетъ пригоже. Герберштейнъ объявилъ на это, что прежде императоръ предлагалъ великому князю отправить пословъ къ Датскому королю, куда съѣдутся также послы императорскіе и польскіе для мирныхъ переговоровъ, но что великій князь на это не согласился; отправляя его, Герберштейнъ, императоръ далъ ему наказъ уговорить обѣ враждующія стороны къ посольскому съѣзду на границахъ; но онъ своими глазами видѣлъ, что пограничные города выжжены и разорены, съѣзду быть негдѣ, и потому проситъ великаго князя отправить пословъ въ Ригу.— Великій князь велѣлъ отвѣчать: „И прежде мы брату своему приказывали не одинъ разъ, что намъ пословъ своихъ къ Датскому королю и никуда не посылать, а захочетъ Сигизмундъ король мира, то пусть шлетъ своихъ пословъ къ намъ въ Москву. Разсуди ты самъ: хорошо ли король дѣлаетъ, что не хочетъ прислать пословъ въ Москву, и такимъ образомъ вводить повизны, а старины не помнитъ, какъ прежде бывало?“ Герберштейнъ настаивалъ, чтобъ послы съѣхались на границѣ; но понапрасну. Тогда онъ просилъ позволенія отправить своего племянника къ королю съ тѣмъ, чтобъ тотъ прислалъ пословъ своихъ въ Москву. Племянникъ былъ отправленъ и возвратился съ отвѣтомъ, что король готовъ мириться, но не хочетъ признавать обычая, по которому послы всегда обязаны были бы ѣздить въ Москву для мирныхъ переговоровъ. Сообщая этотъ отвѣтъ боярамъ, словоохотливый Герберштейнъ опять говорилъ длинную рѣчь о томъ, что людямъ, какъ существамъ разумнымъ, должно жить въ добромъ согласіи другъ съ другомъ; превозносилъ умѣренность Филиппа Македонскаго, даровавшаго миръ Ашшанамъ послѣ побѣды; ставилъ его гораздо выше сына Александра, завосателя ненасытнаго: прославлялъ своего государя Максимилиана за умѣренность и великодушіе, за то, что возвратилъ Верону Венеціанамъ; указывалъ на Ксеркса, побѣжденнаго Темистокломъ, на Пирра, въ одинъ часъ лишеннаго плодовъ всѣхъ своихъ побѣдъ. Вся эта рѣчь клонилась къ тому, чтобъ убѣдить великаго князя отправить пословъ своихъ на границу; но ораторъ получилъ прежній отвѣтъ: „Намъ своихъ пословъ на границы и никуда въ другое мѣсто посылать непригоже; а захочетъ Сигизмундъ король мира, и онъ бы послалъ къ намъ своихъ пословъ; а прежнихъ намъ своихъ обычаевъ не руть, какъ повелось отъ прародителей нашихъ,

какъ было при отцѣ нашемъ и при насъ; что намъ Богъ далъ, мы того не хотимъ умять, а съ Божіею волею хотимъ повышать, сколько намъ милосердый Богъ поможетъ. И намъ своихъ пословъ на границы и никуда посылать непригоже. А Что Польскій король собрался съ своимъ войскомъ и стоитъ наготовѣ, то и мы противъ своего недруга стоимъ наготовѣ, и дѣло свое съ нимъ хотимъ дѣлать, сколько намъ Богъ поможетъ“.

Послѣ долгихъ бесполезныхъ переговоровъ, Герберштейнъ объявилъ, что, какъ онъ понимаетъ отвѣтъ королевскій, Сигизмундъ не отказывается отправить своихъ пословъ въ Москву, но только не хочетъ признать пранъ Московскаго государя на это; онъ объявилъ также, что хочетъ вторично отправить племянника своего къ королю съ требованіемъ отправления пословъ въ Москву, и написать къ нему ложь, будто Максимилианъ прислалъ трехъ гонцовъ и наказалъ непременно привести дѣло къ окончанію. Герберштейнъ чувствовалъ неловкость своего положенія: государь его заключилъ съ государемъ Московскимъ союзъ противъ Польскаго короля, клялся дѣйствовать заодно противъ общаго недруга; а теперь, вмѣсто военной помощи, предлагаетъ только свое посредничество къ миру. Чобъ оправдать какъ нибудь Максимилиана, Герберштейнъ объявилъ боярамъ: будто прежній посолъ императорскій, Синценъ-Памеръ переступилъ свой наказъ, посѣшивши заключить союзъ между императоромъ и великимъ княземъ на короля; что такъ поступать неприлично христіанскимъ правителямъ, которые должны прежде начала войны испытать всѣ мирные пути къ соглашенію; что Максимилианъ поклялся выполнять статьи договора только изъ братской любви къ великому князю, прежде засвидѣтельствовавъ однако, что не хочетъ преступать обычая христіанскаго, тѣмъ болѣе что онъ занимаетъ первое мѣсто между государями христіанскими. Но если король Польскій не согласится на миръ, то императоръ готовъ начать съ нимъ войну заодно съ великимъ княземъ. „Если угодно будетъ вашему наияснѣйшему царю, заключилъ Герберштейнъ, то я назначу Польскому королю срокъ, когда онъ долженъ прислать своихъ пословъ; если не прилетятъ, то мнѣ здѣсь нечего больше дѣлать, ибо это будетъ знакомъ, что миру не быть“.— Бояре отвѣчали, что Синценъ-Памеръ уговорился и все дѣло сдѣлалъ такъ, какъ обыкновенно послы между государями дѣло дѣлаютъ, по приказу государей своихъ; заключенный такимъ образомъ договоръ великій князь исполнилъ и хочетъ всегда исполнять; если до сихъ поръ Максимилианъ на Сигизмунда короля войною еще не поднялся, а подвинулъ его миромъ на доброе согласіе, то это въ великомъ князѣ не произвело никакого сомнѣнія; если Максимилианъ хочетъ быть на всѣхъ недруговъ заодно съ великимъ княземъ, то онъ дѣлаетъ хорошо, что свою клятву и договоръ помнитъ. Великій князь, съ своей стороны, для

просьбы императорской, съ Сигизмундомъ королемъ мира хочеть, какъ будетъ пригоже. Если Сигизмундъ помирится, то пусть Максимиланъ будетъ на всѣхъ прочихъ недруговъ съ великимъ княземъ заодно; если же не помирится, то пусть, по договору, объявить и королю войну. — Послѣ этого объясненія Герберштейнъ отправилъ къ королю опасныя грамоты на его пословъ.

Послы явились—въ сентябрѣ 1517 года—маршалки Янъ Щитъ и Богумъ; но, промедливши три года послѣ Оршинскаго дѣла, Сигизмундъ вздумалъ начать наступательныя непріятельскія дѣйствія противъ Москвы въ то самое время, когда отправилъ туда пословъ за миромъ. Остановившись въ Полоцкѣ, король отправилъ гетмана, князя Константина Острожскаго, съ большимъ войскомъ къ псковскому пригороду Опочкѣ; но сильный приступъ былъ отбитъ намѣстникомъ великокняжескимъ, Васильемъ Михайловичемъ Салтыковымъ-Морозовымъ, съ большимъ урономъ для осаждающихъ; несмотря на это, Острожскій все держался подъ Опочкою, отъ 6 октября до 18-го, разославши отряды подъ другіе пригородки псковскіе—Вороначь, Велье, Красный. Но московскія войска съ разныхъ сторонъ свѣшили къ Опочкѣ, и въ трехъ мѣстахъ одержали верхъ надъ непріателемъ, а воевода Иванъ Ляцкій поразилъ на-голову литовскій отрядъ, шедшій къ Острожскому, отнял у него пушки и пищаля. Гетманъ принужденъ былъ снять осаду Опочки и выйти изъ Московскихъ владѣній ¹⁾.

Когда въ одно время узнали въ Москвѣ и о приближеніи пословъ королевскихъ и о вторженіи Острожскаго, то великій князь не велѣлъ послать въззжать въ Москву, но ждаты въ Дорогомиловѣ, пославъ сказать Герберштейну: „Сигизмундъ король къ намъ пословъ своихъ отправилъ; но какъ прежде умышлялъ неправыя дѣла, такъ и теперь умыслилъ неправое же дѣло: къ намъ отправилъ своихъ пословъ, а воеводу своего большаго Константина Острожскаго послалъ на наши украинны. Воеводы наши противъ непріятельскихъ людей пошли и хотять съ ними дѣло дѣлать, и пока воеводы наши съ непріателемъ не перевѣдаются, до тѣхъ поръ Сигизмундовымъ послать у насъ быть непригоже; но такъ какъ мы дали опасную грамоту на пословъ, то велимъ честь имъ оказывать и кормъ давать, безчестья имъ никакого не будетъ“. Герберштейнъ былъ сильно недоволенъ этимъ рѣшеніемъ, долго хлопоталъ, чтобъ послы были допущены немедленно къ переговорамъ; наконецъ, 18 октября, объявилъ письменно, что долѣе конца этого мѣсяца ждаты не станеть, выѣдетъ изъ Москвы; ему отвѣчали прежде, что пока воеводы великокняжескіе не перевѣдаются съ королевскими, до тѣхъ поръ литовскимъ послать къ государя быть непригоже. Но въ тотъ самый день,

когда Герберштейнъ послалъ послѣднюю записку, 18 октября, Острожскій ушелъ отъ Опочки, и великій князь, получивши объ этомъ извѣстіе 25 числа, послалъ сказать Герберштейну: „Наши воеводы съ литовскими людьми перевѣдались, какъ то милосердому Богу было угодно, праведный Владыка и нелицемѣрный Судья судилъ праведно, и мы литовскимъ послать назначали у себя быть 29 октября, а ты—хочешь или не хочешь быть у насъ съ ними вмѣстѣ—это въ твоей волѣ“.

29-го октября послы были приняты великимъ княземъ; Герберштейнъ объявилъ, что хочеть усердно быть у дѣла, и 1-го ноября переговоры начались. Мы видѣли, что уже Иоаннъ III объявилъ Кіевъ и всѣ русскіе города своею отчиною; теперь бояре сына его начинаютъ переговоры требованіемъ отъ Сигизмунда прародительской отчины ихъ государя—Кіева, Полоцка, Витебска и другихъ городовъ, которые король держитъ за собою неправдою; съ этихъ поръ это требованіе сдѣлалось обычнымъ, сдѣлалось необходимою формою при всѣхъ переговорахъ съ Литвою; форма эта имѣеть важное историческое значеніе: она показываетъ характеръ борьбы между двумя государями, изъ которыхъ одинъ назывался великимъ княземъ Литовскимъ и Русскимъ, а другой великимъ княземъ всея Руси. Чѣмъ бы ни кончились переговоры, на какихъ бы условіяхъ на этотъ разъ ни заключенъ былъ миръ или перемиріе, въ Москвѣ считали необходимымъ всякій разъ напередъ предъявить права великаго князя, или Царя, потомка Св. Владиміра, на всѣ Русскія Земли, принадлежавшія послѣднему, опасаясь умолчаніемъ объ этихъ правахъ дать поводъ думать, что Московскій государь позабылъ о нихъ, отказывается отъ нихъ. Въ этомъ обычаѣ, введенномъ государями Московскими, ясно виденъ также характеръ послѣднихъ: разъ назначивши себѣ какую-нибудь цѣль, никогда не упускать ея изъ виду, постоянно напоминать о ней себѣ и другимъ,—видна необыкновенная вѣрность преданію отцовскому и дѣдовскому, вѣрность, которая преимущественно помогла Московскому государству достигнуть своей цѣли—сдѣлаться Всероссийскою Имперіею: что разъ усвоилъ себѣ отецъ, отъ того сынъ не отказывался; при Иоаннѣ литовскіе послы вели переговоры въ Москвѣ, и Герберштейнъ напрасно старается склонить Василя къ тому, чтобъ онъ отправилъ своихъ пословъ на границы.

Кромѣ означенныхъ городовъ, московскіе бояре требовали: наказанія панамъ, поступившимъ непочтительно съ великою княгинею Еленою; уступки всѣхъ городовъ и волостей, которыми владѣла Елена въ Литвѣ, уступки ея движимаго имущества, казны. Литовскіе послы, съ своей стороны, требовали сначала половины Новгородъ Великаго, Твери, Вязьмы, Дорогобужа, Шугиля и всей Сѣверной страны. Послѣ этихъ объявленій Герберштейнъ былъ позванъ одинъ въ дворець, и бояре ска али ему: „Снипентъ-Намеръ заключилъ договоръ, чтобъ императору и великому князю быть за-

¹⁾ Никон. VI, 210; П. С. Р. Л. IV, 292; VI, 260; Прусск. дѣла, № 1, стр. 122.

одно на короля Сигизмунда, и великому князю доставать своей отчины, русскихъ городовъ: Кіева, Полоцка, Витебска и другихъ, а императору доставать прусскихъ городовъ: такъ ты размысли, хорошо ли это послы говорятъ, будто великій князь держитъ за собою королевскіе города, а король будто за собою государевой отчины не держитъ?" Герберштейнъ могъ отдѣлаться отъ труднаго для него вопроса только тѣмъ средствомъ, которое онъ заранѣе успѣшилъ выставить; онъ опять объявилъ боярамъ, что Сницеръ-Памеръ переступилъ наказъ императорскій: ему было приказано только говорить о союзѣ, а не заключать его; но что если уже союзъ заключенъ, то императоръ будетъ исполнять его условія. О своемъ посредничествѣ Герберштейнъ сказалъ: „Дѣлалъ бы я да не умѣю, — средняго пути не знаю; вы говорите высоко, и королевскіе послы также высоко говорятъ, а средняго пути не знаю. Если бы я зналъ, что между государями дѣло одѣлается, то я бы здѣсь еще пожилъ; а не будетъ между государями добраго дѣла, то государь отпустилъ бы меня прочь къ моему государю“.

Литовскіе послы дали знать Герберштейну, что они говорили высоко, приноравливаясь къ требованіямъ боярскимъ; если бояре отстанутъ отъ своихъ требованій, то и они ограничатся настоящими условіями, на которыхъ имъ вѣльно заключить миръ. Когда, вслѣдствіе этого объявленія, начались опять переговоры, то литовскіе послы сказали, что король ихъ полагается во всемъ на императора; тогда Герберштейнъ долженъ былъ принять роль посредника и началъ ходить между боярами и полами, сообщая взаимныя требованія ихъ. Послы объявили, что король хочетъ мира на тѣхъ условіяхъ, на какихъ былъ заключенъ миръ между Іоанномъ III и королевемъ Александромъ. Бояре отвѣчали, что послѣ этого было уже новое перемиріе между Іоанномъ и Александромъ и миръ между Василіемъ и Сигизмундомъ на новыхъ условіяхъ. Они исчислили всѣ неправды Литовскаго правительства: когда Ахматъ приходилъ къ Угрю, то проводниками у него были королевскіе люди — Сава Карповъ и другіе; Александръ навелъ на Москву хана Шихъ-Ахмата, въ проводникахъ у котораго былъ дворянинъ литовскій, Халецкій; Сигизмундъ навелъ Магметъ-Гирея, у котораго проводникомъ былъ дворянинъ Якубъ Иванцовъ; послѣ мира Сигизмундъ опять навелъ Крымцевъ, обѣщавши давать имъ ежегодную подать по 30,000 золотыхъ; подробно изложили дѣло о Еленѣ, какъ знали о немъ въ Москвѣ; послѣ отсылки Елены въ Биштань, паны — воевода Виленскій, Николай Радзивиль, Григорій Остиковъ, Ключко, тиунъ виленскій Бутримъ и казначей земскій Аврамъ — умышленно надъ королевою такое дѣло, какихъ въ христіанскихъ государствахъ не бывастъ: послали къ ней королевскаго человѣка, Волицца Гитовта, потому вызвали его къ себѣ въ Вильну, дали ему зелье и отпустили опять къ королевѣ, написавши ей слугамъ — Дмитрію Федоровичу и ключнику

Дмитрію Иванову, чтобъ вѣрили во всемъ Гитовту, и дѣло панское дѣлали бы такъ, какъ онъ ихъ научитъ. И вотъ эти трое злодѣевъ — Гитовтъ, Дмитрій Федоровъ и Дмитрій Ивановъ, приготовивши лихое зелье, дали королевѣ испить въ меду — и въ тотъ же день ея не стало. Съ вѣстію объ этомъ поспскакали въ Вильню къ панамъ Дмитрій Ивановъ, и получилъ въ награду имѣіе.

Послѣ долгихъ переговоровъ, дѣло остановилось на Смоленскѣ: послы требовали его возвращенія, бояре никакъ на это не соглашались. Герберштейнъ принялъ сторону послы и, въ длинной витѣватой запискѣ, убѣждалъ великаго князя уступить королю Смоленскъ, опять толковалъ о великодупіи Пицца, отославшаго Римлянамъ ихъ плѣнныхъ, и Максимилиана, возвратившаго Венеціанамъ Верону. Но при этомъ оказались и слѣдствія продолжительнаго пребыванія Герберштейнова въ Москвѣ, гдѣ онъ изучалъ не только современное состояніе государства, но и его исторію, что видно изъ знаменитыхъ его Комментарій: къ Пицца и Максимилиану Герберштейнъ прибавилъ Іоанна III-го, который, завоевавши Казань, отдалъ ее туземнымъ ханамъ. „Если уступишь Смоленскъ королю, писалъ Герберштейнъ Василію, то превзойдешь щедростію и честію родителя своего, который Татарамъ невѣрнымъ царство Казанское отдалъ, ибо щедрость окажешь не невѣрнымъ, а христіанамъ, не королю, педругу твоему, но всему христіанству; всякій человѣкъ будетъ тебя провозглашать прибавителемъ дѣлу христіанскому, и щедрость твою обнаружить ту любовь, которую питаешь къ царскому величеству“. Василій велѣлъ отвѣчать ему: „Говорилъ ты, что братъ нашъ Максимилианъ Верону городъ Венеціанамъ отдалъ; — братъ нашъ самъ знаетъ, какимъ обычаемъ онъ Венеціанамъ Верону отдалъ, а мы того въ обычаѣ не имѣемъ и впередъ имѣть не хотимъ, чтобъ намъ свои отчины отдавать“. Переговоры прекратились, послы литовскіе и Герберштейнъ уѣхали; послѣдній обѣщалъ уговорить Сигизмунда къ перемирію на годъ, на два, или на три, въ продолженіи которыхъ императоръ опять черезъ своихъ послы будетъ стараться о вѣчномъ мирѣ между Москвою и Литвою. На отпускъ Герберштейнъ, отъ имени Максимилианова, ходатайствовалъ объ освобожденіи князя Михайла Глинскаго, котораго императоръ воспиталъ при своемъ дворѣ и который служилъ вѣрною службу родственнику его, Альберту, курфюрсту Саксонскому. Герберштейнъ представлялъ, что если Глинскій виноватъ, то уже довольно наказанъ заключеніемъ, и что если великій князь согласится отпустить его къ императору на службу, то Максимилианъ свяжетъ его тяжелою клятвою не замыслять ничего противъ Москвы. Великій князь велѣлъ отвѣчать: „Глинскій по своимъ дѣламъ заслуживалъ великаго наказанія, и мы велѣли уже его казнить; но онъ, учась въ Италіи, по молодости, отсталъ отъ греческаго закона и присталъ къ римскому, билъ челою митрополиту, чтобъ ему опять быть въ гре-

чексомъ законѣ. Митрополитъ взялъ его у насъ отъ казни и допытывается, не поневоли ли онъ приступаетъ къ нашей вѣрѣ; угоняетъ его, чтобъ подумалъ хорошенько. Ни въ чемъ другомъ мы брату нашему не отказали бы, но Глинскаго намъ къ нему отпустить нельзя". Герберштейнъ сказалъ на это: „Государь мой потому приказывалъ о Глинскомъ, что ему у великаго князя служить нельзя и у короля нельзя же, — такъ государь мой просилъ его затѣмъ, чтобъ отослать ко внуку своему Карлу. Но если государственной воли на то нѣтъ, то государь освободилъ бы его теперь, чтобъ я видѣлъ его свободнымъ". Отвѣта не послѣдовало.

Вмѣстѣ съ Герберштейномъ великій князь отправилъ къ императору посла своего, дьяка Племянникова, который привезъ съ собою новыхъ по слову Максимилиановыхъ — Франциска да-Колло и Антонія де-Конта. И Францискъ да-Колло, подобно Герберштейну, витѣватою рѣчью старался склонить великаго князя къ миру, преимущественно выставляя ему на видъ опасность со стороны Турокъ для всей Европы, и особенно для Россіи по союздству ея съ Татарами, имѣющими одинакую вѣру и одинакіе обычаи съ Турками. Но когда приступили къ дѣлу, то встрѣтили тѣ же самыя затрудненія; опять императорскій посолъ настаивалъ на то, чтобъ великій князь уступилъ королю Смоленскъ; опять бояре объявили, что Василій никогда этого не сдѣлаетъ. Не усилъвши относительно вѣчнаго мира, послы объявили, что такъ какъ императоръ со всѣми королями и князьями установилъ между собою перемирие на пять лѣтъ для общаго дѣла, противъ христіанскаго врага — Турокъ, то не угодно ли будетъ и великому князю заключить съ Польскимъ королевемъ перемирие на пять лѣтъ. Великій князь соглашался на это перемирие съ тѣмъ, чтобъ каждый остался при томъ, чѣмъ владѣлъ до сихъ поръ, и чтобы плѣннымъ была свобода на обѣ стороны; но король никакъ не согласился на послѣднее условіе, имѣя въ рукахъ своихъ много знатныхъ плѣнныхъ, взятыхъ въ Оршинскомъ бою. Такими образомъ, и вторые императорскіе послы уѣхали изъ Москвы, ничего не сдѣлавъ; великій князь отправилъ къ Максимилиану посла, дьяка Борисова, съ предложеніемъ прекратить военныя дѣйствія отъ Рождества Христова 1518 до Рождества 1519 года, чтобъ тѣмъ временемъ продолжать переговоры; но смерть Максимилиана прервала сношенія. И при Василіи союзный договоръ съ Австрійскимъ доможъ остался такъ-же безплоденъ, какъ и при Иоаннѣ III; Максимилианъ не только не исполнилъ главнаго условія договора — дѣйствовать противъ Сигизмунда заодно съ Василіемъ, но даже, принявши на себя роль посредника, явно держалъ сторону Сигизмунда. Принячу такого поведенія онъ высказалъ въ письмѣ своемъ къ великому магистру Альбрехту: „Не хорошо, если король будетъ излозженъ, а царь Русскій усилится“¹⁾.

Долго сдерживаемый императоромъ, который и его манилъ все надеждо мирнаго рѣшенія распри, Альбрехтъ рѣшился наконецъ приняться за оружіе, послалъ сказать Максимилиану, что не можетъ терпѣть дальнѣйшей отсрочки, а въ Москву отправилъ вторично Шонберга съ просьбою о безотлагательной высылкѣ денегъ, необходимыхъ для начатія войны. Великій князь приговорилъ съ братьями и боярами, что нужно помочь магистру казною, и послалъ во Псковъ деньги на 1,000 человекъ пѣхоты, распорядившись однако такъ, что деньги эти тогда только могли быть отправлены къ магистру, когда послѣдній дѣйствительно начнетъ войну съ Польшею. Магистръ просилъ также, чтобъ великій князь извѣстилъ короля Французскаго о союзѣ своемъ съ Пруссіею; Василій согласился, и написана была такая грамота, первая изъ Москвы во Францію: „Наясвѣтшему и свѣтлѣйшему великому королю Галлійскому. Присылалъ къ намъ Альбрехтъ, маркграфъ Бранденбургскій, высокій магистръ, князь Прусскій, билъ челомъ о томъ, чтобъ мы изъяснили тебѣ, какъ мы его жалуемъ. И мы даемъ тебѣ знать объ этомъ нашею грамотою, что мы магистра жалуемъ, за него и за его Землю хотимъ стоять и оборонять его отъ своего недруга, Сигизмунда, короля Польскаго; а которыя Прусскія Земли, города нашъ недругъ Сигизмундъ король держитъ за собою неправдою — мы хотимъ, чтобъ далъ Богъ нашимъ жалованьемъ и нашею помощію тѣ города были за Прусскимъ магистромъ по старинѣ. Объявилъ намъ также высокій магистръ Прусскій, что предки твои тотъ чинъ (Орденъ) великимъ жалованьемъ жаловали: и ты-бъ теперь, вспомявъ своихъ предковъ жалованье, магистра жаловалъ, за него и за его Землю противъ нашего недруга Сигизмунда короля стоялъ и оборонялъ съ нами заодно“. Эти переговоры шли весною 1518 года. Съ извѣстіемъ о рѣшеніи великаго князя помочь Ордену при самомъ началѣ войны, поѣхалъ въ Кенигсбергъ московскій посолъ Елизаръ Сергѣевъ, котораго Альбрехтъ просилъ поклониться великому князю до земли, не головою только, но и всѣмъ тѣломъ. Однако этотъ Елизаръ, возвращаясь изъ Пруссіи, далъ знать во Псковъ, чтобъ денегъ магистру не отправлять, потому что онъ войны еще не начиналъ. И дѣйствительно, въ ноябрѣ 1518 года, магистръ прислалъ великому князю грамоту съ увѣдомленіемъ, что у государей христіанскихъ идутъ переговоры о мирѣ, объ общемъ союзѣ противъ невѣрныхъ, но что онъ не приступитъ ни къ какимъ соглашеніямъ безъ воли государя Московскаго; а въ мартѣ 1519 года пріѣхалъ въ Москву въ третій разъ Дидрихъ Шонбергъ съ объявленіемъ: что явился новый посредникъ, папа, котораго легатъ, Николай Шонбергъ, старается склонить всѣхъ государей христіанскихъ къ союзу

скихъ сношеній съ Литвою московской редакціи, возвращенное изъ Польши; на переплетѣ заглавіе: Acta Magni Duc. Litv. № 2, стр. 10 — 25 и слѣд. Дѣла Прусск. № 1, стр. 88

¹⁾ Памятн. дипломат. сношен. I, стр. 193 — 480, Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, подробное описаніе посоль-

противъ Турокъ; что Альбрехту папа предлагаетъ предводительство надъ союзнымъ христіанскимъ войскомъ, которое должно дѣйствовать противъ невѣрныхъ въ Венгріи, и что поэтому ему было бы очень выгодно заключить миръ съ Польшею, но что онъ полагается во всемъ на волю великаго князя, и въ ожиданіи отвѣта изъ Москвы, не отмовилъ папѣ и не объявлялъ своего согласія, но отвѣчалъ, что отправить въ Римъ своихъ пословъ. Альбрехтъ предлагалъ великому князю заключить съ королемъ перемиріе на пять лѣтъ; впрочемъ, если великій князь предпочтетъ продолжать войну, то онъ, магистръ, останется его вѣрнымъ союзникомъ и начнетъ, съ своей стороны, войну съ Польшею, но въ такомъ случаѣ Шонбергъ долженъ взять у великаго князя обѣщанныя деньги и уговориться, какимъ образомъ вести войну. Шонбергъ выпросилъ новую грамоту къ Французскому королю, въ болѣе учтивыхъ выраженіяхъ, и далъ образецъ, какъ написать ее¹⁾; выпросилъ также грамоту къ курфюрстамъ и князьямъ Имперіи съ изъявленіемъ желанія, чтобъ новый императоръ, котораго изберутъ на мѣсто Максимилиана, соблюдалъ договоръ предшественника своего съ Московскимъ государемъ и покровительствовалъ Ордену Тевтонскому, учрежденному для защиты Германскаго народа; наконецъ выпросилъ позволеніе послать одного изъ подданныхъ магистра въ Новгородъ или Псковъ, чтобъ у кого-нибудь изъ тамошнихъ священниковъ выучиться русскому языку и грамотѣ.

Съ отвѣтомъ на третье Шонбергово посольство отправился къ магистру московскій посолъ Замыцкій. Великій князь велѣлъ сказать Альбрехту, что онъ готовъ заключить перемиріе на приличныхъ условіяхъ, но чтобъ магистръ во всякомъ случаѣ не забывалъ своей клятвы. Замыцкій такъ описываетъ свой приемъ: „Магистръ принялъ меня съ великою честью, самъ ко мнѣ пришелъ и рѣчей слушалъ, самъ меня къ себѣ къ столу провожалъ, и шелъ отъ меня по лѣвую сторону, за столомъ посадилъ на своемъ мѣстѣ“. Альбрехтъ далъ знать великому князю, что общее вооруженіе противъ Турокъ не состоялось, слѣдовательно незачѣмъ заключать перемирія съ Сигизмундомъ; что онъ, магистръ, въ іюлѣ или августѣ непремѣнно начнетъ войну и пойдетъ на Данигъ, для чего просилъ о немедленной высылкѣ денегъ. Послѣ неоднократнаго повторенія этой просьбы, великій князь велѣлъ отправить деньги въ сентябрѣ 1519 г. Когда великій магистръ далъ знать магистру Ли-

вонскому, чтобъ онъ велѣлъ проводить московскаго посла съ деньгами, то Плеттенбергъ отвѣчалъ: „Я къ Московскому государю живу поближе Пруссаго магистра, и русскій обычай знаю: на словахъ сулять, а на дѣлѣ не исполняютъ“. Когда же ему сказали, что московскій посолъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Ригу съ деньгами, то Плеттенбергъ всталъ съ мѣста и, поднявъ руки къ Святымъ, сказалъ: „Слава Тебѣ, Господи, что великій государь царь всея Руся такое жалованіе великому магистру оказалъ; надобно намъ за его жалованье головами своими служить!“

Альбрехтъ началъ войну съ Польшею; узнавши объ этомъ, великій князь послалъ ему денегъ еще для найма 1,000 человекъ пѣхоты; но съ одною этою помощію ослабѣвшій Орденъ не могъ противиться Сигизмунду. Стѣсненный послѣднимъ, Альбрехтъ долженъ былъ войти съ нимъ въ мирныя соглашенія, вслѣдствіе которыхъ получилъ Орденскія земли въ наслѣдственное владѣніе, но съ вассальными обязанностями къ Польшѣ. Такъ рухнулъ окончательно знаменитый Тевтонскій Орденъ, имѣвшій, по отношеніямъ своимъ къ Литвѣ, такое важное значеніе въ нашей исторіи.

Союзъ съ Альбрехтомъ былъ, по крайней мѣрѣ, полезенъ тѣмъ для Московскаго государства, что развлекалъ силы непріятеля: послѣ нападенія на Опочку, литовскія войска не являлись болѣе въ русскіхъ предѣлахъ: но московскія входили нѣсколько разъ въ Литву. Въ 1518 году князь Василій Шуйскій съ новгородскою силою и большимъ нарядомъ, а братъ его, Иванъ Шуйскій, съ псковскою силою выступили въ походъ къ Полоцку. Подошедши къ городу, начали ставить туры и бить пушками стѣны; на помощь къ нимъ пришелъ московскій отрядъ подъ начальствомъ князя Михаила Кислицы; но Полочане изъ посада, изъ-за острожья сильно отбивалась, и скоро въ станѣ осаждающихъ сдѣлался голодъ, колпакъ сухарей стоилъ алтыны и больше, конскій кормъ также вздорожалъ; къ большому несчастію, непріятель овладѣлъ стругами, на которыхъ отрядъ дѣтей боярскихъ переправился на другой берегъ Двины за добычею: преслѣдуемые литовскимъ воеводою Волынцемъ, эти дѣти боярскія бросились назадъ къ Двинѣ, но перевезтись было не на чемъ, и много ихъ потонуло въ рѣкѣ; Шуйскіе принуждены были отступить отъ Полоцка безъ всякаго успѣха. Въ слѣдующемъ году князь Михайло Кислица съ Новгородцами и Псковичами пошелъ опять въ Литву, подъ Молодечно и другіе городки, и вышли назадъ къ Смоленску всѣ сохранены Богомъ, во выраженію дѣтотисца. Значительнѣе былъ въ томъ же году походъ князя Василія Васильевича Шуйскаго отъ Смоленска, князя Михаила Горбатаго—отъ границъ новгородскихъ и псковскихъ, князя Семена Курбскаго изъ страны Сѣверской: воеводы эти ходили къ Оршѣ, Могилеву, Минску, воевали и плѣнили по самую Вишню. Пятеро знатнѣйшихъ нановъ литовскихъ вышли—было къ нимъ на-встрѣчу, но, видя пора-

¹⁾ Первая грамота 1518 года, приведенная нами, хранится въ спискѣ въ Москов. Арх. Мпн. Ип. Дѣлѣ и напечат. въ V т. С. г. г. и д. (неиздан.); вторая грам. въ 1-мъ № Прусск. Дѣлѣ: «Наивысшнему и вельможнейшему Каролу, королю Фряццовскому поздравленіе. Намъ вѣзвѣстно вѣдомо, колико твоя есть сила, благость и любовь къ добрымъ, какъ намъ то также въ конечномъ посольствѣ Альбертовѣ... его посломъ гораадо величества твоего и твое персоны хвала изъявлена» и проч. согласно съ первою грамотою. У Карамзина второе и третье посольство Шонберга смѣшаны въ одно.

женіе своихъ передовыхъ полковъ, отступили въ глубь страны; московскіе воеводы не преслѣдовали ихъ туда и возвратились къ своимъ границамъ, удовлетвовавшись страшнымъ опустошеніемъ неприятельскихъ областей ⁽¹⁾). Другіе воеводы ходили къ Витебску и Полоцку.

Эти походы были предприняты съ цѣлю побудить Сигизмунда къ миру, котораго сильно желали въ Москвѣ: шестилѣтняя война была очень тяжела для государства при тогдашнемъ положеніи его ратныхъ силъ и финансовъ; мы видѣли, что, послѣ взятія Смоленска и Оршинской битвы, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ важныхъ дѣйствій не было, но сильныя рати должны были постоянно сторожить границы. Послѣ упомянутыхъ походовъ, въ концѣ 1519 года, великій князь созвалъ на думу братьевъ и бояръ, и говорилъ имъ: „Теперь мы Литовскому сильно недружбу свою оказали, Землю его воевали чуть-чуть не до самой Вильны, крови христіанской много лется, а король и не думаетъ придти на согласіе, помириться съ нами; такъ чѣмъ бы его позадрать, чтобъ онъ захотѣлъ съ нами мира“. И приговорилъ великій князь послать отъ какого нибудь боярина къ какому-нибудь пану задраить ихъ. Въслѣдствіе этого приговора, въ январѣ 1520 года, бояринъ Григорій Оedorовичъ отправилъ своего слугу къ виленскому воеводѣ, пану Николаю Радзивилу, съ тѣмъ, что если король хочетъ мира, то пусть присылаетъ своихъ пословъ въ Москву; въ мартѣ Радзивиль отвѣчалъ, чтобъ великій князь далъ опасную грамоту на пословъ; опасная грамота отправлена съ Радзивильовымъ же человѣкомъ, и въ августѣ пріѣхали послы литовскіе Янушъ Костевичъ и Богунъ Боговитиновичъ. Начались переговоры: бояре требовали опять прежняго, требовали и вознагражденія за безчестіе, нанесенное Еленѣ; послы отвѣчали: „Этого никогда не бывало; какіе-то лихіе люди государю вашему объ этомъ сказали, но государь вашъ вѣрилъ бы государю нашему, брату своему Сигизмунду королю, а не лихимъ людямъ“. Понятно, что подобные отвѣты не могли никого удовлетворить и считались паравиѣ съ молчаніемъ. Насчетъ мирныхъ условій попрежнему не сошлись: Смоленскъ служилъ непреодолимымъ препятствіемъ. Послы предложили перемиріе съ тѣмъ, чтобъ Смоленскъ оставался за Москвою, но чтобъ плѣнныхъ не возвращать; великій князь настаивалъ на возвращеніи плѣнныхъ: послы не согласились, и порѣшили на томъ, что король пришлетъ великихъ пословъ на великое заговѣнье 1521 года, т. е. черезъ шесть мѣсяцевъ, въ продолженіи которыхъ войнѣ не быть ⁽²⁾). Но Сигизмундъ на означенный срокъ пословъ не прислалъ, — обстоятельства перемѣнились въ его пользу: онъ одолѣлъ великаго магистра, а между тѣмъ на востокѣ исполнилось то, чего онъ съ та-

кимъ нетерпѣніемъ дожидался въ началѣ своего царствованія: двѣ татарскія Орды, Казанская и Крымская, заключили союзъ противъ Москвы.

Мы оставили Казань въ 1506 году, когда ханъ ея, Магмедъ-Аминъ, несмотря на неудачи великокняжескаго войска, просилъ мира и заключилъ его на прежнихъ условіяхъ, какъ было при Іоаннѣ. Въ 1512 году Магмедъ-Аминъ возобновилъ клятву въ вѣрности; мало того, — прислалъ просить великаго князя, чтобъ тотъ отпустилъ къ нему вѣрнаго человѣка, именно боярина Ивана Андреевича Челяднина, передъ которымъ онъ хочетъ исповѣдаться въ прежнемъ своемъ дурномъ поступкѣ. Челяднинъ былъ отправленъ, и ханъ, по словамъ лѣтописца, тайну свою исповѣдалъ передъ нимъ чисто и снова поклялся быть въ вѣчномъ мирѣ, дружбѣ и любви съ великимъ княземъ. Въ 1516 году явилось новое посольство изъ Казани съ извѣстіемъ, что Магмедъ-Аминъ опасно боленъ, и съ просьбою отъ имени больнаго хана и всѣхъ Казанцевъ, чтобъ великій князь простилъ Абдыллетифа, находившагося опять въ заточеніи за набѣги Крымцевъ, и назначилъ бы его ханомъ въ Казань, въ случаѣ смерти Аминевоы. Василій согласился исполнить ихъ просьбы, и отправилъ въ Казань околыничаго Тучкова, который взялъ съ хана и всей Земли клятву, что они не возьмутъ на Казань никакаго царя и царевича безъ вѣдома великаго князя; въслѣдствіе этихъ соглашеній, Летифъ былъ выпущенъ на свободу и получилъ Каширу, гдѣ онъ теперь не могъ быть опасенъ, имѣя въ виду Казань.

Но Летифъ умеръ еще за годъ до смерти Магмедъ-Аминевоы, послѣдовавшей въ декабрѣ 1518 года, и снова рождался вопросъ: кому быть царемъ на Казани? — вопросъ важный и трудный по отношеніямъ къ Крыму, ибо Магмедъ-Гирей сильно хлопоталъ о томъ, чтобъ всѣ татарскія владѣнія находились въ рукахъ одного рода Гиреевъ, чему, разумѣется, Москва должна была препятствовать всѣми силами. Имѣя надобность въ помощи великаго князя относительно Астрахани и Казани, Магмедъ-Гирей прислалъ ему шергную грамоту, въ которой обязывался быть заодно на Литву съ тѣмъ, чтобъ великій князь былъ съ нимъ заодно на дѣтей Ахматовыхъ; обязывался прекратить всякаго рода грабежи, не требовать никакихъ пошлинъ, не затруднять московскихъ пословъ, не безчестить ихъ. Эту грамоту привезъ извѣстный намъ Аппакъ-Мурза; онъ былъ еще въ Москвѣ, когда великій князь, по смерти Магмедъ-Аминя, назначилъ послѣднему въ преемники родоваго неприятеля Гиреевъ, Шигъ-Алея, внука Ахматова, который выѣхалъ въ Россію съ отцомъ своимъ изъ Астрахани и владѣлъ до сихъ поръ Мещерскимъ городкомъ. Аппакъ возражалъ противъ этого назначенія: но ему отвѣчали, что оно сдѣлано по непремѣнному требованію самихъ Казанцевъ, которые, въ случаѣ отказа, могли выбрать кого-нибудь еще болѣе враждебнаго для Гиреевъ. Ханъ молчалъ: силою вдругъ нельзя было ему отнять Казани

¹⁾ Никон. VI, 223; Дѣла Прусек. № 1, стр. 307, 346; П. С. Р. Л. IV, 292, 293.

²⁾ Моск. Архивъ Мин. Ин. Д. Acta Magni Duc. Litv., № 2, стр. 58 и слѣд.

у Москвы и Шигъ-Алея; надобно было дѣйствовать другимъ образомъ. Скоро Шигъ-Алей возбудилъ къ себѣ нерасположеніе Казанцевъ тѣмъ, что во всемъ предпочиталъ выгоды Московскаго князя ихъ собственнымъ, опираясь на воеводу московскаго, при немъ находившагося. Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, внушенія изъ Крыма находили легкій доступъ: вельможи составили заговоръ, и когда, весною 1521 года, братъ Магмедъ-Гиреевъ, Саипъ, явился съ крымскимъ войскомъ у Казани, то городъ сдался ему безъ сопротивленія, Шигъ-Алею и воеводѣ великокняжескому дана была свобода выѣхать въ Москву, но посоль и купцы русскіе были ограблены и задержаны. У великаго князя въ Азовѣ были доброжелатели, извѣщавшіе его о движеніяхъ Крымскаго хана и получавшіе, разумѣется, за это хорошіе поминки; между ними былъ самъ кадій. 10 мая великій князь получилъ отъ нихъ извѣстіе: что Магмедъ-Гирей готовъ со всюю силою идти къ Москвѣ; что мимо Азова прошли казанскіе Татары къ царю просить на Казань царевича, и царь ихъ царевича далъ, а съ нимъ пошло триста человѣкъ. Изъ Азова же получено было извѣстіе, что приходилъ посоль изъ Крыма къ Астраханскому хану и говорилъ ему такъ отъ имени Магмедъ-Гиреева: „Между собою мы братья; былъ я въ дружбѣ съ Московскимъ, онъ мнѣ измѣнилъ: Казань была юрть наша, а теперь онъ посадилъ тамъ султана изъ своей руки; Казанская Земля этого не хотѣла, кромѣ одного Септа (главы духовенства), да и прислала ко мнѣ человѣка просить у меня султана; я изъ султана и отпустилъ на Казань, а самъ иду на Московскаго со всюю своею силою. Хочешь со мною дружбы и братства,—такъ самъ пойдѣ на Московскаго, или султановъ пошли“. Но Астраханскій царь и князья и земскіе люди съ Московскимъ государемъ недружбы не захотѣли.—Вѣстпѣти пришли поздно: Магмедъ-Гирей уже стремился къ берегамъ Оки; московскій отрядъ, высланный сюда подъ начальствомъ князя Димитрія Бѣльскаго и брата великокняжескаго, Андрея Иоанновича, былъ опрокинутъ превосходными силами непріятеля, который не касаясь городовъ, разсѣялся для грабежа на пространствахъ отъ Коломны до самой Москвы; а съ другой стороны, новый Казанскій ханъ, Саипъ-Гирей, опустошивши области Нижегородскую и Владимирскую, соединился съ братомъ. Давно уже Москва отыкала видѣть непріятеля подъ своими стѣнами; начавшіеся въ княженіе Василія набѣги Крымцевъ касались только Украины, да и здѣсь были отражаемы постоянно съ успѣхомъ; особенно теперь не ждали нападенія Магмедъ-Гиреева, послѣ заключенія съ нимъ клятвеннаго договора чрезъ посредство Аппака; не ждали и опасности со стороны Казани въ правленіе Шигъ-Алея. Василій нашелся въ тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находился Димитрій Донской во время нападенія Тохтамышева, Василій Димитріевичъ во время нападенія Едигеева, ч потому долженъ былъ употребить тѣ же самыя

мѣры: онъ оставилъ Москву и отправился на Волокъ собирать полки. Самъ ханъ остановился на рѣкѣ Сѣверѣ; но отряды его подошли близко къ Москвѣ, опустошили села — Островъ, Воробьево, монастырь Угрѣнскій. Со всѣхъ сторонъ бѣглецы сѣнились въ Кремль, въ воротахъ давили другъ друга; отъ страшной тѣсноты заразился воздухъ, и еслибъ такое положеніе продолжилось еще три или четыре дня, то язва начала бы свирѣпствовать, тѣмъ болѣе что это было жаркое время, въ послѣднихъ числахъ іюля. Когда начали думать о защитѣ, о пушкахъ, то нашли, что пороху было недостаточнo. Въ такихъ обстоятельствахъ, оставленный начальствовать въ Москвѣ, крещенный татарскій царевичъ Петръ и бояре рѣшились вступить въ переговоры съ ханомъ, который хотя и не думалъ брать Москвы приступомъ, не имѣя для этого ни средствъ, ни охоты, и сбирался бѣжать при первомъ извѣстіи о приближеніи войскъ великокняжескихъ,—однако и Москва, какъ мы видѣли, не могла долго оставаться въ описанномъ положеніи. Магмедъ-Гирей соглашался немедленно удалиться изъ Московской области, если ему пришлютъ письменное обязательство, что великій князь будетъ платить ему дань. Это обязательство было дано, и ханъ отступилъ къ Рязани, гдѣ начальствовалъ околицій Хабаръ Симскій. Съ Магмедъ-Гиреемъ вмѣстѣ приходилъ на Москву извѣстный уже намъ Евстаеій Дашковичъ, который при Иоаннѣ III отъѣхалъ отъ Литвы въ Москву, при Василіи опять убѣжалъ въ Литву и теперь съ Днѣпровскими козаками находился въ станѣ крымскомъ. Дашковичу хотѣлось взять Рязань хитростію: для этого онъ предложилъ ей жителямъ покупать плѣнныхъ, чтобы, уловивъ случай, вмѣстѣ съ покупателями пробраться въ городскія ворота; съ своей стороны ханъ, для вѣрнѣйшаго успѣха въ предпріятіи, хотѣлъ заманить къ себѣ воеводу Хабаръ, и послать ему, какъ холопу своего данника, приказъ явиться къ себѣ въ станъ; но Хабаръ велѣлъ отвѣчать ему, что онъ еще не знаетъ, въ самомъ ли дѣлѣ великій князь обязался быть данникомъ и подручникомъ хана, просилъ, чтобы ему дали на это доказательство, — и ханъ, въ доказательство, послалъ ему грамоту, написанную въ Москвѣ. Въ это самое время Дашковичъ, не оставляя своего намѣренія, все болѣе и болѣе приближался къ Рязани; онъ далъ нарочно нѣкоторымъ плѣнникамъ возможность убѣжать изъ стана въ городъ; толпы Татаръ погнались за бѣглецами и требовали ихъ выдачи; Рязанцы выдали плѣнныхъ, но, несмотря на то, толпы Татаръ сгустились все болѣе и болѣе подъ стѣнами города, какъ вдругъ раздался залпъ изъ городскихъ пушекъ, которыми распоряжался Нѣмецъ Іоаннъ Іорданъ: Татары разсѣялись въ ужасѣ; ханъ послалъ требовать выдачи Іордана, но Хабаръ отвергнулъ его требованіе. Магмедъ-Гирей, какъ мы видѣли, пришелъ не за тѣмъ, чтобы брать города силою; не успѣвши взять Рязань хитростію, и побуждаемый

извѣстїемъ о непріятельскихъ движеніяхъ Астраханцевъ, онъ ушелъ и оставилъ въ рукахъ Хабарграмоту, содержащую въ себѣ обязательство великаго князя платить ему дань.

Тѣмъ не менѣе, слѣдствія Магмедъ-Гиреева нашествія были страшныя; молва преувеличила число плѣнныхъ, выведенныхъ Крымцами и Казанцами изъ Московскаго государства, простирая это число до 800,000; но самое это преувеличеніе уже показываетъ сильное опустошеніе; Крымцы продавали своихъ плѣнныхъ въ Кафѣ, Казанцы — въ Астрахани. Такая добыча разлакомила Магмедъ-Гирея; возвратившись домой, онъ велѣлъ три раза прокликать по торгамъ въ Перекопи, Крымѣ-городѣ и Кафѣ, чтобъ князья, мурзы и всѣ Татары были готовы сами и коней откармливали для осенняго похода въ Московскую Землю. Этотъ осенній походъ не состоялся, а на весну 1522 года великій князь приготовился встрѣтить хана, выступилъ самъ къ Окѣ съ многочисленнымъ войскомъ и пушками ¹⁾. Ханъ не пришелъ и везпою; но его нужно было постоянно сторожить, со стороны Казани нужно было также ожидать безпрестанно нападений, и нельзя было долго оставлять въ ней царствовать брата Магмедъ-Гиреева. Это заставило сѣншить заключеніемъ перемирія съ Литвою. Въ августѣ 1521 года, тотчасъ по уходѣ Магмедъ-Гирея, возобновилась пересылка съ Сигизмундомъ. Въ мартѣ 1522 года прїѣхалъ изъ Литвы Станиславъ Долкирдовъ (Довкирдовичъ) и объявилъ, что король тогда пришлетъ въ Москву своихъ великихъ пословъ, когда великій князь объявитъ, хочетъ ли онъ вѣчнаго мира или перемирія безъ отпуски плѣнныхъ. Съ отвѣтомъ былъ посланъ Василій Полкарновъ, который долженъ былъ сказать королю, чтобъ онъ прислалъ своихъ великихъ пословъ, нановъ радныхъ; что великій князь мира и перемирія хочетъ, какъ будетъ пригоже, а плѣннымъ свобода на обѣ стороны. Но Полкарнову данъ былъ еще наказъ, что если въ Литвѣ не согласятся на это и станутъ его отпускать, то онъ долженъ сказать: „Государь нашъ съ Сигизмундомъ королемъ вѣчнаго мира хочетъ, но и перемирія хочетъ и безъ отпуски плѣнныхъ“. Вслѣдствіе этого послѣдняго объявленія въ августѣ прїѣхали въ Москву великіе послы литовскіе — Полковникъ Петръ Станиславовичъ и подскарбій Богущъ Боговитиновичъ, и заключили перемиріе на пять лѣтъ безъ отпуски плѣнныхъ; Смоленскъ остался за Москву; положено было въ эти пять лѣтъ сноситься для заключенія вѣчнаго мира ²⁾. Въ 1526 г.

переговоры дѣйствительно начались опять при посредничествѣ пословъ императора Карла V-го, и опять кончились ничѣмъ, продолжено было только перемиріе до 1533 года, потомъ продолжено еще на годъ. Смоленскъ служилъ постоянно препятствіемъ для заключенія вѣчнаго мира: король никакъ не хотѣлъ уступить его на-вѣки Москвѣ, а великій князь также ни за что не согласался отказать отъ своей отчины, возвращеніе которой составляло славу его княженія; какія мѣры употреблялъ онъ для укрѣпленія Смоленска за Московскою, видно изъ слѣдующаго наказа послу Загряжскому, отправляемому въ Литву: „Если спросятъ (въ Литвѣ), для чего великій князь Смолняшъ въ Москву перевелъ? — то отвѣчать: которые люди пригожи государю нашему на Москвѣ, тѣмъ государь велѣлъ на Москву ѣхать; а которые пригожи ему въ Смоленскѣ, — тѣмъ велѣлъ оставаться въ Смоленскѣ. А которыми людямъ государь велѣлъ ѣхать въ Москву, тѣхъ пожаловалъ, далъ имъ въ Москвѣ дворы и лавки, также далъ имъ помѣстья“ ³⁾. Смоленскъ остался за Московю; плѣнники Великой битвы (такъ называли Оршинскую битву въ Литвѣ) остались у Сигизмунда; многіе изъ нихъ въ 1525 году не были уже въ живыхъ, живые терпѣли большую нужду; въ спискѣ ихъ, составленномъ для короля, читаемъ, что прежде давали имъ столько-то съѣстныхъ припасовъ, а теперь не даютъ, и они жалуются, что помираютъ съ голоду; о нѣкоторыхъ сказано: „Оброкъ имъ ничего не даютъ, кормятся тѣмъ, что сами Христа ради выпросятъ; всѣ сидятъ покваны, стража къ нимъ приставлена очень крѣпкая“ ⁴⁾.

Перемиріе съ Литвою давало великому князю возможность обратить все свое вниманіе на востокъ. Магмедъ-Гирей, доставивши брату Казань, нанеши страхъ на Москву, сѣншилъ исполнить давнее свое желаніе — овладѣть Астраханью. Это ему удалось: соединившись съ цагайскимъ княземъ Ма-

доноса Доброужъ рѣчкою вострь черезъ великій боръ въ рѣку Шумичу къ Стрекулѣ къ рубежу къ Кричовскому. А отъ Кричева городу Рославлю рубежъ рѣка Шумича, а Шумичею въ рѣку Немеллицу, а изъ Немеллицу старымъ рубежомъ къ Заборью въ Илутъ рѣку, да на низъ Илутю къ Хмелю. А рубежъ Смоленску и волостемъ Смоленскимъ, съ Дубровню и съ Ромашовымъ, и съ Горамн, и съ Метиславлемъ, отъ Дѣвпра ниже города Смоленска рѣкою Мерею вверхъ межъ Пречистые, Варуба и Звѣровичъ въ Иваку рѣку, а изъ Иваки на Еленскій рубежъ, да въ Городню, а Городню въ Вехру въ Черной холъ, а изъ Вехры въ Прудилну, а изъ Прудилны въ Жельзницю, а Жельзницею подъ Дуденки въ Вехру, а изъ Вехры въ Лютую воду, а изъ Лютюй воды въ Вылино, а изъ Вылина въ Сожъ, а Сожю на низъ въ Березино, а Березиною вверхъ сужомъ промежъ сель Почина и Гладковичъ по холмомъ, а оттолѣ къ Плупеву (вар. Пуляеву, Куляеву). А за рѣкою за Дѣвиромъ рубежъ Смоленску низъ по Дѣвпру по рѣкѣ ниже Клементія святаго пять верстъ. — Арх. Мнн. Ин. Дѣл., Acta magni Duc. Litv. № 2, стр. 205; С. г. г. и д. V, 97; Акты Запад. Росс. II, № 120.

³⁾ Арх. Мнн. Ин. Д. Acta magni Duc. Litv. № 2, стр. 281.

⁴⁾ Акты Запад. Россіи, II, № 134.

¹⁾ П. С. Р. Л. VI, 263; книги разрядн. и родослов. — Герберштейна, стр. 68, и слѣд. здѣсь между прочимъ: «Basilius cum ad tantum hostem propulsandum impetum se esse videret, adeo timore percussus, ut rerum suarum desperatione aliquandiu sub aceruo foeni, ut quidam referunt, latuorit». — Арх. Мнн. Ин. Дѣл., Дѣла Турецкія № 1, стр. 139 и слѣд.

²⁾ Означая изъ договора рубежи: «Рубежъ городу Рославлеву съ Метиславлемъ промежъ Словнева да Шиблева къ Гвевкову Доброю рѣчкою на Водносъ, а отъ Во-

маемъ, онъ успѣлъ овладѣть Астраханью въ то время, когда ханъ ея, Усейнъ, по единству выгоды, вѣлъ переговоры о тѣсномъ союзѣ съ княземъ Московскимъ. Но торжество Магмедъ-Гирея не было продолжительно: союзники его, нагайскіе князья, догадались, что имъ грозитъ большая опасность отъ усиленія Гиреевъ, напали нечаянно на крымскій станъ, убили хана, перерѣзали множество Крымцевъ, по слѣдамъ бѣгущихъ сыновей Магмедъ-Гиреевыхъ вторгнулись въ Крымъ и опустошили его, въ то время какъ съ другой стороны опустошалъ его, также союзникъ Магмедъ-Гиреевъ, Евстафій Дашковичъ съ своими казаками. Мѣсто убитаго хана заступилъ братъ его Сайдагъ-Гирей, первымъ дѣломъ котораго было обратиться къ великому князю съ требованіемъ 60,000 алтынъ и мира для Сайпъ-Гирея Казанскаго; подъ этими двумя условіями онъ обѣщалъ свой союзъ. Но великій князь не былъ намѣренъ ни посылать денегъ въ опустошенный и потому неопасный Крымъ, ни оставлять въ покоѣ Сайпъ-Гирея Казанскаго, тѣмъ болѣе что послѣдній, узнавъ о торжествѣ брата своего въ Астрахани, велѣлъ убить посла и купцовъ московскихъ, понавшихъ въ плѣнъ при изгнаніи Шигъ-Алея. Послу, отправленному въ Крымъ, былъ данъ наказъ: „Въ пошлину никому ничего ни подъ какимъ видомъ не давать, кромѣ того, что послано къ хану въ подаркахъ, или что посоль отъ себя кому дастъ за его добро, а не въ пошлину. Въ пошлину ни подъ какимъ видомъ ни царю, ни царевичамъ, ни князьямъ, ни царевымъ людямъ никакъ ничего не давать. Если бросятъ передъ посломъ батоги и станутъ просить пошлины у батога, — не давать, а идти прямо къ царю черезъ батоги; если у дверей царевыхъ станутъ просить пошлины — и тутъ ничего не давать; пусть посоль всякій позоръ надъ собою вытерпитъ, а въ пошлину ничего не долженъ дать. Не напишется царь въ шерстной грамотѣ братомъ великому князю, то грамоты не брать; не писать въ договорную грамоту, чтобъ быть заодно съ царемъ на Астрахань и Нагаевъ; вѣдь написано, что быть на всѣхъ недруговъ заодно — и довольно. Если царь потребуетъ, чтобъ великій князь помирился съ Казанскимъ царемъ Сайпомъ, то говорить: помирился вельзя во-первыхъ потому, что Сайпъ сталъ царемъ безъ вѣдома великаго князя; во-вторыхъ потому, что посла московскаго и торговыхъ людей велѣлъ убить, чего ни въ одномъ государствѣ не ведется; и рати между государями ходятъ, а пословъ и гостей не убиваютъ“¹⁾.

Лѣтомъ 1523 года великій князь самъ отправился въ Нижній, откуда отпустилъ на Казань хана Шигъ-Алея съ судовою ратью по Волгѣ, а другихъ воеводъ съ конною ратью — сухимъ путемъ, велѣвъ плѣнить казанскія мѣста. Воеводы возвратились благополучно и привели съ собою много черемисскихъ плѣнниковъ; но походъ этимъ не ограничился:

на устьи Суры, въ Землѣ Казанской, срубили городъ — Васильеурскъ; въ Москвѣ митрополитъ Даниилъ очень хвалилъ за это великаго князя, говорилъ, что новопостроеннымъ городомъ онъ всю Землю Казанскую возьметъ; дѣйствительно, въ этомъ дѣлѣ высказывалось намѣреніе стать твердою ногою на Землѣ Казанской, положить начало ея полному покоренію, ибо подручическія отношенія, клятвы царей казанскихъ и народа уже два раза оказывались ручательствами недостаточными. Василій, построивъ Васильеурскъ, сдѣлалъ первый шагъ къ совершенному покоренію Казанскаго царства; сынъ его, Іоаннъ, какъ увидимъ, построениемъ Свяжска сдѣлаетъ — второй, третьимъ — будетъ взятіе самой Казани.

Лѣтомъ 1524 года отправилась опять подъ Казань многочисленная рать, которую полагаютъ во 150,000 и болѣе, подъ главнымъ начальствомъ князя Ивана Бѣльскаго. Сайпъ-Гирей испугался и, оставивъ въ Казани тринадцатилѣтняго племянника Сафа-Гирея, убѣжалъ въ Крымъ, обѣщая Казанцамъ возвратиться съ войскомъ турецкимъ. Казанцы, провозгласивши царемъ молодого Сафа-Гирея, приготовились выдерживать осаду. Князь Бѣльскій отправился изъ Нижняго Волгою на судахъ; Хаваръ Симскій съ конницею шелъ сухимъ путемъ; князь Палецкій, нагруживши на суда нарядъ и съѣстные припасы, долженъ былъ плыть Волгою за главнымъ войскомъ. 7-го іюля Бѣльскій вышелъ на берегъ, расположился станомъ въ виду Казани у Гостинаго острова и двадцать дней дождался конницы; она не приходила; а между тѣмъ загорѣлась стѣна въ деревянной казанской крѣпости; московскіе поляки не двинулись ни для того, чтобъ воспользоваться пожаромъ и овладѣть крѣпостью, ни для того, чтобы послѣ мѣшати Казанцамъ въ строеніи новой стѣны. 28 іюля Бѣльскій перенесъ станъ на берегъ Казанки; недалеко отсюда стоялъ и Сафа-Гирей, и нѣсколько разъ покушался тревожить русскій станъ пѣшею Черемисою, но понапрасну. Время шло: ни конница, ни судовая рать съ пушками и съѣстными припасами не приближались; началъ оказываться голодъ, потому что Черемисы опустошили все вокругъ, засѣла на всѣхъ дорогахъ, не позволяя русскимъ отрядамъ добывать кормовъ, прервали всѣ сообщенія, такъ что нельзя было дать вѣсти въ Москву о состояніи войска. Въ это время, когда рать Бѣльскаго начала упадать духомъ отъ голода, разнесся слухъ, что когное войско потерѣло поражение отъ Татаръ; ужасъ напалъ на воеводъ; стали думать объ отступленіи; скоро узнали однако, что слухъ былъ ложный: потерѣлъ поражение одинъ только небольшой отрядъ конницы; главная же рать, шедшая подъ начальствомъ Симскаго, въ двухъ встрѣчахъ съ Татарами на Свягѣ, одержала верхъ. Но если конница счастливо преодолѣла всѣ опасности, то не могла преодолѣть ихъ судовая рать, шедшая съ Палецкимъ: въ узкихъ мѣстахъ между островами Черемисы загородили дорогу камнями и

¹⁾ Дѣла крымскія, № 6, стр. 25—31.

деревьями, а съ берега осыпали Русскихъ стрѣлами и бросали бревна; только немногія суда могли снасти и съ воеводою достигли главной рати. Несмотря однако на это несчастіе, когда пришла конница, Бѣльскій, 15 августа, обложилъ Казань. Подъ защитою конницы, сдерживавшей натиски казанской конницы, осадныя машины были придвинуты къ стѣнамъ: Казанцы отстрѣливались, но скоро они потеряли своего пушечнаго мастера, который одинъ только и былъ въ городѣ. Это обстоятельство заставило ихъ просить мира съ обязательствомъ отправить въ Москву пословъ съ челобитьемъ. Бѣльскій обрадовался и снялъ осаду, потому что войско не могло долѣе выдерживать голодъ. Послы дѣйствительно явились въ Москву бить челомъ отъ всей Земли Казанской за свою вину и просить, чтобъ великій князь утвердилъ царемъ Сафа-Гирея. Василій согласился на ихъ просьбу, но противъ воли: не для того посылалъ онъ такую многочисленную рать противъ Казанцевъ, чтобъ оставить у нихъ царемъ Гирея; походъ не удался, не оправдалъ ожиданій, и вотъ, какъ обыкновенно бываетъ, послышались обвиненія противъ главнаго воеводы, Бѣльскаго, обвиненія не только въ неискusstвъ, робости, но даже въ измѣнѣ, въ томъ, что онъ отступилъ отъ Казани, будучи подкушенъ ея жителями. Самое основательное, по видимому, обвиненіе противъ Бѣльскаго состояло въ томъ, зачѣмъ онъ терялъ время у Гостинаго острова, зачѣмъ не воспользовался пожаромъ въ крѣпости и позволялъ Казанцамъ безпрепятственно возобновить стѣну. У послѣдующій разсказъ объ осадѣ объясняетъ удовлетворительно поведеніе Бѣльскаго: онъ ничего не могъ предпринять безъ конницы, которая должна была защищать главную рать отъ нападений казанской конницы, отъ Черемисъ, разбѣжавшихся всюду и не дававшихъ слѣвать ни малѣйшаго движенія. Бѣльскаго оправдываетъ въ нашихъ глазахъ разсказъ о послѣдней казанской осадѣ, когда царь Іоаннъ Васильевичъ находился точно въ такомъ же положеніи: войско его не имѣло времени отдохнуть и томилось голодомъ, потому что было постоянно обезпокоиваемо татарскою конницею князя Япанчи, и наконецъ царь нашелся принужденнымъ раздѣлить войско, — одну часть оставить при себѣ, а другую назначить для дѣйствія противъ Япанчи.

Въ продолженіи четырехъ лѣтъ послѣ описанныхъ событій источники не упоминаютъ о дѣлахъ казанскихъ. Въ 1529 году пріѣхали отъ Сафа-Гирея послы въ Москву и объявили, что царь ихъ хочетъ во всемъ исправиться передъ великимъ княземъ, дать клятву въ вѣрности, и отправляетъ въ Москву большихъ пословъ. Для взятія клятвы съ Сафа-Гирея великій князь послалъ въ Казань Андрея Пильмова, а для наблюденія за исполненіемъ присяги — князя Ивана Палецкаго, влѣдѣ за Пильмовымъ. Но, пріѣхавши въ Нижній, Палецкій узналъ, что Сафа-Гирей уже успѣлъ нарушить клятву и нанести сильныя оскорбленія Пильмову.

Опять, слѣдовательно, нужно было прибѣгнуть къ силѣ, и лѣтомъ 1530 года пошла подъ Казань большая рать судовая и конная: въ первой начальствовалъ по-прежнему князь Иванъ Бѣльскій, во второй — знаменитый князь Михайло Львовичъ Глинскій, освобожденный передъ тѣмъ изъ заточенія. Отразивши съ успѣхомъ нѣсколько нападений неприятеля, Глинскій перевезся черезъ Волгу и соединился съ судовою ратью. 10 іюля произошелъ сильный бой, въ которомъ русскіе полки одержали побѣду, послѣ чего взяли острогъ и начали добывать самую крѣпость. Тогда трое знатныхъ Казанцевъ выѣхали къ воеводамъ и били челомъ о прекращеніи осады, обѣщая исполнить волю великаго князя. Воеводы, взявши со всѣхъ Казанцевъ присягу не измѣнять великому князю, не брать себѣ царя иначе, какъ изъ его руки, отступили отъ города и вмѣстѣ съ послами казанскими возвратились въ Москву. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прибавлено, что воеводы, взявши острогъ, едва было не взяли и самого города (крѣпости), который стоялъ часа три безъ людей: люди всѣ изъ города выѣжали и ворота всѣ остались отворены; но въ это время воевода пѣшей рати, Бѣльскій, и воевода конной рати, Глинскій, завели споръ о мѣстахъ — кому первому выѣхать въ городъ; между тѣмъ нашла грозная туча, полился сильный дождь, посошные и стрѣльбы, которые привезли на телѣгахъ нарядъ къ городу, испугавшись дождя, бросили этотъ нарядъ въ жертву Казанцамъ. Не отвергая этого извѣстія, мы однако думаемъ, что въ немъ недостаетъ нѣкоторыхъ объяснительныхъ подробностей ¹⁾.

Послы казанскіе приложили въ Москвѣ свои печати къ клатвеннымъ грамотамъ, на которыхъ потомъ Сафа-Гирей и всѣ Казанцы должны были присягнуть передъ великокняжескимъ сыномъ боярскимъ, Иваномъ Полевымъ: Полевъ долженъ былъ взять въ Казани всѣхъ плѣнныхъ Русскихъ и нищали, захваченныя Казанцами въ послѣднюю войну; послы казанскіе должны были ждать его возвращенія въ Москвѣ. Но скоро Полевъ далъ знать великому князю, что Сафа-Гирей не присягаетъ и нищалай не отдастъ; въ то же самое время ханъ прислалъ грамоту, въ которой требовалъ, чтобъ великій князь отпустилъ его пословъ и съ ними вмѣстѣ отправилъ бы въ Казань своего большого посла, чтобъ прислалъ также пушки и нищали и плѣнниковъ казанскихъ, взятыхъ московскимъ войскомъ, — и когда все это будетъ прислано, тогда онъ, Сафа-Гирей, дастъ клятву въ соблюденіи договора и отпустить Ивана Полева. Великій

¹⁾ Никон. VI, 234 и слѣд.: Н. С. Р. Л. 265. Мѣстечество воеводъ могло быть причиною потери удобнаго времени; потеря наряда, какъ бы она ни произошла, могла быть достаточною причиною, почему воеводы приняли предложенія Казанцевъ; слѣд. вѣтъ никакой нужды вмѣстѣ съ авторомъ высокопарнаго Сказанія о Землѣ царства Казанскаго подозревать Бѣльскаго опять въ подкушѣ; вообще мы не считаемъ себя въ правѣ пользоваться этимъ слишкомъ мутнымъ источникомъ.

князь, получивши эту грамоту, велѣлъ сказать по-слабъ казанскимъ: „Вы клялись, что царь и вся Земля Казанская будутъ намъ во всемъ послушны; а теперь вотъ какое ихъ послушаніе!“ Послы отвѣчали: „Гонецъ царскій сказывалъ намъ, что въ Казань пришла вѣсть о посылкѣ ратныхъ людей изъ Москвы подъ Казань, и оттого дѣло не стало; но извѣстно, что теперь въ Казани людей добрыхъ мало, все люди мелкіе, землю укрѣпить некуда, всѣ люди врознь, въ страхѣ. Государь князь великій самъ промыслить о своей землѣ; вольнъ Богъ да государь въ своей Землѣ: Земля Казанская Божія да государева, какъ онъ хочетъ, такъ и сдѣлаетъ. А мы холопы Божіи да государевы, посланы къ великому князю бить челомъ отъ царя и отъ всѣхъ людей съ правдою, а не съ лестію; на чемъ мы добились государю челомъ, на томъ царь не устоялъ; пристали къ нему Крымцы да Наган, да тутошніе лихіе люди, а земля съ ними не вмѣстѣ, земля ждетъ государева жалованья, Сафа-Гирею ли быть царемъ на Казани, или другого пришлетъ государь“. Великій князь велѣлъ имъ сказать на это: „Только бы Сафа-Гирей былъ намъ послушенъ, да была бы въ немъ правда, то мы отчего не хотѣли его на Казани?—но видите сами, что онъ не правъ“. Послы отвѣчали: „Видимъ сами, что царь не правъ, клятву преступилъ, дѣло свое презрѣлъ, насъ забылъ; какому въ немъ добру быть! А теперь вѣдаетъ Богъ да государь, какъ своею Землею Казанскою промыслить; мы холопы государевы, а царя какого намъ государь пожалуетъ, тотъ намъ и любъ“. Послѣ этого они били челомъ, чтобъ государь далъ имъ опять Шигъ-Алея, потому что Шигъ-Алей, говорили они, Земли Казанской не грабилъ ничего, а не влюбилъ его лихіе люди; пусть государь отпустить его на Казань и дать наказъ, какъ его дѣло беречь и тамошнихъ людей жаловать; послы просили, чтобъ государь отпустилъ Шигъ-Алея, ихъ и всѣхъ плѣнныхъ Казанцевъ къ Васильсурску; отсюда общались разослать грамоты въ Казань, къ Черемшѣ горной и луговой, къ Арскимъ князьямъ, что государь ихъ хочетъ жаловать и беречь. Великій князь велѣлъ спросить ихъ: „Какъ вы поѣхали къ намъ, были ли вамъ наказъ отъ князей и отъ Земли просить у насъ въ царя Шигъ-Алея?“ Послы отвѣчали: „Такого наказа намъ не было: за какимъ дѣломъ насъ послали, о томъ дѣлъ мы и били челомъ; а теперь бьемъ челомъ, чтобъ государь насъ пожаловалъ, велѣлъ намъ ему служить, а Сафа-Гирею служить не хотимъ: Сафа-Гирею мы умерли, а государевымъ жалованьемъ ожили. Сафа-Гирей насъ послалъ за великими дѣлами; но что мы здѣсь ни сдѣлали, онъ все это презрѣлъ, отъ насъ отступился; а если мы ему не надобны, такъ и онъ намъ не надобенъ. А въ Казани у насъ родня есть, братья и друзья; а которые попали въ руки людямъ великокняжескимъ, у тѣхъ у всѣхъ отцы и братья, родственники и друзья въ Казани. Какъ только мы придемъ къ

Васильсурску и поплемъ къ нимъ грамоты, такъ они за насъ станутъ“.

Великій князь, поговоривъ съ боярами, послалъ въ Казань гонца Посника Головина, какъ будто съ отвѣтомъ къ Сафа-Гирею, а между тѣмъ наказалъ ему поговорить съ двумя казанскими вельможами и разузнать какъ они думаютъ. Гонецъ возвратился, какъ видно, съ благопріятнымъ отвѣтомъ, потому что великій князь, послѣ вторичнаго совѣта съ боярами, отпустилъ Шигъ-Алея и пословъ, но только не въ Васильсурскъ, а въ Нижній, что было безопаснѣе, ибо ближе къ Москвѣ. Сафа-Гирей, узнавши объ этихъ движеніяхъ, хотѣлъ убить московскаго посла Полева и начать снова открытую войну съ великимъ княземъ; но какъ скоро пришли въ Казань грамоты отъ пословъ изъ Нижняго, то вельможи и всѣ Казанцы выгнали Сафа-Гирея, совѣтниковъ его, Крымцевъ и Нагайцевъ перебили, жену его отослали къ отцу ея, нагайскому князю Мамаю, а къ великому князю послали бить челомъ, чтобъ далъ имъ въ царя не Шигъ-Алея, котораго они боятся, но младшаго брата его Еналея, владѣющаго городкомъ Мемерскимъ. Великій князь согласился на ихъ просьбу, отпустилъ Еналея на Казань, а Шигъ-Алею далъ Каширу и Серпуховъ; но послѣдній не былъ доволенъ, сталъ пересылаться съ Казанью и другими мѣстами безъ вѣдома великокняжескаго, чѣмъ нарушилъ свою присягу; за это его свели съ Каширы и Серпухова и послали въ заточеніе на Бѣлоозеро. Еналеевъ были довольны въ Москвѣ; когда онъ и вся Земля Казанская прислали бить челомъ, чтобъ великій князь пожаловалъ, не бралъ изъ Казани нищалаей, потому что у Казанской Земли друзей много, но недруги есть, то Василій пожаловалъ брата и сына своего царя Еналея, исполнилъ его просьбу; вздумавши жениться на дочери однаго казанскаго мурзы, Еналей спросилъ прежде согласія великаго князя на этотъ бракъ; видимъ также, что какія-то и другія дѣла казанскія земскія рѣшались въ Москвѣ¹⁾ (1531 г.).

Казань была усмирена, но Крымъ не давалъ покою. Осенью 1527 года, когда послы Сайдеть-Гирей были въ Москвѣ, племянникъ его, Исламъ-Гирей, явился на берегахъ Оки; но здѣсь уже были московскіе воеводы и не пустили Татаръ переправиться на другой берегъ; Исламъ долженъ былъ поспѣшно возвратиться, потерявъ много Татаръ, убитыхъ преслѣдовавшими его дѣтми боярскими. Когда разнеслась вѣсть о нашествіи Ислама, то великій князь велѣлъ утопить Сайдеть-Гиреевыхъ пословъ²⁾. Сайдеть-Гирей былъ из-

¹⁾ Никон. VI, 237, 252, 254.

²⁾ Дѣла Крымскія, № 6, стр. 159: «А Крымскихъ пословъ Чабыка съ товарищи к. в. въ тѣ поры какъ Исламъ приходилъ на Украину, велѣлъ потопити». Стр. 256: наказъ послу Злобану: А намолвятъ царь... «Степану попорити: Какъ Исламъ приходилъ на Государя нашего Украину, и тогда Государь нашъ самъ вѣдѣлъ на оное дѣло, а Чабыка съ товарищи приказалъ своихъ приказныхъ людямъ, чтобы ихъ велѣли беречи, и пришедъ народъ чернь у

гнанъ, его мѣсто занялъ Саипъ-Гирей, бывший прежде въ Казани. Въ августѣ 1533 года великій князь получилъ вѣсть, что двое племянниковъ ханскихъ — Исламъ и Сафа-Гирей — идутъ къ московскимъ украинамъ. Василий немедленно сталъ снаряжаться въ походъ, послалъ за братьями — Юриемъ и Андреемъ, отпустилъ воеводъ на Коломну къ Оку, и самъ выступилъ 15 августа въ село Коломенское, оглушавши обѣдно у праздника въ Успенскомъ соборѣ; въ Кремлѣ безъ себя велѣлъ разставлять пушки и пшцали, и посадскимъ людямъ перевозить мѣднѣе въ городъ. Въ тотъ самый день Татары подошли къ Рязани, выжгли посады и разбѣялись по волостямъ — бить, грабить и брать въ плѣнъ. Великій князь велѣлъ воеводамъ отправить за Оку отряды для добыванія языковъ: начальникъ одного изъ этихъ отрядовъ, князь Димитрій Палецкій, разбилъ толпу Татаръ въ 10 верстахъ отъ Николы Зарзскаго; начальникъ другого отряда, князь Иванъ Овчина-Телепневъ-Оболеснскій, разбилъ другую толпу и, преслѣдуя ее, наткнулся на большое татарское войско; враги растолпились Оболеснскаго съ его ратниками, нѣкоторыхъ взяли въ плѣнъ, но ничего не предпринимали болѣе, и вышли изъ московскихъ предѣловъ, боясь встрѣтиться съ главнымъ войскомъ великокняжескимъ; воеводы двинулись — было за ними, но не могли догнать¹⁾.

А между тѣмъ съ Крымомъ происходили постоянныя сношенія: все толковалось о союзахъ, о шерстныхъ грамотахъ; но разбойники больше всего толковали о поминкахъ, жаловались, что этихъ поминковъ мало присылается изъ Москвы; говорили, что имъ выгодноѣе быть въ войнѣ съ великимъ княземъ, чѣмъ въ мирѣ. Василий не хотѣлъ посылать имъ денегъ даромъ, и приказывалъ отвѣчать галу на его жалобы: „Если ты покажешь намъ на дѣлѣ свою дружбу, то мы такъ-же покажемъ тебѣ свою дружбу, — о чемъ къ намъ прикажешь, что у насъ будетъ, мы ни за что не стоимъ, но урокомъ поминковъ мы ни къ кому не посылавали. Хочешь быть съ нами въ дружбѣ, такъ вели написать грамоту шерстную“. Ханъ продолжалъ свое: „Мнѣ ты девять поминковъ прислалъ, а мы къ тебѣ прежде посылали де фтеръ и въ немъ написано 120 человекъ, а ты только пятнадцать человекъ поминки прислалъ; но вѣдъ ты нашу Землю хорошо знаешь, наша Земля войною живетъ“. Саипъ просилъ не однихъ кречетовъ и мѣховъ: онъ просилъ также, чтобъ великій князь прислалъ ему хорошаго хлѣбонка и повара. Василий не потакалъ его жадности; перемѣнилъ и прежнія слиткомъ учтивыя формы въ сношеніяхъ съ ханами:

приказныхъ людей Чабыка съ товарищи взяли сильно и любилъ, а рухлядъ ихъ всю рознесли, а Чалпана съ товарищи у нихъ укоронили, а рухлядъ его также разили, и нынѣ Чалпана съ товарищи Государь нашъ къ тебѣ отпустилъ, а рухлядъ гдѣ сыскивать? А Государя нашего посла Ивана Кольчана здѣсь ограбили, и то гдѣ сыскать? — Никон. VI, 232.

¹⁾ Никон. IV, 257, II. С. Р. Л. 266.

такъ, вмѣсто челобитья, въ грамотахъ начали писать переводное татарское выраженіе: „Много-много поклонъ“. Съ гонцами ханскими не стали обходиться такъ почтительно, какъ прежде, и ханъ по этому поводу писалъ великому князю: „Наши гонцы сказываютъ, что ихъ по старому обычаю не чтить, и ты бы ихъ чтить: кто господина захочетъ почтить, тотъ и собакъ его кость броситъ“²⁾.

Но Сигизмундъ Литовскій продолжалъ обязываться платежемъ въ Крымъ ежегодно по 7,500 червонныхъ и на такую же сумму сукопъ, вываривая, что эти деньги и сука будутъ посылаться только въ тѣ года, когда Крымы не будутъ нападать на Литовскія владѣнія. Ханъ Саипъ-Гирей былъ этимъ недоволенъ: „Значить, писалъ онъ королю, ты не хочешь со мною вѣчнаго мира; если бы ты хотѣлъ вѣчнаго мира. то прислалъ бы намъ 15,000 червонныхъ, какъ прежде брату моему Магметъ-Гирею посылавать“. Ханъ жаловался также королю на казаковъ малороссійскихъ, которые не упускали случая покорыствоваться насчетъ Татаръ, и, вмѣстѣ съ московскими, путивльскими казаками, провѣдывали о движеніяхъ Крымцевъ на Москву. Для покрытія крымскихъ издержекъ литовскіе города продолжали платить подать, известную подъ именемъ ордынщины³⁾.

Таковы были важнѣйшія внѣшнія отношенія при Василии, отношенія къ Литвѣ и къ ордамъ татарскимъ; происходили сношенія и съ другими государствами европейскими и азиатскими, имѣющія меньшую важность. Съ Швеціею мирный договоръ на 60 лѣтъ, заключенный въ 1508 году, былъ подтвержденъ два раза: въ 1513 и 1524 годахъ⁴⁾. Съ Ливоніею заключены были перемирные договоры въ 1509, 1521 и 1531 годахъ⁵⁾. Въ 1514 году заключено было десятилѣтнее перемиріе съ семидесятью городами Ганзейскими „съ сей стороны поморья и съ оной стороны заморья“; взаимная свободная торговля этихъ городовъ съ Новгородомъ возобновлялась по-прежнему, церковь и мѣста дворяны старья въ Новгородѣ возвращались нѣмецкимъ купцамъ; Нѣмцы, съ своей стороны, обязались очистить и не обижать русскія церкви и концы въ своихъ городахъ, обязались также не претунать къ Литвѣ. Въ 1511 году былъ заключенъ союзный договоръ съ Датскимъ королемъ Іоанномъ, въ 1517 — съ Христианомъ; по просьбѣ послѣдняго, позволено было датскимъ купцамъ выстроить дворы и на дворахъ церкви въ Новгородѣ и въ Иванъ-городѣ⁶⁾. Папа Левъ X-й завязалъ сношенія съ Москвою чрезъ посредство вели-

²⁾ Дѣла Крымск. № 6, стр. 166—370; № 7, стр. 68, 71.

³⁾ Акты Западн. Россіи, II, № 150, 168.

⁴⁾ С. г. г. и д. V, № 60, 99: Подъ договоромъ слѣдующая любезныя подпись: «Ad hanc sedulam electi regis Suetie Gostafui ego orator Chanutus Erici mandavi capellano meo Johanni Erasmo pro me arponere manum, quia ego scribere nescio».

⁵⁾ Тамъ же, № 57, 105 и 106.

⁶⁾ Тамъ же, № 65, 78; 8, 111, 112.

каго магистра Альбрехта; посоль Альбрехтовъ, извѣстный намъ Шонбергъ, говорилъ великому князю слѣдующее отъ имени папы: „Папа хочетъ великаго князя и всѣхъ людей Русской Земли принять въ единеніе съ Римскою церковью, не умаляя и не перемѣняя ихъ добрыхъ обычаевъ и законовъ, хочетъ только подкрѣпить эти обычаи и законы и грамотою апостольскою утвердить и благословить. Церковь Греческая не имѣетъ главы; патриархъ Константинопольскій въ турецкихъ рукахъ; папа, зная, что въ Москвѣ есть духовнѣйшій митрополитъ, хочетъ его возвысить, сдѣлать патриархомъ, какъ былъ прежде Константинопольскій; а царя всѣя Руси хочетъ короновать христіанскимъ царемъ. При этомъ папа не желаетъ себѣ никакого прибытка, хочетъ только хвалы Божіей и соединенія христіанъ. Извѣстно, что Литву не надобно оружіемъ воевать: время ее воюеть, потому что король Сигизмундъ не имѣетъ наслѣдника, — послѣ его смерти Литва никакъ не захочетъ имѣть надъ собою государя изъ Поляковъ, а Поляки не захотятъ Литвина, и оттого оба государства разорятся. А если великій князь захочетъ стоять за свою отчину константинопольскую, то теперь ему для этого дорога и помощь готовы“. Папа разумѣлъ здѣсь союзъ всѣхъ христіанскихъ государей противъ Турокъ, къ которому приглашалъ и великаго князя, желая, чтобъ онъ помирился съ королемъ Сигизмундомъ. Посоль московскій отвѣчалъ на это Альбрехту такъ: „Государь нашъ съ папою хочетъ быть въ дружбѣ и согласіи; но какъ прежде государь нашъ съ Божіею волею отъ прародителей своихъ законъ Греческій держалъ крѣпко, такъ и теперь съ Божіею волею законъ свой держать крѣпко хочетъ“. Послѣ этого послы папскіе бывали въ Москвѣ, великокняжескіе — въ Римѣ; но сношенія это не имѣли никакихъ важныхъ слѣдствій; мы видѣли, какъ великій князь отвѣчалъ на предложеніе папы соединиться съ Римскою церковью; на предложеніе же союза противъ Турокъ отвѣтъ былъ такой: „Мы, съ Божіею волею, противъ невѣрныхъ за христіанство стоять будемъ. А съ вами и съ другими христіанскими государями хотимъ быть въ любви и докончаніи, чтобъ послы наши ходили съ обѣихъ сторонъ наше здоровье видѣть“¹⁾.

Болѣе важное значеніе придавали въ Москвѣ сношеніямъ съ Турціею, хотя, несмотря на всѣ старанія Московскаго правительства, и эти сношенія кончились ничѣмъ, какъ и при Иоаниѣ; непосредственнаго враждебнаго столкновенія между этими государствами еще быть не могло по самымъ географическимъ условіямъ: степи раздѣляли ихъ, и Турки не думали искать завоеваній въ холодныхъ странахъ Сѣверной Европы; съ другой стороны, между ними быть не могло и общихъ высшихъ интересовъ, которые повели бы къ тѣсному союзу, —

борьба Московскаго государства съ царствами татарскими, мусульманскими оканчивалась видимо не въ пользу послѣднихъ, рано или поздно султанъ долженъ былъ принять въ ней участіе; пока оставались общими интересы низшаго рода, выгоды торговли, и султанъ готовъ былъ поддерживать для ихъ соблюденія пріязнь съ Москвою. Но великій князь хотѣлъ большаго. Въ 1513 году отправился изъ Москвы въ Константинополь посоль Алексѣевъ, для возобновленія между Василіемъ и Селимомъ дружескихъ сношеній, какія существовали между отцами ихъ. Алексѣеву данъ былъ наказъ: „Поклониться султану, руки пригнуть къ себѣ выше пояса, по ихъ обычаю, а на колѣни ему не становиться, и въ землю челою не бить“. Султанъ отвѣчалъ грамотою, написанною на сербскомъ языкѣ, въ которой изъявлялъ желаніе, чтобъ между нимъ и великимъ княземъ люди благополучно ходили и торговли торговали; въ другой грамотѣ просилъ объ отпускѣ въ Крымъ хана Летифа; въ третьей — просилъ помогать послу его Камалу при покупкѣ рѣдкихъ товаровъ. Этотъ Камаль объявилъ: „Послалъ меня государь мой къ великому князю сказать ему, что онъ въ дружбѣ и въ братствѣ съ нимъ быть хочетъ, и спросить, хочетъ ли великій князь быть съ нашимъ государемъ въ дружбѣ и братствѣ; но грамотъ писать мнѣ государь мой не приказалъ“. Въ 1515 году великій князь отправилъ снова въ Константинополь посла своего Коробова, который долженъ былъ стараться заключить съ султаномъ союзъ противъ Литвы и Крыма; также стараться, чтобъ не было зауморцинь, т. е. чтобъ турецкія начальства не забирали пожитки умиравшихъ у нихъ русскихъ купцовъ. Но Коробовъ возвратился съ грамотою, въ которой султанъ давалъ удовлетворительный отвѣтъ только относительно зауморцинь: онъ обѣщалъ также прислать новаго посла въ Москву, но обѣщаніе не было исполнено. Въ 1517 году великій князь говорилъ съ боярами, что у него послѣ возвращенія Коробова не было никакой вѣсти отъ Турецкаго султана, надобно бы послать къ нему спросить о здоровьи; отправленъ былъ дворянинъ Голохвостовъ, — и возвратился опять съ однимъ обѣщаніемъ безопасной торговли. Уклоняясь отъ заключенія союза съ Василіемъ, султанъ однако запрещалъ Крымскому хану тревожить Московскія владѣнія. Понятно, какъ это запрещеніе должно было не нравиться хану. Московскіе благопріятели писали изъ Азова, что султанъ прислалъ сказать хану: „Слышалъ я, что хочешь идти на Московскую Землю; — такъ береги свою голову, не смѣй ходить на Московскаго, потому что онъ мнѣ другъ великій; а пойдешь на Московскаго, такъ я пойду на твою Землю“. Ханъ сильно осердился, потому что рать его была уже собрана. Чтобъ не получать впередъ такихъ запрещеній, ханъ долженъ былъ возбуждать неудовольствіе султана на великаго князя: а послѣдній, чтобъ сдерживать Крымцевъ Турками, долженъ былъ стараться о продолженіи дружескихъ сношеній съ

¹⁾ Дѣла Прусск. № 1, стр. 164—167, 252; Переписка папъ съ Россійск. Государ. въ XVI в., изд. Григоровича.

султаномъ. Вотъ почему, узнавши о смерти Селима, великій князь въ 1521 году отправилъ въ Константинополь посла, Губина, поздравить новаго султана Салимана съ восшествіемъ на престолъ и жаловаться на Магмедъ-Гирей Крымскаго. Губинъ также долженъ былъ хлопотать о заключеніи союза, и такъ какъ этому дѣлу прежде всего препятствовало неудобство сообщенія черезъ степи, то Губинъ долженъ былъ уговориться съ Турецкимъ правительствомъ насчетъ выбора мѣста въ Придонскихъ степяхъ, гдѣ бы вооруженные проводники посольскіе съѣзжались съ обѣихъ сторонъ, съ московской и турецкой, и сдавали другъ другу пословъ. Надобно было назначить это мѣсто на Дону; справились у рязанскихъ казаковъ, и тѣ объявили, что на полдорогѣ отъ Азова къ московскимъ границамъ находится переволока; на этой переволокѣ (между Дономъ и Волгою) приборъ людямъ астраханскимъ, и тутъ посольскимъ провожатымъ сходиться нельзя; надобно быть съѣзду на Медвѣдицѣ, которая ближе къ великаго князя украинѣ, но всего лучше назначить съѣздъ на Хопрѣ. Вслѣдствіе этого показанія, Губинъ долженъ былъ хлопотать, чтобъ Турки назначили съѣздъ на Хопрѣ, или, по крайней мѣрѣ, на Медвѣдицѣ. Относительно наговоромъ ханскихъ Губинъ долженъ былъ говорить въ Константинополь: „Въ Москвѣ идетъ слухъ, что Магмедъ-Гирей писалъ къ султану, будто Казанская Земля юртъ крымскій, будто государь нашъ велѣлъ тамъ мечети разорить и свои христіанскія церкви поставить и колокола повѣсить; но какъ прежде Крымцы неправыми своими умышленіями вставляли неправыя слова, такъ и теперь не отстаютъ отъ лживыхъ словъ“. Губинъ долженъ былъ разсказать по порядку казанскія дѣла и увѣрить, что мечети не разрушаютъ. Между тѣмъ московскіе благопріятели, или норовники продолжали извѣщать великаго князя о наговорахъ ханскихъ: такъ, по ихъ извѣстіямъ, ханъ далъ знать султану, что Василій, въ союзъ съ Персидскимъ шахомъ, послалъ ему оружіе, 30,000 пищалей; когда султанъ опять послалъ въ Крымъ запрещеніе воевать съ Москвою, то ханъ отвѣчалъ ему: „Не велишь мнѣ идти ни на Московскаго, ни на Волоцкаго, такъ чѣмъ же мнѣ быть сыту и одѣту? а Московскій князь стоитъ на тебя заодно съ Кизылбашемъ“ (персидскимъ ханомъ).

Губинъ привезъ съ собою турецкаго посла, Скиндера, князя Манкупецкаго, который объявилъ, что если великій князь хочетъ быть съ султаномъ въ дружбѣ и братствѣ, то прислалъ бы къ нему добраго человѣка для заключенія крѣпкой дружбы и братства. Вслѣдствіе этого объявленія, отправленъ былъ въ Турцію Иванъ Семеновичъ Морозовъ; но и этотъ добрый человѣкъ не успѣлъ въ своемъ порученіи, не привезъ союзной грамоты отъ султана, не привезъ и добраго человѣка для заключенія этого союза въ Москвѣ, но привезъ нѣкоторыя любопытныя извѣстія; на примѣръ: приходилъ къ нему Андрианъ Грекъ

отъ казначея султанова Аббисалома, и говорилъ: „Велѣлъ тебѣ Аббисаломъ говорить: паша поплинка есть, и ты-бъ, господинъ, насъ не забудь, а прежніе послы намъ пошлину давали, такъ и ты бы, господинъ, насъ не покинулъ. Слѣдуетъ тебѣ оказать честь Аббисалому, потому что онъ у султана ближній человѣкъ, и дѣла государскія большія на немъ лежать, а не почтили его, такъ и дѣлу не сдѣлаться“. Посоль отвѣчалъ: „Я отъ своего государя посланъ не пошлины устанавливать, — дѣлаютъ государскія дѣла приказные люди не для посуловъ; будетъ намъ Аббисаломова дружба и радѣнье, то мы противъ нихъ за себя не стоимъ, а для государскаго дѣла мнѣ не зачѣмъ посулы давать“. Андрианъ сказалъ на это: „Аббисаломъ говоритъ: Если меня посоль почтитъ, то я ему отъ султана выберу поминки добрыя, а не почтитъ — такъ я ему выберу поминки худыя“. Посоль отвѣчалъ: „Я присланъ для государскаго дѣла, а не для поминковъ, и за поминки посуловъ не дамъ“. Послъ Андриана пришелъ приставъ и сказалъ: „Велѣлъ тебѣ султанъ говорить: Аббисаломъ у меня человѣкъ ближній, дьякъ, казначей и зять, такъ ты для меня его почти, пошли ему что-нибудь“. Посоль отвѣчалъ: „Если государь говоритъ, то мы для государя пошлемъ что у насъ случится“, — и послалъ казначею горностаявую шубу. Сношенія продолжались, ограничиваясь по-прежнему дѣлами торговыми, хотя уже можно было предвидѣть, что не далеки враждебныя столкновения между обоими государствами: Скиндеръ, пріѣзжавшій въ другую разъ, объявилъ, что Санлъ-Гирей Казанскій заложился за султана, и потому Казань — юртъ султановъ. Ему отвѣчали, что Казань значала юртъ московскій. Побѣхаль Скиндеръ назадъ на Путивль, на Крымъ; просился Дономъ, но великій князь его не пустилъ; прозябло слово отъ Скиндеровыхъ людей и со стороны, что Скиндеръ посланъ высмотрѣть удобное мѣсто на Дону для построенія турецкаго города. Скиндеръ пріѣзжалъ въ третій разъ въ Москву для торговыхъ дѣлъ, несмотря на то, что показывалъ явную вражду и грозился поссорить султана съ великимъ княземъ. По смерти его, случившейся въ Москвѣ, между бумагами его нашли приготовленные донесенія султану, что когда пришелъ въ Москву плѣнный изъ Азова и объявлялъ о побѣдѣ Венгерскаго короля надъ Турками, то будто великій князь очень обрадовался и велѣлъ звонить въ колокола. Въ сношеніяхъ съ этимъ Скиндеромъ обивнялся извѣстный Грекъ Максимъ ⁴⁾. — Цѣлью

⁴⁾ Дѣла Турецкія, весь № 1-й. Читенія Москов. Историч. Общ. 1847 г. № 7: «И вы съ Савою, вмѣсто благихъ, В. Князю злая умыслили и совѣщали и посылали грамоты къ Турецкимъ пашамъ, и къ самому Турецкому царю, подымая его на В. К. Да вы же говорили: ратуетъ К. В. Казань, да въиоли ему будетъ и соромъ — Турецкому ему не молчать. Да вы же въдали Искиндера Турскаго посла совѣты и похваля, что хотѣлъ подымати Турскаго царя на В. К. Да ты, Максимъ, то въдалъ а Гос. В. К. и боларомъ его не сказалъ. Да ты же говорилъ многимъ

сношеній къ князьямъ гагайскимъ и съ Индѣйскимъ ханомъ Бабуромъ были дѣла торговли; сношенія съ Молдавіею и Астраханью не имѣли никакихъ слѣдствій.

Упомянувъ объ этихъ сношеніяхъ, подробно рассказывая о войнахъ съ Литвою, съ Крымомъ, о взятіи Смоленска, Пскова, лѣтописцы едва мимоходомъ упоминаютъ о присоединеніи къ Москвѣ великаго княжества Рязанскаго и княжествъ сѣверскихъ. Мы видѣли, что удѣльный Рязанскій князь Федоръ, умирая бездѣтнымъ, отказалъ свой удѣлъ Иоанну III; такимъ образомъ часть самаго города Рязани и мѣсто—Старая Рязань—принадлежали къ Москвѣ еще при Иоаннѣ III, и сынъ его, Василій, еще прежде окончательнаго присоединенія великаго княжества Рязанскаго, уже назывался Рязанскимъ. Мы видѣли, какъ Иоаннъ III распорядился Рязанью во время малолѣтства великаго князя ея Ивана Ивановича; Василій продолжалъ распорядиться такимъ же образомъ. Когда великій князь Рязанскій выросъ, то увидаль себя не больше какъ намѣстникомъ великаго князя Московскаго; ему оставалась на выборъ: или добровольно низойти на степень служебнаго князя, или отчаянными средствами попытаться возвратитъ прежнее значеніе; онъ рѣшился на послѣднее. Василію Московскому дали знать, что великій князь Рязанскій вошелъ въ частыя сношенія съ Крымскимъ ханомъ Магметъ-Гиреемъ и даже хочетъ жениться на его дочери. Василій послалъ звать Рязанскаго князя въ Москву; тотъ сначала не хотѣлъ ѣхать, предвидя участь, его ожидающую; но, что случилось съ князьями Нижегородскимъ и Тверскимъ, то же самое случилось теперь и съ Рязанскимъ: приближенный бояринъ его Семенъ Крубинъ (Коробинъ?) предался на сторону Василія, и уговорилъ своего князя отправиться въ Москву, гдѣ его схватили и посадили подъ стражу, а мать его заключили въ монастырь. Это было въ 1517 году; въ 1521, пользуясь намествіемъ Магметъ-Гирея, Рязанскій князь усилъ убѣждать изъ Москвы и скрыться въ Литву. Магметъ-Гирей отправилъ къ Сигизмунду пословъ съ требованіемъ, чтобъ король отпустилъ съ ними Рязанскаго князя въ Крымъ. Сигизмундъ отвѣчалъ: „Великій князь Рязанскій пріѣхалъ къ намъ по опасной грамотѣ, по обѣщанію нашему, что онъ можетъ свободно и уѣхать. Мы ему говорили и совѣтовали, чтобъ онъ ѣхалъ къ тебѣ, и отъ своего имени обѣщали ему, что ты посадишь его на великомъ княжествѣ Рязанскомъ; но онъ никакъ не хотѣлъ къ тебѣ ѣхать. Потомъ мы призывали его къ себѣ въ другой разъ и говорили, что ты добудешь ему отчину по своему письменному обѣщанію, которое далъ намъ, а иныче безъ тебя онъ никакимъ образомъ не будетъ въ состояніи возвратитъ себѣ стола. Мы совѣтовали ему это въ той мысли, что

если ты посадишь его на Рязани, то одинъ приобрѣтешь добрую славу; если онъ будетъ въ твоихъ рукахъ, и узнаютъ о томъ его подданные Рязанцы, то они и безъ твоей сабли сами со всею Землею тебѣ поддадутся; ты сдѣлаешь его своимъ слугою, а чрезъ его Землю можешь и того общаго нашего непріятели Московскаго привести къ себѣ въ такую же повинность, въ какой предки его находились къ твоимъ предкамъ. Наконецъ мы Рязанскаго князя уговорили; онъ объявилъ согласіе свое ѣхать къ тебѣ, но только съ условіемъ, чтобъ ты далъ ему залогъ (заставу): если ты его на Рязани не посадишь, ты долженъ отпустить, и когда отпустишь, тогда и залогъ твой къ тебѣ возвратится. Подумай объ этомъ и объяви намъ немедленно, на что рѣшишься.“—Съ Рязанцами, которые отличались смѣлымъ, непреклоннымъ характеромъ, было поступлено такъ же, какъ съ Новгородцами и Псковичами: многочисленными толпами переселяли ихъ въ другія области ¹⁾.

Вслѣдъ за Рязанью пала другая отчина Свято-славова рода, княжество Сѣверское. Но въ это время здѣсь уже не было Ольговичей: ихъ волости держали потомки Иоанна Калиты Московскаго, два Василія—одинъ Семеновичъ, внукъ Можайскаго, князь Стародубскій; другой Ивановичъ, внукъ Шемяки, князь Новгорода-Сѣверскаго. Эти князья давно уже питали другъ къ другу непримиримую ненависть, и, не смѣя затѣвать явныхъ усобицъ, обносили другъ друга предъ великимъ княземъ Московскимъ. Шемячичъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, уже сгубилъ нѣсколько князей своими наѣтами; съ другой стороны, еще отецъ Стародубскаго князя, Семень, обговаривалъ Шемячича Иоанну III; Василій продолжалъ отцовскіе обговоры; ненависть его къ Шемячичу была такъ велика, что онъ говорилъ: „Одному чему-нибудь быть,—или умору князя Василія Ивановича, или подпаду гнѣву государеву.“ Вмѣстѣ съ княземъ Пронскимъ, онъ прислалъ въ Москву обвиненіе противъ Шемячича; послѣдній, узнавъ объ этомъ, отиравилъ въ Москву своего посланца умолять великаго князя, чтобъ позволилъ ему пріѣхать къ себѣ и оправдаться. Тотъ записи, по которой долженъ былъ говорить великому князю посланецъ Шемячича, очень любопытна: онъ показываетъ на какую низкую степень сошли владѣтельные князья передъ Московскими господами всея Руси. „Ты-бъ, государь, пишеть Шемячичъ великому князю, смилуался, пожаловалъ велѣтъ мнѣ своему холопю у себя быть, битъ целомъ о томъ, чтобъ стать мнѣ передъ тобою, государемъ. очи на очи съ тѣми, кого братъ мой, князь Василій Семеновичъ, къ тебѣ, господарю, на меня пріслалъ

¹⁾ Герберштейнъ, стр. 48; Лѣтоп., служаш. продолж. Нестору, стр. 224; Акты Историч. I. № 127; Акты Западн. Россіи, II, № 116. Г. Насвайскій (Пестор. рязан. княж. стр. 231) догадывается, что Крубинъ Герберштейна есть испорченное Коробинъ, ибо фамиліи Крубинныхъ никогда не слышали въ Рязани, тогда какъ Коробинны тамъ известны.

съ нелѣпными. Обищень, господарь, мою вину, то волень Богъ да ты, господарь мой, голова моя готова передъ Богомъ да передъ тобою; а не обищешь, господарь, мой вину,—и ты-бъ смилвался, пожаловаль, отъ брата моего, князя Василія Семеновича оборонилъ, какъ тебѣ господарю Богъ положить по сердцу, потому что братъ мой прежде этого сколько разъ меня обговариваль тебѣ господарю такими же нелѣпными, желая меня у тебя господаря уморить, чтобъ я не былъ тебѣ слугою“

Что были искушенія со стороны Литвы, заставлявшія Московское правительство обращать строгое вниманіе на поведеніе сѣверскихъ князей,—видно изъ слѣдующихъ словъ Шемячича: „Да и то тебѣ господарю извѣстно же, сколько прежде ко мнѣ изъ Литвы присылокъ ни бывало, а отъ отца твоего великаго князя и отъ тебя господаря ничего не утаиваль“ Вотъ почему, отправляя къ Шемячичу опасную грамоту для прѣзда въ Москву, великій князь наказаль посланнымъ: „Заѣзжайте къ князю Василію Семеновичу, скажите ему отъ насъ рѣчь о береженьи, да похвальную рѣчь ему скажите“

Шемячичъ оправдался въ Москвѣ; великій князь велѣль сказать ему: „Мы у слуги своего князя Василія на тебя рѣчей никакихъ не слушали. Мы какъ прежде нелѣпнымъ рѣчамъ не потакаль, такъ и теперь не потакаемъ, а тебя, слугу своего, какъ

прежде жаловали, такъ и теперь жалуемъ, и вперёдъ жаловать хотимъ; обыскали мы, что рѣчи на тебя нелѣпныя, и мы имъ теперь не вѣримъ“. Одинъ изъ обвинителей былъ выданъ обвиненному головою; когда же Шемячичъ просилъ выдачи и другого обвинителя, человекъ князя Стародубскаго, то великій князь велѣль отвѣчать ему: „Этотъ человекъ былъ въ Литвѣ, въ плѣну, и слышалъ о тебѣ рѣчи въ Литвѣ, такъ какъ же ему было намъ не сказать? Намъ этого человекъ выдать тебѣ нельзя“

Шемячичъ былъ отпущенъ съ честію изъ Москвы въ свое княжество: это было въ 1517 году. Но въ 1523 онъ былъ опять позванъ въ Москву и заключенъ въ темницу. Шель слухъ, что причиною заключенія было письмо его къ намѣстнику кievскому, гдѣ онъ предлагаль службу свою королю Сигизмунду. Говорять, будто, во время заключенія Шемячича, какой-то юродивый ходилъ по Москвѣ съ метлою въ рукахъ и, на вопросъ проходящихъ, зачѣмъ онъ взяль метлу,—отвѣчалъ: „Государство не совѣмъ еще очищено; пришло удобное время вымести послѣдній соръ“ Волость Стародубская присоединена была еще прежде къ Москвѣ, при посредствѣ Шемячича, который выгналь своего врага изъ отчины. При Василіи же присоединенъ и удѣль Волоцкій, ибо князь Оедоръ Борисовичъ умеръ въ 1513 году бездѣтнымъ¹⁾.

Глава III.

Дѣла внутреннія.

Отношенія в. князя къ братьямъ.—Разводъ Василія и новой бракъ.—Большень и кончина Василія.—Характеръ покойнаго.—Его образъ жизни, семейная отношенія.—Отношенія къ вельможамъ.—Титуль, доходы великихъ князей Московскаго и Литовскаго.—Обычаи Московскаго двора.—Составъ двора.—Войско.—Приказы.—Жалованныя грамоты.—Вельможество и войско въ Западной Россіи.—Казаки.—Города.—Сельское народонаселеніе.—Свойства страны по юго-восточнымъ окраинамъ.—Промысла.—Торговля.—Искусства.—Церковныя событія.—Иосифъ Волоцкій и Максимъ Грекъ.—Вассіанъ Косой.—Бытъ монастырей.—Сношенія съ восточными церквами.—Состояніе западно-русской церкви.—Законодательство.—Народное право.—Правы и обычаи.—Литература.

Мы видѣли, съ какимъ нетерпѣніемъ враги Московскаго государства ждали смерти Иоанновой, думая, что слѣдствіемъ ея будутъ междоусобія между Василіемъ и племянникомъ Димитріемъ, котораго многочисленныя приверженцы усилуютъ освободить. Но они обманулись въ своей надеждѣ: сторона Димитрія не тронулась, и этотъ князь умеръ въ тѣсномъ заключеніи въ 1509 году. Мы видѣли также, что, обманувшись въ надеждѣ на Димитрія, Сигизмундъ Литовскій попытался было поднять противъ Василія родного брата его; и эта попытка осталась безъ успѣха. Неуспѣхъ здѣсь однако происходилъ отъ безсилія удѣльныхъ князей, а не отъ нежеланія ихъ высвободиться отъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ новый порядокъ вещей ставилъ ихъ къ старшему брату, къ великому князю. Въ 1511 году великій князь узналь, что братъ его Семень Калужскій хочеть ѣхать въ Литву. Вацлѣй велѣль ему явиться въ Москву; Семень, видя,

что умысль его открытъ, предугадывая, что готовится ему въ Москвѣ, началъ просить старшаго брата о помилованіи посредствомъ митрополита, владыкъ и другихъ братьевъ. Великій князь простилъ Семена, но перемѣнилъ у него всѣхъ бояръ и дѣтей боярскихъ. Семень умеръ въ 1518 году.

Касательно отношеній Василія къ другому его брату, князю Димитрію Ивановичу, до насъ дошелъ любопытный памятникъ, наказныя рѣчи Ивану Никонѣ, какъ тотъ долженъ былъ говорить Димитрію отъ имени великаго князя наединѣ: „Братъ! самъ разсуди, хорошо ли ты дѣлаешь? Поминишь, какъ намъ отецъ нашъ приказаль между собою жить? Я приказываль тебѣ, чтобъ ты удовлетворилъ насъ въ козельскихъ дѣлахъ и въ дѣлѣ Ушатаго; а ты не только не исполниль нашего

¹⁾ Герберштейнъ, стр. 51; С. г. г. и д. II, № 28 и 29. Акты Историч. I, № 124; С. г. г. и д. I, № 151.

требованія, но еще опять посылалъ на землю Ушагаго, велѣлъ его деревни грабить, а намъ съ нашими дѣтymi боярскими отвѣтъ прислалъ не такой, какой слѣдовало тебѣ прислать. А на ту грамоту, что мы послали къ тебѣ съ Федоромъ Борисовымъ, ты и вовсе намъ никакого отвѣта не далъ; теперь же еще хуже того съ нами поступилъ: прислалъ къ намъ такого парубка, какого тебѣ не слѣдовало къ намъ присылать, и прислалъ его съ грамотою, въ которой говорится о великихъ дѣлахъ. Не знаю, какое я тебѣ безчестіе, какую обиду нанесъ; а ты ко мнѣ такъ отвѣчалъ съ нашими дѣтymi боярскими, и въ грамотѣ своей такъ къ намъ писалъ: развѣ такъ отцу отвѣчаютъ и въ грамотѣ пишутъ? Здѣсь великій князь, вооружаясь противъ старинныхъ притязаній удѣльныхъ князей, хочетъ самъ опереться на старину, по которой младшіе братья должны были считать старшаго отцомъ. Дмитрій умеръ въ 1521 году.

Объ отношеніяхъ великаго князя Василія къ брату его Юрію Ивановичу мы получаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ челобитной Ивана Яганова, посланнаго въ Дмитровъ для наблюденія за поступками князя Юрія; изъ этой челобитной узнаемъ, что при дворѣ Юрія были дѣти боярскія, которыя чрезъ Яганова давали знать великому князю о замыслахъ его брата. Въ началѣ княженія Иоанна IV-го, Ягановъ былъ заключенъ въ оковы за ложныя вѣсти, и по этому случаю писалъ свою челобитную. „Прежде, пишетъ Ягановъ, служилъ я, государь, отцу твоему великому князю Василію: что слышалъ о лихѣ и о добрѣ, то все государю сказывалъ, а которые дѣти боярскіе князя Юрія Ивановича приказывали къ отцу твоему со мною великія, страшныя, смертоносныя дѣла, и я обо всѣхъ этихъ дѣлахъ государю объявлялъ, и отецъ твой меня за то взлялъ жаловать своимъ жалованьемъ, а ковать меня и мучить за то не приказывалъ; велѣлъ онъ мнѣ своего дѣла вездѣ искать, и я, ищущи государева дѣла и земскаго, съ Дмитровцами кой-что изъ имѣньяшка своего истерялъ. А что я слышалъ у тѣхъ же дѣтей боярскихъ на попойгѣ жестокою рѣчь вмѣстѣ съ Яковомъ, ту рѣчь я и Якову сказавъ твоимъ боярамъ; я не знаю, съ-пьяну ли они говорили или по глупости, мнѣ было въ тѣ поры уши свои не смолою забить, я что слышалъ, то и сказавъ точно такъ же, какъ прежде отцу твоему служилъ и сказывалъ; а еслибъ я не сказалъ этихъ рѣчей, жестокихъ рѣчей, и кто бы другой ихъ мимо меня сказалъ, то меня бы казнили. Не сказали жестокихъ рѣчей на Якова Дмитріева отцу твоему Вашмакъ Лптоминъ да Губа Дѣдковъ, и отецъ твой хотѣлъ ихъ казнить. А въ записи твоей дѣловальной написано: слышавъ о лихѣ и о добрѣ, сказавъ тебѣ государю и твоимъ боярамъ. Такъ тотъ ли добрый человѣкъ, кто что слышалъ да не скажетъ? А не хотѣлъ бы я тебѣ государю служить, такъ я бы и у князя Юрія выслужилъ. Отецъ твой, какую рѣчь кто ему скажетъ, будетъ сойдется, и онъ ее ставилъ въ дѣло,

а будетъ не сойдется на дѣло, и онъ пускалъ мимо ушей; а кто скажетъ, того не наказывалъ и суда ему не давалъ въ своемъ дѣлѣ. Я, государь, тебѣ и твою мать, благовѣрную великую княгиню Елену, отъ нѣсколькихъ смертоносныхъ напастей избавлялъ; я же нынче за тебя кончаю въ мукахъ животъ свой“¹⁾. Изъ житія Св. Іосифа Волоцкаго узнаемъ, что однажды великому князю Василію донесли на брата Юрія, будто онъ собирается отвѣхать въ Литву; по просьбѣ Юрія, Іосифъ вступился въ дѣло, отправилъ въ Москву двухъ иноковъ своего монастыря, Кассіана и Іону, ходатайствовать предъ великимъ княземъ за Юрія, — и ходатайство было успѣшно.

Этому-то брату Юрію великій князь долженъ былъ оставить престолъ, за немѣнимъ собственнхъ дѣтей: великая княгиня Соломонія была бесплодна. Тщетно несчастная княгиня употребляла всѣ средства, которыя ей предписывались знахарями и знахарками того времени²⁾: дѣтей не было, исчезала и любовь мужа. Однажды, говоритъ летописецъ, великій князь, ѣдучи за городомъ и увидавъ на деревѣ гнѣздо, залился слезами и началъ горько жаловаться на свою судьбу: „Горе мнѣ! говорилъ онъ: на кого я похожъ? И на птицъ небесныхъ не похожъ, потому что и онѣ плодovitы; и на звѣрей земныхъ не похожъ, потому что и они плодovitы; и на воды не похожъ, потому что и воды плодovitы: волны ихъ утѣшаютъ, рыбы веселятъ“. Взглянувши на землю, сказалъ: „Господи! не похожъ я и на землю, потому что и земля приноситъ плоды свои во всякое время, и благословляютъ они тебя, Господи!“ Вскорѣ послѣ этого онъ началъ думать съ боярами, съ плачемъ говорилъ имъ: „Кому по мнѣ царствовать на Русской Землѣ и во всѣхъ городахъ монхъ и предѣлахъ? Братьямъ отдать? но они и своихъ удѣловъ устроить не умѣютъ.“ На этотъ вопросъ послышался отвѣтъ между боярами: „Государь князь великій! неплодную смоковницу посѣвають и измещутъ изъ вертограда“³⁾ Такъ думали бояре, которые дѣй-

¹⁾ Акты историч. т. I, № 291; № 186.

²⁾ Тамъ же, № 180. «Сказывалъ Иванъ (Сабуровъ): говорила мнѣ В. Княгиня: есть де жонка Стефанидоу зовутъ Рязанка, а князь на Москвѣ, и ты ее добуди да ко мнѣ пришли; и азъ Стефаниды допытался да и къ себѣ еси еѣ во дворъ позвалъ, да послалъ еси еѣ на дворъ къ В. Княгинѣ съ своею жонкою съ Настею, и та Стефаню и была у В. Княгини. А послѣ того пришелъ азъ къ В. Кн., и она мнѣ сказывала: присылалъ ты ко мнѣ Стефаниду, и она у меня смотрѣла, и сказала, что у меня дѣтязъ не быти; а наговаривала мнѣ воду Стефаню и смачиватися велѣла отъ того, чтобъ Кн. В. меня любилъ; а коли понесутъ къ В. Кн. сорочку и порты и чехоль, и она мнѣ велѣла изъ рукомынника тою водою смочивъ руку, да охватывати сорочку и порты и чехоль и иное которое платье бѣае... Черница наговаривала не помню масло, не помню медь прѣсной, а велѣла ей тѣмъ тертисъ отъ тогожь, чтобъ еѣ К. В. любилъ, да и дѣтей дѣла... Да Иванъ же говорилъ: того мнѣ не исмажывати, сколько къ мнѣ о тѣхъ дѣлахъ жонокъ и мужиковъ прихаживало».

³⁾ П. С. Р. Л. IV. 295.

ствительно могли бояться за будущность государства, еслибъ оно досталось князю, не умѣвшему распорядиться и малымъ удѣломъ; такъ думали люди, приверженные къ Василю и къ установленному порядку вещей, люди сильные при Василю, надѣявшіеся сохранить свое положеніе при сынѣ его, и боявшіеся злой участи при братѣ, который нерасположеніе свое къ старшему брату долженъ былъ распространить и на всѣхъ вѣрныхъ слугъ послѣдняго. Разумѣется, первый голосъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ митрополиту: преемникъ Симона, митрополитъ Варлаамъ, вслѣдствіе неприяностей съ великимъ княземъ, оставилъ митрополию и былъ заточенъ въ одинъ изъ сѣверныхъ монастырей; на его мѣсто былъ избранъ Даниилъ, игуменъ Іосифова Волоцкаго монастыря и вѣрный преданію этого монастыря, которое состояло въ безредѣльной приверженности къ великому князю Василю: Даниилъ одобрилъ разводъ. Но были люди, смотрѣвшіе иначе на дѣло: одни смотрѣли на него, какъ на дѣло чисто церковное, и, по религиозной совѣстливости, боялись—будетъ ли законна уступка интересу государственному; другіе, потомки князей литовскихъ и русскихъ, могли не одобрять развода по особымъ причинамъ: имъ не нравилось утвержденіе власти государей Московскихъ, которымъ они принуждены были служить наравнѣ съ другими; имъ не нравились внушенія Софій Палеологъ, которой они приписывали новыя отношенія, для нихъ неприятыя. Они боролись противъ Софій, не хотѣли допустить къ престолу ея сына; но Софія восторжествовала, и сынъ ея Василій успѣлъ совершить дѣло отца своего, явился монархомъ, какимъ не былъ ни одинъ монархъ на всемъ земномъ шарѣ¹⁾; эти люди должны были съ удовольствіемъ видѣть, что престолъ твердаго, вѣрнаго родительскимъ преданіямъ и потому сильно нелюбимаго ими Василя достается князю слабому, не умѣвшему распорядиться и собственнымъ удѣломъ, при которомъ слѣдовательно будетъ больше простора стариннымъ притязаніямъ княжескимъ и дружиннымъ. Главнымъ противникомъ развода явилось лицо уже намъ извѣстное: мы видѣли, что, вслѣдствіе торжества Софій и сына ея Василя надъ противною имъ партією, главы этой партіи,—князья Патрикѣвы и Рязоловскіе—подверглись опалѣ, Рязоловскіе были казнены, Патрикѣвы—отецъ Иванъ Юрьевичъ съ сыномъ Василямъ Косымъ—пострижены въ монахи; князь Василій Патрикѣвъ, въ монашествѣ Вассіанъ, въ княженіе Василя былъ переведенъ изъ Кириллова Вѣдозерскаго монастыря въ московскій Симоновъ. Великій князь оказывалъ ему большое уваженіе за умъ, образованность, позволялъ ему имѣть сильное вліяніе на дѣла церковныя; но теперь, когда возникъ важный вопросъ о разводѣ, Вассіанъ вооружился противъ него всѣмъ своимъ

новымъ значеніемъ, какъ старецъ опытный въ дѣлахъ церковныхъ; вмѣстѣ съ Вассіаномъ Патрикѣвымъ вооружился противъ развода князь Семенъ Курбскій, котораго впускъ, знаменитый князь Андрей, явился вполнѣдствіи такимъ жаркимъ защитникомъ старыхъ княжескихъ и дружинныхъ правъ, такимъ злымъ порицателемъ Софій и ея сына: мѣтніе Курбскаго и Патрикѣва поддерживалъ и знаменитый Максимъ Грекъ.

Несмотря однако на это сопротивление, въ ноябрѣ 1525 года былъ объявленъ разводъ великаго князя съ Соломонію, которую постригли, подъ именемъ Софій, въ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ и потомъ отослали въ сүздальскій Покровский монастырь. Такъ какъ на это дѣло смотрѣли съ разныхъ точекъ зрѣнія, то неудивительно, что до насъ дошли о немъ противорѣчивыя извѣстія: въ однихъ говорится, что разводъ и постриженіе послѣдовали согласно съ желаніемъ самой Соломоніи, даже по ея просьбѣ и настоянію; въ другихъ—наоборотъ, постриженіе ея представляется дѣломъ насилья; распустили даже слухи, что скоро послѣ втораго брака великаго князя у Соломоніи родился сынъ Георгій²⁾. Въ январѣ слѣдующаго

²⁾ Въ лѣтописяхъ: «По совѣту ея тягости ради и боляныи бездѣтства». Герберштейнъ, стр. 18, 19: «Hinc Metropolitanus in monasterio lacrymanti ejulanteque, capillis primum abscissis, cum cucullam porrexisset, eam sibi injici haec adeo non patiebatur, ut apprehensus in terramque projectam cucullam pedibus calcaverit: qua rei indignitate Ioannes Jchygona, unus ex primariis consiliaris, commotus, eam non solum acriter objurgavit, sed flagello caecidit, superaddens: Tu ne voluntati domini resistere audes? illisquae jussa capessere moraris? Hunc Solomea cum interrogaret, qua se autoritate caederet? mandato domini, cum respondisset, animo illa tum fracto coram omnibus quod cucullam invita atque coacta induat, protestatur, tantaeque injuriae sibi illatae Deum ultorem invocat... Continuo fama exoritur Salomeam gravidam propeque partum esse. Rumorem confirmabant duae matrone, primorum consiliariorum, Georgii Parvi thesaurarii et Jacobi Mazur cubicularii, uxores: ajebantque, sese ex oro ipsius Salomeae audivisse, ut quae gravidam se et prope partum esse fateatur. Qua re audita graviter commotus Princeps, utramque a se repulit, alteram, Georgii uxorem, etiam vorberibus affecit, quod tempestivius de hac re ad se non retulisset. Mox ut rem compertam haberet, Theodericum Rack consiliarium et Potat secretarium quendam, ad monasterium in quo detinebatur, mittit, illisque, ut veritatem rei diligenter inquirent, mandat. Quidam nobis tum Moscoviae existentibus, sancte affirmabant, Salomeam filium Georgium nomine peperisse; nemini tantum infantem ostendere voluisse. Quin cognoscenda veritatis gratia, quibusdam ad se missis, dicitur respondisse, indignos illos esse, quorum oculi infantem viderent: dum in majestatem suam veniret, matris injuriam ulturum; quidam vero eam peperisse, constanter negabant. Ambigua itaque de ea res est fama». Тотъ же Герберштейнъ рассказываетъ о присклѣхъ уночянутого Георгія Малого (Грека) еще предъ первичъ бракомъ Василя: Георгій отклонялъ Василя отъ мысли жениться на иностранной княжнѣ, и склонялъ жениться на русской, думая, что в. князь женится на его дочери, но ошибся въ расчетѣ. — Въ противоположность Герберштейнову разсказу о постриженіи, приводитъ разсказъ, находящійся въ Лѣтописи, служажшей продолженіемъ Нестору, стр. 383: «Благочѣрная великая княгиня Соломониди, видя неплодство изъ чрева своего, якоже и древняя оная Сарра, начать жалати государя великаго князя Вас.

¹⁾ Герберштейнъ: «Imperio, quod in suos exercet, omnes facile universi orbis monarchas superat, et id quod pater incoeperat, ipse perfecit».

1526 года Василій женился на Еленѣ, дочери умершаго князя Василія Львовича Глинскаго, родной племянницѣ знаменитаго князя Михаила; выборъ замѣчательный, ибо дѣйствительно Елена, воспитанная иначе, чѣмъ тогдашнія московскія боярышни, имѣла болѣе средствъ правиться. Черезъ три года, 25 августа 1530, Елена родила перваго сына Иоанна, потомъ черезъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ другого сына, Георгія.

Но едва минуло старшему малюткѣ, Иоанну, три года, какъ отецъ его, великій князь Василій, занемогъ предсмертною болѣзнію. Послѣ выхода Крымцевъ изъ московскихъ областей, въ сентябрѣ 1533 года, Василій съ женою и съ дѣтьми отправился въ Троицкій монастырь къ 25 числу, къ празднику Чудотворца Сергія; отъ Троицы поѣхалъ на Волокъ Ламскій, чтобъ потѣшиться любимую своею забавою, охотою, и на дорогѣ, въ селѣ Озерцовомъ, заболѣлъ: на лѣвомъ стегнѣ, на сгибѣ показалась багровая болячка съ булавочную головку. Въ первыхъ числахъ октября великій князь пріѣхалъ въ Волоколамскъ уже въ больномъ изнеможеніи; въ тотъ же день онъ еще могъ быть на пиру у одного изъ любимцевъ своихъ, тверскаго дворецкаго, Ивана Юрьевича Шигоны Поджогина; но на другой день съ большою нуждою дошелъ до баши, и за столомъ сидѣлъ въ постельныхъ хоромахъ также съ нуждою. Да слѣдующій день была превосходная для охоты погода: великій князь не утерпѣлъ, послалъ за ловчими и поѣхалъ въ село свое Колинь; дорогою охота была неудачна и Василій все жаловался на боль. Пріѣхавши въ Колинь, онъ сѣлъ за столъ, но сидѣлъ съ нуждою; несмотря однако на это, послалъ къ брату Андрею Ивановичу звать его на охоту, и, когда тотъ пріѣхалъ, отправился въ поле съ собаками; но ѣздивъ неznаго, не далѣе двухъ верстъ отъ села; возвратившись съ охоты въ Колинь, обѣдалъ вмѣстѣ съ братомъ, и тутъ въ послѣдній разъ сидѣлъ за столомъ; съ этихъ поръ онъ принималъ немного нищи уже въ постели. Видя усиленіе болѣзни, онъ послалъ за княземъ Михаиломъ Львовичемъ Глинскимъ и за двумя лѣкарями своими, иностранцами, Николаемъ и Осифиломъ. По совѣту съ княземъ Глинскимъ, который, какъ видно, былъ во всемъ опытенъ, лѣкаря начали прикладывать къ болячкѣ пшеничную муку съ прѣснымъ медомъ и лукъ печеный; отъ этого болячка начала рдѣть и загниваться. Проживъ двѣ недѣли въ Колини, великій

князь захотѣлъ возвратиться въ Волокъ; на лошади ѣхать онъ не могъ, боярскія дѣти и княжата несли его пѣшкомъ на рукахъ. Въ Волокѣ великій князь велѣлъ прикладывать мазь; стало выходить много гною, боль увеличилась, въ груди начала чувствоваться тягость; лѣкаря дали ему чистительное¹⁾, но это средство не помогло, аппетитъ пропалъ. Тогда великій князь послалъ стряпача своего Мансурова и дьяка меньшаго, Путятина, тайно въ Москву за духовною грамотою отца своего и за своею, которую написалъ передъ отъѣздомъ въ Новгородъ и Псковъ; въ Москвѣ не велѣлъ объ этомъ сказывать никому, ни митрополиту, ни боярамъ. Когда грамоты были привезены, Василій велѣлъ прочесть ихъ себѣ тайно отъ братьевъ, бояръ и отъ князя Глинскаго, послѣ чего свою духовную велѣлъ сжечь. Потомъ велѣлъ Путятину опять принести духовныя грамоты, призвалъ Шигону Поджогина и совѣтовался съ нимъ и съ Путятинимъ, кого изъ бояръ допустить въ думу о духовной, и „кому приказать свой государевъ приказъ“; изъ бояръ на Волокъ были тогда съ великимъ княземъ: князь Димитрій Оедоровичъ Бѣльскій, князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій, князь Михайла Львовичъ Глинскій, да двое дворецкихъ—князь Кубенскій и Шигона. Пріѣхалъ братъ Василіевъ, князь Юрій Ивановичъ; но великій князь скрывалъ отъ него свою болѣзнь и не хотѣлъ, чтобъ онъ долго оставался въ Волокѣ, несмотря на все желаніе Юрія остаться; младшій же братъ, князь Андрей Ивановичъ, остался при больномъ. Между тѣмъ изъ болячки вышло гною больше таза, вышелъ стержень больше полторы пяди, но не весь; великій князь обрадовался, думать, что получить облегченіе отъ болѣзни; начали прикладывать къ болячкѣ обыкновенную мазь, и опухоль онала. Когда пріѣхалъ изъ Москвы бояринъ Михайла Юрьевичъ Захарьинъ, за которымъ посылали, то великій князь началъ думать съ боярами и съ дьяками, какъ ему ѣхать въ Москву, и приговорилъ ѣхать съ Волока въ любимый его Іосифовъ монастырь; поѣхалъ онъ въ каптанѣ, гдѣ была постлана постель; въ каптанѣ сидѣли съ нимъ князь Шкурлятевъ и князь Палецкій, которые переворачивали его со стороны на сторону, потому что самъ онъ двигаться не могъ. Когда пріѣхали въ Іосифовъ монастырь, Шкурлятевъ и Палецкій взяли великаго князя подъ руки и повели въ церковь; здѣсь дьяконъ, начавши читать ектенію за государя, не могъ продолжать отъ слезъ, игумень и вся братія горько плакали и молились, великая княгиня съ дѣтьми, бояре и всѣ люди рыдали. Когда начали обѣдню, великій князь вышелъ и легъ на одрѣ на шперти, гдѣ и слушалъ службу. Череночевавъ въ монастырѣ, Василій поѣхалъ въ Москву, а брата Андрея отпустилъ въ его удѣлъ; рѣшено было, что больной вѣздеть въ Москву тайно, потому что въ это время здѣсь было

Ив. вс. Русія, да повелитъ ей облещися во ивоческій образъ. Царь же государь всея Русія нача глаголати смце: како могу бракъ раззорити, а вторымъ совокупитися? наче же государь благочестивъ, и совершительъ заповѣдей Господнихъ и законоумъ повелѣнию. Христолюбивая же В. Княгиня съ прилѣжаніемъ и со слезами начатъ молити Государя, да повелитъ ей сотворити тако, якоже хоцеть; царь же ни слышати сего не восхотѣ, и приходящихъ отъ нея великожь отрѣвая съ злобою: великая же княгиня видя неверюкюна государя на моленіе ея, начатъ молити Давида митрополита, да умолитъ о семъ государя, дабы сотворилъ вѣлю ея быти.—Великій князь послушалъ митрополита.

¹⁾ П. С. Р. Л. VI, 268: «Взяша горошки и семяники, и съ того проесе ему на пизъ»; въ другихъ вариантахъ въ горошки—горошки тридневныя.

много иноземцевъ и пословъ. 21-го поабри великій князь прѣхалъ въ подмосковное свое село Воробьево и пробывъ здѣсь два дня, страдая отъ жестокой болѣзни: митрополитъ, владыки, бояре, дѣти боярскія прѣзжали навѣщать его. Василій приказалъ наводить мость на Москвѣ-рѣкѣ подъ Воробьевымъ, противъ Новодѣвичьяго монастыря, потому что рѣка еще не крѣпко стала, и на третій день выѣхалъ изъ Воробьева, въ кантаѣ, запряженной двумя санниками (лошадьми, приученными ходить въ саняхъ); но какъ скоро лошади начали входить на мость, мость обломился, капитану же дѣти боярскія успѣли удержать отъ паденія, обрѣзавъ гужи у санниковъ. Больной долженъ былъ возвратиться назадъ, посердился на городничихъ, смотрѣвшихъ за строснѣемъ моста, но опалы на нихъ не положилъ; потомъ онъ уже въѣхалъ въ Москву на поромѣ подъ Дорогомиловымъ. Въ тотъ же самый день прѣхалъ братъ его, князь Андрей Ивановичъ.

Расположившись въ дворцѣ, великій князь призвалъ къ себѣ бояръ—князя Василія Васильевича Шуйскаго, Михайлу Юрьевича Захарьина, Михайлу Семеновича Воронцова, казначея Петра Ивановича Головина, дворецкаго Шигону, и велѣлъ при нихъ писать духовную грамоту дьякамъ своимъ, меньшому Путятину и Оеодору Мишурину; потомъ, въ думу о духовной грамотѣ къ пресланнымъ боярамъ, прибавилъ еще князя Ивана Васильевича Шуйскаго, Михайлу Васильевича Тучкова и князя Михайлу Львовича Глинскаго; послѣдняго, поговора съ боярами, прибавилъ онъ потому, что онъ былъ родной дядя великой княгини Еленѣ; въ это же время прѣхалъ въ Москву князь Юрій Ивановичъ. По написаніи духовной, Василій началъ думать съ митрополитомъ Данииломъ, владыкою Коломенскимъ Вассіаномъ и духовникомъ своимъ, протопопомъ Алексѣемъ, о пестриженнѣ, потому что давно была у него эта мысль: еще на Волокѣ онъ говорилъ духовнику и старцу Мисаилу Сувину: „Смотрите, не положите меня въ бѣломъ платѣ; хотя и выздоровлю — нужды нѣтъ, мысль моя и сердечное желаніе обращены къ иночеству“; и платѣ съ Волока велѣлъ взять съ собою въ дорогу готовое; на пути приказывалъ Шигонѣ и Путятину то же самое, чтобъ не положили его въ бѣломъ платѣ. Тогда же великій князь тайно пріобщался и масломъ соборовался, а въ субботу передъ Николинимъ днемъ соборовался уже явно; на другой день, въ воскресенье, велѣлъ приготовить себѣ служебные Дары; когда дали знать, что ихъ несутъ, встать съ постели, опираясь на боярина Михайлу Юрьевича Захарьина, съѣлъ въ кресла; когда же вошелъ духовникъ съ Дарами, Василій сталъ на ноги, пріобщился со слезами, и легъ въ постель, послѣ чего, призвавъ къ себѣ митрополита, братьевъ Юрія и Андрея, всѣхъ бояръ, началъ говорить: „Приказываю своего сына, великаго князя Ивана Богу, Пречистой Богородицѣ, Святымъ чудотворцамъ, и тебѣ, отцу своему Данилу митрополиту всея Руси; даю ему свое государство, которымъ меня благословилъ отецъ мой; а вы,

братья мои, князь Юрій и князь Андрей, стойте крѣпко въ своемъ словѣ, на чемъ вы мнѣ крестъ дѣловали, о земскомъ строеніи и о ратныхъ дѣлахъ противъ недруговъ моего сына и своихъ стойте сообща, чтобъ православныхъ христіанъ рука была высока надъ бусурманствомъ; а вы, бояре, боярскія дѣти и княжата, какъ служили намъ, такъ служите и сыну моему, Ивану, на недруговъ все будьте заодно, христіанство отъ недруговъ берегите, служите сыну моему прямо и неподвижно“ Отпустивши братьевъ и митрополита, умирающій сталъ говорить боярамъ: „Знаете и сами, что государство наше ведется отъ великаго князя Владиміра Кіевского, мы вамъ государи прирожденные, а вы наши пзвѣчные бояре: такъ постоитъ, братья, крѣпко, чтобъ мой сынъ учинился на государствѣ государемъ, чтобъ была въ Землѣ правда, и въ вась розни никакой не было; приказываю вамъ Михайлу Львовича Глинскаго, человекъ онъ къ намъ прѣзжій; но вы не говорите, что онъ прѣзжій, держте его за дѣшнѣяго уроженца, потому что онъ мнѣ прямой слуга: будьте всеѣ сообща, дѣло земское и сына моего дѣло берегите и дѣлайте заодно; а ты бы, князь Михайло Глинскій, за сына моего Ивана и за жену мою, и за сына моего князя Юрья кровь свою пролить и тѣло свое на раздробленіе даль“.

Великій князь очень скорбѣлъ и изнемогалъ, но боли не чувствовалъ, рана не увеличивалась, только духъ отъ нея былъ тяжекъ¹⁾. Василій призвалъ князя Михайлу Глинскаго, двоиухъ лѣкарей своихъ, Николая и Теофила, и спрашивалъ у нихъ, чего бы прикладывать къ болячкѣ, или что бы такое пустить въ рану, чтобъ духу не было. Бояринъ Михайла Юрьевичъ Захарьинъ, утѣшая его, началъ говорить: „Государь князь великій! обождавши день-другой, когда тебѣ немного полегчаетъ, пустить бы водки въ рану“. Больной обратился къ лѣкарю Николаю и сказалъ ему: „Братъ Николай! видѣлъ ты мое великое жалованье къ себѣ: можно ли что-нибудь такое сдѣлать, мазь или другое что, чтобъ облегчить мою болѣзнь“?—Николай отвѣчалъ: „Видѣлъ я, государь, къ себѣ жалованье твое великое; еслибъ можно, тѣло бы свое раздробилъ для тебя, но не вижу никакого средства, кромѣ помощи Вожей“ Тогда великій князь сказалъ дѣтямъ боярскимъ истрячничьимъ: „Братья! Николай узналъ мою болѣзнь:—непзлѣчимая! надобно, братья, промышлять, чтобъ душа не погибла на-вѣки“. Стряпчие и дѣти боярскія заплакали горько, тихо для него, но, вышедши вонъ, громко зарыдали и были какъ мертвые. Больной забылся, во снѣ вдругъ запѣлъ: „Аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже“! потомъ, проснувшись, началъ говорить: „Какъ Господу угодно, такъ пусть и будетъ, буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка“ 3 декабря, со вторника на среду, прика-

1) „Токмо духъ отъ нея тяжекъ. Идущи же изъ нея нежди смертныя“.

заль духовнику держать наготовѣ запасные Дары. Въ это время пришелъ игуменъ Троицкій Иоасафъ, и великій князь сказалъ ему: „Помолись, отецъ, о земскомъ строеніи и о сынѣ моемъ Иванѣ, и о моемъ согрѣшеніи: далъ Богъ и великій чудотворецъ Сергій мнѣ вашимъ моленіемъ и прошеніемъ сына Ивана; я крестилъ его у чудотворца, вручилъ его чудотворцу и на раку чудотворцеву его положилъ, вамъ сына своего на руки отдалъ; такъ молитесь Бога, Пречистую Его Матерь и великихъ чудотворцевъ о Иванѣ, сынѣ моемъ, и женѣ горемычнѣй; а ты, игуменъ, прочь не ѣзди, изъ изъ города вонъ не выѣзжай“. Въ среду опять приобщился, съ постели при этомъ встать уже не могъ, но подъ плечи подняли его; послѣ Причастія поѣлъ немного. Потомъ призвалъ бояръ, князей Василія и Ивана Шуйскихъ, Воронцова, Михайлу Юрьевича, Тучкова, князя Михайлу Глинскаго, Шигону, Головкина, дьяковъ—Путятина и Мышурина, и были они у него отъ третьяго часа до седьмаго: все наказывалъ имъ о сынѣ, о устройствѣ земскомъ, какъ быть и править государствомъ. Когда всѣ другіе бояре ушли, остались трое—Михайло Юрьевъ, Глинскій и Шигона, и были у него до самой ночи; имъ приказывалъ о великой княгинѣ Еленѣ, какъ ей безъ него быть, какъ къ ней боярамъ ходить, и о всемъ имъ приказалъ, какъ безъ него царству строиться. Пришли братья—Юрій и Андрей—и начали принуждать больнаго, чтобъ чего-нибудь поѣлъ; онъ велѣлъ подать миндальной каши и только къ губамъ поднесъ. Братья вышли, но Андрея великій князь велѣлъ воротить, и началъ говорить ему, Юрьеву, Глинскому и Шигонѣ: „Вижу самъ, что скоро долженъ умереть, хочу послать за сыномъ Иваномъ, благословить его крестомъ Петра чудотворца, да хочу послать за женою, наказывать ей, какъ ей быть послѣ меня; но нѣтъ, не хочу посылать за сыномъ, малъ онъ,—а я лежу въ такой болѣзни, испугается“. Князь Андрей и бояре стали уговаривать его: „Государь князь великій! пошли за сыномъ, благослови его, и за великой княгиней пошли“. Больной согласился. Братъ великой княгини, князь Иванъ Глинскій, принесъ ребенка на рукахъ, за нимъ шла мама Аграфена Васильева; великій князь благословилъ сына и наказалъ мамѣ: „Смотри, Аграфена, отъ сына моего Ивана не отступай ни пяди!“ Когда ребенка вынесли, ввели великую княгиню: едва могли удерживать ее братъ великокняжескій Андрей Ивановичъ и бояринъ Челядинъ,—билась и плакала горько. Великій князь утѣшалъ ее, говорилъ: „Жена! перестань, не плачь, мнѣ легче, не болеть у меня ничего, но благодарю Бога“; и въ самомъ дѣлѣ онъ уже не чувствовалъ никакой боли. Когда Елена немного утихла, то начала говорить: „Государь князь великій! на кого меня оставляешь, кому дѣтей приказываешь?“ Василий отвѣчалъ: „Благословилъ я сына своего Ивана государствомъ и великимъ княженіемъ, а тебѣ написалъ въ духовной грамотѣ, какъ писа-

лось въ прежнихъ грамотахъ отцовъ нашихъ и прародителей, какъ слѣдуетъ, какъ прежнимъ великимъ княгинямъ шло“. Елена просила, чтобъ великій князь благословилъ и младшаго сына Юрія; Василий согласился, благословилъ его крестомъ Паисіевскимъ; о вотчинѣ же сказалъ: „Приказалъ я и въ духовной грамотѣ, написалъ какъ слѣдуетъ“. Хотѣлъ онъ поговорить съ женою, какъ ей жить послѣ него, но отъ ея крика не успѣлъ ни одного слова сказать; она не хотѣла выходить изъ комнаты, но отъ крика Василий принужденъ былъ насильно велѣть ее вывести, поцѣловавшись съ нею въ послѣдній разъ. Послѣ этого великій князь послалъ за владыкою Коломенскимъ Вассианомъ и старцемъ Мисаиломъ; спросилъ о Кирилловскимъ игуменѣ, потому что прежде онъ думалъ постричься въ Кирилловскомъ монастырѣ, но ему сказали, что Кирилловскаго игумена нѣтъ въ Москвѣ; тогда послалъ за Троицкимъ игуменомъ Иоасафомъ. Въ это время пришелъ къ больному Даниилъ митрополитъ, братья, всѣ бояре и дѣти боярскія. Митрополитъ и владыка Вассианъ стали говорить, чтобъ великій князь послалъ за образомъ Владимірской Богородицы и Св. Николая Гостунскаго; образа принесли; великій князь послалъ Шигону къ духовнику, чтобъ тотъ принесъ изъ церкви Дары служебные, и велѣлъ его спросить: „Бывалъ ли онъ при томъ, когда душа разлучается отъ тѣла.“ Протопоиъ отвѣчалъ, что мало бывалъ. Тогда великій князь велѣлъ ему войти въ комнату и стать противъ него, а стряпчему Федору Кучецкому велѣлъ стать съ протопоиомъ рядомъ, потому что Федоръ видѣлъ преставленіе отца его, великаго князя Ивана; дьяку крестовому Данилу велѣлъ нѣтъ канонъ мученицъ Екатеринѣ, да канонъ на исходъ души, и отходную велѣлъ себѣ говорить. Когда дьякъ зачѣлъ канонъ, большой немного забылся, потомъ проснулся и началъ говорить, какъ будто видя видѣніе: „Великая Христова мученица Екатерина, пора царствовать; такъ, госпожа, царствовать“; очнувшись совершенно, взялъ образъ великомученицы Екатерины, приложился къ нему и къ мощамъ той же Святой, которая принесли ему тогда; подозвалъ къ себѣ боярина Михайлу Семеновича Воронцова, поцѣловался съ нимъ и простилъ его. Долго еще онъ лежалъ послѣ того, духовникъ подошелъ, хотѣлъ ему дать причастіе, но онъ сказалъ ему: „Видишь самъ, что лежу боленъ, а въ своемъ разумѣ; но когда станетъ душа отъ тѣла разлучаться, тогда мнѣ дай Дары; смотри же разсудительно, не пропусти времени“. Потомъ, подождя еще немного, подозвалъ къ себѣ брата Юрія и сказалъ ему: „Помнишь, братъ, какъ отца нашего, великаго князя Ивана, не стало на другой день Дмитрова дни, въ понедѣльникъ, немочь его томилъ день и ночь? и мнѣ, братъ, также смертный часъ и конецъ приближается“. Подождя еще немного, подозвалъ Даниила митрополита, владыку Коломенскаго Вассиана, братьевъ, бояръ и сказалъ: „Видите сами, что я изнемогъ и къ концу

приблизился, а желаніе мое давно было постричься; постригите меня". Митрополитъ и бояринъ Михаилъ Юрьевичъ хвалили это желаніе; но другое говорили князь Андрей Ивановичъ, Михайла Семеновичъ Воронцовъ и Шигона: „Князь великій Владиміръ Кіевскій умеръ не въ чернецахъ, а не сподобился ли праведнаго покоя? и иные великіе князья не въ чернецахъ преставились, а не съ праведными ли обрѣли покой?" и былъ между ними споръ большой. Великій князь подозвалъ къ себѣ митрополита и сказалъ ему: „Исповѣдалъ я тебѣ, отецъ, всю свою тайну, что хочу монашества; чего такъ долезать? сподоби меня облезшій въ монашескій чинъ, постриги меня". Потомъ еще немного подождавъ, сказалъ: „Такъ ли мнѣ, господинъ митрополитъ, лежать"? Началь креститься и говорить: „Аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже!" говорилъ также изъ икосовъ слова, выбирая. Конецъ его приближался, языкъ сталъ отниматься, но умирающій все просилъ постриженія, бралъ простыню и цѣловалъ ее: правая рука уже не могла подниматься, бояринъ Михаилъ Юрьевичъ поднималъ ее ему, и Василій не переставалъ творить на лицѣ крестное знаменіе, смотря вверхъ направо, на образъ Богородицы, висѣвшій передъ нимъ на стѣнѣ. Тогда Даниилъ митрополитъ послалъ старца Мисаила, велѣвъ принести монашеское платье въ комнату; отряцаніе же великій князь исповѣдалъ митрополиту еще въ то время, когда приобщался въ воскресенье, тогда еще сказалъ: „Если не дадутъ меня постричь, то на мертваго положите монашеское платье, потому что это давнее мое желаніе". Когда старецъ Мисаилъ пришелъ съ платьемъ, то больной уже приближался къ концу; митрополитъ, взявши епитрахиль, подалъ черезъ великаго князя Троицкому игумену Иоасафу. Но князь Андрей Ивановичъ и бояринъ Воронцовъ стали и тутъ противиться постриженію; тогда митрополитъ сказалъ князю: „Не будь на тебѣ нашего благословенія ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій; хорошо сосудъ серебряный, а лучше позолоченный". Великій князь отходилъ; спѣшили совершить постриженіе; близъ умирающаго стоялъ Шигона, который потомъ рассказывалъ, какъ духъ вышелъ изъ него въ видѣ тонкаго облака.

Такъ скончался великій князь Василій, въ монашествѣ Варлаамъ, 3 декабря 1533 года съ среды на четвергъ, въ 12-й часъ ночи. Поднялся плачь и рыданіе неугѣшное во всѣхъ людяхъ; митрополитъ и бояре унимали людей отъ плача, но голосовъ ихъ было не слышать; великая княгиня еще не знала о кончинѣ мужа, потому-то бояре унимали людей отъ громкаго плача, чтобъ не было слышно въ хоромахъ у Елены; митрополитъ, отведши братьевъ великаго князя, Юрія и Андрея, въ переднюю избу, взялъ съ нихъ присягу служить великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и его матери великой княгинѣ Еленѣ, жить въ своихъ удѣлахъ, стоять въ правдѣ, на чемъ цѣловали крестъ великому князю Василю, а государства

подъ великимъ княземъ Иваномъ не хотѣтъ и людей отъ него не отзывать, противъ недруговъ, латинства и бесерменства стоять прямо, сообща, заодно; взята была также присяга съ бояръ, боярскихъ дѣтей и княжатъ. Исполнявши это дѣло, митрополитъ съ удѣльными князьями и боярами отправился къ великой княгинѣ утѣшать ее; но Елена, увидавъ ихъ, упала замертво, и часа съ два лежала безъ чувствъ.

У тѣла Васильева оставались въ это время игуменъ Троицкій Иоасафъ и старецъ Мисаилъ Суклинъ; монахи Іосифова монастыря одѣвали покойника по иноческому образу, положили подъ него постель черную, тафтяную, принесли изъ Чудова монастыря одръ, и положили на него тѣло. Когда великій князь преставился, то дьяки его крестовые съ протопопомъ начали служить заутреню, часы, каноны, какъ было при живомъ; по совершеніи этихъ службъ, пушень былъ народъ прощатся: боярскія дѣти, княжата, гости и всякіе люди, и былъ плачь большой между всѣми. Утромъ на другой день, въ четвергъ, митрополитъ велѣлъ звонить въ большой колоколъ; бояре велѣли выкопать для покойнаго могилу подлѣ отца и привезли гробъ каменный; когда все было готово, монахи тройцкіе и іосифовскіе вынесли на головахъ тѣло при пѣніи: „Святый Боже!" Когда несли на площадь, то вопль народный заглушилъ звонъ колоколовъ; великую княгиню Елену вынесли въ саняхъ на себѣ дѣти боярскія; подлѣ нея шли двое князей Шуйскихъ, Иванъ и Василій, бояринъ Воронцовъ, князь Михаилъ Глинскій и боярыня княгиня Метиславская.

Старую духовную грамоту великій князь сжегъ, какъ мы видѣли; она была написана еще до развода съ первою женою; новая, предсмертная, также не дошла до насъ; дошелъ только договоръ Василя съ братомъ Юріемъ, написанный совершенно въ старыхъ формахъ, точно такъ же, какъ былъ написанъ договоръ между ними еще при жизни отца, Иоанна III-го: Юрій по-прежнему обязался держать племянника Иоанна старшаго братомъ и господиномъ⁴⁾. Изъ приведеннаго разсказа о кончинѣ Василя ясно можно усмотрѣть однако недовѣрчивость, которую питалъ великій князь къ брату Юрію и которая объясняется просьбою Яганова и взаимно объясняется ее. Гораздо дружественнѣе были отношенія великаго князя къ другому брату, Андрею: это могло завистъ какъ отъ характера Андрея, такъ преимущественно и оттого, что онъ былъ младшій и при жизни Юрія не могъ и не имѣлъ выгоды предпринимать что-нибудь противъ великаго князя и его сына, слѣдовательно не могъ возбуждать такой подозрительности, какъ старшій Юрій, которому труднѣе было отказаться отъ недавнихъ правъ дядей предъ племянниками; мы знаемъ о непріятныхъ столкновеніяхъ великаго князя съ братьями — Юріемъ, Дмитріемъ, Семеновъ, но не знаемъ ничего о непріятностяхъ съ Андреемъ.

⁴⁾ С. г. г. и д. I, № 160.

Правленіе Василія обыкновенно называютъ продолженіемъ правленія Іоаннова; отзывъ справедливый въ томъ смыслѣ, въ какомъ правленіе Іоанна можно назвать продолженіемъ правленія князей предшествовавшихъ. Издавна одно преданіе, одинъ стремленія и цѣли передавались другъ другу всѣми князьями Московскими и даже вообще всѣми князьями Сѣверной Руси; мало того, что эти князья имѣли одинакія цѣли,—они употребляли обыкновенно одинакія средства для ихъ достиженія. Отсюда всѣ эти князья поразительно похожи другъ на друга, сливаются въ одинъ образъ, являются для историка какъ одинъ человекъ. Дѣйствительно ли всѣ такъ, дѣйствительно ли всѣ они были такъ похожи другъ на друга? Ничто не мѣшаетъ намъ предполагать основнаго родоваго сходства въ ихъ характерахъ; кромѣ кровной передачи, на образованіе одинакихъ характеровъ имѣла могущественное вліяніе самая одинаковость положенія, одинаковость среды, въ которой они всѣ обращались, подъ впечатлѣніями которой они выросли и окрѣплились. Для каждаго изъ нихъ съ самаго нѣжнаго возраста выдвигались на первый планъ одна и тѣ же, немногіе, но важныя предметы, на которыхъ сосредоточивалось всеобщее вниманіе, о которыхъ все говорило и при обращеніи съ которыми издавна употреблялись одинакіе приемы; въ этихъ приемахъ заключалась единственная наука для молодыхъ, мудрость дѣловъ и отцовъ, переходившая по завѣщанію. Мы замѣчаемъ, что родовое сходство рѣзко выражается въ членахъ тѣхъ семействъ, которыя сознаютъ важность своего общественнаго положенія, стараются сохранить эту важность, имѣютъ извѣстные, опредѣленные нравственные и политическіе взгляды и начала, по которымъ стараются постоянно дѣйствовать. И такъ во всѣхъ князьяхъ Московскихъ могло быть общее родовое сходство въ характерахъ; хотя, съ другой стороны, мы не имѣемъ права отрицать и различія: при одинаковости общихъ взглядовъ и стремленій, одинъ князь могъ при этихъ стремленіяхъ обнаружить болѣе смысла и рѣшительности, другой—менѣе; но, по характеру нашихъ источниковъ историческихъ, мы не имѣемъ достаточно средствъ подмѣтить эти различія и опредѣлить характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ, правителей, ибо въ памятникахъ рѣдко историческія лица представляются мыслящими, чувствующими, говорящими передъ нами, однимъ словомъ, живыми людьми; сами эти лица дѣйствуютъ болѣе частью молча, а другіе люди, къ нимъ близкіе, знавшіе ихъ хорошо, ничего намъ о нихъ не говорятъ.

Признавая все важное значеніе дѣятельности Іоанна III, мы однако не сочили себя въ правѣ рѣзко отдѣлять эту дѣятельность отъ дѣятельности предковъ Іоанновыхъ, уменьшать въ пользу одного князя заслуги цѣлаго ряда предшествовавшихъ князей. Въ XVІІІ вѣкѣ, при первыхъ попыткахъ обработки отечественной исторіи, легко было увлечься нѣкоторыми громкими явленіями и смѣшать слѣд-

ствие съ причиною: отсюда понятно, почему въ XVІІІ вѣкѣ могло образоваться мнѣніе, что Іоаннъ III соединилъ до него раздробленную Россію въ одно цѣлое и свергнулъ Татарское иго; но мы, зная, что соединеніе Сѣверо-Восточной Руси началось съ усиленія Москвы, т. е. съ Іоанна Калиты, или, вѣрнѣе, съ брата его, Юрія Даниловича, и почти кончилось при Василіи Темномъ, ибо при немъ было послѣднее княжеское междоусобіе; зная, что Іоанну III потому было такъ легко подчинить себѣ Новгородъ, что послѣдній не могъ получить помощи ни отъ одного уже князя Сѣверо-Восточной Руси,—зная все это, мы не можемъ уже сказать, что соединеніе раздробленной Россіи есть дѣло Іоанна III. Зная, что Димитрій Донской разбилъ Мамаю и принужденъ былъ заплатить тяжелую дань Тохтамышу; зная въ то же время, что Іоаннъ III не разбивалъ Ахмата, по смерти котораго однако Татары съ Волги не приходили къ Москвѣ за данью,—мы необходимо должны заключить о внутреннемъ, постепенномъ ослабленіи Татаръ, должны заключить, что Димитрій Донской имѣлъ дѣло хотя съ потрясеннымъ, но еще довольно сильнымъ тѣломъ, а Іоаннъ III имѣлъ дѣло съ одною уже тѣнью. Событіе остается по-прежнему на своемъ мѣстѣ, зависимость отъ Татаръ вполне прекратилась дѣйствительно въ княженіе Іоанна III; но мы не можемъ уже смѣшивать слѣдствія съ причинами; мы видимъ, что обширные размѣры, въ которыхъ является дѣятельность Іоанна III, суть слѣдствія дѣятельности его предшественниковъ, что основанія величія Россіи были положены прежде Іоанна, но что за послѣднимъ остается важная заслуга—умѣнье продолжать дѣло предшественниковъ при новыхъ условіяхъ.

Не возвышая значенія Іоанна III въ ущербъ значенію предшественниковъ его, мы не считаемъ себя также въ правѣ возвышать или уменьшать значенія Василія Іоанновича относительно значенія отца его. Видимъ одно преданіе и одинъ характеръ; всѣ согласны, что Василій не былъ такъ счастливъ, какъ Іоаннъ; это, разумѣется, не можетъ отнять достоинства у сына, ибо тѣмъ больше препятствій, тѣмъ выше заслуга. Какъ господствующія черты характера, замѣчаемъ въ Василіи обыкновенное постоянство, твердость въ достиженіи разъ предположенной цѣли, терпѣніе, съ какимъ онъ истощалъ всѣ средства при достиженіи цѣли, важность которой онъ признавалъ. Это видно въ войнахъ казанскихъ, въ постоянствѣ усилій для овладѣнія Смоленскомъ, въ постоянствѣ исканія союза крымскаго и турецкаго; вѣрность разъ принятымъ началамъ видна особенно въ томъ, что какъ ни дорожжалъ онъ пріязни Крымскаго хана, однако ни за что не соглашался обиваться срочною посылкою опредѣленной суммы денегъ въ Крымъ, ибо это имѣло бы видъ дани. Что же касается до ближайшаго знакомства съ характеромъ Василія, то для этого мы имѣемъ только одинъ памятникъ; къ сожалѣнію, этотъ драгоценный памятникъ, изобра-

жающий памъ Василія какъ живаго человѣка, есть изображеніе Василія умирающаго, изображеніе его предсмертныхъ дней, которое мы привели во всей подробности. Само собою разумѣется, что поведеніе человѣка въ послѣдніе дни его жизни, именно при сознаниі, что это послѣдніе дни, какъ-то было съ Василіемъ, не можетъ дать намъ вполне вѣрнаго понятія о прежнемъ поведеніи человѣка; но мы должны воспользоваться тѣмъ, что у насъ есть.

Василій заперомъ, ѣдучи съ богомолья изъ Троицкаго монастыря на охоту въ Волокъ-Ламскій: это были двѣ постоянныя пѣлва поѣздки великаго князя. Въ характерѣ Василія замѣчаемъ болѣе живости, болѣе склонности къ движенію, къ перемѣнѣ мѣстъ, чѣмъ у отца его, Иоанна, который, по словамъ знаменитаго его современника, Стефана Молдавскаго, любилъ сидѣть споконно на одномъ мѣстѣ, а между тѣмъ владѣнія его увеличивались со всѣхъ сторонъ ¹⁾. Василій, кромѣ Троицкаго монастыря, ѣзжалъ на богомолье въ Переяславль, Юрьевъ, Владиміръ, Ростовъ, къ Николѣ на Угрѣшу, въ Тихвинъ, Ярославль, Вологду, Кирилловъ монастырь, къ Николѣ Зараскому. Другою пѣлвою поѣздокъ была охота, къ которой Василій былъ страстенъ; занемогши трудною болѣзнію, онъ однако не утерпѣлъ, когда наступила благоприятная для охоты погода, и выѣхалъ въ поле съ собаками; любимымъ мѣстомъ для охоты былъ у него Волокъ-Ламскій, который однако онъ сталъ посѣщать не ранѣе 1515 года, то-есть года два спустя по смерти послѣдняго Волоцкаго князя Федора Борисовича; въ 1519 онъ пробылъ въ Волокѣ отъ 14 сентября до 26 октября; ѣздилъ на потѣху также въ Можайскъ; лѣто Василій любилъ проводить за городомъ; любимыми подмосковными мѣстами его были: Островъ, Воробьево и Воронцово; въ 1519 году въ маѣ онъ выѣхалъ изъ Москвы къ Николѣ на Угрѣшу, отсюда въ Островъ, гдѣ жилъ до Петровка, а потомъ все лѣто провелъ въ Воронцовѣ ²⁾. Отношенія Василія къ Іосифову монастырю живо выставляются въ разсказѣ, что дьяконъ, начавши молиться за великаго князя, не могъ продолжать отъ слезъ, игуменъ и братія также плакали; князь Курбскій лучше всего объясняетъ намъ эту картину, близко соединя въ своей враждѣ Василія съ монахами Іосифова монастыря, говоря, что эти монахи были подобны Василію. Видимъ въ Василіи живое сочувствіе къ господствующему интересу времени, интересу религіозному, сочувствіе къ монастырю, который имѣлъ для лучшихъ людей неотражимую привлекательность, какъ лучшее, избранное общество, занимавшееся высшими вопросами жизни: сюда люди болѣе живые, болѣе развитые, болѣе способные обращать вниманіе на любопытные во-

просы жизни, шли за разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ, за умною бесѣдою вообще; здѣсь они могли всегда узнать что-нибудь для нихъ важное, ибо здѣсь собирались книги, здѣсь сосредоточивалось тогдашнее просвѣщеніе, здѣсь складывалось духовное, умственное оружіе, необходимость котораго въ военныхъ борьбахъ и тогда хорошо понимали.

Три монастыря пользовались особеннымъ расположеніемъ Василія: Іосифовъ Волоцкій былъ ему близокъ по отношеніямъ къ основателю, находился подъ его особеннымъ покровительствомъ, отличался приверженностію къ его лицу: но самая эта близость отношеній и недавняя знаменитость монастыря не могли внушить великому князю такого высокаго уваженія, какое онъ питалъ къ монастырямъ Кириллову Вълозерскому и Сергіеву Троицкому; иноческая жизнь въ первомъ особенно его прельщала, такъ что онъ выражалъ желаніе постричься здѣсь: Троицкій монастырь, по святости и государственному значенію основателя, не переставалъ пользоваться всеобщимъ великимъ уваженіемъ. „Вашиими молитвами, говорилъ Василій Троицкому игумену, даждь мнѣ Богъ сына; я крестилъ его у Чудотворца, поручилъ его ему, положилъ ребенка на раку Преподобнаго: вамъ, отецъ, я своего сына на руки отдалъ“. Прежде, обращаясь къ митрополиту, братьямъ и боярамъ, великій князь сказалъ: „Приказываю сына Богу, Богородицѣ, Святымъ Чудотворцамъ и тебѣ, отцу своему Данилу митрополиту всея Руси“; не прибавилъ, что приказываетъ братьямъ, къ которымъ обратился только съ напоминаніемъ о ихъ обязанностяхъ къ племяннику, о клятвѣ, ими данной. Мысль о малолѣтствѣ сына, о возможности смуть по этому случаю сильно беспокоила умирающаго: „Молись, отецъ о земскомъ строеніи“, говорилъ онъ Троицкому игумену.

Жены и сына не было долго у постели больного; причина вскрывается: онъ боялся своимъ изнеможеннымъ видомъ сокрушить жену, испугать сына; пока еще оставалась надежда на выздоровленіе, онъ не хотѣлъ съ ними видѣться, дожидаясь возможности сказать женѣ утѣнительное слово, показаться не въ столь странномъ видѣ. Будучи здоровъ, онъ желалъ нравиться молодой женѣ, и для этого даже обрилъ себѣ бороду ³⁾. Когда надежда на выздоровленіе исчезла, большой рѣшился благословить старшаго сына крестомъ Петра Чудотворца, соединяя съ этимъ дѣйствіемъ особенную силу, которой не хотѣлъ лишиться своего наследника; но и тутъ было-раздумалъ, боясь испугать своимъ видомъ малютку; всѣ заботы, всѣ мысли о будущемъ сосредоточивались у больного на одномъ старшемъ сынѣ, великомъ князѣ, наследникѣ престола; но если для отца—государя—мысль о старшемъ сынѣ была преобладающею, то мать не могла забыть и о младшемъ сынѣ, настояла, чтобы отецъ благословилъ и этого малютку. Высказавшіяся здѣсь семейныя отношенія Василія дополняются

¹⁾ Герберштейнъ, стр. 8: «Ut Magnus ille Stephanus Moldaviae palatinus, crebro in convivis ejus mentionem faciens, dicaret: illum domi sedendo et dormitando imperium suum augere, se vero pugnando quotidie vix limites defendere posse».

²⁾ Никонъ. VI, 189, 204, 216, 219, 232, 233, 224, 254.

³⁾ Герберштейнъ, стр. 96.

немногими, дошедшими до насъ письмами его къ Еленѣ. Въ одномъ письмѣ великій князь заботливо спрашиваетъ у жены о ея здоровьи: „Отъ великаго князя Василія Ивановича всея Руси женѣ моеи Еленѣ. Я злѣсь, дажь Богъ, милостию Божіею и Пречистыя Его Матери и Чудотворца Николы, живѣ до Божьей воли; здоровъ совсѣмъ, не болитъ у меня, дажь Богъ, ничто. А ты-бъ ко мнѣ впереди о своемъ здоровьи отписывала и о своемъ здоровьи безъ вѣсти меня не держала, и о своей болѣзни отписывала, какъ тебя тамъ Богъ милуетъ, чтобъ мнѣ про то было вѣдомо. А теперь я послалъ къ митрополиту да и къ тебѣ Юшка Шеина, а съ нимъ послалъ къ тебѣ образъ Преображенъ Господа нашего Исуса Христа; да послалъ тебѣ въ этой грамотѣ записъ свою руку; и ты-бъ эту записъ прочла, да держала ее у себя. А я, если дастъ Богъ, самъ, какъ мнѣ Богъ поможетъ, непременно къ Крещенью буду на Москву. Писалъ у меня эту грамоту дьякъ мой Труфанецъ, и запечаталъ я ее своимъ перстнемъ“. Собственноручная записка великаго князя, къ сожалѣнію, не дошла до насъ. Второе письмо великаго князя къ Еленѣ есть отвѣтное на увѣдомленіе ея, что у маленькаго Іоанна показался на шеѣ вередъ: „Ты мнѣ прежде объ этомъ зачѣмъ не писала? И ты-бъ ко мнѣ теперь отписала, какъ Ивана сына Богъ милуетъ, и что у него такое на шеѣ явилось, и какимъ образомъ явилось, и какъ давно, и какъ теперь. Да поговори съ княгинями и съ боярынями, что это такое у Ивана сына явилось, и бываетъ ли это у дѣтей малыхъ? если бываетъ, — то отъ чего бываетъ? съ роду ли, или отъ инаго чего? о всемъ бы объ этомъ ты съ боярынями поговорила да ихъ выпросила, да ко мнѣ отписала подлинно, чтобъ мнѣ все знать. Да и впереди чего ждать, что онѣ придумають — и объ этомъ дай мнѣ знать; и какъ нынѣ тебя Богъ милуетъ и сына Ивана какъ Богъ милуетъ, обо всемъ отпиши“. Елена отвѣчала, что вередъ прорвался; Василій писалъ къ ней опять: „И ты-бъ ко мнѣ отписала, теперь что идетъ у сына Ивана изъ больнаго мѣста, или ничего не идетъ? и каково у него это больное мѣсто, поопало или еще не опало, и каково теперь? Да и о томъ ко мнѣ отпиши, какъ тебя Богъ милуетъ, и какъ Богъ милуетъ сына Ивана. Да побаливаетъ у тебя полголовы, и ухо, и сторона: такъ ты-бы ко мнѣ отписала, какъ тебя Богъ милуесть, не баливало ли у тебя полголовы, и ухо, и сторона, и какъ тебя нынѣ Богъ милуетъ? обо всемъ этомъ отпиши ко мнѣ подлинно“. Четвертое письмо, отвѣтное на увѣдомленіе Елены о болѣзни второго сына Юрія: „Ты-бъ и впереди о своемъ здоровьи и здоровьи Ивана сына безъ вѣсти меня не держала; и о Юрьѣ сынѣ ко мнѣ подробно отписывай, какъ его станеть впереди Богъ милуесть“. Въ пятомъ письмѣ пишетъ: „Да и о кушавъ сына Ивана впереди ко мнѣ отписывай: что Иванъ сынъ покушаетъ, чтобъ мнѣ было вѣдомо“¹⁾.

Мы видѣли, что, по свидѣтельству Герберштейна, Василій кончилъ то, что начато было отцомъ его, вслѣдствіе чего властію своею надъ подданными онъ превосходилъ всѣхъ монарховъ въ цѣломъ свѣтѣ, имѣлъ неограниченную власть надъ живнію, имуществомъ людей, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ; изъ совѣтниковъ его, бояръ, никто не смѣлъ противорѣчить или противиться его приказанію; по извѣстію Герберштейна, Русскіе торжественно провозглашали, что воля государева есть воля Божія; что государь есть исполнитель воли Божіей; о дѣлѣ неизвѣстномъ говорили: „Знаеть то Богъ, да великій князь“. Когда Герберштейнъ спросилъ сѣдова старика, бывшаго великокняжескимъ посломъ въ Испаніи, зачѣмъ онъ такъ суетился во время приѣма пословъ, то онъ отвѣчалъ: „Сигизмундъ! Мы служимъ своему государю не по вашему“²⁾. Когда бояринъ Берсенъ Веклемишевъ позволилъ себѣ противорѣчить Василіеву мнѣнію относительно Смоленска, то великій князь сказалъ ему: „Ступай, смердь, прочь, не надобенъ ты мнѣ“. Встрѣчаемъ извѣстія, что въ важныхъ дѣлахъ великій князь разсуждалъ въ думѣ съ братьями и боярами: по въ то же время встрѣчаемъ извѣстіе, что Василій о важныхъ дѣлахъ разсуждалъ, запрещась самъ-третей съ любимцами, приближенными къ себѣ людьми. Къ объясненію этихъ извѣстій служить тотъ же драгоцѣнный памятникъ — повѣствованіе о копчикѣ Василія: здѣсь мы видимъ, что самымъ приближеннымъ къ великому князю человѣкомъ былъ тверской дворецкій Шигона Поджогинъ, потомъ довѣренностію его пользовались дьякъ—Мансуровъ, Путятинъ, Цыплятевъ, Курицынъ, Раковъ, Мишурина; то же разположеніе къ дьякамъ мы увидимъ послѣ и у сына Васильева, Іоанна IV-го; Мансуровъ и Путятинъ посланы были тайно за духовными грамотами; тайно отъ братьевъ и отъ бояръ великій князь велѣлъ сжечь эти прежнія духовныя, о чемъ знали только Шигона и Путятинъ; потомъ, начавши думать о новой духовной, Василій, сказано, пустилъ къ себѣ въ думу Шигону и Путятину, слѣдовательно думалъ самъ-третей; съ этими двумя приближенными людьми онъ сталъ думать, кого бы еще пустить въ думу о духовныхъ грамотахъ. Имѣемъ право заключать, что такъ бывало и въ другихъ случаяхъ: братья великокняжескіе и бояре, всѣ или нѣкоторые, допускались къ разсужденію о дѣлахъ по предварительномъ совѣщаніи великаго князя съ довѣренными людьми. Когда, по приѣздѣ уже въ Москву, Василій рѣшился приступить къ предсмертнымъ распоряженіямъ, то призвалъ бояръ: князя Василія Васильевича Шуйскаго, Михаила Юрьевича, Михаила Семеновича Воронцова, казначея Петра Головина, Шигону, дьяковъ Путятину и Мишурина; потомъ прибавлены были въ думу бояре — князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій, Михаила Васильевичъ Тучковъ, и наконецъ, послѣ совѣщанія съ этими боярами,

¹⁾ Письма русскіихъ государей, № 1, 2, 3, 4, 5.

²⁾ Герберштейнъ, стр. 11 и 92.

былъ присоединенъ князь Михайла Глинскій по родству съ великою княгинею. Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь всѣхъ вельможъ двора Василіева, которыхъ великій князь считалъ нужнымъ призвать къ совѣщанію о будущихъ судьбахъ государства; здѣсь, какъ ясно видно, поставлены они по степени ихъ знатности, и первое мѣсто занимаетъ князь Шуйскій. Мы видѣли, что въ княженіе предшественниковъ Василіевыхъ долго первенствовала фамилія князей Гедимнинова рода, Патрикѣевыхъ; старшая линия пала при Іоаннѣ III, младшая осталась: первое мѣсто послѣ князя Ивана Юрьевича Патрикѣева, съ званіемъ воеводы московскаго, занялъ князь Василій Даниловичъ Холмскаго, зять великаго князя, второе мѣсто — князь Данило Василіевичъ Щеня-Патрикѣевъ. Но Холмскаго скоро постигла участь Патрикѣевыхъ: лѣтомъ 1508 года лѣтописецъ упоминаетъ о походѣ князя Василія Даниловича къ Брянску противъ Литовцевъ, а осенью говорить о его заточеніи въ тюрьму и о смерти. Причинъ не знаемъ; видимъ только, съ какою опасностію сопряжено было въ это время первое мѣсто, мѣсто воеводы московскаго. Званіе Холмскаго принялъ слѣдовавшій за нимъ князь Данило Василіевичъ Щеня ¹⁾, о которомъ упоминается въ послѣдній разъ въ 1515 году. На второмъ послѣ Щени мѣстѣ видимъ князя Дмитрія Владиміровича Ростовскаго, на третьемъ — князя Василія Василіевича Шуйскаго, на четвертомъ — сына старика Щени, князя Михайлу Даниловича Щенятева ²⁾. Кто носилъ званіе воеводы московскаго по смерти старика Щени, — съ точностію не знаемъ; при концѣ княженія Василіева, въ числѣ приближенныхъ къ нему бояръ на первомъ мѣстѣ видимъ князя Василія Василіевича Шуйскаго, который прежде занималъ третье мѣсто; но всѣмъ вѣроятностямъ, онъ носилъ званіе воеводы московскаго. Шуйскіе, потомки князей суздальскихъ-нижегородскихъ, такъ долго отстаивавшихъ свою самостоятельность отъ князей московскихъ, Шуйскіе, одинъ изъ которыхъ, князь Василій Гребенка, былъ послѣднимъ воеводою волнаго Новгорода, послѣ другихъ Рюриковичей вступили въ службу московскихъ князей и были въ тѣни при Іоаннѣ III; только въ княженіе сына его они добиваются первенствующаго положенія. Второе мѣсто послѣ Шуйскаго занимаетъ не князь, но потомокъ одной изъ древнѣйшихъ московскихъ боярскихъ фамилій, Михайла Юрьевичъ Кошкинъ. Мы видѣли, что, несмотря на сильный приплывъ княжескихъ фамилій, Рюриковичей и Гедимновичей къ Московскому двору, Кошкины успѣшнѣе другихъ боярскихъ родовъ сдерживали этотъ напоръ, не позволяли себѣ слишкомъ удалаться отъ первыхъ мѣстъ, и были такимъ образомъ представителями древнихъ московскихъ боярскихъ фамилій, имѣвшихъ такое важное значе-

ніе въ исторіи собранія Русской Земли. Мы видѣли, что Яковъ Захаревичъ Кошкинъ занималъ третье мѣсто въ думѣ Іоанна Ш-го, послѣ князя Холмскаго и Щени; теперь племянникъ его, сынъ Юрія Захаревича, не хотѣвшаго уступить князю Щенѣ-Патрикѣеву, Михайла Юрьевичъ занимаетъ уже второе мѣсто въ ближней думѣ великаго князя Василія. Что Михайла Юрьевичъ былъ изъ числа самыхъ близкихъ и приверженныхъ людей къ Василію, — это ясно видно изъ разсказа о кончинѣ великаго князя: послѣдній послалъ за нимъ, когда еще находился въ Волоколамскѣ; Михайла Юрьевичъ заботливо ухаживаетъ за больнымъ, утѣшаетъ его надеждою, что черезъ день или два получить облегченіе; Михайла Юрьевичъ вмѣстѣ съ Шугоною присутствуетъ при благословеніи сыновей, при прощаніи съ женою; Михайла Юрьевичъ держитъ сторону митрополита, одобряетъ намѣреніе великаго князя постричься передъ смертію; Михайла Юрьевичъ поднимаетъ ослабѣвшую руку умирающаго для крестнаго знаменія.

Послѣ Михайла Юрьевича Кошкина, на третьемъ мѣстѣ, видимъ потомка другой древней и знаменитой боярской фамиліи, Михайла Семеновича Воронцова, происходившаго отъ Оедора Воронцова-Вельяминова, брата послѣдняго тысяцкаго: какъ видно, между великимъ княземъ и Воронцовыми были какія-то непріятности, ибо сказано, что умирающій подозвалъ Воронцова къ себѣ, поцѣловался съ нимъ и простилъ его. Казначей, Петръ Ивановичъ Головинъ, удерживалъ мѣсто отца своего, извѣстнаго намъ боярина Іоаннова, Ивана Владиміровича Головы-Ховрина; наконецъ видимъ Михайла Василіевича Тучкова, происходившаго изъ рода Морозовыхъ. Это были члены ближней думы, люди болѣе довѣренные; но были члены другихъ княжескихъ и боярскихъ фамилій, не менѣе знаменитыхъ, но пользовавшіеся меньшимъ довѣріемъ; такъ, послѣ совѣщанія съ поименованными приближенными лицами, великій князь призвалъ къ себѣ всѣхъ остальныхъ бояръ: князь Дмитрія Бѣльскаго съ братьями, Шуйскихъ, Горбатовъ (Суздальскихъ, родственниковъ Шуйскимъ), Поплевиныхъ (Морозовыхъ).

Мы видѣли, что еще Іоаннъ III взялъ съ князя Холмскаго клятвенную грамоту — не отъѣзжать; отъ времени Василія дошло до насъ нѣсколько такихъ грамотъ — знакъ, что, при усиленіи новаго порядка вещей, приверженцы старинны крѣпко держались за обветшалое право отъѣзда, и, не имѣя возможности отъѣзжать къ русскимъ князьямъ, считали для себя позволеннымъ отъѣзжать въ Литву. Князь Василій Василіевичъ Шуйскій далъ записъ: „Отъ своего государя и отъ его дѣтей изъ ихъ Земли въ Литву, также къ его братьямъ и никуда не отъѣзжать до самой смерти“. Такія же записи взяты были съ князя Дмитрія и Ивана Оедоровича Бѣльскихъ и съ князя Воротынскаго. Число князей Гедимновичей при Московскомъ дворѣ умножилъ въ княженіе Василія знатный выходецъ, князь

¹⁾ Акты Западн. Россіи, II, № 74, годъ 1511: «Билъ намъ челомъ бояришъ памъ и воевда Московскій князь Данило Василіевичъ».

²⁾ Тамъ же, № 84.

Федоръ Михайловичъ Мстиславскій, отъѣхавшій изъ Литвы въ 1526 году; какъ вель себя Мстиславскій въ новомъ отечествѣ,—видно изъ его клятвенной записи: „Я, князь Федоръ Михайловичъ Мстиславскій, присылалъ изъ Литвы къ великому князю Василию, государю всея Руси, бить челомъ, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ мнѣ ѣхать къ себѣ служить; и великій государь меня, холопа своего, пожаловалъ, прислалъ ко мнѣ воеводу своихъ и велѣлъ мнѣ къ себѣ ѣхать. Какъ я прѣѣхалъ, государь меня пожаловалъ, велѣлъ мнѣ себѣ служить и жалованіемъ своимъ пожаловалъ. Послѣ того сказали государю, что я думаю ѣхать къ Сигизмунду королю; государь меня и тутъ пожаловалъ, опалъ своей на меня не положилъ, а я государю ввелъ порукою по себѣ Данила митрополита и все духовенство, цѣловалъ крестъ у гроба Чудотворца Петра, и далъ на себя грамоту за митрополичею печатью, что мнѣ къ королю Сигизмунду, къ братьямъ великокняжескимъ, ихъ дѣтямъ и на къ кому другому не отъѣхать, а служить мнѣ государю своему, великому князю Василию, и добра ему хотѣть; государь меня пожаловалъ великимъ своимъ жалованьемъ, отдалъ за меня свою племянницу, князю Настасью. И я, князь Федоръ, преступивши крестное цѣлованіе, позабывши, что ввелъ по себѣ порукою Данила митрополита, позабывши жалованье государя, хотѣлъ ѣхать къ его недругу, Сигизмунду королю; государь, по моей винѣ, опадъ свою на меня положилъ. Я за свою вину былъ челомъ государю чрезъ Данила митрополита и владыкъ; государь, по прошенью и челобитью митрополита, архіепископовъ, епископовъ и всего духовенства, меня своего холопа пожаловалъ, вину мнѣ отдалъ“. Мстиславскій обязывается въ своей новой грамотѣ: „Думы государя и сына его, князя Ивана, не проносить никому; судить судъ всякій въ правду, дѣло государей своихъ беречь и дѣлать его прямо безъ всякой хитрости“. Но М. А. Плещеевъ, котораго также великій князь простилъ по ходатайству митрополита, обязуется въ своей записи: „Если кто-нибудь станетъ мнѣ говорить какія рѣчи на лицо моего государя, о его великой княгинѣ Еленѣ и ихъ дѣтяхъ, станетъ говорить о лихомъ зельи, чтобъ дать его имъ, или какое нибудь другое злое дѣло захочетъ сдѣлать, то мнѣ къ лиходѣямъ государя своего не приставать, съ ними не говорить и не думать, и не дѣлать мнѣ того самому“, и проч. И Василій, по примѣру отца, не довольствовался одною порукою духовенства, но требовалъ денежнаго ручательства: такъ князя Глинскаго выручили трое вельможъ въ 5,000 рубльяхъ, и за этихъ поручниковъ поручились еще 47 человекъ; двойная же порука была и за Шуйскихъ ¹⁾. Таковы были мѣры противъ отъѣздовъ; строгія мѣры предпринимались также противъ людей, которые

толковали о другомъ дружинномъ правѣ, правѣ совѣта: мы видѣли, что Берсенъ Беклемищевъ подвергся опалѣ за то, что смѣлъ противорѣчить великому князю; недовольный бояринъ жаловался на пережбы, произведенныя Софіею и ея сыномъ; жалобы эти имѣли слѣдствіемъ то, что Берсеню отрубили голову; дьякъ Федоръ Жареный, который осмѣлился также жаловаться, былъ бить кнутомъ и лишился языка ²⁾. Строго наказывалась и отговорка отъ службы: дьякъ Третьякъ Далматовъ, которому велѣно было ѣхать посломъ къ императору Максимилиану, объявилъ, что не имѣетъ средствъ къ этой поѣздкѣ; его схватили и заточили на-вѣки на Вѣлоозеро, имѣніе отобрали въ казну ³⁾.

Титулъ Василя былъ слѣдующій: „Великій государь Василій, Божію милостію государь всея Руси и великій князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Волгарскій и иныхъ, государь и великій князь Новгорода Низовской Земли, и Черниговскій, и Рязанскій, и Волоцкій, и Ржевскій, и Бѣльскій, и Ростовскій, и Ярославскій, и Вѣлозерскій, и Удорскій, и Обдорскій, и Кондинскій, и иныхъ“. Титулъ царя употреблялся въ тѣхъ же случаяхъ, какъ и при Іоаннѣ III. Въ письмахъ къ великому князю отъ людей незначительныхъ времени Василя попадаются уменьшительныя уничижительныя имена: такъ, великій князь приговаривать однажды съ боярами отправить въ Крымъ посломъ незначительнаго человека, средняго, и послали Илью Челищева, который въ грамотахъ своихъ къ великому князю подписывался: „Холопъ твой Илейка Челищевъ челомъ бьетъ“, — тогда какъ другой посолъ, сынъ боярскій Шадринъ подписывался: „Васюкъ“; въ грамотахъ отъ великаго князя къ нимъ обоимъ писали такъ: „Нашему сыну боярскому Василю Иванову сыну Шадрину, да ближнему нашему человеку Илейкѣ Челищеву“ ⁴⁾.

Мы видѣли, что Іоаннъ III въ завѣщаніи своемъ постановилъ, чтобъ монета чеканилась только во владѣніяхъ великаго князя, въ Москвѣ и Твери, а не въ удѣлахъ ⁵⁾.

Источники доходовъ для казны великокняжеской вообще были тѣ же самыя, какъ и прежде; упоминается пошлина, не встрѣчавшаяся прежде, тук овья денъги ⁶⁾. Что касается Руси Литовской, то изъ грамоты короля Сигизмунда 1507 г. получаемъ понятіе о сборѣ с серебъизны: король пишетъ, что для великой потребности го-

²⁾ Лѣтоп., служ. прод. Нестору, стр. 381. Акты арх. эксп. I, № 172.

³⁾ Герберштейнъ, стр. 11.

⁴⁾ Дѣла Крымскія, № 4, стр. 418; № 5, стр. 420, 484.

⁵⁾ Описание монетъ см. у Герберштейна.

⁶⁾ Акты Историч. № 132: «Были челомъ (Троицкіи игумень съ братією), а сказываютъ, что изъ нихъ пожаловалъ, промѣнилъ ихъ свои Корзневскіи деревни, и съ тѣхъ деревень Корзневскіи имали на меня туковыя денъги... и изъ пожаловалъ, съ тѣхъ съ ихъ деревень туковыхъ донетъ имати впередъ не велѣлъ».

¹⁾ Никон. VI, 282; С. г. г. и д. I, № 149, 152, 158, 154, 159, 162, 155, 156.

сударевой и земской, на городенскомъ сеймѣ наложили на всю землю, какъ на духовныхъ, такъ и на свѣтскихъ людей, серебщицу, отъ каждой сохи воловой по 15 грошей, отъ конской по 7½ грошей; отъ человѣка, который сохъ не имѣеть, отъ земли по шести грошей; отъ огородника — по три гроша. О государевыхъ доходахъ въ Литовской Руси можно получить также понятіе изъ уставныхъ грамотъ короля Сигизмунда, данныхъ Могилеву и Гродну; во первыхъ, государскій приходъ: 300 копъ широкихъ грошей, четыре рубля грошей бобровщины, четыре рубля грошей яловщины; три рубля грошей восковыхъ, отъ старца серебрянаго 15 копъ грошей широкихъ, отъ медоваго старца 10 копъ, скотнаго серебра на третій годъ 20 рублей грошей, тѣнщины 80 копъ грошей, за корчмы могилевскія 104 коны; серебщица дается на третій годъ, сколько положить государь; державца королевскій беретъ каждый годъ: възданаго 50 копъ грошей, полюдованія (полюдья), если въ волость не поѣдетъ, 50 копъ грошей, тѣнщины изъ королевской суммы беретъ половину. Въ Гродненской грамотѣ читаемъ: „Когда по дворямъ гродненскимъ жито будетъ сжато, то староста долженъ отдать челядинашей невольной мѣсячину на весь годъ, а потомъ съ жита и яроваго всякаго хлѣба беремъ на себя двѣ части, а на старосту идетъ третья часть; двѣ части, которыя беремъ на себя, должны быть поставлены въ нашихъ гумнахъ, и безъ нашего вѣдома не могутъ быть тронуты; озера всѣ въ повѣтѣ Гродненскомъ и ѣзы по рѣкамъ принадлежатъ намъ; тѣнъ гродненскій по всей волости долженъ собирать на насъ ленъ по старинѣ“. О хозяйствѣ въ земляхъ королевскихъ и доходахъ съ нихъ можемъ имѣть понятіе изъ уставной грамоты державцамъ и урядникамъ королевскихъ волостей, приписанныхъ къ видленскому и тропкому замкамъ, 1529 года: немедленно послѣ жатвы изъ полученнаго жита прежде всего должно заплатить церковныя десятины, тамъ, гдѣ онѣ постановлены; потомъ должно отложить на сторону то жито, которое должно пойти на посѣвъ будущаго года; далье должно быть отложено количество хлѣба для раздачи мѣсячины челяди невольной; потомъ — изъ того, что останется, — двѣ части на короля, а третью на державца; изъ яроваго хлѣба державцы берутъ себѣ четвертую часть, отложивши три — королю, на посѣвъ и на раздачу; жито, оставшееся на гумнахъ дворовъ королевскихъ, весною должно продаваться; въ небытность короля огородными овощами пользуются державцы; когда же самъ король пріѣдетъ, то овощи идутъ на его кухню; льну должно сѣять такое количество, чтобъ каждая женщина, получающая мѣсячину, давала ежегодно поставъ полотна, въ 50 локтей и проч.; челяди невольной противопоставляются и одданые, люди тяглые, которые обязаны лѣтомъ работать съ весны, когда начинаютъ пахать подъ яровое до дня Св. Симона Іуды; а отъ этого срока на зиму державцы, оставивши часть работниковъ для дворовыхъ надобностей, остальныхъ

сажаютъ на оброкъ, который состоитъ или въ бочкѣ пшеницы, или въ вепрѣ; бояре путные и оочники, которые издавна обязаны ходить на войну и косить сѣно, также рыболовы, бортники, кузнецы и другіе подданные дворовъ королевскихъ, которые тяглой службы не служатъ, обязаны отправлять полевныя работы двѣнадцать дней въ лѣто. Пустыя земли державцы обязаны отдавать въ наймы за деньги или за меду; рыба, ловимая въ озерахъ, продается; двѣ трети вырученныхъ за нее денегъ идетъ въ казну королевскую, треть державцу; произведенія лѣсовъ — смола, зола и проч. — сполна принадлежатъ казнѣ королевской; мыты рѣчные, перевозы, кашчины, мельницы, куничное, пошлины съ варки пива и меду идутъ на короля; торговое и поборное, мясное и другія — на державца; державца обязанъ заботиться о стадахъ, и платить, если по его недосмотру случится ущербъ; обязанъ выбирать добрыхъ и вѣрныхъ урядниковъ, дворныхъ — казачниковъ, старцевъ, тѣновъ, приставовъ, сорочниковъ, гумениковъ. — Жители Жмудской Земли, по уставной грамотѣ 1529 года, обязаны были платить ежегодно кунци, за каждую кунцу по 12 грошей, а державцамъ и тѣнамъ, которые будутъ собирать куничныя деньги, обязаны давать по три пенязя; кромѣ того, обязаны платить въ казну ежегодно отъ каждой сохи воловой по полукопью (30 грошей), а отъ конской сохи по 15 грошей; а у кого не будетъ сохъ, ни воловыхъ, ни конскихъ, а только земли, тѣ обязаны давать по 10 грошей съ каждой службы; потомъ должны давать — за бочку овса шесть грошей, за возъ сѣна два гроша; въ королевскій проѣздъ обязаны поставлять для короля живность, овесъ, сѣно, медъ, пиво ¹⁾.

Изъ обычаевъ Московскаго двора временъ великаго князя Василія мы имѣемъ описание посольскаго приѣма и торжественнаго обѣда во дворцѣ. Въ день представленія значительныхъ пословъ забирались всѣ лавки и мастерскія, жители толпились на дорогѣ, по которой проѣзжали послы; толпы увеличивались еще дворовыми людьми боярскими и ратными людьми, которыхъ собирали къ этому случаю изъ окрестныхъ волостей: это дѣлалось для того, чтобъ дать посламъ высокое понятіе о многочисленности народонаселенія, о могуществѣ великаго князя. Послы должны были сходить съ лошадей въ нѣкоторомъ разстояніи отъ лѣстницы, ибо сходить съ коня у самой лѣстницы могъ одинъ, только великій князь. Начиная съ середины лѣстницы выходили на-встрѣчу къ посламъ вельможи, все болѣе и болѣе значительные, которые подавали руки и цѣловались съ послами. При входѣ пословъ въ палату, гдѣ сидѣлъ великій князь съ знатнѣйшими боярами, послѣдніе вставали (если присутствовали братья великокняжескіе, то они не вставали, но сидѣли съ открытыми головами, а бояре въ шапкахъ), и одинъ изъ боярѣ докладывалъ вели-

¹⁾ Акты Запад. Россіи II, № 17, 86, 87, 149, 159, 160.

кому князю о послахъ, говоря: „Такой-то и такой-то (имена пословъ) челоуъ бьетъ“. Великій князь сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ съ открытою головою; на стѣнѣ висѣлъ образъ въ богатой ризѣ, съ правой стороны на скамьѣ лежала шапка, съ лѣвой посохъ, украшенный крестомъ. Толмачъ переводилъ посольскія рѣчи; при имени государей, отъ которыхъ правилось посольство, великій князь вставалъ и по окончаніи рѣчей спрашивалъ о здоровьи ихъ, послѣ чего послы подходили къ рукѣ; великій князь спрашивалъ ихъ—хорошо ли добѣхали, и приказывалъ имъ садиться, для чего приготавлилась скамья противъ великаго князя; послы, поклонившись великому князю и потомъ на всѣ стороны (ибо бояре все это время стояли), сѣдлись. Если послы и члены ихъ свиты привозили подарки (поминки), то, послѣ описанныхъ обрядовъ, бояринъ, представлявшій пословъ, вставалъ и, обращаясь къ великому князю, громкимъ голосомъ говорилъ, что такой-то посолъ челоуъ бьетъ такимъ-то поминкомъ, а между тѣмъ дьякъ записывалъ подарки и имена дарителей. Послѣдвши немного, великій князь обращался къ посламъ съ приглашеніемъ къ обѣду, и этимъ обрядъ представленія оканчивался. При входѣ въ обѣденную палату, послы заставляли великаго князя и бояръ уже сидящими за столомъ; при входѣ пословъ бояре вставали, послы кланялись на всѣ стороны и занимали назначенное для нихъ мѣсто, на которое самъ великій князь указывалъ имъ рукою. Столы были накрыты кругомъ, а между тѣмъ дьякъ находилъ поставецъ, наполненный золотыми и серебряными бокалами. На столѣ, за которымъ сидѣлъ великій князь, по обѣ стороны столько было оставляемо пустаго мѣста, сколько могъ занять великій князь распростертыми руками; если братья великокняжескіе присутствовали за обѣдомъ, то старшій садился по правую, младшій по лѣвую сторону; ниже удѣльныхъ князей сидѣли князья служилые и бояре; но между удѣльными князьями и служилыми оставалось также пустое мѣсто еще нѣсколько шире, чѣмъ между великими княземъ и его братьями; противъ великаго князя, на особомъ столѣ, сѣдлись послы; ниже, опять черезъ извѣстной величины промежутокъ, помѣщалась ихъ свита; далѣе сидѣли тѣ чиновники, которые ѣздили за послами на подворье, наконецъ люди незнатные, приглашенные по особенной милости великаго князя. По столамъ были разставлены укусуницы, перечницы, солонки. При началѣ обѣда, великій князь изъ своихъ рукъ посылалъ посламъ хлѣбъ, причемъ и послы и всѣ присутствующіе вставали, кромѣ братьевъ великокняжескихъ; послы кланялись великому князю и на всѣ стороны. Высшая почестъ состояла въ томъ, если великій князь кому-нибудь изъ присутствующихъ пошлетъ соли, ибо посылка хлѣба означаетъ только благосклонность, посылка же соли—любовь. Въ знакъ благосклонности, кромѣ хлѣба, великій князь посылалъ отъ себя и другія кушанья, причемъ нужно было каждый разъ

вставать и кланяться на всѣ стороны: это бралъ много времени и утомляло непривыкшихъ къ такому обычаю пословъ. Изъ кушаньевъ упоминаются: жаркіе лебеди, которыхъ ѣли съ укусомъ, перцемъ, солю, сметаною, солеными огурцами: изъ напитковъ—мальвазія, греческое вино и разные мѣды; сосуды, какъ большіе, такъ и малые, были изъ чистаго золота. Великій князь очень ласково разговаривалъ за обѣдомъ съ послами, подчивалъ ихъ, предлагалъ разные вопросы. Иногда, для показанія особенной дружбы къ государю, отъ котораго были послы, великій князь, послѣ стола, пилъ за его здоровье. Обѣдъ продолжался три и четыре часа; послѣ обѣда великій князь не занимался уже никакими важными дѣлами.

15-го августа, въ день Успенія, Герберштейнъ видѣлъ великаго князя въ соборной церкви: онъ стоялъ у стѣны подлѣ двери на правой сторонѣ, опирался на посохъ, въ правой рукѣ держалъ шапку¹⁾.

Дошло до насъ описаніе свадьбы великаго князя Василія. Въ средней палатѣ наряжены были два мѣста, покрытыя бархатомъ и камками, положены были на нихъ изголовья шитыя, на изголовьяхъ по сороку собелей, а третьимъ сорокомъ онаживали жениха и невѣсту; подлѣ поставленъ былъ столъ, накрытый скатертью, на немъ были калачи и соль. Невѣста шла изъ своихъ хоромъ въ среднюю палату съ женою тысяцкаго²⁾, двумя свахами и боярынями; передъ княжною шли бояре, за боярами несли двѣ свѣчи и коровай, на которомъ лежали деньги. Пришедши въ среднюю палату, княжну Елену посадили на мѣсто, а на мѣсто великаго князя посадили ея младшую сестру; провожатые всѣ сѣли также по своимъ мѣстамъ. Тогда послали сказать жениху, что все готово; прежде него явился братъ его, князь Юрій Ивановичъ, чтобъ разсказать боярѣ и дѣтей боярскихъ; распорядившись этимъ, Юрій послалъ сказать жениху: „Время тебѣ государю идти къ своему дѣлу“. Великій князь, вошедши въ палату съ тысяцкимъ и со всѣмъ поѣздомъ, поклонился Святимъ, свелъ съ своего мѣста невѣстину сестру, сѣлъ на него, и, посидѣвши немного, велѣлъ священнику говорить молитву, причемъ жена тысяцкаго стала жениху и невѣстѣ чесать голову, въ то же время богоявленскими свѣчами зажгли свѣчи женихову и невѣстину, положили на нихъ обручи и обогнули соболями. Причесавши головы жениху и невѣстѣ, надѣвши невѣстѣ на голову кичу и наверхъ покрывъ, жена тысяцкаго начала осыпать жениха и невѣсту хмелемъ, а потомъ соболями онаживать; великаго князя дружка, благословясь, рѣзалъ переночу и сыры, ставилъ на блюдахъ передъ женихомъ и невѣстою, передъ гостями и посылалъ въ

¹⁾ Герберштейнъ, 34, 92 и слѣд.

²⁾ Древ. Росс. Вивлио. XIII, стр. 6. Сахарова сказ. Р. Н. т. II. Тысяцкимъ, сказано, былъ братъ великаго князя Андрей Ивановичъ; но послѣдній женился только въ 1534 году. Развѣ предполагать, что для перемѣны дали какой-нибудь бояринъ аваніе жены тысяцкаго

рвзсылку, а невѣстину дружка раздавалъ ширинки. И, слѣ этого, посидѣвши немного, женихъ и невѣста отъправились въ соборную Успенскую церковь вѣнчаться; свѣчи и короваи несли передъ санями. Когда митрополитъ, совершавшій вѣнчаніе, подалъ жениху и невѣстѣ вино, то великій князь, допивши вино, ударилъ стклянику о землю и растопталъ ногою; стекла подобрали и кинули въ рѣку, какъ прежде велось; послѣ вѣнчанія молодые сѣли у столба, гдѣ принимали поздравленія отъ митрополита, братьевъ, бояръ и дѣтей боярскихъ, а пѣвчіе дѣтки на обоихъ клиросахъ пѣли новобрачнымъ многолѣтіе. Возвратившись изъ Успенскаго собора, великій князь ѣздилъ по монастырямъ и церквамъ, послѣ чего сѣлъ за столъ; передъ новобрачными поставили печеную курицу, которую дружка отнесъ къ постели. Во время стола споры о мѣстахъ между присутствовавшими были запрещены. Когда новобрачные пришли въ спальню, жена тысяцкаго, надѣвъ на себя двѣ шубы, одну какъ должно, а другую на-выворотъ, осыпала великаго князя и княгиню хмелемъ, а свахи и дружки кормили ихъ курицею. Постель была постлана на тридевяти ржаныхъ снопахъ, подлѣ нея въ головахъ въ кадкѣ съ пшеницею стояли свѣчи и короваи; въ продолженіи стола и во всю ночь конюшій съ саблею наголо ѣздилъ кругомъ подклѣта: на другой день, послѣ бани, новобрачныхъ кормили у постели кашею.

Съ такими же обрядами была совершена и свадьба младшаго брата великокняжескаго, князя Андрея Ивановича, женившагося на дочери князя Андрея Хованскаго; разница была въ томъ, что здѣсь великій князь, какъ старшій братъ, заступалъ мѣсто отца, и все дѣлалось съ его благословенія. Князь Андрей билъ челомъ великому князю о позволеніи жениться; Василій, давши позволеніе, за недѣлю до свадьбы пошелъ къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ, а оттуда отправился къ митрополиту, и, объявивъ ему о намѣреніи брата, просилъ благословенія. Къ князю Юрію послалъ сказать: „Хотимъ Андрея брата женить, и ты-бы, братъ нашъ, поѣхалъ ко мнѣ и къ Андрею брату на свадьбу“. Передавая брату молодую жену, великій князь говорилъ ему: „Андрей братъ! Вознимъ велѣніемъ и нашимъ жалованьемъ, велѣтъ Богъ тебѣ жениться, взять княжню Евфросинью; и ты, братецъ Андрей, свою жену, княгиню Евфросинью держи такъ, какъ Богъ устроилъ“¹⁾.

Мы видѣли, какъ при новомъ порядкѣ вещей, при утвержденіи единовластія, затруднительна стала выдача замужъ дочерей великокняжескихъ; на

рукахъ Василя послѣ отповой смерти осталась незамужняя сестра Евдокія; скоро, въ 1506 году, представился случай выдать ее замужъ не за боярина: плѣнный Казанскій черевичъ Кудайкуль, сынъ Ибрагимовъ, братъ Алегамовъ, изъявилъ желаніе принять христіанство, былъ окрещенъ торжественно въ Москвѣ-рѣкѣ, названъ Петромъ, а черезъ мѣсяцъ былъ обвѣнчанъ на Евдокію; мы видѣли, что дочь отъ этого брака, племянница великаго князя, была выдана за выѣзжаго князя Мстиславскаго. Петръ далъ клятву въ вѣрной службѣ великому князю и дѣтямъ его, и, какъ царевичъ, занималъ постоянно важное мѣсто, напередѣ всѣхъ князей и бояръ²⁾.

Что касается состава двора великокняжескаго Московскаго при Василю, то мы встрѣчаемъ по-прежнему бояръ и бояръ-окольныхчихъ, изъ чего ясно, что послѣднее слово было вначалѣ прилагательное къ существительному бояринъ³⁾; встрѣчаемъ и другую форму: бояринъ и окольныхчій такой-то; въ описаніи переговоровъ съ императорскими послами находимъ любопытные заглаженіе слова бояре словомъ совѣтники, послѣ которыхъ непосредственно слѣдуютъ окольныхчїе: „Которыя будутъ съ вами рѣчи явныя отъ Максимилиана, и вы тѣ рѣчи говорили на посольствѣ самому государю: а которые съ вами рѣчи тайныя, и государя нашъ вышлетъ къ вамъ совѣтниковъ своихъ и окольныхчихъ, и вы тайныя рѣчи скажите совѣтникамъ и окольныхчимъ государскимъ“⁴⁾. Герберштейнъ такъ говоритъ о значеніи окольныхчїаго: „Окольныхчїи занимаютъ должность претора, или судьи, отъ великаго князя назначеннаго, иначе это верховный совѣтникъ (supremus consiliarius), который всегда находится подлѣ великаго князя.“—Мы не должны признать этого свидѣтельства вполне справедливымъ, ибо, на основаніи русскихъ извѣстій, не можемъ видѣть въ окольныхчѣмъ верховнаго совѣтника; но мы можемъ догадаться, почему Герберштейнъ приписываетъ ему такое значеніе, если это былъ дѣйствительно человекъ, постоянно находившійся при великомъ князѣ, непосредственный исполнитель его приказаній, если великій князь являлся не иначе, какъ въ сопровожденіи окольныхчїаго или окольныхчихъ, если во время похода, поѣздовъ великаго князя окольныхчїе ѣхали впередъ по станамъ, всѣмъ распоряжались. Переводя на нашъ языкъ, мы не можемъ назвать окольныхчихъ иначе, какъ свитою великаго князя. Предъ смертію своею, Василій въ такой формѣ обращается ко двору своему: „Вы, бояре и боярскїи дѣти и князята! какъ служили намъ, такъ теперь и впередъ служили бы сыну моему“. При дворѣ Василя встрѣчамъ оруженчїаго, ловчаго, крайчаго, стряпчихъ, рындѣ, под-рындѣ, ясельничаго. Изъ лицъ правительствен-

¹⁾ Древн. Рос. Вѣдѣніе, XIII, стр. 19. При описаніи выхода великой княгини Елены невѣстою читается: „И какъ В. Княгиня сошла къ В. Князю, и передъ съ всею шлю плясачи, а за плясачами шлю дѣти боярскїи, а за дѣтми боярскими шель священникъ съ крестомъ“... «И на затрѣбѣ какъ былъ князь въ мыльнѣ, и князь великій послыалъ къ нему свое жалованье, платне, а княгиню его вскрыти послалъ князь великій боярина своего, князя Дм. Ѳед. Вельскова“.

²⁾ С. г. г и д. I, № 145.

³⁾ Никои. VI, 185: «Послалъ князь великій въ Лпту, боярина своего окольныхчїа Григорья Седорова сына Давыдовича». См. также Исторію Россіи, т. IV, стр. 1180, прил. 6.

⁴⁾ Памяти. дипломат. снош. I, 360.

ныхъ встрѣчаемъ городничихъ, которыхъ въ Москвѣ было нѣсколько: на ихъ ответственности, какъ мы видѣли, было построение моста черезъ Москву-рѣку для проѣзда большого великаго князя. Видимъ, что бояре выѣзжали въ походъ съ своимъ дворомъ, своими дворянами¹⁾. Встрѣчаемъ въ разрядныхъ книгахъ мѣстническіе случаи, къ сожалѣнію, безъ подробностей, безъ означенія причинъ, почему извѣстныя лица не хотѣли быть вмѣстѣ съ другими; наприм., въ 1519 году былъ судъ окольничему Андрею Никитичу Вутурлину съ Андреемъ Микулинымъ, сыномъ Ярова, на Волокъ-Ламскомъ. По суду князь великій окольничаго Вутурлина оправдалъ, Андрея Ярова обвинилъ и правую грамоту на него пожаловалъ — далъ; или: писалъ князь Михаилъ Васильевичъ Горбатый, что быть ему непригоже для князя Федора Оболенскаго-Лопаты, да для боярина Ивана Вутурлина, и князю Михаилу писано, чтобъ былъ на службѣ, и служба эта ему безъ мѣсты; такой же отвѣтъ получалъ князь Михайла Курбскій, писавшій противъ тѣхъ же самыхъ лицъ, и Андрей Вутурлинъ, писавшій противъ Курбскаго²⁾.

По однимъ иностраннымъ свидѣтельствамъ, число московскаго войска при Василии простиралось до 400,000 человекъ, преимущественно конницы, по другимъ — превышало 150,000. Каждые два или три года служилые люди, дѣти боярскія, подвергались пересмотру по областямъ, дабы правительству могло знать ихъ число и сколько каждый изъ нихъ могъ выставить служителей и лошадей; лошади у нихъ мелкія, мерины; немногіе имѣютъ шпоры, большая часть употребляетъ нагайки. Обыкновенное оружіе состоитъ изъ луковъ, стрѣлъ, сѣкверъ и кистеней; мечи имѣютъ только знатные и богатые; употребляютъ также длинныя кинжалы, наподобіе ножей; хотя въ одно и то же время держать въ рукахъ поводъ, лукъ, мечъ, стрѣлы и нагайку, однако ловко управляютъ со всѣми этими вещами; употребляютъ также и конья. Знатнѣйшіе имѣютъ кольчуги, латы, нагрудники и шлемы. Пѣхоту и артиллерію никогда не употребляютъ въ битвахъ, потому что всѣ движенія войска совершаются необыкновенно быстро. Великій князь Василій въ первый разъ вывелъ въ поле пѣхоту и артиллерію, когда, послѣ нашествія Магмедъ-Гирева, выступилъ въ походъ для воспрепятствованія Татарамъ вторично переправиться за Оку; прежде у него было 1,500 человекъ пѣхоты, набранной изъ Литвы и другихъ пришельцевъ. Составъ преимущественно изъ конницы, московское войско должно было носить характеръ восточныхъ конныхъ ополченій: смѣло нападало, но недолго выдерживало; по словамъ Герберштейна, оно какъ будто говорило врагамъ: „Бѣгите, или мы побѣдимъ“. Города рѣдко брали приступами или дѣй-

ствіями осадныхъ орудій; обыкновенно принуждали къ сдачѣ долгими осадами. По словамъ Герберштейна, Татаринъ, свергнутый съ коня, лишены оружія, тяжело раненый, все еще обороняется до послѣдняго издыханія руками, ногами, зубами, чѣмъ только можетъ; Турокъ, видя себя въ безнадѣжномъ положеніи, начинаеть смиренно умолять врага о помилованіи; московскій ратникъ не обороняется и не проситъ помилованія. — Для лагерей выбирали обширное мѣсто, гдѣ знатнѣйшіе раскидывали палатки, другіе же строили себѣ шалаши изъ прутьевъ и крыли ихъ войлоками; лагери не укрѣплялись ни рвами, ничѣмъ другимъ, развѣ сама мѣстность защищала ихъ лѣсомъ, рѣкою, болотомъ. Герберштейнъ съ удивленіемъ говорить о томъ, какъ мало нужно московскому ратнику въ походѣ. Кто имѣетъ шесть или болѣе лошадей, — на одной умѣщаетъ всѣ жизненные припасы, которые состоятъ въ небольшомъ количествѣ толокна, вѣчины и соли, у богатыхъ къ этому присоединяется еще перецъ; эту пищу довольствуются и господинъ и слуги; послѣдніе иногда по два или по три дня остаются безъ пищи. Понятно, что это относилось къ тѣмъ случаямъ, когда негдѣ и нечего было взять. — Вступая въ битву, говорилъ Герберштейнъ, московскіе полки болѣе надѣются на многочисленность, чѣмъ на искусство; особенно стараются окружить непріятеля, заходить ему въ тылъ. Въ полкахъ много было музыкантовъ: когда всѣ они начинали дуть въ трубы по старому отцовскому обычаю, то слышался странный концертъ; употребляли еще другой инструментъ — сурны. Нази мени великокняжескомъ изображался Исусъ Навинъ, останавливающій солнце.

Изъ русскихъ извѣстій о войскѣ замѣчательнъ разсказъ Исковскаго дѣтописца объ участіи его земляковъ во второмъ Смоленскомъ походѣ: пріѣхалъ великій князь подъ Смоленскъ со всѣми своими силами, а съ городомъ были пищальники, и на Исковичей накнули 1,000 пищальниковъ, а Исковичамъ этотъ рубежъ (наборъ, отъ рубить набирать войско) необыченъ, и было имъ очень тяжело. Пріѣхали пищальники псковскіе подъ Смоленскъ да и земцы (землеуладѣльцы) псковскіе, которые еще не были сведены тогда съ своихъ отчинъ; великій князь воеводами къ псковскимъ пищальникамъ и земцамъ приставилъ прежнихъ посадниковъ псковскихъ, выведенныхъ изъ Пскова. Пищальники псковскіе и другихъ городовъ пошли на приступъ, а посоха понесли приметь. — Изъ этого разсказа видимъ, что городское народонаселеніе продолжало участвовать въ походахъ, поставляя пищальниковъ; сельское народонаселеніе участвовало, поставляя посошныхъ или посоху, и видимъ значеніе этихъ посошныхъ, видимъ, что они употреблялись для работъ; когда пищальники и земцы пошли на приступъ, посошные понесли приметь; наконецъ видимъ, что, спустя довольно долгое время послѣ покоренія Пскова, послѣдовалъ выводъ тамошнихъ земцевъ съ ихъ отчинъ, которыя, безъ сомнѣнія,

¹⁾ Архангел. 218: «И поима его (Глинскаго) князь Михайло Голиця съ своими дворяны».

²⁾ Разрядн. кн. Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, № 2, стр. 47, 68.

отданы были въ помѣстья московскимъ служилымъ людямъ.

Какъ изъ иностранныхъ, такъ и изъ своихъ свѣдѣтельствъ видимъ, что нарядъ (артиллерія) находился въ вѣдѣніи иностранцевъ: въ Казанскомъ походѣ упоминаются трое иностранныхъ пушкарей; одинъ изъ нихъ, италіанецъ Бартоломей, принявъ православіе и пользовався особеннымъ расположеніемъ великаго князя. При нападеніи Магмедъ-Гирея въ Москвѣ упоминается итмекій пушкарь Никласъ, въ Рязани — Иорданъ; неизвѣстно, какого происхожденія былъ пушкарь Стефанъ, дѣйствовавшій при осадѣ Смоленска.

При Василии въ первый разъ встрѣчаемъ извѣстіе о приказахъ: именно въ грамотѣ Успенскому владимірскому монастырю 1512 года. По-прежнему видимъ раздачу волостей и городовъ въ кормленіе, съ правомъ вѣдать и судить жителей; кормленіе давалось съ правдою и безъ правды ¹⁾. Видимъ жалованье сель и деревень въ помѣстья съ правомъ суда, кромѣ душегубства и разбоя съ полицнымъ; въ случаѣ суда смежнаго, великокняжескіе намѣстники и тиуны судятъ вмѣстѣ съ помѣщикомъ или его приказчикомъ: въ случаѣ иска на самомъ помѣщикѣ или его приказчикѣ, — судить ихъ самъ великій князь или бояринъ введенный. Видимъ пожалованіе сель и деревень въ прокъ, въ вотчину, и дѣтямъ, съ правомъ дарить, продать, промѣнять, въ закупъ и по душѣ отдать. Встрѣчаемъ пожалованіе дикими лѣсами, съ правомъ ставить въ нихъ себѣ двory и перезыпать поселниковъ, которые освобождаются на 15 лѣтъ отъ пошлины. Дошла до насъ грамота брата великокняжескаго, Юрія Ивановича Дмитровскаго, содержащая позволеніе дворецкому его, Вельяминову, купить деревни съ правомъ продавать, дарить и мѣнять; необходимость такого позволенія объясняется отношеніями дворецкихъ, ключниковъ къ князьямъ; вспомнимъ прежнія распоряженія о деревняхъ, купленныхъ ключниками за ключемъ княжескимъ. Въ 1524 году Наумъ Кубель съ товарищами били челомъ, что нашли они въ Двинскомъ уѣздѣ ключи соляные, на лѣсу черномъ, дворовъ и пашней на тѣхъ мѣстахъ не бывало никогда, отъ волости они за двадцать верстъ со вѣхъ сторонъ и никакихъ волостей угодыя не пришли къ тѣмъ мѣстамъ; великій князь дать имъ право — чистить соляные ключи, лѣсъ рубить, двory ставить, пашни пахать, пожни чистить и людей къ себѣ звать не тяглыхъ и не письменныхъ (не переписанныхъ), добрыхъ, а не лѣбедниковъ, не воровъ, не разбойниковъ, которые изъ городовъ и изъ волостей выбиты ²⁾. — Иностранцы, вступавшіе въ службу великаго князя, получали также помѣстья ³⁾.

¹⁾ Дополн. къ акт. истор. I, № 215; Акты арх. экон. I, № 155.

²⁾ Акты арх. экон. I, № 141, 160, 162, 163, 165, 335.

³⁾ Въ житіи Св. Данила Переяславскаго читаемъ, что близъ построеннаго Данииломъ монастыря, сельцемъ Воргушею владѣлъ Нычанъ, племянъ Іоаннъ, жена у него

Относительно состоянія служилога сословія въ Западной Руси, любопытна жалованная грамота великаго князя Василя жителямъ Смоленска, данная въ 1514 году, когда еще все оставалось здѣсь по-прежнему, какъ было при литовскомъ владычествѣ; о сохраненіи этой старины, сказано въ грамотѣ, были челомъ — владыка Смоленской Земли, урядники, окольничіе, князья, бояре, мѣщане и черные люди. Здѣсь окольничій является урядникомъ, правительственнымъ лицомъ, занимающимъ второе мѣсто послѣ намѣстника: „Наши намѣстники и окольничіе и ихъ люди, куда имъ случится ѣхать на свое дѣло, или куда имъ случится послать, — имъ у мѣщанъ и у черныхъ людей подводъ не брать. Отъ лѣбедниковъ нашему намѣстнику и нашимъ окольничимъ боярѣ, мѣщанъ и черныхъ людей беречь. А кто челоуѣка держать въ деньгахъ, и онъ того своего челоуѣка судить самъ, а окольничіе въ то у него не вступаются. Мы видѣли, что при дворѣ великаго князя Литовскаго слово бояре потеряло свое важное значеніе и замѣнилось словомъ паны, паны радные; отсюда бояре старыхъ русскихъ княжествъ, подчинившихся литовскимъ князьямъ, удержавши это названіе и оставшись въ прежнихъ областяхъ, въ своихъ отчинахъ, нисходили на степень областныхъ служилыхъ людей, тогда какъ слово окольничій удержалось въ значеніи правительственной должности, уряда; отсюда понятно, почему окольничіе, какъ урядники, занимаютъ мѣсто выше боярѣ ⁴⁾. Если таково было положеніе боярѣ въ княжествахъ Смоленскомъ, Полоцкомъ, то понятно, до какой степени должны были низойти бояре мелкихъ волостей, дружины мелкихъ князей, которые сами низошли на очень низкую степень, и мы не должны удивляться, если подъ именемъ боярѣ, боярѣ путныхъ, встрѣтимъ службу при королевскихъ замкахъ, въ мѣстныхъ княжескихъ, панскихъ и шляхетскихъ.

Въ статутѣ своемъ король Сигизмундъ, на основаніи земскихъ привилегій предшественниковъ, Казимира и Александра, далъ общаіе оберегать великое княжество Литовское и пановъ радъ отъ всякаго пониженія; владѣній великаго княжества не только не уменьшать, но и возратить ему то, что несправедливо отнято; земель и должностей не раздавать чужеземцамъ; по заочному обвиненію должностей не отнимать; старыхъ правъ шляхты и мѣщанъ не нарушать. Князата, паны, шляхта и бояре могутъ выѣзжать изъ великаго княжества на службу въ другія государства, кромѣ непріязненныхъ, съ тѣмъ однако, чтобы отъ этого отъѣзда не терпѣла служба королевская. По смерти отцовъ, сыновья и дочери имуществъ отцовскихъ и дѣдовскихъ не лишаются. Простыхъ людей надъ шляхтою король общаіе не повышать. За побой, нанесенные шляхтичемъ шляхтичу, виновный платитъ двѣнадцать рублей грошей; если же виновный

⁴⁾ С. г. т. и д. I, № 148.

будеть низшаго сословія, то наказывается отсѣчь нѣмь руки.

О военной службѣ въ Литовской Руси можемъ имѣть понятіе изъ поставленій виленскаго сейма въ 1507 году: паны, княжата, земляне, вдовы и вся шляхта должны въ имѣніяхъ своихъ переписатьъ всѣхъ людей и списки эти отдать подл присягою королю, чтобы онъ зналъ, кто какъ будетъ съ своего имѣнія служить. Кто не выйдетъ на войну въ положенный срокъ и въ назначенное мѣсто, тотъ обязанъ заплатить за вину королю сто рублей грошей; если же кто, надѣясь на свое богатство, и послѣ сроку не прійдетъ и не представитъ важной причины своему отсутствію, тотъ лишается жизни. Вдова платитъ также сто рублей пени, если опоздаетъ прислать на войну слугъ своихъ; если же и послѣ сроку не пришлетъ по нерадѣнію, то выгоняется изъ имѣнія своего, которое переходитъ къ ея дѣтямъ или родственникамъ, если дѣтей не будетъ. Кто уйдетъ съ войны безъ вѣдома королевскаго или гетманскаго, тотъ казнится смертію. Принимая во вниманіе прежнее нерадѣніе, вошедшее въ обычай, что къ назначенному сроку половина земли придетъ, а другая не придетъ, и всѣхъ казнить смертію было бы очень жестоко, казнить же двухъ-трехъ, а другихъ помиловать было бы крайне несправедливо,—принимая это во вниманіе, сеймъ постановилъ: кто не прійдетъ въ назначенный срокъ,—платитъ сто рублей; кто не прійдетъ черезъ недѣлю послѣ сроку, — казнится смертію. Въ 1507 году издана была окружная королевская грамота о власти и правахъ гетмана во время похода: гетманъ имѣлъ право казнить ратниковъ смертію за грабежъ, нанесеніе ранъ, утайку найденной вещи цѣною выше полуконья, посѣченіе дерева съ пчелами, за побѣгъ. На виленскомъ сеймѣ 1528 года положено было, что каждый владѣлецъ населеннаго имѣнія обязанъ ставить съ осьми человѣкъ (съ каждыхъ осьми службъ людей) одного ратника на добромъ конѣ и въ полномъ вооруженіи. Въ слѣдующемъ году на виленскомъ же сеймѣ изданъ былъ подробнѣйшій уставъ: кто имѣетъ семью службъ, тотъ обязанъ выставить сто ратниковъ (пахолковъ) добрыхъ, конно и збройно; у кого четыреста службъ, тотъ выставитъ 50 пахолковъ; у кого только восемь службъ, тотъ обязанъ самъ ѣхать на службу; у кого меньше 8 службъ, тотъ обязанъ самъ ѣхать, только не на такомъ конѣ и не въ такомъ вооруженіи, какихъ требуетъ уставъ, а смотря по средствамъ своимъ. Слуги путные, данники, службы подляшскія волочныя, сообща съ людьми тяглыми, обязаны также земскою службою. Освобождаются отъ нея мѣста княжескія, панскія и шляхетскія, бояре ихъ, шляхта и слуги дворные, также и огородники ихъ. Убогіе шляхтичи, неимѣющіе ни одного своего человѣка, обязаны ѣхать сами на службу, смотря по средствамъ своимъ¹⁾. Статутъ

1529 года говоритъ, чтобы всѣ подданные собирались подл хоругвию повѣтовую, въ томъ повѣтѣ, гдѣ имѣютъ жительство; кто же служитъ какому-нибудь пану, тотъ обязанъ этому пану выставить вмѣсто себя кого-нибудь другого, необязаннаго военною службою, а самъ долженъ явиться подл хоругвию повѣтовую, въ противномъ случаѣ лишается имѣнія своего. Лицо духовное, держащее закупное имѣніе, обязано само явиться на службу господарскую и земскую, если же будетъ владѣть имѣніемъ дѣдичнымъ, то обязано выставить съ него людей на службу. Только доказанное болѣзненное состояніе освобождаетъ отъ службы; но отецъ можетъ вмѣсто себя выставить сына, не моложе осьмнадцати лѣтъ и не отдѣленнаго, если только гетманъ признаетъ молодаго человѣка годнымъ на военную службу.

Извѣстія о казакахъ становятся все чаще и чаще въ обѣихъ половинахъ Руси. Мы видѣли, что однимъ изъ господствующихъ явленій древней русской жизни была колонизація, постепенное населеніе пустынныхъ пространствъ Восточной Европы и потомъ Сѣверной Азіи. Какъ обыкновенно бываетъ въ странахъ колонизирующихъ, усѣбшая часть народонаселенія, предаваясь постоянному труду земледѣльческому, выдѣляетъ изъ себя людей, которыхъ характеръ и разныя другія обстоятельства, находящіяся въ большей или меньшей связи съ ихъ характеромъ, заставляютъ выходить изъ общества и стремиться въ новыя, незанятія страны. Понятно, что эти люди, предпочитающіе новое старому, неизвѣстное — извѣстному, составляютъ самую отважную, самую воинственную часть народонаселенія; въ исторіи колонизаціи они имѣютъ великое значеніе, какъ проводники колонизаціи, пролагатели путей къ новымъ селищамъ. Отвага, нужная чловѣку, рѣшившемуся или припужденному оставить родину, идти въ степь, въ невѣдомую страну,—эта отвага поддерживается въ немъ жизнію въ степи, гдѣ онъ предоставленъ однимъ собственнымъ силамъ, долженъ постоянно стоять насторожѣ противъ степныхъ хищниковъ. Отсюда эти люди должны соединяться въ братства, общины, для которыхъ война служитъ главнымъ занятіемъ. Такъ границы государства населялись казаками. Происхожденіе послѣднихъ всего лучше объясняется намъ тѣми памятниками, въ которыхъ говорится о заселеніи пустынныхъ пространствъ, льготными грамотами, которая правительство давало населителямъ, напримѣръ, приведенная выше грамота Науму Кобелю съ товарищами: „Имѣетъ Наумъ право людей къ себѣ звать на тѣ мѣста, нетяглыхъ и неписьменныхъ, добрыхъ и не ябедниковъ, не воровъ и не разбойниковъ, которые изъ городовъ и волостей выбиты“. Во-первыхъ, мы видимъ, что заселителямъ земель можно было всегда найти такихъ людей, нетяглыхъ и неписьменныхъ, людей, не имѣющихъ собственной земли, собственнаго хозяйства и долженствующихъ потому корниться работою на чужихъ земляхъ, при чужихъ

¹⁾ Акты Западн. Росс. II, № 12, 25, 152, 161.

хозяйствахъ, при чужихъ промыслахъ; а такіе то бездомовные люди именно назывались у насъ казакими. По понятію, что между этими людьми находилось много и такихъ, которые не хотѣли жить на чужихъ земляхъ, въ зависимости отъ чужихъ людей, и предпочитали вести воинственную, опасную, но болѣе привольную, разгульную жизнь въ степи, на границахъ и далѣе за границами государства; а куда должны были дѣваться люди, выбитые изъ городовъ и волостей, которыхъ жители земель не имѣли права принимать къ себѣ? Существованіе казаковъ, какъ пограничнаго воинственнаго народонаселенія, было естественно и необходимо по географическому положенію древней Руси, по открытости границъ со всѣхъ сторонъ; на всѣхъ границахъ долженствовали быть и дѣйствительно были казаки, но преимущественно были они необходимы и многочисленны на степныхъ границахъ, подвергавшихся постояннымъ и безпощаднымъ нападеньямъ кочевыхъ хищниковъ, гдѣ слѣдовательно никто не смѣлъ селиться, не имѣя характера воина, готоваго всегда отражать нападеніе, сторожить врага. Границы запаслись казакими, которые находились въ большей или меньшей зависимости отъ государства. болѣе или менѣе подчинялись его распоряженіямъ, смотря по тому, жили ли они на самыхъ границахъ, такъ сказать, подъ руками правительства, или углублялись все болѣе и болѣе въ степи, удаляясь такимъ образомъ отъ надзора и вліянія государства.

Понятно, почему въ нашихъ лѣтописяхъ прежде всего являються извѣстія о казакахъ рязанскихъ; Юго-Восточная, Рязанская Украина болѣе другихъ странъ подвергалась нападеньямъ степныхъ ордъ. Въ княженіе Василія Іоанновича Московское государство употребляло этихъ казаковъ съ пользою въ сношеніяхъ съ застенными народами, Крымцами, Турками. Когда правительство хлопотало объ установленіи безопасныхъ сношеній съ Турціею, то спрашивали у Рязанскихъ казаковъ, въ какомъ мѣстѣ лучше сходитьсь ратнымъ людямъ для передачи пословъ съ рукъ на руки, и казаки, знавшіе хорошо степь, указали это мѣсто. Въ описаніи посольства Морозова въ Константинополь читаемъ: „Посланы съ Иваномъ Морозовымъ казаки Рязанци десять станицъ, и списокъ ему данъ имяной, гдѣ кого изъ нихъ оставить: въ Азовѣ четыре станицы, въ Каоѣ четыре станицы, въ Царь-городѣ съ собою взять двѣ станицы; которыхъ казаковъ оставить въ Азовѣ и Каоѣ, и ему тѣмъ казакамъ приказать: если Крымскій царь захочетъ идти на великаго князя Украину, то станица ѱхала бы къ великому князю, а другіе оставались бы и ждали новыхъ вѣстей, и какія еще вѣсти будутъ, ѱхали бы къ великому князю по станицамъ же, чтобъ великій князь безъ вѣстей не былъ“. Любопытно, что противъ нашихъ русскихъ казаковъ мусульманскій міръ отъ противоположной степной окраины выставялъ также своихъ казаковъ; со времени Іоанна III-го Азовскіе татарскіе казаки упоминаютъ

ся какъ злые разбойники: Василій Іоанновичъ требовалъ отъ султана, чтобъ тотъ запретилъ Азовскимъ и Ёльгородскимъ казакамъ подавать помощь Литвѣ. Когда русскій посолъ Коробовъ требовалъ, чтобъ ему дали провожатыхъ изъ Азова, то ему отвѣчали, что въ Азовѣ нѣтъ Азовскихъ казаковъ и дать ему некого ¹⁾. Извѣстно, что у Татаръ подъ именемъ казаковъ разумѣлся третій, самый низшій отдѣлъ войска, состоявшаго изъ улановъ, князей и казаковъ.

На границахъ литовскихъ въ княженіе Василія упоминаются казаки Смоленскіе: король Сигизмундъ не разъ жаловался великому князю, что они напали на Литовскія владѣнія ²⁾.

Если, вслѣдствіе означенныхъ причинъ, явились казаки на границахъ или Украинахъ Московскаго государства, то не могли не явиться они на степной украинѣ Западной Руси, на украинѣ Дибровской, тѣмъ болѣе что здѣсь еще во время самостоятельнаго существованія Руси видимъ много разноименныхъ народцевъ, полукочевыхъ, полуосѣдлыхъ, съ воинственнымъ характеромъ, признающихъ власть князей Русскихъ, видимъ Торковъ, Берендѣевъ, Коусевъ, Турпѣевъ, которые носили общее названіе Черныхъ Клобуковъ; лѣтописецъ же говоритъ, что это названіе тождественно съ названіемъ Черкасъ ³⁾, которымъ Малороссійскіе казаки постоянно называются въ московскихъ памятникахъ. Но если упомянутые народцы дѣйствительно составили зерно Малороссійскаго казачества, то, съ другой стороны, въ Литовской Руси не было также недостатка въ причинахъ, по которымъ къ этому зерну присоединились многочисленныя толпы казаковъ чисто русскаго происхожденія, ибо Дибровская Украина, по географическому положенію своему, долженствовала быть издавна странною военныхъ поселеній. Отъ описываемаго времени дошли до насъ любопытныя извѣстія о казакахъ Малороссійскихъ; ханъ Саипъ-Гирей такъ жаловался на нихъ королю Сигизмунду: „Приходятъ казаки Черкасскіе и Калевскіе, становятся подъ улусами нашими на Дибрѣхъ и вредъ наносятъ нашимъ людямъ; я много разъ посылалъ къ вамей милости, чтобъ вы ихъ остановили, но вы ихъ остановить не хотѣли; я шель на Московскаго тридцать человекъ за болѣзнію вернулись отъ моего войска, казаки поранили ихъ и коней побрали. Хорошо ли это: я иду на твоего непріятеля, а твои казаки изъ моего войска коней уводятъ? Я пріятели братской и присяги сломать не хочу, но на тѣ замки, Чер-

¹⁾ Москов. Арх. Мин. Ин. Д. Дѣла Турецкія, № 1, стр. 63, 160, 244.

²⁾ Тамъ же—Acta Magni Duc. Litv. № 2, стр. 175, 280. — Что казакими въ Северо-Восточной Руси назывались работники, люди, немѣвшіе собственнаго хозяйства, видно изъ уставной грамоты в. к. Василія крестьянъ жъ Моренской слободы: «Плавиги имъ дрова и хорошая лѣсъ рѣками, и ихъ и козакъ охъ ихъ мыца и явки не давати». Донол. къ акт. истор. т. 1, № 26.

³⁾ Воскресен. II, 21; Карач. II, прилѣч. 347: «Черные Клобуки еже зовуься Черкассы».

касы и Каневъ хочу послать свою рать. А это знакъ ли доброй приязни братской? Черкасскіе и Каневскіе власти пускаютъ казаковъ вмѣстѣ съ казаками непріятеля твоего и моего (великаго князя Московскаго), вмѣстѣ съ казаками Путивльскими по Днѣпру подъ наши улусы, и что только въ нашемъ панствѣ узнаютъ, дають вѣсть въ Москву; въ Черкасахъ старосты ваши путивльскихъ людей у себя на вѣстяхъ держатъ: такъ на Москву изъ Черкасъ пришла вѣсть за нянадцать дней передъ нашимъ приходомъ“. Малороссійскіе казаки находились подъ вѣдомствомъ старосты черкаскаго и каневского, а эту должность въ описываемое время занималъ извѣстный Евстаѳій Дашковичъ ¹⁾.

Городъ въ московскихъ областяхъ не измѣнилъ своего значенія и виѣшняго вида въ княженіе Василія: попрежнему онъ оставался мѣстомъ убѣжища для окружнаго народонаселенія въ случаѣ нашествія непріятельскаго; дворы, которые имѣли въ городахъ окрестные землевладѣльцы и монастыри, назывались дворами осадными; такъ, отъ описываемаго времени дошла до насъ великокняжеская грамота къ тверскому городовому приказчику и ключнику объ отводѣ мѣста Іосифову волоколамскому монастырю подъ осадный дворъ ²⁾. Въ 1508 году великій князь велѣлъ мастеру Алевиу Фрязину вокругъ города Москвы обкладывать ровъ камнемъ и кирпичемъ и пруды копать. Иностранцы такъ описываютъ Москву время Василіевыхъ: „Городъ Москва деревянный и довольно обширный, но издали кажется еще обширѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, потому что большіе сады и дворы при каждой домѣ увеличиваютъ пространство города; кромѣ того, на концѣ его находятся жилища кузнецовъ и другихъ мастеровъ, для которыхъ необходимо огонь, и между этими жилищами находятся цѣлыя луга и поля. Великій князь Василій выстроилъ для своихъ тѣлохранителей за рѣкою новый городъ Нали (Nali, Наливки), что по-русски значить infunde (наливай), потому что имъ однимъ позволено пить медъ и пиво, когда хотятъ; поэтому они и удалены за рѣку, чтобъ не заражали другихъ своимъ примѣромъ. Около города находятся монастыри, изъ которыхъ каждый издали кажется городомъ. Обширность города не позволяетъ опредѣлить межу и устроить достаточныя укрѣпленія. Улицы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ загорожены рогатками, при которыхъ находятся сторожа, имѣющіе обязанность наблюдать, чтобъ никто не ходилъ ночью послѣ урочнаго часа; если кого поймаютъ въ запрещенное время, то бьютъ, грабятъ, или сажаютъ въ тюрьму, исключая людей извѣстныхъ и почетныхъ, которыхъ сторожа провожаютъ до дому. Такіе сторожа помѣщаются тамъ, гдѣ лежитъ свободный входъ въ городъ, ибо остальную часть его обтекаетъ Москва-рѣка, въ которую подъ самымъ городомъ впадаетъ Яуза, а чрезъ эту рѣку трудно

переправляться, по высотѣ береговъ; на Яузѣ построено много мельницъ. Этими-то рѣками ограждается городъ, который, кромѣ немногихъ каменныхъ домовъ, церковей и монастырей, весь деревянный. Число церковей въ немъ показываютъ слѣдующія: говорятъ, что ихъ болѣе 41,500. Обширный городъ этотъ очень грязенъ, почему на разныхъ, болѣе другихъ посѣщаемыхъ мѣстахъ, находятся мосты. Крѣпость, построенная изъ кирпича, съ одной стороны омывается рѣкою-Москвою, а съ другой—Неглинною. Послѣдняя, подлѣ верхней части крѣпости, является въ видѣ пруда; вытекающая изъ него, наполняетъ крѣпостныя рвы, въ которыхъ находятся мельницы. Крѣпость, кромѣ обширныхъ и великолѣпныхъ палатъ великокняжескихъ, заключаетъ въ себѣ домъ митрополитичей, дома братьевъ великаго князя, вельможъ и разныхъ другихъ лицъ, все большіе и деревянные; кромѣ того много въ ней церковей“. На литовской границѣ приобрѣтена была крѣпость первой важности по тому времени, Смоленскъ: на этой сторонѣ ограничили ее, да укрѣпленіемъ Пскова: въ 1517 году здѣсь пало стѣны 40 сажень; мастеръ Иванъ Фрязинъ наддѣлалъ эти 40 сажень, камень возили священники, Псковичи носили песокъ и сѣяли рѣшетомъ; несмотря на то, постройка обошлась великому князю въ 700 рублей. Болѣе старались укрѣплять города на южной и восточной украинѣ: отъ Крымцевъ и Казанцевъ: въ 1509 году построили въ Тулѣ городъ деревянный, въ 1520—каменный; въ 1525—построенъ въ Коломнѣ городъ каменный; въ Черниговѣ и Каширѣ построены города деревянные въ 1531 году, а на рѣкѣ Осетрѣ—каменный; на востокъ укрѣпленъ каменнымъ городомъ Нижній еще въ 1508 году, строилъ городъ мастеръ Петръ Фрязинъ; мы упоминали уже о построеніи новаго деревяннаго города Васильсурска ³⁾. Въ 1508 году великій князь прислалъ въ Новгородъ боярина, велѣлъ ему урядить здѣсь торги, ряды, и размѣрить по-московски улицы; въ 1531 году прислалъ тула же дяковъ, приказалъ имъ на Софійской сторонѣ размѣрить улапы; они начали размѣрять Великую улицу отъ Владимірскихъ воротъ прямо, въ конецъ, и всѣ улицы отъ поля прямо въ берегъ, и мѣста по всему пожару; дяки приказали также поставить рѣшетки по всему городу и учредить пожарныя сторожей (огневщиковъ). Съ 1-го октября начали стоять сторожа у рѣшетокъ; эта мѣбра оказалась благодѣтельною: прежде было въ городѣ много злыхъ людей, грабежей, воровства, убійства; съ этихъ же поръ начала быть тишина по всему городу; многіе злые люди отъ такой крѣпости городской побѣжали прочь, а другіе исправились и привыкли къ честному труду ⁴⁾. Значительные пожары были рѣдки въ Москвѣ въ княженіе Василія: въ 1508 году погорѣлъ посадъ и торгъ отъ панскаго двора; въ 1531 году заго-

¹⁾ Акты Западн. Россіи, II, № 150, 156.

²⁾ Акты арх. эксп. I, № 169.

³⁾ Никон. VI, 182, 187, 227, 231, 245.

⁴⁾ Дѣтск. библіот. Москов. Арх. Мин. Ин. Д. № 20.

рѣлся порохъ на Успенскомъ врагѣ, на дворѣ иностраннаго мастера Алевиза, гдѣ его дѣлали: въ одну часть сгорѣло работниковъ больше 200 человекъ. Въ Новгородѣ Великомъ былъ большой пожаръ въ 1508 году: тогда погибло болѣе 5,000 человекъ; въ Новгородѣ-Нижемъ — въ 1531; раза два упоминаются пожары во Псковѣ; сгорѣлъ весь Изборскъ.

Въ Западной Руси города продолжаютъ получать новыя грамоты на Магдебургское право и подтвержденія старыхъ. Жители городовъ подиѣпровскихъ и задвинскихъ били челомъ королю Сигизмунду, что терпѣли они большія притѣсненія отъ его писарей, посылаемыхъ для сбора недоимокъ: слуги этихъ писарей безвыѣздно круглый годъ живутъ въ волостяхъ насчетъ послѣднихъ, судятъ и рядятъ жителей и берутъ большія пошлины; да и сами писаря обираютъ ихъ непомярно, отчего многіе жители разошлись, а которые остались, тѣ не только всѣхъ даней, но и половины заплатить не могутъ. Поэтому они просили, чтобъ король позволилъ имъ, какъ бывало прежде при Витовтѣ и Сигизмундѣ, собирать дань самимъ—грошевою, бобры, куниды—и относить въ казну, а медь прѣсный къ ключнику. Король исполнилъ ихъ просьбу¹⁾. И въ Западной Руси, желая заселить какое-нибудь мѣсто, правительство освобождало новоселенцевъ отъ податей на нѣсколько лѣтъ: такъ король Сигизмундъ поручилъ Виленскому воеводѣ Радзивилу заселить мѣсто при Клещелязахъ, на землѣ Бѣльскаго повѣта; людей поселилось уже немало; но когда воевода вздумалъ присоединить ихъ къ дворной пашнѣ клещелязской, то многіе изъ нихъ ушли прочь. Видя это, новый воевода Гастольдъ, по приказу королевскому, далъ поселенцамъ Хелмское право: дворъ королевскій клещелязскій не имѣлъ права судить ихъ и рядить; судилъ и рядилъ ихъ войтъ съ бурмистрами и радцами; при войтѣ два бурмистра,—одинъ дворный, котораго дворъ выбираетъ изъ тѣхъ же мѣщанъ клещелязскихъ; его обязанность смотрѣть за доходами, собираемыми для двора; а другой—бурмистръ отъ мѣста; оба выбираются ежегодно. Жители мѣста обязаны давать съ каждой волоки по полукопью грошей, да по бочкѣ овса; кто пиво варить, тотъ платитъ столько же; отъ судебныхъ штрафовъ два пенязя идутъ на дворъ королевскій, а третій на войта; кто занимается торговлею, долженъ давать по грошу на годъ; мясники должны давать съ каждаго торгу по плечу мяса бараняго на дворъ королевскій; корчмы винныя должны быть на короля, а кто буетъ виною шинковать, тотъ даетъ по десяти грошей. Люди вольные, хотящіе селиться въ мѣстѣ Клещелязскомъ на сыромъ корню, а не на обработанныхъ уже участкахъ (не на проробкахъ), свободны на десять лѣтъ отъ платы полуконья съ волоки и бочки овса; кто же сядетъ на участкахъ обработанныхъ (на волокахъ

праробленныхъ), тѣ свободны на два года отъ упомянутыхъ податей. Быть городовъ съ Магдебургскимъ правомъ по-прежнему не было миренъ, по-прежнему встрѣчаемъ жалобы горожанъ на воеводъ, князей, пановъ и бояръ; въ 1527 году король Сигизмундъ долженъ былъ писать полоцкому воеводѣ Петру Кишкѣ, чтобъ онъ не нарушалъ Магдебургскаго права, даннаго городу; въ грамотѣ говорится, что войтъ, бурмистры, радцы и всѣ мѣщане не разъ жаловались королю на убійства, побию, грабежи, которые они терпѣли отъ урядниковъ и слугъ воеводскихъ; что король не разъ писалъ воеводѣ, съ увѣщаніемъ прекратить эти насилія, но воевода еще болѣе начиналъ притѣснять горожанъ. Жаловались Полочане не на одного воеводу, но на князей, пановъ, бояръ полоцкихъ, на игуменью и на монаховъ бернардинскихъ: мѣщанъ, которые купятъ земли у бояръ и у путныхъ людей, воевода велитъ ставить передъ собою и судить ихъ; многіхъ ремесленныхъ людей за себя забралъ и приказываетъ имъ на себя работать; принимаетъ за себя мѣщанъ, которые нарочно выходятъ изъ Магдебургскаго права, чтобъ не платить серебшизны, ордынщины и другихъ городскихъ податей; также многіе мѣщане за даются за владыку, князей и бояръ полоцкихъ, а тѣ ихъ принимаютъ; установлены новые мыты по рѣкамъ; многіе бояре и слуги воеводскіе женились на мѣщанкахъ, взяли за ними дома и земли городскія, а городскія повинности нести и Магдебургскому праву послушны быть не хотятъ; которые мѣщане въ селахъ живутъ или въ замкѣ дворы имѣютъ,—тѣхъ воевода судитъ городовымъ правомъ и проч.²⁾ Въ Вильнѣ были смуты между самими горожанами и начальствомъ ихъ, бурмистрами и радцами; горожане были недовольны старымъ уставомъ и требовали нѣкоторыхъ новыхъ статей, но король не согласился на это требованіе, подтвердилъ старый уставъ во всей силѣ; за то подтвердилъ, чтобъ Вильняне и подати, серебшизну и ордынщину платили по старинѣ, безъ новыхъ прибавокъ. Мы видѣли, что при великомъ князѣ Александрѣ бѣльское войводство дано было въ потомственное владѣніе Гонпеню; но Гонпень, какъ видно, продалъ его какому-то Русину, и этотъ продалъ его виленскому воеводѣ Николаю Радзивилу; у сына и наследника Радзивилова, Яна Николаевича, купилъ его бѣльскій мѣщанинъ Иванъ Сегеневичъ въ пожизненное владѣніе за 300 копъ грошей; но въ 1526 году бурмистры, радцы и всѣ мѣщане бѣльскіе били челомъ королю Сигизмунду, чтобъ позволилъ это войводство выкупить у Радзивила тѣлому городу Бѣльску на общія деньги, и впередъ войта выбирать мѣщанамъ; король согласился. Изъ любопытной записки, поданной королю Сигизмунду отъ всей Кіевской Земли, мы узнаемъ, что поправка кіевской крѣпости производилась обыкновенно всеми подиѣпровскими воло-

¹⁾ Акты Западн. Россіи, II, № 75.

²⁾ Тож. № 123, 147.

стями, а послѣ сожженія Кіева ханомъ Менгли-Гиреемъ, при королѣ Казимирѣ, въ поправкѣ участвовали, кромѣ придѣлѣпровскихъ волостей, волости задвинскія и торонецкія; болѣе 20,000 топоровъ было въ дѣлѣ: папъ, наблюдавшій за городскими постройками, назывался горюничимъ¹⁾.

Жиды одно время были выгнаны изъ Литвы, но скоро опять возвращены съ правомъ взять во владѣніе свои прежніе дома и земли, которыми, во время ихъ изгнанія, владѣли христіане; сперва заставили было Жидовъ выставлять на войну 1,000 коней, но потомъ освободили отъ военной службы во всѣхъ видахъ; наконецъ, въ 1533 году, снова подтверждены были всѣ ихъ прежнія права²⁾.

Относительно сельскаго народонаселенія въ Московскомъ государствѣ, отъ временъ Василія дошла до насъ уставная грамота крестьянамъ Артемьевскаго стана въ Переяславскомъ уѣздѣ. Здѣсь прежде всего опредѣляется количество поборовъ, которые шли съ крестьянъ волостелю, его тиуну, правецкику и доводчику три раза въ годъ: на Рождество Христово, на Свѣтлое Воскресенье и на Петровъ день; при вступленіи волостеля въ должность (на въѣздъ) онъ беретъ у крестьянъ то, что каждый добровольно ему принесетъ. Съ починковъ (новоначатыхъ поселеній) записанныхъ, но не пашенныхъ, и съ новыхъ починковъ, явившихся послѣ переписи (письма), волостель, его тиунъ, правецкикъ и доводчикъ поборовъ не берутъ до урочныхъ лѣтъ; когда же насельники отсидаютъ свои урочные года, то платятъ такіе же поборы, какіе идутъ и съ старыхъ деревень. Волостель тиуна, правецкика и доводчика разѣе году не перемѣняетъ. Безъ старосты и безъ лучшихъ людей волостель и его тиунъ суда не судить. Случится въ волости душегубство, и душегубца не смѣютъ, то крестьяне обязаны заплатить наѣмѣстникамъ за голову четыре рубля виры, и платятъ эту виру цѣлою волостью; если же смѣютъ душегубца, то выдаютъ его наѣмѣстникамъ и ихъ тиунамъ,—и тогда ничего не платятъ; при смертномъ случаѣ, въ которомъ никто не виноватъ (наприм. если кто утонетъ и проч.), крестьяне также ничего не платятъ. Волостелинскіе и тиунскіе, и боярскіе люди, и никто другой на пиры и на братчины къ крестьянамъ незваные не входятъ, а кто придетъ пить незванный, того выплютъ безнаказанно; если же не пойдетъ вонъ, станетъ пить силою, и причинится тутъ крестьянамъ какой-нибудь вредъ, то незванный гость платитъ вдвое безъ суда и исправы, а отъ великаго князя быть ему въ казни и продажѣ. Попрошатаямъ у нихъ по волости просить не ѣздить. Кто въ одной волости выдастъ дочь замужъ, тотъ даетъ волостелю за новоженный убрѣсъ 4 деньги; а кто выдастъ дочь замужъ изъ волости въ волость, тотъ даетъ за выводную купцу два алтына. Скоморохамъ у

нихъ въ волости не играть. Съ лошадиного пятна волостель беретъ по деньгѣ съ купца и продавца. Князья, бояре, воеводы ратные и всякіе ѣздоки насильно въ волости не ставятся, кормовъ, проводниковъ, подводъ у крестьянъ не берутъ, а если гдѣ останутся, покупаютъ кормъ по вольной цѣнѣ³⁾.—Такого же содержанія уставная грамота, данная удѣльнымъ Дмитровскимъ княземъ Юріемъ Иоанновичемъ Каменнаго стана бобровникамъ, которые находились въ вѣдѣніи ловчаго; права послѣдняго опредѣлены одинаково съ правами волостеля въ предыдущей грамотѣ; но, кромѣ того, опредѣленъ способъ раскладки повинностей; кормы ловчаго, тиуновъ и доводчиковъ, поборъ дворскій, бобровники съ десятскими и добрыми людьми между собою мечутъ со стола по дани и по паннѣ: которая деревня больше пашнею и угодеемъ, на ту больше корму и поборовъ положить; собравъ эти кормы, староста съ десятскими платятъ ловчему; его тиуну и доводчику поборъ въ городѣ Дмитровѣ по праздникамъ; а тиуну и доводчику по деревнямъ самимъ не ѣздить, кормовъ и побору не брать. Кто повезетъ къ себѣ тиуна и доводчика пить на пиръ или на братчину, то они, пивши, тутъ не ночуютъ, ночуютъ въ другой деревнѣ, и насадокъ (поборъ пивомъ или другого рода хмельнымъ напитокомъ) съ пировъ и братчинъ не берутъ. Относительно сорья и дракъ на пиру опредѣлено, сходно съ Двинскою грамотою великаго князя Василія Дмитриевича: „Въ пиру или братчинѣ побранятся или побьются, и, не выходя съ пиру, помирятся, то ловчему и его тиуну за то нѣтъ ничего; если же помирятся вышедши съ пиру, за приставомъ, то ловчему и его тиуну также нѣтъ ничего, кромѣ лошадиного“ . Но въ обѣихъ грамотахъ—и въ Двинской, и въ Бобровничей—нѣтъ указанія на судебное значеніе братчинъ, которое выражается въ Псковской судной грамотѣ: „Братчина судить какъ суды“ .—Доводчикъ ѣздитъ по деревнямъ дважды въ годъ—о Рождествѣ Христовѣ и о Петровѣ днѣ, ѣздитъ самъ-другъ съ парбокомъ на тройкѣ; гдѣ доводчикъ обѣдаетъ, тутъ ему не почевать; гдѣ почуетъ, тутъ ему не обѣдать⁴⁾.—Относительно быта за-

³⁾ Акты арх. эксп. I, № 144: «На Рождество Христово дадутъ волостелю кормъ со шти деревень полоть мяса, десятеро хлѣбовъ, мѣхъ овса, вѣзъ сѣна; а на Петровъ день дадутъ кормъ, барашъ, десятеро хлѣбовъ; а целюбъ волостелю кормъ, и они ему дадутъ за полоть мяса десять денегъ, за барашъ алтыны, за мѣхъ овса алтыны, за вѣзъ сѣна алтыны, за хлѣбъ по денгѣ. А тиуну его дадутъ кормъ на всѣ три праздника въ поля того; а правецкику его дадутъ поборъ съ деревни, на Рождество Христово 8 денегъ, а на Великій день 4 деньги, а на Петровъ день четырехъ денгъ; а доводчику его дадутъ поборъ съ деревни, на Рождество Христово за ковригу денга, за часть мяса денга, за собику овса двѣ денгъ, а на Великій день за ковригу денга, за часть мяса денга, а на Петровъ день за ковригу денга, за сыръ денгъ».

⁴⁾ Тамъ же, № 103, 150; См. также Дополн. къ акт. истор. I, № 28, Академич. словарь насадку переводитъ словомъ ондова; г. Поповъ (Пиры и Братчины, Архивъ Калач. II) думаетъ, что насадку скорѣе можно перевести словомъ ведро, ибо въ Двинской грамотѣ ча-

¹⁾ Собр. древ. грам. городовъ Вильны, Ковна и проч. № 19, 20.—Zgódla de dziejów Polskich, wyd. Malinowski. i Przeważniek. II, 118. Вишневскаго Родники IV, 107.

²⁾ Акты Западу. Россіи, 11, № 29, 85, 174.

всимаго народонаселенія въ описываемое время замѣчательна заемная и закладная грамота Власа Фрязинова, данная имъ вмѣстѣ съ людьми его, поименованными въ грамотѣ: „А въ деньгахъ семи съ своими людьми сдѣти челоувѣкъ, кой насъ въ лицѣхъ—на томъ деньги“¹⁾.

Изъ уставныхъ королевскихъ грамотъ видно, что сельское народонаселеніе въ Западной Руси раздѣлялось на подданныхъ, или тяглыхъ людей, и на челядь невольную; въ одной изъ уставныхъ грамотъ читаемъ: „Если мужикъ, вопреки приказу державца или его урядника, не выйдетъ на работу одинъ день, или будетъ непослушенъ, то взять съ него за это не болѣе барана; если окажется большее упорство, то подлежить наказанью плетью или бичемъ“²⁾.

Изъ физическихъ бѣдствій въ княженіе Василія упоминается: три раза о неурожаѣ—въ 1512, 1515 и 1525 годахъ; о сильныхъ дождяхъ, вслѣдствіе которыхъ рѣки разлились и прервали сообщеніе,—въ 1518 году; о сильныхъ засухахъ—въ 1525 и 1533; моръ свирѣпствовалъ не разъ въ Новгородѣ и Псковѣ; въ первомъ отъ 1507 до 1509 года, во второмъ—въ 1521 и 1532; но жители срединныхъ областей не испытывали этого бѣдствія и начинали забывать о страшныхъ язвахъ XIV и XV вѣковъ, такъ что въ иностранныхъ описаніяхъ Московскаго государства Василюва времени читаемъ: „Климатъ въ Московской области такъ здоровъ, что народъ не помнитъ, когда была чума. Бываетъ, впрочемъ, здѣсь иногда болѣзнь, похожая на чуму, которую называютъ жаромъ (salog); болѣзнь эта поражаетъ внутренность и голову; занемогшіе въ нѣсколько дней умираютъ.“

По описаніямъ иностранцевъ, область Московскаго государства представляла обширную равнину, покрытую лѣсами и пересѣкаемую во всѣхъ направленіяхъ большими рѣками, обильными рыбою. Рѣки эти, разливаясь отъ тающего весной снѣга и льда, во многихъ мѣстахъ превращаютъ поля въ болота, а дороги покрываютъ стоячею водою и глубокою грязью, не просыхающею до новой зимы, когда лютый морозъ опять постелетъ по болотамъ ледяные мосты и сдѣластъ дорогу по нимъ безопасною. Главныя произведенія страны: хлѣбъ,

таемъ: «Тіуна пасадку пѣтъя, ведро». Но именно на основаніи этого-то свидѣтельства и нельзя допустить, что пасадка значила ведро, ибо въ такомъ случаѣ оба слова не были бы поставлены рядомъ. Изъ этого свидѣтельства можно вывести одно, что пасадка означала неопредѣленною поборъ пѣтьемъ, количество же могло опредѣляться въ разныхъ мѣстахъ различно.

¹⁾ Акты юридич. стр. 261. — У Герберштейна читаемъ: «Coloni sex dies in septimana domino suo laborant, septimus vero dies privato labori conceditur. Habent aliquot privatos et a dominis suis attributos agros et prata ex quibus vivunt: reliqua omnia sunt dominorum. Sunt praeterea miserissima conditionis, quod illorum bona, publicum ac militum praedae exposita sunt». Неизвѣстно, кого разумѣлъ Герберштейнъ подъ именемъ coloni—свободныхъ или несвободныхъ земледѣльцевъ; во всякомъ случаѣ трудно признать справедливымъ извѣстіе о седьмомъ днѣ.

²⁾ Акты Западн. Россіи, II, № 159.

лѣсъ, медъ, воскъ и мѣха. Сосны въ лѣсахъ московскихъ величины невѣроятной; дубъ и кленъ гораздо лучше, чѣмъ въ Западной Европѣ; пчелы кладутъ медъ на деревьяхъ безъ всякаго присмотра. Рассказывали, какъ одинъ крестьянинъ, опустившись въ дупло огромнаго дерева, увязъ въ меду по самое горло; тѣтно ожидая помощи въ продолженіи двухъ дней, питался однимъ медомъ, и наконецъ выведенъ былъ изъ этого отчаяннаго положенія медвѣдемъ, который спустился задними лапами въ то же дупло; крестьянинъ схватился за него руками и закричалъ такъ громко, что испуганный звѣрь выскочилъ изъ дупла и вытащилъ его вмѣстѣ съ собою. Пушнаго звѣря въ лѣсахъ московскихъ множество; соболи мѣха цѣнятся по чернотѣ, длинѣ и густотѣ волоса; цѣна увеличивается еще смотря по тому, въ какое время пойманъ звѣрь. Около Углича и въ Двинской области соболи попадаютъ очень рѣдко; около Печоры попадаютъ чаще и лучше; въ Москвѣ соболи мѣха продаются по 3 и 4 деньги; лисы мѣха, особенно черныя, стоятъ дорого; десятокъ продается иногда по 15 золотыхъ; бобровые мѣха также очень цѣны; бѣличья привозятся изъ разныхъ мѣстъ, больше всего изъ Сибири; лучшіе, впрочемъ, добываются недалеко отъ Казани, потомъ привозятся изъ Перми, Вятки, Устюга и Вологды, привозятся обыкновенно въ связкахъ, изъ которыхъ въ каждой по 10 шкурокъ: изъ нихъ двѣ самыя лучшія, три похуже, четыре еще хуже, и одна—последняя—самая дурная; добываются также мѣха рысьи, волчьи, песцовые. Въ лѣсахъ водятся также лоси, медвѣди, большіе и черные волки; въ западной части государства водятся туры; въ странѣ Югровъ и Вогуличей, на высокихъ горахъ, добываютъ превосходныхъ соколовъ и кречетовъ.

Поля покрыты пшеницею, просомъ и другими хлѣбными растениями, также всякаго рода зеленью; область собственно-Московскаго княжества не плодородна; песчаный грунтъ земли убиваетъ жатву при малѣйшемъ излишествѣ сухости или влаги; сюда присоединяются еще холода, которые иногда препятствуютъ зрѣнію посѣяннаго. Что вся страна не такъ давно была покрыта лѣсами,—показываютъ пни огромныхъ деревьевъ, до сихъ поръ еще повсюду видныя. Области Владимірская и Нижегородская очень плодородны: изъ одной мѣры хлѣба выходитъ иногда 20, иногда 30 мѣръ. Рязанская область превосходитъ плодородіемъ всѣ остальные; лошади не могутъ проѣхать чрезъ ея густыя нивы; великое количество здѣсь меду, рыбы, птицъ и звѣрей; древесные плоды гораздо лучше московскихъ.—Кромѣ хлѣбонашества, звѣроловства, рыболовства и пчеловодства, иностранные писатели указываютъ на добываніе желѣза около Сернухова, на добываніе соли въ Старой Русѣ, въ Солонкахъ, около Переяславля-Залѣскаго, около Нижняго-Новгорода; по ихъ извѣстіямъ, на перелетъ стрѣлы отъ Вѣлаозера есть другое озеро, производящее сѣру, которая выпо-

ситея рѣкою, изъ него вытекающею; но туземцы не умѣютъ пользоваться этимъ даромъ природы. Изъ промышленности первоначальной иностранцы упоминаютъ объ искусномъ выдѣлываніи въ Калугѣ рѣзныхъ деревянныхъ чарокъ и другой деревянной посуды, которая вывозилась на продажу въ Москву, Литву и другія сосѣднія страны.

Русскія извѣстія указываютъ намъ рыболововъ, расположенныхъ цѣлыми слободами въ удобныхъ для ихъ промысла мѣстахъ: наприм. на озерахъ Галицкомъ, Переяславскомъ; переяславскіе рыбаки находились въ вѣдѣніи волостеля стольничаго пути, котораго права въ уставной грамотѣ были определены точно такъ же, какъ права волостеля Артемонскаго стана въ приведенной выше уставной грамотѣ. Дошла до насъ также грамота великаго князя Василія сокольникамъ сокольничья пути, жившимъ въ Переяславлѣ на посадѣ: они были освобождены изъ-подъ вѣдѣнія намѣстниковъ и тиуновъ, не тянули съ Переяславцами ни въ какіе проторы и разметы, кромя зма, городоваго дѣла (постройки городскихъ укрѣпленій) и посошной службы; судилъ ихъ самъ князь великій, или его сокольничій; давали эти сокольники, — двадцать чело-вѣкъ оброку полтора рубля въ годъ; въ числѣ этихъ двадцати сокольниковъ упоминаются четыре вдовы, два сапожника мастера, одинъ сѣдельникъ, одна хлѣбница. Касательно звѣриной ловли въ пользу князя, мы имѣемъ грамоту удѣльнаго князя Семѣна Ивановича Троицкому монастырю, по которой крестьяне послѣдняго, жившіе въ Вѣжецкомъ Верху, обязаны были посылать на княжескую ловлю, на медвѣдей, лосей и оленей по пяти чело-вѣкъ съ сохи; надобно замѣтить, что это опредѣленіе является здѣсь какъ льгота ¹⁾.

По иностраннымъ извѣстіямъ, жители Московскаго государства производили обширную торговлю сырыми произведеніями своей страны: все количество смолы и воска, потребляемое въ Европѣ, равно какъ дорогіе мѣха, привозились черезъ Ливонію изъ московскихъ владѣній; мы должны замѣтить, что не изъ однихъ московскихъ владѣній, ибо большее количество смолы и воска шло за границу также изъ Западной, Литовской Руси. Кромѣ того, изъ Московскаго государства отпускались за границу на западъ лѣсъ, лучшій ленъ, конопля, воловьскія кожи. Въ Литву и Турцію вывозились кожи, мѣха и моржевые зубы: къ Татарамъ шли сѣдла, узды, сукна, кожи, полотна, ножи, топоры, стрѣлы, зеркала, кошельки. Привозимые товары, большею частію, были: серебро въ слиткахъ, сукна, шелкъ, шелковыя ткани и парчи, дорогіе камни, жемчугъ, сучееное золото, перекъ, шафранъ, вино; купцы чагатайскіе доставляли шелковыя ткани, татарскихъ лошадей и превосходныя бѣлыя матеріи, не тканья, а свалиныя изъ шерсти, изъ которыхъ дѣлались панчи, красивыя и защищавшія отъ дождя. Изъ

ярмарокъ славилась въ Колопьемъ городъ на рѣкѣ Мологѣ. Ко времени Василіева же княженія относится начало знаменитой Макарьевской ярмарки; въ 1524 году великій князь, желая навести вредъ враждебной Казани, запретилъ русскимъ купцамъ ѣздить на ярмарку, бывавшую подлѣ Казани, на такъ называемомъ Купеческомъ островѣ, а назначилъ мѣсто для ярмарки въ Нижегородской области; но чрезъ эту мѣру сначала не меньше вреда потерпѣло и Московское государство, почувствовало сильный недостатокъ въ товарахъ, шедшихъ Волгою изъ Каспійскаго моря, изъ Персіи и Арменіи, особенно же чувствителенъ былъ недостатокъ въ соленой рыбѣ, привозимой съ низовьевъ Волги ²⁾. Иностранцы писатели указываютъ и торговые пути: такъ они говорятъ о судоходствѣ по Москвѣ-рѣкѣ, затрудняемомъ извилинами, особенно между Москвою и Коломною; говорятъ, что въ 24 германскихъ миляхъ отъ Рязани находится мѣсто Дюнкъ на Дону; здѣсь купцы, отправляющіеся въ Азовъ, Кафу и Константинополь, нагружаютъ свои суда, что дѣлается обыкновенно осенью, въ дождливое время года, ибо въ другое время Донъ такъ мелокъ, что не можетъ поднимать судовъ. — Подъ Вязмою течеть рѣка того же имени, впадающая въ Днѣпръ; отсюда нагруженные товарами суда спускаются обыкновенно въ Днѣпръ, и обратно вверхъ по Днѣпру идутъ суда до Вязмы. — Дмитровъ лежитъ на рѣкѣ Яхроми, впадающей въ Сестру, а Сестра впадаетъ въ Дубну, притокъ Волги; вслѣдствіе такого теченія рѣкъ здѣсь производится обширная торговля. Любопытны извѣстія иностранцевъ о нѣмой торговлѣ, еще производившейся въ XVI вѣкѣ: такая торговля производилась съ Лапландцами въ сѣверныхъ предѣлахъ Европейской Россіи, и за Ураломъ, въ области Оби ³⁾. — По договору съ семидесятью Ганзейскими городами 1514 г., купцамъ ихъ позволено было торговать въ Новгородѣ всякимъ товаромъ безъ вывѣта, солью, серебромъ, оловомъ, мѣдью, свинцомъ, сѣрою, а новгородскіе купцы получили право торговать въ Нѣмецкой Землѣ также всякимъ товаромъ безъ вывѣта и воскомъ. Купить Нѣмецъ у Новгородца воскъ, и воскъ окажется нечистъ, то Новгородецъ обязанъ его обмѣнить. Будетъ Новгородецъ въ нѣмецкихъ городахъ покупать или продавать что въ ластъ, то вѣсчаго не платитъ, а начнетъ продавать или покупать въ вѣсъ, то брать съ него вѣсче; также и Нѣмецъ въ Новгородѣ если станетъ продавать соль, сельди и медъ въ ластъ, то не платитъ вѣсчаго; если же въ вѣсъ, — то платитъ; дастъ Нѣмецъ за какойнибудь товаръ серебро и окажется оно нечисто, то ему это серебро обмѣнить. У Герберштейна находимъ извѣстіе о ростахъ, которые простирались отъ десяти до двадцати со ста. Мы не знаемъ, съ какою скоростію тогдашніе пути сообщенія позволяли купцамъ перевозить товары; но

¹⁾ Акты арх. экск. I, № 142, 143, 147; Акты историч. I, № 117.

²⁾ Герберштейнъ, стр. 73.

³⁾ См. мою статью: Географич. извѣстія о древней Россіи, въ Отечеств. Зап. т. LXXXVI.

Герберштейнъ оставилъ намъ извѣстiе о ямской гоньбѣ: „Когда я, говоритъ Герберштейнъ, ѣхалъ изъ Новгорода въ Москву, то ямщикъ выставлялъ заблаговременно по 30, 40 и 50 лошадей, тогда какъ мнѣ нужно было не болѣе 12; каждый изъ насъ такимъ образомъ выбиралъ себѣ любую лошадь. Всякому позволено пользоваться почтовыми лошадьми; если на дорогѣ лошадь утомится или падетъ, то вольно взять другую изъ перваго дома или у перваго встрѣтившагося проезжаго, исключая гонца великокняжескаго; ямщикъ обязанъ отыскать лошадь, брошенную на дорогѣ, также доставить взятую лошадь хозяину, и заплатить ему прогоны: за 10 или 20 верстъ платится обыкновенно 6 денегъ“. Слуга Герберштейна проѣхалъ 600 верстъ изъ Новгорода въ Москву въ 72 часа; такая скорость ѣзды заключаетъ нашъ авторъ, тѣмъ удивительнѣе, что лошади очень медки и содержатся гораздо хуже, чѣмъ у насъ. Изъ русскихъ извѣстiй о змахъ дошла до насъ великокняжеская грамота о починкѣ ветхаго строения на Ергольскомъ яму: „Сказывали ергольскiе ямщики, что на яму хоромы, избы, сѣнники и конюшни погнили и тынчъ обвалился; велѣтъ ихъ построить крестьянамъ бѣлозерскими сохами, всѣми безъ исключенiя, чей кто нибудъ, а съ сохи брать по два человѣка; тѣмъ же сохами велѣтъ крестьянамъ отвъ Ергольского яма до Напорожскаго дороги почистить, мосты по рѣкамъ, болотамъ и грязямъ починить; вмѣсто сгнившихъ мостовъ новые намостить, на рѣкахъ мосты мостить на клѣткахъ, чтобъ ихъ вешняя вода не сносила. Отмѣрить земли къ яму ямщикамъ на пашню, сѣнокосъ и ямскимъ лошадямъ на выпускъ, и этой земли межи назначить, ямы покопать и драги покласть“. Названiе ямъ въ произошло не отъ этихъ межевыхъ ямъ, которыя употреблялись вездѣ, но или отъ русскаго слова емлю, беру, или, что еще вѣроятнѣе, отъ татарскаго ямъ, дорога ¹⁾.

Въ Западной Руси король Сигизмундъ далъ въ 1511 году жителямъ Вильны право, по которому прiѣзжiе въ ихъ городъ купцы могли торговать только съ ними, исключая ярмарки, когда прiѣзжiе купцы могли торговать и съ купцами иностранныхи ²⁾.

Относительно искусства при Василии замѣчательно извѣстiе лѣтописи о поповленiи старыхъ иконъ греческаго писма, иконъ Спасителя и Богородицы, которыя были принесены для этого изъ Владимiра въ Москву въ 1518 году, торжественно встрѣчены митрополитомъ Варлаамомъ и всѣмъ народомъ. Поновляли ихъ въ митрополичьихъ палатахъ, и самъ митрополитъ, сказано, много разъ своими руками трудился въ этомъ дѣлѣ; по обновленiи и украшенiи, иконы были отпущены назадъ во Владимiръ также съ большимъ торжествомъ. Въ 1531 г. также для поновленiя принесли въ Москву двѣ

иконы изъ Ржевы: одна изображала преподобную Параскевию, а другая мученицу Параскевию. Стѣнную церковною живописью славился русскiй мастеръ Федоръ Едикъевъ; упоминается также иконописецъ Алексѣй Псковитинъ Малый. Замѣчательнѣйшимъ изъ строительныхъ памятниконъ Василева княженiя остался для насъ Новодѣвичiй монастырь въ Москвѣ, основанный въ благодарности за взятiе Смоленска. — Мы уже имѣли случай замѣтить, что вызовъ иностранныхъ художниковъ и медиковъ продолжался и при Василии. Въ 1534 г., по приказанiю великаго князя, слитъ былъ колоколъ въ 1,000 пудъ; лигъ его Николай Нѣмецъ; одиннадцать каменныхъ церквей были построены при Василии въ Москвѣ мастеромъ Алевизомъ Фрязинымъ, Ивановскую колокольню построилъ Бонъ Фрязинъ ³⁾. — Кромѣ упомянутыхъ при описанiи болѣзни Василевой двоихъ нѣмецкихъ лѣкарей, Николая Булева и Теофила, былъ еще третiй, родомъ Грекъ, именемъ Марко.

Но въ то время, какъ плоды европейской гражданственности принимались, хоть медленно и слабо, въ Московскомъ государствѣ, русскiе люди, двигаясь попрежнему на сѣверо-востокъ, продолжали полагать среди здѣшнихъ лѣсовъ, среди дикаго ихъ народонаселенiя, основу гражданственности — христіанство, и Герберштейнъ, который такъ часто смотритъ съ черной стороны на Московiю, не могъ однако не замѣтить, что и въ его время русскiе янки отправлялись въ разныя стороны на сѣверъ и востокъ, преодолевая на пути величайшiя трудности, терпя голодъ, подвергая опасности жизнь, — все это съ одною цѣлю распространить христіанство. Описывая Пермь, тотъ же Герберштейнъ говоритъ, что здѣсь и послѣ Стефановой проповѣди остается въ лѣсахъ еще много язычниковъ; по монахи, туда отправляющiеся, не перестаютъ отрывать ихъ отъ прежнихъ заблужденiй. Пустынникъ Феодоритъ крестилъ кольскихъ Лопарей; Трифонъ распространялъ христіанство у Лопарей, жившихъ на рѣкѣ Печенгѣ.

Въ исторiи Русской Церкви время Василевыхъ сосредоточиваютъ на себѣ наше вниманiе два знаменитыхъ лица: одно уже извѣстное намъ — Иосифъ Волоколамскiй, другое — Максимъ Грекъ. Восшествiе на престолъ Василя обезпечивало для Иосифа торжество надъ ересью и общало постоянное покровительство верховной власти. Мы уже видѣли, что Иосифъ былъ еще болѣе мужъ дѣла, чѣмъ слова, былъ достойный пресмыкъ тѣхъ знаменитыхъ подвижниковъ, которые собственнымъ примѣромъ поддерживали христіанскую дѣятельность въ областяхъ Московскаго государства. Нуждался ли крестьянинъ въ сѣменахъ для посѣва, терялъ домашнiй скотъ, земледѣльческiя орудiя, — приходилъ къ Иосифу, и тотъ снабжалъ его всѣмъ нужнымъ. Во время голода въ Волоколамской области, поселиле

¹⁾ С. г. г. и. д. V, № 65. Акты арх. экси. I, № 156.

²⁾ Собр. древ. грам. город. Вильны и проч. № 61.

³⁾ Икон. VI, 215, 244, 258, П. С. Р. Л. VI, 254, 53. Лѣтоп. библ. архива Мин. Ин. Д. № 20; Времен. Москв. Истор. Общ. № 8, стр. 50.

стекались въ монастырь къ Іосифу, который кормил около семисотъ челоувѣкъ, кромѣ дѣтей, построилъ подлѣ монастыря страннопріимницу съ церковію, велѣлъ здѣсь покоить больныхъ, кормить бѣдныхъ, поставилъ особаго строителя. Когда истощились собственные средства монастыря, Іосифъ дѣлалъ займы и кормилъ бѣдныхъ; увѣщевалъ и Дмитровскаго князя Юрія Ивановича позаботиться о людяхъ, страдавшихъ отъ голода: „Бога ради и Пречистой Богородицы, пожалуй, государь, попечись о православномъ христіанствѣ, о своемъ отечествѣ, подобно древнимъ православнымъ царямъ и князьямъ, которые заботились о своихъ подданныхъ во время голода; который государь имѣлъ у себя много хлѣба,—раздавалъ его немущимъ, или приказывалъ продавать недорого, устанавливалъ цѣну, поговоривши съ боярами, какъ надобно; полагалъ запретъ страшный на ослушниковъ, какъ и теперь сдѣлалъ братъ твой, великій князь Василій Ивановичъ всея Руси. Если ты распорядишься такъ въ своемъ государствѣ, то оживишь нищихъ людей, потому что уже многие теперь люди мрутъ съ голоду, а кромѣ тебя никому этой бѣдѣ пособить; никто другой не можетъ ничего сдѣлать, если ты не позаботишься и не установишь цѣны своимъ государскимъ повелѣніемъ“⁷⁾).

Но одною этою дѣятельностію не могъ ограничиться Іосифъ; и въ княженіе Василя онъ долженъ былъ вести сильную борьбу съ своими врагами. Мы видѣли, что при Іоаннѣ III-мъ, во время борьбы съ ересью жидовствующихъ, Іосифъ, провозглашая необходимость строгихъ мѣръ противъ еретиковъ, навлекъ на себя ненависть многихъ и сильныхъ людей. Вопросъ объ этихъ мѣрахъ продолжался и при Василя: противники ихъ, въ члѣ которыхъ находился иннокъ Вассіанъ Косой, т. е. князь Василій Патрикѣевъ, начали опять настаивать, что кающихся еретиковъ должно вышустить изъ заточенія; Іосифъ твердо стоялъ при прежнемъ своемъ мнѣніи, и, выставляя примѣры строгости къ виновнымъ изъ Ветхаго и Новаго Заветъа, писалъ великому князю: „Молимъ тебя, государь, чтобы ты своимъ царскимъ судомъ искоренилъ тотъ злой плевець еретическій вконецъ“. Старцы Кириллова и всѣхъ вологодскихъ монастырей написали колкое опроверженіе этому мнѣнію, и церковные историки догадываются, что опроверженіе написано Вассіаномъ. Великій князь принялъ мнѣніе Іосифа; однако враги послѣдняго не были низложены окончательно; Вассіанъ перѣхалъ въ Москву, приближился опять ко двору, и дѣйствовалъ иногда съ успѣхомъ противъ Іосифа⁸⁾.

⁷⁾ Дополн. къ акт. истор. I, № 216; Твор. Св. отцовъ, годъ V, кн. 2.

⁸⁾ Древн. Росс. Вивліюника, ч. XVI, стр. 423; Творенія Св. отцовъ, годъ IX, кн. 3-я; «Да въ тѣхъ времена старцы: Звенигородской князь Деонисей, да Нилъ Полевъ, Іосифовы постриженники жили въ пустыняхъ на Вѣль-озерѣ, близко Кириллова монастыря. И старецъ князь Деонисей Звенигородскій приде къ пустынику и узрѣ у него крестъ подъ постелею, и прилучися въ та времена

Вассіанъ, по свидѣтельству одного изъ современниковъ, враждовалъ много на Іосифа и хотѣлъ разорить монастырь его. Вассіанъ хотѣлъ этого влѣдствие старинной борьбы, влѣдствие противоположности убѣжденій; по другимъ побужденіямъ хотѣлъ разорить Іосифовъ монастырь удѣльный князь Ѳеодоръ Борисовичъ Волоколамскій. Но пустьъ самъ Іосифъ расскажетъ намъ о притѣсненіяхъ, которыя монастырь его терпѣлъ отъ удѣльнаго князя: „Князь Ѳеодоръ Борисовичъ во все вступается: что Богъ пошлетъ намъ, въ томъ воли не даетъ; иное даромъ просить, другое въ полцѣны беретъ; если его не послушаемъ, то хочеть кнудомъ бить чернецовъ, а на меня бранится. И мы боялись его, давали ему все, что благочестивые люди дарили монастырю—коней, доспѣхъ, платье; но онъ захотѣлъ еще денегъ, и началъ присылать за ними: мы ему послали шестьдесятъ рублей: прислать просить еще—послали еще сорокъ рублей, и эти деньги уже десять лѣтъ за нимъ; мы вздумали-было послать попросить ихъ назадъ, а онъ нашего посланица, монаха Герасима Чернаго, хотѣлъ кнудомъ высѣчь, да денегъ не отдалъ. Все, что ни пришло къ милостыню или на поминъ по усопшимъ, все хочеть, чтобы у него было; прислалъ князь Семень Вѣльскій полтора ста копѣ грошей на поминъ родителей, и князь Ѳеодоръ сейчасъ же прислалъ къ намъ просить этихъ грошей: купили мы на полтора ста рублей жемчугу на ризы и на эпитрахиль,—и князь Ѳеодоръ прислалъ жемчугу просить. Къ чернецамъ нашимъ подсылалъ говорить: „Которые изъ нихъ хотять идти отъ Іосифа въ мою отчину, тѣхъ берусь покоить: а которые не хотять и заодно съ Іосифомъ, отъ тѣхъ оборонюсь. Голову Павла если не избью кнудомъ, то не буду я сынъ князя Бориса Васильевича“. И вотъ нѣкоторые чернецы побѣждали изъ монастыря. Увидавши, что князь Ѳеодоръ

съ нимъ священникъ мірской. И паки, въ иное время, приде къ нему пустынику, а тотъ священникъ съ нимъ же: аже тотъ пустыникъ держитъ у себя въ рукахъ книгу, а келья у него тоится. И какъ взглянулъ старца Деонисія, и тотъ пустыникъ книгу вынулъ въ пещь и книга сгорѣла. И ту великую ересь видѣлъ старецъ Деонисій да и священникъ. И къ Іосифу старецъ Деонисій прислалъ старца Серапіона Крестеника съ грамотою, а въ ней написано, что у пустыниковъ видѣлъ ересь. Іосифъ прочелъ грамоту, да послалъ ту грамоту къ Ростовскому Архіепископу Васьяну, пожежь въ его архіепископѣ. А въ та времена Васьянъ Архіепископъ на Москвѣ былъ. И Васьянъ Архіепископъ ту грамоту подалъ великому князю. И князь великій ту грамоту показалъ старцу князю Васьяну Іосифу и рекъ ему: добро ли чинять твои пустыники? И Васьянъ рекъ великому князю: та ден, государь грамота писана лукавствомъ, а вся солгана. Вопросы де, государь, пона, и князь великій велѣлъ поставити пона, да спросилъ пона. И понь скавалъ, такъ, какъ въ грамотѣ писано. И старецъ Васьянъ князь пона просилъ на пытку, и пона пытали, и ногу изломали, и понь узерь, а не створилъ. И князь великій ополчелся на старца на князя Деонисія, да и на старца Нила, глаголюще: сами де межъ себя бранятца, и мѣръ грѣха доставляи. Да велѣлъ князь великій старца Деонисія да съ нимъ Нила старца взяти въ Кирилловъ монастырь и пустыни ихъ велѣлъ сжечь».

рѣшился зазорить и монастырь, а хотѣлъ-было уже бѣжать изъ него, и объявилъ объ этомъ братиѣ; но братія стала мнѣ говорить: „Богъ взыщетъ на твоей душѣ, если церковь Пречистая и монастырь будутъ пусты, потому что монастырь Пречистая устроила, а не князь Федоръ; мы отдали все имѣніе свое Пречистой да тебѣ, въ надеждѣ, что будешь насъ покоить до смерти, а по смерти поминать; сколько было у насъ силы, и мы ее истощили въ монастырскихъ работахъ; а теперь, какъ нѣтъ больше ни имѣнія, ни силъ, ты насъ хочешь покинуть! Тебѣ извѣстно, что намъ у князя Федора жить нельзя, онъ и при тебѣ насъ хочетъ грабить и кнутомъ бить; знаешь самъ хорошо, какъ князь Федоръ на Возничиѣ, въ Селижаровѣ и въ Левкиевѣ монастырѣ не оставилъ ничего денегъ въ казѣ, и у насъ ничего же не оставить; но въ тѣхъ монастыряхъ чернецы, постригаясь, оставляютъ имѣніе при себѣ и тѣмъ живутъ; а мы, постригшись, отдали все Пречистой, да тебѣ“. Я побоялся осужденія отъ Бога и не посмѣлъ покинуть монастырь, предать его на расхищеніе. Мы били челомъ самымъ сильнымъ у князя людямъ, чтобы просили его жаловать насъ, а не грабить; но они отвѣчали: „Волею государя въ своихъ монастыряхъ, — хочеть — жалуетъ, хочеть — грабитъ“. Тогда я билъ челомъ государю православному самодержцу великому князю всея Русь, чтобы пожаловалъ, монастырь Пречистая избавилъ отъ наслѣдствъ князя Федора; а не пожалуетъ государь, то всѣмъ пойти разю, и монастырю запустѣть. Государь князь великій не просто дѣло сдѣлалъ, думалъ съ князьями и боярами, и поговоря съ преосвященнымъ Симономъ митрополитомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, по благословенію и по совѣту всѣхъ ихъ, монастырь и меня грѣшнаго съ братією взявъ въ великое свое государство, и не велѣлъ князю Федору ни во что вступаться. Послѣ этого жили мы въ покоѣ и въ тишинѣ два года“. — По прошествіи этихъ двухъ лѣтъ гроза поднялась снова, потому что князь Федоръ не хотѣлъ отказаться отъ надежды получить въ свои руки опять Иосифовъ монастырь; съ тремя приближенными къ себѣ людьми онъ придумалъ, что нѣтъ для этого другого средства, какъ дѣйствовать чрезъ архіепископа Новгородскаго, къ епархіи котораго, по старинному политическому раздѣленію, принадлежала Волоколамская область; и вотъ, по внушеніямъ князя Федора, Новгородскій владыка Серапіонъ послалъ на Иосифа отлучительную отъ священства грамоту въ самый Великій постъ. Постунокъ этотъ произвелъ сильное волненіе; при дворѣ Волоцкаго князя торжествовали, начали говорить: „Достали мы Иосифовъ и монастырь: владыка нашъ замель не однимъ Иосифомъ, замель и Московю“. Но въ Москвѣ слышши показати, что се трудно заместитъ удѣломъ: Серапіонъ Новгородскій былъ звыванъ въ Москву, лишенъ епархіи и сосланъ въ Троицкій монастырь за то, что, безъ обыски съ великимъ княземъ и митрополитомъ, отлучилъ Иосифа, который перешелъ отъ Волоцкаго

князя по согласію великаго князя и митрополита ¹⁾. Дѣло это произвело сильное впечатлѣніе, стало предметомъ толковъ; у Иосифа было много враговъ, и ему дали знать, что на Москвѣ многіе люди говорятъ: лучше было бы Иосифу оставить монастырь и пойти прочь, чѣмъ бить челомъ великому князю; вслѣдствіе этого Иосифъ счелъ за нужное написать длинное оправдательное посланіе съ подробнымъ изложеніемъ всего дѣла; ученикъ его, Нилъ Полевъ, также писалъ въ защиту учителя ²⁾.

Иосифъ умеръ въ 1515 году; Вассіанъ Косой пережилъ его и продолжалъ борьбу съ его предшителями. Къ этой старинной борьбѣ, ведущей начало изъ временъ Іоанна III, присоединяется при Василіи дѣло знаменитаго Максима Грека. Въ годъ смерти Иосифа, великій князь Василій отправилъ Василія Коныла на Аонскую гору съ грамотою къ

¹⁾ Древн. Росс. Вѣд. поѣ. XIV, 190. П. С. Р. Л. VI, 249. Иосифъ говоритъ: «На меня покушлъ князь Федоръ съ своимъ архимандритомъ (Алексѣемъ Пильевымъ) Кривоборскаго, а Кривоборскій Архіепископа Серапіона улоаскалъ и обмыслулъ... Послалъ дву чернецовъ съ грамотами къ Кривоборскому, будто соли да рыбы купити, а въ грамотахъ писалъ, только Архіепископъ Серапіонъ учинитъ такъ, о чемъ ему бить челомъ князь, и онъ будетъ второй Златоустъ, а Кривоборскій только на то паветъ Архіепископа, и князь съ нимъ хочеть живото дѣлится. И Арх. Серапіонъ на то узвинулся тцеславіемъ, захотѣлъ себя явити всему міру, что онъ праведнѣе ризушнѣ всѣхъ челоуѣкъ, да грамоту прислалъ такую ко мнѣ, что де еси отдалъ монастырь свой въ великое государство, ибо де еси отступилъ отъ небеснаго а пришелъ къ земному, и ты разсуди себѣ Серапіонову мудрость: учинилъ Волокъ небомъ, а Московю землею, а князь Федора Волоцкаго небеснымъ, а великаго князя Московскаго земнымъ, а отъ божественнаго писанія, начеть отъ священныхъ правилъ не написалъ ни одного слова... И князь великій почилъ ему говорити (Серапіону): еси нарекъ князя Федора небеснымъ, а меня земнымъ, ино я вчюной ты и есть, то намъ скажи, почему ты князя Федора называлъ небеснымъ. И Архiep. почалъ сваритися съ всѣми, и съ государемъ, и съ старѣйшими святителемъ, и съ всѣми святителеи, то де вѣдано азъ, почему азъ не благословилъ, а вамъ до того которо дѣло, волею азъ въ своемъ черниѣ, а князь Федоръ волею въ своемъ монастырѣ, хочеть грабить, хочеть жалуетъ».

²⁾ Твор. Св. Отцовъ, годъ IX, кн. 3; Древн. Росс. Вѣд. поѣ. XIV, 177. Уже послѣ смерти Иосифа писано Вассіаномъ оправданіе въ обвиненіяхъ, которыя Иосифъ взвелъ на него и на учителя его, Нила Сорскаго. Между прочимъ Вассіанъ пишетъ: «Вѣси самъ Иосифе, въ св. правилахъ, что вдовцамъ чистымъ повелѣваютъ служить, а ты, презрѣвъ св. правила, по страсти, челоуѣкоугодія ради отговорилъ всѣмъ вдовцамъ не служить. А о селлахъ не подобаетъ монастыремъ ихъ держати, у соборныхъ церквей у мѣскихъ повелѣваютъ св. правила зехли держати, но въ епископу имъ владѣти, ни попомъ, но все церковное богатство выдати иконому, и давать отъ него со епископа докладъ причетникомъ церковнымъ всѣмъ, а ни какъ не подобаетъ богатствовати и взмелъ держати, понеже отрелкися сево всего... Сие Иосифе лжеши на мя и на моего старца Нила, что мы хулимъ чудотворцевъ и древнихъ и новыхъ, а чудеть вѣтъ ихъ святыхъ писавій ничего старецъ Нилъ не выкинулъ, иначе исправилъ, со днхныхъ справилъ спискувъ... Вассіанъ утверждаетъ, что не подобаетъ церквей и иконъ украшать златомъ и серебромъ. Наконецъ Вассіанъ упрекаетъ Иосифа: «Ниже у насъ еси потребовалъ пршениа, ниже самъ еси насъ прстять отхода на цуть вчюный». Рукоп. Синод. библиот. № 738.

проту и всѣмъ игуменамъ и монахамъ 18-ти монастырей Святогорскихъ, съ просьбою прислать на время въ Москву изъ Ватопедскаго монастыря старца Савву, переводчика книжнаго. Игумень этого монастыря отвѣчалъ, что Савва не можетъ отпривиться по старости и болѣзни въ ногахъ; но что вмѣсто него Ватопедъ посылаетъ другога инока, Максима, искуснаго и годнаго къ толкованію и переводу всякихъ книгъ церковныхъ и такъ называемыхъ Влиинскихъ ¹⁾. Максимъ, албанскій Грекъ изъ города Арты, прежде постриженія своего на Ватопедѣ, путешествовалъ по Европѣ, учился въ Парижѣ, Флоренціи, Венеціи. Въ такія-то руки досталось богатое собраніе греческихъ рукописей, хранившееся въ московской великокняжеской библиотекѣ и оставившееся безъ употребленія по недостатку свѣдущихъ людей. Къ сожалѣнію, Максимъ, зная основательно языки—греческій и латинскій, не могъ въ той же степени владѣть славяно-русскимъ, которымъ началъ заниматься уже по отпращиваніи своемъ въ Москву; несмотря на то, однако онъ успѣлъ оказать важныя услуги русскому просвѣщенію въ XVI вѣкѣ. Прежде всего онъ занялся переводомъ толкованія на Псалтирь; онъ перевелъ его съ греческаго на латинскій языкъ, а уже съ латинскаго на славянскій переводили двое русскихъ толмачей. Послѣ этого перевода, Максиму поручено было исправленіе богослужебныхъ книгъ, наполненныхъ грубыми ошибками переписчиковъ; потомъ онъ перевелъ толкованія Златоуста на Евангеліе Св. Матѣя и Іоанна, толкованія на книгу Дѣяній Апостольскихъ; послѣдствіи онъ перевелъ Псалтирь съ греческаго на русскій языкъ. Но этимъ не ограничивались труды Максима: мы видѣли, какъ въ предшествовавшее время умножились сочиненія апокрифическія, жадно принимаемыя людьми, хотящими получить подробнѣйшія извѣстія о предметахъ первой важности, предметахъ религіозныхъ, но не имѣющихъ средствъ отличать истинное отъ ложнаго, вѣрующихъ всему, что написано. Отсюда Максимъ долженъ былъ вооружиться противъ апокрифическихъ сочиненій и противъ разныхъ суевѣрій, распространившихся изъ книгъ и устно, при отсутствіи просвѣщенія; такъ, онъ писалъ: опроверженіе Папіева повѣствованія объ Іудѣ предателѣ; сказанія глаголющія, яко во всю свѣтлую недѣлю солнце не заходя стояло; опроверженіе Афродитановой повѣсти о Рождествѣ Христовомъ. Здѣсь, въ началѣ разбора, Максимъ выставляетъ три правила для повѣрки книгъ: 1) написана ли книга писателемъ благовѣрнымъ и извѣстнымъ въ Церкви; 2) согласна ли она съ богодухновеннымъ писаніемъ; 3) согласна ли во всемъ сама съ собою.—Максимъ написалъ также слово „На безумную прелесть и богомерзкую мудрствующую, яко погребенія для утопленнаго и убитаго бывають плодотворители и стужа земныхъ прозябе-

ній“; наконецъ Максимъ долженъ былъ болѣе всего вооружиться противъ распространившейся въ его время страсти къ астрологін, противъ вѣры въ судьбу—или колесо фортуны. Максимъ утверждаетъ, что все устроивается промысломъ Божіимъ, а не звѣздами, не звѣздодвижнымъ колесомъ счастья. О степени просвѣщенія современниковъ Максима лучше всего свидѣтельствуетъ сочиненіе послѣдняго о смыслѣ словъ, обыкновенно помѣщаемыхъ на иконахъ Богородицы; онъ долженъ былъ толковать, что эти греческія слова значатъ: Матерь Божія, а не Марфа, не Мирюу, „якоже иѣщцы всуе нещуютъ“.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что ученій греческій инокъ долженъ былъ сойтись съ инокомъ русскимъ, который славился также своимъ относительно просвѣщеніемъ, съ знаменитымъ княземъ Патрикеевымъ, Вассіаномъ Косымъ. Іоаннъ III обвинялъ Патрикеева въ высокоуміи: дѣйствительно, онъ позволялъ себѣ смѣлые отзывы о явленіяхъ, которыя ему не нравились; обвиняя современное ему общество въ нечужествѣ, онъ осмѣливался не признавать правильными его приговоры относительно нравственнаго достоинства извѣстныхъ лицъ, не хотѣлъ признавать высокаго нравственнаго и религіознаго значенія въ чловѣкѣ, если онъ, по его мнѣнію, былъ необразованъ и низкаго происхожденія ²⁾. Таковъ былъ опасный союзникъ Максима! Вассіанъ и Максимъ сошлись во мнѣніи о важномъ вопросѣ, раздѣлявшемъ русское духовенство, въ вопросѣ — прилично ли владѣть монастырями селами. Будучи ученикомъ Нила Сорскаго, Вассіанъ настаивалъ на отрицательное рѣшеніе этого вопроса. До насъ дошло сочиненіе, по всѣмъ вѣроятностямъ принадлежащее Вассіану; здѣсь говорится: „Гдѣ въ евангельскихъ, апостольскихъ и отеческихъ преданіяхъ велѣно инокамъ села многонародные приобрѣтать и порабощать крестьянъ братіи, съ нихъ неправедно серебро и золото собирать. Вшедши въ монастырь, не перестаемъ чужое себѣ присвоивать всяческимъ образомъ, села, имѣнія, то съ безстыднымъ ласкательствомъ выпрашиваемъ у вельможъ, то покупаемъ. Вмѣсто того, чтобы безмолвствовать и рукодѣліемъ питаться, безпрестанно развѣзжаемъ по городамъ; смотримъ въ руки богачей, ласкаемъ, раболѣпно угождаемъ имъ, чтобы выманить или деревнишку, или серебришко. Господь повелѣваетъ раздавать милостыню нищимъ, а мы братьевъ нашихъ убогихъ, живущихъ въ селахъ нашихъ, различнымъ образомъ оскорбляемъ, если не могутъ заплатить,—коровку и лошадку отнимаемъ, самихъ же съ женами и дѣтьми, какъ оксверненныхъ, далеко отъ своихъ предѣловъ отгоняемъ, нѣкоторыхъ же, свѣтской власти предавши, доводимъ до конечнаго истребленія, обижаемъ, грабимъ, продаемъ христіанъ, нашу братью, бичемъ ихъ истязуемъ безъ

¹⁾ Акты историч. I, № 122; Времен. Москов. Истор. Общ. № 5; Твор. Св. Отцовъ, годъ VI, кн. I, Рукописн. сочин. Максим. разлчч. библиот.

²⁾ Препіе Дашпа со старцемъ Васильномъ 1531 года: Чтенія Моск. Истор. Общ. 1847 г. № 9.

милости, какъ звѣрей дикихъ. Считающіе себя чудотворцами повелѣваютъ нещадно мучить крестьянъ, не отдающихъ монастырскихъ долговъ, — только не внутри монастыря, а передъ воротами: думаютъ, что видъ монастыря не грѣхъ казнить христіанина!... Не развращаю я христіолюбивыхъ князей словомъ Божіимъ, но преступники заповѣдей Божіихъ, послѣдующіе человѣческимъ предаваніямъ и языческимъ обычаямъ, — тѣ соблазняютъ и смущаютъ людей Божіихъ. Вы говорите, что я одинъ заступаю за еретиковъ незаконно; но если бы былъ у васъ здоровый разумъ и судъ праведный, то разумѣли бы, что не еретическую злобу защищаю, но о Спасителевой заповѣди и правильномъ ученіи побораю, ибо утверждаю, что надобно наказывать еретиковъ, но не казнить смертію. Скажите намъ, котораго изъ древнихъ еретиковъ или мечемъ убили, или огнемъ сожгли, или въ глубинѣ утопили? — не всѣхъ ли Святые отцы соборомъ анаемѣ предавали, а благочестивые цари заточали?»

Максимъ также настаивалъ на незаконность владѣнія монастырямъ селами въ сочиненіяхъ своихъ: „Повѣсть страшна и достопамятна“, гдѣ приводилъ въ примѣръ убожество иноковъ картузіанскихъ, и въ „Всѣхъ актовъ актимона (нестяжательнаго) съ филокитиномъ (любезнѣательнымъ)“.

Вассіанъ и Максимъ не могли дать торжества своему мнѣнію: сопротивленіе разводу великаго князя лишило ихъ его благосклонности, послѣ чего они были обвинены въ церковныхъ преступленіяхъ. Въ переводахъ Максимовыхъ нашли неправильныя выраженія — и осудили переводчика; сперва заточили его въ Іосифовъ волоколамскій монастырь, гдѣ онъ терпѣлъ большую нужду, потомъ въ тверской Отрочъ, гдѣ онъ имѣлъ возможность читать и писать. Однимъ изъ обвиненій на Максима было то, что онъ укорялъ русскіе монастыри за владѣніе селами; другимъ, — что укорялъ московскихъ митрополитовъ, зачѣмъ они поставляются безъ благословенія патріарха Константинопольскаго. Въ судѣ надъ Вассіаномъ первый укоръ составлялъ главное содержаніе обвиненія. Максимъ три раза повергался предъ судившимъ его соборомъ, умоляя о помилованіи ради милости Божіей, ради немощей человѣческихъ, со слезами просилъ простить ему ошибки, вкравшіяся въ его книги. Иначе велъ себя на соборѣ Вассіанъ, который не призналъ ошибочнымъ ни одного изъ своихъ мнѣній; его также заточили въ Іосифовъ волоколамскій монастырь¹⁾.

¹⁾ Творенія Св. Отцовъ, годъ IX, кн. 3. Въ посланіи къ митропол. Давиду Максимъ говоритъ: «Аки хулиаки и св. писаній тлителя осудите мя, ибѣихъ ради малыхъ описей, обрѣтенихъ въ бывшѣмъ отъ меня предѣ, о нихъ же тогда отвѣщавъ вашему священному собору, яко ниже по среви, ниже по лукавству ибѣвому сицево что дерзнуто бысть мною — Богъ свидѣтель, но по ибѣкому всяко случаю, или по забвѣнію, или по скорби, или ибѣто излишнему виноцитію погрязнувшима, написашася тогда тако. Не тою же просто отвѣщихъ тогда, но еще и вѣцъ падъ трижды прощеніе просихъ». — Давидъ сказалъ ему на соборѣ: «Достигнута тебе окаяние

Такимъ образомъ, мнѣніе Іосифа Волоцкаго продолжало торжествовать: монастыри продолжали владѣть землями и отдавать ихъ въ помѣстья и въ оброчное содержаніе разнымъ лицамъ. — Касательно содержанія монастырей любопытна грамота великаго князя Василія женскому Успенскому владимірскому монастырю: игуменья, старицы, пять священниковъ и два діакона били челомъ, что у нихъ во владѣніи волость да село, но доходу съ нихъ мало, прожить нечѣмъ; такъ великій князь купилъ бы у нихъ эту волость и село, а деньги велѣлъ отдать въ ростъ (деньги велѣти имъ водити въ людехъ въ ростѣхъ). Великій князь купилъ волость и село за 2,142 рубля; эти деньги велѣлъ своимъ дьякамъ давать въ ростъ по гривнѣ съ рубля, и ростовыя деньги отдавать въ монастырь: игуменѣ 10 рублей денегъ, 50 четвертей ржи, 50 четвертей овса, 10 пудовъ соли; каждой старицѣ — по полтора рубля денегъ, по 12 четвертей ржи, по 12 четвертей овса, по три пуда соли; священнику — по 10 рублей денегъ, по 30 четвертей ржи, по столько же четвертей овса и по 10 пудовъ соли, дьякону — по 6 рублей, по 20 четвертей ржи, по столько же овса и по 6 пудовъ соли. Относительно быта монастырей во времена Василія замѣчательна уставная грамота Новгородскаго архіепископа Макарія Духовскому монастырю: владыка предписываетъ держать въ монастырѣ священника и діакона черныхъ, да десять братьевъ; кромѣ обычныхъ службъ, въ воскресенье, понедѣльникъ, среду, пятницу и въ праздничные дни пѣть молебны о здравіи и спасеніи великаго князя и великой княгини, чтобы имъ Господь Богъ послалъ дѣтей, также объ устроеніи земскомъ и о всемъ православномъ христіанствѣ; братія быть всею у молебновъ. По понедѣльникамъ, середамъ и пятницамъ послѣ вечерни пѣть панихиды за усопшихъ. Въ келіи игуменъ у себя не ѣсть и гостей не кормить и не пируеть съ ними: кормить ему и потчивать гостей въ трапезѣ или въ келарской; игуменъ снабжаетъ братію одеждою, обувью и всякими келійными вещами, по преданіямъ общежительнымъ; держать келаря, казначея, да братьевъ трехъ или четырехъ соборныхъ и съ ними всякій чинъ исполняетъ, о прочихъ бра-

грѣхъ твоихъ. — Къ вопросу о поставленіи отъ царградскаго патріарха относится слѣдующія сочиненія Максима: 1) Къ отрицающимся на поставленіи и клеветникамъ своимъ рукоиспанѣхъ русскому митрополиту и всему священному собору еже не примати поставленія на митрополи и на владычество отъ Римскаго папы Латинскіи вѣры и отъ Царградскаго патріарха аки во области безбожныхъ Турокъ поганяго царя и поставленнаго отъ нихъ не примати. 2) Сказаніе о томъ, яко не оскверняются святая николиже, аще и много лѣтъ обладаемы суть градове отъ поганыхъ. — Къ вопросу о разводѣ Василія не можетъ относиться Слово къ хотящимъ оставити жены своя безъ вины законныя, ибо прибавлено: «И вѣтъ въ ичѣское житіе». Сочинитель говоритъ, что и въ міру человекъ можетъ быть инокомъ, если отрѣшится отъ всякаго злобы. Прибавл. къ опис. Слав. рукоп. Синод. библ. стр. 140.

гяхъ всудумно печется, всякіе доходы и расходы вѣдаетъ, мятежниковъ церковныхъ и безчинниковъ монастырскихъ наказываетъ. Безъ игуменскаго благословенія братъ изъ монастыря не выходитъ; мірскіе люди къ старцамъ въ келіи не ходятъ; игумень держитъ у себя келейника чернеца, или двухъ, мірянина держать не можетъ: молодымъ людямъ у игумена и старцевъ не жить, слугъ держать за монастыремъ.—Епископы доносили о состояніи монастырей митрополиту и великому князю; до насъ дошло подобное донесеніе Новгородскаго владыки, замѣчательное по обращенію къ великому князю: „Благодородному и христоролюбивому и вседержавному царю и государю, великому князю, всея Руси самодержцу: зенеже, государь, отъ вышней Вожіей десницы поставленъ ты самодержцемъ и государемъ всея Руси; тебя, государя, Богъ вмѣсто себя избралъ на землѣ и на свой престолъ вознесши посадилъ, тебѣ поручилъ милость и животь всего великаго православія; то намъ слѣдуетъ, по царскому твоему остроумію и богопреданной премудрости, обращаться къ тебѣ, какъ государю и самодержцу царю“.—Архіепископу Макарію большинство новгородскихъ монастырей были обязаны введеніемъ общаго житія: до него, говоритъ лѣтописецъ, общины были только въ большихъ монастыряхъ, а въ прочихъ каждый монахъ жилъ особо въ своей кельѣ и „былъ одержимъ всякими житейскими печалями“; въ лучшихъ монастыряхъ было чернецовъ по шести или семи, а въ другихъ по два и по три. Но когда Макарій ввелъ общее житіе, то братія начала умножаться: гдѣ было прежде два или три монаха,—тамъ явилось ихъ по 12 и 15; гдѣ прежде было шесть или семь,—тамъ стало по 20, 30, 40. Только два значительныхъ монастыря въ Новгородѣ отказались учредить у себя общину, и владыка сказалъ ихъ игуменамъ: „По дѣламъ вашимъ мзду примете отъ Бога“. Важно было также распоряженіе Макарія насчетъ женскихъ монастырей: онъ вывелъ изъ нихъ игуменовъ и далъ игуменей, для благочинія. Въ княженіе Василия была перенесъ духовенства для взиманія митрополичьей дани; митрополитъ Даниилъ приговорилъ съ великимъ княземъ послать во всю митрополию дѣтей боярскихъ митрополичьихъ и велѣтъ имъ переписать у всѣхъ церквей приходы, сколько у какой церкви въ приходѣ дѣтей боярскихъ, людей ихъ и крестьянскихъ вытей; которыя церкви приходомъ скудны, у такихъ священникамъ полегчить, а которыя окажутся приходомъ обильны, у тѣхъ на священниковъ дани прибавить¹⁾.

При Василии видимъ болѣе частыя сношенія съ восточными Церквами, чѣмъ при отцѣ его: въ 1515 году великій князь далъ позволеніе 18-ти афонскимъ монастырямъ присылать въ Московское государство за милостынею. Въ 1518 году Кон-

стантинопольскій патриархъ Оеодитъ присылалъ въ Москву за милостынею; въ посланіи отъ называетъ великаго князя наввышнимъ и кротчайшимъ царемъ и великимъ краемъ всей православной Земли, Великой Руси. Потомъ присылалъ за тѣмъ же Александрійскій патриархъ Іоакимъ, изъ посланія котораго видимъ, что въ Москву приходили съ востока за милостынею не только монахи, но и монахини: приходили иноки Синайской горы касательно вспомоствованій, доставлявшихся отъ русскихъ архіереевъ бѣдствовавшимъ собратіямъ ихъ на востокѣ. Замѣчательна грамота Тверскаго епископа Нила къ Василію Андреевичу Коробову, отправлявшемуся въ Константинополь. Эта грамота содержитъ перечисленіе вещей, посылаемыхъ Ниломъ патриарху Византійскому Пахомію; изъ нея можемъ получить свѣдѣнія о нѣкоторыхъ отрасляхъ тогдашняго искусства и о средствахъ русскихъ владыкъ того времени: „Отъ Нила, владыки Тверскаго, сыну и господину Василію Андреевичу. Дать ся ружьядъ государю моему и брату Пахомью патриарху: три деисусы, одинъ большой деисусъ стоячей въ дѣсть большой бумаги, рѣзанъ рыбой зубъ, надъ нимъ 16 празничковъ рѣзаны на Синопое (?), а въ верху надъ празники пророцы рѣзанъ рыбой же зубъ; а другой деисусъ стоячей же и въ полдѣсть рѣзанъ рыбой же зубъ; а надъ нимъ рѣзаны празники рыбой же зубъ; а третій деисусъ стоячей же въ четверть рѣзанъ рыбой же зубъ; а надъ нимъ рѣзаны празники рыбой же зубъ. Да икона въ четверть на золотѣ писана мелкимъ писмомъ, шестодневникъ, да деисусъ на золотѣ, да икона бѣла мамонтова кость въ поллодони, а рѣзано 12 празничковъ; да двои ризы комчаты, у однихъ ожерелье шиты празники золотомъ да серебромъ, на преди стоить Софія въ премудрости, и назадъ въ тылу Преображеніе Спасова, а на правой сторонѣ входъ въ Іерусалимъ, да Рождество Христово, а на лѣвой сторонѣ Воскресеніе Христово, да Богоявленіе; да круживо ширина на три перста шито золотомъ, а сажено жемчугомъ мелкимъ. Да патрахели, камка синя шита золотомъ да серебромъ, да верху Снасъ, да подъ тѣмъ Пречистая, да Іоаннъ Предтеча, а подъ нимъ Михаилъ, да Гавріилъ, да 12 апостоловъ; въ трехъ мѣстахъ шиты по обѣ стороны, да святители также шиты въ трехъ мѣстахъ по обѣ стороны. Да сорокъ соболей, да 5 соболей единцовъ, да 740 горностаевъ, да рыбаъ зуба болшихъ 15, а среднихъ и меншихъ рыбаъ зуба полпятадесять; да чара серебряна, а тянетъ въ ней семь гривенокъ; да кубокъ гладкой на трехъ яблокахъ стати серебрянъ съ покрышкою а тянетъ въ немъ 600 аспиръ атманскихъ; да чарка же серебряна внутри позолочена, а писана внутри волова голова; да 5 скатертей шитыхъ, да шестая скатерть новгородская съ ручишки шита; да часы Нѣмецкіе 24 часы съ колоколомъ и съ гириами: да шуба соболя подъ чернымъ бархатомъ, да 9 шубъ бѣлыи хребтовыхъ, да 8 шубъ бѣлыи черевы, да 2 шубы бѣлыи облячны, да два сатына—одинъ

¹⁾ Акты истор. I, № 118, 292, 129; Пискарева—грамоты Рязанск. края, № 10, 12, П. С. Р. Д. VI, 284; Дополн. къ акт истор. I, № 25; Акты арх. экон. I, № 155.

чернь, а другой багровъ, да шприпокъ русскихъ, да утиральниковъ русскихъ, да 120 гребеній, да 2,000 бѣлокъ дѣланныхъ, да 440 халыковъ, да 43 ножовъ рыба зуба, пять гребней рыба зуба съ золотомъ рѣзаны, на нихъ звѣри; да 94 пожа протыхъ, да десять юфтей, да десять шапокъ лисьихъ, да три ставы калужскихъ, да три ставы тверскихъ, да 20 пугвиць серебряныхъ ¹⁾“.

Въ Западной Руси, въ 1511 году король Сигизмундъ, по просьбѣ митрополита Юсифа и князя Константина Острожскаго, подтвердилъ грамоты предковъ своихъ Витовта, Казимира и Александра, давая русскому духовенству на свободное отправление церковнаго суда, на безпрепятственное пользованіе доходами церковными. Избраніемъ епископовъ, переводомъ ихъ изъ одной епархіи въ другую распоряжался король: такъ Владимірскаго епископа Пафнутія билъ челомъ королю, чтобъ онъ назначилъ его епископомъ Луцкимъ; король исполнилъ его просьбу, тѣмъ болѣе что за Пафнутія просили князь Константины Острожскій и панъ Юрій Радзивилъ. Король же въ 1511 году рѣшилъ споръ между двумя епископами — Полоцкимъ и Владимірскимъ, кому изъ нихъ занимать высшее мѣсто. — Въ 1522 году билъ челомъ королю архимандритъ Кіевопечерскаго монастыря, клирошане, застолщики и вся братія о возстановленіи у нихъ общины, которая пала вслѣдствіе обнищанія монастыря послѣ татарскихъ нашествій; король исполнилъ ихъ просьбу. При этомъ они жаловались, что по смерти архимандритовъ воеводы кіевскіе прибираютъ монастырь къ своимъ рукамъ и держатъ до тѣхъ поръ, пока король не назначитъ новаго архимандрита, берутъ себѣ не только имущество покойнаго, но даже книги и другія церковныя вещи; король опредѣлялъ, что впередъ, по смерти архимандрита, старцы печерскіе берутъ имущество покойнаго на монастырь; потомъ, вмѣстѣ съ князьями, панами и землянами Земли Кіевской, выбираютъ архимандрита и просятъ короля о его утвержденіи, и до прихода этого утвержденія управляютъ монастыремъ старцы; за это, при каждомъ избраніи архимандрита, они даютъ королю по пятидесяти золотыхъ. Монахи были также челомъ, что кіевскіе воеводы часто пріѣзжаютъ въ монастырь, архимандритъ и старцы должны ихъ угощать и дарить, а это имъ очень убыточно; король постановилъ, что воевода можетъ пріѣзжать въ монастырь только разъ или два въ годъ, когда монахи сами его позовутъ, причѣмъ они его угощаютъ, но даровъ никакихъ не даютъ. Король освободилъ также монастыри отъ обязанности давать подводы и кормы посламъ и гонцамъ татарскимъ. Въ случаѣ войны, монастырь былъ обязанъ выставлять на службу десять человекъ конныхъ и вооруженныхъ. Дошли до насъ также королевскія грамоты о возобновленіи монастырей Межигорскаго и Златоверхаго Ми-

хайловскаго, объ установленіи въ нихъ общины; король беретъ эти монастыри въ свое вѣдѣніе, даетъ имъ право выбирать себѣ архимандритовъ. — Монастыри продолжаютъ владѣть населенными землями.

Въ 1509 году Кіевскій митрополитъ Іосифъ созвалъ въ Вильнѣ соборъ изъ епископовъ, архимандритовъ и протопоповъ; соборъ прежде всего вооружился противъ тѣхъ, которые еще при жизни епископа уже подкупаются на его епископію и берутъ ее у короля безъ совѣта и воли митрополита, епископовъ, князей и пановъ православныхъ. Положено ставить въ священники только людей достойныхъ, недостойнаго же не ставить, если даже и король будетъ этого требовать: въ послѣднемъ случаѣ всѣ епископы съ митрополитомъ идутъ къ королю и объявляютъ ему недостойнство его избранника. Положено не принимать священниковъ изъ этой епархіи въ другую безъ отпускной грамоты отъ епископа; не допускать неженатыхъ священниковъ до священнодѣйствія: если хотятъ священствовать, то пусть идутъ въ монахи; въ противномъ же случаѣ причисляются къ мірянамъ; такимъ образомъ и въ Западной Руси послѣдовали примѣру Руси Восточной. Опредѣлено, что князья и паны въ своихъ владѣніяхъ не имѣютъ правъ отнимать церкви у священника, безъ объявленія вины его епископу и безъ соборнаго суда надъ нимъ по этому обвиненію; если же князь или бояринъ отнимаетъ у священника церковь безъ вины и безъ вѣдома святительскаго, то епископъ не ставить къ церкви другого священника до тѣхъ поръ, пока nebude оказана справедливость церковю. Если князь или бояринъ въ своемъ имѣніи будетъ держать церковь безъ священника въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, то епископъ самъ посылаетъ къ ней священника. Если князь или бояринъ отниметъ что-нибудь у церкви безъ суда митрополитскаго, то будетъ отлученъ. Если священникъ, по приказанію князя или боярина, станетъ священствовать безъ епископскаго благословенія, то будетъ лишенъ сана. Если король или кто-нибудь изъ вельможъ пришлетъ къ митрополиту или епископу съ требованіемъ нарушенія хотя одной статьи, постановленной на соборѣ, то никто на это не дерзаетъ, но всѣ должны съѣхаться къ митрополиту, и вмѣстѣ бить челомъ королю и стоять непоколебимо за принятыя правила. — Исно, что постановленіями этого Виленскаго собора православное духовенство хотѣло протвѣдѣствовать вредному вліянію иновѣрныхъ властей ²⁾.

Мы видѣли, что въ Судебникѣ отца Василіева было постановлено: безъ дворскаго и безъ старосты и безъ лучшихъ людей намѣстникамъ и волостелямъ суда не судить; мы видѣли также, что это постановленіе было внесено и великимъ княземъ Василіемъ въ его уставныя грамоты; подѣ

¹⁾ С. г. г. и д. V. № 68; Акты историч. I, № 121, 123, 133; Никон. VI, 177, 203, 212, 216, 224, 333; Продолж. Древн. Вавилоу. ч. 6.

²⁾ Акты Западн. Россіи, II, № 65, 144, 68, 112, 121, 122, 126, 110; Акты историч. I, № 289.

1508 годомъ лѣтописецъ говоритъ: „Пожаловаль государь великій князь: слыша, что въ великомъ Повгородѣ намѣстники и тиуны ихъ судятъ по мздѣ, велѣлъ своему дворецкому и дворцовымъ дьякамъ выбрать изъ улицы лучшихъ людей 46 человекъ и привести ихъ къ цѣлованію; съ тѣхъ поръ поставили судитъ съ намѣстниками старосту кучецкаго, а съ тиунами опредѣлили судить цѣловальникамъ по четыре на каждый мѣсяцъ“¹⁾. Отдаленные Лопари жаловались, что ѣздить за ними приставы новгородскихъ намѣстниковъ, а за ними ѣздить лѣбедники повгородскіе, человекъ по тридцати и больше, отъ поруки берутъ рублей по 10 и больше, сроки являясь къ суду назначаютъ въ дѣловую пору. Велѣдствіе этой жалобы, великій князь велѣлъ новгородскимъ своимъ дьякамъ бечуе Лопарей отъ намѣстниковъ: намѣстники и тиуны ихъ не судятъ Лопарей, судятъ и вѣдаютъ ихъ дьяки; подьячіе, посылаемые дьяками къ нимъ за данью, назначаютъ и судный срокъ кому слѣдуетъ, этотъ срокъ—25 марта; подьячіе медовъ и вишъ къ нимъ съ собою не возятъ, сзывовъ не дѣлаютъ, и отъ поруки и за данью лишковъ не берутъ. Касательно третейскаго суда отъ описываемаго времени дошла до насъ замѣчательная запись старца Іова, уполномоченнаго Солотчинскимъ монастыремъ (въ Рязанской области), и Федора Замятинина, ведшаго съ монастыремъ споръ о сѣчѣ и лѣсѣ: „Мы, говорятъ Іовъ и Замятини въ записи, въ томъ дѣлѣ сумевъ собою зарядилъ Третьихъ, дѣтей боярскихъ—Кондырева и Кашкалдѣва; быть имъ у насъ на той спорной сѣчѣ и лѣсу, какъ мы имъ побьемъ челоуъ. Какъ станемъ мы на той спорной сѣчѣ и лѣсу съ своими старожильцами, то наши Третьи спросятъ нашихъ старожильцевъ по крестному цѣлованью, и когда старожильцы укажутъ Третьимъ между, то Третьи велѣтъ старожильцамъ бросить жребій: если вынется жребій монастырскихъ старожильцевъ, то имъ идти съ иконою, и гдѣ они будутъ указывать между, туда Замятиници идти съ своими старожильцами копать ямы и грани класть, и какъ отведутъ, то намъ и межа. Если же вынется жребій замятининскихъ старожильцевъ, то они идутъ съ иконою и указываютъ между. Третьихъ намъ обонимъ истцамъ слушать и если вмѣсто двоихъ явится одинъ Третій, то слушать и одного“. Въ одномъ изъ актовъ, относящихся къ описываемому времени, находимъ любопытный случай касательно поля, или судебного поединка; передъ великокняжескимъ нижегородскимъ писцомъ (переписчикомъ земель) тягался о землѣ Иванъ Машковъ со старцемъ Павломъ, уполномоченнымъ отъ Пенерскаго монастыря. По обычаю, обѣ стороны выставили свидѣтелей—старожильцевъ: Машковъ выставилъ троихъ дѣтей боярскихъ и троихъ великокняжескихъ крестьянъ; старецъ Павелъ выставилъ шестерыхъ монастырскихъ крестьянъ; послѣдніе потребовали

поля съ свидѣтелями Машкова, но трое дѣтей боярскихъ отвѣчали: „Мы съ ними на поле биться не лѣземъ; а поставятъ противъ насъ дѣтей боярскихъ, то мы противъ дѣтей боярскихъ на поле лѣземъ“; крестьяне же согласились биться. Несмотря на то, судья рѣшилъ дѣло въ пользу монастыря, потому что половина свидѣтелей Машкова отказались отъ поля—рѣшеніе явно несправедливое, потому что дѣти боярскія отказались биться съ крестьянами, требуя равныхъ себѣ противниковъ, дѣтей же боярскихъ. Отъ времени великаго князя Василія дошли до насъ двѣ любопытныя духовныя: одна Ивана Алферьева, въ которой завѣщатель отказываетъ имущество свое сыну и внуку поровну, съ условіемъ, что ни тотъ, ни другой не можетъ, безъ обоюднаго согласія, располагать своимъ участкомъ, ни продать, ни промѣнять, ни въ приданое, ни по душѣ отдать, ни въ аренду, ни въ наймы. Вторая духовная—Петра Молечкина, который, не имѣя дѣтей, отказываетъ свое недвижимое монастырямъ и родственникамъ; потомъ говоритъ: „Если послѣ меня родится у моей жены сынъ, то отчина моя вся сыну моему съ тѣмъ, чтобы онъ роздалъ по моей душѣ 50 рублей по церквамъ; если-жъ родится дочь, то ей дать 80 рублей изъ моего имѣнія: благословляю жену мою за ея приданое, свои-и вотчинныя землями (слѣдуетъ перечисленіе), которыя она вольна промѣнять, продать, по душѣ дать; а не пойдетъ жена моя замужъ, станеть с и дѣ т ь, то жить ей на селѣ Молечкинѣ до смерти, послѣ чего оно отходитъ къ монастырямъ—Троицкому и Іосифову волоколамскому“. По смерти завѣщателя великій князь велѣлъ сначала вотчину его взять на себя, а долги платить изъ казны; но потомъ велѣлъ отдать вотчину женѣ покойнаго съ обязательствомъ платить долги и съ правомъ продать эту вотчину и по душѣ отдать. Касательно понятій о наследствѣ приведемъ также слова великаго князя Василія Герберштейну: Василій требовалъ отъ Сигизмунда Литовскаго городовъ, которые принадлежали великой княгинѣ Еленѣ; Герберштейнъ возражалъ, что Московскій государь не имѣетъ никакого права на эти города: тогда Василій велѣлъ сказать ему: „Часомъ, что и брагу нашему Максимилиану и инымъ государемъ вѣдомо, что во многихъ государствахъ тотъ обычай не токмо въ великихъ государствѣхъ и въ молодыхъ людѣхъ и въ правлѣхъ святыхъ отецъ писано идетъ по наследствію, будеть у котораго отродь, ино тотъ возьметъ вотчину и казну, а не будеть у котораго отроду, ино взяти ближнему вѣроду“²⁾. Это совершенно согласно съ положеніемъ Судебника Іоанна III: „А который человекъ умретъ безъ духовные грамоты, и не будеть у него сына, ино статокъ весь и земля дочери, а не будеть у него дочери, ино взяти ближнему отъ его рода“. Но въ завѣщаніи Молечкина мы видѣли, какъ пере-

¹⁾ Акты юридич., стр. 447, 448; Пискарева — грамоты Рязан. края, № 14, Опис. государств. арх. — Иванова, стр. 218.

¹⁾ Карамз. VII т., прим. 362; С. г. р. и д. I, № 158.

силивали еще старинныя попятія, что дочь не наследница, а имѣть право только на приданое для выхода замужъ, и Молечкинъ даетъ единственной дочери только 80 рублей. Это всего лучше объясняетъ намъ статью Русской Правды о ненаслѣдованіи дочерей послѣ смерти.

Въ 1522 году на виленскомъ сеймѣ король Сигизмундъ объявилъ, что такъ какъ до сихъ поръ въ Литвѣ нѣтъ никакихъ письменныхъ статутовъ и судъ производится по обычаямъ и по произволу судей, отъ чего проистекаютъ частыя жалобы, то онъ, король, вознамѣрился издашемъ общаго для всѣхъ статута прекратить этотъ беспорядокъ. Статутъ былъ написанъ на русскомъ языкѣ, утвержденъ въ 1529 году и началъ дѣйствовать съ 1-го января 1530 года ¹⁾. Онъ состоитъ изъ тринадцати отдѣловъ: въ первомъ отдѣлѣ (о персонѣ господарской) повторяется давнее постановленіе, что никто не наказывается по заочному обвиненію, и несправедливый обвинитель терпитъ то же самое наказаніе, какое готовилъ обвиняемому. Еще въ 1509 году король приговорилъ съ панамп-радами: если отецъ измѣнитъ, то имущество его идетъ на государя; захочетъ ли государь что дать дѣтямъ измѣнника или не захочетъ — это зависитъ отъ его милости. Если будетъ нѣсколько братьевъ не раздѣлившихся и одинъ изъ нихъ измѣнитъ, то теряетъ долю, которая ему приходилась, въ остальномъ же имѣніи волею государя, захочетъ ли оставить его во владѣніи другихъ братьевъ, или нѣтъ; если же братья были раздѣлены, то измѣнникъ теряетъ свою долю, другіе же братья удерживаютъ свои. Въ статутѣ говорится, что имущество измѣнника, родовое, выеуженное и купленное — все идетъ на короля, а не отдается ни дѣтямъ, ни ближнимъ; если отецъ уйдетъ въ землю неприятельскую, оставивъ на родинѣ дѣтей неотдѣленныхъ, то имѣніе идетъ на короля; отдѣленные же дѣти или братья измѣнника удерживаютъ свое имущество, если будетъ доказано, что они не участвовали въ измѣнѣ. Составители ложныхъ бумагъ и печатей королевскихъ сожигаются огнемъ. За насиліе уряднику королевскому, при отправленіи его должности причиненное, смертная казнь. Повторяется прежнее постановленіе, что родственники и слуги преступника не терять никакого наказанія. Всѣ подданные королевскіе, безъ различія состояній и богатства, судятся однимъ судомъ. Король, находясь въ Польнѣ, не раздаетъ литовскихъ имѣній и не подтверждаетъ прежнихъ пожалованій; раздача эта и подтвержденіе происходятъ тогда только, когда король находится въ Литвѣ вмѣстѣ съ панамп-радами, на общемъ сеймѣ. Въ искахъ по имуществамъ полагается десятилѣтняя давность. — Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ постановленія о земской оборонѣ; третій — о шляхетскихъ правахъ; четвертый — о семейныхъ отношеніяхъ. Касательно имущества женъ и ихъ состоянія по смерти мужей

развиваются древнія положенія, которыя мы видимъ въ общихъ половинкахъ Руси, или ограничиваются вслѣдствіе требованій государственнаго интереса. Если мужъ захочетъ женѣ своей записать вѣно, то долженъ оцѣнить все свое имущество, и записать вѣно въ третью часть цѣны, за приданое, принесенное женою (противно внесена); сравнимъ слова нашего Молечкина, который въ своей духовной благословляетъ жену вотчинами своими за ея приданое. Когда послѣ этого мужъ умретъ, оставить дѣтей, а жена пойдетъ за другого мужа, то дѣти могутъ выкупить у нея записанное отцомъ ихъ вѣно, заплативши ей ту сумму денегъ, въ какую оно было оцѣнено; если же дѣти не захотятъ выкупать вѣна, будутъ дожидаться смерти матери своей, то наследуютъ послѣ нея это вѣно, но обязаны, по ея смерти, отдать приданья ея деньги тому, кому она въ духовной ихъ откажетъ, вѣно же свое она не можетъ никому отказать; если дѣтей не будетъ, то родственники мужа поступаютъ точно такъ же. Мужъ волею отказать женѣ всю свою движимость (рухомыя речи), золото, серебро и проч., кромѣ оружія; изъ стада, рабовъ и скота можетъ отказать только третью часть, потому что это не считается движимымъ, но состоящимъ при имѣніи. Кто, выдавая дочь замужъ, хочетъ дать за нею деньги, тотъ прежде всего пусть посмотритъ, третья часть зятинна имѣнія стоитъ ли точно денегъ, которыя онъ даетъ за дочь; если не стоитъ, то пусть отецъ на эти деньги купитъ имѣніе и дастъ его дочери. Жена, получившая отъ мужа вѣно, по смерти его не вступившая въ другой бракъ, имѣющая взрослыхъ сыновей, пользуется только своимъ вѣномъ, а сыновья владѣютъ всѣмъ имуществомъ отцовскимъ, съ котораго отправляютъ земскую службу; но если жена не имѣетъ вѣна, то пользуется равною частію имущества съ сыновьями; если же пойдетъ замужъ, то часть свою должна оставить дѣтямъ и безъ всякаго вознагражденія. Принимая во вниманіе вредъ, причиняемый государству бездѣтными вдовами, которыя владѣютъ всѣмъ имѣнемъ мужей своихъ, тратятъ его въ ущербъ мужнимъ наследникамъ, и службы съ этихъ имѣній, при женскомъ управленіи, отправляются не такъ какъ слѣдуетъ, король постановилъ: бездѣтная вдова получаетъ только вѣно; если же вѣна не имѣетъ, то пользуется третьею частью имущества до своей смерти или до замужества, въ каковыхъ случаяхъ и эта третья часть переходитъ къ родственникамъ мужа. Если мужъ, умирая, поручитъ дѣтей своихъ и имущество кому-нибудь изъ своихъ пріятелей, хотя бы чужому человѣку, тогда послѣдній оцѣняетъ дѣтей и имущество, а жена умершаго пользуется только своимъ вѣномъ. Если же кто умретъ, не поручивши дѣтей своихъ никому, то жена заботится о дѣтяхъ и управляетъ всѣмъ имуществомъ до совершеннолѣтія дѣтей: когда дѣти вырастутъ, то мать пользуется равною съ ними частію имущества; если же будетъ имѣть одного сына, то ему уступаетъ двѣ части, а сама остается

¹⁾ Памят. дипломат. снош. 1, стр. 284.

при третьей. Если жена, будучи опекуншею дѣтей, пойдетъ замужъ, то опека переходитъ къ родственникамъ покойнаго мужа. Дурное управление имуществомъ дѣтскимъ, доказанное на судѣ, также лишаетъ ее права оставаться опекуншею; если нѣтъ родственниковъ, то король или паны назначаютъ чужого добраго человѣка опекуномъ. Если родители, выдавши одну дочь замужъ, умрутъ, оставя другихъ дочерей въ дѣвцахъ, то послѣднія получаютъ точно такое же приданое, какое получила сестра ихъ; если родители въ духовномъ завѣщаніи опредѣлили количество приданаго за дочерями, то завѣщаніе имѣетъ силу; если же завѣщанія нѣтъ, то все имущество оцѣнивается, и цѣна четвертой части его отдается дочерямъ; если даже будетъ одна дочь при многихъ братьяхъ, то она получаетъ цѣну всей четвертой части, и наоборотъ, если будетъ много сестеръ при одномъ братѣ, то всѣ онѣ получаютъ одну четвертую часть, раздѣлившіи ее поровну. Подданная великаго княжества Литовскаго, вышедшая замужъ въ чужую землю, въ Польшу или Мазовію, не можетъ наследовать недвижимаго имущества во владѣніяхъ литовскихъ. Дѣвушка, вышедшая замужъ безъ воли отцовской или материнской, лишается наследства, если бы даже была одна дочь у отца: имѣніе переходитъ къ родственникамъ. Если дѣвица сирота, несовершеннолѣтняя, выйдетъ замужъ безъ согласія дядей или братьевъ, то лишается имѣнія родительскаго; если бы она была совершеннолѣтняя, а братья или дядя нарочно не позволяли ей выходить замужъ, то она должна обратиться съ жалобою къ другимъ родственникамъ или къ правительству, съ ихъ разрѣшенія выходить замужъ и не терять своей доли имущества; безъ согласія же родственниковъ и правительства хотя и совершеннолѣтняя выйдетъ замужъ, — лишается своего участка. Послѣ брата въ отцовскомъ имуществѣ наследуютъ только братья, въ материнскомъ же и сестра имѣетъ равную съ ними долю. За непочтительное обращеніе родители имѣютъ право лишать дѣтей наследства, но не иначе, какъ давши знать объ этомъ правительству и представивъ законныя причины; отецъ, лишившій наследства сына и не имѣющій другихъ дѣтей, долженъ двѣ части имущества оставить роднымъ, а третью можетъ распорядиться по произволу. Вдова, вышедшая замужъ съ вѣномъ отъ перваго мужа, отъ втораго уже не можетъ имѣть вѣна, но по смерти его пользуется одинаковою съ дѣтьми частію имущества; если же нѣтъ дѣтей, тогда пользуется до смерти своей третью частію имущества. Король даетъ обѣщаніе не выдавать вдовъ и дѣвицъ насильно замужъ. Пятый отдѣлъ статута заключаетъ статьи объ опекѣ; отвѣтственность опекуна опредѣляется согласно съ древними положеніями, которыя встрѣчаются въ Русской Правдѣ; въ томъ же отдѣлѣ говорится, что всякій можетъ распоряжаться въ завѣщаніи имѣніемъ купленнымъ или движимымъ; не могутъ дѣлать завѣщаній несовершеннолѣтніе, монахи, дѣти

отъ отцовъ не отдѣленные, люди въ чужой власти находящіеся, преступники, помѣшанные. Здѣсь важное различіе между Западною и Восточною Русью, ибо въ послѣдней, начиная съ договора Олега съ Греками, наследство по завѣщанію предшествуетъ наследству по закону, послѣднее открывается только тогда, когда умершій не оставитъ послѣ себя завѣщанія, и завѣщатель въ своей духовной распоряжается одинаково произвольно имуществомъ наследственнымъ и благопріобрѣтеннымъ. Въ литовскомъ же законодательствѣ мы видимъ, что можно было завѣщать только благопріобрѣтеннымъ и движимымъ имуществомъ. Думаютъ, что всѣ Славяне, а по примѣру ихъ и Литовцы, всегда отвергали завѣщанія, которыя явились влѣдствіе вліянія римскаго начала, влѣдствіе вліянія каноническаго права. Но положимъ, что даже завѣщанія и въ Олеговомъ договорѣ могли явиться влѣдствіе вліянія римскаго начала, ибо говорится о Руси, живущей въ Имперіи, служащей у императора; почему же восточные Славяне такъ легко уступили вліянію каноническаго права, а западные поддались ему съ такимъ трудомъ? По нашему мнѣнію, ограниченіе завѣщанія у западныхъ Славянъ и въ Литвѣ явилось влѣдствіе ранняго преобладанія сословнаго и государственнаго интереса надъ личнымъ произволомъ отца-завѣщателя, чего не было въ Руси Московской. Въ шестомъ отдѣлѣ говорится о судопроизводствѣ; воевода, староста или державецъ королевскій долженъ въ своемъ повѣствѣ выбрать двухъ земляниновъ, людей добрыхъ и вѣры достойныхъ, и привести ихъ къ присягѣ, и когда ему самому нельзя будетъ судить, то эти присяжные вмѣстѣ съ его намѣстникомъ судить по законамъ, даннымъ всей Землѣ. Въ судѣ никто не смѣетъ отказать отвѣчать и требовать переноса дѣла къ королю или къ сейму; если же, послѣ рѣшенія дѣла, которая-нибудь сторона чувствуетъ себя обиженною, то можетъ требовать переноса дѣла на судъ королевскій, или, въ отсутствіе короля, на судъ сеймовый; паны радные для этого суда обязаны събѣжаться въ Вильну два раза въ годъ. Въ седьмомъ отдѣлѣ говорится о насиліяхъ, причиненныхъ шляхтѣ; за наѣздъ на домъ съ цѣлію убійства, виновный казнится смертію, изъ имѣнія его платится головщина ближнимъ убитаго, кромѣ пени, слѣдующей въ казну королевскую; еслибъ даже хозяинъ дома не былъ убитъ, спасся бѣгствомъ, то наѣзникъ казнится смертію, а за наѣздъ платится изъ его имѣнія. Если наѣзникъ или помощникъ его будутъ убиты обороняющимся хозяиномъ, то послѣдній не только не отвѣчаетъ, но еще получаетъ вознагражденіе изъ имѣнія убитаго наѣзника. Такимъ образомъ, законодательство XVI вѣка твердо держится постановленія Русской Правды. За насиліе, совершенное надъ женщиною или дѣвцею, преступникъ казнится смертію, но обиженная можетъ спасти ему жизнь, объявивъ желаніе выйти за него замужъ; за убійство отца, матери, брата, сестры — смертная казнь, за разбой на дорогѣ — также

за убійство шляхтича изъ имѣнія преступника платится роднымъ убитого сто копъ грошей, да въ казну королевскую сто копъ. Кто укрываетъ преступниковъ и помогаетъ имъ, — наказывается точно такъ же, какъ и они сами. Отдѣлы осмой и девятой говорятъ о рѣшеніи споровъ по земле-владѣнію: здѣсь, между прочимъ, опредѣлено, что свидѣтели не могутъ быть ни Жиды, ни Татары, а только христіане исповѣданія латинскаго или греческаго; но и между христіанами къ свидѣтельству допускаются только тѣ, которые исповѣдаются и приобщаются каждый годъ и пользуются хорошо славою. Въ отдѣлѣ десятомъ говорится объ имуществахъ, которые въ долгахъ, и о залогахъ. Въ отдѣлѣ одиннадцатомъ опредѣляется, что должно платить за убійство простыхъ людей и за раны, имъ нанесенныя; здѣсь же постановлено, что Жидъ и Татаринъ не могутъ имѣть рабовъ христіанъ; но Татары держать ту челядь, которая дана имъ вѣстѣ съ дворами отъ предковъ королевскихъ; вольный человѣкъ ни за какое преступленіе не можетъ быть обращенъ въ рабство; если во время голода господинъ выгоняетъ отъ себя челядь невольную, не желая ея кормить, и она сама себя прокормитъ, то становится вольною; происхождение невольниковъ четверояко: 1) стародавнее невольничество и происхождение отъ невольныхъ родителей; 2) плѣнъ; 3) если кто будетъ выданъ другому на смерть и будетъ просить неволи вѣсто смерти; 4) женитьба на невольной женщиной и выходъ замужъ за невольника. Въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ отдѣлахъ говорится о воровствѣ: если шляхтичъ въ первый разъ будетъ обвиненъ въ воровствѣ, безъ поличнаго, то обвиненный долженъ очистить себя присягою; если будетъ обвиненъ въ другой разъ также безъ поличнаго, тогда присяга одного его уже недостаточна: съ нимъ вмѣстѣ должны присягнуть два шляхтича, пользующіеся доброю славою: при третьемъ обвиненіи должны присягать съ обвиненнымъ шесть шляхтичей; а при четвертомъ обвиненіи обвиненнаго вѣшаютъ. Вора съ поличнымъ пытаются три раза въ одинъ день, и если онъ съ пытки не повинится, то обвинитель долженъ заплатить ему за каждую муку по полтинѣ грошей; если же онъ умретъ на оныѣхъ, не повинившись, то обвинитель платитъ за него головщину, смотря по званію умершаго; если обвиненный, въ силу чародѣйства, не чувствуетъ мукъ на пыткѣ, то обвинитель присягаетъ и получаетъ отъ обвиненнаго вознагражденіе за покраденныя вещи. Гораздо прежде изданія статута, король Сигизмундъ съ панами-радами постановлялъ о пересудѣ: если кто на комъ что-нибудь ищетъ и не дощется, тотъ, на комъ искали, не платитъ пересуда; но если кто на комъ ищетъ и дощется, то выигравшій дѣло платитъ пересудъ — отъ рубля десять грошей, отъ десяти рублей — рубль грошей, отъ ста рублей — десять рублей грошей ¹⁾.

Касательно народнаго права замѣчательны договоръ новгородскихъ и псковскихъ намѣстниковъ съ ливонскими Нѣмцами въ 1509 году: прежде, сказано въ договорѣ, когда ѣхалъ новгородскій посолъ къ магистру, то магистровъ проводникъ въ Нарвѣ бралъ съ него по рублю; точно также и новгородскій проводникъ бралъ съ магистрова посла въ Ивановордѣ по рублю; теперь этого рубля не брать съ обѣихъ сторонъ, давать проводника безденежно; также въ Новгородѣ до сихъ поръ брали съ магистрова посла, и въ ливонскихъ городахъ съ новгородскаго посла, подворное: впередъ посла съ обѣихъ сторонъ давать подворье даромъ. Въ договорѣ 1521 года опредѣлено: если будетъ тяжба у Новгородца съ Нѣмцемъ въ какомъ-нибудь ливонскомъ городѣ, то тутъ же дѣло рѣшается, если предметъ спора не выше десяти рублей; если же пекъ больше чѣмъ въ десяти рубляхъ, то Повгородца съ Нѣмцемъ въ ливонскихъ городахъ не судить, но отдать отвѣтника Новгородца на поруки или держать подъ стражею и дать знать объ этомъ намѣстникамъ новгородскимъ, которые положить срокъ, когда обомъ тяжущимся стать на създѣ, на рѣкѣ Наровѣ, на обшемъ островѣ: къ этому сроку оба правительства высылаютъ судей; такъ же поступать и въ уголовныхъ случаяхъ: Нѣмца въ Новгородѣ, а Новгородца въ Нѣмецкой Землѣ не казнить, а ставить на създѣ передъ общими судьями. Если на общемъ судѣ присудятъ крестное цѣлованье, то цѣловать отвѣтнику. Въ договорѣ съ Ганзейскими городами 1514 года опредѣлено: потернать новгородскіе купцы на морѣ какой-нибудь вредъ отъ лихихъ людей, и эти лихіе люди будутъ изъ 70-ти городовъ Ганзейскихъ, то 70 городовъ ищутъ лихихъ людей, и, нашедши, казнить смертію. а товаръ новгородскій отдають новгородскимъ купцамъ; если лихіе люди будутъ не изъ семидесяти городовъ, то ищеть правительство новгородское; потернть вредъ нѣмецкій купецъ на землѣ и водѣ Новгородской, то намѣстники новгородскіе ищутъ лихихъ людей, и, сыскавши, казнить ихъ смертію, а товары отдають нѣмецкимъ купцамъ. Услыхавши о такихъ случаяхъ, о разбояхъ, купцовъ новгородскихъ не сажать въ тюрьму въ семидесяти городахъ, а нѣмецкихъ купцовъ не сажать въ тюрьму въ новгородскихъ городахъ. Положить Новгородецъ съ Нѣмцемъ товаръ на одно судно, и случится съ этимъ товаромъ бѣда на морѣ, то оставшимся товаромъ дѣлиться Новгородцу съ Нѣмцемъ безъ хитрости, по крестному цѣлованію; прибѣтъ новгородское судно вѣтромъ къ нѣмецкому берегу, или нѣмецкое судно къ новгородскому берегу, то суда эти, обыскавъ, отдавать на обѣ стороны, а брать съ нихъ переиза отъ десяти рублей по рублю. — Въ переговорахъ съ императорскими послами, Герберштейномъ, великій князь велѣлъ высказать такое

¹⁾ Акты запад. Россіи, II, № 60. Времени. Москв.

Истор. Общ. кн. 18; Даниловича — Взглядъ на Литовское законодательство, въ юридич. записк. изд. Рѣдкимъ, т. I, стр. 12. Dziálnyńskię — Zbiór praw Litewskich, p. 115.

положеніе относительно безопасности пословъ: „Въ обычаѣ межъ великихъ государей, послы ѣздятъ и дѣла межъ ихъ дѣлаютъ по словору на обѣ стороны, а силы надъ ними нѣкоторыя не живутъ. Отъ прародителей нашихъ, и при отцѣ нашемъ и при насъ отъ королей Польскихъ послы ѣздили и дѣла великія дѣлавались на обѣ стороны, уговора. Да какъ придетъ на добрый конецъ, и они, дѣла сдѣлавъ, безъ зацѣпки прочь пойдутъ; а которыя дѣла не придутъ на доброе согласіе, и они, не сдѣлавъ дѣла, прочь пойдутъ безъ великія-жъ зацѣпки“¹⁾. Но въ отношеніи къ Татарамъ это правило, какъ мы видѣли, не соблюдалось.

Замѣтимъ нѣкоторые случаи Василіева княженія, которые могутъ дать намъ понятіе о правахъ и обычаяхъ времени. Въ лѣтописяхъ записаны подробно церковныя торжества, въ которыхъ великій князь принималъ самое дѣятельное участіе. Такъ, при описаніи отпуска Св. икоонъ во Владимір послѣ ихъ возобновленія, говорится, что великій князь праздновалъ тотъ день свѣтло и радостно съ высшими духовенствомъ, князьями и боярами, ниръ устроилъ большую, милостыню священникамъ и нищимъ роздалъ на городъ. Въ 1531 году великій князь, по обѣщанію, построилъ церковь Іоанна Предтечи на старомъ Ваганьковѣ: самъ первый началъ работать, за нимъ плотники; церковь выстроили въ одинъ день и въ тотъ же самый день освятили; великій князь присутствовалъ съ семействомъ, боярами и множествомъ народа; вѣроятно Василій исполнилъ этимъ обѣтъ свой, данный предъ рожденіемъ сына Іоанна. Освященіе церкви въ селѣ Коломенскомъ великій князь праздновалъ три дня, дарилъ митрополита и братьевъ своихъ. Въ памятникахъ все чаще и чаще встрѣчаются извѣстія о братчинахъ, или складчинныхъ пирахъ, по случаю праздниковъ. Въ своемъ мѣстѣ было замѣчено, что происхожденіе этого обычая надобно искать во временахъ дохристіанскихъ. По особымъ условіямъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, братчины, или братства въ Юго-Западной Руси получили послѣ особенное развитіе и значеніе.

Въ 1525 году судилъ судъ великій князь Василій: тягались изъ Юрьева Новой Слободки митрополитыи крестьяне, Климокъ Насоповъ и товарищи его съ людьми Акиноа Чудинова — Козломъ, Сухимъ, Хромымъ и другими. Климокъ жаловался: „Козель съ товарищами загнали у насъ съ поля животину, четыре коровы да двадцать овецъ къ себѣ въ деревню; и я, Климокъ, съ товарищами пріѣхали къ тому Козлу битъ челомъ, чтобъ намъ животину нашу отдали; но Козель съ товарищами начали насъ битъ и собаками травить; я, Климокъ, съ двумя товарищами, поутекали, по третьяго товарища, Добрынку Андреева, Козель и его товарищи убили до смерти и невѣдомо гдѣ дѣли, а всего грабежу у Добрынки и съ нашею животиною взяли на

четыре рубля и на шестнадцать алтынъ“ Оtvѣтчики и господинъ ихъ Акиноа Чудиновъ заирались и хотѣли, съ своей стороны, обвинить истцовъ, но обвиненій своихъ не могли доказать; почему великій князь ихъ обвинилъ и велѣлъ на Козль съ товарищами взыскать 4 рубля 16 алтынъ, да за Добрынку убитую голову четыре рубля, да за долгъ, который остался на Добрынкѣ, и судебныя убытки, и отдать Климку съ товарищами. — Въ 1513 году великій князь далъ такой приказъ въ Бѣлозерскія волости, старостамъ, десятскимъ и всѣмъ крестьянамъ: „Били мнѣ челомъ старцы Ниловой пустыни, чтобъ мнѣ велѣть ихъ беречь отъ воровъ и отъ разбойниковъ; и вы бы ихъ берегли отъ лихихъ людей, отъ воровъ и отъ разбойниковъ, нарѣчко, чтобъ имъ не было обиды ни отъ какого человѣка. А который старецъ начнетъ жить у нихъ въ ихъ пустынь беззачинно, не по ихъ уставу, и я имъ велѣлъ того старца выслать вонъ; а не послушаетъ ихъ старецъ, отъ нихъ вонъ не пойдетъ, по моему приказу, и велеть вамъ старцы того чернеца выслать вонъ, вы бы его выкинули вонъ, чтобъ у нихъ не жилъ“.—Изъ житія Св. Данила Переяславскаго узнаемъ, что на дорогѣ между Москвою и Переяславлемъ происходили сильные разбои, разбойничалъ какой-то Симонъ Вороновъ.

По смерти извѣстнаго псковскаго дьяка Мисюря Мунехина нашли въ его казѣ тетради, въ которыхъ было записано, кому что на Москвѣ далъ — боярамъ, дьякамъ, дѣтямъ боярскимъ: все это великій князь велѣлъ взыскать на себя; родственники Мисюря были вызваны въ Москву, любимый подъячій его, Артюша Псковитинъ, былъ на пыткѣ²⁾.

Со времени великаго князя Василія начинается рядъ подробнѣйшихъ описаній Московскаго государства, принадлежащихъ иностраннымъ путешественникамъ, преимущественно посламъ; этотъ рядъ открывается знаменитыми комментаріями Герберштейна. По иностраннымъ извѣстіямъ, браки у жителей Московскаго государства устраивались родителями жениха и невесты; молодые люди высшихъ сословій обыкновенно до самаго брака не видывали невестъ своихъ, потому что для женщины высшихъ сословій считалось дѣломъ приличія вести затворническую жизнь. Очень рѣдко посѣщали онѣ церкви, еще рѣже показывались гостямъ мужчннамъ, развѣ только старикамъ, которыхъ нельзя было подозрѣвать въ излишней любезности. Впрочемъ, въ извѣстные праздничные дни позволялось женщинамъ и дѣвушкамъ собираться на луга, качаться на качеляхъ, пѣть пѣсни съ прихлопываніемъ въ ладоши. Здѣсь насъ останавливаетъ извѣстіе, что женщины очень рѣдко ходили въ церковь: если принимать это извѣстіе, то оно объясняется тѣмъ, что почти у каждаго сколько нибудь богатаго человѣка была своя до-

¹⁾ С. г. г. и д. V, стр. 46, 92, 57, 75. Памяти, диплом. снош. I, стр. 237.

²⁾ Никол. VI, 226, 244, 246, 249; Акты юридич., стр. 32; Акты арх. жесц. I, № 157; И. С. Р. Д. IV, 297

мовай церковь, вслѣдствіе чего знатныя женщины дѣйствительно могли очень рѣдко ѣздить на богомолье въ соборныя, монастырскія и другія, всѣми пощщаемыя церкви. Герберштейнъ первый пустилъ въ ходъ разсказъ, что русскія женщины упрекали въ холодности мужей, если тѣ ихъ не били; то же самое говорить онъ и о слугахъ, которые думали, что господа сердятся, если не бьютъ ихъ. Герберштейнъ жалуется также на лѣнь и спесь значительнѣйшихъ людей, не умѣвшихъ при этомъ въ извѣстныхъ случаяхъ поддерживать собственное достоинство. Будучи умѣренны въ пищѣ, они не были умѣренны въ питьѣ. Богатые люди вели жизнь сидячую; ходить пѣшкомъ считалось неприличнымъ.

Знатные люди имѣли многочисленную службу изъ рабовъ и свободныхъ. И свободный служитель проводилъ обыкновенно всю жизнь у одного господина, потому что если онъ оставитъ послѣдняго противъ его желанія, то никто другой не возьметъ его; но и господинъ, дурно обращающійся съ хорошимъ слугою, пріобрѣтаетъ дурную славу и никто изъ свободныхъ людей не пойдетъ къ нему въ услуженіе. Передъ смертію господа обыкновенно отпускаютъ рабовъ на волю; но тѣ, освободившись, тотчасъ закабаливаются въ холопство другимъ господамъ, взявши съ нихъ деньги. Отецъ можетъ закабалить своего сына; если послѣдній получить свободу, то отецъ можетъ закабалить его въ другой, третій и четвертый разъ, послѣ же четвертаго раза кабалить не можетъ. Казнить смертію, какъ свободныхъ, такъ и несвободныхъ, людей можетъ одинъ великій князь. Случаи смертной казни вообще бывали рѣдки, ибо за воровство рѣдко казнили смертію, даже за убійство рѣдко, если только оно не было совершено для грабежа; употреблялись пытки: битье по пятамъ, обливаніе холодной водою, вколачиваніе деревянныхъ гвоздей подъ пятки. Взятки были въ явномъ употребленіи. Герберштейнъ жалуется на хитрости жителей Московскаго государства въ торговлѣ, на ихъ страсть торговаться, тянуть дѣло, и особенно обвиняетъ въ этомъ жителей собственно Московской области, хваля Псковичей за противоположный обычай. Онъ оставилъ описаніе боевъ, которыми въ его время потѣшались молодые люди въ Москвѣ: на обширной площади сходились они и начинали биться на кулачки, стараясь ударить противника въ самыя чувствительныя мѣста, такъ что часто выносили мертвыхъ изъ толпы. Въ праздничные дни рабоче народонаселеніе, отслушавъ обѣдню, возвращалось къ своимъ обычнымъ занятіямъ, потому что простому народу запрещено употребленіе пива и меда, исключая самыхъ главныхъ праздниковъ — Свѣтлаго Воскресенья, Рождества Христова, Троицна дня и нѣкоторыхъ другихъ.

Герберштейнъ оставилъ намъ описаніе русской одежды XVI вѣка, въ которой намъ легко узнать кафтанъ, подпоясанный подъ животъ кушакомъ, красныя короткіе сапоги не доходившіе до колѣнъ. Изъ русскихъ памятниковъ довольно подробное

перечисленіе одежды и украшеній женскихъ и мужскихъ находимъ въ духовномъ завѣщаніи удѣльнаго князя Дмитрія Ивановича: ¹⁾ „Накапки женскія, саженыя жемчугомъ, запусы подволочное сажено жемчугомъ на бели на камкѣ червчатой, саженыя шубы женской, сажено жемчугомъ дробинницею на бели, монисто золотое, цаты съ яхонтами и жемчугомъ, чело кичное съ тѣмъ же украшеніемъ, персыеры кичныя серебряныя золоченыя, ожерелье на цкахъ золотыхъ, серьги, жиковины женскія — все это украшенное жемчугомъ и камнями дорогими, монисто съ крестами, иконами и пронизками, запонки съ переперами, чички золотыя; мужское саженое платье: мепени атласныя съ кружевомъ, а кружево сажено жемчугомъ, одорядки скорлатныя, колпаки столбуны съ жемчугомъ, чоботы, саженыя жемчугомъ“. Упоминаются также въ духовной сосуды золоченыя черезъ грань, на крышахъ у которыхъ были разныя изображенія, у одного городокъ, у другого птица, кубки золоченыя и незолоченыя съ пушищами, травами и достокаповымъ дѣломъ, сосуды въ видѣ вола, лодки, пѣтуха, рога, чары, ковни съ литыми звѣрами и узорами, мисы, блюда, блюдо лебяжье, блюдо гусиное, разсолынки, горчишники, тарели, ложки, ставцы, солонки, перенницы, укусуницы, сковороды золоченыя. Изъ завѣщаній можно имѣть понятіе только объ одеждѣ и столовомъ серебрѣ, въ описаніи кончины Василіевой упоминается о креслахъ, на которыхъ больной великій князь сидѣлъ подлѣ постели.

Мы видѣли вещи, поименованныя въ завѣщаніи княжескомъ; теперь взглянемъ на завѣщаніе богатаго купца, на вещи, которыя въ немъ поименованы: „Благословляю дочь свою, Ульяну, иконою Благовѣщенія на золотѣ, да другою иконою складною 12 праздниковъ, серебромъ обложенною; да Ульянѣ же даю торлонъ куній, лѣтничъ камчатный, шубку зеленую, ожерелье бобровое паметное, лѣтничъ новый мухоярвый червчатый, лѣтничъ изуфряный, коргель хрестовый бѣлій. Другую дочь, Анну, благословляю тремя иконами на золотѣ; даю ей лаханъ мѣдную, рукомойникъ, три котла поваренныхъ, кубъ винный съ трубою. Меньшую дочь, Прасковью, благословляю пятью образами на золотѣ. Даю всѣмъ тремъ дочерямъ своимъ восемь оловяничковъ и кружекъ и мушоромъ, да оловяничекъ мѣдный, да судки столовые оловянные, да четыре сковородки мѣдныя бѣлыя; тецѣ своей даю шубу кунью ветхую, дочерямъ — шубу кунью, шубу бѣлую, однорядку лазоревую брикисную, охабенъ багровый, два ларца, коробью новгородскую, 9 блюдъ оловянныхъ, четыре шапдана желѣзныхъ стѣнныхъ, да два шапдана стоячихъ мѣдныхъ; дочери Прасковьи котель мѣдный пивной; дочери Аннѣ чарку серебряную и цѣна чаркѣ два рубля“ ²⁾. Герберштейнъ оставилъ намъ краткое

¹⁾ С. г. г. и д. I. № 147.

²⁾ Акты юридич., стр. 444.

описание домовъ, которые, по его словамъ, имѣли обширныя и высокія сѣни, но низкія двери, такъ что входить нужно было непрямѣнно нагнувшись. Въ каждой комнатѣ въ переднемъ углу находились изображенія Святыхъ, или писанья, или литыя.

Въ Западной Руси начальство препятствовало церковному суду, укрывая отъ него преступниковъ и тѣмъ вредило правденности. Назначенный митрополитъ Іосифъ жаловался королю, что многіе изъ русскихъ людей живутъ незаконно, женятся не вѣнчаясь, дѣтей крестить не хотятъ, на исповѣдь не ходятъ; а когда онъ посылаетъ за ними слугъ своихъ, то войги, бурмистры, радцы, мѣщане не выдаютъ ихъ на судъ: король разослалъ грамоту, чтобъ впередъ этого не было. Въ уставныхъ грамотахъ державцамъ и тѣнамъ жмудскихъ волостей король говоритъ, что подданнымъ его въ этихъ волостяхъ урядники причиняютъ великія неправды и непомѣрныя тяжести, такъ что многіе люди съ земель своихъ прочь разошлись и земель пустыхъ много осталось. Относительно обычаевъ въ Западной Руси, дошла до насъ записъ (листъ) знаменитаго гетмана Литовскаго, князя Константина Острожскаго, данная предъ вступленіемъ его во второй бракъ съ княжною Александрою Слуцкою. Принужденный отложить свадьбу по причинѣ похода къ Минску, князь Константинъ обязывается вступить въ бракъ немедленно по возвращеніи съ королевской службы, если только тому не воспрепятствуетъ болѣзнь или новое назначеніе отъ короля. Родственники невесты обязаны дать за нею наличными деньгами тысячу золотыхъ червонныхъ венгерскихъ, да приданое, приличное ея знатному происхожденію, стоящее не менѣе трехъ тысячъ копъ грошей литовской монеты. Князь Константинъ, съ своей стороны, обязывается, взявши деньги, записать женѣ вѣно на своихъ отчинахъ, которыми, прежде записанію этого вѣна, не можетъ распорядиться — другому записывать ихъ, продавать, дарить; вѣно должно состоять изъ третьей части всѣхъ вотчинъ княжескихъ. Дѣтей отъ втораго брака князь Константинъ обязывается держать такъ же, какъ и сына отъ перваго Ілюю: по смерти отца они получаютъ равную долю наследства съ этимъ старшимъ братомъ. При исполненіи этихъ обязательствъ сторона не исполнившая — обязана заплатить 8 тысячъ копъ грошей: 4,000 другою стороной и 4,000 королю ¹⁾).

Литература продолжала быть по преимуществу церковною, а мы уже видѣли, какіе вопросы занимали Русскую Церковь въ княженіе Василія, видѣли главныхъ дѣателей при рѣшеніи этихъ вопросовъ и труды ихъ. Въ 1508 году преставился знаменитый огнелюбивъ Нилъ Сорскій, подъявшій при Іоаниѣ III вопросъ о монастырскихъ амбніяхъ. Постриженникъ Кириллова Вѣлозерскаго монастыря, Нилъ провелъ нѣсколько лѣтъ на

Аѳонской горѣ и въ монастыряхъ константинопольскихъ, изучилъ здѣсь творенія Св. Отцовъ пустынныхъ, руководствующія къ созерцательной жизни, и, возвратившись въ отечество, старался ввести эту жизнь среди русскихъ иноковъ; преданіе Нила ученикамъ дошло до насъ; вышшемъ изъ него нѣсколько мѣстъ, изъ которыхъ ясно будетъ видно направленіе учителя.

„Сіе же отъ Св. Отца опасно предано есть намъ, говорятъ Нилъ, яко да отъ праведныхъ трудовъ своего руководбія и работы, дневную пищу и прочія нужныя потребности себѣ пріобрѣтаемъ. Дѣлать же дѣла подобаетъ подъ кровомъ бывающая. Аще ли же не удовлисиа въ потреббахъ нашихъ отъ дѣланія своего, то взимати мало милостыни отъ христелюбцевъ, нуждная, а не излишняя. Стяжанія же, яже по насилію отъ чужихъ трудовъ собираема, вносити отнюдь нѣсть намъ на пользу. Како бо можемъ сохранить заповѣди Господня, сія имѣюще: хотящему съ тобою судитися и одежду твою взяти, отдаждь ему и срачицу, и прочая елика таковая, страстнаи суще и немощи: но должни есмы, яко ядъ смертоносенъ, стрѣвати и отгоняти. Въ купли же потребъ нашихъ и продояннй руководбія подобаетъ не отщегевати (не убытчить) брата, паче же самѣмъ тѣту приммати. Излишняя же не подобаетъ памъ имѣти. А еще просящимъ даяти, и заемлющихъ не отвращати, сіе на лукавыхъ повѣдѣно есть, глаголетъ великій Василій. Не имѣй излишне нужныя потребности, не долженъ есть таковой даянїя даяти; и аще речеть: не имамъ, нѣсть солгалъ глаголетъ великій Варсоноій. Явленъ бо есть инокъ онъ, иже не подобаетъ творити милостыню, той бо откровеннымъ лицемъ можетъ рещи: се мы оставихомъ вся, и въ слѣдъ Тебѣ идохомъ. Писеть же Св. Исаакъ: нестяжаніе вышши есть таковыхъ подаваній. Сосуды златы и серебряны, и самыя священныя, не подобаетъ намъ имѣти, также и прочая украшенія излишняя, но точию потребная церкви приносити. — Наипаче во время молитвы подобаетъ подвизатися поставити умъ глухъ и нѣмъ, якоже рече Нилъ Синайскій, и имѣти сердце безмолвующее отъ всякаго помысла, аще и отнюдо благъ является, глаголетъ Исихій іерусалимскій. И понеже речено есть, яко благимъ помысломъ послѣдующе, лукавіи входятъ въ насъ: того ради подобаетъ поуждатися молчати мыслію и отъ мнящихся помыслъ десныхъ, и зрѣти присно въ глубину сердечную, и глаголати: Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй мя. И тако глаголи прилежно, аще стоя, или сѣдя, или лежа, и умъ въ сердце затворяя, и дыханіе держа, елико мощно, да не часто дышеша, якоже глаголетъ Симеонъ новый бгословъ. А еже рекопа сіи святии держати дыханіе, еже не часто дыхати, и искусство вкорѣ научитъ, яко зѣло пользуется къ собранію умному. О сухихъ въ предъусупїаннй и дослѣвшихъ въ просвѣщеніе, рече (Св. Григорій Синаитъ): сіа не требуютъ глаголати исалмы, но молчаніе и неоскудную молитву и видѣніе. Святый же Исаакъ

¹⁾ Акты Завады. Россіи, II, № 51, 149, 160; Zrzódła do dz. Polsk. Malinów, II, 425.

о сидевыхъ высочайшая пина, повѣдаетъ тако: егда бываетъ имъ неизреченная иная радость, и молитву отъ устъ отсѣдаетъ, престануть бо тогда, рече, уста и языкъ и сердце, иже помысломъ хранитель, и умъ, чувствомъ кормчій, и мысль, скоролетящая птица и безстудная; и не кому имать мысль молитву, ни движеніе, ни самовластіе, но постановленіемъ представляется силою иноу, а не представляеть, и плѣненіемъ содержитсяъ въ часть оный, и бываетъ въ непостижныхъ вещахъ, идеже не вѣсть“⁶⁾.

Не разъ упоминали мы о великокняжескомъ дьякѣ Мисюрѣ Мунехинѣ, который долгое время завѣдывалъ дѣлами Покова. Какъ всѣ лучшіе, грамотные люди того времени, Мунехинъ питалъ сильную склонность къ монастырской жизни; въ 40 верстахъ отъ Пскова, на нѣмецкомъ рубежѣ отыскалъ онъ убогій, никѣмъ не знаемый монастырь Печерскій, сталъ о немъ заботиться, ѣздить туда по праздникамъ со многими людьми и кормить братію; распространилъ, обстроилъ монастырь, который съ тѣхъ поръ, по словамъ лѣтописца, сталъ славенъ не только на Руси, но и въ Латынѣ, т. е. въ Нѣмецкой Землѣ, до самаго моря Варяжскаго. Въ этому-то Мисюрю обращался съ своими любопытными посланіями Филоевъ, инокъ Елизарова монастыря; въ одномъ изъ нихъ Филоевъ касается вопросовъ, которые особенно занимали тогда грамотныхъ людей. Мы видѣли, что и Максимъ Грекъ долженъ былъ вооружиться противъ вѣры во влияніе звѣздъ; Филоевъ вооружается противъ того же: звѣзды, говоритъ онъ, не имѣютъ влияния на судьбу міра и людей; если Богъ сотворилъ злые дни и часы, то за что же злые люди будутъ подвержены мученію? не виноваты они, что родились въ злые часы; надобно уповать на вседающаго Бога, а звѣзды не помогутъ ни въ чемъ, ни придадутъ, ни отнимутъ. Филоевъ утверждаетъ также, что нѣтъ разности считать годы отъ сотворенія міра или отъ Рождества Христова; вооружается противъ латинцевъ; наконецъ касается значенія Московскаго государства: два Рима пали, третій есть Москва, четвертому не быть. Другое посланіе Филоева къ Мисюрю касается мѣръ, которыми умный дьякъ употреблялъ противъ распространенія морової язвы, а именно: онъ заграживалъ дороги, печаталъ дома, мертвыя тѣла приказывалъ хоронить въ отдаленіи отъ города.

⁶⁾ Преп. отца нашего Никола Сорскаго преданіе ученикамъ своимъ, М. 1849, П. С. Р. Л. IV, 293. Сборникъ библ. гр. Уварова № 403. Дополн. къ акт. востор. I, № 23; П. С. Р. Л. IV, Сочи. Митроп. Данила въ рукоп. Москов. Синодальной и Импер. Публ. Библ. Акты историч. I, № 293; Чтен. Моск. Истор. Общ. 1847, № 7; Онъсь книга Іосифа Волокол. монаст. Упрежая духовенство за участіе въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, Даниалъ говоритъ: «Глумятся и играютъ въ гусли, въ загры, въ смачи, къ сему же зернію и махьяги и тавлѣсин».

Владыки попрежнему поучали народъ; лѣтописецъ, описывая прїѣздъ архіепископа Макарія въ Новгородъ, говоритъ: „Просвѣтившись сплюю Божию, онъ началъ бесѣдовать къ народу повѣстанми многими, и всѣ чудились, какъ отъ Бога дана была ему мудрость въ божественномъ писаніи, такъ что всѣ разумѣли, что онъ говорилъ“. Митрополитъ Даниилъ въ посланіи къ одному епископу опредѣляетъ, въ чемъ должно было состоять настырское поученіе: „Не о себѣ учить или отъ своего разума составлять что, но отъ свидѣтельства божественныхъ писаній“. Впрочемъ, по свидѣтельству иностранцевъ, проповѣдь не была въ употребленіи: причиною тому было опасеніе, чтобъ проповѣдникъ не сказалъ чего-нибудь еретическаго. Объ этомъ свидѣлствуетъ и приведенное наставленіе митрополита Данила, который въ собственныхъ поученіяхъ остается вѣрнъ предложенному правилу; поученія эти обыкновенно наполнены выписками изъ сочиненій Св. Отцовъ. Зная отношенія Данила, какъ Осифлянина, къ Вассіану Косому, мы не удивимся, встрѣтивши въ одномъ поученіи митрополита увѣщаніе къ правительству дѣйствовать противъ еретиковъ: „Подобаеть Божиимъ слугамъ многое попеченіе имѣть о божественныхъ законахъ и соблюдати родъ человѣческой невредимо отъ волковъ душегубныхъ и не давати воли людямъ зло творящимъ. Осуждаются воры, разбойники и другіе злодѣи, казнять людей, поправшихъ и ослѣвавшихъ образъ земнаго царя, тѣмъ большею ненавистію должно возненавидѣть хулящихъ Сына Божія, Бога и Пречистую Богородицу. Блюдись отъ волковъ, блюдись отъ псовъ, блюдись отъ свиней, блюдись отъ злыхъ дѣлателей, блюдись, да не разобьютъ и не съѣдятъ стада Христова, о чемъ не малый дашь отвѣтъ на страшномъ судѣ Христовѣ. Блюдись, чтобъ, угождая людямъ, не погубить себя и другихъ“.—Любопытны въ поученіяхъ Данила указанія на нѣкоторые обычаи времени, напримѣръ: „Великій подвигъ творишь, угождая блудницамъ, платье перемѣняешь, сапоги у тебя яркаго краснаго цвѣта, чрезвычайно узкіе, такъ что сильно жмутъ ноги; блистаешь, скачешь, ржешь какъ жеребецъ, волосы не только бритвою вмѣстѣ съ тѣломъ сбиваешь, но и шипцами съ корнемъ исторгаешь, позавидовавши женщинамъ, мужское свое лице на женское претворяешь, моешься, румянишься, душишься, какъ женщина.... Какая тебѣ нужда носить сапоги шелкомъ шитые, перстни на пальцы надѣвать? какая тебѣ выгода тратить время надъ птицами? какая нужда множество псовъ имѣть? какая похвала на позорища ходить? Мы не только носимъ шитые шелкомъ сапоги, но даже подъ рубашкою, гдѣ никто не видитъ, нѣкоторые носятъ дорогіе пояса съ золотомъ и серебромъ“.